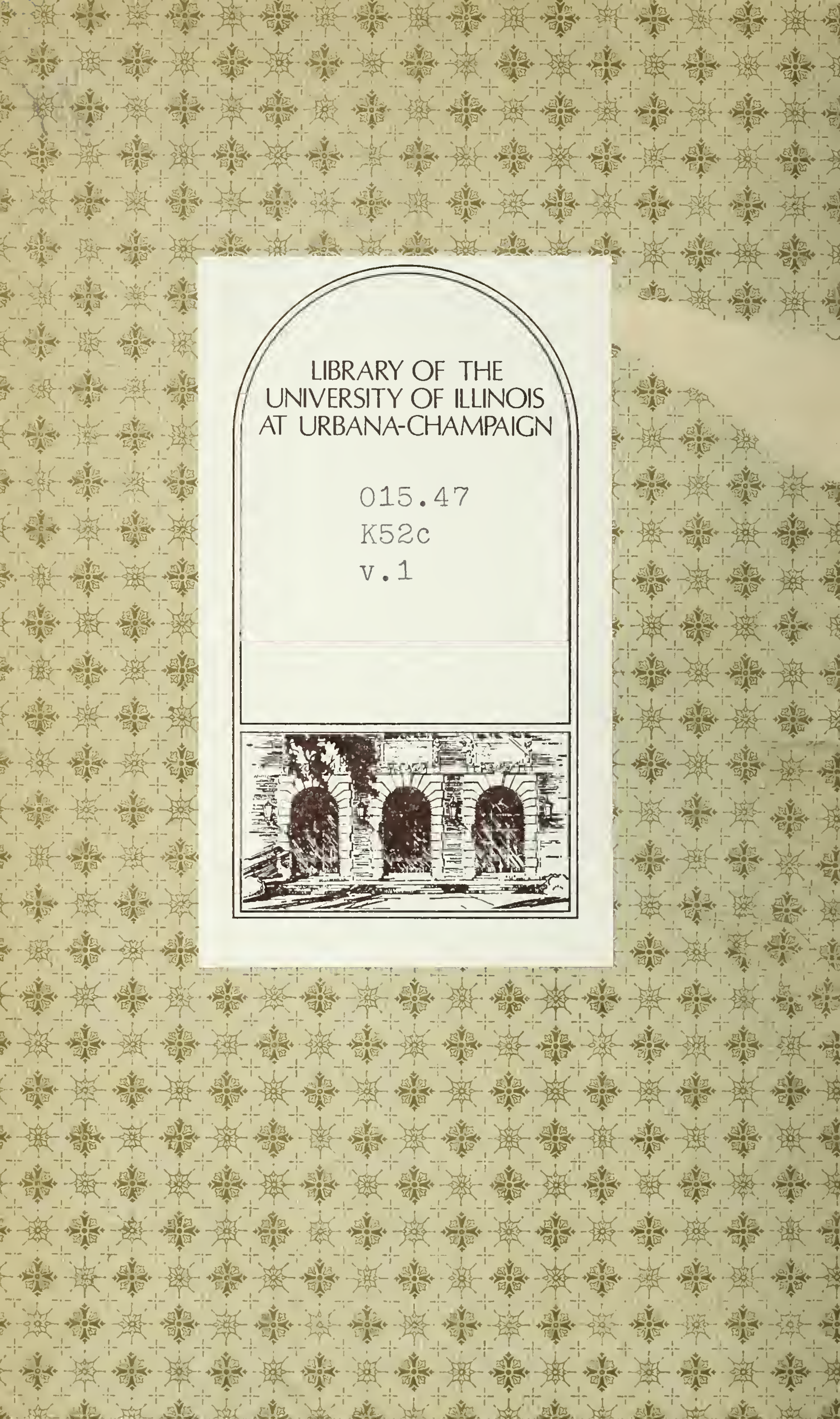
Что читать народу?



LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN
015.47
K52c
v.1

ЧТО ЧИТАТЬ НАРОДУ?

КРИТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ

ДЛЯ

НАРОДНАГО И ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ

СОСТАВЛЕНЪ

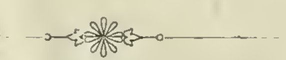
УЧИТЕЛЬНИЦАМИ ХАРЬКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ЖЕНСКОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ:

Х. Д. Алчевскою, Е. Д. Гордѣевой, А. П. Гришенко, З. И. Дашкевичъ, Л. И. Дашкевичъ, Л. Е. Ефимовичъ, А. Д. Ивановой, М. А. Ивановой, А. М. Калмыковой, Н. П. Пенго, О. С. Рудневой и Е. И. Цвѣтковой.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Второе исправленное изданіе.

Цѣна 2 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балаше[...] [Е]катерининскій кан., д. № 78.

1887

Критическія замѣтки и отзывы на книгу «Что читать народу».

«Голосъ», 1882 г. № 219.
«Записки Учителя», 1884 г. № 3, 230 стр.,
«Южный Край», 1884 г. 12-го Апрѣля; 5-го Іюня 1884 г.
«Гражданинъ», 1884 г. №№ 15—16 и 45—46.
«Харьковскія Вѣдомости», 1884 г. 20-го Апрѣля.
«Вѣра и Разумъ», 1884 г. № 4, 256 стр.
«Новое Время», 1884 г. 23-го Апрѣля № 2927.
«Самарскій Справочный Листокъ», 1884 г. № 88.
«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1884 г. 6-го Мая № 124.
«Русскій Начальный Учитель», 1884 г. № 5, 293 стр.; № 67, 312 стр.
«Недѣля», 1884 г. № 20; 1887 г. № 13—14.
«Петербургскій Листокъ», 1884 г. 24-го Мая.
«Дѣло», 1884 г. № 5.
«Правительственный Вѣстникъ», 1884 г. 25-го Мая, № 114.
«Русская Мысль», 1884 г. №№ 6 и 11.
«Вѣстникъ Европы», 1884 г. № 7, 432 стр.
«Другъ Женщинъ», 1884 г. № 7, 107 стр.
«Заря», 1884 г. 4-го Іюля № 147.
«Ласточка», иллюстрированный журналъ, 1884 г. № 4, 62 стр.
«Русскія Вѣдомости», 1884 г. № 223; 1887 г. № 103.
«Новости», 1884 г. № 231; 1886 г. № 194.
«Педагогическій Сборникъ», 1884 г. Май № 5, 437 стр.
«Наблюдатель», 1884 г. № 8.
«Благовѣстъ», 1884 г. № 3.
«Воспитаніе и Обученіе», 1884 г. кн. 3-я, стр. 183.
«Русская Мысль», 1884 г. № 10, 189 стр. (Очеркъ Г. И. Успенскаго) (?).
«Женское Образованіе», 1884 г. № 8, 524 стр.
«Новое Обозрѣніе», 1885 г. № 358.
«Казачій Вѣстникъ», 1885 г. № 4.
«Народная Школа», 1885 г. № 1, 66 стр.
«Вѣстникъ Европы», 1885 г. № 4 (статья Пыпина) (?); 1886 г. № 7, 425 стр.
«Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости», 1885 г. № 15.
«Новое Обозрѣніе», 1887 г. № 1136.
«Въ защиту книги: *Что читать народу?*» А. Мичурина.
«Вопросы о народномъ образованіи» П. Альбицкій. 1886 г. 33 стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга представляетъ критическій обзоръ книгъ для народнаго чтенія по слѣдующимъ отдѣламъ:

I.	Духовно-нравственный	73	книги *).
II.	Литературный	330	книгъ.
III.	Естествознаніе	122	книги.
IV.	Исторія	295	книгъ.
V.	Біографія	85	„
VI.	Географія и путешествіе	118	„
VII.	Земское дѣло и народное хозяйство .	9	„
	Итого .	1032	книгъ.

Для каждой изъ разсматриваемыхъ книгъ приводятся:

1) Заглавіе, съ обозначеніемъ числа страницъ, имени автора или издателя, мѣста изданія, года и цѣны;

2) краткое изложеніе содержанія;

3) критическая оцѣнка;

4) вопросы, по которымъ лицо, дающее книгу для прочтенія, можетъ провѣрить, насколько она понята прочитавшимъ ее;

5) при многихъ книгахъ, преимущественно литературнаго отдѣла, приводятся отзывы и отвѣты учащихся, прочитавшихъ книгу;

---

*) Въ разсмотрѣніи отдѣла духовно-нравственныхъ книгъ принималъ участіе одинъ изъ харьковскихъ священниковъ-законоучителей, помѣстившій въ «Указателѣ» изъ наличнаго состава книгъ, существующихъ въ библіотекѣ воскресной школы, только тѣ, какія призналъ желательнымъ рекомендовать, и вообще придерживался метода, который находилъ для себя болѣе цѣлесообразнымъ.

Вотъ почему рецензіи этого отдѣла весьма сжаты и кратки, и часто подъ однимъ № разсматривается разомъ нѣсколько книгъ одного и того же автора, какъ, напримѣръ, «Избранныя житія святыхъ» Бахметевой и друг.

6) указываются по возможности рецензіи, существующія въ печати на разсматриваемыя книги.

Предлагаемый трудъ снабженъ, для удобства справокъ, систематическимъ оглавленіемъ и двумя алфавитными указателями—по предметамъ и по фамиліямъ авторовъ.

Позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ исторіи возникновенія нашей книги, чтобы лучше освѣтить наши цѣли и задачи.

Если правильно-устроенная ежедневная народная школа имѣетъ мало времени какъ для нравственнаго вліянія, такъ и для сообщенія знаній, то воскресная школа располагаетъ имъ еще въ меньшемъ количествѣ. Вотъ почему, всматриваясь въ дѣло и желая пополнить тѣ пробѣлы, которые чувствовались въ условіяхъ его существованія, мы считали своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе на школьную библіотеку. То, что не досказано было въ школѣ, пополняла книга; то, что давала книга, переспрашивалось въ воскресенье въ школѣ учительницей, объяснялось и дополнялось. При этомъ велись *школьные дневники*, въ которые иныя изъ учительницъ записывали свои наблюденія, писались рецензіи на книги, поступающія въ школьную библіотеку, но все это было довольно отрывочно и безсистемно, пока не созрѣла, наконецъ, мысль привести все дѣло въ систему и подѣлиться съ другими учителями и учительницами нашимъ довольно продолжительнымъ опытомъ *).

Съ этою цѣлью, пересмотрѣвъ, исправивъ и дополнивъ всѣ наши рецензіи и многія изъ нашихъ замѣтокъ, распредѣливъ ихъ по группамъ, мы собрали ихъ въ одну книгу, желая этимъ внести, съ своей стороны, скромную лепту въ школьное дѣло. Насколько удалось намъ выполнить это намѣреніе—судить не намъ. Прежде всего, это—дѣло педагогической критики, и мы весьма признательны ей за тѣ указанія, которыя намъ пришлось услышать по выходѣ 1-го изданія. Педагогическое дѣло — не такое дѣло, въ которомъ все выяснено, закончено, опредѣлено: оно непрерывно развивается и видоизмѣняется сообразно съ жизнью самой школы. Вотъ почему читатель можетъ встрѣтить въ нашей книгѣ и различнаго рода колебанія, и противорѣчія теоріи съ практикой, и нѣкотораго рода нерѣшительность въ выводахъ и опредѣленіяхъ.

„*Отзывы учащихся о книгѣ*“ идутъ иногда въ разрѣзъ съ тѣмъ, что думаетъ о ней учительница. Послѣднее, впрочемъ, вполнѣ естественно, въ виду различія въ міросозерцаніи людей изъ различныхъ слоевъ общества, различной подготовки и возраста.

*) Харьковская частная женская воскресная школа открыта въ 1870 году.

Тѣмъ не менѣе намъ казалось крайне существеннымъ и полезнымъ справляться, что доступно пониманію народа, что нравится и не нравится ему, какъ думаетъ онъ по тому или другому вопросу. Наблюденія наши сосредоточивались собственно на 4-хъ школахъ: воскресной городской, въ составъ которой входятъ ученицы отъ 9-ти до 40-лѣтняго возраста, числомъ около 300 душъ (есть между ними и окончившія курсъ въ ежедневныхъ городскихъ школахъ); сельской школѣ, деревни Алексѣевки, Екатеринославской губерніи, Славяносербскаго уѣзда *), сельской школѣ, именующейся «Наумовское образцовое одноклассное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія», Курской губ., Бѣлгородскаго уѣзда. Толоновской волости, и «Вечерней школы для взрослыхъ поселянъ» того же села.

Мы полагаемъ, что если бы подобнаго рода замѣтки велись повсемѣстно, то черезъ нѣсколько лѣтъ возможно было бы подвести итоги, которые были бы интересны и полезны для школьнаго дѣла.

Не всѣ учительницы придерживались подробныхъ замѣтокъ о пересказѣ прочитаннаго ученицею;—иныя предпочитали резюмировать свои наблюденія.

Кромѣ «отзывовъ» устныхъ, записанныхъ учительницами, въ книгѣ нашей встрѣчаются и «отзывы» письменные, добытые изъ сельскихъ школъ, о которыхъ мы упомянули выше. Не беремся рѣшить, какіе изъ нихъ представляютъ болѣе интереса, какіе типичнѣе; но скажемъ нѣсколько словъ въ пользу устнаго пересказа. Человѣкъ вполнѣ грамотный, владѣющій перомъ, само собою разумѣется, способенъ вылиться весь въ письменной передачѣ прочитаннаго; но человѣкъ малограмотный, именно въ силу этого обстоятельства, можетъ многаго не выразить, что пришлось бы услышать отъ него въ устной, откровенной бесѣдѣ. Кромѣ того, существуетъ степень подготовки, при которой ученикъ умѣетъ читать порядочно, а пишетъ весьма плохо; нечего и говорить, что такой ученикъ никогда не дастъ вамъ даже сноснаго письменнаго отвѣта о прочитанномъ. Говоря объ «отзывахъ», намъ приходится коснуться еще одной стороны вопроса: не наскучаетъ

---

*) Алексѣевская земская школа существуетъ съ 1879 г., обладаетъ довольно обширной народно-школьной библіотекой. Ученики ея пользуются правомъ получать книги не только во время пребыванія ихъ въ школѣ, но и по выходѣ изъ нея. Кромѣ того, попечительница школы собираетъ ихъ обыкновенно на каникулахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, читаетъ съ ними, разучиваетъ стихотворенія, переспрашиваетъ прочитанное и задаетъ на домъ письменныя работы.

ли самимъ читающимъ требованіе подробной передачи прочитаннаго и охотно ли они относятся къ этому дѣлу? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ положительно. Это доставляетъ величайшее удовольствіе учащимся, и тѣ изъ нихъ, которыхъ некогда было выслушать до конца, считаютъ себя чуть не обиженными. На переспросъ идутъ больше именно къ тѣмъ учительницамъ, которыя разспрашиваютъ дольше и основательнѣе—и это не только по литературнымъ произведеніямъ, а точно также по исторіи и естествознанію, что̀ представляетъ для учащагося не мало усилій и трудностей.

Между «замѣтками учительницъ» встрѣчаются и такія, которыя передаютъ впечатлѣнія не одного какого нибудь ученика или ученицы, а многихъ (какъ результатъ чтенія учительницы въ классѣ). Понятно, что книга выигрываетъ при выразительномъ и толковомъ чтеніи учительницы, и, быть можетъ, правильнѣе было бы дѣлать выводы изъ передачи книги, прочитанной на дому, но первый пріемъ имѣетъ на своей сторонѣ тѣ выгоды, что учительницѣ представляется возможность непосредственно слѣдить за каждымъ впечатлѣніемъ слушателя, останавливаться на каждомъ выраженіи, которое покажется ей недоступнымъ, и провѣрять тутъ же правильность пониманія ученицами читаемаго, выслушивать вопросы и замѣчанія, рождающіеся при чтеніи. Кромѣ того, вмѣсто одного, односторонняго, быть можетъ, отзыва, получается разомъ 20—30 самыхъ разнообразныхъ, выясняющихъ пригодность книги для народнаго чтенія.

Перейдемъ къ значенію вопросовъ, приводимыхъ нами при рецензіяхъ

Предположимъ, что руководитель читальни ознакомился со всею народно-школьной библіотекой (что̀, конечно, въ высшей степени желательно); но возможно ли удержать въ памяти сотни дѣтскихъ книгъ? наконецъ, всегда ли учитель чувствуетъ себя настолько бодрымъ и неутомленнымъ, чтобы углубиться мысленно въ содержаніе прочитанной ученикомъ книги и извлечь изъ нея рядъ вопросовъ. Въ такомъ случаѣ «Указатель» сослужитъ ему свою службу.

Слѣдуетъ замѣтить, что существуютъ книги и степень развитія учащихся, требующія вопросовъ въ высшей степени доступныхъ и простыхъ,—и есть другія книги и другая степень развитія, при которыхъ учитель не долженъ стѣсняться литературной формой и подыскивать во что бы то ни стало популярныя выраженія. Оговариваемъ это во избѣжаніе незаслуженныхъ упрековъ въ небрежности и недосмотрѣ при постановкѣ вопросовъ. Скажемъ кстати: бывали случаи, когда учительница предлагала самимъ

учащимся извлекать вопросы изъ прочитанной книги. Вопросы эти, по большей части, были весьма осмысленны, но не разъ форма. въ которую они облекались, являлась какъ бы дѣланною и нѣсколько высокопарною. Такого рода высокопарность присуща малограмотному человѣку, желающему подражать книжной рѣчи.

Что касается возможности посягательства на самостоятельность ученика при обращеніи къ нему съ наводящими вопросами, то здѣсь все зависитъ отъ педагогическаго такта учителя, его отношеній къ ученику и сознанія значенія самостоятельныхъ отвѣтовъ учащихся. Вотъ почему, между прочимъ, мы считали небезъинтереснымъ помѣстить въ печати и такія замѣтки, въ которыхъ личность учителя играетъ немаловажную роль.

Намъ указывали на неправильную группировку матеріала и совѣтовали видоизмѣнить ее. Отвѣтимъ на это слѣдующее: кажущаяся неправильность или произвольность въ группировкѣ рецензій произошла отъ желанія нашего расположить статьи не столько въ строго-научной системѣ, сколько въ порядкѣ, представляющемъ для учителя или лица, руководящаго чтеніемъ, какъ можно болѣе удобствъ; такъ напр., повѣсти и стихотворенія съ историческимъ содержаніемъ помѣщены въ историческій отдѣлъ потому, что они служатъ лучшими проводниками историческихъ знаній для читателей изъ народной среды. Они даютъ жизнь и смыслъ отрывочнымъ историческимъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтаемымъ въ школѣ изъ книги для чтенія, и, какъ нерѣдко приходилось наблюдать, пробуждаютъ интересъ къ исторіи у читателей, лишенныхъ всякой подготовки изъ этой области знаній: послѣ хорошей исторической повѣсти такіе читатели охотно берутъ и серьезный историческій очеркъ, прежде казавшійся имъ труднымъ и мало интереснымъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ руководились мы при выборѣ книгъ для предлагаемаго «Указателя» и почему останавливались подчасъ на книгахъ, не предназначенныхъ собственно для народнаго чтенія.

Задавшись цѣлью наполнить народно-школьную библіотеку книгами интересными и полезными, мы не могли пройти мимо того огромнаго отдѣла, который извѣстенъ подъ названіемъ: «Книги для дѣтей» (подразумѣвая подъ этимъ дѣтей достаточныхъ классовъ). Изъ множества подобныхъ книгъ мы выбирали такія, которыя казались намъ, по той или другой причинѣ (простотѣ языка, популярности изложенія, дешевизнѣ, сюжету), могущими войти и въ народную школьную библіотеку. Иныя изъ нихъ оказывались несоотвѣт-

ствующими нашимъ требованіямъ, и мы ихъ отвергали; другія— принимали. Между дѣтьми различныхъ классовъ есть много общаго, не смотря на разницу жизненныхъ условій, а потому и книги могутъ быть общими; и если крестьянскій ребенокъ прочтетъ съ удовольствіемъ и пониманіемъ такой, положимъ, разсказъ, какъ «Митина нива» Вучетича,—можно ли усомниться въ томъ, что его слѣдуетъ дать и ребенку достаточной семьи, для котораго собственно онъ и предназначается?

Если «Указатель» нашъ, составленный такимъ образомъ, окажется полезнымъ не только въ школѣ, но и въ семьѣ, тѣмъ лучше, хотя мы собственно имѣли въ виду только народную школу и библіотеку, такъ какъ семья потребовала бы значительнаго расширенія нашего труда, еслибы мы остановились на ней болѣе подробно. Трудъ этотъ и безъ того осложнился тѣмъ, что намъ хотѣлось не только рекомендовать хорошія книги, но и предостеречь отъ пріобрѣтенія плохихъ и безполезныхъ *).

Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что мы не касались «книгъ для класснаго чтенія» и «учебниковъ», вошедшихъ, напримѣръ, въ составъ «Систематическаго Обзора» С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, и ограничились исключительно книгами для внѣ-класснаго чтенія.

---

*) Мы позволили себѣ отвести мѣсто въ нашемъ трудѣ для разбора плохихъ книгъ еще и потому, что указанія отрицательныхъ сторонъ рѣзче оттѣняетъ какъ стороны положительныя, такъ и взгляды рецензента на это дѣло вообще.

I.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ.

I. ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ.

Религіозно-нравственное образованіе въ нашихъ школахъ имѣетъ цѣлью развить, уяснить, осмыслить то религіозное чувство, которое дѣти получаютъ дома подъ руководствомъ матери. Обыкновенный способъ религіознаго воспитанія состоитъ въ слѣдующемъ: дитя смотритъ на иконы, передъ которыми взрослые молятся, передъ которыми горятъ свѣчи и лампады, и привыкаетъ видѣть въ нихъ что-то особенное; дитя несутъ въ церковь, подносятъ къ чашѣ, пріобщаютъ св. Таинъ,— и здѣсь возбуждается чувство благоговѣнія. Далѣе, съ развитіемъ сознанія, дѣтей учатъ креститься, класть поклоны передъ иконами, произносить слова, въ которыхъ выражается просьба дѣтская о своемъ здоровьѣ, о здоровьѣ своихъ родителей, братьевъ и сестеръ, и дитя начинаетъ понимать, что есть доброе Существо, которое и здоровье посылаетъ людямъ, и хлѣбъ, и дождь, и что это Существо называютъ Богомъ, и что Онъ не икона, а Онъ на небѣ, невидимъ.

Послѣ этихъ первоначальныхъ способовъ развитія религіознаго чувства, школѣ предстоитъ задача, о которой мы сказали выше: уяснить, осмыслить представленіе о Богѣ, какъ о Творцѣ вселенной, Промыслителѣ, Спасителѣ, Освятителѣ. Для сего преподавателемъ послѣдовательно ведутся разсказы изъ Свящ. Исторіи ветхаго и новаго завѣта о такихъ событіяхъ, въ которыхъ ясно открывается всемогущество Бога, Его любовь, премудрость, всевѣдѣніе, правосудіе.

Далѣе объясняется смыслъ и значеніе обрядовъ, которыми сопровождается молитва христіанская, и вразумительно изучаются молитвы, какъ первоначальныя, такъ и на разные случаи жизни христіанской.

Теперь, когда оконченъ курсъ народной школы, когда учившійся въ ней подростаетъ, входитъ въ болѣе разнородныя отношенія къ

ближнимъ, когда и дѣятельность его опредѣляется болѣе или менѣе его собственнымъ выборомъ, и когда, вслѣдствіе всего этого подъема, и умственнаго, и нравственнаго, необходимо должно развиваться и чувство религіозное, то является вопросъ: что должно служить руководствомъ, чтобы понятія о вѣрѣ были православныя, чтобы не дошелъ человѣкъ или до потери религіознаго чувства, или чтобы не впалъ въ расколъ съ его изувѣрнымъ фанатизмомъ, въ хлыстовщину съ ея возмутительными безобразіями и другія опасныя религіозныя заблужденія. На этотъ вопросъ долженъ отвѣчать по мѣрѣ силъ предлагаемый «Указатель».

Разсмотрѣнныя нами книги мы распредѣляемъ слѣдующимъ образомъ:

I. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта.
II. Ветхій Завѣтъ.
III. Исторія Новаго Завѣта.
IV. Объясненіе Свящ. Писанія.
V. Церковная Исторія.
VI. Житія Святыхъ.
VII. Объясненіе Богослуженія.
VIII. Книги для назидательнаго чтенія.

Всѣ имѣющіеся у насъ въ печати библейскіе разсказы, ветхозавѣтные и новозавѣтные, по содержанію своему, болѣе или менѣе одинаковы, такъ какъ источникъ, изъ котораго заимствуются эти разсказы, у всѣхъ авторовъ одинъ—Библія. Различаются этого рода книги или относительною краткостью и полнотою содержанія, или своимъ изложеніемъ для такого или иного возраста. Укажемъ на тѣ Свящ. Исторіи, которыя по содержанію и изложенію могутъ быть полезны для народа.

I. ВЕТХІЙ И НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

1) **Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской.** Прот. Соколова. 2 ч. Ц. 1 р. 25 к. 268 стран.

Это есть библейская исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, съ приложеніемъ къ каждой главѣ нравоученія.

2) **Разсказы изъ Священной исторіи для крестьянскихъ дѣтей.** Сост. А. Ишимовою. Спб. 1877 г. Ц. 25 к. 84 стран.

Тщательное изданіе съ крупной печатью и 4-мя хорошими картинками. Въ предисловіи г-жа Ишимова говоритъ, что во время пребыванія своего лѣтомъ въ деревнѣ она не разъ слышала просьбу отъ крестьянскихъ дѣтей и ихъ родителей разсказать имъ «о божественномъ»; это и побудило ее къ составленію разбираемыхъ разсказовъ. Трудъ выполненъ, по нашему мнѣнію, добросовѣстно; изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Первыя 42 страницы посвящены Ветхому Завѣту, а послѣднія 42—Новому. Для образца слога приводимъ слѣдующіе отрывки:

«Любить родныхъ своихъ и тѣхъ, кто любитъ насъ,—это легко можетъ исполнить всякій человѣкъ; но любить тѣхъ, кто не любитъ насъ, дѣлать добро тѣмъ, кто дѣлаетъ намъ зло, молиться за тѣхъ, кто обижаетъ насъ,—это такія дѣла, которыя можетъ дѣлать только тотъ человѣкъ, чья душа походитъ на духъ божественный Господа» (стр. 55).

«Господь создалъ тѣло человѣка изъ земли, а душу вдунулъ въ него божественнымъ Своимъ духомъ. Оттого, пока душа въ тѣлѣ человѣка, онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, а когда душа выйдетъ,—человѣкъ умираетъ и не только не можетъ ничего дѣлать, да просто и шевелиться не можетъ» (стр. 2).

3) **Библейскіе разсказы изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.** Съ картою Палестины. Кіевъ. 1879 г. Ц. 15 к. 139 стр.

4) **Библейская исторія, сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.** Прот. Базарова. 110 картинокъ. Спб. 1880 г. Ц. 35 к. 284 стр.

II. ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ.

5) **Жизнеописаніе царя Давида.** Съ приложеніемъ нѣкоторыхъ псалмовъ и карты Палестины. Составлено А. Невскимъ. Москва. 1864 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Ц. 25 коп. 180 стр.

6) **Жизнеописаніе царя Соломона.** Съ приложеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ притчей, Екклезіаста и нѣкоторыхъ реченій изъ Пѣсни-пѣсней. Сост. А. Невскимъ. Москва. 1868 г. Ц. 20 к. 165 стр.

Обѣ книги дороги тѣмъ, что, вмѣстѣ съ изложеніемъ событій изъ жизни двухъ замѣчательныхъ царей еврейскихъ, помѣщены ихъ боговдохновенныя рѣчи.

7) **Жизнеописаніе Руѳи, родоначальницы Спасителя міра.** Сост. А. Невскимъ. Москва. 1868 г. Ц. 8 к. 23 стр.

Исторія Руѳи и сама по себѣ занимательна по той искренней, сердечной привязанности, какую мы видимъ въ отношеніяхъ невѣстки къ свекрови. Интересъ ея для христіанина можетъ быть выше оттого, что Руѳь—язычница, не еврейка, а называется родоначальницею Спасителя міра.

III. НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

8) **Евангельскіе разсказы.** Изд. редакціи «Всемірный Путеш.» Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 25 к. Прекрасный текстъ и очень хорошія картинки.

9) **Разсказы для дѣтей о земной жизни Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа.** Съ картинками. А. Н. Бахметевой. Изд. 8-е. Москва. 1882 г. Ц. книжка 1-я 25 к., 2-я 30 к.

10) **Ученіе Господа нашего Іисуса Христа о молитвѣ и путяхъ къ блаженству.** Изд. Товарищества Общественная Польза. Спб. 1866 г. Ц. 5 к. 39 стр.

Содержаніе книги: О нестяжаніи. Что есть слово Божіе. Что есть царство небесное. О второмъ пришествіи Господа. О страшномъ судѣ. О покаяніи, смиреніи, кротости. Кто ближніе наши. О богачахъ и нищихъ; о тщеславныхъ, о грѣшникахъ.

Прекрасная мысль—изъ св. Евангелія извлечь ученіе Христа Спасителя о такихъ предметахъ, о которыхъ необходимо имѣть понятіе всякому христіанину; между тѣмъ не всякій легко можетъ найти о томъ въ Евангеліи.

11) **О земной жизни Пресвятой Богородицы.** По ученію Св. Писанія и на основаніи преданія св. отцовъ. Спб. 1872 г. Изд. «Мірскаго Вѣстника». Ц. 20 к. 51 стр.

12) **Жизнь Божіей Матери.** Свящ. М. Соколова. Спб. 1875 г. Ц. 15 коп. 37 стр.

Содержаніе: Праздники въ честь Ея: Рождество Богородицы, Введеніе во храмъ, Благовѣщеніе, Успеніе, Покровъ и праздники въ честь иконъ: — Владимірской, Смоленской, Знаменія, Новгородской, Тихвинской, Казанской и Всѣхъ скорбящихъ радости.

Народъ нашъ съ благоговѣніемъ чтитъ чудотворныя иконы Божіей Матери, и почти въ каждой губерніи Россійской имперіи есть одна или нѣсколько чудотворныхъ иконъ Богоматери, къ которымъ во множествѣ народъ стекается на поклоненіе. Поэтому названная книга будетъ читаться съ особеннымъ интересомъ.

IV. ОБЪЯСНЕНІЕ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

13) **Толковыя Евангелія воскресныя и праздничныя. Толковыя чтенія изъ Апостола воскресныя и праздничныя.** Прот. А. Свирѣлина. Москва. 1881 г. Ц. 60 к. 269 стр.

14) **Объясненіе евангельскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года. Объясненіе апостольскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года.** Прот. В. Михайловскаго. Съ 44 карт. Спб. 1877 г.

На литургіи мы слышимъ слова нашего Спасителя, разсказы о Его божественныхъ дѣлахъ, о событіяхъ изъ Его жизни. Къ слушанію Евангелія стоящіе въ храмѣ приглашаются особымъ возгласомъ священнослужителя: «Премудрость, прости услышимъ св. Евангелія чтеніе».

Чтеніе Евангелія бываетъ среди церкви, на возвышеніи; выносится свѣча. Все это указываетъ на особенную важность евангельскихъ чтеній и на нашу обязанность вникать въ смыслъ читаемаго. Указанныя нами книги для объясненія евангельскихъ и апостольскихъ чтеній понятны для каждаго. Объясненія прот. Михайловскаго имѣютъ ту особенность, что каждое чтеніе авторъ сопровождаетъ нравоученіемъ, указывая на тѣ пороки, которые въ наше время особенно замѣтны въ семейной или общественной жизни народа.

15) **Толкованіе на пареміи изъ книгъ Моисеевыхъ.** Прот. Нечаева. Москва. 1872 г. Ц. 1 р.

Святѣйшимъ Сунодомъ издана Библія въ русскомъ переводѣ. Потребность чтенія Библіи въ народѣ уже давно высказывалась, но прежнее изданіе ея на церковно-славянскомъ языкѣ было и недоступно по цѣнѣ, и мало понятно по языку. Теперь цѣна всей Библіи въ русскомъ переводѣ 4 р. И потому надо полагать, что чтеніе Библіи и въ народѣ сдѣлается болѣе общеупотребительнымъ. А въ такомъ случаѣ какъ разъ кстати является указанное нами сочиненіе, въ которомъ понятною рѣчью написаны православныя богословскія объясненія на пятикнижіе Моисея.

V. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

16) **Разсказы изъ исторіи христіанской церкви.** Отъ I вѣка до половины XI. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. А. Н. Бахметевой. 3 части. Изд. 3-е. Москва. 1877 г. Ц. 1 р. 80 к.

Въ нашей духовной литературѣ сочиненія по исторіи христіанской церкви суть двухъ родовъ: или обширныя, ученыя, со всѣми научными пріемами, или краткіе учебники, составленные для среднихъ учебныхъ заведеній. И тѣ, и другія книги для чтенія въ семьѣ, дома, непригодны; учебникъ, по свойственной каждому учебнику сжатости и систематичности, не дастъ живаго представленія о характерѣ, положимъ, того времени, когда жилъ св. Златоустъ, а ученыя сочиненія этого рода

изобиліемъ частностей, указаніемъ на многія названія лицъ, мѣстностей и проч., затруднятъ самое пониманіе книги. А. Н. Бахметева сдѣлала великую услугу, написавши названную книгу. Читая ее, вы проникаетесь уваженіемъ и благоговѣніемъ къ подвигамъ апостоловъ, мучениковъ, святителей и преподобныхъ.

Книга написана языкомъ понятнымъ и съ соблюденіемъ хронологическаго порядка.

17) **Разсказы изъ исторіи русской Церкви.** М. Толстаго. Въ 2-хъ книгахъ. Москва. 1870 г. Ц. 2 р.

Что сдѣлала г-жа Бахметева относительно живаго и яснаго изложенія событій общей исторіи христіанства отъ распространенія его трудами св. апостоловъ до начала вѣры Христовой въ землѣ русской, — то продолжилъ М. Толстой. Начавъ разсказъ съ первыхъ послѣдователей христіанства до Владиміра, авторъ переходитъ къ крещенію русскихъ при Владимірѣ, судьбѣ христіанства въ послѣдующія времена: междоусобіямъ, татарщинѣ, московскому единодержавію, междуцарствію, Петровской реформѣ.

Разсказы написаны умно, языкомъ простымъ. Обѣ книги предназначены для старшаго возраста.

18) **Языческая вѣра до Христа Спасителя и обращеніе ко Христу язычниковъ трудами св. Апостоловъ.** Свящ. В. Пѣвцова. Спб. 1880 г. 29 стр. Ц. 10 к.

Книга должна быть отнесена къ разряду книгъ для взрослыхъ. Во второй половинѣ книги довольно подробно изложена жизнь св. апостола Павла; изложеніе это есть пересказъ простымъ народнымъ языкомъ изъ св. Исторіи. Такъ какъ проповѣдническая дѣятельность ап. Павла главнымъ образомъ совершалась у народовъ языческихъ, поэтому въ первой половинѣ книги говорится о языческой вѣрѣ: о томъ, какіе были идолы, какое было имъ служеніе, какъ молились язычники предъ своими богами, какія были понятія языческія о загробной жизни, какіе у нихъ нравы и обычаи, какія были отношенія семейныя. Жизнь язычника и семейная, и общественная была построена на основаніи его религіозныхъ воззрѣній. Указывается въ книгѣ, что и между язычниками были личности, понимавшія пустоту и обрядовъ, и самыхъ понятій своей религіи.

19) **О трудахъ св. Апостоловъ въ распространеніи вѣры Христовой.** Свящ. Пѣвцова. Чтенія Солянаго городка. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. Изд. 2-е. 30 стр.

Чтеніе это, талантливо и доступно изложенное, заключаетъ въ себѣ разсказы о главнѣйшихъ событіяхъ изъ дѣятельности св. апостоловъ въ первоначальную эпоху возникновенія Церкви христіанской со времени сошествія св. Духа на апостоловъ. Всѣ свѣдѣнія касательно этихъ событій, разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ св. Писанія, прекрасно скомпилированы талантливымъ авторомъ.

Книга рекомендуется для взрослыхъ и подростковъ.

20) **Гоненія на христіанъ отъ язычниковъ и св. мученики.** Чтеніе для народа. Свящ. В. Пѣвцова. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 26 стр.

Книга весьма полезная для народа, который съ благоговѣніемъ чтитъ память пострадавшихъ за вѣру Христову.

По порядку излагается исторія мученичества, указаны причины, за что ненавидѣли язычники христіанъ, какія пытки и мученія были дѣлаемы надъ послѣдними. Вмѣстѣ съ этими подробностями, разсказывается о подвигахъ мучениковъ; сказаніе заканчивается св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ.

Въ книгѣ представлено живое описаніе страданій христіанскихъ первомучениковъ, производящее глубокое впечатлѣніе на читателя. Особеннаго вниманія заслуживаетъ прекрасная тенденція книги, выясняющая, какъ, не смотря на то, что христіанъ всячески гнали и притѣсняли, истребляя сотнями и тысячами, думая такимъ образомъ и самую христіанскую вѣру стереть съ лица земли, —она тѣмъ болѣе распространялась, чѣмъ больше гнали ее, а число христіанъ возрастало со дня на день. «Гоненіе, воздвигнутое противъ христіанъ, послужило только къ размноженію ихъ».—«Терзайте насъ, сколько хотите»,—писалъ одинъ христіанинъ къ язычникамъ:—«вы ничего отъ этого не выиграете: мы размножаемся по мѣрѣ того, какъ вы насъ истребляете; капли мученической крови становятся какъ бы сѣменами, изъ которыхъ выростаютъ новые христіане».

Необычайное терпѣніе христіанъ, спокойствіе и даже радость, съ которыми они шли на смерть за вѣру, изумляли язычниковъ и заставляли многихъ изъ нихъ поближе узнать, въ чемъ состоитъ вѣра христіанская.

21) **О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о томъ, какъ Владиміръ князь задумалъ креститься.** Павловича.

Содержаніе книги опредѣляется самымъ заглавіемъ ея; состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой довольно подробно, понятно и интересно изложенъ весь религіозный языческій культъ нашихъ предковъ. Разсказъ тѣмъ

именно и интересенъ, что всякій читающій можетъ понять всю несостоятельность прежней языческой вѣры. Но какъ же вѣрили глупостямъ? спрашиваетъ авторъ.—А такъ, говоритъ; и теперь же дѣти вѣрятъ пугающимъ ихъ воображеніе сказкамъ.

Вторая часть обстоятельно излагаетъ исторію крещенія Владиміра. Фактъ историческій переданъ вѣрно; изложеніе примѣнительно къ дѣтскому возрасту.

Книга вообще даетъ отвѣты на такіе вопросы: кого признавали за Бога въ нашей землѣ прежде, когда еще не вѣровали во Христа? Что такое вѣдьма? Знахарь?

VI. ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ.

22) **Избранныя житія святыхъ, кратно изложенныя по руководству Четіихъ-Миней.** Сост. А. Н. Бахметевой. Москва. 1870 г. 12 книгъ. Ц. 1 р. 80 к.

Жизнеописанія святыхъ показываютъ намъ, какъ въ жизни, въ дѣлахъ, осуществлялись тѣ святыя правила, которыя предписываетъ религія христіанская. Читая житія святыхъ, христіанинъ найдетъ въ нихъ живые образцы евангельскихъ добродѣтелей: любви, милосердія, кротости, терпѣнія, вѣры, самоотверженія и проч. Кромѣ этого, жизнеописанія могутъ дать довольно ясное представленіе объ исторіи христіанской религіи: кто были проповѣдники Христовой вѣры, при какихъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, эта религія распространялась въ человѣчествѣ. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ избранныя житія святыхъ для ознакомленія съ исторіею христіанства и съ великими подвижниками.

Предлагая для чтенія избранныя житія святыхъ, можно остановить вниманіе читателя на слѣдующемъ:

а) Исторія праздниковъ Господнихъ и Богородичныхъ знакомитъ съ земною жизнью Спасителя и Божіей Матери; поэтому предъ какимъ либо праздникомъ слѣдуетъ указывать на помѣщенные тамъ разсказы: Рождество Богородицы (8 сентября), Рождество Христово (25 декабря) и проч.

б) Изъ исторіи лицъ, трудившихся надъ распространеніемъ между людьми Христовой вѣры, помѣщены житія: св. Петра и Павла (чествуемые 29 іюня), евангелистовъ: Матѳея (16 ноября), Марка (25 апрѣля), Луки (18-го октября), Іоанна (26 сентября), равноапостольныхъ: Маріи Магдалины (22 іюля), Константина и Елены (21 мая), славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія (11 мая), Ольги (11 іюля), Владиміра (15 іюля), Стефана, епископа Пермскаго (26 апрѣля), Гурія и Варсонофія Казанскихъ (4 октября).

в) Изъ временъ пророковъ: Моисея (4 сентября), Иліи (20 іюля), Исаіи (9 мая), Іереміи (1 мая), Іезекіиля (21 іюля), Даніила (17 декабря).

г) Необходимо также останавливать вниманіе на житіяхъ святыхъ, относящихся ко временамъ русской Церкви: Антонія Печерскаго (10 іюля), Ѳеодосія (3 мая), Сергія Радонежскаго (25 сентября), Алексія, митрополита Московскаго (12 февраля), Филиппа, митрополита Московскаго (9 января), Бориса и Глѣба (2 мая), Александра Невскаго (23 ноября), Нестора лѣтописца (27 октября).

д) Поучительные примѣры добродѣтелей христіанскихъ представляютъ святые: Василій Великій (1 января), Григорій Богословъ (25 января), Іоаннъ Златоустъ (13 ноября), Ефремъ Сиринъ (28 января), Николай Чудотворецъ (6 декабря), Іоаннъ Дамаскинъ (4 декабря), Георгій Побѣдоносецъ (23 апрѣля), Филаретъ Милостивый (1 декабря), Варвара Великомученица (4 декабря), Марія Египетская (1 апрѣля), Евдокія (1 марта), Софія, Вѣра, Надежда, Любовь (17 сентября), Екатерина (24 ноября).

23) **Жизнь св. Апостола Павла.** Свящ. В. Михайловскаго. Спб. 1872 г. Ц. 15 к. 72 стр.

Чрезвычайно содержательная и въ высшей степени толково составленная, книга эта представляетъ величайшій интересъ по цѣлой массѣ сообщаемыхъ ею свѣдѣній, живо рисующихъ бытъ многихъ историческихъ народовъ, съ которыми апостолу приходилось входить въ сношенія. Грандіозная личность этого энергическаго проповѣдника христіанства, человѣка замѣчательно умнаго, глубоко образованнаго и воодушевленнаго силою свыше, ярко обрисовывается въ связи съ разсказомъ о его плодотворной и неустанной дѣятельности по распространенію вѣры Христовой. Но, съ другой стороны, легко можетъ случиться, что именно это-то обиліе историческихъ фактовъ, вмѣстѣ съ достаточ-

нымъ количествомъ географической номенклатуры, сдѣлаютъ и самую книгу мало доступною для простолюдина.

24) **Жизнь и дѣянія св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.** Свящ. Михайловскаго. Спб. 1872 года. Ц. 10 к. 32 стран.

25) **Жизнь св. Апостола Петра.** Прот. В. Михайловскаго. Спб. 1880 г. Цѣна 7 к. 31 стран.

Обѣ маленькія книжки одного автора, талантливаго, умѣющаго писать для народа, живо представляютъ жизнь первенствующаго въ сонмѣ апостоловъ ап. Петра и ап. Іоанна.

26) **Жизнь св. Кирилла и Меѳодія, учителей славянскихъ.** Сост. И. Бѣляевъ. Книжки для школъ № 127. Москва. 1876 г. Цѣна 10 к. 30 стр.

27) **Просвѣтители славянъ, св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій.** Съ 6 рис. Изд. ред. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1874 г. Ц. 30 к. 60 стр.

28) **Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ.** П. Рогова. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 28 стр.

У насъ вообще, за немногими исключеніями, мало знаютъ жизнь просвѣтителей славянъ; тѣмъ болѣе въ частности простой народъ, можно сказать, ничего не знаетъ о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Для болѣе обстоятельнаго усвоенія свѣдѣній о проповѣднической дѣятельности первоучителей славянскихъ необходимо обратить вниманіе читающаго на слѣдующее: какіе были народы во время жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія; на сколько племенъ они дѣлились до изобрѣтенія славянской азбуки; на какомъ языкѣ читали христіане св. Писаніе; черезъ сколько времени послѣ Кирилла и Меѳодія русскіе славяне приняли христіанскую вѣру.

29) **Сказаніе о подвигахъ русской великой княгини, христіанки Ольги.** Соч. Ремезова. Спб. 1880 г. Цѣна 10 к. 62 стр.

Смѣло рекомендуемъ эту книжку для старшаго возраста и взрослыхъ, какъ въ высшей степени добросовѣстно составленную, очень дѣльную и содержательную. Намъ чрезвычайно нравится пріемъ составителя такого рода историческихъ очерковъ: взявши извѣстное, всегда выдающееся, историческое лицо или событіе, авторъ обыкновенно даетъ краткій историческій очеркъ, въ которомъ мастерски намѣчаетъ главнѣйшіе историческіе факты изъ предшествовавшей эпохи, и такимъ образомъ читатель, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, получаетъ цѣлостное представленіе о всей русской исторіи.

30) **Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго.** Соч. Ремезова. Изд. 2-е. Спб. 1881 г. Ц. 10 к. 94 стр.

31) **Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.** Соч. Ремезова. Изд. 3-е. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 62 стр.

Къ 1-му жизнеописанію св. благовѣрнаго великаго князя Владиміра предпосылается чрезвычайно содержательный очеркъ состоянія Руси до великой княгини Ольги, въ которомъ авторъ особенно останавливается на языческихъ вѣрованіяхъ славянъ и указываетъ на интересную связь, существующую между христіанскими праздниками и языческими вѣрованіями нашихъ предковъ; и намъ кажется, что составитель брошюры проявилъ излишнюю добросовѣстность, приложивъ къ своей книжкѣ примѣчанія, гдѣ на 25 страницахъ убористой печати указывается на 59 различныхъ источниковъ, которыми пользовался составитель брошюры; конечно, такая роскошь является неумѣстною въ книгѣ, назначаемой для народнаго чтенія.

32) **Жизнь и чудеса св. славнаго пророка Иліи.** Москва. 1875 г. Ц. 10 к. 35 стр.

Главнѣйшія біографическія черты изъ жизни пророка, указанныя въ Библіи, переданы въ доступномъ разсказѣ. Его величавый образъ живо рисуется предъ читателемъ со всею прелестью народно-поэтическаго творчества.

Книга вполнѣ доступна и прочтется съ интересомъ какъ среднимъ, такъ и старшимъ возрастомъ.

33) **Разсказы изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ: св. Алексѣй, Божій человѣкъ, Филаретъ милостивый, Марія Египетская.** Бориса Алмазова. Москва. 1865 г. Ц. 25 к. 96 стр.

Подвижники, жизнь которыхъ въ стихахъ изобразилъ авторъ, отличаются особенными добродѣтелями. Св. Филаретъ—олицетвореніе христіанскаго милосердія, весь живетъ для другихъ. Былъ онъ человѣкъ богатый, но все его имущество было, можно сказать, собственностью бѣдныхъ, неимущихъ. При богатствѣ, пособіе, оказываемое бѣднымъ, не всегда есть еще подвигъ, и нерѣдко встрѣчаются случаи, дающіе поводъ думать, что богатые благотворятъ не изъ христіанскаго чувства.

Но вотъ Филаретъ обнищалъ самъ, и въ это-то время высказывается его сердце, до самозабвенія любящее своихъ ближнихъ. Филаретъ исполнилъ заповѣдь евангельскую: *«блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ»*.

Алексѣй, человѣкъ Божій, представляетъ удивительный примѣръ самоотверженія. Але-

ксѣй воспитанъ въ строгихъ христіанскихъ правилахъ; въ душѣ его развивается и крѣпнетъ желаніе служить Богу, отказавшись отъ свѣта, въ которомъ онъ вездѣ видѣлъ грѣхъ. Отецъ и мать его пріискиваютъ ему подругу жизни. Сначала въ душѣ Алексѣя происходитъ борьба: его мучитъ мысль оскорбить родителей своимъ непослушаніемъ. Въ церкви совершается вѣнчаніе; но когда начался брачный пиръ, Алексѣй не могъ уже противиться своему душевному желанію. Онъ покидаетъ свою новобрачную, бѣжитъ изъ Рима и на кораблѣ отправляется въ Сирію, дѣлается тамъ строгимъ подвижникомъ, пріобрѣтаетъ славу святаго. Это начинаетъ его тяготить; онъ боится сдѣлаться тщеславнымъ и потому оставляетъ то мѣсто, гдѣ прославился подвижническою жизнью, и желаетъ ѣхать въ другую страну. Корабль, на который сѣлъ Алексѣй, былъ застигнутъ бурею и приносится къ берегамъ родины. Такое обстоятельство подвижникъ принимаетъ за явное указаніе Промысла Божія, опредѣляющаго ему новый путь, которымъ долженъ онъ идти. Св. Алексѣй, какъ бѣдный странникъ, поселяется въ домѣ своего страннолюбиваго отца, не узнаваемый ни отцомъ, ни матерью, ни своею повѣнчанною съ нимъ невѣстою, которая послѣ таинственнаго исчезновенія своего жениха дала слово (и сдержала его) ни за кого не выходить замужъ и жила въ домѣ его родителей. Алексѣй выноситъ страшную борьбу между привязанностью къ ближнимъ и обѣтомъ всецѣло посвятить себя Богу.

Таковъ подвижникъ Алексѣй.

Св. Марія Египетская — живой примѣръ искренняго раскаянія въ грѣхахъ. Сначала Марія увлекается удовольствіями свѣта, далѣе дѣлается великою грѣшницею. Случайно, пріѣхавши въ Іерусалимъ, она идетъ въ храмъ Воскресенія; невидимая сила удерживаетъ ее отъ входа въ церковь. Она силится войти; другіе проходятъ, а она остается сзади толпы. Тогда у Маріи вырывается изъ глубины сердца такое восклицаніе: «значитъ, я недостойна по своимъ грѣхамъ войти въ церковь! даю же слово Пресвятой Богородицѣ (при этомъ взглянула она на образъ Богоматери, висѣвшій надъ дверьми храма) оставить прежній образъ жизни и покаяніемъ загладить свои нечистыя дѣла».

Послѣ этого она свободно входитъ въ церковь, приложилась къ Животворящему кресту и по выходѣ изъ храма сейчасъ же удаляется въ за-іорданскую пустыню. Незнаемая никѣмъ, Марія совершаетъ самый трудный подвигъ: послѣ роскошной жизни среди веселаго общества, она — одна въ пустынѣ. Ея исповѣдь, переданная ею святому Зосимѣ (который, по обычаю древнихъ восточныхъ монаховъ, на весь великій постъ удалялся изъ своего монастыря и жилъ въ пустынѣ), есть удивительный разсказъ о томъ, какія мысли и чувства волновали ее, пока не достигла она совершеннаго безстрастія.

Въ лицѣ Маріи Египетской мы видимъ образъ покаянія.

34) **Св. Павелъ Ѳивейскій, первый пустынножитель, и св. Антоній, основатель монашества.** Москва. 1879 г. Ц. 20 к.

Христосъ Спаситель сказалъ: кто хочетъ быть моимъ послѣдователемъ, да отречется отъ себя, возьметъ крестъ свой....

Монашество въ христіанской церкви представляетъ всецѣлое выполненіе заповѣди самоотверженія; и люди, добровольно отрекшіеся отъ всѣхъ благъ земныхъ, воспитывали въ себѣ ту великую нравственную силу, которая проявилась великими дѣяніями на пользу Церкви и общества. Значеніе монашества въ христіанскомъ мірѣ замѣчательное. Поэтому особенный интересъ представляетъ сказаніе о первомъ пустынникѣ и о первомъ основателѣ монашества.

35) **Жизнь преподобнаго Антонія Печерскаго.** Сост. П. Бѣляевъ. Изд. общ. распр. полезныхъ книгъ. Москва. 1866 г. Ц. 10 к.

36) **Жизнь преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.** Сост. П. Бѣляевъ. Изд. Общ. распр. полезныхъ книгъ. Москва. 1865 г. Ц. 10 к. 60 стр.

Русскій православный народъ съ благоговѣніемъ чтитъ память печерскихъ угодниковъ Антонія и Ѳеодосія. Въ Малороссіи во многихъ домахъ вы встрѣтите иконы этихъ первыхъ подвижниковъ, которые не ученостью, не высокимъ положеніемъ въ чинѣ церковной іерархіи имѣли сильное вліяніе на религіозно-нравственное развитіе русскаго народа, еще недавно принявшаго христіанскую вѣру отъ грековъ, а примѣромъ своей жизни, выполненіемъ тѣхъ высокихъ правилъ, которыя проповѣдуютъ Евангеліе и церковь.

37) **Преподобные Ѳеодосій и Антоній Печерскіе.** Народное изданіе. Спб. 1871 г. Ц. 6 к. 38 стр.

Эта книга вполнѣ соотвѣтствуетъ своей цѣли — доставить народу назидательное чтеніе. Написана языкомъ самымъ общедоступнымъ.

38) **Жизнь св. преподобно-мученицы Евдокіи.** Изд. П. А. Глушкова. Москва. 1877 г. Ц. 10 к. 32 стр.

Утопающая въ нѣгѣ, роскоши и богатствѣ, чудо красоты, по самому образу своей безпорядочной и суетной жизни не имѣвшая возможности углубиться въ самое себя, анализировать свое въ сущности ужасное положеніе,—Евдокія какъ-то ночью, чувствуя безсонницу, вдругъ слышитъ за тонкою стѣною, отдѣляющею ея спальню отъ смежной комнаты, громкое чтеніе остановившагося тамъ благочестиваго путешественника, произносящаго то мѣсто изъ Священнаго Писанія, въ которомъ говорится о страшномъ судѣ и о томъ, какъ «праведницы просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ», и какъ грѣшники будутъ мучимы огнемъ неугасимымъ.

То, что она слышала, поразило ее, заставило заглянуть себѣ въ душу и ужаснуться глубины своего нравственнаго паденія. Непрерывной, упорной борьбой со своими недостатками и отказавшись отъ всѣхъ богатствъ въ пользу неимущихъ, Евдокія достигаетъ высокаго нравственнаго совершенства, творитъ великія чудеса и, наконецъ, мужественно встрѣчаетъ мученическую смерть за свои христіанскія убѣжденія, падая отъ руки палача, который, по повелѣнію правителя Викентія, лютаго врага христіанъ, отсѣкаетъ ей голову.

Обращаемъ вниманіе на внутренній смыслъ житія, дающій намъ право рекомендовать книгу дѣтямъ старшаго возраста (городской и сельской школы), какъ истинно воспитывающее чтеніе.

39) **Благовѣрная Евдокія, великая княгиня московская, во инокиняхъ Евфросинія.** Сост. И. Бѣляевъ. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1866 г. Ц. 12 к. 38 стр.

Авторъ говоритъ: «Жизнь Евдокіи, въ иночествѣ Евфросиніи, повидимому, очень обыкновенная и для современнаго взгляда нѣкоторыхъ, можетъ быть, покажется только обставленною у лѣтописцевъ религіозными сказаніями. Дѣйствительно, эта жизнь вся посвящена только исполненію скромныхъ обязанностей христіанки, жены и матери, но исполненію строжайшему, и въ сей-то жизни и выражалось истинное христіанское призваніе замужней женщины и великое значеніе ея въ жизни народа русскаго».

Благовѣрная Евдокія была супругою Димитрія Донскаго; она устроила въ Кремлѣ московскомъ женскій Вознесенскій монастырь.

40) **Митрополитъ Филиппъ.** Біографическій очеркъ. Т. Толычевой, Москва. 1875 г. Ц. 20 к. 64 стр.

Исходя изъ того положенія, что святыя личности, подобныя Филиппу, жили для Бога, для правды, для ближнихъ, г-жа Толычева, эта талантливая и симпатичная писательница для народа, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться при разборѣ другихъ ея произведеній, дастъ намъ мастерской, обстоятельный и истинно-художественный біографическій очеркъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на пользу русской земли при Грозномъ царѣ. Царь Іоаннъ самъ вызываетъ пустынника соловецкаго Филиппа (бывшаго боярина Колычева), самъ убѣждаетъ его принять митрополичій санъ, и когда Филиппъ-митрополитъ во имя Бога, во имя правды, для блага народа возвышаетъ свой голосъ противъ неистовствъ царя, то наградой ему служитъ заключеніе и смерть.

Книга будетъ читаться съ интересомъ.

41) **Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго.** Книжки для школъ № 141-й. Москва. 1876 г. Ц. 10 к. 45 стр.

Имя блаженнаго Августина почти неизвѣстно въ православномъ русскомъ обществѣ; между тѣмъ жизнь его весьма поучительна. Живая, впечатлительная душа его ищетъ правды и разумной дѣятельности. Не находя ихъ, блаженный Августинъ недоумѣваетъ, сомнѣвается, нравственно падаетъ. Словомъ Св. Писанія и благодатію Св. Духа восходитъ онъ на высокую степень нравственнаго совершенства, и тогда его перо пишетъ, раскрываетъ, разъясняетъ высокое ученіе о благодати Божіей и объ отношеніи благодати къ силамъ человѣка.—Книга, необходимая для народныхъ библіотекъ.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «МІРСКОЙ ВѢСТНИКЪ».

42) **Житіе святаго преподобно-мученика и исповѣдника Θеодора.** Съ приложеніемъ хромолитографир. изображенія Преп. Θеодора. Ц. 7 к. Спб. 1870 г. 9 стр.

43) **Преподобный Максимъ-Грекъ.** Съ приложеніемъ изображенія Преподобнаго. Спб. 1865 г. Ц. 7 к. 10 стр.

44) **Житіе св. Іоанна милостиваго, патріарха Александрійскаго.** Съ изображеніемъ Преподобнаго. Спб. 1876 г. Ц. 7 к. 12 стр.

45) **Житіе св. Андрея, Христа ради юродиваго.** Съ изображеніемъ св. Андрея. Спб. 1871 г. Ц. 7 к. 12 стр.

46) **Житіе преподобнаго Іосифа Пѣснописца.** Съ

изобр. Преп. Іосифа. Спб. 1869 г. Ц. 7 к. 7 стр.

47) **Житіе св. мучениковъ Флора и Лавра.** Приложенъ снимокъ съ иконы. Спб. 1877 г Ц. 7 к. 7 стр.

48) **Житіе преподобнаго Пахомія Великаго.** Съ изобр. Преп. Пахомія. Спб. 1870 г. Ц. 7 к. 15 стр.

49) **Житіе преподобнаго Ефрема Сирина.** Съ изобр. снимка со св. иконы. Спб. 1875 г. Ц. 7 к. 13 стр.

50) **Житіе преподобнаго и Богоносца отца нашего Симеона Столпника.** Съ приложеніемъ снимка со св. иконы. Спб. 1874 г. Ц 7 к. 16 стр.

51) **Житіе преподобнаго Никиты Столпника.** Съ изобр. Преп. Никиты. Спб. 1870 г. Ц 7 к. 15 стр.

52) **Житіе преподобнаго Кирилла Бѣлоезерскаго.** Съ изобр. Преп. Кирилла. Спб. 1871 г. Ц. 7 к. 19 стр.

53) **Св. Дмитрій митрополитъ Ростовскій.** Съ изобр. св. Дмитрія. Спб. 1866 г. Ц. 7 к. 6 стр.

54) **Святые мученики Литовскіе Іоаннъ, Антоній и Евстафій.** Съ изобр. св. мучениковъ. Спб. 1868 г. Ц. 7 к. 7 стр.

55) **Житіе св. отца нашего Стефана, епископа Пермскаго.** Съ изобр. Святителя Стефана. Спб. 1866 г. Ц. 7 к. 12 стр.

56) **Житіе старца, отца Серафима.** Съ приложеніемъ трехъ рисунковъ. Спб. 1871 г. Ц. 20 к. 56 стр.

Кромѣ поименованныхъ, есть еще житія, изданныя тою же редакціею; всѣ они имѣютъ одинаковое достоинство: вѣрность историческая, простота изложенія и назидательность.

VII. КНИГИ, ВЪ КОТОРЫХЪ ИЗЛАГАЕТСЯ ОБЪЯСНЕНІЕ БОГОСЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

57) **Письма о Богослуженіи.** Беллюстина. Спб. 1874 г. Ц. 50 к.

Много у насъ написано книгъ по объясненію Богослуженія. Однѣ изъ нихъ перечисляютъ предметы, составляющіе принадлежность храма, указываютъ на службы, совершаемыя въ храмѣ и въ домѣ, на лица, совершающія Богослуженіе. Другія обращаютъ вниманіе на догматическую сторону православнаго богослуженія.

Названная нами книга имѣетъ то достоинство, что, читая обстоятельное объясненіе всего состава нашего общественнаго богослуженія, вы чувствуете то умиленіе и благоговѣніе, съ которымъ христіанинъ долженъ присутствовать въ храмѣ.

Книга составлена для назидательнаго чтенія.

58) **Ученіе о православномъ Богослуженіи.** В. Михайловскаго. Спб. 1880 г. Ц. 30 к. 130 стр.

Эта книга дастъ ясные и основательные отвѣты на тѣ вопросы, которые могутъ возникать въ душѣ молящагося: что и для чего совершается? Содержаніе книги: о храмѣ, о лицахъ, совершающихъ богослуженіе, объ облаченіяхъ, о службахъ, о таинствахъ.

59) **Объясненіе Богослуженія православной Церкви.** Сост. Н. Недешевъ. Изд. Товарищ. Общ. Польза. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ перес. 45 к. 116 стр. Изд. 5-е.

Содержаніе книги такое же, какъ и у Михайловскаго. Желающій сознательно молиться въ храмѣ съ пользою можетъ прочитать эту книгу.

60) **О Богослуженіи православной Церкви.** Свящ. М. И. Соколова. Изд. Коммисіи народныхъ чтеній. Спб. 1879 г. Ц. 8 к. 66 стр.

Эта прекрасная книга въ самой доступной и мѣстами даже художественной формѣ даетъ толковыя разъясненія касательно внутренняго смысла и значенія Богослуженія, причемъ славянскій текстъ очень хорошо и точно переведенъ на русскій языкъ, а этимъ, очевидно, доставляется возможность большинству богомольцевъ, разумѣется, незнакомыхъ съ церковно-славянскимъ нарѣчіемъ, вполнѣ сознательно относиться къ богослуженію.

Книгу слѣдуетъ рекомендовать не только въ качествѣ дѣльной и полезной для старшаго возраста, но и какъ драгоцѣнный подарокъ для взрослыхъ, который, безъ сомнѣнія, вызоветъ въ нихъ искреннюю любовь и уваженіе къ предлагающимъ подобныя книги для чтенія.

61) **Главнѣйшіе праздники Православной Церкви.** Съ приложеніемъ иконы двунадесятыхъ праздниковъ. Изд. ред. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1875 г. Ц. 25 к. 70 стр. Изд. 4-е.

Историческое происхожденіе и значеніе христіанскихъ праздниковъ изложено замѣчательно хорошо. «Праздники имѣютъ очень важное значеніе для христіанина. Въ нихъ заключается полная исторія земной жизни Господа Іисуса Христа, Преблагословенной

Его Матери и св. угодниковъ Божіихъ; слѣдовательно, съ праздниками соединены самыя дорогія воспоминанія для христіанина. Всего удобнѣе посредствомъ чтенія книгъ, описывающихъ праздники, узнать все относящееся до празднуемаго событія и то, чему хочетъ научить церковь такимъ торжествомъ. Въ самомъ дѣлѣ,—въ Евангеліи, читаемомъ на литургіи, обыкновенно разсказывается событіе, послужившее основаніемъ празднику (если только оно заключается въ Евангеліи). Въ священныхъ пѣсняхъ, которыя читаются и поются въ эти дни, прославляется то лицо, въ честь котораго установленъ праздникъ. Въ этихъ же священныхъ пѣсняхъ подвиги прославляемыхъ предлагаются, какъ образцы, достойные подражанія для всѣхъ христіанъ» (стр. 4 и 5-я).

Съ этой-то точки зрѣнія разсматриваются авторомъ важнѣйшіе праздники православной церкви.

Книгу эту слѣдуетъ рекомендовать въ качествѣ весьма полезнаго чтенія старшему возрасту и взрослымъ.

62) **Дни, празднуемые святою православною Церковью.** Изд. Общ. рас. пол. книгъ. Москва. 1877 г. Ц. 30 к. 50 стр.

Живо, съ чувствомъ излагается исторія празднуемыхъ событій, ясно и вразумительно переведены съ славянскаго языка на русскій церковныя пѣсни. Книга полезная.

63) **Святая церковь и ея принадлежности.** Составилъ А. Медвѣдскій. Изд. Товар. Общ. Польза. Спб. 1866 г. Ц. 6 к. 30 стр.

Содержаніе: для чего необходимо человѣку богослуженіе; начало богослуженія и мѣсто, гдѣ оно совершается; происхожденіе христіанскихъ храмовъ; понятіе о церкви или о богослужебномъ зданіи; алтарь, престолъ и его принадлежности; горнее мѣсто, жертвенникъ; принадлежности при богослуженіи: священныя одежды; размышленіе о третьей заповѣди.

Книга написана языкомъ мало понятнымъ для простаго народа, а потому менѣе другихъ пригодна.

64) **Объясненіе обрядовъ при совершеніи святыхъ таинствъ православной Церкви.** Спб. 1872 г. Ц. 10 к. 27 стр. Изд. 2-е.

Эта книга написана языкомъ, доступнымъ для простаго народа.

65) **Праздникъ Рождества Христова, 25 Декабря.** Изданіе Общества распростр. полезн. книгъ. Москва. 1879 г. Ц. 10 к. 15 стр.

Можно прочитать разсказъ этотъ съ пользою.

VIII. КНИГИ ДЛЯ НАЗИДАТЕЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

66) **Слѣпая дѣвушка и Евангеліе.** Истинный разсказъ. Изд. 3-е Спб. 1880 г. Ц. 1 к. 7 стр.

Коротенькій, но весьма занимательный разсказъ о томъ, какъ одна бѣдная дѣвушка, любившая читать св. Евангеліе, ослѣпла. Несчастіе, горе бѣдняжки чувствовалось тѣмъ сильнѣе, что никто изъ окружавшихъ ее не хотѣлъ читать любимую ею книгу. Священникъ, узнавши о такомъ несчастіи, даетъ дѣвушкѣ Евангеліе отъ Луки, напечатанное выпуклыми буквами для слѣпыхъ. До этого не могла она справиться со способомъ чтенія посредствомъ пальцевъ; но разъ, поцѣловавши св. книгу, она почувствовала, что можетъ читать губами.

Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе автора къ читателю о пользѣ чтенія св. Евангелія. Чтеніе полезное для дѣтей младшаго возраста.

67) **Ничего, кромѣ листьевъ.** Изд. Общ. распр. пол. кн. Москва. 1878 г. 8 стр.

Вотъ содержаніе книжки: въ саду, гдѣ много плодовыхъ деревьевъ, стоитъ одно дерево безъ плодовъ. Случайно дѣвочка спрашиваетъ взрослаго: «чему мы можемъ научиться изъ евангельскаго сказанія о безплодной смоковницѣ?» Взрослый для объясненія воспользовался тѣмъ деревомъ, которое было въ саду, и, примѣняясь къ понятіямъ ребенка, развиваетъ такія мысли: въ сердцѣ дѣтскомъ могутъ быть добрые плоды. Когда дитя молится,—это добрый плодъ; когда отецъ, мать или наставники говорятъ о любви къ Богу, и дитя внимаетъ этимъ словамъ,—это добрый плодъ; когда въ школѣ со вниманіемъ слушаютъ добрыя наставленія, — это также добрый плодъ; добрый плодъ есть, когда смерть близкихъ родныхъ и знакомыхъ заставляетъ дѣтскую голову задумываться. Въ книгѣ мысли хорошія, но чтеніе этой книги безъ объясненія врядъ ли принесетъ пользу. Изъ самаго содержанія книги видно, что она предназначена для дѣтскаго возраста.

68) **О семьѣ.** Чтеніе для народа. Мужьямъ и женамъ. Свящ. В. Пѣвцова. Спб. 1880 г. Ц. 10 к.

Священникъ Пѣвцовъ народнымъ языкомъ изображаетъ грустную и ужасную картину семейныхъ отношеній между мужемъ и же-

ною въ крестьянскомъ быту. Картина такая: мужъ—грубый хозяинъ дома, и грубость его проявляется надъ слабымъ, беззащитнымъ существомъ—своею женою. Цѣль книги—измѣнить понятія и взгляды нашего простаго люда и семейныя отношенія. Авторъ съ такимъ ужасомъ смотритъ на это явленіе нашей жизни, что даже сравниваетъ его съ бѣдствіемъ, которое претерпѣвали первые христіане-мученики отъ язычниковъ.

Имѣя въ виду представить высокое значеніе семьи, авторъ говоритъ о божественномъ установленіи таинства брака; далѣе указываетъ на то, что добрая семья служитъ поддержкою человѣка въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ; хорошая семья развиваетъ хорошія свойства.

Говорится въ книгѣ и о томъ, какъ у насъ выдаютъ дѣвушку замужъ, какъ смотрятъ на ея умъ, какъ обращаются съ нею.

Возможно большее распространеніе въ народѣ этой книги принесетъ, безъ сомнѣнія, пользу. Чтеніе для взрослыхъ.

69) **Нѣсколько зернышекъ.** Спб. 1882 г.

Выписываемъ кратко содержаніе книги: «Чего люди боятся, и чего не слѣдуетъ бояться; о радости житейской и христіанской; грѣхъ дѣлаетъ насъ слабыми; чѣмъ мы можемъ возблагодарить нашего Спасителя; Христосъ открываетъ намъ наше духовное зрѣніе; Христосъ любитъ маленькихъ дѣтей; дѣти должны быть похожи на Марію, а не на Марѳу и проч.»

По содержанію книги и по предисловію, помѣщенному въ началѣ ея, видно, что неизвѣстный авторъ задался цѣлью изложить для дѣтей правила христіанской нравственности, избѣгая при этомъ научной системы. Чтеніе этой книги можетъ быть предложено взрослымъ и уже достаточно развитымъ.

70) **Примѣры благочестія изъ житій святыхъ.** В. Б. Спб. 1872 г.

71) **Училище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ.** 2 тома. Спб. 1876 г.

Обѣ книги заключаютъ въ себѣ много интереснаго изъ древней христіанской жизни для людей, любящихъ чтеніе духовное, назидательное.

72) **Богомольцы у святынь Кіева.** Старый Кіевъ.

Содержаніе книги: Св. Варвара; Крещатикъ; Десятинная церковь; св. Андрей; св. Борисъ и Глѣбъ; Софійскій соборъ.

Къ книжкѣ приложены два рисунка: Софійскій соборъ и Неручинская стѣна.

Всякій богомолецъ, дойдя до Кіева, спѣшитъ въ лавру; тамъ обыкновенно и останавливаются наши пилигримы. Изъ лавры уже идутъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Варвары, Софійскій соборъ и Братскій монастырь. А между тѣмъ въ этой книгѣ ни слова не сказано о лаврѣ, о пещерахъ. Прочитавши эту книгу, богомолецъ посѣщаетъ святыни Кіева не только съ чувствомъ благоговѣнія, но и съ яснымъ пониманіемъ того, какое значеніе имѣетъ для всякаго православнаго русскаго Софійскій соборъ, что такое Десятинная церковь, узнаетъ о страданіяхъ св. Бориса и Глѣба.

Книга съ наслажденіемъ можетъ быть прочтена и тѣми, кто не былъ въ Кіевѣ.

73) **Святая земля.** Свящ. Пѣвцова. Чтенія для народа (въ Солян. Городкѣ). Спб. Изданіе 2-е.

Это цѣлая серія разсказовъ о Палестинѣ, по 5 к. за каждый разсказъ.

Въ разсказахъ описывается современное состояніе Іерусалима, Виѳлеема, Іерихона, Назарета и другихъ библейскихъ мѣстностей; въ то же время весьма искусно, кстати, излагается прошлое Ханаанской земли.

Разсказы интересны и весьма полезны.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ книгъ, можно еще рекомендовать изданія „Общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія“.

Изъ журналовъ духовныхъ, доступныхъ пониманію грамотнаго народа, можно указать на слѣдующіе: «Душеполезное чтеніе», ежемѣсячный журналъ, издаваемый въ Москвѣ; «Воскресное Чтеніе», еженедѣльное изданіе въ Кіевѣ; «Благовѣстъ», еженедѣльное изданіе въ Харьковѣ

II.

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

II. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Книги, разбираемыя въ этомъ отдѣлѣ, подраздѣляются слѣдующимъ образомъ:

I. Повѣсти и разсказы.
II. Разсказы, направленные противъ пьянства.
III. Нѣсколько словъ о различныхъ дешев. изданіяхъ.
IV. Басни.
V. Сказки.
VI. Драматическія произведенія.

Статья 1: «*Островскій въ примѣненіи къ чтенію въ народѣ*».
Статья 2: «*Нѣсколько словъ по поводу дѣтскаго театра*».

Большинство рецензій сопровождается «отзывами о книгахъ» взрослыхъ и малолѣтнихъ читателей изъ народа.

Въ концѣ отдѣла помѣщенъ «Указатель», распредѣляющій книги литературнаго отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей.

I. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

74) **Чѣмъ люди живы.** Сочиненіе графа Л. Н. Толстаго. Рисунки академика Шервуда. Изд. Общ. распр. пол. кн. Москва. 1882 г. Ц. 35 к.

75) **Чѣмъ люди живы.** Разсказъ Л. Н. Толстаго. Изд. «Народ. Библ.» Маракуева. Москва. 1883 г. Ц. 5 к.

76) **Чѣмъ люди живы.** Графа Л. Н. Толстаго. Спб. 1883 г. Изд. Спб. Комитета Грамотности. Ц. 5 к.

77) **Чѣмъ люди живы.** Льва Толстаго. Изд. книжнаго склада «Посредникъ». 1886 г. Ц. 1½ к. Москва.

Въ 1-мъ изданіи нашей книги мы весьма подробно передавали содержаніе этого художественнаго разсказа, но за эти 3 года онъ пріобрѣлъ такую огромную популярность, что, быть можетъ, нѣтъ ни одного грамотнаго человѣка въ Россіи, который бы не читалъ его. Вотъ почему наша передача содержанія является совершенно излишнею, и мы оставляемъ только при немъ ученическіе отзывы почти въ томъ же количествѣ, въ какомъ они появились при 1-мъ изд. Мы дѣлаемъ это съ тою цѣлью, чтобы показать читателю хотя на одномъ разсказѣ, какъ именно собирались эти ученическіе отзывы и какимъ путемъ доходила учительница до вывода, насколько извѣстная книга пригодна для народнаго чтенія и насколько приходится она по вкусу читателю изъ народа.

ОТЗЫВЫ УЧЕНИЦЪ О КНИГАХЪ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Чѣмъ люди живы. *Евдокія Я—ко, 10 л.*, 2-я зима обученія въ воскресной школѣ.

Дѣвочка, замѣчательно хорошо передающая прочитанное, живо, картинно, прочувствованно передала все содержаніе съ начала до конца. Не подражая книжной рѣчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не упуская ни малѣйшей подробности, она передавала разсказъ чисто дѣтскимъ, простымъ языкомъ.

«Осталась у нихъ одна шубенка на все семейство, говорила она съ соболѣзнованіемъ, перебивались такъ-сякъ, вотъ онъ и думаетъ: «пойду къ должнику, можетъ, дастъ Богъ, долгъ получу». Пошелъ, долга не получилъ, а всего 20 к., и возвращается домой, видитъ:—*кампличка* *) стоитъ, а возлѣ кампличкн чужой мужчина сидитъ, голый. «Вотъ», думаетъ, «не дай Богъ, какъ еще какой навяжется,—кто знаетъ, что у него на думкѣ!»..

Такъ шелъ разсказъ до конца. Когда она кончила, я сказала: «какія три слова узналъ ангелъ?» Дѣвочка молчала.

— За что наказалъ его Богъ?

— Что не послушался!—и она начала разсказывать сызнова, какъ Богъ послалъ его вынуть душу изъ женщины.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, Дуня,—перебила я ее:—когда онъ улыбнулся въ первый разъ, и что онъ узналъ прежде всего?

— Онъ улыбнулся объ томъ, что женщина насчетъ Бога вспомнила.

— И что при этомъ узналъ?

— Не знаю.

— А чему онъ 2-й разъ улыбнулся и что при этомъ узналъ?

— Онъ узналъ второе слово,—что баринъ помретъ.

— А третье?

—Увидалъ сиротокъ и узналъ, что женщина ихъ пріютила.

Очевидно, понимая реальную сторону разсказа, Дуня Я—ко не въ силахъ обобщать факты и дѣлать выводы; и сколько наводящихъ вопросовъ ни предлагала я ей, она начинала сызнова разсказывать факты — и только.

Тѣмъ не менѣе, на послѣдній вопросъ — чѣмъ люди живы?—она отвѣчала: «добротою». Этотъ отвѣтъ заставляетъ думать, что хотя дѣвочкѣ и не удалось сдѣлать общихъ выводовъ, но разсказъ произвелъ должное впечатлѣніе, и его нравственная идея прочувствована ребенкомъ.

*) Мѣстное названіе часовни.

Дарья Б—ва, 11 л. Порядочно читаетъ и пишетъ, толково передаетъ прочитанное, очень умная и способная дѣвочка, — сказала, подавая книгу: «не поняла начала; положимъ, и поняла, но не могу разсказать!»

Я изумилась: начало такъ просто, и какъ она, Дарья Б—ва, не поняла его! Дѣвочка открыла книжку и прибавила, указывая пальцемъ на эпиграфъ (тексты изъ Свящ. Пис.): «вотъ этого *дробненькаго* *) не могу передать, насчетъ того, что надо братьевъ своихъ любить».

Я успокоилась и объяснила вкратцѣ значеніе текстовъ. Тогда дѣвочка начала разсказывать такъ увлекательно, такъ живо, что, право, я затруднилась бы, кому дать пальму первенства, — ей или книгѣ. Когда она кончила, я предложила ей тѣ же вопросы.

— А вотъ какія онъ слова узналъ, отвѣчала дѣвочка:—первое, какъ пожалѣла она его,—онъ узналъ, что въ сердцѣ человѣческомъ есть искренность любви; второе,—какъ почувствовалъ, что у барина изо рта смертью пахнетъ (въ разсказѣ этого нѣтъ), — узналъ онъ, что люди не могутъ знать дня своей кончины; и третье, — какъ увидалъ, что дѣвочки-сиротки живы и здоровы черезъ попеченіе той женщины,—узналъ, чѣмъ люди живы. Дѣвочка остановилась и добавила торжественно:—«любовью!»

— Любовью къ отцу? къ матери? къ брату? спросила я.

— Нѣтъ! какъ есть ко всякому человѣку.

Пелагея Д—ва, 12 л. Окончила съ наградой курсъ ежедневной школы. Передала содержаніе весьма подробно и прилично. Виденъ навыкъ къ передачѣ прочитаннаго и нѣкотораго рода самоувѣренность.

Тѣмъ не менѣе, сущности разсказа она не поняла, и я ничего не могла достигнуть наводящими вопросами.

— Чѣмъ люди живы? спрашивала я послѣ ряда наводящихъ вопросовъ.

— Вѣрою въ Бога.

— А какую заповѣдь завѣщалъ намъ Іисусъ Христосъ, когда былъ на землѣ?

*) Мелкаго.

—Пятую.—Я молчу.—Десятую! силится поправиться ученица.

— Нѣтъ, вспомните, заповѣдь эта начинается: «возлюби»...—Дѣвочка молчитъ.—«Ближняго своего», продолжала я.—То же молчаніе.

— А сколько времени вы были въ школѣ? спрашиваю я.

Четыре года.

— Нѣтъ, она была меньше, перебиваетъ учительница, знающая біографію дѣвочки:— и вы не такъ ставите вопросъ: — «что отвѣчалъ Іисусъ Христосъ фарисею, когда тотъ спросилъ его о томъ, какая главная заповѣдь?»

Дѣвочка отвѣчаетъ бойко: «возлюби ближняго своего, какъ самого себя».

Катя С—ва, 10 л. Очень способная, бойко читаетъ, быстро и съ необыкновеннымъ оживленіемъ передала содержаніе *«Чѣмъ люди живы»*. Казалось, все это произошло вчера или сегодня у нея на глазахъ.

«Этотъ сапожникъ, говорила она, какъ про знакомаго человѣка:—очень бѣдно жилъ: что заработаетъ, то и проѣстъ. «Пойду, думаетъ, за долгами!» Пошелъ. У того нѣтъ, у другаго нѣтъ,—двугривенный всего получилъ. Досада его взяла, — что̀ на него смотрѣть, — пропилъ! Идетъ домой и видитъ:—кто-то возлѣ сторожки прижался. Онъ и думаетъ себѣ: «что, какъ схватитъ да задушитъ!..»

Въ этакомъ духѣ шелъ весь разсказъ. Не успѣла я окончить вопроса о томъ, какія три слова узналъ ангелъ, какъ Катя перебила меня:

«Богъ посылалъ ангела на землю у женщины душу вынуть и узнать, чѣмъ люди живы. Онъ души не вынулъ и не узналъ, чѣмъ люди живы; вотъ Богу досадно стало, онъ и послалъ его въ другой разъ и сказалъ: «когда такъ, то узнай же ты теперь три слова: что есть у людей и чего нѣтъ, и чѣмъ люди живы». Онъ и узналъ: у кого въ душѣ есть любовь, у того и Богъ; у кого нѣту любви, нѣту и Бога; а еще увидалъ смертнаго ангела у барина за плечами, когда тотъ на годъ сапоги заказывалъ, и узналъ, чего люди не знаютъ — смертнаго часа. А третье,—онъ думалъ, что дѣвочки тѣ померли, особенно калѣчка, а онѣ были живы черезъ любовь. Безъ отца, безъ матери можно прожить, а безъ Бога и безъ любви нельзя прожить»,—заключила дѣвочка.

Варвара С—ва, 16 л. Старшая сестра Кати, видимо не желая повторяться за сестрой, сказала: «и мнѣ, и Катѣ это очень понравилось; я вамъ не буду разсказывать по мелочамъ, какъ Катя, а разскажу только то мѣсто, когда онъ освѣтлѣлъ весь». И она такъ художественно передала исторію ангела, разсказанную имъ передъ вознесеніемъ на небо, что я невольно подумала: «вотъ та страница, на которую можно указать, какъ на провѣрочную при переспросѣ: въ ней заключается вся суть».

Одна изъ взрослыхъ ученицъ воскресной школы такъ начала разсказывать мнѣ *«Чѣмъ люди живы»*.

«Былъ себѣ одинъ сапожникъ. Жилъ бѣдно; пошелъ за полученіемъ денегъ — не получилъ. Собирался шубу купить — не купилъ. Идетъ обратно, видитъ—что-то сидитъ. Приглядѣлся: — человѣкъ; и оказался этотъ человѣкъ голоднымъ. И онъ принялъ его за нехорошаго человѣка; потомъ его жалость взяла, онъ и спрашиваетъ: «кто ты такой?» А тотъ отвѣчаетъ: «нельзя мнѣ этой тайны говорить».

Привелъ онъ его домой,—и самъ не радъ, какъ стала его жена ругать.

«Мы сами нищіе», говоритъ, и то, и другое. Послѣ пересердилась и дала имъ поужинать. Сталъ онъ работѣ учиться и очень хорошо научился. Сапожникъ съ женою посмотрятъ на него и думаютъ себѣ: «это у насъ, должно быть, *не простой* человѣкъ поселился!»

Оно и правда:—не простой это человѣкъ былъ, а Архангелъ Михаилъ; только на него Господь прогнѣвался, а за что? вотъ за что: послалъ онъ его душу изъ женщины вынуть, чтобъ доказать, чѣмъ люди живы, а онъ воротился ни съ чѣмъ. Господь Богъ прогнѣвался за это на него и сказалъ: «будь же ты на землѣ до тѣхъ поръ, пока узнаешь, чѣмъ люди живы; тогда самъ увидишь, правда это или нѣтъ!»

Дѣйствительно, какъ увидалъ онъ этихъ двухъ малютокъ—и вспомнилъ слова Божіи; видитъ: и взросли онѣ, и живутъ въ довольствѣ; женщина эта имъ довольно хорошенькія ботинки заказала. Богъ знаетъ, что еще при отцѣ, при матери было бы, а теперь слава Богу! Тутъ онъ созналъ самъ себя виновнымъ предъ Богомъ, что не послушался его и забылъ насчетъ того, что Господь все, что ни дѣлаетъ,—все къ лучшему. Да! И узналъ онъ тутъ еще два слова по башмакамъ, чтобъ человѣкъ не загадывалъ впередъ, что ему надо.

— А третье? спросила я.

— Да ихъ всего два, сказала ученица увѣренно:—оно хоть и сказано три,

но я считаю всего за два. — Въ людяхъ существуетъ любовь, сказала она вразумительно: и черезъ любовь люди могутъ быть живы. Это я нахожу одно слово.

Ученица лѣтъ 10-ти, изъ плохо читающихъ и плохо передающихъ прочитанное, подала мнѣ «*Чѣмъ люди живы*». На этотъ разъ, однако, фабула разсказа была передана ею хорошо; на вопросы же, поставленные мною, она отвѣчала такъ:

— Какое первое слово узналъ ангелъ?—Молчаніе.

— Чему улыбнулся ангелъ въ первый разъ? — «Онъ на нее улыбнулся, потому что она ему ѣсть дала, накормила.»

— А второй разъ чему улыбнулся?—«Узналъ своего пріятеля, ангела».

— А третье что онъ узналъ?—«Безъ отца, безъ матери трудно прожить; оно и можно, да трудно».

— А чѣмъ люди живы?—спросила я, почти безнадежно. — «Любовью!» отвѣчала неожиданно ученица: — «любятъ другъ друга, живутъ хорошо, въ ладу — тѣмъ и живы!»

Получивъ этотъ послѣдній отвѣтъ, я невольно задумалась надъ предпослѣднимъ: «*Безъ отца, безъ матери трудно прожить; оно и можно, да трудно!*» Въ первую минуту онъ показался мнѣ неправильнымъ, а между тѣмъ не права ли дѣвочка: *оно и можно, да трудно*,— иначе изъ-за чего же ангелъ ослушался Бога, изъ-за чего бѣдная мать такъ трогательно просила за нихъ ангела, и что было бы съ ними, наконецъ, еслибы добрая женщина не приняла въ нихъ горячаго участія? Да, она права, эта плохо читающая ученица, и непосредственность ея безхитростнаго сердца подсказала ей вѣрнѣе, чѣмъ подсказываетъ иногда навыкъ читать съ полной увѣренностью въ пониманіи прочитаннаго.

Взрослая ученица воскресной школы, очень бойкая и смышленая дѣвушка, подала мнѣ ту же книгу.

— Черезчуръ понравилось! сказала она съ паоосомъ.

— Разсказывайте!

Она начала: «Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ, очень бѣдно жилъ: квартира у него чужая была. Все надо купить, все дорого. И пошелъ онъ долги собирать. Шубу хотѣлось ему хоть какую нибудь поганенькую справить.—У того нѣтъ, у другаго нѣтъ, третій божится: «ей-Богу, завтра уплачу!» Одинъ двугривенный получилъ, и тотъ пропилъ,—что на него смотрѣть!

«Идетъ дорогою, бурчитъ себѣ подъ носъ: «вотъ какая должность моя проклятая!» видитъ, — башня стоитъ, а возлѣ башни человѣкъ сидитъ. Думаетъ: это мнѣ непремѣнно такъ видится! Сперва спужался, а вслѣдъ за тѣмъ подходитъ. — «Кто ты таковъ?» — Мнѣ нельзя сказать.—«Ну, Богъ съ тобою!»—снялъ съ себя одежду, ему отдалъ, самъ въ бабиной кофточкѣ остался, а шапки не отдалъ: «у тебя, говоритъ, *кучерявые* волосы, а у меня лысина».

«Приводитъ его домой. Жена сидитъ, работой по его части, по сапожной, занимается. Пошла на встрѣчу и чувствуетъ, что у него изо рта воздухъ ***водочный*** ударилъ. Разсердилась, смотритъ на пришельца, а на немъ сорочки, замѣтно, нѣтъ. Стала ругаться; мужъ уговариваетъ, а гость молчитъ, и молчалъ онъ, пока сердце у нея сошло, и ужинать она имъ подала. Тутъ онъ улыбнулся. И чего-жъ онъ улыбнулся?—Узналъ онъ въ ту минуту, что жена мужа любитъ, что, любя его, пожалѣла, а черезъ него и къ пріятелю жалость возъимѣла.

«На другой день встали рано. Сапожникъ и говоритъ пришельцу: «можетъ, ты къ работѣ моей пріучишься?»—Хорошо, отчего же.— Сталъ его пріучать, и онъ очень скоро пріучился. Только однажды пріѣзжаетъ къ нимъ баринъ очень важный и заказываетъ себѣ сапоги хорошіе, чтобъ на годъ стали. Уѣхалъ. А Михайло сталъ ботинки ему на смерть кроить. Сапожникъ говоритъ ему: «что ты дѣлаешь?» А онъ молчитъ. Только вдругъ получается извѣстіе, что этотъ самый баринъ померъ. Переглянулись мужъ съ женой.— «Что за человѣкъ такой между нами живетъ?...» Ну, ничего, промолчали. Черезъ нѣсколько времени сидитъ дѣвушка подъ окномъ и видитъ:—женщина къ нхнему жилищу подходитъ и двухъ дѣвчоночекъ за ручки ведетъ; одна хроменькая. Вошли. Сталъ онъ смѣрочекъ снимать, а самъ онъ пристально смотритъ и въ третій разъ улыбнулся. И пошло отъ него сіяніе по всей горницѣ, и упалъ онъ на колѣни, и сталъ Богу молиться.

— «Кто ты таковъ»? спрашиваютъ его.—Я есть ангелъ.—«Какъ же сюда попалъ?»—Богъ наказалъ. Послалъ ко вдовѣ, чтобы я умертвилъ ее. Я прилетѣлъ. Она стала просить: «такъ и такъ, что съ этими сиротами будетъ? пропащія онѣ будутъ!»—«Возвратился я къ Богу ни съ чѣмъ. Онъ опять посылаетъ: «полетай и возьми душу, не обра-

щай вниманія! Когда ты тамъ останешься, ты самъ узнаешь, чѣмъ люди живы». Вынулъ я изъ нея душу. Отвалились у меня крылья; душа полетѣла, а я упалъ... И узналъ я прежде всего, что жена мужа любитъ, и мужъ жену любитъ, и тѣмъ они живы; а второе узналъ, что не знаютъ люди, — скоро ихняя смерть будетъ или нѣтъ; а третье,—что не могли бы эти сиротки безъ любви прожить: не будь у нея любви въ сердцѣ, можетъ, она-бъ ихъ не сохранила... Тутъ послышался голосъ съ небеси, потолокъ разступился, и онъ вознесся на небо!..»

Дѣвушка взглянула вверхъ, какъ бы видя передъ собою эту картину.

Марія Л—ая, 19 л. подала мнѣ «*Чѣмъ люди живы*».

— Я прочла, чѣмъ люди должны быть живы, — сказала она и начала разсказывать. Разсказывала она очень хорошо и поэтично. Она начала почему-то съ эпизода, какъ отвалились крылья у ангела, и душа сама полетѣла къ Богу, а нагое тѣло упало на землю; какъ бѣдный сапожникъ привелъ его къ себѣ, какъ сурово встрѣтила ихъ жена сапожника, а онъ сказалъ ей: «усмирись, не ругайся!» и т. д. Я остановила Л—ую на половинѣ разсказа.

— Довольно, сказала я: — я вижу, вы хорошо разсказываете; вы лучше скажите мнѣ вотъ что̀: какое первое слово узналъ ангелъ?

— Узналъ, что приняла она его хорошо.

— Ну, что-жъ изъ этого?

— Вспомнила про Бога и устрашилась его гнѣва.

— И какое чувство явилось у нея въ сердцѣ?

— Жалко ей стало его.

— Что же узналъ при этомъ ангелъ?

— Что она его пожалѣла.

— Какое слово узналъ онъ?—«Первое».

Меня бросило въ жаръ отъ этого лабиринта, въ который мы забрались съ ученицей, и я перешла ко второму вопросу.

— «Какое второе слово узналъ ангелъ?»— Про босовики.—«Что же онъ узналъ?»—Что баринъ умретъ.—«А баринъ самъ зналъ про себя, что умретъ»? -- Нѣтъ, не зналъ, это только ангелъ Господень одинъ могъ знать. —«А каждому человѣку извѣстна минута его смерти?»—Человѣку неизвѣстна, а Богу извѣстна, Богу все извѣстно; а люди не могутъ знать, такъ какъ они грѣшные.

— Значитъ, какое 2-е слово узналъ ангелъ? спросила я, обрадованная, и тотчасъ съ ужасомъ увидѣла, что ученица снова попала въ лабиринтъ. Тогда я, какъ утопающій за соломинку, схватилась за 3-й вопросъ: «чѣмъ люди живы?»

— Когда сироты останутся, если Господь не оставитъ своею милостью, это—слава Богу, начала ученица.

Я покорно слушала, пока она, наконецъ, не дошла до такого вывода: «какъ мы можемъ выказать любовь свою къ Богу, когда мы Его не видимъ, а ближняго видимъ?—Вотъ, если кто любитъ Бога, на ближнемъ долженъ высказать свою любовь».

Въ эту минуту я почувствовала ясно, что не всегда намъ удается ставить удачные вопросы, что часто мы неумѣло беремся за это дѣло, и ученица не въ силахъ взять въ толкъ, чего именно отъ нея требуютъ.

— Понравилась вамъ эта книга? спросила я.

— Ужасъ, какъ понравилась, отвѣчала ученица съ жаромъ:—и даже все семейство наше слушало и плакало.

— А изъ кого состоитъ ваше семейство?

— Отецъ, маменька, сестра и братъ. Мой папенька отъ души любятъ, когда я приношу книгу, и весь вечеръ у насъ иногда проходитъ въ рыданіи, когда попадется очень жалкая.

— А кто вашъ отецъ?

— Артельщикъ на желѣзной дорогѣ.

---

3 дѣвочки, лѣтъ 10, 11 и 12-ти, подали мнѣ «*Чѣмъ люди живы*».

— Вотъ вы отгадайте мнѣ каждая по одной загадкѣ, я и отпущу васъ, сказала я.

— Какое первое слово узналъ ангелъ? — спросила я первую.

— Онъ узналъ, что, если люди любятъ любовью, значитъ живы; а не любятъ, — все равно, какъ мертвецы. Вотъ жена сапожника пока сердилась, пока не было въ сердцѣ у ней жалости, у нея изо-рта даже смертью пахло; а какъ нашла жалость, такъ ангелъ даже улыбнулся.

— А какое второе? — спросила я другую дѣвочку.

— Чего людямъ не дано, отвѣчала она. — Имъ не дано знать, когда помрутъ.

— А третье?—обратилась я къ 3-й дѣвочкѣ.

Она тупо смотрѣла на меня. — Третье, что безъ отца, безъ матери никакъ нельзя прожить,—сказала она наконецъ.

— Во! — воскликнула выразительно первая:—какъ нельзя? — можно! И изъ чего ты это выдумала?—добавила она внушительнымъ тономъ и совершенно неожиданно для меня спросила ее испытующимъ голосомъ: — а чего

людямъ не дано?—«Богатства!»—отвѣчала та.

Для меня было ясно, кто понялъ и кто не понялъ «*Чѣмъ люди живы*».

За ними подошли еще 3 ученицы, приблизительно такого же возраста. Лицо первой имѣло тупое и угнетенное выраженіе; вторая смотрѣла бойко; третья казалась серьезною и солидною.

— Разсказывайте по очереди, сказала я.— Начинай ты!—я указала на среднюю.

Она начала очень развязно и быстро. Вслѣдъ за нею вяло, но толково разсказывала первая, а за нею — третья. Дѣло шло хорошо, пока не подошли вопросы.

— Что прежде всего узналъ ангелъ? спрашиваю я.

— Онъ узналъ, что, еслибы жена сапожника не подала ужинать, такъ померла бы, отвѣчаетъ первая.

— Ну, а чѣмъ люди живы? спросила я третью.

— Своей работой! отвѣчала она, и только средняя замѣтила: «душою!»

Очевидно, что, усвоивъ внѣшнюю сторону разсказа, дѣти остались глухи и нѣмы къ его руководящей идеѣ.

Въ библіотекѣ воскресной школы. *Выдача книгъ.*

Толпа дѣтей и взрослыхъ стояла у дверей библіотеки. На лицахъ преобладало выраженіе надежды и просьбы. Выслушивать разсказы пространно не представлялось никакой возможности. Надо было ставить короткіе и точные вопросы, чтобы быстрѣе и правильнѣе достигать цѣли.

— Кто прочелъ «*Чѣмъ люди живы*», выкликала я:—идите всѣ разомъ, разсказывать!

Сквозь толпу съ трудомъ пролѣзли 3 ученицы, приблизительно отъ 11—13 л.; у всѣхъ трехъ въ рукахъ были одинаковыя синенькія книжечки.

— Какое первое слово узналъ ангелъ? спросила я.—«Какъ надо любиться! — не то, чтобъ каждый про себя думалъ, а и про другихъ! Надо другъ дружку, все равно, что братьевъ, любить!» — отвѣчали наперерывъ дѣвочки.

— А второе что онъ узналъ?

— Онъ узналъ, чтобъ не загадывать ничего впередъ: Не знаешь, когда помрешь! Одному Богу извѣстно про человѣческую жизнь! отвѣчали дѣти.

«*Чѣмъ люди живы*» пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе популярности въ школѣ. Только и слышишь: «пожалуйте мнѣ «*Чѣмъ люди живы*», подруга хвалила: «Очень, говорятъ, любопытно!»—«Мнѣ дѣвушка одна посовѣтовала», и т. п.

Приходится разспрашивать по 6, по 7 учениць разомъ. Записывать нѣтъ никакой возможности. Такъ и сегодня въ моей записной тетради стоятъ только отрывочныя фразы, записанныя наскоро карандашомъ.

«Первое слово:—доброе сердце».

«Второе:—слово Божіе узналъ,—не можетъ человѣкъ знать, когда умретъ».

«Третье:—безъ Бога и безъ добрыхъ людей невозможно прожить».

Дальше ничего невозможно разобрать, съ такою поспѣшностью дѣлались замѣтки. Кому принадлежатъ эти отвѣты—положительно не могу припомнить; мелькаютъ передо мною дѣтскія лица, дѣтскіе глаза — и только. Одно общее впечатлѣніе или, лучше сказать, выводъ остался отъ этого переспроса. Онъ состоитъ въ томъ, что дѣтямъ несвойственна отвлеченность. При вопросѣ, въ воображеніи ихъ, повидимому, возникаетъ цѣлая сцена, и они дадутъ вамъ выводъ, но не иначе, какъ воспроизведя эту сцену, связавши реальное происшествіе съ его основной идеей.

Меня занимаетъ вотъ какое обстоятельство: десятки дѣтей пересказываютъ мнѣ «*Чѣмъ люди живы*» и отвѣчаютъ на одни и тѣ же вопросы, предложенные мною, и каждая въ свой пересказъ вноситъ свою собственную индивидуальность, варьируя на свой ладъ отвѣты, которые, казалось, должны были бы являться одними и тѣми же.

— Чѣмъ люди живы? — спрашиваю я, вѣроятно, въ сотый разъ.

— Люди живы добротою и всегда могутъ пріютить человѣка, отвѣчаетъ ученица.

— Что узналъ ангелъ, когда баринъ заказывалъ сапоги?

— Люди не могутъ знать, что съ ними Господь можетъ сдѣлать.

— А что онъ узналъ, увидя двухъ маленькихъ дѣвочекъ?

— Что человѣкъ не можетъ *дурно* *) пропасть, его кто нибудь возьметъ и можетъ приберечь.

Маленькая дѣвочка очень хорошо разсказала мнѣ «*Чѣмъ люди живы*».

«Есть ли въ тебѣ Богъ?» говорила она голосомъ, которымъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ говорить сапожникъ женѣ, укоряя ее за негостепріимный пріемъ странника.—«Она

*) Напрасно.

глянула на него, на странника, и вдругъ у нея отъ сердца отлегло, и она повеселѣла»...

Окончила она такъ: «онъ улыбнулся, что женщина двухъ дѣвочекъ выходила, и живаго Бога увидалъ, и всѣ тайны отъ него узналъ».

— Чѣмъ же люди живы? спросила я.

Дѣвочка молчала; молчала она и на всѣ три остальные вопроса, недоумѣвая, повидимому, чего еще отъ нея добиваются, и наконецъ сказала тономъ убѣжденія: «я все, какъ есть, разсказала!»

Передо мною стоитъ маленькая дѣвочка съ тупымъ и сонливымъ выраженіемъ лица.

— Чѣмъ люди живы?—спрашиваю я.—«Сапожною работою», отвѣчаетъ флегматически ученица. Остальныя дѣти смѣются. Я возстанавливаю порядокъ.

— А чему улыбнулся ангелъ въ первый разъ?—спрашиваю я.

— Онъ примѣтилъ въ ней духъ мертвый, а послѣ того она отошла.

— А чему онъ улыбнулся во второй разъ?

— Онъ увидалъ ангела и узналъ, что баринъ помретъ къ вечеру, и такъ ему весело стало!

— А чему онъ улыбнулся въ третій разъ?

— Какъ увидалъ дѣвочекъ, обрадовался, что тогда онъ наказанъ былъ, а теперь — нѣтъ.

Маленькая Саня, очень плаксивая дѣвочка, подошла ко мнѣ съ книжечкой въ рукахъ. Она опять плакала.

— О чемъ ты, Саня? — спросила я. — «Не могу отвѣтить, сказала она всхлипывая:—чѣмъ люди жили!... И старшія дѣвочки учили — не пойму!»

Подводя итоги всему сказанному, очевидно, что художественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитывающій разсказъ *«Чѣмъ люди живы»* можно давать различнымъ возрастамъ и на разныхъ ступеняхъ развитія, требуя отъ однихъ фактической передачи разсказа, а отъ другихъ — болѣе глубокаго пониманія и толкованія его.

Такъ разсуждаютъ городскіе читатели; перейдемъ теперь къ деревенскимъ.

Мы получили длинныя малограмотныя рукописи, доставленныя намъ народнымъ учителемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ изложеній занимаютъ 2, 3 листа, написанные крупнымъ почеркомъ, другія—листъ и полтора. Намъ въ высшей степени желательно было бы привести ихъ всѣ цѣликомъ, настолько интересны онѣ на нашъ взглядъ; но, за невозможностью поступить такимъ образомъ, ограничиваемся отвѣтами деревенскихъ грамотѣевъ на вопросы, поставленные учителемъ. Эти отвѣты скажутъ намъ, какъ поняли они прочитанное, и какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ разсказъ *«Чѣмъ люди живы»*.

Прежде всего учителемъ поставленъ такой вопросъ: «что подумалъ сапожникъ о человѣкѣ, котораго увидалъ у часовни, и какъ отнесся къ нему?»

«Сапожникъ сперва подумалъ на камень, да сказалъ себѣ: «такого камня не было здѣсь!» потомъ на скотину.... такъ чего она сюда зайдетъ? Потомъ на разбойника и думаетъ самъ себѣ: вотъ, схватитъ, да задушитъ. А отнесся онъ къ нему вотъ какъ: скинулъ кафтанъ, сапоги и поясъ и надѣлъ на странника. Хотѣлъ и шапку отдать, да головѣ показалось морозно». Такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ *Даніилъ К—въ* (11 л.).

Александръ Е—ко (12 лѣтъ) говоритъ: «Сапожникъ отошелъ отъ него со страхомъ, а вернулся къ нему съ милостью и надѣлъ на него одежу, и повелъ къ себѣ обогрѣться».

«Когда Семенъ шелъ домой», пишетъ *Поликарпъ В—нъ* (25 л.): «то уже смеркало; смотритъ:—подъ часовнею что-то бѣлѣетъ; онъ и говоритъ самъ себѣ: лошадь!—такъ на лошадь не похоже; развѣ человѣкъ? добрый человѣкъ сюда не заберется. Думалъ, думалъ Семенъ и пошелъ мимо. Прошелъ Семенъ нѣсколько саженъ, и встрѣтила его на дорогѣ совѣсть. Его точно кто-то толкнулъ и сказалъ, чтобы онъ вернулся назадъ къ часовнѣ. Семенъ сталъ на дорогѣ и разговариваетъ самъ съ собою: «Семенъ, а Семенъ, или ты разбогатѣлъ, что идешь мимо человѣка, который сидитъ подъ часовней, совсѣмъ погибаетъ, а ты идешь мимо. Вернись назадъ, не дай пропасть человѣку!»

Остальные отвѣты сходны съ предъидущими и не представляютъ особеннаго интереса.

Второй вопросъ учителя таковъ: «Что за женщина была жена сапожника, и какъ она встрѣтила мужа съ гостемъ?»

— Жена сапожника была добрая и милостивая,—отвѣчаетъ неожиданно, но вѣрно по своему, *Даніилъ К—въ*:—а пьяныхъ она терпѣть не могла, по этому самому и зачала такъ ругать мужа и гостя, что изо рта по два слова вылетало, и отъ нея повалилъ мертвый духъ, такъ что Михаилъ чуть не задохся, пока она смилостивилась.

«Жена сапожника была недобрая и ру-

гательная», пишетъ *Александръ Е—ко*.—«Она ихъ такъ сильно ругала, что изъ одного слова дѣлала сразу два и потомъ только смиловалась и дала Михайлѣ рубаху и штаны».

«Жена сапожника была сердитая, лихостная», пишетъ третій:—«она даже не знала, что надъ нею есть Богъ, знала только сама себя».

«Жена сапожника была злая и худая, какъ щепка», пишетъ 4-й:—«но когда Семенъ вспомнилъ ей про Бога, она смилостивилась».

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: «Какъ держалъ себя гость у сапожника, и отчего улыбнулся онъ въ первый разъ?»

Даніилъ К—въ отвѣчаетъ: «онъ держалъ себя тихо, смирно и печально, а улыбнулся въ первый разъ потому, что въ людяхъ есть любовь».

Александръ Е—ко пишетъ: «Гость держалъ себя у сапожника честно и благородно, а улыбался онъ оттого, что сапожника жена смиловалась, глянула ласково на гостя, и онъ увидѣлъ въ ней Бога».

Третій пишетъ: «Странникъ держалъ себя смирно, никуда не ходилъ, все время дома сидѣлъ и часто *въ гору* (вверхъ) смотрѣлъ».

«Михаилъ все шилъ сапоги, пишетъ 4-й:—па улицу не ходилъ, дурныхъ рѣчей не говорилъ и за все время только три раза улыбнулся».

«Гость держалъ себя тихо, не шевелился, какъ будто его въ комнатѣ не было, глаза опустилъ, никому ничего не говорилъ», пишетъ 5-й:—«а улыбнулся онъ въ первый разъ вотъ чему: когда они пришли, жена Семена, Матрена, встрѣтила ихъ сурово; не было у ней любви въ сердцѣ, и имѣла она мертвый видъ. Когда же она смилостивилась, и явилася въ ней любовь, тогда странникъ улыбнулся въ первый разъ и подумалъ самъ съ собой: «теперь я узналъ, что въ людяхъ есть любовь».

На вопросъ: «Что за женщина была купчиха, и что побудило ее пріютить двухъ сиротъ?»—первый отвѣчаетъ:—«Купчиха была женщина добрая и милостивая, а побудили ее взять двухъ сиротъ Богъ и любовь».

«Она была жалостливая», пишетъ второй:—«и у ней была большая любовь къ сиротамъ».

«Купчиха была женщина раздушевная, богобоязливая и вселюбящая», пишетъ третій:—«она пріютила сиротъ отъ любви къ нимъ и надѣялась, что Господь прибавитъ ей здоровья, чтобы прокормить ихъ».

«Купчиха была набожная», пишетъ четвертый:—«а взять къ себѣ сиротъ побудила ее любовь. Слава такимъ людямъ, какъ купчиха, воспитывающимъ сиротъ и пекущимся о нихъ!»

«Купчиха была женщина низенькая (?), красивая, добрая и краснорѣчивая», пишетъ пятый:—«и мнѣ очень понравилось, какъ она исторію про сиротъ разсказывала».

Сцену съ бариномъ *Владиміръ Ф—въ* (20 л.) описываетъ такимъ образомъ: «Баринъ былъ на видъ большой и толстый, морда какъ налитая, красная, а самъ, какъ изъ чугуна вылитъ; и былъ онъ сердитый и кричалъ на всѣхъ, точно будто ему власть дана надо всѣми. Онъ думалъ, что ему не одни доведется сапоги износить, но не такъ пришлось: онъ померъ дорогою, и его внесли въ комнату, какъ колоду. О, какъ мы жалки въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ баринъ! Мы не знаемъ, что намъ для нашего тѣла нужно, загадываемъ дѣла разныя, а сами не знаемъ, что будетъ завтра».

«Людямъ не дано знать, что будетъ съ ними завтра», пишетъ *Яковъ Ф—въ*.—«Недаромъ ходитъ въ народѣ поговорка: «не загадывай въ годъ, а загадывай въ ротъ».

На вопросъ: «Отчего Михаилъ улыбнулся въ третій разъ, и что потомъ случилось?»—первый отвѣчаетъ: «онъ улыбнулся потому, что узналъ третье слово,—чѣмъ люди живы. А случилось послѣ этого вотъ что̀: Михаилъ весь просвѣтлѣлъ, и у него явились крылья за плечами, и въ воздухѣ показался огненный столбъ, и онъ вознесся на небо».

«Михайло тому улыбнулся въ третій разъ», пишетъ второй:—«что увидѣлъ, какъ купчиха обняла хроменькую дѣвочку и заплакала; онъ увидѣлъ, что она очень любила ихъ и жалѣла, и сама вскормила и вспоила. Вотъ чему онъ улыбнулся въ третій разъ!»

«Онъ улыбнулся, потому что узналъ третье слово», пишетъ слѣдующій: — а именно, что люди живы любовью!»

Описывая послѣднія минуты пребыванія ангела на землѣ, *Поликарпъ В—нъ* не можетъ отдѣлаться отъ реальныхъ деталей, необходимыхъ, по его мнѣнію, и пишетъ: «Михаилъ отдалъ Семену все то платье, которое было на немъ, и попрощался съ ними, поднялся вверхъ и улетѣлъ на небо. Семенъ и Матрена упали на-земь и лежали до тѣхъ поръ, пока Михаилъ скрылся. Поднялись они и увидали,—изба была цѣлая, и все на мѣстѣ. Долго горевали Семенъ и Матрена по Михайлѣ, но стали они жить лучше прежняго времени».

Весь конецъ подсказанъ Поликарпу В—ну его живымъ воображеніемъ.

На предпослѣдній вопросъ — «чѣмъ люди

живы?»—нѣсколько человѣкъ отвѣчали: «Люди живы своей любовью!»

Алексѣй К—въ (11 л.) пишетъ: «Люди живы любовью, а любовь есть Богъ!» Отвѣтъ *Данiила К—ва* является также не зауряднымъ:—«слѣдуетъ полагать, что люди живы любовью, потому что Евангелистъ Iоаннъ сказалъ: только тотъ человѣкъ живъ, который любитъ всѣхъ. Итакъ, мы живы любовью!»

«Люди живы любовью», пишетъ *Евдокимъ Ф—въ* (14 л.):—«а въ любви пребываетъ самъ Господь. Въ томъ мiрѣ, гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ Бога! Богъ сказалъ: «гдѣ любовь, тамъ и Я».

«Люди живы вотъ чѣмъ», пишетъ *Яковъ Ф—въ* (14 л.):—«напримѣръ, у насъ по селамъ и деревнямъ есть много случаевъ: останется ребенокъ отъ матери одного, двухъ дней, куда его дѣвать?—не схоронить же его живымъ. И вотъ даетъ Господь людямъ любовь къ чужимъ дѣтямъ. Возьметъ его кто нибудь къ себѣ, воспитаетъ, и выйдетъ изъ него человѣкъ въ хорошiе люди. Вотъ что̀ дѣлаетъ любовь! Дитя совсѣмъ погибло бы въ бѣдѣ, а любовь его выкормила и выростила безъ отца и безъ матери».

«Люди живы любовью», пишетъ *Поликарпъ В—нъ*:—«не будь у той купчихи любви, не взяла бы она къ себѣ двухъ сиротъ, тѣмъ болѣе, что у ней былъ свой собственный ребенокъ. Не будь у Матрены любви, не смиловалась бы она надъ пришельцемъ».

На вопросъ: «понравилась ли вамъ эта книжечка?»—первый изъ нихъ отвѣчаетъ: «книжечка эта мнѣ понравилась потому, что она учитъ насъ, чтобы мы жили, какъ Богъ велитъ, не выходили изъ повиновенiя Божiя, какъ вышелъ Михаилъ, чтобы не были злыми, чтобы помогали всѣмъ нуждающимся бѣднымъ и сиротамъ, и вообще, чтобы любили другъ друга».

«Книжечка эта понравилась мнѣ потому», пишетъ второй:—«что я согласенъ съ нею въ томъ, что если бы у людей не было любви другъ къ другу, то, значитъ, не было бы у нихъ въ сердцѣ и Бога, и ничего, кромѣ зла, на свѣтѣ не было бы».

«Книжечка эта понравилась мнѣ потому», пишетъ третiй:—«что она учитъ насъ добру, чтобы мы поступали, какъ сапожникъ: онъ не допустилъ человѣка погибнуть, а взялъ его, сохранилъ, одѣлъ, обулъ и накормилъ, чѣмъ Богъ послалъ, отдалъ ему послѣднее,—или, какъ купчиха, которая не допустила дѣтей до погибели, а взяла ихъ, вскормила, вспоила, воспитала и вывела въ люди».

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

(На каникулахъ).

Сегодня я прочла разсказъ: «*Чѣмъ люди живы*» въ группѣ слушателей, состоящей изъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Читала я по изданiю съ рисунками академика Шервуда. По прочтенiи эпиграфа, состоящаго изъ текстовъ св. Писанiя, я остановилась и просила объяснить, что̀ я прочла. Маленькiе молчали.

— Не поняли? спросила я.—«Нѣтъ», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ простодушно. — «Это молитвы, что въ церкви читаютъ»,—замѣтилъ другой. Дѣти, постарше, объяснили, что здѣсь говорится насчетъ любви къ роднымъ братьямъ, а подростки и взрослые очень толково передали содержанiе текстовъ.

— «Здѣсь говорится о томъ, чтобы люди другъ друга любили», пояснялъ одинъ.—«Кто любитъ ближняго, тотъ любитъ Бога, ненавидящiй же ближняго ненавидитъ и Бога», продолжалъ другой. — «Спаситель завѣщалъ намъ любить другъ друга», говорилъ третiй и т. д.

Съ первыхъ строкъ разсказъ, очевидно, заинтересовалъ слушателей; интересъ этотъ видимо возрасталъ и дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда Семенъ увидѣлъ у часовни что-то бѣлое. Крайними предѣлами я называю то, когда слушатели не въ силахъ воздержаться отъ громкихъ восклицанiй и вставокъ, не смотря на уваженiе къ чтенiю и требованiямъ тишины.

— «Это, вѣрно, Богъ послалъ привидѣнiе въ человѣческомъ образѣ, чтобы испытать его вѣру», говорилъ одинъ.—«А, можетъ, дьявольское навожденiе», замѣчалъ другой.—«Развѣ можно у Божьяго храма!» возражалъ 3-й и т. д.

Когда дошли до вопроса: «какъ тебя звать?» и отвѣта—«Михаилъ», одинъ изъ старшихъ воскликнулъ съ благоговѣнiемъ: «неужели это архангелъ Михаилъ!» а послѣ первой картинки всѣ въ этомъ удостовѣрились и, глядя на нее, замѣчали съ чувствомъ:—«А какое лицо у него хорошее, прiятное, скромное!»

Сцена съ бариномъ возбудила общiй смѣхъ.

«Ухъ, сердитый!» говорилъ одинъ изъ мальчиковъ, тыкая пальцемъ въ картину и точно дразня его. — «А съ себя, какъ бычокъ!» замѣтилъ другой.—«Ой, ой, ой, подъ нимъ, кажись, лавка треснула!» говорилъ 3-й.—«Ей-Богу, треснула!» кричалъ 4-й, точно будто онъ слышалъ этотъ трескъ.

Но когда чтеніе дошло до описанія того, какъ ангелъ улыбнулся, всѣ вдругъ притихли.

— «Чему это онъ улыбнулся?»—сказалъ таинственно одинъ изъ старшихъ. — «Не знаю», отвѣчалъ другой:—«въ первый разъ онъ улыбнулся тому, что Матрена покаялась въ своей злобѣ, а теперь—неизвѣстно».

Такъ вопросъ и остался открытымъ. Когда баринъ стукнулся лбомъ о притолку, опять поднялся общій смѣхъ.—«Такъ ему и нужно, не *ремствуй*» *), замѣтилъ кто-то.

Я продолжала читать. Во время кройки босовиковъ опять послышалось замѣчаніе: «непремѣнно баринъ умретъ, и надѣнутъ на мертваго эти босовики, потому что архангелъ Михаилъ все долженъ знать».

Сообщеніе сына Семена, смотрящаго въ окно, что вотъ, молъ, женщина идетъ и 2-хъ дѣтей за руки ведетъ, опять вызвало особенный интересъ.

— Можетъ быть, это Пресвятая Богородица съ двумя ангелами, замѣтилъ одинъ.

— А ты почемъ знаешь? спросилъ другой.

— Я не знаю, а догадываюсь, отвѣчалъ первый:—недаромъ же Михаилъ никогда въ окно не смотрѣлъ, а теперь посмотрѣлъ.

Во время разсказа купчихи всѣ дѣвушки плакали. Картинка 3-я видимо привела всѣхъ въ умиленіе.—«Это она хроменькую къ себѣ прижала», говорилъ одинъ изъ старшихъ мальчиковъ, объясняя младшему:—«а правою рукою слезу со щеки отираетъ».

На стр. 14, гдѣ ангелъ говоритъ: «одно слово я узналъ, когда твоя жена пожалѣла меня, и оттого я въ первый разъ улыбнулся. Другое слово я узналъ, когда богачъ заказывалъ сапоги, и я въ другой разъ улыбнулся; и теперь, когда я увидалъ дѣвочекъ, я узналъ послѣднее, третье слово, и я улыбнулся въ третій разъ». — Я остановилась и спросила, не догадаются ли слушатели, что это были за слова.?

— Первое слово онъ узналъ, что въ сердцѣ человѣческомъ есть раскаяніе, отвѣчалъ одинъ изъ слушателей:—второе... и онъ остановился.

— Я думаю, что онъ по барину узналъ, что въ людяхъ есть себялюбіе, замѣтилъ другой.

— А я думаю, что онъ по барину узналъ, что не всѣмъ людямъ дано богатство, сказалъ третій.

Кто-то засмѣялся этому предположенію.

— Чего смѣешься? отвѣчалъ сердито говорящій:—теперь никто еще не можетъ знать. Какъ дочитаемъ книжку,—все узнаемъ.

— Не дано знать, сколько онъ будетъ жить, возразилъ бойко смѣявшійся.

— А третье слово? спросила я. — «Онъ зналъ, что въ сердцѣ человѣческомъ есть любовь къ ближнему», отвѣчали мнѣ.

Во время вознесенія ангела на небо одинъ изъ слушателей благоговѣйно перекрестился, а другой замѣтилъ съ умиленіемъ: «ей-Богу, никогда не читалъ такой хорошей книжки!»

По окончаніи чтенія я поставила обычные вопросы. На этотъ разъ никакихъ недоразумѣній не возникло, и отвѣты были вполнѣ удовлетворительны; да и могло ли быть иначе, судя по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія дала книга.

Прошло три мѣсяца. Въ продолженіе этихъ 3-хъ мѣсяцевъ я каждый день собирала къ себѣ группу дѣтей и подростковъ между 9-ю и 15-ю годами, числомъ отъ 10 до 20 чел., и читала имъ разнообразныя книги по литературному отдѣлу. Такимъ образомъ намъ пришлось прочитать около 100 книгъ. Уѣзжая, въ день послѣдняго прощальнаго чтенія, я предложила каждому изъ слушателей сказать мнѣ, какую изъ всѣхъ прочитанныхъ нами книгъ онъ желалъ бы получить отъ меня изъ города. Я начала съ младшихъ, какъ менѣе самостоятельныхъ, давъ имъ всѣмъ время подумать. Совѣщаній никакихъ не допускалось. Слушатели мои на этотъ разъ находились въ полномъ составѣ.

—Я хочу ту, началъ одинъ изъ младшихъ:—гдѣ сапожникъ возлѣ церкви ангела увидѣлъ.

— А я про двухъ сиротъ, которыхъ купчиха выкормила, сказалъ второй.

— Да это-жъ называется «*Чѣмъ люди живы*», добавилъ третій, постарше:—я тоже ее задумалъ.

Однимъ словомъ, кромѣ самаго маленькаго мальчугана, высказавшаго наивное желаніе пріобрѣсти въ собственность «*Степку-Растрепку*», 15-ти лѣтней дѣвочки, пожелавшей получить «*Антона-Горемыку*» Григоровича, и мальчика, заявившаго, что ему больше всего нравится «*Музыкантъ*» Погоскаго, — желанія всѣхъ остальныхъ сошлись на разсказѣ «*Чѣмъ люди живы*».

---

*) Ремствовать — выражать неудовольствіе, сердиться.

78) **Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.** Быль. Разсказъ графа Льва Николаевича Толстаго. Москва 1883 г. Изд. «Народн. Библ.» Ц. 3 к., 14 стр.

79) **Богъ правду видитъ да не скоро скажетъ.** Изд. «Посредника». М. 1886 г. Ц. $1^1/_2$ к. Содержаніе этого прекраснаго разсказа, потрясающаго силою своего драматизма, заключается въ слѣдующемъ:

Жилъ во Владимірѣ молодой купецъ Аксеновъ. Жилъ онъ счастливо и беззаботно; и вотъ вздумалъ онъ поѣхать въ Нижній по дѣламъ. Жена просила его не ѣздить, потому что сонъ дурной про него въ эту ночь видѣла, но Аксеновъ не послушалъ жены и поѣхалъ. На дорогѣ онъ повстрѣчался со знакомымъ купцомъ и заночевалъ на одномъ съ нимъ постояломъ дворѣ. Аксеновъ не любилъ долго спать и, чуть свѣтъ, поѣхалъ дальше; но недалеко заѣхалъ бѣдняга: его нагналъ исправникъ, обвинилъ въ убійствѣ купца и посадилъ въ острогъ. Оттуда сослали его въ Сибирь, гдѣ онъ томился 27 лѣтъ.

И вотъ, въ то время, когда Аксеновъ былъ сѣдъ, какъ лунь, пригнали къ нимъ новыхъ арестантовъ, между которыми оказался настоящій убійца купца, попавшійся за другое преступленіе. Чувство гнѣва и мщенія овладѣло кроткимъ до тѣхъ поръ сердцемъ Аксенова, и случай представился отомстить врагу. Онъ видѣлъ, какъ тотъ рылъ яму подъ нарами, чтобъ выбраться на волю и бѣжать. И вотъ, на допросѣ, когда очередь дошла до него, и начальникъ сказалъ ему: «старикъ, ты правдивъ, скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?»—онъ нѣсколько минутъ стоялъ молча, въ тяжелой борьбѣ съ самимъ собою, и затѣмъ сказалъ:—«я не видалъ и не знаю».

Потрясенный до глубины души этимъ порывомъ великодушія, неузнанный преступникъ Макаръ приходитъ ночью къ Аксенову, признается въ своемъ преступленіи, рыдая, падаетъ ему въ ноги и молитъ о прощеніи. Аксеновъ прощаетъ врага. Макаръ сознается передъ начальствомъ; но, когда Аксенову вышло разрѣшеніе возвратиться домой, его ужъ не было въ живыхъ.

Сцена свиданія его съ женою, встрѣча со врагомъ, ночное признаніе Макара — все это полно жизненной правды и оставляетъ по себѣ глубокое впечатлѣніе. Разсказъ пригоденъ для подростковъ и для взрослыхъ.

Вопросы:

На какомъ основаніи обвинили Аксенова, и почему онъ былъ похожъ при допросѣ на виновнаго?

Какъ велъ себя Аксеновъ въ Сибири?

Побѣдилъ ли онъ въ себѣ желаніе отомстить врагу?

Что тронуло злодѣя Макара до слезъ, и на что онъ рѣшился?

Сегодня я прочла этотъ художественный разсказъ въ группѣ взрослыхъ дѣвушекъ отъ 17 до 20 лѣтъ. Съ первыхъ строкъ онѣ, повидимому, сильно заинтересовались разсказомъ: причиною тому былъ сонъ жены Аксенова.

— Другіе сны очень чувствительные бываютъ, сказала *П—ва*, мѣшая мнѣ читать. Я остановилась.

— Если видѣть сонъ 16-го и 1-го, возразила ея сосѣдка:—такъ непремѣнно сбудется!

— А если подъ пятницу,—тѣмъ болѣе! добавила еще одна.

— А вотъ я видѣла сегодня во снѣ, сказала М—ва:—будто я платки и ковры разстилала, — это мнѣ дорога. Сколько не приходила въ школу, а сегодня хозяйка отпустила, я и пришла!

— А я не вѣрю! отозвалась одна единственная изъ 14-ти — *Полина И—ва*:—это все пустяки!

— Ахъ, нѣтъ! не говорите такъ, возразила горячо еще одна:—это, значитъ, вамъ не приходилось, а—можетъ—и приходилось, да не замѣчали.

— Сновидѣніе есть сомнѣніе, произнесла съ достоинствомъ И — ва, и послѣ этого всѣ затихли.

Я продолжала читать. Остановиться надъ вопросомъ: права ли Полина И—ва, или ея подруги, я считала неумѣстнымъ, потому что сонъ жены Аксенова сбывается. И дѣйствительно, когда мы дошли до этого мѣста, — всѣ 13 головъ повернулись по направленію къ скептику-И—вой, и всѣ глаза были устремлены на нее съ торжествомъ и насмѣшкой. Тутъ я сочла себя обязанной вступиться за И—ву, какъ могла, безъ порицанія и издѣвательства, а спокойно и серьезно. Когда я окончила свою несложную рѣчь, *Х—ва* обратилась ко мнѣ и сказала: «Я тоже не вѣрю, только мнѣ не хотѣлось отзываться».

— Э, нѣтъ, вступилась горячо П — ва: — было прежде! Теперь, пожалуй, всѣ не повѣруютъ, когда учительница сказала; такъ нельзя!

Возраженій больше не послѣдовало, и насъ по прежнему осталось трое невѣрующихъ въ сновидѣнія. Я продолжала читать. Водворилось молчаніе. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда дошли до свиданія купца съ женою, многія изъ учениццъ плакали; пла-

кали онѣ также и при послѣднемъ допросѣ Аксенова, причемъ П—ва замѣтила: «злодѣй попадается, Богъ доказываетъ правду!» Плакали и при концѣ, когда было прочтено, что онъ, не дождавшись извѣстія о свободѣ, умеръ.

— Я уже читала этотъ разсказъ, сказала Х—ва: — изъ желтенькой книжечки *), тоненькой, не такой, какъ у васъ; цѣлая насъ компанія читала: папенька, маменька и гости, такъ тоже всѣ, какъ есть, плакали!

—Теперь разскажите мнѣ прочитанное, сказала я:—положимъ, я вижу, что вы все поняли, но мнѣ хочется послушать, какъ вы передадите. Разсказывайте по очереди: когда одна замолчитъ, пусть продолжаетъ другая.

— Что-жъ, я съ удовольствіемъ! сказала П—ва и начала:—«Жилъ купецъ Аксеновъ во Владимірѣ (городъ такой); у него былъ домъ, 2 лавки. Вотъ онъ разъ собрался въ другой городъ ѣхать, жена ему и говоритъ: «не ѣзжай! я про тебя дурно видѣла во снѣ». А онъ посмотрѣлъ и засмѣялся. «Ты вздумала, что я загуляю». П—ва замолчала.

«И все таки онъ на нее не посмотрѣлъ и поѣхалъ», продолжала другая.—«Когда онъ отъѣхалъ и остановился на постояломъ, сталъ онъ тамъ чай пить и пригласилъ еще двухъ съ собою, и заночевали они на томъ постояломъ. Аксеновъ пораньше всталъ и уѣхалъ».

«Отъѣхалъ онъ нѣсколько верстъ и остановился на другомъ постояломъ дворѣ», продолжала третья:—«вошелъ во дворъ, велѣлъ самоварчикъ поставить. Видитъ: — тройка подъѣхала съ колокольчиками, и оттуда вышелъ околодочный (въ разсказѣ — исправникъ) съ двумя солдатами, подошелъ къ нему и началъ спрашивать, откуда онъ и кто такой, и куда ѣдетъ и зачѣмъ? Онъ разсказалъ имъ все и предлагалъ чаю, но они не захотѣли».

«Начали еще разспрашивать», продолжала 4-я:—«онъ ли купца убилъ? онъ отговаривался, божился, но они сказали, что больше тамъ никого не было, и некому было это сдѣлать. Онъ испугался: руки трясутся, самъ поблѣднѣлъ, и говоритъ, что ничего не видалъ и не слыхалъ».

«Они ему не повѣрили, начали обыскивать», продолжала 5-я:—«и нашли мѣшокъ, а въ мѣшкѣ ножъ въ крови. Онъ говоритъ: «это не я зарѣзалъ купца!» Они говорятъ: «какъ не ты? у тебя ножъ въ крови»... ученица остановилась.

«Тогда его сослали», продолжала слѣдующая:—«на поселеніе. Простился онъ съ женою, съ дѣтьми и пошелъ; и прожилъ онъ тамъ 26 л. и никому не объяснялъ, за что его сослали, все Богу молился. Онъ сталъ уже старый, сѣдой, когда привели новыхъ виновниковъ. Старые виновники стали ихъ разспрашивать, откуда и съ какого города, за какія дѣла они сюда попали. Новые виновники стали разсказывать свои проказы. Аксеновъ сидѣлъ задумавшись, свѣся голову, и слушалъ. Вотъ эти пришедшіе на него говорятъ: «а ты, старикъ, за что сюда пришелъ?» а онъ говоритъ: «одинъ Богъ знаетъ, за что я сюда пришелъ!» А другіе разсказали, черезъ что онъ сюда попалъ. Онъ не любилъ свои дѣла объяснять никому.

— Умные люди всегда мало говорятъ! замѣтила *Домна Д--ко.*

«Послѣ того одинъ изъ новыхъ виновниковъ», продолжала она:—«сказалъ, что онъ изъ города Владиміра. Тогда старикъ поднялъ голову и спросилъ его: «ты не знаешь во Владимірѣ купцовъ Аксеновыхъ, живы ли они?» Тотъ говоритъ: «какъ-же, живы!»—«Не знаешь ли, не слыхалъ, кто купца убилъ?» Тотъ только усмѣхнулся и, качнувши головою, сказалъ: «навѣрное тотъ убилъ, у кого ножъ нашли». Тогда старикъ подумалъ: «вѣрно, это тотъ самый, который убилъ купца!» И нашли на него думки, и не могъ онъ цѣлую ночь спать, и все думалъ, что, вѣрно, это тотъ самый, который зарѣзалъ купца. И вспомнилъ онъ свою жизнь, какъ онъ жилъ дома, и какъ послѣ этого жена къ нему въ острогъ приходила, какъ она въ немъ усомнилася, про дѣтей своихъ маленькихъ вспомнилъ и не могъ онъ на этого старика пришедшаго смотрѣть. Всталъ онъ разъ ночью, идетъ и видитъ:—изъ-подъ наръ земля сыплется. Смотритъ, а это врагъ его копаетъ, чтобы выбраться и *утечь* (убѣжать), и говоритъ ему: «ты молчи, старикъ, я подкопаю и тебя отсюда выпущу; а если скажешь, все равно:—меня засѣкутъ, и тебѣ не жить, я тебя убью!» Когда ихъ выпустили на работу, онъ землю высыпалъ, а солдаты увидали и подумали: «значитъ, кто нибудь сдѣлалъ подкопъ, чтобъ вылѣзти».

«Начальники пошли осматривать; начали осматривать, допрашивать; всѣ говорятъ, что не знаемъ. Потомъ начальникъ обращается къ Аксенову и говоритъ: «ты правду, старикъ, скажешь! скажи, кто подкопалъ?» Онъ думаетъ себѣ:—сказать или нѣтъ? Начальникъ

*) Разсказъ этотъ помѣщенъ также въ «Третьей русской книгѣ для чтенія» графа Л. Н. Толстаго. Москва. 1875 г.

опять говоритъ: «скажи, старикъ!» Онъ говоритъ: «нѣтъ, не знаю!» Когда они положились ночью спать, Аксеновъ слышитъ:—кто-то къ нему пришелъ и въ ноги сѣлъ; смотритъ:—Макаръ. Аксеновъ и говоритъ ему: «что ты сюда пришелъ? лучше отойди отъ грѣха, а то я позову солдатъ!» А Макаръ *прихилился* (наклонился) къ нему и говоритъ тихонько: «Аксеновъ, прости! Я купца зарѣзалъ и ножикъ къ тебѣ положилъ... прости!» Аксеновъ сказалъ: «Богъ тебя проститъ!» Макаръ сталъ плакать и ползать въ ногахъ. Аксеновъ услыхалъ его плачъ и себѣ заплакалъ. Макаръ говоритъ: «я скажу, что я убилъ,—тебя выпустятъ».—«Зачѣмъ мнѣ теперь выходить отсюда?» Аксеновъ говоритъ:—«жена моя померла, дѣти не узнаютъ, все равно, гдѣ нибудь вѣкъ дожить!» «Когда разрѣшеніе пришло, чтобы ему выйти,—онъ уже померъ».

По окончаніи пересказа я предложила ученицамъ еще нѣсколько вопросовъ.

—На какомъ основаніи обвинили Аксенова, и чѣмъ походилъ онъ при допросѣ на виновнаго? спросила я.

— Потому что у него ножъ нашли, сказала одна.—Потому что онъ очень былъ испуганъ, лицо его измѣнилось, и въ словахъ онъ путался, добавила другая. — Весь поблѣднѣлъ, руки дрожатъ, терялся, что говорить нужно, замѣтила третья.

— Какъ велъ себя Аксеновъ въ Сибири? спросила я.

— Скромно, тихо, никому вреда не дѣлалъ, молился и читалъ книги! Очень честно, акуратно! отвѣчало разомъ нѣсколько голосовъ.

— Побѣдилъ ли онъ въ себѣ желаніе отомстить врагу? спросила я.

Ученицы молчали. Онѣ не поняли вопроса. Я предложила его проще.

— Какъ же, сказала Д—ко:—онъ истребилъ свое сердце, уничтожилъ, ничего въ немъ злобы не осталося!

—Что тронуло злодѣя Макара до слезъ, и на что онъ рѣшился?

— Его то тронуло, что этотъ невиновно страдалъ черезъ него, и онъ же его пожалѣлъ! сказала одна.

— Онъ такъ думалъ, добавила другая, я же его обидѣлъ, я виноватъ передъ нимъ, и онъ же меня не выказалъ! Крѣпкій онъ человѣкъ былъ, заключила ученица.

— Да и хорошо-жъ сочинено! замѣтила еще одна изъ ученицъ.'

---

80) **Русскія книги для чтенія.** Графа Л. Н. Толстаго *). Четыре книжки; 1-я кн. 6 к.; 2-я и 3-я по 8 к.; 4-я 10 к. Москва. 1875—1876 г.—Изд. 12-е, 1886 г. Ц. 1-й кн. 10 к.; ц. 2-й и 3-й по 12 к.; ц. 4-й 16 к.

Ни одинъ изъ нашихъ маститыхъ писателей не снизошелъ до народной школы, не вслушался, что говорятъ и какъ говорятъ, что понимаютъ и чего не понимаютъ, чѣмъ интересуются и къ чему остаются равнодушны дѣти народа. Починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежитъ всецѣло графу Л. Н. Толстому. Все, что связано съ его именемъ, все, что предназначено имъ для школы, начиная съ безхитростныхъ пересказовъ дѣтей и кончая его художественнымъ произведеніемъ «*Чѣмъ люди живы*»,—все это полно той жизненной правды, той идеальной простоты, которая находитъ себѣ откликъ въ душѣ читателя изъ народа.

Что касается настоящихъ четырехъ книгъ, то онѣ интересны и потому еще, что всѣ эти короткіе разсказы и басни приведены здѣсь въ извѣстную систему рукою такого художника-педагога, каковъ Л. Н. Толстой. Позволяемъ себѣ остановиться довольно подробно на этихъ четырехъ книгахъ, потому что считаемъ ихъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ дѣтскую народную литературу и по простотѣ и образности языка, и по выбору матеріала, вполнѣ соотвѣтствующаго воспитательнымъ цѣлямъ.

Первая русская книга для чтенія распредѣлена слѣдующимъ образомъ: она заключаетъ въ себѣ 28 басенъ.

Всѣ эти басенки пересказаны не стихами, а прозою, и пересказаны такъ просто, живо и картинно, что доступны пониманію и самыхъ маленькихъ дѣтей. Здѣсь вы не встрѣтите ни одного вычурнаго выраженія, ни одного мудренаго слова, что обыкновенно затрудняетъ чтеніе басенъ.

Басенки эти очень нравятся дѣтямъ, и они превосходно передаютъ ихъ содержаніе.

Кромѣ басенъ, мы встрѣчаемъ 13 разсказовъ, при которыхъ написано «быль».

Надо видѣть оживленіе, съ которымъ слушаются они, и слышать всѣ эти дѣтскія замѣчанія для того, чтобы понять всю цѣну этихъ разсказовъ. Вотъ мы читаемъ «*Подкидышъ*». Въ немъ говорится о томъ, какъ Маша сжалилась надъ несчастнымъ подкинутымъ ребенкомъ, кормила, пеленала его и пѣла ему пѣсенки.

---

*) Рец. см. «Обзоръ народной литер.», стр. 232. «Русскіе писатели» В. Острогорскаго, вып. II, стр. 134.

«Какая она добрая была!» замѣчаетъ кто-то изъ дѣтей:—«другаябы сказала: вотъ еще, буду няньчиться съ чужимъ! а она все равно, какъ о родномъ, о немъ хлопотала».

Вотъ идетъ разсказъ «*Камень*»,—какъ богатый поднялъ камень и пустилъ въ бѣднаго. Время шло, и видитъ бѣдный, что везутъ въ тюрьму богатаго. Онъ поднялъ камень и хотѣлъ бросить въ него, но вдругъ жалость наполнила его сердце, и онъ не бросилъ.

«Онъ потому не бросилъ, говорятъ дѣти:— что богачъ ровесникомъ ему сталъ, такимъ же несчастнымъ!»

Читаемъ «*Пожарныя собаки въ Лондонѣ*». «Вотъ хорошо придумали!» замѣчаютъ дѣти. Конецъ приводитъ ихъ въ полнѣйшій восторгъ: «Собака побѣжала въ домъ и скоро выбѣжала съ чѣмъ-то въ зубахъ. Когда народъ разсмотрѣлъ то, что она несла, то всѣ расхохотались: она несла большую куклу».

Читаемъ «*Пожаръ*», какъ 8-ми-лѣтній Ваня спасъ свою маленькую сестренку и братишку.

«Молодецъ Ваня!» кричатъ дѣти:—«не будь его, сгорѣли бы Маша и Кирюшка». Слѣдуетъ замѣтить, что это одинъ изъ наиболѣе трогательныхъ и живыхъ разсказовъ.

«*Китайская царица Силинчи*» передается превосходно. «Когда черви обмираютъ, разсказываетъ совсѣмъ маленькая дѣвочка:— на нихъ бываетъ шелковая паутинка». Это прилагательное *шелковая*, какъ нельзя болѣе, идетъ къ дѣлу и доказываетъ, что дѣвочка усвоила дѣловую часть разсказца, хотя она и говоритъ, вмѣсто туговое,—*дубовое* дерево.

«*Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей*»—тоже очень, очень нравится дѣтямъ. Онѣ встрѣчаютъ этотъ разсказецъ, какъ продолженіе интересной и знакомой исторіи.

«*Какъ тетушка разсказывала бабушкѣ о томъ, какъ ей разбойникъ Емелька Пугачевъ далъ гривенникъ*» (быль) слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Вотъ содержаніе этого интереснаго разсказа:

Дѣти остаются дома съ няней,—папа и мама уѣхали въ Казань, и вотъ пріѣзжаетъ къ нимъ тотъ самый разбойникъ Пугачевъ, о которомъ они наслушались столько чудесъ и страховъ. Зная, что Пугачевъ не любитъ барскихъ дѣтей, добрая няня переряживаетъ ихъ въ крестьянскіе костюмы и выдаетъ за своихъ. Пугачевъ обходится съ ними милостиво и даже даритъ дѣвочкѣ гривенникъ. Разсказъ кончается такъ: «Когда отецъ съ матерью вернулись,—они не знали, какъ благодарить Анну Трофимовну, дали ей вольную, но она не взяла и до старости жила и умерла у насъ. А меня шутя звали съ тѣхъ поръ Пугачева невѣста. А гривенникъ тотъ, что мнѣ далъ Пугачевъ, я до сихъ поръ храню, и какъ взгляну на него, вспоминаю свои дѣтскіе годы и добрую Анну Трофимовну».

Сколько искренности, сколько теплоты въ этомъ безхитростномъ разсказѣ!

Необходимо замѣтить, что въ этой серіи разсказовъ есть двѣ статейки, не вполнѣ понятныя менѣе развитымъ дѣтямъ: 1) «*Отъ скорости сила*» и 2) «*Какъ въ городѣ Парижѣ починили домъ*».

Кромѣ этихъ 13-ти разсказовъ съ добавленіемъ «быль», мы встрѣчаемъ еще 7 разсказовъ. Разсказы эти такъ просты, что на взглядъ взрослаго человѣка, повидимому, не представляютъ никакого интереса; дѣти же слушаютъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, имъ они нравятся.

Послѣ чтенія перваго изъ нихъ: «*Какъ тетушка разсказывала о томъ, какъ она выучилась шить*», дѣти замѣтили: «вотъ какъ похоже на настоящее»!

— Со мною точно такъ было, добавила одна изъ дѣвочекъ.

— Да это не то что съ тобою, а съ каждымъ, возразила еще одна.

Точно также отнеслись онѣ къ разсказу второму: «*Какъ мальчикъ разсказывалъ про то, какъ его не взяли въ городъ*».

«Когда я жила въ деревнѣ», начала *Г—ва*,— и пошли разсказы на эту тему о какихъ-то бубличкахъ, привезенныхъ изъ города, что тамъ это на рѣдкость, что кому-то недостало» и т. д.

Вѣроятно, сила этихъ разсказовъ въ томъ именно и заключается, что съ каждымъ случалось нѣчто въ этомъ родѣ.

Разсказъ 3-й: «*Какъ мальчикъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ дѣдушкѣ нашелъ пчелиныхъ матокъ*» также очень нравится дѣтямъ.

Послѣ повѣствованія: «*Какъ мальчикъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ*», *X—ая* замѣтила: «какъ можно слѣпцовъ бояться, это грѣхъ!»

— А если няньки пугаютъ! возразила *Г—ва*.

При чтеніи разсказа «*Костичка*», въ которомъ мальчикъ не хотѣлъ сознаться, что онъ съѣлъ сливу, и только послѣ хитрости, употребленной отцомъ, намекнувшимъ о томъ, что кто проглотитъ косточку, тотъ умретъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ: «нѣтъ, я косточку бросилъ въ окошко»,—я обратилась къ са-

мой маленькой ученицѣ, *Санѣ А—ой* и спросила: «зачѣмъ отецъ сказалъ это?»

— Чтобъ кто нибудь обозвался, отвѣчала дѣвочка.

«Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любитъ» вызываетъ общее сочувствіе къ великодушію брата, рѣшившагося добровольно идти въ солдаты.

Разсказъ 7-й: *«Какъ я въ первый разъ убилъ зайца»* занимаетъ больше мальчиковъ.

Кромѣ этихъ разсказовъ, мы встрѣчаемъ статейки: *«Эскимосы»*, *«Море»* и *«Сенъ-Готардская собака»*. При нихъ стоитъ въ скобкахъ (описаніе).

Первая даетъ совершенно вѣрное и довольно полное понятіе о жизни Эскимосовъ. Разсказана ясно и удобопонятно. Дѣти слушаютъ съ величайшимъ интересомъ, передаютъ содержаніе безупречно.

«Море» даетъ мало понятія ребенку, не видавшему моря.

«Сенъ-Готардская собака» очень занимаетъ дѣтей.

Есть и еще одна статейка: *«Куда дѣвается вода изъ моря»*, при которой стоитъ въ скобкахъ (разсужденіе).

Чтобы показать ту идеальную простоту, которой авторъ достигъ въ разговорѣ съ дѣтьми, мы позволяемъ себѣ привести дословно эту маленькую статейку.

«Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течетъ въ ручьи, изъ ручьевъ въ рѣчки, изъ рѣчекъ въ большія рѣки, а изъ большихъ рѣкъ течетъ въ моря. Съ другихъ сторонъ въ моря текутъ другія рѣки, и всѣ рѣки текутъ въ моря съ тѣхъ поръ, какъ міръ сотворенъ. Куда дѣвается вода изъ моря? Отчего оно не течетъ черезъ край?

«Вода изъ моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, и изъ тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ по землѣ. Изъ тучъ вода падаетъ на землю, съ земли стекаетъ въ болота и ручьи; изъ ручьевъ течетъ въ рѣки, изъ рѣкъ—въ море. Изъ моря опять вода поднимается въ тучи, и тучи разносятся по землѣ»...

Самыя маленькія дѣти передаютъ ее превосходно.

Въ книгѣ находится еще 5 сказокъ и 1 былина: *«Святогоръ»*. Отзывъ о ней, также какъ и объ остальныхъ былинахъ, отнесенъ въ историческій отдѣлъ.

О сказкахъ же мы скажемъ нѣсколько словъ.

Первая изъ нихъ: *«Мышь-дѣвочка»* чрезвычайно нравится дѣтямъ, но, кромѣ того, она заставляетъ ихъ задуматься,—почему солнце говоритъ, что тучи сильнѣе его, а тучи говорятъ, что вѣтеръ сильнѣе ихъ, а вѣтеръ говоритъ, что горы сильнѣе его, и т. д.

Всѣ эти отвѣты очень занимаютъ дѣтей и передаются ими превосходно.

Сказочка *«Липунюшка»* тоже нравится дѣтямъ.

«Визирь-Абдулъ» понимается только болѣе развитыми дѣтьми. Маленькія плохо вникаютъ въ великодушіе поступка визиря.

«Мальчикъ съ пальчикъ» — извѣстный сюжетъ, переданный проще и лучше, чѣмъ во многихъ другихъ передѣлкахъ этой сказки.

«Дурень»—не менѣе извѣстная сказка, переложенная въ стихи.

Книга начинается коротенькой басней въ 7 строкъ и оканчивается сказкой въ 4 страницы.

Книга можетъ служить и для чтенія въ классѣ, и для выдачи ученику на-руки, при чемъ необходимо указать ребенку, что именно должно быть имъ прочитано, иначе онъ перечтетъ, пожалуй, кое-какъ все съ начала до конца, и весь матеріалъ безпорядочно перепутается у него въ головѣ, вмѣсто того удовольствія, которое можетъ получить онъ при толковомъ чтеніи.

Всѣхъ страницъ въ книгѣ 44.

---

81) **Вторая русская книга для чтенія** содержитъ въ себѣ 28 басенъ; 14 разсказовъ (быль) и, кромѣ того, 5 слѣдующихъ разсказовъ: *Какъ волки учатъ своихъ дѣтей*, *Какъ тетушка разсказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной воробей-Живчикъ*, *Какъ дядя разсказывалъ про то, какъ онъ ѣздилъ верхомъ*, *Воробей и ласточка*, *Акула*.

2 статьи (описанія), 4 статьи (разсужденія), 2 статьи историческаго содержанія, 6 сказокъ, и одна былина:—*Сухманъ*.

Всѣхъ страницъ 64. Здѣсь мы встрѣчаемъ матеріалъ, разростающійся въ извѣстной постепенности; такъ, вмѣсто прежнихъ коротенькихъ статеекъ «Разсужденій», какъ называетъ ихъ авторъ, мы встрѣчаемъ статью: *«Отчего бываетъ вѣтеръ и для чего вѣтеръ»*, занимающую двѣ страницы, въ которой цѣлымъ рядомъ удачныхъ примѣровъ объясняется значеніе вѣтра.

Чтеніе этой статьи сопровождалось въ классѣ большимъ оживленіемъ.

«Еслибы не было вѣтра, нельзя было бы пускать змѣя», читаетъ учительница.

«Нѣтъ, нѣтъ, не полетѣлъ бы!» кричатъ дѣти.

«Сдѣлаютъ изъ теса четыре крыла, утвердятъ ихъ крестомъ» и т. д., продолжаетъ учительница.

«Это мельница вѣтряная!» отгадываютъ дѣти.

«Еслибы не было вѣтра, дикіе звѣри не знали бы, куда идти».

«Не чуяли бы своей добычи»! отзываются дѣтскіе голоса.

«Если-бы не было вѣтра, половина растеній была бы безъ сѣмени», читаетъ учительница.

«И не цвѣли бы, цвѣтовъ не было-бы», замѣчаютъ дѣти.

«Еслибы вѣтра не было, то гдѣ вода, тамъ было бы больше воды, а земля бы вся пересохла.»

«Не дай Богъ!» восклицаютъ дѣти боязливо, живо представляя себѣ, повидимому, это горе.

Статья «*Тепло*» также занимаетъ двѣ страницы. Одна находится въ связи съ разсказомъ первой книги: «*Какъ въ городѣ Парижѣ домъ починили*», въ которомъ уже дается маленькое понятіе о расширеніи тѣлъ отъ теплоты.

По прочтеніи настоящей статьи дѣти припомнили самостоятельно первый разсказъ и заявили, что теперь онъ для нихъ понятенъ. «Хотите—разскажу!» вызвалась одна изъ дѣвочекъ и дѣйствительно разсказала.

Изъ этого видно, что первый разсказъ былъ бы болѣе у мѣста послѣ настоящей статьи.

«*Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса*» также занимаетъ около двухъ страницъ. Въ немъ, при помощи множества примѣровъ изъ обыденной жизни, вполнѣ ясно и вразумительно объяснено, отчего бываетъ роса.

Статья «*Магнитъ*» принадлежитъ къ числу наименѣе удачныхъ. Анектодическая часть, или исторія открытія его, передается прекрасно и неподготовленными дѣтьми. Объясненіе устройства компаса понимается уже, сравнительно, очень развитыми и довольно много читавшими о кругосвѣтныхъ путешествіяхъ.

Объясненіе же того, что разноименные полюсы магнита притягиваются, а одноименные отталкиваются, не точны и безъ объясненія учителя могутъ дать невѣрное представленіе о силѣ магнита.

Сравненіе магнита съ еловою шишкой считаемъ не совсѣмъ удачнымъ. Также неудачнымъ находимъ и упоминаніе въ концѣ разсказа о *мѣрной веревкѣ*, показывающей, сколько корабль проѣхалъ. Эта *веревка* какъ-то совсѣмъ не связана съ разсказомъ и не даетъ понятія о томъ, какъ въ дѣйствительности измѣряютъ мореплаватели пройденное разстояніе.

«*Осязаніе и зрѣніе*», маленькая статья въ 9 строкъ, даетъ понятіе о важности каждаго чувства.

«*Какая бываетъ роса на травѣ*» представляетъ собою художественное описаніе.

Взглядъ на разсказы историческаго содержанія Л. Н. Толстаго учитель найдетъ въ «историческомъ отдѣлѣ», а потому, не останавливаясь на нихъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о басняхъ, разсказахъ и сказкахъ.

Разсказъ-быль «*Дѣвочка и грибы*» настолько захватываетъ вниманіе дѣтей, что при словахъ: «машинистъ не могъ удержать машины; она свистѣла изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку»,—отовсюду послышались возгласы:—«охъ, Господи!»—«Вотъ страшно!» «Сохрани, Господи, и помилуй!» и т. д.

Зато надо было видѣть эту общую радость и оживленіе, когда оказалось, что машина прошла благополучно, не задѣвши плотно прильнувшей къ землѣ дѣвочки.

«Она, значитъ, вотъ какъ лежала», зашумѣли дѣти и пустили въ ходъ и руки, и жесты, и карандаши, чтобы объяснить, какъ лежали рельсы, гдѣ находилась дѣвочка, и какъ она могла уцѣлѣть.

Интересно также послушать, какъ дѣти отнеслись къ разсказу «*Жилетка*». Содержаніе его таково: Иванъ Петровъ укралъ хозяйскую жилетку. Донесли объ этомъ хозяину; онъ сказалъ: «когда я женился, мы были товарищи; мнѣ подъ вѣнецъ надѣть нечего было,—онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣть. Ивана Петрова надо простить!»

— Это онъ правильно разсудилъ, замѣтила одна изъ ученицъ.

— За добро добромъ заплатилъ! добавила другая.

— А то неловко бы вышло, еслибы онъ съ него взыскалъ, заключила третья.

— Это часто такъ бываетъ, что разбогатѣютъ и забудутся, сказала четвертая, а этотъ—нѣтъ, ничего, помнилъ добро.

«*Самокрутка*». Вопросъ:—удастся ли мужику-самоучкѣ устроить такую мельницу, чтобы тяжелый камень спускался къ низу и своею тяжестью вертѣлъ колесо и опять поднимался кверху и опять спускался, такъ чтобы мельница ходила сама,—чрезвычайно занялъ дѣтей. На мужикѣ-самоучкѣ сосредо-

точились общіе интересы и симпатіи, такъ что, когда одна изъ дѣвочекъ сказала: «инженеры не сдѣлали, куда-жъ ему сдѣлать!»— всѣ остальныя вступились и заявили, что, вѣрно, у инженеровъ терпѣнія не хватило додѣлать, а онъ сдѣлаетъ.

При неудачѣ мужика дѣти имѣли очень сконфуженный видъ; одна защитница инженеровъ торжествовала и, обратясь къ подругамъ, замѣтила невеликодушно: «а что! я вамъ говорила!»

— А, можетъ, онъ послѣ того сдѣлалъ, отвѣчала ей, оправившись, одна изъ пострадавшихъ въ спорѣ.

Зато въ разсказѣ *«Какъ мужикъ убралъ камень»* торжество было общее за смѣлость и находчивость мужика.

Сказка *«Шатъ и Донъ»* также возбудила сначала споръ. Одна изъ учениць говорила, что это два богатыря, другая, — что двѣ рѣки.

Сказка *«Судома»*. Въ ней говорится о томъ, какъ старики разсказывали, что въ старину съ неба висѣла цѣпь, и что, кто былъ правъ, тотъ до цѣпи доставалъ рукой, а кто былъ виноватъ,—не могъ достать.

Конецъ сказки оказался доступнымъ болѣе развитымъ дѣтямъ, и то обстоятельство, что посохъ, въ которомъ заключались неправильно присвоенныя деньги, былъ переданъ въ рѣшительную минуту виноватымъ правому не потому, что онъ былъ тяжелъ, а отъ сознанія, что этотъ грѣховный предметъ помѣшаетъ ему достать цѣпь,—поняла одна только Х—я, такъ что остальныя даже разсердились на нее, а Г—а сказала: «одна ты только знаешь,— больше никто!»

Басня *«Садовникъ и сыновья»* очень нравится дѣтямъ.

«Лозина» возбуждаетъ споръ. Одни увѣряютъ, что лозинки, посаженныя мужикомъ, завянутъ; другія, — что примутся; да такъ увѣряютъ, точно сами они ихъ посадили.

— Вотъ посмотрите, что примется! говоритъ горячо кто-то изъ дѣтей.

Когда лозина принялась, одна сторона радуется, а съ теченіемъ разсказа, видимо, всѣ полюбили дерево, и когда ребята сожгли старую лозину, одна дѣвочка замѣтила чуть не со слезами: «Господи, и что она имъ сдѣлала!»

Когда мы дочитали *«Какъ волки учатъ своихъ дѣтей»*, одна изъ учениць сказала: «ей Богу, все равно, какъ человѣкъ!»

— А какъ же, они умные! добавила другая.—И птицы тоже умныя, замѣтила еще одна.

«Какъ тетушка разсказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной воробей-Живчикъ» тоже очень, очень нравится дѣтямъ.

Басня *«Три калача и одна баранка»* очень смѣшитъ дѣтей.

Въ разсказѣ *«Петръ I и мужикъ»* они остановились на такомъ обстоятельствѣ:—старикъ говоритъ: «долгъ плачу—отца, мать кормлю, въ долгъ даю—сыновей кормлю, а въ воду мечу—дочерей рощу!»

— Нѣтъ, это неправду онъ сказалъ,—бываетъ наоборотъ, замѣтила одна изъ ученицъ:— у моего дѣдушки сынъ есть—и знать его не хочетъ, а маменька моя содержитъ!—И тутъ посыпались отовсюду примѣры, самые разнообразные и убѣдительные.

«Бѣшеная собака» (быль). Этотъ художественный и прочувствованный разсказъ дѣти не могутъ слушать безъ слезъ, и если воспитатель хлопочетъ о томъ, чтобы привить дѣтямъ гуманныя чувства по отношенію къ животнымъ, пусть прочтетъ онъ имъ этотъ коротенькій разсказъ вмѣсто длинныхъ, безцвѣтныхъ, бездарныхъ страницъ непризнанныхъ писателей, пишущихъ для исправленія дѣтей. Этотъ разсказецъ тронетъ ихъ сердце, заставитъ задуматься,—какою преданностью, самоотверженіемъ и благородствомъ, если можно такъ выразиться, обладаютъ животныя!

Такое же впечатлѣніе производитъ разсказъ *«Левъ и собачка»* (быль). Содержаніе его таково: «Льву бросили въ клѣтку собачку на съѣденіе. Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ ее. Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ. Левъ тронулъ ее лапой и перевернулъ. Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки. Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея. Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ. Онъ привязался къ ней настолько, что прожилъ съ нею мирно цѣлый годъ, а когда собачка издохла, — онъ обнялъ ее своими лапами и такъ лежалъ 5 дней. На 6-й день левъ умеръ».

Дѣтямъ чрезвычайно нравится этотъ разсказъ, и послѣ чтенія его слышатся обыкновенно выраженія сочувствія великодушному льву.

«Вотъ какой добрый!» говорятъ дѣти:—«съ горя померъ, все равно, какъ человѣкъ!»

«Ровное наслѣдство» (басня) также очень нравится дѣтямъ. Заключается она въ слѣдующемъ: отецъ оставилъ старшему сыну

наслѣдство, а младшему ничего не оставилъ. Старшій отвыкъ отъ работы и прожилъ все свое богатство; младшій научился работать и сталъ богатъ.

«Два брата» (сказка). Пошли братья по свѣту счастія искать и прочли надпись на камнѣ: кто преодолѣетъ такія-то и такія-то препятствія и взойдетъ на гору, тотъ большое счастіе найдетъ.

Старшій былъ остороженъ и благоразуменъ и предпочелъ идти торной дорогой, а младшій, смѣльчакъ, достигъ верхушки горы и сталъ царемъ. Недолго онъ царствовалъ и, лишившись трона, пришелъ къ своему старшему брату, живущему тихо и хорошо. На упрекп брата онъ отвѣчалъ: «я не тужу, что пошелъ на гору; хоть мнѣ и плохо теперь, зато есть чѣмъ помянуть мою жизнь, а тебѣ и помянуть-то нечѣмъ!»

При чтеніи этой сказки дѣти съ первыхъ же строкъ раздѣлились на два лагеря. Одни симпатизировали старшему брату, другіе — младшему. Когда меньшой достигъ горы, партизаны его воскликнули: «а что! нашъ лучше!» Зато, когда пришелъ на него войной другой царь сильнѣе его, завоевалъ городъ и прогналъ его,—противная партія произнесла съ злорадствомъ: «вотъ вашего и разжаловали».

Разсказъ *«Акула»* производитъ глубокое впечатлѣніе, и дѣти слушаютъ его съ напряженнымъ вниманіемъ; да и можетъ ли быть иначе? Трагическій моментъ, когда отецъ прицѣливается и стрѣляетъ въ акулу, готовую проглотить его сына, отплывшаго отъ корабля на значительное разстояніе, способенъ привести въ волненіе не только ребенка, а и взрослаго человѣка. Зато сколько радости вы видите на дѣтскихъ лицахъ, когда читаете: «по волнамъ колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль».

«Архіерей и разбойникъ» читается съ большимъ интересомъ, и великодушіе архіерея встрѣчаетъ теплое сочувствіе въ дѣтяхъ.

---

82) **Третья русская книга для чтенія** содержитъ въ себѣ 20 басенъ, 11 разсказовъ, 3 описанія, 7 разсужденій, 5 сказокъ, одинъ разсказъ (быль) *«Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ»* и одну былину: *«Вольга Богатырь»*.

Всѣхъ страницъ въ книгѣ 68.

«Отчего въ морозы трещатъ деревья» (разсужденіе) изложено съ удивительной ясностью, и малограмотные взрослые и дѣти передаютъ содержаніе этой статейки безупречно. Непонятными оказываются только 2 строки о связи частицъ: «когда вода замерзнетъ, ея частицы связываются между собою по другому, и промежъ нихъ больше пустыхъ мѣстъ». То, что авторъ называетъ пустыми мѣстами между частицами, дѣти называютъ дырочками.

«Сырость» (разсужденіе) распадается на два подраздѣленія. Въ первомъ говорится о томъ, почему паукъ является предсказателемъ погоды (благодаря тонкости своихъ чувствъ, онъ ощущаетъ присутствіе влаги въ воздухѣ); во второмъ объясняется, отчего различныя породы дерева различно относятся къ сырости (скорѣе разбухаютъ, легче коробятся).

«Разная связь частицъ» (разсужденіе). Понятіе о различномъ расположеніи клѣточекъ древесины въ различныхъ породахъ деревъ. Обѣ статьи понимаются и передаются удовлетворительно.

«Ледъ, вода и паръ» (разсужденіе). Посредствомъ множества примѣровъ оно доводитъ до совершенно яснаго представленія о постоянномъ обмѣнѣ тепла вообще, и между водою и воздухомъ въ частности. Не только послѣ чтенія въ классѣ, но и послѣ чтенія на-дому передается дѣтьми превосходно.

«Чутье» (разсужденіе). Вся статья усвоивается какъ нельзя лучше, и только три послѣднихъ строки требуютъ объясненія: «если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъ же малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутье насѣкомыхъ».

«Кристаллы» (разсужденіе). Дается понятіе о томъ, что вода можетъ растворять только опредѣленное количество солей; о формѣ кристалловъ соли, селитры, воды; о томъ, что тѣла, при переходѣ изъ одного состоянія въ другое, поглощаютъ или выдѣляютъ теплоту. Разсказъ простъ и ясенъ.

Изъ сказокъ дѣтямъ очень нравятся: *«Царскіе братья»*, *«Какъ мужикъ гусей дѣлилъ»*, *«Праведный судья»*, *«Царскій сынъ и его товарищи»*.

Въ сказкѣ *«Какъ мужикъ гусей дѣлилъ»* ихъ очень радуетъ смѣтливость мужика: — «И для себя умно поступилъ, и для барина!» замѣчаютъ дѣти.—«Вотъ, я думаю, барину было удивительно, что мужикъ такъ умно разсуждаетъ!» замѣтилъ еще кто-то не съ высокомѣріемъ, а съ сочувствіемъ къ мужику.

Въ сказкѣ *«Праведный судья»* очень нравится находчивость и умъ судьи, а больше всего понравилось то обстоятельство, какъ судья отгадалъ, что женщина, за которую

шелъ споръ, жена ученаго, а не мужика. Онъ заставилъ ее вылить чернильницу и налить чернилъ, и она сдѣлала это такъ быстро и такъ ловко, что невозможно было сомнѣваться въ томъ, что для нея это дѣло обычное.

«Это сейчасъ можно узнать, кто чѣмъ занимается», замѣтили дѣти.—«И какъ онъ все вѣрно объяснилъ!» добавилъ кто-то.

Въ сказкѣ «*Царскій сынъ и его товарищи*» опять всѣ симпатіи сошлись на мужикѣ, и когда онъ говоритъ: «а мнѣ ни денегъ, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали, — я проживу и васъ еще прокормлю»,—кто-то изъ дѣтей замѣтилъ: «вѣрно! *онъ* проживетъ!»

Что касается разсказовъ, такихъ же интересныхъ и талантливыхъ, какъ и въ предъидущихъ 2-хъ книгахъ, особое вниманіе обращаетъ на себя «*Булька*» (*Разсказъ офицера*). Онъ распадается на 7 главъ: «*Булька*», «*Булька и Кабанъ*», «*Мильтонъ и Булька*», «*Черепаха*», «*Булька и волкъ*», «*Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ*» и «*Конецъ Бульки и Мильтона*».

Передъ читателемъ проходитъ цѣлая жизнь двухъ смѣтливыхъ, умныхъ и преданныхъ животныхъ со всѣми ихъ приключеніями, опасностями, страхами и побѣдами, которыя такъ занимаютъ дѣтей. Въ высшей степени желательно, чтобы этотъ художественный и прекрасный разсказъ былъ изданъ отдѣльно и могъ поступить въ собственность дѣтей. По количеству страницъ онъ обширнѣе разсказа, помѣщеннаго въ той же книгѣ и изданнаго отдѣльно «Народной Библіотекой», «*Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ*».

Въ одной изъ главъ разсказа о Булькѣ — «*Черепаха*»—дается, между прочимъ, понятіе о томъ, гдѣ живутъ черепахи, какъ выводятся и проч. Дѣти слушали эту главу съ тѣмъ же интересомъ, какъ и остальныя. Оказалось, что иныя изъ нихъ видѣли черепаху, другія слыхали о ней.

Но въ чемъ же именно заключались ихъ жалкія свѣдѣнія?

— Я знаю,—на ней гадаютъ, сказала одна изъ ученицъ.

— Ее, говорятъ, грѣхъ брать въ руки, добавила 2-я, и только 3-я возразила: «это обманываютъ! Она такая же Божья тварь, какъ и прочія». Впрочемъ, со статьею «Фазаны» вышло еще неудачнѣе, такъ какъ при чтеніи заглавія одна изъ ученицъ спросила: «фазаны—это люди?»

---

83) **Четвертая русская книга для чтенія** состоитъ изъ 15 басенъ, 6 разсказовъ, 3 разсказовъ (быль), 6 разсужденій, 1 статьи «*Удѣльный вѣсъ*» и 1 былины «*Микулушка Селяниновичъ*».

Всѣхъ страницъ въ книгѣ 76.

Басни, сказки и разсказы также хороши, какъ и въ предъидущихъ трехъ книгахъ. Мы позволимъ себѣ остановиться вкратцѣ лишь на тѣхъ изъ нихъ, которыя наиболѣе пришлись по сердцу дѣтямъ.

«*Прыжокъ*» (быль) настолько же приковалъ ихъ вниманіе, какъ и разсказъ «*Акула*». Оба эти разсказа сходны по трагизму момента, съ тою только разницею, что въ 1-мъ отецъ рѣшается выстрѣлить въ акулу, готовую проглотить его сына, а тутъ, видя и понимая, что мальчику, взобравшемуся на верхушку мачты, грозитъ неминуемая опасность разбиться о палубу, если онъ не рѣшится броситься въ море, отецъ прицѣливаетъ ружье и грозитъ застрѣлить сына, если онъ не бросится. Разсказъ оканчивается такъ: «Когда капитанъ увидалъ, что у мальчика изо рта и изъ носа полилась вода, и онъ сталъ дышать, онъ вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобы никто не видалъ, какъ онъ плачетъ».

Нравится очень дѣтямъ басня «*Левъ, волкъ и лисица*», особенно своимъ заключеніемъ: «господъ не на зло, а на добро наводить надо!»

— Это правда, замѣтила одна изъ ученицъ:—есть такіе люди приближенные, что любятъ на другихъ жаловаться, только разстраиваютъ напрасно господъ!

«*Охота пуще неволи*» (разсказъ охотника) занимаетъ 7 стран. Мнѣ думалось, что онъ долженъ интересовать преимущественно мальчиковъ; между тѣмъ ученицы слушали его съ огромнымъ вниманіемъ, съ замѣчаніями и восклицаніями. Безпрестанно слышалось: «охъ, страшно! Охъ, Господи, помоги!» Когда окончилось чтеніе, разговорамъ не было конца. Интересовались, какихъ лѣтъ былъ этотъ охотникъ, старый или молодой; удивлялись, какъ у него достало духу послѣ того, какъ медвѣдь началъ грызть его, и его насилу отняли,—спросить: «гдѣ медвѣдь? куда ушелъ?» и т. д.

Отзывъ о разсказѣ «*Кавказскій плѣнникъ*», занимающемъ 25 стран., учитель найдетъ въ «*Историческомъ отдѣлѣ*».

Что касается до статей (разсужденій), то мы скажемъ о каждой изъ нихъ нѣсколько словъ.

«*Дурной воздухъ*» (разсужденіе). Этому разсужденію предшествуетъ разсказъ (быль), въ которомъ сообщается фактъ смерти двухъ

человѣкъ, задохшихся въ колодцѣ отъ скопившагося внизу *дурнаго воздуха.*

Въ настоящемъ разсужденіи приводится еще нѣсколько примѣровъ смерти отъ недостатка чистаго воздуха въ рудникахъ, пещерахъ, въ воздухѣ, испорченномъ дыханіемъ самихъ людей, въ помѣщеніяхъ, лишенныхъ притока свѣжаго воздуха. Разсказъ въ высшей степени простъ и удобопонятенъ.

Двѣ статьи «*Газы*» даютъ понятіе о составныхъ частяхъ воздуха:—кислородѣ, азотѣ, углекислотѣ. Кислородъ, какъ элементъ, необходимый для дыханія и горѣнія. Дыханіе растеній возвращаетъ воздуху кислородъ.

За исключеніемъ научныхъ словъ *газъ*, *кислородъ*, *азотъ*, *углекислота*, все разсужденіе чрезвычайно просто и доступно.

Во второй части этого разсужденія къ прежнимъ свѣдѣніямъ прибавляется только понятіе о томъ, что одни газы бываютъ легче воздуха и поднимаются кверху, а другіе—тяжелѣе и опускаются внизъ; и самый воздухъ бываетъ легче, когда нагрѣтъ, и тяжелѣе при охлажденіи.

«*Какъ дѣлаютъ воздушные шары*» (разсужденіе). Начало, гдѣ объясняется, какъ кипитъ вода, и какъ *изъ воздуха выскакиваетъ на самый верхъ воздуха пузырь, надутый газомъ водородомъ или горячимъ воздухомъ*, заставляетъ желать большей ясности и точности. Дальнѣйшее же описаніе устройства воздушныхъ шаровъ весьма удовлетворительно.

«*Солнце — тепло*» (разсужд.). Прекрасная статья, въ которой ясно, просто и художественно выясняется, что тепло есть движеніе, и обратно, и главный источникъ тепла, а слѣдовательно, и движенія, есть солнце. Когда есть тепло, то есть и движеніе. Какое ни на есть движеніе — все отъ тепла: — либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ тепла того, которое заготовило солнце: въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ,— что ихъ двигаетъ? Тепло. А откуда они взяли тепло? Изъ корма; кормъ заготовило солнце. Водяныя, вѣтряныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ? вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ? Тепло же. Оно подняло воду парами вверхъ, и безъ этого вода не падала бы книзу. Машина работаетъ, — ее движетъ паръ. А паръ что̀ дѣлаетъ? Дрова. — А въ дровахъ — тепло солнечное. Изъ тепла дѣлается движеніе, а изъ движенія — тепло. И тепло, и движеніе—отъ солнца.

«*Гальванизмъ*». Разсужденіе это является совершенно изолированнымъ, такъ какъ ни въ одной изъ предъидущихъ книжекъ нѣтъ статьи, въ которой давалось бы хотя малѣйшее понятіе объ электричествѣ. Здѣсь же прямо говорится о немъ, какъ о чемъ-то извѣстномъ: У Гальвани была *электрическая машина, и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что такое электричество. Онъ натиралъ крѣпко стекло шелкомъ съ мазью и потомъ подводилъ мѣдную шишечку, укрѣпленную въ стеклѣ, и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шишечку.*

Далѣе разсказывается объ опытахъ Гальвани надъ лягушками и его гипотезѣ *нервныхъ жидкостей.* Нѣсколько словъ о такихъ же опытахъ Вольты, опровергнувшихъ эту гипотезу и давшихъ начало новой гипотезѣ *соприкосновенія*; наконецъ, объ *электро-химической* гипотезѣ и устройствѣ телеграфовъ.

Само собою разумѣется, что ни слово «гипотеза», ни названія этихъ гипотезъ ни разу не упомянуты въ бесѣдѣ, и все передано въ очень простыхъ словахъ. Тѣмъ не менѣе, бесѣда, за исключеніемъ анекдотической стороны ея, представляетъ значительныя затрудненія даже для учениковъ, уже нѣсколько знакомыхъ съ электричествомъ. Что̀ предположилъ Гальвани, что̀ доказалъ Вольта, и какъ устраиваются телеграфы,—остается совершенно непонятнымъ, такъ что чтеніе этой статьи можетъ быть успѣшно только въ классѣ съ объясненіями учителя, знакомаго съ электричествомъ и гальванизмомъ.

«*Удѣльный вѣсъ*». Хотя разсказъ этотъ *исторія*, но онъ больше относится къ физикѣ, чѣмъ къ исторіи.

Дѣло идетъ объ извѣстномъ сиракузскомъ тиранѣ Гіеронѣ, заказавшемъ золотую корону, и объ Архимедѣ, опредѣлившемъ количество примѣси въ коронѣ посредствомъ взвѣшиванія въ водѣ.

Разсказъ совершенно непонятенъ для читателей, незнакомыхъ съ физикой.

Считаемъ необходимымъ упомянуть о томъ, по какимъ причинамъ мы остановились въ своемъ разборѣ не на позднѣйшемъ 5-мъ изданіи, а на 4-мъ.

Во-первыхъ, цѣна 4-го изд. нѣсколько дешевле (первая книга 6 к., вторая и третья 8 к., четвертая 10 к.; цѣна же 5-го изданія 10, 12, 12 и 16 коп.). Во-вторыхъ, книгѣ второй 5-го изданія можно поставить въ упрекъ то, что въ ней перепутаны страницы; такъ, послѣ стран. 20-й слѣдуетъ 17-я, послѣ 24-й —21-я и т. д. Х. А. и Н. П.

84) Изъ **«Ясной Поляны»**, журнала графа Л. Н. Толстаго. Дѣтскіе разсказы для семьи и школъ. Книжка I. Содержаніе: 1) Мат-

вѣй, 2) Неправедный судъ, 3) Ермакъ, 4) Пословицы, 5) Загадки и отгадки. Изданіе третье А. Эрленвейна. Бендеры. 1881 г. Ц. 20 к. 103 стр.

Какъ извѣстно, разсказы графа Льва Толстаго создались совершенно своеобразно изъ передачи дѣтьми прочитаннаго *). Быть можетъ, въ этомъ именно и заключается причина того интереса, съ которымъ читаются они дѣтьми и сельскихъ, и городскихъ школъ различныхъ возрастовъ. Въ предисловіи своемъ графъ Толстой говоритъ:

«По содержанію мы намѣрены предлагать народу только то чтеніе, которое ему нравится; по формѣ задача нашихъ книжекъ состоитъ въ томъ, чтобы предлагать это содержаніе постоянно на такомъ языкѣ, который бы *весь*, *безъ исключенія*, былъ понятенъ чтецу изъ народа.

«Мы убѣждены, что всѣ потребности народа законны, что добро присуще человѣческой природѣ, и что народъ точно также нельзя поучать, какъ и нельзя испортить книжками».

Далѣе онъ говоритъ:

«Ежели бы тѣ самые люди, которые соболѣзнуютъ о томъ, что народъ читаетъ «Францыль Венеціана», спросили себя по совѣсти, какъ дошли они до своей любви къ хорошему чтенію,—они, вѣрно, признались бы, что большей долею своего развитія они обязаны тѣмъ самымъ книгамъ, которыя они считаютъ теперь дурными.

«Мужикъ платитъ гривенникъ за книжку и потому требуетъ, чтобъ ему дали то, что ему хочется, а не то, что хочется воспитателю народа.

«Почему же для этого сфинкса-народа не должно предложеніемъ отвѣчать на требованіе? Почему мы для себя считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ нравится, а для народа считаемъ хорошимъ писателемъ того, который намъ, а не народу, нравится?»

Со всѣмъ этимъ можно соглашаться и не соглашаться, но что разсказы «*Ясной Поляны*» полны народной фантазіи и жизненной правды, что ихъ языкъ достигъ той идеальной простоты, которую могли сообщить ему только дѣти народа, и что эти разсказы стоятъ ближе къ народу, чѣмъ какіе бы то ни было,—этого отрицать никто не станетъ.

1) Матвѣй *) (48 страницъ).

Во Франціи жилъ столяръ Николай, человѣкъ небогатый, вдовецъ. Когда онъ уходилъ на работу, его маленькій сынъ Матвѣй оставался одинъ. Въ той же деревнѣ жила бѣдная, некрасивая, трудолюбивая дѣвка Марья. Столяръ выручилъ ее изъ бѣды—заплатилъ за нее долгъ, и она пошла къ нему жить, стала за сынишкой его смотрѣть и за всѣмъ хозяйствомъ.

Приключилось несчастіе со столяромъ,—онъ сломалъ себѣ ногу.

Марья и сынъ ухаживали за нимъ. Болѣзнь надломила его силы, и онъ вскорѣ умеръ. «Тутъ Марья и Матюшка», говорится въ разсказѣ:—«стали плакать. Такъ плакали, что ѣсть ничего не могли».

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе дальнѣйшей жизни Матвѣя, какъ онъ зашелъ въ большой городъ, какъ попалъ первоначально по неопытности въ плохую компанію, какъ посадили его безвинно въ тюрьму, и, сидя тамъ, онъ думалъ: «Вотъ еслибъ былъ живъ мой отецъ и узналъ, гдѣ я теперь, что бы онъ сказалъ?..» Затѣмъ Матвѣй дѣлается вполнѣ порядочнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ, возвращается на родину, женится и живетъ счастливо въ довольствѣ и мирѣ.

Честность, дѣловитость и миролюбіе Матвѣя придаютъ какой-то особый характеръ мира всему разсказу и оставляютъ по себѣ теплое и хорошее впечатлѣніе. «А вотъ я тебѣ разскажу, какъ я счастіе нашелъ, говоритъ Матвѣй:—первое дѣло:—я въ трактиръ не хожу,—тамъ счастія нѣтъ; другое:—я по твоему не болтаюсь и на печкѣ не лежу, и въ скрипку не играю, праздно время не провожу,—все что нибудь работаю!»

Незнакомыя ребенку слова переведены такъ искусно, что не представляютъ ни малѣйшаго затрудненія, какъ напр., *франкъ* (по нашему четвертакъ); *5 сантимовъ* (по нашему 5 к. ассигнаціями); *километръ* (все равно, что наша верста) и т. п. **).

*) Кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ тѣмъ, какъ создавались они, тому мы можемъ указать на томъ 4-й сочиненій Толстаго Статья: «Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ?» стр. 217.

*) Исторія Матвѣя произошла изъ устной передѣлки учениками французской повѣсти: «Maurice ou le travail». Повѣсть о Ѳеодорѣ и Василіи произошла точно также. Загадки записаны со словъ учениковъ.

**) Но насколько въ темномъ людѣ смутны географическія представленія, можно судить по слѣдующему факту: взрослая ученица такъ переда-

Разсказъ читается съ интересомъ и дѣтьми, и взрослыми.

2) Неправедный судъ.

Богатый купецъ Петръ, уѣзжая путешествовать, оставилъ свое золото, заложенное въ кадку съ яблоками, у знакомаго купца Ѳедота, который незадолго до возвращенія Петра вынулъ золото и заложилъ опять свѣжими яблоками.

Вернувшись и не найдя золота, Петръ началъ судиться съ Ѳедотомъ. Судья не повѣрилъ Петру и оправдалъ Ѳедота.

Разъ царь, переодѣвшись, пошелъ гулять по городу и, прислушиваясь къ толкамъ народа, узналъ изъ дѣтской игры, что судья неправильно разсудилъ купцовъ. На другой день царь призвалъ мальчиковъ и приказалъ при себѣ разсудить купцовъ.

Судъ кончается тѣмъ, что виновнаго повѣсили, и хотя добродѣтель торжествуетъ, но невольно является желаніе предъявить къ ней требованія великодушія и всепрощенія вопреки, быть можетъ, вкусамъ народа, высказавшимся въ данномъ случаѣ.

3) Ермакъ (историческій разсказъ) и Походъ Ермака Тимофѣевича (рецензія отнесена въ «историческій отдѣлъ»).

Затѣмъ слѣдуетъ 20 загадокъ.

Примѣчаніе. Смотри реценз. «Педагогическій Музей», 1878 г., № 4-й, стр. 295. «Обзоръ Народно-Учебной Литер.», стр. 231. «Русскіе Писатели», В. Острогорскаго, вып. II, стр. 148.

85) Изъ **«Ясной Поляны»**. Книжка II. 94 стр. Ц. 20 к. Содержаніе: 1) Солдаткино житье, 2) Никонъ, 3) Михалычъ, 4) Свадьба, 5) Загадки и отгадки.

1) Солдаткино житье. (Рецензія находится въ отд. «разсказовъ, направленныхъ противъ пьянства», № 265).

2) Никонъ. Историческій разсказъ. (Рецензія находится въ «историческомъ отдѣлѣ»).

3) Михалычъ (9 страницъ).

Очень живой, интересный разсказъ мальчика, внука чиновника, какъ жилъ онъ у дѣдушки. Жизнь была самая простая, безъ затѣйная. Разъ сосѣдъ привелъ къ дѣдушкѣ бѣднаго старичка и просилъ принять его на харчи. Дѣдушка боялся—не пьяница ли, но подумалъ немного и рѣшился принять его. Михалычъ оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ и музыкантомъ, полюбилъ дѣтей, и дѣти полюбили его. Онъ училъ ихъ, устраивалъ имъ разныя забавы, гулялъ съ ними. Какъ-то дѣдушка вызвалъ его на откровенность, и онъ разсказалъ грустную повѣсть своей неудавшейся жизни.

«Богатый отецъ-купецъ, страшнѣйшій скряга, отказывалъ ему во всемъ: онъ не позволялъ ему заниматься музыкой, которая составляла его единственное развлеченіе. Такъ прошла его молодость, а когда отецъ умеръ, онъ въ 5 лѣтъ промоталъ все и остался бобылемъ, но честнымъ человѣкомъ».

Разсказъ читается съ интересомъ и дѣтьми, и взрослыми, хотя далеко уступаетъ въ художественности разсказу *«Солдаткино житье»*.

4) Свадьба (4 стран.).

Коротенькій бытовой разсказъ мальчика-брата о свадьбѣ сестры. Переданъ живо и правдиво.

Затѣмъ слѣдуетъ 13 загадокъ.

Примѣч. Реценз. смотри «Педагогическій Музей» 1878 г., № 4, стр. 299. «Обзоръ Народно-Учебной Литературы», стр. 231.

---

86) Изъ **«Ясной Поляны»**. Книжка 3-я. Цѣна 15 к. 114 стр. Содержаніе: 1) Робинзонъ, 2) Дуняшка и 40 разбойниковъ.

1) Робинзонъ.

Всѣмъ извѣстный разсказъ о путешествіяхъ, несчастіяхъ и одинокой жизни Робинзона на необитаемомъ островѣ.

Умный, изобрѣтательный, трудолюбивый, честный Робинзонъ является прекраснымъ примѣромъ для читающихъ всѣхъ возрастовъ. Что касается изложенія, то оно носитъ тотъ же характеръ простоты и жизненности и можетъ быть доступно даже маленькимъ дѣтямъ. Разсказъ занимаетъ 86 страницъ.

2) Дуняшка и 40 разбойниковъ (Реценз. находится въ отдѣлѣ «сказокъ», № 316).

---

87) Изъ **«Ясной Поляны»**. Книжка 4-я. Ц. 15 к. 92 стр. Содержаніе: 1) Ложкой кормитъ, а стеблемъ глазъ колетъ, 2) Палецъ-невидимка, 3) Хорошее житье, 4) Загадки, 5) Отгадки.

1) Ложкой кормитъ, а стеблемъ глазъ колетъ.

Зимой баба несла ведра съ водой и у самаго порога наткнулась на замерзающаго старика. Мужъ взялъ его въ избу, отогрѣлъ, уложилъ спать, а баба все злилась и бранилась. Сережа, ихъ сынъ, ухаживалъ за больнымъ старикомъ и кормилъ его, а баба все бранилась... Старикъ оправился, сталъ помо-

---

вала мнѣ этотъ разсказъ: «Жилъ въ деревнѣ мальчикъ; потомъ, когда выросъ, въ Парижъ пошелъ, а послѣ опять возвратился въ свою деревню Францію».

гать по хозяйству и Сережу грамотѣ научилъ, но баба не сдѣлалась добрѣе; она грызла бѣднягу и попрекала кускомъ хлѣба до тѣхъ поръ, пока онъ не ушелъ отъ нихъ, куда глаза глядятъ.

Разсказъ оставляетъ по себѣ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе.

2) Палецъ-невидимка. (Реценз. отнесена въ отдѣлъ «сказокъ», № 317).

3) Хорошее житье. (Рецензія отнесена въ «разсказы, направленные противъ пьянства», № 266).

---

88) Изъ **«Ясной Поляны»**. Книжка 5-я. Ц. 15 к. 88 стр. Содержаніе: 1) Про Христофора Колумба, 2) Акимка-воръ, 3) Загадки и отгадки.

1) Про Христофора Колумба. (Рецензія отнесена въ «историческій отдѣлъ»).

2) Акимка-воръ (9 стр.).

Недалеко отъ Ефремова жилъ красивый, здоровый воръ Акимка; никого онъ не боялся. Разъ у купца украли лошадей; розыщикъ призвалъ знакомаго ему вора, спросилъ: гдѣ искать лошадей? Тотъ указалъ, куда трафить надо. Поѣхали съ купцомъ; онъ труситъ и все говорилъ: «Богъ съ нимъ!» Искали по кабакамъ, пріѣхали въ Елецъ; тамъ работникъ купца нашелъ одну лошадь, взялъ ее, а вора упустилъ. Розыщикъ усердствовалъ, надѣясь получить награду за поимку вора.

Возвращаясь на зарѣ, видятъ: — Акимка на двухъ тройкахъ; погнались, но воръ ускакалъ, хотя и стрѣлялъ по немъ розыщикъ. Года черезъ два Акимку поймали и сослали въ Сибирь.

Юмористическій, живой разсказъ читается съ удовольствіемъ различными возрастами.

Затѣмъ слѣдуетъ 19 загадокъ.

Книжки 6-я и 7-я отнесены въ «историческій отдѣлъ».

---

89) Изъ **«Ясной Поляны»**. Книжка 8-я. Ц. 20 к. 74 стр. Содержаніе: 1) Иванъ Гуссъ, 2) Три сестры (сказка), 3) Загадки и отгадки.

1) Иванъ Гуссъ. (Рецензія находится въ «историческомъ отдѣлѣ»).

2) Три сестры. (Рецензія отнесена въ отдѣлъ «сказокъ», № 318).

---

90) Изъ **«Ясной Поляны»**. Книжка 9-я. Ц. 20 коп. 76 стр. Содержаніе: 1) Мартинъ Лютеръ, 2) Сочиненіе Афанасія, 3) Мужикъ и огурцы, 4) Какъ мужикъ гусей дѣлилъ, 5) Загадки и отгадки.

1) Мартинъ Лютеръ. (Рецензія находится въ «историч. отдѣлѣ»).

2) Сочиненіе Афанасія.

На одной страничкѣ пересказаны дѣтскимъ, трогательнымъ своею простотою и образностью, языкомъ смерть отца въ больницѣ, его похороны, горе матери и сестры.

3) Мужикъ и огурцы.

Разсказецъ, распространенный во всѣхъ почти дѣтскихъ книгахъ для чтенія подъ заглавіемъ: *«Мужикъ и заяцъ»*, съ небольшимъ измѣненіемъ.

«Пошелъ разъ мужикъ огурцы воровать и думаетъ: дай унесу мѣшокъ огурцовъ, продамъ, на эти деньги курочку куплю» и т. д.

4) Какъ мужикъ гусей дѣлилъ.

Разсказывается объ остроуміи бѣдняка, обнаруженномъ имъ при дѣлежѣ гуся, за что баринъ награждаетъ его деньгами и хлѣбомъ.

Дѣти находятъ разсказъ очень занимательнымъ.

Эти мелкіе разсказы не требуютъ вопросовъ, такъ какъ легко передаются малограмотными чтецами съ начала и до конца.

М. И.

Отзывы училицъ о книгахъ изъ «Ясной Поляны».

(Изъ записной тетради учительницы воскресной школы).

«Акимка-воръ». — Кто былъ Акимка? спрашиваю я маленькую дѣвочку. — Онъ былъ самый большой человѣкъ въ одной деревнѣ. — Что-жъ, онъ тебѣ нравится? — Книжечка хорошая, а Акимка — нѣтъ: воръ онъ! Онъ только за то мнѣ понравился, что его всѣ боялися.

Въ переводѣ — за силу характера, — подумала я.

Отвѣты на вопросы, поставленные къ разсказу изъ «Ясной Поляны»: «Ложкой кормитъ, а стеблемъ глазъ колетъ».

«Что за люди были мужъ и жена?» — Онъ хорошій, а она—гадкая.

«Почему мужикъ пріютилъ бѣдняка?» —

Потому что онъ чуть не замерзъ — жалко стало.

«Въ чемъ состоитъ счастіе семейной жизни?»—Когда смѣются всѣ, веселятся, живутъ дружно.

«Отчего ушелъ бѣднякъ, куда глаза глядятъ?» — Баба согнала; кормитъ, а потомъ попрекаетъ!

Ученицѣ 11 лѣтъ.

Отвѣты на вопросы, поставленные къ разсказу изъ «Ясной Поляны»: «Матвѣй».

«Что заставило Николая помочь Марьѣ?» — Добрый былъ.

«Чѣмъ доказала она свою признательность впослѣдствіи?»—Все ему добро мыслила; была къ нему добрая, какъ родная жена.

«Какой человѣкъ вышелъ изъ Матвѣя?» — Хорошій человѣкъ.

«За что всѣ любили и уважали его?»— Ни съ кѣмъ не ссорился, всякому уважалъ, всякому человѣку добро мыслилъ, умный былъ.

Марія З—ва, 12-ти л., недавно окончившая азбуку, превосходно передала мнѣ разсказъ «*Матвѣй*»; тѣмъ не менѣе, въ передачѣ ея была доля наивнаго и комическаго; такъ напр., Францію она называла *Французіей*, а франки — *франики*, употребляла такія своеобразныя выраженія, какъ: *поѣхалъ путешествіемъ* и т. п.

— А что такое значитъ: поѣхалъ путешествовать? спросила я.

— Значитъ, ѣздилъ по городамъ и научился разнымъ наукамъ, отвѣчала ученица.

Неправедный судъ.

Ученица лѣтъ 12-ти превосходно передала мнѣ содержаніе разсказа «*Матвѣй*». Затѣмъ мы перешли къ разсказу въ той же книгѣ «*Неправедный судъ*».

— Ты хорошо разсказываешь, сказала я:— поэтому не передавай мнѣ «Неправедный судъ», а только отвѣчай на то, о чемъ я тебя спрошу: чего нужно ожидать отъ хорошаго судьи?—Молчаніе.

— Про какого судью можно сказать, что онъ хорошо судитъ? спрашиваю я, примѣняясь къ развитію ученицы.

— Васька хорошій судья былъ! отвѣчаетъ она, избѣгая обобщеній.

— Какъ поступилъ Ѳедотъ по отношенію къ Петру?

— Скверно поступилъ,—деньги у него изъ боченка вытаскалъ и сознаться не хотѣлъ; немного въ острогъ Петра не засадили!

Ученица произнесла все это такимъ укоризненнымъ тономъ, что я нѣсколько нерѣшительно предложила третій вопросъ: «слѣдовало ли Петру выпросить у царя помилованіе Ѳедоту, когда тотъ прощенья сталъ просить?»

— Нѣтъ, сказала рѣшительно ученица.

— Почему же нѣтъ?

— Оттого что то онъ у Петра уворовалъ, а то, можетъ, еще у кого уворовалъ бы, сказала она энергически, какъ бы отказываясь рѣшительно помириться со зломъ.

Я говорила довольно долго на тему о томъ, что, если видишь раскаяніе, необходимо простить, и заключила такъ: «еслибы я была на мѣстѣ Петра, мнѣ кажется, я бы простила;—а ты?»

— И я бы простила, отвѣчала дѣвочка, но въ эту минуту я вдругъ почувствовала, что навязала ей свою мораль насильственно, и что, быть можетъ, ей неловко было даже отвѣтить иначе *учительницѣ*.

— Пожалуйте мнѣ «*Дуняшку и 40 разбойниковъ*», сказала она: — подруги читали, — страсть какъ хвалятъ!

Я хотѣла дать, но оказалось, что изъ 10-ти экз. въ библіотекѣ нѣтъ ни единаго,—всѣ на рукахъ.

«*Неправедный судъ*». Ученица лѣтъ 10-ти очень подробно и толково передала мнѣ этотъ разсказъ.

— Что, еслибъ ты была Петромъ, сказала я, когда она кончила разсказъ:—просила бы ты царя за Ѳедота, когда тотъ покаялся и прощенья сталъ просить?

— Нѣтъ! отвѣчала рѣшительно дѣвочка:— онъ Петра впередъ въ тюрьму хотѣлъ засадить, какъ же ему простить?!

— За что его прощать? не выдержала и вмѣшалась другая маленькая ученица, держащая ту же книжечку въ рукахъ: — взялъ, а божился, что не бралъ,—развѣ это можно! Прости его, а онъ послѣ скажетъ: «простили, значитъ, еще можно брать».

Тотъ же разсказъ намъ пришлось прочитать ученикамъ и ученицамъ сельской школы на каникулахъ. Дѣти слушали съ величайшимъ интересомъ; интересъ этотъ еще болѣе возросъ, повидимому, съ той минуты, какъ Васька, Кирюшка и Тараска затѣяли игру въ судьи; съ этой минуты между слушателями не смолкалъ сдержанный смѣхъ, выражающій сочувствіе къ происходящему.

— Хорошо! сказали они почти хоромъ по окончаніи чтенія.

— Вотъ какія умныя и хорошія дѣти! замѣтила одна изъ дѣвочекъ.

— Судью перевершили! добавилъ мальчикъ: —судья—и тотъ не могъ такъ разсудить, какъ они.

— А чего нужно ожидать отъ хорошаго судьи? спросила учительница.

— Чтобы разузналъ хорошенько, какъ и что такое! чтобы подольше подумалъ, разсмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ! Чтобы разспросилъ хорошенько,—развѣ можно такъ, сразу! отвѣчали наперерывъ дѣти.

— Почему народъ возрадовался, когда царь самъ пожелалъ судить Петра и Ѳедота? спросила учительница.

— Народъ надѣялся, что онъ вѣрно разсудитъ! отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Какъ поступилъ Ѳедотъ по отношенію къ Петру?

— Очень безсовѣстно!—Очень безчестно!—Ему бы жены послушаться! отвѣчали наперерывъ дѣти.

— Слѣдовало ли Петру выпросить у царя помилованіе или хоть облегченіе казни Ѳедоту, когда тотъ прощенья сталъ просить?

— Нѣтъ, не нужно прощать, онъ очень скверно сдѣлалъ! сказалъ энергически одинъ изъ мальчиковъ.

— Я-бъ камень ему на шею привязалъ, да въ рѣчку его! заявилъ еще энергичнѣе *Митя П—ко.* Остальные согласились безпрекословно, что Ѳедота слѣдовало повѣсить. Когда дѣло дошло до дѣвочекъ, одна изъ нихъ, еврейка, заявила въ свою очередь тоже весьма энергически, что она ни за что не повѣсила бы Ѳедота, а посадила бы въ острогъ. Сосѣдка ея, *Ульяна П—ко,* присоединилась къ ея мнѣнію и добавила только, что она потому бы его не повѣсила, что это «нечистый» принудилъ его такъ поступить.

— Въ острогъ ничего не значитъ, заспорилъ задорно одинъ изъ мальчиковъ:—тамъ какъ кого, тамъ лучше кормятъ, чѣмъ дома.

— Ну, на Сибирь, или куда угодно, лишь бы жилъ, возразила опять *Анюта З—чъ*:—хотя онъ и преступилъ законъ, а все таки жалко!

— Конечно, жалко и грѣхъ! поддержала ее *Ульяна Проведенко.*

— А если простить, другіе будутъ такъ поступать,—хорошо это? заспорилъ опять задорный мальчикъ.

Какъ всегда и во всѣхъ почти спорахъ, каждый остался, повидимому, при своемъ мнѣніи. Учительница присоединилась къ дѣвочкамъ и сказала дѣтямъ нѣсколько словъ по этому поводу.

КАКЪ ЧИТАЮТСЯ И ПОНИМАЮТСЯ РАЗСКАЗЫ: ИЗЪ «ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА» ТУРГЕНЕВА УЧЕНИКАМИ И УЧЕНИЦАМИ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ И ГРАМОТНЫМИ ПРОСТОЛЮДИНАМИ.

91) **Живыя мощи.** Разсказъ Тургенева. Изд. Общества распр. полезн. книгъ. Москва, 1876 г. Ц. 10 к. 16 стр.

92) **Живыя мощи.** Разск. Тургенева. Изд. Глазунова. Спб. 1887 г. Ц. 5 к.

Вопросъ о томъ, насколько художественныя произведенія нашихъ маститыхъ писателей доступны пониманію народа, остается пока открытымъ. Вотъ почему вмѣсто того, чтобы говорить о значеніи Тургенева и опредѣлять его мѣсто въ литературѣ, которое давнымъ-давно опредѣлено, мы рѣшаемся дать о немъ рядъ ученическихъ отзывовъ.

Есть ученицы въ школѣ, которыя бросаются въ глаза своею даровитостью, которыхъ нельзя не замѣтить даже въ толпѣ въ 300 человѣкъ; и есть другія, блѣдныя, безцвѣтныя, которыхъ совсѣмъ не знаешь, если не приходится вступать съ ними въ непосредственное соприкосновеніе, т. е. имѣть ихъ въ своей группѣ. Одна изъ такихъ незамѣтныхъ учениць подошла ко мнѣ во время переспроса прочитаннаго и подала мнѣ «*Живыя мощи*» Тургенева. Я взглянула на нее испытующимъ взглядомъ.

— Который вамъ годъ? спросила я.

— Тринадцатый, отвѣчала ученица.

— Гдѣ научились грамотѣ?

— У сестрицы родной, замужней; онѣ сами писать не умѣютъ, а только читать.

— А давно ли выучились читать?

— Два года.

— А кто ваши родители?

— Папенька на Мойкѣ у Петренки служатъ.

— Понравилась вамъ эта книжечка, или нѣтъ?

— Очень понравилась.

— Поняли?

— Какъ же!

— Разсказывайте.

Я взяла карандашъ и начала записывать

за ученицей. Вотъ что она говорила: «Съ самаго утра шелъ дождь, такой дождь, что просто заливы стояли. И шли два охотника, остановились ночевать. Одинъ охотникъ благородный, а другой простой. На утро благородный пошелъ прогуляться; дошелъ до пасѣки, видитъ: клѣтушка какая-то стоитъ, заглянулъ, — пахнетъ въ ней мятой и мелиссой. А въ углу стояли подмостки: тамъ лежало человѣческое существо. И только онъ хотѣлъ уйти, что-то отзывается: «баринъ, вернитесь!» И видитъ онъ: — очень худое тѣло лежитъ и худыя руки. Онъ подошелъ ближе, и страшно ему стало. А оно говоритъ: «я—Луша! Я въ вашей деревнѣ жила!» —Чего же ты сюда зашла? — «Изъ деревни меня сюда на лѣто перенесли. Когда хотите, я разскажу вамъ про свою бѣду: разъ, зарею, мнѣ не спится, а соловей поетъ, такъ и заливается; и захотѣлось мнѣ его послушать. Вышла; стою и слышу: — меня кто-то зоветъ: «Луша!» Прислушиваюсь: какъ будто Васинъ голосъ... (Вася женихъ ея былъ, замѣтила ученица). Потомъ меня что-то какъ будто кинуло... Упала я и поднялась—ничего... но только зачала я съ тѣхъ поръ чахнуть и сохнуть. Напала на меня чернота, а тамъ ужъ и ногами владѣть перестала. Положили меня, лѣкарямъ показывали, въ ледъ клали, а тамъ ужъ въ барскомъ домѣ нельзя держать. Меня и привезли сюда. Все лежу, да лежу; слава Богу, хоть сны хорошіе вижу; когда хотите, разскажу: стою я въ полѣ. Рожь густая такая. У меня серпъ въ рукахъ; хочу я жать, вижу:—вокругъ меня васильки, и всѣ головками до меня повернулись. И говорю я себѣ: «нарву я этихъ васильковъ, а тогда буду жать». И рву я васильки, а они въ рукахъ таютъ и таютъ.

«Начала жать, а у меня серпъ не простой, а мѣсяцъ золотой, и слышу, — кто-то меня зоветъ: «Луша! Луша!» Я оглядываюсь, — и идетъ ко мнѣ не Вася, а Іисусъ Христосъ, и говоритъ: «не бойся, невѣста моя разубранная, говоритъ, ты будешь въ царствѣ небесномъ, будешь въ раю вѣнки плесть». А другой вотъ какой снился мнѣ сонъ; можетъ, это даже не сонъ, а видѣніе было: лежу я въ этой клѣтушкѣ, и приходятъ ко мнѣ родные — батюшка и матушка, и кланяются мнѣ, а я ихъ спрашиваю: «зачѣмъ вы мнѣ кланяетесь?» а они говорятъ: «затѣмъ, что ты страдаешь, и много тяги съ насъ черезъ то снято!» А третій сонъ снился, будто сижу я подъ большой ракитой на дорогѣ. Идутъ странники, другъ на дружку похожи, а между ними мечется какая-то женщина, а они отъ нея всѣ убѣгаютъ. Подходитъ она ко мнѣ и смотритъ на меня; я спрашиваю: «кто ты?» а она отвѣчаетъ: «смерть твоя!» Я и говорю ей: «возьми меня, Христа ради!» а она говоритъ: «возьму, только послѣ Петровокъ!..» Посидѣлъ у ней баринъ еще немножко и сталъ идти, а она опять подозвала его и говоритъ: «помните, какая была у меня коса до самыхъ колѣнъ? Я взяла, да и обрѣзала,— когда мнѣ ее чесать?!..» Потомъ онъ попрощался и ушелъ. Когда ей насталъ часъ умирать, то она слышала съ небесъ звонъ. Потомъ по всемъ селѣ пошла поговорка, что тамъ живыя мощи открылись... Все!..» заключила ученица.

Разсказъ, какъ видите, былъ переданъ безупречно; состраданіе къ несчастной страдалицѣ ярко свѣтилось въ умныхъ глазахъ дѣвочки, и если можно пожалѣть о чемъ, то о томъ развѣ, что она придала характеру разсказа гораздо больше мистицизма, чѣмъ желалъ того авторъ; такъ, напр., вмѣсто реальной причины болѣзни, что дѣвушка нечаянно упала и почувствовала, какъ что-то оборвалось у нея внутри, она, ученица, игнорируя этотъ фактъ, говоритъ, будто что-то кинуло ее, и съ тѣхъ поръ она больна; точно также, вмѣсто факта, что страдалицу называли въ деревнѣ при жизни ея «живыя мощи», она говоритъ, что послѣ смерти ея «по всемъ селѣ пошла поговорка, что тамъ живыя мощи открылись».

Евгенія Г—ва, 11-ти лѣтъ, подала мнѣ *«Живыя мощи»* Тургенева. «Все хорошо понравилось, въ особенности сны!» сказала она съ умиленіемъ, и начала разсказывать, да какъ разсказывать, просто, хоть стенографируй!— Замѣчено, что *«Живыя мощи»* производятъ глубокое впечатлѣніе и нравятся не только взрослымъ, но и развитымъ подросткамъ.

---

93) **Пѣвцы.** Разсказъ И. С. Тургенева. Москва. 1874 г. Ц. 4 к. 25 стр. Изд. Московск. Ком. Грам.

94) **Пѣвцы.** Изд. Глазунова. Спб. 1884 г. Ц. 4 к.

Одна изъ выдающихся по своимъ способностямъ ученица воскресной школы подала мнѣ *«Пѣвцы»* Тургенева. Ея умные глаза смотрѣли на меня вопросительно, какъ бы говоря: «я не знаю, чего отъ меня потребуютъ?»

Когда выданная въ первый разъ книга возбуждаетъ предварительно споръ, я и сама всегда волнуюсь, получая ее обратно. Пересказъ ученицы является провѣркой собственнаго знанія народа, его вкусовъ и симпатій;

вотъ почему этотъ взглядъ дѣвушки смутилъ меня, но я слишкомъ тщательно готовилась къ переспросу, чтобы упасть духомъ.

Чтобы не ошеломить ученицу сразу вопросомъ о томъ, «какъ пѣлъ Яковъ», а воскресить въ ея умѣ всю обстановку разсказа и исподоволь подвести къ лирической сценѣ, я попросила ее описать мнѣ дѣйствующихъ лицъ, да и кромѣ этой цѣли, я нахожу, что чрезвычайно полезно пріучать простолюдина вдумываться въ характеристику описываемыхъ лицъ и давать отчетъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Это не только развиваетъ умъ, но и подготовляетъ къ жизни, къ умѣнью отличать друзей отъ враговъ. Дѣвушка довольно отчетливо характеризовала мнѣ и шинкаря Николая Ивановича, и «дикаго барина», и «Моргача», и «Абалдуя», и «рядчика», и «Якова». Мнѣ пришлось только подсказывать имена. Наконецъ мы подошли къ патетической сценѣ. О пѣніи рядчика она разсказала очень бойко, но когда дѣло дошло до Якова, она остановилась. «Это очень трудно разсказать словами, какъ онъ пѣлъ», сказала она, видимо волнуясь:—«какъ взялъ онъ первую ноту, даже самой становится страшно: хорошо онъ споетъ, или нѣтъ, а послѣ того морозъ по кожѣ подираетъ; жена шинкаря такъ и залилась слезами, да, кажется, еслибы тамъ быть, тоже заплакала бы... а вотъ еще деревня тутъ очень хорошо описана!» сказала она вдругъ послѣ короткой паузы совершенно для меня неожиданно, такъ какъ я всецѣло отдалась въ эту минуту воспоминанію поэтической сцены пѣнія художника; но, выслушавши детали, я поняла, что словомъ «деревня» она замѣняетъ слово «природа».

— А вы живали въ деревнѣ? спросила я.

— Положимъ, въ настоящей деревнѣ я не бывала, но мы живемъ въ самомъ концѣ «Песокъ, на Ливадѣ», — это все равно, что деревня:—кругомъ зелено, утромъ выйдешь,— воздухъ свѣжій, такъ хорошо, а вечеромъ, въ лунныя ночи, просто не хочется въ комнату входить!

Тутъ мнѣ припомнился ясно поэтическій конецъ «Пѣвцовъ» и звуки «А-н-т-р-о-п-к-а!» наполнявшіе ночной воздухъ, но я воротилась къ разсказу и спросила:

— Что увидѣлъ затѣмъ Тургеневъ, заглянувши въ тусклое стекло кабака?

— Какъ Тургеневъ? сказала удивленно ученица:—Тургеневъ сочинилъ, а это заглянулъ охотникъ, добавила она. Я объяснила.

— Такъ это онъ былъ самъ! сказала съ удовольствіемъ ученица.—«Что-жъ онъ увидалъ?»—Всѣ пьяны! отвѣчала она грустно.

— Вотъ такъ и въ «*Музыкантѣ*» Погосскаго: какой былъ человѣкъ, а пропалъ черезъ пьянство! вмѣшалась другая ученица, говоря точно о знакомомъ.

Я сказала нѣсколько словъ о значеніи талантовъ и высказала сожалѣніе, что они гибнутъ, никѣмъ не поддержанные и часто незамѣченные.

По уходѣ 1-й ученицы я задала себѣ вопросъ:—Поняты ли ею «*Пѣвцы*» Тургенева? Конечно, поняты: иначе не сказала бы она, что «*очень трудно разсказать словами, какъ онъ пѣлъ*». И не права ли она въ этомъ отвѣтѣ?

Полина И—ва (хорошо читающая), подавая мнѣ «*Пѣвцы*» Тургенева, сказала: «по правдѣ сказать, не понравилось». Я опечалилась.

— Прочла всего четыре страницы и бросила,—совсѣмъ меня не заинтересовалъ этотъ шинкарь;—да и къ чему дѣвушкѣ про этихъ пьяницъ читать! замѣтила она даже нѣсколько обидчиво *).

Такъ вотъ оно что! подумала я и сказала: «нѣтъ, это вы напрасно такъ думаете, И—ва,— я бы вамъ плохаго не посовѣтовала. Что-жъ это за чтеніе:—прочитать четыре страницы и бросить! Нѣтъ, вы до конца дочитайте и тогда ужъ судите! Тамъ дальше есть мѣсто, которое, я такъ думаю, вамъ понравится. А впрочемъ, какъ хотите; возьмите, пожалуй, и другую книжку!»

— Нѣтъ, пожалуйте эту! отвѣчала сконфуженно И—ва.

Увидимъ, найдетъ ли она это мѣсто. И—ва сама хорошо поетъ.

Продолженіе разсказа «Пѣвцы» въ передачѣ Полины И—ой.

— Нашла это мѣсто! сказала она торжествующимъ тономъ, подавая мнѣ книгу:—это его голосъ! Онъ всѣхъ, можно сказать, разстроилъ, до слезъ довелъ. Отъ этого голоса каждый готовъ былъ плакать. Рядчикъ тоже очень хорошо пѣлъ, но у него вліянія того не было, какъ у Якова. У Якова вся печаль отражалась. Сперва онъ завелъ очень слабо, потомъ усиливался, усиливался, точно душа сама въ немъ звучала, и сердце хватало за

---

*) Слѣдуетъ замѣтить кстати, что отецъ Полины И—ой—горькій пьяница, и что этотъ порокъ отражается гнетущимъ образомъ на скудныхъ заработкахъ бѣдной дѣвушки.

русскія струны. Тутъ онъ, этотъ голосъ, на этой страничкѣ къ чайкѣ приравнивается (и ученица нашла страницу), что онъ такъ легко и нѣжно вылеталъ изъ груди, все равно, какъ чайка, и также красивъ былъ (сравненіе это ученица поняла по своему, но не безсмысленно); а то вдругъ звенѣлъ, да такъ болѣзненно, что просто слушать спокойно невозможно было!.. Очень хорошо!.. Даже очень меня заинтересовало... На всѣхъ онъ навелъ впечатлѣніе своимъ пѣніемъ, всѣ какъ будто ожидали еще какого нибудь удивленія. Но вотъ одно мнѣ не понравилось, сказала она, переходя неожиданно отъ восторженнаго къ своему обычному, доктринальному тону: — зачѣмъ онъ въ такую компанію попалъ: совсѣмъ ему не слѣдовало находиться въ кругу такихъ товарищей; онъ могъ бы кормить со своимъ голосомъ и себя, и другихъ, а если онъ ихъ не броситъ,—погибнетъ!

Бѣдная П—ва, подумала я. Твой жизненный кошмаръ, позабытый тобою на минуту подъ впечатлѣніемъ строкъ великаго художника, снова встаетъ передъ тобою и напоминаетъ тебѣ о той прозѣ жизни, отъ которой ты отрѣшилась было на нѣсколько минутъ!

Такъ понимаютъ «*Пѣвцы*» Тургенева городскіе жители. Обратимся теперь къ деревенскимъ и послушаемъ, какъ пишетъ *Поликарпъ В—нъ*, бывшій ученикъ Наумовской народной школы, 15-ти л. Выпустивъ описаніе дѣйствующихъ лицъ, которое мы считаемъ менѣе интереснымъ, мы подойдемъ прямо къ моменту состязанія.

«Въ кабакѣ Николая Ивановича, пишетъ онъ:—Яшка Турокъ побился съ рядчикомъ объ закладъ,—кто кого одолѣетъ:—споетъ лучше. Поставили на столъ осьмуху вина, да не знали, кому начинать впередъ. Абалдуй говоритъ: «киньте жребій! чей жребій впередъ попадется, тому впередъ и пѣть».

«Яковъ и рядчикъ вынули гроши, понамѣчали ихъ; Абалдуй подставилъ картузъ; бросили въ него гроши, онъ поворочалъ ихъ въ картузѣ, всунулъ руку и вытащилъ рядчиковъ грошъ. «Ну, пой!» сказали его пріятели:—«твой грошъ вынули, ну, тебѣ и пѣть впередъ!» Рядчикъ вышелъ на средину кабака и спросилъ: «какую-жъ мнѣ пѣть?»— «Пой, какую знаешь, только хорошую!» закричали всѣ. Рядчикъ закрылъ глаза и запѣлъ. Всѣ слушали его внимательно. Голосъ у него былъ пріятный, сладкій. Онъ игралъ своимъ голосомъ, заливался и переливался, переходилъ съ верхнихъ нотъ на нижнія и все звончѣй, звончѣй, звончѣй. Онъ пѣлъ такую пѣсню:

«Распашу я молода-молоденька
«Землицы маленько,
«Я посѣю молода-молоденька
«Цвѣтика аленька».

«Пѣлъ онъ такъ хорошо, особливо, когда поддержали его, что хотя я и не слыхалъ, а у меня заходило сердце. Дюже хорошо онъ пѣлъ! Когда онъ окончилъ, Абалдуй сказалъ: «ну, братъ, потѣшилъ! Выигралъ, братъ, выигралъ, поздравляемъ, осьмуха твоя! Далеко Яшкѣ до тебя!» Спустя нѣсколько времени Николай Ивановичъ сказалъ: «хорошо поешь! Посмотримъ теперь, какъ Яковъ будетъ пѣть. Смотри, братъ, не выдай!»

«Всѣ притихли. Яковъ подумалъ, подумалъ, потомъ вздохнулъ, да какъ запѣлъ: «*Не одна во полѣ дороженька пролегала*», такъ ажъ всѣмъ стало жутко. Первый звукъ его голоса былъ несмѣлый, а потомъ все тверже, тверже, чисто, мягко, протяжно, печально, — просто за сердце хватало. Мужичекъ, сидѣвшій въ углу, всхлипывалъ, жена Николая Ивановича тоже плакала. Яковъ видитъ:—всѣ стали плакать, онъ тогда еще звончѣе запѣлъ, всю душу выкладалъ.

«Я какъ читалъ это,—у меня такъ сердце зашлося, что я не могъ сразу дочитать:—духъ заняло.

«Когда Яковъ кончилъ, всѣ ждали: — вотъ онъ еще запоетъ; но онъ стоялъ усталый, печально свѣсивъ голову, и молчалъ. Вдругъ всѣ закричали: «ура! ура! ура! хорошо, братъ, очень хорошо, далеко до тебя рядчику. Выигралъ, братъ, выигралъ, поздравляемъ!» Даже рядчикъ подошелъ къ нему и сказалъ: «ты, братъ, выигралъ»,—и ушелъ вонъ изъ хаты. Послѣ этого всѣ начали по прежнему гулять, пировать, да вино попивать».

Изъ другой рукописи мы позволимъ себѣ выписать нѣсколько строкъ, также довольно характерныхъ на нашъ взглядъ.

«Что касается до пѣнія, пишетъ *Иванъ Б—ко* (16-ти л., бывшій ученикъ Алексѣевской народной школы):—то пѣніе Яшки Турка мнѣ гораздо больше понравилось; онъ не потѣшить хотѣлъ, а *разважить* *) сердца своею грустною и серьезною пѣснею, которая заставила всѣхъ сильно призадуматься. А рядчикъ хотя и хорошо пѣлъ, но пѣсня его мнѣ не по сердцу,—онъ пѣлъ для общаго удовольствія и *подражанія***) пьянству».

Х. А.

---

*) Снять тяжесть, облегчить.

**) Въ угоду.

95) **Бирюкъ**. Тургенева. Москва. 1874 г. Ц. 2 к. 11 стран.

96) **Бирюкъ**. Изд. Глазунова. Спб. 1884 г. Ц. 4 к.

Сегодня мнѣ подали огромный пакетъ. Взглянувши на подпись, я увидѣла почеркъ знакомаго сельскаго учителя. Пакетъ скорѣе былъ похожъ на посылку, чѣмъ на письмо. Я распечатала его, и оттуда посыпались листы и полулисты сѣрой и бѣлой бумаги, испещренные разнообразными дѣтскими почерками. Впрочемъ, какъ оказалось, не одни дѣти выводили тщательно эти крупныя, красивыя и некрасивыя буквы; тутъ участвовалъ и взрослый малограмотный людъ. Семь головъ задумалось надъ *Бирюкомъ и убогимъ мужиченкой*; семь человѣкъ произнесли надъ ними свой приговоръ.

Прежде всего я взяла въ руки отзывъ, написанный на двухъ листахъ бѣлой писчей бумаги и обведенный, повидимому, для красы черной каемочкой. Почеркъ бойкій, красивый, увѣренный; написано чисто и акуратно. На послѣдней страницѣ я прочла приписку учителя:

«Писалъ ученикъ вечерней школы, Поликарпъ Волошинъ. Окончилъ курсъ ученія въ 1877 году. Посѣщаетъ вечернюю школу; казакъ, малый лѣтъ 17-ти, поетъ въ хорѣ пріятнымъ теноромъ, красивъ; онъ же и запѣвало въ хорѣ. Вотъ какъ характеризовала его однажды мать: «Як вiйде на й улицю, як гляне, як заспiва,—так дiвчата, скiльки-б их нi було, всi коло ёго, — очей не зведуть».

Я начала читать:

«Въ нѣкоторое время баринъ ѣхалъ съ охоты»—такъ начиналась рукопись; далѣе на 4-хъ страницахъ шло изложеніе содержанія—своеобразное, бойкое и подробное. На третьей страницѣ я почувствовала первый непріятный уколъ: Поликарпъ Волошинъ, описывая то, какъ Бирюкъ собрался изловить вора, говоритъ:

«Тогда баринъ сказалъ:—пойдемъ вдвоемъ, мы его духомъ поймаемъ!»

(Это Тургеневъ-то, скорбѣвшій за мужика! подумала я съ невольной иронической улыбкой).

На стр. 4-й меня пріятно поразило такое мѣсто: «Всѣ утихли, говоритъ Поликарпъ, описывая ту минуту, когда Бирюкъ усадилъ въ уголъ на лавку связаннаго мужика:—потомъ мужикъ *краснѣетъ*, *краснѣетъ* и говоритъ лѣснику: «Ѳома Кузьмичъ, а, Ѳома Кузьмичъ, отпусти!» Этого «*краснѣетъ*, *краснѣетъ*» нѣтъ у Тургенева, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно говоритъ за то, какъ живо представлялась Поликарпу эта сцена. Оканчивается изложеніе такъ: «Баринъ поблагодарилъ лѣсника за его квартиру и поѣхалъ домой».

Затѣмъ слѣдуютъ вопросы, поставленные учителемъ, и отвѣты на нихъ ученика. Предложить *правильно* вопросъ—дѣло далеко не легкое, и это не всегда удается даже самому опытному учителю.

Мы въ своей школѣ предлагаемъ такой вопросъ: «Что вынудило мужика ѣхать въ лѣсъ и рубить дерево?» Тутъ же, въ этой рукописи, стоялъ такой вопросъ: «Отчего мужикъ рѣшился украсть дубъ, и былъ ли онъ настоящій воръ?»

«Мужикъ рѣшился украсть дубъ потому, что онъ былъ лѣнивый, работать не хотѣлъ, а только и думалъ, чтобы украсть что нибудь да продать, а деньги пропить; а того не подумаетъ, что дѣти и жена сидятъ голодныя; а онъ бы не ходилъ воровать, да пошелъ къ сосѣду или къ своему куму, поклонился ему въ ноги, да и сказалъ: «куманекъ, мой голубчикъ, пожалуй—дай мнѣ мѣшечка два мучицы; я тебѣ отроблю съ женою и съ дѣтками своими». Вотъ и видно, что онъ былъ настоящій воръ!»

Вопросъ 2-й: За что мужикъ бранилъ Бирюка?—Поликарпъ отвѣчаетъ на него такъ:

«Мужикъ разсердился въ хатѣ на Бирюка оттого, что онъ не далъ ему украсть дубъ, и что когда онъ просился у Бирюка, то Бирюкъ не отпустилъ его, а повелъ къ себѣ въ хату, которая была въ лѣсу. Бирюкъ былъ еще очень добрый и любодушевный человѣкъ, что онъ отпустилъ мужика домой и не взялъ съ него ни одной копѣечки, а онъ понапрасну выругалъ и клялъ душегубцемъ. Буракъ онъ и болванъ; на инаго лѣсника — онъ бы сопрѣлъ въ тюрьмѣ, а то добрая душа: отпустилъ дурака на свѣтъ бѣлый!»

Вопросъ 3-й: Отчего Бирюкъ, не смотря на бранныя слова мужика, помиловалъ его?

«Бирюкъ оттого ничего нехорошаго не сдѣлалъ мужику, что онъ былъ добрый, милостивый и душевный. Онъ не любилъ драться, а все любилъ дѣлать хорошо. На инаго лѣсника—онъ бы кожу съ мужика содралъ за его скверный, глупый и дурной характеръ; а то, однимъ словомъ, лѣсникъ былъ умный, честный и справедливый».

Вопросъ 4-й: Каковъ былъ Бирюкъ съ виду, и какова была у него душа?

«Бирюкъ былъ съ виду очень высокъ, красивъ и статный человѣкъ; волосъ на головѣ и на бородѣ былъ черный, волнистый. Лицо

его было очень красивое, брови черныя, однимъ словомъ, былъ красавецъ, *наглядньъе*! Душу онъ имѣлъ добрую, милостивую и *внимательную*. Сердце онъ имѣлъ *чистое и непорочное*».

Вопросъ 5-й: Правильно ли поступилъ Бирюкъ, что отпустилъ мужика домой?

Вопросъ этотъ опять поставленъ неудачно; слѣдовало бы спросить: почему Бирюкъ отпустилъ мужика домой? А это *правильно ли* невольно свелось опять къ резонерству и сухой, заученной, ходячей морали. Ученикъ пишетъ:

«Бирюкъ неправильно поступилъ, что отпустилъ мужика домой, потому что если отпустить вора безъ наказанія, то онъ, не смотря на то, что первый разъ не посчастливилось украсть дубъ, придетъ въ другой разъ съ товарищами, и унесутъ не одинъ дубъ, а дубовъ два или всѣ три. Потомъ, если вора прощать за такія вещи дорогія, то иной разъ лѣсникъ бываетъ виноватъ и даже черезъ него бываетъ въ тюрьмѣ, въ которой высидитъ цѣлыхъ года два, а не то такъ и всѣ пять. А такъ какъ Бирюкъ былъ добрый, милостивый и любодушевный, такъ вотъ онъ его и отпустилъ».

Вопросъ 6-й: Понравился ли этотъ разсказъ?

«Въ этомъ разсказѣ Бирюкъ понравился тѣмъ, что онъ былъ добрый, душевный и честный, потому что онъ не любилъ ругаться и драться съ дуракомъ, а, напротивъ, онъ любилъ дѣлать все хорошо и по закону. Если кого онъ поймаетъ въ лѣсу, то онъ не станетъ сперва драться, а сначала разспроситъ его, а потомъ и начинаетъ судить по закону».

Въ концѣ 2-го отзыва опять встрѣчается приписка учителя:

«Малый, писавшій этотъ «отзывъ», учился у меня въ семидесятыхъ годахъ. Въ нынѣшнемъ году посѣщалъ довольно часто вечернюю школу. Онъ былъ хорошимъ ученикомъ, живо, быстро рѣшалъ задачи и любилъ надъ ними возиться. Теперь онъ женатъ. Онъ былъ всегда оригиналенъ, онъ самъ—чистый «Бирюкъ»: черный, волосы жесткіе, нависшій лобъ, изъ-подъ котораго сурово выглядываютъ каріе глаза; очень угрюмъ; почти никогда не смѣется, отвѣчаетъ всегда какъ бы неохотно; серьезенъ не по лѣтамъ».

Пробѣжавъ быстро содержаніе, изложенное болѣе сжато, но въ высшей степени толково, я съ интересомъ перешла къ отвѣтамъ. Не стану повторять вопросы, приведенные мною въ 1-мъ пересказѣ, а передамъ только отвѣты на эти вопросы:

«Мужикъ оттого рѣшился украсть дубъ,—пишетъ женатый простолюдинъ:—что онъ былъ очень бѣдный, и у него дѣтей было много; онъ не могъ даже ихъ прокормить, и у него денегъ не было; оттого онъ и рѣшился украсть дубъ. Мужикъ не былъ настоящій воръ,—онъ тогда не впалъ бы въ крайнюю бѣдность, а поѣхалъ, чтобы своимъ дѣтямъ разжиться пропитанія».

«Мужикъ черезъ то разсердился на Бирюка,—пишетъ онъ далѣе:—что онъ просилъ честью, но онъ не отпускалъ домой; да ему и нельзя было отпустить мужика домой, потому что онъ и самъ былъ человѣкъ невольный; онъ жилъ у барина въ наймахъ. А къ тому же еще мужикъ былъ необразованный,—оттого и началъ ругаться».

«Бирюкъ ничего нехорошаго не сдѣлалъ мужику потому,—говоритъ онъ далѣе:—что ему стало его жалко, потому что онъ былъ человѣкъ бѣдный».

Относительно наружности Бирюка онъ говоритъ: «Бирюкъ былъ высокаго роста и широкій въ плечахъ и на лицѣ былъ красивый человѣкъ. Душу онъ имѣлъ у себя честную, а сердце смирное и непорочное».

На вопросъ: правильно ли поступилъ Бирюкъ, онъ отвѣчаетъ: «Бирюкъ неправильно поступилъ съ мужикомъ, потому что онъ его отпустилъ безъ наказанія; хотя онъ и не былъ настоящій воръ, а все таки онъ долженъ его отправить до хозяина; хозяинъ какъ хотѣлъ, такъ и сдѣлалъ; захотѣлъ—наказалъ, а захотѣлъ — отпустилъ бы мужика домой».

Въ заключеніе онъ говоритъ:

«Разсказъ этотъ мнѣ понравился потому, что это настоящая правда, и еще понравился тѣмъ, что Бирюкъ былъ человѣкъ добрый и душевный и не любилъ драться, а любилъ жить смирно и тихо. Если онъ вора поймаетъ, то онъ любилъ судить по закону. Конецъ».

Отрадное чувство парализовало во мнѣ непріятность перваго впечатлѣнія, и я болѣе миролюбиво принялась за остальные «отзывы». Я не буду останавливаться на нихъ такъ подробно, какъ на двухъ первыхъ, а укажу только на то, *что* особенно бросилось въ глаза при пересмотрѣ ихъ.

Мальчикъ, *11-ти л.*, *Иванъ Ладный* (которому учитель дѣлаетъ такую характеристику: «учится третій годъ, т. е. третью зиму; тщедушный такой: лошади ушибли маленькимъ, и онъ теперь никакъ не поправится. Учится охотно») идетъ еще дальше въ своемъ

гуманизмѣ; онъ не только говоритъ въ отвѣтѣ: «нѣтъ, онъ не былъ воръ: онъ оттого укралъ дубъ, что были у него маленькія дѣти, и нечѣмъ было ихъ кормить, а за дубъ онъ взялъ бы деньги и купилъ имъ скорѣе хлѣба», но на вопросъ: правильно ли поступилъ Бирюкъ?—отвѣчаетъ:

«Правильно! Онъ отпустилъ мужика домой потому, что пожалѣлъ его дѣтей».

Въ остальныхъ четырехъ изложеніяхъ встрѣчается съ одной стороны проявленіе положительнаго состраданія къ трагическому положенію мужика, съ другой—упреки, осужденія и заученная мораль, а главное сбиваетъ съ толку этотъ фатальный вопросъ. Такъ, напр., *Антонъ Кидаловъ*, 12 л., въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

«Мужикъ оттого рѣшился украсть дубъ, что онъ былъ больно скуденъ, бѣдный; у него были дѣти, а дѣтей нечѣмъ было кормить. Онъ оттого разсердился на Бирюка и сталъ ругать его, что его заставила украсть дубъ нужда, а не самъ онъ пошелъ красть».

А кончаетъ такъ: «Но все таки, какъ онъ укралъ, значитъ, онъ—воръ; а кто ворамъ потакаетъ, тотъ тоже воръ; стало быть, и Бирюка можно назвать воромъ!»

Отъ этого заключенія можно было бы придти въ отчаяніе, еслибы не эта двойственность, въ которой съ одной стороны видно положительное состраданіе, а съ другой—суровое требованіе законности.

Яковъ Филатовъ, *14-ти л.*, въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

«Мужикъ рѣшился украсть дубъ отъ своего горя и нужды, и разсказъ этотъ мнѣ понравился за то, что въ немъ прописано, какая нужда бываетъ у мужика, и что доводитъ до воровства».

А въ другомъ мѣстѣ тотъ же Яковъ Филатовъ пишетъ: «Но все таки онъ былъ воръ, потому что если у него чего недостаетъ, то онъ бы лучше попросилъ у людей, а не пошелъ бы красть!»

Точно также, называя Бирюка человѣкомъ *легкосердечнымъ*, *раздушевнымъ и милостивымъ*, онъ говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ поступилъ *неправильно*, отпустивши мужика домой, что слѣдовало бы мужика представить къ начальству.

«*Одного* поучить, пишетъ онъ:—а десять будутъ знать и помнить! Мало ли чего нужно, а воровать тоже не годится!»—заключаетъ онъ.

Иванъ Филатовъ, *11-ти л.*, говоритъ:—«Нѣтъ, онъ не былъ настоящій воръ; онъ оттого рѣшился украсть дубъ, что онъ былъ бѣдный, и нечего было ѣсть, а дѣти пищали отъ голода»,—а въ концѣ изложенія сходится вполнѣ въ своихъ взглядахъ съ Антономъ Кидаловымъ.

Владиміръ Филатовъ, *20-ти л.*, въ одномъ мѣстѣ пишетъ: «Мужикъ рѣшился украсть дубъ потому, что онъ былъ семейный, и дѣти сидѣли голодныя, не давали ему покою, плакали, и было у нихъ холодно и голодно». А въ другомъ говоритъ: «А еслибы онъ не былъ воръ, онъ бы согласился лучше христарадничать, да не воровать!»

Точно также о Бирюкѣ сперва онъ пишетъ: «Душу онъ имѣлъ христіанскую, милосердную и сердце материнское, такъ какъ у его дѣтей матери не было». А затѣмъ говоритъ: «Бирюкъ неправильно поступилъ, что пустилъ вора домой, потому что если пускать воровъ безъ наказанія, тогда воровства не уничтожишь, и хозяинъ, который его наймалъ, не приказывалъ, я думаю, пойманнаго вора пущать!»

Прочитавши эту тираду, можно считать, что судъ надъ Бирюкомъ произнесенъ, но нѣтъ,—въ концѣ пересказа мы встрѣчаемъ слѣдующее: «Мужикъ былъ отчаянный и дѣлался, какъ разъяренный звѣрь, кричалъ и ругался, но Бирюкъ былъ кротокъ сердцемъ, все перенесъ и смилосердился. Бирюку слава!!!»

Итакъ, чувство состраданія и сочувствіе къ великодушному поступку Бирюка восторжествовало надъ рутинной моралью.

Прочитавши эти «отзывы», можно сказать съ увѣренностью, что разсказъ «*Бирюкъ*» возбудилъ громадный интересъ въ читателяхъ, задѣлъ ихъ за живыя струны, заставилъ пошевелить мозгами. Чего же болѣе?

Бирюкъ. Тургенева. (Передача взрослой ученицы воскресной школы).

Тургеневъ возвращался съ охоты поздно вечеромъ, и его дождь напалъ. Онъ и укрылся въ лѣсу. И подошелъ къ нему человѣкъ. Спрашиваетъ: «Кто вы?» и пригласилъ къ себѣ. Вошелъ онъ въ избу. Бѣдность. Дѣвочка въ рубашонкѣ, подпоясанная, а другой ребенокъ въ люлькѣ. Лѣсникъ вышелъ, а Тургеневъ спрашиваетъ: «Ты лѣсникова дочь?»—Лѣсникова.—«Одна здѣсь?»—Одна. Въ это время вошелъ лѣсникъ, сталъ лучину колоть. Тутъ Тургеневъ разсмотрѣлъ, каковъ онъ собой:—высокаго роста, плотнаго сложенія. Онъ разспросилъ его: «Ты одинъ жи-

вешь?»—Одинъ!—«А хозяйка?»—Онъ помолчалъ, а потомъ говоритъ: «Съ мѣщаниномъ сбѣжала! Хоть бы дитя пожалѣла». Тутъ дитя заплакало. Онъ досталъ грязный рожокъ и подалъ дѣвочкѣ. «Какъ тебя зовутъ?»—Бирюкъ!—«Слыхалъ. Ты, говорятъ, никому спуску не даешь?» — Даромъ хлѣбъ не ѣмъ!

Крестьяне говорили: «мы ему зададимъ!» но онъ на это не обращалъ вниманія. Только сталъ онъ вдругъ прислушиваться и говоритъ Тургеневу: «Слышите,—шалитъ кто-то?»—а Тургеневъ ничего за дождемъ разслышать не могъ, но онъ повелъ его за собою въ лѣсъ, и увидали они тамъ мужика, и связалъ онъ ему руки, и потащилъ и его, и лошадь къ себѣ... Втащилъ въ избу. Мужикъ весь въ лохмотьяхъ, худой, сталъ просить: «Отпусти! жена и дѣти съ голоду помрутъ. Съ голоду воровать пошелъ, накажи меня Богъ!» А Бирюкъ говоритъ: «Нельзя!» А тотъ: «Отпусти! только и скотины, что лошадь.» Онъ опять: «Нельзя!.. сказалъ, что нельзя, значитъ, нельзя!» Тутъ Тургеневъ тоже началъ просить: «Отпусти! я тебѣ за него выкупъ дамъ!» А онъ говоритъ: «Нельзя, а то они повадятся». Просился, просился мужикъ,—наконецъ, сталъ ругаться: «Пей, душегубецъ, христіанскую кровь! На! пей!!!» Лѣсникъ подскочилъ къ нему, Тургеневъ за нимъ, дѣвочка спугалась со сна, оторопѣла, всѣ думали, — Богъ знаетъ, что будетъ, а онъ схватилъ его, въ одинъ разъ развязалъ кушакъ и вытолкнулъ. Когда все это кончилось, Тургеневъ и говоритъ:—«Я вижу, ты молодецъ!» А онъ говоритъ: Только вы другимъ не сказывайте, а то они повадятся!» Тутъ послышался стукъ телѣги. Черезъ полчаса они простились на опушкѣ лѣса.

О Бирюкѣ такъ можно выразиться, что онъ человѣкъ не злой, и суровымъ такимъ онъ, можетъ, черезъ то сдѣлался, что жена съ нимъ такъ обошлась; это-бъ хоть кому! Зато собственно и люди за этотъ характеръ Бирюкомъ его прозвали, а, можетъ, и отъ рожденія у него былъ довольно суровый характеръ... Я не одного «*Бирюка*», а и все прочее въ этой книгѣ прочла *), добавила она:—и очень все понравилось, особенно «*Свиданіе*», «*Петръ Петровичъ Каратаевъ*» и «*Чертопхановъ и Недопюскинъ*».

---

*) На этотъ разъ ученицѣ выданъ былъ изъ библіотеки не отдѣльный разсказъ «Бирюкъ», а весь 1-й томъ сочиненій Тургенева.

Видя, что разсказы Тургенева «*Изъ записокъ охотника*» читаются взрослыми учениками съ удовольствіемъ и пониманіемъ, я попробовала еще выдать ихъ и дѣтямъ.

Маленькая дѣвочка, лѣтъ 10—11-ти, подала мнѣ сегодня «*Бирюка*».

— Поняла! сказала она.

— А интересно было читать или скучно? спросила я.

— Интересно, отвѣчала она:—да вотъ я вамъ лучше всего разскажу!

И разсказъ полился изъ устъ ребенка такъ быстро, свободно, оживленно, что невозможно было безъ умиленія слушать его.

— Онъ ѣхалъ, говорила дѣвочка:—а собака *пристально* бѣжала за нимъ. Послѣ какъ ударитъ громъ, молнія, дождикъ! Пути не видать; лошадь по грязи шлепаетъ, а тутъ на встрѣчу—мужчина незнакомый:—«Поѣдемъ ко мнѣ!»—«Поѣдемъ!» Пріѣхали. И слышитъ охотникъ *босой топотъ ногъ*,—это дѣвочка лѣсникова на встрѣчу посвѣтила. Вошли въ хату. Оглядѣлся онъ:—такъ скорбно кругомъ...

И она съ удивительными подробностями описала окружающую обстановку бѣднаго жилья. Ничто не было позабыто: ни изорванный тулупъ на стѣнѣ, ни груда тряпокъ въ углу, ни два большихъ горшка возлѣ печки, ни люлька, ни даже то обстоятельство, что правой рукой дѣвочка качала люльку, а лѣвой лучину поправляла. Мнѣ казалось, что я слышу въ первый разъ всѣ эти подробности,—съ такимъ участіемъ передавалъ ихъ ребенокъ.

Затѣмъ она упомянула грустнымъ голоскомъ, «какъ тяжко было дыхать младенцу», и какъ «лѣсникъ подалъ дѣвочкѣ рожокъ замазанный», и какъ онъ сказалъ барину, что «теперь нечего погоды дождидаться, а гроза проходитъ», и вышелъ барина выпровожать и услышалъ шумъ издалека. Охотникъ ничего не слыхалъ, а онъ черезъ бурю слышалъ, какъ «дерево срубаютъ».

Разсказъ былъ безупречно доведенъ до конца съ мельчайшими подробностями, за исключеніемъ побѣга жены лѣсника.

— А гдѣ же была жена лѣсника? спросила я.

— Она умерла, отвѣчала дѣвочка увѣренно и спокойно.

— Нѣтъ, она не умерла, кажется, сказала я.

— Какъ не умерла! возразила горячо дѣвочка:—я вамъ сейчасъ найду.

— Найди!

Она послюнила палецъ и быстро нашла то мѣсто въ выноскѣ, гдѣ сказано: «Бирюкомъ

называется въ Орловской губерніи человѣкъ однокій!»

— Это вамъ разъ! сказала она: — а вотъ вамъ два! и она быстро указала своимъ замазаннымъ пальчикомъ на сосѣднюю страницу направо и прочла бойко:—«Умерла, знать?—Нѣтъ... да... умерла!»

Цѣлью моею, конечно, было не доказать ребенку, что я права въ спорѣ, и разъяснить фактъ побѣга жены Бирюка, а увѣриться только, насколько простирается ея невѣдѣніе житейскихъ треволненій, и потому, не перечитывая далѣе, я спросила:—Что же онъ еще сказалъ охотнику?

Дѣвочкѣ, повидимому, наскучило мое приставанье, и она не понимала, чего мнѣ отъ нея надо.

— Можетъ, онъ и еще что нибудь ему по секрету сказалъ, замѣтила она, наконецъ, простодушно:—ей-Богу, не знаю; и дѣти, можетъ, не его родныя были, а племянники, такъ какъ онъ ихъ изъ жалости пріютилъ!

Мнѣ было ясно, что проступокъ матери прошелъ незамѣченнымъ для ребенка. *Х. А.*

---

97) **Однодворецъ Овсянниковъ**. Разсказъ И. С. Тургенева. Москва. Ц. 4 к. 24 стр.

98) **Однодворецъ Овсянниковъ**. Изд. Глазунова. СПБ. 1884 г. Ц. 4 к.

Ни одинъ изъ разсказовъ Тургенева, изданныхъ для народа, не возбуждаетъ столько вопросовъ, не даетъ такой богатой темы для бесѣды съ учащимися, какъ *«Однодворецъ Овсянниковъ»*. Здѣсь возможно сравненіе прошлаго съ настоящимъ, сравненіе въ живыхъ образахъ, которые говорятъ сами за себя.

Я дала прочесть его одной изъ взрослыхъ и развитыхъ ученицъ воскресной школы, 16-ти лѣтъ, и между нами произошла по этому поводу такая бесѣда:

— Что за человѣкъ былъ однодворецъ Овсянниковъ?

— Онъ былъ человѣкъ прямой, добрый, никого не обижалъ, не любилъ хвалиться, неторопливый, разговаривалъ съ разстановкой, внятно, не выдавалъ себя за барина; хорошій былъ человѣкъ!

— Что разсказывалъ онъ барину о прошломъ?

— Ничего онъ хорошаго въ немъ не находилъ,—не такъ, какъ прочіе старики. Онъ говорилъ, что тогда было лучше для помѣщиковъ: жили богаче, вольнѣе; но это хорошо было только для сильныхъ, а слабыхъ они угнетали; а какъ пожалуешься, — еще хуже, бывало, выходитъ!

— Что говорилъ Овсянниковъ о дѣдушкѣ?

— Обижалъ всѣхъ. — И ученица передала подробно исторію присвоенія имъ крестьянской земли.

— А помните Степана Никтополіоновича Комова? Что онъ о немъ разсказывалъ?

— Какъ пьянъ напьется, — все по его поступай, а то—сейчасъ бить лѣзетъ. Онъ тоже почти уморилъ было отца Овсянникова. Приказываетъ:—«пляши, хоть до упаду!»

— А объ Орловѣ?

— Объ Орловѣ онъ хорошо отзывался. Кто былъ сильный, тотъ угнеталъ, а этотъ совсѣмъ напротивъ: этотъ былъ добрый человѣкъ, гостепріимный. Созоветъ гостей, но никого не обидитъ. Овсянниковъ даже такъ про него выразился: «кто мелко плаваетъ, тотъ скорѣе куражится»; а онъ не хвалился своимъ происхожденіемъ, хотя очень знаменитый былъ! — Затѣмъ она съ оттѣнкомъ вполнѣ умѣстной ироніи передала отношенія вельможи къ ловчему Баушу и собакѣ Миловидкѣ и заключила со смѣхомъ:—Онъ приравнялъ эту Миловидку не то что къ ловчему, а даже къ женѣ. И схоронилъ ее, какъ человѣка, когда она померла, — такой сумасшедшій!

— А что вы скажете объ Александрѣ Владиміровичѣ Королевѣ?

— Что-жъ! разговаривалъ онъ хорошо, а на дѣлѣ совсѣмъ не такъ!—И она передала подробно о дворянинѣ новой породы: фразерѣ, не уступившемъ — на дѣлѣ — крестьянамъ 4-хъ десятинъ болота.

— А какъ вамъ нравится Василій Николаевичъ Любозвоновъ? (реформаторъ, наряжавшійся въ русскій костюмъ, поддѣлывавшійся подъ народъ и, между тѣмъ, допускавшій управляющаго тѣснить мужиковъ).

— Пріѣхалъ онъ изъ Москвы въ деревню, и Богъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось: нарядился по русски: «я, говоритъ, русскій человѣкъ, не пренебрегаю дворовыми людьми, люблю веселиться!..» Говоритъ, а самому какъ будто стыдно. Никогда съ нимъ этого прежде не случалось. И для чего онъ такъ поступалъ?

— Какъ же вы думаете: добра желалъ онъ мужикамъ или худа?

— Онъ, вѣрно, этимъ только самому себѣ удовольствіе доставлялъ! — Положимъ, худа онъ не желалъ, но и лучшаго ничего не вышло! Призвалъ къ себѣ первоначально управляющаго; тотъ даже перетрусился, потому что съ мужиками несправедливо поступалъ, а кончилось дѣло ничѣмъ!

— А какъ вы думаете: прежде было лучше, или теперь?

— Я согласна съ Овсянниковымъ, сказала ученица такимъ тономъ, какъ будто это былъ ея хорошій знакомый:—чѣмъ дальше, все становится лучше, и совсѣмъ теперь права не такія: нѣтъ того, чтобы крѣпостными были!

— Что за человѣкъ былъ Митя, племянникъ Овсянникова? что было въ его занятіяхъ хорошаго и дурнаго?

— Когда онъ вступилъ на службу, ему не понравилось, что чинъ ему нескоро положили. Нельзя же сразу! а онъ обидѣлся и бросилъ службу. По моему, это глупо. А хорошо въ немъ было то, что онъ за слабыхъ заступался, которыхъ некому было защищать. Только Овсянниковъ его тѣмъ упрекалъ, зачѣмъ онъ съ нихъ взятки бралъ, да въ городъ возилъ, проигрывалъ. Если ужъ вступаться за бѣдныхъ людей,—такъ не для взятокъ!

— Какъ попалъ въ Россію Францъ Ивановичъ Леженъ?

— Онъ у своихъ, у французовъ, барабанщикомъ былъ, а послѣ, какъ попалъ къ намъ, наши мужички утопить его собирались. Онъ имъ белькочетъ по своему, а они, не зная, конечно, французскаго языка, не могли понять. Ѣхалъ господинъ и чуть не проѣхалъ мимо, а послѣ вздумалъ: можетъ, онъ на фортепьянахъ можетъ играть; то нужно было-бъ нанять и платить, а тутъ—даромъ; тѣмъ болѣе, что у него и фортепьяны таковскія были, у жида куплены, который одеколономъ торгуетъ. А послѣ этотъ Леженъ къ другому помѣщику перебрался и очень понравился ему за свою веселость. Даже дочь свою замужъ за него выдалъ... и вышелъ изъ него сосѣдъ Тургенева! заключила неожиданно для меня ученица.

Наталья Даранчова, 16-ти л., прочла *«Однодворецъ Овсянниковъ»* Тургенева.

— Ничего, понравилась, сказала она, подавая книгу:—только не всѣ эти разговоры я поняла: то про одного, то про другаго—не могу разсказать.

— Ну, разскажите, что поняли.

— Однодворецъ Овсянниковъ начала ученица:—былъ человѣкъ зажиточный. Онъ всѣмъ уважалъ, и ему всѣ уважали. Пришелъ къ нему однажды помѣщикъ, и разговорились они насчетъ старины. Овсянниковъ говоритъ: «нехорошо тогда люди жили», и про дѣдушку его началъ разсказывать, а помѣщикъ молчитъ, потому что ему то время нравилось.

Хотѣлось мнѣ спросить ее: «почему же вы такъ думаете, что ему то время нравилось,—въ книгѣ этого не написано?» Но ученица и безъ того стѣснялась передачей, силясь, повидимому, выжать какъ можно больше изъ своей памяти того, что она прочла, а потому я и побоялась перебить ее.

— Помню я еще, продолжала она сбивчиво:—про молодаго помѣщика, какъ онъ собралъ мужиковъ и говоритъ: «сдѣлаемъ порядокъ какой нибудь, а то что̀ мы такъ, Богъ знаетъ, какъ живемъ!» Это онъ на словахъ говорилъ, но устроить порядокъ не могъ. Онъ въ деревенскомъ хозяйствѣ мало понималъ — управляющій имѣніемъ управлялъ. Помню также про Митю-племянника: онъ, такъ себѣ, скитался, ремесла никакого не имѣлъ. Про француза тоже помню: мужики его захватили и говорятъ: «попалъ въ нашъ плѣнъ, такъ иди себѣ подъ ледъ!» Помѣщикъ проѣзжалъ и взялъ его къ себѣ на фортепьянахъ играть. Больше ничего не помню, заключила ученица.

Ученица не принадлежитъ къ числу способныхъ и развитыхъ, а поэтому съ нея и нечего много взыскивать.

Рукопись взрослаго грамотнаго простолюдина.

Однодворецъ Овсянниковъ. Лука Петровичъ Овсянниковъ былъ лѣтъ 70-ти, очень умный человѣкъ. Всѣ сосѣди уважали его за его степенность и умъ. Онъ придерживался старинныхъ обычаевъ, почиталъ за грѣхъ раздавать хлѣбъ, даръ Божій, а помогалъ имъ только мужикамъ въ нуждѣ. Хозяйство онъ имѣлъ хорошее, жилъ съ женою, дѣтей не было. Если онъ разговаривалъ, то говорилъ дѣло, а такъ, безъ толку, никогда не разговаривалъ. Когда къ нему зашелъ баринъ, онъ въ разговорѣ съ нимъ не хвалилъ стараго времени,—говорилъ, что помѣщикамъ тогда власти много было, а теперь уже нѣтъ такой власти. Онъ разсказывалъ барину про его дѣдушку, какъ онъ самовластно отнялъ у нихъ землю. — «Мой отецъ, разсказывалъ Овсянниковъ, хотѣлъ подать прошеніе, а вашъ дѣдушка строгостью заставилъ его отказаться отъ земли; въ тѣ времена невозможно было найти суда на барина. По разсказамъ нашихъ отцовъ, помѣщики въ то время сильно обижали даже государственныхъ крестьянъ: врѣжется при размежеваніи въ мужицкую землю, захватитъ нѣсколько десятинъ, и—пиши пропало! Мужику тогда ничего говорить нельзя было».

Потомъ онъ разсказалъ ему про помѣщика Комова: какой онъ пьяница былъ, и какъ однажды было отца его замучилъ, да, слава

Богу, самъ померъ. Какъ напьется, бывало,— хоть вонъ святыхъ выноси! мучилъ мужиковъ крѣпостныхъ и дѣвокъ: заставитъ играть всю ночь и пѣть, а днемъ на работу ступай!

Разсказывалъ онъ также про графа Алексѣя Григорьевича Орлова, какой онъ милостивый былъ ко всѣмъ; нищіе сотнями живали на его хлѣбѣ. Однажды графъ созвалъ охотниковъ со всего царства, и собака вашего дѣдушки, Миловидка, всѣхъ обогнала. Графъ очень желалъ имѣть ее у себя, а вашъ дѣдушка сказалъ: «лучше жену уступлю, чѣмъ Миловидку!»

Тутъ баринъ сказалъ: «вотъ же были тогда добрые господа, какъ Алексѣй Григорьевичъ, — не обижали людей!» А Овсянниковъ отвѣчалъ: «да, это настоящій, можно сказать, вельможа былъ, а кто мелко плаваетъ, тотъ и задираетъ!»

Баринъ просилъ Овсянникова разсказать про Бауша. — «Это былъ ловчій, отвѣчалъ ему Овсянниковъ: — дѣдушка вашъ его не меньше Миловидки любилъ. Онъ былъ отважный человѣкъ, хоть на ножъ готовъ. Да, все теперь перемѣнилось, продолжалъ Овсянниковъ:—времена подошли другія, особенно въ деревняхъ вижу большую перемѣну. Вотъ дворяне ученые, а не знаютъ своей пользы, не чувствуютъ, что прикащики какъ хотятъ, такъ и мошенничаютъ по деревнямъ, и часто хозяина своего гнутъ въ дугу.

«Разскажу я вамъ еще про Александра Владиміровича, — какой ученый и умный былъ, какъ хорошо говорилъ. Мнѣ даже дивно было слушать: все про крестьянъ, все про крестьянъ и, наконецъ, не уступилъ 4-хъ десятинъ болота мужичкамъ. Я, говоритъ, фабрику на нихъ поставлю. Такъ и разъѣхались, не сдѣлавши никакого дѣла.

«А еще я вамъ разскажу про Василія Николаевича. Пріѣхалъ онъ къ себѣ въ вотчину въ кучерскомъ нарядѣ, вродѣ сумасшедшаго, заставилъ сразу пѣсни гулять: «я, говоритъ, русскій баринъ и люблю по русскому жить». Хотѣлъ распорядиться надъ своими крестьянами, но не могъ; самъ ничего не зналъ, притворился больнымъ, позвалъ прикащика, просилъ не притѣснять крестьянъ и съ тѣмъ уѣхалъ, но прикащикъ управлялъ потомъ, какъ ему желалось».

Нѣтъ, теперь все перемѣнилось (начинаетъ разсуждать самъ пишущій), и въ дворянахъ, и въ крестьянахъ. По разсказамъ нашихъ отцовъ, все теперь лучше: дворяне меньше стали балы справлять, а хоть и справляютъ, такъ когда нужно. И я благодарю Всевышняго, что худое время проходитъ, а лучшее настаетъ. И обиды нѣтъ такой отъ господъ мужикамъ. Въ старыя времена богатые люди сильно притѣсняли бѣдныхъ, а сильные—слабыхъ; жалобу хоть не подавай, а то самъ виноватъ останешься,—такія уже тогда времена были; а теперь этому случиться невозможно, потому что въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ даровалъ намъ скорый и праведный судъ, на которомъ всѣ равны—богатые и бѣдные, сильные и слабые, за что мы должны быть благодарны ему по гробъ жизни. Къ несчастію, Россія лишилась этого драгоцѣннѣйшаго монарха, который сильно заботился о благосостояніи своихъ подданныхъ».

Приведемъ еще нѣсколько отвѣтовъ бывшихъ учениковъ сельской школы на вопросы, поставленные учителемъ.

Вопросъ: Могло ли это быть теперь?

Отвѣтъ: Теперь этого быть не можетъ, чтобы помѣщики и другіе паны отнимали у мужиковъ землю. Теперь они потому не могутъ отнять земли, что люди стали дружнѣе и умнѣе: какъ одинъ, такъ и всѣ.

Теперь этого не можетъ быть потому, пишетъ другой:—что нѣтъ такихъ помѣщиковъ, чтобы имѣли право распоряжаться надъ крестьянами и заставлять подневольно ихъ работать, потому что мужикамъ открылась воля въ 1861 г., 19-го февраля, Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и ему благодареніе, слава, царство небесное и вѣчный покой!

Вопросъ: Что удивляло мужиковъ въ Любозвоновѣ?

Отвѣтъ: Мужиковъ удивляло въ немъ вотъ что̀: былъ онъ баринъ молодой и образованный, получилъ чинъ. Мужики собрались, чтобы послушать его совѣтовъ, а онъ вышелъ къ нимъ въ плисовыхъ панталонахъ и въ красной рубашкѣ, какъ кучеръ, и, вмѣсто всякаго дѣла, пѣть пѣсни ихъ заставилъ. Онъ, вѣрно, вышелъ только, чтобъ показать, что онъ хорошо *убратый*. Положимъ, онъ мужикамъ добра хотѣлъ, но не умѣлъ взяться за дѣло, а занимался постоянно чтеніемъ или письмомъ.

Вопросъ: Что за человѣкъ былъ Митя?

Отвѣтъ: Человѣкъ онъ былъ ничего, — только вездѣ не дослуживалъ, отвѣчаетъ лаконически, но выразительно пишущій.

Вопросъ: Хорошо ли и справедливо ли поступили съ Францемъ Ивановичемъ Лежепемъ?

Отвѣтъ: Нѣтъ! мужики поступили неправильно, что просили его, чтобы онъ имъ ува-

жилъ и подъ ледъ нырнулъ, потому что, хотя онъ и шелъ, чтобы Москву покорить и разорить, но все таки лежачаго не бьютъ; къ тому же, онъ шелъ по приказу. Будь это на войнѣ—другое дѣло! на войнѣ и убить не грѣхъ.

Нехорошо, неправильно, не по христіански, отвѣчаетъ другой.—Хоть онъ и врагъ былъ, а все таки надъ нимъ надо смиловаться. Безжалостные они люди были, вотъ что̀! Впрочемъ, и теперь есть такіе безжалостные, которые утѣшаются страданіями животныхъ, и даже людей. Итакъ, слава сильнымъ, поступающимъ по закону, стыдъ и срамъ не поступающимъ по закону христіанскому, а дѣлающимъ, какъ имъ хочется!

Примѣч. См. рец. «Систематическій Обзоръ Народно-учебной Литературы» 1878 г., стр. 218 и 219. Острогорскій В. «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ», вып. II, стр. 78.

---

99) **Муму** (отрывокъ). И. С. Тургенева. Изданіе Кіевскаго Отдѣла Россійскаго Общества покровительства животнымъ. Кіевъ. 1883 г. Ц. 10 к. 42 стр.

Нельзя не отнестись съ признательностью къ Кіевскому Отдѣлу Общ. покр. животнымъ, издавшему художественный отрывокъ изъ повѣсти И. С. Тургенева. Это не разсказы Соловьева и другихъ, нарочито пригнанные къ цѣли исправленія жестокости въ обращеніи съ животными; это правдивая жизненная драма, способная оставить глубокій слѣдъ въ юной душѣ читателя, и если Общество издало эту книгу съ цѣлью гуманизировать нравы,—оно нимало не ошиблось въ своемъ разсчетѣ *).

Нѣмой великанъ Герасимъ, тихій, кроткій, замкнутый человѣкъ, съ первыхъ минутъ привлекаетъ симпатіи читателей. Симпатіи эти еще болѣе растутъ при описаніи его чисто материнскихъ ласкъ и отношеній къ несчастному щенку, вытащенному имъ изъ Москвы-рѣки. Онъ называетъ его Муму, такъ какъ не умѣетъ назвать иначе, и привязывается къ нему съ такой силой, съ какой способенъ только привязаться человѣкъ, лишенный всѣхъ радостей въ жизни. Муму платитъ ему тѣмъ же, и оба счастливы по своему. Но вотъ капризной и взбалмошной барынѣ вздумалось зазвать дворняжку въ свои барскія палаты. Дворняжка не привыкла къ свѣтскимъ приличіямъ: она оскалила зубы и зарычала на барыню. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать грозную опалу. И вотъ, когда нѣмой понялъ, что отъ него требуютъ жизни любимаго существа, онъ не предалъ его въ руки мучителей; онъ накормилъ, причесалъ, обласкалъ своего друга, привѣсилъ собственноручно два камня на шею и, зажмуря глаза, бросилъ въ воду.

Такая драма, такая выдержка характера до конца могла быть нарисована только кистью художника. Вотъ почему и производитъ она глубокое впечатлѣніе и на дѣтей, и на взрослыхъ, вызывая искреннее сочувствіе и слезы. Подѣлимся этими впечатлѣніями, свидѣтелями которыхъ намъ пришлось быть въ группѣ взрослыхъ учениць воскресной школы и учениковъ-подростковъ сельской школы.

Живость и жизненность, съ которою ведется разсказъ, отразились при чтеніи и на слушательницахъ. Вначалѣ, собственно, нѣтъ драмы; она разыгрывается позднѣе; вотъ почему при началѣ чтенія ихъ занимали детали, не имѣющія непосредственнаго соприкосновенія съ послѣдующей драмой; такъ, напр., то обстоятельство, что барынѣ на картахъ вышло четыре валета, что̀ означаетъ исполненіе желаній, чрезвычайно заняло учениць и прервало на время чтеніе.

— А я, что хотите, не вѣрю картамъ! начала *Бочарова*:—сколько ни гадала, все пустяки. Вотъ сны—другое дѣло; снамъ я вѣрю.

— А я и снамъ не вѣрю, сказала *Семененко*:—каждый день что нибудь снится, а не сбывается.

— Есть сны *серьезные*, а есть сны *простые*, замѣтила дѣловито *Титарева*: — серьезные всегда остаются въ памяти!—А насчетъ гаданья, можетъ, еслибъ увѣрили,—повѣрила бы, а сейчасъ не вѣрю.

— А я что̀ слышу отъ людей, въ томъ не увѣрена, возразила настойчиво *Семененко*:— а сама гадала для пробы: ничего не пришлось!

— А я на-двое, сказала *Хлусова*:—будто вѣрю, будто нѣтъ.

Я дала высказаться всѣмъ до одной, дѣлая наскоро замѣтки. Оказалось, что въ гаданье вѣритъ значительное меньшинство, а въ сны—всѣ, за исключеніемъ Семененко. Я молчала, но чувствовала, что въ эту минуту многіе изъ собратовъ по профессіи обратились бы ко мнѣ съ упрекомъ за это молчаніе. Быть можетъ, они и правы, но я лично глубоко вѣрю въ то, что предразсудки разрушаются распростра-

*) Теперь «Муму» есть въ продажѣ и въ видѣ полнаго разсказа: изд. Глазунова, СПб., 1887 г. Ц. 6 коп.

ненiемъ знанiй, а не простымъ отрицанiемъ, которое знанiй не даетъ, предразсудковъ не уничтожаетъ и, безцѣльно оскорбляя, мѣшаетъ откровенности и искренности отношенiй и только увеличиваетъ ту пропасть, которая и безъ того отдѣляетъ темнаго человѣка отъ его просвѣтителей.

Необходимо оговориться, однако, что я говорю *исключительно о взрослыхъ людяхъ*, закоренѣлыхъ въ своихъ предразсудкахъ. Дѣтей это не касается, и школа обязана силиться оказать на нихъ свое благотворное влiянiе.

Къ описанiю приживалокъ слушательницы отнеслись весьма иронически.

— И совсѣмъ имъ не хотѣлось смѣяться, замѣтила одна изъ учениць: — это онѣ смѣялись только въ угоду барынѣ.

— Это, навѣрное, было во времена крѣпостныхъ правъ, замѣтила другая.

— Барыни любили тогда такихъ людей, чтобъ доносили на прислугу, добавила третья.

Барыня вызвала общiя насмѣшки и негодованiе.—Какая тамъ болѣзнь,—капризы отъ бездѣлья! говорили однѣ.—Оправдать себя желала—больше ничего! замѣчали другiя.

По мѣрѣ развитiя драмы, замѣчанiй слышалось все меньше и меньше. «Слава Богу!» сказалъ только кто-то съ чувствомъ, когда Муму возвратилась въ первый разъ къ Герасиму. При описанiи смерти Муму въ классѣ было очень тихо,—всѣ плакали. Когда я окончила чтенiе, Титарева замѣтила:—«Господи! и почему онъ не взялъ ея съ собою въ деревню?» И въ головѣ у нея опять задрожали слезы.—«Онъ раньше объ этомъ не вздумалъ», замѣтила, соболѣзнуя, Киценко. Слезы Михайловой превратились въ рыданiя.—«Полно, Михайлова!» сказала я, подавая ей стаканъ воды.—«У меня тоже была такая собака... украли... для смѣху, говорятъ... подшутить надо мной хотѣли»... едва выговорила она сквозь всхлипыванья, быстро накинула платочекъ на голову и быстро вышла изъ класса.

— Домой ушла! замѣтила одна изъ учениць, глядя въ окно.

— Значитъ, ей жалко, добавила другая.

Вотъ знанiе сердца человѣческаго! думала я, глядя на сѣренькую книжечку съ надписью: «*Муму*».

Въ сельской школѣ чтенiе вышло нѣсколько иначе: все вниманiе дѣтей было приковано съ первыхъ страницъ исключительно къ Герасиму и Муму; слушали, повидимому, съ огромнымъ интересомъ, но высказывались мало: деревенскiя дѣти вообще молчаливы. Зато, когда пришлось передавать содержанiе, они передавали его по истинѣ поразительно. Не было опущено ни малѣйшей подробности; можно было подумать, что они учили его наизусть.

Затѣмъ учительницей предложены были слѣдующiе вопросы:

Вопросъ 1-й. Какъ вы думаете, давно ли это случилось?

— Я думаю, давно, когда крѣпостные были, отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— А почему ты такъ думаешь?

— Потому что она его съ дороги вернуть хотѣла, а вольнаго не воротишь!

Вопросъ 2-й. Какъ же бы могъ поступить вольный человѣкъ?

— Онъ бы и самъ ушелъ, и собаку унесъ, отвѣчалъ одинъ.—Онъ бы могъ судиться, замѣтилъ другой.

— За собаку-то? Да вѣдь онъ самъ ее утопилъ, добавилъ печально третiй.

— А я думаю, что это было послѣ крѣпостныхъ правъ, вмѣшался Бондаренко.

— Почему такъ? спросила учительница.

— Я сужу по приживалкамъ, отвѣчалъ онъ:—когда помѣщицы обѣднѣли, онѣ пошли въ приживалки; а обѣднѣли онѣ потому, что некому на нихъ стало работать: прежде на нихъ люди работали, а теперь—аминь!

Вопросъ 3-й. Что такое приживалки? спросила учительница.

— Обѣднѣвшiя помѣщицы, отвѣчалъ Иванъ Бондаренко:—жалованья онѣ не берутъ и не работаютъ ничего, такъ, Бога ради, живутъ; почетнаго званiя, къ работѣ не прiучены,—онѣ бы и рады работать, да имъ стыдно.

Вопросъ 4-й. Много ли привязанностей было у Герасима?

— Какъ есть одна собачка, никого у него больше не было.

Вопросъ 5-й. А почему онъ не прiобрѣлъ себѣ новой собаки? спросила учительница, предполагая услышать въ отвѣтъ, что ему тяжело было напоминанiе о погибшемъ другѣ.

— Потому, чтобы опять не случилось такое самое, отвѣчалъ основательно мальчикъ, а дѣвочка прибавила съ особеннымъ чувствомъ:—Вотъ, жалко!

Необходимо указать въ заключенiе на слѣдующую небрежность, вкравшуюся въ отрывокъ, изданный Кiевск. Отд. Россiйск. Общ. покровительства животнымъ: такъ какъ романъ Герасима съ Татьяной отъ стран. 292 и до стр. 302 пропущенъ въ книжечкѣ, изданной, по всей вѣроятности, преимуще-

ственно для школъ, то неизбѣжно требовалось опустить въ концѣ слѣдующія строки

«Со времени своего возвращенія изъ Москвы, онъ совсѣмъ пересталъ водиться съ женщинами,—даже не глядитъ на нихъ».

Строки эти выходятъ безсмысленными и неумѣстными.

---

100) **Постоялый дворъ.** И. Тургенева. Изд. Спб. Комитета Грамотности № 4. Спб. 1881 г. Ц. 10 к. 72 стр. Съ 4-мя картинками. (Изд. распродано).

Эта грустная повѣсть великаго художника оставляетъ по себѣ невыносимо тяжелое впечатлѣніе; въ ней нѣтъ ни одной свѣтлой точки, ни одного лица, на которомъ можно было бы остановиться и отдохнуть душой.

Зажиточный мужикъ Акимъ, владѣтель постоялаго двора, добытаго рядомъ трудовыхъ лѣтъ, вдовецъ, имѣвшій слабость къ женскому полу и пожившій-таки на своемъ вѣку въ свое удовольствіе, встрѣчается съ молодой, красивой, элегантной горничной Дуняшей. Въ то время ему было подъ 50 лѣтъ, и онъ думалъ, что съ этой стороны всѣ его разсчеты съ молодостью покончены; но новое увлеченіе охватываетъ его со всею силой. Напрасно дядя Акима говоритъ ему:—«Эхъ, Акимъ, Акимъ! Ты намъ, мужикамъ, не братъ теперь,—что и говорить, да и она тебѣ не сестра!» Онъ дѣлаетъ предложеніе. Дуняша плачетъ, капризничаетъ, считая для себя это предложеніе мужика чуть не обидой; но дорогіе подарки Акима и уговоры хитрой Кирилловны, приближеннаго лица къ барынѣ, подкупаютъ дѣвушку, и она выходитъ замужъ. Акимъ наряжаетъ свою молодую и красивую жену, какъ барыню, и все ждетъ, что она попривыкнетъ къ нему. И дѣйствительно, она привыкла, довольная своей богатой обстановкой и беззаботной жизнью.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ до встрѣчи Авдотьи съ лихимъ молодцомъ, балагуромъ Наумомъ. Онъ увлекаетъ молодую женщину, уговариваетъ вытащить у легковѣрнаго мужа всѣ его трудовыя денежки, ловко обдѣлываетъ дѣльце съ глупой помѣщицей, находящейся всецѣло подъ вліяніемъ ехидной Кирилловны, покупаетъ подъ шумокъ Акимовъ постоялый дворъ, построенный на господской землѣ, и безцеремонно выгоняетъ оттуда прежнихъ хозяевъ.

Всѣ эти продѣлки безсердечнаго кулака такъ возмутительно наглы, что чувство справедливости неиспорченнаго нравственно человѣка непремѣнно должно вопіять объ отмщеніи. И что же?—Наумъ безконечно счастливъ; онъ богатѣетъ съ каждымъ днемъ, удачно продаетъ свой постоялый дворъ и дѣлается зажиточнымъ хлѣбнымъ торговцемъ. А несчастный Акимъ, лишившійся въ одинъ день всего:—и жены, и чести, и имущества, въ эту первую роковую ночь, безъ крова и пристанища, съ головешкой въ рукахъ, идетъ поджечь жилище своего злодѣя и губителя и—попадается на мѣстѣ вынужденнаго преступленія. Его вяжутъ, бросаютъ въ подвалъ и на другой день везутъ въ острогъ, какъ поджигателя и убійцу, при которомъ былъ найденъ ножъ.

Тогда, въ эту послѣднюю минуту, злодѣй Наумъ, рѣшивъ въ своей преступной головѣ задачу, что выпустить Акима на всѣ четыре стороны выгоднѣе возни съ сутяжничествомъ и попрековъ Авдотьи, отпускаетъ его, взявъ клятву, что онъ не тронетъ болѣе ни его двора, ни его самого.

Правда, Акимъ, потрясенный всѣмъ происшедшимъ до глубины души, вдругъ кается въ своихъ грѣхахъ и превращается въ странника-богомольца; но этотъ мирный конецъ послѣ ряда только что пережитыхъ звѣрствъ не вноситъ въ возмущенную душу ни капли успокоенія.

Нечего и говорить, что тема разсказа—совсѣмъ не дѣтская, и учитель тщательно долженъ уберечь отъ нея ребенка *). Эти злодѣйства проныры, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ и благоденствіемъ, убѣдятъ его только въ возможности полнѣйшей безнаказанности при легкой безчестной наживѣ и, во всякомъ случаѣ, не оставятъ въ душѣ ни здоровой бодрости, ни желательной вѣры въ торжество истины, чего мы вправѣ требовать отъ книги для народнаго чтенія, — а одно только чувство горечи, отчаянія и страданія.

Впрочемъ, чувство протеста противъ зла, даже противъ зла, безнаказанно торжествующаго свою побѣду, тоже можно признать однимъ изъ воспитательныхъ средствъ, и съ этой точки зрѣнія желательно не лишить народную библіотеку одного изъ произведеній великаго творчества, причемъ мы рекомендуемъ его исключительно для взрослыхъ.

---

*) Само собою разумѣется, что въ минуты творчества авторъ былъ далекъ отъ мысли, что разсказъ этотъ попадетъ въ руки ребенка, и не задавалъ себѣ вопроса, какое вліяніе долженъ оказать онъ въ воспитательномъ отношеніи. Это задача педагога, а не художника.

Вопросы:

Слѣдовало ли пожилому человѣку Акиму жениться на молодой дѣвушкѣ?

Правъ ли былъ дядя, предостерегая его отъ этой женитьбы?

Что за человѣкъ былъ Наумъ?

Какими средствами достигъ онъ своего благосостоянія?

Всегда ли такіе поступки проходятъ безнаказанно?

Можно ли позавидовать богатству, пріобрѣтенному такими средствами, какъ пріобрѣлъ его Наумъ?

Высчитайте всѣ преступленія Наума.

Была ли въ немъ хоть капля совѣсти и состраданія къ ближнему?

Примѣчаніе. Рец. см. «Дополненіе къ обзору народн. литературы», стр. 37. «Русскіе писатели» В. Острогорскаго, вып. II, стр. 73.

Сегодня я прочла въ группѣ взрослыхъ ученицъ «*Постоялый дворъ*» Тургенева. Вначалѣ онѣ плохо оріентировались—кто прежде и кто послѣ содержалъ постоялый дворъ, Акимъ или Наумъ; но по мѣрѣ того, какъ характеры дѣйствующихъ лицъ рѣзче выдѣлялись на канвѣ разсказа, а завязка получала все болѣе и болѣе интереса,—вниманіе ихъ росло и росло, и наконецъ онѣ такъ прониклись этой жизненной драмой, что появились непроизвольные, повидимому, возгласы и замѣчанія; такъ, на стр. 19, гдѣ говорится: «Впослѣдствіи, когда связь ея съ Наумомъ стала гласною, многіе въ околоткѣ толковали, что онъ въ первый же вечеръ подсыпалъ ей въ чашку чая приворотнаго зелья»—одна изъ ученицъ воскликнула:

— Непремѣнно подсыпалъ! — Я остановилась, чтобы разубѣдить ее, но меня предупредила другая.

— Съ какой стати подсыпалъ? сказала она.

— Очень просто: говорилъ ему дядя: «не женись, она тебѣ не пара!»—не послушался. Совсѣмъ ему не слѣдовало жениться старому на молоденькой, тѣмъ болѣе, что она не по согласію за него выходила; ее подарки только взрадовали!

Я продолжала читать. На стр. 46-й, гдѣ двуличная Кирилловна уговариваетъ несчастную Дуню, что, молъ, «у насъ всегда для васъ мѣсто найдется», одна изъ ученицъ замѣтила съ ироніей:—Спасибо! была хозяйкой, а послѣ того—опять при милости!

А другая добавила:—Еще утѣшаетъ! Безсовѣстная!

На стр. 54, на которой въ высшей степени жизненно описана сцена между дьячихой и ея пьянымъ мужемъ, одна изъ ученицъ замѣтила:—Ей Богу, это правда! — Еще бы не правда! добавила другая.

Картинка (стр. 58) заняла всѣхъ въ высшей степени, такъ что я долго не могла читать дальше и только дѣлала карандашемъ замѣтки.

— Вотъ бѣдный! говорила одна изъ ученицъ, съ соболѣзнованіемъ глядя на Акима, точно онъ живой стоялъ передъ ней: — ужъ именно посѣтило несчастіе.

— Бѣдный старикъ! замѣтила другая со вздохомъ.—А тотъ, безсовѣстный, какъ будто купецъ какой нибудь стоитъ, сказала съ негодованіемъ третья, глядя на Наума.

— Хитрый! замѣтила про него же еще одна:—съ тѣмъ, будто бы ее любилъ и, наконецъ, такъ обмошенничалъ!

— На мужнины деньги разбогатѣлъ! сказалъ еще кто-то.

— Это только до времени ему прошло такъ, Господь долго не потерпитъ! сказала горячо *Петрова*: — надо своимъ трудомъ себѣ нажить, а не такъ легко. Это грѣхъ отъ Бога и срамъ отъ людей. Не было у него совѣсти ничего! заключила она рѣшительно.

— Какая тамъ совѣсть — не дай Богъ! замѣтилъ кто-то.

— Его бы слѣдовало наказать! вмѣшалась еще одна, молчавшая до тѣхъ поръ, ученица: — и эту ехидну Кирилловну вмѣстѣ съ нимъ. Искать, искать, покуда правды добиться. Жена меньше виновата: какъ бы то ни было,—молодая женщина; опуталъ онъ ее.

— На томъ свѣтѣ всѣхъ разсудятъ; тамъ Богъ взыщетъ все! замѣтила *Демченко Домна*, какъ бы желая всѣхъ успокоить.

— Будетъ вамъ! замѣтила бойкая черноглазая дѣвушка.—Дослушать не даете!

Всѣ замолкли. Я продолжала читать. Съ каждой страницей въ классѣ становилось все тише и тише. Когда дѣло дошло до сцены прощанья Авдотьи съ мужемъ, великодушнаго прощанья человѣка, простившаго другому человѣку, отнявшему у него все, многія изъ ученицъ плакали. Молчаніе это продолжалось и еще нѣсколько минутъ по окончаніи чтенія. Затѣмъ всѣ вдругъ разомъ встали, зашумѣли и начали бурно выражать признательность за интересную книжечку. Каждая просила дать ей домой перечитать еще разъ; но у меня была одна книга, — книга, исчерченная замѣтками объ услышанномъ тутъ же въ классѣ, а потому желаніе это осталось неудовлетвореннымъ до слѣдующаго раза.

101) **Сорочинская ярмарка** или **Похожденія красной свитки.** Н. В. Гоголя. Рисунки П. Е. Рѣпина. СПб. 1882 г. Ц. 10 к. 47 стр. Изд. СПб. Ком. Грамотн. № 9. (Распродано).

102) **Сорочинская ярмарка.** Изд. Салаева. М. 1887 г. Ц. 15 к.

«*Сорочинская ярмарка*» Гоголя принадлежитъ къ числу тѣхъ художественныхъ произведеній, содержаніе которыхъ плохо поддается передачѣ, и если вы давно читали ее, вамъ мало скажетъ слѣдующее:

Мужикъ Черевикъ поѣхалъ на ярмарку съ красавицей - дочерью и женой - мачихой. По дорогѣ они встрѣтили красиваго парня, залюбовавшагося дівчиной и оскорбившаго злую мачиху. Въ отмщеніе за это она не хотѣла впослѣдствіи отдать за него замужъ падчерицу, но парень поднялся на хитрость, подкупилъ цыгана и, благодаря суевѣрному преданію о «*красной свиткѣ*», достигъ желанной цѣли.

Эта незамысловатая фабула разсказа не воскреситъ въ вашей памяти всей прелести, поэзіи, юмора и жизненной правды произведенія, и если вы желаете находиться подъ обаяніемъ таланта Гоголя и раздѣлить впечатлѣнія ученика, вамъ необходимо перечитать разсказъ передъ разспросомъ, чтобы на васъ повѣяло этой поэзіей и жизнью. Еще лучше, если вы прочтете его сами въ классѣ съ остановками и комментаріями.

Затѣмъ считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о картинкахъ. Не смотря на то, что выполненіе ихъ прекрасно и характерно, тѣмъ не менѣе, вращаясь постоянно въ кругу школьниковъ и школьницъ, мы находимъ нужнымъ обратить вниманіе издателей книгъ для народнаго чтенія на то, что къ иллюстрированію книгъ нужно относиться строже, и такія сцены, какъ *попосичъ и Хивря* — болѣе чѣмъ нежелательны. Намъ скажутъ: прочтутъ же эту сцену въ текстѣ! Да, прочтутъ, но маленькіе не поймутъ, а взрослые, передавая подробно разсказъ (мы много разъ замѣчали), подобныя мѣста совсѣмъ выпускаютъ, причемъ очевидно, что пропускъ дѣлается не по забывчивости, а преднамѣренно, изъ скромности. Прочитанное не производитъ того впечатлѣнія, а если и производитъ, то это впечатлѣніе смягчается послѣдующимъ и скорѣе забывается; картина же глубже врѣзывается въ память.

Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы остановить вниманіе на иллюстраціяхъ книгъ для народнаго чтенія вообще. Съ полнымъ убѣжденіемъ говоримъ, что всѣ скабрёзныя сцены должны изгоняться изъ книгъ для народныхъ школьныхъ библіотекъ. Онѣ могутъ нравиться развѣ только деревенскимъ панычамъ-писарямъ, сидѣльцамъ въ шпоночкахъ и лавочкахъ. Натурамъ же чистымъ, свѣжимъ, еще нетронутымъ житейскою грязью, приподноситъ такіе уроки житейской мудрости не слѣдуетъ.

Примѣч. Рец. смотри «Обзоръ народной литературы», стр. 220. Дополненіе къ «Обзору народной литературы», стр. 97. «Русскіе писатели, какъ воспитательно - образовательный матеріалъ», В. Острогорскій, вып. I, стр. 129.

Сегодня я прочла въ группѣ взрослыхъ «*Сорочинскую ярмарку*» Гоголя. Ихъ было человѣкъ около 20, возрастомъ между 18-ю и 30-ю годами. Послѣ первыхъ страницъ описанія природы, я услышала: «Хорошо!»... произнесенное съ большимъ чувствомъ.

На стр. 5-й, гдѣ говорится: «*длинные усы, напудренные тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ, и къ уроду и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческій*», одна изъ слушательницъ остановила меня и спросила: «это означаетъ пыль?» Я перечитала еще разъ тѣ же строки и спросила остальныхъ, о чемъ тутъ говорится, по ихъ мнѣнію? Всѣ сошлись на томъ, что это обозначаетъ пыль. Тогда я объяснила. Объясненіе мое очень всѣмъ понравилось своею неожиданностью. Я продолжала читать.

Съ 6-й стр. начался неудержимый смѣхъ. Впрочемъ, въ концѣ той же страницы произошло новое недоразумѣніе: ученицы, упустивъ изъ виду, что рѣчь идетъ о рѣкѣ, не поняли описаній ея красотъ и думали, что все это относится къ красавицѣ.

На стр. 9-й опять поднялся смѣхъ сочувствія удальству парубка и его перебранкѣ съ злою мачихой, причемъ, впрочемъ, *Петрова* замѣтила серьезно и съ чувствомъ:

— Будь это родная мать, она радовалась бы даже, что дочь красавицей назвали! То-то мачиха!

На стр. 11-й, при описаніи ярмарки, кто-то замѣтилъ:—Точно какъ у насъ на базарѣ передъ праздниками!

Много смѣха было также при описаніи свиданія поповича съ Хиврей. Сцена эта не потеряла своего комизма, не смотря на то, что я сочла необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія, щадя чувство застѣнчивости слушательницъ. Есть сцены, которыя можно допустить для взрослаго человѣка при тихомъ чтеніи въ одиночку,—на нихъ наталкиваетъ жизнь помимо книги,—но тѣ же сцены

не идутъ для громкаго чтенія воспитателя (стр. 23 и 21).

Много смѣха было также, когда свиная рожа показалась въ окно, и перепуганный Черевикъ надѣлъ на голову горшокъ вмѣсто шапки.

По окончаніи чтенія я спросила: —Что-жъ, понравился вамъ этотъ разсказъ или нѣтъ?

— Очень, очень понравился!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— А кто скажетъ, какимъ образомъ произошла вся эта исторія?

— Слухъ такой ходилъ по ярмаркѣ, отвѣчала одна изъ ученицъ: — а цыганъ имъ воспользовался! — А я слыхала отъ людей, замѣтила Петрова:—что на ярмаркахъ всегда такіе случаи бываютъ!—А слѣдуетъ ли вѣрить всѣмъ этимъ слухамъ? спросила я. —Я бы не повѣрила, а мужикъ бы повѣрилъ! замѣтила скромно Титарева.—Оставьте, пожалуйста; и здѣсь, въ городѣ, вѣрятъ точно также! сказала ея сосѣдка.—Какъ же не повѣрить, если всѣ объ этомъ говорятъ! возразила горячо Петрова.—Эта Петрова, ей Богу, всегда только смыслъ перебиваетъ!—сказала съ укоризной Титарева.—Иной разъ говорятъ люди, — не вѣришь, а все какъ будто сомнѣніе тебя возьметъ! замѣтила еще одна ученица.—А я думаю, если самой эту книгу прочитать, такъ не поймешь! сказала одна изъ ученицъ, слабо читающихъ. Это заставило меня возвратиться къ вопросу: «Кто воспользовался этими слухами?» — Цыганъ! отвѣчала одна изъ ученицъ.—Онъ для выгодъ своихъ! добавила Сизова.—Зачѣмъ же понадобились эти хитрости? спросила я:— развѣ нельзя было обойтись безъ нихъ? —Нельзя, отвѣчала одна изъ дѣвушекъ, потому что мачиха очень злая была, особенно послѣ того, какъ онъ дьяволомъ столѣтнимъ ее назвалъ. Это, кажется, больше всего ее обидѣло!

Я хотѣла на этомъ и покончить свои вопросы, когда Петрова, обратясь ко мнѣ, сказала:

— Вотъ покорно благодарю, что вы картины намъ показывали (чтобы оживить чтеніе, я приносила въ классъ альбомъ иллюстрацій къ «Сорочинской ярмаркѣ» Гоголя): если захочешь припомнить, сейчасъ тебѣ картина представится.

— А кто можетъ по очереди передать содержаніе картинъ? сказала я тогда. Кажется, всѣ безъ исключенія выразили готовность.

— Говорите вы! указала я на одну изъ слабѣйшихъ ученицъ.

— 1-я картина, начала она:—сидитъ дівчина и баба на возу; дівчина молодая и красивая, а баба старая и злая; передъ возомъ Черевикъ идетъ, а направо бѣлая свитка—парубокъ стоитъ и съ нимъ еще два парубка.

— Вы! указала я на вторую.

— А на 2-й картинѣ, отвѣчала она:—ночь лунная... И вдругъ, захохотавъ, она закрылась платкомъ и не могла продолжать отъ смѣха.—Что-жъ не говорите? сказала укоризненно ея сосѣдка и добавила:—Поповичъ черезъ заборъ лѣзетъ, а Хивря путь ему показываетъ.—Но ей и самой вдругъ сдѣлалось смѣшно, и она расхохоталась.

Картина 3-я была мною пропущена по причинамъ, указаннымъ въ рецензіи.

4-ю картину ученица мнѣ объяснила такъ:

— Свиная рожа въ окошко лѣзетъ, а они всѣ перепугались—страхъ!.. Изъ-подъ поповича доски попадали, гдѣ онъ спрятался, и онъ какъ загремитъ оттуда!

Остальныя картины были также объяснены безупречно.

Насъ интересовало, какое впечатлѣніе произведетъ та же книга въ деревнѣ, и мы посылали туда листы съ вопросами для полученія отвѣтовъ. Останавливаемся на самой типичной изъ рукописей и приводимъ ее цѣликомъ. Быть можетъ, мы не позволили бы себѣ занять ею такъ много мѣста въ книгѣ, еслибы рѣчь шла не о Гоголѣ, а о комъ нибудь другомъ.

Вопросъ 1-й. Понравилась или не понравилась книга?

Отвѣтъ. «Книга эта мнѣ понравилась, потому что когда я ее читалъ, то мнѣ было очень пріятно, любопытно и смѣшно; но больше всего, кажется, мнѣ понравился утомительно жаркій и роскошный лѣтній день въ Малороссіи, когда солнце жжетъ до ***неумѣримости*** при общей тишинѣ; развѣ только жаворонокъ запоетъ свою звонкую и пріятную пѣсню въ небесной глубинѣ, да изрѣдка послышится крикъ чайки, или голосъ перепела отдастся въ степи, а широкія вѣтви яблонь, грушъ, сливъ и черешенъ отъ тяжести плодовъ понагнулись почти до земли. Высокіе дубы лѣниво стоятъ, ***будто безъ всякой цѣли***, когда ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлые милліоны листьевъ, набрасывая на другіе темную тѣнь. Какъ хорошо, какъ пріятно погулять въ лѣсу въ одинъ изъ такихъ дней на свѣжемъ и полезномъ для человѣка воздухѣ при ароматическихъ духахъ, происходящихъ отъ различныхъ травъ и цвѣтовъ, когда цѣлый міръ насѣкомыхъ жужжитъ разными голосами».

(Послѣднее желаніе принадлежитъ всецѣло ученику.)

Само собою разумѣется, что это описаніе природы является подражаніемъ Гоголю, но можно ли требовать бо̀льшаго отъ ученика, окончившаго годъ назадъ сельскую школу? Не тронь его это описаніе природы до глубины души, онъ просто прошелъ бы его молчаніемъ и приступилъ непосредственно къ фабулѣ разсказа, отвѣтя только на вопросъ 4-й, поставленный ниже.

«Любопытно мнѣ было то, продолжаетъ онъ:—какъ съ утра до ночи со всѣхъ сторонъ тянулись на ярмарку чумаки съ рыбою, солью и горшками, высоко взгроможденными на возѣ, которые были окутаны сѣномъ; только изрѣдка хвастливо выглядывала хорошо разрисованная миска или макитра и многихъ привлекала собою къ любопытству.

«А смѣшно было вотъ что̀: Черевикъ ѣхалъ на Сорочинскую ярмарку вмѣстѣ со своей старухой и дочкой, которыя сидѣли на возу. Поровнявшись съ этимъ возомъ, парубки снимали шапки, но не хозяина они такъ величали, важно шедшаго позади воза, а прекрасную его дочь. Одинъ изъ парубковъ сказалъ: «славная дівчина! я бы отдалъ все свое имущество, чтобъ только поцѣловать ее, а впереди вонъ чортъ сидитъ!» Раздраженная сожительница дівчины начала его бранить, а парубки подняли смѣхъ; а какъ отъѣхали немного, то одинъ изъ нихъ, взявши въ руки комокъ грязи, бросилъ вслѣдъ за нею и какъ есть попалъ ей въ лицо. Весь ситцевый очіпокъ былъ выпачканъ грязью».

Вопросъ. Что въ этой книгѣ могло случиться и чего не могло? или, можетъ быть, вы думаете, что все происшедшее—правда?

Отвѣтъ. «Любовь Голопупенкова сына Грицька, къ прекрасной дочкѣ Черевика могла случиться, потому что это случается очень часто въ мірѣ. Что порубки смѣялись изъ Параскиной мачихи, а Грицько залѣпилъ ей въ лицо и очіпокъ грязью, и она его сильно ругала,—могло случиться. Что Черевикъ выпивалъ магарычъ за дочку со своимъ названнымъ зятемъ, пившимъ горілку, какъ воду,—могло случиться. Что Хивря не позволила своему мужу выдавать Параску замужъ, что Грицько отдалъ цыгану за 15 р. воловъ, лишь бы уговорить Черевика отдать за него свою дочь, что поповичъ былъ у Хиври, жены Черевика, и что она кормила его варениками, пампушками, товчениками и галушками,—все это могло случиться. А то, что женщина, торговавшая бубликами на Сорочинской ярмаркѣ, чорта съ свиной мордой видѣла, который ходилъ по ярмаркѣ, заглядывая во всѣ возы и уголки,—не могло случиться, а ей это показалось отъ страха, или, можетъ быть, она видѣла какого нибудь вора, ходившаго и заглядывавшаго во всѣ уголки, а она, хорошо не разсмотрѣвши, говоритъ, что чорта видѣла. Впрочемъ, неблагоразумные люди повѣрили этой небылицѣ и такъ перепугались, что начали нанимать квартиры для ночлега, а которые побѣднѣе,—уѣзжали домой. *Разсказъ* кумовъ про чорта и его красную свитку могъ случиться, но на самомъ дѣлѣ этого не было, а то, что свиная морда вытаращилась въ окно во время разсказа, тоже могло быть; я думаю, что это цыганъ, подкупленный Грицькомъ, пугалъ ихъ, а они думали, что это тотъ самый чортъ, о которомъ имъ говорилъ кумъ Черевика, да такъ перепугались, что начали прятаться во всѣ уголки дома, даже одинъ изъ нихъ залѣзъ въ печь, не смотря на узкое отверстіе, и самъ себя прислонилъ желѣзною заслонкой».

Вопросъ. Какіе люди вамъ въ этой книгѣ нравятся и какіе не нравятся, и почему?

Отвѣтъ. «Мнѣ больше всѣхъ понравилась дочь Черевика Параска своимъ кроткимъ и веселымъ нравомъ, своимъ бѣлымъ и круглымъ лицомъ, черными бровями и свѣжею улыбкой; и также понравился Грицько въ бѣлой свиткѣ своимъ веселымъ, умнымъ нравомъ да румянымъ лицомъ. Сама Параска сказала про него: «какой хорошій былъ бы съ него парубокъ, еслибъ я связала ему поясъ подпоясывать бѣлую свитку!» Черевикъ тоже понравился мнѣ по своей простотѣ, но жена его Хивря не понравилась какъ по красотѣ, такъ и по уму, потому что умная и благородная женщина не будетъ тайно звать поповича или кого другаго, какъ она звала, говоря: «идите, Аѳанасій Ивановичъ, мой дурень пошелъ на всю ночь къ товару». Что касается парубковъ, которые смѣялись съ Хиври, то хотя они и неблагородно поступили съ нею, но какъ они люди молодые, да къ тому же необразованные, то я имъ это извиняю. Торговка, которая говорила, что видѣла чорта, и волостной писарь, видѣвшій свинью, не понравились мнѣ тѣмъ, что своимъ суевѣріемъ они перепугали всѣхъ людей, бывшихъ на Сорочинской ярмаркѣ. Цыганъ, который купилъ у Грицька за 15 р. воловъ, тоже не понравился мнѣ, потому что онъ то и дѣло старался обмануть кого нибудь. Поповичъ тотъ, что̀ ходилъ къ Хиврѣ, женѣ Черевика, тайно, тоже не нравится. Положимъ, она сама приглашала его, но все таки онъ это дѣлалъ безчестно, и я очень

былъ радъ, когда Богъ наказалъ его, и онъ полетѣлъ съ палатей вмѣстѣ съ досками на полъ, гдѣ былъ спрятанъ Хиврею отъ мужа и отъ другихъ присутствовавшихъ тамъ лицъ».

Вопросъ. Хорошо ли сочинитель описываетъ природу и людей, и похожи ли они на тѣхъ людей, которыхъ вамъ пришлось встрѣтить въ жизни?

Отвѣтъ. «Сочинителъ этотъ, Николай Васильевичъ Гоголь, описываетъ природу и людей въ превосходномъ видѣ. Сколько я могъ припомнить движеніе лѣтняго жаркаго дня, сравнивая съ тѣмъ, какъ онъ описываетъ, я убѣдился, что описаніе его довольно вѣроятно. Даже любовь парубка къ дѣвушкѣ, по его описанію, очень похожа на любовь тѣхъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать очень часто.

«Черевикъ тоже хорошо описанъ, какъ по одѣянію и неопрятности, такъ и по характеру.

«Хивря, жена Черевика, отлично имъ описана; по его описанію, она похожа на тѣхъ людей, которыхъ я даже знаю въ настоящее время.

«Волостной писарь и торговка, о которыхъ говорится въ этой книгѣ, по своему суевѣрію совершенно похожи на тѣхъ людей, которыхъ мнѣ постоянно приходится встрѣчать.

«Поповичъ, кумъ Черевика, парубки и вообще всѣ тѣ люди, о которыхъ говорится въ книгѣ, по описанію этого ученаго человѣка, похожи на тѣхъ, какихъ я встрѣчалъ и зналъ и даже теперь знаю, и по одѣянію, и по суевѣрію, и по влюбчивости, и по характеру».

Бывшій ученикъ Алексѣевской народной школы Иванъ Бондаренко (16-ти л.).

103) **Ночь передъ Рождествомъ.** Н. В. Гоголя. Москва. 1878 г. Изд. Московскаго Комитета Грамотности. Для народнаго чтенія. Ц. 10 к. 60 стр. (Распродано).

104) **Ночь передъ Рождествомъ.** Изд. СПб. Комитета Грамотности. 1884 г. Ц. 10 к.

105) **Майская ночь.** Гоголя. Изд. Московскаго Комитета Грамотности. Ц. 8 к. 39 стр. (Распродано).

106) **Майская ночь.** Изд. СПб. Комитета Грамотности. Ц. 10 к.

Два небольшихъ разсказа, сходныхъ по живости, острому, бойкому малорусскому юмору и прелестнымъ сравненіямъ. Содержанія разсказовъ мы передавать не станемъ: каждый сколько нибудь образованный человѣкъ не разъ перечитывалъ сочиненія незабвеннаго нашего народнаго писателя; и хотя Гоголь, какъ и другъ и совѣтникъ его Пушкинъ, писалъ чистымъ литературнымъ, а не простонароднымъ языкомъ, онъ и понимается, и читается простолюдиномъ съ большимъ наслажденіемъ, потому что Гоголь самъ и любилъ, и понималъ народъ.

Дѣйствительность смѣшана у него съ вымысломъ, съ повѣрьями, съ преданіями народными. Онъ не порицаетъ предразсудковъ, но такъ тонко смѣется надъ ними, такъ мѣтко выставляетъ ихъ нелѣпость. Вспомнимъ, что говоритъ о Гоголѣ Бѣлинскій (стр. 24, часть V):

«И у мужика есть душа, есть сердце, есть желанія и страсти, есть любовь и ненависть,—словомъ, есть жизнь. Но чтобы изобразить жизнь мужиковъ, надо уловить, какъ мы уже сказали, идею этой жизни, и тогда въ ней не будетъ ничего грубаго, пошлаго, плоскаго, глупаго. Вотъ отчего сочиненія Гоголя, посвященныя изображенію простаго быта Малороссіи, дышатъ такою полнотою художественности, очаровываютъ такою неотразимою прелестью, такою дивною поэзіею. Но—повторяемъ—для этого нуженъ геній и геній, талантъ и талантъ».

Оба разсказа въ высшей степени желательны въ народной библіотекѣ.

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народн. Литерат.», стр. 219. Острогорскій В. «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ». Томъ I, стр. 128.

«*Майская ночь или утопленница*» прочтена была группѣ, состоящей изъ подростковъ и взрослыхъ дѣвушекъ, бывшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ сельской школы. Слушали съ громаднымъ интересомъ и хохотали отъ души. Смѣялись и надъ пьяницей Каленикомъ, забравшимся въ чужую хату, и надъ головою, котораго парубки приняли въ темнотѣ за Ганну, и надъ гостемъ, уплетавшимъ галушки, «какъ корова сѣно», и надъ головою, хвастающимся своимъ положеніемъ.

— Онъ точь-въ-точь на бурмистра похожъ, о которомъ мы недавно читали *), замѣтилъ одинъ изъ слушателей:—все *я*, да *я!* Только тотъ богатствомъ своимъ больше величался, а этотъ тѣмъ, будто на козлахъ царской кареты когда-то сидѣлъ.

По окончаніи чтенія я спросила:—Что можно сказать объ этой книгѣ?—Всѣ задумались.

— По моему, сказалъ одинъ изъ слушателей:—здѣсь много такого, чего не могло слу-

*) «Безоброчный», разсказъ Нефедова.

читься, а когда читать,—какъ будто все это было.

— Вопросовъ насчетъ этой книги нельзя спрашивать, замѣтилъ другой: — еслибъ это на самомъ дѣлѣ было—другое дѣло, а то зачѣмъ же напрасно разговаривать!

— Если угодно, я могу ее всю разсказать, вызвался одинъ изъ старшихъ; и дѣйствительно разсказалъ очень хорошо.

Не смотря на то, что издатели силились дать народу подстрочный переводъ всѣхъ затруднительныхъ словъ, нѣкоторыя изъ такихъ ускользнули отъ ихъ вниманія; такъ, напр., *ландшафтъ* было принято при чтеніи за фамилію, такъ какъ въ разсказѣ сказано: «Ландшафтъ спитъ».

Непонятнымъ также оказалось слово *соперники*, и изъ 18 человѣкъ только двое взялись объяснить его.

— Два судящіеся называются соперниками, сказалъ одинъ.

— Если два человѣка ссорятся между собою, это значитъ — соперники, объяснилъ другой.

Атмосфера переведена въ книгѣ словомъ *оболочка*; но это слово также мало объясняетъ сущность дѣла простолюдину, какъ и первое.

Слово *острота* вызвался объяснить только одинъ изъ всѣхъ и сказалъ:

— Это, если кто нибудь скажетъ кому нибудь такое слово, которое ему не понравится.

Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье въ той же группѣ я предполагала прочесть «*Ночь передъ Рождествомъ*».

Оказалось, что нѣкоторые изъ учениковъ читали этотъ разсказъ прежде, причемъ заявили, впрочемъ, что съ удовольствіемъ послушаютъ его еще разъ, и неожиданно для всѣхъ расхохотались самымъ неудержимымъ смѣхомъ.

— Чего вы? спросилъ одинъ изъ нечитавшихъ.

— Вотъ самъ увидишь! отвѣчали ему.

И дѣйствительно, мнѣ никогда не приходилось видѣть ничего подобнаго: слушатели хохотали во всю глотку, такъ что съ трудомъ можно было продолжать чтеніе, и хохотали такъ отъ души, такъ безгранично отдавались своимъ впечатлѣніямъ, что не хотѣлось останавливать ихъ и водворять необходимую дисциплину.

Исторія съ мѣшками, въ которые Солоха спрятала чорта, голову, Чуба и дьяка, приводила слушателей въ неописанный восторгъ. Читавшіе прежде не въ силахъ были воздержаться отъ восклицаній и предсказаній. «Сейчасъ голова придетъ!» говорили они.— «Это дьякъ стучится!»—«Чубъ, Чубъ лѣзетъ», и т. д.

По окончаніи чтенія одинъ изъ слушателей замѣтилъ:—Да и смѣшная же, ей Богу!

— Смѣшная, смѣшная, а хорошо описано! добавилъ другой съ чувствомъ.

Всѣ разошлись, видимо, весьма довольные чтеніемъ и въ пріятномъ расположеніи духа.

При громкомъ чтеніи, какъ и въ «*Сорочинской ярмаркѣ*», учительница нашла необходимымъ пропустить разговоръ Солохи съ дьячкомъ и перебранку бабы съ фіолетовымъ носомъ, не лишенные цинизма.

107) **Классная библіотека.** Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 14-й. *Лирическія стихотворенія* А. С. Пушкина. Редакція и примѣчанія В. Я. Стоюнина. СПб. 1881 г. Ц. 40 к. 123 стр.

108) **Классная библіотека.** Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 15-й. *Эпическія стихотворенія* А. С. Пушкина. Редакція и примѣчанія Стоюнина. СПб. 1881 г. Ц. 25 к. 75 стр.

Обѣ названныя книги представляютъ собою 14-й и 15-й выпуски въ высшей степени полезнаго изданія книгопродавца Я. А. Исакова, необходимость котораго давно уже ощущалась, въ виду долговременнаго отсутствія въ продажѣ полнаго собранія сочиненій Пушкина и особенно въ виду его дороговизны. Въ настоящее же время, благодаря появленію этого дешеваго и вполнѣ хорошаго изданія, является возможность пріобрѣтать необходимыя или желательныя изъ произведеній Пушкина не только по дешевой цѣнѣ, но еще и въ раздробь, въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ, что̀ представляетъ большое удобство для среднихъ учебныхъ заведеній.

Мы не будемъ говорить здѣсь о тѣхъ, ранѣе вышедшихъ, выпускахъ «Классной библіотеки», которые посвящены произведеніямъ Пушкина, такъ какъ о нихъ сказано въ своемъ мѣстѣ (см. отд. исторіи: «*Борисъ Годуновъ*», «*Полтава*», «*Капитанская дочка*» Пушкина, изд. «Классной библіотеки» Исакова); что же касается этихъ двухъ, то съ сожалѣніемъ приходится сказать, что народная масса не доросла еще до пониманія большинства лирическихъ и эпическихъ стихотвореній Пушкина, вошедшихъ въ составъ названныхъ выпусковъ. Намъ кажется, достаточно назвать изъ эпическихъ стихотвореній такія, какъ «*Черепъ*», «*Родригъ*», «*И далѣ мы пошли, и страхъ объялъ меня*», а изъ лирическихъ — «*Къ Овидію*», «*Къ Язы-*

кову», «*Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ*», «*Къ вельможѣ*» и мн. друг.,—достаточно назвать эти произведенія, чтобы съ нами согласились, что все это не для народнаго чтенія. Доступныя же пониманію простаго народа стихотворенія составляютъ едва пятую часть обоихъ выпусковъ, да и изъ нихъ многія извѣстны бывшимъ въ школѣ изъ учебниковъ Ушинскаго, Водовозова и др.

Но невозможные по указанной уже причинѣ въ народной библіотекѣ, оба эти выпуска должны были бы въ то же время составлять непремѣнную принадлежность учительской библіотеки, безъ которой немыслима ни одна сколько нибудь благоустроенная народная школа, для того чтобы соотвѣтствующимъ выборомъ изъ нихъ учитель имѣлъ возможность познакомить своихъ учениковъ съ бо̀льшимъ количествомъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній Пушкина, чѣмъ то, которое даютъ книги для класснаго чтенія.

109) **Сочиненія А. С. Пушкина**. Изданіе для школъ. Томъ I. Для сельскихъ и городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Редакція К. Козьмина, преподавателя Московскаго Учительскаго Института. Съ приложеніемъ портрета автора въ юношескомъ возрастѣ. Съ рисунками академика В. Е. Маковскаго. Изданіе Ѳ. И. Анскаго. Москва. 1882 г. Ц. 60 к. 220 стр.

«Первый томъ *школьнаго* изданія», говоритъ составитель въ предисловіи:—«имѣетъ своею задачею познакомить съ Пушкинымъ народную школу. Поэтому особенное вниманіе редакціи было обращено на выборъ статей для перваго тома. Полагаемъ, что всѣ произведенія, вошедшія въ этотъ томъ, при разумной помощи учителя, могутъ быть въ достаточной степени поняты и усвоены учениками старшаго возраста народной школы.

«Первый томъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщены мелкія стихотворенія и отрывки; во второмъ—баллады; въ третьемъ—сказки, и въ четвертомъ — повѣсть «*Капитанская дочка*» (стр. III, IV и V)».

Вотъ на этомъ-то первомъ томѣ,—единственномъ доступномъ для народныхъ школъ изъ трехъ вышедшихъ томовъ, по опредѣленію самого составителя,—мы и остановимся, чтобы посмотрѣть, насколько онъ удовлетворяетъ своему *главному назначенію*. Начнемъ съ того, что выборъ произведеній въ этой Пушкинской хрестоматіи долженъ быть названъ не только вполнѣ хорошимъ, но даже безупречнымъ, особенно при той долѣ участія «разумной помощи учителя» и благодаря тому «старшему возрасту учениковъ народной школы», на которые указываетъ г. Козьминъ. Отъ себя мы прибавимъ даже, что, по крайней мѣрѣ, половина отдѣла мелкихъ лирическихъ стихотвореній и весь сказочный приходятся по силамъ не только ученикамъ старшаго, но и младшаго возраста, такъ что въ этомъ отношеніи кругъ примѣненія этого учебнаго пособія можетъ быть даже шире, чѣмъ его опредѣляетъ самъ составитель сборника.

Но въ виду того, что многія изъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній и балладъ, вошедшихъ въ составъ хрестоматіи, не только прочитываются учениками подъ руководствомъ учителя въ книжкахъ для класснаго чтенія, но въ теченіе учебнаго курса даже и заучиваются ими на память, а всѣ три сказки—«*О рыбакѣ и рыбкѣ*», «*О царѣ Салтанѣ*» и «*О мертвой царевнѣ*»—прочитываются учениками младшаго возраста, непосредственно послѣ обученія грамотѣ, въ отдѣльныхъ и дешевыхъ изданіяхъ сказокъ, и даже «*Капитанская дочка*» въ изданіи «Классной библіотеки» Исакова читается уже въ настоящее время тоже въ отдѣльной брошюркѣ учениками старшаго возраста; въ виду всего этого, и особенно въ виду удобства давать для чтенія небольшія книги вмѣсто большихъ, примѣненіе изданія г. Анскаго въ народной школѣ и какъ учебнаго пособія, и въ особенности—какъ книги для домашняго самостоятельнаго чтенія, оказывается, какъ видитъ читатель, излишнимъ и даже неудобнымъ въ томъ отношеніи, что тѣ, кому пока по силамъ только сказки, очевидно, не будутъ въ состояніи одолѣть повѣсти «Капитанская дочка», а для тѣхъ, кому эта послѣдняя пришлась бы по силамъ, двѣ трети книжки были бы уже, несомнѣнно, извѣстны и потому не представляли бы интереса.

Но въ то же время не воспользоваться совершенно для народной школы этимъ вполнѣ хорошо составленнымъ сборникомъ сочиненій Пушкина, изящно изданнымъ, со многими рисунками, исполненными академикомъ Маковскимъ, и ко всему этому очень дешевымъ, — было бы жаль и просто непростительно. Вотъ почему мы, основываясь на внѣшнихъ и особенно на внутреннихъ достоинствахъ книги, настойчиво рекомендуемъ ее наряду съ нѣкоторыми другими, уже указанными изданіями для подарковъ и наградъ ученикамъ, окончившимъ курсъ народной школы.

Распространяя такимъ путемъ произведенія лучшихъ нашихъ писателей,—и во главѣ ихъ

Пушкина,—въ народной массѣ, сельская школа несомнѣнно содѣйствовала бы еще болѣе просвѣщенію народа и въ то же время помогала бы постепенному осуществленію завѣтной мечты перваго народнаго поэта, высказанной имъ въ стихотвореніи «*Памятникъ*»:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.

Е. Г.

110) **Ундина.** Старинная повѣсть изъ Ламоттъ-Фуке. В. А. Жуковскаго. Спб. 1878 г. Ц. 50 к. 80 стр.

Мы позволяемъ себѣ передать въ немногихъ словахъ содержаніе этой высоко-художественной повѣсти, имѣя въ виду тѣхъ учителей народныхъ училищъ, которые или вовсе не читали ея, или читали давно и желаютъ возобновить въ своей памяти содержаніе книги, прежде чѣмъ дать ее въ руки учащихся.

Сотни лѣтъ назадъ, въ темномъ, дремучемъ лѣсу, на берегу бурнаго моря, жилъ рыбакъ съ женою. На старости лѣтъ Господь послалъ имъ ребенка, и вотъ однажды (разсказываетъ старикъ):

«Съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла,
Съ нимъ въ беззаботномъ весельѣ играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ, потянулась какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала».

Далѣе онъ говоритъ:

«Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали;
Еслибъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало-бъ
Духу; и такъ мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
Шорохъ; онѣ растворились, и что же мы видимъ? Чудной
Прелести дѣвочка лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь, какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ».

Чудно было появленіе прелестнаго неземнаго ребенка; чудна и загадочна была и вся жизнь этого прекраснаго, неразгаданнаго существа. Безстрашная, рѣзвая, своевольная, она вдругъ смиряется и вся свѣтлѣетъ тихимъ, кроткимъ счастіемъ подъ вліяніемъ любви къ прекрасному рыцарю, увлеченному ея поразительной красотой и дѣтской наивностью. Сдѣлавшись его женой, она открываетъ ему роковую тайну.

«Жители странъ водяныхъ», говоритъ Ундина рыцарю:—«обольстительно милы, прекраснѣй самыхъ людей».—«Ундинами чудныя эти дѣвы слывутъ у людей».

Далѣе она говоритъ:

«Намъ души не дано; пока продолжается наше
«Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда-жъ умираемъ,
«Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ въ мигъ истребляютъ;
«Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
«Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ».

И вотъ, одухотворенная человѣческой любовью, она изъ бѣдной хижины переѣзжаетъ въ богатый замокъ Рингштеттенъ и тамъ встрѣчается съ прежней невѣстой рыцаря — Бертальдой. Бертальда страдаетъ измѣной суженаго, и тѣмъ не менѣе обѣ молодыя женщины чувствуютъ какое-то загадочное сродство душъ, которое влечетъ ихъ поселиться вмѣстѣ *).

Недолго длится счастіе нѣжной, кроткой, любящей Ундины; ея загадочныя рѣчи, ея разговоры съ какими-то таинственными силами смущаютъ душу рыцаря; онъ чувствуетъ, что они—люди различныхъ міровъ, и всѣмъ сердцемъ привязывается къ земной женщинѣ — Бертальдѣ. Но дядя Струй зорко слѣдитъ за счастіемъ своей дорогой племянницы Ундины; онъ готовъ разлиться и затопить рыцаря за измѣну. Кроткая Ундина, одаренная любящей душой, но не усвоившая въ этомъ грѣшномъ мірѣ злобныхъ чувствъ ревности, мщенія и гнѣва, предохраняетъ рыцаря всѣми силами души отъ поводовъ къ отмщенію.

Но неблагодарный рыцарь не въ силахъ сдержать своего гнѣва даже тамъ, на лодкѣ, на волнахъ Дуная, гдѣ дядя Струй является

*) Впослѣдствіи открывается, что Бертальда — дочь рыбака, утонувшая ребенкомъ.

полноправнымъ властелиномъ; онъ произноситъ страшныя слова упрековъ и угрозъ, которыхъ такъ боялась бѣдная Ундина, и вотъ:

«Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но полный
Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина его слова роковыя
Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ, который
Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ тяжкимъ рыданьемъ
Плакать, и вотъ что̀ сказала потомъ истощеннымъ отъ горя
Голосомъ: «Ахъ, мой сладостный другъ! ахъ, прости невозвратно!
«Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ было мнѣ можно
«Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводятъ; отсюда
«Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь... о, мой милый,
«Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ! о, горе! о, горе»!...
Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку ускользнула.
Въ воду-ль она погрузилась, сама ли водой разлилася —
Въ лодкѣ никто не примѣтилъ».

Рыцарь не остался вѣренъ своей бѣдной Ундинѣ и вступилъ въ бракъ съ Бертальдой. Но въ то время, какъ онъ приготовлялся къ брачному ложу—

«Вдругъ кто-то легонько
Стукнулъ въ дверь... такъ точно, бывало, стучалась Ундина!
«Все это призракъ! (сказалъ онъ). Пора мнѣ въ постелю».—«Въ постели
«Будешь ты скоро, но только въ холодной», шепнулъ за дверями
Плачущій голосъ. И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ заперла за собою.
«Здѣсь я, и долженъ теперь умереть ты».

И рыцарь умеръ. За гробомъ его всѣ видѣли какой-то чудный бѣлый образъ, а когда засыпали его могилу—

«Бѣлый образъ пропалъ; а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, сквозь травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо віясь, онъ впередъ пробирался, покуда
Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣжалъ онъ
Далѣ и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать; долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ—Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробѣ Ундина».

Кроткій, любящій, поэтическій образъ Ундины, можно сказать съ увѣренностью, оставитъ свѣтлый слѣдъ въ юной душѣ читателя; но для того, чтобы слѣдъ этотъ врѣзался глубже, чтобы этотъ читатель былъ способенъ лучше оцѣнить добрыя качества души Ундины, чтобы онъ могъ справедливо негодовать на неблагодарнаго рыцаря, требуется извѣстнаго рода развитіе, а поэтому мы рекомендуемъ это глубоко-художественное произведеніе или развитымъ взрослымъ, или подросткамъ, окончившимъ курсъ въ раціональной народной школѣ. Есть мѣста,—какъ, напр., стр. 69, «Обращеніе къ читателю», предисловіе и проч., которыя, можно сказать съ увѣренностью, недоступны пониманію простолюдина; есть слова, какъ, напр., *гномы*, *рыцарь*, *турниръ*, *патеръ*, *сильфы*, *сирены*, которыхъ не пойметъ народъ. Но все это стушевывается передъ общимъ значеніемъ художественнаго произведенія, доступнаго въ концѣ концовъ народной школѣ.

Примѣчаніе. Рец. см. Дополненіе къ «Обзору Народн. Литературы», стр. 42.

Полина Иванова принесла мнѣ «*Ундину*» Жуковскаго.

— Прелесть какъ понравилось! сказала она.

— Разскажите!

Она начала:

— Ундина была водяная; жила въ морѣ. Отецъ ея былъ правитель морской. Ему захотѣлось, чтобы она жила на землѣ, и чтобъ у нея была душа человѣка. Былъ у нея дядя Струй. Онъ ее вынесъ ребенкомъ изъ моря и принесъ въ бѣдную хижину рыбака. Она была рѣзвая дѣвушка, и если, бывало, разсердится или недовольна на кого, такъ будь хоть какая погода бурная—убѣжитъ въ лѣсъ на свое любимое мѣсто, и ничѣмъ ты ея оттуда не выманишь. Вотъ случилось разъ, что къ этому бѣдному рыбаку заѣхалъ рыцарь... Забыла, какъ его звали.

— А что значитъ рыцарь? спросила я.

— Онъ вообще участвуетъ въ битвахъ, отвѣчала Иванова: — отличается своимъ рыцар-

ствомъ, имѣетъ замки и всегда бываетъ побѣдителемъ.

Видимо, понятіе о рыцарствѣ создалось у П. П. подъ впечатлѣніемъ образа рыцаря Гульбранда. Она продолжала:

— Онъ заѣхалъ къ рыбаку, чтобы переночевать по случаю ненастной погоды. Рыбакъ принялъ его очень гостепріимно; говоритъ: «какой у меня есть ужинъ, такой съ тобою и раздѣлимъ, а коню твоему будетъ трава луговая». Сидятъ они молча; погода непріятная такая. Вдругъ какъ будто кто-то волною въ окно плеснулъ. Рыцарь испугался, а рыбакъ говоритъ: «Не бойся, это наша Ундиночка; у нея всегда такая шалость!» Потомъ дверь избушки отворилась, и вбѣжала молоденькая и хорошенькая дѣвушка. Она взяла скамеечку, приставила къ ногамъ рыцаря и стала разспрашивать, откуда и какъ онъ пріѣхалъ. Но старушка замѣтила ей, что такъ не слѣдуетъ поступать, что такъ даже очень совѣстно дѣвушкѣ дѣлать. Ундиночка разсердилась, нахмурила брови и убѣжала. Рыцарь и рыбакъ бросились ее искать, но поиски ихъ всѣ были напрасны. Рыцарь кричалъ: «Ундина!»—но вѣтеръ заглушалъ его голосъ...

Видя, что Иванова очень хорошо и подробно передаетъ содержаніе, я перебила ее, сказавъ: — Опишите мнѣ качества души Ундины!

— Она была очень добрая, отвѣчала Иванова: — и хотя видѣла измѣну своего мужа, но по добротѣ своей виду не показывала. Она могла бы мстить Бертальдѣ, но она и этого не хотѣла.

— А почему не удался праздникъ Бертальды? спросила я.

— Она черезъ то была недовольна своимъ праздникомъ, отвѣчала Иванова: — что она искала глазами богатыхъ родителей, и вдругъ вмѣсто того — рыбаки. Ей показалось это очень обидно: какъ таки простое платье надѣть и идти рыбою торговать?!. А Ундина хотѣла, какъ лучше.

— Справедливъ ли былъ рыцарь къ Ундинѣ и чѣмъ заплатилъ ей за ея безпредѣльную любовь? спросила я.

— Она его просила, отвѣчала Иванова: — «не ругай меня, ради Бога!» А онъ ее выругалъ; когда они ѣхали на лодкѣ, говоритъ ей: «чародѣйка проклятая!» И она, бѣдняжка, рѣкой или волной разлилася,—незамѣтно было. Тутъ и его стала совѣсть укорять, и видитъ онъ сонъ: сидитъ она на днѣ моря блѣдная, глаза запали, совсѣмъ не та Ундина,—въ такомъ жалкомъ положеніи. А какъ померъ онъ, она струйкой тоненькой вокругъ его могилки обвилась и навѣки осталась вѣрною женою своему мужу и за гробомъ...

— Ужь на что я люблю такія книги, сказала Иванова, помолчавъ: — чтобъ отъ нихъ въ головѣ что нибудь полезное оставалось, а это неправда, произнесла она тихо и какъ бы боясь кого-то оскорбить:—но все таки она мнѣ очень, очень понравилась!

Многія изъ взрослыхъ учениць воскресной школы читали эту поэму и, возвращая книгу, благодарили за доставленное ею удовольствіе, передавая содержаніе ея не хуже Ивановой.

111) **Записки изъ мертваго дома.** Романъ Ѳ. М. Достоевскаго. Изд. 4-е. Спб. 1875 года. Ц. 2 р. 424 стр. Въ 2-хъ частяхъ.

Каждый, кто перечитывалъ книгу, предназначенную для взрослаго интеллигентнаго человѣка, съ цѣлью выбрать изъ нея матеріалъ, пригодный для ребенка, а иногда и для взрослаго простолюдина, знаетъ очень хорошо, что значитъ читать *для себя* и читать, имѣя въ виду *эту* цѣль. Все, что казалось вамъ прежде такъ просто, понятно и естественно, вдругъ принимаетъ новую окраску, является въ вашихъ глазахъ туманнымъ, загадочнымъ. Цинизмъ—этотъ неизбѣжный элементъ жизни, котораго вы почти не замѣчаете, какъ всякое заурядное явленіе, къ которому пригдядѣлся человѣкъ, какъ-то особенно болѣзненно и рѣзко язвитъ вамъ душу; вопросы, на которые съ такою легкостью отвѣчаете себѣ вы — человѣкъ, много думавшій и много читавшій, вдругъ кажутся вамъ невозможными, неразрѣшимыми, и все это потому, что мѣрка ваша измѣнилась, и вы прилаживаете ее къ тому, кому она не впору. Почему бы, кажется, не прочесть цѣликомъ «*Записки изъ мертваго дома*» ребенку? Почему не дать ихъ въ руки взрослому простолюдину? Почему не познакомить перваго съ картиной горя и страданія, о которой онъ не имѣетъ представленія, — и не возбудить въ немъ гуманныя чувства къ страждущему человѣчеству, а второму не дать для прочтенія темы, столь близкой душѣ его? А вотъ почему: ребенка не слѣдуетъ окунать преждевременно въ ту житейскую грязь, въ тѣ сверхъестественныя почти звѣрства, въ тотъ развратъ и цинизмъ, которые встрѣчаемъ мы въ герояхъ «Мертваго дома». Положимъ, авторъ заставляетъ насъ снизойти до нихъ, прочувствовать всю горечь ихъ страданій, многое понять, оправдать, простить и часто кару, обрушившуюся на нихъ, считать слишкомъ тяжелою и незаслуженною; но все это не измѣняетъ нашего перваго по-

ложенія, что есть вещи, съ которыми рано знакомить ребенка. По отношенію къ грамотному простолюдину являются осложненія другаго рода: онъ встрѣтитъ здѣсь многое, чего онъ не пойметъ вовсе, или пойметъ превратно. Такъ, напр., мы знали въ жизни такой случай: юноша лѣтъ 18—19-ти, сынъ лакея, научившись грамотѣ, поступилъ въ лавку и пристрастился къ чтенію. Когда мимо лавки провозили преступниковъ, онъ буквально цитировалъ нѣкоторыя строки изъ «Записокъ мертваго дома».

— *Что* мы, мы мелочь въ сравненіи съ этими людьми! говорилъ онъ восторженно своимъ полуграмотнымъ сотоварищамъ:—а вѣдь этотъ народъ, продолжалъ онъ по Достоевскому:—не обыкновенный народъ! Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего.

Окончилось тѣмъ, что юноша этотъ убилъ человѣка и пошелъ въ Сибирь, а въ конторкѣ его нашли романъ Достоевскаго *«Преступленіе и наказаніе»* и *«Записки изъ мертваго дома»*.

Доросъ ли этотъ юноша до оцѣнки произведеній Достоевскаго, такъ ли онъ понялъ его, и слѣдовало ли давать ему эти книги въ руки?—Полагаемъ, что нѣтъ, хотя, быть можетъ, темпераментъ и прирожденная впечатлительность были причиною настолько же, насколько и малое умственное развитіе. Прочитайте страницу 178-ю «Записокъ изъ мертваго дома», — ту страницу, которую цитировалъ бѣдный юноша,—и вамъ ясно представится та глубокая скорбь, какую чувствовалъ Достоевскій при мысли о томъ, сколько силъ гибнетъ напрасно. Какъ же понялъ ее бѣдный юноша? — Онъ возвелъ преступленіе на степень героизма, достойнаго подражанія, провелъ его въ жизнь и погибъ.

Въ *«Запискахъ изъ Мертваго дома»* Достоевскій часто возвращается съ грустью къ мысли о той бездиѣ, которая раздѣляетъ интеллигентнаго человѣка отъ народа. Онъ говоритъ, между прочимъ: *«Благородные* раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею бездною, и это замѣчается вполнѣ только тогда, когда благородный вдругъ самъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье».

Нельзя ли то же самое или почти то же самое сказать по отношенію къ книгѣ? Не то, чтобы мысли, проводимыя въ ней, или чувства, описываемыя ею, недоступны были уму и сердцу простолюдина,—въ этомъ, мы думаемъ, никто не сомнѣвается,—но эти мысли и чувства выражены такъ и въ такой формѣ, которая недоступна человѣку, отдѣленному отъ насъ бездной. Возьмемъ для примѣра выдержку изъ «Мертваго дома»,—а ихъ много, очень много:

«Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Къ тому же, примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуютъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ, право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію».

Какъ хорошо, какъ сильно это мѣсто для васъ—человѣка, подготовленнаго къ воспріятію его, и какъ темно оно для темной головы простолюдина!

Итакъ, на нашъ взглядъ, книга эта не должна даваться цѣликомъ ни ребенку, ни взрослому; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она заключаетъ въ себѣ такъ много цѣннаго, истинно-художественнаго, трогающаго, гуманнаго, что нельзя не рекомендовать учителю воспользоваться этимъ, какъ матеріаломъ для громкаго чтенія. Съ его стороны потребуется немного разъясненій и комментаріевъ, для того чтобы все это стало вполнѣ понятнымъ и ребенку, и взрослому. Придется сказать нѣсколько вступительныхъ словъ о Достоевскомъ (осужденіе на каторгу, помилованіе, дальнѣйшая его литературная дѣятельность, похороны, общее сочувствіе къ нему правительства и общества), или же дать прочесть предварительно его біографію (совѣтъ, который намъ пришлось получить отъ одной изъ взрослыхъ и развитыхъ ученицъ воскресной школы).

Рекомендуя учителю сдѣлать изъ книги выдержки, мы подѣлимся нашимъ личнымъ опытомъ и укажемъ, что̀ именно приходилось

намъ читать нашимъ ученицамъ, хотя, быть можетъ, выдержки эти могутъ быть сдѣланы полнѣе и шире, сообразно взглядамъ учителя и степени подготовки его слушателей. Предпославши нѣсколько словъ о Достоевскомъ, мы читали главу I—«*Мертвый домъ*»; прочли мы ее почти цѣликомъ, пропустивши то мѣсто, гдѣ говорится, что среди преступниковъ большинство грамотныхъ, и что есть люди, которые выводятъ изъ подобныхъ данныхъ, что грамотность губитъ народъ (стр. 14); пропустили мы также стр. 20, 21 и 22-ю, представляющія, во-первыхъ, непонятныя разсужденія о томъ, что «преступленіе не можетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потруднѣе, чѣмъ полагаютъ», и т. д.; затѣмъ звѣрское преступленіе—отцеубійство и затѣмъ стр. 26 и 27, доказывающія, что страсть къ контрабандѣ—это та же болѣзнь.

Объясненія подобнаго рода завели бы насъ слишкомъ далеко, тѣмъ болѣе, что ученицамъ нашимъ никогда не приходилось даже слышать слова *контрабанда*.

Въ составъ класса вошли взрослыя ученицы и подростки; и тѣ, и другія слушали чтеніе съ величайшимъ интересомъ, и по окончаніи I главы одна изъ ученицъ замѣтила:

— Вотъ какъ интересно знать, какъ они, бѣдные, тамъ живутъ и чѣмъ занимаются! Далеко вѣдь это отъ насъ, и не увидишь никогда никого, кто тамъ былъ, и не послышишь, какъ тамъ люди живутъ, въ Сибири.

— А я знаю одного старичка-поляка, возразила ей другая ученица: — онъ ходитъ по дворамъ дрова рубить и къ намъ заходитъ, такъ тàкъ интересно послушать, какъ онъ разсказывать начнетъ! Онъ тоже за убійство сосланъ былъ.

— И ты его не боишься? спросила первая.

— Нисколько! отвѣчала вторая:—онъ такой добрый!—будто и не убивалъ никого.

— А хоть и убилъ, такъ покаялся, замѣтила третья:—можетъ, цѣлый вѣкъ грѣхи замаливалъ.

Очень тронулъ ихъ разсказъ о дѣвочкѣ, подавшей Достоевскому четверть копѣйки. При чтеніи этого разсказа я замѣтила слезы на глазахъ многихъ изъ ученицъ. Дѣйствительно, отрывокъ этотъ чрезвычайно трогаетъ душу...

Прочли мы также стр. 54, 55 и 56—о старикѣ-старовѣрѣ, стр. 64, 65, 66 и 67—о Сироткинѣ.

— Господи! и какъ онъ, бѣдный, вытерпѣлъ! замѣтила одна изъ ученицъ съ глубокимъ состраданіемъ; а другая, знакомая со старикомъ-полякомъ, объяснила очень наглядно, что̀ значитъ *прогнать сквозь строй* (свѣдѣнія, которыя она почерпнула, конечно, изъ того же источника).

Прочли мы также отъ стр. 89-й до 96-й—біографію татарина Алея. Личность этого невинно пострадавшаго наиболѣе тронула и заинтересовала слушательницъ, и когда мы дочитали книгу до конца, одна изъ ученицъ замѣтила: — Вотъ, еслибъ знать, что послѣ случилось съ Алеемъ! — Между тѣмъ по прочтеніи біографіи Алея мы читали еще многое такое, что легко могло вытѣснить эти впечатлѣнія, замѣнивъ ихъ новыми.

Прочли о Сушиловѣ (стр. 101—110), о собакѣ Шарикѣ, единственномъ другѣ заключеннаго (стр. 139, 140), главу X—«Праздникъ Рождества Христова», причемъ отъ стр. 193 до 203 читали младшему возрасту, а далѣе о пьянствѣ и разгулѣ нашли возможнымъ прочесть только старшимъ, и то съ нѣкоторыми пропусками (стр. 215). Главу XI—«Представленіе» прочли сначала и до конца, но со слѣдующими пропусками: стр. 222 — объ изысканіи источниковъ зарожденія драматическаго искусства въ народѣ; стр. 227—разсужденіе, оканчивающееся такъ: «немногому могутъ научить народъ мудрецы наши; даже утвердительно скажу—напротивъ: сами они должны еще у него поучиться»; стр. 240—242—описаніе пантомимы на тему о невѣрности жены. Главу «Госпиталь» нашли слишкомъ тяжелою, оставляющею въ душѣ читателя гнетущее впечатлѣніе, а потому и пропустили. Въ потрясающемъ нервы разсказѣ «Акулькинъ мужъ» нашли слишкомъ много цинизма, а потому тоже пропустили его. Прочли стр. 91—95—«Недѣля говѣнья»; гл. XI «Каторжныя животныя» прочли тоже съ небольшими пропусками и, наконецъ, закончили послѣднею главою—«Выходъ изъ каторги».

Впечатлѣніе, какъ казалось намъ, получилось полное и глубокое.

Насъ могутъ спросить: почему именно остановились мы на «Запискахъ изъ мертваго дома», а не на какомъ либо другомъ произведеніи Достоевскаго? — Потому, отвѣтимъ мы, что только это произведеніе посвящено описанію народа и должно быть ближе ему, чѣмъ многое другое, не смотря на то даже, что самъ авторъ предназначалъ его, очевидно, не для народнаго чтенія. *X. A.*

Примѣчаніе. См. рец. «Систематическій Обзоръ Народной лит.». 1882 г. Дополненіе 1-е, стр. 47.

112) **Морозъ Красный носъ** *). Поэма Н. Не-

---

*) См. рец. «Обз. Нар. Литер.», стр. 231.

красова. 1870 г. СПб. Ц. 15 к., 57 стр. (Распродано).

Считая излишнимъ передавать содержаніе или говорить о достоинствахъ этой всѣмъ извѣстной поэмы Некрасова, мы скажемъ только нѣсколько словъ о томъ, насколько близка она народу и какъ читается имъ. Читается она съ огромнымъ интересомъ преимущественно взрослыми крестьянами, хотя и городскими жителями встрѣчается съ большимъ сочувствіемъ. Намъ пришлось прочесть ее лѣтомъ на каникулахъ группѣ слушателей, состоящихъ изъ подростковъ и взрослыхъ, бывшихъ учениковъ и ученицъ сельской школы. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ; тишина въ классѣ была удивительная, и только при похоронахъ Прокла и причитаніяхъ Дарьи надъ покойникомъ слышались сдержанныя всхлипыванья дѣвушекъ. Очевидно, что все тутъ было близко и понятно имъ: и горе Дарьи, и слезы, падавшія на гробовой саванъ, который самой ей приходилось шить, и могила на бѣдномъ сельскомъ кладбищѣ, и дровни, и Савраска, — все это напоминало собственное, вчерашнее горе.

Одно только оказалось для слушателей безспорно непонятнымъ, это—глава III. Чтобы напомнить эту главу читателю, мы позволимъ себѣ выписать изъ нея первыя 12 строкъ.

«Три тяжкія доли имѣла судьба:
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.
Вѣка протекали — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки,
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки».

Еслибы эти и послѣдующія за ними строки были выпущены при новомъ изданіи, поэма нисколько не потеряла бы въ глазахъ народа, для котораго собственно и предназначается это дешевое изданіе, напечатанное крупнымъ шрифтомъ и съ картинами. Х. А.

113) **Стихотворенія Н. А. Некрасова** *). Изд. Спб. Комитета Грамотности, № 7, 1882 г. Ц. 10 к., 41 страница небольшаго формата (8 большихъ и столько же маленькихъ рисунковъ Н. Н. Каразина). (Распродано)

Эта изящно изданная книжечка съ превосходно задуманными и артистически исполненными рисунками и болѣе чѣмъ дешевая по своей цѣнѣ представляетъ собою небольшой сборникъ произведеній покойнаго поэта, въ составъ котораго вошло 9 стихотвореній: *«Школьникъ»*, *«Власъ»*, *«Дядюшка Яковъ»*, *«Генералъ Таптыгинъ»*, *«Мужичекъ съ ноготокъ»*, *«Несжатая полоса»*, *«Дѣдушка Мазай и зайцы»*, *«Внимая ужасамъ войны»* и *«Пчелы»*.

Выборъ ихъ говоритъ самъ за себя, а также и за то, что они главнымъ образомъ предназначаются для дѣтскаго возраста; даже такое серьезное по мысли стихотвореніе, какъ *«Внимая ужасамъ войны»*, въ глубокомъ пониманіи котораго можно было бы усомниться, оказывается вполнѣ понятнымъ дѣтямъ. Приведемъ кстати примѣръ того, какъ передала намъ въ немногихъ словахъ содержаніе этого стихотворенія ученица сельской школы, лѣтъ 10—11-ти.

— Когда была война, одинъ человѣкъ говоритъ: «Никого мнѣ такъ не жалко, какъ матерей, которыя плачутъ надъ убитыми сынами. Другъ найдетъ себѣ друга, одна мать не сыщетъ своего дитяти».

Объ остальныхъ стихотвореніяхъ и говорить нечего. *«Дядюшка Яковъ»*, *«Генералъ Таптыгинъ»* и *«Дѣдушка Мазай»* приводятъ дѣтей въ полнѣйшій восторгъ и вызываютъ самый искренній и веселый смѣхъ сочувствія.

«Школьникъ» и *«Мужичекъ съ ноготокъ»* извѣстны почти всѣмъ ученикамъ по школѣ: но въ данномъ случаѣ новизной являются прекрасныя картинки, разсматриваемыя дѣтьми съ величайшимъ интересомъ.

«Власъ», *«Несжатая полоса»* и *«Внимая ужасамъ войны»* встрѣчаютъ глубокое сочувствіе въ дѣтяхъ болѣе серьезныхъ старшаго возраста.

Мы посовѣтовали бы пользоваться названнымъ сборникомъ, какъ книжкою для школьныхъ подарковъ, чему онъ удовлетворяетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ случаѣ же примѣненія этой книги для самостоятельнаго домашняго чтенія, ее слѣдуетъ давать хорошо читающимъ малолѣтнимъ и подросткамъ.

Въ заключеніе скажемъ, что такія рѣдкія по своимъ достоинствамъ изданія должны составлять не только непремѣнную принадлежность всякой, даже самой бѣдной народной библіотеки, но и ея лучшее украшеніе, почему и будемъ надѣяться на самое широ-

*) Смотр. рец. «Обзоръ Народ. Литер»., стран. 231.

кое распространеніе этого сборника стихотвореній Некрасова, за удачный выборъ содержанія котораго и образцовыя внѣшнія качества нельзя не выразить глубокой признательности СПб. Комитету Грамотности. *Е. Г.*

114) **Былины и стихотворенія** *). Графа Алексѣя Константиновича Толстаго. Рисунки Н. Н. Каразина. Изд. 6 СПб. Комитета Грамотности, № 11. Спб. 1883 г. Ц. 10 к., 62 страницы.

Настоящее изданіе Комитета Грамотности состоитъ изъ 10-ти произведеній, выбранныхъ съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы говорить о своемъ личномъ вкусѣ, мы предпочтемъ остановиться на вопросѣ: какъ понимаются эти стихотворенія читателями, для которыхъ они предназначены? Намъ пришлось прочитать ихъ въ группѣ, состоящей изъ дѣтей и подростковъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ.

«Змѣй Тугаринъ» требуетъ такой исторической подготовки, какой не даетъ народная школа; вотъ почему это стихотвореніе, занимающее 7 страницъ, вышло коротенькимъ и безсодержательнымъ разсказцемъ въ передачѣ учениковъ сельской школы.

— Владиміръ пировалъ, разсказываетъ одинъ изъ мальчиковъ:—и говоритъ: «кто бы мнѣ запѣлъ?» И вышла поганая рожа какая-то и почала пѣть: «ой, ладо, ой, ладо!» и предрекала, что князя будутъ бить батогами (?), а князь только смѣется, и всѣ засмѣялись. Поповичъ постращалъ эту рожу,—она и упала въ воду.

«Алеша Поповичъ» очень понравился при чтеніи подросткамъ, и въ особенности не ученикамъ, а ученицамъ. Онѣ чрезвычайно поэтически передали его содержаніе. Что же касается дѣтей, то съ ними случилось два курьеза: во-первыхъ, принявъ во вниманіе слѣдующія строки:

«Ты не первая попалась
«Въ лодку, дѣвица, мою:
«Знаменитымъ птицеловомъ
«Я слыву въ моемъ краю»,—

они заявили, что онъ хорошо ловилъ разныхъ птицъ; а во-вторыхъ, вмѣсто того, чтобы увѣровать въ чарующую силу голоса Алеши Поповича, порѣшили, что у него были волшебныя гусли.

«Илья Муромецъ» понравился больше мальчикамъ.

*) *Примѣчаніе.* Рец. см. «Женское Образованіе», № 9, стр. 625. Дополненіе къ «Обзору Народной Литературы», стр. 37.

Стихотвореніе *«Садко»*, полное фантастическаго элемента, привлекло сердца всѣхъ слушателей безъ исключенія.

«Сватовство» очень понравилось подросткамъ, и одна изъ ученицъ, дѣвушка лѣтъ 15-ти, сказала:

— Я недавно слышала, какъ Климову сестру сватали, такъ очень похоже, какъ здѣсь описывается.

Стихотвореніе это оканчивается такъ:

«Что дочки имъ сказали,
«Кто можетъ, отгадай—
«Мы словъ ихъ не слыхали
«Въ веселый мѣсяцъ май.
«Мы словъ ихъ не слыхали,
«Намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
«Намъ иволги мѣшали
«И рокотъ соловьевъ».

— Какъ вы думаете: согласились дѣвушки выйти замужъ за богатырей? сказала учительница, обращаясь къ слушателямъ.

— А я не знаю, отвѣчалъ простодушно одинъ изъ младшихъ:—потому что птицы помѣшали отвѣту.

Стихотвореніе *«Курганъ»* понравилось только одному изъ подростковъ, серьезному мальчику меланхолическаго темперамента.

«Нива» не произвела никакого впечатлѣнія.

«Малороссія» понравилась одной изъ наиболѣе развитыхъ ученицъ, причемъ оказалось, между прочимъ, что иро Сагайдачнаго всѣ знаютъ изъ пѣсенъ; что же касается Мазепы, то дѣти отвѣчали, что у нихъ такъ ругаются.

«Кабы знала я» понравилось только одной изъ ученицъ, отличающейся сантиментальностью.

Надъ стихотвореніемъ *«Спѣсь»* всѣ хохотали отъ души, и всѣмъ оно понравилось.

Кромѣ вышеприведеннаго примѣра, мы должны упомянуть еще о томъ, что давали читать на домъ этотъ сборникъ взрослымъ дѣвушкамъ, окончившимъ курсъ въ сельской школѣ. Стихотвореніями, которыя имъ наиболѣе понравились, оказались *«Алеша Поповичъ»* и *«Сватовство»*.

Изъ перечня стихотвореній и того впечатлѣнія, которое производятъ они на слушателей, очевидно, что книжечка эта, прекрасно изданная, весьма желательна въ народно-школьной библіотекѣ. *Х. А.*

Примѣч. См. рец. «Женское Образованіе». 1883 г., № 6 и 7, стр. 467.

115) **Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ.** Поэма графа А. Толстаго. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ № 143. 2-е изд. Ц. 8 к. Москва 1876 г. 35 стран.

Талантъ А. Толстаго отразился на данномъ произведеніи со всей своей силой: строгость стиха библейскаго характера сливается съ вдохновенной рѣчью поэта и носитъ на себѣ то отпечатокъ суроваго, монашескаго аскетизма, то широкіе порывы души, безгранично жаждущей свободы и воли. Эти контрасты рельефнѣе освѣщаютъ другъ друга и производятъ глубокое впечатлѣніе.

Содержаніе поэмы таково: любимецъ калифа Іоаннъ пользуется всѣми благами земными, но онъ бѣжитъ отъ нихъ.

Онъ говоритъ:

«Я не могу народомъ править,
«Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
«Глаголомъ вольнымъ Бога славить!
«Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
«Мученья полонъ я и скуки.
«Среди пировъ, въ главѣ дружинъ
«Иные слышатся мнѣ звуки;
«Неодолимый ихъ призывъ
«Къ себѣ влечетъ меня все болѣ—
«О! отпусти меня, калифъ,
«Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

Эти стремленія влекутъ его въ монастырь, а тамъ суровый уставъ налагаетъ на него отреченіе отъ пѣсенъ, напоминающихъ тщету мірскую. Строго и свято силится Іоаннъ чтить данный обѣтъ, но вотъ подходитъ къ нему монахъ и говоритъ:

«Братъ мой по плоти преставился, братомъ онъ былъ по душѣ мнѣ!
«Тяжкая грусть меня нынѣ снѣдаетъ; я плакать хотѣлъ бы—
«Слезы не льются изъ глазъ, но скипаются въ горестномъ сердцѣ.
«Ты же мнѣ можешь помочь: напиши лишь умильную пѣсню,
«Пѣснь погребальную милому брату, — ее чтобы слыша,
«Могъ я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!»

Сочувствіе, участіе, состраданіе охватили душу поэта; онъ не выдержалъ, и эта душа, такъ долго закованная цѣпями монашескаго обѣта, вылилась вся въ чудныхъ стихахъ надгробнаго тропаря.

Далѣе говорится:

«Монахи вторятъ, онъ поетъ,
Но вотъ межъ ними гость нежданный,
Нахмуря брови, предстаетъ
Наставникъ старый Іоанна».

Этотъ наставникъ, убившій въ себѣ всѣ человѣческіе порывы, назначаетъ ему эпитемію и затѣмъ идетъ въ свою келью молиться. Объ этой молитвѣ говорится такъ:

«И долго онъ поклоны клалъ,
И долго смерть онъ призывалъ,
И, наконецъ, въ изнеможеньѣ
Безгласенъ на земь онъ упалъ;
И старцу видится видѣнье».

Онъ видитъ Матерь Божію съ младенцемъ на рукахъ, которая кротко укоряетъ его за суровый обѣтъ, наложенный имъ на Іоанна, и говоритъ:

«Оставь его глаголу течь
«Рѣкой пѣвучей неоскудно!
«Да оросятъ его мечты,
«Какъ дождь Кедронскую долину;
«Оставь землѣ ея цвѣты,
«Оставь созвучья Дамаскину!»

Старикъ призываетъ Іоанна и снимаетъ съ него суровый обѣтъ.

Поэма оканчивается такъ:

«Воспой же, страдалецъ, воскресную пѣснь!
«Возрадуйся жизнію новой!
«Исчезла коснѣнія долгая плѣснь,
«Воскресло свободное слово!
«Того, кто оковы души сокрушилъ,
«Да славитъ немолчно созданье!
«Да хвалятъ торжественно Господа силъ
«И солнце, и мѣсяцъ, и хоры свѣтилъ,
«И всякое въ мірѣ дыханье!
«Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
«И мыслить, и молвить возможно!
«Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой,
«Во имя Твое онъ выходитъ на бой
«Со всѣмъ, что̀ неправо и ложно!
«Раздайся-жъ, воскресная пѣсня моя!
«Какъ солнце, взойди надъ землею!
«Расторгни убійственный сонъ бытія
«И, свѣтъ лучезарный повсюду лія,
«Громи, что̀ созиждено тьмою!»

Но какъ ни велика сила впечатлѣнія, которое производитъ поэма «*Іоаннъ Дамаскинъ*», вы невольно задаетесь вопросомъ: пойметъ ли ее народъ?—наталкиваясь на такія слова, какъ «*синклитъ*», «*хаосъ*», «*юдоль*» и проч. (а такими словами испещрена поэма). Этого мало: встрѣчаются цѣлыя строки, значеніе кото-

рыхъ, навѣрное, окажется недоступнымъ грамотному школьнику и простолюдину. Возьмемъ хоть слѣдующія 8 строкъ:

«Юдоль, гдѣ я похоронилъ
«Броженье дѣятельныхъ силъ,
«Свободу творческаго слова —
«Юдоль молчанья роковаго!
«Ты передай душѣ моей
«Твоихъ стремнинъ покой угрюмый!
«Пустынный вѣтеръ, ты развѣй
«Мои недремлющія думы!»

И, тѣмъ не менѣе, жизнь говоритъ намъ, что всѣ эти детали стушевываются, и малограмотный читатель выноситъ цѣльное впечатлѣніе и разумное толкованіе поэмы *«Іоаннъ Дамаскинъ»*. Сошлемся на опытъ. *Х. А.*

Примѣч. См. рец. «Вѣстникъ Евр.», Декабрь 1875 г., стр. 565.

Дарья Ф—на, бывшая ученица воскресной школы, 25-ти лѣтъ, нынѣ замужняя женщина, живущая своимъ хозяйствомъ, по прочтеніи *«Іоанна Дамаскина»* такъ передавала намъ его содержаніе:

«Іоаннъ Дамаскинъ былъ знатный господинъ. Царь замѣчалъ, что у него смыслъ есть особенный, и очень любилъ его и сдѣлалъ его высокимъ человѣкомъ. Только у него было желаніе другой жизни. Онъ желалъ славы небесной, и данъ ему былъ отъ Бога талантъ къ пѣснямъ. Все равно, какъ сочинитель пишетъ стихи, такъ онъ писалъ псалмы божественные»...

— О чемъ онъ пѣлъ въ своихъ псалмахъ? спросила я.

«Восхвалялъ Бога, а больше Іисуса Христа, какъ онъ по землѣ ходилъ и какое наставленіе людямъ давалъ. Вотъ онъ оставилъ царя», продолжала Ф—на:—«и пошелъ въ монастырь. Подходитъ, и такъ ему мѣстность тамошняя понравилась,— не ушелъ бы. Я такъ думаю, не въ Святыхъ ли горахъ *) это было: точно такъ, какъ тамъ описывается»...

Я не прерывала Ф—ну, давая полную волю ея воображенію.

«Его отдали подъ начало очень строгаго старца», продолжала она:—«и онъ запретилъ ему сочинять пѣсни; онъ говорилъ, что этимъ самымъ Іоаннъ какъ бы похвалы добивается. Онъ далъ обѣщаніе, что не будетъ нарушать устава. Только старый монахъ былъ въ отлучкѣ три дня. Во время его отсутствія одинъ изъ братьевъ преставился — померъ, а другой, который друженъ съ нимъ былъ, пришелъ и сталъ просить его утѣшенія, чтобы онъ ему пѣсню какую нибудь изложилъ. Онъ долго отказывался, а тотъ говоритъ: «Такъ какъ его нѣтъ, это продлится три дня, а брата до тѣхъ поръ похоронятъ». Онъ не рѣшался, но потомъ былъ такъ тронутъ сердечной жалостью, что не могъ отказать брату и сочинилъ стихъ.

«Когда выносили брата и пѣли тропарь, вся братія была тронута сердечной тоской. Онъ выражалъ въ этомъ тропарѣ, что вся земная жизнь — прахъ и тлѣнъ, а только то важно, что человѣкъ готовитъ для будущей жизни...

«Пріѣхалъ старикъ. Узналъ, что онъ нарушилъ обѣтъ, очень обидѣлся на него, началъ строгій выговоръ давать, говоритъ: «Не достоинъ ты быть въ монастырѣ, не оставляешь свои привычки прежнія: хочешь, чтобы, какъ въ мірѣ, почетъ тебѣ былъ!» Онъ просилъ прощенія; говорилъ, что самъ себѣ не радъ, что сочинилъ этотъ стихъ; что онъ долго самъ себя уговаривалъ, что очень тяжко самому ему было на сердцѣ.

«Старикъ не простилъ, а далъ епитемію, чтобъ онъ ходилъ съ метлой и лопатой и очищалъ всякій соръ въ монастырѣ. Господи! И за что только такое жестокосердіе! Но Іоаннъ не стѣснялся, все переносилъ съ терпѣніемъ, даже ропоту не явилось. Въ одно время старику-монаху явилась Божья Матерь съ младенцемъ на рукахъ и угрожала ему за такую строгость къ Іоанну Дамаскину. Его такъ потревожили эти слова, что онъ позвалъ Іоанна Дамаскина и какъ бы у него просилъ прощенія. Съ этой минуты Іоанну позволили вольно Бога хвалить»...

— Ужасно хорошо, сказала Ф., помолчавъ.— Вѣрно Толстой въ житіяхъ это читалъ и послѣ самъ еще прибавилъ. Гдѣ бы я могла купить себѣ такую книжечку? Такая хорошая и всего 8 к. стоитъ; я даже никакъ не думала, пока не досмотрѣлась... И Ф—на, по старой памяти, начала указывать мнѣ на незнакомыя слова и просить ихъ объясненія. Такихъ словъ оказалось очень много, но что значили они въ сравненіи съ прекрасной передачей поэмы!

Взрослая ученица воскресной школы принесла мнѣ *«Іоаннъ Дамаскинъ»*.

— Очень понравилось, и все рѣшительно поняла! сказала она торжествующимъ тономъ, не ожидая моихъ вопросовъ.

— Охъ, не все! сказала я, отыскала ей стр. 19-ю — «Юдоль, гдѣ я похоронилъ бро-

*) Монастырь въ Харьковской губ., Изюмскаго уѣзда.

женье дѣятельныхъ силъ» и т. д. и прочла.

— Что-жъ, передать словами я не могу, а все таки понимаю! сказала она такъ убѣжденно, что мнѣ жаль было пытать ее, и я сказала: «Ну, разсказывайте!»

Она начала.

— Іоаннъ Дамаскинъ при дворѣ находился. Калифъ ужасно какъ его любилъ и всегда съ нимъ во всемъ совѣтовался. Но все таки ему при дворѣ не нравилось. Онъ говорилъ калифу: «Не надо мнѣ ни садовъ, ни фонтановъ, мнѣ нужна только одна свобода». Нечего дѣлать, отпустилъ его калифъ. Казна его отдана нищимъ. Никто не зналъ, гдѣ онъ дѣвался. А онъ шелъ, шелъ и пришелъ въ монастырь и ужасно умно тамъ заговорилъ— всѣ дивились его мудрости. Все таки приставили къ нему игумена, онъ за нимъ слѣдилъ... Вотъ это я не очень хорошо поняла,— прервала разсказъ ученица: — пѣлъ ли онъ надъ усопшимъ настоящее божественное изъ книги, или сочинилъ свое сочиненіе изъ головы.

— А вы какъ думаете? спросила я.

— Я такъ думаю, что изъ своей головы, и за это собственно и разсердился на него монахъ, а не за то, что пѣли; потому что по уставу ихнему есть пѣсни такія книжныя, церковныя, а не изъ своей головы. И взыскалъ съ него игуменъ тѣмъ, что наложилъ на него молчаніе. Онъ замолчалъ. Только видитъ монахъ однажды сонъ: представилась ему Святая Дѣва съ младенцемъ и говоритъ: «За что ты обижаешь Іоанна? Не запрещай ты ему пѣть, потому что его рѣчь для народа священна!» Онъ проснулся и раскаялся, и потомъ уже ему не запрещалъ пѣть сколько угодно! заключила ученица.

— О чемъ же онъ пѣлъ? спросила я.

— Онъ хвалилъ Бога и пѣлъ объ свободѣ и объ любви къ братіямъ. И было у него желаніе пѣть въ чистомъ полѣ, чтобы никто не мѣшалъ.

Маленькая дѣвочка подала мнѣ «*Іоаннъ Дамаскинъ*».

— Не поняла? спросила я.

— Что поняла, а чего не поняла, отвѣчала она простодушно:—только очень понравилось!

— Что же ты поняла—разскажи!

— Іоаннъ просился на волю пѣсни пѣть. Его никто не училъ—онъ самъ сочинялъ, ему отъ Бога было это дано! Вышелъ онъ въ поле, шелъ, шелъ и видитъ—монастырь стоитъ. Онъ вошелъ туда и сталъ тамъ жить и все себѣ сочинялъ. Монаху старому это не понравилось, онъ говоритъ ему: «Молчи!» а онъ не сталъ молчать. А Матерь Божія вступилася за него, и онъ пѣлъ и пѣлъ свои пѣсни любимыя!

«*Іоаннъ Дамаскинъ*», читающійся взрослыми съ интересомъ и пониманіемъ, недоступенъ дѣтямъ. Передавая бойко внѣшнюю сторону, они не въ силахъ одолѣть его внутренняго смысла. Приведу примѣръ того, какъ отвѣчала мнѣ на мои вопросы очень бойкая ученица, лѣтъ 12—13-ти.

— Кто былъ Іоаннъ Дамаскинъ?

— Преподобный, святой.

— Что влекло его на волю?

— Арабы были не православные, а онъ желалъ быть истиннымъ христіаниномъ.

— За что наложилъ на него старецъ наказаніе?

— Онъ завидовалъ, что тотъ такъ хорошо поетъ, сненавидѣлъ и велѣлъ молчать съ утра до вечера, а послѣ, какъ явилась ему Божья Матерь во снѣ и пригрозила, онъ позволилъ ему пѣть на клиросѣ, и онъ сталъ съ тѣхъ поръ пѣвчимъ въ этомъ монастырѣ.

— О чемъ же онъ пѣлъ?

— Все божественное— молитвы и псалмы.

Ученица *Ц—ва* такъ передала мнѣ содержаніе «*Іоаннъ Дамаскинъ*»:

— Іоанна Дамаскина всегда тоска томила— быть свободнымъ пѣвцомъ. Ему хотѣлося или въ лѣсу, или въ степи пѣть. Пошелъ онъ въ монастырь—и тамъ воли не нашелъ: наставникъ наложилъ на него такую епитемію, чтобъ ничего даже не говорить. Послѣ явилась къ нему Богородица во снѣ и говоритъ: «зачѣмъ ты мучишь такъ этого человѣка за то, что ему хочется пѣть на волѣ?» Онъ призвалъ Іоанна и говоритъ: «прости, что я тебя такъ долго томилъ, и иди пѣть на волѣ!»

— О чемъ же пѣлъ Іоаннъ въ своихъ пѣсняхъ? спросила я.

— Онъ пѣлъ, что онъ за Іисуса Христа куда угодно пойдетъ, отвѣтила дѣвочка.

Отвѣты Варвары С—вой на вопросы, поставленные къ поэмѣ «Іоаннъ Дамаскинъ».

— Какимъ талантомъ одарила природа Іоанна Дамаскина? спросила я.

— Голосомъ, отвѣчала С—ва:—и, кромѣ того, онъ сочинялъ божественные псалмы.

— Счастливъ ли онъ былъ въ придворной пышной обстановкѣ?

— Нѣтъ! Здѣсь былъ блескъ, роскошь, а

онъ желалъ или въ уединеніи, или для бѣдныхъ обиженныхъ пѣть, чтобы бѣднякъ какой нибудь, прослушавши его, могъ утѣшеніе себѣ найти.

— Гдѣ онъ искалъ свободы и возможности пѣть на волѣ?

— Въ монастырѣ! Онъ думалъ, что тамъ свободнѣе ему будетъ, но по его не вышло. Когда онъ пришелъ въ монастырь, монахи и говорятъ: когда онъ такой умный, то учитель долженъ быть еще умнѣе его, и отдали его подъ надзоръ старца одного, очень строгаго и суроваго. И говоритъ ему старецъ: «Можетъ, у тебя еще гордость не отошла,—позволяю тебѣ прославлять Бога только молчаливо и приказываю, чтобы не было слышно этихъ пѣсенъ». И принялъ на себя Іоаннъ этотъ обѣтъ.

— Что говорила Богородица, явившись во снѣ монаху?

— Къ чему ты гонишь, старецъ, Іоанна? говорила она:—Бога можно прославлять и словами, и дѣлами, и пѣніемъ, всѣмъ, чѣмъ Господь наградилъ человѣка!

— Почувствовалъ ли онъ, что слишкомъ сурово поступилъ съ Іоанномъ?

— Понялъ! и сказалъ, что онъ теперь можетъ пѣть!

— О чемъ пѣлъ Іоаннъ въ своихъ пѣсняхъ?

— Пѣлъ онъ и о Богѣ, и о людяхъ, и о волѣ и прославился между христіанъ!

— Съ интересомъ прочли вы эту поэму?

— Еще бы! очень интересно, а Катя, сестренка моя, слушала и не поняла. Говоритъ: «тутъ какъ-то странно написано — ничего не поймешь!»

«Да, это чтеніе не для 10-ти-лѣтнихъ!» подумала я.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

(На каникулахъ).

6-го августа. Праздникъ Преображенія Господня.

Обыкновенно городскихъ читателей принято считать болѣе развитыми, хотя я лично не вполнѣ съ этимъ согласна; правда, они больше наслышались литературныхъ словъ и выраженій, но что касается до пониманія прочитаннаго, то врядъ ли они стоятъ выше. Тѣмъ не менѣе, меня интересовалъ вопросъ: поймутъ ли и какъ именно поймутъ поэму *«Іоаннъ Дамаскинъ»* сельскіе жители, и она стояла у меня на очереди. Сегодня, впрочемъ, я собиралась прочитать *«Деревню»* Григоровича.

Группа состояла изъ подростковъ и взрослыхъ, бывшихъ учениковъ и ученицъ сельской школы. Я начала читать. На 3-й или 4-й страницѣ *Иванъ Б—ко, 16 л.*, остановилъ чтеніе. Лицо его было блѣдно и, видимо, въ немъ самомъ происходила какая-то внутренняя борьба.

— Позвольте мнѣ идти домой, сказалъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ:—завтра я это буду слушать,—завтра воскресенье, а сегодня *особенно* большой праздникъ, мнѣ не хотѣлось бы слушать свѣтское.

— У меня здѣсь есть разныя книги, сказала я, обращаясь ко всѣмъ: — если хотите, отложимъ, въ самомъ дѣлѣ, чтеніе *«Деревни»* на завтра, а теперь я прочту вамъ о *«Преподобномъ Іоаннѣ Дамаскинѣ»*.—Всѣ согласились.

Началось чтеніе. Тишина и вниманіе были удивительны. Съ момента, когда Іоаннъ нарушилъ обѣтъ, чувствовалось какое-то особенное напряженіе вниманія. Дѣвушки плакали. По окончаніи чтенія я спросила, кто желаетъ передать мнѣ содержаніе. Желающихъ оказалось очень много, почти всѣ; тогда я остановилась на одномъ изъ взрослыхъ слушателей, и вотъ какъ передалъ онъ мнѣ это содержаніе:

«Іоаннъ былъ любимымъ служителемъ у царя; онъ былъ превосходный сочинитель и пѣвецъ. Его знали повсюду, во всемъ государствѣ. Ему при дворѣ хорошо было жить, а все таки не нравилось, не по его вкусу было. Онъ желалъ Бога славить и молиться въ уединеніи, въ пустынѣ, на свободѣ, чтобы никто не мѣшалъ. Однажды онъ пришелъ къ царю и говоритъ: «Отпусти меня на житье вольное, я не могу народомъ править и завѣдывать мірскими дѣлами!»

«Царь началъ уговаривать, предлагалъ полцарства отдать,—но онъ не согласился. Тогда царь отпустилъ его. Онъ вышелъ въ поле; шелъ, шелъ, Бога славя, пока не подошелъ къ монастырскимъ воротамъ. И вызвалъ онъ своими пѣснями монаховъ и сказалъ имъ: «Направьте меня, какъ надо жить, чтобы

спастись!» Монахи собрались и не смѣли учить его, потому что знали, что передъ ними великій человѣкъ, — какъ же они могутъ дать ему наставленіе? Тогда одинъ старый монахъ вышелъ изъ толпы и сказалъ: «Я берусь учить его и требую, чтобы онъ смирилъ сердце свое и пересталъ пѣть». Іоаннъ призадумался: жалко ему стало пѣсенъ святыхъ, но потомъ онъ объявилъ, что желаетъ покориться и исполнить обѣтъ. Съ этого времени Іоаннъ былъ безмолвенъ.

«Однажды онъ сидѣлъ, призадумавшись, и подошелъ къ нему черноризецъ и просилъ, чтобы онъ сочинилъ пѣсню надгробную по братѣ его умершемъ. — «Я, говоритъ, хочу плакать и не могу; помоги мнѣ!» Іоаннъ сначала отказывался, но тотъ опять сталъ просить его; ему жалко стало, онъ согласился и сочинилъ.

«Поютъ они надъ покойникомъ эту пѣсню погребальную; вдругъ входитъ старикъ чернорizецъ и говоритъ: «Ты оскорбилъ нашу тихую обитель,—уйди отъ насъ!» Іоаннъ бросился къ ногамъ его и умолялъ о прощеніи. Монахи также стали просить, но старикъ не простилъ и согласился оставить его въ монастырѣ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ взялъ лопату и откидывалъ грязь вокругъ обители. Онъ безпрекословно взялъ лопату и исполнилъ его приказаніе.

«Старикъ пошелъ въ келью и началъ молиться, и до того молился, призывалъ смерть, что упалъ и заснулъ. И явилась ему Пресвятая Богородица со спящимъ младенцемъ на рукахъ и сказала: «Зачѣмъ ты запрещаешь пѣть псалмы Іоанну? отъ его пѣсенъ исцѣляются всякія болѣзни и скорби душевныя. Поди, разрѣши ему пѣть!» Проснувшись, онъ нашелъ Іоанна, попросилъ у него за свою суровость прощенія и разрѣшилъ ему пѣть.

«Іоаннъ исполнился радостью и снова началъ славить Іисуса Христа и укорять всѣ ереси и пѣть о томъ, какъ онъ жилъ, какъ его за правду распяли, и какъ всѣ люди должны поступать по ученію его».

По окончаніи этой передачи содержанія я предложила вопросы. Всѣ слушатели принимали въ отвѣтахъ на нихъ живѣйшее участіе, и всѣ отвѣты были въ высшей степени толковы.

Мы позволили себѣ привести такъ много отзывовъ на поэму «*Іоаннъ Дамаскинъ*» потому, что эта поэма можетъ служить отчасти мѣриломъ того, какъ понимаются толково грамотнымъ простолюдиномъ такого рода произведенія.

116) **Дядя Томъ, или какъ жили негры-невольники въ Америкѣ.** Повѣсть, перед. съ англійскаго М. Ф. Бутовичемъ. Спб. 1867 г. Ц. 35 к., 96 стр.

117) **Хижина Дяди Тома.** Повѣсть г-жи Стоу, разсказанная дѣтямъ г-жею Арабеллою Пальмеръ. Пер. съ англійскаго. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., 122 стр.

118) **Хижина Дяди Тома.** Повѣсть для дѣтей Бичеръ-Стоу. Москва 1882 г. Ц. 2 р., 273 стр.

119) **Хижина Дяди Тома, или жизнь среди рабовъ.** Романъ Гарріетъ Бичеръ-Стоу. Новый переводъ Е. Ландини съ послѣдн. 35-го лондонскаго изд. Съ 46-ю картинками. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., 518 стр.

Вопросы о достоинствѣ человѣка, о неприкосновенности его личности, о святости домашняго очага, о равенствѣ предъ Богомъ и закономъ, о христіанской любви и братствѣ— принадлежатъ не какой либо отдѣльной странѣ, не какому либо отдѣльному народу, а всему человѣчеству; вотъ почему, не смотря на то, что жизнь Соединенныхъ Штатовъ почти или совсѣмъ даже незнакома нашему народу, не смотря на затрудненія, которыя представляютъ для него названія невѣдомыхъ мѣстностей и лицъ, не смотря на чуждыя условія жизни, нравы и обычаи, мы считаемъ возможнымъ и желательнымъ разсматривать романъ г-жи Бичеръ-Стоу, какъ книгу для народнаго чтенія, вполнѣ признавая за нимъ воспитательное значеніе.

Передъ нами 4 книги на одну и ту же тему. Желая подвергнуть ихъ не только своему личному пересмотру, но дать тутъ же мѣсто и дѣтскимъ отзывамъ и впечатлѣніямъ, мы избрали слѣдующій пріемъ: перечитали на каникулахъ всѣ эти 4 книги съ одною и тою же группою дѣтей сельской школы.

Дѣти любятъ слушать по многу разъ то, что имъ нравится; если же это интересное разсказывается каждый разъ все съ бо́льшими и бо́льшими подробностями, сопровождаясь новыми яркими картинками, вамъ нечего бояться, что они соскучатся и не станутъ васъ слушать съ прежнимъ вниманіемъ.

Мы начали съ книжечки «*Дядя Томъ, или какъ жили негры-невольники въ Америкѣ*», повѣсть, перед. съ англійскаго *М. Ф. Бутовичемъ*. Въ предисловіи авторъ говоритъ:

«Предлагаемый разсказъ составленъ мною изъ извѣстнаго произведенія Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома», когда я былъ учителемъ въ одной изъ школъ Тульской губерніи.

Хотя этотъ разсказъ есть слабая поддѣлка подъ слогъ и рѣчь нашего народа, но, сколько я знаю, онъ всегда читался съ интересомъ и вниманіемъ мальчиками школъ.

«Желательно было бы, чтобъ и другіе разсказы изъ *«Ясной Поляны»*, изложенные въ такомъ же духѣ, были отдѣльно изданы».

Очевидно, что этотъ разсказъ имѣетъ тѣсную связь съ тѣмъ методомъ дѣтскихъ пересказовъ, который мы встрѣчаемъ въ журналѣ Л. Н. Толстаго «Ясная Поляна»: та же простота изложенія, та же образность и наивная, если можно такъ выразиться, поддѣлка подъ внѣшнія детали русской жизни; такъ, напр., вмѣсто Элизы, Джорджа, Генриха вы встрѣчаете Марью, Александра, Ванятку. Характеристика лицъ нисколько отъ этого не теряетъ, а между тѣмъ дѣти избѣгаютъ излишней трудности, въ чемъ мы удостовѣримся далѣе.

Разсказъ ведется просто, естественно и трогательно настолько, что съ первыхъ главъ мы видѣли слезы на глазахъ дѣтей, и если приходится пожалѣть о чемъ либо, такъ развѣ о томъ, что въ этой сокращенной передачѣ пропущены такія глубоко-трогающія мѣста, какъ отношенія Евы къ маленькой негритянкѣ Топси, смерть Евы, прощаніе ея съ невольниками, клятва Джорджа достигнуть уничтоженія рабства и его горячая рѣчь при дарованіи свободы своимъ невольникамъ.

При началѣ чтенія дѣти заявили, что они знаютъ, что такое Америка и Колумбъ, по *«Ясной Полянѣ»*, и что о неграхъ и невольникахъ тоже слышали и читали въ «Дѣтскомъ Мірѣ» Ушинскаго.

—Негры—это такіе люди, которые находились въ постоянной неволѣ, подъ властью господъ, вродѣ какъ у насъ крѣпостные, пояснилъ одинъ изъ старшихъ мальчиковъ.

За побѣгомъ несчастной невольницы съ ребенкомъ всѣ слѣдили съ затаеннымъ дыханіемъ. Паденіе съ лошади барышника Галея, продавца негровъ, вызвало общую радость.

— Хоть бы онъ *дужче* *) зашибся, чтобъ не поймали ея! замѣтилъ горячо одинъ изъ мальчиковъ. А когда Галей тщетно искалъ Элизу по дорогѣ, заглядывая въ кусты, только и слышно было, какъ дѣти, всецѣло погруженныя въ ходъ событій, повторяли тихонько:—Слава Богу! слава Богу!

При описаніи, какъ мать, рискуя жизнью, перескакивала со льдины на льдину, учительница пріостановила чтеніе и спросила:—Что придавало силы бѣдной женщинѣ?

Дѣти задумались.

— Любовь къ сыну, отвѣчалъ одинъ.

— Къ ней прибывали силы, какъ она подумаетъ объ его спасеніи, добавилъ другой.

На стр. 57, когда Галей говоритъ купленнымъ неграмъ: «смотрите же, не скучать, слушать моихъ приказаній!»—одинъ изъ дѣтей замѣтилъ: — Развѣ можно заказать не скучать! не утерпишь, если скучно!

Случайной встрѣчѣ Александра съ женой всѣ такъ обрадовались, будто каждый изъ нихъ встрѣтился съ близкимъ человѣкомъ. Когда злодѣй Легри присудилъ старика Тома къ жестокому наказанію, кто-то изъ дѣтей сказалъ тревожно:—Господи, чего же они его не выкупаютъ! Вѣдь уже 5 лѣтъ прошло!

— Можетъ быть, не знаютъ, гдѣ онъ, отвѣчалъ ему печально другой.

При чтеніи о кончинѣ Тома всѣ плакали, даже мальчики, чтѳ мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ за все лѣто.

По окончаніи чтенія одинъ изъ мальчиковъ спросилъ другаго: — Кто тебѣ больше всѣхъ нравится? — Дядя Томъ! отвѣчалъ онъ.—А мнѣ хозяйскій сынъ, за то что онъ жалѣлъ Тома, отвѣчалъ другой. — А мнѣ хозяйка и Марья, сказала одна изъ дѣвочекъ:—хозяйка за доброту, а Марья за отважность.—А мнѣ такъ всѣ они понравились: всѣ они хорошіе люди, добавилъ еще одинъ изъ мальчиковъ. — А лучше всѣхъ Александръ (Джорджъ), когда онъ съ притѣснителями своими сражался.

Въ концѣ концовъ дѣти сошлись на томъ, что дѣйствительно всѣ названныя лица хорошіе люди, и что «жальче всѣхъ дядю Тома». Никто изъ нихъ не остановился ни на покупщикахъ негровъ, ни на плантаторахъ; вѣроятно, они чувствовали потребность отдохнуть на свѣтлыхъ сторонахъ разсказа послѣ всей этой тяжелой драмы.

Само собою разумѣется, что для человѣка, читавшаго полный романъ Бичеръ-Стоу, для человѣка, привыкшаго съ представленіемъ объ Америкѣ связывать имена Джорджей, Элизъ, Офелій и т. д., всѣ эти Марьи и Александры звучатъ какъ бы диссонансомъ; для читателей же, никогда не подозрѣвавшихъ и не слышавшихъ о существованіи на свѣтѣ подобныхъ именъ, замѣна ихъ русскими является только желательнымъ облегченіемъ *); а потому книжечка эта пригодна и желательна—какъ матеріалъ, вполнѣ соотвѣтствующій дѣтскому пониманію.

---

*) Сильнѣе.

*) Когда, по окончаніи чтенія всѣхъ 4-хъ книгъ,

Перейдемъ ко 2-й книгѣ—повѣсти *«Хижина дяди Тома»*, разсказанной дѣтямъ г-жею *Арабеллою Пальмеръ* *).

Книга эта не имѣетъ ничего общаго съ народной школой и предназначается, очевидно, для дѣтей достаточныхъ классовъ; но сколько въ ней лишняго, дѣланнаго, запутаннаго, напыщеннаго по сравненію съ предъидущимъ простымъ и безъискусственнымъ разсказомъ! Возьмемъ для образца двѣ-три выдержки.

«Проницательность», говоритъ одинъ негръ другому:—«есть способность души, а способности неодинаковы у каждаго, но всѣ могутъ ихъ образовать».

«Только одно безуміе или бѣшенство могли отважиться на подобный страшный скачекъ»—говорится о геройскомъ поступкѣ Элизы. На стр. 38 такъ описывается красота маленькой Евы: «Это была воздушная грація, приписываемая феямъ и сильфидамъ. Красота прелестнаго личика заключалась не столько, можетъ быть, въ правильности чертъ, какъ въ дивной серьезности мечтательнаго выраженія, дѣйствующаго на чувствительныхъ и мыслящихъ людей, вліяніе котораго ощущаютъ даже натуры самыя обыкновенныя и матеріальныя».

Искусство Тома забавлять дѣтей дешевыми игрушками собственнаго производства описывается слѣдующими словами: «Миѳологическій богъ Панъ не былъ искуснѣе его въ выдѣлкѣ разныхъ флейтъ и свирѣлей».

Книга испещрена такими словами, какъ: *фениксъ*, *діаметрально-противоположный* и т. д.

Надо полагать, что приведенныхъ выдержекъ достаточно для того, чтобы опредѣлить, что книга эта совершенно непригодна для народно-школьной библіотеки.

Когда мы, по окончаніи чтенія первой книжечки, спросили дѣтей, не желаютъ ли они послушать о томъ же, только болѣе подробно, они съ радостью приняли это предложеніе; но съ первой же страницы оказались трудности. Богъ вѣсть для кого и для чего, является въ книгѣ г-жа Пальмеръ, которая и разсказываетъ собственно своимъ милымъ дѣтямъ исторію жизни дяди Тома. Обстоятельство это настолько спутывало дѣтей, что они, видимо, приходили въ отчаяніе. Только что они позабудутъ о ней и силятся угадать въ Элизахъ, Джорджахъ и Генрихахъ своихъ старыхъ друзей — Марью, Александра и Ванятку, а г-жа Пальмеръ тутъ какъ тутъ, со своими скучными и безцѣльными разговорами. Но какъ ни сбивала ихъ г-жа Пальмеръ, они все таки угадали и «хозяина», и «барышника», и всѣхъ, кого надо; и такъ они и остались у нихъ «хозяинами» и «барышниками», какъ ни силилась учительница привить къ нимъ слово *«плантаторъ»*. — Такъ легче! отвѣчалъ ей настойчиво мальчикъ, когда она еще разъ поправила его.

Изъ сцены фамильярности плантатора Галея, оскорбляющей почтеннаго г-на Шельби, дѣти поняли только одно, а именно, что «барышникъ наругалъ Марью, сказалъ, что ее взяли черти» (съ именемъ Элиза они тоже не хотѣли мириться).

Во время описанія красоты Евы одинъ изъ мальчиковъ вдругъ громко засмѣялся.

— Чего ты? спросила учительница.

— Ничего не понимаю, отвѣчалъ онъ простодушно.

Раскрашенныя картинки поддерживали энергію въ дѣтяхъ, которая могла упасть отъ этихъ непонятныхъ страницъ, и оберегали отъ скуки. Дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ и продолжительно на нихъ останавливались, объясняя другъ другу все до мельчайшихъ подробностей.

Книга 3-я—*«Хижина дяди Тома»*, повѣсть для дѣтей *Бичеръ-Стоу*.

Здѣсь мы также не встрѣчаемъ той простоты языка, которую можно и должно требовать отъ книги, предназначенной для дѣтскаго чтенія. Что пойметъ, напр., ребенокъ или взрослый простолюдинъ изъ слѣдующихъ напыщенныхъ выраженій: «онъ стиснулъ зубы, чтобы подавить вулканъ, разгорѣвшійся въ его груди; но то, что языкъ не осмѣливался высказать, выдали глаза, горѣвшіе огнемъ негодованія». Или:

«Черты его лица выражали характеръ человѣка, который видѣлъ въ жизни только ея веселую сторону, который также хорошо умѣетъ шутить, какъ издѣваться и относиться презрительно». Или:

«Что касается до насъ, южанъ, то мы слишкомъ безпечны, чтобы разбирать вопросъ о рабствѣ съ надлежащимъ вниманіемъ; тебѣ же, сестра, я дамъ полную возможность примѣнить практически твои филантропическія

мы обратились къ дѣтямъ и, показывая книги, спросили, какая кому больше нравится, одинъ изъ мальчиковъ отвѣчалъ, указывая на первую: «Эту я всю понялъ, потому что она по русски написана, а въ тѣхъ имена трудно запомнить—страсть!»

*) См. рецензію «Наша дѣтская литература» Ф. Толля, стр. 185.

воззрѣнія, и никто не будетъ такъ заинтересованъ, какъ я».

Но, не смотря на этотъ, довольно искусственный мѣстами, способъ выраженія, книга читается съ величайшимъ интересомъ, и есть страницы, написанныя такъ просто, тепло и задушевно, что ими вполнѣ выкупаются указанные недостатки. Къ такимъ страницамъ мы относимъ: споръ Джорджа съ мистеромъ Вильсономъ о несправедливости рабства (стр. 81 и 82), главы XX «Бѣлое и черное дитя», XXI «Смерть Евы», XXII «Смерть Сенъ-Клера» и многія другія, а потому и рекомендуемъ эту повѣсть въ народно-школьную библіотеку.

Дѣти слушали книгу съ величайшимъ интересомъ,—казалось, съ бо̀льшимъ даже, чѣмъ первую,—такъ много новаго и занимательнаго встрѣтилось въ ней. Они отъ души хохотали надъ въѣздомъ Гали во дворъ г. Шельби и хитрыми штуками маленькихъ и большихъ негровъ; очень сосредоточенно слушали разговоръ Джорджа Гарриса съ г. Вильсономъ о несправедливости рабства, причемъ одинъ изъ старшихъ мальчиковъ замѣтилъ:

— Вотъ какъ онъ умно говоритъ—Джорджъ! онъ мнѣ больше всѣхъ понравился.

Смѣялись надъ тетушкой Офеліей, предпринявшей походъ противъ неряхи-кухарки, и рыдали въ полномъ смыслѣ этого слова надъ смертью Евы и прощаніемъ ея съ рабами. Одинъ только на этотъ разъ явился исключеніемъ. Это былъ толстолицый, краснощекій, здоровый мальчикъ, нервы котораго, какъ видно, нескоро прошибешь. Онъ хвастался потомъ на селѣ, говоря:—«А что! всѣ плакали, а я—нѣтъ!»

Когда учительница на другой день спросила: чѣмъ же тутъ было хвастаться? — мальчикъ потупился, а другія дѣти отвѣчали за него: — Онъ никогда не плачетъ, хоть какъ мать прибьетъ, ни за что не заплачетъ; онъ хвалится, что, если захочетъ, всегда можетъ удержать слезы.

Плакали также дѣти и надъ смертью Сенъ-Клера, и одна изъ дѣвочекъ замѣтила тономъ глубокаго сожалѣнія:—Не выкупилъ Тома, а на барыню нечего надѣяться!

Шалости Топси вызвали дружный, веселый смѣхъ, такъ что можно было бы подумать, что типъ несчастной, порочной дѣвочки невполнѣ понятъ дѣтьми; но когда дѣло дошло до описанія смерти Евы и прощанія ея съ Топси, дѣтскія рыданія еще усилились, и одна изъ дѣвочекъ сказала съ глубокой грустью:—Пропала она теперь!

Благополучное достиженіе чердака Касси и Эммелиной вызвало общую радость. Когда Тома повели наказывать, дѣти опять плакали; плакали они и надъ смертью Тома, и надъ возвращеніемъ Джорджа домой въ одиночку.

— Мнѣ больше всѣхъ жалко тетушку Хлою, какъ она его ожидала, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

По окончаніи чтенія всѣ хоромъ порѣшили, что эта книга лучше всѣхъ.

«Хижина дяди Тома, или жизнь среди рабовъ», романъ *Гарріетъ Бичеръ-Стоу.*

Книга эта представляетъ собою не передѣлку, какъ три предъидущія, а полный переводъ съ англійскаго романа Бичеръ-Стоу, что̀ мы узнаемъ изъ предисловія. Романъ этотъ кончается воззваніемъ о христіанской любви и милосердіи, обращеннымъ къ интеллигентнымъ классамъ общества Америки, — тѣмъ классамъ, въ рукахъ которыхъ находилась возможность уничтожить рабство.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы считаемъ себя не вправѣ посылать автору ни малѣйшаго упрека ни за тѣ слова и выраженія, ни за тѣ разсужденія и мысли, которыя совершенно не по силамъ ни ребенку, ни малограмотному простолюдину; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматривая книгу, какъ матеріалъ для народнаго чтенія, мы должны отвѣтить на вопросъ: много ли этихъ словъ, разсужденій и мыслей, и насколько вредятъ они общему пониманію книги? Еслибы отвѣтъ на этотъ вопросъ являлся отрицательнымъ, мы—сказать правду—не остановились бы на разборѣ книги; мало ли существуетъ книгъ не по плечу народу; но, предрѣшая вопросъ, мы должны сказать, что въ концѣ концовъ романъ Бичеръ-Стоу мы признаемъ возможнымъ и желаннымъ для народнаго чтенія.

Прежде чѣмъ остановиться на свѣтлыхъ сторонахъ этого романа, мы остановимся на отрицательныхъ его сторонахъ, которыя можно назвать отрицательными исключительно по причинѣ неподготовленности массы, а никакъ не по недостаткамъ произведенія.

Такихъ словъ, какъ: *теорія*, *авторитетъ*, *комментаріи*, *патетически*, *ораторъ*, *аудиторія*, *эффектъ*, *дилеттантъ*, *аргументъ*, *территорія*, *метафора*, *доза*, *скептикъ*, *спичъ*, *эгоистъ*—въ книгѣ весьма много. Мало того, попадаются французскія, нѣмецкія и латинскія слова.

Переходя къ вопросу о слогѣ и способѣ выраженій, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько образцовъ, не соотвѣтствующихъ развитію и подготовкѣ простолюдина. Такъ,

напр., вмѣсто того чтобы сказать, что Рахиль была хорошей хозяйкой, говорится:

«Поэты много писали о Венериномъ поясѣ, кружившемъ головы тысячамъ поколѣній во всѣ времена; мы предпочли бы имѣть поясъ Рахили, предохраняющій головы отъ круженія и возстановляющій гармонію» (стр. 158).

Объ упрямствѣ кухарки Дины авторъ говоритъ такимъ образомъ:

«По примѣру извѣстнаго класса современныхъ философовъ, Дина отвергала всякую логику, всякія разсужденія, а обыкновенно дѣйствовала сообразно съ собственными взглядами и соображеніями» (стр. 238 и 239).

«Въ умѣ ея (Дины) сложилась аксіома, что кухарка не можетъ сдѣлать что либо не такъ, какъ слѣдуетъ» (стр. 239).

«Не было консерватора въ мірѣ, который бы болѣе Дины держался неудобствъ, освященныхъ временемъ» (стр. 240).

Ограничиваемся этими выдержками, чтобы не удлинять напрасно разбора.

Но не только отдѣльныя выраженія — есть и почти цѣлыя главы, недоступныя ни по слогу, ни по мысли неподготовленному читателю. Возьмемъ для примѣра главу XIX: «*Продолженіе опытовъ и мнѣній миссъ Офеліи*», въ которой, между прочимъ, Сенъ-Клеръ, вспоминая съ миссъ Офеліею о вліяніи матери, говоритъ: «Еслибы я остался съ нею дольше, она сдѣлала бы изъ меня совершеннаго энтузіаста. Я былъ бы, можетъ быть, реформаторомъ, мученикомъ, святымъ», — а затѣмъ, переходя къ тому, какъ аристократы Англіи относятся къ вопросу о рабствѣ, онъ продолжаетъ: «Они думають, что безъ дѣйствительнаго или номинальнаго порабощенія массъ цивилизація недостижима».

Въ такомъ духѣ идетъ весь разговоръ мистера Сенъ-Клера съ миссъ Офеліей. Не менѣе затруднительнымъ является также споръ Альфреда и Августина Сенъ-Клеровъ о томъ, какъ думали о рабствѣ дворяне временъ Людовика XVI, какъ думаетъ о томъ же Австрія и Пій IX, какая именно кровь течетъ въ жилахъ рабовъ, и проч., и проч. (стр. 312, 313, 314).

Наконецъ, письмо Джорджа Гарриса, это горячее и разумное письмо, способное потрясти нервы интеллигентнаго человѣка, не производитъ ровно никакого впечатлѣнія на неподготовленнаго читателя, такъ какъ половины его онъ не въ силахъ понять. Тѣмъ не менѣе, оно сослужило своего рода службу, натолкнувъ слушателей на вопросъ: существуетъ ли и теперь рабство, — причемъ учительницѣ пришлось остановиться и объяснить въ короткихъ словахъ исторію возникновенія рабства въ Америкѣ и исторію его уничтоженія. Оказалось при этомъ, что иные изъ бывшихъ учениковъ сельской школы знакомы нѣсколько съ вопросомъ изъ біографій Авраама Линкольна и Джемса Гарфильда.

Но не все же подобныя слова, выраженія и главы встрѣчаемъ мы въ романѣ Бичеръ-Стоу. Есть мѣста въ книгѣ (и, къ счастію, они преобладаютъ) въ высшей степени простыя и безъискусственныя, гдѣ въ немногихъ словахъ авторъ знакомитъ читателя съ положеніемъ лицъ, ихъ отношеніями, ихъ внутренней жизнью. Возьмемъ для примѣра хоть одно изъ такихъ мѣстъ:

«Погруженный каждый въ свои мысли, Томъ и мистеръ Гели продолжали ѣхать дальше; повозка подпрыгивала на тряской дорогѣ. Что до ихъ мыслей, то, не смотря на то, что у этихъ двухъ людей, сидѣвшихъ на одной скамейкѣ, одинаковые глаза, уши, руки, и что одни и тѣ же предметы проходятъ передъ ихъ глазами, мы увидимъ, какъ они удивительно различны.

«Взять, напримѣръ, хоть Гели: онъ думалъ о ростѣ, сложеніи, о толщинѣ Тома и о томъ, выгодно ли онъ продастъ его, и останется ли онъ такимъ здоровымъ и крѣпкимъ до того времени, когда онъ поведетъ его на рынокъ. Размышлялъ онъ также и о томъ, какъ бы ему сдѣлать получше выборъ изъ своихъ невольниковъ; соображалъ о приблизительной цѣнѣ нѣкоторыхъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей, входящихъ въ составъ ихъ, и о другихъ обстоятельствахъ своей торговли. Затѣмъ онъ думалъ о самомъ себѣ, о своемъ человѣколюбіи: тамъ, видите, гдѣ другіе заковывали въ цѣпи ноги и руки своихъ невольниковъ, онъ наложилъ Тому кандалы только на ноги, руки же оставилъ на свободѣ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ вести себя хорошо; вздыхая, онъ сѣтовалъ о людской неблагодарности, думая, что вѣдь онъ еще и не знаетъ навѣрно, благодаренъ ли ему Томъ за такую милость или нѣтъ. Онъ дивился своему непоколебимому человѣколюбію, не смотря на обманы всякаго рода, которымъ онъ подвергался со стороны своихъ негровъ.

«Томъ думалъ и передумывалъ о нѣкоторыхъ словахъ, которыя онъ вычиталъ въ одной старой книгѣ. Слова эти съ утра не выходили у него изъ ума, — вотъ они: «Здѣсь у насъ нѣтъ постояннаго жилища, но мы непрестанно ищемъ его; самъ Богъ не стыдится быть нашимъ Богомъ, ибо Онъ-то и приготовитъ намъ желанное жилище». Слова эти

взяты изъ одной древней книги; читаютъ ее больше люди неученые, незнающіе; слова ея имѣютъ даръ производить сильное впечатлѣніе на простые, безхитростные умы, подобные Тому. Они извлекаютъ душу изъ окружающаго ее мрака и, какъ гласъ трубный, пробуждаютъ въ ней мужество, энергію и рѣшительность на мѣсто прежняго мрачнаго отчаянія» (стр. 132).

Какъ все это выразительно, трогательно, просто и понятно, даже для малограматнаго человѣка! какой рѣзкій контрастъ, какая вѣрная характеристика двухъ лицъ, рисующая ихъ во весь ростъ! Вотъ эти-то мѣста и освѣщаютъ путь къ разумѣнію темному человѣку и дѣлаютъ то, что въ концѣ концовъ романъ Бичеръ-Стоу становится понятнымъ ему, и такимъ образомъ цѣль чтенія достигается.

Не можемъ отказать себѣ въ желаніи привести еще одинъ небольшой отрывокъ, отвѣчающій на вопросъ, что такое свобода для раба: «Свобода представляетъ для него право быть человѣкомъ, а не скотомъ», говоритъ авторъ:—«право называть жену своею женою и защищать ее отъ беззаконнаго насилія; право защищать и воспитывать своего ребенка; право имѣть свой домъ, свою религію, свой характеръ и особенности, не подчиненныя волѣ другаго» (стр. 442).

Когда намъ пришлось приступить къ чтенію этой книги въ группѣ слушателей, состоящей изъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, мы не могли взять на себя смѣлость опредѣлить напередъ, дослушаетъ ли наша деревенская публика такую объемистую и серьезную книгу, какъ отнесется къ ней, извлечетъ ли изъ нея вопросы, которые можно извлечь, и какъ отвѣтитъ на эти вопросы. По прочтеніи нѣсколькихъ страницъ, оказалось необходимымъ устранить младшихъ дѣтей отъ чтенія: очевидно было, что они не понимаютъ по крайней мѣрѣ половины изъ читаемаго и безцеремонно зѣваютъ во весь ротъ; дѣти же постарше просили позволенія остаться, говоря: «Мы еще послушаемъ», и оставались до самаго конца.

Чтеніе происходило на каникулахъ, для чего избраны были три праздника сряду—28, 29 и 30 августа, такъ какъ въ будничные дни взрослые заняты и не могутъ присутствовать при чтеніи; растянуть же чтеніе на три воскресенья — это значило бы ослабить силу впечатлѣнія, производимаго романомъ.

Количество страницъ книги пришлось раздѣлить на три части; а такъ какъ въ книгѣ 518 страницъ, то на каждое чтеніе пришлось болѣе 170 стр., что занимало около 6 ч. времени.

Что касается взрослыхъ, приглашенныхъ въ первый разъ на чтеніе полнаго изданія «Хижины дяди Тома», то затрудненіемъ для нихъ явились иностранныя имена; такъ, напр., во время описанія того, какъ добрая тетушка Хлоя угощаетъ маленькаго Джоржа Шельби вкусными пирожками на кухнѣ, одинъ изъ слушателей, принимая его за Джорджа Гарриса, мужа Элизы, пріостановилъ чтеніе и спросилъ:—позвольте, я не понимаю, что-жъ это такое—назадъ поворотило, дѣтство его описывается?

— Это Гриша, а не Александръ! пояснилъ одинъ изъ мальчиковъ, позабывъ, вѣроятно, что старшіе не слушали первой книжечки. (Для младшихъ, впрочемъ, эта первая маленькая книжечка служила въ продолженіе всего времени какъ бы переводчикомъ именъ). Само собою разумѣется, что вслѣдствіе путаницы въ именахъ выходила путаница и въ происшествіяхъ: Тома Локера смѣшивали съ Томомъ—героемъ разсказа и т. д.

По окончаніи чтенія одинъ изъ слушателей подошелъ къ учительницѣ и спросилъ:

— *Вы* будете придумывать вопросы, когда окончимъ читать эту книжку, или мы?

— А что? спросила учительница.

— Вопросы-то можно придумать, да имена сбиваютъ—ничего не сдѣлаешь! сказалъ онъ безнадежно.

Учительница обѣщала къ слѣдующему разу выписать всѣ имена на отдѣльные листы и раздать ихъ слушателямъ. Эта мѣра, какъ оказалось впослѣдствіи, значительно облегчила чтеніе.

Не смотря на незнакомыя слова и выраженія, попадавшіяся на пути, надо сказать правду, чтеніе шло въ высшей степени оживленно; главныя дѣйствующія лица возбудили къ себѣ много интереса и симпатій въ слушателяхъ. Всѣ искренно смѣялись и надъ торжественнымъ приготовленіемъ къ митингу въ хижинѣ дяди Тома, гдѣ сломанный стулъ является предметомъ обсужденія въ ожиданіи дорогихъ гостей, и надъ хитростями Сама, устроившаго ложную тревогу въ погонѣ за лошадью, предназначенной для торговца неграми.

— Молодецъ Самъ! слышалось въ публикѣ.

Смѣялись и надъ ораторской рѣчью Сама, нахватавшагося отъ господъ мудреныхъ словъ, причемъ одинъ изъ старшихъ замѣтилъ:—У насъ мужикъ есть въ родѣ этого,—старшиной былъ,—и такъ теперь величается, такія

господскія слова говоритъ, что невозможно слушать безъ смѣха, — самъ не понимаетъ, что они выражаютъ.

По поводу разсужденій Маркса о томъ что «хорошо было бы найти такихъ бабъ, которыя бы вовсе не заботились о своихъ ребятишкахъ», одинъ изъ слушателей замѣтилъ съ негодованіемъ:—Ишь чего захотѣлъ! собака—и та печется о щенкахъ!

Передъ прощаніемъ Тома съ женой одна изъ ученицъ, прослушавшая всѣ три книги, сказала, обращаясь ко взрослымъ:—Сейчасъ жалкое подходитъ—всѣ плакать будете.

Она предсказала правду: у многихъ изъ слушателей появились на глазахъ слезы.

Глава *«Сенаторъ тоже человѣкъ»* чрезвычайно всѣмъ понравилась, хотя въ ней и были мѣста, непонятныя для слушателей.

Поэтическій романъ юношеской любви Сенъ-Клера съ драматическимъ концомъ оказался непонятымъ, между тѣмъ какъ личность эгоистки Маріи, жены Сенъ-Клера, была понята до мельчайшихъ подробностей. Слушатели хохотали надъ ея мнимыми болѣзнями, и не разъ приходилось слышать замѣчанія въ такомъ родѣ: — Небось про свое нездоровье толкуется, а другимъ не вѣритъ!

— Больна, больна, а живетъ. Лучше бы *ей*, чѣмъ Евѣ, смерть пришла: та сколькихъ осиротила!

Вѣроятно, типъ пошлой, избалованной эгоистки-барыни доступнѣе пониманію и ближе стоитъ къ условіямъ нашей жизни, чѣмъ свѣтлая и гуманная личность идеалиста Сенъ-Клера.

Неописанная радость замѣчалась между слушателями, когда Элиза, Джорджъ и другіе бѣглецы взобрались на недосягаемую вершину скалы.

— Лѣзь, лѣзь! говорили они, глядя на картинку и какъ бы дразня Локера и его погоню; а когда воспослѣдовалъ выстрѣлъ, и Локеръ полетѣлъ въ ущелье, раздался дружный смѣхъ:

— Такъ ему и нужно, хоть бы они еще пустили въ него! говорилъ одинъ изъ слушателей.

— Трусъ, трусъ! повторялъ другой, указывая на картинкѣ на Маркса; а когда Локеръ, глядя на свою рану, говорилъ: «проклятая кровь!» еще одинъ изъ слушателей замѣтилъ:—Ужъ правда, что проклятая!

Когда нашимъ путникамъ осталось двѣ мили до Кентукки, то, во-первыхъ, слушатели торопливо спросили: — Сколько это на нашъ счетъ двѣ мили? въ школѣ и говорили, да позабылось!—а затѣмъ, забравши эту справку, повторяли:—Слава Богу, слава Богу! мало уже, близко, вотъ-вотъ дойдутъ! и т. д.

По поводу несчастной пьяницы — старухи Пру, которую несчастія довели до грѣха и отчаянія, голоса присутствующихъ раздѣлились: одни сожалѣли ее и прощали ей, другіе относились къ ней съ порицаніемъ, причемъ одинъ изъ подростковъ, мальчикъ 14 л., очень умный и способный, сказалъ энергически:—Мнѣ хоть какъ пришлось бы, я-бъ не сдѣлался пьяницей!—Въ этомъ ребяческомъ возгласѣ слышалось столько вѣры въ свои нравственныя силы, что просто любо было смотрѣть на него.

— Нѣтъ, жалко, что ни говори! замѣтилъ другой.

Глава *«Топси»* возбудила тотъ же живой интересъ, какъ и въ предъидущихъ чтеніяхъ. Прежнимъ слушателямъ, очевидно, хотѣлось забѣжать впередъ и сообщить новымъ, что изъ Топси выйдетъ хорошая дѣвочка, къ чему они и дѣлали поползновенія, такъ что учительницѣ стоило большихъ усилій останавливать ихъ и съ этимъ, и съ другими предсказаніями *).

Но чего никто изъ слушателей не могъ простить, такъ это высокомѣріе зазнавшихся слугъ по отношенію къ Топси.

— А сама кто? говорили они, протестуя противъ элегантной горничной Розы; и когда, по смерти гуманнаго Сенъ-Клера, его жестокая супруга присудила высѣчь Розу, никто не жалѣлъ ея и не хотѣлъ простить ей прошлой вины передъ Топси.

Къ женѣ Сенъ-Клера, Маріи, слушатели относились еще съ бо́льшей антипатіей.

— Не отпуститъ она Тома на волю! говорилъ съ грустью одинъ изъ нихъ послѣ смерти Сенъ-Клера.

— Куды ей отпустить! Эта нѣтъ, эта не отпуститъ! Она злая! вторили ему другіе.

— А миссъ Офелія какъ чувствовала, когда насчетъ отпущенія слугъ съ нимъ разговаривала, замѣтила одна изъ слушательницъ.

Интересно было также наблюдать, какъ одинъ изъ старшихъ силился, повидимому, казаться индифферентнымъ и равнодушнымъ въ продолженіе всего чтенія, въ то время какъ другіе плакали (вѣроятно, онъ считалъ все это бабьими свойствами); но когда

*) Величайшимъ интересомъ въ романѣ для младшихъ слушателей являлись, очевидно, дѣти-герои: Ева, Топси, Джорджъ, Гарри, Генрихъ, къ которому они, впрочемъ, отнеслись весьма недружелюбно.

послѣ смерти Сенъ-Клера Тома повезли на невольничій рынокъ продавать, онъ сильно пріунылъ и, отвернувшись въ сторону, быстро смахнулъ рукой съ глазъ навернувшіяся слезы. — Да и жалко же мнѣ Тома! сказалъ онъ какъ бы въ свое оправданіе.—А мнѣ этихъ дѣтей, которыхъ разлучаютъ съ матерями и продаютъ, жальче всего, замѣтила одна изъ дѣвушекъ.

Во время чтенія главы *«Смерть Евы»* общее настроеніе было весьма печально: многіе плакали; одинъ только изъ старшихъ какъ-то равнодушно и разсѣянно, какъ показалось мнѣ, слушалъ эту главу и даже два-три раза наклонялся къ уху товарища и что-то тихо говорилъ ему. Во время перерыва чтенія онъ обратился къ учительницѣ и спросилъ, глядя на нее испытующимъ взглядомъ:—Правда все это, что мы читаемъ, или нѣтъ?

— Да, все это было во времена рабства, отвѣчала она.

— А мнѣ не вѣрится, сказалъ онъ нѣсколько сконфуженно: — чтобы такая барышня была, какъ Ева: такая маленькая и такая умная. Ей Богу, не могу повѣрить!

«Такъ вотъ она — причина разсѣянности и равнодушія!» подумала учительница.

Слѣдя за присутствующими, пришлось еще сдѣлать слѣдующее наблюденіе: когда глава оканчивается, и за нею слѣдуетъ другая, съ новыми дѣйствующими лицами, слушатели, очевидно, боятся потерять изъ виду своихъ излюбленныхъ героевъ и не услышать ничего болѣе объ ихъ участи. Вотъ почему обыкновенно они спрашиваютъ тревожно каждый разъ, когда происходитъ такая перемѣна:—А о тѣхъ, что мы сейчасъ читали, еще будетъ разсказано?

Это обстоятельство служитъ ручательствомъ, что книга возбуждаетъ искренній интересъ. Еще однимъ изъ признаковъ такой заинтересованности служатъ обыкновенно догадки и предсказанія того, какая участь постигнетъ героевъ. Такъ, напр., когда бѣдная Хлоя просила господъ своихъ отпустить ее въ кухарки къ кондитеру, съ цѣлью заработать деньги для выкупа своего старика Тома, одинъ изъ слушателей сказалъ, вздохнувъ:

— А у меня предчувствіе, что не сбудется это, не выкупитъ она его!

Замѣчаній въ такомъ родѣ было весьма много.

При описаніи жизни Тома у мучителя Легри одинъ изъ слушателей замѣтилъ:— Навѣрное Томъ будетъ святымъ мученикомъ, а, помнишь, Топси говорила, что черные не могутъ быть ангелами!

— Это вѣрно: вѣчная свобода! замѣтилъ другой, при чтеніи главы *«Свобода»*, совершенно впадая въ торжественный тонъ дяди Тома.

При всѣхъ побѣгахъ несчастныхъ рабовъ, трепетавшихъ за собственную жизнь и за жизнь своихъ близкихъ, въ слушателяхъ чувствовалось столько тревоги и волненія, что только и слышались замѣчанія: — Господи, помоги! Охъ, Господи! У меня просто духъ захватило! и т. д.

Когда Касси и Эммелинѣ удалось достигнуть благополучно чердака и спрятаться туда, слушатели были отъ этого въ восторгѣ, и по возвращеніи Легри съ охоты за неграми говорили:—Ну, теперь они уморились, поздно легли,—можетъ, Богъ дастъ, проспятъ долго, а тѣ *утекутъ* *). — При этомъ пошли воспоминанія о томъ, какъ Касси хотѣла убить Легри, а Томъ удержалъ ее. — Вотъ ужъ истинный христіанинъ, замѣтилъ одинъ изъ старшихъ:—столько онъ ему зла причинилъ, а онъ не захотѣлъ его смерти.

При чтеніи заглавія главы *«Мученикъ»*, старшіе почти хоромъ сказали: — Навѣрное Томъ!—А когда Легри послалъ за нимъ въ послѣдній разъ, одинъ изъ подростковъ сказалъ тревожно: — Я думаю, что Богъ его защититъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ другой, постарше: — Господь желаетъ, чтобы онъ претерпѣлъ до конца.

Когда Томъ умеръ, одинъ изъ взрослыхъ замѣтилъ благоговѣйно:—Теперь Ева и Томъ соединятся въ раю.

Когда Джорджъ Шельби отпустилъ всѣхъ своихъ негровъ на волю въ память бѣднаго усопшаго Тома, одинъ изъ слушателей сказалъ:—Этотъ еще лучше, чѣмъ Сенъ-Клеръ: тотъ только задумалъ освободить людей, а этотъ исполнилъ, что задумалъ!

При всякомъ удобномъ случаѣ слушатели дѣлали сближенія съ крѣпостнымъ правомъ. Никакой желчи при этомъ не замѣчалось: говорилось, какъ о чемъ-то очень отдаленномъ, извѣстномъ только по преданіямъ,—и немудрено: здѣсь не было людей старше 18 л.; слѣдовательно, никто изъ нихъ не испытывалъ на себѣ значенія крѣпостнаго права.

— Слушайте, что я вамъ разскажу, говорила, между прочимъ, одна изъ взрослыхъ

---

*) Уйдутъ.

дѣвушекъ по поводу того мнѣнія Сенъ-Клера, что негровъ можно исправить кротостью, и гдѣ съ ними лучше обращались, тамъ они добрѣе и честнѣе:—у насъ въ Алексѣевкѣ господа были очень добрые, моя мать разсказывала,—никогда не били: оттого и люди у насъ лучше, добрѣе: ни воровства, ничего дурнаго нѣту, а по прочимъ деревнямъ не дай Богъ, что дѣлалось, даже слушать страшно!—И тутъ началась передача преданій о томъ, кого, какъ и чѣмъ били.

— Моего отца баринъ чубукомъ дрался, говорилъ одинъ изъ старшихъ: — такъ не очень больно.

— А моего, добавилъ другой:—такъ однажды чуть до смерти не засѣкли, не зналъ, какъ и живъ остался.

— У насъ есть одинъ старикъ, разсказывалъ третій:—сѣдой, сѣдой, а никакого почтенія себѣ не видитъ не то что отъ сыновей, а даже и отъ внучатъ; станетъ людямъ жаловаться, а люди ему: «це тоби за гріхи. Забув, як знущався над міром, як прикащиком у панів був!»

— А знаете старика, который барскій садъ стережетъ, говорилъ еще одинъ:—ему теперь 90 лѣтъ; такъ его двухъ дочерей дѣвками продали разнымъ господамъ; онъ и теперь не знаетъ, гдѣ онѣ; можетъ — живы, а можетъ—померли, Богъ ихъ знаетъ.

Множество картинокъ, сопровождающихъ почти каждое выдающееся событіе, чрезвычайно оживляло чтеніе и занимало присутствующихъ. Они останавливались внимательно и продолжительно на каждой картинкѣ, передавая содержаніе ея не такъ именно, какъ гласила подпись подъ ней, а по своему, съ бо́льшими подробностями и коментаріями.

По окончаніи чтенія учительница раздала всѣмъ присутствующимъ по карандашу и по листу бумаги, предложивъ поставить вопросы, съ цѣлью выбрать изъ нихъ болѣе серьезные и общіе и тогда потребовать отъ нихъ отвѣтовъ. Эти вопросы и отвѣты, на нашъ взглядъ, могутъ служить самымъ лучшимъ мѣриломъ того, насколько понята книга и какія стороны остановили на себѣ вниманіе слушателей, а потому мы и предлагаемъ ихъ на судъ руководителей народной библіотеки.

— Какую жизнь вели негры въ Америкѣ?

— Самую угнетенную: съ ними обращались очень жестоко, хуже чѣмъ со скотами: при покупкѣ смотрѣли на зубы; запрещали молиться, что̀ для нѣкоторыхъ, какъ Томъ, было хуже смерти; били, истязали, разлучали матерей съ дѣтьми, мужей съ женами.

— Правильно ли разсуждали нѣкоторые изъ рабовладѣльцевъ, что негры созданы именно для того, чтобы быть рабами, и что негры не могутъ имѣть такой безсмертной души, какъ у бѣлыхъ?

— Нѣтъ, они ошибались, потому что негры отличались только цвѣтомъ кожи, но душой они были равны.

— Находились ли такіе люди, которые жалѣли о неграхъ?

— Находились даже такіе, которые считали ихъ своими друзьями; такъ, напр., Джорджъ Шельби никогда не могъ забыть Тома и, за невозможностью его выкупить, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ рабовъ.

— До чего доводило негровъ рабство?

— До того, что они дѣлались самоубійцами; матери отравляли дѣтей своихъ, убивали преслѣдователей, забывали Бога и разучивались молиться Ему!

— Кто былъ виновенъ въ томъ, что рабство продолжалось?

— Тѣ, которые издавали и одобряли законы; тѣ, которые считали это дѣломъ справедливымъ; тѣ, которые говорили, что безъ этого нельзя обойтись; тѣ, которые смотрѣли на это равнодушно и не вступались.

— Чѣмъ побѣждала Ева зло и невѣжество, вкоренившееся въ сердцѣ Топси и другихъ, подобныхъ ей?

— Добротою, ласкою и любовью.

— Были ли между неграми люди, которые за любовь къ ближнимъ и вѣру переносили всякія терзанія?

— Были, — напр., Томъ. Онъ не только самъ переносилъ терзанія, а и другихъ удерживалъ отъ зла, напоминалъ о Богѣ и училъ молиться Ему. Даже такіе злодѣи, какъ Квимбе и Самбо, покаялись, видя его мученическую смерть.

— Можно ли было уничтожить рабство въ Америкѣ?

— Можно, еслибы всѣ засчитали это за грѣхъ и подумали, что за все это придется отвѣчать предъ Іисусомъ Христомъ въ день страшнаго суда.

— Что заставляло негровъ убѣгать въ Канаду?

— Одни убѣгали, чтобы спасти дѣтей; другіе—чтобы спасти душу.

— Почему Томъ не бѣжалъ, когда ему предлагали бѣжать?

— Потому что онъ никогда не лгалъ и не хотѣлъ обманывать.

— За что Томъ удостоится царства божія?

— За то, что онъ былъ человѣкъ любящій все человѣчество и наставляющій каждаго на путь истины.

Эти вопросы и отвѣты, какъ намъ кажется, говорятъ о томъ, что основная идея книги достаточно усвоена слушателями, а потому мы и признаемъ возможнымъ и желательнымъ рекомендовать романъ Бичеръ-Стоу въ народную и школьную библіотеку. Въ немъ дорого еще и то, что, не смотря на потрясающія нервы сцены, свидѣтелями которыхъ мы дѣлаемъ читателя, не смотря на колоссальность изображаемаго зла, не смотря на подавляющее впечатлѣніе картинъ жестокости, грубости и звѣрства, идея любви такъ ярко проведена во всемъ произведеніи, такъ лучезарно освѣщаетъ излюбленныхъ героевъ, что теплое чувство любви къ человѣчеству согрѣваетъ душу читателя и даетъ ей возможность отдохнуть и успокоиться на свѣтлыхъ образахъ, мысляхъ и дѣяніяхъ.

Тѣмъ не менѣе, необходимо замѣтить, что было бы въ высшей степени желательно, чтобы кто либо изъ людей просвѣщенныхъ и талантливыхъ взялся за передѣлку романа Бичеръ-Стоу, имѣя въ виду народъ и приноровляясь къ его подготовкѣ и степени развитія.

Передѣлка г. Бутовича весьма недурна, о чемъ мы говорили уже, но она слишкомъ сжата, почему и остается желать несравненно бо̀льшаго. Повѣсть, разсказанная г-жею Пальмеръ, приноровлена исключительно къ дѣтямъ достаточныхъ классовъ; книга третья «Хижина дяди Тома» (ц. 2 р.) имѣла въ виду тѣхъ же читателей и слишкомъ дорога для народной библіотеки, и, наконецъ, самый переводъ романа Бичеръ-Стоу переполненъ словами и разсужденіями, которыя составляютъ для неподготовленнаго читателя излишній балластъ. Вотъ почему,—повторимъ еще разъ,—въ высшей степени желательно было бы увидѣть толковую передѣлку «Хижины дяди Тома», приноровленную къ условіямъ народной библіотеки *).

Х. А.

СЕЛЬСКІЕ РАЗСКАЗЫ ГРИГОРОВИЧА.

Начавъ изображать народную жизнь, Григоровичъ занялъ видное мѣсто въ русской литературѣ. Бѣлинскій въ немногихъ, но теплыхъ словахъ привѣтствовалъ это вступленіе автора на новый путь; критика отнеслась къ нему съ восторгомъ. Дѣйствительно, сочиненія Григоровича, въ которыхъ описывается жизнь русскаго народа, оставляютъ далеко за собой всѣ остальныя произведенія этого автора. Мы остановимся только на сочиненіяхъ Григоровича, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *сельскихъ разсказовъ* и представляющихъ собой весьма цѣнный матеріалъ чтенія для народа; всѣ же другіе его очерки, хотя и изданы отдѣльными дешевыми брошюрами, являются совершенно несоотвѣтствующими нашей цѣли. Мы не коснемся также и двухъ его большихъ романовъ «*Переселенцы*» и «*Рыбаки*», такъ какъ разборъ ихъ слишкомъ увеличилъ бы размѣры нашего труда. Къ тому же, оба эти произведенія пользуются заслуженной популярностью настолько, что каждая народная библіотека несомнѣнно сочтетъ своею обязанностью пріобрѣсти ихъ, не смотря на относительно дорогую цѣну.

Сельскіе разсказы Григоровича весьма богаты этнографическимъ матеріаломъ; въ нихъ читатель можетъ познакомиться и съ жизнью пахаря, и съ крестьянами-промышленниками, и съ фабричной жизнью, и съ народными праздниками и повѣрьями, и съ крѣпостнымъ правомъ. Вообще, Григоровичъ является въ нихъ изобразителемъ народной жизни сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Рисуя фабричную жизнь, Григоровичъ указываетъ на ея развращающее вліяніе и, какъ бы въ противоположность ей, выставляетъ жизнь пахаря, горячимъ поборникомъ которой является во всѣхъ своихъ очеркахъ.

Въ сочиненіяхъ Григоровича много драматизма, эффектныхъ сценъ, оставляющихъ по себѣ сильное впечатлѣніе, а также много теплоты и задушевности. Въ большинствѣ случаевъ Григоровичъ подробно описываетъ жизнь своихъ героевъ, не упуская ни малѣйшихъ деталей, что̀ составляетъ большое достоинство его разсказовъ, дѣлая ихъ доступными для массъ. Но въ то же время онъ иногда впадаетъ въ крайность: слишкомъ длинныя описанія природы, которыя мѣстами бываютъ у него очень хороши, дѣлаютъ нѣкоторыя изъ его сочиненій черезчуръ растянутыми. Но что составляетъ главный не-

---

*) «Хижина дяди Тома», изд. «Народ. Библ.» Маракуева, М. 1886 г., ц. 15 к.—См. II-й томъ «Что читать народу?»

достатокъ разсказовъ Григоровича, какъ *народныхъ* чтеній, это отступленія автора отъ нити разсказа и бесѣды его съ читателемъ. Видно, что авторъ не имѣлъ въ виду чтеца-простолюдина; бесѣды его ведутся въ такомъ тонѣ и о такихъ предметахъ, которые недоступны пониманію народа. Какъ образчикъ ихъ, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ:

«Судьба поставила насъ такъ, что между природою и нами нѣтъ и не можетъ быть близкой, родственной связи. Мы только мимоходомъ восхищаемся ея красотой или вдаемся по поводу ея явленій въ сухія теоріи и сухія изслѣдованія. Въ обоихъ случаяхъ не является ли она передъ нами книгой, въ которой мы любуемся картинками, но не разбираемъ текста? Простолюдина мало трогаютъ красоты ея; онъ не размышляетъ, какъ мы, о ея таинствахъ (размышлять, судить о чемъ нибудь не значитъ ли отрѣшать уже себя нѣкоторымъ образомъ отъ обсуждаемаго предмета, считать себя, если не выше его, то хотя исключеніемъ?» *)

«Не вѣрьте, пожалуйста, нашимъ столичнымъ умникамъ, которыхъ мы же сами, не находя имъ другаго названія, а, можетъ быть. просто изъ снисхожденія, прозвали людьми со строгимъ, философскимъ складомъ ума. Подсмѣиваясь надъ самыми простыми, естественными и ужъ, конечно, лучшими нашими чувствами, называя ихъ дѣйствіемъ воображенія или слезливо-сантиментальными выходками, они—я увѣренъ—слову не вѣрятъ изъ того, что проповѣдуютъ» **).

«Въ дѣтѣ страстей (мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется) образованіе и развитіе не имѣютъ большаго значенія; они помогаютъ только страсти иначе выразиться, смягчаютъ форму. Дѣйствіе страсти, сущность нравственнаго процесса остается все та же» ***).

Не смотря на такія непонятныя для простолюдина мѣста, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Григоровича, мы, давая читать ***сельскіе разсказы*** крестьянамъ и взрослымъ ученицамъ воскресной школы, убѣдились, что въ общемъ они народомъ понимаются, читаются имъ съ охотой и оставляютъ по себѣ сильное впечатлѣніе.

Всѣ разсказы Григоровича могутъ быть читаемы только взрослыми и дѣтьми старшаго возраста, притомъ хорошо грамотными.

Желая отвѣтить на вопросъ, насколько воспринимаются произведенія Григоровича грамотнымъ людомъ, мы позволили себѣ привести о немъ нѣсколько довольно обширныхъ ученическихъ *отзывовъ*.

Примѣчаніе. На разсказы Д. Григоровича рец. смотри: «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ». В. Острогорскаго. Вып. II-й, стр. 178. «Систематическій обзоръ русской народно - учебной литературы» 1878 г., стр. 222.

120) **Бобыль.** Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г. Ц. 20 коп. 21 стран.

Въ холодную осеннюю ночь въ село Комково, гдѣ въ это время былъ приходскій праздникъ, пришелъ умирающій старикъ. Онъ зашелъ на скотный дворъ къ помѣщицѣ; добрая старушка сначала было приняла въ немъ большое участіе, но затѣмъ, смущаемая словами своей сосѣдки, пугавшей ее смертью неизвѣстнаго человѣка, обратилась къ старостѣ, чтобы тотъ избавилъ ее отъ пришельца. Вся деревня, узнавъ о больномъ старикѣ, собралась въ убогую избу, гдѣ на соломѣ, чуть дыша, лежалъ умирающій. «Никто, однако, изъ толпы, окружавшей бѣдняка», говоритъ авторъ:—«не трогался съ мѣста; всѣ глядѣли на него, вылупивъ глаза, съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ, и только глухой ропотъ пробѣгалъ иногда съ одного конца избы до другаго.

«— Ишь, ужъ ноги - то трясутся, и всего инда дрожь пронимаетъ... Ступай-ка лучше отъ насъ до бѣды... ты помрешь, тебѣ что, а намъ отъ суда-то житья не будетъ, дѣло знамое...

«— Да что вы съ нимъ больно кобянитесь, послышался чей-то голосъ:—ведите его, и все тутъ; чего ждете? небось, хотите, чтобы померъ да всѣмъ бѣду накликалъ!»

Когда старику помогли встать, онъ «медленно поднялъ костлявыя, сухія руки свои къ головѣ и стащилъ шапку; послѣ этого правая рука его еще медленнѣе поднялась кверху, и трепещущая, невѣрная кисть ея прильнула къ страдальческому челу, потомъ къ груди и робко сотворила крестное знаменіе». Его взяли подъ руки и стали выводить изъ избы; «опустивъ голову, бѣднякъ безмолвно протащился въ сѣни... Но когда его вывели на улицу, когда неумолимый дождь началъ снова колотить его въ бока и спину, когда студеныя лохмотья рубашки, вздуваемыя свирѣпымъ вѣтромъ, начали хлестать въ его изнуренную грудь, старикъ поднялъ голову, и помертвѣлыя уста его невнятно прошептали о пощадѣ, но яростное завываніе бури заглушало слова страдальца, и его повлекли прямо къ околицѣ».

*) «Пахарь», стр. 28.

**) «Пахарь», стр. 7.

***) «Въ ожиданіи парома», стр. 10.

И снова стало веселиться и пировать село Комково, совершенно забывъ о томъ, что невдалекѣ отъ нихъ, на холодѣ, подъ дождемъ умираетъ человѣкъ. На другой день трупъ бобыля былъ найденъ въ полѣ, въ канавѣ.

Такова поразительная картина грубости и жестокости, рисуемая Григоровичемъ. Что же, однако, побудило цѣлую деревню къ такому безчеловѣчному, варварскому поступку?

Конечно, боязнь суда, о чемъ говорятъ въ повѣсти и сами крестьяне. Къ сожалѣнію, нельзя не согласиться съ авторомъ, что чувство страха передъ судомъ и слѣдствіемъ въ народѣ доходитъ до ужасныхъ размѣровъ и зачастую служитъ побудительной причиной многихъ некрасивыхъ поступковъ, яркимъ образцомъ которыхъ является случай, давшій содержаніе разсказу «*Бобыль*». Однако, мы въ то же время думаемъ, что нельзя не упрекнуть автора за чрезмѣрную утрировку въ изображеніи варварской жестокости описываемыхъ имъ крестьянъ. Невольно припоминается при этомъ баллада Пушкина «*Утопленникъ*», слова которой:

«Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка,
«Съ нимъ я вѣкъ не разберусь!»—

Григоровичъ поставилъ эпиграфомъ своего разсказа. Тамъ также боязнь слѣдствія заставляетъ крестьянина поступить не такъ, какъ бы слѣдовало. Но между этими двумя сочиненіями, имѣющими одну и ту же основную идею, есть глубокая, коренная разница. Пушкинскій крестьянинъ, бросивъ обратно въ воду мертваго человѣка, котораго притащили его сѣти, мучится угрызеніями совѣсти; ему вѣчно мерещится утопленникъ,—въ немъ видишь человѣка; крестьяне же, описываемые Григоровичемъ, выталкиваютъ бобыля безъ состраданія, безъ жалости; въ нихъ не происходитъ борьбы при видѣ мученій умирающаго человѣка, и, избавившись отъ него, они продолжаютъ веселиться и спать на теплыхъ полатяхъ; это не люди, а звѣри. Однако, не смотря на указанную утрировку, мы думаемъ, что чтеніе даннаго разсказа, производящаго потрясающее впечатлѣніе, небезполезно, такъ какъ, повторяемъ, факты, подобные описанному, могутъ встрѣтиться въ народѣ, у котораго и теперь еще существуетъ—отчасти и вполнѣ основательная, а отчасти и превратная—боязнь суда, доходящая иногда до крайнихъ размѣровъ, а потому мы рекомендуемъ эту повѣсть для развитыхъ подростковъ и взрослыхъ. *Л. Е.*

«*Бобыль*» *Григоровича*. Перечитавъ съ дѣтьми-подростками сельской школы весьма много книгъ и каждый разъ по окончаніи чтенія предлагая имъ рядъ вопросовъ, я остановилась сегодня на такомъ пріемѣ:

— Вы замѣчали, обратилась я къ нимъ:— что каждый разъ по окончаніи чтенія я предлагаю вамъ вопросы?

— А какъ же! отозвался *Иванъ Б—ко* (16-ти л.).

— Спрашиваю ли я у васъ тогда о чемъ нибудь постороннемъ (и я привела нѣсколько примѣровъ), или о томъ, о чемъ прочли мы въ книгѣ?

— Разумѣется, объ томъ, отвѣчалъ *Г—въ* (14-ти л.).

— А можете ли вы сами, подумавши хорошенько надъ тѣмъ, что мы прочитали, сказать, о чемъ можно спросить насчетъ этой книги?

Слушатели задумались.

— Могу, сказалъ Б—ко; къ нему присоединилось еще нѣсколько голосовъ.

— Спрашивайте, сказала я.—Б—ко опять задумался.

— Можно спросить, началъ онъ, весь погружаясь, повидимому, въ прочитанное:— хорошіе ли совѣты давала барынѣ гостья? (справедливый протестъ противъ безсердечной эгоистки Софьи Ивановны, подумала я).

— Можно спросить:—что за барыня была Марья Петровна? сказалъ Г—въ.

— Съ добра ли старикъ забрелъ къ помѣщицѣ, и какъ слѣдовало поступить съ нимъ? сказалъ Я—ко.

— По божески ли поступилъ народъ, что выгналъ старика изъ деревни? сказалъ опять Б—ко.

— Хорошо, сказала я, записывая вопросы:—теперь я спрошу васъ по тремъ вашимъ же вопросамъ: хорошіе ли совѣты давала барынѣ гостья?

— Она объ себѣ одной хлопотала, а объ другихъ — нисколько, хоть пропади человѣкъ, отвѣчалъ выразительно Б—ко.

— А что за барыня была Марья Петровна? спросила я.

— Она была добрая барыня, отвѣчалъ Г—въ:—держала больницу, помогала людямъ, платы ни съ кого за это не брала и ночью пошла по грязи смотрѣть больнаго старика. Софья Ивановна задерживала ее, а она все таки пошла; только характера она была нетвердаго,—каждый могъ ее сбить.

Софья Ивановна все стращала ее: «умретъ старикъ, вы отвѣчать будете, къ суду васъ потянутъ!»

— Съ добра ли старикъ забрелъ къ помѣщицѣ, и какъ слѣдовало поступить съ нимъ?

— Ему пришло несчастіе, отвѣчалъ Я—ко: —онъ съ кровли убился и пришелъ онъ къ помѣщицѣ здоровья искать,—слышитъ, что она людей пользуетъ; и слѣдовало ей напоить его, накормить, пріютить, какъ онъ безродный былъ,—одна дочка была, и та въ бѣдности жила,—а если и отпустить, такъ тогда, когда бы онъ немножко поправился, а лучше бы совсѣмъ не отпускать, а вылѣчить и держать его, безроднаго, Христа-ради; можетъ, онъ поправился бы, домъ стерегъ; то его бѣдные люди выгнали, а барыню онъ, кажется, не объѣлъ бы!

— По божески ли поступилъ народъ, что прогналъ старика изъ деревни? спросила я.

— Они думали, что если онъ умретъ—судъ наѣдетъ, сказалъ Г—въ, не отвѣчая прямо на вопросъ.

— Такъ что-жъ, что судъ наѣдетъ? спросила я.

— Чтобъ не остаться напрасно виноватыми, замѣтилъ Я—ко.

— Не было между ними истиннаго христіанина православнаго, сказалъ внушительно Б—ко: — онъ бы и суда не побоялся; зналъ бы, что Господь-Богъ все видитъ: кто правъ, кто виноватъ.

— А можно ли этому повѣрить, чтобы въ цѣлой деревнѣ не нашлось ни одной доброй души, которая пріютила бы несчастнаго старика, не смотря на страхъ къ суду? спросила я, ставя вопросъ, вытекающій изъ замѣчанія.

— Нельзя! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Богачъ не пріютитъ, замѣтилъ серьезно Г—въ:—а скорѣй бѣдный пріютитъ; бѣдный на себѣ знаетъ, какъ горько приходится.

Никогда мнѣ не казались *вопросы* и *отвѣты* такими удачными, какъ въ этотъ разъ; я сознавала ясно, что они не *надуманы* дѣтьми.

Кромѣ того, мнѣ думается, что если ученикъ народной школы пріобрѣтетъ навыкъ задавать себѣ вопросы по прочтеніи каждой книги,—это будетъ однимъ изъ наижеланныхъ навыковъ.

121) **Деревня.** Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г. Цѣна 50 к., 72 стр.— Изд. 5-е. 1886 г.

Разсказъ о несчастной, тяжелой жизни сиротки Акулины составляетъ содержаніе повѣсти *«Деревня»*. Акулина рано осталась сиротой; ее взяла къ себѣ крестьянка Домна, сварливая безалаберная женщина. Нелегко жилось сироткѣ въ чужой семьѣ: попреки, брань, побои—все должна была терпѣть несчастная дѣвочка. Запуганная, забитая, она чуждалась людей и постоянно искала уединенія. Когда Акулина стала взрослой дѣвушкой, она, по приказанію барина, желавшаго видѣть крестьянскую свадьбу, вышла замужъ. Мужъ ея долгое время работалъ на фабрикѣ, и фабричная жизнь въ конецъ исковеркала и развратила его. Бѣдная Акулина попала изъ огня да въ полымя; жизнь ея стала еще тяжелѣе. Женившись по принужденію, мужъ Акулины и вся родня его возненавидѣли молодую женщину. Вся ея привязанность, вся ея нѣжная заботливость сосредоточилась теперь на маленькой дочкѣ; съ нею она не разставалась, для нея только и дорожила жизнью. Но непосильный трудъ, тяжелыя работы, взваливаемыя на нее, надломили ея нѣжную натуру: она становилась все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, умерла.

Акулина принадлежала къ тѣмъ недюжиннымъ натурамъ, которыя, не смотря на то, что терпѣніе и кротость составляютъ ихъ отличительную черту, способны на сильное, глубокое чувство. Съ виду онѣ кажутся слабыми, лишенными воли; но стоитъ только глубоко потрясти ихъ, задѣть дорогое для нихъ чувство, и у нихъ проявится такая твердость воли, которую никто уже не въ состояніи сломить. «Всѣ силы, тратившіяся понемногу на пути жизни», говоритъ Григоровичъ:—«оставшись въ нихъ непочатыми, нетронутыми, какъ бы за одно пробуждаются тогда и возстаютъ всею своею массою».

Повѣсть производитъ тяжелое, безотрадное впечатлѣніе. Вся она представляетъ собою цѣлый рядъ картинъ страданій, мученій, тяжелаго гнета, преслѣдовавшаго Акулину до самой смерти. Въ ней нѣтъ побочныхъ, вставочныхъ сценъ, нѣтъ свѣтлыхъ лицъ, на которыхъ хотя немного могло бы отдохнуть чувство читателя, возмущенное грубымъ насиліемъ людей, мучащихъ несчастную женщину. А между тѣмъ книга читается съ огромнымъ интересомъ; съ трепетомъ слѣдитъ читатель за участью Акулины, ожидая исхода всѣмъ ея страданіямъ и спрашивая себя: неужели же не найдется ни одного человѣка, который своимъ теплымъ словомъ, своею дружеской рукой освѣтилъ бы хотя на короткое время жизнь страдалицы? Вотъ какое замѣчаніе пришлось намъ слышать отъ одной изъ взрослыхъ учениць Ч. Ж. В. Шк., которая на вопросъ—

понравилась ли книга, отвѣчала:—Очень понравилась, хорошая книга; я даже плакала, какъ читала, и сестра тоже; мы вмѣстѣ читали,—такъ жалко Акулину. *И какіе это люди въ этой деревнѣ были! Никто къ ней жалости не имѣлъ*, вотъ только жена управителя лѣкарство ей дала.

Разсматривая повѣсть «Деревня», какъ книгу для народнаго чтенія, мы должны сказать, что хотя въ общемъ она и годится въ народную библіотеку, тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчаются такія мѣста, которыхъ желательно было бы не видѣть въ новомъ изданіи этой повѣсти для народа, Такъ, напр., на стр. 31-й авторъ говоритъ: «Хотя разсказчикъ этой повѣсти чувствуетъ неизъяснимое наслажденіе говорить о просвѣщенныхъ, образованныхъ и принадлежащихъ къ высшему классу людяхъ; хотя онъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ читатель несравненно болѣе интересуется ими, нежели *грубыми*, *грязными* и, вдобавокъ, еще *глупыми* мужиками и бабами,—однако-жъ онъ перейдетъ скорѣе къ послѣднимъ, какъ лицамъ, составляющимъ—увы!—главный предметъ его повѣствованія».

Пойметъ ли народъ эту иронію?

Вопросы:

За что не любили Акулину?

Какъ переносила она свои страданія?

Какъ относилась Акулина къ своей дочери? *Л. Е.*

Отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ концѣ рецензіи, мы получили въ деревнѣ при чтеніи этой повѣсти группѣ слушателей, состоящей изъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, бывшихъ учениковъ и учениць сельской школы.

Дойдя до вышеуказанныхъ строкъ, учительница остановилась и, обратившись къ старшимъ, сказала:

— Объясните мнѣ, что я сейчасъ прочла!

Слушатели молчали. Учительница прочла еще разъ медленно и внятно. Опять молчаніе. Она обратилась къ одному изъ болѣе развитыхъ взрослыхъ и сказала: — Объясните вы!

— Тутъ говорится насчетъ неряшества мужиковъ, отвѣтилъ онъ нерѣшительно и сконфуженно.

Учительница остановилась и начала объяснять. Въ минуту, когда она, очевидно, предполагала, что слушатели ее поняли, одинъ изъ подростковъ сказалъ:—Значитъ, самъ Григоровичъ не баринъ, что онъ напротивъ господъ говоритъ!

Учительница думала отвѣчать, но одинъ изъ взрослыхъ перебилъ ее:

— А хоть и баринъ, развѣ всѣ господа одинаковые!

Учительница присоединилась къ мнѣнію взрослаго и развила эту мысль.

Первыя 18 страницъ слушали внимательно только взрослые; маленькихъ, очевидно, не особенно занимала участь бѣдной сироты Акули, дѣлежъ бабъ и проч.; но когда дѣло дошло до страшныхъ разсказовъ на посидѣлкахъ у тетки Домны, тутъ всѣ оживились и всѣ, отъ мала до велика, приняли одинаковое участіе.

— А развѣ у насъ не бываетъ! бываетъ то же самое, говорилъ одинъ изъ подростковъ.—Мой отецъ разсказывалъ, какъ померъ нашъ дѣдъ, а они всѣ молодыми пооставалися, вотъ онъ — что ночь, то и приходитъ, то и приходитъ. Они и спрашиваютъ его: «зачѣмъ ты приходишь?» А онъ отвѣчаетъ: «не успѣлъ я при жизни наставить васъ, какъ хозяйничать». И что-жъ бы вы думали—до тѣхъ поръ ходилъ, пока они хозяйствомъ не поправились.

— А моя мама разсказывала, началъ одинъ изъ маленькихъ:—что женщина, ея знакомая, пришла домой съ работы, а дѣти плачутъ, пищатъ; она и скажи: «эхъ, чтобъ васъ вихремъ подняло!» Что-жъ бы вы думали,—поднялся вихрь, и унесло тѣмъ вихремъ мальчика.

— А моя мама говорила, что какъ умерла у насъ одна женщина, мама моя тогда еще молодою была, добавила дѣвушка:—а у женщины этой дитя маленькое осталось, такъ она каждую ночь приходила люльку качать.

Затѣмъ начались разговоры о вѣдьмахъ и о томъ, какъ имъ колъ вбиваютъ. Положеніе учительницы представлялось довольно затруднительнымъ. Не будь еще источниками этихъ исторій отцы и матери, протестъ противъ предразсудковъ облегчился бы; но при такихъ условіяхъ начать рѣчь было довольно трудно.

— А у насъ этому не вѣрятъ, начала она спокойно и серьезно, и довольно долго говорила на эту тему. И дѣти, и взрослые слушали ее молча, и трудно было рѣшить по этимъ сосредоточеннымъ на ней взглядамъ, падаетъ ли въ ихъ глазахъ въ эту минуту хоть на одинъ градусъ родительскій авторитетъ и могущественное вліяніе среды... Чтеніе продолжалось.

Когда несчастную сироту собирали подъ

вѣнецъ, дѣвушки плакали, а парубки слушали молча и сосредоточенно.

— Это послѣдняя глава? спросилъ наконецъ одинъ изъ нихъ, болѣзненный малый, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и дрожаніемъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, остается еще глава, сказала учительница:—а развѣ что?..

— Да такое все грустное, грустное, отвѣчалъ онъ: — хоть бы немножко хорошаго. Позвольте мнѣ пойти воды напиться, а то у меня въ глазахъ темно становится.

Пріостановили чтеніе. Онъ вышелъ въ сѣни и нѣсколько минутъ примачивалъ виски водой и подносилъ ко рту кружку...

При похоронахъ Акулины почти всѣ плакали, даже дѣти. Одна маленькая дѣвочка громко рыдала. Казалось, что не въ книгѣ, а въ жизни хоронятъ кого нибудь, — таково было впечатлѣніе этой тяжелой повѣсти. Дѣвушки не могли говорить отъ слезъ, такъ что учительница обратилась къ мальчикамъ и парубкамъ и предложила имъ ставить вопросы.

— Есть ли такіе злые люди по деревнямъ, какъ семейство Силантія? спросилъ одинъ изъ подростковъ.

— Бываютъ, отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ взрослый: — вотъ хоть Никитка нашъ: какъ выпустили изъ острога, дня не проходитъ, чтобы не колотилъ свою жену несчастную. Онъ таки, ей Богу, ее убьетъ!

— По добротѣ ли сердечной взяла къ себѣ Домна сиротку Акулю?

— Нѣтъ, она досталась ей по жребію, а, можетъ, и черезъ то, что ей хотѣлось тряпки, отъ покойницы оставшіяся, забрать.

— Какова была жизнь Акулины у Домны?

— Самая горькая и суровая.

— Кто виновенъ былъ въ свадьбѣ Григорія съ Акулиной?

— Помѣщикъ. Онъ устроилъ эту свадьбу для любопытства и собственнаго удовольствія, чтобы посмотрѣть на крестьянскую свадьбу, а того не подумалъ, каково другимъ вѣкъ жить будетъ.

— Жалѣлъ ли кто нибудь на свѣтѣ Акулину?

— Никто; одна жена управляющаго, и то подъ конецъ жизни.

— Отъ чего умерла Акулина?

— Отъ тоски и побоевъ. Заставляли ее въ сырые дни работать, когда полежать ей нужно, били и мучили.

— За что не любили Акулину? предложила учительница вопросъ, поставленный при рецензіи.

Слушатели задумались.

— За сиротство, сказалъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ:—больше не за что было, кажется, ее не любить.

*122) **Антонъ-Горемыка.** Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г. Ц. 60 к. 112 стр.— Изд. 5-е, 1886 г.

Появившись въ 1848 г., повѣсть «*Антонъ-Горемыка*» имѣла громадный успѣхъ и пріобрѣла автору громкую извѣстность. Въ ней главное мѣсто занимаетъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Теперь эта повѣсть издана, какъ и другіе разсказы Григоровича, отдѣльной брошюрой.

Мы не будемъ передавать содержанія этого извѣстнаго произведенія Григоровича, пользовавшагося въ свое время громадной популярностью, и посмотримъ только, насколько оно въ настоящее время пригодно для народнаго чтенія.

Герой повѣсти, Антонъ, является въ продолженіе всей повѣсти личностью въ высшей степени свѣтлой и симпатичной. Его готовность пожертвовать собой ради «міра», его отношеніе къ семьѣ, его трудолюбіе, кротость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мужество ставятъ его несравненно выше всей остальной массы. И мы думаемъ, что художественное воспроизведеніе такой личности, какъ Антонъ-Горемыка, должно непремѣнно оказать благотворное вліяніе на воспріимчиваго читателя, и потому нельзя не пожелать распространенія этой повѣсти въ народѣ. Что же касается той непосредственной зависимости, въ которой находится судьба Антона отъ крѣпостнаго права, то она, дѣлая повѣсть до нѣкоторой степени несвоевременной, все же не уничтожаетъ того интереса и пользы, съ которыми можетъ читаться «*Антонъ-Горемыка*». Слѣды крѣпостнаго права, память о немъ еще очень сильны въ народѣ, да и Антоны-Горемыки не перевелись на Руси.

Вопросы:

За что пострадалъ Антонъ?
Что онъ былъ за человѣкъ?
Что за человѣкъ былъ управляющій?
Какъ относился народъ къ Антону?

Повѣсть эта рекомендуется нами для подростковъ и взрослыхъ.

Л. Е.

Разсказъ «*Антонъ-Горемыка*» былъ прочитанъ мною въ два пріема, т. е. за два воскресныхъ утра, такъ какъ по воскресеньямъ,

кромѣ будничныхъ слушателей—малюковъ и подростковъ, является нѣсколько дѣвушекъ, окончившихъ курсъ три года назадъ, и нарубковъ, бывшихъ учениковъ школы, изъ сосѣднихъ селъ.

Первая половина разсказа была прослушана съ большимъ вниманіемъ; тѣмъ не менѣе, ни о впечатлѣніяхъ, ни о пересказѣ нельзя было судить, не дочитавъ книги до конца и не вызвавши на вопросы. Сегодня мы окончили разсказъ. Чтеніе сопровождалось тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ, съ тою только разницею, что во время прощанія Антона съ женою и дѣтьми я услышала всхлипыванья съ правой стороны, т. е. со стороны, гдѣ сидѣли дѣвушки. Одна заслонила глаза рукою, другая спрятала лицо въ фартукъ, третья вытирала слезы рукавомъ своей вышитой сорочки. Я невольно взглянула влѣво, на мальчиковъ. Старшіе потупили глаза внизъ; горбатый Б—ко былъ очень блѣденъ, и даже губы у него подергивало; глаза не были опущены, какъ у другихъ,—они смотрѣли въ даль, какъ-то лихорадочно. Казалось, ему хотѣлось говорить *). Я продолжала читать.

По окончаніи разсказа, я обратилась къ слушателямъ со словами:

— Подумайте, что можно спросить насчетъ этой книги?

— Что за управляющій былъ Никита Өедоровичъ? сказалъ Б—ко. Г—въ хотѣлъ что-то спросить, но отвѣты на первый вопросъ посыпались со всѣхъ сторонъ:

— Обидчикъ!—Злой!—Мошенникъ!—Обиратель!—Обижалъ напрасно людей!—Притѣснялъ, отнималъ скотину, требовалъ на барщину лишніе дни, и проч. и проч.

— А что ты хотѣлъ спросить, Г—въ? сказала я, когда дождь обвиненій Никиты Өедоровича прекратился.

— Я хотѣлъ спросить, что за человѣкъ былъ Антонъ, отвѣчалъ онъ; и на этотъ вопросъ отвѣты посыпались также дружно, какъ и на первый.

— Хорошій человѣкъ!—Жилъ честно, трудился и братниныхъ дѣтей кормилъ, когда отца ихъ безъ очереди взяли на службу.

— За всѣхъ отвѣчалъ! замѣтилъ выразительно Б—ко.

Произошла пауза.

*) Младшіе не безъ удивленія смотрѣли въ сторону дѣвушекъ, какъ бы недоумѣвая: и чего онѣ плачутъ! Вообще же, налѣво не было слезъ; нервы у нихъ крѣпче, что ли, но я никогда почти не видала плачущихъ мальчиковъ, не говоря уже о подросткахъ.

— Что же вы молчите? сказала я. — Не спросишь ли ты что, Б—ко?

— Я послѣ спрошу, сказалъ онъ, видимо очищая другимъ дорогу и желая послушать, что они спросятъ.

Вопросы, дѣйствительно, послѣдовали, но чрезвычайно однообразные, всѣ въ томъ же родѣ:—Что за женщина была Архаровна? Что за человѣкъ былъ Ермолай? и т. д.

Мнѣ казалось излишнимъ останавливаться на этихъ второстепенныхъ лицахъ, и я высказала это слушателямъ, о чемъ потомъ весьма сожалѣла, считая такое заявленіе неумѣстнымъ со своей стороны: точно будто важно вдумываться исключительно въ личность героя, игнорируя второстепенныхъ лицъ повѣсти и мелкія случайности, составляющія обстановку его жизни...

— Вы бы лучше спросили, что за дѣвочка была Фатимка? сказалъ Б—ко, обращаясь къ товарищамъ. Къ вопросу о Фатимкѣ и я отнеслась съ большимъ сочувствіемъ.

— Добрая!—Хорошая! посыпалось со всѣхъ сторонъ.—Жалѣла бѣдныхъ!

123) **Кошка и мышка.** Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г. Ц. 40 коп., 75 стр.— Изд. 4-е, 1886 г.

Описаніе жизни одной изъ крестьянскихъ семей, жившей во времена крѣпостнаго права, ея горя и радостей даетъ содержаніе повѣсти *«Кошка и мышка»*. Главнымъ лицомъ въ ней, сосредоточивающимъ на себѣ вниманіе читателя, является старикъ Савелій. Хотя Савелій и не пахарь, тѣмъ не менѣе онъ нѣсколько напоминаетъ собой Анисимыча (*«Пахарь»*): та же бережливость и разсчетливость, то же уважаемое положеніе въ семьѣ и въ кругу односельчанъ. Вообще, это образъ честнаго деревенскаго труженика, являющійся во многихъ произведеніяхъ Григоровича. Въ жизни Савелія, разсказываемой авторомъ довольно подробно, замѣчается одна характерная и весьма симпатичная черта: онъ добивался всего исключительно своими собственными усиліями и всегда, во всемъ былъ обязанъ только самому себѣ.

Будучи уже старикомъ, Савелій выстроилъ на сбереженныя имъ деньги водяную мельницу, и это предпріятіе, правильно разсчитанное, стало давать ему большую выгоду. Семья его пользовалась довольствомъ и счастіемъ. Въ повѣсти много прекрасныхъ идиллическихъ сценъ, въ которыхъ разсказывается жизнь старика посреди своей семьи. Особенно живо и тепло описана радость Савелія при рожденіи внука.

Старикъ давно желалъ имѣть внучатъ, и

теперь, когда желаніе его исполнилось, онъ съ энергіей и любовью принялся дѣлать люльку для новорожденнаго. Однако вслѣдъ за радостью не замедлило явиться и горе: совершенно случайно Савелій купилъ водку не въ томъ районѣ, въ которомъ онъ жилъ, вслѣдствіе чего откупщикъ потребовалъ съ него большой штрафъ. Савелій поѣхалъ въ городъ, думая, не смилуется ли надъ нимъ откупщикъ. Однако надежда его не оправдалась; откупщикъ остался непоколебимъ. Описаніе поѣздки Савелія въ городъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особаго вниманія читателя — не какъ обличеніе несуществующей уже откупной системы, но какъ проявленіе того контраста, какой существовалъ между Савеліемъ, находящимся въ своей деревнѣ, и Савеліемъ, стоящимъ передъ откупщикомъ: тамъ его уважали, любили; здѣсь надъ нимъ издѣвались; тамъ, давая себѣ правильную оцѣнку, онъ смотрѣлъ, высоко поднявъ голову; здѣсь же не смѣлъ поднять глазъ; какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, «что передъ нимъ теперь сила и воля страшная,—сила и воля, которыя все ломили, передъ которыми все должно было уступать и склоняться. Робость подступала къ его сердцу и путала его мысли; онъ казался такимъ жалкимъ, маленькимъ, раздавленнымъ, уничтоженнымъ». Другой же голосъ говорилъ: «не бойся, дядя Савелій! не робѣй! смотри прямо,—смѣло и прямо смотри въ глаза откупщику Пукину! Не пугайся его, дядя Савелій, не кажись такимъ маленькимъ и подавленнымъ. Выпрямь спину, подыми сѣдую голову, взгляни ему гордо въ глаза. Не ты передъ нимъ маленькій, — онъ передъ тобой прахъ и крошка! Ты вѣдь также капиталистъ, дядя Савелій. У тебя сорокъ цѣлковыхъ, и каждый грошъ твоего капитала выбитъ честнымъ трудомъ и покрытъ потомъ; каждый грошъ его милліоновъ заклейменъ плутней. Кто же изъ васъ двухъ богаче? Кто? Не робѣй же, дядя Савелій, не робѣй! Ободрись и прямо смотри на откупщика Пукина, онъ прахъ передъ тобой, честный ты труженикъ! Прахъ передъ тобою—частицей той могучей, прочной силы, передъ которой откупщикъ Пукинъ съ его милліонами ничтоженъ, какъ самая ничтожная пылинка, сорванная вѣтромъ съ кучи негоднаго сора!»...

Мы позволили себѣ привести такую длинную выдержку, желая обратить вниманіе учителя на это мѣсто, такъ какъ думаемъ, что оно можетъ дать богатый матеріалъ для бесѣды со взрослыми учениками.

Изъ другихъ лицъ, являющихся въ повѣсти, обращаютъ на себя вниманіе—Гриша, членъ семьи Савелія, живой и симпатичный мальчикъ, очерченный весьма удачно, и несчастный крестьянинъ Андрей, хоронящій своихъ дѣтей. Въ общемъ повѣсть носитъ на себѣ идиллическій характеръ и заканчивается для Савелія и его семьи вполнѣ счастливо.

Вопросы:

Что за человѣкъ былъ Савелій?
Какъ относились къ нему крестьяне?
Почему онъ былъ богаче другихъ?
Сравните Савелія въ деревнѣ и Савелія у откупщика? *Л. Е.*

Повѣсть эта была прослушана съ большимъ интересомъ подростками и взрослыми, бывшими учениками и ученицами сельской школы. По окончаніи чтенія учительница предложила имъ поставить самостоятельно вопросы. Вотъ эти вопросы и отвѣты на нихъ:

— Что чувствовалъ Савелій во время пребыванія у откупщика Пукина?

— Онъ чувствовалъ себя очень встревоженнымъ и униженнымъ.

— Честный ли человѣкъ былъ Пукинъ?

— Нѣтъ, онъ былъ человѣкъ безчестный,— черезъ то самое и разбогатѣлъ.

— Миновало ли Савелія горе?

— Нѣтъ, не миновало. Мальчикъ его Гришутка не въ тотъ шинокъ попалъ за водкою, и изъ этого дѣло возникло. Таскали его, бѣднаго, по чиновникамъ, таскали, пока 30 р. съ него не выманили.

— Что говорилъ ему внутренній голосъ въ квартирѣ откупщика?

— Не унижай себя. Ты честный человѣкъ, ты выше Пукина; онъ хоть и богатый, но нажилъ все это мошенничествомъ; твоя-жъ копѣйка, трудомъ нажитая, трудовая копѣйка,—не робѣй, оправдывайся!

— Почему книга эта названа *«Кошка и мышка?»*

— Кошка—это Пукинъ, а мышка — Савелій, и какъ мышка бываетъ въ лапахъ у кошки, такъ Савелій былъ въ рукахъ у Пукина и въ его власти.

Послѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ учительница сочла излишнимъ добавлять вопросы, поставленные при рецензіи. Ей казалось, что суть повѣсти достаточно исчерпана.

124) **Пахарь.** Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г. Ц. 30 к., 42 стр.

125) **Пахарь.** Повѣсть Д. В. Григорови-

ча.—Изд. Спб. Комитета Грамотности. 1886 г. Ц. 10 коп.

Въ повѣсти «Пахарь» выставленъ излюбленный Григоровичемъ типъ русскаго пахаря, сжившагося съ природой и составляющаго съ ней какъ бы одно нераздѣльное цѣлое. Типъ этотъ, обрисованный въ этомъ разсказѣ очень рельефно и полно, является во многихъ другихъ сочиненіяхъ Григоровича, и потому мы, чтобы не повторяться, остановимся здѣсь подольше на его характеристикѣ.

Восемдесятъ лѣтъ прожилъ Анисимычъ среди полей и другой жизни не зналъ, да и не хотѣлъ знать; однако въ сферѣ, предназначенной ему судьбою, онъ, какъ говоритъ авторъ, «сдѣлалъ все, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать». Знаніе, опытъ, которые онъ пріобрѣлъ изъ наблюденій природы, честность и свѣтлый умъ высоко поставили его въ кругу своихъ односельчанъ, и хотя Анисимычъ упорно всегда отказывался отъ общественныхъ должностей, всѣ обращались къ нему за совѣтами, и послѣднее слово при рѣшеніи спорнаго вопроса принадлежало ему. Деревня, гдѣ жилъ Анисимычъ, была недалеко отъ фабрики, и многіе изъ крестьянъ занимались фабричной работой, доставлявшей больше выгоды, чѣмъ пахота; но Анисимычъ не оставлялъ своихъ полей, къ которымъ «началъ привыкать еще въ то время, когда покойная мать его, отправляясь на жнитво, носила его туда въ люлькѣ». Тѣмъ не менѣе, онъ не осуждалъ фабричной работы; «худое ремесло то, когда ничего не дѣлаешь. Коли человѣкъ кормится фабриками, стало и въ нихъ прокъ есть»... Однако пахотѣ Анисимычъ все же отдавалъ преимущество: «Нашему брату денегъ не надобно, былъ бы хлѣбъ святой. Есть хлѣбъ—ни въ чемъ, значитъ, недостатка не будетъ, потому хлѣбъ всѣмъ надобенъ, на что хочешь—можешь промѣнять его! По моему, пахота, выходитъ, самое первое дѣло!.. Всякому ремеслу голова!. Фабриканту ли какому или хозяину работаешь, имъ, примѣрно, и отвѣчать долженъ. Люди-то неровны—вотъ что!»

Сравнительная же самостоятельность труда пахаря Анисимычу особенно нравилась.

Ведя разсчетливую и трудовую жизнь, онъ находилъ возможнымъ откладывать копѣйку на черный день и считался зажиточнымъ крестьяниномъ. Въ счетахъ былъ, какъ говорятъ въ народѣ, «крѣпковатъ»; но трезвому и работящему хозяину всегда помогалъ въ нуждѣ. Давая взаймы, онъ никогда не бралъ процентовъ:—«Я денегъ не даю, говаривалъ онъ:—денегъ у меня нѣтъ; я хлѣбъ даю, коли есть; хлѣбъ — даръ Божій! Господь съ насъ процентовъ не беретъ, стало, и намъ грѣхъ, не приходится!»

Въ многочисленной семьѣ Анисимыча не было ни ссоръ, ни зависти, ни злобы. Всѣ, какъ бы воодушевляемые его примѣромъ, дружно и усердно работали подъ его руководствомъ.

Спокойно и счастливо шла жизнь старика, и только одно горе посѣтило его: надо было отдать одного изъ сыновей въ рекруты. Думалъ, гадалъ старикъ, съ какимъ сыномъ менѣе грустно разстаться, но вопроса этого рѣшить не могъ, и повезъ онъ всѣхъ трехъ сыновей въ присутствіе, пусть ужъ тамъ рѣшатъ.

Все это припоминаетъ авторъ, идя къ Анисимычу, который въ настоящее время былъ при смерти. Грустную картину увидѣлъ авторъ въ избѣ пахаря. Умирающій старикъ лежалъ подъ образами, а кругомъ его раздавались стоны, рыданія, вопли. Всѣ любившіе Анисимыча собрались около него, а такихъ было не мало. Лицо старика было спокойно и счастливо, и только когда дѣдушка Карпъ обратился къ нему со словами: — «встань, Иванъ! весна на дворѣ, наши вѣдь всѣ пахать поѣхали», двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ. Но вскорѣ лицо снова приняло спокойное и ясное выраженіе, и, казалось, надъ изголовьемъ пахаря «явился улыбающійся ангелъ, который ласково простиралъ къ нему руки и тихо двигалъ бѣлыми, лучезарными крыльями».

Разсказъ написанъ въ высшей степени тепло, и чтеніе его производитъ отрадное впечатлѣніе на читателя. Къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что въ этомъ разсказѣ очень много, больше, чѣмъ въ другихъ *сельскихъ разсказахъ* Григоровича, разсужденій самого автора, которыя совершенно не будутъ понятны простолюдину, напр.: «До сихъ поръ, сколько я ни замѣчалъ, мнѣ казалось всегда, что образованный классъ общества всегда сочувствовалъ этому быту. Жизнь народа, была ли она изображена въ книгѣ или на полотнѣ, всегда трогала и привлекала человѣка. Популярность такихъ художниковъ, какъ, напр., Леопольдъ Роберъ, успѣхъ многихъ сочиненій, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, только и объясняются этимъ тайнымъ сочувствіемъ къ народу, къ сельской жизни и всей наивной ея обстановкѣ» (стр. 12-я).

Однако разсказъ самъ по себѣ такъ хорошъ, что невозможно имъ жертвовать ради непонятныхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ немъ. Мы совѣтовали бы начинать чтеніе его съ

XIII главы на 13-й стр., такъ какъ только съ этой главы и начинается собственно разсказъ о пахарѣ; всѣ же первыя 13 стр. наполнены исключительно разсужденіями, касающимися преимуществъ деревенской жизни передъ городской, благотворнаго вліянія природы на душу интеллигентнаго человѣка и проч.

Вопросы:

Что за человѣкъ былъ пахарь?

Сравните фабричную жизнь съ жизнью пахаря.

Мы рекомендуемъ эту повѣсть для подростковъ и взрослыхъ. *Л. Е.*

---

126) **Свѣтлое Христово Воскресенье.** Д. Григоровича. Простонародное повѣрье. Спб. 1882 г. Ц. 20 к. 19 стр.

127) **Свѣтлое Христово Воскресенье.** Д. В. Григоровича. Изд. Спб. Комитета Грамотности. 1884 г. Ц. 10 к.

Въ основу этой повѣсти положено народное повѣрье, которое мы встрѣчаемъ въ сборникѣ Даля. Повѣрье это содержитъ въ себѣ разсказъ о бѣдномъ вдовцѣ-крестьянинѣ, который, возвратившись отъ заутрени, сталъ просить у сосѣдей огня, чтобы зажечь свѣчу передъ иконой; ему въ этомъ отказали («въ большіе праздники и особенно накапунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья рѣдкій поселянинъ рѣшается дать сосѣду огня изъ опасенія, чтобы требуемое въ заемъ не вывелось изъ дому» *); тогда онъ отправился къ чумакамъ, расположившимся вблизи деревни; тѣ снабдили крестьянина пригоршней углей, оказавшихся золотыми червонцами. Сосѣди, узнавъ объ этомъ и желая также обогатиться, въ свою очередь отправились къ чумакамъ. Но имъ пришлось обмануться въ своихъ ожиданіяхъ: уголья, которые имъ дали, оказались только угольями, и несущіе ихъ получили сильные обжоги.

Этотъ фантастическій эпизодъ является въ концѣ разсказа; весь же онъ вполнѣ реаленъ и состоитъ въ описаніи жизни крестьянина Андрея со своей маленькой дочкой, Ласточкой. Герой разсказа представляетъ собою типъ тихаго, трудолюбиваго пахаря.

Чрезвычайно живо и тепло описано отношеніе Андрея къ маленькой дочери, а также его молитва у заутрени, куда онъ въ первый разъ пошелъ послѣ смерти жены. Какъ грустно было ему возвращаться въ свою деревню, гдѣ его изба выступала темнымъ пятномъ среди другихъ освѣщенныхъ жилищъ! Никогда не чувствовалъ онъ себя такимъ одинокимъ и несчастнымъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, но этотъ же самый день принесъ ему и счастіе: онъ разбогатѣлъ и могъ жениться на любимой дѣвушкѣ, а также могъ ужъ быть покоенъ, что его маленькая дѣвочка будетъ теперь и сыта, и одѣта.

Читая этотъ разсказъ, невольно проникаешься симпатіей и жалостью къ бѣдному пахарю, такъ что окончаніе разсказа, хотя и сказочнаго характера, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Фантастическій элементъ, занимающій видное мѣсто въ сюжетѣ повѣсти, какъ-то стушевывается передъ той жизненной правдой, съ которой она написана, и мало обращаетъ на себя вниманіе читателя.

Вопросы:

Что за человѣкъ былъ Андрей?

Какъ жилъ онъ до смерти жены и какъ послѣ?

Разсказъ этотъ можетъ быть рекомендованъ для малолѣтнихъ, подростковъ и взрослыхъ. *Л. Е.*

128) **Мать и дочь.** Осенній разсказъ Григоровича. Изданіе 3-е. Спб. 1883 г. Ц. 15 к. 15 стран.—Изд. 5-е, 1885 г.

Дѣйствующими лицами этого разсказа являются помѣшанная Маша, женщина лѣтъ 22-хъ, высокая, блѣдная, худая, съ продолговатымъ лицомъ и необыкновенно тонкими чертами, и мать ея, сгорбленная, хилая старушка, одѣтая въ лохмотья. Маша была первая работница на селѣ, прекрасная хозяйка и мать; она сильно была привязана къ своимъ дѣтямъ и никогда не разставалась съ ними. Однажды, въ какой-то праздникъ, всѣ въ мужниной семьѣ Маши напились пьяными, и ночью золовка Маши задушила нечаянно своего ребенка; въ избѣ поднялась тревога, шумъ. Маша, не понявъ, въ чемъ дѣло, и думая, что умеръ ея ребенокъ, пришла въ отчаяніе, стала метаться изъ стороны въ сторону, кричать. Ее связали и начали бить. Съ этой поры она и потеряла разсудокъ.

И вотъ эту-то Машу и ея мать два раза встрѣчаетъ авторъ. Въ первую ихъ встрѣчу старуха ведетъ дочь къ мужику, о которомъ она слышала, что онъ очень успѣшно лѣчитъ.

---

*) Повѣсти и разсказы Григоровича: «Свѣтлое Христово Воскресеніе».

«Глубокая, безнадежная грусть была главнымъ и, въ то же время, единственнымъ выраженіемъ этого лица, изрытаго временемъ и изнеможеннаго всевозможными лишеніями... Видно было по всему, что горе ея слишкомъ сильно и подавляло въ ней всѣ остальныя чувства. Изъ распухнувшихъ глазъ ея струились слезы, скользили по морщинамъ и капали ей на грудь»... Дочь медленно шла за ней, прижимая къ груди палку, которую «спеленала она тряпьемъ на подобіе груднаго младенца».

Второй разъ авторъ встрѣтилъ мать и дочь во время переправы на паромѣ. Лицо матери было спокойно; въ немъ не было ни прежняго отчаянія, ни прежней скорби. Что же сказалъ ей крестьянинъ-знахарь? Вылѣчилъ онъ Машу? Нѣтъ. — Маша оставалась помѣшанной, а знахарь сказалъ старухѣ, что человѣкъ не властенъ помочь ея дочери, и чтобы она покорилась волѣ божьей. И мать покорилась. «Каждая черта ея дышала спокойствіемъ и кротостью, какія встрѣчаются только у людей, которые, будучи потрясены страшнымъ горемъ, не падаютъ духомъ, а, укрѣпившись вѣрою, переносятъ съ покорностью, терпѣливо и безропотно удары Провидѣнія».

Въ разсказѣ, какъ ужъ можно видѣть изъ переданнаго содержанія, много драматизма. Горе матери, образъ помѣшанной дочери и грубое обращеніе съ нею мужниной родни производятъ весьма тяжелое впечатлѣніе, и мы не совѣтовали бы давать эту книгу молодымъ и нервнымъ натурамъ.

Вопросы:

Почему Маша сошла съ ума?

Какъ отнеслись къ ней родные мужа?

Какая перемѣна произошла въ старухѣ, послѣ того какъ она потеряла надежду на выздоровленіе дочери?

Почему она стала спокойнѣе?

Мы рекомендуемъ этотъ разсказъ исключительно для взрослыхъ. *Л. Е.*

129) **Прохожій**. Святочный разсказъ. Сочиненіе Дмитрія Васильевича Григоровича. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 79 стр. (4 недурныхъ картинки). Изд. С.-Петерб. Комит. Грамотн. — Изд. 3-е, 1886 г.

Въ холодную зимнюю ночь шелъ прохожій; вѣтеръ сбивалъ его съ ногъ, снѣгъ слѣпилъ глаза, морозъ пронималъ до костей: несчастный уже терялъ всякую надежду дойти до какого нибудь жилья, какъ вдругъ послышался лай собакъ, мелькнули огоньки—вотъ и деревня. Прохожій стучитъ въ одну избу, въ другую—нигдѣ его не впускаютъ погрѣться, отдохнуть, и только одинъ молодой парень, живущій со старухой-матерью, соглашается пріютить его.

Въ ту же ночь прохожій умеръ, оставивъ добрымъ людямъ, пригрѣвшимъ его, деньги, которыя онъ сберегалъ въ продолженіе всей своей жизни. Послѣ этого происшествія молодой парень женился на любимой имъ дѣвушкѣ, дочери старосты, родители которой прежде весьма недружелюбно относились къ Алексѣю, такъ какъ онъ былъ очень бѣденъ.

Такова фабула разсказа, построенная главнымъ образомъ на случайности. Но не на ней сосредоточивается главное вниманіе читателя: интересъ разсказа состоитъ въ тѣхъ художественныхъ картинахъ празднованія святокъ, которыя мы встрѣчаемъ въ немъ. Колядки, ряженые, пирушка у одного изъ крестьянъ—все это описано авторомъ живо и вѣрно. Читатель изъ этого описанія легко можетъ познакомиться съ празднованіемъ святокъ въ деревнѣ, съ обычаями, которые существуютъ у крестьянъ въ это время. Лица, дѣйствующія въ разсказѣ (староста, его жена, дочь ихъ, отставной солдатъ Алексѣй, его мать и др.), очерчены также весьма удачно.

«Прохожій» можетъ быть читаемъ не только взрослыми, но и дѣтьми средняго возраста.

Вопросы:

Какъ отнеслись всѣ крестьяне къ прохожему?

Что заставило Алексѣя принять его?

Что было бы съ прохожимъ, еслибы его никто не впустилъ въ избу?

Какъ проводятъ святки въ деревнѣ? (Вопросъ этотъ можно предложить ученикамъ *городской* школы. Деревенскихъ же слѣдуетъ спросить: такъ ли у васъ проводятъ святки?) *Л. Е.*

Примѣч. Смотри рецензію «Русскій Народный Учитель» 1881 г. № 4, стр. 271.

130) **Пахатникъ и бархатникъ**. Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1872 г. Ц. 40 к. 84 стр.— Изд. 1884 г.

Повѣсть *«Пахатникъ и бархатникъ»* рѣзко раздѣляется на двѣ части. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ описаніе жизни крестьянъ, ихъ тяжелаго, гнетущаго труда, вторая—описаніе жизни помѣщика, живущаго въ Петербургѣ. Прямой внѣшней связи эти двѣ части не имѣютъ, и каждая изъ нихъ можетъ быть прочитана отдѣльно; но онѣ связаны общей идеей: авторъ хотѣлъ показать, что

жизнь бархатника всецѣло покоится на жизни пахатника и является, какъ результатъ эксплуатаціи послѣдней. Идея эта сама по себѣ далеко не чужда народу; она даже выражена имъ въ пословицѣ, стоящей эпиграфомъ къ повѣсти:—«безъ пахатника не было бы бархатника». Тѣмъ не менѣе, повѣсть во всей ея цѣлости не прочтется народомъ. Имѣя только въ общихъ чертахъ понятіе о сытой и праздной жизни, народъ чуждъ знакомства съ этой жизнью въ ея деталяхъ; она принадлежитъ совершенно къ другой сферѣ и не имѣетъ ничего общаго съ народными интересами, а между тѣмъ все содержаніе второй части взято именно изъ этой жизни, вся она наполнена похожденіями jeunesse dorée, ея ухаживаньемъ за актрисами, ея пустой свѣтской жизнью, ея безнравственнымъ и пошлымъ проживаньемъ чужихъ денегъ. Первая же часть, озаглавленная «Пахатникъ» *) и занимающая три четверти всей повѣсти, какъ по содержанію своему, такъ и по формѣ изложенія, принадлежитъ къ тѣмъ сельскимъ разсказамъ Григоровича, которые съ пониманіемъ и интересомъ читаются народомъ, и, взятая отдѣльно отъ всей повѣсти, она все же представляетъ собой вполнѣ цѣльный и законченный разсказъ о жизни крестьянъ села Антоновки. Притѣсняемые управителемъ, поступавшимъ сообразно инструкціямъ помѣщика, они терпѣли большую нужду.

Авторъ въ разсказѣ беретъ самое тяжелое для нихъ время, когда управитель потребовалъ съ крестьянъ оброкъ раньше срока. Хлѣбъ былъ только что убранъ, покупателей еще не было, и крестьянамъ пришлось отдавать его за безцѣнокъ. Это въ особенности сильно отразилось на семьѣ дѣдушки Карпа, который разсчитывалъ въ этомъ году купить себѣ новую избу,—старая совсѣмъ развалилась. Онъ ужъ отдалъ въ задатокъ любимую лошадь, совсѣмъ было сладилъ дѣло; но разсчетъ оказался невѣренъ: захотѣлось барину пораньше оброкъ получить, и Карпу пришлось распрощаться съ новой избой, да и съ лошадью также.

Кромѣ Карпа съ семьей, авторъ выводитъ передъ читателемъ еще нѣсколько личностей, которыхъ обрисовываетъ очень удачно. Мы приведемъ краткую характеристику главныхъ изъ нихъ.

Племянникъ Карпа, Ѳедотъ, хвастовство и ложь котораго заставляли всѣхъ крестьянъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ.

*) Желательно было бы видѣть эту часть отдѣльно изданной для народа.

Кулакъ-фабрикантъ, пользующійся тяжелымъ временемъ, наступившимъ для Антоновскихъ мужиковъ, и покупающій у нихъ хлѣбъ за полъ-цѣны.

Филиппъ, умный и смѣлый крестьянинъ, играющій первенствующую роль на сходкахъ. Онъ стоитъ за то, чтобы раньше назначеннаго срока оброка не отдавать, чтобы ѣхать къ управителю, сказать ему это, а главное—держаться одинъ другаго, не отступать отъ міра, въ силу котораго онъ глубоко вѣритъ. «Одинъ человѣкъ упрется», говоритъ онъ:—«ничего не сдѣлаетъ, въ рогъ согнутъ! А какъ міромъ что скажутъ, коли весь міръ въ согласіи, тутъ хошь, не хошь,—ничего не возьмешь; съ цѣлой деревней ничего нельзя сдѣлать; всѣхъ къ становому не отправишь... крѣпко только надо другъ за дружку держаться!» Крестьяне сначала было соглашались съ Филиппомъ, но, когда пришлось активно заявить свое согласіе, они отступили. Послѣ словъ Филиппа, обращенныхъ къ сходкѣ: «Православные! выходи, братцы, кто къ управителю поѣдетъ!» всѣ въ молчаніи стали расходиться. Филиппъ поѣхалъ одинъ къ управителю, тамъ подвергся наказанію за неповиновеніе, дня черезъ два возвратился домой и съ тѣхъ поръ сильно запилъ. Всѣ же крестьяне безъ сопротивленія покорились силѣ барина.

И дѣдушка Карпъ, и его семилѣтняя внучка Дуня, таскающая на спинѣ своего братишку Ваську, и ничего не дѣлающій Ѳедотъ, и Филиппъ—все это живые образы, такъ и рисующіеся передъ глазами читателя.

Вопросы:

Отчего крестьянамъ села Антоновки такъ плохо жилось?

Что за человѣкъ былъ Филиппъ?

Чѣмъ отличался онъ отъ другихъ крестьянъ?

Мы рекомендуемъ первую часть этой повѣсти для взрослыхъ. *Л. Е.*

131) **Четыре времени года.** Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1872 года. Ц. 50 к., 64 страницы.—Изд. 5-е, 1886 г.

Въ сочиненіи Григоровича *«Четыре времени года»* послѣдовательно рисуется авторомъ жизнь земледѣльца въ продолженіе всего года.

Пахарь Демьянъ, его жена, сынъ ихъ Петръ—вотъ главныя лица разсказа; сюжетъ же его таковъ: Петръ полюбилъ дочь старосты и хотѣлъ бы жениться на ней, но староста соглашается отдать свою дочь только тогда,

когда женихъ дастъ ему шестьдесятъ рублей. Старики, видя грусть любимаго сына, рѣшаются продать свою единственную корову, такъ много значащую въ хозяйствѣ крестьянина. Теперь, если будетъ урожай, то станетъ денегъ, чтобы женить сына на любимой имъ дѣвушкѣ. Съ какимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждетъ Петръ дождя, съ какимъ трепетомъ слѣдитъ онъ за приближающимися тучами, боясь, какъ бы не прошли онѣ стороной, и съ какимъ восторгомъ, наконецъ, смотритъ онъ на дождь! Да и не одинъ онъ радъ этому дождю: всѣ, отъ мала до велика, вышли изъ своихъ избъ и, крестясь, тихо произносятъ: «Создай, Господи, тихую воду и теплую росу!» Такъ, полная надеждъ, ожиданій, тревоги, проходитъ весна, наступаетъ лѣто, и крестьяне видятъ, что они недаромъ трудились: хлѣба уродилось много, надо только убирать его; осенью смолотили, продали выгодно, годъ выпалъ счастливый. Демьянъ также заработалъ сравнительно много: стало и оброкъ заплатить, да и сына женить можно. Зимой, съ наступленіемъ которой можетъ немного и отдохнуть крестьянинъ, сыграли свадьбу Петра.

Повѣсть заканчивается прекрасной идиллической картиной тихаго счастія, воцарившагося на этотъ годъ въ семьѣ Демьяна. Наряду со свѣтлыми и счастливыми лицами мы встрѣчаемъ въ повѣсти крестьянку Домну, работавшую на фабрикѣ, хитрую и злую женщину, пользующуюся всеобщею нелюбовью, и несчастную Дарью, жену пьяницы, хоронящую своего ребенка, который былъ для нея единственнымъ утѣшеніемъ.

Повѣсть «Четыре времени года», принадлежащая къ лучшимъ произведеніямъ Григоровича, читается взрослыми простолюдинами съ большимъ интересомъ. Мы же со своей стороны особенно ее рекомендуемъ ученикамъ городской школы. Она даетъ полное понятіе о трудовой жизни земледѣльца, о его заботахъ, надеждахъ, радостяхъ и горѣ. Въ ней показана та тѣсная связь, которая существуетъ между человѣкомъ и природой, та зависимость, въ которой находится первый отъ послѣдней. Жизненныя картины, рисуемыя авторомъ въ этой повѣсти, вѣрны дѣйствительности, поэтичны.

Эту же повѣсть мы встрѣчаемъ въ сокращеніи подъ заглавіемъ *«Трудовой крестьянскій годъ»*; передѣлка эта принадлежитъ Блинову и сдѣлана имъ съ цѣлью дать возможность и дѣтямъ прочесть этотъ прекрасный разсказъ.

Вопросы:

Какъ проводятъ крестьяне весну, лѣто, осень, зиму?

Что было бы съ семьей Демьяна, еслибы хлѣбъ не уродился? *Л. Е.*

132) **Смедовская долина.** Разсказъ Д. Григоровича. Спб. 1882 года. Цѣна 20 к., 18 страницъ.—Изд. 4-е, 1886 г.

Это небольшой разсказъ старика-крестьянина о своемъ сынѣ, Михайлѣ, погубившемъ и себя, и жену свою. Михайло былъ рабочимъ на фабрикѣ. Вліяніе фабричной жизни сильно отразилось на немъ; онъ сталъ пить, вести разгульную жизнь, съ женой началъ обращаться крайне несправедливо, билъ и преслѣдовалъ ее. Старикъ заступался за тихую, кроткую невѣстку свою, но не могъ защитить ее отъ несправедливыхъ и жестокихъ нападокъ сына. Молодая женщина не вынесла тяжелой жизни, наступившей для нея, и вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ ушла изъ дому. Долго о ней ничего не знали, но наконецъ услышали, что она служитъ у какого-то крестьянина въ сосѣдней губерніи. Съ Михайлой же въ это время произошла перемѣна: онъ сталъ грустить, тосковать и, наконецъ, сказалъ отцу: «Силушки нѣтъ моей, совѣсть замучила; пойду я къ ней, пойду да приведу домой. Покаюсь передъ людьми и передъ Господомъ!» Старикъ былъ очень обрадованъ такимъ рѣшеніемъ сына и уже сталъ мечтать о спокойной, счастливой жизни, которою они снова заживутъ; но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться.

Сильнѣе прежняго запилъ Михайло. Товарищи, рабочіе стали уговаривать подать жалобу на жену. Онъ согласился. Парашу посадили въ острогъ, а затѣмъ отправили въ ссылку на поселеніе. Михайло же долго болѣлъ, а, выздоровѣвъ, закабалился въ бурлаки.

Сколько жизни, сколько драматизма въ этомъ небольшомъ, прекрасномъ очеркѣ! Въ немъ нѣтъ ни растянутости,—если не считать нѣсколько длиннаго описанія Смедовской долины,—ни тенденціозныхъ разсужденій. А сцена прощанія старика съ невѣсткой, въ немногихъ словахъ сколько страданія выражено въ ней! Деморализующее вліяніе разгульной фабричной жизни изображено также очень ярко и не можетъ остаться незамѣченнымъ читателемъ.

Вопросы:

Что погубило Михайлу и Парашу?

Чѣмъ нехороша фабричная жизнь?

Мы рекомендуемъ этотъ разсказъ для взрослыхъ. *Л. Е.*

133) **Въ ожиданіи парома.** Разсказъ Григоровича. Изданіе 3-е. Спб. 1883 г. Цѣна 20 к. 40 стр.

«Въ ожиданіи парома» является исключеніемъ изъ всѣхъ *сельскихъ разсказовъ* Григоровича. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь, безъ извѣстныхъ сокращеній, разсказъ этотъ не будетъ понятъ народомъ, а потому и не можетъ имѣть мѣста въ народной библіотекѣ. Мы по возможности коротко передадимъ его содержаніе, что̀ сдѣлаетъ очевиднымъ только что сказанное нами.

Въ небольшой деревушкѣ, расположенной при Окѣ, въ ожиданіи парома собралось много народу. Въ числѣ ожидающихъ находилось нѣсколько помѣщиковъ временъ крѣпостнаго права. Они собрались въ одной изъ избъ, и между ними завязался горячій споръ о мужикѣ. Одинъ изъ нихъ смотрѣлъ на послѣдняго исключительно со стороны той выгоды, которую онъ приноситъ своему владѣльцу, другіе же отстаивали въ мужикѣ его человѣческое достоинство; они говорили, что страсти присущи душѣ каждаго человѣка, и что образованіе только измѣняетъ форму ихъ выраженія. Какъ бы въ доказательство справедливости такого мнѣнія, спорящими было приведено два разсказа изъ жизни крѣпостнаго человѣка.

Героемъ перваго разсказа является крестьянинъ Яковъ, о которомъ разскащикъ говоритъ такъ: «въ жизнь мою не видалъ я человѣка болѣе безцвѣтнаго: не было ни наружной черты, ни факта изъ жизни, которые могли бы служить для поясненія его характера». Онъ былъ крайне вялъ, неряшливъ, апатиченъ. Забитость сказывалась во всѣхъ чертахъ. Въ хозяйствѣ его вездѣ было страшное запустѣніе и бѣдность. Этому много способствовалъ составъ семьи Якова: старуха-мать, не слѣзавшая съ печи, куча ребятишекъ, да лѣнивая, ничего не дѣлающая жена.

Затѣмъ идетъ разсказъ о дѣвушкѣ-крестьянкѣ, которая бросается въ рѣку.

Послѣ этихъ двухъ драматическихъ эпизодовъ, какъ бы въ противоположность имъ, разсказывается комическая ссора двухъ помѣщиковъ (подражаніе ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ).

Всѣ эти три разсказа прерываются замѣчаніями помѣщиковъ и возобновленіемъ спора, предшествовавшаго разсказамъ; такъ, напр., они довольно долго толкуютъ о Гоголевскихъ типахъ, высказываютъ свои взгляды на помѣщика-крѣпостника и т. д. И вотъ эти-то разсужденія, эти вставки дѣлаютъ то, что книга въ общемъ является непонятной для народа. *Л. Е.*

НѢСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ПОГОСКАГО.

Такъ какъ въ рецензіяхъ на сочиненія Погоскаго опредѣляется значеніе каждой изъ пересмотрѣнныхъ нами книгъ, то мы считаемъ излишнимъ предпосылать къ нимъ предисловіе.

Что касается «отзывовъ» учениковъ и ученицъ народныхъ школъ, то мы ограничились только нѣсколькими изъ нихъ. Еслибы мы пожелали сопровождать ими каждое изъ произведеній Погоскаго, это слишкомъ увеличило бы объемъ нашей книги. Мы полагаемъ, однако, что эти нѣсколько отзывовъ отвѣтятъ отчасти на вопросъ, какъ читается и понимается Погоскій чтецами изъ народа.

Примѣчаніе. См. рец. «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу», В. Острогорскаго, вып. II, стр. 101. «Систематич. обзоръ русск. народно - учебной литературы» 1878 г., стр. 225.

134) **Музыкантъ.** Повѣсть А. Погоскаго. Спб. 1881 года. Цѣна 25 к., 95 стр.

Авторъ переноситъ насъ своимъ разсказомъ въ тѣ недавнія времена крѣпостничества, которыя такъ безжалостно губили, заѣдали множество недюжинныхъ талантовъ. Съ однимъ изъ такихъ страдальцевъ, ставшимъ жертвой извѣстнаго общественнаго строя, знакомитъ насъ авторъ въ своей повѣсти.

Евгешка, сынъ одного изъ музыкантовъ, которыхъ такъ много имѣли дворяне добраго стараго времени, является героемъ разсказа. Авторъ очень умѣло приводитъ геніальнаго Евгешку въ столкновеніе съ людьми интеллигентными и неинтеллигентными и даетъ намъ возможность прослѣдить отношеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ къ таланту своего героя. Мы видимъ, что и тѣ, и другіе въ громадномъ большинствѣ своемъ смотрятъ на музыку, какъ на забаву, — одни съ изрѣдка проявляющимся сочувствіемъ, другіе съ за-

вистью, присущею заносчивой посредственности, и только единичныя лица относятся съ чуткимъ пониманіемъ. Между послѣдними первое мѣсто занимаетъ учитель Евгешки, Ѳедулычъ, человѣкъ даровитый, но потерпѣвшій участь, общую такъ многимъ нашимъ самобытнымъ талантамъ,—окончательно спившійся съ круга. Опытный Ѳедулычъ слышалъ въ игрѣ своего ученика *«ту пѣвучесть и задушевное чувство, тотъ смѣлый и горячій порывъ, ту плакучую грусть, которыхъ нѣтъ ни въ какихъ нотахъ и которымъ никого не научишь»*. Но онъ зналъ также по собственному опыту, что генію, обитающему въ тѣлѣ русскаго простолюдина, нѣтъ и не можетъ быть простора, и потому-то онъ такъ настойчиво твердилъ: «свѣту, свѣту тебѣ надо; понимаешь, на этакую, значитъ, волю!»

Постоянное повтореніе этихъ наставленій заставляло призадуматься надъ своимъ положеніемъ и Евгенія. Бродя по пустыннымъ берегамъ рѣки или по лѣсу, онъ неустанно сталъ мечтать о неизвѣстномъ ему «свѣтѣ», о большихъ моряхъ да городахъ, сверкающихъ диковинным блескомъ... И чудилось ему, что онъ тамъ, среди этого блеска, со своей скрипкой; имъ восхищаются, и чудное видѣніе спускается къ нему съ небесъ и шепчетъ: «ты талантъ!»... Но эти грезы были только грезами, а кругомъ суетился міръ приниженныхъ, забитыхъ работниковъ, не имѣвшихъ возможности отдавать должную дань его таланту.

Нелегко жилось Евгенію среди своихъ односельчанъ, но еще хуже стало ему, когда владѣлецъ его прогналъ, и онъ пошелъ странствовать по свѣту со своей скрипкой, проходя село за селомъ, ночуя, гдѣ и какъ придется, и питаясь Христовымъ подаяніемъ; работать онъ не умѣлъ, а музыкой заработать не могъ, такъ какъ пора была страдная, и не до музыки было вѣчнымъ работникамъ. Наконецъ, благодаря случайности, онъ попалъ въ кругъ людей интеллигентныхъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ со стороны окружающихъ его холодное и пренебрежительное отношеніе къ себѣ; никто не протянулъ ему дружеской руки, чтобы помочь достичь желанной цѣли, поддержать его среди окружающей злобы и зависти. Встрѣтилъ было онъ участіе и любовь со стороны одной дѣвушки-музыкантши, но въ отношенія ея къ нему вмѣшался отецъ, и ничего, кромѣ новыхъ оскорбленій, не дало ему это чувство.

Послѣ долгихъ скитаній Евгеній сталъ, наконецъ, капельмейстеромъ полковой музыки. Существованіе его съ матеріальной стороны было обезпечено, но нравственно онъ не былъ удовлетворенъ, и въ скоромъ времени, надломленный непосильной борьбой, онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Какъ видно уже изъ изложеннаго содержанія, главная задача автора, которую ему удалось выполнить, заключается въ изображеніи тѣхъ неприглядныхъ жизненныхъ условій, которыя заставляютъ человѣка, мало-мальски возвысившагося своимъ дарованіемъ надъ общей массой, искать утѣшенія въ винѣ, въ немъ топить свою жажду знанія, дѣятельности и простора. Причиной же, порождающей эти условія, авторъ считаетъ невѣжество. Нескоро, по мнѣнію его, доживетъ наше крестьянство до умѣнья цѣнить талантъ и перестанетъ съ пренебреженіемъ относиться ко всему, не дающему куска хлѣба; тогда, въ этомъ далекомъ будущемъ, и цѣловальникъ перестанетъ смотрѣть на генія, какъ на будущаго пропойцу; но будетъ это въ то время, когда, замѣчаетъ авторъ:—нашу матушку Русь изъ края въ край пройдетъ *«ясное слово твердо!»*

«Пора», говоритъ онъ:—«давно пора помыться намъ живой водой и, ударившись о земь, стать молодцомъ... Учиться добру пришла пора!»—«Тогда», продолжаетъ авторъ:—«подымутъ голову и встанутъ трезвы и почтены міромъ всѣ наши даровитые, избранные люди—нынѣ пьяницы тожъ!...»

Едва ли, впрочемъ, можно сказать, чтобы авторъ былъ вполнѣ правъ, видя причину гибели Евгенія исключительно въ невѣжествѣ крестьянскаго люда, среди котораго онъ жилъ. Самъ авторъ своею повѣстью часто говоритъ противное: онъ указываетъ, что въ средѣ крестьянъ искусство Евгенія доставляло ему со стороны нѣкоторыхъ изъ его односельчанъ любовь и сочувствіе, что крестьяне въ свободное время,—котораго, правда, у нихъ слишкомъ мало,—съ наслажденіемъ слушали его музыку, между тѣмъ какъ въ повѣсти не видно, чтобы въ средѣ интеллигенціи Евгеній встрѣчалъ какую нибудь активную поддержку. Помѣщикъ, которому онъ принадлежалъ, офицеры полка, гдѣ онъ служилъ, стояли выше по образованію, чѣмъ крестьяне, а между тѣмъ первый заставляетъ Евгенія бѣжать въ солдаты, а вторые позволяютъ ему погибнуть въ безвѣстной долѣ полковаго капельмейстера. Не можетъ же быть поставлено крестьянамъ въ вину то, что, нуждаясь сами въ кускѣ насущнаго хлѣба, они не могли оказать ему матеріальной поддержки, какъ нельзя осуждать ихъ и за то, что въ страдную пору, отъ которой за-

висить—голодать или быть сытымъ, имъ было не до музыки Евгенія?! Интеллигентные люди, съ которыми приходилось сталкиваться музыканту, имѣли больше средствъ, чѣмъ крестьяне, и все таки не помогли ему, а между тѣмъ авторъ не укоряетъ ихъ за это; о равнодушіи же крестьянъ говоритъ не только съ укоромъ, но даже съ какой-то злобой.

Въ глазахъ крестьянъ участь Евгенія вовсе не есть гибель, и они совершенно правы, потому что, какъ ни горька судьба Евгенія, она все же лучше ихъ собственной судьбы. Вотъ въ чемъ заключается причина, вслѣдствіе которой талантъ Евгенія не встрѣтилъ активной поддержки со стороны крестьянъ, и вотъ почему на нашъ вопросъ: «какъ жилось Евгенію?» взрослые ученики сельской школы давали отвѣтъ приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: «сначала ему очень плохо жилось, просто ѣсть нечего было; музыкой въ деревняхъ не заработаешь; а вотъ, какъ сталъ по городамъ господамъ играть, такъ и хорошо началъ жить. Только боленъ онъ былъ, скоро умеръ».

Съ объясненіемъ автора нельзя вполнѣ согласиться еще и потому, что интеллектуальное невѣжество не исключаетъ извѣстной доли музыкальности, чему примѣромъ можетъ служить тотъ же самый народъ, который, при кругломъ своемъ невѣжествѣ, способенъ создавать такіе высокіе въ музыкальномъ отношеніи мотивы, которыми отличается большинство народныхъ пѣсенъ.

Однако, хотя мы несогласны съ авторомъ относительно причинъ, порождающихъ гибель талантовъ, тѣмъ не менѣе самый фактъ этой гибели остается, и художественное воспроизведеніе его составляетъ несомнѣнное достоинство повѣсти.

Кромѣ того, съ точки зрѣнія воспитательной, большое значеніе имѣетъ взглядъ автора на музыку, проводимый имъ во всемъ своемъ сочиненіи: онъ показываетъ читателю, что музыка не есть забава праздныхъ людей, а свободное искусство, могущее проникнуть въ самую душу и наполнить ее.

«*Музыкантъ*» можетъ быть вполнѣ доступенъ пониманію подростковъ и взрослыхъ; что же касается дѣтей, то, во-первыхъ, сущность самого содержанія не можетъ быть ими усвоена, а во-вторыхъ, нѣкоторыя мѣста, какъ напр., разсказъ о происхожденіи «Камаринскаго», дѣлаетъ ее для нихъ даже вредной; а потому мы рекомендуемъ эту повѣсть по преимуществу взрослымъ.

Вопросы:

Какъ относились къ музыканту окружающіе его?

Какую пользу вносятъ въ жизнь даровитые люди?

Должно ли общество дорожить ими? *Л. Е.*

Примѣчаніе. См. рецензію «Народная Школа» 1870 г. № 9, стр. 29.

Чтеніе «*Музыканта*» *Погоскаго* прошло въ высшей степени оживленно, съ безпрерывными вставками, вопросами и замѣчаніями; такъ, при описаніи Ѳедотыча, кроткаго и гуманнаго управляющаго, кто-то замѣтилъ:

— Это не то, что Никита Ѳедоровичъ *).

При чтеніи страницы о помѣщичьемъ оркестрѣ другой мальчикъ сказалъ:—Это, значитъ, было во времена крѣпостной расправы.

— Разумѣется! подтвердилъ одинъ изъ старшихъ:—развѣ не слыхалъ—это случилось въ 1830 г., значитъ 53 года прошло, я еще при началѣ высчиталъ!

Слово *тунеядцы* оказалось неизвѣстнымъ. Пришлось объяснять. Я объясняла довольно продолжительно и сложно, не находя короткаго соотвѣтствующаго выраженія.

— Понялъ! сказалъ нетерпѣливо *Б—ко*:— это значитъ дармоѣдъ.

На стр. 12, при описаніи внезапныхъ хлопотъ въ деревнѣ, кто-то сказалъ:—Вѣрно, господа пріѣдутъ!

Слова «*талантъ*» и «*грезы*» тоже пришлось объяснить.

Одѣваніе въ чужую одежду бѣднаго Евгешки для представленія къ господскому двору ужасно всѣмъ понравилось и вызвало всеобщій добродушный смѣхъ сочувствія. Отъ картинки, на которой изображено, какъ Евгешка представляется барынѣ, просто не могли оторваться. Когда мы дошли до выраженія: «*темная родная среда*», я спросила—что это значитъ.

— Это значитъ односельчане, отвѣчалъ *Г—въ*:—а *темнымъ* народъ называютъ за то, что онъ читать не умѣетъ.

Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ говорится, сколько талантовъ спилось на Руси съ тоски и горя, я спросила:—О какомъ это горѣ талантливаго человѣка говорится здѣсь?

— Для него горе, отвѣчалъ *Я—ко*: — если нѣту средствъ достигнуть до своего таланта какъ слѣдуетъ.

Я поняла, что хотѣлъ выразить этимъ Я—ко.

---

*) Управляющій-извергъ въ повѣсти Григоровича «Антонъ-Горемыка».

— А еще ему то обидно было, добавилъ его сосѣдъ: — что всѣ думали, что въ его игранiи нѣтъ пользы.

На стр. 32, когда злобный опекунъ начинаетъ говорить неодобрительно передъ народомъ о доброй барынѣ-покойницѣ, кто-то выкрикнулъ:—Брешетъ!—точно рѣчь шла о живомъ человѣкѣ.

Картинка, изображающая «камаринскiй», опять вызвала общiй восторгъ. При описанiи похоронъ дѣвочки плакали, а мальчики, по обыкновенiю, вели себя сдержанно.

— Теперь предлагайте вопросы, сказала я по окончанiи чтенiя.

— Что за человѣкъ былъ Евгенiй, и что онъ любилъ больше всего на свѣтѣ? поставилъ вопросъ Г—въ.

— Онъ былъ сирота, сынъ музыканта и очень любилъ скрипку, сказалъ Я—ко.

— Онъ былъ талантъ, началъ Б—ко, сдѣлавъ ударенiе на словѣ *талантъ*:—потому что онъ игралъ такъ, какъ почти никто въ свѣтѣ не игралъ еще.

— Онъ былъ несчастный человѣкъ, сказалъ еще одинъ: — потому что встрѣчалъ дерзкихъ людей; они ненавидѣли его за то что хоть они были ученые, а онъ ихъ перевершилъ.

— А что это значитъ: *перевершилъ*? спросила я.

— Значитъ—лучше игралъ, пояснилъ онъ.

— За что барыня взяла его къ себѣ, и что съ нимъ потомъ случилось? предложилъ вопросъ Я—ко.

На этотъ вопросъ послѣдовала плавная передача жизни Евгенiя до прiѣзда стараго генерала домой.

— А хорошо ли сдѣлалъ Евгенiй, что поступилъ въ военную службу? спросилъ еще кто-то.

— Разумѣется, хорошо, былъ отвѣтъ: — что-жъ ему опять скитаться было по-мiру? Тутъ онъ, по крайней мѣрѣ, своему таланту другихъ училъ, и всѣ уважали его; когда онъ померъ, за нимъ плакали, и передъ смертью ему пришлось, слава Богу, потѣшить еще разъ своею игрою Елизавету Ильинишну.

— А счастливъ ли онъ былъ въ продолженiе всей жизни? спросила я.

— Нѣтъ; его вообще люди унижали, сказалъ Бондаренко.

— Они не самого его любили, а только музыку; а самого его одна только Елизавета Ильинишна любила! добавилъ Г—въ.

— Какую пользу вносятъ въ жизнь талантливые люди? спросила я.

Б—ко крѣпко задумался; всѣ молчали.

— Утѣшаютъ скорбящихъ, заговорилъ онъ наконецъ:—смягчаютъ сердца сердитыхъ своими пѣснями, исправляютъ загрубѣлыхъ.

Положимъ, разсказъ подготовляетъ къ такому отвѣту; тѣмъ не менѣе, онъ поразилъ меня своею глубиною.

— Должно ли общество дорожить талантами и беречь ихъ? спросила я. Слово *общество* слушатели поняли въ узкомъ смыслѣ *сельскаго общества* и сказали:—Разумѣется, должно оберегать; зачѣмъ допустили его водку пить?

Тогда я объяснила, *что* я подразумѣваю подъ словомъ общество.

— Должно, отвѣчалъ Г—въ: — такiе люди добро творятъ, а не зло, добавилъ онъ какъ-то почтительно и богобоязливо.

— Надо любить ихъ, уважать, дорожить ими! замѣтилъ горячо Б—ко.

— Кормить ихъ! пропищалъ тоненькiй голосокъ маленькаго мальчика.

— Вона! возразилъ старшiй:—еще что выдумалъ: развѣ такой человѣкъ самъ себя не прокормитъ?

На этомъ окончилась наша бесѣда.

135) **Сорочьи гнѣзда**. Повѣсть А. Погоскаго. Изданiе второе. Спб. 1879 г. Цѣна 20 к. 85 стр., 4 картинки.

Повѣсть «Сорочьи гнѣзда» посвящается авторомъ памяти кантонистовъ. Въ своемъ предисловiи авторъ повѣсти говоритъ объ отмѣнѣ закона о солдатскихъ дѣтяхъ, по которому всѣ они зачислялись въ кантонисты и находились на постоянной службѣ. Въ средѣ ихъ царствовала глубокая испорченность. Тяжело было солдату разставаться со своимъ сыномъ и отдавать его туда, гдѣ ему предстоитъ полное нравственное уродство. Такой противоестественный порядокъ вещей, какъ насильственная разлука родителей съ ихъ дѣтьми, порождалъ нерѣдко факты, вполнѣ противные человѣческой природѣ: матери и отцы подмѣнивали своего ребенка-мальчика чужимъ—дѣвочкой. Мѣна эта обыкновенно устраивалась съ бѣдными крестьянами, которые предпочитаютъ имѣть мальчиковъ, какъ будущихъ работниковъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ разсказанъ въ повѣсти «Сорочьи гнѣзда».

У солдатки родился сынъ. Не желая, чтобы онъ былъ отданъ въ кантонисты, отецъ съ матерью послѣ долгой и тяжелой борьбы рѣшились обмѣняться дѣтьми съ женщиной, у которой родилась дѣвочка. Отсюда цѣлый рядъ страданiй для солдатки и ея сына. Горячо любившiе другъ друга, они принуждены

были видѣться только украдкой, потому что чужая семья требовала, чтобы мать и сынъ не имѣли между собой никакого сообщенія. Повѣсть полна грустныхъ, трогательныхъ сценъ, какъ, напримѣръ, тайныя свиданія матери съ сыномъ, преслѣдованіе ихъ чужой семьей и т. д.; кончается же она, какъ и большинство разсказовъ Погоскаго, счастливо: въ семьѣ, въ которой былъ Василій, родилось два сына, и, благодаря этому обстоятельству, его согласились, наконецъ, отпустить къ отцу и къ матери.

Въ повѣсти *«Сорочьи гнѣзда»* авторъ, осуждая законъ о кантонистахъ, въ то же время силится показать, что и отступленіе отъ закона или, какъ онъ выражается, *«совершеніе проступковъ»* влечетъ за собой чуть ли не бо̀льшее несчастіе, чѣмъ строгое исполненіе даже такого противоестественнаго закона, какъ законъ о солдатскихъ дѣтяхъ, отмѣненный въ 1856 г. Впрочемъ, указанная только что мысль настолько слабо проведена въ разсказѣ, что читающій только смутно догадывается о ея существованіи; главное же мѣсто авторъ отвелъ описанію чувства материнской любви, причемъ чрезвычайно рельефно изобразилъ, вліяніе этого чувства на человѣка. Этому онъ посвятилъ много прекрасныхъ сценъ.

Повѣсть «Сорочьи гнѣзда» можетъ быть рекомендована для чтенія взрослымъ.

Л. Е.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

(На каникулахъ).

Чтеніе повѣсти *«Сорочьи гнѣзда» Погоскаго* прошло весьма оживлено. Грезы Каллистрата о своемъ будущемъ, не родившемся еще сынѣ очень понравились младшимъ и вызвали добродушный смѣхъ.

— Тише, будетъ вамъ, совсѣмъ нечему смѣяться! замѣтилъ серьезно одинъ изъ старшихъ.

— Какъ же нечему! еще ничего нѣтъ, а онъ ужъ разговариваетъ! отвѣчалъ младшій, силясь удержаться отъ новаго порыва смѣха.

Младшіе не могли опредѣлить, почему послѣ разговора съ Прохоровымъ у Каллистрата точно камень свалился съ души, а старшіе сказали:—Это оттого ему легче стало, что онъ высказалъ ему все, что у него на сердцѣ наболѣло.

По окончаніи чтенія слушатели начали ставить вопросы.

— Почему Каллистратъ рѣшился промѣнять своего сына на дочь? спросилъ первый.

— Чтобъ его не взяли въ кантонисты, отвѣчалъ его сосѣдъ:—чтобы тамъ не *знущались* *) надъ дитемъ!

— Оттуда плохіе люди выходили, замѣтилъ третій:—а хорошіе въ большую рѣдкость.

— А можетъ ли человѣкъ выйти честнымъ и неиспорченнымъ изъ плохой среды? сказала я, обращаясь къ старшимъ.

— Можетъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: — если имѣетъ твердый нравъ и разсуждаетъ самъ съ собою, что это нехорошо.

— Что чувствовалъ Каллистратъ въ сердцѣ своемъ, когда онъ прочиталъ въ письмѣ, что сына его промѣняли на дѣвочку? сказалъ одинъ изъ старшихъ мальчиковъ.

— Ему было очень тяжело, отвѣчалъ другой:—даже на умъ ничего не шло.

— У него на душѣ было неладно, замѣтилъ Б—ко.

— Хорошо ли было Пелагеѣ кормить неродное дитя? спросила одна изъ дѣвочекъ.

— Нѣтъ, очень горько, отвѣчала другая:—потому что родное дитя ея у ней отняли и отдали чужой.

— Можно ли чужое дитя любить, какъ свое родное? спросилъ Б—ко, и блѣдныя щеки его покрылись густымъ румянцемъ (Б—ко подкидышъ и знаетъ объ этомъ).

— Можно, отвѣчалъ одинъ изъ старшихъ:— если у нихъ своихъ дѣтей нѣтъ; а если есть,— не станутъ любить чужаго!..

— Отчего же такъ? спросила я.

— Оттого, отвѣчалъ одинъ изъ младшихъ:— что тутъ и со своими хлопотъ много, а тутъ еще чужой!—особенно если бѣдные.

— Толкуйся! замѣтилъ съ презрѣніемъ старшій: — тутъ говорятъ насчетъ любви родительской.

— А можетъ ли дитя любить чужихъ родителей, какъ своихъ собственныхъ? спросилъ опять Б—ко, и снова вспыхнулъ по уши. Видимо, интересъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ превозмогалъ въ немъ чувство застѣнчивости за близость ихъ лично къ нему.

Всѣ молчали.

*) Издѣвались.

— Можетъ, сказалъ торжественно Я—ко:— если онъ не знаетъ отца и матери; да если и узнаетъ, продолжалъ онъ вдумчиво:—но увидитъ, что они не замѣчаютъ его, онъ ни за что не отхлынется отъ тѣхъ, что замѣнили ему родителей.

— А какое вліяніе на человѣка оказываетъ материнская любовь? спросила я.

Вопросъ мой послѣ ряда дѣтскихъ безхитростныхъ вопросовъ показался мнѣ въ высшей степени дѣланнымъ и искусственнымъ. Всѣ молчали. Пришлось объяснить слово *вліяніе*. Наконецъ одинъ изъ старшихъ мальчиковъ сказалъ:

— Хорошая мать завсегда старается, чтобы изъ сына ея вышелъ добрый, честный и трудолюбивый человѣкъ, а не какой нибудь непутящій, а сынъ всегда помнитъ материнское слово.

— А что за женщина была Самсониха? спросилъ еще одинъ изъ слушателей.

— Характера она была суроваго, отвѣчали ему:—строгаго, не любила разговаривать, не водилась ни съ кѣмъ, а любила только дѣтишекъ.

136) **Чертовщина.** Погоскаго. *Путешествіе на луну —Мудрый судья.* Спб. 1873 г. Ц. 20 к. 65 стр.—Изд. 3-е, 1884 г.

Разсказъ «Чертовщина» написанъ Погоскимъ съ цѣлью доказать несостоятельность суевѣрій и показать, что большинство страшныхъ и дивныхъ исторій представляютъ собою не болѣе, какъ плодъ праздной фантазіи, или распускаются какимъ нибудь ловкимъ пройдохой-знахаремъ, пользующимся для своихъ корыстныхъ цѣлей невѣжественностью низшихъ классовъ. Такое нравоученіе влагаетъ Погоскій въ уста грамотѣя-унтера, которому надоѣдаютъ суевѣрные толки и розсказни безграмотныхъ товарищей. Но не всегда разсчетъ бываетъ вѣренъ; такъ и тутъ: безцвѣтное нравоученіе унтера, выраженное довольно сухо, совершенно стушевывается передъ яркими красками, которыхъ авторъ не пожалѣлъ при описаніи вѣдьмъ, домовыхъ, чертей и всего прочаго, во что беззавѣтно вѣритъ до сихъ поръ нашъ простолюдинъ. Вотъ почему, вѣроятно, намъ пришлось услышать объ этой книгѣ слѣдующій отзывъ:

Домна Д—ко, 17-ти л., подавая мнѣ книгу сказала:

— Вотъ интересно, даже ночью снилось!

И съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ она начала разсказывать о чертяхъ, вѣдьмахъ, привидѣніяхъ, *«какъ змья-аспидъ кажетъ пламенну пасть»*, какъ бѣжитъ въ лѣсу *«гадъ-крокодилъ восьминогій, весь въ чешуѣ, и зубы какъ пилы большущія»* и т. д. Происшествіе смѣнялось происшествіемъ. Казалось, сама она все это видѣла и слышала... Подъ впечатлѣніемъ этого картиннаго разсказа я невольно спросила ее:

— Какъ же вы думаете: все это правда?

— Разумѣется, правда! отвѣчала ученица безъ малѣйшей запинки и какого бы то ни было колебанія.

Признаюсь, этотъ рѣшительный отвѣтъ меня сильно озадачилъ. Послѣ минуты молчанія я начала объяснять ей, что все это — неправда.

Ученица стояла передо мною молча, опустивши глаза. Мнѣ казалось, что она думала: «Написано въ книжкѣ, книжку дала учительница, какъ же это неправда?» Мнѣ даже какъ-то стыдно было разрушать ея иллюзіи, а затѣмъ я думала: дѣло ли школы — давать такія книги, въ которыхъ одна небывальщина смѣняетъ другую, отуманивая голову простолюдина и лишая его возможности разобраться въ этой чертовщинѣ и отгородить правду отъ фантазіи? Дѣло ли школы давать книги, послѣ которыхъ воспаленной головѣ грезятся черти, вѣдьмы и крокодилы? Я думаю—нѣтъ, тѣмъ болѣе, если на этихъ книгахъ не написано даже «сказка», значеніе которой извѣстно каждому. Правда, въ концѣ разсказа унтеръ увѣряетъ, что все это вздоръ и «предразсудки», но эти благоразумныя разсужденія остаются, какъ видно, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и меркнутъ при сравненіи съ чудесами фантазіи.

«Путешествіе на луну». (Отнесено въ отдѣлъ «Разсказы, направленные противъ пьянства», № 269).

«Мудрый судья». Восточное сказаніе о калифѣ Гарунъ-аль-Рашидѣ, который, желая знать, какъ живетъ его народъ, переодѣтый ѣздилъ по своему царству. Онъ встрѣтилъ мудраго судью, который, благодаря своему замѣчательному остроумію и сообразительности, справедливо разрѣшаетъ три дѣла.

Разсказъ невеликъ, но очень интересенъ; онъ занимаетъ и дѣтей, и взрослыхъ. Остается только пожалѣть, что разсказъ этотъ помѣщенъ въ одной книгѣ съ *«Чертовщиной»* и *«Путешествіемъ на луну»*.

Считаемъ не лишнимъ привести о немъ отзывъ одной изъ взрослыхъ учениць.

Л. Е.

Сегодня подходитъ ко мнѣ *Антонина Б—ва*, взрослая ученица. Вижу—*«Чертовщина»* въ рукахъ. Принимаю книгу и жду отзыва.

— И, Боже сохрани, какъ не понравилась мнѣ эта чертовщина!.. Чортъ знаетъ что такое! говоритъ съ презрѣніемъ ученица:—можетъ развѣ маленькимъ дѣтямъ понравиться! Небылица на небылицѣ; а тутъ еще дѣвочки смѣются: «Что ты, въ Бога не вѣришь, что «Чертовщину» взяла?» Хорошо, что хоть подъ конецъ книжки есть хорошій разсказъ «*Мудрый судья*»,—такой хорошій, что я никогда, кажется, лучше не читала! Правилъ тамъ царь, забыла имя; характеромъ онъ на нашего Петра В. былъ немножко похожъ, тоже такой не гордый, одѣнется въ простую одежу и ходитъ по своему царству, хочетъ собственными глазами увидѣть, правильно ли судятъ его судьи и счастливъ ли его народъ. Другіе на придворныхъ полагаются, придворные обманываютъ, а онъ вездѣ самъ. И вотъ попалъ онъ разъ самъ, переодѣтый бѣднымъ, къ одному мудрому судьѣ (тутъ ученица весьма подробно и толково разсказала три мудрыя рѣшенія судьи), и такъ ему понравится этотъ судья, что онъ назначилъ его главнымъ судьей всего своего государства.

— Вы, какъ даете эту книжку, заключила она, обращаясь къ учительницѣ:—такъ рекомендуйте этотъ разсказъ; а, можетъ, кому глупому и «Чертовщина» понравится!

Намъ остается пожелать въ свою очередь, чтобы разсказъ «Мудрый судья» былъ изданъ отдѣльно; что же касается разсказа «Чертовщина», то мы считаемъ неудобнымъ рекомендовать его въ народную библіотеку.

Х. А.

137) **Камень-Кремневичъ.** А. Погоскаго.— *Очеркъ изъ мелкихъ дѣлъ солдатскихъ.* Спб. 1876 г. Цѣна 10 к. 28 стр.—Изд. 1885 г.

Небольшой разсказъ «*Камень-Кремневичъ*» представляетъ собой весьма недурную характеристику солдата, котораго авторъ называетъ «краеугольнымъ камнемъ земли русской». Это знакомый типъ русскаго солдата, съ виду чрезвычайно грубаго, суроваго и даже отчасти жестокаго. Онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ за свой умъ, честность и правдивость, но его боятся, хотя въ глубинѣ души и сознаютъ, что любятъ этого молчаливаго, несообщительнаго человѣка, что онъ дорогъ и близокъ имъ. Да и какъ не любить Камня-Кремневича? Холодность, черствость, суровость—вѣдь все это только оболочка, подъ которой скрывается любящее и нѣжное сердце, способное на ласку.

Ночью въ госпиталѣ онъ, самъ больной, встаетъ и подходитъ къ койкамъ, на которыхъ лежатъ раненые, стараясь хоть чѣмъ нибудь помочь имъ, облегчить ихъ страданія.

Все это узнаетъ читатель отчасти изъ характеристики, которую непосредственно даетъ авторъ, а отчасти изъ художественнаго воспроизведенія характера солдата въ словахъ и поступкахъ, приписываемыхъ ему.

Разсказъ читается не безъ интереса взрослыми и подростками и пригоденъ для народной библіотеки. *Л. Е.*

Намъ пришлось прочитать этотъ очеркъ на каникулахъ группѣ слушателей, состоящей изъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, бывшихъ учениковъ и ученицъ сельской школы. Для дѣтей казались непонятными отрывочные разговоры больныхъ въ госпиталѣ, и, видимо, они скучали; подростки и взрослые слушали съ большимъ вниманіемъ и по окончаніи чтенія въ своей передачѣ очень рельефно воспроизвели образъ Камня-Кремневича.

— Онъ желалъ показать себя суровымъ, говорилъ одинъ изъ нихъ:—а на самомъ дѣлѣ добрый былъ, только такъ добро дѣлалъ, чтобъ другіе не видали. Товарищи съ большимъ уваженіемъ относились къ нему и хоть не осмѣливались выказать ему открыто любовь свою, но въ сердцѣ своемъ всѣ любили его.

138) **Божеское правосудіе.** А. Погоскаго. *Три разсказа.* Спб. 1872 г. Ц. 20 к. 80 стр.— Изд. 1885 г.

Подъ общимъ заглавіемъ «Божеское правосудіе» у Погоскаго имѣются три разсказа, по его увѣренію — истинныя происшествія, изъ которыхъ первый носитъ названіе «*Судъ Провидѣнія*», второй — «*Молитвенникъ моей жены*», а третій—«*Висячій гость*».

Общая идея ихъ та, что преступленія никогда не проходятъ скрытыми и безнаказанными, и что, не смотря на всѣ старанія человѣка, Провидѣніе откроетъ и накажетъ преступныя дѣйствія его, какъ бы давно они ни были совершены и какъ бы тщательно слѣды ихъ ни были заглажены.

«*Судъ Провидѣнія*». Въ Бѣлоруссіи были зарѣзаны съ цѣлью грабежа женщина и ея служанка; остался въ живыхъ только грудной ребенокъ, сынъ убитой женщины. Преступленіе было приписано разбойнику Тришкѣ, свирѣпствовавшему тогда со своей шайкой. Болѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ одинъ мясникъ былъ обвиненъ въ преступленіи, котораго онъ не совершалъ; но такъ какъ всѣ улики были противъ него, то онъ былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни. Передъ смертью мясникъ еще разъ повторилъ, что въ пре-

ступлении, приведшемъ его къ казни, онъ не виновенъ, но что женщину, о которой сказано выше, зарѣзалъ онъ.

Разсказъ написанъ вяло и сухо. Къ числу недостатковъ его надо отнести также неожиданность и неестественность нѣкоторыхъ обстоятельствъ, фигурирующихъ въ этомъ разсказѣ; такъ, напр., присутствіе сына зарѣзанной матери при казни ея убійцы и случай, давшій поводъ привлечь къ отвѣтственности мясника за несовершенное имъ преступленіе.

«Молитвенникъ моей жены». Человѣкъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, ѣхалъ на кораблѣ съ нѣкіимъ Пигеромъ, отличавшимся крайне несноснымъ характеромъ. Ночью этотъ Пигеръ былъ ограбленъ и сброшенъ въ море двумя матросами. Подозрѣніе пало на разсказщика. Черезъ много лѣтъ онъ былъ привлеченъ къ суду по этому подозрѣнію; всѣ улики были противъ него, и присяжные ужъ удалились, чтобы вынести обвинительный вердиктъ, какъ молодая дѣвушка изъ публики указала на невѣрность показаній матросовъ, заключавшуюся въ томъ, что они утверждали, будто ночь, въ которую исчезъ Пигеръ, была свѣтла, между тѣмъ какъ въ молитвенникѣ ея записано, что именно въ эту ночь было новолуніе. Это заявленіе спасло разсказщика, и дѣло выяснилось. Истинные убійцы были открыты; дѣвушка же сдѣлалась женой героя.

Сложность и занимательность интриги разсказа, теплота, съ которой онъ написанъ, и благородство личности героя ставятъ этотъ разсказъ выше предшествующаго, хотя и онъ невполнѣ свободенъ отъ тѣхъ недостатковъ, которыми страдаетъ *«Судъ Провидѣнія»*.

«Висячій гость». Воръ, воспользовавшись отсутствіемъ хозяевъ, пробирается въ ихъ домъ, гдѣ оставалась одна только горничная Даша, грабитъ этотъ домъ и, чтобы не оставить свидѣтелей своего преступленія, хочетъ повѣсить Дашу, но, прилаживая петлю, нечаянно самъ вѣшается на ней.

Мастерское изложеніе, характеристика личности героя, юмористическій тонъ, присутствіе котораго въ разсказѣ, впрочемъ, нимало не ослабляетъ сильнаго впечатлѣнія, производимаго деталями преступленія и отвратительной личностью грабителя, — все это дѣлаетъ разсказъ живымъ и занимательнымъ.

Книга читается подростками и взрослыми простолюдинами съ большимъ интересомъ. Пригодна для народной библіотеки. *Л. Е.*

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

Сегодня я прочла подросткамъ, окончившимъ курсъ въ сельской школѣ, *«Божеское правосудіе» Погоскаго*. Интересуясь больше общимъ выводомъ, чѣмъ подробностями, я не останавливалась на каждомъ изъ трехъ разсказовъ, а читала ихъ одинъ вслѣдъ за другимъ. По окончаніи чтенія я сказала мальчикамъ:

— Что̀ можно спросить по поводу этой книги?

— Всегда ли человѣческій судъ бываетъ вѣрнымъ? сказалъ *Б—ко (16-ти л.)*.

— Отвѣчайте кто нибудь на этотъ вопросъ! обратилась я къ остальнымъ.

— Человѣческій судъ не всегда можетъ судить вѣрно, началъ *Я—ко (15-ти л.)*:—хотя и желаетъ этого; свидѣтели нехорошіе попадаются, покупные; они даютъ ложныя свидѣтельства; а Господь Богъ судитъ не по свидѣтелямъ, а по дѣламъ и мыслямъ. Ему не нужны свидѣтели; Онъ Самъ все знаетъ; какъ ни таи—узнаетъ, и рано ли, поздно ли—обличитъ!

— Люди часто осуждаютъ по недоумѣнію, началъ *Ѳедя Г—въ (14-ти л.)*: — а иногда для своей собственной корысти, какъ эти матросы, а Богъ спасаетъ невиннаго и наказуетъ грѣшнаго.

Остальные высказались въ томъ же духѣ. Тогда я перешла къ переспросу и объясненію непонятыхъ словъ. Пересказъ шелъ весьма оживленно; выяснилось, что слушатели не поняли, что̀ такое *гласный судъ*, что такое *Общество страхованія жизни*, и никогда не слыхали словъ: *прокуроръ*, *адвокатъ* и *палачъ*. Объяснивши имъ все это, я отпустила ихъ погулять на 1/4 часа. Младшіе затѣяли какую-то игру, а старшіе усѣлись чинно на ступенькахъ. Я сѣла у открытаго окна и слышу слѣдующій разговоръ:

— Достоинъ онъ былъ наказанія по твоему или нѣтъ? спрашиваетъ солидно одинъ у другаго.

— А какъ же, отвѣчаетъ тотъ: — его Богъ наказалъ за первый поступокъ.

— А умная была эта дѣвица, которая спасла подсудимаго? спрашиваетъ третій.

— Значитъ, умная, когда ей пришло на умъ высчитать, когда было полнолуніе, замѣчаетъ четвертый.

— А слуги хорошіе,—всѣ какъ есть разошлись! говоритъ еще одинъ.

— Они должны беречь хозяйское добро, они къ тому наняты.

— Развѣ можно столько добра бросить на дѣвчонку! добавляетъ еще кто-то.

— А какъ ты думаешь, говоритъ опять первый: — думалъ ли воръ, что когда нибудь придется отвѣчать ему за эти поступки?

— Нѣтъ, не думалъ! отвѣчаетъ рѣшительно второй.

— А почемъ ты знаешь, что не думалъ? вмѣшивается третій.

— Развѣ онъ былъ бы такой веселый, когда-бъ думалъ? возражалъ второй.

— Идите къ намъ! надо! кричатъ играющіе мальчики. Двое изъ старшихъ подымаются нехотя, и разговоръ прерывается.

139) **Подосиновики.** Повѣсть Погоскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1874 г. Ц. 20 к. 55 стр.— Изд. 1880 г.

Способность всепрощенія, такъ мало извѣстная интеллигентному классу, несравненно прочнѣе держится въ неиспорченномъ сердцѣ народномъ. Настоящая повѣсть «Подосиновики» посвящена авторомъ описанію одного изъ фактовъ этого по истинѣ христіанскаго всепрощенія.

Рекрутъ Савельевъ отправился на службу, оставивъ дома свою молодую жену, Настасью. Онъ горячо любилъ ее, и на службѣ, вдали отъ всего, что для него есть близкаго, дорогаго, солдатъ только и думалъ, что о молодой женѣ да дочкѣ, о рожденіи которой ему написали. Свиданіе съ ними составляло единственную его мечту въ продолженіе всѣхъ долгихъ лѣтъ разлуки. Наконецъ эта мечта осуществилась; 15 лѣтъ прошло, Савелью дали чистую отставку, и онъ возвратился домой. Счастливый и веселый вошелъ Савельичъ въ избу. Жена его и трое рыжихъ мальчугановъ сидѣли тамъ. Увидавъ своего мужа, Настасья бросилась ему въ ноги и зарыдала. Посмотрѣлъ солдатъ на ребятишекъ, на обнимающую его ноги жену, и понялъ все. Горько и обидно было Савельеву видѣть измѣну жены: но не съ упрекомъ да бранью обратился онъ къ ней. Ему слышались слезы раскаянія, горя, и въ его сердцѣ нашлось прощенье для любимой женщины. Савельевъ поднялъ Настасью, поцѣловалъ ее и сказалъ ей ласковое слово. «Все забыто», говорилъ онъ ей, и съ той минуты никогда не позволилъ себѣ напомнить о прошедшемъ. А на мірскомъ сходѣ объявилъ, что трехъ ребятишекъ, прозванныхъ Подосиновиками, онъ считаетъ своими дѣтьми. И зажилъ Савельевъ въ своей семьѣ также счастливо и спокойно, какъ мечталъ объ этомъ вдалекѣ отъ родины, на службѣ.

Фактъ, давшій содержаніе повѣсти «Подосиновики», настолько знакомъ народу, что представляетъ для него немалый интересъ. Послѣдствія такихъ фактовъ, ложась всею своею тяжестью на провинившуюся жену и невинныхъ дѣтей, конечно, отражаются и на мужѣ. Въ семьѣ является разладъ, который ведетъ ея членовъ къ упадку, какъ къ нравственному, такъ и матеріальному. Однако семья Савельева къ этому не пришла, и не пришла именно благодаря его любящему сердцу, которое умѣло прощать. Рельефное изображеніе вліянія всепрощающей любви, какъ фактора, возстановляющаго разрушенное семейное счастіе, дѣлаетъ эту повѣсть особенно цѣнной въ нравственно-воспитательномъ значеніи.

Вполнѣ понять и усвоить ея основную мысль могутъ только взрослые, которыми эта повѣсть читается съ большимъ интересомъ, и мы рекомендуемъ ее въ народную библіотеку.

140) **Мірскія дѣтки.—Всѣмъ шильямъ шило.** Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1874 г. Ц. 20 к. 72 стр. А. Погоскаго.—Изд. Фену. Спб. 1881 г.: 1) Мірскія дѣтки. Ц. 10 к. 2) Всѣмъ шильямъ шило. Ц. 10 к.

Въ эпиграфѣ 1-го разсказа стоитъ текстъ: «*Какою мѣрою мѣряете, такою и вамъ отмѣряется*»; и дѣйствительно, весь разсказъ является полнымъ выраженіемъ этой мысли.

Авторъ описываетъ хорошее и доброе отношеніе владѣльцевъ деревни Теплухи къ своимъ крестьянамъ. Благодаря этому отношенію, Теплушцы изъ бѣдныхъ, забитыхъ крестьянъ стали зажиточными, бодро смотрящими на жизнь людьми; они впервые почувствовали, что и для нихъ жизнь на землѣ не есть только безпрерывный рядъ несчастій, страданій, борьбы изъ-за куска хлѣба. И господа, и крестьяне жили очень счастливо, какъ вдругъ нежданно, негаданно стряслась бѣда надъ ними: умеръ баринъ, а за нимъ отъ тоски да горя скончалась и барыня. Передъ смертью призвала она къ себѣ Теплушцевъ и просила ихъ взять на свое попеченіе ея двухъ дѣтокъ. «На васъ, на однихъ васъ оставляю я ихъ. Прощайте, друзья мои!» говорила умирающая. Зарыдали мужики и бабы, упали на колѣни и тутъ же, передъ постелью умирающей, обѣщали исполнить ея волю. И, дѣйствительно, они свято исполняли взятую на себя обязанность.

Этотъ грубый, необразованный народъ показалъ, какъ онъ умѣетъ быть благодарнымъ, сколько любви и нѣжности заключается въ его сердцѣ. Что сдѣлалось съ *мірскими дѣтками*, которымъ міръ былъ и отцомъ, и матерью, и слугой,—неизвѣстно; «*но*», говоритъ авторъ:—«*мы знаемъ навѣрное и твердо вѣримъ, что тотъ, кто носитъ на себѣ любовь и благословеніе бѣдныхъ, трудящихся людей, тотъ нигдѣ и никогда не погибнетъ*».

Вопросы:

Почему Теплушскіе крестьяне съ любовью и заботой относились къ дѣткамъ?

Чѣмъ были вознаграждены владѣльцы Теплухи за свое хорошее отношеніе къ крестьянамъ?

Разсказъ «*Мірскія дѣтки*» имѣетъ большое воспитательное значеніе; евангельская мысль: «*какою мѣрою мѣряете, такою и вамъ отмѣряется*» проведена въ немъ безъ всякой натяжки; онъ вполнѣ естественъ, какъ бы выхваченъ изъ жизни. Отношеніе владѣльцевъ къ крестьянамъ и соотвѣтственное отношеніе крестьянъ къ дѣтямъ владѣльцевъ описаны чрезвычайно тепло и живо. Картина смерти женщины, у постели которой собрались любящіе и благодарные ей крестьяне, а также описаніе пріѣзда Теплушскихъ помѣщиковъ—невольно вызываютъ слезы.

Разсказъ съ большимъ удовольствіемъ читается дѣтьми, подростками и взрослыми.

Любовь и вниманіе солдата къ несчастнымъ мальчикамъ, воспитаніе одного изъ нихъ и затѣмъ благодарность послѣдняго составляютъ содержаніе втораго разсказа «*Всѣмъ шильямъ шило*».

Въ Подоліи, въ небольшой деревушкѣ Зиньково, жила вдова, имѣвшая троихъ дѣтей —мальчиковъ. Вдова была женщина проворная и работящая, да то бѣда, что все, что ни заработаетъ она, тутъ же и пропьетъ; а несчастныя дѣти, голодныя, оборванныя, валяются за деревней около норы, ихъ единственнаго пристанища. Страшная бѣдность, безобразное отношеніе къ нимъ пьяной матери, полная отчужденность отъ остальнаго населенія деревни—вотъ тѣ условія, при которыхъ слагалась жизнь ребятишекъ. Сосѣдніе крестьяне махнули рукой на нихъ, порѣшивъ, что Богъ въ лицѣ дѣтей караетъ ихъ грѣшныхъ родителей: «треба имъ гынуты—ничого не поможе!» говорили они. Но не говорилъ и не думалъ такъ старый солдатъ, который вмѣстѣ съ полкомъ остановился въ деревнѣ Зиньково. Онъ съ сожалѣніемъ отнесся къ несчастнымъ дѣтямъ, сталъ ихъ ласкать, старался, насколько могъ, улучшить ихъ жизнь. Ласковое и кроткое обращеніе старика сначала поразило, а затѣмъ привлекло къ себѣ дѣтей вдовы. Они сильно полюбили солдата, и подъ вліяніемъ этой любви въ нихъ замѣтна стала большая перемѣна: изъ дикихъ звѣренковъ они превратились въ любящихъ дѣтей. Старшаго изъ нихъ, Филиппа, солдатъ взялъ къ себѣ, заботился о немъ, училъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, которые онъ оставался въ Зиньковѣ.

Любовь и вниманіе, съ какими воспитатель относился къ своему воспитаннику, дали надлежащіе результаты: Филиппъ сталъ честнымъ, трудолюбивымъ человѣкомъ и всегда съ глубокимъ уваженіемъ и нѣжностью вспоминалъ своего воспитателя.

Разсказъ «*Всѣмъ шильямъ шило*» можно давать для чтенія взрослымъ. Нѣкоторые отрывки изъ него (описаніе дѣтей, отношеніе къ нимъ матери и приходъ солдата въ ихъ жилище) написаны художественно. Сцена ссоры и перебранки пьяной вдовы съ жидовкой (46—48 стр.) и образъ самой вдовы нѣсколько циничны, и потому мы находимъ нежелательнымъ чтеніе этого разсказа для дѣтей. Такъ какъ описываемое въ разсказѣ происшествіе происходило въ Галиціи, то бо́льшая часть разговоровъ ведется на малорусскомъ языкѣ. *Л. Е.*

---

141) **Отставное счастие.—Изъ старыхъ записокъ.—Два кольца.** Изд. 2-е «Досугъ и Дѣло». Спб. 1874 г. Ц. 20 к. 80 стр. А. Погоскаго.—Изд. 3-е, 1885 г.

«*Отставное счастіе*». Солдатъ Иванъ Кузьмичъ, герой разсказа, прослуживши 25 лѣтъ, получаетъ чистую отставку. Онъ представляетъ собой типъ человѣка, который во всемъ наблюдаетъ середину; авторъ, говоря о немъ, очень часто употребляетъ эпитетъ «*средственный*». Въ полку всѣ его любили, всѣ готовы были помочь ему, такъ какъ знали, что и Иванъ Кузьмичъ, въ свою очередь, всегда радъ оказать имъ услугу. Чтобы яснѣе охарактеризовать своего героя, авторъ описываетъ его прощанье съ товарищами, друзьями, кухаркой Матреной, которая сильно была къ нему привязана. Здѣсь же выясняется смыслъ и значеніе слова *прощай*: «прощай—значитъ: прости меня, не поминай лихомъ... Прости теперь, потому что одинъ Богъ знаетъ, будетъ ли впереди время простить».

Далѣе разсказывается, какъ Иванъ Кузь-

мичъ, проходя мимо рѣки, увидалъ рыбаковъ, предложившихъ ему купить за извѣстную цѣну ихъ будущій уловъ. Иванъ Кузьмичъ, хоть и немного было у него денегъ, рискнулъ и согласился на ихъ предложеніе. Вскорѣ затѣмъ является хозяинъ рыбаковъ и проситъ Ивана Кузьмича отказаться отъ своей покупки, за что предлагаетъ ему отступнаго. Иванъ Кузьмичъ не соглашается, такъ какъ съ этого времени ему начинаетъ казаться, что уловъ будетъ громадный; въ этомъ его увѣряетъ одинъ изъ смотрящихъ на ловлю. Откупщикъ начинаетъ горячиться и, постепенно возвышая сумму отступнаго, доходитъ до довольно значительной цифры, на которую, наконецъ, соглашается Иванъ Кузьмичъ. Рыбаки между тѣмъ продолжаютъ тащить сѣть, вытаскиваютъ ее и находятъ тамъ дохлую лошадь. Увидѣвъ это, Иванъ Кузьмичъ спряталъ деньги и поспѣшилъ удалиться.

«Первый разъ въ жизни, говоритъ авторъ:— Иванъ Кузьмичъ поступилъ несредственно».

«*Изъ старыхъ записокъ*». Три разсказа стараго солдата:

1) «*Ученый пѣтухъ*». Все богатство солдата Филиппова состояло изъ двухъ животныхъ—кошки да пѣтуха; онъ сильно привязался къ нимъ, отдавалъ имъ все свое свободное время, вычилъ ихъ танцовать и этими танцами потѣшалъ весь полкъ. Какъ-то авторъ разсказа, бывши еще очень молодымъ, попалъ въ арестантскую, гдѣ находился и Филипповъ. Циничныя игры и разсказы арестантовъ, видъ самой арестантской, недостатокъ пищи—все это болѣзненно повліяло на него. Филипповъ, желая сколько нибудь облегчить его страданія, рѣшился разстаться со своимъ любимымъ пѣтухомъ: зажарилъ его и угостилъ имъ ничего не ѣвшаго солдатика.

---

2) «*Алексѣй Петровичъ Петровъ, побратимъ мой кровный*». Здѣсь авторъ разсказываетъ, какъ онъ однажды пропустилъ срокъ, въ который ему надо было идти на ученье, и какъ вѣстовой П—въ принялъ на себя его вину, сказавъ, что онъ не передалъ ему приказъ явиться въ назначенное время, за что П—ва подвергнули тяжелому тѣлесному наказанію. П—въ очень любилъ своего начальника (автора разсказа) за его человѣчное отношеніе къ своимъ подчиненнымъ: эта любовь и заставила его сказать, что виноватъ онъ одинъ.

Вопросъ: Почему П—въ принялъ на себя вину другаго?

---

3) «*Два грамотѣя*». Разсказъ начинается притчей о томъ, какъ два брата нашли въ лѣсу котелъ съ золотомъ и серебромъ; одинъ изъ нихъ съумѣлъ сберечь найденное богатство, другой растратилъ его; братья—это всѣ люди, а найденное богатство—грамота.

Вслѣдъ за притчей слѣдуетъ разсказъ о двухъ грамотѣяхъ, изъ которыхъ одинъ, выучившись читать и писать, становится писаремъ, кутитъ и, наконецъ, доходитъ до того, что поддѣлываетъ паспортъ ссыльному въ Сибирь, за что и самъ ссылается туда же. Другой не довольствуется знаніемъ чтенія и письма; онъ продолжаетъ идти дальше, учится, читаетъ и затѣмъ дѣлается народнымъ учителемъ, котораго любятъ и дѣти, и вся деревня.

Вопросъ: Какое употребленіе изъ грамоты сдѣлалъ каждый изъ грамотѣевъ? (Основная мысль разсказа—та, что недостаточно знаніе грамоты; надо еще умѣть воспользоваться этимъ знаніемъ такъ, чтобы принести пользу другимъ.)

«*Два кольца*». Описывается параллельно жизнь двухъ солдатъ—Ивана Гордаго и Ивана Тихаго. Изъ одного села и однихъ лѣтъ были оба Ивана, но не одинаковы у нихъ были принципы жизни. Тихій считалъ преступленіемъ всякое отклоненіе отъ христіанскихъ правилъ любви къ ближнему; Гордый ставилъ цѣлью жизни личныя удовольствія, для чего считалъ позволительными всѣ средства, даже воровство и грабежъ. Послѣ войны оба Ивана возвратились въ родное село и, проживши нѣкоторое время, задумали жениться.

Тихій выбралъ себѣ бѣдную да тихую сироту, а Гордый — дочь богача-цѣловальника, осанистую да гордую. Согласно съ обычаемъ, стали они дарить своихъ невѣстъ и подарили каждый по кольцу. Гордый,—не одного врага ограбившій на войнѣ,—подарилъ своей невѣстѣ кольцо, усыпанное драгоцѣнными камнями. Тихій, жившій честно, ничего не имѣлъ, кромѣ горячаго сердца да недорогаго колечка,—ихъ-то и принесъ онъ въ даръ своей невѣстѣ. Священникъ, совершая обрядъ обрученія, былъ пораженъ цѣнностью кольца Ивана Гордаго и послѣ обряда, призвавъ обоихъ Ивановъ, сталъ ихъ разспрашивать, какъ добыты ими эти кольца. Гордый признался, что сорвалъ кольцо съ пальца раненой женщины, не обративъ вниманія на ея проклятія. Тихій же получилъ свое колечко отъ матери мальчика, которому онъ спасъ

жизнь. Выслушалъ священникъ оба разсказа, и сказалъ Ивану Гордому, что не принесетъ ему счастія это кольцо, всѣ бриллiанты котораго ничто въ сравненіи съ цѣною слезъ, пролитыхъ обиженной имъ женщиной; а Ивана Тихаго онъ похвалилъ за его христіанскій поступокъ, предсказалъ ему счастіе и прочелъ надпись на его простомъ колечкѣ: «Богъ тебя храни».

Жизнь оправдала слова священника: несчастіе преслѣдовало Ивана Гордаго; онъ кончилъ тѣмъ, что нечаянно убилъ свою жену, за что и пошелъ въ острогъ.

Иванъ Тихій, хотя и не былъ богатъ, наслаждался счастіемъ; подъ конецъ его жизни мальчикъ, котораго онъ спасъ и который ужъ сталъ богатымъ купцомъ, случайно заѣхалъ въ избу Ивана, благодаря кольцу узналъ его и отдалъ ему половину своего состоянія.

Вмѣсто вопросовъ — предложить ученику провести параллель между характерами двухъ Ивановъ.

Всѣ три разсказа: *«Отставное счастіе»*, *«Изъ старыхъ записокъ»* и *«Два кольца»* съ удовольствіемъ читаются какъ учениками средняго возраста, такъ и взрослыми. Давать ихъ слѣдуетъ ужъ хорошо читающимъ. Языкъ, которымъ написаны эти разсказы (какъ и всѣ сочиненія А. Погоскаго), народно-великорусскій, что̀ облегчаетъ усвоеніе ихъ содержанія для великороссовъ и, въ то же время, затрудняетъ отчасти уроженцевъ южныхъ губерній. Содержаніе разсказовъ интересно; изложены они живо, тепло, поэтично, въ особенности *«Ученый пѣтухъ»*, *«А. П. Петровъ»* и *«Два кольца»*. *Л. Е.*

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

(На каникулахъ).

Всѣ пять разсказовъ прослушаны были съ большимъ интересомъ учениками и ученицами средняго и старшаго возраста. *«Отставное счастіе»* заняло, впрочемъ, преимущественно мальчиковъ,—особенно то мѣсто, когда Иванъ Кузьмичъ вздумалъ попытать счастіе и рискнулъ рублемъ, не зная напередъ, что̀ Богъ пошлетъ въ закинутыя сѣти.

— Дуракъ! замѣтилъ одинъ изъ благоразумныхъ:—надуютъ они его,—пропалъ рубль.

— А, можетъ, разживется, почему ты знаешь? возразилъ другой, противоположныхъ наклонностей.

Поднялся споръ, въ которомъ очень ярко обрисовывался характеръ каждаго. Дѣвочки не принимали участія въ спорѣ, не интересуясь, повидимому, вопросомъ, потому что шептались о чемъ-то постороннемъ и показывали въ окно.

— Будетъ вамъ! сказалъ, наконецъ, одинъ изъ старшихъ мальчиковъ:—лучше дослушайте, тогда видиѣе дѣло.

Я продолжала читать; но предложеніе купца уплатить Ивану Кузьмичу 3 руб. за уступку неизвѣстной добычи опять вызвало споръ. Благоразумные утверждали:—«дуракъ, что не взялъ!» Задорные отстаивали значеніе риска, хотя и не произносили этого слова. Когда наступилъ моментъ приближенія сѣтей, наполненныхъ какимъ-то тяжелымъ, неизвѣстнымъ грузомъ, — я не думаю, чтобы на берегу, описанномъ Погоскимъ, было больше ожиданія и трепета сердечнаго въ публикѣ, чѣмъ въ настоящей аудиторіи въ хатѣ. Дѣвочки, впрочемъ, оставались равнодушны; иныя изъ нихъ даже зѣвали. И вотъ, когда оказалось, что вытащенъ вмѣсто ожидаемаго осетра битюгъ вороной, а Иванъ Кузьмичъ, получивъ денежки, благоразумно скрылся, въ хатѣ раздался общій радостный и добродушный смѣхъ.

Слѣдовалъ отдыхъ, и я слышала, какъ на дворѣ еще все продолжался тотъ же споръ съ разнаго рода варіантами и предположеніями.

«Ученый пѣтухъ» понравился и дѣвочкамъ, и мальчикамъ. По окончаніи чтенія разсказа, одинъ изъ старшихъ мальчиковъ замѣтилъ:

— За деньги не продалъ, а для друга не пожалѣлъ послѣдняго имущества!

«Алексѣй Петровичъ Петровъ» слушали съ большимъ интересомъ мальчики, и по окончаніи чтенія одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Добраго нрава былъ Алексѣй Петровичъ: лучше любилъ на себя вину взять, чѣмъ чтобъ другой претерпѣлъ муку!

«Два грамотья» всѣ слушали съ большимъ интересомъ и по окончаніи долго судили и рядили, почему одинъ изъ нихъ былъ счастливъ, а другой—нѣтъ.

— Постойте, я скажу, объявилъ Б — ко,

желая, повидимому, резюмировать всѣ мнѣнія:—Дергачъ трудился...

— И Зыбинъ трудился! перебилъ его Ѳедя Г — въ.

— Такъ тотъ трудился только для своего удовольствія,—чтобъ водку пить, да въ карты играть, возразилъ Б — ко:—а Дергачъ и для себя, и для людей трудился; черезъ то ему Господь счастіе послалъ, а Зыбину—кандалы за фальшивые паспорты.

Всѣ, повидимому, остались довольны объясненіемъ Б — ко.

«Два кольца», очевидно, больше понравились дѣвочкамъ, хотя и мальчики слушали съ интересомъ. Въ концѣ разсказа всѣ дѣвочки плакали.

По окончаніи чтенія слушатели прекрасно сдѣлали характеристику Ивана Тихаго и Ивана Гордаго.

— Тихій былъ, честный, добродушный и богобоязливый человѣкъ, говорилъ одинъ изъ мальчиковъ: — и въ домѣ у него было тихо, смирно и хорошо; а Гордый Иванъ былъ злой и нечестивый, завидовалъ на чужое, и въ домѣ у него всегда былъ крикъ и брань.

Дѣвочки въ своемъ пересказѣ упирали на то, что все сбылось такъ, какъ предсказалъ батюшка по колечкамъ. Имъ это почему-то особенно нравилось.

— Что это значитъ, обратилась я шутя къ мальчикамъ: — когда мы читаемъ что нибудь жалкое, дѣвочки плачутъ, а вы нѣтъ?

Мальчики потупились и улыбались.

— Прошлый разъ, сказалъ добродушно Коля А—въ:—какъ вы читали *«Музыканта»*, мнѣ такъ жалко было, какъ его хоронили, чуть не заплакалъ, да посмотрѣлъ на другихъ,—не плачутъ; я тоже не сталъ плакать.

142) **Суходольщина.** Повѣсть А. Погоскаго. СПб. 1873 г. Изд. 2-е. Ц. 20 к. 84 стр.—Изд. 3-е, 1881 г.

Содержаніе повѣсти *«Суходольщина»* относится къ послѣднимъ временамъ крѣпостнаго права. Въ этой повѣсти авторъ послѣдовательно проводитъ передъ читателемъ жизнь одного изъ крестьянъ деревни Суходолы и показываетъ, какую громадную пользу можетъ оказать крестьянамъ грамотный и развитой человѣкъ, живущій въ средѣ ихъ.

Герой повѣсти, Алексѣй, въ дѣтствѣ еще былъ отданъ въ услуженіе къ барину, жившему въ Петербургѣ. Тамъ онъ выучивается грамотѣ, а также, желая изучить какое нибудь ремесло, которое дало бы ему хорошій заработокъ, обучается кузнечеству; узнавъ, что въ Петербургѣ есть воскресныя школы, гдѣ учатъ безплатно, отправляется туда. Онъ приходитъ въ школу во время урока священника, который говоритъ своимъ слушателямъ о любви, какъ о величайшей силѣ, вносящей въ свѣтъ все доброе, хорошее. Прочувствованныя слова священника произвели глубокое впечатлѣніе на Алексѣя, и когда старый лакей сталъ съ ироніей разспрашивать его о школѣ, онъ отвѣчалъ:—тамъ учатъ добру.

Между тѣмъ на родинѣ Алексѣя произошли перемѣны: стали поговаривать тамъ о волѣ, и толки о желанной свободѣ породили сильныя волненія между крестьянами. Они пріободрились, усерднѣе принялись за работу, давали слово не пить; но, не имѣя ни въ комъ поддержки, смущаемые словами пьяныхъ писарей, тѣснимые кулаками-кабатчиками, они измѣняли своему слову, бросались изъ стороны въ сторону и не знали, на чемъ остановиться. Въ семьѣ Алексѣя также многое измѣнилось: Сидоръ, его отецъ, умеръ, а Андрей, дядя Алексѣя, пошелъ въ солдаты; семья окончательно обѣднѣла и опустилась. Узнавъ обо всемъ этомъ и желая поработать для семьи и родины, Алексѣй—грамотный, развитой, имѣющій въ рукахъ ремесло—возвращается на родину. Онъ пріѣзжаетъ во время чтенія манифеста, которое производитъ глубокое впечатлѣніе на весь народъ. Вскорѣ Алексѣй, усердно работая, поправляетъ разстроенное хозяйство матери и въ то же время пріобрѣтаетъ популярность между крестьянами, встрѣтившими его сначала весьма недружелюбно. Онъ растолковываетъ имъ сущность манифеста, открыто возстаетъ противъ эксплуатаціи кабатчика. Всѣ крестьяне относятся съ уваженіемъ къ этому молодому парню; они чувствуютъ, что теперь имъ есть на кого опереться, что прошло уже то время, когда пьяный писарь дѣлалъ съ ними все, что хотѣлъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда Алексѣя изъ Петербурга, возвратился со службы и солдатъ Андрей; онъ устраиваетъ въ деревнѣ Суходолахъ школу, въ которой самъ учитъ ребятишекъ. Крестьяне съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относятся къ предпріятію служиваго и съ радостью посылаютъ дѣтей въ школу, видя на дѣлѣ, что̀ значитъ грамотный человѣкъ.

Повѣсть «Суходольщина» по своему содержанію представляетъ большой интересъ для крестьянскаго населенія. Въ ней затронуто то, что и теперь еще не утратило своего значенія въ жизни крестьянина. Останавливаясь на этихъ темныхъ сторонахъ крестьянской жизни, авторъ въ то же время показываетъ и исходъ изъ этого непригляднаго положенія. Грамота, образованіе, сознаніе своей силы —

вотъ то оружіе, съ которымъ, по мнѣнію автора, крестьяне могутъ смѣло выйти на борьбу.

Въ повѣсти «Суходольщина» есть много сценъ, написанныхъ талантливо, благодаря чему она читается чрезвычайно легко и оставляетъ по себѣ сильное впечатлѣніе. Повѣсть эта можетъ быть усвоена дѣтьми старшаго и средняго возраста, но съ большей пользой и интересомъ прочтется взрослыми простолюдинами, принадлежащими къ крестьянскому населенію; пригодна для народной и школьной библіотеки.

Вопросы:

Какъ отнеслись суходольцы къ Алексѣю, когда онъ возвратился изъ Петербурга?

Чѣмъ заслужилъ онъ впослѣдствіи уваженіе всей деревни?

Что услышалъ Алексѣй въ воскресной школѣ? *Л. Е.*

---

143) **Неспособный человѣкъ**. А. Погоскаго. СПб. 1879 г. Ц. 25 к., 100 стр. Съ рисунк.— Изд. 5-е, 1885 г.

Содержаніе повѣсти «*Неспособный человѣкъ*» весьма несложно. Въ ней описывается, какъ одинъ солдатъ, Флегонтъ Безпалый, считаемый всѣми чуть ли не за идіота, посвящаетъ всю свою жизнь воспитанію ребенка, рано оставшагося сиротой и отданнаго на его попеченіе. Основная мысль, проведенная авторомъ въ этой повѣсти, заключается въ томъ, что, какъ говоритъ авторъ, неспособныхъ лишнихъ людей нѣтъ на свѣтѣ и, какъ бы ни казался человѣкъ тупъ, глупъ и неспособенъ, но на своемъ мѣстѣ и у своего дѣла окажется непремѣнно очень нужнымъ и полезнымъ. Большинство же нашихъ неспособныхъ людей есть не болѣе, какъ плодъ насмѣшекъ окружающихъ ихъ. Какой нибудь случайно сдѣланный глупый поступокъ еще въ раннемъ дѣтствѣ возбуждаетъ насмѣшки; кто нибудь при этомъ кинетъ мальчику «дурачка», другіе подхватятъ, и пойдетъ человѣкъ дурачкомъ слыть. Что бы ни сдѣлалъ такой бѣдняга, все считается глупымъ; всѣ и всегда твердятъ ему, что онъ дуракъ, никуда негоденъ; и самъ себѣ перестаетъ вѣрить человѣкъ, самъ привыкаетъ смотрѣть на себя, какъ на лишняго, никуда негоднаго. Такимъ образомъ какъ бы прививается человѣку глупость, парализуются и глохнутъ его умственныя способности. Однако и у такихъ загнанныхъ съ дѣтства людей нерѣдко встрѣчаются неподкупная честность и глубокая, вполнѣ безкорыстная привязанность къ тѣмъ немногимъ, которые не высказываютъ имъ презрѣнія, не смотрятъ на нихъ, какъ на животныхъ. Одного-то изъ такихъ людей рисуетъ Погоскій въ героѣ своей повѣсти, Флегонтѣ Безпаломъ. Этотъ неуклюжій, забитый человѣкъ съ дѣтства еще слылъ дурачкомъ. Поступивъ въ солдаты, онъ проявилъ крайнюю неспособность къ военной службѣ, за что былъ осыпаемъ постоянными насмѣшками товарищей и прозванъ ими *«неспособнымъ человѣкомъ»*.

Онъ самъ привыкъ къ этому названію и всегда думалъ о себѣ, какъ о совершенно безполезномъ, никому ненужномъ человѣкѣ; но явились люди, которые отнеслись къ нему съ уваженіемъ, съ лаской, и Флегонтъ какъ бы переродился. У него проявилась и находчивость, и умѣнье внушить ребенку тѣ основные тезисы нравственности, которымъ онъ самъ слѣдовалъ.

Оказалась у этого дурачка и хитрость, которую онъ употреблялъ на то, чтобы получать отъ капитана прощеніе для своихъ провинившихся товарищей, и способность жертвовать собой для любимыхъ людей.

Рисуя передъ читателемъ образъ забитаго и безобразнаго дурака Флегонта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показывая, что и подъ такой отталкивающей внѣшностью можетъ скрываться любящее сердце, отзывчивое на все доброе, хорошее, Погоскій заставляетъ читателя съ любовью и жалостью отнестись къ своему герою, и въ этомъ-то заключается нравственное значеніе этой прекрасной повѣсти, которую съ удовольствіемъ читаютъ какъ дѣти, такъ и взрослые.

Сцены, въ которыхъ описывается отношеніе Флегонта къ своей воспитанницѣ, написаны очень живо и тепло и составляютъ лучшія мѣста въ повѣсти, на которыхъ слѣдуетъ остановить вниманіе читателя.

Вопросы:

Былъ ли *«неспособный человѣкъ»* въ дѣйствительности неспособнымъ, безполезнымъ человѣкомъ?

За что же ему дали такое названіе?

Что сдѣлалъ хорошаго онъ въ своей жизни?

Повѣсть эту мы рекомендуемъ въ народную и школьную библіотеку. *Л. Е.*

144) **Посѣстра-Танька**. А. Погоскаго. СПб. 1878 г. Ц. 25 к. 118 стр. Съ 6-ю карт.

Въ повѣсти «*Посѣстра-Танька*» описывается постепенное паденіе молодой дѣвушки, которая не смогла устоять въ борьбѣ со всей неправдой и злобой окружающей ее среды.

Героиня разсказа Танька была дочь вдовы, жившей на краю деревни въ полуразвалившейся избенкѣ. И мать, и дочь переносили страшную бѣдность. Однако Танька не роптала на судьбу, не завидовала богатымъ. Молодая, здоровая, сильная, она привыкла къ физическому труду и была счастлива тѣмъ, что имѣла близкихъ людей, которые любили ее. Въ томъ же селѣ жилъ красивый, богатый парень Алеха. Онъ встрѣчался на работахъ съ Танькой, и они полюбили другъ друга. Отецъ Алехи, суровый деспотичный старикъ, узнавъ о любви сына къ Танькѣ, постарался поскорѣе женить его на богатой дѣвушкѣ, давно ужъ предназначенной ему въ невѣсты. Тяжело было Танькѣ разстаться съ любимымъ человѣкомъ, но, сознавая сама, что она не пара богатому Алехѣ, смиренно покорилась дѣвушка своей участи.

Выплакавшись хорошенько, она еще усерднѣе принялась за работу, какъ бы желая потопить въ трудѣ свое горе. Между тѣмъ родные Алехи, замѣчая его тоску, грусть, стали упрекать Таньку, что она хочетъ *извести парня*, и когда Танька во время вѣнчанья подошла къ церкви, на паперть вышелъ тысяцкій, дядька Алехи, и, раздавая деньги нищимъ, кинулъ Танькѣ горсть мѣдныхъ денегъ, крикнувъ при этомъ: «прочь, разлучница!»

Незаслуженные упреки, насмѣшки, оскорбленіе, брошенное ей въ глазахъ всего народа, сильно повліяли на Таньку. «И повернулись думы въ головенкѣ ея горячей: все, чего съизмала наслушалась дѣвка отъ пустыхъ людей, что только видѣла она на міру озорнаго и безстыжаго, что мимо дѣтскихъ ушей давно, мимо глазъ безъ слѣда мелькнуло,—все отродилось въ ея памяти... Въ одну ночь мягкое, прекрасное дѣвичье сердце словно выковалось и закалилось противъ всякой напасти. «Не поддамся!» думала она, и сама слышала, какъ стыла у нея въ груди печаль, и будто вѣтеръ вывѣвалъ изъ нея и робкій стыдъ, и кручину. Заползла, знать, подъ сердце змѣя холодная, выживала оттуда и стирала все, что Богъ далъ душѣ животрепетнаго. И мертвѣла всякая боль въ сердцѣ: одну себя помнила дѣвка, и ужъ никого на всемъ бѣломъ свѣтѣ не полюбитъ больше; нѣтъ любви у нея ни про кого!»

Во время такого нравственнаго перелома, когда поддержка дружеской руки была болѣе всего необходима дѣвушкѣ, мать ея умерла, а солдатъ Калининъ постоянно былъ въ отлучкѣ. Танька жила одна со своей горбатой теткой, злой и безнравственной женщиной, постоянно толковавшей ей о привольной и беззаботной жизни, которою могла бы пользоваться и Танька, еслибы захотѣла. Испытывая страшную бѣдность, не находя ни въ комъ нравственной опоры, осыпаемая со всѣхъ сторонъ насмѣшками и оскорбленіями, озлобленная дѣвушка поддалась вліянію старой тетки и предалась разгульной жизни. Однако пошлая и безобразная среда, въ которую она бросилась, возмущала ея душу. Нѣсколько разъ пыталась она выбиться на прежнюю дорогу, боролась сама съ собой, боролась съ окружающими и, не чувствуя въ себѣ силы устоять въ этой мучительной борьбѣ, въ изнеможеніи опускалась. Проводя послѣдовательно предъ глазами читателя жизнь посёстры-Таньки, авторъ, не оправдывая этой женщины, въ то же время говоритъ, что бросать въ нее камнемъ никто не имѣетъ права, что въ своемъ «паденіи» виновата не она одна, — виноватъ въ этомъ также эгоизмъ людей, окружавшихъ ее и не протянувшихъ ей руки помощи; виноваты тѣ условія, въ которыя она была поставлена.

«Никому нельзя было слишкомъ строго осудить свихнувшуюся сироту. Не эти ли сами богатѣи осуждающіе проходили мимо убожества, мимо висѣвшей, какъ капля на листкѣ, лачуги нищей вдовы, только дивясь, какъ это она держится, да въ обрывъ не падаетъ? Не они ли, сытые и безбѣдные, глядѣли и какъ будто не понимали, что тутъ живутъ люди голодные и холодные, что, кромѣ Бога да слабыхъ рукъ голыхъ, никого и ничего у нихъ нѣтъ? Да не они ли же, наконецъ, позорно оттолкнули ничего не просящую дѣвушку за то только, что она пригожа, какъ цвѣтокъ полевой? Грѣхъ посёстрѣ-Танькѣ, большой грѣхъ!—слова нѣтъ; ну, да и никому же этотъ грѣхъ не во спасенье!»

Ставя такимъ образомъ не одну Таньку, но и всѣхъ окружавшихъ ее отвѣтственными въ ея преступленіи, авторъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ свою повѣсть весьма цѣнной въ отношеніи того нравственнаго вліянія, какое она можетъ оказать въ средѣ взрослыхъ простолюдиновъ. Читается эта повѣсть взрослыми, для которыхъ собственно и предназначается, съ большимъ интересомъ. Нѣкоторыя сцены,— какъ, напримѣръ, разговоръ Таньки съ отцомъ Алексѣя, — написаны очень живо и сильно и оставляютъ по себѣ глубокое впечатлѣніе.

145) **Дѣдушка Назарычъ.** Повѣсть А. Погосскаго. 1880 г. Ц. 20 к. 56 стр. (6 недурныхъ рисунковъ).—Изд. 5-е, 1886 г.

Въ повѣсти *«Дѣдушка Назарычъ»* выведенъ

чрезвычайно симпатичный образъ стараго солдата. Прослуживъ 40 лѣтъ, онъ, наконецъ, возвращается на родину и поселяется въ лѣсу вмѣстѣ со своимъ маленькимъ внукомъ, сироткой Васей. И счастливо идетъ подъ сѣнью чуднаго лѣса жизнь этихъ двухъ людей—старика и малютки. Ихъ навѣщаютъ только старый служака Архипычъ, да пономарь, который, въ знакъ своей любви къ Назарычу, рисуетъ его портретъ. По поводу этого портрета пономарь говоритъ о значеніи искусства, въ которомъ, по его мнѣнію, должно соединяться пріятное съ полезнымъ.

Матеріальное положеніе Назарыча вполнѣ обезпечено: хозяинъ лѣса подарилъ ему въ потомственное владѣніе ту избу, въ которой онъ жилъ, а самъ Назарычъ, благодаря своей службѣ да приготовленію нюхательнаго табаку, собралъ 300 р., которые и сохранялъ въ наслѣдство своему любимцу Васѣ. Но недолго пришлось лежать этимъ деньгамъ. Встрѣтился Назарычъ съ несчастной женщиной, мужъ которой былъ арестованъ за пропажу казенныхъ денегъ—тоже 300 р. Назарычъ, съ сочувствіемъ относившійся всегда къ несчастіямъ ближняго, глубоко былъ тронутъ участью бѣдной женщины и ея маленькихъ дѣтей. Но сочувствія одного было мало, нужна помощь, и вотъ Назарычъ, недолго думая, черезъ Васю передалъ женщинѣ всѣ свои деньги, каждая копѣйка которыхъ была нажита трудомъ. Зато какъ счастливъ былъ старикъ, когда увидалъ, что поступокъ его сдѣлалъ счастливой семью, которой онъ помогъ.

Никогда въ жизни не было ему такъ хорошо, и когда Архипычъ обратился къ нему со словами: «Ну, братъ, почтенный, Илья Назарычъ, хороша у тебя почесть, что ровно ничего нѣтъ»... Назарычъ махнулъ рукой и, перебивъ его рѣчь, произнесъ: «Теперь-то у меня все есть, братъ Архипычъ!»

Какой теплотой вѣетъ отъ всей этой повѣсти, принадлежащей къ лучшимъ сочиненіямъ Погоскаго! Сколько простоты и естественности въ изображеніи старика Назарыча! Вся повѣсть написана чрезвычайно просто, безъ малѣйшей натяжки. Читая ее, какъ бы живешь вмѣстѣ съ героемъ, чувствуешь, понимаешь то счастіе, которое доставляетъ человѣку сдѣланное имъ доброе дѣло, и въ этомъ-то заключается высоконравственное значеніе этой повѣсти. Она доступна пониманію дѣтей, но и взрослыми читается съ большимъ удовольствіемъ, и мы особенно рекомендуемъ ее въ народную и школьную библіотеку.

Вопросы:

Чѣмъ былъ счастливъ Назарычъ?

Почему дѣдушка Назарычъ, когда отдалъ всѣ свои деньги, сказалъ Архипычу: «Теперь-то у меня, братъ Архипычъ, все есть»?

Л. Е.

---

146) **Господинъ Колодникъ.** Повѣсть А. Погоскаго. СПб. 1874 г. Ц. 20 к., 83 стр.— Изд. 4-е, 1881 г.

Связь солдата съ народомъ есть излюбленная тема Погоскаго. Солдатъ, по мнѣнію писателя, не можетъ считать себя вполнѣ оторваннымъ и чуждымъ той крестьянской средѣ, изъ которой онъ вышелъ. Напротивъ, ему безпрестанно приходится сталкиваться съ этой самой средой, становиться къ ней въ извѣстныя отношенія, и вполнѣ отъ его воли зависитъ быть ей нужнымъ и полезнымъ. Такая мысль, проведенная во многихъ сочиненіяхъ Погоскаго, положена и въ основаніе его повѣсти «*Господинъ Колодникъ*».

Въ повѣсти этой разсказывается, какъ однажды рота солдатъ стояла въ одной изъ деревень Бѣлоруссіи, гдѣ начался голодъ. Солдатъ хотѣли перевести въ другую мѣстность, чтобы нѣсколько облегчить крестьянъ; но крестьяне стали просить, чтобы ихъ оставили на прежнихъ мѣстахъ, говоря, что солдаты не только не тяготятъ ихъ, а, напротивъ, облегчаютъ ихъ бѣдственное положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, солдаты дѣлились своимъ провіантомъ съ крестьянами, помогали имъ въ работахъ и такимъ образомъ приносили много пользы тѣмъ семьямъ, въ которыхъ жили.

Описавъ въ общихъ чертахъ такое дружеское и хорошее отношеніе всей роты къ народу, авторъ останавливаетъ вниманіе читателя на одномъ изъ солдатъ—Аѳанасьѣ Куликѣ, прозванномъ впослѣдствіи «Господиномъ Колодникомъ». Крестьянинъ, у котораго онъ жилъ, умирая, оставилъ на его попеченіе всю свою семью. Куликъ заступилъ сиротамъ мѣсто отца, заботился о нихъ, забывая самого себя, а когда въ его отсутствіе кабатчикъ, которому нравилась старшая дочь умершаго крестьянина, Орина, сталъ тѣснить всю семью и обвинилъ брата Орины въ воровствѣ, солдатъ, узнавъ объ этомъ, явился защитникомъ притѣсняемыхъ и вступилъ въ борьбу съ кабатчикомъ. Кабатчикъ, пользовавшійся большой силой и властью въ средѣ голодныхъ и беззащитныхъ крестьянъ, надѣлъ колодки на ноги Кулика и съ помощью писаря отправилъ его къ военному началь-

ству. Тамъ разъяснилось все дѣло; клевета была разоблачена, и Куликъ выпущенъ на волю.

Готовность Кулика жертвовать собой, заботы о семьѣ, оставшейся на его рукахъ, отношеніе къ нему послѣдней рисуютъ передъ читателемъ прекрасный образъ стараго солдата. Описаніе же голода, нищеты, силы и значенія кабатчика знакомятъ его съ темной стороной жизни крестьянъ - бѣлоруссовъ.

Содержаніе повѣсти «Господинъ Колодникъ» недоступно полному пониманію дѣтей младшаго возраста; взрослые же и подростки читаютъ ее съ большимъ интересомъ.

Вопросы:

Какъ живутъ крестьяне въ Бѣлоруссіи?
Какъ относились солдаты къ крестьянамъ?
Чѣмъ обязана была осиротѣлая семья Господину Колоднику?
Почему Господинъ Колодникъ заботился о чужихъ для него людяхъ?

Повѣсть эта пригодна для народной и школьной библіотеки. *Л. Е.*

147) **Злодѣй и Петька.** Повѣсть А. Погоскаго. СПб. 1881 г. Ц. 10 к. 59 стр. Изд. Спб. Ком. Грам. 2 рис. и нѣсколько виньетокъ Каразина.—2-е изд., 1885 г.

Въ повѣсти «*Злодѣй и Петька*» описывается жизнь двухъ извощиковъ. Одинъ изъ нихъ, Петръ Захарычъ, ѣздилъ по Петербургу на своей невзрачной съ виду лошаденкѣ, которую онъ самъ выкормилъ и выходилъ. Лошаденка эта прозывается Петькой. И Захарычъ, и Петька—оба привязаны другъ къ другу. Заботливое и ласковое обращеніе старика съ лошадью хорошо отражается на этой послѣдней: она покорна, здорова, сильна, работаетъ усердно и, хотя старикъ всегда ѣздитъ безъ кнута и никогда въ жизни не билъ ее, повинуется ему безпрекословно.

Другой извощикъ—лихачъ Демьянъ Сидорычъ, отставной солдатъ, Онъ ѣздитъ на прекрасныхъ саняхъ и красивой лошади. На биржѣ онъ стоялъ около Захарыча и постоянно подсмѣивался надъ его лошаденкой, а то какъ-то и побилъ ее.

Однако недолго пришлось Демьяну Сидорычу быть извощикомъ. Оказалось, что его Злодѣй—никуда негодная лошадь; она быстро стала худѣть, ничего не ѣла и вскорѣ такъ ослабѣла, что совершенно не могла работать. Какъ ни билъ ее Сидорычъ, какъ ни былъ съ ней жестокъ, ничего не помогало: лошадь все болѣе и болѣе дѣлалась негодной къ работѣ. Сидорычъ, отдавшій свои послѣднія деньги за Злодѣя, теперь остался безъ всякихъ средствъ. Къ тому же, онъ былъ старъ, и ему трудно было найти посильную работу. Добрый старикъ Петръ Захарычъ, забывъ вражду, существовавшую между ними, позаботился объ участи Сидорыча. Онъ нашелъ ему работу въ своей деревнѣ — сторожить общественный магазинъ, а самъ бодро и весело продолжалъ разъѣзжать со своимъ Петькой по Петербургу.

Въ разсказѣ «*Злодѣй и Петька*» главное вниманіе автора сосредоточивается на отношеніи хозяина къ своей лошади. Въ немъ проводится параллель между отношеніемъ Захарыча къ Петькѣ и Сидорыча къ Злодѣю и показывается вся выгода перваго и вся невыгода втораго.

Мысль, что ласковое и хорошее обращеніе съ животными приноситъ пользу самому же человѣку, положена въ основаніе всего разсказа и выражена въ немъ не въ формѣ сухихъ разсужденій,—какъ въ разсказѣ того же автора «*Наши добрые слуги четвероногіе*», — но вполнѣ наглядно.

Повѣсть «*Злодѣй и Петька*», хотя и не стоитъ въ ряду лучшихъ произведеній Погоскаго, тѣмъ не менѣе читается дѣтьми средняго и старшаго возраста съ большимъ удовольствіемъ. Первая глава разсказа посвящена описанію лихой тройки и не находится въ связи съ дальнѣйшимъ разсказомъ, чтеніе котораго можетъ быть начато со 2-й главы. Повѣсть эта пригодна для народной и школьной библіотеки.

Вопросы:

Какъ обращался Захарычъ съ Петькой?
Какъ обращался Сидорычъ съ Злодѣемъ?
Какъ выгоднѣе человѣку относиться къ животнымъ? *Л. Е.*

---

148) **Солдатскій бытъ прежде и теперь.** А. Погоскаго. Изд. «Досугъ и Дѣло». СПб. 1872 г. Ц. 20 к. 88 стр.

Въ этомъ разсказѣ авторъ знакомитъ читателя съ солдатскимъ бытомъ прежнихъ и теперешнихъ временъ. Онъ подробно, по пунктамъ, разсматриваетъ старые и новые порядки, сравниваетъ, проводитъ параллель между тѣмъ, что было прежде и что стало теперь, и вездѣ, во всемъ отдаетъ преимущество послѣднему времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ говоритъ, что нынѣшнія реформы, облегчившія службу, подготовлены тяжелой школой

стараго времени, такъ что солдаты, служащіе теперь, должны съ уваженіемъ и благодарностью относиться къ прежнему солдату. Онъ говоритъ съ большой любовью о послѣднемъ и старается возбудить въ молодежи тѣ патріотическія чувства, которыми такъ полно сердце стараго солдата. Разсказъ оканчивается 1872 годомъ. Изложеніе въ немъ мѣстами нѣсколько сухо; такъ, напр., говоря о реформахъ, произведенныхъ въ 1861—1872 гг въ жизни солдатъ, авторъ приводитъ всѣ правила и циркуляры, вышедшіе въ данный промежутокъ времени (стр. 69—84).

Книга съ интересомъ читается грамотными взрослыми, такъ какъ въ ней затронутъ и разобранъ вопросъ, близко стоящій къ жизни русскаго народа.

Пригодна для народной библіотеки. *Л. Е.*

149) **Солдатское пиво.—Первый винокуръ.—Птичій даръ.** Повѣсти А. Погоскаго. Изд. 2-е. СПб. 1873 г. Изд. «Досугъ и Дѣло». Ц. 20 к. 64 стр.

Разсказъ 1-й *«Солдатское пиво»* занимаетъ 33 стр. Содержаніе его таково:

Смышленый солдатъ заходитъ на свадьбу. Его принимаютъ, какъ гостя. Въ почетномъ углу сидитъ знахарь и морочитъ своими разсказами православный людъ. Все кругомъ трепещетъ, слушая съ благоговѣніемъ загадочныя рѣчи хитраго лжеца. Солдату досадно; онъ смѣло вступаетъ съ нимъ въ споръ и, не сморщившись, выпиваетъ предложенную ему знахаремъ кружку пива, не смотря на угрозы его, что вотъ-вотъ онъ превратится послѣ этого въ четвероногое животное. Всѣ смущены, взволнованы, всѣ глядятъ съ ужасомъ и сожалѣніемъ на отчаяннаго храбреца. Между тѣмъ солдатъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, всыпаетъ въ кружку табакъ изъ тавлинки и заставляетъ, въ свою очередь, пить нахала. Знахарь морщится, отплевываетъ; наконецъ табакъ не на шутку пробираетъ все его нутро, и онъ проситъ пощады. Солдатъ вынуждаетъ его сознаться всенародно во лжи и тогда только отпускаетъ домой. По уходѣ его онъ объясняетъ честному люду, чѣмъ и какъ, и съ какою цѣлью угостилъ онъ безсовѣстнаго человѣка, надувающаго и грабящаго православныхъ христіанъ. Авторитетъ знахаря падаетъ; даже мальчишки, и тѣ смѣются надъ нимъ; нѣтъ у него больше ни почитателей, ни друзей; мало того,—прежніе пріятели обкрадываютъ его, и въ одно прекрасное утро знахарь открываетъ сундукъ, наполненный долголѣтнимъ грабительствомъ, и находитъ его пустымъ. Онъ не въ силахъ снести этого послѣдняго удара и лишаетъ себя жизни. Разсказъ кончается такъ: «Прячь, зарывай, запирай на замки, какъ хошь таи трудовыя, потомъ и слезами облитыя копѣйки, обманомъ и обидой вырванныя изъ рукъ рабочаго бѣдняка,—онѣ найдутся! Рано ли, поздно ли—всплыветъ наружу обманъ и обида, и воплемъ завопитъ, ревомъ взреветъ этотъ обманъ на площади, при тысячахъ народа. За каждый обманъ темнаго бѣдняка ужъ кто нибудь да заплачетъ горько кровавыми слезами».

Взрослые читаютъ его съ интересомъ и въ деревнѣ, и въ городѣ, и даже подросткамъ онъ очень нравится.

— Справедливо, говорили они, слушая разсказъ:—всѣ боялись когда-то, а теперь мальчишки, и тѣ смѣются. Такъ ему и надо,—не обманывай!

Вмѣсто вопросовъ необходима бесѣда о томъ, какъ знахари и знахарки обманываютъ по деревнямъ темный народъ.

Разсказъ 2-й *«Первый винокуръ»* учитель встрѣтитъ въ статьѣ «Разсказы, направленные противъ пьянства» (№ 268). Отдѣльное изданіе. Ц. 8 к.

Разсказъ 3-й *«Птичій даръ»*. Содержаніе его таково: Азуръ, царь индійскій, спасъ птичку. Она принесла ему за это три зернышка. Зернышки эти посѣяли, и изъ нихъ выросли прекрасныя, прозрачныя ягоды, но никто не рѣшался попробовать ихъ, боясь отравиться. Затѣмъ, чтобы сберечь сѣмена, изъ ягодъ выдавили сокъ и съ изумленіемъ увидѣли прекрасную, прозрачную жидкость; но опять никто не рѣшился попробовать ее. Позвали стараго и хилаго раба, дни котораго были сочтены. Послушный рабъ испилъ загадочной жидкости и—о чудо!—онъ почувствовалъ себя молодымъ, запѣлъ веселую пѣсню и попросилъ другую чашу. Послѣ второй онъ пустился въ плясъ, а послѣ третьей—заснулъ. Всѣ думали, что онъ умеръ, но онъ проснулся и разсказалъ царю, какъ чувствовалъ себя отъ этого питья и какіе юношескіе сны грезились ему. Царь рѣшился самъ попробовать напитокъ и такъ пристрастился къ нему, такъ дорожилъ имъ, что строго запретилъ всѣмъ своимъ придворнымъ пробовать его, не смотря на то, что въ погребахъ его стояли цѣлыя бочки. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ книгѣ:

«Однажды Азуръ испилъ удивительнаго напитка всласть, но не по мѣрѣ утробы, и потому уснулъ и уже не проснулся. Мудрецы справились по книгамъ и сказали: «значитъ—померъ». Придворные ужаснулись и съ великаго ужаса устремились въ погреба, а за ними

послѣдовала стража, а за стражей повалилъ и весь народъ. И всѣ пошли вплясь удивительныхъ напитковъ, и все Индійское царство стало вдругъ пѣть, плясать, цѣловаться, кувыркаться и, наконецъ, повалилось и уснуло».

Разсказъ написанъ въ игривомъ тонѣ, не лишенъ юмора; есть въ немъ и цинизмъ.

Подобнаго рода игривость въ вопросѣ серьезномъ совсѣмъ неумѣстна, на нашъ взглядъ, и недостойна Погоскаго, въ разсказахъ котораго мы привыкли слышать грустныя ноты на ту же невеселую тему.

X. A.

150) **Темникъ.** А. Погоскій. Изъ замѣтокъ проѣзжаго. Изд. 2-е, исправлен. Спб. 1875 г. Ц. 30 к., 53 стр.

Въ повѣсти «*Темникъ*» авторъ чрезвычайно ярко рисуетъ образъ помѣщичьей семьи временъ крѣпостнаго права. Всѣ члены этой семьи, весь интересъ которыхъ сосредоточивается исключительно на мелочахъ и дрязгахъ жизни, по цѣлымъ днямъ бранятся, ссорятся, тѣснятъ одинъ другаго. (Описывая всю неприглядность такой семейной обстановки, авторъ говоритъ, что главная изъ причинъ, порождающихъ ее,—*нравственный гнетъ*. «Тревожный деспотизмъ невѣжества!» восклицаетъ онъ:—«куда бы ни вселился ты, безобразный, вездѣ ты сѣешь одно угнетеніе и слезы»).

Но и въ такой удушливой атмосферѣ, какую создала вокругъ себя описываемая семья, и въ средѣ, гнетущей и подавляющей всякое хорошее, свободное чувство, встрѣчались свѣтлыя личности, заслуживающія глубокой симпатіи. Такой-то личностью является въ разсказѣ крѣпостная женщина Параска, на которой авторъ сосредоточиваетъ главное вниманіе читателя. Эта молодая, красивая женщина — главная работница въ описываемой семьѣ. Нелегко живется ей тамъ; но, не заботясь лично о себѣ, она только и думаетъ о томъ, какъ бы оградить своего маленькаго сына Прошку отъ побоевъ и брани господъ. Для этого она сама старается какъ можно меньше отдавать ему своего времени, обходится съ нимъ чрезвычайно грубо, бьетъ и бранитъ его. Однако и у этой несчастной матери, принужденной вѣчно насиловать и подавлять самое естественное и дорогое для нея чувство, являлись счастливыя минуты, которыми она была обязана отдаленному мѣсту въ саду, называемому «темникомъ». Темникъ этотъ состоялъ изъ завалившагося погреба, окруженнаго богатой растительностью. О немъ ходило много легендарныхъ сказаній, и никто не рѣшался не только проникнуть сквозь эту чащу громадныхъ деревьевъ, переплетающихся растеній, кустарниковъ, но даже боялись близко подойти къ нему. Только птицы, слетаясь въ это уединенное мѣсто, своимъ пѣніемъ нарушали общую тишину. И вотъ въ это-то обиталище змѣй и птицъ, рано утромъ, когда всѣ въ домѣ спали, являлась Параска со своимъ сыномъ, и здѣсь, чувствуя себя свободной отъ вѣчнаго надзора и гнета, давала полный просторъ своей горячей любви къ сыну. Она цѣловала его, ласкала, пѣла ему свои родныя украинскія пѣсни.

Описывая прелестную сцену между матерью и сыномъ, которые являлись въ «темникъ» какъ бы совсѣмъ перерожденные, авторъ говоритъ: «И что бы ты дѣлала, прекрасная мать, безъ твоего «темника», такъ дружелюбно, покровительно осѣняющаго тебя съ твоимъ любимымъ малюткой отъ чернаго глаза раздраженныхъ притѣснителей?.. Тутъ можешь ты во всей непокровенной красотѣ твоей лелѣять, нѣжить своего ребенка и оплакивать горячей слезой разъ навсегда проклятую и навсегда порѣшенную необходимость угнетать передъ людьми то, что тебѣ такъ мило, угнетать свое родное дитя только для того, чтобы отводить отъ него чужую, холодную, ничѣмъ не сдержанную и безжалостную руку!»

Обрисовавъ яркими красками отношеніе Параски къ своему сыну, авторъ говоритъ, что оно вполнѣ аналогично отношенію человѣка къ своей завѣтной мысли, «которую лелѣешь, надъ которой плачешь въ иномъ, также никому недоступномъ, также уединенномъ, тоже стерегомомъ гадами молчанія темникѣ... Развѣ не гнетешь и не искажаешь ея передъ глазами людей съ подавленнымъ страданіемъ въ душѣ, съ поддѣльной злостью на лицѣ?»...

Этимъ сравненіемъ заканчиваетъ Погоскій свой талантливый и полный поэзіи разсказъ.

«Темникъ», какъ уже можно судить по выпискамъ, сдѣланнымъ выше, предназначенъ не для народнаго чтенія: по своему языку, по образу выраженій онъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ произведеній Погоскаго, написанныхъ народною рѣчью.

Тѣмъ не менѣе, разсказъ этотъ, благодаря своему содержанію, взятому изъ народной жизни, благодаря художественности и вѣрности описаній, читается съ большимъ интересомъ подростками и взрослыми изъ народа, а потому мы и признаемъ возможнымъ пріобрѣтеніе его въ народную библіотеку.

Вопросы:

Какъ относились къ Параскѣ ея господа?

Что заставляло Параску скрывать свою любовь къ сыну?

Почему мать и сынъ любили темникъ?

Л. Е.

---

151) **Старики**. Разсказъ изъ Крымской войны. А. Погоскаго. Спб. 1871 г. Ц. 15 к. 74 стр.—Изд. 1881 г.

Содержаніе разсказа «*Старики*» взято изъ жизни солдатъ. Въ этомъ разсказѣ описывается сначала время, когда рота мирно стоитъ на квартирахъ, затѣмъ объявленіе похода, наконецъ самое сраженіе, его послѣдствія, жизнь раненыхъ въ госпиталѣ. Разсказъ ведется отъ имени одного солдата. Солдатъ этотъ подробно говоритъ о своихъ товарищахъ, начальникахъ, объ отношеніи послѣднихъ къ солдатамъ. Все сочиненіе проникнуто любовью къ роднѣ, отечеству и уваженіемъ къ севастопольцамъ. Разсказъ «Старики», какъ уже видно изъ содержанія, представляетъ громадный интересъ для солдатъ. Впрочемъ, и взрослые простолюдины, всегда охотно слушающіе солдатскіе разсказы, съ удовольствіемъ могутъ читать его, тѣмъ болѣе, что онъ написанъ очень живо, интересно и совершенно естественно. Читая его, такъ и кажется, что слышишь живую рѣчь солдата.

Намъ пришлось прочесть этотъ разсказъ въ группѣ подростковъ и взрослыхъ, бывшихъ учениковъ и ученицъ сельской школы. Всѣ слушали его съ величайшимъ интересомъ, особенно мальчики и парни; дѣвочкамъ очень понравилась сцена разставанья Марьи Леонтьевны съ женихомъ, во время чтенія которой онѣ то и дѣло утирали слезы. Всѣ симпатіи сошлись на свѣтлой, гуманной личности подпоручика, имѣвшаго громадное нравственное вліяніе на подчиненныхъ. Мальчикамъ очень нравились воодушевляющія рѣчи командировъ.

— Вотъ хорошо! повторяли они.

Вообще же, въ разсказѣ встрѣчается такъ много честныхъ мыслей, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ его и подросткамъ, и взрослымъ.

Вопросы:

Что за человѣкъ былъ новый подпоручикъ?

Какое вліяніе имѣлъ онъ на солдатъ?

За что любили и уважали его?

О какой войнѣ идетъ рѣчь?

Что завѣщали намъ наши старики?

Л. Е.

---

152) **Анчутка безпятый** *).—**Бобыль Наумъ-Сорокодумъ**. Разсказы А. Погоскаго. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 26 стр. (2 недурныхъ картинки).

Содержаніе разсказа «*Наумъ-Сорокодумъ*» составляетъ хорошо извѣстный анекдотъ о перевозѣ капусты, козы и волка. Героемъ разсказа является Наумъ-Сорокодумъ, котораго жена посылаетъ на заработокъ. Наумъ встрѣчается съ цыганомъ и съ помощью послѣдняго пріобрѣтаетъ козу, волка и капусту. Передъ рѣкой, которую ему надо переѣхать на очень маленькой лодочкѣ, онъ останавливается въ недоумѣніи, такъ какъ не знаетъ, какимъ образомъ перевезти свою добычу, такъ чтобы все осталось въ цѣлости. На противоположный берегъ приходитъ его жена и говоритъ, какъ выйти изъ затрудненія. Однако самого объясненія въ разсказѣ нѣтъ, и угадать его предоставляется сообразительности читателя.

Какъ первый разсказъ, «Анчутка безпятый», можетъ произвести впечатлѣніе и быть вполнѣ понятъ только взрослыми, такъ второй имѣетъ интересъ только для дѣтей. Послѣ прочтенія разсказа имъ можно предложить разгадать, какимъ образомъ перевезти козу, капусту и волка, что̀ небольшимъ дѣтямъ доставитъ несомнѣнное удовольствіе.

Очень жаль, что оба разсказа, предназначенные для различныхъ возрастовъ, помѣщены въ одной книгѣ. *Л. Е.*

153) **Штуцерникъ Нечипоръ Зачины-ворота**. Повѣсть Погоскаго. Спб. 1878 г. 101 стр.

Повѣсть «*Штуцерникъ Нечипоръ Зачины-ворота*» представляетъ собою полную біографію солдата, по прозванію котораго названа и самая повѣсть. Это былъ неуклюжій малороссъ, который никакъ не могъ научиться маршировать, но зато первый стрѣлокъ по дивизіи. Послѣднее обстоятельство составляло гордость Нечипора и заставляло солдатъ относиться къ нему съ уваженіемъ. Какъ ни хорошо жилось Нечипору на службѣ, онъ все таки никакъ не могъ забыть родной деревни, гдѣ у него остались жена Маруся и дочь Наталка. Послѣ участія въ Крымской кампаніи, во время которой въ сраженіи на Малаховомъ курганѣ онъ потерялъ руку, Нечипоръ возвращается домой. Ему хочется поскорѣе увидѣться съ женой, дочерью, но радость свиданія съ ними отуманивается заботой о томъ, что̀ будетъ дѣлать онъ, калѣка, у себя на родинѣ. Съумѣетъ ли онъ найти

---

*) Разсказъ «Анчутка безпятый» отнесенъ въ «Разсказы, направленные противъ пьянства», № 627.

себѣ и своей семьѣ пропитаніе? По дорогѣ ему удается поймать контробандистовъ; но Нечипоръ мало обращаетъ вниманія на это обстоятельство и продолжаетъ идти дальше. Вотъ и родное его село; онъ видитъ жену и молодую, красивую дѣвушку, въ которой съ трудомъ можетъ узнать маленькую Наталку. Мать и дочь живутъ въ страшной бѣдности и кое-какъ пробиваются изо дня въ день. Нечипоръ поселяется въ имѣніи одного землевладѣльца и, работая усердно, старается хотя немного облегчить положеніе дорогихъ для него людей. Однако недолго пришлось терпѣть бѣдность этой любящей и доброй семьѣ: Нечипоръ совершенно неожиданно получаетъ 8,000 р. за поимку контробандистовъ. Онъ покупаетъ имѣніе, въ которомъ жилъ въ качествѣ работника, и поселяется въ немъ со своей семьей. Разбогатѣвъ, Нечипоръ нисколько не измѣнился; онъ по прежнему хорошъ со своими старыми пріятелями, не выдѣляется изъ ихъ среды, а къ людямъ, которые у него работаютъ, относится, какъ къ равнымъ себѣ. Дочь свою онъ выдаетъ замужъ за бѣднаго парня Гриця, такъ какъ знаетъ, что они давно любятъ другъ друга. Крестьяне, съ которыми жилъ Нечипоръ, въ свою очередь остались съ нимъ въ прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ нимъ радовались, глядя на счастіе всей его семьи.

Въ общемъ повѣсть «Штуцерникъ Нечипоръ Зачины-ворота» носитъ на себѣ нѣсколько идиллическій характеръ и страдаетъ натяжкой. Но живость и теплота, съ которой она написана, выкупаютъ эти недостатки. Прекрасно очерченный и чрезвычайно симпатичный типъ солдата-малоросса, его любовь къ семьѣ, отсутствіе гордости, отношеніе къ нему сосѣдей производятъ на читателя весьма пріятное впечатлѣніе.

Повѣсть эта читается охотно какъ дѣтьми средняго и старшаго возраста, такъ и взрослыми, и мы рекомендуемъ ее въ народную и школьную библіотеку. *Л. Е.*

---

154) **Куча денегъ.** Три разсказа изъ воспоминаній банкрота. А. Погоскаго. Спб. 1873 г. Ц. 20 к. 64 стр. Изд. «Досугъ и Дѣло».— Изд. 2-е, 1884 г.

Общая идея трехъ разсказовъ, изъ которыхъ состоитъ книга, носящая заглавіе «Куча денегъ», — та, что деньги очень часто приносятъ вмѣсто счастія, какъ это привыкли думать люди, только несчастіе, и что алчность и корысть всегда наказываются. Хотя идея эта сильно напоминаетъ прописную мораль, однако художественное воспроизведеніе ея могло бы быть небезполезнымъ. Къ сожалѣнію, достоинствами, которыя мы привыкли требовать отъ беллетристическихъ произведеній, эти разсказы не обладаютъ и должны быть отнесены къ числу наиболѣе слабыхъ сочиненій Погоскаго.

Содержаніе 1-го разсказа, «*Сатана-Пергеле*», слѣдующее: Разсѣянный баринъ забылъ на извощичьихъ дрожкахъ 40,000 р.; замѣтивъ потерю, онъ бросился разыскивать ее и вскорѣ нашелъ, такъ какъ извощикъ не видѣлъ, что подъ сидѣніемъ его дрожекъ находятся забытыя деньги. Баринъ далъ извощику 300 р.; но тотъ отъ досады и злости, что онъ могъ бы обладать 40,000 рублями, а между тѣмъ выпустилъ изъ рукъ такую громадную сумму, повѣсился.

Разсказъ написанъ въ юмористическомъ тонѣ, который плохо удался автору, и потому не производитъ впечатлѣнія. Психическій анализъ душевнаго состоянія извощика, приведшаго его къ висѣлицѣ, который въ рукахъ великаго художника могъ бы составить главный интересъ разсказа, у Погоскаго крайне слабъ.

Разсказъ «*Большой Носъ*» по сложности интриги, развиваемой въ немъ, является гораздо болѣе занимательнымъ, чѣмъ первый разсказъ. Содержаніе его такое: — Проѣзжій человѣкъ привозитъ съ собой шкатулку съ фальшивыми деньгами. Еврей, хозяинъ постоялаго двора, гдѣ остановился проѣзжій, помощью очень ловкой продѣлки присвоиваетъ себѣ эту шкатулку; обокраденный доноситъ, что у еврея имѣется шкатулка съ фальшивыми деньгами. Еврея ссылаютъ въ Сибирь, но той же участи подвергается и доносчикъ, до котораго также добрались власти.

Личность еврея обрисована очень хорошо; разсказъ занимателенъ и можетъ быть читаемъ съ интересомъ взрослыми и дѣтьми старшаго возраста. Для дѣтей же младшаго возраста онъ непригоденъ, такъ какъ въ немъ есть нѣкоторые недомолвки и намеки, хорошо понятные взрослымъ, но смыслъ которыхъ не можетъ быть усвоенъ дѣтьми.

Разсказъ «*Господинъ Сковородинъ*» содержитъ въ себѣ повѣствованіе о похожденіяхъ нѣкоего господина Сковородина, человѣка весьма недалекаго, ничего не умѣющаго съ толкомъ дѣлать и притомъ постоянно преслѣдуемаго неудачами. Промотавши все свое состояніе, онъ совершенно случайно снова разбогатѣлъ и женился, что̀ ему прежде никакъ не удавалось; но, обладая громаднымъ богат-

ствомъ, онъ все же не былъ счастливъ и кончилъ самоубійствомъ.

Разсказъ переполненъ неправдоподобными и неестественными событіями; не смотря на юмористическій тонъ, скученъ и, — что̀ составляетъ главный его недостатокъ,—той морали, которую хотѣлъ авторъ вложить въ него, онъ почти не заключаетъ, такъ какъ разсказа о несчастіяхъ Сковородина, послѣ того какъ онъ разбогатѣлъ, въ повѣсти нѣтъ, а между тѣмъ только такой конецъ могъ бы доказывать справедливость мысли, проводимой авторомъ.

Не смотря на всѣ недостатки, указанные нами въ разбираемыхъ разсказахъ, внѣшній интересъ ихъ позволяетъ допустить эту книгу для чтенія подросткамъ и взрослымъ.

155) **Медвѣжья наука.—Собачій застрѣльщикъ.** Разсказы А. Погоскаго. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 20 к. (три плоховатыя картинки). 34 стр.

«Медвѣжья наука». Герой разсказа, солдатъ Ефремъ Ефремовичъ, и по службѣ шелъ хорошо, и товарищи его любили. Одну только слабость онъ имѣлъ—любилъ хорошо поѣсть; а такъ какъ деньги у него не водились, то онъ и сталъ воровать. Увлекаясь своею ловкостью, благодаря которой все ему сходило съ рукъ, Ефремъ Ефремовичъ дѣлался все нахальнѣе въ своихъ продѣлкахъ. Однако, какъ ни былъ онъ искусенъ и смѣтливъ, но «на всякаго мудреца довольно простоты» — пришлось и ему поплатиться за свои гнусные поступки.

Какъ-то разъ, желая украсть теленка, онъ случайно наткнулся на медвѣдя; послѣдній, разсердившись, принялся топтать и кусать несчастнаго Ефрема Ефремовича. Насилу удалось цыгану освободить солдата изъ объятій косолапаго Мишки. Ефремъ Ефремовичъ послѣ этого комично-грустнаго эпизода сильно заболѣлъ; у него сдѣлалась горячка. Во время болѣзни ему являлись видѣнія, сильно мучившія его. Куры, гуси, утки—все, что укралъ онъ въ своей жизни, предводительствуемые медвѣдемъ,—постоянно рисовались его болѣзненному воображенію. Всѣ они съ укоромъ смотрѣли на него, а медвѣдь не переставалъ устрашать своими угрозами. Наказаніе, которое претерпѣлъ Ефремъ Ефремовичъ за свою чрезмѣрную любовь къ лакомой пищѣ, хорошо повліяло на него: выздоровѣвъ, онъ совершенно отдѣлался отъ этого недостатка и ужъ никогда болѣе не кралъ.

Написанный довольно забавно, въ игривомъ тонѣ, разсказъ «Медвѣжья наука» интересуетъ дѣтей. Основная его мысль, выраженная въ поговоркѣ, стоящей эпиграфомъ: *«Отольются волку овечьи слезки»*, выступаетъ рельефно и обращаетъ на себя вниманіе читателя; такъ, на вопросъ нашъ: къ чему въ началѣ разсказа приведена эта пословица? дѣти сельской школы отвѣчали:

— Это обозначаетъ—отзовутся Ефремовичу его дѣла плохія; придется отвѣчать ему за то, что онъ воровалъ.

— Чѣмъ же отвѣтилъ онъ? спросила учительница.

— Болѣзнью: все ему видѣнія странныя представлялись, такъ что онъ послѣ того закаялся воровать.

Вопросы:

Что мучило солдата во время болѣзни?
Когда и почему пересталъ онъ красть?

«Собачій застрѣльщикъ». Разсказъ «Собачій застрѣльщикъ» представляетъ собою не болѣе, какъ солдатскій анекдотъ, въ которомъ разсказывается, какъ одинъ солдатъ, любившій врать, застрѣлилъ вмѣсто волка собаку, принадлежавшую его начальнику, за что и получилъ названіе *собачьяго застрѣльщика*. Отсюда и происходитъ выраженіе: *цѣлиться въ собаку*.

Разсказы эти могутъ быть прочитаны различными возрастами и пригодны для народной библіотеки. *Л. Е.*

Намъ пришлось прочитать оба эти разсказа на каникулахъ группѣ, состоящей изъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, бывшихъ учениковъ и ученицъ сельской школы. Слушатели хохотали отъ души.

156) **Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ.** Разсказъ изъ Крымской войны. А. Погоскаго. Изд. 2-е. Спб. 1874 г. Ц. 15 коп. 48 стр. Изд. «Досугъ и Дѣло».

При осадѣ Севастополя на Кадыкіойскихъ высотахъ происходила битва. Одинъ офицеръ, увлекаемый преслѣдованіемъ бѣгущихъ непріятелей, очутился около непріятельскаго лагеря, окруженный четырьмя турками. Офицеру угрожала неминуемая смерть; но, благодаря появленію русскаго солдата, который уложилъ на мѣстѣ турокъ, ему удалось спастись. Такъ какъ дѣло происходило во время жаркой рукопашной схватки, то солдатъ поспѣшилъ возвратиться къ своимъ товарищамъ. Онъ убѣжалъ, крикнувъ въ отвѣтъ на посылаемое ему благословеніе: «Иванъ Ивановъ!» такъ, по крайней мѣрѣ, показалось офицеру, который радъ былъ узнать имя своего спаси-

теля. По окончаніи сраженія офицеръ сталъ разыскивать Ивана Иванова, но розыски его, не смотря на ихъ тщательность, не увѣнчались успѣхомъ. Не нашедши между живыми Ивана Иванова, офицеръ причислилъ его къ числу убитыхъ; онъ и его родные, которымъ онъ не замедлилъ сообщить о случившемся съ нимъ, стали служить по усопшемъ рабѣ Иванѣ Ивановичѣ Ивановѣ панихиды. Служеніе этихъ панихидъ продолжалось 20 лѣтъ, пока, наконецъ, случай не доказалъ, что предполагаемый Иванъ Ивановичъ живъ. Однажды, возвращаясь съ женой отъ своего отца, который былъ боленъ, офицеръ встрѣтилъ стараго солдата. Такъ какъ на дворѣ стояла страшная стужа, да и мятель свирѣпствовала, то жена офицера уговорила своего мужа подвезти этого старика. По пріѣздѣ домой, офицеръ изъ разговора со старымъ солдатомъ узнаетъ, что это и есть его спаситель; недоразумѣніе же относительно имени его разъяснилось очень просто: въ отвѣтъ на пожеланія всякаго рода благополучія, онъ крикнулъ тогда: «и вамъ, и вамъ!» что̀ и было принято за имя Иванъ Ивановъ. Обрадованный офицеръ оставилъ старика у себя и далъ ему нетрудную должность—присматривать за цвѣтниками.

Какъ видно изъ содержанія, настоящій разсказъ есть не болѣе, какъ одинъ изъ множества военныхъ анекдотовъ. Мѣстами онъ написанъ живо, мѣстами довольно тяжело. Фабула его такъ несложна, что можетъ быть понята и дѣтьми младшаго возраста, но весьма естественно, что данный разсказъ представляетъ наибольшій интересъ для солдатъ.

Пригоденъ для народной библіотеки.

Л. Е.

---

157) **Майорская дочка.** Повѣсть А. Погоскаго. Съ рисунк. В. Шпака. Спб. 1879 г. Ц. 25 к. 133 стр. (4 недурныхъ картинки).

Мысль, что образованіе есть великая сила, которая уравниваетъ людей различныхъ классовъ, различныхъ положеній въ обществѣ и преобразовываетъ человѣка, проходитъ во многихъ сочиненіяхъ Погоскаго; но нигдѣ она не выражена тамъ полно, такъ наглядно, какъ въ повѣсти «Майорская дочка».—«Всѣ люди—братья», говоритъ авторъ:—«между образованными и необразованными людьми дѣйствительно есть преграда, которую, однако, можно перешагнуть: стоитъ только необразованному человѣку образоваться, и преграда сама рушится». Эта мысль, высказанная въ началѣ повѣсти, положена въ основу всего ея послѣдующаго содержанія.

Честный и добрый, но крайне неразвитой солдатъ Борисовъ случайно обратилъ на себя вниманіе дѣвочки-сиротки, дочери майора. Благодаря ей, солдатъ сильно измѣняется. Дѣвочка выучиваетъ его грамотѣ, читаетъ вмѣстѣ съ нимъ, передаетъ ему всѣ свои знанія, учитъ понимать божественныя слова евангелія. И ученикъ, и учительница, клавшіе всю душу въ свои занятія, горячо полюбили другъ друга. Но открылась война, и Борисову пришлось разстаться со своей маленькой наставницей. Однако три года, проведенные имъ въ занятіяхъ, чтеніи, не прошли безслѣдно. Изъ неразвитаго и забитаго рекрута Борисовъ сталъ умнымъ и смѣтливымъ солдатомъ. Онъ понялъ, что значитъ образованіе, и постоянно стремился какъ можно больше знать и учиться. Товарищи, подсмѣивавшіеся надъ нимъ, теперь, не смотря на его молодость, относились къ Борисову съ большимъ уваженіемъ и всегда обращались къ нему за совѣтами, разъясненіями. Любимымъ ихъ занятіемъ стало слушать его чтеніе, и Борисовъ часто брался за книгу, чтобы почитать солдатамъ. «И вотъ», — говоритъ авторъ: — «утлымъ вліяніемъ невиннаго ребенка создана твердая и неутомимая воля и честнѣйшая будущность человѣка». Со своимъ юнымъ другомъ Борисовъ часто переписывался, но потомъ, когда ей минуло 16 лѣтъ, переписка эта прекратилась. Вскорѣ же онъ узналъ, что учительница его вышла замужъ. Взгрустнулось Борисову, когда онъ получилъ это извѣстіе, но онъ постарался заглушить преступную, по его мнѣнію, грусть и отъ души пожелалъ полнаго счастія той, которая такъ много для него сдѣлала.

По прошествіи нѣкотораго времени, въ одномъ изъ сраженій Борисовъ, отличавшійся своею храбростью и смѣтливостью, получилъ сильныя раны; его свезли въ больницу. Тамъ онъ увидѣлъ сестру милосердія, въ которой узналъ свою учительницу. Евгенія Александровна по прежнему любила Борисова и была обрадована свиданіемъ съ нимъ. Мужъ ея, оказавшійся очень нехорошимъ человѣкомъ, умеръ, и она, испытавъ много горя, стала ухаживать за ранеными. Повѣсть оканчивается женитьбой Борисова на майорской дочкѣ.

Разсказывая исторію своего героя, авторъ говоритъ: «любопытно и назидательно прослѣдить и уразумѣть, какими легкими путями темный, невѣжественный, почти ничтожный мальчишка доходитъ иногда до степени достойнаго и полезнаго человѣка». И дѣйствительно, въ повѣсти «Майорская дочка» авторъ хочетъ наглядно показать читателю, какъ

измѣняется человѣкъ подъ вліяніемъ образованія, и какую громадную пользу можетъ оказать нравственная поддержка.

Задавшись такою цѣлью, Погоскій придавалъ большое значеніе этой повѣсти. Онъ говорилъ: «Читайте ее, господа! громко читайте, одолѣвая дремоту: ибо много-много есть между вами такихъ, которымъ довольно самой легкой, но дѣтски-дружеской опоры, чтобы стать дѣльными, достойными и полезными людьми». И, въ самомъ дѣлѣ, основная мысль повѣсти прекрасна и можетъ имѣть воспитательное значеніе для юныхъ читателей, но, къ сожалѣнію, проведена она нѣсколько натянуто: въ изображеніи вліянія майорской дочери на солдата замѣчаются идеализація и неестественность; кромѣ того, въ общемъ повѣсть страдаетъ сантиментальнымъ характеромъ; тѣмъ не менѣе, книга читается съ удовольствіемъ подростками и взрослыми и,—что особенно важно,—главная мысль автора усваивается читателями, а потому мы и рекомендуемъ эту повѣсть въ народно-школьную библіотеку.

Л. Е.

---

158) **Сибирлетка**. Повѣсть А. Погоскаго. Спб. 1880 г. Ц. 25 к. 100 стр. (5 рисунковъ).

Жизнь и похожденія собаки составляютъ содержаніе разсказа «*Сибирлетка*».

Разсказъ этотъ, богатый интересными подробностями и написанный чрезвычайно живо, съ удовольствіемъ читается дѣтьми. Они съ интересомъ слѣдятъ за продѣлками собаки, возбуждающей ихъ восторгъ и симпатію. И хотя въ разсказѣ есть нѣкоторыя мѣста, недоступныя пониманію дѣтей,—какъ, напр., споръ между солдатами,—въ общемъ онъ представляетъ собой интересную книгу для дѣтскаго чтенія, которую, впрочемъ, и взрослые читаютъ съ удовольствіемъ.

Описаніе жизни солдатъ въ нѣмецкой колоніи прекрасно знакомитъ читателя съ бытомъ колонистовъ. Авторъ относится къ послѣднимъ съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Вопросы:

Чѣмъ доказала Сибирлетка свою любовь къ хозяину?

Какъ живутъ нѣмцы-колонисты? *Л. Е.*

Драматическія произведенія Погоскаго. Драматическія произведенія Погоскаго являются самыми слабыми изъ всѣхъ произведеній этого автора. Всѣ они страдаютъ отсутствіемъ цѣльности и живости дѣйствія, натянутостью и избитостью сюжетовъ, вслѣдствіе чего мало представляютъ интереса для читающихъ.

Количество театральныхъ пьесъ Погоскаго невелико—всего пять: «*Дѣдушка домовой*», «*Легкая надбавка*», «*Чему быть, того не миновать*», «*Неспособный человѣкъ*» и «*Жареный гвоздь*».

Послѣдняя изъ нихъ представляетъ собой не болѣе, какъ наборъ весьма грязныхъ и циничныхъ сценъ. На ней необходимо остановить вниманіе учителя, для того чтобы какъ нибудь случайно она не попала въ школьную библіотеку въ ряду съ другими произведеніями Погоскаго.

159) **Дѣдушка Домовой**. Представленіе въ 4-хъ дѣйств. Спб. 1874 г. Ц. 15 к. 56 стр.—Изд. 1886 г.

Въ пьесѣ этой авторъ показываетъ, что явленія, кажущіяся сверхъестественными, имѣютъ иногда самыя несложныя, обыкновенныя причины, но эти причины бываютъ настолько замаскированы, что и вводятъ въ заблужденіе невѣжественныхъ людей.

Содержаніе этой пьесы такое: молодой парень, желая разстроить свадьбу любимой имъ дѣвушки, которую отецъ насильно выдаетъ замужъ за немилаго ей человѣка, съ помощью ея заставляетъ всѣхъ думать, что въ домѣ—домовой. Солдатъ, настолько ужъ развитой, что не вѣритъ ни во что сверхъестественное, встрѣчается съ самозванцемъ-домовымъ, узнаетъ отъ него всю правду и, благодаря хитрымъ продѣлкамъ, устраиваетъ свадьбу любящихъ другъ друга парня и молодой дѣвушки.

Пьеса «*Дѣдушка домовой*», написанная народнымъ языкомъ,—лучшая изъ драматическихъ произведеній Погоскаго, но и она отчасти страдаетъ общими недостатками этихъ произведеній. Читать ее могутъ подростки и взрослые.

Пьеса довольно сценична, обстановка несложна и можетъ быть устроена безъ особыхъ затратъ, что представляетъ извѣстныя удобства при постановкѣ ея на домашней сценѣ.

160) **Легкая надбавка**. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ. Спб. 1875 г. Ц. 30 к. 80 стр.

Содержаніе драмы «*Легкая надбавка*» взято изъ жизни петербургскихъ бѣдняковъ, живущихъ въ дешевыхъ квартирахъ. Героинѣ драмы, вдовѣ народнаго писателя, много приходится переносить лишеній и оскорбленій.

Хозяинъ дома, въ которомъ она жила, дѣлаетъ ей множество непріятностей и, наконецъ, за неплатежъ денегъ выгоняетъ ее изъ квартиры. Защиту и сочувствіе къ себѣ она встрѣчаетъ со стороны только такихъ же беззащитныхъ бѣдняковъ, какъ и она. Всѣ они общими силами борются со своими врагами, которые смотрятъ на бѣдняка, какъ на продажнаго раба; но борьба ихъ оканчивается безуспѣшно и только ухудшаетъ ихъ и безъ того скверное положеніе.

Нѣкоторыя мѣста въ драмѣ «Легкая надбавка» написаны сценично и тепло, но такихъ сценъ немного, и въ общемъ драма является довольно слабымъ произведеніемъ. Выдающійся недостатокъ—растянутость ея, вслѣдствіе чего читается она очень тяжело.

Среда, описываемая въ драмѣ, совершенно незнакома сельскимъ простолюдинамъ, и поэтому содержаніе этой драмы можетъ быть понято только жителями большихъ городовъ.

Драма, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, далеко не сценична. Дѣйствующихъ лицъ въ ней—масса (20, не считая выходныхъ ролей), обстановка довольно сложная.

161) **Чему быть, того не миновать.** Народное представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1875 г. Ц. 30 к. 108 стр.

Молодой парень Василій и дѣвушка Маша любятъ другъ друга; но отецъ послѣдней хочетъ выдать ее за богатаго кабатчика. Капитанъ и помѣщикъ, являющіеся въ самомъ концѣ пьесы, принимаютъ участіе въ судьбѣ Маши и Василія и устраиваютъ ихъ свадьбу.

Таковъ несложный сюжетъ комедіи *«Чему быть, того не миновать»*, завязкѣ и развязкѣ котораго посвящено собственно очень немного сценъ; всѣ же остальныя сцены ничѣмъ не связаны съ общимъ ходомъ пьесы, между тѣмъ ихъ такъ много, что комедія является довольно объемистой (108 стр.). Растянутость, неожиданность и неестественность развязки, длинныя и скучныя разсужденія второстепенныхъ лицъ, неудачныя остроты—все это дѣлаетъ комедію мало интересной какъ для чтенія, такъ и для представленія на сценѣ. Относительно послѣдняго большое еще неудобство представляетъ крайне сложная обстановка.

162) **Неспособный человѣкъ.** (Въ 5 картинахъ). Для солдатскаго театра изъ повѣсти передѣлалъ авторъ. Спб. 1880 г. Ц. 20 к. 84 стр.

Передѣлка повѣсти того же заглавія далеко уступаетъ послѣдней какъ по интересу содержанія, такъ и по художественности отдѣлки. Весь интересъ и все дѣйствіе комедіи сосредоточены на героѣ ея, Флегонтѣ, и для выполненія этой роли требуется непремѣнно талантливый актеръ. Всѣ остальные представляютъ собою второстепенныя лица.

Л. Е.

ИЗДАНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФРЕБЕЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Разсказы для дѣтей младшаго возраста).

С.-Петербургское Фребелевское Общество, задавшись цѣлью поощрить произведенія дѣтской литературы, издало серію маленькихъ разсказовъ, выдавая преміи за лучшіе изъ нихъ.

Видя въ преміи высшую награду за какое либо литературное произведеніе, критикѣ приходится отнестись къ предлагаемымъ разсказамъ съ мѣркой болѣе строгой, не допускающей заурядности; критика вправѣ ожидать отъ премированнаго сочиненія чего либо дѣйствительно художественнаго, выдающагося.

По внѣшней формѣ изданія С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества не позволяютъ желать ничего лучшаго и смѣло могутъ служить украшеніемъ любой дѣтской библіотеки. Шрифтъ крупный, отчетливый, бумага хорошая, картинки прекрасно исполнены Паповымъ и Крюковымъ. Этимъ только и можно объяснить сравнительно дорогую цѣну разсказовъ (50 к. за иллюстрированный и 30 к. за неиллюстрированный экземпляръ), изъ которыхъ самый длинный заключаетъ въ себѣ 48 страницъ.

Что же касается содержанія разсказовъ, художественности изложенія и выполненія замысла, то не всѣ отличаются одинаковымъ достоинствомъ, на что мы и укажемъ ниже. Тѣмъ не менѣе, всѣ они желательны, на нашъ взглядъ, въ школьной библіотекѣ.

163) **Митина нива.** Н. Г. Вучетича. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Удостоены преміи С.-Петерб. Фребелевск. Общества. Спб. 1881 г. Ц. 50 к. 19 стр.

Разсказъ начинается описаніемъ покоса, но не бодростью, не энергіей вѣетъ на васъ отъ этого людскаго труда; грустью дышетъ и отъ скошенной травы, разстающейся съ жизнью, и отъ разореннаго косою гнѣз-

да бѣдной птички. Вы точно слышите грустную прелюдію къ тяжелой драмѣ, и дѣйствительно драма не замедляетъ разыграться.

Крошка Митя, покинутый своимъ старшимъ братишкой, безсознательно уходитъ, срывая цвѣточки, въ густую рожь. Онъ засыпаетъ отъ усталости, не подозрѣвая, какая страшная бѣда виситъ надъ его бѣлокурой головкой. Несчастный ребенокъ просыпается передъ вечеромъ; наступаетъ страшная голодная ночь. Онъ изнемогаетъ отъ плача и рыданій и засыпаетъ тяжелымъ сномъ, чтобы больше не проснуться.

Несчастные родители, тщетно искавшіе его три дня, находятъ наконецъ бездыханный трупъ. И съ тѣхъ поръ та нива «Митиной нивой» зовется въ народѣ.

Положимъ, что все это такъ, что подобный случай возможенъ въ *страду деревенскую*; намъ помнится даже, что въ газетахъ было описано нѣчто въ такомъ родѣ, но какъ хочется не вѣрить всему этому даже взрослому человѣку, какъ хочется счастливаго конца при чтеніи!... И является невольно вопросъ: слѣдуетъ ли расшатывать нервы ребенка подобнаго рода драмой? Тѣмъ не менѣе, въ разсказѣ такъ много теплоты, задушевности, талантливости и смысла, что мы не можемъ отказать себѣ въ желаніи рекомендовать его и взрослымъ, и дѣтямъ; и тѣ, и другіе, какъ покажутъ отзывы, читаютъ его съ величайшимъ интересомъ и сочувствіемъ.

Передо мною стоитъ маленькая дѣвочка лѣтъ 9-ти и держитъ «*Митину ниву*».

— Понравилась? спрашиваю я.

— Какъ же! даже плакала надъ концомъ, отвѣчала дѣвочка.

— Ну, разскажи!

— Въ этомъ селѣ случилась бѣда, когда всѣ пошли косить, начала она: — косари идутъ себѣ, ничего не думаютъ; вѣтерокъ на встрѣчу имъ летитъ, травка шелеститъ съ грустью, а въ это время мальчики въ горохахъ лакомились, только головы однѣ виднѣлись! Послѣ поразошлись и одного Митю оставили. Онъ срываетъ себѣ цвѣточки, не замѣчаетъ, что его бросили, залѣзъ въ такую чащу, что невозможно изъ нея и вылѣзти. Можетъ, онъ и не пошелъ бы дальше, да ястребъ летитъ такой страшный, не дай Богъ,— глаза все равно, что разбойничьи. Митя испугался его и побѣжалъ дальше (послѣднее предположеніе создано ученицей произвольно). Я даже сама перепужалась, добавляетъ она:—думала, что онъ его ухватитъ. Дальше смотритъ: макъ растетъ; такъ ему это любопытно,—все дальше и дальше подвигается. Наконецъ уморился и заснулъ. Проснулся, ѣсть ему хочется, сталъ плакать; никто не отзывается. И такъ это онъ бился, бился, бѣдняжка, пока не померъ.... А послѣ его одна *косившая* (жница) нашла. Цвѣточки кругомъ него были разкладены.... А Митиной нивой за то ее прозвали, что онъ крѣпко цвѣточки съ этой нивы къ своей груди прижалъ, окончила дѣвочка и вздохнула.

Рец. см. «Педагогич. Хроника» 1881 г. стр. 121; «Народная Школа» 1881 г. № 5, стр 27; «Педагогич. Листокъ» 1881 г., стр. 80; «Женское Образованіе» 1881 г., № 1, стр. 64.

Катя С—ва (*10 л.*), перечитавшая всѣ изданія Фребелевскаго Общества, возвратила мнѣ «*Митину ниву*».

— Что-жъ, ты подумала, какъ я просила тебя, что̀ тебѣ больше понравилось и почему? спросила я.

— А какъ же, отвѣчала бойко дѣвочка:— какъ есть больше всего понравилась мнѣ «*Митина нива*»—жальче всѣхъ!

— А затѣмъ?

— «*Мурка*» и «*Ласточкино гнѣздо*». Я люблю, гдѣ животныхъ сожалѣютъ. «*Красный фонарь*» тоже понравился, «*Подпасокъ*»—такъ себѣ, а вотъ «*Третій червонецъ*» совсѣмъ не понравился.

Дарья Б—ва передала содержаніе «*Митиной нивы*» не только подробно и связно, но поэтически изящно. Изъ книги она на память приводила нѣкоторыя выраженія, напр.: «бѣдному труженику не до слезъ, не до горя», употребляя ихъ произвольно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя произвели на нее наиболѣе сильное впечатлѣніе.

Ученица воскресной школы, взрослая дѣвушка, подала мнѣ «*Митину ниву*».

—Что это, вы брали дѣтскую книгу? спросила я.

— Она хоть и дѣтская, но я очень осталась ею довольна: что-жъ, это и взрослому прискорбно, какъ онъ, бѣдняжка, безъ присмотра всякаго погибъ. То-то бѣдность! добавила она выразительно.

Замѣчено, что даже взрослыми нѣкоторыя изъ книгъ, изданныхъ Фребелевскимъ Обществомъ, читаются съ интересомъ.

Матвѣй С—хъ подалъ мнѣ сегодня *«Митину ниву»*. Онъ разсказалъ мнѣ все отъ начала до конца довольно плавно и толково и только передъ самымъ заключенiемъ остановился и сказалъ, вопросительно глядя на меня: — Онъ, должно быть, не умеръ, а заснулъ? Это имъ только показалось такъ, что онъ померъ. — И я замѣтила въ этомъ дѣтскомъ взглядѣ тревогу, но не могла утаить горькой правды.

164) **Красный фонарь** *). Разсказъ Вучетича. Спб. 1879 г. Ц. 30 к. 30 стр. (Распродано).

Г. Вучетичъ въ маленькомъ, хорошенькомъ разсказѣ знакомитъ читателей съ однимъ изъ сторожевыхъ домиковъ и съ жизнью его обитателя, желѣзнодорожнаго сторожа. Благополучiе поѣзда, жизнь сотни людей зависитъ отчасти отъ того, добросовѣстно ли относится сторожъ къ своему дѣлу. Сколько терпѣнiя, труда, часто и самопожертвованiя выпадаетъ на долю бѣднаго труженика! Г. Вучетичъ удачно выбралъ сюжетъ разсказа, заглянувъ въ домикъ желѣзнодорожнаго сторожа.

Одинъ изъ этихъ маленькихъ, но честныхъ людей, ставящiй исполненiе своего долга выше собственнаго благополучiя, имѣлъ присутствiе духа остановить на всѣхъ парахъ идущiй поѣздъ въ ту минуту, когда ему угрожала неминуемая гибель. Во время сильной грозы разметало рельсы по пути; собственный домикъ сторожа былъ объятъ пламенемъ, но онъ самъ, ошеломленный ударомъ молнiи, не думая о себѣ, успѣлъ оторвать лоскутъ отъ своей красной рубахи и, обернувъ имъ простой фонарь, далъ знать машинисту, что дальше ѣхать нельзя.

Разсказъ этотъ написанъ такимъ же прекраснымъ языкомъ, какъ и *«Митина нива»*, но содержитъ въ себѣ болѣе реальной правды и весьма пригоденъ для всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Что означаетъ зеленый и красный флагъ въ рукахъ у желѣзнодорожнаго сторожа?

Какъ поступилъ сторожъ, видя, что поѣздъ можетъ погибнуть?

Чѣмъ онъ жертвовалъ, спасая поѣздъ?

А. Г.

Ульяна П—ко, ученица сельской школы, *9-ти л.*, прочла *«Красный фонарь»*. Дѣвочка передавала содержанiе разсказа такъ хорошо, что мнѣ думалось, что она выучила книгу наизусть; но, справившись съ подлинникомъ, я увидѣла, что ошибалась. Особенно удалась ей передача сцены съ поѣздомъ, обморока сторожа, печали и испуга его дѣтей и признательности пассажировъ.

Когда она кончила, я спросила:

— Когда насъ постигаетъ какое нибудь несчастiе — болѣзни, пожаръ, — должны ли мы думать только о своемъ спасенiи?

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвочка такимъ тономъ, какъ будто это было для нея давно рѣшеннымъ вопросомъ: — надо и къ другимъ спѣшить на подмогу, а то—грѣхъ!

Подобныхъ отзывовъ мы имѣемъ нѣсколько.

165) **Ласточкино гнѣздо**. Разсказъ О. Шмидтъ. Ц. 50 к. 32 стр. Спб. 1880 г.

Маленькое семейство ласточекъ устроило свое гнѣздо подъ крышей одной дачи. Кровожадный котъ Васька, желая полакомиться птичками и запустивъ къ нимъ лапу, ломаетъ гнѣздо, которое вмѣстѣ съ птенчиками падаетъ на землю. Ваня и Катя, обитатели дачи, спасаютъ птичекъ, устроивъ имъ гнѣздо въ корзинкѣ, привѣшенной къ крышѣ, гдѣ ихъ выкармливаютъ ихъ же родители.

Разсказъ этотъ читается дѣтьми съ удовольствiемъ.

Вопросы:

Какъ спасли дѣти погибающихъ птичекъ?

Часто ли представляется намъ случай помочь кому нибудь въ бѣдѣ? *А. Г.*

Рец. см.: 1) «Библiогр. Листокъ» 1881 г. № 1, стр. 54; 2) «Народн. Школа» 1880 г. № 8, стр. 35; 3) «Педаг. Листокъ» 1880 г., стр. 62; 4) «Педагогич. Хроника» 1881 г., стр. 121; 5) «Женское Образованiе» 1880 г. № 1, стр. 44.

Коля Ар—въ съ большими подробностями воспроизвелъ *«Ласточкино гнѣздо»*. Я сидѣла и поспѣшно записывала карандашемъ.

— Висѣло надъ балкономъ гнѣздо, началъ онъ дѣловымъ тономъ:—и прилетѣли двѣ ласточки—одна молодая, другая старая. Старая осмотрѣла и говоритъ: «охъ, оно ненадежно!» а молодая не послушала, стала жить и полетѣла мужа своего встрѣчать, и говоритъ

---

*) Рец. см.: 1) «Педаг. Музей» 1878 г., № 12, стр. 891; 2) «Женск. Образ.» 1879 г. № 5, стр. 366; 3) «Педаг. Лист.» 1878 г., стр. 40; 4) «Педаг. Хроника» 1881 г., стр. 121; 5) «Воспит. и Обученiе» № 1, стр. 39; 6) «Народн. Школа» 1880 г. № 3, стр. 47; 7) Дополненiе къ «Обзору Народн. Литер.», стр. 43.

ему: «вотъ какое хорошее гнѣздо я себѣ нашла, все равно, какъ домикъ!» И видитъ она ночью что-то бѣлое на крышѣ, какое-то пятно. Смотритъ — кошка. Она такъ перепужалася, что даже мужу не позволила отлучаться.

Но передавать подробно словами Коли было бы слишкомъ долго, а потому я укажу только на выдающіяся мѣста въ его разсказѣ. Чрезвычайно картинно онъ передалъ о томъ, какъ гнѣздо упало, какъ Катя и Ваня перепугались и, глядя другъ на друга, говорили: «гдѣ наше гнѣздышко?» какъ вывела ласточка птенцовъ, какіе они были маленькіе, и какъ потомъ на нихъ выросло *«пирьячко»*, какъ выразился онъ, и какъ, наконецъ, ласточки, выростивъ птенцовъ, *«цвиркали и благодарили дѣтей за ихъ добрость»*.

Подобныхъ отзывовъ мы имѣли нѣсколько.

165) **Мурка.** Разсказъ О. Шмидтъ. Изд. С.-Петерб. Фребел. Общ. Ц. 50 к. 48 стр. 1881 г.

Мурка — одинъ изъ лучшихъ разсказовъ, удостоенныхъ преміи. По замыслу и по исполненію онъ стоитъ гораздо выше *«Ласточкинаго гнѣзда»* того же автора.

Маленькая Саша находитъ погибающаго котенка, съ помощью своей мамы воспитываетъ его и очень къ нему привязывается. У нея нѣтъ ни брата, ни сестры; котенокъ Мурка—ея единственный товарищъ. Но котенка подсмотрѣли шалуны-мальчики изъ сосѣдней дачи; они переманиваютъ его къ себѣ и отдаютъ своей сестрѣ, больной дѣвочкѣ, которая, не смотря на то, что княжна, не можетъ пользоваться радостями дѣтскаго возраста. И дѣвочка всей душой привязывается къ кошечкѣ.

Между тѣмъ, Саша, скучающая безъ Мурки и узнавъ о его мѣстопребываніи, идетъ съ мамой на сосѣднюю дачу просить, чтобы ей возвратили ея друга. Тамъ у больной дѣвочки, видя ея горе при разставаніи съ кошечкой, побуждаемая чувствомъ состраданія къ блѣдному, жалкому ребенку, лишенному возможности и попрыгать, и поиграть, Саша отказывается добровольно отъ Мурки и отдаетъ его маленькой княжнѣ.

Идея разсказа,—умѣнье отказаться отъ собственной радости ради радости ближняго,—развита просто, тепло и глубоко западаетъ въ душу ребенка. Граціозныя сценки, непосредственно взятыя изъ жизни, рисуются предъ читающимъ ребенкомъ. Онъ видитъ и Сашу со своей мамой, и ея няню-старушку, и любимца Мурку. Онъ всѣмъ сердцемъ присутствуетъ въ сценѣ, когда Саша, увлеченная состраданіемъ, но не безъ душевной борьбы, отказывается отъ своего котенка.

— Да, хорошо поступила Саша! она должна была такъ поступить, и я бы такъ сдѣлалъ, думаетъ ребенокъ.—Но Сашѣ нелегко: она вѣдь любитъ своего Мурку. «Не надо мнѣ его, мама! Ахъ, мама!» восклицаетъ она, уткнувъ головку въ колѣни матери... И растроганный ребенокъ готовъ воскликнуть то же вмѣстѣ съ маленькой Сашей.

Умѣнье пробудить въ душѣ читателя благородное чувство, умѣнье заронить въ его душу сѣмена нравственности—великая заслуга писателя. Дается она далеко не всѣмъ.

Разсказъ *«Мурка»*, весь взятый изъ среды высшаго класса, тѣмъ не менѣе вполнѣ понятенъ дѣтямъ народной школы.

А. Г.

Рец. см. Дополненіе къ «Обзору Народной Литературы» стр. 43; «Библіограф. Листокъ» 1881 г. № 1, стр. 28; «Педаг. Хроника» 1881 г. стр. 121; «Народн. Школа» 1881 г. № 5, стр. 27; «Женское Образованіе» 1881 г. № 1, стр. 64.

Маленькая дѣвочка лѣтъ 9-ти подала мнѣ *«Мурку»*. Я стала разспрашивать ее по картинкамъ.

— Это Трезоръ гоняется за Муркой, а няня споритъ съ мальчиками, говорила она:— а это княжна маленькая,—ей параличъ ножки отшибъ. Саша надъ ней сжалилась. И Мурку жалко, и дѣвочку жалко; черезъ это она и плачетъ,—плачетъ и говоритъ: «вотъ я дарю тебѣ затѣмъ, что я могу бѣгать и веселиться, а ты нѣтъ; только ты, ради Бога, не отдавай ее тѣмъ злымъ мальчикамъ!»

Я не разспрашивала больше: очевидно, что книга понята и усвоена ребенкомъ.

Ученица воскресной школы, 10-ти л., подала мнѣ *«Мурку»*.

— Что тутъ нарисовано? спросила я, указывая на картинку.

— Мама, Саша и котенокъ; смѣшно ей, какъ онъ себѣ мордочку послѣ молока отряхиваетъ!

— А тутъ?

— Это онѣ дачу себѣ наняли—двѣ комнатки, а кругомъ садъ, такъ она въ саду бѣгаетъ.

— А это?

— Это она Муркѣ показываетъ; она маленькая: думаетъ, онъ пойметъ! и т. д.

Вообще, всѣ иллюстрированныя изданія Фребелевск. Общества чрезвычайно удобно разспрашивать съ помощью прекрасныхъ и выразительныхъ картинокъ.

Я показываю маленькой дѣвочкѣ картинку (стр. 15), на которой изображено, какъ Саша обучаетъ кошку грамотѣ.

— Могла Мурка понять, что написано въ азбукѣ? спрашиваю я.

— Могла, отвѣчаетъ ребенокъ безъ всякихъ колебаній (и это не единичный случай).

— Что нарисовано на этой картинкѣ? спрашиваю я далѣе.

— Мурка убѣжалъ, а она *зажурилась* *), отвѣчаетъ дѣвочка.

— Почему Саша не взяла Мурку къ себѣ?

— Такъ дѣвочка плачетъ! отвѣчаетъ крошка выразительно, указывая пальчикомъ на маленькую княжну.

167) **Подпасокъ**. Разсказъ Смирнова. Ц. 50 к. 27 стр. Спб. 1880 г.

Содержаніе разсказа почерпнуто изъ крестьянскаго быта. Написанъ онъ съ большимъ чувствомъ, теплотой и любовью къ маленькому герою разсказа; дѣтей наводитъ на хорошія мысли и читается ими охотно.

Раннимъ утромъ, едва успѣло солнышко показаться изъ-за горизонта, какъ по улицамъ деревушки раздается рожокъ стараго пастуха. Ворота скрыпятъ, отворяются; собирается на улицу стадо коровъ, овецъ и барановъ. Старикъ гонитъ его въ поле, на зеленую травку. Идетъ за нимъ и десятилѣтній Мишутка, который, съ трудомъ продравъ глазки послѣ крѣпкаго сна, щурится на восходящее солнце. Цѣлый день въ полѣ Мишутка. Пока старикъ сидитъ на зеленомъ бугоркѣ, мальчикъ смотритъ за тѣмъ, чтобы коровы не удалялись изъ стада, а потомъ, подсѣвъ къ дѣдушкѣ, ведетъ съ нимъ свои дѣтскія рѣчи о томъ, что видитъ, чего самъ себѣ объяснить не можетъ. Тутъ корова жвачку жуетъ, тамъ другая не знаетъ, какъ избавиться отъ жалящихъ ее оводовъ; по синему небу носятся легкія облака, а вотъ и черныя тучи собрались, молнія блеснула. Старикъ отвѣчаетъ мальчику, какъ умѣетъ, но многаго онъ и самъ объяснить не можетъ. «Говорятъ, будто книги такія есть, что въ нихъ про все про это написано», замѣчаетъ онъ мальчику. Хотѣлось бы Мишѣ научиться читать въ этихъ книгахъ, да и думать ему объ этомъ не годится. Ему хлѣбъ зарабатывать надо: лѣтомъ въ полѣ, зимою на фабрикѣ. Мать у него хворая, а онъ у нея одинъ. Крѣпко задумывается мальчикъ надъ своимъ печальнымъ житьемъ.

Еслибы г. Смирновъ хотѣлъ написать тенденціозный разсказъ, онъ непремѣнно воспользовался бы любознательностью Миши и препроводилъ бы его въ школу; но онъ этого не дѣлаетъ. Онъ показываетъ прозаическую сторону жизни Миши, жизнь дѣйствительную.

Пока пастухи были въ полѣ, разразилась буря, пошелъ дождь. Собирая стадо, они не досчитались одной телки. Пришлось Мишѣ идти одному въ мрачный, темный лѣсъ отыскивать пропавшую телушку. Въ лѣсу онъ заблудился. Пришлось бы мальчику переночевать въ лѣсу, еслибы не выручила его изъ бѣды мать: она нашла его и успокоила. Телка же давно была дома.

До школы ли было бѣдному подпаску!

Разсказъ пригоденъ для малолѣтнихъ и подростковъ. *А. Г.*

Рец. см. «Женск. Образ.» 1880 г. № 1, стр. 44; «Педаг. Листокъ» 1880 г. № 4, стр. 63; «Нар. Школа» 1880 г. № 8, стр. 35.

Разсказъ этотъ прочитанъ былъ учительницей ученикамъ сельской школы. Дѣти слушали внимательно, и все шло хорошо, пока не подошла стр. 20, гдѣ говорится: *«овцы кружились»*, *«телята прыгали»*, *«быки и коровы начали рыть копытами землю»*. Тутъ поднялась цѣлая буря протеста.

— Не можетъ этого быть! кричали дѣти.— Развѣ можно вмѣстѣ коровъ, телятъ, быковъ и овецъ пасти? Телята коровъ высосутъ, быки телятъ побьютъ!

Учительница, мало свѣдущая въ сельскомъ хозяйствѣ, была поставлена въ затруднительное положеніе и рѣшительно не знала, что отвѣчать.

Картинки очень заняли дѣтей. На вопросы они отвѣчали такъ:

— Почему Мишутку рано отдали въ работу?

— Потому что онъ былъ бѣдный сирота: отца у него не было, одна мать — и та старая и хворая. Некому было заработать; вотъ онъ лѣтомъ подпаскомъ ходилъ, а зимою на фабрику его отдать хотѣли.

— О чемъ мечталъ онъ, глядя кругомъ?

— Ему хотѣлось грамотѣ научиться и узнать, что на небѣ дѣлается и объ чемъ въ книжкахъ пишутъ. Онъ думаетъ: «вотъ, еслибъ я умѣлъ грамотѣ, — все бы узналъ: и почему солнце восходитъ лѣтомъ въ одномъ мѣстѣ, а зимою — въ другомъ, и почему тучи находятъ, и почему молнія блеститъ».

— Чего желали бы вы ему въ будущемъ?

— Пускай будетъ, какъ ему хочется: пускай грамотѣ научится! сказалъ одинъ изъ мальчиковъ снисходительнымъ тономъ, точно

---

*) Загрустила.

будто отъ него зависѣло позволить ему учиться.

— А мать какъ же? возразилъ серьезно другой.

Вопросъ остался открытымъ.

168) **Третій червонецъ.** Разсказъ Лакидэ. Спб. 1879 г. Ц. 30 к. 31 стр.

Этотъ фантастическій разсказъ, передѣлка съ иностраннаго, написанный довольно живо, не представляетъ, однако, достоинствъ ни по исполненію, ни по идеѣ, хотя дѣтьми читается съ интересомъ.

Лѣнивый и жадный портной обманываетъ жителей роднаго города, жестокостью низводитъ въ могилу жену и наконецъ, попавшись въ нехорошемъ дѣлѣ, переселяется въ другой городъ съ добрымъ намѣреніемъ начать честную жизнь. Дорогой онъ видитъ сонъ. Снится ему, что онъ укралъ у одного путешественника червонецъ. Не смотря на многочисленныя опасности, которымъ онъ подвергается, онъ не сознается въ воровствѣ, но, напротивъ того, путемъ обмана и хитрости скопляетъ еще груду золота, которая превращается въ кучу навоза въ ту минуту, когда портной видитъ себя ея обладателемъ.

Вопросы:

Отчего портной не сознавался въ воровствѣ?
Что, наконецъ, заставило его сознаться?
Чему научилъ портнаго видѣнный имъ сонъ?

Рец. см. «Народн. Школа» 1880 г., № 3, стр. 47; «Воспитаніе и Обученіе» 1879 г. № 1, стр. 39; «Педагогич. Хроника» 1881 г. стр. 121; «Педагог. Листокъ» 1879 г., стр. 29; «Педагогич. Музей» 1878 г. № 12, стр. 891; «Женск. Образов.» 1879 г. № 5, стр. 347.

Таня Ар—ва превосходно передала сказку «*Третій червонецъ*», нѣсколько даже театрально.

— «Ты взялъ червонецъ? говорила она грозно.—«Будь я проклятъ—не я!» отвѣчалъ испуганный голосъ. (Само собою разумѣется, что ругательство не могло встрѣтиться въ изданіи Фребелевскаго Общества и являлось отголоскомъ среды, окружающей Таню).—«Кто же здѣсь былъ?» и она пожала плечами.— Какъ шурхнетъ онъ въ воду, продолжала она далѣе:—какъ закричитъ: «ой, помогите, ой, спасите, тону, тону!..» Всѣ дѣти даже засмѣялись.

Разсказъ ей очень понравился.

Елена Л—ва, 11 л., такъ разсказала мнѣ «*Третій червонецъ*»:

— Жилъ портной; и пошелъ онъ въ худыя дѣла. Отдали его подъ судъ. Вотъ онъ и задумалъ въ другой городъ переѣхать. Пошелъ. По дорогѣ встрѣчается ему мужчина незнакомый и проситъ его: «подержи мой узелокъ, я отлучусь на минутку». Отлучился; а портной видитъ — портмоне; открылъ — три червонца; хотѣлъ всѣ три взять, а послѣ думаетъ: «лучше одинъ возьму, меньше шуму будетъ».

Въ такомъ духѣ шелъ весь разсказъ. Подъ конецъ ученица сказала.

— Ему три кучи золота снились. Проснулся и видитъ: вмѣсто золота три кучи навоза у него на дворѣ лежатъ, а незнакомецъ исчезъ.

Такъ передаютъ всѣ ученицы окончаніе сказки, перенося въ дѣйствительность то, что портной видѣлъ во снѣ.

С.-Петербургское Фребелевское Общество, продолжая, по примѣру прошедшихъ лѣтъ, выдавать премiи за лучшіе дѣтскіе разсказы, представленные на конкурсъ, выдало таковыя въ 1882 году г-жѣ Куликовой за ея разсказъ «*Шарикъ*» и г-ну Сливицкому—за разсказъ «*Лиса Патрикьевна*». Оба разсказа, особенно второй, составляютъ хорошее пріобрѣтеніе для дѣтской литературы младшаго возраста.

169) Вотъ содержаніе разсказа г-жи Куликовой: **Шарикъ.** Ц. 50 к. 30 стран. Спб. 1881 г.

Семья Кедровыхъ жила на дачѣ. Сынъ Кедровыхъ, маленькій Костя, наслаждался деревенскою жизнью, гулялъ, удилъ рыбу. Разъ онъ встрѣтилъ на берегу рѣки бѣдную дѣвочку Катю, дочь прачки, которая играла со своей собачкой Шарикомъ. У Кости было много игрушекъ, много дѣтскихъ радостей, но ему захотѣлось имѣть еще и Шарика. Но такъ какъ дѣвочка любила Шарика и не хотѣла съ нимъ разстаться, не смотря на просьбы, а потомъ и угрозы Кости, то мальчикъ рѣшился овладѣть собачкой силою. Въ этомъ ему помогла няня, смотрѣвшая на него, какъ на барченка, которому должна повиноваться крестьянская дѣвочка. Она выманила собачку у Катиной матери. Костя же постарался оправдать свой поступокъ тѣмъ, что далъ дѣвочкѣ за собачку 20 к.

Онъ торжествовалъ, а Катя тосковала, плакала, едва не заболѣла. Отецъ Кости, встрѣтивъ ее разъ всю въ слезахъ, узналъ отъ нея о причинѣ ея горя. Возмущенный поступкомъ сына, онъ рѣшился наказать его, заставивъ прочувствовать то же, что чувствовала Катя.

Онъ отнялъ у него копилку съ деньгами и лукъ—его любимыя вещи.

Взамѣнъ отнятыхъ вещей отецъ далъ сыну 20 к., напомнивъ, что онъ самъ поступилъ такимъ же образомъ, отнявъ насильно у Кати ея любимую собачку.

Мораль, вытекающая изъ самого разсказа, а не облеченная въ нравоучительную форму, понятна самымъ маленькимъ дѣтямъ.

Образъ маленькой Кати, такъ горячо любившей свою собачку, возбуждаетъ сочувствіе.

Разсказъ иллюстрированъ прелестными силуэтами.

Намъ пришлось прочитать этотъ разсказъ группѣ дѣтей сельской школы. Они слушали его съ большимъ интересомъ и на вопросы отвѣчали такимъ образомъ:

— Что составляло забаву дѣтей?

Въ отвѣтъ дѣти весьма подробно разсказали и объ удочкѣ, и о лукѣ, и о Шарикѣ.

— Довольствовался ли Костя своими радостями?

— Нѣтъ! отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ: — ему мало своего,—чужаго захотѣлося!

— Какъ наказалъ Костю отецъ за его дерзкій поступокъ?

— Онъ ему то же самое устроилъ, что онъ дѣвочкѣ. Мнѣ больше всѣхъ этотъ баринъ понравился! добавилъ мальчикъ съ чувствомъ.

Разсказъ «*Лиса Патрикѣевна*» отнесенъ въ отд. «Естествознаніе».

170) **Юнымъ читателямъ. Разсказы о разныхъ людяхъ.** В. Острогорскаго. Изданіе «Дѣтской Библіотеки». Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 75 к. 230 стр.

Первые три разсказа: «*Титъ*», «*Маланья*», «*Вавило*» составлены изъ пословицъ и народныхъ повѣрій, собранныхъ Далемъ, Снигиревымъ и Сахаровымъ. Четвертый разсказъ «*Маша*» основанъ на свадебныхъ пѣсняхъ, которыя поются обыкновенно въ деревняхъ, когда просватаютъ невѣсту. Эти разсказы, цѣликомъ взятые изъ жизни русскаго народа, особенно близки и понятны простолюдину, нравственный кодексъ котораго весь заключается въ пословицахъ.

Остальные 13 разсказовъ составлены по Диккенсу, Ауэрбаху, Григоровичу, Шекспиру, Шиллеру. Тутъ же помѣщены двѣ біографіи: «Георгъ Краббъ» (по Дружинину), «Чарльзъ Диккенсъ», а также описаніе дѣтства Гёте (по Льюису) *).

Книга эта можетъ служить интереснымъ и полезнымъ чтеніемъ для учениковъ старшаго возраста народной школы. Пригодна также для наградъ и подарковъ.

Вопросы:

До чего дошелъ Титъ по своей лѣни и нерадѣнію?

Что за женщина была Маланья?

Почему кажется людямъ, что суевѣрныя примѣты оправдываются?

По какой причинѣ въ крестьянскомъ быту подруги въ свадебныхъ пѣсняхъ оплакиваютъ невѣсту?

Какъ объяснить повѣрье о могильщикѣ Груббѣ?

Назовите русскую женщину, княгиню, послѣдовавшую за мужемъ въ Сибирь.

За что была сослана семья Долгорукихъ?

При какой императрицѣ это случилось?

---

171) **Въ своемъ кругу.** А. Острогорскаго. «Наша Библіотека». Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к. 275 стр., съ 15-ю картинками.

Въ этой книгѣ авторъ, не заходя въ область далекаго, предлагаетъ читателю рядъ статей на темы, взятыя большею частью изъ окружающей насъ жизни и природы. Содержаніе большинства статей, какъ говоритъ самъ авторъ, заимствовано изъ разныхъ источниковъ. У русскихъ писателей взяты разсказы: «*Колька*» (у Михайлова), «*Раздавили!*» (у Ѳ. Достоевскаго, изъ его романа «Преступленіе и наказаніе), «*Какъ проводитъ день Мери*» (у г-жи Владимірской).

Послѣдній разсказъ описываетъ нравы американской жизни съ ея простотою, неустаннымъ трудолюбіемъ и здравымъ взглядомъ на взаимныя обязанности людей и отношенія ихъ другъ къ другу.

Маленькая русская дѣвочка Соня отправляется съ отцомъ въ Америку и, послѣ внезапной смерти отца, оставшись сиротой, попадаетъ въ семью доктора-американца, гдѣ и воспитывается съ дочерью доктора, маленькой Мери. У нея она выучивается смотрѣть на трудъ, какъ на обязанность всѣхъ людей отъ мала до велика. Съ помощью Мери она помогаетъ женѣ доктора въ хозяйствѣ: прибираетъ, топитъ печи, ухаживаетъ за больными доктора, работаетъ въ саду, готовитъ обѣдъ семьѣ, въ томъ числѣ и работникамъ, на которыхъ смотритъ, не какъ на наемниковъ, а какъ на членовъ своей семьи, рабо-

*) О новомъ изданіи этихъ разсказовъ см. во 2-мъ т. «Что читать народу?» Рецензія сборника: «Хорошіе люди».

тающихъ для общаго благосостоянія. Впослѣдствіи Соня возвращается въ Россію, выходитъ замужъ и воспитываетъ свою дочь въ тѣхъ же правилахъ труда и самопомощи.

Помѣстивъ этотъ разсказъ изъ иностранной жизни въ свою книгу, г. Острогорскій какъ бы указываетъ на возможность привитія тѣхъ же нравовъ въ нашемъ отечествѣ.

Въ слѣдующей повѣсти—«*Моя мать*»—авторъ описываетъ русскую женщину, которая, выросши въ деревнѣ, видѣла съ раннихъ лѣтъ людей на различныхъ ступеняхъ общественнаго благосостоянія, не гнушалась никакимъ трудомъ, какъ бы низокъ онъ ни казался, и, будучи проникнута состраданіемъ и любовью къ крестьянскому люду, мечтала о поднятіи умственнаго уровня крестьянской семьи. Свои убѣжденія и стремленія она съумѣла внушить своей дочери, сдѣлавшейся школьной учительницей.

Какъ эти, такъ и всѣ остальные разсказы, исчерпывающіе по возможности отношенія людей другъ къ другу, проникнуты жизненной правдой, оставляющей теплое чувство въ душѣ читателя. Къ такимъ можно причислить: «*Иванъ Ивановичъ*», «*Прерванная вечеринка*», «*Старый инвалидъ*», «*Раздавили!*» и т. д.

Не менѣе удачно составлены разсказы, матеріаломъ для которыхъ послужило описаніе животныхъ, какъ-то: «*Умныя рыбы*», «*Колюшки*», «*Моя бѣлка*», «*Заяцъ*», «*Комары*», «*Городская ласточка*», «*Голубиная почта*» и друг.

Сообщая интересные факты изъ жизни животныхъ, авторъ указываетъ на ихъ умъ и смѣтливость, на ихъ находчивость и заботу о сохраненіи потомства.

Всѣ эти разсказы написаны языкомъ простымъ и понятнымъ.

Заканчивая разборъ книги, нельзя не обратить вниманія на статьи, выборъ которыхъ весьма удаченъ: «*Листокъ бумаги*» и «*Старыя книги*». Въ первой говорится о томъ, изъ чего и какъ приготовляется бумага въ настоящее время; во второй разсказывается о постепенномъ возникновеніи и усовершенствованіи книги. Научившись съ незапамятныхъ временъ передавать письменно всевозможными условными знаками свои мысли, люди употребляли для этой цѣли камни, металлическія и костяныя дощечки. Путемъ долгаго и постепеннаго усовершенствованія дошелъ грамотный человѣкъ до изобрѣтенія теперешней книги, испробовавъ сначала листики папируса и пергаментъ.

Книга читается съ интересомъ и младшимъ, и старшимъ возрастами; весьма желательна въ народно-школьной библіотекѣ; пригодна также для наградъ и подарковъ.

Вопросы:

Для чего долженъ человѣкъ работать?

Можно ли уважать человѣка, проводящаго время праздно и разсчитывающаго на помощь другихъ?

Не можете ли назвать животныхъ, служащихъ намъ примѣромъ постояннаго трудолюбія?

Разскажите о томъ, какъ прежде писались и составлялись книги? *А. Г.*

---

172) **Маленькій оборвышъ.** Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ. Стр. 300. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 1876 г.— 2-е изд., 1882 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтство маленькаго оборвыша Джимми прошло въ самой печальной обстановкѣ. Мать его умерла, когда ему было шесть лѣтъ; отецъ его, простой лондонскій работникъ, оставшись послѣ смерти жены съ двумя малыми дѣтьми на рукахъ, скоро женился на своей сосѣдкѣ. Жизнь бѣднаго Джимми стала еще печальнѣе съ злою, пьяною мачихою. Она заставляла его по ночамъ няньчить маленькую сестру, морила его голодомъ, наговаривала на него отцу, который билъ его безпощадно. Ребенокъ, доведенный до отчаянія, бѣжалъ изъ дому. Съ наступленіемъ ночи, голодный, измученный, онъ встрѣтился съ двумя уличными мальчишками, которые сперва поколотили его, а потомъ, сжалившись надъ его безпомощностью, пріютили его на ночь въ угольномъ фургонѣ, подъ темными, сырыми сводами лондонскаго моста, куда сходилась на ночлегъ толпа безпріютныхъ бродягъ, старыхъ и малыхъ. Голодъ вынудилъ бѣднаго оборвыша, по примѣру товарищей, сдѣлаться уличнымъ воришкою. Голодныя дѣти крали плоды и овощи у торговки, за безцѣнокъ перепродавали старику, а на вырученныя деньги покупали хлѣбъ и согрѣвались чашкою горячаго кофе. Но скоро ихъ примѣтили на рынкѣ; чуть не каждый день доставались имъ побои отъ сторожей и торговцевъ; жить же честнымъ трудомъ было имъ недоступно. Джимми не выдержалъ тяжелыхъ лишеній, заболѣлъ горячкою и попалъ въ больницу рабочаго дома. Въ больницѣ сравнительно хорошее содержаніе и заботливый уходъ спасли его отъ смерти; но, къ великому своему горю, онъ узналъ отъ товарища по палатѣ, что его, какъ сироту, отправятъ

на морскія работы, гдѣ сѣкутъ безпощадно и сажаютъ въ черную яму.

Мальчикъ ухитрился убѣжать изъ рабочаго дома, но товарищей своихъ подъ сводами моста онъ не встрѣтилъ нигдѣ. Тутъ началась для него жизнь полная самыхъ печальныхъ приключеній. Два еврея обобрали его безсовѣстнымъ образомъ: теплую больничную одежду замѣнило грязное тряпье.

При его попыткахъ жить честнымъ трудомъ онъ попалъ къ трубочисту; оказалось, что трубочистъ занимался не чисткою трубъ: онъ кралъ съ кладбища трупы умершихъ съ цѣлью грабежа. Вслѣдствіе этого промысла, Джимми попалъ въ руки полицейскихъ, которые хотѣли препроводить его къ отцу; но такъ какъ отецъ окончательно спился, то мальчику удалось бѣжать и скрыться отъ полиціи.

Всѣ эти удачные побѣги не привели ни къ чему доброму: онъ сдѣлался настоящимъ воромъ, сталъ таскать кошельки изъ кармановъ прохожихъ. При одномъ удачномъ воровствѣ его поймалъ одинъ изъ главныхъ лондонскихъ мошенниковъ и принудилъ вступить къ нему въ ученье, чтобы самому воспользоваться его ловкостью и проворствомъ. Къ счастію, встрѣча съ прежнимъ товарищемъ, измѣнившимъ свой образъ жизни, добрые совѣты жены хозяина и воспоминаніе о покойной матери внушили ему желаніе сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ полиція, слѣдившая за ворами, схватила ихъ всѣхъ. Джимми помѣстили въ заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ, гдѣ онъ научился многому хорошему и впослѣдствіи переселился въ Австралію. Тамъ онъ нажилъ богатство и по возможности оказывалъ помощь всѣмъ маленькимъ оборвышамъ, какіе встрѣчались ему въ жизни.

Разбирая эту книгу, насколько она пригодна для народной и школьной библіотеки, можно было бы предположить, что исторія англійскаго оборвыша не произведетъ впечатлѣнія на читателя - простолюдина, такъ какъ въ ней описаны похожденія мальчика совершенно чуждой ему среды. Но не было бы мнѣніе это ошибочнымъ! Къ несчастію, есть и у насъ свои оборвыши, обреченные на тяжелыя лишенія: въ портовыхъ городахъ, въ фабричныхъ центрахъ, гдѣ предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ на нихъ. Въ апрѣльской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1883 г. помѣщена статья А. Абрамова «Босая команда». Позволяемъ себѣ привести отрывочныя выписки изъ этой статьи.

«Въ нашихъ городахъ существуетъ особый классъ людей, дошедшихъ до послѣдней ступени бѣдности, при которой, казалось бы, невозможно самое существованіе. Босая команда считаетъ своихъ членовъ тысячами; ими набиты госпитали, богадѣльни, больницы, ночлежные пріюты. Въ Одессѣ, во время безработицы, они укрываются въ ломкахъ, изъ которыхъ вынутъ камень, въ сырыхъ вонючихъ пещерахъ, на голой землѣ, мокрой весною и осенью, замерзшей зимою. Но одесскія ломки являются роскошнымъ жилищемъ сравнительно съ тѣми дырами, въ которыхъ обитаютъ ростовскіе *золоторотовцы*. Тамъ (въ Ростовѣ-на-Дону) есть яръ, въ который сваливается изъ города нечистота, и вотъ здѣсь-то, въ этомъ навозѣ *босяки* роютъ дыры и живутъ въ нихъ. Умъ отказывается вѣрить, воображеніе — представить, чтобы было возможно подобное существованіе».—«Въ Казани босяки живутъ въ плотахъ, на Казанкѣ, подъ мостами. Рыбинскіе *зимогоры* ютятся зимой въ стогахъ, стоящихъ на поляхъ. Въ Варшавѣ жилищами бѣдныхъ являются бочки и старые вагоны. Всѣ съѣстные продукты, оказавшіеся по полицейско-медицинскому осмотру вредными, выброшенные куда нибудь въ яму, въ мѣсто свалки нечистотъ, подбираются и потребляются въ пищу».

«А городскіе ночлежные дома въ городахъ! Отвратительнѣе этихъ убійственныхъ клоакъ трудно себѣ что либо представить».

Итакъ, положеніе русскихъ оборвышей также ужасно, какъ и нищета лондонская, едва ли не хуже, такъ какъ въ Россіи зима суровѣе и продолжительнѣе.

Какъ видно по содержанію, разсказъ «Оборвышъ» болѣе умѣстенъ въ городскихъ народныхъ библіотекахъ. Для тѣхъ изъ распорядителей библіотекъ, которые могли бы подумать, что описаніе иностранной, чуждой русскому ребенку среды затрудняетъ пониманіе читателя, считаемъ нелишнимъ прибавить, что г-жа Анненская не перевела, а передѣлала романъ Гринвуда и этимъ сдѣлала его совершенно удобопонятнымъ. Описанія и черты, взятыя изъ чужой жизни, не только не ослабляютъ должнаго впечатлѣнія, но еще болѣе наводятъ на сравненія съ жизнью окружающею.

Вопросы:

Какъ провелъ свое дѣтство маленькій Джимми?

Могъ ли онъ сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ при той жизни, которую онъ велъ?

Чего ему недоставало, чтобы сдѣлаться хо-

рошимъ человѣкомъ? (Любви и ласки матери, примѣра работающихъ людей).

Къ чему пріучила его горькая жизнь въ дѣтствѣ?

Кто прежде всѣхъ внушилъ ему желаніе сдѣлаться честнымъ человѣкомъ?

Что такое заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ?

Какая цѣль этихъ заведеній?

Существуютъ ли подобныя заведенія въ Россіи?

Къ чему стремился Джимми, сдѣлавшись честнымъ человѣкомъ? *А. Г.*

Примѣчаніе. См. рец. «Педагогич. Листокъ» 1880 г. № 4, стр. 330; «Народная Школа» 1866 г. № 5, стр. 31; «Педаг. Музей» 1876 г. № 2, стр. 122; «Женское Образованіе» 1877 г. № 8, стр. 498; «Системат. обзоръ народно-учебн. литер.», Дополненіе 1-е, 1882 г., стр. 44.

---

173) **Братъ и сестра.** Романъ для дѣтей А. Н. Анненской. Изданіе княжны Е. А. Макуловой. Спб. 1880 г. Ц. 75 к. 131 стр.

У г-жи Анненской нельзя отнять авторскаго таланта, умѣнья писать хорошо, занимательно, прекраснымъ, вполнѣ доступнымъ дѣтямъ, языкомъ. Всѣ ея повѣсти будятъ хорошія мысли и чувства; характеры своихъ маленькихъ героевъ она обрисовываетъ вѣрно. Но въ данной повѣсти-романѣ она не съумѣла сохранить жизненной правды, вѣрности изображенія дѣтской жизни, и впала въ ошибку многихъ дѣтскихъ писателей, надѣляющихъ своихъ героевъ всевозможными пороками съ одной стороны и всевозможными добродѣтелями—съ другой. Вслѣдствіе этого разсказъ не служитъ изображеніемъ дѣйствительной жизни съ ея хорошей и дурной стороной, а является длиннымъ нравоученіемъ, которымъ авторъ какъ бы навязываетъ читателю свои понятія о добродѣтели.

Двое сиротъ, братъ и сестра, попадаютъ, послѣ смерти любящей, преданной матери, въ домъ своего дяди,—суроваго, злаго, деспота и эгоиста, передъ которымъ трепещетъ и жена, слабая, больная, безотвѣтная женщина, и сестра съ отвратительнымъ, злобнымъ характеромъ, умѣющая ему льстить и вслѣдствіе этого творящая свою волю въ домѣ и терзающая всю семью, и, наконецъ, бѣдныя дѣти, вѣчно запуганныя и несчастныя.

Для сиротъ же жизнь въ этомъ домѣ слагается самая плачевная, безобразная; ихъ преслѣдуютъ, ничему ихъ не учатъ. Добрая, но слабая характеромъ и больная тетка въ состояніи только жалѣть ихъ, но не можетъ защитить отъ злыхъ нападокъ мужа и сестры. Вслѣдствіе разности темперамента, данная обстановка порождаетъ въ нихъ совершенно противоположныя наклонности: Ѳедя дѣлается льстецомъ и черствымъ эгоистомъ, съумѣвшимъ хитростью и лестью понравиться одному богатому родственнику, переѣхавши къ нему на житье и унаслѣдовавши все его милліонное состояніе. Маша, любящая, нѣжная душа, одаренная *всѣми добродѣтелями безплотныхъ ангеловъ*, заступается за всѣхъ обиженныхъ въ семьѣ дяди, жертвуетъ своимъ здоровьемъ и молодостью для блага окружающихъ и, наконецъ, отказавшись раздѣлить съ братомъ его обезпеченную, сытую, но безцѣльную жизнь, дѣлается школьной учительницей.

Въ повѣсти этой, какъ видно изъ ея содержанія, г-жа Анненская не избѣжала нѣкоторой ходульности, вслѣдствіе чего пострадали правда и вѣрность изображенія дѣтской души.

Тѣмъ не менѣе, разнообразіе картинъ, живость разсказа, прекрасный языкъ сильно подкупаютъ читателя въ пользу повѣсти г-жи Анненской. Ребенкомъ интеллигентнаго класса она прочтется съ удовольствіемъ. Для ребенка же простолюдина она является совершенно безцѣльной и непонятной. Не говоря уже о средѣ, съ которой онъ совершенно незнакомъ (хотя, по нашимъ наблюденіямъ она и интересуетъ его подчасъ), не говоря о массѣ неизвѣстныхъ ему словъ, каковы: *локоны, бель-этажъ, швейцаръ, пенсія, контрактъ, эгоистъ* и проч., анализъ характеровъ оказывается слишкомъ тонкимъ для пониманія учениковъ народной школы. *А. Г.*

Намъ пришлось прочитать эту книгу довольно развитымъ подросткамъ сельской школы. Дѣти, видимо скучали, хотя и слушали внимательно. Правда, по окончаніи чтенія они чрезвычайно подробно передали всѣ мелочи, въ родѣ того, что, когда сироты пріѣхали къ дядѣ, имъ дали очень жидкаго чаю и по тоненькому ломтику хлѣба. Что же касается отношеній дѣйствующихъ лицъ, трагизма ихъ положенія и особенностей характера,—все это оказалось вполнѣ не по плечу данному составу слушателей.

Мы понимаемъ очень хорошо, что г-жа Анненская писала свою повѣсть не для народа, но, тѣмъ не менѣе, считаемъ не безъинтереснымъ представить отчетъ о томъ, какъ читаются и понимаются произведенія подобнаго рода дѣтьми народной школы.

По окончаніи чтенія мы начали по обыкновенію опредѣлять характеры.

— Что за ребенокъ былъ Лёва? спросила я.

— Онъ непослушный былъ къ отцу, все напротивъ дѣлалъ, отвѣчали дѣти: — отецъ разсердился на него, и пошелъ онъ по свѣту скитаться, но нигдѣ счастья ему не было.

Вотъ какимъ вышелъ въ ихъ переводѣ этотъ поборникъ правды, горячо протестующій противъ всякаго рода лжи и покинувшій въ 14 л., все во имя того же протеста, отеческій кровъ!

— А какъ вы находите Ѳедю? спросила я о мальчикѣ-льстецѣ, достигшемъ громадныхъ средствъ и превратившемся въ узкаго эгоиста.

— Ѳедя мнѣ очень нравится, отвѣчалъ одинъ изъ слушателей: — онъ ко всѣмъ ласковъ былъ; черезъ это онъ и богатство себѣ пріобрѣлъ.

— А мнѣ онъ за то нравится, сказалъ другой:—что онъ учился хорошо.

— А мнѣ—за то, что онъ никогда не ругался, всегда спокоенъ былъ, не то что дядя! добавилъ третій.

— Почему же сестра ушла отъ него и сдѣлалась народной учительницей? спросила я. (Сестру душилъ эгоизмъ въ этихъ роскошныхъ палатахъ).

— Ей не нравилось, что онъ скупой былъ, отвѣчали дѣти. Я ждала, что кто нибудь изъ нихъ прибавитъ еще что нибудь, но всѣ молчали.

— А каковъ былъ Григорій Матвѣевичъ?

— Злой, отвѣчали лаконически дѣти.

— А жена его?

— Жена добрая: она любила сиротъ.

— Почему же она не защищала ихъ? (По слабости характера).

— Потому что она боялась, что мужъ ее бить будетъ, отвѣчали дѣти, рѣшивъ вопросъ по своему.

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы опредѣлить, понята ли книга должнымъ образомъ.

Предполагая, что, быть можетъ, горожане поймутъ глубже разсказъ «Братъ и сестра», мы дали его довольно развитой дѣвушкѣ лѣтъ 15—16-ти, окончившей курсъ въ школѣ и находящейся въ услуженіи у господъ. Вотъ какъ отвѣчала она на поставленные нами вопросы:

— Что за ребенокъ былъ Лева?

— Онъ былъ мальчикъ злаго характера, хотя его и нельзя въ этомъ винить, потому что онъ постоянно былъ напуганъ отцомъ, очень сердитымъ и немилостивымъ человѣкомъ.

— А какъ вы находите Ѳедю?

— Ѳедя былъ мальчикъ хорошій, пока не ѣздилъ къ дядѣ, а у дяди испортился. Онъ видѣлъ, что дядя хлопочетъ какъ для себя лучше, и онъ, какъ ребенокъ, не могъ разсудить, хорошо ли это или худо, и себѣ бралъ примѣръ для наружности жить, лишь бы его хвалили.

— Почему сестра ушла отъ Ѳеди и сдѣлалась народной учительницей?

— Потому что Ѳедя сталъ такимъ же, какъ былъ дядя его Григорій Матвѣевичъ. Она была справедливая и не могла выносить всей этой неправды.

— Почему жена Григорія Матвѣевича не защищала сиротъ, хотя и любила ихъ?

— Она знала, что еслибы она защищала, ей бы еще хуже жить было.

— Но есть люди, которые защищаютъ то, что имъ дорого, не смотря на опасность, сказала учительница.

— Есть. Но она больная была и слабая, и боялась себѣ повредить.

На нашъ взглядъ, ученица настолько удовлетворительно отвѣчала на вопросы, что мы считаемъ возможнымъ рекомендовать этотъ романъ для чтенія развитымъ учащимся городскихъ школъ, старшаго возраста.

Примѣч. Рец. см. «Пед. Листокъ» 1880 г., № 4, стр. 283; «Воспит. и Обученіе» 1881 г., стр. 68; «Женское Образованіе» 1880 г., № 9, стр. 609; «Систем. обзоръ русск. народно-учебн. литер.», Дополненіе 1-е, 1881 г., стр. 44.

---

174) **Крылья мужества.** Книжки для школъ № 18. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Фантастическая повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Соч. Жоржъ-Занда. Переводъ съ франц. С. Редингъ. Москва. 1874 г. Ц. 25 к. 127 стр.

Содержаніе. Во Франціи, въ Ожской провинціи, жила бѣдная крестьянская семья. Одинъ изъ членовъ ея, маленькій Клопинè отличался мечтательностью. Завѣтной мыслью ребенка было сдѣлаться морякомъ, но отецъ думалъ иначе; онъ прочилъ отдать его знакомому портному и привелъ свой планъ въ исполненіе. Портнаго звали Тирагошъ. Это былъ страшный горбунъ, извѣстный столько же своимъ безобразіемъ, сколько и своею жестокостью. Очутившись въ когтяхъ этого чудовища, бѣдный ребенокъ на полдорогѣ отъ мѣста жительства Тирагоша, воспользовавшись его сномъ, рѣшается бѣжать, куда глаза глядятъ. Тутъ начинается рядъ приключеній, напоминающихъ собою Робинзона. Трусливый ребенокъ закаляется въ борьбѣ съ препятствіями разнаго рода и чувствуетъ, какъ мало по малу выростаютъ у него крылья

мужества. Одиночество и жизнь среди природы развиваютъ въ немъ безграничную любовь къ ней и любознательность. Ему становится понятенъ и говоръ волнъ, и пѣсни птицъ; ему чудится, что они принимаютъ участіе въ его судьбѣ, что они говорятъ съ нимъ. Птицы вызываютъ исключительныя симпатіи мальчика; онъ не охотится за ними, не убиваетъ ихъ, а изучаетъ до тонкостей ихъ нравы и обычаи, ихъ имена и привычки; онъ привязывается къ нимъ, онъ живетъ ихъ жизнью. Впослѣдствіи случай сводитъ его съ барономъ, страстнымъ любителемъ рѣдкостныхъ чучелъ птицъ. Тутъ онъ съ помощью кюрѐ (священника) получаетъ теоретическую подготовку къ продолженію своей дальнѣйшей дѣятельности; но барскія хоромы и мертвыя чучела душатъ его своей мертвечиной; онъ жаждетъ воли и свободы и вновь уходитъ къ своимъ дюнамъ, чтобы быть счастливымъ по прежнему. Онъ не ищетъ славы, онъ не дорожитъ ею; но слава знаменитаго естествоиспытателя ждетъ впереди этого безъимяннаго подвижника науки.

Эта прекрасная повѣсть полна поэзіи, чувства и интереса для интеллигентныхъ дѣтей старшаго возраста, для которыхъ не представятъ затрудненій ни географическія свѣдѣнія, ни иностранныя имена, ни языкъ, которымъ говорятъ вокругъ нихъ взрослые, ни аллегорическая форма, съ которой они успѣли ознакомиться по другимъ произведеніямъ. Что же касается дѣтей народной школы, то всѣ указанныя выше условія явятся для большинства изъ нихъ тормозомъ къ пониманію книги. Что поймутъ они, напр., изъ слѣдующихъ выдержекъ (стр. 96): «Въ то время, когда всѣ наперерывъ старались показывать себя философами, даже самъ кюрѐ, а въ особенности Лафлеръ, который много говорилъ о Вольтерѣ, хотя никогда его не читалъ, и который считалъ себя обязаннымъ выказывать величайшее презрѣніе къ деревенскимъ суевѣріямъ»?—А подобныхъ мѣстъ въ книгѣ немало.

Все вышесказанное обязываетъ насъ рекомендовать эту книгу исключительно для развитыхъ дѣтей, окончившихъ курсъ въ раціональной народной школѣ, перечитавшихъ уже значительное количество книгъ и имѣющихъ доступъ явиться къ учителю за разъясненіями. *Х. А.*

Ученицамъ старшей группы задана была на домъ такая работа: изложить письменно содержаніе одной изъ множества прочитанныхъ книгъ, которая наиболѣе понравилась. Въ тетрадкѣ *Маріи Г—вой*, 12 л., было написано слѣдующее:

«Сколько я ни брала книгъ, всѣ мнѣ нравились, но больше всѣхъ мнѣ понравилась книга «*Мужества крылья*».

Затѣмъ слѣдовало пространное и подробное изложеніе, оканчивающееся такъ:

«Когда онъ жилъ въ горахъ, онъ присмотрѣлся очень хорошо къ птицамъ, какой у нихъ умъ и какіе у нихъ обычаи, и послѣ того онъ умѣлъ очень хорошо птичьи чучела дѣлать и объяснять другимъ людямъ обычаи и умъ птицъ».

Ученица лѣтъ 11—12 подала мнѣ «*Крылья мужества*» Жоржъ-Занда.

— О чемъ мечталъ Клоппнѐ съ дѣтства? спросила я.

— Онъ мечталъ о морѣ, отвѣчала дѣвочка.

— Почему убѣжалъ онъ отъ Тирагоша?

— Онъ зналъ, что тотъ злой ужасно!

— Гдѣ скрывался онъ отъ погони?

— Въ дюнахъ, въ пещерѣ. Дюны — это надъ моремъ такіе большіе камни (?), пояснила дѣвочка.

— Какія чудеса встрѣтилъ онъ по пути?

— Перья мнѣ чудеснѣе всего показались!

— Правда ли, что море и птицы разговаривали съ нимъ?

— Нѣтъ, это ему такъ воображалося!

— Любилъ ли онъ общество людей?

— Нѣтъ, онъ скучалъ въ обществѣ, а когда оставался съ птицами одинъ, ему было лучше.

— Что онъ узналъ о птицахъ во время своихъ наблюденій?

— Ихнія привычки и названія!

— Нѣтъ, названія онъ узналъ послѣ, въ замкѣ! вмѣшалась *Х—я*.

— Да, это правда, сказала я.—Почему не остался онъ жить спокойно въ замкѣ барона?

— Скучалъ за моремъ и онъ привыкъ наединѣ быть.

— Приносятъ ли пользу людямъ труды естествоиспытателей, и какую именно?

— Да, онъ барону приносилъ пользу! отвѣчала дѣвочка, не понявъ вопроса.

Я объяснила по мѣрѣ возможности и спросила:—Мечталъ ли Клоппнѐ о славѣ?

— Нѣтъ, онъ этого не любилъ! отвѣчала дѣвочка.

— Почему повѣсть эта называется «Крылья мужества»?

— У него прежде были крылья дѣтства, крылья страха, а потомъ крылья мужества!

— Въ самомъ ли дѣлѣ это были крылья?

— Нѣтъ, у него мужество явилось, храбрость!

Отвѣты эти могутъ отчасти служить отвѣтомъ на вопросъ, какъ понимается эта книга дѣтьми.

См. «Систематическій Обзоръ Народной Литературы» 1878 г., стр. 24.

175) **Дѣлатели золота.** Москва 1879 г. Ц. 25 к. 160 стр. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Народная повѣсть Цшоке.—Изд. 5-е, 1884 г.

Повѣсть эта читается съ большимъ интересомъ и дѣтьми и взрослыми. Герой ея, Данила, принадлежитъ къ числу тѣхъ богатыхъ энергіей, умомъ и самоотверженіемъ людей, которые способны въ короткое время создать то, чего не достигнуть простымъ смертнымъ въ десятки лѣтъ.

Попавши въ солдаты, онъ очутился въ числѣ безстрашныхъ героевъ, повышенныхъ чинами; но блестящая карьера не манитъ его. Онъ возвращается въ свой родимый край, въ свою деревню Золотую-Поляну, полонъ энергіи и желанія принести какъ можно больше пользы своей погрязшей въ нищетѣ и невѣжествѣ братіи. Съумѣвши пріобрѣсти симпатіи такихъ же честныхъ, умныхъ и энергическихъ людей, какъ самъ, онъ заводитъ школы, устраиваетъ ассоціаціи, развиваетъ промышленность, организуетъ правильный кредитъ. И вотъ, послѣ семилѣтней упорной борьбы съ невѣжествомъ и нищетой, онъ достигаетъ блестящихъ результатовъ. Золотую-Поляну трудно узнать: грамотный народъ перестаетъ находить единственное удовольствіе въ кабакѣ, оборванныя дѣти не шатаются по улицамъ за милостыней, всѣ трудятся, всѣ живутъ въ довольствѣ,—всѣ счастливы.

Сосѣднія деревни въ недоумѣніи, догадкамъ нѣтъ конца; наконецъ, всѣ рѣшаютъ, что Золотополянцы нашли способъ дѣлать золото.

Положимъ, въ строгой критикѣ холоднаго разсудка все это можетъ вызвать сомнѣнія, но авторъ съумѣлъ вложить въ свою повѣсть столько интереса, столько поэзіи, образъ Данилы является настолько симпатичнымъ и вызывающимъ стремленіе сдѣлать въ жизни хоть частицу того, что удалось сдѣлать Данилѣ, что, во всякомъ случаѣ, повѣсть эта должна произвести глубокое впечатлѣніе на юное воображеніе и заронить въ сердце сѣмена добра и правды, а потому мы и рекомендуемъ ее въ народную и школьную библіотеку.

Вопросы:

Легко ли было Данилѣ достигнуть общаго благосостоянія?

Какими средствами онъ достигъ его?

Х. А.

См. «Народ. и Дѣтск. Библіот.» № 5; «Обз. Нар. Лит.» стр. 235.

Передо мною стоитъ маленькая, черненькая дѣвочка лѣтъ 10-ти и держитъ «*Дѣлатели золота*» въ рукахъ.

— Кто выдалъ ей, господа, эту книгу? говорю я съ укоризной, обращаясь къ учительницамъ, а она, не обращая на это вниманія, начинаетъ разсказъ тоненькимъ, печальнымъ голоскомъ,—и какъ разсказываетъ!

«Когда онъ пришелъ на свою родину, говоритъ она:—всѣ люди тамъ были оборванные, все равно что нищіе, пьянствуютъ, обижаютъ другъ дружку, просто ни на что не похоже! Что тутъ дѣлать? Сталъ онъ школы заводить, больницы, богадѣльню выстроилъ для бѣдныхъ, все съ батюшкой; тотъ тоже хорошій человѣкъ былъ...»

— Ну, а скажи мнѣ, милая, перебиваю я:—какъ ты думаешь: много такихъ бѣдныхъ деревень? (Обобщая вопросъ, мнѣ интересно знать, насколько глубоко окунулась эта крошка въ пониманіе книги, предназначенной у насъ преимущественно для взрослыхъ).

— А какъ же, много! говоритъ печально крошка:—и въ городѣ, и то пьютъ, и человѣка такого не находится, какъ Данила. Сосѣди даже не вѣрили,—думали, что они золото дѣлаютъ!

— А въ самомъ дѣлѣ, дѣлали ли они золото? спрашиваю я.

— Дѣлали! отвѣчаетъ дѣвочка. (Я чувствую разочарованіе:—«Не поняла!» думаю я).

— Только не такъ дѣлали, продолжаетъ крошка:—чтобы изъ-подъ земли вырывали, что ли, а черезъ трудъ свой: завели машины, перемелютъ хлѣбъ, продадутъ, возьмутъ за него деньги—вотъ и золото, а не то чтобы какъ нибудь!

И долго этотъ печальный голосокъ передавалъ мнѣ до мельчайшихъ подробностей житье Золотополянцевъ и общественные подвиги героя Данилы.

Ко мнѣ подошла ученица лѣтъ 14-ти. Она держала въ рукахъ «*Дѣлатели золота*». Я отношу эту книгу къ числу тѣхъ, которыя слѣдуетъ давать съ разборомъ, не каждому, а поэтому спросила ее:

— Давно вы учитесь въ школѣ?
— Четвертую зиму.
— И больше нигдѣ не учились?
— Кромѣ — нигдѣ не выучилась! Да и долго же я книжечку эту продержала, больше мѣсяца, замѣтила она:—все некогда, все работа, а такъ любопытно было дочитать какъ слѣдуетъ! Вы мнѣ позвольте по исторіямъ разсказывать (по главамъ); я все до слова могу разсказать.

Это не было хвастовствомъ со стороны ученицы; она говорила все это сбивчиво, конфузясь и краснѣя по уши.

Передо мною стояло еще десять - двѣнадцать ученицъ, ожидая, чтобы перемѣнить книги; поэтому я не безъ страха отнеслась къ предложенію дѣвушки разсказать по исторіямъ все до слова и сказала: — Нѣтъ, вы, пожалуйста, покороче, а то меня еще ждутъ!—Ученица начала:

— Возвратился Данила съ военной службы. Видитъ — въ деревнѣ очень незавидно дѣла идутъ. Онъ думалъ:—какъ поправить? Пошелъ къ батюшкѣ; а тотъ ему отвѣчаетъ: «у меня своихъ дѣлъ достаточно—за людей молиться Богу!» Потомъ пошелъ въ городъ до начальниковъ — ни который его не принялъ. Одинъ старый принялъ, и тотъ наругался надъ нимъ. И много онъ имѣлъ различныхъ непріятностей. Наконецъ старый учитель померъ, и стали міромъ новаго выбирать наперебой: тотъ своего предлагаетъ, а тотъ своего. Данила даромъ вызвался: его и опредѣлили; но только народъ ему не вѣрилъ; все думали, что онъ съ нечистымъ знается и ребятишекъ Богъ знаетъ чему учитъ. Даже начальство туда направили. Только ничего они тамъ беззаконнаго не нешли. Тутъ въ скорости померъ старый священникъ, и новаго назначили, молодаго, отца Григорія, очень хорошаго человѣка. Пришелъ онъ въ школу, умилился. «Во всемъ, говоритъ, тебѣ, Данило, помогать готовъ!» Только народъ тамъ такъ гадко жилъ: пьянство да гулянство, что на него слова не дѣйствовали. Вотъ они до того уже дошли, что говорятъ: «пойдемъ, черезъ Данилу чорту душу отдадимъ». Онъ и собралъ ихъ по одиночкѣ ночью въ такую комнату особенную — темно. Они и не видятъ другъ дружки, а послѣ, какъ принесъ онъ свѣчи, самъ въ мундирѣ, а на столѣ куча золота лежитъ.—Никто ничего понять не можетъ. А онъ имъ при этомъ рѣчь сказалъ и клятву взялъ, что семь лѣтъ и семь недѣль никто изъ нихъ пьянствовать не будетъ. Всѣ согласились. Послѣ этого началъ онъ дѣла разныя устраивать: общую печь устроилъ, чтобъ дровъ меньше сходило; для больныхъ домъ особенный выстроилъ, всѣмъ работу роздалъ, и дѣтей, и стариковъ—всѣхъ добру училъ. Все какъ будто сдѣлано, а все еще что нибудь придумаетъ! Черезъ нѣсколько времени далъ Богъ ему сына. Онъ и заказалъ имъ каждому по 250 р. какъ будто взаймы ему принести. Всѣ какъ одинъ сошлися. Опять двѣ свѣчи онъ вынесъ и велѣлъ имъ золото ихнее высыпать. И всѣ благодарили его, отцомъ роднымъ называли и домъ его весь цвѣтами убрали, и дорогу цвѣтками и листьями усыпали. А когда онъ входилъ въ церковь, каждый съ радостью здоровался съ нимъ и низко ему кланялся. И такъ все это, слава Богу, хорошо окончилось!... заключила ученица.

Полагаю, что этихъ двухъ отзывовъ достаточно для того, чтобы опредѣлить, какое впечатлѣніе производитъ эта книга.

176) **Приключенія Робинзона Крузе.** Сост. А. Н. Яхонтовъ. Спб. 1880 г. Ц. 20 к. 142 стр.— Издан. С.-Петерб. Комитета Грамотности, состоящаго при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Нельзя не сказать спасибо С.-Петерб. Комитету Грамотности, давшему возможность народной библіотекѣ пріобрѣсти за 20 к. эту любимую дѣтьми книгу. Издана она весьма опрятно и снабжена даже 25-ю недурными картинками, интересующими дѣтей. Разсказъ занимаетъ 142 стр. небольшаго формата. Но, не говоря уже объ этихъ внѣшнихъ условіяхъ, необходимо замѣтить, что и внутреннее содержаніе не оставляетъ желать ничего лучшаго: языкъ простъ и понятенъ, разсказъ ведется живо и занимательно, читается дѣтьми съ огромнымъ интересомъ: каждое слово, требующее объясненій,—какъ, напр., *компасъ*, *бухта*, и т. п., — объяснено просто и удобопонятно, насколько это возможно; всѣ свѣтлыя стороны Робинзона, каковы: его находчивость, трудолюбіе, присутствіе духа, изобрѣтательность, мужество, человѣколюбіе, обрисованы ярко и симпатично и являются вѣрными союзниками воспитательныхъ цѣлей.

Мы не можемъ отказать себѣ въ желаніи привести здѣсь нѣсколько словъ о томъ воспитательномъ значеніи, которое отводитъ ему одинъ изъ уважаемыхъ нами педагоговъ. Онъ говоритъ *):

---

*) «Библіографич. Листокъ». Труды Коммисіи по составл. критич. каталога книгъ и статей для дѣтск. чтенія. 1881 г., стр. 4 и 5.

«Въ Робинзонѣ дорога не только его находчивость, а также и, можетъ быть, еще болѣе бодрость духа, настойчивость и потомъ обнаруживающіяся впослѣдствіи сердечныя, доброжелательныя отношенія къ людямъ».

«Возбужденіе же уваженія къ человѣку, крѣпкому духомъ, есть очень крупная воспитательная задача».

«Людскія чувства въ той сферѣ, въ которой вращался Робинзонъ, вполнѣ доступны дѣтямъ. Они не могутъ еще понять тѣхъ общественныхъ обязанностей, которыя опредѣляются сложными условіями общежитія, но любовь, справедливость, состраданіе, какъ личныя чувства, какъ чувства человѣка къ другимъ людямъ, имъ знакомы, извѣстны, понятны. Съ этой стороны Робинзонъ способенъ оказать очень хорошее воспитательное вліяніе на дѣтей-читателей».

На одно только обстоятельство необходимо обратить вниманіе издателей: встрѣчая объясненіе словъ: *компасъ*, *бухта*, *лава* и пр., мы не встрѣчаемъ ни въ «*Ясной Полянѣ*» гр. Л. Н. Толстаго, ни у г-на Яхонтова объясненія слова *островъ*; между тѣмъ понятіе это далеко не такъ популярно, какъ это можно предполагать.

Сошлемся на опыты школьной жизни.

Передо мною стоитъ ученица лѣтъ 10—11-ти.

— Что такое море? спрашиваю я.

— Рѣчка.

— А что такое островъ?

— Грязь.

Я доискиваюсь смысла этого оригинальнаго отвѣта и узнаю слѣдующее: въ окрестностяхъ Харькова есть мѣстность, носящая названіе «островъ», на которой бываетъ страшная грязь.

Ученица лѣтъ 10-ти подаетъ мнѣ «*Робинзонъ*» Яхонтова.

— Что такое островъ? спрашиваю я.

— Островъ—это рѣка большая, отвѣчаетъ дѣвочка.

— Море, поправляетъ ее подруга.

— Какъ же Робинзонъ могъ жилище тамъ себѣ выстроить, на водѣ-то? спрашиваю я. Ученица задумывается.

— Значитъ, это былъ берегъ, говоритъ она, наконецъ.

Тогда я показываю картинку; она находитъ на ней островъ и объясняетъ его значеніе.

Примѣръ этотъ не единичный *), что̀ и вызвало въ насъ желаніе заказать для школы картинку, изображающую островъ.

Есть и еще одно мѣсто, которое дается съ трудомъ дѣтямъ. Передо мною стоятъ шесть маленькихъ учениць.

— Что такое лава? спрашиваю я.

На это слышатся такіе отвѣты:

— Селитра и известь.—Паръ.—Въ родѣ рѣки огненной. — Огонь. — Огненное скопленіе.—Жара.

— Стойте, я разскажу! сказала дѣвочка постарше: — лава загорѣлась искрами сама собой, Богъ его знаетъ изъ чего; гора треснула и развалилась.

Елена Л—за, 11 л., подавая мнѣ эту книгу, сказала:

— Я знаю, что такое островъ: со всѣхъ сторонъ вода.

Она выпалила это чрезвычайно быстро и остановилась.

— Откуда же ты это узнала? спросила я.

Она молчала.

— Вѣрно, кто нибудь изъ подругъ сказалъ?

— Да! я какъ шла отвѣчать, *Дуня Я—ко* и говоритъ: «тебя безпремѣнно спросятъ, что такое островъ, такъ ты прямо такъ и говори:—со всѣхъ сторонъ вода!»

— Твоя подруга сказала правду, замѣтила я и показала ей еще картинку, изображающую островъ.

Х. А.

Примѣч. См. рец. «Систем. обзоръ народно-учебн. лит.» 1878 г., стр. 221; «Библіографич. Листокъ» 1881 г., стр. 11; «Русскій Начальный Учитель» 1881 г., № 4, стр. 271; «Женское Образованіе» 1881 г. № 3, стр. 89.

177) **Робинзонъ.** Изд. «Народной Библіотеки». Москва. Ц. 10 к. 84 стр. 1883 г.

Разсказъ этотъ взятъ цѣликомъ изъ «*Ясной Поляны*» графа Л. Н. Толстаго и вдобавокъ, къ общему удовольствію дѣтей, снабженъ 19-ю недурными картинками. Вообще изданъ онъ весьма опрятно, и мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ его въ народно-школьную библіотеку.

178) **Приключенія маленькаго графа.** Разсказъ для дѣтей Уйда. Переводъ А. В. Архангельской. Москва. 1882 г. Ц. 30 к. 54 стр. большаго формата.

---

*) Исключеніемъ въ данномъ случаѣ представляются ученицы, окончившія курсъ въ ежедневныхъ школахъ; тамъ онѣ познакомились съ тѣмъ, что такое островъ, но зато почти всѣ изъ нихъ уже читали въ школѣ «Робинзона».

Имя опытнаго и талантливаго автора ручается за доброкачественность разсказа, предназначеннаго для дѣтей интеллигентнаго класса, и намъ остается только разсмотрѣть, насколько отвѣчаетъ онъ интересамъ народной школы, ея цѣлямъ и вкусамъ.

Герой разсказа, какъ видно по заглавію, маленькій графъ; само имя его — Губертъ-Гюго-Ларусъ, Альфредъ, графъ Авильонъ и Латрисенъ съ трудомъ выговаривается ребенкомъ народной школы; слова: *«фантастическіе герои легендъ»*, *«островъ Уайтъ»*, *«мѣстечко Шенклинъ»*, *«Браконьерство»*— представляются понятіями неизвѣстными; но словъ этихъ немного, а личность маленькаго графа является такою симпатичною, такою гуманною!

Маленькій восьмилѣтній графъ, наслѣдникъ громадныхъ богатствъ, окруженъ роскошной обстановкой и любящими людьми, но онъ чувствуетъ гнетъ одиночества въ этихъ роскошныхъ палатахъ: у него нѣтъ товарищей-сверстниковъ, у него нѣтъ дѣтскихъ игръ. И вотъ онъ задумываетъ бѣжать на волю, далеко отъ роднаго крова и опротивѣвшихъ ему попеченій, и приводитъ свой планъ въ исполненіе. Этотъ домашній гнетъ, болѣзненность ребенка, какъ слѣдствіе тепличной жизни, отсутствіе апетита, какъ результатъ пресыщенія, переданы авторомъ такъ живо и талантливо, что дитя народа посредствомъ сравненія невольно остановится на мысли о выгодахъ своего положенія и пойметъ, что не всегда въ роскошныхъ палатахъ живется весело и счастливо.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ приключеній юнаго путешественника, полныхъ такого интереса, что участь маленькаго героя всецѣло захватываетъ ваше вниманіе. Мальчикъ напичканъ нравственными тенденціями взрослыхъ; это вы видите по тѣмъ *общимъ мѣстамъ*, которыя произноситъ онъ, желая дѣйствовать нравственно на другихъ; но эти нравственныя тенденціи проникли глубоко въ его доброе сердце и подчинили себѣ всецѣло его впечатлительную натуру, проникнутую состраданіемъ: онъ съ самоотверженіемъ заступается за несчастное животное; пораженный бѣдностью, отдаетъ свои послѣдніе башмаки, чтобы спасти семью отъ голодной смерти, и, вникая въ безвыходное положеніе несчастнаго оборвыша и охваченный духомъ рыцарства, беретъ на себя чужую вину съ рискомъ собственной жизни.

Допустимъ, что въ этомъ есть доля преувеличенія,—что ребенокъ, не закаленный въ борьбѣ, врядъ ли способенъ проявить столько стойкости, такую силу характера; но, тѣмъ не менѣе, образъ маленькаго графа является тѣмъ идеаломъ, который желательно водворить въ сердцѣ каждаго ребенка безъ различія званій и состояній.

Благополучный конецъ, не бьющій на эффектъ и не потрясающій нервы ребенка, оставляетъ самое отрадное впечатлѣніе.

Х. А.

Примѣч. См. рец. «Заграничный Вѣстникъ», т. V. Ноябрь 1882 г., стр. 89. См. рец. «Женское Образованіе» 1882 г., Ноябрь № 9, стр. 621.

«Приключенія маленькаго графа» встрѣчаютъ большое сочувствіе въ дѣтяхъ. Вотъ какъ отвѣчала мнѣ на мои вопросы 10-ти-лѣтняя ученица воскресной школы:

— Счастливо ли жилось маленькому графу въ его роскошныхъ палатахъ?

— Нѣтъ; ему хотѣлось играть, а ему и читать даже никогда въ волю не дозволяли: все боялись здоровью повредить. Никуда пойти, ничего посмотрѣть, ничего нельзя, — все за нимъ няня съ бабушкой ходили!

— Что вынудило его бѣжать изъ дому?

— Наскучило дома—все одно и одно, какъ связанный!

— Что встрѣтилъ онъ по пути?

— Горе. Заступился за свинью, говоритъ: «не позволю обижать животное!» Мужикъ сначала сердился, а послѣ смилосердился, спросилъ, какъ звать, и сказалъ: «на молитвѣ буду поминать». Потомъ онъ увидѣлъ — дѣвочка плакала. Онъ спросилъ, объ чемъ. Она говоритъ: «иду въ школу, и насъ силою начальство посылаетъ; отецъ въ тюрьмѣ, а за маленькимъ братомъ присмотрѣть некому»...

Затѣмъ она превосходно передала всѣ послѣдующія сцены.

— Чѣмъ можно пріобрѣсти расположеніе людей? спросила я.

— Дѣлать добро, любить, имѣть въ сердцѣ своемъ состраданіе.

— Можно ли надѣяться, что, сдѣлавшись большимъ, маленькій графъ подѣлится своимъ богатствомъ съ бѣдными, и почему?

— Можно, сказала убѣжденно дѣвочка:—когда онъ маленькій, и то такъ трогался сердцемъ, — маленькій не такъ понимаетъ, а тогда больше еще будетъ дѣлать добра!

Передо мною на столѣ лежала книга «Сказки» Уйда, между которыми помѣщенъ и «Маленькій графъ», хотя дѣвочкѣ я давала читать его отдѣльной брошюркой, названной разсказомъ, а не сказкой. Въ то время какъ

я переспрашивала другую ученицу, она наклонилась къ книгѣ и стала ее перелистывать.

— Какъ! сказала она вдругъ, громко и съ неудовольствіемъ, перебивая мои разспросы:—развѣ «Маленькій графъ»—сказка? Вѣдь это правда, а не сказка!

И она вопросительно смотрѣла на меня.

— Теперь мнѣ некогда разговаривать съ тобою, отвѣчала я, чтобы не нарушить ея иллюзіи, но невольно подумала при этомъ: «Вотъ что значитъ писать для дѣтей такъ, какъ пишетъ Уйда!»

---

179) **Крестьянскія дѣти.** А. Потѣхина. Съ 18-ю рисунк. Каразина. Москва. Изд. магазина «Начальная Школа». 1881 г. Ц. 1 р. 25 к. 257 стр.—2-е изд., 1885 г.

Содержаніе этой повѣсти, какъ показываетъ и самое ея заглавіе, взято изъ жизни крестьянскихъ дѣтей. Главными лицами въ разсказѣ, около которыхъ группируются всѣ остальныя, являются двое сиротъ, Маша и Павлуша. Живо и талантливо рисуетъ авторъ своихъ маленькихъ героевъ, ихъ трудовую, полную лишеній, жизнь. Съ самаго нѣжнаго возраста имъ приходится уже самимъ снискивать себѣ пропитаніе; но они не страшатся этого. Ихъ энергіи и мужеству можетъ позавидовать и взрослый человѣкъ. Съ вѣрою въ мірскую помощь, а главное—въ самихъ себя, они берутся поддерживать хозяйство, начатое ихъ отцомъ. Видя ихъ трудолюбіе, видя, какъ они выбиваются изъ силъ, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, добрые люди принимаютъ участіе въ дѣтяхъ: бабы въ воскресенье приходятъ дожать хлѣбъ на ихъ полосѣ, а хромой старикъ Кулявый, опекунъ ихъ, отдаетъ имъ весь свой досугъ.

Машѣ 12 лѣтъ; это разсудительная и трудолюбивая дѣвочка, знающая мрачную сторону жизни и свободная отъ всѣхъ увлеченій, свойственныхъ ея возрасту.

Нельзя того же сказать о Павлушѣ, бойкомъ и живомъ мальчуганѣ. У него доброе сердце; онъ также, какъ и Маша, готовъ работать, но пылкая и увлекающаяся натура сказывается въ его поступкахъ. Зимой, поступивъ на фабрику, Павлуша сходится тамъ съ Семіошкой, мальчикомъ гораздо старше его и вполнѣ исковерканнымъ сначала матерью, посылавшею его просить милостыни, а затѣмъ фабричной жизнью. Семіошка втягиваетъ Павлушу въ свою компанію, гдѣ тотъ поддается вліянію этой послѣдней. Мало по малу Павлуша начинаетъ обманывать и, наконецъ, доходитъ до того, что отправляется съ другими ребятишками красть хлопокъ, служившій матеріаломъ для фабричной работы. Къ счастію Павлуши, это не сошло имъ безнаказанно,—ихъ поймали.

Павлуша горько заливался слезами отъ стыда и раскаянія, когда его привели къ хозяину фабрики. Его хорошая, правдивая натура возмущалась противъ всей гадости, которую онъ видѣлъ вокругъ себя и въ себѣ самомъ, и теперь, когда внѣшнія обстоятельства помогли ему выйти изъ скверной компаніи, куда затащилъ его Семіошка, онъ далъ себѣ слово ужъ никогда болѣе не лгать.

Въ повѣсти подробно описываются всѣ работы, выпадающія на долю крестьянъ и ихъ дѣтей; послѣдовательно проводятся времена года, въ зависимости отъ которыхъ находится образъ жизни земледѣльца; обработка земли, посѣвы, уборка хлѣба, домашнее хозяйство крестьянъ, ихъ зимнія работы, фабрика,—обо всемъ этомъ подробно говоритъ авторъ. Кромѣ того, онъ даетъ понятіе о бытѣ крестьянъ и объ ихъ экономическомъ положеніи; такъ, напр., онъ объясняетъ, что значитъ общинное землевладѣніе и въ какомъ видѣ оно существуетъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Вообще повѣсть «Крестьянскія дѣти» вполнѣ знакомитъ читателя съ жизнью крестьянъ и въ особенности крестьянскихъ дѣтей. Какъ видно изъ введенія, предпосланнаго повѣсти, а также изъ обращеній къ читателю, авторъ имѣлъ въ виду только дѣтей привилегированныхъ классовъ; ихъ-то онъ и хотѣлъ познакомить съ крестьянскими дѣтьми.

Но мы уклонились бы отъ своей прямой цѣли, если бы стали разсматривать значеніе этой книги въ средѣ тѣхъ, для кого она писана; намъ важно только знать, насколько она пригодна для чтенія *крестьянскихъ дѣтей*. Содержаніе ея, взятое изъ жизни крестьянъ и разсказанное живо и просто, возбуждаетъ въ нихъ большой интересъ; но отвлеченныя разсужденія автора, встрѣчающіяся въ повѣсти, его обращенія къ читателю остаются совершенно непонятными и неумѣстными. Такъ, на стр. 96-й авторъ обращается къ читателю, говоря: «Вы учитесь, вы приготовляетесь быть дѣятелями на общую пользу, запасаетесь для того знаніями, научными свѣдѣніями; много дорогъ, много поприщъ въ будущемъ открыто передъ вами, и на всякомъ изъ нихъ вы можете приносить посильную пользу; но я думаю и увѣренъ, что тѣ изъ васъ, которые съумѣютъ внести въ народъ сельско-хозяйственныя научныя свѣдѣнія, научатъ этотъ народъ извлекать

изъ своей земли больше хлѣба, — принесутъ пользу наибольшую»...

На стр. 165-й и 166-й говорится о самостоятельности; вотъ отрывокъ изъ этого разсужденія:

«Самостоятельный трудъ—тотъ, гдѣ мысль и любознательность не успокоиваются и не засыпаютъ на указанномъ и растолкованномъ, но работаютъ постоянно и удовлетворяются непосредственными личными усиліями, гдѣ личный трудъ уменьшаетъ количество чужой помощи, облегчаетъ чужую заботливость, гдѣ собственныя руки, собственный мозгъ и мышцы замѣняютъ чужую работу, гдѣ, словомъ, человѣкъ усиливается личнымъ трудомъ облегчить, уменьшить, а если можно, то и устранить трудъ для него другаго лица».

Введеніе отъ начала до конца является вполнѣ непригоднымъ для чтенія крестьянскихъ дѣтей.

Давая же эту книгу крестьянскимъ дѣтямъ, приходится мириться съ этими разсужденіями, такъ какъ повѣсть сама по себѣ очень хороша и съ большимъ интересомъ читается дѣтьми средняго и старшаго возраста; опустить же при чтеніи можно только одно введеніе.

На основаніи только что сказаннаго, нельзя не пожелать, чтобы повѣсть *«Крестьянскія дѣти»* была издана съ извѣстными выпусками и притомъ по своей цѣнѣ болѣе доступно для небогатой народной школы. *Л. Е.*

Примѣчаніе. См. «Женское Образованіе» 1879 г., № 10, 601 стр. «Систематическій обзоръ народной литературы», 1878 г.

180) **Армія и казаки.** Разсказъ для дѣтей. А. Круглова. Спб. 1881 г. Ц. 35 к. 64 стр. Съ 11-ю весьма недурными силуэтами.

Мальчуганъ 10-ти лѣтъ, начитавшись жизнеописанія Суворова и «Юрія Милославскаго», началъ бредить подвигами великаго русскаго генерала и казака «Кирши» и воспылалъ желаніемъ сдѣлаться героемъ. Съ помощью школьныхъ товарищей и гимназистовъ онъ составилъ «армію», у которой въ очень скоромъ времени выработался свой уставъ и правильная организація. Уличный мальчишка Степанъ Терка, которому былъ разъясненъ характеръ и подвиги «Кирши», рѣшился сдѣлаться казачьимъ атаманомъ, собралъ себѣ дружину и совершенно по казацки иногда помогалъ регулярной арміи противъ слободскихъ мальчишекъ, иногда же самъ нападалъ на нее и грабилъ.

Вотъ вкратцѣ завязка разсказа. Но сколько жизни, сколько тонкаго знанія дѣтской изобрѣтательности и впечатлительности нужно было имѣть, чтобы представить всѣ перипетіи трагикомедіи между «армейцами» и «казаками» съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, какъ это сдѣлалъ г-нъ Кругловъ! Нельзя ни на минуту усомниться, что это дѣйствительно «воспоминанія дѣтства» автора, такъ какъ нужно самому пережить описываемое, чтобы такъ описывать!

Книжка «Армія и казаки», можно сказать съ увѣренностью, доставитъ неподдѣльное удовольствіе каждому мальчику (да, пожалуй, и дѣвочкѣ), будь онъ городской или деревенскій школьникъ, безъ различія его общественнаго положенія.

Остается еще одинъ вопросъ: насколько это художественное произведеніе соотвѣтствуетъ педагогическимъ требованіямъ, и слѣдуетъ ли вводить въ дѣтскую библіотеку книгу, имѣющую своею темою игру въ войну? Вопросъ этотъ невольно приходитъ въ голову на первыхъ страницахъ книги; тема эта, дѣйствительно, не изъ желанныхъ, и, переспрашивая содержаніе прочитаннаго, обязательно обратить вниманіе на вредъ и дурныя послѣдствія, могущія произойти отъ такого рода игръ; но, тѣмъ не менѣе, съ этой нежеланной темой авторъ съумѣлъ связать самыя теплыя и гуманныя чувства.

Разсказъ оканчивается миромъ, такъ что все это, вмѣстѣ взятое, производитъ самое теплое и отрадное впечатлѣніе, а потому мы и рекомендуемъ эту книгу въ дѣтскую библіотеку.

Примѣчаніе. См. реценз. «Женское Образованіе» 1882 г., № 5, стр. 356.

Ученица *В. Ш., 10-ти л.*, подала мнѣ эту книгу.

— Понравилась? спросила я.

— Какъ же! отвѣчала она.

— Дѣтское, вставила замѣчаніе ея 16-тилѣтняя сестра:—но такъ хорошо, что и большой, и старый можетъ прочесть съ удовольствіемъ. Ребяческая игра, а совершенно похожа на настоящее. Мы всѣ слушали, когда она читала.

— Вотъ ты говоришь, что это интересно, обратилась я къ младшей: — я съ тобою согласна, но подумай хорошенько: хороши ли игры въ драки, и чѣмъ онѣ могутъ кончиться? (Я ждала отвѣта, что это можетъ кончиться калѣчествомъ и даже убійствомъ).

— Нѣтъ, это нехорошо въ такое играться, отвѣчала дѣвочка:—оно и весело, только мнѣ не нравится. Лучше вмѣстѣ играть, не дѣ-

лясь, смирно; а кончиться это можетъ благополучно, какъ у нихъ кончилось! добавила она совершенно неожиданно.

— Хорошо, что они пошли на миръ, возразила я:—а еслибъ продолжались драки?

— Да, тогда я не знаю, чѣмъ бы могло кончиться: можетъ, кого нибудь и до смерти зашибли бы, сказала задумчиво дѣвочка.

— Позвольте мнѣ всю съ начала до конца пересказать! добивила она.

— Разсказывай!

И она передала разсказъ съ такими подробностями, что, записывая дословно, пришлось бы повторить то же изданіе.

Нечего и говорить, что мальчикамъ разсказъ этотъ нравится еще больше. Говоримъ это по опыту. Х. *А.*

181) **Иванъ Ивановичъ и компанія.** А. Круглова. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1882 г. Ц. 90 к. 148 стр.

Трудно встрѣтить писателя, которому настолько удавались бы дѣтскіе типы, какъ удаются они А. В. Круглову. Не задаваясь никакими предвзятыми тенденціями, не заботясь объ элементѣ нравоученій, не силясь подводить итоги жизненнымъ явленіямъ, онъ рисуетъ передъ вами рукою художника живые дѣтскіе образы, устраняя вопросъ—понравятся они вамъ или нѣтъ, и какую долю воспитательнаго элемента внесутъ они въ жизнь. Таковъ его художественный разсказъ «Армія и казаки», такова и рецензируемая нами книга.

Сирота Ваня, семи лѣтъ, предоставленный самому себѣ старушкой-бабушкой, погруженной въ добываніе куска насущнаго хлѣба, сходится дружески съ прикащикомъ мелочной лавки и проводитъ съ нимъ цѣлые дни. Добрый человѣкъ снисходительно относится къ своему маленькому другу; тѣмъ не менѣе, онъ прячется со своею снисходительностью, чтобы не оскорбить ею серьезнаго ребенка, воображающаго себя большимъ. Идеалы прикащика невольно прививаются маленькому Ивану Ивановичу. Идеалы эти весьма узки,— они не идутъ далѣе обладанія мелочной лавочкой. И вотъ, найдя на дорогѣ 3 р. 20 к., маленькій Иванъ Ивановичъ, воображая себя богачемъ, открываетъ на углу въ корзинкѣ свою собственную торговлю булками, орѣхами, сѣмечками и пряниками. Всѣ эти лакомства онъ забираетъ въ долгъ у своего друга, осматривая тщательно каждый пряникъ и выбрасывая каждый гнилой орѣхъ. Наученный прикащикомъ, онъ идетъ въ Думу за билетомъ, важно требуетъ свиданія съ головою и, послѣ многихъ хлопотъ и препятствій, открываетъ наконецъ свою маленькую торговлю. Всѣ эти хлопоты и препятствія описаны такъ живо, что читатель трепетно слѣдитъ за участью маленькаго героя и всѣми силами души желаетъ ему успѣха. Торговля Ивана Ивановича идетъ очень хорошо; онъ изучилъ всѣ пріемы, всѣ слова и ухватки своего старшаго друга и невольно привлекаетъ покупателей комизмомъ своего положенія. Вотъ онъ расторговался уже настолько, что въ силахъ осуществить свою давнишнюю мечту — купить ситцу по гривеннику на платье старушкѣ-бабушкѣ; вотъ онъ поставщикомъ хлѣба у добраго старика-генерала, имѣвшаго обыкновеніе гулять по Леонтьевскому переулку,— но вдругъ несчастіе: капитанъ Веселовскій, любитель кошекъ и собакъ, завелъ у себя для забавы медвѣженка. Мишукъ срывается съ цѣпи, нападаетъ на жалкій товаръ Ивана Ивановича, и въ нѣсколько минутъ торговли его не стало. Обстоятельство это настолько трогаетъ душу маленькаго читателя, что мы видѣли при чтеніи слезы на глазахъ у дѣтей. Далѣе, благодаря настойчивости и энергіи Ивана Ивановича, торговля его вновь возстанавливается; онъ пріобрѣтаетъ себѣ товарищей-сверстниковъ, и, подражая громкимъ фирмамъ, они именуютъ свою торговлю «Иванъ Ивановичъ и К°».

Черезъ 17 лѣтъ мы встрѣчаемъ его достигнувшимъ завѣтной мечты—обладателемъ лавочки и своего собственнаго домика, причемъ авторъ говоритъ, что на вопросъ: «что̀ за человѣкъ вышелъ изъ Ивана Ивановича», онъ получилъ такой отвѣтъ:

«— Какъ сказать-съ?.. Они-съ изъ нонѣшнихъ... не берутъ прямо, а свое возьмутъ и за копѣйку постоятъ... Ихъ ничѣмъ не разжалобишь... сердце у нихъ твердое!..»

Быть можетъ, этотъ конецъ психологически и вѣренъ, и изъ Ивана Ивановича, не знавшаго дѣтскихъ игръ и несогрѣтаго материнской лаской, непремѣнно долженъ былъ выработаться сухой и безсердечный человѣкъ; но для дѣтей конецъ этотъ проходитъ безслѣдно. Когда исторія близилась къ окончанію, они спросили:—Благополучно кончится?— Не слышалась ли въ этомъ вопросѣ тревога за участь бѣдняка, знавшаго такъ мало радостей и купившаго долю своего скромнаго счастія настойчивой энергіей и безпрерывнымъ трудомъ? Если это такъ, то повѣсть «*Ивана Ивановича и К°*» внесетъ въ душу ребенка несравненно болѣе воспитательнаго элемента, чѣмъ всѣ эти добродѣтельные маль-

чики и дѣвочки, похожіе больше на манекеновъ, чѣмъ на живыхъ людей.

Разсказъ читается съ интересомъ и взрослыми, и дѣтьми, и мы рекомендуемъ его въ школьную библіотеку. *Х. А.*

Примѣчаніе. Рец. см. журн. «Женское Образованіе» 1882 г., № 1, стр. 70; Прибавленіе къ «Обзору Народн. Литературы», стр. 43; «Педагогическій Листокъ» 1882 г., № 1.

Все, что было сказано въ рецензіи относительно дѣтскихъ впечатлѣній по поводу разсказа «Иванъ Ивановичъ и К°», являлось результатомъ чтенія небольшой группѣ дѣтей. Вотъ почему мнѣ хотѣлось сдѣлать опытъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и я просила нѣкоторыхъ учительницъ воскресной школы уступить мнѣ на послѣдній часъ занятій нѣсколько группъ для произведенія этого опыта. Въ аудиторіи моей находилось около ста человѣкъ различныхъ возрастовъ и развитія, когда я начала чтеніе «Иванъ Ивановичъ и К°». Въ продолженіе 20-ти лѣтъ моей работы въ школѣ мнѣ рѣдко приходилось видѣть такое напряженное вниманіе, такой громадный интересъ, который завоевалъ этотъ разсказъ съ первыхъ же страницъ. Кто привыкъ наблюдать въ школѣ, тому сразу дается почувствовать это настроеніе и по глазамъ, внимательно и сосредоточенно устремленнымъ на учителя, и по тишинѣ въ классѣ, и по тихому, сдержанному смѣху—этому невольному выраженію удовольствія.

Къ несчастію, мы успѣли прочесть только половину, т. е. до главы 6-й: *«Дѣла маленькаго торговца идутъ хорошо»*. Я объявила, что не могу читать болѣе, такъ какъ прозвонилъ звонокъ, и должна была начаться перемѣна книгъ. Нужно было видѣть, что за возгласы поднялись въ классѣ! Взрослыя дѣвушки окружили меня и учтиво, но убѣдительно просили продолжать читать. Дѣти подняли страшный гвалтъ:—Хоть еще немножко! хоть одну главу! Ради Бога!—пищали они со всѣхъ сторонъ. Одна изъ маленькихъ ученицъ дошла до такой смѣлости въ своемъ горячемъ протестѣ, что заявила обидчивымъ тономъ вполголоса:—Развѣ можно такъ дѣлать — начать читать и не кончить?! — Десятки просили книгу домой; но я не только не могла дать имъ домой свой единственный экземпляръ, не только не могла дочитать тотчасъ же, но лишена была даже возможности обѣщать дочитать въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, такъ какъ это значило бы дѣйствовать въ ущербъ остальнымъ школьнымъ предметамъ, и никто изъ учительницъ не далъ бы мнѣ болѣе своихъ группъ. Мнѣ ужасно было досадно на себя, что я такъ ошиблась въ разсчетѣ (я предполагала, что окончу разсказъ въ часъ, благодаря его крупному шрифту, картинкамъ и большимъ полямъ). По выходѣ изъ школы меня догнали нѣсколько дѣвочекъ изъ окончившихъ курсъ въ ежедневной школѣ.

— А нельзя намъ на праздникахъ придти къ вамъ на домъ дочитать «Ивана Ивановича»? спросила одна изъ нихъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Приходите, очень рада, сказала я:— отлично придумали.

Сегодня ко мнѣ пришли 14 ученицъ; я усадила ихъ и дочитала завѣтныя 5 главъ. Дѣти слушали съ тѣмъ же интересомъ, дѣлая короткія замѣчанія, когда уже не было, повидимому, возможности молчать. Такъ, на стр. 121, когда барчукъ Лева, изъ подражанія маленькому Ивану Ивановичу, вздумалъ было торговать и сообщилъ объ этомъ своей мамѣ, а та отвѣчала ему: «И тебѣ не стыдно! что тебѣ—ѣсть нечего? Тебя не одѣваютъ? Ты соблазнился какими-то копѣйками и хочешь ихъ отнять у бѣднаго мальчика, чтобы имѣть лишній апельсинъ!» Всѣмъ это, повидимому, очень понравилось, а *Гр—ва* замѣтила:

— Правда! Какая хорошая женщина была его мамаша!

На стр. 146-ой, при извѣстіи, что Иванъ Ивановичъ выросъ и пріобрѣлъ свой собственный домъ, *Гр—ва* вскрикнула радостно и съ удареніемъ:

— Пріобрѣлъ свой собственный домъ! Ай да Иванъ Ивановичъ!

По окончаніи чтенія я предложила дѣтямъ слѣдующіе вопросы:

— Похожъ ли былъ Иванъ Ивановичъ на другихъ дѣтей?

— Нѣтъ, отвѣчала *Б—ва*: — непохожъ: не игралъ никогда, не бѣгалъ, совсѣмъ не такого характера, какъ прочія; хмурый, нелюдимый; окромѣ съ своимъ Акакіемъ — ни съ кѣмъ!

— Какъ вы думаете, почему онъ именно былъ таковъ?

— Я думаю, отъ рожденія! сказала одна изъ дѣвочекъ.

— А можетъ—отъ бѣдности: у нихъ даже щей хорошихъ не было! замѣтила другая.

— Почему торговля Ивана Ивановича пошла хорошо?

— Потому что онъ былъ очень увертливый человѣкъ, отвѣчала Го—ва:—и генерала къ себѣ зазвалъ, шапталы для него изгото-

вилъ, и для мужика за водкой сбѣгалъ!

— Ловкій! добавила Гр—ва.

— Какой вышелъ изъ него человѣкъ?

— Очень умный и дѣльный! отвѣчала опять Гр—ва, большая поклонница Ивана Ивановича.

— Какъ онъ встрѣтилъ своего стараго товарища Леву?

— Очень холодно, даже чаемъ не напоилъ! сказала печально Г—ва.

— Можно ли было ожидать, что изъ него такой человѣкъ выйдетъ? спросила я, въ ожиданіи получить отрицательный отвѣтъ, но я ошиблась.

— Конечно, можно, отвѣчала Го—ва:—онъ и маленькимъ былъ въ родѣ Голубеньки *), —никого не жалѣлъ!

— А что сказалъ о немъ буфетчикъ?

— Онъ сказалъ, что настоящимъ плутомъ его нельзя назвать, но все таки онъ человѣкъ плутоватый: хоть чужаго не заберетъ, но и своего ни за что на свѣтѣ не пропуститъ.

— Вѣрно ли сказалъ буфетчикъ? обратилась я ко всѣмъ дѣтямъ.

— Вѣрно! отвѣчали дѣти хоромъ; одна Гр—ва осталась вѣрна Ивану Ивановичу и утверждала, что онъ—хорошій человѣкъ.

— Хорошъ!—пріятеля своего чаемъ даже не угостилъ! обратилась къ ней сосѣдка.

— Такъ что-жъ? вотъ важное дѣло, что чаемъ не напоилъ! это пустяки! настаивала Гр—ва.

— Жалко, что изъ него такой человѣкъ вышелъ, добавила кротко Го—ва:—лучше-бъ онъ былъ добрый и гостепріимный.

— А я слыхала, вы въ Петербургъ ѣдете? обратилась ко мнѣ неожиданно Гр—ва съ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Ѣду, а что?

— Говорятъ, что тамъ всѣ сочинители живутъ.

— Что-жъ изъ этого?

— Нельзя ли вамъ съ нимъ повидаться и спросить, живъ ли Иванъ Ивановичъ? сказала дѣвочка такъ искренно и такъ наивно, что я не знала, что̀ отвѣтить ей, чтобы не оскорбить ея просьбы.

Итакъ, вопреки моему первому отзыву, оказывается, что характеристика Ивана Ивановича доступна болѣе развитымъ дѣтямъ.

182) **Большакъ**. Повѣсть для дѣтей. Соч. А. В. Круглова. Изд. редакціи журн. «Родникъ». Спб. 1883 г. Ц. 80 к. 108 стр. Съ отдѣльными картинками К. Голембіовскаго, рѣзанными на деревѣ К. О. Ольшевскимъ.— Изд. 1886 г.

Въ повѣсти *«Большакъ»* мы опять встрѣчаемъ ребенка-труженика, напоминающаго намъ своею дѣловитостью маленькаго Ивана Ивановича; онъ тоже рано остается сиротою и становится въ положеніе взрослаго работника, кормильца семьи. Но намъ думается, что разсказъ «Большакъ» написанъ позднѣе, и что журнальная критика, упрекающая автора въ утилитаризмѣ типа Ивана Ивановича, оказала на него извѣстнаго рода вліяніе. Вмѣсто маленькаго резонера, будущаго безсердечнаго эгоиста *«изъ нонѣшнихъ»*, вы встрѣчаете мальчика, щедро одареннаго всевозможными добродѣтелями: идеальной честностью, теплотой сердечной, самоотверженіемъ. Его окружаютъ почти такіе же добродѣтельные люди: лавочникъ «не прижимаетъ безсердечно бѣдныхъ покупателей». Смотритель училища «всѣми любимъ за доброе сердце». Владѣлецъ двухъ мебельныхъ магазиновъ принимаетъ въ нихъ живое участіе. Пастухъ Макаръ энергически содѣйствуетъ покупкѣ коровы,—однимъ словомъ, это не люди, а ангелы. Правда, благодаря всему этому, разсказъ пріобрѣтаетъ характеръ необыкновенно мягкій и гуманный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, на нашъ взглядъ, страдаетъ правда жизни; вотъ почему разсказъ «Иванъ Ивановичъ и К°» мы ставимъ выше въ художественномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, задуманъ онъ очень хорошо и встрѣчаетъ большое сочувствіе въ ученикахъ народной школы. Типъ ребенка-труженика близокъ народу, и идеалъ честнаго работника какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ воспитательнымъ цѣлямъ. Вотъ почему мы охотно рекомендуемъ этотъ разсказъ въ народную библіотеку, тѣмъ болѣе, что, не смотря на кажущуюся намъ искусственность, талантъ г. Круглова все таки даетъ о себѣ знать, и многія сцены написаны прекрасно.

Намъ пришлось прочитать его въ многочисленной группѣ слушателей въ селѣ на каникулахъ. Тутъ были и дѣти, учившіяся одну зиму, и подростки, и взрослые. Всѣ слушали съ большимъ интересомъ съ начала и до конца. Сцена прощанія сына съ отцомъ вызвала слезы. Завѣтъ отца встрѣтилъ всеобщее сочувствіе. Рѣчь смотрителя на актѣ, обращенная къ Васѣ, и хозяина въ день имянинъ—произвели фуроръ между слушателями; игра въ мячъ и эпизодъ со старушонкой во время половодья—вызвали веселый смѣхъ; но были замѣчанія и другаго рода.

— И зачѣмъ онъ столько работы набралъ?

---

* Голубенька — Герой сказки «Хрустальное сердце» Евгеніи Туръ.

говорили подростки:—развѣ онъ можетъ одинъ всю ее передѣлать?

— Зачѣмъ? возражали старшіе:—онъ хотѣлъ показать, что онъ не хочетъ чужаго, что онъ желаетъ долгъ отцовскій отработать, чтобъ отцу упрека не было, да, кромѣ того, и работою обезпечить себя хотѣлъ,—*запасъ бѣды не чинитъ.*

— Нѣтъ, не можетъ мальчикъ въ 12 лѣтъ такъ справляться по столярному дѣлу, замѣтилъ еще одинъ, но и тутъ нашлись защитники.

— А я читала, возразила одна изъ учениц, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ:—біографію Джемса Гарфильда, такъ тотъ еще раньше началъ работать; значитъ, это бываетъ!

Надъ описаніемъ смерти буренушки опять появились слезы; особенно плакала старшая изъ слушательницъ, потерявшая, какъ оказалось, въ этомъ году корову.

Покупкѣ новой буренушки, пріобрѣтенной впослѣдствіи благодаря сбереженіямъ Вани, всѣ, повидимому, искренно радовались, впиваясь глазами въ картинку.

— Отчего она безъ телка? сказалъ одинъ изъ мальчиковъ:—у насъ такъ всѣ съ телками!

— И у той, что издохла, тоже телка не было, замѣтилъ недоумѣвающимъ голосомъ другой.

— У насъ такъ, помирилъ ихъ одинъ изъ старшихъ:—а у людей иначе. У нѣмцевъ, говорятъ, всегда безъ телковъ доятъ.

Когда подошло описаніе осени, одинъ изъ смышленыхъ мальчиковъ замѣтилъ:

— Что же это про экзаменъ ничего не говорится, или онъ бросилъ? Сказано было—въ августѣ будетъ держать.

Онъ очень остался доволенъ, когда мы дошли до описанія экзамена; сожалѣлъ только впослѣдствіи, что Вася не первымъ, а вторымъ ученикомъ кончилъ курсъ.

— По настоящему ему бы первымъ быть, говорилъ онъ тономъ глубокаго сочувствія.

— Нельзя, возразилъ другой:—награда не за дѣла, а за уроки выдается.

Незнакомыхъ словъ въ книгѣ встрѣтилось весьма мало, наперечетъ: *дума*, *поза*, *тать*, *хандра*, *сюрпризы*,—и только. Слово *иллюзія* такъ удачно объяснено авторомъ, что дѣти сразу его поняли. По прочтеніи главы «Сюрпризы» слушатели тоже вполнѣ уразумѣли, что это такое, и подыскали нѣсколько весьма удачныхъ примѣровъ для объясненія.

Вообще, разсказъ написанъ такъ просто, настолько подготовляетъ къ воспріятію прочитаннаго, что даже нѣкоторыя изъ выраженій, вызывающихъ сомнѣнія въ учительницѣ насчетъ того, поймутъ ли ихъ дѣти, были прекрасно объяснены ими. Приведемъ для примѣра одно изъ такихъ затруднительныхъ мѣстъ: «онъ точно бѣжалъ отъ волшебныхъ чаръ природы, возвращаясь въ городъ, вѣчно пыльный и вѣчно душный, по сравненію съ этимъ привольемъ луга и лѣса».

— Что это значитъ? спрашиваетъ учительница.

— Это значитъ, отвѣчаетъ одинъ изъ учениковъ:—онъ боялся прельститься природой и покинуть работу.

На дняхъ въ воскресной школѣ ученица лѣтъ 10-ти подала мнѣ «*Большакъ*». Чувствуя утомленіе послѣ раздачи и переспроса множества книгъ, я рѣшилась ограничиться однимъ вопросомъ.

— Хорошій ли человѣкъ вышелъ изъ Васи? спросила я.

— Весь въ отца! отвѣчала дѣвочка съ умиленьемъ. Отвѣтъ былъ такъ краснорѣчивъ, что не оставалось желать ничего болѣе.

---

183) **Звѣздочка**, соч. Евг. Туръ. Москва 1873 г. Ц. 40 к. 116 стр. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ.

Три хорошенькихъ по содержанію разсказа для дѣтей средняго и старшаго возраста.

Маленькая, яркая звѣздочка, плывя по голубому небу, засматривается съ высоты небесной на людское горе. Она утѣшаетъ печальныхъ, навѣвая на нихъ счастливыя грезы. Вотъ что она видитъ:

Печаль ребенка. Мальчикъ, выросшій въ счастливой, любящей семьѣ, отданъ въ пансіонъ и тамъ, вдали отъ всѣхъ близкихъ ему, проводитъ первую ночь въ слезахъ и горѣ. Звѣздочка тихо льетъ на него свой свѣтъ и навѣваетъ сладкіе сны о томъ, что и для него въ школѣ наступятъ радости въ исполненіи обязанностей, въ дружбѣ съ любимымъ товарищемъ. Когда же наступятъ праздники, съ какимъ восторгомъ увидитъ онъ пріѣхавшаго за нимъ кучера, а знакомая лихая тройка помчитъ его домой, въ объятія любящей матери.

Горе сестры. Умирающая мать, вдова, благословляя на смертномъ одрѣ сына и малютку-дочь, завѣщаетъ первому заботиться о сестрѣ. Глубоко врѣзались въ душу Пети слова любимой матери, и онъ окружаетъ сестру безграничной преданностью и любовью. Сиротъ воспитываетъ тетка, которая, находясь въ услуженіи въ богатой семьѣ, получаетъ позволеніе взять къ себѣ дѣтей. Дѣти

выростаютъ среди роскошной обстановки богатаго дома. Петя — серьезный, дѣльный малый — оканчиваетъ образованіе въ университетѣ. Варя, изнѣженная воспитаніемъ, избалованная братомъ и теткой, видитъ цѣль жизни только въ нарядахъ, весельѣ и балахъ.

Рѣшившись выйти замужъ за товарища брата, человѣка хорошаго, но совершенно бѣднаго и не имѣющаго положенія въ обществѣ, она отказывается отложить свадьбу, не смотря на уговоры брата. Тогда Петя, желая обезпечить безбѣдное существованіе сестры, принимаетъ выгодное мѣсто на кораблѣ, отправляющемся въ опасное кругосвѣтное путешествіе. Варя, тронутая самопожертвованіемъ брата, серьезнѣе взглядываетъ на жизнь, откладываетъ свадьбу до возвращенія Пети, трудится и дѣлаетъ добро окружающимъ. Она тоскуетъ, безпокоясь о братѣ, но звѣздочка, освѣщая ее свѣтлымъ лучемъ, навѣваетъ мечты о радостномъ свиданіи съ нимъ, о счастливой жизни съ добрымъ мужемъ.

Скорбь матери. Хорошенькій, поэтическій разсказъ о смерти доброй, всѣми любимой дѣвочки Милочки. Подруги, старая няня, отецъ—всѣ плачутъ о ней; только одна мать не пролила ни единой слезинки. Ея горе слишкомъ велико. Звѣздочка утѣшаетъ горюющихъ, незамѣтно вливаетъ въ ихъ души надежду, что со временемъ другая Милочка утѣшитъ ихъ.

Но напрасно она усиливала свѣтъ свой и ласкала имъ бѣдную мать: звѣздочка-утѣшительница оказалась безсильною передъ скорбью матери. Она закатилась, оставивъ на небѣ свѣтлую полосу.

Разсказы не потеряли бы интереса, еслибы не было фабулы о звѣздочкѣ. Звѣздочка придаетъ имъ только нѣкоторый поэтическій оттѣнокъ. Читаются они легко. Впечатлѣніе остается хорошее, и мы рекомендуемъ ихъ въ школьную библіотеку.

Встрѣчаются погрѣшности слога; напр., на стр. 36 сказано, говоря о Варѣ: «она была ласкова *до* брата и *до* тетки». На стр. 71 Варя говоритъ: «я такъ виновата *противъ* него и васъ».

Вопросы:

Почему прочитанная вами книга названа «Звѣздочкой?»

Кого утѣшала звѣздочка?

Чье горе было такъ велико, что звѣздочка оказалась безсильною передъ нимъ?

Долженъ ли человѣкъ предаваться отчаянію, и что можетъ поддержать его въ тяжелыя минуты? (Сознаніе, что каждый человѣкъ обязанъ нести извѣстную долю людскаго горя, трудъ и строгое исполненіе своего долга). *А. Г.*

«Звѣздочка» Евгеніи Туръ читается дѣтьми съ большимъ интересомъ и передается прекрасно, но съ разными оттѣнками: дѣти наиболѣе впечатлительныя передаютъ ее съ оттѣнкомъ грусти, сохраняя въ разсказѣ своемъ долю поэзіи, которой проникнуто это поэтическое произведеніе; дѣти менѣе впечатлительныя бойко передаютъ фабулу разсказовъ, и въ ихъ передачѣ *«Звѣздочка»* утрачиваетъ половину своей прелести.

181) **«Народные разсказы»** А. Коваленской. «Баранчикъ», «Дядя Власъ», «Исаевна», «Мачиха». Москва. 1876 г. Ц. 50 к. 86 стр.

«Баранчикъ». Мятель... Въ лѣсу замерзаетъ мальчикъ-нищій. Дворовая собака, — единственное близкое существо, оставшееся у ребенка послѣ пожара,—точно чуя гибель хозяина, силится согрѣть его. Проѣзжаетъ управительша. Спрятаная въ ея шубѣ обстриженная болонка подымаетъ лай. Проѣзжіе останавливаются и берутъ ребенка. Избалованная собачка продолжаетъ лаять на дворнягу. Управительша велитъ кучеру прогнать ее, но вѣрный песъ не боится кнута и бѣжитъ за санями. Это обстоятельство сердитъ управительшу, и она приказываетъ по пріѣздѣ выгнать собаку со двора во что бы то ни стало. Но кучеръ гуманнѣе хозяйки; онъ пріютилъ усталую собаку въ своей конюшнѣ.

Мальчика отогрѣли въ кухнѣ, вылѣчили его отмороженныя ноги, одѣли въ кумачевую рубаху, откормили, но не дешево пришлось ему это гостепріимство въ концѣ концовъ.

Управительша, увидя его какъ-то разъ на дворѣ со своимъ вѣрнымъ другомъ-собакой, вспылила и велѣла утопить ее. Ребенокъ рѣшается на отчаянный шагъ: онъ убѣгаетъ со своимъ другомъ изъ-подъ барскаго крова въ лѣсъ. Тамъ встрѣчаетъ его добрый старикъ-нищій. Горе сблизило ихъ, и они нанялись вмѣстѣ стеречь стадо въ сосѣдней деревнѣ. Маленькому кудрявому «баранчику», какъ называли въ деревнѣ мальчика, привольнѣе и веселѣе жилось въ полѣ съ добрымъ старикомъ, вѣрной собакой и стадомъ, чѣмъ на жирныхъ щахъ въ барскомъ дворѣ.

Авторъ чрезвычайно поэтически описываетъ

эту жизнь на волѣ и трогательную дружбу старика съ ребенкомъ.

Вопросы:

Чего недоставало ребенку въ барскомъ домѣ?

Гдѣ онъ былъ счастливѣе и почему?

«Дядя Власъ». Рано остался Власъ сиротою, и грустно жилось ему въ опустѣвшей послѣ холеры избѣ. И сталъ онъ въ лѣсъ ходить, и привязался къ птицамъ божіимъ. И сталъ ихъ въ городъ носить продавать, — надо же прокормиться чѣмъ нибудь. А мужики межъ тѣмъ смѣялись надъ Власомъ, дуракомъ называли и совсѣмъ не мужиковскимъ дѣломъ занятія его находили. Смѣялись и надъ тѣмъ, что Власъ, какъ баба, ребятъ малыхъ любилъ, и ребятки эти малые, какъ за матерью родимой, ходили за нимъ и глядѣли на его пташекъ, и слушали разсказы его о нихъ.

Хорошо жилось дядѣ Власу, и денежки у него водились, но позавидовалъ ему сосѣдъ-пьяница, забрался къ нему почью, отбилъ замокъ отъ сундука, занесъ на него топоръ и отсѣкъ ему три пальца. Власъ былъ силачъ, и—пожелай онъ постоять за себя—онъ однимъ ударомъ могъ бы положить на мѣстѣ хвораго мужиченку; но онъ помнилъ завѣтъ матери—не злоупотреблять своей силой могучею, сдержалъ свой гнѣвъ праведный, довелъ сосѣда до искренняго раскаянья, далъ ему на бѣдность его и на ребятъ малыхъ часть своей казны, и никто въ деревнѣ не зналъ, что̀ случилось этой темною ночью.

И умеръ потомъ дядя Власъ, какъ праведникъ, и когда духовникъ просилъ перечислить грѣхи его, онъ вспомнилъ только, что отнялъ пряникъ у сестры, когда былъ ребенкомъ, и умеръ, силясь припомнить еще что нибудь, но никакъ не могъ. Мужики смѣялись и надъ этимъ, называя его птенцомъ малымъ; зато ребятки не забыли дядю Власа: они усадили могилку его деревцами и пустили на нихъ птицъ вольныхъ, осиротѣвшихъ безъ хозяина.

Разсказъ написанъ настолько трогательно, что трудно читать безъ слезъ.

Вопросы:

Что за человѣкъ былъ дядя Власъ?

Что добраго сдѣлалъ онъ въ жизни?

Почему остальные мужики смѣялись надъ нимъ?

«Исаевна». (Быль изъ народной жизни).

Исаевна принадлежала къ числу тѣхъ могучихъ и исключительныхъ натуръ, которыя ничему не умѣютъ отдаваться на половину.

Въ началѣ разсказа она является передъ нами веселою, беззаботною, неприступною красавицей, единственной дочерью богатой козачки. Затѣмъ смерть любимой матери поражаетъ ее настолько, что она разомъ бросаетъ всѣ удовольствія и бродитъ, какъ тѣнь, па степи и на кладбищѣ; затѣмъ снова наступаетъ пора безумнаго на этотъ разъ разгула, и опять онъ смѣняется полнымъ отреченіемъ отъ міра, полнымъ смиреніемъ и сподвижническою жизнью; но это сподвижничество выражается въ богатой натурѣ козачки не заточеніемъ въ тихой кельѣ,—это было бы слишкомъ узко для нея; самоотреченіе ея захватываетъ кругозоръ шире и плодотворнѣе: она ходитъ за больными, спасаетъ погибающихъ дѣтей, является утѣшительницей заключенныхъ, помощью всѣмъ сирымъ, несчастнымъ, убогимъ и умираетъ, какъ праведница, окруженная глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ всего общества.

Вопросы:

Часто ли встрѣчаются такіе люди, какъ Исаевна?

Что хорошее и что дурное заключаютъ они въ себѣ? (Люди крайностей, энергія которыхъ можетъ быть только тогда плодотворна, когда получила правильное направленіе).

«Мачиха». Въ счастливой семьѣ Ивана-мужика случилось несчастіе — умерла хозяйка, оставивши ему двухъ малыхъ сиротъ. Долго тужилъ бѣдняга, долго возился со своими осиротѣвшими малютками и, наконецъ, рѣшился жениться, чтобъ была мать у дѣтей; но разсчетъ бѣднаго отца оказался невѣренъ. Мачиха не взлюбила чужихъ дѣтей, сосредоточивъ всю свою нѣжность на собственномъ сынѣ. И видитъ она сонъ: — и деревня, и люди, и хата все тѣ же, только лежитъ она въ гробу. Вотъ ее похоронили, и въ избу входитъ новая жена Ивана, и бѣдный ея Васька, грязный и голодный, сидитъ, прижавшись въ уголку, точь въ точь какъ маленькая Маша, и бьетъ его злая мачиха, и отнимаетъ у него отцовскіе гостинцы. Этотъ сонъ представляется вамъ не чѣмъ-то отвлеченнымъ, вымышленнымъ, а голосомъ совѣсти, который все сильнѣе и сильнѣе предъявлялъ свои права, по мѣрѣ того, какъ росли ненависть и жестокость въ душѣ и поступкахъ недоброй мачихи. Она просыпается со слезами раска-

янія, въ первый разъ въ жизни ласкаетъ сиротъ, и съ тѣхъ поръ въ избѣ Ивана водворяются миръ и любовь.

Вопросы:

Какъ относилась мачиха къ чужимъ дѣтямъ?

Какое чувство заговорило, наконецъ, въ ея душѣ?

Почему приснился ей страшный сонъ?

Что вноситъ въ семью миръ и счастіе?

Х. А.

Переспрашивая много разъ эти разсказы въ школѣ, мнѣ пришлось удостовѣриться въ томъ, что первые два нравятся больше дѣтямъ, а послѣдніе—взрослымъ. Я могла бы привести много тому доказательствъ изъ тетради: «*Отзывы учениковъ и учениц о книгахъ*», но ограничусь четырьмя отрывками.

Примѣчаніе. Смотри реценз. «Воспит. и Обученіе» 1877 г., стр. 116; «Обзоръ Народн. Литературы», стр. 243.

Авдотья И—ва, 23-хъ л., ученица воскр. школы, возвратила «*Разсказы*» Коваленской.

— Который изъ четырехъ разсказовъ вамъ больше понравился?

— Всѣ хороши, но лучше всѣхъ «*Исаевна*».

И она начала передачу разсказа съ такими подробностями и оттѣнками, которые совершенно ускользнули отъ меня, не смотря на то, что я такъ недавно перечитывала эту книгу; такъ, наприм., перечисляя подвиги и добрыя свойства характера героини, она, между прочимъ, обратила вниманіе и сдѣлала удареніе на слѣдующемъ обстоятельствѣ.

— Она жалѣла не только своихъ православныхъ, а однажды спасла маленькаго *магометана*; ей все равно былъ человѣкъ, — она каждаго жалѣла!—И ученица чрезвычайно картинно описала сцену спасенія ребенка.—Ужъ такая она была отчаянная, заключила Петрова:—и въ весельѣ, и въ спасеніи души.

Относительно разсказа «*Мачиха*» я предложила одинъ вопросъ: вѣритъ ли она снамъ?

— Какъ когда, отвѣчала *Петрова*, улыбаясь:—иногда такая чепуха приснится, а иногда объ чемъ думаешь, то и снится!

— Какъ же вы думаете, почему мачихѣ приснился такой сонъ?

— Я думаю, черезъ совѣсть: совѣсть ей не давала покоя, что она сиротъ такъ обижала, вотъ и приснилось ей—лежитъ она въ гробу, ла новая мачиха орудуетъ и Ваську ея обижаетъ!...

Климъ Т—ко, сынъ крестьянина, 10-ти л., ученикъ сельской школы, бралъ у меня «*Народные разсказы*» Коваленской. Онъ помогаетъ отцу, по буднямъ занятъ и успѣлъ прочитать только «*Баранчикъ*»; но еслибы авторъ могъ слышать ту простоту и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увлеченіе, съ которымъ ребенокъ вдавался въ малѣйшія подробности разсказа, это послужило бы ему великой нравственной наградой.

Өедоръ Г—въ, ученикъ сельской школы, прочелъ «Народные разсказы» Коваленской. Больше всѣхъ разсказовъ ему понравился «Баранчикъ» и затѣмъ «Дядя Власъ». «Исаевна» же и «Мачиха»—«*не такъ*», какъ выразился онъ. Я предложила ему разсказать, что за человѣкъ былъ дядя Власъ. Мальчикъ превосходно передалъ характеристику Власа. Даже элементъ поэзіи, присущій этому прекрасному разсказу, сохранился въ устной передачѣ ребенка; особенно удалась ему сцена на кладбищѣ:

— И повыростали на ней деревья зеленыя, говорилъ Өедя:—и прилетали на нихъ птички раннею весною, и щебетали тѣ птички пѣсни его любимыя.

Өедору Г—ву 14 лѣтъ; онъ окончилъ народную школу.

Марөа К—на, 11-ти л., подала мнѣ «*Разсказы*» Коваленской.

Есть книги, по примѣненію къ которымъ вопросы: «понравилась ли», «понята ли»—являются совершенно излишними, столько пришлось выслушать о нихъ единодушныхъ одобрительныхъ отзывовъ. Тѣмъ не менѣе, всегда почти остаются и въ нихъ мѣста, требующія особенной заботы при переспросѣ; такъ, въ разсказѣ «*Исаевна*» вопросъ, въ силахъ ли ребенокъ опредѣлить характеръ героини, остается для меня подъ сомнѣніемъ, и я каждый разъ останавливаю на немъ вниманіе ученицы.

— Какой у нея характеръ? сказала вдумчиво К—на:—онъ былъ добрый, этотъ характеръ, рѣдко такого встрѣтить; то она веселая очень, то она невеселая очень, — ну, всегда готова каждому помочь; увидитъ бѣднаго, сейчасъ сжалится, надъ каждымъ больнымъ, надъ каждымъ арестантомъ!

185) **Крутиковъ** *). Разсказъ Коваленской. Ц. 10 к. 46 стр., съ 4 рис. Изд. С.-Петерб. Комит. Грамотн., состоящ. при Импер. Вольн. Эконом. Обществѣ.—3-е изд., 1886 г.

---

*) Смотри рец. «Женское Образованіе» 1881 г., № 10; «Русскій Народный Учитель» 1881 г.

Крутиковъ—безродный солдатъ, у котораго была отнята нога послѣ Севастопольской войны и который, вернувшись на родину вмѣстѣ со своимъ товарищемъ и другомъ, Ефремовымъ, также раненымъ, поселяется въ семьѣ этого послѣдняго въ далекой деревушкѣ на берегу Волги. Тамъ безногій солдатъ занимается ловлей рыбы, разводитъ овощи, продаетъ то и другое.

Маленькій Степа, сынъ Ефремова, привязывается всею душою къ Крутикову и выучивается всему, что знаетъ самъ Крутиковъ; между прочимъ, учится у него читать, писать и нѣкоторымъ молитвамъ. Крутиковъ пріобрѣтаетъ любовь всей семьи, вытащивъ разъ Степу изъ проруби, куда по неосторожности упалъ мальчикъ.

Разсказъ написанъ хорошимъ слогомъ, читается легко и съ интересомъ. Можетъ быть прочитанъ дѣтьми какъ старшаго, такъ и средняго возраста.

Чрезвычайно правдиво, тепло и съ глубокимъ знаніемъ человѣческой души обрисовывается авторомъ характеръ русскаго солдата.

Сколько жалости, высокаго чувства человѣчности и святаго состраданія къ несчастному собрату проявляется въ поступкахъ этихъ бѣдныхъ солдатъ-калѣкъ! Въ этомъ сочувствіи нѣтъ ни ходульности, ни эффекта—такъ все просто, тепло. Сами страдали,—вотъ и горе ближняго стало близко сердцу. Такъ, напр., Крутиковъ и Ефремовъ, больные, изувѣченные, помнятъ обѣщаніе, данное въ госпиталѣ умирающему товарищу, и, идя на Волгу, сворачиваютъ въ Москву. Для чего?—Для того, чтобы отдать старые сапоги братишкѣ товарища и передать его послѣдній земной привѣтъ старухѣ-матери.

Вопросы:

Что чувствовали раненые солдаты, возвращаясь на родину?

Какимъ промысломъ занимаются крестьяне на берегу Волги?

Чему научился Степа у Крутикова?

За что любилъ Степа Крутикова?

Мы рекомендуемъ этотъ разсказъ малолѣтнимъ, подросткамъ и взрослымъ. *А. Г.*

Разсказъ этотъ прочитанъ былъ въ праздничный день смѣшанной группѣ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ. Всѣ слушали съ величайшимъ интересомъ. Дѣтей, видимо, очень занимали отношенія Степы къ солдату; старшіе же были поглощены всецѣло личностью героя и то смѣялись отъ души его остроумнымъ выходкамъ, то слушали сосредоточенно и внимательно, что будетъ дальше. По окончаніи чтенія учительница предложила слушателямъ ставить вопросы.

— Должны ли мы поступать по примѣру Крутикова? спросилъ *Иванъ Б—ко.*

Учительница, видимо, осталась недовольна вопросомъ.—Не каждый находится въ положеніи Крутикова, сказала она:—а потому не отъ каждаго можно требовать того же.

Б—ко сѣлъ сконфуженно на свое мѣсто.

— Какой характеръ имѣлъ Крутиковъ? поставилъ вопросъ *Г—въ.* Вопросъ этотъ встрѣтилъ всеобщее сочувствіе, и отвѣты посыпались со всѣхъ сторонъ:—Веселый!—Умный!—Добрый!—Онъ вездѣ какъ дома былъ, и проч.

— У него характеръ былъ, можно сказать, отчаянный, отозвался, наконецъ, Б—ко, оправившись, видимо, отъ конфуза:—онъ не жалѣлъ своей жизни ради другихъ: и отца спасъ, и сына спасъ, отца на войнѣ, а за сыномъ безъ ноги въ воду кинулся, и все молча, никому не хвалился этимъ.

Такое опредѣленіе личности Крутикова навело учительницу на сомнѣніе: права ли она, нашедши вопросъ неудачнымъ, и не шире ли понимаетъ ученикъ его значеніе. По окончаніи переспроса она спросила его:—Въ чемъ собственно, по твоему, должно было заключаться наше подражаніе Крутикову?

— Въ томъ, отвѣчалъ онъ убѣжденно:—чтобы спасать другихъ не только на войнѣ, а и во всякихъ случаяхъ несчастныхъ, и если сдѣлать не то самое, что Крутиковъ, то хотя что нибудь подобное.

— А не спроситъ ли кто нибудь еще что нибудь? обратилась учительница къ слушателямъ.

Всѣ молчали. Очевидно, интересы ихъ всецѣло сосредоточились на героѣ, а все остальное померкло предъ этимъ яркимъ образомъ; иначе они нашли бы, что̀ спросить,—таковъ былъ составъ присутствующихъ. Тогда учительница предложила имъ вопросы, поставленные при рецензіи. Отвѣты получились вполнѣ правильные, даже отъ самыхъ младшихъ, чего и слѣдовало ожидать.

— А кому понравилась, кому не понравилась книга? спросила учительница.

— Всѣмъ понравилась! закричали дружно слушатели, точно каждый готовъ былъ ручаться за другаго, точно иначе и быть не могло.

Примѣч. См. реценз. «Женское Образованіе» 1881 г., № 10; «Русскій Народный Учитель» 1881 г.; «Систематическій Обзоръ Нар. Литер.» 1878 г., стр. 238.

186) **Родное.** Разсказы для дѣтей. Ил. Смирнова. Съ раскраш. картинками Н. Мартынова. Ц. 1 р. 25 к., 142 стр. Москва. 1882 г. 1) «Въ овинѣ» 2) «Христославы». 3) «Дрова плывутъ». 4) «На мельницѣ».

Книга эта составитъ полезное пріобрѣтеніе для народной дѣтской библіотеки. Прекрасное, доступное описаніе природы, мастерское изображеніе характера и быта простолюдина-дитяти, — все говоритъ въ пользу книги. Не идеализируя, г. Смирновъ представляетъ намъ славныхъ деревенскихъ ребятъ, смѣтливость ихъ природнаго ума, неиспорченность сердца, чуткость душевную, веселость и отвагу въ играхъ и, наконецъ, серьезное отношеніе къ дѣлу.

Г. Смирновъ употребляетъ часто въ разговорахъ чисто русскія народныя выраженія, напр.: «гли-ко, робя» (гляди-ка, ребята). Для читателя, незнакомаго съ подобною рѣчью, находятся объясненія внизу страницы.

Въ первомъ разсказѣ—«*Въ овинѣ*» изображаются русская крестьянская семья и зимнія забавы ребятъ. Отецъ и мать на работѣ; старикъ-дѣдушка плететъ лапоть, а семилѣтній Ваня, по приказанію матери, присматриваетъ за сестренкой Стешей. На улицѣ раздаются крикъ и шумныя, веселыя игры дѣтей. Тоскливо прислушивается къ нимъ Ваня. Наконецъ баловень дѣдушка отпускаетъ мальчика, который стремглавъ бросается на улицу.

Весело ребятишкамъ: они и съ кучи соломы накатались, и побѣжали къ едва замерзшему пруду. Не разсуждая, они бросились на ледъ, но тонкій ледъ не выдержалъ, и мальчики очутились по поясъ въ водѣ. Пришлось бѣжать сушиться въ сосѣдній овинъ. И тутъ было имъ весело: пекли картофель въ горячей золѣ, разсказывали другъ другу сказки, и такъ было имъ хорошо, что они условились забраться на всю ночь въ овинъ Ваниннаго отца.

Къ ночи дѣдушка и Ваня отправились въ овинъ и развели тамъ костеръ для сушки хлѣба. Но ожиданія Вани не сбылись: ребята не пришли по обѣщанію. Опечаленный мальчикъ, прижавшись къ дѣдушкѣ, заснулъ, убаюканный его сказками; замолкъ дѣдушка, задумался о дняхъ давно минувшихъ, да и поддался дремотѣ. Спятъ дѣдъ и внучекъ, а черный дымъ между тѣмъ кружился въ ямѣ; огонь, никѣмъ не охраняемый, охватилъ весь овинъ. Проснулся въ испугѣ дѣдушка и едва успѣлъ вынести на рукахъ обезпамятѣвшаго Ванюшу. Село огласилось неистовымъ лаемъ собакъ; сбѣжались мужики. Дѣдушка не слышалъ и не видалъ ничего и чуть слышно повторялъ: «экое горе, экое горе!»

Не менѣе живописно въ разсказѣ «*Дрова плывутъ*» описаніе сельскихъ забавъ въ большой слободѣ надъ Волгою во время весенняго разлива. Ребята собрались играть въ бабки. Бѣлокурый Степа, въ свою очередь, полѣзъ было за пазуху, чтобы отдать свою ставку, но случайно взглянулъ на разливъ и замеръ на мѣстѣ: по срединѣ рѣки медленно подвигались темныя точки, то сбиваясь, то раздѣляясь въ отдѣльныя кучки. Степа, забывъ объ игрѣ, въ одно мгновеніе очутился у отцовской избы и съ крикомъ: «тятя, тятя! дрова плывутъ!»—бросился будить отца. Отецъ и сынъ отвязали лодку, пустили ее по рѣкѣ и до поздняго вечера выбирали изъ воды толстыя плывущія полѣнья дровъ.

Наработался Степа, но, вернувшись домой, объ отдыхѣ не подумалъ. Его еще манила улица и веселая дѣтская игра. Вѣтромъ полетѣлъ онъ къ товарищамъ поставить и свою ставку. — «Валяй, Степка!» кричали ребята. «Ловко! Ну, Степа! ловко бьетъ!» одобряли они мальчика.

Въ третьемъ разсказѣ—«*Христославы*» сцена мѣняется. Авторъ переноситъ читателей въ городъ.

Мальчики на улицѣ скользятъ по ледяной дорожкѣ вдоль тротуара. Васютка, разбѣжавшись изо всей силы, хватилъ за третью тумбу. Съ гордостью посматриваетъ онъ на Кольку и Павлика, которые напрасно силились прокатиться такъ далеко.

На улицѣ стало темно, зажгли фонари; Васютку позвали домой. Дома, въ комнатѣ подвальнаго этажа, заваленной узлами съ бѣльемъ, молодая дѣвушка, сестра его, разглаживаетъ мужскую рубашку. Матери нѣтъ дома. Трудно Катѣ: до поздняго вечера не отходитъ она отъ гладильной доски. Скоро праздникъ Рождества Христова; подруга зазываетъ ее въ театръ на святкахъ, но у Кати нѣтъ 30 к. заплатить за билетъ.

— «Хорошо, Катя, въ театрѣ?» спрашиваетъ ее Вася.

— «Да, Вася, хорошо: народу много, свѣтло какъ днемъ, музыка играетъ. Потомъ занавѣсъ подымается. Представляютъ, какъ Иванъ Сусанинъ царя спасъ; и лѣсъ представленъ, и снѣгъ идетъ».

Какъ бы хотѣлось Васѣ потѣшить сестру, купить ей билетъ!

Она такая добрая, ласковая, она всегда заступается за него, если иногда утомленная тяжелой работой мать толкнетъ его въ сердцахъ.

Случай заработать деньги скоро представился. Товарищъ Васюткинъ, Павликъ, затѣялъ важную штуку. По праздникамъ открываютъ балаганы, а денегъ у нихъ нѣтъ, такъ не пойти ли имъ по домамъ славить Христа? Васѣ мелькнула мысль собрать 30 к. на билетъ сестрѣ, и потому онъ пошелъ съ радостью съ Павликомъ въ пустой сарай разучивать молитву «*Рождество Твое, Христе, Боже нашъ*».

Наступили праздники. Мальчики ходили по домамъ и, гдѣ ихъ впускали, тянули молитву своими тоненькими голосами. Немало давали имъ денегъ и серебряныхъ, и мѣдныхъ, которыя собиралъ за товарищей Павликъ. Какъ счастливъ былъ Вася, думая о радости сестры! Но тѣмъ сильнѣе было его горе, когда во время дѣлежа денегъ Павликъ роздалъ мальчикамъ лишь по нѣскольку копѣекъ. Павликъ обсчиталъ товарищей, воспользовавшись ихъ довѣрчивостью.

Почти не различая дороги отъ слезъ, Вася вернулся домой. Мать спала за перегородкой, а сестра заплетала передъ зеркальцемъ свою русую косу.

— «Обманули меня, Катя, а я было тебѣ билетъ... хотѣлъ...» едва выговорилъ мальчикъ и съ горькими слезами уткнулся лицомъ въ колѣни сестры.

Разсказъ пригоденъ исключительно для городскихъ жителей, такъ какъ деревенскіе не только не могутъ опредѣлить цѣны удовольствія театра, но даже никогда не слыхали этого слова, какъ оказалось при чтеніи въ одной отдаленной отъ городскаго центра степной деревнѣ, и учительницѣ стоило большихъ трудовъ объяснить, что это такое *театръ*.

Четвертый разсказъ—«*На мельницѣ*» интересенъ по содержанію и по живописному описанію сельской природы и быта деревенскихъ дѣтей. Гимназистъ 2-го класса былъ отправленъ на каникулы въ семью мельника, хозяина крупчатки. Мальчикъ совершилъ путешествіе съ обозомъ, нагруженнымъ мѣшками пшеницы. Разговоры парней, ихъ заунывная пѣсня, занимали его всю дорогу. Семья мельника приняла его радушно.

Все окружающее было ново для городскаго мальчика: лѣсъ, лодка, рѣка, купанье, рыбная ловля. Онъ не зналъ, за что приняться. Тутъ онъ познакомился и подружился съ парнишкой Васей. Вася былъ сынъ бѣдной вдовы; по цѣлымъ днямъ онъ удилъ рыбу, продавалъ ее; часть заработанныхъ денегъ отдавалъ матери, а остальныя бережно сохранялъ, никому не говоря объ ихъ назначеніи.

Гимназистъ не разлучался съ Васей. Они вмѣстѣ катались на лодкѣ, ходили въ лѣсъ за грибами, удили рыбу, а подчасъ играли и купались съ веселыми, отважными ребятишками. Полюбивъ товарища, Вася признался ему, что мать хочетъ отдать его въ городъ въ лавку, но что ему, Васѣ, мила деревня, а не городъ, что онъ боится оставить мать одну. Собираетъ же онъ деньги для того, чтобы купить старый токарный станокъ, при помощи котораго онъ надѣется прокормить мать, не покидая деревни. Раньше онъ былъ въ ученьѣ у одного токаря.

Тогда оба мальчика принялись еще прилежнѣе за уженье рыбы. Гимназистъ отдавалъ свой уловъ Васѣ. Такъ удалось имъ собрать 10 р. Станокъ былъ купленъ, и Вася принялся за токарную работу. Скоро накопились у него разныя бездѣлушки и вещицы, которыя продаются въ игрушечныхъ лавкахъ; появились заказы, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Онъ былъ доволенъ и веселъ.

Кончились каникулы гимназиста. Онъ распростился съ Васей, съ деревней, которую полюбилъ, и вернулся въ городъ.

Вопросы:

Что такое овинъ?

Какъ устроены овины?

Почему въ деревняхъ случаются часто пожары?

Почему весною бываютъ разливы рѣкъ?

Откуда берутся на рѣкѣ дрова во время разлива?

Въ какія игры играютъ деревенскія дѣти?

По какому случаю ходятъ дѣти христославить?

Какія бываютъ мельницы?

Какъ устроены водяныя мельницы?

Почему гимназистъ не умѣлъ ни плавать, ни грести, ни рыбу ловить, какъ деревенскіе мальчики?

Какое онъ имѣлъ преимущество передъ деревенскими дѣтьми? *А. Г.*

Примѣчаніе. См. реценз. «Педагог. Листокъ» 1882 г. № 4, стр. 158; «Женское Образованіе» 1882 г. № 8, стр. 557.

---

187) **Разсказы для маленькихъ дѣтей.** М. Чистякова.—«*Приключенія молодой бѣлки Бобочки*». Изданіе Я. А. Исакова. Спб. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к. 47 страницъ.

Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ пи-

сать для очень маленькихъ дѣтей; необходимо выработать въ себѣ ту идеальную простоту языка, то простодушное міросозерцаніе, которое доступно только ребенку.

Къ числу немногихъ книгъ, обладающихъ подобными условіями, принадлежитъ и настоящая. Кто изъ насъ не видѣлъ того интереса, съ которымъ читаютъ ее дѣти, и тѣхъ искреннихъ дѣтскихъ слезъ участія, страха и состраданія къ слабому, которыми сопровождается обыкновенно это чтеніе?

Разсказъ о «Бѣлкѣ Бобочкѣ» появился много лѣтъ назадъ и вызвалъ подражателей; но никто изъ этихъ подражателей не достигъ ни той наивной прелести, ни той увлекательности, какими обладаетъ «Разсказъ о бѣлкѣ Бобочкѣ». Недавно, пересматривая рецензіи о ней въ педагогическихъ журналахъ и сборникахъ, мы встрѣтили, между прочимъ, слѣдующія строки *): «Мы посовѣтовали бы для пользы книжки заклеить листкомъ чистой бумаги на стр. 47 слѣдующую, ни къ чему не ведущую и вовсе не остроумную, тираду:

«Бродя однажды по лѣсу, охотникъ увидѣлъ листки,—кажется, дубовые и кленовые, связанные въ видѣ тетрадки. Смотритъ—что-то нацарапано очень тонкими чертами. Онъ подумалъ, что это писала какая нибудь дѣвочка, но, приглядѣвшись внимательнѣй, замѣтилъ, что это бѣличій почеркъ. Заглавіе—«Похожденія бѣлки», а на концѣ подъ ними подписано яснѣе и четче другихъ словъ—«Бобочка». Оттуда-то и переведенъ этотъ разсказъ почти слово въ слово».

Если бы критикъ видѣлъ тотъ дѣтскій восторгъ, которымъ сопровождаются эти строки, тотъ живой интересъ, съ которымъ дѣти разбираютъ и эти слова, и подпись Бобочки на листкѣ, нарисованномъ на картинкѣ,—вѣроятно, онъ не сказалъ бы этого. Въ этихъ незамысловатыхъ приключеніяхъ для нихъ все полно интереса: и какъ плыла Бобочка по морю на обломкѣ коры, и вся мокрая, продрогшая и едва живая достигла берега, и какъ попала она къ гостепріимнымъ зайчикамъ, и какъ скользила за ней змѣя, и вдругъ раздался выстрѣлъ, и охотникъ убилъ этого страшнаго непріятеля, и какъ злая лисица гналась за Бобочкой, но она помчалась по скалѣ, какъ молнія, на голую вершину ея. Лисица пробовала нѣсколько разъ взлѣзать на скалу, но все обрывалась и падала. Это обстоятельство приводитъ дѣтей въ полнѣйшій восторгъ. — «Слава Богу! Слава Богу!» повторяютъ они радостно. Новое приключеніе съ мужиками, добравшимися при порубкѣ лѣса до жилья Бобочки, вызываетъ въ дѣтяхъ новую тревогу.

— Пропала хата! говорилъ одинъ изъ деревенскихъ мальчиковъ, которымъ намъ пришлось прочесть этотъ разсказъ, точно будто дѣло шло о живомъ человѣкѣ.

— А вонъ видишь слѣдъ, слѣдъ отъ нея! говорилъ другой, указывая на картинку, на которой не представлялось ни малѣйшей возможности видѣть этотъ слѣдъ человѣку, не обладающему настолько живымъ воображеніемъ.

Примиряющій конецъ, видимо, произвелъ на дѣтей самое благопріятное впечатлѣніе.

Какъ не рекомендовать подобную книгу въ дѣтскую библіотеку, какъ лишить дѣтей нѣсколькихъ минутъ или часовъ чистѣйшаго наслажденія?!

Вопросы мы считаемъ излишними, тѣмъ болѣе, что безъ помощи ихъ самыя маленькія дѣти передаютъ этотъ разсказъ превосходно.

Остается пожалѣть объ одномъ—о его дорогой цѣнѣ, и искренно пожелать его появленія въ дешевомъ изданіи. *Х. А.*

---

188) **Тюлевая баба.** Разсказъ Марка Вовчка. Спб. 1875 г. 80 стр. Ц. 25 к. «Летучая Библіотека».

Съ замѣчательно мѣткимъ юморомъ и вѣрностью описываетъ авторъ жизнь малороссійскаго захолустья со всею ея мелочностью и отсутствіемъ всякихъ интересовъ.

Героиней разсказа является Анна Ѳедоровна Журбовская. Вся цѣль ея жизни состояла въ томъ, чтобы удивлять людей своимъ печеньемъ и вареньемъ. Какіе она готовила кремы полосатые—всѣмъ на удивленіе! Одна барыня хотѣла женить сына на дочери Анны Ѳедоровны, чтобы узнать тайну приготовленія крема, но проговорилась, и дѣло не состоялось. А что готовилось въ торжественные случаи—пересказать трудно!

Анна Ѳедоровна была женщина энергичная, страстная, и тѣмъ печальнѣе и досаднѣе становится пошлость всей ея жизни. Всю свою энергію, весь свой интересъ она вкладывала въ печенье бабъ. Племянникъ ея женится на помѣщицѣ Глафирѣ Ивановнѣ, о которой прошелъ слухъ, что она мастерица печь бабы, и съ этой роковой минуты покой ея былъ нарушенъ. Анна Ѳедоровна сдѣлалась сама не своя: пропала ея обходительность, заботливость. Съ молодой она говорила ласково, но неровнымъ голосомъ; внуч-

*) «Наша Дѣтская Литература» Ф. Толля, стр. 66.

ку меньше баловала. Пришла страстная недѣля, и наступило состязаніе: Анна Ѳедоровна скупаетъ у еврея Мошки всю хорошую муку и надѣляетъ ею всѣхъ знакомыхъ барынь, исключая Глафиры Ивановны; но послѣдняя перехитрила ее и выписала муку изъ деревни отъ матери.

Затѣмъ слѣдуетъ весьма курьезное описаніе печенья бабъ. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Казалось, что рѣшается важный общественный вопросъ. Наконецъ, наступила роковая минута, и произошла траги-комическая сцена. Анна Ѳедоровна пріѣхала къ племяннику, вошла, сѣла, увидѣла бабу, не спускала глазъ, пока Глафира Ивановна не поднесла ей кусочекъ попробовать; тогда она попробовала, страшно поблѣднѣла, затѣмъ вышла, сѣла въ коляску и велѣла ѣхать къ куму-городничему.

Съ тѣхъ поръ Глафира Ивановна и Анна Ѳедоровна дѣлаются заклятыми врагами; но эта глупая ссора не остается безъ печальныхъ послѣдствій: Анна Ѳедоровна наговорила городничему на торговца Мошку, что онъ утаилъ отъ нея хорошую муку, и тотъ безъ всякихъ разсужденій засадилъ его въ острогъ. Черезъ годъ Мошка былъ выпущенъ, но съ тѣхъ поръ его никто ужъ больше не видалъ.

Но не одинъ Мошка пострадалъ,—страдали постоянно жители Журбовки и Саковки: то мостикъ велитъ разобрать Глафира Ивановна, по которому переѣзжаютъ оврагъ между саковскими и журбовскими землями. Анна Ѳедоровна горюетъ, а прочіе непричастные люди недѣль пять не могутъ переправиться,—хоть отецъ родной умирай. То Анна Ѳедоровна прикажетъ воду спустить, и саковскія мельницы перестаютъ молоть. Глафира Ивановна плачетъ, Анна Ѳедоровна утѣшается, но прочія мельницы перестаютъ молоть, и хозяева ни за что, ни про что въ убыткѣ. Годы идутъ, и война идетъ у Глафиры Ивановны съ Анной Ѳедоровной. Только смертью война ихъ прекратится. А смерть—не за горами...

Разсказъ читается съ интересомъ взрослыми и подростками и весьма желателенъ въ народной и школьной библіотекѣ.

Двѣ сестры, ученицы воскр. школы, 16 и 10 лѣтъ, подали мнѣ «*Тюлевую бабу*» Марка-Вовчка. Обѣ улыбались.

— Понравилось? спросила я.

— Смѣшно!—Младшая хохотала, а старшая закрыла ротъ рукой. Разсказывала младшая, и разсказывала очень хорошо, а старшая поправляла ее, и поправляла такъ мастерски, такъ толково, что я любовалась, глядя на нихъ. Когда онѣ окончили разсказъ, я спросила:

— Какъ вы думаете: недавно это было или давно?

— Я думаю—давно, отвѣчала бойко младшая: — потому что тамъ насчетъ крѣпостныхъ говорится!—И городничихъ теперь нѣтъ, добавила старшая.

— Изъ-за чего поссорились два семейства?

— Изъ-за чистыхъ пустяковъ, отвѣчала старшая:—изъ-за тюлевой бабы все это затѣялось!

Я желала получить отвѣтъ:—изъ зависти, но не вѣрнѣе ли опредѣляетъ отношенія ученица, окрестивъ всю эту мелочную ссору—*пустяками?*

— Какія послѣдствія имѣла эта ссора?

— И не дай Богъ! отвѣчала выразительно младшая.

— Ужъ пусть бы сами онѣ страдали, какъ сами виновныя, добавила старшая: — а то и другихъ людей замѣшали.—И она съ замѣчательной теплотою, юморомъ и сочувствіемъ къ евреямъ передала сцену у городничаго, бунтъ безвинно пострадавшихъ и рѣчь молодаго еврея.—И не одни евреи пострадали, добавила она:—спустить воду, станутъ мельницы, и негдѣ муку перемалывать бѣднымъ мужичкамъ.

— А мостъ! вставила оживленно младшая:—разоритъ она его—и нѣтъ ѣзды! И такъ онѣ до самой смерти мучились...

— Кому скорѣе можно было простить мелочность этой ссоры: старухѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ или молодой Глафирѣ Ивановнѣ?

Отвѣтъ мнѣ рисовался слѣдующій: Анна Ѳедоровна—женщина старая, ей простительнѣе было быть мелочной и заниматься дрязгами, а Глафира Ивановна, какъ женщина молодая, полная силъ, должна была бы пріискать себѣ болѣе приличное занятіе, чѣмъ сплетни, дрязги, пересуды и ссоры. Не такъ посмотрѣли на дѣло сестры.

— Конечно, Глафирѣ Ивановнѣ, отвѣчала горячо младшая: — Анна Ѳедоровна первая начала.

— Та къ ней съ дорогою душою обратилась, а она ей злобою отвѣчала, добавила старшая.

— Но вѣдь Глафира Ивановна была моложе: она могла бы придумать себѣ какое нибудь лучшее занятіе, чѣмъ дрязги! протестовала я.

— Что-жъ что моложе? возражала старшая:—у нея опытности той не было, что у Анны Ѳедоровны; а Аннѣ Ѳедоровнѣ стыдно:

ей бы еще молодую поучить, а не то что кляузы разныя устраивать.

— Зачѣмъ же Глафира Ивановна сплетни разныя слушала? сказала я.

— Потому что у нея характеръ такой былъ откровенный, она каждаго готова была выслушать по добротѣ своей,—не то что Анна Ѳедоровна: у той ничего допытаться нельзя было.

Я видѣла ясно, что всѣ симпатіи сестеръ С—хъ клонились къ молодой и дѣйствительно неповинной въ исторіи Глафирѣ Ивановнѣ, и считала свой послѣдній вопросъ излишнимъ. Въ началѣ, при передачѣ разсказа, сестры не могли говорить отъ смѣха (отвѣтъ на вопросъ: доступенъ ли юморъ народу?); но когда я начала серьезнымъ тономъ предлагать вопросы, то онѣ отвѣчали на нихъ вполнѣ солидно, тотчасъ уразумѣвъ, *что* отъ нихъ требовалось.

Мы находимъ этотъ отзывъ достаточно характернымъ, почему и ограничиваемся имъ.

189) **Веселый дѣдъ**. Разсказъ Коровина. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 334. Москва. 1882 г. Ц. 15 коп. 29 стр.

— «Ты просишь у меня рубль. Изволь, дамъ тебѣ рубль. Но знай: копѣйку надо беречь; иногда трудно достается она; стало быть, стыдно и грѣшно бросать ее на безполезное. Ты еще не знаешь, какъ дорогъ грошъ тому, кто добылъ его тяжкимъ трудомъ. А если его совсѣмъ нѣтъ? Помнишь, читали о голодѣ въ Самарской губерніи? Совѣтую тебѣ почаще думать о немъ».

Такъ говоритъ отецъ, подавая сынишкѣ рублевую бумажку. Сильно задумался мальчикъ надъ словами отца; засыпая въ своей постелькѣ, онъ все думалъ надъ ихъ значеніемъ. Думы его перешли въ сонъ. И видитъ мальчикъ, что онъ держитъ въ рукахъ подаренный ему отцомъ, изорванный, завернутый въ сальную бумажку, старый рубликъ. На бумажкѣ онъ замѣтилъ мелкій почеркъ и съ помощью луны прочиталъ грустную исторію похожденія своего рублика.

Была весна, теплая весна и веселое солнышко, пѣніе птицъ; вся ликующая природа предвѣщала хорошій урожай. Крестьяне радовались и благодарили Бога за ниспосылаемую благодать. Но недолго пришлось имъ радоваться. Наступила засуха; хлѣбъ высохъ на корню, не достигнувъ должной величины. Его такъ и скосили; но не успѣли еще убрать, какъ полилъ дождь и перегноилъ скошенный хлѣбъ.

Насталъ страшный голодъ. Въ деревняхъ ѣсть было нечего. Вымирали большіе и малые, города были переполнены нищими. Зима стояла въ тотъ годъ суровая; снѣгъ засыпалъ избы, а топить было нечѣмъ. Въ одной ветхой избушкѣ лежитъ маленькая, худая дѣвочка. Она невыразимо страдаетъ жестокими муками голода. Она проситъ: «хлѣбца!» Но хлѣбца нѣтъ, и ничего не можетъ ей дать старикъ-дѣдушка, съ трепетомъ и тоской слѣдящій за ея неровнымъ дыханіемъ. Самъ онъ съ трудомъ держится на ногахъ: голодъ измучилъ и его, но онъ старается ободрить дѣвочку и обѣщаетъ ей и хлѣба, и подарковъ, когда вернутся изъ города отецъ и мать, отправившіеся добывать денегъ. Онъ поетъ ей дребезжащимъ отъ старости голосомъ пѣсни, танцуетъ передъ нею, одѣвается въ вывернутый тулупъ, представляя передъ нею медвѣдя на цѣпи. Дѣвочка засыпаетъ, а измученный дѣдъ опускается на лавку.

Вернулись изъ города и сынъ съ невѣстной, но вернулись голодные, безъ денегъ! Несчастная мать рыдаетъ надъ умирающей дѣвочкой. — Говорятъ, самъ царь провѣдалъ про голодъ и послалъ имъ хлѣбъ изъ своей казны; но хлѣбъ будутъ раздавать черезъ три дня. Не прожить дѣвочкѣ этихъ трехъ дней!— Въ эту минуту полнаго, крайняго отчаянія старикъ-дѣдъ вспомнилъ о «грамоткѣ», привезенной однимъ купцомъ во время отсутствія сына. Въ грамоткѣ нашелся старый, засаленный рубль,—тотъ самый, который попалъ потомъ въ руки мальчика. Рубликъ этотъ спасъ семью отъ голодной смерти, а видѣнный мальчикомъ сонъ навелъ его на серьезныя, благотворныя мысли и глубоко запечатлѣлся въ душѣ ребенка.

Вотъ содержаніе разсказа г. Коровина. Тема благородная, и выполнена она авторомъ хорошо. Въ разсказѣ проглядываетъ много чувства. Мы думаемъ, однако, что онъ былъ бы правдивѣе, еслибы мальчикъ не вычиталъ исторіи рублика во снѣ на засаленной бумажкѣ, а столкнулся бы съ жизнью, увидѣлъ бы горе вблизи себя.

Судя по содержанію, можно подумать, что есть и другія натяжки въ разсказѣ, — напр., танцы дѣда передъ умирающимъ ребенкомъ. Но въ дѣйствительной жизни передъ безъисходнымъ горемъ происходитъ часто то, что казалось бы неестественнымъ при другихъ условіяхъ.

Въ разбираемой книгѣ безъ потери для нея могла бы быть выпущена вся первая страница, на которой рубликъ говоритъ о своемъ происхожденіи вычурнымъ, непонятнымъ дѣтямъ языкомъ, какъ напр.: «Книжная наука

мнѣ не далась, но зато умудренъ я опытомъ, обученъ жизнью, искушенъ всякими превратностями» и т. д.

И далѣе: «Скоро привезутъ меня, стараго калѣку, въ Государственный Банкъ и тамъ, въ присутствіи генераловъ и разныхъ сановниковъ, сожгутъ на кострѣ».

Книжечка эта читается съ большимъ интересомъ и дѣтьми, и взрослыми, и мы рекомендуемъ ее въ народную и школьную библіотеку.

Вопросы:

Почему нехорошо тратить деньги на прихоти?

Что видѣлъ мальчикъ во снѣ?

Чему научилъ его видѣнный имъ сонъ?

Вопросы эти вытекаютъ непосредственно изъ содержанія, но два изъ нихъ, направленные скорѣе къ ребенку достаточныхъ классовъ, привыкшему въ большинствѣ случаевъ относиться къ рублю довольно небрежно и тратить его на игрушки и лакомства, были разрѣшены деревенскими ребятами по своему.

— Почему нехорошо тратить деньги на прихоти? спрашивала учительница.

(Потому, что ихъ слѣдуетъ употребить съ большей пользой, отвѣтилъ бы, вѣроятно, ребенокъ достаточной семьи).

— Потому что деньги надо сохранять про черный день, отвѣчалъ одинъ изъ учениковъ.

— Чему научилъ мальчика видѣнный имъ сонъ?

(Помогать бѣднымъ, — былъ бы, по всей вѣроятности, отвѣтъ въ первомъ случаѣ).

— Чтобы беречь каждую копѣйку; мало-ли что можетъ случиться! отвѣчалъ глубокомысленно мальчикъ: — нынче урожай, а на слѣдующій годъ голодъ. Моя мать помнитъ, какъ у насъ голодъ былъ, и кору ѣли.

Вообразить, что цѣлый рубль можно истратить на пустяки или приберечь его для того, чтобы отправить куда-то далеко въ помощь бѣднымъ, ни одному изъ нихъ не приходило въ голову.

А. Г.

---

190) **Дневникъ дѣвочки.** С. Буткевичъ. Съ предисловіемъ *И. С. Тургенева.* 2-е изданіе *А. Усовой.* Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 10 к. (Въ книгѣ 175 стр.).

Среди дѣятельной и интересной жизни, окружающей дѣвочку, дочь умнаго доктора и образованной матери, среди дѣтскихъ игръ и добрыхъ дѣлъ, наполняющихъ эту жизнь, вамъ встрѣчается рядъ дѣльныхъ и живыхъ разсказовъ на серьезныя темы. Они передаются отцомъ, матерью и образованной старушкой, много путешествовавшей, въ видѣ игръ съ дѣтьми. Читаются дѣтьми легко и съ большимъ интересомъ.

Темы этихъ разсказовъ таковы: «О муравейникѣ», «Изъ чего сдѣланъ бурнусъ, шляпа, зонтикъ?», «О китѣ», «Исторія дрозда», «Дверь», «Исторія стекла», «Исторія кисейной занавѣски», «Известь», «О зайцахъ», «Устрицы», «Столъ», «Завтракъ», «Исторія книги».

Изъ этого перечня видно, что «*Дневникъ дѣвочки*» принадлежитъ къ числу тѣхъ серьезныхъ книгъ, которыя читаются только развитыми дѣтьми, поэтому пригоденъ исключительно для учиницъ, окончившихъ курсъ въ ежедневной школѣ, и не иначе, какъ съ передачею того, поняты ли и усвоены данныя книгою свѣдѣнія. Еще раціональнѣе было бы читать ее въ классѣ съ остановками, разспросами и комментаріями.

Къ «Дневнику дѣвочки» предпослано предисловіе Тургенева, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее:

«Мысль, которая положена въ основаніе книги г-жи Буткевичъ и которая состоитъ въ томъ, чтобы, направляя вниманіе дѣтей на окружающіе ихъ знакомые предметы, посредствомъ изученія этихъ самыхъ предметовъ, открывать имъ постепенно весь этотъ міръ, въ которомъ они живутъ, — эта мысль вѣрна и справедлива. Проведенная въ цѣломъ ряду живыхъ образовъ — систематически, но безъ педантизма,— она можетъ дать обильные плоды. Тутъ есть и занимательность, и почти неистощимое богатство фактовъ, и здравый, ненатянутый реализмъ, и въ то же время есть новость, необходимая для юнаго, впечатлительнаго воображенія, есть даже таинственность, тѣмъ болѣе заманчивая, что она является неожиданно по поводу вещей, повидимому, самыхъ обыденныхъ».

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что найти откликъ въ душѣ великаго художника, каковъ Тургеневъ, доступно только правдѣ жизни, и мы смѣло рекомендуемъ эту книгу въ школьную библіотеку и для наградъ ученицамъ.

Примѣчаніе. См. рецензію: 1) «Библіографич. Листокъ», стр. 50, 1881 г., № 1; 2) «Женское Образованіе», 1881 г., Апрѣль № 4, стр. 248, 3) «Русь», № 3; 4) Журн. «Учитель» 1863 г. стр. 829.

Х. А.

Примѣчаніе. Считаемъ необходимымъ указать кстати на одно печальное обстоятельство. 1-е изд.

стоило 50 к., 2-е—1 р. 10 к. за то, что къ нему прибавлены 4 непонятныхъ для дѣтей наброска. Не надо быть художникомъ, чтобы позволить себѣ такъ о нихъ выразиться, — довольно взглянуть на 1-ю картину: трудно сказать сразу, сидитъ ли это дѣвочка, или какое-то животное изъ басни Крылова.

Ученица 12-ти л., окончившая курсъ въ ежедневной школѣ, подала мнѣ *«Дневникъ дѣвочки»*.

— Понравилось или нѣтъ?

— Очень понравилось! отвѣчала дѣвочка.

— Что же именно тебѣ понравилось?

— Больше всего понравилось, какъ они къ бабушкѣ ходили, и какъ она имъ исторіи разныя разсказывала — такъ интересно! а дѣвочка записывала все, что помнитъ, въ тетрадку.

— Ну, разскажи же мнѣ хоть одну исторію!

— Какую же?

— Все равно!

И она очень толково и подробно разсказала *«Исторію стекла»*.

— Стекло всѣмъ нужно — и богатымъ, и бѣднымъ, начала дѣвочка: — только не всякій знаетъ, откуда оно взялось... Протекала въ одномъ мѣстѣ рѣчка; берега песчаные были. Вотъ какой-то неизвѣстный человѣкъ пріѣхалъ и набралъ песку и повезъ на фабрику; тамъ его перемѣшали съ поташемъ и известью и стали топить на сильномъ огнѣ; и вышла изъ этого жидкость прозрачная — стекло... Затѣмъ она разсказала объ особенныхъ печахъ на заводахъ, о желѣзной трубкѣ, изъ которой выдуваютъ стекло — «дутое!» добавила она:—«въ родѣ графиновъ и бутылокъ»; о стеклѣ, употребляемомъ въ окнахъ, о зеркалахъ; о телескопѣ сказала, что онъ, вѣрно, въ родѣ бинокля, который она видала...

Что же требовать болѣе отъ книги, соединяющей въ себѣ пріятное съ полезнымъ? подумала я. Правда, путемъ къ пониманію этихъ дѣловыхъ статеекъ служатъ, быть можетъ, книги для класснаго чтенія, каковы «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго, Водовозовъ и др.; но зато эти статейки, въ свою очередь, являются какъ бы повтореніемъ пройденнаго и подспорьемъ, чтобы оно не улетучилось изъ памяти. Къ тому же, замѣчено, что непресыщенныя дѣти съ удовольствіемъ встрѣчаютъ и перечитываютъ свѣдѣнія о знакомомъ имъ предметѣ.

Александра А—ва, 9-ти л., ученица воскресной школы, подала мнѣ *«Дневникъ дѣвочки»*.

— Очень понравилось! сказала она.—Такъ интересно, какъ ихняя мамаша исторіи разныя разсказываютъ—про птичку Мими, какъ она тамъ себѣ гнѣздышко устраивала, про кисейную занавѣсочку, про бурнусъ, какъ сперва-наперво онъ баранчикомъ былъ, а потомъ изъ шерсти его сукно выткали. Я всѣ разсказы, если хотите, могу пересказать!

И она передала очень подробно и толково нѣсколько указанныхъ мною главъ.

Подобныхъ отзывовъ намъ приходилось выслушивать весьма много.

---

191) **Благовѣщеніе.** Повѣсть Т. Толычевой. Москва. 1873 г. Ц. 20 к. 55 стр.—Изд. 1886 г. Ц. 15 к.

Весна... Въ небогатомъ домикѣ тихо угасаетъ жизнь добродѣтельной старушки. Ее окружаютъ попеченія и ласки тѣхъ, кто знаетъ, сколько добра и счастія внесла она въ жизнь многихъ людей, и теперь, угасая, она помнитъ, что нынче праздникъ Благовѣщенія, и ей хочется завершить свое земное пребываніе новымъ добрымъ дѣломъ. Она проситъ выпустить, по обычаю, птичку изъ клѣтки, затѣмъ требуетъ пакетъ и поручаетъ внучкѣ своей Марьѣ Петровнѣ съѣздить въ тюрьму и выкупить тамъ какого нибудь несчастнаго узника-должника. Таково содержаніе 1-й главы.

2-я—рисуетъ картину другой семьи. Бѣдный чиновникъ ростить и лелѣетъ маленькую, худенькую дѣвочку-племянницу, единственную привязанность въ мірѣ. И вотъ она выросла, поздоровѣла, похорошѣла. Бѣднякъ не нарадуется, глядя на нее. Онъ копитъ ей гроши изъ своихъ скудныхъ средствъ, а затѣмъ рѣшается, въ виду ея будущаго, оправить и подновить свой ветхій домишко, для чего необходимо прибѣгнуть къ займу. Бѣднякъ дѣлаетъ этотъ заемъ у богатаго купца, добраго и честнаго человѣка. Приходитъ срокъ платежа — платить нечѣмъ.

Старикъ-купецъ предлагаетъ великодушно ждать, но вскорѣ онъ умираетъ, а молодой, безсердечный наслѣдникъ требуетъ долгъ. Приходится разстаться съ домикомъ, но это выше силъ бѣдняка: онъ зналъ въ немъ

столько радостей, столько свѣтлыхъ, дорогихъ минутъ, онъ отдѣлывалъ его для своей милой, ненаглядной Вари. Онъ рѣшается перевести домъ на имя Вари, а самъ подвергается за долгъ тюремному заключенію. Дѣвушка въ отчаяніи. Она трепещетъ за жизнь и здоровье своего дорогаго дяди, ищетъ покупателя на домъ и приходитъ, наконецъ, къ нему, чтобы выпросить позволеніе продать это сокровище. Старикъ огорченъ, потрясенъ, уничтоженъ, но тутъ входитъ Марья Петровна. Праздникъ несетъ имъ благую вѣсть. Она подаетъ имъ пакетъ—семья спасена. А тамъ, на другомъ краю города, угасаетъ жизнь доброй старушки, и она умираетъ, дослушавши послѣднее слово исторіи избавленія бѣдняка.

Необходимо обратить вниманіе, что личное задержаніе, какъ способъ взысканія съ неисправныхъ должниковъ, отмѣнено Высочайшимъ указомъ 7-го марта 1879 года, а потому повѣсть можно назвать устарѣлою. Кромѣ того, переводъ имущества на чужое имя во избѣжаніе платежа долговъ признается незаконнымъ, хотя бы и существовали уважительныя обстоятельства, побуждающія къ совершенію подобной сдѣлки, какъ въ данномъ разсказѣ.

Не смотря на указанные недостатки, повѣсть написана такъ тепло и задушевно, что производитъ хорошее впечатлѣніе и пригодна для народной и школьной библіотеки.

Вопросы:

Какъ провела свою жизнь умирающая старушка?

Почему ея тихая кончина была полна свѣтлыхъ грёзъ?

Какой обычай существуетъ въ день Благовѣщенія, и хорошъ ли этотъ обычай?

Что за человѣкъ былъ наслѣдникъ богатаго купца?

Что заставило бѣдняка рѣшиться идти въ тюрьму?

Кому они были обязаны своимъ счастіемъ? Могли ли въ настоящее время посадить Бабаева за его долгъ въ тюрьму? (Личное задержаніе за долги отмѣнено).

Х. А.

Примѣчаніе. Смотри реценз. «Обзоръ Народн. Литер.», стр. 237.

---

192) **Пріемышъ.** Т. Толычевой *). Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву. Москва. 1881 г. Ц. 15 к., 37 стр.— Изд. 1886 г. Ц. 10 к.

За 7 лѣтъ до нашествія французовъ на Москву жили тамъ въ довольствѣ и счастіи молодые супруги, занимаясь мелочной торговлей. Но вотъ два года подъ рядъ торговля идетъ плохо, и мужъ становится угрюмымъ и скупымъ. Отъ такой перемѣны особенно плохо живется молодой женщинѣ, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ дѣтей; и какъ же обрадовалась она, когда ей подкинули ребенка—мальчика! Но не взлюбилъ дитя скупой лавочникъ, видя въ немъ только новый расходъ.

Какъ-то ребенокъ совершенно случайно увидѣлъ, что названный отецъ зарывалъ что-то ночью въ огородѣ. За свое непрошенное любопытство былъ онъ сильно наказанъ... А тутъ нашествіе французовъ на Москву, грабежи, пожары... Лавочника убиваютъ на глазахъ у ребенка, домъ сожженъ... И бѣдная женщина, вмѣстѣ съ мальчикомъ, принуждена покинуть родное пепелище, получивъ, къ счастію, нѣкоторую поддержку отъ добрыхъ людей.

Теперь уже подростокъ-мальчикъ отправляется на заработки, и вдругъ какъ-то ему приходитъ на память дѣтское воспоминаніе о томъ, какъ его пріемный отецъ зарывалъ что-то на огородѣ. Знакомый священникъ даетъ юношѣ денегъ на выкупъ отцовской земли, которая была продана за безцѣнокъ, и мальчикъ дѣйствительно находитъ кладъ: это тяжелый ящикъ, въ которомъ такъ и горятъ золотые червонцы и серебряные рубли. Съ великою радостью относитъ онъ эти сокровища своей благодѣтельницѣ, говоря:—«Ну, матушка! какъ ты меня не оставляла, такъ и тебя Господь Богъ не оставилъ, и привелъ Онъ меня успокоить твою старость и поклониться тебѣ твоимъ же добромъ».

Повѣсть занимательна, отличается простотою изложенія и можетъ быть рекомендована среднему и старшему возрасту. Читается съ большимъ интересомъ, въ подтвержденіе чего мы приведемъ отзывы, полученные нами въ школѣ.

Изданіе вполнѣ удовлетворительно въ типографскомъ отношеніи.

Сергѣй Р—нъ, 10-ти лѣтъ, сынъ дворовой

*) Смотри рец. «Сист. Обзоръ Народн.-Учебн. Литер.», 1878 г., стр. 238.

женщины няни, передалъ мнѣ содержаніе книги «*Пріемышъ*», Толычевой. Онъ разсказывалъ очень толково. На вопросъ: — Откуда ребенокъ очутился у порога незнакомаго дома? онъ отвѣчалъ: — Вѣрно нищая подкинула, а потомъ добавилъ: — или просто бѣдная, если у нея было много дѣтей; богатымъ не для чего подкидывать! Опредѣлилъ, что жена была добрая женщина, а мужъ — скупой и злой человѣкъ.

Разсказъ показался ему очень интереснымъ.

Тотъ же разсказъ прочитанъ былъ мною громко въ группѣ дѣтей 10 — 12-ти лѣтъ. Слушали его дѣти съ большимъ вниманіемъ. Наиболѣе интереснымъ мѣстомъ въ книгѣ оказался, разумѣется, кладъ; но, не смотря на реальныя детали, которыми сопровождается это происшествіе у г-жи Толычевой, дѣти приплели таки въ своихъ разсказахъ элементъ чудеснаго, загадочнаго.

— У насъ тоже находятъ клады, говорилъ одинъ изъ мальчиковъ: — въ деревнѣ Бѣлой недавно, говорятъ, заяцъ выскочилъ изъ-подъ куста. Объѣздной въ него — трахъ ружьемъ: онъ такъ золотомъ и разсыпался.

— А въ Щегловкѣ, замѣтилъ другой: — и теперь на одной могилѣ что-то свѣтится по ночамъ, значитъ, кладъ лежитъ.

— А въ саду у нашего помѣщика, добавилъ третій: — то же что-то по ночамъ свѣтилось. Подошли къ нему, а оно говоритъ: «тому отдамъ кладъ, кто голову положитъ за него».

Учительница объяснила, какіе могутъ и какіе не могутъ быть клады; но Богъ знаетъ, повѣрили ли ей дѣти и не остались ли при своихъ прежнихъ иллюзіяхъ.

193) **Родной бытъ.** I. «*Саша*». Дѣтскій разсказъ. Съ 3 хромолитографированными картинами. Изданіе О. Кучиной, С. Фидлеръ и К°. Москва 1882 г. 52 стр. Ц. 75 к.

Бѣдный сирота Саша, по предсмертному завѣщанію умирающей матери, отправленъ былъ добрымъ сосѣдомъ-учителемъ въ Москву къ одному изъ родственниковъ своей покойной матери. Родственникъ-башмачникъ оказался человѣкомъ суровымъ и злымъ. Плохо жилось бѣдному Сашѣ; онъ не только работалъ черезъ силу, но постоянно голодалъ. Другіе его товарищи изощрялись въ хитростяхъ и уловкахъ, и имъ жилось лучше; но Саша твердо помнилъ материнскій завѣтъ и оставался честнымъ и правдивымъ, не смотря ни на какія искушенія. Единственнымъ утѣшеніемъ мальчика являлась страсть къ рисованію. Онъ подолгу останавливался передъ окнами магазиновъ, въ которыхъ выставлены были картины, и затрачивалъ всѣ свои скудные гроши, получаемые подчасъ отъ заказчиковъ за доставку работы, на покупку бумаги и карандашей. Счастливый случай свелъ его съ художникомъ, почуявшимъ въ ребенкѣ присутствіе таланта, и изъ Саши вышелъ замѣчательный художникъ.

Разсказъ написанъ просто и тепло. Ярче всего обрисована борьба ребенка съ искушеніями, что весьма цѣнно, такъ какъ жизнь городскаго мальчика часто представляетъ тѣ же печальныя условія. Дѣти слушаютъ и читаютъ этотъ разсказъ съ большимъ интересомъ, и мы рекомендуемъ его въ школьную библіотеку.

Х. А.

---

194) **Родной бытъ.** II. «*Былый*». Дѣтскій разсказъ. Рисунки Васнецова. Москва 1883 г. Ц. 60 к. 33 стр.

Вотъ содержаніе разсказа. Мальчикъ ѣдетъ съ отцомъ домой на каникулы. Переѣздъ отъ желѣзной дороги въ деревню пришлось имъ совершать на лошадяхъ въ тарантасѣ. Дорогой подсѣлъ къ нимъ сѣденькій старичокъ странникъ. Странникъ этотъ, по имени Захаръ, разсказалъ скучающему въ дорогѣ мальчику грустную повѣсть своей жизни.

Языкъ разсказа хорошій, иногда только можно упрекнуть автора за невыдержанное подражаніе народному говору.

Читать его могутъ взрослые.

А. Г.

---

195) **«Милости хочу, а не жертвы»**. В. К. Туренина. Разсказъ для народа. Изд. Общ. распространенія полезныхъ книгъ, № 327. Ц. 25 к. Москва 1882 г. 56 стр.

Хорошій работникъ-столяръ, мечтавшій открыть мастерскую въ Москвѣ, находитъ пять тысячъ рублей, утаиваетъ ихъ и уѣзжаетъ въ Москву. Дѣла его идутъ плохо. Видя въ этомъ наказаніе за присвоеніе чужихъ денегъ, столяръ возвращается въ свой городъ съ мыслью отдать деньги потерявшему; но тотъ уже умеръ отъ горя. Столяръ, чтобы успокоить мучившую его совѣсть, хочетъ умилостивить Бога жертвой:—идетъ на богомолье и раздаетъ часть денегъ нищимъ. Но богомолье, предпринятое по разсчету, не приноситъ успокоенія больной душѣ. Столяръ, измученный физически и нравственно, рѣшаетъ возвратиться домой; на дорогѣ онъ останавли-

вается на ночлегъ у бѣдной вдовы. Бѣдность обстановки, голодныя дѣти и измученная женщина такъ трогаютъ его сердце, что онъ, забывъ свою усталость, принимается угощать дѣтей.

Радость ребятишекъ сообщилась душѣ столяра. Разговорившись съ вдовой, онъ узнаетъ, что она племянница купца, потерявшаго найденныя имъ деньги. Обрадовался столяръ, отдавъ такъ давно мучившую его находку—теперь онъ можетъ молиться.

Разсказъ написанъ просто и задушевно. Основная идея его та, что человѣкъ, совершившій преступленіе, напрасно силится вступить въ компромиссы съ совѣстью и замолить тяжелый грѣхъ; молитва его холодна и лицемѣрна, а успокоеніе настаетъ тогда, когда человѣкъ проникнутъ глубокимъ, искреннимъ раскаяніемъ и творитъ добро изъ чистыхъ побужденій, а не изъ разсчета. «*Аще ли бысте вѣдали, что милости хощу, а не жертвы*», говоритъ Евангеліе.

Взрослыми онъ читается съ большимъ интересомъ, хотя и для дѣтей является вполнѣ нравственнымъ и желательнымъ чтеніемъ.

Особенно картинно и живо описаніе путешествія странниковъ и приходъ ихъ въ монастырь. Точно видишь передъ глазами эту знакомую картину. Необыкновенно трогаетъ также описаніе бѣдности вдовы и ея полунагихъ, голодныхъ дѣтей. Слѣдуетъ замѣтить, что эта встрѣча не кажется вамъ чѣмъ либо неправдоподобнымъ (что̀ можно заподозрить, не перечитавъ книги): она является естественнымъ послѣдствіемъ самыхъ обыденныхъ жизненныхъ явленій. Вы вѣрите ей и чувствуете отраду при мысли, что, наконецъ-то, несчастному преступнику удалось свалить тяжкое бремя съ души.

На обложкѣ написано: «Разсказъ для народа». Авторъ имѣлъ на то полное право: видно, что онъ понималъ вполнѣ, для кого писалъ, а потому и достигъ намѣченной цѣли.

Ученица лѣтъ 12 — 13 держала въ рукахъ «*Милости хочу, а не жертвы*». Она сказала мнѣ почти умоляющимъ голосомъ:

— Позвольте мнѣ разсказать всю съ начала и до конца!

Я очень была утомлена переспросомъ книгъ, но отказать такой просьбѣ было невозможно.

— Разсказывай! сказала я снисходительно. Дѣвочка начала.

— Жилъ одинъ столяръ. Онъ былъ холостъ, не женатъ. Онъ читалъ въ *афишахъ* *) о другихъ городахъ, и очень ему это любопытно показалось. Сталъ считать, сколько ему денегъ нужно, чтобы въ чужой городъ переѣхать; сосчиталъ, что̀ можно за шесть лѣтъ собрать. Понесъ онъ разъ шкатулку заказную. Возвращается оттуда—мѣсяцъ, ночь лунная... Смотритъ—что-то подъ ногами. Онъ прошелъ. А послѣ вздумалъ: «лучше—вернусь». Вернулся, смотритъ,—бумажникъ съ деньгами. Онъ *сробѣлъ*.—«Нѣтъ, возьму!» самъ себѣ думаетъ. Взялъ, спряталъ. Назавтра входитъ къ нему хозяинъ.—«Тутъ, говоритъ, одному несчастіе случилось: ѣздилъ домикъ себѣ покупать и обронилъ пять тысячъ рублей; такъ горюетъ, что не дай Богъ!» А столяръ сидитъ, весь дрожитъ, думаетъ: — «отдать или нѣтъ? — Нѣтъ, лучше въ Москву поѣду!»

Поѣхалъ. Нанялъ себѣ квартиру; но работы у него мало было. Дворниковъ задобрить ему посовѣтовали. Задобрилъ. Порекомендовали они ему починить столъ и скамейку старую,—ну, что-жъ изъ этого!.. Въ одно время идетъ онъ по улицѣ, смотритъ—въ церкви служба. Онъ вошелъ. И представился ему Петровъ... растрепанный, плачетъ стоитъ... Онъ выскочилъ изъ церкви... бѣжать и думаетъ:—«нѣтъ, здѣсь мнѣ жить не приходится!» И переѣхалъ опять въ свой городокъ, и началъ спрашивать про всѣхъ жителей, спросилъ и про Петрова.—«Онъ померъ отъ огорченія», говоритъ ему хозяинъ и разсказалъ въ подробности, какъ онъ умиралъ, какъ у прикащиковъ прощенія просилъ, что безвинно черезъ него пострадали, а они отвѣчаютъ: «Не сумлѣвайтесь, мы на васъ злобы не имѣемъ!» Жалко имъ старика стало. Вотъ Симоновъ и думаетъ:—«это грѣхъ на мнѣ; что же мнѣ за это сдѣлать? Надо сходить на богомолье и нищимъ деньги раздать». Собрался, сшилъ себѣ котомку и пошелъ. Шелъ онъ лѣсомъ, шелъ полемъ, ручеекъ воды нашелъ, легъ подъ дубомъ,—ноги болятъ. Идутъ 4 странника: старикъ, средственный мужчина, одна женщина постарше, одна помоложе. Пошли вмѣстѣ. Шли, шли, приходятъ...

— Я вижу, что вы хорошо разказываете; довольно, говорю я ученицѣ:—а вы мнѣ скажите только, отчего эта книга названа «Милости хочу, а не жертвы?»

— Оттого, отвѣчаетъ ученица:—что онъ жертвуетъ не свою жертву, а чужую; хотя бы маленькую, да свою, отъ чистаго сердца!

---

*) Очевидно, что въ понятіяхъ ученицы афиши и газеты—вещи тожественныя.

А то у него милосердія настоящаго не было.

Неонила У—ва, 18 л., подала мнѣ книгу «*Милости хочу, а не жертвы*».

— Что предпринялъ Симоновъ, чтобы искупить свой грѣхъ? спрашиваю я.

— Пошелъ на богомолье.

— Почему ни молитва, ни раздача нищимъ милостыни, ни толстыя свѣчи, которыя ставилъ Симоновъ у иконъ, не облегчали его души?

— Потому что все таки чужія деньги у него оставались!

— Когда и отчего онъ получилъ успокоеніе?

— Когда въ хижину бѣдную попалъ и настоящую жалость въ сердцѣ своемъ ощутилъ и всѣ деньги до копѣйки имъ отдалъ.

Есть ученицы, обладающія особенной способностью передавать въ высшей степени сжато и вмѣстѣ съ тѣмъ выразительно и мѣтко содержаніе прочитаннаго. Точно будто ихъ, Богъ знаетъ, сколько учили тому, что значитъ исчерпать и передать основную идею книги.

Аксинья Р — ва, 14-ти л., такъ передала мнѣ содержаніе «*Милости хочу, а не жертвы*».

— Симоновъ тѣмъ виновенъ былъ, что не отдалъ деньги тому человѣку, который потерялъ, а тотъ убивался за ними и померъ. И пошелъ онъ по монастырямъ грѣхи замаливать, въ Воронежъ къ Митрофанію и въ другія мѣста, но облегченія себѣ не получилъ, потому что онъ чужими деньгами все пользовался. Долго онъ ходилъ и пришелъ въ деревню незнакомую, праздникъ тамъ справлялъ. Всѣмъ весело, одна избушка невеселая стоитъ. Онъ въ нее: бѣдность — страхъ! И оказалась эта женщина племянницей того старика, что померъ. Тутъ онъ надъ нею смилосердился и отдалъ ей всѣ деньги до копѣйки и въ эту самую минуту облегченіе себѣ получилъ.

Не всегда при выдачѣ книгъ нѣсколькимъ десяткамъ ученицъ удается предлагать всѣ поставленные къ извѣстной книгѣ вопросы; иногда приходится ограничиваться однимъ изъ нихъ, двумя, причемъ подчасъ этотъ одинъ, два отвѣта настолько удовлетворяютъ васъ, что, кажется, и говорить больше не о чемъ; такъ было и сегодня.

— Почему ни молитва, ни раздача нищимъ милостыни не облегчали Симонову душу? спрашиваю я.

— Потому, отвѣчаетъ ученица: — что ему совѣсть говорила, что онъ обидѣлъ бѣдняка; а когда онъ нашелъ племянницу и отдалъ ей деньги, тутъ ему на душѣ полегчало, и онъ могъ работать покойно, какъ прежде.

196) **Крутыя горки.** М. Юрьева. Изданіе Общества распростр. полезн. книгъ, № 335. Москва 1882 г. Ц. 20 к., 40 стр.

«*Крутыми горками*» авторъ называетъ горькое житье мальчиковъ-подмастерьевъ у всевозможныхъ хозяевъ мастеровыхъ, у которыхъ они терпятъ голодъ, холодъ, побои и всякую другую бѣду.

Маленькій Сережа былъ отданъ своимъ вотчимомъ въ мастерство къ портному. Горько было мальчику разставаться съ больною матерью, отъ которой видѣлъ любовь и ласку, но пьянаго вотчима не смѣлъ ослушаться и поступилъ въ мастерство, не смотря на свои 9 лѣтъ. Жилось мальчику такъ, какъ живется и другимъ мальчикамъ, отданнымъ въ ученье. Мать его вскорѣ умерла, заступиться было некому; хозяинъ его билъ, хозяйка морила голодомъ, старшіе ученики обижали. Терпѣлъ, терпѣлъ мальчикъ, и наконецъ рѣшился бѣжать. Но куда бѣжать? Случайно попалъ онъ къ вокзалу желѣзной дороги и, страшась преслѣдованій портнаго, рѣшился уѣхать изъ города. Денегъ не было купить билетъ, и вотъ онъ, воспользовавшись вечерними сумерками, прицѣпился къ буферу товарнаго вагона. Такъ онъ доѣхалъ до первой станціи, гдѣ былъ замѣченъ и почти безъ чувствъ перенесенъ на платформу. Къ счастію, начальникъ станціи оказался человѣкомъ сострадательнымъ. Мальчика накормили, ободрили, а на другой день сосѣдній помѣщикъ, случившійся въ это время на станціи, взялъ его къ себѣ. У этого добраго человѣка выросъ Сережа: его любили, воспитали, дали образованіе.

Послѣ смерти помѣщика, Сережа сталъ управлять его имѣніемъ, доставшимся сестрѣ покойнаго, и своимъ трудолюбіемъ, безкорыстіемъ отплатилъ за оказанное ему добро. Сережѣ посчастливилось: онъ обошелъ крутыя горки.

Разсказъ этотъ и по языку, и по содержанію совершенно доступенъ дѣтямъ и читается ими съ большимъ интересомъ и полнымъ пониманіемъ; пригоденъ онъ также для подростковъ и взрослыхъ.

Фабула хороша, обработана просто, понятно. Картины горя бѣднаго Сережи, его одиночество, побѣгъ, отчаяніе, овладѣвшее

имъ послѣ побѣга, изображены живо и правдоподобно.

Разсказъ ведется отъ лица самого Сережи.

Вопросы:

Почему Сережу отдали къ портному?

Какъ ему жилось у портнаго?

Легко ли было бы ему сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, еслибы не принялъ въ немъ участія добрый помѣщикъ? *А. Г.*

---

197) **Старый матросъ.** Недавняя быль. Разсказъ въ стихахъ Ѳ. Б. Миллера. Спб. 1873 г. Ц. 8 к. (28 страницъ). Изд. «Досугъ и Дѣло».

Бѣднякъ-матросъ, желая улучшить свое семейное благосостояніе, покидаетъ молодую жену и предпринимаетъ отдаленное путешествіе. Онъ попадаетъ въ плѣнъ къ дикимъ и, только благодаря своимъ миссіонерскимъ способностямъ и заблужденію людоѣдовъ, воображающихъ, будто онъ колдунъ, остается въ живыхъ. Проходитъ много долгихъ лѣтъ. Наконецъ, онъ на свободѣ и спѣшитъ на свою дорогую родину.

Не зная, что его ждетъ въ семьѣ, онъ заходитъ въ кабакъ и тамъ, бесѣдуя, узнаетъ, что всѣ считаютъ его давнымъ давно умершимъ, и что жена его замужемъ.

Съ затаенной грустью подходитъ онъ къ знакомому домику и видитъ въ окно картину семейнаго счастія; его манитъ туда, но онъ, не желая нарушить чужое счастіе, борется съ этимъ чувствомъ и уѣзжаетъ въ Америку. Проходитъ еще десять лѣтъ, но они не приносятъ успокоенія больному сердцу, и его по прежнему тянетъ на родину. Теперь онъ старъ и сѣдъ, никто не признаетъ въ немъ бывшаго молодца-матроса, онъ перемѣняетъ фамилію и поселяется невдалекѣ отъ знакомаго семейства. Онъ узнаетъ, что жена его умерла, но черты лица дочери живо напоминаютъ покойную мать и поддерживаютъ въ немъ иллюзіи прошлаго. Сойдясь дружески съ этой семьею, онъ спасаетъ ее во время бури, благодаря своей отвагѣ и самоотверженію, и, умирая, передаетъ дѣвушкѣ библію, на страницахъ которой она со слезами перечитываетъ грустную повѣсть жизни бѣдняка.

Образъ Оле-Банга настолько симпатиченъ и полонъ такой истинно христіанской любви и самоотреченія, что долженъ оставить самый свѣтлый слѣдъ въ душѣ читателя. Иностранныя имена (дѣйствіе происходитъ у датскихъ береговъ) затрудняютъ нѣсколько простолюдина, не привыкшаго справляться съ ними, но это неудобство стушевывается при общихъ достоинствахъ разсказа.

Вопросы:

Гдѣ жили лоцманъ Мейнерсъ и матросъ Оле-Бангъ?

Какъ обыкновенно спасалась семья во время наводненій?

Какъ придумали старики перебраться на корабль?

Что за человѣкъ былъ Оле-Бангъ?

Зачѣмъ онъ уѣхалъ и отчего такъ долго не возвращался?

Отчего онъ не признался Маргаритѣ, когда возвратился?

Куда онъ снова уѣхалъ?

Зачѣмъ по возвращеніи онъ поселился близко отъ Мейнерса?

Что подарилъ онъ Еленѣ передъ смертью?

Что тронуло до слезъ Елену и ея отца? *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Русской Народно-Учебной Литер.», стр. 236.

Я выдала эту книгу 5-ти ученицамъ разныхъ возрастовъ—10-ти, 11-ти, 12-ти, 14-ти и 16-ти лѣтъ, и вотъ всѣ онѣ теперь стояли передо мною.

Младшія превосходно вызубрили мудреныя имена и произносили бойко, быстро и даже съ оттѣнкомъ гордости «Фольквертъ-Мейнерсъ», «Олафъ-Виндаль» и т. д. Старшія сбивались въ именахъ, но отвѣты ихъ мнѣ больше нравились. Выслушавъ передачу содержанія, которая шла весьма хорошо (онѣ вели разсказъ по очереди, продолжая то, на чемъ остановилась послѣдняя), я сосредоточила ихъ вниманіе на вопросѣ, что за человѣкъ былъ Оле-Бангъ?

— Оле-Бангъ былъ человѣкъ очень хорошій, отвѣчала одна изъ младшихъ:—храбрый и избавлялъ людей отъ погибели.

— А мнѣ онъ за то понравился, замѣтила взрослая: — что онъ не нарушилъ женинаго счастія, не хотѣлъ дѣлать разстройства въ семействѣ.

— Онъ очень хорошо библію умѣлъ читать и любилъ Елену все равно, какъ свою родную дочь, добавила одна изъ младшихъ.

— Онъ постоянно думалъ о нихъ, а не шелъ, чтобы не узнали; пошелъ, когда уже было 60 годовъ, замѣтила старшая.

— А моя мамаша, пропищала тоненькимъ

голосомъ маленькая:—расплакалась надъ его кончиной!

Разсказъ этотъ всѣмъ понравился.

Нила У—ва такъ передала мнѣ содержаніе книги *«Старый матросъ»* Миллера:

— Старый матросъ послѣ долголѣтняго путешествія возвратился домой вечеромъ. Подходитъ къ окошку и видитъ — жена его сидитъ, и тутъ же мужъ ея, и очень она привѣтливо на него смотритъ. Онъ не взошелъ ее безпокоить, не захотѣлъ разстраивать ея счастія и поѣхалъ въ Америку и денегъ имъ оттуда прислалъ, будто бы померъ, а самъ вовсе не померъ, дождался старости, рѣшился пріѣхать и поселился недалеко отъ нихъ очень пустынно. Однажды во время бури онъ ихъ спасъ, говоритъ самъ себѣ: «лучше я умру, чѣмъ цѣлое семейство!»—и послѣ этого померъ и оставилъ Еленѣ Евангеліе. Она стала перелистывать и видитъ — тамъ написано, что онъ былъ мужъ ея покойной матери. Тогда она очень надъ этимъ Евангеліемъ плакала и думала себѣ:—«какой онъ былъ добрый человѣкъ!»

— Только вотъ именъ не запомнила...—замѣтила въ заключеніе У—ва.

198) **Василій чабанъ.** Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Спб. 1874 г. Ц. 20 к., 34 стр. П. Маляревскаго.

Крестьянскій мальчикъ Вася, круглый сирота, поступаетъ въ подпаски къ старому пастуху Савелью. Савелій — мастеръ своего дѣла; онъ не только далъ названіе каждой коровѣ и овечкѣ, но и умѣлъ удачно лѣчить ихъ. Этому искусству онъ научилъ и своего маленькаго любознательнаго друга, причемъ сообщилъ, что есть на свѣтѣ доктора, умѣющіе лѣчить людей. Ребенокъ не разъ возвращался мыслью къ вопросу объ этомъ умѣньѣ, а тутъ точно въ отвѣтъ на этотъ вопросъ проѣзжалъ деревнею докторъ, гуманный и честный человѣкъ; онъ заинтересовался тѣмъ, какъ и чѣмъ лѣчитъ свое стадо старикъ Савелій, и во время бесѣды съ нимъ узналъ біографію бѣднаго сироты Васи и о его любознательности. Тронутый безхитростнымъ разсказомъ старика, онъ говоритъ мальчику: «Я живу за двѣсти верстъ отсюда и черезъ два мѣсяца пріѣду домой. Если ты меня найдешь и придешь ко мнѣ, то будешь докторомъ». И онъ далъ ему адресъ. Эти слова глубоко запали въ душу ребенка. Онъ уходитъ тайкомъ изъ деревни, еле живой отъ утомленія, достигаетъ своей цѣли и поселяется у доктора. Докторъ занимается съ нимъ, учитъ его грамотѣ и затѣмъ отдаетъ въ гимназію. Вася много читаетъ; учится и думаетъ. «Отъ души желаю, чтобы тебѣ удалось сдѣлать все то, о чемъ ты такъ много думалъ!» говоритъ докторъ. Затѣмъ Вася уѣзжаетъ въ Медицинскую Академію. Извѣстіе о смерти друга-доктора застаетъ его на послѣднемъ курсѣ. Оно производитъ на него такое сильное впечатлѣніе, что лишаетъ возможности заниматься. Въ это самое время въ городѣ развился страшный тифъ. Къ Васѣ приходитъ товарищъ и разсказываетъ, что люди мрутъ, какъ мухи, докторовъ мало...

По уходѣ товарища Вася какъ будто очнулся и горячо отдался дѣлу: онъ взялъ въ госпиталѣ палату трудно-больныхъ и такъ усердно занимался, что эту палату прозвали: «Безсмертною». Отходивъ, благодаря своей исключительной энергіи, одного бѣдняка, отца многочисленнаго семейства, обреченнаго на смерть, Вася заражается тифомъ и умираетъ. Много искреннихъ и горячихъ слезъ провожаютъ до могилы эту жертву великодушія и самоотверженія.

Авторъ не навязываетъ читателю собственной морали, но образы старика Савелія, доктора, великодушно пріютившаго сироту, и юноши, приносящаго свою жизнь въ жертву во имя общаго блага, являются самымъ лучшимъ воспитательнымъ элементомъ.

Языкъ простъ и доступенъ. Читается съ большимъ интересомъ не только подростающимъ поколѣніемъ, но и взрослыми; такъ, одна изъ учительницъ нашей школы имѣла случай прочесть его пастуху. Простолюдинъ съ огромнымъ вниманіемъ слушалъ разсказъ и не могъ удержаться отъ слезъ.

Вопросы:

Что было бы съ Васею, еслибы добрый докторъ не принялъ участія въ его судьбѣ?

Что потеряло бы отъ этого общество?

Каждый ли долженъ спѣшить на помощь во время общественнаго бѣдствія?

О чемъ плакали бѣдные люди, идя за гробомъ Васи? *Е. Ц.*

Двѣ ученицы воскресной школы, взрослая и малолѣтняя, подали мнѣ разомъ *«Василій чабанъ»*. Малолѣтнюю я заставила разсказать съ начала и до конца, что̀ она исполнила безупречно; взрослую я не желала выслушивать, не сомнѣваясь въ усвоеніи ею прочитаннаго, а поэтому и сказала:—Я буду предлагать вопросы ей и вамъ, но прошу васъ отвѣчать только въ томъ случаѣ, если она затруднится отвѣтомъ.

— Что было бы съ Васею, еслибы добрый

докторъ не принялъ участія въ его судьбѣ?

Маленькая молчала.

— Просто былъ бы беззащитный сирота, бѣдный человѣкъ! отвѣчала взрослая.

— Что потеряло бы отъ этого общество?

(Я объяснила слово «общество», но маленькая опять молчала).

— Очень добраго человѣка, отвѣчала взрослая.—Нѣкоторые доктора сами боятся, а ему было жалко, если человѣкъ на его глазахъ умиралъ. Онъ собою даже готовъ былъ пожертвовать!

— Каждый ли долженъ спѣшить на помошь во время общественнаго бѣдствія?

(Я объяснила, что называется «общественнымъ бѣдствіемъ»).

Обѣ лаконически согласились, что каждый—кто чѣмъ можетъ.

— О чемъ плакали бѣдные люди, идя за гробомъ Васи?

— О томъ, что онъ ихъ покидаетъ! отвѣтила, наконецъ, маленькая.

— Черезъ то они плакали, отвѣчала большая·—что потеряли своего благодѣтеля, и жалко имъ его было, что избавилъ онъ ихъ отъ болѣзни, а самъ, ·бѣдняжка, померъ, и тронуло ихъ очень то, что онъ капиталъ весь свой на деревню завѣщалъ, на школу.

Очевидно, что основная идея разсказа понята взрослою, а не маленькою.

Въ разсказѣ *«Василій чабанъ»* у насъ поставленъ при рецензіи, между прочимъ, такой вопросъ: что потеряло бы отъ этого общество? причемъ выяснилось, что слово *«общество»*, въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, составляетъ для ученицъ terra incognita. Тѣ, которыя живали въ деревнѣ, еще понимаютъ его въ смыслѣ *«община»*, *«міръ»*; а съ городскими приходится имѣть продолжительную бесѣду. Бесѣду подобнаго рода мы, однако, находимъ необходимою тѣмъ болѣе, что суть дѣятельности героя онѣ собственно понимаютъ; такъ, сегодня на вопросъ:—Что даетъ намъ право сказать, что изъ Васи вышелъ хорошій человѣкъ?—ученица отвѣчала: —То, что онъ много жертвовалъ на людей—ничего не жалѣлъ, какъ есть!

Еще одна ученица, 12 л., умная и развитая дѣвочка, окончившая курсъ въ народной школѣ, подала мнѣ *«Василій чабанъ»*.

Я предложила ей тѣ же вопросы: — Что было бы съ Васею, еслибы добрый докторъ не принялъ участія въ его судьбѣ?

— Онъ и теперь бы остался пастухомъ!

— Что потеряло бы отъ этого общество?

— Онъ исцѣлилъ много людей, а то не исцѣлилъ бы ни одного.

— Каждый ли долженъ спѣшить на помощь во время общественнаго бѣдствія?

— А какъ же! каждый долженъ бѣжать другъ дружкѣ помогать.

— О чемъ плакали бѣдные люди, идя за гробомъ Васи?

— Потому что онъ умеръ, такой благодѣтель!

Взрослая ученица воскресной школы такъ передала мнѣ *«Василій чабанъ» Маляревскаго*.

— Была холера. Отецъ и мать померли; малютка плачетъ; сжалились сосѣди—взяли... Подросъ онъ. Только не очень житье его было завидное: скитался съ одного двора въ другой. Въ одно время сидѣли мужчины старые подлѣ церкви. Мальчикъ проходитъ мимо ихъ, снялъ шапку, поклонился. Имъ, должно быть, это понравилось: они и стали между собою разговаривать, что пора ему дѣло найти, и отдали его въ пастухи. Ходитъ онъ въ пастухахъ годъ, другой. Старикъ полюбилъ его, ничего... Какъ вдругъ однажды идетъ одинъ мужчина въ поле. Это докторъ былъ, ему нужно было зелья какого-то накопать; подошелъ къ старику, сталъ разговаривать съ нимъ. Мальчикъ былъ въ отдаленности и слышитъ — насчетъ его разговоръ зашелъ. Старикъ хвалитъ. Онъ сробѣлъ и не смотритъ въ ту сторону, а докторъ приблизился къ нему и говоритъ: «Желалъ бы ты докторомъ быть? Если желаешь, приходи ко мнѣ; я живу тамъ-то и тамъ-то». Мальчикъ ничего не отвѣчалъ, но все таки этого не забылъ: наклалъ хлѣба въ сумку и ушелъ потихоньку. Пришелъ въ городъ. — замучился совсѣмъ. Тутъ ему люди добрые указали, гдѣ докторъ живетъ. Позвонилъ онъ въ звонокъ; вышелъ лакей и очень грубо обошелся съ нимъ: видитъ—оборванный, насилу допустили. Возрадовался докторъ, увидавши его, и къ себѣ его взялъ, сталъ учить и никакъ не называлъ, какъ «товарищъ». Сдалъ экзаменъ въ гимназію, очень хорошо занимался, а послѣ того онъ... не поняла тутъ слова, куда онъ его отправилъ.

Я объяснила, что значитъ Медицинская Академія. Ученица продолжала: — Высылалъ онъ ему туда денегъ достаточно; только началъ замѣчать онъ по письмамъ, что онъ болѣетъ. Наконецъ, получаетъ извѣстіе, что онъ померъ. И очень Вася загрустился по своемъ благодѣтелѣ: не радуютъ его и сорокъ тысячъ, что онъ ему оставилъ. Въ это время сильная горячка стала по городу ходить.

Приходитъ къ нему товарищъ и говоритъ: такъ и такъ; больныхъ много, докторовъ мало; надо и тебѣ на помощь идти. Онъ въ эту минуту все равно, что опомнился, и пошелъ. Поступилъ въ больницу и очень хорошо ухаживалъ за больными — внимательно. Какъ только назадъ больнаго отсылаютъ — мѣстъ нѣтъ, онъ его сейчасъ къ себѣ. Вотъ привезли какъ-то больнаго семейнаго, бѣднаго. Старшіе доктора стращаютъ:—«это очень опасный больной, — можетъ на васъ перейти!» а онъ говоритъ:—«ничего, какъ Богъ дастъ!» Съ тѣмъ, что вылѣчилъ таки! Самъ ухаживалъ, самъ лѣкарства подавалъ. Только чувствуетъ вдругъ, что голова у него кружится— и въ глазахъ померкло. Тутъ всѣ окружили его:—«что такое?»—«Заболѣлъ». Заболѣлъ и померъ; тоже, значитъ, горячка на него напала! Пошли всѣ провожать его, плачутъ; ко всѣмъ онъ добрый былъ, все состояніе свое на школу завѣщалъ. Столяръ убивался за нимъ—страсть! Однимъ словомъ, всѣ жалѣли... Со всѣхъ книгъ этотъ Вася мнѣ понравился! заключила ученица.

Мнѣ показалось излишнимъ предлагать ей вопросы.

———

199) **Пѣтушокъ красный-гребешокъ**. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб. 1881 г. Ц. 20 к. 50 стр. И. Маляревскаго.

Изъ шести разсказовъ сборника третій и послѣдній читаются съ интересомъ, благодаря живости изложенія, при нѣкоторой, впрочемъ, неправдоподобности («Батраки») или обыденности («Первыя встрѣчи») содержанія. Что же касается до остальныхъ четырехъ, то «Капелька» и «Крошка-труженикъ» съ претензіею на дѣловое содержаніе совершенно неудачны, а «Пѣтушокъ» и «Крапива» совершенно неинтересны. Впрочемъ, самые маленькіе изъ школьниковъ заявили при чтеніи въ классѣ, что имъ интересно, какъ Гриша воевалъ съ крапивой.

Что же касается разсказа «Крошка-труженикъ», то маленькія дѣти не поняли его совершенно, среднія выразили предположеніе, что это какое-то маленькое существо, которое бѣгаетъ и близко, и далеко, и только старшія объяснили кое-какъ, что это за *Мускулъ-Цимiаръ*.

Итакъ, мы остановимся болѣе подробно на разсказахъ 3-мъ и 6-мъ и передадимъ ихъ содержаніе.

«Первыя встрѣчи». Пятилѣтній Ваня въ первый разъ въ жизни очутился въ деревнѣ. Его знакомство съ ребятишками: — Соней, Митей и Гришей, обмѣнъ подарками съ Гришей и проч. описаны довольно живо. Расположеніе деревенскихъ ребятъ выражается въ предложеніи отправиться на любимое занятіе—душить змѣй въ осинникѣ. Ваню оставляютъ одного; онъ видитъ гадюку, приходитъ въ ужасъ, изо всѣхъ своихъ дѣтскихъ силъ бросаетъ въ нее палкой и падаетъ въ обморокъ. На крикъ Вани прибѣгаютъ дѣти. Гриша лѣчитъ Ваню; дѣти добиваютъ гадюку и разбрасываютъ куски далеко одинъ отъ другого.

Школьники слушаютъ этотъ разсказъ съ большимъ интересомъ.

Батраки. Дѣти помѣщицы, Саша и Сережа, 11-ти и 9-ти лѣтъ, просятъ мать позволить имъ кататься верхомъ каждый день на рабочихъ лошадяхъ. Мать не позволяетъ.

Раздраженныя дѣти не хотятъ болѣе учиться и идутъ наниматься въ батраки, чтобы каждый вечеръ выѣзжать верхомъ на пастбище. Мать соглашается. Кучеръ, посланный слѣдомъ за ними, устраиваетъ такъ, что они попадаютъ къ знакомому мужику. Въ роли батраковъ они спятъ ночью въ чуланѣ и утромъ гонятъ на выгонъ гусей. Пригрѣтыя солнцемъ, полуголодныя и невыспавшіяся, дѣти засыпаютъ, а гуси уходятъ въ чужой овесъ. Старый дѣдъ ихъ перенимаетъ и загоняетъ домой. Саша чувствуетъ себя очень сконфуженнымъ. Вечеромъ Сережа рано засыпаетъ, а Саша ѣдетъ верхомъ на выгонъ съ сыномъ хозяина. Тамъ онъ ложится около костра, но отношеніе парней къ батраку, выразившееся даже толчкомъ со стороны одного изъ нихъ, страшно оскорбляетъ Сашу; онъ чуть не подрался съ обидчикомъ, но сдержалъ себя и, сказавши:—«я человѣкъ!» на его вопросъ: «ты кто?» — пристыдилъ грубьяна и произвелъ впечатлѣніе на всѣхъ. Возвратившись утромъ, онъ будитъ Сережу, который начинаетъ капризничать, требовать чаю и проситься къ матери, не смотря на увѣщанія Саши. Въ это время является кучеръ навести справку о дѣтяхъ и увозитъ ихъ домой, причемъ Сережа уговорилъ Сашу бросить батрачество, значеніе котораго осталось въ памяти Саши на всю жизнь.

По поводу разсказа *«Первыя встрѣчи»* учителю придется остановить вниманіе учениковъ на томъ, какія бываютъ змѣи, и могутъ ли сростись куски змѣи, какъ полагаютъ иные.

По прочтеніи разсказа *«Батраки»* можно поставить слѣдующіе вопросы:

О чемъ мечтали Саша и Сережа?

Привели ли они свой планъ въ исполненіе?

- Такъ ли легка и весела оказалась жизнь крестьянина, какъ имъ казалась издали?

Почему не могли они выдержать этой жизни?

Не смотря на указанные нами недостатки, считаемъ нелишнимъ пріобрѣтеніе этого сборника въ школьную библіотеку.

Е. Г.

---

200) **Птичка - синичка.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Ив. Маляревскаго. № 2-й. Спб. 1882 г. Ц. 35 к., 69 стр.

Сборникъ г. Маляревскаго заключаетъ въ себѣ слѣдующіе разсказы:

1) «*Планеты*» 2 стр.; 2) «*Какъ маленькая дѣвочка преобразилась въ бабушку*» (стихотвореніе на одной страницѣ, весьма неудачное). 3) «*Вѣтеръ*» (разсказъ на 10-ти страницахъ) и 4) «*Народный учитель*» (разсказъ для дѣтей старшаго возраста, занимающій остальныя 52 стр.).

Первый разсказъ—«*Планеты*» имѣетъ претензію познакомить дѣтей съ движеніемъ планетъ, причемъ авторъ употребляетъ такой пріемъ: онъ говоритъ: «Миша былъ такой бѣлокурый, бѣленькій мальчикъ, какъ ясный мѣсяцъ; старая няня его была такая черная, какъ земля, а маму свою онъ называлъ «краснымъ солнышкомъ!»

Всѣ они вертятся по срединѣ комнаты съ цѣлью доказать систему Коперника. Насколько это естественно и вѣрно жизни, предоставляю рѣшать каждому; что же касается такого рода пріема, какъ удобства объяснить популярно движеніе земли, то ребенокъ, которому я прочла это два раза сряду медленно и вразумительно, рѣшительно ничего не понялъ и удивлялся только вполнѣ основательно тому, какъ старая нянька, черная, какъ земля, тоже вертѣлась посреди комнаты.

Разсказъ третій — «*Вѣтеръ*»—тоже имѣетъ претензію знакомить ребенка съ вѣтромъ, какъ съ могучей стихіей; но если это не удается автору, то, по крайней мѣрѣ, другія детали разсказа, каковы: котъ Васька, кроликъ, змѣя, входя въ соприкосновеніе съ этой могучей стихіей, не лишены для ребенка интереса.

На разсказѣ четвертомъ — «*Народный учитель*» мы позволимъ себѣ остановиться болѣе подробно, такъ какъ онъ касается вопросовъ довольно серьезныхъ.

Этотъ разсказъ кажется намъ вполнѣ неудачнымъ. Правда, нѣкоторыя мѣста изъ него дѣти слушали съ интересомъ, какъ, напримѣръ, главу «Наводненіе»; зато нѣкоторыхъ совершенно не поняли, на что мы укажемъ ниже. Первыми несимпатичными страницами являются игры Кости въ войну. «Костя смотрѣлъ, какъ маленькій демонъ», говоритъ съ восторгомъ авторъ и приводитъ его воспоминанія.

Къ чему эти сцены варварства въ разсказѣ для дѣтей? и если онѣ обязательны при изученіи исторіи, то устранимъ ихъ по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это возможно.

Временами Костя воображалъ себя Робинзономъ,—и прекрасно: пусть бы игры его группировались вокругъ этого героя дѣтства—это другое дѣло! Но когда мы встрѣчаемъ его затѣмъ взрослымъ человѣкомъ—учителемъ (стр. 40), продолжающимъ воображать себя Робинзономъ,—это становится комично. «Мавровъ не любилъ, когда ему давали какіе нибудь совѣты», говоритъ авторъ:—«онъ все хотѣлъ дѣлать безъ помощи другихъ людей, хотѣлъ быть Робинзономъ». Зато другимъ онъ очень любилъ навязывать свои вкусы. Жители деревни, въ которой онъ поселился, занимались горшечнымъ производствомъ, а онъ настаивалъ, чтобы они перемѣнили это производство на выдѣлку кожъ. Какія онъ къ тому имѣлъ основанія, выгоднѣе ли это, полезнѣе ли для дѣтей — остается загадкой, точно также какъ и то, какимъ образомъ, на какія средства бѣднякъ Мавровъ устроилъ кожевенный заводъ и какими мѣрами достигъ за пять лѣтъ того, что дѣти были всѣ грамотны, одѣвались чисто, опрятно, всѣ избы въ селѣ имѣли деревянные полы и мылись разъ въ недѣлю, курныя избы съ печами безъ трубъ были передѣланы; завелись бѣлыя, чистыя печи съ трубами, у крестьянъ увеличилось число скота и т. д.

Все это передано точно будто съ чужаго голоса, и вы положительно не видите послѣдовательности роста этого благоденствія, — точно будто все свалилось съ неба. Аллегоріи (стр. 61) дѣти не поняли, но почему-то мѣсто это показалось имъ настолько смѣшнымъ, что они залились звонкимъ, дружнымъ смѣхомъ. Смѣхъ этотъ заразилъ даже меня самое и лишилъ охоты и возможности разъяснять эту философію. Слово «*секта*» казалось также непонятнымъ.—Это такая болѣзнь? спросили дѣти. Пришлось объяснять, но, признаюсь, объясненіе это чрезвычайно меня затруднило. Лучше всего не задѣвать преждевременно подобнаго рода сложныхъ вопросовъ.

Вообще же нужно помнить, что дѣти не всегда читаютъ съ наставникомъ, и, въ виду этого, избѣгать затрудняющихъ словъ.

Сцена убійства—настолько дѣланная, что

когда я не безъ страха взглянула на дѣте й, одинъ изъ нихъ, самый маленькій, сказалъ мнѣ:—«Нѣтъ не страшно! Вѣдь это не правда!»

Однимъ словомъ, въ этомъ повѣствованіи не узнаешь автора прекраснаго разсказа «*Василій чабанъ*», и мы считаемъ излишнимъ пріобрѣтеніе этого сборника въ школьную библіотеку. *X. А.*

Примѣчаніе. Реценз. см. «Женское Образованіе» 1882 г. № 9, стр. 622.

---

201) **Гриша**. Разсказъ изъ раскольничьяго быта Печерскаго, автора «Въ лѣсахъ» и «Въ горахъ». Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 50 к. 93 стр.

Въ рецензіи на разсказъ «*Народный учитель*» Маляревскаго (Сборникъ разсказовъ для дѣтей «Птичка-синичка») мы имѣли случай коснуться вопроса о сектахъ и посовѣтовать не затрогивать съ дѣтьми преждевременно вопросовъ подобнаго рода, слишкомъ сложныхъ для нхъ пониманія. Но тогда рѣчь шла о дѣтяхъ, о *городскихъ* дѣтяхъ, не слышавшихъ, какъ оказалось, слова: секта. Къ тому же, въ упомянутомъ разсказѣ сектантъ является какимъ-то злодѣемъ и убійцей, что могло бы повести дѣтей къ невѣрнымъ обобщеніямъ.

Совсѣмъ иначе поставленъ вопросъ въ разсказѣ «Гриша». Здѣсь, какъ и въ жизни, свѣтлыя личности перемѣшаны съ темными, люди искренніе и теплые—съ двуличными и лживыми, горячій фанатизмъ—съ холоднымъ разсчетомъ и т. д. Вы видите предъ собою Евпраксію Михайловну Гусятникову, женщину съ сильнымъ характеромъ, на которой держался много лѣтъ сряду богатый раскольничій домъ. Въ ней мало фанатизма, но много спокойнаго разума и вѣротерпимости. Рядомъ съ нею выступаетъ образъ юнаго мечтателя—сироты Гриши, рано посвятившаго себя служенію Богу въ стѣнахъ скита вдовы Гусятниковой. Вы видите, какъ фанатизмъ все болѣе и болѣе охватываетъ его горячее сердце, какъ сладкіе соблазны жизни не въ силахъ вырвать его со стези, избранной имъ, и какъ, наконецъ, онъ, поддавшись вліянію казуиста Ардаліона, проповѣдующаго слѣпое повиновеніе въ виду своихъ корыстныхъ цѣлей, въ припадкѣ безумнаго фанатизма обкрадываетъ свою благодѣтельницу и убѣгаетъ съ Ардаліономъ.

Тутъ же встаетъ передъ вами и свѣтлый образъ праведника-старца, въ тѣло котораго вросли вериги, и его горячая проповѣдь любви христіанской (стр. 56, 57, 58, 59), и рядомъ—отецъ Варлаамъ съ его пьянствомъ и безобразіями, лицемѣрно прикрытыми личиною святаго старца. Такого рода сопоставленія заставляютъ сильно задуматься читателя и задать себѣ не одинъ вопросъ, способный расшевелить мозги; вотъ почему мы считали бы полезнымъ дать такого рода книгу въ руки грамотнаго простолюдина, хотя онъ и встрѣтитъ въ ней немало незнакомыхъ словъ, каковы: *конкурсъ*, *прологъ*, *фанатикъ*, *догматъ* и т. п., и нѣсколько выраженій, недоступныхъ его пониманію, какъ напр.: «отъ такого фанатизма одинъ шагъ до страшной душевной болѣзни — mania religiosa».

Но обратимся къ жизни. Учительница сельской школы имѣла неосторожность начать чтеніе этого разсказа въ смѣшанной группѣ подростковъ и малолѣтнихъ учениковъ, не просмотрѣвши его предварительно. Мы говоримъ: «имѣла неосторожность», такъ какъ разсказъ этотъ по серьезности идеи написанъ исключительно для взрослыхъ. (Кромѣ того, въ немъ есть нѣсколько циничныхъ сценъ).

Начиная чтеніе, учительница спросила, слыхали ли дѣти слова: *раскольники* или *старообрядцы*.

— Старовѣры, поправилъ ее одинъ изъ дѣтей.—Знаемъ, знаемъ! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Что же вы о нихъ знаете?

— У нихъ лампадки передъ каждой иконой горятъ, сказалъ самый маленькій, Митя П—ко:—сколько иконъ, столько и лампадокъ. У насъ часто торговцы-старовѣры проѣзжаютъ; какъ войдетъ въ хату, вынетъ свою икону и на нее молится. А какъ начнетъ разговаривать, такъ, мама моя говоритъ, всѣ *баки забьетъ* *). Мама говоритъ: мы лучше вѣруемъ, у насъ лучше законъ!

— А у насъ въ Михайловкѣ, началъ одинъ изъ старшихъ:—старовѣръ лавку держитъ.

— Старовѣры все равно, что русскіе, замѣтилъ еще одинъ:—они не то что жиды,—въ Іисуса Христа вѣруютъ; только законы у нихъ немножко не такіе!

— Бондаренко все величается, сказалъ одинъ изъ старшихъ:—что онъ хоть кому можетъ доказать, что наша вѣра правильнѣе; онъ часто споритъ объ этомъ, зато у насъ всѣ его пророкомъ дразнятъ.

— А я знаю, какъ они крестятся, замѣтилъ Я—ко и показалъ наглядно свои знанія.

Началось чтеніе; но не прошло и получаса,

*) *Забить баки*—затуманить.

какъ маленькій Митя П—ко, первый знатокъ раскольничьихъ обычаевъ, приподнялся со своего мѣста и сказалъ съ откровенностью, къ которой пріучила дѣтей учительница:

— Позвольте мнѣ уйти! мнѣ скучно это слушать.

— Уходи! сказала она.

— Мнѣ тоже не очень интересно, замѣтилъ Ѳедя Г—въ:—только я слушаю.

Чтеніе продолжалось, и, не смотря па свое заявленіе, Г—въ слушалъ его очень внимательно; также внимательно слушали и остальные подростки, которые и прежде заявили, что имъ это очень интересно.

По окончаніи чтенія учительница предложила ученикамъ поставить вопросы. Долго они сидѣли, задумавшись, и наконецъ отказались. Очевидно, работа оказалась не по силамъ. Тогда учительница сама предложила вопросы и получила на нихъ нижеслѣдующіе отвѣты:

— Что за люди описываются въ этой книгѣ?

— Праведные старцы, отвѣчалъ одинъ изъ учениковъ.

— Развѣ всѣ они праведные! замѣтилъ другой, и онъ началъ припоминать проказы Варлаама. Дѣти засмѣялись. Учительница спросила кстати, что̀ значитъ *юродивый*. Слова этого собственно дѣти не знали, пока одинъ изъ нихъ не сказалъ:

— А развѣ не помните—въ «Князѣ Серебряномъ»?

Тутъ оказалось, что всѣмъ извѣстенъ этотъ типъ не только по книгѣ, а и въ жизни, и съ самыми разнообразными оттѣнками: одинъ видѣлъ *блаженнаго* на ярмаркѣ съ крестами, нашитыми на одеждѣ, другой знакомъ съ юродивымъ, молящимся спеціально объ утопленникахъ, и т. д.

Не то случилось со словомъ *фанатикъ*. На вопросъ учительницы, — не слыхалъ ли кто либо, что это значитъ, дѣти отвѣчали:

— Знаемъ, знаемъ! Вы объяснили намъ прежде.

— Что-жъ это значитъ? спросила учительница.

— Это тотъ, что по крышѣ ходитъ, отвѣчали увѣренно дѣти, смѣшивая, очевидно, слово *лунатикъ* со словомъ *фанатикъ*.

— Кто больше всѣхъ понравился вамъ изъ людей, о которыхъ мы читали? спросила учительница.

Мальчики заявили, что имъ больше всѣхъ понравилась Евпраксія Михайловна за то, что она сиротъ и богомольцевъ принимала.

— А мнѣ—старецъ, который говорилъ, что всѣ люди—братья, сказала дѣвочка-еврейка съ блестящими глазами. Видимо, ей очень понравилась горячая рѣчь проповѣдника.

— Онъ и мнѣ очень нравится, отозвался одинъ изъ мальчиковъ: — только я о немъ было забылъ.

— Кто правильнѣе разсуждалъ по вашему: старикъ или Гриша? спросила учительница.

— Старикъ правильнѣе, отвѣчали хоромъ дѣти:—старикъ прощать училъ, за зло добромъ платить, а Гришѣ отомщать хотѣлося.

— Правильно ли толковалъ слова Іисуса Христа Ардаліонъ? спросила учительница.

— Совсѣмъ неправильно, отвѣчалъ одинъ изъ старшихъ:—онъ только соблазнить ими Гришу хотѣлъ!

— Можетъ быть, вы желаете спросить отъ себя еще что нибудь? спросила учительница.

Дѣти молчали. Очевидно, что, не смотря на относительный интересъ, съ которымъ была прослушана книга, она въ концѣ концовъ оказалась имъ не подъ силу.

Х. А.

---

202) **Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ.** Вс. Коховскаго. Чтеніе для народа. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., 29 стр.

Бесѣду свою съ народомъ авторъ начинаетъ слѣдующими примѣрами: крестьянинъ изъ огромнаго дуба затѣялъ сдѣлать лодку и, не умѣя взяться за дѣло, перепортилъ весь дубъ. У купца родился сынъ; радуется отецъ, желаетъ обучить сына всякой премудрости, не жалѣетъ денегъ, но, не умѣя взяться за дѣло, постепенно доводитъ сына до Сибири.

Затѣмъ слѣдуютъ разсужденія о внѣшнихъ и внутреннихъ чувствахъ, объясненія, какимъ образомъ доходятъ маленькія дѣти до пониманія окружающихъ ихъ предметовъ, и наставленія родителямъ, какъ обращаться съ дѣтьми.

«Любя дѣтей, никогда не будемъ съ ними грубы и жестоки», говоритъ авторъ. «Палкой еще никто никогда и никого добру не научилъ. Палкой забить и запугать можно, а добра изъ человѣка не добыть. Только душою можно дѣйствовать на душу, только сердцемъ можно подать вѣсть сердцу, только любовью, да разумомъ можно пріучить дитя и къ любви, и къ разсудку. Никто еще не послушался совѣта: «я тебя буду бить, а ты меня люби», «тебѣ буду лгать, а ты мнѣ правду всегда говори», «я тебя буду глупымъ звать, тебѣ ѣсть и пить не буду давать, а ты

больше думай да меня почитай». Нечего же и пробовать эти средства».

Далѣе, отвѣчая на вопросъ, въ чемъ именно состоитъ благо дѣтей, авторъ видитъ его въ добрыхъ примѣрахъ самихъ родителей и говоритъ: «Способы эти не покупные, денегъ на нихъ тратить не нужно, и у всякаго отца, у всякой матери они подъ руками».

Книга эта читается съ интересомъ и пользою подростками и взрослыми, въ чемъ убѣдила насъ вполнѣ толковая передача прочитаннаго, а потому мы и рекомендуемъ ее въ народную библіотеку и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Вопросы:

Почему крестьянину не удалась работа?

Почему купцу не удалось воспитать сына?

Не повинны ли родители въ порчѣ своихъ дѣтей?

Что нужно дѣлать, чтобы оберечь дѣтей нашихъ отъ зла? *) *М. И.*

---

203) **Безоброчный**. Народное изданіе (И. Фанъ-деръ-Флита и А. Кочетова). Сельскій разсказъ Ф. Д. Нефедова. Спб. 1873 г. Ц. 25 к. 99 стр.

Есть темы для разсказовъ настолько богатыя трагизмомъ положеній и жгучими жизненными вопросами, что нужно немного таланта для того, чтобы потрясти нервы читателя и оставить въ душѣ его глубокое впечатлѣніе. Къ числу подобныхъ темъ можетъ быть отнесенъ и разсказъ «*Безоброчный*». Передъ читателемъ развивается мало по малу слѣдующая драма. Въ деревнѣ, во времена крѣпостнаго права, у мужика Максима растетъ сынишка Гриша — тихій, кроткій, задумчивый мальчикъ; онъ сходится дружески съ сыномъ священника, и эта нѣжная дружба дѣлаетъ его еще мечтательнѣе и впечатлительнѣе. Разлука съ маленькимъ другомъ, котораго отвозятъ въ городъ учиться, является первымъ потрясеніемъ для любящей души ребенка, но впереди его ждетъ еще большее нравственное потрясеніе: поповичъ умираетъ, и Гришѣ кажется, что онъ остался одинокимъ въ цѣломъ мірѣ. Эта печаль и задумчивость ребенка настолько непонятны окружающей его средѣ, что на него начинаютъ смотрѣть подозрительно, и досужія кумушки рѣшаютъ, что онъ «*порченый*». Слухъ этотъ приходится весьма съ руки деревенскому кулаку и міроѣду Парамону Иванову. Онъ давно ненавидитъ отца Гриши— Максима за его непреклонный, правдивый нравъ, ненавидитъ и мальчика, обогнавшаго въ ученьѣ его тупаго по природѣ сынка. Но не таковъ Максимъ, чтобы преклонить передъ деньгами свою разумную и гордую голову; онъ знаетъ себѣ цѣну, работаетъ съ утра до вечера и не боится угрозъ сильнаго врага.

Идутъ годы. Парамонъ Ивановъ дѣлается бурмистромъ. Молодые люди растутъ, пора женить ихъ. И вотъ тутъ-то судьба сулитъ бѣдному Гришѣ новое горе: онъ любитъ дѣвушку, дочь богатѣя, Груняшу, которую силою выдаютъ замужъ за сына бурмистра. Напрасно отецъ силится развлечь и утѣшить своего любимаго сына. Онъ замолкъ и притихъ, какъ послѣ разлуки съ поповичемъ. А тутъ новое несчастіе: поѣхали они въ извозъ вмѣстѣ, ѣхали подъ гору, телѣга опрокинулась и придавила желѣзомъ Максима. Умирая, онъ завѣщалъ сыну не падать духомъ, бороться съ Парамономъ и жениться, чтобы съ хозяйствомъ лучше управиться.— Женился Григорій, исполняя волю родительскую, жену взялъ тихую, кроткую; но и тутъ онъ не нашелъ счастія. Жена боялась Григорія и, когда родился ребенокъ, она прятала его отъ отца, боясь «*порчи*», въ которую она безпрекословно вѣрила. И опять почувствовалъ себя Григорій одинокимъ, какъ послѣ смерти поповича, а тутъ бурмистръ донимаетъ. Работаетъ Григорій съ утра до вечера, а непосильнаго оброка нечѣмъ заплатить. И призываетъ его Парамонъ на сходъ и глумится надъ нимъ предъ цѣлымъ «обществомъ». Не выдержалъ Григорій, бросился на врага, но тутъ его связали, бросили въ подвалъ и на замокъ заперли.

Темною ночью явилась къ нему Груняша, отворила подвалъ и вывела его на свѣтъ Божій. И пошелъ Григорій скитаться по этому свѣту, и привели его черезъ пять лѣтъ въ родную деревню сумасшедшимъ бродягой «*безоброчнымъ*».

Разсказъ оставляетъ по себѣ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Слѣпой произволъ и грубая сила торжествуютъ, а все свѣтлое, честное, симпатичное оскорблено и поругано; но такъ какъ въ жизни человѣку не разъ приходится встрѣчаться и съ такими типами, и съ такими явленіями, то мы и находимъ возможнымъ рекомендовать этотъ разсказъ для чтенія взрослымъ. Воображеніе ребенка не слѣдуетъ омрачать преждевременно такими темными сторонами жизни; взрослаго же подобный разсказъ наведетъ на раздумье, на

*) Два послѣдніе вопроса заимствованы изъ самой книги.

анализъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ и вызоветъ къ однимъ глубокую симпатію, а къ другимъ—заслуженное отвращеніе и презрѣніе. *X. A.*

Примѣчаніе. Рец. см. «Народн. Шк.» 1873 г. № 12, стр. 34.

Разсказъ «*Безоброчный*» былъ прочитанъ въ группѣ учениковъ и ученицъ, окончившихъ курсъ сельской школы, возрастомъ отъ 14 до 17 лѣтъ.

Разсказъ былъ выслушанъ съ величайшимъ интересомъ и оживленными замѣчаніями.

На стр. 8, гдѣ описывается, какъ малыхъ дѣтей пугаютъ «безоброчнымъ», одинъ изъ мальчиковъ сказалъ:

— А у насъ москалями пугаютъ.

При чтеніи (стр. 23): «мой отецъ богатый, его надо всѣмъ слушаться», одинъ изъ старшихъ замѣтилъ:

— Не богатыхъ надо слушаться, а умныхъ!

— А у насъ умныхъ слушаются? возразила ему дочь шинкарки: — богатѣевъ; на что глупъ Шаповаловъ-сынъ, а тоже выбираютъ его,—за что? За то, что денегъ много.

При описаніи того, что на Гришу «*съ вѣтру что нибудь напущено*», одинъ изъ старшихъ сказалъ:

— Ничего на него не напущено, а просто по другѣ тоскуетъ.

— А вы какъ думаете: можно ли съ вѣтру что нибудь напустить? спросила учительница и невольно засмѣялась. Этотъ смѣхъ, очевидно, убилъ всякую откровенность, и всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали:—Нельзя!—Одинъ только, не замѣтя, повидимому, смѣха учительницы, отвѣчалъ съ полной откровенностью:

— У насъ всѣ говорятъ, что можно!

— Говорятъ, что и меня съ вѣтру повело, и жилы всѣ во мнѣ передернуло, замѣтилъ тогда горбатый *Б—ко*, ободренный, видимо, смѣлостью товарища. И трудно было рѣшить въ эту минуту по его нервной улыбкѣ, конфузится ли онъ и боится насмѣшки учительницы, или издѣвается надъ предразсудками своей среды. Одно только можно сказать съ увѣренностью,—что смѣхъ учительницы былъ въ высшей степени неумѣстенъ, и что каждый вопросъ долженъ быть предлагаемъ спокойно и серьезно и, прежде чѣмъ дать отвѣтъ, ученики не должны знать, какъ думаетъ на этотъ счетъ учительница, дабы не воздѣйствовала сила авторитета. Кромѣ того, насмѣшка надъ вѣрованіемъ человѣка, хотя бы и предразсудочнымъ, непремѣнно заставляетъ его уйти въ себя и не раскрывать болѣе передъ вами души своей.

Страница 50, описывающая высокопарную рѣчь выскочки-бурмистра, вызвала общій веселый смѣхъ. При описаніи смерти Максима слышались сдержанные вздохи и тихія восклицанія: — Боже мой! Боже мой! — Но сцены отчаянія Григорія и момента, когда онъ бросается на бурмистра и вырываетъ ему бороду, казалось, никто не понялъ, такъ какъ всѣ дружно хохотали, какъ надъ комическимъ происшествіемъ; тѣмъ не менѣе, серьезный вопросъ, поставленный слушателями по окончаніи чтенія: «достойное ли наказаніе получилъ бурмистръ отъ Григорія», оставляетъ возможность предполагать, что въ этомъ смѣхѣ были иронія и торжество побѣды.

При чтеніи остальныхъ патетическихъ мѣстъ дѣвушки плакали, а подростки вели себя, по обыкновенію, сдержанно.

Разсматриваніе картинокъ доставило много удовольствія.

— Смотри, это они въ лѣсу сидятъ и птичекъ слушаютъ, говорилъ одинъ о 2-й картинкѣ, точно можно было узнать по картинкѣ, что они слушаютъ птицъ.

— А вотъ она, вотъ та дѣвушка, что подошла къ нему! говорилъ другой о 3-й картинкѣ.

— Вотъ этотъ сказалъ, что смѣяться надъ сиротствомъ — грѣхъ, замѣчалъ третій при разсматриваніи картинки мірской сходки. Дѣвушки дольше и пристальнѣе остановились на картинкѣ снаряженія Груняши подъ вѣнецъ.

— Плачетъ! говорили онѣ тихо, точно видѣли ея слезы.

По окончаніи чтенія учительница предложила слушателямъ поставить вопросы и отвѣчать на нихъ, кто пожелаетъ.

Вотъ эти вопросы и эти отвѣты:

— Таковъ ли былъ Григорій, какимъ его считали люди?

— Его считали, что онъ умомъ помѣшанъ, разсказывали, что его семью вѣтрами подвѣяло, но это все пустяки; онъ былъ человѣкъ умный, работящій и честный, а на то, что онъ часто задумывался, было двѣ причины: первая — онъ за Васю *журился* *), а вторая—за Груней. Одинъ отецъ вѣрилъ ему, да, правда, еще Груня вѣрила; а мать и жена вмѣстѣ съ прочими *испорченнымъ* его считали.

---

*) Грустилъ.

— Что за человѣкъ былъ бурмистръ и какъ онъ поступалъ?

— Онъ человѣкъ былъ гордый, хвалился своимъ богатствомъ, стыдился родство заводить съ крестьянами, старался, чтобъ себѣ только хорошо было, а Григорія притѣснялъ всѣми силами.

— За что пострадалъ Гриша?

— Когда онъ былъ маленькимъ, его очень хвалили за успѣхи, а бурмистрова сына корили. Когда онъ сталъ взрослымъ, Груня его полюбила, а не бурмистрова сына; тогда онъ еще больше *сненавидѣлъ* Григорія.

— Достойное ли наказаніе получилъ бурмистръ отъ Григорія?

— Достойное; онъ довелъ Григорія до погибели и сталъ еще смѣяться надъ нимъ:— «что-жъ ты не благодаришь, что мы тебя въ хорошій чинъ наставили?» Вспомнилъ Григорій мать, жену, сынишку, что заставляетъ ихъ по міру идти, бросился на него и вырвалъ ему бороду.

— Падалъ ли духомъ Максимъ, когда его посѣщали различныя несчастія?

— Нѣтъ, онъ не надалъ духомъ; онъ все твердилъ сыну, что нужно въ себѣ вольный духъ имѣть и, даже умирая, повторилъ эти слова. Онъ былъ правый человѣкъ и не могъ ни передъ кѣмъ напрасно извиняться, а его за это называли упрямымъ.

— Забыла ли Груня любовь свою къ Григорію?

— Она никогда не могла забыть этой любви; какъ дѣвушкой не могла наглядѣться на него, такъ и тогда даже, какъ его связали и въ комору бросили.

— Хорошо ли поступили міряне, что не вступились за Гришу?

— Даже очень безсовѣстно: сначала собирались защитить его, а послѣ уклонились и перестали держать его руку.

---

204) **Молитвы въ стихахъ, былины и легенды.** Изд. Общества распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ № 77. Изд. 2-е. Москва. 1874 г. Ц. 10 к., 63 стр.

Къ числу удачно скомпилированныхъ книгъ принадлежитъ и настоящая. Здѣсь вы встрѣтите дорогія для многихъ изъ насъ имена Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Кольцова, Никитина и друг. Произведенія эти являются живымъ отраженіемъ тѣхъ рѣдкихъ и полныхъ поэзіи минутъ, когда, отрѣшившись отъ дѣлъ житейскихъ, душа поэта стремится стать «выше міра и страстей», и вамъ, перечитывая эти печатныя строки, чувствуется присутствіе этой поэзіи и вдохновенія. Что можетъ быть поэтичнѣе, напримѣръ, стихотворенія Пушкина: *«Отцы пустынники и жены непорочны»*, или Лермонтова: *«Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»*, или *«Молитва дитяти»* Никитина, *«Предъ образомъ Спасителя»* Кольцова и т. п.

Въ отдѣлъ былинъ и легендъ вошли: *«Слѣпорожденный»*, *«Спаситель»* Мея и *«Господь хранитъ малютокъ»* Миллера.

Книга читается съ интересомъ преимущественно взрослыми.

Въ отвѣтъ на вопросъ: понравилась ли книжка? приходилось много разъ слышать нѣсколько выученныхъ наизусть молитвъ.

Х. А.

Примѣчаніе. Смотри реценз. «Обзоръ Народн. Литер.», стр. 241.

---

205) **Псалмы въ стихахъ.** Изд. Общества распростран. полезн. книгъ. Книжки для школъ № 40. Москва. 1871 г. Ц. 5 к., 47 стр.—Изд. 3-е. 1882 г. Ц. 5 к.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать объ этой книгѣ того, что сказали о *«Молитвахъ въ стихахъ, былинахъ и легендахъ»* *). Псалмы Шатрова, Языкова, Крылова и Дмитріева написаны тяжелымъ, высокопарнымъ языкомъ и весьма плохо усваиваются малограмотнымъ и малоразвитымъ человѣкомъ, не говоря уже о дѣтяхъ. Возьмемъ для примѣра двѣ-три выдержки (стр. 10):

«И се, возсѣдъ на вихри скоры,
Несется облеченный въ тьму.
Предъ Нимъ кремнисты таютъ горы,
Курятся бездны вслѣдъ Ему.
Какъ молнія, Его блистанье.
Онъ рекъ—и, грозный гласъ внемля,
Разсѣлась въ трепетѣ земля,
Вселенной вскрылись основанья,
И воды въ страхѣ, безъ препонъ,
Текутъ, смутясь, изъ бездны вонъ».

Или стр. 18:

«Къ чему-жъ возводитъ ухищренье
На мужа праведна злодѣй?
Господь, зря казни приближенье,
Смѣется хитрости сѣтей!
Пусть мечъ исторгнутъ изощренный,
Натянутъ лукъ свой неизмѣнный,
Не совершатъ и ими зла;
Въ ихъ сердце войдетъ мечъ скользящій:
Внезапно лопнетъ лукъ дрожащій,
Падетъ безсильная стрѣла».

Х. А.

---

*) № 202.

Какъ «Псалмы въ стихахъ», такъ и «Молитвы въ стихахъ» (безъ отдѣла былинъ и легендъ) изданы въ 1886 г. въ нѣсколько иномъ видѣ: бумага и печать хуже, цѣна значительно дешевле. Каждая книжка идетъ въ оптовой продажѣ по 1½ к., въ розничной — по 3 коп.

206) **Христіанскій подвигъ солдата.** Изд. 5-ое. Спб. Изданіе журнала «Мірской Вѣстникъ». 1880 г. Ц. 10 к. 31 стр.

Бываютъ разсказы настолько простые и несложные, что ихъ, кажется, можно передать въ двухъ словахъ, да въ сущности-то какъ будто и разсказа никакого не выходитъ: нѣтъ ни отважнаго героя, ни любопытной завязки, ни таинственныхъ приключеній; а между тѣмъ эта простота и безъискусственность и дороги въ нихъ, и дѣлаютъ ихъ желательными для мало подготовленнаго читателя. Къ числу такихъ разсказовъ принадлежитъ и настоящій. Содержаніе его таково: Иванъ Степановъ пошелъ въ солдаты за старшаго брата своего, а рѣшился онъ на это потому, что на Сидорѣ, какъ говорится, держалась вся семья. Иванъ былъ человѣкъ невзрачный, неловкій, и много пришлось ему вытерпѣть, по той причинѣ, что не далась ему военная наука, какъ другимъ. Занявшись сапожнымъ ремесломъ, онъ въ этомъ какъ бы нашелъ утѣшеніе, и даже начальство поощряло его на этомъ скромномъ пути; но и тутъ не повезло Ивану: назначенъ былъ новый начальникъ, причислилъ онъ его къ неспособнымъ и перевелъ въ острожные служители. Тутъ научился Иванъ грамотѣ. Нелегко далась Ивану грамота, да и книгъ негдѣ было достать, пока одинъ изъ офицеровъ не подарилъ ему Евангелія. По природѣ Иванъ былъ кроткимъ и мягкимъ человѣкомъ, и тамъ, гдѣ другіе пускали въ ходъ грубость и жестокость, онъ старался взять увѣщаніемъ и лаской. Евангеліе пришло ему на помощь. Онъ силился сдѣлать понятными слова Спасителя всѣмъ этимъ загрубѣлымъ душамъ и облегчить ихъ душевныя язвы. Эти честныя стремленія были такъ искренни, что скромному сподвижнику слова Божія пришлось исцѣлить много душевныхъ скорбей и выслушать много предсмертныхъ исповѣдей, полныхъ умиротворяющаго покаянія. И не догадывался этотъ невзрачный солдатикъ, какъ безкорыстно и честно служитъ онъ страждущему человѣчеству.

Разсказъ написанъ живо и тепло. Читается съ интересомъ взрослыми простолюдинами и вполнѣ пригоденъ для народной библіотеки.

Вопросы:

Въ чемъ состоялъ первый подвигъ Ивана? Что онъ былъ за человѣкъ?

Чѣмъ облегчалъ онъ душевныя страданія больныхъ въ лазаретѣ? *Х. А.*

---

207) **Четырнадцать счастливыхъ дней халифа Абдеррахмана** *). Москва. 1873 г. Ц. 10 к. 39 стр. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ № 67.

Халифъ Абдеррахманъ, умирая, писалъ въ своихъ предсмертныхъ замѣткахъ: «Пятьдесятъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался халифомъ. Богатство, почести, удовольствія — всѣмъ этимъ я насладился и всѣмъ пресытился. Въ этомъ долгомъ праздникѣ наружнаго счастія я сосчиталъ дни, въ которые я чувствовалъ себя истинно счастливымъ; число этихъ дней простирается до четырнадцати. Смертные, разумѣйте, что̀ есть величіе, міръ и жизнь» (стр. 5 и 6).

Наслѣдникъ Абдеррахмана, Аль-Гаккамъ, чтя память славнаго государя, собралъ мудрецовъ и ученыхъ отыскивать въ лѣтописяхъ его продолжительнаго царствованія эти четырнадцать дней; но каждый изъ мудрецовъ толковалъ ихъ по своему, и всѣ они разошлись, оставивъ его въ недоумѣніи.

Но мысль узнать отцовскую тайну преслѣдовала сына, и онъ дорого далъ бы тому, кто открылъ бы ее.

Однажды Аль-Гаккамъ, переодѣвшись въ бѣдное платье, вздумалъ прокатиться въ лодкѣ по Гвадалквивиру. Лодочникъ, сидѣвшій съ веслами впереди, пѣлъ тихо какую-то пѣсню. Онъ сталъ вслушиваться.

— «О, я знаю и не такія пѣсни», сказалъ лодочникъ: — «я знаю одну, за которую мнѣ дорого заплатили бы въ одномъ ученомъ собраніи; ее завѣщалъ мнѣ отецъ». И онъ началъ пѣть. Онъ пѣлъ четырнадцать куплетовъ, и послѣ каждаго куплета счастливый сынъ узнавалъ о новомъ подвигѣ великодушія своего отца. Не можемъ отказать себѣ въ желаніи сдѣлать изъ нихъ значительныя выдержки.

1-й куплетъ: «О матери».

«— Нѣтъ, счастье не въ побѣдахъ оружія! — Былъ день одинъ. Городъ Замора, взбунтовавшійся противъ своего повелителя, понесъ кару за свое преступленіе. Кровь лилась ручьями по улицамъ, и со всѣхъ сторонъ пламя пожаровъ освѣщало убійства.

---

*) См. рецен. «Систематическій Обзоръ Народно-учебной Литературы» 1878 г., стр. 240.

Въ отвѣтъ на раздавшіяся отовсюду мольбы о пощадѣ, слышался только крикъ: «мщеніе!»

«Что дѣлалъ Абдеррахманъ, великій халифъ, въ то время какъ всѣ его воины, упоенные побѣдой, носились на своихъ рьяныхъ коняхъ по улицамъ Заморы?

«Абдеррахманъ, вложивъ мечъ въ ножны и укрывая пурпурнымъ плащемъ своимъ маленькаго ребенка, шелъ по полямъ и искалъ бѣдную мать; онъ надѣялся найти ее между бѣглецами, такъ какъ возлѣ покинутаго ребенка онъ не видалъ ни мертвой, ни умирающей женщины. Увидѣвъ недалеко впереди себя толпу убѣжавшихъ, онъ замѣтилъ, что между ними одна женщина упала отъ усталости на землю. Глаза ея и руки, поднятые къ небу, казалось, требовали отъ неба чего-то принадлежащаго ей. Абдеррахманъ подошелъ къ ней.

«— Не твой-ли это сынъ, не его ли ты ищешь? спросилъ у нея халифъ, подавая ей ребенка, который уже раздвинулъ полы плаща и тянулся къ матери. Женщина ничего не отвѣтила, но потому, какъ она принялась цѣловать бѣдное дитя, халифъ ясно увидѣлъ, что это — родная мать. Побѣдитель Заморы нашелъ такое сладостное удовольствіе смотрѣть на эту мать въ ея радости, что на цѣлый день остался посреди убѣжавшихъ мятежниковъ и лишь на завтра возвратился въ покоренный городъ».

«— Вотъ и весь первый куплетъ, сказалъ Мансу. Вмѣсто всякаго отвѣта Аль-Гаккамъ бросилъ пѣвцу золотую монету.

«Пока Мансу, изумленный щедростью пассажира, старался наладить свой голосъ, Аль-Гаккамъ писалъ на своихъ табличкахъ изъ слоновой кости: «Даровать прощеніе мятежникамъ Сіерры-Альманзы и основать пріютъ для потерянныхъ дѣтей». Лодочникъ продолжалъ.

«— Нѣтъ, счастье не въ могуществѣ власти», пѣлъ онъ во 2-мъ куплетѣ.

«— Нѣтъ, счастье не въ упоеніи гордости!» пѣлъ онъ въ 3-мъ.

«— Нѣтъ, счастье не въ изобиліи благъ земныхъ», пѣлъ онъ въ 4-мъ, и каждый сопровождался подвигомъ великодушія халифа Абдеррахмана.

«— Нѣтъ, счастье не въ мщеніи», пѣлъ онъ въ 5-мъ.

«Былъ день одинъ. На площади былъ построенъ эшафотъ. Печальный и задумчивый бродилъ Абдеррахманъ по мраморной галлереѣ. Онъ остановился предъ любимымъ своимъ львомъ; тотъ держалъ подъ когтями нечаянно забѣжавшаго къ нему въ клѣтку кролика. Абдеррахманъ вспомнилъ тогда о другомъ живомъ существѣ, которое онъ, халифъ, держалъ подъ рукою своего правосудія, — и эшафотъ палъ, и виновный былъ прощенъ».

«Халифъ Аль-Гаккамъ записалъ: «Даровать помилованіе Гамманету, сыну враговъ моего рода».

«— Нѣтъ, счастье не въ пустой людской молвѣ», пѣлъ лодочникъ въ 6-мъ.

«Былъ день одинъ. Собраніе законодателей и поэтовъ должно было увѣнчать лаврами автора самаго лучшаго сочиненія. Абдеррахманъ не отозвался, когда вызвали побѣдителя. Онъ былъ счастливъ, когда увидѣлъ, что на торжественной колесницѣ везутъ завѣшанную статую, передъ которой выступаютъ два герольда, кричащіе толпѣ, которая почтительно преклоняетъ головы: «слава безсмертная великому невѣдомому поэту!»

«Воздвигнуть мечеть невѣдомому генію!» пишетъ Аль-Гаккамъ.

«— Нѣтъ, счастье не въ безнаказанности», пѣлъ лодочникъ въ 7-й пѣснѣ.

«— Нѣтъ, счастье не въ изнѣженности», пѣлъ онъ въ 8-й.

«Былъ день одинъ. Захваченный жаромъ на утренней прогулкѣ, Абдеррахманъ шелъ, ища себѣ убѣжища, какъ вдругъ увидалъ посреди поля молодаго невольника, трудящагося на копаньемъ канавы.—«Перестань», сказалъ ему халифъ:—«ты вечеромъ докончишь свой урокъ».—«Я свой урокъ уже кончилъ, а кончаю работу отца, котораго прибьютъ, если замѣтятъ, что силы ему измѣнили».

«Тамъ была другая лопата. Абдеррахманъ схватилъ ее и вдвоемъ съ молодымъ рабомъ принялся съ такимъ жаромъ рыть землю, что черезъ два часа канава была готова.

«Аль-Гаккамъ не слушалъ лодочника; онъ писалъ на своихъ табличкахъ: «Употреблять ежегодно извѣстную сумму на выкупъ старыхъ невольниковъ».

«Въ 9-й онъ пѣлъ:—«нѣтъ, счастье не въ томъ, чтобы внушать страхъ». Въ 10-й—«не въ томъ, чтобы возбуждать зависть»; въ 11-й — «нѣтъ, счастье не въ томъ почтеніи, которое воздается по приказу». Въ 12-й — «нѣтъ, счастье не въ отсутствіи всякаго въ жизни испытанія»; въ 13-й — «нѣтъ, счастье не въ повиновеніи людей», и, наконецъ, въ 14-й — «нѣтъ, счастье не въ долготѣ жизни на землѣ!»

«Былъ день одинъ. Халифъ, въ то время еще молодой годами, гуляя по берегу рѣки,

вдругъ почувствовалъ дурноту и упалъ замертво около рыбачьей хижины, въ которую служители и внесли его бездыханное тѣло.

«Лежа безъ движенія и съ закрытыми глазами, на которые будто налегла чья-то свинцовая рука, онъ, однако, ясно слышалъ все, что кругомъ него говорилось, и звукъ словъ сладостно отзывался въ его сердцѣ.

«Подошла мать съ ребенкомъ и сказала: «Будь благословенъ ты, бывшій защитникомъ вдовъ!» Подошелъ юноша и, опустившись на колѣни, сказалъ: «будь благословенъ ты, бывшій отцомъ сиротъ!» Старикъ солдатъ смѣнилъ юношу и проговорилъ вполголоса: «будь благословенъ ты, который цѣнилъ мужество и почиталъ старость!»

«Такъ говорила толпа, обращаясь къ государю, котораго считала навѣки покинувшимъ свой народъ; каждый привѣтствовалъ его именами славнаго, добродѣтельнаго и благотворительнаго.

«Между тѣмъ жизнь и движеніе возвратились къ халифу.

«Счастливый ихъ горемъ, гордый ихъ похвалами, Абдеррахманъ отвѣчалъ:—«Не въ томъ полнота жизни, чтобы прожить на землѣ много лѣтъ».

Эта небольшая книжечка оставляетъ по себѣ примиряющее впечатлѣніе. Идеалъ счастія, нарисованный ею, доступенъ не одному халифу Абдеррахману; такимъ счастіемъ можетъ быть счастливъ каждый, способный на порывъ великодушія. Связать идеалы личнаго счастія съ благомъ другихъ является высокой воспитательной задачей, а потому мы и рекомендуемъ эту книгу въ народную библіотеку. Читать ее слѣдуетъ давать преимущественно взрослымъ или же развитымъ подросткамъ.

Желая провѣрить, поймутъ ли эту книгу подростки, я устроила эту провѣрку въ воскресной школѣ, въ группѣ въ 10 чел., отъ 14 л., окончившихъ курсъ въ ежедневной школѣ. Читая книгу, я зорко слѣдила за классомъ. Тишина поразительная; на лицахъ—вниманіе и сосредоточенность. Окончивъ послѣдній куплетъ, я спросила:

— Можетъ ли быть счастливъ такимъ счастіемъ каждый человѣкъ хоть разъ, два въ жизни?

— Не можетъ, отвѣчали дѣти почти хоромъ.

— Почему же?

— Это не всякій можетъ такъ чувствовать, сказала одна.

— Это не часто встрѣтишь такого добродѣтельнаго ко всѣмъ, замѣтила другая.

— Не каждый имѣетъ у себя такой характеръ, добавила третья.

— Вотъ хоть Голубенька*) въ «*Хрустальномъ сердцѣ*»: онъ и радъ бы жалѣть, да не могъ!

— А необходимо ли для того, чтобы сдѣлать доброе дѣло, быть такимъ же богатымъ и славнымъ, какъ халифъ? спросила я, варьируя вопросъ.

На это многіе отвѣчали:

— Нѣтъ, каждый человѣкъ можетъ сдѣлать доброе дѣло, даже самый бѣдный!

— А понравилась ли вамъ эта книга? спросила я.

Въ отвѣтъ на это посыпались шумныя и восторженныя восклицанія, и я вышла изъ класса, удостовѣрившись, что книга произвела должное впечатлѣніе. Одинъ вопросъ остался для меня открытымъ: понятъ ли куплетъ о невѣдомомъ поэтѣ.

Я подозвала одну изъ дѣвочекъ и просила разсказать.

— Халифъ Абдеррахманъ пошелъ къ поэту, сказала она: — и они разговорились насчетъ сочиненія. Онъ сталъ совѣтоваться съ халифомъ, признаться ему или нѣтъ, что онъ это сочинилъ. И такъ они рѣшили, что не надо признаваться, потому что люди могутъ позавидовать, и только одно горе примешь. Какъ прочитали это сочиненіе, запрягли карету, посадили въ нее статую и возили по всему городу и кричали, что это сочиненіе лучше оказалось, и этому поэту слава. Такой у нихъ порядокъ былъ.

Ученица перепутала, кто изъ двухъ былъ авторомъ сочиненія, но послѣдующее передала довольно вѣрно.

Василиса Т—ва, 18-ти л., слабо читающая, но умная по природѣ и довольно развитая дѣвушка, подала мнѣ «*Четырнадцать счастливыхъ дней халифа Абдеррахмана*». Я предложила ей нѣсколько вопросовъ.

— Что говорилъ халифъ Абдеррахманъ въ своемъ завѣщаніи? спросила я.

— Онъ совѣтовалъ сыну своему, отвѣчала дѣвушка:—чтобы онъ со своими подданными

*) Эти сближенія типовъ изъ различныхъ прочитанныхъ дѣтьми разсказовъ весьма цѣнны, на нашъ взглядъ, и учителю слѣдуетъ воспользоваться ими для бесѣды съ учениками. Въ этой бесѣдѣ можно поговорить о томъ, какъ поступало то или другое лицо, поставленное въ одни и тѣ же условія, какіе получились результаты и проч.

обходился ласково, чтобы онъ не гордился противъ нихъ, чтобы они просто были его друзьями.

— Почему мудрецы не могли отыскать въ его бумагахъ четырнадцати счастливыхъ дней?

— Они никакъ не могли предполагать, что онъ въ этомъ находитъ счастіе.

— Какіе куплеты вамъ больше понравились?

— О матери мнѣ больше понравилось, какъ онъ доставилъ ей ребенка и въ этомъ счастіе нашелъ. Потомъ мнѣ жалостно про раненую собаку; о дѣвочкѣ тоже очень хорошо; о львѣ, какъ онъ взялъ кролика, хотѣлъ съѣсть, потомъ поднялъ лапу и отпустилъ его, точно будто сжалился, а въ это самое время одинъ человѣкъ былъ на казнь присужденъ. Абдеррахманъ посмотрѣлъ на него и думаетъ: «звѣрь такой лютый, и тотъ оставилъ кролика, не растерзалъ, а какъ же я?»... и далъ знать, чтобы оставили его, не вели на казнь.

— А были какія нибудь мѣста въ книгѣ, которыхъ вы не поняли? спросила я.

— Какъ же! отвѣчала дѣвушка:—вначалѣ непонятно было, послѣ того насчетъ поэта, про раба тоже не поняла: не знаю, что это такое рабъ, и про пастушескую одежду,—за что собственно она ему такъ понравилась — не могла понять! А вотъ кончина его очень понравилась, забыла вамъ сказать.

— А въ чемъ собственно заключалось его счастіе? спросила я.

— Въ этомъ, если онъ могъ пособить кому; такихъ у него было четырнадцать счастій!

— А можетъ ли быть счастливъ такимъ же счастіемъ каждый человѣкъ хоть разъ, два въ жизни?

— Каждый можетъ быть счастливъ, только, кто его знаетъ, будетъ ли каждый считать это счастіемъ!

Авдотья П—ва подала мнѣ *«Четырнадцать счастливыхъ дней халифа Абдеррахмана»*. Я стала предлагать ей обычные вопросы:

— Почему мудрецы не могли отыскать въ его бумагахъ эти четырнадцать дней.

— Вотъ, ей-Богу, я не знаю, отчего это они не догадались!

— А отъ кого узналъ сынъ тайну отца?

— Отъ лодочника. Это нечаянно пришлось, и такъ удивительно, что сынъ не зналъ, а лодочникъ зналъ; какъ таки было ему, сыну родному, не сказать!

Это уже входитъ въ область критики книги, подумала я и спросила:—А какіе куплеты пѣсенъ вамъ больше понравились?

— О матери, о птичкѣ и о собачкѣ; хоть никто изъ нихъ не отвѣчалъ ему словами, но всѣ онѣ чувствовали, и онъ чувствовалъ, что счастіе для нихъ сдѣлалъ. Вотъ я не поняла только сначала и не пойму я здѣсь о поэтѣ.

И ученица нашла этотъ куплетъ. Я объяснила и спросила: — А въ чемъ заключалось счастіе халифа?

— Въ томъ, чтобы страждущимъ и умоляющимъ счастіе доставлять.

— А можетъ ли быть счастливъ такимъ же счастіемъ каждый человѣкъ хоть разъ, два въ жизни?

— Приходится всякому, но не всякій вниманіе обращаетъ на страждущихъ и плачущихъ; другому все равно, а другой не вѣритъ, думаетъ—обманываютъ; а онъ *каждому* вѣрилъ, и такъ ему приходилось, что онъ на дѣйствительно страждущихъ попадалъ *)!

— А понравилась вамъ эта книжечка вообще?

— Очень понравилась! Исканіе счастія его понравилось между бѣдными; такихъ людей, какъ онъ, рѣдко. А вотъ вы говорили, обратилась она ко мнѣ:—что вы для того наше мнѣніе записываете, чтобы знать, какія намъ книжечки нравятся, и выписывать изъ Петербурга; такъ я вамъ принесла одну очень интересную; хочу рекомендовать, чтобъ вы ее выписали.

И бѣдная П—ва съ торжествующей улыбкой подала мнѣ *«Посохъ и котомка»*, сказка соч. *Миши Евстигнѣева*. Конечно, я не показала виду, къ какого сорта писателямъ принадлежитъ Миша Евстигнѣевъ, чтобы не обидѣть П—ву, а взяла книгу, спрятала въ свой портфель и сказала, что прочту ее **).

Интересно взглянуть, какъ поняли ту же книгу и преодолѣли тѣ же трудности деревенскіе взрослые грамотѣи и подростки по сравненію съ нашими горожанами. Намъ опять приходится повторить съ сожалѣніемъ, что рамки нашей книги не позволяютъ намъ помѣстить въ нее цѣликомъ эти длинныя и интересныя рукописи; мало того, оказывает-

*) П—ва особенно выразительно оттѣнила эту черту довѣрія къ страждущему человѣчеству, которой, признаюсь, я прежде не замѣтила.

**) Относительно М. Евстигнѣева и другихъ писателей того же типа см. 2-й томъ «Что читать народу?»

ся невозможнымъ даже привести отвѣты каждаго на всѣ четырнадцать куплетовъ, — такъ ихъ много, и мы волею-неволею выбираемъ только то, что кажется намъ наиболѣе заслуживающимъ вниманія.

Куплетъ о невѣдомомъ поэтѣ, казавшійся нашимъ ученицамъ или почти, или вполнѣ непонятнымъ, такъ переданъ *Евдокимомъ Ф—мъ (14-ти лѣтъ).*

«Умные люди сплели лавровый вѣнокъ поэту, который хорошо сочинилъ стихи, чтобы нарядить его въ тотъ вѣнокъ и возить по улицамъ и воспѣвать ему пѣсни. Стихи были сочинены, представлены и прочитаны, но люди не могли найти того человѣка, который ихъ сочинилъ. И вотъ они вмѣсто сочинителя поставили статую, надѣли на нее вѣнокъ и пѣли: «Слава безсмертному, невѣдомому поэту!» А стихи эти сочинилъ самъ Абдеррахманъ. Онъ еще до этого носилъ ихъ одному ученому человѣку и говорилъ: «признаться или нѣтъ, что я ихъ сочинилъ?»

«Умный и ученый человѣкъ отвѣчалъ ему: — «не признавайся, а то нѣкоторые люди скажутъ отъ зависти, что нехороши стихи твои».

«А стихи тѣ были очень хороши, — точно будто ихъ само божество придумало; такъ говорили ученые и умные люди, и наконецъ онъ не признался, но считалъ себя счастливымъ, что Господь Богъ такой ему даръ даровалъ».

Передано, какъ видите, превосходно, но чего это стоило Евдокиму Ф—ву?

На вопросъ: «Все ли вы поняли въ книгѣ?» онъ отвѣчаетъ: «Я въ этой книгѣ сперва не все понялъ, а какъ прочиталъ пять разъ да пораздумалъ, то все мнѣ стало понятно».

На вопросъ: «Можетъ ли быть счастливъ такимъ же счастіемъ каждый человѣкъ хоть разъ, два въ жизни?» онъ отвѣчаетъ: «Можетъ! Я и самъ, какъ спасъ одну маленькую дѣвочку отъ злой собаки, и какъ стала меня мать ея благодарить, то мнѣ было очень пріятно. А другой разъ пасъ воловъ лѣтомъ и вижу — маленькіе ребята-пастухи *поснули*, а волы ихъ въ чужой хлѣбъ забрели. Я подошелъ, разбудилъ ихъ, а воловъ выгналъ изъ хлѣба. Не выгони я ихъ оттуда, ребятки дорого бы поплатилися. И было мнѣ тогда очень весело на сердцѣ».

На вопросъ: «Понравилась ли книга?» онъ отвѣчаетъ: «Книжечка эта мнѣ очень понравилась, и хоть это неправда, но еслибы мы такъ поступали, какъ халифъ, то было бы на свѣтѣ куда лучше; и благодарю я тому, кто эту книгу сочинилъ и придумалъ такъ краснорѣчиво».

На вопросъ: «Что же собственно считалъ Абдеррахманъ за счастіе?» онъ отвѣчаетъ: «Онъ почиталъ за счастіе не то, чтобы много лѣтъ пожить на землѣ, а то, чтобы хоть и мало пожить, да много добра людямъ сдѣлать».

Далеко не то встрѣчаемъ мы въ рукописи *Поликарпа В—на, 15-ти л.* Относительно куплета о невѣдомомъ поэтѣ онъ пишетъ откровенно: «Я этого куплета не понялъ», и продолжаетъ: «Не понялъ я тоже этихъ разныхъ именъ, и хотя они русскими словами написаны, но все таки я такихъ именъ никогда не слыхалъ, и они для меня удивительны и непонятны».

У Владиміра Ф—ва, 20-ти л., мы опять встрѣчаемъ весьма удачные отвѣты.

На вопросъ: «Что вы поняли въ книгѣ?» онъ отвѣчаетъ: «Все понялъ, только дай Богъ помнить до конца жизни и соблюдать и считать за счастіе то, что считалъ Абдеррахманъ: нищаго накормить, убогаго пріютить, врагамъ прощать, животныхъ миловать, рабовъ щадить. Впрочемъ, спасибо, ихъ теперь нѣтъ у насъ; царство небесное нашему освободителю Александру Николаевичу! Да будемъ же мы, православные, внимать Св. Писанію и тому подобнымъ книгамъ, да отстанемъ отъ грубыхъ и грѣшныхъ дѣлъ, да будемъ заслуживать не земную славу, а небесную своими земными дѣлами!»

---

208) **Капитанъ Боппъ. Больное дитя. Фіалка. Пѣсня птички.** Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ № 140. Изданіе 2-е. Москва. 1876 г. Ц. 5 к., 40 стр.

Книжечка содержитъ 5 коротенькихъ разсказовъ, большею частью взятыхъ изъ иностранной литературы. Самый длинный изъ нихъ—«Капитанъ Боппъ» принадлежитъ перу В. Жуковскаго.

Разсказы могутъ быть даны дѣтямъ скорѣе средняго, чѣмъ младшаго возраста, такъ какъ лучше понимаются ими и больше нравятся имъ.

«Капитанъ Боппъ». Искусный и ученый морякъ, но человѣкъ жестокій, нелюбимый и покинутый всѣмъ экипажемъ корабля, капитанъ Боппъ умираетъ одиноко въ своей каютѣ. Одинъ только мальчикъ, Робертъ, показываетъ ему участіе, ухаживаетъ за нимъ, говоритъ ему о Богѣ, о небесномъ милосердіи и всепрощеніи. Невинныя рѣчи мальчика смягчаютъ сердце суроваго капитана, который отходитъ въ вѣчность, помирившись съ Богомъ и людьми.

«Больное дитя». (Преданіе). Молодая вдо-

ва вѣрою своею въ Богоматерь спасаетъ отъ жестокой болѣзни свое дитя, а силою своей молитвы охраняетъ его отъ пламени пожара.

«Фіалка». Маленькое растеніе—фіалка замираетъ на зиму, а весною, согрѣтое лучами весенняго солнца, пробуждается къ жизни съ новою силою.

«Пѣсня птички». Въ тюрьмѣ большаго города сидитъ бѣдный узникъ. Орелъ, лебедь и воробей отказываются раздѣлить съ нимъ его одиночество. Только соловей, сидя на желѣзной рѣшеткѣ его окна, поетъ ему о родинѣ и подаетъ надежду на болѣе отрадное будущее.

«Сонъ и смерть». Два ангела—ангелъ сна и ангелъ смерти, братски обнявшись, летаютъ надъ спящею землей и разсылаютъ людямъ — одинъ временное, а другой вѣчное успокоеніе.

Вопросы:

Къ 1-му разсказу: Почему капитанъ Бопнъ, не любившій людей и не довѣрявшій имъ, повѣрилъ словамъ маленькаго мальчика?

Ко 2-му: Что помогло бѣдной матери спасти свое больное дитя?

Къ 3-му: Какое утѣшеніе могъ найти бѣдный узникъ, сидя въ своей мрачной тюрьмѣ?

А. Г.

ИЗДАНІЯ А. Н. ГОЛЬМАНЪ-НОВИЦКОЙ.

Встрѣчая рядъ книжекъ съ надписью *«Для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ»*, невольно задаешь себѣ вопросъ о цѣли изданія. Не находя въ данномъ случаѣ при книгахъ никакихъ разъясненій на этотъ счетъ и желая пополнить такой пробѣлъ, мы обратились къ издательницѣ и получили отъ нея такого рода разъясненія:

«Главная цѣль изданія мною книжекъ для дѣтскаго чтенія заключается въ томъ, чтобы возбудить въ читающихъ дѣтяхъ такія ассоціаціи идей и представленій, при которыхъ чувство гуманности, любви къ ближнему и сострадания къ несчастному наиболѣе бы развивались.

«Личный опытъ, личныя наблюденія и наука убѣдили меня, что, преслѣдуя эту цѣль, нельзя останавливаться на стереотипно-поучительныхъ дѣтскихъ разсказахъ *о правдивомъ Петѣ и благонравной Машѣ*, а потому я обратилась на другой путь.

«Путь этотъ—изданіе выборныхъ отрывковъ изъ произведеній по преимуществу русскихъ писателей, — произведеній, которыя пишутся для взрослой публики и знакомятъ съ бытовой стороной русской жизни. Пока я остановилась главнымъ образомъ на дѣтскихъ типахъ, съ ихъ чисто-дѣтскими радостями, печалями и поступками.

«Сокращенія и передѣлки я позволила себѣ сдѣлать только въ тѣхъ отрывкахъ, въ которыхъ, между прочимъ, затрогивались такія стороны жизни, о которыхъ говорить съ дѣтьми или неудобно, или невозможно.

«Насколько изданія мои достигаютъ предназначенной мною цѣли, судить, конечно, не мнѣ; могу только сказать одно,—что каждая книжка, прежде своего появленія въ свѣтъ, была въ рукописи прочтена ученикамъ и ученицамъ народной школы и печаталась исправленной по замѣчаніямъ лицъ, наблюдавшихъ за чтеніемъ.

«Цѣна книжекъ сравнительно высока, благодаря тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, которыми обставлено печатаніе таковыхъ книжекъ въ провинціи».

Прежде всего необходимо оговорить, что не всѣ изданія А. Н. Гольманъ-Новицкой предназначались, повидимому, для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ, такъ какъ другая серія книгъ носитъ на себѣ заглавіе *«Дѣтская Библіотека»* и стóитъ сравнительно дороже. Тѣмъ не менѣе мы поговоримъ и о тѣхъ, и о другихъ, такъ какъ и въ тѣхъ, и въ другихъ заключается матеріалъ, пригодный, если не всецѣло, то отчасти, для народныхъ школъ.

209) **Записки куропатки**. Изданіе Харьковской Дѣтской Библіотеки (Гольманъ). Харьковъ. 1875 г. Ц. 10 коп. 16 стр.

Печать крупная; разсказъ простъ и понятенъ, хотя не отличается особенными достоинствами; на недостатки же легко указать. Само собою разумѣется, что такая тема, какъ исторія куропатки, пойманной жнецами и принесенной барышнѣ Олѣ, пригодна только для маленькихъ дѣтей, не обладающихъ обыкновенно бойкимъ механизмомъ чтенія, и даже на обложкѣ книги мы встрѣчаемъ подпись: «для плохо читающихъ»; къ чему же было вводить въ него такого рода звукоподражанія, которыя даются съ трудомъ даже дѣтямъ, овладѣвшимъ умѣньемъ читать, какъ, напр.,

«ри-п-р-и-п-р-и-п-р-и-п!» или: «т-е-р-т!» воскликнула мамаша, чтò значило: «это жнецы». Такого рода вольный переводъ птичьяго языка положительно сбиваетъ дѣтей и мѣшаетъ чтенію. Разговоръ куропатки съ кофейникомъ, говорящимъ на своемъ «бурливомъ» языкѣ и плачущимъ «коричневыми слезами», также мало понятенъ, особенно деревенскимъ дѣтямъ, не слышавшимъ даже, какъ оказалось, слово: *кофейникъ*. Возгласы о томъ, какъ *«добрая Оля можетъ спать на остаткахъ растерзанныхъ птицъ»*, попросту сказать *подушкахъ*, также выходятъ при чтеніи чрезвычайно сантиментальными, дѣланными. Вообще, школа мало потеряетъ, не пріобрѣтая этой книжечки, стоющей, однако, 10 к. за 16 страничекъ малаго формата.

210) **Дѣтская Библіотека**. Вып. I. 1) «*Похожденія одной собачки*». 2) «*Тетерка и Лиса*». 3) «*Записки зайца*». Изданіе С. Б. Кирпичниковой и А. Н. Новицкой. Харьковъ. 1881 г. Ц. 15 к. 72 стр.

Содержаніе 1-го разсказа таково: барскія дѣти находятъ на улицѣ собаченку и забавляются ею до тѣхъ поръ, пока тетя не привозитъ имъ болѣе красивой собачки Жужу. Тутъ бѣдная покинутая Бобочка убѣгаетъ отъ нихъ и испытываетъ рядъ приключеній: вотъ она попадаетъ къ шарманщику, обучающему ее тяжелому искусству плясать передъ публикой; затѣмъ переходитъ во владѣніе чинной, чопорной старушки и, наконецъ, встрѣчается на улицѣ съ прежними владѣльцами, которые очень радуются этой встрѣчѣ и вновь принимаютъ ее къ себѣ на житье.

Разсказъ написанъ недурно. Маленькія дѣти городскихъ школъ слушали и читали его съ интересомъ.

По прочтеніи этого разсказа можно спросить: что было хорошаго и дурнаго въ отношеніяхъ дѣтей къ Бобочкѣ?

«*Тетерка и лиса*» представляетъ собою нѣчто въ родѣ басни, написанной плохими стихами, и занимаетъ всего 3 странички.

«*Записки зайца*» (передѣланы изъ повѣсти Гребенки) занимаютъ остальныя 24 страницы и напоминаютъ «*Похожденія одной собачки*». Здѣсь вы также встрѣчаете рядъ приключеній, приноровленныхъ, конечно, къ обстановкѣ и свойствамъ зайца.

Разсказъ недуренъ, и городскія и деревенскія дѣти читаютъ его съ интересомъ. Для послѣднихъ, впрочемъ, встрѣчаются слова, которыя они переводятъ по своему. «Манеры тихія, плавныя», читаетъ учительница и останавливается, чтобы спросить, что значитъ слово: «*манеры*».—Это значитъ—всякія рожи дѣлать, отвѣчаетъ бойко одинъ изъ мальчиковъ, иронически улыбаясь. Упомянулъ ли когда нибудь кто нибудь при немъ въ ироническомъ смыслѣ слово *манериться*, или, можетъ быть, онъ перевелъ его такъ потому, что рѣчь шла о кошкѣ, — трудно рѣшить. Слово *путешествовать* въ ихъ переводѣ вышло *бѣгать* (тоже, конечно, въ примѣненіи къ зайцу). По окончаніи чтенія учительница примѣнила такой пріемъ:

— Сосчитаемъ, дѣти, обратилась она къ классу:—сколько незнакомыхъ словъ встрѣтили мы сегодня въ разсказѣ, и что они значатъ.

Дѣти съ удовольствіемъ занялись этимъ упражненіемъ. Каждый старался припомнить слово и объяснить такъ, какъ объясняла его учительница.

211) **Дѣтская Библіотека**. Вып. II. «*Зимній вечеръ*», стихотвореніе Плещеева. «*Яша музыкантъ*» (переводъ съ польскаго). «*Гроза*» (изъ Некрасова). «*Дядя Иванъ*» (переводъ съ американскаго, разск. въ журналѣ «Нива»). «*Крестьянскія дѣти*» Некрасова. «*Сиротка Маня*» (перед. съ пов. Ожешко «Юліанка»). «*Больное дитятко*» Огарева. Харьковъ 1882 г. Ц. 20 к. 70 стр.

Этотъ небольшой сборникъ можно было бы назвать удачнымъ, принимая во вниманіе имена авторовъ, къ которымъ привыкли мы относиться съ глубокимъ уваженіемъ, еслибы выборъ отрывковъ не оказался намъ слишкомъ одностороннимъ и подавляющимъ темными сторонами жизни. Въ стихотвореніи «*Зимній вечеръ*» вызывается состраданіе къ дѣтямъ-сиротамъ, у которыхъ «могила рано мать взяла». Несчастный маленькій «*Яша-музыкантъ*» умираетъ отъ побоевъ безсердечнаго лакея. Въ стихотвореніи «*Гроза*» говорится о томъ, какъ «до тла сгорѣло дерево, до тла сгорѣли птенчики, — тутъ прилетѣла мать. Настала ночь, весь міръ затихъ; одна рыдала пташечка, да мертвыхъ не докликалась до бѣлаго утра».

«*Дядя Иванъ*» замерзаетъ, привязанный къ дереву. «*Сиротку Маню*», послѣ ряда самыхъ потрясающихъ сценъ, находятъ полузамерзшею на дорогѣ. «*Больное дитя*» умираетъ въ бреду при послѣднемъ догорающемъ сальномъ огаркѣ. Даже Некрасовскому стихотворенію «Мужичекъ съ ноготокъ», вызывающему теплое чувство въ томъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ его во многихъ книгахъ для чтенія, предпосланы Богъ вѣсть для чего такія полныя горькой ироніи строки, какъ: «Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно растетъ, не учась ничему, но вы-

ростетъ онъ, если Богу угодно, а сгибнуть ничто не мѣшаетъ ему», и т. д.

Правда, жизнь изобилуетъ темными сторонами, но возможно ли такъ безцеремонно играть на нервахъ ребенка, и не слѣдуетъ ли поберечь ихъ для реальнаго горя? На нашъ взглядъ, составительница поступила бы несравненно цѣлесообразнѣе, еслибы внесла въ свой сборникъ не одинъ матеріалъ трагическаго характера, но и разсказы, рисующіе свѣтлыя стороны жизни и ободряющіе молодую душу. Въ настоящее же время книжечку эту можно читать не иначе какъ изрѣдка, заимствуя изъ нея по одному разсказу, вызывающему дѣтскія слезы и оставляющему тяжелое впечатлѣніе въ душѣ ребенка.

Но остановимся на упомянутыхъ разсказахъ и поговоримъ о нихъ болѣе подробно.

1) «*Яша музыкантъ*» (сост. по перев., помѣщенн. въ періодич. изд.) Сильно сокращенъ. Сцена прихода кумушекъ къ родильницѣ и ихъ умозаключенія по поводу рожденія ребенка выпущена. Затѣмъ та сцена, въ которой Яша ночью подкрадывается къ кабаку и, затаивъ дыханіе, прислушивается къ звукамъ скрипки и къ пѣнію подгулявшихъ крестьянъ, смягчена подслушиваніемъ подъ окнами хаты, въ которой молодежь собралась на «*вечерныцю*». Сцена, въ которой лакей поджидаетъ дѣвицу, въ честь которой желаетъ пропѣть серенаду подъ акомпанементъ скрипки, также выпущена. Ночныя ласточки надъ головою Яши (стр. 11) названы летучими мышами. Составительницѣ хотѣлось, повидимому, представить этихъ вполнѣ безвредныхъ животныхъ въ болѣе привлекательномъ видѣ, чѣмъ они обыкновенно рисуются воображенію нашихъ дѣтей. Всѣ сколько нибудь грубыя сцены и выраженія обойдены.

2) «*Дядя Иванъ*». (Изъ старыхъ, 70-хъ годовъ журнала «Нива»).

Изъ оригинала взята только одна фабула. Разсказъ изображаетъ тотъ рискъ и тѣ случайности, которымъ подвергаются наши крестьянскія дѣти, съ первыхъ годовъ жизни предоставленныя своей личной охранѣ. Личность Ивана нѣсколько ходульна, онъ кажется похожимъ скорѣе на «пейзана», чѣмъ на мужика.

3) «*Сиротка Маня*». Разсказъ это взятъ изъ большаго польскаго романа Оржешко—«Юліанка». И здѣсь, какъ и въ «Яшѣ», для большей ясности составительница всѣ особенности польской жизни позволила себѣ «обмалорусить». Всѣ сцены Юліанки съ матерью своею, которая то безумно любитъ свою незаконнорожденную дѣвочку, то, подъ давленіемъ нравственныхъ мукъ, совершенно охладѣваетъ къ ней и, кидая ее на произволъ судьбы, сама скрывается,—эти сцены, какъ неудобныя для разъясненія дѣтямъ, выпущены. Сердечная старушка, *экс*-няня—въ оригиналѣ чиновница, мужъ которой когда-то занималъ важное мѣсто, и она играла видную роль, превращена въ няню. Это сдѣлано, вѣроятно, въ виду того, что дѣтямъ нашимъ типъ нѣкогда энергичной, трудящейся, а теперь доведенной до безпомощнаго состоянія няни—ближе чиновницы, вспоминающей о своемъ праздномъ, привольномъ житьѣ. У Оржешко красавица Юліанка кончаетъ нравственнымъ паденіемъ. Здѣсь же Маня, подъ вліяніемъ заботы, теплой любви и трудовой обстановки крестьянской, возраждается къ лучшей жизни.

212) **Дѣтская Библіотека**. Вып. III. Ц. 15 к. 64 стр. Харьковъ. 1882 г.

Выпускъ III страдаетъ тѣмъ же печальнымъ колоритомъ. Въ отрывкѣ 1-мъ бѣдный Вася, умненькій и впечатлительный ребенокъ, умираетъ, благодаря грубому и безсердечному обращенію учителя гимназіи. Разсказъ написанъ не для народныхъ школъ, да врядъ ли и доступенъ весь этотъ психологическій анализъ и ребенку высшихъ слоевъ общества. Возьмемъ для примѣра хотя такую выдержку, дающую нѣкоторое понятіе объ общемъ складѣ разсказа: «Сколько какой-то поэтической грусти въ широко-раскрытыхъ глазахъ Васи и сколько солиднаго напряженія мысли серьезной въ задумчиво-сосредоточенномъ взглядѣ Гордія».

Вся эта правдивая драма, надрывающая душу родителей, не можетъ быть глубоко понята дѣтьми.

Затѣмъ слѣдуетъ «*На пепелищѣ*», извѣстное стихотвореніе Никитина, описывающее пожаръ и оканчивающееся такъ:

«И нищій мужикъ къ головѣ ребенка устами приникъ».

За стихотвореніемъ идетъ разсказъ «*Гриша*»; оканчивается онъ, правда, благополучно: натерпѣвшись много горя въ жизни, бѣднякъ Гриша пріобрѣтаетъ въ концѣ концовъ почетное общественное положеніе; его всѣ уважаютъ, къ нему идутъ за совѣтомъ Но опять таки анализъ Гришиной души слишкомъ глубокъ, для того чтобы быть доступнымъ непосредственному пониманію ребенка. Для доказательства возьмемъ нѣсколько выдержекъ.

«Онъ сравнивалъ себя съ окружающими

и нисколько не находилъ себя хуже ихъ. За что же онъ страдаетъ?... И, не находя отвѣта, Гриша впадалъ въ безнадежно-отчаянное состояніе, становился апатичнымъ ко всему, и, только, уходя по вечерамъ въ садъ, онъ отводилъ душу въ страшныхъ рыданіяхъ».

«Не разъ въ такія минуты отчаянія Гриша думалъ о самоубійствѣ. Онъ съ любовью останавливался на этой мысли и подробно развивалъ ее»... Въ остальное время, напротивъ, хотѣлось жить, хотѣлось извѣдать то, что доселѣ было недоступно Гришѣ: хотѣлось любить и быть любимымъ. Страстная жажда любви и ласки охватила въ это время все существо Гриши».

Разсказъ этотъ можетъ быть понятъ не иначе, какъ прочитанный учителемъ въ классѣ развитыхъ подростковъ съ остановками и комментаріями. Для учениковъ народныхъ школъ въ немъ встрѣчается весьма много незнакомыхъ словъ, какъ напр.: *періодъ*, *порывы*, *апатичный*, *дисциплина*, *витіевато*, *механически* и проч.; тѣмъ не менѣе, фабула его понятнѣе и интереснѣе для ученика народной школы, чѣмъ для ребенка интеллигентнаго, стоящаго далеко отъ всѣхъ этихъ притѣсненій хозяевъ, ругани, пьянства и окружающей Гришу грубости нравовъ.

«На городскомъ мосту». Въ этомъ стихотвореніи Омулевскаго мы встрѣчаемъ совсѣмъ не дѣтскій сюжетъ, и врядъ ли найдется ребенокъ, которому понятны будутъ степанія несчастной жертвы.

Разсказъ *«Миша»* также оставляетъ тяжелое впечатлѣніе. Бѣднаго деревенскаго мальчика отдали въ городъ въ ученье къ лавочнику. Послѣ ряда огорченій и оскорбленій, которыя испытывалъ несчастный ребенокъ, разсказъ обрывается на томъ, какъ хозяинъ вспылилъ, и сильная пощечина заставила правую щеку Миши покрыться яркимъ румянцемъ.

Этимъ разсказомъ заканчивается пока серія книгъ, озаглавленная *«Дѣтская Библіотека»*, а потому мы перейдемъ къ изданіямъ *«Для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ»* А. Н. Новицкой.

213) **Для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ.** № 1-й (ц. 3 коп., Харьковъ 1882 г. 16 страничекъ маленькаго формата) заключаетъ въ себѣ стихотвореніе Плещеева *«Зимній вечеръ»*, отрывокъ изъ Некрасова *«Дѣтство Матрены»*, *«Маленькій нищій»* (изъ газеты)—о томъ, какъ маленькій нищій принесъ въ редакцію послѣдніе гроши, желая пожертвовать ихъ погорѣльцамъ; *«Гришуха и Маша»*—изъ Некрасова; *«Истинное происшествіе»* (изъ газеты) о томъ, какъ на пожарѣ сгорѣло трое дѣтей, и, наконецъ, весьма неостроумный анекдотъ, подъ заглавіемъ: *«Умный сынъ»*.

Опять та же драма! Развѣ только и можно отдохнуть на отрывкахъ Некрасова.

№ 2-й см. «Образцовыя сказки русскихъ писателей» Авенаріуса, № 319.

214) № 3-й весь состоитъ изъ отрывка повѣсти Полоцкаго *«Пріемыши»*. Это грустный разсказъ о томъ, какъ умерла мать Вани и какъ они съ сестренкой Машей остались сиротами. Пришелъ отецъ съ заработковъ, но и онъ былъ хворый, почти умирающій На этомъ эпизодѣ обрывается разсказъ, оставляя тяжелое впечатлѣніе въ сердцѣ читателя.

«И онъ, должно быть, помретъ», сказалъ печально одинъ изъ деревенскихъ мальчиковъ, напряженно слушавшій разсказъ. Сосѣдъ его вздохнулъ и отвернулся въ сторону, стыдясь, повидимому, слезъ. Одна изъ дѣвочекъ плакала. Чтобы развлечь дѣтей, учительница предложила имъ подумать и сказать, кто чего желаетъ въ будущемъ Ванѣ и Машѣ. Дѣти повеселѣли, и тутъ посыпались щедрыя пожеланія со всѣхъ сторонъ:

— Дай, Господи, чтобы отецъ *оздоровѣлъ*!— Чтобы онъ ихъ выростилъ!—и т. д.

Нѣтъ, тяжело учителю приподносить дѣтямъ такую духовную пищу!..

215) № 4-й заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, извѣстное стихотвореніе Михайлова *«Труженица»*, оканчивающееся такъ:

«Ты такъ больна, ты кашляешь такъ глухо
Что, кажется, настанетъ скоро часъ,
Когда найдетъ отецъ и мать-старуха
Не дочь, а трупъ, поутру пробудясь».

Во-вторыхъ — *«Какъ Марѳа Ивановна научилась плести чуни»* — совсѣмъ неинтересный разсказъ, при чтеніи котораго дѣти зѣваютъ, да собственно это и не разсказъ, а скорѣе урокъ, какъ плести чуни, и къ чему попалъ онъ въ рядъ художественныхъ произведеній — совершенно непонятно. Затѣмъ слѣдуетъ отрывокъ изъ стихотворенія Некрасова, озаглавленный: *«Овдовѣвшая крестьянка»*, и, наконецъ, страницы 15 и 16 занимаютъ загадки. Загадки очень нравятся дѣтямъ; они видимо отдыхаютъ на нихъ послѣ тяжести предъидущихъ впечатлѣній. Такъ, на дняхъ одинъ изъ мальчиковъ, прервавъ чтеніе учительницы разсказа *«Гриша»*, спросилъ неожиданно:

— А въ этой книжечкѣ есть загадки?

216) № 5-й заключаетъ въ себѣ грустную

исторію прачкинаго сына, который послѣ смерти матери сталъ просить милостыни (изъ разсказа Ишимовой), и извѣстнаго отрывка Достоевскаго—«*Мужикъ Марей*».

Этотъ мужикъ Марей очень понравился деревенскимъ дѣтямъ. Ихъ занялъ и испугъ барчука, вообразившаго, что волкъ бѣжитъ, и утѣшенія Марея, и то, какъ долго глядѣлъ онъ ему вслѣдъ.

— Хорошо описано! замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ по окончаніи чтенія. — И мнѣ понравилось, отозвался другой.

№ 6-й см. «Образцовыя сказки русскихъ писателей», Авенаріуса, № 319.

217) На № 7-мъ мы не встрѣчаемъ болѣе надписи: «Для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ». Тѣмъ не менѣе, цѣна его та же (3 к.), онъ носитъ на себѣ ту же виньетку и ничѣмъ не отличается отъ предъидущихъ изданій, а потому мы и считаемъ себя вправѣ разсматривать его, какъ книгу, предназначенную для школъ. Онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько «*Стихотвореній въ прозѣ*» Тургенева, выбранныхъ съ извѣстнаго рода тактомъ человѣкомъ, имѣющимъ въ виду опредѣленную цѣль. На этомъ послѣднемъ № мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ вопросъ о томъ, какъ понимаются народомъ такіе писатели, какъ Тургеневъ, продолжаетъ казаться намъ въ высшей степени интереснымъ. Въ виду этого мы приведемъ выдержки изъ записной тетради учительницы сельской школы.

Красотъ стихотворенія «*Деревня*», пишетъ она, видимо не оцѣнили юные представители деревни (группа слушателей состояла изъ учениковъ и ученицъ отъ 10 до 16 лѣтъ), и въ передачѣ ихъ не было и тѣни той поэзіи, которою дышетъ описаніе Тургенева. Они отнеслись къ нему какъ-то въ высшей степени реально: одинъ говорилъ, что «въ этой деревнѣ были амбарчики, избы сосновыя, крыши тесовыя, окна размалеванныя»; другой,—«что по деревнѣ ходили куры, и что въ этой деревнѣ хорошіе конопляники были и хорошій овесъ», и ни одинъ не остановился ни на скошенномъ душистомъ сѣнѣ, ни на курчавыхъ дѣтскихъ головкахъ, ни на ровной синевѣ неба.

Не то произошло съ стихотвореніемъ «*Маша*». Одинъ изъ подростковъ (16 л.) передалъ его такъ художественно, такъ трогательно, будто онъ самъ создалъ его.

«*Воробья*» слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и младшіе, и старшіе, съ тою только разницею, что дѣти ограничились передачей фабулы происшествія, а старшіе пошли далѣе: они вполнѣ постигли великодушіе и самоотверженіе стараго воробья, защищающаго свое дѣтище, и одинъ изъ нихъ такъ заключилъ передачу разсказа:

— Геройство — это значитъ усиліе защитить; онъ не побоялся большой собаки и желалъ лучше помереть, чѣмъ видѣть, какъ растерзаютъ дитя его родное! Все на свѣтѣ любовью держится, добавилъ онъ выразительно.

«*Милостыню*», «*Щи*» и «*Два богача*» поняли только развитые подростки, и то съ объясненіемъ учительницы.

Разсказа «*Христосъ*» никто не понялъ.

«*Голуби*» слушали съ интересомъ младшіе и старшіе и передали содержаніе очень хорошо. По окончаніи чтенія одинъ изъ наиболѣе развитыхъ учениковъ всталъ со своего мѣста и, низко поклонившись мнѣ, сказалъ солидно:

— Покорно васъ благодаримъ, что вы намъ такую хорошую книжку прочитали!

Это было для меня отвѣтомъ, достаточно ли оцѣнены слушателями «Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева.

Подводя итоги всему сказанному объ изданіяхъ А. Н. Повицкой, мы полагаемъ, что, не смотря на указанные нами недостатки, каждый заинтересованный школьнымъ дѣломъ долженъ сказать спасибо издательницѣ за ея усилія сдѣлать доступными и болѣе популярными произведенія писателей, составляющихъ пока духовную пищу счастливаго меньшинства, а потому мы и рекомендуемъ эти изданія въ народную и школьную библіотеку.

218) **Разсказы изъ народной жизни.** Н. Карловича. Съ картинками, рисованными М. Скудновымъ. Для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1883 г. Ц. 45 к., 48 стр.

Мишутка. Разсказъ 1-й. Авторъ избралъ эпиграфомъ для своихъ разсказовъ стихи Некрасова: «Кто часто ихъ видѣлъ,

Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей».

Авторъ разсказовъ также любитъ крестьянскихъ дѣтей; изъ ихъ среды онъ беретъ свои разсказы.

Мишутка, старшій сынъ дяди Михея, былъ умный и расторопный мальчикъ. Учитель, товарищи, сосѣди—всѣ любили Мишутку. Отецъ радовался, смотря на него. Однажды отецъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами и взялъ мальчика себѣ на подмогу. Пока отецъ рубилъ дрова, Мишутка заигрался съ собакою Волчкомъ и забрелъ въ глубь лѣса. Поднялась мятель, замела слѣдъ, и Мишутка, вы-

бившись изъ силъ, заснулъ отъ стужи. Отецъ, по возвращеніи домой не найдя сына въ деревнѣ, съ помощью сосѣдей находитъ полуживаго мальчишку въ лѣсу. Фельдшеръ и учитель возвращаютъ его къ жизни.

«Ее укусила». Машутка также хорошая крестьянская дѣвочка. Она съ любовью заботится о меньшомъ своемъ братишкѣ и не покидаетъ его, не смотря на желаніе пойти поиграть со старшимъ братомъ Ванею. Передавъ малютку Ванѣ, она не забываетъ дѣла: несетъ въ поле полдникъ отцу и матери, а Ваня между тѣмъ собирается готовить обѣдъ для семьи въ огородѣ. На возвратномъ пути подъ палящими лучами солнца Машуткѣ захотѣлось отдохнуть въ огромномъ тѣнистомъ лѣсу, мимо котораго она проходила. Собирая цвѣты, дѣвочка прилегла, заснула,—и вдругъ въ ужасѣ она вскакиваетъ и съ громкимъ плачемъ бѣжитъ домой. Ее укусила змѣя. Встрѣтившіе ее ребята, по совѣту старика, ведутъ ее въ кузницу. Кузнецъ раскаленнымъ желѣзомъ прижигаетъ ранку и спасаетъ Машу.

Автору обоихъ разсказовъ случалось жить въ деревнѣ, но, какъ видно, онъ не довольно вникалъ въ обычаи русской деревни. Не смотря на описаніе сельской природы и жизни русскихъ крестьянъ, мы не видимъ у него живыхъ образовъ нашихъ крестьянскихъ ребятъ. Назови онъ Мишутку—Карломъ, а Машу—Амаліей, разсказъ ни въ чемъ не измѣнился бы. Мальчикъ, котораго отецъ беретъ въ лѣсъ себѣ на подмогу, не станетъ забавляться съ собаченкою. Крестьянскія дѣти серьезнѣе относятся къ дѣлу.

Та же невѣрность нравовъ и обычаевъ и во второмъ разсказѣ: во время полевыхъ работъ дѣти не приготовляютъ обѣда для отсутствующихъ работниковъ; и безъ того пожары истребляютъ деревни.

Не смотря на эту неточность, разсказы Карловича понятны для дѣтей младшаго возраста, какъ подходящіе къ ихъ домашнему быту, а потому мы и находимъ ихъ пригодными для школьной библіотеки.

Примѣчаніе. Смотри рец. «Женское Образов.» 1882 г. № 8, стр. 557.

Оба разсказа прочитаны были въ сельской школѣ. Первый больше понравился и тронулъ дѣтей; всѣ они очень боялись, повидимому, за участь маленькаго Миши и очень радовались его спасенію. На вопросы, поставленные учительницей, они отвѣчали такъ:

— За что жители села и товарищи любили Мишутку?

— За то, что онъ былъ добрый, трудящійся, отцу помогалъ; не обижалъ никого, даже сестеръ маленькихъ; учился хорошо,—какъ же его не любить?—всѣ любили.

— Почему опасно предаваться сонливости на морозѣ?

— Потому что если заснуть на морозѣ, такъ скорѣе замерзнешь!

При чтеніи 2-го разсказа на стр. 40 возникъ споръ по поводу ужина, который Ванюха собирался варить на огородѣ.

— Развѣ можно на огородѣ, возлѣ хаты? Кто ему позволилъ? говорилъ горячо одинъ изъ мальчиковъ:—хорошо, если тихо, а если буря, подуетъ вѣтеръ, искра упадаетъ на хату или на солому, и она *займется.*

— Такъ, можетъ, этотъ огородъ надъ рѣкою былъ, возразилъ другой:—развѣ не слыхалъ: рѣка тамъ протекала?

Рѣшили, что, вѣроятно, огородъ былъ надъ рѣкой.

Съ операціей прижиганія желѣзомъ оказались всѣ знакомы. Разсказано было нѣсколько происшествій въ томъ же родѣ: какъ солдата укусила разъ змѣя на Михайловкѣ и т. п.

219) **Послушаемъ!** Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. А. Нольде. Съ 28-ю политипажами, рисованными на деревѣ художникомъ М. Малышевымъ. Ц. 1 р. 141 стр. Спб. 1883 г.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ пяти разсказовъ, содержаніе которыхъ составляетъ описаніе нѣкоторыхъ дикихъ животныхъ, ихъ нравовъ, а также охоты на нихъ. Тутъ же помѣщено два описанія бури на морѣ.

Въ первомъ разсказѣ—*«Ловля зайцевъ»* говорится о томъ, какъ нѣсколько мальчиковъ, воспользовавшись свободнымъ отъ занятій временемъ, ловили зайцевъ на отмеляхъ, образовавшихся во время разлитія Волги.

Въ разсказѣ *«Моя первая буря»* описывается буря на Балтійскомъ морѣ и впечатлѣніе, произведенное ею на 15-ти-лѣтняго мальчика, отправившагося прогуляться на лодкѣ въ обществѣ стараго матроса.

Разсказъ *«Барсуки»* заключаетъ описаніе нравовъ этого животнаго и способа его ловли.

«Хитрый Фоксъ». Исторія ума и врожденной хитрости ручныхъ лисицъ.

«Разсказы нашего стараго друга» описываютъ двѣ охоты на волковъ.

«На волосъ отъ смерти»—разсказъ стараго моряка объ ужасной бурѣ, испытанной имъ недалеко отъ береговъ Франціи, и о чудесномъ своемъ спасеніи.

«Разбойники» — разсказъ о кроликахъ и о смѣтливости собакъ.

Въ сборникѣ читатель найдетъ только самыя элементарныя свѣдѣнія изъ области зоологіи, переданныя въ формѣ охотничьихъ разсказовъ. Въ нихъ затрогиваются лишь выдающіяся черты нравовъ описываемыхъ животныхъ, черты, изображенныя во многихъ учебникахъ, какъ, напр., «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго. Для читателя, знакомаго съ этими книгами, разсказы г. Нольде не представятъ научнаго интереса; они могутъ служить ему только развлеченіемъ во время отдыха. Мальчикамъ книга эта нравится больше, нежели дѣвочкамъ, хотя и послѣднія читаютъ ее съ интересомъ. Прочитана она можетъ быть безъ малѣйшаго затрудненія и дѣтьми, и подростками, и вполнѣ умѣстна въ школьной библіотекѣ, хотя и дорога для нея по цѣнѣ. *А. Г.*

---

220) **Моимъ молодымъ друзьямъ**. Разсказы для дѣтей Л. Х. Москва. 1881 г. Ц. 40 к. 107 стр.

Книга «*Моимъ молодымъ друзьямъ*» состоитъ изъ пяти разсказовъ: 1) «Маленькій скрипачъ». 2) «Два друга». 3) «Набѣгъ». 4) «Бабушка и внучекъ». 5) «Похожденія Бетси».

1) «*Маленькій скрипачъ*». Бѣдный сиротка Вася съ похоронъ матери попадаетъ случайно на елку въ богатую семью. Тамъ приласкали мальчика и подарили ему съ елки маленькую скрипку, а одинъ изъ гостей принялъ къ себѣ Васю вмѣсто сына. У Васи оказалась большая способность и любовь къ музыкѣ. Ему доставили случай играть въ концертѣ Венявскаго, послали его за границу усовершенствовать свой талантъ, и скоро имя его стало извѣстнымъ въ Европѣ.

Вася всю жизнь свою берегъ игрушечную скрипку, полученную имъ на елкѣ; онъ показывалъ ее дѣтямъ и внукамъ своимъ, разсказывая имъ исторію своей жизни.

2) «*Два друга*». Два крестьянскихъ мальчика, Сеня и Ваня, росли и учились вмѣстѣ. Ваня былъ добрый, работящій мальчикъ, а у Сени съ дѣтства появлялись порочныя наклонности. Ваня остался въ деревнѣ помогать отцу и впослѣдствіи сталъ зажиточнымъ, трудолюбивымъ хозяиномъ.

Сеня отправился въ городъ, но, ничѣмъ не довольный, онъ мѣнялъ мѣста. Чужое богатство не давало ему покоя; онъ обокралъ богатаго графа, у котораго служилъ лакеемъ, и бѣжалъ въ дальній городъ. Тамъ онъ сошелся съ «гадкимъ жидомъ», который помогъ ему сбыть часть украденнаго серебра; но скоро онъ былъ пойманъ. Его судили и приговорили къ десятилѣтней каторгѣ. Несчастіе исправило Семена: онъ далъ обѣтъ странствовать по святымъ мѣстамъ, чтобы замолить свой грѣхъ, и наконецъ умеръ въ родной деревнѣ, въ семьѣ Ивана.

3) «*Набѣгъ*». Дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ. Маленькій черкесъ Акъ-Булатъ участвуетъ въ набѣгахъ и съ дѣтства свыкается съ убійствомъ и грабежемъ. Однажды братъ его похитилъ маленькую грузинку Нину. Черкесы берегли дѣвочку, разсчитывая продать ее за дорогую цѣну въ Турцію ради ея красоты. Акъ-Булатъ подружился съ маленькою плѣнницею. Нина разсказывала ему о своей родинѣ, объ ученіи Христовомъ и его научила молиться. Наконецъ молодые люди бѣжали въ Грузію, гдѣ Акъ-Булатъ принялъ христіанство и женился на Нинѣ.

4) *Бабушка и внучекъ*. Ваня остался сиротою на рукахъ у бабушки. Не смотря на «доброе сердце», онъ любилъ дразнить старушку и всячески досаждать ей, такъ что бабушка вынуждена была отдать его въ строгій пансіонъ; но и тамъ Ваня не унимался: онъ утащилъ изъ зоологическаго кабинета скелетъ, чтобы ночью пугать сторожей и товарищей. На слѣдующую ночь Ваня сѣлъ на чучелу зубра верхомъ, приготовивъ заблаговременно ведро воды; а когда инспекторъ задумалъ самъ подкараулить мнимое привидѣніе, то Ваня облилъ его холодною водой. «Инспекторъ бросился бѣжать—только пятки замелькали».

Во время каникулъ Ваня, затѣявъ шалость, провалился въ глубокій колодезь, въ которомъ еще не было воды. На сыромъ днѣ колодца онъ имѣлъ время обдумать свое поведеніе. Его вытащили и отнесли полуживаго къ бабушкѣ.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ: учился прилежно и заботился о бабушкѣ до самой ея смерти.

5) «*Похожденія Бетси*». Маленькая собаченка изъ породы левретокъ, состарѣвшись, сама разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ.

Чрезвычайно трудно опредѣлить полезность подобныхъ дѣтскихъ книгъ. Что сказать объ этихъ разсказахъ? Дѣти рѣдко относятся критически къ тому, что читаютъ. Ихъ займетъ исторія *скрипача Васи*, имъ нравятся разсказы въ родѣ «*Набѣга*»; но девятилѣтняя дѣвочка, прочитавъ разсказъ 4-й—«*Бабушка и внучекъ*», высказала свое мнѣніе, что разсказъ неправдивъ, потому что мальчикъ съ добрымъ сердцемъ не станетъ дѣлать злыхъ

шалостей, огорчать бабушку и товарищей.

Эпизодъ съ привидѣніемъ выставляетъ въ смѣшномъ видѣ инспектора и совершенно неумѣстенъ, такъ какъ роняетъ авторитетъ школьнаго начальства.

Въ разсказѣ о воровствѣ Сени къ чему было вмѣшивать «гадкаго жида»? Воровство гадко само по себѣ, къ какой бы національности ни принадлежалъ преступникъ.

Кромѣ того, Сеня приговоренъ за воровство серебряныхъ вещей у барина къ 10-ти-лѣтней каторжной работѣ, что̀ совершенно не сообразно, такъ какъ высшая мѣра наказанія за воровство,—при тѣхъ условіяхъ, какъ оно совершено было Сеней,—отдача въ исправительныя арестанскія отдѣленія до $3^1/_2$ лѣтъ.

Да и въ разсказѣ о маленькомъ скрипачѣ нельзя не замѣтить несообразности: Вася, будучи еще мальчикомъ, принималъ участіе въ концертѣ Венявскаго; когда же онъ успѣлъ состариться и показывать скрипку «внукамъ своимъ», когда Венявскій скончался недавно, самъ не достигнувъ еще старости?

А. Г.

Мнѣ пришлось прочитать эти разсказы въ группѣ учениковъ сельской школы и получить слѣдующіе результаты:

Разсказъ 1-й — «*Маленькій скрипачъ*», не смотря на новизну обстановки (дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ) и множество незнакомыхъ словъ, каковы: *импровизація*, *виртуозъ*, *аплодисменты*, *эстрада*, *акомпанементъ* и проч., прослушанъ былъ дѣтьми съ большимъ интересомъ и очень имъ понравился. Съ первыхъ страницъ они заинтересовались участью сиротки Васи; затѣмъ ихъ заняла и елка, и какъ нашли его подъ столомъ, и игрушечная скрипка, и Олинъ домъ. Они радовались успѣхамъ Васи, не смотря на то, что незнакомыя слова должны были парализировать впечатлѣнія отъ описанія концерта. Чтобы показать, какого рода недоразумѣнія могутъ происходить иногда вслѣдствіе этихъ незнакомыхъ словъ, укажемъ на такой фактъ: во время чтенія страницы 27-й, на которой говорится: «кричали:—браво, bis, bis!»—послышался вдругъ общій взрывъ хохота. Объяснилось, что *бисъ* — по малорусски: чортъ; вотъ почему возгласы эти показались дѣтямъ очень забавными. Слова же, о значеніи кокорыхъ можно было догадаться по смыслу, были переведены ими по своему; такъ, напр., *полицію* они называли волостью, *швейцара*—сторожемъ, *брюнета*—хозяиномъ и т. п.

Разсказъ 2-й — «*Два друга*», не смотря на описаніе родной имъ среды, менѣе понравился дѣтямъ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ добродѣтельныхъ и скучныхъ разсказовъ, въ которыхъ обыкновенно невинность торжествуетъ, а порокъ наказанъ.

«*Набѣгъ*» понравился своей таинственностью.

«*Бабушка и внучекъ*» вызвалъ общій веселый смѣхъ. Каждая новая проказа шалуна Вани встрѣчалась дружнымъ взрывомъ смѣха и одобренія, какъ казалось мнѣ; но такъ какъ въ этихъ проказахъ весьма много злаго, деморализирующаго, то мнѣ досадно было и на себя, и на книгу при мысли, что̀ дастъ дѣтямъ подобный разсказъ: — задоръ къ шалостямъ, стремленіе къ глупому молодечеству! и я намѣревалась имѣть съ ними по поводу этого длинную бесѣду и довести ихъ до сознанія безпорядочности поступковъ Вани; но мнѣ это не удалось.

— Что за мальчикъ былъ Ваня? спросила я по окончаніи чтенія. Смѣхъ и воспоминанія о шалостяхъ Вани мгновенно утихли.

— Недобрый!—Злой!—Шалунъ! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Развѣ можно огнемъ шалить!

— А тоже платье испортилъ бабушкѣ, а бабушка бѣдная была—для него же зарабатывала.

Итакъ, напрасно авторъ предполагалъ сдѣлать своего героя симпатичнымъ шалуномъ, напрасно онъ спустилъ его въ колодезь и заставилъ исправиться; напрасно учительница заготовила длинную рѣчь. Дѣти поняли безъ нихъ, что рисковать жизнью другаго и глумиться надъ его послѣдними пожитками—грѣхъ, и не простили этого покаявшемуся въ колодцѣ Ванѣ.

---

221) **Между дѣтьми.** Сост. И. Д. Москва. 1881 г. Ц. 60 к., 61 стр. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 295.

Этотъ небольшой сборникъ, изданный весьма изящно и иллюстрированный прекрасными рисунками Панова, гравированными Паннемакеромъ, состоитъ изъ слѣдующихъ отрывковъ и стихотвореній: «Крестьянскія дѣти», по Безсонову; «Старикъ и дѣти», изъ Плещеева; «Петя», съ нѣмецкаго; «Братъ и сестра», изъ Біара; «Лизочекъ», стихотв. К. Аксакова; «Маленькій гарлемскій герой», изъ Сталя; «Вася и Сережа», изъ Біара; «Смерть Волчка», изъ Некрасова; «Мудреный мальчикъ», изъ Достоевскаго; «Юные герои Севастополя», изъ Арсеньева; «Чижикъ», Я. Гротта; «Саша», изъ Некрасова; «Маленькій Джонни», изъ Диккенса; «Внучкѣ», стихотв. С. Аксакова; «Добрый товарищъ», И. Д.;

«Сказочныя чудеса», изъ А. Пушкина; «Бабушка и внучекъ», изъ Плещеева.

Имена говорятъ сами за себя; жаль только, что всѣ эти отрывки и переводы съ иностранныхъ книгъ собраны для дѣтей различнаго возраста; такъ, напр., разсказъ «Петя», съ нѣмецкаго, интересенъ исключительно для самыхъ маленькихъ дѣтей, между тѣмъ какъ «Гарлемскій герой» (извѣстный разсказъ о томъ, какъ сынъ шлюзника спасъ свой родной городъ отъ наводненія) требуетъ несравненно бо̀льшаго развитія и подготовки. Среди крошечныхъ разсказовъ о разныхъ Васяхъ, Гришахъ, Ваняхъ и Сережахъ со своими пріятелями кисками и собачками Шариками вы встрѣчаете — «Мудреный мальчикъ», отрывокъ изъ романа Достоевскаго «*Братья Карамазовы*». Въ самомъ романѣ типъ Коли Красоткина очерченъ ярко и опредѣленно, между тѣмъ какъ здѣсь выхвачены только нѣсколько строкъ о томъ, какъ глумился онъ надъ мужикомъ, торговкой и мѣщаниномъ. Правда, дѣти хохотали отъ души при чтеніи этого эпизода, но на вопросъ нашъ: «что за мальчикъ былъ Коля Красоткинъ?»—отвѣчали: «шутникъ».

Такого ли отвѣта желалъ Достоевскій, творя типъ Красоткина, и имѣютъ ли смыслъ подобнаго рода отрывки, хотя бы они были заимствованы и у знаменитаго писателя!

Въ стихотвореніяхъ—та же смѣсь: дѣтскія пѣсенки о мышкѣ и котѣ перемѣшаны съ такими стихотвореніями, какъ «Смерть Волчка», изъ Некрасова, съ обычнымъ грустнымъ характеромъ его поэзіи.

Въ довершеніе всего вышесказаннаго, этотъ небольшой сборничекъ стоитъ 60 к., а потому на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на роскошь, доступную развѣ для школы, обладающей хорошими средствами.

А. Г.

---

222) **Русскія народныя розсказни.** Писаны Иваномъ Ваненко. Изд. Общ. распр. пол. кн. № 360. *Изданіе 4-е.* Москва. 1882 г. Ц. 10 к. 29 стр.

Книга заключаетъ въ себѣ пять разсказовъ.

Въ 1-мъ изъ нихъ говорится о самонадѣянномъ, хвастливомъ и лѣнивомъ деревенскомъ парнѣ, который вообразилъ, что довольно ему переселиться въ городъ, чтобы на него посыпались всѣ земныя блага. Мечты эти, какъ и слѣдовало ожидать, кончаются разочарованіемъ. Онъ возвращается къ празднику домой оборванный и смущенный, но, желая какъ нибудь выпутаться изъ своего неловкаго положенія, разсказываетъ небылицы, которыя возбуждаютъ еще бо̀льшія насмѣшки окружающихъ. Эти насмѣшки и наставленія дяди Ѳомича оказываютъ благотворное вліяніе на Гаврилу. Онъ снова отправляется въ городъ, а къ Свѣтлому празднику возвращается въ деревню совсѣмъ другимъ человѣкомъ—дѣльнымъ, честнымъ и работящимъ.

Разсказъ 2-й—занимаетъ всего 3 странички. Вотъ его содержаніе: два мужика поѣхали вмѣстѣ въ городъ. Одному принадлежала телѣга, а другому лошадь. По пути они завязли въ трясинѣ. Владѣлецъ лошади слѣзъ, чтобы помочь ей выбраться изъ бѣды, и кликалъ товарища на помощь; но тотъ преспокойно лежалъ, говоря: «лошадь твоя, ты ее и выручай!» Тогда мужикъ выпрягъ свою лошадь и покинулъ на произволъ судьбы лѣниваго и вздорнаго товарища, что̀ послужило послѣднему хорошимъ урокомъ.

Разсказъ 3-й — «*Нѣтъ худа безъ добра*» заключается въ слѣдующемъ. Ѣхалъ толстякъ на плохонькой кляченкѣ, а рядомъ худощавый пѣшеходъ шелъ, и захотѣлось ему, чтобы конный его подвезъ, — онъ и началъ ему турусы на колесахъ разсказывать; тотъ заинтересовался и подсадилъ его на телѣгу. Кончилось тѣмъ, что хозяинъ, жалѣя свою клячу, слѣзъ съ телѣги, а балагуръ-пѣшеходъ продолжалъ сидѣть и переливать изъ пустаго въ порожнее. Такъ и доѣхали они до жилья пѣшехода. Глядя на свои испачканные грязью сапоги, хозяинъ подумалъ: «Нѣтъ худа безъ добра;—сиди я со своей толстотой—совсѣмъ бы заморилъ лошадь». Тѣмъ разсказъ и кончается.

Въ 4-мъ говорится о мужикѣ, который находчиво подѣлилъ гуся между домочадцами боярина. Разсказъ не новый и, вообще, менѣе удачный, чѣмъ три предшествующіе. Оставляя на время тонъ чисто народнаго юмора, который вполнѣ удался автору въ трехъ предъидущихъ, онъ резонируетъ на тему: — «Бываютъ на свѣтѣ задачи простыя, которыхъ порою не могутъ рѣшить люди мудрые»,—и резонируетъ довольно неудачно. Разсказъ выигралъ бы безъ этого философскаго вступленія, вносящаго диссонансъ въ общій характеръ, дорогой своею простотою и безъискусственностью.

Въ разсказѣ 5-мъ—«*Ладно ли въ ладу жить*» передана такая басня Езопа.—Старикъ-отецъ, умирая, позвалъ своихъ дѣтей, велѣлъ принести пучекъ прутьевъ и просилъ кого либо изъ нихъ переломить его. Никто не смогъ. Тогда онъ роздалъ всѣмъ по прутику, и каждый безъ усилій переломилъ его. Отецъ ска-

залъ: «Будете вы жить вмѣстѣ крѣпко и дружно, не разставаючись,—васъ, положимъ, и погнетъ, покорчитъ порою горе-бѣда, а сломать ей васъ не подъ силу придетъ; а буде вы порознь разойдетесь, то васъ и малая забота-нужда, какъ эту хворостинку, пополамъ перегнетъ».

«И поняли, и приняли дѣти отцовъ совѣтъ: не разлучались они и другъ друга крѣпко держалися».

Разсказы читаются съ интересомъ различными возрастами и доступны каждому по своей простотѣ и безъискусственности. Замѣтимъ кстати, что, кромѣ данной книжечки, изданной «Общ. распр. пол. кн.» и стоющей 10 к., существуетъ еще другое, болѣе дешевое — 5-ти-копѣечное изданіе того же Общества, напечатанное весьма мелкимъ шрифтомъ. Само собою разумѣется, что, когда рѣчь идетъ о народной казнѣ, необходимо дорожить каждой копѣйкой, но въ данномъ случаѣ мы предпочли бы 10-ти-копѣечное изданіе, такъ какъ сбереженіе зрѣнія—тоже весьма важная статья въ жизни. Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, при какомъ скудномъ освѣщеніи приходится подъ часъ читать бѣдняку-простолюдину. *Х. А.*

Прим. См. рец. «Обзоръ Народн. Литературы», стр. 240. «Семья и Школа» 1872 г., № 3, стр. 589.

---

223) **Старый дворецкій. Няня. Юродивый Гриша.** Изд. 2-е. Москва. 1876 г. Ц. 5 к. 46 страничекъ малаго формата. Изд. Общ. распр. пол. кн. Книжки для школъ № 142. — Изд. 3-е, 1880 г.

Книжечка заключаетъ въ себѣ три небольшіе отрывка. 1-й изъ нихъ—«*Старый дворецкій*» занимаетъ 20 страничекъ. Въ немъ разсказанъ такой случай. Старикъ-слуга поѣхалъ въ городъ съ обозомъ хозяйскій хлѣбъ продавать. На возвратномъ пути его застала страшная мятель. Онъ стучался у оконъ нѣсколькихъ избъ, но крестьяне боялись впустить незнакомаго человѣка. Наконецъ одинъ сжалился и впустилъ его отогрѣться.

Подъ святыми лежала женщина въ родильныхъ мукахъ. Ихъ было двое: она и мужъ, и не на кого было покинуть ее, чтобы сходить за бабкой. Добрый старикъ вызвался оказать эту услугу. Хозяинъ снабдилъ его салазками для дряхлой старушки, и онъ направился къ ней черезъ рѣку.

Ночь была темная. На возвратномъ пути онъ поскользнулся, выпустилъ салазки изъ рукъ, и онѣ рухнули со старухой прямо въ прорубь.

Старикъ бѣжалъ изъ этого села, но совѣсть настолько мучила бѣдняка, что сперва онъ признался барину, а затѣмъ судьѣ. Судъ, конечно, призналъ Илью невиновнымъ и приговорилъ только за неумышленное преступленіе къ церковному покаянію на полгода; но совѣсть продолжала его мучить, и по истеченіи срока покаянія онъ остался въ монастырѣ, гдѣ и умеръ, молясь и каясь въ своемъ невольномъ грѣхѣ.

Разсказъ 2-й—«*Няня*» занимаетъ 17 страницъ. Авторъ рисуетъ поэтическій образъ няни прежнихъ временъ, потерявшей свою семью и привязавшейся къ господскому ребенку, какъ къ своему собственному. Была, впрочемъ, у нея и еще привязанность — внукъ Петруша, который пропалъ безъ вѣсти во время пожара въ Москвѣ. Напрасно ждетъ старушка свиданія съ нимъ многіе, долгіе годы.

Но вотъ приходитъ къ нимъ юродивый. Семья привѣтливо принимаетъ его; онъ вглядывается въ черты лица старушки и бросается къ ней въ ноги. Это Петруша, это ея давно желанный внукъ. Петруша, не смотря на просьбы и слезы старушки, поступаетъ въ схимники, а няня, потрясенная этой встрѣчей, запирается въ своей комнаткѣ и вышиваетъ воздухи на церковь. Дошивъ двадцатый, она умираетъ, глубоко вѣруя, что за это ей отпустится на томъ свѣтѣ двадцать мытарствъ.

Затѣмъ слѣдуетъ художественный отрывокъ изъ «Дѣтства и Отрочества» гр. Льва Толстаго—«*Юродивый Гриша*». Дѣти изъ любопытства и шалости забрались въ чуланъ, чтобы подсмотрѣть, что̀ дѣлаетъ юродивый, оставшись наединѣ самъ съ собою; но могучій образъ добровольнаго мученика, его вдохновенная молитва и горячія слезы невольно дѣйствуютъ на дѣтскіе нервы и, вмѣсто предполагаемаго смѣха, оставляютъ сильное и глубокое впечатлѣніе на всю жизнь.

Всѣ три отрывка выбраны весьма удачно; но замѣчено, что дѣти не любятъ отрывковъ вообще: они не въ силахъ оцѣнить ихъ художественной красоты; имъ нужны непремѣнно начало, середина и занимательный конецъ; тѣмъ не менѣе, книга эта пригодна для школьной библіотеки.

Примѣчаніе. Рец. см. «Обзоръ Народн. Лит.», стран. 239.

---

224) **Загадочное убійство.** Два разсказа изъ записокъ слѣдователя. А. Любимова. Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1873 г., 44 стр. Ц. 15 к.

Книга состоитъ изъ 2-хъ разсказовъ: 1) *«Голосъ совѣсти»* и 2) *«Богъ не выдастъ»*. Въ 1-мъ разсказѣ говорится объ убійствѣ солдата товарищемъ, причемъ улики падаютъ на совершенно безвиннаго человѣка. Улики эти такъ очевидны, что имъ вѣритъ судебный слѣдователь — человѣкъ умный, дѣльный и честный; вѣритъ имъ невольно и читатель; и еслибы не добровольное признаніе убійцы на судѣ, неповинный человѣкъ пошелъ бы въ каторгу.

Бесѣда на эту тему весьма полезна, такъ какъ не одинъ народъ, но и общество весьма склонно взводить обвиненіе на человѣка не только по уликамъ, но и по слухамъ. Кромѣ того, разсказъ знакомитъ отчасти съ порядками правильнаго производства слѣдствія человѣкомъ разумнымъ и внимательно относящимся къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, что также весьма важно для простолюдина.

Въ разсказѣ 2-мъ описано звѣрское убійство шинкаря-еврея и его жены. Унтеръ-офицеръ Ермоленко пошелъ въ лѣсъ на охоту и встрѣтилъ тамъ раненую и перепуганную дѣвочку—дочь шинкаря. Онъ догадался, что въ шинкѣ, должно быть, не все благополучно, направился туда и увидалъ тамъ ужасающую картину. Первымъ его движеніемъ было убить злодѣевъ, но тутъ подъѣхали купцы, приняли его за разбойника, связали и отправили въ судъ вмѣстѣ съ другимъ, еле живымъ разбойникомъ. Исповѣдь послѣдняго освобождаетъ отъ заточенія невиннаго Ермоленка и возвращаетъ ему общее уваженіе и свободу.

Оба разсказа переданы просто, живо и интересно. Вѣрится, что все это было въ жизни, и мы рекомендуемъ ихъ въ народную библіотеку.

Вопросы:

Случается ли такъ, что невинный человѣкъ кажется виновнымъ?

Можно ли обвинять человѣка, не зная навѣрное, виноватъ ли онъ?

Что было бы съ Ѳоминымъ, еслибы преступникъ не признался въ убійствѣ?

Могли ли оба эти случая быть въ жизни?

Что за человѣкъ былъ судебный слѣдователь? *X. А.*

Примѣч. См. рец. «Обзоръ Народн.-Уч. Литер.» стр. 237.

---

225) **Стражникъ Яша.** Изъ разсказовъ бабушки. Соч. Погожевой. Москва. 1883 г. Ц. 10 к. 36 стр.

Разсказъ задуманъ недурно. Вотъ его содержаніе.

Однажды крестьяне деревни Огулы услыхали раздирающій крикъ въ лѣсу. Бросились туда и увидали ограбленную и избитую женщину и ребенка двухъ лѣтъ. Она была еще жива, сказала тихо: «Яша!» и умерла. Деревня беретъ мальчика, отдаетъ на попеченіе одинокой старухѣ и міромъ содержитъ его. Мальчикъ оказывается бойкій, шустрый, выучивается читать у дьячка и пріобрѣтаетъ общія симпатіи деревенскаго люда.

Богатый мужикъ Осипъ принимаетъ его въ свою семью, боясь, чтобы мальчишка не избаловался безъ присмотра на улицѣ. Разъ какъ-то въ рабочую пору онъ оставилъ Яшу дома, и за своимъ добромъ, и за деревней присматривать на случай пожара или другаго какого либо несчастія. Весь народъ былъ въ полѣ, а въ деревнѣ только старики слабые да ребятишки малые оставались. И вотъ пришли три молодца — будто бы съ товарами. Двое изъ нихъ начали дѣтей и старцевъ потѣшать, штуки разныя передъ ними выкидывать, а третій въ это время забрался въ избу къ Осипу съ цѣлью обокрасть его. Яша высмотрѣлъ все это, сѣлъ на лошадь, оставленную на случай пожара, поскакалъ въ поле и оповѣстилъ мужиковъ о случившемся. Прибѣжали мужики, поймали воровъ, стали учить ихъ,—и такъ учили, что одного чуть до смерти не убили. И, боясь часа смертнаго, сталъ этотъ человѣкъ передъ народомъ въ грѣхахъ своихъ каяться и сознался, что десять лѣтъ назадъ женщину въ лѣсу убилъ. Послѣ этого случая деревня еще больше полюбила сироту, и когда пришлось ему прозвище давать, его назвали *стражникомъ*.

Начитавшись въ книгахъ о томъ, какъ выгодно мыло варить, мальчикъ проситъ Осипа, чтобы онъ отдалъ его на заводъ въ Москву. Тамъ онъ учится прилежно два года и затѣмъ устраиваетъ съ Осипомъ собственную мыловарню. Дѣла молодаго Якова Петровича идутъ блистательно; онъ женится на Грушѣ, внучкѣ Осипа, и дѣлается московскимъ купцомъ.

Въ концѣ разсказа говорится: «Аграфена Степановна (Груша) любила показать себя и пріѣзжала завсегда въ деревню нарядная, въ каретѣ, но была ко всѣмъ ласкова и всѣхъ своихъ старыхъ подругъ перецѣлуетъ и у многихъ дѣтей креститъ. И слывутъ они людьми душевными. У кого какая нужда, иди смѣло къ Якову Петровичу — поможетъ какъ деньгами, такъ и совѣтомъ, и никого не оборветъ словомъ».

Въ разсказѣ есть недурныя мѣста, какъ, напр., сцена въ лѣсу — смерть матери Яши, рѣшеніе крестьянъ «міромъ сироту питать» и еще нѣсколько.

Читается онъ съ интересомъ различными возрастами, а потому мы и рекомендуемъ его въ народную библіотеку.

Вопросы:

Добрые ли люди жили въ деревнѣ Огулахъ?

Въ чемъ помогла Яшѣ грамота?

Благодаря чему сталъ онъ дѣльнымъ и обезпеченнымъ человѣкомъ?

Сдѣлало ли его богатство гордымъ и неподѣльчивымъ?

---

226) **Письмо сироты къ Спасителю.** Варшава. 1879 г. 20 стр. малаго формата. Ц. 20 к.

Семилѣтній мальчикъ Ваня, оставшись круглымъ сиротой, былъ въ большомъ горѣ и, вспомнивъ, какъ много говорила ему покойная мать о добротѣ Спасителя, рѣшилъ написать къ нему письмо. Письмо это попало къ почтмейстеру. Добрые люди прочли его и пріютили мальчика.

Разсказъ незамысловатъ, но онъ очень нравится маленькимъ дѣтямъ; мало того, они вѣрятъ, что письмо дѣйствительно дошло до Спасителя, и потому только добрые люди рѣшились пріютить ребенка. Остается пожалѣть, что этотъ небольшой разсказъ полонъ опечатокъ, и напрасно помѣщены въ немъ тексты изъ Св. Писанія, такъ какъ маленькія дѣти совершенно не въ силахъ понять ихъ. Что пойметъ ребенокъ, положимъ, изъ слѣдующаго: «*Въ миръ вкупѣ усну и почію, ибо за меня не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля*». Обстоятельство это было усмотрѣно, очевидно, въ другой передѣлкѣ на ту же тему: «*Какъ Лиза посылала письмо къ Богу*», составленной несравненно тщательнѣе и лучше, но о ней мы поговоримъ ниже. *Х. А.*

---

227) **Какъ Лиза посылала письмо къ Богу.** Разсказъ для маленькихъ дѣтей изъ дѣйствительной жизни. Н. П. Войнаховскаго. Изд. Редакціи Кіевскаго Народнаго Календаря. Кіевъ. 1882 г. Ц. 30 к. 25 стр.

Разсказъ начинается описаніемъ перваго счастливаго періода жизни маленькой Лизы. Правда, они были бѣдны, и папа и мама много работали, но всѣ они въ семьѣ такъ любили другъ друга, такъ силились доставить другъ другу покой и радость, что жизнь ихъ проходила мирно и счастливо, пока не обрушилось на нихъ несчастіе, не умеръ отецъ— кормилецъ семьи. Тутъ все пошло иначе: мама уходила работать изъ дому, въ типографію, дѣти оставались одни, и младшія часто плакали отъ голоду. Въ одну изъ такихъ минутъ Лиза придумала написать письмо къ Богу. Вотъ что она писала: «Милый Боже! у меня братецъ и сестрица хотятъ ѣсть. Ты пошли мнѣ три копѣйки, чтобъ купить имъ хлѣба!»

Добрый человѣкъ учитель видѣлъ, какъ дѣвочка тщетно силилась достать почтовый ящикъ, чтобы кинуть туда какую-то бумажку, заинтересовался этимъ, подошелъ, разспросилъ, посѣтилъ бѣдное жилище Лизы и, насколько оказалось въ его силахъ, помогъ семьѣ. Онъ началъ заниматься съ маленькой Лизой, научилъ ее многому хорошему, и изъ Лизы вышла дѣльная дѣвушка, которая теперь, какъ сказано въ разсказѣ, «учитъ сама маленькихъ дѣтей и своими трудовыми деньгами помогаетъ матери въ воспитаніи меньшаго брата и маленькой Анюты»...

Разсказъ написанъ живо и тепло; печать крупная; картинки еще болѣе оживляютъ содержаніе; дѣти читаютъ и слушаютъ его съ большимъ интересомъ. Пригоденъ онъ по преимуществу для младшаго возраста.

Вопросы:

Хорошо ли жилось семьѣ при отцѣ, хотя они и были бѣдны?

Подъ силу ли было матери работать одной на все семейство?

Въ какія минуты пришло Лизѣ въ голову написать письмо къ Богу?

Что случилось съ этимъ письмомъ?

Что за дѣвушка вышла изъ Лизы?

Х. А.

---

228) **Роковой кладъ.** *Народныя чтенія.* Повѣсть А. Сѣтковой (Катенкамп). Изд. учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній (на средства издательскаго Общества). Спб. 1883 л. Ц. 15 к. 69 стр.

У кузнеца Григорія, честнаго и трезваго человѣка, былъ единственный сынъ Васька. Отецъ и мать любили и баловали ребенка. Васька былъ красивый, бойкій мальчикъ, но съ дѣтства не привыкъ къ труду, любилъ веселиться, лакомиться, угощать товарищей; а такъ какъ это даромъ не давалось, то онъ таскалъ гвозди у отца и вымѣнивалъ ихъ на пряники въ мелочной лавочкѣ. Лавочникъ былъ человѣкъ податливый, лишь бы выгоду извлечь; зато его строгая и разумная жена

Катерина не разъ говорила мальчику, что это очень дурно, — и онъ таки побаивался ея.

Была у Григорія тетка родная, старуха Маланья.

Умирая, она призвала племянника и слезно просила достать сундучекъ изъ-подъ половицы, закопать его въ землю и сберечь до прихода изъ Сибири сына ея Пахома. Въ сундучкѣ было около 100 р. преимущественно мѣдью, которые бѣдная Маланья собирала по грошамъ, усиленно работая много лѣтъ сряду. Сынъ ея Пахомъ былъ славный, работящій малый, но на бѣду полюбилъ Катерину, которая тогда была еще дѣвушкой. Катерина полюбила Пахома, но родители прочили ее за другаго, побогаче, и вотъ однажды, вступивъ въ драку съ соперникомъ, Пахомъ сгоряча схватилъ молотъ съ наковальни и бросилъ въ него. Молотъ попалъ въ голову, и парень упалъ за-мертво. Пахома сослали въ Сибирь.

Но возвратимся къ началу разсказа.—Старуха умерла. Григорій бережно зарылъ сундучокъ въ землю, и все было бы хорошо, еслибъ не подошла нужда кузнецу: за недочетъ въ гвоздяхъ заводчикъ отказалъ ему отъ работы, а новаго товара купить было не на что. И рѣшилъ онъ взять немного денегъ заимообразно изъ завѣтнаго сундучка. Григорій исполнилъ послѣднее намѣреніе: заработавши немного и поправившись въ дѣлахъ, онъ тотчасъ возвратилъ долгъ, засыпалъ землей сундучекъ и съ тѣхъ поръ не дотрогивался до чужаго добра. Но не зналъ Григорій, что зоркій глазъ юродивой Гашки подсмотрѣлъ его ночью, и по селу стали ходить темные слухи насчетъ его достатковъ. Слухи эти дошли до Васьки. Онъ воспользовался ими, укралъ кладъ и прокутилъ его въ короткое время съ товарищами. Между тѣмъ время шло. Пахомъ возвратился изъ Сибири, и вотъ они вмѣстѣ съ Григоріемъ и Василіемъ пошли отрывать завѣтный сундучокъ. Нашли, открыли и — о ужасъ! — Григорій видитъ, что онъ пустъ. Съ отчаяніемъ онъ оглядывается кругомъ, замѣчаетъ искаженное лицо сына, догадывается, кто преступникъ, и съ нимъ дѣлается ударъ. Григорій не умеръ, но остался калѣкой; Василій, глубоко разскаявшись, пошелъ въ наймы, чтобы заработать эти роковые сто рублей, и мало по малу въ семьѣ возстановились миръ и согласіе.

Все это изложено живо и тепло. Читается и слушается съ большимъ интересомъ различными возрастами, и вообще книга вполнѣ пригодна для народно-школьной библіотеки.

Вопросы:

Какъ обращались родители съ сыномъ, и почему онъ избаловался?

Что говорила Катерина Василію, когда онъ былъ еще ребенкомъ?

Какія послѣдствія повлекло за собою его воровство?

Чѣмъ силился искупить онъ свой грѣхъ?

Что постоянно являлось для него живымъ укоромъ его проступка? *Х. А.*

---

229) **Сборникъ стиховъ.** *Народныя чтенія.* Выпускъ 1-й. Изд. учрежд. по Высочайшему повелѣнію М. Н. П. постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1883 г. Ц. 8 к. 40 стр.

Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія 8 стихотвореній: «*Капитанъ Боппъ*» Жуковскаго; «*Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ*» Пушкина; «*Бородино*» Лермонтова; «*Кто онъ*» Майкова; «*Пиръ Петра Великаго*» Пушкина; «*Малютка-мужичекъ*» Некрасова; «*Власъ*» Некрасова; «*Дядюшка Яковъ*» Некрасова.

Стихотворенія эти пользуются слишкомъ большой популярностью, чтобы говорить о нихъ. Скажемъ только, что сборникъ этотъ составился слѣдующимъ образомъ:

«Въ этомъ сборникѣ»—говорится на 1-й страницѣ — «помѣщены стихотворенія, прочитанныя въ аудиторіяхъ Коммисіи при туманныхъ картинахъ въ теченіе зимы и лѣта 1882 года».

Счастлива та школа, которая обладаетъ туманными картинами и такимъ образомъ можетъ повторить то же для разумнаго удовольствія своихъ воспитанниковъ; но даже помимо этой цѣли сборникъ составленъ вполнѣ во вкусѣ народа и съ интересомъ перечитывается имъ, а потому мы и рекомендуемъ его въ народно-школьную библіотеку.

Х. А.

---

230) **Батрачка.** Повѣсть Т. Г. Шевченка. Пер. съ малор. Л. Мей. Спб. 1881 г. Ц. 10 к. 29 стр. Изд. С.-Петерб. Ком. Грам. (Распродано).

231) **Батрачка.** Изд. Мартынова. Спб. 1886 г. Ц. 10 коп.

Шевченко былъ народный поэтъ, и его типичный, чисто-народный малорусскій языкъ не поддался переводу г. Мея. Сцены обыденной жизни переданы имъ еще кое-какъ, но патетическія мѣста, трогающія у Шевченка до глубины души своимъ безъискусственнымъ драматизмомъ, положительно не удались г. Мею.

Въ своей «*Наймичкѣ*» Шевченко нарисовалъ образъ бѣдной женщины, вынужденной горькой долею подбросить своего ребенка къ чужимъ людямъ, куда нѣсколько дней спустя она поступаетъ въ наймы. Марко выростаетъ у нея на глазахъ, окруженный ея нѣжными ласками и попеченіями, но бѣдная женщина не хочетъ открыть ему роковой тайны. Она хранитъ ее даже въ тотъ торжественный моментъ, когда рѣчь идетъ о свадьбѣ ея сына, и старикъ-дѣдъ спрашиваетъ: «хто в нас буде мати?»

Вотъ какъ описанъ этотъ моментъ у Шевченка.

«А наймичка у порогу
Вхопилась руками
За одвірок тай замліла.
Тихо стало в хаті;
Тілько наймичка шептала:
— Мати... мати... мати!...»

Можно ли простить этотъ моментъ г. Мею, передавшему его слѣдующимъ образомъ:

«А батрачка за дверями,
Въ косяки вцѣпясь руками,
Словно мертвая стояла;
— Мать! мать? мать! она шептала»...

Точно также не удался ему и переводъ трагическаго момента смерти наймички. У Шевченка мы читаемъ:

— «Я... я твоя мати!»
Та й замовкла...
Зомлів Марко,
Й земля задріжала.
Прокинувся... до матері.
А мати вже спала!»

Мей переводитъ это такъ:

— «Я... я мать твоя!» и смолкла;
Вся земля вздрогнула
Подъ подкидышемъ... Онъ къ Ганнѣ...
А ужъ та заснула»...

Взрослые читаютъ «*Батрачку*» съ большимъ интересомъ, передаютъ съ пониманіемъ и чувствомъ. Дѣтямъ давать этой книги не приходится, такъ какъ это не дѣтскій сюжетъ.

Вопросы:

Что вынудило батрачку отдать своего ребенка чужимъ людямъ?

Любила ли она его и чѣмъ доказала свою любовь?

Почему не сознавалась она, что онъ — ея сынъ? *Х. А.*

Примѣчаніе. Рец. см. 1) Дополненіе къ «Обзору Нар. Лит.» стр. 37. 2) «Русскіе писатели, какъ воспитат.-образоват. матеріалъ» В. Острогорскаго, стр. 72, вып. II.

---

232) **Сельскіе дѣятели**. П. Вересова. Повѣсть для дѣтей. Гор. Череповецъ (Новгородской губ.). 1881 г. Ц. 20 к. 54 стр.

Содержаніе повѣсти составляетъ главнымъ образомъ автобіографія почтеннаго, уважаемаго всей деревней грамотнаго крестьянина, который разсказываетъ исторію своего пребыванія въ школѣ и о томъ благотворномъ вліяніи, какое оказала она на всю его жизнь. Въ автобіографіи описана свѣтлая, симпатичная личность учителя, человѣка чрезвычайно трудолюбиваго, подавшаго прекрасный примѣръ своимъ ученикамъ. Окончивъ классныя занятія, онъ вмѣстѣ съ дѣтьми работаетъ въ мастерской, приготовляя различныя модели, дѣлая чучела и т. п. вещи не только для своей школы, но и для продажи, причемъ ученики знакомятся основательно со всѣми этими предметами. Немало полезныхъ свѣдѣній пріобрѣтаютъ они также въ интересныхъ экскурсіяхъ со своимъ любимцемъ-учителемъ, отучаясь отъ вредныхъ предразсудковъ, распространенныхъ въ крестьянской средѣ.

Благодаря вліянію школы и учителя, изъ героя повѣсти выходитъ умный и дѣльный человѣкъ. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ добросовѣстно работаетъ не только для себя, но и для всего сельскаго общества, увлекая его своимъ примѣромъ. И вотъ бѣдное прежде село становится неузнаваемымъ, кабакъ уничтожается, правительство разрѣшаетъ открыть школу, оказывая ей помощь вмѣстѣ съ земствомъ.

Отдавая должную дань раціональности ея содержанія, мы должны замѣтить, однако, что рукопись Ивана Ильича мѣстами высокопарна; такъ, напр., на стр. 50-й, описывая сожженіе кабака (фактъ весьма сомнительный), онъ говоритъ: «Древніе христіане разрушали идольскія капища и на мѣстахъ ихъ основывали христіанскіе храмы. Мы въ подражаніе имъ разрушили кабакъ и на его мѣстѣ основали начальную народную школу». Тѣмъ не менѣе, повѣсть читается съ интересомъ дѣтьми и взрослыми и вполнѣ пригодна для школьной библіотеки.

Примѣчаніе. Рец. см. Дополненіе къ «Обзору Народной Литерат.», стр. 45.

Повѣсть «*Сельскіе дѣятели*» была прослушана дѣтьми и подростками съ большимъ интересомъ. До чтенія я остановилась на заглавіи и спросила:

— Что это значитъ «*Сельскіе дѣятели*»?— Дѣти задумались.

— Сельскій дѣятель—это, должно быть, тотъ, сказалъ, наконецъ, одинъ изъ наиболѣе бойкихъ подростковъ:—который дѣлаетъ добро своимъ односельчанамъ.

Сказавши это, онъ, видимо, сконфузился, боясь ошибиться.

— Вѣрно! сказала я поощряющимъ тономъ и добавила.—А чѣмъ же именно можно принести пользу своимъ односельчанамъ?

Въ отвѣтъ на это каждый почти изъ слушающихъ добавилъ отъ себя кое-что къ основной мысли перваго.

— Можно словами подать хорошій совѣтъ! сказалъ одинъ.

— Можно отучить отъ брани и отъ всего дурнаго, добавилъ другой.

— Можно уговаривать, чтобы не пьянствовали, замѣтилъ третій.

— Можно устроить школу для развитія ума крестьянскихъ дѣтей, выразился съ апломбомъ четвертый.

— Можно и для большихъ, сказалъ пятый.

— Нѣтъ, для большихъ нельзя, сказалъ увѣренно четвертый:—имъ некогда!

— А вечеромъ? заспорилъ пятый.

— Они такъ за день *наморятся*, что ввечеру отдохнуть надо!

— А зимою?

— Ну, зимою, можетъ, и можно, согласился онъ наконецъ.

— Да развѣ черезъ школы лучше жить людямъ? возразилъ скептически одинъ изъ подростковъ.

— Лучше, отвѣчалъ защитникъ школы.

— Чѣмъ же лучше?

— Больше ума прибавляется на селѣ.

— Можно хоръ церковный устроить, продолжали дѣти.—Больницу.

— А по моему, того надо называть сельскимъ дѣятелемъ, замѣтилъ одинъ изъ старшихъ:—который средства находитъ, какъ зарабатывать людямъ, научаетъ ихъ, чтобъ они вывозили навозъ, улучшали поля, посовѣтуетъ завести машину.

— А денегъ гдѣ взять? вмѣшался бойко первый. Говорящій задумался.

— А складчина! сказалъ онъ весело, какъ человѣкъ, нашедшій вѣрное средство.

— На кого же эта машина работать станетъ?

— На всѣхъ!

По окончаніи чтенія я предложила слушающимъ ставить вопросы.

— Кого въ этой книжкѣ можно назвать сельскими дѣятелями? спросилъ одинъ.

Дѣти назвали Заботкина, Правдина и Пахарева.

— А слѣдуетъ ли намъ имѣть ихъ всегда у себя въ головѣ для примѣра? поставилъ вопросъ одинъ изъ старшихъ.

— Слѣдуетъ, отвѣчалъ энергически Б—ко.— Еслибы въ каждомъ селѣ было хоть два такихъ человѣка, тогда не только село могло бы быть счастливо, а и вся Россія могла бы осчастливиться. Надо только одному хорошо взяться, а люди посмотрятъ, посмотрятъ на него и станутъ подражать.

— А, можетъ, люди *сненавидятъ* его? замѣтилъ скептикъ.

— Можетъ, сначала и сненавидятъ такихъ людей, отвѣчалъ Б—ко:—и пугать будутъ, а послѣ того увидятъ,, что ихняя правда,—и покорятся.

— Черезъ кого Заботкинъ вышелъ хорошимъ человѣкомъ? спросилъ еще кто-то.

— Черезъ учителя, отвѣчалъ его сосѣдъ:— еслибъ учитель былъ глупъ,—не могъ бы онъ всему этому научить; а онъ сколько жилъ, столько и училъ, а померъ—не то что ученики, а весь народъ за нимъ жалѣлъ!

— Могло ли все это случиться на самомъ дѣлѣ? спросилъ опять скептикъ.

— Могло! отвѣчалъ горячо Ѳедя Г—въ:— еслибъ мы не видали, можетъ, не повѣрили бы, а то у насъ у самихъ похоже на это.

— Что же похоже? спросилъ первый.

— А школа! отвѣчалъ онъ.

— А кто помнитъ «*Дѣлатели золота*»? спросилъ еще одинъ.

Начались воспоминанія, передача содержанія и сравненія Данилы съ Заботкинымъ и Правдинымъ.

— Будетъ вамъ! Я еще хочу что-то спросить, сказалъ одинъ изъ старшихъ.

— Говори!

— Каковъ человѣкъ долженъ быть староста?

— Трезвый! — Умный! — Строгій! посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Долженъ законъ и порядки знать! сказалъ Г—въ.

— Долженъ настоящей правдѣ учить! добавилъ Б—ко.

— А вотъ мнѣ это чудно, сказалъ опять скептикъ:—зачѣмъ они кабакъ *пусто* сожгли?

— Очень просто, отвѣчалъ добродушно Ѳедя Г—въ:—чтобъ не стоялъ онъ на соблазнъ, чтобъ и поминки о немъ не было!

Послѣ всѣхъ этихъ дѣтскихъ преній мнѣ показалось излишнимъ предлагать вопросы.

Когда дѣти начали расходиться, я слышала, какъ одинъ спросилъ другаго: — Тебѣ съ какихъ поръ интересно?—Съ тѣхъ поръ, какъ они старостами стали.—А мнѣ съ самаго начала, какъ только онъ въ школу пришелъ.

233) **Подарокъ.** Стихотворенія для дѣтей и бесѣды съ дѣтьми. Народн. учит. П. Вересова. Спб. 1879 г. Ц. 15 к., 39 стр.

Невозможно требовать, чтобы всѣ были поэтами, и г. Вересовъ, написавшій недурную новѣсть *«Сельскіе дѣятели»*, подарилъ школу сборникомъ весьма неблагозвучныхъ стихотвореній. Чтобы не оставаться голословными, мы не пожалѣемъ мѣста и приведемъ изъ нихъ нѣсколько выразительныхъ выдержекъ.

Начнемъ съ 1-го стихотворенія—*«Глухарь»*.

— «Кто стучитъ?» подумалъ малый.
«Вѣрно, домовой!»
Вдругъ мальчишка неудалый
Поднялъ страшный вой».

Очевидно, слово *неудалый* вызвано исключительно подборомъ риѳмы къ слову *малый*, точно также, какъ и нижеслѣдующее:

«Живо баба-хватъ
Изъ избы выходитъ смѣло,
Захвативъ ухватъ».

Не будь «ухвата», не бывать бы и «бабыхвата». Идемъ далѣе:

«На другой день очень рано,
Лишь зажглась заря,
Коля тащитъ, какъ барана,
Въ школу глухаря!»

Неудачное сравненіе съ бараномъ птицы, очевидно, вызвано тоже риѳмой.

Въ 3-мъ стихотвореніи—*«Зимніе вечера въ деревнѣ»* мы встрѣчаемъ такое выраженіе:

«И прялочку свою старуха убираетъ,
И дѣтокъ повалитъ въ соломку на постель»...

Само собою разумѣется, что *«прялочка»* вмѣсто *«прялка»* и *«повалитъ»* вмѣсто *«уложитъ»* потребовались для того только, чтобы вышелъ стихъ!

Въ стихотвореніи «Разумныя дѣти» говорится:

«Обнявши учителя, подняли вой:
Ахъ, нѣтъ, не хотимъ мы разстаться съ тобой!»

Почему же не *плачъ*, а *вой*, какъ дикіе звѣри, подняли эти разумныя дѣти? или:

«На Божьемъ свѣтѣ мальчишка сякой
Ужъ смыслитъ читать, что вотъ въ книгѣ такой».

Какова поэзія!! Стихотвореніе оканчивается такъ:

«Читаютъ ребятки мои на весь ротъ,
И слушаетъ ихъ православный народъ».

Ужъ хоть бы «во всю глотку»! Затѣмъ идетъ стихотвореніе *«Пахарь»*. Оно такъ неподражаемо, что мы приведемъ его почти цѣликомъ.

«Вдали надъ нивой черною
Дѣтина молодой
Все трудится съ наборною
Зубчатой бороной...
И съ грустью непритворною,
Головку наклоня,
Поетъ онъ пѣснь минорную
И нукаетъ коня».

Не правда ли, какъ идутъ эти выраженія къ здоровому деревенскому парню, и какъ напоминаютъ они чувствительный романсъ:

«Когда утромъ иль позднею ночью,
Предъ иконой головку склоня»... и т. д.

съ тою только разницею, что въ чувствительномъ романсѣ рѣчь идетъ о кисейной барышнѣ, что̀ имѣетъ больше смысла, а тутъ «о дѣтинѣ молодомъ».

Затѣмъ идетъ стихотвореніе *«Сѣнокосъ»*, оканчивающееся такъ:

«Тяжело на лугу,
Вотъ бы нынь въ пологу,
Поразинувши ротъ,
Отдохнулъ бы народъ».

Слушать можно «разинувши ротъ»—это правда, но отдыхать, разинувши ротъ—врядъ ли.

Оба эти стихотворенія производятъ особенно неблагопріятное для автора впечатлѣніе, напоминая своими заглавіями «Пахаря» Кольцова и «Сѣнокосъ» его же, съ которыми какъ бы конкурируетъ г. Вересовъ. Но вѣнецъ поэзіи безспорно принадлежитъ одному изъ послѣднихъ стихотвореній — *«Онъ не нашъ!»*

«Звалъ вѣдь я того бездѣльника
Удить рыбу на рѣку.
Не пошелъ... Опять у мельника,
Видно, крадетъ онъ муку...»

Или:

«Обокралъ онъ мать родимую,
Въ клѣть затяпался, въ сундукъ
И полтину, тамъ хранимую,
Стибрилъ онъ и прожилъ вдругъ...»

Книга снабжена безсодержательными вопросами и старыми истинами въ такомъ родѣ: «У насъ нерѣдко встрѣчаются такія зимнія лачужки, что въ нихъ жить весьма неудобно и небезопасно, потому что въ нихъ можно легко заболѣть. А это все происходитъ отъ нашего неряшества и лѣни».

Подлинно такъ ли это, одно ли неряшество и лѣнь—причины бѣдности народа и отсутствія комфорта?!

Или: «Какъ хорошо быть прилежнымъ мальчикомъ!»

Или: «Всякій бѣдный человѣкъ, если захочетъ быть порядочнымъ хозяиномъ, можетъ построить хлѣвъ, стоющій всего какихъ нибудь пять рублей».

И это говоритъ учитель народной школы, стоящій лицомъ къ лицу съ бѣдностью народной! *X. A.*

Примѣчаніе. Рец. см. «Женское Образованіе» 1879 г. № 11; «Воспоминаніе и Обученіе» 1879 г. № 7—8, стр. 357; «Народн. и Дѣтская Библіотека» 1879 г. № 6, стр. 174; «Педагогич. Музей» 1879 г., № 4—5, стр. 399.

---

234) **Кавалеръ Иванъ Сысоевъ**. Разсказъ С. В. Максимова. Спб. 1871 г. Ц. 15 к., 70 стр. Изд. «Досугъ и Дѣло».

На послѣдней страницѣ книги мы встрѣчаемъ слѣдующее: «Разсказъ» Солдатъ Сысоевъ» написанъ Сергѣемъ Васильевичемъ Максимовымъ и помѣщенъ въ книгѣ его «Лѣсная глушь». Перепечатываемъ его, какъ образчикъ произведеній этого народнаго писателя.

«Образчикъ достаточно полный: такимъ языкомъ пишетъ, и такъ знаетъ, и такъ любитъ авторъ все то, о чемъ онъ пишетъ. А пишетъ онъ много о Россіи и русскихъ людяхъ. «Солдатъ Сысоевъ»—честнѣйшій памятникъ почтенному, отжившему труженику,—солдату старо-Александровскаго и Николаевскаго времени».

И дѣйствительно, читая разсказъ, вы видите, что авторъ близко и основательно изучилъ среду своихъ героевъ и согрѣлъ ихъ той неподдѣльной любовью, которая невольно отзывается въ душѣ читателя.

Безногій солдатъ Сысоевъ, кавалеръ въ отставкѣ безъ роду и племени, поселился въ Питерѣ на скромной квартирѣ у прачки, вблизи мелочной лавочки. Его скудные гроши, скопленные за много лѣтъ, и ничтожная выручка за картонки и клѣтки, которыя онъ лѣпитъ съ утра до вечера, дѣлаютъ положеніе его относительно обезпеченнымъ въ этомъ кварталѣ, гдѣ каждый бьется изъ-за того, чтобы купить въ лавкѣ на двѣ коп. ситника и запить его копѣечнымъ квасомъ. Но не это матеріальное положеніе вызываетъ симпатію къ кавалеру Сысоеву, создаетъ ему общее уваженіе и дѣлаетъ его героемъ въ глазахъ торговца Григорія и покупателей его мелочной лавочки. Его ореолъ заключается въ тѣхъ разказахъ, которые ведетъ онъ про войну и походы. Эти разсказы дѣйствительно въ высшей степени жизненны и интересны: въ нихъ весь русскій человѣкъ съ его симпатіями, съ его предразсудками и вѣрованіями, съ его нехитрою, но искреннею моралью. Вотъ какъ, напр., наставляетъ онъ въ путь-дорогу на царскую службу своего любимца; онъ говоритъ: «раненыхъ и плѣнныхъ, коли попадутся подъ руку, не обижай,—краденое добро, самъ знаешь, въ прокъ нейдетъ. Безъ чести солдату жить нельзя, безъ совѣсти и шагу путнаго не сдѣлаешь. А чистъ да добродѣтеленъ—всякому и въ глаза смотришь прямо и неробко!» Разсказы эти настолько увлекаютъ публику, что подъ ихъ чарующимъ вліяніемъ молодой лавочникъ Григорій рѣшаетъ идти въ солдаты (дѣйствіе происходитъ въ 1854 г., во время Крымской войны), и не жажда крови и побѣдъ влечетъ его юное воображеніе; онъ даже побаивается неизвѣданныхъ ужасовъ войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ весь охваченъ мыслью послужить родинѣ, постоять грудью за дорогое отечество.

Разсказъ представляетъ собою прекрасное и желанное чтеніе какъ для солдата, такъ и для взрослаго простолюдина. Что же касается дѣвушекъ, то имъ не нравятся разсказы въ такомъ родѣ, а школьникъ не доросъ еще до интересовъ взрослыхъ людей.

Вопросы:

О чемъ разсказывалъ кавалеръ Сысоевъ?

Какія были у него правила?

За что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ?

Почему Григорій рѣшился бросить торговлю и идти на войну? *X. A.*

Примѣч. См. рец. «Обзоръ Народно-Учебн. Лит.» стр. 236 (рецензія).

---

235) **Возвращеніе на родину.** Разсказъ сапера. (Съ однимъ рисункомъ). Изд. редакціи журнала «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1872 г. Ц. 7 к. 24 стр.

Вещи познаются сравненіями, и намъ при чтеніи разсказа «*Возвращеніе на родину*» невольно приходитъ въ память разсказъ Максимова—«*Кавалеръ Иванъ Сысоевъ*». Сюжеты весьма сходны. Грицько, также какъ и Иванъ Сысоевъ, служилъ царю и отечеству, отличался въ сраженіяхъ, получилъ ордена и своимъ трудолюбіемъ и трезвостью заработалъ копѣйку про черный день. Конецъ «Разсказа сапера», если хотите, даже драматичнѣе:—Сысоевъ выходитъ въ отставку и живетъ бобылемъ въ Петербургѣ, а Грицько возвращается на родину, застаетъ слѣпую мать и дѣвочку-дочь въ крайней нуждѣ и непосильной работѣ и устраиваетъ ихъ благосостояніе. Но какая разница: сколько жизни и правды въ первомъ—и какъ искусственно, какъ безцвѣтно написанъ второй! Не угодно ли вамъ, напр., послушать, какъ объясняется деревенская дѣвочка Наташа со своими подругами.

«— Что тебѣ за охота—говорятъ порой подруги ей—трудиться такъ? Что за радость кормить слѣпую бабку? Посмотри,—какая ты худая, блѣдная!...

«Грустно посмотритъ на нихъ Наташа,—жаль ей подругъ за такія пустыя слова,—и скажетъ, бывало:

«—Отойдите вы отъ меня! Не для бабуси работаю я, а для себя. И что было бы, еслибъ бабуся бросила меня? Нѣтъ! у меня есть еще отецъ. Когда онъ воротится, онъ меня на глаза не пуститъ, если я брошу старую, безпомощную мать его. И что я буду за солдатская дочка, коли не съумѣю справиться съ горемъ да нуждою?»

А вотъ какъ она утѣшаетъ слѣпую бабушку:

«—Когда бы я тебя не любила, неужели жила бы съ тобою въ такой бѣдности и горѣ? Нѣтъ! видно, дороже ты для меня всѣхъ на свѣтѣ, что для тебя забыла я дѣвичьи игры и радости; или я уже надоѣла тебѣ?»

Не правда ли, подобная тирада впору любой провинціальной актрисѣ, выполняющей безцвѣтную мелодраму?

Не угодно ли послушать также, какими пышными фразами утѣшилъ Грицька старикъ-солдатъ, у котораго онъ стоялъ подъ командой: «Когда тебѣ въ свободное отъ службы время взгрустнется», училъ Петровичъ Грицька:—«возьми книжку въ руки,—благо читать умѣешь—и тоска отвяжется. Свыкнись въ службѣ съ трудомъ да терпѣніемъ: они не измѣнятъ и сиротѣ безъ роду и племени. Не бойся труда,—онъ неизмѣнный другъ человѣка».

Или какъ думаетъ Грицько, возвратившись на родину:

«Въ службѣ я просвѣтлѣлъ, сдѣлался человѣкомъ и сталъ смотрѣть на людей и Божій міръ иными глазами».

Не менѣе высокопарная мысль осѣнила его и при входѣ въ деревню: «Такъ вотъ она—колыбель дѣтства», думалъ онъ:—«гдѣ прошли лучшіе, безмятежные дни моей жизни, и куда снова возвращаюсь я! И отчего никогда въ жизни моей я не чувствовалъ того, что теперь? ни одно мѣсто, ни одинъ большой шумный городъ не привлекалъ меня такъ, какъ это село»?!

Не понимаемъ мы также, для чего понадобилось автору это злосчастное имя «Грицько», съ которымъ онъ совершенно не умѣетъ обращаться, принимая его за иноземное, что ли, и не подводя подъ правила склоненія. «Многіе желали породниться съ Грицько» вмѣсто съ «Грицькомъ», «снова шли къ Грицько», вмѣсто «Грицьку», и всюду такъ. Это особенно рѣжетъ ухо намъ, жителямъ юга, слухъ которыхъ съ дѣтства привыкъ къ склоненію этого популярнаго въ Малороссіи имени.

Вреда разсказъ, конечно, не принесетъ, но если какой либо библіотекѣ представится выборъ одного изъ 2-хъ разсказовъ сходнаго содержанія, то ужъ, конечно, разсказу Максимова мы рекомендуемъ отдать пальму первенства.

Къ достоинствамъ книги слѣдуетъ отнести ея дешевизну и опрятность изданія, а также очень недурную картинку—«Возвращеніе на родину», помѣщенную въ началѣ книги.

Разсказъ этотъ читается съ интересомъ подростками и взрослыми. *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народной Литер.», стр. 238.

---

236) **Колино дѣтство.** Разсказъ для дѣтей. Спб. 1880 г., 40 стр.

Разсказъ «*Колино дѣтство*», при простотѣ и доступности изложенія, отличается еще совершенно вѣрнымъ описаніемъ жизни дѣтей небогатыхъ помѣщиковъ въ деревнѣ, ихъ игръ и забавъ и того чувства горячей привязанности къ деревнѣ, которое порождаетъ въ нихъ постоянное сближеніе съ природой. Авторъ описываетъ жизнь героя разсказа Коли отъ 8-ми-лѣтняго возраста до окончанія имъ курса военнаго училища, выпуска въ офицеры и возвращенія въ деревню, гдѣ онъ рѣшается бросить военную службу и помогать отцу своему въ хозяйствѣ.

Въ разсказѣ есть нѣсколько чрезвычайно вѣрно описанныхъ эпизодовъ изъ дѣтской жизни; напримѣръ, катанье дѣтей со снѣжныхъ горъ и все, что они придумывали для того, чтобы разнообразить это удовольствіе. Иногда выносилась скамейка изъ кухни, опрокидывалась ножками вверхъ и должна была изображать большія сани, которыми управлялъ Коля; Катя становилась на запятки, и маленькая Варя изображала сѣдока, а въ другой разъ Катя вздумала замѣнить салазки мѣднымъ тазомъ изъ кухни и была очень поражена, когда тазъ началъ описывать круги сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе, и она при дружномъ хохотѣ брата и сестры упала въ мягкій снѣгъ. Всѣ эти мелочи близки сердцу каждаго ребенка, такъ какъ навѣрное съ нимъ случалось когда нибудь нѣчто подобное. Удачно также описаніе поѣздки на мельницу и собиранье грибовъ. Вообще, хотя «*Колино дѣтство*» и будетъ читаться съ бо̀льшимъ удовольствіемъ дѣтьми интеллигентнаго класса, какъ разсказъ, взятый изъ ихъ среды, но въ дѣтскихъ играхъ и въ дѣтской природѣ столько общаго, присущаго всякому ребенку, что разсказъ этотъ навѣрное можетъ доставить удовольствіе ученикамъ какъ городской, такъ и сельской школы. Слѣдуетъ прибавить, что весь онъ проникнутъ симпатіей къ скромной сельской жизни и не сантиментальной симпатіей къ ручейкамъ и пригоркамъ, а тѣмъ реальнымъ сочувствіемъ, которое говоритъ устами его героя: «Работы здѣсь гибель, и чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ лучше!» Встрѣчаются въ немъ, правда, слова, чуждыя пониманію сельскаго школьника, какъ, напр., «эрмитажъ», «люстра», «артистъ» и т. п., но ихъ немного, и разсказъ легко можетъ быть понятенъ и безъ знанія ихъ. Въ подтвержденіе этого приводимъ здѣсь одинъ изъ отзывовъ, выслушанныхъ нами въ школѣ.

Катя С—ва, 10-ти л., ученица воскресной школы, такъ отвѣчала мнѣ на вопросы:

— Какъ жилось семейству Рудневыхъ въ деревнѣ?

— Мирно жилося! И сестры, и отецъ, и мать — всѣ согласно жили. Катя, старшая, была дѣвочка веселая, все что нибудь да выдумаетъ, а Варя маленькая, маленькая, только начинала ходить. И она разъ очень смѣшную штучку придумала; мамаша ихняя булки въ печь сажала, а она собачку слѣпила (дѣвочка расхохоталась)... А то они разъ на мельницу ѣхать собрались, — встали рано, рано, чуть свѣтъ, у Коли волосы растрепаны, хохолокъ торчитъ... (Катя опять разсмѣялась). Казалось, что она сама участвовала въ этихъ дѣтскихъ играхъ.

— А чѣмъ занималась мать Коли, кромѣ хозяйства? перебила я.

— Она травы разныя въ полѣ собирала, больныхъ бѣдныхъ лѣчила. Она очень жалостливая была!

— Почему Катѣ доставляло удовольствіе помогать матери собирать травы?

— Катя въ помощь ей была!—И, видимо, боясь новыхъ, перебивающихъ ея разсказъ, вопросовъ, дѣвочка заговорила очень быстро о томъ, какъ отвезли Колю въ военную гимназію, какъ тамъ дразнили его «букой», какъ подобрался сзади противный мальчикъ — лѣнивецъ Вася и накапалъ ему воды за воротникъ, а онъ ему «морду побилъ», какъ выразилась она,—какъ онъ ждалъ, что за нимъ пришлютъ на каникулы, а у отца «состоянія не было и неурожай случился», и какъ, наконецъ, Коля окончилъ курсъ и пріѣхалъ домой.

— Даже на картинкѣ видно, заключила дѣвочка: — какъ онъ мать свою зашею обнялъ!

— А хорошо ли сдѣлалъ Коля, подавъ въ отставку и поселившись въ деревнѣ, и почему? спросила я.

— А какъ же! Онъ говоритъ: — я здѣсь буду въ помощь, здѣсь немало работы! И послѣ того всѣ разошлись и стали обдумывать, какъ что будетъ!

Подобныхъ оживленныхъ дѣтскихъ отзывовъ намъ приходилось слышать весьма много.

237) **Разсказы дѣдушки Василья**. I, II, III, IV, V, VI. Изд. Товарищества «Обществен. Польза». Спб.

Разборъ 1-го изъ нихъ—«*До чего доводитъ иногда лишняя чарочка*» читатель встрѣтитъ въ статьѣ: «Разсказы, направленные противъ пьянства», № 277, гдѣ говорится о томъ, что онъ вполнѣ непригоденъ для народной библіотеки.

Что же касается разсказа 2-го — «*Велико родительское слово*» *) (IV изд. Спб. 1879 г. Ц. 20 к. 84 стр.), то онъ очень нравится читателямъ изъ народа, хотя и не обладаетъ достоинствами.

Содержаніе его таково.—Молодой Янъ, деревенскій житель, идетъ въ первый разъ въ жизни въ городъ на заработки. Старикъ-отецъ строго-настрого приказываетъ ему идти пря-

---

*) Реценз. смотри «Учитель», 1862 г. Іюль, стр. 788.

мымъ путемъ и не упускать изъ виду монастырскаго креста вдали; этотъ крестъ приведетъ его въ мирную обитель къ мастеру Марку, крестному отцу Яна, который приметъ его по дружески и дастъ ему работу; но Янъ не въ силахъ слѣдовать совѣтамъ отца; все соблазняетъ его въ городѣ, все кажется ему интереснымъ: и господскій балъ, съ котораго выталкиваютъ его съ позоромъ, и кабакъ, гдѣ разбиваютъ ему физіономію до крови, и многое другое. И вотъ, въ концѣ концовъ, измученный, оборванный, избитый, онъ пробирается, наконецъ, къ дверямъ монастыря. До сихъ поръ въ разсказѣ не было ничего сверхъестественнаго, все шло довольно хорошо, но тутъ вдругъ случается нѣчто въ высшей степени неправдоподобное: «За минуту молодой парень вдругъ весь посѣдѣлъ, борода выросла по поясъ, и на изнуренномъ лицѣ легло лѣтъ 60. Такъ кончились сутки Яна», говорится въ разсказѣ.

Этотъ ни съ чѣмъ несообразный конецъ лишаетъ насъ возможности рекомендовать разсказъ въ народную библіотеку, хотя онъ и приходится по вкусу неразвитымъ читателямъ.

238) Разсказъ 3-й—**Павелъ-лежень.** (Изд. 2-е. Спб. 1868 г. Ц. 10 к., 32 стр.) проводитъ довольно странную мысль, а именно, — что есть люди, которымъ счастіе само въ ротъ валится, и есть другіе, которые что ни предпринимай—ничто имъ не удается. Къ числу первыхъ принадлежитъ и Павелъ-лежень; съ дѣтства онъ ничего не дѣлалъ, лежалъ на печи, и счастіе само къ нему такъ и валило.

Будь этотъ разсказъ написанъ талантливо, онъ, быть можетъ, заразилъ бы читателя вѣрою въ фатализмъ; но здѣсь этого нечего бояться, и такъ какъ разсказъ нравится читателямъ изъ народа и вызываетъ въ нихъ добродушный смѣхъ своимъ, довольно топорнымъ, впрочемъ, юморомъ, то мы и находимъ возможнымъ допустить его въ число дешевыхъ книгъ народной библіотеки.

239) Разсказъ 4-й — **Учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ.** Изд. III. Спб. 1878 г. Ц. 5 к., 16 стр.

Недурной разсказецъ о томъ, какъ отецъ и мать боялись выдать замужъ свою избалованную и лѣнивую дочь, чтобы въ чужой семьѣ не били ея за это. Нашелся, однако, человѣкъ, взявшійся исправить Палашку безъ битья, и сосваталъ ее за своего сына. Вышла Палашка замужъ. На другой день вся семья, кромѣ лѣнивой невѣстки, принялась за работу. Когда подошло время къ обѣду, свекоръ и спрашиваетъ: «А кто что дѣлалъ сегодня?» Всѣ разсказали, одной лѣнивой Палашкѣ нечего было сказать. Тогда свекоръ говоритъ: «У насъ нѣтъ обычая кормить тѣхъ, кто ничего не дѣлаетъ», и не далъ ей обѣдать. Голодаетъ Палашка день, голодаетъ другой; наконецъ рѣшается приняться за дѣло. И такая изъ нея со временемъ работница вышла, что просто на славу.

Разсказъ пригоденъ для народно-школьной библіотеки.

240) Разсказъ 5-й—**Дѣвка-семилѣтка** *). (Изд. 2-е. Спб. 1868 г. Ц. 10 к., 32 стр.)—извѣстная сказочка о томъ, какъ дѣвка-семилѣтка отгадала три загадки, заданныя ей бояриномъ, и вышла за него замужъ.

Дѣти всегда съ удовольствіемъ читаютъ эту сказочку, и мы находимъ ее пригодною для школьной библіотеки.

241) Разсказъ 6-й — **Отъ злой бабы и чортъ попятится.** (Изд. 2-е. Спб. 1868 г. Ц. 10 к., 32 стр.).

Содержаніе разсказа таково. — Жили себѣ мужъ и жена, и жили очень мирно и счастливо, — такъ счастливо, что чорту досадно даже стало смотрѣть на нихъ; но что онъ ни предпринималъ, чтобы поссорить нѣжныхъ супруговъ, ничто не удавалось ему. И вотъ онъ обратился къ злой и ехидной бабѣ и просилъ ее разстроить семейное счастіе. Баба оклеветала жену передъ мужемъ, а мужа передъ женой, и хоть вначалѣ они силились не вѣрить ей, но ядъ клеветы мало по малу проникъ въ ихъ сердца, и кончилось несчастіемъ: мужъ убилъ жену изъ ревности, не выслушавъ ея оправданій.

Разсказъ написанъ довольно живо, читается съ интересомъ взрослыми и можетъ быть рекомендованъ въ народную библіотеку. Устраняя сказочный элементъ, онъ очень вѣренъ жизни и останавливаетъ вниманіе читателя на мысли, какъ много несчастій способна сдѣлать клевета. Рекомендуемъ его исключительно для взрослыхъ. *Х. А.*

---

242) **Школа въ лѣсу.** Разсказъ Студитскаго. Изд. 2-е. Ц. 10 к. 1880 г., 23 стр.

14-ти-лѣтній пастухъ Ваня встрѣчается съ господиномъ, который обучаетъ его грамотѣ урывками въ полѣ, подъ открытымъ небомъ. Ваня—мальчикъ смѣтливый, онъ не только самъ научается читать, писать и считать на счетахъ, но научаетъ тому же и трехъ своихъ сверстниковъ. Проходитъ шесть лѣтъ... Господинъ, покинувшій на эти шесть лѣтъ деревню, возвращается въ нее и за-

*) Смотри рецензію «Системат. Обзоръ Русск. Народн. Литер.» 1878 г., стр. 242.

стаетъ Ваню зажиточнымъ хозяиномъ — лавочникомъ, стремящимся къ разнаго рода нововведеніямъ (сбереженію лѣсовъ, разведенію огородовъ и проч.). Все это Иванъ Степановичъ вычитываетъ преимущественно изъ книгъ и необычайно счастливо примѣняетъ къ жизни. Мало того, онъ мечтаетъ открыть зимою школу. На этомъ собственно разсказъ и обрывается... Тема, какъ видите, задумана вполнѣ раціонально и выполнена недурно; языкъ простъ; разсказъ раздѣленъ на короткія главы; каждая глава носитъ свое особое заглавіе, что облегчаетъ усвоеніе прочитаннаго малограмотному человѣку. Разсказъ читается съ бо̀льшимъ интересомъ деревенскими школьниками, чѣмъ городскими,—оно и понятно... Но души онъ не трогаетъ: это избитое слово «благодѣтель», которымъ, какъ въ круговой порукѣ, Ваня величаетъ господина, а Ваню, въ свою очередь, Сеня, эти напыщенныя восклицанія: «Да, великое дѣло грамота!» и т. п., эти идеальные мужички, сторожившіе чужой лѣсъ, какъ свою собственность, — все это натяжки посредственности, и среди этой посредственности — ни одной искры, обличающей присутствіе таланта. Тѣмъ не менѣе, въ виду указанныхъ достоинствъ, разсказъ слѣдуетъ рекомендовать въ народную библіотеку.

Примѣчаніе. См. рец. «Обз. Народ. Лит.» стр. 244; «Народн. Шк.» 1873 г. № 5, стр. 36; «С.-Петербург. Вѣдом.», 1880 г. № 36 (Рец. А. Быкова).

Двѣ ученицы, 11-ти и 12-ти л., подали мнѣ книгу «*Школа въ лѣсу*» Студитскаго. Я предложила имъ обычные вопросы.

— Что помогло Ванѣ выйти въ люди?

— Ученье!

— Какихъ нововведеній хотѣлось ему достигнуть въ деревнѣ?

— Чтобы лѣсъ не рубили!—Чтобы всѣ были ученые!

— Какимъ образомъ желалъ онъ достигнуть этого?

— Черезъ ученье!

— Что составляло мечту, желаніе Вани?

— Школу построить, чтобы учить и мальчиковъ, и дѣвочекъ, и взрослыхъ.

Изъ этихъ отвѣтовъ я опять увидѣла свойство народа—придавать преувеличенное значеніе грамотѣ. Въ отвѣтахъ своихъ ученицы совершенно игнорируютъ трезвость, добросовѣстность, настойчивость и энергію Ивана и его желаніе различнаго рода нововведеній, и всемогущество приписываютъ исключительно грамотѣ.

— Что помогло Ванѣ выйти въ люди? спрашиваю я маленькую ученицу.

— Выучился грамотѣ! отвѣчаетъ она.

— Какихъ нововведеній хотѣлось ему достигнуть въ деревнѣ?

— Ему хотѣлось школу построить и лѣсъ сберечь, прибавить огородовъ и все хозяйство *произвести* какъ слѣдуетъ.

— Благодаря чему достигъ онъ этихъ нововведеній?

— Благодаря учителю! отвѣчала дѣвочка.

— Что составляло мечту Вани?

— Ему очень хотѣлось школу построить.

— Можно ли предполагать, что онъ достигнетъ этого на основаніи того, что мы знаемъ о немъ?

— Можно, оттого что и онъ грамотный, и жена грамотная—не станутъ другъ другу препятствовать!

«И какъ подобный логическій выводъ могъ родиться въ этой непросвѣщенной знаніями и опытомъ головѣ?» подумала я.

Ученикъ сельской школы, 12-ти лѣтъ (2-й годъ обучается въ сельской школѣ), передалъ чрезвычайно оживленно и толково «*Школа въ лѣсу*» Студитскаго. Замѣчательно то, что мальчикъ началъ такъ:

— Шелъ я лѣсомъ и вижу—пастушокъ сидитъ. Я къ нему.—«Какъ тебя звать?»—«Ваня».—«Умѣешь грамотѣ?»—«Нѣтъ».—«А хочешь научиться?»—«Да, можетъ, трудно, не пойму!»

Сперва я думала, что онъ выучилъ книгу наизусть, но, заглянувши на первую страницу, увидала, что онъ передаетъ разсказъ своими словами. Мальчикъ настолько вошелъ въ роль, что можно было воистину принять его за дѣйствующее лицо. Весь разсказъ онъ велъ отъ своего имени и только подъ конецъ, какъ бы опомнившись, сказалъ:

— То есть, это не самъ я былъ, а человѣкъ, который разсказываетъ!

Изданія А. Д. Ступина. Москва. Продаются въ конторѣ издателя книгопродавца Алексѣя Дмитріевича Ступина. На Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря. Составлены И. П. Деркачевымъ.

Подъ такимъ названіемъ мы встрѣчаемъ рядъ книжечекъ небольшаго формата, изданныхъ весьма изящно и иллюстрированныхъ множествомъ небольшихъ прекрасныхъ картинокъ. Не всѣ онѣ, однако, подлежатъ нашему разсмотрѣнію по слѣдующимъ причинамъ: «*Азбука-крошка*» не есть книга для чтенія, а букварь; «*Новая первинка*» заключаетъ въ себѣ исключительно картинки съ

подписями внизу. «*Календарь-крошка*» хотя и снабженъ нѣсколькими стихотвореніями, загадками и ребусами,—пригоденъ развѣ для подарка дѣтямъ, а не какъ матеріалъ для школьной библіотеки; и, наконецъ, «*Чародей*»—это тоже не книга для чтенія, а «Сборникъ легкихъ фокусовъ для малютокъ».

Итакъ, мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя попадутъ въ руки ребенка и прочтутся имъ самостоятельно.

«*Матушка Москва*». Сборникъ стихотвореній. Сост. И. Деркачевъ. Политипажи исполнены граверами: Паннемакеромъ въ Парижѣ и Ермоловымъ въ Москвѣ. Изд. А. Д. Ступина. Москва 1882 г. Ц. 10 к., 32 стр.

(*Отнесена въ Историческій Отдѣлъ*).

243) **Бабушкины сказки** (для малютокъ). Сост. И. П. Деркачевъ. Рисунки Н. Касаткина и Ю. Цѣшковскаго. Москва 1883 г. Ц. 10 к., 32 стр.

Это 13 общеизвѣстныхъ, незамысловатыхъ, но любимыхъ дѣтьми, сказочекъ, каковы: «Морозъ и вѣтеръ», «Рѣпка», «Мужикъ, медвѣдь и лиса», «Лисица и собака», «Лиса и заяцъ», «Лисичка-сестричка», «Лиса и дроздъ» и друг. (Мы назвали наиболѣе любимыя дѣтьми).

Прекрасныя картинки, довершая интересъ, заставляютъ еще болѣе рекомендовать эту книжечку для чтенія малолѣтнимъ ученикамъ городскихъ и сельскихъ школъ. *Х. А.*

---

244) **Елка** (мелкія стихотворенія и побасенки для малютокъ). Сост. Деркачевъ. Москва 1882 г. Ц. 10 к., 32 стр.

Также заключаетъ въ себѣ около 50-ти стихотвореній, разсказцевъ, басенокъ и отрывковъ въ томъ же родѣ, заимствованныхъ Ушинскаго и другихъ. Здѣсь дѣти встрѣчаютъ весьма много знакомаго уже по школѣ: и «*Пѣтушка*», и «*Буренушку*», и «*Заиньку*», и многое другое, но интересъ къ книжечкѣ у нихъ отъ этого не уменьшается; они съ удовольствіемъ встрѣчаютъ своихъ старыхъ знакомыхъ и не нарадуются картинкамъ, представляющимъ ихъ воочію.

— Вотъ онъ! говоритъ одинъ изъ мальчиковъ, показывая на пѣтуха, воображая, повидимому, въ эту минуту, что это именно тотъ, который «Ванѣ спать не даетъ».

— Какъ на нашу похожа! говоритъ деревенская дѣвочка, указывая пальцемъ на Буренушку.

При видѣ «*Кота въ сапогахъ*» подымается всеобщій смѣхъ.

При видѣ «*Татарина*» тоже всѣ хохочутъ.

— Смотри: ложка, ложка! говоритъ одинъ изъ мальчиковъ другому, подталкивая его локтемъ.

Загадки и ребусы тоже очень занимаютъ дѣтей. *Х. А.*

---

245) **Старикъ-годовикъ**. Москва 1882 г. Ц. 10 к., 32 стр.

Содержитъ въ себѣ около 20 стихотвореній, относящихся къ четыремъ временамъ года. Подборъ весьма удаченъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ «*Зима; крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь*», «*Урожай*» Кольцова, «*Ласточки пропали*» и другія стихотворенія, пользующіяся заслуженной популярностью. *Х. А.*

---

246) **Колосья** (сборникъ народныхъ разсказовъ). Москва 1883 г. Ц. 10 к., 32 стр.

Сборникъ состоитъ изъ 16 недурныхъ разсказцевъ, за исключеніемъ неудачнаго разсказа «*Объ умной дѣвочкѣ*» и «*Шемякина суда*», настолько обезличеннаго передѣлкой, что онъ почти утратилъ весь свой смыслъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно сравнить этотъ маленькій разсказецъ съ прекраснымъ разсказомъ «*Старинная сказка о судьѣ Шемякѣ*» Н. Полеваго, помѣщеннымъ въ «*Образцовыхъ сказкахъ русскихъ писателей*» Авенаріуса № 319.

Лучшими изъ разсказовъ мы считаемъ «*Плохая шутка*» (какъ парень, забравшись въ склепъ, перепугалъ мужика до полусмерти), «*Могила Оборы*» и «*Знахарь*». Всѣ три имѣютъ цѣлью доказать, что страшныя происшествія весьма часто объясняются самымъ простымъ и реальнымъ образомъ. Разсказы эти очень нравятся дѣтямъ и вызываютъ на бесѣду. *Х. А.*

---

247) **Книжка-малютка**. Изданіе 2-е. Москва 1881 г. Ц 10 к., 32 стр.

Ребенокъ найдетъ въ книжкѣ болѣе 36 загадокъ, ему уже отчасти извѣстныхъ по «Родному Слову» и по другимъ азбукамъ. Но интересъ заключается не въ загадкахъ, а въ томъ, что разгадки изображены хорошенькими картинками. Сколько загадокъ, столько и картинокъ; напр., на загадку: «два конца, два кольца, по срединѣ гвоздикъ» — на страницѣ разгадокъ нарисованы ножницы; въ отвѣтъ на загадку: «крыльями машетъ, а сама ни съ мѣста»—нарисована мельница и т. д.

Послѣ загадокъ слѣдуютъ коротенькіе стишки. Ко всѣмъ есть картинки. Въ концѣ книжки помѣщены двѣ басни: «Стрекоза и Муравей» и «Два рака».

---

248) **Дѣтки-малолѣтки.** П. Деркачева. (Сцены изъ дѣтской жизни.) Съ рисунк. П. С. Панова. Москва 1883 г. Изд. А. Д. Ступина. Ц. 10 к., 32 стр.

Книжечка носитъ на себѣ тотъ же наивный характеръ и состоитъ изъ 18-ти дѣтскихъ коротенькихъ стихотвореній, иллюстрированныхъ картинками, — и 2-хъ маленькихъ статеекъ.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что книжечки эти рекомендуются нами въ школьную библіотеку по преимуществу для дѣтей младшаго возраста. *Х. А.*

Примѣч. «Старикъ-годовикъ» рец. см. «Женск. Образов.» 1882 г. № 9, стр. 624. «Книжка-малютка» см. «Народн. и Дѣтск. Библіотека» 1879 г. № 9—10, стр. 289.

---

249) **Мельница близь села Ворошилова.** (Простонародный разсказъ дяди Аѳанасія). Посвящается графу Григорію Александровичу Кушелеву-Безбородко. Спб. 1862 г. Ц. 25 к., 130 стр.

Недалеко отъ села Ворошилова, на небольшой рѣчкѣ стояла водяная мельница; тутъ же неподалеку находилась большая, свѣтлая изба. И мельница, и изба принадлежали богатому, уже пожилому крестьянину, Ивану Терентьевичу Вырезубову. Въ молодости Иванъ Терентьевичъ былъ бѣднымъ, но трезвымъ и трудолюбивымъ парнемъ, за что богатый мельникъ отдалъ за него свою дочь, не смотря на болѣе выгодныхъ жениховъ, а послѣ смерти оставилъ ему свое имѣніе.

Иванъ Терентьевичъ и жена его жили весьма согласно, трудились да богатѣли, но не забывали бѣдныхъ и, чѣмъ могли, всегда помогали каждому нуждающемуся. Между тѣмъ на деревнѣ ходили разные толки о томъ, какимъ образомъ разбогатѣлъ Вырезубовъ: одни говорили, что онъ нашелъ кладъ, другіе — что какой-то старикъ принесъ ему лукошко цѣлковыхъ, третьи — что тутъ что нибудь да нечисто, а настоящаго никто не зналъ. А Терентьевичъ жилъ себѣ, не тужилъ да радовался, глядя на свою единственную дочку, холилъ и лелѣялъ ее.

Малаша въ самомъ дѣлѣ была хорошая дѣвушка: добрая, трудолюбивая, веселая; на деревнѣ всѣ ее очень любили, и много жениховъ сваталось за нее, да она все перебирала—никто ей не нравился, ни за кого не хотѣла идти.

Однажды вечеромъ мельникова семья да еще два-три знакомыхъ мужика сидѣли на крыльцѣ. Вдругъ послышался колокольчикъ въ лѣсу и звонкая молодецкая пѣсня. Удалая тройка неслась во всю прыть изъ лѣса на плотину къ мельницѣ. На телѣгѣ сидѣлъ офицеръ, а на облучкѣ—лихой молодой ямщикъ Андрюшка Голышъ. Тройка поравнялась съ мельниковой избой. Увидѣвши Малашу, ямщикъ засмотрѣлся на нее да и не замѣтилъ въ это время, какъ лошади испугались чего-то и шарахнулись въ сторону на косогоръ. Телѣга перевернулась, офицеръ вылетѣлъ, но не очень ушибся, а ямщикъ попалъ подъ телѣгу, и лошади тащили его до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли съ мельницы люди и не остановили ихъ. Бѣдный парень былъ чуть живъ, и одна нога болталась переломленная. Вырезубовъ велѣлъ снести бѣднягу въ свою избу, и вся семья стала ухаживать за больнымъ, какъ за роднымъ сыномъ. Долго и сильно проболѣлъ Андрюша; у него сдѣлалась горячка. Оправившись послѣ нея, онъ еще долго пролежалъ съ переломленной ногой, которая медленно сросталась. Во все время его болѣзни Малаша заботливо ухаживала за нимъ; они полюбили другъ друга; но когда Малаша сказала объ этомъ отцу, то онъ и слышать не хотѣлъ объ ихъ свадьбѣ. Богатому мельнику казалось унизительнымъ отдать дочь свою за бѣдняка Андрюшку, сына нищаго скрипача, хотя онъ и полюбилъ Андрюшку, какъ честнаго и хорошаго человѣка.

Выздоровѣвши, Андрюша поблагодарилъ семью Вырезубовыхъ за хлопоты и заботы о немъ и пошелъ въ свое село. Тяжело ему было разставаться съ Малашей, да нечего было дѣлать, — ужъ что Терентьевичъ сказалъ, то такъ тому и быть. А тутъ вскорѣ присватался къ Малашѣ богатый купеческій сынокъ Колозовъ, и отецъ приказалъ Малашѣ идти за него. Очень ей не понравился Колозовъ, но не смѣла она противиться волѣ отцовской. Устроили сговоръ, назначили день свадьбы. Но незадолго до свадьбы вдругъ разразилась страшная буря ночью, и молнія зажгла мельникову избу. Они едва успѣли сами спастись и кое-что вынести, а изба и мельница сгорѣли до тла. Безропотно перенесъ Терентьевичъ это несчастіе и говорилъ, что Богъ наказалъ его за гордость, — за то, что онъ отказалъ Андрюшѣ. Колозовъ, узнавши, что его будущій тесть погорѣлъ, отказался отъ невѣсты. Тогда Терентьевичъ согласился выдать ее за Андрюшу, построилъ новую избу и мельницу (у старика оставались деньги), а затѣмъ сыграли свадьбу и стали жить всѣ вмѣстѣ мирно и счастливо.

Разсказъ интересенъ, проникнутъ теплымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены довольно вѣрно и живо. Языкъ легкій, но, къ сожалѣнію, авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поддѣлывается подъ народную рѣчь и совершенно неудачно; тѣмъ не менѣе, разсказъ читается съ удовольствіемъ подростками и взрослыми, и мы рекомендуемъ его въ народную библіотеку.

Вопросы:

Когда можно узнать истинныхъ друзей?

Почему первый сговоръ былъ похожъ на похороны, а второй на свадьбу?

Въ деньгахъ ли счастіе?

Примѣч. Рец. см. «Учитель» 1862 г., стр. 789; «Систематич. Обзоръ Народн. Лит.» 1878 г., стр. 238.

---

250) **Жизнь и приключенія Морозова**, описанныя имъ самимъ. Изд. А. Ситенскаго-Селявина. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. Ц. 20 коп., 98 стр.

Быть можетъ, мы сочли бы излишнимъ останавливаться на этой книжонкѣ, изданной болѣе 20 л. назадъ, еслибы на 1-мъ ея изданіи не стояло: «*Народныя бесѣды*». Это обстоятельство открываетъ ей прямой доступъ въ народную школу и заставляетъ насъ заняться ея оцѣнкою.

Въ предисловіи говорится, что книга эта заключаетъ въ себѣ автобіографію молодаго страдальца, котораго «преждевременно сгубила непомѣрная дѣятельность въ пользу матери и сестры». Между тѣмъ, вынудивъ себя дочитать до конца эту скучную и бездарную автобіографію, занимающую 98 страницъ, мы видимъ вмѣсто «страдальца» исторію писаря, скорѣе напоминающаго водевильныхъ писарей, чѣмъ трогающаго душу. Возьмемъ для образца нѣсколько выдержекъ, характеризующихъ общій тонъ этого безталаннаго произведенія. На стр. 13-й, разсказывая о своемъ отцѣ-пьяницѣ и угнетенной матери, разсказчикъ пишетъ:

«Все это поглотило лучшіе дни жизни женщины, врученной закономъ его покровительству».

На стр. 17, описывая разлуку матери съ отцомъ, сосланнымъ въ Сибирь, онъ философствуетъ такимъ образомъ:

«И при прикосновеніи къ бездушному тѣлу живая душа страдаетъ; могла ли же она не болѣть жестоко тамъ, гдѣ умирали не для свѣта, а только другъ для друга существа, связанныя церковью!?»

На стр. 21 онъ такъ разсказываетъ о своемъ воспитаніи:

«Я никакъ не хотѣлъ уважать чужой мнѣ женщины, и совѣстно сказать, какъ однажды, видя въ рукахъ ея розги и не найдя другаго случая избавиться отъ нихъ, я возсталъ противъ учительницы, уронилъ ее и ушелъ».

Встрѣчаются тутъ и такого рода остроты:

«Она не нашла во мнѣ прилежнаго ученика: гласныя и согласныя буквы не могли согласить меня съ нею» (стр. 34).

Затѣмъ слѣдуетъ весьма блѣдное описаніе школы кантонистовъ, переданное все тѣмъ же писарскимъ слогомъ. На стр. 41 онъ такъ описываетъ отношенія свои къ фельдфебелю:

«Фельдфебель познакомилъ меня съ собою ближе: онъ ударилъ меня кулакомъ; горько заплакалъ я, но этимъ вызвалъ только повтореніе, заставившее потерять равновѣсіе».

На стр. 85, описывая свои любовныя приключенія, онъ говоритъ: «Двадцатилѣтняя кровь (?) во всѣхъ насъ горячо кипѣла; свобода давала просторъ желаніямъ, сердца просились любить».

Далѣе, на стр. 87, онъ такъ характеризуетъ свои отношенія къ предмету своей страсти сомнительной нравственности: «Правда, много моихъ собственноручныхъ писемъ было у нея; но всѣ они писаны такъ предусмотрительно, что подтверждали только ея желанія и ничуть не могли быть для меня вреднымъ доказательствомъ. Да и ея посланій было у меня немало; всѣ они хранились и служили прямымъ обвиненіемъ писавшей ихъ».

Идеалы героя автобіографіи исчерпываются слѣдующимъ: «Понимая свое ничтожество и видя вниманіе къ писарямъ не только чиновниковъ, но и самого директора, я съ почтеніемъ смотрѣлъ на своихъ будущихъ товарищей».

Кого займетъ и чему научитъ эта скучная и длинная исторія, стоющая однако 20 к.? Правда, на обложкѣ красуется въ рамочкѣ надпись: «Въ пользу Старомайнскаго Училища»; но народъ нашъ далеко не такъ богатъ, чтобы требовать отъ него подобнаго рода благотворительности.

Въ предисловіи говорится также, что «жизнь молодаго страдальца можетъ заинтересовать только немногихъ»; мы же готовы сказать съ увѣренностью, что она не заинтересуетъ рѣшительно никого. *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народ. Литературы», стр. 239.

---

251) **Петруша.** (Сказка) Лабуле. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжка для школъ № 180. Перев. съ франц. Ц. 15 к., 32 стр. Москва 1878 г. 2-е изд.

Главныя лица 1-го разсказа — три брата: Иванъ, Павелъ и Петръ, царь, царская дочь и Змѣй-Горынычъ.

Петръ — простакъ въ родѣ Иванушки-дурачка. Онъ, по приказанію царя, совершаетъ разные подвиги, побѣждаетъ Змѣя-Горыныча и въ награду женится на царской дочери.

«Горбунчикъ».

Разсказъ про горбатаго мальчика Богдана, который въ бурную, темную зимнюю ночь отправляется въ городъ за докторомъ и этимъ смѣлымъ поступкомъ спасаетъ отъ смерти своего больнаго брата. (Лучшій изъ трехъ разсказовъ).

«Маленькій юнга» (матросъ).

Тринадцатилѣтній юнга рѣшается во время сильной бури взлѣзть на мачту для исправленія снастей. Благодаря ему, корабль не гибнетъ.

Не имѣя за собой особенныхъ достоинствъ, книжечка читается легко; написана для дѣтей младшаго возраста, снабжена 5-ю недурными картинками, а потому мы и находимъ ее пригодною для школьной библіотеки. Разсказъ *«Горбунчикъ»* нравится дѣтямъ больше двухъ остальныхъ. Въ разсказѣ *«Маленькій юнга»* на полутора страницахъ дѣтямъ сельской школы встрѣтилось пять незнакомыхъ словъ: *экипажъ*, *мачта*, *кормчій*, *каюта*, *пассажиръ*. Тѣмъ не менѣе, вдумываясь въ общій смыслъ разсказа, они передали содержаніе его удовлетворительно, переводя по догадкамъ незнакомыя слова и называя мачту «верхушкой корабля», кормчаго—«начальникомъ», пассажира — «человѣкомъ». Безъ толкованія же словъ *экипажъ* и *каюта* легко было обойтись. *А. Г.*

---

252) **Дяденькины разсказы и бесѣды съ дѣтьми.** Записаны Н. Н. Ч. Москва. 1875 г. Ц. 25 к. 64 стр.

Книга состоитъ изъ одиннадцати разсказовъ, недурныхъ по содержанію и изложенію. Мы передадимъ содержаніе тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе нравятся дѣтямъ.

«Ѳедоска».

Школьникъ, страстно любящій учиться, по примѣру Ломоносова убѣгаетъ отъ отца, оторвавшаго его отъ школы для обученія ремеслу; затѣмъ онъ поступаетъ въ гимназію и далѣе въ университетъ.

Вопросы:

Что мѣшало Ѳедоскѣ акуратно посѣщать школу?

Что заставило его рѣшиться спрятаться въ яму и огорчить и напугать родителей?

Чѣмъ доказалъ Ѳедоска, что не лѣнь заставила его бросить ремесло?

Правильно ли разсуждалъ отецъ Ѳедоски относительно грамоты?

«Любите другъ друга».

Мальчики-школьники безсердечно смѣются надъ тѣмъ, что слабый Митя не можетъ втащить на гору салазки съ кадушкой воды.

Вопросы:

Почему смѣхъ мальчиковъ огорчилъ учителя?

Какое мѣсто изъ Евангелія заставилъ учитель вспомнить учениковъ? (*«Блаженни милостивые»*).

«Милуйте животныхъ».

Учитель разсказываетъ о трудѣ и заботахъ ласточекъ-родителей, о конюхѣ, затоптанномъ мстившимъ за дурное обращеніе конемъ, о бѣшеной лошади, допускавшей къ себѣ лишь ласкавшую ее малютку-дѣвочку.

Вопросъ: Чувствуютъ ли животныя добро и зло, которое мы имъ дѣлаемъ?

«Ложь—гниль».

Играя въ телѣгѣ учителя, два ученика находятъ узелъ съ лакомствами. Обрадовавшись находкѣ, съѣдаютъ часть, а затѣмъ вспоминаютъ, что ѣли чужое, да еще принадлежащее любимому учителю. Ложный стыдъ, мѣшающій признаться, мученіе признанія.

Вопросъ: Что могло бы произойти, еслибы мальчики не сознались въ своемъ проступкѣ?

«Иванъ Прохоровичъ».

Различіе въ звукахъ колоколовъ: праздничный, заупокойный, будничный набатъ. Въ связи съ этими звуками припоминается жизнь одного прихожанина Ивана Прохоровича. Дѣтство въ бѣдности, уваженіе и знаніе грамоты; обученіе ремеслу въ Москвѣ; посѣщеніе родныхъ, мысль о женитьбѣ, пожаръ, жизнь въ деревнѣ; трезвость, готовность по-

мочь словомъ и дѣломъ своимъ односельчанамъ.

Вопросъ: Чѣмъ заслужилъ Иванъ всеобщую любовь и уваженіе? (Любовь къ ближнему и неустанный трудъ).

«*Чудеса въ твореніи Божіемъ*».

Разнообразіе растеній. Происхожденіе и большихъ деревъ, и мелкихъ травъ изъ маленькаго сѣмечка.

Упомянутые разсказы можно считать пригодными для школьной библіотеки.

А. К.

Разсказы эти прочитаны были въ группѣ учениковъ сельской школы; дѣти слушали не безъ интереса; на всѣ вопросы, поставленные при рецензіи, отвѣчали правильно; такъ, напр., на вопросъ: — Справедливо ли разсуждалъ отецъ Ѳедоски относительно грамоты?—одинъ изъ мальчиковъ сказалъ:

— Нѣтъ, несправедливо; грамота никому не мѣшаетъ; можно и работать, и грамоту знать.

— Онъ, вѣрно, боялся, замѣтилъ другой, входя въ положеніе отца: — что если сынъ грамотѣ научился, такъ перестанетъ уважать родителей и *годувать* (кормить).

— Вѣтъ, онъ не отъ этого, возразилъ третій:—а оттого, что дѣдушка ему все припоминался, все ему думалося: вѣдь вотъ онъ неграмотный былъ, а кубышку съ золотомъ имѣлъ.

Прослушавъ разсказъ «*Любите другъ друга*», одинъ изъ дѣтей замѣтилъ глубокомысленно:

— Надъ бѣдностью нельзя смѣяться — грѣхъ!

Во время чтенія «*Милуйте животныхъ*», гдѣ говорится о разоренномъ гнѣздѣ ласточки, нѣсколько голосовъ сказало:

— Это неправда, у насъ не убиваютъ ласточекъ—грѣхъ!

— Воробьевъ бьютъ, отозвался одинъ изъ мальчиковъ:—дьячковъ сынъ, Николай, отрѣжетъ прежде одну ножку, а послѣ другую и смѣется. — И тутъ начался рядъ разсказовъ о такихъ ужасныхъ звѣрствахъ, которыя страшно становилось слушать. Оказалось, что каждый совершалъ нѣчто въ томъ же родѣ, но почему-то дѣти придавали всему этому характеръ эпизодовъ прошлаго, и каждый начиналъ:—«а когда я былъ маленькимъ»,—точно теперь они были Богъ вѣсть какіе большіе, и кончалъ:—«теперь я этого не сдѣлаю, Боже избави!»

Дай Богъ, чтобы годы въ союзѣ со школьнымъ вліяніемъ и художественными произведеніями, подобными «*Муму*» и «*Бульки*», смягчали хотя отчасти эти звѣрскіе инстинкты!

По прочтеніи разсказа «*Иванъ Прохоровичъ*» дѣти весьма толково передали содержаніе и охарактеризовали личность скромнаго героя.

Разсказа «*На межѣ*» младшіе не поняли; старшіе разсказали весьма удовлетворительно. На вопросъ:—Что могло бы произойти, если бы мальчики не сознались въ своемъ проступкѣ? (по поводу разсказа «Ложь—гниль») одинъ сказалъ:

— Ихъ бы совѣсть мучила.—И черезъ нихъ наказали бы Павла, добавилъ другой.

Относительно «*Разсказа колокола*» младшіе никакъ не могли взять въ толкъ, какъ это колокола могутъ разсказывать.

При чтеніи «*Чудеса въ твореніи Божіемъ*» оказалось, что цвѣты и растенія у насъ въ Малороссіи носятъ совсѣмъ другія названія, и описаніе природы весьма потеряло оттого, что дѣти силились догадаться, о какомъ это цвѣткѣ говорится, и никакъ не могли.

253) **«Мать-честная»**, рядовой 6-й егерской роты Тарутинскаго полка. В. Никатова. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 6 к. 16 стр.

Въ этомъ небольшомъ разсказѣ описанъ просто и понятно подвигъ скромнаго солдата, по прозванью «Мать-честная». Подвигъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Большаго калибра бомба», говоритъ разсказчикъ:—«поднимаясь медленно кверху со стороны французовъ и потомъ быстро спускаясь къ нашимъ работающимъ, провыла напослѣдокъ и грохнулась съ шумомъ предъ нами. Своимъ паденіемъ она пробила яму или воронку и обсыпала насъ землею и камнями.—«А что, Филипычъ, я ее сброшу въ канаву, не то она народу много перекалѣчитъ», замѣтилъ Мать-честная, привсталъ молча, подвинулся и нагнулся къ бомбѣ; сперва какъ будто, помнится мнѣ, поморщился, а когда, запустивъ подъ нее руки, поднялъ ее, то, помню, проговорилъ только: «ахъ, Мать-честная! да какая тяжелая» и, зачастивъ ногами, пронесъ ее сажени четыре-пять съ горящей трубкой и перекатилъ ее черезъ низкую, еще не досыпанную часть бруствера. Тамъ она тотчасъ же и лопнула».

Скромный человѣкъ не сознавалъ, что онъ совершилъ подвигъ. — «Поздравляю тебя съ крестомъ», сказалъ ему полковой командиръ. Но бѣднягѣ не пришлось праздновать своей радости: «не прошло и получаса времени послѣ этого, прибѣжалъ солдатъ какой-то и разсказалъ, что на кухнѣ каленымъ ядромъ

много народу перепортило, а Мать-честную такъ разбило, что и клочковъ не осталось».

Мальчиками разсказъ этотъ читается охотно; дѣвочки скучаютъ надъ нимъ и отказываются брать изъ библіотеки.

На вопросы, поставленные нами по прочтеніи его въ сельской школѣ, мы получили слѣдующіе отвѣты:

— Что за человѣкъ былъ Мать-честная?

— Храбрый и трудолюбивый.

— Хорошо ли онъ сдѣлалъ, что рѣшился перенести бомбу?

— Хорошо: еслибъ ее разорвало, много народу бы перекалѣчило, а онъ не пожалѣлъ своей жизни, спасая другихъ.

— Мы любимъ про войну и про солдатъ, замѣтилъ съ удареніемъ одинъ изъ учениковъ.

Книга эта пригодна для народной и школьной библіотеки. *Х. А.*

254) **Материнская любовь.** В. Коровина. Разсказъ для дѣтей. Москва. 1882 г. Ц. 10 к. 30 стр.

Бѣдная вдова-крестьянка, вслѣдствіе крайняго недостатка въ средствахъ, рѣшается оставить у чужихъ людей въ деревнѣ свою единственную дочь и искать заработка въ Москвѣ, гдѣ нанимается кухаркой. Соскучившись по дочери, пѣшкомъ, плохо одѣтая, въ студеную зимнюю пору отправляется она изъ города въ деревню. Въ 8-ми верстахъ отъ роднаго села, въ самый день Рождества, измученную долгой дорогой, промерзшую и голодную странницу застаетъ страшная мятель, и только счастливая случайность спасаетъ потерявшую дорогу путницу отъ ужасной смерти. А между тѣмъ въ то самое время раздается благовѣстъ къ заутренѣ. Странница спѣшитъ въ церковь и тамъ радостно обнимаетъ свою любимицу-дочь, забывъ отъ счастія о своихъ отмороженныхъ пальцахъ.

Разсказъ написанъ просто, живо, тепло, читается съ интересомъ различными возрастами, а потому мы и рекомендуемъ его въ народную и школьную библіотеку. Книжка прекрасно издана въ отношеніи бумаги и шрифта.

Вопросы:

Что влекло женщину въ деревню, не смотря на морозъ и стужу?

Чѣмъ рисковала она?

Что это доказываетъ?

---

255) **Дѣти.** В. О. Попова. Съ 90 рисунк. Н. Каразина, гравированными Грачевымъ. Спб. 1881 г. Ц. 60 к., 279 стр.

Подъ такимъ заглавіемъ вамъ попадается на глаза на выставкѣ книжныхъ магазиновъ маленькая, изящно изданная книжонка. Вы просматриваете заглавія и картинки и читаете: «Бяшка», «Лошадки», «Храбрый мальчикъ», «Бѣда отъ собачекъ» и т. п.

На картинкахъ вы видите уточку съ утятами, марширующихъ дѣтей, мальчика, ѣдущаго верхомъ на палочкѣ, ребенка, на котораго нападаютъ гуси, купающихся дѣтей, пѣтушка, гимнастику и прочіе дѣтскіе сюжеты.

Книга производитъ на васъ пріятное впечатлѣніе своимъ внѣшнимъ видомъ, и не остается никакихъ сомнѣній, что она предназначена для дѣтей. Предположимъ, что вы «не педагогъ по профессіи», а человѣкъ другой спеціальности, поглощающей почти весь вашъ досугъ; перечитывать дѣтскія книги вы, такимъ образомъ, лишены возможности. Улучивъ свободную минуту, вы просматриваете, однако, одинъ изъ педагогическихъ журналовъ, трактующій о дѣтскихъ книгахъ, и встрѣчаете тамъ краткую характеристику въ такомъ родѣ: «Весьма жаль, что внутреннее содержаніе книги не соотвѣтствуетъ изящной внѣшности, и что въ немъ встрѣчается нѣсколько грубыхъ сценъ».

Приличнѣе всего было назвать это произведеніе—«Семь смертныхъ грѣховъ». Быть можетъ, такое заглавіе предохранило бы отъ заблужденія бѣдныхъ родителей и дѣтей, но во всякомъ случаѣ сказать о такой книгѣ, что «*внутреннее содержаніе не соотвѣтствуетъ внѣшнему, и что въ ней встрѣчается нѣсколько грубыхъ сценъ*» — мало! Необходимо доказать это *фактами*, *ссылками*, не жалѣя труда и времени; необходимо внимательно прочитать книгу съ начала и до конца, прочувствовать умомъ и сердцемъ всю глубину ея *безнравственныхъ* тенденцій; необходимо, чтобы каждый, кому дорого нравственное воспитаніе ребенка, вступился за права безсильнаго и протестовалъ по мѣрѣ возможности, чтобы всѣ педагогическіе журналы дружно сошлись въ пунктѣ ея порицанія, чтобы магазины дѣтскихъ книгъ изъяли ее изъ продажи; необходимо участіе общества, участіе родителей и воспитателей, которые доказали бы эксплуататорамъ дѣтской литературы, что они способны отстаивать свои священныя права и ограждать личность ребенка отъ пагубныхъ вліяній. *Х. А.*

---

256) **Софронычъ**. Разсказъ Н. Карзунова. Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1875 г. Ц. 10 к. 31 стр.

Въ одной изъ населенныхъ деревень поселился старый служака Софронычъ. Онъ жилъ особнякомъ и занимался сапожнымъ ремесломъ. Софронычъ сторонился отъ деревенскаго міра, называя себя «отрѣзаннымъ ломтемъ», но міръ не сторонился отъ Софроныча, и каждый, кто нуждался въ добромъ совѣтѣ, каждый, у кого накипѣло на сердцѣ горе, шелъ къ почтенному старцу и находилъ у него совѣтъ и утѣшеніе.

Въ томъ же селѣ жилъ цѣловальникъ Иванъ Панкратьевичъ; онъ спаивалъ и обиралъ народъ съ нахальствомъ безстыжаго кулака и, встрѣчая нѣкотораго рода отпоръ въ старостѣ, человѣкѣ честномъ и трезвомъ, взвелъ на него клевету и очернилъ его въ глазахъ темнаго люда. Призвали Софроныча, и какъ ни ухаживалъ за нимъ хитрый цѣловальникъ, какъ ни силился склонить его на свою сторону, Софронычъ остался непоколебимъ: онъ объявилъ міру, что казна цѣла, что счеты всѣ въ исправности, и посрамленный Иванъ Панкратьевичъ удалился съ позоромъ со сходки. Пользуясь общимъ благопріятнымъ настроеніемъ, Софронычъ предлагаетъ міру устроить школу. Онъ самъ становится во главѣ этого скромнаго дѣла и усердно учитъ ребятъ въ своей бѣдной хижинѣ.

Разсказъ не изъ талантливыхъ: лица и сцены очерчены довольно блѣдно, разговоры не вполнѣ естественны; встрѣчаются несоотвѣтствующія слова и выраженія, какъ, наприм.: «нахальный эгоизмъ»; «голова людская — что ружье, слово—что пуля; оно тогда сильно и мѣтко, когда голова хорошо заряжена умомъ и знаніемъ, а коли нѣтъ этого въ ней, такъ и слово-то хлопаетъ попусту и никогда въ цѣль не попадаетъ» (стр. 17).

Такими глубокомысленными и неправдоподобными изреченіями изобилуютъ рѣчи Софроныча; тѣмъ не менѣе, книга эта можетъ быть допущена въ школьную библіотеку за хорошее направленіе. Взрослый прочтетъ ее съ бо̀льшимъ интересомъ, чѣмъ ребенокъ, не посвященный въ интриги кулаковъ-цѣловальниковъ.

Вопросы:

Что за люди были Софронычъ, староста и цѣловальникъ?

Что помогло Софронычу выручить старосту изъ бѣды? (знаніе грамоты среди общаго невѣжества).

О чемъ говорилъ Софронычъ на сходкѣ?

Какія послѣдствія имѣли эти рѣчи? *Х. А.*

Примѣч. См. рецензію «Систематическій Обзоръ Нар. Лит.» 1878, стр. 43.

---

257) **Коробейникъ**. Книжка для школъ № 83. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Ц. 15 коп. 46 стр. Москва. 1874 г.

Книжечка эта заключаетъ въ себѣ три разсказа.

Въ первомъ изъ нихъ — «*Звѣзда*» дѣдушка Артемъ разсказываетъ о путешествіи своемъ въ Іерусалимъ; много чудеснаго видѣлъ и слышалъ онъ тамъ. Семья Захара, куда зашелъ онъ переночевать наканунѣ Рождества, съ интересомъ и благоговѣніемъ слушаетъ старика. И вотъ онъ передаетъ имъ старинное преданіе, слышанное имъ въ Іерусалимѣ отъ монаха.

Въ городѣ Римѣ жила богатая и гордая госпожа, мать единственнаго сына. Много вытерпѣла служанка Эсѳирь изъ-за этого избалованнаго ребенка, но всегда оставалась спокойною и кроткою. И видитъ она однажды, что ребенокъ лежитъ мертвымъ. Перепугалась Эсѳирь, созвала всѣхъ слугъ, стала приводить его въ чувство, — ничто не помогало. Разъяренная мать велѣла бросить Эсѳирь въ одно помѣщеніе со львомъ; на другой день она приказала позвать ее къ себѣ. Эсѳирь вошла и, протестуя противъ своихъ боговъ, допускающихъ столько несправедливости, разбила идола въ комнатѣ своей госпожи. Госпожа опять велѣла бросить ее на растерзаніе льву; но въ эту минуту огромная звѣзда показалась на небѣ, и мальчикъ ожилъ, а бѣдная Эсѳирь была спасена.

Въ семьѣ Захара тоже лежитъ умирающій ребенокъ; вотъ почему дѣдушка Артемъ разсказываетъ это чудо, а Захаръ съ Матреной трепетно слушаютъ его. Впрочемъ, дѣдушка Артемъ не только мастеръ разсказывать,—онъ немножко и докторъ и, по пріѣздѣ къ Захару, тотчасъ внесъ въ избу ларчикъ съ лѣкарствами, далъ какихъ-то капель ребенку, размѣшалъ глину съ водою и привязалъ къ пяткамъ. Къ ночи ребенку стало легче, а яркая звѣзда, до появленія которой постился народъ, уже горѣла на небѣ.

Разсказъ написанъ живо и тепло; слушается съ большимъ интересомъ и малолѣтними, и взрослыми.

Въ разсказѣ 2-мъ—«*Арапка*» говорится о томъ, какъ мальчикъ пріютилъ щенка, котораго мальчишки собирались утопить, и тотъ какъ бы въ признательность спасъ ему жизнь

впослѣдствіи, во время мятели, прибѣжавши къ жилищу мальчика и указавъ роднымъ дорогу къ мѣсту, гдѣ замерзалъ уже Егорушка.

Тема не изъ новыхъ, но разсказъ написанъ довольно живо, и дѣти слушаютъ его съ интересомъ.

Въ разсказѣ 3-мъ—«*Пѣтушокъ-колдунъ*» мы тоже встрѣчаемъ давно извѣстную исторію о пѣтухѣ, вымазанномъ сажей, приписанную въ данномъ случаѣ изобрѣтательности дѣдушки Артема.

Онъ заѣзжаетъ въ деревню, въ которой случилась пропажа: у доброй барыни Марьи Николаевны украли часы; подозрѣніе падаетъ на дѣвочку Параньку, и хотя гуманная госпожа не допускаетъ мысли, что кто либо изъ ея маленькихъ деревенскихъ учениковъ можетъ оказаться воромъ, молва клеймитъ этимъ именемъ бѣдную Параньку. Дѣдушка Артемъ собираетъ дѣтей въ темную комнату, заставляетъ гладить пѣтуха, причемъ оказывается, что одинъ Сергѣй не рѣшился коснуться его, и ладони его чисты. Добрая Марья Николаевна не позоритъ мальчика; она доводитъ его до слезъ искренняго раскаянія и беретъ съ него обѣщаніе исправиться. Сергѣй сдержалъ обѣщаніе, и изъ него вышелъ порядочный человѣкъ.

Личность Марьи Николаевны обрисована весьма симпатично; разсказъ написанъ просто и живо и слушается съ большимъ интересомъ дѣтьми, незнакомыми съ исторіей пѣтуха, вымазаннаго сажей; для тѣхъ же, которые знаютъ ее изъ другихъ разсказовъ, пропадаетъ весь эффектъ развязки.

Х. А.

---

258) **Деревенская вѣдунья.** Разсказъ для народа. Соч. Ѳ. Трубникова. Изданіе 2-е. А. Винокурова. Москва. 1882 г. Ц. 10 коп. 36 стр.

Въ фабричномъ селѣ Сластоѣшкахъ празднуется престольный праздникъ. Подкутившіе мастеровые, обнявшись со своими милыми, расходятся по домамъ. Въ это время пробирается по улицамъ еще одна парочка: мастеровой Александръ и деревенская красавица Маша. Они полюбились другъ другу, но ни отецъ, ни мать Маши не соглашаются выдать дочь за Александра, тѣмъ болѣе, что про него ходитъ по селу дурная слава: онъ обвиняется въ покражѣ у лавочницы Василисы ста рублей. Александръ невиненъ, но это обвиненіе поддерживаетъ и распространяетъ по всему селу кабатчица Алексѣиха, деревенская вѣдунья и ворожея. Она хочетъ женить своего сына Семена на Машѣ, а потому всячески старается погубить Александра.

Александра сажаютъ въ острогъ. Вернувшись домой, за отсутствіемъ уликъ, онъ застаетъ Машу невѣстой Семена, такъ какъ и родители ея не желаютъ ей лучшаго жениха. Сильно горюютъ молодые люди; Маша рѣшается скорѣе пойти въ монастырь, нежели выйти замужъ за немилаго человѣка. Однако сама судьба благопріятствуетъ молодымъ людямъ. Въ день свадьбы внезапно умираетъ Алексѣиха. Свадьба разстраивается, хотя только на время. Тогда догадливый Александръ, желая во что бы то ни стало назвать Машу своею, пускается на хитрости. Онъ заказываетъ въ Москвѣ маску, совершенно похожую на Алексѣиху, надѣваетъ саванъ и по ночамъ пугаетъ суевѣрныхъ крестьянъ появленіемъ мнимой покойницы. Этимъ онъ не ограничивается: онъ и птицъ ночью съ крышъ пускаетъ, и красненькія ручки изъ трубы показываетъ, и, наконецъ, натеревъ лицо и руки фосфоромъ, нарядившись въ маску и саванъ, является ночью къ Семену, уноситъ его на кладбище и заставляетъ тамъ отказаться отъ Маши. Напуганный Семенъ уходитъ на богомолье въ Кіевъ, а Александръ преспокойно женится на Машѣ. Тутъ открывается, что онъ не былъ виноватъ въ пропажѣ денегъ, такъ какъ лавочница нашла ихъ подъ своей периной.

Не правда ли, какой высоконравственный разсказъ, и какъ онъ долженъ благотворно подѣйствовать на грамотнаго крестьянина?! Александръ смѣется надъ легковѣрностью Семена, котораго обманулъ, и, нимало не безпокоясь тѣмъ, что поступилъ дурно, хвастаетъ своею удалью передъ Машей. Какую же мораль извлечетъ читатель изъ этого разсказа? Онъ узнаетъ, что вѣрить колдуньямъ не должно, что онѣ, руководствуясь личною выгодою, обманываютъ народъ. Но почему же проходитъ совершенно безнаказанно пошлый обманъ Александра, который пользуется суевѣріемъ крестьянъ и поддерживаетъ въ нихъ вѣру въ это самое суевѣріе? Положимъ, авторъ хотѣлъ показать читателю, какъ легко народъ бываетъ обманутъ, какъ иногда то, что наводитъ на нихъ ужасъ, просто объясняется шуткой какого нибудь парня; но въ такомъ случаѣ не надо было выставлять Александра героемъ, не надо было выдѣлять его изъ темной толпы крестьянъ, ставить его выше ихъ. Александръ же выказалъ свое превосходство только обманомъ и ложью.

Обвиняя автора за совершенно ложное направленіе разсказа, не можемъ не упомянуть

также, что нѣкоторыя картины и выраженія по своей циничности не желательны для народной школы.

Книгу эту мы не можемъ рекомендовать въ школьную библіотеку. *А. Г.*

---

259) **Пріемышъ.** Н. Корзунова. (Изъ воспом. стараго солдата). Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1876 г. Ц. 10 к., 29 стр.

Унтеръ-офицеръ Иванъ Васильевичъ Глушковъ отличался въ полку самыми симпатичными свойствами; всѣ любили и уважали его, и если въ немъ былъ какой либо недостатокъ, такъ это скупость, надъ которою подчасъ подсмѣивались товарищи. Но никто изъ нихъ не зналъ причины этой скупости: тайкомъ отъ всѣхъ Иванъ Васильевичъ воспитывалъ сиротку, незаконнорожденную дочь женщины, безкорыстно любимой имъ въ молодости и погибшей жертвою обмана какого-то писаря. Въ этой дѣвушкѣ, живомъ портретѣ матери, сосредоточились всѣ его радости, все счастіе его жизни; но судьба и на этотъ разъ не пощадила несчастнаго Глушкова: дѣвушка увлекается недостойнымъ человѣкомъ и умираетъ отъ родовъ. Полусумасшедшаго старика отвозятъ въ больницу, и тамъ онъ кончаетъ свою грустную жизнь.

Разсказъ производитъ тяжелое впечатлѣніе трагизмомъ своей фабулы и читается съ интересомъ взрослыми, но переданъ довольно безцвѣтно. Рѣчь разсказчика, отъ лица котораго ведется разсказъ, напыщенна и испещрена такими выраженіями: «педантизмъ этотъ не былъ проявленіемъ мелочной натуры, а честности, лежавшей въ основѣ его природы»; или: «каждый, сознавая въ себѣ благотворное вліяніе этого перерожденія»... и т. д.

Кромѣ того, постановка многихъ сценъ весьма искусственна; рѣчь Ивана Васильевича хотя и имѣетъ претензію быть народной и заключаетъ въ себѣ слова никому неизвѣстнаго жаргона, каковы: «башковатъ», «дневалилъ» и т. п., въ высшей степени ненатуральна; выводы и заключенія разсказчика мѣстами весьма странны; такъ, на стр. 16, говоря о томъ, какая хорошая дѣвушка была воспитанница Ивана Васильевича, онъ говоритъ: «Въ этой бѣдной средѣ, въ этой бѣдной комнаткѣ я не ожидалъ встрѣтить подобной личности». Почему? неужели *подобныя* личности могутъ встрѣчаться только въ богатой комнатѣ?!

Герой разсказа напоминаетъ «Стараго матроса» О Миллера, но «Старый матросъ», какъ художественное произведеніе, стоитъ неизмѣримо выше, а потому еслибы народной школѣ пришлось выбирать одну изъ двухъ книгъ, мы рекомендовали бы «*Стараго матроса*», хотя и эта пригодна для народной библіотеки. *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народн. Литерат.», стр. 238.

---

260) **Примѣрная мать.** Разсказъ. Спб. 1877 г. Ц. 15 к., 31 стр.

Въ разсказѣ описывается семейство: отецъ, мать и четверо дѣтей. Отецъ умираетъ, оставляя семью безъ средствъ. Похороны; помощь сосѣдей; горе дѣтей и матери.

Первое время вдова грустить и теряется; но черезъ нѣсколько времени, благодаря совѣтамъ священника и твердой вѣрѣ, она свыкается со своимъ положеніемъ и работаетъ такъ, что вполнѣ замѣняетъ мужа. Далѣе описывается любовь ея къ дѣтямъ и ихъ воспитаніе, уваженіе къ ней сосѣдей, сватовство Петра, отказъ вдовы, выдача замужъ дочери и женитьба двухъ сыновей. Конецъ разсказа застаетъ вдову, совсѣмъ состарѣвшуюся, живущею съ сыновьями, которые были первыми мужиками въ деревнѣ.

Разсказъ пользуется большой популярностью, передается прекрасно.

— За что эту мать можно назвать примѣрной матерью? спросила я одну изъ взрослыхъ учениць.

Въ отвѣтъ на мой вопросъ она весьма послѣдовательно высчитала всѣ достоинства и хорошіе поступки примѣрной матери.

— Другая растерялась бы, схоронивши мужа, говорила она:—а эта женщина работала все равно, какъ мужчина, и дѣтей своихъ научила трудиться; чрезъ это они вышли лучшими мужиками въ деревнѣ. Сватался за нее сосѣдъ,—замужъ не пошла, чтобы не обижалъ онъ ея сиротъ, и т. д.

Аксинья А—ва, 13-ти л., прекрасно передала разсказъ «*Примѣрная мать*», съ подробностями, которыхъ не коснулись мы въ нашей рецензіи; такъ, напримѣръ, она разсказала о гаданьѣ у бабки, какъ она три раза плюнуть велѣла и какъ сказала Ивану, что это съ-глазу.

— Онѣ все врутъ, эти бабки, добавила она:—лишь бы деньги получать.

Отзывъ ученицы сельской школы Ульяны П—ко о разсказѣ «Примѣрная мать».

— Славная она была женщина, говорила дѣвочка: — орала, сѣяла — все равно, какъ мужикъ!

И она разсказала очень картинно, какъ умиралъ ея мужъ, какъ онъ говорилъ ей: «охъ, голубка Анна, какъ ты будешь жить безъ меня съ маленькими дѣтьми!» и какъ она потомъ дѣятельно и умно распоряжалась хозяйствомъ.

261) **Пять разсказовъ нравственно-поучительныхъ и два научно-поучительныхъ для малыхъ моихъ друзей.** Е. Ф. Трудина. Спб. 1880 г. Ц. 25 к. 17 стр.

1-й разсказъ. Интересная и поучительная біографія Ломоносова разсказана довольно сухо и безцвѣтно, въ видѣ формулярнаго списка какого нибудь скромнаго чиновника.

2-й разсказъ, не занимающій даже цѣлой страницы,—голая мораль, втиснутая въ форму бесѣды между назидающимъ дѣдушкой и краснѣющимъ отъ сознанія своего стыда внукомъ его.

3-й разсказъ, подъ заглавіемъ *«Сознаніе своихъ дѣйствій»*, заканчивается слѣдующимъ назиданіемъ: «изъ этого примѣра видимъ, милыя дѣти, что 1) отъ хорошаго начальника и его добрыхъ распоряженій зависитъ также устроить счастіе одного семейства, какъ и установить благосостояніе страны, и 2) помните, что зло всегда, рано или поздно, бываетъ наказано, а добро получаетъ заслуженную награду».

Въ *4-мъ разсказѣ—«Ученая бесѣда дѣтей»* одинъ изъ нихъ, Борисъ, поучаетъ своихъ товарищей во время прогулки, разъясняя имъ, отчего бываютъ разноцвѣтные камни, учитъ о составѣ тѣлъ, говоритъ о пользѣ, приносимой пчелами, причемъ самъ авторъ прибавляетъ мораль о «необходимости быть спокойнымъ и разсудительнымъ во время опасности—качества, которыя пріобрѣтаются понемногу, если человѣкъ работаетъ и слѣдитъ за собой». А вотъ для примѣра бесѣда Бориса съ малолѣтними товарищами о матеріяхъ важныхъ: «Наука знаетъ, что камешки, лежа въ землѣ вмѣстѣ съ другими веществами, во время своего отвердѣнія закрасились другими вмѣстѣ лежащими веществами...» И все въ такомъ родѣ.

Не лучше и остальные три разсказа; такъ, въ послѣднемъ—*«Часы отдыха послѣ занятій»* учитель поучаетъ дѣтей: «Дѣти! кончивъ ваши занятія, уложите въ приличный порядокъ книги, тетради такъ, чтобы все было на мѣстѣ, и послѣ труда и усердныхъ занятій бѣгите поиграть, повеселиться, попрыгать»; или:—«нужно быть умнымъ, вѣжливымъ, чтобы быть пріятнымъ, желаемымъ и любимымъ въ обществѣ».

Во всей книгѣ нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ шрифта и обложки.

Примѣч. См. реценз. «Женское Образованіе» 1880 г. № 6, стр. 361—362. «Русская Рѣчь» 1880 г. № 12, стр. 392.

---

262) **Бѣдная Лиза.** Сочин. Карамзина. Москва. 1881 г. Изд. книгопродавца Прѣснова. 32 стр. Ц. 5 к.

Для тѣхъ изъ читателей, которые, за давностью лѣтъ, позабыли содержаніе этой популярной повѣсти, или вовсе не читали ея, считая вещью отжившей, мы позволяемъ себѣ передать въ короткихъ словахъ ея содержаніе. — Бѣдная Лиза, кое-какъ перебиваясь, жила въ окрестностяхъ Москвы со своей старушкой-матерью. Однажды она понесла продавать ландыши въ городъ и встрѣтила тамъ красиваго молодаго человѣка. Встрѣча эта была для нея роковою: она полюбила его всѣми силами своей молодой и довѣрчивой души, а онъ смотрѣлъ на эту любовь, какъ на развлеченіе.

Мы встрѣчаемъ тотъ же сюжетъ въ оперѣ «Русалка» и «Галька», и онъ трогаетъ насъ до глубины души; сантиментальная же и отжившая форма карамзинской повѣсти кажется намъ теперь смѣшною; но есть кругъ читателей, неспособный относиться критически къ этой внѣшней формѣ, и вотъ для этихъ-то читателей исторія бѣдной Лизы кажется въ высшей степени занимательною и трогательною.

Намъ пришлось прочитать эту повѣсть группѣ взрослыхъ учениць воскресной школы. Онѣ слушали ее съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда дѣло дошло до печальной катастрофы — смерти Лизы, на глазахъ многихъ изъ нихъ замѣтны были слезы. Вообще, повѣсть эта пользуется до сихъ поръ популярностью въ народѣ, и при началѣ чтенія оказалось, что многія читали ее прежде, но желаютъ прослушать еще, какъ одно изъ любимыхъ произведеній.

Мы рекомендуемъ эту повѣсть преимущественно взрослымъ дѣвушкамъ, такъ какъ городская жизнь изобилуетъ встрѣчами, напоминающими встрѣчу Лизы съ Эрастомъ, и грустная исторія бѣдной Лизы можетъ навести ихъ на раздумье. Чтеніе же учительницы должно сопровождаться серьезной бесѣдой на эту печальную тему. *Х. А.*

---

263) **Розсказни Кота-Васьки.** М. Романова. Спб. 1880 г. Ц. 30 к. 34 стр. Съ 4-мя картинками.

Содержаніе розсказней незамысловато. Няня

кончила послѣднюю сказку, дѣти просятъ продолжать; няня въ затрудненіи, но, замѣтивъ на крышѣ нѣсколько кошекъ, она проситъ дѣтей подождать, пока она сходитъ на чердакъ, чтобы подслушать, о чемъ онѣ толкуютъ, а затѣмъ обѣщаетъ все имъ разсказать. Вечеркомъ няня передала дѣтямъ будто бы подслушанный ею разсказъ кота-Васьки. Дѣти такъ увлеклись его разсказомъ, — какъ онъ былъ сперва у старушки, гдѣ не поладилъ съ двумя котятами, а затѣмъ поселился у молодой барыни и подружился съ ея собакой Джекомъ, — что совершенно забыли, что кошки не могутъ говорить, и только въ концѣ разсказа бойкій Сережа озадачилъ няню вопросомъ: «Няня, развѣ это правда?» Няня, похваливъ ребенка за смышленность, говоритъ: «Конечно, не могъ Васька самъ разсказать, я разговоръ ихній выдумала, чтобы васъ позабавить; однако-жъ исторія Васькина истинная. Все, что я вамъ разсказала, я знаю и видѣла года два тому назадъ. Думы Васькины только сама сочинила; хотите вѣрьте, хотите—нѣтъ!»

Въ типографскомъ отношеніи книга издана совершенно удовлетворительно—крупный, четкій шрифтъ, правильная корректура; при книгѣ четыре недурныхъ литографированныхъ картинки, изображающія кота въ различные моменты его жизни.

Читается книга маленькими дѣтьми съ интересомъ и можетъ быть допущена въ школьную библіотеку для самаго младшаго возраста. *З. Д.*

Примѣч. См. рец. «Дѣло» 1880 г. № 9, стр. 76—77. «Женское Образованіе» 1880 г. № 7, стр. 466.

---

264) **Откуда взялся обычай печь жаворонки весной.** (Преданіе). Изданіе А. Г. Москва 1881 г. Ц. 10 к. 16 стр.

Былъ еще мартъ мѣсяцъ, а теплое весеннее солнце оживляло всю природу. Деревья покрылись листьями, земля—мягкою травою; воробьи вили гнѣзда. Но весна грустная ходила по своимъ владѣніямъ въ ожиданіи дорогихъ гостей—людей. Она не видитъ ни одной перелетной птицы, которая служила бы подтвержденіемъ установившагося весенняго времени. Жаворонокъ своимъ пѣніемъ прерываетъ ея раздумье; обрадованная, она умоляетъ его быть вѣстникомъ распустившейся природы. Онъ отказывается, мотивируя свой отказъ боязнью къ людямъ и злымъ кошкамъ. Тогда она быстро дѣлаетъ изъ вѣточекъ корзинку, наполняетъ ее яичками, взявши по одному изъ каждаго гнѣзда, и отдаетъ жаворонку, увѣряя его, что люди любятъ подарки и будутъ къ нему снисходительны, а яйца напомнятъ имъ, что съ весной наступаетъ и Великій день. Жаворонокъ отдаетъ дѣтямъ подарокъ, а черезъ нихъ и взрослые узнаютъ пріятную для нихъ вѣсть и съ радостью привѣтствуютъ весну.

Одно время года смѣнялось другимъ, но скучнѣе всѣхъ дѣтямъ казалась зима. Взрослые, чтобы ихъ утѣшить, напекли изъ тѣста жаворонковъ, какъ пріятное для нихъ воспоминаніе о веснѣ. И съ тѣхъ поръ на Руси установился обычай печь въ мартѣ мѣсяцѣ жаворонки.

Разсказъ написанъ живо, охотно читается и толково передается малолѣтними учениками, а потому мы рекомендуемъ его въ школьную библіотеку.

Вопросы:

О какомъ времени года говорится?
Почему весна грустить?
Кого она проситъ быть вѣстникомъ весны?
Отчего жаворонокъ не хочетъ исполнить ея желанія и почему послѣ соглашается?
Зачѣмъ взрослые напекли дѣтямъ изъ тѣста жаворонковъ? *З. Д.*

---

265) **Исторія канарейки и воробья. Ягненокъ. Бабочка.** Книжки для школъ № 47. Москва. 1881 г. Ц. 10 к. 53 стр.

Надя и Ѳедя находятъ въ полѣ молодаго воробья, упавшаго изъ гнѣздышка и искалѣченнаго при бѣгствѣ отъ погони деревенскихъ мальчиковъ, наступившихъ ему на ножку. Дѣти приносятъ его домой, заботятся о немъ, излѣчиваютъ его, сажаютъ въ одну клѣтку съ канарейкой, гдѣ онъ вскорѣ дѣлается ея другомъ, живетъ долго и счастливо и, наконецъ, умираетъ отъ горя черезъ часъ послѣ своей подруги.

Разсказъ написанъ занимательно, хотя подчасъ нѣсколько высокопарно. Слабыя мѣста—сравненіе канарейки съ барономъ, а воробья съ вассаломъ и сомнительный фактъ нахожденія воробьинаго гнѣзда въ полѣ на вѣткѣ боярышника.

«*Ягненокъ*» (10 стр.).

Маленькому ягненку надоѣло слушаться матери, и онъ уходитъ бродить по полю, отыскивая счастливца, не обязаннаго никому повиноваться. Но плавающіе утята, которыхъ онъ считалъ самостоятельными, немедленно приплываютъ къ берегу на зовъ своей вос-

питательницы-курицы; веселый жеребенокъ, свободѣ котораго онъ было позавидовалъ, былъ взнузданъ хозяиномъ и принужденъ бѣгать на кордѣ.

Послѣ этого ягненокъ съ раскаяніемъ возвращается къ матери, и здѣсь свѣтлякъ подтверждаетъ ему, что даже звѣзды повинуются извѣстному закону. Ягненокъ сознаетъ необходимость повиновенія и дѣлается разумнымъ.

«Бабочка».

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ заключается аллегорія о вѣрѣ въ загробную жизнь.

Содержаніе разсказа: — Бабочка, умирая, проситъ гусеницу позаботиться объ ея будущихъ дѣтяхъ, которыя выйдутъ изъ яичекъ. Гусеница, думая, что изъ яичекъ выйдутъ бабочки, находится въ затрудненіи, чѣмъ она будетъ кормить и какъ оберегать летающихъ малютокъ. За совѣтомъ она обращается къ жаворонку, который объясняетъ ей, что изъ яичекъ выйдутъ гусеницы, а она сама сдѣлается бабочкой. Гусеница сначала не вѣритъ этому; но когда первая половина предсказанія жаворонка исполнилась, то она увѣровала и въ остальное.

Всѣ три разсказа довольно дѣланные и не лишены непонятныхъ для дѣтей словъ, каковы: *кокетство*, *обсерваторія*, *фамильярность*, *вассалъ* и др. Тѣмъ не менѣе, дѣти слушаютъ эти разсказы не безъ интереса, а потому эта дешевая книжечка можетъ найти мѣсто въ школьной библіотекѣ.

Въ сельской школѣ при чтеніи разсказа «*Исторія канарейки и воробья*» со словомъ *баронъ* произошло слѣдующее:

— Что такое баронъ? спрашиваю я.

— Сочинитель, отвѣчаетъ мальчикъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— Почему ты такъ думаешь? спрашиваю я.

— А какъ же! баронъ Корфъ сочинилъ книжку «*Нашъ Другъ*», отвѣчаетъ онъ увѣренно.

Я пріостанавливаю чтеніе и объясняю слово. *Н. П.*

---

266) **Какъ былъ завоеванъ Яблоневый Дворъ.** Гесбы Стреттонъ, автора «Первой молитвы Джессики» и т. д. Варшава. 1880 г. 30 стр.

Какъ извѣстно, во всѣхъ большихъ и населенныхъ городахъ развито нищенство. Въ Лондонѣ съ его громаднымъ населеніемъ есть цѣлые улицы и кварталы, наполненные нищими, изъ которыхъ бо́льшая часть — воры и бродяги настолько смѣлые и нахальные, что полицейскіе рѣдко безпокоятъ ихъ, и если рѣшаются посѣтить такой вертепъ, то никогда не являются въ одиночку, а всегда большими партіями и хорошо вооруженные. Вотъ такой-то именно притонъ описываетъ Гесба Стреттонъ подъ названіемъ «Яблоневый Дворъ».

Во главѣ нищихъ Яблоневаго Двора стоитъ нѣкій Джеффри, которому хозяинъ вертепа поручилъ слѣдить за своими квартирантами и не допускать ихъ бѣжать отъ уплаты квартирныхъ денегъ. Джеффри пользуется даровой квартирой отъ хозяина и огромнымъ авторитетомъ между своими собратами.

Рядомъ съ Яблоневымъ Дворомъ находится миссіонерство подъ предсѣдательствомъ Джорджа Ланкэстера, человѣка, посвятившаго всю свою жизнь ближнему. У него зарождается желаніе вырвать Яблоневый Дворъ изъ грязи и порока; онъ предпринимаетъ настоящій крестовый походъ на «короля Джеффри», который всѣми силами старается оградить своихъ подданныхъ отъ вторженія лицемѣровъ и ханжей, какъ называетъ онъ Ланкэстера и его товарищей. Но миссіонеръ не падаетъ духомъ и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ пробраться самому въ Яблоневый Дворъ для проповѣди, рѣшается послать туда своего единственнаго двѣнадцатилѣтняго сына Алика, обладающаго замѣчательнымъ голосомъ. Отецъ поручаетъ мальчику идти и пѣть гимны, надѣясь, что голосъ и беззащитность ребенка смягчатъ сердце Джеффри, и онъ безпрепятственно пропуститъ его внутрь двора, но не такъ-то было: не успѣлъ ребенокъ начать второй гимнъ, какъ камень, пущенный рукою Джеффри, сбилъ его съ ногъ, и несчастный Аликъ съ пробитымъ вискомъ упалъ на землю безъ чувствъ.

Съ этой минуты начинается въ высшей степени драматическое и полное глубокаго смысла описаніе переворота, который произвелъ на грубыхъ и закоренѣлыхъ обитателей Яблоневаго Двора видъ безвинно пострадавшаго ребенка. Самъ Джеффри былъ пораженъ своимъ звѣрскимъ поступкомъ и, желая загладить его, перенесъ ребенка въ свою комнату, куда скоро прибылъ Ланкэстеръ и докторъ, признавшій, что жизнь Алика въ опасности. Цѣлую ночь просидѣли миссіонеръ и Джеффри около больнаго ребенка, повторявшаго въ бреду фразу, на которой оборвалась его пѣснь: «Іисусъ любитъ меня, это я знаю». Машинально сталъ повторять за нимъ эти слова Джеффри. Такъ прошла ночь; къ утру мальчикъ заснулъ, и когда онъ проснулся, то первыми его словами были: «Отецъ, прости

бѣднаго Джеффри,—онъ самъ не вѣдалъ, что творилъ!» Старикъ-нищій, услышавъ, вмѣсто проклятій, прощеніе и ласку, не выдержалъ, громко зарыдалъ и упалъ на колѣни, моля Бога о выздоровленіи ребенка. У него тоже былъ когда-то сынъ, который умеръ.

Аликъ выздоровѣлъ, и съ этой минуты Джеффри больше не препятствовалъ миссіонеру и его сыну посѣщать Яблоневый Дворъ и самъ сдѣлался лучшимъ человѣкомъ.

Не смотря на то, что разсказъ заимствованъ изъ чуждой намъ жизни, не смотря на плоховатый переводъ, не лишенный мудреныхъ словъ и тяжелыхъ оборотовъ рѣчи, онъ читается и слушается съ большимъ интересомъ подростками и взрослыми. Самоотверженіе отца, рѣшившагося рисковать жизнью единственнаго сына во имя блага ближняго, пѣсня маленькаго фанатика среди отчаянныхъ воровъ и разбойниковъ, камень, брошенный въ эту беззащитную голову, впечатлѣніе, произведенное на загрубѣлыхъ людей пѣснью Алика и жестокостью Джеффри, великодушіе ребенка, искреннее раскаяніе старика, — все это, вмѣстѣ взятое, интересуетъ и волнуетъ слушателей и вызываетъ въ нихъ величайшее сочувствіе. Это сочувствіе къ подвигамъ самоотверженія и великодушія служитъ намъ залогомъ того, что книга прочтется съ пользою въ воспитательномъ отношеніи, а потому мы и рекомендуемъ ее въ народную библіотеку. Пусть это чуждо нашей жизни, пусть идеалы утрированы, но если они доходятъ до сердца и будятъ въ немъ добрыя чувства,—чего же болѣе?

Вопросы:

Что за народъ наполнялъ Яблоневый Дворъ?

Съ какою цѣлью миссіонеру хотѣлось проникнуть туда?

Почему Джеффри не хотѣлось допустить его въ свое жилище?

Чѣмъ жертвовалъ миссіонеръ во имя блага ближняго?

Что тронуло загрубѣлыхъ людей?

Чѣмъ и какъ былъ завоеванъ Яблоневый Дворъ? *Х. А.*

Примѣч. См. рецензію «Воспитаніе и Обученіе» 1880 г. № 6 и 7, стр. 277. «Женское Образованіе» 1880 г. № 8, стр. 523—525.

---

267) **Одиноки въ цѣломъ Лондонѣ**. Изд. 2-е. Ц. 10 к. Спб. 1879 г. 112 стр. Соч. г-жи Гесбы Стреттонъ.

Разсказъ «*Одиноки въ цѣломъ Лондонѣ*» написанъ съ необыкновенной теплотой и сердечностью. Содержаніе его таково. Старикъ Оливеръ, продавецъ газетъ, остался совсѣмъ одинъ, съ тѣхъ поръ какъ, 6 лѣтъ тому назадъ, его покинула единственная дочь Сусанна, обвѣнчавшись съ молодымъ кутилой. Оливеръ былъ противъ этого брака; вотъ почему Сусанна скрылась отъ него, и съ тѣхъ поръ онъ не имѣлъ отъ нея никакихъ извѣстій. Минутами старикъ впадалъ въ мечтательность; ему казалось, что онъ не одинъ, что самъ Іисусъ Христосъ стоитъ возлѣ него и бесѣдуетъ съ нимъ. Однажды, когда бѣднякъ собрался уже запирать ставни своей лавчонки, онъ услышалъ голосокъ ребенка, который сказалъ ему: «У васъ здѣсь маленькая дѣвочка». Замечтавшись въ сосѣдней коморкѣ, старикъ не слыхалъ, кто входилъ въ это время въ лавочку. Онъ выбѣжалъ на улицу; но тамъ никого не было; только на противоположномъ тротуарѣ стоялъ маленькій бродяга Тони и съ любопытствомъ смотрѣлъ на старика и дѣвочку.

Напрасно ждалъ старикъ возвращенія матери. Тони подошелъ къ нему и разсказалъ, что онъ видѣлъ, какъ женщина оставила ребенка и быстро удалилась. Дѣлать было нечего; старикъ обласкалъ ребенка и уложилъ спать. Когда онъ раздѣвалъ дѣвочку, изъ кармана ея платьица выпало письмо. Письмо это писала мать ея, Сусанна; она просила прощенія у отца, извѣщала, что мужъ ея идетъ на войну, что она ѣдетъ проститься съ нимъ и черезъ три дня возвратится за своей милой Долли. Прошло три дня. Старикъ на послѣдніе гроши приготовилъ торжественную встрѣчу дочери, но напрасно вкусное печенье украшало его столъ: Сусанна не пришла. Онъ получилъ письмо, въ которомъ она извѣщала, что рѣшила слѣдовать за мужемъ на войну, а дѣвочку просила сберечь до ея возвращенія.

Странныя чувства боролись въ душѣ старика: онъ и радъ былъ ребенку,—этой прелестной малюткѣ, скрасившей его старческую одинокую жизнь, и трепеталъ за нее. Оливеръ чувствовалъ, что силы его слабѣли; что память мало по малу измѣняетъ ему, и врядъ ли онъ съумѣетъ справится какъ слѣдуетъ со своими маленькими дѣлами и въ то же время присмотрѣть за дѣвочкой. Оливеръ былъ правъ; дѣйствительно силы измѣняли ему; то онъ забудетъ сходить за газетами, то не откроетъ лавки во-время, то позабудетъ изготовить завтракъ своей ненаглядной крошкѣ. И Богъ знаетъ, чѣмъ кончилось бы все это, еслибы на помощь къ нимъ не явился такой же жалкій и одинокій, какъ

и онъ, бродяга Тони. Тони былъ сирота; онъ привязался къ старику и къ дѣвочкѣ съ такою силой, съ какой способно только привязаться существо, не знающее въ мірѣ ни ласки, ни привязанности. Онъ бѣгалъ за газетами, помогалъ старику подымать тяжелыя ставни, стучался къ нему въ окно, когда онъ запаздывалъ отворять лавочку, и т. п. Зато и старикъ полюбилъ брошеннаго ребенка; онъ не гнушался его лохмотьевъ и даже позволилъ ему спать вмѣсто улицы подъ прилавкомъ. Но Тони велъ себя съ тактомъ; онъ не злоупотреблялъ гостепріимствомъ старика и обыкновенно скрывался передъ обѣдомъ и завтракомъ, понимая очень хорошо, что старику едва подъ силу прокормить коекакъ себя и маленькую Долли. Мечтою Тони было пріобрѣсти метлу, подметать улицу и такимъ образомъ начать честнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ; и когда, наконецъ, эта мечта осуществилась, счастливѣе его не было человѣка на свѣтѣ. Счастіе это, однако, было отравлено такимъ обстоятельствомъ; къ Оливеру пріѣхала на время сестра—«въ высшей степени порядочная особа», какъ названа она въ книгѣ. Шарлота не была злою женщиной, но она очень любила приличія; видъ оборвыша Тони возмущалъ ее, и его сообщество съ маленькой Долли приводило ее въ отчаяніе. Оскорбленный и униженный мальчикъ пропалъ изъ дому и снова очутился среди уличныхъ бродягъ и воришекъ, но мѣсяцъ спустя его честная натура снова привела его подъ кровъ старика. И какъ же тутъ были рады ему, особенно крошка Долли!

Бѣдно, голодно и холодно жилось бѣднякамъ, но обоюдная привязанность и ласка согрѣвали и скрашивали ихъ существованіе, пока не поразило ихъ безутѣшное горе. Въ бѣдную коморку старика Оливера никогда не заглядывалъ лучъ солнца, и маленькая Долли сохла, какъ цвѣтокъ, не согрѣтый его лучами; старикъ былъ почти слѣпъ, а Тони слишкомъ неопытенъ, чтобы замѣтить это; но пришло время, когда и для нихъ это стало ясно. Закутавъ во все, что было у нихъ теплаго, дорогую крошку, они бережно понесли ее въ больницу. Въ больницѣ были большія высокія комнаты и много свѣта, но въ ней не нашлось мѣста для маленькой Долли, и она умерла въ темной коморкѣ своего стараго дѣдушки.

Одиночетво старика и мальчика, схоронившихъ свою единственную радость въ жизни, описано такъ трогательно, что невозможно читать безъ слезъ. Не смотря на то, что Сусанна возвращается къ отцу, беретъ его къ себѣ вмѣстѣ съ Тони и окружаетъ ихъ нѣжными ласками, не смотря на появленіе маленькой Полли, какъ двѣ капли воды похожей на сестру, старикъ и Тони не въ силахъ позабыть свою милую Долли, принесшую столько свѣта и радости въ душный лондонскій переулокъ.

Читается и слушается этотъ разсказъ съ величайшимъ интересомъ и сочувствіемъ и дѣтьми, и подростками, и взрослыми. Эти лишенія бѣдняковъ, ихъ борьба за существованіе, ихъ горе и слезы понятны и близки каждому. Разсказъ написанъ простымъ и безъискусственнымъ языкомъ, и мы особенно рекомендуемъ его въ народную и школьную библіотеку.

Вопросы:

Чѣмъ занимался Тони, и что могло бы выйти изъ него, еслибы его не пріютилъ и не приласкалъ добрый старикъ?

Чѣмъ скрашивалась жизнь бѣдняковъ?

Встрѣчаются ли у насъ такія же бѣдныя дѣти, и какъ слѣдуетъ относиться къ нимъ?

Х. А.

---

268) **Двѣ елки.** Разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Ц. 30 к, 16 стр. Москва. 1881 г.

Канунъ Рождества Христова. Въ богатомъ домѣ горитъ великолѣпная елка. Кругомъ суетятся, волнуются дѣти, но болѣе всего занимаетъ ихъ большой конь на механическихъ колесахъ. Конь этотъ достанется тому, кто отгадаетъ загадку, предложенную распорядителемъ вечера.

Загадка заключается въ вопросѣ: сколько елокъ видно въ залѣ? Всѣ видятъ одну елку, не замѣчая отраженія ея въ зеркалѣ, и какъ никто изъ дѣтей не умѣетъ разгадать мудреной загадки, то конь остается безъ хозяина.

Въ это самое время на улицѣ стоитъ плохо одѣтый мальчикъ, Ося. Онъ любуется издали красивою елкою и, вернувшись въ свой деревянный домишко, старается устроить себѣ елочку изъ прутика старой метлы, убираетъ ее раскрашенными бумажками.

На другой день дѣти богатой семьи по совѣту матери идутъ на улицу, чтобы отдать механическаго коня первому встрѣтившемуся бѣдняку. Они встрѣчаютъ Осю, приводятъ его къ себѣ въ домъ. Ему также предлагаютъ рѣшить загадку, и смѣтливый Ося, оглянувшись вокругъ, сразу говоритъ, что онъ видитъ двѣ елки. Ему отдаютъ коня. Ося

съ торжествомъ тащитъ его въ свой глухой переулокъ.

Было бы естественнѣе, еслибы въ богатомъ домѣ догадались накормить ребенка и дать ему теплое пальто вмѣсто дорогаго коня; но авторъ разсказа о роскошной елкѣ и о бѣдномъ мальчикѣ выводитъ слѣдующее заключеніе: «Послѣ этого случая мальчики и дѣвочки втораго этажа всегда помнили, что на свѣтѣ есть богатыя и бѣдныя дѣти, и что бѣдныя, любуясь съ улицы елкой богатыхъ, уносятъ о ней одно воспоминаніе, одну мечту, которая отражается въ ихъ дѣтской душѣ, какъ отражалась роскошная елка въ зеркалѣ» (стр. 16)... У отца этихъ богатыхъ дѣтей и у нарядной ихъ матери, также какъ въ неодушевленномъ зеркалѣ, отразился только образъ ребенка. Они не только не съумѣли внушить дѣтямъ, но и сами не поняли, что дорогая игрушка безполезна бѣдняку, и что они могли придти на помощь всей семьѣ, доставивъ средства умному, смѣтливому мальчику наукою и трудомъ выйти изъ печальнаго положенія.

Разсказъ написанъ, очевидно, для дѣтей интеллигентнаго класса, но можетъ быть прочитанъ и понятъ учениками городскихъ школъ, видѣвшихъ не разъ елки въ окнахъ домовъ; но разсказъ не дастъ имъ утѣшенія въ сопоставленіи богатства съ нищетою.

Вопросы:

Почему Ося такъ радовался своей бѣдной елочкѣ, а дѣти богатаго дома такъ мало обращали вниманія на свою нарядную елку?

Почему Ося одинъ угадалъ значеніе загадки? *А. Г.*

Примѣч. См. реценз. «Библіогр. Листокъ» 1881 г., стр. 17. «Женское Образов.» 1881 г., № 2, стр. 122. «Педагогич. Листокъ» 1881 г., стр. 80.

Дарія Х—ая передала мнѣ безупречно содержаніе разсказа «*Двѣ елки*» Вучетича.

На вопросъ мой:—Не слѣдовало ли господамъ, вмѣсто дорогой игрушки, подарить бѣдному мальчику что либо другое?—она отвѣчала вполнѣ правильно: назвала одежду, пищу, обувь и, тѣмъ не менѣе, совершенно неожиданно для меня заключила: — А хоть онъ и бѣдный былъ, все таки лошадь ему интереснѣе!

Въ эту минуту вопросъ мой показался мнѣ аристократическимъ.

Вообще, разсказъ этотъ читается дѣтьми съ большимъ интересомъ.

269) **Сонъ.** Разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Москва. 1881 г. Ц. 30 к. 16 стр.

Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Зина видитъ затѣйливый сонъ: цвѣты роскошнаго ея цвѣтника устраиваютъ веселый балъ; птички, стрекозы и жуки составляютъ оркестръ; пчелки, пользуясь общимъ весельемъ, высасываютъ медъ изъ танцующихъ цвѣтовъ и сами же смѣются надъ ними. Одинъ только кипарисъ оплакиваетъ непрочность земныхъ радостей и предсказываетъ всѣмъ гибель подъ сугробами снѣга. Любимый котенокъ Зины поясняетъ ей все, что думаетъ кипарисъ о жизни и смерти. Въ утѣшеніе котенокъ указываетъ ей на колосья ржи и пшеницы сосѣдняго поля, которые накормятъ людей и дадутъ имъ силу трудиться.

Вотъ явился передъ Зиною мальчикъ въ лохмотьяхъ, а за нимъ цѣлая толпа нищихъ, больныхъ, голодныхъ, а тамъ цѣлое село, гдѣ народъ умираетъ съ голоду. Заплакала дѣвочка: хотѣлось бы ей теперь всѣ клумбы, весь садъ обратить въ ниву съ хлѣбными посѣвами.

Могъ ли подобный сонъ присниться 12-тилѣтней дѣвочкѣ? Ея дѣтская головка могла ли сознавать пустоту свѣтскихъ развлеченій, скоротечность земнаго счастія, всѣ бѣдствія голодающаго народа? Когда сознаетъ она правду жизни, то сама жизнь, а не сонъ съ котенкомъ, научитъ ее жертвовать своими прихотями на пользу тѣхъ, у кого нѣтъ и черствой корки хлѣба.

Разсказъ автора о балѣ цвѣтовъ поэтиченъ и можетъ нравиться дѣтямъ интеллигентнаго класса; но въ немъ нѣтъ правды, и потому разсказъ наводитъ на ложное заключеніе, какъ будто бы предосудительно сажать цвѣты, заниматься ими, вмѣсто того чтобы засѣвать поля хлѣбомъ для голодающихъ.

Разсказъ «*Сонъ*» по формѣ изложенія недоступенъ пониманію учениковъ народной школы, а по ложной идеѣ онъ можетъ быть вреденъ, указывая на сады, какъ на безсердечную роскошь, тогда какъ садоводство, какъ и хлѣбопашество, доставляетъ заработокъ поселянамъ. *А. Г.*

Примѣч. Рец. см. «Библ. Листокъ» 1881 г. стр. 17. «Женск. Образ.» 1881 г. № 2, стр. 122. «Педаг. Листокъ» 1881 г. стр. 80.

Дарья Б — ва, 12-ти лѣтъ, подала мнѣ «*Сонъ*» *Вучетича*.

— Не понравилась, сказала она печально: —почти что ничего не поняла!

— Ну, разскажите мнѣ хоть немного, что поняли, сказала я.

— Цвѣты танцовали... начала нерѣшительно дѣвочка: — а какъ именно танцовали, не могу разсказать. Послѣ снился ей хлѣбъ большой, колосья высокіе! Мальчикъ говоритъ, что другой день не ѣдятъ... Послѣ видитъ— мужики бродятъ... Она говоритъ: «лучше-бъ я отдала тотъ хлѣбъ, что видѣла во снѣ, этимъ бѣднымъ»...

Б—ва говорила все это такъ сбивчиво, такъ отрывисто, что имѣла видъ ребенка, который бредитъ. Мнѣ стало жаль ее: другія книги она такъ хорошо разсказывала.

— Ну, Богъ съ нимъ, съ этимъ *«Сномъ»!* сказала я и выдала ей другую книгу.

Какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ, всѣ ли дѣти не понимаютъ *«Сонъ»* Вучетича, вслѣдъ за нею подошла ко мнѣ *Х—ая* и подала такую же книжечку.

— Поняла? спросила я.—Поняла! отвѣчала бойко дѣвочка, и она начала разсказывать.

— Зиночкѣ снился сонъ, будто разные цвѣтки танцуютъ и кружатся, все равно какъ люди. Послѣ всѣ эти *«колумбы»* исчезли («клумбы», поправила *я*), и слышитъ она: кто-то милостыни проситъ — очень жалко! Смотритъ—мальчикъ стоитъ и плачетъ. «Все наше семейство», говоритъ онъ:—«другія сутки безъ кушанья сидитъ». Она полѣзла въ шкафъ, достала *скибку* хлѣба, вынесла, а тутъ уже замѣсто мальчика мужчины голодные стоятъ, исхудалые, все равно какъ мертвецы. А котеночекъ ея, съ розовой ленточкой, шепнулъ ей на ушко: «Посмотри, Зиночка, вонъ тамъ цѣлая деревня виднѣется, и всѣ тамъ голодные». Послѣ она узнала, что это сонъ; только ей сколько разъ мерещилось: которые конфектами и фруктами наслаждаются, а у бѣдныхъ людей куска черстваго хлѣба нѣтъ!

Х—ая, вообще, большая умница; она разсказывала очень бойко, и тѣмъ не менѣе я видѣла ясно, какъ она лавируетъ и искусно обходитъ непонятныя мѣста.

Изъ десятковъ учениц, передававшихъ мнѣ *«Сонъ»* Вучетича, Х — ая является первой, которая порядочно передала его, а такого рода случай необходимо назвать *исключительнымъ*.

270) **На льдинѣ.** Разсказъ для дѣтей. Вучетича. Ц. 30 к. 16 стр.

Въ своемъ разсказѣ *«На льдинѣ»* г. Вучетичъ описываетъ грустный случай, происшедшій съ толпой рыбаковъ, занимающихся рыбною ловлею у береговъ Каспійскаго моря, недалеко отъ устьевъ Волги.

Запоздавъ раннею весною на рыбномъ промыслѣ при наступившей оттепели, въ одну темную, бурную ночь, они были оторваны отъ берега и очутились на большой льдинѣ, которую унесло въ море. Несчастныхъ рыбаковъ со всѣхъ сторонъ заливало волнами, ледъ трескался и ломался, всѣ ихъ лошади были унесены водою, и они сами, сплотившись въ тѣсный кружокъ, окаменѣвъ отъ ужаса, не видя нигдѣ спасенія, погибали одинъ за другимъ.

Черезъ недѣлю прибило къ берегу небольшую льдину; на ней было только трое полумертвыхъ рыбаковъ: дѣдушка Космачъ, славный, работящій старикъ, внукъ его, пятнадцатилѣтній Мироша, да еще одинъ рыбакъ изъ ихъ товарищей.

Разсказъ этотъ не длиненъ, содержаніе несложно; написанъ онъ прекраснымъ языкомъ, просто, хорошо, реально, а потому больше воспитываетъ ребенка, сильнѣе говоритъ его сердцу, нежели тенденціозное описаніе сна маленькой дѣвочки (разсказъ «Сонъ» того же автора), которая почерпаетъ всю свою житейскую премудрость въ ночной бесѣдѣ съ бѣлымъ котенкомъ.

Эпизоду о гибели рыбаковъ предшествуетъ поэтическое описаніе Волги и взморья зимою. Жаль, что авторъ, въ виду интереса разсказа, не говоритъ подробнѣе о жизни рыбаковъ во время зимняго промысла, когда они, «забывъ о теплыхъ избахъ роднаго села, о морозѣ и сѣверномъ вѣтрѣ», борются съ различными невзгодами для того, чтобы пропитать свою семью.

Разсказъ вполнѣ интересенъ для дѣтей народной школы.

Вопросы:

Какимъ промысломъ занимаются крестьяне у береговъ Каспійскаго моря?

Какой случай описывается въ разсказѣ?

Что заставляетъ рыбаковъ переносить лишенія и подвергаться опасности? *А. Г.*

Примѣчаніе. Рец. см. «Библіогр. Листокъ» 1881 г., стр. 25. «Женск. Образ.» 1881 г. № 2, стр. 122. «Педаг. Листокъ» 1881 г., стр. 80. Дополненіе къ «Обзору Народн. Литер.», стр. 42.

---

271) **Мачиха.** Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ № 270. Москва. 1880 г. Ц. 20 к. 47 стр.

Четырнадцатилѣтняя Надя жила со своей мачихой и маленькими сестрами и братомъ въ большой нуждѣ. Мачиха содержала семью работой; маленькія дѣти шалили, ссорились, шумѣли. Надя же, погруженная въ занятія по гимназіи и предавшись изученію музыки, не принимала участія въ горѣ и заботахъ ма-

чихи. Считая себя чужою, нелюбимою въ семьѣ, она ссорилась съ мачихою и огорчала ее своимъ поведеніемъ. Но добрая забота и ласки мачихи во время случившейся съ нею болѣзни, убѣдили ее, что она любима не менѣе родныхъ дѣтей. Вслѣдъ за этимъ убѣжденіемъ послѣдовало и исправленіе Нади. Этотъ разсказъ, довольно живо и интересно написанный для дѣтей интеллигентнаго класса, читается и слушается весьма охотно и дѣтьми старшаго возраста народной школы. Наблюденія наши говорятъ намъ, что эти дѣти интересуются не исключительно описаніемъ своей среды; ихъ занимаетъ и жизнь господъ, съ которою они весьма часто входятъ въ соприкосновеніе. Вся задача въ томъ, конечно, чтобы жизнь эта была описана просто и понятно, и чтобы авторъ останавливался на темахъ, доступныхъ дѣтскому пониманію. Что касается вопросовъ нравственности, то они весьма часто, если не всегда, могутъ быть общими; такъ и тутъ: предубѣжденіе противъ мачихи, увѣренность въ томъ, что она не можетъ быть иначе, какъ злою и несправедливою, также сильны въ народѣ, какъ и въ интеллигентномъ классѣ. Вотъ почему кроткій и любящій образъ Натальи Николаевны способенъ вызвать общія симпатіи и заставить задуматься надъ вопросомъ: точно ли мачихи всегда бываютъ злыми?

Желая провѣрить, какъ разберутся дѣти съ даннымъ матеріаломъ, учительница сельской школы по окончаніи чтенія сказала, обращаясь къ классу:—Что можно спросить насчетъ этой книги?

— Какія бываютъ мачихи? поставила вопросъ одна изъ дѣвочекъ.

— Бываютъ злыя, бываютъ добрыя, отвѣчали ей: — Наталья Николаевна была очень добрая, но Наденька не чувствовала этого и постоянно во всемъ перечила ей и только во время тяжкой своей болѣзни поняла ея доброту.

— А какъ дѣти должны относиться къ мачихѣ? спросилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Дѣти должны относиться къ мачихѣ умно и тоже не обижать ея напрасно, отвѣчалъ другой:—потому что она имъ мать родную замѣняетъ: имъ надо слушаться ея и уважать.

— А какъ относилась Надя къ мачихѣ и къ ея дѣтямъ? спросила еще одна дѣвочка.

— Нехорошо, отвѣчалъ мальчикъ:—мачиха на работу уйдетъ, ей бы за дѣтьми присмотрѣть, а она зачнетъ ругать ихъ, сама нарушаетъ порядокъ!

На нашъ взглядъ, этихъ вопросовъ и отвѣтовъ достаточно, для того чтобы рѣшить, насколько понята книга и какія добрыя мысли заронила она въ души дѣтей. Непонятными оказались, впрочемъ, разговоры о музыкѣ, въ которыхъ фигурируютъ имена Бетховена, Моцарта и Гайдна (стр. 40 и 41), и на вопросъ учительницы:—Не догадываетесь ли, о чемъ тутъ идетъ рѣчь?—одинъ изъ бойкихъ мальчиковъ отвѣчалъ: — Бетховенъ — это, вѣрно, пѣсня такая?

Объясненія учительницы, конечно, поправили дѣло, но мы спросимъ кстати: многія ли даже изъ дѣтей средняго круга знакомы съ этими именами? *Х. А.*

---

272) **Сестра Розалія.** Переводъ съ французскаго. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1862 года. Ц. 50 коп. 212 стран. небольшаго формата.

Жизнеописаніе сестры милосердія Розаліи, принадлежавшей къ общинѣ св. Викентія де-Поль и подвизавшейся болѣе 50 лѣтъ въ дѣлѣ служенія и оказанія всевозможныхъ видовъ помощи страждущимъ и неимущимъ предмѣстья Сенъ-Марсо въ Парижѣ, представляетъ вполнѣ назидательное чтеніе. Чтобы хотя отчасти познакомить читателя съ тономъ и языкомъ этого жизнеописанія, мы приводимъ заключеніе изъ предисловія неизвѣстнаго автора названнаго труда, которое въ то же время можетъ замѣнить и нашъ пересказъ содержанія.

«Розалія жила въ наше время, среди насъ; каждый могъ видѣть ее и когда угодно съ нею бесѣдовать; ей присущи были наши интересы, нужды и дѣла; она сочувствовала нашимъ радостямъ и горестямъ и переживала вмѣстѣ съ нами всѣ перевороты, происходившіе въ обществѣ; при всей своей набожности, она шла въ уровень съ вѣкомъ и страною, гдѣ находилась. Добрыя дѣла, ею совершенныя для блага общаго, были изъ числа тѣхъ, о которыхъ всюду говорятъ съ каѳедры; мы слышимъ и видимъ ихъ ежедневно; они совершаются передъ нашими глазами; но такъ глубоко усвоила она себѣ всѣ проявленія христіанской любви къ ближнему, такъ сильна была въ ней эта любовь, что каждый, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился и какая бы ни выпала ему доля, можетъ найти въ жизни сестры Розаліи весьма много для себя полезнаго и примѣнимаго. Богачъ можетъ научиться здѣсь употреблять съ пользою свои богатства, бѣдный—терпѣливо сносить лишенія, счастливецъ — умѣренно пользоваться своимъ счастіемъ, несчастный—находить утѣшеніе, скептикъ и эгоистъ могутъ

узнать о томъ, какъ вѣрятъ, любятъ, приносятъ себя въ жертву другимъ и изъ какого божественнаго источника почерпается эта вѣра и любовь. Всѣ правила здѣсь такъ просты и легки, что каждый, можетъ быть, сдѣлаетъ попытку приложить ихъ къ дѣлу и начнетъ исполнять хотя понемногу и изрѣдка то, что Розалія совершала ежедневно» (стр. 5 и 6).

Частью основываясь на этомъ несовсѣмъ доступномъ языкѣ и еще болѣе на томъ, что съ первыхъ же страницъ книги начинаютъ попадаться слова, подобныя слѣдующимъ: *время террора*, *жирондисты*, *монтаньяры*, *директорія*, *первый консулъ* и т. д., слова, трудность пониманія которыхъ заключается въ отсутствіи знакомства съ исторіей Франціи конца прошлаго и настоящаго столѣтій, имѣющихся у насъ въ виду читателей, — основываясь на этомъ, говоримъ мы, намъ приходило въ голову отвергнуть эту біографію сестры милосердія, но потомъ насъ остановило слѣдующее соображеніе. Въ теченіе болѣе 14-ти-лѣтняго существованія воскресной школы въ ней не переводился запросъ со стороны учен ицъ на такъ называемыя ими *божественныя* книги. При разспросахъ оказывалось, что иногда такой выборъ чтенія былъ слѣдствіемъ указанія или просьбы родителей, а иногда являлся личнымъ желаніемъ самой ученицы. Въ виду этого-то запроса и еще болѣе въ виду ограниченнаго количества книгъ, способныхъ удовлетворить его, мы и рѣшились допустить это жизнеописаніе въ народную библіотеку и имъ хотя нѣсколько пополнить скудный отдѣлъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. И если мѣстами будутъ попадаться для читателя непонятныя слова, неизвѣстныя имена и французскія названія улицъ столицы Франціи, зато онъ вынесетъ изъ чтенія этой книги представленіе о такихъ благотворительныхъ, подсказанныхъ милосердіемъ и любовью къ ближнему, учрежденіяхъ, каковы: ясли для новорожденныхъ, пріютъ и школа для дѣтей, домъ призрѣнія сиротъ, попечительство надъ дѣвицами и убѣжище для престарѣлыхъ, — которыя неизвѣстны не только въ деревняхъ, но и во многихъ городахъ Россіи. А знакомство съ этими филантропическими учрежденіями, наряду съ описаніемъ жизни сестры Розаліи, умѣвшей увлекать окружающихъ ее по пути благотворительности, и заботы объ угнетенныхъ и даже отверженныхъ членамъ общества, ея личный характеръ,—все это является такимъ полезнымъ и поучительнымъ чтеніемъ, которое заставляетъ искренно и серьезно пожалѣть, что по своему изложенію книга способна удовлетворить только меньшинство читателей-простолюдиновъ, и пожелать радикальной ея передѣлки, которая сдѣлала бы ее доступною для чтенія большинства.

Очевидно, поэтому, что названное жизнеописаніе всего умѣстнѣе давать толково грамотнымъ и преимущественно взрослымъ читателямъ. Мы имѣли случай удостовѣриться, что оно читается съ большимъ интересомъ, хотя читатели и заявляютъ откровенно, что многое имъ было непонятно, въ особенности въ первой половинѣ книги.

Вопросы:

Когда жила сестра Розалія?

Какія благотворительныя учрежденія были основаны ею?

Какая польза каждаго изъ нихъ?

Откуда доставала она необходимыя для всѣхъ своихъ добрыхъ дѣлъ средства?

Кто были ея помощники?

Почему ее именно любили болѣе другихъ сестеръ милосердія? *Е. Г.*

Намъ пришлось прочитать эту книгу въ группѣ взрослыхъ и подростковъ, окончившихъ курсъ въ городскихъ школахъ. Мы раздѣлили чтеніе на два воскресныхъ дня. Первая половина книги, особенно изобилующая непонятными словами и выраженіями, казалось, должна была бы неизбѣжно вызвать скуку; и, дѣйствительно, слушатели казались скучающими: ни оживленія, ни возгласовъ, ни замѣчаній не слышно было въ классѣ, такъ что учительница, по окончаніи чтенія 100 намѣченныхъ страницъ, сказала, обращаясь къ классу:

— Такъ какъ въ книгѣ этой встрѣчается много непонятныхъ для васъ словъ и выраженій, то къ слѣдующему воскресенью я приготовлю прочитать вамъ что нибудь другое.

Заявленіе это встрѣтило неожиданно самый горячій протестъ.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, дочитайте это! говоритъ одна.

— Мнѣ нравятся такія серьезныя, продолжала другая.

— Оно хоть и скучно, но поучительно, говоритъ третья:—такая книга можетъ подкрѣпить каждаго человѣка.

— Есть такіе, которые любятъ веселыя, *театральныя* книги, а я люблю *божественныя*, добавила еще одна:—вотъ только жалко, что имена невозможно запомнить,—такъ это сбиваетъ!

— Да тутъ не одни имена, тутъ часто

встрѣчается такъ, что и не поймешь, что оно такое, а все таки мнѣ понравилось, сказала ея сосѣдка.

— А я вамъ скажу, замѣтила еще одна молчаливая дѣвушка, увлеченная видимо въ эту минуту общимъ оживленнымъ обсужденіемъ вопроса и обращаясь не къ учительницѣ, а къ подругамъ:—есть такіе люди, которые не любятъ про эти благодѣянія читать, говорятъ: «тутъ и такъ бѣдствуешь, и въ книжкахъ то же пишутъ!»

Въ концѣ концовъ единогласно рѣшено было просить учительницу продолжать чтеніе; тѣмъ не менѣе, вопросъ, насколько все это было искренно, слѣдовало считать открытымъ до слѣдующаго воскресенья и посмотрѣть, всѣ ли дѣйствительно придутъ дослушивать чтеніе остальныхъ 100 страницъ «Сестры Розаліи». Наступило воскресенье, и слушательницы не только пришли всѣ до единой, а появились двѣ, не принимавшія участія въ чтеніи прошлый разъ: одна взрослая дѣвушка, которой сообщили, что учительница читаетъ что-то очень интересное, а другая — младшая сестра одной изъ слушательницъ.

— Извините, что Катя, не бывши прошлый разъ, пришла сегодня! обратилась она къ учительницѣ:—прошлое воскресенье маменьки не было дома, и кто нибудь изъ насъ долженъ былъ оставаться, а сегодня она обѣихъ насъ отпустила. Только вы не безпокойтесь, что Катя не пойметъ, добавила она: — я ей все до капли разсказала!

— Хорошо, сказала учительница:—но здѣсь есть дѣвушка, которая не знаетъ, о чемъ мы читали; разскажите ей хотя и не особенно подробно, чтобы намъ не терять много времени!

Послѣдняя просьба учительницы оказалась недѣйствительной: ученица начала передавать содержаніе первой половины книги съ мельчайшими подробностями. Ничто не было позабыто: она говорила и о дѣтствѣ Розаліи и ея правдивости, и объ обществѣ сестеръ милосердія, куда поступила она, и о посѣщеніи Розаліей бѣдныхъ и больныхъ, и о школахъ для дѣвушекъ и пріютахъ для престарѣлыхъ; и говорила такъ живо, такъ интересно, что, просто, можно было заслушаться.

Вторая половина чтенія прошла оживленнѣе первой; слушатели встрѣчались тутъ съ знакомыми уже лицами, именами, названіями и учрежденіями; непонятныхъ словъ попадалось меньше; и впечатлѣніе было вынесено еще благопріятнѣе, чѣмъ послѣ перваго чтенія; тѣмъ не менѣе, мы еще разъ повторимъ, что было бы въ высшей степени желательно, чтобы кто либо занялся передѣлкой этой интересной біографіи могучей и гуманной личности сестры Розаліи и сдѣлалъ книгу вполнѣ пригодною для народнаго чтенія.

273) **Трудовой крестьянскій годъ.** («Четыре времени года» Д. В. Григоровича). Передѣлано для дѣтскаго чтенія Н. Блиновымъ. Вятка. 1880 г. Ц. 10 к., 35 стр.

Передѣлка прекрасной повѣсти Д. В. Григоровича «Четыре времени года» удалась г-ну Блинову какъ нельзя лучше. Мы не станемъ передавать здѣсь подробно содержаніе ея, которое читатель встрѣтитъ выше, въ рецензіи № 131, а укажемъ только, съ какимъ тактомъ г. Блиновъ пропустилъ тѣ мѣста изъ нея, которыя не соотвѣтствуютъ дѣтскому чтенію. Въ передѣлкѣ мы не встрѣчаемъ разговора солдатки Домны съ парнемъ Петрушей, въ которомъ она намекаетъ ему объ отношеніяхъ, бывшихъ между ними на фабрикѣ, не встрѣчаемъ грубой перебранки Дарьи и Домны на улицѣ, разговора Домны съ фабрикантомъ объ обѣщанныхъ въ городѣ башмакахъ и ночнаго свиданія Петра съ Парашей; но есть, впрочемъ, пропуски и не вполнѣ желательные: такъ, мы не можемъ опредѣленно отвѣтить себѣ на вопросъ, почему пропущено описаніе жизни бѣдной Дарьи и ничего не сказано о худенькомъ батракѣ-подпаскѣ? Первое еще можно объяснить тѣмъ, что г. Блиновъ избѣгалъ слишкомъ тяжелыхъ впечатлѣній для дѣтей (побои мужа, смерть ребенка и проч.); образъ же маленькаго бѣднаго подпаска, очерченнаго такъ живо и сочувственно въ немногихъ словахъ, непремѣнно слѣдовало бы оставить во всей его неприкосновенности. Это было бы тѣмъ болѣе кстати, что въ дѣтской литературѣ какъ нарочно встрѣчаются почему-то исключительно счастливые подпаски, каковы: Вася въ повѣсти Маляревскаго «*Василій чабанъ*». Миша въ разсказѣ Смирнова «*Подпасокъ*» и «Баранчикъ» въ «*Народныхъ разсказахъ*» А. Коваленской (съ тѣхъ поръ какъ онъ попалъ въ подпаски). Между тѣмъ маленькій, оборванный, работающій не по силамъ батракъ Григоровича врядъ ли не ближе къ дѣйствительности, чѣмъ всѣ эти счастливые подпаски, хотя они и очерчены въ разсказахъ весьма симпатично. Но такъ или иначе, нельзя не сказать искренняго спасибо г. Блинову за то, что ему пришла счастливая мысль остановиться на прекрасной повѣсти Д. Григоровича и сдѣлать ее доступною для дѣтскаго чтенія: это тѣмъ болѣе кстати, что по-

вѣсть «Четыре времени года» вся подернута мягкимъ колоритомъ скромнаго счастія и довольства и кончается вполнѣ благополучно, что въ скорбныхъ разсказахъ Д. Григоровича составляетъ большую рѣдкость; читатель невольно готовится въ нихъ къ грустной развязкѣ; такъ, однажды развитая ученица воскресной школы, перечитавшая почти всѣ *«Сельскіе разсказы»*, возвращая «Четыре времени года», сказала:

— Какъ я рада, что въ этой повѣсти все кончилось благополучно! Когда солдатка замѣшалась между ними, я такъ и думала, что онъ не женится на Парашѣ, что она разстроитъ ихъ.

Взрослые, впрочемъ, какъ замѣчено, любятъ драматическую завязку и грустный колоритъ, для дѣтей же требуется больше мягкихъ красокъ, больше свѣта и радости; вотъ почему повѣсть *«Трудовой крестьянскій годъ»* слѣдуетъ считать вполнѣ соотвѣтствующей дѣтскому чтенію.

Намъ пришлось прочитать ее въ группѣ дѣтей и подростковъ, окончившихъ курсъ въ ежедневныхъ городскихъ школахъ. Всѣ слушали съ величайшимъ интересомъ и одобреніями.

— Не знаю, какъ кому, сказала одна изъ развитыхъ дѣвочекъ по окончаніи чтенія:— а мнѣ про деревню читать интереснѣе, чѣмъ про городъ. Про городъ мы все знаемъ, а про деревню меньше, особенно если такъ интересно, какъ въ этой книжечкѣ описано!

— А мнѣ только вотъ что въ деревнѣ не нравится, замѣтила еще одна изъ окончившихъ курсъ, постарше:—зачѣмъ они во всѣ эти глупыя повѣрья вѣрятъ!

Она сказала это такимъ тономъ, точно будто чувствовала себя чуждою какихъ бы то ни было предразсудковъ.

— А въ городѣ не вѣрятъ? заспорила первая.

— Вѣрятъ, да, все таки не такъ,—умнѣе, возражала вторая.

Между ними возникъ споръ, изъ котораго вполнѣ выяснилось, что высокомѣріе, съ какимъ дѣвочка отнеслась къ деревнѣ, вполнѣ неосновательно, такъ какъ многое, во что вѣритъ она лично, неотъемлемо входитъ въ область предразсудковъ, что и объяснила ей учительница.

Читали въ этотъ разъ собственно *«Трудовой крестьянскій годъ» Блинова*, а на столѣ лежала полная повѣсть *Григоровича «Четыре времени года»*. Книга эта обратила на себя вниманіе слушателей, и по окончаніи чтенія старшіе спросили учительницу:

— Вѣдь это не та самая, а потолще?

Учительница объяснила, въ чемъ дѣло. Тогда ученицы начали усердно просить ее прочитать и эту.—Тутъ подробнѣе, значитъ и интереснѣе! говорили онѣ.

Дѣлать было нечего, время еще оставалось, и учительница согласилась на эту просьбу. Старшія слушали съ величайшимъ интересомъ, даже съ большимъ, кажется, чѣмъ первую; длинноты описанія природы, сокращенныя въ передѣлкѣ, очень нравились имъ. Младшія зѣвали.

— Мнѣ куда больше первая понравилась! сказала по окончаніи чтенія одна изъ младшихъ:—тамъ я все какъ есть поняла.

Х. А.

---

274) **Двѣ были, одна сказка и небылица.** Соч. Ольги Телешовской. Москва. 1880 года. Ц. 30 к. 72 стр.

«Подъ снѣгомъ». (Истинное происшествіе). Разсказъ занимаетъ 21 страницу и напоминаетъ нѣсколько своей фабулой «Митину Иву», Вучетича, съ тою только разницей, что Митя умираетъ, а маленькаго Васю находитъ лѣсникъ и привозитъ къ роднымъ. Горе и тревоги отца и матери, боязнь ребенка, участіе деревенскаго люда,—все это изображено тепло и живо; дѣти слушаютъ этотъ разсказъ съ большимъ интересомъ и участіемъ къ судьбѣ маленькаго героя. Заглавіе «Подъ снѣгомъ» вызываетъ боязнь, что ребенка найдутъ мертвымъ; вотъ почему, когда мы дошли до описанія, какъ выпалъ первый снѣгъ, одинъ изъ слушателей замѣтилъ тревожно:—Пропалъ Вася!—Тѣмъ больше было радости, когда ребенка доставили благополучно домой.

Разсказъ этотъ съ удовольствіемъ можно рекомендовать въ школьную библіотеку.

«Травка» занимаетъ около 6 страницъ. Это поэтическое описаніе того, какъ жила травка, какъ жаждала она дождя, какъ жгли ее лучи солнца и какъ поблекла она подъ этими палящими лучами.

Все это описано весьма поэтически и нравится маленькимъ дѣтямъ.

«Птичье гнѣздышко» (сказка моей тети) занимаетъ 24 страницы. Содержаніе ея таково.—Голубой принцъ посылаетъ своего пріятеля, карлика Амико, къ горному старцу съ просьбою указать, кто изъ дѣвицъ всего царства добрѣе всѣхъ. Колдунъ сообщаетъ эти свѣдѣнія въ загадочной формѣ, и послѣ ряда неудачъ Голубой принцъ отыскиваетъ наконецъ свою суженую. Добродѣтельная дѣвушка оказывается прачкой, но принца не

смущаетъ это обстоятельство; онъ женится на прекрасной незнакомкѣ и вполнѣ счастливъ.

Сказка написана очень живо; дѣти читаютъ и слушаютъ ее съ большимъ интересомъ.

Нельзя сказать того же о разсказѣ *«На лунѣ»* (небылица). Рѣшительно теряешься въ догадкахъ, для кого и для чего понадобилось автору ни съ чѣмъ несообразное повѣствованіе о томъ, что каждый человѣкъ былъ прежде на лунѣ старикомъ, обладающимъ извѣстными качествами и талантами, а затѣмъ, превращаясь мало по малу въ ребенка, перешелъ на землю съ задатками способностей, которыя онъ обязанъ развивать и совершенствовать. Всему этому, конечно, придана фантастическая форма, но, Боже мой, что за сумбуръ, что за путаница понятій должны бы были водвориться въ головѣ ребенка по прочтеніи описанія жизни на лунѣ, гдѣ старики и старухи шалятъ, какъ дѣти, посѣщаютъ школы и рѣзвятся на улицахъ, — еслибы сумбуръ этотъ оказался доступнымъ его пониманію! Къ счастію, дѣти признаются откровенно, что не понимаютъ этой запутанной исторіи и скучаютъ, читая и слушая ее.

Желательно было бы не встрѣтить въ будущемъ изданіи этой нелѣпой небылицы, отчего книжечка г-жи Телешовской не проиграла бы, а только выиграла.

X. A.

---

275) **Степка-Растрепка** *). Разсказы для дѣтей. Изданіе 6-е. Спб. и Москва. Изд. М. О. Вольфа. Ц. 1 р. 25 к. 16 стр.

276) **Жизнь и приключенія Степки - Растрепки.** Москва. 1880 г. 8 стр.

Взрослый человѣкъ обладаетъ правомъ имѣть любимыя книги,—почему же не предоставить этого права маленькому человѣку-ребенку, если въ этомъ любимомъ чтеніи нѣтъ ничего ни опаснаго, ни вреднаго? къ чему, пользуясь преимуществами сильнаго, посягать на его вкусы и симпатіи и стараться передѣлать ихъ по своему? почему предлагать ему только полезное, тогда какъ взрослый человѣкъ далеко не всегда руководится самъ этими правилами при выборѣ чтенія? Вопросы эти намъ невольно пришли въ голову подъ впечатлѣніемъ только что прочитанныхъ съ дѣтьми разсказовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *«Степки - Растрепки»*. Сколько веселья, сколько искренняго дѣтскаго смѣха пришлось услышать намъ!

Изъ чего же именно состоятъ эти разсказы, замѣняющіе, повидимому, для дѣтей то, что представляютъ собою для взрослаго человѣка «Стрекоза» и «Будильникъ»?

На 1-й страницѣ тетради большаго формата мы встрѣчаемъ изображеніе главнаго виновника веселья, Степку-Растрепку, мальчугана съ длинными волосами, покрывающими ему лицо, и огромными ногтями на рукахъ.

Чтобы познакомить взрослаго читателя съ общимъ характеромъ этой любимой дѣтьми книги, приводимъ цѣликомъ текстъ 1-го разсказца:

«Ай да диво, что за грива!
Ай да ногти, точно когти!
Отчего-жъ онъ такъ обросъ?
Онъ чесать себѣ волосъ
И ногтей стричь цѣлый годъ
Не давалъ—и сталъ уродъ.
Чуть покажется на свѣтъ,
Всѣ кричатъ ему во слѣдъ:
— Ай да Степка! Ай Растрепка!»

Разсказъ 2-й повѣствуетъ о зломъ мальчикѣ Ѳедѣ, не дававшемъ никому покоя, и кончается тѣмъ, что онъ дошалился таки до того, что его укусила собака.

Затѣмъ слѣдуетъ *«Престрашная исторія о спичкахъ»*, надъ которой дѣти ужъ не смѣялись, а притихли и пріуныли, когда дѣло дошло до того, что:

«Сгорѣла бѣдная она,
Зола осталася одна,
Да башмачки еще стоятъ».

Затѣмъ разсказана исторія о томъ, какъ дѣти издѣвались надъ чернотой араба и какъ, въ наказаніе за это, великанъ-чародѣй обмокнулъ ихъ въ свою громадную чернильницу, и они сдѣлались чернушками. Слова:

«Идетъ по солнышку арапъ,
За нимъ чернушки тяпъ, тяпъ, тяпъ!»

сопровождающіяся картинкой, вызвали такой громкій и дружелюбный смѣхъ, что нѣсколько минутъ невозможно было продолжать чтенія.

«Сосулька», *«Ѳедюшка-вертушка»*, *«Андрей-ротозѣй»* (разсказы въ томъ же вкусѣ) тоже сопровождались веселымъ смѣхомъ. Изъ всѣхъ девяти маленькихъ исторій только двѣ не произвели никакого эффекта на деревенскихъ дѣтей (въ группѣ которыхъ и была собствен-

---

*) *Примѣчаніе.* Реценз. см. «Наша Дѣтская Литерат.», Ф. Толя, стр. 65; Журн. «Семья и Школа» 1872 г. № 2, стр. 361.

но прочитана нами эта книга), а именно: *«Исторія о мальчикѣ, который не хотѣлъ кушать супу»* и *«Петръ Самолетъ»*. Относительно 1-го они никакъ не могли взять въ толкъ, какъ и почему возможно не ѣсть супу, щей или чего бы то ни было съѣдобнаго, и рѣшили, что онъ, вѣрно, померъ съ голоду; относительно 2-го—не могли понять, какимъ образомъ вѣтеръ поднялъ мальчика на воздухъ вмѣстѣ съ зонтикомъ, и почему,

«Когда дождикъ идетъ,
Или вѣтеръ реветъ,
То сидѣть надо вамъ,
Дѣти, всѣмъ по домамъ».

Издана эта книга весьма опрятно; картинки-каррикатуры очень недурны и выразительны.

Нельзя сказать того же о тетради 2-й — *«Жизнь и приключенія Степки-Растрепки»*. Картинки въ ней несравненно хуже, да и вообще издана она весьма небрежно; такъ, напр., картинка, приноровленная къ русскимъ нравамъ, изображаетъ мамашу-мѣщанку съ повязкой на головѣ, а текстъ, оставаясь вѣрнымъ описанію мамаши - барыни, гласитъ:

«Чуть жива она сидитъ
И въ *лорнетъ* на всѣхъ глядитъ».

Кромѣ того, тетрадь эта изобилуетъ ороографическими ошибками, и въ ней недостаетъ трехъ разсказовъ: *«Дивныя приключенія злаго Ѳеди»*, *«Престрашная исторія о спичкахъ»* и *«Чернушки»*.

Цѣна на книгѣ не обозначена, но во всякомъ случаѣ, еслибы составителю школьной библіотеки вздумалось доставить младшимъ изъ дѣтей веселье и радость и еслибы нашелся для этого лишній рубль, полтора, мы рекомендовали бы ему пріобрѣсти не 2-ю, а 1-ю тетрадь, хотя, очевидно, она стоитъ дороже.

277) **Разсказы для дѣтей.** Сазоновой. Пер. съ англійскаго. Спб. 1867 года. Ц. 60 коп. 123 стр.

Всѣ шесть разсказовъ написаны, очевидно, съ цѣлью дать мѣсто наставленіямъ и нравоученіямъ. Въ одномъ изъ нихъ попугай, снигирь, обезьяна и пчела заняты пустыми и неинтересными разговорами. Въ концѣ разсказа авторъ говоритъ: «Дѣти! не учитесь, подобно попугаю, для того только, чтобы гордиться своими познаніями. Не считайте себя умнѣе своихъ подругъ и товарищей, подобно снигирю, потому что вы можете *сказать* или *спѣть* что нибудь *болѣе*, чѣмъ они. Не употребляйте, подобно обезьянѣ, глазъ, рукъ и головъ вашихъ, чтобы причинить вредъ или сдѣлать зло, но, подобно пчелѣ, собирайте запасъ познаній, которыя пригодились бы для всей вашей жизни».

Также неинтересенъ разсказъ «Рабочій ящикъ», въ которомъ мамаша неблагонравной дѣвочки уличаетъ дочь свою въ ужасномъ безпорядкѣ ея несессера. Изъ этого, само собою разумѣется, вытекаетъ нравоученіе о порядкѣ сердца и души.

То же самое или почти то же самое мы встрѣчаемъ во всѣхъ остальныхъ разсказахъ.

Задумано все это очень блѣдно, отъ всего вѣетъ бездарностью и скукой, а потому мы и считаемъ совершенно излишнимъ пріобрѣтеніе этой книги въ школьную библіотеку.

Л. Д.

II. РАЗСКАЗЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВЪ ПЬЯНСТВА.

Разсказы, направленные противъ пьянства. Есть вопросы настолько серьезные и сложные, что, становясь съ ними лицомъ къ лицу, человѣку дѣлается жутко говорить о нихъ и выискивать способы къ ихъ разрѣшенію. Къ числу подобнаго рода вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о пьянствѣ; тѣмъ не менѣе, обходить его въ литературѣ народной невозможно; это значило бы расписаться въ полномъ безсиліи живаго, искренняго слова, въ отсутствіи какого бы то ни было нравственнаго вліянія книги. Къ тому же, народъ самъ силится разрѣшить эти роковые вопросы, и тема о пагубномъ вліяніи пьянства и значеніи кабака, какъ убѣжища отъ горя, преслѣдующаго человѣка, встрѣчается во многихъ произведеніяхъ народнаго творчества очень давняго происхожденія. Мы остановимся на лучшихъ изъ нихъ, собранныхъ въ книгѣ, изданной въ Москвѣ и, къ сожалѣнію, теперь составляющей библіографическую рѣдкость. Книга эта называется:

278) **Горе-Злосчастіе** *). Москва. 1864 года. Ц. 12 к. 59 стр.

Въ ней мы находимъ: 1) «Повѣсть о Горѣ и Злосчастіи, и какъ Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ»; 2) «Народныя былины: о Горюшкѣ и добромъ молодцѣ»; 3) «О горюшкѣ сѣромъ и Упавѣ молодцѣ» и нѣсколько народныхъ пѣсенъ о «Горѣ».

Извѣстное произведеніе «*Повѣсть о Горѣ и Злосчастіи, и какъ Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ*», полу-литературное, полу-народное, найденное въ рукописныхъ сборникахъ XVII в., начинается такъ:

«Изволеніемъ Господа, Бога и Спаса нашего,
Іисуса Христа Вседержителя,
Отъ начала вѣка человѣческаго...
А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
Сотворилъ небо и землю,
Сотворилъ Богъ Адама и Еву,
Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
Далъ имъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
Отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво:
Прельстился Адамъ со Евою,
Позабыли заповѣдь Божію,
Вкусили плода винограднаго».

Вотъ куда относитъ народная фантазія начало страданій человѣчества отъ *демона пьянственнаго*. Къ этому общему началу всѣхъ бѣдъ людскихъ отъ вкушенія плода винограднаго, замѣнившагося на Руси зеленымъ виномъ, присоединена слѣдующая повѣсть.

У одного отца съ матерью былъ сынъ; выросъ онъ, благодаря ихъ попеченіямъ, въ беззлобіи; наставляли они его на добрыя дѣла пословицами добрыми, хитрыми:

«Не ходи, чадо, въ пиры и братчины,
Не садись на мѣсто большое;
Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину,
Не знайся, чадо, съ головами кабацкими» и т. д.

Слѣдуетъ цѣлый рядъ совѣтовъ-пословицъ, рисующихъ нравственныя воззрѣнія людей того времени.

Но захотѣлъ молодецъ жить, какъ ему любо, за деньги нашелъ онъ тьму друзей, завели его на кабацкій дворъ. Другъ поилъ его, приговаривалъ (стр. 11):

«Испей ты, братецъ мой названный,
Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе,
Испей чару зелена вина,
Запей ты чашею меду сладкова.
Хоть и упьешься, братецъ, до-пьяна,—
Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися,
Надѣйся, надѣйся на меня, брата названова.
Я сяду стеречь и досматривать;
Сведу я тебя къ отцу твоему и матери».

Не хотѣлось друга ослушаться; упился молодецъ безъ памяти. Пробуждается молодецъ послѣ долгаго сна, озирается (стр. 12):

«Сняты съ него драгіе порты,
Черевики и чулочки,—все поснимано,
И вся собина у него ограблена;
А кирпичикъ положенъ подъ буйну его голову,
Онъ накинутъ гункою кабацкою».

Закручинился молодецъ, самъ говоритъ таково слово (стр. 13):

«Какъ не стало деньги, ни полуденьги,
Какъ не стало ни друга, ни полудруга».

Уходитъ онъ въ чужую сторону, попадаетъ на честный пиръ (стр. 14):

«Видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ все по писанному ученію;
Посадили его за дубовый столъ.
Но молодецъ на пиру невеселъ сидитъ,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ».

На вопросъ, отчего на пиру невесело сидитъ, разсказываетъ молодецъ про всю свою нужду великую (стр. 15):

«Я, какъ принялся за питье пьяное,
Ослушался я отца своего и матери,
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося,
Наслалъ на меня Богъ
Скорби неисцѣльныя
И печали неутѣшныя,
Скудость, и недостатки, и нищета послѣдняя...
Укротила скудость мой рѣчистый языкъ,
Изсушила печаль мое лицо и бѣлое тѣло;
Храбрость молодецкая отъ меня миновалася.
Люди добрые,
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
На чужой сторонѣ?»

Добрые люди совѣтуютъ ему (стр. 17):

«Не льсти ты межъ други и недруги,

*) Рец. см. «Обзоръ Народн. Литерат.» 1878 г., стр. 245.

Не имѣй ты упадки вилявыя,
Съ кротостью держися истины съ правдою.
И учнутъ тя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиреніе и за вѣжество».

И началъ онъ жить умѣючи: наживалъ богатства больше стараго, затѣялъ жениться. На пиру сталъ похваляться, и тутъ-то привязалось къ нему Горе-Злосчастье, злая сила, которой «гнѣздо и вотчина въ бражникахъ», т. е. пьяницахъ. Является оно молодцу во снѣ и совѣтуетъ (стр. 20):

«Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ твоей любимой:
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Изъ-за злата и серебра быть убитому!
Ты пойди, молодецъ, во царевъ кабакъ;
Не жалѣй ты, пропивай свои животы,
Кабакомъ-то горѣ избудется,
А нагому-босому шумитъ разбой».

Когда молодецъ не послушалъ его, Горе приняло образъ архангела Гавріила и снова стало искушать свою жертву: «изъ раю нагихъ, босыхъ не выгонятъ». Тому сну молодецъ повѣрилъ, сталъ пропивать животы (имущество) и дошелъ до такого «житія позорнаго», что рѣшается утопиться. Но Горе останавливаетъ его: «стой! отъ меня, Горя, не уйдешь никуда», припоминаетъ ему житье первое, совѣты родительскіе, что все потеряно, остается покориться ему, Горю (стр. 24):

«А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе-злосчастное!
Видитъ молодецъ бѣду неминучую—
Покорился Горю нечистому».

Совѣтуютъ ему люди добрые идти выпросить прощеніе у родителей.

Молодецъ радъ доброму совѣту, направляется въ свою сторону, но Горе не даетъ ему дойти: «стой, не ушелъ, не на часъ я къ тебѣ, Горе, привязалося».

Напрасно думаетъ онъ уйти отъ Горя, ища спасенія въ смерти. Горе не допускаетъ его и до этого избавленія: «умереть будетъ напрасною смертью, а научаетъ оно молодца богато жить, убити, ограбити, чтобы молодца за то повѣсили».—«Спамятуетъ молодецъ спасенный путь, въ монастырь пошелъ постригатися. А горе у святыхъ воротъ остается, къ молодцу впредь не привяжется».

Чтеніе этой повѣсти затрудняется множествомъ словъ и выраженій устарѣвшихъ, вышедшихъ изъ употребленія, забытыхъ. Правда, они поясняются внизу, въ выноскахъ, но читатель изъ народа, не привыкшій къ обращенію съ книгой, пожалуй, не найдетъ ихъ.

Удобнѣе было бы ставить ихъ переводъ рядомъ въ скобкахъ, также какъ и объясненія нѣкоторыхъ непонятныхъ мѣстъ, какъ: «не къ любому онъ начнетъ упадывать и учнетъ онъ недругу покоряться», или: «а нагому-босому шумитъ разбой».

Вопросы:

Какіе совѣты давали молодцу родители (стр. 8)?

Когда начались его несчастія (стр. 15)?

Отчего не вернулся онъ къ родителямъ, не просилъ у нихъ прощенья? (Стыдъ ложный, злоязычіе людское, страхъ насмѣшекъ).

На что подбивало молодца Горе? (Не женись, пропивай животы; научало богато жить, убити, грабити).

Гдѣ нашелъ онъ избавленіе отъ Горя-Злосчастья?

«О Горюшкѣ и добромъ молодцѣ».

Это произведеніе чисто-народнаго творчества не носитъ на себѣ слѣдовъ книжной мудрости; въ немъ гораздо болѣе бытовыхъ подробностей. Къ цареву-кабаку подводитъ добраго молодца, задумавшаго людей посмотрѣть и себя показать на чужой сторонѣ, безпріютность. Стоитъ онъ въ раздумьѣ у дверей кабака. Увлекаетъ его туда «бабища станомъ ровная, лицомъ бѣлая», а тамъ расправляется съ нимъ «голюшка кабацкая», одѣваетъ въ рогожу да въ лапти. Приходитъ въ себя молодецъ, поступаетъ къ хозяину, зарабатываетъ пятьдесятъ рублей съ полтиною, дѣлаетъ себѣ снова одежицу драгоцѣнную, но опять не знаетъ, куда въ гулящій день пріютиться, и приходитъ къ единственному пріюту празднующаго рабочяго люда—къ цареву-кабаку. И опять на встрѣчу бабища— и та же бѣда. Только въ концѣ былины, полной житейскихъ реальныхъ подробностей, снова является образъ злой силы демона-судьбы, сводящей его въ могилу и тамъ похваляющейся своей силой не надъ нимъ однимъ. Не онъ первый, не онъ послѣдній: «Ты хорошъ былъ, добрый молодецъ», говоритъ Горе:—«а еще пойду на чужую сторонушку, найду тамъ много лучше тебя!»

Горе здѣсь является въ концѣ; основная идея — царевъ-кабакъ со своими соблазнами всяческими, пріютъ безпріютныхъ на чужой сторонѣ, единственное убѣжище въ часъ от-

дохновенія человѣка, гуляющаго послѣ работы.

Въ этой былинѣ, отражающей жизнь, а не книжно-аскетическіе идеалы того времени, молодецъ находитъ успокоеніе въ могилѣ, а не въ стѣнахъ монастыря.

Вопросы:

Что привело молодца къ кабаку? (Не знаетъ, куда бы пріютится).

Сколько лѣтъ работалъ у хозяина, и что опять привело въ кабакъ? (Заработалъ денегъ, гулялъ день до вечера и не зналъ опять, куда пріютится. Стр. 35).

Гдѣ, кромѣ кабака, можетъ провести рабочій человѣкъ свободное отъ работы праздничное время?

«О Горюшкѣ сѣромъ и Упавѣ молодцѣ».

Это варіантъ на тему двухъ первыхъ приведенныхъ произведеній, соединяющій въ себѣ черты обоихъ. Болѣе циничный и менѣе оригинальный, онъ уступаетъ въ значеніи двумъ первымъ, хотя, благодаря доступному языку своему, лучше знакомитъ съ древней повѣстью о Горѣ-Злосчастьѣ, чѣмъ самый оригиналъ, читающійся съ трудомъ.

Въ той же книгѣ помѣщены еще три народныя пѣсни о горѣ. Только въ одной изъ нихъ: *«Въ горѣ жить — некручинну быть»*, затрогивается тема объ отношеніяхъ горя и пьянства.

Здѣсь царевъ-кабакъ съ зеленымъ виномъ— не мѣсто увеселенія, не соблазнъ для неопытныхъ въ жизни, а мѣсто исцѣленія отъ тоски-горя, въ безсиліи цѣлительныхъ свойствъ котораго скоро убѣждаются недужные: «отъ горя уходитъ въ кабакъ, а оно на порогѣ же его встрѣчаетъ».

Вопросы:

Можно ли залить горе виномъ?

Разстается ли съ горемъ человѣкъ въ кабакѣ?

Какъ объ этомъ въ пѣснѣ сказано?

Желая узнать, какъ читается и понимается эта книга народомъ, мы просили произвести надъ ней опытъ завѣдующаго мастерской, и получили отъ него слѣдующее письмо:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе относительно сообщенія отзывовъ и впечатлѣнія о чтеніи «Горе-Злосчастіе».

«Около тридцати мастеровыхъ (въ томъ числѣ 12 несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ) слушали со вниманіемъ. Нѣкоторые, кому приходилось не въ бровь, а въ глазъ, не разъ сдержанно вздыхали, обнаруживая проблескъ мягкой, податливой славянской души. Мальчики переглядывались, какъ бы спрашивая: и вправду ли это было? Одинъ, болѣе взрослый, захватившій еще рабство, сказалъ: «Теперь добре учатъ и въ школахъ, и ладно въ книжкахъ пишутъ, а насъ такъ не учили, свѣту не було». — «Теперь все предоставляютъ, грѣхъ баловаться, а прежде этого ничего не было», сказалъ другой. — «Еслибы было куда дѣваться, кромѣ кабака, то развѣ шелъ бы туда?» возразилъ третій.

«Болѣе юные отзывались такъ: Очень бойкій мальчикъ 14-ти л. замѣтилъ:—«Самъ дуракъ, самъ и виноватъ, терпи!» Другой:—«Это такъ давно бывало, теперь—рѣдко!»..

«Послѣднимъ высказался отставной солдатъ и рѣшилъ: «Что горе, что это судьба, — все это едино! Такъ, видно, каждому на роду написано: кому счастье все придетъ, а кому съ горемъ мыкаться». (Лицо, пользующееся авторитетомъ, онъ же самъ и читалъ громко).

«Вотъ все, что я могъ собрать отъ своихъ подчиненныхъ. Нѣкоторые конфузятся высказывать свои мысли, уклоняются отъ отвѣтовъ, можетъ отъ самолюбія, а можетъ и отъ недовѣрія».

279) **Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи.** Москва. 1872 г. Изд. народнаго журнала «Грамотѣй». Ц. 30 к. 64 стр.

Эта книга, и по заглавію, и по содержанію сходная съ только что разобранной, издана восемью годами позже редакціей народнаго журнала «Грамотѣй». Стоитъ она вдвое дороже, но далеко уступаетъ первой въ достоинствѣ.

Начнемъ съ предисловія. Мы имѣемъ основаніе думать, что книга предназначалась для народнаго чтенія, такъ какъ издана редакціей народнаго журнала. Цѣль предисловія понятна; вопросъ о пьянствѣ, исторія борьбы съ нимъ интересны и поучительны. Текстъ старинной повѣсти во многихъ мѣстахъ нуждается въ поясненіи,—вотъ и матеріалъ для предисловія. Къ сожалѣнію, ничего въ немъ этого нѣтъ, а разсужденія «о демонической силѣ», о фатумѣ у древнихъ, «объ обще-человѣческомъ значеніи непобѣдимаго рока» и затѣмъ скучный, блѣдный нравоучительный пересказъ содержанія повѣсти, помѣщенной дальше, оставляетъ васъ въ недоумѣніи: кого же имѣлъ въ виду поучать авторъ предисловія? За предисловіемъ слѣдуетъ повѣсть *«О Горѣ-Злосчастіи»*; но это не цѣнное произведеніе народнаго творчества, подобное тѣмъ, какія разсматривались нами въ первой кни-

гѣ, заимствованныя изъ такихъ вѣрныхъ хранилищъ, какъ Сборникъ Рыбникова, а сдѣланная смѣлой рукой компиляція, о чемъ, впрочемъ, мы узнаемъ и изъ предисловія. «Изъ разнообразныхъ пѣсенъ «о Горюшкѣ», «Сѣромъ Горѣ» и др. вмѣстѣ со старинными и составлена повѣсть, которая предлагается теперь читателю» (стр. 3).

Передѣлки художественнаго народнаго произведенія, заимствованіе основной его идеи и образовъ для новыхъ произвольныхъ сочетаній — подъ силу лишь первоклассныхъ художникамъ. Въ рукахъ всѣхъ другихъ всякая передѣлка является поддѣлкой, не имѣющей ни цѣны, ни оправданій. Вышесказаннымъ опредѣляется достоинство смѣло сдѣланной повѣсти о Горѣ-Злосчастіи.

Кромѣ нея, въ книгѣ имѣется еще:

«*Повѣсть о высокоумномъ хмѣлю и худоумныхъ пьяницахъ*». На первыхъ одиннадцати страницахъ находимъ мы снова предисловіе самаго разнообразнаго содержанія. Объясненія въ родѣ слѣдующаго: «у грековъ и римлянъ былъ богъ вина—Бахусъ, изображеніе котораго и до сихъ поръ уцѣлѣло въ мраморныхъ статуяхъ»—даютъ намъ право считать предисловіе предназначеннымъ для круга читателей, не обладающихъ ни исторической подготовкой, ни общимъ развитіемъ. Становясь на точку зрѣнія такого читателя, въ его интересахъ позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Авторъ находитъ необходимымъ разрѣшить вопросъ: «было ли пьянство природный порокъ, — такой, который указывалъ на недостатки или порочность, которые прирождены были русскому народу,—или время было такое, когда особенно сильно и ярко распространилось пьянство?» Для этого приводитъ историческіе факты самаго разнорѣчиваго содержанія, нимало не способствующіе разрѣшенію вопроса, а могущіе поселить въ читателѣ сомнѣніе: порицаетъ ли самъ авторъ русскій народъ за пьянство, или защищаетъ его, такъ какъ пили и греки, поклонявшіеся Вакху, и «церковь снисходила къ веселію народа»?

«Отчего же это такое сочувствіе къ пирамъ со стороны даже монаховъ?» спрашиваетъ авторъ.—«Оттого что пиры эти вмѣстѣ съ попойками имѣли дружественный, радушный характеръ, выражая тѣмъ общительность славянъ», — тутъ же поучительно сообщаетъ онъ.

Далѣе выходитъ, что корчма, которая прежде была лишь невиннымъ пріютомъ для желающихъ побывать въ обществѣ, покалякать, отвести душу съ другимъ человѣкомъ (стр. 50), дѣлается въ XVI вѣкѣ притономъ разврата, потому что, кромѣ русскихъ, ее стали посѣщать иноземцы: татаринъ, полякъ, шведъ, принося съ собой много дурныхъ привычекъ и обычаевъ (стр. 53). А раньше, на стр. 48-й, между тѣмъ было сообщено, что «въ XVI и XVII вѣкахъ пьянство у насъ достигло такихъ сильныхъ размѣровъ, что не могло не поразить иностранцевъ своей дикостью и грубостью».

Впрочемъ, всѣхъ противорѣчій не перечислить. На одной страничкѣ пробуетъ авторъ изложить исторію винокуренія и царева-кабака, приводитъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, но этой дѣльной страницѣ не скрасить всего остальнаго.

Наконецъ, доходимъ мы и до самой повѣсти, написанной грамотникомъ XVII вѣка.

Нѣкій человѣкъ, живущій въ дебряхъ, пошелъ искать себѣ снѣди и, между прочимъ, сорвалъ смоквицу отъ нѣкой травы. И пошелъ отъ той травы гласъ, приведшій въ ужасъ человѣка. Трава назвала себя хмѣлемъ и повѣдала ему всю тайну о себѣ: «я сильнѣе всѣхъ плодовъ земныхъ; ноги имѣю у себя тонкія, утробу обжорчивую, голову держу высоко, языкъ у меня многоглаголивъ, а умъ розный; очи у меня мрачныя, завистливыя» (стр. 58). «Нравъ же имѣю такой»...

Тутъ слѣдуетъ подробное перечисленіе того, какъ проявляется онъ, хмѣль, въ людяхъ различнаго возраста, пола, общественнаго положенія. Заканчиваетъ свою рѣчь хмѣль слѣдующимъ: «Сильный человѣкъ черезъ меня силы лишится, а храбрый мечу преданъ бываетъ, здоровый немощнымъ становится, а многолѣтній умираетъ. Пьянство умъ отнимаетъ, рукодѣліе портитъ, прибыль теряетъ; пьянство князя дѣлаетъ нищимъ, а землю его пустою» (стр. 61).

Произведеніе само говоритъ за себя, и желательно видѣть его въ сборникѣ, подобномъ разобранному выше, вмѣстѣ съ другими народными произведеніями.

Нельзя не пожелать, чтобы первая изъ разобранныхъ нами книгъ, представляющая сборникъ нѣсколькихъ цѣнныхъ народныхъ произведеній о Горѣ-Злосчастіи, поскорѣе появилась въ новомъ изданіи съ болѣе подробными поясненіями устарѣвшихъ и малопонятныхъ выраженій. Книга эта имѣетъ полное право на мѣсто въ народной библіотекѣ. Не можемъ сказать того же о второй, изданной редакціей журнала «Грамотѣй», такъ какъ произведенія народнаго творчества въ ней измѣнены передѣлкой, а приданныя къ нимъ

предисловія ни по содержанію, ни по формѣ своей не представляютъ полезнаго чтенія для простолюдина. *А. К.*

---

1. Повѣсть о Горѣ и Злосчастіи, и какъ Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ.

Тонъ разсказа этого памятника XVII-го вѣка, обиліе забытыхъ уже словъ и выраженій дѣлаютъ особенно интересной передачу содержанія читателями своими словами, а потому и приводимъ отвѣты на вопросы, поставленные учителемъ.

(*Рукопись взрослаго простолюдина*).

Какіе совѣты давали молодцу родители? Родители молодцу давали совѣты добрые и полезные, чтобы онъ поступалъ къ своимъ родителямъ и ко всѣмъ людямъ старше его съ уваженіемъ и покорностью; также заставляли уважать старшихъ себя, не становиться выше всякаго, т. е. не хвастать, слѣдовательно, богатствомъ дома своего или дорогою и красивою одежею, или самимъ собою, силою и красивымъ лицомъ. И еще говорили: «не ходи, чадо, въ кабакъ, не опивайся виномъ, не пей двѣ рюмки за одну; не водися съ людьми пьяными и распутными, чтобы они тебя не увели въ позоръ и стыдъ; еще, чадо, не давай очамъ воли, не прельщайся, чадо, на красныхъ женъ и дѣвушекъ и не ложися, чадо, въ мѣсто злоточное. А водися ты, чадо, съ людьми умными и мудрыми, которые бы тебя научили уму и разуму, и они тебя избавятъ отъ позора и стыда».

А молодецъ совсѣмъ и не подумалъ этого сдѣлать, а старался только то дѣлать, что ему любо было. Собралъ это онъ пятьдесятъ рублей денегъ, и подъявилось къ нему пятьдесятъ друговъ; тутъ нашлись ему названные братья, съ которыми онъ вошелъ во царевъ-кабакъ. Тутъ ему названный братъ стаканъ въ руки: «выпей, выпей зелена вина, запей ты, братецъ, чашею меду сладкаго; хоть и упьешься пьянъ, то гдѣ пьешь, тамъ и спать ложись; надѣйся на меня, братецъ названный»...

Когда начались его несчастія? Молодца постигло несчастіе тогда, когда онъ вставалъ поутру, то на немъ не было ничего изъ его платья, которое было на немъ: ни сапогъ, ни портокъ, ни шубы и ни шляпы, а только кирпичикъ подъ голову былъ подложенъ, и лапотки-отопочки въ ногахъ лежатъ. Началъ молодецъ наряжатися и обуватися; обувалъ онъ лапотки-отопочки, надѣвалъ онъ гунку кабацкую, на голову надѣвалъ шляпу изорванную. Тутъ нашъ молодецъ закручинился и призадумался, куда ему путь-дороженька— на родину или на чужую дальнюю сторонушку. И вздумалось ему идти на чужую сторону, чтобы посмотрѣть, какъ люди живутъ, и попытать своего счастія.

Отчего не вернулся онъ къ родителямъ, не просилъ у нихъ прощенья? Молодецъ къ родителямъ не вернулся оттого, что ему стыдно было даже отъ чужихъ, а не только что отъ своихъ родныхъ, отъ отца и отъ матери, и отъ всего роду и племени. Хоть онъ бы и пошелъ, то они всѣ—родъ и племя отъ него отказалися бы за его ослушаніе родительское, за его невѣжество и пьянство.

На что подбивало молодца Горе? Горе молодца подбивало на то, чтобы онъ не пошелъ на родину, да не покинулъ водку пить, и чтобы не началъ себѣ хозяйства собирать, да себѣ платье хорошее справлять, а горя и нужды чтобъ совсѣмъ не знать. Вотъ Горю вздумалось молодца поводить по чужой сторонѣ, да съ нуждою его свѣдать, чтобы зналъ молодецъ, какъ безъ родительскаго благословенія на чужой сторонѣ живутъ, да какъ добываютъ хлѣбъ на пропитаніе его души и одежу—на прикрытіе своей наготы. Хоть онъ и собралъ хозяйство на чужой сторонѣ, но ненадолго — пока женился, а какъ только женился, да на пиру своимъ богатствомъ похвалился, а Горе тутъ и было, и говоритъ таково слово:—«не хвастай, молодецъ, своимъ богатствомъ: у меня, Горя, не такіе богачи были, и я ихъ перемудрило, а тебя, добрый молодецъ, и нечего: съ тобою я очень легко справлюсь». Вотъ Горе начало молодца подбивать въ сонномъ видѣніи, что быть молодцу отъ жены избавленному или отравленному; послѣ сна молодецъ началъ загуливать и пропивать свое хозяйство.

Гдѣ нашелъ онъ избавленіе отъ Горя-Злосчастья? Молодецъ нашелъ избавленіе отъ Горя-Злосчастья въ монастырѣ, въ которомъ онъ померъ. Когда молодецъ загулялъ послѣ женитьбы, началъ пропивать всѣ свои животы и все имущество, пошелъ молодецъ на чужую сторону, зашелъ молодецъ во царевъ-кабакъ; изъ этого кабака выходила бабища; стала молодца подговаривать:—«что ты, молодецъ, невеселъ стоишь? пойдемъ со мной, позабавимся». Тутъ молодецъ раскуражился, вошелъ-то онъ во царевъ-кабакъ, крестилъ-то онъ свое лицо бѣлое, кланялся онъ всѣмъ молодцамъ, бывшимъ въ кабакѣ; здѣсь-то молодецъ напился до-пьяна и заснулъ, и былъ обобранъ до-гола, только былъ накинутъ гункою кабацкою, да кирпичикъ въ головахъ, и лапотки - отопочки при немъ лежатъ. Вотъ

нашъ молодецъ пробуждается, на бѣлы ноги становится и думаетъ самъ себѣ: житіе мнѣ Богъ далъ ясти, кушати, стало не во что обуться, одѣться; пойду я на чужую сторону, на дальнюю, незнакомую. Пошелъ это онъ путемъ-дорожкою и пришелъ къ рѣкѣ—нельзя ему черезъ воду переходить, сталъ онъ перевозчиковъ просить:—«перевозчики, вы, братцы мои, перевезите вы меня на ту сторону!» А они начали вспрашивать перевознаго, а съ нимъ—ни гроша денегъ. Вотъ нашъ молодецъ и остался на этомъ берегу да и сѣлъ, задумался: что мнѣ дѣлать и куда дѣваться? Либо съ этого горя броситься въ воду,—пусть вода мое тѣло полощетъ, и камни обтачиваютъ мои желтыя кости. Тутъ Горе выскочило изъ камня почти голое, лыкомъ подпоясанное, и говоритъ таково слово:—«Что ты, молодецъ, задумалъ таково дѣло? Выбрось изъ головы, а поклонись ты старому и малому, уважь ты всякому. Поклонись ты мнѣ, Горю, я тебя на путь направлю». Видитъ молодецъ бѣду неминучую, покорился Горю нечистому, поклонился Горю до сырой земли. Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ по крутомъ бережку, по желтомъ песочку, идетъ веселъ, некручиноватъ. Утѣшилъ онъ Горе-Злосчастье, а самъ, идучи, думу думаетъ:—«когда у меня нѣтъ ничего,—и тужить не о чемъ»; а идучи, онъ затянулъ пѣсенку отъ великаго разума, запѣлъ онъ про свое первое житье, какъ его матушка породила, да въ хорошемъ платьѣ водила. Услыхали перевозчики молодецкую пѣсенку, перевезли молодца черезъ быстру рѣку, накормили, напоили и платье они ему дали лучшее, а перевознаго ничего не взяли: и говорятъ люди добрые:—«Поди ты, добрый молодецъ, на родимую сторонушку къ отцу твоему и къ матери любимой, простися ты съ отцомъ, съ матерью, возьми ты отъ нихъ благословеніе родительское». И оттуда молодецъ пошелъ на родину, на свою сторону. А Горе въ чистомъ полѣ встрѣтило:—«Стой молодецъ! не уйдешь отъ меня, Горя Сѣраго, не на часъ я къ тебѣ привязалося, хоть до смерти съ тобой помучуся!»

Тутъ молодецъ полетѣлъ яснымъ соколомъ, а Горе—бѣлымъ кречетомъ; молодецъ въ полѣ ковыль-травою, а Горе вслѣдъ косою; молодецъ — путемъ-дорожкою, а Горе подъ руку правую научаетъ молодца богатымъ жить, убить, зарѣзать, чтобы молодца за это повѣсили или въ каменный острогъ засадили. Спамятовалъ молодецъ спасенный путь и оттуда въ монастырь пошелъ постригатися, а Горе у святыхъ воротъ осталося, къ молодцу впередъ ужъ не зашло. А сему житію конецъ мы вѣдаемъ; избави, Господи, вѣчныхъ мукъ, а дай намъ, Господи, свѣтлый рай во вѣки вѣковъ. Аминь.

2. **О Горюшкѣ и добромъ молодцѣ.** Жилъ молодецъ при волѣ у батюшки и у матушки, пилъ, ѣлъ сладко, ходилъ хорошо, работалъ легко; захотѣлось молодцу по бѣлу-свѣту походить, людей посмотрѣть и себя показать.

Что привело молодца къ кабаку? Молодца привело въ кабакъ самовольство и лукавый; такъ какъ онъ былъ молодъ въ то время, то ему казалось чудно на чужой сторонѣ, то для того онъ зашелъ въ кабакъ, чтобы виномъ залить свою совѣсть, да повидаться съ людьми. Когда онъ подходилъ къ кабаку, то его встрѣтила молодая женщина съ красивымъ лицомъ и съ пышными щеками. Говоритъ она таково слово:—«Не кручинься ты, добрый молодецъ, выпей-ка ты чару зелена вина, тогда ты, молодецъ, раскуражишься и со мною молодою позабавишься!» Подносила она ему чару зелена вина, подносила другую, подносила и третью: тутъ нашъ молодецъ упился и заснулъ. Подходили къ нему голюшки кабацкія, снимали съ молодца платье дорогое, надѣвали платье липовое. Вотъ молодецъ проснулся, на бѣлы ноги становится, ажно голъ, какъ соколъ. Подходила бабища, подносила чару зелена вина, подносила другую и третью. Тутъ молодецъ раскуражился, пошелъ по городу похаживать, забрелъ онъ къ хозяину, задался къ нему въ работники на три года. Живетъ молодецъ день за день, годъ за годъ, прожилъ онъ всѣ три года, получилъ съ хозяина пятьдесятъ рублей денегъ.

Сколько лѣтъ работалъ у хозяина и что опять привело въ кабакъ? Молодецъ работалъ у хозяина, какъ выше сказано, три года; жалованья получилъ пятьдесятъ рублей съ полтиною. И при разсчетѣ онъ оставался безъ дѣла; тогда онъ пошелъ по городу похаживать и зашелъ онъ во царевъ-кабакъ.

Гдѣ, кромѣ кабака, можетъ провести рабочій человѣкъ свободное отъ работы праздничное время?

1) Человѣкъ можетъ провести праздничное время въ церкви, потому что по закону христіанскому всякому человѣку, вѣрующему во Христа, не должно просыпать въ домѣ на ложѣ своемъ, но долженъ всякій христіанинъ спѣшить во храмъ вмѣстѣ съ духовными отцами и въ немъ молиться Богу о всѣхъ содѣянныхъ нами грѣхахъ и о прощеніи ихъ, и о помилованіи душъ нашихъ. И также должно молиться о прибудущемъ времени, чтобы Богъ послалъ намъ доброе здоровье и

благополучіе въ домахъ нашихъ, и чтобы Богъ послалъ обильный урожай хлѣба и избавилъ отъ нападенія враговъ нашихъ.

2) И еще человѣкъ можетъ провести праздничное время въ своемъ домѣ за чтеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ. Если можешь самъ читать, то пригласи къ себѣ сосѣдей и товарищей своихъ; тутъ-то читай имъ эти книги съ толкованіемъ. А если самъ не можешь читать, то поди къ другимъ и слушай ихъ наставленіе на хорошія дѣла. Можешь въ праздникъ дѣлать какія угодно дѣла: помогать страждущимъ, бѣднымъ, сиротамъ и вдовамъ; а не впускай самъ себя въ распутство, не ходи въ кабакъ и на игрище, не слушай ихъ скверныхъ словъ, чтобы и тебѣ не попасть въ мѣсто злоточное, какъ, напримѣръ, добраго молодца постигъ несчастный случай.

3. **Охъ! въ горѣ жить — некручинну быть.**

Можно ли залить горе виномъ? Горе никогда нельзя залить виномъ, потому что тамъ никогда нѣту хорошаго человѣка, никогда тамъ не наставятъ на путь добрый, а только человѣкъ въ кабакѣ прибавляетъ больше себѣ горя. Если который всегда тамъ находится, то онъ пропиваетъ всѣ свои деньги, или платья закладаетъ, а домашнихъ своихъ ограбляетъ и обираетъ весь домъ на пропойку въ кабакѣ.

И такъ похоже, что человѣкъ не зальетъ горя виномъ, а больше себѣ прибавитъ и погубитъ свою душу, если его Господь не спасетъ.

Разстается ли съ горемъ человѣкъ въ кабакѣ? Человѣкъ съ горемъ въ кабакѣ никогда не можетъ разстаться, потому что онъ самъ къ горю идетъ, а горе къ нему ужъ и давно пришло. Если кто ходитъ въ кабакъ и постоянно тамъ сидитъ, то тому человѣку никогда нѣту веселаго дня; а хоть онъ спьяна и пѣсню затянетъ, да не надолго этого пьянаго веселья, а всегда онъ пребываетъ въ смрадѣ кабацкомъ и слышитъ смрадныя слова, пѣсни и сквернословіе. И онъ пріучаетъ желудокъ свой къ постоянному питію горячихъ напитковъ; отъ этого многіе умираютъ скоропостижною смертью, потому что у того человѣка водка попалитъ все внутри, то это значитъ, что его желудокъ требуетъ помощи отъ внутренняго пожара, то сейчасъ же должно тому человѣку дать водки хоть немного, а если не дашь, то ему тутъ же приключается смерть.

Когда онъ въ кабакѣ пьетъ водку, и какъ будто весело ему,—упьется и забудетъ все, а проснется съ горемъ, да еще пуще прежняго приключится горе, и оберутъ молодца,—ни гроша въ карманѣ, и опохмѣлиться нечѣмъ; внутри пожаръ, а вынить не на что, и умираютъ часто безъ покаянія, какъ это случаи были у насъ въ кабакѣ.

Матвѣй Филатовъ (27 л.).

Затѣмъ мы перейдемъ къ разсказамъ изъ «*Ясной Поляны*», журнала графа Л. Н. Толстаго, и укажемъ, что̀ можетъ встрѣтить въ нихъ учитель по данному вопросу.

280) **Солдаткино житье** *). Изъ «*Ясной Поляны*». Книжка 2-я, разсказъ 1-й, 16 стр.

Ѳедя разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ, какъ плохо жилось имъ. Были они бѣдныя, а главное—отецъ все въ шинокъ несъ и мать обижалъ, и его бивалъ. Сходка порѣшила отдать отца въ солдаты. Семья крѣпко плакала; отецъ сына пожалѣлъ, народъ за сына сталъ просить. Безъ отца стало еще хуже житье; совсѣмъ обѣднѣли. Умеръ малютка, умерла бабушка; только и было радости—нянька замужъ вышла (очень живо, картинно описана свадьба).

Черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся отецъ, бросилъ водку пить, сталъ хорошо работать, дружно, ласково обходился съ матерью, денегъ принесъ, и стали жить хорошо, счастливо.

Разсказъ переданъ такъ живо, такъ тепло, такъ трогательно, такъ просто, что доступенъ и пониманію, и чувству какъ ребенка, такъ и взрослаго человѣка. Читается съ большимъ интересомъ всѣми возрастами, и мы особенно рекомендуемъ его въ школьную и народную библіотеку.

Вопросы:

Какъ жилось семейству Ѳеди?

Почему они терпѣли нужду?

За что сходъ порѣшилъ отдать Гордѣя въ солдаты?

Отчего стало лучше жить всей семьѣ по возвращеніи отца?

Однѣ ли деньги сдѣлали семью счастливой?

М. И.

---

281) **Хорошее житье** **). Изъ «Ясной Поляны». Книжка 4-я. Разсказъ 3-й.

Цѣловальникъ разсказываетъ, какъ хорошо

*) Рец. см. соч. Острогорскаго: «Русскіе писатели», вып. II, стр. 149. «Обзоръ Народно-Учебной Литературы», стр. 231. Журналъ «Педагогическій Музей» 1878 г. № 4, стр. 285.

**) Рец. см. «Обзоръ Народной Литературы», стр. 232; соч. В. Острогорскаго «Русскіе писатели,

жилось въ шинкѣ въ селѣ Покровскомъ, а все оттого, что богатые мужички пили шибко. Перво-наперво (самъ разсказываетъ) честнымъ хотѣлъ быть, какъ въ кабакъ поступилъ, поцеремонился, а потомъ, какъ грабить сталъ, и пошелъ, и пошелъ... И народъ любилъ, за отца почиталъ... Священникъ хлопоталъ шинокъ закрыть—все напрасно. Всѣ сходки начинались и оканчивались попойкой.

И еще много примѣровъ безобразія отъ пьянства приводитъ самодовольный разсказщикъ.

Вопросы:

Почему кабатчику не удалось остаться честнымъ человѣкомъ, какъ онъ хотѣлъ?

Какъ начинались и чѣмъ оканчивались сходки?

Хорошій ли былъ священникъ въ с. Покровскомъ, и желалъ ли онъ добра народу?

Почему люди слушали не священника, а кабатчика?

Отчего зло такъ одолѣло? *М. П.*

Намъ пришлось прочесть этотъ разсказъ на каникулахъ въ группѣ дѣтей и подростковъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Слушатели хохотали отъ души. Смѣялись они и надъ «мужикомъ — пьяницей оторвиголова», и надъ тѣмъ, какъ сходка порѣшила запахивать землю въ четвергъ, и надъ тѣмъ, какъ бѣдняка Ахрема въ рекруты отдали за то, что не поставилъ четырехъ ведеръ водки міру, и надъ тѣмъ, какъ дубъ пропили; много было смѣху, такъ что, слыша этотъ смѣхъ, можно было придти къ заключенію, что этотъ траги-комическій разсказъ, отзывающійся болѣзненно въ душѣ взрослаго человѣка горечью своего реализма, не производитъ того же впечатлѣнія на юношество, еслибы по окончаніи чтенія не водворилась мгновенно тишина, особенно между старшими. Кое-кто изъ малышей хихикалъ еще втихомолку, сообщая на ухо товарищу свои впечатлѣнія; старшіе же сдѣлались совершенно серьезны и, видимо, задумались надъ прочитаннымъ.

— Почему этотъ разсказъ названъ *«Хорошимъ житьемъ»?* спросила учительница.

— Нарочно! отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ:—что-жъ тутъ хорошаго, не дай Богъ?

— Обманъ одинъ! добавилъ другой.

— Это съ насмѣшки такъ сказано, замѣтилъ третій.

— Положимъ, цѣловальнику было хорошо, сказалъ еще одинъ: — да народу-то каково было!

— А я желалъ бы жить, какъ цѣловальникъ, сказалъ весело одинъ изъ младшихъ; но тутъ со всѣхъ сторонъ посыпалось на него столько укоровъ, что бѣднякъ, очевидно, не понявшій сути разсказа, совсѣмъ растерялся.

— Оставьте его, онъ маленькій! сказала учительница и, обращаясь къ мальчику, спросила:—Честно ли жилъ цѣловальникъ?

— Честно! отвѣчалъ мальчуганъ, неспособный, очевидно, отличить добро отъ зла.

---

282) **Анчутка безпятый** *). Разсказъ А. Погоскаго. Спб. 1880 г. Ц. 10 к.

«Анчутка безпятый» принадлежитъ къ той группѣ разсказовъ Погоскаго, главнымъ содержаніемъ которыхъ является вопросъ о пьянствѣ въ народѣ. Фабула разсказа такова. Мужикъ Фарафонъ вытащилъ изъ болота чорта, прозывавшагося Анчуткой безпятымъ. Въ награду за такой милостивый къ нему поступокъ Анчутка безпятый говоритъ Фарафону слова, которыя имѣютъ силу надъ нечистымъ духомъ. Съ помощью этихъ волшебныхъ словъ Фарафонъ исцѣляетъ трехъ женщинъ, одержимыхъ бѣсомъ. Наконецъ заболѣваетъ королевская дочь, и Фарафонъ призывается во дворецъ. Хотя Анчутка позволилъ ему только три раза испробовать дѣйствіе магическихъ словъ, Фарафонъ рѣшается ослушаться чорта и въ четвертый разъ произноситъ заклинаніе. На этотъ разъ изъ королевской дочери вылетаетъ самъ Анчутка безпятый. Боясь, чтобъ его не поймали, онъ быстро исчезаетъ. Пролетавъ сорокъ дней и ночей, чортъ ударился о шлагбаумъ и разсыпался въ семь тысячъ дребезговъ.

«И вотъ теперь на распутьяхъ», говоритъ авторъ:—«стоятъ 7000 кабаковъ; сидятъ въ нихъ семь тысячъ безпутныхъ чудаковъ — изъ разумныхъ людей творятъ дураковъ. Пьяницы пьютъ до чортиковъ, бѣсятся, опиваются до смерти, не то вѣсятся. А завѣдуетъ сей работой проклятый все онъ же, Анчутка безпятый!»

Таково легендарное сказаніе о происхожденіи кабаковъ. Весь разсказъ написанъ въ юмористическомъ и игривомъ тонѣ, но мѣстами въ немъ пробивается горькое и желчное чувство, которое хорошо пойметъ рус-

---

какъ воспитательно-образоват. матеріалъ», вып. II, стр. 151.

*) Рец. см. «Обзоръ Народн. Литературы», стр. 221, 229. «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образоват. матеріалъ» В. Острогорскаго, вып. II, стр. 211.

скій простолюдинъ. Пригоденъ для народной библіотеки. *Л. Е.*

---

283) **Первый винокуръ**. А. Погоскаго *). (Древнее сказаніе). Народн. изд. Спб. 1871 г. Ц. 8 к.

Содержаніе. Сатана, владыка ада, послалъ молодаго, неопытнаго чертенка на землю учинить какую нибудь пакость. Идя по лѣсу, онъ увидѣлъ издали мужика, который оралъ отъ бѣлой зари, умаялся и сѣлъ отдохнуть и пообѣдать краюшкой черстваго хлѣба. Доставши ее, онъ вспомнилъ, что дома ждутъ его жена и голодныя дѣти, и рѣшился не обѣдать, а оставить краюшку до вечера. Чертенокъ укралъ этотъ хлѣбъ, думая вызвать въ мужикѣ отчаяніе, брань, ропотъ и проч., но, къ удивленію, мужикъ, не найдя хлѣба, покорно сказалъ: «Богъ съ нимъ! Вѣрно, тотъ, кто укралъ, былъ еще бѣднѣе моего! Не умру до утра!»

Когда чертенокъ доложилъ о своей неудачѣ владыкѣ ада, тотъ страшно разгнѣвался и въ наказаніе послалъ его въ батраки къ бѣдному мужику, съ тѣмъ чтобы тотъ разбогатѣлъ и чтобы изъ этого непремѣнно вышла какая нибудь пакость. Когда мужикъ достигъ nec plus ultra довольства, батракъ предложилъ ему построить заводъ. Онъ говорилъ ему: «воду варить—будетъ вода, а изъ хлѣба выйдетъ водочка!» Такъ и случилось. Попробовали—горитъ!

Рѣшили: назовемъ ее «горѣлка»!

«Съ той поры, съ легкой чортовой руки, по всей землѣ то винокурня выстроится, то кабачекъ выростетъ», говорится въ концѣ:— «а первый винокуръ своимъ душамъ счетъ въ аду ведетъ. А у всѣхъ бѣдныхъ людей горбушка хлѣба таки украдена!»

Разсказъ написанъ простымъ языкомъ, читается съ интересомъ и долженъ имѣть нравственное вліяніе на народъ. Это не пресловутое нравоученіе: «братцы, не пейте водки — нехорошо!» Это жгучій разсказъ, оставляющій по себѣ глубокое впечатлѣніе. *Х. А.*

---

284) **Путешествіе на луну**. Погоскаго **).

Разсказъ «*Путешествіе на луну*» представляетъ собою повѣствованіе нѣкоего Непролей-капли о томъ, что ему приснилось послѣ молодецкой выпивки въ «Растеряевскомъ кабакѣ». Довольно забавны образы, рисуемые пьянымъ умомъ Непролей-капли. Не найдя мостка, ведущаго отъ кабака на его улицу, онъ принялъ услуги чорта, который, перекинувшись орломъ, понесъ его подъ облака и долетѣлъ съ нимъ до луны; тамъ Непролей-капли ухватился за ея рогъ и повисъ надъ бездной; приглядѣвшись, замѣтилъ онъ покойника-старосту, которому одна баба напророчила, что Богъ его поставитъ на лунѣ навозъ кидать. Староста принялъ земляка неласково, хотѣлъ отбить ему руки да попалъ по лунѣ; кусокъ рога отбился, и нашъ герой полетѣлъ внизъ. Ва дорогѣ его подхватили дикіе гуси и понесли въ родное село, гдѣ онъ упалъ въ лужу и заснулъ тамъ рядомъ со свиньей.

Увидали ребятишки своего отца, разсказали о томъ матери, которая и привела мужа домой.

Тамъ разсказалъ онъ о своемъ дивномъ путешествіи и увѣрялъ, что кусокъ луны онъ захватилъ съ собой. Дѣйствительно, вблизи его хаты нашли нижнюю часть ноженъ солдатскаго тесака...

Такимъ образомъ этотъ разсказъ подтверждаетъ одно изъ любимыхъ положеній автора, что чудесныя исторіи часто представляютъ собою не болѣе, какъ сонъ пьянаго человѣка.

Разсказъ пригоденъ для народной библіотеки. *Л. Е.*

---

285) **Лѣшевъ хуторъ**. А. Погоскаго. Очень страшное, но сомнительное происшествіе. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 28 стр.

Разсказу предшествуетъ предисловіе. Въ немъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Нелюбопытный и непоучительный разсказъ истиннаго происшествія, конечно, менѣе полезенъ, нежели вымыселъ разумный и нравственный: изъ перваго человѣкъ ничему не научится, а изъ втораго можетъ почерпнуть много назидательнаго и полезнаго. Таковъ и предлагаемый разсказъ «*Лѣшевъ хуторъ*». Извѣстно, что ни лѣшихъ, ни домовыхъ, ни вѣдьмъ на свѣтѣ нѣтъ; но необразованнымъ, суевѣрнымъ, да притомъ пьянымъ людямъ мерещится многое такое, чего на свѣтѣ и быть не можетъ. При чтеніи о такихъ невозможныхъ чудесахъ надо обращать вниманіе на цѣль разсказа, на то, чѣмъ кончаются въ разсказѣ всѣ небылицы. А кончаются онѣ почти всегда одинаково: невѣжество, суевѣріе и пьянство вводятъ человѣка въ неминучую бѣду».

---

*) Рец. см. «Обзоръ Народн. Литературы», стр. 221. «Русскіе писатели» В. Острогорскаго, вып. II, стр. 178.

**) Рец. см. «Обзоръ Народн. Литературы», стр. 229. «Русскіе писатели» В. Острогорскаго, вып. II, стр. 211.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что высказано авторомъ; тѣмъ не менѣе, это не выкупаетъ нелѣпости разсказа.

Въ полку была любимая лошадь, которая напилась пьяна до того, что ее приняли за мертвую и содрали съ нея кожу; но когда полкъ выходилъ и заиграла музыка, всѣ видѣли, какъ окровавленное животное двигалось за полкомъ.

До такого же состоянія упился и солдатъ Василій Ивановичъ, котораго заманили въ пьяную компанію, чтобы обобрать. И вотъ этотъ Василій Ивановичъ разсказываетъ фельдфебелю рядъ нелѣпостей, которыя грезились ему въ пьяномъ видѣ.

Ничего ни «назидательнаго», ни «полезнаго», какъ говоритъ предисловіе, почерпнуть изъ этого разсказа нельзя; онъ способенъ только еще болѣе затуманить темную голову малограмотнаго человѣка, навѣявъ на нее рядъ новыхъ мучительныхъ грёзъ, а потому мы и не рекомендуемъ его для народной библіотеки.

Вопросъ о пьянствѣ встрѣчается намъ и еще въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Погоскаго, хотя и не играетъ въ нихъ первенствующей роли, какъ въ предъидущихъ; такъ, напр., въ разсказахъ *«Суходольщина»* и *«Господинъ Колодникъ»* указывается на развращающее вліяніе кабака и эксплуатацію кабатчика; въ разсказѣ *«Музыкантъ»* мы встрѣчаемся съ Ѳедотычемъ—человѣкомъ, спившимся съ кругу, причиной чего является неудовлетворенность въ жизни; первый шагъ къ паденію *посёстры Таньки* начинается съ того времени, какъ она напилась; и, наконецъ, въ комедіи *«Чему быть, того не миновать»* (стр. 102) мы встрѣчаемъ нѣсколько теплыхъ словъ на тему сравненія кабатчика съ солдатомъ.

Л. Е.

Затѣмъ мы перейдемъ къ произведеніямъ, стоящимъ по своей художественности, простотѣ и жизненной правдѣ ниже разсказовъ «Ясной Поляны» и Погоскаго. Произведенія эти имѣютъ цѣлью поучать народъ. Начнемъ хоть съ разсказа *«Коробейникъ Селифанъ»*.

Примѣч. Смотри рец.: «Женское Образованіе» 1880 г. № 10, стр. 669.

286) **Коробейникъ Селифанъ.** Сочиненіе Іосифа И. Пашкова. Москва. 1879 г. Ц. 10 к. 36 стр.

Авторъ задался благими намѣреніями отучить народъ отъ пьянства и располагаетъ свой разсказъ такъ.—Прежде всего онъ рисуетъ картину пьянства въ деревнѣ, причемъ не скупится на слова и выраженія, которыя не хотѣлось бы вносить въ школу, какъ напр.: «Раздайся грязь — навозъ ползетъ!» —«Рвань ты эдакая!»—«Дьяволы проклятые!» —«Душегубы окаянные!»—«Бурый чортъ!»— «Рыло сворочу!» и т. д. Не достаточно ли крестьянскія дѣти слышатъ подобныхъ словъ внѣ школы? Тѣмъ не менѣе, справедливость заставляетъ сказать, что эта 1-я сцена прихода коробейника и праздничнаго пьянства передана живо и вѣрно, языкомъ, напоминающимъ народную рѣчь. Гораздо скучнѣе и неправдоподобнѣе является 2-я часть книги, въ которой коробейникъ Селифанъ превращается неожиданно въ проповѣдника, трогаетъ народъ до слезъ и исправляетъ деревню отъ пьянства. Рѣчь коробейника, впрочемъ, недурна, изложена простымъ, понятнымъ языкомъ, въ ней говорится дѣло, такъ, напр.: «Господь сказалъ», говоритъ Селифанъ:—«что добрыя дѣла можно и въ праздники дѣлать, а въ этомъ ничего злаго нѣтъ, коли кто поработаетъ для своего семейства»; или:—«Да, братцы, у васъ ничего нѣтъ христіанскаго, -вы не только ближняго, вы и свою семью не жалѣете!» Далѣе говорится:—«Вы, недостойные отцы, губители своихъ дѣтей, опомнитесь! Что вы готовите для нихъ въ будущемъ, не заботясь объ ихъ воспитаніи? Подумайте, отъ кого онъ перейметъ быть хорошимъ семьяниномъ, у кого онъ научится быть трудолюбивымъ; кто ему внушитъ любить ближняго, какъ самого себя; отъ кого онъ пойметъ отличать, что̀ худо и что̀ хорошо, когда онъ окруженъ всегда самыми безобразными примѣрами!? Вы сами знаете, что дѣти переимчивы; и вотъ всѣ ваши пороки переходятъ въ наслѣдство вашимъ же дѣтямъ. Еще разъ скажу вамъ: если вы уже сами неисправимы, то пощадите вашихъ дѣтей, ни въ чемъ неповинныхъ, дайте имъ понять хорошее; не тяните ихъ за собой, чтобъ вамъ не отвѣчать передъ Богомъ. Велика ваша заслуга будетъ передъ Господомъ и людьми, если вы будете дѣтей своихъ учить и заботиться о томъ, чтобы они умѣли отличать добро отъ зла. Никакая молитва, никакая жертва ваша не въ состояніи столько умилостивить Господа, какъ христіанское попеченіе о дѣтяхъ».

Эту рѣчь коробейникъ Селифанъ позаимствовалъ у одного благодѣтельнаго барина.

Самымъ слабымъ мѣстомъ является сонъ Селифана въ тѣ времена, когда онъ не слышалъ еще барской рѣчи и самъ былъ пьяницей, — сонъ, дошедшій до того въ своемъ реализмѣ, что сынъ собирается съѣсть отца.

Этотъ сонъ тоже занимаетъ не послѣднее мѣсто въ исправленіи Селифана. (Причину пьянства авторъ книги видитъ въ томъ, что «все дорого, кромѣ винища, — ну и пьютъ, а вотъ еслибъ и вино тожъ подорожало, хотя бы втрое, то мужикъ-то подумалъ бы, какъ платить за стаканчикъ-то 20 к.»).

Книга эта покажется скучною школьнику; къ тому же, ея нравоученія направлены собственно не на него, а на его родителей, судьей которыхъ ему не приходится быть. Что касается до взрослаго простолюдина, то мы имѣли случай дать прочитать ее въ деревню и получили слѣдующіе результаты.

Изложивъ полуграмотно, но подробно, на большомъ листѣ сѣрой бумаги ея содержаніе, простолюдинъ заключаетъ такъ письмо свое къ учителю:

«Вы спрашиваете, понравилась ли книга?— Какъ же не понравилась, когда она учитъ всему хорошему, она проникаетъ всѣмъ въ сердца; еслибы такія книги читали со вниманіемъ и слушали, тогда добро одолѣло бы зло, и еслибы такихъ людей было побольше, какъ коробейникъ Селифанъ! Вотъ только чѣмъ не понравилась, — а вы какъ хотите думайте, — лучше-бъ не было кабака, чѣмъ 15 р. за ведро платить. Пьяницу вы этимъ не научите: если дешево вино, онъ пропьетъ 20 к.; а если дорого, то онъ пропьетъ 3 р. Какъ же вы не цѣните, какъ дорогъ крестьянскій трудъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ дорогъ? Вотъ я и думаю, что плохо будетъ, если подорожаетъ вино, а лучше бы вовсе кабаковъ не было, потому что они губительны очень для крестьянъ».

«Курской губ., Бѣлгородскаго уѣзда, Толоновской волости, Наумовскаго образцоваго училища вечерней школы ученикъ *Владиміръ Ильинъ Филатовъ* (20 л.)».

А вотъ выдержка изъ другаго письма:

«Эта книжечка мнѣ очень понравилась во всѣхъ Селифановыхъ наставленіяхъ, и рѣчь его сдѣлала между крестьянами то: во 1-хъ, она ихъ обратила къ семейно-согласной жизни и отвратила ихъ отъ пьянства. Книжечка эта учитъ насъ добру, чтобы и мы, крестьяне, остерегались отъ такой развратной жизни, а пріучались жить по христіански; но только въ томъ она мнѣ не понравилась, что баринъ ихъ, хоть и вздорожилъ вино, но онъ никакого добра не сдѣлалъ, потому что пьяница не посмотритъ, что вино дорогое, — онъ за рюмку готовъ все имущество отдать. А еслибы кабаки вовсе уничтожить, тогда бы лучше было».

Какъ видите, оба мнѣнія вполнѣ сходятся, но мало этого: два учителя, находящіеся въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ, пишутъ, что по окончаніи чтенія «Коробейника Селифана» многіе изъ взрослыхъ крестьянъ, грамотныхъ и неграмотныхъ, высказывали ту же мысль.

Вопросы тутъ неумѣстны,—ихъ должна замѣнять бесѣда со взрослымъ человѣкомъ на тему разсказа, которую такъ или иначе не слѣдуетъ обходить въ бесѣдахъ съ народомъ, за что можно сказать спасибо и доброжелательному автору, точно также какъ и за изящество и дешевизну изданія.

Еще одинъ отзывъ взрослой ученицы воскресной школы.

Полина И—ва брала разсказъ «Коробейникъ Селифанъ» съ цѣлью дать прочитать его своему отцу-пьяницѣ.

— Прочитали! сказала она, подавая мнѣ книгу:—и такой у насъ вышелъ разговоръ: я ихъ спрашиваю, какъ вы меня учили:—«Какъ вы думаете, папаша, могло это быть?» а они говорятъ:—«Все можетъ быть!»—«Ну, а еслибы вы, скажемъ къ примѣру, тамъ были, что-бъ тогда?»—«Да и я тоже, должно быть, за другими на исправленіе бы пошелъ!» сказали они и засмѣялись. Тоже сознали они, что все это хорошо, продолжала И—ва: — что тамъ описано; что вмѣсто шинка школу построили.

Кромѣ вышеприведенныхъ отзывовъ, мы получили еще нѣсколько отъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ Алексѣевской народной школѣ. Приводимъ одинъ изъ нихъ, какъ болѣе типичный. Въ немъ ясно видно, насколько чтецъ повѣрилъ книгѣ. Читая его, такъ и кажется, что онъ повѣствуетъ о событіи, совершившемся у него на глазахъ.

Письмо въ городъ ученика, окончившаго курсъ въ Алексѣевской народной школѣ, Игнатія Кобца, сына крестьянина (15 лѣтъ).

«Здравствуйте!

«Увѣдомляю васъ, что я читалъ книжку подъ названіемъ «Коробейникъ Селифанъ». Разскажу вамъ про этого человѣка. Селифанъ былъ человѣкъ русскій, носилъ за спиной коробъ и продавалъ мелкій товаръ. Разъ онъ въ деревнѣ торговалъ. Когда солнце зашло, онъ пошелъ ночевать къ крестьянину Тихону.

«Тихонъ былъ хорошій человѣкъ, хозяйственный, водки почти никогда не пилъ, тру-

дился всегда для своей семьи. О женѣ Тихона ничего худаго нельзя сказать,—хорошая женщина. У нихъ была дочь, тоже хорошая дѣвочка. Тихонъ завелъ рѣчь о своемъ житьѣ-бытьѣ и о томъ развратѣ, беззаконіи и бѣдности, укоренившихся въ ихнемъ селѣ.

«Здѣсь я, собственно, и познакомился съ этимъ Селифаномъ. Онъ человѣкъ былъ хорошій, потому что очень умныя рѣчи говорилъ. Онъ, выслушавши Тихона, далъ слово завтра убѣдить народъ, что они глупо дѣлаютъ, и на утро явился передъ народомъ и началъ увѣщевать ихъ: онъ говорилъ, чтобы не пили водки, что водка не принесетъ никакой пользы человѣку, но приноситъ много вреда хозяйству и своей семьѣ. Отъ водки человѣкъ дѣлается глупъ, пускается въ развратъ, дѣлается воромъ и разбойникомъ. Селифанъ разсказалъ народу, какъ у нихъ въ селѣ одинъ господинъ унялъ пьянство, и какой ему снился сонъ. Народъ сначала не хотѣлъ слушать, а потомъ, выслушавши его разсказъ, позвалъ священника и далъ зарокъ не пить водки. Священникъ отслужилъ молебенъ. Люди на молебнѣ молились и плакали, какъ дѣти, потомъ цѣловались отъ радости и благодарили Селифана.

«На мѣсто кабака они рѣшили построить школу.

«Этому я вѣрю,—это можетъ быть. И дай Богъ намъ побольше такихъ Селифановъ».

Х. А.

---

287) **Осьминогъ Вакула** *). Ив. Маляревскаго. Спб. 1882 г. Ц. 12 к. 31 стр.

Содержаніе: Было на свѣтѣ счастливое село Золотое-Дно, пока не родились въ немъ Вакула-кулакъ и жидъ. Оба злодѣя опаиваютъ и обираютъ народъ. И вотъ, въ то время, какъ мужики собираются пропить Вакулѣ всѣ свои поля, полумертвая старушка Зоя приходитъ въ кабакъ съ 7-ми-лѣтней внучкой и произноситъ грозную рѣчь. Затѣмъ она даетъ дѣвочкѣ быстраго коня, чтобы та летѣла стремглавъ и собрала бабъ. Ребенокъ исполняетъ миссію и умираетъ. Умираетъ тутъ же и бабушка, а на сцену является почтенный старикъ и держитъ къ народу разумную рѣчь.

Все это, вмѣстѣ взятое, образумливаетъ пьяницъ; они даютъ зарокъ не пить, и деревня снова превращается въ «Золотое-Дно». Превращеніе это мужики, впрочемъ, приписываютъ школѣ.

Сказка написана довольно гладкими стихами и не лишена мѣстами поэтическаго элемента, какъ, напр.: «Присказка», глава XI—«Пріѣздъ ребенка» и еще двѣ, три сценки въ этомъ родѣ. Для народной библіотеки она вполнѣ пригодна.

Останавливаясь на произведеніяхъ подобнаго рода, невольно задаешь себѣ вопросъ: насколько они вѣрны жизни, и какъ отнесется къ нимъ нашъ грамотный простолюдинъ? Вотъ почему мы воспользовались случаемъ отправить книгу эту въ деревню, откуда получили нижеслѣдующіе отзывы отъ учениковъ сельской школы и взрослыхъ грамотныхъ простолюдиновъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ характеристикѣ міроѣдовъ Вакулы и жида всѣ восемь мнѣній весьма сходятся, хотя и отличаются отпечаткомъ субъективности. Мы приведемъ нѣсколько изъ нихъ, чтобы показать, въ чемъ именно заключается эта характеристика.

«Вакула и жидъ были не простые люди», пишетъ *Антонъ К—въ*:—«а они были кабатчики и были они не милостивые и норовили, какъ бы кого обмануть на водкѣ, даже ребятъ малыхъ пріучали водку пить, чтобы изъ нихъ вышли такіе пьяницы, какъ отцы».

«Вакулу за то прозвали Осьминогомъ», пишетъ другой:—«что онъ, какъ звѣрь осьминогъ, который въ морѣ живетъ: лапы у него 2 аршина, тѣло какъ мѣшокъ, 8 длинныхъ ногъ. Звѣрь этотъ, какъ попадетъ, хоть человѣка, хоть животное, сосцами сердце и кровь высосетъ и ждетъ другой добычи. Такъ и Вакула съ людей что ни попало выманиваетъ—хлѣбъ, скотину, поля—все идетъ за водку. Вакула въ своемъ нечистомъ сердцѣ жалости не знаетъ. Принесетъ мужикъ послѣдній рубль, дома жена сидитъ безъ сапогъ, дѣти сидятъ голодныя, а Вакулѣ все одно, все приметъ, какъ Осьминогъ!»

«Жидъ и Вакула были кабатчики», пишетъ третій:—«они откупали по селамъ и деревнямъ кабаки; и гдѣ они въ селѣ или деревнѣ кабаки откупятъ, такъ все—какъ сожгутъ!»

«Въ селѣ въ кабакѣ торговалъ водкой осьминогъ», пишетъ четвертый:—«т. е. не осьминогъ, а человѣкъ (замѣтьте остроту), только немилосердный, какъ осьминогъ, который свою добычу безъ жалости уничтожаетъ; такъ и Вакула высасывалъ все село».

«Жидъ и Вакула были кабатчики», пишетъ пятый:—«они были не милостивы, а жестокосердечны и старались, чтобы изъ мужиковъ

---

*) Рец. см. «Обзор. Народн. Литературы», стр. 244.

вытянуть все хозяйство, и норовили къ себѣ въ карманъ».

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи остановиться еще на одной характеристикѣ Вакулы и жида, въ которой сказывается отчасти религіозный фанатизмъ, не помѣшавшій однако критику провести безпристрастную параллель между жидомъ и православнымъ кулакомъ. На вопросъ: что за люди были жидъ и Вакула? *Яковъ Ф—въ* отвѣчаетъ:

«Жидъ былъ вотъ какой человѣкъ: онъ не вѣровалъ во Христа, не почиталъ христіанскихъ праздниковъ и великихъ постовъ; онъ такъ и смотрѣлъ, какъ бы христіанина искусить да осквернить».

(Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ сказки не касается ни единымъ словомъ вопросовъ религіи.)

«Вотъ какъ, напримѣръ, у насъ въ селѣ Наумовкѣ», продолжаетъ онъ:—«одинъ жидъ торговалъ кабакомъ: насталъ это великій Христовъ постъ, и на первой недѣлѣ въ пятницу этотъ жидъ послалъ посла, чтобы онъ собралъ мужиковъ до кабака; мужики собрались, и этотъ жидъ вышелъ къ мужикамъ и сказалъ: «вотъ я нынче имянинникъ и хочу, чтобы и вы знали мои имянины; я вамъ ставлю одно ведро вина».

«Мужики были рады и благодарили жида за его угощеніе. Понапивались они пьяны; пошли игры, пляски, такое пошло веселье, что какъ будто гдѣ на свадьбѣ. А жидъ тогда стоитъ да смѣется: вотъ какъ христіане почитаютъ свой постъ!»

(Само собою разумѣется, что *Яковъ Ф—въ* не могъ знать, что думалъ въ ту минуту еврей, но онъ твердо вѣрилъ, что понимаетъ и его саркастическую улыбку, и его гнусные замыслы).

«Вакула былъ мѣщанинъ, тоже подобенъ жиду», говоритъ онъ далѣе:—«онъ хоть и вѣровалъ въ Христа, но не исполнялъ Божьяго закона; онъ въ Великій постъ и въ большіе праздники привлекалъ тоже народъ къ пьянству,—вотъ какъ, напримѣръ, двунадесятый праздникъ Воскресеніе Христово Вакула поилъ мужиковъ виномъ до божественной литургіи; значитъ, онъ былъ противенъ Богу. Онъ не думалъ о божественномъ, а все думалъ о лукавомъ.

«Такіе были люди жидъ и Вакула, одинъ на одного схожи».

На вопросъ: могло ли все такъ быть, какъ въ книжкѣ описано?—*Антонъ К—въ* отвѣчаетъ:

«Какъ же не могло?! Развѣ мало этихъ кабатчиковъ и пьяницъ?—сплошь да рядомъ! пьютъ, пьютъ, пока все свое добро разнесутъ, а женщины и дѣти съ голоду пропадаютъ да каждый день въ слезахъ работаютъ на панщинѣ или у мужиковъ богатыхъ».

Ф—въ такъ отвѣчаетъ на тотъ же вопросъ: «Конечно, могло! Вотъ хоть бы у насъ былъ кабакъ и были въ немъ такіе кабатчики, какъ Вакула и жидъ, обижали людей; напр., за полкварты надо взять 55 к., а онъ беретъ 60; овса мѣра стоитъ 60 к., а онъ покупаетъ у мужика за 50; а человѣку бѣдному некуда податься, онъ и отдаетъ. Кулакъ во всемъ можетъ пьянаго мужика обидѣть; хоть я уже три года водки не пью, но Богъ съ нею совсѣмъ!»

Алексѣй К—въ пишетъ слѣдующее: «Очень просто! даже и въ нашей деревнѣ Ольховаткѣ есть такіе люди, что попропивали землю, лошадей, коровъ и овецъ, и ничего у нихъ теперь нѣтъ, и даже избы нечѣмъ протопить, а хлѣба—не пытай. Пьютъ день и ночь и не заботятся ни о чемъ, а Вакула еще Бога проситъ, чтобъ ребята скорѣй росли на барышъ ему!»

«Это могло быть», пишетъ *Поликарпъ В—нъ*:—«потому что это все правда; такихъ немилосердныхъ кабатчиковъ, какъ Вакула, много найдется, и они грабятъ народъ, высасываютъ у нихъ все хозяйство. Если водку пить, то пропьешь не то что однѣ деньги, а можно пропить все хозяйство — выносить въ кабакъ. Это большое горе, водку если пить; человѣкъ и самъ пропадетъ, какъ собаченка».

«Это потому могло быть», пишетъ *Тимоѳей Ф—въ*:—«что и теперь такихъ кабатчиковъ, которые норовятъ, чтобы съ людей вытянуть послѣднюю копѣйку, много. И мужики есть теперь такіе, что у него было хозяйство хорошее, но онъ его все пропьетъ. Когда пойдетъ за нимъ хозяйка, онъ ее убьетъ до полусмерти; она съ тѣмъ домой и воротится. Звѣри такіе люди!»

Наконецъ, мы встрѣчаемъ слѣдующій своеобразный взглядъ на вопросъ о пьянствѣ:

«Еслибы мужики, хотя бы и пили, но закрыли бы кабаки, а выстроили трактиръ и возлѣ трактира лавочку, въ которой продавали бы разныя кушанья и водку! Только водку продавать такъ, чтобы каждый человѣкъ выпилъ по двѣ рюмки водки, набралъ кушанья и тогда пошелъ въ трактиръ пить чай».

Нельзя не отмѣтить слѣдующаго обстоятельства: на вопросъ, могло ли все это такъ быть, читатели изъ народа не только признаютъ вѣрною фактическую сторону пропс-

шествія, на которую собственно и направленъ вопросъ, а наивно вѣруютъ въ тѣ фантастическіе образы и происшествія, которые мы встрѣчаемъ въ сказкѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ:

«Дѣвочка Катя все при людяхъ молчала, а, забравшись въ уголъ, шептала съ предметами. Ее спросятъ: «Съ кѣмъ ты говоришь?» Она отвѣчаетъ: «Есть у насъ ангелъ-херувимъ, и я всегда играю съ нимъ. Куда бы я ни пошла, онъ со мной». Народъ такъ и думалъ, что эта дѣвочка не простая, а угодна Богу; когда она ѣхала до церкви, народъ видѣлъ, какъ ангелъ держалъ ее за руку, а какъ она пріѣхала, ангелъ взялъ ея душу. Народъ, все это увидавши, устрашился, думая, какъ бы Господь еще хуже не наказалъ за пьянство и за такіе тяжкіе грѣхи, и порѣшилъ кабаки закрыть».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ признаетъ и вліяніе живаго, искренняго слова. Вотъ что пишетъ одинъ изъ чтецовъ о вліяніи рѣчи старика Архипыча:

«Архипычъ наставлялъ мужиковъ, и это сильно подѣйствовало; онъ имъ какъ будто ума въ голову вложилъ, на свѣтъ Божій онъ ихъ вывелъ, въ другую жизнь новую, отчего они и закрыли кабаки».—«Старикъ понравился тѣмъ, что онъ былъ тоже умный и краснорѣчивый; онъ наставилъ мужиковъ на толкъ не пить водки, а работать поприлежнѣе. Еслибъ не этотъ старикъ, такъ это село было-бъ уже пропито мужиками, которые въ немъ жили, а то добрая душа — наставилъ народъ на толкъ, чтобы кабаки закрыть, а народную школу выстроить, чтобы ихъ дѣти уму-разуму набирались».

Нашелся, впрочемъ, одинъ изъ нихъ, который толкуетъ это происшествіе довольно реально, и на вопросъ: могло ли то, что описывается въ книжкѣ, исправить мужиковъ отъ пьянства? онъ отвѣчаетъ такъ: «Мужиковъ не могли избавить отъ пьянства добрыя рѣчи Зои, потому что они очень разбаловались пить водку, и ихъ Вакула очень пріучилъ. Но ихъ уговорилъ одинъ старикъ, чтобы они бросили пить водку, которому тогда было девяносто лѣтъ, а смерть Кати испугала ихъ,—имъ стало страшно».

На вопросъ, могъ ли приходъ бабъ и ихъ увѣщаніе образумить мужиковъ?—*Даніилъ К—въ* отвѣчаетъ: «Нѣтъ, не могъ, потому что они такъ пріучились водку пить, что ихъ нельзя было отучить отъ такого грѣха словами».

Остальные также сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ съ Даниилой К—вымъ.

На вопросъ, понравилась ли книжечка или нѣтъ и почему?—одинъ изъ грамотѣевъ отвѣчаетъ: «Понравилась, потому что все это правда, что написано въ книжечкѣ насчетъ пьяницъ-мужиковъ».

Другой: «Нравится, потому что она даетъ намъ наставленіе, чтобы мы не были такими пьяницами, какъ тѣ мужики, что пропили свои поля и обѣднѣли; а еще она мнѣ тѣмъ нравится, что написана ладно и складно».

Третій: «Книжечка эта мнѣ понравилась вотъ почему: она учитъ, чтобъ мы не пили водки, не занимались худыми дѣлами, не давались дурнымъ людямъ въ руки, и чтобъ никто насъ не могъ обидѣть и обмануть».

Четвертый: «Нѣтъ, не понравилась, потому что въ ней говорится все о пьянствѣ да о пьянствѣ, а у насъ и такъ пьяницъ много; и безъ того они намъ надоѣли!»

Пятый: «Понравилась за то, что написана складно и отчетливо и понятно мнѣ».

Шестой: «Понравилась, потому что это правда, что пьянство никогда до добра не доводитъ; пьяный — какъ дурной: что ни попадетъ, все въ кабакъ тащитъ; а книжечка намъ все это зло сполна разсказываетъ. Очень она добра и хороша. Благодаримъ тому, кто ее написалъ, и много лѣтъ ему пожить»!

Седьмой: «Понравилась потому, что она писана къ наставленію молодымъ дѣтямъ и справедливо. Въ ней описано, какъ должно осторожно по христіанскому жить безъ водки и безъ всякихъ дракъ въ селахъ, а то что же хорошаго, какъ вотъ недалеко отъ нашего села есть одна деревенька бѣдная, въ которой дворовъ 20 всего, а въ ней три кабака?! Эта деревенька называется Хлоповка, а другое ей имя Николаевка».

Восьмой: «Мнѣ за то эта книжечка понравилась, что такихъ, какъ Осьминогъ Вакула, много по селамъ встрѣчается, и что она упрекаетъ ихъ въ немилосердіи и выхваляетъ хорошихъ людей, такихъ, какъ бабушка Зоя, Катя и тотъ старикъ, который своими умными рѣчами уговорилъ мужиковъ, чтобъ они бросили пьянствовать. Горе жестокосердымъ, слава милосердымъ! И тому, кто умѣетъ сочинять—тому слава!»

Девятый: «Книжечка мнѣ понравилась потому, что въ ней написано о худомъ и добромъ, чтобы мы знали добро и зло; знали зло, но не дѣлали, а добро чтобы знали, исполняли и дѣлали, какъ старикъ Архипычъ и дѣвочка Катя; они дѣлали добро и научали другихъ добру. Въ этой книжечкѣ описано грѣхопаденіе мужиковъ, и какъ потомъ они вышли на путь добрый; а потому эта кни-

жечка мнѣ очень, очень понравилась. Нравится также, что она написана стихами, потому что ее читать легко. И я что въ этой книжечкѣ понялъ, то и написалъ. А кто эту книжечку составлялъ, тому я воздаю славу, честь и хвалу за его хорошій разумъ».

(Послѣднее мы препровождаемъ по адресу автора).

Нашлись, впрочемъ, и такіе люди, которыхъ испугала почему-то стихотворная форма, и они недовѣрчиво отнеслись къ вопросу, заданному самимъ себѣ: дѣйствительно ли сказка эта понята ими какъ слѣдуетъ? Вотъ что пишетъ на этотъ счетъ одинъ изъ нихъ— *Поликарпъ В—нъ*, весьма толково отвѣтившій на всѣ предложенные ему вопросы:

«Книжечка не понравилась, что стихами написана, потому что ее когда читаешь, то не поймешь, что въ ней написано. Оно хотя и хорошо написано, и читать въ ней хорошо, такъ въ томъ дѣло, что непонятливо. Книжечку эту читать только однимъ ученымъ хорошимъ людямъ, которые могутъ понять все, что тамъ написано, за одинъ разъ, а я прочиталъ три раза да еще не дюже понялъ».

На вопросъ, что говорится въ присказкѣ, мы прочли рядъ прекрасныхъ поэтическихъ описаній. Позволяемъ себѣ привести хотя одно изъ нихъ дословно, такъ какъ приводить всѣ было бы слишкомъ длинно:

«Въ присказкѣ говорится, что когда-то давно на Руси зародилось лихое горе. «Горе то лохматое, встрѣтить не дай Богъ, лыкомъ опоясано, ходитъ безъ сапогъ» (цитата изъ книги). «Ходитъ это горе», продолжаетъ онъ:—«по городамъ, по селамъ, по теремамъ, по избамъ. Заберется оно въ домъ, — его оттуда не выгонишь ни молитвой, ни постомъ, покамѣстъ оно свое возьметъ. Горе это зависитъ отъ невѣжества людей», рѣшаетъ пишущій:—«и называется пьянствомъ. Были такіе ученые люди, которые хотѣли это горе уничтожить; но какъ эти люди ни бились, не могли уничтожить его, уже поздно было, и только даромъ бумагу попортили». (Личное предположеніе чтеца).

Изъ приведенныхъ отзывовъ ясно видно, что предложенный вопросъ вызвалъ горячія сужденія и натолкнулъ на размышленія серьезнаго свойства; видно также, что вниманіе читателей сосредоточилось на отрицательныхъ сторонахъ даннаго вопроса. Признавъ и расписавшись обѣими руками въ существованіи Вакулъ-осьминоговъ и жидовъ, расписавшись въ подлинности собственной распущенности и порока, они не вѣрятъ въ благотворное вліяніе женъ, пришедшихъ спасти мужей, и обходятъ молчаніемъ вопросъ о лѣкарствѣ противъ недуга, отдавая должную дань разумнымъ рѣчамъ старика и принося признательность автору за благія намѣренія.

ОТЗЫВЫ О ТОЙ ЖЕ КНИГѢ УЧЕНИЦЪ ГОРОДСКИХЪ ШКОЛЪ.

Эта книга дана была для прочтенія въ семью *С—выхъ*. Сегодня Варвара С—ва возвратила мнѣ ее.

— Папашѣ моему больше понравился разсказъ «*Жизнь и смерть пьяницы*», чѣмъ это, сказала она: — говорятъ, что это на сказку больше похоже, въ особенности насчетъ дѣвочки,—никогда этого не могло быть.

Я нашла дальнѣйшіе вопросы излишними.

Не такъ отозвались о той же книгѣ въ семействѣ *Евгеніи П—чъ*, состоящемъ изъ отца 50-ти лѣтъ, обойщика, матери, литейщика брата 21-го года и нашей ученицы Евгеніи 18-ти лѣтъ.

Сегодня, какъ она возвратила мнѣ книгу, я спросила:

— Что-жъ, прочли?

— Какъ же! съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ! Покорно васъ благодарю.

— Кто же слушалъ?

— Всѣмъ семействомъ читали.

— Кому же понравилось?

— Всѣмъ понравилось, а въ особенности папенькѣ.

— Какъ же онъ говорилъ: можетъ это быть, чтобы бабы пошли противъ мужиковъ, и мужики ихъ послушали?

— Говорили, что женщина всегда можетъ какъ нибудь уговорить.

— А могла ли случиться, по его мнѣнію, вся эта исторія?

— Говорятъ, что бываетъ, что въ книгѣ понапрасну не напишутъ.

Это безграничное довѣріе къ книгѣ парализируетъ отчасти возможность опредѣлить съ точностью, насколько вѣренъ жизни разсказъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно налагаетъ серьезныя нравственныя обязанности на людей и пишущихъ для народа, и рекомендующихъ ему книги.

— А вы можете мнѣ передать содержаніе книги? спросила я.

— Нѣтъ, не могу!

Я съ удивленіемъ взглянула на Евгенію.

— Стихами, добавила она съ соболѣзнованіемъ:—времени не было заучить,—работали.

— Не надо стихами; вы просто такъ, своими словами! сказала я.

Она начала:

— Была одна деревня; въ ней очень прилично мужики жили, пока не народились шинкарь Вакула и жидъ. Тогда они начали съ утра до вечера въ шинкѣ сидѣть и до того обѣднѣли, что хотѣли поля свои продать за водку. Тутъ явилася имъ старуха и стала уговаривать, но уговорить не могла. И послала она маленькую дѣвочку на лошади къ церкви собрать бабъ. Дѣвочка пріѣхала, только это произнесла и задохнулась. А бабы всѣ собрались и пошли къ шинку. Вышли мужики изъ шинка и видятъ—много, много бабъ съ вилами и съ палками стоятъ; и начали бабы ихъ уговаривать, принесли дѣвочку мертвую, чтобы страху прибавить. И они ихняго совѣта послушались, оставили ходить въ шинокъ и открыли школу, и начали своихъ дѣтей посылать въ школу. Очень хорошо кончилось! заключила весело Евгенія.

Х. А.

---

288) **Пить до дна — не видать добра.** Разсказъ изъ крестьянскаго быта. Соч. Погожевой. Москва 1881 г. Ц. 10 к. 23 стр.

Содержаніе: Горько жилось бѣдной крестьянкѣ Степанидѣ со своимъ мужемъ-пьяницей, а тутъ еще что ни годъ — дѣти, малъ-мала меньше. То хоть по одному рожалося, а тутъ разомъ три мальчика родилось, крохотные такіе, а все таки пищатъ, и присмотрѣть за ними надо. Сосѣди жалѣютъ безталанную горемыку: то одна, то другая забѣжитъ, то мучицы, то крупицы принесутъ; и священникъ, благочестивый старикъ, мало того, что даромъ окрестилъ, а еще и деньжатъ немного пожаловалъ. И прошелъ слухъ по сосѣдству, что чудо случилося—баба трехъ мальчиковъ разомъ родила, и взяло любопытство купчиху одну бездѣтную; пріѣхала она къ Степанидѣ на дѣтишекъ посмотрѣть, привезла ей въ подарокъ ситцу краснаго, распашонокъ дѣтямъ, чаю и сахару. Веселѣе какъ-то стало въ избѣ Степанидиной; давно она платья новаго не видывала, не наглядится на него, но никого и ничего не жаль Петру-пьяницѣ.

Заснула Степанида, заснула ея дочка старшая, 5-ти-лѣтняя помощница, а тятька вытащилъ потихоньку мамкинъ ситецъ и потащилъ въ кабакъ. Взвыла бѣдная Степанида отъ этой новой горькой обиды; насилу платье выкупили. А тутъ троешки померли, оно и легче, — руки они ей развязали, а все жаль, все сердце материнское надрывается.

Зато Петра ничто не трогаетъ: то пьянъ, то опохмѣляется и знай только изъ дому тащитъ. И до того дѣло дошло, что хотѣли было за недоимки послѣднюю корову у нихъ продать; насилу упросила Степанида слезами и мольбами, чтобъ погодили до весны, авось какъ нибудь сколотится—расплатится, чтобъ не лишиться своей скотинки-кормилицы. Только повезъ однажды Петръ въ городъ масло и сметану продавать. Продалъ ли, нѣтъ ли, Богъ его знаетъ; только ночь была темная, буря страшная и мятель — ничего не видать. Сидитъ Степанида, не спится ей, мужа поджидаючи; и ноетъ въ ней сердце, какъ бы чего не случилося, — хоть и пьяница, а все жаль, и слышитъ—что-то подъѣхало. Выскочила,—сани и лошаденка стоятъ у двора, а хозяина нѣтъ, одинъ тулупъ свѣсился до земли, такъ и видно, что онъ гдѣ нибудь вывалился.

Взвыла баба, къ сосѣдямъ бросилась; кинулись по слѣдамъ Петра искать и нашли его окоченѣлаго, съ безпамятствѣ; оттерли, одѣли во все чистое и шубу надѣли, а у Петра только и словъ: «Господи помилуй! Господи помилуй! родимыя дѣтки, живъ я, живъ!»

И этотъ случай заставилъ Петра сильно задуматься; оглянулся онъ на свое горькое прошлое и бросилъ пить. И старается Петръ о своемъ домѣ, и жену и дѣтей жалѣетъ: такъ и пошелъ онъ поправляться.

Мы позволили себѣ остановиться такъ подробно на содержаніи потому именно, что разсказъ г-жи Погожевой является лучшимъ въ серіи разсказовъ въ этомъ родѣ по своей простотѣ, теплотѣ и безъискусственности.

Вы чувствуете, что авторъ вполнѣ понималъ, какъ, съ кѣмъ и о чемъ говоритъ онъ, и вдругъ почти на послѣдней страницѣ (21) совершенно неожиданно вы натыкаетесь на слѣдующую неумѣстную тираду: «но поддаются такому же ложному стыду люди ученые, образованные. Не только что ученые, но окончательно получившіе званіе ученаго, и тѣ поддаются ложному стыду. Эти люди росли въ той семьѣ, гдѣ вѣрятъ, что есть Богъ, и молятся Ему; и они, учась въ учебныхъ заведеніяхъ, не должны терять своихъ убѣжденій. Никто изъ наставниковъ не можетъ проводить такихъ мыслей. Но молодые люди читаютъ много и читаютъ по своему

выбору, увлекаясь громкой славой иностраннаго писателя. И что бы онъ ни навралъ, они сами не хотятъ вникнуть въ ложныя мысли, основанныя на опытахъ, ни къ чему не ведущихъ, ничего не объясняющихъ,—которые, ежели и провѣрять, все равно приводятъ къ пустому, ничего не выясняющему выводу. Но многіе, такъ сказать, ученые вѣрятъ на слово: онъ-де членъ академіи, тотъ получилъ премію или золотую медаль, какъ ему не вѣрить? — онъ такъ много трудился. И, ради того чтобы не оконфузиться передъ чужой академіей, признаютъ все нелѣпое за истину».

Кому это нужно? Грамотному простолюдину? — но онъ не пойметъ этой длинной тирады, — и слава Богу, что не пойметъ. Къ чему этотъ безцѣльный протестъ противъ научныхъ изслѣдованій, ученыхъ и академіи? Видно, что г-жа Погожева, обладая даромъ слова, слова простаго, искренняго и задушевнаго, совсѣмъ не годится въ философы, а потому желательно было бы не встрѣтить упомянутой тирады при новомъ изданіи.

Вопросы:

Какъ жилось Степанидѣ?

Кто поддерживалъ своей работой всю семью?

Помогъ ли ей Петръ вести хозяйство?

Послѣ какого случая онъ образумился?

Какъ пошли послѣ этого ихъ дѣла?

Чѣмъ могло бы кончиться, еслибы Петръ не бросилъ пить?

Разсказъ пригоденъ для подростковъ и взрослыхъ. *Х. А.*

289) **Жизнь и смерть пьяницы** *). Быль. Разсказъ дяди Адама. Переводъ со шведскаго Натальи Иванниной. Спб. 1866 г. Ц. 7 к. 28 стр.

Бываетъ же такъ: на 28 стр. растянута скучная-прескучная исторія пьяницы Петра, съ длинными нравоученіями и гигіеническими совѣтами, но въ исторіи этой встрѣчается нѣсколько фактовъ общечеловѣческаго характера, если можно такъ выразиться, настолько потрясающихъ нервы, что разсказъ оставляетъ по себѣ сильное и глубокое впечатлѣніе.

Труженикъ Нилъ былъ честный, умный и трезвый старикъ. Семья его состояла изъ единственнаго сына Петра, невѣстки и мальчугана-внука. Семейству жилось мирно и счастливо. Но Петръ, подъ вліяніемъ плохихъ товарищей, начинаетъ пить; напрасно уговариваютъ его отецъ и докторъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, — порокъ не исчезаетъ, а растетъ. Допившись, какъ говорится, до чортиковъ, Петръ въ безпамятствѣ убиваетъ полѣномъ мальчугана — любимца и утѣху всей семьи, выгоняетъ старика и жену изъ дому, пропиваетъ хозяйство, полное когда-то довольства, и умираетъ въ острогѣ безъ молитвы и покаянія.

Такой разсказъ сильнѣе тронетъ душу, задѣвши въ ней нѣсколько человѣческихъ струнъ, чѣмъ длинная рѣчь, полная нравоученій, а потому мы и рекомендуемъ его въ народную библіотеку. *Х. А.*

Я дала книгу *«Жизнь и смерть пьяницы»* одной изъ взрослыхъ учениць воскресной школы, зная ея семейную обстановку, и просила, чтобы отецъ ея, человѣкъ малограмотный, но трезвый и честный, прочелъ ее и высказалъ о ней черезъ дочь свое мнѣніе,—какъ ему кажется: могло ли быть все такъ, какъ написано въ разсказѣ, и согласенъ ли онъ съ мнѣніями доктора.

Толковая дѣвушка передала мнѣ слѣдующее:

— Папенька говорятъ, что книга эта нравоучительная, но рюмочку выпить передъ обѣдомъ не мѣшаетъ, и они не согласны, что это вредно; особенно иногда устанешь до того, что ѣсть не хочется, а выпьешь — захочется. Это ничего, лишь бы не пьянствовать. А насчетъ того, можетъ ли это быть, говорятъ, что можетъ, случается, есть различные люди; бываетъ такъ, что изъ-за пьянства кто работу, кто ученье броситъ: это даже часто случается. Они громко читали, а мы всѣ слушали. Очень интересное и поучительное! Сначала еще ничего, а послѣ самое ужасное, когда онъ дитя убилъ. Папенька говорили: «легко это могло быть», а маменька плакали.

290) **Что весной посѣешь, то осенью пожнешь.** Быль. (Разсказъ хозяина-столяра). А. Александрова. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. Ц. 8 к. 56 стр.

Деревенскаго мальчика Ваню на 14-мъ году отъ роду привезли въ городъ и отдали въ ученье столяру. Неотесаный и дикій, онъ долго выполнялъ одну черную работу. Но время шло; мальчикъ вглядывался въ окружающую его обстановку, ко многому пригляделся, многое понялъ и занялъ не послѣднее мѣсто среди другихъ своихъ товарищей. Тутъ онъ сошелся съ ровестникомъ сво-

---

*) См. рец. «Сист. Обзоръ Русской Народно-Учебн. Литер.» 1878 г., стр. 404.

имъ по годамъ Лёвою. Лёва былъ мальчикъ бойкій и живой; онъ научилъ Ивана грамотѣ, и дружба ихъ крѣпла съ каждымъ днемъ. Лёва считался лучшимъ работникомъ; хозяинъ любилъ его и дорожилъ имъ, какъ трезвымъ и способнымъ парнемъ; но тутъ случилось такое обстоятельство: въ мастерскую поступилъ новый рабочій Михайло. Хитрый, ловкій, вкрадчивый, онъ быстро пріобрѣлъ довѣріе и дружбу легковѣрнаго Левонтія и вовлекъ его въ свою пьяную и порочную компанію. Напрасно бѣдный Иванъ напрягалъ всѣ свои умственныя и нравственныя силы, чтобы спасти друга, напрасно великодушно выручалъ его много разъ изъ бѣды, напрасно прибѣгалъ къ вліянію старухи-матери и симпатичной сестры Левонтія — Даши, которую онъ давно любилъ тайкомъ,— ничто не помогало. Левонтію пробили голову въ пьяной компаніи шулеровъ низшаго разряда, и онъ умеръ въ больницѣ.

Прослуживши нѣсколько лѣтъ вѣрой и правдой своему хозяину, Иванъ открываетъ свое собственное скромное столярное заведеніе и женится на бѣдной Дашѣ, потерявшей въ лицѣ погибшаго брата помощника и кормильца, не смотря на то, что ему предлагаютъ богатыхъ и выгодныхъ невѣстъ.

Повѣствованіе ведется отъ лица разсказчика и ведется весьма удачно, за исключеніемъ нѣсколькихъ фальшивыхъ нотъ, гдѣ изъ-за хозяина-столяра выглядываетъ самъ авторъ. Прочтется съ большимъ интересомъ взрослыми, хотя не безъ пользы можетъ быть дано и подросткамъ-мальчикамъ, находящимся въ обстановкѣ Ивана и Левонтія.

Разсказъ этотъ стоитъ неизмѣримо выше разсказа того же автора — «*Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ*», хотя сюжеты ихъ весьма сходны.

Пригоденъ для школьной и народной библіотеки.

Вопросы:

Хорошій ли человѣкъ могъ выйти изъ Левонтія?

Что загубило его?

Какъ относился къ нему Иванъ?

Почему не удалось ему спасти Левонтія?

Почему изъ Ивана вышелъ дѣльный человѣкъ и хозяинъ?

Почему не взялъ онъ за себя богатой невѣсты?

Пришлось ли ему въ этомъ разскаяться?

Х. А.

Примѣчаніе. Рец. см. Дополненіе къ «Обзору Народной Литературы», стр. 44.

Къ числу слабыхъ произведеній принадлежитъ:

291) **Разсказъ**. Изд. Блисмера. 1873 г. Ц. 1 к. 8 стр.

Въ кабакѣ вдругъ появляется несчастная женщина съ ребенкомъ. Она проситъ подаянія. «Почему ты избрала это неприличное мѣсто для просьбы о подаяніи?» — спрашиваютъ ее. Женщина отвѣчаетъ, что водка довела ее до состоянія, въ которомъ она и теперь находится, и начинаетъ проповѣдывать о вредѣ пьянства. Неизвѣстно, подѣйствовала ли бы чудотворно ея проповѣдь, но къ ней присоединяется пѣніе невиннаго ребенка, который своимъ ангельскимъ голосомъ поетъ о значеніи того же грѣха. Присутствующіе умиляются. Юноша, не внимавшій просьбамъ семьи, бросаетъ пить, кабатчикъ закрываетъ кабакъ и устраиваетъ общество трезвости.

Разсказъ взятъ изъ англійской жизни. У насъ это выходитъ неправдоподобно, но читается не безъ интереса малограмотными взрослыми. Чтеніе это можетъ сопровождаться бесѣдою о вредѣ пьянства. *Х. А.*

Къ числу же совершенно негодныхъ разсказовъ мы относимъ:

292) **Дѣдушка-разсказчикъ** *). Разск. I. *Разсказы дѣдушки Василья «До чего доводитъ иногда лишняя чарочка»*. 5-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 12 к. 32 стр.

На 30 страничкахъ самаго малаго формата разсказано почтеннымъ старцемъ, дѣдушкой Васильемъ, въ высшей степени неправдоподобное и непріятное происшествіе: пастухъ Грицько заѣхалъ къ лѣсничему провизіи у него попросить. Лѣсничій Демко былъ человѣкъ добрый и никогда никому не отказывалъ въ помощи. Войдя въ хату, пастухъ увидалъ, что подъ святыми лежитъ покойникъ (Демко). Въ хатѣ никого не было. Напившись водки и наѣвшись варениковъ, Грицько обмазалъ лицо покойника сметаной, засунулъ ему вареникъ въ ротъ, посадилъ у окна, придавилъ верхнею оконницей горло и былъ таковъ.

И за что только этотъ «совѣстливый» человѣкъ, какъ характеризуетъ авторъ Грицька, наругался надъ тѣломъ добраго старика? Положимъ, онъ былъ пьянъ, но что-жъ ему было нужно? напился водки, наѣлся варениковъ и уѣхалъ себѣ. Никакой злобы, никакихъ мотивовъ къ отмщенію онъ не имѣлъ; очевидно, автору понадобилась вся эта не-

*) Рец. см. журн. «Учитель» 1862 г., стр. 788.

лѣпая исторія, чтобы оправдать заглавіе: «До чего доводитъ иногда лишняя чарочка».

Затѣмъ, само собою разумѣется, Грицько чувствуетъ угрызеніе совѣсти, раскаивается на духу и умираетъ.

Слѣдовало бы по настоящему пройти молчаніемъ всю эту исторію, но на обложкѣ мы видимъ 5-е изд., книжечка издана чистенько, снабжена 3-мя недурными картинками и такимъ образомъ можетъ ввести въ заблужденіе легковѣрнаго покупателя.

Въ концѣ разсказа совершенно неожиданно ямщикъ затягиваетъ пѣсню Кольцова, и затѣмъ, еще болѣе неожиданно, на полуторыхъ страничкахъ разсказана біографія Кольцова — родъ формулярнаго списка, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «и стали, наконецъ, изъ души его проситься разныя думы и чувства; вылилъ онъ ихъ на бумагу рѣчью мѣрною, стихами, разумѣется, не совсѣмъ правильными, да и то было на диво многимъ. Нашлись люди добрые, которые поправили и указали, какъ надо писать, и сталъ писать нашъ прасолъ-самоучка, какъ пишутъ и ученые. Въ короткое время онъ такъ прославился своими стихотвореніями — думами да пѣснями, что когда случилось ему быть въ Петербургѣ и въ Москвѣ, такъ его съ почетомъ принимали въ лучшихъ домахъ, и важнѣйшіе изъ нашихъ писателей, какъ, напр., Жуковскій и Пушкинъ, дружески пожимали ему руку» (стр. 32).

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей! И какъ этотъ конецъ вяжется съ заглавіемъ: «До чего доводитъ иногда лишняя чарочка» — до біографіи Кольцова, что ли?!

Само собою разумѣется, что пріобрѣтать подобную книжонку въ народную библіотеку нѣтъ никакой цѣли. *X. A.*

Вопросъ о пьянствѣ затронутъ и еще въ нѣкоторыхъ разсказахъ, написанныхъ для народа, какъ, напр.: «*Дѣлатели золота*» Цшоке, — «*Школа въ лѣсу*» Студитскаго и многихъ другихъ; но тамъ онъ не играетъ первостепенной роли, а потому мы и не останавливаемъ на нихъ вниманія учителя. Мы просили бы его только заглянуть съ нами мимоходомъ въ московскія изданія господъ Леухиныхъ и Манухиныхъ, чтобы увидѣть, какъ тамъ разбираются съ этимъ вопросомъ о пьянствѣ.

Книжонки эти расходятся милліонами въ народной массѣ, и, быть можетъ, не излишне было бы остановиться на нихъ болѣе подробно, изучить эту популярную народную литературу, разсмотрѣть, насколько удовлетворяетъ она духовную сторону народа, каковы ея излюбленныя темы, насколько угождаетъ она его вкусамъ и симпатіямъ, не одерживаетъ ли она побѣды, вступая въ конкуренцію съ дешевыми изданіями раціональной школы, и въ чемъ именно заключается тайна ея распространенія. Все это вопросы, на нашъ взглядъ, въ высшей степени интересные, которыми слѣдовало бы заняться; но такъ какъ это не входило въ наши планы, то мы ограничились пересмотромъ брошюрокъ на требуемую тему и остановились на двухъ изъ нихъ, болѣе характерныхъ и типичныхъ.

293) Брошюрка **Пей да дѣло разумѣй** (Москва; изд. книгопродавца Манухина) заключаетъ въ себѣ 36 странчекъ; на 20-ти изъ нихъ переливается изъ пустаго въ порожнее о томъ, какое, молъ, село Красное красивое теперь стало и въ какомъ прежде безобразіи состояло; и узнайте, братцы, что̀ исправило его! На стр. 21-й является, наконецъ, реформаторъ Терентьичъ, старшина. Онъ говоритъ довольно длинную и избитую рѣчь о вредѣ пьянства, подкрѣпляя ее такой перспективой: «Кто изъ васъ приказу моему нарушеніе произведетъ, — волостной судъ созову, передъ волостью разложу да такихъ сотню вкачу, что во вѣкъ не забудешь!» (стр. 28).

Подъ вліяніемъ этой энергической рѣчи село Красное исправляется и дѣлается красивымъ.

Необходимо упомянуть, однако, что въ этой ретроградной рѣчи Терентьича встрѣчается своя здравая мысль, которой мы не встрѣтили ни въ одномъ изъ раціональныхъ произведеній для народа, — онъ говоритъ: «А кому желательно выпить, тотъ сходи, на деньги вина возьми, домой принеси и выпей въ свое увеселеніе!»

Мысль эту намъ приходилось встрѣчать и въ литературѣ не въ такомъ первобытномъ видѣ, конечно, а развитую и подкрѣпленную основательными доводами.

Разсказъ «Пей да дѣло разумѣй» относится къ типу серьезно-поучительныхъ произведеній въ этомъ родѣ, но тутъ же мы встрѣчаемъ и другой «*жанръ*», претендующій на философію, замаскированную аллегоріей съ примѣсью юмора. Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ:

294) **Споръ Полушампанскаго съ Ерофеичемъ** или «*Не все то золото, что блеститъ*». Москва. Изд. книгопр. Прѣснова. 1880 г. Ц. 5 к. 31 стр.

На обложкѣ изображена красной краской такая картина: Полушампанское представле-

но въ образѣ европейца—съ цилиндромъ набекрень, въ красномъ жилетѣ и съ бокаломъ въ рукѣ, а Ерофеичъ изображенъ русскимъ мужичкомъ со штофомъ въ рукахъ. Разсказъ начинается эпиграфомъ: «Iорикъ, Iорикъ, ты правъ» *), который произноситъ какой-то ученый, повидимому, мужъ, подслушавшій на постояломъ дворѣ, въ ожиданіи лошадей, разговоръ Полушампанскаго съ Ерофеичемъ.

Есть произведенія, которыя не поддаются передачѣ, которыя необходимо читать въ подлинникѣ; къ числу ихъ принадлежитъ и настоящее, и потому мы позволимъ себѣ сдѣлать короткую дословную выдержку.

«*Полушампанское.* Случалось ли тебѣ когда нибудь хоть слыхать о моихъ преимуществахъ?

«*Ерофеичъ.* Слыхалъ, видалъ, слышу и вижу, что самохвальство великое дѣло, что недоученный педантъ, сдѣлавшійся по случаю членомъ какого нибудь общества, полагаетъ о себѣ, что онъ способенъ уже найти и квадратуру круга. Кто, какъ не я, открываю тебѣ путь въ желудки тщеславныхъ богачей? не я ли служу каждому средствомъ возбужденія апетита?

«*Полушампанское.* Но твой противный запахъ отвратителенъ для всякой дамы.

«*Ерофеичъ.* Но гораздо полезнѣе для желудка и кармана пьющаго.

«*Полушампанское.* Я принадлежу къ издѣліямъ иностраннымъ, къ издѣліямъ просвѣщенной націи».

Въ такомъ родѣ идетъ споръ и обрывается недоконченнымъ въ ту минуту, когда философу приходятъ доложить, что лошади готовы.

X. A.

*) Какъ видите, авторъ не пощадилъ и Шекспира (т. II. «Гамлетъ», стр. 59).

III. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РАЗЛИЧНЫХЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

Нельзя не сказать искренняго спасибо тѣмъ людямъ, которые стараются въ послѣднее время подѣлиться съ народомъ художественными произведеніями маститыхъ писателей, издавая ихъ по чрезвычайно дешевой цѣнѣ; тѣмъ не менѣе, пока ихъ немного, и по-неволѣ приходится останавливаться народной школѣ на копѣечныхъ изданіяхъ Общества распространенія полезныхъ книгъ и др., въ большей части переводныхъ и довольно безцвѣтныхъ. Впрочемъ, дѣти, начинающія читать, слушаютъ и читаютъ иныя изъ нихъ не безъ интереса. Книжечекъ этого характера весьма много, и намъ пришлось бы значительно увеличить объемъ предлагаемой книги, еслибы мы вздумали рецензировать ихъ всѣ. Это явилось бы тѣмъ болѣе излишнимъ, что почти всѣ онѣ весьма сходны между собою: вездѣ порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ; злые исправляются, а добрые награждаются и т. д.

Познакомившись съ нѣсколькими образцами въ нашемъ «Указателѣ», учителю легко будетъ рѣшить при выпискѣ книгъ, съ какого рода матеріаломъ будетъ имѣть онъ дѣло; да и рискъ не великъ, если онъ выпишетъ по одному экземпляру и неуказанныхъ нами изданій.

Въ приводимыхъ образцахъ мы укажемъ на худшія и лучшія изъ нихъ, разбирая каждую въ отдѣльной небольшой рецензіи. Наиболѣе слабыми изъ нихъ мы считаемъ переводныя. Будь это болѣе или менѣе удачныя передѣлки, приспособленныя къ русской жизни, къ понятіямъ русскихъ дѣтей, — это другое дѣло; въ настоящемъ же видѣ отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то чужимъ, далекимъ, неправдоподобнымъ. Крайне желательно, чтобы подобныя книги, какъ предназначаемыя для мало-подготовленныхъ читателей, не *переводились*, а *перерабатывались* для русской жизни.

Въ заключеніе скажемъ, что мы не намѣрены прилагать къ этимъ копѣечнымъ изданіямъ той строгой критической мѣрки, при которой почти всѣ они оказались бы, вѣроятно, нежеланными; мы только готовы примириться съ ними, пока нѣтъ или почти нѣтъ ничего лучшаго,—ничего, что могло бы замѣнить ихъ въ школьной библіотекѣ, за такую ничтожную цѣну, а цѣна, какъ извѣстно, играетъ немалую роль въ нашихъ народныхъ библіотекахъ, располагающихъ въ большинствѣ случаевъ скудными средствами.

295) **Правдивый Петя.** Москва. 1878 г. Ц. 1 к. 16 стр. Изд. Общ. распр. пол. книгъ.

Книжка заключаетъ въ себѣ два разсказа и нравоученіе о правдѣ.

«Правдивый Петя».

Петя былъ правдивъ. Разъ онъ убилъ любимую кошку хозяина. Товарищи подстрекали его солгать, но онъ сказалъ правду. Хозяинъ поощряетъ правдивость Пети подаркомъ и ставитъ его въ примѣръ другимъ.

«Эка важность!»

Сергѣй съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкъ свои дурные поступки оправдывать словами: «эка важность!» Еще ребенкомъ онъ прочелъ письмо вопреки желанію родителей. Его отдали учиться къ живописцу, но за дурные поступки тотъ его прогналъ. На службѣ онъ укралъ денежный чекъ, за что его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ раскаялся и при прощаніи просилъ сына своего не оправдывать своихъ дурныхъ поступковъ словами: «эка важность!»

Надъ первымъ разсказомъ дѣти скучаютъ; втораго—съ его *банкирскими чеками, юристами, стерлингами* и *шиллингами*—совершенно не понимаютъ, а потому подобныхъ книжонокъ не для чего пріобрѣтать въ школу.

296) **Бѣдный горбунъ.** Деревенскій разсказъ. Съ англійскаго. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ № 172. Москва. 1879 г. Ц. 1 к. 16 стр.

Просто и понятно разсказано слѣдующее: Бѣдный горбатый мальчикъ Тимъ, раздраженный и озлобленный насмѣшками и побоями безсердечныхъ школьниковъ, находитъ себѣ защитника въ добромъ и гуманномъ мальчикѣ Чарли. Эти ласки и заботы согрѣваютъ душу ребенка и помогаютъ ему спокойно переносить насмѣшки. Впрочемъ, вліяніе Чарли такъ велико, всѣ относятся къ нему съ такимъ уваженіемъ и симпатіей, что отношенія школьниковъ къ бѣдному сиротѣ мало по малу измѣняются.

Разсказъ кончается такъ: «Дѣти, будьте всегда готовы помочь слабымъ и несчастнымъ! Пусть ваше вліяніе на товарищей всегда будетъ разумное и доброе!»

Вопросы:

Что сдѣлало бѣднаго Тима раздраженнымъ и злымъ?
Кто защитилъ его?
Почему товарищи уважали и любили Чарли?
Какой совѣтъ даетъ вамъ книга?

Читается не безъ интереса и подростками, и малолѣтними. *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народн. Литер.», стр. 241.

---

297) **Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ** *). (Разсказъ подмастерья). В. Александрова. Изд. 7-е. Спб. 1877 г. Ц. 5 к. 14 стр.

На 14 страницахъ небольшаго формата разсказана просто и понятно, но совсѣмъ неинтересно, такая исторія.—У хозяина жили два подмастерья—одинъ добродѣтельный, а другой... не то чтобы порочный, — пороковъ за нимъ никакихъ не водилось, — а лѣнивый. Добродѣтельному еще въ мастерской предсказывали, что онъ «станетъ зашибать денежку», и онъ, дѣйствительно, зашибъ: «женился на дочкѣ купца лавочника и взялъ за нею большія деньги (идеалъ не изъ желанныхъ), а лѣнивый попалъ въ тюрьму, какъ и за что—неизвѣстно. Изъ этого, само собою разумѣется, слѣдуетъ, что лѣность—мать всѣхъ пороковъ; но можно сомнѣваться, что этотъ сухой выводъ, лишенный всякой поэзіи и жизненной правды, тронетъ чью либо душу или заставитъ задуматься надъ участью двухъ манекеновъ. Тѣмъ не менѣе, намъ пришлось услышать о немъ слѣдующій отзывъ.

«О вкусахъ не спорятъ», говоритъ пословица, и разсказъ «*Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ*» тоже находитъ своихъ почитателей. Ученица воскресной школы, лѣтъ 13—14-ти, подавая мнѣ его сегодня, сказала:

— Прочитала и очень осталась довольна!

— Да не можетъ быть! сказала я весело:—по моему, это такъ скучно сочинено!

— Не знаю, какъ кому, сказала настойчиво ученица:—а намъ очень понравилось; и папенька, и маменька слушали. Папенька сказали: «Очень наставительно! Это хорошо, что вамъ такія книжки даютъ. Всякій можетъ понять, что нехорошій парень изъ этого Василія вышелъ черезъ лѣнь и баловство».

— Ну, хорошо. Отцу понравилось, это другое дѣло, онъ старый человѣкъ; ну, а вамъ-то что здѣсь могло понравиться? спросила я недовѣрчиво.

— Все понравилось! отвѣчала дѣвочка съ тою же настойчивостью:—особенно когда его сосылали, и хозяинъ всѣхъ прочихъ людей уговаривалъ, чтобы они не поступали въ глупыя дѣла.

---

*) Рец. см. «Системат. Обзоръ Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 238.

Послѣ такой настойчивости я сочла излишнимъ отстаивать свое мнѣніе. Намъ встрѣчались, впрочемъ, и такія ученицы, которыя находили этотъ разсказъ неинтереснымъ.

Какъ бы то ни было, мы остаемся при своемъ мнѣніи и не находимъ необходимымъ пріобрѣтать его въ школьную библіотеку.

X. A.

---

298) **Сказка про воробья, который сдѣлалъ все, что могъ. — Богатство. — Гдѣ грѣхъ, тамъ и плачъ. — Молитва Господня. — Какъ аукнется, такъ и откликнется.** Чтеніе для народа. Издательница графиня А. П. Рукополева. Спб. 1874 г. Ц. 2 к., 32 стр.

Прочитавши это сложное заглавіе и не видя самой книги, вы можете вообразить себѣ нѣчто крупное и объемистое; въ дѣйствительности же эта крошечная книжечка состоитъ всего изъ 32-хъ страничекъ. Изъ нихъ 9 занимаетъ «сказка», 7 послѣднихъ—разсказъ «Какъ аукнется, такъ и откликнется». На 16-ти же среднихъ помѣщены религіозно-нравственныя поученія. Остановимся прежде всего на *«Сказкѣ про воробья, который сдѣлалъ все, что могъ»*.

Въ стихахъ, не лишенныхъ гармоніи, разсказана исторія маленькаго воробья. Выглянувъ на свѣтъ и затѣмъ пустившись въ самостоятельныя странствованія, онъ вдругъ почувствовалъ всю скромность той роли, которую отвела ему судьба: и жаворонокъ, и ласточка, и другія птицы—всѣ замѣтнѣе, всѣ красивѣе, всѣ пѣвучѣе его, бѣднаго воробья. И вотъ онъ возвращается къ своей матери и жалуется на свой горькій удѣлъ.

«Не всѣмъ природа отвела одинаковую долю счастія», утѣшаетъ его мать:—«и если намъ не суждено играть крупную роль въ жизни», говоритъ она:

«Будемъ добрыми, родной,
О, на свѣтѣ много, много
Можно сдѣлать добротой!»

Малютка воробей внялъ совѣту матери, и

«Цѣлый день порхалъ онъ всюду,
Всюду зернышки сбиралъ,
Относилъ больнымъ сосѣдямъ,
Бѣдныхъ пѣсней утѣшалъ.
Къ ближнимъ лаской и любовью
Сердце было въ немъ полно» и т. д.

И вотъ, когда онъ умеръ, всѣ птицы плакали о немъ и соединились дружною толпою на его похоронахъ.

Мнѣ много разъ приходилось читать эту сказочку дѣтямъ, и нерѣдко я замѣчала слезы при описаніи этихъ похоронъ (стр. 7 и 8). Кромѣ того, и основная мысль сказки вполнѣ нравственна и раціональна.

Вмѣсто провѣрочныхъ вопросовъ, я предложила бы ребенку сравнить воробья этой сказки съ человѣкомъ и развить мысль, сколько полезнаго, добраго и честнаго можетъ сдѣлать человѣкъ въ жизни.

Разсказъ *«Какъ аукнется, такъ и откликнется»* не лишенъ остроумія.

Авторъ рисуетъ двѣ картинки въ одной и той же крестьянской семьѣ: одна—при условіяхъ дурнаго, злаго расположенія духа, другая — наоборотъ. Въ первой мужъ сердится на жену, жена на дочь, дочь на братишку, братишка на кошку. Каждый какъ бы заражаетъ своимъ дурнымъ расположеніемъ духа другаго. Кто за что ни возьмется—все не ладится.

Во второй—всѣ кротко и терпѣливо относятся другъ къ другу; въ семьѣ царствуютъ миръ и согласіе, всѣ спокойны и счастливы.

Совсѣмъ маленькая дѣвочка, съ младенческимъ выраженіемъ лица, подала мнѣ *«Сказку про воробья, который сдѣлалъ все, что могъ»*.

Она въ высшей степени хорошо и поэтически передала содержаніе.

— Покуда онъ жилъ, говорила она:—онъ всѣмъ помогалъ, и маленькимъ птичкамъ больнымъ, кому могъ, а послѣ, какъ самъ заболѣлъ, *схилилъ* голову къ своей мамѣ, прижался, она обняла его крылышкомъ, такъ онъ и померъ.—Затѣмъ дѣвочка съ большимъ чувствомъ передала сцену похоронъ.

Когда она кончила, я сказала ей: — Ну, теперь на вотъ тебѣ хорошую книжечку съ картинками!

— Нѣтъ, я этой не возьму, отвѣчала рѣшительно дѣвочка:—я хочу взять себѣ *«Три медвѣдя»*. Оказалось, что «Три медвѣдя» уже взяты. — Ну, постойте! еще вздумаю какую! сказала она, роясь, видимо, въ своей дѣтской памяти и припоминая, что ей еще хвалили ея сотоварищи.

Я предоставила ей свободу выбора и начала разспрашивать другую ученицу.

Дѣвочка лѣтъ 8-ми подала мнѣ *«Сказку про воробья, который сдѣлалъ все, что могъ»*, говоря:

— Онъ *послышалъ*, что жаворонокъ поетъ, и сталъ тосковать, что онъ не умѣетъ такъ пѣть, какъ прочіе, а мама его уговариваетъ: «Вотъ», говоритъ:—«что я тебѣ разскажу:— сидѣла разъ дѣвица у окна и плакала; я

прилетѣла, запѣла ей простенькую пѣсенку,— она и не стала плакать! Живи и ты такъ! Кого можешь утѣшить—утѣшь!»

— А чѣмъ кончается эта сказочка? перебила я разсказчицу, видя, что она отлично все поняла.

— Какъ онъ померъ, продолжала дѣвочка:— за его гробомъ много людей,—то, бишь, птичекъ шло; ласточки гробикъ несли и послѣ разомъ всѣ запѣли; «Онъ что могъ, то и дѣлалъ!»

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

По окончаніи урока я сказала дѣтямъ, что прочту имъ «Сказку про воробья, который дѣлалъ все, что могъ».

— Я читалъ! отозвался *Я — ко*: — братъ Сергѣя Р — на ѣздилъ въ Харьковъ и привезъ оттуда. Всѣ слушали, и очень понравилось. Тамъ написано, какъ онъ все бѣдныхъ птичекъ выкармливалъ.

Я приступила къ чтенію:

«Дѣти! кто послушать хочетъ?
Разскажу вамъ сказку я!»

— Я! сказалъ громко Коля, поднявъ руку; но, замѣтивши свою ошибку, сконфуженно и быстро опустилъ руку. Остальныя дѣти засмѣялись.

— Съ книгою разговариваетъ! съострилъ одинъ.

Я продолжала читать и видѣла, что дѣти слушаютъ съ величайшимъ интересомъ. Изъ предложенныхъ по окончаніи чтенія вопросовъ оказалось, что все понято и усвоено ими; во время чтенія пришлось, впрочемъ, объяснить слѣдующія слова: *талантъ*, *великій*, *слава*, *порой*, *удѣлъ*, *траурь*, *гимнъ*, *увѣнчать*, *факельщикъ*, *рокъ*, *артистъ*.

Объясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ дались съ большими усиліями; такъ, послѣ перваго разъясненія слова *талантъ*, вслѣдъ за нѣсколькими удачными отвѣтами, одинъ изъ мальчиковъ сказалъ:

— Если кто домъ хорошо построитъ—это талантъ.

— Или задачи въ классѣ хорошо дѣлаетъ, добавилъ другой.

Относительно слова *великій* всѣ думали, что это значитъ высокаго роста, и т. д.

299) **Грезы Віолетты.** Изд. Общ. распростр. полезныхъ книгъ. Книжки для школъ № 98. Москва. 1875 г. Ц. 2 к., 31 стр.

Фабула разсказа «Грезы Віолетты» весьма недурна, но множество иностранныхъ словъ затемняетъ ея смыслъ для малограмотнаго читателя, а потому, вмѣсто рецензіи отрицательнаго свойства, мы ограничимся короткой выдержкой изъ *З. К. У.*

«*Грёзы Віолетты*». Прежде всего дѣти не въ силахъ даже произнести названіе; одна говоритъ: «*Гризы Валеты*», другая—«*Грижа Вьяльты*». *Изъ З. К. У.*

Съ содержаніемъ происходитъ то же самое; одна говоритъ: — Пришелъ мужчина; звали его *геній*.—Другая:—Да много же тутъ словъ я не поняла — страсть! *Шиллингъ*, *миссъ*, *Чарли*, *грезы*... насилу дочитала до конца!— И т. д.

Слова эти она произноситъ вполнѣ безсознательно, видимо заучивши ихъ на память.

Очевидно, что этотъ переводный разсказъ требуетъ передѣлки и въ настоящемъ своемъ видѣ непригоденъ для народной школы.

Х. А.

---

300) **Акулина.** (Истинный разсказъ). Изд. Общ. распр. пол. книгъ № 201. Спб. 1872 г. Ц. 1 к., 11 стр.

Акулина—несчастная дѣвушка, выросшая среди нищеты и разврата. Избитая, больная, покинутая всѣми, она попадаетъ въ больницу. Ея ненависть къ людямъ, ожесточеніе противъ промысла Божія такъ велики, что и въ больницѣ ея не любятъ. Всѣ отъ нея отворачиваются, какъ отъ существа низко-павшаго. Священникъ и одна благодѣтельная женщина принимаютъ въ ней участіе и силою своей кроткой любви примиряютъ ее съ жизнью. Акулина умираетъ, молясь и прощая.

Разсказъ написанъ въ религіозно-нравственномъ духѣ; можетъ быть прочитанъ взрослыми. *А. Г.*

Прошлое воскресенье я въ первый разъ выдала своей группѣ книгу для чтенія на домъ. Группа состоитъ изъ семи взрослыхъ учениць, окончившихъ недавно азбуку. Всѣмъ имъ выданъ былъ мною разсказъ «*Акулина*». Требовать съ перваго раза систематической передачи прочитаннаго невозможно; слава Богу, если все понято, и ученица въ состояніи отвѣчать на предложенные вопросы.

— Поняли? спросила я у старшей по го-

дамъ ученицы, позднѣе другихъ окончившей азбуку.

— Поняла все рѣшительно! сказала она и просіяла.

— Заботился ли кто объ Акулинѣ въ дѣтствѣ? спросила я, обращаясь ко всѣмъ.

— Нѣтъ! никто какъ есть! отвѣчала одна изъ ученицъ.

— Чѣмъ добывала она себѣ пропитаніе, бывши ребенкомъ?

— Худыми мыслями и дѣлами — нищенствомъ и воровствомъ.

— Куда попала она въ 10 лѣтъ?

— Къ очень дурной женщинѣ.

— Какъ подѣйствовалъ на нее этотъ дурной примѣръ?

— Очень нехорошо.

— Встрѣтила ли она въ людяхъ участіе и поддержку?

— Нѣтъ! на нее никто не обращалъ вниманія—всѣ ея не любили.

— Что раздражило и ожесточило ее?

— Вся ея жизнь, можно сказать!

— Чѣмъ удалось успокоить ее священнику и доброй посѣтительницѣ больницы?

— Чтеніемъ Евангелія, и, кромѣ того, эта дама очень добра къ ней была, все ее ласково уговаривала, такъ что она подъ конецъ согласилась со священникомъ и съ тою дамою, которая ее уговаривала, и съ покаяніемъ умерла.

Татьяна К—ко, 18 л., находится въ чтеніи на той ступени, когда является вопросъ: пойметъ ли она то, что прочитала до точки, или нѣтъ? Есть люди робкіе, относящіеся съ недовѣріемъ къ себѣ, къ своимъ успѣхамъ и занятіямъ; такіе люди, выучившись грамотѣ, перечитываютъ боязливо одно и то же, силясь удостовѣриться, что это дѣйствительно то слово, которое напечатано. Изъ нихъ обыкновенно выходятъ порядочные чтецы, привыкшіе давать себѣ отчетъ въ томъ, надъ чѣмъ они работали и трудились. Но есть другіе люди — «развязные», если можно такъ выразиться, надѣленные какъ бы отъ природы самомнѣніемъ, увѣренностью, что они все дѣлаютъ хорошо, даже лучше другихъ. Къ такому типу людей принадлежитъ Татьяна К—ко. Я выдала ей разсказъ «*Акулина*», состоящій всего изъ 4½ листиковъ и усваиваемый весьма легко малограмотными взрослыми. Когда она подала мнѣ этотъ разсказъ, я спросила: — Поняли? — Конечно, поняла! сказала самодовольно К—ко.

— Кто была эта Акулина? Разскажите!—

— Женщина!

— Этого мало. Вы мнѣ скажите: добрая ли она была женщина или злая? хорошо или дурно провела она свою жизнь?

— Ничего, добрая. (Между тѣмъ въ книгѣ сказано, что ее привезли въ больницу похожею на лютаго звѣря. Я заподозрила, что К—ко совсѣмъ не читала книги, и предложила еще нѣсколько провѣрочныхъ вопросовъ):

— Куда ее привезли?

— Въ больницу.

— Чѣмъ кончается разсказъ?

— Что она померла.

Очевидно, К — ко прочла все, но читала разсѣянно, понимая съ пятаго на десятое и нисколько не провѣряя себя.

— Однако, вы плохо поняли, сказала я серьезно.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала весело К—ко.

У меня не было времени разрушить ея иллюзію: меня ждало съ разспросами еще нѣсколько ученицъ.

Что касается другихъ ученицъ, болѣе грамотныхъ взрослыхъ, то разсказъ *«Акулина»* читается ими съ полнымъ пониманіемъ и вызываетъ участіе къ судьбѣ несчастной страдалицы.

301) **Гинея.** Разсказъ для дѣтей. Перев. съ франц. А Шпеккеръ. Спб. 1878 г. Ц. 8 коп. 20 стр.

Заимствованный изъ иноземной жизни разсказъ отличается вычурностью языка, имѣя характеръ спеціально нравоучительный на тему: честность явно награждается, а зло непремѣнно получаетъ должное возмездіе.

Къ этому приноровлена вся фабула разсказа. Кромѣ того, всѣ эти *су* и *гинеи* являются тормозомъ къ пониманію для малограмотнаго русскаго простолюдина, а потому, въ силу всего сказаннаго, разсказъ этотъ долженъ быть отвергнутъ.

302) **Красный сарафанчикъ.** Разсказъ для дѣтей. Москва. 1875 г. Ц. 3 к. 25 стр.—Изд. 1883 г.

Разсказъ заимствованъ изъ народнаго быта, выдается по своей простотѣ, естественности и чувству среди другихъ копѣечныхъ произведеній въ этомъ родѣ.

На зажиточнаго, дѣльнаго и честнаго мужика посыпались несчастія: умерла добрая, трудолюбивая жена, оставивши двухъ дѣвочекъ сиротами; сгорѣла въ его отсутствіе изба и все хозяйство.

Бодро переноситъ это бѣднякъ; бодро переноситъ это и умница Параша, старшая дочь Ивана, 13-ти лѣтъ. Но 10-ти-лѣтняя Маша не возьметъ еще въ толкъ этой тяжелой перемѣны, и когда товарищи-школьники

начинают издѣваться надъ ея рубищами, она горько плачетъ о своемъ красномъ сарафанчикѣ, сгорѣвшемъ на пожарѣ. Увидѣвъ эти слезы, бѣднякъ-отецъ и умница Параша отказываютъ себѣ во всемъ и копятъ гроши, чтобы справить Машѣ красный сарафанчикъ; и вотъ, когда мечта ихъ осуществилась, и Маша увидѣла неожиданно этотъ красный сарафанчикъ, она вдругъ поняла своимъ дѣтскимъ умишкомъ, чего онъ стоилъ отцу и сестрѣ, зарыдала и бросилась въ ноги отцу. Случай этотъ произвелъ на ребенка такое потрясающее впечатлѣніе, что Машу трудно было узнать: она стала задумчивѣе, серьезнѣе и, по примѣру умницы Параши, стала помогать усердно отцу и сестрѣ. Дружными усиліями бѣдняки мало по малу поправляются и достигаютъ относительнаго довольства.

Дѣти съ удовольствіемъ читаютъ этотъ разсказецъ, и мы рекомендуемъ его въ школьную библіотеку.

Вопросы:

Какъ относились школьники къ несчастію Маши?

Почему это огорчало Машу?

Легко ли было отцу и Парашѣ справить ей новый сарафанъ?

Поняла ли и оцѣнила ли это Маша?

Х. А.

---

303) **Что сдѣлалъ Ваня изъ любви къ товарищу.** Москва. 1882 г. Ц. 2 к. 16 стр. малаго формата. Изд. Общ. распр. пол. книгъ № 336.

Отличительною чертою этихъ маленькихъ книжонокъ является часто скука. Къ числу представителей этого рода принадлежитъ и настоящая книжечка. Состоитъ она изъ 4-хъ крошечныхъ разсказовъ поучительнаго свойства.

Въ разсказѣ 1-мъ — «*Что сдѣлалъ Ваня*» оказывается, что онъ просилъ учителя поставить его въ уголъ вмѣсто товарища, котораго очень любилъ, и что каждый человѣкъ долженъ поступать также по отношенію къ своему ближнему.

Разсказъ 2-й—«*Честный Викторъ, или что мнѣ теперь дѣлать*» рисуетъ передъ нами добродѣтельнаго мальчика, трудящагося для своей бѣдной матери.

Разсказъ 3-й—«*Сказка о часовыхъ стрѣлкахъ*» передаетъ споръ двухъ стрѣлокъ: часовой и минутной на тему, кто изъ нихъ важнѣе. Минутная хвастается своею быстротой и увѣряетъ, что она важнѣе, но вотъ горничная, стирая пыль, нечаянно зацѣпила за нее тряпкой, и стрѣлка очутилась на полу. Пришли мальчики и рѣшили, что безъ минутной стрѣлки можно обойтись, лишь бы была часовая.

Разсказецъ этотъ настолько несообразенъ, что даже маленькія дѣти относятся къ нему критически, и одинъ изъ нихъ при чтеніи сказалъ, обратившись къ учительницѣ:

— А мнѣ кажется, что всѣ стрѣлки нужны, даже и секундная.

Разсказецъ 4-й — «*Зеркало Ливингстона*» повѣствуетъ о томъ, какъ Моколосы въ Африкѣ приходили и разсматривали себя съ любопытствомъ въ зеркалѣ Ливингстона, и что точно также мы должны разсматривать грѣхи наши въ зеркалѣ души.

Мы съ умысломъ передали вкратцѣ содержаніе этихъ разсказцевъ, чтобы показать, сколько глупости и скуки заключаютъ они въ себѣ. Дѣти зѣваютъ, слушая ихъ, да и можетъ ли быть иначе? *Х. А.*

---

304) **Въ снѣжномъ сугробѣ.** Спб. 1871 года. Ц. 2 к. 15 стр.

Простымъ и удобопонятнымъ языкомъ разсказана такая исторія.—Дѣтей послали утромъ къ бабушкѣ. Вечеромъ они возвращались домой. Стемнѣло. Ихъ застигла страшная мятель. Бѣдняжкамъ предстояло замерзнуть въ полѣ. Чувствуя, что ихъ клонитъ ко сну, они начали громко молиться. Прохожій услышалъ эту молитву и спасъ ихъ.

Вмѣсто вопросовъ, можно разобрать поступокъ прохожаго, который великодушно тащилъ на себѣ двоихъ маленькихъ неизвѣстныхъ ему дѣтей, изнемогая подъ этою ношей.

Дѣти очень любятъ этотъ разсказецъ, и мы рекомендуемъ его въ школьную библіотеку.

Х. А.

---

305) **Заблудившіеся цыплята.** Изд. Общест. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ № 176. Москва 1878 г. Ц. 3 к. 15 стр. — Изд. 2-е, 1885 г.

У дѣтей, Алеши и Кати, была курица съ 10-ю цыплятами. Однажды дѣти нашли курицу въ большой тревогѣ: три непослушныхъ цыпленка ушли въ поле. Тамъ надъ ними долго кружился коршунъ, и не миновать бы имъ его когтей, еслибы Алеша не выручилъ. Мать была счастлива, увидя ихъ невредимыми, но Алеша былъ счастливѣе отъ сознанія сдѣланнаго имъ добра для маленькихъ созданій.

Затѣмъ слѣдуютъ скучныя-прескучныя наставленія, облеченныя въ форму разсказцевъ

въ нѣсколько строкъ: «Не считай петли, а вяжи чулокъ»; «обращай вниманіе на худыя привычки» и т. п.

Дѣти скучаютъ, слушая всѣ эти нравоученія, и отказываются брать книжечку изъ школьной библіотеки.

— Я какъ начала читать, думала, что дальше интереснѣе будетъ, говорила какъ-то одна маленькая ученица другой, отсовѣтуя ей брать книжечку изъ библіотеки: — а оно что ни дальше, то скучнѣе.

Книжонки этой не для чего пріобрѣтать въ школьную библіотеку. *Х. А.*

---

306) **Бабушка Марѳа или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ.** Москва. 1879 г. Ц. 4 к., 36 стр.

Марѳа остается въ молодости вдовою съ семерыми дѣтьми и безъ всякихъ средствъ. Она не падаетъ духомъ, усердно работаетъ и еще находитъ время ухаживать за больными и утѣшать въ горѣ.

Четверо изъ дѣтей ея умираютъ, и у нея остаются два сына и дочь. Дочь беретъ на воспитаніе священникъ, старшій сынъ впослѣдствіи умираетъ, а второй идетъ въ рекруты. Онъ дослуживается до офицерскаго чина, а дочь Марѳы выходитъ замужъ за сына священника. Дѣти почитаютъ до конца дней свою дорогую и умную мать-крестьянку и по смерти ея ставятъ ей памятникъ.

Вопросы:

Потерялась ли вдова послѣ смерти мужа? Что поддержало ее?

Находила ли она время среди трудовъ и заботъ откликаться на горе ближняго?

Почему изъ дѣтей Марѳы вышли честные, дѣловые и трудолюбивые люди?

Х. А.

Домна Д—ко, 17-ти л., ученица воскресной школы, не понявшая, напр., «Сорочинской ярмарки» Гоголя, передала вполнѣ удовлетворительно разсказъ «Бабушка Марѳа», что̀ объясняется простотою и доступностью этого разсказа.

Домна Д—ко замѣтила, что онъ ей очень понравился, и что она прочла его, не вставая съ мѣста.

«*Бабушка Марѳа*». Книга эта берется нарасхватъ. Содержаніе передается безупречно.

Сегодня *Аксинья Р—ва, 14 л.*, сказала намъ:—Батенька слушали, какъ я читала, и потомъ взяли въ мастерскую; тамъ всѣ слушали и очень остались довольны.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

(На каникулахъ. 6-го Августа, Преображеніе Господне.)

Сегодня послѣ обѣдни у меня образовалась группа слушателей въ семь человѣкъ: *Анна З—ръ* — дочь шинкарки-еврейки, 10-ти л.; *Ульяна П—ко* — дочь крестьянина, 10-ти л.; *Таня А—ва*—дочь волостнаго писаря, 11-ти л.; *Коля А—въ*—братъ ея, 9-ти л.; *Захаръ Г—въ*—сынъ крестьянина, 13-ти л.; *Матвѣй С—хъ*—сынъ крестьянина, 9-ти л.

Всѣ они представляютъ собою результаты обученія двухъ зимъ въ народной школѣ. Я стала разспрашивать ихъ, кто какія читалъ книги зимою и что кому понравилось.

Оказалось, что «Бабушку Марѳу» читали всѣ, и всѣмъ она очень нравится.

Началась совмѣстная передача содержанія. Вначалѣ дѣти въ отвѣтъ на мои вопросы поднимали руку, вспомнивая, повидимому, классную дисциплину; но чѣмъ дальше подвигался разсказъ, тѣмъ больше оживленія разливалось на этихъ дѣтскихъ лицахъ; они начали перебивать другъ друга; каждый силился вклеить свою вставку того, что пропустилъ сосѣдъ; всѣ сошлись въ томъ, что Марѳа была хорошая, умная и работящая женщина, что «черезъ это и дѣти вышли хорошими людьми».

Въ этомъ интересѣ, которымъ были полны маленькіе представители народа—живыя копіи симпатій и вѣрованій своихъ отцовъ, легко было прочесть отвѣтъ на вопросъ, насколько разсказъ этотъ соотвѣтствуетъ духу народа, его вкусамъ и симпатіямъ. Мальчики съ бо̀льшимъ интересомъ разсказывали, какъ Степанъ вышелъ въ люди, причемъ отвели по обыкновенію преувеличенно-почетное мѣсто грамотѣ.

Дѣвочки съ увлеченіемъ разсказывали о Вѣрѣ, какая она была кроткая и послушная, «какъ матушка попадья взяла ее замѣсто дочери», а батюшкинъ сынъ «взялъ ее за себя».

Выслушивая эту дѣтскую передачу, люди, сомнѣвающіеся въ томъ, придаетъ ли народъ нашъ значеніе грамотѣ, легко могли бы удо-

стовѣриться, что значеніе это даже преувеличено, и еслибы не боязнь причинить страданіе — пришлось бы разочаровывать народъ въ томъ, будто грамота сама по себѣ заключаетъ столько могущества, какъ полагаетъ онъ.

Ученица 14-ти л. такъ передала мнѣ разсказъ *«Бабушка Марѳа»*:

— Когда померъ мужъ Марѳы, она не слезами развлекала свое горе, а все работала и другимъ помогала, и дѣтей своихъ учила, чтобы они дѣлали какъ лучше и дурныхъ примѣровъ ни съ кого не брали. Они, какъ повыростали, съ уваженіемъ къ ней были за то, что она имъ въ дѣтствѣ наставленіе хорошее давала. Дѣти ея были очень счастливыя, потому что молитва ея до Бога дошла.

Приведенные отзывы свидѣтельствуютъ о томъ, что книга эта желательна для народно-школьной библіотеки, не смотря на то, что она принадлежитъ къ числу лубочныхъ изданій.

307) **Горячіе уголья, или средство смягчать ожесточенныхъ.** Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ № 102. Москва. 1875 г. Ц. 2 к. 16 стр. маленькаго формата.

Какъ извѣстно, аллегорія вообще плохо понимается дѣтьми; въ настоящемъ же разсказѣ она является полнѣйшею нелѣпостью: подъ горячими угольями ребенокъ долженъ подразумѣвать добрыя дѣла, направленныя противъ человѣка, сдѣлавшаго намъ зло, которыя должны жечь его нравственно, какъ горячіе уголья.

Чтобы показать всю несообразность подобнаго рода аллегоріи, приведемъ примѣръ изъ жизни: книжечка эта прочитана была группѣ дѣтей сельской школы возрастомъ отъ 9 до 10 л. По окончаніи чтенія учительница обратилась къ классу и спросила:—Что это были за уголья?

— Я думаю, изъ печки, отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ:—онъ взялъ и положилъ ему на голову, а волосы и загорѣлись.

— А, можетъ быть, изъ самовара, добавилъ другой.

Изъ цѣлаго класса нашлась только одна дѣвочка, выдающаяся своею смѣтливостью и умомъ, которая сказала рѣшительно, какъ бы протестуя противъ общественнаго мнѣнія:—Нѣтъ, онъ не клалъ угольевъ, это такъ только нарочно говорится; онъ вмѣсто этого книжечку ему подарилъ, добро поступилъ съ нимъ, и тому досадно на самого себя стало, и онъ покаялся.

Но такъ какъ книги пишутся обыкновенно не для однихъ только выдающихся способностями, а для всѣхъ вообще дѣтей, то мы и не рекомендуемъ настоящей книжечки въ школьную библіотеку. *Х. А.*

---

308) **Добрая жена.—Злая жена. — Дѣвочка со спичками.—Гречиха.—Дѣдушка и внучекъ. — Вечеръ на Рождество.** Изданіе Общества распростр. пол. кн. Книжки для школъ № 123. Шесть разсказовъ. Москва. 1876 г. Ц. 5 к. 32 стр.—Изд. 4-е. 1885 г.

«Добрая жена».

Забавный разсказъ о томъ, какъ простодушный крестьянинъ повелъ въ городъ продавать корову, но, не нашедши покупателей, промѣнялъ ее на лошадь, а на возвратномъ пути, промѣнивая одно животное на другое, пришелъ домой съ пустыми руками; но добрая жена его только порадовалась тому, что мужъ ея возвратился живъ и здоровъ.

«Злая жена».

Забавный, шуточный разсказъ. Мужъ сердится на жену за разныя неисправности, случающіяся въ домашнемъ хозяйствѣ, и, взявшись самъ за женино дѣло, на каждомъ шагу дѣлаетъ смѣшныя, неисправимыя ошибки.

Сказочка эта забавляетъ и дѣтей, и взрослыхъ, и они читаютъ ее съ веселымъ смѣхомъ.

«Дѣвочка со спичками».

Извѣстный фантастическій разсказъ о дѣвочкѣ, замерзшей въ ночь на Рождество Христово. Маленькіе не понимаютъ конца и думаютъ, что бабушка дѣйствительно пришла за внучкой; старшіе же слушаютъ сказку съ интересомъ и передаютъ безупречно.

Недавно намъ пришлось прочесть ее въ классѣ дѣтей народной школы отъ 9 до 12 лѣтъ. Между младшими нашелся таки одинъ, который спросилъ старшаго: «а бабушка на самомъ дѣлѣ пришла за нею?»—«Нѣтъ», отвѣчалъ старшій:—«душа безъ бабушки полетѣла на небо, а только тѣло дѣвочки осталось возлѣ дома».

«Дѣдушка и внучекъ».

Извѣстный разсказъ о томъ, какъ маленькій мальчикъ, видя дурное обращеніе его родителей съ дѣдушкою, сталъ дѣлать изъ

дощечекъ корытце, чтобы кормить изъ него отца и мать въ старости.

«*Гречиха*».

Разсказъ воробьевъ о старой ивѣ и о томъ, почему молнія сожгла гречиху въ цвѣту.

Маленькіе не понимають этого разсказца.

«*Вечеръ на Рождество*».

Разсказъ въ стихахъ о томъ, какъ бѣдный отецъ семейства пріютилъ у себя ангела подъ видомъ мальчика, найденнаго имъ въ лѣсу наканунѣ Рождества Христова. И дѣтямъ, и взрослымъ это очень нравится.

Изъ рецензіи очевидно, которые изъ разсказовъ пригодны для дѣтскаго чтенія.

А. Г.

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народной Литер.» стр. 240. «Народн. Школа» 1871 г. № 7, стр. 26. «Женское Образов.» 1879 г. № 8, стр. 241.

---

309) **Маша**. Изданіе Общества распростр. пол. кн. Книжки для школъ № 131. Три разсказа. Москва. 1876 г. Ц. 5 к. 27 стр.—Изд. 4-е, 1885 г.

«*Маша*».

Разсказъ о маленькой дѣвочкѣ, которая, прочитавъ въ школѣ наставленіе: «Не будьте лѣнивы на помощь другимъ», горевала о томъ, что у нея нѣтъ средствъ помогать страждущимъ. Понявъ, наконецъ, что и она можетъ приносить посильную пользу людямъ, Маша старается облегчать горе ближняго.

Разсказъ наполненъ длинными нравоученіями, скучными и непонятными для маленькихъ дѣтей, для которыхъ писался.

«*Сара Мартинъ*».

Бѣдная швея, не получившая образованія, чтеніемъ Священнаго Писанія развилась нравственно и посвятила свою жизнь на утѣшеніе заключеннымъ въ тюрьмѣ. Она доставляла работу арестанткамъ, давала имъ хорошія книги и, какъ мать, съ христіанскою любовью ободряла ихъ и поддерживала чувство раскаянія въ преступникахъ.

Недурной разсказъ изъ англійскихъ нравовъ, въ особенности цѣнный, какъ указаніе на примѣръ, достойный подражанія.

«*Маленькіе нищіе*».

Два мальчика, просившіе милостыню, были призрѣны благодѣтельнымъ человѣкомъ. Одинъ изъ нихъ, Алеша, добрымъ поведеніемъ заслужилъ вниманіе своего благодѣтеля и впослѣдствіи сдѣлался хорошимъ гражданиномъ. Другой мальчикъ, привыкшій къ праздной жизни, изъ нищаго бродяги дѣлается преступникомъ и, наконецъ, умираетъ на рукахъ сострадательнаго Алеши.

Добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказанъ! Другаго достоинства разсказъ не представляетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ нравится дѣтямъ больше двухъ предъидущихъ.

Благодаря своей дешевизнѣ, книжечка эта можетъ быть пріобрѣтена въ школьную библіотеку.

А. Г.

Примѣч. Рец. см. «Женское Образов.» 1879 г. № 8, стр. 541.

---

310) **Маленькій ветошникъ**. (Съ англійскаго). Москва. 1882 г. Ц. 5 к. 24 стр.—Изд. 4-е, Общ. расп. пол. кн. 1885 г.

Бѣдная вдова Катерина жила, перебиваясь изо дня въ день, со своимъ маленькимъ сыномъ Ваней. Мальчикъ былъ худъ и слабъ, но, желая помочь бѣдной матери, началъ заниматься собираніемъ тряпокъ. Однажды ему посчастливилось найти тряпичку, въ которой былъ зашитъ золотой. Случилось это возлѣ большаго, богатаго дома. Онъ спряталъ свою находку въ мѣшокъ и сталъ съ любопытствомъ смотрѣть въ кухонное окно. Добрая горничная зазвала его въ кухню, чтобы накормить. Кухарки въ эту минуту не было. Возвратившись и увидя оборвыша, злая женщина выгнала его прочь. На бѣду въ тотъ же день у нея пропалъ золотой. Подозрѣніе пало на мальчика. Его посадили въ полицейскій домъ, а на другой день повели къ судьѣ. Чистосердечный разсказъ расположилъ къ нему всѣхъ окружающихъ и обличилъ виновнаго.

Оправданный, онъ былъ окруженъ попеченіемъ добрыхъ людей. Эти люди отдали его въ школу и содѣйствовали тому, что изъ него вышелъ хорошій и дѣльный человѣкъ.

Разсказано просто и понятно; можетъ быть дано и ребенку, и взрослому; жаль только, что въ книгѣ не сказано, куда идутъ тряпки, собираемыя бѣдняками, подобными Ванѣ; не всѣ дѣти знаютъ это, и иныхъ изъ нихъ приводитъ въ недоумѣніе—кто и для чего покупаетъ тряпье.

Разсказъ оживленъ 5-ю небольшими картинками.

Вопросы:

Какъ жилось вдовѣ съ сыномъ?

Что онъ придумалъ для облегченія матери?

Не слыхали ли вы, на что идутъ тряпки?
Что случилось съ Ваней?
Чего желали всѣ присутствовавшіе при допросѣ Вани?
Что за человѣкъ вышелъ изъ Вани?

Х. А.

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народн. Литер.», стр. 241; 2) Журн. «Женское Образованіе» 1879 г. № 8, стр. 241.

---

311) **Лиза, бѣдная пѣвица, или Немощное Божіе—сильнѣе человѣковъ.** Спб. 1881 г. Ц. 3 к. 16 стр. Изданіе Н. Р.

Разсказъ начинается разговоромъ двухъ пріятелей о религіи, причемъ одинъ изъ нихъ тщетно силится убѣдить другаго въ существованіи Бога. Такъ какъ книга предназначается, видимо, для народа, то вы невольно спрашиваете себя: на той ли ступени развитія стоитъ нашъ простолюдинъ, чтобы возбуждать передъ нимъ подобнаго рода вопросы и силиться убѣдить его въ томъ, въ чемъ въ сущности онъ нимало не сомнѣвается?

Этотъ философскій разговоръ двухъ пріятелей занимаетъ двѣ первыя странички. На пяти послѣднихъ идутъ поучительно-нравственныя разсужденія. На остальныхъ же страницахъ весьма тепло и просто разсказана исторія короткой жизни бѣднаго ребенка, дочери итальянца-шарманщика и чахоточной пѣвицы. Мать умерла, бѣднякъ-отецъ лежитъ при смерти, а маленькая Лиза, дрожа отъ холода, въ промокшихъ башмакахъ и лохмотьяхъ на плечахъ, поетъ дрожащимъ дѣтскимъ голоскомъ у дверей гостинницы пѣсенку, завѣщанную матерью, и поетъ она о томъ, что есть лучшій міръ, и что она скоро, скоро пойдетъ и увидится съ милою мамою. Ея блѣдныя щеки вспыхиваютъ румянцемъ надежды, а въ большихъ выразительныхъ глазахъ свѣтится чистая, вѣрующая душа.

Пріятели сжалились надъ несчастнымъ ребенкомъ; они идутъ въ подвалъ и застаютъ тамъ картину вопіющей нищеты, окружающей умирающаго отца. При второмъ посѣщеніи ихъ встрѣчаетъ бѣлый заколоченный гробъ, а на нищенской постелькѣ лежитъ бѣдная Лиза. Она еще больше похудѣла и поблѣднѣла, огромные глаза раскрылись еще шире, но выраженіе надежды и свѣтлыхъ грёзъ еще сильнѣе разлито по этому дѣтскому личику, еще ярче говоритъ въ выразительныхъ черныхъ глазахъ.—«Папа ушелъ туда сегодня», говоритъ кротко дѣвочка:—«и я уйду!..я уйду отсюда»,задумчиво продолжаетъ она.—«У насъ было такъ холодно зимой, потому что у насъ часто не было дровъ, но мама крѣпко прижимала меня къ себѣ, чтобы согрѣть меня, и говорила о Богѣ. Потомъ они оба захворали, и мнѣ пришлось просить милостыню. Вотъ тогда стало худо. Прохожіе сердито смотрѣли на меня и говорили, что изъ меня выйдетъ дурная дѣвочка. Когда я приходила домой въ слезахъ, мама утѣшала меня, цѣловала и говорила, что Богъ будетъ любить меня и хранить и потомъ возьметъ на небо». Она тихо вздохнула и закрыла глаза.

Разсказъ этотъ, за исключеніемъ философскихъ разсужденій (желательно не встрѣтить ихъ при новомъ изданіи), пригоденъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ и пользуется симпатіями читателей, что̀ мы докажемъ отзывами о немъ учениковъ и ученицъ народныхъ школъ.

Настасья К—ва, 11-ти л., прекрасно передала разсказъ *«Лиза, бѣдная пѣвица»*. Я просто заслушалась,—столько участія къ бѣдной Лизѣ было выражено въ передачѣ этого ребенка.

— Они всѣ трое: отецъ, мать и Лиза пошли на небо, говорила она, точно будто видѣла собственными глазами.—И тамъ встрѣтились, добавила отъ себя К—ва:—Лиза передъ смертью смотрѣла на небо и видѣла въ облакахъ свою маму и много, много ангеловъ...

Относительно религіознаго спора К—ва рѣшила такъ: — Павелъ былъ христіанинъ, а Иванъ Гарвей, какъ еврей, въ Христа не вѣровалъ, и только тогда повѣрилъ, когда увидалъ, какъ христіанинъ умираетъ.

Какъ извѣстно, оба были англичане, но у нашихъ читателей своя логика, не лишенная основаній: одного изъ пріятелей зовутъ въ переводѣ Павелъ—имя чисто русское, а другаго Гарвей,—ну, слѣдовательно, одинъ русскій, а другой—еврей.

Ученица сельской школы, 11-ти л., прочла *«Лиза, бѣдная пѣвица»*. Она начала говорить наизусть словами книги, но съ такой хорошей интонаціей, что я въ первую минуту даже не замѣтила этого; затѣмъ перешла къ самостоятельной передачѣ прочитаннаго, затѣмъ опять говорила нѣкоторыя мѣста наизусть.

— Ты напрасно, Анюта, выучила наизусть, замѣтила я.

— Какъ же не выучить, когда это такъ хорошо? возразила горячо дѣвочка:—когда это

такъ хорошо, такъ хорошо! Я читала своей мамѣ, и она плакала.—И она продолжала наизустъ пѣсню малютки Лизы о томъ, какъ хорошо на небесахъ, поднявши вверхъ свои огромные голубые глаза, какъ бы разсматривая тамъ все, что видѣла Лиза.

Авдотья П—ва, ученица сельской школы, 14-ти л., подала мнѣ *«Лиза, бѣдная пѣвица»*.

— Вначалѣ ничего не поняла, сказала она простодушно (разговоръ атеиста съ вѣрующимъ): — а потомъ — что дальше, то лучше, что дальше, то лучше!—И она очень тепло и задушевно передала грустную повѣсть бѣдной дѣвочки.

Маленькая дѣвочка, замѣчательная разсказчица, подала мнѣ *«Лиза, бѣдная пѣвица»*. Она очень хорошо и съ большимъ чувствомъ передала печальную повѣсть бѣднаго ребенка, съ тѣхъ поръ какъ Лиза появляется въ трактирѣ.

Когда она кончила, я спросила, шутя:

— Что же ты начало пропустила,—разговоръ двухъ пріятелей?

— Какъ есть ничего не поняла, отвѣчала дѣвочка.

Это не первый случай. Необходимо было бы устранить этотъ недоступный дѣтскому пониманію разговоръ и издать новымъ изданіемъ симпатичную исторію бѣдной дѣвочки-пѣвицы съ ея страданіями, грёзами и вѣрою въ лучшее будущее.

ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Ученица 12-ти л. такъ передала мнѣ двѣ первыя страницы:

— Шли праведникъ и неправедникъ. Праведникъ вѣровалъ въ Бога, а неправедникъ—нѣтъ. Праведнику страсть какъ хотѣлось, чтобы онъ нашему Богу вѣровалъ и молился. Ночь была темная, какъ есть ничего не видать! Вотъ неправедникъ и спрашиваетъ праведника: «какъ ты вѣруешь? Я и желалъ бы вѣровать, да душа не принимаетъ. Я съ малолѣтства жилъ тамъ, гдѣ въ Бога не вѣровали!»

Замѣтьте, съ какой находчивостью обошла она трудное для себя имя Гарвей, какъ мѣтко охарактеризовала, согласно своимъ понятіямъ, *«праведникъ»* и *«неправедникъ»*, какъ вѣрно опредѣлила даже состояніе души Гарвея. Нечего и говорить, что разсказъ шелъ далѣе безупречно, какъ вдругъ аллегорія дала знать о себѣ въ концѣ разсказа. На стр. 12-й сказано: *«левъ превратился въ агнца, безбожникъ—въ христіанина»*.

— Тутъ появился левъ и превратился въ ангела, сказала дѣвочка:—и говоритъ: «если ты въ Бога вѣруешь, и ты будешь въ раю».

Въ то время какъ *Марія Г—ва* передавала мнѣ разсказъ, подруга ея стояла съ нею рядомъ съ выжидающимъ видомъ.—Позвольте мнѣ взять эту книжечку! сказала она, когда та кончила.

Рядомъ со мною взрослая ученица, подавая *«Лизу»* другой учительницѣ, сказала ей:—Пожалуйте мнѣ опять такую хорошую!

Да, «Лиза, бѣдная пѣвица» положительно пользуется популярностью.

Домна Д—ко и *Василиса Т—ко* обѣ возвратили мнѣ книгу *«Лиза, бѣдная пѣвица»*. Передача разсказа шла чрезвычайно оживленно: онѣ перебивали другъ друга, не упуская изъ виду самыхъ мельчайшихъ и неуловимыхъ подробностей. Меня въ высшей степени занимало, какъ поймутъ и передадутъ этотъ философскій споръ наши малоразвитыя *взрослыя* ученицы. Оказалось, что онѣ поняли его совершенно по своему.

— Одинъ изъ нихъ былъ иностранецъ, говорила Домна Д—ко:—и потому въ Бога не вѣровалъ.

— А другой, христіанинъ, уговаривалъ его, перебила Василиса Т—ко.

— И кончилось таки тѣмъ, заключила одна изъ нихъ:—что онъ нашему Богу повѣрилъ.

— И молитву по русски сталъ читать! перебила другая. *Х. А.*

---

312) **Сельская школа** *). Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ № 147. Изд. 2-е. Москва. 1876 г. Ц. 5 к. 47 стр.

Героями разсказа являются два маленькихъ школьника—Миша и Ваня. Миша—здоровый, шаловливый мальчикъ, сынъ порочныхъ родителей; Ваня — слабый, нервный, впечат-

---

*) *Примѣч.* См. рец. «Семья и Школа» 1872 г. № 3, стр. 589.

лительный ребенокъ, сынъ бѣдной вдовы. Миша не пропускаетъ случая, чтобы не уязвить чѣмъ нибудь ни въ чемъ неповиннаго Ваню.

Наконецъ шалости его принимаютъ болѣе серьезные размѣры: онъ протягиваетъ вечеромъ веревку между двумя деревьями по пути, ведущему къ Ванниной избѣ. Бѣдный мальчикъ попадаетъ ногой въ эту западню, падаетъ, зашибаетъ о камень колѣно и цѣлую зиму проводитъ, лежа въ постели съ больною ногой. Добрый учитель навѣщаетъ ребенка и приноситъ ему однажды Евангеліе. Ребенокъ вчитывается въ книгу, мысль его работаетъ и останавливается на изреченіи: *«любите враговъ вашихъ»*. Онъ вдумывается въ это изреченіе и весь проникается его глубокимъ смысломъ.

Между тѣмъ семью Миши постигло несчастіе: его порочный отецъ попалъ за воровство въ тюрьму; всѣ отвернулись отъ мальчика, всѣ презираютъ сына вора, но не отвернулся отъ него великодушный Ваня; онъ находитъ доступъ къ озлобленному сердцу ребенка, и они становятся друзьями.

Разсказъ невполнѣ естественъ, но написанъ довольно тепло и производитъ на дѣтей хорошее впечатлѣніе. Они не только слушаютъ его съ интересомъ, но передаютъ вполнѣ сознательно характеристику дѣйствующихъ лицъ.

Онъ пригоденъ для чтенія и малолѣтнихъ, и подростковъ.

Вопросы:

Какъ относился Миша къ Ванѣ?

Что прочелъ Ваня въ Евангеліи и какъ поступалъ въ жизни?

Чего достигъ онъ своими добрыми поступками по отношенію къ Мишѣ? *Х. А.*

---

313) **Внучка.** Переводъ съ англійскаго. Москва. 1880 г. Ц. 2 к. 15 стр.

Мальчикъ Реджинальдъ пріѣхалъ къ своей тетушкѣ миссъ Престонъ, доброй старой дѣвушкѣ, которая живетъ въ англійской подгородной деревнѣ. Она принимаетъ живое участіе въ маленькой дѣвочкѣ, Розѣ, внучкѣ ихъ суроваго, неопрятнаго сосѣда-сапожника Блоквуда. Миссъ Престонъ предлагаетъ ему отдать Розу въ дѣтскій пріютъ, но тотъ отказывается. Скоро послѣ этого Роза заболѣваетъ горячкою, и миссъ Престонъ ухаживаетъ за нею. Тогда благодарный сапожникъ разсказалъ происхожденіе своей внучки: она была ребенкомъ его любимой единственной дочери, убѣжавшей отъ него, чтобы выйти замужъ за человѣка, который ему не нравился; но скоро умеръ ея мужъ, а черезъ два года она сама умерла, оставивъ дочь Розу на попеченіе старика-дѣдушки. Вотъ почему онъ не хотѣлъ разстаться съ внучкою. Ради Розы Блоквудъ сдѣлался опрятнѣе, началъ прекрасно работать и ходить въ церковь.

Разсказъ пригоденъ преимущественно для старшаго возраста, такъ какъ дѣти не въ силахъ уяснить себѣ благотворнаго вліянія, которое имѣло на старика появленіе ребенка въ его убогомъ жилищѣ, и одинъ изъ маленькихъ спросилъ меня однажды:—Отчего онъ сталъ хорошо одѣваться,—вѣрно, Розѣ такъ нравилось?

Вопросы:

Почему былъ нелюдимъ, угрюмъ и неряшливъ башмачникъ?

Какъ и чѣмъ объяснить происшедшія въ немъ перемѣны?

---

314) **Не стыдись насмѣшекъ.** (Съ англійскаго). Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ № 231. Москва. 1879 г. Ц. 3 к. 15 стр.

Въ разсказѣ говорится о добромъ мальчикѣ, который въ теченіе нѣкотораго времени смотрѣлъ за коровой бѣдной женщины за что постоянно подвергался насмѣшкамъ своихъ школьныхъ товарищей. Учитель узналъ о его добромъ поступкѣ, присудилъ ему награду, а всѣ товарищи поняли несправедливость своихъ прежнихъ насмѣшекъ и еще больше полюбили его.

Разсказъ пригоденъ для учениковъ младшаго возраста.

Вопросы:

Гдѣ произошло все это: у насъ или въ чужихъ краяхъ?

Смѣются ли у насъ въ селахъ надъ мальчиками, которые выгоняютъ коровъ къ пастуху *)?

Потому ли Гартлей помогъ бѣдной жен-

---

*) Вопросъ этотъ поставленъ нами вслѣдствіе того, что во время чтенія въ сельской школѣ одинъ изъ мальчиковъ сказалъ:—А у насъ никогда не смѣются, когда коровъ гонишь.

— Такъ то паничи, возразилъ другой:—паничамъ стыдно!

Х. А.

щинѣ, что желалъ получить медаль, или потому, что у него было доброе сердце?

---

315) **Гриша или любовь сестры.** Изд. Общ. распростр. полезн. книгъ. № 274. Москва. 1880 г. Ц. 2 к. 16 стр.

Разсказъ происходитъ въ небольшомъ городкѣ. Главныя лица—дѣвочка Анна и младшій братъ ея Гриша. Послѣ смерти родителей, мелкихъ торговцевъ, они поселились у тетки, которая хочетъ сдѣлать Гришу земледѣльцемъ, но, благодаря занятіямъ Анны съ братомъ и хлопотамъ ея стараго друга, книгопродавца, мальчикъ поступаетъ въ книжный магазинъ. Затѣмъ онъ дѣлается компаньономъ своего хозяина и, наконецъ, не разставаясь съ сестрою, открываетъ свою книжную торговлю.

Разсказъ написанъ простымъ языкомъ и пригоденъ для чтенія малограмотныхъ и подростковъ.

Вопросъ: Кто и какимъ образомъ устроилъ счастіе Гриши?

316) **Какъ Паша старался быть добрымъ мальчикомъ.—Сиротка.** Москва. 1871 г. Ц. 3 к. 24 стр.

(Книжка дѣлится на 2 разсказца).

Паша услыхалъ въ школѣ, что даже и маленькій ребенокъ можетъ, если захочетъ, дѣлать добро. Дома мать подтвердила ему то же самое. Вскорѣ онъ, идя въ школу, встрѣтилъ сгорбленную старушку, которая черезъ силу тащила вязанку дровъ. Паша помогъ ей, и съ тѣхъ поръ приходилъ каждый день помогать ей въ ея домашнемъ хозяйствѣ.

Слѣдуютъ нравоученія и тексты изъ Священнаго Писанія.

«Сиротка».

Алеша встрѣтилъ на улицѣ грязнаго и несчастнаго мальчика. Няня сказала ему, что это сирота. Возвратясь домой, онъ проситъ мать разъяснить ему подробно, что такое значитъ «сиротка». Мать разъясняетъ, рисуя грустное положеніе дѣтей-сиротъ и сравнивая его со счастливой обстановкой Алеши. Они рѣшаютъ вмѣстѣ помочь ему Алешиными деньгами и подарить игрушки.

Опять слѣдуютъ тексты изъ Свящ. Писанія. Тексты пригодны для взрослыхъ, а разсказы для маленькихъ дѣтей.

Дѣти слушаютъ и читаютъ оба разсказа не безъ интереса.

Вопросы:

Къ 1-му разсказу: О чемъ говорили въ школѣ мальчику?

Удалось ли ему поступить такъ, какъ онъ желалъ?

Ко 2-му: Отчего слѣдуетъ жалѣть сиротъ?

Должны ли имущіе дѣлиться съ неимущими?

Въ виду своей дешевизны книжечка можетъ быть пріобрѣтена въ школьную библіотеку. *Х. А.*

---

317) **Праздныя руки.** Москва. 1880 г. Ц. 1 к. 16 стр.

Два брата, Саша и Ѳедя, ученики городской школы, дразнятъ отъ скуки Ивашку-дурачка. Ѳедя уходитъ домой, а Сашѣ удается таки разсердить дурачка, за что тотъ и тащитъ его съ собой на могилу матери. Затѣмъ слѣдуетъ испугъ Саши, боязнь за свою жизнь и раскаяніе при видѣ дурачка, выражавшаго свою любовь къ покойницѣ, какъ къ живой; примиреніе съ дурачкомъ и возвращеніе домой.

Маленькихъ дѣтей очень занимаетъ таинственность прогулки на кладбище.

Вопросы:

Почему Саша и Ѳедя принялись дразнить бѣднаго Ивашку?

Почему Ивашка не сердился за шапку, а разсердился за платокъ?

Какое чувство пробудилось въ душѣ Саши на кладбищѣ?

Книга можетъ быть допущена въ библіотеку.

Е. Г.

IV. БАСНИ.

318) **Двадцать восемь басенъ.** Русскихъ баснописцевъ—*Измайлова, Хемницера, Дмитріева и Крылова*. Изданіе 3-е. Спб. 1873 г. Ц. 7 к. 32 стр.

Небольшой сборникъ, составленный изъ 7 басенъ Измайлова, 5—Хемницера, 4—Дмитріева и 12—Крылова; изданъ хорошо, печать крупная, цѣна 7 коп. Довольно удачный выборъ и, главнымъ образомъ, ограниченное число басенъ позволяютъ пользоваться этимъ сбор-

никомъ, какъ книжкою для самостоятельнаго чтенія, которую, однако, слѣдуетъ давать только хорошо читающимъ, такъ какъ плохое чтеніе обыкновенно мѣшаетъ пониманію басни болѣе, чѣмъ чего либо другаго, благодаря своеобразію языка и замысловатому содержанію, выраженному въ аллегорической формѣ, которая часто даже и хорошо-грамотными безъ посторонней помощи не понимается. При переспросѣ можно остановиться на лучшихъ изъ приведенныхъ басень.

Вопросы:

Почему львенку не пригодилось воспитаніе орла? («Воспитаніе льва» Крылова).

Почему огромный комъ масла, переходя изъ рукъ въ руки сборщиковъ, сталъ маленькимъ комкомъ? («Поборъ львиный»).

Почему орелъ не послушался совѣта крота, и какъ онъ былъ наказанъ за свою гордость? («Орелъ и Кротъ» Крылова) и т. д.

Е. Г.

---

319) **Басни**, избранныя изъ *Крылова*, *Хемницера*, *Измайлова*, *Дмитріева*, *Ефремова*, *Нахимова*, *Христіановича и Масальскаго*. Составилъ Сергѣй *Волжинскій*. Спб. 1871 г. Ц. 20 к. 53 стр. небольшаго формата.

Названная книга представляетъ собою сборникъ, составленный изъ 32 басенъ Крылова, 15—Хемницера, 11—Измайлова, 11—Дмитріева, 8—Ефремова, 3—Нахимова, 2—Христіановича и 2—Масальскаго.

Выбраны басни, за немногими исключеніями, удачно. Издана книжка хорошо. Значительное (84) число басенъ и довольно мелкая печать даютъ возможность пользоваться этою книгою для самостоятельнаго чтенія исключительно только хорошо-грамотнымъ и развитымъ изъ простолюдиновъ по причинамъ, высказаннымъ нами въ предъидущей рецензіи.

Е. Г.

---

320) **Басни И. А. Крылова.** 19-е полное изданіе. Съ рисунками въ текстѣ И. С. Панова. Спб. Изд. Егорова 1880 г. Ц. 50 к. 253 стр.

Очень хорошее и недорогое полное изданіе басенъ Крылова, представляющее книжку небольшаго формата (въ 16 д. л. 253 стран.) съ 22-мя картинками, иллюстрирующими содержаніе соотвѣтствующаго числа басенъ, картинки хотя невелики, но недурны и очень оживляютъ текстъ.

Е. Г.

Примѣчаніе. Въ отдѣлѣ біографій читатель встрѣтитъ разборъ слѣдующихъ сборниковъ басень: «Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова» В. Золотова. «Дѣдушка Крыловъ» А. Филонова. «Русская басня въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ представителей» Е. Желябужскаго. «Избранныя басни Крылова съ объясненіями и примѣчаніями»; «Дѣдушка Крыловъ». Соч. Эспера Лѣскина. Всѣ названные сборники сопровождаются біографіями.

V. СКАЗКИ.

«Бабушка! разсказывай дальше, пожалуйста, разсказывай скорѣй! — А что же я тебѣ буду разсказывать?... Дальше все то же было... Тебѣ жаль Елизара Альманзаровича, жаль Альмару-душу, жаль все доброе, хорошее и не жаль все злое, дурное, не жаль Ашура-Тура Аксайскаго... Ну, значитъ, сказка и достигла цѣли! На это она годна. Этимъ она и красива, и сильна. Ведетъ она къ добру, сѣетъ отвращеніе къ злу.—Развѣ тебѣ этого мало?...» (Сказки Кота-Мурлыки. Изд. 2-е. «Сказка», стр. 37).

Вредно ли для дѣтей чтеніе сказокъ?—вотъ вопросъ, который не перестаетъ задаваться и подчасъ разрѣшается утвердительно. Антагонисты сказокъ, *какъ дѣтскаго чтенія*, указываютъ главнымъ образомъ на то, что сказочность дѣйствія, та фантастичность и неестественность, которыя связываютъ дѣянія обыкновенныхъ смертныхъ съ подвигами существъ миѳическихъ, а иногда и животныхъ, одаренныхъ даромъ слова,—все это-де въ конецъ разстраиваетъ неокрѣпшій еще дѣтскій умъ, поселяетъ въ головѣ его полнѣйшій сумбуръ, который дѣлаетъ для него вѣроятнымъ существованіе въ окружающемъ его реальномъ мірѣ всей сказочной чертовщины; словомъ сказать, сказки дѣлаютъ дѣтей *суевѣрными*.—Такъ ли это?

Совершенно здоровый ребенокъ обладаетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ чрезвычайно богатой фантазіей, которая, часто лишенная логической послѣдовательности, заводитъ его въ область волшебнаго. Всякому изъ насъ хорошо извѣстно, что, въ силу этой недисциплинированной еще фантазіи, ребенокъ самъ создаетъ сказки, самъ творитъ картинки волшебнаго характера. Сказку, отвѣчающую этому свойству дѣтской природы, онъ читаетъ или слушаетъ, затаивъ дыханіе; густыя краски, живые образы, фантазія автора, бьющая искрометнымъ фонтаномъ,—вотъ что привлекаетъ въ книжкѣ ребенка. Разсказы о подвигахъ богатырей, объ ихъ приключеніяхъ, претерпѣваемыхъ ими вслѣдствіе навожденія злыхъ волшебницъ, колдуновъ; похожденія какого нибудь Емели-дурачка, катающагося «по щучьему велѣнью, по его прошенью» на обыкновенной кухонной печи; повѣствованія объ Иванѣ-Царевичѣ, добывающемъ жаръ-птицу и т. п., все это, всѣ эти атрибуты сказокъ чрезвычайно нравятся дѣтямъ. Что это значитъ?—«Потребность безконечнаго, предощущеніе таинства жизни, начало чувства поэзіи, которыя находятъ для себя удовлетвореніе пока еще только въ одномъ чрезвычайномъ, отличающемся неопредѣленностью идеи и яркостью красокъ» *).

Потребность фантастическаго у дѣтей существуетъ несомнѣнно, и, какъ заключаетъ Бѣлинскій, потребность эта *естественна* и основательна. Слѣдуетъ ли потворствовать этой потребности, помогать, такъ сказать, самой природѣ? Противники сказокъ отвѣчаютъ: *нѣтъ*; мы позволяемъ себѣ сказать: *да. Нѣтъ*, потому что сказки дѣлаютъ дѣтей суевѣрными; *да*, потому что опасеніе это, по нашему мнѣнію, неосновательное и совершенно ложное, — борьба съ мельницами, нѣкоторымъ образомъ. Каждый изъ насъ въ дѣтствѣ и заслушивался, и зачитывался сказками; но вѣритъ ли кто либо изъ насъ въ существованіе бабы-яги, въ необыкновенное могущество щуки, въ возможность влѣзть въ одно ухо чудеснаго коня замухрышкой, а изъ другаго выйти молодцомъ и т. п.? Скажемъ болѣе: ребенокъ не такъ глупъ, не такъ ужъ легковѣренъ, чтобы принять за непреложную истину всѣ сказочныя небылицы, считать всѣ сказочныя чудеса за нѣчто реальное; для него все это полная поэзія греза — не болѣе; развѣ ребенокъ видѣнные имъ сны считаетъ за дѣйствительность? Наконецъ, въ концѣ-то концовъ, развѣ суевѣріе темнаго люда имѣетъ своимъ началомъ чтеніе въ дѣтствѣ сказокъ?! Вотъ что говоритъ по этому поводу Ахшарумовъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ *«Русскія сказки для дѣтей»*.

«Количество суевѣрія распредѣляется въ массѣ народа вовсе безъ всякаго отношенія къ количеству сказокъ, которыми занимаютъ дѣтей въ разныхъ сословіяхъ, но въ самомъ тѣснѣйшемъ отношеніи, хотя и въ обратной пропорціи, съ количествомъ просвѣщенія, доступнаго разнымъ классамъ и состояніямъ».

«Въ основаніи суевѣрія лежатъ ужъ, конечно, не сказки, а страхъ и невѣжество, подъ гнетомъ которыхъ работаетъ мысль человѣка въ томъ возрастѣ, когда его умственные процессы приходятъ къ своимъ окончательнымъ результатамъ и образуютъ прочный осадокъ, стойкіе выводы, нисколько не интересные и недоступные для дѣтей».

То опасеніе антагонистовъ сказокъ, что онѣ болѣзненно разстраиваютъ дѣтское воображеніе въ ущербъ здравому разсудку, вѣрно только въ частномъ случаѣ. Безъ сомнѣнія, ребенку больному нравственно, развившемуся въ ненормальныхъ условіяхъ, сказки могутъ принести этотъ вредъ: но мало ли что не вредно такому ребенку? Въ средствахъ воспитателя въ каждомъ данномъ случаѣ сообразоваться съ индивидуальными особенностями дитяти. Мы же говоримъ о чтеніи сказокъ существами нормальными, здоровыми, относительно которыхъ и это опасеніе неосновательно. У ребенка здороваго чтеніе поэтическихъ фантастическихъ произведеній (къ таковымъ относятся типическія народныя сказки) дѣлаетъ умъ какъ бы эластичнѣе, воспріимчивѣе; онъ перерабатывается впослѣдствіи въ ту «душу-живу», которая отличаетъ человѣка живаго отъ манекена, воспитаннаго на книжонкахъ вельми умныхъ, нарочито благонравныхъ и... въ высшей степени противныхъ для дѣтей нормальныхъ: подобныя книжки еще не успѣли, къ счастію, обратить ихъ въ преждевременно состарившихся дѣтей-резонеровъ.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Музеусъ—учитель, педагогъ, спеціалистъ:

«Наклонность къ чудесному глубоко коренится въ душѣ человѣка, и исторгнуть ее невозможно. Человѣкъ такъ созданъ, что одной дѣйствительности ему мало; его безконечная дѣятельность въ сферѣ предположеній уноситъ его въ пространство. Что сталось бы съ нашими мыслителями и поэтами безъ этого драгоцѣннаго дара?..»

Мы воспользовались этимъ отрывкомъ изъ

*) Соч. Бѣлинскаго, т. 3-й, стр. 325.

прекраснаго предисловія В. Крестовскаго (псевдонимъ), предпосланнаго къ *«Волшебнымъ сказкамъ»* Музеуса, и не можемъ отказать себѣ въ желаніи привести еще нѣсколько выдержекъ изъ послѣдующихъ затѣмъ страницъ.

Вотъ что говоритъ Крестовскій по тому же поводу:

«Ребенокъ и безъ печатныхъ разсказовъ знаетъ дѣйствительность. Жизни научаетъ жизнь, а не реально-моральныя повѣсти. И чѣмъ сочувственнѣе ко всему живущему молодая душа, тѣмъ скучнѣе для нея эти блѣдныя измышленія, тѣмъ жарче въ ней стремленія къ лучшему, къ высшему, хотя бы таинственному и непостижимому. Она ищетъ; ея исканіе выражается въ любви къ сказкѣ, во вниманіи младенца, въ задумчивости шалуна, въ мечтательности юноши. Въ загадочной глубинѣ волшебнаго, куда устремлены эти пытливые или оторопѣлые, но ожидающіе глаза,— мелькаетъ заманчивый міръ, полный образовъ, гдѣ просторно, легко, жутко и весело, гдѣ намекаются тайны, возвышающія душу, гдѣ обѣщается свобода, добро и общая радость, гдѣ тихо, величаво встаетъ идеалъ правды — еще неопредѣленный, еще не вполнѣ понятный, но свѣтлый, дорогой, влекущій...

«Нечего бояться: дѣйствительность не забудется, сама о себѣ напомнитъ, сама придетъ, сама толкнетъ; но молодое существо будетъ лучше къ ней подготовлено именно вотъ этимъ «отвлеченнымъ», «чудеснымъ». Оно выучитъ задумываться и восторгаться, а безъ восторга нѣтъ сочувствія, нѣтъ увлеченія, нѣтъ самоотверженія, нѣтъ дѣятельности...

«Душа, какъ мускулы, растетъ и крѣпнетъ; если ребенку для здоровья необходимы воздухъ и поле, дайте и мысли полетать въ неизмѣримомъ, гдѣ цвѣты такіе роскошные и такой урожай идеала!..»

Народныя сказки созданы народомъ-младенцемъ; не было у него еще выработаннаго и строго-оформленнаго нравственнаго кодекса, но, тѣмъ не менѣе, онъ уже проповѣдывалъ ученіе братства, взаимной помощи. «Наши сказки, при всемъ простодушіи своей формы, таятъ въ себѣ мысль, — впрочемъ, также простодушную, по мнѣнію цѣлаго множества умниковъ. Въ нихъ совокупный народный умъ простодушно проповѣдуетъ ученіе братства, взаимной помощи,—то ученіе, которое издавна хранится въ народѣ и служитъ ему нравственною опорою среди всѣхъ имъ переносимыхъ невзгодъ». (О. Миллеръ: «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности», ч. 1, вып. 1, стр. 166).

Въ основу сказки народъ клалъ нравственную идею, которая выражается, между прочимъ, сочувствіемъ гонимому и претерпѣвающему, страждущему за правду отъ злой воли темныхъ существъ. Глубокая вѣра народа-автора въ то, что правда всегда восторжествуетъ, ясна изъ того, что въ сказкахъ темныя силы только временно торжествуютъ, временно попираютъ правду; въ концѣ концовъ гонимый за правду выходитъ побѣдителемъ. «Какъ вся обрядовая поэзія проникнута уже сознаніемъ конечнаго торжества свѣтлыхъ явленій надъ темными, какъ побѣды послѣднихъ являются въ нихъ только временными побѣдами, такъ и въ сказкахъ свѣтлыя существа только временно терпятъ, болѣютъ, преслѣдуются; развязка же сказокъ всегда счастливая». (Idem, стр. 143).

Счастливая развязка сказки отнюдь не имѣетъ того банальнаго характера, который далъ бы право опредѣлить ее стереотипной фразой: порокъ побѣжденъ, добродѣтель торжествуетъ. Эта фраза всецѣло съ ея ироническимъ смысломъ приложима къ тѣмъ произведеніямъ дѣтской литературы, въ которыхъ авторы ихъ совершенно насильственно (и совершенно явно, прибавимъ) приводятъ свой разсказъ къ подобной развязкѣ, — развязкѣ, которая въ силу этой самой насильственности, вымученности и приводитъ часто совершенно къ противоположнымъ результатамъ: порокъ въ видѣ, примѣрно, какого-нибудь ужаснаго буяна (получившаго въ заключеніе должное возмездіе), долженствующій возбудить въ дитяти отвращеніе, заслуживаетъ его симпатію. Книжная добродѣтель въ лицѣ квинтъ-эссенціи благонравія не заслуживаетъ по меньшей мѣрѣ живаго дѣтскаго вниманія вопреки ожиданіямъ автора. О воспріятіи же ребенкомъ такимъ образомъ олицетворенныхъ качествъ благонравія (не скажемъ даже — нравственности) и говорить нечего.

Въ народныхъ сказкахъ счастливый конецъ не баналенъ,—не баналенъ потому, что онъ вытекаетъ изъ разсказа самъ собою, потому что въ этомъ послѣднемъ заключительномъ, гармоническомъ аккордѣ народъ-авторъ выражаетъ глубокую вѣру въ конечное торжество правды. Эта истина, выраженная въ безхитростномъ, добродушномъ тонѣ и высказанная *цѣлымъ* народомъ, получаетъ необычайную силу, а потому и наибольшую продуктивность. *«Ну, значитъ, сказка и достигла*

цѣли! На это она годна. Этимъ она и красна, и сильна. Ведетъ она къ добру, сѣетъ отвращеніе ко злу. Развѣ тебѣ этого мало?»...

Существуютъ, правда, народныя сказки, въ которыхъ съ явной симпатіей повѣствуется о ловкихъ мошенникахъ, ворахъ; но такихъ сказокъ въ общемъ количествѣ очень мало, а по отсутствію въ нихъ сказочнаго элемента ихъ скорѣе даже можно назвать анекдотами, разсказами; таковы, напр., разсказы о ловкихъ продѣлкахъ разныхъ докъ, по преимуществу русскихъ, которые единственно только изъ-за удали надуваютъ цыганъ, жидовъ, вообще не-русскихъ *).

Мы уже сказали, что сказка вербуетъ между дѣтьми многочисленныхъ почитателей въ силу своей поэтичности и своего фантастическаго содержанія. Большое вліяніе имѣетъ на дѣтей въ этомъ отношеніи еще и объективность сказки. И въ самомъ дѣлѣ: за сказкой не видно автора ея, не видно потому, что въ ней — *духъ цѣлаго народа*, а не разсужденія единичнаго человѣка.

Ребенку противны въ книгѣ тѣ голыя, моральныя сентенціи, которыя по пунктамъ указываютъ, какъ слѣдуетъ поступать дѣтямъ, чтобы получить аттестатъ въ благонравіи. Для здороваго, живаго дитяти нуженъ и живой, согрѣтый неподдѣльнымъ чувствомъ разсказъ. Дѣйствующія лица должны жить, а не двигаться подобно маріонеткамъ, которыхъ авторъ дергаетъ за ниточки по мѣрѣ надобности. Ребенокъ проницателенъ, даже больше, чѣмъ кажется, и всю эту закулисную механику если не увидитъ, то почувствуетъ и пойметъ. Нравственная идея должна жить въ лицахъ, а не быть пристегнутой бѣлыми нитками къ разсказу. Выводъ сдѣлать съумѣетъ ребенокъ и самъ; на это у него хватитъ разсудка; а выводъ, сдѣланный такимъ образомъ, — т. е. совершенно свободно, — прочно и твердо уляжется въ головѣ дитяти.

Отдѣлъ народныхъ сказокъ въ русской литературѣ довольно богатъ: однихъ названій сказокъ, попавшихъ въ печать, Сахаровъ насчитываетъ болѣе 120. Почти на каждое названіе существуетъ по нѣскольку варіантовъ.

Сборники сказокъ, подобные сборникамъ Сахарова и Аѳанасьева, изданы не для дѣтей уже по одному тому, что не всѣ сказки, входящія въ нихъ, пригодны для дѣтскаго чтенія. Обиліе варіантовъ на одинъ и тотъ же основной мотивъ представляетъ немалый трудъ при выборѣ изъ нихъ подходящаго для дѣтей.

Цѣль издателей народныхъ сказокъ для дѣтскаго чтенія и должна бы состоять, собственно говоря, въ сортировкѣ многочисленныхъ варіантовъ и въ выборѣ изъ нихъ наиболѣе пригодныхъ для дѣтей.

Отложивъ въ сторону вышеупомянутыя изданія, непригодныя, какъ мы замѣтили, для дѣтскаго чтенія, мы встрѣчаемся съ громаднымъ количествомъ попытокъ пересказать народныя сказки въ пригодной для дѣтей формѣ. Стихотворная форма переложенія, въ виду этой цѣли, какъ нельзя болѣе заслуживаетъ одобренія. Однимъ подобныя попытки удаются вполнѣ (Пушкинъ: «*Спящая царевна*», «*Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ*» и др.), другимъ—отчасти, а изъ поползновеній въ этомъ направленіи третьихъ получаются по истинѣ ужасные результаты.

Учителю народной школы приходится очень часто и очень спѣшно удовлетворять любовь къ чтенію своихъ многочисленныхъ питомцевъ; ему очень трудно разобраться въ массѣ всевозможныхъ изданій сказокъ и выдѣлить изъ нихъ полезныя въ педагогическомъ отношеніи и положительно вредныя.

За этимъ предисловіемъ ниже слѣдуетъ разборъ многихъ сказокъ, изданныхъ для дѣтей, съ краткой ихъ оцѣнкой, что̀ если не вполнѣ, то отчасти облегчитъ упомянутый трудъ учителя. Въ предисловіи же мы старались, насколько могли, установить взглядъ на сказку, какъ на предметъ для дѣтскаго чтенія.

«Давайте имъ (дѣтямъ)», говоритъ Бѣлинскій: — «нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина, какъ, напр., «*О рыбакѣ и рыбкѣ*», которая при высокой поэзіи отличается, по причинѣ своей безконечной народности, доступностью для всѣхъ возрастовъ и сословій и заключаетъ въ себѣ нравственную идею». (Бѣлинскій. Соч., т. 3, стр. 517).

321) **Народныя сказки** Александра Сергѣевича Пушкина. «*Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ*». Москва. 1882 г. Ц. 10 к. 8 стр. Изд. Ѳ. И. Анскаго *).

Еслибы предположить, что общество педагоговъ пожелало устроить конкурсъ всѣмъ сказкамъ, взятымъ у народа интеллигентнымъ человѣкомъ и возвращеннымъ въ народъ, мы увѣрены, что «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» получила бы первую премію. Не говоря уже о силѣ ея поэзіи, о красотѣ и образности

*) Сборникъ Аѳанасьева, т. III.

*) О новыхъ дешевыхъ изданіяхъ Пушкина см. 2-й т. «Что читать народу?»

языка, она по идеальной простотѣ своей доступна пониманію всѣхъ возрастовъ и степеней развитія. Она интересуетъ и взрослаго, и подростка, и ребенка, и намъ ни разу не пришлось встрѣтить ни ученика, ни ученицы, которые на вопросъ: — «Поняли?» отвѣчали бы: — «Нѣтъ».

Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что въ пріемѣ переспроса взрослаго человѣка и ребенка должна быть разница. Взрослый человѣкъ на вопросъ: «за что рыбка наказала старуху?»—въ силахъ обобщить факты и высчитать всѣ непривлекательныя свойства старухи: жадность, неблагодарность, тщеславіе, злобу; тогда какъ ребенокъ, симпатизируя старику и прекрасно понимая фабулу, не въ силахъ дать вамъ эти выводы. Сошлемся на примѣры:

«*Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ*» Пушкина дана была пяти ученицамъ группы малограмотныхъ, которыя такъ плохо усваивали до сихъ поръ прочитанное, по своей безграмотности, что мы хотѣли было совсѣмъ прекратить для нихъ выдачу книгъ на домъ. Но на этотъ разъ сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ» была прочитана до конца и усвоена прекрасно, разсказывается плавно и чрезвычайно своеобразно; такъ, напр., одна говорила: — Орудовала она, орудовала рыбкой, пока та разсерчала и все назадъ отобрала.

Но основной идеи, а именно, что рыбкой наказывается жадность, неблагодарность и тщеславіе, ученицы не поняли, и на наводящіе вопросы онѣ отвѣчали такъ: — Старуха хотѣла, чтобы рыбка была у нея на посылкахъ (особенное удареніе на словѣ «посылкахъ»), а рыбка черезъ это обидѣлась и все поотнимала.

Мнѣ при этомъ подумалось: вамъ самимъ, голубушкамъ, дались знать эти посылки; вотъ почему вы дѣлаете на нихъ такое удареніе.

(Дѣти, посѣщающія нашу школу, находятся преимущественно въ модныхъ магазинахъ именно въ томъ положеніи, котораго требовала старуха отъ рыбки,—на посылкахъ).

Еще одинъ отзывъ.

Ко мнѣ подошла совсѣмъ маленькая дѣвочка, еле умѣющая читать, и превосходно передала содержаніе сказки «*О рыбакѣ и рыбкѣ*».

— За что рыбка наказала старуху? спросила я.

— Да какъ же, отвѣчала наивно дѣвочка:— она и дворянкой, и царицей была, а онъ— ничѣмъ; такой бѣдный старичекъ, некому было его пожалѣть, а старуха все ругаетъ; рыбка его пожалѣла и черезъ это собственно наказала старуху.

ЗАМѢТКИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

«*Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ*» *Пушкина* удивительно передается даже самыми маленькими дѣтьми—картинно, послѣдовательно, толково. Не имѣя времени дослушать до конца маленькую ученицу, я, остановивши ее на срединѣ разсказа, сказала:—Довольно! скажи мнѣ только, чѣмъ все это кончилось?

— Чѣмъ? переспросила дѣвочка, затрудняясь, повидимому, сдѣлать мысленно такой большой прыжокъ и, немного помолчавъ, отвѣчала:—И теперь сидитъ въ своей землянкѣ, а передъ нею — разбитое корыто!

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

Замѣтивъ утомленіе дѣтей, я спросила ихъ: кто читалъ «*Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ*»? Новое оживленіе какъ бы охватило всѣхъ. Дѣти начали разсказывать наперерывъ, и на вопросъ мой, за что рыбка наказала старуху, они отвѣчали:

— Рыбкѣ досадно стало: что она ей ни дастъ — все не по ней.

— За то, что злющая была—старичка обижала! Ей бы благодарить рыбку, а ей все мало.

— За ея суровость!

— За то, что мало ей царицей — хочетъ больше!

Съ помощью наводящихъ вопросовъ дѣти рѣшили, что старуха была наказана за злость, неблагодарность и жадность. *Х. А.*

---

322) **Народныя сказки** Александра Сергѣе-

вича Пушкина. *«Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ»*. Москва. 1882 г. Изд. Ѳ. И. Анскаго. Ц. 10 к. 20 стр.

Содержаніе массы сказокъ, слышанныхъ и прочитанныхъ въ дѣтствѣ, настолько перепутывается въ головѣ взрослаго человѣка, что, имѣя въ виду переспросъ дѣтей, необходимо хотя вкратцѣ возстановить передъ нимъ нить событій даже по отношенію къ такимъ популярнымъ сказкамъ, каковы Пушкина и Жуковскаго. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ передать ихъ содержаніе.

Мачиха завидуетъ красотѣ своей падчерицы и приказываетъ служанкѣ завести ее въ чащу лѣса и отдать на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Служанка сжалилась надъ бѣдной сиротой и, не связавши ей рукъ, какъ приказывала мачиха, пустила ее въ лѣсу на волю. Дѣвушка набрела на теремъ семи богатырей, пріютившихъ и полюбившихъ ее, какъ родную сестру. Между тѣмъ таинственное зеркальце, которымъ обладала царица, снова начало повторять ей ненавистный припѣвъ:

«Ты прекрасна — спору нѣтъ,
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе!»

Злая мачиха, нарядившись нищею, приноситъ отравленное яблоко падчерицѣ, и та умираетъ.

Братья кладутъ ее въ хрустальный гробъ и вѣшаютъ его на 6-ти столбахъ. Между тѣмъ бѣдный женихъ царевны тщетно ищетъ ее по всему обширному царству. Солнце посылаетъ его къ мѣсяцу, мѣсяцъ — къ вѣтру, и, наконецъ, вѣтеръ направляетъ его въ горы, гдѣ виситъ гробъ царевны. Царевичъ разбиваетъ гробъ, царевна оживаетъ, и они женятся тотчасъ послѣ смерти злой мачихи.

При разспросѣ слѣдуетъ обратить вниманіе дѣтей на источники поступковъ мачихи (мелочность, зависть и, какъ слѣдствіе, жестокосердіе) и спросить, могли ли бы всѣ дѣйствующія лица сказки быть счастливы при дружескихъ отношеніяхъ?

Сказка и по простотѣ языка, и по содержанію можетъ быть дана и взрослымъ, и дѣтямъ вслѣдъ за сказкою *«О рыбакѣ и рыбкѣ»*, которая, какъ замѣчено, еще легче усваивается малограмотными простолюдинами.

X. A.

Наталья С—ва, 13-ти л., такъ передала мнѣ сказку *«О мертвой царевнѣ»* Пушкина:

— Попрощался съ царицею царь и уѣхалъ въ дальній путь. Она дожидала его, дожидала и родила себѣ дочь. Тутъ онъ вернулся; она увидала его и померла отъ радости. Онъ сперва убивался, плакалъ, а прошелъ годъ— забылъ свою тоску и женился на другой.

Она была изъ себя — ничего, красивая, но злая. И было ей дано одно зеркальце,—оно умѣло разговаривать. Вотъ она станетъ передъ нимъ, подбоченится и переговоритъ съ нимъ:

«Свѣтъ мой, зеркальце, скажи
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»

А оно ей повсегда отвѣчало:

«Ты, конечно,—спору нѣтъ,
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе!»

Такъ она вела разсказъ, передавая происшествія въ прозѣ и совершенно умѣстно цитируя только разговоръ царицы съ зеркаломъ.

«И кто ее училъ этому?» думала я, слушая дѣвочку.

323) **Народныя сказки** Александра Сергѣевича Пушкина. *«Сказка о царѣ Салтанѣ»*. Москва. 1882 г. Изданіе Ѳ. И. Анскаго. Ц. 10 к. 32 стр.

Три сестры, сидя за прялкой, говорятъ о томъ, что бы онѣ дѣлали, еслибы были царицами. Одна изъ нихъ сказала, что устроила бы пиръ, другая—что наткала бы на весь міръ полотна, а третья говоритъ:

«Я-бъ для батюшки-царя
Родила богатыря».

Царь Салтанъ слышитъ разговоръ дѣвушекъ; ему нравятся слова послѣдней, и онъ женится на ней. Вскорѣ послѣ женитьбы царь оставляетъ молодую жену и ѣдетъ на войну. Въ его отсутствіе сестры царицы, завидующія ея счастію, составляютъ отъ имени царя ложный приказъ, повелѣвающій бросить въ море царицу и ея новорожденнаго сына, предварительно закупоривъ ихъ въ бочку. Приказъ въ точности исполняется, но мать и сынъ, которому судьба сулила быть богатыремъ, не погибаютъ. Маленькій царевичъ выбиваетъ дно бочки и выходитъ съ матерью на прекрасный островъ. Здѣсь царевичъ, убивъ коршуна, спасаетъ отъ гибели бѣлую лебедь. Лебедь оказывается всемогущей и щедро награждаетъ царевича: по ея повелѣнію, на островѣ является великолѣпный городъ, жители котораго выбираютъ царевича своимъ княземъ. Царь Салтанъ, услышавъ о волшебномъ городѣ, хочетъ ѣхать

туда; сестры же изъ ненависти къ царицѣ мѣшаютъ этому и отвлекаютъ вниманіе царя разсказами о другихъ чудесныхъ предметахъ. Но все, о чемъ онѣ ни говорятъ, благодаря лебеди, становится извѣстнымъ на волшебномъ островѣ, и, наконецъ, сама лебедь превращается въ красную дѣвицу съ мѣсяцемъ подъ косой и со звѣздой во лбу, послѣ чего становится женой князя. Тутъ ужъ царь Салтанъ, вопреки всѣмъ отговорамъ, ѣдетъ на островъ, гдѣ видитъ свою жену и узнаетъ всю правду.

Вопросы вытекаютъ изъ содержанія.

Сказку эту можно давать дѣтямъ старшаго и младшаго возраста и вообще начинающимъ читать. Она легко усваивается ими, благодаря простотѣ изложенія и частымъ повтореніямъ, встрѣчающимся въ ней. Какъ по интересу содержанія сказочно-поэтическаго характера, такъ и по художественности описаній, сказка «О царѣ Салтанѣ» не представляетъ исключенія изъ народныхъ сказокъ А. С. Пушкина. Читается она и дѣтьми, и взрослыми съ большимъ интересомъ, написана прекрасными стихами.

Л. Е.

Сегодня, въ воскресенье, я прочла въ группѣ взрослыхъ, только что научившихся читать, сказку Пушкина «*О царѣ Салтанѣ*». Вначалѣ ученицы, не привыкшія къ громкому чтенію, чинно молчали, но съ каждой страницей являлось все больше и больше оживленія, а вмѣстѣ съ нимъ и замѣчаній. При извѣстіи, что царицу «въ бочку съ сыномъ посадили, засмолили, покатили и пустили въ океанъ»—послышались отовсюду восклицанія;

— Ой, Боже-жъ мой!—Ахъ, несчастные!—Вотъ безсовѣстныя! и т. д. Когда царевичъ увидѣлъ городъ, дарованный ему лебедь-птицею, одна изъ ученицъ сказала:— Какая хорошенькая пьеска!

На стр. 11-й, гдѣ говорится: «А князь Гвидонъ съ берега душой печальной провожаетъ бѣгъ ихъ дальній», другая замѣтила: — Это онъ по отцѣ груститъ!—При вторичномъ появленіи лебедь-птицы еще одна сказала радостно:—Это, навѣрное, та самая, которую онъ спасъ! — Когда ткачиха съ поварихой, боясь свиданія отца съ сыномъ, говорятъ: «Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!»—одна изъ ученицъ замѣтила: — Лишь бы отговорить! Можетъ, этого и нѣту нигдѣ!—На стр. 19, при словахъ: «А Гвидонъ-то злится, злится!» кто-то пояснилъ: — Это онъ за то, что онѣ не допускаютъ отца съ сыномъ повидаться! — Когда князь Гвидонъ ходитъ грустный по берегу, мечтая о 36-ти богатыряхъ, и на поверхности водъ является снова лебедь-птица, одна изъ ученицъ замѣтила: — Сейчасъ будетъ просить о богатыряхъ.

По окончаніи сказки начались выраженія восторга: — Прелесть какъ хорошо! говорила одна.—Ахъ, да и интересно же! замѣтила другая.

— Хоть бы еще разъ послушать! сказала третья и т. д. Въ замѣчаніяхъ этихъ нѣтъ ничего такого, на чемъ въ сущности стоило бы остановиться; тѣмъ не менѣе, они имѣютъ, на нашъ взглядъ, значеніе, какъ отвѣтъ на вопросъ: съ какимъ интересомъ и оживленіемъ слушаются сказки Пушкина малограмотными людьми.

Сказка «*О мертвой царевнѣ*» была прослушана съ тѣмъ же интересомъ; тѣ же вопросы и восклицанія слышались во время чтенія; на страницѣ 19-й, гдѣ говорится:

> «Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
> Ожила» —

нельзя было не замѣтить общей радости. Ученицы переглядывались другъ съ другомъ и улыбались. По окончаніи сказки одна изъ нихъ сказала: — Эта, кажется, даже лучше, чѣмъ «*О Салтанѣ и о Гвидонѣ*».

324) **Сказка о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ.** А. С. Пушкина. Съ 7-ю картинками. Спб. 1868 г. Ц. 3 к., 15 стр.

Купецъ Кузьма-Остолопъ, осиновый лобъ, ходитъ по базару и ищетъ, какъ бы себѣ подешевле работника найти. Балда соглашается служить ему за три щелчка въ годъ. Кузьма принимаетъ эти условія. Балда служитъ хозяину вѣрой и правдой.

Подходитъ срокъ расплаты. Кузьма, желая какъ нибудь отдѣлаться, посылаетъ Балду къ чорту за оброкомъ. Балда идетъ къ морю, вступаетъ съ чертями въ переговоры, пускается на хитрости, выигрываетъ споры, получаетъ оброкъ и благополучно возвращается домой.

Наступаетъ срокъ расплаты; подставилъ Кузьма лобъ и «съ перваго щелчка прыгнулъ до потолка». Со втораго щелчка лишился Кузьма языка; «а съ третьяго щелчка вышибло умъ у старика».

Сказка разсказана мастерски и полна юмора; пригодна и для дѣтей, и для взрослыхъ.

Вопросы:

Хорошо ли поступилъ Кузьма, заключивъ такое условіе съ Балдой?

Должно ли цѣнить и вознаграждать трудъ?
Съ какою цѣлью послалъ Кузьма Балду къ чертямъ за оброкомъ?
Чѣмъ выигралъ дѣло Балда?
Чѣмъ былъ наказанъ Кузьма за свою скупость и желаніе перехитрить Балду?

Х. А.

Сегодня я прочла въ группѣ малолѣтнихъ: «*Сказку о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ*». Все время дѣти хохотали. Ихъ разсмѣшилъ и уговоръ: «Буду служить тебѣ славно, усердно и очень исправно въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу!», и заяцъ, котораго Балда назвалъ своимъ меньшимъ братомъ, и какъ онъ хвастался передъ чертенкомъ, что ждетъ тучки, чтобы забросить палку на небеса, и какъ онъ увѣрилъ чертенка, что несетъ кобылу ногами. Однако, когда дѣло дошло до расправы, всѣ притихли и начали слушать съ особеннымъ вниманіемъ. Когда я, окончивъ сказку, спросила:—За что былъ наказанъ Кузьма?—одна изъ дѣвочекъ отвѣчала:—За то, чтобъ за жену не хоронился!

— Вона! возразила другая:—за то, что ему не хотѣлось деньги платить!—Остальныя согласились съ нею.

325) **Народныя сказки.** А. С. Пушкина. «*Сказка о золотомъ пѣтушкѣ*». Спб. 1873 г. Ц. 3 к., 15 стр.

Жилъ-былъ славный царь Додонъ. Ему хотѣлось жить въ мирѣ, но буйные сосѣди одолѣвали его и не давали ему покоя. И вотъ призвалъ онъ къ себѣ старика и просилъ дать ему мудрый совѣтъ. Старикъ вынулъ изъ мѣшка золотаго пѣтуха, велѣлъ посадить на стѣну и сказалъ, что этотъ пѣтухъ будетъ предвозвѣстникомъ нападеній врага. Такъ оно и было. Сосѣди присмирѣли, видя безпрерывный и своевременный отпоръ; но вотъ однажды предвозвѣстникъ-пѣтухъ поднялъ страшный шумъ. Царь Додонъ встревожился, и послалъ съ войскомъ своего старшаго сына. Сынъ пропалъ безъ вѣсти. То же повторилось и со вторымъ. Тогда царь Додонъ двинулся въ путь самолично съ многочисленной ратью. Шли они, шли и наткнулись въ горахъ на шелковый шатеръ, а въ томъ шатрѣ лежали замертво два сына Додона и вся ихъ многочисленная рать. Отчаяніе овладѣло Додономъ, но въ эту минуту появилась дѣвица неслыханной красоты; Додонъ забылъ сыновей, забылъ все на свѣтѣ и пропировалъ съ красавицей цѣлую недѣлю. Затѣмъ онъ повезъ ее въ свое царство. Когда они въѣзжали въ столицу, народъ шумною толпою встрѣчалъ ихъ, и въ толпѣ появился благодѣтель Додона. Онъ подошелъ къ нему и потребовалъ, чтобы Додонъ исполнилъ по условію его просьбу—отдалъ ему красавицу дѣвицу—шемаханскую царицу. Но Додонъ хватилъ его жезломъ по лбу, тотъ упалъ ничкомъ — да и духъ вонъ. Въ эту минуту золотой пѣтухъ спорхнулъ со стѣны, сѣлъ на голову Додона, клюнулъ въ темя, и царя не стало.

Былъ ли наказанъ Додонъ за свою неблагодарность и жестокость или за то, что, увлекшись красотою, забылъ и сыновей, и все на свѣтѣ, — неизвѣстно, но сказка кончается такъ:

«Сказка—ложь, да въ ней намекъ:
Добрымъ молодцамъ урокъ».

Вопросы:

Что нарушило покой Додона?
Кто помогъ ему въ его горѣ?
Чѣмъ заплатилъ онъ за эту помощь?
Чѣмъ онъ наказанъ былъ за это?

Сказка пригодна и для малолѣтнихъ, и для взрослыхъ.

Х. А.

Маленькая ученица воскресной школы, еле выучившаяся читать, очень хорошо, хотя и съ нѣкотораго рода варіантами, передала мнѣ «*Сказку о золотомъ пѣтушкѣ*»; такъ, напр., Додона она называла все время *Антонъ*, о крикѣ пѣтуха сказала:—Это обозначало, что на него опять будутъ сосѣди идти.—Описывая ужасъ Додона при видѣ мертвыхъ сыновей, она выразилась такъ: —Царь ахнулъ, а за нимъ всѣ служащіе ахнули. — О царицѣ сказала, что она «кто ее знаетъ, куда дѣвалася!» — и въ заключеніе замѣтила, что ей жалко только одного мудреца:—Что же, онъ ничего обиднаго не сказалъ, кромѣ «подари мнѣ эту дѣвицу»; — что-жъ тутъ обиднаго? совсѣмъ не за что было убивать! Онъ ему пѣтуха подарилъ, а тотъ замѣсто того замахнулся и убилъ!—Слово «неблагодарность» не было произнесено ребенкомъ, но по тому тону недовольства, какимъ она передала послѣдній эпизодъ, видно было, что она протестуетъ противъ неблагодарности Додона.

Сказка читается съ интересомъ различными возрастами.

326) **Народныя сказки.** А. С. Пушкина. *Сказки*: 1) «*Бова*»; 2) «*Какъ весеннею теплой порой*», и 3) «*Сватъ Иванъ*». Спб. 1872 г. Ц. 3 к., 16 стр.

Сказка «*Бова*» занимаетъ изъ 16-ти 11 страницъ, т. е. бо́льшую часть книги. Чтобы удостовѣриться, что сказка эта написана не

для народа, достаточно привести изъ нея выдержки. Возьмемъ хоть слѣдующее (стр. 1):

«Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскія
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ,
Съ Шапеленомъ и Рифматовымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера,
Несравненнаго Виргилія».

Кто сочтетъ это за вступленіе, того просимъ обратиться къ стр. 11-й:

«Такъ ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены слабыя
Противъ стрѣлъ Эрота юнаго
Всѣ имѣютъ душу добрую».

Кромѣ сатирическаго содержанія съ массой намековъ на событія и историческія лица, неизвѣстныя народу, кромѣ способа выраженій, недоступныхъ пониманію, сказка не чужда цинизма (стр. 8). Надо удивляться, какимъ образомъ вошла она въ дешевыя изданія для народной школы и рекомендуется въ числѣ другихъ сказокъ Пушкина.

Сказка: «*Какъ весеннею теплой порою*» занимаетъ 2 страницы и снабжена двумя недурными картинками. Стихотвореніе «*Сватъ Иванъ*», составляющее какъ бы отрывочное вступленіе къ сказкѣ, занимаетъ послѣднія 2 страницы. Оба произведенія слѣдовало бы присоединить къ одной изъ предъидущихъ сказокъ Пушкина *).

Х. А.

---

327) **Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ царевичѣ, о хитростяхъ Кощея Безсмертнаго и о премудрости Марьи царевны, Кощеевой дочери.** Сочиненіе В. А. Жуковскаго. Изд. Глазунова. Спб. 1877 г. Ц. 8 к., 20 стр.—Изд. 1884 г.

«Жилъ-былъ царь Берендей, до колѣнъ борода. Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьѣ съ женой; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно».

И вотъ однажды предпринялъ онъ длинное путешествіе, желая объѣхать все свое царство. Онъ пробылъ въ разлукѣ около девяти мѣсяцевъ и на возвратномъ пути невдалекѣ отъ столицы остановился отдохнуть. Жажда томила его; онъ подошелъ къ колодцу, наклонился, опустилъ въ него свою длинную бороду, удовлетворилъ жажду и силился поднять голову, но кто-то сильно вцѣпился въ его бороду и не пускалъ. Этотъ кто-то былъ Кощей Безсмертный и тогда только согласился отпустить Берендея, когда онъ обѣщалъ отдать ему то, что у него есть и о чемъ онъ самъ не знаетъ. Дѣлать нечего, царь даетъ обѣщаніе и ѣдетъ далѣе. При въѣздѣ въ столицу, его встрѣчаетъ величайшая радость. Онъ видитъ царицу и ребенка, но мысль о злосчастномъ свиданіи съ Кощеемъ отравляетъ счастіе бѣднаго отца. Царевичъ растетъ и, достигши юности, отправляется къ Кощею, чтобы оправдать обѣщаніе, данное ему Берендеемъ.

По пути онъ встрѣчается съ Кощеевой дочкой, въ образѣ утки; затѣмъ она говоритъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ и, превращаясь въ прекрасную дѣвицу, сопутствуетъ ему въ подземное царство своего родителя, покровительствуетъ ему, выручаетъ его изъ многихъ бѣдъ и въ концѣ концовъ дѣлается его женою.

«И вотъ пріѣзжаютъ въ царство царя Берендея они.
И царь, и царица
Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого веселья
Видомъ не видано, слыхомъ не слыхано...»

Сказка снабжена 2-мя картинками. Пригодна для чтенія и взрослыхъ, и малолѣтнихъ.

Ученица лѣтъ 10-ти такъ передавала мнѣ «Царь Берендей» Жуковскаго:

— Жилъ-былъ царь Берендей, и у него дѣтей не было, и очень ему это было прискорбно. И поѣхалъ онъ свое царство осматривать. Пробылъ въ отлучкѣ ровно восемь мѣсяцевъ. На возвратномъ пути такое ему горе встрѣтилося—захотѣлося воды напиться. Подошелъ онъ къ колодцу. Видитъ—ковшикъ плаваетъ; онъ его хваталъ, хваталъ, но онъ то вправо, то влѣво, только царя дразнитъ. Онъ *нахилился*, а ему клещи въ бороду вцѣпилися...

Далѣе, описывая возвращеніе Берендея домой, она говорила такъ:

— И увидалъ онъ *дитё* на подушкѣ и заплакалъ объ немъ: «Вотъ чего я не зналъ!» И все *журилея* о томъ, что, какъ выростетъ, надо отдавать. Вотъ выросъ царевичъ и за-

---

*) На сказки Пушкина см. рецензіи: «Педагогическій Листокъ» 1873 г. № 1, стр. 68. «Обзоръ Народной Литературы», 1878 г., стр. 215—216.

чалъ говорить отцу:—«О чемъ ты плачешь, мой родитель?» Онъ ему разсказалъ: такъ и такъ. Онъ сталъ проситься ѣхать счастія своего искать. Отецъ согласился. Молебенъ отпѣли, поплакали, поѣхалъ.

Затѣмъ она очень выразительно разсказала о встрѣчѣ царевича съ дочерью Кощея.

— Она его такъ учила, продолжала дѣвочка:—«когда Кощей будетъ ругаться, ты его не *слухай*, а все ползи!» топнула ножкой, и они провалились.—Очень поэтически разсказала она также о побѣгѣ дочери Кощея съ царевичемъ.—Они *втекли* (убѣжали) потихоньку, говорила дѣвочка:—а Кощей за ними. Скачутъ, скачутъ, слышатъ погоню за собою. Марія отъ страху прижалась къ сердцу царевича. Слышатъ—вотъ, вотъ нагоняютъ ихъ; тогда Марія вдругъ превратилась въ рѣчку быструю, а царевичъ въ мостикъ желѣзный... А послѣ они опять въ людей оборотились! добавила дѣвочка, какъ бы успокоивая меня. Вѣроятно, во время чтенія ей самой было страшно за Ивана царевича и Марію. Удивительнаго въ этомъ пересказѣ было то, что, разсказывая, ребенокъ не упустилъ изъ виду ни малѣйшихъ подробностей.

— Сколько разъ ты перечитывала эту сказку? спросила я.—Одинъ разъ!—отвѣчала дѣвочка.

Вообще, сказка эта читается съ большимъ интересомъ различными возрастами и передается превосходно. *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народн. Литературы», стр. 221.

---

328) **Сказка о спящей царевнѣ**. Соч. Жуковскаго. Изд. Глазунова. Спб. 1877 г. Ц. 8 к. 20 стр.

Царь Матвѣй при рожденіи дочери позвалъ на пиръ 11 волшебницъ и не позвалъ 12-й. Желая отомстить новорожденной, она предсказала ей смерть отъ укола веретеномъ. Царь Матвѣй принялъ всевозможныя мѣры, чтобы во всемъ царствѣ его не было ни одного веретена: но это не помогло. Въ 16 л. царевна пошла осматривать всѣ сокровенные покои огромнаго замка, наткнулась на злую волшебницу, та подсунула ей веретено, царевна укололась и моментально заснула глубокимъ сномъ; заснуло съ нею и все кругомъ—и царь, и царица, и слуги, и животныя, и только черезъ триста лѣтъ отважный рыцарь посѣтилъ заколдованный замокъ, пробудилъ поцѣлуемъ царевну, и вмѣстѣ съ нею проснулось все кругомъ.

Сказка полна поэзіи и живаго интереса. Читается съ пониманіемъ и удовольствіемъ и дѣтьми, и взрослыми.

Вполнѣ пригодна для школьной и народной библіотеки. *Х. А.*

---

329) **Объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ**. В. А. Жуковскаго. Народное изданіе. № 16 Спб. 1875 г. Ц. 10 к. 43 стр.

Сказка «*Объ Иванѣ-царевичѣ*» возможна только для бойко-читающихъ, какъ намъ пришлось наблюдать въ школѣ. Картины смѣняются картинами, происшествія — происшествіями; здѣсь нѣтъ повтореній, встрѣчающихся въ сказкѣ «*О рыбакѣ и рыбкѣ*»: «Вотъ пошелъ онъ къ синему морю» и т. д., или въ «*Мертвой царевнѣ*»: «Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?»—повтореній, облегчающихъ усвоеніе прочитаннаго малограмотному человѣку.

Дѣйствіе смѣняется дѣйствіемъ: вотъ Иванъ-царевичъ подстерегаетъ вора золотыхъ яблокъ; вотъ онъ видитъ жаръ-птицу, идетъ на поиски ея, встрѣчаетъ столбы съ таинственными надписями; затѣмъ слѣдуетъ встрѣча съ волкомъ, съ царемъ Далматомъ, съ царемъ Афрономъ, съ золотогривымъ конемъ, съ прекрасной Еленой; волкъ превращается въ красавицу, затѣмъ въ коня. Описана встрѣча съ братьями, убійство Ивана-царевича изъ зависти, чудное воскрешеніе его волкомъ съ помощію ворона и живой воды, поѣздка къ Бабѣ-ягѣ, посѣщеніе Кощея, встрѣча съ другимъ могучимъ конемъ, лѣшіе, сказочная скатерть-самобранка, самобьющая дубинка, шапка-невидимка, морская щука, островъ Буянъ, чудный дубъ, заяцъ, изъ котораго выпорхнула утка, морская щука, принесшая яйцо, новая встрѣча у Кощея съ прекрасною Еленой, возвращеніе во дворецъ, пріѣздъ волка и т. д.

И дѣти, и взрослые, овладѣвшіе механизмомъ чтенія, читаютъ ее съ интересомъ и удовольствіемъ.

Для подтвержденія высказаннаго выше мнѣнія приведемъ слѣдующій фактъ: учительница прочла эту сказку въ группѣ взрослыхъ. Читала она внятно и медленно, такъ какъ классъ состоялъ изъ учениць, недавно окончившихъ азбуку. Ученицы сосредоточенно и напряженно слушали ее. По окончаніи чтенія предложенъ былъ обычный вопросъ: — Кто желаетъ разсказывать? Всѣ молчали.— Или не поняли? спросила учительница.

— Нѣтъ, поняли, отвѣчала *Татьяна К—ко*: — только трудно разсказать: все новое и новое!

— Хоть бы разъ одно и то же слово повторилось! добавила ея сосѣдка.

— Отчего же вы прошлый разъ такъ хорошо передали мнѣ «*Сказку о мертвой царевнѣ*»? спросила учительница.

— Въ той все запомнила, а эту трудно передать! отвѣчала одна изъ ученицъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ всѣхъ переговоровъ начался разсказъ; не вѣря себѣ, ученицы путались, сбивались, конфузились, царевну смѣшали съ жаръ-птицей, Кощея съ змѣемъ и т. д. Между тѣмъ громкое чтеніе въ классѣ, само собою разумѣется, легче усваивается и лучше передается, чѣмъ чтеніе въ одиночку малограмотнаго человѣка.

Вопросы:

Страшно ли вамъ было за Ивана-царевича? когда и почему?

Какое чувство побудило братьевъ на убійство Ивана-царевича?

Былъ ли Иванъ-царевичъ признателенъ волку?

Сказка эта желательна и въ народной, и въ школьной библіотекѣ. *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Наша Дѣтская Литература» Толля, стр. 62.

---

330) **Котъ въ сапогахъ.—Овсяный кисель.—Свѣтлана.** Соч. В. А. Жуковскаго. Изданіе Глазунова. Спб. 1881 года. Ц. 10 к. 24 стр.

10 первыхъ страницъ занимаетъ «*Котъ въ сапогахъ*»,—сказочка, которую весьма любятъ дѣти. Содержаніе ея таково.—Умирая, мельникъ такъ раздѣлилъ свое имущество между тремя сыновьями: старшему завѣщалъ мельницу, второму осла, а третьему кота. Третій сынъ горевалъ надъ своимъ жалкимъ наслѣдствомъ.

«А котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: хозяинъ, не печалься!»

И съ этой минуты вѣрный слуга предпринялъ рядъ самыхъ энергическихъ предпріятій, клонящихся ко благу своего господина. Въ концѣ концовъ хлопоты его увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ; король отдалъ за его господина дочь, а «котъ остался при дворѣ и былъ въ чины произведенъ».

Этимъ и кончается сказочка. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстное стихотвореніе «*Овсяный кисель*», занимающее 5 страницъ, и затѣмъ не менѣе извѣстная баллада Жуковскаго: «Разъ въ Крещенскій вечерокъ дѣвушки гадали».

Прежде, впрочемъ, чѣмъ мы перейдемъ къ разбору остальныхъ произведеній, намъ необходимо остановиться на слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ предисловіи къ «*Образцовымъ сказкамъ*» Авенаріуса намъ пришлось натолкнуться на такое мнѣніе: «Быстро и охотно воспринимаемая дѣтскимъ воображеніемъ, сказка служитъ и самымъ опаснымъ проводникомъ не-дѣтскихъ идей. За примѣромъ идти недалеко: назовемъ только двѣ сказки, пользующіяся, благодаря своему остроумію и внѣшнему интересу, всемірною извѣстностью. Сказки эти—«Котъ въ сапогахъ» и «Синяя борода». Въ одной отъ начала до конца торжествуютъ ложь и обманъ; другая имѣетъ предметомъ дурныя супружескія отношенія и кровожадные инстинкты».

Оставляя въ сторонѣ послѣднюю, такъ какъ она не вошла въ группу разбираемыхъ нами сказокъ, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ защиту 1-й изъ нихъ—«Котъ въ сапогахъ». Дѣйствительно, въ сказкѣ этой есть мотивъ, который можетъ показаться на первый взглядъ не-педагогичнымъ. Я говорю о рядѣ обмановъ, или правильнѣе—хитростей, предпринятыхъ котомъ для доставленія богатства и счастія своему хозяину. Въ сущности же эта міровая сказка представляетъ собою вѣчную міровую тему борьбы слабаго съ сильнымъ, бѣднаго и жалкаго—съ богатымъ. Необходимый и нравственный элементъ этой борьбы со стороны слабаго—умъ и одно изъ его качествъ—хитрость. Хитрость неизбѣжна въ борьбѣ со звѣрями, необходима и въ общественной жизни, построенной на началахъ борьбы. Отрицать значеніе хитрости или скрыть отъ ребенка ея существованіе и невозможно, и совершенно напрасно. Въ данномъ случаѣ хитрости кота, вполнѣ невинныя и даже исключающія эгоизмъ, заставляютъ читателя добродушно и весело смѣяться, и всѣ симпатіи остаются на сторонѣ меньшаго, обездоленнаго брата, который получилъ въ наслѣдство такое маленькое и жалкое существо, какъ котъ, усилія котораго помочь хозяину на первыхъ порахъ кажутся такими трогательными. Торжество этого жалкаго трогательнаго и слабаго существа при помощи ума, предпріимчивости, энергіи и иногда даже хитрости—есть мотивъ, возвышающій душу и глубоко нравственный.

Къ тому же, герой сказки—котъ, а характерныя особенности кота намъ извѣстны, и бѣднякъ-то хозяинъ повѣрилъ его утѣшеніямъ, собственно благодаря этимъ свойствамъ. Вотъ что говорится въ сказкѣ:

«Не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ котъ искусно велъ

Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
То мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапкахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей»...

Послѣ этого безнравственно предлагать дѣтямъ всѣ тѣ басни, сказки, и анекдоты, которые существуютъ о Лисѣ-Патрикѣевнѣ и ея хитроумныхъ проказахъ. Всѣ послѣдующіе подвиги кота естественно вытекаютъ изъ прирожденныхъ ему свойствъ: вотъ онъ подкарауливаетъ кроликовъ, какъ подкарауливалъ когда-то мышей, ловитъ ихъ и несетъ въ даръ королю; вотъ приходитъ ему въ голову счастливая мысль назвать своего господина маркизомъ Карабасомъ, чтобы придать ему больше вѣсу въ глазахъ короля; съ тою же цѣлью онъ ловко и хитро устраиваетъ знакомство своего господина съ королемъ, и когда они ѣдутъ вдвоемъ, онъ бѣжитъ во всѣ лопатки впередъ, чтобы убѣдить крестьянъ назвать поля Кощея полями маркиза Карабаса; съ тѣмъ же намѣреніемъ онъ проглатываетъ Кощея, превратившагося временно въ мышь, и въ концѣ концовъ вѣрный слуга достигаетъ того, что господинъ его женится на дочери короля. Какія же собственно блага пріобрѣтаетъ онъ лично для себя? — Почти никакихъ. Вотъ что говорится о немъ въ концѣ сказки:

«Онъ бросилъ
Ловить мышей; а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь и сплинъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять».

Итакъ, всѣ хлопоты, всѣ тревоги кота клонились исключительно ко благу своего обездоленнаго господина, къ тому, чтобы сдержать данное ему обѣщаніе. Все это, конечно, онъ исполнилъ по своему, по кошачьему, и тѣмъ не менѣе,—вѣроятно, въ виду этой безкорыстной цѣли,—всѣ симпатіи маленькихъ читателей остаются на сторонѣ предпріимчиваго и энергическаго героя-кота, и каждую его новую побѣду на пути къ завоеванію счастія для своего господина они встрѣчаютъ дружнымъ смѣхомъ радости, въ которомъ мы никакъ не можемъ признать чего либо деморализирующаго. Заглянемъ по этому поводу въ *записную тетрадь учительницы воскресной школы.*

Сегодня я прочла въ группѣ малолѣтнихъ «*Котъ въ сапогахъ*» (пишетъ она). Дѣти слушали съ большимъ вниманіемъ. Замѣчанія и смѣхъ безпрестанно нарушали классную дисциплину. Когда котъ поднялъ ложную тревогу, будто маркизъ тонетъ, отовсюду послышались возгласы:

— Это онъ нарочно! Обманываетъ!

Больше всего насмѣшило происшествіе съ людоѣдомъ, какъ онъ, чтобы показать силу своихъ чаръ, превратился въ мышенка, а котъ того и ждалъ: онъ разомъ — цапъ! и съѣлъ мышенка. Не поняли они только двухъ словъ: *аудіенція* и *сплинъ*.

— Кто же вамъ тутъ нравится больше всѣхъ? спросила я по окончаніи чтенія.

— Котъ! былъ дружный отвѣтъ.

— За что же онъ вамъ нравится?

— Потому что онъ все такъ хорошо дѣлалъ для своего хозяина.

— А что же тутъ хорошаго, что онъ все выдумывалъ? говорю я, желая вызвать въ ученицахъ духъ критики.

— Такъ онъ не для себя, а для хозяина! вступается одна.—Онъ никому не причинилъ зла, защищаетъ другая.—Ужъ онъ отъ самаго рожденія такой былъ, добавляетъ третья: — хитрый и съ мышами, и съ крысами. Хозяинъ себя даже этимъ утѣшалъ.

Видя передъ собою такую энергическую защиту кота, я спросила:

— А какого счастія достигъ онъ для себя?

— Маленькаго, отвѣчала одна изъ дѣвочекъ.—Бархатные сапоги ему пошили, замѣтила другая.

— А весело было ему жить при дворѣ? спросила я.

— Нѣтъ, скучалъ! отвѣчала маленькая дѣвочка грустнымъ голосомъ.

По поводу той же сказки намъ пришлось услышать слѣдующее мнѣніе отъ одного изъ уважаемыхъ нами педагоговъ:

«Сказка «Котъ въ сапогахъ» можетъ внушить читателю мысль, что цѣль оправдываетъ средства. Авторъ имѣлъ въ виду, конечно, не кота, а человѣка, и читатель это чувствуетъ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ сочувствуетъ этому коту, потому что видитъ, какъ онъ хлопочетъ пособить своему хозяину. Онъ цѣнитъ въ немъ хорошія чувства, хорошія побужденія. Но является вопросъ о томъ, какими средствами онъ достигаетъ хорошихъ цѣлей. Можетъ быть, находясь подъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго, ма-

стерски изложеннаго разсказа, онъ и не задумается надъ такимъ вопросомъ. Но тогда надо будетъ задать себѣ другой вопросъ: можно ли и слѣдуетъ ли оставлять читателя подъ такимъ первымъ впечатлѣніемъ и не должно ли, наоборотъ, непремѣнно обратить вниманіе читателя и на эту сторону дѣла? Бесѣда, вызванная учителемъ, можетъ оказаться очень трудною, если среди читателей найдутся такіе, которые одобрятъ, такъ сказать, въ принципѣ направленіе дѣятельности кота въ сапогахъ. Въ сказочной обстановкѣ всегда есть обстоятельства, оправдывающія образъ дѣйствій сказочнаго героя. Всегда возможно, что, говоря о немъ, можно объяснить всякую его ложь (слабость героя и волшебная сила противника и т. п.); но не представляется ли опасности, что ту же мораль можно перенести и во внѣсказочную сферу? Среди русскихъ пословицъ есть такія, которыя даютъ поводъ думать, что такое заключеніе возможно. Для примѣра приведу: «съ волками жить—по волчьи выть», и рѣшится ли воспитатель спросить дѣтей: какъ бы вы поступили на мѣстѣ кота?»

Вопросъ слишкомъ, серьезенъ, чтобы не остановиться на немъ еще и еще разъ; и такъ какъ онъ всецѣло направленъ собственно на дѣтей, на то, какъ отзовется на нихъ мораль этой сказки, то мы рѣшили еще разъ прочитать ее въ группѣ дѣтей, развитыхъ настолько, чтобы отвѣчать на поставленные вопросы прямо и самостоятельно, не требуя отъ насъ *наводящихъ* вопросовъ. По прочтеніи сказки мы рѣшились поставить прямо проэктируемый выше вопросъ:—Какъ бы вы поступили на его мѣстѣ?

На лицахъ дѣтей выразилось недоумѣніе. Самыя бойкія молчали.

— Такъ онъ котъ! сказала, наконецъ, одна нерѣшительно, сдѣлавъ удареніе на словѣ: котъ.

— А не можешь ты представить себя на его мѣстѣ?

— Не могу, отвѣчала дѣвочка рѣшительно.

— Такъ, можетъ быть, не себя, а вообще человѣка вы можете вообразить въ положеніи этого кота? обратилась учительница къ классу.

— Нельзя! отозвалась еще одна:—еслибъ человѣкъ, онъ мало ли что могъ бы придумать, а котъ ничего больше не могъ сдѣлать, развѣ мышей наловить,—такъ и мышей онъ умѣлъ ловить только съ обманомъ.

— Человѣкъ могъ бы заработать, замѣтила другая:—а онъ не могъ!

— Онъ хотя хитростно поступалъ, добавила третья: — но все таки такъ поступалъ для того, чтобы своему владѣльцу принести добро.

— Что-жъ ему—съ голоду его было уморить? сказала даже обидчиво еще одна.

— Ему иначе поступить нельзя, замѣтила вдумчиво ея сосѣдка:—что-жъ такое, что онъ хитрилъ?—онъ никому этимъ вреда не причинилъ.

— Мнѣ онъ нравится, добавила слѣдующая:—будь онъ человѣкъ, ну, тогда можно судить его. Человѣкъ долженъ дѣлать безъ хитрости, для человѣка это нехорошо, человѣку нужно хоть меньшимъ помочь, лишь бы безъ хитрости.

— На мѣстѣ кота его нельзя судить, поддержала ее еще одна:—потому что у него силы были маленькія; онъ бы ничего не могъ затѣять безъ хитрости; и будь онъ человѣкомъ и поступай *такъ*, такъ вотъ я вамъ что скажу, добавила она, обращаясь къ подругамъ, такъ какъ учительница сидѣла молча, и онѣ, увлекшись обмѣномъ мыслей, игнорировали совершенно ея присутствіе:—одни бы порицали его за то, что онъ обманомъ себѣ счастье пріобрѣлъ, а другіе бы хвалили: «молодецъ!» въ особенности за то, что онъ приносилъ пользу своему хозяину.

— Можно приносить пользу и безъ обмана, замѣтила одна очень серьезная дѣвочка.

— Какъ же онъ безъ обмана людоѣда бы съѣлъ? вмѣшалась горячо одна изъ молчавшихъ: — а онъ черезъ это сколько народу спасъ: всѣ-то поля и люди людоѣдовы были; онъ, можетъ, всѣхъ бы ихъ поѣлъ, когда-бъ не котъ; а насчетъ полей онъ вовсе не вралъ, добавила она еще горячѣе: — онъ и прежде того зналъ, что онъ съѣстъ людоѣда, и они хозяину его достанутся!

Не знаемъ, есть ли надобность въ подведеніи итога этимъ дѣтскимъ замѣчаніямъ. Одни, очевидно, не могли вообразить кота человѣкомъ; другіе хитрость относили къ неминуемымъ атрибутамъ слабости и безсилія; третьи опредѣляли, какъ обыкновенно рѣшается этотъ вопросъ въ жизни; четвертые утверждали, что ложь лжи — разница. Для насъ очевидно одно, — что ничего безнравственнаго, ничего деморализирующаго душу не было вынесено дѣтьми подъ впечатлѣніемъ сказки «Котъ въ сапогахъ».

«Свѣтлана» В. А. Жуковскаго. Не смотря на общеизвѣстность этой поэмы Жуковскаго, мы не можемъ, однако, отказать себѣ въ

удовольствіи упомянуть хотя нѣсколько словъ объ этомъ поэтическомъ произведеніи, пользующемся заслуженной популярностью. Кто не читалъ «Свѣтланы» въ дѣтствѣ? у кого не замирало сердце отъ этихъ страшныхъ призраковъ фантазіи? кто не радовался искренно при словахъ: «Ахъ!... и пробудилась»?!

Въ этой поэтической балладѣ дорого именно то, что послѣ ряда тяжелыхъ грезъ наступаетъ свѣтлое пробужденіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ поводъ учителю побесѣдовать на тему о снахъ и предразсудкахъ. Вотъ что говоритъ о ней Бѣлинскій: «Свѣтлана», оригинальная баллада Жуковскаго, была признана за его chef d'œuvre, такъ что критики и словесники того времени титуловали Жуковскаго «Пѣвцомъ Свѣтланы» (т. VIII, стр. 191).

Считаемъ вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь примѣръ того впечатлѣнія, какое произвела эта поэма на взрослыхъ слушательницъ.

(Чтеніе учительницы въ группѣ взрослыхъ ученицъ).

Съ первыхъ же строкъ баллада вызвала необычайный интересъ.

— Позвольте мнѣ что-то сказать! обратилась ко мнѣ Т—ва, которой, повидимому, смертельно хотѣлось высказаться.

— Извольте, сказала я.

— Мой братъ передъ зеркаломъ сидѣлъ, начала она, обращаясь не ко мнѣ собственно, а къ остальнымъ ученицамъ:—и что-жъ бы вы думали: увидѣлъ дѣвочку, именно хозяйскую дочь. И теперь женатъ на ней, взялъ два дома въ приданое.

— А зналъ онъ ее тогда? спросила испытующе П—ва.

— А какъ же не зналъ! онъ у нихъ прикащикомъ жилъ въ Николаевѣ, а къ намъ только на праздники погостить пріѣзжалъ.

— Вотъ и выходитъ — пустяки, возразила П—ва:—объ чемъ думалъ, то и показалось!

— Нѣтъ, не пустяки, отстаивала горячо Т—ва: — мы тогда его насилу спиртомъ оттерли. Какъ закричитъ, — такъ и ударился объ землю! На другой день только разсказалъ: «идетъ, говоритъ, она прямо ко мнѣ, волосы распущены, и вся въ бѣломъ»...

— Вотъ еслибъ онъ ея прежде никогда не видалъ,—это другое дѣло, настаивала П—ва.

— Нѣтъ, слушайте, П—ва, сказала Т—ва выразительно, обращаясь къ ней:—а Еленева дочка изъ-за чего это—гробъ и умерла?

— Да это всегда, если кто гадать садится, объ гробѣ думаетъ, а мнѣ такъ кажется — совсѣмъ не для чего о будущемъ загадывать: придетъ судьба, тогда узнаешь!

— А у насъ въ деревнѣ такъ гадаютъ, вмѣшалась К—ко:—напекутъ дѣвушки булочекъ и бросятъ собакѣ. Чью прежде съѣстъ, тому прежде замужъ идти.—Такъ это правда!

— Вотъ дождемся праздника—будемъ гадать, сказала еще одна: — а теперь давайте слушать!

Я продолжала чтеніе. Съ момента сна Свѣтланы воцарилась такая мертвая тишина, точно будто въ комнатѣ никого не было. Всѣ слушали, повидимому, притаивъ дыханіе... При словахъ: «ахъ!... и пробудилась!» П—ва, обращаясь къ Т—ой, сказала торжествующимъ голосомъ:—А что?

— Что-жъ такое, отвѣчала упрямо Т—ва:— а все таки этотъ сонъ, можетъ быть, насчетъ этого былъ!

— Э, нѣтъ, нѣтъ! вступились другія: — этотъ сонъ къ несчастью былъ, а вмѣсто того благополучно все кончилось.

— Вотъ хорошо описано! сказалъ еще кто-то, вздохнувъ.

Х. А.

---

331) **Дуняшка и 40 разбойниковъ** *). (Изъ «Ясной Поляны», кн. 3-я, разск. 2-й).

Передъ нами лежитъ сказка «Дуняшка и 40 разбойниковъ»; но на этотъ разъ мы никакъ не можемъ помириться съ принципомъ даровитѣйшаго изъ педагоговъ-психологовъ— «предлагать народу только то чтеніе, которое ему нравится».

Сказка эта представляетъ собою рядъ звѣрствъ, и если правда, какъ говоритъ графъ Толстой, что всѣ потребности народа законны, и что «добро присуще человѣческой природѣ», народъ долженъ отвернуться и содрогнуться отъ этихъ звѣрствъ. Жизнь говоритъ, однако, другое. Сказка «Дуняшка и 40 разбойниковъ» очень нравится, ее берутъ нарасхватъ; звѣрства потрясаютъ нервы, легкая нажива отуманиваетъ голову, таинственность завлекаетъ, и все это, вмѣстѣ взятое, удовлетворяетъ дурнымъ инстинктамъ человѣческой природы. Напрасно силитесь вы подвести эту сказку подъ общіе принципы сказокъ— борьбу добра со зломъ и торжество добродѣтели, напрасно желаете представить себѣ Дуняшку свѣтлымъ началомъ, а разбойниковъ— темной силой; напрасно говорите себѣ, что

*) Рец. см. «Обзоръ Народно-Учебн. Литер.» 1878 г., стр. 231.

цѣль оправдываетъ средства, а цѣль была— спасти хозяевъ; вамъ это не удается; мы не знаемъ, сколько душъ загубилъ каждый изъ разбойниковъ, но знаемъ, что Дуняшка зарѣзала атамана и залила постнымъ горячимъ масломъ до смерти 37 человѣкъ. Наткнулась она на эту счастливую мысль въ ту минуту, какъ ходила воровать чужое масло. Сказка «Дуняшка и 40 разбойниковъ» заимствована изъ арабскихъ сказокъ «1000 и одна ночь», гдѣ она называется «*Исторія Али-бабы и 40 разбойниковъ*» и пересказана ученикомъ Яснополянской школы, судя по общему предисловію къ «Ясной Полянѣ»; но пересказчикъ значительно сократилъ ее и придалъ ей характеръ болѣе реальный и менѣе симпатичный. Такъ, напр., относительно Моргіаны Али-Бабы говорится, что лампа ея погасла, что достать масла ночью было невозможно, и, зная, какъ ея господинъ принялъ гостя, она была увѣрена, что тотъ не станетъ сердиться на нее за нѣсколько капель масла. Въ переводѣ же на русскіе нравы это выходитъ такъ: «Дуняшка стала варить себѣ ужинъ, и у нея масла не стало. Она и говоритъ: дай, пойду налью изъ одной бочки масла, — мужикъ не узнаетъ». Развязка страдаетъ той же непріятной окраской. «Я даровалъ тебѣ свободу», говоритъ рабынѣ Али-Баба:—«и если сынъ мой способенъ на тѣ же великодушныя чувства признательности, онъ назоветъ тебя своею женою». — «Хочешь ты на Дуняшкѣ жениться?» говоритъ Семенъ:—«я тебѣ все богатство отдамъ, а не женишься—не дамъ ничего!»

Въ заключеніе перечислимъ всѣ звѣрства, которыми изобилуетъ эта сказка.

На 8-й стр. разсказа: «Разбойники разрѣзали Антона на четыре части и положили куски мертваго тѣла въ разныхъ мѣстахъ пещеры. Когда вышли, атаманъ и говоритъ: «не станемъ пріѣзжать сюда, пока человѣкъ этотъ не сгніетъ». Семенъ собралъ куски, сложилъ въ телѣгу и говоритъ. «Не поѣду я днемъ въ городъ, — увидятъ, спросятъ, что везу; лучше ночи дождаться».

На стр. 13-й: «Петръ Иванычъ вынулъ иголку и нитки и сшилъ куски тѣла такъ незамѣтно, будто и не было на части разрѣзано. Дуняшка дала ему золотой».

На стр. 17-й: «атаманъ очень осерчалъ и велѣлъ Евдокиму голову срубить».

Стр. 21: «Дуняшка принесла два котла и налила въ нихъ масла, потомъ пошла въ кухню, развела огонь и поставила это масло къ огню. Когда оно закипѣло, она пошла во дворъ и говоритъ одному разбойнику: «пора, выходи!» Онъ думалъ, что атаманъ его зоветъ, высунулъ голову, а она ему въ лицо горячаго масла вылила,—онъ и не крикнулъ, захлебнулся и померъ. Дуняшка къ другому пришла и другаго залила масломъ, и всѣхъ 37 разбойникокъ облила масломъ горячимъ, и они всѣ померли. Потомъ она пошла въ кухню и спать легла».

Стр. 26: «Дуняшка выхватила ножъ и ему въ бокъ воткнула, — атаманъ упалъ и померъ».

И это на 27 страничкахъ маленькаго формата! Врядъ ли желательно, чтобы подобная сказка часто попадала въ руки народа, хотя она и удовлетворяетъ его вкусамъ. Эти вкусы не могутъ и не должны являться конечною цѣлью раціональной школы. Задача ея— преслѣдовать гуманныя цѣли и развивать гуманныя чувства.

М. И.

Позволяемъ себѣ по отношенію къ этой сказкѣ сдѣлать небольшое отступленіе; когда настоящая рецензія была представлена въ коммисію составительницъ «*Критическаго Указателя*» для разсмотрѣнія и принятія ея въ число другихъ рецензій *), мнѣнія присутствующихъ настолько разошлись, что примирить ихъ оказалось невозможнымъ; каждая изъ сторонъ осталась при своемъ взглядѣ на сказку, и рѣшено было дать мѣсто въ «*Указатель*» обоимъ мнѣніямъ. Надѣемся, что сообщеніе этого факта разногласія намъ не поставятъ въ вину:—изъ противорѣчій родится истина.

Защитники сказки высказали слѣдующее:— Расправа Дуняшки съ разбойниками, не смотря на всю свою жестокость, заключаетъ въ себѣ несомнѣнно всѣ признаки *геройскаго* поступка. Съ одной стороны—злодѣи-разбойники съ ужаснымъ прошедшимъ и будущимъ, сильные своимъ количествомъ и организаціей, съ другой—одинокая молодая дѣвка Дуняшка. При самомъ началѣ борьбы нравственное чутье сейчасъ же приковываетъ всѣ симпатіи на сторону слабой дѣвушки, подобно тому какъ въ Свящ. Писаніи всѣ симпатіи неодолимо влекутся на сторону Давида, ополчающагося противъ великана Голіаоа, на сторону Юдиои, замышляющей кровавую расправу съ сильнымъ и непобѣдимымъ тираномъ ея родины—Олоферномъ.

Такіе поступки возбуждаютъ въ ребенкѣ

*) Такому разсмотрѣнію подвергались обыкновенно всѣ рецензіи.

все, что есть въ душѣ его благороднаго и возвышеннаго—постоять за правду, постоять за слабаго, и притомъ безкорыстно, рискуя своей жизнью.

Даже становясь на точку зрѣнія юриспруденціи, Дуняшка имѣла право уничтожить разбойниковъ въ силу такъ называемаго «права крайней обороны».

Что касается ученическихъ отзывовъ, то они всецѣло становятся на сторону послѣдняго мнѣнія, въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться, прочтя ихъ.

ОТЗЫВЫ УЧЕНИЦЪ О КНИГАХЪ.

19-го декабря 1882 года.

Передо мною стояли четыре ученицы-погодки, 10, 11, 12 и 13-ти л. Лица дѣтей казались мнѣ на этотъ разъ многообѣщающими, и четыре пары дѣтскихъ глазъ смотрѣли на меня вопросительно, ожидая, что я спрошу.

— Что больше понравилось:—«Робинзонъ» или «Дуняшка»? спросила я *).

— Обѣ понравились, отвѣчали дѣвочки, будто сговорившись.

Я замѣтила, что дѣти вообще туго усваиваютъ понятіе *больше*. Они рѣшаютъ обыкновенно, понравилась имъ книга или нѣтъ, а *больше* или *меньше* представляется имъ, повидимому, излишними вопросами. Но, тѣмъ не менѣе, я еще разъ настоятельно спросила:—Нѣтъ, вы мнѣ скажите, что кому больше понравилось?

— «Дуняшка», отвѣчали опять дѣвочки хоромъ.

— Кто же вамъ больше всѣхъ понравился въ этой сказкѣ?

— Мнѣ Дуняшка, сама Дуняшка! отвѣчали дѣти.

— За что же она вамъ понравилась? спросила я.

На этотъ разъ посыпались торопливые и оживленные отвѣты. Я едва успѣвала записывать ихъ поспѣшно карандашомъ.

— За то, что она всякаго великана могла побѣдить! — За то, что Семена защищала; его хотѣли всѣ убить, а она ни за что не давала.—А мнѣ за то, что она 37 разбойниковъ масломъ залила, потому что они Антона убили и Семена собирались убить! — За то, что дворы перемѣтила! — За то, что хозяевъ своихъ отъ погибели спасла!

И дѣти пустились наперерывъ разсказывать исторію подвиговъ Дуняшки; но никто изъ нихъ ни разу не остановился на чертѣ корыстолюбія и легкой наживы; всѣ ихъ интересы были сосредоточены на опасности, которая грозила Дуняшкѣ и ея хозяевамъ, и на ея находчивости и отвагѣ.

— А что бы вы сказали о Дуняшкѣ, если бы она убила не 37 разбойниковъ, а 37 обыкновенныхъ людей? спросила я.

— Не дай Богъ! отвѣчала старшая дѣвочка почти обидчиво.

ВЪ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛѢ.

— Злая или добрая была Дуняшка? спросила я маленькую дѣвочку, *Дуню Я—ко*.

— Добрая, отвѣчаетъ она съ глубокимъ убѣжденіемъ:—хозяина спасла.

Я хочу предложить 2-й вопросъ, но ученица перебиваетъ меня:

— И не одинъ разъ спасла, а сколько разъ! Онъ кресты на ихъ домѣ написалъ, а она шла съ базару, увидала и сама вездѣ понадписывала. А еще ей приказывали, чтобъ она никому не говорила, что братъ хозяйскій *не живой смертью померъ*. Она исполнила, не проговорилась; сапожникъ, небось, проболтался, а она—никому ни слова.

— А хорошо ли, что она 37 человѣкъ загубила, масломъ залила? спрашиваю я.

— Еще-бъ не залить, когда сами они сколько душъ задумали истребить!

*) Кн. 3-я изъ «Ясной Поляны» заключаетъ въ себѣ 2 разсказа: «Робинзонъ» и «Дуняшка и 40 разбойниковъ».

Вопросъ казался мнѣ вполнѣ выясненнымъ, и я не спросила ничего больше.

Совсѣмъ маленькая дѣвочка подала мнѣ книжку 3-ю «Ясной Поляны». («Робинзонъ»; «Дуняшка и 40 разбойниковъ»).

— Читала? спросила я.

— Какъ же! Такъ смѣшно, какъ она имъ глаза постнымъ масломъ залила!

Я догадалась, что рѣчь идетъ о «Дуняшкѣ и 40 разбойникахъ».

— И тебѣ не жаль ихъ? спросила я.

— Какъ можно ихъ жалѣть? они хозяина хотѣли зарѣзать! отвѣчала горячо дѣвочка.

Желая еще разъ провѣрить впечатлѣніе, вызываемое сказкой *«Дуняшка и 40 разбойниковъ»*, я прочла ее сегодня въ воскресной школѣ въ группѣ взрослыхъ дѣвушекъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Чтеніе шло весьма оживленно, прерываясь вставками, восклицаніями и замѣчаніями разнаго рода. Когда разбойники приближались къ дереву, на которомъ сидѣлъ Семенъ, кто-то сказалъ:— Охъ, Господи помилуй, хоть бы они его не замѣтили! — А когда богатый братъ Семена поѣхалъ, чтобы и себѣ набрать золота, одна изъ учениць замѣтила: — Когда богатый, такъ хотѣлось еще больше! — На стр. 93-й, при описаніи того, какъ хитро поступила Дуняшка, ходя каждый день къ лѣкарю за лѣкарствомъ и такимъ образомъ устраняя подозрѣніе въ неестественной смерти Антона изъ желанія избавить своего хозяина отъ непріятностей, одна изъ дѣвушекъ замѣтила:—Умно это она поступила, что скрыла, чтобъ не загубить своего хозяина; его вѣдь ни въ чемъ винить нельзя, а кто могъ подумать, что *онъ* брата зарѣзалъ. — На стр. 103-й одна изъ учениць, М—ва, остановила меня. — А я давно знаю эту сказку! сказала она.—Читали?—Нѣтъ, не читала, а маменька мнѣ разсказывала, когда я еще была маленькою.— Что-жъ, она тогда вамъ нравилась?—Очень даже нравилась и сейчасъ нравится!—А есть какая нибудь разница между тою сказкой, которую вамъ маменька разсказывала, и этою? — Нѣтъ, никакой; только вы по именамъ ихъ называете, а маменька называли: «богатый братъ» и «бѣдный братъ»; а, можетъ, я упомнила имена!

На стр. 110-й, на которой говорится: «Дуняшка повела Семена къ бочкамъ и показала ему 37 разбойниковъ», одна изъ учениць замѣтила:—Какая она хорошая прислуга была для своего хозяина, — себя не жалѣла! Что, какъ бы, не дай Богъ, первый крикнулъ, а остальные со всѣхъ бочекъ повыскакали,— не жить бы ей тутъ бѣдной!

— По мнѣ просто морозъ прошелъ! добавила другая.

— И меня морозитъ! замѣтила третья.

— Да и бѣдовая же она была! отозвался еще кто-то:—никто ея не проведетъ!

— Она хорошая была, добрая, сказала еще одна дѣвушка:—акуратно осматривала около двора, нѣтъ ли знаковъ какихъ. Черезъ умъ свой она и счастье себѣ получила.

— Не черезъ умъ, отозвалась еще одна ученица:—а черезъ то, что она спасительницей ихъ была!

— Такъ что-жъ? заспорила первая:—развѣ, не будь въ ней ума, завязала-бъ она, что ли, глаза сапожнику, чтобы онъ не видалъ, куда идетъ?

— А кресты бы перемѣтила? поддержала ее сосѣдка.

— Хорошо, вмѣшалась я:—вы вотъ всѣ ее хвалите, а развѣ не грѣшно, что она 37 душъ загубила?

— Нисколько! возразила одна изъ дѣвушекъ безъ малѣйшаго колебанія: — потому что это были разбойники; они и допрежде много душъ загубили, а, можетъ, послѣ еще-бъ больше загубили. Это законъ даже допущаетъ бить разбойника! добавила она, какъ бы желая окончательно убѣдить меня.

Я хотѣла предложить еще нѣсколько вопросовъ, но прозвонилъ звонокъ, и поднялся такой шумъ, что это оказалось невозможнымъ, и я успѣла только спросить:—А могло это быть?

— Теперь не могло, отвѣчала М—ва: — а прежде, когда нибудь давно, это была правда!

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

(На каникулахъ.)

Сегодня у меня на очереди для чтенія стояла сказка *«Дуняшка и 40 разбойниковъ»*.

— Никто не читалъ, дѣти? спросила я, прочитавъ заглавіе.

— Я читалъ, отозвалось пять-шесть голосовъ.—Я два раза бралъ у учителя, сказалъ одинъ изъ нихъ.—А я сколько разъ перечитывалъ! отозвался другой съ чувствомъ.

— Такъ, можетъ быть, прочтемъ что нибудь другое? сказала я.

— Э! нѣтъ, эту, эту! раздались тѣ же голоса. Остальные пятнадцать объявили, что они не читали и тоже послушаютъ.

Началось чтеніе. Рядомъ со мною сидѣлъ нервный, горбатый мальчикъ, рядомъ съ нимъ — Я — ко, читавшій сказку. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ добродушный Семенъ рискуетъ подъѣхать къ пещерѣ, чтобы узнать объ участи брата, мой сосѣдъ нагнулся къ Я—ку и шопотомъ спросилъ:—Убьютъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ солидно.

Протестъ по отношенію къ разбойникамъ начался очень рано, съ первыхъ страницъ; страхъ за участь семьи Семена, видимо, держалъ всѣхъ, не читавшихъ сказки, въ напряженномъ состояніи,—особенно моего сосѣда. Страхъ этотъ росъ постепенно и, казалось, выросталъ въ ненависть и чувство мщенія; вотъ почему моментъ, когда героиня Дуняшка (какъ понимала ее публика) вынесла два котла съ кипящимъ масломъ и энергически залила 37 разбойниковъ, былъ встрѣченъ общимъ восторгомъ. До этого момента, впрочемъ, сосѣдъ мой еще разъ наклонился къ уху Я—ка и спросилъ опять:—Убьютъ?— Дуняша всѣхъ спасетъ! отвѣчалъ выразительно мальчикъ. Во время пересказа всѣ они называли ее не иначе, какъ Дуней и Дуняшей, — точно будто желали выразить этимъ свою къ ней симпатію. Пересказы шли превосходно не только у выдающихся разсказчиковъ, какъ мой сосѣдъ, а и у самыхъ слабыхъ, не обладающихъ даромъ слова. По окончаніи передачи содержанія я спросила:—Хорошо ли это, дѣти, обманывать?

— Скверно! раздалось нѣсколько голосовъ.

— А Дуняшка вѣдь обманывала, сказала я.

— Такъ она обманывала не для того, чтобы вредъ дѣлать, сказалъ мой сосѣдъ:—а чтобъ добро дѣлать!—Хозяинъ ея хорошій былъ человѣкъ, добавилъ другой: — она его любила, а разбойники скверные были люди,—чего-жъ ихъ жалѣть!

— А убивать—грѣхъ? спросила я опять.

— Грѣхъ, отвѣчали дѣти.

— Какъ же она убила 37 человѣкъ?

— Такъ они-жъ были разбойники! сказалъ выразительно Г—въ.

— Они честныхъ людей убивали, замѣтилъ его сосѣдъ: — не умертви она ихъ, они, можетъ, еще тысячу человѣкъ убили бы.

— Она вѣрно служила хозяину, добавилъ еще кто-то: — зато, когда отецъ спросилъ сына: «женишься ты на Дуняшѣ?» онъ отвѣчалъ: «еще-бъ не жениться!!»...

Интеллигентный ребенокъ, маленькій резонеръ, находившійся при чтеніи, силился доказать своимъ сотоварищамъ по играмъ, что Семену стыдно было пользоваться награбленнымъ добромъ, и что, по его мнѣнію, онъ тоже былъ воръ, но проповѣдь его осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; никто не захотѣлъ слушать его, и дѣти весело расходились подъ впечатлѣніемъ доблестныхъ подвиговъ героини Дуни. *X. A.*

---

332) **Палецъ-невидимка** (сказка). (Изъ «Ясной Поляны». Книжка 4-я).

Три молодца отправились въ лѣсъ, заблудились, нашли избушку, а въ ней старуху, которая каждую ночь молодѣла на сто лѣтъ. Старуха дала каждому молодцу по волшебному подарку: Ивану — палецъ-невидимку. Эти подарки доставляли имъ богатства. Царица позавидовала, хитростью отобрала у нихъ подарки, а ихъ хотѣла умертвить, но Иванъ спасъ ихъ.

Вопросы:

Что такое волшебство?

Есть ли и теперь люди, которые занимаются колдовствомъ?

Правда ли это? *M. H.*

Зимою занимается въ школѣ учитель, лѣтомъ я собираю дѣтей по праздникамъ и читаю имъ вслухъ разсказы и сказки. Сегодня мы прочли *«Палецъ-невидимка»*. Дѣти слушали сказку съ громаднымъ интересомъ и необыкновенно оживленно и даже съ жестикуляціей передали затѣмъ ея содержаніе.

— Онъ глядь на палецъ, говорилъ маленькій мальчикъ, выдвигая свой собственный палецъ:—нѣтъ пальца волшебнаго; онъ такъ и ахнулъ!

То же было при описаніи полушки.—Онъ ее перекинетъ съ руки на руку, разсказывалъ другой, показывая руками, какъ именно это совершалось:—смотритъ—золотой!

По окончаніи чтенія я предложила имъ вопросъ 1-й:—Что такое колдовство?

— Врутъ, отозвался одинъ изъ дѣтей отрывисто.

— Людей обманываютъ, сказалъ другой.

— Есть такіе, что и сами думаютъ, что это правда, — тѣ не мошенники, замѣтилъ какъ-то особенно тенденціозно и неестественно одинъ изъ старшихъ мальчиковъ.

Я продолжала спрашивать по очереди, получая отъ каждаго отвѣты въ томъ же родѣ. Признаюсь, въ первую минуту меня это оза-

дачило, и я подумала: «каково, однако, вліяніе школы!» Тѣмъ не менѣе, въ отвѣтахъ дѣтей чувствовалось нѣчто дѣланное, слишкомъ однообразное, что не давало мнѣ успокоиться на полученномъ результатѣ и заставило предложить другой вопросъ, не стоящій при рецензіи, а именно:

— Кто видѣлъ или слышалъ въ жизни своей что либо такое, что люди приписывали колдовству?

Невозможно было не замѣтить оживленія, которое моментально разлилось по всѣмъ этимъ дѣтскимъ лицамъ. Почти всѣ руки поднялись разомъ вверхъ (по условному школьному знаку, выражающему: — я могу отвѣтить!). Нѣкоторые изъ мальчиковъ подались впередъ всѣмъ туловищемъ, какъ бы говоря: я разскажу самое интересное!

— Говорите по очереди, сказала я.

— У насъ есть одна женщина на Михайловкѣ, началъ Г—въ:—такъ она молоко у коровы можетъ отобрать; разсердилась на сосѣдку и такъ уничтожила, что на ярмаркѣ ту корову отвели и продали.

— А къ намъ недавно цыганка заходила, началъ другой:—и сказала отцу, что въ хатѣ у насъ нечистая сила. «Откупись!» говоритъ:—«дай 5 руб.—*выжену*» *)! Стали торговаться, сторговались за 1 руб. сер. и мѣрку пшеницы. Что-жъ бы вы думали—выгнала! Разбила яйцо, пошептала, пошептала. Слышимъ—что-то пищитъ; она ему: «не пищи!» а оно пищитъ, и такъ она повторяла, пока оно не перестало пищать.

— Ты самъ это видѣлъ или слышалъ? спросила я.

— А какъ же! все наше семейство видѣло.

— А давно это было? ты, можетъ, тогда маленькимъ былъ?

— Да нѣтъ же, Господи! сказалъ мальчикъ съ нѣкоторой досадой въ голосѣ:—недавно, я уже въ школѣ былъ.

— А у насъ бѣсноватый одинъ былъ, началъ третій:—такъ его и въ Харьковъ, и въ Москву въ клинику возили,—не помогло, а старикъ пошепталъ—вылѣчилъ, такъ ему доктора аттестатъ даже выдали,—самъ разсказывалъ.

— А наговаривать воду—это, я думаю, не колдовство? обратился ко мнѣ четвертый, не глядя на меня.

— Нѣтъ, это тоже колдовство, отвѣтила я.

— А Марусина мать наговариваетъ, продолжалъ онъ, указывая на дѣвочку:—у отца моего голова болѣла, она наговорила, и прошло.

— А отецъ Б—ка на карты ворожитъ, вмѣшался еще одинъ.

— Что-жъ онъ—отгадываетъ? спросила я.

— Отгадываетъ. У насъ волъ пропалъ. Отецъ пошелъ къ нему. Онъ говоритъ: «не дойдешь до волости — извѣстіе получишь». Вышелъ онъ отъ него, чабанъ *) нашъ идетъ. «Нашелъ», говоритъ.

Однимъ словомъ, каждый, торопясь и перебивая другъ друга, силился разсказать свою исторію. Разсказывали и о какомъ-то старомъ панѣ, который вырывалъ перышки изъ-подъ крыльевъ пѣтуховъ, чтобы дождь шелъ, и о домовомъ, который ночью бѣдной помѣщицѣ дрова рубилъ, и о томъ, какъ что-то плачетъ по ночамъ въ той хатѣ, гдѣ женщина мужа убила, а сама на Сибирь пошла; и все это говорилось такъ, какъ будто каждый видѣлъ воочію и осязалъ самолично всѣ эти загадочныя чудеса. Выслушавъ съ интересомъ всѣ эти исторіи, я помолчала немного и спросила: — Зачѣмъ же вы вначалѣ говорили мнѣ, что все это вздоръ и выдумки?

— Такъ намъ въ школѣ говорили, отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ, нисколько не стѣсняясь этимъ противорѣчіемъ, а просто констатируя фактъ.

Итакъ, вначалѣ, когда я предложила имъ вопросъ, похожій на вопросы учителя, они видѣли во мнѣ лицо, которому слѣдуетъ отвѣчать такъ, какъ ихъ учили въ школѣ, и высказались искренно только тогда, когда я поинтересовалась узнать, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ.

Не желая повторять школьнаго опыта, я распустила ихъ по домамъ, не сказавши голословно, что все это—вздоръ На прощанье я, впрочемъ, спросила:—Правда ли все то, о чемъ говорится въ сказкѣ?

— Нѣтъ, это *сказка*, отвѣчалъ выразительно одинъ изъ мальчиковъ, ударяя на словѣ: «сказка».

333) **Три сестры** (сказка). (Изъ «Ясной Поляны». Книжка 8-я, 30 стр.).

У князя было три дочери: Саша, Маша и Наташа. Князь промоталъ все свое имѣніе и пошелъ въ лѣсъ дичь стрѣлять; тамъ напалъ на него медвѣдь и сказалъ: «хочешь быть живъ,—отдай за меня дочь Сашу». Черезъ недѣлю пріѣхалъ красавецъ, схватилъ Сашу и увезъ, а сундуки съ серебромъ оставилъ. Когда князь прожилъ это богатство.

*) Прогоню.

*) Чабанъ—пастухъ.

пошелъ въ лѣсъ за дичью. Напалъ на него орелъ и сказалъ: «хочешь быть живъ,—отдай за меня Машу». Черезъ недѣлю красавецъ въ каретѣ пріѣхалъ, схватилъ Машу и уѣхалъ, оставивъ золотое яйцо. Прожили это золото; пошелъ отецъ рыбу ловить. Рыба-чудовище напала на него: «отдай дочь Наташу, а то утоплю!» Черезъ недѣлю пріѣхалъ красавецъ, увезъ Наташу, а три короба жемчугу оставилъ. У князя родился сынъ Ванюша, выросъ, поѣхалъ сестеръ разыскивать. Въ густомъ лѣсу нашелъ Сашу, въ орлиномъ гнѣздѣ Машу, на днѣ озера Наташу. Всѣ разсказали ему, что ихъ мужья заколдованы, долго бываютъ лютыми—звѣремъ, орломъ и рыбой-чудовищемъ, а короткое время — хорошими людьми. Подарилъ ему каждый зять по заколдованному подарку. Поѣхалъ Ванюша колдуна разыскивать; нашелъ заколдованнаго быка. Подарки зятей помогли ему справиться съ быкомъ, орломъ, уткой и яйцомъ, въ которомъ нашелъ ключъ, а тѣмъ ключемъ отперъ дверь и тамъ увидѣлъ спящую красавицу и разбудилъ ее. Она сказала: «кто разбудилъ меня, тотъ будетъ моимъ мужемъ». И поѣхали всѣ къ князю и княгинѣ, и всѣ были счастливы.

Сказка эта читается съ интересомъ и малолѣтними, и взрослыми.

Вопросы:

За что медвѣдь хотѣлъ съѣсть князя?

Что такое жемчугъ? Гдѣ его находятъ?

Рыба ли китъ?

Случается ли и теперь, чтобы земля дрожала (тряслась)? Какъ это называется?

М. И.

---

334) **Образцовыя сказки русскихъ писателей** *). Собралъ для дѣтей Авенаріусъ. Съ 62 рис. Н. Каразина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп. 223 стр.

Сказки г-на Авенаріуса стоятъ 2 р. 50 к. Цѣна эта не малая для нашей бѣдной народной школы. Въ виду этого, быть можетъ, намъ слѣдовало бы пройти мимо, не останавливаясь на разборѣ ихъ и рекомендуя только тѣ изъ нихъ, которыя изданы отдѣльно, по цѣнѣ вполнѣ доступной школѣ, какъ, напр.: «*Мальчикъ у Христа на елкѣ*» (для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ), изд. А. Новицкой, ц. 3 к., Харьковъ. 1882 г.; «*Сказка про мышей и лягушекъ*» (для учениковъ и ученицъ народн. школъ), изд. А. Новицкой, ц. 3 к., Харьковъ. 1882 г.; *Изъ народнаго быта. «Вавило»*. В. Острогорскаго; Спб. 1883 г., ц. 10 к.; «*Свѣтло-Христово Воскресенье*» (простонародное повѣрье) Григоровича; Спб. 1882 г., ц. 20 к.

Но какъ же не остановиться на сказкахъ, названныхъ «*Образцовыми сказками русскихъ писателей?*» И если онѣ въ самомъ дѣлѣ *образцовыя*, имѣемъ ли мы право лишить школу этого нравственнаго сокровища?! Пусть лучше откажетъ она себѣ въ десяткѣ, другомъ *дешевыхъ* книгъ и пріобрѣтетъ эту.

Въ виду высказанныхъ соображеній мы и сочли необходимымъ остановиться на этихъ сказкахъ и сказать о каждой изъ нихъ хоть по нѣскольку словъ.

Сказка 1-я—«*О царевичѣ Хлорѣ*» Императрицы Екатерины II занимаетъ 14 страницъ. Она представляетъ собою мораль, облеченную въ аллегорическую форму. Ханъ Киргизскій, похитившій у родителей малолѣтняго царевича, посылаетъ его въ поле найти розу безъ шиповъ, что̀ не колется; его сопровождаетъ юноша—Разсудокъ; онъ говоритъ ему, что «ведетъ его ближнимъ путемъ, и что терпѣніемъ однимъ можно преодолѣть трудъ». Розою безъ шиповъ, что̀ не колется, оказывается *добродѣтель*. «Иные думаютъ», говоритъ юноша:—«достигнуть ея кривыми путями, но къ ней ведетъ только прямая дорога». Затѣмъ они встрѣчаютъ по пути «старика со старухою въ бѣломъ платьѣ почтеннаго вида: это *честность* и *правда*». Упираясь на посохи, данные имъ этими старцами, они взбираются вверхъ по тропинкѣ и находятъ тамъ розу безъ шиповъ, что̀ не колется.

Сказка эта понимается наиболѣе развитыми дѣтьми. Приведемъ примѣръ изъ жизни.

Сегодня я прочла въ группѣ ученицъ отъ 9-ти до 12 лѣтъ сказку «*О царевичѣ Хлорѣ*». Дѣти слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ я предупредила даже, что это не простая сказка, а трудная, и нужно хорошенько слушать ее. Знакомая близко съ ихъ степенью развитія, я при переспросѣ раздѣлила ихъ на три группы, мотивируя это тѣмъ, что нельзя же всѣмъ разомъ говорить.

— Поняли? спросила я прежде всего младшихъ и менѣе развитыхъ.

— Поняла, но не всю! отвѣчала одна изъ нихъ.

— Немножко поняла! замѣтила другая.

---

*) Рец. см. Дополненіе къ «Обзору Народной Литературы», стр. 41. «Педагогическій Листокъ» 1881 г., стр. 245. «Женское образованіе» 1882 г., № 4, стр. 263.

— А вы? обратилась я ко второй группѣ.

— Мы все поняли! отвѣчали бойко дѣти.

Когда онѣ разсказали содержаніе, оказалось, однако, что онѣ усвоили только внѣшнюю сторону сказки; тогда я обратилась къ третьей группѣ учениць, окончившихъ курсъ въ ежедневной школѣ, очень бойкихъ и самоувѣренныхъ. Была между ними, впрочемъ, и одна изъ воскресной школы, Прасковья Х—ская, выдающаяся по своимъ блестящимъ способностямъ.

— Что это за роза безъ шиповъ, что̀ не колется? спросила я.

— Она очень хорошо пахнетъ! отвѣчала бойко Г—ва.

— Та роза, въ которой нѣтъ шиповъ, сказала Д—ва.

— Не знаю! отвѣчала нерѣшительно Г—ва, чувствуя, повидимому, что вопросъ этотъ предложенъ не спроста.

Х—ская смотрѣла на нихъ и иронически улыбалась.

— Что-жъ ты молчишь? спросила я ее наконецъ.

— Здѣсь совсѣмъ не объ розѣ говорится, начала она тономъ глубокаго убѣжденія:— это только такъ въ сказкѣ разсказано, чтобъ занимательнѣе вышло. Это насчетъ добродѣтели. Тоже здѣсь описано, какъ человѣкъ живетъ добродѣтельно, а его сбиваютъ: иной удержится, иной нѣтъ. И ханъ послалъ Хлора собственно, чтобъ испытать его—есть въ немъ терпѣніе, или нѣтъ, и правду ли ему люди говорили, что Хлоръ такой добрый и умный.

— Я и сама такъ думала, что это *добродѣтельность*! сказала радостно Г—ва:—только не осмѣливалась сказать, боялась ошибиться.

— Такъ это добродѣтельность! протянула многозначительно Д—ва.

Х—ская точно будто открыла всѣмъ глаза; всѣ приняли участіе въ объясненіи аллегоріи, и отвѣты на этотъ разъ были вполнѣ удачные.

— Кто можетъ отыскать розу безъ шиповъ, что̀ не колется? спрашивала я.

— Терпѣливый, который не польстится ни на что худое, хоть его и склоняютъ! отвѣчала Г—ва, перефразируя первоначальный отвѣтъ Х—ской.

— А о какихъ это дорогахъ говорится? Куда онѣ вели? спрашиваю я.

— Кривыя вели къ неправдѣ; перепутанными называются тѣ, на которыхъ люди глупостями разными занимались: забавами, пѣснями, играми; а прямая—прямо къ правдѣ вела!

— А какихъ людей они встрѣтили прежде всего? спрашиваю я. Дѣти задумываются.

— Льстецовъ, говоритъ, наконецъ, радостно Д—ва.

— Ужъ недаромъ мать Разсудка предрекала, чтобы Хлоръ остерегался ихъ! замѣчаетъ Г—ва.

— А кто таковъ былъ Лѣнтягъ-Мурза? спрашиваю я.

— Это былъ такой человѣкъ, говоритъ бойко Д—ва:—онъ ничего не дѣлалъ, только ѣлъ да спалъ!

— Онъ изображаетъ такихъ людей, что̀ не трудятся! пояснила Х—ская, обращаясь ко мнѣ.

— А кто провожалъ Хлора?—спросила я.

— Разсудокъ! отвѣчала Г—ва.

— Кто же это былъ этотъ Разсудокъ?

— Сынъ Фелицы. Онъ былъ очень умный и разсудительный, все уговаривалъ царевича, говоритъ Д—ва.

— Это изображается умъ, замѣтила Х—ская.

— Какихъ стариковъ встрѣтили они, не доходя до горы?

— Честность и Правду, отвѣчаетъ она же.

— А почему многіе изъ путешественниковъ воротились съ полдороги?

— Не хватило терпѣнія, они и бросили, сказала весело Д—ва.

— А что это за гора, на которую взобрались Хлоръ и Разсудокъ? (Молчаніе).

— Путь къ спасенію, говоритъ Х—ская, видя, что всѣ молчатъ.

— А легко ли взойти на нее?

— Трудно, говоритъ добродушно Д—ва.

— На нее можно только взойти добрыми дѣлами, трудомъ и терпѣніемъ! заключаетъ Х—ская.

Мнѣ хочется сказать ей, что она умница и отлично поняла сказку, но, боясь обидѣть остальныхъ и вызвать къ ней зависть, я молчу и перехожу къ объясненію факта, кто сочинилъ эту сказку. Фактъ этотъ встрѣчается дѣтьми съ восторгомъ, и одобрительнымъ отзывамъ нѣтъ конца.

Вопросы:

Кто провожалъ Хлора?

О какихъ дорогахъ говорится въ сказкѣ?

Какихъ людей встрѣтили они прежде всего?

Кто таковъ былъ Лѣнтягъ-Мурза?

Почему многіе изъ путешественниковъ возвратились съ полдороги?

Какихъ стариковъ встрѣтили они, не доходя до горы?

Что это была за гора, и легко ли было взойти на нее?

Что за роза безъ шиповъ, что не колется, и кто можетъ отыскать ее?

Сказка *«Война мышей и лягушекъ» Жуковскаго* слишкомъ популярна и своеобразна, чтобы передавать ея содержаніе. Мы замѣтимъ только, что она читается съ интересомъ дѣтьми различныхъ возрастовъ и украшена пятью художественными картинками, въ высшей степени занимающими дѣтей. У г-на Авенаріуса помѣщена вся сказка Жуковскаго; въ дешевомъ же изданіи А. Н. Новицкой сказка оборвана на предостереженіи крысы-Онуфрія, которое дѣлаетъ она неопытному мышенку, принявшему кота за пріятеля, а пѣтуха за врага, т. е. опущены послѣднія три страницы, на которыхъ описывается, какъ котъ притворился мертвымъ, и что изъ этого вышло. Эпизодъ этотъ очень занимаетъ дѣтей, и мы не можемъ объяснить себѣ причины такого пропуска. Дѣти передаютъ содержаніе сказки очень хорошо. Въ высшей степени занимаетъ ихъ также происшествіе съ мышью, которая забралась, или, какъ выразился одинъ мальчикъ, *«кувыркнулась»* въ гриву льва, и какъ потомъ мыши пособили царю звѣрей и перегрызли дружно тенета. Само собою разумѣется, что дѣти, не учившіяся исторіи, не въ силахъ объяснить себѣ, что чувствовалъ Дарій, когда онъ въ бѣгствѣ, изъ мутной лужи напившись, сказалъ: «не знаю вкуснѣе напитка!» не поймутъ ироніи, заключающейся въ словахъ: «Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и отчизнѣ...» и прочихъ тонкостей юмора, разлитаго во всемъ произведеніи; но если они въ силахъ одолѣть по своему, по дѣтски, фабулу сказки такого художника, какъ Жуковскій, и если они слушаютъ и читаютъ ее съ величайшимъ интересомъ,—чего же болѣе?!.. (Бѣлинскій сказку «Война мышей съ лягушками» относитъ къ числу замѣчательныхъ переводовъ Жуковскаго. Т. VIII, стр. 243).

Сегодня я прочла въ группѣ малолѣтнихъ *«Война мышей и лягушекъ» Жуковскаго.* Дѣти слушали съ большимъ интересомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ удивились, что мыши бываютъ бѣлыя, а одна сказала:—А я видѣла такихъ на Екатеринославской улицѣ, когда музей проѣзжалъ.

Когда чтеніе дошло до словъ: «И множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье!»—я спросила:—что это значитъ?

— Значитъ, любитъ читать! отвѣтила маленькая Саня.

При словахъ: «Льву услужить ты задумалъ, — добро, мы посмотримъ, какую милость окажешь ты намъ», — К—на замѣтила грустно: — Не можетъ онъ ничего ему сдѣлать—маленькій!

Слова «тенета» никто не зналъ. Я объяснила. Когда дошло до словъ: «Будь спокоенъ: въ минуту тебя мы избавимъ!» многія изъ дѣтей вскричали радостно.—Перегрызутъ! Безпремѣнно перегрызутъ! На стр. 24: «Такъ Богъ ужъ землю устроилъ, все здѣсь воюетъ»... и т. д., предполагая, что дѣти не поняли этого, я спросила, что это значитъ.— Побѣждаютъ другъ дружку, а человѣкъ *все* побѣждаетъ! сказала выразительно Г—ва. При словахъ: «Вотъ, напримѣръ, онъ домикъ затѣялъ построить» — дѣти вскрикнули радостно: — Это мышеловку! и, заглядывая на картинку, замѣтили: — Ишь, сколько ихъ тамъ! — Слова «герой» не поняли и, силясь понять его по смыслу, отвѣчали:—Герой— это значитъ хозяинъ!—При словахъ: «Двуногій злодѣй наготовилъ множество вкусныхъ для насъ пирожковъ»—кто-то замѣтилъ:—Безпремѣнно чего нибудь подсыпалъ!—При описаніи примѣтъ кота, Саня вскрикнула:— Кошка! При словахъ: «Съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы...» —Крылья! крылья! сказалъ кто-то (рѣчь шла о пѣтухѣ). Слова «лазутчикъ» не поняли. При описаніи того, какъ котъ представился мертвымъ, дѣти кричали: — Представился! представился! Онъ хитрый! Хочетъ ихъ поймать!— Все равно, что лисица! замѣтила К—на.— При его пробужденіи поднялся веселый смѣхъ. Когда я окончила, Г — ва сказала: — Да и смѣшная же, ей Богу!

— А между людьми можетъ случиться что либо подобное? спросила я.

— Можетъ, отвѣчала она:—могутъ враждовать, драться, все равно какъ эти мыши.

«Городокъ въ табакеркѣ» Одоевскаго. Не смотря на несомнѣнныя достоинства нѣкоторыхъ произведеній этого писателя, не пользующагося, впрочемъ, популярностью, мы не можемъ сказать того же о настоящей сказкѣ. Съ первыхъ страницъ ея чувствуется фальшь: Папенька завелъ маленькій органчикъ; Миша не можетъ понять, откуда эта музыка, онъ подходитъ и «къ дверямъ другой комнаты, и къ бюро, и къ горкѣ, прислушивается то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, смотритъ подъ столъ» и, наконецъ, убѣждается, что музыка играетъ въ табакеркѣ. Если у любознательнаго Миши, какимъ желаетъ сдѣлать его авторъ, недоставало догадливости, то былъ же у него, однако, слухъ, который долженъ

былъ моментально помочь ему разрѣшить эту загадку. «Папенька! нельзя ли войти въ этотъ городокъ?» предлагаетъ вопросъ мальчикъ не очень маленькій, о чемъ можно судить и по дальнѣйшему ропоту его на книги и уроки, и потому, что у него есть надзиратель. Папенька отвѣчаетъ: «Право, мой другъ, тамъ и безъ тебя тѣсно!» Тутъ онъ засыпаетъ. Ему снится, что онъ входитъ въ городокъ, и тутъ-то начинается рядъ чудесъ: и мальчикъ «динь, динь, динь», и «дядьки-молоточки», и «г-нъ Валикъ», и надзиратель «шуры-муры», и «царевна-пружинка», говорящая: «Зиць, зиць, зиць». Все это снится мальчику, заснувшему надъ табакеркой послѣ разговоровъ съ папенькой, а когда онъ просыпается, папенька говоритъ ему: «Все это ты лучше поймешь, когда будешь учиться механикѣ».

Очень можетъ быть, что въ свое время сказка Одоевскаго считалась образцовою и останавливала на себѣ вниманіе читателей; но съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, дѣтская литература обогатилась новыми цѣнными вкладами; послушные Миши и любознательные мальчики замѣнены реальными образами такихъ дѣтей, которыхъ встрѣчаемъ мы не только въ книгахъ, а и въ жизни; явились популяризаторы, объяснившіе дѣтямъ просто и понятно, безъ всякихъ подходовъ и табакерокъ, окружающіе ихъ предметы, и такимъ образомъ произведеніе Одоевскаго утратило свой интересъ, а главное—весь этотъ маскарадъ является недоступнымъ пониманію дѣтей, по крайней мѣрѣ дѣтей народной школы. Сошлемся на примѣръ изъ жизни.

Сегодня я читала въ группѣ дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ *«Городокъ въ табакеркѣ»* Одоевскаго. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ Миша говоритъ: «Папенька! папенька! нельзя ли войти въ этотъ городокъ?»—одна изъ дѣвочекъ сказала:—вотъ глупый!

Не знаю, что̀ подумала она, когда онъ вошелъ, но когда дѣло дошло до описанія, «какъ изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ съ золотою головкою», она замѣтила:

— Это, вѣрно, привидѣніе! — Нѣтъ, ангелъ!—возразила другая. — Какой тамъ ангелъ? колокольчикъ!—замѣтила Х—ская. Слова *«бюро»*, *«каминъ»* и *«флюгеръ»* оказались незнакомыми. Надо полагать, что чтеніе шло бы довольно вяло, еслибы звукоподражанія: «шуры-муры», «динь-динь» и «зицъ-зицъ!» не вызывали дружнаго смѣха. Почему казались они смѣшными дѣтямъ — Богъ его знаетъ!.. По окончаніи чтенія началась передача самаго хаотическаго характера.

— Что вы узнали изъ этой сказки? спрашиваю я.

— Какіе есть инструменты! говоритъ одна.

— Надзиратель крутится! добавляетъ другая.

— Это кольцо большое! говоритъ третья.

— Нѣтъ, валикъ, возражаетъ четвертая:—я сама видѣла шарманку!

— А что это за царевна подъ бокъ его толкаетъ, я, ей Богу, ничего не поняла! говоритъ даже обидчиво еще одна.

— Пружинка! поясняетъ *Х—ская* и начинаетъ объяснять: — Молоточки стучатъ по колокольчикамъ, а молоточки подпираетъ валикъ... но запутывается, конфузится и замолкаетъ.

— Я видала органъ, говоритъ еще одна:—такъ тамъ, кажется, не такъ, вотъ похоже только, какъ иголки *настромлены.*

— Нельзя понять! рѣшаетъ выразительно *Г—ва*, качая отрицательно головой.

«Черная курица» А. Погорѣльскаго производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе.

Кухарка собирается зарѣзать любимую курицу Алеши. Мальчикъ откупается отъ этого несчастія завѣтнымъ имперіаломъ, но не откупается онъ отъ тяжелыхъ ночныхъ грёзъ, окончившихся горячкой. На впечатлительныхъ дѣтей сказка эта должна производить гнетущее впечатлѣніе. Написана она не для народа, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ пансіонѣ, упоминается о *модѣ на рыцарскіе романы, о дортуарахъ и т. п.*

Для подтвержденія такого мнѣнія приведу фактъ изъ жизни. На дняхъ я прочла эту сказку въ группѣ малолѣтнихъ учениць воскресной школы, умныхъ и развитыхъ дѣвочекъ. Аттестую ихъ такимъ образомъ съ увѣренностью, потому что знакома близко съ ихъ развитіемъ, со степенью подготовки и съ ихъ врожденными способностями. Дѣти слушали чтеніе въ высшей степени внимательно. Съ первыхъ же страницъ они заинтересовались, повидимому, участью Алеши и protegée его—Чернухи. Ея спасеніе и крики: «Кудахъ, кудахъ, кудаху! не поймала ты Чернуху!» вызвали общее веселье. Заинтересовались они и чудными снами Алеши и тоже смѣялись вначалѣ, но съ каждой новой страницей въ классѣ становилось все тише и тише, и когда мы дошли до мѣста: «На другой день поутру дѣти, проснувшись, увидѣли Алешу, лежащаго на полу безъ памяти. Его подняли, положили на постель и послали за докторомъ, который объявилъ, что у него горячка»,—я

слышала всхлипыванья; взглянула—Х—ская, положивъ локти на столъ и спрятавши лицо, горько плакала; у Кати С—вой тоже на глазахъ блестѣли слезы; Д—ва закрыла глаза носовымъ платкомъ.

— Полно! сказала я, прерывая чтеніе.

— Онъ, вѣрно, умретъ! замѣтила, всхлипывая, Х—ская.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчала я и поспѣшила дочитать конецъ, чтобы утѣшить ее.

«Драматическая сказка объ Иванѣ-царевичѣ, о жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ» — занимаетъ 30 страницъ, написана гладкими, выразительными стихами, украшена 5-ю картинками.

Мы давали нѣсколькимъ дѣтямъ читать эту сказку параллельно со сказкою Жуковскаго, причемъ оказалось, что 2-я имъ больше нравится.—Эта куды понятнѣе и веселѣе! говорили они, указывая на сказку Жуковскаго:— а въ той не поймешь, кто говоритъ.

Дѣйствительно, произведеніе г-на Языкова слишкомъ холодно и строго, если можно такъ выразиться, для дѣтей народной школы.

Старинная сказка о судъѣ Шемякѣ (14 стр.).

Какъ извѣстно, повѣсть о Шемякиномъ судѣ представляетъ собою сатиру на взяточничество и, какъ всякая сатира, должна была бы оказаться малопонятною для дѣтей; но Полевой въ своей передѣлкѣ достигъ такой простоты, такого невиннаго юмора, что сдѣлалъ этотъ разсказъ доступнымъ дѣтямъ народной школы. Они очень охотно читаютъ и слушаютъ его и дѣлаютъ вполнѣ умѣстныя замѣчанія.

— Для чего же это онъ самъ себя загубить хотѣлъ? спрашиваетъ во время чтенія маленькая ученица другую побольше, разсматривая картинку, изображающую, какъ Ерема съ моста внизъ головой бросился.

— Очень просто: суда испугался, отвѣчаетъ ея подруга.

Когда просители подошли ко второму столбу, одна изъ дѣвочекъ замѣтила: — И на этомъ, вѣрно, написано одно, а выходитъ другое!

При описаніи, какъ протянулось къ просителямъ четырнадцать рукъ, поднялся общій смѣхъ.—Говорили—даромъ, а сколько денегъ забрали! сказала одна изъ ученицъ.—Онъ бы за эти деньги лошадь новую могъ купить! добавила другая.—А, можетъ, еще кто нибудь, не дай Богъ, будетъ тащить! замѣтила третья, видимо соболѣзнуя о просителяхъ и тревожась за ихъ карманъ. — И сколько они поперебрали! сказала еще одна.

Я остановилась, чтобы записать эти замѣчанія, и слышала, какъ въ это время дѣти высчитывали, сколько именно собрали съ мужиковъ ярыжки.

«Правда и Кривда». *В. Даля.* Извѣстная сказка о томъ, какъ Правда съ Кривдою спорили и какъ Кривда Правду переспорила и глаза ей выколола, и какъ Правда нашла траву такую, отъ которой прозрѣла и которою вылѣчила дочь царскую. Царь хотѣлъ Правду щедро одарить, полъ-царства завѣщать, а она сказала:

«Не надо мнѣ ни царства твоего, ни казны твоей, а если хочешь жаловать, такъ пожалуй меня въ твои старшіе судьи, чтобы безъ меня во всемъ царствѣ судьи твои ни одного дѣла не вершили».

Сказка занимаетъ 6 страницъ. Читается взрослыми съ большимъ интересомъ, передается вполнѣ сознательно и съ одушевленіемъ.

Сказка *«Три зятя»* занимаетъ 6 страницъ. Содержаніе ея таково.—Выдалъ старикъ замужъ своихъ трехъ дочерей: одну—за солнце, другую — за мѣсяцъ, а третью — за вѣтеръ. Онъ ходилъ къ нимъ по очереди въ гости.

Старшій зять угощалъ его блинами изъ тѣста, которое жена лила ему на голову; второй посвѣтилъ женѣ ночью, чтобы она меду для отца достала; а когда къ третьему пришелъ, жарко у нихъ въ хатѣ оказалось, вѣтеръ пошелъ къ рѣкѣ, бросилъ шубу на рѣку, сѣлъ съ своею супругою, и поѣхали они на шубѣ, какъ въ лодкѣ. И захотѣлось старику пожить, какъ они живутъ, и велѣлъ онъ своей старухѣ лить тѣсто на голову, испачкался весь, а блиновъ не вышло. Затѣмъ онъ потребовалъ отъ жены, чтобы она въ темный погребъ ночью полѣзла за медомъ, а самъ палецъ надъ погребомъ держалъ, воображая, что онъ свѣтитъ. Старуха послушалась, полѣзла, упала и глазъ себѣ выколола. Кончается сказка тѣмъ, что онъ заставляетъ старуху прыгать за нимъ въ рѣку на шубу, и оба они тонутъ.

Сказка эта читается и слушается съ большимъ интересомъ и малолѣтними, и взрослыми, и юморъ ея вызываетъ веселый смѣхъ.

«Свое и чужое». *М. Чистякова.* На 3-хъ страницахъ разсказано, какъ отцу захотѣлось хорошій садъ насадить, и послалъ онъ двоихъ сыновей въ страны заморскія, а третій остался дома. И научили ихъ тамъ виноградъ разводить, а младшій братъ вышелъ ранымъ-рано на поле, Господу Богу помолился и сказалъ: «Научи Ты меня, куда мнѣ пойти и поучиться, какъ сады садить!» И тихій голосъ ему отвѣчалъ: «Учись ты у доб-

рыхъ людей уму-разуму, сторонѣ своей пригодному!» И научился онъ «свои русскія дерева садить».

Возвратились братья. «Первый посадилъ виноградный кустъ — ничего не выросло; посадилъ второй — то же самое, а третій насадилъ—разросся садъ, какъ Божій рай».

Эта коротенькая сказочка и читается, и слушается съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ, но не знаю, можно ли выводы изъ нея признать вполнѣ раціональными.

— Къ чему не въ свои страны ходить? говорятъ дѣти:—лучше дома оставаться; скорѣе тебѣ счастье явится!

«Озеро-Слободка» Г. Данилевскаго — представляетъ собою поэтическую легенду въ стихахъ о томъ, какъ женщина отказала прохожему старцу утолить жажду, потому что не хотѣла отойти отъ спящаго ребенка, и какъ за это постигло ихъ слободку наводненіе. «И не опомнилась я, какъ кругомъ берегà поднялися, зелено стало въ глазахъ; колыхаясь, осѣла слободка», разсказываетъ рыбаку женщина, превратившаяся съ тѣхъ поръ въ рыбу.

Сказка эта занимаетъ 3½ стр. Слушается съ интересомъ, какъ все легендарное и загадочное.

«Свѣтлое Христово Воскресенье». Мы не будемъ передавать содержанія этого поэтическаго и трогающаго душу *«простонароднаго повѣрья»*, какъ названо оно въ общемъ изданіи сочиненій Григоровича. Учитель найдетъ его въ рецензіи № 126. Мы позволимъ себѣ только высказать сожалѣніе, что разсказъ этотъ урѣзанъ г-номъ Авенаріусомъ, и урѣзанъ, на нашъ взглядъ, безпричинно. Такъ, напр., что̀ послужило основаніемъ пропуска описанія наружности кроткаго и симпатичнаго героя повѣсти — Андрея (стр. 289 и 290), — описанія деревушки, въ которой жилъ Андрей (стр. 291), — нравственной характеристики героя (стр. 292),—картины зимы (стр. 293),— свѣтлыхъ и чистыхъ воспоминаній о покойной женѣ и минувшемъ счастіи (стр. 297)? Повторяемъ: на нашъ взглядъ отъ этихъ пропусковъ прекрасный разсказъ Григоровича положительно потерялъ частицу своей обаятельной силы.

«Мальчикъ у Христа на елкѣ». Шесть лѣтъ тому назадъ мы помѣстили въ «Библіографическомъ Листкѣ» («Труды комисіи по составленію критическаго каталога книгъ и статей для дѣтскаго чтенія», Москва, 1881 г.) замѣтку «О нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ сочиненій Достоевскаго», въ которой, между прочимъ, говорили слѣдующее:

«Достоевскій слишкомъ любилъ дѣтей, слишкомъ былъ ихъ адвокатомъ въ жизни, чтобы не быть доступнымъ дѣтскому сердцу, дѣтскому пониманію! Никто не станетъ отрицать того благотворнаго вліянія, которое имѣлъ на наше общество знаменитый писатель-психолодъ; онъ научилъ насъ снисходить и сострадать тамъ, гдѣ прежде мы знали только порицаніе и кару; и если онъ съумѣлъ привить намъ свои симпатіи къ *униженнымъ* и *оскорбленнымъ*, то тѣмъ болѣе симпатіи эти способны привиться къ мягкой душѣ ребенка. Еслибы намъ указали на то обстоятельство, что въ романахъ Достоевскаго есть нѣчто болѣзненное, что герои его не соотвѣтствуютъ типу нормальнаго человѣка, что давать читать ребенку Достоевскаго — это значитъ развить въ немъ преждевременно нервность и болѣзненную впечатлительность, мы отвѣчали бы, что эти особенности таланта Достоевскаго не отразились на его дѣтскихъ типахъ: маленькій нищій («Мальчикъ у Христа на елкѣ»), Коля Красоткинъ, Смуровъ (товарищи Илюшечки въ ром. «Братья Карамазовы»), — все это заурядные дѣтскіе типы, которые вамъ часто приходится встрѣчать въ жизни; правда, — самъ Илюшечка представляетъ собою ребенка слишкомъ нервнаго, впечатлительнаго и болѣзненнаго, но, къ несчастію, типъ этотъ такъ распространенъ въ послѣдніе годы, что каждому изъ нашихъ дѣтей навѣрное придется столкнуться на школьной скамьѣ съ бѣднымъ Илюшечкой. Пусть же научится онъ, подъ вліяніемъ художественныхъ произведеній Достоевскаго, жалѣть и любить его».

Затѣмъ въ той же статьѣ слѣдовала замѣтка учительницы слѣдующаго содержанія:

«Въ группѣ моей было отъ 15 до 20 учениць, возрастомъ между 13 и 16 годами. Въ концѣ чтенія разсказа «Мальчикъ у Христа на елкѣ» вся моя маленькая аудиторія плакала, но этого мало — одна изъ учениць попросила его на недѣлю домой. Я дала. Просили о томъ другія, но я, къ сожалѣнію, не могла удовлетворить ихъ просьбы, имѣя одинъ экземпляръ. Въ слѣдующее воскресенье счастливая ученица возвратила мнѣ № «Дневника писателя», тщательно завернутый въ бумажку. Въ рукахъ у нея я замѣтила толстую тетрадку, сшитую самостоятельно изъ грубой сѣрой бумаги.

— Что это у васъ, Даша? спросила я. Она открыла тетрадь. Тетрадь была вся пролинована косыми линейками, въ которыхъ кривымъ дѣтскимъ почеркомъ былъ переписанъ весь, съ начала до конца, разсказъ «Маль-

чикъ у Христа на елкѣ». Это было передъ поѣздкой моей въ Петербургъ. Я захватила эту драгоцѣнность съ собою и при свиданіи съ покойнымъ Ѳ. М. Достоевскимъ показала ему. Онъ тщательно пересмотрѣлъ эту толстую тетрадь — результатъ усиленной семидневной работы полуграмотнаго человѣка— и я видѣла, какъ невольныя слезы затуманили его глаза. (Это было въ 1876 г.)».

Какъ сказано, замѣтка это была помѣщена шесть лѣтъ тому назадъ, и никогда, кажется, не было такъ много говорено о Достоевскомъ, какъ въ эти послѣдніе годы. Прочли мы и статью *«Жестокій талантъ»* («Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго». Ник. Михайловскаго — «Ѳтеч. Зап.» № 10, 1882), и критику на книгу, изданную подъ редакціей О. Ѳ. Миллера. (Спб. 1883 г. «Русскимъ дѣтямъ». Изъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго «Отеч. Зап.» № 3, 1883 г.) — и все таки остались при своихъ прежнихъ взглядахъ относительно воспитательнаго значенія нѣкоторыхъ отрывковъ изъ Достоевскаго. Школьная практика послѣднихъ лѣтъ и наблюденія надъ дѣтьми еще болѣе укрѣпили насъ въ этой вѣрѣ.

Чтобы показать, насколько нѣкоторыя изъ произведеній Достоевскаго понятны и доступны душѣ ребенка, и какія гуманныя чувства будятъ они въ ней, мы позволимъ себѣ привести дословно письменное изложеніе деревенскаго школьника 12-ти лѣтъ, прочитавшаго «Мальчикъ у Христа на елкѣ» у себя на дому безъ всякихъ поясненій и комментаріевъ со стороны учителя. Передъ нами лежитъ нѣсколько изложеній въ томъ же родѣ, написанныхъ крупными и неровными дѣтскими почерками, но такъ какъ это слишкомъ увеличило бы размѣры статьи, то мы и ограничиваемся отрывками одного изъ нихъ

«Мальчикъ проснулся утромъ (пишетъ Ѳедя Г—въ) въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Онъ былъ одѣтъ въ маленькій халатикъ. Когда онъ дышалъ, то у него шелъ изо рта бѣлый паръ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, нарочно пускалъ паръ изо рта и смотрѣлъ, какъ онъ вылетаетъ. Ему очень хотѣлось ѣсть. Онъ часто подходилъ къ нарамъ, гдѣ лежала его мать. Должно быть, она пріѣхала сюда со своимъ мальчикомъ и заболѣла. Напиться мальчикъ досталъ, а корочки нигдѣ нѣтъ. Уже давно вечеръ наступилъ, а огня не зажигаютъ. Мальчикъ взялъ свой картузъ и вышелъ изъ подвала. Онъ бы еще и впередъ вышелъ, такъ боялся собаки, но собака *утекла*, и онъ вышелъ на улицу; онъ думалъ, что это онъ дома (варіантъ Ѳеди), и увидалъ городъ огромный (Ѳедя самъ никогда не видѣлъ города), и думаетъ про свою деревню: «тамъ у насъ есть что покушать, а здѣсь кабы что покушать!» Этому бѣдному мальчику нечего было поѣсть, и онъ бѣжалъ дальше, чтобы найти что нибудь. И видитъ сквозь окно—четыре барыни раздаютъ пироги (Ѳедя никогда не видалъ кондитерской); онъ взошелъ туда, думалъ — и ему дадутъ сколько нибудь. Онъ бы и не пошелъ (говоритъ Ѳедя, захватывая самостоятельно область чувствованій мальчика, которой и Достоевскій не затрогиваетъ), такъ голодъ его вынудилъ идти, а его вытолкали. Много въ Россіи такихъ бѣдныхъ людей есть (начинаетъ разсуждать Ѳедя), и большихъ, и маленькихъ, которые не имѣютъ чѣмъ прокормить себя, и сиротъ много по свѣту ходитъ, и некуда имъ голову приклонить, и ходятъ они по свѣту съ сумою и просятъ хлѣба, приходится голодать, и часто случается, какъ вотъ съ этимъ мальчикомъ случилось: хоть бы корочку гдѣ нибудь достать *)! И такъ этотъ мальчикъ доходился, покамѣстъ замерзъ за дровами», пишетъ далѣе Ѳедя и кончаетъ такъ:—«Мнѣ этотъ разсказъ понравился. Мнѣ онъ очень жалобенъ, и мнѣ не только этого мальчика а и всѣхъ православныхъ христіанъ жалко».

«Ученикъ Алексѣевскаго народнаго училища Ѳедоръ Г—въ».

Приводя настоящій фактъ, мы должны оговориться, однако, и замѣтить, что очень маленькія и мало-развитыя дѣти не понимаютъ этого разсказа и передаютъ его крайне безтолково и сбивчиво. Сошлемся на примѣръ.

З—ва, 9-ти л., и *М—ва, 11-ти л.*, подали мнѣ *«Мальчикъ у Христа на елкѣ»*. Обѣ дѣвочки находятся въ одной группѣ, но 1-я изъ нихъ двумя годами моложе и съ совсѣмъ еще ребяческимъ лицомъ, а 2-я и постарше, и посмышленнѣе. 1-я многаго не поняла. Она не узнала кондитерской, которая у Достоевскаго не названа по имени, и предположила, что это—домъ, въ которомъ раздаютъ милостыню; рѣшила, что у мальчика отмерзли пальчики, но самъ онъ остался живъ, что его и маму его нашелъ полицейскій и повелъ на елку къ Іисусу. М—ва слушала ее, покровительственно улыбаясь, и когда та кончила, она сказала увѣренно: — Совсѣмъ не такъ!—и очень послѣдовательно, толково и поэтически даже передала все до малѣйшихъ подробностей съ начала и до конца.

---

*) Тутъ мы дѣлаемъ для сокращенія пропускъ приключеній маленькаго мальчика, изложенныхъ также толково, какъ и все предъидущее.

Ко мнѣ подходятъ двѣ маленькія дѣвочки съ двумя маленькими книжонками «*Мальчикъ у Христа на елкѣ*».

— Разсказывайте, говорю я, и думаю, глядя на ихъ недоумѣвающія лица:—тутъ не отдѣлаешься однимъ вопросомъ!

— Одинъ маленькій мальчикъ, начинаетъ сбивчиво дѣвочка:—въ подвалѣ жилъ, и онъ взялъ узелъ и вынесъ; у него поотмерзали пальчики.

— Молчи, довольно! говорю я съ худоскрытой досадой.—Ты!

— Пошелъ мальчикъ на елку, начинаетъ тоненькимъ и нерѣшительнымъ голосомъ другая:—а послѣ съ елки на крыльцо; кажется, сѣлъ тамъ; ему тамъ было тепло, онъ и задремалъ. И вздумалъ онъ про куколъ, какія куколки видалъ, а послѣ того умеръ, кажется. Злой мальчикъ искалъ его, искалъ — не нашелъ, и полицейскіе искали — не нашли, а нашли *трупикъ*, сказала дѣвочка тономъ попугая, какъ говорятъ незнакомыя слова.

— А ты знаешь, что такое «трупикъ»? спросила я невольно.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчала простодушно дѣвочка.

Читая поэтическій и художественный по своей простотѣ разсказъ Достоевскаго и рекомендуя его дѣтямъ, думалъ ли интеллигентный человѣкъ о томъ, что есть годы и степень развитія, когда онъ является недосягаемой высотой, а слово «трупикъ» — неизвѣстнымъ понятіемъ?

Но возвратимся опять на нѣсколько минутъ къ критикѣ «Отечественныхъ Записокъ». Нельзя не согласиться, что выборъ О. Ѳ. Миллера не вполнѣ удаченъ, что моментъ смерти кающагося грѣшника и язвительный протестъ чахоточной женщины, обращенный къ священнику, не могутъ служить темою для дѣтскаго чтенія; нельзя не согласиться также со слѣдующимъ положеніемъ критика:

«Изъ того, что Достоевскій умѣлъ разсказывать большимъ (хотя бы о дѣтяхъ), еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы тѣ же самые разсказы были пригодны для дѣтей» («Отеч. Записки» 1883 г. № 3. «Новыя Книги», стр. 71).

Но, съ другой стороны, нельзя же отрицать абсолютнаго значенія для дѣтей произведеній, не носящихъ на себѣ заглавія: «Дѣтская книжка». Не можемъ отказать себѣ въ желаніи сослаться еще разъ на упомянутую замѣтку «Библіографическаго Листка» (стр. 47), гдѣ говорится слѣдующее:

«Появленіе «отрывковъ» изъ дѣтскихъ сценъ романовъ Достоевскаго явилось бы драгоцѣннымъ вкладомъ въ дѣтскую литературу еще и потому, что литература эта весьма бѣдна истинно-даровитыми писателями. Пишутъ для дѣтей преимущественно люди, не выдвигающіеся крупными произведеніями для взрослыхъ; они не рисуютъ картинъ, не творятъ типа,—они просто поддѣлываются подъ дѣтскій говоръ, подъ дѣтскіе вкусы, и выходитъ обыкновенно нѣчто безцвѣтное, безталанное, напоминающее дешевыя картинки, предназначенныя спеціально для дѣтей, точно будто для того, чтобы портить ихъ вкусъ къ изящному. По сравненію съ этой лубочной живописью, отрывки Достоевскаго явились бы прекрасными картинками вдохновеннаго художника, производящими глубокое впечатлѣніе на развитіе, вкусъ и душу ребенка».

Насъ можно было бы упрекнуть за то, что мы отвели слишкомъ много мѣста и времени для маленькаго разсказа, занимающаго всего-навсего 3 листика, но вопросъ не въ разсказѣ, а въ томъ значеніи, которое слѣдуетъ признавать или отрицать въ произведеніяхъ Достоевскаго, касаясь воспитанія. Боязнь разстроить нервы ребенка также представляетъ собою обоюдоострое оружіе; эта боязнь легко можетъ воспитать здороваго эгоиста, неспособнаго отзываться на чужое горе и снисходить до сочувствія униженнымъ и оскорбленнымъ.

«*Кузнечикъ-музыкантъ*». Кому не знакомо это поэтическое и граціозное произведеніе Полонскаго, но скажите, ради Бога, ужели это дѣтская тема?! Послушаемъ, что говоритъ, напр., героиня поэмы, бабочка, изображающая свѣтскую барышню кокетку: «Не взыщите! Нынче поздно я заснула: у своей кузины провела на балѣ... То-то бы влюбились, еслибъ увидали!» а герой кузнечикъ «такъ былъ очарованъ или, можетъ, сердцемъ наэлектризованъ, что дрожалъ и таялъ,—молча ждалъ сильфиды». Далѣе говорится: «Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры—все въ ней по неволѣ привлекаетъ взоры. Мой артистъ-кузнечикъ и душой пылаетъ, и очей не сводитъ, и какъ чортъ играетъ». На стр. 160 глупый кавалеръ крылатый спрашиваетъ бабочку: «Правда ли, спросилъ онъ:—слухъ идетъ изъ нивы, будто бы въ маэстро страстно влюблены вы?» На стр. 162 говорится: «Знаю я всѣхъ этихъ бабочекъ, бабошекъ! Жить онѣ не могутъ безъ цвѣтныхъ ветошекъ; за женой-бабошкой гдѣ-жъ тебѣ упрыгать?...»

(Не правда ли, какъ понятенъ будетъ ребенку этотъ сарказмъ?!..)

Мы привели эти выдержки, чтобы опредѣ-

лить характеръ поэмы для тѣхъ, кто не читалъ ея, и не показаться голословными. Вѣроятно, желая объяснить, почему эта не дѣтская вещь попала въ дѣтскую книгу, г-нъ Авенаріусъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ сказкамъ: «Въ высоко-поэтическомъ «Кузнечикѣ-Музыкантѣ» г. Полонскаго идеализируется міръ насѣкомыхъ». Съ этимъ нельзя не согласиться, и мы встрѣчаемъ ту же мысль, высказанную несравненно полнѣе у Добролюбова (т. III, стр. 139), но все таки насѣкомыя понадобились г-ну Полонскому для того, чтобы замаскировать любовную интригу въ своемъ романическомъ произведеніи. Не знаю, поймутъ ли эту поэму дѣти высшаго слоя, для дѣтей же народа она положительно недоступна. Помѣщенная вмѣстѣ съ другими «образцовыми сказками», она по неволѣ была прочтена малолѣтними ученицами, и вотъ какъ передавала мнѣ одна изъ нихъ ея содержаніе:

— Онъ влюбился, говорила она нѣсколько сконфуженно:—а она его *сненавидѣла* за то, что онъ некрасивый былъ. А послѣ соловей ее обидѣлъ... Все очень весело! добавила она, предполагая, вѣроятно, что все уже сказала, и желая выйти изъ этого неловкаго положенія.

Не такъ отвѣчала мнѣ на мои вопросы взрослая ученица К—ва.

— Какъ вы думаете, кого поэтъ подразумѣваетъ подъ вѣтренной бабочкой? спросила я, зная, *съ кѣмъ* говорю.

— Вѣроятно, богатую и знатную барышню, отвѣчала К—ва не вполнѣ, впрочемъ, рѣшительно.

— Конечно, сказала я, ободряя:—а подъ кузнечикомъ-музыкантомъ?

— Какого нибудь великаго артиста, отвѣчала К—ва, совсѣмъ уже ободрившись.

— Опредѣлите мнѣ, какого характера была бабочка! сказала я.

— Легкаго характера:—не занималась ничѣмъ серьезнымъ, любила наряжаться, любила балы.

— А какое общество окружало ее?

— Не нравится мнѣ это общество, отвѣчала почти презрительно К—ва.—Вотъ хоть скажемъ для примѣра: они мало знали толку въ музыкѣ, и нисколько ихъ это не интересовало, а между тѣмъ видъ такой дѣлали, будто понимаютъ.

— А что вы думаете о соловьѣ?

— Это тоже, должно быть, какой нибудь важный баринъ изображается. Онъ, вѣроятно, серьезно музыкой не занимался, а только сладко пѣлъ и разговаривалъ, вообще былъ знатный господинъ, который себя гордо держитъ.

— Какъ случилось то, что она полюбила его?

— Во время бала завистники кузнечика, желая повредить ему, обратили вниманіе бабочки на пѣніе соловья; она полетѣла къ нему, онъ клюнулъ ее, и она погибла.

К—ва умная и развитая дѣвушка, и ей за 20 лѣтъ.

Затѣмъ слѣдуетъ сказка *«Мухоморъ» А. Коваленской*. Рецензію на нее учитель найдетъ въ разборѣ книги *«Семь новыхъ сказокъ» А. Коваленской*, № 342. Сказка эта занимаетъ 9 страницъ и украшена тремя прекрасными картинками. За нею слѣдуетъ сказка *Н. Ахшарумова—«Маланьины стрѣлки»*. По поводу ея авторъ предисловія говоритъ слѣдующее: «Г. Ахшарумовъ разрабатываетъ народныя сказки совершенно самостоятельно, освѣщая ихъ высшей идеей; такъ, во взятой нами сказкѣ *«Маланьины стрѣлки»* одухотворяется сила молніи небесной и оружейной».

Не знаемъ, насколько окажется доступнымъ такого рода одухотвореніе интеллигентнымъ дѣтямъ; что же касается учениковъ народной школы, то оно имъ положительно недоступно; отвѣты ихъ являются чрезвычайно сбивчивыми, происходитъ смѣшеніе понятій объ огнестрѣльномъ оружіи и электричествѣ; побѣда *знанія* надъ *физической* силой совершенно ускользаетъ отъ ихъ вниманія; не имѣя силы разъяснить разумно явленія природы, они вносятъ въ сказку при передачѣ мистическія толкованія и тщетно силятся «разъяснить неразъяснимое и примирить непримиримое».

— Кто такое Маланья? спрашиваетъ учительница.

— Маланья, должно быть, святая? отвѣчаетъ ученица.

— А старикъ?

— Это такое привидѣніе!

— Вѣрно Господь! перебиваетъ другая.

— Что дѣлалъ этотъ старецъ въ лѣсу?

— Маланья послала его, хотѣла испытать, украдетъ ли Ѳомка стрѣлы!

— И что же? Что это была за сила?

— Это была сила фальшивая, потому что побѣждала украденными стрѣлами.

— А что такое пущалка?

— Чужая сила, которую онъ похитилъ у Маланьи; эта сила всѣхъ побѣждала.

— А есть ли у нашихъ солдатъ пущалки?

— Нѣтъ, нѣту! У нашихъ солдатъ настоящія ружья! заключила дѣвочка гордо и увѣренно.

А вотъ и еще одна передача безъ вопросовъ, послѣдовательная, если можно такъ о ней выразиться.

— Жилъ одинъ человѣкъ; у него была лошадь кривая; его звали Оомка. И пошелъ онъ въ лѣсъ. Слышитъ — что-то стукаетъ; громъ не громъ—Богъ его знаетъ. Онъ остановился. Смотритъ,—старикъ что-то выкапываетъ, грибы, что ли! Онъ подошелъ къ нему и говоритъ: «что ты дѣлаешь?» а тотъ говоритъ: «мнѣ надо искать что-то!» Потомъ онъ увидѣлъ, что старикъ вынимаетъ «палочки» (такъ переименовала она стрѣлы). Старикъ и говоритъ: «Помоги мнѣ копать!» Онъ помогъ и запряталъ себѣ полдюжины. Вотъ пошелъ онъ разъ до кузни, видитъ — дѣдъ пущалку себѣ заказываетъ; онъ его спрашиваетъ: «зачѣмъ это ты?» Дѣдъ отвѣчаетъ: «это такой инструментъ, которымъ пускаетъ стрѣлы моя дочка Маланья, а у кого нѣтъ такого инструмента, тотъ можетъ себѣ глазъ выколоть». Дѣдъ ушелъ, а Ѳомка и себѣ заказалъ. Когда богатыри собирались на войну, и Ѳомка тоже съ ними пошелъ, какъ они договорились. Пошли они въ Угличъ и на дорогѣ змѣя встрѣтили. Когда Ѳомка выпустилъ свою пущалку, то змѣя всего огнемъ обдало, и одни отъ него кусочки осталися. Когда въ Угличѣ узналъ это народъ—радовался, а царь позвалъ Ѳомку и говоритъ: «Разскажи всю тайну, откуда ты эту пущалку досталъ?» Ѳомка долго не сознавался. Тогда царь сказалъ: «Если ты откроешь, я тебя награжу, дочку за тебя отдамъ и полцарства». Ѳомка польстился на это и сказалъ: «Я стрѣлы эти нашелъ подъ дубомъ, а пущалку кузнецу заказалъ». Послѣ того царь сдѣлалъ его генераломъ и сталъ онъ научать солдатъ. Когда они ѣхали подъ вѣнецъ, вдругъ передъ ихней каретой туча сдѣлалась, а оттуда Маланья на тройкѣ выѣхала и сказала: «Я тебѣ за твое зло отомщу, потому что ты тайну мою всѣмъ разъяснилъ». Послѣ этого старикъ на лошади вылетѣлъ (варіантъ ученицы); Ѳомка упалъ, смотрятъ, а онъ—мертвый.

Быть можетъ, съ разъясненіемъ учителя сказка эта и была бы понятна дѣтямъ, но сказки никогда почти не служатъ матеріаломъ для классного чтенія, а толстая книга съ картинками, названная: «Образцовыя сказки русскихъ писателей», собранныя для дѣтей Авенаріусомъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что она попадетъ непосредственно въ ихъ руки и будетъ прочитана ими самостоятельно.

«Что говоритъ керосинъ въ горящей лампѣ?» Въ этой коротенькой исторіи происхожденія керосина авторъ хотѣлъ дать понятіе дѣтямъ о связи между солнечнымъ свѣтомъ и теплотой и образованіемъ нефти; но выясненіе этого понятія совершенно недоступно дѣтямъ. Вотъ почему въ передачѣ ихъ ясно выступаетъ полное отсутствіе пониманія сказки, и передаются одни отрывочные факты; да и можно ли понять что нибудь изъ такого объясненія, гдѣ говорится, что «свѣтъ спитъ въ деревѣ, какъ твердость въ желѣзѣ»? Вотъ какъ передала содержаніе сказки ученица 12-ти лѣтъ, окончившая курсъ въ ежедневной школѣ:

— Мальчику разсказывалъ керосинъ: «Былъ я маленькой частицей, сѣлъ на листикъ, вѣтеръ меня убаюкивалъ, какъ дитя въ колыбели. Когда листику надо было упадать, то я спрятался въ дерево; дерево упало въ болото и долго лежало и отдыхало. Черезъ нѣсколько времени (вмѣсто вѣковъ) сюда пришли рудокопы и начали буравомъ раскапывать дерево, и изъ него полилась нефть; они набрали сосуды, продали купцамъ, а купцы — мамашѣ».

— Оно, кажется, безъ конца! сказала мнѣ другая ученица, подавая книгу.

— Все таки разскажите, что поняли, отвѣчала я.

— Я немного поняла, замѣтила добродушно дѣвочка.—Отъ солнца оторвался кусочекъ свѣта... Тогда еще ничего не было... Онъ лежалъ на деревѣ... Дерево превратилось въ уголь... Изъ горы потекъ нефть, въ родѣ керосина!... Вся! заключила она, какъ бы сваливъ гору съ плечъ.

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ В. Острогорскаго: *«Вавило»* (*подборъ народныхъ примѣтъ*). Отзывъ о немъ учитель найдетъ въ рецензіи на книгу: *«Юнымъ читателямъ. Разсказы о разныхъ людяхъ»* В. Острогорскаго, № 170.

«Волкъ» Н. Каразина занимаетъ 4 страницы. Разсказъ этотъ представляетъ собою картинное описаніе того, какъ зимою голодный волкъ бродитъ, добычи поджидаючи, и вотъ, наконецъ, видитъ онъ — сани ѣдутъ, въ саняхъ баба сидитъ, за санями жеребенокъ попрыгиваетъ; и думаетъ волкъ: «Бабу не трону, а вотъ этого отсталаго прыгунца попробую!»

Дѣти слушали этотъ разсказецъ съ большимъ интересомъ, но ждали продолженія и не хотѣли вѣрить, что тутъ и все.

«*Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ*» *В. Авенаріуса.* Подробную рецензію объ этой сказкѣ учитель найдетъ въ отдѣлѣ «Естествознанія»; здѣсь же мы ограничимся отзывами о ней ученицъ воскресной школы. Разсказъ читается и слушается съ величайшимъ интересомъ, но не очень маленькими дѣтьми, а ученицами отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. Малютки путаютъ содержаніе, никакъ не могутъ взять въ толкъ, что у пчелы можетъ быть няня, и не понимаютъ основной идеи сказки. Замѣтимъ кстати, что рецензентъ былъ правъ, говоря, что слѣдовало назвать трутней отцами пчелиной семьи, такъ какъ на вопросъ: — Что такое трутни?—одна изъ ученицъ отвѣчала:—Это женскій полъ, онъ нѣжный очень, не можетъ тяжелой работы исполнять!

Нельзя сказать также, что дѣти усваиваютъ какъ слѣдуетъ дѣловую сторону разсказа. «Въ саду — пчельникъ, въ пчельникѣ—улья, въ ульяхъ—соты». Съ этимъ они соглашаются, а дальше въ ихъ передачѣ выходитъ «пчела», и они больше ничего знать не хотятъ. «Дѣтва», «личинка», «куколка», «коконъ»—все это они игнорируютъ, и выходитъ только интересная исторія личной, если можно такъ выразиться, жизни симпатичной пчелы-Мохнатки.

Вотъ какъ передала мнѣ эту сказку одна изъ ученицъ, 11-ти лѣтняя дѣвочка, очень умненькая и развитая:

— Когда Мохнатка родилась, она была очень пушистая и маленькая. У нея была няня — тоже пчела. Когда она стала подростать, няня говоритъ ей: «Что же ты все сидишь на мѣстѣ — ты можешь *занудиться*!» Когда онѣ вышли, имъ попалась на встрѣчу пчела-сборщица. Мохнатка полетѣла за ней. Ей было трудно летѣть безъ привычки, но она все таки летѣла. Летѣли онѣ, летѣли и сѣли на цвѣточки. Сборщица велѣла Мохнаткѣ обмазаться медомъ, чтобы пыль цвѣточная лучше приставала. Когда она обмазалась, то пыль эта такъ хорошо пристала, что у нея на заднихъ лапкахъ какъ будто панталонцы желтыя надѣты были. Потомъ у нихъ появилась новая царица, и такъ ихъ много стало, что онѣ вылетѣли и сѣли на вѣтку. Пришелъ старикъ, подставилъ улей и сгребъ ихъ. Разъ Мохнатка возвращалась домой. Слышитъ—въ ульѣ смятенье, пчелы летаютъ, жужжатъ, страхъ, что такое! Видитъ — медвѣдь отъ нихъ отбивается. Отбивался, отбивался, а потомъ повалилъ улей и началъ оттуда медъ выгребать лапой. Тогда Мохнатка закричала отчаяннымъ голосомъ: «Всѣ за одного—одинъ за всѣхъ!»

— Что это значитъ? перебила я разсказчицу.

— Это значитъ, — если онъ на одного нападетъ, чтобы всѣ оборонили, а на всѣхъ — чтобы онъ одинъ тоже оборонялъ! отвѣчала дѣвочка выразительно и съ жаромъ; затѣмъ она продолжала:—Что тутъ ей дѣлать?! Бросилась она на медвѣдя и крѣпко, крѣпко укусила его въ самый глазъ. Онъ такую боль почувствовалъ, что скорѣе бѣжать; она жало ему туда свое впустила такъ, что не могла вынуть обратно и упала, бѣдненькая, на листочекъ, и при послѣднемъ кончаніи опять сказала: «Всѣ за одного — одинъ за всѣхъ!» Дѣвочка глубоко вздохнула.

— Это хорошо! замѣтила докторально ея сосѣдка, одной съ нею группы.

— Да, теперь хорошо говоришь, возразила горячо дѣвочка: — а какъ на меня на улицѣ уѣздники напали и дразнить стали, такъ вы всѣ поразбѣжалися! Хорошо, что учитель шелъ, да поразогналъ ихъ!

«Значитъ—поняла!» подумала я.

Мы силились, насколько могли, представить наивозможно полнѣе разборъ книги «Образцовыхъ сказокъ», собранныхъ В. П. Авенаріусомъ, а затѣмъ предоставляемъ учителю рѣшить: отвести ли ей мѣсто въ числѣ наградныхъ книгъ, поставить ли ее на полку школьной библіотеки, читать ли ее въ классѣ съ объясненіями и комментаріями —это его дѣло. Въ итогѣ, все таки, это книга хорошая, и если встрѣчается въ ней матеріалъ, не вполнѣ соотвѣтствующій цѣли, то это составляетъ неизбѣжное условіе почти всѣхъ сборниковъ для дѣтей. Что касается картинокъ, то имя художника, извѣстнаго своими иллюстраціями, ручается за ихъ доброкачественность.

Сказкамъ предшествуетъ извѣстный прологъ Пушкина: «У лукоморья дубъ зеленый» и предисловіе автора для родителей и воспитателей. *Х. А.*

---

335) **Аленькій цвѣточекъ.** Изд. Ком. Грамотн. Спб. 1880 г. № 1. Ц. 10 к. (Съ 4-мя картинками). С. Аксакова.

Пѣвучимъ народнымъ языкомъ, напоминающимъ былины и пѣсни, разсказана такая сказка:

Богатый купецъ, собираясь въ путь, предложилъ тремъ своимъ дочерямъ красавицамъ назначить, какіе имъ привезти подарки. Старшая просила корону, вторая — нарядъ хрустальный, а третья — аленькій цвѣточекъ, краше котораго нѣтъ на свѣтѣ.

Отецъ попадаетъ въ лѣсъ, во дворецъ къ чудовищу, срываетъ дивный алый цвѣтокъ, но въ эту минуту является передъ нимъ страшилище и требуетъ или его собственной жизни, или присылки къ нему одной изъ дочерей. Бѣдный отецъ съ отчаяньемъ въ сердцѣ возвращается домой и передаетъ дѣтямъ о случившемся. Двѣ старшія дочери на отрѣзъ отказываются отъ великодушнаго поступка, зато третья безропотно и покорно приноситъ себя въ жертву.

Слѣдуетъ рядъ сказочныхъ описаній о томъ, какъ жилось красавицѣ въ чудномъ дворцѣ. Все являлось передъ нею моментально въ заколдованномъ замкѣ. Чудовища она не видала, но оно говорило съ ней письменно. Она привыкла къ этимъ бесѣдамъ, въ которыхъ свѣтилась добрая, честная и любящая душа. Затѣмъ она пожелала слышать его голосъ. Этотъ голосъ дикаго звѣря въ первую минуту испугалъ ее, но она побѣдила страхъ изъ состраданія къ нему и продолжала бесѣды. Затѣмъ ей во что бы то ни стало хотѣлось видѣть его воочію. Долго бѣднякъ отказывался, страшась перепугать ее и окончательно оттолкнуть отъ себя. Наконецъ свиданіе совершилось. Бѣдная дѣвушка почти замертво упала отъ ужаса. Когда она очнулась, чудовище великодушно предлагаетъ ей отпустить ее домой и говоритъ, что умретъ, если она не возвратится къ нему черезъ три дня.

Дѣвушка очутилась дома, но преобладающее чувство состраданія, участія и признательности влечетъ ее обратно во дворецъ. Сестры завидуютъ ея роскошной обстановкѣ и нарочно переставляютъ часы. Дѣвушка опаздываетъ часомъ и застаетъ бѣдное чудовище мертвымъ. «Встань! пробудись! Я люблю тебя!» говоритъ она, рыдая. И тутъ совершается чудо. Слова эти лишаютъ силъ чары злой феи, и передъ нею стоитъ молодой принцъ.

При разспросѣ, кромѣ пересказа содержанія, необходимо обратить вниманіе ученицъ на основную мысль этой поэтической сказки, — что слѣдуетъ больше цѣнить въ человѣкѣ: душу, сердце, разумъ или внѣшнюю красоту?

Сказка эта болѣе соотвѣтствуетъ чтенію взрослыхъ, чѣмъ дѣтей, такъ какъ въ ней данъ большой просторъ элементу поэтической любви дѣвушки и томящейся страсти заколдованнаго принца.

Кромѣ того, требуется бѣглость въ чтеніи, такъ какъ иначе читающаго затруднитъ своеобразность народнаго языка, особенно у насъ, въ Малороссіи.

Во всякомъ случаѣ, сказка эта весьма желательна въ народной библіотекѣ. *Х. А.*

Примѣчаніе. Рец. см. Дополненіе къ «Обзору Народн. Лит.», стр. 37. «Женское Образованіе» 1880 г., № 10, стр. 667. «Русскій Народн. Учитель» 1881 г., № 4, стр. 271.

ОТЗЫВЫ УЧЕНИЦЪ О КНИГАХЪ.

Первая подошла ко мнѣ въ школѣ Варвара С—ва.

— Ну, что, какъ? понравилась, или скучали? спросила я.

— Я не люблю сказокъ, начала С—ва съ достоинствомъ человѣка, пережившаго періодъ сказокъ:—и всегда беру «истинныя происшествія»; но что-жъ это за сказка: сама перечитала нѣсколько разъ, читала папенькѣ и маменькѣ,—просто какъ пѣсня поется!...

— Кто же и что вамъ въ ней особенно понравились?

— Младшая дочь и ея два поступка: первый,—это, что она рѣшилась пожертвовать жизнью для спасенія отца, а второй — что, не смотря на уродство чудовища, она усиливалась преодолѣть свой страхъ, чтобъ не обидѣть его. До нея во дворцѣ было одиннадцать дѣвушекъ, и ни у одной въ сердцѣ не нашлось жалости, а черезъ эту жалостливость она превратила его опять въ человѣка.

Основная идея такъ ярко свѣтилась въ толковой передачѣ даровитой Вари С—вой, что я нашла излишнимъ предлагать ей приготовленные заблаговременно вопросы.

Второю подошла взрослая ученица Полина П—ва.

— Покорно васъ благодарю за рекомендацію, сказала она. Вслѣдъ за этимъ слѣдовала передача содержанія, не уступающая Варварѣ С—вой.

Послѣ Полины П—вой подошла Анна Г—ко —очень скромная и конфузящаяся дѣвушка. Никогда не замѣчала я, чтобы она разсказывала что либо съ такимъ одушевленіемъ.

Затѣмъ слѣдовали Анна С—ва и Евдокія Л—ва:—то же впечатлѣніе та же передача, но мало этого,—отъ подходящихъ за новыми

книгами только и слышно было:—Пожалуйста, выдайте мнѣ «Аленькій цвѣточекъ»! Говорятъ:—очень хорошо сочинено!

Антонина Б—ова, 13-ти л., передавши очень бойко и толково всѣ внѣшнія детали сказки, никакъ не могла достигнуть ея основной идеи (не смотря на разнообразные наводящіе вопросы съ моей стороны), что̀ давалось весьма легко *взрослымъ* ученицамъ, менѣе, повидимому, бойкимъ и развитымъ.

— За что любила она чудовище, не смотря на все его безобразіе, — за какія качества? Что въ немъ нравилось ей? Почему она жалѣла его? спрашивала я на всѣ лады.

— За то, что о чемъ она ни подумаетъ, все является:—музыка играетъ, разныя кушанья подаются, объясняла Б—ва, весело улыбаясь и вся погруженная въ воспоминанія этихъ подробностей.

Василиса Т—ко возвратила «Аленькій цвѣточекъ» Аксакова.

— Прочли до конца?

— Какъ же, прочла!

— Понравилось?

— Даже очень!—И она вдалась въ мельчайшія подробности.

— Жалѣла ли и любила ли она чудовище? спросила я послѣ передачи сюжета.

— Даже очень жалѣла и любила.

— Какъ же она могла любить такое страшилище?

— Можетъ, ей сонъ такой снился насчетъ аленькаго цвѣточка, или, можетъ, она догадывалась, что онъ человѣкъ.

Мнѣ очень понравилась эта игра воображенія ученицы, такъ какъ въ сказкѣ ничего подобнаго нѣтъ, но тѣмъ не менѣе я сказала:

— Вѣдь это вамъ такъ кажется, а въ книжкѣ этого нѣтъ; а вы подумайте да скажите мнѣ, за что она его любила?

— За то что онъ все ей предоставлялъ!

— А еслибы онъ ей все предоставлялъ да при этомъ былъ глупъ и золъ, любила ли бы она его?

— Нѣтъ! Онъ былъ добрый.

— Любила ли она читать его письма на стѣнѣ и разговаривать съ нимъ?

— Да.

— А можетъ ли доставить удовольствіе разговоръ съ глупымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ!

— Слѣдовательно, онъ былъ не только добръ, но и...

— Уменъ, докончила ученица.

— Слѣдовательно, можно любить человѣка не за одну наружную красоту, но и за что?

Отвѣтъ былъ удовлетворительный.

Домна Д—ко возвратила *«Аленькій цвѣточекъ»*.

— Къ кому во дворецъ попала дочь купца? спросила я быстро, видя передъ собою цѣлую толпу ученицъ съ неперемѣненными еще книгами.

— Къ дьяволу! отвѣчала также быстро ученица.

— Какъ къ дьяволу?! сказала я озадаченная:—это было чудовище!

— Да это все равно — дьяволъ или чудовище, сказала увѣренно ученица:—злая волшебница разсердилась на него при рожденіи и превратила его въ дьявольскій образъ!

(Я почувствовала себя некомпетентной въ этомъ вопросѣ и не завела спора).—А за что и какъ могла любить она это чудовище? бросила я ученицѣ 2-й вопросъ.

— За его пріятность! отвѣчала она выразительно.

Для меня было ясно, что книга понята.

ВЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ.

Содержаніе сказки «Аленькій цвѣточекъ» было передано дѣтьми безупречно—послѣдовательно, картинно, съ увлеченіемъ.

— Мнѣ было только тогда страшно, замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ, широко раскрывъ глаза:—когда это чудовище явилось ей въ саду, и все *затрусилось* и затрепетало въ эту минуту. Я такъ и зналъ, что она испугается, какъ увидитъ его.

— За что же любила она это чудовище? предложила я въ концѣ обычный вопросъ.

Отвѣты были разные.

— За его *умность* и доброту, отвѣчала дѣвочка.—За то, что онъ ее любилъ!—За его пріятельство.—За то, что онъ жалѣлъ ее.—За то, что хорошо съ нею поступалъ.

И только одинъ маленькій матеріалистъ замѣтилъ:—За то, что все онъ доставлялъ!

Василиса Т—ва, взрослая ученица воскресной школы, подала мнѣ «*Аленькій цвѣточекъ*» (прошлый разъ она брала «Подосиновики» Погоскаго).

— Понравилась?

— Сказка,—больше ничего! Куды больше мнѣ «Подосиновики» понравились. Тамъ все точно такъ, какъ на самомъ дѣлѣ бываетъ! (Василиса Т—ва—серьезная дѣвушка лѣтъ 20).

— Но изъ этой сказки, Т—ва, сказала я:—можно вывести хорошее нравоученіе,—и я начала предлагать ей обычные вопросы, но получила на нихъ не обычные отвѣты, а въ высшей степени своеобразные, говорящіе о способности ученицы относиться ко всему по своему, не подкупаясь наводящими вопросами, часто предрѣшающими отвѣтъ. Чтобы лучше оттѣнить свойство этихъ отвѣтовъ, я приведу вопросы, обыкновенные отвѣты и отвѣты Т—вой.

— За что полюбила она чудовище? спрашиваю я обыкновенно.

— За то, что онъ ей во всемъ угождалъ! отвѣчаютъ ученицы.

— За кроткость сердца, за честность и умъ! опредѣляетъ прямо Т—ва.

— Изъ чего можно вывести, что онъ былъ уменъ?

— Умно писалъ и умно разговаривалъ, отвѣчаютъ обыкновенно ученицы.

— Я изъ того заключаю объ его умѣ, опредѣляетъ Т—ва:—что онъ не показался ей сразу, а словами переписывался; онъ самъ сознавалъ, что его нельзя любить,—вотъ онъ и пріучалъ ее къ себѣ понемногу, чтобы она заставила себя не такъ его испугаться. А честнымъ я его за то считаю, что онъ могъ, бы силою ее за себя взять, а онъ вмѣсто того угодить старался, до тѣхъ поръ старался, пока ей жаль стало. А кроткимъ я его за то назову, что имѣлъ онъ думку не своей красотой, а своей добротой понравиться.

Послѣ этого отвѣта мой 3-й вопросъ:—За красоту ли только можно любить человѣка?— оказался излишнимъ.

— Что теперь желаете взять читать? спросила я.

— Что посовѣтуете; я мало читала, чтобъ самой выбирать! сказала скромно ученица.

Елена Б—ская, 14-ти л., такъ передала мнѣ содержаніе «*Аленькаго цвѣточка*».

— Она его пугалась, говорила она между прочимъ: — но сердце ея чуяло, что быть ему женихомъ ея нареченнымъ. И просила она его слезно, чтобы онъ хоть слово единое сказалъ своимъ голосомъ, а онъ крѣпко просилъ:—«Позволь мнѣ не говорить съ тобою этихъ словъ; лучше я писать тебѣ буду, а то ты крѣпко испужаешься».

Окончила она такъ:—Пришла она домой, все разсказала, ни одного слова не *смѣнила.* Только сестрамъ досадно на ея богатство стало, и перевернули онѣ часы по злобѣ, и вернулась она черезъ то домой не во-время; слушаетъ — все тихо, фонтаны не бьютъ, листья не шелестятъ, все какъ будто замерло И видитъ она: лежитъ бѣдное чудовище все равно какъ мертвое, и любимый ея цвѣточекъ аленькій къ груди крѣпко прижимаетъ (въ книгѣ этого нѣтъ). И стала она взывать къ нему: «пробудись, мой женихъ нареченный!» И вдругъ зашумѣло все вокругъ, и превратился онъ въ принца царскаго!

---

336) **Жемчужное ожерелье.** Сказка. Сочиненіе Евгеніи Туръ. Москва. 1870 г. Ц. 50 к. 36 стр.

Давнымъ-давно жилъ въ Гренадѣ старый еврей съ единственной дочерью-красавицей Ліей. Еврей былъ химикъ, а суевѣрные и невѣжественные люди считали его волшебникомъ. Но старому Соломону мало было нужды въ томъ, что говорятъ о немъ люди. Онъ не любилъ людей. Весь міръ, все счастіе сосредоточилось для него въ его наукѣ, богатствѣ и любимой дочери.

И вотъ однажды, въ минуту одного великаго открытія, когда онъ въ своемъ высокомѣріи мнилъ себя чуть не Богомъ, старая няня Ліи постучала къ нему въ дверь и сказала отчаяннымъ голосомъ: «Лія умерла!» Несчастный отецъ бросился въ комнату своей единственной дочери; Лія, прекрасная и блѣдная, какъ мраморъ, лежала неподвижно на постели, но сердце ея билось. Надежда возвратилась къ Соломону, и онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства медицины, съ которою онъ также былъ знакомъ; онъ рылся въ своихъ толстыхъ, запыленныхъ книгахъ, варилъ на спиртѣ разнаго рода снадобья,—ничто не помогало. И вотъ однажды, послѣ горячей, надрывающей душу молитвы, онъ видитъ сонъ: явился къ нему прекрасный геній и говоритъ—(стр. 21):

«Твоя молитва услышана. Оцѣнены сокрушеніе и смиреніе твоего сердца. Дочь твоя будетъ возвращена тебѣ, когда ты надѣнешь на ея шею жемчужное ожерелье, тобою сдѣланное. Вотъ коробка, которую ты долженъ наполнить жемчужинами».

Проснувшись, онъ увидѣлъ чудную бѣлую коробочку, величиною съ табакерку, и съ

этой минуты его мечтою стало постигнуть тайну состава жемчуга, чтобы скорѣе возложить на шею Ліи спасительное ожерелье. Онъ покупалъ жемчужины, растиралъ ихъ въ порошокъ, дѣлалъ всевозможные опыты—ничто не удавалось. Тогда, какъ человѣкъ энергическій и рѣшительный, онъ предпринялъ путешествіе къ берегамъ моря, чтобы на мѣстѣ изучить загадочную тайну. А Лія все спала своимъ чудеснымъ, непробуднымъ сномъ... Надежды Соломона не сбылись: море не открыло ему желанной тайны, и онъ, измученный, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, возвращался домой песчаной степью. Вдругъ онъ завидѣлъ какое-то черное пятно. Онъ подошелъ къ нему, и взорамъ его представилась умирающая женщина; она протянула къ нему ребенка, говоря: «я умираю, спаси его!» Соломонъ самъ сбился съ пути, въ запасѣ оставалось мало воды, а потому онъ поспѣшно сѣлъ на верблюда и поѣхалъ дальше. Вдругъ до слуха его долетѣлъ раздирающій крикъ несчастной матери. Этотъ крикъ дошелъ и до его сердца, и въ первый разъ въ жизни пробудилъ въ немъ состраданіе. Онъ возвратился, взялъ на руки ребенка и вдругъ почувствовалъ, что, кромѣ себя и Ліи, онъ любилъ въ эту минуту этого бѣднаго, осиротѣлаго малютку; онъ увидалъ двѣ крупныя слезы благодарности, застывшія, какъ жемчугъ, на глазахъ покойницы, и поклялся замѣнить ему отца. Дорогою ребенокъ сталъ плакать. Онъ отдалъ ему послѣднюю воду и, чтобъ утѣшить, вынулъ и раскрылъ свою бѣлую коробочку. На днѣ ея лежали двѣ прекрасныя, крупныя жемчужины. Онъ шелъ дальше и, вкусивъ однажды наслажденіе добраго дѣла, продолжалъ по пути помогать всѣмъ и каждому, чѣмъ только могъ: онъ лѣчилъ больныхъ, помогалъ страждущимъ, выкупалъ рабовъ отъ злыхъ господъ, выкупалъ изъ тяжелаго заточенія плѣнниковъ и роздалъ по пути всѣ свои богатства. Незамѣтно, но быстро прибавлялись жемчужины въ его завѣтной коробочкѣ, и скоро ихъ оказалось такъ много, что изъ нихъ можно было нанизать длинную нитку ожерелья.

Возвратившись, онъ трепетно надѣлъ его на шею неподвижной Ліи, и она ожила отъ этой силы животворной любви...

Идея, вложенная въ сказку, такъ свята и привлекательна, языкъ такъ прекрасенъ и поэтиченъ, что самую книгу можно считать одной изъ жемчужинъ, внесенныхъ въ народную и дѣтскую библіотеку. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что сказку эту поймутъ наиболѣе развитыя дѣти.

Вопросы:

Кто былъ Соломонъ, чѣмъ онъ занимался, и почему его считали колдуномъ?

Какія были у него привязанности и радости въ жизни?

Что случилось съ Ліей?

Когда простилъ ему Богъ его высокомѣріе?

Что за жемчужины были въ его таинственной коробочкѣ?

Имѣемъ ли мы право пользоваться исключительно для себя богатствомъ и наукою?

Х. А.

Примѣч. Желательно было бы появленіе этой сказки для народа въ болѣе дешевомъ изданіи и съ объясненіемъ словъ: электричество, химія и др.

Настасья К—ва, 22 л., ученица воскресной школы, такъ передала мнѣ *«Жемчужное ожерелье» Евгеніи Туръ*:

— Жилъ еврей; звали его Соломонъ. У него была дочь Лія и няня Сара. Его всѣ звали колдуномъ, черезъ то, что онъ сидѣлъ все, затворившись, нигдѣ не бывалъ, никого къ себѣ не принималъ; но онъ не былъ колдунъ, а докторъ.

У него былъ домъ и садъ, и огромный заборъ, и псы стерегли домъ, чтобъ никто не взошелъ. Дочь его была красивая, высокая, чернобровая. Она только въ саду гуляла; никто ея не видѣлъ, кромѣ садовника.

Соломонъ былъ недобрый для каждаго человѣка и не зналъ любови помимо своей дочери. Когда онъ дошелъ до большихъ наукъ, то онъ забылъ Бога; но Господь не допустилъ его до погибели и сдѣлалъ для него наставленіе: его любимая дочь Лія вдругъ заснула непробуднымъ сномъ: что онъ ей ни дѣлалъ, ничѣмъ не могъ помочь; нужно было только раскаяться въ своей гордости и вспомнить Бога. Когда онъ сталъ молиться, то сперва Господь не принялъ его молитвы за то, что онъ такъ гордо къ Нему относился, а потомъ, когда онъ легъ спать, то ему приснился сонъ: принесъ ему ангелъ коробку и поставилъ на столъ и сказалъ, чтобы онъ наполнилъ ее жемчужинами своей работы и надѣлъ на шею своей дочери, и что тогда дочь его воскреснетъ. Онъ проснулся и закричалъ на няню: «Никто къ намъ не приходилъ?» Она ему говоритъ: «Никто! а коробочку ты эту береги; это счастіе тебѣ будетъ!» Онъ взялъ ее и спряталъ. Послѣ этого онъ занялся жемчугомъ, но ничего не могъ сдѣлать; покупалъ, толокъ, присматривался—ничего!

Тогда онъ поѣхалъ *до моря*, хотѣлъ научиться, какъ жемчуга̀ дѣлать,—нѣтъ, нельзя!

Пробовалъ, пробовалъ, — все не выходитъ. Тогда онъ сказалъ: «Лучше я поѣду домой, хотя на неживую на нее буду любоваться».

И онъ все собралъ и поѣхалъ домой. На дорогѣ ему встрѣтилась сильная вьюга, такъ что онъ черезъ большую силу могъ ѣхать. Встрѣтило его такое песчаное поле, что онъ тамъ только одного себя и могъ видѣть, больше никого. Онъ не зналъ, какъ оттуда выбраться: его сильно измучила пыль и песочная вьюга, такъ что у него полонъ ротъ былъ пыли. И увидалъ онъ на этомъ полѣ какое-то черное мѣстечко.

Онъ сталъ приближаться къ нему поближе и увидѣлъ мертваго верблюда, а возлѣ него женщину съ ребенкомъ, которому былъ годъ. Онъ соскочилъ съ верблюда и сталъ обращаться къ этой женщинѣ. Она не могла ему ничего сказать, стала вставать, потомъ опять упала. Она сильно была изнурена и измучена и могла высказать ему только три слова: «Возьми моего ребенка!» Онъ грубо отвѣтилъ: «Не могу я взять; у меня воды мало, и пропитанія не хватитъ на двоихъ», сѣлъ, ударилъ верблюда и поѣхалъ. Вдругъ слышитъ жалостный стонъ. Онъ обратился обратно съ жалостливыми словами и говоритъ: «Дай мнѣ твоего ребенка!» Она подала ему ребенка, взглянула въ послѣдній разъ и уронила двѣ слезы. Онъ взялъ ребенка, благословилъ его и поѣхалъ съ нимъ. Проѣхали порядочно. Ребенокъ сталъ плакать такъ, что онъ ничего съ нимъ не могъ сдѣлать. Онъ забавлялъ его своими блестящими вещами и ничѣмъ не могъ забавить. Когда онъ показалъ ему эту коробочку, то ребенокъ ухватился ручками и сталъ играть.

И слышитъ Соломонъ: что-то въ коробочкѣ катается. Онъ взялъ ее, раскрылъ—полюбопытствовалъ. И оказались тамъ двѣ жемчужины. Его ужасно удивило: что же это такое, когда тамъ не было ничего! А это были тѣ слезы, что мать уронила, когда ребенка подавала. Материнскія слезы никогда даромъ не пропадутъ *).

И сталъ онъ онъ тогда совсѣмъ другимъ человѣкомъ и началъ по дорогѣ больнымъ и бѣднымъ помогать, не жалѣлъ ни золота своего, ни серебра, все пораздавалъ: ужасно сдѣлался добрымъ для каждаго человѣка.

Когда онъ пріѣхалъ домой, постучался, отворила ему Сара. Онъ такъ ласково къ ней обратился, что она даже удивилась. Лицо у него *просвѣщенное* было,—видно, что сталъ добрымъ. Прежде она ничего не видала отъ него, кромѣ грубости и суровости. Онъ спросилъ: «Что наша больная?»—«Лежитъ, какъ и лежала!»

Онъ вошелъ, бросился къ дочери и надѣлъ на шею жемчуги. Она открыла глаза, обхватила его за шею, и стали они плакать отъ радости. Потомъ они начали и Бога любить, и людямъ помогать, и этого сиротку воспитывать. Любили каждаго и помогали каждому бѣдному, выкупали изъ неволи, и всѣ ихъ любили.

*) Варіантъ ученицы.

Жемчужное ожерелье Е. Туръ. Нила У—ва, 18-ти л., ученица воскресной школы, такъ отвѣтила мнѣ на мои вопросы:

— Кто былъ Соломонъ, чѣмъ онъ занимался и почему его считали колдуномъ?

— Онъ все сидѣлъ за занятіями, назывался химикомъ, никуда не выходилъ. Для себя самого только занимался, больше ни для кого.

— Какія у него были привязанности и радости въ жизни?

— Онъ любилъ науку, дочь, деньги и себя—только четыре предмета, а больше никого не любилъ!

— Что случилось съ Ліей?

— Когда онъ занимался электричествомъ... начала ученица, но я перебила ее вопросомъ:—А вы знаете, что такое электричество?

— Намъ объясняли въ классѣ, отвѣчала ученица:—и въ пассажѣ я видѣла, но не очень хорошо понимаю, что это такое, только слово помню, вотъ еще на молнію говорятъ: электричество,—и она продолжала разсказъ. Видимо, *У—ой* очень хотѣлось разсказывать подробно, а потому я не перебивала ея болѣе и только въ концѣ спросила:

— Что за жемчужины были въ его таинственной коробочкѣ?

— Это были слезы страждущихъ! отвѣчала *У—ва.*

— А имѣемъ ли мы право пользоваться исключительно для себя богатствомъ и наукою? спросила я.

— Конечно, имѣемъ право! отвѣчала *У—ва*:—только это нехорошо, если не дѣлать никому добра: всѣмъ счастливъ такой человѣкъ, а все какъ будто чего недостаетъ.

Евгенія Г—ва такъ передала мнѣ сказку *«Жемчужное ожерелье»*:

— Соломонъ былъ еврей: онъ занимался наукой, которая называется *химикой*; эта наука травы изучаетъ. Его колдуномъ считали, потому что, когда онъ варилъ лѣкарства, огонь въ окнахъ показывался; кромѣ того, онъ ни съ кѣмъ не дружился. Онъ лю-

билъ только золото и дочь—больше никого. Однажды онъ хотѣлъ сдѣлать электричество и наравнѣ съ Богомъ себя считалъ. Господь прогнѣвался на него, и съ дочерью его сдѣлался припадокъ—какъ будто умерла, хотя и дышала. Онъ думалъ—наука ему поможетъ; только нѣтъ, ничего она ему не помогла, и Богъ его простилъ тогда только, когда онъ сталъ добро дѣлать и слезы благодарности получилъ.

— А имѣемъ ли мы право пользоваться исключительно для себя богатствомъ и наукою? спросила я.

— Нѣтъ, не имѣемъ, мы должны помогать неимущимъ! отвѣчала выразительно дѣвочка.

Вслѣдъ за нею съ тою же книгою подошла взрослая ученица *П—ва* и такъ передала разсказъ:

— Онъ былъ въ родѣ доктора, занимался книгами, изъ которыхъ получилъ всю свою ученость. Онъ ни съ кѣмъ не заводилъ знакомствъ, отъ всѣхъ удалялся и думалъ только о себѣ и о своей дочери, и думалъ такъ вѣкъ прожить: только этого ему не пришлось. Господь наказалъ его за чрезмѣрную гордость, и дочь его замерла, и тогда только прощеніе ему вышло, когда онъ ребенка спасъ, тогда и жемчужины у него въ коробочкѣ появились: это были слезы умершей женщины и прочихъ. И сталъ онъ любить все то, чего онъ прежде не любилъ! окончила она.

Я предложила и ей тотъ же вопросъ:— Имѣемъ ли мы право.... и проч.

— Нѣтъ, не имѣемъ, отвѣчала *П—ва*:— надо помнить обо всѣхъ. Послалъ тебѣ Господь богатство—подѣлись съ бѣднымъ, а другой не богатъ, но разумомъ Господь наградилъ его необычайнымъ, и разумомъ своимъ онъ долженъ съ людьми подѣлиться,—кому совѣтъ дать, кого научать. Не однимъ богатствомъ можетъ подѣляться человѣкъ! заключила она убѣжденно.

---

337) **Хрустальное сердце.** Е. Туръ. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва 1873 г. Ц. 40 к. 103 стр. *).

У любящей четы—лѣсничаго и жены его родился ребенокъ. Добрыя феи расточаютъ надъ нимъ всѣ дары земные: красоту, умъ, здоровье, богатство, и вотъ послѣдняя, не зная, чѣмъ одарить ребенка, вынула изъ груди его горячее, кровавое, бьющееся человѣческое сердце и подмѣнила холоднымъ хрустальнымъ, чтобы оградить Голубеньку отъ тревогъ и волненій житейскихъ. Ребенокъ растетъ умнымъ, здоровымъ, счастливымъ, послушнымъ; всѣ любуются имъ, всѣ любятъ его, но онъ не можетъ отвѣчать на эти ласки, на эту любовь: у него хрустальное сердце. Рано этотъ диссонансъ сказывается любящему отцу, матери и бабушкѣ; онъ проникаетъ далѣе въ отношенія жениха, мужа и отца; онъ отравляетъ сладкія минуты всѣхъ тѣхъ, кто безгранично любитъ Голубеньку и ждетъ отклика на свою привязанность. Холодность Голубеньки, эгоизмъ, безсердечіе подтачиваютъ мало по малу жизнь близкихъ ему существъ, и онъ остается одинъ на свѣтѣ въ своихъ богатыхъ хоромахъ безъ ласки, безъ заботы, безъ любви, несчастнѣе послѣдняго бѣдняка.

Разсказъ написанъ такъ живо, такъ талантливо, отношенія лицъ такъ жизненны, что онъ читается съ большимъ интересомъ развитыми малолѣтними, среднимъ возрастомъ и взрослыми. Всѣ понимаютъ его не только умомъ, но и тѣмъ именно, чего недоставало Голубенькѣ—сердцемъ, и мы особенно рекомендуемъ этотъ разсказъ въ народную и школьную библіотеку.

Вопросы:

Чего недоставало Голубенькѣ для полнаго счастія?

Что заставляло страдать окружающихъ Голубеньку?

Какія перемѣны произошли бы въ жизни Голубеньки, еслибы у него было не хрустальное, а горячее человѣческое сердце?

Что въ этой сказкѣ похоже на быль?

Можно ли встрѣтить въ жизни людей не съ хрустальнымъ, но съ холоднымъ сердцемъ (эгоистовъ), и вносятъ ли они счастіе въ жизнь? *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народно-Учебн. Лит.», стр. 237.

Ко мнѣ подошла дѣвочка лѣтъ 11-ти, и я начала спрашивать по вопросамъ.

— Счастливъ ли былъ Голубенька?

— Счастливъ!

— Отчего же домашніе его были несчастливы—мать, жена, дочь?

— Черезъ то, что мало видѣли его, мало онъ дома сидѣлъ.

— Отчего же не тянуло его домой, къ близкимъ, любящимъ его людямъ?

* Сказки «Хрустальное сердце» и «Жемчужное ожерелье» и разсказъ «Звѣздочка» вновь напечатаны въ Спб., въ 1884 г., всѣ три въ одной книгѣ. Ц. 1 р. 25 к.

— Дѣлами онъ очень занятъ былъ!

— Какія перемѣны произошли бы въ жизни Голубеньки, еслибъ у него было не хрустальное, а горячее человѣческое сердце?

— Горевалъ бы онъ больше!

— Что въ этой сказкѣ правда и что нѣтъ?

— Все правда! отвѣчала наивно дѣвочка.

— А что сердце у него хрустальное, развѣ это могло быть?

— А какъ же,—ему при рожденіи еще перемѣнено!

— А какъ ты думаешь: у всѣхъ ли людей одинаковыя сердца, или одинъ человѣкъ добрѣе, другой злѣе?

— Разныя! отвѣчала ученица: — одинъ больше жалѣетъ, другой меньше!

Отвѣтъ былъ хорошъ, но мнѣ чувствовалось, что это не результатъ прочитанной и понятой книги.

Прасковья Х—ская, 12 л., прочла *«Хрустальное сердце» Евгеніи Туръ.*

— Счастливъ ли былъ Голубенька? спросила я ее.

— Онъ былъ счастливъ только однимъ своимъ богатствомъ! отвѣчала дѣвочка.

— Чего недоставало Голубенькѣ для полнаго счастія?

— Колдунья вынула изъ него живое сердце, а вложила хрустальное.

— Что-жъ за бѣда, что она вложила хрустальное?

— Онъ очень холоденъ сердцемъ былъ, никогда ни о чемъ не печалился, никогда никого ему не было жаль!

— Были ли счастливы его окружающіе?

— Счастливѣе его! (Я удивилась). Мать и отецъ куда бѣднѣе были, продолжала Х—ская: —а жили гораздо счастливѣе и въ согласіи.

— Какія перемѣны произошли бы въ жизни Голубеньки, еслибы у него было не хрустальное, а горячее человѣческое сердце?

— Жена не умерла бы, и всѣмъ онъ былъ бы счастливѣе.

— Сказка это или быль?

— Сказка! Колдуны, обладатели лѣсовъ, феи—все это сказка!

— Есть ли на свѣтѣ такіе люди, какъ Голубенька?

— Есть такая природа грубая!

— Какъ Красилинъ! вмѣшалась Д—ва:— развѣ можно думать, что у него есть сердце *)!

*) Красилинъ — злодѣй, зарѣзавшій на дняхъ всю свою семью. На дѣтей это произвело особенно тяжелое впечатлѣніе и потому еще, что дочь Красилина была ученицей нашей школы.

— Красилинъ злодѣй! возразила Х—ская:— а Голубенькѣ только любви недоставало. Такіе люди объ себѣ только безпокоятся и самихъ себя любятъ!

— А не слыхала ты, Паша, слова эгоистъ? спросила я.

— Нѣтъ, не слыхала, отвѣчала дѣвочка. Я объяснила ей.

Взрослая ученица воскресной школы прочитала *«Хрустальное сердце»*. Она разсказывала съ большой теплотой и увлеченіемъ.

— Онъ былъ и богатъ, и красивъ, и силенъ, говорила она: — но ни къ кому жалости не имѣлъ; свои ли, чужіе ли — ему все равно, никого онъ любить не могъ! Черезъ это и жена его, бѣдная, высохла. Гордиться онъ умѣлъ, а любить — нѣтъ, не могъ! Лучше-бъ онъ бѣднѣе былъ да съ человѣческимъ сердцемъ.

Не такъ передала тотъ же разсказъ дѣвочка лѣтъ 11-ти. Правда, фабулу разсказа она передала безупречно, но когда дѣло дошло до выводовъ—видно было, что разсказъ недостаточно прочувствованъ.

— Что за человѣкъ былъ Голубенька? спрашиваю я.

— Онъ человѣкъ былъ хорошій, только хладнокровно все принималъ! Ничего до себя не допускалъ.

— Былъ ли онъ счастливъ?

— Да, ничего, у него всего много было, и онъ самъ былъ человѣкъ умный, образованный. Досадно только ему было, что кругомъ его все объ любви толковались!

— А жену онъ любилъ?

— Да, онъ былъ къ ней добръ и ласковъ!

— Почему же она была такъ несчастлива?

— Не подъ ея характеръ онъ былъ!

Двѣ ученицы воскр. школы, 16-ти и 10-ти лѣтъ, прочли *«Хрустальное сердце»*. Я предложила имъ наши провѣрочные вопросы, поставленные при рецензіи: — Чего не доставало Голубенькѣ до полнаго счастія?

— Ему нужно было любить, — а онъ не могъ — ни отца съ матерью, ни бабушки, ни дочери! — Никого на свѣтѣ! добавила старшая.

— Что заставляло страдать окружающихъ Голубеньку?

— То самое, что сердца у него не было! — сказала младшая. — Не могъ онъ на ихъ ласки отвѣчать, добавила старшая.

— Какія перемѣны произошли бы въ жизни Голубеньки, еслибъ у него было не хрустальное, а горячее человѣческое сердце?

Младшая молчала. — Съ его богатствомъ, съ его умомъ, начала старшая:—онъ могъ бы много сдѣлать для бѣдныхъ, а онъ хоть и дѣлалъ, но съ гордостью!—И она превосходно передала сцену его встрѣчи на улицѣ съ несчастной матерью, которой управляющій выдалъ часть денегъ изъ опредѣленной суммы, назначенной богачемъ Голубенькой для бѣдныхъ. — Не всегда одними деньгами можно помочь, заключила она. — Еслибъ у него было сердце, онъ бы ласковымъ словомъ человѣка ободрилъ.

— Что въ этой сказкѣ похоже на быль?

— Когда пришла и сердце вынула! сказала маленькая:—это неправда!

— Это бабушкѣ такъ примерещилось, добавила большая. — А что такое «прологъ»? спросила она. — Я это не въ первый разъ встрѣчаю; у Некрасова *«Кому на Руси жить хорошо»* — тоже прологъ. Не нравится мнѣ это стихотвореніе! добавила она.

Я объяснила, что такое «прологъ».

— Можно ли встрѣтить въ жизни людей не съ хрустальнымъ, но съ холоднымъ сердцемъ (эгоистовъ), и вносятъ ли они счастіе въ жизнь? спросила я.

Маленькая молчала. — Конечно, всякіе люди бываютъ, отвѣчала большая: — но такимъ людямъ нельзя позавидовать: они и другимъ никакого удовольствія не приносятъ, и сами себѣ не рады; имъ и богатство ихнее ничуть не помогаетъ... И она въ высшей степени поэтично разсказала, какъ контрастъ, жизнь лѣсничаго съ женой, ихъ тихія радости, ихъ взаимную любовь.

По этимъ отвѣтамъ двухъ возрастовъ интересно прослѣдить, насколько старшій способенъ глубже проникать въ сущность вопроса и прочитаннаго вообще, а поэтому и вопросы примѣнительно къ одной и той же книгѣ могутъ и должны быть разные.

— Мы эту книжку втроемъ читали, сказала младшая:—я, сестра и маменька слушали. Я *уморюсь*, сестра читаетъ; она *уморится*, я читаю. Очень интересно!

Дарья Б—ва подаетъ мнѣ *«Хрустальное сердце»*.

— Счастливъ былъ Голубенька? спрашиваю я ее. — Нѣтъ! — Почему? — Ни о комъ крѣпко не скучалъ, не жалѣлъ, — что же это за жизнь такая? не дай Богъ!

Елена С—ая подала мнѣ книгу *«Хрустальное сердце»*. Разспрашивать подробно было некогда,—библіотека была полна народу.

— Всѣмъ ли счастливъ былъ Голубенька? спрашиваю я.

— Нѣтъ, не всѣмъ, отвѣчаетъ грустно дѣвочка.

— Чѣмъ же именно онъ былъ несчастливъ?

— Сердцемъ.

— Почему же такъ?

— Такъ! его сердце ничего не чувствовало.

— А, можетъ быть, это хорошо?

— Какъ можно! черезъ это самое и жена, и мать его померли!

Не смотря на короткіе отвѣты, я вижу, что дѣвочка вполнѣ поняла прочитанное.

338) **Золотая рыбка.** Сказочная быль въ стихахъ. (Изъ жизни крестьянскаго мальчика). Москва. 1881 г. Ц. 50 к. 194 стр.

По заглавію вы видите, что разсказъ предназначается для деревенскихъ дѣтей, и дѣйствительно это заглавіе вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію. Въ немъ авторъ чрезвычайно просто и вѣрно жизни разсказываетъ, какъ перебиваются изо дня въ день бабушка-старушка и малолѣтній внучекъ, какъ безсильная старость силится помочь малосильному дѣтскому труду, и какъ нѣжная дружба, связывающая ребенка со старухой, помогаетъ имъ терпѣливо сносить горе и лишенія. Это горе и лишенія въ связи съ бабушкиными сказками развиваютъ въ ребенкѣ нѣкотораго рода мечтательность: ему грезится, какъ за дальними морями онъ поймаетъ золотую рыбку, и дастъ ему эта рыбка все, чего у нея онъ ни попроситъ. Въ этихъ грезахъ немало мѣста отдается желанію быть грамотнымъ: грамотный человѣкъ представляется ребенку окруженнымъ необычайнымъ ореоломъ подъ впечатлѣніемъ бабушкиныхъ поговорокъ, что «ученье свѣтъ, а неученье тьма» и т. д. Это вполнѣ естественно: бабушка, и съ ея сказками, и съ ея народной моралью, является единственнымъ авторитетомъ для мальчика. Онъ любитъ ее, онъ вѣритъ ей и самъ живетъ ея вѣрованіями. Вы замѣчаете въ немъ даже долю резонерства—вліяніе старческихъ лѣтъ бабушки, но тѣмъ не менѣе онъ остается для васъ милымъ и симпатичнымъ ребенкомъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что то, что мы называемъ резонерствомъ, не есть достояніе только интеллигентныхъ дѣтей, растущихъ среди взрослыхъ. Деревенскія дѣти больше, чѣмъ наши, похожи на взрослыхъ со своей практичностью, со своимъ раннимъ знаніемъ окружающей среды и жизни, и «мужичекъ съ ноготокъ» Некрасова весьма часто встрѣчается въ деревнѣ; поэтому нечего удив-

ляться, что малолѣтній Ваня разсуждаетъ подчасъ, какъ большой.

Приходъ въ деревню безроднаго солдата-старика описанъ чрезвычайно тепло. Загнанный вьюгою на свѣтъ лучины, онъ поселился съ бабушкой и внукомъ, готовый дѣлить пополамъ и трудъ, и горе, научилъ Ваню грамотѣ, научилъ плести корзинки и дѣлать доморощенныя игрушки, научилъ пѣть пѣсни и плясать. Хорошо жилось бѣднякамъ, но

«Захирѣлъ Петровичъ,
Привстаетъ по днямъ,
Свалится подъ вечеръ,
Бредитъ по ночамъ»

и, трогательно завѣщая весь свой жалкій скарбъ старухѣ и ребенку, тихо умираетъ на любящихъ рукахъ, оплаканный горькими, искренними слезами...

Послѣ голодной зимы подходила голодная весна; горько приходилось бѣднымъ сиротамъ, но, тѣмъ не менѣе, надежда на то, что скоро, скоро:

«Выглянетъ крапивка,
Выростетъ сморчокъ,
Наберемъ ихъ съ Ваней,
Да скорѣй въ горшокъ»,

кое-какъ поддерживаетъ бѣдняковъ.

«Бабушка-родная,
Радуйся, крестись!
Курочки-то наши
Начали нестись!»

кричалъ радостно Ваня, прибѣжавъ со двора. Это радостное событіе можетъ быть понятно только бѣднымъ деревенскимъ дѣтямъ. И вотъ бѣдняки задумываютъ спекуляцію: набравши нѣсколько десятковъ яицъ и сколотивши нѣсколько фунтовъ масла, они несутъ ихъ на продажу въ господскій домъ. Чрезвычайно трогательно переданы авторомъ сборы Вани на господскій дворъ — его умыванье остаточкомъ мыла, завѣщаннаго старымъ Петровичемъ, надѣваніе завѣтной праздничной рубашки и т. д.

Тяжелъ былъ первый шагъ маленькаго продавца въ господскій домъ. Надменный барскій лакей встрѣтилъ его грубой бранью и едва допустилъ до господъ. Тутъ вамъ невольно становится жутко при вопросѣ,—какъ встрѣтятъ бѣднаго сироту сами господа, и необыкновенно примиряющее чувство наполняетъ душу, когда вы читаете о ласковой встрѣчѣ, о томъ, что барскимъ дѣтямъ очень понравились въ новинку доморощенныя игрушки Вани, а барыня щедро заплатила симпатичному ребенку за его скудный товаръ. Съ этихъ поръ начинаются дружелюбныя сношенія Вани съ господскимъ дворомъ.

Господскія дѣти снабжаютъ его книгами и видятъ, какъ разумно и толково онъ относится къ нимъ. Родители обращаютъ вниманіе на выдающіяся способности ребенка и рѣшаютъ пригласить его учиться вмѣстѣ со своими дѣтьми.

Затѣмъ они везутъ Ваню въ городъ, въ гимназію, и изъ него выходитъ честный человѣкъ и полезный общественный дѣятель.

«Выстроилъ онъ школу
И старушкѣ домъ,
И завелъ хозяйство
Доброе при немъ.
На собраньѣ земскомъ
Всею бѣднотой
Выбранъ онъ, какъ слышно,
Мировымъ судьей».

Разсказъ написанъ настолько тепло и жизненно, что, останавливаясь на скромной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, таинственной подписи автора «М. К.», невольно думается, — не собственную ли жизнь изобразилъ онъ?

Есть въ разсказѣ, впрочемъ, и мелкіе недостатки, какъ, напр.:

«Такъ, чтобы размяться,
Боль и хворь прогнать,
Примется Петровичъ
Съ Ванюшкой плясать!»

Какъ-то не вѣрится, чтобы больной старикъ предавался плясамъ. Не вполнѣ естественною кажется также сцена съ золотою рыбкой въ барскомъ домѣ и сцена возвращенія къ бабушкѣ съ тою же рыбкой.

Время отъ времени попадаются строки ради риѳмы; такъ, напр., послѣ смерти Петровича авторъ говоритъ о бабушкѣ и внучкѣ слѣдующее:

«Снова одиноки
Съ бабушкой своей,
Какъ въ лѣсу дремучемъ,
Средь чужихъ людей».

Гдѣ-жъ эти чужіе люди въ деревнѣ, гдѣ каждый сроднился другъ съ другомъ съ колыбели?

Не смотря, однако, на эти мелкіе недостатки, мы особенно рекомендуемъ эту книгу въ народную и дѣтскую библіотеку.

Читается она съ удовольствіемъ и взрослыми, и малолѣтними.

Вопросы:

За что господа полюбили Ваню?

Какой изъ него вышелъ человѣкъ?

Что содѣйствовало тому, что изъ него вышелъ хорошій человѣкъ?

Что полезнаго сдѣлалъ онъ въ своей жизни?

Х. А.

Примѣч. Рец. см. «Воспитаніе и Обученіе» 1881 г., № 5, стр. 61. «Женск. Образов.» 1881 г. № 8. «Педаг. Листокъ» 1882 г., № 2. «Народн. Школа» 1881 г., № 10.

Отзывъ ученицы воскресной школы.

— *«Золотая рыбка»* такъ понравилась, что двѣ недѣли продержала: жаль было отдавать. Все читала, все читала, пока почти на память всю выучила.

ВЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ.

На каникулахъ.

«Золотая рыбка». — Ну, книжка! сказалъ одинъ изъ дѣтей. — Лучше всѣхъ! возразилъ другой.—Много она мнѣ понравилась! выразился своеобразно третій.

Многія изъ дѣтей выучили ее наизусть, но я желала справиться, насколько она понята, и потому предложила нѣсколько вопросовъ. Отвѣты были вполнѣ удовлетворительны. Какъ-то я читала рецензію на эту книгу, въ которой рецензентъ посылаетъ автору упрекъ, зачѣмъ фигурируютъ въ этой сказкѣ «господа-благодѣтели». Мнѣ припомнилось это невольно при спорѣ, возникшемъ между дѣтьми.

— Кто помогъ Ванѣ выйти въ люди? спросила я между прочимъ.

— Солдатъ! отвѣчалъ одинъ.

— Нѣтъ, господа! возразилъ другой.

— Ему Богъ помогъ, замѣтила дѣвочка:— чрезъ то, что онъ умный былъ!

— Нѣтъ—господа, продолжалъ настаивать первый:—они ему книжки дарили и въ ученье отдали!

— Нѣтъ—солдатъ, онъ его первый грамотѣ научилъ!

Дѣвочка отстала отъ спора. Я помирила ихъ, объяснивъ, что всѣ они трое правы.

— Мнѣ тоже хотѣлось выучить эту книжечку наизусть, замѣтила Анюта: — хотѣла вторую недѣлю взять, да какъ принесла въ школу, просто съ руками вырвали—такъ всѣ ее хвалятъ.

---

339) **Сказки Марка Вовчка** *). Спб. 1864 г. Изд. Яковлева. Ц. 40 к. 92 стр.

1. **Сказка о девяти братьяхъ-разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ.** Близъ Кіева, на Порогѣ жила вдова съ десятью дѣтьми, и жила она въ самой ужасной нищетѣ, прокармливая дѣтей поденной работой. Всякій, кто ѣхалъ мимо ихъ хаты, удивлялся ея ветхости: не огорожена, безъ сѣней, безъ коморы, безъ огорода, только подлѣ груша со сломанною вершиною. Еслибы кто нибудь свернулъ съ дороги и вошелъ въ хату, — удивился бы: столько душъ въ ней живетъ, а совсѣмъ она пустая — ничего нѣтъ. Еслибы спросили дѣтей, гдѣ ихъ одежда, то они бы отвѣтили, что рубашки ихъ сушатся на берегу, а другой одежды у нихъ нѣтъ. Когда приближались морозы, мать пуще начинала думать и плакать о своей нуждѣ.

Скучно дѣтямъ зимою; день коротенькій, скоро дѣлается темно; сидятъ они на печи, прижавшись другъ къ другу отъ страха, и ждутъ мать съ поденщины.

Отдала мать старшаго сына въ ***наймиты*** къ портному, но къ концу зимы разъ вечеромъ вернулся онъ смертельно блѣденъ, со спутанными волосами, съ разорваннымъ воротомъ рубашки. Молча онъ со всѣми обнимался и цѣловался, только тяжко дышалъ. Оказалось, что хозяинъ избилъ его и прогналъ.

Однажды мать, чтобы позабавить дѣтей, повела ихъ на ярмарку. Разбѣжались у нихъ глазенки, — всего хотѣлось купить, а мать только тихонько шептала: «Не могу, не могу! Не на что, дѣти, нѣту!..» Замѣтили дѣти искаженное лицо матери и то же выраженіе на лицѣ брата и примолкли. Первый сталъ проситься домой старшій братъ, а за нимъ и остальные.

Послѣ ряда подобныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ дѣтства, неудивительно, что, ставши взрослыми, братья были безпокойны, недовольны, озлоблены.

Долго искали братья работы; наконецъ старшій поступилъ къ зажиточному огороднику, а средній—ко вдовцу-хлѣбопашцу. Не-

---

*) Рец. см. журн. «Дѣтскій Садъ», 1869 г. стр. 45.

долго они прослужили. Средній влюбился въ дочь хозяина и лишился мѣста, а старшаго выгналъ хозяинъ, напрасно заподозрившій его въ воровствѣ. Опять всѣ собрались въ хаткѣ. «Неспокойны, мрачны ходили братья всѣ; всѣхъ мрачнѣй старшій былъ, всѣхъ грустнѣй — средній, и присягнулъ старшій лѣсу, а за нимъ всѣ остальные братья».

Затѣмъ слѣдуютъ сцены ожиданія матери своихъ дѣтей и, наконецъ, смерть ея. Эти сцены полны потрясающаго трагизма. Ужасное впечатлѣніе производитъ эта убогая старушка, которая дни, мѣсяцы, годы все прислушивается, поджидая дѣтей.

— Слышишь, Галя, слышишь шумъ? Они идутъ, идутъ! говорила вдругъ вдова.

Но это Днѣпръ шумѣлъ и деревья: никто не шелъ.

— Видишь, видишь, Галя, вонъ тамъ, тамъ кто-то стоитъ! Это Ивась стоитъ, а подлѣ него, видишь... видишь Грицька? Бѣги, бѣги туда, Галя!

И бѣжала Галя, но не находила ни Ивася, ни Грицька. Худо пришлось Галѣ, когда мать захворала и слегла. Съ каждымъ днемъ она все больше и больше слабѣла, такъ что Галя не отходила отъ нея. Разъ она спросила, не шумитъ ли Днѣпръ и деревья, но ничто не шумѣло, — на дворѣ стояла лютая зима.

Тогда она поднялась, стала увѣрять, что она слышитъ шумъ, что нужно встрѣтить сыновей, дверь открыть, и упала мертвая. Добрые люди помогли ее похоронить, а Галя стала жить одна въ хаткѣ. Разъ къ окну Гали подошелъ козакъ и затѣмъ сталъ ходить къ ней чаще и чаще, а потомъ повелъ въ церковь, и перевѣнчались они безъ дружекъ, безъ сватовъ—вдвоемъ. И повезъ козакъ молодую жену на свою родину, но заблудился въ лѣсу и попалъ къ братьямъ - разбойникамъ. Они убиваютъ его, а Галя сходитъ съ ума и топится въ Днѣпрѣ.

Эта глубоко обдуманная и прочувствованная сказка читается съ интересомъ взрослыми и подростками и вполнѣ пригодна для народной и школьной библіотеки.

Вопросы:

Что озлобило братьевъ и довело ихъ до разбоя?

При какихъ условіяхъ жизнь ихъ могла бы устроиться иначе?

Имѣли ли они право бросить мать и сестру?

Когда чувствовали они себя счастливѣе: когда голодали или когда считали деньги въ пещерѣ, и почему?

Чѣмъ наказаны были братья за свои преступленія?

З. Д.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

На каникулахъ.

Сегодня я прочла «Сказку о девяти братьяхъ-разбойникахъ и десятой сестрицѣ Галѣ» группѣ слушателей отъ 9-ти до 16-ти лѣтъ. Слушали всѣ очень внимательно, но въ передачѣ и особенно въ отвѣтахъ на вопросы замѣчалась большая разница: малютки отвѣчали односложнымъ «да» или «нѣтъ»; отъ старшихъ же пришлось услышать весьма разумные и толковые отвѣты.

— Что озлобило братьевъ и довело ихъ до разбоя? спросила я.

Вопросъ этотъ мнѣ самой не нравился, такъ какъ тутъ отвѣтъ почти одинъ: бѣдность! Но миновать его невозможно, — онъ непосредственно вытекаетъ изъ содержанія; и дѣйствительно, нѣсколько голосовъ сказало:—Бѣдность!

— Мало ли бѣдныхъ людей, такъ всѣмъ и идти въ разбойники? сказала я вызывающимъ тономъ.

— Отца у нихъ не было, начала дѣвочка, въ прошломъ году потерявшая отца: — а у матери силъ не было *зароблять*, некуда было имъ *податься*,—вотъ они и пошли въ разбой.

— А по моему, сказалъ старшій изъ мальчиковъ съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто ему одному удалось разрѣшить эту загадку:—некому было *спинять* ихъ.

— Что это значитъ «спинять»? спросила я, не понимая точнаго значенія этого слова.

— Это значитъ удерживать отъ злыхъ поступковъ, пояснилъ онъ вразумительно.

— А я знаю, черезъ что они озлобленіе получили, замѣтилъ еще одинъ убѣжденно:— черезъ хозяевъ: такіе попадались, что не дай Богъ,—ругаются, дерутся; черезъ нихъ и въ разбой пошли!

— А при какихъ условіяхъ жизнь ихъ могла бы устроиться иначе? спросила я.

— Еслибы нашлись хорошіе хозяева,

отвѣчалъ тотъ же мальчикъ.—Люди поддержки не оказали! замѣтилъ старшій.

— Имѣли ли они право бросить мать и сестру? спросила я.

— Не имѣли, сказали младшіе.—Онѣ безъ нихъ еще больше стали сиротами, замѣтила грустно дѣвочка-сиротка.

— Развѣ можно бросать при старости! добавилъ тенденціозно Ѳедя Г—въ, 13-ти л. — Они бы то подумали: ихъ девять, а она одна сколько лѣтъ билась, содержала ихъ, началъ Иванъ Б—ко, 16-ти лѣтъ:—а они повыростали и ушли. Лучше-бъ какъ нибудь перебивались, да при ней, все-бъ таки она видѣла, по крайней мѣрѣ, какъ они живутъ, какъ поступаютъ; можетъ, она черезъ это и смерть раньше получила, что убивалась по нихъ!

— Будь они хорошіе сыновья, добавилъ Ѳедя Г—въ: — они-бъ лучше работы искали; какъ можно работы не найти? работу всегда можно найти, хоть какую нибудь, а найдешь! заключилъ онъ бодро и энергически.

— Когда чувствовали они себя счастливѣе: когда голодали или когда считали деньги въ пещерѣ, и почему?

— Въ бѣдности, отвѣчалъ рѣшительно еще одинъ изъ учениковъ: — хоть голые сидѣли, такъ не губили людей.

— И деньги-то это были награбленныя, добавилъ Б—ко.

— Чѣмъ наказаны были братья за свои преступленія? спросила я.

— Имъ горе пришло, отвѣчалъ Г—въ:—лишилися разомъ и брата старшаго, и сестры любимой, которая всегда утѣшала ихъ; брата убили, а сестра утопла черезъ нихъ.

Когда я сказала:—Теперь можете идти по домамъ! — дѣти медленно и съ опущенными головами поднялись со своихъ мѣстъ, точно имъ не хотѣлось уходить домой подъ давленіемъ тяжелаго впечатлѣнія; ни одной улыбки не было на лицѣ. Вдругъ *Коля А—въ*, самый маленькій изъ нихъ, подошелъ ко мнѣ и заискивающимъ тономъ сказалъ:

— А нельзя вамъ еще разъ прочитать намъ «*Степку-растрепку*»?

— Нельзя! прочту въ другой разъ, сказала я, чувствуя для себя невозможнымъ читать «Степку-растрепку» послѣ глубоко-трагической сказки Марко-Вовчка.—«Но отчего онъ, Коля А—въ, просилъ меня объ этомъ?» думалось мнѣ:—«Не инстинктивное ли это желаніе сбросить съ себя тяжелое впечатлѣніе, и не является ли для него «Степка-растрепка» тѣмъ, чѣмъ для насъ въ минуты хандры «*Стрекоза*» и «*Будильникъ*»?»

Сказка 2-я — «*Невольница*» отнесена въ «Историческій отдѣлъ».

Сказка 3-я—«*Медвѣдь*».

Въ полѣ, около лѣса стояла пасѣка козака Загайнаго; онъ жилъ съ внукомъ Михайломъ и внучкой Меласей; послѣдняя оставила дома и мать, и сестру, для того чтобы хозяйничать у дѣда. Она была маленькая, застѣнчивая, но разумная — знала дорогу въ Кіевъ и даже въ Херсонъ.

Разъ вечеромъ братъ и сестра, утомившись, лежали на травѣ въ пасѣкѣ. Ужъ луна и звѣзды были на небѣ, а дѣдъ не возвращался изъ сосѣдняго села. Михайло заснулъ. Вдругъ земля задрожала, и что-то тяжелое стало приближаться, повалило плетень, лѣзетъ между ульевъ и ульи валитъ, и цвѣты давитъ, и даже мимоходомъ дубъ встряхнуло—это медвѣдь пожаловалъ въ гости. Испугалась Меласи, стала брата будить и просить идти въ шалашъ, но онъ, сонный, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять упалъ. Плачетъ Мелася и проситъ Бога, чтобы медвѣдь ею одною насытился, а брата пощадилъ. Собираетъ она всѣ свои силенки и перетаскиваетъ брата въ шалашъ, но онъ просыпается, выламываетъ двери. Мелася страшно вскрикиваетъ и падаетъ. Медвѣдь, испуганный, убѣгаетъ, а братъ приводитъ въ чувство сестренку и узнаетъ о случившемся.

Возвратившійся дѣдъ пожалѣлъ объ испорченныхъ ульяхъ, а внучку похвалилъ за храбрость. Сильно хотѣлось Михайлѣ сдѣлаться героемъ; онъ и нѣсколько ночей не спалъ, и ружье купилъ, но медвѣдь въ другой разъ не явился.

Сказка написана тепло, просто и поэтично, слушается съ большимъ интересомъ и маленькими дѣтьми, и подростками и вполнѣ умѣстна въ народной и школьной библіотекѣ.

Вопросы:

Трусиха ли была Мелася или храбрая?

Что могло бы случиться съ Михайлой, еслибъ ея не было на пасѣкѣ?

Много ли силы было у нея въ рукахъ?

Что же помогло ей спасти брата?

З. Д.

Сказка «*Медвѣдь*» прочитана была мною сегодня той же группѣ слушателей отъ 9 — 16 лѣтъ и вызвала не меньшій интересъ, чѣмъ и первая. Съ передачею содержанія произошло то же самое, т. е. младшіе разсказали коротко, а старшіе—болѣе подробно и выразительно. Когда мы окончили чтеніе, одинъ изъ

младшихъ дѣтей, слабыхъ способностей, такъ передалъ разсказъ:

— Былъ дѣдъ, у дѣда пасѣка, внукъ и внучка. Пришелъ медвѣдь, поѣлъ медъ. Вернулся дѣдушка—нѣту меду!

— Это ужъ очень скоро, замѣтилъ иронически Иванъ Б—ко, и когда онъ началъ разсказывать, тутъ, дѣйствительно, было все: и какъ насадилъ дѣдъ дубы и вербу, и какая была хорошая пасѣка, и какъ одѣвался Михайло, и какъ не любилъ онъ, чтобы его звали Михалкой, и какова была Мелася, — все, все, не опуская ни малѣйшей подробности.

Затѣмъ я снова обратилась къ младшимъ и спросила:

— Трусиха была Мелася или храбрая?

Голоса раздѣлились: одни утверждали, что трусиха, другіе—что храбрая; но споръ этотъ былъ голословный, а потому я обратилась къ старшимъ:

— А по вашему?

— На пустяки труслива, а на важныя дѣла храбрая, отвѣчалъ Ѳедя Г — въ. Остальные согласились съ нимъ.

— Что могло бы случиться съ Михалкой, еслибы ея не было на пасѣкѣ?

— Медвѣдь могъ бы разорвать.

— Много ли было силы у нея въ рукахъ?

— Нѣтъ, силы мало; она храбростью взяла! отвѣчалъ еще одинъ.

— Не храбростью, а жалостью, замѣтилъ сосѣдъ его:—она брата своего роднаго любила крѣпко и жалѣла его!

— Силою не такъ возьмешь, замѣтилъ Ѳедя Г—въ:—какъ умомъ, хитростью и храбростью.

— Зачѣмъ же хитростью? спросила я.

— А какъ же! отвѣчалъ онъ спокойно и увѣренно:—иногда безъ хитрости нельзя; можетъ, она нарочно крикнула, чтобъ медвѣдь его не съѣлъ.

Трудно было возражать что либо послѣ такого рода аргумента.

310) **Сказка про трехъ мужиковъ и бабу-вѣдунью.** Изданіе журнала «Воспитаніе и Обученіе», бывшій «Дѣтскій Садъ». Спб. 1879 г. Ц. 40 к., 86 стр.

У каждаго изъ трехъ мужиковъ свое горе было: Иванъ былъ добръ и великодушенъ, но его честную душу возмущала несправедливость людская; онъ не умѣлъ прощать, не умѣлъ совладать со своимъ горячимъ сердцемъ въ минуты справедливаго гнѣва и мстительности. Макаръ былъ фаталистъ; свой фатумъ онъ видѣлъ въ имени и повѣрьѣ, будто «на бѣднаго Макара и шишки валятся»: мнительный и боязливый, онъ до того опустилъ руки, что дѣйствительно сталъ человѣкомъ приниженнымъ и вѣчно ноющимъ. Титъ былъ здоровый и богатый малый и могъ бы жить припѣваючи, еслибы сердце его не точилъ червь самолюбія и тщеславія; онъ жаждалъ славы и незаслуженныхъ почестей, лежа на боку и эгоистически боясь потревожить себя лишнимъ движеніемъ. И вотъ, когда имъ стало не въ моготу терпѣть свои недуги душевные, они рѣшили идти къ бабѣ-вѣдуньѣ и просить ея помощи. Путь былъ далекъ и труденъ, но они преодолѣли препятствія каждый по своему: Иванъ—безстрашно и съ самоотверженіемъ, Макаръ — боязливо и со слезами, Титъ—эгоистически, съ самосохраненіемъ. Наконецъ они достигли жилища мудрой старухи. Выслушавъ ихъ откровенную исповѣдь, она дала имъ каждому по три бумажки. У Ивана было три раза «прости!» написано, у Макара—«не плошай!», у Тита—«добьюсь!»

Но баба-вѣдунья предупреждала, что каждымъ изъ этихъ магическихъ словъ надо пользоваться съ толкомъ и разумѣніемъ. И вотъ пошли они съ этимъ завѣтомъ въ міръ. Иванъ, извѣдавъ отрадное чувство всепрощенія, пріобрѣтаетъ, въ свою очередь, общее уваженіе и симпатію, и вся энергія его обращается къ борьбѣ за общественные интересы. Макаръ пріободряется и, вступая въ борьбу съ обстоятельствами, добивается относительнаго счастія и идетъ съ Иваномъ бороться за правду; а тщеславный эгоистъ Титъ, достигнувъ внѣшнихъ почестей, побѣдами и кровопролитіями, въ концѣ концовъ умираетъ одинокимъ, брошеннымъ и никѣмъ нелюбимымъ.

Сказка задумана широко; въ ней затронуто нѣсколько жгучихъ вопросовъ жизни, и съ особенной любовью и вниманіемъ выдвинутъ вопросъ о томъ, что значитъ «міру послужить». Вотъ какими словами оканчивается сказка (стр. 85):

«И померъ Титъ одинъ-одинешенекъ, и никто не пришелъ помянуть его, а мало ли народу прежде кланялось ему и льстивыми словами прославляло!

«А Иванъ да Макаръ до ста лѣтъ дожили. Зажило тѣло, пыткой изорванное, вернулись силы, тюрьмою повысосанныя, и были они такими бодрыми и крѣпкими старикамии, что всѣ только дивились. И жили они, о мірскихъ дѣлахъ радѣя и міру служа, пока не померли своею смертью. Народъ толпами сходился прощаться съ ними, горькими слезами плакалъ, поминаючи:

— «Померли слуги міра вѣрные, вѣчная имъ память и слава!»

Въ сказкѣ затронуты вопросы слишкомъ сложные для ребенка: губительныя послѣдствія войны, неприкосновенность общественнаго имущества, неудовлетворенное чувство тщеславія, борьба за интересы общества и т. п., а потому мы рекомендуемъ ее или развитымъ подросткамъ, или толково-грамотному простолюдину.

Вопросы:

Что за люди были Иванъ, Макаръ и Титъ?

Какое горе было у каждаго?

Какой совѣтъ дала имъ баба-вѣдунья?

Кто изъ нихъ какъ воспользовался этимъ совѣтомъ?

Что добраго и хорошаго сдѣлали въ жизни Иванъ, Макаръ и Титъ?

Какія послѣдствія имѣла война, затѣянная Титомъ?

За что Иванъ и Макаръ пользовались всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ? *Х. А.*

Примѣч. Рец. см. Дополненіе къ «Обзору Народн. Лит.», стр. 42. «Педаг. Листокъ» 1880 г., № 4, стр. 317. «Педагогич. Листокъ» 1879 г., стр. 131. «Педаг. Музей» 1879 г., № 6, стр. 529. «Женское Образованіе» 1879 г., № 5, стр. 347.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Я собрала къ себѣ на домъ учениць различныхъ знаній и возрастовъ и прочитала эту сказку съ начала и до конца, что заняло часа два-три времени. Маленькія начали зѣвать съ половины и на мои вопросы или молчали, или отвѣчали «невпопадъ». Я предлагала имъ уйти домой, а завтра придти послушать сказочку повеселѣе и съ картинками; но онѣ переглянулись между собою, посмотрѣли на старшихъ, сконфузились и объявили, что желаютъ дослушать, и что онѣ все понимаютъ, только не могутъ разсказать. «Можетъ быть, это и такъ!» подумала я и позволила имъ остаться. Ученицы, окончившія курсъ въ ежедневныхъ школахъ, отъ 12-ти до 13-ти л., слушали сказку съ напряженнымъ вниманіемъ; изъ взрослыхъ пришла одна Полина И—ва.

Чтеніе прерывалось замѣчаніями со стороны старшихъ учениць. На стр. 7-й, гдѣ говорится, что баба-вѣдунья строго запретила въ лѣсъ свой оружіе и деньги носить, одна изъ учениць замѣтила очень дѣльно: —Это она для того сдѣлала, чтобы земля не обагрилась кровью человѣческой. При словахъ: «Доходилъ до бабы-вѣдуньи больше бѣдный народъ», Г—ва замѣтила:—Это потому, что простой народъ ко всему привыченъ; онъ можетъ питаться, чѣмъ Богъ дастъ, а благородные люди не привыкли. — Смѣялись онѣ очень надъ лѣнивымъ Титомъ; соболѣзновали надъ Иваномъ, когда тотъ не рѣшался протянуть ему руку помощи надъ пропастью; но когда Иванъ, въ свою очередь, желая отомстить товарищу, оставилъ погибать его въ трясинѣ, а затѣмъ «въ ушахъ его все гудѣлъ крикъ Титовъ», Полина И—ва замѣтила: — Собственная совѣсть мучитъ, а это нѣтъ хуже! — При описаніи Макара, воображающаго, что всѣ бѣды валятся на него изъ-за того именно, что его зовутъ Макаромъ, все время былъ общій хохотъ; Г—ва сравнила эти два характера и сказала: — Этотъ тоже, какъ Титъ, только по своему! — Когда Макаръ положилъ бумажныя деньги въ горшокъ, на днѣ котораго было сало, и мыши съѣли ихъ, опять поднялся общій хохотъ. — Ну, мастеръ — нечего сказать! замѣтилъ кто-то. — Охъ, Боже мой! говорила одна изъ учениць, утирая слезы отъ смѣху.

Такъ продолжалось чтеніе до конца — весело, оживленно, со вставками и замѣчаніями. По окончаніи я предложила слѣдующіе вопросы и получила слѣдующіе отвѣты:

— Была ли баба-вѣдунья—колдунья, или просто очень умная женщина?

— По моему—колдунья! отвѣчала Гр—ва.

— А по моему — умная женщина! заспорила Г—ко.

— Хоть какая умная, развѣ она можетъ знать мысли человѣка?! возразила Гр—ва.

— Можетъ! сказала утвердительно Г—ва: —она разумомъ своимъ разгадываетъ!

— Какія три слова мѣшаютъ нашему счастію? спросила я.

— Авось, небось да какъ нибудь! сказало нѣсколько голосовъ разомъ.

— Что за люди были Иванъ, Макаръ и Титъ?

— Иванъ и Макаръ хорошіе были люди,

и Титъ вначалѣ ничего какъ будто, а послѣ нѣтъ—прогорѣлъ! замѣтила И—ва.

— Какое горе было у каждаго?

— Иванъ напраслину терпѣлъ, Макару удачи ни въ чемъ не было, а Титъ славы хотѣлъ, да не могъ достать! отвѣчала Г—ва.

— Иванъ былъ тѣмъ несчастливъ, вмѣшалась Гр — ва: — что все на него напраслины были, всѣ на него нападалися!

— А Макарово горе въ томъ заключалось, продолжала И—ва:— что онъ самъ вездѣ плошалъ, нерасторопенъ былъ, не то что дуракъ, а на это похожій.

— Какой совѣтъ дала имъ баба-вѣдунья?

— Ивану она объяснила, что онъ долго обиду таитъ, что нехорошо это, и дала «прости!»; Макару—«не плошай!», а Титу—«добьюсь!» и совѣтовала, чтобы онъ, если начиналъ какое дѣло, такъ оканчивалъ бы. Только она ему приказывала настоящее дѣло дѣлать, а онъ на пустяшную силу потратилъ—на шестъ полѣзъ и похвалялся послѣ этимъ, съ кѣмъ ни встрѣтится, даже наскучилъ всѣмъ.

— А что же это за настоящее дѣло? спросила я.

— Людямъ помогать—это настоящее дѣло, а пустяшныхъ дѣлъ много! отвѣчала Полина И—ва.

— Заключалась ли сила въ бумажкѣ, или въ совѣтѣ бабы-вѣдуньи? спросила я. Большинство признало силу за совѣтомъ бабы-вѣдуньи, а меньшинство—за бумажкой.

— Что добраго сдѣлали въ жизни Иванъ, Макаръ и Титъ? спросила я.

— Титъ ничего хорошаго не сдѣлалъ, а Иванъ и Макаръ правду полюбили, народу помогали! сказала Г—ва.

— А Титу лишь бы словами похваляться, замѣтилъ кто-то.

— А чѣмъ можно заслужить почетъ отъ людей? спросила я.

— Дѣлать пользу другимъ! сказала одна.

— Помогать людямъ! пояснила другая.

— Грамотѣ учить, — просвѣщать народъ, замѣтила третья.

— Какія послѣдствія имѣла война, затѣянная Титомъ? спросила я.

— Очень нехорошія: черезъ эту войну много людей несчастныхъ было, много по міру пошло! отвѣчала Г—ва.

— За что Иванъ и Макаръ пользовались общимъ почетомъ?

— За то, что они народъ отъ кабалы спасли! сказала одна.

— Еслибъ не они, пропалъ бы народъ, добавила другая.

— За то, что они за народъ постояли, не жалѣли жизни своей, въ тюрьмѣ сидѣли, мученіе приняли за народъ! замѣтила третья.

— Почему Иванъ не хотѣлъ простить Ѳедьку? спросила я.

— Потому что за свою обиду можно простить, а за мірскую—нѣтъ! отвѣчала Г—ва.

— Мнѣ про Ивана и про Макара понравилось! сказала дѣвочка, молчавшая до сихъ поръ:—а про Тита—нѣтъ.

(Я замѣтила, что выраженія: «понравилось» и «не понравилось» дѣти употребляютъ часто, дѣлая оцѣнку дѣйствующихъ лицъ, а не повѣствованія).

— Какія мѣста изъ книги вамъ больше всего понравились? обратилась я къ Полинѣ И—вой. Она начала описывать мнѣ лѣсъ, а затѣмъ гору, на которой жила баба-вѣдунья. Оказалось, что И—ва не поняла вопроса и думала, что я ее спрашиваю о мѣстности.

— Очень славная книжечка и даже нравоучительная, сказала она въ заключеніе.

341) **Иванушка - дурачокъ.** А. Круглова. Русская сказка въ стихотворномъ изложеніи. Спб. 1883 г. Ц. 50 к. 63 стр. Съ силуэтами И. Н. Каразина.

Начну съ «Посвященія» и «Вмѣсто присказки». Я думаю, что воспоминанія дѣтства и сожалѣнія о томъ, что оно прошло, есть достояніе взрослаго человѣка, а ребенокъ, не пережившій еще этой золотой поры, не даетъ ей никакой цѣны; а поэтому такого рода воспоминанія являются, съ одной стороны, собственнымъ самоуслажденіемъ, а съ другой—гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Кромѣ того, нынче типъ нянекъ совершенно видоизмѣнился. Въ старыя времена крѣпостнаго права няня являлась лицомъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Оторванная отъ собственной семьи и кровныхъ привязанностей, но съ природнымъ, естественнымъ стремленіемъ любить кого нибудь и привязаться къ кому нибудь, она, естественно, сосредоточивала всю свою нѣжность па своихъ питомцахъ; но, привязываясь къ нимъ любящимъ сердцемъ, она, тѣмъ не менѣе, сохраняла, какъ святыню, семейныя традиціи, вѣрованія, преданія и повѣрья роднаго крова. Предаваться этимъ воспоминаніямъ и сообщать ихъ своимъ питомцамъ составляло поэзію ея собственной жизни. Сказки эти были полны вдохновенія и поэзіи и, быть можетъ, заронили первыя сѣмена творчества въ младенческія души нашихъ поэтовъ, которые потомъ воспѣли въ гармоничныхъ стихахъ этихъ достойныхъ, самоотверженныхъ героинь дѣтства.

Теперь эти няни вымерли, или почти вымерли; ихъ не знаютъ наши дѣти. Вотъ почему еще, между прочимъ, интеллигентный ребенокъ не пойметъ этого «посвященія», не говоря уже о дѣтяхъ народной школы, которымъ знакомы по преимуществу няньки-малолѣтки. Но, оставляя въ сторонѣ посвященіе и присказку, весьма недурныя сами по себѣ, перейдемъ къ содержанію сказки.

Иванушкѣ-дурачку везетъ счастіе и, вопреки насмѣшкамъ и презрѣнію старшихъ братьевъ-умниковъ, онъ выигрываетъ побѣду, благодаря волшебному коню, и женится на царевнѣ.

Нельзя не отмѣтить съ удовольствіемъ того обстоятельства, что дуракъ не только самъ спокойно спалъ на кладбищѣ, а еще пугалъ своимъ храпомъ воронъ (обстоятельство, очень насмѣшившее дѣтей). Но, кромѣ смѣха, мы видимъ здѣсь другую серьезную сторону: быть можетъ, эта сказка парализируетъ хотя нѣсколько обычный дѣтскій страхъ кладбища и мертвецовъ, котораго не чужды и дѣти интеллигентныхъ родителей, и дѣти народа. Замѣчу кстати, что нынѣшнія нервныя интеллигентныя дѣти ничуть не храбрѣе прежнихъ, не смотря на то, что весьма многіе изъ современныхъ родителей избѣгаютъ сказокъ, а няни не умѣютъ ихъ разсказывать.

Въ заключеніе необходимо упомянуть о томъ, что сказка г. Круглова слушается дѣтьми и взрослыми съ величайшимъ удовольствіемъ и интересомъ; такъ, недавно мы имѣли случай прочесть ее въ воскресной школѣ, въ группѣ взрослыхъ отъ 17 до 20 лѣтъ. Описаніе обжорства Иванушки возбуждало каждый разъ дружный и веселый смѣхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливый приказъ отбывать за братьевъ очередь на кладбищѣ вызывалъ протестъ.

— Опять на него, бѣднаго! Небось, сами не идутъ! замѣчали ученицы. Смѣшилъ ихъ также Иванушкинъ храпъ, но что особенно заняло всѣхъ, такъ это вопросъ: доскачетъ ли онъ или нѣтъ до косящатаго окна?

— Это очень трудно! говорила одна изъ ученицъ совершенно серьезно.

— Еще бы! откликнулась другая:—онъ и самъ не знаетъ—доскачетъ ли, нѣтъ ли.

— А меня просто морозъ по кожѣ подираетъ, замѣтила третья:—что, какъ не доскочитъ?

— Доскочитъ! сказала увѣренно четвертая:—я это давно въ другой сказкѣ читала.

— Вотъ, еслибы тамъ быть, посмотрѣть на это! замѣтила Полина II—ва.—Я думаю, она и сама ждала его, даромъ что гордая, сказала II—ва.

При словахъ: «печать на лобъ отважнаго успѣла приложить», кто-то изъ ученицъ вскрикнулъ:—Это чтобъ узнать потомъ!

По окончаніи чтенія сказки II—ва замѣтила:—Это на подобіе этихъ сказокъ и въ жизни бываетъ: считаютъ всѣ глупымъ, потому что тихій человѣкъ, не высказываетъ себя, а вмѣсто того онъ впослѣдствіи умнѣе тѣхъ окажется, что себя высказываютъ.

— Это часто бываетъ! поддержала II—ву ея сосѣдка.

Когда я окончила сказку, всѣ меня благодарили и высказывали одобреніе прочитанному.

Указавши на интересъ сказки, мы не можемъ пройти, однако, молчаніемъ того обстоятельства, что нѣкоторые изъ ея стиховъ нескладны и негармоничны, какъ, напр.:

«Идетъ Иванъ по полянушкѣ
Я тебѣ слуга до могилушки»...
«Не избѣгъ онъ лапъ желѣзныхъ
Смерти жадной (т. е. умеръ), и любезныхъ
Сыновей зоветъ» (послѣ смерти-то!)
«Онъ отрѣзалъ себѣ полковриги,
Солью густо ее пересыпалъ» (вмѣсто посыпалъ) и т. п.

Х. А.

---

342) **Семь новыхъ сказокъ.** Спб. 1864 года. Ц. 1 р. 25 к., стр. 129. Съ 8 литографіями (пейзажиста А. К. Соврасова). А. Коваленской.

1. *«Серебряная роса».* Ребенокъ засыпаетъ на рукахъ матери. Мать напѣваетъ ему любимую пѣсенку «О золотомъ мѣсяцѣ, звѣздочкахъ и серебряной росѣ». И вотъ дѣвочкѣ, подъ впечатлѣніемъ этой пѣсни, снится чудный сонъ: ей грезится, будто взбирается она по серебряной лѣстницѣ въ прекрасный садъ; дорожки этого сада усыпаны серебряной росою, въ чашечкахъ цвѣтовъ звучатъ золотые колокольчики. Героиня сна знакомится и съ царевною-звѣздочкой, и съ отцомъ-мѣсяцемъ, и много чуднаго и небывалаго встрѣчаетъ она въ этомъ надзвѣздномъ царствѣ.

Сказка написана хорошимъ языкомъ, не лишена поэзіи.

2. *«Мухоморъ».* Въ этой сказкѣ, написанной тѣмъ же гладкимъ и красивымъ слогомъ, авторъ, видимо, задался цѣлью провести параллель между вреднымъ грибомъ и злымъ

человѣкомъ, что ему не вполнѣ удалось; такъ, на стр. 23-й скромный стебелекъ, глядя на погибшаго мухомора, говоритъ: «Сколько зла — мѣсто отравлено, воздухъ зараженъ, жители въ ужасѣ и горѣ. О, еслибы удалось поправить зло и возстановить счастіе!» Дѣтямъ непонятна эта аллегорія и не нравится сказка; большіе же читаютъ ее съ удовольствіемъ.

3. «*Фіалка*». Сказка «Фіалка» носитъ на себѣ тотъ же аллегорическій характеръ: въ ней описана жизнь, смерть и воскресеніе весной скромной фіалки. Сказка кончается такъ: «Твое сердце было чисто, не источено, и ты ожила».

4. «*Царевна Глупочка*». Разсказъ приводитъ дѣтей въ полнѣйшій восторгъ и перечитывается съ наслажденіемъ по многу разъ. Фабула ея такова: у царицы родилась крошечная дочь; листикъ розы служилъ ей пеленкой, а раковина — колыбелью; всѣ восхищались крошкой, но природа не одарила ея разумомъ и добрымъ сердцемъ. Затѣмъ описанъ рядъ смѣшныхъ капризовъ, шалостей и невыполненныхъ требованій малютки. Въ товарищи ей взяли мальчика-умницу, какихъ нѣтъ на свѣтѣ, но и онъ не уберегъ своенравной дѣвочки, и она уплыла далеко въ море. Тамъ, натерпѣвшись много горя, она поняла, наконецъ, что значитъ любить и жить въ мирѣ. Она возвращается домой исправившеюся, всѣ радуются, празднуютъ ея возвращеніе и имя «Глупочка» перемѣняютъ на «Душечка». Фабула, какъ видите, незамысловата, но авторъ подкупаетъ дѣтское воображеніе рядомъ поэтическихъ картинъ и несбыточныхъ чудесъ, не жалѣя яркихъ красокъ.

5. «*Записки соловейки*». Описывается, какъ росла и набиралась ума-разума отъ своей трудолюбивой мамы молодая соловейка. Разсказъ доведенъ до того момента, какъ она выросла и сама сдѣлалась матерью.

Дѣтей очень занимаетъ описаніе осени и перелета птицъ въ теплые края, но не знаю, насколько умѣстна сантиментальная повѣсть любви соловейки, переданная въ такой формѣ: «Вдругъ вѣтка, на которой я сидѣла, зашевелилась, и около меня раздалась знакомая пѣсня. Я вздрогнула, обернулась и стала прислушиваться. Пѣсенка была чудная, но пѣлъ вовсе не отецъ; я увидѣла прекраснаго сѣренькаго соловья, который сидѣлъ противъ меня и пѣлъ такъ сладко, какъ я еще никогда не слыхивала. Я попробовала щелкнуть ему въ отвѣтъ,—но вмѣсто того только свиснула и сконфузилась. Однако онъ нисколько не разсердился, а, напротивъ, казался очень доволенъ и на свистъ мой залился громче прежняго».

Положимъ, форма эта сама по себѣ довольно невинна, но къ чему приподносить преждевременно ребенку не-дѣтскія темы?

Чтобы оттѣнить хлопотливую, но счастливую жизнь любящей пары соловьевъ, говорится объ эгоисткѣ-кукушкѣ, подкидывающей свои яйца въ чужія гнѣзда, и о ея монотонномъ и печальномъ крикѣ: «Ску-ка, ску-ка!» Эти два сопоставленія могутъ дать тему для бесѣды.

Взрослымъ сказка эта нравится больше, чѣмъ дѣтямъ.

6. «*Бабочка*». Описывается, какъ злая зеленая муха подвела бѣдную, неопытную бабочку летѣть на блескъ свѣчей въ барскія хоромы, и какъ жестоко поплатилась та за свое легкомысліе и желаніе блеснуть красотой.

7. «*Голубка*». Въ сказкѣ этой также проводится параллель между жизнью мирной, симпатичной бѣлой голубки, двухъ воробьевъ-драчуновъ и сварливой сороки, ликующей надъ чужимъ горемъ. «Живите мирно! живите мирно!» повторяетъ голубка до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, проповѣдь эта достигаетъ сердца озлобленныхъ сосѣдей, и они смиряются, заслушиваясь ея воркованья.

Очевидно, что не только 2-я и 3-я сказки, но и 5, 6 и 7-я носятъ на себѣ тотъ же аллегорическій характеръ; но аллегорія въ трехъ послѣднихъ настолько проста, что вполнѣ доступна дѣтскому пониманію, и мы охотно рекомендуемъ ихъ въ школьную библіотеку.

Х. А.

Примѣчаніе. Рец. см. «Библіограф. Листокъ», вып. 2-й 1882 г., стр. 84.

Отзывы двухъ сестеръ *) (*10-ти и 16-ти л.*) *о «Семи сказкахъ» Коваленской.*

— Очень понравились, говорила старшая сестра:—веселенькія и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезныя; изъ каждой почти можно нравоученіе какое нибудь сдѣлать!

— А намъ розныя понравились, сказала маленькая: — ей «Мухоморъ» и «Фіалка», а мнѣ онѣ — хуже всѣхъ; мнѣ лучше всѣхъ — «Царевна Глупочка»!

— Какія же нравоученія можно изъ нихъ сдѣлать? спросила я старшую.

— А вотъ, позвольте, я по порядку раз-

*) Ученицъ воскресной школы.

скажу: «Роса»—это и мнѣ, и Катѣ не очень понравилось; ничего особеннаго! Вслѣдъ за нею—«Мухоморъ». Это такъ нужно понимать, что отъ одного злаго человѣка много зла бываетъ. Въ «Фіалкѣ» насчетъ сердца говорится—у злаго человѣка точно червь его точитъ—подтачиваетъ, пока все источитъ, а у добраго оно цѣло и невредимо. Насчетъ «Глупочки» можно такое правило вывести: она такъ жила, что и сама не знала, что нужно человѣку, ни объ комъ не безпокоилась, никого не любила, а какъ пришло ей горе, она и узнала, какъ на свѣтѣ жить. А ужъ «Записки соловейки» такъ мнѣ понравились—больше всего! Хоть и говорится тутъ про соловьевъ, а можно то же самое и про людей думать. Помните, какъ ей хотѣлось все въ теплыя страны полетѣть, думала, что тамъ и горестей никакихъ нѣтъ; такъ и съ человѣкомъ бываетъ: не дорожитъ своей родиной, а послѣ кается. Насчетъ «Бабочки» можно пословицу сказать: «Не въ свои сани не садись!» И зачѣмъ ей было непремѣнно къ господамъ летѣть? Послушалась бы паука, лучше-бъ было; а въ сказкѣ «Голубка» все повторяется: «живите мирно! живите мирно!» Да, однимъ словомъ, всѣ хороши! заключила дѣвушка.

Вообще, сказки эти нравятся и взрослымъ, и дѣтямъ. Любимая сказка дѣтей — «Глупочка».

---

343) **Русскія сказки въ стихахъ**. Съ виньеткой и 16-ю весьма недурными картинками. (Рисовалъ художникъ Голембіовскій, гравировалъ Регульскій). В. Водовозова. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., 210 стр.

«*Серебряная голубка*». Содержаніе: Царь женится на бѣдной сиротѣ. Царица-чародѣйка, мечтавшая видѣть его мужемъ своей дочери, превращаетъ новобрачную въ серебряную голубку, а дочери своей придаетъ наружность царицы и подмѣняетъ ею любимую супругу царя. Голубка улетаетъ далеко-далеко и тамъ, на берегу рѣки, толкнувшись нечаянно о берегъ, превращается въ женщину и родитъ двухъ сыновей. Затѣмъ они всѣ трое попадаютъ къ благодѣтельной старушкѣ. Мальчики оказываются очень даровитыми. Слухъ объ ихъ игрѣ на флейтѣ достигаетъ до царскихъ палатъ, и ихъ требуютъ во дворецъ. Отцовское сердце чуетъ близость родства, и царь оставляетъ ихъ у себя. Серебряная голубка прилетаетъ къ нимъ по ночамъ и тихо воркуетъ надъ спящими дѣтьми. Но не дремлетъ и злодѣйка-царица. Она брызгаетъ ихъ мертвою водой, и дѣти засыпаютъ вѣчнымъ сномъ. Бѣдная голубка горюетъ надъ своими птенцами, но тутъ прилетаетъ черный воронъ; она молитъ его объ участіи,—онъ приноситъ ей живой воды, дѣти оживаютъ. Царь въ восторгѣ. Голубка бросается къ окну, но оно заперто; она ударяется объ него и опять превращается въ царицу. Обманъ обличенъ. Злую царицу съ дочкой отвозятъ въ лѣсъ на съѣденіе волкамъ, а счастливое семейство живетъ въ мирѣ и согласіи.

«*Семилѣтка*». Извѣстная сказка о дѣвочкѣ-семилѣткѣ, отгадавшей три мудреныя загадки, предложенныя царемъ, за что тотъ беретъ ее въ жены. Дѣти любятъ эту сказку и охотно передаютъ загадки и отгадки догадливой семилѣтки.

«*Сивка-бурка, вѣщая каурка*». Содержаніе: Умеръ отецъ и просилъ сыновей передъ смертью посѣщать три ночи его могилу. Двое старшихъ не послушали отца, а послали за себя младшаго—дурачка. Отецъ благословилъ его и далъ ему три конскихъ волоска, заключающихъ въ себѣ магическую силу. Братья издѣваются надъ дурачкомъ, а онъ, вооруженный этой силой, добываетъ себѣ лихаго коня, цѣлуетъ на-лету царевну и женится на ней.

«*Орелъ и чудесный сундукъ*». Содержаніе: Мужикъ-охотникъ пощадилъ больнаго орла, принесъ домой и кормилъ его три года даромъ. Какъ вышелъ срокъ, орелъ взялъ его на свои крылья, долго летѣлъ съ нимъ и прилетѣлъ къ сестрѣ своей, царицѣ-чародѣйкѣ. Онъ разсказалъ ей, какъ бѣднякъ былъ добръ и великодушенъ къ нему, и та подарила ему завѣтный сундукъ въ награду. Онъ несъ его домой, но дорогою не вытерпѣлъ и, не смотря на запретъ, отворилъ его. Изъ сундука повалили одинъ за другимъ мастеровые-ремесленники, и сундукъ его оказался пустымъ. Бѣднякъ горевалъ, но, придя домой, увидѣлъ, что эти ремесленники сообща соорудили ему «тесомъ крытыя палаты, домъ, ворота и заборъ».

Тенденція сказки выражена въ концѣ тяжелымъ четверостишіемъ, непонятнымъ для дѣтей:

«Да у насъ вѣдь вотъ порядки:
На свою корысть мы падки!
Вамъ меня бы поучить,
Какъ мірскимъ умомъ-то жить».

«*Марко богатый*». Содержаніе: Бѣдный старикъ искалъ у богача крова, но его чуть не загрызли тамъ злыя собаки, и онъ среди ночи поплелся далѣе.

По пути онъ зашелъ къ бѣдняку, который привѣтливо и радушно встрѣтилъ его. Въ моментъ прихода старца у бѣдняка родился сынъ, и старикъ посулилъ ему счастіе,—посулилъ, что новорожденный Семенъ захватитъ въ свои руки со временемъ всѣ богатства Марка. Марко узнаетъ объ этомъ, дѣлается крестнымъ отцомъ Семена съ цѣлью загубить его, — отправить въ лѣсъ и отдать на съѣденіе волкамъ, но слуги прячутъ ребенка и отдаютъ на воспитаніе къ купцу. Впослѣдствіи Семенъ входитъ въ торговыя сношенія съ богачемъ Маркомъ и нравится его своенравной дочери; но никогда не быть бы ему ея мужемъ, еслибы не подвернулся богатый купчикъ-кутила Костя, опоившій дорогою старика Марка и заставившій его написать подъ пьяную руку письмо, разрѣшающее бракъ дочери съ Семеномъ. Узнавъ съ ужасомъ объ этомъ бракѣ, Марко отсылаетъ зятя въ глушь и дѣлаетъ распоряженіе сварить его въ кипящей смолѣ. Онъ отправляется вслѣдъ за нимъ порадоваться его гибели, но по недоразумѣнію самъ попадаетъ въ этотъ чанъ.

Сказка «*Марко богатый*» не изъ удачныхъ; написана она тяжелыми стихами, затемняющими нерѣдко самый смыслъ, растянута и скучна. Кромѣ того, въ ней встрѣчается сцена, вполнѣ несоотвѣтствующая педагогическимъ требованіямъ: богатый купчикъ-кутила Костя опаиваетъ дорогой богача Марка съ цѣлью вынудить его написать подъ пьяную руку такое письмо, котораго онъ никогда не написалъ бы въ трезвомъ видѣ. Это тѣмъ болѣе непростительно, что въ «*Народныхъ русскихъ сказкахъ*» *Полеваго*, заимствованныхъ, въ свою очередь, изъ книги III *Аѳанасьева* «*Народныя русскія сказки*» (стр. 109), превращеніе съ письмомъ передано иначе: молодецъ встрѣчается со старцемъ, и тотъ посредствомъ чуда, вмѣсто зловѣщаго, придаетъ письму характеръ вполнѣ благопріятный для героя. Въ журналѣ «*Дѣтское Чтеніе*» 1880 г., кн. II, стр. 221, мы встрѣчаемъ: «*Неотразимый наслѣдникъ*» (историч. разсказъ), содержаніе котораго весьма сходно со сказкою «*Марко богатый*», но и тутъ мы не видимъ циничной сцены пьянства, не смотря на то, что тотъ же эпизодъ носитъ характеръ болѣе реальный.

Вообще, сколько источниковъ ни пришлось намъ пересмотрѣть, нигдѣ мы не встрѣтили варіанта, который, повидимому, принадлежитъ г-ну Водовозову, а еслибы даже онъ и существовалъ, то и тогда не слѣдовало бы пользоваться имъ, въ виду другихъ варіантовъ, болѣе соотвѣтствующихъ цѣли.

Что касается героини сказки, дочери Марка богатаго, то образъ ея является несравненно симпатичнѣе и у Полеваго, и у Аѳанасьева, и мы также не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось г-ну Водовозову сдѣлать ее своенравной и взбалмошной?!... да и самый конецъ оставляетъ впечатлѣніе болѣе отрадное въ варіантахъ Аѳанасьева, записанныхъ изъ устъ народа въ Нижегородской губерніи.

Тамъ Марко въ наказаніе дѣлается перевозчикомъ, а у г-на Водовозова—

«Марко бацнулъ головой
Въ чанъ съ кипящею смолой».

Не можемъ мы также опредѣлить, для чего приводится въ концѣ слащавая супружеская сцена.

«*Солдатъ и чудесная торба*». Содержаніе: Возвращался солдатъ домой, получивъ чистую отставку, и осталось у него всего три сухаря; и встрѣтился ему человѣкъ, на видъ бѣднѣе, чѣмъ самъ онъ. Онъ отдалъ ему сухарь. Затѣмъ встрѣтился другой прохожій, онъ и тому отдалъ сухарь; задумался было надъ третьимъ, но сжалился и отдалъ послѣдній. Тогда старикъ наградилъ его торбою, прибавивъ:

«Лишь скажи, раскрывъ ее:
Въ торбу лѣзь!—и все твое!»

И вотъ онъ съ помощью этой торбы побѣждаетъ чертей въ разоренномъ и проклятомъ домѣ и захватываетъ въ нее даже самую смерть. Но старуха, которой наскучило жить, убѣждаетъ выпустить смерть на волю.

Разсказано живо и весело. На этотъ разъ характеръ стиховъ, довольно гладкихъ, вполнѣ гармонируетъ съ внутреннимъ содержаніемъ.

«*Емеля-дурачокъ*». Емеля-дурачокъ пошелъ за водою и поймалъ было щуку, но она убѣдила отпустить ее, наградивъ его магическимъ заклинаніемъ:

«Будь по щучьему велѣнью,
А по моему прошенію!»

Не впрокъ, однако, пошла эта наука дураку: не смотря на то, что «ведра сами шли домой», онъ умудрился разлить воду и разбить ихъ; не смотря на то, что топоръ самъ рубилъ дрова, онъ подвернулся подъ ударъ прямо въ лобъ и, наконецъ, усѣвшись въ саночки-самокаточки, онъ сдуру давилъ народъ, за что его жестоко поколотили.

Сказка передана также живо и удачно, какъ и предъидущая.

Мысль передѣлать народныя сказки стихами слѣдуетъ признать въ высшей степени удачной,—народъ и дѣти любятъ стихи даже плохіе,—но врядъ ли желательно развивать и воспитывать вкусъ ребенка на плохихъ стихахъ; а между тѣмъ немногіе, къ сожалѣнію, обладаютъ искусствомъ писать хорошими стихами.

Сказки г-на Водовозова являются какъ бы подражаніемъ сказкѣ «Конекъ-Горбунокъ» Ершова; написаны онѣ совершенно тѣмъ же размѣромъ, но далеко уступаютъ въ силѣ и простотѣ языка, картинности и близости къ народной рѣчи. Чтобы не быть голословными, приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ, показавшихся намъ особенно слабыми, но характеризующихъ, тѣмъ не менѣе, общій складъ рѣчи въ сказкахъ г-на Водовозова.

На стр. 12-й такъ описываются два даровитыхъ мальчика:

«Все, чему они учились,
Мы узнать не потрудились;
Но была молва о нихъ,
Что межъ хитростей другихъ
Вотъ на флейтѣ и свирѣли
Чудо какъ играть умѣли!
Заиграютъ:—и тоской
Сжалось сердце, самъ не свой,
Точно жмутъ тебя оковы.
Слезы вырваться готовы...»

На стр. 22-й послѣ колдовства злой царицы такъ передана сцена въ спальнѣ дѣтей:

«Онъ къ постелькѣ подбѣгаетъ,
Ихъ головки поднимаетъ;
Но ужъ комомъ. нежива
Упадаетъ голова».

На стр. 105-й такъ описывается подаяніе старику:

«Дай ему ты хлѣба край
Да укрой хотя въ сарай.
Къ богачу на дворъ забрелъ онъ,
И пришелся хлѣбъ-то солонъ!
Натравили злыхъ собакъ.
Угостили старца такъ».

На стр. 123-й такъ описываются отношенія отца къ дочери:

«Хоть и что неладно видитъ,
Нѣтъ, онъ дочку не обидитъ,
Чтобы цвѣтъ съ лица не спалъ:
Дочь такая—капиталъ!»

А о дочери, въ свою очередь, на стр. 130-й говорится слѣдующее:

«Дочь піявкою пристанетъ,
Броситъ только тутъ его,
Какъ ужъ высосетъ всего!»

На стр. 143-й приведено письмо Марка. Правда, онъ былъ пьянъ, диктуя его, но что же это за стихи!

«Ты подателя сего...
Ну, и больше ничего!
Значитъ, дѣлай, что онъ скажетъ,
Что податель сей прикажетъ...
Ну... и, значитъ, знаетъ онъ!
Сенѣ, Катѣ мой поклонъ...
Значитъ, всѣхъ благословляю,
Отъ души всего желаю...
Ну, и помни мой приказъ:
Катю выдай ты тотчасъ!»

Мы могли бы привести и еще нѣсколько выдержекъ, но считаемъ это излишнимъ. Дадимъ лучше мѣсто отзывамъ учениць. Прибавимъ, впрочемъ, что, не смотря на указанные нами недостатки, мы считаемъ сказки г. Водовозова пригодными для народной и школьной библіотеки.

Примѣчаніе. См. рец. «Страна» 26-го декабря 1882 г., № 152, стр. 4. «Русская Мысль» 1883 г., № 2, стр. 58.

Ученица воскресной школы, 18-ти л., очень, правда, взыскательная въ выборѣ чтенія, возвратила мнѣ *«Сказки въ стихахъ» Водовозова.*

— Ничего въ нихъ нѣтъ серьезнаго! сказала она, подавая книгу.

— Все поняли? спросила я.

— Нѣтъ, кое-чего не поняла!

— Чего же именно?

— Въ серебряной голубкѣ мнѣ интересно было знать, какого званія была сирота—простаго или царскаго рода? Вѣдь царямъ нельзя на простыхъ жениться?!...

— Ужъ этого и я не могу вамъ сказать навѣрное, отвѣчала я, заглянувъ въ книгу:—къ тому же это сказка!

Ученица немножко сконфузилась.

— А еще не поняла я, кто ему домъ построилъ—орелъ?—И она указала на сказку *«Орелъ и чудесный сундукъ».*

— А понимаете вы это четверостишіе? спросила я и прочла ей конецъ сказки, о которомъ упоминаю въ рецензіи.

— Нѣтъ, ни слова не могу объяснить! сказала ученица рѣшительнымъ тономъ.

— Доволенъ ли былъ мужичекъ сундукомъ, которымъ наградилъ его орелъ, и что̀ въ немъ заключалось? спросила я въ видѣ наводящаго вопроса.

— Нѣтъ, даже очень недоволенъ, отвѣчала ученица, какъ бы обижаясь за мужика:—онъ отперъ сундукъ:—какъ повалили оттуда мастеровые! Онъ и ахнулъ не успѣлъ, какъ они разбрелись. Орлу нужно было научить его, какъ ими владѣть. А то вотъ еще я не поняла, зачѣмъ Марко собакъ держалъ? Тамъ такъ сказано: «Марко добръ—собаки злы!» Развѣ это не отъ него зависѣло согнать ихъ со двора? Къ чему это?

«Иронія даетъ о себѣ знать!» подумала я и объяснила ученицѣ, въ чемъ дѣло.

— А то еще письмо, что онъ съ дороги написалъ,—ничего понять невозможно, ничего не разберешь!...

Ученица, перелистывая книгу, остановилась на сказкѣ «Солдатъ и чудесная торба» и сказала: — Вотъ это смѣшно по крайней мѣрѣ!... Впрочемъ, мнѣ рѣдко какая книга такъ чтобы очень понравилась! добавила она, вздохнувъ.

Я давала читать сказки Водовозова маленькой развитой дѣвочкѣ.

— Что-жъ тебѣ здѣсь понравилось? спросила я ее.

— Больше всего мнѣ понравилась «Серебряная голубка», отвѣчала она: — самая понятная.

— А что же непонятнаго есть въ другихъ? спросила я.

— Тогда замѣтила, а теперь не найду скоро, отвѣчала дѣвочка.

Мы стали искать вмѣстѣ, и мнѣ легко было найти, чего именно не поняла она. Это были все тѣ же мѣста, указанныя мною въ рецензіи.

Ученица лѣтъ 11-ти—12-ти подала мнѣ «Сказки» Водовозова.

— Какая сказка тебѣ больше всего понравилась? спросила я.

— Всѣ хорошо понравились, отвѣчала дѣвочка:—а лучше всѣхъ «*Серебряная голубка*».

— А что это значитъ? спросила я, отыскивая извѣстное окончаніе сказки «*Орелъ и сундукъ*» и желая еще разъ удостовѣриться, въ силахъ ли наши читатели постигнуть его смыслъ:

«А у насъ вѣдь вотъ порядки,
На свою корысть мы падки;
Вамъ меня бы поучить,
Какъ мірскимъ умомъ-то жить!»

Дѣвочка задумалась.—Это поговорка такая, сказала она нерѣшительно.

— Что же означаетъ эта поговорка?

— Мужикъ говоритъ: «какъ бы я умный былъ, я не раскрывалъ бы сундука, не распустилъ бы ихъ».

Любимая сказка дѣтей—«Голубка». *X. А.*

344) **Конекъ-Горбунокъ.** Русская сказка. Соч. П. Ершова. Изд. 11-е (съ 7-ю рисунками и портретомъ автора). Спб. 1883 г. Ц. 40 к. 118 стр.—Изд. 12-е, 1886 г.

Сказка «Конекъ-Горбунокъ» написана много лѣтъ назадъ и, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ читается дѣтьми и взрослыми съ величайшимъ наслажденіемъ и занимаетъ почетное мѣсто въ народной литературѣ. Герой ея — Иванушка-дурачекъ по прежнему пользуется симпатіями своихъ читателей; по прежнему они волнуются надъ вопросомъ, одолѣетъ ли онъ новое препятствіе, и радуются его труднымъ побѣдамъ. Не менѣе симпатиченъ и его вѣрный другъ, конекъ-горбунокъ, маленькій и непоказный по виду, но полный энергіи и самоотверженной преданности. Послѣ ряда препятствій и чудесъ Иванушка достигаетъ полнаго благополучія, что̀ обыкновенно весьма радуетъ его многочисленныхъ почитателей.

Сказку эту мы рекомендуемъ въ народную и школьную библіотеку.

Вопросы:

Какъ относились братья къ Иванушкѣ?

Какая изъ трехъ лошадей была лучше и почему?

Высчитайте достоинства конька-горбунка.

За что царскій слуга возненавидѣлъ Ивана?

Справедливо ли поступалъ царь по отношенію къ Ивану?

Хорошо ли было бы съ его стороны вступить въ бракъ съ 15-ти-лѣтней царевной?

Желалъ ли Иванъ кому нибудь зла?

Чѣмъ судьба наградила его за его доброту?

X. А.

Маленькая дѣвочка подала мнѣ «*Конекъ-Горбунокъ*» и съ умиленіемъ сказала:—Вотъ интересная книжечка! Нѣтъ ли еще такой?

— Что же тебѣ въ ней больше всего понравилось? спросила я.

— Конекъ-горбунокъ, отвѣчала дѣвочка:—онъ хотя некрасивый былъ, такъ очень добрый; онъ дѣлалъ все для Иванушки и умный былъ!

— А скажи мнѣ, за что царскій слуга возненавидѣлъ Ивана? спросилъ я.

— Боялся, чтобы царь не полюбилъ его и старшимъ не назначилъ, отвѣчала дѣвочка.

— А справедливо ли поступалъ царь съ Иванушкой?

— Нѣтъ, онъ все напрасно съ него взыскивалъ! А позвольте мнѣ лучше разсказать все подъ рядъ, сказала она.

Я позволила, и она дѣйствительно разсказала послѣдовательно, картинно и съ большимъ увлеченіемъ все подъ рядъ.

Отзывовъ въ этомъ родѣ намъ приходилось выслушивать весьма много.

345) **Конекъ-Горбунокъ**. Сказка для дѣтей въ 3-хъ частяхъ. Подражаніе сказкѣ Ершова. Сочиненіе Рости—ва Ступи—на. Кіевъ 1879 г. Ц. 60 к. 94 стр.

Это неудачное подражаніе занимаетъ 94 страницы и снабжено 4-мя плоховатыми картинками. Издано въ высшей степени безграмотно, ошибокъ—нѣсть числа: *глядить*, *молчить*, *паръня*, *безъ затей*, *караюха* (вмѣсто краюха), *чупъ* (вмѣсто чубъ), *речь*, *скорей* и проч. Принять ихъ за опечатки невозможно—такъ ихъ много, такъ часто онѣ повторяются, такъ гармонируютъ со всей остальной обстановкой сказки.

Возьмемъ, напр., хотя слѣдующее четверостишіе:

«Но Иванъ нашъ не изъ тѣхъ,
Онъ изъ силъ своихъ тутъ всѣхъ
Въ хвостъ вцѣпился ей рукой,
А въ загривокъ-то другой».

Не правда ли, какъ это поэтично? Риѳмами авторъ тоже не стѣсняется; вотъ что, напр., онъ считаетъ риѳмою:

«Что, разинувъ рты свои,
Стали будто бы нѣмы?»

Однимъ словомъ, книга эта совершенно непригодна для народной библіотеки.

Х. А.

---

346) **Сказка о Конькѣ-Горбункѣ** (подражаніе Ершову). Русская сказка въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 7-е. Москва. 1880 г. Изд. Морозова. Ц. 5 к. 36 стр.

Судя по началу, можно думать, что она только сокращена, такъ какъ первыя 2 стр. выхвачены цѣликомъ изъ сказки Ершова; но съ тѣхъ поръ, какъ составитель ея говоритъ: «Свою сказку такъ писалъ, такъ ее передавалъ знаменитый нашъ Ершовъ»—начинаются его собственныя измышленія; нельзя, однако, не признать, что сказка эта имѣетъ полное право на конкуренцію съ кіевскимъ изданіемъ—и даже на побѣду, такъ какъ, во 1-хъ, въ ней встрѣчается несравненно менѣе грамматическихъ ошибокъ; во 2-хъ, стихи ея несравненно благозвучнѣе и, въ 3-хъ, она стоитъ не 60 к., а пятачекъ. *Х. А.*

---

347) **Котъ въ сапогахъ**. Изд. общ. распр. полезн. книгъ. № 357. Москва 1882 г. Ц. 10 к. 23 стр.

На 23-хъ страничкахъ малаго формата разсказана извѣстная сказка: «Котъ въ сапогахъ». Печать крупная. Сказка снабжена 6-ю весьма недурными картинками, которыя очень занимаютъ дѣтей. Разсказъ ведется довольно живо, и хотя мы предпочитаемъ сказку Жуковскаго, написанную стихами, но не можемъ не рекомендовать въ школьную библіотеку и этой книжечки, написанной просто и изданной весьма опрятно.

Подробную рецензію на сказку «Котъ въ сапогахъ» читатель найдетъ въ № 330.

Х. А.

---

348) **Три медвѣдя**. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Сказка съ нѣмецкаго. Москва 1881 г. Ц. 10 к. 19 стр.

Очень просто и живо на 19 страничкахъ крупнаго шрифта разсказано слѣдующее. Шалунья Бѣлокурка, непослушная дѣвочка, ушла въ лѣсъ и забрела нечаянно въ жилище трехъ медвѣдей: старшаго, г. Таптыгина, г-жи Маланьи, жены его, и маленькаго Мишука, любимца обоихъ. Медвѣдей дома не было, а дѣвочка съѣла Мишуткинъ супъ, сломала его стульчикъ и затѣмъ крѣпко заснула на его маленькой постелькѣ. Усталые и голодные возвратились хозяева домой и, видя безпорядокъ, стали искать виновника. Мишукъ первый наткнулся на шалунью, спавшую на его кроваткѣ, и ревомъ разбудилъ ее. Дѣвочка вскакиваетъ, съ ужасомъ видитъ передъ собою три пары медвѣжьихъ глазъ, но присутствіе духа не покидаетъ ея: она бросается въ открытое окно и бѣжитъ безъ оглядки.

Этотъ случай исправляетъ ее, и она становится благоразумной и послушной.

Дѣтямъ очень нравится эта сказочка; ихъ занимаетъ и картинка на заглавномъ листѣ, и вопросъ: въ чемъ одѣты медвѣди, и Мишуткинъ стулъ, и Мишуткина кроватка, но я ни разу не слыхала ихъ изъ устъ морали. Напротивъ, они очень симпатизируютъ маленькой шалуньѣ и очень боятся за нее. Сошлюсь на примѣръ.

ВЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ.

Дѣти съ большимъ оживленіемъ передали мнѣ сказку «*Царевна-лягушка*». Отъ «Царевны-лягушки» мы перешли къ сказкѣ «*Три медвѣдя*». Тутъ дѣтскія лица положительно просіяли улыбкой. Разсказывали наперерывъ и о большомъ медвѣдѣ, г. Таптыгинѣ, и о женѣ его Маланьѣ; но кто пользовался исключительнымъ интересомъ, такъ это маленькій медвѣдь Мишукъ. Была высказана боязнь за непослушную дѣвочку, которая забрела невзначай въ медвѣжью берлогу.—Я такъ и думалъ, что они съѣдятъ ее, какъ воротятся, говорилъ одинъ изъ мальчиковъ: — а Таптыгинъ самъ нечаянно отворилъ окошко; она и выскочила, а они тогда зачали ее ругать въ окошко!

Остальные слѣдили за разсказомъ товарища, и дружный смѣхъ былъ выраженіемъ того, что всѣ боялись за дѣвочку и всѣ обрадовались ея чудесному избавленію. Допустимъ же въ нашу библіотеку эту безсодержательную, но любимую дѣтьми сказочку за то, по крайней мѣрѣ, что она вызываетъ доброе чувство радости за спасеніе ближняго; пусть это будетъ ея моралью!

Маленькая дѣвочка лѣтъ 9-ти отлично передала мнѣ сказку «*Три медвѣдя*».

— Кто же тебѣ изъ нихъ больше всѣхъ понравился? спросила я шутя.

— Господинъ Таптыгинъ, отвѣчала она такъ серьезно, какъ будто рѣчь шла о какомъ нибудь важномъ баринѣ.

Впрочемъ, книжечка эта настолько любима, что иныя изъ дѣтей даютъ ей свои клички; такъ, сегодня одна изъ маленькихъ ученицъ, подавая мнѣ ее, сказала, указывая на картинку: — Вотъ это г. Таптыгинъ, а это— маленькій Таптыжка, сынокъ его.

Сказочка эта пригодна для маленькихъ дѣтей.

Х. А.

---

349) **Марко богатый**. Русская сказка въ 2-хъ частяхъ. Соч. Александра Папкевича. Спб. 1879 г. Ц. 30 к. 65 стр.

Это та же тема, которую встрѣчаемъ мы въ сказкахъ г. Водовозова, даже размѣръ стиховъ тотъ же — стиховъ далеко не звучныхъ и не гармоническихъ. Вотъ почему мы находимъ возможнымъ разсмотрѣть ихъ сравнительно. Сказка Папкевича занимаетъ столько же страницъ, какъ и сказка г. Водовозова, но она несравненно богаче приключеніями. Водовозовъ отправляетъ своего героя на заводъ и спасаетъ его вполнѣ реальнымъ путемъ: онъ опаздываетъ; Марка же принимаютъ за него и бросаютъ въ чанъ съ кипящею смолой. У Папкевича Марко отправляетъ Ѳому къ людоѣду-чародѣю, и путь его полонъ разнообразныхъ приключеній: вотъ встрѣчаетъ онъ чудеснаго старца, который даетъ ему добрый совѣтъ; затѣмъ, перейдя къ переправѣ, видитъ въ челнокѣ вѣчнаго перевозчика, томящагося своимъ грустнымъ положеніемъ и просящаго его узнать у людоѣда, долго ли ему еще томиться; затѣмъ примѣчаетъ человѣка

«Съ яхонтовой головой,
Изумрудными глазами
И алмазными зубами».

Онъ молитъ его о томъ же. Наконецъ онъ попадаетъ въ ужасное царство гадовъ, змѣй и чудовищъ, царство людоѣда-чародѣя, и врядъ ли сдобровать бы тутъ молодцу, еслибы жена людоѣда не оказалась его землячкой, несчастной плѣнницей чародѣя. Сочувствуя всѣмъ сердцемъ милому соотчичу, она превращаетъ его въ булавочную головку и прячетъ въ свою густую косу. Тутъ онъ подслушиваетъ разговоръ людоѣда съ супругой и узнаетъ необходимыя ему тайны. На возвратномъ пути на новый вопросъ яхонтоваго человѣка, долго ли ему томиться, Ѳома сбиваетъ его палкой съ мѣста, и онъ разсыпается множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Ѳома набираетъ ихъ, сколько можетъ захватить, и идетъ далѣе. Затѣмъ онъ встрѣчается съ перевозчикомъ и открываетъ ему тайну передачи весла, выйдя на берегъ, чтобы не подвергнуться тѣмъ же безконечнымъ страданіямъ, и, наконецъ, возвратясь домой, докладываетъ Марку, какимъ количествомъ богатствъ обладаетъ онъ. Завидуя драгоцѣнностямъ, привезеннымъ Ѳомою, и желая добыть ихъ тѣмъ же путемъ, Марко предпринимаетъ путешествіе по направленію къ изумрудовому человѣку, но, прежде чѣмъ достигнуть желанной цѣли, онъ встрѣчается на рѣкѣ съ вѣчнымъ перевозчикомъ; тотъ вручаетъ ему заколдованное весло, и Марко замѣняетъ его навѣки.

Сказка г. Папкевича несравненно ближе къ подлиннику, записанному въ Лукоя-

новскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., въ селѣ Гавриловѣ (книга III «Русск. народн. сказки» Аѳанасьева: «Марко богатый и Василій безсчастный», стр. 109); въ ней вполнѣ сохраненъ фантастическій элементъ народнаго творчества; вотъ почему, вѣроятно, на вопросъ: «какая изъ двухъ сказокъ про Марка богатаго вамъ больше нравится—Водовозова или эта?» — намъ много разъ приходилось получать въ отвѣтъ отъ взрослыхъ учениць: «Эта гораздо интереснѣе», и затѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе, начинался перечень фантастическихъ событій, которыя г. Водовозовъ счелъ почему-то необходимымъ опустить.

Сказка эта пригодна для народной и школьной библіотеки.

Х. А.

«ДѢТСКІЯ СКАЗКИ».

22 тетради большаго формата, состоящія изъ 6 художественно исполненныхъ хромолитографированныхъ картинокъ и нѣсколькихъ страницъ текста каждая. Цѣна по 35 к.

350) **Золушка.** Лейпцигъ. Въ типографіи Бэра и Германа. Ц. 35 коп. 4 стр.

На четырехъ страницахъ большаго формата разсказана одна изъ популярнѣйшихъ сказокъ—«Золушка» («Замарашка» тожъ),—разсказана просто, живо и понятно; но не въ разсказѣ тутъ собственно суть, а въ 6-ти большихъ, яркихъ, выразительныхъ картинкахъ, приводящихъ дѣтей въ совершенный восторгъ. Кто видѣлъ этотъ восторгъ, тотъ проститъ книгѣ и краткость содержанія, и нѣкоторую шероховатость перевода, и относительно дорогую цѣну—35 к. (хотя, впрочемъ, съ французскимъ текстомъ она продается за 45 к.). Мнѣ пришлось прочитать эту книгу въ воскресной школѣ, въ группѣ дѣтей отъ 9-ти до 11-ти л. Прежде всего самая обложка возбудила общій интересъ; дѣти скучились вокругъ книги, и не было, повидимому, никакой возможности водворить дисциплину и усадить ихъ чинно на мѣста, къ чему я, впрочемъ, и не прибѣгала, чувствуя, что это значило бы употребить насиліе, тѣмъ болѣе, что это былъ не урокъ, а чтеніе послѣ классовъ, когда въ дѣтяхъ замѣчается нѣкоторое утомленіе. Предположеніямъ не было конца. — Знаю, знаю — это котъ въ сапогахъ! кричала одна, указывая съ восторгомъ на кота, натягивающаго сапогъ съ краснымъ голенищемъ. — А вонъ «Спящая царевна», говорила другая:—читала я ее, прошлый разъ брала! — А вонъ «Мальчикъ-съ-пальчикъ»—видишь? и т. д. Наконецъ нашлась какая-то благоразумная, которая замѣтила тономъ укоризны: — Будетъ вамъ! читать будутъ!

Я начала читать, но картинка опять помѣшала чтенію. — Это мачиха или старшая сестра? спрашивала одна.—А Золушка какая акуратненькая! говорила другая, видимо симпатизируя Золушкѣ съ 1-й же страницы и не зная, что бы сказать въ ея пользу.—Она и красивѣе ихъ! Какъ онѣ поодѣвались хорошо, такъ имъ, значитъ, и можно веселиться, а ей, бѣдненькой, нѣтъ! замѣтила при чтеніи 2-й страницы одна изъ слушательницъ, соболѣзнуя о томъ, что Золушку не взяли на балъ

Чудо съ дыней и мышеловкой привело дѣтей въ совершенный восторгъ. Картинки 4-я и 5-я—поѣздка ея въ каретѣ и появленіе на балу—опять помѣшали чтенію.

Обстоятельство, какъ бы Золушка не прослушала ударовъ полночи и не превратилась вновь въ замарашку на балу, возбудило общую тревогу.—Вотъ, не дай Богъ, какъ она *запомнитъ* *)! говорила одна. — Вотъ какъ начнетъ бить! говорила другая. — Слушайте, тогда узнаете! унимала дѣтей опять та же благоразумная дѣвочка: — и сами не слушаютъ, и другимъ не даютъ! закончила она внушительно. Дѣти боязливо взглянули на меня и притихли; но новая картинка и примѣриванье хрустальнаго башмачка возбудили снова волненіе.

По окончаніи сказки одна изъ нихъ сказала:—Какъ жалко, что такъ мало написано.

— А какая она была добрая! замѣтила другая: — онѣ ей сколько зла причинили, а она все позабыла!

— А я это самое въ циркѣ Годфруа видѣла на праздникахъ, замѣтила еще одна дѣвочка: — только тамъ это «Сандрильона» называлося, и она была не сестра, а служанка.

— Хорошо! замѣтилъ еще кто-то съ чувствомъ.

---

*) Запомнитъ — значитъ: забудетъ—на нашемъ мѣстномъ нарѣчіи.

У насъ оставалось время, и потому мы прочли еще:

351) **Красную-Шапочку**; то же изданіе—Лейпцигъ, въ типографіи Бэра и Германа; та же цѣна 35 коп.; тѣ же картинки и тотъ же всеобщій восторгъ; только больше тревоги и боязни за героиню.

Когда волкъ надѣлъ чепецъ и кофту бабушки, а Красная-Шапочка дернула за веревку, со всѣхъ сторонъ послышалось: — Ой, ой, ой!

Одна дѣвочка, взглянувъ на картинку съ изображеніемъ того, какъ волкъ проглатываетъ бабушку, зажмурила глаза отъ страха.

— Не бойся! все хорошо кончится! сказала другая:—я читала!—И когда дѣйствительно все хорошо кончилось, дѣти были въ восторгѣ. Каждая просила дать ей книгу на домъ, чтобы еще прочесть и показать дома картинки; но такъ какъ книга была одна, а ихъ много, то и не пришлось удовлетворить этого желанія. Къ тому же, на поляхъ я дѣлала замѣтки карандашемъ для рецензіи.

352) Сказку **Ваня и Маша** мы встрѣчаемъ въ *Сборникѣ сказокъ братьевъ Гриммовъ, пересказанныхъ дядею Павломъ (съ 42 картинками)*; тамъ она названа «*Гриша и Маша*». Оба текста весьма сходны, если не считать такихъ мелочей, какъ то, что въ лейпцигскомъ изданіи избушка построена изъ пряниковъ, а у Гримма—изъ хлѣба; вмѣсто лебедя является уточка и т. п. Мы сослались на текстъ братьевъ Гриммовъ потому, что сказки эти изданы давно, пользуются извѣстностью, и сравненіе съ ними можетъ служить нѣкотораго рода оцѣнкой.

Дѣти слушали съ величайшимъ интересомъ и то, какъ мачиха дѣтей въ лѣсъ завела, чтобы ихъ волки съѣли, и какъ умный Ваня набралъ полный карманъ камешковъ и бросалъ ихъ по дорогѣ, чтобы слѣдъ отъ дома оставался, и какъ мачиха вторично отвела дѣтей въ лѣсъ, и какъ набрели они тамъ на избушку, которая была вся выстроена изъ пряниковъ, крыша ея была изъ миндальныхъ корокъ, а вмѣсто стеколъ былъ вставленъ леденецъ въ рамкахъ изъ шоколада.

Нужно знать дѣтей, чтобы повѣрить, въ какой восторгъ привело это почтеннѣйшую публику. Вызвало также большую радость то обстоятельство, что бѣдной Машѣ удалось спасти себя и брата отъ злой вѣдьмы, собиравшейся изжарить и съѣсть дѣтей. Въ моментъ, когда колдунья показываетъ Машѣ, какимъ образомъ слѣдуетъ влѣзать въ печь, а смѣлая дѣвочка неожиданно прихлопываетъ ее заслонкой, одна изъ учениць вскрикнула радостно: — Вотъ слава Богу, что она такая маленькая, а умнѣе большой вышла!

По окончаніи чтенія Гр—ва сказала, вздохнувъ:—Вотъ это какъ про меня написано: и Маша я также, и мачиха у меня! — Развѣ недобрая? спросила я, боясь утвердительнаго отвѣта.—Нѣтъ, ничего, сказала дѣвочка:— когда взыщетъ, когда нѣтъ!

Я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы поговорить съ дѣтьми о томъ, что не всегда мачихи бываютъ злыя, и не слѣдуетъ воображать себя несчастными жертвами, если это не такъ на самомъ дѣлѣ.

Въ сказкѣ 6 картинокъ, какъ и въ другихъ.

353) **Братецъ и сестрица**. Ту же тему мы встрѣчаемъ и у братьевъ Гриммовъ, и въ «*Народныхъ русскихъ сказкахъ Аѳанасьева*», кн. II, стр. 507, подъ названіемъ «*Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка*». Настоящій варіантъ несравненно ближе къ сказкамъ братьевъ Гриммовъ, чѣмъ къ сборнику Аѳанасьева. Приключенія братца и сестрицы оказались знакомы всѣмъ дѣтямъ; тѣмъ не менѣе, они усиленно просили продолжать читать, предсказывали, что̀ должно сейчасъ случиться, любовались картинками и вообще были весьма счастливы. Серну они называли все время «*онъ*», не забывая, слѣдовательно, что это въ сущности — братецъ, хотя злая колдунья и превратила его въ животное.

Предполагая, что читатели помнятъ эту популярную сказку, мы считаемъ излишнимъ передавать ея содержаніе.

354) **Три брата**. Ту же сказку значительно видоизмѣненною встрѣчаемъ мы у братьевъ Гриммовъ подъ заглавіемъ: «*Сказка о столикѣ, ослѣ и дубинкѣ*». Считая излишнимъ вдаваться въ подробности и опредѣлять, въ чемъ именно заключается эта разница, мы ограничимся краткою передачею содержанія разсматриваемой нами сказки.

Три брата разбрелись въ разныя стороны искать счастія по свѣту. Одному достался «*Столикъ, накрывайся*», другому «*Ослинушка, протянись*», изввергающій изъ себя золото, а третьему, дурачку,—«*Кнутикъ, вылѣзай изъ мѣшка*». Два старшихъ брата прозѣвали свое достояніе: хитрый трактирщикъ ловко подмѣнилъ и столикъ, и осла; когда же чередъ дошелъ до кнутика, на который алчный хозяинъ возъимѣлъ тѣ же виды, онъ выскочилъ и началъ бить его до тѣхъ поръ, пока пострадавшій не поклялся дурачку возвратить и столикъ, и осла, лишь бы избавиться отъ погибели.

Само собою разумѣется, что сказочка эта очень и очень понравилась дѣтямъ. Много

было смѣха, особенно съ дубинкой. Взглянувши на картинку, на которой изображена дубинка и трактирщикъ съ искривившимся лицомъ и разинутымъ ртомъ, одна дѣвочка воскликнула: — Ай, ай, ай, какъ онъ кричитъ!—точно будто она слышала его голосъ. Весьма жаль, что на страницахъ этого изданія попадаются время отъ времени мѣста, свидѣтельствующія о плохомъ переводѣ, какъ, напр.: «На своемъ пути онъ долго не нуждался защиты».

355) **Волкъ и семеро козлятъ** и **Богъ повсюду.** Въ настоящей книжкѣ заключается 2 разсказа. 1-й изъ нихъ мы встрѣчаемъ у Гриммовъ, подъ названіемъ: «*Сказка о волкѣ и семерыхъ козлятахъ*». Оба варіанта чрезвычайно сходны. При началѣ чтенія одна изъ ученицъ сказала, указывая на сосѣдокъ:— Вотъ мы трое знаемъ эту сказку, въ школѣ читали, въ 1-й ч. Ушинскаго «Родное Слово»; только тамъ немножко не такъ; тамъ пѣсня лучше, складнѣе,—и дѣвочка начала декламировать съ чувствомъ:—«Ваша мать пришла, молочка принесла»....

— Такъ, можетъ быть, прочтемъ другую? спросила я.

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчала горячо дѣвочка:— эта хорошая, читайте, читайте, я хоть сколько буду ее слушать!

Зная, что всѣ учителя знакомы съ 1-й ч. «*Роднаго Слова*» Ушинскаго, мы считаемъ излишней передачу содержанія этой сказочки.

2-й разсказъ—«*Богъ повсюду*» мы встрѣчаемъ въ «*Дѣтскомъ Мірѣ*» Ушинскаго (Хрестоматія, отд. I, стр. 4: «*Братъ и сестра*»), гдѣ онъ является несравненно болѣе симпатичнымъ:

«Сережа и Аннушка остались дома одни, и братъ сказалъ сестрѣ: «Пойдемъ, поищемъ, не осталось ли въ домѣ чего либо вкуснаго, и полакомимся».—«Еслибъ ты повелъ меня въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не увидитъ, то, пожалуй, я пошла бы съ тобою», отвѣчала Аннушка.—«Пойдемъ въ кладовую; тамъ мы найдемъ что нибудь хорошенькое, и никто насъ не увидитъ».—«Нѣтъ, Сережа, тамъ можетъ увидѣть насъ сосѣдъ; онъ колетъ на дворѣ дрова». Затѣмъ дѣти хотѣли пойти въ кухню, но тамъ могла увидѣть сосѣдка; наконецъ лакомка Сережа предложилъ пойти въ погребъ, говоря, что тамъ никто не увидитъ. Аннушка напоминаетъ ему о Всевидящемъ Богѣ и заключаетъ свою рѣчь такъ: «Ни наединѣ, ни въ темнотѣ не должны мы дѣлать ничего такого, чего не смѣли бы сдѣлать при другихъ и при свѣтѣ». Въ разбираемомъ же нами разсказѣ «молнія освѣтила погребъ, и большой черный человѣкъ представился глазамъ испуганнаго Вани. Онъ сѣлъ насупротивъ его и пристально смотрѣлъ на него глазами, пылающими отъ гнѣва»,

«Мамаша строго наказала Ваню», и изъ Вани вышелъ «*добрый и хорошій человѣкъ*».

356) **Спящая красавица** весьма близка къ «*Сказкѣ о спящей царевнѣ*» Жуковскаго *), а потому мы считаемъ излишнимъ передавать ея содержаніе; замѣтимъ только, что, находясь въ школьной библіотекѣ, книга эта можетъ служить интересной иллюстраціей для дѣтей къ тексту Жуковскаго, точно также какъ «Бѣлоснѣжка» — къ «Сказкѣ о мертвой царевнѣ» Пушкина. Текстъ ея также весьма близокъ къ сказкѣ Пушкина, если не брать во вниманіе такихъ незначительныхъ варіантовъ, какъ замѣна семи благодѣтельныхъ богатырей семью благодѣтельными карлами и т. п. Но насколько дѣти чутки къ пониманію прекраснаго—можно заключить изъ того, что даже яркія картинки не подкупаютъ ихъ настолько, чтобы позабыть благозвучность сказки Пушкина, и когда мы дошли до плохаго перевода вмѣсто его звучныхъ стиховъ, въ которомъ говорится: «Зеркальце, зеркальце передо мной, скажи мнѣ всю правду, не я ли на свѣтѣ всѣхъ красивѣе, румянѣй и бѣлѣе?»—дѣти закричали:—Не такъ! не такъ!— А Х—ая начала декламировать съ паѳосомъ: «Свѣтъ мой, зеркальце, скажи!» и т. д. Но, конечно, картинки тоже берутъ свое. Сегодня болѣе благоразумныя дѣти внесли предложеніе: разсматривать картинки по окончаніи чтенія сказки, чтобы не производить безпорядка; я согласилась; но, во 1-хъ, они сами не выдерживали и заглядывали тайкомъ искоса, а во 2-хъ, оказалось, что предложеніе это было слѣдствіемъ того, что при такихъ условіяхъ дольше позволяютъ разсматривать картинки.

357) Сказка **Бѣлоснѣжка** вызвала много замѣчаній вообще: сравнивали ее и съ «Мертвою царевною», сердились на зеркальце, особенно когда оно выдало ея мѣстожительство у добрыхъ карловъ.—Вотъ противное! сказала Б—ва:—хоть бы его разбилъ кто нибудь.— Она его разобьетъ, отвѣчала Г—ва:—только не за тѣмъ, а съ досады!—Удивлялись, что отравленному яблоку предшествовалъ корсетикъ, которымъ злая мачиха такъ зашнуровала падчерицу, что та упала замертво (чего нѣтъ у Пушкина); затѣмъ отравленной гребенкѣ; наконецъ, когда Бѣлоснѣжка въ третій разъ ослушалась совѣтовъ карловъ и приняла

*) См. № 328.

отъ колдуньи яблоко, одна изъ маленькихъ ученицъ воскликнула съ непритворной боязнью за нее:—Вотъ еще, ей Богу, какая непослушная!—Тебя бы одну посадить, отвѣчала другая постарше:—это хоть кому наскучитъ.

У Пушкина мачиха кончаетъ такъ: «Тутъ ее тоска взяла, и царица умерла». Въ настоящемъ же изданіи ее ждутъ желѣзныя раскаленныя туфли, и она пляшетъ до тѣхъ поръ, пока падаетъ мертвою. Варіантъ этотъ чрезвычайно непріятенъ, но на дѣтей это не производитъ такого впечатлѣнія.—Такъ ей и надо! сказали многія изъ нихъ, дослушавъ сказку до конца и торжествуя побѣду свѣтлой силы надъ темною.

358) **Котъ въ сапогахъ** также можетъ служить иллюстраціей къ сказкѣ Жуковскаго *); оба текста весьма сходны по содержанію, точно также какъ и текстъ *«Волшебныхъ сказокъ» Перро, въ переводѣ Тургенева.*

По окончаніи чтенія я предложила дѣтямъ нѣсколько вопросовъ.

— Чѣмъ достигалъ котъ своихъ цѣлей? спросила я.

Дѣти задумались.

— Онъ хитростью бралъ! сказала Х—ая.— Онъ постоянно очень хитрый! замѣтила Гр—ва.—Такъ притворится, что и не поймешь! добавила Г—ва.—Онъ насчетъ мышей ужасъ какой хитрый! замѣтила еще одна маленькая дѣвочка.

— А зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ? спросила я.

— Все для своего господина, отвѣчали дѣти наперерывъ:—чтобъ доставить ему счастье!—Онъ былъ для него утѣшителемъ! — Ему было жалко его, что ничего ему не досталось! — Онъ какъ обѣщалъ, — слово свое сдержалъ! заключила послѣдняя.

359) **Мальчикъ съ пальчикъ**. Сюжетъ весьма сходенъ со сказкою, помѣщенною въ *«Волшебныхъ сказкахъ» Перро*. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ. Нужда заставила несчастныхъ родителей отвести своихъ семерыхъ дѣтей и бросить въ лѣсу, но «мальчикъ съ пальчикъ» выходитъ побѣдителемъ изъ всѣхъ препятствій. Попавъ къ людоѣду, онъ подмѣняетъ ночью головные уборы его дочерей, и тотъ, принимая ихъ за бѣдныхъ дѣтей, искавшихъ у него пріюта, зарѣзываетъ ихъ въ потьмахъ. Затѣмъ злодѣй летитъ въ погоню за мальчиками, засыпаетъ на дорогѣ, а «мальчикъ съ пальчикъ» ловко стаскиваетъ съ него семимильные сапоги и прибываетъ благополучно домой. Въ этихъ сапогахъ онъ выполняетъ различныя царскія порученія и щедро награждается царемъ.

Больше всего дѣтей заинтересовали сапоги; они разсматривали ихъ на всѣхъ картинкахъ съ величайшимъ вниманіемъ. Младшія изъ дѣтей не знали, что такое «миля»; зато старшія, окончившія курсъ въ ежедневной школѣ, разъяснили съ достоинствомъ: — Миля—это семь верстъ!

— Вотъ слава Богу, что они разбогатѣли, сказала одна изъ дѣвочекъ.

— Да они всегда были богаты! замѣтила, улыбаясь, Х—ая.

— Чѣмъ? спросила та съ удивленіемъ.

— Дѣтьми! отвѣчала Х—ая.—Выростутъ— работники будутъ! добавила она.

— Дожидайся, когда ѣсть нечего! вступилась Г—ва.

360) **Бѣгъ въ запуски между зайцемъ и ежомъ.** Басня о томъ, какъ глупый заяцъ тщеславился передъ ежомъ, и какъ тотъ хитростью выигралъ пари. Онъ придумалъ посадить на мѣсто, назначенное цѣлью бѣга, свою супругу, какъ двѣ капли воды похожую на него, и каждый разъ, какъ глупый заяцъ дѣлалъ кругъ и добѣгалъ до этого мѣста, супруга говорила: «Вотъ я здѣсь!» — Такимъ образомъ ежъ загналъ зайца до смерти. Затѣмъ слѣдуетъ соотвѣтствующее нравоученіе.

Дѣти слушали эту басенку съ величайшимъ интересомъ. По окончаніи чтенія Г—ва сказала: — Это часто такъ бываетъ: описываются какъ будто бы животныя, а между тѣмъ человѣкъ.

— А за что былъ наказанъ заяцъ? спросила я.

— Чтобъ не форсилъ передъ другими! отвѣчала Х—ская.

— А почему ежъ выигралъ споръ?

— Онъ былъ умнѣе и хитрѣе! отвѣчала Г—ва:—такъ и между людьми въ родѣ этого бываетъ, добавила она: — иной большой ростомъ человѣкъ да глупый, а другой—видѣть нечего да умный. (Ту же тему мы встрѣчаемъ во 2-й «Русск. книгѣ для чтенія» Л. Н. Толстаго, стр. 40).

361) **Храбрый портнишка.** Портнишка былъ уменъ и хитеръ. Онъ убилъ семь мухъ, а придумалъ для устрашенія людей вышить на поясѣ надпись: «семерыхъ уложилъ на одинъ взмахъ»,—и пошелъ путешествовать. Хилый и худой, онъ, тѣмъ не менѣе, побѣждаетъ, благодаря своей ловкости, двухъ великановъ, ловитъ единорога, заманиваетъ хитростью кабана въ часовню, приводитъ въ трепетъ

*) См. № 330.

царскую стражу и достигаетъ богатства и почестей.

— Хоть худенькій, а храбрый! замѣтилъ кто-то изъ дѣтей по окончаніи чтенія.

Здѣсь мы опять не можемъ не остановиться и не указать съ сожалѣніемъ на грубыя ошибки перевода: «Его почти *не можно* было разглядѣть» (стр. 2). «Они такъ *ему* перепугались» (стр. 3). «Онъ сказалъ своимъ *попутникамъ*» (стр. 4) и т. п.

Пестрая виньетка, о которой мы упоминали вначалѣ, составляетъ принадлежность упомянутыхъ 12 выпусковъ лейпцигскаго изданія; остальные 10 снабжены другою виньеткой — женской фигурой въ коронѣ и съ вѣткой лилій въ рукѣ. Послѣдняя меньше нравится дѣтямъ, но зато картинки послѣдующихъ 10 выпусковъ отличаются болѣе тщательной отдѣлкой и большей гармоніей красокъ.

Для дѣтей, впрочемъ, разница эта оказывается незамѣтною. Скажемъ кстати: ихъ вкусъ имѣетъ свои особые законы: наброскомъ, какъ бы ни былъ хорошъ онъ, вы не привлечете вниманія ребенка; это для него то же, что отрывокъ художественнаго произведенія, котораго онъ не въ силахъ оцѣнить. Онъ желаетъ, чтобы все было ясно, опредѣленно, закончено; воображеніе его требуетъ яркихъ красокъ, и если всѣ эти требованія удовлетворены не въ ущербъ законамъ эстетики, намъ ничего не остается желать. Вотъ почему, придавая подобнымъ картинкамъ воспитательное значеніе и встрѣчая ихъ такъ рѣдко въ изданіяхъ, не превышающихъ рубля, мы позволили себѣ остановиться на этихъ лейпцигскихъ изданіяхъ, не смотря на заурядность ихъ сюжетовъ, которые попадаются во многихъ дѣтскихъ книгахъ, и на неудовлетворительный переводъ.

Впрочемъ, если съ одной стороны подобная заурядность сюжетовъ нежелательна, зато съ другой, повторимъ еще разъ, книга можетъ служить иллюстраціей къ популярнымъ произведеніямъ другихъ авторовъ. Возьмемъ, напримѣръ:

362) **Счастливецъ Ваня**. Тотъ же сюжетъ мы встрѣчаемъ въ «Родномъ Словѣ» Ушинскаго, ч. 1, стр. 71, подъ заглавіемъ «Мѣна»; въ «30-ти лучшихъ новыхъ сказкахъ» Авенаріуса — «Въ сорочкѣ родился», стр. 128, и въ сказкахъ братьевъ Гриммовъ — «Счастливый Иванъ», стр. 341. Ни въ «Родномъ Словѣ» Ушинскаго, ни у Авенаріуса нѣтъ картинокъ.

Разсказъ этотъ очень нравится дѣтямъ, такъ что, когда они увидали у меня книги съ различными варіантами, они просили меня прочитать всѣ три, за исключеніемъ Ушинскаго, который они читали давно въ классѣ. Замѣчаніямъ не было конца.

— Вотъ дурной! Господи! и зачѣмъ только онъ золото отдалъ! — Ничего мнѣ не жаль, какъ золота! Всю жизнь счастливымъ могъ бы быть!—Сказано—дуракъ! дуракомъ и останется!—Еще и радуется! и т. д.

По окончаніи чтенія одна изъ учениць спросила меня: — А правда ли это, если кто въ сорочкѣ родится—счастливъ будетъ?

— Кому Богъ даетъ счастье, и безъ сорочки будетъ счастливъ! сказала другая. Я собиралась уже было пристать къ ея мнѣнію и добавить еще кое-что, но Г—ва перебила меня, сказавши:—А мнѣ маменька говорили, что это правда!

— Я даже вамъ случай разскажу, продолжала Г—ва: — мой папенька въ сорочкѣ родились. Ѣздили они въ Курскъ, и она у нихъ въ ладонкѣ зашита была и на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ висѣла; они ее и потеряли. Что же бы вы думали — никакой удачи они съ тѣхъ поръ въ дѣлахъ не имѣютъ.

— А я знаю женщину, возразила Х—ая:— она тоже въ сорочкѣ родилась; какъ была она дѣвушкой, въ большой бѣдности жила, и такое терпѣніе у нея было все переносить, а послѣ того старушка одна знакомая украла у нея эту ладонку. Дѣвушка думаетъ: вотъ теперь совсѣмъ пропаду, а вмѣсто этого замужъ вышла и такъ счастлива живетъ, что дай Богъ всякому,—два дома своихъ... Все это пустяки! добавила она, вздохнувъ.

363) **Семь вороновъ**. Сказку эту, значительно видоизмѣненную, мы также встрѣчаемъ у Гриммовъ. Содержаніе ея таково:—Мать въ порывѣ гнѣва прокляла шатуновъ-мальчугановъ. Они превратились въ вороновъ и улетѣли. Добрая сестричка предприняла путешествіе съ цѣлью во что бы то ни стало отыскать братьевъ. Она достигаетъ этого съ помощью чаръ утренней звѣзды, и всѣ счастливы.

Сказочка эта вызвала бесѣду.

— Говорятъ, это и теперь бываетъ, замѣтила одна изъ дѣвочекъ:—если мать разсердится на сына или дочь, она можетъ его проклясть; есть часъ такой! добавила она таинственно и съ удареніемъ.

— Конечно, есть! подхватила Г—ва: — съ папашинымъ племянникомъ это было; мать его разсердилась и говоритъ: «чтобъ я повидала тебя сегодня обмытымъ!» И что-жъ вы думаете: пошелъ онъ на мельницу, и колесо его закрутило! Какъ вы думаете, — это все

равно, что утопленникъ? спросила она меня, тревожно ожидая отъ меня отвѣта, какъ показалось мнѣ.—Мы его поминаемъ вмѣстѣ съ другими, все равно, будто онъ своею смертью умеръ. Это не грѣшно? добавила она, вперяя въ меня пристальный и испытующій взглядъ. Я отвѣчала ей, что это не грѣшно.

364) **Путешествіе Гуливера къ карликамъ въ страну Лилипутовъ.** Штутгартъ и Лейпцигъ. Волшебная сказка.

365) **Гуливеръ у великановъ**, книга 2-я (продолженіе).

Оба разсказа заимствованы и передѣланы для дѣтей изъ юмористическаго романа англійскаго писателя Свифта. Ту же тему, значительно распространеннѣе, чѣмъ въ настоящемъ изданіи, мы встрѣчаемъ въ книгѣ: «Приключенія и путешествія Гуливера» (передѣл. съ англ. для юношества Ф. Гофманомъ; перев. съ нѣм. г. Вейнбергъ; Одесса, изд. Эмиля Берндта. 1877 г.; ц. 2 р., 153 стр.); но практика показала намъ, что эти коротенькіе разсказы больше занимаютъ дѣтей, въ нихъ заключается собственно комизмъ положенія человѣка въ несоотвѣтствующей ему обстановкѣ, между тѣмъ какъ въ передѣлкѣ Гофмана видно желаніе сберечь по возможности сатиру, которая приходится дѣтямъ не по плечу. Впрочемъ, взявъ во вниманіе, что на обложкѣ книги напечатано: «для юношества»», мы считаемъ себя невправѣ посылать за это упрекъ переводчику.

366) **Аладинъ или волшебная лампа.** Ту же тему, значительно распространенную, мы встрѣчаемъ въ книгѣ «Тысяча и одна ночь», избранныя сказки изъ «Шехеразады»; съ 12 раскраш. картин. Перев. съ нѣм. Изд. 3-е. Одесса. Изд. Эмиля Берндта. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе ея таково:—Аладинъ, мальчикъ 15 л., устыдившись даромъ ѣсть хлѣбъ своей бѣдной матери, отправился искать счастія. Онъ встрѣтилъ волшебника, научившаго его послѣ многихъ препятствій достигнуть цѣли и достать волшебную лампу. Эта лампа впослѣдствіи приноситъ ему много счастія. Само собою разумѣется, что вся эта исторія полна фантастическаго элемента, присущаго «Шехеразадѣ» вообще, и что дѣти слушаютъ ее съ величайшимъ удовольствіемъ.

367) **Рюбецаль.** По народнымъ сказаніямъ, Рюбецаль—горный духъ изъ рода эльфовъ, пребывающій въ Исполинскихъ горахъ. Нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ о Рюбецалѣ своеобразно обработаны Музеусомъ въ его сборникѣ народныхъ германскихъ сказокъ.

Фабула настоящей сказки такова:—Горный духъ крадетъ земную красавицу Эмму, но дѣвушка, желая освободиться отъ него, употребляетъ хитрость: она посылаетъ Рюбецаля считать рѣпу, и въ то время, какъ онъ насчитываетъ 9999 штукъ, хитрая Эмма летитъ далеко на волшебномъ конѣ. Взбѣшенный Рюбецаль клянется мстить людямъ, прозвавшимъ его съ тѣхъ поръ въ насмѣшку Рюбецалемъ, что значитъ: счетчикъ рѣпы; но сестра его, добрая фея, любящая людей, отговариваетъ его, говоря, что это недостойно могущественнаго Рюбецаля. Онъ смягчается, но желчность все таки остается въ его сердцѣ, и онъ шутитъ надъ людьми ѣдкія шутки. Находятъ, впрочемъ, на Рюбецаля и добрые порывы. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ посѣщаетъ бѣдную старуху съ внучкой и приноситъ имъ прекрасную елочку. Этимъ собственно и кончается сказка, оставляя въ дѣтяхъ пріятное впечатлѣніе.

368) **Волшебный рогъ Оберона.** Оберонъ—царь эльфовъ, иначе Альберохъ, герой многихъ древнихъ германскихъ поэмъ; въ народныхъ сказкахъ имя и фигура его не встрѣчаются.

Сюжеты картинокъ этой книги чрезвычайно поэтичны.

Вотъ юный Гугонъ, герой разсказа, ѣдетъ верхомъ въ чащѣ лѣса. «Вдругъ что-то блеснуло между деревьями, и изъ чащи лѣса стрѣлою вылетѣла маленькая блестящая колесница съ двумя леопардами вмѣсто коней. Ею правилъ стоя прелестный, какъ лѣтнее солнце, малютка. Кудри его такъ и отливали золотомъ, и въ нихъ сіяла прекрасная маленькая коронка. Душистое серебряное платьице его блестѣло, какъ струйки ручья, а пурпуровый плащъ красивыми складками ниспадалъ съ плечъ. У пояса висѣлъ на шелковомъ снуркѣ богато украшенный рогъ изъ слоновой кости, а въ лѣвой рукѣ онъ держалъ лилейную вѣтвь, которая чудно благоухала. «Я—Оберонъ, король эльфовъ!» вскричалъ малютка пріятнымъ, звучнымъ голосомъ. «Во имя всемогущаго Бога, привѣтствуйте меня,—вы проѣзжаете чрезъ мои владѣнія!» Гугонъ отвѣчалъ: «Привѣтъ тебѣ!» и онъ подарилъ ему за это чудный рогъ; при звукѣ его все начинало плясать непроизвольно, и вотъ, когда однажды халифъ пришелъ въ ярость, гости всѣ вскочили и взялись за свои кривыя сабли, Гугонъ тихо затрубилъ въ рогъ; и въ ту же минуту все общество заплясало—«гопъ, гопъ, гопъ!» Картина 3-я: «Гугонъ и Эсклармонда обнялись, простились со всѣми и бросились въ кипучія волны». Картина 4-я: «Гугонъ простоялъ цѣлый день привязанный; изъ раны на лбу текла кровь; онъ совсѣмъ

обезсилѣлъ, приготовился уже умирать, закрылъ глаза и прошепталъ: «о Оберонъ!» Вдругъ онъ почувствовалъ, что около него точно повѣяло весеннимъ вѣтеркомъ. Онъ открылъ глаза—передъ нимъ мелькнуло плутовское личико Пука, который живо развязалъ его веревки и исчезъ такъ быстро, что Гугонъ не успѣлъ и поблагодарить его». За непослушаніе Гугонъ утратилъ было свой волшебный рогъ, но вотъ, когда взвели его на костеръ, «вдругъ настала тьма, раздался страшный громъ, пламя въ кострѣ погасло и цѣпи приговоренныхъ свалились. Гугонъ съ радостью увидѣлъ, что у него на груди снова виситъ Обероновъ рогъ. Быстро приставилъ онъ его къ губамъ и — «гопъ, гопъ, гопъ!» — Это составляетъ сюжетъ 5-й картины. Картина 6-я: «Счастливые Гугонъ и Эсклармонда преклоняютъ колѣна передъ трономъ».

369) **Принцъ Щелкунъ и принцесса Орѣшинка.** Сказку эту, значительно распространенную, мы встрѣчаемъ въ книгѣ: «Полное собраніе сочиненій Гофмана», переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля и А. Л. Соколова, т. I. Спб. 1873 г. Ц. 75 к. Тамъ она занимаетъ 78 стр. и озаглавлена: «*Щелкунъ и мышиный царь*». Въ этой сказкѣ выступаютъ намеки на отношенія людей, о которыхъ самъ авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я не говорю о моемъ Щелкунѣ, потому что, признаюсь самъ, въ основѣ его часто мелькаютъ намеки на дѣла и отношенія взрослыхъ людей, отчего онъ и и не можетъ быть понятъ дѣтьми въ полномъ объемѣ».

Въ разбираемомъ же нами текстѣ почти утраченъ этотъ характеръ и передана одна только фантастическая часть его. Царь Дидонъ, прогнѣвавшись на мышей за то, что онѣ посягнули на его любимое блюдо, содѣйствуетъ изобрѣтенію мышеловки. Въ отмщеніе мышь-царица превращаетъ его новорожденную дочь въ орѣшинку. Родители въ отчаяньи. Вопросъ заключается въ томъ, что никто не можетъ разгрызть этого заколдованнаго орѣха. Но вотъ покупаютъ они случайно игрушку — Щелкунчика, онъ перегрызаетъ твердый орѣхъ, и предъ родителями является снова прелестная дѣвочка. Когда царевнѣ исполнилось 16 л., Щелкунчикъ предсталъ передъ нею во образѣ живаго уродца и требовалъ, чтобы она вышла за него замужъ за то, что онъ спасъ ей жизнь. Царь и царица уговаривали дочь не исполнять этого желанія и предлагали уничтожить Щелкунчика, но признательная царевна рѣшается быть его женою. Тогда Щелкунчикъ превращается въ принца-красавца и всѣ счастливы.

370) **Золотой.** Фантастическая сказка о красавцѣ-мальчикѣ съ золотистыми кудрями, который, закинувъ рыбачью сѣть въ море, вытащилъ корону и сталъ царемъ.

371) **Младъ-царевичъ.** Младъ-царевичу исполнилось 16 л., «пора бы ужъ ему и совершеннолѣтіе праздновать, а царевичъ—что дитя малое». И сказалъ ему царь: «Поѣзжай, сынъ мой, посмотри, какъ люди на свѣтѣ живутъ, поучись доброму, узнай и дурное, запасись силами и храбростью, умѣй за себя и за другихъ постоять. Наше царское дѣло нелегкое: чтобы съ царствомъ управиться, надо стать мужчиной».

И пошелъ царевичъ по бѣлу свѣту и много преодолѣлъ препятствій и опасностей, пока достигъ, наконецъ, желаннаго счастія.

Въ этой поэтической сказкѣ аллегорическаго характера есть одно лицо, чрезвычайно интересующее дѣтей,—это попугайка, сопровождающій младъ-царевича въ его сложныхъ похожденіяхъ, и особенно нравится имъ его пѣсенка:

«Попугайка! попугайка!
Я болтушка! я всезнайка!»

Повторимъ еще разъ, что каждая сказка заключаетъ въ себѣ 6 прекрасныхъ картинокъ и отъ 4-хъ до 8 страницъ текста (большаго формата). Весьма пригодна для подарковъ дѣтямъ. *Х. А.*

---

372) **Исполинскія руки.** (Англійская сказка). Изд. Общ. распр. пол. кн. № 198. Москва 1879 г. Ц. 10 к., 8 стр.

Предназначая книгу для дѣтей, необходимо обдумать заглавіе; необходимо, чтобы это заглавіе было просто и понятно. Почему, напр., не озаглавить бы настоящаго разсказа «Сильныя руки?» Тогда каждому ребенку было бы понятно, между тѣмъ какъ эпитетъ «*исполинскія*» приводитъ въ недоумѣніе маленькихъ читателей, и ученицы нашей воскресной школы переименовали заглавіе въ «Смоленскія руки». Аллегорія, состоящая въ томъ, что каждый человѣкъ можетъ обладать такими нравственными исполинскими руками, которыя всегда готовы будутъ придти къ нему на помощь, могла бы объяснить дѣло, но аллегорія эта оказывается совершенно непонятною для дѣтей. Ихъ занимаютъ большія выразительныя картинки, которыми снабжена эта сказочка,—занимаетъ, какъ протянулись

эти огромныя руки изъ облака на помощь бѣдному маленькому Вилльяму, какъ сдѣлали онѣ изъ себя для него шалашъ, какъ помогли онѣ ему работать въ полѣ, какъ образовали мостъ надъ бурной водою, чтобы спасти его стадо, какъ послужили ему лѣстницей на пожарѣ для спасенія хозяйской дочери; все это кажется имъ очень занимательнымъ и всему этому они охотно вѣрятъ, но связать это реальное представленіе съ проявленіемъ мужества, отваги, самоотверженія имъ рѣшительно не подъ силу, и никакіе наводящіе вопросы не помогутъ дѣлу. А потому мы считаемъ излишнимъ рекомендовать эту книгу въ народно-школьную библіотеку.

Примѣч. Рец. см. «Женское Образованіе» 1879 г., № 8, стр. 540. «Народн. и Дѣтск. Библіотека» 1879 г. № 1, стр. 21.

---

373) **Золотой гусь.** Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Съ англійскаго. Москва. 1881 года. Ц. 2 к., 16 стр.—Изд. 2-е 1883 г.

У дровосѣка было три сына: два любимыхъ и третій нелюбимый. Сначала онъ послалъ старшаго въ лѣсъ за дровами и далъ ему вкусный завтракъ. Молодецъ встрѣтилъ въ лѣсу карлика. Тотъ просилъ удѣлить ему частичку завтрака,—онъ отказалъ; затѣмъ сталъ рубить дерево и поранилъ себѣ топоромъ ногу. Та же исторія повторилась и со вторымъ сыномъ. Третій великодушно подѣлился своимъ скромнымъ завтракомъ съ бѣднякомъ, и карликъ неожиданно наградилъ его золотымъ гусемъ. Онъ идетъ съ этимъ гусемъ въ трактиръ. Тамъ встрѣчаютъ его три дочери трактирщика. Любопытство заставляетъ ихъ притронуться къ чудному гусю, и—о ужасъ!—руки ихъ прирастаютъ. Онѣ непроизвольно бѣгутъ за молодцомъ по улицѣ; встрѣчается судья, желаетъ вмѣшаться въ исторію, но его постигаетъ та же участь. Подвергается тому же и писарь, желающій спасти начальника.

Вся эта комическая шестерня вваливается въ городъ, гдѣ жилъ король съ дочерью, которая никогда не улыбалась. Много далъ бы король, чтобы увидѣть улыбку на лицѣ своей любимицы. Комическое шествіе вызываетъ эту улыбку, и король отдаетъ дочь свою замужъ за счастливаго дровосѣка.

Языкъ простъ. Разсказъ идетъ довольно живо; читается дѣтьми съ большимъ интересомъ и возбуждаетъ общій смѣхъ, благодаря комизму положенія дѣйствующихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на совершенную простоту языка, для учениковъ сельской школы въ сказочкѣ оказалось два не вполнѣ понятныхъ слова, а именно: слово *любопытныя* было понято ими такъ, будто сами дочери трактирщика непосредственно представляли собою любопытный матеріалъ. «Это значитъ: онѣ были очень умныя и занятныя», сказали дѣти; а слова *парикъ* никто никогда не слыхалъ, и во время объясненія дѣти долго смотрѣли на меня большими, недоумѣвающими глазами.

Сказочка эта пригодна для школьной библіотеки. *Х. А.*

---

374) **Сказка «Деньги».** Сочиненіе Г. Д. Спб. 1868 г. 51 стр.

Храбрый и умный мальчикъ-пастухъ спасаетъ жизнь Абдула-эфенди, перваго богача въ городѣ, за что тотъ усыновляетъ его и дѣлаетъ впослѣдствіи наслѣдникомъ.

Получивши въ распоряженіе груды золота, бывшій пастухъ остается все при той-же умѣренной обстановкѣ, къ которой онъ привыкъ, а богатства свои разумно распредѣляетъ на нужды и помощь народу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ народъ начинаетъ благоденствовать, благодаря уму, энергіи и предпріимчивости общественнаго дѣятеля.

Въ сказкѣ этой нѣтъ ничего сказочнаго. Разумные результаты являются слѣдствіемъ разумныхъ поступковъ. Все это построено довольно искусственно, и разсказъ изобилуетъ турецкими словами, но дѣланность выкупается честностью мысли, а турецкія слова—подстрочнымъ переводомъ, вслѣдствіе чего книжку эту не слѣдуетъ исключать изъ народной библіотеки.

Вопросы:

Какими качествами обладалъ пастухъ Яни?

Какое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ своихъ богатствъ?

Что говорилъ онъ о золотѣ, зарытомъ въ землю?

Сказка эта очень нравится болѣе развитымъ дѣтямъ, пригодна также для чтенія взрослыхъ. Турецкія слова съ подстрочнымъ переводомъ нисколько не мѣшаютъ усвоенію общаго смысла. Отвѣты на поставленные вопросы получаются весьма толковые, не смотря на то, что, кромѣ турецкихъ словъ, въ сказкѣ встрѣчаются еще и слова, требующія объясненій, какъ напр: *хандра*, *экспедиція*, *хищникъ*, *чалма*, *вексель* и друг. *Х. А.*

---

375) **Гадкій утенокъ.** Изд. Общ. распр. пол.

книгъ № 296. Сказка Андерсена. Ц. 5 к., 23 стр.

Содержаніе этой небольшой сказочки заключается въ слѣдующемъ.—Утка вывела утятъ. Всѣ дѣти были какъ дѣти, одинъ только утенокъ уродился большимъ и некрасивымъ на утиный взглядъ. Это обстоятельство влечетъ за собою для бѣднаго утенка рядъ страданій. Не любятъ его мать и братья, не любятъ посторонніе, съ презрѣніемъ относятся къ нему курочка и котъ въ избушкѣ, куда попалъ онъ. Въ концѣ концовъ, натерпѣвшись всевозможныхъ оскорбленій и страданій, онъ со страхомъ и отчаяніемъ рѣшается подплыть къ красивымъ и величественнымъ лебедямъ. «Убейте меня!» простоналъ бѣдняжка и въ ожиданіи смерти склонилъ голову, но—о чудо!—что увидалъ онъ въ свѣтломъ зеркалѣ воды?—Самого себя, но уже не гаденькой, уродливой, темно-сѣрой птицей, какъ въ прошломъ году, а лебедемъ».

Въ сказкѣ встрѣчаются безпрестанно намеки на отношенія людей. Возьмемъ для примѣра хотя слѣдующую выдержку: «Котъ былъ господиномъ, курочка—госпожей въ домѣ, и у нихъ что ни слово — «мы цѣлый міръ», потому что они считали себя, по крайней мѣрѣ, половиной его, да еще и самой лучшей. Утенокъ же думалъ, что можно имѣть и свое собственное мнѣніе; но курочка никакъ не терпѣла этого».

Подобнаго рода сближенія непонятны дѣтямъ ни по своей формѣ, ни по своему внутреннему смыслу; тѣмъ не менѣе сказочка эта слушается и читается дѣтьми съ интересомъ, и они относятся сочувственно къ участи бѣднаго утенка.

Въ книжечкѣ находится 7 недурныхъ картинокъ, оживляющихъ сказку и доставляющихъ дѣтямъ немалое удовольствіе. Передается она прекрасно безъ всякихъ вопросовъ и пригодна для школьной библіотеки.

Х. А.

Примѣч. Рец. см. «Женское Образ.» 1879 г., № 8, стр. 541.

---

376) **Гадкій утенокъ**. Изд. Общ. распр. пол. книгъ № 473. (Сказка Андерсена.) На обложкѣ № 33.—1886 г. Ц. 1½ коп. въ оптовой продажѣ, 3 коп. въ розничной.

Буквальное повтореніе предшествующей книжки, только хуже по качеству бумаги и печати.

Соня А—ва, 9 лѣтъ, такъ передала содержаніе *«Гадкій утенокъ»*.

— Въ самомъ дикомъ лѣсу сидѣла утка на яйцахъ и высиживала дѣтокъ; но ей не хорошо было сидѣть, потому что они не скоро вылупливались. Наконецъ, всѣ они потрескались, одно яйцо только не трескалось. Изъ всѣхъ яицъ повыходили дѣтки; они были хорошенькія. Пришла къ ней утка и говоритъ: «ты лучше не сиди на этомъ яйцѣ, оно, вѣрно, индѣнчье». Она говоритъ: «буду сидѣть! дольше сидѣла, теперь меньше осталось!» Посидѣла немножко, и вдругъ вылупилось дитя некрасивое и большое. Сосѣдка ей и говоритъ: «какое это дитя у тебя вышло некрасивое!» а она отвѣчаетъ: «хоть некрасивое, да хорошо умѣетъ плавать!» Мать повела ихъ на рѣчку, но другія дѣти не любили этого цыпленка, потому что онъ былъ некрасивый. Они говорили: «хоть-бы тебя кто нибудь взялъ, мы бы рады были». И мать тоже говорила это. Когда она выпустила ихъ самихъ гулять, онъ забѣжалъ и видитъ—хатка стоитъ *похилистая* *); взошелъ. Тамъ старушка жила и говоритъ ему: «у меня есть хозяинъ и хозяйка—котъ и курочка». И пошли они гулять вмѣстѣ. Бабушка выкинула имъ рыбью голову. Они подрались, и, все-таки, голова эта пришлась кошкѣ. Ему очень хотѣлось ѣсть, онъ и пошелъ отъ этой бабушки на рѣчьку; плавалъ, плавалъ, и такъ было холодно тогда, что даже вода замерзала, и ему было страсть холодно! Въ это время шелъ добрый старичокъ, видитъ—вода замерзаетъ, а утка плаваетъ. Онъ сжалился, взялъ утку и понесъ женѣ. Когда принесъ, она обрадовалась и пустила ее по комнатѣ. Утка стала летать, окунулась въ молоко и расплескала всю *макитру* **). Жена стала ругать мужа: «зачѣмъ ты ее принесъ сюда!» Утка вылетѣла изъ молока и попала въ сметану. Жена опять стала мужа ругать. Она вынула ее, бросила. Она попала въ муку; выбросила ее на дворъ,—она ушла и опять поплыла по рѣчкѣ; видитъ—лебеди плывутъ. Она къ нимъ, думала,—они нападутъ на нее. Въ эту минуту она посмотрѣла въ рѣку и видитъ, что она уже не гадкій утенокъ, а лебедь. Тутъ прибѣжали дѣти и говорятъ: «какой хорошенькій новый лебедь!» Ему отъ этой похвалы стыдно стало, и онъ спряталъ голову подъ крылышко. Онъ и прежде былъ не гадкій, а это утки только такъ находили!

Чего же требовать больше отъ передачи

*) Наклонившаяся.

**) Глиняная посуда.

ребенка 9-ти лѣтъ? Случалось, впрочемъ, намъ встрѣчать и такихъ дѣтей, которыя находили эту сказку непонятной и скучной.

377) **Сказки Андерсена.** Народная библіотека. Москва. 1883 г. Ц. 5 коп. 32 стр. 1) Гадкій утенокъ. 2) Пастушка и трубочистъ.

Относительно сказки «*Гадкій утенокъ*» мы имѣли уже случай говорить выше. Правда, аллегорія ея непонятна дѣтямъ, но самая фабула нравится имъ и занимаетъ ихъ. Нельзя сказать того же о «*Пастушкѣ и трубочистѣ*». Дѣти признаются откровенно, что это очень скучная сказка, и дѣйствительно, гдѣ же имъ понять, что подъ этими куклами и подзеркальникомъ подразумѣваются людишки, трепещущіе при взглядѣ на этотъ обширный міръ съ его тревогами и волненіями и неспособные выйти изъ узкихъ рамокъ, къ которымъ привыкли они съ колыбели?!

Въ виду прекраснаго изданія, крупной печати, весьма недурныхъ картинокъ и дешевой цѣны, книжечка эта желательна въ школьной библіотекѣ, не смотря на то, что одна изъ двухъ помѣщенныхъ въ ней сказокъ оказывается непонятною для дѣтей.

Х. А.

---

378) **Сказка о томъ, какъ Правда съ земли пропала.** Г. О. Изданіе редакціи журнала «Родникъ». Спб. 1883 д. Ц. 5 к. 16 стр. (Для народнаго чтенія).

Мы привыкли встрѣчать изданія этого разумнаго дѣтскаго журнала съ большимъ сочувствіемъ, но на этотъ разъ произведеніе, изданное его редакціей *для народнаго чтенія*, находимъ слабымъ. Ту-же тему мы встрѣчаемъ у Даля въ книгѣ «Образцовыя сказки русскихъ писателей», собранныя Авенаріусомъ,—но какая разница! Мы имѣли уже случай говорить о ней прежде, а потому скажемъ теперь только, что настоящая сказка является не болѣе какъ слабымъ подражаніемъ; все же, что внесено въ нее авторомъ самостоятельно, все это крайне неудачно и является дисгармоніей по отношенію къ народному сказанію; такъ напр., къ чему этотъ *маленькій котеночекъ*, которому отведено такое почетное мѣсто, и что общаго между идей о правдѣ и котенкомъ—эмблемой лукавства? А между тѣмъ всѣ симпатіи «Правды» настолько клонятся къ нему, что она нарушаетъ завѣтъ Божій и срываетъ повязку съ рукъ, чтобы вытащить его изъ помоевъ, «къ груди своей бѣлой прижимаетъ, цѣлуетъ, милуетъ» и плачетъ надъ нимъ. Эта сантиментальная сцена совсѣмъ не въ духѣ народа. Будь это погибающій ребенокъ,—другое дѣло, но зачѣмъ понадобилась автору именно кошка—не понимаемъ! Не понимаемъ также, къ чему столько ругани и вульгарныхъ сценъ, точно будто книжка, написанная для народа, не можетъ обойтись безъ нихъ? У Даля говорится: «Какъ разсердится Кривда за правдивое слово да, ощетинясь, закричитъ, зашипитъ на всѣ свои голоса!....» и только. Здѣсь же это такъ выражено: «Кривда ее толкаетъ, пихаетъ, щипками щиплетъ, зубами грызетъ».

У Даля Правдѣ глаза выкалываютъ (моментъ этотъ полонъ глубокаго драматизма); а тутъ она «въ болото упала избитая, искусанная, замаранная — запачканная, изорванная—искомканная» (крайне непоэтично). Но этого мало: «ткнулъ ее мужикъ сапожищемъ разъ, два. — Ахъ ты, говоритъ, такая-сякая! Ты, вѣрно, дѣвка гулящая, съ-пьяна сюда забрела, съ-пьяна и мелешь! Разъ и два въ щеку Правду ударилъ, швырнулъ о-земь, дернулъ съ рукъ повязку».

Вся эта житейская расправа какъ то не вяжется со святымъ образомъ правды.

Встрѣчаются въ разсказѣ также и противорѣчія. Кривда гонитъ Правду на небо, говоря, что ей, Кривдѣ, некуда уйти съ земли, что на небо ея не пустятъ; а затѣмъ «спихнула она Правду съ неба, сама на ея мѣсто сѣла, сидитъ—величается».

Кромѣ того, Правда утверждаетъ, что уйди она съ земли, и миръ погибнетъ, а между тѣмъ грѣшный міръ продолжаетъ существовать по прежнему, не смотря на то, что «по слову Божію затмилась Правда отъ земли». Впрочемъ, положеніе это фальшиво: народъ твердо вѣритъ, что правда живетъ на землѣ: въ этой вѣрѣ заключается его нравственная сила, и напрасно авторъ желаетъ доказать ему, что правда является только издали такимъ избраннымъ людямъ, каковъ его герой-манекенъ, томящійся безнадежно жаждой любви. Скажите, Бога ради, что вынесетъ простолюдинъ изъ слѣдующаго отрывка: «Онъ никого не любилъ, и его никто не любилъ, потому что всѣ видѣли изъянъ его, а души его никто не видѣлъ... И мучился онъ такъ и днемъ, и ночью, и дома, и въ пути, и вездѣ, потому что нѣтъ больше муки на землѣ какъ *хотѣть любить и не мочь любить*»?!

Все это слишкомъ тонко для малограмотнаго простолюдина.

Намъ пришлось прочитать эту сказку на каникулахъ группѣ слушателей, состоящей изъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, бывшихъ учениковъ и ученицъ сельской школы.

Младшіе съ 8-й страницы начали смѣяться: очевидно, имъ показалось смѣшнымъ, какъ «Кривда Правду толкаетъ, пихаетъ, щипками щиплетъ, зубами грызетъ».

На стр. 9-й, при описаніи, какъ мужикъ «ткнулъ сапожищемъ Правду и разъ, и два»,—къ нимъ присоединились и подростки. Старшіе же по обыкновенію вели себя сдержанно и, видимо, напряженно вслушивались въ чтеніе, понимая, что все это разсказывается не спроста. По окончаніи чтенія учительница раздѣлила слушателей на три группы.

— Разсказывайте! обратилась она къ младшимъ.

Они переглядывались, усмѣхались и молчали.

— Разскажи ты, что понялъ! обратилась она къ самому бойкому изъ дѣтей.

— Правдѣ руки связали, началъ онъ сбивчиво:—а она со связанными руками на небо полѣзла, а Кривда... (Мальчикъ расхохотался и не могъ продолжать отъ смѣха; смѣхъ его сообщился невольно и товарищамъ).

— Продолжай ты! обратилась учительница къ одному изъ подростковъ.

— Мужикъ избилъ Правду, началъ онъ:—и она плакала, и только ей и утѣшенія было на свѣтѣ, что одинъ котенокъ; потомъ онъ ей надоѣлъ, она опять пошла съ Кривдой драться.—Онъ замолчалъ.

— А дальше? сказала учительница.

— Дальше я не понялъ, отвѣчалъ сконфуженно мальчикъ: — отчего это онъ ни впередъ, ни назадъ не могъ идти.

— Можетъ быть, онъ въ траву колючую запутался, замѣтилъ другой, желая, вѣроятно, выручить товарища.

Наконецъ, очередь дошла до взрослыхъ. Никто не вызывался разсказывать.

Учительница указала на одного изъ болѣе развитыхъ.

— Онъ считалъ Кривду за Правду, началъ тотъ нерѣшительно: — и если полюбитъ кого, то считалъ это нехорошимъ дѣломъ, потому что Кривда запрещала любить, а если кого *сненавидитъ*, — начнетъ его Правда мучить, и онъ опять-таки начнетъ тревожиться. И такъ онъ всю жизнь провелъ: не могъ распознать, гдѣ Кривда и гдѣ Правда.

— Что-жъ — понравилась вамъ эта сказка или нѣтъ? спросила учительница.

— Ничего, отвѣчалъ снисходительно ученикъ, не желая, вѣроятно, обидѣть учительницу.

— А намъ понравилось—смѣшная! отозвались весело маленькіе. *Х. А.*

---

379) **Золотая руда не замѣнитъ труда** или «Сказка о томъ, что вышло, когда всѣ стали богачами». Н. Ракитина. Кіевъ. 1879 г. 14 стр.

Заглавіе сказки даетъ понятіе о томъ, какую собственно мысль желалъ провести авторъ въ своемъ произведеніи; мысль эта, хотя и далеко не новая, могла быть обработана живо и интересно, но въ данномъ случаѣ стихи такъ плохи, разсказъ ведется такъ запутанно, что сказка эта—можно сказать съ увѣренностью—никому не принесетъ ни пользы, ни удовольствія.

Х. А.

---

380) **Царевна-лягушка.** (Перед. съ нѣмецк.). Москва. 1881 г. Ц. 3 к. 30 стр.

Эта незамысловатая сказочка читается съ большимъ удовольствіемъ маленькими дѣтьми и пригодна для школьной библіотеки.

У короля было три сына: одинъ уменъ, другой силенъ, а третій ни уменъ, ни силенъ, но бѣлъ да румянъ, звали его Еремушкой-дурачкомъ. И сказалъ имъ король: «Того назначу царствовать, кто позолотитъ мнѣ дворецъ».—Пошли три брата въ разныя стороны, и встрѣтилъ Еремушка пиголицу, и унесла она его въ подводное царство къ лягушкамъ; прожилъ онъ тамъ годъ, возвратился съ золотымъ орѣшкомъ и позолотилъ имъ весь дворецъ. Второе испытаніе—налить всѣ бочки виномъ—Еремушка исполнилъ тѣмъ же путемъ и съ тѣмъ же успѣхомъ, и изъ третьяго—достать невѣсту съ волосами до полу—вышелъ также побѣдителемъ. Онъ поцѣловалъ лягушку, и этотъ поцѣлуй превратилъ ее въ дивную красавицу. И царствовалъ нашъ Еремушка долго и счастливо.

Отзывы учениковъ. (Въ сельской школѣ).

Ѳедосій В—га, 11-ти л., сынъ крестьянина, передалъ содержаніе *«Царевны-лягушки»*. Передача шла очень живо и послѣдовательно.

— Что-жъ, это правда? спросила я шутя.

— Ні, брехня, отвѣчалъ хохленокъ.

— Зачѣмъ же ты читалъ? спросила я, смѣясь.

— Та весело!—И онъ улыбнулся веселой улыбкой.

Мы привели данный случай, чтобы показать, что дѣти при чтеніи умѣютъ очень хорошо отличать вымыселъ отъ дѣйствительности.

Х. А.

---

381) **Дѣдушкинъ колпакъ.** Народная сказка въ стихахъ и съ картинами. Соч. Ф. А. Б—ъ. 6-е изданіе. Спб. 1881 г. 32 стр.

Произведеніе это является не болѣе какъ жалкимъ подражаніемъ сказкѣ *«О царѣ Берендеѣ» Жуковскаго* и другимъ, а потому мы и находимъ совершенно излишнимъ пріобрѣтать его въ народную библіотеку.

Х. А.

---

382) **Сказки въ стихахъ**, собранныя А. Павловской. Спб. 1871 г. Изданіе Товарищ. «Обществ. Польза». Ц. 40 к. 114 стр.

Въ этой книгѣ, вмѣстѣ съ извѣстными народными сказками Пушкина, Жуковскаго, Мея и В. Крестовскаго, мы встрѣчаемъ длиннѣйшія вирши Дмитріева съ массою терминовъ изъ греческой миѳологіи и литературы. Тутъ же и творчество какого то общенеизвѣстнаго Ѳедорова.

Такимъ образомъ, не смотря на нѣсколько безспорно хорошихъ сказокъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, рекомендовать ее для школьной библіотеки не приходится.

Сказки Пушкина и Жуковскаго мы встрѣчаемъ въ дешевыхъ изданіяхъ, а за вычетомъ ихъ—доброкачественнаго матеріала остается слишкомъ мало, для того, чтобы школа вносила за него 40 к. Не можемъ не упомянуть кстати объ одной очень недурной сказкѣ, а именно: «Бѣдность и трудъ» Ѳ. Глинки, которую слѣдовало бы издать отдѣльно для народнаго чтенія.

383) **Двѣ сказки.** (Перев. съ англійск.). Книги для школъ № 130. Москва. 1876 г. Ц. 10 к. 17 стр.

Первая сказка о двухъ избалованныхъ болонкахъ, убѣжавшихъ въ лѣсъ, гдѣ онѣ встрѣчаютъ умную охотничью собаку, разсказывающую имъ о различныхъ странахъ и породахъ собакъ, полезныхъ для человѣка.

Вторая—о двухъ котятахъ различныхъ характеровъ: одномъ веселомъ, мурлыкающемъ, а другомъ степенномъ молчунѣ, и о двухъ дѣтяхъ такихъ же характеровъ: сообщительномъ Францѣ и угрюмой кузинѣ его Лизѣ, выросшей въ чужомъ домѣ безъ ласки. Подъ вліяніемъ нѣжнаго обращенія тетки Лиза дѣлается веселой и довѣрчивой. Такая же перемѣна происходитъ и съ угрюмымъ котенкомъ подъ вліяніемъ ласкъ Франца.

Первая больше нравится дѣтямъ младшаго возраста, а вторая—старшимъ.

Книга издана весьма опрятно, иллюстрирована 8-ю недурными картинками, стоитъ дешево и можетъ быть пріобрѣтена въ школьную библіотеку для чтенія малограмотнымъ малолѣтнимъ.

Н. П.

---

384) **Галка.** Сказка для дѣтей. Соч. А. Коваленской. Спб. 1872 г. Ц. 35 к. 36 стр.

Сказка эта представляетъ нѣчто въ высшей степени безсодержательное и бездарное. Становится непонятнымъ, какимъ образомъ подобнаго рода произведеніе могло выйти изъ подъ пера такого даровитаго, талантливаго автора.

Добродѣтельная дѣвочка Наташа спасаетъ несчастную галку, ухаживаетъ за нею и кладетъ подъ нее куриныя яйца. Эта процедура ей такъ понравилась, что отъ наблюденій надъ галкой дѣвочка переходитъ къ наблюденіямъ надъ курицей; исторія высиживанья яицъ и появленія цыплятъ такъ часто повторяется въ разсказѣ, что, наконецъ, надоѣдаетъ вамъ. Вы невольно ждете чего-либо чудеснаго, такъ какъ книга названа «сказкою», но ничего чудеснаго нѣтъ, если не считать чудомъ, что умная и послушная дѣвочка посадила на яйца свою нарядную куклу Матильду. Цыплятъ она, впрочемъ, не вывела—слѣдовательно, ничего сказочнаго не совершилось.

Проза перемѣшана со стихами, такими-же скучными и бездарными, какъ и весь разсказъ. Какъ признать, напр., поэзію въ слѣдующихъ строкахъ.

«Мнѣ подъ крышей не повѣрятъ,
Если разсказать,
Что на яйца нынче куклу
Вздумали сажать».

Книжка предназначается, повидимому, для интеллигентнаго класса, такъ какъ у дѣтей народа нѣтъ нарядныхъ Матильдъ, которыхъ они сажаютъ на яйца, хотя въ концѣ разсказа и фигурируютъ деревенскія дѣти въ видѣ манекеновъ, дополняющихъ барскій праздникъ.

О книгѣ этой необходимо было сказать нѣсколько словъ въ «Указателѣ», такъ какъ имя автора легко можетъ ввести въ заблужденіе легковѣрнаго покупателя.

Х. А.

---

385) **Сказка о дѣдушкѣ Январѣ и бѣдной сиротинушкѣ.** Соч. Марьи Каменской. Спб. 1860 г. 24 стр.

Сказка эта написана на одну изъ излюбленныхъ темъ народа, а именно: какъ злая мачиха любила собственную дочь и гнала

несчастную падчерицу, какъ въ лютый морозъ она посылала ее то за фіалками, то за земляникой, то за грушами въ лѣсъ, какъ встрѣтила тамъ спрота 12 братьевъ-мѣсяцевъ и какъ ласково и привѣтливо пригрѣли они обездоленную дѣвушку. Дунулъ Апрѣль теплымъ вѣтеркомъ,—фіалки расцвѣли; Іюнь послалъ ей спѣлыя ягоды, Сентябрь—груши. Даже злоба взяла сестрицу ея Пашу, и вотъ пошла она сама въ лѣсъ, посмотрѣть на чудеса тамошнія. Но недолго гуляла Паша въ лѣсу. Дѣдушка Январь заморозилъ ее. Заморозилъ онъ и злую мачиху, которая отправилась туда искать свое дорогое дѣтище, а Дуняша вышла замужъ за купца и жила весело и счастливо.

Сказка написана стихами и мѣстами не лишена поэтическаго элемента; такъ напр., весьма недурны описанія измѣненій въ природѣ подъ магическимъ вліяніемъ братьевъ-мѣсяцевъ (стр. 12, 13 и 15); тѣмъ не менѣе въ общемъ стихи положительно не выдерживаютъ критики; къ сожалѣнію, не чужды даже цинизма; какъ примѣръ, приведемъ нѣсколько строкъ:

«И Дуняша подъ фатой,
Чмокнувъ мужу разъ-другой,
Словно зоренька вся стала,
Алымъ цвѣтомъ запылала.
А купецъ-то молодой,
Знай, любуется женой,
Да въ бочекъ ее толкаетъ,
А зачѣмъ—про то онъ знаетъ».

Имѣя въ виду сказки Пушкина, Жуковскаго и др., сказки, доступныя школьной библіотекѣ и по содержанію, и по цѣнѣ, мы считаемъ излишнимъ рекомендовать произведеніе г-жи Каменской, хотя необходимо замѣтить, что, все-таки, оно стоитъ неизмѣримо выше сказки г. Аристова, написанной на ту-же тему.

Ученицамъ она очень нравится, что̀ легко объяснить занимательностью сюжета и живостью, съ которой ведется разсказъ, особенно если взять въ разсчетъ, что все то, на что указали мы, какъ-то: негармоничность стиховъ, слова для риѳмы, доля цинизма, — все это проходитъ для нихъ незамѣченнымъ.

Задача-же воспитателя-рецензента состоитъ не въ томъ, конечно, чтобы приноравливаться къ этимъ вкусамъ, а въ томъ, чтобы каждому литературному произведенію отвести соотвѣтствующее мѣсто въ школьной библіотекѣ, а потому,—повторимъ еще разъ,—мы считаемъ себя не вправѣ рекомендовать ее въ школьную библіотеку.

Х. А.

Примѣч. Рец. см. журн. «Учитель» 1863 г., стр. 833.

---

386) **Сказка о двухъ Иванахъ: объ Иванѣ работящемъ и объ Иванѣ пустодомѣ.** Спб. 1863 г. Ц. 5 к. 23 стр.

387) **Сказка о двухъ Иванахъ: объ Иванѣ работящемъ да Иванѣ пустодомѣ.** Князя Львова. М. 1887 г. Ц. $1^1/_2$ коп. въ отп. продажѣ.

Сказка эта представляетъ собою не что иное какъ разсказъ старика о двухъ Иванахъ — людяхъ совершенно противуположныхъ наклонностей. Одинъ былъ энергиченъ, уменъ и трудолюбивъ; вотъ почему и дѣло у него спорилось, и хозяйство шло хорошо; другой — нерадивъ и лѣнивъ, и, благодаря этому, во всемъ ему была неудача.

Книга стараго петербургскаго изданія снабжена 5-ю недурными картинками, нѣсколько оживляющими довольно сухой и скучный разсказъ въ нравоучительномъ тонѣ.

Ребенка онъ не займетъ, что̀ мы видѣли на опытѣ, а если представить себѣ, что кто-нибудь долженъ прочесть этотъ разсказъ ради благихъ намѣреній его, крупной печати и дешевизны, такъ это развѣ взрослый простолюдинъ, для котораго, какъ видно, и предназначается это произведеніе.

Х. А.

---

388) **Сказка о солдатѣ-молодцѣ и хватѣ.** В. Н. Соболева. (Съ 5-ю картинами въ текстѣ). Москва 1875 г. Ц. 50 к. 69 стр.

Сказка эта представляетъ собою неоспоримую собственность исключительно-солдатской библіотеки, и мы, быть можетъ, не остановились-бы на разборѣ ея, еслибы не были свидѣтелями того, съ какимъ неподдѣльнымъ удовольствіемъ и интересомъ слушали ее въ баракахъ раненые солдаты во время послѣдней войны. Первая часть книги до страницы 30-й недурна. Въ ней довольно правдиво очерчены деревенскіе порядки, сдача въ рекрутчину и проч.; недурны описанія сцены военныхъ дѣйствій (стр. 17 и 18), даже стихи, напоминающіе размѣръ «Конька-Горбунка» Ершова, можно признать сносными. Со страницы-же 34-й начинается описаніе чертовщины самаго непріятнаго свойства. Встрѣчаясь съ тѣми-же призраками фантазіи въ чисто-народной сказкѣ, вы чувствуете присутствіе творческой силы. Здѣсь-же все это выходитъ какъ-то грубо, пошло,

топорно. Герой нашъ, взявшись избавить отъ посѣщеній чорта царскую дочь, устраиваетъ желѣзную машину, которая даетъ чорту щелчки, затѣмъ запираетъ чертей въ ранецъ, несетъ въ кузницу, чтобы кузнецы били ихъ 30-ю тяжелыми молотами, и, наконецъ, щедро награжденный царемъ, возвращается на родину. Тамъ онъ строго-на-строго запрещаетъ бабамъ дотрагиваться до ранца, но женское любопытство беретъ верхъ: улучивъ минуту, когда хозяина не было дома, онѣ развязываютъ ранецъ и распускаютъ вновь чертей по бѣлу свѣту.

Этимъ собственно сказка и кончается, но,— повторимъ еще разъ,—солдатамъ и взрослымъ простолюдинамъ она очень нравится, а потому тотъ, кто руководится при выборѣ чтенія для народа не личными своими, а его вкусами, можетъ помѣстить эту сказку безъ вреда въ число книгъ народной библіотеки.

5 картинъ, помѣщенныхъ въ сказкѣ, весьма недурны.

Х. А.

---

389) **Скаска о конкѣ** (въ стихахъ). В. Правдина. Спб. 1882 г. Ц. 20 к. 32 стр.

Сказка эта представляетъ собою не болѣе какъ пошловатый пасквиль, неизвѣстно для кого и для чего написанный, но ужъ, конечно, не для дѣтей, такъ какъ онъ полонъ загадочныхъ намековъ, непонятныхъ для ребенка словъ, а отчасти и цинизма, и если мы говоримъ о немъ, то съ единственною цѣлью предостеречь школу отъ напрасной затраты, на которую можетъ навести слово *сказка* и *цѣна*—20 к.

Х. А.

---

390) **Злая мачиха.** Сказка въ стихахъ Г. Аристова. Кіевъ. 1871 г. Изъ газеты «Другъ Народа». 18 стр.

Весьма плохими стихами передана всѣмъ извѣстная фабула народной сказки, какъ мачиха любила родную дочь и преслѣдовала падчерицу, какъ послала ее въ лѣсъ, какъ та спаслась чудомъ, а родная дочь погибла при тѣхъ-же условіяхъ.

Чтобы показать, насколько плохи стихи этого непризнаннаго поэта, осчастливившаго, однако, міръ цѣлымъ сборникомъ безсмысленныхъ стихотвореній, приведу нѣсколько строкъ изъ упомянутой сказки:

«Безъ дѣла цѣлый день сидитъ
Да только каверзы творитъ.
Старуха хоть и кривитъ рожу,
Но все же лѣзетъ вонъ изъ кожи».

Или: «Наташа слюнки лишь глотаетъ,

Клянетъ сестрицу да ругаетъ!
А вѣтеръ въ уши ей свиститъ
Да снѣгъ за шею шелеститъ».

Давать такого рода поэтическія произведенія—это значитъ извращать вкусъ народа и профанировать поэзію. Мы прошли-бы молчаніемъ это бездарное произведеніе, еслибы въ заглавныхъ строкахъ не стояло: изъ газеты «Другъ Народа». Не дай Богъ такихъ друзей!

Х. А.

VI. ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ОСТРОВСКІЙ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ЧТЕНІЮ ВЪ НАРОДѢ.

«Скорѣй въ театръ! тамъ ломятся толпами,
Тамъ по душѣ теперь гуляетъ бытъ родной,
Тамъ пѣсня русская свободно, звонко льется,
Тамъ человѣкъ теперь и плачетъ, и смѣется,
Тамъ цѣлый міръ, міръ полный и живой.
И намъ, простымъ, смиреннымъ чадамъ вѣка,
Не страшно,—весело теперь за человѣка!
На сердцѣ такъ тепло, такъ вольно дышетъ грудь!
Любимъ Торцовъ душѣ такъ прямо кажетъ путь».
. . . .

А. Григорьевъ.

Послѣ Гоголя первымъ, лучшимъ представителемъ русскаго драматическаго искусства, до сего времени признается всѣми *Островскій.*

Въ высокоталантливыхъ произведеніяхъ его каждый русскій грамотный человѣкъ разныхъ званій и возрастовъ почерпаетъ для себя

обильное и высокое наслажденіе, знакомясь въ произведеніяхъ этихъ съ разнообразными проявленіями чисто-русской жизни, съ настоящими русскими людьми, съ художественными типами, изображенными авторомъ съ поразительною жизненною правдою.

Главныя достоинства сочиненій Островскаго составляютъ: 1) тонкая наблюдательность обыденныхъ проявленій жизни и рѣдкое умѣнье изображать живо и вѣрно картины того быта, на изученіе котораго посвятилъ себя авторъ; 2) умѣнье проникать въ самую глубь души своихъ героевъ и подмѣчать не только образъ ихъ мыслей, но даже и самый процессъ мышленія и рельефно показать читателямъ этотъ психологическій анализъ; 3) постоянная вѣрность дѣйствительности и правдѣ, не допускающая художника до искаженія дѣйствительности въ угоду теоріи; 4) мѣткость, вѣрность и выразительность языка—чисто-народнаго.

Весь комизмъ въ произведеніяхъ Островскаго заключается въ изображеніи безсмысленнаго вліянія *самодурства* на семейный и общественный бытъ. Самодурство же, по толкованію самого автора, состоитъ въ слѣдующемъ: въ комедіи его—«*Въ чужомъ пиру похмѣлье*» учитель Ивановъ спрашиваетъ свою квартирную хозяйку, Аграфену Платоновну, что значитъ самодуръ? Та ему объясняетъ: «самодуръ — это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ; ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: «Кто я?» Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда!»

И всѣхъ почти лицъ въ комедіяхъ Островскаго можно раздѣлить на двѣ главныя категоріи: а) самодуры, лица властныя, безотчетно владычествующія въ своей сферѣ,— Большовы, Гордѣи Торцовы, Киты Китычи, Брусковы, Дикіе, Улабенковы, Кабанихи и проч.; б) забитыя, грустно-покорныя лица, обреченныя судьбою на безвѣстное, страдальческое существованіе въ этомъ страшномъ темномъ царствѣ—Митя, Андрей Брусковъ, Купидоша, Дуня Русакова, бѣдная невѣста Марья Андреевна, Катерина и проч., и проч.

Рисуя въ яркой картинѣ ложныя отношенія русской жизни со всѣми ея послѣдствіями, авторъ тѣмъ самымъ служитъ отголоскомъ стремленій, требующихъ лучшаго общественнаго устройства. Произволъ съ одной стороны и недостатокъ сознанія правъ своей личности съ другой,—вотъ основанія, на которыхъ держится все безобразіе отношеній, развиваемыхъ въ большей части комедій Островскаго. Требованія права, законности, уваженія къ человѣку — вотъ что слышится каждому внимательному читателю изъ глубины этимъ безобразій.

Такимъ образомъ произведенія Островскаго, служа выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій, суть произведенія народныя, каковыми они и признаны лучшими нашими критиками и въ особенности покойнымъ Добролюбовымъ, воззрѣній котораго на сочиненія нашего драматурга мы и держались въ настоящей статьѣ.

Слѣдуетъ ли знакомить съ произведеніями Островскаго читателей изъ народа? Доступны ли они ихъ пониманію? Насколько полезно для нихъ чтеніе этихъ произведеній? Вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣтить по возможности кратко и ясно.

Народная библіотека должна преслѣдовать воспитательную цѣль; только при этомъ условіи она можетъ приносить пользу народу.

Для развитія же чувства эстетическаго, для воспитанія его необходимо знакомство съ художественными произведеніями слова. И въ этомъ отношеніи произведенія Островскаго, какъ произведенія чисто-русскія, народныя, имѣютъ весьма важное значеніе.

По содержанію своему всѣ почти комедіи сказаннаго автора совершенно доступны пониманію взрослаго простолюдина, такъ какъ въ комедіяхъ этихъ изображается обиходная жизнь, и герои комедіи — простые русскіе люди, встрѣчаемые на каждомъ шагу. Въ какомъ городѣ не встрѣтите вы Русаковыхъ, Дикихъ, Брусковыхъ, Кабановыхъ, Кулигиныхъ и странницъ Ѳеклушъ?

Драматическая разговорная форма отнюдь не должна затруднять читателя при чтеніи комедіи, такъ какъ разговорную форму слѣдуетъ признать наиболѣе легкою и простою.

Что же касается самаго изложенія, то во всѣхъ пьесахъ Островскаго грамотный простолюдинъ не встрѣтитъ ни одной непонятной для него фразы, такъ какъ языкъ его сочиненій—языкъ обыденной русской жизни, языкъ русскихъ людей такъ называемаго средняго и низшаго классовъ. (Образы, созданные художникомъ, собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ, факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ). Поэтому и высокохудожественные образы Островскаго, полные жизненной правды, будутъ имѣть благотворное вліяніе какъ на эстетическую, такъ и на нравственную сторону народа, и даже еще

болѣе на послѣднюю. Поражаясь несправедливостью, произволомъ, вредомъ, приносимымъ самодурами всѣмъ людямъ, отъ нихъ зависимымъ, читатели будутъ болѣе цѣнить людей добрыхъ, умныхъ, честныхъ, болѣе станутъ уважать и любить справедливость и законность и такимъ образомъ изъ книги добытыя гуманныя понятія перенесутъ и въ свою семью.

Кромѣ этой существенной пользы, читатели познакомятся съ правильнымъ, простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнымъ языкомъ автора, обладающаго рѣдкимъ качествомъ — одною фразою, иногда однимъ даже словомъ обрисовать цѣлый характеръ. Многія фразы изъ комедій автора давно уже сдѣлались общеупотребительными поговорками.

Само собою разумѣется, что чтеніе сочиненій Островскаго слѣдуетъ предлагать только людямъ взрослымъ, сложившимся, когда они уже достаточно ознакомились съ литературою болѣе легкою. И хотя всѣ почти пьесы будутъ болѣе или менѣе интересны для нихъ и будутъ читаться ими съ удовольствіемъ, но такъ какъ сочиненія Островскаго составляютъ уже нѣсколько большихъ томовъ и разборъ ихъ слишкомъ увеличилъ бы размѣры нашей книги, то мы и рѣшили ограничиться нѣсколькими пьесами, болѣе выдающимися, болѣе цѣльными, законченными, изъ которыхъ каждая представляетъ какъ бы отдѣльный міръ, каждая почти знакомитъ съ русскимъ стариннымъ бытомъ и всею его обстановкою.

Къ такимъ пьесамъ, по нашему мнѣнію, принадлежатъ: «Не въ свои сани не садись», «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Воспитанница», «Бѣдная невѣста», «Не такъ живи какъ хочется», «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Бѣдность не порокъ», «Доходное мѣсто» и въ особенности «Гроза».

Въ доказательство того, какъ легко и правильно понимаются читателями изъ народа произведенія Островскаго, съ какимъ интересомъ читаются и какія добрыя чувства вызываютъ въ нихъ, какую симпатію внушаютъ имъ забитыя личности темнаго царства и съ какою охотою и любовью разсказываютъ они прочитанное, мы приведемъ здѣсь отзывы ученицъ Харьковской частной женской воскресной школы, составленные учительницей, которая выдавала ученицамъ своимъ сочиненія Островскаго изъ своей собственной библіотеки (за неимѣніемъ таковыхъ въ библіотекѣ школьной), желая произвести опытъ, насколько Островскій доступенъ народу.

Чтобы возобновить въ памяти читателей содержаніе пьесъ Островскаго, мы считаемъ нелишнимъ передъ каждымъ отзывомъ ученицъ о прочитанной ими пьесѣ вкратцѣ изложить содержаніе каждой пьесы.

391) **Не въ свои сани не садись.** Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Т. 1-й соч. Островскаго).

Въ уѣздномъ, глухомъ городѣ живетъ богатый купецъ, Максимъ Ѳедотычъ *Русаковъ*. У него дочь Авдотья Максимовна и сестра, пожилая дѣва Арина Ѳедотовна. Въ Дуню влюбленъ молодой мѣстный купецъ *Бородкинъ* и проситъ согласія на бракъ у отца ея, который не прочь видѣть его своимъ зятемъ, зная его за хорошаго, скромнаго и дѣльнаго человѣка. Въ это время пріѣзжаетъ въ городъ нѣкій проходимецъ, промотавшійся дворянчикъ *Вихоревъ*, писанный красавецъ, и для поправленія своихъ дѣлъ хочетъ, во что бы то ни стало, жениться на Дунѣ, съ которой онъ уже познакомился и которая влюбилась въ его красоту. Послѣ крутаго отказа отца въ рукѣ Дуни, Вихоревъ, при помощи Арины Ѳедотовны, которая въ восторгѣ отъ него, увозитъ потихоньку Дуню, чтобъ скорѣе обвѣнчаться съ нею и заполучить приличный кушъ. Узнавъ же отъ Дуни, что отецъ ни копѣйки не даетъ за нею, онъ прогоняетъ ее, и она одна уходитъ съ постоялаго двора въ городъ къ отцу, гдѣ уже ея хватились и ищутъ.

Отецъ прощаетъ ее и отдаетъ, съ ея согласія, за любящаго ее Бородкина.

Одна изъ взрослыхъ и даровитыхъ ученицъ воскресной школы принесла 1-й томъ Островскаго. Она должна была передать мнѣ содержаніе «*Не въ свои сани не садись*». Я серьезно готовилась къ переспросу этой ученицы и намѣтила «вопросы», предрѣшая отвѣты; но каково же было мое удивленіе, когда ни единый вопросъ не удался; мало того, я не могла не сознаться, что отвѣты дѣвушки были гораздо правильнѣе и лучше, чѣмъ мои.

— Что нравилось въ Викторѣ Аркадьевичѣ Авдотьѣ Максимовнѣ и чѣмъ она увлеклась?

(Такъ какъ Вихоревъ былъ человѣкъ ограниченный, то она увлеклась его внѣшностью, красивой наружностью, щегольской одеждой,—стояло у меня въ отвѣтѣ).

— Ей нравилось, что онъ былъ такой образованный, отвѣчала ученица:—для того, кто самъ ученъ, онъ могъ показаться не очень образованнымъ; ну, какъ сама она была дѣвушка простая, онъ показался ей очень ум-

нымъ; къ тому же онъ былъ хорошо одѣтый и въ разговорахъ очень пріятный.

— Правду ли говорилъ отецъ дочери относительно Вихорева, и почему онъ могъ видѣть въ немъ то, чего не видѣла Авдотья Максимовна?

(Она была увлечена, а онъ смотрѣлъ глазами трезваго человѣка, — стояло у меня въ отвѣтѣ).

— Да, онъ очень хорошо ее уговаривалъ, отвѣчала ученица: — она еще молода была, такихъ примѣровъ не видѣла, — куда-жъ ей было знать? А отецъ, какъ человѣкъ старый, такіе примѣры видѣлъ; онъ зналъ, что онъ ласкался изъ-за денегъ, что онъ, какъ вездѣ бывалъ, могъ найти красивѣе и умнѣе его дочери. Онъ говорилъ ей: «Ты думаешь, какъ ты здѣсь живешь, ничего не видишь, такъ и они! За что насъ можно любить такимъ господамъ? — За деньги! Мы люди простые и должны знаться съ людьми простыми. Еслибъ я зналъ, что любитъ онъ тебя, не подумавши-бъ отдалъ!» А сестрѣ говорилъ: «Ты смотри, пожалуйста, не своди своими разговорами!»

— Честно ли и хорошо ли поступилъ Бородкинъ, вступившись за обиженную дѣвушку?

(Онъ поступилъ великодушно, — стояло у меня въ отвѣтѣ:—лежачаго не бьютъ).

— Онъ поступилъ такъ потому, что онъ ее истинно любилъ. Онъ радъ бы взять ее, хоть всѣ бы осудили, и безъ всякаго вознагражденія!

— Что говорилъ онъ относительно молвы?

(Что онъ равнодушенъ къ тому, что люди говорятъ—къ общественному мнѣнію,—стояло у меня въ отвѣтѣ).

— Онъ говорилъ: «Пусть говорятъ теперь, что хотятъ, мнѣ все равно, а какъ женюсь, пусть попробуетъ про нее кто слово дурное сказать! Боже избави!»

— Почему пьеса эта называется «Не въ свои сани не садись?»

(Ей слѣдовало подумать, что Вихоревъ ей не пара, что онъ принадлежитъ къ другому кругу людей,—стояло у меня въ отвѣтѣ).

— Сватался за нее хорошій человѣкъ, и совсѣмъ нечего было ей за господами гоняться! отвѣчала ученица.

— Хорошо, довольно! отвѣчала я, исчерпавъ всѣ свои вопросы.

— Нѣтъ, позвольте, замѣтила ученица:— знаете, еще что̀ можно спросить?—Какую онъ себѣ цѣль имѣлъ ухаживанья за Авдотьей Максимовной?... Онъ этими деньгами думалъ состояніе свое поправить!

Еслибы кому либо запала въ голову мысль, что вопросъ этотъ вызванъ былъ въ ученицѣ самомнѣніемъ или желаніемъ ворваться въ область учительницы и превзойти ее, тотъ жестоко ошибся бы. Довольно было взглянуть на улыбающееся лицо дѣвушки, на ея добрые глаза, чтобъ видѣть, сколько желанія отличиться передъ учительницей, и выполнить то именно, чего отъ нея требуютъ, свѣтилось въ нихъ.

Взрослая ученица пришла разсказать мнѣ «*Не въ свои сани не садись*». Я спрашивала ее по вопросамъ.

— Что нравилось Авдотьѣ Максимовнѣ въ Викторѣ Аркадьевичѣ Вихоревѣ и чѣмъ она увлеклась?

— Онъ былъ очень красивъ!

— Правду ли говорилъ отецъ дочери и почему онъ могъ видѣть то, чего не видѣла Авдотья Максимовна?

— Правду онъ говорилъ! Вихоревъ хотя одѣвался франтомъ, но былъ бѣденъ. Онъ это очень хорошо различалъ. Онъ зналъ, что онъ деньги хочетъ взять, а никакъ не его дочь, и далъ ему полный отказъ. А она потому не могла понять, что очень была влюбившись, а быть можетъ и разсчитывала-таки, что онъ богатъ, потому что онъ пріѣзжалъ въ экипажѣ... чужомъ! прибавила иронически ученица.

— Честно ли и хорошо ли поступилъ Бородкинъ, вступившись за обиженную дѣвушку?

— Честно! Онъ созналъ, что она въ этомъ невиновата, когда она объяснила, что онъ насильно ее увезъ. Онъ на это говорилъ такъ: «Съ кѣмъ грѣха не бываетъ—я совершенно не буду никакого вниманія обращать— лишь бы жениться!» А она дѣйствительно себя оконфузила и рада была, что хоть Бородкинъ ее возьметъ.

— Почему пьеса эта называется «Не въ свои сани не садись?»

Ученица задумалась. — Я думаю, это насчетъ этого франта сказано, отвѣчала она послѣ непродолжительнаго молчанія:—чтобы онъ не въ свои сани не садился. Такъ ли это?

Когда я ставила вопросъ, мнѣ казался онъ такимъ простымъ, безхитростнымъ, но тутъ, чувствуя на себѣ пристальный взглядъ безгранично довѣряющаго мнѣ человѣка, я вдругъ смѣшалась и совершенно ясно для себя сознала поверхностность своей подготовки къ переспросу. Голосомъ далеко не

увѣреннымъ я отвѣчала ей:—А мнѣ кажется, это относится къ дѣвушкѣ!

— А можетъ быть касается ихъ обоихъ! замѣтила добродушно ученица, не замѣчая, повидимому, моего смущенія:—да, дѣйствительно, ей надо было купца, а не дворянина, прибавила она:—тѣмъ болѣе такого образованнаго!

— А почему вы думаете, что онъ былъ «очень образованный?» спросила я съ невольной грустью за непониманіе ученицею этого типа.

— Ужъ тамъ былъ ли, нѣтъ ли, а значитъ считалъ себя образованнымъ, когда стыдился ея, сказала она, относясь съ видимымъ презрѣніемъ къ Вихореву.

— Да вѣдь не тотъ человѣкъ образованъ, который самъ себя считаетъ образованнымъ, сказала я съ удареніемъ и хотѣла продолжать, но ученица перебила меня.

— Даже по этому можно судить, что онъ не очень образованный былъ, продолжала она: — что не сталъ бы человѣкъ образованный такъ безсовѣстно морочить ее, можно сказать; тоже за богача себя выдавалъ, а самому за ночлегъ въ гостинницѣ нечѣмъ было заплатить! Развѣ можно такъ поступать образованному человѣку?! Франтъ онъ бульварный, больше ничего! заключила дѣвушка съ окончательнымъ презрѣніемъ.

Я не грустила болѣе о томъ, что ученицею не понятъ типъ.

— А знаете, замѣтила она:—я въ той самой книжкѣ, что вы мнѣ давали, еще двѣ пьесы прочла: «Утро молодаго человѣка» и «Семейная картина»; но куда меньше понравилось, чѣмъ эта! Вотъ что я замѣтила ужъ сколько разъ—самое лучшее вы рекомендуете!... Ей Богу! добавила она серьезно, опасаясь, вѣроятно, чтобы я не приняла это за комплиментъ.

Я объяснила, что мы сами перечитываемъ книги и рекомендуемъ обыкновенно то, что, кажется намъ, будетъ понятно и интересно для ученицъ.

392) **Въ чужомъ пиру похмѣлье.** Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Т. 2-й соч. Островскаго).

Въ Москвѣ проживаетъ богатый купецъ Титъ Титычъ Брусковъ, истый самодуръ, самодуръ во всю губу, предъ которымъ трепещетъ все его семейство: и жена, Настасья Панкратьевна, и сынъ, Андрей Титычъ, и другой сынъ, Капитонъ Титычъ (Купидоша), совершенно забитый за любовь къ театру. Такъ его и рекомендуютъ всѣмъ, что *«онъ ума рехнувшій по кіятру»*. Въ Москвѣ же, на квартирѣ у мѣщанки Аграфены Платоновны, проживаетъ бѣдный учитель *Ивановъ* съ дочерью Лизаветою Ивановною, въ которую влюбленъ Андрей Титычъ и, при всемъ желаніи своемъ, не можетъ на ней жениться, такъ какъ тятенька никакъ этого не позволитъ. Онъ долженъ жениться только по приказу отцовскому, а то—въ солдаты.

Аграфена Платоновна, не спросясь Ивановыхъ, беретъ съ Андрея Титыча росписку, что онъ женится на Ивановой, а съ отца его беретъ деньги за ту же росписку. Разъяренный Титъ Титычъ, возвратясь домой, призываетъ своего стряпчаго Сахара Сахарыча и приказываетъ ему писать прошеніе, чтобы уличить Иванова, его дочь и хозяйку и сослать ихъ въ Сибирь.

Старикъ Ивановъ, узнавъ о продѣлкѣ хозяйки, требуетъ отъ нея деньги, взятыя отъ Брускова, бѣжитъ къ Брускову, возвращаетъ ему деньги и требуетъ отъ него росписку. Брусковъ сначала издѣвается надъ нимъ, а потомъ отдаетъ росписку, которую Ивановъ тутъ же разрываетъ, бросаетъ въ лицо Брускову и, проклиная его, убѣгаетъ.

По уходѣ Иванова, Брусковъ долго сидитъ молча, о чемъ то раздумывая, а потомъ говоритъ самъ съ собою: «Деньги и все это—тлѣнъ»! и, слѣдовательно, сынъ его можетъ жениться на дочери Иванова, хотя она и бѣдна....

«Мое слово законъ»!—и затѣмъ посылаетъ сына сватать дочь учителя. «Да помилуйте, тятенька, онъ не отдастъ», возражаетъ сынъ. «Я тебѣ приказываю, слышишь»? говоритъ Титъ Титычъ. «Какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю?... Вы не смѣйте со мною разговаривать.... А если не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся»!

«Въ чужомъ пиру похмѣлье». Островскаго (Пересказъ ученицы Полины Н—ой).

— Жилъ себѣ старичокъ учитель; только приходитъ къ нему квартирная хозяйка и говоритъ: «Какъ посмотрю я на васъ, ученіе ваше ни къ чему не служитъ: что вы читаете и пишете, а между прочимъ одѣть себя и дочь свою прилично, какъ слѣдуетъ, не можете. Я вамъ найду, пожалуй, богатаго жениха». Но учитель не хотѣлъ отдавать за какого-нибудь необразованнаго и даже выслушивать ее не сталъ. Когда Лиза осталась одна, хозяйка снова стала предлагать ей богатаго жениха, купеческаго сына Брускова, а Лиза говоритъ: «Какъ я могу за него пойти, когда онъ человѣкъ необразованный и отецъ у него—грубый человѣкъ? Что мнѣ за жизнь

будетъ; я не хочу за него идти»! Потомъ приходитъ онъ самъ, этотъ самый Брусковъ начинаетъ признаваться въ любви, хочетъ высказаться и не можетъ черезъ свое необразованіе. Ни къ чему они не вели, эти разсказы, только приводили ее въ гнѣвъ; онъ говорилъ, напр., что барышни любятъ, чтобы кавалеры наряжались хорошо, а она говоритъ: «Развѣ мы для этого васъ принимаемъ?» и предложила, чтобы онъ ѣздилъ учиться. Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, только пріѣзжаетъ послѣ этого отецъ его, Титъ Титычъ, и начинаетъ искать сына. «Гдѣ онъ у васъ скрывается, скажите»! А хозяйка квартирная еще до этого случая бумагу такую сдѣлала, что если Андрей Титычъ не возьметъ за-мужъ Елизавету Ивановну, онъ долженъ платить штрафъ 3000 р. Вотъ тутъ, какъ онъ раскричался, она и представила ему эту бумагу: «платите»! Спорили, спорили, помирились на 1000 р., съ тѣмъ и уѣхалъ. Возвратился учитель домой, она ему говоритъ: «такъ и такъ, вотъ взяла деньги въ пользу вашу, на вашу бѣдность». Просто она его убила этимъ, и Лиза начала плакать отъ этого позора. Онъ сталъ утѣшать ее: «Иду, дочь моя, говоритъ, вытребую эту бумагу проклятую, будь покойна»!

Приходитъ къ купцу и говоритъ: «Не хочу я твоихъ денегъ, только росписку отдай»! А у купца какой то пьяница жалобу уже на учителя писалъ, чтобы его погубить; но все это было глупо, онъ никогда не могъ этого беззаконія достигнуть. Разговаривали они съ купцомъ, разговаривали, подъ конецъ онъ согласился съ него деньги взять, а ему росписку отдать. Когда учитель ушелъ, Титъ Титычъ вздумалъ, что старикъ человѣкъ хорошій, позвалъ своего сына, далъ ему денегъ и сказалъ: «Поѣзжай ты къ учителю и возьми за себя его дочь и живи, какъ хочешь»!

— Только вотъ я, ей Богу, не знаю, сказала тревожно Н—ва:—чѣмъ все это должно кончиться: пойдетъ она за него или нѣтъ? Можетъ, она успѣетъ его образовать и выйдетъ? добавила она, глядя на меня вопросительно.

— Можетъ быть, отвѣчала я:—если проститъ оскорбленіе, нанесенное отцомъ. Впрочемъ, сынъ не виноватъ!

— Я думаю, что не виновенъ, онъ самъ себѣ не радъ былъ, несчастный, какъ все это сочинилось! Отъ этого, я думаю, и пьеса эта называется «Въ чужомъ пиру похмѣлье», а можетъ и черезъ то, что отецъ съ дочерью не были виноваты.—Очень интересная пьеса! заключила она.

Василиса Т—ва, взрослая ученица воскресной школы, такъ передала мнѣ содержаніе *«Въ чужомъ пиру похмѣлье»*.

— Жилъ одинъ учитель съ дочерью, и получали они очень маленькое вознагражденіе за уроки. Онъ ходилъ, бѣдно одѣвшись, и она то же самое. Шла она разъ отъ обѣдни, слышитъ два купца молодые *съ нея* смѣются; она и говоритъ сама себѣ съ грустью: «Чего жъ тутъ смѣяться, если я не въ состояніи лучше сдѣлать? Мы стараемся, хотимъ какъ лучше, научаемъ людей, и съ насъ же смѣются»! И ѣздилъ къ нимъ одного купца богатаго сынъ; онъ бралъ у нихъ книги читать, и вотъ эта Лиза очень нравилась ему. Онъ былъ малограмотный и не могъ выразить того, что она ему нравится. Одинъ разъ ушелъ отецъ на урокъ. Приходитъ сынъ этотъ купеческій и начинаетъ разговаривать, и говоритъ, какъ они однажды надъ учителемъ однимъ смѣялись. А она ему говоритъ, что это совсѣмъ нехорошо, а онъ говоритъ: «знаете, у насъ такъ: кто не по нашему обычаю поступаетъ, надъ тѣмъ мы и смѣемся». Но объ этомъ, что она ему нравилась, онъ ей ничего не сказалъ, а сказалъ той хозяйкѣ, гдѣ Лиза квартировала съ своимъ папашей, а она, глупая женщина, заставила его подъ пьяную руку бумагу какую то незаконную подписать. Посидѣлъ онъ у Лизы и ушелъ, а тутъ приходитъ отецъ и спрашиваетъ сына. Хозяйка говоритъ: «его здѣсь не было»!—а онъ, все таки, спрашиваетъ, кричитъ. Тутъ приходитъ Лизинъ отецъ прогнать его. По его уходѣ учитель обращается къ хозяйкѣ; она ему все объяснила: «такъ и такъ, я съ него деньги *требовала»* и подаетъ бумагу. Лиза была очень этой бумагой *своднована*: «это говоритъ, все равно, что меня продать»! Учитель накричалъ на хозяйку: «развѣ можно безъ всякаго спроса такъ безсовѣстно поступать»! А она говоритъ: «я хотѣла какъ для васъ лучше, хотя бы себя немножко одѣли, а вы еще ругаетесь»! Учитель взялъ эти деньги и пошелъ къ купцу, а купецъ разсердился на учителя и пишетъ уже прошеніе, какъ онъ ему дерзости нанесъ. «Кто смѣетъ меня оскорблять! Меня никто не смѣетъ оскорблять, а я между тѣмъ могу всякаго оскорбить»! Учитель отдалъ деньги и просилъ убѣдительно отдать бумагу. Тотъ не хотѣлъ. Онъ становился на колѣнки и говорилъ: «прошу васъ убѣдительно, я здѣсь ее разорву, только дайте»! Этотъ, который писалъ прошеніе, говоритъ: «Не отдавайте»! А купцу вдругъ захотѣлось по своему поступить: онъ и говоритъ: «отдамъ»—и отдалъ. Учитель сейчасъ же при нихъ порвалъ. Когда порвалъ,

при этомъ сказалъ: «Будьте вы прокляты, а еще хотѣли мою дочь за своего сына взять»!— и ушелъ. Когда учитель ушелъ, купцу вдругъ вздумалось: «когда такъ, женю я на ней сына»! Позвалъ сына, далъ ему денегъ и сказалъ: «Иди, не разговаривай, чтобы ты непремѣнно женился на ней, ѣзжай къ ней съ матерью»! А сынъ говоритъ: «Господи! какъ же я имъ на глаза покажусь, когда оскорбили»! Ну, онъ настоялъ на своемъ. Вообще, онъ былъ купецъ необразованный, считалъ себя старше *отъ всѣхъ*; что хотѣлъ, то и дѣлалъ, чтобъ никто ему ни слова не говорилъ напротивъ.

393) **Воспитанница.** (Томъ III соч. Островскаго).

Богатая помѣщица *Уланбекова* страдаетъ маніей брать къ себѣ въ домъ сиротъ, воспитывать ихъ для своего собственнаго удовольствія и потомъ составлять ихъ счастіе, т. е. отдавать ихъ за-мужъ, помимо ихъ воли, за приказныхъ или за мѣщанъ. За кого прикажутъ, за того и ступай, и разговаривать не смѣй. «И какое трогательное поученіе онѣ дѣлаютъ», говоритъ дворецкій Потапычъ, «когда за-мужъ отдаютъ. Вы, говоритъ, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала: я себя только тѣшила, а ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество и изъ какого ты званія! И такъ чувствительно, даже у самихъ слезки. Только отъ такого замужества сохнутъ больше», поясняетъ Потапычъ, «потому что мужья то больше все разбойники попадаются».

За воспитанницами постоянный, строжайшій надзоръ имѣетъ приживалка Василиса Перегриновна—старая дѣва, въ которой, по выраженію Потапыча, «одно только ехидство дѣйствуетъ».

Вотъ и теперь у Уланбековой состоитъ въ воспитанницахъ сирота *Надя*, семнадцатилѣтняя неглупая и симпатичная дѣвушка, которую она хочетъ выдать за крестника своего, пьянаго приказнаго *Неглигентова*; но свадьба разстроилась потому только, что Неглигентовъ явился предъ Уланбековой во всемъ своемъ пьяномъ безобразіи. Уланбекову поразило не то собственно, что онъ пьяный и безобразный, а то, что передъ ней онъ осмѣлился явиться такимъ. «Пей онъ тамъ, гдѣ хочетъ, да чтобъ я то не видала. Я бы тогда знала, по крайней мѣрѣ, что онъ уважаетъ меня». А до того, что онъ съ женой будетъ безобразничать, ей и дѣла никакого нѣтъ.

Единородное и ненаглядное чадо ея—восемнадцатилѣтній *Леонидъ*; этотъ глупый недоросль для препровожденія времени ухаживаетъ за Надей, которая не шутя влюблена въ него и отдается ему вся. Этому способствовалъ болѣе домашній гнетъ Уланбековой и Василисы Перегриновны. «Будь жизнь получше, не пошла бы я въ садъ (на свиданіе съ Леонидомъ).—Хоть день, да мой!» говоритъ Надя. Перегриновна подкараулила ихъ и доложила, какъ слѣдуетъ, Уланбековой, которую въ этомъ дѣлѣ возмущаетъ собственно то, что чадо ея—гражданскій кавалеръ, и вдругъ!... «Ну, еще будь онъ военный, такъ извинительно бы», говоритъ она, и въ наказаніе рѣшаетъ безапелляціонно выдать Надю за Неглигентова, какъ онъ ни противенъ имъ обѣимъ.

А что же Леонидъ? — Да ничего. «Пошалили немножко», говоритъ Перегриновна: — «что-жъ такое, въ ваши лѣта да не пошалить»!

На сожалѣніе его Надя отвѣчаетъ: «Я сама, какъ сумасшедшая, на бѣду лѣзла, не спросясь ума-разума... Ужъ уѣхали бы вы лучше куда-нибудь, съ глазъ долой»!—«А въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Леонидъ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ». (Какъ великолѣпно это: *поѣду къ сосѣдямъ!*)

«Ни помощниковъ, ни защитниковъ мнѣ не надо! Не хватитъ моего терпѣнія, такъ прудъ-то у насъ недалеко»! говоритъ съ отчаяніемъ Надя.

«Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки», заключаетъ пьесу горничная Лиза, пріятельница Нади.

Взрослая ученица такъ разсказала мнѣ «*Воспитанницу*» Островскаго.

— Г-жа Уланбекова очень богатая помѣщица была, и можно было судить, что она очень добра была къ своимъ воспитанницамъ, потому что она работать ихъ не заставляла; но она собственно для показа это дѣлала, и истинно доброй ее никакъ нельзя назвать,— она просто только, можно сказать, развлекала себя этимъ. Сынъ у нея былъ, молодой паничъ. Какъ бы вамъ сказать?... ужасно вѣтренный и совсѣмъ ему не предстояло по годамъ такъ за дѣвушками ухаживать, какъ онъ ухаживалъ; совсѣмъ не слѣдовало настолько Надю завлекать, насколько онъ завлекалъ, и высказывать ей открыто свою любовь. Еслибъ онъ могъ ее за-мужъ взять, это

другое дѣло, а такъ—что же!... И ей, по моему, слѣдовало бы отъ этихъ мыслей бѣжать, изъ головы ихъ выкинуть. Развѣ онъ настоящее расположеніе къ ней имѣлъ?—такъ какъ ему было скучно, нечѣмъ заняться, черезъ это собственно онъ охотою занимался и за ней ухаживалъ. Тѣмъ болѣе—она сирота: ей беречь саму себя надо было. А она между тѣмъ дала слово ему, что его полюбитъ, на свиданіе къ нему пошла тайно, а приживалка, ѣдвица, увидала, донесла барынѣ; черезъ это непріятность вышла, такъ что даже барыня больна сдѣлалась... И что только ее до этого довело? Я думаю,—больше строгость! Знаете, гдѣ больше строгости, тамъ больше и бѣды! Къ тому-жъ ее очень убивало то, что за этого пьяницу Неглигентова ее хотятъ силою замужъ выдать. Одно время какъ будто все это разстроилось, когда онъ пьяный дерзости барынѣ надѣлалъ, а подъ конецъ, надо полагать, таки выдадутъ за него ее, несчастную...

А вотъ я тутъ еще *«Грозу»* было начала читать, да бросила: вижу — ни одна почти дѣвушка тамъ не участвуетъ,—какой же мнѣ тутъ интересъ! И вотъ еще я такъ могу разсудить: какъ она была замужняя женщина, она не должна была любить холостаго человѣка. Къ тому же мужъ ея былъ характера добраго, богобоязливаго, онъ даже съ нея клятву на прощаніе бралъ, но, все-таки, она ее нарушила... Нехорошо! заключила она тенденціозно.

394) **Бѣдная невѣста.** Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. (Т. I соч. Островскаго).

Вдова небогатаго чиновника, Анна Петровна *Незабудкина*, имѣетъ дочь *Марью Андреевну*, неглупую и симпатичную дѣвушку, и всячески тщится пристроить ее, выдать замужъ, т. е. поскорѣе спихнуть съ рукъ, такъ какъ дѣла ихъ плохи, и въ перспективѣ предвидится, что у нихъ по тяжбѣ отнимутъ домъ—послѣднее ихъ достояніе.

Марью Андреевну окружаютъ молодые люди: чистый фатъ Меричъ, недалекій Милашинъ и очень умный, добрый и образованный Хорьковъ. Двое послѣднихъ искренно любятъ ее; Меричъ только ухаживаетъ, а между тѣмъ Марья Андреевна весьма къ нему неравнодушна, хотя онъ имѣетъ одну только цѣль — легкую интрижку. Милашинъ не можетъ жениться на ней по неимѣнію матеріальныхъ средствъ къ семейной жизни, а Хорькова она не поняла. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше обстоятельства Незабудкиныхъ становятся тѣснѣе, и недалеко до окончательной нищеты. Старикъ Добротворскій, сослуживецъ старика Незабудкина, преданъ его семейству, ходитъ по судамъ и высматриваетъ для Марьи Андреевны жениховъ. Наконецъ, отыскавъ такого, какого именно, по его мнѣнію, нужно Марьѣ Андреевнѣ—Максима Дороѳеича Беневоленскаго—пройдоху секретаря, взяточника, совершенно грубаго и невѣжественнаго, но успѣвшаго нажить состояніе. Марья Андреевна не можетъ переносить Беневоленскаго и объясняетъ свое положеніе Меричу, надѣясь найти выходъ изъ несчастнаго положенія въ замужествѣ съ нимъ. Меричъ, разумѣется, какъ фатъ, тотчасъ на попятную. Не видя послѣ этого никакого исхода и желая пожертвовать собою старухѣ-матери, успокоить ея старость, она, скрѣпя сердце, рѣшается быть женою Беневоленскаго.

«Слезы, вѣчныя слезы... чахотку... не жившш, не видавши радостей жизни»! пророчитъ ей страстно любившій ее Хорьковъ, узнавъ, что она выходитъ за взяточника.

Одна изъ взрослыхъ учеництъ воскр. школы возвратила мнѣ сегодня 1-й т. *соч. Островскаго*.

— Что вамъ больше всего понравилось? спросила я.

— Я вамъ перечту по порядку, отвѣчала она:—лучше всего понравилось: *«Бѣдная невѣста»*, за нею—*«Не въ свои сани не садись»*, потомъ *«Свои люди сочтемся»*, а *«Семейная картина»* и *«Утро молодаго человѣка»* не очень понравились.

— Ну, разсказывайте мнѣ *«Бѣдную невѣсту»!* сказала я.

— Извольте! Я не буду перечислять лицъ такъ, сразу, а въ постепенности разскажу!

— Хорошо!

— Жило одно семейство бѣдное, чиновничье; отецъ пилъ крѣпко и померъ. Вдова осталась съ дочерью. Сначала ничего себѣ, безъ особенной боязни жили, а послѣ угроза имъ случилась, что домикъ ихній по процессу могутъ отнять. Вотъ мать и думаетъ: «Господи! хоть бы дочь за-мужъ выдать»! Вотъ теперь, позвольте, я высчитаю всѣхъ ихнихъ знакомыхъ, сказала дѣвушка и съ необычайной точностью высчитала ихъ, называя имена, отчества и фамиліи. Иногда она останавливалась на нѣсколько секундъ — и, право, казалось, что она припоминаетъ имя какого нибудь хорошаго знакомаго: — Какъ бишь его? говорила она и тотчасъ называла по батюшкѣ.—Они ее страсть какъ любили, продолжала она относительно поклонниковъ Марьи Андреевны: — въ особенности Хорьковъ; ну, она и рада-бъ ихъ любить, да не

могла; и кого-жъ полюбила! былъ-бъ кого — Мерича! Человѣкъ онъ былъ вѣтренный, передъ всѣми хвалился и тѣмъ, чего не было. Она думала — онъ ее любитъ, а онъ такъ только занялся, для облегченія времени. А мамаша ихняя все свое: «Хоть бы ты выходила за-мужъ!» А она ей отвѣчаетъ: «Развѣ въ этомъ моя вина, что мнѣ никто не нравится? А вы, маменька, каждый день такой разговоръ заводите. Вы меня этимъ *комфузите*»! Но только она ея не слушала и жениха подыскивала по разнымъ мѣстамъ. И подыскала-таки. Пріѣхалъ онъ. Разговариваетъ довольно развязно, говоритъ: «Вы ужъ меня извините, по незначительности моего образованія, но какъ-бы то ни было, я привезу конфектъ, такъ какъ вы очень отлично играете на фортепьяно и я очень люблю музыку». Тутъ и пріятель его былъ. Онъ ему лошадью и табакеркой хвалился, что не купилъ, а за дѣла подарили. Уѣхалъ этотъ женихъ, а Марья Андреевна просто не хочетъ даже слушать про него и скорѣе приглашаетъ къ себѣ Мерича: надѣется, что онъ ея горю поможетъ. Только это она напрасно надежду имѣла: она ему про горе говоритъ, а онъ ей про глаза — и совершенно не входитъ въ ея разговоръ. Ну, послѣ этого она и говоритъ: «Пишите, мамаша, что я очень согласна»! а сама, чтобы не было замѣтно, стала въ карты играть, сдерживала себя, а послѣ какъ заплачетъ!... А тутъ приходитъ Хорьковъ. Выпилъ съ горя.—«Убили вы, говоритъ, меня вашимъ отказомъ»! послѣ упалъ передъ нею на колѣни, горько плачетъ и говоритъ: «Я знаю, до чего это доводитъ — чахотка, слезы и смерть»!...

Ученица остановилась. Я оторвалась отъ записыванія и взглянула на нее. Дѣвушка тихо плакала и утирала слезы пальцами.

— А что было въ дѣйствіи 5-мъ? спросила помолчавъ.

— Тутъ уже свадьба. Это она все сдѣлала для утѣшенія матери. А Меричъ-таки свадьбу посѣтилъ. Только она говоритъ ему: «Поздно! Теперь мои совсѣмъ другія мысли: взяточникъ онъ, говорятъ, невѣжа; онъ со мною все это оставитъ—и пить броситъ, и людей обижать; то подлѣ него человѣка хорошаго не было»! Такъ это она надѣялась. А все-таки, ей, бѣдной, подъ конецъ скучно стало, припала къ материному плечу и заплакала, заплакала и говоритъ: «Вы не смотрите, маменька, что я плачу; вы все сдѣлали для меня, что могли»! А тутъ старуха проходитъ, говоритъ: «Ишь какъ плачетъ, бѣдная»! а другая ей отвѣчаетъ: «Бѣдная невѣста—за красоту беретъ»! И скрылись себѣ въ толпѣ неизвѣстно куда.

———

Взрослая ученица воскр. школы пришла пересказать мнѣ *«Бѣдную невѣсту»*. Я давно знаю эту дѣвушку, привыкла къ способу ея мышленія, къ пріемамъ передачи прочитаннаго и всегда съ интересомъ выслушиваю ея отвѣты. Кромѣ того, благодаря давности знакомства, между нами водворились такія близкія и дружелюбныя отношенія, что, передавая прочитанное, она весьма часто дѣлаетъ сближенія съ своей собственной горькой долей и трогаетъ меня своею откровенностью. Видимо, книга является для нея утѣшеніемъ и нравственной поддержкой.

— Прочла! сказала она мнѣ, подавая книгу: — очень хорошая! Бѣдность вынудила ее согласиться на бракъ съ Беневоленскимъ, и въ томъ она утѣшеніе себѣ находила, что онъ ее любитъ и что она можетъ его на хорошую точку поставить; а Меричъ хоть и ухаживалъ за нею, но все это было напрасно: онъ за красотою собственно ухаживалъ, а жениться намѣренія не имѣлъ.

— Какъ относилась мать къ замужеству дочери? спросила я: — понимала-ли она ея страданіе?

— Да, она понимала очень хорошо, что онѣ черезъ бѣдность страдаютъ, — отвѣчала невдопадъ дѣвушка (такъ какъ эти страданія черезъ бѣдность гораздо сильнѣе, повидимому, ощущаются ею, чѣмъ сердечныя). Мать говорила ей: «Мы люди бѣдные; еслибъ отецъ покойный оставилъ что-нибудь, тогда бы ты могла выйти за того, кто нравится, а теперь — нѣтъ!» Ну, а Марья Андреевна любила Мерича, разсчитывала, что и онъ ее любитъ, думала—за-мужъ возьметъ, и очень на мать обижалась, что та все за женихами гоняется; говоритъ ей: «Какъ вамъ не стыдно, маменька, это совсѣмъ не идетъ!» Только она и находила, бѣдная, утѣшеніе въ томъ, что женихъ характеръ свой перемѣнилъ, не сталъ табакъ нюхать, не сталъ пить, и тѣмъ оправдывала его въ своихъ глазахъ, что некому было его на путь правильный поставить...» Ученица остановилась.

— Точно это какъ моя жизнь описывается, сказала она, помолчавъ, и слезы блеснули у нея на глазахъ. — Читала маменькѣ своей,—онѣ говорятъ: «Это ты!» Бьемся, бьемся, — папенька пьютъ, маменька больная лежатъ, бьюсь одна какъ есть, а тутъ женихъ сватается, унтеръ-офицеръ, немолодой, но при состояніи, пьетъ только вмѣстѣ съ папенькой. Сегодня встали, — ни топить не-

чѣмъ, ни на базаръ нечего послать. Маменька говоритъ: «Поступай, Поля, какъ хочешь, у жениха что-ли рубль займемъ!» Ну, такъ мнѣ этого не хотѣлось—за городъ за долгомъ по этому холоду пошла, а къ нему не обратилась...

Дѣвушка глубоко вздохнула.

«Немудрено, что *«Бѣдная невѣста»* нашла откликъ въ ея душѣ!» подумала я.

Евгенія П—чъ, 18-ти л., прочитала *«Бѣдную невѣсту»* и *«Не въ свои сани не садись»*.

— Я въ первый разъ вамъ буду разсказывать, сказала она: — такъ не знаю, какъ начинать.

— Я васъ буду спрашивать, а вы мнѣ отвѣчайте! — сказала я.

— Извольте!

— Вы прочитали обѣ пьесы?

— Даже всѣ четыре; только эти двѣ мнѣ больше понравились, въ особенности «Бѣдная невѣста». Ужъ и не знаю, можно-ли интереснѣе сочинить! Совершенно какъ будто правда!

— Что-же вынудило, по вашему мнѣнію, Марью Андреевну выйти за-мужъ за нелюбимаго человѣка?

— Ее вынудила мать. Онѣ были бѣдныя, а женихъ обѣщалъ въ дѣлахъ ихнихъ помочь.

— Чѣмъ утѣшала она себя, выходя за нелюбимаго человѣка?

— Она тѣмъ утѣшала себя, что мать будетъ довольна и что она привыкнетъ къ нему современемъ, исправитъ его, чтобы онъ не пьянствовалъ и взятокъ съ бѣдныхъ людей не бралъ!

— Можетъ-ли одинъ человѣкъ имѣть хорошее вліяніе на другаго и способствовать его исправленію?

— Можетъ!

— Чѣмъ?

— Ласковымъ словомъ, уговоромъ!

— Понимала-ли мать Марьи Андреевны вполнѣ состояніе дочери, какъ страдала она, и что мѣшало ей понять? (Въ отвѣтѣ у меня значилось:—Нѣтъ; неразвитіе и годы.)

— Понимала! отвѣчала убѣжденно П—чъ:— какъ-таки матери не понять?—только она не говорила ей, чтобы понапрасну не разстраивать и чтобъ она, не дай Богъ, не передумала своего рѣшенія!

— А почему Марья Андреевна такъ быстро разлюбила Мерича?

— Потому что она поняла, что онъ не такой человѣкъ, что ее можетъ любить. Она сколько разъ говорила ему про свое горе, а онъ почти ея не слушалъ. Что-жъ это за любовь такая?!...

Затѣмъ мы перешли къ пьесѣ «Не въ свои сани не садись».

— Что нравилось Авдотьѣ Максимовнѣ въ Викторѣ Аркадьевичѣ Вихоревѣ и чѣмъ она увлеклась? спросила я.

— Она тѣмъ увлеклась, что онъ былъ благородный и красивый!

— Правду-ли говорилъ отецъ дочери, и почему онъ могъ видѣть то, чего не видѣла Авдотья Максимовна?

— Онъ, по его словамъ, могъ понять, что онъ хотѣлъ жениться изъ-за денегъ, а она вѣровала, что онъ ее любитъ и женится безъ всякаго приданаго.

— Что говорилъ Бородкинъ въ ту минуту, какъ отецъ оскорбилъ Авдотью Максимовну?

— Онъ говорилъ: «я надѣюсь, что Авдотья Максимовна—честная дѣвушка!»

— Почему пьеса эта называется: «Не въ свои сани не садись»?

— Потому что она полюбила такого, что онъ ей совсѣмъ не-ровня, и не слѣдовало-бы ей, по настоящему, съ нимъ ѣхать.

— Какую цѣль имѣлъ Вихоревъ, ухаживая за Авдотьей Максимовной?

— Онъ хотѣлъ состояніе свое поправить, прослышавъ, что отецъ ея богатый купецъ.— Можетъ, у васъ еще есть сочиненія Островскаго, такъ, пожалуйста, не откажите! заключила ученица.

395) **Не такъ живи, какъ хочется.** Народная драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Т. II соч. Островскаго.)

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, на масляницѣ.

Молодой, зажиточный купецъ Петръ Ильичъ, развеселый и кутила, влюбился въ красивую дѣвушку, бѣдную мѣщанку Дашу, увезъ ее отъ отца, отъ матери и женился на ней. Не прошло и года, какъ она ему надоѣла, хотя Даша съ своей стороны и сильно любитъ его. Онъ начинаетъ опять пьянствовать, тиранитъ жену и заводитъ любовницу Грушу, дочь содержательницы постоялаго двора, красивую и разбитную дѣвушку, которая только потому ласкова къ нему, что надѣется выйти за него за-мужъ, такъ какъ Петръ Ильичъ выдаетъ себя за холостаго.

Бѣдная Даша терпѣливо сносила и пьянство, и тиранство мужа; но когда узнала, что онъ завелъ себѣ любовницу, то силъ у нея болѣе не хватило. Оскорбленная до глубины души, она рѣшилась уйти отъ него къ своимъ родителямъ. На дорогѣ, на постояломъ дворѣ она встрѣчается съ отцомъ и съ ма-

терью и разсказываетъ имъ свое горе и свое рѣшеніе. Услышавъ такое вольнодумство дочери, отецъ только диву дался. «Какъ къ намъ?» восклицаетъ онъ. «зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, я тебя къ мужу свезу». Даша говоритъ: «нѣтъ, батюшка, я не поѣду къ нему». Отецъ, полагая, не рехнулась ли дочь его, такъ увѣщеваетъ ее: «Да ты пойми, глупая, пойми, какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь онъ мужъ твой! Поѣдемте: что болтать-то пустяки, чего быть не можетъ! Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая!... Богъ сочетаетъ, — человѣкъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили, не жаловались, не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу!»

Петръ Ильичъ между тѣмъ узналъ, что жена провѣдала о его «кралечкѣ»; кралечка провѣдала, что онъ женатъ, и прогнала его отъ себя. Возвратясь домой, онъ норовитъ сорвать свое сердце на женѣ за неудачу у кралечки и, допившись до чертиковъ, не помня себя, грозитъ даже зарѣзать жену, выбѣгаетъ съ ножемъ въ рукѣ на улицу и прибѣгаетъ на Москву-рѣку. Вдругъ слухъ его поражаетъ ударъ колокола: къ заутренѣ гдѣ-то заблаговѣстили. Онъ, по машинальной привычкѣ, поднимаетъ руку, чтобы перекреститься, и видитъ, что въ рукѣ его ножъ, а стоитъ онъ надъ самою прорубью. Тутъ его страхъ взялъ, хмѣль мгновенно отшибло, и онъ съ полнымъ раскаяніемъ возвращается домой—въ объятія жены своей.

Взрослая ученица воскр. школы пришла разсказать мнѣ «*Не такъ живи, какъ хочется*», и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Что составляетъ счастіе семейной жизни?

— Жить хорошо, не ссориться, другъ другу уважать; если одинъ хорошо говоритъ —слушаться, если онъ сознаетъ, что тотъ говоритъ порядокъ.

— Имѣлъ ли право Петръ, имѣя добрую и хорошую жену, шататься по трактирамъ и искать приключеній?

— Совсѣмъ нѣтъ! Вѣдь онъ ее украдкой даже увезъ, и она его любила, она его просила, и отецъ уговаривалъ, и тетка уговаривала, а онъ гулялъ и гулялъ, пока до бѣды не догулялся!

— Какъ и чѣмъ уговаривалъ его отецъ?

— Онъ говорилъ: «Не обижай ты ея понапрасну! Она тебя уважаетъ, а ты что?... Не хочу тебя и видѣть, пока ты съ женою не будешь жить хорошо!»

— Послушался-ли его Петръ?

— Нѣтъ! Гулялъ отъ нея. Самъ себѣ думаетъ: «Погуляю еще немножко, а тамъ оставлю!»

— Что особенно дурнаго было въ отношеніяхъ его къ дѣвушкѣ Грушѣ?

— Онъ вралъ ей, говорилъ, что несемейный, когда онъ вовсе семейный былъ; когда-бъ она знала объ этомъ, она-бъ не допустила его даже на свою квартиру!

— А хорошо ли поступала она, въ свою очередь, дразня его и раздражая, и до какого несчастія могли бы довести ея шутки?

— Нѣтъ, очень дурно; онъ и такъ былъ убитъ! Она для того рѣзко ему говорила, чтобы онъ больше принялъ это къ сердцу. Онъ даже ей сказалъ: «Груша, если это такъ, я надъ собою что-нибудь сдѣлаю!» А тутъ случился человѣкъ одинъ и про колдовство ему нагадалъ; тутъ онъ немножко отошелъ!

— Покаялся ли Петръ, и какъ это случилось?

Въ отвѣтъ на это ученица подробно передала послѣднюю сцену и заключила:

— Я такъ и думала, — онъ ее найдетъ и зарѣжетъ. Слава Богу, что такъ кончилось!..

396) **Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.** Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Т. IV соч. Островскаго).

Въ уѣздномъ городѣ живетъ крестьянинъ Левъ Родіоновичъ Красновъ, лавочникъ, недавно женившійся на бѣдной дѣвушкѣ, дочери чиновника, красавицѣ Татьянѣ Даниловнѣ, которую онъ любитъ выше всего на свѣтѣ.

Татьяна Даниловна и сестра ея Лукерья, урожденныя Жмигулины, будучи дѣвицами, проживали у богатой помѣщицы Бабаевой, сынъ которой, Валентинъ Павловичъ, ухаживалъ еще тогда за Татьяной. По хозяйственнымъ дѣламъ молодой Бабаевъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга въ свой уѣздный городъ. Къ нему является Лукерья Даниловна и объявляетъ, что сестра ея Таня замужемъ за Красновымъ и что жизнь ея несчастная, «такъ какъ мужъ хотя и очень любитъ ее, но *никакого образованія не чувствуетъ*; хотя онъ и очень хорошій человѣкъ, только все закоренѣлость какая то въ ихъ званіи, и отъ мужика онъ недалеко ушелъ». Бабаевъ отъ нечего-дѣлать возобновляетъ интригу съ Татьяной. Онъ дѣлаетъ визитъ Красновымъ. Мужъ, до безумія любящій жену свою, начинаетъ подозрѣвать, хотя и смутно, и обходится съ Бабаевымъ не очень-то любезно. Братъ и сестра Краснова твердятъ ему, чтобы онъ смотрѣлъ за женой; но Красновъ пока не

вѣритъ ничему и выгоняетъ отъ себя сестру и зятя, а брата грозитъ даже убить. Про любовь свою къ женѣ онъ такъ говоритъ: «скажи мнѣ кто, что она умерла сегодня,— что я надъ собою сдѣлаю, я не знаю, а легче мнѣ будетъ, чѣмъ у меня кто ее отниметъ. Другой денегъ себѣ хочетъ, знати, а мнѣ ничего не надо,—мнѣ только чтобъ она меня любила»! Между тѣмъ, когда Красновъ ушелъ на одинъ часъ по дѣлу, Татьяна воспользовалась его отсутствіемъ и отправилась на свиданіе къ Бабаеву. Сестра Краснова и братъ подсмотрѣли за ней, и, когда Красновъ возвратился домой, передаютъ ему, что жена его—у Бабаева. Но Красновъ не вѣритъ. «Врете вы, ненавистники»! говоритъ онъ. «Часу нѣтъ, говорю вамъ, часу нѣтъ, мы съ ней тутъ сидѣли, цѣловались, обнимались, въ глаза другъ другу глядѣли, наглядѣться не могли»! Наконецъ, возвращается Татьяна. «Гдѣ была—побывала? весело ли погуляла»? спрашиваетъ ее мужъ. «Не мучь ты меня! Скажи ты мнѣ, какъ на тебя смотрѣть то, какими глазами? Врутъ, что-ль, они? Скажи ты мнѣ, кто изъ васъ врагъ то мой? Была ты тамъ»?—«Что жъ мнѣ теперь лгать, когда уже всѣ видѣли?! Была»! отвѣчаетъ Татьяна.—«Какъ чужія жены,—я не знаю, а у насъ вотъ какъ»! говоритъ Красновъ.—«Виновата, Левъ Родіонычъ, я васъ обманула. Не любила я васъ никогда и теперь не люблю. Ужъ лучше вы меня оставьте, чѣмъ намъ обоимъ мучиться. Лучше разойдемтесь»! — «Какъ разойтись? Куда разойтись»? говоритъ Красновъ. «Нѣтъ, врешь! А на комъ же я свою обиду возьму?.. Убью тебя какъ собаку! Да подайте мнѣ ножикъ»!.. Татьяна убѣгаетъ. Мужъ за нею, говоря: «не уйти ей отъ меня! Отъ мужа только во гробъ»! (*За сценой слышенъ крикъ Татьяны*: «*Пустите меня*»!) Красновъ возвращается со словами: «Вяжите меня! Я убилъ ее»!

Курицынъ, зять Краснова, въ заключеніе говоритъ: «Не ждалъ, не гадалъ, а въ бѣду попалъ! Бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ».

Взрослая ученица воскресной школы пришла разсказать мнѣ «*Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*» Островскаго. Я предложила ей тѣ же заготовленные вопросы, которые я считала весьма удачными, поставивъ ихъ подъ впечатлѣніями пьесы, видѣнной мною въ театрѣ наканунѣ.

— Гдѣ начало несчастія? спросила я.

— Настоящее начало несчастія, отвѣчала увѣренно дѣвушка:—это когда онъ убилъ ее въ гнѣвѣ.

— А мнѣ это кажется концомъ! возразила я.

— Значитъ, начало несчастія—когда этотъ господинъ пріѣхалъ изъ Петербурга.

— И то нѣтъ. Онъ могъ бы пріѣхать, окончить свои дѣла и уѣхать обратно въ Петербургъ, и ничего бы не было!

— Да, знаю! воскликнула радостно ученица: — это вы насчетъ Лукерьи Даниловны! Дѣйствительно, она всему зачинщикомъ была! И ему дала знать, и ей дала знать, и мужа заставляла обманывать,—все она!

— Честно ли было со стороны молодаго человѣка желать видѣться и возобновить свои ухаживанія за замужней женщиной, и слѣдовало ли подумать, чѣмъ это можетъ кончиться?

— И съ его стороны скверно, и съ ея очень нехорошо!

— За что Афоня въ разговорѣ съ дѣдушкой порицалъ Краснову, и правъ ли онъ былъ, порицая ее? (Стр. 23, т. IV).

— За то, что она сложа руки сидѣла. Ей это очень не нравилось, что она за такого мужика попала, а между прочимъ, если она вышла за-мужъ, она не имѣетъ никакого права гордиться, должна жить какъ придется; было бы не выходить! Къ тому же она ничего отъ него дурнаго, кромѣ любви и ласки, не видѣла, и совсѣмъ не на что даже было обижаться!

— Любилъ ли Бабаевъ Краснову?

— Я думаю, что нѣтъ; что то непохоже, чтобы онъ ее любилъ! Люби онъ ее, онъ взялъ бы ее за-мужъ.

— Слѣдовало ли Красновой переломить себя и воздержаться отъ свиданія съ человѣкомъ, который жениться на ней не хотѣлъ, видя ее въ нищетѣ и бѣдности, а теперь вздумалъ ухаживать за ней отъ нечего дѣлать?

— Ей можно было совсѣмъ эти пустяки оставить!

— Чѣмъ именно она могла уговорить себя? (Тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ ея не любитъ,—желала я получить въ отвѣтъ).

— Разными резонами! отвѣчала ученица.

— Она могла уговорить себя тѣмъ, сказала я:—что онъ обманщикъ, что онъ ея не любитъ!

— Нѣтъ, этимъ она не могла себя уговорить, отвѣчала спокойно дѣвушка;—ей представлялось, что онъ ее любитъ и что онъ очень хорошій человѣкъ!

— Кто былъ честнѣе, лучше, благороднѣе

и больше стоилъ любви: петербургскій ли франтъ или лавочникъ Красновъ, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относились сестры?

— Красновъ куды лучше! онъ ее любилъ, онъ ею дорожилъ, да и насчетъ честности— куда честнѣе того былъ!

Сегодня вечеромъ *С—ва* пришла разсказывать мнѣ пьесу *«Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»* и такъ отвѣчала на приготовленные мною вопросы:

— Гдѣ начало несчастія? спросила я.

— Эта Жмигулина виновница всему, отвѣчала С—ва:—и зачѣмъ только она пошла къ нему? И зачѣмъ разговоръ весь этотъ вышелъ? Онъ на что плохой человѣкъ, и то какъ будто отказывался сначала и упоминалъ насчетъ замужества! И изъ-за чего она билась? Чтобъ показать, что они не съ такими знакомы, какъ вышла ея сестра, а съ благородными людьми! А онъ просто съ трудомъ даже вспомнить ихъ могъ. Только за красоту одну вспомнилъ. Она говоритъ ему: «Мы очень были знакомы съ вашей маменькой», а онъ и припомнить не можетъ. Что это за знакомство такое? Послѣ прибѣжала домой и совсѣмъ не такъ разсказала, какъ было: завѣрила, что онъ любитъ ее, а какая тутъ любовь,—лишь бы время провести!..

— Честно ли было со стороны молодаго человѣка желать видѣться и возобновить свои ухаживанія за замужней женщиной, и слѣдовало ли подумать, чѣмъ это можетъ кончиться?

— Даже очень нехорошо, отвѣчала она:— тѣмъ болѣе, что онъ это предвидѣлъ; онъ даже сказалъ, что съ этого можетъ выйти очень миленькая повѣсть, и приказному говорилъ, что скучаетъ. Онъ еще у матери своей къ баловству привыкъ!

— За что Аѳоня въ разговорѣ съ дѣдушкой порицалъ Краснову, и правъ ли онъ былъ, порицая ее? (Стр. 23, т. IV).

— Онъ за то ее порицалъ, что братъ его взялъ ее за себя, когда она въ большой крайности была, а она этого не цѣнила! Что-жъ съ того, что онъ былъ простой человѣкъ? Еслибъ онъ былъ и человѣкъ благородный, да еслибъ любилъ ее такъ, какъ этотъ баринъ! Къ тому же видѣлъ онъ, Аѳоня, какъ онѣ смѣялись съ сестрою надъ Львомъ Родіоновичемъ. Онъ работалъ на нихъ, а онѣ стыдились его, что онъ простаго званія. Развѣ можно того стыдиться, отъ кого кто хлѣбъ ѣстъ?!

— Любилъ ли Бабаевъ Краснову? предложила я намѣченный вопросъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она:—только такъ, для развлеченія времени! Она его и тогда, прежде любила, а онъ ее—нѣтъ! Это даже по тому разговору видно, когда онъ насчетъ мужа говорилъ, что можно отъ него деньгами откупиться: по себѣ судилъ!

— Слѣдовало ли Красновой переломить себя и воздержаться отъ свиданія съ человѣкомъ, который жениться на ней не хотѣлъ, видя ее въ нищетѣ и бѣдности, а теперь вздумалъ ухаживать за нею отъ нечего-дѣлать?

— Она могла бы тѣмъ себя уговаривать, продолжала С—ва: — что если онъ тогда на ней не женился,—значитъ, онъ ее настояще не любилъ. Да она, бѣдная, все таки, сколько нибудь противилась, говорила: «Теперь нельзя отъ меня того требовать; тогда мнѣ можно было любить—я дѣвушка была, а теперь такъ стыдно и совѣстно поступать!» Она все старалась, какъ бы отъ грѣха подальше, а эта безсовѣстная потатчица Лукерья Даниловна на грѣхъ ее толкала. Можетъ, она и отказала бы себѣ въ этомъ свиданіи, когда-бъ не та! Постоянно лжи ее учила!

— Кто былъ честнѣе, лучше, благороднѣе и больше стоилъ любви: петербургскій ли франтъ или лавочникъ Красновъ, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относились сестры?

— Какъ же можно: баринъ ничего, можно сказать, въ ея пользу не сдѣлалъ, а этотъ готовъ былъ для нея куда угодно пойти, даже родныхъ своихъ изъ-за нея обижалъ, сестру родную выгналъ, на Аѳоню бѣднаго нападалъ, всегда защищалъ ее! Когда пришелъ баринъ въ гости, и тогда же видно было, что онъ умнѣе,—мѣщанинъ,—по всему ихнему разговору! Только дура эта Лукерья Даниловна могла не понять, — подходитъ и говоритъ ему: «Что вы такъ *развились?* Вы учтивѣе не можете? Какія онъ мнѣнія объ насъ въ Петербургъ привезетъ?»

— Что сказалъ старикъ-дѣдушка въ минуту несчастія Краснову, и дѣйствительно ли люди должны этимъ руководствоваться? (Стр. 92).

— Какъ убилъ это онъ ее въ кухнѣ,—выскочилъ самъ не свой, а дѣдушка ему и говоритъ: «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Развѣ она передъ однимъ тобою виновата? она самое главное передъ Богомъ виновата. Нужно, чтобъ это судилъ судъ Божій, а не человѣческій! Ты не хотѣлъ покориться Богу, иди же

теперь на судъ человѣческій! Вяжите его, добрые люди!»

---

397) **Бѣдность не порокъ.** Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Т. II соч. Островскаго).

Содержаніе: Въ уѣздномъ городѣ проживаетъ богатое купеческое семейство Торцовыхъ: глава семейства Гордѣй Карпычъ, жена его Арина Егоровна и дочь Любовь Гордѣевна. Младшій братъ, Любимъ Карпычъ, промотавшій свое состояніе въ Москвѣ съ пріятелями, дошелъ до того, что проживалъ гдѣ день, гдѣ ночь, и пропитанія ради забавлялъ рядскихъ купцовъ, выкидывая предъ ними разныя колѣна. Онъ возвращается, наконецъ, домой къ брату, который его не жалуетъ, такъ какъ онъ его срамитъ своимъ пьянствомъ и безобразіемъ, а наипаче—оборваннымъ костюмомъ. Въ это время Гордѣй Карпычъ просваталъ свою дочь за пріятеля, богатаго фабриканта вдовца Коршунова, вогнавшаго въ гробъ первую свою жену. Невѣстѣ внушаетъ онъ отвращеніе, тѣмъ болѣе, что она влюблена въ прикащика бѣднаго Митю, который также любитъ ее выше всего. Гордѣй Карпычъ задаетъ вечеръ для жениха. Въ самый разгаръ вечера является пьяный Любимъ Торцовъ и начинаетъ выдѣлывать разныя шутовскія штуки. Коршуновъ начинаетъ надъ нимъ смѣяться; Любимъ Карпычъ выводитъ его на свѣжую воду, разсказавъ его доблести. Коршуновъ вламывается въ амбицію, укоряетъ отца невѣсты, задѣваетъ его самолюбіе; между ними происходитъ ссора, и свадьба разстраивается. Любимъ Карпычъ бросается передъ братомъ на колѣни, проситъ прощенія и пріюта и умоляетъ его выдать дочь за Митю. Гордѣй Карпычъ сильно тронутъ правдивою и задушевною рѣчью брата, отъ которой онъ сталъ другимъ человѣкомъ, и даетъ согласіе на бракъ дочери съ прикащикомъ. Общая радость и веселье.

Наталья Н—ва, 16-ти л. (никогда нигдѣ не учившаяся, кромѣ воскресной школы, еще плохо пишущая), подала мнѣ сегодня II т. соч. Островскаго и записку, на которой по требованію школы пишется названіе любимой книги, получаемой какъ вознагражденіе за аккуратное обращеніе въ продолженіе учебнаго года съ книгами, выдаваемыми изъ школьной библіотеки. На запискѣ кривымъ ученическимъ почеркомъ было написано: «*Желаю получить соч. Островскаго*».

«Желать-то ты желаешь, подумала я, но понимаешь ли его? вотъ вопросъ»... И, благодаря этому вопросу, не высказала никакого поощренія выбору ученицы (что̀ дѣлала по отношенію къ другимъ много разъ), подъ предлогомъ, что книга эта не школьная, а моя собственная.

Н—ва считается ученицей слабыхъ способностей; она дочь шинкарки и помогаетъ ей при торговлѣ въ шинкѣ.

Я стала слушать ее съ предубѣжденіемъ, но каково же было мое удивленіе, когда изъ устъ малоспособной Н—ой полился плавный разсказъ.

— Я не знаю, такъ ли я вамъ буду разсказывать, только я много думала, чего бы не пропустить.

Н—ва, дѣйствительно, ничего не пропустила. Ей всего больше понравилась пьеса «*Бѣдность не порокъ*». Назвавъ имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ и вполнѣ точно и мѣтко охарактеризовавъ каждое изъ нихъ, она перешла къ передачѣ содержанія. Отъ нея не ускользнуло ни малѣйшей подробности; мало того, другихъ мнѣ приходилось разспрашивать, наводить вопросами, а Н—ва быстро и мѣтко ставила свои выводы и заключенія.

— Гордѣй Карпычъ не злой былъ въ душѣ, говорила она:—онъ только любилъ, чтобы все по его дѣлали, и старался, чтобы все въ его домѣ на образованный манеръ поставить, а самъ былъ совсѣмъ необразованный, мужикъ. И зачѣмъ ему только было за этимъ чванствомъ гоняться? — только чтобъ домашнимъ своимъ непріятности наносить!

И она картинно разсказала о ряженыхъ въ домѣ Торцова, объ ихъ весельи и неожиданномъ пріѣздѣ хозяина. «Самъ, самъ пріѣхалъ!» говорила она тѣмъ тревожнымъ полушепотнымъ крикомъ, какимъ говорятъ это на сценѣ.

Относительно брака Любови Гордѣевны съ Коршуновымъ Н—ва сдѣлала такое опредѣленіе: — Никогда она съ нимъ счастлива не могла быть; первое — что ревнивый: первую жену въ гробъ загналъ; второе—злой былъ, старый, безсовѣстный; но будь онъ добрый и хорошій, она все бы не могла его любить, такъ какъ любила Митю.

О Любимѣ Торцовѣ она сказала такъ:

— Для самого себя онъ былъ нехорошъ, а для другихъ очень даже хорошъ; сердце у него было доброжелательное, и очень мнѣ та страничка понравилась, когда братъ его съ колѣнъ подымаетъ,—даже я плакала!

И много еще интереснаго и трогательнаго разсказала Н—ва, много такого, что пере-

дать трудно, не посягая на самобытность и оригинальность.

Варвара С—ва подала мнѣ II т. Островскаго.

— Какія пьесы вамъ наиболѣе понравились?

— Я прочла ихъ всѣ, а больше всего понравились: *«Бѣдность не порокъ»* и *«Доходное мѣсто»*.

Я дала волю ученицѣ разсказывать, какъ она знаетъ.

Разсказывала она съ удивительной послѣдовательностью и оживленіемъ,—точно будто все это произошло у нея на глазахъ.

— Вы часто бываете въ театрѣ? невольно спросила я.

— Нѣтъ, ни разу не была! отвѣчала С—ва спокойно, какъ говорятъ о неиспытанныхъ удовольствіяхъ, не зная имъ цѣны.

Не ограничиваясь блестящей передачей, я предложила ей нѣсколько вопросовъ.

— Почему, не смотря на то, что мы встрѣчаемъ Любима Торцова потеряннымъ человѣкомъ и пьяницей, онъ возбуждаетъ наше сочувствіе?

— Потому что сердце у него осталось доброе, и хоть онъ тамъ себѣ загубилъ вѣкъ, но другимъ людямъ желалъ какъ лучше!

— Что загубило Любима Торцова? спросила я, предполагая получить отвѣтъ: богатство, попавшее въ руки невѣжественнаго человѣка.

— Плохіе товарищи,—вотъ хоть бы этотъ Коршуновъ: онъ свое берегъ, а другихъ на грѣхъ подталкивалъ!...

— Что могло бы предостеречь Любима Торцова отъ того, чтобы не попасть въ компанію такихъ людей, какъ Коршуновъ, не сбиться съ пути и остаться трезвымъ и дѣльнымъ человѣкомъ?

(«Образованіе!» ожидала я отвѣта).

— Не знаю! отвѣчала чистосердечно ученица.

— Далъ ли ему отецъ въ дѣтствѣ образованіе? Научилъ ли честному труду? продолжала я наводящіе вопросы.

— Нѣтъ! онъ былъ человѣкъ простой, неученый!

— А еслибы онъ былъ человѣкомъ образованнымъ, привыкъ къ серьезному труду,—могло ли бы это предостеречь его отъ пьянства, отъ дурной компаніи?

Я ждала положительнаго отвѣта на этотъ прямой вопросъ.

— Нѣтъ! отвѣчала грустно С—ва:—развѣ не бываетъ, что образованные тоже пьютъ? Я такъ думаю, что бываетъ человѣкъ такой безхарактерный: онъ по добротѣ своей за компанію и глупость какую нибудь сдѣлаетъ, и кается потомъ, да поздно!

Я силилась доказать хорошее вліяніе образованія.

— А можетъ быть и такъ! сказала подъ конецъ нерѣшительно С—ва,—болѣе, кажется, изъ учтивости, чѣмъ убѣжденная.

— А нравится ли вамъ отецъ Любови Гордѣевны?

(Я ждала отрицательнаго отвѣта).

— Ничего! Конечно, какъ человѣкъ старый, онъ любилъ, чтобы всѣ ему покорялись; ну, старымъ людямъ это надо простить!.. Онъ думалъ, что непремѣнно надо такъ жить, какъ дѣды жили. Жалко мнѣ очень жену его, что такая она загнанная!

— А въ какую минуту онъ вамъ больше всего нравится?

С—ва задумалась.

— Подъ концомъ, когда разжалобилъ его Любимъ Торцовъ, а онъ сказалъ: «Теперь я добрый сталъ! Просите у меня, кто чего хочетъ!»

— Почему Любовь Гордѣевна предпочла богачу Коршунову бѣднаго сироту Митю?

— Потому что Митю она любила, а тотъ ей противенъ былъ!

— Еслибы она вышла замужъ за Коршунова, былъ ли бы это обманъ съ ея стороны?

(Я ждала положительнаго отвѣта).

— Нѣтъ, отвѣчала ученица увѣренно:—развѣ онъ не видалъ, что онъ ей противенъ и что она черезъ то только идетъ за него, что волѣ родительской повинуется!

Я съ умысломъ привела нѣсколько неудачныхъ моихъ вопросовъ и неожиданныхъ отвѣтовъ ученицы, чтобы оттѣнить здравый смыслъ природнаго ума при столкновеніи съ тѣми тенденціями, которыя кажутся намъ аксіомами.

---

398) **Доходное мѣсто.** Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. (Т. II соч. Островскаго).

Содержаніе: Фелисата Герасимовна Кукушкина, вдова чиновника, имѣетъ двухъ дочерей и только и спитъ, и видитъ, какъ бы ихъ сбыть съ рукъ скорѣе и повыгоднѣе. Дочки безъ всякаго образованія. На одной женится столоначальникъ какого то суда, Бѣлогубовъ, проживающій на животахъ просителей, и живетъ въ свое удовольствіе. Другая выходитъ за молодаго человѣка, Жадова, учившагося въ университетѣ, умнаго, честнаго, получающаго на службѣ скудное содержаніе.

Хотя у него и есть дядя Вышневскій, занимающій весьма солидное (и доходное) мѣсто, но онъ не любитъ племянника за его честныя убѣжденія, такъ какъ самъ дядя—страшный взяточникъ, нажившій большое состояніе. Постоянные попреки тещи и жены въ бѣдности Жадова доводятъ его до того, что онъ рѣшается просить у дяди хорошаго, т. е. доходнаго мѣста. Дядя смѣется надъ нимъ, говоря, что онъ самъ всегда смѣялся надъ взяточниками, а теперь пришелъ у нихъ же просить доходнаго мѣста.

Отъ этихъ насмѣшекъ Жадовъ отрезвляется, раскаивается въ своемъ опрометчивомъ поступкѣ и произноситъ великолѣпный грозный монологъ о взяточникахъ. Въ это время съ Вышневскимъ сдѣлался ударъ, и онъ затѣмъ умираетъ. Жадовъ послѣ этого предлагаетъ своей женѣ идти куда хочетъ, если не желаетъ съ нимъ жить въ бѣдности, но что онъ теперь, послѣ такого урока, уже никогда не измѣнитъ своимъ честнымъ убѣжденіямъ.

Жена раскаивается и не рѣшается ни за что съ нимъ разстаться, и они начинаютъ жить попрежнему, хотя бѣдно, но честно.

Сегодня мы получили отъ одной изъ взрослыхъ учениц воскресной школы длинное письменное изложеніе содержанія комедіи Островскаго «*Доходное мѣсто*». Считаемъ излишнимъ приводить его здѣсь дословно и ограничиваемся только интересной, на нашъ взглядъ, характеристикой дѣйствующихъ лицъ.

«Аристархъ Владиміровичъ Вышневскій—человѣкъ богатый и заслуженный, недобрый и не любившій тѣхъ, кто противъ него говорилъ».

«Анна Павловна, жена его—добрая дама, заступавшаяся за обиженныхъ ея мужемъ».

«Юсовъ — человѣкъ подвластный Вышневскому и однихъ съ нимъ мнѣній. Бѣлогубовъ — служащій въ палатѣ Вышневскаго и получившій мѣсто столоначальника посредствомъ Юсова».

«Жадовъ—молодой человѣкъ, племянникъ Вышневскаго, не мирившійся съ своимъ дядей, такъ какъ онъ былъ съ нимъ различныхъ мнѣній. Вышневскій говорилъ, что у него, у Вышневскаго, мнѣнія общественныя, что такъ многіе думаютъ и что Жадовъ не можетъ устоять противъ многихъ. Жадовъ говорилъ, что онъ никогда не рѣшится на то, чтобы брать взятки. Поэтому онъ часто ссорился съ дядей, такъ какъ онъ не соглашался съ его мнѣніемъ».

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Содержаніе «Доходнаго мѣста» было передано Варварою С—вою съ живостью и картинностью, но теорія всепрощенія не выпала на долю старика Вышневскаго (какъ выпала она на долю старика Гордѣя Карпыча), пропагандирующаго необходимость взятокъ и купившаго себѣ молодую жену.

— Это онъ безсовѣстно говорилъ и не добру, а худу училъ племянника! говорила ученица, воодушевляясь. — Онъ думалъ, что за деньги можно все купить, а между прочимъ они хотя и жили богато, но безъ согласія. Такой же и служащій его былъ, что женился на другой сестрѣ: тоже съ купцовъ взятки бралъ, что съ кого могъ, ничѣмъ не брезгалъ, и ужъ, конечно, не за правыя дѣла онъ взятки бралъ, — правое дѣло и безъ взятокъ дѣлается. И невѣста по немъ была: тоже сестру учила, чтобы она со своего того же требовала. — Конечно, будь она умнѣе, она бы ея не послушалась, а она вмѣсто того все за нею повторяла и до того довела его, несчастнаго, что онъ принужденъ былъ дядѣ покориться; пришелъ и говоритъ сквозь слезы, черезъ силу: «дайте мнѣ такое мѣсто, чтобы взятки брать!» Такъ жалко его подъ конецъ становится!.. Хотѣлъ быть честнымъ человѣкомъ и, наконецъ, скрутили! — Пожалуйте мнѣ еще, если у васъ есть, сочиненій Островскаго: такъ интересно!—добавила она.

Полина П—ва возвратила соч. Островскаго. Прочла всю книгу и больше всего ей, какъ и Варѣ С—вой, понравились: «*Бѣдность не порокъ*» и «*Доходное мѣсто*». Я заподозрила вліяніе С—вой, но оказалось, что онѣ незнакомы. «*Бѣдность не порокъ*» П—ва передала очень толково, хотя характеристика лицъ глубже далась С—вой; что же касается «*Доходнаго мѣста*», то она положительно огорчила меня, заявивъ рѣшительно, что старикъ Вышневскій былъ *человѣкъ хорошій, что черезъ него и другіе по крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба имѣли* и что «надо жить, какъ люди

живутъ, а Жадовъ безъ перерыву со всѣми ссорился, и черезъ то онъ ей не нравится!» Положимъ, наводящими вопросами я довела ее до сознанія, что Вышневскій былъ взяточникъ, а Жадовъ — человѣкъ честныхъ убѣжденій, но тѣмъ не менѣе непріятный осадокъ остался на душѣ. Я утѣшалась только тѣмъ, что хоть по своему, по рутинному, но тѣмъ не менѣе пьеса Островскаго понята ею—Полиной П—вой.

Въ театрѣ она была три раза за всю свою 18-ти-лѣтнюю жизнь: первый разъ — когда была совсѣмъ маленькою, и что́ шло — не помнитъ; второй разъ давали «Орфей въ аду», — не понравилось: «кривляются, кривляются, — ничего понять нельзя!» и третій разъ — недавно; давали: «Безъ вины виноватые». — Очень понравилось; эту, вѣрно, сочинилъ Островскій!—замѣтила увѣренно ученица.

---

399) **Гроза.** Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. (Т. III соч. Островскаго).

Содержаніе: Въ приволжскомъ городѣ Калиновѣ живетъ богатое купеческое семейство Кабановыхъ. Старуха Кабаниха постоянно точитъ все семейство, а больше всѣхъ жену сына, Катерину, молодую, энергическую, симпатичную женщину. Мужъ ея Тихонъ,— добрый и слабый, безхарактерный, — любитъ жену по своему, но не смѣетъ заступиться за нее. Въ этомъ же городкѣ проживаетъ купецъ Дикой, котораго боится весь городъ. При немъ живетъ племянникъ Борисъ — молодой, умный и сравнительно образованный человѣкъ;—влюбляется въ Катерину, которая также любитъ его страстно. Во время поѣздки мужа въ Москву Катерина каждую ночь имѣла свиданіе съ Борисомъ. По возвращеніи мужа Катерину начинаетъ мучить совѣсть, и она во время страшной грозы, которой она очень испугалась, отъ боязни умереть безъ покаянія, всенародно на бульварѣ призналась въ своемъ грѣхѣ. Дикой отсылаетъ племянника въ дальнюю губернію по торговымъ дѣламъ. Послѣ всего этого Катеринѣ жить было невозможно, и она бросилась въ Волгу.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Такъ какъ ученицы наши — народъ занятой и свободный только по праздникамъ, то я и назначила имъ придти ко мнѣ на домъ, для перемѣны книгъ, на третій день праздника Пасхи.

Первая пришла Варя С—ва и подала мнѣ 3-й т. соч. Островскаго.

— Позвольте мнѣ, начала она поспѣшно:— пересказать вамъ всѣ пьесы; я ихъ всѣ помню.

Но чтобы переспросить С—ву по цѣлому тому, надо было-бы затратить весь день, а я ждала съ минуты на минуту прихода другихъ ученицъ, и потому просила ее ограничиться «Грозою». Впечатлѣнія С—вой, видимо, сосредоточились всѣ на личности Катерины.

— Несчастная она была женщина, говорила печально С—ва:—такая тихая, смирная, другая бы огрызалась, а она все молчитъ, а между тѣмъ свекровь просто поѣдомъ ѣла и сына учила: «Что ты на нее смотришь, что ты съ нею церемонишься? ты бы ее поучилъ какъ слѣдуетъ!...» Вотъ отъ такой жизни стала она скучать, все задумываться, все задумываться — и полюбила Бориса.

— Рада ли она была этой любви? Виновата ли въ ней? Боролась ли съ нею?... Желала ли обмануть и обидѣть мужа? спросила я.

С—ва вся вспыхнула и взглянула на меня испытующимъ взглядомъ; видимо, въ ней происходила борьба: ей хотѣлось оправдать Катерину и вмѣстѣ съ тѣмъ она боялась показаться безнравственной.

— Я думаю, сказала она, наконецъ, нерѣшительно: — что тутъ мало было ея вины; будь она какая-нибудь безсовѣстная, ея не мучила бы такъ совѣсть, она сама себѣ была не рада и даже черезъ эту любовь смерть получила.

— А почему эта пьеса называется «Гроза»?

— Потому что совѣсть ее начала какъ разъ во время грозы мучить; ей и такъ уже было тошно, а тутъ эта барыня: «Всѣ вы, говоритъ, въ огнѣ будете кипѣть!»

— Почему мужъ Катерины не защитилъ ея отъ злой свекрови?

— Онъ тоже смирный очень былъ и уже подъ конецъ, какъ вытащили ее мертвую, не вытерпѣлъ,—говоритъ черезъ слезы: «Это вы, маменька, всему виноваты!»

С—ва просила дать ей еще Островскаго. Я дала.

— Кто вашъ отецъ? спросила я между прочимъ С—ву, желая не разомъ, а исподоволь разузнать объ ея жизненной обстановкѣ.

— Наборщикъ въ типографіи, отвѣчала она.

— Онъ хорошо-грамотный?

— Читають хорошо, а пишуть плохо; они сами выучили меня читать, а писать я совсѣмъ не умѣла, когда пришла къ вамъ въ школу.

— Есть у васъ грамотные знакомые?

— Нѣтъ,—нѣту!

Итакъ, въ полномъ и разумномъ пониманіи взрослыми учащимися произведеній Островскаго и въ симпатичномъ отношеніи къ нимъ сомнѣваться, кажется, нѣтъ надобности. Да иначе и быть не могло, такъ какъ всѣ пьесы упомянутаго автора исполнены художественной и жизненной правды.

Остается пожелать, чтобы сочиненія Островскаго были изданы для народа по удешевленной цѣнѣ и сдѣлались-бы, такимъ образомъ, достояніемъ не однихъ только людей состоятельныхъ, но и массы, которая,—можно сказать съ увѣренностью,—прочтетъ ихъ съ интересомъ и пользою.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ДѢТСКАГО ТЕАТРА.

Опредѣливъ въ предыдущей статьѣ значеніе Островскаго какъ народнаго писателя, мы считаемъ излишнимъ останавливаться на неудачныхъ драматическихъ произведеніяхъ Погоскаго и др., предназначенныхъ для взрослыхъ, и перейдемъ прямо къ вопросу о *дѣтскомъ театрѣ*. Вопросъ этотъ пока остается открытымъ. При пересмотрѣ педагогическихъ журналовъ вамъ кажется, что онъ не имѣетъ приверженцевъ, и каждый порядочный воспитатель долженъ тщательно избѣгать дѣтскихъ спектаклей, чтобы не вносить въ душу ребенка деморализирующаго вліянія; между тѣмъ появляются время отъ времени дѣтскія пьесы, и многіе учителя и родители не гнушаются такимъ препровожденіемъ времени. Все это вызываетъ въ насъ желаніе подѣлиться вкратцѣ съ народнымъ учителемъ всѣмъ тѣмъ, что пришлось перечитать намъ въ педагогическихъ журналахъ, и высказать свой личный взглядъ.

Въ журналѣ «Учитель» (томъ VI, Спб. 1866 г.) мы встрѣчаемъ статью: «*Дѣти на театральныхъ подмосткахъ*», въ которой приводится мнѣніе Дрезденскаго Педагогическаго Собранія. Мнѣніе это таково:

«Представленіе дѣтьми соотвѣтствующихъ этой цѣли театральныхъ произведеній въ кругу семейномъ и въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ подъ близкимъ надзоромъ родителей и наставниковъ, можетъ не возбуждать опасеній, если оно повторяется не часто. Напротивъ, участіе дѣтей въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ нельзя не признать, съ педагогической точки зрѣнія, опаснымъ. Представленія эти до такой степени занимаютъ дѣтскій умъ, и безъ того развлекаемый близостью праздниковъ, что надолго вырываютъ ребенка изъ его обычныхъ занятій и круга мыслей. Даже послѣ представленія дѣти не скоро успокаиваются. Это вредное вліяніе распространяется, какъ показываетъ опытъ, даже на дѣтей, съ которыми участвующіе въ представленіи находятся въ частыхъ сношеніяхъ. Должно опасаться и того умственнаго напряженія, какого требуютъ заучиваніе ролей и упражненія въ нихъ исполненіи, — особенно въ послѣднее время, когда школу со всѣхъ сторонъ упрекаютъ въ чрезмѣрномъ отягощеніи дѣтей уроками. Кромѣ того, роли отягощаютъ дѣтскую фантазію и переполняютъ ее образами, которые впослѣдствіи не даютъ ей успокоиться. Выборъ театральныхъ произведеній, которыя по содержанію своему вполнѣ соотвѣтствовали бы дѣтскому возрасту и не угрожали правильности и нравственности дѣтскихъ убѣжденій, весьма затруднителенъ. Но даже и при этомъ условіи общія повторенія ролей дѣтьми различнаго возраста и пола, при которыхъ постоянный и пристальный надзоръ за каждымъ ребенкомъ почти невозможенъ, угрожаютъ нравственности съ различныхъ сторонъ. Преимущественно они будятъ самолюбіе, зависть и даже легко могутъ ускорить половое развитіе. Съ другой стороны, воспроизведеніе чужихъ, вымышленныхъ чувствъ можетъ породить притворство. Наконецъ, похвалы щедрой на нихъ публики еще болѣе щекочутъ самолюбіе, заглушаютъ свойственную дѣтямъ, нѣжную и привлекательную застѣнчивость и часто замѣщаютъ ее наглостью. Соображенія эти побудили

правительства нѣкоторыхъ германскихъ государствъ воспретить участіе дѣтей въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ».

Въ «Собраніи литературныхъ статей *Пирогова*» (изданіе редакторовъ «Од. В.» А. Богдановскаго и А. Георгіевскаго, Одесса 1858 г.), въ статьѣ *«Быть и казаться»* мы встрѣчаемъ взгляды, вполнѣ совпадающіе съ предыдущими; такъ, на стр. 62 и 63 говорится:

«Не обязаны-ли истинные нравоучители смотрѣть на духовную сторону юноши и дитяти какъ на святой храмъ, о которомъ сказано: «храмъ мой—храмъ молитвы наречется?» Не обязанъ ли нравоучитель изгонять изъ него все продающееся и покупающееся? Совмѣстима-ли съ этимъ взглядомъ на духовную сторону юности выставка, возбуждающая суетность и тщеславіе? Родитель или наставникъ, дозволяя себѣ выставлять юношество въ искаженномъ видѣ на публичное созерцаніе, не вноситъ-ли въ воспріимчивую душу начало лжи и притворства? Развѣ разыграть хорошо роль, принять кстати подготовленную позу, съумѣть сдѣлать удачный жестъ и живо выразить миною поддѣльное чувство, — развѣ, говорю, все это не есть школа лжи и притворства? А шумныя похвалы, воздаваемыя именно тому притворству, которое сдѣлалось натуральнымъ, развѣ не пробуждаетъ желаніе усовершенствоваться — и въ какой душѣ!—еще не коротко знакомой съ наукой быть и казаться»?!

Далѣе, на стр. 70, онъ такъ заключаетъ свою мысль:

«Наши отцы и праотцы, слѣдуя буквально правилу царя Соломона: «кто щадитъ жезлъ свой,—ненавидитъ сына своего: любящій же наказуетъ прилежно», переносили ребенка насильственно изъ его внутренняго міра въ свой собственный; но за то скорѣе и отпускали назадъ. Если уже нужно выбирать одно изъ двухъ, то, безъ сомнѣнія, лучше вторгаться въ духовно-дѣтскій міръ съ жезломъ въ рукѣ, чѣмъ съ театральною афишею и бальнымъ костюмомъ. Ядъ и позолоченная отрава опаснѣе палки и синяковъ».

Въ журналѣ «Народная Школа» 1873 г., № 5-й, стр. 35, мы встрѣчаемъ разборъ «*Комедіи для дѣтей*», соч. *Маріи Іюльской* (Спб. 1872 г.), о которой критикъ говоритъ въ своемъ вступленіи:

«Такой безсмысленной, безграмотной книжонки, каковую представляютъ собою ея комедіи, намъ не доводилось читать еще ни-разу. Комедіи эти—какая-то безобразная пачкотня, представляющая собою, — выражаясь словами одного нашего критика,—отрицаніе самыхъ простыхъ законовъ, общихъ всѣмъ литературамъ, выражающимъ сколько-нибудь разумное содержаніе».

Далѣе онъ приводитъ выдержки, вполнѣ подтверждающія высказанный взглядъ.

Въ томъ же журналѣ, но позднѣе, 1877 г., № 11, стр. 62, мы встрѣчаемъ:

«*Библіографія*»: Пьесы для дѣтскаго театра. Соч. *А. Львовой*. Спб. 1876 г.

«*Дѣтскій театръ*». Оригинальныя сцены и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дальнѣйшей постановкѣ *Л. К.* «*Ст——х—вой*». (Спб. 1876 г.), по поводу которыхъ критикъ говоритъ:

«Мы скажемъ только, что если ужъ хотятъ устроить дѣтскій спектакль, то пьеса для него должна быть написана въ такомъ родѣ, чтобы дѣти могли вынести изъ нея хоть что либо хорошее. Для этой цѣли пьеска должна быть взята лучше всего изъ жизни дѣтей. Пьески же въ волшебномъ духѣ, гдѣ волшебники или волшебницы злые побѣждаются волшебниками и волшебницами добрыми или же гдѣ «*злые*», «*безнравственные*» Вани наказываются и гдѣ «*хорошіе*», «*благонравные*» Пети награждаются добрыми волшебниками, — словомъ, пьески, старающіяся провести одну прописную мораль, въ которыхъ съ этой цѣлью и вводятся волшебники и волшебницы, награждающіе все доброе и карающіе все злое,—вполнѣ не годятся для дѣтскаго театра». И, разобравъ довольно подробно «*Пьесы для дѣтскаго театра*» А. Львовой, критикъ заключаетъ:

«Къ какому же, спрашивается, результату пришли мы, разсмотрѣвъ эти пять пьесокъ? Нужно сознаться,—къ результату весьма печальному: ни одна изъ нихъ не подходитъ вполнѣ для дѣтскаго театра» (стр. 64).

Къ пьескамъ Ст—х—вой онъ относится нѣсколько снисходительнѣе, но и онѣ далеко не представляютъ собою желаннаго идеала.

Въ журналѣ «Женское Образованіе» 1879 г., № 10-й, стр. 688, мы встрѣчаемъ разборъ: «*Дѣтскій театръ*» (оригинальныя сцены и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. *Л. К. Стахѣевой*; 2-е изданіе, Спб. 1879 г., 339 стр. небольшаго формата, цѣна 1 р. 75 к.), въ которомъ критикъ, между прочимъ, приводитъ такую выдержку:

Иванъ. Проводить васъ не прикажете ли?

Это мы съ нашимъ удовольствіемъ исполнимъ.

Дѣвушка. Премного обязана вамъ, и сами однѣ дойдемъ, а вамъ, молодой человѣкъ... (обращаясь къ Александру, дѣлаетъ ручкой) нашъ воздушный поцѣлуй! (Хохочетъ и убѣгаетъ).

Иванъ. Развеселая! Вотъ бы когда взять на лодкѣ покататься!..

Замѣтку свою онъ справедливо заключаетъ такъ:

«Какъ это людямъ не стыдно предлагать дѣтямъ такія книжонки?!» (Стр. 689).

Въ томъ же журналѣ, за тотъ же годъ, № 2-й, стр. 148, мы встрѣчаемъ разборъ: «*Спектакль любителей. Двѣ пьесы для дѣтей». Н. А. Тизенгаузена.* Спб., 44 стр. небольшаго формата. Цѣна 60 к. 1879 г. Въ 1-й пьесѣ фигурируетъ мальчикъ-лгунъ; о второй критикъ говоритъ: «Вторая пьеска называется: «*Осенній вечеръ въ деревнѣ*», сцена изъ народнаго быта. Ее похвалить совсѣмъ нельзя, такъ какъ она съ начала до конца поддѣльна и по языку, и по положеніямъ дѣйствующихъ лицъ. Самый главный эффектъ ея сосредоточивается на длинномъ-длинномъ монологѣ солдата, разсказывающаго про то, какъ онъ подъ Шипкой съ туркой воевалъ» (стр. 449).

Въ томъ же журналѣ за 1882 г., № 2-й, стр. 129, критикъ, разбирая пьесу Васильева «*Сиротка*» *) (сцены изъ народнаго быта, Спб. 1882 г., цѣна 40 к., 31 стр.), говоритъ:

«Съ бытовой стороны сцены эти очень недурны, написаны хорошимъ языкомъ, но жаль, что не облечены въ форму разсказа, а приспособлены къ дѣтскому театру. Положимъ, что не трудно поставить на сценѣ «Сиротку», по увѣренію г. Васильева, изложенному въ особомъ примѣчаніи автора о постановкѣ этихъ сценъ; допустимъ даже, что свѣчка, поставленная за розгою, будетъ во очію напоминать костеръ въ лѣсу, а, все-таки, на нелѣпость дѣтскаго театра въ принципѣ указать не мѣшаетъ.

«Драма, какъ труднѣйшій родъ поэтическаго творчества, требуетъ выполненія столькихъ серьезныхъ, глубокихъ и сложныхъ условій для своей удовлетворительности, что если условія эти въ ней не выполнены, то и сама она не можетъ быть доступна дѣтскому пониманію. Такимъ образомъ, дѣтьми можетъ быть понято только легкое драматическое произведеніе безъ глубокаго психическаго анализа, безъ надлежащаго движенія, безъ характеровъ, развитія дѣйствій и прочихъ необходимыхъ условій серьезной драмы,—словомъ, рядъ неимѣющихъ между собою внутренней связи сценъ. Но не думаемъ, чтобы правильный литературный вкусъ могъ быть развитъ въ дѣтяхъ помощью легкихъ произведеній словесности. Поэтому мы, не обинуясь, называемъ нелѣпостью дѣтскій театръ, способный только служить къ развитію въ дѣтяхъ водевильныхъ мелодраматическихъ вкусовъ. Кромѣ того, не способствуетъ ли дѣтскій театръ зарожденію и развитію въ дѣтяхъ мелкаго тщеславьица тѣми аплодисментами, которыми награждаютъ ихъ меценатствующія маменьки и тетеньки, въ то время, когда они лицедѣйствуютъ передъ ними? Думается намъ, что способствуютъ».

Въ томъ же журналѣ за тотъ же годъ, (№ 5-й, стр. 355, «*Полное собраніе театральныхъ пьесъ для дѣтскаго театра*», изданіе 2-е М. О. Вольфа, томъ I, Спб. 1882 г.) тотъ же критикъ высказывается еще рѣзче; онъ говоритъ:

«Разбирая журналъ «Дѣтское Чтеніе» за 1881 г., мы высказали по поводу пьесы г. Васильева «Сиротка» наше мнѣніе о нелѣпости дѣтскаго театра вообще. Естественно послѣ этого, что мы съ грустью узнали о выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Полнаго собранія театральныхъ пьесъ для дѣтскаго театра», съ тою же грустью просмотрѣли его и съ неменьшею грустью подтверждаемъ передъ нашими читателями высказанное уже мнѣніе о нелѣпости дѣтскаго театра».

Какъ ни грозенъ приговоръ всѣхъ вышеизложенныхъ мнѣній, но и въ нихъ вамъ слышатся нѣкотораго рода уступки; такъ, напр., Дрезденское Педагогическое Собраніе, не смотря на воспрещеніе дѣтямъ участвовать въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ, говоритъ:

«Представленіе дѣтьми соотвѣтствующихъ этой цѣли театральныхъ произведеній въ кругу семейномъ и въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ подъ близкимъ надзоромъ родителей и наставниковъ можетъ не возбуждать опасеній, если оно повторяется не часто» («Учитель», т. 6-й, Спб. 1866 г., стр. 35).

Въ «Собраніи литературныхъ статей» Пирогова, на стр. 64-й, говорится: «Признаюсь, я самъ еще недавно позволилъ дѣтямъ въ

*) Рец. см. «Систем. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1881 г. Дополн. 1-е, стр. 46.

лицейскомъ пансіонѣ разыграть одну маленькую пьесу; но театръ былъ чисто-домашній, зрителями были товарищи и наставники: я видѣлъ въ игрѣ только средство для изученія языка.

«Дома и въ учебныхъ заведеніяхъ можно бы только, и даже должно, позволять дѣтямъ отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ выучивать избранныя роли изъ различныхъ пьесъ, но безъ всякой обстановки и только единственно съ цѣлью упражняться въ языкѣ и въ способѣ выражать отчетливо мысли. Пусть наставникъ объяснитъ этимъ ученикамъ, что̀ именно хотѣлъ выразить авторъ тѣмъ или другимъ оборотомъ рѣчи. Пусть покажетъ вмѣстѣ, какіе пріемы свойственны тому или другому характеру дѣйствующаго лица, но безъ всякой обстановки, безъ огласки, безъ постороннихъ зрителей. Наставникъ и его ученики должны быть и публикою, и дѣйствующими лицами, школьная комната — сценою. Пусть воображеніе довершитъ и украситъ все остальное».

Эти уступки ясно показываютъ, что если мы требуемъ отъ ребенка полнаго пониманія прочитаннаго, выразительной декламаціи поэтическаго произведенія, то тѣмъ самымъ предъявляемъ желаніе, чтобы онъ, такъ-сказать, вошелъ въ роль тѣхъ образовъ, которые онъ силится реально возстановить передъ нами. Неужели же эти требованія не имѣютъ тѣсной связи съ драматическимъ изображеніемъ дѣйствующихъ лицъ, и это стремленіе ребенка воплотить въ жизнь образы фантазіи можно считать ложью?! Послѣ этого, если хотите, и на игру въ куклы можно смотрѣть какъ на ложь: тамъ тоже являются дѣйствующія лица, разнообразные разговоры, подражаніе окружающей жизни.

Идемъ далѣе: чтобы дѣтскій театръ не носилъ на себѣ характера деморализующаго, безспорно требуется раціональный выборъ пьесъ и выборъ руководителей, но это требуется не въ одномъ только театрѣ,—это требуется и въ выборѣ дѣтскаго чтенія, и во всѣхъ остальныхъ вопросахъ дѣтскаго воспитанія.

Кромѣ того, необходимо замѣтить, что всѣ предыдущія статьи, очевидно, примѣряютъ данный вопросъ исключительно къ условіямъ жизни интеллигентнаго ребенка, а эти условія весьма разнятся отъ условій жизни деревенскаго школьника; ни пресыщенія разнообразными удовольствіями, ни желанія рисоваться, ни жажды аплодисментовъ тутъ нечего бояться; они совсѣмъ не вяжутся съ представленіемъ деревенскаго мальчика, этого сына природы, на долю котораго выпало такъ мало эстетическихъ удовольствій. Все дѣло сводится, слѣдовательно, на тактъ учителя и содержаніе пьесы, которая, не выводя его изъ своей среды, не подымая на ходули, доставила бы ему возможность эстетическаго наслажденія. Сошлемся на примѣръ изъ жизни.

Лѣтомъ на каникулахъ въ одной деревенской школѣ у насъ на югѣ учителю вздумалось устроить спектакль. Думалъ онъ, думалъ и остановился на разсказѣ Тургенева «Бѣжинъ лугъ». Накосили травы, нарубили въ лѣсу деревцовъ, устроили треножникъ, привѣсили *казанокъ*, поодѣвались въ старенькія свитки и шапки, повыучивали съ помощью учителя свои роли, превратили лѣтнюю бесѣдку въ Бѣжинъ лугъ, и когда передъ публикой (состоящей преимущественно изъ матерей) взвился дешевый голубой коленкоровый занавѣсъ, усѣянный серебряными бумажными звѣздочками, и глазамъ предстала родная каждому картина,—врядъ ли самый придирчивый критикъ нашелъ бы въ этомъ что-либо деморализующее. Затѣмъ дѣти стали говорить словами художника, подслушавшаго своимъ чуткимъ ухомъ ихъ дѣтскую рѣчь, и они говорили то, что говорятъ каждый день, никого не копируя, не подымаясь на ходули, но понимая и чувствуя, однако, все то, что было вложено въ ихъ уста. Аплодисментовъ почти не было; ихъ внесла въ незначительномъ количествѣ мѣстная интеллигенція, но они, повидимому, никого не трогали и никто не нуждался въ нихъ.

Послѣ «Бѣжина луга» вышло на сцену шесть дѣвочекъ, ученицъ школы, въ своихъ скромныхъ праздничныхъ костюмахъ. Онѣ сѣли на травѣ и разсказали по-очереди (по одной главѣ каждая) грустную исторію «*Наймички*» Шевченка. Тутъ легко можно было замѣтить слезы на глазахъ матерей. Послѣ «Наймички» появился хоръ; всѣ мальчики были съ косами, всѣ дѣвочки съ граблями, и они дружно и весело запѣли:

«Гей, нуте, косари,
Бо не рано почали!»

Этимъ и кончился спектакль, и врядъ-ли онъ внесъ въ чью-либо душу самомнѣніе, зависть, двуличіе и всѣ тѣ дурныя чувства, которыя приписываются дѣтскимъ спектаклямъ *).

Кромѣ вышеупомянутаго факта, мы позво-

*) Видѣли мы также на дѣтской сценѣ басни въ лицахъ: «Демьянова уха», «Два мужика» и проч.

лимъ себѣ еще привести выдержку изъ письма другаго сельскаго учителя по поводу поставленной имъ пьески «*Сиротка*» и нѣсколькихъ стихотвореній, сказанныхъ дѣтьми. Онъ пишетъ:

«Я счастливецъ! Всѣ Рождественскіе праздники провелъ въ радости, въ семьѣ съ народомъ. Все, что я сдѣлалъ, увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ. Спектакль «Сиротка» и мои литературные дѣтскіе вечера прошли превосходно; но главное — то, что мы получили громадное, искреннее сочувствіе народа и благодарность за доставленное наслажденіе. Народу было масса,—яблоку упасть негдѣ было и притомъ относительно тихо. Народъ слушалъ съ непритворнымъ вниманіемъ и искреннимъ сочувствіемъ своихъ дѣтей. Послѣдній спектакль вмѣстѣ съ литературнымъ вечеромъ былъ на Крещеніе. Народу—масса, буквально какъ сельди въ бочкѣ. Сочувствіе и благодарность громадныя. Я былъ радъ, я восторженъ! Они съ признательностью слушали то, что я вложилъ въ уста дѣтей, что я желалъ сказать... Когда говорилъ мальчикъ «*Жена ямщика*», я самъ видѣлъ неподдѣльныя слезы на глазахъ женщинъ».

Въ городѣ, однако, куда писалъ онъ, отнеслись къ этому письму довольно холодно и, зная его за человѣка искренняго и дѣльнаго, но слишкомъ увлекающагося благими порывами, въ отвѣтномъ письмѣ предостерегали отъ излишнихъ увлеченій и высказывали боязнь, чтобы онъ дѣла не смѣшалъ съ бездѣльемъ и не повредилъ бы себѣ въ деревенскомъ общественномъ мнѣніи. Вотъ что отвѣчалъ онъ на это письмо:

«Кто же говоритъ, что можно заслужить сочувствіе здравомыслящаго народа, бросивъ настоящее дѣло и отдавшись хотя-бы благому, но побочному? Конечно, ваша правда,—тогда народъ осудитъ. Нѣтъ, я существеннаго и не думаю упускать, но хочу сухое, серьезное смѣшать съ полезно-пріятнымъ, повліявъ въ то-же время на сухія души. Помилуйте, что̀ можетъ быть безцвѣтнѣе жизни простолюдина? Храмъ, одинъ храмъ Божій спасаетъ его, давая ему возможность хоть минуты пожить идеально, по-человѣчески. А затѣмъ опять та-же сѣренькая жизнь, та-же вѣчная работа въ землѣ... и некогда взглянуть на небо. Но вотъ онъ въ школѣ. Чу! что-то говорятъ... послушаемъ; про мужика, кажется, читалъ («*На пепелищѣ*»), про многострадальную мать... («*Жена ямщика*»)... Бѣдная, бѣдная! — и онъ душевно погоревалъ. «*Москва*»... Что̀ такое Москва? Какъ хорошо онъ прочелъ! То-то, видно, много горя она видѣла... «*Бородино*»... Мининъ, Пожарскій... Ишь какъ хорошо сказалъ!... значитъ, и допрежъ были люди. Сусанинъ — умеръ; убили окаянные... Чего это онъ въ лѣсъ-то ихъ завелъ? Смерть получилъ... Царя, вишь, любилъ и матушку Россію любилъ, за нее легъ... «*Какъ живали въ старину*»... да, да, не по нашему, по настоящему, православному. Славно, славно ребята спѣли, распотѣшили... Ура! и весь единодушный крикъ, сердечный крикъ огласилъ зданіе училища послѣ пѣнія «*Боже, царя храни!*» Да, онъ пожилъ, лучшими минутами пожилъ... Онъ тутъ забылся отъ гнетущей нужды. Пусть въ его темной головѣ чувствуется отчасти сумбуръ, но онъ душою побылъ съ нами и многое подумалъ и погоревалъ, и посмѣялся... и хоть чуть-чуть эстетически насладился. Я этимъ вполнѣ счастливъ, и неужели все это — иллюзіи, никому ни на что не нужныя иллюзіи?!»

Перейдемъ къ разбору 4-хъ дѣтскихъ пьесъ, вышедшихъ за послѣднее время; начнемъ со сказки «Замарашка».

400) Сказка 1-я — **Замарашка** (въ 3-хъ картинахъ; Москва 1883 г., изд. Н. П. Е.,—сказки, передѣланныя для дѣтскаго театра)—немыслима по своей дороговизнѣ для народной школы: старинные боярскіе костюмы, серебряные галуны, тѣлогрѣйки, фата, царскій теремъ, все это — атрибуты, доступные достаточнымъ классамъ; но еслибы даже предположить, что вся эта обстановка предложена была народной школѣ попечителемъ или другимъ какимъ-либо лицомъ, то и тогда пьески «Замарашка» не слѣдовало-бы допускать на дѣтскую сцену. Читая сказку, ребенокъ смотритъ на дѣйствующихъ лицъ какъ зритель—и только; тутъ-же онъ невольно примѣряетъ эти роли на себя; такъ напр., слѣдуетъ-ли допустить съ педагогической точки зрѣнія сцену (стр. 12-я и 13-я), въ которой Ѳеня и Дуня спорятъ, кто изъ нихъ красивѣе *)?

Ѳеня. Недаромъ матушка говоритъ: «что ни надѣнь на Ѳеню,—къ ней все пристанетъ; такая она у меня красавица!»

Дуня. И про меня говорятъ, что я какъ лебедь бѣла, какъ пава величава, что моя коса—всему городу краса, а посмотри, какъ

*) Мы не говоримъ уже о бѣлилахъ и румянахъ, требующихся пьесой, которыя въ высшей степени непріятно видѣть на дѣтскихъ лицахъ даже въ шутку.

эта противная дѣвчонка скверно заплела мнѣ ее! (Толкаетъ ее въ бокъ.)

Недовольство это кончается пощечиной. Затѣмъ, на стр. 34, происходитъ такая сцена:

Ѳеня. Ну, не говори этого; онъ ужъ хотѣлъ вести меня на пляску, когда явилась эта сказочная царевна.

Дуня. Вотъ вздоръ какой! Я очень хорошо видѣла, что понравилась я! Да, по правдѣ сказать, такъ и должно быть: я, вѣдь, безспорно, красивѣй тебя!

Ѳеня (обиженно). Чѣмъ же это ты красивѣй? Кто тебѣ сказалъ это?

Дуня (беретъ ее за руку и подводитъ къ зеркалу). Видишь: я румянѣй и бѣлѣй.

Ѳеня. А я выше и стройнѣй!

Дуня. Всѣ знаютъ, что я умнѣй!

Ѳеня. Всѣ говорятъ, что я скромнѣй!

Дуня. Я буду царицей!

Ѳеня. Нѣтъ, я!

Обѣ. Нѣтъ, я! нѣтъ, я! (Обѣ кричатъ и топаютъ ногами.)

Кромѣ этихъ сценъ, вполнѣ несоотвѣтствующихъ дѣтскому возрасту, есть роли, требующія опытныхъ и даровитыхъ артистовъ: такъ напр., для роли шута необходимо обладать комическимъ талантомъ; длинный монологъ Любаши (стр. 18 и 19) въ пору произнести актрисѣ, подвизающейся многіе годы на театральныхъ подмосткахъ, и всѣ эти проявленія злобы, зависти, отчаянія, изумленія дадутся съ большими натяжками дѣтямъ,—если только дадутся.

Сухое нравоученіе волшебницы (стр. 37): «Благословляю васъ, дѣти мои! Будьте счастливы и для этого избѣгайте гордости и тщеславія и помните, что кротость, скромность и доброта рано или поздно восторжествуютъ!»—ужъ, конечно, не выкупитъ всѣхъ тѣхъ неудобствъ, на которыя мы указали выше.

401) Сказка 2-я—**Спящая красавица** (въ 5-ти картинахъ; изд. Н. П. Е. Москва, 1883 г., ц. 25 к., 33 стр.) обладаетъ всѣми тѣми-же недостатками, какъ и 1-я. Черные бархатные лифы, пестрыя матеріи на подобіе штофа, розовыя туфли, глазетъ и прочая дребедень въ томъ же родѣ служатъ ея аксессуарами: тѣ-же чувства злобы, оскорбленія, мщенія, отчаянія фигурируютъ на сценѣ; тѣ-же длинные монологи (напр., стр. 28) дѣлаютъ ее для дѣтскаго исполненія совершенно невозможною. Возьмемъ для примѣра хоть одну выдержку (стр. 22):

Княгиня, затѣмъ князь.

Княгиня. Что случилось? Что такое? О, боги, что я вижу? Рогнѣда умерла или спитъ! (Бросается къ ней, цѣлуетъ ее и ея руки.) Дитя мое ненаглядное! приди въ себя! Открой свои ясныя очи, не дай мнѣ умереть съ горя!

Князь (входитъ). Что здѣсь такое? Что вижу я? Веретено! Оно въ крови! Дочь моя погибла!... Но откуда взялось оно? Кто осмѣлился...? Ахъ, зачѣмъ пріѣхали мы въ этотъ проклятый теремъ! (Слышенъ за печкой злой хохотъ.)

Княгиня. О, богини, гдѣ вы? Придите на помощь несчастной матери! (Дверки въ стѣнахъ распахиваются, и являются Зорида и Струнда.)

Княгиня (падаетъ на колѣни). Спасите ее! Она еще жива, руки ея еще не остыли!

Зорида (подходитъ первая, всматривается въ Рогнѣду, обмахиваетъ ее опахаломъ и, грустно покачавъ головою, отступаетъ на шагъ). Я ничего не могу! она жива, потому что дышетъ; но не въ моей власти разбудить ее!

(Подходитъ Струнда. У нея въ рукахъ небольшой кувшинъ. Она также нагибается надъ Рогнѣдой, затѣмъ выливаетъ ей на голову нѣсколько капель; Рогнѣда не двигается; тогда Струнда также отступаетъ и также грустно произноситъ:)

Струнда. Я не могу помочь вамъ: здѣсь дѣйствуетъ очарованіе сильнѣе моего! (Въ это время въ окнѣ появляется Лада).

Княгиня (бросается къ ней). Спаси и разбуди ее!

Лада (держитъ въ рукахъ зеленую вѣтвь). Не могу, княгиня. Я сдержала свое обѣщаніе: княжна Рогнѣда не умерла, а спитъ; но разбудить ее можетъ, какъ я сказала прежде, только молодой витязь, который черезъ много, много лѣтъ придетъ изъ далекихъ странъ!

Князь и княгиня (въ отчаяніи). Что намъ дѣлать! что намъ дѣлать! (Княгиня садится на стулъ направо, грустно опустивъ голову: князь стоитъ около, стараясь утѣшить ее).

Сколько драматизма потребовалось бы отъ ребенка, желающаго изобразить отчаяніе отца и матери!..

Перейдемъ затѣмъ къ пьескѣ того же издателя Н. П. Е.—

402) **Горькое разочарованіе**, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ для дѣтскаго театра.

Нечего и говорить, что она по содержанію своему совершенно непригодна для народнаго

театра, но, разъ заговоривъ объ этомъ, необходимо сказать хоть нѣсколько словъ въ доказательство того, какъ и почему именно она непригодна, чтобы предостеречь учителя отъ пріобрѣтенія совсѣмъ ненужной ему книжонки и не дать прочувствовать на опытѣ ея заглавіе. А заглавіе это дано ей вотъ почему: барышни и юноши отъ 8-ми до 13-ти л. устраиваютъ костюмированный балъ, на который случайно попадаетъ бѣдный мальчикъ Ваня. Надменная барышня принимаетъ его за юнаго барона, и когда открывается, кто онъ,—наступаетъ *горькое разочарованіе.*

Остановимся на нѣсколькихъ фразахъ этихъ благовоспитанныхъ барышень для характеристики пьесы.

На стр. 17-й Нина говоритъ о маленькомъ жокеѣ Ванѣ: «На этотъ разъ ты, дѣйствительно, не ошиблась: глупѣй этого мальчишки трудно найти кого-нибудь! Да и вообще въ простонародьи попадается мало смышленыхъ дѣтей, между тѣмъ какъ у людей хорошаго общества и умъ, и хорошія манеры, такъ сказать, врожденны»! (она зонтикомъ дотрогивается до Вани и толкаетъ его, пока тотъ не вскочитъ, протирая глаза) и затѣмъ добавляетъ:

«Ахъ, еслибы можно было, я бы окружила себя графами, князьями и баронами! Я стою на томъ, что только люди высокаго происхожденія и могутъ быть умны, образованны и пріятны».

На стр. 20-й она говоритъ, подходя къ зеркалу и охорашиваясь: «Какъ красивъ мой нарядъ и какъ онъ ко мнѣ идетъ! Какой онъ мнѣ придаетъ величественный видъ! Жаль только, что такъ недолго придется мнѣ носить эту корону (надѣваетъ маску)! Впрочемъ, это все равно: я съумѣю воспользоваться и этимъ короткимъ временемъ. Я буду держать себя съ достоинствомъ, не стану танцовать съ первымъ попавшимся кавалеромъ, буду выбирать лишь самыхъ знатныхъ и всѣмъ покажу, что я умѣю держать себя, какъ царица»!

На стр. 21-й, принимая бѣднаго мальчика за барона, она говоритъ: «Ужъ не баронъ ли это?.. Конечно, это долженъ быть онъ: сердце мое и инстинктъ ко всему прекрасному и знатному не обманутъ меня», и затѣмъ добавляетъ: «Съ какимъ достоинствомъ онъ раскланивается! Сейчасъ видно, что аристократъ! Нѣтъ болѣе сомнѣнія,—это баронъ! Надо же, наконецъ, рѣшиться подойти къ нему». (Дѣлаетъ еще шагъ, затѣмъ граціозный реверансъ).

На стр. 22-й она говоритъ ему: «Не удивляйтесь, что я узнала васъ, не смотря на маску! Во мнѣ есть врожденное чувство, которое влечетъ меня ко всему изящному и благородному, и потому, баронъ, не скрывайтесь болѣе отъ меня»! Когда мистификація открывается, дѣти поютъ, между прочимъ (стр. 35):

«И какъ мрачна царица ночи!
Она стоитъ, потупя очи,
А какъ любезна и мила
Съ лакеемъ Ваней то была!
Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!
Съ лакеемъ Ваней то была»!

Въ этихъ куплетахъ, напоминающихъ шансонетки, авторъ какъ бы заставляетъ дѣтей смѣяться надъ надменной дѣвочкой, между тѣмъ причина смѣха остается все та же:

«А какъ любезна и мила
Съ лакеемъ Ваней то была»!

Въ заключеніе пріѣзжій братецъ Евгеній говоритъ длинный-предлинный монологъ, изъ котораго оказывается, что баронъ, котораго онъ обѣщалъ привезти съ собою, не кто другой какъ собака, которая въ данномъ случаѣ должна явиться для остальныхъ дѣтей идеаломъ всѣхъ добродѣтелей. Онъ говоритъ (стр. 38): «Въ немъ много хорошихъ качествъ (къ Нинѣ): во-первыхъ, онъ не спѣсивъ и съ одинаковымъ удовольствіемъ приметъ косточку отъ какого-нибудь графа или князя, какъ и отъ простаго смертнаго; во-вторыхъ (къ Софьѣ), хотя онъ и умѣетъ много штукъ, но не гордится своими познаніями и съ удовольствіемъ играетъ со всякимъ щенкомъ; наконецъ (къ Колѣ), онъ нелюбопытенъ и никогда не заглядываетъ въ чужія письма; а потому выпьемте за здоровье моего друга Барона! (Беретъ бокалъ, всѣ дѣти также. Всѣ дѣти поютъ):

«Ура, нашъ вѣрный песъ Баронъ!
Намъ образцомъ послужитъ онъ.
Онъ такъ уменъ, но не кичливъ,
Ни любопытенъ, ни смѣшливъ.
Ура! ура»!

Вотъ какія пьески пишутъ для васъ, бѣдныя богатыя дѣти!

Неизмѣримо выше по своей простотѣ и безъискусственности стоитъ пьеса—

403) **Сиротка** И. Г. Васильева. Сцены изъ народнаго быта. Спб. 1882 г. Ц. 40 к. 31 стр. Изд. 2-е 1887 г.

Обстановка ея требуетъ самыхъ ничтожныхъ затратъ, возможныхъ даже для народ-

ной школы; дѣйствующія лица состоятъ изъ деревенскихъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ, крестьянки Домны и старика лѣснаго сторожа, чѣмъ удовлетворяютъ вполнѣ справедливымъ требованіямъ критика журнала «Народная Школа», который говоритъ: «Мы скажемъ только, что если ужъ хотятъ устроить дѣтскій спектакль, то пьеса для него должна быть написана въ такомъ родѣ, чтобы дѣти могли вынести изъ нея хоть что либо хорошее. Для этой цѣли пьеска должна быть взята лучше всего изъ жизни дѣтей».

Содержаніе пьески таково: Сирота Дуня отживаетъ въ наймахъ недоимку своихъ умершихъ родителей; непривѣтно живется ей у сердитаго пастуха. Во время общаго веселья она прячется отъ людскаго глаза, стыдясь и своихъ заплаканныхъ глазъ, и своего изношеннаго сарафана; но подруги, не желая, по своему легкомыслію, вникнуть въ настоящія причины этой замкнутости, приписываютъ ее гордости, проистекающей отъ знанія грамоты. Желая проучить бѣдную сироту, одна изъ нихъ заводитъ ея телку въ лѣсъ. Отчаяніе и страхъ побоевъ заставляютъ бѣдную дѣвочку искать ее ночью въ лѣсу, гдѣ она встрѣчается съ добрымъ старикомъ-сторожемъ. Тронутый положеніемъ несчастнаго ребенка, онъ разговорился съ сиротой и оканчиваетъ свою бесѣду такъ: «Дуня, хочешь быть моей дочкой»? Тутъ слышатся голоса за сценой: «Ребята! здѣсь! нашли! жива»!

Виноватыя раскаиваются въ своемъ проступкѣ; Михей говоритъ (стр. 31): «Ну, и ладно! я все улажу! Вотъ теперь, дѣвушки, и у меня праздникъ! Господь дочку мнѣ далъ! Ну... пойте же, дѣтушки! пойте»!

Происходитъ общее примиреніе; всѣ поютъ и занавѣсъ падаетъ.

Вся пьеска изобилуетъ пѣснями, подобранными съ большимъ вкусомъ, хотя выборъ ихъ можно и варіировать, сообразно мѣстнымъ условіямъ; такъ напр., у насъ на югѣ гораздо прочувствованнѣе и естественнѣе пропоются малорусскія пѣсни, чѣмъ великорусскія. Кромѣ того, въ пьескѣ встрѣчаются двѣ-три очень эффектныхъ сценки, какъ напр, (стр. 14): «Поляна въ лѣсу. Ночь. Свѣтитъ луна. Посреди сцены костеръ. Вокругъ костра лежатъ крестьянскіе мальчики».

Правда, это мѣсто весьма напоминаетъ «Бѣжинъ лугъ» Тургенева, причемъ, само собою разумѣется, теряетъ отъ этого сравненія; тѣмъ не менѣе разговоры мальчиковъ просты и естественны.

Итакъ, еслибы тѣ изъ художниковъ-писателей, которые не разъ давали намъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ рядъ дѣтскихъ типовъ, создали сцены изъ дѣтской жизни, а учителя отнеслись бы къ этому дѣлу съ тою заботой, которой требуютъ всѣ вопросы воспитанія вообще, мы не думаемъ, чтобы дѣтскій театръ не явился однимъ изъ желанныхъ эстетическихъ удовольствій, облагораживающихъ душу ребенка и развивающихъ его умъ.

Х. А.

УКАЗАТЕЛЬ,

распредѣляющій книги Литературнаго отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей *).

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
74	«Чѣмъ люди живы». Графа Л. Н. Толстаго.		п.	п.	п.	п.	п.
75	» » » Его-же		п.	п.	п.	п.	п.
76	» » » Его-же		п.	п.	п.	п.	п.
77	» » » Его-же		п.	п.	п.	п.	п.
78	«Богъ правду видитъ». Его-же		п.	п.	п.	п.	п.
79	» » » Его-же		п.	п.	п.	п.	п.
80	«Первая русская книга для чтенія». Его-же	Для	различныхъ		воз	расто	въ.
81	«Вторая русская книга для чтенія». Его-же						
82	«Третья русская книга для чтенія». Его-же						
83	«Четвертая русск. книга для чтенія». Его-же						
84	Изъ «Ясной Поляны». Л. Толстаго, книга 1-я.						
85	» » » » книга 2-я.						
86	» » » » книга 3-я.						
87	» » » » книга 4-я.						
88	» » » » книга 5-я.						
89	» » » » книга 8-я.						
90	» » » » книга 9-я.						
91	«Живыя мощи». Тургенева				п.	п.	п.
92	» » Его-же.				п.	п.	п.
93	«Пѣвцы». Его-же					п.	п.
94	» Его-же					п.	п.
95	«Бирюкъ». Его-же					п.	п.
96	» Его-же					п.	п.
97	«Однодворецъ Овсянниковъ». Его-же . . .					п.	п.
98	» » Его-же . . .					п.	п.
99	«Муму». Его-же				п.	п.	п.
100	«Постоялый дворъ». Его-же.						п.
101	«Сорочинская ярмарка». Н. В. Гоголя . .						п.
102	» » Его-же						п.
103	«Ночь передъ Рождествомъ». Его-же. . .						п.
104	» » « Его-же. . .						п.
105	«Майская ночь или утопленица». Его-же .						п.
106	» » » » Его-же .						п.

*) Буква п. обозначаетъ, что книга пригодна для указаннаго въ графѣ возраста.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
107	«Классная библіотека». А. С. Пушкинъ. Вып. 14-й	Оба	эти вы	пуска	должн	ы сост	авлять
108	«Классная библіотека». А. С. Пушкинъ. Вып. 15-й	непр	емѣни тель	ую при ской	надле библіо	жност теки.	ь учи-
109	«Сочиненіе А. С. Пушкина». Изд. для школъ, т. I.	Реком град	ендуе ъ око	мъ дл нч.кур	я под съ на	арков род. ш	ъ и на- колы.
110	«Ундина». Жуковскаго					п.	п.
111	«Записки изъ мертваго дома». Достоевскаго.	Выдер быть п	жки и рочита	зъ это ны по	го ром дъ рук	ана мо овод.	гутъ учит.
112	«Морозъ красный носъ». Некрасова . . .				п.	п.	п.
113	«Стихотворенія Н. А. Некрасова» . . .				п.	п.	п.
114	«Былины и стихотворенія». А. К. Толстаго.					п.	п.
115	«Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ». А. Толстаго					п.	п.
116	«Дядя Томъ». М. Ф. Бутовича				п.	п.	
117	«Хижина дяди Тома», въ передачѣ г-жи Пальмеръ						
118	«Хижина дяди Тома». Повѣсть для дѣтей.				п.	п.	п.
119	«Хижина дяди Тома». Романъ Гарріетъ Бичеръ-Стоу				п	п.	п.
120	«Бобыль». Григоровича					п.	п.
121	«Деревня». Григоровича					п.	п.
122	«Антонъ-Горемыка». Его-же.					п.	п.
123	«Кошка и Мышка». Его-же.					п	п.
124	«Пахарь». Его-же					п	п.
125	» Его-же					п.	п.
126	«Свѣтлое Христово Воскресеніе». Его-же .				п.	п.	п.
127	» » » Его-же .				п.	п.	п.
128	«Мать и дочь». Его-же						п.
129	«Прохожій». Его-же				п.	п.	п.
130	«Пахатникъ и Бархатникъ» Его-же . . .	1-я ч. «	Пахат	никъ»	для вз	рослы	хъ.
131	«Четыре времени года». Его-же					п.	п.
132	«Смедовская долина». Его-же						п.
133	«Въ ожиданіи парома». Его-же						
134	«Музыкантъ». Погоскаго					п.	п.
135	«Сорочьи гнѣзда». Его-же					п.	п.
136	«Чертовщина». } Его-же						
	«Путешествіе на луну». }						п.
	«Мудрый судья». }					п.	п.
137	«Камень Кремневичъ». Его-же					п.	п.
138	«Божеское правосудіе». Его-же.					п.	п
139	«Подосиновики». Его-же						п.
140	«Мірскія дѣтки». } Его-же				п.	п.	п.
	«Всѣмъ шильямъ шило». }						п.
141	«Отставное счастье». } Его-же				п.	п.	п.
	«Изъ старыхъ записокъ». }				п.	п.	п.
	«Два кольца». }				п.	п.	п.
142	«Суходольщина». Его-же					п.	п.
143	«Неспособный человѣкъ». Его-же				п.	п	п.
144	«Посёстра-Танька». Его-же						п.
145	«Дѣдушка Назарычъ». Его-же				п.	п.	п.
146	«Господинъ колодникъ». Его-же					п.	п.
147	«Злодѣй и Петька». Его-же				п.	п.	п.
148	«Солдатскій бытъ прежде и теперь». Его-же						п.
149	«Солдатское пиво». } Его-же				п.	п.	п.
	«Первый винокуръ». }					п.	п.
	«Птичій даръ». }						
150	«Темникъ». Его-же.					п.	п.
151	«Старики». Его-же					п.	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
152	«Анчутка Безпятый». } Его-же . .						п.
	«Бобыль Наумъ Сорокодумъ». } Его-же . .				п.		
153	«Штуцерникъ Нечипоръ Зачины Вороты» Его-же				п.	п.	п.
154	«Куча денегъ». Его-же.					п.	п.
155	«Медвѣжья наука. Собачій застрѣльщикъ». Его-же				п.	п.	п.
156	«Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ». Его-же				п.	п.	п.
157	«Маіорская дочка». Его-же					п.	п.
158	«Сибирлетка». Его-же.				п.	п.	п.
159	«Дѣдушка домовой» (представленіе). Его-же.						
160	«Легкая надбавка» (драма). Его-же . . .					п.	п.
161	«Чему быть, того не миновать» (народное представленіе) Его-же						
162	«Неспособный человѣкъ» (пьеса). Его-же .						
163	«Митина нива». Вучетича	п.	п.	п.	п.	п.	п.
164	«Красный фонарь». Его-же	п.	п.	п.	п	п.	п
165	«Ласточкино гнѣздо». О. Шмидтъ. . . .	п.			п.		
166	«Мурка». Его-же	п.			п.		
167	«Подпасокъ». Смирнова	п.	п.		п.		
168	«Третій червонецъ». Лакидэ.	п.	п.	п.			
169	«Шарикъ». Куликовой.	п.			п.		
170	«Разсказы о разныхъ людяхъ». В. Острогорскаго.				п.	п.	п
171	«Въ своемъ кругу». А. Острогорскаго . .				п.	п.	п
172	«Мальчикъ оборвышъ». Анненской . . .				п.	п.	
173	«Братъ и сестра». Ея-же					п.	
174	«Крылья мужества». Жоржъ-Зандъ . . .				п.	п.	
175	«Дѣлатели золота». Цшокке.				п.	п.	п.
176	«Приключенія Робинзона Крузе». Яхонтова				п.	п.	п
177	«Робинзонъ». Л. Н. Толстаго						
178	«Приключеніе маленькаго графа». Уйда .				п	п.	
179	«Крестьянскія дѣти». Потѣхина				п.	п.	
180	«Армія и козаки». А. Круглова				п		
181	«Иванъ Ивановичъ и К°». Его-же. . . .				п.	п	п.
182	«Большакъ». Его-же				п	п.	п.
183	«Звѣздочка». Е. Туръ				п.	п.	
184	Народные разсказы Коваленской:						
	1) «Баранчикъ»				п.		
	2) «Дядя Власъ»		п.	п.	п.	п	п.
	3) «Исаевна»						п.
	4) «Мачиха»		п.	п.		п.	п.
185	«Крутиковъ». Ея-же				п	п	п.
186	«Родное». Смирнова.				п.		
187	«Приключеніе молодой бѣлки Бобочки». Чистякова	п.			п.		
188	«Тюлевая баба». Марко-Вовчка					п.	п.
189	«Веселый дѣдъ». Коровина	п.	п	п.	п.	п.	п.
190	«Дневникъ дѣвочки». Буткевичъ				п.	п.	
191	«Благовѣщеніе». Толычевой				п.	п.	п.
192	«Пріемышъ». Ея-же		п.	п.	п.	п	п.
193	«Саша». (Родной бытъ)				п.	п.	
194	«Бѣглый». (Родной бытъ).				п.	п.	п.
195	«Милости хочу, а не жертвы». Туренина.					п.	п.
196	«Крутыя горки». М. Юрьева				п.	п.	п.
197	«Старый матросъ». Миллера					п.	п.
198	«Василій чабанъ». Маляревскаго					п.	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
199	«Пѣтушокъ красный гребешокъ». Его-же.						
	1) «Пѣтушокъ»						
	2) «Капелька						
	3) «Первыя встрѣчи»	п.					
	4) «Крапива»	п.					
	5) «Крошка-труженикъ»						
	6) «Батраки»	п.					
200	«Птичка-синичка». Его-же						
201	«Гриша», разск. изъ раскольнич. быта . .						п.
202	«Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ». Коховскаго.						п.
203	«Безоброчный». Нефедова						п
204	«Молитвы въ стихахъ, былины и легенды» .				п.	п.	п.
205	«Псалмы въ стихахъ»						
206	«Христіанскій подвигъ солдата»		п.	п.		п.	п.
207	«Четырнадцать счастливыхъ дней халифа Абдеррахмана».					п.	п.
208	1) «Капитанъ Боппъ»		п.	п.	п.	п.	п.
	2) «Больное дитя»		п.	п.	п.	п.	п.
	3) «Фіалка»		п.		п.	п.	
	4) «Пѣсня птички»		п.	п.	п	п.	п.
	5) «Сонъ и смерть»		п.	п.	п.	п.	п.
209	«Записки куропатки». Гольманъ						
210	«Похожденія одной собачки». Изд. Кирпичниковой и Новицкой	п.			п.		
211	«Дѣтская Библіотека», вып. II, изданіе А. Н. Новицкой				п.		
212	«Дѣтская Библіотека», вып. III. то-же изд.						
213	Для учениковъ и ученицъ народныхъ школъ изд. А. Н. Новицкой № 1-й	п.	п.	п.			
214	№ 3-й	п.	п.	п.	п.		
215	№ 4-й			п.			
216	№ 5-й	п.	п.	п.			
217	№ 7-й		п.	п.	п.	п.	п.
218	«Разсказы изъ народной жизни». Карловича.	п.	п.				
219	«Послушаемъ!» А. Нольде				п.	п.	
220	«Моимъ молодымъ друзьямъ». Л. Х. . .				п.		
221	«Между дѣтьми». Н. Д.	Сборн	икъ ра	зсказо	въ для	дѣтей	разл.в.
222	«Русск. народн. росказни» Ивана Ваненко.	п.	п.	п.			
223	«Старый дворецкій. — Няня. — Юродивый Гриша»	п.	п	п.	п.	п.	п.
224	«Загадочное убійство». Любимова . . .					п.	п.
225	«Стражникъ Яша». Погожевой		п.	п.	п.	п.	п
226	«Письмо сироты къ Спасителю»	п.					
227	«Какъ Лиза посылала письмо къ Богу» . .	п.	п.		п.		
228	«Роковой кладъ». А. Сѣтковой					п.	п.
229	«Сборникъ стиховъ». Народн. чтенія . .	Для ра	зличн	ыхъ во	зрасто	въ.	
230	«Батрачка». Шевченка. Перевелъ Л. Мей.						п.
231	« Его-же. Изд. Мартынова . .						
232	«Сельскіе дѣятели». Вересова				п.	п.	п.
233	«Подарокъ». П. Вересова						
234	«Кавалеръ Иванъ Сысоевъ». Максимова .						п.
235	«Возвращеніе на родину»					п.	п.
236	«Колино дѣтство»				п.		
237	«Велико родительское слово»						
238	«Павелъ-лежень»	п.	п.	п.			
239	«Учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ» .	п.	п.	п			
240	«Дѣвка-семилѣтка»	п.	п.				
241	«Отъ злой бабы и чортъ попятится» . .			п.			п.
242	«Школа въ лѣсу». Студитскаго	п.	п.	п.			

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
243	«Бабушкины сказки». Сост. Деркачевъ . .	п.					
244	«Елка». Сост. Деркачевъ	п.					
245	«Старикъ-годовикъ»	п.	п.		п.		
246	«Колосья»	п.	п.		п.		
247	«Книжка-малютка»	п.					
248	«Дѣтки-малолѣтки». И. Дергачева . . .	п.					
249	«Мельница близъ села Ворошилова» . .					п.	п.
250	«Жизнь и приключенія Морозова» . . .						
251	«Петруша». Лабуле	п.	п.				
252	«Дяденькины разсказы и бесѣды съ дѣтьми» .	п.	п.		п		
253	«Мать-честная»		п.	п.		п.	п.
254	«Материнская любовь». Коровина . . .	п.	п.	п.			
255	«Дѣти». В. О. Попова						
256	«Софронычъ». Н. Корзунова		п.	п		п.	п.
257	«Коробейникъ»		п.		п.	п.	п.
258	«Деревенская вѣдунья». Трубникова . .						
259	«Пріемышъ». Н. Корзунова						п.
260	«Примѣрная мать»	п.	п.	п.	п.	п.	п.
261	«Пять разсказовъ». Е. Ф. Трудина . . .						
262	«Бѣдная Лиза». Карамзина			п.			п.
263	«Разсказы Кота-Васьки». М. Романова . .	п.					
264	«Откуда взялся обычай печь жаворонки весной»	п.	п.				
265	«Исторія канарейки и воробья»	п.					
266	«Какъ былъ завоеванъ Яблоневый Дворъ». Гесбы Стреттонъ					п.	п.
267	«Одиноки въ цѣломъ Лондонѣ». Ея-же . .				п.	п	п.
268	«Двѣ елки». Вучетича				п.		
269	«Сонъ». Вучетича						
270	«На льдинѣ» Его-же				п.	п.	п.
271	«Мачиха»				п.	п	
272	«Сестра Розалія». Перев. съ французск. .					п.	п.
273	«Трудовой крестьянскій годъ». Д. Григоровича				п.	п.	
274	«Двѣ были...» и проч. О. Телешовской . .	п			п.		
275	«Степка-Растрепка»	п.					
276	«Жизнь и приключенія Степки-Растрепки» .	п.					
277	«Разсказы для дѣтей». Сазоновой . . .						
278	«Горе-Злосчастье»						п.
279	«Повѣсти о горѣ-Злосчастіи»						
280	«Солдатское житье» изъ «Ясной Поляны» .	п.	п	п.	п.	п	п.
281	«Хорошее Житье»			п.			п.
282	«Анчутка Безпятый»		п.	п.		п.	п.
283	«Первый винокуръ». А. Погоскаго . . .		п.	п.		п.	п.
284	«Путешествіе на луну». А. Погоскаго . .		п.	п.		п	п.
285	«Лѣшевъ хуторъ». Погоскаго						
286	«Коробейникъ Селифанъ». Н. Пашкова . .		п.	п.		п.	п.
287	«Осьминогъ Вакула». Маляревскаго . . .		п.	п.		п.	п.
288	«Пить до дна—не видать добра». Погожевой		п.	п.		п.	п.
289	«Жизнь и смерть пьяницы». Пер. Иваниной		п.	п		п.	п.
290	«Что весной посѣешь, то осенью пожнешь» . Александрова		п.	п.		п.	п.
291	«Разсказъ». Изд. Блисмера			п.			
292	«До чего доводитъ иногда лишняя чарочка»						
293	«Пей, да дѣло разумѣй». Изд. Манухина .						
294	«Споръ Полушампанскаго съ Ерофеичемъ». Изд. Прѣснова						
295	«Правдивый Петя»						
296	«Бѣдный Горбунъ»	п.	п.				

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
297	«Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ». Александрова						
298	«Сказка про воробья». Изд. Рукополевой .	п.	п.		п.		
299	«Грезы Віолетты».						
300	«Акулина»			п.			
301	«Гинея»						
302	«Красный сарафанчикъ»	п.	п.		п.		
303	«Что сдѣлалъ Ваня изъ любви къ товарищу»						
304	«Въ снѣжномъ сугробѣ»	п.					
305	«Заблудившіеся цыплята»						
306	«Бабушка Марѳа»	п.	п.	п.			
307	«Горячіе уголья»						
308	«Добрая жена, злая жена» и друг. . . .	п.	п.	п.			
309	«Маша». (Три разсказа.)	п.	п.	п.			
310	«Маленькій ветошникъ»	п.	п.	п.	п.	п.	
311	«Лиза, бѣдная пѣвица»	п.	п	п.			
312	«Сельская школа»	п.					
313	«Внучка»		п.	п.			
314	«Не стыдись насмѣшекъ»	п.					
315	«Гриша или любовь сестры»	п.	п.				
316	«Какъ Паша старался быть добрымъ мальчикомъ».	п.					
317	«Праздныя руки»	п.	п.				
318	«Двадцать-восемь басень русскихъ баснописцевъ				п.	п.	п.
319	«Басни ,избранн. изъ Крылова, Хемницера» и др.				п.	п.	п.
320	«Басни И. А. Крылова»				п.	п.	п.
321	«Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ». Пушкина . .	п.	п.	п.	п.	п.	п.
322	«Сказка о мертвой царевнѣ». Пушкина . .	п.	п.	п.	п.	п.	п.
323	«Сказка о царѣ Салтанѣ». Его-же . . .	п.	п.	п.	п.	п.	п.
324	«Сказка о купцѣ Остолопѣ». Его-же . .	п.	п.	п.	п.	п.	п
325	«Сказка о золотомъ пѣтушкѣ». Его-же . .	п.	п.	п.	п.	п.	п.
326	«Бова». Его-же						
327	«Сказка о царѣ Берендеѣ». Жуковскаго .	п.	п.	п.	п.	п.	п.
328	«Сказка о спящ. царевнѣ». Жуковскаго .	п.	п.	п.	п.	п	п.
329	«Объ Иванѣ царев. и сѣромъ волкѣ». Его-же.				п.	п.	п.
330	«Котъ въ сапогахъ». } Его-же	п.			п.		
	«Свѣтлана». } Его-же		п.	п.		п.	п.
	«Овсяный кисель». } Его-же	п.	п.	п.	п.	п.	п.
331	«Дуняшка и 40 разбойниковъ»	п.	п.	п.	п.		
332	«Палецъ-невидимка»	п.	п.	п.			
333	«Три сестры»	п.	п.	п.			
334	«Образцовыя сказки русскихъ писателей». Собралъ Авенаріусъ				п.	п.	
335	«Аленькій цвѣточекъ». Аксакова . . .				п.	п.	п.
336	«Жемчужное ожерелье». Е. Туръ . . .				п.	п.	п.
337	«Хрустальное сердце». Ея-же				п	п.	п.
338	«Золотая рыбка»				п.	п.	п.
339	«Сказки Марко-Вовчка»		п.	п.	п.	п.	п.
340	«Сказки про трехъ мужиковъ и бабу-вѣдунью					п.	п.
341	«Иванушка-дурачокъ». Круглова	п.	п.	п.	п.	п.	п.
342	«Семь новыхъ сказокъ» Коваленской . .				п.	п.	
343	«Русск. сказки въ стихахъ». Водовозова .				п	п.	
344	«Конекъ-горбунокъ». Соч. Ершова . . .	п.	п	п.	п	п.	п.
345	«Конекъ-горбунокъ». Рости—ва Ступи—на .						
346	«Сказка о Конькѣ-Горбункѣ». Изд. Морозова	п.	п.	п.			
347	«Котъ въ сапогахъ»	п.			п.		

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
348	«Три медвѣдя»	п.					
349	«Марко богатый» Папкевича		п.	п.	п.		
350	«Золушка»	п.			п.		
351	«Красная шапочка»	п.			п.		
352	«Ваня и Маша»	п.			п.		
353	«Братецъ и сестрица»	п.			п.		
354	«Три брата»	п.			п.		
355	«Волкъ и семеро козлятъ»	п.			п.		
356	«Спящая красавица»	п.			п.		
357	«Бѣлоснѣжка»	п.			п.		
358	«Котъ въ сапогахъ»	п.			п.		
359	«Мальчикъ съ пальчикъ»	п.			п.		
360	«Бѣгъ взапуски...»	п.			п.		
361	«Храбрый портнишка»	п.			п.		
362	«Счастливецъ Ваня»	п.			п.		
363	«Семь вороповъ»	п.			п.		
364	«Путешествіе Гуливера къ карликамъ» . .	п.			п.		
365	«Гуливеръ у великановъ»	п.			п.		
366	«Аладинъ или волшебная лампа»	п.			п.		
367	«Рюбецаль»	п.			п.		
368	«Волшебный рогъ Оберона»				п.		
369	«Принцъ Щелкунъ и принцесса Орѣшника».	п.			п.		
370	«Золотой»	п.			п.		
371	«Младъ-царевичъ»	п.					
372	«Исполинскія руки»						
373	«Золотой гусь»	п.					
374	Сказка «Деньги»				п.	п.	п.
375	«Гадкій утенокъ»	п.			п.		
376	«Гадкій утенокъ»	п.			п.		
377	«Сказки Андерсена». Народная библіотека.	п.			п.		
378	«Какъ правда съ земли пропала» . . .						
379	«Золотая руда не замѣнитъ труда» . . .						
380	«Царевна-лягушка»	п.					
381	«Дѣдушкинъ колпакъ»						
382	«Сказки въ стихахъ», собр. А. Павловской.						
383	«Двѣ сказки»	п.					
384	«Галка». Коваленской						
385	«Сказка о дѣдушкѣ Январѣ». М. Каменской						
386	«Сказка о двухъ Иванахъ»			п.			
387	» » » кн. Львова . .			п.			
388	«Сказка о солдатѣ, молодцѣ и хватѣ». Соболева			п.			
389	«Сказка о конкѣ». Правдина						
390	«Злая мачиха». Аристова						
391	«Не свои сани не садись». Островскаго. .						
392	«Въ чужомъ пиру похмѣлье». Его-же. . .						п.
393	«Воспитанница». Его-же.						п.
394	«Бѣдная невѣста». Его-же						п.
395	«Не такъ живи, какъ хочется». Его-же. .						п.
396	«Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Его-же.						п.
397	«Бѣдность не порокъ». Его-же.						п.
398	«Доходное мѣсто». Его-же						п.
399	«Гроза». Его-же						п.
400	«Замарашка» (пьеска)						п.
401	«Спящая красавица» (пьеска)						
402	«Горькое разочарованіе» (комед. въ 2-хъ дѣйств.)						
403	«Сиротка». Н. Г. Васильева				п.	п.	

III.

ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

III. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Въ ряду книгъ, возможно большее распространеніе которыхъ среди народа не только желательно, но даже существенно необходимо, книги по естествознанію и гигіенѣ должны занимать если не первенствующее, то далеко и не послѣднее мѣсто, какъ по своему образовательному и воспитательному вліянію на человѣка, такъ и съ чисто-утилитарной точки зрѣнія. Наивныя воззрѣнія на природу, суевѣрное отношеніе ко многимъ изъ ея явленій, различные предразсудки и основанные на невѣдѣніи страхи, которые служатъ однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій на пути умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, также какъ и на пути къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія, незнакомство со строеніемъ и потребностями своего собственнаго организма — такъ еще велики въ массѣ народа, что все, что можетъ способствовать искорененію или ослабленію этихъ предразсудковъ, установленію болѣе правильнаго взгляда на природу и самого человѣка—должно быть признано наиболѣе необходимымъ предметомъ чтенія среди народа; и такимъ предметомъ нельзя не признать естествознанія. Если справедливо, что борьба съ различными темными сторонами народной жизни только и возможна путемъ знаній, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что изученіе природы, которая представляетъ собою богатѣйшій источникъ знаній, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ въ этой борьбѣ.

Знакомя съ природой, указывая на необходимость, цѣлесообразность и взаимную связь между всѣмъ существующимъ, объясняя различныя явленія и законы, которымъ подчинено все въ природѣ, естественныя науки развиваютъ наблюдательность, способствуютъ установленію правильныхъ взглядовъ на окружающіе предметы, правильныхъ отношеній къ извѣстнымъ явленіямъ, правильныхъ выводовъ изъ извѣстныхъ данныхъ, возбуждаютъ чувство любви къ природѣ, чувство порядка и законности.

Сказанное нами можетъ показаться голословнымъ, но мы не станемъ останавливаться подробно на доказательствахъ всей пользы, какую извлекаетъ человѣкъ путемъ основательнаго изученія природы, такъ какъ мы предлагаемъ книги естество-историческаго содержанія

только для чтенія, а читать такія книги и изучать природу—далеко не одно и то-же. Мы имѣемъ пока въ виду довольно скромную цѣль: удовлетворить хотя отчасти свойственной человѣку пытливости, отвѣтить на вопросы, безъ сомнѣнія возникающіе иногда и въ головѣ простолюдина,—какъ человѣка,—при видѣ совершающихся вокругъ него явленій, или-же, наоборотъ, заронить въ него эти вопросы, пробудить эту пытливость, обратить его вниманіе на то, что, можетъ быть, оставалось до того времени незамѣченнымъ; показать, наконецъ, какъ путемъ изученія природы можно достигнуть знанія такихъ предметовъ или явленій, которые на первый взглядъ кажутся сверхъестественными, недоступными человѣческому уму.

Разъ такая мысль зародилась въ умѣ человѣка, она оказываетъ благотворное вліяніе и на нравственную сторону его, пробуждая энергію, сознаніе преимуществъ, которыя даетъ ему разумъ, поднимаетъ въ немъ чувство самоуваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе къ человѣческой личности вообще и поселяетъ въ немъ уваженіе къ наукѣ и ея служителямъ.

Въ книгахъ естественно-историческаго содержанія можно встрѣтить, конечно, и такія свѣдѣнія, которыя простолюдинъ можетъ и немедленно утилизировать, что́ дастъ ему возможность хотя нѣсколько улучшить свой матеріальный бытъ, а это, въ свою очередь, отразится и на подъемѣ нравственнаго уровня.

Требованія, которыя предъявляли мы къ книгамъ для народнаго чтенія, состояли въ слѣдующемъ: мы требовали отъ нихъ простоты языка, ясности и нѣкоторой живости изложенія, чтобы книги не казались сухими и скучными; объясненія такихъ явленій, которыя доступны непосредственному наблюденію простолюдина; сообщенія такихъ свѣдѣній, которыя имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ его жизни. Въ книгахъ по гигіенѣ и медицинѣ, написанныхъ по преимуществу спеціалистами, мы не позволили себѣ касаться научной стороны сообщаемыхъ свѣдѣній, оставляя ее на отвѣтственности авторовъ. Что-же касается насъ, то мы ограничивались указаніями только на такія погрѣшности, которыя могутъ быть оцѣнены при общеобразовательной, а не спеціальной подготовкѣ. Своею же областью мы позволили себѣ признать въ извѣстной мѣрѣ только вопросы о способѣ изложенія, о степени доступности и пригодности спеціальной книги для народа, о томъ, насколько она соотвѣтствуетъ его потребностямъ и развитію.

Нельзя сказать, чтобы книгъ по различнымъ отдѣламъ естествознанія было особенно мало, но вполнѣ удовлетворяющихъ указаннымъ выше требованіямъ оказалось, дѣйствительно, немного. Мы не станемъ говорить здѣсь объ общихъ достоинствахъ и недостаткахъ разсмотрѣнныхъ нами книгъ, такъ какъ въ каждомъ отзывѣ болѣе или менѣе подробно указываются какъ тѣ, такъ и другіе. Точно также изъ самыхъ рецензій учитель или руководитель народнаго чтенія узнаетъ, для какого возраста болѣе пригодна та или другая книга.

Всѣ брошюры и книги научнаго содержанія должны даваться для чтенія съ особенною осторожностью, сообразно возрасту, степени раз-

витія и подготовки читателя, чтобы не навязать чтенія не по силамъ и не отбить охоты къ серьезному чтенію. Намъ кажется, что внимательный учитель, вслѣдствіе своего близкаго отношенія къ народу, можетъ знать не только степень развитія, характеръ и наклонности своихъ учениковъ настоящихъ или бывшихъ, но даже имѣть и довольно вѣрное представленіе о степени развитія и образѣ мыслей нѣкоторыхъ изъ отцовъ и при посредствѣ дѣтей влiять на распространеніе полезныхъ свѣдѣній и между взрослыми.

На первой ступени развитія можно давать только такія книги, которыя въ легкой и занимательной формѣ знакомятъ дѣтей съ окружающей природой, съ нравами и образомъ жизни различныхъ животныхъ,—птицъ, насѣкомыхъ и т. д. Такіе разсказцы, вызывая симпатію дѣтей къ описываемымъ животнымъ, дѣйствуютъ смягчающимъ образомъ на душу ребенка, внушая ему любовь и состраданіе ко всякому живому существу. Кому неизвѣстно, насколько жестокими могутъ быть иногда дѣти! Но дѣти простолюдиновъ, кромѣ безсознательной жестокости, выражающейся въ наклонности разорять птичьи гнѣзда и т. д., проявляютъ иногда совершенно сознательную жестокость,—жестокость по принципу. Мы встрѣчали, напр., дѣтей, которыя считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ мучить воробьевъ за то, что они, будто-бы, своимъ крикомъ: «живъ-живъ!» заставили воиновъ проколоть грудь распятому на крестѣ Христу-Спасителю.

Устраняя нѣкоторые предразсудки и представляя въ истинномъ свѣтѣ природу и нравы животныхъ, разсказы эти, не смотря на свою незатѣйливость, могутъ способствовать установленію болѣе правильныхъ отношеній къ такимъ животнымъ, которыя не пользуются покровительствомъ человѣка, а иногда просто преслѣдуются имъ въ ущербъ даже собственнымъ интересамъ.

Изъ физической географіи первоначально можно предлагать для чтенія отдѣльные очерки различныхъ мѣстностей, описывающіе природу, самихъ жителей и занятія ихъ. Далѣе возможно давать такія книги, которыя знакомятъ со свойствами различныхъ тѣлъ,—напр., воды, воздуха, объясняютъ наиболѣе простыя физическія явленія. Параллельно могутъ даваться брошюры по гигіенѣ, книги, знакомящія съ устройствомъ человѣческаго тѣла, и т. д. Болѣе развитымъ можно уже давать книги, гдѣ земля разсматривается какъ космическое тѣло,—словомъ, сообщаются свѣдѣнія изъ математической географіи.

Сдѣланныя нами наблюденія показали, что книги научнаго содержанія читаются довольно охотно, въ особенности въ томъ случаѣ, если предметъ чтенія хоть нѣсколько знакомъ изъ классной бесѣды. Объемистыя книги научнаго содержанія не пользуются симпатіями, и маленькія брошюрки всегда предпочитаются. Это объясняется какъ разнообразіемъ содержанія обширныхъ книгъ, которое мѣшаетъ читателю сосредоточиться на одномъ предметѣ, такъ и тѣмъ, что, осиливъ болѣе быстро тоненькую книжку, малоподготовленный читатель испытываетъ чувство какого-то торжества и иногда читаетъ еще разъ, чтобы лучше понять,—на что при толстой книгѣ, конечно, не рѣшается.

Всѣ приводимыя ниже книги мы разсматривали съ точки зрѣнія

пригодности ихъ для самостоятельнаго чтенія, такъ какъ съ помощью учителя иногда и наименѣе удовлетворительная книга можетъ сдѣлаться вполнѣ доступной и полезной. Но на чтеніе съ руководителемъ врядъ-ли можно и должно разсчитывать. Для чтенія книгъ по естествовѣдѣнію въ классѣ недостаетъ часто времени; домашнее чтеніе взрослыхъ и учащихся съ учителемъ врядъ-ли удобоисполнимо; публичныхъ народныхъ чтеній въ нашихъ деревняхъ не существуетъ; наконецъ, желательно, чтобы взрослый и развитой простолюдинъ пріучался пріобрѣтать знанія *самостоятельно*, непосредственно изъ книгъ и только въ крайнемъ случаѣ обращался-бы за объясненіями къ руководителю. Нечего и говорить, что книга, читаемая учителемъ, пріобрѣтаетъ въ глазахъ слушателей живой интересъ, такъ какъ чтеніе можетъ прерываться или сопровождаться опытами, вопросами, объясненіями, замѣчаніями и т. д. Такое чтеніе слушается съ большимъ удовольствіемъ и чрезвычайно цѣнится.

Намъ, можетъ быть, укажутъ на то, что мы не приводимъ ниже многихъ весьма хорошихъ популярныхъ сочиненій по естествознанію и гигіенѣ, но мы просимъ не забывать того, что мы имѣли въ виду только чтеніе для народа, а не для людей, обладающихъ болѣе обширною общеобразовательною подготовкою; а потому мы и не затрогивали книгъ, которыя могутъ быть весьма цѣнны для послѣднихъ и совершенно недоступны для первыхъ.

Отдѣлъ естествознанія заключаетъ въ себѣ 122 рецензіи.

Разбираемыя книги подраздѣляются слѣдующимъ образомъ:

I. Сборники статей по различнымъ отдѣламъ естествознанія, числомъ 12.
II. Математическая географія—9 рец.
III. Физическая географія, кромѣ описательной,—13 рец.
IV. Физика, химія и технологія—15 рец.
V. Сельское хозяйство—19 рец.
VI. Гигіена, физіологія и анатомія—21 рец.
VII. Зоологія—27 рец.
VIII. Ботаника 6 рец.

Въ концѣ отдѣла помѣщенъ «*Указатель, распредѣляющій книги по возрастамъ и степени подготовки читателей*».

I. СБОРНИКИ СТАТЕЙ ПО РАЗЛИЧНЫМЪ ОТДѢЛАМЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

НАША БИБЛІОТЕКА.

А. Острогорскій, извѣстный въ русской дѣтской литературѣ многими полезными сочиненіями, издалъ цѣлую серію дѣтскихъ книгъ подъ общимъ заглавіемъ *«Наша библіотека»*.

«Наша Библіотека» состоитъ изъ пяти томовъ, носящихъ каждый отдѣльное названіе, а именно: *«Среди природы»*, *«Дѣтскій альманахъ»*, *«Въ своемъ кругу»*, *«По бѣлу свѣту»* и *«У рабочихъ людей»* *).

Въ составъ этихъ книгъ вошли отчасти разсказы, перепечатанные изъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе». Содержаніе нѣкоторыхъ статей заимствовано у русскихъ и иностранныхъ писателей; другія-же составлены совершенно вновь.

Характеръ разсказовъ—беллетристическій и научно-образовательный. Матеріаломъ для нихъ послужили разсказы, нѣкоторыя біографіи и элементарныя свѣдѣнія изъ области физической географіи, физики, зоологіи, метеорологіи и описаніе труда земледѣльческаго и промысловаго.

Издавая серію книжекъ «Нашей Библіотеки», г. Острогорскій предназначалъ ихъ, какъ кажется, для дѣтей средняго и старшаго возраста интеллигентнаго класса общества, имѣющихъ извѣстную научную подготовку. Безъ этой подготовки большинство статей по своему содержанію будетъ недоступно пониманію ребенка мало-развитаго. Тѣмъ не менѣе «Наша Библіотека» составитъ хорошее пріобрѣтеніе и для народной школы, за исключеніемъ, можетъ быть, *«Дѣтскаго альманаха»*, о чемъ будетъ сказано ниже.

Книги даютъ массу полезнаго научнаго матеріала, которымъ опытный учитель съумѣетъ воспользоваться, съ выборомъ давая ихъ въ руки старшихъ, болѣе развитыхъ учениковъ или пользуясь ими для развивающаго классного чтенія.

Изданіе весьма опрятное. Всѣ книги иллюстрированы; картинки недурны. Постараемся разобрать каждую книгу въ отдѣльности.

404) **Дѣтскій альманахъ.** Острогорскаго. «Наша Библіотека». Спб. 1882 г. Изд. 2-е Ц. 1 р. 25 к. 184 стр.

Вся книга состоитъ изъ 33 коротенькихъ статей самаго разнообразнаго содержанія, расположенныхъ безъ подбора и системы. Сюда входятъ научныя статьи по естествознанію и 2 беллетристическихъ разсказа, сюжетъ которыхъ взятъ изъ иностранной жизни. Матеріаломъ для статей научнаго содержанія послужили нѣкоторыя бытовыя описанія чужеземныхъ народовъ, описаніе явленій природы и разныхъ замѣчательныхъ событій, бывшихъ на земномъ шарѣ въ продолженіе текущаго столѣтія, какъ-то: наводненія съ 1857 по 1880 годъ въ Испаніи, Франціи, Венгріи, замѣчательныя воздушныя путешествія, предпринятыя въ этомъ столѣтіи, путешествіе Тиссандье и друг.

Бо̀льшая часть дѣловыхъ статей, написанныхъ чрезвычайно сжато, кратко, составляетъ рядъ замѣтокъ, изобилующихъ цифровыми данными. Подавляя вниманіе читателя массою научныхъ фактовъ, онѣ не даютъ должнаго представленія объ описываемомъ. Сюда относятся статьи: «Во сколько дней можно совершить кругосвѣтное путешествіе» (стр. 53), «Какъ быстро могутъ двигаться машины, люди и т. д.» (стр. 56), «Воздушныя путешествія» (стр. 68 и 70), «Гдѣ раньше всего наступаетъ новый годъ» (стр. 102), «Продолжительность жизни» (стр. 173), «Вѣсъ земнаго шара» (стр. 185).

---

*) См. *«Среди природы»*—§ III Физическая географія; *«У рабочихъ людей»*—§ V Сельское хозяйство; *«Въ своемъ кругу»*—Литературный отдѣлъ № 158; *«По бѣлу свѣту»*—отд. Географ.

Въ статьѣ «*Небольшое зимнее путешествіе*», занимающей 22 страницы, авторъ описываетъ природу крайняго сѣвера съ его длинными ночами и блестящимъ сѣвернымъ сіяніемъ, затѣмъ переходитъ къ описанію морозовъ, свирѣпствовавшихъ въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ городахъ въ различное время; дальше онъ говоритъ о гольфштремѣ, вліяющемъ на температуру западныхъ государствъ Европы, о вліяніи вѣтровъ и, наконецъ, описываетъ страны юга въ сравненіи съ холоднымъ и умѣреннымъ поясомъ. Статья эта изобилуетъ множествомъ географическихъ названій и научныхъ терминовъ, которые будутъ непонятны безъ предварительнаго объясненія учителя; такъ, на стр. 20-й говорится о томъ, что «у насъ солнце никогда не поднимается въ полдень выше $53^1/_2°$; въ жаркихъ странахъ оно никогда не поднимается ниже 43°.

Въ статьѣ же «*Вѣсъ земнаго шара*» говорится объ удѣльномъ вѣсѣ земли, причемъ вѣсъ ея исчисляется килограммами.

Статья «*Вліяніе цвѣтныхъ лучей на развитіе животныхъ*» (стр. 154), безспорно интересная сама по себѣ, не будетъ понята малоразвитымъ читателемъ изъ народа. Въ ней говорится о разложеніи солнечнаго луча, также о хлорофилѣ растеній—безъ разъясненій, какъ о научныхъ фактахъ, уже знакомыхъ читателю.

Въ статьѣ «*Изъ исторіи кошки*» (стр. 152) авторъ, не касаясь области естествовѣдѣнія, перечисляетъ знаменитыхъ людей, питавшихъ особенную привязанность къ своимъ кошкамъ: Магомета, Ришельё, Монтэня, Кольбера, Фонтенеля и др.

Какъ видно изъ перечня вышеприведенныхъ статей, г. Острогорскій, составляя этотъ сборникъ, не могъ имѣть въ виду читателя простолюдина и писалъ не для него. И, дѣйствительно, «Дѣтскій альманахъ» изъ всѣхъ книгъ, входящихъ въ составъ «Нашей Библіотеки», менѣе другихъ можетъ быть пригоденъ для народной библіотеки. Какъ книга для чтенія въ рукахъ грамотнаго крестьянина, она полезной быть не можетъ.

Въ концѣ книги помѣщены ариѳметическія задачи, загадки и т. д. *А. Г.*

Примѣч. Рец. см. «Женское Образованіе» 1882 г. № 5, стр. 356.

---

105) **Изъ природы**. Разсказы для дѣтей по Герману Вагнеру. (Съ нѣмецкаго.) Изданіе переводчицъ Трубниковой и Стасовой. Спб. 1870 г. Изд. 2-е. 130 стр.

Въ двадцати отдѣльныхъ разсказахъ, составляющихъ содержаніе первой части книги «*Изъ природы*», авторъ знакомитъ читателя съ нѣкоторыми животными, растеніями и минералами. Всѣ разсказы написаны очень хорошо, живо и понятно: многія изъ нихъ чрезвычайно художественны, ярко освѣщаются неподдѣльной и искренней симпатіей ко всей природѣ и оживляются иногда тонкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ юморомъ. Нѣкоторые изъ разсказовъ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто имѣешь дѣло съ живыми существами.

Въ разсказахъ о растеніяхъ авторъ знакомитъ съ морфологіей ихъ, съ нѣкоторыми подробностями ихъ размноженія и перечисляетъ приносимую имъ пользу человѣку. Нѣкоторыя понятія, болѣе или менѣе трудныя для небольшихъ читателей, сглажены настолько, что они могутъ быть воспринимаемы съ достаточною легкостью; примѣромъ этого можетъ служить понятіе о двудомномъ растеніи, изложенное въ разсказѣ «*Ива*», или весь разсказъ «*Известнякъ*». Но въ одномъ разсказѣ—«*Уголь, селитра и сѣра*,» нѣкоторыя частности остаются, все-таки, затруднительными, въ виду того, что тамъ упоминаются, напр., *сѣрный колчеданъ*, *сѣрнистая мѣдь*, *красная киноварь*; все это остается темными названіями для человѣка, не посвященнаго въ подробности химіи и минералогіи.

Въ разсказахъ о животныхъ авторъ также касается ихъ наружнаго строенія, размноженія, жизни и перечисляетъ пользу, которую они намъ приносятъ.

Эта книга можетъ доставить читателю большое удовольствіе, знакомя его съ природой и вмѣстѣ съ тѣмъ принести ему пользу, давая понятіе о практической полезности животныхъ, растеній и минераловъ. А самая цѣнная, бросающаяся въ глаза сторона книги—это, повторяю опять, необыкновенно симпатичное и полное любви отношеніе ко всему описываемому, облеченному въ чрезвычайно художественную и поэтическую форму.

Къ сожалѣнію, приходится давать читать дѣтямъ только первую часть этой превосходной книги, что весьма удобоисполнимо, такъ какъ она не имѣетъ никакой связи со второй и третьей частями, которыя, можетъ быть, еще лучше и богаче, какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія, но нѣкоторыя мѣста въ нихъ требуютъ положительно знаній по минералогіи, по химіи, по анатоміи растеній и т. д. Примѣромъ такихъ мѣстъ во 2-й части могутъ служить страницы: 5-я, 23-я, 43-я и многія другія, а въ 3-й части

такія мѣста можно найти на страницахъ 46-й, 47-й, 79-й и т. д.

Было бы весьма желательно, чтобы 1-я часть книги была издана отдѣльно, какъ доступное и весьма цѣнное чтеніе для дѣтей и болѣе взрослыхъ читателей изъ народа. Намъ пришлось дать ее 14-ти-лѣтней развитой дѣвочкѣ, обучавшейся три зимы въ сельскомъ училищѣ; содержаніе она усвоила превосходно и разсказала довольно послѣдовательно нѣкоторыя изъ статей. Разсказы—*«Шелкъ»*, *«Песчинка»*, *«Лягушка»* и *«Макъ»* понравились ей болѣе остальныхъ.

Для того чтобы узнать, насколько усвоено содержаніе рекомендуемой нами 1-й части книги, можно предложить слѣдующіе

Вопросы:

Какія изъ описанныхъ животныхъ полезны человѣку? какія вредны?

Какія изъ описанныхъ растеній полезны человѣку?

Чѣмъ полезны известнякъ, песокъ?

Что приготовляютъ изъ угля, селитры и сѣры? *Л. Д.*

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 678. Журн. «Дѣтскій Садъ» 1869 г., стр. 37.

---

406) **Путешествіе по дому и по двору.** Соч. Герм. Вагнера. Перев. Резенера. Изд. Вольфа. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. 220 стр.

Въ этой книгѣ Германъ Вагнеръ беретъ для своихъ бесѣдъ самые обыкновенные предметы, встрѣчающіеся на каждомъ шагу: кладовую, сорныя травы, голубя, крысу и т. д. Но на этотъ разъ разсказы отличаются чрезвычайно сухимъ изложеніемъ, и затрудненій въ нихъ встрѣчается столько, что малолѣтній читатель, для котораго предназначается книга, врядъ-ли прочтетъ ее съ удовольствіемъ и интересомъ, а читатель изъ народа—тѣмъ болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, подъ силу-ли ему будетъ сказаніе древнихъ грековъ о происхожденіи паука или латинскія названія, переполняющія буквально нѣкоторые разсказы?

Нелишнимъ считаемъ замѣтить о замѣчательной небрежности изданія книги: разсказъ *«Домашніе голуби»* не конченъ, и недостаетъ въ немъ семи страницъ; въ разсказѣ *«Погребъ»* недостаетъ также первыхъ семи страницъ; конецъ же его, разсказы *«Воробей и его товарищи»* и *«Домашнія собаки»* повторяются въ книгѣ по два раза. *Л. Д.*

Примѣч. Рец. см. журн. «Учитель» 1875 г., стр. 182. «Систем. Обзоръ Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 678.

---

407) **Иллюстрированные разсказы изъ природы и жизни,** для дѣтей старшаго возраста. (Съ рисунками). Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 коп., 169 стр.

Книжка раздѣлена на двѣ части: въ первой помѣщены дѣловые разсказы; вторая заключаетъ большую повѣсть (переводъ съ англійскаго). Мы будемъ говорить только о первой части, относящейся къ естественному отдѣлу; что же касается второй, литературной, то мы оставляемъ ее безъ разсмотрѣнія, какъ неподлежащую одобренію. Въ дѣловыхъ статейкахъ описываются слѣдующіе предметы: сахаръ, соль, писчая бумага, хлопокъ, жилища людей, рисъ. Первые два разсказа не заключаютъ въ себѣ серьезныхъ свѣдѣній и написаны такъ, что скорѣе годятся для маленькихъ дѣтей, нежели для старшихъ, которыя не нуждаются въ такихъ обращеніяхъ: «у васъ, дѣти, никогда не было бы такихъ румяныхъ щекъ, если-бы»... и т. д. Въ статьѣ о сахарѣ описываются главнымъ образомъ сахарныя плантаціи Америки и добываніе сахара изъ тростника; во второй — главное вниманіе обращено на внутренній видъ соляныхъ копей въ Величкѣ. Обѣ читаются легко. Болѣе серьезны статьи о чаѣ, хлопкѣ, писчей бумагѣ, фабрикація которой описана довольно подробно. Лучшія статьи—«Рисъ» и «Жилище». Въ первой недурно очерчены труды занимающихся обработкой рисовыхъ полей. Во второй описаны выдающіеся типы жилищъ различныхъ народовъ, преимущественно не-цивилизованныхъ, съ довольно живой характеристикой ихъ обитателей.

Для учениковъ народныхъ школъ книга эта не годится, такъ какъ въ дѣловыхъ статейкахъ нерѣдко попадаются ссылки на французскій языкъ, да, кромѣ того, и свѣдѣнія, сообщаемыя въ нихъ, можно найти въ книжкахъ, рекомендованныхъ нами въ своемъ мѣстѣ, — напр. *«О чаѣ» Рейнбота*, *«О соли» Шведова и Рейнбота* и т. д. *Н. П.*

Примѣч. Рец. см. «Женское Образов.» 1877 г. № 2, стр. 132.

---

408) **Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ.** (Съ картинками). Москва. 1880 г. Изд. Общ. распростр. полезн. книгъ, № 237. Естеств.-истор. отд. Ц. 50 к., 96 стр.

Кѣмъ составлена эта книжка—неизвѣстно, но составлена она очень курьезно. Если раскрыть книгу наудачу гдѣ-нибудь около сре-

дины, то по множеству очень недурныхъ картинокъ, изображающихъ льва, тигра, медвѣдя съ вожакомъ, играющимъ на скрипкѣ, волка, уносящаго овцу, и т. д., можно заключить, что она предназначается для дѣтей 7—8-лѣтняго возраста. Но, начавъ читать ее сначала, приходишь въ удивленіе и спрашиваешь себя: для кого написана она? На первой же страницѣ книги вы находите планетную систему съ ея Меркуріемъ, Марсомъ, Венерой, съ вычисленіемъ ихъ объемовъ, діаметровъ, времени обращенія вокругъ солнца; кометъ съ ихъ *афеліями*, *перигеліями*, *эллипсисами* и съ такимъ заключеніемъ: «хотите ли узнать славу Его? взгляните на непрерывный рядъ солнцъ и системъ, разсыпанныхъ во млечномъ пути. Умножьте сотни милліоновъ звѣздъ, принадлежащихъ къ нашей островной вселенной, на тысячи тѣхъ звѣздныхъ системъ, которыя свѣтятъ въ небесномъ пространствѣ въ предѣлахъ человѣческаго зрѣнія, и вы составите себѣ понятіе о безпредѣльности Его творенія».

Нѣтъ, думаете вы, эта книжка не для ребенка; гдѣ ему умножать сотни милліоновъ на тысячи, когда онъ, можетъ быть, только что научился складывать единицы, прибавляя пальчикъ къ пальчику?! гдѣ ему составлять понятіе о безпредѣльности, когда онъ только что началъ сознавать окружающіе предметы въ предѣлахъ своей семьи, своего дома, сада?!

Далѣе слѣдуетъ метеорологія. Приведено художественное описаніе сѣвернаго сіянія и приложена картинка. Въ слѣдующей главѣ— «*Болиды*» говорится, что «болиды—это огненные шары, которые иногда пролетаютъ въ атмосферѣ и иногда исчезаютъ безслѣдно; иногда же разрываются и падаютъ на землю, составляя такъ называемые метеорные камни и аэролиты».

Приведено письмо Гершеля къ секретарю бельгійской академіи, въ которомъ описывается со словъ очевидца явленіе одного интереснаго болида, пролетѣвшаго въ 54-мъ году надъ Гурвартомъ, и ни одного слова объясненія — откуда, куда и почему летятъ и падаютъ эти болиды.

Далѣе слѣдуетъ глава, посвященная формѣ облаковъ; разсказывается, кто первый различилъ въ облакахъ четыре главныя формы: *Цирусъ*, *Стратусъ*, *Нимбусъ и Кумулусъ*; приложены изображенія этихъ цирусовъ и нимбусовъ и объясняются причины ихъ образованія по теоріи Гёте: «То высшая область одерживаетъ верхъ, и разъединенные кумулусы поднимаются... то нижняя область оказывается могущественнѣе. Кумулусы вытягиваются въ стратусы, и скопленіе облаковъ обращается въ нимбусъ, отягченный дождемъ».

Для кого назначены эти сообщенія—трудно сообразить. Съ одной стороны глава о планетной системѣ, солнцѣ, Юпитерѣ и т. д.— подъ силу гимназисту седьмаго или восьмаго класса, начавшему изучать космографію; съ другой — о сѣверныхъ сіяніяхъ и болидахъ онъ знаетъ гораздо больше, хотя, можетъ быть, и не читалъ письма Гершеля. Что-же касается до свѣдѣній о цирусахъ и теоріи Гёте, то они могутъ быть интересны развѣ взрослому образованному и любознательному человѣку; но и онъ, вѣроятно, не станетъ искать ихъ въ «*Родной Землѣ*», такъ какъ гораздо больше можетъ узнать изъ популярныхъ сочиненій Росмеслера, Араго и друг., если не захочетъ обращаться къ спеціальнымъ источникамъ.

Слѣдующія двѣ главы: о «Тромбахъ» и «Брокенскихъ призракахъ», заимствованныя, — какъ указано въ концѣ каждой, — изъ физической географіи Зуева, содержатъ простыя описанія этихъ явленій, изложенныя притомъ чрезвычайно тяжелымъ языкомъ.

Далѣе слѣдуетъ глава: «*Животныя земнаго шара*» и множество прекрасныхъ картинокъ, расположенныхъ въ поэтическомъ безпорядкѣ; напр. орелъ и акула, скатъ и гиппопотамъ, лѣнивецъ и буйволъ, шиншилла и китъ и т. д. Кому и какія свѣдѣнія хотѣлъ сообщить въ этой главѣ составитель — врядъ-ли онъ самъ сознавалъ, но мѣсто этой главы — не въ книгѣ для чьего бы то ни было чтенія, даже не въ сухомъ учебникѣ зоологіи, а скорѣе всего въ какомъ-нибудь словарѣ, составленномъ безъ всякаго порядка. Приведу нѣсколько примѣровъ способа описанія *животныхъ земнаго шара*.

«Въ Новомъ свѣтѣ водятся ягуары, кагуары—животныя похожія на тигровъ.

«Въ Африкѣ водится жираффъ, замѣчательный своимъ высокимъ ростомъ, и зебра съ полосатой шкурой».

Не лучше этой главы оказывается и слѣдующая, носящая названіе: «*Географическое распредѣленіе растеній*». Здѣсь также мы встрѣчаемся съ простыми перечисленіями растеній, напр.: «ананасъ, плодъ котораго очень вкусенъ, родомъ изъ Америки; лавровое дерево очень красиво и обыкновенно находится въ жаркомъ поясѣ Стараго свѣта: оно растетъ даже на югѣ Европы».

Мы не стали бы порицать такую краткость

текста въ виду прекрасныхъ рисунковъ, если бы выборомъ и расположеніемъ сюжетовъ руководила какая-нибудь идея. Въ данномъ же случаѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, на лѣвой сторонѣ четыре рисунка: ваниль, баобабъ, какао, хлопчатникъ, а на правой — текстъ: «кампешское дерево, изъ котораго добываютъ красную краску, извѣстно въ Америкѣ. Грудная придорожная игла — дерево очень обыкновенное въ Старомъ свѣтѣ».

Вторая половина этой главы называется: *«Географическое распредѣленіе минераловъ»*, и въ ней сообщаются такія свѣдѣнія: «магнитъ, родъ желѣза, добывается въ довольно большомъ количествѣ на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ сѣверной Азіи; свинецъ распространенъ почти повсюду: въ Европѣ онъ находится преимущественно на западѣ и въ срединѣ». Этой главой заканчиваются ни для кого неинтересныя перечисленія зоологическихъ, географическихъ и другихъ именъ и начинаются недурные легкіе разсказцы о бѣломъ медвѣдѣ, сѣверномъ оленѣ, волкѣ, верблюдѣ, тигрѣ, слонѣ, львѣ, ласточкѣ, удавѣ, нѣсколькихъ насѣкомыхъ и растеніи росянкѣ.

Эти послѣднія главы могли бы читаться или слушаться маленькими дѣтьми съ интересомъ, такъ какъ онѣ не носятъ научнаго характера, а представляютъ собою краткіе очерки нравовъ и жизни упомянутыхъ животныхъ, какіе можно встрѣтить во многихъ дѣтскихъ книжкахъ естественно - историческаго содержанія.

Итакъ, что же представляетъ собою эта книжка?—Собраніе статеекъ, расположенныхъ безъ всякой системы, безъ всякой руководящей мысли.

Первая ея половина *) можетъ читаться только оканчивающими или окончившими курсъ средне-образовательныхъ учебныхъ заведеній (хотя безъ особенной пользы и для нихъ); вторая—могла бы читаться и маленькими дѣтьми. Обѣ половины раздѣлены нейтральной почвой ни для кого непригодныхъ главъ, потому что въ то время, когда ребенку будетъ непонятно и неинтересно знать, что какой то *родъ желѣза*, магнитъ, добывается въ какой то Азіи или на какомъ то Скандинавскомъ полуостровѣ, болѣе взрослый будетъ знать не только то, что онъ добывается въ Азіи, но что и въ Россіи находятся цѣлыя горы этого *рода желѣза*, будетъ знать свойства его и употребленіе и т. д. На основаніи всего вышесказаннаго, считаемъ невозможнымъ рекомендовать эту книгу не только для народа, но даже для кого бы то ни было.

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Московск. Вѣдом.» 1879 г. № 274. «Народн. и Дѣтская Библіотека» 1879 г. № 7—8, стр. 215—219.

---

409) **Свѣтъ Божій.** (Переводъ съ южно-русскаго). Спб. 1874 г. Ц. 20 к. 118 стр.

По простотѣ языка, ясности и доступности изложенія, а главное по той замѣчательной теплотѣ, съ которóю авторъ относится къ народу и которая сказывается въ каждой строкѣ его прекрасныхъ бесѣдъ, книжка эта представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ народную литературу и можетъ служить образцомъ популярнаго изложенія научныхъ свѣдѣній. Не смотря на небольшой объемъ книги, свѣдѣній сообщается въ ней довольно много, и расположены они такимъ образомъ, что одно какъ бы вытекаетъ изъ другаго, напоминая предъидущее и служа связующимъ звеномъ съ послѣдующимъ. Конечно, и здѣсь многія свѣдѣнія сообщаются по необходимости кратко; но это объясняется только трудностью или даже невозможностью говорить о многихъ физическихъ законахъ вполнѣ доступно, вслѣдствіе чего является необходимость опускать нѣкоторыя изъ нихъ и, упрощая объясненія другихъ, сообщать ихъ въ наиболѣе краткой и сжатой формѣ. Но въ большинствѣ случаевъ объясненія автора отличаются такою ясностью, доступностью, простотою и даже увлекательностью языка, что не оставляютъ желать въ этомъ отношеніи ничего лучшаго.

Но нельзя не упомянуть объ одной ошибкѣ (очевидно, вкравшейся при печатаніи, такъ какъ въ изданіи 1870 г. ея не было), на которую считаемъ необходимымъ обратить вниманіе учителя, чтобы онъ могъ разъяснить ее тому, кому будетъ давать эту книжку для прочтенія: на страницѣ 25-й сказано: «около своей оси мѣсяцъ обращается въ 28 дней; въ точно такое же время онъ, вмѣстѣ съ землею, обходитъ около солнца».

Изъ этого можно вывести заключеніе, что лунныя сутки и лунный годъ, будто-бы, одинаковы, да къ тому же и земной годъ, будто бы, равенъ 28 днямъ. Но такъ какъ из-

*) Которая, кстати сказать, есть дубликатъ книжки, изданной тѣмъ же Обществомъ распростр. полезн. книгъ въ 1873 г., подъ названіемъ «Небесныя Свѣтила» (см. № 404), но помѣщенный въ настоящей книжкѣ не цѣликомъ, а начиная съ 46-й страницы.

вѣстно, что земля совершаетъ свое движеніе вокругъ солнца въ 365 слишкомъ сутокъ, а луна сопутствуетъ ей въ этомъ движеніи, то лунный годъ долженъ быть равенъ земному. Обращается же луна въ 28 дней вокругъ своей оси да вокругъ земли.

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой книжкѣ, слѣдующія: О формѣ земли и ея движеніяхъ. О притягательной силѣ земли и другихъ тѣлъ. О движеніи солнца вокругъ своей оси и нѣсколько словъ о другихъ звѣздахъ и планетахъ. О лунѣ и ея движеніяхъ и солнечномъ и лунномъ затмѣніяхъ. О скрытой теплотѣ въ каждомъ тѣлѣ; о развитіи теплоты при треніи и горѣніи; о вліяніи теплоты на объемъ, плотность и вѣсъ тѣлъ; о теплопроводимости различныхъ тѣлъ и матеріалѣ, изъ котораго должна, на этомъ основаніи, дѣлаться одежда. О вліяніи цвѣтовъ на теплопроводимость тѣлъ. О составѣ и свойствахъ воды. О вліяніи испареній на температуру мѣстности. О зависимости точки кипѣнія отъ атмосфернаго давленія. Объ устройствѣ водяныхъ насосовъ. О составѣ воздуха и вліяніи его на растенія и животныхъ. О плотности воздуха и воздушныхъ шарахъ. О вѣтрѣ, дождѣ, радугѣ, снѣгѣ, градѣ и грозѣ.

Какъ видно, содержаніе книги сходно съ двумя предъидущими. Она можетъ безъ труда читаться и подростками, и взрослыми читателями изъ народа, обладающими хотя бы самой незначительной подготовкой.

Вопросы:

Можно ли дойти когда нибудь до конца земли, и почему нельзя?

Отчего земля кажется намъ плоскою?

Обходитъ ли солнце вокругъ земли, или земля—вокругъ солнца?

Отчего все, что ни подбросить вверхъ, падаетъ обратно на землю?

Какіе предметы сильнѣе притягиваются къ землѣ: плотные (твердые) или неплотные (рѣдкіе)?

Что скорѣе упадетъ на землю, если бросить: яблоко или такой же величины камень,—и отчего это происходитъ?

На чемъ держится земля?

Какая разница между солнцемъ и мѣсяцемъ?

Что больше—солнце, луна или земля?

Отчего мѣсяцъ не всегда свѣтитъ? Что значитъ затмѣніе луны или солнца, — и отчего оно бываетъ?

Перечислить, отчего развивается тепло. Всегда ли и во всѣхъ предметахъ есть тепло? Что дѣлается со всѣми тѣлами отъ теплоты и что—отъ холода?

Укажите примѣръ изъ жизни, когда люди пользовались этимъ свойствомъ тѣлъ.

Какія тѣла скорѣе нагрѣваются и скорѣе остываютъ?

Отчего деревья на зиму обвязываютъ соломой, чтобы они не замерзли?

Отчего днемъ прохладнѣе около рѣки, а вечеромъ теплѣе?

Отчего въ мокрой одеждѣ человѣку прохладно въ самый жаркій день?

Что скорѣе нагрѣвается и скорѣе остываетъ—земля или вода, и отчего это происходитъ?

Что такое минеральная вода?

Какая вода тяжелѣе: рѣчная или морская, и почему?

Имѣетъ ли воздухъ вѣсъ?

Гдѣ воздухъ гуще (плотнѣе) — ближе къ землѣ или вверху, и отчего?

Гдѣ бываетъ теплѣе воздухъ — вверху или внизу горы, и почему?

Кто такой Франклинъ и что вы узнали о немъ?

Какъ устраиваютъ громоотводы?

Откуда и въ чемъ собирается грозовая сила (электричество)?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Дѣтскій Садъ» 1868 г. стр. 559.

---

410) **Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ.** А. Бекетова. Въ двухъ книжкахъ. Спб. 1879 г. Ц. 80 к. 159 стр.

Самое заглавіе книги отчасти даетъ понятіе о ея содержаніи. Болѣе полное представленіе о ней можно составить изъ вступительныхъ словъ самого автора: «Я хочу разсказать», говоритъ онъ, «изъ чего составлена земля, откуда берутся воды, на ней текущія и ее омывающія; о томъ, что такое облака и вѣтры... о дождѣ и громѣ небесномъ. Далѣе поведу рѣчь о томъ, какъ растутъ травы, кусты и деревья, о жизни звѣрей и птицъ. Только прежде всего этого не худо узнать кое-что о томъ, что такое есть наша земля вся цѣликомъ; также о солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ».

Въ видѣ предварительныхъ свѣдѣній авторъ объясняетъ въ первой главѣ, названной: «Для начала», что такое масштабъ и какъ снимать планъ мѣстности; что такое уголъ, стороны угла, окружность круга, центръ, радіусъ, дуга, градусъ; какъ измѣрить ширину рѣки, не переходя на другую сторону, или высоту колокольни.

Языкъ бесѣдъ старательно упрощенъ; всѣ сколько нибудь затруднительныя слова по возможности избѣгаются и замѣняются болѣе простыми; напр.: вены и артеріи называются сонными и бойкими жилами; предсердія и желудочки сердца называются сѣнями и клѣтями, газы—воздухами.

Общій тонъ книги указываетъ на то, что она имѣетъ въ виду преимущественно читателя-земледѣльца. Въ ней находятся довольно подробныя свѣдѣнія и наставленія о томъ, какъ вычислить среднюю температуру мѣстности или количество выпадающей влаги. Этому предмету посвящено три главы и приложено три таблицы: таблица средняго тепла по мѣсяцамъ въ нѣсколькихъ городахъ Россіи, взятыхъ представителями шести различныхъ полосъ; таблица средняго числа дождевыхъ и снѣжныхъ дней, также по мѣсяцамъ, и таблица, представляющая количество воды, выпадающей въ видѣ дождя и снѣга, въ русскихъ дюймахъ.

Во второй книгѣ разсказывается о питаніи растеній, о необходимости удобреній и глубокой запашки земли; о близкой родственной связи между растеніями и животными, и, наконецъ, подробно описывается строеніе тѣла и всѣхъ органовъ коровы и ихъ физіологическихъ отправленій, съ указаніемъ сходства ихъ съ органами человѣческаго тѣла.

Книга вполнѣ можетъ быть доступна грамотнымъ взрослымъ, для которыхъ и рекомендуемъ ее.

Н. П.

Послѣ чтенія этой книги мы письменно предлагали вопросы прочитавшимъ и получили отъ нихъ письменные отвѣты. Приводимъ отвѣтъ одного изъ читателей безъ измѣненія, исправивъ только ороографическія ошибки.

Стоитъ ли земля неподвижно? Нѣтъ, наша земля не стоитъ неподвижно, но непрестанно движется.

Но мы этого не замѣчаемъ потому лишь только, что мы въ сравненіи съ нею очень малы. Солнце освѣщаетъ и грѣетъ не однихъ только насъ; но есть еще много такихъ огромныхъ шаровъ, какъ наша земля, которыхъ она грѣетъ, какъ и насъ. Поэтому, еслибъ земля стояла неподвижно, а солнце ходило кругомъ земли, то тѣмъ планетамъ пришлось бы ходить вслѣдъ за солнцемъ вокругъ земли.

Какія земля имѣетъ движенія? Земля имѣетъ движеніе вокругъ самой себя, и вмѣстѣ съ этимъ она еще имѣетъ движеніе вокругъ солнца. Кругомъ самой себя она обращается въ 24 часа; и это называется суточнымъ движеніемъ; а кругомъ солнца земля обращается въ 365 дней, и это называется годовымъ движеніемъ.

Отчего бываютъ суточныя и годовыя перемѣны? Суточныя перемѣны бываютъ оттого, что земля движется вокругъ себя. И на той сторонѣ, что отъ солнца, бываетъ день, а на противоположной — ночь; а когда земля повернется другою стороною къ солнцу, то наступитъ день, а на той—ночь. Годовыя перемѣны бываютъ отъ движенія земли вокругъ солнца; при этомъ земля еще въ одно время *приклоняется* къ солнцу, въ другое—отклоняется. И какъ только земля начнетъ приклоняться, то бываетъ весна, а какъ совсѣмъ приклонится по своему наклону, то бываетъ лѣто; а начнетъ отклоняться, то бываетъ осень.

Изъ чего состоитъ земля? Земля состоитъ изъ многихъ пластовъ или слоевъ—камней, рудъ и другихъ еще веществъ. Всѣ эти пласты имѣютъ отдѣльныя названія. Камни тоже бываютъ разнаго рода, названія и цвѣта; одни изъ нихъ очень дорогіе, другіе дешевые. Камни эти не вездѣ одинаковы, но въ однихъ мѣстахъ бываютъ твердые, какъ желѣзо, а въ другихъ — мягкіе, какъ мѣлъ.

Какъ образовались разные пласты? Камни, которыхъ очень много на поверхности земли и внутри, отъ дождя, снѣга и мороза раздробляются въ песокъ, хотя и очень медленно. А такъ какъ въ морѣ воды очень много, то тамъ гораздо скорѣе камни раздробляются въ песокъ, чѣмъ отъ дождя и мороза. Раздробленные камни садятся пластами въ видѣ глины, песку, хряща и известки, смотря отъ какихъ камней да еще какъ размыты.

Изъ чего состоитъ самый верхній слой почвы? Самый верхній слой почвы состоитъ изъ чернозема, который образовался отъ перегніенія травъ и деревьевъ. Но если бъ перегнившія травы и деревья не удобряли почвы земли, на которой надо сѣять хлѣбъ, то въ иныхъ мѣстахъ земля вовсе не годилась бы для хлѣбопашества, потому что если отдѣлить всѣ эти перегноенія отъ чернозема, то тогда уже будетъ не черноземъ, а песокъ и глина.

Чѣмъ питаются растенія? Растенія питаются водою и воздухомъ. Но хотя и говорятъ нѣкоторые люди, что растенія питаются живыми существами, т. е. тою землею, въ

которой перегніетъ какое нибудь животное, но все это невѣрно, потому что растенія и безъ всего этого растутъ очень хорошо. Да и гдѣ можно набрать такое множество животныхъ дохлыхъ для добренія земли, которою могли бы питаться растенія?

Какими органами и откуда растеніе принимаетъ пищу? Деревья и травы принимаютъ воду посредствомъ мѣшечковъ, которые находятся въ корняхъ растенія; и эти мѣшечки такъ малы, что ихъ простымъ глазомъ и не увидишь, но посредствомъ увеличительнаго стекла можно разсмотрѣть очень хорошо. А воздухъ растенія принимаютъ снаружи земли листьями и молодыми побѣгами.

Какой воздухъ нуженъ для растеній? Для растеній нужны *угольный воздухъ* и кислородъ; угольный воздухъ растеніе принимаетъ при солнечномъ свѣтѣ, а въ темнотѣ, напротивъ того, растенія питаются кислородомъ; да еще нуженъ для растеній азотъ, который уже они принимаютъ не въ видѣ воздуха, но посредствомъ твердыхъ веществъ.

Почему для растеній важенъ дождь? Вода нужна для растеній потому, что въ ней распускаются твердыя вещи, которыми питаются они, но нераспустившимися въ водѣ растенія не могутъ питаться. Кромѣ того, деревья и травы питаются и чистою водою, которую, какъ я уже сказалъ, принимаютъ всѣ растенія мѣшечками, что находятся въ ихъ корняхъ.

Что дѣлается съ землей, на которой постоянно сѣютъ? Та земля, на которой постоянно сѣютъ, утрачиваетъ очень много той силы, безъ которой хлѣбъ никакъ не можетъ расти. И если не возвращать всѣ эти вещи, что изъ нея утрачиваются, то черезъ нѣсколько времени она совсѣмъ не будетъ годною для хлѣбопашества.

Какъ возвращать землѣ то, что изъ нея взято? Для того чтобы возвратить землѣ всю эту силу, что изъ нея утратится, то надо возить на нее всякій навозъ, чтобы только онъ былъ довольно перегнившій, и столько пудовъ, сколько изъ нея взято. При такомъ то удобреніи земля никогда не истощается.

Примѣчаніе. Рец. см. «Педагогич. Вѣстникъ» 1879 г. № 28. «Семья и Школа» 1879 г., стр. 621. «Педагогич. Хроника» 1879 г., стр. 621.

---

411) **Бесѣды о природѣ**. Н. Зобова. Книга для чтенія въ деревняхъ и селахъ, въ которой разсказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. (Съ 24 рисунками). Изд. 4-е. Спб. 1871 г. Ц. 50 к. 351 стр.

Книга, полное названіе которой мы приводимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ этому названію. Она дѣйствительно можетъ служить книгой для чтенія въ деревняхъ и селахъ,— и книгой очень цѣнной, такъ какъ она представляетъ собою довольно рѣдкій примѣръ удачнаго опыта изложенія научныхъ свѣдѣній изъ области космографія, физики, ботаники и зоологіи въ чрезвычайно простыхъ, интересныхъ и въ большинствѣ случаевъ вполнѣ доступныхъ бесѣдахъ.

Еслибы наши народныя школы могли достигнуть того, чтобы книга эта читалась въ селахъ и деревняхъ съ интересомъ и уразумѣніемъ прочитаннаго,—бо̀льшаго отъ нихъ врядъ ли можно было бы желать. Скажемъ болѣе: еслибы книга эта могла сдѣлаться настольной книжкой грамотнаго крестьянина, чтобы онъ могъ обращаться къ ней въ свободное время и читать ее много разъ, то онъ пріобрѣлъ бы знанія, дающія ключъ къ уразумѣнію многихъ явленій, совершающихся вокругъ него,—и знанія довольно солидныя для той среды, въ которой ему приходится жить. Но это — пожеланія, совпадающія съ пожеланіями самого автора; посмотримъ же теперь, какъ самъ онъ смотритъ на возможность исполненія ихъ. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ предисловіи:

«Первоначально книга эта назначалась для чтенія взрослыхъ крестьянъ въ часы ихъ короткаго досуга; но трудность совершенно яснаго, популярнаго изложенія предметовъ, о которыхъ говорится въ книгѣ, заставила дать ей другое назначеніе.... уже не для одиночнаго чтенія крестьянъ взрослыхъ и учащихся, а для чтенія, сопровождаемаго объясненіями учителя».

Таковы взгляды автора на его книгу. Что касается трудности изложенія научныхъ свѣдѣній вполнѣ доступно, то съ этимъ нельзя не согласиться; но относительно собственно этой книги не можемъ высказать, что если простота языка, возможная ясность, обстоятельность и связь въ изложеніи, умѣнье объяснить извѣстное явленіе такъ, чтобы изъ него ясно вытекали общіе законы природы, если всѣ эти несомнѣнныя достоинства книги не даютъ права надѣяться на доступность ея, то намъ придется не давать въ руки народа ни одной сколько нибудь серьезной книги изъ области естествознанія, такъ какъ въ другихъ книгахъ можно встрѣтиться съ бо̀льшими трудностями и мѣньшими достоинствами.

Что книга можетъ читаться и пониматься взрослыми и развитыми какъ крестьянами, такъ и горожанами, — разумѣется, подготовленными къ подобному чтенію,—мы убѣдились на опытѣ. Не можемъ, однако же, не высказать своего наблюденія, что берутъ ее для чтенія не особенно охотно. Происходитъ это, впрочемъ, не вслѣдствіе трудности пониманія, не по отсутствію интереса къ серьезному чтенію, а—какъ это ни странно можетъ показаться — вслѣдствіе значительнаго объема книги. Недосугъ, невозможность прочесть и усвоить содержаніе книги такъ быстро, какъ хотѣлось бы, сознаніе необходимости возвратить ее, не задерживая долгое время, сильно обезкураживаютъ такихъ читателей. Вотъ почему мы высказали бы пожеланіе, чтобы книга эта, равно какъ у книга Бекетова «Бесѣды о землѣ».... (см. № 410), давалась въ видѣ награды болѣе взрослымъ и развитымъ изъ оканчивающихъ курсъ народной школы. Пріобрѣтя ее въ свою собственность, онъ не стѣснялся бы временемъ и читалъ бы ее тогда, когда у него явится желаніе почитать хорошую, дѣльную книжку вмѣсто забавныхъ и болѣе легкихъ для чтенія сказокъ, разсказовъ и повѣстей. Лучшими бесѣдами въ этой книги являются, по нашему мнѣнію, бесѣды, относящіяся къ отдѣлу физики, хотя глава «*О свѣтѣ*» представляется довольно трудною. Напрасно авторъ пытается объяснить, какимъ образомъ ученые вычислили скорость движенія свѣта; врядъ ли кто нибудь изъ простолюдиновъ можетъ понять, даже и съ помощью приложеннаго рисунка, какимъ образомъ относительное положеніе солнца и Юпитера можетъ помочь опредѣленію скорости движенія свѣта. Для яснаго пониманія этого объясненія нужно не только имѣть ясное представленіе о положеніи этихъ небесныхъ тѣлъ въ міровомъ пространствѣ, но и привычку къ отвлеченнымъ математическимъ выкладкамъ.

Неудачнымъ намъ кажется также объясненіе или доказательство того, что косвенные лучи солнца грѣютъ менѣе прямыхъ. Авторъ совѣтуетъ сдѣлать опытъ со свѣчей и убѣдиться, что она сильнѣе жжетъ, если держать руку надъ свѣчей, нежели сбоку. Подобныя сравненія намъ приходилось встрѣчать и въ нѣкоторыхъ другихъ народныхъ книгахъ. Но сравненіе одного явленія, причины котораго неизвѣстны, съ другимъ—еще менѣе понятнымъ и притомъ далеко не аналогичнымъ—не есть объясненіе; такъ что въ данномъ случаѣ читатель будетъ имѣть только вмѣсто одного непонятнаго факта — два, и притомъ зависящихъ отъ различныхъ причинъ.

Можемъ указать еще на одну главу, выдающуюся по трудности: это глава объ устройствѣ глаза. По нашему мнѣнію, такого чрезвычайно сложнаго органа не слѣдовало бы и касаться по невозможности удовлетворительно объяснить его устройство. Врядъ ли даже съ помощью учителя глава эта будетъ понята человѣкомъ, не изучившимъ основательно физики.

Не смотря на указанные нами небольшіе трудности и недостатки, мы считаемъ книгу эту весьма желательной въ каждой народной библіотекѣ, пригодной какъ для самостоятельнаго чтенія взрослыхъ и развитыхъ простолюдиновъ, такъ и для учителя.

Давая ее для чтенія любознательнымъ крестьянамъ, учитель долженъ предупредить, что спѣшить прочтеніемъ ея нѣтъ надобности; лучше прочесть бесѣду нѣсколько разъ и, если что̀ останется непонятнымъ, обратиться за объясненіемъ къ нему.

Мы не приводимъ содержанія книги, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста. Намъ кажется, что изъ одного заглавія и послѣдующихъ вопросовъ можно составить довольно ясное представленіе о ней. Само собою разумѣется, что вопросовъ, которые исчерпывали бы все содержаніе книги, нѣтъ возможности и даже надобности предлагать. Мы ставимъ нѣсколько вопросовъ, отвѣты на которые возможны только при условіи усвоенія, общихъ законовъ или свойствъ тѣлъ, и если прочитавшіе эту книгу съумѣютъ отвѣтить хотя на нѣкоторые изъ нихъ, то это можно считать блестящимъ результатомъ чтенія книги.

Вопросы:

Чѣмъ держится земля въ міровомъ пространствѣ? (Притяженіе солнца и другихъ небесныхъ тѣлъ).

Отчего брошенный мячикъ или камень непремѣнно упадетъ на землю?

Не можетъ ли земля упасть на солнце? (Тяготѣніе другихъ небесныхъ тѣлъ противодѣйствуетъ).

Стоитъ ли земля неподвижно и не можетъ ли остановиться? (Напомнить свойство тѣлъ—инерцію). Чѣмъ окружена земля?

Отчего кусокъ камня, подброшенный вверхъ, быстро падаетъ, а такой же величины пушинка медленно опускается на землю? (Притяженіе болѣе плотныхъ тѣлъ и сопротивленіе воздуха).

Гдѣ воздухъ плотнѣе: у поверхности земли или вверху, и отчего? (Давленіе всей массы и притяженіе ближайшихъ тѣлъ).

Отчего чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе? (Воздухъ болѣе пропускаетъ, чѣмъ поглощаетъ солнечные лучи, нагрѣвается отъ земли).

Отчего вода въ насосѣ поднимается вслѣдъ за поршнемъ? (Давленіе воздуха на поверхность воды, отсутствіе его подъ поршнемъ).

Какъ расходятся свѣтъ и тепло? (По прямымъ линіямъ).

Почему лѣтомъ прохладнѣе стоять днемъ около темной стѣны, чѣмъ около бѣлой? (Отраженіе лучей теплоты бѣлыми предметами и поглощеніе темными).

Какое вліяніе оказываетъ теплота на тѣла? (Расширяетъ ихъ; меньшая плотность, большій объемъ, легкость).

Какія тѣла скорѣе всего нагрѣваются и остываютъ? (Металлическія: хорошіе проводники).

Что происходитъ отъ поглощенія предметомъ всѣхъ свѣтовыхъ лучей и что—отъ разсѣянія ихъ? (Черный и бѣлый цвѣта).

Что скорѣе нагрѣвается и охлаждается—вода или земля, и почему? (Вода медленнѣе: гладка, прозрачна, неплотна).

Что происходитъ съ водой отъ теплоты? (Испареніе).

Какое вліяніе оказываетъ присутствіе паровъ въ воздухѣ на температуру мѣста? (Охлаждаясь, отдаютъ свое тепло воздуху, смягчаютъ климатъ).

Какое вліяніе оказываетъ дождь? (Падая на землю и превращаясь въ паръ, уноситъ тепло, умѣряетъ жаръ).

Отчего дерево отъ удара молніи разлетается въ щепки? (Вліяніе жара молніи на заключающіеся въ деревѣ воду и воздухъ).

Хорошій ли проводникъ электричества воздухъ?

Какіе газы, необходимые для животныхъ, находятся въ воздухѣ? (Кислородъ въ связи съ азотомъ).

Какой газъ вреденъ для животныхъ? (Углекислый газъ).

Какъ образуется онъ? (Отъ соединенія углерода съ кислородомъ при горѣніи, дыханіи, гніеніи).

Какъ очищается воздухъ отъ излишка вреднаго для животныхъ газа? (Растенія пользуются имъ, усваивая углеродъ и отдавая обратно кислородъ).

Какіе органы у растеній для усвоенія углерода?

Какія условія нужны дереву для этого процесса? (Свѣтъ и тепло).

Отчего увядающее растеніе, будучи полито водою у корня, расправляетъ увядшіе листья? (Вода, пробираясь по стволу и вѣткамъ, доходитъ до листьевъ и наполняетъ опустѣвшіе сосуды).

Что необходимо для образованія въ растеніяхъ плода? (Цвѣтеніе).

Цвѣтутъ ли папоротники, грибы? (Нѣтъ; принадлежатъ къ безцвѣтковымъ, тайнобрачнымъ, споровымъ).

Не бываетъ ли когда нибудь, что растеніе цвѣтетъ, а плодовъ или сѣмянъ не приноситъ? (Конопля — посконь изъ двудольныхъ растеній; вообще, — мужскіе тычинковые цвѣты).

Какая связь между всѣми царствами въ природѣ? (Минералы въ растворенномъ состояніи необходимы растеніямъ, растенія — животнымъ; животныя, умирая, отдаютъ минеральныя части почвѣ, откуда снова потребляются растеніями, и т. д.).

Какъ видно, вопросовъ набралось немало, хотя мы не затронули ни одной бесѣды изъ области физіологіи человѣка, ни даже зоологіи вообще. Находимъ, что и приведенныхъ вопросовъ болѣе чѣмъ достаточно, и врядъ ли придется ихъ всѣ предлагать одному лицу. Во всякомъ случаѣ можно выбрать любые изъ нихъ, и лучше имѣть избытокъ въ выборѣ, нежели недостатокъ.

При вопросахъ мы поставили не полные и обстоятельные отвѣты, какихъ можно ожидать отъ спрашиваемаго, а только лишь краткіе намеки, могущіе вызвать въ памяти предлагающаго вопросъ то или другое объясненіе изъ книги и дать ему возможность судить, правильно ли понято отвѣчающимъ извѣстное явленіе и насколько усвоено извѣстное объясненіе.

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.» 1878 г., стр. 677. «Педагогич. Хроника» 1883 г. № 7 и 8, стр. 118.

412) **Видимый міръ.** Небо, воздухъ, вода, огонь, земля. Изд. Мамонтова. Москва, 1870 г. Ц. 80 к., 204 стр.

По содержанію книжка эта почти тождественна съ предыдущей, за исключеніемъ того, что въ ней нѣтъ отдѣловъ зоологіи и ботаники. Здѣсь также разсказывается сначала о звѣздахъ и планетахъ, объясняются законы, по которымъ онѣ совершаютъ свое движеніе въ міровомъ пространствѣ, и нѣкоторыя особенности ближайшихъ планетъ; описываются составъ и свойства воды, воздуха,

земли; законы свѣта, теплоты и т. д. Но бесѣды эти изложены далеко не такъ доступно для народа, какъ въ предыдущей книжкѣ: при описаніи состава и свойствъ тѣлъ авторъ прибѣгаетъ очень часто къ объясненію посредствомъ химическихъ составовъ, которые,—какъ бы интересны ни были на дѣлѣ,—въ книжкѣ представляются крайне скучными, такъ какъ приходится читать одни названія приборовъ и реактивовъ, которыхъ ни одинъ простолюдинъ не видалъ, едва ли и увидитъ,—и продѣлать опыта, слѣдовательно, не можетъ.

Такимъ образомъ мы не вправѣ смотрѣть на эту книгу какъ на удобную для народнаго чтенія безъ руководителя. Хота она и написана очень хорошимъ языкомъ, и многія страницы читаются съ большимъ интересомъ, но самъ авторъ при составленіи ея, очевидно, не имѣлъ въ виду народа, а «молодыхъ читателей», полагаемъ—изъ достаточнаго и развитаго класса, такъ какъ высказываетъ желаніе, чтобы они,—т. е. «молодые читатели», — сдѣлались сами экспериментаторами и передѣлали бы большую часть изъ описанныхъ опытовъ, безъ чего немыслимо пониманіе цѣлыхъ страницъ текста».

Въ концѣ книги приложено нѣчто въ родѣ указателя, гдѣ изложены способы составленія снарядовъ и множество практическихъ пріемовъ при произведеніи опытовъ.

Намъ кажется, что сказаннаго совершенно достаточно для доказательства, что хотя книжка эта для молодыхъ экспериментаторовъ и можетъ быть весьма цѣнной находкой, но какъ самостоятельное чтеніе для народа—она непригодна. *Н. П.*

Примѣчаніе. Рец. см. «Дѣтскій Садъ» 1880 г. стр. 425.

---

413) **Первыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ.** В. Санина. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 222 стр.

Хотя книга эта носитъ названіе «*Первыхъ свѣдѣній*», но, по нашему мнѣнію, приступить къ успѣшному чтенію ея невозможно, не имѣя предварительно первыхъ свѣдѣній изъ другаго источника, такъ какъ языкъ ея довольно тяжелый, дѣловой, нисколько не напоминающій языка, которымъ должны сообщаться первыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ. Кромѣ того, въ ней довольно часто попадаются имена иностранныхъ ученыхъ—Бюхнера, Бюнсона, Моргана, Шеппарда и др., множество незнакомыхъ народу географическихъ именъ, а иногда и ссылка на статью иностранныхъ журналовъ.

Большая часть книги посвящена объясненію множества физическихъ явленій, на которыя мы часто наталкиваемся въ обыденной жизни и не рѣдко даже и не задумываемся надъ причинами ихъ. Въ ней можно найти также свѣдѣнія по зоологіи, ботаникѣ и сельскому хозяйству.

Многія статьи чрезвычайно интересны и иногда практически полезны, но для успѣшнаго пониманія ихъ необходимо читать одну и ту же статью нѣсколько разъ.

Многія объясненія ведутся при помощи указаній на химическіе опыты, которые,—какъ мы имѣли случай говорить выше, — вовсе не способствуютъ болѣе легкому пониманію и усвоенію объясненія, если о нихъ *только* читается. Безъ сомнѣнія, книжка эта могла бы быть и весьма полезною въ смыслѣ справочной книжки, находящейся постоянно подъ рукой, и къ которой можно было бы обращаться за объясненіями того или другаго заинтересовавшаго насъ явленія. Въ рукахъ учителя она можетъ быть драгоцѣнной, давая богатый матеріалъ для бесѣдъ самого разнообразнаго содержанія, — но только для бесѣдъ, къ которымъ нужно готовиться очень тщательно и изучить, такъ сказать, самому каждую главу, чтобы не было надобности прибѣгать къ книгѣ. Но какъ книга для самостоятельнаго чтенія она совершенно непригодна.

Выписываю названія нѣсколькихъ главъ, чтобы дать болѣе удовлетворительное понятіе о ея содержаніи.

Глава 1-я: Какъ при помощи воздуха дѣлать воду? 6-я: Какъ узнавать, гдѣ есть каменный уголь? 15-я: Отчего свиститъ машина? 18-я: Изъ чего состоитъ дерево? 27-я: Въ чемъ мы ѣдимъ известь? 30-я: Отчего сыплется штукатурка? 36-я: Почему усталость клонитъ ко сну? 57-я: Почему незрѣлая солома зелена, зрѣлая—желта? *Н. П.*

Примѣч. Рец. см. «Книжн. Вѣстн.» 1866 г. № 8, стр. 188, 189.

---

414) **Элементарное объясненіе явленій природы.** Составилъ А. Игнатовичъ. Спб. 8-е изданіе. Ц. 60 к., съ пер. 75 к. 1877 г. 175 стр.

Авторъ дѣлитъ свою книгу на пять отдѣловъ, носящихъ слѣдующія названія: «Теплота», «Вода», «Общія свойства тѣлъ», «Воздухъ», «Земля». Каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ отъ трехъ до девяти главъ, за исключеніемъ послѣдняго, къ которому относится двадцать семь. По нашему мнѣнію, въ книгѣ можно различать только двѣ главныя части. Въ первой излагаются различные законы

физики и объясняются многія физическія явленія; вторая—заключаетъ элементарныя свѣдѣнія изъ зоологіи и минералогіи. Книга эта, вѣроятно, назначалась для классного чтенія или какъ пособіе для классныхъ бесѣдъ по физикѣ. Поэтому ее нельзя разсматривать какъ книгу для самостоятельнаго чтенія, а тѣмъ болѣе для грамотныхъ простолюдиновъ. Нѣкоторыя главы въ ней требуютъ непремѣнно того, чтобы указанные въ нихъ опыты были произведены, безъ чего совершенно непонятны и даже неинтересны многія объясненія. Другія, въ которыхъ говорится о различныхъ машинахъ и приборахъ, основанныхъ на томъ или другомъ изъ физическихъ законовъ, требуютъ для яснаго представленія о предметѣ если не моделей, то покрайней мѣрѣ отчетливыхъ чертежей. Въ книгѣ же ихъ очень мало, да и многіе изъ приложенныхъ далеко нельзя назвать удовлетворительными. Къ числу трудно-понимаемыхъ главъ принадлежитъ глава 12-я, гдѣ дѣлается попытка объяснить примѣненіе пара къ устройству паровыхъ машинъ; 25-я—объ устройствѣ барометра; 27-я, 28-я, 29-я — о насосахъ: всасывающемъ, толкающемъ и пожарномъ. На двухъ чертежахъ, приложеныхъ къ этимъ главамъ, мы видимъ обозначеніе различныхъ частей снаряда буквами, въ текстѣ же нѣтъ никакой ссылки на эти буквы, отчего приложенные чертежи становятся окончательно неудовлетворяющими своему назначенію. Вообще, отъ 25-й до 36-й главы чтеніе становится затруднительнымъ, какъ вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ, такъ и вслѣдствіе описанія различныхъ физическихъ и химическихъ опытовъ (добываніе кислорода, водорода, азота), требующихъ, какъ мы замѣтили выше, чтобы опыты были дѣйствительно произведены; производить же ихъ можетъ только тотъ, у кого есть всѣ эти трубочки, пробирные стаканчики, штативы и реактивы, упоминаемые въ книгѣ, да, кромѣ того, и умѣнье производить опыты, чѣмъ, конечно, не обладаютъ читатели, не занимающіеся спеціально химіею и физикою, а тѣмъ болѣе читатели изъ простолюдиновъ. По есть въ книгѣ главы вполнѣ доступныя пониманію простолюдиновъ, — разумѣется, взрослыхъ и развитыхъ. Къ такимъ главамъ относятся 1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 8-я, гдѣ даются понятія о тѣлахъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, объ образованіи, распространеніи, поглощеніи и отраженіи теплоты; о хорошихъ и дурныхъ проводникахъ теплоты, 17-я—25-я—объ общихъ свойствахъ тѣлъ. Всѣ эти главы, заключающія свѣдѣнія изъ общей физики, написанныя языкомъ простымъ и яснымъ, могутъ быть прочитаны съ пользою и, по нашему мнѣнію, даже съ удовольствіемъ каждымъ хорошо-читающимъ и развитымъ простолюдиномъ, — разумѣется, при томъ условіи, если онъ интересуется научными свѣдѣніями и имѣетъ нѣкоторую подготовку къ чтенію книгъ серьезнаго содержанія. Среди указанныхъ нами трудныхъ главъ можемъ указать, впрочемъ, на главу о горѣніи (34-я) и объ углекислотѣ (33-я), гдѣ легко, просто и понятно объясняются причины образованія угарнаго газа (окись углерода) и процессъ горѣнія свѣчи.

Вторая часть книги, посвященная объясненію образованія различныхъ пластовъ земли, описанію горныхъ породъ, минераловъ, рудъ и т. п., не заключаетъ въ себѣ особенныхъ трудностей. Кромѣ указанныхъ объясненій, въ ней встрѣчаются описанія нѣкоторыхъ техническихъ пріемовъ при добываніи соли, сѣры, приготовленіи различныхъ сортовъ глины для различныхъ подѣлокъ; приготовленіе грифельныхъ досокъ, карандашей; добываніе и обработка желѣза, мѣди, серебра, золота, алмазовъ и мн. друг. свѣдѣнія.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что книгу нельзя считать безусловно пригодною для самостоятельнаго чтенія; наиболѣе полезною она можетъ быть въ рукахъ учителя, какъ чтеніе въ классѣ или пособіе для классныхъ бесѣдъ. Для чтенія же внѣ класса можно рекомендовать только отдѣльныя главы—и то наиболѣе развитымъ простолюдинамъ, заинтересованнымъ подобнаго рода книгами. Еще лучше было бы давать ее въ видѣ повторенія классной бесѣды о томъ или другомъ предметѣ. *Н. П.*

Примѣч. Рец. см. «Систем. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., 677 стр.

---

415) **Три царства природы.** Книжка для школъ. В. П. Шаховской. № 80, Москва 1874 г. Ц. 20 к. 80 стр.

Цѣль этой книжки — показать богатство, разнообразіе и цѣлесообразность всего существующаго въ природѣ. Съ этой цѣлью описывается жизнь въ прѣсныхъ водахъ, въ моряхъ, на сушѣ и въ воздухѣ, начиная съ малѣйшихъ микроскопическихъ организмовъ и кончая гигантами животнаго и растительнаго царства.

Изложеніе довольно близко къ научной системѣ, что не совсѣмъ умѣстно и нежелательно въ книжкахъ для школъ и народа. Описанія даются краткія и иногда сводятся

на простыя перечисленія; иногда оживляются нѣсколько болѣе подробной характеристикой того или другаго животнаго или растенія, указаніями на ихъ значеніе въ природѣ, средствъ для борьбы и способовъ распространенія. Послѣдняя глава посвящена минераламъ; въ ней перечисляются наиболѣе извѣстные и полезные металлы, указываются мѣста ихъ добыванія и употребленіе; затѣмъ слѣдуетъ перечень нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ камней, съ указаніемъ, въ чьихъ коронахъ или музеяхъ находятся самые большіе изъ нихъ; въ заключеніе говорится нѣсколько словъ о взаимной связи между всѣми царствами природы.

Книга, повидимому, предполагаетъ въ читателѣ довольно солидныя свѣдѣнія изъ всѣхъ отдѣловъ естественныхъ наукъ и по языку совершенно недоступна народу. *Н. П.*

Примѣч. Реценз. см. «Народн. Школа» 1876 г. № 1, 49 стр.

II. МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

416) **О томъ, какого вида земля и какъ она велика.** Н. Б. Медера. Чтеніе для народа съ 3 рисунками. Спб., 1880 г. Ц. 10 к., 27 стр.

Прекраснымъ народнымъ языкомъ написанная бесѣда о землѣ, о причинахъ, по которымъ долгое время не знали настоящей формы ея; объ изобрѣтеніи, устройствѣ и пользѣ компаса: о наблюденіяхъ, которыя навели на мысль о шаровидности земли; кратко описаны путешествія и открытія Колумба и Магеллана.

Такъ какъ подобныя статьи можно встрѣтить въ книгахъ для класснаго чтенія, то брошюра эта, служа повтореніемъ уже извѣстнаго, только въ новой формѣ и съ новыми добавленіями, должна читаться легко и съ интересомъ. Но нельзя не высказать сожалѣнія, которое приходится повторять при обозрѣніи большинства книжекъ для народа изъ области географіи, что при ней нѣтъ карты, при которой ученики съ большею пользою прочли-бы книжку,—имѣя возможность прослѣдить путешествія и открытія Колумба и Магеллана, увидѣть тотъ океанъ, о которомъ такъ живо разсказывается въ книгѣ,—нежели теперь, когда они, читая одни названія различныхъ мѣстностей, не будутъ имѣть ни малѣйшаго представленія о нихъ. Хотя въ брошюрѣ и находится изображеніе двухъ полушарій, но они сдѣланы въ такомъ маломъ масштабѣ и безъ названія земель, что пользоваться ими въ этомъ смыслѣ нѣтъ возможности.

Вопросы:

Отчего въ прежнія времена люди боялись пускаться далеко въ море?

Какой инструментъ придумали для облегченія морскихъ путешествій? (Описать устройство компаса). Какое свойство имѣетъ магнитъ?

Знаемъ ли мы теперь, какую форму имѣетъ земля?

Кто первый объѣхалъ вокругъ всей земли и доказалъ тѣмъ, что она шаровидна? (Магелланъ).

Какъ назвалъ онъ первые острова, открытые имъ (Разбойничьими) и за что?

Какъ и гдѣ Магелланъ кончилъ свою жизнь? (Показать на картѣ путь Магеллана, острова Разбойничьи и Филиппинскіе).

Какія явленія, подтверждающія, что земля дѣйствительно—шаръ, замѣтили на морѣ путешественники? (Постепенное появленіе и исчезаніе предметовъ).

Отчего тѣ-же явленія, замѣченныя прежде на сушѣ, еще не могли навести людей на мысль о шаровидности земли? (Думали, что горы скрываютъ предметы отъ глазъ, а на морѣ горъ нѣтъ).

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Народн. Шк.» 1874 г. № 4, стр. 74. «Обзоръ Русск. Народн. Литер.» 1878 г., стр. 499.

---

417) **Обращается-ли солнце вокругъ земли?** Я. И. Вейнберга. Москва 1863 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Ц. 8 к. 39 стр.

Эта брошюра посвящена преимущественно доказательствамъ шаровидности земли и обращенія ея вокругъ солнца и своей оси. Авторъ желаетъ, чтобы читатель не на слово только повѣрилъ ему, что земля имѣетъ форму шара и т. д.,—и потому, кромѣ обычныхъ доказательствъ, приводимыхъ во всѣхъ популярныхъ книжкахъ, посвященныхъ этому предмету (какъ-то постепенное появленіе

предметовъ на горизонтѣ и т. д.), онъ употребляетъ доказательства математическія, какъ самыя неопровержимыя. Но именно употребленіе этихъ самыхъ доказательствъ ясно показываетъ, что брошюра не предназначалась для учениковъ народныхъ школъ, такъ какъ для уразумѣнія сказанныхъ доказательствъ требуется знаніе геометріи и физики, безъ чего будутъ непонятны такія выраженія: «величина предметовъ зависитъ отъ угла зрѣнія, т. е. отъ угла АОБ, составленнаго лучами АО и БО, идущими отъ концовъ колокольни АВ къ глазу О», и т. д. Или: «Чѣмъ болѣе *радіусъ* описываетъ кругъ, чѣмъ тяжелѣе это тѣло и чѣмъ скорѣе вращается оно вокругъ *центра*, тѣмъ *центробѣжная сила* становится сильнѣе». Приведенныя выраженія еще не самыя неудобопонятныя, но взяты какъ болѣе краткія.

Чтобы понять ихъ, нужно знать, какое значеніе имѣютъ эти АВ и АМ, радіусы и т. д., чего мы не имѣемъ права предполагать въ ученикахъ народной школы или, вообще, въ читателяхъ изъ народа, а потому и книжку для нихъ считаемъ непригодною. Вообще-же трудно рѣшить, для кого назначена она: для народа она недоступна по вышеуказаннымъ причинамъ; если-же для людей знакомыхъ съ высшей математикой, то врядъ-ли имъ нужно объяснять, что такое горизонтъ и какъ отыскать и назвать страны горизонта.

Н. П.

---

418) **Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима.** Н. Б. Медера. Чтеніе для народа. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 21 стр.

419) **О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ.** М. А. Воронецкаго. Чтеніе въ Соляномъ Городкѣ. Спб. 1872 г. Ц. 10 к. 24 стр.

420) **О кометахъ и падающихъ звѣздахъ.** М. А. Воронецкаго. Чтеніе 2-е. Спб. 1879 г. Ц. 10 к. 24 стр.

Такъ какъ всѣ три книжки имѣютъ своимъ предметомъ свѣдѣнія изъ одной и той-же области и представляютъ послѣдовательныя ступени одного и того-же знанія, то я нахожу возможнымъ, сдѣлавъ краткій обзоръ каждой порознь, дать общій отзывъ о нихъ:

Содержаніе первой книжки — слѣдующее: О видимомъ движеніи солнца, его величинѣ по сравненію съ землей и разстояніи отъ нея. О суточномъ обращеніи земли: сравненіе времени солнечнаго восхода въ различныхъ мѣстностяхъ. О годовомъ движеніи земли. О неравенствѣ дней и ночей и причинахъ этого неравенства. Отношеніе между самымъ длиннымъ днемъ и самою короткою ночью въ различныхъ городахъ Россіи.

Во второй книжкѣ сообщается также множество свѣдѣній, но мы упомянемъ только о главнѣйшихъ: Понятіе о созвѣздіяхъ и число звѣздъ различныхъ величинъ. Понятіе о неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ; о планетной системѣ Птоломея и Коперника (съ рисунками). Описаніе семи извѣстнѣйшихъ планетъ, ихъ величины, времени обращенія вокругъ солнца и нѣкоторыхъ особенностей ихъ.

Содержаніе третьей книжки: Объясненіе слова «комета»; составъ кометы; названіе частей ея; формы кометъ; фигуры путей ихъ. Открытіе кометъ Галлея и Біеллы; годы ихъ появленія. Суевѣрные разсказы о кометахъ. Понятіе о падающихъ звѣздахъ и метеорахъ.

Всѣ три брошюры, не смотря на прекрасный языкъ, которымъ написаны, не смотря на возможную простоту и ясность изложенія, представляютъ собою матеріалъ, не вполнѣ пригодный для самостоятельнаго чтенія учениковъ народной школы или даже взрослыхъ грамотѣевъ. Самый предметъ, о которомъ трактуется въ бесѣдахъ, является настолько отвлеченнымъ, что яснаго представленія о немъ нельзя составить по книгѣ для чтенія. Возможно-ли читателю изъ народа понять по одному описанію и чертежу, что неравенство дней и ночей происходитъ отъ извѣстнаго наклона воображаемой земной оси, когда, при объясненіи съ помощью глобуса, теллурія и т. п., понятія эти нелегко укладываются въ головѣ мало-развитаго человѣка? Какія представленія могутъ возникнуть въ его умѣ при чтеніи о томъ, что Марсъ или Юпитеръ во столько-то разъ больше или меньше земли и совершаетъ свое движеніе вокругъ солнца въ столько-то времени и т. д.? Увидитъ-ли онъ когда-нибудь этого Марса или Юпитера?

Конечно, и изъ этихъ брошюръ можно заимствовать нѣкоторыя свѣдѣнія, не лишнія для общаго развитія; такъ напр., изъ брошюры о звѣздахъ можетъ остаться въ памяти, что есть звѣзды неподвижныя, хотя онѣ и не стоятъ на одномъ мѣстѣ, и блуждающія, хотя онѣ движутся по строго-опредѣленному, извѣстному пути; или что вѣсъ предметовъ на различныхъ планетахъ былъ-бы различенъ и т. д.

Изъ книжки о кометахъ можетъ остаться въ памяти, что онѣ ничего не предвѣщаютъ и ничему не угрожаютъ, хотя врядъ-ли вполнѣ справедливо свѣдѣніе о томъ, что онѣ

состоятъ изъ газа. Изъ картинокъ узнаютъ различныя формы, какія принимаютъ кометы. Но все остальное навѣрное ускользнетъ изъ памяти, лишь только книжка будетъ закрыта. Вообще, мы находимъ, что не всѣ свѣдѣнія изъ математической географіи могутъ быть предметомъ самостоятельнаго чтенія прежде бесѣдъ учителя съ помощью приборовъ, чертежей и т. д. Только послѣ такой бесѣды и названныя книги могутъ быть даваемы въ видѣ повторенія класснаго урока.

Брошюры о звѣздахъ, планетахъ и кометахъ могутъ служить для учителя прекраснымъ пособіемъ, еслибы онъ пожелалъ познакомить своихъ учениковъ съ звѣзднымъ небомъ; поэтому въ школьной библіотекѣ имѣть ихъ не мѣшаетъ, но давать ихъ можно только тѣмъ изъ наиболѣе развитыхъ читателей, которые сами пожелаютъ прочесть что-нибудь о звѣздахъ, такъ какъ такіе ученики — хотя въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній, но, все-же, могутъ встрѣтиться.

То же самое можно сказать и о брошюрѣ «*Отчего бываетъ день и ночь*».

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Педагогич. Хроника» 1879 г. стр. 580.

---

421) **Небесныя свѣтила.** Книжки для школъ. № 70. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. (Съ картою звѣзднаго неба). Москва 1873 г. Ц. 30 к. 93 стр.

Удивительно, что книжки, носящія названіе *книжекъ для школъ*, гораздо менѣе пригодны для нихъ, чѣмъ книжки съ такимъ-же содержаніемъ, но безъ этого рекомендующаго прибавленія.

Разсматриваемая книжка начинается съ того, что рекомендуетъ занятіе астрономіей на томъ основаніи, что «*она знакомитъ насъ съ отношеніемъ земли къ остальной вселенной*» и что «безъ нея мы не можемъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія объ устройствѣ міра...» Интересно знать, въ какой школѣ и съ какого класса школьники могутъ съ успѣхомъ приступить къ занятію этимъ интереснымъ и полезнымъ предметомъ? 90 страницъ этой книжечки наполнены перечисленіями знаковъ зодіака и звѣздъ, составляющихъ ихъ, всѣхъ созвѣздій обоихъ небесныхъ полушарій и названій звѣздъ различныхъ величинъ, входящихъ въ составъ ихъ; смѣло проводитъ *трапеціи* и *діагонали* для отысканія извѣстной звѣзды, нисколько не заботясь о томъ, понимаетъ-ли эти мудреныя слова бѣдный школьникъ, для котораго предназначена эта книжка; отыскиваетъ желанную звѣздочку и переходитъ къ слѣдующей, замѣчая мимоходомъ: «теперь, когда мы познакомились съ Арктуромъ въ созвѣздіи Волопаса и Регуломъ въ созвѣздіи Льва, то можемъ»... и т. д., — наивно воображая, что провести діагональ и увидѣть звѣздочку на картѣ или прочесть ея названіе въ книжкѣ значитъ — познакомиться съ нею. Описаніе ближайшихъ планетъ солнечной системы сдѣлано весьма кратко, сжато, сухо; всѣ сколько-нибудь общеинтересныя свѣдѣнія объ этихъ планетахъ, которымъ обыкновенно отдается преимущество въ популярныхъ книжкахъ, устранены, такъ что все описаніе сводится на нѣсколько цифровыхъ данныхъ: года открытія, разстоянія отъ солнца, длины діаметра, объема, времени обращенія вокругъ солнца и своей оси.

Исключеніе составляетъ одна только глава «*О лунѣ*», которая, дѣйствительно, читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ описаніе сдѣлано весьма живо и картинно.

Тамъ, гдѣ авторъ отступаетъ отъ цифръ, онъ выражается необыкновенно высокимъ, напыщеннымъ слогомъ; такъ напр.: «ночь есть не что иное какъ состояніе части земли, не освѣщенной солнцемъ»... «Мы остановимся на нашемъ звѣздномъ мірѣ или, иначе сказать, на описаніи острововъ, составляющихъ нашъ звѣздный архипелагъ»... Начиная съ самаго большаго предмета до самаго малаго и первоначальныхъ атомовъ, всѣ тѣла взаимно притягиваются по закону сродства и образуютъ видимое вещество, которое есть не что иное какъ собраніе атомовъ».

Изъ всего вышесказаннаго ясно вытекаетъ, что книжку эту можно считать недоступною ни для школьниковъ, ни для взрослыхъ простолюдиновъ. *Н. П.*

---

422) **Разсказы о землѣ и о небѣ.** А. Иванова. Спб. 1865 г. Изд. Товарищ. «Обществ. Польза». Ц. 15 к. 33 стр.

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой книжечкѣ, слѣдующія: О шаровидности земли и движеніи ея вокругъ солнца и своей оси, о небесномъ сводѣ, о лунѣ и движеніяхъ ея; о солнцѣ и его затмѣніяхъ и, въ заключеніе, о томъ, какъ люди додумались до всего этого, т. е. нѣсколько словъ о Колумбѣ, Магелланѣ, Коперникѣ, Ньютонѣ и ихъ открытіяхъ.

Авторъ съумѣлъ придать своимъ разсказамъ такой живой интересъ, что книжкой его, по отзывамъ многихъ лицъ, «зачитыва-

ются въ деревняхъ». Интересъ состоитъ въ томъ, что автору удалось весьма искусно поддѣлаться подъ народную рѣчь; онъ облекъ свои разсказы въ форму разсужденій крестьянскаго мальчика съ самимъ собою или другими по поводу заинтересовавшихъ его вопросовъ и живо изобразилъ ту радость, которую испытываетъ онъ, добившись рѣшенія этихъ вопросовъ или самостоятельно, или при помощи объясненій то мѣстнаго батюшки, то своего барчука. Для большей живости разсказа авторъ вставляетъ иногда шутки, остроты, а то и легонькую брань. Нельзя сказать, чтобы мы сочувствовали всѣмъ этимъ внѣшнимъ украшеніямъ. Въ особенности несимпатичными кажутся намъ всѣ эти *«канальи»*, *«бестіи»*, *«проклятые»*, которые авторъ, ради краснаго словца, кое-гдѣ употребляетъ въ своихъ разсказахъ. Положимъ, что русскій народъ частенько ругается; но зачѣмъ освящать для него эту привычку употребленіемъ брани въ печати? Неужели объясненіе будетъ понятнѣе, если сказать: *«проклятый конецъ земли»* вмѣсто прямо: конецъ земли,— или: *«каналья земля* вертится»? Неудачными намъ кажутся также объясненія суточнаго движенія земли при помощи сравненія ея съ вальсирующей парочкой. Положимъ, барчукъ объяснялъ это лакею, который могъ насмотрѣться въ барскихъ салонахъ, какъ это *«то баринъ спиною въ середину комнаты*, то барышня», — но книжка писалась, вѣдь, не для однихъ лакеевъ, а простой деревенскій мужикъ не только вальсирующихъ не видалъ, но и слова «вальсъ», по всей вѣроятности, отъ роду не слыхалъ, такъ что для него этотъ примѣръ будетъ не особенно нагляднымъ.

Встрѣчаются въ книжкѣ и фактическія ошибки; такъ напр., величину солнца авторъ опредѣляетъ въ пятьсотъ тысячъ разъ больше земли, луны — въ четыре раза меньше земли. Очевидно, здѣсь смѣшано понятіе объ объемѣ, діаметрѣ, площади и, наконецъ, плотности. Такъ какъ солнце, при объемѣ въ полтора милліона разъ большемъ чѣмъ земля, обладаетъ меньшею плотностью, то изъ него можно было-бы сдѣлать только пятьсотъ тысячъ шаровъ, равныхъ землѣ и по объему, и по плотности. То же относительно луны: если діаметръ ея въ четыре раза меньше земнаго, то изъ этого не слѣдуетъ, что и видимый дискъ ея въ четыре раза меньше того, какимъ казался-бы намъ земной дискъ съ луны, или что по объему она тоже въ четыре раза меньше. На самомъ дѣлѣ луна по объему въ пятьдесятъ разъ меньше земли, а дискъ ея, какъ плоскость, при діаметрѣ меньшемъ въ четыре раза противъ земнаго, долженъ быть около шестнадцати разъ меньше земнаго.

Намъ могутъ указать, что все это такія мелочи, на которыхъ не стоитъ останавливаться, что всѣ эти цифры улетятъ изъ памяти; пусть такъ: пусть будетъ забыто то, что прочитано въ книгѣ, но сообщать-то, по крайней мѣрѣ, нужно то, что вѣрно, а не то, что ошибочно.

За всѣмъ тѣмъ, въ виду факта, что книжка читается «съ наслажденіемъ», что чтеніе ея способствуетъ уясненію многихъ заблужденій, что она отвѣчаетъ легко и понятно на вопросы, которые, можетъ быть, и въ дѣйствительности возникаютъ въ головѣ любознательнаго простолюдина, мы считаемъ возможнымъ указать на нее, какъ на первую ступень въ чтеніи изъ математической географіи, пригодную для всѣхъ возрастовъ.

Считаемъ нелишнимъ указать на то, что въ одной изъ воскресныхъ повторительныхъ школъ южной Россіи эта книга предлагается для чтенія «про себя» въ классѣ старшей группѣ слѣдующимъ образомъ: въ виду того, что не всѣ части книги равно интересны и доступны, учитель заблаговременно размѣчаетъ въ книгѣ наиболѣе пригодные отрывки, заботясь о томъ, чтобы каждый изъ нихъ логически вязался съ остальными.

Вопросы:

Какую форму имѣетъ земля?

Отчего она кажется намъ плоскою?

Отчего вода не сливается съ земли и люди не падаютъ, если она круглая, какъ арбузъ?

На чемъ стоитъ земля? Что вокругъ всей земли? Стоитъ-ли земля неподвижно? Отчего мы не замѣчаемъ движенія ея?

Каковъ нашъ мѣсяцъ (луна)?

Отчего въ году считаютъ 12 мѣсяцевъ? Отчего въ мѣсяцѣ 4 недѣли?

Кто такой Колумбъ и что онъ сдѣлалъ?

Что сдѣлалъ Магелланъ?

До чего додумался Ньютонъ и что навело его на эту мысль?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Книжн. Вѣстникъ» 1866, № 1, стр. 3. «Народн. Школа» 1873, № 10, стр. 89. «Учитель» 1866, стр. 519. «Обзоръ Народной Литерат.» стр. 499.

---

423) **Небо и звѣзды.** Сост. Узловскій. Спб. 1877 г. Изд. III-е. Цѣна 20 к. 43 стр.

Брошюра заключаетъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются въ трехъ предыдущихъ книгахъ (см. № 417), т. е. о землѣ, звѣздахъ, планетахъ, кометахъ и т. д. По такъ какъ вся книжка состоитъ изъ 43 страницъ, то свѣдѣнія сообщаются по необходимости въ наиболѣе сжатой формѣ. Изложеніе довольно удобопонятное и простое, но самый предметъ по своей отвлеченности долженъ представлять затрудненіе для чтенія простолюдина, какъ мы имѣли случай говорить выше.

Напомнимъ здѣсь, что брошюры Воронецкаго (см. № 419), а еще болѣе бесѣды о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ въ книгѣ «Свѣтъ Божій» (см. № 409) — отличаются болѣе яснымъ, понятнымъ и интереснымъ изложеніемъ, а потому настоящую брошюру мы не можемъ признать заслуживающею вниманія.

Н. П.

---

424) **Разсказы о земныхъ и небесныхъ тѣлахъ.** П. З. Воскресенскаго. Спб. 1876 г. Ц. 8 к. 16 стр.

Въ брошюркѣ даются понятія о тѣлѣ вообще, о тѣлахъ органическихъ и неорганическихъ, земныхъ и небесныхъ, объ общихъ свойствахъ тѣлъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ сообщаются эти свѣдѣнія, достаточно сдѣлать одну выписку. На стр. 11-й говорится: «Земля и небо суть понятія старыя, они столь-же стары, сколь старъ человѣческій родъ, но на романскихъ языкахъ сіи понятія между собою, повидимому, связи не имѣютъ (слѣдуютъ названія на трехъ языкахъ)... По на русско-славянскомъ — земля и небо означаютъ то же, что субъектъ и объектъ, или что *я* и *не я*. *Небо* значитъ: *нѣту*; стало быть, чего нѣтъ на землѣ, то находится внѣ ея; солнца нѣтъ на землѣ, — слѣдовательно, оно внѣ земли, т. е. на небѣ, ибо земля, занимая свое мѣсто въ пространствѣ, не можетъ уступить онаго солнцу».

Кажется, ни въ какихъ комментаріяхъ нѣтъ надобности.

Н. П.

III. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ, КРОМѢ ОПИСАТЕЛЬНОЙ *).

425) **Среди природы.** А. Острогорскаго. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. 228 стр. (Съ 17-ю прекрасными картинками) [2-е изд. Спб· 1884 г. 216 стр. Ц. 1 р. 30 к.].

Составляя эту книгу, авторъ желалъ познакомить читателя съ нѣкоторыми явленіями природы, относящимися къ метеорологіи, физической географіи и физикѣ. Къ послѣдней относятся статьи: «Какъ узнали люди, что воздухъ имѣетъ вѣсъ», «Электричество», «Громъ и молнія», «Что придумали люди, чтобы не бояться грозы».

Въ первой статьѣ, желая доказать вѣсъ и давленіе воздуха, говорится о попыткахъ ученыхъ устроить водяной насосъ, объ опытахъ надъ ними итальянскаго ученаго Торичелли, объ опытахъ Паскаля, доказавшаго съ помощью барометра, что воздухъ давитъ не съ одинаковою силою въ разныхъ слояхъ атмосферы, и объ опытахъ выкачиванія воздуха изъ металлическихъ шаровъ, производенныхъ въ Магдебургѣ ученымъ Герике.

Взявшись за довольно сложное объясненіе свойствъ воздуха, г. Острогорскій для ясности пониманія избѣгалъ въ вышеприведенной статьѣ научныхъ обобщеній и написалъ ее языкомъ по возможности простымъ и популярнымъ; но читатель, незнакомый съ основными законами физики, не пойметъ въ ней многаго, вслѣдствіе отсутствія рисунковъ, объясняющихъ устройство нѣкоторыхъ физическихъ аппаратовъ.

Слѣдуетъ также упомянуть, что, говоря о силѣ давленія воздуха на животный организмъ, авторъ приводитъ читателя къ ложному научному выводу. На стр. 142 сказано: «но если воздухъ съ такою силою давитъ на все, то почему же мы не замѣчаемъ этого на себѣ»? — спросите вы. — *Единственно по привычкѣ*: мало ли чего мы не замѣчаемъ только потому, что привыкли. Вы идете по лѣстницѣ и опускаете свою ногу какъ разъ столько, чтобъ стать ею на нижнюю ступеньку. Развѣ это можно сдѣлать, не разсчитавъ хорошенько»? и т. д.

Этотъ выводъ ошибоченъ. Физика говоритъ, что мы не чувствуемъ давленія воздуха не въ силу привычки, а вслѣдствіе того, что воздухъ давитъ одинаково на всѣ части нашего организма, и производимое имъ давле-

*) См. послѣднюю въ отд. VI— «Географія».

ніе уравновѣшивается равномѣрнымъ давленіемъ на наше тѣло какъ извнутри, такъ и снаружи.

Въ трехъ слѣдующихъ статьяхъ: «Электричество», «Громъ и молнія», «Что придумали люди, чтобы не бояться грозы» — дается понятіе объ электричествѣ, какъ силѣ положительной и отрицательной, о проводникахъ и непроводникахъ электричества, объ электричествѣ воздуха, о грозѣ и явленіяхъ, ее сопровождающихъ, о различныхъ опытахъ ученыхъ по этимъ предметамъ и о громоотводѣ.

По метеорологіи и физической географіи помѣщенъ цѣлый рядъ статей, какъ-то: «Ясный и пасмурный день», «Снѣгъ», «Огнедышущія горы», «Гейзеръ», «Смерчъ», «Рѣчные насосы», «Дюны», «Подземныя воды», «Сѣверное сіяніе», «Куда дѣвался дождь», «Родникъ» и др.

Изъ цѣлаго ряда перечисленныхъ статей прочтутся съ интересомъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ авторъ, описывая или различныя явленія природы, или случаи, бывшіе съ людьми вслѣдствіе того или другаго явленія, не вдается въ научное ихъ объясненіе. Сюда можно причислить статьи, описывающія огнедышущія горы, гейзеръ, смерчъ, путешествія на воздушныхъ шарахъ и т. д.

Но нельзя того же сказать о статьяхъ, въ которыхъ авторъ старается доказать какое нибудь научное положеніе или физическій законъ.

Передъ нимъ масса самаго разнообразнаго научнаго матеріала. Онъ не можетъ, не выходя изъ предначертанной рамки разсказа, дать читателю цѣльное, ясное понятіе о предметѣ, требующемъ долгаго и тщательнаго изученія. Знаніе, пріобрѣтенное читателемъ, не обладающимъ достаточной научной подготовкой, становится сбивчивымъ, неопредѣленнымъ, и врядъ ли такой читатель можетъ дать самому себѣ отчетъ о прочитанномъ.

Къ статьямъ подобнаго рода принадлежатъ: «Электричество», «Ясный и пасмурный день», въ которой на стр. 9-й говорится объ отраженіи свѣта и др.

Не смотря на это, книга «*Среди природы*», взятая въ цѣлости, производитъ хорошее впечатлѣніе. Направляя умъ читателя на предметы серьезные, знакомя его съ явленіями природы, его окружающими, она возбуждаетъ его любознательность. Читатель невольно преклоняется передъ величіемъ науки, которая, съумѣвъ изучить грозныя силы природы, какъ-то: разрушающую массу воды, огонь, электричество, подчинила ихъ себѣ и отчасти обратила ихъ на пользу людямъ.

Ученики старшаго возраста, знакомые съ книгами Ушинскаго и Водовозова, прочтутъ съ пользой и книгу «Среди природы». Учитель же можетъ съ успѣхомъ пользоваться ею въ классѣ.

Вопросы вытекаютъ изъ самаго оглавленія отдѣльныхъ статей, напр.: Куда дѣвается дождь? Какъ образуются подземныя воды? Что такое гейзеръ, смерчъ? Что придумали люди, чтобы не бояться грозы? и т. д.

Скажемъ кстати: въ высшей степени желательно было бы, чтобы нѣкоторыя статьи, входящія въ составъ «Нашей Библіотеки», были изданы отдѣльными брошюрами; можно было бы также, выбравъ изъ книгъ «Дѣтскій альманахъ» и «Среди природы» тѣ разсказы, которые соотвѣтствуютъ цѣлямъ народной школы, сгруппировать ихъ въ отдѣльную книгу. Подобная мѣра, не уменьшая достоинства и пользы книги, сдѣлала бы ее болѣе пригодною для читателя простолюдина и въ то же время по цѣнѣ болѣе доступною. Постараемся указать на тѣ статьи, которыя, по нашему мнѣнію, были бы пригодны для означенной цѣли.

Въ книгѣ «Дѣтскій альманахъ»: Біографія «Миклуха-Маклай» и «Какъ празднуютъ Рождество въ разныхъ странахъ».

Въ книгѣ «Среди природы»: «Куда дѣвался дождь», «Подземныя воды», «Родникъ», «Булыжникъ», «Рѣчные насосы», «Огнедышущія горы», «Гейзеръ», «Смерчъ», «На воздушномъ шарѣ», «Снѣгъ», «Электричество», «Громъ и молнія», «Что придумали люди, чтобы не бояться грозы», «Сѣверное сіяніе».

А. Г.

Примѣч. Рец. см. «Народная школа» 1877 г., № 8, стр. 28. «Системат. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.», 1878 г., стр. 681.

---

426) **О природѣ и ея явленіяхъ.** Спб. 1880 г. Ц. 30 к. 60 стр.

Заманчивое названіе можетъ ввести въ заблужденіе человѣка, не видѣвшаго книги и желающаго пріобрѣсти ее заочно по одному заглавію.

Можно подумать, — какъ это случилось и съ нами,—что это популярныя бесѣды о природѣ; на самомъ же дѣлѣ это не болѣе какъ обыкновенный учебникъ физической географіи съ обычнымъ опредѣленіемъ прежде всего, что такое географія, перечисленіемъ материковъ, частей свѣта, государствъ, горныхъ цѣпей, словомъ — всего, что подобаетъ

содержать въ себѣ обыкновенному учебнику географіи.

Н. П.

---

427) **Земля, вода и воздухъ.** А. Погоскаго. Изданіе 4-е. (Съ 8-ю рисунками). Спб. 1881 г., 79 стр.

Книжка напоминаетъ собою учебникъ физической географіи, но учебникъ, написанный во многихъ частяхъ довольно живо, подробно и занимательно. Въ особенности хороши, въ этомъ отношеніи, разсказы объ образованіи земной коры и различныхъ пластовъ, составляющихъ ее,—о водѣ, воздухѣ и нѣкоторыхъ атмосферическихъ явленіяхъ. Но многія другія свѣдѣнія сообщаются въ краткихъ словахъ, пригодныхъ болѣе для заучиванія наизусть, что̀ вовсе нежелательно; таковы опредѣленія, что такое прудъ, рѣка, пороги, острова, пассаты, муссоны и мн. другія.

Что же касается до описанія наружнаго вида суши, т. е. раздѣленія ея на материки и части свѣта съ ихъ названіями, то можно думать, что названія эти такъ и останутся одними словами, съ которыми не будетъ соединяться никакого представленія, и самыя слова улетятъ изъ памяти, такъ какъ при книжкѣ не имѣется никакой карты, на которой можно было бы увидѣть форму и относительное положеніе материковъ и частей свѣта.

Кромѣ того, вслѣдствіе разнообразія матеріала и неизбѣжной поэтому сжатости объясненій, а также, вѣроятно, и вслѣдствіе желанія автора все объяснить возможно проще, въ книжкѣ попадаются нѣкоторыя неточности, а иногда даже несообразности; напр., на стр. 35-й говорится, что въ нѣкоторыхъ моряхъ *соль цѣлыми кусками плаваетъ поверхъ воды*; на стр. 91-й — о скважинахъ въ металлахъ и стеклѣ, которыя можно, будто бы, разсматривать въ увеличительное стекло и чрезъ которыя протекаютъ газы.

Наконецъ, многое, что еще далеко не разъяснено и не доказано наукой, высказывается авторомъ слишкомъ рѣшительно; напр., толщина земной коры принята въ 50 верстъ, чего никто не знаетъ даже приблизительно.

Но, помимо всего этого, въ книгѣ находится немало интересныхъ свѣдѣній, которыми могъ-бы воспользоваться грамотный простолюдинъ, такъ что книгу можно признать заслуживающею вниманія. Но опытъ показалъ, что она читается неохотно вслѣдствіе большаго разнообразія свѣдѣній, при которомъ вниманіе слишкомъ дробится, и большинство свѣдѣній быстро исчезаетъ изъ памяти.

Н. П.

---

428) **Отчего происходятъ дождь и снѣгъ?** П. П. Животовскаго. Чтеніе для народа. Спб. 1880 г. Изд. 2-е. Ц. 10 к. 32 стр.

Предметъ чтенія вполнѣ доступенъ всякому грамотному человѣку. Изложеніе также простое и удобопонятное. Кромѣ происхожденія дождя и снѣга, въ книгѣ говорится о томъ, какое вліяніе оказываетъ близость морей на температуру страны, о значеніи лѣсовъ въ природѣ и измѣненіи климата нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ слѣдствіи ихъ истребленія; о причинахъ радуги, о ледникахъ и снѣжныхъ обвалахъ.

При книжкѣ имѣется 10 рисунковъ въ текстѣ, не особенно отчетливыхъ, но, все-таки, дающихъ болѣе наглядное представленіе о предметѣ. Брошюра можетъ рекомендоваться, какъ полезное чтеніе для взрослыхъ и малолѣтнихъ, окончившихъ народную школу.

Вопросы:

Изъ чего состоятъ тучи?

Откуда берется та вода, которая падаетъ на землю въ видѣ дождя?

Какое несчастье постигаетъ земледѣліе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повырублены лѣса? (Засухи).

Какъ можно помочь этому?

Отчего вблизи морей и въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ лѣтомъ не такъ жарко, а зимой не такъ холодно, какъ въ мѣстахъ безлѣсныхъ или лежащихъ вдали отъ морей и большихъ озеръ?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.». 1878 г., стр. 499.

---

429) **Вода въ трехъ видахъ.** Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1881 г. Ц. 20 к. 37 стр.

Въ книжкѣ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: Составъ воды, примѣси, перегонка; свойства воды — общія и частныя; особенности замерзанія; важное значеніе этой особенности; ледъ, какъ матеріалъ для построекъ; искусственное приготовленіе льда; картины полярныхъ морей; альпійскіе ледники; испареніе; упругость и сила пара; примѣненіе ихъ въ механикѣ.

Книжка хотя и невелика, но интереснаго матеріала въ ней немало. Жаль, что редакція ея не вполнѣ удовлетворительна. Встрѣ-

чаются, напримѣръ, такія строки при объясненіи трудности приготовленій кушанья на горахъ, вслѣдствіе уменьшенія давленія воздуха: «у нея (воды) не будетъ для этого достаточно тепла, которое сильно будетъ сжиматься (?) парами».

Нельзя не упомянуть, что и здѣсь повторяются ошибочныя свѣдѣнія о томъ, что, будто-бы, есть такія моря, въ которыхъ соль «цѣлыми кусками» плаваетъ поверхъ воды, на которыя мы обратили вниманіе при разборѣ книги Погоскаго «*Земля, вода и воздухъ*» (см. № 427). Неизвѣстно, откуда заимствуются подобныя ложныя свѣдѣнія, но фактъ тотъ, что многія популярныя книжки настойчиво повторяютъ и распространяютъ ихъ.

Языкъ книжки довольно простъ и доступенъ пониманію каждаго хорошо читающаго, но по содержанію брошюра можетъ болѣе интересовать взрослыхъ и развитыхъ простолюдиновъ.

Вопросы:

Отчего рѣки не промерзаютъ до самаго дна, и что было-бы, еслибы это могло случиться?

Какъ охладить воду на солнцѣ, и почему это возможно?

Можно-ли получить прѣсную воду изъ соленой?

Какъ и почему?

Н. П.

---

430) **Вода въ воздухѣ**. Изд. «Досугъ и Дѣло». (Съ 13-ю рисунками). Спб. 1882 г. Ц. 20 к. 48 стр.

Хотя книга эта представляетъ какъ-бы прямое продолженіе предыдущей и по содержанію чрезвычайно интересна, но чтеніе ея представляетъ для простолюдина значительныя затрудненія. Во-первыхъ, языкъ далеко не отличается той простотой, какая была-бы желательна въ народной книгѣ, и, во-вторыхъ, слишкомъ обильное употребленіе географическихъ именъ и научныхъ терминовъ заставляетъ предполагать, что авторъ имѣлъ въ виду читателей съ довольно солидной подготовкой.

Содержаніе ея значительно полнѣе брошюры Н. П. Животовскаго («Отчего происходитъ дождь» и т. д.), посвященной тому-же предмету. Объясненія нѣкоторыхъ явленій болѣе научны; въ ней болѣе интересныхъ фактовъ, но самая научность изложенія и эти *пассаты*, *циклоны*, *Аргентинскіе Альпы*, *Антильскіе острова*, которыми пересыпаны всѣ страницы книги, заставляютъ отдать преимущество брошюрѣ Животовскаго, какъ болѣе доступной по простотѣ и ясности. Тѣмъ не менѣе присутствіе и этой книжки въ народной библіотекѣ не будетъ излишнимъ; но давать ее слѣдуетъ только тѣмъ, которые уже читали брошюру Животовскаго.

Содержаніе книжки слѣдующее: Круговращеніе воды въ природѣ; испареніе воды; количество паровъ, поглощаемыхъ воздухомъ до степени насыщенія при различной температурѣ; условія появленія росы и инея; о гигрометрѣ и гигроскопѣ; лондонскіе туманы; различные виды облаковъ и высота ихъ; снѣгъ, бураны; замѣчательные дожди и несчастія, происшедшія отъ нихъ во Франціи, Бельгіи, Италіи. Тропическіе дожди и причины ихъ; страны бездождія (пустыни); вліяніе дождя на характеръ мѣстности; градъ; причины образованія его; замѣчательныя градобитія въ Брюселѣ, Ангулемѣ, Реймсѣ; кровавые, сѣрные, земляные и другіе необыкновенные дожди.

Нельзя не указать на ошибку автора въ томъ, что, говоря о кровавомъ дождѣ въ Германіи въ 1571 г. и приводя объясненія ученыхъ того времени, онъ недостаточно выясняетъ несостоятельность этихъ объясненій, чѣмъ вводитъ въ заблужденіе простодушныхъ читателей; такъ, у учениць воскресной школы, которымъ мы давали эту книжку, явилось убѣжденіе, что кровавые дожди дѣйствительно могутъ происходить отъ испареній бычачьей крови, какъ объясняли эти ученые; только послѣ неоднократнаго прочтенія этой главы при насъ,—онѣ нашли то мѣсто въ книгѣ, изъ котораго можно вывести, что объясненія эти были ошибочны.

Вопросы:

Какой воздухъ принимаетъ больше паровъ: теплый или холодный?

Отчего при вѣтрѣ все скорѣе сохнетъ?

Въ какихъ странахъ дожди сильнѣе и отчего?

Н. П.

---

431) **Двѣ капельки**. Разсказъ для дѣтей В. Д. Коровина. (Съ 16-ю рисунками). Москва. 1877 г. Ц. 75 к. 148 стр.

Двѣ капельки сговорились путешествовать. Чтобы не затеряться въ толпѣ своихъ подругъ, онѣ выбрали имена: одна стала называться Блестянкой, другая—Свѣтлянкой.

Авторъ одухотворилъ своихъ героинь, и

онѣ являются передъ нами какъ живыя, со всѣми человѣческими чувствами.

Блестянка пылка, отважна, предпріимчива, легкомысленна и ужасная непосѣда. Недолго попутешествовавъ съ своей подругой въ видѣ пара, она пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы улизнуть изъ листочка растенія, куда попала изъ почвы, всосавшись въ его корешокъ вмѣстѣ съ другими каплями, съ которыми упала на землю въ видѣ дождя. Она, предводительствуя другими такими-же отважными забіяками, какъ сама, съ восторгомъ и одушевленіемъ уничтожаетъ—въ видѣ града — хлѣбное поле; она подзадориваетъ своихъ подругъ прорвать плотину у мельницы, чтобы избавиться отъ труда ворочать мельничное колесо; она мчится въ бурномъ потокѣ и уноситъ двухъ малютокъ, купавшихся на берегу. Попавши въ прачешную, она составляетъ планъ побѣга: пробирается вмѣстѣ съ другими каплями—въ видѣ сырости—въ верхній этажъ дома и заставляетъ хозяина подумать о необходимости провѣтрить квартиру, и такимъ образомъ получаетъ возможность на крыльяхъ вѣтра снова отправиться въ воздушное путешествіе. Впрочемъ, энергія ея не всегда направлена непремѣнно на злыя дѣла; въ сущности сердце у нея не злое: она — тамъ, гдѣ есть кипучая дѣятельность, и ей удается сдѣлать и доброе дѣло. Отважно бросается она тушить пожаръ, увлекаетъ своимъ примѣромъ и другихъ, и дружными усиліями имъ удается отстоять цѣлость дома.

Не такова подруга ея Свѣтлянка. Это типъ доброй, сострадательной и скромной труженицы. Она радуется, когда ей удается напоить увядшее растеніе; она сочувствуетъ горю крестьянина, убивающагося надъ пожелтѣвшей отъ засухи нивой; у нея сердце разрывается отъ боли, когда ей приходится, участвуя въ снѣжной мятели, засыпать дорогу усталому путнику, и чувствуетъ утѣшеніе, когда ложится теплымъ покрываломъ на озимое поле. Словомъ, по нѣсколько ироническому отзыву Блестянки, «ей лишь-бы другимъ было хорошо, а о себѣ она мало заботится, — только и думаетъ, что о счастьи ближнихъ, а сама готова хоть всю жизнь прожить въ какой-нибудь глупой былинкѣ»...

Свѣтлянка приходитъ въ отчаяніе, когда узнаетъ о продѣлкахъ своей легкомысленной подруги, и только послѣдній подвигъ Блестянки успокаиваетъ ея душу. Впрочемъ, она скоро узнаетъ отъ одной старой и опытной капельки, что все, что было сдѣлано ими худаго или добраго, не заслуживаетъ ни благодарности, ни гнѣва, такъ какъ все дѣлалось ими не по своей волѣ, а повинуясь различнымъ силамъ и законамъ природы.

Разсказъ написанъ живо и занимательно. Круговращеніе воды въ природѣ, различныя работы, исполняемыя ею, и вся разнообразная польза и вредъ, который подчасъ приноситъ она, являясь въ различныхъ видахъ, представлены очень наглядно. Разсказъ капельки о путешествіи въ пустынѣ въ немногихъ словахъ ярко и художественно изображаетъ картину страданій путешественниковъ въ безводныхъ странахъ.

Но разсказъ, кромѣ естественноисторической, имѣетъ еще и нравственную подкладку, и вотъ съ этой стороны его можно назвать слабымъ. Моральныя сентенціи, расточаемыя старой капелькой въ назиданіе своей юной спутницѣ, нерѣдко являются сухими, растянутыми и совершенно непонятными дѣтямъ. Изреченіе журавлей, что свобода въ рукахъ глупцовъ — вещь опасная, также слишкомъ глубокомысленно для дѣтскаго ума.

Чтобы провѣрить, какъ относятся дѣти къ названной выше книгѣ, учительница собрала группу дѣтей различныхъ возрастовъ и знаній. Здѣсь были представители одной зимы обученія въ сельской школѣ, двухъ и трехъ зимъ. Такимъ образомъ учительница имѣла полную возможность убѣдиться, кому понятна книжка и какимъ дѣтямъ болѣе нравится. Опытъ показалъ, что всѣ дѣти, начиная съ маленькихъ и кончая старшими, слушали чтеніе съ неподдѣльнымъ интересомъ и полнымъ пониманіемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, напр.: *сюрпризъ*, *геніальный проектъ*, *колоссальная фигура* и т. д. Встрѣтилось даже французское слово *mesdames*.

Картинки, хотя и довольно плохія, также привлекали ихъ вниманіе и возбуждали живой интересъ.

Къ капелькамъ дѣти относились какъ къ живымъ существамъ, и всѣ симпатіи ихъ достались на долю Свѣтлянки, какъ того желалъ авторъ. Блестянка же такъ и осталась злой, не смотря на ея сожалѣніе о своемъ легкомысліи и нравоученіе старой капли объ отсутствіи свободной воли, которое должно было освободить ее отъ отвѣтственности за ея поступки. Очевидно, дѣти не понимали, какъ можетъ быть невиноватъ тотъ, кто дѣлаетъ зло.

Впрочемъ, когда учительница поставила вопросъ о невиновности капельки въ своихъ дѣйствіяхъ на реальную почву, то отвѣты

дѣтей показали ясно, что они прекрасно поняли, что вода не можетъ быть ни доброй, ни злой. На вопросъ учительницы, понимаютъ ли дѣти, что значатъ слова журавлей: «прежде чѣмъ быть свободнымъ, надо быть умнымъ», дѣти отказались отвѣтить, говоря, что не понимаютъ, что это значитъ. Когда же учительница болѣе опредѣленно поставила вопросъ: слѣдуетъ ли давать волю и умному, и глупому, или страшно, чтобы глупый не надѣлалъ какой бѣды,—дѣти отвѣчали, что волю слѣдуетъ давать всякому.

Чтеніе книги крайне желательно для дѣтей даже съ самой ограниченной подготовкой.

Вопросы:

Въ какомъ видѣ вода поднимается изъ моря?

Когда невидимыя капельки (пары) могутъ сдѣлаться опять видимыми?

Чѣмъ полезенъ снѣгъ на поляхъ?

Какія работы исполняетъ вода?

Въ какихъ видахъ является вода?

Н. П.

Примѣчаніе. Рец. см. «Педагогическій Музей» 1879, № 1, стр. 86. «Женское образованіе» 1878, № 1, стр. 62—63. «Семья и Школа» 1877, № 11, кн. II, стр. 424—427. «Педагогическій Листокъ» (при «Дѣтск. Чт.») 1879 № 1, стр. 59—62.

---

432) **Океаны.** Изданіе Общества распростр. полезн. книгъ № 236. Издан. 2-е. Москва 1880 г. Цѣна 15 к., 48 стр.

Въ этой небольшой книжечкѣ въ пяти очеркахъ — по числу океановъ — сообщаются свѣдѣнія объ особенностяхъ каждаго изъ нихъ, о водящихся въ нихъ животныхъ, изображенія которыхъ тутъ же приложены.

6-й очеркъ — «Величіе океана» — отрывокъ изъ соч. Гартвига *«Богъ въ природѣ»*, говорящій о значеніи океана, какъ источника всей органической жизни; написанъ онъ съ той высокой философской точки зрѣнія, которая недоступна сама по себѣ развитію того круга читателей, которыхъ имѣетъ въ виду. Окончившимъ курсъ въ раціональной народной школѣ книга не даетъ ничего новаго; а для того чтобы служить матеріаломъ самообученія для тѣхъ, кто не получилъ этихъ свѣдѣній изъ школы, она написана недостаточно просто и обстоятельно. Впрочемъ, при дополнительныхъ объясненіяхъ со стороны учителя, книга эта можетъ имѣть нѣкоторое значеніе въ народной библіотекѣ; къ тому же и по цѣнѣ доступна.

А. К.

Примѣч. Рец. «Семья и Школа» 1872 г., № 3, стр. 580. «Народная Школа» 1871 г., № 7, стр. 26.

---

433) **О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышущихъ.** С. Лапченко. Спб. 1876 г. (Съ 7-ю карт.) Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ. Ц. 10 к. 37 стр.

Въ брошюрѣ описываются явленія поднятія и пониженія почвы, живыми красками изображены землетрясенія въ Лиссабонѣ, Калабріи и Санторинѣ, изверженіе Везувія въ 49 году, гибель и открытіе Геркулана, Помпеи и Стабіи (безъ названія именъ этихъ городовъ) и нѣкоторыя новѣйшія изверженія Везувія.

Въ заключеніе приводятся нѣкоторыя изъ существующихъ въ наукѣ объясненій причинъ изверженій и землетрясеній. Брошюра, очевидно, приспособлена для народнаго чтенія, такъ какъ изъ нея удалены, по возможности, географическія имена и числовыя данныя, составляющія лишній балластъ въ народной книжкѣ и ослабляющія живое впечатлѣніе разсказа; главное же вниманіе обращено на самыя явленія. Книжка читается съ интересомъ развитыми подростками и даже малолѣтними. Но мы считаемъ ее болѣе пригодной для старшаго возраста.

Вопросы:

Что называется вулканомъ? Что бываетъ во время изверженія?

Отчего большинство вулкановъ бываетъ возлѣ морей?

Отчего люди любятъ селиться вблизи мѣстъ, покрытыхъ лавою? (Плодородіе почвы послѣ изверженія).

Есть ли вулканы въ Россіи?

Разскажите про ученаго, который не такъ давно наблюдалъ изверженіе Везувія.

Что заставляло его оставаться въ такомъ опасномъ мѣстѣ?

На что годна застывшая лава?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематическій Обзоръ Русск. Народно-Учебной Литературы» 1878 г. стр. 506.

---

434) **Объ изверженіяхъ огнедышущихъ горъ и землетрясеніяхъ.** В. Раменскаго. Общедоступное чтеніе. Спб. 1873 г. Ц. 10 к., 19 стр.

Первыя пять страничекъ книги посвящены описанію устройства термометра для объясненія того, какъ узнали, что температура земли повышается по мѣрѣ углубленія. За-

тѣмъ безъ всякаго перехода дѣлается слѣдующій скачокъ:

«Въ различныхъ странахъ земныхъ находятся особой формы (?) горы, которыя называются огнедышущими или «вулканами». До сихъ поръ мы говорили о постепенномъ увеличеніи теплоты по мѣрѣ углубленія въ землю. Это сдѣлано съ цѣлью объяснить то, что будетъ сказано о вулканахъ. Иначе осталось бы непонятнымъ, какимъ образомъ горячая зола и расплавленные камни могутъ выходить изнутри горы».

Такое начало предполагаетъ въ читателѣ знаніе того, что такое и чѣмъ проявляетъ себя (кромѣ формы) огнедышущая гора. Для такихъ людей дальнѣйшее чтеніе книжки совершенно излишне, такъ какъ новаго они въ ней не найдутъ ничего. Если же разсказъ ведется для людей несвѣдущихъ, то слѣдовало бы прежде помѣстить описаніе горъ и изверженій, а потомъ уже говорить о нихъ какъ о чемъ то извѣстномъ. На послѣдующихъ страницахъ авторъ кратко описываетъ выдающіеся случаи изверженій и землетрясеній, но за то помѣщаетъ названія и объясненіе трехъ видовъ землетрясенія: *ударныя*, *вращательныя*, *волнообразныя* и множество географическихъ именъ.

Въ заключеніе авторъ въ нѣсколькихъ строчкахъ подводитъ итогъ всѣмъ знаніямъ, сообщаемымъ имъ.

Книжку можно было бы допустить, еслибы не имѣлось лучшихъ статей по этому предмету, такъ какъ изъ нея, все-таки, можно извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія о предметахъ, названныхъ въ заголовкѣ. Но, имѣя книжку Лапченко о томъ же предметѣ (см. № 433) слѣдуетъ отдать полное преимущество этой послѣдней.

Н. П.

---

435) **Вулканы и землетрясенія.** (Съ 18-ю карт. въ текстѣ). Спб. 1880 г. Изд. ред. «Досугъ и Дѣло». Ц. 25 к. 62 стр.

Въ книгѣ описываются наиболѣе замѣчательныя изверженія и землетрясенія всѣхъ частей свѣта (всего 15 случаевъ), и хотя многія описанія очень хороши и картинны, но изобиліе ихъ ослабляетъ интересъ чтенія, такъ какъ явленія того и другаго вездѣ одинаковы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, которыя нѣтъ надобности да и невозможно удержать въ памяти; изобиліе же географическихъ именъ, перечисленіе всѣхъ болѣе замѣчательныхъ вулкановъ, ихъ высоты, глубины и діаметра, ихъ кратеровъ, годовъ различныхъ землетрясеній и изверженій, числа деревень и жителей, сдѣлавшихся жертвою, страшно пестрятъ книгу.

Кромѣ того, употребленіе такихъ терминовъ, какъ *«фумаролы»*, *«сальсы»*, *«сольфаторы»*—хотя и съ объясненіемъ ихъ—и въ заключеніе всего изложеніе теорій *плутонической* и *вулканической* *) ясно указываютъ на то, что книга не можетъ быть вполнѣ доступна народу.

Приложенныя картинки довольно хороши и значительно возвышаютъ достоинство книги.

Н. П.

---

436) **Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ.** Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Цѣна 20 коп. 44 стр.

Первыя страницы книги содержатъ объясненіе причинъ вѣтра, его скорости и силы. Далѣе описываются пассаты, муссоны, фенъ, сирокко, ураганы, циклоны, смерчи и многіе другіе вѣтры, ихъ вліяніе на природу и человѣка и нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, замѣчательныхъ по своей разрушительной силѣ. Всѣ описанія довольно живы и подчасъ даже художественны, а потому читаются легко, не смотря на нѣкоторыя слова и выраженія, совершенно неумѣстныя въ народной книжкѣ,—напр., «сила вѣтра прямо пропорціональна квадрату скорости»,—или обозначеніе вѣтровъ N. O. и S. O., весьма удобно замѣнимыя болѣе простыми выраженіями и русскими словами.

Книжка можетъ быть доступна только наиболѣе развитымъ изъ окончившихъ курсъ народной школы. Впрочемъ, мы давали ее въ видѣ опыта и небывшимъ въ ежедневной школѣ ученицамъ воскресной школы и убѣдились, что книжка нравится всѣмъ хорошо читающимъ, но нравятся преимущественно,—по собственному ихъ признанію,—разные «страшные случаи». Впрочемъ, разсказывали хорошо и о значеніи фена и нѣкоторыхъ другихъ вѣтровъ.

Наиболѣе цѣлесообразный вопросъ можетъ быть, по нашему мнѣнію, сдѣланъ относительно значенія вѣтровъ вообще и нѣкоторыхъ въ частности.

Н. П.

---

437) **Тьма или о томъ, что произошло бы на**

*) Мы высказываемся противъ ознакомленія съ двумя различными теоріями о причинахъ вулканизма собственно потому, что считаемъ неумѣстнымъ касаться спорныхъ вопросовъ, имѣя дѣло съ читателями лишь элементарно-подготовленными.

землѣ, еслибы потухло солнце. А. Кострицы. Спб. 1881 г. Цѣна 40 коп. 53 стр.

Тринадцатилѣтнему мальчику снится страшный сонъ: среди прекраснаго, свѣтлаго лѣтняго дня солнце вдругъ погасаетъ на небѣ. Яркими красками изображена картина тѣхъ ужасовъ, какіе постигли бы землю послѣ этой катастрофы. Спящій мальчикъ переживаетъ всѣ эти ужасы во снѣ, а читающій невольно долженъ переживать ихъ наяву, такъ какъ они изображены до такой степени реально, такъ дѣйствуютъ на воображеніе и производятъ такое гнетущее впечатлѣніе, что отъ него трудно отрѣшиться даже человѣку съ вполнѣ развитымъ разсудкомъ.

Наступаетъ тьма. Паническій страхъ охватываетъ все живущее. Люди сначала спѣшатъ въ церкви искать утѣшенія, но потомъ начинается по улицамъ и магазинамъ грабежъ съѣстныхъ припасовъ, поджоги; люди начинаютъ ѣсть падаль, и, наконецъ, когда все съѣдомое въ городахъ истреблено, толпы голодныхъ горожанъ устремляются въ села и тамъ продолжаютъ тѣ же неистовства: вырываютъ другъ у друга награбленные куски, поджариваютъ и ѣдятъ человѣческіе трупы и жадными глазами посматриваютъ на живыхъ беззащитныхъ дѣтей.

Переживая всѣ эти ужасы, мальчикъ не забываетъ мысленно повторять уроки изъ физической географіи, слышанные имъ въ гимназіи, для объясненія тѣхъ явленій, которыя быстро слѣдуютъ одно за другимъ; такъ напрм., вѣтеръ прекращаетъ свое существованіе; среди лѣта выпадаетъ снѣгъ и наступаютъ морозы; луна исчезаетъ и т. д. Повторяетъ Володя эти уроки прекрасно и прекрасно объясняетъ себѣ всѣ явленія и даже предугадываетъ многія изъ нихъ. Очевидно, что весь разсказъ для того и придуманъ *), чтобы запечатлѣть въ умѣ дѣтей свѣдѣнія, добытыя ими изъ уроковъ географіи. Но мнѣ кажется, что авторъ ошибся, думая достигнуть этого введеніемъ въ свой разсказъ трагическаго элемента, такъ какъ объясненія Володи могли бы быть полезны для читающаго только въ томъ случаѣ, еслибы умъ его могъ спокойно слѣдить за ними. Находясь же въ крайне напряженномъ нервномъ возбужденіи, онъ спѣшитъ какъ можно скорѣе пробѣжать сравнительно скучныя объясненія, чтобы добраться до конца разсказа и избавиться отъ давящаго кошмара. Конецъ разсказа успокаиваетъ читателя тѣмъ, что еслибы солнце начало потухать, то это продолжалось бы тысячелѣтія; слѣдовательно, одному человѣку не пришлось бы переживать всѣ тѣ ужасы, которые пережилъ во снѣ Володя. Исходя изъ той точки зрѣнія, что ясность, живость и даже прочность усвоенія знаній выигрываютъ, если они сообщаются въ такой формѣ, которая производитъ впечатлѣніе не только на умъ, но и на воображеніе и чувство, мы могли бы только радоваться тому, что въ разсматриваемой нами книгѣ научныя данныя сообщаются въ связи съ увлекающимъ разсказомъ. Но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ разсказъ изложенъ не только живо, но является потрясающимъ. Такое слишкомъ сильное возбужденіе чувства и воображенія не только не можетъ служить средствомъ къ болѣе легкому усвоенію знаній, но очевидно мѣшаетъ сознательности воспріятія ихъ.

Статья написана прекраснымъ языкомъ и предназначена для дѣтей старшаго возраста,— вѣроятно для учениковъ 2-го — 3-го класса гимназіи. Мы считаемъ возможнымъ признать ее пригодною и для чтенія простолюдиновъ старшаго возраста и даже взрослыхъ, рекомендуя давать ее менѣе впечатлительнымъ изъ нихъ.

Намъ кажется совершенно умѣстнымъ, для провѣрки степени усвоенія прочитаннаго, предложить вопросъ, заимствованный изъ заглавія книги, а именно: «что произошло бы на землѣ, если бы потухло солнце?» Это равно вопросу: перечислите всѣ тѣ явленія, которыя происходятъ на землѣ, благодаря солнечному свѣту и теплотѣ. Если прочитавшій съумѣетъ указать и объяснить хотя нѣкоторыя изъ нихъ, то это будетъ весьма удовлетворительнымъ результатомъ чтенія.

Н. П.

---

*) Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, не придуманъ, а построенъ на фабулѣ, заимствованной изъ стихотворенія Байрона «Тьма», два стиха изъ котораго поставлены въ видѣ эпиграфа.

IV. ФИЗИКА, ХИМІЯ И ТЕХНОЛОГІЯ.

438) **Что такое воздухъ и вліяніе его на животныхъ и растенія.** Москва. 1863 г. Ц. 12 к., 47 стр.

Содержаніе книжки: Составъ воздуха. Кислородъ. Озонъ. Азотъ. Углекислота. Химическое соединеніе. Процессъ дыханія людей и животныхъ по теоріямъ Лавуазье и Мильнъ-Эдвардса. Дыханіе растеній.

Въ книжкѣ около 10-ти рисунковъ химическихъ опытовъ, которые могутъ быть произведены только людьми, имѣющими въ своемъ распоряженіи химическую лабораторію.

Достаточно прочесть хоть нѣсколько страницъ, чтобы убѣдиться, что книжка эта недоступна не только малоразвитымъ читателямъ, но даже школьникамъ, вполнѣ усвоившимъ матеріалъ «Книги для чтенія» Ушинскаго или Водовозова. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько отрывковъ.

(Стр. 3). «Въ свое время пользовалось большимъ уваженіемъ мнѣніе Аристотеля, который принималъ воздухъ не за особенное вещество, а за какое-то состояніе, происходящее отъ извѣстной степени тепла и влажности».

(Стр. 9). «Есть особенный газъ, называемый водородомъ. Двѣ части этого газа въ соединеніи съ одною частью кислорода образуютъ воду. Но это происходитъ только тогда, когда черезъ смѣсь ихъ пролетитъ электрическая искра или будетъ внесено какое нибудь зажженное тѣло».

(Стр. 45). «Очень многіе факты показываютъ, что количественное содержаніе углекислоты въ атмосферѣ прежде было иное. Каменный уголь, лигнитъ и торфъ суть остатки прежней растительности».

А. И.

Примѣч. Рец. см. «Народная Школа» 1876 г., № 1 стр. 57. «Семья и Школа» 1872 г., № 3.

---

439) **Воздухъ, насъ окружающій.** Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1879 г. Ц. 20 к. 40 стр.

Что книжка эта издана для народа, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. Вступленіе, въ которомъ дѣлается легкій упрекъ тому, что мы рѣдко спрашиваемъ себя, отчего да почему происходитъ то или другое явленіе въ природѣ, и проводится параллель между человѣкомъ ученымъ и темнымъ, вполнѣ убѣждаетъ насъ въ этомъ предположеніи. Поэтому мы вправѣ ожидать, что, предназначая ее для человѣка, обладающаго самымъ незначительнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, составитель выберетъ самое существенное изъ всего того, что можно вообще сообщить о воздухѣ, передастъ съ возможною простотою и ясностью, съ возможною осторожностью, чтобы не внести ложныхъ представленій, неточныхъ, сбивчивыхъ опредѣленій, свѣдѣній, способныхъ болѣе затуманить голову, чѣмъ просвѣтить ее. А между тѣмъ мы далеко не находимъ этого въ книгѣ.

Послѣ указаннаго выше вступленія составитель обѣщаетъ намъ разсказать, что такое воздухъ и какое вліяніе онъ оказываетъ на насъ,—и дѣйствительно разсказываетъ очень недурно о составныхъ частяхъ воздуха и случайныхъ примѣсяхъ къ нему, причемъ приложены увеличенныя изображенія микроскопическихъ организмовъ, встрѣчающихся въ воздухѣ; указываетъ на нѣкоторыя нездоровыя мѣстности, сообщаетъ о высотѣ и давленіи атмосферы, объ открытіи и опытахъ Торичелли, о магдебургскихъ полушаріяхъ, о вліяніи различной степени атмосфернаго давленія на настроеніе духа нѣкоторыхъ людей; о воздухоплаваніи; о звукѣ, его распространеніи, отраженіи и т. д.

Многія страницы книги читаются легко и съ интересомъ. Но нельзя не упрекнуть составителя за то, что, говоря о присутствіи въ воздухѣ міазмовъ, онъ довольно подробно останавливается на описаніи *мареммъ* — нездоровыхъ мѣстностей Италіи — и господствующей въ нихъ *маляріи*. Если книжка назначалась для русскаго простолюдина, то не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ описаніе, напр., нашего Полѣсья или города Екатеринодара, гдѣ климатическія условія настолько же благопріятны развитію маляріи, а съ нею и эпидемическихъ лихорадокъ и другихъ болѣзней, какъ и въ любой *мареммѣ*. А между тѣмъ, когда дѣло доходитъ до нездоровыхъ мѣстъ Россіи, то составитель ограничивается лишь нѣсколькими словами. Встрѣчается въ книжкѣ немало и неточностей, противорѣчій, излишнее обиліе географическихъ и историческихъ именъ, цифровыхъ данныхъ и проч. Напримѣръ: заявивъ, что земля окружена воздухомъ, какъ «*тонкою плевою*», и объясняя значеніе его для насъ, состави-

тель говоритъ, что *«изъ него главнымъ образомъ состоитъ наша ткань, т. е. наше тѣло»*, и далѣе: *«три четверти нашей ткани изъ воздуха берутъ свой матеріалъ, и только одна четверть получаетъ его изъ твердой или жидкой пищи»* (стр. 7).

Другими словами, или мы просто имѣемъ тѣло, состоящее главнымъ образомъ изъ воздуха на основаніи перваго положенія, или три четверти питательныхъ веществъ, постоянно возобновляющихъ наше тѣло, мы получаемъ путемъ дыханія, на основаніи втораго положенія. Нечего и доказывать, что какъ первое, такъ и второе положенія несостоятельны съ научной точки зрѣнія. Если же составитель хотѣлъ сказать, что элементы, изъ которыхъ состоитъ воздухъ, входятъ въ составъ нашего организма, точно такъ же, какъ въ составъ всякаго органическаго и множества неорганическихъ тѣлъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы получаемъ ихъ главнымъ образомъ изъ воздуха, а извлекаемъ изъ всякой пищи и питья, въ составъ которыхъ они входятъ. Кромѣ того, указанныя строки находятся въ прямомъ противорѣчіи, съ дальнѣйшими словами самого автора, говорящаго на стр. 12-й, что *«тѣло наше также состоитъ большею частью изъ воды»*.

Ужъ если *«большею частью изъ воды»*, то, слѣдовательно, далеко не одна *четверть* приходится на твердую и жидкую пищу, тѣмъ болѣе, что это подтверждается и приводимыми самимъ авторомъ цифровыми данными, что человѣкъ, вѣсящій 654 ф., содержитъ 116 ф. воды.

На стр. 9-й сказано: *«азотъ въ твердомъ видѣ составляетъ главную составную часть нашего тѣла и главнѣйшую часть нашихъ питательныхъ веществъ»*. На это можно сказать, что азотъ хотя и находится въ нашемъ организмѣ и нашей пищѣ въ состояніи химическаго соединенія, но въ какомъ *видѣ*— врядъ ли это извѣстно самому автору.

Считаемъ излишнимъ останавливаться на нѣкоторыхъ другихъ, болѣе мелкихъ неточностяхъ и совершенно излишнихъ свѣдѣніяхъ относительно акустическихъ условій парка Вудшукъ, замка Симонеты и т. д. Скажемъ только, что если бы иностранныя мѣры длины, безразлично употребляемыя авторомъ, были предварительно переведены на русскія, то это было бы гораздо нагляднѣе, нежели сравненіе ихъ на страницахъ книги, напр.: «звукъ пробѣгаетъ въ секунду 340 французскихъ метровъ, или 1115 фут., что̀ составляетъ 159 саж.». Можно навѣрное сказать, что гдѣ цифръ много, тамъ онѣ не удержатся въ памяти; а если авторъ на это не разсчитывалъ, то и помѣщать ихъ не слѣдовало.

Послѣдняя глава книги посвящена описанію нѣкоторыхъ птицъ съ краткой характеристикой каждой. О томъ, что глава эта болѣе умѣстна въ статьѣ по зоологіи, нежели о воздухѣ, авторъ, кажется, и самъ догадался въ концѣ книги. Впрочемъ, присутствіе ея здѣсь, при всей ея неожиданности, ровно ничему не мѣшаетъ. Было бы желательно, чтобы брошюра эта при слѣдующемъ изданіи подверглась болѣе тщательному просмотру, такъ какъ она, все таки, даетъ немало интересныхъ свѣдѣній. А пока ее можно замѣнить брошюрою о воздухѣ Н. П. Животовскаго (см. № 440), гдѣ разсматриваются физическія свойства воздуха, и брошюрой Калмыковой (см. № 479), гдѣ воздухъ разсматривается преимущественно съ физіологической точки зрѣнія.

Н. П.

---

440) **О теплѣ и воздухѣ.** Животовскаго. Чтеніе для народа. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 10 к 35 стр.]

Чтенія въ аудиторіи Солянаго Городка являются одними изъ наиболѣе доступныхъ для самостоятельнаго чтенія народа, хотя, конечно, читать бесѣду и слушать ее, оживленную картинами волшебнаго фонаря, объясненіями и опытами разсказчика, не одно и то же, такъ какъ при самостоятельномъ чтеніи утрачивается часть интереса и легкости усвоенія; тѣмъ не менѣе простота языка и ясность изложенія заставляютъ рекомендовать брошюры Солянаго Городка преимущественно предъ другими книгами, посвященными тѣмъ же предметамъ; такъ, изъ множества разсмотрѣнныхъ нами брошюръ, трактующихъ о воздухѣ, одною изъ наиболѣе приспособленныхъ къ развитію простолюдиновъ является вышеназванная брошюра. Содержаніе ея необширно; предметъ исчерпанъ неглубоко, но этого нельзя не только требовать, но даже и желать въ книгахъ, предназначенныхъ для народа; напротивъ того, *глубина* и обширность нерѣдко служатъ препятствіемъ къ усвоенію первоначальныхъ научныхъ свѣдѣній.

Содержаніе брошюры слѣдующее: 1) О теплѣ. Развитіе теплоты отъ тренія: теплопроводимость нѣкоторыхъ тѣлъ: дурные проводники, какъ матеріалъ для одежды. Вліяніе теплоты на объемъ тѣлъ; практическое примѣненіе этого вліянія. Устройство тепломѣра.

2) О воздухѣ. Опыты съ опрокинутымъ въ

воду стаканомъ, для доказательства присутствія воздуха въ пустыхъ сосудахъ. Подводный колоколъ; давленіе воздуха; воздушный насосъ. Воздухъ—дурной проводникъ тепла; теплый воздухъ стремится кверху; устройство воздушныхъ шаровъ. Вѣтеръ; его причины. Нѣсколько словъ о холодныхъ и жаркихъ странахъ. Ураганы; бури; смерчи.

Вопросы:

Почему лопаются холодные стаканы, если въ нихъ налить горячей воды?

Что нужно сдѣлать, чтобы тѣсный желѣзный обручъ нашелъ на бочку, и почему?

Какой примѣръ приводится въ книгѣ для доказательства, что воздухъ давитъ не только сверху внизъ, но и снизу вверхъ? (Давленіе воздуха снизу).

Отчего деревянную палочку можно держать за конецъ, когда другой лежитъ на огнѣ, а желѣзную—нельзя?

Назвать хорошіе и дурные проводники тепла и указать практическое примѣненіе ихъ.

Какъ производятся подводныя работы?

Отчего происходитъ вѣтеръ? Что такое смерчъ?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Народная Школа» 1874 г. № 4, стр. 74.

---

441) **Воздушные шары.** Спб. Изд. редакціи журнала «Мірской Вѣстникъ» 1871 г. Ц. 20 к. 49 стр.

Родиною воздушныхъ шаровъ можно назвать Францію: всѣ первыя попытки воздухоплаванія были совершены французами; многіе разсказы о первоначальныхъ путешествіяхъ на воздушныхъ шарахъ взяты изъ исторіи, напримѣръ, французской войны 1793 г.

Авторъ разсматриваемой книги не постарался изложить все это по возможности проще и доступнѣе, такъ что она изобилуетъ множествомъ словъ и выраженій такого рода: крѣпость *Конье*, *Майнцъ*, *Монгольфье*, академикъ *Эйлеръ*, *Пилатръ де Розье*, *рекогносцировка*, *комитетъ народной безопасности*, *разрѣженный воздухъ*, *водородный газъ* и т. д. Такое обиліе словъ изъ области химіи, исторіи, географіи можетъ затруднить, затемнить чтеніе о воздушныхъ шарахъ, знакомство съ которыми было бы очень интересно, но въ виду того, что книга изложена трудно, она окончательно нежелательна въ народной библіотекѣ, да и самъ авторъ, очевидно, не предназначалъ ея для чтенія простолюдина.

Л. Д.

---

442) **Тепло и холодъ.** Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 15 к. 40 стр.

Еслибы книжка была озаглавлена «Четыре времени года» или «О причинахъ различія климатовъ», то такое заглавіе было бы ближе къ содержанію, нежели названіе «Тепло и холодъ», такъ какъ въ ней говорится главнымъ образомъ о солнечной теплотѣ, и бо̀льшая часть брошюры посвящена именно объясненію двоякаго движенія земли и перемѣнъ, происходящихъ на ней отъ такого движенія. Впрочемъ, строго говоря, книжка по содержанію весьма разнообразна. Кромѣ указанныхъ выше свѣдѣній, въ ней можно встрѣтить и художественное описаніе временъ года, и вліяніе ихъ на рожденіе и смертность народонаселенія, и нѣкоторыя географическія свѣдѣнія—напр., о раздѣленіи Россіи на шесть климатическихъ полосъ по различію растеній; и указаніе на мѣстности съ самымъ здоровымъ климатомъ и наоборотъ; и бѣгство французовъ изъ Москвы; и о томъ, какъ Гершель и Мушо варили и жарили кушанья при помощи солнечныхъ лучей, и многія другія. Всѣ эти свѣдѣнія, сами по себѣ довольно интересныя, могли бы быть интересны и на страницахъ этой книжки, еслибы не представляли слишкомъ ужъ пестрой смѣси, благодаря которой каждому изъ названныхъ предметовъ можно было посвятить всего нѣсколько строкъ; напр., климатическія полосы Россіи охарактеризованы въ самыхъ общихъ чертахъ. Такъ какъ предметомъ бесѣды избраны тепло и холодъ, то совершенно умѣстно было бы сказать о вліяніи холода на человѣческій организмъ; но врядъ ли умѣстнымъ можно назвать описаніе бѣгства французовъ изъ Москвы, гдѣ читаемъ такія строки: «Первый снѣгъ выпалъ въ Москвѣ 13-го октября. Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы 19-го, а 23-го городъ былъ совершенно очищенъ. 7-го ноября начались весьма сильные морозы: 9-го термометръ показывалъ 15°, 17-го онъ опустился до 26° слишкомъ, и корпусъ маршала Нея, только благодаря этому, избѣгнулъ плѣна»...

Хотя такихъ строкъ въ книгѣ немного, хотя и можно принять во вниманіе, что она издана журналомъ, предназначеннымъ преимущественно для чтенія солдатъ, которые, можетъ быть, и знакомы съ именемъ Нея и интересуются знать, котораго числа онъ отступилъ и т. д., но въ данномъ случаѣ такія свѣдѣнія врядъ ли можно считать умѣстными. Языкъ брошюры такъ же разнообразенъ, какъ и ея содержаніе. Иногда онъ простъ и ясенъ, мѣстами же представляется довольно

труднымъ и отвлеченнымъ, какъ отвлеченны понятія, выражаемыя имъ; напр.: «Ученые высчитали, что сила единицы тепла равна той силѣ, которая необходима для поднятія тяжести въ одинъ килограммъ, т. е. $2^1/_2$ фунта на высоту $3^1/_4$ футовъ».

Къ такимъ же или еще болѣе непонятнымъ мѣстамъ слѣдуетъ отнести и объясненіе движенія земли. Нельзя не признать также совершенно излишнимъ балластомъ въ народной книжкѣ такія доказательства или примѣры: *«сильное вліяніе на климатъ высокаго положенія мѣстности видно, напр., изъ того, что средняя годовая температура подъ 59° с. ш. одинакова съ температурою на вулканѣ Антизана, находящемся почти подъ экваторомъ, а происходитъ это оттого, что Антизана возвышается надъ поверхностью моря на 13 тысячъ футовъ»*... и т. д.

Вообще, авторъ совершенно свободно употребляетъ всѣ географическіе термины,—точно понятія, соединяемыя съ ними, вполнѣ извѣстны народу.

Изъ этого видно, что книжка очень мало приспособлена къ степени развитія простолюдина, для котораго, очевидно, предназначалась, а потому въ народной библіотекѣ она можетъ считаться излишнею.

Н. П.

413) **О томъ, что такое гроза и какъ себя предохранить отъ ея гибельныхъ послѣдствій.** Общедоступное чтеніе. Спб. 1872 г. Ц. 10 к. 20 стр.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ о существованіи различныхъ суевѣрій среди народа, авторъ чрезвычайно художественно рисуетъ картину природы передъ грозой, во время грозы и послѣ нея. Далѣе онъ начинаетъ разсказывать объ открытіи электричества въ янтарѣ и свойствахъ его, впервые подмѣченныхъ греками, объ устройствѣ электрической машины и электрической батареи; объ открытіи Франклина и опытахъ Рихмана, объ устройствѣ и пользѣ громоотводовъ.

Объясненія автора несложны, но большею частью достаточно понятны. Нѣкоторыя, впрочемъ—какъ напр.: отчего разъ наэлектризованный бузинный шарикъ вторично не притягивается наэлектризованнымъ янтаремъ—почти не объясняются. Плохо составлено также описаніе электрической батареи. Такое описаніе, по нашему мнѣнію, можно было бы или совершенно выпустить, или же сдѣлать болѣе яснымъ при помощи чертежей; хотя и нельзя не признать, что никакое описаніе не дастъ вполнѣ яснаго представленія о такомъ сложномъ аппаратѣ безъ объясненія на модели. Впрочемъ, мы считаемъ болѣе важнымъ для общаго развитія не столько ясное представленіе объ устройствѣ электрической батареи, сколько ясное пониманіе того, что гроза есть не сверхъестественное явленіе, не казнь Божія, а дѣйствіе могучей силы, разгадавъ которую, человѣкъ можетъ не только не бояться, но даже управлять ею по своему усмотрѣнію.

Книга написана простымъ языкомъ, ясно и толково. Считаемъ чтеніе подобныхъ книгъ чрезвычайно развивающимъ и весьма желательнымъ какъ для взрослыхъ, такъ и для развитыхъ подростковъ.

Вопросы:

Какъ называется та сила, отъ которой происходятъ громъ и молнія?

Въ чемъ скопляется электричество во время грозы?

Въ чемъ прежде всего замѣтили эту силу?

Что придумали, чтобы отвести ударъ молніи отъ высокихъ зданій? (Громоотводъ). Кто его изобрѣлъ?

По какимъ предметамъ электричество проходитъ быстрѣе всего?

Видимъ ли мы прежде молнію или слышимъ громъ, и почему?

Н. П.

444) **О грозѣ.** Н Животовскаго. Чтеніе для народа. Изданіе 2-е. Спб. 1880 г. Съ 5-ю рисунками. Ц. 10 к. 24 стр.

По содержанію книжка совершенно тожественна съ предыдущей. По простотѣ языка и ясности изложенія книжку Животовскаго можно поставить наравнѣ съ нею и даже выше ея. Онъ не затрогиваетъ въ своихъ объясненіяхъ такихъ вопросовъ, которые не могутъ быть поняты малоразвитымъ простолюдиномъ, почему не пробуждаетъ непріятнаго чувства неудовлетворенной любознательности или потери вѣры въ свои силы, вслѣдствіе неяснаго, неудовлетворительнаго объясненія; а это немаловажное достоинство народной книжки. Кромѣ того, въ настоящей книжкѣ больше рисунковъ и изображеніе электрической машины гораздо отчетливѣе. Намъ непонятно только, зачѣмъ авторъ измѣнилъ общепринятое и въ наукѣ, и въ жизни названіе «громоотводъ» на «грозоотводъ».

Вопросы могутъ быть тѣ же, что и къ предыдущей книгѣ.

Н. П.

Мы давали обѣ эти книги для чтенія деревенскимъ мальчикамъ отъ 15 до 17 лѣтъ, окончившимъ трехлѣтній курсъ народной школы годъ назадъ, и просили ихъ отвѣтить на предложенные вопросы письменно. Прилагаемъ полученные нами отвѣты безъ измѣненія, исправивъ только орѳографическія ошибки. Вотъ какіе отвѣты получили мы:

Н. М—скій (не особенно бойкій мальчикъ 14-ти лѣтъ): «Та сила, отъ которой происходятъ громъ и молнія, называется электричествомъ, а тучи происходятъ отъ испаренія воды: паръ подымается въ воздухъ и охлаждается; и дѣлаются тучи.

«Электричество скопляется во время грозы въ тучахъ; когда тучи расходятся во время грозы, тогда электричество падаетъ на землю и если падаетъ на домъ, на которомъ есть громоотводъ, то домъ остается тогда невредимъ; а если электричество попадаетъ на такой домъ, что на немъ нѣтъ громоотвода, то тогда этотъ домъ разбиваетъ и запаливаетъ крыши, и если въ немъ есть люди, то ихъ убиваетъ. А если электричество попадаетъ въ лѣсъ, то разбиваетъ и самыя большія деревья. Избитое грозою дерево стоитъ черное, какъ уголь.

«Электричество прежде замѣтили въ янтарѣ; янтарь дѣлаютъ (!) изъ хвойныхъ деревьевъ, — онъ вродѣ окаменѣлой смолы. Если смолу натереть объ сукно, то она тогда будетъ притягивать къ себѣ легкія вещи, а именно: бузиновые шарики и бумагу. Если кошку въ темнотѣ тереть стекломъ противъ шерсти, то изъ нея будутъ показываться зеленыя искорки; и если человѣкъ будетъ гребенкой чесать волосы въ темнотѣ, то будутъ показываться голубенькія искорки.

«Придумали сдѣлать громоотводъ, который сдѣланъ изъ самаго простаго металла, а именно изъ желѣза; онъ сдѣланъ коломъ, отъ того кола придѣланъ въ землю *дротъ* (проволока). Когда электричество падаетъ на землю, то этотъ желѣзный колъ притягиваетъ къ себѣ электричество, и оно по дроту сходитъ въ землю.

«Изобрѣлъ громоотводъ Франклинъ. До его рожденія никто не видѣлъ и не слышалъ о громоотводѣ; но когда онъ выросъ, то онъ изобрѣлъ громоотводъ этотъ. Теперь въ городахъ часто показываются на высокихъ зданіяхъ громоотводы.

«Малороссы и теперь не знаютъ этихъ громоотводовъ. Если грозою зажжетъ избу, то малороссы говорятъ, что водою нельзя заливать, и заливаютъ молокомъ; а иные говорятъ, что совсѣмъ нельзя заливать, потому что это Божье наказаніе.

«Электричество проходитъ быстрѣе всего по металлическимъ предметамъ, а именно— по желѣзу, мѣди, стали и проч.

«Мы видимъ молнію и слышимъ громъ разно: если дождь будетъ ночью, то тогда мы видимъ прежде молнію; но если будетъ дождь днемъ, то тогда мы слышимъ прежде громъ, потомъ видимъ молнію.

«Это происходитъ отъ столкновенія тучи съ тучей: какъ ударяются одна объ другую, происходитъ блескъ,—мы называемъ молніей.

«Громъ тоже такъ происходитъ: тучи плывутъ въ воздухѣ, ударяются одна объ другую, и отъ этого намъ слышенъ громъ. Люди есть и теперь такіе, что не понимаютъ этого, что тучи ударяются одна объ другую, и говорятъ, что это Илія пророкъ ѣздитъ на небесахъ колесницею».

И. К—цъ (17-ти лѣтъ, довольно способный и развитой): «Та сила, отъ которой происходятъ громъ и молнія, называется электричествомъ. Во время грозы электричество скопляется въ облакахъ и тучахъ. Эту силу прежде всего замѣтили греки въ янтарѣ и сургучѣ.

«Чтобы отвести ударъ молніи отъ высокихъ зданій, придумали устроить громоотводы. Громоотводы изобрѣлъ Веніаминъ Франклинъ.

«Электричество быстрѣе всего проходитъ по металлическимъ издѣліямъ, — какъ напр., по мѣди и желѣзу.

«Если гроза далеко, то мы прежде видимъ молнію, а послѣ услышимъ громъ; но если гроза далеко, далеко, то тогда только видимъ молнію; а если она разразится подлѣ насъ, то освѣтитъ молнія и ударитъ громъ разомъ. Оттого это происходитъ, что въ облакахъ есть электричество; то электричество, которое въ облакахъ, сталкивается съ тѣмъ, что на землѣ,—отъ этого происходитъ громъ и молнія».

По поводу приводимыхъ отзывовъ мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ отвѣты получались весьма удовлетворительные, въ виду того, что книга читалась безъ всякой предварительной бесѣды и безъ всякихъ поясненій. При вторичномъ прочтеніи книги получились бы несомнѣнно гораздо болѣе удачные отвѣты, и читатели, отвѣчая, избѣжали бы многихъ ошибокъ.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.». 1878 г., 499 стр.

445) **Громъ и молнія.** (Съ 4 рисунками). Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1882 г. Ц. 20 коп. 40 стр.

Книжка эта представляетъ собою нѣсколько высшую ступень тѣхъ знаній объ электричествѣ, какія сообщаются въ двухъ предъидущихъ брошюрахъ. Кромѣ всего того, что можно найти у Животовскаго и у В. Раменскаго объ открытіи электричества, опытахъ Франклина и т. д., въ ней мы встрѣчаемъ знакомство съ такими понятіями, какія не затрогивались ни въ одной изъ первыхъ,—напр., о развитіи электричества посредствомъ вліянія тѣлъ наэлектризованныхъ на неэлектризованныя, при испареніи; употребляются названія *положительное* и *отрицательное* электричество; огни св. Эльма, отличіе ихъ отъ блуждающихъ огней; сѣверныя сіянія. Кромѣ того, приведено нѣсколько случаевъ разнообразнаго дѣйствія молніи и фактовъ наблюденія огней св. Эльма Де-Соссюромъ, Блекуэллемъ, Уатсономъ и др.

Книжка очень интересна и хотя изложена вообще довольно доступно, но немало и трудныхъ оборотовъ встрѣчается въ ней, какъ почти во всѣхъ изданіяхъ «Досугъ и Дѣло», такъ что давать ее слѣдуетъ послѣ брошюры Животовскаго.

Кромѣ вопросовъ, приложенныхъ къ предъидущимъ брошюрамъ, которые вполнѣ умѣстны и здѣсь, можно прибавить вопросъ о томъ что такое огни св. Эльма и что такое блуждающіе огни, гдѣ появляются чаще всего тѣ и другіе.

Книжка нравится и доступна только наиболѣе развитымъ, окончившимъ народную школу. Вниманіе ихъ останавливается на разсказахъ о дѣйствіи молніи и на средствахъ предохраненія отъ грозы.

Н. П.

---

446) **Разсказы о силахъ земныхъ.** Александра Иванова. Спб. 1873 г. Ц. 15 к. 43 стр.

447) **Разсказы о жизни земной.** Его же. Спб. 1873 г. Ц. 15 к. 54 стр.

Авторъ названныхъ книжекъ, задавшись цѣлью сообщать народу популярныя научныя свѣдѣнія въ легкой формѣ, слишкомъ увлекся желаніемъ быть какъ можно интереснѣе для своихъ читателей-простолюдиновъ. Для этого онъ нашелъ нужнымъ не только поддѣлываться подъ народную рѣчь, но даже заимствовать изъ нея различныя остроты, прибаутки, а то и бранныя слова. По насколько желательно, чтобы авторъ сообразовался съ умственнымъ развитіемъ тѣхъ, для кого пишетъ, и старался выражаться возможно проще и доступнѣе, на столько же нежелательно, чтобы онъ нисходилъ до подражанія ихъ дурнымъ привычкамъ.

Не споримъ, — можетъ быть, чтеніе этихъ книжекъ и покажется кому нибудь занимательнѣе вслѣдствіе этого; но популяризація науки нисколько не выиграетъ отъ этой занимательности. По нашему мнѣнію, подобная рѣчь болѣе чѣмъ неумѣстна въ серьезной бесѣдѣ; она унижаетъ значеніе научныхъ свѣдѣній и подрываетъ среди народа уваженіе къ печатному слову. Впрочемъ, книжки г. Иванова страдаютъ не однимъ этимъ недостаткомъ; какъ увидимъ ниже, онѣ и по содержанію не выдерживаютъ критики.

Въ первой изъ названныхъ книжекъ разсказывается о воздухѣ и вѣтрѣ, о водѣ и парѣ, о звукѣ и тишинѣ, о свѣтѣ и тьмѣ, о теплотѣ и холодѣ, объ электричествѣ и магнетизмѣ.

Разсказы эти ведутся въ разговорной формѣ отъ имени деревенскаго парня, нѣкоего мудреца Сашки Круглаго, поучающаго своихъ родныхъ и односельчанъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, не Богъ вѣсть, какъ обширны, но тѣмъ не менѣе онъ немало важничаетъ ими и позволяетъ себѣ даже ругаться надъ своими родными, — вѣроятно, для полнаго убѣжденія въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ. Приведу примѣръ: Сашка объясняетъ сестрѣ образованіе паровъ. Сестра не вполнѣ вѣритъ. «Что ты врешь, Сашка», говоритъ она ему, «какой отъ меня паръ?» —«Какъ какой, дурища ты этакая! отъ всякой скотины идетъ паръ; ты скотина и отъ тебя идетъ паръ», отвѣчаетъ умный братецъ.

Каковы знанія этого братца, можно заключить изъ того, что воздухъ, по его мнѣнію, хорошій проводникъ тепла, свѣтъ пробѣгаетъ въ минуту болѣе милліона верстъ, между тѣмъ, какъ извѣстно, что воздухъ—одинъ изъ худшихъ проводниковъ, а свѣтъ проходитъ въ минуту болѣе 15 милліоновъ верстъ.

Книга испещрена грубыми, несовмѣстными съ серьезнымъ предметомъ, шутками; напримѣръ: Сашка объясняетъ электричество. «Это что же за мелектричество? отъ Мелектрисы Кирбитьевны, что-ль?» вопрошаютъ заинтересованные слушатели.

Для доказательства, что одноименныя электричества взаимно отталкиваются, а разноименныя — притягиваются, Сашка сравниваетъ ихъ съ женихомъ и невѣстой: «сургучъ (женихъ) подлаживается къ ней (бу-

мажкѣ, невѣстѣ), а она отъ него...» и, по приказанію Сашки, чмокается съ нимъ, причемъ вся компанія слушателей заливается дружнымъ хохотомъ, производя впечатлѣніе не людей, заинтересованныхъ объясненіемъ прекраснѣйшаго и грандіознѣйшаго изъ явленій природы, а толпы кабачныхъ гулякъ.

Переходя ко второй книжкѣ, мы съ первыхъ же строкъ узнаемъ, что Сашка Круглый уже не Сашка, а Александръ Ивановичъ, господинъ Кругловъ, народный учитель; но — увы! книжка немного выиграла отъ этого преобразованія; хотя, сообразно своему новому общественному положенію, Александръ Кругловъ меньше ругается, но знанія его, повидимому, нисколько не увеличились съ того времени, когда онъ былъ Сашкой.

Вотъ заглавія его ученыхъ бесѣдъ: «Кто живетъ на землѣ».—«Минеральная жизнь».—«Растительная жизнь».—«Животная жизнь».

Всѣ эти бесѣды переполнены такой массой абсурдовъ, что нѣкоторыя немногія достоинства книжки совершенно въ нихъ тонутъ.

Въ первой бесѣдѣ учитель сообщаетъ своимъ ученикамъ, что всѣ животныя называются животными *«потому, значитъ, что животъ имѣютъ»* (стр. 5). *«Камень живетъ, цвѣтетъ и умираетъ; цвѣтетъ, т. е. покрывается мохомъ—вотъ те и цвѣтъ его!»*

На этомъ основаніи, конечно, и медь, покрытый мухами, и уголъ заброшенной или неряшливой избы цвѣтутъ мухами или паутиной.

Далѣе: *«низшія растенія наполовину растенія, наполовину минералы»* (стр. 38).

«У рака глаза на туловищѣ; у змѣи во рту не языкъ, а жало; у барана въ желудкѣ (?) *есть кишки, а у рака нѣтъ; у лягушки нѣтъ скелета»* (стр. 43).

Кажется, сказаннаго совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ совершенной непригодности книги.

Н. П.

---

448) **Свѣтъ и что отъ него происходитъ**. Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 25 к. 53 стр. (Съ 15-ю рисунками).

Брошюра посвящена описанію явленій, основанныхъ на преломленіи и отраженіи лучей свѣта, какъ то: дневнаго свѣта и сумерекъ, солнечныхъ и лунныхъ круговъ, ложныхъ солнцъ, миражей, брокенскихъ призраковъ и въ заключеніе — падающихъ звѣздъ, болидовъ и сѣверныхъ сіяній, хотя они и не относятся къ свѣтовымъ явленіямъ. Описанія даютъ понятіе о множествѣ любопытныхъ и величественныхъ явленій; но объясненія этихъ явленій далеко не удовлетворительны. Да и можно ли удовлетворительно объяснить такія сложныя явленія на 3-хъ—4-хъ страничкахъ, когда объясненію ихъ посвящаются цѣлые томы, когда они изучаются и становятся понятными только при помощи множества физическихъ опытовъ!? Поэтому мы не можемъ требовать, чтобы объяснительная часть физическихъ явленій въ народной книжкѣ была настолько полна, чтобы прочитавшій ее могъ имѣть ясное представленіе о причинахъ описанныхъ явленій. По нашему мнѣнію, значеніе народныхъ книжекъ, въ которыхъ дѣлаются попытки сообщать научныя свѣдѣнія народу, заключается не только въ передачѣ точныхъ знаній, но еще болѣе въ проведеніи идеи, что весьма многія изъ явленій природы, пугающія воображеніе неразвитаго человѣка и поддерживающія его суевѣрныя представленія о сверхъестественныхъ силахъ, изучены и объяснены настолько, что могутъ быть произведены самимъ человѣкомъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ; что люди науки посвящаютъ на изученіе этихъ явленій цѣлые годы своей жизни, чтобы объяснить ихъ своимъ темнымъ братьямъ, и путемъ примѣненія законовъ изученныхъ явленій въ практической жизни увеличиваютъ ихъ матеріальное благосостояніе. Въ такомъ смыслѣ и разбираемая нами книжка можетъ принести свою долю пользы. Но мы вправѣ требовать еще, чтобы составитель такой книжки, насколько возможно, приспособлялся къ развитію того читателя, для котораго пишетъ, удалялъ изъ своей книги высокопарныя выраженія, иностранныя слова и, по возможности, научную терминологію, не говоря уже о томъ, что языкъ его долженъ быть настолько ясенъ и выраженія настолько точны, чтобы изъ нихъ нельзя было вывести никакого другаго заключенія. А между тѣмъ все это далеко не достигается въ книгѣ. Мы не будемъ останавливаться на научной терминологіи и высокопарности выраженій, которыми отличаются почти всѣ изданія «Досугъ и Дѣло» для народа; не станемъ говорить и о томъ, что, по нашему мнѣнію, ни одно явленіе не можетъ быть понято при тѣхъ объясненіяхъ, какія даются въ книгѣ; мы укажемъ только на то, что въ книгѣ попадаются слова, прямо противоположныя тому, что, очевидно, хотѣлъ сказать авторъ; напр., на стр. 7-й читаемъ: «Чѣмъ прямѣе, отвѣснѣе падаютъ на землю

лучи, тѣмъ *меньше* свѣта будетъ отъ нихъ получаться; и происходитъ это оттого, что чѣмъ косвеннѣе лучъ, тѣмъ большее пространство имъ проходится, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабляется сила свѣта». Здѣсь все противорѣчіе происходитъ отъ замѣны одного слова другимъ, а между тѣмъ противорѣчіе это можетъ сбить съ толку мало-свѣдущаго человѣка.

На стр. 50-й: «Если принять вещество, изъ котораго состоятъ падающія звѣзды, за газъ, то между болидами и звѣздами разница будетъ весьма ничтожна, такъ какъ бóльшая часть болидовъ имѣетъ несомнѣнно твердое состояніе».

Здѣсь уже трудно понять, почему разница ничтожна, и при какихъ условіяхъ была бы она болѣе значительной, но только, конечно, не тогда, еслибы и тѣ, и другіе состояли изъ твердаго вещества или изъ газа... Обратимъ вниманіе еще на одну *мелочь*: на страницѣ 18-й помѣщенъ рисунокъ, долженствующій пояснять явленіе радуги, съ лучами солнца, идущими чрезъ дождевыя кáпли къ глазу наблюдателя. Солнце обозначено на рисункѣ французскимъ словомъ *soleil*, лучи—*rouge* и *violet*. Положимъ, что рисунокъ этотъ нисколько не въ состояніи помочь незнающему, облегчить пониманіе законовъ отраженія и преломленія лучей; но можно думать, что помѣщался онъ, по крайней мѣрѣ, съ цѣлью облегчить пониманіе того, что непонятно безъ рисунка,—иначе не стоило его и помѣщать. Къ чему же тутъ въ народной книжкѣ эти *rouge* и *violet?* Повторяемъ, это, можетъ быть, и мелочи, но изъ этихъ мелочей выясняется, насколько мы можемъ иногда быть невнимательны къ тому, что предлагаемъ народу.

Вообще, книжка если и можетъ быть доступна, то весьма немногимъ изъ наиболѣе подготовленныхъ простолюдиновъ. Мы давали ее взрослымъ и развитымъ ученицамъ воскресной школы, и, не смотря на то, что книжка показалась имъ интересной и фактическая сторона была усвоена, причины описанныхъ явленій остались вполнѣ непонятыми.

Н. П.

---

449) **Нѣсколько словъ объ отопленіи и освѣщеніи. М. К.** Кіевъ. 1874 г. 32 стр.

На первыхъ двѣнадцати страничкахъ этой маленькой книжечки авторъ старается объяснить въ немногихъ словахъ, но, все таки, болѣе или менѣе научно о томъ, что происходитъ въ печи съ горящимъ углемъ и съ деревомъ, что такое дымъ и отчего онъ происходитъ, какъ происходитъ нагрѣваніе, что такое угаръ и какъ образуется онъ. Отвѣты на эти вопросы вышли не одинаково удачны. Нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія, какъ наприм. о необходимости для горѣнія притока кислорода, объ образованіи углекислоты при соединеніи углерода дерева съ кислородомъ воздуха; о томъ, когда бываетъ угаръ, насколько онъ вреденъ и какъ избѣжать его—можно почерпнуть изъ книги. О томъ же, что такое дымъ, какъ образуется окись углерода (угаръ) и что происходитъ въ печи съ горящимъ деревомъ, получается весьма смутное понятіе.

Далѣе авторъ вкратцѣ говоритъ о происхожденіи каменнаго угля, о происхожденіи торфа и о достоинствѣ каждаго вида послѣдняго. Добываніе свѣтильнаго газа объяснено хотя кратко, но довольно понятно; объясненіе же устройства газометра, не смотря на приложенный рисунокъ, чрезвычайно неудовлетворительно; рисунокъ неотчетливъ и части газометра не обозначены, какъ бы слѣдовало, буквами.

Вторая половина книги посвящена объясненію горѣнія свѣчки. Составлена она, какъ кажется, по лекціямъ профессора Фарэдея, и хотя представляетъ самое краткое извлеченіе изъ нея, но, все таки, даетъ понятіе о составныхъ частяхъ пламени, о томъ, гдѣ происходитъ горѣніе и отчего зависятъ блескъ и жаръ пламени.

Въ заключеніе авторъ говоритъ нѣсколько словъ о приготовленіи керосина, о добываніи горнаго масла и приготовленіи керосина и шандорина (весьма неясно) и указываетъ мѣстности, богатыя источниками горнаго масла.

Опытъ показалъ, что книга читается и понимается съ большимъ трудомъ (кромѣ указанныхъ выше элементарныхъ свѣдѣній, въ большинствѣ случаевъ уже извѣстныхъ нѣсколько подготовленнымъ читателямъ изъ другихъ книгъ). Мы давали ее одному изъ наиболѣе развитыхъ деревенскихъ парней, окончившему трехлѣтній курсъ народной школы и читавшему немало популярныхъ книжекъ по различнымъ отдѣламъ естествознанія. Хотя онъ и старался кое какъ отвѣчать на предложенные вопросы, но тѣмъ не менѣе заявилъ, что понимать ее очень трудно. Въ виду такого заявленія, а также и по личному впечатлѣнію, вынесенному послѣ чтенія книги, мы должны сказать, что читать ее съ пользою возможно только съ объясненіями учителя. Въ противномъ случаѣ понятіе о

процессѣ горѣнія получится весьма поверхностное и смутное.

Н. П.

---

450) **Какъ и отчего?** Вопросы и отвѣты о главнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ и законахъ природы. Сост. В. Андреевъ. Изд. 2-е, дополненное. (Съ рисунками въ текстѣ). Кіевъ. 1880 г. Ц. 30 к. 77 стр.

Мы не будемъ подробно останавливаться на содержаніи книги, а приведемъ лишь названія нѣсколькихъ главъ, наприм.: «Отчего трудно лошадямъ сдвинуть экипажъ съ мѣста?» «Какъ стѣнные часы показываютъ время?» «Отчего человѣкъ тонетъ?» «Какъ перелить жидкость въ другой сосудъ, не черпая ея?» «Какъ узнать высоту горы при помощи барометра?» «Гіероновъ фонтанъ и пожарная труба». «Какъ происходитъ музыкальный тонъ?» «Какъ солнце рисуетъ намъ предметы?» и мног. друг.

Изъ этого перечня видно, что книга представляетъ рядъ объясненій различныхъ физическихъ явленій, уяснить которыя мы не всегда можемъ, или потому, что не знаемъ физическихъ законовъ, на которыхъ основаны они, или же хотя и знаемъ ихъ въ теоріи, но не всегда можемъ найти связь между ними и данными явленіями. Путемъ краткаго объясненія такихъ явленій автору удается напомнить читателю тотъ или другой изъ законовъ физики, то или другое изъ общихъ свойствъ тѣлъ, — но именно только напомнить человѣку знакомому съ ними. Для неподготовленнаго же читателя будутъ непонятны очень многія изъ объясненій автора, такъ какъ объясненія эти далеко не всегда доступны и удовлетворительны. Законовъ физики по этой книгѣ изучить нельзя, а, не зная этихъ законовъ, не поймешь и указаннаго явленія.

Считаемъ поэтому книгу не только непригодною для самостоятельнаго чтенія народа, но и не особенно полезною въ рукахъ неподготовленнаго учителя.

Н. П.

---

451) **Разсказъ о фабрикахъ и заводахъ.** Сост. К. Веберъ. (Съ 23-мя рисунками). Изданіе «Дѣтской Библіотеки». Спб. 1881 г. Ц. 80 к. 121 стр.

Цѣль книги, какъ говорится въ предисловіи, —познакомить дѣтей въ легкой повѣствовательной формѣ съ прикладнымъ естествознаніемъ. «Мы старались», говоритъ составитель, «насколько могли, устранить во всѣхъ разсказахъ сухую, хотя бы и понятную передачу фактовъ; вотъ почему механическія производства въ тѣсномъ смыслѣ почти совершенно исключены изъ нашей книжки, а въ обработкѣ хлопка мы не шли далѣе пряденія. Затѣмъ мы не стояли особенно за послѣднія усовершенствованія въ производствахъ, какъ потому, что они заключаются въ употребленіи сложныхъ машинъ, такъ и по той причинѣ, что уровень положенія фабрикъ и заводовъ въ Россіи очень низокъ» (стр. 2).

Такимъ образомъ цѣль книги и отчасти методъ изложенія для насъ выяснились. Постараемся передать вкратцѣ содержаніе нѣкоторыхъ разсказовъ.

Въ первомъ изъ нихъ—«*Быкъ*» говорится нѣсколько словъ о выносливости и невозмутимости нашего домашняго быка, дается краткая характеристика буйвола и бизона съ довольно живымъ описаніемъ охоты за ними; наконецъ, указана польза, приносимая человѣку быкомъ при жизни и послѣ смерти.

Разсказъ 2-й—«*Свѣта больше!*» описываетъ вкратцѣ исторію постепеннаго улучшенія освѣтительныхъ матеріаловъ. «По улицамъ Ниневіи въ огромныхъ вазахъ горѣлъ жиръ, освѣщая все вокругъ какъ днемъ. Жители не боялись попасть въ лужу или стукнуться лбомъ обо что нибудь». Дома освѣщались тѣмъ же жиромъ, горѣвшимъ въ вазочкахъ. Потомъ придумали изъ сала дѣлать свѣчи. Свѣчи были дурны, но лучше сала; далѣе появились восковыя свѣчи, вытѣснившія сальныя изъ богатыхъ домовъ въ жилища бѣдняковъ. Наконецъ, научились очищать сало и придумали лампы. Копоть сала повела къ изобрѣтенію (Аргандомъ) лампы со стекломъ. Въ концѣ разсказа въ немногихъ словахъ говорится о приготовленіи маканыхъ свѣчъ, переработкѣ сала въ стеаринъ, о свѣчахъ литыхъ, спермацетовыхъ, парафиновыхъ, пальмовыхъ и о приготовленіи мыла.

Въ разсказѣ 3-мъ—«*Каменный уголь*» изображается картина растительности каменноугольнаго періода, говорится объ образованіи каменнаго угля и добываніи его.

Два разсказа подъ одинаковымъ заглавіемъ: «*Какъ Михайло въ Питерѣ служилъ*» посвящены описанію пребыванія Михайлы на газовомъ и сахарномъ заводахъ. Разсказы, повидимому, назначены для того, чтобы дать дѣтямъ понятіе о добываніи газа и сахарномъ производствѣ; но въ нихъ больше отведено мѣста описанію мыслей и чувствъ самого Михайлы при видѣ диковинныхъ для него зданій и машинъ, нежели описанію производствъ, такъ что въ смыслѣ сообщенія

знаній разсказы очень неудовлетворительны. Въ концѣ перваго разсказа читаемъ такія строки: «Большую картину, которая помѣщена здѣсь, срисовалъ для Михайлы пріятель его. Рисовать-то онъ искусникъ, да позабылъ только на картинѣ трубы, гдѣ газъ прохлаждается, помѣстить. Ну, да ничего — сойдетъ и такъ».

На самомъ-же дѣлѣ при разсказѣ нѣтъ никакой картинки. Видъ какого-то завода помѣщенъ при разсказѣ «*Камсиный уголь*»; но такъ какъ онъ не подписанъ, и если принять во вниманіе, что «пріятель» позабылъ нарисовать весьма существенную часть газоваго завода, то помѣщать такую картинку въ надеждѣ, что «и такъ сойдетъ», совсѣмъ не слѣдовало.

Въ разсказѣ «*Какъ добываютъ огонь*» дается понятіе о фосфорѣ, постепенномъ усовершенствованіи спичекъ и фабрикаціи ихъ.

Въ разсказѣ «*Небывалые разказчики*» дѣло идетъ о выдѣлкѣ кожъ. Начинается разсказъ съ момента рожденія теленка нѣкоей Алены; описывается, какъ Алена холила его, какъ потомъ продала мяснику, который содралъ съ него шкуру, и какъ потомъ выдѣланная уже кожа встрѣтилась въ коморкѣ сапожника со своей землячкой, сальной свѣчкой, и вступила съ нею въ разговоръ. Къ нимъ присоединились: синяя краска, которая «служила прежде рогами и копытами» тому старостину быку, изъ котораго произошла свѣчка, и столярный клей. Кожа разсказала процедуру своей выдѣлки, клей — свою исторію, а исторію синей краски, — «берлинской лазури»—вкратцѣ разсказалъ самъ авторъ.

Разсказъ этотъ скорѣе забавенъ, чѣмъ даетъ дѣйствительное понятіе о выдѣлкѣ кожъ. Дѣтямъ нравится форма изложенія; смѣются они при описаніи различныхъ ощущеній кожи во время передѣлокъ, въ которыхъ побывала она, и совершенно игнорируютъ дѣловую сторону разсказа. Болѣе-же взрослые недовольны неяснымъ представленіемъ о производствѣ, находятъ его слишкомъ дѣтскимъ и потому неинтереснымъ.

Въ разсказѣ «*Ленъ, хлопокъ и конопля*» изображена картина тропическихъ лѣсовъ, съ ихъ пернатымъ населеніемъ, и плантаціи хлопчатника, съ краткимъ описаніемъ самаго растенія и грустной картиной невольничьихъ работъ на плантаціи: «солнце страшно жжетъ кожу несчастныхъ невольниковъ; тучи мошекъ облѣпили ихъ, потъ течетъ градомъ, но останавливаться нельзя. Едва негръ подниметъ руку, чтобы отереть ручьи пота съ лица, тяжелая плеть смотрителя свиститъ въ воздухѣ»... «И такъ мучаетъ одинъ человѣкъ другаго въ прекрасной странѣ, гдѣ растенія и животныя даютъ вкусную и сытную пищу, порхаютъ самыя красивыя птицы и бабочки, а земля даетъ больше всего золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней»...

Картина яркая, производящая глубокое, потрясающее впечатлѣніе! Но чтобы она была правильно понята дѣтьми, необходимо уясненіе того, какимъ образомъ негръ и плантаторъ стали въ такія ужасныя отношенія другъ къ другу, а также и того, что эта картина рисуетъ времена уже минувшія.

Остальная часть этого разсказа посвящена описанію наружнаго вида льна и того, какъ его дергаютъ, сушатъ, мочатъ и треплютъ, чешутъ и прядутъ.

Разсказъ не даетъ никакихъ новыхъ свѣдѣній тѣмъ, кто читалъ въ «Родномъ Словѣ» «*Какъ рубашка въ полѣ выросла*».

Разсказъ «*Искусный прядильщикъ*» состоитъ въ описаніи жизни и работъ шелковичнаго червя.

Разсказъ «*Во что мы одѣваемся*» даетъ краткое понятіе о различныхъ машинахъ для очищенія хлопка, о прядильной машинѣ «Жени» и печальной судьбѣ изобрѣтателя ея Гаргревиса; о пряденіи льна зимою въ деревняхъ и стрижкѣ овецъ.

Въ разсказѣ «*Чѣмъ и какъ красятъ*» описывается разведеніе и собираніе кошенили,— приготовленіе краски индиго, рубка сандальнаго дерева, разведеніе марены и, въ заключеніе, приготовленіе *анилиновыхъ* красокъ. Понятія обо всемъ этомъ даются очень поверхностныя; напр., вотъ какъ говорится о приготовленіи анилиновыхъ красокъ: «Вы, вѣрно, любовались въ магазинахъ на шелковыя, атласныя и другія матеріи, окрашенныя въ самые нѣжные цвѣта. Кажется, что пышныя розы, тюльпаны, георгины и скромныя незабудки и гвоздика отдали свои цвѣтки на краски. А какъ вы думаете, изъ чего эти краски получаются? — Изъ черной вонючей смолы, которой смазываютъ колеса и смолятъ лодки. Ее нагрѣваютъ въ закрытыхъ котлахъ съ трубой; по трубѣ изъ смолы выходитъ *бензинъ*; имъ чистятъ жирныя пятна на платьяхъ. Изъ безцвѣтнаго бензина дѣлаютъ желтоватую жидкость съ пріятнымъ миндальнымъ запахомъ — *мирбаново масло*; а изъ этого масла ужъ готовятъ тѣ краски, о которыхъ я говорилъ». (стр. 68).

Мы не станемъ передавать содержаніе остальныхъ разсказовъ, такъ какъ это заняло-бы слишкомъ много мѣста, и приведемъ лишь заглавія ихъ: «*Сладкія растенія*»; «*На*

что годятся старыя тряпки»; «*Что лежитъ на письменномъ столѣ*»; «*Стекла и зеркала*»; «*Какъ дѣлаютъ тарелку*»; «*Превращеніе ячменнаго зерна*»; «*Вино и медъ*».

Всѣ разсказы написаны, очевидно, не для простаго народа, а для дѣтей высшихъ сословій, а потому мы не будемъ останавливаться на указаніи множества словъ, совершенно непонятныхъ народу. Скажемъ только, что для самостоятельнаго чтенія дѣтямъ книжка не годится. Для младшаго возраста большинство разсказовъ читать будетъ скучно, благодаря дѣловой подкладкѣ, какую имѣютъ они. Замѣчено, что дѣти читаютъ охотно дѣловые разсказы только въ присутствіи взрослыхъ, къ которымъ они могутъ обращаться за поясненіями. Для болѣе же серьезныхъ и взрослыхъ читателей, дѣйствительно интересующихся узнать о какомъ нибудь производствѣ, многіе разсказы покажутся слишкомъ дѣтскими и недающими яснаго представленія о предметѣ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ разсказы нуждаются въ поясненіяхъ и дополненіяхъ учителя или руководителя чтеніемъ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы находимъ, что въ народной школѣ она можетъ имѣть мѣсто только какъ книга, дающая матеріалъ для бесѣдъ учителя. Впрочемъ, если бы кто либо изъ любознательныхъ учениковъ народныхъ школъ пожелалъ прочесть ее на дому, то, конечно, давать ее вполнѣ возможно.

Какъ на болѣе полные и обстоятельные разсказы мы можемъ указать на слѣдующіе: «*Какъ добываютъ огонь*»; «*На что годятся старыя тряпки*»; «*Стекла и зеркала*»; «*Какъ дѣлаютъ тарелку*»; «*Сладкія растенія*».

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Дѣтскій Садъ» 1871 г. стр. 141. «Педагогическій Листокъ» 1874 г. № 1, стр. 70.

---

452) **Что комната говоритъ.** Изд. Фребелевскаго Общества. Спб. 1880 г. Разсказъ Авенаріуса. Ц. 50 к. 28 стр.

Этотъ разсказъ можно считать самымъ слабымъ изъ всѣхъ, вошедшихъ въ серію изданія С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества. Вотъ его содержаніе:

Ночь. Въ дѣтской темно, но мальчику Ванѣ не спится. Ребенокъ онъ любознательный, головка его работаетъ, и вопросы: почему это такъ, а не этакъ, изъ чего сдѣлано и откуда берется,—не даютъ ему уснуть. Наконецъ, сонъ одолѣваетъ, и вотъ, слышитъ Ваня, все въ его комнатѣ заговорило, все зашевелилось. Стулья, столы, ключи, гвозди, желѣзная печка, рукомойникъ, графинъ со стаканомъ, обои и, наконецъ, книги начинаютъ разсказывать исторію своего происхожденія. Они кричатъ, спорятъ; каждый изъ нихъ ставитъ на видъ свое превосходство, причемъ они далеко не разборчивы въ своихъ выраженіяхъ; наприм., стулья, разсказывая о томъ, какъ ихъ смастерилъ столяръ, утверждаютъ, что они въ чести у людей.

«Въ чемъ честь-то?» спрашиваетъ ихъ столъ: «что задомъ къ вамъ повернутся да прямо въ лицо сядутъ» (стр. 7)?—Выраженіе далеко не изящное!

Въ этомъ разсказѣ, какъ и въ «Пчелкѣ Мохнаткѣ», г. Авенаріусъ хочетъ во что бы то ни стало поучать ребенка, но поучать по своему, дѣлая изъ науки скучную забаву. И вотъ, на 28-ми страницахъ крупнаго шрифта является цѣлый курсъ технологіи, описаніе производствъ желѣзнаго, гончарнаго, стекляннаго, бумажнаго и, наконецъ, говорится о книгопечатаніи и даже о писателяхъ: «Писатель все видитъ, все слышитъ, да потомъ и опишетъ» (стр. 25).

Всѣ эти свѣдѣнія, какъ научный матеріалъ, не выдерживаютъ критики. Результатомъ подобнаго чтенія является крайне сбивчивое, безсвязное и поверхностное понятіе о томъ, изъ чего и какъ сдѣланы различные предметы, окружающіе ребенка.

Заканчивая разсказъ, авторъ совѣтуетъ дѣтямъ «раскрыть глаза, уши, глядѣть кругомъ и слушать хорошенько: не только комната,—весь міръ вокругъ васъ внятно заговоритъ».

Совѣтъ хорошій, но, къ сожалѣнію, разсказы г. Авенаріуса не научатъ дѣтей прислушиваться къ голосу природы, не научатъ любить и интересоваться ею.

А. Г.

Примѣч. Рец. см. «Пед. Лист.» 1880 г., стр. 26; «Библіогр. Лист.» 1881 г., стр. 57.

Вотъ что дали намъ наши наблюденія при переспросѣ учениць относительно книги «*Что комната говоритъ*» *Авенаріуса*.

До стр. 12-й дѣти передаютъ прочитанное удовлетворительно; съ 12-й же начинается страшнѣйшее смѣшеніе понятій.

— Про руду и про дыру не могу разсказать! говоритъ одна.

— Тутъ все слова незнакомыя! говоритъ другая и т. д.

На стр. 17-й повторяется то же самое:—

соль, глазурь, землица, глина, зола, поташъ, все это сплавливается не въ огнѣ, а въ головѣ ребенка.

На стр. 20-й происходятъ недоразумѣнія въ томъ же родѣ.

— А разскажи мнѣ что нибудь о графинѣ и о стаканѣ, говорила я маленькой ученицѣ.

— Они *обое* прежде тряпками были, а потомъ бумагой, отвѣчаетъ она.

Оказывается слѣдующее: «А вы то что-же вторую жизнь живете?» прозвенѣлъ графинъ. «А то какъ-же? отвѣчали *обои*: наша первая жизнь была тряпичная, наша вторая — бумажная» (стр. 20).

Такое смѣшеніе понятій можетъ произойти только при чтеніи книги, недоступной дѣтскому пониманію вообще. Не въ силахъ также передать дѣти встрѣчи двухъ валиковъ (стр. 22).

Примѣч. Рец. см. «Библіографическій Листокъ» 1881 г. № 1, стр. 57; «Народная Школа» 1880 г. № 8, стр. 35; «Педагогическая Хроника» 1881 г., стр. 122; «Педагогическій Листокъ» 1880 г., стр. 62; «Женское образованіе» 1880 г. № 1, стр. 44; «Молва» 1879 г. № 353; «Педагогическій Музей» 1880 г. № 1—2, стр. 65—70.

V. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

453) **У рабочихъ людей** *). А. Острогорскаго. «Наша Библіотека». Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 218 стр. (Съ 25 картинками).

Разбираемую книгу можно-бы раздѣлить на три части. Въ первой авторъ знакомитъ читателя съ полевыми работами, съ земледѣльческими орудіями, употребляемыми при этомъ, съ устройствомъ мельницъ, съ домашними животными, служащими человѣку въ его хозяйствѣ, и, наконецъ, съ друзьями и врагами сельскаго хозяина въ видѣ различныхъ личинокъ, бабочекъ, жуковъ и птицъ.

Во второй части говорится о нѣкоторыхъ промыслахъ и о жизни рабочаго люда, избравшаго эти отрасли труда средствомъ своего существованія. Наконецъ, третья часть книги отдана жизнеописанію человѣколюбивой Анны Бижель («Сестра Марта»), Томаса Гуда, Георга Крабба—англійскихъ писателей и англійскихъ поэтовъ.

Въ статьѣ «*Польза прирученія животныхъ*», относящейся къ описанію труда земледѣльческаго, авторъ, заглядывая во времена доисторическія, рисуетъ картину постепеннаго развитія человѣчества, когда первобытные люди вели жизнь дикую, бродячую, прячась въ непроходимыхъ лѣсахъ и пещерахъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ опасностями, безпомощный передъ грозными явленіями природы, человѣкъ-дикарь долженъ былъ развить въ себѣ силу физическую и смѣлость. Стараясь добыть себѣ пищу и одежду, охотясь за дикими животными, первобытный человѣкъ, естественно, смотрѣлъ враждебно на своего собрата охотника, изводившаго дичь, которая ему самому съ такимъ трудомъ доставалась.

Люди жили въ постоянной враждѣ между собою, убивали другъ друга, а въ минуту голода, вслѣдствіе неудачной охоты за животными, смотрѣли на трупъ убитаго имп человѣка, врага, какъ на кусокъ того-же мяса, которымъ можно утолить свой голодъ. Голодъ сдѣлалъ дикаря людоѣдомъ. Прошло много времени, пока первобытные люди, наученные опытомъ, а отчасти руководствуясь примѣромъ тѣхъ же животныхъ, стали жить обществами и перешли къ болѣе мирной осѣдлой жизни.

Тогда то началось постепенное прирученіе животныхъ: собаки, какъ товарища на охотѣ, быка и осла для перевозки тяжестей и для исполненія домашнихъ работъ и другихъ животныхъ, доставляющихъ постоянный запасъ свѣжей пищи.

Вышеприведенная статья изложена въ высшей степени популярно, языкомъ доступнымъ. Она прочтется съ интересомъ даже мало подготовленнымъ къ серьезному чтенію простолюдиномъ.

Этого нельзя сказать о слѣдующей статьѣ, озаглавленной «*Польза отъ четвероногихъ домашнихъ животныхъ*». Объясняя употребленіе различныхъ частей животныхъ: мяса, молока, шерсти, сала, костей и помета, — авторъ употребляетъ выраженія и термины,

*) Помѣщаемъ эту книгу въ настоящій отдѣлъ, потому что, за исключеніемъ двухъ разсказовъ — «Сестра Марта» и «Томасъ Гудъ», она всецѣло касается сельскаго хозяйства или вопросовъ весьма близкихъ къ нему.

непонятные читателю, совершенно незнакомому съ химіей. На стр. 63-й авторъ объясняетъ химическій составъ идущихъ въ пищу частей животнаго организма и говоритъ о *бѣлковинѣ, фибринѣ, казеинѣ, пептонѣ* и т. д.

На стр. 65-й упоминается о *грудобрюшной преградѣ, о мышцахъ.* На стр. 67-й слишкомъ сжато объяснено употребленіе крови при очищеніи сахара. При этомъ говорится о сахарѣ изъ сахарнаго тростника, употребленіе котораго у насъ мало извѣстно, а о свекловичномъ сахарѣ вовсе не упоминается Употребленіе сала и приготовленіе свѣчъ даютъ также самое смутное понятіе объ этомъ производствѣ. Это, впрочемъ, единственная статья изъ всей книги, не вполнѣ доступно написанная для читателя простолюдина.

Переходя къ промысламъ, составляющимъ ежедневное пропитаніе людей, смотря по мѣстности, ими населенной, авторъ описываетъ рыболовство на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о работахъ на ватагахъ, гдѣ сортируется и просаливается рыба. Чрезвычайно интересно описываются жизнь и тяжелое занятіе бурлаковъ на Волгѣ.

Мѣста земнаго шара, покрытыя лѣсами, даютъ совершенно другое направленіе труду человѣческому. Тамъ то и дѣло сверкаютъ топоры, идетъ дѣятельная рубка лѣса, отправка его въ мѣста населенныя по саннымъ дорогамъ и сплавъ его по большимъ рѣкамъ. Въ лѣсъ ходятъ и охотники за дикимъ звѣремъ, гдѣ подвергаются часто большимъ опасностямъ въ густыхъ чащахъ, изрѣзанныхъ болотами и чарусами (трясинами).

Авторъ заставляетъ читателя заглянуть внутрь земли. И тамъ видна рука человѣка, и туда проникъ онъ со своею дѣятельностью. Онъ достаетъ изъ мрачныхъ рудниковъ металлы, каменный уголь, соль. Но соль лежитъ не въ однихъ пластахъ земной коры: надо ее умѣть добыть и изъ воды въ соляныхъ озерахъ, и изъ не вполнѣ высохшихъ бассейновъ. Много богатствъ скрывается и на днѣ океановъ: кораллы, губки, жемчугъ схоронены глубоко подъ волнами, и, кажется, не достать ихъ человѣку. Но вотъ является водолазъ въ своемъ оригинальномъ костюмѣ и безстрашно опускается на дно морское.

Всѣ эти богатства земли, все, что человѣкъ съумѣлъ извлечь изъ окружающей природы, потребляется частью мѣстными жителями, частью развозится въ отдаленныя страны; люди обмѣниваются добытыми ими продуктами. Авторъ рисуетъ образъ добродушнаго чумака, идущаго за обозомъ по обширнымъ степямъ Россіи. Расходятся по далекимъ городамъ и офени (коробейники), неся свой товаръ на могучихъ плечахъ и привлекая имъ взоры деревенскихъ жителей.

Многому научили человѣка нужда и необходимость снискивать себѣ и семьѣ ежедневное пропитаніе. Она заставила его выйти изъ состоянія первобытнаго дикаря, она совершила надъ нимъ чудо: черезъ много вѣковъ сдѣлала его властелиномъ вселенной, не предвидящимъ конца своимъ стремленіямъ и усовершенствованіямъ цивилизованной жизни.

Но чтобы достигнуть возможности пользоваться всѣми благами цивилизаціи, жить спокойно, сытно и опрятно, сколько труда, лишеній, непрерывной дѣятельности выпадаетъ на долю человѣка-труженика! На всѣхъ предметахъ, насъ окружающихъ, оставлены имъ какъ-бы капли кроваваго пота. Какъ-же не проникнуться любовью къ этому страждущему, работящему люду?! И вотъ, авторъ въ концѣ своей книги рисуетъ намъ образъ простой крестьянки—Анны Вижель (въ монахиняхъ сестры Марты), которую въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія зналъ каждый раненый солдатъ, каждый бѣднякъ и благословлялъ ея благотворительность.

А вотъ Томасъ Гудъ и Георгъ Краббъ, англійскіе писатели, проложившіе себѣ дорогу въ жизни умственнымъ трудомъ! Вышедъ изъ нищеты, добившись самостоятельнаго положенія въ обществѣ, они не забывали нужды, окружавшей ихъ въ молодости и, проникнутые горячею любовью и состраданіемъ къ человѣчеству, отдавали все, что имѣли, неимущему брату. Что за дѣло, что эти люди были не русскіе! Русскій читатель-крестьянинъ пойметъ ихъ заслугу передъ человѣчествомъ.

Книга г. Острогорскаго—«У рабочихъ людей» такъ и просится въ руки дѣтей народной школы или грамотнаго крестьянина. Въ ней онъ увидитъ такихъ же рабочихъ людей, какъ и онъ самъ, трудящихся для общаго блага.

Вопросы:

Чѣмъ занимается сельскій хозяинъ?

Всегда-ли онъ, какъ теперь, былъ окруженъ домашними животными?

Похожи-ли были первобытные люди на нынѣшнихъ?

Чѣмъ занимаются люди на берегахъ рѣкъ и морей?

Чѣмъ занимаются люди въ лѣспстыхъ мѣстностяхъ?

Откуда добываются матеріалы, каменный уголь и соль?

Что такое водолазъ и каково его занятіе?

Какимъ путемъ передаютъ люди добытые ими продукты изъ одной мѣстности въ другую?

Почему въ настоящее время извозный промыселъ сталъ менѣе распространенъ?

Кто была Анна Бижель?

Какая была заслуга передъ людьми Томаса Гуда и Георга Крабба?

А. Г.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 241; «Церковный Вѣстникъ» 1879 г., № 1.

---

454) **О томъ, что происходитъ въ воздухѣ.** Горбунова. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 27 стр.

Въ книжечкѣ сообщается о необходимости воздуха для животныхъ и растеній; о томъ, въ какія времена года и части сутокъ бываетъ наиболѣе тепло и холодно; отчего происходятъ вѣтры и какіе изъ нихъ приносятъ тепло и влагу, холодъ и сухость; объ образованіи паровъ и значеніи дождей для земледѣльца. Какія растенія боятся морозовъ, когда ихъ садить и какъ защищать. Примѣты хорошей и дурной погоды. Какія губерніи Россіи какой имѣютъ климатъ и какія растенія свойственны имъ.

Свѣдѣнія обо всемъ этомъ даются довольно краткія и элементарныя. Многія изъ нихъ,— напр. о томъ, что небольшіе, часто перепадающіе дожди полезны, а частые и продолжительные ливни во время созрѣванія хлѣбовъ очень вредны, или примѣты, по которымъ можно узнать хорошую или дурную погоду, извѣстны, вѣроятно, гораздо лучше земледѣльцу изъ собственнаго опыта; но книжечка, можетъ быть, и нравится ему именно вслѣдствіе того, что въ ней трактуется о вещахъ знакомыхъ и близкихъ къ его интересамъ.

Вопросъ въ книжкѣ можетъ быть только одинъ:

Что новаго для себя и полезнаго извлекли изъ чтенія?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., 719 стр..

---

455) **Какъ узнать почву и какія бываютъ почвы.** Н. Горбунова. Изд. 5-е. Товарищ. «Обществ. Спб. 1879 г. Ц. 10 к. 24 стр.

...шой объемъ брошюры, въ ней можно найти не мало полезныхъ свѣдѣній, изложенныхъ ясно, систематично, весьма просто и толково. Перечислены названія и главныя отличительныя черты почвъ; поименованы растенія, къ каждой изъ нихъ болѣе подходящія. Указанъ практическій анализъ почвъ. Сказано, какъ и чѣмъ каждую изъ нихъ удобрять. Упомянуты не только растущіе на ней злаки, но лѣсныя и плодовыя деревья. Не оставлены безъ вниманія даже солончаки (стр. 22). Поименованы губерніи, обильныя черноземомъ.

Книжка читается легко и даетъ полное понятіе о предметѣ.

Вопросы:

Какіе главные сорта почвъ?

Какъ ихъ разлагаютъ по частямъ?

Гдѣ преимущественно находятся солончаки?

Брошюра понятна и интересна для крестьянъ и хозяевъ.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебной Литературы» 1878 г., стр. 719.

---

456) **Обработка почвы.** П. А. Стебута (съ 33 рисунками въ текстѣ). Москва. 1871 г. Ц. 50 к. 44 стр.

Сочиненіе это вполнѣ научно; точно изложены пріемы серьезнаго раціональнаго хозяйства, усвоеннаго на западѣ. Теоретически разобраны послѣдствія обработки почвы усовершенствованными орудіями; особое вниманіе обращено на плугъ. Съ первыхъ строкъ упоминаются имена Либиха, Теэра, Розенбергъ-Липинскаго и Штекгарта. Часто попадаются выраженія: «химическое соотношеніе въ связи съ механическимъ соединеніемъ частицъ», или «экстирпаторъ, скарификаторъ» и т. п. Слѣдовательно, сочиненіе это можетъ быть пригоднымъ только образованному хозяину и агроному, но не простому пахарю.

457) **О почвѣ и о приготовленіи ея для воздѣлыванія на ней разныхъ хлѣбовъ и кормовыхъ травъ.** (Для народнаго чтенія). Н. Зандрока. Кн. 1-я. Спб. 1874 г. Ц. 15 к. 47 стр.

Книжка небольшая, всего 46 стр. Печать чистая, крупная, слогъ легкій, понятный. Объясняетъ авторъ, что такое почва, подпочва, какія бываютъ почвы и подпочвы, и проч. т. п.

Нѣсколько такихъ словъ, какъ «тѣла органическія и неорганическія, минеральныя, кварцъ, газы, кислородъ, углеродъ» и проч., хотя могли-бы быть устранены для просто-

людина, но здѣсь они довольно легко объяснены и не затемняютъ смысла. Немного растянуты нѣкоторыя мѣста,—напр. (стр. 8): «Многимъ, вѣроятно, знакома одна изъ распространенныхъ горныхъ или каменныхъ породъ, которая называется гранитомъ. Этотъ гранитъ, подъ названіемъ дикаго камня или булыжника, идетъ и на мостовыя въ городахъ, и на шоссейныя дороги. Если внимательно всмотрѣться въ изломъ этого камня, то легко замѣтить, что онъ состоитъ не изъ однообразной массы: въ немъ можно замѣтить бѣловатый или бѣлорозовый, полупрозрачный минералъ, который называется кварцемъ, потомъ другой минералъ красноватаго цвѣта — это полевой шпатъ. Между этими двумя минералами попадаются еще тонкіе, темнаго цвѣта блестящіе листочки—это слюда», и проч.; такъ что легко можно-бы пропустить нѣкоторыя подробности безъ ущерба сущности дѣла, въ виду того, что такая книга можетъ попасть въ руки земледѣльца, читающаго медленно или не изъ любви къ чтенію, а интересуясь дѣломъ,—покажется ему скучной, и онъ ее броситъ, не дочитавъ до конца; между тѣмъ въ ней есть весьма полезныя свѣдѣнія. Эта книга хозяевамъ земледѣльцамъ можетъ дать понятіе о свойствахъ и особенностяхъ каждой составной части почвы, — не ограничиваясь какой-нибудь частной мѣстностью, а вообще во всей нашей обширной Россіи,—разовьетъ понятіе, какъ и чѣмъ можно измѣнять дурныя качества земли и какъ пользоваться хорошими.

Вообще, книга небезполезна, хотя въ ней много и лишняго.

Вопросы:

Отчего прежде хлѣбъ родился лучше?
Что такое черноземъ, лугъ, торфъ?
Можетъ-ли камень разрушаться?
Что такое растворъ?
Всякую ли почву можно удобрить?

М. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.» 1878 г. стр. 720.

---

458) **Объ удобреніи полей.** Н. Зандрока. (Для народнаго чтенія.) Кн. 2-я. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 29 стр.

Эта книжка имѣетъ всего 29 стр.; она составляетъ какъ-бы продолженіе или дополненіе предъидущей, хотя каждая изъ нихъ можетъ читаться совершенно независимо одна отъ другой, и, по нашему мнѣнію, эта послѣдняя можетъ принести больше существенной пользы заинтересовавшемуся читателю. Первая даетъ болѣе обширныя, развивающія понятія, а эта даетъ болѣе полезные, примѣнимые совѣты.

Совѣтъ устраивать компостныя кучи (компостъ — слово, совершенно незнакомое простолюдину) возлѣ жилья едва-ли гигіениченъ. Если выбрасываемый соръ заражаетъ воздухъ, гдѣ онъ скоро испаряется и вывѣтривается, то, сложенный въ кучи да еще поливаемый помоями, навозной жижей и мыльной водой, которая, впрочемъ, въ крестьянскомъ обиходѣ едва-ли и найдется,—не можетъ не заражать воздуха.

Встрѣчаются нѣкоторыя неточности въ этой книгѣ,—напр.: (стр. 7) «кучи утрамбовывать вилами»... Стр. 12: «Человѣческій пометъ составляетъ очень сильное удобреніе, хотя это удобреніе дѣйствуетъ очень сильно на почву, но дѣйствіе его менѣе продолжительно, чѣмъ дѣйствіе навоза, да и растенія *не выдерживаютъ* слишкомъ сильнаго удобренія этимъ золотомъ».

Далѣе: «Въ чужихъ краяхъ да и у насъ около Петербурга давно пользуются и *съ большимъ успѣхомъ* человѣческимъ испражненіемъ для удобренія полей, между тѣмъ сколько этого прекраснаго удобренія пропадаетъ даромъ»... и т. д.

Стр. 24: «Употребляютъ вмѣсто удобренія *толоку*, которая заключается въ томъ, что на ночь загоняютъ скотъ на огороженное переносными загородками поле. Переночевавъ, скотъ оставляетъ свой пометъ на пашнѣ. На почвахъ тяжелыхъ надо передъ толокой глубоко вспахать поле».

Тяжелой почвой называется глинистая почва. Какъ-же на глубоко-вспаханной глинѣ будутъ ночевать овцы? Толокой въ Харьковской, Екатеринославской, Таврической и другихъ южныхъ губерніяхъ называютъ пространства не вспаханныя, оставленныя для выпаса скота, гдѣ онъ находитъ достаточно корму.

Далѣе (стр. 24-я же): «ставятъ крупную сѣть, вверху и внизу привязывая къ толстымъ веревкамъ, которыя натягиваются на колья. Главные четыре кола по угламъ, а въ промежуткахъ черезъ каждыя 10 саженъ ставятъ промежуточные колья и проч. По словамъ помѣщика, такая загородка очень удобна для переноски, и овцы на ночь защищены отъ нападенія волковъ».

Неужели сѣть на протяженіи 10-ти саженей, укрѣпленная коломъ, можетъ удержаться при нападеніи волковъ, или устоитъ, если при этомъ овцы въ страхѣ шарахнутся въ противоположную сторону?—Сомнительно.

Но, не смотря на вышеуказанныя неточности въ этой книгѣ, мы можемъ рекомендовать ее крестьянину-хлѣбопашцу для чтенія на дому. Книжка эта, какъ говоритъ самъ авторъ, конечно, не можетъ дать совѣтъ на каждый случай, — у каждаго на то своя голова на плечахъ, чтобы думать и обсудить самому хорошенько, что лучше, удобнѣе и выгоднѣе для него. Книжка только указываетъ на то, что часто есть подъ рукой и чѣмъ не умѣютъ воспользоваться.

Вмѣсто вопросовъ можно вести бесѣду о различныхъ способахъ удобреній.

М. И.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 721.

---

459) **Совѣты простымъ хлѣбопашцамъ.** Книжка 1-я. Изд. Буйницкаго. Спб. 1864 г. Ц. 10 к. 46 стр.

Печать некрупная, изданіе опрятное. Содержаніе 9-ти главъ отвѣчаетъ заглавію. Совѣты дѣльные, но относятся больше къ сѣвернымъ губерніямъ. О многихъ хлѣбныхъ и масляничныхъ зернахъ, какъ просо, кукуруза, конопля, совсѣмъ не говорится. Вообще рекомендовать эту книгу, какъ пріобрѣтеніе для народной библіотеки, мы не станемъ, такъ какъ можно рекомендовать болѣе интересныя и полезныя книги.

Съ разобранными выше книжками Зандрока есть противорѣчія.

Зандрокъ (стр. 11, кн. 2-я) считаетъ удобреніе хорошимъ, если на десятину положено отъ 120 до 150 пудовъ; здѣсь же авторъ говоритъ: болѣе 120-ти опасно, а менѣе 60 не клади. Онъ же совѣтуетъ подъ картофель унаваживать землю, а Зандрокъ именно говоритъ, что подъ картофель унаваживать земли не слѣдуетъ, такъ какъ на такомъ удобреніи много попадается больнаго картофеля, а слѣдуетъ удобрять землю золой (стр. 8) и пр. Въ нашихъ мѣстностяхъ, въ южной части средней полосы и въ южныхъ губерніяхъ, картофель очень хорошо родится и прекраснаго качества на песчаной почвѣ и на хорошемъ черноземѣ — даже неудобренныхъ.

Хотя мы не рекомендуемъ этой книги для библіотекъ, но прочитать ее можетъ хлѣбопашецъ не безъ пользы. *М. И.*

---

460) **О насѣкомыхъ, вредныхъ для полей и лѣсовъ.** П. Аникіева. (Съ 7-мью рисунками). Изд. тов. «Общ. Польза». Спб. 1876 г. Ц. 15 к., 31 стр.

Это дѣльное, понятное описаніе главныхъ представителей вредныхъ насѣкомыхъ мы рекомендуемъ какъ чтеніе особенно интересное для сельскихъ жителей; для читателей-горожанъ эта книга можетъ показаться скучною: вообще, ее слѣдуетъ давать читать весной и лѣтомъ, совѣтуя разсмотрѣть живые экземпляры описываемаго.

Книга пригодна какъ для взрослыхъ, такъ и для подростковъ.

Вопросы:

Отчего умираютъ насѣкомыя, если ихъ обмазать масломъ? (Закрываются дыхательныя отверстія).

Какой вредъ приноситъ хрущъ? (Листья фруктовыхъ деревьевъ съѣдаетъ).

Какая ужасная родственница есть у нашего кузнечика и какой приноситъ вредъ? (Саранча).

Въ какомъ другомъ видѣ встрѣчаемъ мы насѣкомыхъ, изъ которыхъ образуются бабочки? (Гусеницы, куколки).

Чѣмъ вредна медвѣдка? (Поѣдаетъ корни огородныхъ овощей).

Что выходитъ изъ яичка медвѣдки: червячекъ (личинка) или насѣкомое, похожее на мать? (Молодая медвѣдка, такъ какъ медвѣдка превращенія не имѣетъ).

Какое самое вѣрное средство для истребленія медвѣдокъ? (Пустить въ огородъ крота или ежа).

Книга читается съ интересомъ, какъ показалъ опытъ, и въ городѣ, и въ деревнѣ, и малолѣтними, хорошо-читающими, и подростками. *Н. П.*

---

461) **Общепонятные разсказы** о полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ. О. Степовика. Харьковъ. 1882 г. (Съ 46 рисунками). Ц. 75 к., 147 стр.

Въ книжкѣ описываются 54 насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ 8-ми отрядамъ, а именно: жуки, перепончатокрылыя, бабочки, двукрылыя, сѣтчатокрылыя, прямокрылыя, полужесткокрылыя и безкрылыя.

Въ первой главѣ авторъ даетъ общую характеристику насѣкомыхъ и краткую анатомію ихъ, описываетъ образъ жизни и указываетъ, какое значеніе имѣютъ насѣкомыя въ природѣ. Въ послѣдующихъ главахъ авторъ дѣлаетъ краткую характеристику каждаго отряда, а затѣмъ описываетъ наиболѣе распространенныхъ въ Россіи представителей каждаго отряда. Въ своихъ описаніяхъ авторъ обращаетъ главное вниманіе на образъ жизни насѣкомыхъ и тотъ вредъ или пользу, которую приносятъ они человѣку, причемъ всегда

указываетъ способы борьбы съ ними. Наиболѣе подробно онъ останавливается на пчелѣ и тутовомъ шелкопрядѣ изъ полезныхъ насѣкомыхъ и на хлѣбномъ жукѣ и саранчѣ—изъ вредныхъ.

Въ разсказѣ о пчелѣ находимъ какъ довольно подробную естественную исторію ея, такъ и указанія на необходимость болѣе раціональнаго пчеловодства,—на тѣ условія, при которыхъ получается больше меда или воска; говорится о томъ, что̀ выгоднѣе для пчеловода: допускать ли пчелъ выдѣлывать воскъ, или собирать медъ. Такіе совѣты и указанія нельзя не признать весьма важными въ практическомъ отношеніи, и за нихъ можетъ сказать спасибо крестьянинъ-пчеловодъ. Такъ же подробно описанъ тутовый шелкопрядъ, указаны способы разведенія его и выгоды, представляемыя шелководствомъ. Вообще, книжка отвѣчаетъ насущной потребности знанія насѣкомыхъ, съ которыми крестьянину приходится сталкиваться на каждомъ шагу. Прибавимъ къ этому, что она написана просто, ясно и подчасъ даже увлекательно. Въ ней отсутствуетъ та сухость, которою страдаютъ въ большинствѣ случаевъ систематическія описанія насѣкомыхъ, а, напротивъ, авторъ съумѣлъ придать живой интересъ своимъ разсказамъ, благодаря которому ихъ можно читать не только съ пользою, но и съ удовольствіемъ. Книжка весьма желательна во всѣхъ народныхъ библіотекахъ.

Вопросовъ для провѣрки степени усвоенія содержанія книги не находимъ возможнымъ приложить по причинѣ значительнаго объема книги. Если же учитель пожелаетъ вызвать читателя на бесѣду, то можетъ распросить относительно любаго насѣкомаго, которое покажется ему представляющимъ наиболѣе интереса, смотря по мѣстности, времени года и т. д.

Книжка доступна для всѣхъ возрастовъ, но интересъ можетъ представлять только для взрослыхъ и развитыхъ.

Книгу необходимо давать читать по частямъ, а не сразу, т. е. совѣтовать прочесть, положимъ, о пчелахъ, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, снова взять книгу для чтенія о какомъ нибудь другомъ насѣкомомъ.

Н. П.

---

462) **Хлѣбный жукъ** (кузька). (Съ 2-мя рисунками). Чтеніе для народа. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. Спб. 1883 г., Ц. 10 к., 16 стр.

Самымъ простымъ и понятнымъ языкомъ говорится о связи между растеніями и животными, о превращеніяхъ хлѣбнаго жука, о его жизни, о томъ вредѣ, который онъ приноситъ, и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ для его уничтоженія.

Весьма цѣнны числовыя данныя, сообщаемыя въ книжкѣ; такъ, не удовольствовавшись исчисленіемъ количества зеренъ, съѣдаемыхъ хлѣбнымъ жукомъ, авторъ говоритъ: «если жуки появятся на одномъ изъ девяти колосьевъ или на девятой части нивы, то вся нива не дастъ ничего, кромѣ соломы».

Считаемъ лишними въ такой маленькой книжкѣ нѣкоторыя географическія свѣдѣнія, которыя даетъ авторъ. Достаточцо было бы сказать, *гдѣ* водится хлѣбный жукъ и почему. Подраздѣленіе же Россіи на полосы, съ характеристикой каждой, только утомляетъ вниманіе малограматнаго читателя.

Внѣшній видъ книжки вполнѣ удовлетворителенъ: печать крупная, рисунки дополняютъ и оживляютъ чтеніе.

Книжка доступна взрослымъ и дѣтямъ, обладающимъ свѣдѣніями приблизительно въ объемѣ «Родного Слова», годъ 2-й. Желательно, чтобы статья о хлѣбномъ жукѣ вошла въ книгу для чтенія въ народной школѣ. Простолюдину южной Россіи гораздо важнѣе познакомиться съ этимъ врагомъ земледѣлія, чѣмъ съ китомъ или обезьяной.

Вопросы:

Чѣмъ питается хлѣбный жукъ?
Разскажите о его превращеніяхъ?
Что дѣлаютъ люди для его уничтоженія?
Какія животныя уничтожаютъ хлѣбнаго жука?

А. И.

---

463) **Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства.** Краткое руководство для пчеляковъ. Сост. А. Бутлеровъ. (Съ рисунками въ текстѣ). 4-е изд. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., 137 стр.

Указываемъ на книгу проф. Бутлерова, какъ на лучшее руководство для раціональнаго пчеловодства—этой важной, хотя мало распространенной у насъ въ Россіи отрасли сельскаго хозяйства.

Написана она съ любовью и знаніемъ дѣла, языкомъ простымъ и доступнымъ, хотя вполнѣ понятной можетъ быть только человѣку, знакомому на практикѣ съ нѣкоторыми пріемами въ уходѣ за пчелами и нѣкоторыми техническими терминами, какъ: *налетъ-порой*, *пол-леты* и мног. друг.

Само собою разумѣется, что книга эта мо-

жетъ быть полезна только взрослымъ и притомъ прямо заинтересованнымъ болѣе близкимъ знакомствомъ какъ съ жизнью пчелы, ея дѣятельностью, такъ и способами, при которыхъ можно наилучшимъ образомъ воспользоваться ея трудомъ.

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.». 1878 г., стр. 729.

---

464) **Животныя полезныя для полей и лѣсовъ.** П. Аникіева. Кн. 1-я. Спб. 1874 г. Ц. 10 к.

465) **О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земледѣльца и лѣсовода.** П. Аникіева. Кн. 2-я. Спб. 1874 г. Ц. 10 к.

Обѣ книжки написаны просто, живо и ясно; доступны пониманію учениковъ всѣхъ возрастовъ, хотя по практической пользѣ, какую можно извлечь изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ нихъ, онѣ болѣе пригодны для земледѣльческаго сословія, нежели для горожанъ.

Вопросы:

Къ 1-й книжкѣ: О какихъ млекопитающихъ вы читали? (Кротъ, ежъ, летучія мыши, землеройка).

Полезны или вредны они для земледѣльца? Чѣмъ они полезны? (Истребляютъ жуковъ, бабочекъ, червей, мышей).

Гдѣ живетъ кротъ? (Подъ землей).

Имѣетъ-ли кротъ глаза? (Маленькіе, едва замѣтные.)

Какъ проводитъ зиму летучая мышь? (Въ зимней спячкѣ.)

Правда-ли, что летучія мыши высасываютъ коровъ и пьютъ человѣческую кровь?

Чѣмъ же питаются летучія мыши? (Летающими насѣкомыми, изрѣдка—маленькими птичками.)

О какихъ полезныхъ птицахъ читали вы?

Ко 2-й книжкѣ: Слѣдуетъ ли истреблять кукушекъ? (Нѣтъ; онѣ также истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ.)

За что не любятъ и преслѣдуютъ кукушку?

Отчего иногда погибаютъ лѣса? (Гусеницы и другія личинки насѣкомыхъ объѣдаютъ листья, кору, древесину и корни.)

Чѣмъ можно защитить лѣса отъ насѣкомыхъ? (Слѣдуетъ оберегать гнѣзда птицъ отъ разрушенья и не убивать кротовъ и ежей.)

Какихъ животныхъ нарочно разводятъ огородники въ иноземныхъ городахъ? (Жабъ, лягушекъ.)

Чѣмъ полезны онѣ? (Поѣдаютъ червей и слизняковъ, портящихъ огородную овощь.)

Н. П.

---

466) **Истребители червей и мышей, уничтожающихъ хлѣбные посѣвы у сельскаго хозяина и поѣдающихъ хлѣбныя зерна.** Составилъ Н. П. Столпянскій. Спб. 1878 г. Изд. Товарищ. «Обществ. Польза». Ц. 15 к.

У избы дѣдушки Пантелея, бывшаго нѣкогда работникомъ при Ботаническомъ садѣ въ Москвѣ, собираются по праздникамъ дѣти и взрослые послушать умныхъ рѣчей бывалаго человѣка. Бесѣды дѣдушки касаются преимущественно животныхъ полезныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, которыхъ онъ очень любитъ. Въ книгѣ заключается три изъ его бесѣдъ, въ которыхъ разсказывается о летучихъ мышахъ, кротахъ, землеройкахъ, ежахъ, совахъ, луняхъ, грачахъ, дятлахъ, жабахъ, ящерицахъ, ужахъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ.

Разсказы не отличаются особенною полнотою содержанія, но, все таки, изъ нихъ можно заимствовать нѣкоторыя свѣдѣнія о привычкахъ и образѣ жизни названныхъ животныхъ,—свѣдѣнія, разрушающія многія предубѣжденія противъ нихъ. Разсказы написаны языкомъ простымъ и доступнымъ, хотя въ нихъ проглядываетъ неудачная поддѣлка подъ народную рѣчь и еще болѣе неудачная претензія на народный юморъ. Разсказывая, напр., о неуживчивости крота, авторъ говоритъ, что если кротъ застанетъ въ своей норѣ другаго, то «зашедшій гость будетъ немедленно съѣденъ своимъ хозяиномъ въ доказательство любви къ ближнему».

Подобная острота никогда не была бы сказана дѣдушкой Пантелеемъ безъ участія автора.

Разсказы кое гдѣ прерываются описаніемъ картинъ природы, разсужденіями дѣдушки о томъ, каковъ долженъ быть настоящій хорошій хозяинъ, о пользѣ страхованія имущества и т. д.

Въ книгѣ, кромѣ бесѣдъ, помѣщены три стихотворенія: «*Волки*», баллада графа *А. Толстаго*, «*Утро*» *Никитина* и «*Сборъ грибовъ и ягодъ*» *Слѣпушкина*, съ краткой біографіей послѣдняго въ видѣ примѣчанія. Противъ двухъ послѣднихъ стихотвореній мы ничего не можемъ сказать; присутствіе же баллады въ книжечкѣ, назначенной «для первоначальнаго чтенія внѣ школы», находимъ совершенно неумѣстнымъ. Довѣріе народа къ печатному слову такъ велико, что для него такія строки:

«Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по нимъ смѣло.
Прежде рухнетъ волкъ бѣлый»... (стр. 17)

—будутъ казаться неопровержимымъ доказательствомъ справедливости вѣрованій въ вѣдьмъ, оборотней и т. д., что вовсе нежелательно поддерживать въ народѣ.

Желательно, чтобы въ будущихъ изданіяхъ эта баллада была замѣнена стихотвореніемъ болѣе цѣлесообразнымъ.

Не смотря на указанные нами небольшіе недостатки, книга по простотѣ, доступности и близости предмета бесѣдъ къ интересамъ сельскаго населенія можетъ найти мѣсто въ народной библіотекѣ.

Вопросы:

За что преслѣдуютъ и не любятъ летучихъ мышей и совъ?

Правда ли, что летучія мыши высасываютъ коровъ?

Полезны или вредны кроты и ежи, и чѣмъ?

Слѣдуетъ ли истреблять жабъ и лягушекъ, и почему не слѣдуетъ? *Н. П.*

---

467) **О ядовитыхъ и неядовитыхъ змѣяхъ.** (Съ 4-мя рисунками.) П. Аникіева. Изд. Товарищ. «Общ. Польза». Спб. 1876 г. Цѣна 10 к. 29 стр.

Это прекрасное описаніе змѣй читается съ большимъ интересомъ особенно потому, что въ немъ дано видное мѣсто анекдотической сторонѣ; сообщаются любопытныя, живо разсказанныя наблюденія очевидцевъ, картинныя описанія путешественниковъ о змѣяхъ различныхъ странъ; далѣе приводятся трагическіе случаи укушенія ядовитыми змѣями и т. п. Наконецъ, авторъ брошюры, какъ выводъ изъ всего имъ разсказаннаго о змѣяхъ, прибавляетъ въ заключеніе, что эти пресмыкающіяся, поѣдающія массу насѣкомыхъ и животныхъ, вредныхъ для растеній, и въ то-же время не нападая сами на людей, далеко не такъ опасны, какъ думаютъ и разсказываютъ о змѣяхъ невѣжественные люди, и потому не слѣдуетъ вообще убивать змѣй только за то, что онѣ кажутся намъ отвратительными, а защищаются лишь тогда, когда ихъ трогаютъ. Эта интересная брошюрка весьма пригодна для читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Въ какихъ мѣстахъ обыкновенно водятся змѣи?

Много ли породъ змѣй водится въ Россіи? Какія изъ нихъ ядовиты и какія безвредны?

Отъ чего зависитъ способность змѣй извиваться и свертываться въ клубокъ?

Почему змѣи могутъ проглатывать животныхъ больше себя?

Правильно ли говорятъ, что гадюка жалитъ и гдѣ находится ея ядъ?

Какой у нея языкъ и для чего служитъ?

Какъ поступать въ случаѣ укушенія змѣй?

Какъ и гдѣ проводятъ зиму ужи и гадюки?

О какихъ породахъ змѣй читали вы и гдѣ онѣ водятся?

Одинъ ли только вредъ наносятъ гадюки человѣку? *А. К.*

---

468) **О разумномъ уходѣ за домашними животными.** В. Манжина. (Народное чтеніе.) Изд. А. А. Торлецкаго. Москва. 1877 г. Ц. 10 к. 32 стр.

Содержаніе книги:—Польза домашняго скота. Недостатокъ его въ Россіи. Возможность улучшать и измѣнять породы домашнихъ животныхъ посредствомъ племеннаго подбора. Уходъ за животными, ихъ пища, питье и помѣщеніе. Какъ пользоваться трудомъ животныхъ.

На 32 страницахъ авторъ очень простымъ и убѣдительнымъ языкомъ доказываетъ, насколько выгодно для человѣка хорошо содержать свой домашній скотъ. Лишая животное достаточнаго корма, человѣкъ себѣ же приноситъ вредъ, такъ какъ больное и слабое животное скоро умираетъ и не можетъ такъ работать, какъ сытое и здоровое. Точно также человѣкъ, жалѣя улучшить помѣщеніе или уходъ за животными, получаетъ гораздо меньше, чѣмъ при благопріятныхъ условіяхъ.

Книжка можетъ быть понята какъ взрослыми, такъ и малолѣтними развитыми учениками и ученицами, но едва-ли городскіе жители будутъ читать ее, такъ какъ самое содержаніе книжки для нихъ чуждо. Сельскіе же жители могутъ прочесть ее съ удовольствіемъ и пользою, преимущественно взрослые.

Вопросы:

Достаточно-ли въ Россіи рогатаго скота?

Какимъ образомъ можно улучшить породу скота?

Каково должно быть помѣщеніе для скота?

Какую пищу надо давать рабочему скоту?

Что надо прибавлять въ кормъ животныхъ?

Выиграетъ ли хозяинъ, если станетъ больше тратить на кормъ и помѣщеніе животныхъ? *А. К.*

---

469) **Лошадь.** (Естественно-историческій очеркъ. Съ замѣтками о русской лошади.)

В. П. Коптева. Изданіе Общества распростр. полезн. книгъ. № 315. 47 стр.

Отъ начала до самаго конца, по подробностямъ содержанія и по формѣ изложенія, книгу эту можно смѣло признать непригодною. Вся она дѣлится на двѣ части: въ первой дается очеркъ лошади—«зоологическій, историческій» и этнографическій, какъ говоритъ самъ авторъ. Во второй г. Коптевъ дополняетъ первую часть изложеніемъ исторіи русской лошади и того значенія, какое она имѣетъ въ Россіи. Первая часть написана сухо и неинтересно; вторая во всемъ этомъ превосходитъ первую. Но главное неудобство замѣтокъ г. Коптева—это слишкомъ спеціальное изложеніе ихъ. Начинаетъ онъ чуть ли не съ самаго начала Россійскаго государства, останавливается на Петрѣ I, который, какъ говоритъ авторъ, *«обратилъ Россію лицомъ къ Европѣ, и все въ ней перемѣнилось наружно»*, который *«покровительствовалъ введенію въ коннозаводствѣ улучшающихъ элементовъ»* и который дѣйствовалъ такъ, какъ *«нынѣ современный гиппологъ»*, а далѣе идетъ описаніе коннозаводства при Аннѣ Іоанновнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ, Павлѣ I и т. д., съ такою массою цифръ количества лошадей, съ такимъ обиліемъ ихъ именъ, съ такими подробнѣйшими и скучнѣйшими перечисленіями—на какой выставкѣ и на какой скачкѣ какая лошадь имѣла успѣхъ, что объ удовлетворительномъ или плодотворномъ чтеніи всего этого не можетъ быть и рѣчи.

Мы привели выше нѣсколько образчиковъ трудныхъ выраженій, которыми изобилуетъ вторая часть книги, но, кромѣ нихъ, тамъ есть еще и ссылка на статью Шрейдера въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» за 1843 г., и на переписку Екатерины II съ Вольтеромъ и т. д. А въ первой части упоминается *объ амфибіяхъ*, объ *арабскихъ легендахъ*, *о римскихъ остаткахъ*.....

Все это, конечно, представляетъ значительныя и, пожалуй, даже непреодолимыя затрудненія. Если къ послѣднему прибавимъ трудную форму изложенія содержанія, тяжелый и плохо — понятный языкъ, то у насъ явится достаточно мотивовъ и основаній признать книгу неподходящей. Вообще, можно сказать, что составитель вовсе не имѣлъ въ виду читателей изъ народа, а потому и не заботился о доступности для него своей книги.

Л. Д.

---

470) **Что такое соль и гдѣ ее берутъ.** Е. Рейнбота. Изданіе «Досугъ и Дѣло». Спб. 1875 г. Ц. 10 к. 32 стр.

471) **Что такое обыкновенная соль.** Н. К. Шведова. Москва. 1878 г. Изданіе Торлецкаго. Ц. 10 к. 26 стр.

Обѣ книжки по содержанію тожественны. Языкъ равно хорошъ, какъ въ той, такъ и въ другой. У Шведова лучше объяснены способы добыванія соли, а у Рейнбота подобрано больше фактовъ, доказывающихъ значеніе соли для человѣческаго организма и въ сельскомъ хозяйствѣ, преимущественно въ скотоводствѣ. У Шведова же указано значеніе ея въ фабричныхъ производствахъ. Впрочемъ, именно эта часть брошюры изложена слишкомъ сжато, для того чтобы быть понятной. Эту часть слѣдовало бы выпустить совсѣмъ или посвятить ей отдѣльную бесѣду; тогда можно было бы и не говорить въ началѣ статьи о химическомъ составѣ соли—натріи и хлорѣ, что̀ нужно только для объясненія фабричныхъ производствъ. Вообще, мы находимъ неудобнымъ начинать популярную бесѣду о соли съ ея химическаго состава. Врядъ ли можно объяснить въ двухъ-трехъ словахъ, что̀ такое натрій, что̀ хлоръ и что̀ вообще химическій процессъ. Для яснаго пониманія какъ того, такъ и другаго, нужны опыты, которыхъ никогда не продѣлывали и не видали простолюдины. Все же остальное изложено ясно и понятно, такъ что одна брошюра можетъ какъ бы дополнять другую.

При книжкѣ Шведова приложены три рисунка; къ сожалѣнію, рисунки перепутаны: подъ рисункомъ, изображающимъ разрѣзъ соляныхъ копей въ Величкѣ, подписано: «градирня» (при объясненіи устройства градирни — ссылка на этотъ рисунокъ). При описаніи же копей находимъ ссылку на рисунокъ, изображающій часовню св. Антонія, а подъ изображеніемъ градирни подписано: «разрѣзъ копей».

На эти ошибки слѣдуетъ указать и исправить при чтеніи.

Обѣ книги лучше читать въ классѣ, причемъ учитель долженъ указать на картѣ мѣстности, упоминаемыя въ книгѣ.

Для самостоятельнаго же чтенія взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ считаемъ болѣе пригодною брошюру Рейнбота, интересную и полезную, въ особенности по практическимъ свѣдѣніямъ, какія можно извлечь изъ нея.

Вопросы къ обѣимъ книжкамъ можно предлагать слѣдующія:

Гдѣ берется соль? (Добывается изъ земли большими пластами или вываривается изъ воды соляныхъ озеръ).

Откуда набирается соль въ озерахъ? (Подземная вода, проходя по соляному слою, напитывается солью и выноситъ ее на поверхность земли, сливаясь въ какое нибудь углубленіе).

Какъ изъ соленой воды получить сухую соль?

Чѣмъ полезна соль для человѣческаго тѣла? (Укрѣпляетъ кости, помогаетъ пищеваренію).

Какому наказанію подвергали иногда преступниковъ въ прежнія времена? (Не давали въ пищу соли).

Что случается съ домашнимъ скотомъ, если ему не даютъ соли? (Скотъ слабѣетъ, болѣетъ и падаетъ).

На что еще полезна соль въ хозяйствѣ? (Для заготовленія въ прокъ съѣстныхъ припасовъ).

Отчего соленое мясо, огурцы и т. д. дольше сохраняются, чѣмъ свѣжіе? (Соль замыкаетъ ходы, препятствуя доступу воздуха; кромѣ того, въ соли не развивается плесень, грибки.

Н. П.

VI. ГИГІЕНА, ФИЗІОЛОГІЯ И АНАТОМІЯ.

472) **Исторія кусочка хлѣба**. Сост. по книгѣ Масэ. А. К. Владиміровой. Спб. 1874 г. Ц. 20 к. 92 стр.

Г-жа Владимірова въ своей небольшой, просто и живо написанной книжечкѣ даетъ понятіе о важнѣйшихъ физіологическихъ процессахъ, совершающихся въ человѣческомъ организмѣ, останавливаясь главнымъ образомъ на процессѣ пищеваренія. Начиная съ поднесенія пищи ко рту, авторъ слѣдитъ за кусочкомъ хлѣба, описываетъ всѣ измѣненія, которымъ подвергается онъ отъ дѣйствія зубовъ, слюны; даетъ нѣкоторое понятіе о значеніи языка, какъ органа вкуса; говоритъ о химическомъ составѣ зубовъ, ихъ числѣ и назначеніи каждаго изъ трехъ родовъ зубовъ; объ измѣненіи пищи въ желудкѣ отъ дѣйствія желудочнаго сока, поджелудочной железы, печени и кишечнаго сока. О млечныхъ сосудахъ, лимфатическихъ железахъ и лимфѣ. О процессѣ кровообращенія, дыханія, устройствѣ легкихъ. О составѣ воздуха, значеніи кислорода. Углеродъ въ тѣлѣ; образованіе угольной кислоты. Сходство между химическимъ составомъ растеній и крови животныхъ. Потери организма и ихъ возобновленіе. Значеніе физическаго труда для организма. Значеніе мозга; нервы и ихъ назначеніе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что книжка представляетъ популярное изложеніе элементарныхъ свѣдѣній изъ области физіологіи и анатоміи, насколько послѣдняя касается первой. Все это передано въ такой живой и интересной формѣ, что даже отсутствіе рисунковъ, такъ необходимыхъ для большей наглядности при упоминаніи различныхъ органовъ, не особенно чувствуется. Жаль, что авторъ подчасъ до того увлекается живостью изложенія, что собирается копотью *вымазать носъ тому*, кто усомнится въ присутствіи угля въ свѣчѣ!...

Книжку можно рекомендовать какъ для пользованія учителя при сообщеніи дѣтямъ нѣкоторыхъ физіологическихъ свѣдѣній, такъ и для самостоятельнаго чтенія взрослымъ и развитымъ простолюдинамъ. По поводу чтенія книги можно предложить множество вопросовъ, но мы укажемъ лишь на нѣкоторые — болѣе цѣлесообразные, по нашему мнѣнію.

Вопросы:

Для чего нужно беречь зубы и отчего наиболѣе портятся они?

Почему при глотаніи пищи слѣдуетъ удерживаться отъ смѣха?

Хорошо ли переваривается въ желудкѣ пища, проглоченная кусками, и отчего дурно?

Какія жидкости въ нашемъ тѣлѣ способствуютъ пищеваренію?

Гдѣ очищается испорченная, темная кровь?

Что полезнѣе для тѣла: трудъ или бездѣлье, и почему?

Что необходимо для того, чтобы трудъ не былъ вреденъ?

Утомляетъ ли умственная работа?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1882 г., стр. 141.

---

473) **О мукѣ и хлѣбѣ**. Доктора медицины Я. Шмулевича. Спб. 1876 г. Ц. 15 к. 44 стр.

Различіе между устройствомъ зубовъ и длиною кишечнаго канала плотоядныхъ и

травоядныхъ животныхъ; особенность устройства зубовъ и кишечнаго канала человѣка, указывающая на то, что человѣкъ долженъ питаться смѣшанной—растительной и животной пищей. Отношеніе къ питанію тѣла пищи растительной и животной, изъ которыхъ *первая преимущественно даетъ жировыя вещества, а вторая—бѣлковыя для построенія и питанія мускуловъ*; отсюда невыгоды питанія одной растительной пищей и выгоды — смѣшанной. Матеріалъ, изъ котораго приготовляется мука—ржаное или пшеничное зерно, распредѣленіе питательныхъ веществъ въ зернѣ; качества хорошаго зерна и его сохраненіе; вредныя вліянія, которыя могутъ дѣлать зерно негоднымъ для приготовленія изъ него хорошей муки.

Приготовленіе изъ зерна муки; выгоды для питанія, которыя пріобрѣтаются вслѣдствіе обращенія зерна въ муку; сохраненіе муки и качества хорошей муки. Вредныя условія, дѣлающія муку негодной для печенія хлѣба. Способы отличить хорошую муку отъ дурной. Приготовленіе хлѣба изъ муки; цѣль хлѣбопеченія (питательныя вещества лучше переваряваются). Броженіе тѣста и выгоды, происходящія отъ этого для хлѣба; качества хорошаго хлѣба и его сохраненіе.

Книжка написана довольно живо и занимательно, хотя не всегда достаточно ясно; напр., на стр. 8-й—9-й авторъ какъ бы находится въ заколдованномъ кругу и никакъ не можетъ доказать, что лучше для нашего тѣла: хлѣбъ или мясо. Вначалѣ авторъ доказываетъ, что *мясо, утраченное нашимъ тѣломъ, мы можемъ замѣнить весьма немногими предметами продовольствія. Въ этомъ отношеніи мясо можетъ сравниться развѣ только съ яйцами и молокомъ, но ужъ никакъ не съ хлѣбомъ*; что на *перевариваніе хлѣба, потребнаго для замѣны* $1^1/_3$ *фунта мяса, мы должны затратить гораздо больше соковъ, которые тоже идутъ изъ крови и составляютъ для насъ затрату*; *и если это продолжится долго, то кишки слабѣютъ*, чѣмъ *преждевременно подрываются силы и здоровье человѣка*.

Послѣ всего вышесказаннаго находимъ такое заключеніе: «теперь понятно, почему однимъ хлѣбомъ жить можно, а однимъ мясомъ—нельзя».

По всему предыдущему намъ кажется, что совсѣмъ это *не понятно*, и скорѣе былъ бы понятенъ совершенно противоположный выводъ. Та же сбивчивость является при объясненіи, какой хлѣбъ лучше: деревенскій или городской (стр. 15). Жаль, что авторъ не остановился болѣе подробно на объясненіи вреда муки, въ которой размолоты рожки, сѣмена куколя и другихъ сорныхъ травъ, о которыхъ онъ упомянулъ только вскользь. Свѣдѣнія объ этомъ могли бы составить тему для весьма интересныхъ и чрезвычайно полезныхъ бесѣдъ. Тѣмъ не менѣе книжка и теперь несомнѣнно принесетъ свою долю пользы нашему простолюдину. Чтеніе ея можетъ быть интересно болѣе взрослымъ.

Вопросы:

Какую пищу всего лучше употреблять? (Смѣшанную).

Какой хлѣбъ полезнѣе и легче для желудка—прѣсный или кислый, и почему?

Какой хлѣбъ полезнѣе ѣсть: свѣже-испеченный или черствый?

Какія вредныя примѣси бываютъ въ мукѣ?

Какой вредъ приноситъ человѣку хлѣбъ, испеченный изъ муки, въ которой попадалось много рожковъ или куколя.

Приводимъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ, какіе намъ удалось получить на вопросы, предложенные послѣ прочтенія книги деревенскимъ мальчикамъ, окончившимъ трехлѣтній курсъ народной школы.

«Въ пищу всего лучше употреблять хлѣбъ и говядину. Одно мясо не особенно полезно, а съ хлѣбомъ очень полезно, потому что говядины $1^1/_2$ ф.—все равно, что хлѣба 4 ф., и въ человѣкѣ отъ $1^1/_2$ ф. говядины прибавится столько крови, сколько отъ 4 ф. хлѣба; а если одно мясо ѣсть, такъ человѣкъ не то, что не пополнѣетъ отъ него, а еще похудѣетъ. Жирному человѣку тяжело ходить, и онъ чувствуетъ себя нездорово; чтобы помочь ему, доктора кормятъ его мясомъ, и онъ худѣетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ больше силы.

«Кислый хлѣбъ полезнѣе ѣсть потому, что кислый хлѣбъ скорѣе переваривается и превращается въ кровь; прѣсный же трудно переваривается, и чтобы его переварить, требуется много соковъ, которые помогаютъ ему перевариться. Черствый хлѣбъ полезнѣе потому, что черствый скорѣе переваривается, а мягкій садится грузомъ, такъ какъ въ немъ много воды, и остается почти неперевареннымъ; если же онъ полежитъ день, два, то онъ сдѣлается легче, такъ какъ за это время вода мало-по-малу выйдетъ изъ него въ видѣ пара. Вредныя примѣси бываютъ въ мукѣ—свинецъ; онъ попадается отъ камней, когда мелютъ муку».

Отвѣты эти получены письменно отъ ученика, окончившаго курсъ сельской школы, *Ивана Б—ко* (16-ти лѣтъ). Книгу онъ нашелъ интересною, прочелъ ее за одинъ день, не смотря на то, что дана была она на недѣлю, но, подавая, заявилъ, что разсказать все подрядъ онъ не можетъ, а отвѣтить можетъ на всякій вопросъ.

Изъ отвѣтовъ видно, что книга понимается удовлетворительно.

Н. П.

---

474) **О сохраненіи силы и здоровья.** Наша пища. Илинскаго. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 29 стр.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ строкъ, въ которыхъ говорится о постоянныхъ тратахъ нашего тѣла и необходимости возобновленія ихъ путемъ питанія, авторъ переходитъ къ перечисленію пищеварительныхъ органовъ и краткому указанію на ихъ дѣятельность; говоритъ о важномъ значеніи крови и вредѣ кровопусканія, о составныхъ частяхъ пищи (бѣлокъ, жиръ, клеевыя вещества), о степени удобоваримости нѣкоторыхъ питательныхъ веществъ и необходимости питательной пищи; о вредныхъ послѣдствіяхъ злоупотребленія растяжимостью желудка, о непригодности для дѣтей пищи взрослыхъ.

Бесѣда заканчивается убѣжденіемъ въ необходимости хорошаго и правильнаго питанія. Составлена она слишкомъ поспѣшно, для того чтобы быть удовлетворительно изложенной. При такой поспѣшности многія объясненія совершенно непонятны, совѣты являются крайне догматичными, такъ какъ не подкрѣплены надлежащими доводами. Изъ простаго перечисленія пищеварительныхъ органовъ нельзя вынести опредѣленнаго представленія ни о самыхъ органахъ, ни о роли ихъ въ процессѣ пищеваренія. Вообще, авторъ ведетъ свою бесѣду такъ, какъ будто бы предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ или читателяхъ знаніе весьма многихъ вещей, необходимыхъ для пониманія его бесѣды; напр., на стр. 4-й говорится: «Съ помощью слюны крахмалъ (какъ напр. кусокъ хлѣба, картофель) можетъ обратиться въ матеріалъ дѣйствительно годный для питанія».

Намъ кажется, что врядъ ли простолюдину при словѣ «крахмалъ» представится кусокъ хлѣба или картофель, а слѣдовательно на этомъ нужно было бы долѣе остановиться. Другой примѣръ: «*Млечные канальцы или сосуды проходятъ черезъ стѣнки кишекъ въ брыжейку, т. е. ту тонкую и прозрачную перепонку, которою кишки прикрѣпляются къ позвоночному столбу, и оканчиваются въ брыжесчныхъ железахъ*» и т. д.

Можетъ быть, при публичномъ чтеніи бесѣды, если авторъ сопровождалъ ее указаніями на анатомическія таблицы, это и было понятно; но при условіи самостоятельнаго чтенія простолюдиномъ—можемъ съ увѣренностью сказать—не поймется безъ предварительнаго знанія, что такое брыжейка и железы и гдѣ онѣ находятся. Непонятны также и врядъ ли исполнимы слѣдующіе совѣты автора:

«*Всегда наше продовольствіе должно состоять изъ пищи, которая содержала бы въ себѣ необходимыя вещества, какъ-то: бѣлокъ, жиръ и проч. Всѣ эти вещества должны быть правильно смѣшаны и такъ именно, что если, напр., въ кушаньѣ бѣлковъ полфунта, то другихъ веществъ должно быть фунта два*».

Какимъ способомъ можно взвѣшивать количество *бѣлковъ и другихъ веществъ* въ пищѣ—авторъ, конечно, не говоритъ, да врядъ ли и самъ вѣритъ въ возможность продѣлать это всякому. Нельзя не признать также довольно шаткими нѣкоторыя положенія автора, какъ напр., что свирѣпость, прожорливость, умственная и нравственная слабость нѣкоторыхъ дикарей зависятъ отъ исключительнаго употребленія мясной пищи.

Вообще, брошюра эта, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ числу болѣе слабыхъ произведеній г. Илинскаго, а потому пріобрѣтеніе ея въ народную библіотеку можно считать не особенно желательнымъ.

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Народная Школа» 1873 г. № 8, стр. 41.

---

475) **О хорошей и дурной водѣ.** Докт. мед. Я. Шмулевича. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 26 стр.

Авторъ говоритъ о физіологическомъ значеніи воды вообще, доказываетъ необходимость ея для всѣхъ отправленій организма и отсюда выводитъ необходимость воды въ пищѣ. Затѣмъ, въ краткихъ словахъ, говоритъ о химическомъ составѣ чистой воды и перечисляетъ тѣ примѣси, которыя встрѣчаются въ водѣ, употребляемой человѣкомъ. Далѣе говорится о примѣси къ водѣ металловъ и гніющихъ веществъ изъ отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ, причемъ разбираются свойства такой воды и ея дѣйствіе на организмъ и обращается особенное вниманіе на эту воду, какъ на главнаго виновника въ распространеніи заразныхъ болѣзней. Въ за-

ключеніе указываются средства узнать качества воды, — конечно, насколько это доступно для людей неспеціальныхъ знаній,— и способы очищенія воды простыми и дешевыми средствами (кипяченіе, процѣживаніе).

Книжка представляетъ большой интересъ по содержанію, написана довольно просто и удобопонятно. При книжкѣ есть и рисунки; хотя они и не особенно хороши, но, все-таки, могутъ послужить для уразумѣнія прочитаннаго.

Брошюра принесетъ несомнѣнную пользу, способствуя распространенію среди народа здравыхъ гигіеническихъ понятій. Нельзя, впрочемъ, не указать на нѣкоторыя неудачныя попытки упростить объясненіе; напр., о свѣтильномъ газѣ сказано, что «его называютъ газомъ потому, что всѣ тѣла, которыхъ нельзя ощупать, называются газами», или: «внутри солитера находится много различныхъ приборовъ, и посредствомъ этихъ приборовъ въ немъ плодятся яички».

Въ рисункѣ 3-мъ вкралась небольшая ошибка: изъ двухъ маленькихъ рачковъ, принадлежащихъ къ роду циклоповъ, которыхъ авторъ называетъ животными съ четырьмя рогами, самецъ названъ самкой,—и обратно. На самомъ дѣлѣ самку легко узнать по болѣе длиннымъ усикамъ и яйцевымъ мѣшечкамъ, находящимся по сторонамъ брюшка.

Вопросы:

Какія болѣзни развиваются отъ воды, въ которой растворено много извести?

Какія—отъ воды, въ которой что нибудь гніетъ?

Какъ нужно относиться къ колодцамъ и другимъ мѣстамъ, изъ которыхъ пьютъ воду?

Какую воду лучше пить во время заразительныхъ болѣзней?

ОТЗЫВЫ УЧЕНИЦЫ О КНИГАХЪ.

Съ прочтеніемъ сей книги я нашла, что она очень полезна и поучительна. Я изъ нея поняла, какъ одна вода хорошая полезна для насъ и какъ дурная—вредна. Я поняла, почему хорошая вода намъ необходима, потому что она составляетъ ³/₄ нашего тѣла. Напримѣръ, взять животное, которое бы вѣсило 40 ф., и высушить,—такъ, чтобы вся вода ушла изъ его тѣла,—то животное вѣсило бы безъ воды 10 ф.; такъ же и у человѣка. Такъ какъ мы употребляемъ много воды, то столько же ея и выходитъ изъ нашего тѣла посредствомъ пота и рта, изъ котораго вода выходитъ паромъ. И вотъ всю теряемую нами воду мы должны замѣнить другою водою. Безъ воды мы и ѣсть не можемъ. Извѣстно, что мы пищу проглатываемъ тогда, когда ее пережуемъ во рту и сдѣлаемъ изъ пищи мягкую кашицу посредствомъ слюны. Если же въ нашемъ тѣлѣ не будетъ достаточно воды, то и слюны во рту не будетъ, и намъ очень трудно будетъ проглатывать пищу; но если бы и проглотили, то она бы не принесла никакой пользы: она не переварится; пища можетъ перевариться въ нашемъ желудкѣ только тогда, когда въ немъ достаточно воды. Все, что есть хорошаго въ пищѣ, переходитъ въ кровь, которая посредствомъ жилъ разносится по всему тѣлу. Безъ крови ни одна часть нашего тѣла не можетъ быть здоровою. Если перевязать жилу, которая идетъ къ какой нибудь части тѣла, то та часть перестанетъ дѣйствовать. Кровь можетъ переходить по жиламъ тогда, когда она жидкая; если же мы не будемъ воды пить, то кровь будетъ густая и будетъ прилипать къ жиламъ, и вся жизнь въ нашемъ тѣлѣ пріостановится. Теперь понятно, почему необходима вода.

Вода намъ нужна не только для питья, но и для домашней жизни: для мытья, для варенья. Одна вода хороша для варенья, а въ другой никакъ не разваришь мяса или овощей. Также и для мытья бѣлья вода неодинаковая. Всякая вода содержитъ немного солей и два газа: водородъ и кислородъ. Водородомъ называется такой газъ потому, что его можно добывать изъ воды: когда имъ наполняютъ воздушные шары, то они при этомъ очень легки. Кислородъ самъ не горитъ, но за то никакой газъ не горитъ безъ него. Кислородъ очень пристаетъ къ металламъ: желѣзу, мѣди и проч. Въ водѣ, кромѣ газовъ и солей, есть еще примѣси, которыя вредны: въ водѣ бываетъ очень много известки, и та вода называется жесткою водою. Жесткая вода вредна не только для мытья, но и для питья; люди, пьющіе эту воду, постоянно

болѣютъ разстройствомъ желудка. Кромѣ извести, въ водѣ есть еще металлы: желѣзо, мѣдь, свинецъ, олово и т. д. Металлы попадаютъ въ воду черезъ водопроводы. Еще въ воду попадаютъ изъ помойныхъ ямъ вонючіе газы, маленькія животныя, а также яйца глистовъ. Отъ такой воды заболѣваютъ поносомъ и до тѣхъ поръ болѣютъ, пока не обратятъ вниманія на употребляемую воду. Но нѣкоторые люди заболѣваютъ и отъ дурнаго воздуха. Отъ нехорошей воды также бываютъ лихорадка и зобъ. Чаще же всего заболѣваютъ отъ воды глистами, отъ которыхъ дѣлаются судороги и отбиваетъ аппетитъ. Глисты могутъ жить только въ тѣлахъ животныхъ и человѣка. Они бываютъ разнаго рода, но важнѣе всѣхъ—это солитеръ или цѣпень человѣческій. До сихъ поръ думали, что солитеръ—одна большая глиста, но теперь ученые люди узнали, что каждый кусочекъ, отдѣленный черточкой, есть особый червячокъ, въ которомъ есть все, что нужно для того, чтобы онъ могъ кормиться. Внутри червяка есть приборы, посредствомъ которыхъ дѣлаются яички, а изъ яичекъ опять дѣлаются червячки, такъ что въ одномъ солитерѣ цѣлая колонія червячковъ, которые имѣютъ одного предводителя: это - головка, которая вооружена хоботкомъ съ крючками и присосками, которыми она цѣпляется за кишки животнаго и человѣка и такимъ образомъ держитъ всю колонію. Чѣмъ червячки ближе къ головкѣ, тѣмъ они больше и, наконецъ, отпадаютъ отъ общей колоніи или выходятъ съ изверженіемъ. Слѣдовательно, человѣкъ, страдающій глистами, до тѣхъ поръ будетъ болѣть, пока выйдетъ сама головка. Изверженія съ яичками червяковъ попадаютъ въ воду; если же животныя пьютъ эту воду, то яички попадаютъ въ ихъ желудокъ и опять разрастаются.

Такъ какъ всѣ почти болѣзни происходятъ отъ воды, то, значитъ, нужно пить воду чистую, прозрачную, безъ всякаго вкуса и запаха. Самое лучшее, чтобы вода была чиста и безвредна, ее нужно переваривать; если въ самоварѣ много накипи, то, значитъ, вода, которая кипѣла, была слишкомъ нечиста.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 403. «Еженедѣльникъ», 1874 г., № 50.

---

476) **О сохраненіи силы и здоровья. Питье и крѣпкіе напитки.** П. Илинскаго. Спб. 1875 г. Ц. 10 к. 21 стр.

Первая часть книжки разбираетъ значеніе воды для человѣка и животныхъ, указываетъ вредъ, происходящій отъ употребленія дурной воды, и сообщаетъ простыя средства для ея очищенія. По содержанію эта часть представляетъ полное сходство съ брошюрой Шмулевича *«О хорошей и дурной водѣ»*. (См. рец. № 475), — только изложена болѣе кратко и менѣе систематично.

Вторая часть посвящена бесѣдѣ о напиткахъ, отчасти замѣняющихъ воду, — какъ квасъ, чай, кофе, — и о различныхъ спиртныхъ напиткахъ, причемъ указаны вкратцѣ особенности ихъ и дѣйствіе, производимое ими на организмъ человѣка.

Нельзя не пожалѣть, что картина опьяненія, а также и послѣдствія хроническаго отравленія алкоголемъ, очерчены слишкомъ блѣдно и не даютъ яснаго, глубокаго убѣжденія во вредѣ пьянства.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ свой взглядъ на пользованіе спиртными напитками и на средства уменьшить пьянство; онъ говоритъ: «можно выпить рюмку или двѣ водки сильному, здоровому человѣку, уставшему, прозябшему, утомившемуся въ пути, занятому тяжелой работой» и пр. Это относительно пользованія спиртомъ; а относительно пьянства авторъ говоритъ: «успѣшнѣе противъ зла дѣйствуетъ хорошее воспитаніе и дѣльный уходъ за дѣтьми, хорошіе примѣры въ семьѣ, обученіе дѣтей, работа и разумный отдыхъ, пріятныя и полезныя развлеченія и увеселенія, улучшеніе своего быта и благосостоянія и проч., — все это можетъ помочь человѣку выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ такимъ зломъ, какъ пьянство».

Противъ такого взгляда автора, конечно, ничего возразить нельзя, такъ какъ предложенныя мѣры хороши сами по себѣ; что же касается до удобоисполнимости ихъ, то это—другой вопросъ.

Книжка написана недурно и читается довольно легко. Содержаніе ея должно представлять интересъ для простолюдина, такъ какъ касается предмета близкаго и знакомаго всякому.

Вопросы:

Какой напитокъ самый здоровый и полезный для человѣка?

Почему вредно пить водку?

Какимъ напиткомъ полезнѣе замѣнить ее?

Какой вредъ происходитъ отъ долговременнаго употребленія водки въ большомъ количествѣ?

Приводимъ отвѣты, полученные нами пись-

менно отъ читавшихъ книгу молодыхъ парней, окончившихъ трехлѣтній курсъ народной школы:

«Вода—самый здоровый напитокъ для человѣка,—только вода чистая, чтобы въ ней не было никакой гадости: сору, навозу и другихъ гадостей, потому что эта вся нечистота садится у человѣка въ желудкѣ, и отъ этого человѣкъ болѣетъ и можетъ умереть. И еще человѣкъ можетъ заболѣть отъ известковой воды.

«Водку пить вредно, потому что человѣкъ можетъ отъ водки опьянѣть, и человѣкъ, когда напьется водки, то онъ долго не приходитъ въ себя: голова у него кружится, и онъ, что у него на мысляхъ, то онъ говоритъ и дѣлаетъ. Наскочитъ ли кто на пьянаго, онъ его выругаетъ, жену дома бьетъ, дѣтей поразгоняетъ. Но бываютъ люди такіе, которые и не бьются: напьется, ляжетъ, выспится да и только.

«Водку можно замѣнить другимъ напиткомъ,—чаемъ, который гораздо лучше водки. Чай растетъ въ Китаѣ,—это земля такъ называется, гдѣ живутъ китайцы. Тамъ есть такія деревья; съ этихъ деревъ срываютъ листья и сушатъ. Когда солдатамъ давали пить водку, то они не хотѣли и попросили, чтобы имъ вмѣсто водки дали чаю, потому что они не находили никакого удовольствія и пользы въ водкѣ.

«Если человѣкъ будетъ пить водку недѣлю и не переставая, то въ человѣкѣ водка можетъ загорѣться, и человѣкъ можетъ умереть. И когда какой пьяница разопьется, то онъ вытащитъ все хозяйство изъ дому и пропиваетъ, останется нищимъ, будетъ долженъ всѣмъ людямъ и въ волость, и за это его отошлютъ въ Сибирь. Водка никогда до добра не доведетъ. Отъ водки дѣлаются ворами, мошенниками, разбойниками, — все это отъ водки».

477) **Что дѣлать, чтобы быть здоровымъ.** Доктора К. Овсянаго. *Вода*. Кіевъ. 1871 г. 49 стр. Выпускъ 1-й.

Въ небольшой книжечкѣ г. Овсянаго мы находимъ довольно полныя свѣдѣнія о водѣ съ гигіенической точки зрѣнія. Начиная съ указанія на двоякаго рода жажду, испытываемую человѣкомъ,—т. е. жажду отъ недостатка воды въ крови и жажду болѣе внѣшнюю, если можно такъ выразиться, ощущаемую только во рту и глоткѣ, — авторъ указываетъ на необходимость воды для разнообразныхъ потребностей жизни, перечисляетъ тѣ водохранилища, которыя устраиваются людьми для сбереженія ея въ мѣстахъ бѣдныхъ хорошею проточною водою (цистерны, колодцы, водопроводы), и объясняетъ ихъ устройство. Далѣе указываетъ на количество воды въ тѣлѣ человѣка (7/8—?), количество, теряемое имъ въ сутки путемъ дыханія, и количество, необходимое ежедневно для возстановленія этихъ потерь; о химическомъ составѣ воды и примѣсяхъ къ ней — растворимыхъ и нерастворимыхъ; подробно разсматриваетъ составъ воды дождевой, ледяной и снѣговой, ключевой, колодезной и рѣчной, минеральной и болотной.

Далѣе перечисляются различныя болѣзненныя явленія, вызываемыя преобладаніемъ въ водѣ тѣхъ или другихъ примѣсей; указываются способы очищенія ея и сосуды, наиболѣе пригодные съ гигіенической точки зрѣнія для храненія воды.

Къ сожалѣнію, все это богатое содержаніе книги не можетъ быть усвоено малограмотнымъ простолюдиномъ вслѣдствіе большихъ затрудненій въ видѣ неизвѣстныхъ словъ, встрѣчающихся почти что на каждой страницѣ. Говоря, напр., о примѣсяхъ въ водѣ, авторъ перечисляетъ слѣдующія вещества: *углекислая известь*, *сѣрнокислый натръ*, *углекислый натръ*, *азотнокислый амміакъ*; изъ животныхъ—*парамеціи*, *монады*, *коловратки*, *евглены* и т. д.; изъ растеній — *конферсы*, и разныя другія *водоросли* и т. д.

Нѣкоторыя мѣста въ книгѣ по языку кажутся написанными не для народа; напр.:

«Разнообразіе образа жизни, которое создали себѣ люди, удалило ихъ отъ жизни, согласной съ природой, причемъ человѣкъ потерялъ большую часть своего первоначальнаго чутья (инстинкта), то-есть возможности отличать, что для него вредно, а что полезно. И чѣмъ болѣе люди становились въ такія искусственныя условія жизни, тѣмъ болѣе и болѣе дѣлался человѣкъ безпомощнымъ. Дайте вы что нибудь вредное животному, и оно понюхаетъ и отойдетъ; человѣкъ же все съѣстъ, лишь бы не было горькое» (стр. 3).

Мы нѣсколько разъ прочитывали это мѣсто слушателямъ, состоявшимъ изъ окончившихъ трехлѣтній курсъ народной школы, возрастомъ отъ 12 до 17 лѣтъ, и они понимали его такимъ образомъ: одни говорили: «это значитъ, что въ прежнее время люди жили по заповѣдямъ Божіимъ и любили другъ друга, а теперъ этого нѣтъ»; другіе, — что «прежде люди ничего не знали и потому часто ѣли вредныя вещи, а теперь все это они знаютъ и не ѣдятъ».

Или: «Люди труда, которые, однако, зара-

батываютъ столько, что могутъ и отдыхать, наслаждаться на свои плоды сбереженія и чувствовать себя независимыми, — представляютъ самыя лучшія условія для здоровой, трезвой жизни, и потому средній, достаточный классъ у насъ составляетъ лучшій цвѣтъ цивилизаціи, гражданственности» (стр. 6).

Въ заключеніе чтенія на предложенный учительницею вопросъ всѣ единодушно отвѣчали, что «книжка была бы и *ничего*, но ужасно трудно понимать и потому скучно» На этомъ основаніи мы не находимъ возможности рекомендовать ее для самостоятельнаго чтенія.

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.» 1878 г., стр. 403.

---

478) **Чай.** Откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Рейнбота. (Съ 2-мя раскр. картинками). Спб. 1881 г. Ц. 8 к. 35 стр.

Въ книгѣ даются довольно подробныя свѣдѣнія относительно мѣста произрастанія чайнаго дерева, способовъ обработки земли для чайныхъ плантацій, ухода за ними, сбора, приготовленія и укупорки чая; времени и мѣстъ торговли, путей, по которымъ идетъ чай; вѣсъ ящиковъ съ чаемъ и извозная плата; фабрикація чая и мошенническія продѣлки съ нимъ; способъ узнавать подкрашенные чаи; характеристика китайцевъ; ихъ грамотность и трудолюбіе. Объясненіе названій нѣкоторыхъ сортовъ чая. Способъ приготовленія напитковъ изъ чая у разныхъ народовъ; русскія травы, идущія вмѣсто чая; польза травокъ и чая по сравненію съ водкой и питательность ихъ.

Свѣдѣній, какъ видно, довольно много; сообщаются они живо и занимательно, почему и читается книжка охотно какъ взрослыми, такъ и малолѣтними, хорошо читающими. Но вниманіе ихъ останавливается главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ изъ быта китайцевъ, на разведеніи и обработкѣ плантацій, сборѣ и приготовленіи чая, минуя данныя относительно перевозки, укупорки, фальсификаціи, путей сообщенія и нѣкоторыя другія подробности, которыя дѣйствительно нѣсколько пестрятъ книгу и дѣлаютъ ее подчасъ сухою.

Вопросы:

Въ какой странѣ растетъ чай?

Разсказать, что узнали о китайцахъ изъ книжки.

Какъ разводятъ чайные садики и приготовляютъ чай?

Всегда ли доходитъ къ намъ чистый чай?

Полезенъ ли чай чѣмъ нибудь?

Примѣч. Рец. см. «Народная Школа» 1874 г. № 4, стр. 73.

---

479) **О воздухѣ и нашихъ невидимыхъ врагахъ въ немъ.** А. Калмыковой. Харьковъ. 1880 г. Ц. 12 к. 42 стр.

Такъ какъ авторъ названной брошюры принадлежитъ къ кружку составительницъ настоящаго «Указателя», то мы считаемъ болѣе удобнымъ привести отзывъ о ея книгѣ изъ *«Систематическаго Обзора Русской Народно-Учебной Литературы»* (Дополненіе I. С.-Петербургъ. 1882 г., стр. 90).

«Предметомъ своей книжки г-жа Калмыкова избрала одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ трудныхъ для популярнаго изложенія вопросовъ гигіены, а именно: о воздухѣ и, въ частности, о его физическихъ и химическихъ свойствахъ о его необходимости для горѣнія и дыханія о вредныхъ въ немъ механическихъ и химическихъ примѣсяхъ и о тѣхъ микроскопическихъ растительныхъ зародышахъ, которые, попадая въ тѣло человѣка, производятъ въ немъ различныя заразительныя болѣзни.

«Разсказъ написанъ весьма наглядно, живо и съ знаніемъ дѣла. Въ немъ читатель найдетъ очень много для себя поучительнаго и усвоитъ себѣ ясное понятіе объ очевидной необходимости для здоровья хорошаго воздуха и о самыхъ сподручныхъ мѣрахъ къ сохраненію его въ наивозможно чистомъ видѣ.

«Автора можно было бы упрекнуть только въ томъ, что не всѣ части одинаково обстоятельно имъ изложены. Такъ, изъ описанія дѣйствія пыли на глаза и на легкія, по краткости его, читателю трудно уяснить себѣ тотъ вредъ, которымъ угрожаетъ пыль здоровью и жизни человѣка. Точно также при описаніи дыханія авторъ почти ничего не говоритъ о выдыханіи человѣкомъ вредного углекислаго газа, тогда какъ при изложеніи горѣнія немало останавливается на угарѣ и т. п. Но вообще брошюра полезна и мы ее рекомендуемъ для чтенія не только учителю, но и ученикамъ старшаго возраста».

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1882 г., стр. 90.

---

480) **О почвѣ и о болѣзняхъ которыя отъ нея бываютъ.** А. П. Доброславина. (Чтеніе для народа). Москва. 1878 года. Ц. 10 коп. 26 стр.

«На землѣ мы родимся, на землѣ мы живемъ, земля насъ поитъ и кормитъ, въ землю же насъ и хоронятъ. Но какъ много для насъ земля ни дѣлаетъ, — много ли мы знаемъ о ней?» такими словами начинаетъ свой разсказъ уважаемый авторъ разсматриваемой книжки, проф. А. П. Доброславинъ, и съ этими словами нельзя не согласиться. Не говоря уже о городскихъ жителяхъ, которые «о землѣ и думать позабыли», по выраженію автора,—знанія сельскаго населенія о землѣ, его поилицѣ и кормилицѣ, немногимъ отличаются отъ знаній другихъ: сельскій житель знаетъ, гдѣ и что нужно посѣять и какъ именно, а до остальнаго ему дѣла мало. А между тѣмъ немало у насъ есть такихъ мѣстъ, гдѣ люди заболѣваютъ и умираютъ единственно вслѣдствіе неблагопріятныхъ почвенныхъ условій, вполнѣ устранимыхъ при здравыхъ понятіяхъ о почвѣ и доброй волѣ живущихъ на ней людей. Но, кромѣ естественныхъ почвенныхъ условій, люди какъ нарочно и сами загрязняютъ ее: грязь и нечистота на улицахъ и дворахъ иногда далеко оставляютъ за собой неблагопріятныя почвенныя условія по своему вредному вліянію на здоровье людей.

Все это авторъ доказываетъ на страницахъ своей простой и удобопонятной бесѣды, выясняетъ, какое дѣйствіе производитъ на человѣческій организмъ воздухъ, наполненный міазмами отъ гніющихъ органическихъ веществъ въ мѣстахъ болотистыхъ или просто загрязненныхъ человѣкомъ; говоритъ о различныхъ видахъ почвы и условіяхъ при которыхъ она бываетъ болѣе или менѣе способною пропускать воду, образовать болота, поддерживать гніеніе, о химическомъ составѣ ея и нѣсколько словъ—о составныхъ частяхъ растеній; указываетъ на возможность осушенія болотъ и необходимость содержать жилище, дворы и улицы въ чистотѣ. Очень жаль, что авторъ даетъ мало совѣтовъ относительно дезинфекціи жилищъ, стоящихъ на почвѣ, содержащей гніющія вещества, или ямъ съ нечистотами. Это было бы гораздо полезнѣе, чѣмъ указаніе на то, что изъ навоза и другихъ отбросковъ можно получать дорогую селитру. Такъ какъ для добыванія ея нужно, все-таки, имѣть нѣкоторыя техническія свѣдѣнія, которыми врядъ ли обладаетъ всякій крестьянинъ, то сомнительно, чтобы кто нибудь, при всемъ желаніи утилизировать разные отброски, могъ воспользоваться этимъ совѣтомъ. Опытъ показалъ, что книга читается въ деревняхъ охотно и понимается очень удовлетворительно

Брошюра эта можетъ составить полезное чтеніе для всякаго грамотнаго взрослаго простолюдина.

Вопросы:

Отчего вредно селиться въ болотистыхъ мѣстностяхъ?

Какова будетъ вода въ колодцахъ вблизи нечистыхъ мѣстъ, и почему?

Какая почва болѣе задерживаетъ воду и способствуетъ гніенію?

Можно ли осушать болотистыя мѣстности?

Почему необходимо заботиться о поддержаніи чистоты въ жилищахъ, дворахъ и т. д.?

Н. П.

---

481) **О сохраненіи силы и здоровья.** *Наши жилища.* П. Илинскаго. (Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1873 г. Ц. 10 коп. 22 стр.

Чрезвычайно жаль, что бесѣда о такомъ въ высшей степени важномъ и интересномъ предметѣ, какъ вопросъ о сохраненіи силы и здоровья, о плохомъ устройствѣ и содержаніи нашихъ жилищъ, изложена такъ непривлекательно. Болѣе неудачной подделки подъ народный языкъ намъ не приходилось встрѣчать: это какая то смѣсь литературнаго языка, фабричнаго жаргона и простонароднаго говора. Отъ такого смѣшенія ясность изложенія и убѣдительность доводовъ нисколько не выигрываютъ. Безъ всякаго сомнѣнія, при публичномъ чтеніи бесѣды недостатки языка значительно скрадывались, и неудачность такихъ выраженій, какъ *«подвергаться зловредностямъ»*, *«о чистотѣ гораздо не всѣ помышляютъ»*, не такъ рѣзко бросались въ глаза, какъ при одиночномъ чтеніи. Непріятное впечатлѣніе производятъ также тѣ мѣста въ книгѣ, гдѣ авторъ иронизируетъ по поводу *русскаго духа*. Не думаемъ, чтобы истинный смыслъ народныхъ выраженій *«русскій духъ, русью пахнетъ»* заключался въ намекѣ на тотъ *прѣлый запахъ*, въ пристрастіи къ которому авторъ упрекаетъ русскаго человѣка. Не думаемъ также, чтобы весь этотъ бѣдный людъ, который жмется по угламъ подваловъ и курныхъ избъ, удерживался тамъ пристрастіемъ къ затхлому, удушливому воздуху, который авторъ считаетъ *«русскимъ духомъ»*. И какой тяжелой насмѣшкой должна показаться грамотному бѣдняку эта иронія автора!

Нельзя сказать также, чтобы немногіе совѣты, даваемые авторомъ, отличались удобопонятностью. Говоря, напр., о мѣрахъ про-

тивъ сырости, авторъ говоритъ, что «*употребленіе свѣжей извести*» можетъ помочь въ этой бѣдѣ. Что это за «*свѣжая*» известь и какъ ее употреблять—неизвѣстно.

За всѣмъ тѣмъ въ книжкѣ сообщаются нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія относительно вліянія на здоровье сырыхъ, тѣсныхъ и грязныхъ жилищъ,—ради которыхъ мы находимъ возможнымъ давать ее для чтенія взрослымъ простолюдинамъ.

Вопросы:

Чѣмъ портится воздухъ въ жилищахъ?

Можно ли безъ вреда для здоровья дышать нечистымъ воздухомъ?

Какія болѣзни развиваются въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ?

Н. П.

Примѣч. Рец см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г. стр. 402; «Народная Школа» 1873 г. № 8, стр. 41—42; «Сынъ Отеч.» 1873 г.; № 99.

---

482) **О тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ.** Я. М. Шмулевича. Спб. 1874 г. Ц. 10 коп. 21 стр.

Чтобы выяснить вліяніе на здоровье тѣсныхъ и сырыхъ квартиръ, авторъ даетъ прежде понятіе о составныхъ частяхъ воздуха и необходимости чистаго воздуха для дыханія; говоритъ о негодности воздуха, изъ котораго поглощенъ кислородъ, о порчѣ его отъ дыханія людей, дыма, фабричныхъ производствъ, гніющихъ нечистотъ и т. д. Нѣкоторыя положенія авторъ подтверждаетъ иногда фактическими доказательствами и цифровыми данными. Въ заключеніе онъ даетъ нѣсколько совѣтовъ относительно дезинфекціи жилищъ послѣ больныхъ тифомъ, холерою, оспою. Многое изъ сообщаемаго авторомъ будетъ, безъ сомнѣнія, нелишнимъ для простолюдина; жаль только, что онъ не отнесся внимательнѣе къ своей брошюрѣ и не подвергнулъ ея болѣе тщательной обработкѣ; тогда, можетъ быть, мы не встрѣтили бы такихъ сообщеній, что въ прежнее время людей умирало гораздо больше, потому что въ узкихъ улицахъ городовъ «*застаивался и гнилъ воздухъ*» (стр. 14), что у человѣка «*отъ внутренней топки образуется дымъ*», который выходитъ черезъ ротъ при выдыханіи (стр. 6), что при золотухѣ «*гніютъ кости рукъ, ногъ и лица*», и мн. друг.

Все это, конечно, придумано авторомъ для большей простоты и ясности, но мы не находимъ цѣлесообразнымъ выводить человѣка изъ одного заблужденія, для того чтобы ввести въ другое. Совершенно лишнимъ кажется намъ также это настойчивое сравненіе человѣка съ фабрикой или машиной, которое сдѣлалось такимъ излюбленнымъ примѣромъ всѣхъ пишущихъ для народа. Это годится для дѣтей, а для взрослыхъ можно было бы обойтись безъ него, тѣмъ болѣе, что, благодаря своей наглядности, сравненіе это вводитъ въ заблужденіе простолюдиновъ и заставляетъ вѣрить, что дѣйствительно внутри человѣка происходитъ обыкновенное горѣніе, кипяченіе, топка и варка, какъ въ настоящей кухнѣ.

Не смотря на указанные промахи, книжку допустить въ народную библіотеку можно, но предпочесть ей слѣдуетъ брошюру Доброславина (см. № 480), въ которой можно встрѣтить многія свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой брошюрѣ, и не встрѣтить такихъ погрѣшностей.

Вопросы:

Чѣмъ вредны тѣсныя и сырыя квартиры?

Отчего еще воздухъ становится вреднымъ для человѣка?

Какія болѣзни развиваются отъ дурнаго воздуха?

Что должно дѣлать для очищенія воздуха?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Системат. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.» 1878 г. стр. 400. «С.-Петер. Вѣдомости» 1874 г. № 132.

---

483) **Жилище и одежда по отношенію къ здоровью.** М. У. Изданіе 2-е. Спб. 1870 г. Ц. 5 к. 16 стр.

Все, что сообщается въ этой маленькой брошюркѣ, сообщается крайне сжато, кратко, сухо. Состоитъ она изъ нѣкоторыхъ положеній, ничѣмъ не подтверждаемыхъ авторомъ, изъ указаній на существующіе факты безъ надлежащаго освѣщенія ихъ, изъ перечисленія различнаго рода одежды, употребляемой для различныхъ частей тѣла и, наконецъ, изъ совѣтовъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ. Чтобы не останавливаться долго на этой брошюркѣ, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ:

«Близость кладбищъ положительно вредна, а между тѣмъ въ нашихъ селахъ сплошь и рядомъ кладбища расположены возлѣ самыхъ жилищъ. Прежде знатныхъ особъ хоронили въ церквахъ; теперь этотъ вредный обычай, кажется, запрещенъ, но въ церковной оградѣ до сихъ поръ еще продолжаютъ хоронить» (стр. 4).

Факты эти, конечно, извѣстны всѣмъ, но если уже говорить о нихъ, то слѣдовало болѣе подробно и убѣдительно доказать тотъ вредъ, о которомъ сказано такъ лаконически.

«Что большая часть болѣзней въ нашихъ селеніяхъ переходитъ въ застарѣлую форму, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Застарѣлые ревматизмы, переходящіе въ паралитическое состояніе, удушье, одышки съ постояннымъ кашлемъ и т. п. страданія слишкомъ часты, чтобы сомнѣваться въ этомъ положеніи» (стр. 9).

Это, очевидно, написано не для простолюдина.

«Галстукъ сдѣлался необходимымъ для насъ болѣе по принятому обычаю или приличію, чѣмъ по настоятельной нуждѣ въ немъ, какъ средствѣ предохраненія отъ простуды. Крестьяне, круглый годъ не носящіе галстука и меньше насъ расположенные къ болѣзнямъ горла, служатъ тому лучшимъ доказательствомъ» (стр. 14).

Это, повидимому, тоже не относится къ простолюдину.

«Жилетъ хорошъ только тогда, когда онъ не стѣсняетъ груди. Сюртукъ не долженъ быть тѣсенъ, рукава его не должны быть очень широки. Шинель съ рукавами представляетъ очень удобную одежду, особенно зимою.

«Въ крестьянскомъ быту часто одна и та же одежда бываетъ назначена какъ для лѣта, такъ и для зимы. О величинѣ вреда въ этомъ случаѣ считаемъ лишнимъ распространяться» (стр. 15).

И совершенно напрасно, скажемъ мы: очень умѣстно было бы именно на немъ и остановиться болѣе подробно.

«Перчатки защищаютъ руку отъ холода, сохраняютъ въ то же время ея чистоту и нѣжность»... «Желаніе придать ногѣ извѣстную форму и похвастаться маленькою ножкою сдѣлало то, что мозоли сдѣлались нашимъ достояніемъ» (стр. 16).

Изъ этихъ выдержекъ видно, что брошюра врядъ ли назначалась для народа, по крайней мѣрѣ не для деревенскихъ жителей; иначе въ ней не указывалось бы на перчатки, галстуки, ботинки и другія принадлежности туалета, совершенно неизвѣстныя въ крестьянскомъ быту. Впрочемъ, для кого бы ни назначалась она, — какъ горожанинъ, такъ и деревенскій житель мало найдутъ въ ней новаго и интереснаго.

Н. П.

Примѣч. Рец. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г. стр. 104.

---

484) **О сохраненіи силы и здоровья.**—*Одежда и чистоплотность*. П. Илинскаго. (Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1873 г. Ц 10 к. 32 стр.

Бесѣда эта подраздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая посвящена одеждѣ, а вторая — чистоплотности. Въ первой части авторъ въ нѣсколькихъ словахъ объясняетъ, что теплота развивается отъ *тренія* и *смѣшенія* жидкостей, что и въ нашемъ тѣлѣ отъ тѣхъ же причинъ развивается теплота; потомъ переходитъ къ сознанію человѣкомъ необходимости сохраненія этой теплоты, описанію разнообразной одежды, носимой человѣкомъ, сообразно климатическимъ условіямъ, требованіямъ моды и матеріальнымъ средствамъ каждаго; о грязномъ содержаніи одежды среди простаго народа и вредныхъ послѣдствіяхъ такой нечистоплотности; о пригодности различныхъ тканей для различныхъ временъ года.

Вторая часть трактуетъ преимущественно о необходимости чистоты для здоровья. Говорится и о томъ, кому полезны и кому вредны бани, какія мѣры предосторожности слѣдуетъ наблюдать во время и послѣ купанья, какъ устраивать болѣе удобныя бани.

Матеріалъ, какъ видно, вполнѣ пригодный для народнаго чтенія; но изъ хорошаго матеріала не всегда выходитъ удачное произведеніе. Мы уже имѣли случай замѣтить въ одномъ изъ предыдущихъ отзывовъ, что брошюры г. Илинскаго не отличаются большими достоинствами: та же слишкомъ искусственная простота, дѣланность языка; та же недостаточность объясненій, неудачность доказательствъ, безполезное повтореніе одного и того же и нерѣдко противорѣчіе самому себѣ. Возьмемъ, напр., предложеніе «*смѣшать купоросное масло съ водой или другія взболтать жидкости*» — для доказательства, что какъ жидкости, такъ и самая посуда нагрѣваются отъ этого. Позволяемъ себѣ усомниться, чтобы кто нибудь, продѣлавшій опытъ взбалтыванія *какихъ нибудь* жидкостей, достигъ указанныхъ результатовъ и сохранилъ бы вѣру въ справедливость высказанной авторомъ истины. Смѣшать двѣ *какія нибудь* жидкости очень легко, а слѣдовательно легко и доказать, что при простомъ смѣшеніи *какихъ нибудь* жидкостей отдѣленія теплоты не воспослѣдуетъ.

А вотъ и образчикъ языка бесѣды: «Не бары мы, не нѣжнаго воспитанія, говорятъ

въ народѣ:—«по насъ такъ и этакъ хорошо». —Но зато между нимъ такъ распространены чесотка, зудъ и др. накожныя сыпи, что совсѣмъ уже дѣло неладное выходитъ; но зато смертность между дѣтьми такъ велика, что уже совсѣмъ нескладно и грустно, притомъ появляются потомъ совсѣмъ непохвальныя привычки къ неопрятности тѣлесной и убожеству домашнему на всю жизнь» (стр. 22).

Такъ же *нескладно* звучатъ и нѣкоторыя другія строки бесѣды. Впрочемъ, простолюдинъ врядъ ли замѣтитъ эту нескладность, также какъ, можетъ быть, не обратитъ вниманія на безполезность приводимыхъ анекдотовъ о брезгливости грековъ (стр. 21) и т. п. Но нельзя не пожалѣть, что такія указанія, которыя могли бы принести существенную пользу народу, сдѣланы недостаточно ясно; напр., на стр. 29-й авторъ, говоря о необходимости болѣе раціональнаго устройства бань, совѣтуетъ нагрѣваніе *болѣе скорое, чѣмъ каменьями*; *соединеніе вмѣстѣ съ баней и прачешни или купальни, что достигается ваннами или глубокими ящиками*; но что̀ употреблять вмѣсто камней и какія удобства достигаются совмѣстнымъ мытьемъ грязнаго бѣлья и купаньемъ—остается загадкой.

Всѣми приведенными выписками и замѣчаніями мы вовсе не хотимъ сказать, что брошюра г. Илинскаго безусловно слаба. Напротивъ, въ ней можно встрѣтить немало полезныхъ гигіеническихъ указаній и, кромѣ того, въ ней такъ настойчиво повторяется о необходимости чистоты во всемъ, что присутствіе ея будетъ нелишнимъ въ народной библіотекѣ.

Вопросы:

Почему необходимо чаще обмывать тѣло? (Засариваются отверстія (поры) тѣла, прекращаются выдѣленія кожи).

Какой вредъ отъ грязной одежды?

Хорошо ли носить одежду послѣ умершихъ, и почему нехорошо?

Какія болѣзни бываютъ отъ нечистоты тѣла?

Хорошо ли париться въ печи?

Всѣмъ ли равно полезна баня?

Всегда ли полезно окачиванье холодной водой?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Системат. Обзоръ Народно-Учебн. Лит.» 1872 г., стр. 402.

---

485) **О тифѣ нынѣшняго года.** Сост. докт. мед. Я. Шмулевичъ. Спб. 1878 г. Ц. 10 к. 19 стр.

Книжка написана по случаю сильнаго развитія эпидеміи сыпнаго тифа, бывшей въ Петербургѣ въ 1878 г., и, повидимому, имѣетъ мѣстный и временный интересъ; это не вредило бы достоинству книжки, какъ чтенія для народа вообще, если принять во вниманіе, что знаніе нѣкоторыхъ гигіеническихъ мѣръ противъ заразительныхъ болѣзней весьма желательно въ народѣ; но дѣло въ томъ, что эта брошюра есть не болѣе какъ компиляція изъ двухъ чтеній того же автора, изданныхъ въ 1874 году: *«О тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ»* и *«О хорошей и дурной водѣ»*.

Никакихъ новыхъ свѣдѣній, кромѣ исторіи военнаго тифа, авторъ не внесъ въ нее. Даже редакція, оставляющая желать весьма многаго, осталась та же. Въ виду этого не находимъ возможнымъ рекомендовать въ народную школу этого дубликата двухъ предыдущихъ.

Н. П.

Примѣчаніе. Рец. см. «Новое Время» 1878 г., № 761. «Русскій Міръ» 1878 г. № 124.

---

486) **Какъ спасать и спасаться отъ скоропостижныхъ смертныхъ случаевъ безъ помощи врачей и знахарей.** Соч. Н. Глинскаго. 4-е изд. Спб. 1878 г. Ц. 7 к. 59 стр.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что умѣнье подать первоначальную помощь въ несчастныхъ случаяхъ,—помочь угорѣвшему, пораженному молніей, утопленнику и т. д., — въ высшей степени важно, въ особенности въ деревенскомъ быту, гдѣ не только врача, но даже и фельдшера весьма часто не имѣется: но намъ кажется, что умѣнья этого врядъ ли возможно достигнуть путемъ одного чтенія. Вотъ почему мы не можемъ признать за книгой г. Глинскаго того важнаго практическаго значенія, на которое разсчитывалъ авторъ, — не можемъ смотрѣть на нее какъ на книгу для чтенія, а скорѣе какъ на руководство для изученія способовъ поданія помощи; но даже изученіе ея, по нашему мнѣнію, не можетъ дать удовлетворительныхъ результатовъ безъ практическихъ указаній лица опытнаго въ этомъ дѣлѣ. Конечно, такія средства, какъ растираніе, вспрыскиваніе водой, поднесеніе спирта, горчичники и т. д., могутъ быть предложены каждымъ человѣкомъ безъ всякаго опасенія за послѣдствія и обыкновенно извѣстны всѣмъ: но такія мѣры, какъ искусственное дыханіе, піявки, оживленіе новорожденныхъ, требуютъ искусства и навыка: и никакая

неловкость, неумѣлость, ошибка не могутъ быть допущены, такъ какъ отъ правильной подачи помощи здѣсь зависитъ жизнь человѣка.

Вотъ почему мы не находимъ возможнымъ рекомендовать эту книгу въ народныя библіотеки какъ книгу для чтенія. Но какъ справочная книга, въ которой можно найти полезный совѣтъ и указанія помощи въ болѣе легкихъ изъ несчастныхъ случаевъ, она можетъ быть допущена.

Н. П.

Примѣчаніе. Рец. см. «Систематъ. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.» 1878 г., стр. 407.

---

487) **Объ апоплексіи или пострѣлѣ.** Н. Глинскаго. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 22 стр.

Въ брошюрѣ излагаются причины апоплексіи, заключающіяся въ разрывѣ сосудовъ мозга. Дается понятіе объ устройствѣ кровеносной системы, о причинахъ разрыва сосудовъ мозга, заключающихся въ болѣзняхъ сосудныхъ стѣнокъ, въ болѣзняхъ сердца, легкихъ и проч. Предвѣстники апоплексическаго удара; признаки наступившаго удара. Предрасположеніе къ апоплексіи и ближайшія причины ея; различные исходы болѣзни. Мѣры предохранительныя у людей, расположенныхъ къ удару. Мѣры, принимаемыя по отношенію къ пораженному апоплексіей.

Хотя книжка написана довольно живо и понятно и, можетъ быть, съ пользой прочтется городскими жителями, но по самому содержанію своему она совершенно непригодна для чтенія въ народныхъ школахъ. Не будемъ говорить о томъ, насколько вообще правъ авторъ, выбравъ темою для своего чтенія такую серьезную болѣзнь, какъ апоплексія головнаго мозга, гдѣ и самъ врачъ иногда можетъ встрѣтить затрудненія въ правильной постановкѣ діагноза, по крайней мѣрѣ по отношенію къ причинамъ,—скажемъ только о томъ, что бóльшая часть мѣръ, рекомендуемыхъ авторомъ, недоступна для народа. Для примѣра приведу слѣдующіе совѣты: «вести жизнь спокойную, избѣгать душевныхъ тревогъ, не утомляться чрезмѣрными работами»; далѣе — «не наклоняться внизъ головою».

Все это легко совѣтовать, да не такъ легко исполнить.

Затѣмъ всѣ эти промывательныя, слабительныя и тому подобныя средства, которыя авторъ совѣтуетъ для избѣжанія удара, большею частію совершенно незнакомы народу. То же можно сказать и о мѣрахъ по отношенію къ наступившему удару, гдѣ, кромѣ всего прочаго, авторъ совѣтуетъ кровопусканіе въ видѣ приставленія пьявокъ (10 или 20 шт.) или посредствомъ какого нибудь другаго способа. Думаемъ, что авторъ зашелъ уже слишкомъ далеко въ своемъ рвеніи сдѣлать каждаго врачомъ,—иначе не давалъ бы въ руки такого средства, которое можетъ даже и ухудшить исходъ болѣзни, если давать его безъ разбора въ каждомъ случаѣ.

Книжка, по нашему мнѣнію, совершенно непригодна для народнаго чтенія: она не будетъ вполнѣ понята и усвоена, и время, потраченное на чтеніе ея, будетъ совершенно потеряно.

Примѣчаніе. Рец. см. «Систематъ. Обзоръ Русск Народно-Учебн. Литер.» 1878 г., стр. 408.

---

488) **Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ.** Доктора М. Перфильева. (Народныя чтенія). Спб. 1883 г. Ц. 35 к. 173 стр.

Бесѣды г. Перфильева затрогиваютъ главнѣйшіе вопросы народной гигіены и обнимаютъ всѣ предметы, составляющіе содержаніе брошюръ для народнаго чтенія по гигіенѣ Глинскаго, Шмулевича и др., о которыхъ мы говорили выше. Авторъ относится съ полнымъ сочувствіемъ къ вопросу о народномъ здоровьѣ и излагаетъ свою книгу языкомъ простымъ и доступнымъ.

Понятіе о содержаніи книги можетъ дать оглавленіе, которое мы и приводимъ:

1.—Что такое воздухъ? Холодный и теплый воздухъ. Вѣтеръ. Провѣтриваніе жилищъ. Необходимость провѣтриванья. Воздухъ, какъ причина болѣзней.

2.—Почва. Загрязненіе почвы. Почва какъ причина многихъ болѣзней.

3.—Вода. Откуда берется вода. Что такое здоровая вода. Вода колодцевъ, прудовъ, рѣкъ, ключевая вода. Чѣмъ и какъ мы загрязняемъ воду, которою пользуемся? Вода какъ причина многихъ болѣзней. Простѣйшіе способы очистки воды.

4.—О здоровьѣ и о болѣзняхъ вообще. Причина болѣзней вообще и заразныхъ въ особенности.

5.—Что такое заразныя или повальныя болѣзни и какъ съ ними бороться.

6.—О необходимости оспопрививанія.

7.—О томъ, что такое дифтеритъ или гнилая жаба и что дѣлать противъ этой болѣзни.

8.—Что такое сибирская язва и какъ бороться съ нею.

9.—Что такое «дурная болѣзнь», или сифилисъ и что надо дѣлать противъ нея.

10.—О вредѣ пьянства для здоровья.

11.—О накожныхъ болѣзняхъ.

12.—Объ ознобленіяхъ и отмороженіяхъ.

13.—Объ уходѣ за больными въ деревонскомъ быту.

14.—Объ уходѣ за новорожденными и больными.

15.—Молоко какъ питательное и цѣлебное средство.

16.—О вредныхъ для здоровья предразсудкахъ и обычаяхъ.

17.—О домашнемъ приготовленіи и употребленіи простѣйшихъ лекарствъ.

18.—Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ.

19.—Какъ пособлять утопленникамъ.

20.—Первая врачебная помощь въ случаяхъ порѣзовъ, ушибовъ, уколовъ.

Въ книжкѣ встрѣчаются и весьма цѣнныя указанія относительно предохранительныхъ мѣръ противъ заболѣванія и приготовленія простыхъ лекарствъ, какъ-то: горчичниковъ, полосканій для горла, простыхъ мазей, муравьинаго спирта и др. Жаль, что не обращено вниманія на необходимую осторожность при употребленіи нѣкоторыхъ простыхъ средствъ,—напр., камфарнаго масла, послѣ котораго, какъ извѣстно, легко захватить еще бóльшую простуду. При случаѣ даются элементарныя свѣдѣнія о физіологическихъ отправленіяхъ нѣкоторыхъ органовъ; довольно ясно описываются наиболѣе характерные признаки нѣкоторыхъ болѣзней, — напр., кори, скарлатины, дифтерита.

Нельзя, однако же, не замѣтить, что совѣтовать употребленіе при скарлатинѣ такихъ средствъ, какъ согрѣвающій компрессъ и теплая ванна, довольно рискованно, такъ какъ при неумѣломъ обращеніи какъ съ тѣмъ, такъ и другимъ, благополучный исходъ болѣзни будетъ болѣе сомнителенъ, чѣмъ безъ всякихъ средствъ.

Въ бесѣдахъ объ оспѣ, дифтеритѣ, сифилисѣ авторъ приводитъ статьи законовъ, которыми предписываются нѣкоторыя санитарныя мѣры или немедленное заявленіе мѣстнымъ властямъ въ случаѣ появленія одной изъ названныхъ болѣзней для принятія мѣръ, предупреждающихъ распространеніе заразы. Подобныя указанія не лишены практическаго значенія для простаго народа и преимущественно для сельскихъ жителей. Не менѣе важно также указаніе на вредъ нѣкоторыхъ простонародныхъ средствъ, практикуемыхъ различными знахарями и бабками противъ заразительныхъ болѣзней,—вредъ тѣмъ болѣе значительный, что ими нерѣдко достигается кажущееся, наружное выздоровленіе.

Указавъ на достоинства книги, укажемъ также и на нѣкоторые недостатки. Къ числу такихъ мы можемъ отнести неудачныя предложенія опытныхъ доказательствъ,—напр., о томъ, какъ можно взвѣсить воздухъ въ закупоренномъ ведрѣ, проткнувши которое, услышимъ, какъ онъ будетъ выходить съ нѣкоторымъ шумомъ (стр. 5), о томъ же предметѣ (стр. 7), или весьма сомнительное доказательство важности кожнаго дыханія—тѣмъ, что «если выбрить, напр. у собаки шерсть и оголенную кожу смазать или покрыть лакомъ, т. е. заклеить всѣ дыхательныя отверстія кожи, то животное скоро издохнетъ, потому что одного дыханія груднаго недостаточно для поддержанія жизни» (стр. 109).

Пріемы для приведенія въ чувство утопленника описаны въ высшей степени неясно; намъ кажется, что они могли бы быть болѣе понятны только въ присутствіи хорошихъ, отчетливыхъ рисунковъ, изображающихъ различныя положенія тѣла утопленника при поданіи ему помощи и манипуляціи, производимыя надъ нимъ.

Во всякомъ случаѣ въ книгѣ можно найти такъ много полезныхъ свѣдѣній, что указанные недостатки не могутъ значительно умалить ея достоинства, и потому присутствіе книги въ народной библіотекѣ можно считать желательнымъ.

Матеріаломъ для вопросовъ можетъ служить весьма подробный перечень содержанія каждой главы.

Н. П.

---

489) **О ленточныхъ глистахъ.** Э. К. Брандта. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Изданіе барона Косинскаго. Спб. 1874 года Ц. 10 к. 22 стр.

Содержаніе книжки вкратцѣ слѣдующее.—По поводу различныхъ заболѣваній желудка авторъ переходитъ къ описанію главнѣйшихъ симптомовъ болѣзни человѣка отъ ленточныхъ глистъ. Описываетъ глисту-цѣпень, или солитеръ обыкновенный, общій видъ его, голову, хоботокъ, кручечки и присоски, пути проникновенія его въ животныхъ и человѣка, питаніе и размноженіе его. Довольно подробное описаніе пузырчатой глисты; солитера обыкновеннаго. Общія понятія о чужеядныхъ животныхъ, или паразитахъ. Способъ изгнанія солитера у человѣка (отваромъ папоротника). Глисты у домашнихъ животныхъ. Спо-

собѣ изслѣдованія «цѣпня большаго» и «лентеца широкаго». Зародыши и пузырчатыя стадіи развитія этихъ глистъ. Описаніе болѣзни овецъ «вертячки» отъ глисты «мозговикъ» и описаніе самой этой глисты. Совѣтъ—какъ поступать съ овцами, павшими отъ «вертячки».

Разсказъ обнимаетъ всѣ стороны дѣла. Не обращено только вниманія на то, какой видъ представляетъ въ продажѣ мясо животныхъ, если въ немъ разсѣяны паразиты въ видѣ пузырчатыхъ глистъ. Въ книжкѣ достаточно рисунковъ, столь необходимыхъ для даннаго разсказа. Разсказъ, вмѣстѣ съ полнымъ знаніемъ дѣла, переданъ простымъ, яснымъ и для всѣхъ удобопонятнымъ слогомъ.

Вопросы:

Какъ попадаетъ солитеръ въ тѣло человѣка?

Какъ онъ размножается?

Есть ли у солитера желудокъ или кишки и какимъ образомъ онъ питается?

Что такое пузырчатая глиста и въ какихъ частяхъ тѣла она встрѣчается?

Отчего происходитъ у овецъ болѣзнь вертячка?

Какъ заражаются овцы этой глистой и какъ ихъ оберегать отъ заразы?

490) **О чесоточныхъ зудняхъ и другихъ клещахъ, живущихъ на тѣлѣ человѣка.** Э. К. Брандта. (Народн. чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1874 г. Ц. 10 к., 18 стр.

Чесоточный клещъ человѣка; видъ его тѣла; устройство ногъ; отличіе самки отъ самца: особенность молодыхъ клещей. Жизнь клещей въ кожѣ человѣка, ихъ размноженіе; способы зараженія чесоткой. Картина болѣзни чесотки; болѣзненныя явленія, вызываемыя клещами въ кожѣ при началѣ чесотки и впослѣдствіи. Мѣста, на которыхъ чаще всего бываетъ чесотка; средства, предупреждающія заболѣваніе чесоткой. Описаніе зудней, живущихъ на животныхъ; зудень собачій, его особенности; накожникъ обыкновенный; кожеѣды. Животная чесотка, ея вліяніе на домашнихъ животныхъ. Зудень птичій, его вліяніе на кожу птицъ и отношеніе къ человѣку. Клещи — собачій, персидскій, виноградный и сырный; желѣзница обыкновенная и пятнустка.

Книжка написана просто и понятно; она даетъ полную, ясную картину болѣзни чесотки, нерѣдко встрѣчающейся въ деревняхъ вслѣдствіе болѣе близкаго сношенія съ домашними животными: при этомъ указаны причины, отъ которыхъ она появляется, и способы зараженія. Чесоточный клещъ человѣка описанъ довольно подробно и понятно, но, кромѣ описанія чесоточнаго клеща, какъ видно изъ содержанія книжки, въ ней находится описаніе и другихъ клещей, живущихъ на кожѣ домашнихъ животныхъ и попадающихъ иногда на человѣка, причемъ указаны тѣ разстройства, которыя происходятъ отъ такихъ клещей на кожѣ животныхъ и человѣка.

Книжка читается очень легко, безъ всякихъ затрудненій въ пониманіи прочитаннаго и, какъ намъ приходилось наблюдать, усваивается безукоризненно. Можно сдѣлать только одинъ упрекъ книжкѣ: слишкомъ много описано въ ней разныхъ клещей. О нѣкоторыхъ можно бы только упомянуть, не дѣлая подробнаго описанія; такъ, напр., можно бы и не описывать такихъ рѣдкихъ клещей, какъ персидскій или какъ желѣзница обыкновенная, не приносящая почти никакого вреда человѣку. Непонятно, какимъ образомъ попала сюда же пятнустка. На кожѣ она не живетъ и къ клещамъ не принадлежитъ.

Вопросы:

Отчего происходитъ чесотка?

Какъ предохранить себя отъ заболѣванія ею?

На какихъ мѣстахъ является она и почему?

Примѣчаніе. Рец. см. «Систем. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г. стр. 403.

491) **О глистѣ обыкновенной и трихинѣ, живущихъ въ тѣлѣ человѣка.** В. Курбанова. (Съ 4 рисунками). Кіевъ. 1883 г. Ц. 10 к. 30 стр.

Въ брошюрѣ весьма ясно и обстоятельно разсказана жизнь этихъ паразитовъ внутреннихъ органовъ человѣческаго тѣла на всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія; указаны пути зараженія и симптомы болѣзни у лицъ, зараженныхъ ими, а также нѣкоторыя средства леченія и мѣры предосторожности противъ заболѣванія. Вмѣстѣ съ предыдущими брошюрами Э. К. Брандта «О зудняхъ» и «Ленточныхъ глистахъ» книжка составитъ чтеніе, дающее довольно полное представленіе о главнѣйшихъ паразитахъ человѣка, знакомство съ которыми не лишено практическаго значенія въ томъ отношеніи, что заставитъ болѣе внимательно относиться къ пищѣ, питью, уходу за откармливаемыми животными, а также и чистотѣ собственнаго тѣла.

Брошюра вполнѣ заслуживаетъ включенія

въ число книгъ, пригодныхъ для народнаго чтенія, какъ самостоятельнаго, такъ и для публичныхъ чтеній.

Вопросы:

Гдѣ живетъ и размножается взрослый струнецъ (аскарида)? (Въ кишкахъ).

Развиваются ли въ кишкахъ яйца струнцевъ и гдѣ они развиваются? (Въ желудкѣ). Какъ попадаютъ въ желудокъ? (Посредствомъ пищи, питья).

Можно ли умереть отъ заразы трихиной?

Какой величины трихины и какъ онѣ размножаются? (Рождаютъ живыхъ дѣтенышей).

Куда перебираются молодыя трихины и какимъ измѣненіямъ подвергаются?

Когда онѣ наиболѣе опасны для человѣка?

Отъ какихъ животныхъ заражаются люди?

Н. П.

---

492) **Объ оспѣ и оспопрививаніи.** П. Гущина. Москва. 1879 г. Ц. 10 к. 24 стр.

Понятіе о заразительныхъ, повальныхъ болѣзняхъ, къ которымъ принадлежитъ и оспа; разсказывается исторія оспы, развитіе идеи оспопрививанія; исторія прививанія коровьей оспы; отношеніе правительства къ оспопрививанію; результаты оспопрививанія; продолжительность предохраняющаго дѣйствія коровьей оспы.

Книжка написана живымъ и понятнымъ языкомъ и, вѣроятно, прочтется съ большимъ вниманіемъ вслѣдствіе общаго интереса предмета разсказа. Жаль, что авторъ не указалъ ни одного средства для облегченія заболѣвшихъ или предохранительной мѣры противъ зараженія другихъ членовъ семьи, если одинъ уже боленъ. Напрасно также авторъ вдается въ нѣкоторыя излишнія подробности, не представляющія интереса, — напр., перечисленіе именъ неизвѣстныхъ народу, вродѣ *лэди Монтегю*, Анны, супруги принца Оранскаго, различныхъ городовъ и странъ, въ которыхъ была оспа, и т. д. Все это можно было бы сократить, и книжка не только ничего не потеряла бы, но скорѣе выиграла бы.

Тѣмъ не менѣе книжка имѣетъ такія достоинства, что упомянутые недостатки не могутъ значительно вредить ей, и мы рекомендуемъ ее, какъ полезное чтеніе для взрослыхъ, хорошо читающихъ.

Вопросы, по нашему мнѣнію, тутъ излишни, такъ какъ вся брошюра носитъ на себѣ характеръ не болѣе какъ убѣдительной проповѣди о необходимости оспопрививанія. Устная же бесѣда послѣ чтенія книги вполнѣ умѣстна.

VII. ЗООЛОГІЯ.

493) **Первые разсказы изъ естественной исторіи.** Г. Вагнера. Для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Переводъ Висковатова. Много отдѣльныхъ рисунковъ и политипажей въ текстѣ. 3 тома. Спб. 1881 г. Изд. книжн. магазина В. А. Цвылева. Ц. 3 р. Въ 1-мъ томѣ 168 стр.; во 2-мъ 142 стр.; въ 3-мъ 152 стр.

Нѣмецкій писатель Германъ Вагнеръ уже много лѣтъ извѣстенъ какъ хорошій составитель разсказовъ изъ естественной исторіи, предназначенныхъ для дѣтей. Разсматриваемое сочиненіе выходитъ четвертымъ изданіемъ. Оно состоитъ изъ 169 самыхъ коротенькихъ, элементарныхъ разсказовъ и очерковъ изъ жизни различныхъ животныхъ и растеній. Есть также нѣсколько разсказовъ о минералахъ, о томъ, гдѣ и какъ они добываются и на что употребляются.

Разсказы, изъ которыхъ самые длинные занимаютъ не болѣе трехъ страницъ, сгруппированы безъ всякой научной системы. Авторъ, не придерживаясь никакой классификаціи или научнаго порядка, разсказываетъ своимъ маленькимъ читателямъ о томъ, что они видятъ вокругъ себя, о животныхъ и растеніяхъ, ихъ окружающихъ, а также и о животныхъ далекихъ странъ, о которыхъ они такъ часто слышатъ и изображенія которыхъ видятъ въ своихъ дѣтскихъ иллюстрированныхъ книгахъ. Общее впечатлѣніе, остающееся по прочтеніи этихъ незатѣйливыхъ маленькихъ разсказовъ, безспорно прекрасное. Они написаны чрезвычайно тепло, просто и умно. Знакомя молодаго читателя съ міромъ, его окружающимъ, они заинтересовываютъ его, заставляютъ самого наблюдать и относиться съ интересомъ не только къ хорошенькимъ

животнымъ, птицамъ и цвѣтамъ, но и къ такимъ животнымъ, которыхъ гнушаются и не любятъ,—какъ напримѣръ, жаба, гадюка, земляной червь, къ такимъ растеніямъ, мимо которыхъ проходятъ съ пренебреженіемъ,—напр., чертополохъ. Прочитавъ эти разсказы, дитя будетъ поражено разнообразіемъ природы. Оно сознательнѣе отнесется къ міру, его окружающему, и незамѣтно для себя самого постигнетъ великій законъ природы, гласящій, что каждое существо, какъ бы ничтожно оно ни было, имѣетъ свое назначеніе, что оно своею жизнью поддерживаетъ жизнь другаго существа, что ни одна пылинка въ безконечномъ мірѣ не пропадаетъ безслѣдно, но что все существующее на землѣ приноситъ извѣстную пользу, вращаясь въ безпредѣльной міровой гармоніи.

Разсказы составлены для самыхъ маленькихъ дѣтей, которыми читаются съ бо̀льшимъ интересомъ, если чтеніемъ можетъ руководить взрослый, поясняя и пополняя прочитанное, а главное, пользуясь имъ какъ руководствомъ для непосредственнаго наблюденія надъ природой.

Разсказы читаются дѣтьми средняго возраста, довольно развитыми и любознательными, весьма охотно.

Въ виду того, что въ каждой книжкѣ болѣе 50-ти разсказовъ, что они крайне разнообразны и потому могутъ утомить и перезабыться, ихъ слѣдуетъ давать читать на болѣе долгій срокъ, не требуя скораго ихъ возвращенія въ библіотеку. Полезно было бы давать дѣтямъ эти книги лѣтомъ, во время каникулъ, когда каждый прочитанный разсказъ объяснитъ что либо изъ окружающей природы. Давая читать эти разсказы, можно совѣтовать дѣтямъ обратить особенное вниманіе на слѣдующіе, которые, въ виду своей наглядности, могутъ имѣть для нихъ особенный интересъ:

Во первой книжкѣ: Два домика въ лѣсу. Божья коровка-садовникъ. Моль. Дождевой червь. Селедка. Какъ это муха сидитъ на потолкѣ? Муха. Исторія большаго паука. Гадюка. Зимняя бабочка. Летучая мышь. Сургучъ. Молочайная гусеница.

Во второй книжкѣ: Беззаботная кукушка. Жаба. Горе и радость мышки. Турка вѣшаютъ. Братъ обезьянки. Зеленая копѣйка. Шелкъ. Воробьи. Кладовая верблюда. Какъ морской левъ учится плавать. Исторія восковой свѣчки. О безъ вины пострадавшемъ кротѣ. Пустой орѣхъ. Чернила. Губка.

Въ третьей книжкѣ: О ракѣ. Чертополохъ. Полетъ гусей. Крупинка соли. О большомъ деревѣ и маленькомъ мхѣ. Какъ ежъ стелетъ себѣ постельку. Бобръ. Лягушка-древесница. Орелъ. Хлопчатая бумага. Карминъ и розовая краска. О несносной жгучей крапивѣ.

При разспросахъ дѣтей о прочитанномъ учительница можетъ руководствоваться картинками. Заранѣе же составленные при рецензіи вопросы затруднили бы какъ ее, такъ и дѣтей, въ виду большаго разнообразія предлагаемаго матеріала.

Такъ какъ сельскіе жители находятся въ постоянномъ общеніи съ природой, то весьма многіе изъ вышепоименованныхъ разсказовъ интересуютъ не только дѣтей, но и подростковъ, представляя то огромное достоинство, что доступны и наименѣе подготовленнымъ изъ нихъ.

А. Г.

Примѣч. Рец. см. «Педагог. Хроника» 1878 г. № 31, стр. 702. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г, стр. 678. «Семья и Школа» 1878 г., стр. 702. «Педагог. Листокъ» 1874 г., № 2, стр. 322. «Дѣтскій Садъ» 1869 г., стр. 37. «Учитель» 1879 г., стр. 665.

---

494) **Первые разсказы изъ естественной исторіи.** М. Быковой. (Для дѣтей только что научившихся читать). Спб. 1876 г. Ц. 25 к. 61 стр.

Авторъ въ разсказахъ своихъ знакомитъ маленькихъ читателей съ окружающимъ ихъ міромъ. Онъ обращаетъ ихъ вниманіе на звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, на различныя растенія, на все, что дѣти встрѣчаютъ, особливо лѣтомъ, живя въ деревнѣ. Нѣкоторые разсказы дѣйствительно даютъ элементарныя понятія по естественной исторіи, какъ значится въ заглавіи книги,—напр.: «Муравьи», «Лягушата», «Ежикъ», «Хитрая тетерка», «Какъ работалъ паукъ» и проч. Въ другихъ же разсказахъ ѐдва заключается намекъ на какой нибудь предметъ, взятый изъ природы, какъ видно въ разсказѣ: «Чѣмъ игралъ маленькій Петя».

Маленькій Петя, оставшись одинъ дома, не зная чѣмъ играть, плакалъ и очень скучалъ. Ему подвернулся подъ руку комокъ глины, изъ которой онъ слѣпилъ хорошенькое яичко. Петя постепенно научился лѣпить изъ глины игрушки, и съ тѣхъ поръ онъ не скучалъ и не плакалъ болѣе.

Въ такомъ-же родѣ разсказъ «Дѣвочка на плоту». Соня сидѣла на берегу пруда въ тѣни ивъ и плела вѣнокъ. На срединѣ пруда былъ островъ съ развѣсистыми березами и

съ множествомъ красныхъ цвѣтовъ. А какъ у Сони недостало набранныхъ цвѣтовъ на вѣнокъ, то она вздумала переѣхать на островъ за цвѣтами, пошатнулась на плоту и упала въ воду. Но прудъ былъ неглубокъ, и Соня перепачкала только въ тинѣ лицо и руки.

Въ этихъ разсказахъ хотя нѣтъ научныхъ свѣдѣній, но дается понятіе о глинѣ, о тинистомъ прудѣ, объ островѣ съ его растительностью.

Шрифтъ крупный, слогъ разсказовъ простой и ясный, доступный для перваго чтенія въ народной школѣ, гдѣ крестьянскія дѣти стоятъ ближе къ природѣ, хотя не всегда сознательно относятся къ ней.

Разсказы такъ просты и элементарны, что *вопросы* вытекаютъ сами собою изъ содержанія разсказовъ,—напр.:

Что такое островъ?

Къ чему пригодна глина?

Что такое головастики и во что они превращаются?

Слѣдуетъ-ли разорять птичьи гнѣзда? и т. д.

А. Г.

Примѣч. Рец. см. «Семья и Школа» 1876 г. № 2. «Женское Образованіе» 1877 г. № 10, стр. 620. «Педагог. Музей» 1876 г. № 5, стр. 313.

---

495) **Первое знакомство съ животными.** Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 47 стр.

Порядка, системы полезно придерживаться во всякомъ дѣлѣ и въ особенности тогда, когда вступаешь въ какую-бы то ни было область науки. Мы не говоримъ, что, начиная знакомить дѣтей, положимъ, хоть съ зоологіей, нужно придерживаться непремѣнно научной системы; нѣтъ,—съ *малолѣтними* это невозможно. Но, все-таки, необходимо, чтобы предлагаемый матеріалъ былъ приведенъ въ извѣстный порядокъ; необходимо, чтобы онъ хоть и въ небольшомъ количествѣ, но для извѣстныхъ, данныхъ требованій не былъ въ необработанномъ видѣ.

Трудно сказать, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на книгу «*Первое знакомство съ животными*». Принять ее какъ зоологическій атласъ — невозможно, такъ какъ съ послѣднимъ связано представленіе о собраніи картинъ съ группами, представляющими, въ свою очередь, собраніе болѣе или менѣе однородныхъ формъ. А между тѣмъ здѣсь каждая страница съ картинами является въ видѣ весьма негармоническаго сочетанія всевозможныхъ яркихъ, грубыхъ и неестественныхъ цвѣтовъ и ни на чемъ не основаннаго подбора животныхъ формъ; тутъ и пресмыкающіяся, и рыбы, и птицы, и млекопитающія, и молюски, и зоофиты, и простѣйшія, и насѣкомыя. Точно такое же безотрадное явленіе представляютъ изъ себя и остальныя картинки, въ которыхъ точно также все перемѣшано до того, что даже трудно разобраться. Картинки при этомъ исполнены чрезвычайно плохо.

Текстъ также не удовлетворяетъ требованіямъ атласа, давая весьма безпорядочныя свѣдѣнія, касающіяся описываемыхъ животныхъ то въ чрезвычайно сухой и краткой формѣ — въ родѣ: «*красненькое насѣкомое съ черненькими, а бываютъ и черненькія съ красными крапинками; оно водится по всей землѣ*» («Божья коровка», стр. 4, № 11); или: «*желтая бабочка эта съ черными пятнами, очень красивая, но живетъ очень недолго*» («Бабочка», стр. 23, № 6);—то въ болѣе пространной, съ болѣе игривымъ началомъ, — напримѣръ: «*А, Мишенька! лѣнивый, неповоротливый Мишка!*» (стр. 3, № 6); или: «*А, это вы, господинъ волкъ?*» (стр. 43, № 1); или: «*а, знакомая хрю-хрю!*» (стр. 36, № 15) и т. д.

Изъ этого видно, что «*Первое знакомство съ животными*» нельзя допустить ни какъ книгу для чтенія, ни какъ учебникъ зоологіи.

Ко всему этому нельзя не присоединить еще слѣдующихъ доказательствъ небрежности изданія книги: на картинкѣ четвертой подъ № 6 нарисована лягушка, а въ текстѣ подъ тѣмъ-же № 6 составлено описаніе крота, котораго на рисункѣ даже и нѣтъ; то-же самое и на картинкѣ восьмой: подъ № 17 изображается одинъ изъ представителей отряда жесткокрылыхъ, а въ текстѣ подъ № 17 составлено описаніе для электрическаго угря. Далѣе,—для нѣкоторыхъ картинокъ совсѣмъ нѣтъ описанія, нѣкоторые нумера повторяются.

Опираясь на все это и, кромѣ того, еще на общую безграмотность книги и принимая во вниманіе значительную ея цѣнность (1 р. с.),—признаемъ ее и несостоятельною, и неподходящею.

Л. Д.

---

496) **Изъ сельской природы.** (Передѣлано съ англійскаго.) Изд. «Дѣтской Библіотеки». Спб. 1871 г. Ц. 80 к. 105 стр.

Разсказы изъ сельской природы написаны для маленькихъ дѣтей. Очень полезно познакомить дѣтей со всѣмъ тѣмъ, что они видятъ въ деревнѣ, но нельзя этого достигнуть даже отчасти съ помощью такого чтенія, какъ «Разсказы изъ сельской природы», отличи-

тельное свойство которыхъ — замѣчательная краткость, сухость и полное отсутствіе старанія автора сдѣлать бесѣды свои достойными чтенія.

Матеріала въ этихъ разсказахъ много, и матеріалъ все интересный, но обработка его,— какъ выше было сказано,—далеко не тщательная. Примѣрами особенно плохихъ разсказовъ могутъ служить разсказы: «Фіалка», «Какъ цвѣты разводятся сами собою», «Дикая кошка» и много другихъ, а одинъ изъ нихъ «Пчелы» приводитъ читателя положительно въ недоумѣніе: по названію можно предположить, что въ этомъ разсказѣ должно заключаться что-нибудь интересное о пчелахъ, о ихъ дѣятельной жизни, о результатахъ этой жизни, что все это облечено въ самую доступную форму. Но каково-же ваше разочарованіе, когда вы находите все только въ родѣ слѣдующаго: «я бы разсказалъ вамъ, какъ пчелы дѣлаютъ воскъ, какъ кормятъ своихъ дѣтей и собираютъ медъ, какіе у нихъ карманы, въ которые онѣ кладутъ медъ, какъ умно выстраиваетъ ячейки, какъ сражается царица, и много еще кой-чего, но тогда мнѣ пришлось-бы написать очень большую книгу». Не смущаясь нисколько такимъ содержаніемъ, авторъ смѣло называетъ этотъ разсказъ: «Пчелы».

Характеристика животныхъ, описываемыхъ авторомъ, ограничивается ихъ собственными, подчасъ очень длинными размышленіями и разсужденіями: говорятъ примѣрныя птички, овечки, червякъ; думаетъ корова.

Все это было-бы ничего, потому что для большаго оживленія разсказа можно заставить говорить и думать животныхъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Германъ Вагнеръ, но насколько у послѣдняго все это является какъ нельзя болѣе кстати, настолько въ «Разсказахъ изъ сельской природы» то же самое находишь неумѣстнымъ и вполнѣ неудачнымъ. Мало того, книжка эта написана, видимо, для дѣтей высшихъ классовъ, а къ малолѣтнимъ простаго званія авторъ относится съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Возьмемъ для примѣра хоть разсказъ «Маргаритка». Мы читаемъ въ немъ, что у маргаритки славная постель изъ травы и что эта постелька гораздо мягче и чище, чѣмъ у многихъ бѣдныхъ дѣтей, спящихъ на грязномъ полу, потому что некому его вымыть. Папа и мама ихъ слишкомъ *лѣнивы*, чтобы держать въ чистотѣ своихъ дѣтей, — не то что ваши родители, которые гордятся, когда вы такъ чисты, какъ новая булавка.

Въ другомъ разсказѣ—«Сѣнокосъ» авторъ продолжаетъ въ томъ-же духѣ и направленіи, говоря: «если мужикъ добрый, онъ только посмѣется, когда вы валяетесь въ сѣнѣ, бросаете его другъ въ друга или совсѣмъ зарываетесь въ немъ. Но есть и старые ворчуны между мужиками: они не позволяютъ дѣтямъ играть на сѣнѣ и трясутся надъ нимъ, *точно съѣсть его хотятъ*. Пускай-бы поѣли, — я былъ-бы очень радъ! Лучше не ходить на ихъ поля,—они не дадутъ вамъ кувыркнуться на своемъ сѣнѣ, какъ будто вы можете его испортить».

Такое изреченіе нельзя не признать лишеннымъ всякаго здраваго смысла; резонно, дѣйствительно, обвинять бѣднаго мужика въ томъ, что онъ бережетъ свое добро, свое сѣно, не позволяя на немъ «кувыркаться»— по выраженію автора—благороднымъ дѣтямъ ради ихъ собственной забавы!

Много еще можно было-бы найти недостатковъ въ этихъ «Разсказахъ изъ сельской природы», но вышеприведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы судить о полнѣйшей несостоятельности и непригодности книги.

Л. Д.

---

497) **Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ.** В. П. Авенаріуса. Разсказъ для дѣтей. Изд. 3-е. Спб. 1883 г. Ц. 30 к. 29 стр. Изданіе С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества.

Въ сказкѣ о пчелкѣ Мохнаткѣ г. Авенаріусъ начинаетъ разсказъ съ минуты рожденія пчелки и кончаетъ ея смертью, когда она, желая спасти родной улей отъ врага-медвѣдя, нападаетъ на него, но, впустивъ въ него свое жало, умираетъ, подчиняясь закону своего улья: «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ».

Названія главъ показываютъ, въ какомъ порядкѣ развивается содержаніе разсказа:

1) «О томъ, какъ Мохнатка на свѣтъ Божій вышла». 2) «О томъ, что увидѣла Мохнатка въ ульѣ». 3) «О томъ, какъ Мохнатка въ сборщицы попала». 4) «О томъ, какъ роился улей». 5) «О томъ, какъ Мохнаткѣ конецъ пришелъ».

Какъ видно изъ оглавленія, составляя этотъ разсказъ, г. Авенаріусъ хотѣлъ ознакомить дѣтей съ жизнью и нравами пчелъ. Желая занять дѣтей и заинтересовать, не утомляя сухимъ описаніемъ пчелиной жизни, онъ придалъ своему разсказу форму сказки, въ которой пчела Мохнатка, явившись на свѣтъ Божій, играетъ роль малаго младенца, у котораго есть пчела-няня, водящая ее гулять и обучающая ее разнымъ пчелинымъ премудро-

стямъ, есть постелька, въ которой она сладко почиваетъ.

Разсказывая все это, авторъ поддѣлываетъ свой слогъ подъ рѣчь маленькихъ дѣтей, въ которую съ цѣлью поучать, соединивъ полезное съ веселымъ, вставляетъ какъ бы невзначай научныя выраженія, какъ то: *окуклится*, *пчелиная дѣтва*, *кусальца* и т. д. Написанный довольно живо, картинно, хорошимъ языкомъ, разсказъ страдаетъ этимъ натянутымъ поддѣлываніемъ подъ дѣтскій тонъ, этимъ желаніемъ облечь научный фактъ въ забавную, игривую форму.

Если дѣти настолько велики, что могутъ понять устройство улья и жизнь пчелъ, то ихъ нечего занимать пустыми, сладенькими разглагольствованіями, не ведущими къ дѣлу. Простое, популярное описаніе жизни пчелъ займетъ ихъ больше, нежели описаніе того, какъ личинка дѣлаетъ «тю-тю, т. е. окукливается, потому что «баиньки» захотѣла, какъ потомъ въ ячейкѣ слышится *«стукъ-стукъ»*— это Мохнатка проснулась и изъ ячейки вонъ хочетъ.

Если же читающій ребенокъ такъ малъ, что, говоря съ нимъ, надо употреблять выраженія «тю-тю» и «баиньки», то всякое описаніе жизни пчелъ недоступно его пониманію, какъ бы ни старался прикрасить его авторъ. Такой ребенокъ никакъ не съумѣетъ отдѣлить фабулы разсказа отъ научнаго факта, и знаніе его этимъ путемъ не расширится. Идея разсказа, выраженная словами умирающей Мохнатки: «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ», также недоступна маленькому ребенку. Странно также, что г. Авенаріусъ, говоря о пчелѣ-работницѣ, о царицѣ-маткѣ, умалчиваетъ о роли трутней. Въ своемъ разсказѣ онъ называетъ ихъ *«бѣлоручками»*, *«народомъ спѣсивымъ и важнымъ»* и заставляетъ ихъ кричать «ура!» при появленіи царицы.

Если авторъ не желалъ затрогивать вопросъ о физіологическомъ назначеніи трутней, онъ могъ ихъ назвать отцами пчелиной семьи, и такое опредѣленіе было бы совершенно понятно, просто и естественно.

Вопросы вытекаютъ изъ названій главъ.

Главный вопросъ: что заставило Мохнатку пожертвовать своею жизнью?

А. Г.

Примѣч. См. «Педагогич. Листокъ» 1879 г., стр. 29. «Педаг. Листокъ» 1880 г. № 4, стр. 319. «Народн. Шк.» 1880 г. № 3, стр. 47. «Пед. Хрон.» 1881 г., стр. 121.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Сегодня я имѣла случай удостовѣриться, что дѣловая часть сказки *«О пчелѣ Мохнаткѣ»* недостаточно усваивается дѣтьми. Вотъ какъ передала мнѣ этотъ разсказъ *Катя С—ва*, умная и развитая дѣвочка 11-ти л.

— Въ саду былъ пчельникъ, въ пчельникѣ улей, въ ульѣ соты, въ сотахъ ячейки, въ ячейкахъ яички, а въ яичкахъ маленькіе кокончики (?), будущія пчелы. За маленькими ходятъ большія пчелы — няни. Вотъ прошло три недѣли, яичко лопнуло, и показался червячокъ вродѣ пчелки (?). Пчела-няня облизала ее и накормила медомъ. Когда у этой маленькой пчелки крылышки окрѣпли и всѣмъ она укрѣпилась, тогда пчелка выпустила изо рта паутину и начала обвивать кругомъ себя завернулась въ нее и заснула...

Этотъ отрывокъ, на нашъ взглядъ, достаточно подтверждаетъ справедливость мнѣнія рецензента о книгѣ. Мы могли бы привести еще нѣсколько отзывовъ, доказывающихъ, что дѣти, незнакомыя съ жизнью пчелъ, не выносятъ изъ этой книги достаточно яснаго представленія ни о превращеніяхъ ихъ, ни объ образѣ жизни,—но считаемъ это излишнимъ. Впрочемъ, еще одинъ отзывъ читатель можетъ найти въ рецензіи на книгу *«Образцовыя сказки русскихъ писателей» Авенаріуса* (см. «Литературный отд.», № 334).

498) **О пчелахъ и муравьяхъ.** Э. К. Брандта. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 19 стр. (Съ рисунк.).

Эта небольшая брошюра содержитъ краткую естественную исторію пчелы и муравья. Нѣсколько строкъ удѣлено также описанію наружнаго вида шмеля, осы, ихъ образа жизни и проч.

Хотя изложеніе совершенно ясное и удобопонятное, но было бы гораздо интереснѣе для простолюдина, если бы къ анатомическому описанію пчелы было прибавлено болѣе подробное указаніе на пользу, извлекаемую человѣкомъ изъ меда и воска, чему посвящено всего 16 строкъ.

Такъ какъ знакомство со строеніемъ тѣла и образомъ жизни пчелъ и муравьевъ дѣти пріобрѣтаютъ еще на школьной скамьѣ изъ книгъ для класснаго чтенія, а для взрослыхъ интересно болѣе подробное знакомство, которое могло бы имѣть и практическое значеніе, то мы можемъ рекомендовать вмѣсто настоящей брошюры книгу *«Степовика»* (см. рец. № 461), изъ которой можно познакомиться болѣе подробно какъ съ пчелами и муравьями, такъ и съ другими полезными и вредными насѣкомыми.

Но и эта книжка, несомнѣнно, пригодна для народнаго чтенія и, какъ покажутъ отзывы, приводимые ниже, читается не безъ интереса.

— Книга показалась мнѣ не особенно веселою, сказала Маша З—ръ, очень умная и развитая дѣвочка, обучавшаяся три зимы въ сельской школѣ:—но за то я теперь хорошо знаю, откуда берется воскъ, медъ, какъ живутъ пчелы... А это меня ужъ давно интересуетъ.

На провѣрочные вопросы, предложенные мною, дѣвочка отвѣчала толково и хорошо. При чтеніи этой статьи она не встрѣтила затрудненій: все оказалось понятнымъ.

Эта же книга читалась мною вслухъ двумъ мальчикамъ, также обучавшимся три зимы въ сельскомъ училищѣ. Оба очень развитые и, кромѣ того, оказались подготовленными для чтенія этой статьи, т. е. они посѣщали пчельникъ, гдѣ и познакомились нѣсколько съ жизнью пчелъ. Въ началѣ чтенія, при описаніи наружныхъ частей тѣла пчелы, мальчики немного скучали, но когда мы начали читать объ устройствѣ улья, о жизни пчелъ, жизни муравьевъ, лица ихъ оживились; они заинтересовались чтеніемъ и вставляли свои замѣчанія о томъ, что сами знали о пчелахъ и муравьяхъ, такъ что у насъ было нѣчто въ родѣ бесѣды.

По окончаніи чтенія мальчики сами предложили слѣдующіе провѣрочные вопросы, на которые и отвѣчали хорошо.

Вопросы:

Большую ли пользу приносятъ пчелы и муравьи?

Какъ дѣлятся общины муравьевъ и пчелъ?

Изъ какихъ частей состоитъ тѣло пчелы и муравья?

Н. П.

---

499) **Жители сада.** Зоологическіе разсказы для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ. Софьи Линдфорсъ. Кіевъ 1874 г. Ц. 50 к. 32 стр.

Да, маленькія дѣти любятъ живые, интересные разсказы о животныхъ! Кто не бывалъ свидѣтелемъ того неподдѣльнаго восторга и наивнаго сочувствія, съ которымъ они читаютъ о продѣлкахъ какого нибудь котишки, о радостяхъ и горестяхъ зайки, жучки и т. д. Поэтому нельзя не сочувствовать мысли автора, вызвавшей составленіе этой книжки и высказанной въ предисловіи. Вотъ что говорится, между прочимъ, на стр. 2-й:

«Поставьте ихъ (дѣтей) въ такія (близкія) сношенія (путемъ знакомства съ жизнью и строеніемъ тѣла) съ возможно большимъ количествомъ представителей животнаго царства, и вы разовьете въ нихъ разумную любовь къ природѣ,—и это чувство будетъ для нихъ въ жизни источникомъ многихъ радостей».

Мысль прекрасная, но, къ сожалѣнію, хорошая мысль и хорошее выполненіе ея — далеко не одно и то же.

На страницахъ книжки находятся 9 маленькихъ разсказовъ, иллюстрированныхъ 10-ю прекрасными картинками. Благодаря незатѣйливости содержанія и этимъ картинкамъ, разсказы будутъ читаться дѣтьми не безъ удовольствія; жаль только, что авторъ, задавшись цѣлью познакомить дѣтей съ образомъ жизни и строеніемъ тѣла нѣсколькихъ животныхъ, задался въ то же время и тайнымъ желаніемъ внушать, между прочимъ, и правила нравственности, проповѣдовать терпѣніе, послушаніе, трудолюбіе и другія хорошія качества, для чего въ срединѣ или въ концѣ разсказа вставляются поучительныя изреченія вродѣ: «когда плохо живется, потерпи и жди свѣтлыхъ дней». Такія вставки отнимаютъ у описаній характеръ простыхъ зоологическихъ разсказовъ и дѣтская душа, увлекающаяся незатѣйливостью, простотой и истиной, разгадаетъ фальшивый тонъ этихъ разсказовъ. То же слишкомъ усердное желаніе сдѣлать свои разсказы проводниками благородныхъ чувствъ заставляетъ иногда сообщать трогательные факты сомнительной вѣроятности, — напр.: добрый соловей подбираетъ упавшихъ съ гнѣзда воробьятъ и дѣлается ихъ воспитателемъ. Что же касается до анатомическихъ и физіологическихъ особенностей нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, то автора нельзя не упрекнуть въ крайней невнимательности къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ, — невнимательности тѣмъ болѣе непростительной, что разсказы

назначаются для знакомства со строеніемъ тѣла и образомъ жизни неизвѣстныхъ животныхъ. Каково же будетъ это знакомство, если ребенку сообщать, «что «*комаръ дышетъ ртомъ*» (стр. 21), что у паука «*шесть ногъ*» (стр. 31), что бабочка головой продѣлываетъ «*дирку*» въ коконѣ и т. д., что гусеница имѣетъ «*толстыя мягкія губы*»?..

Въ концѣ книжки помѣщены вопросы для сравненія описанныхъ животныхъ и толкователь непонятныхъ словъ. Первымъ мы сочувствовали бы вполнѣ, еслибы содержаніе книжки давало возможность отвѣчать на предложенные вопросы; второй же находимъ совершенно непригоднымъ: во-первыхъ, дѣтей 7 — 8-ми-лѣтняго возраста можно было бы избавить отъ скучнаго разыскиванья непонятныхъ словъ или путемъ изгнанія ихъ изъ текста, или путемъ объясненія въ самомъ текстѣ; а во-вторыхъ, въ толкователь вошли большею частью такія слова, которыя врядъ-ли неизвѣстны дѣтямъ, даже неумѣющимъ читать; напр.: кто изъ семилѣтнихъ дѣтей не знаетъ, что такое *кладовая*, *курчавые* волосы, *полакомиться*, *садовникъ*, *зарядить* ружье и т. д.?

По нашему мнѣнію, ужъ если объяснять, что зарядилъ — значитъ вложилъ въ ружье *пулю*, то и эти слова, въ свою очередь, нуждаются въ объясненіи. Указанными промахами далеко не исчерпываются всѣ недостатки книги, но думаемъ, что и приведенныхъ достаточно для доказательства, что книжка эта не внесетъ ни въ дѣтскую, ни въ народную библіотеку ничего цѣннаго по части зоологіи.

Н. П.

---

500) **Наши враги и друзья въ мірѣ насѣкомыхъ.** (Съ картинками). Спб. 1870 г. Изданіе ред. «Всемірный Путешественникъ». 325 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Прекрасные разсказы изъ жизни насѣкомыхъ, иллюстрированные 14-ю гравюрами и множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Книга, очевидно, предназначена для образованныхъ читателей, желающихъ познакомиться съ міромъ насѣкомыхъ въ болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ, доказательствомъ чего служитъ масса такихъ словъ, какъ: «генерація», «метаморфозисъ», «классификація», «миологія», не говоря уже о множествѣ географическихъ и историческихъ именъ, съ которыми не могутъ быть знакомы ученики народныхъ школъ.

Кромѣ того, не смотря на легкость изложенія, очевидно разсчитанную на популярность книги, подробное описаніе признаковъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и научная терминологія частей тѣла ихъ дѣлаютъ книгу довольно сухою для тѣхъ читателей, которые не заинтересованы изученіемъ насѣкомыхъ. Но, помимо всего этого, въ книгѣ такъ много интересныхъ свѣдѣній изъ ихъ жизни, что было бы крайне желательно, чтобы ученики народныхъ школъ, игнорируя непонятныя для нихъ слова, запоминать которыя имъ нѣтъ надобности, заинтересовались книгою; но разсчитывать на это врядъ ли возможно. Книга хороша, какъ пособіе для желающихъ познакомить дѣтей съ жизнью многихъ интересныхъ извѣстныхъ имъ и нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ насѣкомыхъ или помочь дѣтямъ въ опредѣленіи ихъ маленькихъ коллекцій.

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 680.

---

501) **Очеркъ жизни сорока обыкновенныхъ насѣкомыхъ изъ всѣхъ отрядовъ.** Сост. Красновъ, подъ редакціею Н. Л. Рѣшетина. Изд. С.-Петерб. мастерской учебныхъ пособій и игръ. 1881 г. Ц. 30 к. 55 стр.

Цѣль изданія настоящей книги, какъ видно изъ предисловія, состоитъ въ слѣдующемъ:

«Во-первыхъ, пополнить у маленькихъ любителей насѣкомыхъ знаніе о нихъ,—часто исключительно состоящее въ знакомствѣ съ ихъ морфологіей,—знакомствомъ съ жизнью этихъ интересныхъ существъ, на которое мало обращаютъ вниманія наши учебники.

«Во-вторыхъ, возбудить въ дѣтяхъ желаніе наблюдать живыхъ насѣкомыхъ и отвлечь отъ безтолковаго умерщвленія ихъ для безцѣльнаго (въ большинствѣ случаевъ) составленія коллекцій...

«Наконецъ, въ-третьихъ, мы желали снабдить составляемыя мастерской коллекціи спеціально приноровленнымъ описаніемъ для изученія ихъ.

«Желая издать дешевую книжку, мы ограничились небольшимъ числомъ обыкновеннѣйшихъ насѣкомыхъ, большинство которыхъ по виду извѣстно всѣмъ безъ рисунковъ» (стр. 1).

Къ сказанному остается прибавить, что книга изложена довольно систематично. Вначалѣ дается общая характеристика насѣкомыхъ, далѣе—названіе отрядовъ, на которые распадается этотъ классъ; затѣмъ характеристика каждаго отряда съ подраздѣленіемъ ихъ на группы и, наконецъ, описывается нѣ-

сколько представителей каждаго отряда. Книга, дѣйствительно, только и можетъ годиться для изученія насѣкомыхъ съ помощью коллекціи; въ чтеніи же она будетъ казаться сухою, въ особенности при отсутствіи рисунковъ, которые, по мнѣнію составителя, казались, можетъ быть, и излишними, по нашему же мнѣнію — они совершенно необходимы, такъ какъ нерѣдко только съ помощью ихъ и возможно узнать насѣкомое, которое, можетъ быть, и встрѣчалось дѣтямъ нѣсколько разъ, но имени его они не знали, а не зная названія насѣкомаго, дѣти лишаются возможности узнать о немъ что либо интересное, даже имѣя въ рукахъ настоящую книгу.

Н. П.

---

502) **О нашихъ перелетныхъ птицахъ**. Д. Кайгородова. Спб. 1882 г. Ц. 20 к. 32 стр.

Въ этой небольшой брошюрѣ читатель найдетъ краткую характеристику нѣкоторыхъ изъ нашихъ перелетныхъ птицъ, съ указаніемъ времени перелета и отлета ихъ, находящагося въ зависимости отъ образа жизни и пищи ихъ.

Авторъ напоминаетъ также о тѣхъ услугахъ, какія оказываютъ человѣку птицы, являясь самыми дѣятельными помощниками въ борьбѣ съ врагами сельскаго хозяйства— насѣкомыми. Книжка написана живо и тепло и пробуждаетъ симпатію къ этимъ воздушнымъ друзьямъ человѣка, къ которымъ онъ часто относится весьма несправедливо.

Брошюра имѣетъ нѣсколько мѣстный характеръ, такъ какъ авторъ, говоря о времени прилета птицъ, имѣетъ въ виду окрестности Петербурга.

Впрочемъ, это обстоятельство не уничтожаетъ интереса книги, хотя, можетъ быть, число перелетныхъ птицъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ значительно больше описанныхъ въ книгѣ, и время перелета ихъ нѣсколько иное.

Брошюра можетъ читаться и пониматься и малолѣтними хорошо читающими, и взрослыми; есть, впрочемъ, нѣсколько поэтическихъ выраженій, которыя непонятны простому народу, въ особенности деревенскимъ жителямъ, напр.: пѣсня жаворонка «звонкими трелями льется съ лазурной высоты».

Вопросы:

Какія птицы остаются у насъ и зимою?

Что, кромѣ холода, заставляетъ нашихъ перелетныхъ птицъ улетать отъ насъ?

Всегда ли далеко улетаютъ онѣ и вьютъ ли гнѣзда въ мѣстахъ своей зимовки?

Какая птица у насъ—предвѣстникъ весны?

Какія птицы раньше прилетаютъ и улетаютъ отъ насъ, и почему?

Какъ долженъ человѣкъ относиться къ птицамъ, и почему?

Можно ли одобрить привычку дѣтей разорять птичьи гнѣзда?

Какую пользу приносятъ дикія птицы сельскому хозяйству?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учеб. Лит.» Дополненіе I. 1882 г., стр. 140.

---

503) **Разсказы для дѣтей изъ сельскаго быта**. Е. Т. Соловьева. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва 1882 г. Цѣна 40 к. 94 стр.

Говорятъ, будто добрыми намѣреніями вымощенъ адъ, но отъ этого никому не легче! Безспорно, авторъ данной книги имѣлъ самыя прекрасныя намѣренія, — недаромъ же *Общество покровительства животнымъ* удостоило его трудъ серебряной медалью,—но такъ какъ критика имѣетъ дѣло не съ одними намѣреніями, а и съ прочими разнородными условіями, сумма которыхъ опредѣляетъ доброкачественность книги вообще, то мы и не можемъ, съ этой точки зрѣнія, удовлетвориться одними добрыми намѣреніями.

Авторъ поставилъ задачею книги гуманизировать отношенія народа къ животнымъ. Съ этою цѣлью онъ написалъ 22 маленькихъ разсказа, въ которыхъ съ одной стороны фигурируютъ *злые и добрые мальчики и дѣвочки*, а съ другой—лошади, коровы, собаки, свиньи, лягушки, змѣи, ужи и прочія животныя. Замѣтьте,—какъ только въ книгѣ замѣшаются эти *добрые и злые мальчики и дѣвочки*, такъ дѣло плохо! Само собою разумѣется, что въ жизни и въ поступкахъ они *могутъ и должны* дѣлиться на добрыхъ и злыхъ, но эти ярлыки, приклеенные къ нимъ въ разсказѣ, портятъ все дѣло. Вмѣсто голословныхъ обвиненій въ натяжкахъ и неестественности разсказовъ, мы пригласимъ читателя обратить вниманіе на тѣ выдержки, которыя мы приведемъ дословно изъ труда г-на Соловьева. На стр. 13-й мы читаемъ слѣдующій разговоръ крестьянина съ своимъ 10-ти-лѣтнимъ сыномъ:

«— Я далъ ей кусочекъ хлѣба (рѣчь идетъ о коровѣ). За это она такъ на меня поглядѣла, точно спасибо сказала», говоритъ сынъ.

«— Экой проказникъ!» говоритъ, смѣясь, отецъ, торжествующій, что у него растетъ такой добрый сынъ.

«— Тятя! корова говоритъ можетъ?» (это спрашиваетъ деревенскій мальчикъ 10 л.).

«— Нѣтъ, сынокъ, язычка-то ей Господь не далъ, но зато въ разумѣ, какой надобно ей, не обидѣлъ. И чувствовать она можетъ. Вотъ хоть ты ей, напримѣръ, хлѣбца далъ. Она понимаетъ, что это хорошо для нея, оттого и *взглянула на тебя ласково*».

(...«Съ кого они портреты пишутъ? Гдѣ разговоры эти слышатъ?!...»)

На стр. 29-й добродѣтельный дьячокъ, сидя на берегу съ удочкой, читаетъ дѣтямъ такое наставленіе:

«Учитесь, дѣтки, любить и птичку Божію, какъ своего *брата или сестру*». (Не слишкомъ ли сильно это сказано?) Затѣмъ авторъ продолжаетъ: «Много еще кой-чего хорошаго говорилъ дьячокъ мальчикамъ и рыбки успѣлъ наловить довольно».

Мальчиковъ онъ уговаривалъ не ловить птичекъ, а самъ *«рыбки успѣлъ наловить довольно!»* Не совсѣмъ это *послѣдовательно*.

На стр. 33-й деревенскій мальчикъ, увидя змѣю, «поблѣднѣлъ, какъ полотно», и проговорилъ: «какъ я испугался—и теперь еще не успокоюсь!» Далѣе онъ добавляетъ: «мнѣ, все таки, жалко змѣю, что ты ее убилъ».

Не правда ли,—и этотъ испугъ, и это сантиментальное сожалѣніе совсѣмъ несвойственны деревенскому мальчику?...

На стр. 43-й происходитъ слѣдующій разговоръ между злымъ пастухомъ и добрымъ подпаскомъ:

«— Да ты то возьми во вниманіе, что скотина—созданіе Божіе, да и разумъ у ней такой же, какъ у ребенка!»

«— Такъ что-жъ?»

«— Да ты, напримѣръ, будешь ли своихъ маленькихъ дѣтей бить за то, что они чего нибудь не понимаютъ?»

Не правда ли, какъ это натурально?

Далѣе, на стр. 44-й злой пастухъ говоритъ: «*Такъ* твои слова на меня подѣйствовали, что мнѣ дѣлается стыдно за себя»...

На стр. 50-й авторъ положительно надѣляетъ гуся человѣческими свойствами. Онъ говоритъ:

«Гусь, увидавъ, что бабушка не оставитъ безъ наказанія своего внука, повернулся и ушелъ отъ калитки», а бабушка говоритъ: «онъ все можетъ чувствовать не хуже тебя!»

Въ разсказѣ *«Бѣдные»* на стр. 60-й говорится, какъ крестьянинъ плакалъ на дворѣ отъ безденежья. Благодѣтельный купецъ подсмотрѣлъ изъ окна эти слезы и пригласилъ его къ себѣ. Здѣсь мы позволимъ себѣ цѣликомъ выписать эту сцену (стр. 60-я).

«Степанъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ черезъ 10 минутъ, какъ только отнесъ дрова и привелъ въ порядокъ *свой костюмъ*, явился на постоялый дворъ.

«— Садись къ столу, любезный, промолвилъ купецъ, пододвигая къ другому концу стола, гдѣ сѣлъ Степанъ, налитую чайную чашку:—выпей-ка, другъ, чайку.

«— Спасибо, родной, поблагодарилъ Степанъ купца.

«— Что это ты плакалъ сегодня? съ участіемъ обратился купецъ къ Степану.

«— Не очень сладко живется-то, такъ поневолѣ заплачешь, проговорилъ грустнымъ тономъ Степанъ».

Далѣе, на стран. 61-й купецъ говоритъ: «— Вижу,—ты человѣкъ хорошій. Хозяинъ этого дома тоже тебя хвалилъ. Я люблю хорошихъ людей и всегда помогаю имъ, если вижу ихъ въ бѣдности. Вотъ, тебѣ, другъ, пятьдесятъ рублей.—Степанъ упалъ купцу въ ноги».

Вся эта неправдоподобная исторія кончается слѣдующимъ маневромъ (стр. 62-я):

«Лѣтомъ на другой годъ въ ту самую деревню, гдѣ жилъ Степанъ, опять заѣхалъ добрый купецъ. Когда онъ узналъ, что Степанъ живетъ хорошо, и скотина у него, которую купецъ тоже любилъ, раздобрѣла, поправилась, то далъ Степану на новую избу».

Гдѣ же эти мужики, плачущіе и перемѣняющіе свой костюмъ, и эти купцы, подсматривающіе слезы и дающіе «здорово живешь» деньги на постройку избы?!...

На стр. 63-й мужикъ, нашедшій щенка въ навозѣ, разсуждаетъ такъ: «— Должно быть, лихіе люди бросили бѣдняжку», проговорилъ онъ, бережно взявъ щенка.—И что имъ сдѣлалъ этотъ бѣдняжка? разсуждалъ самъ съ собою мужичокъ. Видно, очень сильно взяла ихъ злость».

И не подумалъ этотъ сантиментальный мужичокъ того, что этимъ *злымъ* людямъ, быть можетъ, самимъ приходилось жить впроголодь и нечѣмъ было кормить свору собакъ!

Далѣе онъ говоритъ:

«— Посмотри, жена, сказалъ мужичокъ, входя въ избу и вынимая изъ-за пазухи щенка: — кого Богъ послалъ избавить мнѣ отъ смерти».

Можно сказать съ увѣренностью, что каждый мужикъ почелъ бы за грѣхъ выразиться такимъ образомъ. Но мужикъ г. Соловьева укладываетъ щенка спать и добавляетъ:

«— Спи спокойно!» а дочь его говоритъ:

«— Да какой онъ миленькій!»

Разсказъ этотъ кончается такъ (стр. 66-я): «Любятъ найденыша и братъ съ сестрой за то, что онъ не отказывается играть съ ними, что́ доставляетъ имъ большое удовольствіе».

Въ разсказѣ *«Злые мальчики»* добрый мальчикъ спасаетъ крысу: «Солнышко весело свѣтитъ, да, видно, не для нея, бѣдняжки!» говоритъ онъ. Хорошо, что, въ концѣ концовъ, крыса, кажется, околѣла, а то любопытно было бы знать, что сдѣлалъ бы съ нею добродѣтельный мальчикъ, тѣмъ болѣе, что раньше говорится о вредѣ, причиняемомъ крысами, и о необходимости уничтожать ихъ.

Въ разсказѣ *«Бумажный змѣй»* злодѣи-мальчишки привязали поросенка къ хвосту бумажнаго змѣя, и онъ, поднявшись высоко, испускалъ жалобные стоны. Но тутъ является баринъ, который *«отъ нечего-дѣлать»* (такъ сказано въ книгѣ) зѣваетъ по сторонамъ и вверхъ и, замѣчая это печальное зрѣлище, бросается на мальчишекъ и грозитъ самихъ ихъ *«привязать вмѣсто поросенка вверхъ ногами»* (мѣра далеко не педагогическая!) Мальчишки отъ испуга исправляются.

Въ разсказѣ *«Тетеревъ»* добродѣтельная дѣвочка силится освободить тетерева, попавшаго въ капканъ мужика. Послѣ долгихъ усилій ей это удается, но злодѣй мужикъ, не понимая великодушныхъ чувствъ добродѣтельной дѣвочки и видя, что она распорядилась самовольно его собственностью, хочетъ ее прибить. Дѣвочка убѣгаетъ, а крестьянинъ раскаивается. Разсказъ оканчивается такъ (стр. 78-я): «Когда крестьянинъ упустилъ изъ вида дѣвочку и успокоился, то подумалъ: «видно такъ Богу угодно, чтобъ я не владѣлъ тетеревомъ. Прости, Господи, мое великое согрѣшеніе!» проговорилъ онъ, перекрестившись. Послѣ этого, устроивъ снова капканъ, онъ ушелъ домой».

Покаялся, какъ видите, для того, чтобы снова устроить капканъ!

Намъ кажется, что приведенныхъ выдержекъ слишкомъ довольно, для того чтобы каждый могъ сдѣлать о книгѣ точное заключеніе. Но такъ какъ *добрыя намѣренія* имѣютъ тоже свои права, то мы допускаемъ ее въ школьную библіотеку. Необходимо замѣтить, однако, что ея значеніе вполнѣ стушевывается при сравненіи съ такими произведеніями, каковы «Злодѣй и Петька» и «Сибирлетка» Погоскаго, не говоря уже о тѣхъ художественныхъ разсказахъ, которые мы встрѣчаемъ въ «3-й Русской книгѣ для чтенія» графа Л. Н. Толстаго или «Муму» Тургенева. Справедливость заставляетъ насъ, однако, добавить, что и въ этой несимпатичной намъ книгѣ есть нѣсколько разсказовъ, которые дѣтьми читались съ интересомъ, каковы *«Дядя Иванъ»*, въ повѣствованіи котораго мы встрѣчаемъ элементъ нѣкоторой таинственности: воры, пистолетъ, спасающая собака (дѣти любятъ таинственность). Въ разсказѣ *«Въ лѣсу»* ихъ заняла змѣя, не смотря на дѣланность изложенія.—*«Гусеночекъ»* вызвалъ веселый смѣхъ. *«Бумажный змѣй»* возбудилъ общій хохотъ (причемъ никто не былъ тронутъ наставленіями добраго барина, а все вниманіе сосредоточилось надъ вопросомъ: *неужели это могло быть?*)

Въ *«Тетеревѣ»* очень понравилось то обстоятельство, что дѣвочкѣ удалось удрать отъ побоевъ мужика. *«Волчата»* всегда составляютъ предметъ интереса для дѣтей; *«Бѣлочка»* заняла самыхъ маленькихъ изъ иныхъ. Надъ всѣми же этими поучительными исторіями, каковы: *«Антипъ»*, *«Добрый Ѳедя»*, *«Дѣдушка Василій»* и пр., дѣти *только скучали*.

Къ удобствамъ книги можетъ быть отнесено еще такое обстоятельство: она заключаетъ въ себѣ 22 маленькихъ разсказа отъ 2-хъ до 8-ми страницъ и можетъ быть дана въ руки дѣтямъ вскорѣ послѣ азбуки, съ тѣмъ чтобы дома они прочли одинъ изъ этихъ коротенькихъ разказцевъ.

Вопросы:

Какъ нужно обращаться съ животными, чтобы они были здоровы и сильны и приносили больше пользы людямъ?

Что сказано объ обращеніи съ животными въ Свящ. Писаніи? («Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ»).

Что осуждаетъ эта книга и чему она желаетъ насъ научить?

Слыхали ли вы о томъ, что въ иныхъ городахъ устраиваются «общества покровительства животнымъ», и для чего? (Если не слыхали,—слѣдуетъ объясненіе учителя).

Х. А.

Примѣч. Рец. см. «Обзоръ Народной Литературы», стр. 244. «Педагогич. Музей» 1876 г., № 5, стр. 310.

ОТЗЫВЫ УЧЕНИЦЪ О КНИГАХЪ.

Марѳа К—нъ, 12-ти л., очень умная и серьезная дѣвочка, подала мнѣ «*Разсказы для дѣтей изъ сельскаго быта*» *Соловьева*.

— Понравились? спросила я.

— Очень понравились и все поняла! отвѣчала К—на.

— Какъ нужно обращаться съ животными, чтобы они были здоровы и сильны и приносили больше пользы людямъ?

— Доглядывать ихъ, не бить понапрасну!

— А слыхала ли ты о томъ, что въ иныхъ городахъ устраиваются общества покровительства животнымъ?

— Нѣтъ! (Я объяснила). — Это очень хорошо! сказала К—на.

— Какіе же изъ разсказовъ тебѣ больше всего понравились? спросила я.

— «*Бѣдные*», отвѣчала К—на, точно смѣясь надъ моей рецензіей:—такъ это мнѣ нравится, какъ купецъ позвалъ его и далъ ему 50 р.,—говоритъ: «Вотъ тебѣ на разживу, а черезъ годъ пріѣду и, если у тебя все исправно будетъ, еще дамъ»!

— А видала ты когда нибудь такихъ купцовъ, которые давали бы деньги незнакомому человѣку? спросила я.

— Нѣтъ, я не видала, отвѣчала добродушно дѣвочка:—такихъ рѣдко!—А еще мнѣ понравилось, продолжала она, помолчавъ: — какъ священникъ народъ уговаривалъ, чтобы мужики не обращались зло съ животными, что они тоже созданія Господни, чтобъ они понапрасну скотину не били и чтобъ лучше кормили ее. А еще понравилось, какъ мужикъ поднялъ воробышка и положилъ въ гнѣздо. Мальчики хотѣли разорить, а мужикъ защитилъ. Въ это время старуха шла и говоритъ: «Нечего ихъ жалѣть—они Христа мучили»! а мужикъ ее пристыдилъ,—ей стыдно стало. Только мальчики съ тѣхъ поръ воробьевъ не мучили. А еще понравилось, какъ мальчикъ чужой коровѣ сѣна далъ — много, много онъ ей натаскалъ, а отецъ увидѣлъ и говоритъ сосѣду: «Видите, онъ маленькій и то жалѣетъ, а вы не жалѣете»! А еще мнѣ понравилось... начинала снова К—на, но тутъ уже я перебила ее вопросомъ:

— Да тебѣ, вѣрно, все понравилось?

— Все какъ есть! отвѣчала дѣвочка.

«Такъ и запишемъ»! подумала я: «пусть фактъ остается фактомъ»!

Надо замѣтить, что К—на принадлежитъ къ числу натуръ, склонныхъ къ извѣстнаго рода сантиментальности. Дѣти съ такимъ складомъ многое прощаютъ книгѣ, умѣвшей подѣйствовать на ихъ чувства.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Сегодня мы получили отзывы учениковъ сельской школы о «*Разсказахъ для дѣтей изъ сельскаго быта*». Правда, нѣкоторые изъ вопросовъ, поставленныхъ учителемъ, нѣсколько рѣзки, но именно благодаря этому отвѣты получились тоже прямые и рѣзкіе. Позволяемъ себѣ сдѣлать выдержки изъ двухъ ученическихъ рукописей.

— Такъ ли разговариваютъ мужики, какъ здѣсь написано, или разговоры ихъ въ книгѣ больше похожи на господскіе? спрашиваетъ, между прочимъ, учитель.

«Нѣтъ, мужики такъ не разговариваютъ», пишетъ одинъ изъ учениковъ, «какъ здѣсь описано. Мужиковъ разговоры совсѣмъ не такіе; они не похожи на господскіе».

«Мужики такъ разговаривать не могутъ», пишетъ другой, «потому что они въ школѣ не учились».

— Случалось ли вамъ видѣть, чтобы купецъ далъ неизвѣстному человѣку деньги за то только, что слыхалъ отъ другихъ о его трудолюбіи, и можетъ ли это быть?

«Намъ никогда не случалось видѣть», пишетъ 1-й, «чтобы купецъ неизвѣстному человѣку *дурно* (напрасно), ни за что далъ денегъ, и никогда этого не можетъ быть».

«Самъ не видалъ и отъ людей не слыхалъ, чтобы это когда нибудь случилось», отвѣчаетъ второй.

— Боятся ли деревенскіе мальчики змѣй такъ, какъ здѣсь описано, и сожалѣютъ ли о змѣѣ, когда кому нибудь придется убить ее?

«Деревенскіе мальчики змѣй не боятся», отвѣчаетъ первый:—«а если кому придется убить ее, то онъ убьетъ».

«Иные боятся, иные нѣтъ», пишетъ второй,

«но не сожалѣютъ, а какъ только увидятъ, сейчасъ же ее гурьбою палками убьютъ».

Быть можетъ, подобнаго рода вопросы даже неумѣстны, не вытекая непосредственно изъ содержанія, не преслѣдуя прямо цѣли, намѣченной авторомъ и наталкивая ребенка преждевременно на анализъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени интересно справляться время отъ времени, чувствуютъ ли дѣти фальшь разсказа и способны ли разобраться въ вопросѣ: правдиво это или нѣтъ?

Надо замѣтить, что къ идеѣ книги они отнеслись съ большимъ сочувствіемъ, и на вопросъ: что осуждаетъ эта книга и чему желаетъ насъ научить?—отвѣчали:

«Эта книга желаетъ насъ научить, какъ нужно обращаться съ животными и даже съ насѣкомыми,—что ихъ не нужно мучить, а если надо убить, то сразу убивать. Она учитъ насъ, чтобы мы не били ихъ *дурно*, а жалѣли. Намъ Богъ не для того далъ скотину, чтобы бить ее, а для того, чтобы она помогала намъ въ работѣ.

«Безъ животныхъ намъ было бы очень трудно и плохо; значитъ — они наши друзья, и ихъ нужно беречь и кормить. Животныя не боятся работы, — лишь бы хорошо кормить ихъ и глядѣть за ними».

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

На каникулахъ.

«Разсказы для дѣтей изъ сельскаго быта» Соловьева.

Разсказы эти были прочитаны въ группѣ дѣтей сельской школы — различныхъ возрастовъ.

Иные изъ нихъ, какъ напр. *«Дядя Иванъ»*, *«Гусеночекъ»*, *«Умная собака»*, *«Волчата»*, *«Бѣлочка»*, прослушаны были дѣтьми съ интересомъ. Надъ другими, какъ *«Ужъ»*, *«Бѣдные»*, *«Злые мальчики»*, они видимо скучали, зѣвая во весь ротъ и осѣняя его, по обычаю, крестнымъ знаменіемъ. Замѣчанія дѣтей на этотъ разъ въ высшей степени совпали съ мнѣніями, высказанными въ рецензіи на эту книгу. Такъ напр., при словахъ: «тятя! корова говорить можетъ»? одинъ изъ мальчиковъ замѣтилъ:—Дурень!—Нѣтъ, онъ не дурень, а добрый, вступился другой. — Добрый, да глупый, помирилъ ихъ третій.

На стр. 14-й, гдѣ благоразумный мужичокъ упрекаетъ бѣдную женщину въ нерадѣніи къ скоту, одинъ изъ мальчиковъ замѣтилъ: — Она-бъ и рада, можетъ, скотину покормить, такъ бѣдность!—Если есть кормъ, такъ глупый, и тотъ не доведетъ скотину до худа, добавилъ другой.

При чтеніи стр. 28-й всѣ сошлись въ томъ, что не слѣдуетъ разорять птичьи гнѣзда, и высказали, что есть такіе ребята, что разоряютъ, и даже дѣвчонка одна недавно увидѣла гнѣздо въ каменномъ заборѣ и привалила его камнемъ.

— И чѣмъ оно только мѣшало? разсказывалъ *Лукашъ И—въ*:—А я дождался, пока она ушла, отвалилъ камень и перенесъ въ другое мѣсто. Она хватилась послѣ: кто, кто? а я молчу, чтобъ братъ ея не побилъ,—онъ куды больше меня!

— А есть у насъ на селѣ мальчикъ одинъ, началъ *Митя И—ко*:—Алексѣемъ И—мъ его звать,—такъ тотъ такъ воробьевъ камнями бьетъ,—ни разу не промахнется: прицѣлится прямо въ головку—трахъ! такъ и свалитъ.

— А одинъ такъ двухъ кошекъ убилъ, замѣтилъ еще кто то.

При чтеніи: «батюшка, я пойду поймаю суслика и играть буду съ нимъ!» одинъ изъ мальчиковъ замѣтилъ: — Ихъ бьютъ, а не играются съ ними.

Объ испугѣ при видѣ змѣи кто то сказалъ: —Нѣтъ, у насъ не боятся; у насъ такіе есть, что какъ поясомъ ею подпоясываются!

При чтеніи разсказа *«Гусеночекъ»* Ѳедя Г—въ разсказалъ, какъ старшая сестра его тарелку творогу несла,—и напало на нее во дворѣ у Б—ка 18 гусей.—Она упала, а гуси творогъ поѣли... Такъ она съ тѣхъ поръ страхъ какъ боится гусей!

При описаніи плачущаго мужика я остановилась и спросила: — А у васъ мужики плачутъ надъ своею бѣдностью?

— Горюютъ, но не плачутъ, отвѣчалъ серьезно одинъ изъ старшихъ.

Когда купецъ далъ незнакомому мужику 50 р., нѣсколько человѣкъ ахнуло.

— Чего вы? спросила я.

— Какъ можно 50 руб.! началъ Б—ко, дѣлая удареніе на словѣ 50: — два, три еще могъ дать, а то 50!

— Да еще чай посадилъ пить съ собою,— добавилъ Г—въ.

— А много ли стоитъ чашка чаю! вступился еще одинъ.

— Не въ томъ, что стоитъ, а купецъ не посадитъ съ собою незнакомаго мужика чай пить и денегъ ему не дастъ, сказалъ Я—ко.

— Такъ развѣ онъ ему на глупости далъ? вмѣшался еще кто-то: — чтобы выпить или опохмѣлиться? Онъ ему на дѣло далъ!

— Такъ, все-жъ-таки, не 50! настаивали многіе, и видно было, какою несбыточно-огромною суммою кажутся имъ въ дѣйствительности эти 50 рублей.

— Никогда этого не можетъ быть! сказалъ энергически одинъ изъ старшихъ.

— Да, то, можетъ, тебѣ такъ кажется, что у насъ постоялыхъ дворовъ нѣту и купцы не проѣзжаютъ, замѣтилъ Коля А—въ радостно, воображая, повидимому, что онъ нашелъ отгадку этой трудной загадки.

Когда же мы дошли до того мѣста, какъ купецъ далъ Степану чрезъ годъ на новую избу, одинъ изъ старшихъ вскрикнулъ:—Ей Богу, неправда! — Еще бы! добавилъ его сосѣдъ:—и одинъ разъ далъ, и другой,—развѣ это можно! Онъ и безъ того разжился,—зачѣмъ давать? Онъ и тѣ еще долженъ былъ ему возвратить, коли онъ честный человѣкъ.

При чтеніи стр. 63-й, гдѣ мужикъ находитъ щенка и говоритъ: «должно быть, лихіе люди бросили бѣдняжку»,—одинъ изъ мальчиковъ замѣтилъ:—Не лихіе, а бѣдные; можетъ, самимъ ѣсть нечего.

— Да хоть и не бѣдные, добавилъ другой:— куды ихъ, щенковъ, дѣвать, если никто не беретъ? Кошку скорѣй возьмутъ, а собака у каждаго есть.

Когда мужикъ положилъ щенка за пазуху, раздался общій смѣхъ.

— Перестаньте! сказала я; но сдержанный смѣхъ не унимался.

— Коля А—въ, перестань! сказалъ внушительно одинъ изъ старшихъ мальчиковъ.

— А что онъ дѣлаетъ? спросила я, отрываясь отъ книги.

— Онъ представляетъ, какъ мужикъ щенка за пазуху клалъ, а другіе смѣются, отвѣчалъ серьезный мальчикъ.

— Что-жъ это ты, Коля! обратилась я укоризненно къ А—ву.

— Да какъ же, отвѣчалъ онъ сконфуженно:—развѣ можно, чтобы мужикъ за пазуху щенка положилъ!

— Могло ли это быть? спросила я серьезнаго мальчика.

— Нѣтъ, не могло, отвѣчалъ онъ дѣловымъ тономъ.

При словахъ: «посмотри, жена, кого Богъ послалъ избавить мнѣ отъ смерти», дѣти опять фыркнули. Очевидно, они чувствовали фальшь разсказа, хотя и не могли выразить этого ничѣмъ, кромѣ смѣха.

При словахъ: «это Божье созданіе!»—послышался новый смѣхъ.

— Все равно какъ про дитя, замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ.

Когда мы окончили читать, Б—ко сказалъ:

— «*Муму*» куды лучше!

— То жалкое, а это смѣшное, отвѣтилъ ему Г—въ.

Послѣ чтенія наступилъ отдыхъ. Дѣти разошлись и говорили о чемъ то постороннемъ— первый признакъ, что книга не произвела никакого впечатлѣнія.

Послѣ перемѣны я дочитала дѣтямъ остальные разсказы. И тутъ не прошло безъ замѣчаній. Такъ, при чтеніи разсказа «*Волчата*», гдѣ говорится: «что̀ вредныхъ то звѣрей жалѣть!»—одинъ изъ мальчиковъ сказалъ:—А зачѣмъ же онъ крысу жалѣетъ?

Но мы не будемъ останавливаться болѣе на этихъ бѣглыхъ замѣчаніяхъ и перейдемъ къ отвѣтамъ на поставленные нами

Вопросы:

— Какъ нужно обращаться съ животными, чтобы они были здоровы и сильны и приносили больше пользы людямъ?

— Ихъ нужно содержать въ теплѣ и чистотѣ, надо кормить хорошо и беречь, отвѣчали дѣти.

— Что сказано объ обращеніи съ животными въ Священномъ Писаніи?

Дѣти отвѣчали на это своими словами, силясь припомнить слова Свящ. Писанія; наконецъ, одинъ изъ мальчиковъ сказалъ радостно:

— «Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ».

Что осуждаетъ эта книга, и чему она желаетъ насъ научить?

— Осуждаетъ небрежность людей къ скотинѣ и учитъ, чтобъ люди не *знущались* *) надъ животными, а жалѣли и любили ихъ.

— О какомъ обществѣ говорила я вамъ?

Дѣти подробно передали мое объясненіе, которое я предпослала чтенію книги, причемъ Г—въ разсказалъ, какъ одинъ мужикъ

*) Издѣвались.

въ Таганрогъ поѣхалъ и такъ воловъ билъ, что его въ полицію взяли и штрафъ положили.

— Недобрый мужикъ, заключилъ онъ:— онъ и жену все равно какъ и воловъ бьетъ.

— Интересна и полезна-ли эта книга? спросила я.

— Полезна! отвѣчали дѣти въ одинъ голосъ, и ни одинъ не сказалъ: интересна.

504) **Какъ нужно обращаться съ животными?** Анатолія Богданова. Съ 2-мя картинками. Москва. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. 1870 г. Изд. 2-е. Ц. 10 к. 43 стр.

На вопросъ: «какъ нужно обращаться съ животными», г. Богдановъ отвѣчаетъ, что съ животными нужно обращаться хорошо, что звѣрское отношеніе къ нимъ составляетъ первый шагъ къ преступленію и висѣлицѣ, и для болѣе яркаго освѣщенія своихъ доводовъ авторъ приводитъ сначала четыре картины англійскаго живописца Гогарта съ слѣдующимъ общимъ названіемъ: *«четыре ступени жестокости»*. Посмотримъ, что онѣ изъ себя представляютъ. На первой изъ нихъ нѣсколько мальчиковъ въ иностранныхъ костюмахъ на улицѣ и днемъ безнаказанно истязуютъ животныхъ: бульдога стравили съ кошкой, другой собакѣ привязываютъ къ хвосту кость, третьей запускаютъ палку въ ротъ, пѣтуховъ выпускаютъ на бой, овсянкѣ выкалываютъ глаза, повѣсили пару кошекъ, а третью, привязавши ей предварительно пузыри, выбросили изъ окна чердака. Всѣ эти ужасы совершаются подъ предводительствомъ жестокаго Тома Идля.

Такимъ образомъ проведенное дѣтство не предвѣщаетъ ничего хорошаго и взрослому Тому, изображенному на второй картинѣ опять среди злодѣевъ, совершающихъ различныя жестокости: Томъ извощикомъ и бьетъ немилосердно свою лошадь; недалеко отъ него какой то злодѣй гонитъ овецъ и убиваетъ одну изъ нихъ; другой, сидя на возу, хладнокровно переѣзжаетъ какъ нарочно подвернувшагося ребенка; въ глубинѣ картины изображенъ оселъ, черезъ-чуръ навьюченный; еще дальше видны объявленія, гласящія о пѣтушиномъ боѣ, травлѣ звѣрей и кулачномъ боѣ. Третья картина (ея нѣтъ въ книгѣ) должна изображать Тома Идля, какъ убійцу любящей его женщины, и четвертая (ея тоже нѣтъ въ книгѣ)—печальный конецъ жизни Тома: его повѣсили и трупъ отправили въ анатомическій театръ. Послѣднее—надо полагать—наказаніе самой высокой пробы и описывается такъ: «На столѣ лежитъ распростертый трупъ Тома, и анатомъ разсѣкаетъ его внутренности. Два помощника его занимаются вырѣзываніемъ глаза и снятіемъ кожи съ ноги. Прислужникъ собираетъ внутренности въ кадушку, въ то время, какъ собака лижетъ валяющееся на полу сердце Тома. Чтобы придать болѣе ужаса картинѣ, сбоку представленъ котелъ, въ которомъ вывариваются кости и черепа, а самая зала украшена скелетами. Надписи на этихъ скелетахъ показываютъ, что они принадлежатъ тѣмъ двумъ кулачнымъ бойцамъ, о боѣ которыхъ возвѣщало объявленіе, представленное во второй картинѣ.

Этимъ Гогартъ хотѣлъ показать, что и кулачные бои составляютъ вѣрный путь къ висѣлицѣ,—прибавляетъ г. Богдановъ и находитъ съ своей стороны, что все это—глубокая истина, тогда какъ неестественность содержанія картинъ и текста, составленнаго къ нимъ подробно самимъ же г. Богдановымъ, рѣзко бросается въ глаза. Спрашивается: для чего такое собраніе ужасовъ? Можно ли назвать цѣлесообразнымъ такой пріемъ для возбужденія симпатіи и любви къ животнымъ? По нашему мнѣнію, авторъ не достигаетъ такимъ образомъ своей цѣли: такія картины возбуждаютъ отвращеніе, и ученики народныхъ училищъ, для которыхъ предназначается эта книга, поймутъ, что во всемъ этомъ мало правды, что все это утрировано въ назиданіе другимъ. И они будутъ правы.

Покончивъ бесѣду по поводу картинъ Гогарта, авторъ начинаетъ доказывать,—дѣйствуя больше на разсудокъ, нежели на чувство читателя,—что дурное обращеніе съ животными не только безнравственно и ведетъ къ преступленію, но оно также вредно нашимъ собственнымъ выгодамъ; и за этою второю частью можно было бы признать нѣкоторыя достоинства, но изложена она сухо, языкъ ея плохой, примѣры, приводимые въ книгѣ, и многія слова—трудны. Поэтому считаемъ книгу непригодною и для народныхъ начальныхъ училищъ, и для народныхъ библіотекъ вообще. *Л. Д.*

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.». 1878 г., стр. 680.

---

505) **Наши обязанности къ животнымъ.** Изд. Общества распростр. полезн. книгъ. Москва, 1880 г. Со множествомъ картинокъ въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к., 221 стр.

Книга эта представляетъ богатый матеріалъ для чтенія по зоологіи въ классѣ или вообще для чтенія подъ чьимъ нибудь ру-

ководствомъ и наблюденіемъ; объ этомъ говоритъ и самъ авторъ въ своемъ предисловіи. Отъ руководителя чтеніемъ будетъ зависѣть сдѣлать его еще интереснѣе и живѣе съ помощью живыхъ экземпляровъ животныхъ, новыхъ анекдотовъ изъ ихъ жизни и т. д.

Книга дѣлится на три части; каждая часть—на нѣсколько уроковъ, которыхъ всѣхъ въ книгѣ тридцать одинъ.

Первая часть посвящена животнымъ, доставляющимъ намъ пищу и одежду; *вторая* — животнымъ, работающимъ па насъ и живущимъ съ нами; *третья*—животнымъ полезнымъ и безвреднымъ, живущимъ на свободѣ.

Содержаніе уроковъ вкратцѣ слѣдующее: авторъ дѣлаетъ описаніе внѣшняго вида животныхъ, говоритъ о ихъ жизни и о нравственныхъ качествахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (лошади, собаки, коровы и т. д.), указываетъ ту пользу, которую могутъ приносить многія животныя, и то вліяніе, которое имѣли и имѣютъ нѣкоторыя изъ нихъ па жизнь человѣка (помогали людямъ въ достиженіи благосостоянія, дружба маленькихъ собакъ полезна для дѣтей и проч.).

Хорошо очень, что въ урокахъ—тамъ, гдѣ возможно—проводятся сравненія: сравнивается лошадь съ осломъ, овца съ коровой, дикія овцы съ домашними, кроликъ съ зайцемъ, русскій рогатый скотъ съ иностраннымъ; сравниваются способы ухода за домашними животными у насъ и, напримѣръ, у англичанъ, которые въ особенности отличаются своею заботливостью о рогатомъ скотѣ. Авторъ дѣлаетъ весьма цѣнныя замѣчанія, касающіяся дурныхъ помѣщеній для животныхъ у насъ; не забываетъ упомянуть и о предразсудкахъ, существующихъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ (свиней, ежей, кротовъ, летучихъ мышей и т. д.), и доказываетъ всю ихъ безосновательность.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уроки оживляются стихами. Картинки, которыми изобилуетъ книга, исполнены хорошо; печать и бумага также хороши; вообще, весь внѣшній видъ книги превосходный.

Вопросы находятся при каждомъ урокѣ; ихъ много, такъ что выборъ представляется хорошій, но нѣкоторые изъ нихъ,—какъ напримѣръ послѣдній вопросъ на 14-й стр. или восьмой на стр. 37-й,—нѣсколько трудны.

Въ книгѣ встрѣчаются такія слова,—какъ напримѣръ: *«разновидность»*, *«философъ Діогенъ»* и многія другія,—которыя могутъ представить при чтеніи извѣстное затрудненіе; но въ данномъ случаѣ на это можно смотрѣть какъ на мелочи, въ виду многихъ достоинствъ книги, пригодной для дѣтей младшаго возраста, но развитыхъ, и для подростковъ. Въ деревнѣ, конечно, чтеніе этой книги имѣетъ больше значенія, чѣмъ въ городѣ.

Л. Д.

---

506) **Наши добрые слуги четвероногіе.** А. Ѳ. Погоскаго. (Съ рисунками). Спб. 1878 г. Ц. 25 к. 76 стр.

Книга *«Наши добрые слуги четвероногіе»* посвящена описанію животныхъ, преимущественно лошадей и собакъ. Она предназначена собственно для чтенія солдатъ, такъ какъ въ ней животныя разсматриваются исключительно съ точки зрѣнія пользы и вреда, какой они приносятъ солдатамъ: да и самое изложеніе говоритъ за то, что это по преимуществу солдатское чтеніе. Тѣмъ не менѣе отрывки изъ этой книги могутъ быть съ интересомъ читаемы и дѣтьми. Въ ней находится масса анекдотовъ изъ жизни лошадей и собакъ, весьма забавныхъ по своему содержанію; притомъ она снабжена недурными картинками.

Всѣ разсказы, собранные въ книгѣ, озаглавленной *«Наши добрые слуги четвероногіе»*, проникнуты гуманнымъ отношеніемъ къ животнымъ. Въ своихъ разсужденіяхъ авторъ старается доказать, что человѣкъ долженъ съ состраданіемъ и заботливостью относиться къ нимъ,—что это необходимо для его же пользы: только при милостивомъ и заботливомъ отношеніи къ животнымъ можно извлекать изъ этихъ послѣднихъ наибольшую выгоду и устранять тотъ вредъ, который они могутъ принести. Книга пригодна для подростковъ и взрослыхъ.

Вопросъ:

Какъ надо обращаться съ животными, для того чтобы они приносили какъ можно болѣе пользы человѣку? *Л. Е.*

---

507) **Другъ и недругъ человѣка.** Собака и волкъ. Изд. редакціи «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 25 к. 64 стр.

Хотя собака принадлежитъ къ породѣ хищныхъ животныхъ, но, сдѣлавшись въ незапамятныя времена домашнимъ животнымъ, она потеряла давно дикость нрава и свирѣпость. Зубы собаки приспособлены такъ, что она ѣстъ то же, что и человѣкъ. Обоняніе и слухъ развиты у нея въ самой высокой степени.

Собакъ родится отъ четырехъ до двадцати, и жизнь ихъ—бывали случаи—продолжалась до тридцати лѣтъ. Собаки вообще подвержены многимъ болѣзнямъ; самая обыкновенная изъ нихъ—собачья чума и самая ужасная—бѣшенство.

Въ этомъ состоитъ содержаніе первой части книги. Помѣщенные тутъ же разсказы изъ жизни собакъ могутъ вполнѣ охарактеризовать умъ и нравъ собаки и познакомить читателя со всею громадною пользою, которую онѣ приносятъ человѣку.

Вторая часть книги посвящена врагу человѣческому—волку. Вкратцѣ содержаніе этой части состоитъ въ слѣдующемъ: описаніе наружнаго вида волка; различныя породы волка; его пища, нравъ, жизнь и подробное перечисленіе ужаснаго вреда, который онъ наносилъ и наноситъ человѣку.

Книга довольно интересна. И первая, и вторая ея части иллюстрированы многими интересными фактами изъ жизни собакъ и волковъ, но изложены эти факты нѣсколько сжато. Въ общемъ она можетъ быть полезна въ народно-школьной библіотекѣ, и давать ее слѣдуетъ и взрослымъ, и подросткамъ.

Книга была прочитана Марусею Т—ко, дѣвочкою 14-ти л., обучавшейся три зимы. На провѣрочные вопросы она отвѣчала хорошо; содержаніе передавала мѣстами очень живо.

По прочтеніи статей не мѣшаетъ дѣлать сравненія между животными, описываемыми въ нихъ.

Вопросы:

Какой нравъ у собаки?
Какую пользу она приноситъ человѣку?
Какой нравъ у волка?
Какой вредъ наноситъ онъ человѣку?

Л. Д.

---

508) **Наши мохнатые и пернатые друзья.** Соч. миссъ Гуинфринъ. Спб. Изд. Тов. «Общественная Польза».

Всѣ разсказы этой книги очень хороши; всѣ они полны симпатіи и теплыхъ чувствъ къ тѣмъ животнымъ, о которыхъ говоритъ авторъ. Но обильное количество вычурныхъ фразъ, иностранныхъ словъ и словъ, прямо приведенныхъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ, заставляетъ признать книгу неподходящею для библіотеки нашего народа.

Л. Д.

Примѣчаніе. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учеб. Литер.» 1878 г., стр. 681. «Педагог. Листокъ» 1877 г. № 3, стр. 197. «Педагог. Музей» 1877 г., № 9, стр. 623.

---

509) **Обезьяны, попугаи и слоны.** Составлено по Брему, Фогту, Жаколіо и другимъ источникамъ. Е. Тихомировой и Богдановой. Выпускъ 1-й. Москва. 1878 г. Изд. магаз. Салаева. Ц. 35 к. (Съ 3 картин.) 110 стр.

Эта книга дѣлится на три части.

Первая часть: Обезьяны. Читатель находитъ прежде всего довольно подробное описаніе строенія тѣла обезьянъ и ихъ духовныхъ качествъ; параллель, проводимая между ними и человѣкомъ, приводитъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ существуетъ больше различія, нежели сходства. Далѣе авторъ говоритъ, чему можно выучить обезьянъ, описываетъ различныя породы, ихъ образъ жизни и т. д. Прекрасной иллюстраціей къ сказанному сейчасъ о нихъ служитъ рядъ характерныхъ и чрезвычайно интересныхъ разсказовъ о гориллѣ, мартышкахъ, священной обезьянѣ, о материнской любви обезьянъ, объ обезьянѣ-нянькѣ и о продѣлкахъ нѣкоторыхъ ручныхъ обезьянъ.

Вторая часть: Слоны. Въ этой части книги живымъ и интереснымъ разсказамъ, съ названіями *«Слонъ и его корнакъ»*, *«Дружба и непріязнь слона»* и т. д., предшествуютъ общія свѣдѣнія о положеніи слона въ неволѣ, о его умѣ, о его послушаніи и способности исполнять различныя обязанности. А затѣмъ авторъ рисуетъ намъ слона, какъ домашняго слугу, дровосѣка, сборщика подаянія при храмѣ индусовъ, водовоза и охотника.

Послѣдніе же семь разсказовъ носятъ слѣдующія названія: *«Пять чувствъ слона и его хоботъ»*; *«Различныя способности и нравъ слона»*; *«Жизнь дикихъ слоновъ»*; *«Охота на слоновъ»*; *«Большая охота на слоновъ»*; *«Слонъ Свирбедди и его товарищи»* и *«Прирученіе слоновъ»*, по которымъ можно получить понятіе и о содержаніи разсказовъ.

Третья часть: Попугаи. «Говоря о слонахъ и обезьянахъ, нельзя забыть умнаго и красиваго спутника ихъ—попугая»,—такъ начинаетъ авторъ третью часть этой книги и называетъ попугая «пернатой обезьяной»,—до того перенесъ онъ въ свою «птичью форму всѣ пороки и добродѣтели обезьяны, всѣ хорошія и дурныя стороны ея характера». Дальнѣйшее содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: подробное описаніе дикихъ попугаевъ; разсказы о вредѣ, приносимомъ ими въ садахъ и на поляхъ, о примѣрной семейной жизни попугаевъ, о способѣ прирученія попугаевъ

и о страданіяхъ ихъ въ плѣну. Затѣмъ слѣдуютъ интересныя подробности изъ жизни нѣкоторыхъ ручныхъ попугаевъ и, наконецъ, послѣдній разсказъ посвященъ парѣ волнистыхъ попугаевъ.

Не будемъ останавливаться подробно на содержаніи книги, такъ какъ оно чрезвычайно просто, незатѣйливо и вполнѣ доступно дѣтямъ, которымъ очень нравятся помѣщенные въ книгѣ занимательные разсказы съ характерными чертами изъ жизни и нравовъ обезьянъ, слоновъ и попугаевъ; въ подтвержденіе послѣдняго приведемъ слѣдующее: мы давали эту книгу дѣтямъ, обучавшимся три зимы въ сельской школѣ; они читали ее съ большимъ удовольствіемъ, передавали содержаніе чрезвычайно оживленно и, можно сказать, въ совершенствѣ; затрудненій никакихъ не встрѣтили, такъ что, по нашему мнѣнію, эту книгу можно смѣло рекомендовать дѣтямъ, какъ прекрасное начало для чтенія по одному изъ отдѣловъ естествознанія — зоологіи.

Нельзя обойти молчаніемъ внѣшній видъ книги: печать ея прекрасная, бумага отличная; однѣ только картинки не особенно удачны; но, принимая во вниманіе незначительную цѣну книги (35 к. с.), можно сказать, что онѣ удовлетворяютъ требованіямъ.

Вопросы:

Какой нравъ у обезьяны?
Гдѣ и какъ живутъ обезьяны?
Страдаетъ ли слонъ въ неволѣ?
Что можно сказать объ умѣ слона?
Для чего слону служитъ хоботъ?
Гдѣ и какъ живутъ слоны?
Гдѣ живутъ попугаи? *Л. Д.*

---

510) **Бѣлка и сурокъ.** Изданіе Общества распростр. полезныхъ книгъ. Москва. 1880 г. Ц. 10 к. 32 стр.

Въ разсматриваемой книгѣ — два разсказа: «Бѣлка» и «Сурокъ». Въ первомъ—читатель найдетъ свѣдѣнія объ образѣ жизни бѣлки, о ея врагахъ и пользѣ, которую она приноситъ человѣку.

Разсказъ о суркѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующее.—Маленькому гимназисту привозятъ изъ деревни въ городъ сурка, жителя степей; сначала звѣрекъ дичится, огрызается на всѣхъ, мечется во всѣ стороны, но потомъ мало-по-малу забываетъ свою родину, широкія степи, и привыкаетъ къ новой жизни настолько, что выходитъ во дворъ, на улицу, а разъ даже вздумалъ забраться въ погребъ сосѣдки-генеральши, гдѣ и уничтожаетъ три банки варенья. Исторія поднимается ужасная; генеральша арестуетъ виновника происшествія, пишетъ отцу гимназиста грозное письмо съ требованіемъ возвратить ей ея варенье; гимназистъ—въ отчаяніи: всѣ недовольны поведеніемъ сурка. Но вотъ онъ возвращается смущеннымъ, какъ-бы сознающимъ свою вину,—и ему все прощается. Съ нѣкоторыми домашними животными сурокъ находится въ непримиримой враждѣ, но съ маленькой дворовой собачкой заключаетъ, напротивъ, тѣсную дружбу; большаго общества людей сурокъ не любитъ, дичится, но къ своему хозяину сильно привязывается. Разсказъ кончается трогательнымъ описаніемъ смерти сурка.

Книжечка эта написана живо и интересно, даетъ нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія, и дѣти вообще симпатизируютъ такого рода разсказамъ, какъ разсказъ «Сурокъ».

Жаль только, что въ книгѣ встрѣчаются такія слова, какъ *«регистръ»*, *«лицеистъ»*, *«канапе»*, *«моціонъ»*, и такія выраженія, какъ: *«тѣсная сфера»*, *«систематическая точность»*, *«инстинктивный тактъ»*, *«враждебная стихія»* и многія другія, которыхъ слѣдовало избѣгнуть и которыя при чтеніи нашемъ этой книги вслухъ дѣтямъ, обучавшимся двѣ зимы въ сельской школѣ, оказались непонятными и затруднительными. Но это, конечно, не исключаетъ достоинствъ книги, и дѣти, слушавшія ее, отлично усвоили содержаніе разсказовъ, отвѣчали хорошо на провѣрочные вопросы и получили несомнѣнное удовольствіе отъ этого чтенія.

Книга издана порядочно. Двѣ маленькія картинки при ней исполнены хорошо.

Вопросы:

Какъ бѣлка живетъ зимой и лѣтомъ?
Можно-ли сурка сдѣлать ручнымъ?
Какъ сурокъ проводитъ зиму?

Л. Д.

---

511) **Лиса Патрикѣевна.** Разсказъ Сливицкаго. Ц. 50 к. 29 стр.

Въ одной семьѣ случилось необыкновенное происшествіе: была у дѣтей старушка няня; отправилась она разъ въ лѣсъ да и пропала. Мать встревожилась; дѣти плакали. Утромъ крестьянинъ-охотникъ привезъ няню. Она была встревожена и перепугана. Что-же случилось? — Старушка упала въ яму, вырытую для ловли звѣрей, и провела тамъ ночь въ обществѣ волка и лисицы, попавшихъ туда раньше.

Все вышеизложенное служитъ какъ-бы

вступленіемъ къ разсказу, который сильно овладѣваетъ вниманіемъ читателя.

Дальше няня разсказываетъ дѣтямъ, какъ она провела ночь въ звѣриной ямѣ. Волкъ и лисица, испуганные сами, не тронули старушки. Она сидѣла и слушала разговоръ животныхъ между собою. Лисица разсказывала волку, какъ она жила съ матерью въ большой норѣ, какъ мать воспитывала своихъ дѣтей, чѣмъ они питались, какъ она попала въ плѣнъ къ человѣку, послѣ того какъ вся семья была истреблена; какъ она жила въ плѣну, а потомъ убѣжала, сдѣлавъ подкопъ подъ сараемъ, и, наконецъ, какъ она хитро завладѣла норой чистоплотнаго барсука. Этимъ разсказъ лисы и закончился. Пришелъ охотникъ, волка убилъ, няню вытащилъ, а хитрая лиса убѣжала.

Весь этотъ разсказъ представляетъ какъ-бы маленькій урокъ изъ естественной исторіи, написанный живо и картинно. Хотя описаніе лисицы встрѣчается во многихъ дѣтскихъ сказкахъ, но въ «Лисѣ Патрикѣевнѣ» г. Сливицкій къ вѣрному описанію ея ума и хитрости прибавляетъ еще одну черту ея нрава, не затрогиваемую въ сказкахъ, а именно: проявленіе теплаго чувства, любви и заботы о своихъ дѣтяхъ.

Языкъ разсказа прекрасный; описанія совершенно доступны маленькимъ читателямъ. Картинки изящны, какъ и во всѣхъ изданіяхъ Фребелевскаго Общества.

Вопросы:

Чѣмъ питаются лисицы?

Къ какой хитрости прибѣгаютъ лисицы, когда хотятъ завладѣть норой барсука?

Заботятся ли онѣ о своихъ дѣтяхъ?

Что онѣ дѣлаютъ, когда имъ грозитъ опасность быть пойманными? (Ложатся на землю и притворяются мертвыми.) *А. Г.*

«Лиса Патрикѣевна» была прочитана дѣтямъ сельской школы вслѣдъ за разсказомъ *«Шарикъ»* (см. стр. № 169). Здѣсь замѣтно было еще болѣе оживленія и интереса.

По окончаніи чтенія учительница спросила:—Какой изъ этихъ двухъ разсказовъ вамъ больше понравился?

— Первый наставительнѣе, отвѣчалъ одинъ изъ бойкихъ учениковъ: — а второй любопытнѣе.

Насколько мнѣ приходилось наблюдать, по дѣтскимъ понятіямъ *полезность* разсказа оцѣнивается не пріобрѣтеніемъ знаній, а его нравственной подкладкой.

Затѣмъ предложены были вопросы:

— Чѣмъ питаются лисицы?

— Курами, утками, гусями, индѣйками, зайцами, мышами, отвѣчали на-перерывъ дѣти.

— Къ какой хитрости прибѣгаютъ лисицы, когда хотятъ завладѣть норой барсука?

— Барсукъ прочищаетъ,—онъ чистоту любитъ, а онѣ нарочно землю набрасываютъ, яму засоряютъ, пока онъ не разсердится и не перейдетъ на другое мѣсто нору себѣ рыть.

— Заботятся ли онѣ о своихъ дѣтяхъ?

— Заботятся. Онѣ ихъ кормятъ, пока тѣ повыростаютъ, учатъ ловить мышей и птичекъ и человѣка остерегаться.

— Что онѣ дѣлаютъ, когда имъ грозитъ опасность быть пойманными?

— Она ляжетъ да и лежитъ: мертвой притворяется. Человѣкъ повѣритъ, возьметъ ее, а она укуситъ его и *утечетъ* (убѣжитъ).

512) **Сказка о муравьѣ-богатырѣ.** В. Авенаріуса. Разсказъ для дѣтей. Изд. ред. журнала «Родникъ». Спб. 1883 г. Ц. 50 к. 44 стр. (Съ 9 рисунками Каразина.)

По формѣ изложенія, по прекрасному литературному языку, по желанію познакомить ребенка въ формѣ легкаго, заманчиваго разсказа съ жизнью и нравами насѣкомыхъ, новая сказка г. Авенаріуса напоминаетъ сказку о «Пчелѣ Мохнаткѣ».

Для того чтобы дать точное понятіе о новомъ произведеніи г. Авенаріуса и съ большею легкостью указать на хорошія, а также, по нашему мнѣнію, и на болѣе слабыя стороны разсказа, постараемся передать съ возможною точностью его содержаніе.

У муравьевъ-земледѣльцевъ у подножія большаго муравейника происходила жатва. Взобравшись на верхушки колосьевъ, муравьи срѣзали острыми челюстями зерна дикаго риса и сбрасывали ихъ на землю. Другіе подхватывали ихъ и уносили въ приготовленные склады. Но работа эта производилась не большими, рыжими муравьями-земледѣльцами, хозяевами муравейника, а ихъ рабами, мелкими, черными муравьями, взятыми въ плѣнъ и обреченными на рабство и постоянную, неустанную работу. Родительница всѣхъ окружающихъ рыжихъ, мать-муравьиха, лежа на лепесткѣ розы, слѣдила за работой.

Но вотъ увидѣла она рыжаго, рослаго, благороднаго муравья, который, взобравшись на колосъ, работалъ наравнѣ съ черными рабами. Это былъ одинъ изъ ея сыновей, молодой и сильный Грызунъ. Не понравилось матери это равенство, это желаніе сына стать на одномъ ряду съ рабами.—«Свобод-

ный муравей-плантаторъ хочетъ служить примѣромъ, и кому-же — невольникамъ-неграмъ!» съ упрекомъ говорила она. «Да какъ-то совѣстно, право,» отвѣчалъ Грызунъ: «они—мелкіе, слабые—работаютъ и на себя, и на насъ; а мы—крупные, сильные—сидимъ себѣ, сложа руки. На что-же намъ дана наша сила?»

Не напрасно искалъ дѣятельности молодой муравей. Скоро ему пришлось проявить свою силу, ловкость и смѣтливость.

Во время сильной бури и дождеваго ливня, когда весь муравейникъ былъ залитъ водою, и муравьямъ приходилось погибнуть,— Грызунъ переправилъ на своей спинѣ черезъ бурный потокъ воды болѣе слабыхъ муравьевъ и этимъ спасъ ихъ отъ смерти. Другой разъ прожорливый соловей напалъ на муравейникъ и принялся истреблять ихъ дѣтву и коконы. Безстрашный Грызунъ, собравъ кучку удальцовъ, взобрался подъ перья птицы и искусалъ ее такъ, что она съ жалобнымъ пискомъ взвилась на воздухъ и умчалась прочь. За всѣ эти подвиги Грызунъ удостоился названія *муравья-богатыря* и единогласно былъ выбранъ въ атаманы надъ войскомъ, которое мать-муравьиха посылала совершать новый набѣгъ на чернокожихъ. Рабочее населеніе сильно поубавилось послѣ послѣдняго наводненія, и надо было его увеличить. Весело принялъ молодой атаманъ начальство надъ летучимъ отрядомъ и бодро повелъ его въ атаку на чернокожихъ. Походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Чернокожіе были побиты, а побѣдители завладѣли ихъ муравейникомъ, откуда потащили въ плѣнъ молодыхъ дѣтенышей и еще невылупившіеся коконы. Но эта побѣда не радовала сердце молодаго атамана, этого «Илью Муромца» муравьиной породы. Отчего-же онъ поникъ вдругъ буйной головой?—Въ эту самую минуту ему пришлось познакомиться и сдружиться съ другимъ муравьемъ, съ бурымъ муравьемъ-скотоводомъ. Этотъ муравей не понималъ воинскаго духа рыжихъ земледѣльцевъ. Онъ не сочувствовалъ ни ихъ войнамъ, ни ихъ домашней праздности, ни тяжелому рабству, господствующему въ ихъ муравейникѣ. Они, муравьи-скотоводы, вели жизнь мирную, тихую, согласную. Дружно, распредѣливъ между собою работу, они не отклонялись отъ дѣла и общими усиліями поддерживали благоденствіе своего муравейника. Они сами воспитывали своихъ дѣтей, воспитывали и охраняли цѣлыя стада травяныхъ вшей, муравьиныхъ коровъ, отъ которыхъ получали здоровый напитокъ. Новый другъ муравья-богатыря, Сосунъ, сейчасъ же угадалъ причину мрачнаго настроенія молодаго побѣдителя. «Давеча, вмѣсто того чтобы ликовать по случаю твоей побѣды,» говорилъ Сосунъ, «вы были подавлены, убиты, будто сами потерпѣли пораженіе. И я вамъ объясню причину: въ душѣ вы точно потерпѣли пораженіе. Вы должны были втайнѣ сказать себѣ, что безъ надобности принесли въ жертву сотни себѣ подобныхъ».

Увлеченный словами Сосуна, которыя такъ отвѣчали его собственнымъ мыслямъ, Грызунъ рѣшился осмотрѣть муравейникъ скотоводовъ. Господствующій тамъ порядокъ, трудолюбивая жизнь, равенство, царствующее между всѣми членами муравейника, видъ тучныхъ коровъ-тлей, мирно пасущихся на зеленыхъ лугахъ, привели въ восторгъ нашего богатыря. Вернувшись въ родной муравейникъ, онъ рѣшился завести тамъ новые порядки, произвести соціальный переворотъ: уничтожить рабство и научить своихъ собратій разводить домашній скотъ. И вотъ ему удалось собрать вѣче. Народъ долженъ былъ самъ рѣшать свои дѣла, толковать о своихъ нуждахъ. Блистательная рѣчь муравья-богатыря произвела впечатлѣніе. Вся вѣчевая зала разомъ зашумѣла, и послышались одобрительные возгласы. Но не вполнѣ случилось такъ, какъ этого желалъ Грызунъ. Муравьи-земледѣльцы согласились учиться у скотоводовъ, но, полные воинственнаго духа, они рѣшили идти на нихъ войною, чтобы силою отнять стадо коровъ. Какъ ни противился этому новому набѣгу муравей-богатырь, поклявшійся въ вѣчной дружбѣ Сосуну, но долженъ былъ уступить единогласному желанію своего народа и вторично принять начальство надъ войскомъ. Война между двумя муравейниками, нападающими и осажденными, была ожесточенная. Скотоводы храбро защищали свое царство. Ихъ атаманъ Сосунъ не уступалъ въ мужествѣ самому муравью-богатырю. Возведенныя нападающими траншеи облегчили, однако, ихъ дѣло. Наконецъ, и самъ Грызунъ, видя, что осада длится, спустился съ опасностью жизни въ чужой муравейникъ и перегрызъ всю траву на лугахъ, на которыхъ паслись коровы-тли. Этимъ онъ лишилъ пищи стада, а безъ стадъ должны были погибнуть и сами скотоводы. Имъ пришлось сдаться и уступить часть своего скота непріятелю. Но въ послѣдней отчаянной свалкѣ погибъ и бѣдный атаманъ муравей-богатырь, загрызенный своимъ врагомъ Сосуномъ. Вѣрный своему слову—обѣщанію вѣчной дружбы, онъ отказался поднять руку на бывшаго друга и умеръ

геройски, не защищаясь, проигравъ свое дѣло.

Муравьи - скотоводы возвели себѣ новый муравейникъ, завели новый скотъ; а у муравьевъ-земледѣльцевъ отъ неумѣлаго ухода передохъ уведенный скотъ, и все осталось попрежнему: земледѣліе, воинственный духъ и рабство.

«Но память о Грызунѣ, славномъ муравьѣ-богатырѣ, еще свѣжа въ его народѣ. О подвигахъ его сложилась цѣлая легенда. Какъ подобаетъ герою, онъ не умеръ обыкновенною смертью. Послѣ славнаго разгрома коровника, онъ, безсмертный герой, растворился внезапно въ золотыхъ лучахъ солнца. Такъ гласитъ, по крайней мѣрѣ, муравьиная легенда»...

Вотъ, по возможности въ главныхъ чертахъ, содержаніе сказки г. Авенаріуса. Какъ видитъ читатель, это—поэтизированный разсказъ о муравьяхъ, съ мыслями, чувствами, стремленіями и страстями человѣческаго общества. Это своего рода борьба молодаго поколѣнія съ поколѣніемъ старымъ, которому такъ хорошо жилось при старыхъ порядкахъ. Но не всякая борьба бываетъ своевременна. Молодость рвется впередъ и, не принимая въ разсчетъ жизненныхъ условій и узаконенныхъ природою привычекъ своихъ собратій, задумываетъ реформы, непригодныя для ихъ жизни, и сама гибнетъ жертвой своихъ стремленій, проигравъ свое дѣло... Муравей-богатырь—это олицетвореніе молодой силы, стремящейся къ прогрессу и безвременно гибнущей!.. Не знаю, имѣлъ ли г. Авенаріусъ намѣреніе развить именно эту идею въ своей сказкѣ,—по крайней мѣрѣ она ясно обрисовывается въ мысляхъ взрослаго читателя. Читатели-дѣти врядъ ли ее поймутъ. Для нихъ, такъ мало знакомыхъ съ естественной исторіей, разсказъ этотъ даетъ сбивчивое понятіе объ индивидуальной и соціальной жизни муравья. Дѣтскому уму безъ научныхъ познаній трудно будетъ отдѣлить дѣйствительные привычки и нравы насѣкомыхъ отъ вымысла, къ которому прибѣгаетъ авторъ, чтобы болѣе заинтересовать своихъ читателей. Если въ жизни муравьевъ мы замѣчаемъ соціальные законы, если у нихъ есть стада, невольники, если они прокладываютъ дороги и ведутъ войны между собою, то, конечно, должны быть у нихъ и совѣщанія, которыя авторъ называетъ вѣчемъ; можно допустить и то, что они закладываютъ траншеи и окружаютъ непріятельскій муравейникъ валомъ. Но возможны ли передовыя идеи у насѣкомыхъ, идея освобожденія рабовъ, великодушное братство съ непріятелемъ и исключительное геройство? Самъ авторъ заставляетъ говорить мать-муравьиху: «Когда родъ людской рыскалъ еще по дремучимъ лѣсамъ, питался дикими плодами и кореньями, мы, рыжіе муравьи, имѣли уже свои благоустроенные муравейники, воздѣлывали поля, а бурые муравьи-скотоводы завели уже свой молочный скотъ».

Слѣдовательно, если до настоящаго времени не послѣдовало никакой осязательной перемѣны въ устройствѣ муравейника, то не могутъ быть имъ доступны ни идеи о прогрессѣ, ни желаніе усовершенствованій въ ихъ соціальной жизни! Зачѣмъ же проводить фальшивыя идеи въ понятія ребенка?

Между тѣмъ физіологія муравья, его смѣтливость, трудолюбіе, устройство муравейника безъ всякихъ вымышленныхъ прикрасъ займутъ не только ребенка, но и взрослаго читателя, не обращавшаго вниманія на это крошечное разумное насѣкомое.

Позволяемъ себѣ еще маленькое замѣчаніе автору: при такомъ полномъ и подробномъ описаніи муравейниковъ почему не упомянулъ онъ о крылатыхъ муравьяхъ, которыхъ можетъ видѣть каждый ребенокъ въ муравейникѣ весною?

Не смотря на указанное нами выше ложное понятіе, проводимое авторомъ въ разсказѣ и которое должно быть устранено поясненіемъ учителя, книга прочитается съ интересомъ дѣтьми не только средняго, но и старшаго возраста. Она имъ нравится и заставляетъ ихъ останавливаться и разгребать всевозможные муравейники, встрѣчаемые въ лѣсу и садахъ. Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя въ пользу книги.

Вопросы:

О сколькихъ породахъ муравьевъ говорится въ разсказѣ?

Какъ устраиваются муравейники и какъ живутъ муравьи земледѣльцы?

Опишите устройство муравейника у муравьевъ скотоводовъ?

Мирно ли живутъ муравьи различной породы между собою?

Могутъ ли они перенимать другъ у друга нравы и привычки?

Почему трудолюбиваго человѣка сравниваютъ съ муравьемъ?

Гдѣ вы видѣли муравейники и что находили, разгребая ихъ? *А. Г.*

Намъ пришлось прочитать эту сказку въ группѣ дѣтей, состоящихъ изъ учениковъ и

учениць сельской школы. Чтеніе шло довольно оживленно. Ихъ занялъ и потопъ, надѣлавшій столько тревоги въ муравьиномъ царствѣ, и борьба муравья-богатыря съ соловьемъ-разбойникомъ, и набѣгъ рыжихъ на чернокожихъ, и многое другое. Скучною и непонятною показалась только глава V—«Два атамана»; да и куда же понять дѣтямъ такое, положимъ, глубокомысленное изреченіе, какъ: «Qui s'excuse—s'accuse», хотя оно и переведено тутъ же по-русски?!

Не поняли они также, какъ и почему можно «выиграть побѣду» и въ то же время «чувствовать въ душѣ пораженіе».

Въ главѣ VII, когда народъ вынуждаетъ муравья-богатыря идти войной на черныхъ скотоводовъ, у которыхъ герой разсказа только что пользовался самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, одинъ изъ мальчиковъ замѣтилъ: — Нѣтъ, онъ не пойдетъ на нихъ; какъ можно!

— Почему? спросилъ его другой, поменьше.

— Не согласится, потому что онъ ему другомъ сталъ!

Всѣ подтвердили это предположеніе и были, видимо, очень недовольны, когда ораторъ, такъ сладко проповѣдующій благія намѣренія, не устоялъ противъ требованій толпы и согласился сдѣлаться главнокомандующимъ. Они, очевидно, никакъ не могли ему этого простить, и когда его благородный соперникъ, увидѣвъ его предводителемъ вражеской силы, сказалъ съ презрительной усмѣшкой: «вы этимъ, видно, хотите отплатить намъ за наше гостепріимство»? — одинъ изъ слушателей замѣтилъ:—И какъ ему не стыдно, муравью-богатырю! какъ хорошо прощалися, и ихъ же разорять пришелъ!

Даже въ минуту геройской смерти муравья-богатыря,—какъ ни силился опоэтизировать ее авторъ, — дѣти не могли позабыть того, что казалось имъ кровной обидой. Никто не жалѣлъ его и не восхищался имъ.

Какимъ образомъ «герой растворился внезапно въ золотыхъ лучахъ солнца»—дѣти тоже не поняли. Объ идеѣ борьбы молодаго поколѣнія со старымъ не было ни малѣйшаго намека, въ чемъ можно удостовѣриться изъ отвѣтовъ дѣтей, въ высшей степени блѣдныхъ и безцвѣтныхъ:

— О сколькихъ породахъ муравьевъ говорится въ разсказѣ?

— О трехъ: о черныхъ, рыжихъ и бурыхъ.

— Какъ устраиваютъ муравейникъ и какъ живутъ муравьи-земледѣльцы?

— Они находятъ себѣ какую нибудь ямку, понанесутъ туда чего имъ нужно и скопляютъ запасъ на зиму.

— Опишите устройство муравейника муравьевъ-скотоводовъ.

— Они пьютъ молоко изъ травяной гниды.

— Мирно ли живутъ муравьи различной породы между собой?

— Нѣтъ, они часто ссорятся и воюютъ; все равно какъ люди. Сильные побѣждаютъ слабыхъ.

— Могутъ ли они перенимать другъ у друга нравы и привычки?

— Нѣтъ.

— Почему трудолюбиваго человѣка сравниваютъ съ муравьемъ?

— Потому что муравей постоянно трудится.

— Гдѣ вы видѣли муравейники и что находили, разгребая ихъ?

— Видѣли въ степи; только этого, что въ книжкѣ описано, не видали.

513) **Разоренное гнѣздо.** Разсказъ для дѣтей. А. Сливицкаго. (Съ пятью фотографированными рисунками). Ц. 1 р. 25 к., стр. 101.

Въ глубокихъ лѣсистыхъ оврагахъ Уральскихъ горъ жила семья медвѣдей. Состояла она изъ матери, двухъ старшихъ дѣтей и двухъ малютокъ: Мишука и его сестрицы. Хорошо жилось дѣтямъ со старой медвѣдицей въ уютной жилой берлогѣ. Мать ихъ нянчила, кормила. Отца съ ними не было: онъ жилъ отдѣльно. Когда Мишукъ съ сестрицей подросли, они сами стали заходить съ матерью далеко отъ берлоги; отыскивали медъ, ягоды, почки деревьевъ, а позже стали нападать на стада мирно пасущихся коровъ.

Но злая судьба разорила ихъ гнѣздо, самихъ разбросала во всѣ стороны: старшая сестра попала къ вожакамъ медвѣдей; мать была убита во время облавы, когда сосѣдніе крестьяне, желая защитить свои стада и посѣвы овса отъ непрошенныхъ гостей, окружили медвѣжью берлогу. Мишукъ съ сестрицей, какъ еще очень маленькіе, были отвезены въ городъ и проданы на базарѣ. Мишутку купилъ одинъ офицеръ. У него онъ жилъ въ обществѣ собачки подъ присмотромъ денщика Ермолая.

Жизнь между людьми, изобиліе и готовая пища смягчили нравъ суроваго медвѣженка, и хотя онъ часто попадался въ разныхъ проказахъ, денщикъ любилъ его и баловалъ, какъ малаго ребенка. Не менѣе полюбили Мишука солдаты въ лагерѣ и часто потѣшались имъ.

Одна была странность у Мишука: онъ раз-

дражался при видѣ краснаго цвѣта; это его и погубило.

Разъ, во время лагерной жизни, онъ увидѣлъ передъ офицерской палаткой открытую коляску, запряженную парой лошадей. Кучеръ ушелъ за кружкой воды. Въ коляскѣ же на бѣду лежала генеральская шинель съ красной подкладкой. Мишукъ, вообразивъ, что его дразнятъ, вскочилъ въ коляску на красную шинель. Перепуганныя лошади помчались въ городъ и, едва не разбивъ экипажа, всѣ въ мылѣ уткнулись въ какой-то заборъ.

Въ виду этой и другихъ, часто повторявшихся, проказъ Мишука, офицеру было приказано удалить отъ себя медвѣженка.

Деньщикъ отвезъ его въ его родной лѣсъ. Мишукъ скоро вспомнилъ свою прежнюю дикую жизнь и опять зажилъ по медвѣжьему. Онъ умеръ 60 лѣтъ отъ роду, отыскавъ себѣ въ густомъ ельникѣ уютное мѣстечко.

Разсказъ очень простъ и несложенъ. Достоинство его заключается въ томъ умѣньи, съ какимъ авторъ соединилъ фабулу разсказа съ описаніемъ нравовъ и образа жизни медвѣдей.

Прочитавъ этотъ разсказъ, ребенокъ безъ малѣйшей натяжки познакомится съ наружностью медвѣдя, узнаетъ о его пищѣ, о ночныхъ разбояхъ, о томъ, какъ онъ устраиваетъ берлогу, о зимней спячкѣ. Описаніе лѣсовъ, гдѣ водятся медвѣди, сдѣлано живо и картинно. Съ интересомъ читаются главы, въ которыхъ описываются понятливость медвѣженка и то чувство нѣжности, которое питалъ деньщикъ къ своему косолапому другу.

Разсказъ написанъ для дѣтей младшаго и средняго возраста. Сравнительно дорогая цѣна книги (1 р. 25 к.) выкупается прекрасными картинками и достоинствомъ самаго разсказа, который прочтется съ пользой, а потому мы и считаемъ себя вправѣ рекомендовать его школѣ, обладающей достаточными матеріальными средствами.

Вопросы:

Въ какихъ мѣстностяхъ живутъ медвѣди?
Гдѣ они устраиваютъ берлогу?
Чѣмъ питаются медвѣди?
Какъ проводятъ они зиму?
Сдѣлался ли Мишукъ, живя у офицера, ручнымъ, какъ собаченка?
За что любили его солдаты? *А. Г.*

Разсказы изъ естественной исторіи. Обезьяны. (Въ 3-хъ выпускахъ). Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1864 г. Цѣна каждаго выпуска 15 к.

514) Вып. 1-й 38 стр.
515) Вып. 2-й. 36 стр.
516) Вып. 3-й. 27 стр.

Благодаря множеству отдѣльныхъ разсказцевъ о нѣкоторыхъ ручныхъ обезьянахъ, ихъ характерѣ и продѣлкахъ,—а также хорошимъ картинкамъ, книжка читается съ интересомъ преимущественно малолѣтними, хорошо-читающими. Они рекомендуютъ ее другъ другу и съ удовольствіемъ разсказываютъ содержаніе ея. Общая характеристика различныхъ породъ обезьянъ, ихъ привычекъ и образа жизни читается также легко; что же касается родовыхъ и видовыхъ признаковъ, общихъ разсужденій и нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній относительно перваго открытія обезьянъ, то они совершенно игнорируются дѣтьми безъ всякаго ущерба для ихъ познаній. Родовые и видовые признаки, само собою разумѣется, не могутъ удержаться въ памяти, а изъ разсужденій совершенно непонятны такія: «Умѣнье произвести огонь—это такой даръ, который, по миоическому разсказу, заставлялъ боговъ завидовать Прометею...» или «Разстройство главнаго (?) мозга, составляющее причину остановки развитія, составляетъ у человѣка слабость индивидуальную» и т. д.

Нѣкоторое затрудненіе представляютъ также географическія имена, хотя дѣвочки лѣтъ 12-ти, окончившія народную школу и имѣющія нѣкоторыя свѣдѣнія изъ географіи, легко справляются съ этою трудностью.

По нашему мнѣнію, отвлеченныя разсужденія, равно какъ и латинскія названія обезьянъ, слѣдовало бы пропускать въ дешевыхъ изданіяхъ, очевидно предназначаемыхъ для распространенія въ народѣ. Прочитанное разсказывается дѣтьми прекрасно и безъ вопросовъ; обыкновенно говорятъ, въ какихъ странахъ живутъ обезьяны, чѣмъ питаются, и передаютъ какой-нибудь анекдотъ о продѣлкахъ ручной обезьяны. *Н. П.*

---

517) **О китѣ.** А. Б. Ганике. (Чтеніе для народа). Спб. 1872 г. Ц. 5 к., 10 стр.

Содержаніе книжки составляетъ описаніе китоловнаго промысла и опасностей, которымъ подвергаются китоловы какъ со стороны природы, такъ и со стороны самаго животнаго, а также и выгодъ, доставляемыхъ промысломъ. При этомъ дается понятіе о китѣ, кашалотѣ, бѣлугѣ, дельфинѣ и нѣкоторыхъ другихъ морскихъ животныхъ, за которыми охотятся ради ихъ жира.

Изложеніе простое и понятное; читается легко и разсказывается съ удовольствіемъ даже малолѣтними, а потому въ народной библіотекѣ книга эта весьма желательна.

Знакомя съ животнымъ, которое извѣстно народу только по имени и рисуется въ его воображеніи какъ чудовище, которое поддерживаетъ землю, чтеніе можетъ способствовать установленію болѣе правильнаго понятія о дѣйствительной природѣ животнаго и уничтоженію нелѣпаго повѣрья, которое и до сихъ поръ еще держится среди неграмотнаго люда.

Вопросы:

Почему кита нельзя назвать рыбой?

Гдѣ живетъ китъ?

Можетъ ли китъ поѣдать большихъ животныхъ, и почему нѣтъ?

Для чего люди охотятся за китами?

Какія опасности грозятъ китоловамъ?

Что такое спермацетъ и амбра и изъ какого животнаго добываютъ ихъ? На что ихъ употребляютъ?

Чѣмъ отличается кашалотъ отъ кита?

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Народная Школа» 1872 г. № 4, стр. 58.

---

518) **Жизнь животныхъ и растеній.** В. Андреева. Кіевъ. Изд. редакціи «Кіевск. Народн. Календаря» 1875 г. Ц. 10 к., 48 стр.

Странно, что изъ такого интереснаго матеріала, какъ подробности изъ жизни животныхъ и растеній, можно создать столь неподходящее ни старшему, ни младшему возрасту, ни образованному человѣку, ни простолюдину и нѣчто невозможное ни для чтенія, ни для научныхъ занятій.

Если разсматривать книгу какъ учебникъ, то она окажется слишкомъ краткой; если же принять ее какъ матеріалъ для чтенія, то она сильно страдаетъ сухимъ изложеніемъ, многими ненужными научными названіями и опредѣленіями, требующими кое-какихъ предварительныхъ понятій! Однимъ словомъ, вся книга, можно сказать,—одинъ недостатокъ.

Л. Д.

---

519) **Первыя понятія о зоологіи.** Поля Бера. Переводъ съ французскаго подъ редакціей профессора И. Мечникова. (Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ). Изд. Павленкова. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., 307 стр.

Такъ какъ предисловіе названной книги даетъ нѣкоторое понятіе какъ о назначеніи ея, такъ и о томъ, какъ пользоваться ею, то мы считаемъ нелишнимъ привести изъ него нѣсколько выдержекъ.

«Предлагаемая книга», говоритъ Поль Беръ, «должна быть прочитана ребенкомъ, но объяснена и развита учителемъ, который долженъ будетъ потомъ разспросить ребенка о тысячѣ вопросовъ, только намѣченныхъ въ книгѣ» (стр. III). «Мнѣ хотѣлось, чтобы дѣти, которымъ посвящена эта маленькая книга, испытывали при чтеніи ея такое же удовольствіе, какое испытывалъ я самъ, когда писалъ ее. И, все-таки, не смотря на это, я вижу, что нѣкоторые уроки слишкомъ переполнены фактами и сознаю, что чтеніе ихъ можетъ показаться утомительнымъ для ребенка. Но въ этихъ урокахъ я имѣлъ въ виду не учениковъ, а учителей, о которыхъ, вѣдь, также надо было подумать. Между моими уроками есть такіе, которые могутъ дать пищу цѣлому десятку устныхъ бесѣдъ (стр. I и II). Я строго придерживался въ распланировкѣ этой книги программы Высшаго Совѣта М. Н. П. Я поступилъ такъ не только для того, чтобы написать учебную книгу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и потому, что считаю эту программу хорошо составленной, интересной»... и т. д.

Итакъ, это — книга для чтенія подъ руководствомъ учителя, пособіе для классныхъ бесѣдъ, *учебная книга*. Казалось бы, что такого опредѣленія книги совершенно достаточно, для того чтобы игнорировать ее на страницахъ нашего «Указателя», такъ какъ разборъ учебниковъ не входитъ въ нашу программу. Но эта *учебная книга* такъ непохожа на все то, что мы привыкли подразумѣвать подъ словомъ *учебникъ*, такъ далека отъ сухаго систематическаго описанія животныхъ, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней довольно подробно.

Вся книга раздѣлена на 18 уроковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только 15 принадлежатъ перу Поля Бера, а остальные составлены въ видѣ дополненія г. Л. К. Поповымъ по желанію издателя. Разсмотримъ содержаніе нѣсколькихъ уроковъ, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе объ этой книгѣ, прекрасной по плану и въ высшей степени интересной, можно сказать — блестящей по изложенію. Въ первомъ урокѣ авторъ беретъ птичку, цвѣтокъ и камень и спрашиваетъ, что̀ станется съ каждымъ изъ нихъ, если мы оставимъ ихъ въ комнатѣ и войдемъ туда только черезъ годъ.

«Чижикъ умеръ, левкой погибъ. Но отчего же чижикъ умеръ? Очень просто: оттого что

ему не давали ни ѣсть, ни пить. А левкой? Потому что его не поливали. Ну, а камень? О, съ камнемъ ничего не сдѣлалось»... Далѣе авторъ продолжаетъ сравнивать между собою эти три предмета приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Исторіи чижика и левкоя очень похожи одна на другую. Чижикъ вышелъ изъ яйца, какъ левкой изъ сѣмени; и тотъ, и другой для поддержанія своей жизни требуютъ пищи; и тотъ, и другой растутъ, увеличиваются, достигаютъ зрѣлаго возраста, и для обоихъ наступитъ, наконецъ, время, когда—сколько ни корми одного, сколько ни ухаживай за другимъ—оба они умрутъ. Жизнь какъ того, такъ и другаго начинается рожденіемъ и кончается смертью. «А камень?—О! камень никогда не умираетъ, потому что онъ не живетъ; онъ также и не рождается». Такимъ образомъ, авторъ проводитъ сначала рѣзкую границу между живыми организмами и «неодушевленными тѣлами» и указываетъ на эту первую классификацію. Далѣе выясняетъ, какъ многія весьма существенныя отличія и среди этихъ сходныхъ *«живыхъ существъ»* повели къ обособленію ихъ въ двѣ большія группы животныхъ и растеній, и, наконецъ, доводитъ своихъ читателей до сознанія естественности и цѣлесообразности раздѣленія всѣхъ тѣлъ природы на три отдѣла, или царства: «Минералы,—лишенные жизни»; растенія, обладающія жизнью, но лишенныя способности движенія, чувствительности, желанія и воли. и животныя, надѣленныя всѣми этими способностями. Во второмъ урокѣ разсматриваются самыя большія и самыя малыя живыя существа, т. е. животныя и растенія, доступныя невооруженному глазу, и въ третьемъ—животныя и растенія, видимыя только подъ микроскопомъ. Въ этихъ урокахъ авторъ напоминаетъ, что не одни гиганты животнаго и растительнаго міра должны обращать на себя наше вниманіе, но и самыя, повидимому, ничтожныя существа, которыя, однакожъ, играютъ далеко не маловажную роль какъ въ природѣ вообще, такъ и въ жизни людей въ частности. Четвертый урокъ посвященъ разсмотрѣнію животныхъ сухопутныхъ и водныхъ, гдѣ авторъ не пропускаетъ случая указать на тѣсную зависимость, существующую между строеніемъ тѣла животнаго, его образомъ жизни и окружающей средой. Въ пятомъ — находимъ обзоръ животныхъ летающихъ, дневныхъ и ночныхъ, гдѣ авторъ разсматриваетъ на ряду съ птицами летучихъ мышей, летающихъ ящерицъ, насѣкомыхъ. Затѣмъ въ шестомъ урокѣ слѣдуетъ распредѣленіе животныхъ по поясамъ; въ седьмомъ—распредѣленіе ихъ по всѣмъ частямъ свѣта, за исключеніемъ Европы; въ восьмомъ—разсматриваются животныя европейскія: осѣдлыя, переселяющіяся и исчезнувшія; и здѣсь же говорится о человѣческихъ расахъ и распредѣленіи ихъ по земному шару. Въ послѣдующихъ урокахъ находимъ обзоръ животныхъ вредныхъ для человѣка,—начиная отъ льва и кончая бактеріями сибирской язвы,—точно такъ же какъ и полезныхъ,—начиная съ домашнихъ животныхъ и кончая губками.—Мы не станемъ болѣе говорить о содержаніи книги, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста.

Изъ всего приведеннаго можно видѣть, сколько разнообразія и оригинальности представляютъ уроки Поля Бера. Авторъ, повидимому, нисколько не стѣснялъ себя научной системой, и въ каждомъ урокѣ мы встрѣчаемъ животныхъ различныхъ типовъ, классовъ, отрядовъ и т. д. Дѣйствительно, это не научная система, если рядомъ указываются жираффъ и спрутъ, землеройка и колибри, чесоточный зудень и филоксера. Но у автора своя система. Онъ поставилъ себѣ цѣлью этимъ сопоставленіемъ рѣзкихъ контрастовъ возбудить удивленіе дѣтей къ этой природѣ разнообразной, могущественной и безконечно великой въ самыхъ малѣйшихъ произведеніяхъ ея творческой силы; приковать ихъ вниманіе къ картинѣ, набросанной имъ такою широкою кистью, и пробудить въ нихъ живой интересъ къ изученію этой *«живой книги»* природы. Впрочемъ, въ послѣднемъ — 16-мъ урокѣ авторъ такъ же просто, легко и убѣдительно доводитъ до сознанія необходимости классификаціи животныхъ и приводитъ все въ строгую систему.

Не можемъ удержаться, чтобы не привести въ заключеніе нѣсколькихъ словъ нашего почтеннаго педагога барона Н. А. Корфа, сказанныхъ имъ объ этой книгѣ (см. «Моск. Телегр.» 1883 г., № 18): «Полю Беру удается сообщить не только новѣйшія данныя изъ своей науки, но такія обобщенія и понятія, безъ которыхъ и не существуетъ, собственно говоря, науки, но которыхъ дѣтямъ до сихъ поръ не умѣлъ сообщить никто, если не ошибаюсь, кромѣ великаго Тиндаля. Останавливаясь на огромныхъ глазахъ ночныхъ хищныхъ птицъ, на длинной шеѣ жираффа, на длинныхъ кишкахъ травоядныхъ, на неспособности нашихъ куръ къ полету, а барановъ къ быстрому бѣгу и проч., авторъ выясняетъ приспособленіе органовъ къ окружающей животное средѣ. Сказанное авто-

ромъ о происхожденіи домашнихъ гусей, утокъ и лебедей отъ дикихъ и собакъ—отъ животнаго, близкаго къ шакалу, весьма легко поддающемуся прирученію, раскрываетъ передъ дѣтьми въ самой доступной и элементарной формѣ происхожденія видовъ».

Таковъ *учебникъ* Поля Бера! Но отдавъ должную справедливость таланту автора, мы должны, однакоже, сказать, что, не смотря на всѣ указанныя достоинства его книги, мы, какъ и самъ Поль Беръ, не можемъ считать ее пригодною для самостоятельнаго чтенія ни маленькими дѣтьми, ни народомъ, который мы преимущественно имѣемъ въ виду. Въ книгѣ такая масса словъ, непонятныхъ ни маленькимъ дѣтямъ, ни народу, столько вопросовъ «лишь намѣченныхъ», какъ говоритъ самъ авторъ (и которые, правду говоря, слѣдовало бы развить самому Полю Беру), столько требуется свѣдѣній по различнымъ предметамъ общаго образованія, которыми можетъ обладать только человѣкъ, прослушавшій, по крайней мѣрѣ, курсъ нашихъ прогимназій, что чтеніе книги неподготовленными читателями только и возможно подъ руководствомъ учителя, и притомъ учителя талантливаго и знающаго. Несомнѣнно же полезной она можетъ быть только для самихъ гг. учителей. Итакъ, если мы позволили себѣ остановиться на этой книгѣ такъ долго, то единственно потому, что считали ее драгоцѣннымъ указаніемъ для учителя, какъ слѣдуетъ знакомить дѣтей съ наукой, для составителей — какъ писать учебныя книги, а при нѣкоторомъ упрощеніи—можетъ быть, и популярно-научныя—для самостоятельнаго чтенія и неподготовленными читателями. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ урокахъ, составленныхъ г. Поповымъ. Уроки эти не менѣе интересны, чѣмъ уроки Поля Бера, но представляютъ еще болѣе затрудненія для неподготовленнаго читателя.

Первый изъ нихъ (16-й) представляетъ обзоръ постепеннаго развитія животнаго міра. Начиная разсмотрѣніемъ организаціи высшихъ животныхъ и переходя къ низшимъ, указывая на вымершія и еще существующія переходныя формы, сближающія различные классы животныхъ, и возстановляя такимъ образомъ всѣ «звенья этой непрерывной цѣпи», авторъ доходитъ до первичной клѣточки, какъ родоначальника всѣхъ живыхъ существъ и доказываетъ, что *все разнообразіе животныхъ формъ есть не болѣе какъ результатъ видоизмѣненія одной и той же первоначальной формы.* Въ 17-мъ урокѣ разсматривается развитіе общественной жизни животныхъ, начиная съ первичной формы общежитія у простѣйшихъ организмовъ, чисто внѣшней связи, обусловливаемой неполнымъ дѣленіемъ при размноженіи, и кончая самой высшей, основанной *на единеніи чувства и мыслей.*

Указавъ, какъ на первообразъ общественной жизни, на пластидъ, соединенныхъ между собою только студенистыми нитями и готовыхъ ежеминутно распасться и вести самостоятельную жизнь, авторъ развиваетъ ту мысль, что «солидарность и раздѣленіе труда являются необходимымъ условіемъ развитія общественной жизни». Но у простѣйшихъ организмовъ солидарность эта выражается только въ приспособленіи членовъ общины (колоніи) къ одному какому либо физіологическому отправленію, причемъ члены общины теряютъ свою индивидуальность, становясь по отношенію къ ней не болѣе какъ органами, и благоденствіе общины тѣмъ выше, чѣмъ потеря индивидуальности каждой особи совершеннѣе. У болѣе же совершенныхъ животныхъ первоначальную форму общественной жизни представляетъ союзъ семейный, цѣль котораго состоитъ преимущественно въ заботахъ о сохраненіи потомства; здѣсь уже раздѣленіе труда совершается при сохраненіи членами союза своей самостоятельности. Высшее развитіе общественности мы находимъ въ общинной жизни муравьевъ и пчелъ, хотя и здѣсь еще «самостоятельность особи съужена требованіями общежитія» (недоразвитыя самки — рабочіе). Наконецъ, у самыхъ высшихъ животныхъ солидарность между членами достигается при полномъ сохраненіи ихъ самостоятельности, какъ особей. Статью эту авторъ оканчиваетъ заключеніемъ, что если среди высшихъ животныхъ встрѣчаются примѣры общественной жизни, въ которой замѣчаемъ проблески единенія, основаннаго на *единеніи чувства и мысли*, при полной самостоятельности каждаго члена, то для человѣка правильное развитіе общественной жизни только и можетъ быть основано на принципѣ равенства, братства и любви.

Въ послѣднемъ урокѣ, озаглавленномъ: «Великая роль ничтожныхъ созданій», авторъ останавливается на дождевомъ червякѣ и указываетъ, какое важное значеніе имѣетъ онъ въ природѣ: разрыхляя и удобряя почву, онъ не только становится помощникомъ земледѣльца, но даже способствуетъ измѣненію самаго рельефа суши. *Н. П.*

Примѣч. Рец. см. «Отечеств. Зап.» 1883 г. № 2, стр. 225.

VIII. БОТАНИКА.

520) **Бесѣды съ дѣтьми о растеніяхъ различныхъ странъ**. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к. 164 стр.

Содержаніе книги посвящено растеніямъ преимущественно жаркихъ странъ. Въ бесѣдахъ, на которыя дѣлится книга, читатель встрѣтитъ описаніе кокосовой пальмы, сахарнаго тростника, деревьевъ: чайнаго, кофейнаго, ванильнаго, гуттаперчеваго, табачнаго и друг., хлопчатника, папируса, винограда, картофеля и т. д. Кромѣ того, авторъ дѣлаетъ общій бѣглый обзоръ вообще растеніямъ сѣверныхъ, умѣренныхъ и жаркихъ странъ; описываетъ нашу тундру и сравниваетъ ее съ песчаными, каменистыми пустынями Америки, покрытыми кактусами; описываетъ наши степи, наши лѣса и сравниваетъ послѣдніе съ дѣвственными лѣсами тропическихъ странъ. Болѣе подробное содержаніе нѣкоторыхъ статей заключается въ слѣдующемъ: бесѣдуя о кокосовой пальмѣ авторъ говоритъ о мѣстѣ ея распространенія и подробно перечисляетъ все то пріятное и полезное, что она даетъ человѣку. Бесѣдуя о сахарномъ тростникѣ, авторъ разсказываетъ о способахъ его разведенія, сбора и выдѣлки изъ него сахара. Статья о чаѣ заключаетъ подробный разсказъ о выдѣлкѣ его и описаніе чайнаго дерева; статья о папирусѣ—описаніе способа приготовленія бумаги, а также даетъ достаточное понятіе о машинахъ, употребляемыхъ на бумажной фабрикѣ. Въ статьѣ о кукурузѣ читатель можетъ познакомиться съ растительной клѣточкой, составляющей основу всякой ткани, а также съ растеніями односѣмянодольными и двусѣмянодольными. Остальныя статьи точно также интересны и полны матеріала для пріобрѣтенія извѣстныхъ знаній.

Вся книга написана простымъ и живымъ языкомъ, но въ читателѣ предполагается нѣкоторая подготовка по географіи: нужно знать, что такое Африка, Америка, Великій океанъ, Новая Зеландія, Мексика и т. д.: эти названія встрѣчаются здѣсь постоянно. Не мѣшаетъ имѣть при чтеніи книги географическую карту.

Нѣсколько трудныя понятія о микроскопѣ, о растеніяхъ односѣмянодольныхъ и двусѣмянодольныхъ, однодомныхъ и двудомныхъ облечены въ удобопонятную форму.

Не смотря на заглавіе книги, по которому видно, что книга предназначается для дѣтей, статьи эти вполнѣ пригодны и для взрослаго грамотнаго изъ народа.

Для провѣрки прочитаннаго можно предложить слѣдующіе *вопросы*:

Какія самыя полезныя растенія жаркихъ странъ?

Какъ добываютъ каучукъ и гуттаперчу?

Изъ чего приготовляютъ ткани, употребляемыя на одежду? (Изъ шерсти животныхъ или волоконъ растеній).

Изъ чего приготовляютъ теперь бумагу?

Какія растенія принадлежатъ странамъ— а) холоднымъ, б) умѣреннымъ и в) жаркимъ?

Л. Д.

---

521) **Зернышко**. Разсказъ для дѣтей о пахотѣ земли, посѣвѣ, жатвѣ, уборкѣ и молотьбѣ хлѣба. Изд. П. Ф. Газенцера. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 11 стр.

Жило было ржаное зернышко. Мужикъ вспахалъ землю, заборонилъ ее, посѣялъ наше зернышко вмѣстѣ съ другими; они пустили маленькіе росточки, росточки повыростали и дали ржаныя зернышки; ихъ посрѣзывали и помолотили, а зернышки повезли на мельницу, гдѣ они обратились въ муку; изъ этой муки жена мужика испекла вкусный хлѣбъ своимъ ребятишкамъ.

На оберткѣ книги мы читаемъ: «*разсказъ для дѣтей о пахотѣ земли, посѣвѣ, жатвѣ, уборкѣ и молотьбѣ хлѣба*»; брошюрка сообщаетъ самыя элементарныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ. Форма изложенія не представляетъ ничего интереснаго и достойнаго похвалы. Городскія дѣти, конечно, найдутъ въ этой книжечкѣ кое-что новое и полезное для себя, но изъ маленькихъ жителей деревни кто не знаетъ, что землю нужно сначала вспахать и заборонить и т. д.?

Книжечка можетъ быть пригодна только въ городской библіотекѣ. *Л. Д.*

Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Кайгородова. Спб. 1880 г. (Со множествомъ рисунковъ).

522) **I серія. Краснолѣсье**. 185 стр. Ц. 1 р.

523) **II серія Чернолѣсье**. 242 стр. Ц. 1 р.

Авторъ этихъ двухъ книгъ—натуралистъ-художникъ, глубоко любящій природу и предметъ, о которомъ пишетъ. Лучшія мѣста изъ нашихъ лучшихъ писателей, гдѣ рисуются картины русскихъ лѣсовъ, собраны въ его первой, какъ бы вступительной бесѣдѣ ко второй книжкѣ. Такою любовью къ лѣсу ды-

шетъ каждая строка его бесѣдъ, такою грустью—его упреки неразумному истребленію ихъ, что, читая ихъ, невольно проникаешься и его любовью, и его сожалѣніями. Но любить лѣсъ, любоваться его красотою и сожалѣть объ его истребленіи,—еще невелика заслуга. Нужно знать его жизнь, его потребности и, наконецъ, всю разнообразную пользу, приносимую имъ, чтобы сознательно любить его, заботиться о немъ и оберегать его. И здѣсь на помощь художнику выступаетъ ученый, глубоко знающій свой предметъ и съ любовью дѣлящійся съ нами своими познаніями. Въ его бесѣдахъ мы найдемъ описаніе слѣдующихъ наиболѣе распространенныхъ и важнѣйшихъ деревъ: въ первой книгѣ — сосны, ели, лиственницы, кедра, пихты и можжевельника; во второй—березы, дуба, липы, осины, ольхи, ясеня, клена, ильма, граба, ивы, бука и нѣсколькихъ наиболѣе распространенныхъ второстепенныхъ древесныхъ породъ и кустарниковъ.

Описанія сдѣланы весьма подробно и касаются способа проростанія сѣмянъ, времени цвѣтенія, почвы, области распространенія употребленія древесины и коры на различныя подѣлки; враги деревъ, краткія указанія на способъ разведенія различныхъ лѣсныхъ породъ и т. д.

Не смотря на высокое мнѣніе, которое мы имѣемъ о книгѣ, мы должны сказать, что она, очевидно, предназначалась не для народа. Достаточно привести слова автора, съ которыми онъ обращается къ читателю, совѣтуя ему не ограничиваться однимъ только чтеніемъ его бесѣдъ, а провѣрить сказанное имъ на мѣстѣ, въ лѣсу, съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ, обѣщая ему высокое эстетическое наслажденіе. Одни эти слова ясно указываютъ на то, что книга назначена не для тѣхъ, у кого нѣтъ ни увеличительныхъ стеколъ, ни досуга для эстетическихъ наслажденій, а скорѣе для болѣе достаточнаго и развитаго класса. Кромѣ того, употребленіе такихъ выраженій, какъ *универсальнѣйшее средство*, *резонансовая дека*, *лѣсная технологія*, *техническія качества* и мн. др. должно затруднять чтеніе простолюдина. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ возможнымъ рекомендовать эту книгу и для народныхъ школъ, какъ могущую служить и прекраснымъ матеріаломъ для ботаническихъ бесѣдъ учителя съ учениками, и предметомъ самостоятельнаго чтенія для окончившихъ курсъ и взрослыхъ крестьянъ.

Такъ какъ книга довольно объемиста, то, давая ее для самостоятельнаго чтенія, слѣдуетъ рекомендовать отдѣльныя главы, напримѣръ — прочесть бесѣду о томъ деревѣ, которое преобладаетъ въ данной мѣстности или, наоборотъ, гдѣ замѣчается исчезновеніе его, или предложить на усмотрѣніе прочесть о той породѣ, которая болѣе интересуетъ, и разспрашивать послѣ прочтенія каждой бесѣды непремѣнно.

Вопросы, предлагаемые для провѣрки степени усвоенія прочитаннаго, должны относиться, по нашему мнѣнію, къ утилитарнымъ свѣдѣніямъ, которыя можно извлечь изъ книги, такъ какъ они легче запоминаются.

Вопросы могутъ быть слѣдущіе:

На какой почвѣ любитъ расти извѣстное дерево?

Крѣпка ли древесина и на что годится?

На что употребляется кора различныхъ деревъ?

Какъ лучше разводить извѣстную породу: посредствомъ сѣмянъ или посадкой?

Указать область распространенія извѣстной породы.

Н. П.

Примѣч. Рец. см. «Педагогич. Хроника» 1880 г. № 10; «Женск. Образованіе» 1880 г. № 2, стр. 105—107; «Новое Время» 1879 г. № 1373 (Библ. Зам.); «Петерб. Вѣдом.» 1880 г. № 21.

---

524) **Дерево и его жизнь.** (Народн. чтеніе). Изд. Общ. распр. полезныхъ книгъ. Москва. 1882 г. Ц. 15 к. 30 стр.

Брошюра эта есть не что иное какъ отдѣльный оттискъ первой бесѣды изъ книги г. Кайгородова, о которой мы говорили выше (см. «Бесѣды о русск. лѣсѣ.—Краснолѣсье»), кое гдѣ сокращенной. Рисунки тѣ же, только неизвѣстно, почему они не подписаны, какъ въ оригиналѣ, что̀ значительно облегчаетъ ихъ изученіе. Кромѣ того, рисунокъ всхода сосны изображенъ такъ, что корень растенія находится вверху, что̀ составляетъ, конечно, недостатокъ его. Передадимъ болѣе подробно содержаніе брошюры.

Авторъ начинаетъ ее хвалебною пѣснью дереву, указывая на ту пользу и наслажденіе, которыя оно доставляетъ человѣку, а затѣмъ переходитъ къ описанію его строенія и жизни. Онъ знакомитъ читателя съ морфологіей дерева (корни, листья, цвѣты и т. д.), дѣлаетъ краткое, но понятное описаніе отправленія каждаго органа и приступаетъ къ интересному вопросу, «*какъ живетъ дерево*», на который даетъ отвѣтъ приблизительно слѣдующій: дерево родится изъ сѣмени; про-

стымъ глазомъ видѣть зародышъ можно лучше всего въ сѣмени турецкаго боба (фасоли) или въ кедровомъ орѣшкѣ; но чтобы увидѣть зародышъ въ маленькомъ сѣмени, нужно прибѣгнуть къ увеличительному стеклу. Если сѣмя положено въ достаточно сырую землю, то зародышъ скоро пускаетъ корень съ цѣлою кисточкою маленькихъ корешковъ. Пищу сосутъ изъ земли такъ называемыя корневыя мочки. Вслѣдъ за корешкомъ выходитъ на свѣтъ Божій почка съ обнимающими ее двумя листочками.

Тутъ авторъ прямо переходитъ къ описанію жизни взрослаго дерева.

Каждый замѣтилъ весною разбуханіе почекъ на деревьяхъ. Причиной этого разбуханія является сокъ, поднимающійся весною отъ корней дерева до самыхъ верхнихъ его вѣтокъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ поднимается сокъ въ деревѣ, авторъ останавливается на внутреннемъ строеніи его, дѣлая описаніе годичныхъ колецъ, сердцевины, древесины, и учитъ, какъ можно срѣзать тонкія пластинки по толщинѣ и длинѣ ствола, для того чтобы съ помощью микроскопа можно было видѣть, что такое волокна—эти крошечныя трубочки, по которымъ и пробирается постоянный токъ, называющійся восходящимъ сокомъ; этотъ сокъ имѣетъ сладкій вкусъ отъ присутствія крахмала, превратившагося въ сахаръ. Вслѣдъ за вскрытіемъ почекъ появляются и листья. Дерево получаетъ пищу не только изъ земли, но и изъ воздуха; это послѣднее отправленіе совершается при посредствѣ листьевъ. Дерево размножаютъ не только сѣменемъ, но и черенками, кольями и отводками.

Не лишены пользы и интереса приведенныя въ книгѣ свѣдѣнія о долговѣчности дерева и описаніе его старости. Въ концѣ же статьи авторъ сильно осуждаетъ тѣхъ, которые по какимъ бы то ни было причинамъ немилосердно обращаются съ деревьями, и приглашаетъ читателя всегда ихъ любить и охранять.

Въ предыдущей рецензіи мы высказали свой взглядъ на трудъ г. Кайгородова; теперь же мы можемъ только повторить, что брошюра доступна и для самостоятельнаго чтенія взрослымъ и развитымъ простолюдинамъ, и для чтенія подъ руководствомъ учителя, и для публичныхъ чтеній: въ послѣднемъ случаѣ она будетъ еще интереснѣе, такъ какъ чтеніе можно сопровождать демонстраціями живыхъ растеній и образцовъ дерева.

Л. Д.

---

525) **Ядовитыя растенія.** (Общедоступное чтеніе для школъ и народа). Е. Бороздиной. (Съ 27 политип.). Спб. 1883 г. Цѣна 30 коп. 51 стр.

Прежде всего позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ изъ предисловія автора.

«Статья «Ядовитыя растенія» была написана собственно для нашего журнала «Дѣтскій Садъ». Но, придя къ убѣжденію, что дѣти простолюдиновъ вообще, а крестьянъ въ особенности, живутъ ближе всѣхъ другихъ дѣтей къ природѣ,—такъ сказать, почти нераздѣльно съ нею, и что они наиболѣе пользуются ея дарами, а потому болѣе всѣхъ могутъ подвергаться отравленію ядовитыми растеніями, мы рѣшились отпечатать статью эту отдѣльною брошюрою и предложить ее народнымъ школамъ».

Мы совершенно согласны съ авторомъ, что дѣти крестьянъ болѣе всѣхъ нуждаются въ указаніи на пользу или вредъ тѣхъ растеній, съ которыми они встрѣчаются на каждомъ шагу, безъ разбора пользуются ими, руководясь въ большинствѣ случаевъ красотою растенія или сладкимъ вкусомъ ягодъ, листьевъ, стеблей.

Поэтому изданіе такой книжки, которая была бы полезна грамотнымъ крестьянамъ въ этомъ смыслѣ, весьма желательно. Но мы думаемъ, что авторъ ошибся, полагая, что выпускомъ статьи, предназначавшейся для «Дѣтскаго Сада», отдѣльной брошюрой,—хотя бы съ надписью: *«общедоступно изложено для школъ и народа»*,—дѣло было сдѣлано.

Уже одинъ бѣглый просмотръ брошюры, въ которой названія растеній напечатаны на трехъ иностранныхъ языкахъ, показываетъ, какъ легко авторъ отнесся къ своей задачѣ: болѣе же внимательное чтеніе убѣждаетъ, что авторъ нисколько не измѣнилъ своей статьи примѣнительно къ развитію и понятіямъ простолюдина.

Прежде всего слѣдовало, имѣя въ виду предложить книжку для *школъ и народа*, уничтожить такія фразы, какъ: *«аконитъ употребляется въ медицинѣ, особенно въ гомеопатіи. Растеніе содержитъ алкалоиды, обладаетъ наркотическими свойствами»* и т. д., а затѣмъ, предполагая ее рекомендовать, какъ книгу для чтенія, нужно было придать и изложенію нѣкоторую живость и интересъ. Въ настоящемъ же видѣ книжка болѣе пригодна, какъ пособіе для болѣе или менѣе систематическаго изученія ядовитыхъ растеній, нежели какъ книга для чтенія. Но даже въ этомъ смыслѣ пользоваться ею можетъ только человѣкъ, хотя немного знакомый съ об-

щей морфологіей растеній и съ морфологическими терминами; нужно знать, какія понятія соединяются съ опредѣленіями: *«корень горизонтальный»*, *«листья голые»*, *«корневые многосложны»*, *«стеблевые противоположны»*, *«листочки ланцетовидные»*, *«цвѣты съ трубчатымъ двугубымъ вѣнчикомъ, удлиняющимся въ зеленоватый шпорецъ»*.

Все это писано не для народа и не поймется имъ. Гораздо большее значеніе для ознакомленія съ растеніями могли бы имѣть приложенные рисунки, еслибы они были исполнены красками. Такіе рисунки лучше самыхъ точныхъ описаній помогаютъ отыскать и опредѣлить знакомое растеніе, послѣ чего уже гораздо интереснѣе читать описаніе его и узнать его свойства. Въ брошюрѣ описаны 32 растенія, большинство которыхъ почти повсемѣстно распространено въ Россіи.

Описанія крайне сухи и методичны. Множество русскихъ названій, да еще съ добавленіемъ трехъ иностранныхъ, сильно пеструтъ книгу.

Указанія на средства противъ отравленія ядовитыми растеніями не лишены практическаго значенія.

Все, что мы можемъ сказать въ пользу книги,—это то, что учитель народной школы, обладающій нѣкоторыми ботаническими свѣдѣніями, можетъ воспользоваться ею для изученія ядовитыхъ растеній своей мѣстности и познакомить съ ними своихъ учениковъ на живыхъ или высушенныхъ экземплярахъ этихъ растеній; при этомъ онъ сообщитъ имъ свѣдѣнія, добытыя изъ книги, пополнивъ ихъ, если возможно, изъ другихъ источниковъ,—о свойствахъ растеній, мѣстѣ ихъ произрастанія, а также укажетъ и на главнѣйшіе признаки и т. д.

Въ изданіи 1870 г. книжка стоила 20 коп., имѣла 44 страницы и 24 рисунка; въ настоящемъ же изданіи прибавлено описаніе двухъ растеній: табака и мака, три рисунка, — и брошюра стоитъ 30 к.

Н. П.

Примѣчаніе. Рец. см. «Системат. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литературы», 1878 г., стр. 680.

УКАЗАТЕЛЬ,

распредѣляющій книги отдѣла Естествознанія по возрастамъ и степени подготовки читателей *).

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
404	«Дѣтскій альманахъ». Наша библіотека.					п.	п.
405	«Изъ природы». По Герману Вагнеру				п.	п.	
406	«Путешествіе по дому и по двору». Г. Вагнера						
407	«Иллюстрированные разсказы изъ природы и жизни»						
408	«Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ».						
409	«Свѣтъ Божій»					п.	п
410	«Бесѣды о землѣ». Бекетова					п.	п.
411	«Бесѣды о природѣ». Зобова					п.	п.
412	«Видимый міръ»						
413	«Первыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ». Санина						
414	«Элементарное объясненіе явленій природы» А. Игнатовичъ					п.	п.
415	«Три царства природы». В. Шаховской.						
416	«О томъ, какого вида земля». Медера				п.	п.	п.
417	«Обращается-ли солнце вокругъ земли». Я. Вейнберга						
418	«Отчего бываетъ день и ночь» Медера					п.	п.
419	«О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ». Воронецкаго					п.	п.
420	«О кометахъ и падающихъ звѣздахъ». Воронецкаго					п.	п.
421	«Небесныя свѣтила»						
422	«Разсказы о землѣ и о небѣ». А. Иванова.				п.	п.	п.
423	«Небо и звѣзды». Узловскаго						
424	«Разсказы о земныхъ и небесныхъ тѣлахъ». Воскресенскаго						
425	«Среди природы». А. Острогорскаго				п.	п.	п.
426	«О природѣ и ея явленіяхъ»						
427	«Земля, вода и воздухъ». А. Погоскаго						
428	«Отчего происходятъ дождь и снѣгъ». Животовскаго				п.	п.	п.

*) Буква п. обозначаетъ, что книга пригодна для указаннаго въ графѣ возраста.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
429	«Вода въ трехъ видахъ»						
430	«Вода въ воздухѣ»					п.	п.
431	«Двѣ капельки». В. Коровина					п.	п.
432	«Океаны»					п.	п.
433	«О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышущихъ». Сост. Лапченко				п.	п.	п.
434	«Объ изверженіяхъ огнедышущихъ горъ и землетрясеніяхъ». В. Раменскаго						
435	«Вулканы и землетрясенія»						
436	«Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ»				п.	п.	п.
437	«Тьма». А. Кострицы				п.	п.	
438	«Что такое воздухъ и вліяніе его на животныхъ и растенія»						
439	«Воздухъ, насъ окружающій»						
440	«О теплѣ и воздухѣ» Животовскаго				п.	п.	п.
441	«Воздушные шары»						
442	«Тепло и холодъ»						
443	«О томъ, что такое гроза»					п.	п.
444	«О грозѣ». Животовскаго					п.	п.
445	«Громъ и молнія»					п.	п.
446	«Разсказы о силахъ земныхъ». А. Иванова.						
447	«Разсказы о жизни земной». Его-же						
448	«Свѣтъ и что̀ отъ него происходитъ»						
449	«Нѣсколько словъ объ отопленіи и освѣщеніи». М. К.						п.
450	«Какъ и отчего?» Сост. В. Андреевъ						
451	«Разсказы о фабрикахъ и заводахъ». Вебера						
452	«Что комната говоритъ». Авенаріуса						
453	«У рабочихъ людей». А. Острогорскаго					п.	п.
454	«О томъ, что происходитъ въ воздухѣ». Горбунова					п.	п.
455	«Какъ узнать почву». Горбунова						п.
456	«Обработка почвы». Стебута						
457	«О почвѣ». Зандрока						п.
458	«Объ удобреніи полей». Его-же						п.
459	«Совѣты простымъ хлѣбопашцамъ». Изд. Буйницкаго						п.
460	«О насѣкомыхъ вредныхъ для полей и лѣсовъ». Аникіева			п.	п	п.	п.
461	«Общепонятные разсказы». О. Степовика.					п.	п.
462	«Хлѣбный жукъ». Сост. бар. Корфъ					п.	п.
463	«Пчела, ея жизнь». Бутлерова						п.
464	«Животныя полезныя для полей и лѣсовъ». Аникіева			п.	п.	п.	п.
465	«О птицахъ и гадахъ полезныхъ для земледѣльца и лѣсовода». Аникіева.			п.	п.	п.	п.
466	«Истребители червей и мышей». Столпянскаго			п.	п.	п.	п.
467	«О ядовитыхъ и неядовитыхъ змѣяхъ». Аникіева			п.	п	п.	п.
468	«О разумномъ уходѣ за домашними животными». Манжина					п.	п.
469	«Лошадь». В. Коптева						
470	«Что такое соль». Рейнбота.					п.	п.
471	«Что такое обыкновенная соль». Шведова.					п.	п.
472	«Исторія кусочка хлѣба». Владиміровой					п.	п.
473	«О мукѣ и хлѣбѣ». Шмулевича					п.	п.
474	«О сохраненіи силы и здоровья. Наша пища». Илинскаго.						

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
475	«О хорошей и дурной водѣ». Шмулевича .					п.	п.
476	«О сохраненіи силы и здоровья. Питье и крѣпкіе напитки». П. Илинскаго . . .						п.
477	«Что дѣлать, чтобы быть здоровымъ». К. Овсянаго				п.		
478	«Чай». Рейнбота.					п.	п.
479	«О воздухѣ» Калмыковой					п.	п.
480	«О почвѣ» Доброславина					п.	п.
481	«О сохраненіи силы и здоровья. Наши жилища». Илинскаго					п.	п.
482	«О тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ». Шмулевича.					п.	п
483	«Жилище и одежда». М. У.						
484	«О сохраненіи силы и здоровья. Одежда и чистоплотность» Илинскаго					п.	п.
485	«О тифѣ нынѣшняго года». Шмулевича . .						
486	«Какъ спасать и спасаться». Глинскаго. .						п.
487	«Объ апоплексіи или пострѣлѣ». Его-же. .						
488	«Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ». Перфильева						п.
489	«О ленточныхъ глистахъ» Брандта. . . .					п.	п.
490	«О чесоточныхъ зудняхъ». Его-же					п.	п.
491	«О глистѣ обыкновенной». Курбанова . .					п.	п.
492	«Объ оспѣ и оспопрививаніи». Гущина . .						п.
493	«Первые разсказы». Вагнера	п.			п.	п.	
494	«Первые разсказы». Быковой	п.					
495	«Первое знакомство съ животными» . . .						
496	«Изъ сельской природы»						
497	«Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ» Авенаріуса. .				п.		
498	«О пчелахъ и Муравьяхъ». Э. К. Брандта.					п.	п.
499	«Жители сада». С. Линдфорсъ						
500	«Наши враги и друзья въ мірѣ насѣкомыхъ»						
501	«Очеркъ жизни 40 насѣкомыхъ». Сост. Красновъ.						
502	«О нашихъ перелетныхъ птицахъ». Кайгородова			п.	п.	п.	п.
503	«Разсказы для дѣтей изъ сельскаго быта». Соловьева.	п.	п.		п		
504	«Какѣ нужно обращаться съ животными». Богданова						
505	«Наши обязанности къ животнымъ» . . .				п.	п.	п.
506	«Наши добрые слуги четвероногіе». Погосскаго			п.	п.	п.	п.
507	«Другъ и недругъ человѣка: собака и волкъ».			п.	п	п.	п.
508	«Наши мохнатые и пернатые друзья». Соч. мисс Гуинфринъ						
509	«Обезьяны, попугаи и слоны». Тихомировой и Богдановой		п.	п.	п.	п.	п.
510	«Бѣлка и сурокъ»	п.	п.		п.	п.	
511	«Лиса Патрикѣевна». Сливицкаго	п.			п.		
512	«Сказка о муравьѣ-богатырѣ». Авенаріуса.				п.	п.	
513	«Разоренное гнѣздо». Сливицкаго				п.	п.	
514	«Обезьяны». Разсказы изъ естественной исторіи. Выпускъ 1-й				п.	п.	
515	«Обезьяны». Разсказы изъ естественной исторіи». Выпускъ 2-й				п.	п.	
516	«Обезьяны». Разсказы изъ естественной исторіи. Выпускъ 3-й				п.	п.	
517	«О китѣ». Ганике		п.	п.	п.	п.	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
518	«Жизнь животныхъ и растеній». Андреева.						
519	«Первыя понятія о зоологіи». Поля Бера .						
520	«Бесѣды съ дѣтьми о растеніяхъ различныхъ странъ». Сост. Тарапыгинъ				п.	п.	
521	«Зернышко»				п.		
	«Бесѣды о русскомъ лѣсѣ». Кайгородова:						
522	I. Краснолѣсье.					п.	п.
523	II. Чернолѣсье					п.	п.
524	«Дерево и его жизнь»					п.	п.
225	«Ядовитыя растенія». Бороздиной						

IV.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ.

IV. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ.

Отъ вступленія въ Историческій отдѣлъ можно бы потребовать общаго обзора всѣхъ книгъ этого отдѣла, указаній принциповъ, руководившихъ рецензентомъ, выясненія воспитательнаго значенія историческаго чтенія. Но въ интересахъ нашихъ читателей мы предпочли, сгруппировавъ разсмотрѣнныя нами книги въ строго-систематическомъ порядкѣ, подвести итоги сказанному при каждой группѣ особо и въ каждой рецензіи останавливаться на руководящихъ началахъ, положенныхъ нами въ основу всей нашей оцѣнки, связывая притомъ рецензіи между собой настолько, чтобы эти начала вполнѣ выяснились. Здѣсь же желали бы мы повторить лишь одну мысль изъ высказанныхъ ниже: мы желали бы еще разъ напомнить о томъ, что книги историческаго содержанія читаются охотнѣе всѣхъ другихъ научныхъ книгъ читателями изъ народа, что на этомъ благодарномъ поприщѣ еще слишкомъ мало сдѣлано и что именно въ эту сторону должны быть направлены главнымъ образомъ усилія тѣхъ, которые вѣруютъ въ возможность воспитанія народа посредствомъ книги.

Кромѣ того, мы считаемъ необходимымъ указать на тотъ минимумъ историческихъ и географическихъ знаній, достиженіе котораго желательно и, какъ показываетъ практика многихъ мѣстностей, возможна въ начальныхъ училищахъ или хотя бы въ повторительныхъ школахъ для учившихся, окончившихъ и неокончившихъ курса народной школы всѣхъ именованій. Этотъ минимумъ слѣдующій: знакомство съ масштабомъ и планомъ; умѣнье читать географическую карту, какъ планъ мѣстности, и приблизительно вычислять по ней разстоянія, причисленіе географическаго градуса къ мѣрамъ длины, изучаемымъ въ школѣ, опредѣлять страны свѣта въ натурѣ и на картѣ: знакомство съ условными географическими знаками; понятіе о климатѣ и климатическихъ измѣненіяхъ въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ; краткое знакомство съ картой Россіи и полушарій, точное выясненіе понятій о вѣкѣ и упражненіе въ счетѣ годовъ вѣками, элементарное знакомство съ главнѣйшими внѣшними событіями русской исторіи отъ начала государства до нашихъ дней,

—такое знакомство, какое достигается, напримѣръ, за 20 получасовыхъ уроковъ по Руководству къ «Нашему Другу» барона Н. А. Корфа (самый методъ преподаванія и отношеніе учащихся къ исторіи выясняются въ «Руководствѣ для воскресныхъ повторительныхъ школъ» и въ нѣкоторыхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ книгахъ того же автора: «Наши педагогическіе вопросы», ч. ч. 1-я и 2-я).

Указаннаго минимума будетъ достаточно, для того чтобы устранить для читателей тѣ трудности, какія неизбѣжно должна представить для совершенно неподготовленныхъ всякая книга по исторіи и географіи, а также для того, чтобы очистить книги отъ тѣхъ недостигающихъ цѣли объясненій, которыми авторы силятся замѣнить для читателей недостающую имъ предварительную подготовку.

Книги, разбираемыя въ этомъ отдѣлѣ, подраздѣляются слѣдующимъ образомъ:

Глава I. Очерки изъ исторіи культуры всеобщей и русской и до-историческій періодъ.

Книги по русской исторіи.

1) *Былины, лѣтописи и другіе историческіе памятники.*
2) *Книги, обнимающія всю русскую исторію или болѣе или менѣе обширную часть ея.*
3) *Историческіе очерки объ отдѣльныхъ эпохахъ и дѣятеляхъ, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ.*

Книги по всеобщей исторіи.

Нѣкоторыя изъ рецензій сопровождаются «отзывами о книгахъ» взрослыхъ и малолѣтнихъ читателей изъ народа.

Въ концѣ отдѣла помѣщенъ «Указатель», распредѣляющій книги Историческаго отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей.

ГЛАВА I.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ И РУССКОЙ ИСТОРІИ И ДОИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

526) **Разсказы изъ русской исторіи.** *«О бытѣ народовъ арійскаго племени въ до-историческое время».* Составилъ Б. А. Павловичъ. Изд. Кожанчикова. Спб. 1873 г. Ц. 10 к. 38 стр.

527) **На память стараго года.** Повѣсти и разсказы для дѣтей. В. Самойловичъ *). Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 1) *«Дикари».* 2) *«Какъ люди нашли въ землѣ металлы».* 3) *«Какъ жили люди въ давнопрошедшія времена».*

Съ чего слѣдуетъ начинать, приступая къ ознакомленію съ исторіей? Гдѣ и въ чемъ начало исторіи?—Вопросовъ этихъ не существовало, когда исторія была лишь исторіей царей и войнъ. Исторія Вавилоно-Ассирійскаго государства начиналась повѣствованіемъ о подвигахъ Нимврода и Ассура; римская исторія—съ чудеснаго воспитанія волчицей Ромула и Рема; наша русская—съ призванія князей. Но съ тѣхъ поръ какъ въ исторіи, кромѣ царей и войнъ, получили мѣсто и самые народы, а исторія *народовъ* слилась въ исторію *человѣчества*, сдѣлалась и исторіей культуры,—выше поставленный вопросъ явился самъ собой и сталъ, такъ сказать, у порога къ дѣлу.

Исторія въ прежнемъ своемъ видѣ, посвященная преимущественно династическимъ интересамъ и вопросамъ внѣшней политики, не имѣетъ недостатка въ учебникахъ, но исторія культуры, т. е. исторія духовной борьбы,—результатомъ которой явились высшіе идеалы современнаго человѣчества, исторія собственно человѣческаго труда, цѣной котораго создались наука, экономическое благосостояніе и обстановка обыденной жизни цивилизованнаго общества,—не получила еще надлежащаго виднаго мѣста въ педагогической литературѣ. Исторіи борьбы человѣка съ силами физическими, усилій его возвыситься соединенными силами себѣ подобныхъ надъ состояніемъ общимъ съ животными, на которомъ онъ находился, естественно должна предшествовать яркая картина этой жизни первобытнаго человѣка. Картина эта не только необходима, какъ точка отправленія для разсказа, но и какъ мѣрило для сравненія послѣдующихъ, прогрессивно развивающихся формъ быта.

Просмотрѣвъ педагогическую и народную литературу, чтобы сгруппировать все подходящее въ ней для такого начала исторіи, намъ удалось найти немногое, къ разбору чего мы и приступаемъ.

Въ разсказѣ Павловича читатель найдетъ очень полную, рельефную картину жизни первобытнаго человѣка и современнаго дикаря, исторію постепеннаго перехода его къ быту пастушескому, земледѣльческому и, наконецъ, жизни осѣдлой. Единственный недостатокъ очерка—то, что недостаточно выяснена потребность человѣка жить съ себѣ подобными; авторъ нигдѣ не говоритъ о томъ, какое значеніе для улучшенія жизни имѣло соединеніе людей для достиженія общихъ цѣлей.

Языкъ очерка довольно простъ, но авторомъ предназначался онъ не для народнаго чтенія, а для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Являлось опасеніе, что школьникамъ и взрослымъ читателямъ простолюдинамъ очеркъ покажется неинтереснымъ. Опасенія оказались неосновательными. Мы давали его для чтенія ученицамъ воскресной школы, совершенно неподготовленнымъ, т. е. не прошедшимъ курса народной школы,—и ими даже читался онъ съ большимъ интересомъ; не говоримъ уже о

*) См. рец. 1875 г., № 43 стр. 1402—1407. (Въ статьѣ «Злополучіе дѣтской литературы».)

тѣхъ, которыя обладали подготовительными свѣдѣніями, сообщаемыми такими книгами для класснаго чтенія, какъ «Нашъ Другъ» барона Корфа и книга Водовозова. Отъ нѣкоторыхъ получался такой подробный пересказъ, при которомъ вопросы были излишни; другимъ мы предлагали ниже-помѣщенные вопросы, которые могутъ дать понятіе о богатствѣ содержанія очерка.

Приводимъ характерный отвѣтъ ученицы воскресной школы *П—вой* (26 л.), такъ опредѣлившей значеніе книги: —Книга эта не то что интересная, а прочла я ее съ большимъ удовольствіемъ, потому что она полезная: изъ нея можно узнать, какъ трудно было людямъ дойти до теперешней жизни.

Такіе отзывы получались не отъ одной П—вой. Съ большимъ интересомъ читалась книга и взрослыми деревенскими грамотѣями, посѣщавшими одну изъ повторительныхъ школъ южной Россіи.

Мы придаемъ особое значеніе подробному переспросу содержанія, а потому и прилагаемъ цѣлый рядъ *вопросовъ*.

Съумѣли-ли люди въ старину сразу хорошо устроить свою жизнь?

Какую выгоду представляла древнимъ людямъ жизнь въ лѣсахъ?

Почему заселились людьми прежде всего теплыя страны?

Изъ чего сдѣлалъ себѣ оружіе древній человѣкъ?

Что заставило людей пожелать жить въ обществѣ, а не въ одиночку?

Какъ добывали себѣ люди пищу въ лѣсу?

Что заставило человѣка выйти изъ лѣса въ степь?

Кому лучше жилось—человѣку звѣролову или кочевнику пастуху?

Кому поклонялись звѣроловы, кого стали боготворить кочевники?

Какую пользу принесло людямъ умѣнье пользоваться огнемъ?

Кѣмъ насыпаны высокія могилы, холмы въ нашихъ степяхъ губерній Кіевской, Екатеринославской?

Почему земледѣльцы перестаютъ кочевать, ведутъ жизнь осѣдлую?

Въ какихъ мѣстностяхъ стали селиться земледѣльцы?

Какъ началась торговля?

Для чего стали люди строить города?

Какую жизнь людей называютъ родовымъ бытомъ?

За сколько лѣтъ до нашего времени жили наши предки славяне отдѣльными родами?

Какъ называлось совѣщаніе объ общихъ дѣлахъ, на которое собирались всѣ въ сосѣдствѣ жившіе роды?

Есть ли теперь такіе народы, которые живутъ такою жизнью, какою въ незапамятную старину жили всѣ народы на всемъ земномъ шарѣ?

Въ очеркѣ Павловича о бытѣ народовъ арійскаго племени лишь упоминается о томъ, что есть племена дикарей, которые въ настоящее время живутъ тою же жизнью, какою жило все человѣчество въ до-историческое время, а интересную полную картину жизни дикарей читатели найдутъ въ статьѣ Самойловичъ «Дикари».

Авторъ описываетъ наружность дикарей, ихъ страсть къ украшеніямъ, говоритъ объ ихъ умственныхъ способностяхъ, языкѣ, домашнемъ бытѣ, семейныхъ отношеніяхъ, вѣрованіяхъ, о людоѣдахъ. Недостатокъ рисунковъ въ текстѣ даетъ себя знать на каждомъ шагу. Изложеніе отличается неровностью: то оно просто, доступно, то вдругъ поражаетъ отвлеченными изреченіями въ родѣ слѣдующихъ: «не нужно заключать, что дикари вовсе неспособны къ умственному развитію и образованію. Какъ ни низко стоятъ они въ сравненіи съ цивилизованными людьми, но все же они люди и не лишены человѣческихъ свойствъ ума» (стр. 141).

Или: «вопросъ о насущной пищѣ становится не только самымъ важнымъ вопросомъ въ жизни дикаря, но почти единственнымъ, на который онъ устремляетъ все свое вниманіе и надъ которымъ изощряетъ и развиваетъ всѣ силы и способности, данныя ему природой» (стр. 144).

Мы рѣшаемся рекомендовать эту статью, не смотря на вышеуказанныя трудности изложенія, потому что за этими учеными разсужденіями тотчасъ слѣдуютъ такіе характерные факты, рисующіе умственныя способности дикарей, ихъ заботы о добываніи пищи, что эти непонятныя строки должны пройти безслѣдно, не мѣшая ни усвоенію содержанія, ни интересу чтенія. Обращаемъ вниманіе на эту статью, вполнѣ доступную развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Какъ украшаютъ себя дикари?

Что замѣтили вы о языкѣ дикарей?

Какими способностями отличаются дикари?

Чѣмъ питаются, какъ живутъ, какъ относятся къ роднымъ, къ умершимъ?

Способны ли дикари обучиться наукамъ, ремесламъ?

Какъ называются люди, которые идутъ проповѣдывать дикарямъ христіанство?

Какой существуетъ у дикарей ужасный обычай?

Какой примѣръ жестокости людей приведенъ здѣсь въ книгѣ? (Кормленіе рыбъ рабами у римлянъ).

Статья: «Какъ люди нашли металлы въ землѣ и что̀ они стали изъ нихъ дѣлать» служитъ дополненіемъ къ выше-разобраннымъ разсказамъ Павловича и Самойловичъ. Въ ней сообщается о первомъ знакомствѣ человѣка съ металлами, о бронзовомъ періодѣ, о значеніи желѣза, о почетѣ, какимъ пользовались въ то время кузнецы, слывшіе даже за колдуновъ, о раздѣленіи людей по роду занятій, о возникновеніи торговли, письменности, замѣнившей устное преданіе. Очеркъ содержателенъ и интересенъ. Самая существенная часть его—о значеніи желѣза (стр. 187—189).

Статья доступна для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Какое оружіе стали употреблять люди послѣ каменнаго?

Почему бронза и мѣдь вошли въ употребленіе раньше желѣза?

Почему желѣзо считается самымъ полезнымъ металломъ и что изъ него дѣлаютъ? (стр. 187).

Послѣ какого открытія копья, стрѣлы, сѣкиры замѣнены инымъ оружіемъ?

Какъ подѣлили люди дѣло между собою и какая была польза оттого, что каждый сталъ заниматься чѣмъ-нибудь однимъ?

Какъ сохранялась народами память о быломъ?

Въ томъ-же сборникѣ Самойловичъ находимъ мы статью: «Какъ жили люди въ давнопрошедшія времена» — одинаковаго содержанія съ разсказомъ Павловича: «О бытѣ народовъ арійскаго племени». Онъ представляетъ картину жизни первобытнаго человѣка со всей бытовой его обстановкой, настолько полную, насколько даютъ для этого матеріалъ открытые учеными слѣды этой давнопрошедшей жизни человѣчества въ пещерахъ, озерахъ, могилахъ. Описывается и природа, окружавшая человѣка, и исчезнувшія породы животныхъ. Но эта искусственно составленная картина гораздо менѣе полезна и содержательна, чѣмъ та исторія постепеннаго перехода человѣка отъ быта звѣролова до осѣдлой жизни въ городахъ, какую мы находимъ у Павловича. И по языку этотъ очеркъ Самойловичъ недоступенъ читателю-простолюдину. Интересны въ немъ, пожалуй, лишь первыя двѣ страницы, гдѣ авторъ объясняетъ значеніе слова *цивилизація*, дающія богатый матеріалъ для бесѣды.

А. К.

---

528) **Старина земли Русской.** Книга первая. Слово о старинѣ незапамятной. Соч. А. Гатцука *). Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1874 г. Изд. 3-е. Ц. 15 к. 36 стр.

Въ поискахъ за книгами о до-историческомъ періодѣ жизни человѣчества вообще и славянъ въ частности нельзя было не обратить вниманія на названную книгу. Она выдержала уже три изданія, украшена множествомъ картинокъ, изображающихъ предметы, дошедшіе до насъ отъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, могильныя сооруженія, идолы. Составитель, очевидно, пользовался хорошими источниками по антропологіи и археологіи. Къ сожалѣнію, сообщаемыя свѣдѣнія расположены въ неудобной системѣ.

Языкъ — то простъ до нельзя, то переходитъ въ языкъ ученыхъ трактатовъ, то является неудачнымъ подражаніемъ эпическому языку народнаго сказанія. Послѣднее, ничуть не украшая книги, сильно мѣшаетъ ея пониманію.

Въ книгѣ находимъ слѣдующія главы: 1) Какъ люди ковать научились и чѣмъ встарь обходились. 2) Могилы. Какъ хоронили покойниковъ. Остатки жилья и пищи. 3) Старина каменная. 4) Старина бронзовая и мѣдная. 5) Желѣзная старина.

Учитель найдетъ въ этой книгѣ немало интересныхъ свѣдѣній, но для читателей простолюдиновъ, даже наиболѣе развитыхъ, она совершенно недоступна по вышеуказаннымъ особенностямъ. Ею можно пользоваться, какъ картиннымъ атласомъ, но и это значеніе ея въ большей степени умаляется отсутствіемъ подписей подъ изображеніями. Все-же это пока единственный доступный по цѣнѣ картинный атласъ для этого періода исторіи, а потому и признаемъ книгу желательной для народной библіотеки.

Книга эта должна выдаваться одновременно съ разсказами Павловича и Самойловичъ, служа для нихъ дополненіемъ своими иллюстраціями.

А. К.

---

*) Реценз. см. «Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.» 1875 г. Т. 179, № 5, стр. 10—11.

529) **Разсказы изъ русской исторіи.** Б. А. Павловича. *О жизни славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени.* Спб. 1873 г. Ц. 12 к. 31 стр.

530) **Разсказы изъ русской исторіи.** Б. А. Павловича. *О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о крещеніи ихъ.* Спб. 1873 г. Ц. 12 к. 25 стр.

Отъ описаній историческаго быта всего человѣчества естественно перейти къ до-исторической жизни нашихъ предковъ. Съ нею могутъ познакомить два названные прекрасные разсказа Павловича. Второй изъ нихъ на первыхъ 10-ти страницахъ даетъ нетолько понятіе о главныхъ божествахъ славянъ, но и тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя не исчезли въ народѣ до сихъ поръ: гаданья, значеніе крика птицъ, заговоры и заклинанія, вѣра въ вѣдьмъ, лѣшихъ, значеніе знахарей.

Мы придаемъ особое значеніе сближенію, сдѣланному авторомъ между далекимъ прошлымъ и настоящимъ. Не передаемъ содержанія очерковъ, о чемъ могутъ дать понятіе нижеслѣдующіе *вопросы*:

Откуда произошли названія: *славяне* и *нѣмцы?*

Гдѣ, по какимъ рѣкамъ поселились поляне, ильменскіе славяне и древляне?

Съ кѣмъ пришлось бороться осѣдлымъ славянамъ?

Какимъ путемъ шли варяги въ Греческую землю?

Любили-ли воевать славяне и какъ относились къ побѣжденнымъ?

Какъ они жили и кто у нихъ былъ начальникомъ?

Какія у нихъ были жилища, одежда, оружіе, нравы, обычаи?

Чѣмъ они занимались и были-ли у нихъ города?

Какимъ богамъ поклонялись и какіе были у нихъ праздники?

Какъ звали первыхъ князей?

Когда, откуда и гдѣ впервые появилось христіанство на Руси?

Какъ оно распространилось и кто его сдѣлалъ общею вѣрою русскаго народа?

Сосчитайте, какъ давно Русь стала христіанскою?

Чѣмъ главнымъ образомъ отличается христіанство отъ язычества: кому поклонялись язычники и въ кого вѣруютъ христіане?

Что дозволялось въ язычествѣ, но строго запрещается христіанскою вѣрою?

Какіе вы знаете обычаи, увеселенія, повѣрья, примѣты, которые остались у насъ со временъ язычества?

А. К.

---

531) **Народные предразсудки и суевѣрія.** *Лѣшіе, русалки, колдуны, вѣдьмы и оборотни.* М. Н. Парунова. Спб. 1873 года. Ц. 15 к. 35 стр.

Вѣрованія въ вѣдьмъ, лѣшихъ, водяныхъ и другихъ представителей нечистой силы авторъ объясняетъ страхомъ и непониманіемъ самыхъ простыхъ явленій и законовъ природы. Онъ приводитъ отрывки изъ «Бѣжина Луга» Тургенева и даетъ реальное объясненіе каждому изъ страшныхъ видѣній, о которыхъ тамъ разсказывается. Приводятся имъ также примѣры изъ исторіи. Говоря о колдунахъ, вѣдьмахъ, о казняхъ надъ ними и глубокой вѣрѣ въ ихъ силу нашихъ предковъ, г. Паруновъ слишкомъ поскупился на факты. Въ соч. Забѣлина онъ нашелъ-бы богатый матеріалъ для своей книги, который лучше всякихъ разсужденій убѣдилъ-бы читателей въ могуществѣ и вредѣ тѣхъ нелѣпыхъ страховъ, которые царствовали на Руси даже во времена Алексѣя Михайловича отъ курной избы до дворца. Въ заключеніе упоминаетъ авторъ объ упыряхъ и оборотняхъ и разныхъ ложныхъ представленіяхъ, возникающихъ отъ разстроенныхъ страхомъ нервовъ; о волшебныхъ фонаряхъ, какъ орудіи обмановъ въ рукахъ вызывателей духовъ, разнаго рода эксплуататоровъ темнаго, невѣжественнаго люда.

Книга не обладаетъ особыми достоинствами, написана тяжелымъ книжнымъ языкомъ, но, за неимѣніемъ лучшихъ книгъ того-же содержанія, считаемъ ее желательной въ народной библіотекѣ для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Отчего человѣкъ поклонялся прежде стольким богамъ, почти всему, что видѣлъ?

Кого считали иногда въ старину виновниками голода?

Почему наказывали въ старину колдуновъ и вѣдьмъ съ такою жестокостью?

Кого называютъ кликушами?

Къ какому средству люди прибѣгали, чтобы видѣть страшные сны?

Какая выгода человѣку быть знахаремъ или колдуномъ?

Кто вѣритъ въ чертовщину и колдовство теперь и кто вѣрилъ прежде?

Что прочли вы объ оборотняхъ, упыряхъ?

Какъ принимаются нѣкоторыми полезныя изобрѣтенія и открытія?

Интересно было прослѣдить, какъ читаются народомъ книги такого содержанія. Читаются, насколько намъ приходилось наблюдать, охотно, но именно тѣ книги, въ которыхъ находятъ не разсужденія, не строгія осужденія невѣжества и суевѣрія, а анализъ существующихъ повѣрій и объясненія явленій, послужившихъ основаніемъ для ложныхъ представленій. Впечатлѣніе, оставляемое такого рода чтеніемъ, еще сильнѣе, если книга читается не въ одиночку дома, а въ сообществѣ съ другими, читается преподающимъ или лицомъ, руководящимъ чтеніемъ, которому слушатели вѣрятъ, къ которому привыкли обращаться за разъясненіями.

А. К.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Первыя 10 страницъ изъ очерка Павловича: «О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ» и книга Парунова: «Лѣшіе, русалки, колдуны, вѣдьмы и оборотни» прочитаны были мною взрослымъ ученицамъ воскресной школы, собравшимся у меня въ праздничный день. Я не знала, какъ отнесутся онѣ къ предмету чтенія, будутъ ли откровенно высказываться сами. Не успѣла я прочесть на первыхъ страницахъ книги о лѣшемъ, какъ замѣтила у нѣсколькихъ слушательницъ желаніе вставить свое слово.

Полина И—ва. Это *такъ*, точно. Лѣшій выходитъ изъ лѣсу, сводитъ съ дороги, заводитъ Богъ знаетъ куда. Тутъ, въ Харьковѣ, не знаю, а во Владимірской губерніи работники отца спасали людей, которыхъ завелъ лѣшій. Сама не знаю, что это? Думы ли такія, или привидѣнія, или воображеніе одно строитъ эти страхи? (И—ва—большой скептикъ и любитъ говорить высокимъ слогомъ).

К—ко (добродушная, цвѣтущая 16-ти-лѣтняя дѣвушка, недавно переѣхавшая въ городъ изъ малорусской деревни). У насъ такъ же разсказываютъ. Я слышала сама отъ старика въ Зміевскомъ уѣздѣ, какъ его лѣшій подъ мостъ завелъ, а потомъ вдругъ исчезъ съ глазъ его, и онъ тогда только увидѣлъ, что зашелъ подъ мостъ.

К—ва (23-хъ лѣтъ, серьезная дѣвушка, много читавшая). Такимъ случаямъ повѣрить не трудно, хотя лѣшій тутъ ни-при-чемъ. Вотъ недавно иду задумавшись, подхожу къ мосту, и кажется мнѣ, что передо мной не противоположный берегъ, а тотъ, съ котораго иду. И такъ это мнѣ ясно представлялось, что я нѣсколько разъ оборачивалась, чтобы убѣдиться, что иду, куда слѣдуетъ, а не назадъ. Вотъ бы свалить мнѣ это на лѣшаго! А хотѣлось бы мнѣ знать настоящее объясненіе! Нездоровилось мнѣ въ этотъ день, и шла я очень усталой.

— Разскажите, обратилась я къ говорившимъ:—какого же вида лѣшіе? какъ объ этомъ разсказывали?

— Да иногда принимаетъ лѣшій видъ какого-нибудь знакомаго человѣка, а иногда и вовсе неизвѣстнаго. Только совсѣмъ какъ человѣкъ, отвѣчали мнѣ.

Разсказано было еще нѣсколько случаевъ о продѣлкахъ лѣшихъ даже въ предѣлахъ Харькова, въ сторонѣ, лежащей у рѣки, гдѣ начинаются дачи, сады.

Я прочла объ обыкновеніи оставлять колосья *«Волосу на бороду»*.

Сан—ва (замужняя женщина, 30-ти лѣтъ). Вотъ когда только узнала, что̀ это значитъ! Жнемъ бывало въ Волчанскомъ уѣздѣ, а отецъ велитъ оставлять на каждой нивѣ колосья; оставимъ да еще и заплетемъ ихъ, а почему—не знала.

К—ко сообщила о существованіи такого же обычая въ Зміевскомъ уѣздѣ и прибавила, что оставляютъ еще такіе колосья, которые находятъ какъ будто сплетшимися.

Про обычай поливать пастбища масломъ, чтобы не было болѣзни на скотъ, никто не слышалъ.

О примѣтахъ, связанныхъ съ различными птицами, послышались сообщенія ото всѣхъ.

— Филинъ, сова—это—ужъ извѣстно—несчастіе. Сорока—на чей домъ сядетъ—гость. Если удодъ долбитъ крышу или стѣну,—въ томъ домѣ быть покойнику.

Ст—ва. Замѣтили мы удода, а у насъ послѣ того въ семьѣ три души умерло скоропостижно, а отчего — не знаю! (На связи между двумя явленіями Ст—ва не настаивала). Мышь летучая, если сядетъ, тоже смерть, а если на голову—лысый будетъ. Ласточки

низко летаютъ—дождь будетъ. Гнѣздо на дому—счастье, разорять грѣшно.

С—ва. На прошлой недѣлѣ племянники разорили гнѣздо ласточекъ, а бабушка стала доить корову, видитъ—съ кровью удой. Скажите ей, что это не оттого, что дѣти гнѣздо разорили!

К—ва. Старыхъ людей не разувѣришь. На дняхъ шла въ лавки съ матерью, — очень спѣшно было сдѣлать покупку,—пролети тутъ надъ нами ворона да и каркни! Мать сейчасъ же домой повернула; просила, чуть не плакала, — ни за что въ тотъ день въ лавки не пошла.—Воробей сѣлъ да кричитъ—несчастіе будетъ.

К—ко. Это правда. Только это мать сказала про воробья, а отецъ пріѣзжаетъ изъ города и говоритъ:—лошадь у него хорошую подмѣнили.

— Кукушка предвѣщаетъ, сколько жить. Если въ первый разъ услышатъ ее на пустой карманъ—цѣлый годъ не будетъ денегъ.

— Кукушкѣ то ужъ вѣрить нельзя. Года три назадъ назначила мнѣ годъ жизни, а вотъ и сейчасъ еще живу, замѣтила М—ва.

Въ книгѣ зашла рѣчь о леченіи заговорами.

У—ва. Былъ у насъ квартирантъ, сапожникъ; дурно жилъ съ женой, пилъ крѣпко. Позвали бабку; та говоритъ:—въ немъ нечистая сила. Заперли его на три дня, чѣмъ то поила, шептала... Ужъ помогло ли—не знаю: съ квартиры съѣхали.

С—ва. У сестры долго была лихорадка, мать на рѣку ходила; взяла пшена туда, бросила и говорила: «Лихорадки, лихорадки, васъ семьдесятъ-семь, наше вамъ пшено всѣмъ». Такъ сосѣдки научали.

Л—ва. Есть старикъ на Москалевкѣ (часть г. Харькова) — заговорщикъ отъ лихорадки. Много къ нему ходитъ. Даетъ записку носить на шеѣ и три паука велитъ поймать живыхъ и въ скорлупѣ орѣха носить на шеѣ, на третій день — подойти къ забору и бросить черезъ голову.

Сан—ва. Еще и такое есть средство: идти по неизвѣстной дорогѣ до перваго шинка, купить тамъ яйцо, только сдачи не брать,—съѣсть и назадъ идти, не оглядываясь.

С—ва. Съ больнаго еще рубашку снимаютъ, свертываютъ и забрасываютъ на чужой дворъ. Наша сосѣдка такъ сдѣлала. А рубашку нашли, да узнали знакомыя, что—ея,—и принесли. Такъ она не взяла, отказалась—будто не ея.

Н—ва. Ну, будетъ, всего не перескажемъ, только чтеніе задерживаемъ. Пожалуй, вонъ и на кладбище ходятъ, землю берутъ да носятъ на себѣ и кость ищутъ и носятъ, если у кого наростъ дѣлается.

Прочла я о приворотной силѣ, приписываемой костямъ летучей мыши. Это оказалось всѣмъ извѣстнымъ. Со смѣхомъ начали разсказываться разныя продѣлки влюбленныхъ, вооруженныхъ крючкомъ и метлой изъ мышинаго скелета.

Ст—ва. Бросаютъ мышь въ кучу къ мурашкамъ (муравьямъ), чтобъ объѣли.

— Или варятъ въ молокѣ, сказалъ кто-то.

С—ва. Нѣтъ мыши, такъ и куриная кость въ дѣло идетъ; еще посыпаютъ дорожку отъ себя до того, кого желаютъ къ себѣ привязать.

С—ва. Еще берутъ новый горшокъ, сажаютъ паука и ставятъ на покутѣ (красный уголъ). Черезъ три дня, если паукъ будетъ наверху—будетъ счастіе; если внизу—дурно будетъ жить, а если издохъ—значитъ умрешь.

К—ва. Вотъ бѣда то! Вдругъ кому нибудь отъ большой любви заблагоразсудится такъ погадать, а паукъ то издохнетъ: значитъ и мучься, и ожидай смерти?

Медленно подвигалось чтеніе. Я не сѣтовала на это: слушали съ интересомъ, а если прерывали его, то потому, что оно вызывало слишкомъ живые образы или воскрешало вопросы, и прежде уже возникавшіе въ душѣ.

Мѣсто въ разсказѣ Павловича, гдѣ онъ говоритъ о живучести языческихъ вѣрованій и послѣ принятія христіанства, вызвалъ у К—вой слѣдующій разсказъ:

— Зачѣмъ въ старину ходить за примѣрами? И сейчасъ это есть. Недалеко отъ насъ, на Холодной горѣ (часть г. Харькова, около вокзала) задумали зажиточные люди домъ строить. Навезли матеріала, позвали священника, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ на мѣстѣ постройки, угощеніе было, все какъ слѣдуетъ. Только мать говоритъ: «надо старину соблюсти». Поставили столбъ съ перекладиной, гдѣ будетъ главный уголъ, подвѣсили горшокъ съ тремя пауками. Значитъ, если оснуютъ паутину, то будетъ благополучіе, а нѣтъ, то не къ добру и постройка. Пауки то и не пожелали основать паутины: дожди тутъ были. Что дѣлать? Мать не велитъ постройки начинать, матеріалъ лежитъ—портится; и вотъ вся семья въ недоумѣніи которую уже недѣлю. Скажите, какое же вѣрованіе у нихъ сильнѣе? Конечно, языческое. Вѣдь молебенъ то служили, а отъ пауковъ дѣло стало.

Дошла очередь до вѣдьмъ. Слушали съ па-

пряженнымъ вниманіемъ; настроеніе стало серьезнымъ.

Ст—ва. Разскажу случай съ моимъ отцомъ. Я тогда маленькая была, этого не помню. Отецъ былъ сторожемъ при церкви. Была у насъ сосѣдка - вѣдьма и много ему порчи въ хозяйствѣ дѣлала. Былъ разливъ; шелъ онъ въ церковь на сторожу, а она оборотилась свиньей и не даетъ ему ходу, — продержала его такъ до свѣта. Заболѣлъ даже отецъ. Иногда выпьетъ онъ, позоветъ ее въ гости, да и начнетъ ей, пьяный, выговаривать. Стоялъ у насъ солдатъ. Узналъ онъ это все и говоритъ отцу: «Я всѣхъ вѣдьмъ могу въ 12 час. ночи вызвать; хочешь—и сосѣдку зазову?» Отецъ говоритъ: «Дѣлай, какъ знаешь». Вотъ легли—отецъ на дворѣ, а солдатъ—на койкѣ въ сараѣ. Приходитъ ночью что то въ родѣ собаки, а похожа и на женщину. И сталъ ее солдатъ бить крѣпко, и спрашиваетъ отца: «Хочешь— ей лапы отрублю или зубы выбью?» Отецъ говоритъ: «Хоть что нибудь, чтобы узнать можно было». Выбилъ солдатъ два зуба. На другой день посылаетъ мать за хлѣбомъ къ сосѣдкѣ. А сосѣдка на печи лежитъ, не отзывается. Невѣстка дала хлѣба, да и говоритъ: «Ложилась мать здоровой, а поутру чуть жива, говоритъ: — зубы болятъ. Смотримъ—двухъ зубовъ и вовсе нѣтъ». Такъ и ходила долго сосѣдка съ подвязанной щекой и отца въ покоѣ оставила.

Б—ва. А узнаютъ вѣдьмъ потому, что онѣ въ церкви, предъ тѣмъ что запоютъ: «Христосъ Воскресе», замокъ цѣлуютъ.

К—ко. У насъ въ деревнѣ одинъ считалъ, такъ пять вѣдьмъ насчиталъ. Вотъ бы ему споткнуться да лбомъ объ замокъ, такъ его бы за шестую присчитали! замѣтила одна изъ слушательницъ съ негодованіемъ. — И какъ это въ такой тѣснотѣ считать умудрились!

Л—ва. Еще была женщина, и у нея на квартирѣ солдатъ стоялъ, и видитъ онъ, что хозяйка наварила зелья, стала мазаться и потомъ улетѣла.

— Это Пушкинъ написалъ!... Не надо, не надо читанное разсказывать! остановили подруги Л—ву.

К—ко. Я слышала — если кто вѣдьму желаетъ видѣть, нужно трубу очкуромъ (поясомъ отъ шароваръ) перевязать въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ: вѣдьма придетъ за капустой, а сама броситъ масла у воротъ.

М—ва. Жила въ Полтавѣ женщина въ саду, сторожиха, и сталъ у нея кто-то коровъ доить. Вотъ попросила она солдата подкараулить. Смотритъ — идетъ женщина въ бѣлой рубашкѣ, съ распущенными волосами и съ подойникомъ,—и къ коровамъ прямо. Онъ того не побоялся да какъ началъ ее колотить!... Оказалось, сосѣдка ходила молоко красть, а для страха другимъ такъ наряжалась.

— Какъ же вы слышали, спросила я, обращаясь ко всѣмъ:—откуда вѣдьмы силу свою получаютъ?

Б—ва. Говорятъ, вѣдьма природная и съ хвостомъ.

Это подтвердили еще нѣсколько. Нашлись даже видѣвшія вѣдьмъ изъ числа знакомыхъ во время купанья.

Насколько удалось прослѣдить, вѣра въ вѣдьмъ оказалась наиболѣе сильнымъ и распространеннымъ изъ суевѣрій.

Сан—ва. А какъ имъ трудно умирать! Когда вѣдьма умираетъ, нужно потолокъ разобрать: только вверхъ душа можетъ вылетѣть.

— Вотъ вы разсказывали, что вѣдьма въ птицу, въ свинью, во что хочетъ можетъ обратиться; а гдѣ-жъ ея тѣло въ это время находится? спросила я.

Вопросъ мой озадачилъ большинство, а нѣкоторыя отвѣчали, что тѣло лежитъ, какъ будто спитъ человѣкъ.

М—ва разсказала по этому поводу слѣдующее:

— Въ нашей деревнѣ, Харьковскаго уѣзда, жилъ вдовецъ и съ маленькими дѣтьми,—и женился. Жена эта вторая была вѣдьма. Никто этого не зналъ, кромѣ меньшой дочки вдовца. Какъ лягутъ спать, заснутъ всѣ, мачиха обращается въ черную кошку, наведетъ другихъ—и начнутъ играть и угощаться. А тѣло ея лежитъ, будто спитъ она. Говорятъ, если его повернуть головой на то мѣсто, гдѣ были ноги, то вѣдьма не можетъ войти опять въ свое тѣло. Дѣвочка все это видѣла да тѣла повернуть не рѣшилась: боялась мачихи. Выходитъ вѣдьма изъ тѣла какъ тѣнь, и отъ ея тѣла уже тѣни не бываетъ тогда.

Во время чтенія, отчасти потому, что спѣшила записывать, отчасти чтобы не помѣшать откровенно высказаться, я не дѣлала никакихъ замѣчаній на то, что сообщалось моими слушательницами. Закончить наше чтеніе и бесѣду, не подведя, такъ сказать, итоговъ, не внося чего нибудь своего, я считала невозможнымъ. Нельзя однимъ разговоромъ разубѣдить людей, разрушить вѣковыя вѣрованія. Нападать на нихъ рѣзко, называя ложью, невѣжествомъ,—и несправедливо, и безполезно. Однѣ замолчатъ и перестанутъ откровенно высказываться; другія начнутъ

лицемѣрить, поддакивать. Въ концѣ концовъ, всѣ останутся при своемъ. Единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ является внесеніе нѣкоторыхъ поправокъ въ сообщенное,—поправокъ, зарождающихъ сомнѣніе въ самихъ разсказчицахъ. Гдѣ приходится напомнить, что очевидецъ былъ пьянъ, гдѣ—что дошелъ разсказъ не изъ первыхъ рукъ; указать на болѣзненное состояніе наблюдавшаго и т. д. Эти поправки, впрочемъ, дѣлались и самими слушательницами, какъ это видно было и выше.

— Вотъ читала и говорили мы, обратилась я къ своимъ слушательницамъ: — о разныхъ вѣрованіяхъ, о леченіи заговорами, о знахаряхъ, вѣдьмахъ, лѣшихъ. Что же: вѣрить всему этому или нѣтъ?

И—ва. Ничему не вѣрю, кромѣ вѣдьмъ. Больше ничего не принимаю.

Л—ва. Ничему не вѣрю. Бывали же вѣдьмы и изъ крѣпостныхъ; значитъ, еслибы у нихъ была такая власть, сдѣлали бы себя и своихъ свободными.

Б—ва. Мнѣ кажется, я не вѣрю.

Ст—ва. Какъ сказать? Про вѣдьмъ отецъ разсказывалъ. Я объ нихъ не думаю, а какъ же ему не повѣрить! Сама лечусь и дѣтей ношу къ доктору, а не знахарю.

— А я такъ всему вѣрю, сказала простодушно *К—ко* со вздохомъ. Молчавшія были согласны съ нею.

Сан—ва. Мнѣ кажется, не вѣрю, потому что никогда ни объ чемъ этомъ не думаю и не предостерегаюсь.

С—ва. Вотъ изъ насъ бо́льшая часть не вѣритъ, а еслибы кто заболѣлъ въ семьѣ и никакое докторское леченье не помогло, — обратились бы и къ заговору, подумавши: — если не поможетъ, то и не повредитъ. То же и съ вѣдьмами и другими страхами. Сидимъ спокойно, разсуждаемъ, не вѣримъ, а въ испугѣ нельзя поручиться за себя: мало ли что̀ представится!

(Искренно, вѣрно!)

На слѣдующее воскресенье рѣшили читать книгу Парунова. Въ книгѣ оказалось много знакомаго по предыдущему чтенію, а потому чтеніе прервалось только на 15-й страницѣ. Остановились на вопросахъ:

Откуда являются всѣ описанные страхи? Что заставляетъ людей дѣлаться знахарями?

С—ва. Вѣритъ всѣмъ страстямъ этимъ и боится всего тотъ, кто ничего не читалъ, ничего не знаетъ. А знахари—это люди, мало или вовсе не вѣрящіе, которые обманываютъ другихъ для своей выгоды.

Т—ко. Я слышала, что есть колдуны природные, а другіе учатся этому. Когда колдунъ умираетъ, то долженъ свою силу передать другому.

С—ва и *К—ва.* Какую тамъ силу передавать! Есть у человѣка хитрость, жадность къ деньгамъ, вотъ и пойметъ, что́ дѣлать, безъ всякой его силы.

Х—ва. Я слышала, что колдунъ умереть не можетъ, если не передастъ другому своего колдовства. Одинъ хотѣлъ передать женщинѣ знакомой, а та побоялась — не взяла, такъ онъ долго мучился.

— Ну, и что же? нетерпѣливо спросили подруги:—умеръ?

— Не знаю. Говорятъ, колдуны не умираютъ—проваливаются въ землю, и ихъ забрасываютъ камнями.

— Вотъ такъ и всѣ разсказы безъ конца: на самомъ интересномъ мѣстѣ — «не знаю». Ни тѣ, что слушали, ни тотъ, что разсказывалъ, не знаютъ; но это не мѣшаетъ опять другимъ разсказывать, замѣтила всегда рѣзкая въ своихъ замѣчаніяхъ Сан—ва.

— А почему колдуновъ такъ строго наказывали? спросила я.

С—ва. Чтобы другіе не подражали имъ—не обманывали людей.

К—ва и *Б—ва.* Люди были тогда жестокіе.

Л—ва. Вѣрили, что только огнемъ можно истребить злую силу, которая находится въ колдунѣ.

Приведенное въ книгѣ Парунова стихотвореніе Пушкина «Бѣсы» вызвало слѣдующія замѣчанія:

Б—ва. Въ Сумскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ, женщина сама мнѣ разсказывала, что въ вихрѣ видѣла людей въ 10 аршинъ вышины, хвостъ и рога—какъ у сатаны. Она испугалась. Прежде пила запоемъ, а съ тѣхъ поръ перестала. Шли они другъ къ другу въ вихрѣ на встрѣчу, сошлись и дрались, а потомъ разошлись.

Л—ва. Въ Малороссіи не говорятъ: надуло вѣтромъ, т. е. просто простудилась, а «подвинуло», значитъ подвѣяло, пахнуло нечистой силой изъ вѣтра. Отъ этой напасти обращаются къ дѣду знахарю или бабкѣ; они шепчутъ на воду, даютъ пить.

О кликушѣ разсказала *Т—ко.*

— У меня сестра этимъ страдала. Когда она была дѣвушкой, гуляла въ деревнѣ съ подругами и парнями. Одинъ посваталъ сестру, а его любила другая дѣвушка. Та и дала сестрѣ что-то въ горошинѣ,—испортила ее. Послѣ вѣнца и начала она кричать на разные голоса, и такъ долго продолжалось: какъ въ церковь, такъ и кричитъ. Люди по-

совѣтовали надѣть ей хомутъ на шею. Сестрѣ сейчасъ легче сдѣлалось. Если надѣть хомутъ, женщина можетъ сказать, кто ее испортилъ. И сестра тогда показала на эту дѣвушку. А потомъ все болѣла, болѣла и умерла.

Всѣхъ разсказовъ о случаяхъ подъ Ивана-Купалу не было возможности записать. Впрочемъ, они не представляли ничего характернаго: обычная тема—исканіе клада при свѣтѣ отъ расцвѣвшаго папоротника. Привожу лишь одинъ изъ такихъ разсказовъ.

М—ва. Клады немногимъ приходится найти, а то просто, чтобъ деньги не переводились, ходятъ на Ивана-Купалу на *средкрестную* дорогу (перекрестокъ). Надо съ собой взять чорную кошку, сѣсть и ждать. Выйдетъ къ перекрестку человѣкъ (антихристъ), ему и продать кошку за рубль. И изъ этого рубля при покупкѣ всегда оставлять одну копѣйку. Деньги и не переведутся.

Т—ко. Ну! еще ходить на такую страсть смотрѣть, да ждать, чтобъ купилъ кто кошку, когда есть другое средство: на Пасху, когда говоритъ священникъ народу: «Христосъ воскресе», нужно про себя сказать: «а у меня рубль есть». Всегда деньги будутъ.

Я лично всегда относилась съ недовѣріемъ къ тому, что читала о вбиваніи осиновыхъ коловъ въ тѣла умершихъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что они выходятъ изъ могилъ пугать живыхъ. Могила, запечатанная священникомъ, осѣненная крестомъ—вѣдь святыня. Изъ разсказовъ моихъ слушательницъ пришлось, однако, убѣдиться, что эта мѣра защиты отъ дорогихъ даже посѣтителей съ того свѣта очень распространена. Разошлись только въ одномъ. Однѣ говорили, что вбиваютъ колъ осиновый въ спину, а другія—въ затылокъ.

Слова Парунова о томъ, съ какой враждой и недовѣріемъ встрѣчаютъ невѣжественные люди полезныя изобрѣтенія, заставили слушательницъ припомнить нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Х—ва 2-я. Въ Сумскомъ уѣздѣ услышали про желѣзную дорогу, а еще не видѣли. Рѣшили, что это нечистая сила, что нельзя допустить, чтобы она мимо ихъ деревни прошла. Въ тотъ день какъ проходитъ поѣзду въ первый разъ, пошли къ батюшкѣ, стали требовать, чтобы съ крестомъ и *святостями* (хоругвями) выйти на рельсы и прогнать нечистую силу.

К—ва. Здѣсь, въ Харьковѣ, живетъ женщина 40 лѣтъ, имѣетъ состояніе. Она увѣрена, что если снять карточку съ себя въ фотографіи, то нужно снова принять крещеніе. Она съ отвращеніемъ относится къ тѣмъ людямъ, которые снимались.

Къ сожалѣнію, К—ва не могла сказать, чѣмъ эта знакомая ея объясняетъ необходимость вторичнаго крещенія.

— Да и надоѣла же вся эта чертовщина! Прочтите что-нибудь хорошее! стали просить меня И—ва и С—ва; къ нимъ присоединились и остальныя.

— Еще спрошу объ одномъ, сказала я.— Когда, по вашему, больше вѣрили всему тому, о чемъ читали, когда больше было страховъ: прежде или теперь?

— Конечно, прежде, дружно отвѣтили мнѣ.

— Вѣрили одинаково и знатные люди, и простые. Всѣ тогда обращались къ заговорамъ, боялись докторовъ.

С—ва. Еще бы! тогда всѣ были одинаково неученые: и князь, и простой человѣкъ.

Я просила дать мнѣ отдохнуть, а слушательницъ моихъ спѣть — что-нибудь въ это время.

Пропѣли нѣсколько пѣсень и собрались опять вокругъ меня слушать «Короля Лира».

Да. Не громить невѣжество, не стыдить, не укорять, не поучать даже, а серьезно выслушать заблуждающихся и вставить у мѣста свое слово, вызывающее сомнѣніе, указывающее на очевидную нелѣпость, напоминающее объ ускользнувшемъ обстоятельствѣ, которое, принятое во вниманіе, можетъ объяснить дѣло иначе, и т. д., и т. д.,—вотъ единственный вѣрный способъ разрушенія ложныхъ вѣрованій, кромѣ, конечно, распространенія знаній о физическихъ явленіяхъ, насъ окружающихъ. Рѣзкимъ авторитетнымъ словомъ можно заставить замолчать, а не убѣдить.

А прежде всего нужно знать хорошо тѣхъ, на кого хочешь вліять, давать имъ высказываться, думать самимъ надъ слышаннымъ. Въ ученой литературѣ немало уже сборниковъ народныхъ предразсудковъ, суевѣрій, заклинаній, преданій, записанныхъ со словъ. Но не ими нужно пользоваться для бесѣдъ, а тѣми разсказами, которые крѣпко связаны съ душевною жизнью разсказчика-собесѣдника, произвели на него впечатлѣніе, которые, такъ сказать, *выношены* имъ. Эти новые варіанты на извѣстныя темы важны не только для цѣли воспитательной, какъ сказано было выше; записанные и присоединенные къ собраннымъ уже матеріаламъ, они могутъ представить и научный интересъ. Народное творчество продолжается въ области суевѣрій; въ

позднѣйшее время чудовищами являются чугунка, фотографія и мало ли еще что, чего не знала Русь прежняя. Сила этихъ новыхъ вѣрованій невелика, но они интересны сами по себѣ, они интересны, какъ образцы духовной дѣятельности народа, какъ указанія на то, надъ чѣмъ и какъ работаетъ его мысль, чего недостаетъ ей для вѣрныхъ представленій и выводовъ. *А. К.*

---

532) **Разсказы дѣдушки про сѣдую старину** *). Изд. А. И. Мамонтова. Москва. 1870 г. Цѣна 1 р. 85 к. 240 стр.

Судя по заглавію и названію главъ: «Какъ и чѣмъ питался человѣкъ», «Людоѣдство», «Свѣтъ и тьма», «Человѣкъ и природа», «Лѣшій», «Водяной», «Прирученіе домашнихъ животныхъ», «Птичій языкъ», «Человѣкъ, собака, медвѣдь и лиса» и т. д., ожидаешь найти въ книгѣ популярный разсказъ о жизни первобытнаго человѣка, составленный по сочиненіямъ Леббока, Тэйлора, Спенсера, найти изображенія каменныхъ орудій, свайныхъ построекъ, могильныхъ сооруженій и т. п. А на самомъ дѣлѣ эта объемистая книга представляетъ лишь самый безтолковый наборъ данныхъ, за исключеніемъ главъ, содержащихъ извѣстныя народныя сказки, прихваченныя сюда некстати, такъ какъ съ остальнымъ содержаніемъ книги онѣ нисколько не связаны. Авторъ фантазируетъ на ученыя темы, но какъ фантазируетъ! Возьмемъ для примѣра фантазію на тему: жизнь первобытнаго человѣка ничѣмъ не отличалась отъ жизни животныхъ; онъ бродилъ въ одиночку, не говорилъ, а произносилъ лишь членораздѣльные звуки; всѣ силы его были направлены на прінсканіе пищи и самозащиту.

Эта тема разрастается въ цѣлый рядъ картинъ. Вотъ бѣгаетъ предъ нами человѣкъ-животное; онъ не говоритъ, а «гогочетъ», разрываетъ убитаго волка когтями, съ другимъ человѣкомъ объясняется лишь знаками. Чрезъ нѣсколько строкъ мы застаемъ его уже объясняющимся знаками въ любви и подъ вліяніемъ этого чувства произносящимъ первыя (нужно думать) слова:—«мужъ!» «жена!» А послѣ этого вдругъ и заговорили... Идиллія семейнаго счастья прерывается страшной драмой: на счастливую пару нападаютъ голодные люди и съѣдаютъ мужа, а жену спасаетъ любовь, которою воспылалъ къ ней одинъ изъ голодавшихъ, насытившійся тѣломъ мужа.

Дальше все въ томъ-же родѣ—такъ-же правдоподобно и «*научно*».

Вся бѣда въ томъ, что авторъ хочетъ фантазировать только на почвѣ науки. Слышалъ онъ о томъ, что малоразвитой умъ обо всемъ судитъ только по своимъ ощущеніямъ, одаряя всѣ одушевленные и неодушевленные предметы своими собственными чувствами,—и вотъ фантазируетъ...

Перечисленіе нелѣпостей на эту тэму заняло-бы у насъ слишкомъ много времени. Желающихъ познакомиться съ ними отсылаемъ къ главѣ, озаглавленной «Человѣкъ и природа». О беззастѣнчивости, съ какою авторъ обращается не только съ научнымъ матеріаломъ, но и совершаетъ набѣги въ область поэзіи, могутъ дать понятіе слѣдующіе примѣры: говоритъ авторъ объ обоготвореніи солнца, о томъ, какъ покланялся ему и воспѣвалъ его первобытный человѣкъ, и, не задумываясь, вкладываетъ ему въ уста, какъ собственный его гимнъ солнцу, извѣстное стихотвореніе Жуковскаго:

«Знать, солнышко утомлено,—
За горы прячется оно», и т. д.

или еще: вѣщій старикъ, *понимающій* языкъ птицъ, указывающій путь по звѣздамъ, сообщаетъ своимъ товарищамъ о томъ, что накаркали ему вороны. «Въ переводѣ на человѣческій языкъ» рѣчь вороновъ оказывается не чѣмъ инымъ какъ стихотвореніемъ Пушкина—«Воронъ къ ворону летитъ...»

Въ книгѣ немало, впрочемъ, и оригинальныхъ «поэтическихъ» произведеній самого автора, но ужъ какихъ произведеній!...

Если мы остановились такъ долго на этой книгѣ, то для того только, чтобы предостеречь отъ нея. Благодаря роскошнымъ рисункамъ, сказкамъ и въ своемъ родѣ интересной чепухѣ, въ ней содержащейся, она можетъ читаться дѣтьми, а слѣдовательно, можетъ внести въ ихъ головы невозможный сумбуръ. Это, по нашему мнѣнію, даетъ намъ право, назвать книгу не только безполезной, но и вредной. *А. К.*

---

533) **Разсказы о человѣческой жизни.** Александра Иванова. Посвящается Митрофану Петровичу Надѣину. Спб. 1873 г. Ц. 10 к. 70 стр.

Восемь главъ этой книги представляютъ культуръ-историческіе очерки, о содержаніи которыхъ могутъ дать понятіе заглавія ихъ: «О разныхъ вѣрахъ». «О разныхъ наукахъ».

*) См. реценз. «Учитель» 1870 г., № 22, стр. 716—718.

«О разныхъ искусствахъ». «О разныхъ правительствахъ». «О разныхъ сословіяхъ». «О разныхъ домашнихъ порядкахъ». «О разныхъ войнахъ и земляхъ». «Какой прокъ отъ этой науки».

Разсказъ ведется отъ лица молодаго грамотѣя, крестьянина Круглова, поучающаго своихъ односельчанъ.

Главный недостатокъ книги — страшная сжатость, краткость при массѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, что̀ и даетъ намъ основаніе называть эти очерки не разсказами, а конспектами.

— Это такая книга, что ее нельзя, прочитавши, разсказать, а нужно учить на память. Такъ охарактеризовала эту книгу по прочтеніи взрослая, развитая ученица воскресной школы.

Въ главѣ «О разныхъ вѣрахъ» мы найдемъ свѣдѣнія о всѣхъ ступеняхъ и проявленіяхъ религіознаго чувства, начиная отъ фетишизма до сектантскихъ раздѣленій въ православіи и лютеранствѣ. Сообщаются имена боговъ, научные термины въ родѣ «сабеизма», «фетишизма» и т. д., но сообщаются только названія, а не связанныя съ ними понятія.

Объ отношеніи главныхъ религій къ нравственности, о вліяніи ихъ на образованіе высшихъ идеаловъ человѣчества и на ходъ исторической жизни авторъ, къ сожалѣнію, вовсе не говоритъ.

Глава «Объ искусствахъ» почти не имѣетъ значенія безъ рисунковъ. Только изображеніе, а не описаніе — можетъ дать понятіе о различныхъ архитектурныхъ стиляхъ, статуяхъ, амфитеатрахъ. Двѣ послѣднія страницы этой главы посвящены искусствамъ техническимъ, проще—открытіямъ и изобрѣтеніямъ въ области промышленности, практики, имѣющимъ цѣлью улучшеніе быта, сбереженіе силъ человѣка. Это добавленіе должно было бы составить самостоятельную главу въ книгѣ: въ теперешнемъ же своемъ объемѣ оно недостаточно.

Главы: «О разныхъ правительствахъ», «О разныхъ сословіяхъ», «О разныхъ домашнихъ порядкахъ» могутъ быть даже—по указанію преподающаго — прочитаны самостоятельно развитыми читателями. За то глава «О разныхъ войнахъ и земляхъ», представляя на шести страницахъ конспектъ чуть ли не всей всеобщей исторіи, ничего не даетъ читателю не имѣющему основательныхъ знаній по исторіи и географіи.

Послѣдняя глава, трактующая о пользѣ науки, о человѣческой жизни, въ концѣ бесѣды Круглова съ его слушателями, приводитъ къ слѣдующему выводу: «Наука учитъ тому, что чѣмъ дольше міръ живетъ, тѣмъ жить людямъ становится легче и легче, всѣмъ легче: и крестьянамъ, и бабамъ, и дѣтямъ».

Мы уже сказали о томъ, что мѣшаетъ разбираемой книгѣ быть книгой для народнаго чтенія по содержанію; добавимъ къ этому, что и языкъ г. Иванова отличается неровностью: то малопонятенъ и сухъ, то простъ простонароденъ даже. Въ общемъ, все же мало доступенъ.

Книга г. Иванова имѣетъ право на мѣсто въ народной библіотекѣ ради трехъ главъ, нами выше указанныхъ, но главнымъ образомъ — какъ прекрасный конспектъ исторіи культуры всего человѣчества. Она можетъ быть цѣннымъ пособіемъ для учителя, который по конспекту г. Иванова можетъ составить цѣлый рядъ чтеній и бесѣдъ для повторительныхъ народныхъ школъ. *А. К.*

---

531) **Исторія общественнаго и частнаго быта.** Соч. П. Кирхмана. Чтеніе въ школѣ и дома. Пер. К. Розенбергъ. Доп. В. Ключевскій. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Часть I-я. Москва 1866 г. Ц. 50 к. 250 стр.

Издавая книгу Кирхмана—«Geschichte der Arbeit und Cultur» для русской школы и для русскаго юношества, издатели нашли полезнымъ, держась программы автора, присоединить нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся нашего отечества, и сократить нѣкоторые отдѣлы, предназначенные для нѣмецкихъ школъ.

Послѣ краткаго очерка о жизни первобытнаго человѣка и того вліянія, какое имѣло земледѣліе на цивилизацію, — очерка, нужно сказать, мало-содержательнаго, бѣднаго характерными подробностями и не представляющаго ясно изложенныхъ выводовъ, авторъ приступаетъ къ исторіи изобрѣтеній, распредѣливъ сообщаемыя свѣдѣнія по отдѣламъ, соотвѣтствующимъ главнымъ жизненнымъ потребностямъ человѣка, каковы: пища, жилище, одежда, утварь, оружіе, — книга представляетъ скорѣе сборникъ очень цѣнныхъ фактовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, чѣмъ собственно исторію труда.

Книга сообщитъ свѣдѣнія о главныхъ сырыхъ произведеніяхъ, о нѣкоторыхъ усовершенствованіяхъ въ области промышленности обрабатывающей, познакомитъ съ разнообразіемъ формъ одеждъ, оружія, утвари, но не дастъ понятія собственно объ исторіи

труда человѣка, о томъ, какъ извѣстное открытіе или изобрѣтеніе отразилось на общественномъ бытѣ, увеличивая благосостояніе матеріальное или устраняя извѣстное бѣдствіе.

Книга читается съ трудомъ, какъ всякая справочная книга. Отсутствіе иллюстрацій въ ней является очень важнымъ недостаткомъ, такъ какъ въ содержаніи ея преобладаютъ описанія различныхъ предметовъ: орудій производствъ, одежды, оружія.

О прирученіи животныхъ и акклиматизаціи — этой важнѣйшей отрасли культурной дѣятельности человѣка,—вовсе не упоминается въ книгѣ. Этотъ пробѣлъ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ разбираемой книгѣ не исчерпывается все содержаніе сочиненія Кирхмана. Это лишь первая часть его. Но послѣ этой части, насколько намъ извѣстно, другой не выходило. Добавленія, сдѣланныя г. Ключевскимъ, въ высшей степени интересны. Разбираемое сочиненіе Кирхмана — доступная по цѣнѣ и полезная по содержанію справочная книга, что̀ и даетъ ей право на мѣсто въ народной библіотекѣ: по указанію учителя развитой читатель найдетъ въ ней не одну интересную страницу.

А. К.

ГЛАВА II.

КНИГИ ИСТОРИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I. РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

1) Былины, лѣтописи и другіе историческіе памятники.

535) **Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ.** (По народнымъ былинамъ). В. Острогорскаго *). № 5. Спб. 1883 г. Ц. 10 к. 47 стр.

536) **Добрыня Никитичъ.** Богатырь временъ Владиміра Святаго. Народное сказаніе. (Съ 6-ю рисунками). Спб. 1878 г., Изд. ред. «Мірской Вѣстникъ». Ц. 20 к. 33 стр.

537) **Вольга богатырь.** (Стихи-сказка). **Микулушка Селяниновичъ.** (Стихи-сказка). **Святогоръ богатырь.** (Стихи-сказка). **Сухманъ.** (Стихи-сказка). Изъ первой, второй, третьей и четвертой «Русскихъ книгъ для чтенія», графа Л. Н. Толстаго. Изд. 7-е. Москва. 1881 г.

Переводятся кобзари на Украйнѣ, сказатели (пѣвцы былинъ)—въ Великороссіи. Циничная, разгульная фабричная пѣсня, пошлый, искаженный романсъ вытѣсняютъ всюду поэтическую народную пѣсню. Неужели такъ тому и быть?

Переживала и интеллигентная часть русскаго народа такой же періодъ невѣжественнаго равнодушія къ родной старинѣ, не знали цѣлыя поколѣнія русскихъ образованныхъ людей лучшихъ произведеній родной литературы, пробавляясь жалкими, напыщенными произведеніями бездарныхъ подражателей псевдо-классическимъ образцамъ. Недалеко то время, когда «русскіе писатели (Тредьяковскій, Сумароковъ, Кантеміръ) считали всѣ народныя пѣсни, сказки и лубочныя картины *«подлыми»*, *«гнусными»*. Не подозрѣвали они, что «Ершъ», «Бова» и эти самыя *«подлыя пѣсни»* переживутъ ихъ творенія. Въ 1824 г., когда Снигиревъ представилъ свою статью о лубочныхъ картинахъ въ «Общество любителей россійской словесности», нѣкоторые изъ членовъ его возбудили вопросъ: должно ли допустить въ ихъ Общество разсужденіе о такомъ *«пошломъ, площадномъ предметѣ»* *).

Иначе взглянулъ на это дѣло нашъ первый народный поэтъ Пушкинъ, воспѣвшій свою няню Родіоновну, познакомившую его съ русской народной сказкой, съ богатствами русской народной рѣчи. Въ одномъ изъ путешествій своихъ увидѣлъ онъ на стѣнахъ станціонной комнаты картинки: «Погребеніе кота» и «Споръ Краснаго носа съ морозомъ». Въ запискахъ его находимъ слѣдующую замѣтку: «Картинки эти заслуживаютъ въ нравственномъ и художественномъ отношеніи вниманія образованнаго человѣка». И поняли, наконецъ, русскіе «образованные

*) См. реценз. «Систематическій Обзоръ Народн. Учебн. Литер.», 1878 г., 247 стр.

*) «Русскія Народныя Картинки». Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Книга V, стр. 166.

люди» всю цѣну произведеній народнаго творчества, горячо принялись за собираніе и изученіе ихъ. Плодами такихъ трудовъ явились сборники пѣсень Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга; сборники пословицъ Снигирева, Даля, сказокъ—Аѳанасьева.

Въ то время какъ обратились къ изученію устной народной литературы, она стала исчезать въ самомъ народѣ; потянулъ онъ къ городу, къ фабрикѣ, въ казарму; съ мѣщанскимъ платьемъ, гармоникой дошли до него и циничная пѣсня, и сантиментальный романсъ. Вошли они въ моду, и стали забываться прежнія пѣсни, не потерявшія, однако, для народа своего обаянія.

Не услышитъ ребенокъ сказки, пословицы, загадки дома, — узнаетъ ихъ изъ книги въ школѣ: и сказкѣ, и пословицѣ дано уже видное мѣсто и въ классной книгѣ для чтенія, и въ различныхъ сборникахъ. Очередь теперь за былиной и исторической пѣсней. Не является ли былина по языку и образамъ достояніемъ такого далекаго прошлаго, которое дѣлаетъ ее въ настоящее время недоступной и неинтересной для читателей изъ народной среды? Сообщаемъ отвѣтъ, полученный нами изъ практики.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Безъ всякихъ предварительныхъ объясненій и указаній я роздала для чтенія на домъ нѣсколько экземпляровъ «Ильи Муромца» и «Добрыни Никитича» ученицамъ воскресной школы, возрастомъ 8—17 лѣтъ.

Катя С—ва (11 л.) такъ передала мнѣ содержаніе «Ильи Муромца» (я записывала за нею слово въ слово):

— Въ одномъ селѣ Муромѣ жилъ одинъ крестьянинъ. У него жена была Матрена, и у нихъ родился сынъ; его назвали Илья, но онъ не могъ встать на ноги до 30-ти лѣтъ. Вотъ, когда они пошли лѣтомъ на поле косить сѣно, тогда былъ праздникъ, а Илья остался дома; подходятъ къ окну два старика и просятъ у него напиться; ну, онъ говоритъ, что «я не могу встать»; они говорятъ: «попробуй!» Онъ всталъ и подалъ имъ пить; они говорятъ: «теперь ты напейся». Онъ напился. Они и въ другой разъ дали ему напиться. Потомъ они говорятъ: «выйди на улицу». Онъ вышелъ: они говорятъ: «великую ли въ себѣ силу чувствуешь?» Онъ сталъ на ноги и говоритъ: «теперь могу ходить». Они дали ему палку въ 90 пудовъ и сказали, чтобы онъ могъ воевать за вдовъ, за сиротъ, только чтобы кровь не проливалъ. Потомъ они ушли, а онъ пошелъ на поле до отца; когда пришелъ, то отецъ и мать спали; онъ взялъ *серпъ, началъ сѣно косить* (видна горожанка!) и все перекосилъ. Когда отецъ всталъ и мать, то стали смотрѣть и дивуются,—кто это перекосилъ; а онъ сталъ у нихъ проситься идти воевать—постоять за вдовъ и за сиротъ; но они его прежде не пускали, а потомъ благословили и пустили. Онъ купилъ коня у сосѣда и поѣхалъ. Когда онъ очень много ѣхалъ, его конь такъ быстро бѣжалъ. Онъ подъѣзжаетъ къ одной дорогѣ, и тамъ три перекрестка. На одномъ написано камнѣ: «вправо ѣхать—женатымъ быть, а прямо—убитому быть, а влѣво—богатымъ быть».

Онъ подумалъ и говоритъ: «меня никто не убьетъ!» и поѣхалъ прямо. Здѣсь онъ долго ѣхалъ,—смотритъ: на встрѣчу ему идутъ мужики и плачутъ; говорятъ, что здѣсь поселился Соловей-разбойникъ, который не даетъ никому проѣхать—обдираетъ и убиваетъ. Илья говоритъ: «онъ меня не убьетъ, а я его убью!» и поѣхалъ дальше. Когда онъ подъѣхалъ къ этому мѣсту, гдѣ жилъ разбойникъ, смотритъ—сидитъ разбойникъ о девяти дубахъ. Онъ взялъ стрѣлу и ранилъ.

Пріѣхалъ онъ въ Кіевъ, гдѣ жилъ царь, и представилъ разбойника царю. Царь принялъ его хорошо и пожелалъ, чтобъ онъ засвисталъ; онъ какъ началъ свистать, такъ всѣ попадали; одинъ только Илья устоялъ. Царь его зазвалъ въ домъ къ себѣ и началъ угощать, и сказалъ ему, чтобъ онъ оставался у него совсѣмъ служителемъ.

Царь его посылалъ вездѣ. Онъ очень много поѣздокъ сдѣлалъ. Когда онъ пріѣхалъ разъ,—здѣсь царь дарилъ всѣхъ бояръ; всѣ сидѣли, а Ильѣ негдѣ было сѣсть,—онъ и говоритъ: «развѣ я не заслужилъ мѣста?» Царь разсердился, и когда стали всѣхъ дарить, ему подарилъ царь шубу. Онъ говоритъ: «не надо мнѣ твоихъ подарковъ,—я не изъ-за подарковъ служу!» взялъ и порвалъ эту шубу. Тутъ бояре сказали: «всѣмъ намъ подарки твои понравились; одному только Ильѣ не понравились!»

Царь разсердился и велѣлъ его заковать и въ подвалъ посадить. Бояре схватили его. Онъ махнулъ рукой, и всѣ попадали. По-

томъ по шести разомъ взяли со всѣхъ боковъ, потомъ по двѣнадцати; но онъ сказалъ: «Не ведите меня, я самъ пойду; только дайте мнѣ Евангеліе!» Ему дали, и онъ ушелъ.

Засыпали подвалъ землею. Черезъ нѣсколько время царь другой сталъ воевать, а у Владиміра немного людей было. Онъ призвалъ всѣхъ и сталъ совѣтоваться; но они ему ничего не могли помочь. Тогда царица сказала Владиміру: «Пойди, отвори подвалъ; можетъ, Илья живъ». А сама она еще раньше подкопала подвалъ и носила каждый день ѣсть Ильѣ.

Когда отворили, то увидѣли, что Илья сидѣлъ и читалъ Евангеліе. Онъ былъ уже очень старый. Царь его сталъ просить, чтобы онъ поѣхалъ до того чужаго царя, одарилъ его подарками и золотомъ и попросилъ сроку три года и три дня.

Илья поѣхалъ и сталъ просить сроку; но царь только далъ три дня. Илья не возвращался до своего царя, а ѣздилъ эти три дня искать людей, чтобы они ему помогли,—но никого не сыскалъ. Онъ поѣхалъ до чужаго царя—его звали Калинъ,—и сталъ бить враговъ. Когда всѣхъ перебилъ, его конь заговорилъ человѣчьимъ голосомъ, что у царя Калина есть три подвала: «я два перескочу, а въ третій упаду».

Онъ поѣхалъ. Конь два перескочилъ, на третьемъ упалъ. Царь и нѣсколько придворныхъ схватили Илью и связали; но къ нему подоспѣлъ на помощь одинъ человѣкъ, который помогъ ему бить враговъ. Когда онъ возвратился до своего царя, до Владиміра, онъ такъ былъ очень радъ, благодарилъ его, началъ его дарить; но онъ не захотѣлъ брать подарки; онъ захотѣлъ выстроить церковь. Когда онъ выстроилъ, онъ очень былъ старый и скоро умеръ.—Совсѣмъ!

Послѣ этого «совсѣмъ» я предложила ей нѣсколько вопросовъ.

— Чѣмъ послужилъ Илья землѣ Русской? спросила я.

Дѣвочка, повидимому, была озадачена этимъ вопросомъ. Онъ, какъ будто, испугалъ ее, и она молчала. Передавши прекрасно каждый подвигъ Ильи въ отдѣльности, она, видимо, была не въ силахъ связать его съ вопросомъ. Пришлось не подсказывать даже, а простона-просто высчитать самой заслуги Ильи Муромца роднѣ. Со взрослыми, быть можетъ, дѣло приняло бы другой оборотъ, а тутъ одиннадцать лѣтъ Кати дали о себѣ знать, не смотря на даровитость ребенка.

— Какую великую заповѣдь положилъ на себя Илья? спросила я менѣе рѣшительно.

— Чтобъ не проливать крови христіанской, отвѣчала дѣвочка неожиданно бойко.

— Приведи примѣръ того, что Илья былъ гордъ, зналъ себѣ цѣну, сказала я.

— Онъ вовсе не былъ гордъ, сказала дѣвочка, видимо обидясь за Илью Муромца:—развѣ *такіе* бываютъ гордые?

Видя, что ребенокъ относитъ гордость къ порокамъ, которыми онъ не хочетъ пятнать личность Ильи Муромца, я считала излишнимъ настаивать и перешла къ слѣдующему вопросу:

— Не былъ ли Илья Муромецъ хвастливъ и злопамятенъ? и просила привести тому подтвержденія.

Дѣвочка горячо оградила личность богатыря и отъ этихъ пороковъ.—Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! говорила она убѣжденно, но привести примѣры изъ книгъ, подтверждающіе ея положеніе, опять-таки, не могла.

Интересно выслушать отвѣты на тѣ-же вопросы отъ взрослаго человѣка.

12-ти лѣтняя еврейка *Софья Д—къ*, несвободно владѣющая русскимъ языкомъ, разсказывала объ Ильѣ съ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ и подруга.

— А почему это Илья обидѣлся за подарокъ? спросила я ее.

— А потому онъ сказалъ князю: «не за то я служу Россіи, чтобы ты меня подарками дарилъ; я хочу пострадать за вдовъ и сиротъ», убѣжденно отвѣчала она:—Онъ еще помнилъ совѣтъ старцевъ: «Пострадай за вдовъ, сиротъ и за церковь. Вотъ татары идутъ, хотятъ Русь ограбить».—Закончила она свой разсказъ такъ:—Одержалъ побѣду надъ Калиномъ, а потомъ говоритъ: «много я грѣховъ надѣлалъ, надо отмаливать!»—и сталъ строить церковь; не достроилъ и умеръ, оставилъ послѣ себя славу и память.

— Какіе же были грѣхи у Ильи? спросила я.

Убилъ Соловья, Калина царя. Онъ былъ не жестокій и это почиталъ за грѣхъ, а убилъ потому, что обѣщалъ Христу и апостоламъ защищать вдовъ и сиротъ и землю Русскую. Соловей много людей губилъ, когда залегъ на дорогѣ, а Калинъ шелъ войной на Владиміра.

(Софья Д—къ несвободно еще читаетъ по русски, посѣщаетъ воскресную школу около года. Грамотѣ научилась у солдата, стоявшаго у нихъ на квартирѣ.)

— Что-жъ это вы читали, дѣти? обратилась я ко всѣмъ:—сказку, что ли?

— Сказку, сказали онѣ.

— Нѣтъ, нерѣшительно замѣтили другія.

— Это только похоже на сказку, а не сказка, сказала 10-ти лѣтняя *А—ва*:—это про *старовыну* (старину), про то, що було,— и начала она подробный пересказъ былины больше по малорусски, причемъ Илья Муромецъ сталъ у нея Илья Муравецъ. Я поправила ее. Дальше опять то же: это не было случайной обмолвкой.

— Что это ты такъ Илью называешь по своему? можетъ быть, гдѣ прежде о немъ слыхала? спросила я.

— Нѣтъ, никогда не слыхала, это въ первый разъ про него читала и сама не знаю, отчего это мнѣ такъ пришлось его назвать.

Ужъ именно «пришлось!» Интересна эта фонетическая обмолвка А—ой въ словѣ: Муромецъ. Слово *Муравецъ* встрѣчается и въ нѣкоторыхъ старинныхъ источникахъ, давшихъ основаніе предположенію о южно-русскомъ происхожденіи Ильи, который потомъ уже, съ перенесеніемъ былины на сѣверъ, переименованъ былъ Муромцемъ.

Слова: «И перевелись на Руси Соловьи-разбойники» были произнесены А—ой съ особеннымъ удареніемъ.

— Что это значитъ? спросила я.

— Значитъ: то были разбойниками, а потомъ сдѣлались русскими, перевелись на русскихъ,—пояснила она.

Былина о *Добрынѣ Никитичѣ* прочитана была съ тѣмъ же интересомъ и передавалась также просто и подробно.

16-ти-лѣтняя *Д—ко* такъ начала свой разсказъ:—Это было въ то время, что ѣздили въ поле свою силу пробовать, охотиться. Добрыня не послушался матери, пошелъ въ рѣку, а тамъ змѣй летитъ... И т. д.

— Какой же былъ человѣкъ Добрыня? спросила я, желая получить отъ Д—ко характеристику богатыря вмѣсто подробной фактической передачи.

— Сердце у него было мягкое: онъ ни отъ чего не отказывался. Онъ не величался своимъ богатырствомъ и шелъ не своей волей. Онъ даже матери говорилъ, что лучше ему камнемъ покойнымъ лежать, чѣмъ кровь проливать.

— Не разсказывай подробно, сказала я слѣдующей за Д—ко ученицѣ, 12-ти-лѣтней *Г—вой*:—а только скажи, какіе подвиги совершилъ Добрыня?

— Спасъ людей отъ змѣи и царскую дочь отъ нея же освободилъ; говорилъ змѣѣ: «отдай по чести, а то кровь прольемъ!» Змѣй не хотѣлъ,—онъ отрубилъ ему хоботы. Она зашипѣла и пустила въ свою нору. Добрыня нашелъ тамъ три тысячи невольниковъ: были тамъ и князья, и простые люди, за нимъ шли и всѣ благодарили, что выручилъ изъ неволи, и всѣ радовались. Еще царь ему другое служеніе назначилъ: въ землю далекую воевать послалъ. Сталъ Добрыня съ женой прощаться и только приказывалъ, чтобы за Алешу брата замужъ не выходила.—Онъ не гордился своими подвигами, а даже унижалъ себя. Если сдѣластъ доброе—никому не говоритъ.

И это—совершенно вѣрная характеристика Добрыни, хотя Г—ва не помнила, какъ Д—ко, разговора Добрыни съ матерью, сѣтованій его на судьбу.

— А я про Добрыню еще прежде читала, сказала 12-ти-лѣтняя *Г—ко*:—купила у разносчика за 10 к.—точно такъ написано, какъ и здѣсь. Только змѣя начала съ нимъ бороться, какъ онъ пришелъ воды напиться. Онъ набралъ песку въ рукава и бросилъ въ нее, — она и издохла. Еще нѣтъ тамъ, что Владиміръ Добрыню въ басурманскую землю посылалъ. Вотъ не пойму, почему онъ женѣ не позволялъ за Алешу замужъ выходить, потому что онъ смѣлый. А вѣдь это хорошо? сказала она, вопросительно глядя на меня.

Я обратила ея вниманіе на то, что Алеша Поповичъ былъ названнымъ братомъ Добрыни.

— Правда, отозвалась Г—ко:—Тогда было такъ, значитъ, какъ теперь у сербовъ и черногорцевъ,—я читала. Это называется *побратимствомъ*, — и живутъ между собою какъ родные братья. Добрыня не любилъ кровь проливать, продолжала она: — не хотѣлось ему ѣхать въ землю басурманскую; нужно было долгъ выполнить,—онъ и покорялся судьбѣ. А матери жаловался, зачѣмъ несчастнымъ породила?!

— Все ли это на самомъ дѣлѣ было, что здѣсь разсказано? обратилась я ко всѣмъ, читавшимъ былину о Добрынѣ.

Отвѣта тотчасъ не послѣдовало. Первая неувѣренно отозвалась Д—ко.

— Змѣй былъ... Марина Добрыню въ тура обратила; теперь этого не бываетъ, а прежде, можетъ, и было. Вѣрили въ колдовство. Марина на дровахъ колдовала. Большихъ, сильныхъ женщинъ (поленицъ) тоже нѣтъ теперь, а прежде, можетъ, и были: въ старину, говорятъ, народъ былъ здоровѣй.

Г—ко. Не все такъ могло быть, какъ раз-

сказано: змѣй леталъ и лошади говорятъ... Марина чародѣйка обращала людей въ туровъ... И какъ странно: царь всѣмъ владѣетъ, и могъ онъ терпѣть, чтобы такъ съ его богатырями обращались! Онъ всегда могъ ее схватить. Вотъ одна только и нашлась умная — мать крестная Добрыни; та не побоялась—сладила съ ней.

Въ пылу негодованія на Марину и на слабость князя, отъ Г—ко ускользнуло то, что мать-то крестная шла противъ Марины съ тѣмъ же оружіемъ—силою чародѣйскою.

Нельзя не замѣтить общей черты во всѣхъ отвѣтахъ читательницъ: впечатлѣніе оставили не кровавые подвиги, не подробности о грубомъ удальствѣ, а гуманныя стороны характера богатырей.

По возвращеніи книгъ объ Ильѣ и Добрынѣ, данныхъ въ видѣ опыта, послѣдовали просьбы со стороны другихъ ученицъ дать имъ «эти книги».

На слѣдующее воскресенье я рѣшила прочесть ученицамъ былины о Святогорѣ, Микулѣ Селяниновичѣ и Вольгѣ въ пересказѣ графа Толстаго. Я собрала послѣ уроковъ ученицъ изъ различныхъ группъ; по какой-то счастливой случайности, въ средѣ ихъ не оказалось ни одной изъ тѣхъ, кто читалъ былины про Илью и Добрыню.

Прежде всего мнѣ хотѣлось узнать, какъ понимаются слова: *былина*, *богатырь*, *дружина*. На мой вопросъ, что такое былина,— отвѣчали:

Б—ская (10 л.). Былина — цвѣтокъ, что растетъ.

С—ва (18 л.). Что растетъ въ полѣ — дерево... (обѣ — неувѣренно; остальныя молчали). Три ученицы, окончившія курсъ въ ежедневной школѣ, переглядывались; наконецъ, разомъ дали опредѣленіе, сообщенное имъ, очевидно, въ школѣ:—Это про то, что было.

Слово *богатырь* было объяснено слѣдующимъ образомъ:

— Это богачъ; богатыхъ такъ называютъ заявило нѣсколько голосовъ.

Т—ко (17 л.). Называютъ такъ еще тѣхъ, кто богатъ силой.

С—ва. Или умомъ.

П—ва (28 л.). Вовсе нѣтъ; просто богатырь—человѣкъ, который имѣетъ состояніе.

Такое значеніе за словомъ было признано значительнымъ большинствомъ; другое значеніе его, такъ сказать — былинное, было извѣстно лишь благодаря школѣ. Пришлось мнѣ тутъ же сообщить его остальнымъ моимъ слушательницамъ.

Слово *дружина* объясняли такъ:

Нѣсколько голосовъ:—Дружина—это если дружатъ между собой, если на войнѣ помирятся.

З—ва заявила: — Дружина—это войско.— За нею раздалось еще нѣсколько голосовъ:— Дружина—жена! — Нѣтъ, войско! — Товарищи, подчиненные!

По малорусски слово «дружина» дѣйствительно значитъ: другъ и жена; оттуда—глаголъ: *одружиться* (жениться).

Я намѣтила прочесть былины въ пересказѣ гр. Л. Н. Толстаго въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) «Вольга», 2) «Микулушка Селяниновичъ», 3) «Святогоръ». Былину о Вольгѣ прослушали съ большимъ вниманіемъ.

— Кто-жъ такой Вольга? спросила я.

Послышались два робкихъ, неожиданныхъ отвѣта:

— Городъ. Рѣка.

— Нѣтъ, нѣтъ! раздалось со всѣхъ сторонъ:—это царь, богатырь.

— Здѣсь говорится о богатырѣ Вольгѣ и его дружинѣ, сказала *М—ва* и почти дословно передала былину, за исключеніемъ именъ и нѣкоторыхъ подробностей.

Г—ва (12 л.). Это про такое время говорится, когда люди ничего не умѣли дѣлать, всему учились, только воевали и охотились, какъ теперь дикари живутъ.

П—ва. Про давнее время, когда люди вѣрили въ оборотней; впрочемъ, еще и теперь вѣрятъ, что есть вѣдьмы.

— Ну, теперь никто не обращается въ звѣрей, увѣренно замѣтилъ кто-то: — и царства не огораживаютъ стѣной.

— Теперь воюютъ силой, пушками, ружьями, а тогда волшебствомъ, добавилъ еще кто-то.

— А знаетъ ли кто изъ васъ, что такое лукъ, стрѣлы?

— Стрѣлы, какъ пуля, на концѣ..., началъ было быстро кто-то изъ маленькихъ, но смѣшался и замолкъ. Отвѣтовъ другихъ не послѣдовало. Подъ рукой не было картинки; я заставила ихъ припомнить дѣтскую игрушку—прутикъ, стянутый ниткой, при посредствѣ котораго пускаютъ небольшія палочки. Недоумѣніе разсѣялось.

Прочла былину о Микулѣ. Прекрасно передали содержаніе. На мой вопросъ, какъ понять, почему Микула справился одинъ тамъ, гдѣ ничего не могла сдѣлать дружина, даны были слѣдующія толкованія:

— Здѣсь видно разницу между дружиной и крестьянами.—Вышло, что пахарь сильнѣе, и лошадь у него лучше, чѣмъ у дружины.

— Дружина не учена этому; это не ея дѣло, сталъ кто-то защищать дружину.

— Ни волшебствомъ, ни силой не могъ сдѣлать Вольга крестьянской работы.

С—ва (16 л.). Это такъ можно понимать: воины привыкли брать не трудомъ, а силой, а потому не могли справиться съ сохой. Микула Селяниновичъ зарабатываетъ хлѣбъ для себя и другихъ. Его знаютъ и величаютъ не за подвиги, а за работу, за хлѣбосольство.

Былина о Святогорѣ. Пришлось остановиться при чтеніи на словѣ: *держава.*

Т—ва (20 л.). Это онъ хочетъ сказать: еслибы нашелъ конецъ земли, за что бы держать.

Другая слушательница изъ взрослыхъ. Держава—это сила, если бы подобрать такихъ много богатырей, какъ онъ самъ.

— Нѣтъ, держава—государство, замѣтилъ кто-то.

— Это войско — дружина! раздалось съ разныхъ сторонъ.

Д—ко (16 л.) такъ объяснила смыслъ былины.—Здѣсь говорится о мужикѣ и богатырѣ. Богатырь хвасталъ, что все можетъ сдѣлать, а мужикъ шелъ, ничего не говорилъ. Онъ никому вреда не дѣлалъ, а потому его Богъ любилъ и мать сыра-земля, и такъ ему дали, что и тяжелое показывалось легкимъ.

М—ва (10-ти л.). Пахарь не хвасталъ, а богатырь всю землю хвасталъ поднять, а и сумочки поднять не могъ. Мужика земля больше любила, потому что онъ всегда съ ней работалъ.

П—ва. Богатырь все надѣется на себя, на свое волшебство, а другой—на Бога, на свои труды. Богатырь нигдѣ не надрывалъ своей силы, ему казалось все легко. Побѣда была на его сторонѣ, а тутъ встрѣтилъ крестьянина.

С—ва. Я думаю такъ: нѣтъ труда больше, какъ трудъ земледѣльца, хоть онъ и не прославленъ, и его силу видѣть измѣрить трудно, потому что вся она—въ сохѣ да въ землѣ.

Вполнѣ удовлетворенная объясненіями общаго смысла былины, я хотѣла убѣдиться, какую роль въ пониманіи былины играла сумочка, какія представленія были связаны съ нею.

— А что такое была эта сумочка, — что было въ ней? спросила я. О ней, видимо, никто не думалъ,—словно и не замѣтили ея.

— Должно быть, были зерна, которыя онъ приготовилъ для посѣва, простодушно отвѣтила С—ва.

«Илья Муромецъ» въ пересказѣ В. Острогорскаго—одна изъ наиболѣе любимыхъ книгъ въ школьной библіотекѣ. Вышла она уже вторымъ изданіемъ. Лучшія былины объ Ильѣ соединены въ одно цѣлое — родъ біографіи Ильи. Отъ этой искусственной группировки, сдѣланной не художникомъ, образъ богатыря получилъ черты, отличающія его отъ оригинала. Это — сантиментальность, слащавость. Невыдержанность стиха и языка даетъ себя чувствовать въ мѣстахъ, служащихъ звеньями для отрывковъ, взятыхъ изъ подлинниковъ. Пока это—единственная книга, изъ которой народъ можетъ познакомиться съ лучшимъ, характернѣйшимъ типомъ нашего народнаго эпоса. Величавый образъ гордаго, милосердаго стоятеля за землю Русскую оставляетъ сильное впечатлѣніе въ читателяхъ всѣхъ возрастовъ.

Чтобы прослѣдить за впечатлѣніемъ и степенью пониманія былины, мы поступали слѣдующимъ образомъ: давали на домъ книгу безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, выслушивали подробный пересказъ былины, не дѣлая наводящихъ вопросовъ, чтобы судить о томъ, какъ она понимается, что́ въ ней производитъ впечатлѣніе. Затѣмъ предлагали слѣдующіе *вопросы*:

— Чѣмъ послужилъ Илья землѣ Русской? (Спасеніе Чернигова, побѣда надъ Соловьемъ, Калиномъ царемъ).

— Какую великую заповѣдь положилъ Илья на себя? (Напрасно рукъ не кровавити).

— Приведите примѣры того, что Илья былъ гордъ, зналъ себѣ цѣну, но не былъ хвастливъ, злопамятенъ. (Занимаетъ второе мѣсто, отказывается отъ подарка князя, идетъ въ заточенье, не хвалится побѣдой и т. д.)

Впрочемъ, вопросы эти рѣдко приходилось предлагать: ученицы предупреждали ихъ одушевленно передаваемыми характеристиками богатыря Ильи.

Книга желательна для читателей всѣхъ возрастовъ.

«Добрыня Никитичъ» (изданіе «Мірскаго Вѣстника») представляетъ избранные отрывки изъ былинъ о Добрынѣ, связанные разсужденіями и объясненіями крайне высокопарными и не всегда вѣрными. Для кого, напримѣръ, слѣдующее разсужденіе: «Въ былинахъ о Добрынѣ есть много несообразнаго и даже невозможнаго, т. е. сказочнаго, но дорогъ внутренній смыслъ былинъ, а не форма, въ которую онъ облекается»?

Неудачно также сравненіе Добрыни съ Ильей. Кровавая расправа Добрыни съ Ма-

риной, совершая которую онъ приговариваетъ: «эта мнѣ рука не надобна» и т. д., въ изданіи для народа и для дѣтей должна была бы быть пропущена, что нисколько не повредило бы цѣлому.

Не смотря на то, что другаго изданія былины о Добрынѣ не имѣется,—не рѣшаемся рекомендовать разбираемую книгу, изъ которой намъ, при выдачѣ ея для опыта дѣтямъ, приходилось вырѣзывать нѣсколько выше указанныхъ стиховъ.

Въ концѣ каждой изъ четырехъ «Русскихъ книгъ для чтенія» графа Л. Н. Толстаго помѣщена былина, передѣланная имъ самимъ. Это — «Святогоръ», «Сухманъ», «Вольга» и «Микулушка Селяниновичъ».

Художникъ отступаетъ отъ подлинника, передѣлываетъ, опускаетъ подробности, улучшаетъ стихъ и все же даетъ нѣчто вполнѣ вѣрное духу оригинала. Стихъ выдержанный, прекрасный; такая передѣлка, конечно, лучше самой былины. Чтеніе затрудняется нѣсколько сохраненными архаизмами. Ждетъ и богатырь Илья руки того же художника, чтобы явиться предъ читателемъ во всемъ своемъ *неприкрашенномъ* величіи. Было бы крайне желательно, чтобы эти четыре былины вышли отдѣльной книжечкой съ короткимъ предисловіемъ, объясняющимъ ихъ содержаніе.

При чтеніи ихъ мы держались слѣдующаго порядка: «Вольга», «Микулушка Селяниновичъ», «Святогоръ». Одна былина являлась, такимъ образомъ, дополненіемъ другой. Въ первой—звѣроловъ въ ближайшемъ общеніи съ животными, заимствующій у нихъ силу чародѣйствомъ; во второй—завоеватель, живущій грабежомъ, данью; въ третьей—сравненіе двухъ силъ и торжество силы мирнаго труженика.

Требовалось разъясненіе словъ: *богатырь*, *былина*, *дружина*, *булатный*, *держава*, *тяга*.

Вопросы нами предлагались слѣдующіе:

Чѣмъ жилъ Вольга со своей дружиной?

Какой силой побѣды одерживалъ?

Все ли то быть могло, что разсказано?

О комъ разсказывается въ былинѣ о Микулушкѣ?

Какой смыслъ этой былины?

Тѣ же два послѣдніе вопроса — и для былины о Святогорѣ.

Былина о Сухманѣ — эпизодъ изъ борьбы съ сосѣдями кочевниками, характеризующій отношенія между князьями и богатырями дружинниками. Слѣдуетъ сообщить о миѳологическомъ представленіи происхожденія рѣкъ изъ крови героевъ. *А. К.*

---

538) **Пѣсни**, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изд. Общества любителей россійской словесности. 7 выпусковъ. Ц. 5 р. Москва 1860—1868 г.

539) **Пѣсни**, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 4 тома. Москва 1861 г. Ц. за 4 т. 8 р.

540) **Книга былинъ**. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Сост. В. П. Авенаріусъ *). (Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина и рисунк. Прохорова и Каразина). Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 70 к. 355 стр. Изд. 3-е. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

541) **Разсказы изъ русской исторіи**. В. Водовозова. Вып. 1-й. Изданіе 6-е. Спб. 1878 г. Ц. 40 к. *Народныя былины*. 101 стр.

542) **Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень и пословицъ**. Для юношества. Составила Н. Крылова **). Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 25 к. 376 стр.

Удовольствіе, съ какимъ слушаются былины и читаются самостоятельно дома, отзывы о нихъ и толкованія ихъ смысла, помѣщенные нами выше, служатъ, кажется, достаточно краснорѣчивымъ отвѣтомъ на то, могутъ ли былины составить доступное чтеніе для народа. За этимъ естественно является вопросъ: въ какой формѣ знакомить съ ними читателей?

Сборники Рыбникова, Кирѣевскаго и слишкомъ дороги, и слишкомъ объемисты, а главнымъ образомъ неудобны для чтенія малоподготовленному читателю, представляя рядъ варіантовъ, богатыхъ подробностями, архаизмами, а мѣстами — грубоватыми циничными деталями. Разобраться во всемъ этомъ, вынести ясное представленіе о личности того или другаго богатыря, конечно, не по силамъ ни малолѣтнему, ни взрослому читателю. Мы имѣемъ уже прекрасную передѣлку былинъ, сдѣланную графомъ Л. Н. Толстымъ (см. рец. № 537).

Для ознакомленія съ богатырями, о которыхъ имѣется цѣлый рядъ былинъ, желателенъ изъ различныхъ варіантовъ выборъ лучшихъ мѣстъ, которыя въ цѣломъ не заключали бы противорѣчій и сохраняли бы духъ и образы оригиналовъ, не представляя, однако, въ нихъ заключающихся архаизмовъ и циничныхъ подробностей.

Принимаясь за составленіе «Книги былинъ», г. Авенаріусъ, по его словамъ, имѣлъ цѣлью дать русскимъ читателямъ и въ осо-

*) См. реценз. «Педагогическій Листокъ» 1879 г. X, 3—43, стр. 235 –245.

**) «Систематич. Обзоръ Нар.-Уч. Лит.» 1878 г. стр. 245.

бенности юношеству возможность ознакомиться съ лучшими образцами древняго нашего эпоса. Съ этою цѣлью, сличивъ по стихамъ всѣ извѣстные варіанты былинъ, выбравъ, по его мнѣнію, лучшіе, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, онъ составилъ возможно полный сводъ каждой былины. Слѣдуя примѣру финляндца Лепрота, который разрозненные отрывки эпическихъ пѣсень сгруппировалъ въ связную поэму—«Калевала», г. Авенаріусъ связалъ былины, насколько это позволяло содержаніе, въ возможно послѣдовательную хронику. Составитель старался какъ можно ближе держаться подлинника, почему удержалъ значительное число характерныхъ, теперь малоизвѣстныхъ словъ, а также архаизмовъ, приложивъ необходимыя поясненія къ нимъ въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ въ концѣ книги.

Намѣченная задача выполнена авторомъ.

Содержаніе книги составляютъ: введеніе къ былинамъ; былины кіевскія; былины новгородскія; былины московскія, козацкія и петровскія; былины безъимянныя.

Не касаясь значенія разбираемой книги для читающей публики и учащагося гимназическаго юношества, мы остановимся лишь на значеніи ея въ народной библіотекѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ она представляетъ много такого, что̀ помѣшаетъ ея распространенію, а также пользованію ею: высокая цѣна книги дѣлаетъ ее недоступной для многихъ школъ и библіотекъ; введеніе автора и примѣчаніе—выше пониманія читателей-простолюдиновъ; недостаточную помощь окажутъ они и народному учителю, такъ какъ въ нихъ онъ не найдетъ поясненія основной идеи главныхъ былинъ и символическихъ образовъ, встрѣчающихся въ нихъ, указаній на важнѣйшія бытовыя черты, а также главныя черты характера отдѣльныхъ богатырей.

Издавъ былины отдѣльными брошюрами, снабдивъ каждую предисловіемъ съ тѣми объясненіями, о которыхъ мы только-что сказали, приложивъ къ каждой былинѣ вопросы, г. Авенаріусъ оказалъ бы существенную услугу народной литературѣ. Нѣсколько былинъ могли бы быть помѣщены въ одной брошюрѣ и такимъ образомъ изданы только важнѣйшія. Пока отдѣльно изданными имѣются только «Илья Муромецъ» и «Добрыня Никитичъ» (см. рец. №№ 535—536).

Сообщивъ о значеніи народныхъ былинъ и характерѣ Владиміра по пѣснямъ, г. Водовозовъ въ первомъ выпускѣ своихъ «Разсказовъ изъ русской исторіи» даетъ прозаическій пересказъ главныхъ былинъ кіевскихъ и новгородскихъ, часто прерывая разсказъ объясненіями. Такая форма передачи не достигаетъ цѣли. Прозаическое изложеніе, притомъ далекое по языку и образамъ отъ оригинала, не оставляетъ сильнаго впечатлѣнія, а объясненія, прерывая нить разсказа, ослабляютъ интересъ и плохо усваиваются сами.

«Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень и пословицъ»—Крыловой, вышедшій въ 1861 г., теперь уже почти библіографическая рѣдкость. Въ свое время онъ былъ рѣдкимъ и отраднымъ явленіемъ. О томъ, что побудило г-жу Крылову взяться за составленіе этой книги, сама она въ предисловіи говоритъ слѣдующее:

«Большая часть русскихъ дѣтей, которыхъ родители принадлежатъ къ образованному сословію, растутъ почти въ совершенномъ удаленіи отъ народа и всего народнаго; пускай же хоть звуки народной поэзіи доходятъ до нихъ, если ужъ не инымъ путемъ, то хоть изъ книгъ; пусть хоть этимъ способомъ возбуждается въ дѣтяхъ сочувствіе къ преданіямъ и вѣрованіямъ, къ радостямъ и горестямъ, къ прошедшей и настоящей судьбѣ народа, къ которому принадлежатъ они сами и который такъ мало имъ знакомъ» (стр. 1-я и 2-я).

Если таково было направленіе воспитанія и дѣтской литературы въ 50-хъ годахъ, то нельзя сказать того же о нашемъ времени. Въ принципѣ народной поэзіи знакомству съ народной жизнью отведено теперь достаточно видное мѣсто.

Книга состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: *Былины.—Стихи* (духовные).—*Историческія пѣсни —Пѣсни бытовыя*: обрядныя, хороводныя, колыбельныя, шуточныя, сказочныя.—*Пословицы.—Поговорки.—Загадки и притчи.* Къ главнымъ отдѣламъ предпосланы объясненія значенія и характерныхъ особенностей извѣстнаго рода произведеній народнаго творчества.

Книга составлялась въ то время, когда не вышли еще сборники Кирѣевскаго, Рыбникова, что̀ несомнѣнно отразилось на полнотѣ ея содержанія. Написана она *о народѣ*, а не *для народа*, что̀ даетъ себя слишкомъ рѣзко знать и въ содержаніи дѣльныхъ поясненій составительницы, и въ самомъ языкѣ ихъ—совершенно недоступномъ для простолюдина.

Знакомство народа съ историческими пѣснями такъ же желательно, какъ и знаком-

ство съ былинами. Сборниковъ историческихъ пѣсень, изданныхъ для народнаго чтенія, насколько намъ извѣстно, не существуетъ. Нѣсколько историческихъ пѣсень находимъ мы въ «Книгѣ былинъ» г. Авенаріуса да въ разбираемомъ сборникѣ г-жи Крыловой. Такъ какъ памятью народа утрачено уже представленіе о многихъ событіяхъ, о которыхъ упоминается въ пѣсняхъ, то знакомить съ ними читателей удобнѣе всего въ историческихъ очеркахъ соотвѣтствующаго содержанія, которые будутъ служить для нихъ объясненіями. Пѣсни же, въ свою очередь, немало послужатъ оживленію и яркости самаго разсказа.

Историческими пѣснями, думами Малороссія богаче Великороссіи. Сборникъ малорусскихъ думъ съ примѣчаніями, знакомящими съ эпохой и фактами, о которыхъ въ нихъ говорится, долженъ бы былъ составлять необходимую принадлежность каждой библіотеки, большинство читателей которой—малороссы. Такого сборника, изданнаго для народа, въ настоящее время еще не существуетъ.

Чтеніе родныхъ произведеній, знакомство съ ними чрезъ школу и книгу повело бы несомнѣнно къ болѣе сознательному отношенію къ нимъ; въ средѣ читателей нашлось бы немало собирателей быстро исчезающихъ теперь устныхъ памятниковъ прошлаго. Нужно ли говорить о томъ, насколько это содѣйствовало бы пробужденію и развитію національнаго самосознанія?

Отдѣлы былинъ и историческихъ пѣсень въ разбираемомъ сборникѣ небогаты, а потому не считаемъ эту безспорно хорошую книгу полезной въ народной библіотекѣ.

А. К.

---

543) **Илья Муромецъ и Соловей-Разбойникъ.** Народная сказка; написана М. Евстигнѣевымъ. Изд. 3-е. Москва 1878 г. Изданіе книгопродавца Манухина. Ц. 3 к., 36 стр.

544) **Непобѣдимый витязь.** Богатырская сказка. М. Евстигнѣева. Изд. 3-е. 1882 г. Изд. книгопродавца Манухина. Ц. 3 коп., 36 стр.

545) **Алеша Поповичъ, русскій богатырь, и другія сказки.** Москва. 1882 г. Изданіе книгопродавца И. Ф. Морозова. Ц. 10 к., 144 стр.

546) **Соловей-разбойникъ, гроза Муромскихъ лѣсовъ.** Сказка. Москва. 1882 г. Изд. книгопродавца Д. П. Прѣснова. Ц. 3 к., 36 стр.

547) **Добрыня Никитичъ, русскій богатырь.** Повѣсть изъ временъ великаго князя Владиміра. Соч. Н. Истомина. Москва. 1881 г. Изд. книгопр. Шарапова. Ц. 3 к., 36 стр.

548) **Сказка о славянскомъ богатырѣ Вадимѣ, о красной дѣвицѣ Людмилѣ и о мудромъ старцѣ Гостомыслѣ.** Изд. 2-е. Изд. Г. Барутчева. Москва. 1871 г. Ц. 8 к., 108 стр.

549) **Илья Муромецъ и боярская дочь** или **Русскіе въ началѣ XVII вѣка во время чернаго года.** Историческая повѣсть. Москва. 1883 г. Изд. Манухина. Ц. 10 к., 104 стр.

Книгъ, изъ которыхъ могутъ познакомиться читатели съ былинами, въ народной литературѣ немного, да и эти немногія мало или, вѣрнѣе, вовсе не распространены въ народѣ. Между тѣмъ не разъ приходилось убѣждаться, что многіе изъ богатырей по имени извѣстны въ народной средѣ, а отъ нѣкоторыхъ учениковъ и учениць городскихъ школъ—слышать, что и книжки о нихъ читали. Это побудило насъ обратиться къ московскимъ книжнымъ складамъ — къ этому единственному пока признанному и доступному народу источнику книжнаго добра.

Книги съ названіемъ и изображеніемъ богатырей на обложкѣ занимаютъ тамъ видное мѣсто. Книги эти, очень сходныя между собой по внѣшности (цѣнѣ (5—10 к.), заглавію, иллюстраціямъ, очень различны по содержанію и достоинствамъ: однѣ представляютъ сводъ былевыхъ пѣсень (побывальщинъ), сказокъ, весьма близкій къ подлинникамъ, въ пересказѣ вовсе не безграмотномъ, нерѣдко обнаруживающемъ въ составителѣ извѣстный тактъ, что̀ видно въ опущеніи нѣкоторыхъ циничныхъ подробностей. Составители ихъ хорошо знакомы съ такими источниками, какъ труды Рыбникова, Кирѣевскаго; они подражаютъ извѣстнымъ собирателямъ: снабжаютъ свои пересказы эпиграфами изъ былинъ, поясненіями въ выноскахъ и «историческими замѣтками», — правда, не всегда умѣло вырванными изъ примѣчаній Кирѣевскаго, Аксакова. Таковы: «Илья Муромецъ», народная сказка, написанная со словъ проѣзжаго мужичка въ Макарьевѣ-на-Унжѣ М. Евстигнѣевымъ, «Непобѣдимый витязь» (Васька Буслаевъ) его же, «Алеша Поповичъ»,—изд. Морозова, и др.

Затѣмъ подъ тѣми же заглавіями — именами богатырей являются плохіе пересказы сказокъ и побывальщинъ, весьма далекіе по языку отъ оригиналовъ; указываемъ для примѣра на «Соловья-разбойника» (изд. Прѣснова).

Къ третьему роду относятся историческіе, повѣсти-романы, довольно безграмотные, находящіеся, все же, въ родствѣ съ *исторіей*,

интересные благодаря недурно построенной фабулѣ; таковы, напримѣръ, «Добрыня Никитичъ», соч. Истомина, изд. Шарапова, «Сказка о славянскомъ богатырѣ Вадимѣ», изд. Барутчева. Послѣдніе не только не уступаютъ историческимъ повѣстямъ г. Лапина, но несравненно интереснѣе и назидательнѣе ихъ.

Наконецъ, предъ нами такія книги, для которыхъ имена богатырей на обложкѣ служатъ только заманчивой вывѣской. Берете, напримѣръ, книгу, на которой большими буквами красуется заглавіе: «Илья Муромецъ»; обертка ярко раскрашена и снабжена картиной, изображающей воина въ латахъ, замахивающагося на крестьянина, и на первомъ листѣ находите слѣдующее курьезное заглавіе: «Илья Муромецъ и боярская дочь или Русскіе въ началѣ XVII вѣка во время чернаго года» (изд. Манухина).

Мы должны ограничиться этими короткими указаніями, такъ какъ подробный обзоръ всей московской эпической литературы потребовалъ бы отъ насъ слишкомъ много времени и мѣста. Изданія эти сослужили свою службу; мы не сторонники огульнаго изгнанія ихъ изъ обращенія въ ученической средѣ. Дѣло руководителя—просмотрѣть ихъ и предостеречь отъ совершенно плохихъ и безграмотныхъ. Но мы не можемъ рекомендовать ихъ для народныхъ и школьныхъ библіотекъ: отсутствіе каталоговъ, именъ авторовъ, сбивчивость заглавій не дали намъ возможности сдѣлать основательный выборъ лучшаго и сообщить точныя заглавія избранныхъ книгъ. Масса опечатокъ и небрежность изданія также дѣлаютъ ихъ въ педагогическомъ отношеніи мало желательными.

А. К.

---

550) **Слово о полку Игоревѣ** (въ переводѣ на нынѣшній русскій языкъ). М. А. Максимовича. Изданіе редакціи «Кіевскаго Народнаго Календаря». Кіевъ. 1879 года. Ц. 15 к. 23 стр.

Въ этой книгѣ, изданной редакціей «Народнаго Кіевскаго Календаря», имѣющаго цѣлью изданіе книгъ для народнаго чтенія, подобно московскому Обществу распространенія полезныхъ книгъ, мы думали найти переложеніе «Слова о полку Игоревѣ» съ примѣчаніями, которыя сдѣлали бы доступнымъ этотъ древній памятникъ народнаго творчества для читателя-простолюдина. Но оказалось при просмотрѣ, что книга эта предназначалась для лицъ, хорошо знакомыхъ съ исторіей и славянской миѳологіей.

А. К.

---

551) **Слово о полку Игоревѣ**, переведенное на русскій языкъ А. Погоскимъ. Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1871 г. Ц. 15 к. 23 стр.

Текстъ «Слова» переданъ простымъ языкомъ, раздѣленъ на части, снабженныя заглавіями, соотвѣтствующими содержанію отрывка,—какъ напримѣръ: «Сборы въ походъ», «Походъ», «Побѣда» и т. д. Собственныя имена и нѣкоторыя сохраненныя въ переложеніи непонятныя слова поясняются въ выноскахъ внизу страницы.

Тексту предпослано «Поясненіе къ Слову о полку Игоревѣ», знакомящее съ эпохой, дѣйствующими лицами и событіями, необходимое для читателя, незнакомаго съ исторіей.

Какъ читается и понимается «Слово о полку Игоревѣ» взрослыми и малолѣтними читателями?

Не имѣя возможности затратить на чтеніе этого памятника часть учебнаго утра въ воскресной школѣ, мы давали его въ изданіи «Досугъ и Дѣло» для чтенія на домъ нѣсколько знакомымъ съ исторіей, развитымъ ученицамъ воскресной школы. Передача содержанія свидѣтельствовала о томъ, что впечатлѣніе слабо, и пересказъ дѣлался больше по «Поясненію», чѣмъ по самому тексту. Отъ нѣкоторыхъ получалось откровенное признаніе: «Не понравилось и трудно запомнить: много именъ. Объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ гораздо интереснѣе». Да и въ самомъ дѣлѣ, оцѣнка этого древняго памятника учащимися и въ гимназіи требуетъ немало труда со стороны преподавателя. Матеріалъ, представляемый былинами, и богаче, и разнообразнѣе, и доступнѣе народной средѣ.

А. К.

---

552) **Русская лѣтопись**. Для первоначальнаго чтенія. С. Соловьева *). Москва. 1866 г. Изданіе Общества распр. пол. кн. 126 стр. Ц. 40 к. Изд. 3-е. 1885 г. Ц. 40 к.

Книга эта находится въ такомъ же отношеніи къ различнымъ разсказамъ и очеркамъ изъ древней русской исторіи, въ какомъ сборники избранныхъ отрывковъ изъ библейскихъ книгъ находятся къ разсказамъ изъ священной исторіи различныхъ составителей. Преимущество подлинниковъ—эпическій тонъ повѣствованія, образность, яркость красокъ; достоинство компиляцій—систематичность, дополнительныя объясненія.

О значеніи разбираемой книги самъ составитель говоритъ слѣдующее: «Начиная этотъ трудъ, я руководился слѣдующимъ побужде-

---

*) См. рец. «Систем. Обзоръ Нар.-Уч. Лит.» 1878 г., стр. 613.

ніемъ: я думалъ, что нѣтъ ничего доступнѣе для молодыхъ читателей, какъ простое и вмѣстѣ съ тѣмъ живое повѣствованіе древнихъ нашихъ лѣтописцевъ, повѣствованіе безъискусственное о дѣлахъ юнаго народа, только что начавшаго общественную жизнь съ ея первоначальными простыми отношеніями. Причины же, по которымъ я избралъ именно только древнюю русскую лѣтопись до половины XIII в., надѣюсь, будутъ понятны всякому, кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи; извѣстно, что лѣтописи послѣ половины XIII вѣка теряютъ тѣ живыя краски, которыми отличаются лѣтописи древнія».

Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться этой книгой. Мы совѣтовали бы давать ее читателямъ, знакомымъ уже нѣсколько съ главными событіями въ ихъ хронологическомъ порядкѣ,—давать книгу на долгій срокъ, рекомендуя читать немного за-разъ. Такъ поступали мы. Книга читалась взрослыми и малолѣтними грамотѣями вслухъ дома, въ семьѣ,—слушалась, по свидѣтельству чтецовъ съ большимъ интересомъ. Совсѣмъ иные результаты получались, если бралъ ее совершенно незнакомый съ исторіей усердный читатель и прочитывалъ ее, что называется, въ одинъ присѣстъ. Запутавшись въ массѣ фактовъ и именъ, онъ удерживалъ изъ содержанія книги очень немногое, и художественная сторона разсказа почти не оставляла слѣда.

«Русская Лѣтопись» желательна въ каждой школьной и народной библіотекѣ, какъ для взрослыхъ, такъ и для малолѣтнихъ читателей. *А. К.*

---

2) Книги, обнимающія всю русскую исторію или болѣе или менѣе обширную часть ея.

553) **Разсказы про старое время на Руси,** отъ начала Русской земли до Петра Великаго. А. Петрушевскаго *). Удостоены Комит. Грамотн. первой преміи и Учен. Комит. Министерства Государств. Имуществъ золотой медали. Изд. 6-е (съ 24 картинк.), Ѳ. И. Салаева. Москва, 1877 г. Ц. 60 к. 360 стр. Книга иллюстрирована 24-мя плохими рисунками. Изд. 7-е. Москва, 1880 г. Ц. 75 к.

При своемъ появленіи «Разсказы» Петрушевскаго имѣли такое же значеніе въ народной литературѣ, какое имѣли «Разсказы» Водовозова въ литературѣ педагогической и дѣтской.

До названныхъ книгъ существовали лишь сухіе учебники, представлявшіе перечень событій государственной жизни или поучительные разсказы изъ исторіи, гдѣ историческій матеріалъ служилъ не для знакомства съ дѣйствительностью настоящей и прошлой, а произвольно выбирался и пріурочивался авторомъ для назидательныхъ поученій. Ѳ сродствѣ такихъ книгъ съ настоящей исторіей и истиной не могло быть и рѣчи. Гг. Водовозовъ и Петрушевскій первые заставили говорить о прошломъ самихъ современниковъ, внесли въ свои разсказы живой матеріалъ изъ былинъ, пѣсенъ, лѣтописей, такъ громко говорящихъ душѣ читателя-младенца (по возрасту или развитію) яркостью своихъ образовъ, драматизмомъ, простотой языка.

«Разсказы» Петрушевскаго были тотчасъ оцѣнены по достоинству: С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности удостоилъ ихъ первой преміи, а Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ—золотой медали. Съ 1867 г. они выдержали шесть изданій и разошлись въ количествѣ пяти десятковъ тысячъ.

Въ настоящее время «Разсказы» Петрушевскаго пользуются достаточной извѣстностью: книгу эту можно найти во всякой порядочной школьной библіотекѣ; встрѣчали мы ее и у взрослыхъ грамотѣевъ-крестьянъ, гдѣ она пріютилась въ сосѣдствѣ съ образцами московскихъ книжныхъ издѣлій.

Языкъ, которымъ написаны разсказы, очень своеобразенъ; онъ отличается живостью и образностью народной рѣчи, не поражая искусственностью или грубостью.

Книга читается безъ труда даже малограмотнымъ читателемъ, не получившимъ никакой школьной подготовки; это объясняется какъ достоинствами языка, такъ и особенностями содержанія. Авторъ задался цѣлью написать книгу для народа, изъ которой онъ могъ бы познакомиться съ своимъ историческимъ прошлымъ, съ тяжелыми годинами пережитыхъ бѣдствій, вѣками рабства и невѣжества и переходомъ къ инымъ формамъ

---

*) См. рец. «Семья и Школа», 1877 г., № 11 кн. V, стр. 447—448. «Педагогическій Лист.» 1874 г., № 1, стр. 78. «Обзоръ Народной Литературы», 1878 г., стр. 613.

жизни со временъ Петра *). Авторъ не испещрилъ своихъ разсказовъ именами, а вмѣсто нихъ стремился дать рядъ возможно полныхъ и яркихъ образовъ историческихъ дѣятелей, оставившій глубокій слѣдъ въ памяти народа или непосредственно вышедшихъ изъ его среды.

Въ книгѣ заняли видное мѣсто: Владиміръ Красное-Солнышко, какимъ создали его преданія и исторія; богатырь Илья, лицо не историческое, но идеальный герой, въ которомъ ярко высказался историческій характеръ русскаго народа; Ярославъ, ревнитель просвѣщенія, собиратель народныхъ обычаевъ; Владиміръ Мономахъ, «добрый страдалецъ за землю Русскую»; Александръ Невскій, грозный побѣдитель враговъ западныхъ и смиренный заступникъ за людей русскихъ предъ ханомъ; Василій Буслаевъ, гость Садко — типичные представители богатаго вольнаго Новгорода; Иванъ Калита, собиратель Русской земли; подвижникъ Сергій; Иванъ III, гордый владыка уже сильнаго Московскаго государства; Иванъ IV Грозный; смѣлый судья его, защитникъ народа, митрополитъ Филиппъ, представитель козацкой вольницы Ермакъ; Борисъ Годуновъ; Дмитрій Самозванецъ и народные вожди смутнаго времени; вождь южно-русскаго народа Богданъ Хмѣльницкій; крестьянинъ-реформаторъ Никонъ; Стенька Разинъ, страшный предводитель возставшаго противъ тяжелыхъ порядковъ народа; Софья, первая русская женщина, вырвавшаяся изъ тюремнаго затворничества на широкую арену государственной дѣятельности. Выдвинуты и, насколько то представлялось возможнымъ, подробно описаны слѣдующія эпохи и движенія въ жизни русскаго народа: времена княжескихъ усобицъ и борьбы съ сосѣдями-кочевниками; эпоха владычества татаръ и вліянія вѣковъ рабства и общенія съ низшимъ по культурѣ народомъ на различныя стороны русской жизни; своеобразно сложившаяся жизнь вольнаго Новгорода и борьба его съ собирателями государства Московскаго; судьба южнорусскаго народа подъ владычествомъ Литвы, сначала языческой, а потомъ поборницей католицизма; характерные эпизоды изъ исторіи отношеній Восточной православной церкви къ Западной католической,—отношеній, имѣвшихъ такое важное значеніе въ ходѣ развитія государственной и національной жизни русскаго народа; борьба западной Руси и южнорусскаго козачества съ Польшей и латинствомъ въ защиту православія и независимаго національнаго существованія; закрѣпощеніе крестьянъ; движенія въ средѣ собственно великорусскаго народа: Донское козачество со своими вожаками—Ермакомъ и Разинымъ и расколъ съ его національно-демократической окраской.

Не задаваясь систематическимъ изложеніемъ событій въ ихъ хронологической последовательности, г. Петрушевскій для своихъ разсказовъ бралъ изъ прошлаго то, въ чемъ ярче, сильнѣе всего выражалась жизнь самого народа; потому-то въ его книгѣ заняло видное мѣсто многое такое, о чемъ въ другихъ книгахъ лишь упоминается или говорится мимоходомъ.

Крупнымъ достоинствомъ разбираемыхъ разсказовъ является стремленіе автора ихъ въ изображеніи прошлаго быть какъ можно ближе къ научной истинѣ.

Конечно, только при такомъ отношеніи къ историческому матеріалу исторія можетъ служить цѣлямъ національнаго и политическаго воспитанія.

Г. Петрушевскій не боится открывать предъ своими слушателями кровавыхъ страницъ прошлаго, не прибѣгаетъ ни къ подмалевыванью, ни къ позолотѣ при изображеніи мрачныхъ сторонъ жизни, темныхъ сторонъ характера дѣятелей или самого русскаго народа. Этимъ не поселитъ онъ въ своихъ читателяхъ ни чувства унынія, ни презрѣнія или равнодушія къ родной старинѣ. Серьезный, безпристрастный тонъ разсказа не мѣшаетъ проглядывать симпатіямъ автора, который такъ-же далекъ отъ холодной объективности Бестужева-Рюмина, какъ и отъ напускнаго паѳоса г. Михневича. Разсказы г. Петрушевскаго не пробудятъ въ душѣ читателей слѣпаго самодовольства, національнаго высокомѣрія, а вызовутъ сознательную любовь къ отечеству, свѣтлый взглядъ на его будущее—чувства, одушевлявшія самого разсказчика, такъ закончившаго свое повѣствованіе.

«Много скорби и горя перенесла Русская земля... но безъ несчастій и бѣдъ не живутъ никакіе народы и государства, какъ не живутъ и люди. Русскому народу на долю выпала злая судьбина: ему пришлось столѣтіями жить въ сосѣдствѣ и общеніи съ полудикими племенами на окраинѣ христіанскаго міра. Если въ такомъ положеніи народъ выстоялъ, сохранилъ свой русскій и христіанскій образъ и сплотился въ могучее государ-

*) Продолженіемъ этихъ разсказовъ служитъ сочиненіе того же автора: «Разсказы про Петра Великаго и его время», см. рец. № 691.

ство, то не укоромъ служитъ ему старая быль, а знаменіемъ долгой жизни и великихъ судебъ въ будущемъ».

Самымъ серьезнымъ недостаткомъ въ трудѣ г. Петрушевскаго является отсутствіе сближеній между прошлымъ и настоящимъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ содержанія отдѣльныхъ главъ мы говоримъ при разборѣ группъ книгъ, касающихся однихъ съ ними историческихъ дѣятелей и событій. (См. ниже).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о способѣ пользованія книгой въ народной или школьной библіотекѣ. По объему и разнообразію содержанія книга не можетъ быть прочитана въ короткій срокъ. Для сознательнаго усвоенія содержанія, при недостаткѣ досуга и подготовки въ читателѣ, необходимо давать читать ее по частямъ. Книга хотя и раздѣлена на главы, но не каждая изъ нихъ представляетъ законченное цѣлое. А потому лицо, руководящее чтеніемъ, при выдачѣ книги должно указать тѣ главы, которыя должны быть прочитаны за разъ, какъ служащія другъ для друга дополненіемъ. Такое дѣленіе главъ сдѣлано нами ниже.

По языку книга доступна для читателей всѣхъ возрастовъ, по содержанію—лишь для развитыхъ, по преимуществу взрослыхъ.

Кромѣ вопросовъ, касающихся непосредственно фактическаго содержанія, приложенныхъ нами къ группамъ книгъ одинаковаго содержанія, мы считаемъ возможнымъ предложить для наиболѣе развитыхъ и хорошо подготовленныхъ читателей, прочитавшихъ и эту книгу, и другіе историческіе очерки, еще слѣдующіе вопросы:

Назовите тѣхъ государей, о которыхъ съ благодарностью вспоминаетъ народъ русскій.

Назовите тѣ времена, когда выступалъ весь народъ для защиты своей вѣры и народности.

Назовите тѣхъ людей изъ народа, которые оказали большія услуги отечеству.

Какая была причина розни и вражды между русскими и поляками?

Какіе изъ прежнихъ враговъ стали теперь мирными гражданами Русскаго государства?

Всегда-ли Русское государство занимало пространство, занимаемое имъ въ настоящее время, и какъ измѣнилась величина его отъ IX до XIX вѣка?

Насколько въ разное время сближался русскій народъ съ иноземными народами, и съ какими именно?

Съ какого времени появились на Руси книги и школы?

Когда и гдѣ началось просвѣщеніе русскаго народа? откуда шло оно къ намъ? лица какихъ сословій болѣе всего потрудились для просвѣщенія?

Припомните, какія услуги были оказаны русскому народу духовенствомъ? — Боярами (дворянствомъ)? — Купечествомъ? — Людьми изъ крестьянскаго сословія?

Назовите тѣ времена и событія, въ которыхъ обнаружилось мужество русскаго народа? — Недостатокъ единенія?—Предпріимчивость? даровитость? добросердечіе русскаго человѣка?

Что измѣнилось къ лучшему въ нашей теперешней жизни въ сравненіи съ прошлымъ: въ быту семейномъ, въ отношеніяхъ сословій между собой, въ отбываніи государственныхъ повинностей, распредѣленіи налоговъ и самомъ свойствѣ ихъ, въ защитѣ закономъ личности и собственности?

А. К.

---

554) **Общедоступныя чтенія о русской исторіи.** Сергѣя Соловьева *). Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 341 стр.

Совѣтъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, при устройствѣ въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній, задался мыслью устроить при музеѣ систематическія чтенія, сопровождаемыя показываніемъ туманныхъ картинъ соотвѣтствующаго содержанія. Текстъ для чтеній по русской исторіи составленъ былъ по просьбѣ Совѣта С. М. Соловьевымъ, отнесшимся съ большимъ сочувствіемъ къ задуманному дѣлу. Таково происхожденіе этого труда, совершенно ошибочно причисляемаго нѣкоторыми къ книгамъ доступнымъ для народнаго чтенія.

Заслуги покойнаго историка слишкомъ извѣстны, а потому остается указать лишь на тѣ стороны вышеназваннаго сочиненія, которыя затруднятъ чтеніе его мало-подготовленнымъ читателямъ. Въ 18-ти чтеніяхъ излагается послѣдовательно, систематично вся исторія Россіи до конца царствованія Николая Павловича.

Составлялъ авторъ свои очерки не для самостоятельнаго чтенія, а для публичныхъ народныхъ чтеній въ музеѣ, причемъ текстъ каждой лекціи долженъ былъ иллюстрироваться, оживляться туманными картинами и дополняться устными объясненіями лектора. Этимъ объясняются отчасти та сухость и блѣдность, которыми отличаются разбирае-

---

*) См. рец. «Систем. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 589.

мые очерки Соловьева. Къ каждому изъ чтеній составлено было не менѣе 10-ти картинъ, а ко многимъ — и гораздо больше. Каталогъ Фену (прейсъ-курантъ волшебнымъ фонарямъ и принадлежностямъ къ нимъ, со спискомъ картинъ на стеклѣ и чтеній) можетъ дать понятіе о содержаніи ихъ и о томъ, насколько онѣ необходимы, для того чтобы пользоваться самими чтеніями.

Съ первыхъ же строкъ можно убѣдиться, что Соловьевъ имѣлъ въ виду совершенно неподготовленныхъ слушателей. Заставить мало-развитаго слушателя отрѣшиться отъ представленій окружающей жизни, заставить послѣдовать его за собой въ невѣдомый для него міръ далекаго прошлаго — задача нелегкая. А въ чѣмъ ея цѣль? значеніе? Много нужно дарованій и глубокихъ знаній, чтобы составить такую яркую, полную картину прошлаго, которую удалось бы временно *заслонить* настоящее отъ взоровъ поучаемаго. Но сущность задачи не въ томъ, чтобы прошлымъ *заслонять* настоящее, а въ томъ, чтобы *поставить ихъ рядомъ*, доказать ихъ кровное родство, показать во-очію, чѣмъ было, гдѣ и какъ зародилось и выросло настоящее, чего можно желать въ будущемъ. Такъ смотрѣлъ на цѣль своихъ сообщеній изъ исторіи и Соловьевъ. Сближенія прошлаго съ настоящимъ встрѣчаются у него на каждой страницѣ, но сближенія неудачныя, не касающіяся главнаго, а картины прошлаго не отличаются ни яркостью, ни полнотой.

Воззрѣнія самого автора отлично выясняются изъ собственныхъ его словъ (стр. 8-я): «Въ 1862 г. исполнилось 1000 лѣтъ, какъ началось Русское государство, и по приказанію Государя Императора воздвигнутъ былъ въ Новгородѣ памятникъ. (Слѣдуетъ описаніе памятника). А мы теперь словомъ пройдемъ тысячу лѣтъ, вспомнимъ, что сдѣлали для Россіи, для насъ эти князья и цари и знаменитые люди, какія бѣды и напасти терпѣли и какъ спасалъ ихъ Богъ, какъ Русское государство изъ такого малаго начала, какъ оно было при Рюрикѣ, выросло такъ велико, что подобнаго нѣтъ да и не было на землѣ». Гдѣ же въ набросанномъ планѣ самъ русскій народъ? Гдѣ и въ чемъ узнаютъ о себѣ самихъ слушатели Соловьева? Узнаютъ ли они себя въ грубыхъ язычникахъ временъ Олега?—Нѣтъ.—Описанію языческихъ міровоззрѣній, основы которыхъ до сихъ поръ живы въ народѣ, удѣлено на стр. 23-й всего семь строкъ. Узнаютъ ли они, какъ повліяла на нравы и умственное развитіе русскаго народа два съ половиною вѣка тяготѣвшая надъ русской жизнью темная сила дикихъ татарскихъ ордъ? — Тоже нѣтъ. О значеніи татарскаго ига не сказано ни слова. На первомъ планѣ стоитъ у Соловьева описаніе развитія и роста жизни государственной. Но и тутъ, при описаніи процесса *собиранія* Московскаго государства, забываетъ онъ, что суть не въ пріобрѣтенныхъ только земельныхъ богатствахъ, а въ соединеніи въ одно стройное цѣлое частей разнородныхъ, долго жившихъ своей собственной жизнью.

Говоря о частяхъ Русскаго государства, Соловьевъ совершенно игнорируетъ живыхъ представителей этихъ частей. Слѣдующая выдержка можетъ служить доказательствомъ справедливости дѣлаемаго упрека. Разсказываетъ Соловьевъ о томъ, какъ, раздѣлившись на ханства Крымское и Казанское, татары не переставали безпокоить, причинять бѣды Россіи: «для предковъ нашихъ,—говоритъ онъ,—Крымъ былъ страшнымъ гнѣздомъ, откуда постоянно нападали татары и уводили въ плѣнъ русскихъ, а теперь русскіе люди ѣздятъ въ Крымъ пользоваться теплымъ климатомъ и любоваться прекрасными видами». А куда дѣвались сами татары? Конечно, важнѣе будетъ узнать поучаемымъ исторіи, что прежніе страшные враги давно уже сдѣлались мирными гражданами Русскаго государства, что теперешніе татары занимаются въ Крыму земледѣліемъ и разведеніемъ винограда, обучаются въ общихъ русскихъ школахъ, отбываютъ воинскую повинность и въ прошлую войну вмѣстѣ съ русскими проливали кровь за честь и славу Русскаго государства. Не отличаются живостью и характеристики князей и государей; даже очеркъ о Петрѣ, этомъ неутомимомъ могучемъ работникѣ на государство Русское, вышелъ блѣднымъ, сухимъ.

Выше уже было сказано, почему разбираемые очерки Соловьева не могутъ быть рекомендованы какъ книга для самостоятельнаго чтенія народа. Затруднимся рекомендовать ихъ и для публичныхъ народныхъ чтеній по вышеизложеннымъ соображеніямъ.

А. К.

---

555) **Родная Старина.** Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. (Съ IX до XVII ст.). Сост. В. Д. Сиповскій. Изд. ред. журн. «Женское Образованіе». Спб. 1882 г. Вып. 1-й. Ц. 1 р. 50 к. 235 стр. Вып. 2-й. Ц. 1 р. 75 к. 410 стр. *). Изд. 2-е. Спб. 1885 г. Полубояринова. Ц. 3 р. 25 к.

---

*) См. «Воспитаніе и Обученіе» 1879 г. № 12,

556) **Русская исторія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ.** (Съ 24 портретами и 55 друг. рисунками). Составилъ Θ. Пуцыковичъ. Изд. 5-е, дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 30 к. 96 стр. *). Изд. 11-е. 1887 г. Ц. 30 к.

Право причислять «Родную Старину» къ книгамъ для народнаго чтенія даютъ намъ не только содержаніе и достоинства книги, но и слова самого составителя. Онъ говоритъ въ предисловіи: «Особенное вниманіе обращено нами на изложеніе. Мы старались довести языкъ до возможной чистоты и простоты, старались въ то же время избѣжать сухости; полагаемъ, что по языку книга наша доступна даже для двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей и для грамотныхъ простолюдиновъ».

Можно съ увѣренностью сказать, что, кромѣ гр. Л. Н. Толстаго да еще Суворина и Петрушевскаго, никто не писалъ для народа, лучшимъ языкомъ, въ болѣе доступной ему формѣ.

О задачѣ своего труда г. Сиповскій говоритъ слѣдующее: «Мы задались цѣлью пересказать всѣ важнѣйшія событія русской исторіи, строго придерживаясь источниковъ и научной разработки ихъ, — пересказать по возможности такъ, чтобы у читающихъ получалось сколько нибудь живое представленіе о минувшихъ событіяхъ, лицахъ и древнемъ строѣ жизни. Для вѣрнаго пониманія историческихъ лицъ и дѣлъ ихъ важно знать, какъ смотрѣли на нихъ современники или ближайшіе потомки. Въ этомъ отношеніи взглядъ лѣтописца, слова древняго проповѣдника, старинное суевѣрное преданіе, простодушное сказаніе современника и т. п. получаютъ высокую цѣну. Всюду, гдѣ можно было, мы и старались показать, какъ событія и дѣла историческихъ дѣятелей отражались въ сознаніи современниковъ. Хотя мы пользовались научными трудами, но всегда старались держаться какъ можно ближе къ источникамъ».

Намѣченная задача, какъ намъ кажется, вполнѣ удалась автору.

Вся книга будетъ состоять изъ 3-хъ выпусковъ и заключаетъ въ себѣ приблизительно 800 страницъ. Въ двухъ уже вышедшихъ выпускахъ разсказъ доведенъ до избранія Михаила Θедоровича.

«Родная Старина» даетъ своимъ читателямъ не только живое представленіе о минувшихъ событіяхъ, изложенныхъ съ достаточной подробностью, но знакомитъ и съ бытовой стороной прошлаго.

Въ этомъ то и заключается главная цѣнность книги. Въ законченномъ видѣ «Родная Старина» представитъ довольно полный альбомъ рисунковъ, изображающихъ бытовую сторону нашей исторіи (изображенія зданій, одежды, оружія, монетъ), заимствованныхъ изъ сочиненій строго-научныхъ. Кромѣ того, въ двухъ вышедшихъ выпускахъ помѣщены изображенія Куликовской битвы, крещенія кіевлянъ художника Васнецова, Іоаннъ III (съ картины Маковскаго), Грозный и Сильвестръ (съ картины Плѣшанова), Грозный царь (по фотографіи и статуѣ Антокольскаго).

Сказать, что «Родная Старина» доступна въ настоящее время большинству грамотныхъ простолюдиновъ, значило бы обнаружить полное незнаніе среды народныхъ читателей. Не смотря на достоинства разсказа и языка, книга прочтется лишь очень незначительнымъ меньшинствомъ и при извѣстныхъ указаніяхъ со стороны лица, руководящаго чтеніемъ.

Многія главы, многія страницы «Родной Старины» представляютъ законченное цѣлое; онѣ могутъ быть прочитаны отдѣльно, служить цѣннымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, полученнымъ ранѣе изъ другихъ книгъ. Таковы—въ выпускѣ 1-мъ главы: «Откуда узнаемъ мы наше прошлое», «Какъ жили наши предки», «Кіево-Печерская обитель», «Злыя времена татарщины»; въ выпускѣ 2-мъ: «Московія XV и XVI столѣтія по разсказамъ иностранцевъ», «Внутренняя дѣла», «Судъ и управленіе» (стр. 150), «Стоглавъ» (153), «Домострой» (156), «Домашняя жизнь царя» (267), «Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ» (282), «Русскіе нравы и обычаи» (301).

Мнѣніе, что дѣтьми и простолюдинами разсказы о жизни, бытѣ читаются неохотно, что нравятся имъ лишь сказанія о подвигахъ и событіяхъ, — вѣрно лишь отчасти, вѣрно лишь по отношенію къ плохимъ разсказамъ. Въ средѣ читателей, обладающихъ уже извѣстными фактическими свѣдѣніями, бытовые очерки—любимое чтеніе.—«Дайте что нибудь о томъ, какъ прежде жили или какъ другіе народы живутъ!»—вотъ просьба, которую постоянно приходится слышать при обмѣнѣ книгъ.

Считаемъ излишнимъ говорить о томъ, насколько «Родная Старина»—полезное пособіе для народнаго учителя, какъ единственное пока въ нашей педагогической литературѣ

стр. 576; «Педагогич. Хроника» 1879 г., стр. 863; «Русскій Народный Учитель» 1880 г. № 1, стр. 48.

*) «Систематическій Обзоръ Народной Учебной Литературы» 1878 г., стр. 606—607.

сочиненіе, сообщающее столько свѣдѣній по исторіи русской культуры.

Мы придаемъ особое значеніе рисункамъ, дающимъ понятіе о древней бытовой обстановкѣ, а потому для тѣхъ школьныхъ и народныхъ библіотекъ, которымъ по цѣнѣ недоступна «Родная Старина» Сиповскаго, рекомендуемъ «Русскую Исторію» Пуцыковича, содержащую довольно много рисунковъ вышеозначеннаго содержанія.

А. К.

---

557) **Исторія Россіи для народа.** Сост. по программѣ и согласно требованіямъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. Н. Малининъ *). Москва. 1879 г. Ц. 1 р. 40 к. 425 стр.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что книга его «хотя и назначена, какъ показываетъ ея заглавіе, спеціально для народнаго чтенія, но она вполнѣ можетъ быть употребляема всѣми тѣми лицами, для которыхъ недоступны историческіе курсы и сочиненія нашихъ извѣстныхъ ученыхъ историковъ». Кого разумѣлъ авторъ подъ тѣми читателями, которымъ «недоступны историческіе курсы и сочиненія нашихъ извѣстныхъ историковъ?» Если онъ имѣлъ въ виду лицъ, не получившихъ ни средняго, ни высшаго образованія, то не для чего было и выдѣлять ихъ изъ среды грамотѣевъ изъ народа; если же досужую городскую публику, не любящую приниматься за «ученую» книгу, то долженъ былъ измѣнить главной своей цѣли, ибо между двумя имъ намѣченными кругами читателей,—при общей ихъ невѣжественности,—все же, разница въ подготовкѣ и развитіи очень велика.

Неясное представленіе автора о тѣхъ, для кого онъ писалъ, сказалось какъ въ планѣ, такъ и въ изложеніи. «Исторія для народа» по фактическому содержанію и языку ничѣмъ не отличается отъ заурядныхъ историческихъ учебниковъ и несомнѣнно неусердному читателю покажется менѣе интересной, чѣмъ, напримѣръ, монографіи Костомарова, сочиненія Соловьева и др. Если бы самъ г. Малининъ не заявилъ, что онъ пишетъ свою книгу для народа, мы съ своей стороны никогда не подумали бы причислить ее къ книгамъ для народнаго чтенія. Думалъ ли авторъ о народѣ, а если думалъ, то могъ ли онъ похвалиться малѣйшимъ знаніемъ его, когда писалъ слѣдующія строки, говоря о бытѣ древнихъ славянъ: «нелегко намъ теперь представить себѣ ихъ житье бытье. Мы привыкли къ своимъ порядкамъ, къ настоящимъ условіямъ жизни. Мы теперь видимъ благоустроенные города, имѣемъ заводы, фабрики, дороги; живемъ въ хорошихъ, прочныхъ домахъ, а если кто живетъ и въ деревенской избѣ, зато можетъ видѣть, въ какихъ хороминахъ съ раззолоченными стѣнами и зеркальными окнами живутъ знатные и богатые люди... Насъ сильно избаловали фабрики и заводы шелками, тонкимъ сукномъ, цвѣтными ситцами, платками, тонкою кожею и т. п. Обстановка нашей жизни, потребности нашего общежитія, наши отдыхи и удовольствія —все совершенно не то, что было. Наша мебель, посуда, экипажи, вооруженія и др. соотвѣтствуютъ теперешней нашей жизни. Намъ нужны уже школы, книги, типографіи, фотографіи. Мы любимъ трактиры, театры. Вкусы и желанія наши далеко, конечно, не тѣ, что были прежде. Мы такъ привыкли къ своему времени, что и представить себѣ не можемъ, какъ могли жить люди безъ телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, многоэтажныхъ домовъ, ламиъ, газоваго освѣщенія и т. п. А между тѣмъ предки наши жили именно безъ всего этого» (стр. 7).

Не прозвучитъ ли это для всякаго здравомыслящаго читателя горькой насмѣшкой или забавной шуткой?

Далѣе, въ предисловіи, авторъ говоритъ, что «желалъ представить занимательное и доступное для народнаго пониманія чтеніе о прошедшихъ судьбахъ Русскаго государства и разсказать только важнѣйшіе вопросы (?!) изъ отечественной исторіи».

Содержаніе разсказовъ составляетъ преимущественно событія внѣшней политической исторіи русскаго народа: событія и замѣчательные историческіе дѣятели преобладаютъ надъ такъ называемымъ внутреннимъ состояніемъ государства, т. е. описаніемъ нравовъ, обычаевъ, образа жизни, жилищъ, образованія и т. п.

Педагогическая несостоятельность подобнаго выбора историческаго матеріала очевидна. Что же касается обѣщанныхъ повѣствованій о дѣятеляхъ и событіяхъ, то они даются авторомъ, но въ крайне блѣдномъ и скучномъ изложеніи. Сверхъ того, книга изобилуетъ мало-доступными фразистыми разсужденіями о ходѣ государственной и внутренней жизни, гораздо менѣе умѣстными въ по-

---

*) См. рец. «Педагогическій Листокъ», 1879 г., № 1, стр. 36—45: «Женское Образованіе», 1879 г., № 4, стр. 274—277: «Педагогическая Хроника», 1879 г., № 33.

пулярной книгѣ, чѣмъ бытовые очерки, которыми, къ сожалѣнію, пренебрегъ авторъ.

«Отсутствіе (?) книгъ для народнаго воспитанія и образованія» побудило г. Малинина, по собственному его признанію, приняться за составленіе разбираемой книги.

Такого «отсутствія» мы не признаемъ. Для народной и школьной библіотеки, которая можетъ и должна имѣть очерки Петрушевскаго, Павловича, Бестужева-Рюмина, «Родную Старину» Сиповскаго, «Исторію для народа» г. Малинина считаемъ излишней. Не нужна она и народному учителю, для котораго найдется не мало доступныхъ ему сочиненій нашихъ извѣстныхъ историковъ: Костомарова, Соловьева, Бестужева-Рюмина и друг. *А. К.*

---

558) **Разсказы изъ русской исторіи.** Б. А. Павловича *). 2-е изд. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к. 286 стр. Изд. 3-е 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Разсказы свои авторъ предназначалъ не для народнаго чтенія, а для читателей изъ младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Нельзя не пожелать, однако, чтобы разсказы эти нашли мѣсто въ народной библіотекѣ. При тѣхъ достоинствахъ, которыми они обладаютъ—простотѣ языка, прекрасному подбору историческаго матеріала,—потребуется небольшая школьная подготовка и немного усилій со стороны руководящаго чтеніемъ лица, чтобы сдѣлать ихъ популярными въ средѣ читателей, окончившихъ курсъ въ народной школѣ. Всѣхъ разсказовъ одиннадцать: «О бытѣ народовъ арійскаго племени въ до-историческое время», «О жизни славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени», «О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о крещеніи ихъ», «Кіевъ, Владиміръ и Новгородъ», «Злое время татарщины», «Московское самодержавіе», «Грозный царь», «Освобожденіе Малороссіи отъ польской неволи», «Великій царь работникъ», «Правленіе временщиковъ», «1812-й годъ».

Какъ видно изъ перечня заглавій, недостаетъ очерковъ о такихъ важныхъ эпохахъ, какъ Смутное Время, Царствованіе Екатерины II. Содержаніе разсказовъ—не повѣствованіе о событіяхъ, не жизнеописаніе дѣятелей, а изображеніе различныхъ историческихъ эпохъ русской жизни. Въ общей картинѣ получаютъ, конечно, видное мѣсто и событія, и историческія лица, но по принятому авторомъ масштабу они занимаютъ лишь часть ея, не заслоняя собою всего остальнаго. О томъ, какое значеніе придавалъ авторъ знакомству съ бытомъ и народными міровоззрѣніями, можно судить по тремъ первымъ очеркамъ: «О бытѣ народовъ арійскаго племени въ до-историческое время», «О жизни славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени», «О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о крещеніи ихъ». Разсказы Павловича имѣются въ продажѣ собранными въ одну книгу, а также и отдѣльными брошюрами, цѣною отъ 8-ми до 12-ти коп.; послѣднее очень важно, такъ какъ не всѣ разсказы равно желательны для народной библіотеки. Подробный разборъ содержанія каждаго очерка сдѣланъ нами ниже при обзорѣ цѣлой группы книгъ соотвѣтствующаго содержанія. *А. К.*

*) См. рец. «Женское Образованіе» 1879 г., № 3, стр. 218; «Педагогическій Музей» 1879 г., № 6, стр. 522 — 523; «Педагогическій Листокъ» 1879 г., № 3—4, стр. 202—221.

---

559) **Картины русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго.** С. Павловича *). Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Ц. каждаго выпуска 30 к., съ перес. 35 к.

Вып. I. *Отъ начала Руси до Ярослава.* Съ 12 рисунками. Спб. 1880 г. 16 стр.

Вып. II. *Ярославъ I и Русская Правда.* Съ 12 рисунками. Спб. 1881 г. 21 стр.

Вып. III. *Татарскій погромъ.* Съ рисунками. Спб. 1881 г. 34 стр.

Вып. IV. *Московское княжество отъ смерти Дмитрія Донскаго до воцаренія Іоанна Грознаго.* Съ 7 рисунк. Спб. 1882 г. 17 стр.

Вып. V. *Отъ Іоанна Грознаго до прекращенія Рюрикова дома.* Съ 7 рисунками. Спб. 1882 г. 24 стр.

Вып. VI. *Отъ прекращенія Рюрикова дома до воцаренія дома Романовыхъ.* Съ 9 рисунк. Спб. 1882 г. 16 стр.

Воспользовавшись извѣстными картинами по русской исторіи, выходившими выпусками съ конца 60-хъ годовъ подъ заглавіемъ «*Исторія Россіи въ картинахъ*» (картины и текстъ составлены В. Золотовымъ; изданіе В. Дементьева; восемь выпусковъ, заключающихъ событія съ Рюрика и до 1-го октября 1871 г. цѣна за всѣ выпуски 9 р., съ перес. 10 р.), редакція народнаго журнала «Досугъ и Дѣло» предприняла въ 1880 г. изданіе ряда очерковъ изъ русской исторіи, служащихъ какъ бы текстомъ для картинъ, которыхъ въ каждомъ выпускѣ имѣется отъ 7 до 12-ти.

*) Этого автора не слѣдуетъ смѣшивать съ Б. А. Павловичемъ — недавно умершимъ почтеннымъ педагогомъ.

Лучшія изъ нихъ принадлежатъ художникамъ Верещагину и Кошелеву.

Цѣнность изданія, по нашему мнѣнію, заключается не въ текстѣ, а именно въ картинахъ. Онѣ не только удачно воспроизводятъ сцены извѣстныхъ историческихъ событій, но и знакомятъ съ внѣшней обстановкой жизни различныхъ эпохъ: архитектурой, одеждой, вооруженіемъ. Замѣтно намѣреніе художника произвести впечатлѣніе не только общимъ видомъ всей картины, но и выразительностью отдѣльныхъ фигуръ. Къ сожалѣнію, картинъ бытовой жизни въ общемъ числѣ очень немного; таковы: «Поклоненіе Перуну» (плохая), «Пиры Владиміра», «Пиръ во дворцѣ Іоанна Грознаго», «Пріемъ посла» и нѣкоторыя другія.

До настоящаго времени вышло шесть выпусковъ; въ послѣднемъ разсказъ доведенъ до избранія Михаила Ѳеодоровича.

Текстъ къ картинамъ составленъ С. Павловичемъ изъ извѣстныхъ популярныхъ сочиненій по исторіи, весьма различныхъ по содержанію и характеру, какъ напримѣръ «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ дѣятелей» Н. Костомарова и «Разсказы про старое время на Руси» А. Петрушевскаго. Заимствованіе изъ нихъ въ размѣрѣ цѣлыхъ страницъ придаетъ разсказу г. Павловича нежелательную пестроту: однѣ страницы доступны любому простолюдину, другія — страницы серьезнаго сочиненія, въ которомъ мы встрѣчаемъ такія выраженія, какъ: «политическая партія», «дипломатическія сношенія», «соперничество разныхъ линій княжескаго дома» и т. п., совершенно неумѣстныя въ книгѣ для народнаго чтенія, если выраженія эти остаются необъясненными.

Отъ заимствованій у Костомарова содержаніе текста, конечно, пріобрѣло серьезныя достоинства: правильную оцѣнку лицъ и событій, нѣсколько хорошихъ характеристикъ дѣятелей, но въ то же время явилась и отрывочность, неизбѣжная при тѣхъ сокращеніяхъ, которыя долженъ былъ дѣлать составитель, пользуясь оригиналомъ. Наиболѣе слабая часть—описаніе внутренней жизни,—напримѣръ, вѣрованій и обычаевъ славянъ во времена язычества, а также глава: «Русь передъ приходомъ татаръ», помимо неполноты отличающаяся еще и невѣрными опредѣленіями, могущими поселить ложныя представленія въ умѣ читателя.

Значеніе Владиміра Св. характеризуется, между прочимъ, такъ: «Владиміръ былъ одинъ князь надъ всей тогдашней Русской землей. Не было ему равныхъ, и управлялъ одинъ единою своею властью или, какъ говорится, былъ единовластнымъ, все равно какъ нынѣшній государь» (стр. 33).

Нужно ли говорить, насколько неудачно такое сравненіе двухъ столь различныхъ эпохъ государственной жизни?!

Въ виду всего сказаннаго мы придаемъ значеніе лишь картинамъ разбираемаго изданія, а не тексту. Картины эти могутъ служить иллюстраціями и для разсказовъ Петрушевскаго, Павловича и «Родной Старины» Сиповскаго. Въ цѣломъ разбираемое изданіе будетъ стоить недешево. Можно пожелать возможно болѣе дешеваго изданія однѣхъ картинъ, для того чтобы сдѣлать доступнымъ такой картинный атласъ и для школъ, не обладающихъ большими средствами. А къ таковымъ принадлежитъ большинство нашихъ народныхъ школъ. *А. К.*

---

560) **Разсказы изъ русской исторіи.** В. Водовозова *). Спб. 1864 г. Изд. 4-е. Два выпуска. Ц. 1-го—40 к.; 2-го—60 к. Вып. 1-й 199 стр. Вып. 2-й 345 стр. Изд. 5-е. Спб. 1884 г. Вып. 1-й. Ц. 40 к. Вып. 2-й. Ц. 60 к.

Появленіе разсказовъ Водовозова въ 1864 г. было своего рода эпохой въ дѣтской и педагогической литературѣ. Для знакомства съ исторіей имѣлись лишь сухіе учебники да слащавые разсказы Ишимовой (въ свое время, впрочемъ, очень цѣнные), и такіе же—другихъ, менѣе умѣлыхъ разсказчиковъ.

Водовозовъ первый воспользовался живымъ матеріаломъ пѣсень, былинъ, лѣтописей, вмѣсто того чтобы сочинять нравоучительные разсказы на историческія темы, какъ это дѣлалось тогда. Русская лѣтопись въ обработкѣ Соловьева, разсказы Петрушевскаго и Павловича,—однимъ словомъ, всѣ лучшія книги по исторіи появились позднѣе разсказовъ Водовозова, тогда же оцѣненныхъ по достоинству.

Оба выпуска содержатъ въ себѣ очерки изъ исторіи и литературы древнѣйшихъ временъ, до XVI вѣка включительно.

Первый выпускъ содержитъ подробное изложеніе событій отечественной исторіи до XVI вѣка; до XIII вѣка факты расположены по княженіямъ, далѣе въ видѣ очерковъ, таковы: «Нашествіе Батыя», «Великій Новгородъ», «Псковское взятіе», «Состояніе Руси

*) См. рец. «Учитель» 1863 г. № 15, т. 3., стр. 731—732; «Систематическій Каталогъ» 1869 г., № 5571.

до Іоанна III». Рядомъ съ историческимъ и фактическимъ матеріаломъ помѣщены былины о главныхъ кіевскихъ богатыряхъ, о «Новгородскомъ Садко», «Слово о полку Игоревѣ». (Объ этихъ произведеніяхъ народнаго творчества въ передачѣ Водовозова рец. см. выше).

Второй выпускъ заключаетъ исторію борьбы Іоанна III съ татарами и Литвой, исторію царствованія Іоанна Грознаго (стр. 21—189) и очень интересный и серьезный очеркъ внутренней жизни Руси XVI вѣка, знакомящій съ семейнымъ и общественнымъ бытомъ, религіозными убѣжденіями, судопроизводствомъ, путешествіями нѣкоторыхъ русскихъ въ басурманскія земли, ко святымъ мѣстамъ и въ Индію.

Весь второй выпускъ, а въ особенности главы: «Стоглавъ и Домострой», «Образованіе и бытъ народа», «Ереси», «Судъ», доступны лишь взрослому читателю, любителю серьезнаго чтенія.

Характеръ изложенія измѣняется, смотря по источнику — лѣтописи, былинѣ, сказанію, котораго намѣренно близко держится разсказчикъ; самое же изложеніе сравнительно просто и доступно. Въ настоящее время, при существованіи многихъ другихъ книгъ равнаго достоинства, разбираемая книга г. Водовозова не можетъ имѣть того значенія, какое имѣла при своемъ появленіи. Но, все же, въ народной библіотекѣ для развитыхъ читателей «Разсказы изъ русской исторіи» г. Водовозова желательны, въ особенности второй выпускъ. *А. К.*

---

561) **Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ.** *Разсказы о быломъ на Руси съ начала основанія Русской земли, съ краткимъ обзоромъ 25-ти-лѣтняго царствованія государя императора Александра II.* Составилъ А. Семеновъ. Изд. 3-е. Москва 1880 г. 228 стр. Ц. 50 к.

Книга эта—небольшая историческая хрестоматія. Главныя событія отечественной исторіи переданы въ отрывкахъ изъ сочиненій Карамзина, Бестужева-Рюмина, Соловьева, Иловайскаго, Глинки, Богдановича, Щебальскаго, Ишимовой, Водовозова, Разина, Петрушевскаго и др. Имена авторовъ даютъ понятіе о книгѣ. Намъ остается лишь сказать нѣсколько словъ о значеніи разбираемой книги въ ряду другихъ того же отдѣла. Для знакомства съ событіями и главными дѣятелями очерки, представляющіе законченное цѣлое, гораздо цѣлесообразнѣе отрывковъ. Наиболѣе цѣнною частью книги являлся бы обзоръ царствованія императора Александра II. Но, къ сожалѣнію, составленъ онъ крайне неудовлетворительно. Статьи: «Освобожденіе крестьянъ», «Гласный судъ», «Земство, финансы, пути сообщенія» сухостью, краткостью и обиліемъ условныхъ терминовъ напоминаютъ собой сухія, оффиціальныя сообщенія. «Покореніе Кавказа», «Восточныя окраины»—такое же оффиціальное донесеніе по военному вѣдомству. «Восточный вопросъ и освободительная война съ турками»—передовая статья газеты. Приводимъ изъ нея нѣсколько выдержекъ:

«Русское правительство пыталось умиротворить балканскихъ славянъ путемъ дипломатическимъ. Оно приглашало великія европейскія державы сообща настоять передъ Оттоманской Портой на необходимыхъ преобразованіяхъ въ управленіи ея христіанскими провинціями» (стр. 220).

«Государь Императоръ изволилъ объявить о предстоящей европейской конференціи и вмѣстѣ о своемъ непреклонномъ намѣреніи добиться отъ Порты необходимыхъ гарантій для христіанскихъ народовъ» (стр. 221).

«Зависть Англіи къ русскому вліянію на Востокѣ и опасенія Австріи за свое владычество надъ западными славянами возбудили въ Европѣ сильное дипломатическое движеніе противъ Санъ-Стефанскаго договора».

«На Берлинскомъ конгрессѣ глава англійскаго министерства (лордъ Биконсфильдъ) и глава австрійскаго (графъ Андраши), при поддержкѣ другихъ державъ, добились того, что пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи сокращены, а Болгарія была раздѣлена на двѣ части—Дунайскую и Забалканскую: первая составила особое вассальное княжество, а вторая—автономную провинцію Оттоманской имперіи» (стр. 228).

Насколько все это можетъ быть *«народнымъ чтеніемъ для всѣхъ возрастовъ»*—говорить считаемъ лишнимъ. *А. К.*

«Пчела». Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Сост. Н. Щербина. Спб. 1882 г. См. № 796.

562) **Русская исторія** (въ разсказахъ) **для первоначальнаго чтенія.** Я. И. Маркова. Съ гравированными картинками. Изд. Д. И. Прѣснова. Москва 1873 г. Ц. 10 к. 125 стр.

563) **Исторія Россіи.** Наглядное чтеніе для дѣтей. Москва 1879 г. Изд. книгопродавца Д. И. Прѣснова. Ц. 5 к. 70 стр.

564) **Какъ жили-были предки наши славяне и откуда взялось Русское государство?** Изъ разсказовъ стараго дѣда. Изд. книгопр. Д. И. Прѣснова. Москва. 1883 г. Ц. 5 к. 72 стр.

565) **Исторія Малороссіи въ разсказахъ.** Въ трехъ частяхъ. Сост. В. С...овъ. Москва. 1874 г. Изд. А. Манухина. Ц. каждой части 15 к. 1-я ч. 105 стр., 2-я ч. 106 стр., 3-я ч. 103 стр.

566) **Новая жизнь русскаго народа.** Историческіе разсказы. Въ трехъ частяхъ. Сост. В. С....овъ. Изд. А. И. Манухина. Москва. 1874 г. 1-я ч. ц. 15 к., 108 стр.; 2-я ч. ц. 15 к. 108 стр.; 3-я ч. ц. 15 к., 106 стр. *).

Въ исторіи изданій для народнаго чтенія московскіе издатели Никольской улицы должны занять видное мѣсто. Они первые задолго до появленія «обществъ», имѣющихъ цѣлью изданіе и распространеніе книгъ для народа, познакомили съ *книгой* нашего простолюдина, сдѣлали ее предметомъ торговли, проложили пути книжному торговцу. Дѣло ихъ заведено давно и стоитъ крѣпко. Гг. издатели Прѣсновъ, Манухинъ, Морозовъ, Шараповъ и др. не довольствуются складами въ большихъ городахъ; товаръ ихъ имѣется и въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ лавкахъ стеклянной и фаянсовой посуды, вмѣстѣ съ художественными произведеніями суздальской живописи. Да и не только въ такой лавкѣ найдетъ простолюдинъ-грамотѣй московскій книжный товаръ; онъ встрѣчается съ нимъ во всѣхъ сколько-нибудь людныхъ мѣстахъ. Торговцы книгъ, весь товаръ которыхъ помѣщается въ корзинѣ или на разостланной по землѣ рогожкѣ, появляются всюду, рядомъ съ торговкой сѣмечками, орѣхами и друг. дешевыми лакомствами: на бойкомъ мѣстѣ базара, на сельской ярмаркѣ, въ храмовой праздникъ подъ церковью, на людной площади города. Нерѣдко приходилось видѣть, какъ обступали такого торговца безсрочно-отпускные, въ осенній день, расположившіеся съ котомками посреди городской площади. Люди, пожалѣвшіе гроши на болѣе удобное мѣсто для отдыха, чѣмъ сырая площадь, охотно отдавали эти самые гроши за книгу — дорогой гостинецъ домой. Подобные факты, доступные наблюденію каждаго, должны, мнѣ кажется, привести къ непреложному заключенію, что книга знакома уже и дорога нашему простолюдину, что она получила у него право гражданства, завоевала въ торговлѣ мѣсто на ряду съ предметами первой необходимости. И этой популяризаціей книги нашъ русскій, едва грамотный народъ *всецѣло* обязанъ московскимъ фабрикантамъ книжнаго товара, не только дѣятельно изготовлявшимъ его, но и съумѣвшимъ всякими удобными путями провести его въ сѣрую, скупую на деньгу массу, разнести его по такимъ захолустьямъ, куда не проникаетъ никакое другое печатное слово. Положимъ, что книга-то предлагалась ими самая плохая, что преслѣдовали они свои лавочныя цѣли — собираніе пятаковъ, что въ накладѣ они не оставались; но все-же, результатъ-то ихъ дѣятельности оказался весьма цѣннымъ. Пока другіе толковали о необходимости созданія народной литературы, сомнѣвались въ томъ, будетъ-ли еще читаться въ настоящее время преподнесенная ему книга, московскіе издатели заставили заговорить дѣйствительность, сообщили краснорѣчивые отвѣты жизни на безконечные вопросы теоріи. Почтенное число фабрикантовъ книжнаго товара, цифры ихъ торговыхъ оборотовъ, наконецъ,—что важнѣе всего,—цѣль производства (матеріальная выгода), все это должно служить драгоцѣнными данными для окончательнаго рѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ вопроса о томъ, читаетъ-ли нашъ народъ, и своевременно ли созданіе для него литературы?

Приступая къ разбору книгъ, изданныхъ для народнаго чтенія, мы имѣли намѣреніе самымъ внимательнымъ образомъ отнестись, въ виду изложенныхъ соображеній, къ изданіямъ гг. Манухина, Прѣснова и др. Къ сожалѣнію, отсутствіе спеціальныхъ каталоговъ ихъ изданій, отсутствіе именъ авторовъ на книгахъ, сходство заглавій книгъ совершенно различнаго содержанія, — что́ крайне затрудняетъ какъ пріобрѣтеніе ихъ, такъ и указаніе на нихъ въ печати,—заставило насъ отказаться отъ полнаго обзора въ «Указателѣ» нашемъ этого обширнаго отдѣла народной литературы и ограничиться разборомъ извѣстнаго числа типичныхъ книгъ по разнымъ группамъ.

Послѣ жизнеописанія святыхъ, книги историческаго содержанія — повѣсти, романы, очерки и даже систематическія изложенія событій всей русской исторіи или значительныхъ періодовъ ея — являются изъ московскихъ изданій наиболѣе требуемыми и многочисленными. Нѣтъ того важнаго событія отечественной исторіи до событій послѣдней войны, нѣтъ того извѣстнаго историческаго лица, которымъ не воспользовались бы издатели для десятка очерковъ и повѣстей, болѣе или менѣе близкихъ къ исторіи.

Мы здѣсь ограничиваемся разборомъ лишь нѣсколькихъ книгъ, заключающихъ система-

*) Подробный обзоръ историческаго отдѣла Московской лубочной литературы. См. 2 т. кн. Что читать народу.

тическое изложеніе событій отечественной исторіи.

«*Русская исторія въ разсказахъ для первоначальнаго чтенія*» заключаетъ всю исторію до царствованія Александра II. Авторъ ея щедро сыплетъ именами, бойко обращается съ яко-бы знакомымъ ему историческимъ матеріаломъ, но подъ этой фактической подробностью и развязностью автора кроется величайшее невѣжество. На первой-же страницѣ читаемъ, что «славяне появляются съ XVII вѣка (?) и занимаютъ великую часть Европы *отъ моря Балтійскаго до рѣки Эльбы* (?)». Можно-бы счесть это неудачное указаніе на XVII вѣкъ и рѣку Эльбу за опечатки, но на стр. 8-й узнаемъ, что во времена Олега существовала уже Малороссія, которая привлекала его своими выгодами. Трудно объяснить себѣ, чѣмъ руководился авторъ при выборѣ историческаго матеріала; такъ напримѣръ—въ своей относительно подробной исторіи онъ даже не упоминаетъ о Никонѣ, Богданѣ Хмѣльницкомъ, присоединеніи Малороссіи и въ то-же время находитъ необходимымъ разсказать, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича «достопримѣчательно отправленіе (1654 г.) перваго настоящаго посольства въ Китай въ лицѣ *Байкова*, которое, надобно думать, не достигло своей цѣли — учрежденія торговой связи, потому что Байковъ не хотѣлъ согласиться на унизительный пріемъ китайскаго двора; но, по крайней мѣрѣ, оно доставило лучшее ознакомленіе съ симъ государствомъ, его произведеніями и лежащею туда дорогою» (стр. 74).

А вотъ образецъ оцѣнки авторомъ событій и дѣятелей. Сообщая о смерти Чингисъ-хана, онъ восклицаетъ: «умеръ Чингисъ-ханъ, славный для исторіи, но ужасный для человѣчества (?!)».

Языкъ поражаетъ чудовищными неправильностями.

Интересны картинки, которыми щедро иллюстрированъ текстъ книги. На страницѣ въ шестнадцатую долю листа ихъ помѣщается цѣлыхъ шесть, размѣромъ въ квадратный вершокъ каждая, съ подписью изображаемаго событія и годомъ его совершенія. Не стѣсняясь такимъ размѣромъ, художникъ нашелъ возможнымъ изобразить и «Крещеніе Россіи», и «Куликовскую битву», и «Уничтоженіе Новгородскаго вѣча», и «Основаніе (?) Москвы», и «Путешествіе Екатерины по *Тавридѣ* (?) и Крыму», и «Переходъ Суворова черезъ Альпы».

Соотвѣтствіе между содержаніемъ картинъ и подписями представляетъ слѣдующіе курьезы: изображены два всадника, ѣдущіе по дорогѣ,—читаемъ: «1391 г. Дружба Василія съ Тохтамышемъ», или—нарисована мужская фигура въ длинной горностаевой мантіи, съ ребенкомъ на рукахъ, и подъ картиной подпись: «1440 г. Рожденіе Іоанна Васильевича».

«1772 г. Раздѣлъ Польши» изображенъ тремя всадниками въ треугольныхъ шляпахъ, подъѣзжающими къ зданію, украшенному колонадой, а «1766 г. Восшествіе на престолъ императора Павла I»—семью солдатами, отдающими честь ружьемъ стоящей передъ ними фигурѣ въ военной формѣ. Хороши также картины: «1806 г. Торжество Россіи», «1761 г. Война съ Пруссіей», «1762 г. Петръ издаетъ уставъ о дворянахъ».

«*Исторія Россіи. Наглядное (?) чтеніе для дѣтей*», украшенная лишь одной аляповатой картиной на оберткѣ, изображающей укушеніе Олега змѣей, содержитъ также всю исторію Россіи на 70-ти страничкахъ въ 16-ю долю листа.

О содержаніи и характерѣ изложенія этого «чтенія для дѣтей» могутъ дать понятіе строки, въ которыхъ авторъ знакомитъ юныхъ читателей съ родной стариной.

«Политическое существованіе Россіи началось съ 862 года по Рождествѣ Христовѣ, когда князья нормандскіе и варяжскіе призваны были на княженіе.

«До этого же времени пространство земли, называемое въ настоящее время Россіею, заселено было разными полудикими и невѣжественными народами, которые ни за что считали похищеніе чужой собственности, жили набѣгами другъ на друга, постоянно ссорились и истребляли въ войнахъ другъ друга.

«Образованныя государства, каковы были тогда (?) Греція и Римъ, называли эти племена: первая — скиѳами, а послѣдній — сарматами. Болѣе миролюбивыя племена славянъ, жившія на рѣкѣ Дунаѣ, двинулись къ сѣверу и на востокъ Европы; здѣсь, на берегахъ рѣки Днѣпра и Волхова, основали они первые города: Кіевъ, Смоленскъ, Новгородъ и другіе. Послѣдній изъ нихъ (гдѣ находится въ настоящее время памятникъ тысячелѣтія Россіи), наскучивъ безпорядками, рѣшился, по совѣту старѣйшины своего Гостомысла, учредить правленіе монархическое» (стр. 5, 6).

Все остальное такъ-же доступно и вѣрно.

Безымянные авторы московской народной литературы, какъ видно, знакомы съ позднѣйшими направленіями въ области истори-

ческихъ изслѣдованій, а потому, кромѣ очерковъ, излагающихъ въ систематическомъ порядкѣ событія внѣшнія, мы встрѣчаемъ и изображеніе бытовой стороны жизни—очерки культуръ-историческіе.

Дѣдъ балагуръ, въ книгѣ «*Какъ жили-были предки наши славяне*», ведетъ разсказъ о томъ, чѣмъ и какъ кормились славяне, какъ строили жилища, чему поклонялись и вѣрили, сообщаетъ объ общественныхъ порядкахъ временъ родоваго быта и въ заключеніе разсказываетъ о призваніи князей, о подвигахъ и смерти Олега. Дѣдъ-разсказчикъ является вольнодумцемъ, ярымъ обличителемъ невѣжества и грубости минувшихъ «темныхъ временъ». Говоря о различныхъ суевѣріяхъ славянъ, онъ указываетъ на существованіе нелѣпыхъ страховъ до настоящаго времени. «И теперь, вѣдь, есть все это», говоритъ онъ. «Охъ, если бы всѣ дурни перемерли, то, поди, немного осталось бы народу на Руси!... Эхъ-ма, мало насъ учили, вотъ и дуримъ! Авось наши дѣтки будутъ поумнѣе, тогда переведется на Руси всякая чертовщина!»

Несомнѣнныя достоинства этой книги по сравненію съ двумя прежде разобранными—живость разсказа, простота языка и отсутствіе грубыхъ погрѣшностей въ содержаніи. Къ сожалѣнію, желая сдѣлать свой разсказъ интереснымъ и доступнымъ для простолюдина, авторъ не удержался въ должныхъ границахъ: остроты его отдаютъ грубостью, а языкъ не только простъ, но непріятно поражаетъ поддѣлкой подъ простонародный говоръ. Вотъ, напримѣръ, образецъ остротъ и прибаутокъ автора: «Ну-ка, робя, дайте-ка мнѣ перевести духъ да набить носище экимъ зельемъ: оно и языку-то будетъ повиднѣе разводить турусы-то на колесахъ. Да что это, тетка, точно ты рожаешь лучину-то, что тебѣ ее жалко. Поди-чай при свѣтѣ-то и старому дѣду любо разсказывать!» (стр. 26).

Несомнѣнно, книга эта читается съ удовольствіемъ и не безъ пользы не одной тысячею читателей, но для народной и школьной библіотеки, въ виду сказаннаго, рекомендовать ее не считаемъ возможнымъ.

«*Исторія Малороссіи въ разсказахъ*». Въ трехъ частяхъ. Состав. *В. С—овъ*. Это—наиболѣе подробная исторія Малороссіи, какая имѣется въ народной литературѣ. Первая часть заключаетъ событія отъ основанія Кіевскаго княжества до Богдана Хмѣльницкаго; вторая посвящена описанію времени Богдана Хмѣльницкаго, третья описываетъ событія отъ смерти Богдана Хмѣльницкаго до уничтоженія гетманскаго достоинства.

Наиболѣе слабой является первая часть, составленная по сочиненіямъ Бантышъ-Каменскаго. На ней отражаются какъ недостатки источника, которымъ пользовался авторъ, такъ и собственное его недостаточное знакомство съ исторіей; такъ, напр., сообщаются невѣрныя свѣдѣнія о бытѣ древнихъ славянъ и миѳологіи: между прочимъ Купала именуется богомъ земныхъ плодовъ, а Каляда—богомъ торжествъ и мира (?). Встрѣчаются и далѣе такія же несоотвѣтствующія дѣйствительности сообщенія,—напр., на стр. 23 объ островѣ Хортинскомъ (?) и дѣленіи казаковъ.

Изъ дѣятелей особенно блѣдно очерченъ Сагайдачный. Ничего не сказано о его заслугахъ въ дѣлѣ огражденія правъ православной церкви, возстановленіи іерархіи; о дѣятельности его, какъ основателя многихъ училищъ, на что пожертвованы были имъ десятки тысячъ рублей. Говорится исключительно о его воинскихъ подвигахъ, причемъ недостаточно выясняется то значеніе, какое они имѣли для установленія болѣе выгодныхъ отношеній между Украйной и Польшей. Вторая часть о Богданѣ Хмѣльницкомъ — лучшая часть всей книги, что̀ объясняется тѣмъ, что авторъ пользовался, какъ источникомъ, извѣстной монографіей Костомарова.

Третья часть составлена главнымъ образомъ по Бантышъ-Каменскому, хотя авторъ ссылается и на другіе источники, между прочимъ и на Ригельмана, причемъ даетъ невѣрное заглавіе его труду. Въ этой части говорится исключительно о судьбѣ лѣвобережной Украйны; изъ того, что дѣлалось въ правобережной, отошедшей къ Польшѣ части Малороссіи, ничего не сообщается; не упоминается даже о такомъ движеніи, какъ возстаніе гайдамаковъ, хотя въ перечнѣ содержанія главъ и встрѣчаются такія обозначенія, какъ: «Нравы», «Обычаи», «Права народа», «Управленіе», «Польскій судъ въ XVII вѣкѣ» и т. п.; но обо всемъ этомъ говорится лишь мимоходомъ, на первомъ планѣ—описаніе событій политическихъ.

Въ общемъ эта исторія Малороссіи составлена недурно, но языкъ книги ничуть не проще языка популярныхъ сочиненій по исторіи; особенность его составляютъ лишь нѣкоторыя неправильности въ оборотахъ рѣчи. И по языку, и по содержанію книга доступна лишь развитымъ, по преимуществу взрослымъ читателямъ.

Три небольшие томика, озаглавленные: «*Новая жизнь русскаго народа*», заключаютъ въ себѣ разсказы изъ отечественной исторіи отъ конца царствованія Алексѣя Михайловича до 1864 года. Каждая изъ трехъ частей украшена портретомъ одного изъ трехъ представителей русской новой жизни, а именно: Петра, Екатерины и Александра II. Въ предисловіи авторъ говоритъ:

«Цѣль предлагаемыхъ разсказовъ есть ознакомленіе съ важнѣйшимъ ходомъ историческихъ эпохъ нашей новой жизни.

«Разсказы есть ни болѣе, ни менѣе какъ *конгрегатъ* изъ извѣстныхъ историческихъ сочиненій, но для интереса я старался,—гдѣ это представляло возможность, — событіе и фактъ облечь или въ разсказъ въ разговорной формѣ, или въ характерную сцену. Это было дѣлано для большей наглядности. Въ этой формѣ, какъ знаю я по опыту, грамотный человѣкъ охотнѣе завлекается чтеніемъ, и его умъ не пугается однообразнаго чтенія».

Нужно отдать справедливость составителю въ томъ, что онъ достаточно умѣло и добросовѣстно пользовался избранными имъ источниками — сочиненіями Устрялова, Щебальскаго, Голикова, статьями изъ «Русскаго Архива» и др. Описанію внутренней жизни онъ даетъ такое же видное мѣсто, какъ и ознакомленію съ событіями внѣшними. Названными сочиненіями, изъ которыхъ составитель не только заимствовалъ матеріалъ, но и помѣстилъ немало выдержекъ, опредѣляется какъ содержаніе, такъ и характеръ изложенія разбираемой книги: доступнаго чтенія для читателя-простолюдина она, конечно, представить не можетъ, но сообщитъ немало полезнаго и интереснаго грамотному читающему городскому люду, который издавна привыкъ обращаться за книгами не въ книжные магазины, а въ склады московскаго книжнаго товара, или же запасается ими у книгоношей.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ книга все же представляетъ не мало образчиковъ невѣжества и безграмотности, неправильныхъ оборотовъ рѣчи, корректурныхъ ошибокъ, но по содержанію своему, взглядамъ автора на событія и дѣятелей стоитъ неизмѣримо выше историческихъ очерковъ безъимянныхъ авторовъ, изданныхъ «Мірскимъ Вѣстникомъ».

А. К.

---

567) **Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть?** *) Русская исторія въ повѣстяхъ, начатая А. Разинымъ, продолжаемая В. Лапинымъ. Три тома. (Съ рисунками). Спб. 1879 г. Изд. книгопродавца Вольфа. Ц. 12 р.

568) **Славяне и варяги** (960 г.). Ц. 15 к.

569) **Цареградская гроза** (866 — 941 г). Ц. 15 к.

570) **Денница спасенія** (945—969 г.). Ц. 15 к.

571) **Добрыня Малковичъ** (977 — 988 г.). Ц. 15 к.

572) **Святополкъ Окаянный** (1015 — 1010 г.). Ц. 15 к.

573) **Королева Ингигерда** (1019 — 1054 г). Ц. 15 к.

574) **Изяславъ Скиталецъ** (1064 — 1078 г.). Ц. 15 к.

575) **Кровавыя слезы** (1097 г.). Ц. 15 к.

576) **Мономахова кручина** (1125 г.). Ц. 15 к.

577) **Кучково на Москвѣ** (1147 г.). Ц. 15 к.

578) **Полкъ Игоревъ** (1147—1174 г.). Ц. 15 к.

579) **Улита Кучкова** (1185 г.). Ц. 15 к.

580) **Изгой** (1185 г.). Ц. 15 к.

581) **Послѣдняя богатырская дружина** (1216—1224 г.). Ц. 15 к.

582) **Ано и Вампо** (1199—1224 г.). Ц. 15 к.

583) **Татарскій погромъ** (1238 — 1240 г.). Ц. 15 к.

584) **Смиреніе побѣдоносца** (1240 — 1263 г.). Ц. 15 к.

585) **Два короля** (1245—1263 г.). Ц. 15 к.

586) **Московская лисица. Три вѣры** (1328—1340 и 1320—1396 г.). Ц. 15 к.

587) **Мамаево побоище** (1380 г.). Ц. 15 к.

588) **Краденый поясъ** (1425—1482 г.). Ц. 15 к.

589) **Кто противъ Бога и великаго Новгорода?** (1471—1478 г.). Ц. 15 к.

590) **Византійская царевна** (1472 — 1504 г.). Ц. 15 к.

591) **Дядя и племянница** (1505 — 1533 г.). Ц. 15 к.

592) **Несчастное дитя** (1533—1547 г.). Ц. 15 к.

593) **Помремъ или отсидимся?** (1552 г.). Ц. 15 к.

594) **Осада Пскова** (1531 г.). Ц. 15 к.

595) **Покореніе царства Сибирскаго** (1581 г.).

596) **Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день** (1591—1604 г.). Ц. 15 к.

597) **Воровскія дѣла** (1605—1607 г.). Ц. 15 к.

598) **Государственные и земскіе люди** (1608—1613 г.). Ц. 15 к.

599) **Козацкій батько** (1647—1649 г.). Ц. 15 к.

600) **Патріархъ — великій государь** (1652—1676 г.). Ц. 15 к.

601) **Ревнитель отечественныхъ преданій и твердый адамантъ** (1668 г.). Ц. 15 к.

---

*) См. рец. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литерат.», 1878 г., стр. 239.

602) **Государственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель** (1688—1689 г.). Ц. 15 к.

603) **Орленокъ расправляетъ крылья** (1695—1696 г.). Ц. 15 к.

604) **Въ гостяхъ и дома** (1697—1699 г.). Ц. 15 к.

605) **Первый урокъ** (1701 г.). Ц. 15 к.

606) **Окно въ Европу** (1702—1732 г.). Ц. 15 к.

607) **Въ Парадизѣ** (1704—1706 г.). Ц. 15 к.

608) **Преславная Викторія** (1708—1709 г.). Ц. 15 к.

609) **Отецъ отечества** (1711—1721 г.). Ц. 15 к.

610) **Ихъ мало побѣдить!** (1757—1759 г.).

611) **На лвкую смерть** (1770 г.). Ц. 15 к.

Историческія повѣсти въ школьной и народной библіотекѣ — любимыя книги; число ихъ крайне ограничено, а потому понятно, что появленіе сорока-шести повѣстей, исчерпывающихъ все содержаніе русской исторіи до 1770 г., должно было обратить на себя особенное вниманіе.

Цѣна всѣхъ трехъ томовъ непомѣрно велика—12 руб., но не одно это помѣшаетъ изданію занять мѣсто въ народной библіотекѣ, такъ какъ всѣ эти повѣсти, заглавія которыхъ обозначены нами выше, имѣются въ продажѣ и отдѣльно, цѣною въ 15 коп. каждая.

Читатель не найдетъ въ повѣстяхъ г. Лапина ни описаній историческихъ событій, ни картинъ бытовой жизни, ни характеристикъ главныхъ дѣятелей: наполнены онѣ исключительно разговорами дѣйствующихъ лицъ, скучными, безсодержательными, по формѣ безобразными, а мѣстами до нельзя пошлыми. И кто только не разговариваетъ здѣсь, начиная отъ миѳическаго Гостомысла до императрицы Елизаветы Петровны включительно! Вотъ какъ разговариваютъ, напримѣръ, въ повѣсти «Несчастное дитя».

«— Дядя Ваня ляля?

«— Ляля.

«— А тѣ бяки?

«— Бяки. У нихъ болоды больсыя. А дядя Ваня холосый.

«— Ты ихъ не боялся?

«— Что бояться? Я цаль.

«— Вишь ты разумникъ! Даромъ что трехъ годковъ, а знаетъ, что онъ царь!

«— Знаю. Мама говолила и ты говолила. Они мнѣ луки цѣловали. Болоды колютъ. Иглусекъ подалили; иглуски ляли».

Такъ бесѣдовалъ Иванъ Васильевичъ, будущій Іоаннъ Грозный, съ своей воспитательницей, Аграфеной Челябиной, послѣ церемоніи возведенія его на престолъ въ Успенскомъ храмѣ.

Разговоры взрослыхъ не лучше приведеннаго.

Въ виду сказаннаго о содержаніи повѣстей г. Лапина, ни одну изъ нихъ не можемъ признать желательной въ народной библіотекѣ.

---

612) **Историческія и поэтическія сказанія о Русской землѣ** въ хронологическомъ порядкѣ событій. Сост. Ѳ. Гиляровъ. Москва 1872 г. Ц. 1 р. 405 стр.

Названная книга — хрестоматія по отечественной исторіи, заключающая стихотворенія, легенды, преданія и отрывки изъ лѣтописей, сказаній, былинъ, историческихъ сочиненій и романовъ, излагающіе выдающіяся событія изъ русской исторіи, какъ отразились они въ народномъ и личномъ творчествѣ и художественно-историческомъ представленіи.

Не дѣлаемъ подробнаго перечня заглавій, такъ какъ книга содержитъ слишкомъ хорошо извѣстныя произведенія народной литературы, а также лучшихъ нашихъ писателей-художниковъ.

Содержаніе книги доступно лишь читателямъ знакомымъ съ главными событіями отечественной исторіи. Книга вполнѣ пригодна также для школьныхъ наградъ.

А. К.

«Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. (См. отд. Географіи, рец. № 954).

---

3) Историческіе очерки объ отдѣльныхъ эпохахъ и дѣятеляхъ, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ.

613) **Начало Руси и Владиміръ Св.** Сост. Н. И. Роговъ. (Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 32 стр. Изд. 2-е. Мартынова. 1880 г. Ц. 10 к.

Изъ книги «Родная Старина» В. Сиповскаго; главы: I. *Откуда знаемъ мы наше прошлое.* II. *Какъ жили наши предки за тысячу слишкомъ лѣтъ назадъ.* III. *Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ.* IV. *Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси.* V. *Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ.* VI. *Кіево-Печерская обитель.*

Изъ книги А. Петрушевскаго «Разсказы про старое время на Руси»; главы: I. *Откуда пошла и какъ стала Русская земля.* II. *Ольга Мудрая.* III. *Владиміръ Красное-Солнышко.*

Мы достаточно говорили выше о значеніи яркой и подробной картины жизни первобытнаго человѣка, которая одна только можетъ быть *настоящимъ* началомъ для ознакомленія съ до-историческимъ періодомъ жизни какого бы то ни было народа, а потому, не повторяя здѣсь уже сказаннаго, называемъ только наиболѣе подходящія для этого книги—въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ должны читаться; таковы: «О бытѣ народовъ арійскаго племени въ до-историческое время» Б. А. Павловича, «Дикари» и «Какъ люди нашли въ землѣ металлы» (изъ сборника «На память стараго года» В. Самойловичъ), «О жизни славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени» Б. А. Павловича, «О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о крещеніи ихъ»—его же. Изложеніе содержанія ихъ и *вопросы* читатель найдетъ въ рецензіяхъ №№ 526, 527, 529, 530.

Глава «Откуда пошла и какъ стала Русская земля»—изъ разсказовъ Петрушевскаго—самая слабая часть всей его книги. Свѣдѣнія о религіи и бытѣ славянъ сообщены такъ кратко, въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что читатель-простолюдинъ не въ состояніи будетъ выяснить себѣ разницы между тѣмъ отдаленнымъ прошлымъ и настоящимъ. Прочтетъ онъ, что славяне жили каждый со своимъ родомъ, что каждый родъ сообща владѣлъ землей, что жили славяне въ худыхъ избахъ, пахали пашню, занимались и другими промыслами, вѣрили въ лѣшихъ, водяныхъ, кикиморъ,—но развѣ все это не относится также и къ настоящему? Нѣтъ ни характерныхъ подробностей, ни сопоставленій прошлаго съ настоящимъ.

Относительно главы «Владиміръ Красное-Солнышко» замѣтимъ, что считаемъ вполнѣ умѣстнымъ помѣщеніе Ильи Муромца рядомъ съ Владиміромъ; жаль только, что характеристика его вышла неудачной. Читатель изъ сказаннаго вынесетъ о немъ представленіе только какъ о чудакѣ-силачѣ вмѣсто величаваго образа настоящаго Ильи — милостиваго, гордаго, неподкупнаго стоятеля за землю Русскую. Съ нимъ можно познакомить читателей изъ книги В. Острогорскаго (см. № 535).

Главы изъ книги Петрушевскаго доступны читателямъ всѣхъ возрастовъ. Что же касается до «Родной Старины» Сиповскаго, то она можетъ познакомить съ этимъ періодомъ отечественной исторіи лишь наиболѣе развитыхъ читателей.

Очеркъ П. Рогова: «Начало Руси и Владиміръ Святой»—составленъ недурно. Занимающія первыя три страницы географическія свѣдѣнія о мѣстности, гдѣ разселились славянскія племена, о торговыхъ путяхъ и сосѣдяхъ—варягахъ и грекахъ очень умѣстны, но могутъ быть усвоены лишь въ томъ случаѣ, если при публичномъ чтеніи будетъ указываться сообщаемое на картѣ, воспроизведенной на экранѣ волшебнаго фонаря. Свѣдѣнія о бытѣ и вѣрованіяхъ славянъ изложены довольно живо, но безъ всякихъ сближеній съ настоящимъ. Г-нъ Роговъ заканчиваетъ свой разсказъ объ этомъ такъ: «Славяне вѣрили въ возможность предсказать будущее, въ наговоры, заговоры, гаданья, такъ что много нелѣпаго, много суевѣрнаго было у предковъ нашихъ» (стр. 13),—какъ будто все это «нелѣпое», «суевѣрное»—только «достояніе предковъ», а не живо въ народной средѣ до сихъ поръ! Выше мы достаточно говорили о значеніи сравненія языческихъ вѣрованій прошлаго съ суевѣріями настоящаго (см. рец. № 531).

Языкъ не отличается особенной простотой. Тамъ, гдѣ это позволитъ время и развитіе слушателей и читателей, мы совѣтовали бы вмѣсто разбираемаго очерка пользоваться разсказами Павловича того же содержанія.

Вопросы — см. рец. № 529, 530.

А. К.

---

614) **Владиміръ Святой и Равноапостольный.** С. М. (Народное чтеніе. Съ 8-ми раскраш. карт.) Изд. 2-е. Спб. 1875 г. Изд. Товарищ. «Обществ. Польза». Ц. 10 к. 20 стр.

Жизнеописанію Владиміра Святаго предпослано нѣсколько словъ о бытѣ славянъ и о языческихъ вѣрованіяхъ. Это вступленіе можетъ напомнить уже извѣстное, но отнюдь не познакомить съ предметомъ, если онъ не былъ извѣстенъ ранѣе. Характеристика Владиміра и эпохи его княженія составлена по лѣтописнымъ сказаніямъ и былинамъ. Кромѣ изложенія общественныхъ фактовъ о самомъ Владимірѣ, авторъ говоритъ о значеніи дружины, богатырей и по отрывкамъ изъ былинъ рисуетъ переходъ дружинниковъ отъ жестокаго удальства къ христіанскимъ подвигамъ въ защиту родной земли и слабыхъ и угнетенныхъ.

Не отличаясь особыми достоинствами, въ общемъ очеркъ недуренъ и послѣ очерка Ро-

гова можетъ быть прочтенъ въ народной аудиторіи, а также самостоятельно дома читателями всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

За что прозвали Владиміра Краснымъ Солнышкомъ?

Какая перемѣна произошла съ нимъ послѣ принятія христіанства?

Чѣмъ были полезны землѣ Русской дружина и богатыри? *А. К.*

---

615) **О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ.** Соч. К. Бестужева-Рюмина. Изд. 3-е. Спб. 1875 г. Изд. Товарищ. «Общественн. Польза» Ц. 11 к. 88 стр. Изд. 6-е 1885 г. Ц. 11 к.

Повѣсть составлена по лѣтописнымъ сказаніямъ. Содержаніе ея отличается слишкомъ большимъ разнообразіемъ и отрывочностью сообщаемаго, что немало затрудняетъ читателя незнакомаго раньше съ описываемымъ. Свѣдѣнія о бытѣ и вѣрованіяхъ славянъ изложены такъ блѣдно и сухо, что обыкновенно проходятъ безслѣдно для памяти читавшаго, и отрывки изъ былины о Микулѣ и чешской сказки оставляютъ его въ недоумѣніи: отрывки слишкомъ кратки, чтобы дать понятіе о смыслѣ цѣлаго; авторъ же вставилъ ихъ безъ всякихъ поясненій съ своей стороны. Лѣтописный матеріалъ передается безъ всякихъ комментаріевъ, что дѣлаетъ невозможнымъ отдѣлить вымыселъ отъ истины. Разсказъ о Владимірѣ прерывается разсказомъ о распространеніи христіанства на сѣверѣ и «въ далекомъ Поволжьи»; занимаетъ онъ цѣлыхъ шесть страницъ, послѣ чего авторъ говоритъ: «Все это мы разсказали для того, чтобы показать, какъ долго утверждалось христіанство на Руси. Обычаи же языческіе существовали еще дольше, а иные и до сихъ поръ существуютъ. Теперь опять обратимся къ св. Владиміру» (стр. 53).

Такія передвиженія въ пространствѣ историческихъ временъ для малоразвитаго и малограмотнаго читателя почти невозможны, а если и удаются, то въ ущербъ пониманію прочитаннаго. Лучшая часть повѣсти—жизнеописаніе Θеодосія и исторія возникновенія Печерской обители (стр. 68—88). Только эта часть книги и можетъ быть рекомендована для читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Разскажите, что прочли о жизни Θеодосія? Что заставило богатыхъ юношей уходить изъ княжескаго дворца въ обитель труженниковъ иноковъ?

Чѣмъ былъ полезенъ Θеодосій князю и народу? (Примѣръ: трудолюбіе, смиреніе, любовь къ ближнему, строгое осужденіе князей за дурныя дѣянія. Стр. 86.) *А. К.*

---

616) **Начало Руси.** (Первые князья. Крещеніе Руси.) Соч. П. Щебальскаго. Изд. 3-е. Сувалки. 1873 г. Ц. 8 к. 39 стр.

Очеркъ содержателенъ, дѣльно составленъ, не менѣе интересенъ и обладаетъ меньшими педагогическими достоинствами, чѣмъ названные выше разсказы Павловича. Особенность его—свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ въ видѣ заключенія, о славянахъ за предѣлами Россіи. Авторъ говоритъ о племенномъ родствѣ, которое даетъ себя чувствовать, не смотря на различіе языка и національнаго характера,—говоритъ о необходимости общаго для всѣхъ славянъ языка. Такимъ, по его мнѣнію, долженъ сдѣлаться языкъ русскій, «который понимаютъ болѣе 80.000.000 жителей Русскаго государства, т. е. число людей, превосходящее всѣхъ остальныхъ славянъ».

«Каждое славянское племя имѣетъ свой особый говоръ, свое особое нарѣчіе; пусть они и сохраняются, но о дѣлахъ, общихъ всему славянству, намъ надо обмѣниваться мыслями на томъ языкѣ, который принадлежитъ единственному независимому, многочисленному и сильному славянскому народу,—на языкѣ русскомъ».

Эта важная историческая тема затронута авторомъ лишь вскользь.

Выше мы уже сказали, почему разбираемый очеркъ считаемъ лишнимъ въ народной библіотекѣ, гдѣ имѣются другіе очерки того же содержанія. *А. К.*

---

617) **Сказаніе о подвигахъ святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго.** Соч. И. Ремезова. Спб. 1863 г. Ц. 10 к. 78 стр.

618) **Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини христіянки, святой Ольги.** Соч. И. Ремезова. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 62 стр.

Эти двѣ книги, какъ и вообще всѣ очерки г. Ремезова, отличаются серьезностью содержанія, богатствомъ фактическаго матеріала, заимствованнаго авторомъ изъ лѣтописей и трудовъ нашихъ извѣстныхъ историковъ.

Сказаніе о Владимірѣ представляетъ сводъ того, что дошло до насъ о жизни и дѣятельности этого князя.

Авторъ часто оставляетъ сообщаемое изъ преданій до историческаго періода нашей

жизни безъ научной оцѣнки, а иногда и самъ придаетъ этому сказочному матеріалу цѣнность вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства.

Въ сказаніи объ Ольгѣ мы встрѣчаемъ ужъ иное отношеніе къ дѣлу. Все сообщаемое авторомъ сопровождается ссылкой на источникъ; лѣтописный матеріалъ подвергается строгой оцѣнкѣ.

Въ концѣ книги приложены примѣчанія; предназначаются они, по заявленію самого автора, преимущественно для народныхъ учителей, въ видахъ ознакомленія ихъ какъ съ источниками, на основаніи которыхъ составлены очерки, такъ и съ пріемами критической разработки историческаго матеріала. Примѣчанія эти составляютъ очень цѣнную особенность названной книги.

Въ собранномъ и научно-освященномъ матеріалѣ, представляемомъ книгой, читатель найдетъ отвѣтъ на то, за что «преданіе нарекло Ольгу *хитрой*, церковь—*святой*, а исторія—*мудрой*».

По языку и содержанію обѣ книги доступны лишь очень небольшому меньшинству читателей изъ народной среды; для учителя интересны и цѣнны. *А. К.*

---

619) **Великій Князь Ярославъ I Великій.** Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 281. Москва. 1880 г. Ц. 10 к. 38 стр. Изд. 2-ое 1884 г.; 3 к. № 7 изъ серій народ. изд.

Очеркъ этотъ представляетъ довольно подробную исторію жизни и дѣятельности Ярослава I. Судя по языку и изложенію, видно, что книга не предназначалась для народнаго чтенія; авторъ не воспользовался имѣвшимся у него въ рукахъ историческимъ матеріаломъ для выясненія характерныхъ чертъ русской народной государственной жизни описываемой эпохи: недостаточно ярко обозначены отношенія Ярослава и русскихъ вообще къ западнымъ сосѣдямъ, а это было время наиболѣе оживленнаго общенія съ иноземными государствами; не проведено сравненія между тѣмъ единовластіемъ, къ которому стремился и котораго достигъ Ярославъ и позднѣйшимъ «собираніемъ земли» князьями московскими. Очеркъ не даетъ также достаточно данныхъ для ознакомленія съ юридическимъ бытомъ Руси временъ Ярослава, а «Русской Правдѣ» посвящена между тѣмъ цѣлая глава.

Очеркъ объ эпохѣ Ярослава и древнихъ законахъ, характеризующій нравственныя и юридическія воззрѣнія русскихъ XII вѣка, дающій данныя для сравненія до татарской Руси съ Русью послѣ временъ татарщины, былъ бы очень желателенъ для взрослыхъ развитыхъ читателей изъ народной среды.

Считая разбираемую книгу совершенно недоступною для народнаго чтенія, не отрицаемъ ея пользы для народнаго учителя.

620) **Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе.** П. Хрущова. Изд. Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1883 г. Ц. 15 к. 24 стр. Изд. 2-ое 1885 г. Ц. 15 к.

Очеркъ написанъ простымъ языкомъ, даетъ вѣрное представленіе о князѣ—«братолюбцѣ, нищелюбцѣ и добромъ страдальцѣ за землю Русскую». Въ концѣ приложены извлеченія изъ поученія Владиміра Мономаха, дающія представленіе о нравственной высотѣ писавшаго его.

Имѣющіеся въ книгѣ три раскрашенные рисунка несравненно лучше тѣхъ, которые помѣщались въ раньше вышедшихъ книгахъ, изданныхъ той же Коммиссіей.

Очеркъ этотъ доступенъ читателямъ всѣхъ возрастовъ, можетъ также служить матеріаломъ для публичнаго народнаго чтенія; но его вполнѣ можетъ замѣнить простой и содержательный разсказъ о Владимірѣ Мономахѣ въ книгѣ «Разсказы про старое время на Руси» А. Петрушевскаго.

Вопросы:

Чѣмъ отличался Владиміръ Мономахъ отъ другихъ князей, княжившихъ въ одно время съ нимъ?

Чѣмъ былъ онъ полезенъ землѣ Русской?

Какое оставилъ завѣщаніе дѣтямъ?

А. К.

---

621) **О Владимірѣ Мономахѣ и о потомкахъ его Мономаховичахъ.** Соч. К. Бестужева-Рюмина. Изд. Товарищ. «Обществ. Польза». Спб. 1865 г. Ц. 8 к. 68 стр.

Все, что было сказано нами о характерѣ разсказовъ Бестужева-Рюмина (см. рец. №№ 615, 624), еще въ большей мѣрѣ прилагается къ этому очерку. Массой именъ и подробностей совершенно заслоняется образъ Владиміра Мономаха. Разнообразіе и богатство фактическаго матеріала утомляютъ память и воображеніе малоподготовленнаго читателя и не позволяютъ ему вынести изъ книги яснаго представленія объ общемъ состояніи Руси. Книга читается неохотно,—чаще всего не дочитывается до конца.

А. К.

---

622) **Дѣдушка Гостомыслъ.** А. Разина. По-

вѣсти изъ русской исторіи. Спб. 1868 г. Ц. 50 к. 150 стр.

Повѣсть Разина «Дѣдушка Гостомыслъ» не нужно смѣшивать съ другими историческими повѣстями того же автора и г. Лапина, изданными подъ общимъ заглавіемъ: «Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть».

Сюжетъ повѣсти «Дѣдушка Гостомыслъ» заимствованъ изъ жизни сѣверо-западныхъ славянъ отдаленнаго языческаго періода, который предшествовалъ призванію варяговъ. Разбираемая книга повѣствуетъ не объ одномъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ, а содержитъ цѣлый рядъ сценъ изъ семейной и родовой жизни временъ Гостомысла, мудраго старшины одного изъ пяти родовъ, жившихъ въ Новѣ-Городѣ. Для того чтобы воспроизвести какъ можно ярче и живѣе тогдашнюю жизнь, Разинъ сгруппировалъ въ своемъ разсказѣ много свѣдѣній о правахъ, обычаяхъ, одеждѣ, утвари древнихъ славянъ. Здѣсь находимъ мы описанія студенаго ключа, Громовой Криницы, посвященной Перуну; дѣвственнаго лѣса; стараго лѣшаго—Чура и вѣдьмы-вѣщуньи Предславы; празднествъ въ честь Перуна съ человѣческими жертвоприношеніями и семейныхъ пиршествъ по случаю возвращенія родственниковъ изъ варяжскаго плѣна; похоронной церемоніи, заканчивающейся сожженіемъ на кострѣ покойника и добровольно подвергающей себя той же участи вдовы его; находимъ характеристики мужественнаго, прямаго Стеміра и хитроумнаго Гостомысла; идеальнаго сказочнаго борца за славянскую независимость Вадима и высокомѣрнаго жестокаго варяжскаго конунга Труана; принявшаго христіанство Рогвольда и добродушнаго богатыря финна Гуды. Изъ историческихъ событій особеннаго вниманія заслуживаютъ описанія родовыхъ распрей и столкновеній съ варягами, а также переходъ варяговъ дружинниковъ изъ призванныхъ наемниковъ въ жестокихъ, притѣсняющихъ властителей.

Главное достоинство разбираемой книги заключается въ обиліи фактическаго матеріала; но, къ сожалѣнію, Разинъ недостаточно искусно воспользовался имъ: описанія довольно блѣдны, изложеніе мѣстами совершенно недоступно читателю простолюдину: тѣмъ не менѣе, въ виду бѣдности народной литературы на историческія повѣсти, рекомендуемъ разбираемую книгу для народной библіотеки. Знакомые нѣсколько съ исторіей читаютъ эту повѣсть съ большимъ удовольствіемъ.

Вопросы:

Разскажите о вѣрованіяхъ и обычаяхъ древнихъ славянъ?

Какъ жилось тогда женщинѣ-славянкѣ? какія ей угрожали страданія и бѣдствія?

Разскажите, что помните, изъ разсказа о Рогвольдѣ, Вадимѣ, варягахъ? *А. К.*

---

623) **Русская Правда или судъ въ стародавнія времена.** Историческая повѣсть В. Лапина. Спб. Изданіе утвержденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія Постоянной коммиссіи народныхъ чтеній. 1880 г. Ц. 7 к. 35 стр.

Содержаніе повѣсти: Глава 1-я. Въ глуши первобытнаго лѣса древней Руси встрѣтились два смерда — Кунуй и Ратиборъ; оба они идутъ искать суда въ Ярославль. Кунуй разсказываетъ свою исторію; изъ нея мы узнаемъ, что, спасаясь отъ половцевъ, которые нѣсколько разъ разоряли его, Кунуй ушелъ вмѣстѣ съ семьей на верховья Волги; но тутъ ихъ одолѣли новые враги—чудь. Кунуй, узнавъ, что сосѣди—чудь условились сдѣлать нападеніе на русскій поселокъ, укрылъ семью въ лѣсу, а самъ отправляется въ Ярославль просить помощи.

Глава 2-я. Кунуй и Ратиборъ на воеводскомъ дворѣ въ Ярославлѣ; они пришли въ то время, когда воевода судилъ народъ по законамъ «Русской Правды». Воевода, услыхавъ объ опасности, грозившей русскому поселку, собралъ ратныхъ людей и отправился на чудь.

Глава 3-я. Сосѣди враги, между тѣмъ, открыли убѣжище семьи Кунуя и пробовали сдѣлать нападеніе; но позиція, занимаемая русскими, была такъ удобна, что, не смотря на неравенство силъ, они успѣшно отразили нападеніе.

Глава 4-я. Помощь подоспѣла во́ время: чудь не успѣла собраться съ силами для новаго нападенія. Воевода поступилъ по указанію «Русской Правды», отдавъ участвовавшихъ въ нападеніи въ холопы Кунуя. Кунуй снова обстроился; рядомъ съ его поселкомъ появились новые, а полученныхъ холоповъ онъ впослѣдствіи отпустилъ на волю.

Время, о которомъ говорится въ повѣсти,— княженіе внуковъ и правнуковъ Ярослава (начало XII ст.). Во 2-й главѣ—«Судъ» изображается судопроизводство древней Руси: ходъ судопроизводства—участіе воеводы, *видоковъ*, *послуховъ* и опредѣляется общій характеръ законовъ «Русской Правды», постановляющей за различные виды преступле-

ній *виру* вмѣсто прежнихъ суровыхъ видовъ кровавой мести. На страницахъ 24—26 проводится параллель между старымъ обычаемъ кровавой мести и новымъ взглядомъ на убійство въ «Русской Правдѣ», гдѣ месть замѣнена уплатой виры. На воеводскомъ дворѣ рѣшается нѣсколько дѣлъ: объ убійствѣ, о наслѣдствѣ, о личномъ оскорбленіи. Пріемъ, который употребляетъ авторъ для болѣе яркаго сопоставленія законовъ «Русской Правды» съ древними обычаями, вышелъ не вполнѣ удачнымъ: «Русская Правда» была лишь сводомъ обычаевъ, по которымъ изстари судился народъ,—слѣдовательно, между писанными законами «Русской Правды» и законами, примѣнявшимися до тѣхъ поръ по обычаямъ, не могло быть той рѣзкой разницы, на которой строитъ г. Лапинъ самую важную часть своей повѣсти. Разсказъ не отличается достоинствами: тенденціозенъ, описанія блѣдны, а разговоры непріятно поражаютъ дѣланностью и грубостью. Впрочемъ, въ виду нѣкоторыхъ бытовыхъ свѣдѣній, характеризующихъ жизнь XII вѣка, книга можетъ имѣть мѣсто въ народной библіотекѣ. Интересенъ разсказъ для взрослыхъ по преимуществу.

Вопросы:

Какъ жилось на Руси земледѣльцу въ древнія времена?

О какомъ времени разсказывается здѣсь? (Княженіе сына Мономаха, XII вѣкъ, стр. 10-я).

Какъ называлось собраніе законовъ? («Русская Правда»).

Разскажите о судѣ и расправѣ въ тѣ времена (стр. 16—26).

Кого называли тіунами? гостями? смердами? *О. Р.*

---

624) **О злыхъ Временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ.** Соч. К. Бестужева-Рюмина. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. Ц. 8 к. 64 стр.

625) **Злое время татарщины.** Б. А. Павловича. Разсказы изъ русской исторіи. Изд. 2-е. Спб. 1879 г. Ц. 10 к. 26 стр.

Внезапно разразившееся надъ Русью бѣдствіе—нашествіе татаръ—не было бѣдствіемъ кратковременнымъ: длилось оно около двухъ вѣковъ, и совершенное избавленіе отъ него послѣдовало лишь въ половинѣ III вѣка. (Первое пораженіе на Калкѣ 1224 г. Окончательная побѣда русскихъ надъ татарами въ 1480 г).

Всякое завоеваніе одного народа другимъ сопряжено съ тяжкими страданіями для побѣжденнаго; но иго завоевателей особенно гибельно тамъ, гдѣ поработители стоятъ на несравненно низшей степени культуры, чѣмъ порабощенные. А въ такомъ положеніи находились именно мы, русскіе, по отношенію къ татарамъ. Владычество ихъ должно было остановить и измѣнить теченіе нашей исторической жизни и внести въ нее немало чуждыхъ элементовъ, которые, вкоренясь глубоко, должны были проявить себя въ различныхъ сферахъ народной жизни. Завоеватели-кочевники, нахлынувъ на Русскую землю, ограбивъ ее и обезпечивъ за собой дальнѣйшее пользованіе ея богатствами, отхлынули снова въ Азію и Прикаспійскія степи, вмѣсто того чтобы осѣсть въ предѣлахъ завоеванныхъ земель и начать осѣдлую жизнь.

Это было великимъ благополучіемъ для нашего отечества, которое въ противномъ случаѣ должно было-бы испытать тяжкую участь балканскихъ славянъ, между тѣмъ какъ положеніе данницы далекихъ властелиновъ, при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ его, дало возможность пробудиться въ русскомъ народѣ національному возрожденію, начать дѣло своего освобожденія.

Даніилъ Романовичъ Галицкій и Александръ Невскій являются первыми крупными представителями этого движенія. Въ «Родной Старинѣ» Сиповскаго, въ главѣ «Злыя времена татарщины», есть подробный очеркъ дѣятельности обоихъ. Заимствуемъ у Соловьева сравнительную характеристику Даніила и Александра.

«Между этими знаменитыми современниками есть сходство, но есть и важное различіе, показывающее именно, что одинъ былъ сѣверный, а другой южный князь. Пылкій, гордый Даніилъ не обладалъ разсудительностью и умѣньемъ приспособляться къ обстоятельствамъ, отличавшими велико-русскаго героя Александра. Оскорбленный униженіемъ, которое онъ претерпѣлъ въ Ордѣ, Даніилъ не могъ помириться съ мыслью о необходимости татарскаго ига.

«Александръ, не менѣе Даніила храбрый и славный своими побѣдами, но болѣе разсчетливый, осторожный, благоразумный, призналъ тяжкую необходимость только дарами и поклонами отмаливать людей своихъ отъ бѣды татарскаго нашествія. Его благоразумная уступчивость обезпечила подвластнымъ ему областямъ сравнительно лучшее положеніе, въ то время какъ Даніилъ за свою горячность расплачивался потерею крѣпостей и униженіями передъ татарскими военачальниками и баскаками».

Разореніе, нищенство, паденіе торговли и

промышленности, безпечность, своекорыстіе, порожденное чувствомъ самосохраненія, раболѣпство, замѣнившее прежнія свободныя отношенія къ князю, затворничество женщинъ, пытки: кнутъ, правежъ; грубость нравовъ, отчужденіе отъ жизни западной Европы—таково было наслѣдіе татарскаго владычества.—О временахъ татарщины и самихъ татарахъ, кромѣ нашихъ лѣтописей, имѣются интересныя записки двухъ западныхъ монаховъ—пословъ XIII вѣка—Плано Карпини (1245 г.) и Рубруквиса (1253 г.), чрезъ наши степи ѣздившихъ въ Азію, въ главную татарскую Орду.

Содержаніемъ очерка для народа объ этомъ періодѣ отечественной исторіи должно быть подробное, картинное описаніе нравовъ и быта завоевателей—кочевниковъ, главные эпизоды борьбы съ ними, положеніе разныхъ областей русскихъ во времена неволи, вліяніе татарскаго ига на русскую жизнь, дальнѣйшая судьба потомковъ древнихъ татаръ. Въ популярныхъ очеркахъ о временахъ татарщины въ народной литературѣ нѣтъ недостатка. Общій упрекъ, который можетъ быть сдѣланъ многимъ изъ нихъ,—отсутствіе сближеній прошлаго съ настоящимъ: при описаніи пути пройденнаго татарами, главныхъ битвъ съ ними (на Калкѣ, Куликовская), не сообщается точныхъ указаній мѣстности, губерній,—словно это происходило въ земляхъ далекихъ и недоступныхъ читателямъ.

О потомкахъ татаръ или ничего не говорится, или сообщается, какъ у Безстужева-Рюмина, напр., слѣдующее: «Теперь татары народъ смирный,—торгуютъ халатами и мыломъ и приносятъ пользу государству, какъ и всѣ другіе его народы» (стр. 64). О мирныхъ гражданахъ Россіи, обучающихся въ общихъ съ русскими школахъ, несущихъ общія съ русскими повинности, слѣдовало-бы, по нашему мнѣнію, сообщить нѣсколько болѣе.

Наиболѣе полный и подробный изъ очерковъ о временахъ татарскаго владычества—глава: «Злыя времена татарщины» въ «Родной Старинѣ» Сиповскаго. (См. рец. № 555).

Тревоги и несогласія князей въ ожиданіи татаръ, битва на Калкѣ, геройская защита родной земли Коловратомъ, козельцами; мученическая смерть Михаила Черниговскаго и Михаила Тверскаго; подвижничество такихъ представителей православія, какъ Варлаамъ Хутынскій, Стефанъ Пермскій, Сергій Радонежскій, Алексѣй Московскій, ихъ отношеніе къ бѣдствіямъ отечества, наконецъ разсказъ о Куликовской битвѣ—таково содержаніе очерка Бестужева-Рюмина «О злыхъ временахъ татарщины».

Воспользовавшись богатымъ матеріаломъ нашихъ лѣтописей, авторъ-историкъ ведетъ разсказъ не отъ себя собственно, а заставляетъ повѣствовать объ этомъ далекомъ прошломъ самихъ современниковъ его—лѣтописцевъ проповѣдниковъ.

Историческія событія, изложенныя со всей подробностью и картинностью лѣтописной передачи, не сопровождаются разсужденіями и выводами автора: они такъ изложены имъ, что сами должны говорить за себя душѣ читателя. И дѣйствительно, чтеніе производитъ сильное впечатлѣніе. Отдѣльные эпизоды прекрасно передаются читавшими, но, какъ приходилось убѣждаться, читатель не выноситъ изъ книги яснаго представленія объ общемъ ходѣ событій, объ ихъ послѣдовательности и относительной важности. Виною этому—чрезмѣрная объективность автора, воздерживающагося отъ разсужденій и освѣщенія сообщаемыхъ фактовъ, намѣренно не давшаго *больше того, что знали* лѣтописцы, судившіе и сообщавшіе о происходившемъ по собственнымъ впечатлѣніямъ и разсказамъ современниковъ.

«Пришли невѣдомые люди; никто не знаетъ, кто они, откуда, какого племени и какая ихъ вѣра; а зовутъ ихъ татарами», наивно восклицаетъ лѣтописецъ. «Богъ одинъ знаетъ, что это за люди; мудрецы, что читаютъ книги, могутъ объ этомъ сказать, а мы не вѣдаемъ; записали только для памяти о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія произошли отъ нихъ въ землѣ Русской».

Вѣрный взятой на себя роли лѣтописца, Бестужевъ-Рюминъ не сообщаетъ своимъ читателямъ тѣхъ свѣдѣній, какія имѣлись у него, какъ у «мудреца»: въ очеркѣ нѣтъ ничего о нравахъ и бытѣ татаръ; не выяснено, какъ отразились вѣка неволи на экономическомъ состояніи, на ходѣ исторической жизни, нравахъ, хотя и имѣются для этого въ книгѣ нѣкоторыя фактическія данныя.

Отсутствіе перспективы въ лѣтописномъ изображеніи событій,—чѣмъ отличается и разбираемый очеркъ,—не даетъ возможности читателю выдѣлять важное изъ второстепеннаго, дѣлать правильную оцѣнку историческихъ дѣятелей. Крупныя, величавыя фигуры Даніила Галицкаго и Александра Невскаго остаются часто незамѣченными читателемъ среди другихъ, второстепенныхъ князей; а разсказу о Куликовской битвѣ онъ даетъ нерѣдко такое же мѣсто, какъ борьбѣ князей

Олега и Святослава съ откупщикомъ дани Ахматомъ, сыномъ Темировымъ...

Не смотря на указанныя особенности, очеркъ Бестужева-Рюмина заслуживаетъ особаго вниманія. Это безспорно лучшая по языку и изложенію книга, по которой читатель изъ народа можетъ познакомиться со временемъ владычества татаръ, вполнѣ доступная даже читателю, плохо владѣющему книжнымъ языкомъ. Это первая книга, по которой слѣдуетъ знакомить съ извѣстными событіями читателей всѣхъ возрастовъ, а продолженіемъ или дополненіемъ къ ней можетъ служить разсказъ Павловича.

Разсказъ Павловича носитъ совершенно противоположный характеръ. И здѣсь мы находимъ тѣ же событія, тотъ же лѣтописный матеріалъ, но сгруппированный и разсказанный авторомъ по своему. Изложеніе въ простотѣ значительно уступаетъ разсказу Бестужева-Рюмина. Преимущество же его заключается въ освѣщеніи и группировкѣ фактовъ, въ подробномъ описаніи быта и нравовъ татаръ. Описываются событія отъ перваго появленія татаръ до Куликовской битвы. Сѣтуя на отсутствіе согласія между князьями, авторъ преувеличиваетъ ихъ вину предъ потомствомъ, говоря: «Страшная бѣда постигла наше отечество на берегахъ рѣки Калки, и виновникомъ всего было это вѣчное неединодушіе, это честолюбіе, которымъ страдали наши предки. Оно побуждало князей ссориться другъ съ другомъ; оно было неоднократно причиною нападенія иноплеменниковъ; оно и теперь побудило Мстислава начать неосторожное сраженіе, что̀ и погубило все дѣло. Кто знаетъ: можетъ быть, еслибы не продѣлка Мстислава, русскимъ удалось бы побѣдить татаръ и навсегда прогнать ихъ изъ предѣловъ Европы?...»

«Можно, конечно,» говоритъ Иловайскій *), «обвинять нашихъ старыхъ князей въ томъ, что они не поняли всей опасности и всѣхъ бѣдствій, грозившихъ тогда отъ новыхъ враговъ, и не соединили свои силы для дружнаго отпора. Но съ другой стороны не должно забывать, что тамъ, гдѣ предшествовалъ долгій періодъ всякаго рода разъединенія, соперничества и развитія областной особности, тамъ никакая человѣческая воля, никакой геній не могли совершить быстрое объединеніе и сосредоточеніе народныхъ силъ. Такое благо дается только долгими и постоянными усиліями цѣлыхъ поколѣній при обстоятельствахъ, пробуждающихъ въ народѣ сознаніе своего національнаго единства и стремленіе къ своему сосредоточенію. Древняя Русь сдѣлала то, что было въ ея средствахъ и способахъ. Каждая земля, почти каждый значительный городъ мужественно встрѣчали варваровъ и отчаянно защищались, едва ли имѣя притомъ какую либо надежду побѣдить. Иначе не могло и быть. Великій историческій народъ не уступаетъ внѣшнему врагу безъ мужественнаго сопротивленія, хотя бы и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ».

*) «Исторія Россіи», соч. Д. Иловайскаго, ч. 2, стр. 378.

Такая оцѣнка прошлаго несомнѣнно единственно справедливая.

Разсказъ г. Павловича доступенъ для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ, а также вполнѣ пригоденъ для публичнаго народнаго чтенія слушателямъ изъ городской среды.

Вопросы:

Когда появились татары и гдѣ разбили русскихъ?

Сравните татаръ съ русскими: ихъ наружность, образъ жизни и нравы?

Укажите на картѣ, гдѣ была Золотая Орда?

Когда и гдѣ была одержана русскими первая побѣда надъ татарами?

Сколько времени длилась татарская неволя? (Безъ малаго 250 л.) Какъ жилось русскимъ во время татарскаго владычества и какъ измѣнились нравы ихъ отъ этой неволи?

А. К.

---

626) **Разсказы изъ отечественной исторіи. Татарскій погромъ и святый благовѣрный великій князь Александръ Невскій.** П. Рогова. 3-е изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 15 к. 35 стр.

627) **500 лѣтъ назадъ. Куликовская битва.** Сост. В. Сиповскій. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 20 стр.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ вышеразобранные очерки Бестужева-Рюмина и Павловича не могутъ читаться безъ измѣненій на публичномъ народномъ чтеніи: первый слишкомъ длиненъ, второй доступенъ лишь слушателямъ, освоившимся съ литературнымъ языкомъ. Наиболѣе подходящая изъ остальныхъ книгъ объ этомъ предметѣ — очеркъ Рогова: «Татарскій погромъ и святый благовѣрный великій князь Александръ Невскій», въ первой части знакомящій съ событіями до временъ Александра Невскаго, а во второй — съ дѣятельностью и личными качествами этого любимаго народнаго героя».

«отдавшаго животъ свой за все великое княженіе и за вѣру православную».

Разсказъ доведенъ до года смерти Александра Невскаго (1263 г.).

Съ дальнѣйшими событіями—возвышеніемъ Москвы, смутами въ Ордѣ, приготовленіями къ дружному нападенію на ненавистныхъ властителей, побѣдой надъ ними на Куликовомъ полѣ—можно познакомить слушателей по очерку Сиповскаго: «500 лѣтъ назадъ—Куликовская битва», по языку и достоинствамъ изложенія заслуживающему предпочтенія предъ очеркомъ того же содержанія С. Рождественскаго. *А. К.*

---

628) **Куликовская битва.** С. Рождественскаго (Народныя чтенія). Спб. 1880 г. Ц. 8 к. 24 стр.

Первыя десять страницъ посвящены обзору событій и положенія Россіи со времени перваго появленія татаръ. Обзоръ этотъ мало дастъ читателю, незнакомому изъ другихъ источниковъ съ фактами, о которыхъ разсуждаетъ авторъ. Обобщенія, дѣлаемыя авторомъ, не вполнѣ вѣрны; такъ, подпаденіе подъ власть татаръ-завоевателей онъ приписываетъ исключительно тому, что русскіе князья жили тогда въ ссорѣ между собой и не хотѣли помочь другъ другу.

Объ отчаянной защитѣ козельцами родного города и другихъ фактахъ героизма народа, отстаивавшаго свою независимость, авторъ отзывается какъ о примѣрахъ «изумительной, но безполезной (?) храбрости русскаго народа» (стр. 8).

Среди всеобщаго страха предъ врагомъ, униженій предъ властителемъ, развивавшихъ раболѣпство, предательство, своекорыстіе, такіе примѣры, самоотверженной любви къ родной землѣ только и могли поддерживать духъ народа, свидѣтельствовать о возможности возрожденія въ будущемъ.

На остальныхъ 14 страницахъ разсказывается про Куликовскую битву.

Въ виду возможности пользоваться вышеназванной брошюрой г. Сиповскаго, очеркъ г. Рождественскаго считаемъ излишнимъ въ народной библіотекѣ. *А. К.*

---

629) **Куликовская битва.** Историческій очеркъ, составленный Е. Тихомировымъ. Изданіе Общества распростр. полезн. книгъ. Москва. 1880 г. Ц. 10 к. 42 стр.

Книга написана по случаю 500-лѣтней годовщины Куликовской битвы. По языку и обилію подробностей она менѣе доступна читателю изъ народа, чѣмъ вышеназванныя. Особенность ея—описаніе теперешняго вида Куликова поля, памятника, воздвигнутаго въ память побѣды, древняго Угрѣшскаго монастыря.

По фактическому матеріалу представляетъ интересъ для учителя и для меньшинства хорошо подготовленныхъ читателей изъ народной среды. *А. К.*

---

630) **Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ.** А. Петрушевскаго. Спб. 1867 г. Ц. 10 коп. 80 стр.

631) **Сказаніе о подвигахъ святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.** Соч. П. Ремезова. Изд. 3-е. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 62 стр.

На мрачномъ фонѣ русской жизни временъ татарскаго владычества рельефно выдѣляется мощная фигура Александра Невскаго, оцѣненнаго современниками, увѣковѣченнаго въ памяти народной преданіемъ и исторіей. По восторженному отзыву жизнеописателя Александра, «лицемъ онъ былъ благообразенъ и благолѣпенъ, какъ Іосифъ Прекрасный, силу имѣлъ Самсонову, голосъ его пріятный какъ труба гремѣлъ на народныхъ собраніяхъ... слава его распространилась до горъ Араратскихъ и до Рима великаго».

Говоря о заслугахъ его, лѣтописецъ восклицаетъ: «Если забудете великаго князя Александра Ярославича..., то уподобитесь жидамъ, которые забыли Бога, изведшаго ихъ изъ работы египетской и пропитавшаго въ пустынѣ манною и печеными крастелями».

Александръ Невскій принадлежитъ къ числу историческихъ дѣятелей, оцѣненныхъ еще при жизни.—«Зайде солнце земли Русской!» воскликнулъ митрополитъ Кириллъ, возвѣщая о кончинѣ князя. — «Уже погибаемъ!» былъ вопль народа въ отвѣтъ на эту вѣсть.

Александръ — не изъ тѣхъ легендарныхъ героевъ, которыхъ приходится развѣнчивать исторіи: ей пришлось лишь освѣтить эпоху, въ которой дѣйствовалъ Александръ, чтобы лучше заставить оцѣнить его значеніе. «Александръ Ярославичъ,» говоритъ Иловайскій*):—«принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ Сѣверной Руси, въ которыхъ наиболѣе отразились основныя черты великорусской народности: практическій умъ, твердость воли и гибкость характера или умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами.

---

*) «Исторія Россіи», соч. Д. Иловайскаго, ч. 2, стр. 411.

«Годы, проведенные имъ въ Великомъ Новгородѣ, безспорно имѣли большое вліяніе на развитіе его ума и характера. Дѣятельная, кипучая жизнь торговаго города, постоянное присутствіе западныхъ иноземцевъ и почти непрерывная борьба вѣча съ княжескою властью, конечно, производили на него глубокое впечатлѣніе и немало способствовали развитію той выдержанности характера и той гибкости, соединенной съ твердой волею, которыми отличается вся его послѣдующая дѣятельность».

Гроза враговъ западныхъ, онъ въ то же время—смиренный данникъ Орды; здѣсь защищаетъ онъ Русскую землю не силой воинскихъ доблестей, а дарованіемъ государственнаго человѣка, понимающаго, что не настала минута открытаго сопротивленія. Нужно было *отдалить* властителей, не дать имъ сдѣлаться ближайшими участниками русской жизни: творить судъ и расправу; опредѣлять отношенія между народомъ и князьями; представителями завоевателей на Руси имѣть только баскаковъ, временно наѣзжающихъ за данью. Установленіе такихъ именно отношеній, крайне благодѣтельныхъ для будущаго Россіи, и было исторической заслугой Александра.

«Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ» А. Петрушевскаго отличается обыкновенными достоинствами разсказовъ этого автора: простотой языка, живостью, серьезнымъ тономъ, вѣрностью исторической дѣйствительности.

Жизнеописанію Александра авторъ предпосылаетъ краткій обзоръ событій отечественной исторіи XIII в. включительно; описанъ своеобразный вѣчевой укладъ свободолюбиваго Новгорода,—все это, очевидно, съ цѣлью выяснить значеніе подвиговъ и характера Александра. Воспроизведеніе отдѣльныхъ эпизодовъ удалось автору лучше главнаго—характеристики дѣятельности князя по отношенію къ Ордѣ и выясненія значенія такихъ именно вассальныхъ отношеній для Россіи.

Книга доступна развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ. Мы совѣтовали бы давать ее вслѣдъ за очеркомъ Бестужева-Рюмина: «О злыхъ временахъ татарщины», начиная чтеніе очерка съ третьей главы, т. е. съ жизнеописанія Александра.

Первая глава книги Ремезова—«Состояніе Руси до Александра Невскаго» знакомитъ съ той исторической почвой, на которой онъ родился и дѣйствовалъ.

Авторъ сообщаетъ въ ней свѣдѣнія о родовомъ бытѣ славянъ, о зачаткахъ государственной жизни; значеніи князя, вѣча, дружины, о порядкѣ престолонаслѣдія, о новгородскомъ народоправствѣ, объ отношеніяхъ къ западнымъ сосѣдямъ, о татарскомъ нашествіи, о внутреннемъ состояніи Руси во времена татарскаго ига. Всему этому удѣлено 22 первыхъ страницы; остальныя 40 посвящены жизнеописанію Александра.

На страницѣ 41-й читатель найдетъ очень интересный отрывокъ изъ посланія папы Иннокентія IV къ Александру.

По языку и обилію фактическихъ подробностей книга доступна лишь очень небольшому числу развитыхъ читателей; для учителя интересна и цѣнна.

Для ознакомленія съ Александромъ Невскимъ на публичныхъ народныхъ чтеніяхъ имѣется очеркъ, составленный Роговымъ (см. рец. № 626).

Вопросы:

Какъ описываютъ Александра лѣтописцы?

Въ какой землѣ княжилъ онъ?

За что прозванъ Невскимъ?

Изъ-за чего приходилось ему воевать съ сосѣдями, и съ какими?

Отчего не шелъ онъ войной на Орду?

Чѣмъ сослужилъ онъ великую службу Русской землѣ?

А. К.

---

632) **Невская битва и Ледовое побоище.** В. Лапина. Изд. учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1880 г. Ц. 5 к. 22 стр.

Въ виду имѣющихся въ народной литературѣ очерковъ того же содержанія Рогова и Петрушевскаго, названную выше книгу г. Лапина считаемъ излишней въ народной библіотекѣ. *А. К.*

---

633) **Князь Михаилъ Тверской и татарскій погромъ.** В. О. Михневича. (Съ 5-ю раскрашенными картинками). Спб. 1873 г. Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Ц. 10 к. 25 стр. Изд. 2-е. 1884 г. Ц. 10 к.

Первыя 11 страницъ книги служатъ какъ бы предисловіемъ къ разсказу о Михаилѣ Тверскомъ, занимающему остальныя 14 страницъ. Собственно по содержанію это предисловіе и должно бы было быть главною частью разсказа, для которой эпизодъ о мученической смерти князя въ Ордѣ являлся бы иллюстраціею. Но вмѣсто характерныхъ фактовъ о бытѣ, нравахъ татаръ, указаній на путь,

пройденный страшными завоевателями, примѣровъ геройской защиты родной земли русскими, всѣ 11 страницъ исполнены причитаній о бѣдствіяхъ, постигшихъ Россію вслѣдствіе розни между князьями, и картинъ ужасовъ разоренія земли Русской, нарисованныхъ авторомъ далеко не вѣрно, къ тому же описанныхъ языкомъ, непріятно поражающимъ поддѣлкой подъ народную образную рѣчь.

Вся эта *поэзія* въ видѣ восклицаній, гипербол, сравненій въ духѣ былинъ, пословицъ, не только затрудняетъ чтеніе, но и даетъ ложныя представленія объ описываемомъ. Такъ, читатель вынесетъ убѣжденіе, что вся Россія подверглась разоренію, представляла мерзость запустѣнія, и въ живыхъ остались лишь немногіе горемыки, которые «изрѣдка только показывались изъ своихъ убѣжищъ поплакать и погоревать надъ гибелью родины» (стр. 10); тогда какъ на самомъ дѣлѣ половина Руси не подвергалась разоренію отъ татаръ.

Самый разсказъ о Михаилѣ Тверскомъ написанъ проще и производитъ впечатлѣніе, но и здѣсь встрѣчаемъ тоже несоотвѣтствіе дѣйствительности: г. Михневичъ причисляетъ князя Михаила къ тѣмъ славнымъ и отважнымъ русскимъ людямъ, «которые спали и видѣли только, какъ бы свергнуть съ себя татарскія путы»; между тѣмъ какъ исторія рисуетъ намъ его лишь мученикомъ,—отнюдь не борцомъ.

Такъ какъ читатель изъ народа можетъ прочесть о мученической смерти князя въ другихъ книгахъ, указанныхъ выше, то разсказъ г. Михневича для народной библіотеки мы считаемъ излишнимъ. *А. К.*

---

634) **Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома.** В. Лапина. (Народныя чтенія). Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 64 стр.

Сюжетъ разсказа заимствованъ изъ временъ владычества татаръ. Авторомъ сгруппировано много интересныхъ эпизодовъ и подробностей. Изложеніе не можетъ быть названо художественнымъ, но языкъ простъ, а историческіе факты такъ подобраны и разсказаны, что повѣсть эта можетъ быть прочитана съ удовольствіемъ читателями, совершенно незнакомыми съ исторіей. Этимъ достоинствомъ обладаютъ очень немногіе разсказы, предназначенные, однако, самими авторами для среды, не имѣющей никакой школьной подготовки для чтеній историческаго содержанія. Вотъ какъ, напримѣръ, знакомитъ авторъ съ татарами словами лѣтописи: «Страшный народъ пришелъ на насъ—тому народу имя татары. Не рать пришла, а цѣлый народъ. И женъ, и дѣтей съ собой везутъ, и табуны гонятъ. На двадцать дней пути въ длину они растянулись, а въ ширину—на пятнадцать. Пожгли они нашъ градъ великій и всю землю пусту сдѣлали» (стр. 4). Такъ описываютъ татаръ бѣглецы изъ первыхъ опустошенныхъ ими мѣстностей. Вкратцѣ содержаніе повѣстей слѣдующее: разореніе Торжка и мученическая смерть его жителей, частью избитыхъ, частью сожженныхъ въ храмѣ, въ подземномъ тайникѣ котораго удается спастись лишь дочери священника Натальѣ; избавленіе ея отъ голодной смерти бояриномъ Брынко, который потомъ и женится на ней; пріѣздъ татарскихъ пословъ за данью, не только требующихъ богатыхъ даровъ, но и уводящихъ съ собой въ Орду русскихъ юношей и женщинъ; поклоненіе басмѣ; страданія и униженія князей и русскихъ людей, отправляющихся на поклоненіе хану въ Орду; жители степей—бездомовники; разсказъ ихъ атамана Звѣря; отравленіе князя Ярослава женой хана.

Мѣстами искусственность рѣчи—поддѣлка подъ славянскій и великорусскій простонародный языкъ представитъ затрудненіе для чтецовъ не великороссовъ, знакомыхъ лишь съ литературнымъ великорусскимъ языкомъ, усвоеннымъ ими изъ учебныхъ книгъ въ школѣ.

Книга эта доступна читателямъ всѣхъ возрастовъ, желательна въ школьныхъ и народныхъ библіотекахъ и пригодна для публичнаго и народнаго чтенія.

Вопросы:

Какія бѣды и униженія пришлось терпѣть русскимъ отъ татаръ (стр. 23, 25, 28, 40)?

Что называлось басмой (стр. 23)?

Почему татары жили въ шатрахъ, а не строили себѣ постоянныхъ жилищъ?

Какой народъ называемъ мы кочевымъ?

Сколько вѣковъ (или лѣтъ) прошло съ тѣхъ поръ, какъ Россія избавилась отъ владычества татаръ? (1480 г.).

Есть ли теперь татары въ Россіи?

Какъ живемъ мы съ ними: во враждѣ или дружбѣ? *А. К.*

---

635) **Разсказы изъ русской исторіи. Кіевъ, Владиміръ и Новгородъ.** Б. А. Павловича. Спб. 1873 г. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Цѣна 10 к. 35 стр.

Во многихъ популярныхъ очеркахъ даются слишкомъ недостаточныя свѣдѣнія о государ-

ственной жизни Руси кіевскаго періода, почему у читателя могутъ сложиться совершенно невѣрныя представленія о ней. Единодержавіе князей кіевскихъ (Владиміра Св., Ярослава) изображается нерѣдко совершенно подобнымъ самодержавію князей московскихъ, какимъ сложилось оно цѣной кровавой вѣковой борьбы съ областями, цѣною энергичныхъ усилій цѣлаго ряда дѣятельныхъ собирателей Русской земли, начиная отъ Даніила, сына Александра Невскаго, и кончая Іоанномъ Грознымъ.

Очень желательно ознакомленіе взрослыхъ развитыхъ читателей съ главными чертами государственнаго строя удѣльно-вѣчеваго періода, а также съ центрами политической жизни до возникновенія Москвы.

Очеркъ Павловича:—«Кіевъ, Владиміръ и Новгородъ» даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ этой области, но далеко не достаточныя. Въ главѣ, посвященной Кіеву, на первомъ планѣ описаніе княжескихъ усобицъ и жизнеописаніе Владиміра Мономаха. Вторая глава повѣствуетъ о возвышеніи Владиміра и подвигахъ суроваго князя Андрея Боголюбскаго, не пощадившаго даже и первопрестольнаго города Кіева. Авторъ не указываетъ на то, что было причиной возникновенія новыхъ центровъ государственной жизни на сѣверѣ, что заставляло князей новаго типа тяготѣть не къ Кіеву, какъ прежде, а стараться утвердиться на сѣверѣ. «Для рачительныхъ *князей-хозяевъ* нужна была болѣе покорная среда, чѣмъ какую представляли кіевляне,—«своевольные, наклонные къ роскоши и веселой жизни, привыкшіе къ участію въ княжескихъ распряхъ». Такихъ князей тянуло на сѣверъ, «гдѣ можно было жить спокойно, мирно заниматься правительственными и хозяйственными дѣлами посреди трудолюбиваго и покорнаго населенія, вдали отъ безконечныхъ княжескихъ распрей, отъ половецкихъ набѣговъ и всѣхъ тревогъ Южной Руси». (Стр. 303. «Исторія Россіи» Иловайскаго, ч. 2-я).

Татарскій погромъ, съ такой силой обрушившійся на Южную Русь, и далѣе—объединеніе Литвы и подпаденіе части Руси подъ ея владычество должны были остановить и дать другое направленіе государственной жизни на югѣ.

Въ третьей главѣ разбираемой книги находимъ планъ Новгорода (снимокъ со стараго рисунка), описаніе города, особенностей жизни этого древняго своеобразнаго центра русской жизни, отношеній различныхъ сословій между собой и къ князю, значенія вѣча, выборнаго начала, лежавшаго въ основѣ всего общественнаго устройства, формъ судопроизводства, экономическихъ условій, наконецъ отношеній вольнаго Новгорода къ князьямъ-собирателямъ. Кромѣ этой книги, свѣдѣнія о Новгородѣ сообщаются и Петрушевскимъ въ книгѣ «Разсказы про старое время на Руси» (стр. 65—70, 135—144), гдѣ приведено и содержаніе былинъ о Васькѣ Буслаевѣ и Садкѣ—этихъ двухъ типичныхъ представителяхъ древняго Новгорода. Слѣдуетъ познакомить читателей изъ народной среды и съ подлиннымъ текстомъ самыхъ былинъ, которыя, къ сожалѣнію, имѣются лишь въ дорогой книгѣ былинъ Авенаріуса (см. рец. № 540). Обстоятельное знакомство съ внутренней жизнью Руси до возвышенія Москвы необходимо для того, чтобы получилось вѣрное представленіе о послѣдующемъ періодѣ жизни — о московскомъ самодержавіи.

Книга доступна лишь развитымъ читателямъ.

Вопросы:

Сравните Андрея Боголюбскаго съ Владиміромъ Мономахомъ.

Чѣмъ былъ силенъ и богатъ Новгородъ?

Кѣмъ и какъ управлялся онъ?

Что обсуждалось на вѣчевыхъ собраніяхъ?

Какъ рѣшались дѣла судебныя?

Вопросы къ былинамъ о Васькѣ Буслаевѣ и Садкѣ.

Сравните Василья съ Ильей Муромцемъ.

Приведите примѣры грубости Василія Буслаева.

Изъ чего видно, что былины эти сложились въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ, напримѣръ?

А. К.

---

636) **О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ.** К. Бестужева-Рюмина. Спб. 1866 г. Ц. 22 к., 170 стр.

637) **Разсказы изъ русской исторіи. Московское самодержавіе.** Б. А. Павловича. Изд. Кожанчикова. Спб. 1873 г. Ц. 8 к. 29 стр.

Очеркъ Бестужева-Рюмина: «О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ» обнимаетъ время отъ Куликовской битвы до конца царствованія Іоанна Грознаго. Отъ трехъ прежде разобранныхъ очерковъ того-же автора онъ отличается лишь большимъ объемомъ: тотъ же прекрасный, простой языкъ, то же богатство

фактическаго матеріала и тѣ же особенности изложенія, крайне затрудняющія усвоеніе прочитаннаго. (См. рец. №№ 615, 621, 624).

Книги не дочитают до конца ни знакомые, ни незнакомые съ описываемымъ временемъ читатели.

Познакомиться съ возникновеніемъ и ростомъ Москвы, съ тѣмъ, какъ

«Зачиналась бѣлокаменна Москва,
Зачинался въ ней и грозный царь»,—

читатель можетъ изъ «Разсказовъ про старое время на Руси», изъ главъ — «Москва» и «Иванъ III Васильевичъ», въ которыхъ интересно и просто разсказывается объ основаніи Москвы, о первыхъ князьяхъ-собирателяхъ, о козняхъ княжескихъ, о мученической смерти Михаила Тверскаго, о митрополитѣ Петрѣ, объ Иванѣ Калитѣ, объ отношеніяхъ къ Ордѣ. События временъ Іоанна III: борьба съ областями, паденіе Новгорода, война съ Литвой, отношенія къ татарамъ и Византіи—изложены достаточно подробно, но зато личность самого Ивана III осталась какъ-то въ тѣни. Читатель не получитъ представленія объ этомъ московскомъ владыкѣ, который въ памяти народа жилъ съ тѣмъ-же прозвищемъ, что и Іоаннъ IV. Въ главѣ «Иванъ III Васильевичъ» заслуживаютъ особаго вниманія страницы, посвященныя Новгороду, а также — тѣ, въ которыхъ указываются явленія внутренней жизни, порожденныя вѣками татарской неволи.

Такъ какъ со времени Іоанна III Литва и затѣмъ Польша начинаютъ играть все болѣе и болѣе важную роль въ нашей народной и государственной жизни, то слѣдуетъ указать читателю и на главы — «Ягелло» и «Флорентійское соединеніе», которыя дадутъ ему понятіе о положеніи сосѣдей и о притязаніяхъ католическаго міра, бывшихъ одной изъ причинъ столь упорной и продолжительной національной вражды между сосѣдними и единоплеменными народами.

Въ разсказѣ «Московское самодержавіе» Б. А. Павловича, посвященномъ описанію времени Іоанна III, почти ничего не сказано о борьбѣ съ Новгородомъ и о войнахъ съ Литвой; на первомъ планѣ — окончательное сведеніе счетовъ съ прежними владыками татарами, а затѣмъ наши отношенія къ Европѣ, благодаря вліянію Софьи, а также сознанной потребности въ искусныхъ мастерахъ и художникахъ. Такимъ образомъ, и для читателя, ознакомившагося съ этимъ временемъ по главамъ изъ книги Петрушевскаго, разбира-мый очеркъ представляетъ интересъ, служа для нихъ дополненіемъ. Читателю, ознакомившемуся съ событіями изъ книги Петрушевскаго и очерка Павловича, слѣдуетъ дать вслѣдъ за ними романъ Лажечникова—«Басурманъ», который представляетъ такую яркую и полную картину жизни описываемаго періода, даетъ такое яркое и вѣрное представленіе о суровомъ, хитромъ, могущественномъ, грозномъ государѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, дѣдѣ грознаго Іоанна Васильевича — внука.

Вопросы:

Отчего собралось Русское государство около Москвы, а не около Кіева?

Какъ собиралась князьями московскими земля Русская?

Какія перемѣны въ жизни стали вводиться съ пріѣздомъ Софьи?

Назовите самыя важныя событія царствованія Іоанна III.

Что за народъ были литовцы и какъ и когда завладѣли землями русскими?

Разскажите о Флорентинскомъ соборѣ и о томъ, какъ принялъ народъ русскій его постановленія.

Чѣмъ отличался князь Іоаннъ Васильевичъ отъ князей кіевскихъ—Владиміра Мономаха и др.?

А. К.

---

638) **Басурманъ** *). Историческій романъ Лажечникова. Москва. 1874 г. Ц. 3 р.

Романъ Лажечникова изображаетъ внутреннюю жизнь Россіи въ концѣ XV ст., когда дѣло централизаціи государства было приведено къ концу. Іоаннъ III воплотилъ въ себѣ крайнее развитіе того идеала, къ которому стремились князья московскіе, начиная съ Калиты. Характеръ Іоанна весьма удачно очерченъ: Іоаннъ является живымъ историческимъ лицомъ со своей стойкостью, хитростью и, наконецъ, неизмѣримой гордостью тамъ, гдѣ дѣло стоитъ прочно, гдѣ не надо хитрить. Для характеристики Іоанна, его внутренней и внѣшней политики интересны главы: III-я и VI-я 2-й части, V-я, VI-я и VII-я 3-й части и III-я 4-й части.

Содержаніе «Басурмана» даетъ картину культурнаго состоянія Россіи въ концѣ XV ст. Вслѣдствіе стремленія Іоанна перенять коечто отъ Западной Европы, въ Россію получаютъ доступъ иностранцы: они являются

*) См. «Собраніе соч. И. И. Лажечникова», т. V и VI. («Басурманъ», историч. романъ).

просвѣщать русскихъ «дикарей». Но до какой степени наука была чужда какъ русскому народу, такъ и самому царю, призывавшему иностранцевъ, объ этомъ говоритъ вся исторія «нѣмчина» Антона, главнаго героя романа «Басурманъ».

Антонъ Эренштейнъ, родомъ нѣмецъ, воспитывался въ Италіи; это былъ одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ иностранцевъ, которые, вѣря въ свою будущую славу, отправлялись искать ее въ Россію, зная въ то же время, какой пріемъ ожидаетъ тамъ «басурмана». Своими медицинскими познаніями Антонъ уже началъ пріобрѣтать расположеніе Іоанна и былъ близокъ къ своей цѣли: въ скоромъ времени молодой ученый хотѣлъ перейти въ православіе, для того чтобы жениться на русской боярышнѣ Анастасіи, дочери Образца-Симскаго; принявши православіе, онъ сдѣлался-бы своимъ среди русскихъ, открылось-бы обширное поле для его дѣятельности, хотя, отправляясь въ Россію, Антонъ не думалъ мѣнять религію. Въ это время заболѣлъ находившійся при дворѣ татарскій царевичъ. Между тѣмъ одинъ бояринъ, мстившій Образцу-Симскому за отказъ, который получилъ его сынъ, сватавшійся за дочь Симскаго, Анастасію, рѣшилъ погубить обоихъ жениховъ Анастасіи, т. е. татарскаго царевича и Антона. Съ этой цѣлью онъ отравилъ царевича; Антонъ же былъ обвиненъ въ смерти соперника и, какъ несдержавшій даннаго Іоанну слова, казненъ почти наканунѣ своей славы.

Грозный Іоаннъ III; разсказчикъ и неутомимый странникъ по святымъ мѣстамъ и чужестраннымъ землямъ Аѳоня; умный дьякъ Курицынъ Холмскій; *кремень*—бояринъ Симскій; дочь его Анастасія; проповѣдникъ ереси жидъ Схарія; увлекающійся благородный нѣмчинъ — Антонъ; энтузіастъ художникъ Аристотель—вотъ главныя лица романа. Суевѣріе, враждебное отношеніе къ наукѣ и всему иноземному, религіозныя движенія (ересь жидовствующихъ), положеніе женщины-затворницы, послѣднія вспышки борьбы областей съ центромъ, дикость нравовъ, описаніе казней, «поля»—Суда Божія,—вотъ тѣ стороны жизни, отраженіе которыхъ мы находимъ въ «Басурманѣ».

Нельзя не замѣтить нѣкоторой грубости, съ которой авторъ вводитъ элементъ комизма (напримѣръ, при описаніи казни жидовствующихъ сектантовъ, — глава VI-я часть 4-я, стр. 125). Отступленія автора, въ которыхъ онъ, удаляясь отъ разсказа, высказываетъ свои психологическія наблюденія, страдаютъ туманностью, витіеватостью.

Интересно было-бы видѣть въ печати изданіе «Басурмана» значительно сокращеннымъ и приспособленнымъ для народнаго чтенія. Въ настоящемъ же своемъ видѣ романъ долженъ читаться лишь хорошо подготовленными читателями.

Вопросы:

Какой вѣкъ описывается здѣсь?

Зачѣмъ пріѣзжали въ Россію иностранцы и хорошо-ли имъ жилось въ ней?

Разскажите, что вы узнали изъ этой книги объ Іоаннѣ III?

Такъ-ли жили тогда женщины, какъ теперь и чѣмъ онѣ занимались?

Чѣмъ русская жизнь, описанная здѣсь, отличается отъ теперешней?

О. Р.

---

639) **Повѣсти Карамзина.** *1) Марѳа Посадница или покореніе Новгорода. 2) Наталья, боярская дочь. 3) Бѣдная Лиза.* Москва 1880 г. Изд. книгопр. Прѣснова. Ц. 30 к. 128 стр.

640) **Марѳа Посадница или покореніе Новгорода.** Москва. 1880 г. Изд. книгопр. Прѣснова. Ц. 3½ к. 61 стр. Изд. 2-ое 1883 г. Ц. 3½ к.

641) **Марѳа Посадница или покореніе Новгорода.** Всеобщ. библ. Изд. Самойлова. Москва. 1885 г. Ц. 6 к. 48 стр.

Для того поколѣнія читателей, которые воспитали свою душу и литературный вкусъ на романахъ Тургенева и Толстаго, повѣсти Карамзина потеряли всякое значеніе. Но было время, и не такъ давно, когда ими зачитывались, когда чтеніе ихъ вызывало слезы у старыхъ и молодыхъ читателей, когда онѣ находили тьму подражателей. Недаромъ-же именемъ ихъ автора былъ окрещенъ новый періодъ отечественной литературы, и Карамзинъ, какъ романистъ, явился родоначальникомъ новой школы писателей, заимствовавшихъ для своихъ произведеній сюжеты и образы не изъ области надземнаго героизма, философіи и морали, а изъ среды дѣйствительности, изъ области страстей и чувствъ обыкновенныхъ людей.

Думаемъ, что повѣсти Карамзина не потеряли своего значенія для того круга читателей, которому недоступны еще многіе изъ романовъ нашихъ великихъ художниковъ, вслѣдствіе сложности выводимыхъ ими типовъ, изображенія совершенно чуждой имъ жизненной среды.

Изъ повѣстей Карамзина останавливаемся

на «Марѳѣ Посадницѣ» и «Натальѣ боярской дочери». Онѣ не могутъ быть названы историческими повѣстями въ томъ смыслѣ, какъ «Тарасъ Бульба» Гоголя, «Князь Серебряный» Толстаго: историческихъ, бытовыхъ подробностей въ повѣсти Карамзина почти нѣтъ; дѣйствующія лица—не типы извѣстнаго вѣка, извѣстной общественной среды. Сила впечатлѣнія, оставляемаго героями и героинями повѣстей Карамзина, — не въ національныхъ чертахъ, лишь слабо намѣченныхъ творцомъ ихъ, а въ элементѣ общечеловѣческаго: Марѳа — не русская женщина XV вѣка, а прежде всего сильная женщина, одушевленная любовью къ родинѣ, жертвующая всѣмъ личнымъ для защиты ея независимости. При измѣненіи *немногихъ подробностей* та же Марѳа могла бы явиться предъ нами Леоной, Туснельдой, Корнеліей, производя на насъ тоже сильное впечатлѣніе.

Сюжетъ повѣсти «Марѳа Посадница» заимствованъ изъ послѣднихъ дней жизни вольнаго Новгорода. Главныя лица—славная дочь Новгорода, Марѳа Борецкая, отшельникъ Ѳеодосій, «семьдесятъ лѣтъ служившій отечеству мечемъ, совѣтомъ и добродѣтелью»; князь Холмскій — правая рука Іоанна, храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ совѣтѣ; дочь Марѳы—Ксенія; юный вождь новгородцевъ—Мірославъ. Предъ читателемъ проходитъ слѣдующій рядъ сценъ и описаній: собранія вѣча, на которомъ Холмскій убѣждаетъ новгородцевъ сдѣлаться подданными Іоанна; свиданіе Марѳы съ отшельникомъ Ѳеодосіемъ и благословеніе имъ Мірослава на званіе вождя новгородскихъ дружинъ; торжественное избраніе его согражданами; пожертвованія иноземцевъ и выраженіе ихъ готовности стать въ ряды защитниковъ вольнаго Новгорода; переговоры Марѳы съ тайнымъ посломъ короля Казиміра; народное пиршество по случаю бракосочетанія Ксеніи и Мірослава; томительное ожиданіе вѣстей съ поля битвы; возвращеніе разбитыхъ новгородцевъ съ тѣломъ Мірослава; разсказъ витязя Михаила о Шелонской битвѣ, о подвигахъ Мірослава и измѣнѣ Дмитрія, перешедшаго въ московскій лагерь; посольство къ Іоанну; послѣднія попытки къ сопротивленію подъ начальствомъ старца Ѳеодосія; страданія осажденныхъ новгородцевъ; въѣздъ Іоанна въ Новгородъ; несокрушимая твердость Марѳы, которая не хочетъ пережить свободы роднаго города и умираетъ на эшафотѣ; милости Іоанна; проводы вѣчеваго колокола оплакивающими его новгородцами.

Развитыми ученицами воскресной школы всѣхъ возрастовъ «Марѳа Посадница» читается съ большимъ интересомъ. Чтеніе затрудняется нѣсколько характеромъ изложенія: событія не происходятъ передъ глазами читателей, а о нихъ говорятъ герои.

Главнымъ содержаніемъ являются рѣчи — длинныя, пламенныя, одушевленныя, изложенныя Карамзинскими періодами.—«И понятно, и интересно, только разсказъ трудный: не такъ онъ пишетъ, какъ другіе», — охарактеризовала языкъ повѣсти одна изъ взрослыхъ ученицъ воскресной школы.

Вопросы:

Разскажите, что знаете о жизни вольнаго Новгорода.

Въ чемъ упрекалъ Холмскій новгородцевъ и что отвѣчала ему Марѳа?

За что пользовалась Марѳа такимъ уваженіемъ въ Новгородѣ?

Какое мѣсто разсказа больше всего осталось въ памяти? *А. К.*

Краткая передача содержанія «Марѳы Посадницы» ученицею воскресной школы. Полиною И—вой.

— Это было въ Новгородѣ. Новгородцы сбирались на площади на мѣстѣ Вадимовомъ по звону вѣчеваго колокола, а собраніе называлось *вѣче*.

Марѳа была жена полководца. Когда собрали на зовъ колокола всѣхъ людей, она просила, чтобы шли на войну защищать родину. Ее всѣ слушали, она была какъ властительница. Тогда Новгородъ былъ городъ славянъ, а не русскаго Московскаго государства. Она выбрала юношу и сдѣлала его начальникомъ надъ войскомъ. Во время войны было ужасное бѣдствіе; улицы были пусты. Кончилось тѣмъ, что войско было разбито; славяне сдались Іоанну. Онъ имъ не сдѣлалъ дурнаго, для бѣдныхъ давалъ деньги, и они сказали, что готовы быть его подданными, а Марѳа говорила: «не хочу быть подданною царя московскаго!» И ее казнили.

Изъ двухъ названныхъ изданій слѣдуетъ предпочесть изданіе Прѣснова: оно дешевле, лучше бумага, печать крупнѣе и на обложкѣ очень недурное изображеніе памятника «Тысячелѣтія Россіи».

642) **Наталія боярская дочь.** Историческая повѣсть Карамзина. Изд. Прѣснова. 1885 г. Москва. Ц. 3 к. Стр. 72.

643) **Наталья боярская дочь.** Н. М. Карамзина. Всеобщая библіотека. Изд. Самойлова. Москва. 1885 г. Ц. 5 к. 56 стр.

Историческаго въ повѣсти «*Наталья боярская дочь*» немного. Дѣйствіе происходитъ въ «Русскомъ царствѣ», въ Москвѣ и ея окрестностяхъ при «царѣ, ведшемъ войну съ Литвой». Болѣе точныхъ указаній, другихъ подробностей въ повѣсти не заключается. Главныя лица: бояринъ Матвѣй, дочь его Наталья, старушка няня, юный бояринъ Любославскій. Дѣвичья теремная жизнь красавицы боярышни, ея пламенная любовь къ незнакомцу, котораго увидѣла въ церкви, рѣшимость тайкомъ покинуть домъ отца, чтобы сдѣлаться его женой; супружеское счастіе юной четы въ лѣсныхъ дебряхъ, окружающихъ Москву, гдѣ долженъ былъ скрываться мужъ Натальи Любославскій, какъ сынъ боярина, бѣжавшаго отъ царскаго гнѣва и суда; прощеніе Любославскаго царемъ, а Натальи — отцомъ ея послѣ подвиговъ, совершенныхъ ими во время войны съ литовцами, на которую Наталья сопровождала мужа, переряженная воиномъ,—вотъ и все содержаніе повѣсти. Отсутствіе историческихъ подробностей, слащавость, приторность въ описаніяхъ физической красоты и любовныхъ сценъ, сантиментализмъ въ анализѣ душевныхъ чувствъ героевъ, обращенія автора къ Дафнѣ, Хлоѣ, Паркамъ, Руссо, Локку, Сократу, вычурность языка, изобилующаго выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: «кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской»; «съ небеснаго лазореваго свода, а можетъ быть откуда-нибудь и повыше, слетѣла, какъ маленькая птичка-колибри, порхала по чистому весеннему воздуху и влетѣла въ Натальино нѣжное сердце потребность любить», — все это заставляетъ насъ признать эту повѣсть Карамзина непригодной для читателя изъ народной среды. Въ повѣсти «Марѳа Посадница» описываются чувства самопожертвованія, патріотизма, чести, неустрашимости, любви къ свободѣ; если дѣйствующія лица не вполнѣ *живые* люди и *не русскіе* люди, то это не поражаетъ непріятно читающихъ, потому что предъ ними герои, а не обыкновенные люди; къ тому-же дѣйствіе происходитъ при торжественной обстановкѣ: въ собраніи народномъ, на полѣ битвы, у подножія царскаго трона.

Въ повѣсти «Наталья боярская дочь» — иная среда, семейная: изображаются всѣмъ доступныя и понятныя чувства, а потому неестественность въ изображеніи ихъ слишкомъ ощутительна. *А. К.*

---

644) **Соломонія.** Повѣсть изъ русской старины (1525 годъ). Е. Обуховой. Москва. 1875 г. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Ц. 40 к. 80 стр.

Авторъ разбираемой повѣсти не художникъ, но съумѣлъ изъ имѣвшагося у него историческаго матеріала составить нѣсколько очень недурныхъ картинъ, знакомящихъ съ историческими личностями и бытовыми особенностями описываемаго времени. Описываются событія послѣднихъ лѣтъ княженія Василія Ивановича. Утвержденіе новаго порядка престолонаслѣдія—одна изъ важнѣйшихъ заботъ московскихъ князей. Но суждено ему, этому порядку, нарушиться на первыхъ же порахъ: жена Василія, хворая Соломонія, бездѣтна. Князь рѣшается развестись съ ней; второй женой его дѣлается Елена Глинская. Вотъ собственно сухой историческій матеріалъ повѣсти, оживленной бытовыми подробностями. Здѣсь найдемъ мы описаніе Симонова монастыря, гдѣ трудится надъ исправленіемъ книгъ церковныхъ Максимъ Грекъ, описаніе покоевъ княгини въ Кремлевскомъ дворцѣ, засѣданіе думы боярской, княжеской охоты, пріема князя Глинскими въ ихъ помѣстьи, обрядовъ и торжества по случаю крещенія страстно желаннаго наслѣдника, перваго сына князя Василія — будущаго Іоанна Грознаго, описаніе мрачной келіи, въ которой доживала скорбные дни насильно постриженная Соломонія. Языкъ, которымъ написана повѣсть, недуренъ, за исключеніемъ рѣчей, вложенныхъ въ уста Максима Грека, Вассіана, митрополита и др., которыя читаются съ трудомъ. На основаніи прочитаннаго слѣдуетъ, при помощи наводящихъ вопросовъ, заставить читателей уяснить себѣ многія стороны тогдашней жизни.

Книга можетъ быть рекомендована для развитыхъ, хорошо грамотныхъ, но не малолѣтнихъ читателей.

Вопросы:

Почему такъ дорожили московскіе князья новымъ порядкомъ престолонаслѣдія и каковъ былъ прежній порядокъ?

Почему вкрадывалось столько ошибокъ въ старыхъ книгахъ? чѣмъ отличались онѣ отъ книгъ, употребляемыхъ теперь?

Хорошо ли жилось иностранцамъ-ученымъ, пріѣзжавшимъ въ тѣ времена въ Россію?

Какая судьба постигла Максима Грека? (Стр. 10).

За что называлъ народъ митрополитовъ своими печаловниками? (Стр. 5).

Опишите богатый нарядъ мужской и женскій. (Стр. 11, 46).

Чѣмъ отличалась Елена Глинская отъ русскихъ женщинъ?

Какую жизнь вели въ теремахъ жены бояръ и князей?

Почему вѣрили тогда бабамъ-вѣдуньямъ, зелейщицамъ и при дворѣ княжескомъ?

Что приводило въ монастырь многихъ русскихъ женщинъ? (Стр. 66).

Съ кѣмъ совѣщался князь о дѣлахъ государственныхъ?

О какомъ дѣлѣ собралась разсуждать дума боярская, засѣданіе которой описано въ этой повѣсти? (Стр. 62). *А. К.*

---

645) **Грозный царь.** Разсказъ Б. А. Павловича. Изд. 2-е. Спб. 1879 г. Ц. 10 к. 26 стр. (См. рец. № 558).

«Великій московскій пожаръ». *«Взятіе Казани»*. *«Грозное время»*. Изъ книги «Разсказы про старое время на Руси отъ начала Русской земли до Петра Великаго». А. Петрушевскаго. (См. рец. № 553).

«Грозный царъ». Изъ книги «Родная Старина». В. Д. Сиповскаго. (См. рец. № 555).

«Разсказы изъ русской исторіи». В. И. Водовозова. Вып. 2-й. (См. рец. № 560).

Въ трехъ названныхъ главахъ изъ книги «Разсказы про старое время на Руси» А. Петрушевскаго описываются: дѣтство Іоанна; крамолы и безчинства бояръ; женитьба; пожаръ Москвы; вліяніе на Іоанна Сильвестра и Адашева; первый земскій соборъ; изданіе Судебника и Стоглава; призваніе искусныхъ и свѣдущихъ иноземцевъ; взятіе Казани; болѣзнь Іоанна; притязанія на престолъ Владиміра Андреевича помимо прямаго наслѣдника — малолѣтняго Дмитрія; недовольство выздоровѣвшаго Іоанна на бояръ и совѣтниковъ—Сильвестра и Адашева; смерть царицы Анастасіи; грозное время; переѣздъ въ Александровскую слободу; учрежденіе опричнины; обличеніе Іоанна Филиппомъ; кровавая расправа съ Новгородомъ; душевныя страданія царя. Все это изложено съ свойственными этому автору простотой, живостью и правдивостью и доступно развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ.

Тѣми-же достоинствами отличается и разсказъ того-же содержанія Б. А. Павловича— «Грозный царь».

Вопросы:

Въ какомъ вѣкѣ жилъ Іоаннъ Грозный? (1533—1584 г.)

Когда покорена Казань?

Остальные вопросы подсказываются вышесдѣланнымъ перечнемъ содержанія.

Болѣе подробное знакомство съ эпохой Іоанна Грознаго дадутъ: глава «Грозный царь» изъ «Родной Старины» Сиповскаго и разсказы Водовозова, посвятившаго почти весь второй выпускъ описанію времени Іоанна Грознаго. *А. К.*

---

646) **Князь Серебряный.** Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе соч. графа А. К. Толстаго. Томъ IV. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. 359 стр.

647) **Князь Серебряный.** Повѣсть для народнаго чтенія; передѣлана изъ романа графа А. К. Толстаго Н. Трескинымъ. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 212. Москва. 1879 г. Ц. 40 к. 94 стр.

Никакой историческій очеркъ не даетъ такого полнаго представленія о личности Іоанна Грознаго и о мрачной эпохѣ современной ему русской жизни, какъ романъ графа А. Толстаго: «Князь Серебряный». Онъ не содержитъ заманчивой и сложной романической фабулы, не описываетъ какихъ-либо событій, а даетъ въ яркихъ и исторически-вѣрныхъ картинахъ изображеніе общаго характера цѣлой эпохи.

Цѣль разсказа, намѣченная самимъ авторомъ (см. предисловіе) — воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія.

Описывается жизнь Іоанна IV въ Александровской слободѣ, его жестокія потѣхи и расправы съ мнимыми измѣнниками, минуты тяжкаго раскаянія, подвиги опричниковъ и неравная борьба съ ними лучшихъ представителей боярства, не утратившаго еще сознанія своего прежняго значенія и своихъ заслугъ предъ отечествомъ. Ярко очерчены образы старика Морозова и Серебрянаго, представителей протестующаго боярства; Малюты и Басманова, своекорыстныхъ новыхъ слугъ царя, ненавистныхъ народу опричниковъ; ловкаго пробивающаго себѣ путь къ власти и величію Годунова; станичниковъ, представителей козацкой вольницы, сподвижниковъ Ермака.

Въ главахъ «Колдовство», «Поцѣлуйный обрядъ», «Заговоръ на кровь», «Побратимство», «Заговоръ на желѣзо», «Божій судъ», «Ладонка Басманова»—описываются характерные обычаи того времени.

Отъ ужасовъ казней, гнѣва Іоанна, примѣровъ развращенности и общаго невѣжества

душа читателя отдыхаетъ на благородныхъ образахъ Морозова, Серебрянаго, Максима—сына ужаснаго Малюты. Сила впечатлѣнія, оставляемаго этой художественной картиной минувшихъ вѣковъ рабства и невѣжества, только благотворна.

«Князь Серебряный» читается съ одинаковымъ увлеченіемъ какъ знакомыми съ исторіей, такъ и совершенно неподготовленными читательницами изъ учениць воскресной школы; но, конечно, выносится изъ чтенія первыми несравненно больше, чѣмъ вторыми. Приводимъ замѣчаніе по этому поводу ученицы *Сан—вой*, сдѣланное ею подъ впечатлѣніемъ того, какъ читался романъ ея 15-ти лѣтней сестрой.

— Напрасно даете вы такія книги такимъ, которыя не читали и не учили русской исторіи! Вѣдь сестра читала «Князя Серебрянаго» все равно какъ сказку. Что изъ этого, что читать было интересно, да какъ она его понимала! Ей нужно было только знать, что̀ будетъ съ Еленой, опричниками, княземъ. А кто такіе были опричники, откуда явились, были-ли до Іоанна Грознаго и послѣ него, всегда ли были такіе порядки, какъ въ его время—до этого ей нѣтъ никакого дѣла. Прочитала—интересно; узнала, что съ кѣмъ случилось,—ну, и все.

Приговоръ сестры немало разобидѣлъ младшую *Сан—ву*; мнѣ пришлось убѣждать ее въ справедливости сказаннаго ея сестрой и посовѣтовать ей взять разсказы изъ русской исторіи, чтобы подготовить себя къ чтенію историческихъ романовъ.

Въ школьной и народной литературѣ имѣется романъ «Князь Серебряный» въ передѣлкѣ г. Трескина. Не смотря на то, что выборъ отрывковъ сдѣланъ удачно, что связаны они идущими къ дѣлу поясненіями и что г. Трескинъ старался какъ можно ближе держаться подлинника, тѣмъ не менѣе въ передѣлкѣ художественная часть романа сильно пострадала. Мало отвѣчаетъ такая передѣлка и цѣлямъ педагогическимъ: отрывочность, отличающая и самый романъ, въ которомъ нѣтъ послѣдовательно излагаемой фабулы, а лишь рядъ картинъ,—дѣлается еще болѣе замѣтной въ передѣлкѣ, благодаря сдѣланнымъ сокращеніямъ. (Г. Трескинымъ совершенно опущены исторія любви Елены и князя Серебрянаго, покушеніе на жизнь царевича, глава 35-я—«Казнь».) Эта отрывочность мѣшаетъ вынести читателямъ ясное представленіе даже о главныхъ лицахъ повѣсти. Нерѣдко приходилось слышать отказъ отъ передачи содержанія, хотя, видимо, повѣсть прочитана была съ интересомъ. Могли отвѣчать только на вопросы. И въ этомъ сокращенномъ видѣ «Князь Серебряный» можетъ читаться лишь развитыми и знакомыми нѣсколько съ исторіей читателями. Въ виду этого думаемъ, что въ народной и школьной библіотекѣ слѣдуетъ имѣть самый романъ графа Толстаго, который читается съ увлеченіемъ и пробуждаетъ—какъ нерѣдко приходилось наблюдать—живой интересъ къ книгамъ историческаго содержанія.

Вопросы:

Изъ кого набиралъ себѣ Іоаннъ опричниковъ?

Разскажите, что за человѣкъ былъ Морозовъ? Князь Серебряный? Малюта? Басмановъ? Годуновъ?

Сравните Годунова съ Серебрянымъ. (Глава 36-я).

Сравните Малюту съ Морозовымъ.

Что за люди были станичники и какую услугу оказали отечеству?

Кто осмѣлился говорить правду Грозному царю? (Блаженный, старуха мамка, Морозовъ.)

О какихъ прежнихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ разсказывается въ повѣсти?

А. К.

---

648) **Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова.** М. Ю. Лермонтова. (Съ 12-ю картинками и съ портретомъ Лермонтова.) Изд. 4-е. Глазунова. Спб. 1881 г. Ц. 5 к. 28 стр.

649) **Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова.** М. Ю. Лермонтова. (Съ 6-ю картинками.) Изд. С.-Петерб. Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-Экон. Обществѣ. № 10. Спб. 1882 г. Ц. 10 к. 26 стр.

Считаемъ излишнимъ передавать содержаніе или распространяться о достоинствахъ этого извѣстнаго всѣмъ произведенія Лермонтова: приводимъ лишь отзывъ о немъ Бѣлинскаго:

«Здѣсь поэтъ перенесся въ историческое прошедшее русской жизни, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій разметъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія

ея грубой и дикой общественности со всѣми ихъ оттѣнками,—какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ,—и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошедшее, и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобъ оно не исчезло отъ насъ». (Соч. Бѣлинскаго, ч. 4-я, стр. 287 и 288.)

Для народа произведеніе это издано было Глазуновымъ, стоило 5 к., было украшено 12-ю картинками; до 1881 года выдержало 4 изданія. Въ 1882 году появилось изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. Оно отличается отъ прежняго болѣе изящной внѣшностью, стоитъ вдвое дороже (10 к.): шесть приложенныхъ къ тексту рисунковъ изображаютъ: пиръ у Іоанна, гостинный рядъ у Кремля, встрѣчу Алены Дмитревны съ опричникомъ, приготовленіе къ бою, сцену признанія Калашникова царю въ убійствѣ опричника, пріемъ пѣвцовъ-гусляровъ въ боярскомъ домѣ. Эти рисунки не только иллюстрируютъ содержаніе разсказа, но интересны также по массѣ подробностей, дающихъ понятіе объ архитектурѣ, убранствѣ жилищъ, утвари, одеждѣ, обычаяхъ описываемаго времени.

По содержанію своему это произведеніе Лермонтова должно читаться лишь взрослыми. Ученицами воскресной школы читается охотно.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Готовясь къ чтенію «Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ», я намѣтила слѣдующій порядокъ вопросовъ и разъясненій:

1) Изъ чего видно, что описывается не настоящее время, а давно-минувшее? (Царь Іоаннъ Грозный, XVI вѣкъ, одежда, кулачные бои.)

2) Въ чемъ можно узнать грозный нравъ царя? (Пробилъ полъ острымъ наконечникомъ палки, тѣшился кулачными боями, милость Калашникову: «я топоръ велю наточить-навострить...» и т. д.)

3) Характеристика Кирибѣевича и Калашникова безъ наводящихъ вопросовъ (*Кирибѣевича*: на пиру похвальба и беззастѣнчивое признаніе въ своей любви; встрѣча и оскорбленіе Алены Дмитревны; похвальба передъ боемъ. *Калашникова*: грубость, вспыльчивость: «*...шаталась, пировала; запру, чтобы свѣту Божьяго не видѣла;*» месть за безчестье семьи; слова передъ боемъ; признаніе царю и отказъ сказать о причинѣ мести; просьба заботиться о женѣ и дѣтяхъ и не сказывать имъ объ отцѣ.)

4) Какъ понимаются слѣдующіе стихи:

«Я скажу тебѣ, православный царь!
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ».
. . . .
«Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать».
. . . .
«Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку».
. . . .

5) Что узнали вы о тогдашней жизни женщинъ? (Фата, затворничество, грубое обращеніе мужей.)

6) Отчего, зная свою невиновность, Алена Дмитревна боится злыхъ сосѣдушекъ, боится на глаза людямъ показаться?

7) Почему Калашниковъ избралъ это именно средство, чтобы наказать обидчика?

Слушательницъ оказалось у меня 12, возростомъ отъ 15 до 28 лѣтъ. Изъ присутствующихъ только двѣ были уже знакомы съ содержаніемъ «Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ». Прочитавъ первую часть, я остановилась съ намѣреніемъ спросить о прочитанномъ. Со всѣхъ сторонъ послышались просьбы:

— Читайте до конца, пожалуйста, — не спрашивайте теперь! На все потомъ отвѣтимъ.

Напряженное вниманіе, съ какимъ слушали, не оставляло сомнѣнія въ томъ, что все будетъ замѣчено и понято. Кончила. Ни слова, ни восклицанія, а по лицамъ видно, какъ сильно впечатлѣніе. Первая, точно очнувшись, отозвалась *С—ва*. Я предложила отвѣтить на первые два вопроса сначала знающимъ исторію, а потомъ остальнымъ.

С—ва. Съ первыхъ строкъ можно узнать, что это время Іоанна Грознаго описывается, потому что говорится объ опричникахъ, а его самого можно узнать изъ того, что онъ потѣшается надъ Калашниковымъ: какія ему милости обѣщаетъ!

Л—ва. Упоминается еще о палкѣ съ желѣзнымъ наконечникомъ; она всегда была при Іоаннѣ Грозномъ; я въ другихъ стихахъ читала о ней.

— Я хотя и не учила исторіи, сказала *Полина И—ва*:—а сейчасъ узнала, что говорится о прежнемъ времени: женщины тогда ходили подъ фатой; кафтановъ парчевыхъ теперь не носятъ.

Затѣмъ со всѣхъ сторонъ посыпались замѣчанія:

— Теперь нѣтъ кулачныхъ боевъ!

— Обиды рѣшаютъ своимъ судомъ, кулачнымъ боемъ.

— Женѣ грозитъ какъ! а теперь такой расправы не учинилъ бы: есть судъ.

— Бояре принимаютъ гусляровъ, а теперь пошли бы въ театръ, концертъ...

— Видно, что женщины были безотвѣтныя, а потому могъ такъ опозорить на улицѣ.

Мнѣ хотѣлось поскорѣй услышать характеристику Кирибѣевича и Калашникова,—между тѣмъ замолкли. Стала предлагать вопросы — отвѣчаютъ односложно, будто нехотя.

Видимо, всѣ мысли и чувства сосредоточились вокругъ какого то центра, отъ котораго не отвлечь мнѣ ихъ моими вопросами. Надъ чѣмъ задумались? Какое чувство овладѣло ими? Какъ найти доступъ до той натянутой струны, которая должна дать теперь такой сильный звукъ? спрашивала я себя. У кого то вырвалось слѣдующее замѣчаніе:

— Да! двое любило, а осталась одна съ своимъ горемъ!... За нимъ послѣдовало другое:—Да, а который изъ двухъ больше любилъ?—Слышно было по голосу, что *это* ужъ не было вопросомъ для говорившей. Центръ былъ найденъ. Всѣ вдругъ оживились, заговорили.

— Конечно, Кирибѣевичъ! съ убѣжденіемъ сказала *Сан—ва*: — ему свѣтъ немилъ былъ безъ нея; онъ жизнью не дорожилъ, а мужъ защищалъ только свою честь.

Рѣзко выраженное мнѣніе *Сан—вой* вызвало сочувствіе у однѣхъ и горячій протестъ со стороны другихъ.

Б—ва. Онъ былъ одинокій; въ Москвѣ, конечно, много было дѣвушекъ-красавицъ,—онъ только ее любилъ; а Калашниковъ ради семьи иначе не могъ поступить. Онъ жизнь за нее готовъ былъ положить; тогда на пиру у царя ни награды, ни милости, ничего не хотѣлъ.

Къ мнѣнію *Б—вой* и *Сан—вой* присоединились *И—ва*, *Г—ко*, *К—ко*, *С—ва*.

— Мужъ больше любилъ; какъ онъ заботился о ней передъ смертью! А желаніе отомстить потому и было, что сильно любилъ ее,—спокойно, логично начинаетъ свою защиту 25-ти лѣтняя разсудительная *Л—ва*. Но рѣчь ея прерывается горячимъ протестомъ *С—вой*:

— Да еслибы не такъ любилъ — принялъ бы онъ такъ къ сердцу это происшествіе? Онъ вышелъ на бой, а не опричникъ. Онъ шелъ на смерть, а тотъ на потѣху. Кирибѣевичъ любилъ ее за красоту, у него не было состраданія, — настоящей любви; онъ не думалъ о томъ, что сдѣлаетъ ее несчастной. Онъ зналъ, какъ строго поступаютъ съ женами, но ему все равно—онъ доставляетъ себѣ удовольствіе, а любимаго человѣка губитъ. А мужъ какъ любилъ!—Онъ шелъ на смертъ и этимъ доказалъ, что онъ считаетъ ее невинной. Еслибы опричникъ такъ же сильно любилъ,—онъ, зная тогдашнюю жизнь, обычаи, долженъ былъ погибнуть одинъ, если жизнь не мила была ему!

Обыкновенно скороговоркой говорящая *С—ва* произнесла всю эту рѣчь, не переводя духа, отражая повышеніемъ голоса готовыя вырваться у другихъ возраженія. А кончить бѣдной, все таки, не дали.

— Онъ иначе поступить не могъ! вступилась *С—ва*:—онъ не владѣлъ собой,—такая ужъ у него была любовь. Никогда не могу согласиться, что онъ о себѣ только думалъ: тогда на пиру не было ни ея, ни мужа, ни несчастья. Онъ и тогда всѣмъ жертвовалъ ради своего чувства. А мужъ тогда защищалъ, когда честь была запятнана: такъ этого требовалъ обычай, законъ.

К—ва. Еслибы мужъ меньше любилъ,—оставилъ бы безъ вниманія: что съ того, что видѣли сосѣдки? Тогда жили по закоулкамъ,—далеко сосѣдушки не разнесли бы.

И—ва. А какъ встрѣтилъ ее? Еслибы вѣрилъ ей, любилъ какъ честную женщину, такъ не могъ встрѣтить!

Б—ва. Если запоздала, — безпокоился бы, обрадовался, а онъ сейчасъ—бранить, упрекать!...

— Такая ужъ ревность у мужчинъ, начала *Л—ва.*

Слово *ревность* вызвало новую бурю.

— Такъ теперь ужъ ревность! горячились *С—ва* и *И—ва*.—Такъ и говорите!

С—ва. Встрѣчу нельзя назвать грубостью: это была любовь до ревности, желаніе узнать всю правду отъ нея. Обратись онъ мягче,—она, можетъ быть, обдумала бы и не сказала бы.

Сан—ва. Какъ! это вы про нее такъ думаете?! Неужели угрозы могутъ такъ дѣйствовать? Она вбѣжала, какъ была, не оправившись, растрепанная, испуганная. Ясно, какъ день, что она ничего не хотѣла скрывать, а онъ—что!...

С—ва. Вспомните, какъ онъ потомъ наказывалъ братьямъ, чтобы о ней и дѣтяхъ заботились.

Сан—ва. Еще бы—какъ отецъ, хозяинъ! А тому некому было приказывать,—только своему сердцу отчетъ давалъ.

Сан—ву, защитницу Кирибѣевича и оскорбленной подозрѣніемъ мужа Алены Дмитревны, поддерживало шесть голосовъ, а за Калашникова, кромѣ *С—вой*, было всего три. Записывать удавалось лишь главное; говорили разомъ, мѣшая, перебивая другъ друга. Утомились, но не сдавалась ни одна изъ сторонъ.

— А вы еще ничего не сказали, кто правъ изъ насъ, обратилась ко мнѣ *К—ва* въ надеждѣ на поддержку.

— Да, скажите, скажите! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Убѣжденныя защитницы Кирибѣевича ожидали моего отвѣта съ нетерпѣніемъ, но, видимо, безъ боязни. Я упрекнула ихъ въ несправедливости къ Калашникову, обратила вниманіе на просьбу, обращенную къ царю,—позаботиться о его вдовѣ, просьбу къ братьямъ—заказать Аленѣ Дмитревнѣ не печалиться и дѣтямъ о немъ не сказывать.

Онъ заботился не о ней одной, а еще о дѣтяхъ, о братьяхъ, а дѣтямъ просилъ не сказывать, потому что не хотѣлъ, чтобы знали, какой позорной смертью умеръ, отвѣчала мнѣ *Сан—ва*, во всѣхъ поступкахъ Калашникова видѣвшая лишь эгоизмъ, защиту чести.

— Ахъ, какъ можно! укоризненно обратилась къ ней *Л—ва*:—онъ умеръ за безчестье жены,—не хотѣлъ, чтобы дѣтямъ говорили, чтобы дѣти не попрекнули матери!

С—ва молчала, видимо подыскивая новыя улики противъ Кирибѣевича.

— Изъ всего видно, что это былъ непостоянный, жестокій человѣкъ. Выходитъ на бой съ шуткой, будто ничего не случилось,—весело, значитъ. Не зналъ онъ, что мужъ противъ него пойдетъ. Гдѣ эта тоска, про которую говорятъ? Калашниковъ выходилъ по необходимости, а этотъ для жестокой потѣхи—людей избивать! съ негодованіемъ сказала *С—ва*.

Это новое обвиненіе смутило защитницъ Кирибѣевича; онѣ переглянулись и посмотрѣли на *Сан—ву*. Мнѣ казалось, что въ данномъ случаѣ ей придется сдаться. Она поразила меня слѣдующимъ находчивымъ отвѣтомъ:

— Тогда былъ вѣкъ такой: онъ хотѣлъ потѣшить царя. Онъ не первый разъ выходилъ, да и не онъ одинъ выходилъ. Для насъ это кажется жестоко, а тогда это была обыкновенная забава. Кто зналъ, что у него было на умѣ? обратилась она ужъ прямо къ *С—вой*: —Вы говорите—у него чувства были непостоянныя; говорить все можно, только такъ-ли это было? А я думаю иначе: это не прихоть была. Что-жъ такое, что Алена Дмитревна обвѣнчана была? Въ то время опричники такую власть имѣли, что могли и чужую жену отнять,—вотъ какъ въ повѣсти «Князь Серебряный». Еслибы она его полюбила, онъ все бы для нея сдѣлалъ; тогда бы узнали, какая была его любовь!

Споръ возобновился съ новымъ ожесточеніемъ; доводы стали повторяться прежніе. Пора было кончить и расходиться. Но прервать горячія рѣчи было не такъ то легко. Выручило чье то остроумное замѣчаніе:

— А вѣдь *Сан—ва* и *С—ва* сейчасъ выйдутъ на бой, какъ Калашниковъ и Кирибѣевичъ!...

Всѣ дружно расхохотались, не исключая и борцовъ. Начались сборы и прощанья. Боясь возобновленія спора, я спросила, какъ понимать стихи:

«И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безымянной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ *старъ человѣкъ*—перекрестится.
Пройдетъ *молодецъ*—пріосанится,
Пройдетъ *дѣвица*—пригорюнится,
А пройдутъ *гусляры*—споютъ пѣсенку»

М—ва. Старый во всѣхъ случаяхъ къ молитвѣ прибѣгаетъ, да и своя смерть близка.

Ощущенія молодца остались безъ объясненія.

Х—ва. Дѣвушки пожалѣютъ, что умерли молодыми Калашниковъ и Кирибѣевичъ.

С—ва. Быть можетъ, онъ былъ хлѣбосолъ, принималъ гусляровъ; они вспомнятъ это или сложатъ пѣсню про его судьбу.

Мнѣ удалось записать, конечно, лишь десятую долю сказаннаго: говорили горячо всѣ заразъ, перебивая другъ друга, споря. Но и

изъ записаннаго, мнѣ кажется, видно, какъ сильно было впечатлѣніе, какъ сознательно отнеслись къ разсказу, какъ мастерски съумѣли пользоваться матеріаломъ для поясненія и подтвержденія запавшей въ душу мысли. Не нашелъ бы себѣ Кирибѣевичъ такихъ горячихъ заступницъ, еслибы съ защитой его не слилось обвиненіе Калашникова въ грубомъ, жестокомъ отношеніи къ женѣ, которую оскорбилъ подозрѣніемъ, осыпалъ незаслуженными упреками. Готовясь къ чтенію, я думала, что слушательницы остановятся на фактѣ оскорбленія, и всѣ симпатіи будутъ на сторонѣ испуганной, обезчещенной Алены Дмитріевны и Калашникова. А вмѣсто этого явился неожиданный анализъ чувствъ Калашникова и опричника: говорили не объ Аленѣ Дмитревнѣ, а по поводу ея—о тяжеломъ положеніи женщины въ то время, когда безъ всякой вины мужъ могъ запереть ее на всю жизнь, чтобы свѣту Божьяго не видѣла.

Интересно было-бы сравнить эти отзывы съ отзывами слушателей. На чемъ остановилось-бы вниманіе послѣднихъ, какія характеристики опричника и купца сдѣланы былибы ими?

А. К.

---

650) **Іоаннъ IV Грозный** (1533—1584 г.). Историческій разсказъ. (Съ 2 рисунками). Спб. 1878 г. Изд. «Мірскаго Вѣстника». Ц. 20 к. 38 стр.

Къ тексту приложены 2 картины: «Сильвестръ предъ Іоанномъ во время пожара въ Москвѣ» и «Іоаннъ у гроба сына». Обѣ — снимки съ извѣстныхъ картинъ нашихъ художниковъ, появлявшихся въ различныхъ иллюстрированныхъ журналахъ, которыми можно было-бы воспользоваться для иллюстраціи текста народныхъ книгъ, вмѣсто нарочно для того изготовляемыхъ безобразныхъ картинокъ.

Очеркъ составленъ по Карамзину, очень сходенъ по языку съ подлинникомъ. Тамъ, гдѣ составитель, находя нужнымъ упростить сложныя построенія Карамзинской рѣчи, приступаетъ къ собственному изложенію, языкъ ничуть не проще, хотя, конечно, хуже. Книга доступна лишь хорошо грамотнымъ читателямъ, знакомымъ уже съ описываемыми событіями.

А. К.

---

651) **Покореніе Казани московскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ.** Разсказъ изъ русской исторіи. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1876 г. Изд. 2-е. Ц. 10 к. 85 стр. Изд. 3-е 1882 г. Ц. 15 к.

Этотъ серьезный очеркъ, составленный по лѣтописямъ, Карамзину, Соловьеву и другимъ столь-же цѣннымъ источникамъ,—прекрасное пособіе для учителя, но для читателя изъ народной среды и по языку, и по содержанію недоступенъ.

А. К.

---

652) **Покореніе царства Казанскаго.** В. Лапина. Изд. Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. (Съ 1 раскр. карт.). Спб. 1879 г. Ц. 5 к., 24 стр.

653) **Покореніе царства Казанскаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.** (Съ 2-мя рис.). Спб. 1875 г. Ц. 15 к., съ перес. 18 к. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». 36 стр.

Оба очерка повѣствуютъ объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, почти равны по объему, написаны просто; но преимущество очерка г. Лапина заключается въ планѣ разсказа. Это не отдѣльный эпизодъ, не страница, вырванная изъ учебника исторіи, а нѣчто цѣльное. Изложенію событій похода и покоренія Казани, послѣдней твердыни прежнихъ владыкъ, авторъ предпосылаетъ сравненіе теперешнихъ мирныхъ русскихъ гражданъ—татаръ съ ихъ дикими предками; описываетъ тѣ мѣстности по Волгѣ и въ окрестностяхъ Казани, которыя были мѣстомъ дѣйствія страшной борьбы, припоминаетъ главныя событія изъ временъ нашествія татаръ. Далѣе, описывая военныя дѣйствія, авторъ заставляетъ своихъ слушателей сопоставить имѣющіяся у нихъ представленія о современномъ вооруженіи, устройствѣ войска, его численности—съ прежними порядками вооруженія, продовольствія и военной подготовки русской рати. Подобныя сближенія и сопоставленія прошлаго съ настоящимъ очень важны въ педагогическомъ отношеніи; они то собственно и придаютъ цѣнность историческимъ свѣдѣніямъ, освѣщаютъ и разъясняютъ наше настоящее, не говоря уже о томъ, что оживляютъ разсказъ.

Въ виду сказаннаго, изъ двухъ названныхъ книгъ отдаемъ предпочтеніе очерку г. Лапина, пригодному какъ для самостоятельнаго чтенія читателей всѣхъ возрастовъ, такъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Вопросы:

Въ которомъ году была взята Казань? (1552 г.).

Почему была эта побѣда такимъ торжествомъ для русскихъ?

А. К

654) **Русскіе замѣчательные люди. Ермакъ, покоритель Сибири.** Разсказы А. Суворина. Изд. 3-е. Спб. 1874 г. Ц. 40 к. Изд. 1887 г. Ц. 20 к.

655) **Ермакъ.** Изъ «Ясной Поляны» (журнала Л. Н. Толстаго). Книжка 1-я. Изд. 3-е. Бендеры. 1881 г. Ц. 20 к.

Глава 15-я. *Ермакъ Тимоѳеевичъ.* Изъ книги А. Петрушевскаго «Разсказы про старое время на Руси».

Каждый изъ названныхъ очерковъ познакомитъ читателя-простолюдина съ крупной, родной ему личностью Ермака.

Очеркъ изъ «Ясной Поляны», отличающійся отъ разсказа Суворина лишь меньшей подробностью и большей простотой рѣчи, очевидно, — дѣтскій пересказъ слышаннаго; оттого-то и читается онъ малограмотнымъ читателемъ безъ всякаго труда и превосходно, почти дословно передается. Въ обоихъ этихъ очеркахъ помѣщено описаніе памятника Ермаку. У Петрушевскаго же читатель найдетъ свѣдѣнія о происхожденіи и значеніи козачества.

Вопросы:

Въ которомъ году завоевана Сибирь? (1583 годъ).

Сколько лѣтъ Сибирь составляетъ часть Русскаго государства?

Какія горы отдѣляютъ Европейскую Россію отъ Сибири?

Чѣмъ богата Сибирь?

Какую жизнь велъ Ермакъ до покоренія Сибири?

Кромѣ памятника Ермаку въ Тобольскѣ, какіе другіе памятники русскимъ людямъ и гдѣ знаете вы?

А. К.

656) **Ермакъ. Краткій очеркъ завоеванія Сибири.** (Съ 2-мя рис.). Изданіе 2-е. «Мірск. Вѣстника». Спб. 1865 г. Ц. 10 к., съ перес. 13 к. 28 стр.

Такъ какъ въ народной литературѣ о Ермакѣ имѣются прекрасные очерки Суворина и изъ «Ясной Поляны», то этотъ блѣдный, написанный книжнымъ языкомъ разсказъ для народной и школьной библіотеки считаемъ излишнимъ.

А. К.

657) **Удалой Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибирскаго царства.** Повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Москва. 1880 г. Изд. Д. И. Прѣснова. Ц. 10 к. 70 стр.

658) **Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири.** Историческая повѣсть. Соч. Буйницкаго. Изд. 3-е, Манухина. Москва. 1883 г. Ц. 10 к. 63 стр.

Если имя Ермака пользуется популярностью среди малограмотнаго люда, то этимъ обязано оно не учебникамъ и не вышеназваннымъ очеркамъ Суворина и Петрушевскаго, а тѣмъ книжонкамъ московскаго книжнаго производства, которыя давно уже нашли доступъ во всякія захолустья наравнѣ съ прочимъ нужнымъ московскимъ товаромъ. *Исторіи* въ этихъ произведеніяхъ немного, зато данъ широкій просторъ вымыслу, — къ сожалѣнію, часто сопутствуемому безграмотностью.

Сравнивая ихъ съ сухими историческими очерками въ родѣ тѣхъ, какіе помѣщаются въ «Мірскомъ Вѣстникѣ», дѣлается ясно, что предпочтеніе по праву должно быть отдано имъ.

«Ермакъ» — изданіе Прѣснова — положительно не дуренъ. Герой въ немъ близокъ къ своему историческому прототипу. Что-же касается до исторической повѣсти Буйницкаго, посвященной тому-же герою, то она представляетъ безграмотную романическую чепуху. Въ рядахъ сподвижниковъ Ермака является «прекрасная незнакомка съ малиновыми устами, въ шлемѣ, украшенномъ бѣлыми перьями». Искра, запавшая въ сердце Ермака, «*преобращается* (!) *въ пламень*», и т. д.

Экземпляры вышеназванныхъ книгъ были получены нами отъ учениц̀ъ воскресной школы, купившихъ ихъ у уличныхъ продавцевъ книгъ. Остается пожелать, чтобы книги, издаваемыя для народа различными педагогическими обществами, получили такой-же доступъ и распространеніе въ народной массѣ. Лицо, руководящее чтеніемъ, находя книги подобнаго рода въ рукахъ знакомыхъ ему читателей, должно указать на находящіяся въ нихъ фактическія погрѣшности и несообразности.

А. К.

659) **Изъ временъ покоренія Сибири.** Историческая повѣсть В. Лапина. Народныя чтенія. Спб. 1881 г. Ц. 10 к. 63 стр.

Эта повѣсть не составляетъ исключенія изъ ряда историческихъ повѣстей г. Лапина, а потому, не повторяя сказаннаго уже о нихъ (см. рец. № 567), ограничиваемся со-

общеніемъ изъ области нашего опыта. — Не интересная книга, говорятъ читатели, знакомые ранѣе съ историческими фактами: — какъ-то въ ней все непонятно выходитъ. Я прежде объ этомъ читалъ въ другой; та гораздо лучше.—(Другой оказывается очеркъ о Ермакѣ въ «Ясной Полянѣ» № 655). Незнакомые съ описываемыми событіями изъ другихъ источниковъ или не дочитываютъ книгу, или отказываются передать ея содержаніе, ссылаясь на то, что «мало поняли».—«Понять» ее дѣйствительно мудрено, а запутаться въ массѣ подробностей и именъ, утомиться скучнѣйшими разговорами, изъ которыхъ состоитъ повѣсть,—неизбѣжно.

Книги не рекомендуемъ ни для библіотекъ, ни для публичныхъ чтеній. *А. К.*

---

660) **Царь Θеодоръ Іоанновичъ.** Историческій разсказъ А. С. Хомякова. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 288. Москва. 1881 г. Ц. 5 к. 16 стр.

«Царь Θеодоръ Іоанновичъ взошелъ на престолъ въ 1584 году, скончался въ 1598 году, царствовалъ около 14 лѣтъ. Его имени вы не услышите никогда въ числѣ великихъ государей, прославившихъ Россію; объ его жизнеописаніи никто и не подумалъ. Но если Россія обязана помнить времена благополучія, данныя ей Богомъ; если она должна помнить царей, при которыхъ процвѣтала въ счастіи и тишинѣ, — она должна помнить царя Θеодора Іоанновича».

Такъ начинаетъ авторъ свой очеркъ. Немного нашлось у г. Хомякова новыхъ данныхъ для характеристики слабаго и духомъ, и тѣломъ Θеодора. Оставалось говорить о событіяхъ его царствованія и о правителѣ Годуновѣ. Достоинства послѣдняго превознесены, какъ намъ кажется, выше мѣры, въ ущербъ исторической истинѣ. Назвать время царствованія Θеодора Іоанновича эпохой «процвѣтанія Россіи въ счастіи и тишинѣ» является рѣзкимъ противорѣчіемъ дѣйствительности: то было затишье послѣ ужасовъ царствованія Іоанна, — затишье, скрывавшее уже въ себѣ всѣ внутреннія неурядицы и бѣдствія, ознаменовавшія смутное время. О важнѣйшей мѣрѣ правленія Θеодора и Бориса—закрѣпленіи крестьянъ—упомянуто лишь мимоходомъ.

Въ виду всего сказаннаго, книгу эту считаемъ излишней въ народной библіотекѣ.

А. К.

---

661) **О смутномъ времени на Руси.** Разсказы изъ отечественной исторіи. П. Рогова *). Спб. 1880 г. Изд. Н. Фену и К°. Ц. 10 к. 25 стр.

1) *Царевичъ Димитрій.* 2) *Крестьянская неволя.* 3) *Гришка Отрепьевъ.* 4) *Скопинъ-Шуйскій.* 5) *召Мининъ и Пожарскій.* (Изъ книги А. Петрушевскаго: «Разсказы про старое время на Руси».)

1) *Царь Θеодоръ и Борисъ Годуновъ.* 2) *Смутное время.* (Изъ книги В. Сиповскаго «Родная Старина».)

Въ исторіи русскаго народа эпоха, носящая названіе «Смутнаго времени», представляетъ особое значеніе и интересъ. Даже и въ плохихъ учебникахъ, излагающихъ исключительно лишь исторію государства, а не народа, при изображеніи смутнаго времени на историческую арену призывается и русскій народъ,—этотъ до тѣхъ поръ игнорируемый участникъ исторической жизни.

«Долго готовилась Россія къ этому ужаснѣйшему изъ явленій», говоритъ въ своей исторіи Карамзинъ, «готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстнымъ разбоемъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа, всѣмъ, что предшествуетъ ниспроверженію государствъ».

Утомленный исторіей царствованія Іоанна и Бориса, повѣстью о крамолахъ и козняхъ бояръ, читатель впервые встрѣчается не съ царскими холопами, отбывающими изъ корыстолюбивыхъ цѣлей государственную службу, или плательщиками, стонущими отъ непосильныхъ налоговъ, удерживаемыми на мѣстахъ жительства силою суровыхъ постановленій, готовыми во всякое время стать въ ряды протестующей вольницы, а съ гражданами, жертвующими для спасенія отечества и имуществомъ, и жизнью, встрѣчаетъ самоотверженно возставшую массу, слѣдующую за такими представителями своими, какъ Гермогенъ, Ляпуновъ, Діонисій, Авраамій, Мининъ, Пожарскій.

Для правильнаго освѣщенія личностей Годунова и Лжедимитрія мы считаемъ необходимымъ привести мнѣніе о нихъ нашего уважаемаго историка Н. И. Костомарова. «При смерти царя Іоанна Грознаго», говоритъ онъ, «Борису было 32 года отъ роду; красивый собой, онъ отличался замѣчательнымъ даромъ слова, былъ уменъ, разсчетливъ, но въ высшей степени себялюбивъ. Постоян-

---

*) См. реценз. «Педагогическій Листокъ» (при «Дѣтскомъ Чтеніи»). 1876 г., № 2, стр. 133.

но разсудительный, никогда не поддавался онъ порывамъ увлеченія и дѣйствовалъ всегда обдуманно. Этотъ человѣкъ, какъ всегда бываетъ съ подобными людьми, готовъ былъ дѣлать добро, если оно не мѣшало его личнымъ видамъ, а, напротивъ, способствовало имъ; но онъ также не останавливался ни передъ какимъ зломъ и преступленіемъ, если находилъ его нужнымъ для своихъ личныхъ выгодъ, въ особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя.

«Ничего творческаго въ его природѣ не было. Онъ неспособенъ былъ сдѣлаться ни проводникомъ какой бы то ни было идеи, ни вожакомъ общества по новымъ путямъ: эгоистическія натуры менѣе всего годятся для этого. Въ качествѣ государственнаго правителя онъ не могъ быть дальнозоркимъ, понималъ только ближайшія обстоятельства и пользоваться ими могъ только для ближайшихъ и преимущественно своекорыстныхъ цѣлей. Отсутствіе образованія съуживало еще болѣе кругъ его воззрѣній, хотя здравый умъ давалъ ему, однако, возможность понимать пользу знакомства съ западомъ для цѣлей своей власти. Всему хорошему, на что былъ бы способенъ его умъ, мѣшали его узкое себялюбіе и чрезвычайная лживость, проникавшая все его существо, отражавшаяся во всѣхъ его поступкахъ. Это послѣднее качество, впрочемъ, сдѣлалось знаменательною чертою тогдашнихъ московскихъ людей. Сѣмена этого порока существовали издавна, но были въ громадномъ размѣрѣ воспитаны и развиты эпохою царствованія Грознаго. Создавши опричнину, Іоаннъ вооружилъ русскихъ людей однихъ противъ другихъ, указалъ имъ путь искать милостей или спасенія въ гибели своихъ ближнихъ, казнями за явно-вымышленныя преступленія пріучилъ къ ложнымъ доносамъ и, совершая для одной потѣхи безчеловѣчныя злодѣянія, воспиталъ въ окружающей его средѣ безсердечіе и жестокость» *).

«Остается неизвѣстнымъ», говоритъ далѣе Костомаровъ, «въ какой степени съ согласія Бориса совершено было убійство царевича: былъ-ли данъ убійцамъ положительный намекъ, или же, быть можетъ, они сами поняли, что если ловко обдѣлаютъ это дѣло, то Борисъ съумѣетъ ихъ наградить, не сказавши, за что онъ награждаетъ. Имъ не удалось получить награды: Борисъ только облагодѣтельствовалъ ихъ семейства». (Idem. стр. 584.)

Въ дѣятельности и характерѣ Лжедимитрія отмѣчаются Костомаровымъ слѣдующія черты:

«Есть два способа царствовать, говорилъ Димитрій: — милосердіемъ и щедростью, или суровостью и казнями; я избралъ первый способъ; я далъ Богу обѣтъ не проливать крови подданныхъ и исполню его». Когда кто-нибудь, желая подслужиться Димитрію, заговаривалъ дурно о Борисѣ, царь замѣчалъ: «Вы ему кланялись, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда онъ мертвый, вы хулите его. Другой-бы кто говорилъ о немъ, а не вы, когда сами выбрали его!»

Въ царствованіе Лжедимитрія «всѣмъ служилымъ людямъ удвоено было содержаніе: помѣщикамъ удвоили ихъ земельные надѣлы, все судопроизводство объявлено безплатнымъ; всѣмъ должностнымъ лицамъ удвоено содержаніе и строго запрещено брать посулы и поминки. Для того чтобы при сборѣ податей не было злоупотребленій, обществамъ предоставлено самимъ доставлять свои подати въ казну. Димитрій запретилъ давать потомственныя кабалы: холопъ могъ быть холопомъ тому, кому отдавался, и тѣмъ самымъ подходилъ къ наемнику, служившему господину по взаимному соглашенію. Помѣщики теряли свое право на крестьянъ, если не кормили ихъ во время голода; постановлено было не давать суда на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ. Всѣмъ предоставлено было свободно заниматься промыслами и торговлей; всякія стѣсненія къ выѣзду изъ государства, къ переѣздамъ внутри государства уничтожены. «Я не хочу никого стѣснять,» говорилъ Димитрій, «пусть мои владѣнія будутъ во всемъ свободны. Я обогащу свободною торговлею свое государство. Пусть вездѣ разнесется добрая слава о моемъ царствованіи и моемъ государствѣ». Англичане того времени замѣчаютъ, что это былъ первый государь въ Европѣ, который сдѣлалъ свое государство въ такой степени свободнымъ. Димитрій преобразовалъ боярскую думу и назвалъ ее сенатомъ. Каждый день онъ присутствовалъ въ сенатѣ, самъ разбиралъ дѣла, иногда самыя мелочныя, и удивлялъ думныхъ людей быстротою своего соображенія. Два раза въ недѣлю, въ среду и въ субботу, царь лично принималъ челобитныя, и всѣмъ представлялась возможность объясниться съ нимъ по своимъ дѣламъ. Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Димитрій, пообѣдавши,

---

*) Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», отд. I-й, вып. 3-й, стр. 564, 565.

ходилъ пѣшкомъ по городу, заходилъ въ разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, говорилъ со встрѣчными на улицахъ... Онъ болѣе всего любилъ бесѣдовать со своими боярами о томъ, что нужно дать народу образованіе, убѣждалъ ихъ путешествовать по Европѣ, посылать дѣтей для образованія заграницу, заохочивалъ ихъ къ чтенію и пріобрѣтенію свѣдѣній. Самъ Димитрій хорошо зналъ Св. Писаніе и любилъ приводить изъ него мѣста, но не терпѣлъ исключительности. «У насъ,» говорилъ онъ духовнымъ и мірянамъ, «только одни обряды, а смыслъ ихъ укрытъ. Вы поставляете благочестіе только въ томъ, что сохраняете посты, покланяетесь мощамъ, почитаете иконы, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры, — вы называете себя новымъ Израилемъ, считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а живете совсѣмъ не по христіански, мало любите другъ друга, мало расположены дѣлать добро. Зачѣмъ вы презираете иновѣрцевъ? Что-же такое латинская, лютеранская вѣра? Все такія же христіанскія, какъ и греческая. И они во Христа вѣруютъ».—Когда ему заговорили о семи соборахъ и о неизмѣняемости ихъ постановленій, онъ на это сказалъ: «Если было семь соборовъ, то отчего-же не можетъ быть и восьмаго, и десятаго, и болѣе? Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобъ въ моемъ государствѣ всѣ отправляли богослуженіе по своему обряду»... («Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Н. Костомарова, вып. 3-й, стр. 618, 619.)

«Оставляя пока нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, считалъ ли онъ себя настоящимъ Димитріемъ или былъ сознательнымъ обманщикомъ, мы, однако, не должны слишкомъ увлекаться блескомъ тѣхъ свѣтлыхъ чертъ, которыя проглядываютъ не столько въ его поступкахъ, сколько въ словахъ. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ своего правленія Димитрій болѣе наговорилъ хорошаго, чѣмъ исполнилъ». (Idem, стр. 630).

Противъ мнѣнія о томъ, что первый Самозванецъ былъ не кто иной какъ Григорій Отрепьевъ, Костомаровъ считаетъ возможнымъ сдѣлать слѣдующія возраженія:

«1) Если бы названный Димитрій былъ бѣглый монахъ Отрепьевъ, убѣжавшій изъ Москвы въ 1602 году, то никакъ не могъ бы въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ усвоить пріемы тогдашняго польскаго шляхтича. Мы знаемъ, что царствовавшій тогда подъ именемъ Димитрія превосходно ѣздилъ верхомъ, изящно танцовалъ, мѣтко стрѣлялъ, ловко владѣлъ саблей и въ совершенствѣ зналъ польскій языкъ...

«2) Названный царь Димитрій привелъ съ собою Григорія Отрепьева и показывалъ его народу... Григорій Отрепьевъ былъ крестовый дьякъ (секретарь) патріарха Іова, вмѣстѣ съ нимъ ходилъ съ бумагами въ царскую думу. Всѣ бояре знали его въ лицо. Григорій жилъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ Кремлѣ, гдѣ архимандритомъ былъ Пафнутій. Само собою разумѣется, что еслибы названный царь былъ Григорій Отрепьевъ, то онъ болѣе всего долженъ былъ бы избѣгать этого Пафнутія и прежде всего постарался бы отъ него избавиться. Но чудовскій архимандритъ Пафнутій въ продолженіе всего царствованія названнаго Димитрія былъ членомъ учрежденнаго имъ сената и, слѣдовательно, видѣлся съ царемъ почти каждый день.

«3) Въ Загоровскомъ монастырѣ (на Волыни) есть книга съ собственноручною подписью Григорія Отрепьева; подпись эта не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ почеркомъ названнаго царя Димитрія». (Idem, стр. 630 и 631).

Наиболѣе подробное изложеніе событій смутнаго времени представляетъ «Родная Старина» Сиповскаго.

Въ пяти главахъ изъ книги Петрушевскаго «Разсказы про старое время на Руси» читатель найдетъ интересное не загроможденное излишними подробностями изложеніе событій отъ смерти Іоанна Грознаго до воцаренія Михаила Θеодоровича. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава «Крестьянская неволя», представляющая въ общихъ чертахъ исторію землевладѣнія на Руси и положенія крестьянъ по отношенію къ государству и къ собственникамъ обрабатываемой ими земли. Убіеніе Димитрія Борисомъ и торжество перваго Самозванца съ Гришкой Отрепьевымъ передаются г. Петрушевскимъ какъ факты, не подлежащіе сомнѣнію. Въ популярныхъ сочиненіяхъ несомнѣнно не могутъ быть затрогиваемы многіе сложные и спорные вопросы, но врядъ ли должны быть отнесены въ эту запретную область два вышеназванные факта. Степень участія Бориса въ преступленіи, которое всецѣло приписывалось ему прежде, остается неизвѣстной, какъ говорятъ объ этомъ позднѣйшія изслѣдованія; также неизвѣстнымъ остается и то, кто былъ загадочный человѣкъ, выдававшій себя первый за царевича Дмитрія. Имѣется не мало данныхъ, говорящихъ противъ того, что онъ былъ Григорій Отрепьевъ. Такія поправки изъ архивной исторіи должны быть вносимы въ

исторію общедоступную, какъ предостереженія отъ несправедливости и опрометчивости въ выводахъ.

Эти разсказы г. Петрушевскаго доступны развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Разскажите о правленіи Годунова.

Какое было различіе между тяглыми людьми и холопами?

Что называли *писцовыми* книгами?

Что означаетъ пословица: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день»?

Разскажите о первомъ самозванцѣ, о царѣ Василіи Шуйскомъ, о Ляпуновѣ, Діонисіи, Мининѣ и Пожарскомъ, Сусанинѣ.

Кто изъ сосѣднихъ народовъ громилъ въ смутное время Россію?

Небольшой содержательный очеркъ Рогова «О смутномъ времени на Руси» знакомитъ исключительно съ тѣми событіями смутнаго времени, въ которыхъ высказалось непосредственное участіе самого народа и такихъ представителей его, какъ Гермогенъ, Ляпуновъ, Пожарскій, Авраамій, Діонисій, Мининъ. О каждомъ изъ нихъ сказано немного, но это немногое вполнѣ опредѣляетъ ихъ мѣсто и значеніе въ общей картинѣ народнаго движенія. Экономическаго положенія Россіи, а также событій, связанныхъ съ именами Бориса, Самозванцевъ, Шуйскаго, авторъ вовсе не касается.

Это безспорно одинъ изъ лучшихъ очерковъ г. Рогова. Доступенъ онъ для самостоятельнаго чтенія развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ, вполнѣ отвѣчаетъ также своему назначенію, представляя интересный матеріалъ для публичнаго народнаго чтенія.

А. К.

---

662) **Юрій Милославскій** или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. Соч. М. Н. Загоскина. Въ 3-хъ частяхъ. Изданіе полное, безъ пропусковъ. Москва. 1882 г. Ц. 1 руб. 233 стр.

Романъ Загоскина «Юрій Милославскій» долженъ даваться для чтенія непосредственно за разсказомъ Петрушевскаго или Рогова, изъ котораго читатели ознакомились съ главными событіями и дѣятелями смутнаго времени.

Не отличаясь такими художественными достоинствами, какъ «Тарасъ Бульба» Гоголя, романъ этотъ, все же, оставляетъ сильное впечатлѣніе и даетъ достаточно живую картину различныхъ движеній, волновавшихъ русскихъ людей въ описываемое бѣдственное время: главными дѣйствующими лицами романа являются представители различныхъ партій; таковы: Юрій Милославскій, бояре— Кручина-Шалонскій и Истома, Мининъ, Авраамій Палицынъ, запорожецъ Кирша и др.

Юрій Милославскій—сынъ извѣстнаго своей преданностью отечеству и непримиримою ненавистью къ полякамъ умершаго боярина Дмитрія Милославскаго; одушевляемый такою же любовью къ отечеству, какъ и отецъ, Юрій, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій, по глубокому убѣжденію дѣлается сторонникомъ избранія на русскій престолъ Владислава, сына польскаго короля, и цѣлуетъ ему крестъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ другими боярами. Негодующимъ на это онъ говоритъ: «Господь не допуститъ насъ быть рабами иновѣрцевъ! Мы клялись повиноваться не польскому королевичу, но благовѣрному русскому царю. Владиславъ отречется отъ своей ереси; онъ покинетъ свой родной край; наша земля будетъ его землею; наша вѣра православная—его вѣрою. Такъ! онъ будетъ отцомъ нашимъ; онъ соединитъ всѣ помышленія и сердца дѣтей своихъ, разсѣетъ, какъ прахъ земной, коварные замыслы супостатовъ, и тогда какой иноплеменный дерзнетъ посягнуть на святую Русь?» (Стр. 29).

При всей своей восторженности, любви къ отечеству до самопожертвованія, юношеской отвагѣ и нетерпимости, онъ чуждъ слѣпой національной вражды. «Придетъ время,» говоритъ онъ, «вспомнятъ и они (поляки), что въ ихъ жилахъ течетъ кровь нашихъ предковъ, славянъ; быть можетъ, внуки наши обнимутъ поляковъ, какъ родныхъ братьевъ, и два сильнѣйшія поколѣнія древнихъ владыкъ всего Сѣвера сольются въ одинъ великій и непобѣдимый народъ». (Стр. 43).

Юрій охотно принимаетъ на себя порученіе Гонсѣвскаго убѣдить нижегородцевъ присягнуть Владиславу, для чего и направляется изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ. Во время пути нѣсколько встрѣчъ и столкновеній съ людьми различныхъ партій измѣняютъ его настроеніе: онъ убѣждается въ силѣ и значеніи патріотическаго движенія, представители котораго видятъ спасеніе Россіи лишь въ изгнаніи поляковъ изъ ея предѣловъ и въ избраніи на престолъ кореннаго русскаго человѣка. Собраніе народное на площади въ Нижнемъ-Новгородѣ, свиданіе съ Мининымъ и именитыми гражданами города окончательно дѣлаютъ его сторонникомъ этого движенія.

Въ душѣ его возникаетъ страшная борьба: онъ всей душой рвется въ ряды русскихъ, идущихъ на освобожденіе Москвы отъ овладѣвшихъ ею поляковъ, и въ то же время не рѣшается поднять руку противъ того, кому присягалъ въ вѣрности со всей горячностью юношескаго благородства. Онъ обращается къ гражданамъ нижегородскимъ съ слѣдующею пламенною рѣчью: «Къ Москвѣ, вѣрные и счастливые нижегородцы! Спасайте угнетенныхъ вашихъ братьевъ! Они ждутъ васъ. Они рабы поляковъ, а не подданные Владислава! Не вѣрьте Сигизмунду: онъ вѣчный и непримиримый врагъ нашъ; не страшитесь поляковъ—ихъ многочисленная рать страшна для однихъ безоружныхъ жителей московскихъ. Спѣшите, храбрые нижегородцы, спѣшите водрузить хоругвь Спасителя на поруганныхъ стѣнахъ священнаго Кремля! Вы свободны, вы не присягали иноплеменнику. А я... я добровольно поклялся быть вѣрнымъ Владиславу; я не могу умереть вмѣстѣ съ вами! Но если не оружіемъ, то молитвами буду участвовать въ святомъ и великомъ дѣлѣ нашемъ. Такъ, граждане нижегородскіе! я удалюсь въ обитель преподобнаго Сергія; тамъ, облеченный въ одежду инока, при гробѣ угодника Божія стану молиться день и ночь, да поможетъ вамъ Господь спасти отъ гибели царство Русское!» (Стр. 142).

Иноческій обѣтъ произнесенъ Милославскимъ предъ Авраамiемъ Палицынымъ, но не за стѣны обители уводитъ Юрія Авраамій. «Мы не иноки Западной церкви», говоритъ онъ ему: — «и, благодаря Всевышняго, переставая быть мірянами, не перестаемъ быть русскими. Вспомни, Юрій Дмитричъ, гдѣ умерли благочестивые старцы, Пересвѣтъ и Ослабя!» (Стр. 189).

На пути въ Москву Юрій Милославскій,— чтобы вырвать изъ рукъ разъяренной толпы, спасти отъ смерти любимую имъ дѣвушку, дочь ненавистнаго народу боярина Кручины-Шалонскаго, невѣсту Гонсѣвскаго,—рѣшается обвѣнчаться съ нею. Связанный иноческимъ обѣтомъ, Юрій объявляетъ ей, что они разлучены навсегда въ этой жизни. Онъ привозитъ ее въ монастырь. Настаетъ минута страшной разлуки. «Заскрипѣли тяжелыя ворота, застучалъ желѣзный запоръ, привратникъ захлопнулъ калитку, и Юрій, вскочивъ на коня, помчался вихремъ отъ стѣнъ обители, въ которой, какъ въ безмолвной могилѣ, онъ похоронилъ навсегда все земное свое счастье». (Стр. 210).

Лучшій помощникъ князя Пожарскаго, Юрій покрываетъ себя славой при взятіи Москвы. Оправившись отъ тяжкой раны, онъ, прежде чѣмъ направиться къ ожидающей его обители, хочетъ посѣтить тотъ храмъ, гдѣ впервые встрѣтился съ Анастасіей Шалонской. «Все было тихо внутри; дневной свѣтъ, проникая съ трудомъ сквозь узкія, едва замѣтныя окна, боролся съ вѣчнымъ сумракомъ, который царствовалъ подъ низкими и тяжелыми сводами этого древняго храма, пережившаго многія столѣтія» (стр. 225). «Все прошедшее ожививилось въ его воображеніи: онъ видѣлъ ее предъ собою, онъ слышалъ ея голосъ... Несчастный юноша не устоялъ противъ сего жестокаго испытанія: онъ забылъ всю покорность волѣ Всевышняго, неизъяснимая тоска, безумное отчаяніе овладѣли его душою.

«— Злополучный! вскричалъ онъ:—для чего ты спѣшилъ погубить самого себя!... О, Анастасія, Анастасія!...»

«— Что ты, Юрій Дмитричъ? сказалъ позади Милославскаго знакомый голосъ. Онъ обернулся и увидѣлъ подходящаго Авраамія.

«— Ты не для молитвы взошелъ въ сей храмъ: эти блуждающіе взоры, это отчаяніе на обезображенномъ челѣ твоемъ... Нѣтъ, Юрій Дмитричъ, не такъ молятся христіане!

«— Отецъ мой! вскричалъ Юрій:—отецъ мой! спаси меня! Въ душѣ моей весь адъ... всѣ мученія погибающаго грѣшника!» (Стр. 226).

Слѣдуетъ горячая исповѣдь юноши. Выслушавъ его, Авраамій исцѣляетъ его измученную душу, возвращаетъ его къ жизни. «Ты не клятвопреступникъ,» говоритъ онъ ему, «точно также какъ не самоубійца тотъ, кто гибнетъ, спасая своего ближняго... Ты обѣщался быть инокомъ, но обрядъ постриженія не былъ совершенъ надъ тобою; и, простой бѣлецъ, ты можешь, не оскорбляя церкви, возвратиться снова въ міръ. Ты не свободенъ болѣе располагать собою; вся жизнь твоя принадлежитъ Анастасіи, этой несчастной сиротѣ, соединенной съ тобою неразрывными узами, освященными однимъ изъ великихъ таинствъ нашей православной церкви... Московскіе святители разрѣшатъ тебя отъ даннаго обѣта. Такъ, Юрій Дмитричъ, я вижу ясно перстъ Божій, указующій тебѣ путь, по коему ты долженъ слѣдовать. Всевышній помогъ намъ очистить Москву; но, побѣдивъ внѣшнихъ враговъ, мы не спасли еще отъ гибели наше отечество. Честолюбивые бояре, крамольники, буйные козаки, всѣ соединенные теперь общимъ бѣдствіемъ, скоро возстанутъ другъ противъ друга и, какъ стая голодныхъ псовъ, начнутъ терзать соб-

ственную свою родину. Никогда еще благочестивые и твердые въ любви своей къ отечеству бояре не были столь нужны для сиротствующей земли русской. Ты пойдешь по стопамъ покойнаго твоего родителя, Юрій Дмитричъ! Ты будешь твердѣйшимъ оплотомъ отечества противъ ухищренія и злобы домашнихъ враговъ нашихъ; а что бы ты былъ, произнеся обѣтъ иночества? Отрекаясь міра, ты заключалъ еще въ душѣ своей любовь мірскую. Что сталось бы съ тобою, еслибъ ты поколебался въ своей вѣрѣ? Еслибъ, искушаемый земными помыслами, ты предался отчаянію, и твой преступный языкъ произнесъ бы хулу на самого себя, сталъ бы проклинать!... О, Юрій Дмитричъ! отъ одной мысли застываетъ кровь въ моихъ жилахъ!... Благодари Господа, что ты не произнесъ еще обѣта, котораго разрѣшить не въ силахъ вся власть человѣческая!» (Стр. 227).

Послѣ Юрія наиболѣе важное мѣсто въ разсказѣ занимаетъ запорожецъ Кирша. Онъ представитель нашего козацкаго рыцарства; Кирша готовъ на всякіе подвиги съ цѣлью грабежа, мечтаетъ о богатой добычѣ, съ которой вернется пировать въ Сѣчь съ товарищами и кошевымъ. «Все Божье да наше», говоритъ онъ; но достаточно слова Минина, призывающаго къ пожертвованіямъ для общаго дѣла, чтобы кошель его со всѣмъ достояніемъ оказался въ числѣ первыхъ даяній. Въ романѣ читатель находитъ цѣлый рядъ подвиговъ, характеризующихъ его отвагу и великодушіе. Киршу нельзя сравнивать съ Тарасомъ Бульбой, отъ котораго онъ далекъ какъ по нравственной величинѣ, такъ и по художественности изображенія. Это не вождь своего народа, а лишь лучшій представитель той козацкой вольницы, которая то покрывала себя славой въ рядахъ войска Пожарскаго и Трубецкаго, то приводила въ ужасъ ни въ чемъ неповинныхъ жителей своимъ буйствомъ и грабежами.

Бояре Кручина и Истома—типы значительнаго числа русскихъ людей того времени, не останавливавшихся ни предъ какимъ предательствомъ, ни предъ какимъ преступленіемъ для преслѣдованія своихъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ цѣлей. Характеристики ихъ читатель находитъ на слѣдующихъ страницахъ: 47—50, 119—124, 166—171.

Минину и Авраамію Палицыну удѣлено немного мѣста въ разсказѣ, но немногими штрихами и подробностями авторъ очертилъ ихъ достаточно рельефно. Образы ихъ не могутъ пройти незамѣченными читателями. Въ первый разъ они встрѣчаютъ Минина въ лицѣ незнакомца на постояломъ дворѣ, затѣмъ на площади Нижняго-Новгорода, гдѣ пламенное слово его поднимаетъ на подвигъ до тѣхъ поръ безучастно относившійся къ происходившему русскій народъ. Для характеристики Минина важны слова его въ отвѣтъ на восклицаніе Юрія.

«— Какъ! ты тотъ знаменитый гражданинъ?

«— И, бояринъ! я просто гражданинъ нижегородскій и ничѣмъ другихъ не лучше.

«— Но развѣ не ты первый?...

«— Ну, да—я первый заговорилъ, такъ что-жъ?... Велико дѣло!... Нельзя-жъ всѣмъ разомъ говорить. Не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой, такъ третій». (Стр. 133). А также сцена въ домѣ князя Черкасскаго, гдѣ Юрій Милославскій, какъ посолъ Гонсѣвскаго, передаетъ свое порученіе собравшимся гражданамъ города (стр. 141).

Авраамій Палицынъ предстаетъ во всемъ своемъ величіи, какъ христіанинъ, поклоняющійся духу, а не мертвой буквѣ религіи, которой является служителемъ, и какъ вождь русскаго народа въ слѣдующихъ мѣстахъ романа: во время перваго свиданія съ нимъ Юрія въ его кельѣ (187—190 стр.), въ сценѣ съ Юріемъ же въ храмѣ Спаса-на-Бору, гдѣ онъ исцѣляетъ юношу отъ смертельнаго душевнаго его недуга (стр. 226—228), въ минуту, когда въ станѣ Трубецкаго онъ своимъ вдохновеннымъ словомъ увлекаетъ на бой, рѣшающій побѣду, буйныя полчища казаковъ (стр. 221).

Изъ описаній заслуживаютъ вниманія: описаніе жизни и усадьбы боярина Кручины Шалонскаго, съ его многочисленной челядью, штатами шутовъ, дуръ и сказочниковъ, съ жестокими потѣхами и безобразными попойками; описаніе собранія народа на Нижегородской площади (стр. 125—131) и собранія именитыхъ гражданъ въ домѣ Черкасскаго (стр. 135—143); встрѣчи съ шишами и сборища ихъ передъ церковью села Кудинова (стр. 193—206).

Чертъ, обрисовывающихъ бытовую жизнь, въ романѣ немного. Интересны въ этомъ отношеніи описанія свадьбы въ имѣніи Шалонскаго, плутней знахаря Кудимыча и покорной сообщницы его Григорьевны, появленій въ роли знахаря самого Кирши (стр. 34—38, 53—60, 65—70, 154—164). Типичнымъ лицомъ для характеристики того времени является также и юродивый Митя.

Романъ читается съ увлеченіемъ какъ взрослыми, такъ и развитыми подростками. Долженъ даваться для чтенія читателямъ уже знакомымъ изъ историческихъ очер-

ковъ съ главными событіями описываемаго времени.

Вопросы:

Разскажите, что происходило въ Россіи въ то время, которое здѣсь описывается?

Назовите главныя лица разсказа. Кто изъ нихъ вамъ болѣе всего понравился и чѣмъ?

Сравните Киршу съ Тарасомъ Бульбой, Юрія Милославскаго съ Кручиною Шалонскимъ.

Что заставило Юрія присягнуть Владиславу, а потомъ измѣнить ему?

Разскажите, какія душевныя страданія пережилъ Юрій?

Разскажите о народномъ собраніи въ Нижнемъ-Новгородѣ, о рѣчи Минина.

Что говорится въ книгѣ о знахарствѣ и колдунахъ? *А. К.*

---

663) **Юрій Милославскій.** Историч. романъ. Москва. 1879 г. Изд. книгопрод. Орѣхова. Ц. 10 к. 35 стр.

664) **Юрій Милославскій.** Изд. книгопрод. Морозова. Москва. 1878 г. Ц. 10 к. 35 стр.

Въ московской народной литературѣ имѣется двѣ передѣлки романа «Юрій Милославскій».

«Юрій Милославскій» въ изданіи Орѣхова представляетъ очень краткую, но толковую передѣлку исторической части романа Загоскина. Эпизодъ любви Юрія и Анастасіи Шалонской совершенно пропущенъ составителемъ. Что же касается до «Юрія Милославскаго» въ изданіи Морозова, то онъ такъ же мало напоминаетъ романъ Загоскина, какъ безсвязный сонъ напоминаетъ кое-что изъ бывшаго съ нами въ дѣйствительности. Все содержаніе искажено до послѣдней степени. Перемѣнены даже почти всѣ имена дѣйствующихъ лицъ, представляющихъ въ совершенно искаженномъ видѣ героевъ романа Загоскина. Объ историческомъ содержаніи и помину нѣтъ; дѣло происходитъ, какъ будто, при царѣ Горохѣ.

Для тѣхъ народныхъ библіотекъ, которыя не могутъ пріобрѣсти романъ Загоскина въ оригиналѣ, совѣтуемъ воспользоваться изданіемъ книгопродавца Орѣхова. *О. Р.*

---

665) **Борисъ Годуновъ.** Трагедія А. С. Пушкина. Редакція и примѣчанія В. Я. Стоюнина. Выпускъ 1-й. Изд. 3-е. Спб. 1880 г. Ц. 40 к. 116 стр. *).

Это изданіе «Бориса Годунова» предназначалось г. Стоюнинымъ для среднихъ учебныхъ заведеній, а потому ни предисловіе, ни примѣчанія, ни вопросы непригодны для читателей изъ народной среды. Даже заключающіяся въ книгѣ выписки изъ исторіи Карамзина доступны немногимъ.

При осмотрѣ этого произведенія Пушкина, прежде чѣмъ дать его для прочтенія ученицамъ воскресной школы, явилась почти увѣренность, что оно окажется недоступнымъ имъ и по содержанію, и по языку. Дана была книга наиболѣе развитымъ и знакомымъ нѣсколько съ отечественной исторіей. Многія изъ нихъ возвратили книгу, не дочитавъ ея; другія хотя и прочли ее всю, но отказались отъ передачи содержанія.

— Когда читала, еще понимала кое-что, а теперь ничего не могу сказать, съ досадой сказала одна изъ послѣднихъ, возвращая книгу.

Пришлось прибѣгнуть къ иному способу провѣрки: не давать трагедіи для самостоятельнаго чтенія, а прочесть ее вслухъ самой. Слушательницами были шесть взрослыхъ ученицъ воскресной школы. Оказалось, что слушательницъ, привыкшихъ къ повѣствовательной формѣ, къ послѣдовательности въ изложеніи, очень затрудняетъ драматическая форма произведенія. Послышались просьбы:

— Пожалуйста, читайте все, не пропускайте, а то непонятно!

Я недоумѣвала: — Ничего не пропускаю. съ чего вы это взяли?

— Да все какъ-то скоро мѣняется. Сейчасъ шелъ разговоръ между боярами въ Кремлѣ, а теперь описываются монахи. Неизвѣстно, что бѣжалъ Григорій, а ужъ разсказывается, что онъ дошелъ до Литвы.

Для знакомыхъ съ историческою частью и посѣщавшихъ театръ, видѣвшихъ смѣну декорацій, потребовалось немного объясненій. Чтобы устранить это непредвидѣнное мною затрудненіе для остальныхъ, пришлось прибѣгнуть къ слѣдующему: одна изъ ученицъ, при моей помощи, стала разсказывать извѣстные ей факты изъ исторіи того времени, что̀ и служило живою связью между сценами трагедіи. Это настолько облегчило пониманіе, что прежнее напряженное вниманіе смѣнилось тѣмъ оживленнымъ участіемъ, съ которымъ слушаютъ не *трудное*, а *интересное*. Оставалось убѣдиться, насколько понимаются монологи, отдѣльные стихи. Монологъ Пимена: «Еще одно послѣднее сказаніе» совершенно не былъ понятъ, не смотря

---

*) О позднѣйшихъ дешевыхъ изданіяхъ «Бориса Годунова» см. 2 т. Что читать народу?

на разъясненіе того, что такое лѣтописи и кто ихъ писалъ.

«На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною.
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море—океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно» и т. д.

передано было своими словами такимъ образомъ:

П—ва. Это значитъ, что онъ достигъ старости, приближается къ смерти, и для него тамъ настанетъ новая жизнь.

С—ва. Я такъ поняла, что, когда онъ будетъ лежать безмолвнымъ въ могилѣ, его будутъ вспоминать за его писанія.

Зато монологъ Бориса: «Достигъ я высшей власти» былъ превосходно переданъ нѣсколькими. Стихи:

«Живая власть для черни ненавистна:
Они любить умѣютъ только мертвыхъ»

вызвали у *С—ой* слѣдующее замѣчаніе:

— Это справедливо не только относительно царей, а всегда такъ: когда живъ человѣкъ—не умѣютъ цѣнить, а умретъ,—тогда сожалѣютъ, хвалятъ.

На вопросъ мой:—былъ ли Борисъ виновенъ въ убійствѣ царевича? — двѣ изъ слушательницъ указали тотчасъ на только что прочитанный стихъ:—«Ужасно! Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста», не оставлявшій, по ихъ мнѣнію, никакого сомнѣнія въ этомъ.

Слова Бориса: «Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ» такъ были объяснены ученицей *К—вой*:

— Имя царевича значило для него больше, чѣмъ самое сильное войско: его русскіе встрѣчали не какъ побѣдителя, а какъ любимаго царевича.

Сцена у фонтана, какъ болѣе доступная, болѣе говорящая душѣ слушательницъ, дружно комментировалась всѣми безъ исключенія. Сначала прочитана была первая часть до признанія Димитрія: «Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ!...»

Первою высказалась *П—ва*:

— Онъ объяснялъ ей, что онъ царевичъ Димитрій, а она догадывалась о другомъ и хотѣла разспросить его, а потому не хотѣла слушать его объясненій въ любви...

П—ву прервали нетерпѣливыми возгласами:

— Ничего этого нѣтъ! Совсѣмъ не то! Вотъ какъ можно одно и то же разно понимать!

Едва удалось возстановить порядокъ и очередь.

Т—ва. Онъ говорилъ съ ней нѣжно, а она этого не требовала, — она хотѣла отъ него чего нибудь серьезнаго. Она обращалась къ нему съ серьезными вопросами.

Б—ва. Онъ говорилъ о любви, а она требовала говорить о дѣлѣ, — о томъ, какъ добыть престолъ русскій.

С—ва. Въ ихъ чувствахъ было большое различіе. Ему не нуженъ былъ ни престолъ, ни другія блага, а только любовь Марины. А она говорила, что любитъ его только какъ царя московскаго, что теперь не время говорить о любви.

К—ва. Она была такъ честолюбива, что ей все равно было, царевичъ ли онъ или нѣтъ,—ее заботила одна мысль: достигнетъ ли онъ цѣли—престола, между тѣмъ какъ онъ такъ сильно полюбилъ ее, что готовъ былъ отказаться отъ престола и жить съ ней хоть въ избушкѣ.

Вторая часть сцены—признаніе Самозванца и безсердечіе, честолюбіе Марины — вызвали противъ нея страшное негодованіе. Въ защиту Самозванца раздался даже голосъ слушательницы, еще ни разу не подававшей мнѣнія.

Д—на. Онъ ей открылъ потому, что очень любилъ ее, а если другимъ скажетъ—царямъ, князьямъ, то тѣ разславятъ, а она, конечно, никому этого не скажетъ.

К—ва. Онъ считалъ Марину святыней, ничего не могъ отъ нея скрывать; кромѣ того, хотѣлъ убѣдиться, любитъ ли она его только изъ-за царскаго сана.

Отзывы остальныхъ были въ томъ же родѣ. Слова Самозванца: «Змѣя, змѣя! недаромъ я дрожалъ... Она меня чуть-чуть не погубила!»—пришлись всѣмъ какъ нельзя болѣе по сердцу.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что «Борисъ Годуновъ» не можетъ быть даваемъ для самостоятельнаго чтенія, а прочитанный въ классѣ — слушается съ большимъ интересомъ и пониманіемъ. Въ мужской аудиторіи получились бы другіе отзывы, и, конечно, не сцена у фонтана, а другія вызвали бы наиболѣе оживленные толки.

А. К.

---

666) **Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, въ 1612 году, и избраніе царя Михаила.** Н. Костомарова *). Спб. 1876 г. Изд. То-

*) См. реценз. «Обзоръ Народно-Учебной Литературы» 1878 г. стр. 623.

варищ. «Обществ. Польза». Ц. 7 к. 54 стр. Изд. 3-е. 1884 г. Ц. 7 к.

Имя автора ручается за правильное освѣщеніе событій и достоинство фактическаго матеріала. Въ этой повѣсти, богатой выдержками изъ лѣтописей, грамотъ, относящихся къ описываемымъ событіямъ, читатель найдетъ, между прочимъ, указанія на причину возникновенія враждебныхъ отношеній между Россіей и Польшей.

Очеркъ этотъ доступенъ лишь развитымъ взрослымъ читателямъ и для нихъ его слѣдуетъ предпочесть очерку Рогова.

Вопросы:

Почему издавна враждовали Польша и Россія?

Почему воцареніе Владислава не могло повести къ миру между двумя сосѣдними народами?

Чѣмъ отличалось избраніе Василія Шуйскаго отъ избранія Михаила Θеодоровича?

Что заставило Ляпунова измѣнить Димитрію, а потомъ содѣйствовать низверженію Шуйскаго?

Чѣмъ отличался Ляпуновъ отъ другихъ бояръ, которые передавались то одной, то другой сторонѣ?

Почему боялась инокиня Марѳа благословить на царство сына своего Михаила?

А. К.

---

667) **Мининъ и Пожарскій** *). *Избавленіе Москвы въ 1612 году*. Разсказъ изъ русской исторіи. Изд. Общ. распр. полезныхъ книгъ. № 361. Москва. 1882 г. Ц. 15 к. 47 стр. Изд. 1885 г. Ц. 20 к. 80 стр.

668) **Смутное время** *) Разсказъ изъ русской исторіи. Соч. Д. Васильева. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1869 г. Ц. 20 к. 82 стр.

Первая изъ названныхъ книгъ, согласно заглавію, содержитъ подробно, дѣльно изложенный эпизодъ изъ исторіи смутнаго времени. Въ концѣ книги, въ отдѣльной главѣ сообщается о дальнѣйшей судьбѣ Минина и Пожарскаго послѣ воцаренія Михаила Θеодоровича.

По языку книга недоступна для народнаго чтенія; для учителя можетъ быть полезна фактическимъ матеріаломъ.

Тѣмъ же Обществомъ распр. полезн. книгъ изданъ и другой очеркъ о той-же исторической эпохѣ, составленный Діодоромъ Васильевымъ. Выборъ матеріала изъ лучшихъ позднѣйшихъ изслѣдованій, правильное освѣщеніе его, серьезный, но ничуть не сухой тонъ разсказа — несомнѣнныя достоинства очерка г. Васильева. Роль Москвы и областей въ политическихъ движеніяхъ, экономическое положеніе Россіи, подробная и безпристрастная оцѣнка правительственной дѣятельности Бориса, появленіе Лжедимитрія, его отношенія къ Польшѣ, партіи бояръ и русскому народу, измѣна бояръ семейству Годуновыхъ и равнодушіе къ его судьбѣ народа, характеристика Самозванца, какъ царя русскаго, интересныя подробности о посольствѣ Власьева, характеризующія нравы и міровоззрѣніе москвичей, роль Марины и поляковъ въ Москвѣ, кровавая, необузданная расправа съ Самозванцемъ—вотъ содержаніе небольшой, но крайне интересной книги. Написана она не для народа: по языку и изложенію она недоступна ему. Обращаемъ на нее вниманіе учителя, которому по цѣнѣ не всегда доступны сочиненія Костомарова.

А. К.

---

669) **Мининъ и Пожарскій и избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова.** (*1611—1613 г.*). Съ 3-мя рисунками. Спб. Изд. ред. жур. «Мірск. Вѣстникъ». 1872 г. Ц. 15 к. 30 стр.

Книгу эту, по содержанію сходную съ очеркомъ г. Рогова (№ 661), но по достоинствамъ уступающую ему, считаемъ излишней въ народной библіотекѣ.

А. К.

---

670) **Смутное время.** Разсказы изъ русской исторіи Вл. Михневича. (Съ 14 литографированными картинами). Спб. 1874 г. Ц. 25 к. 64 стр.

Было время, когда дѣтскія игрушки щеголяли не сходствомъ съ изображаемыми предметами, а фантастической неестественностью, яркостью красокъ, позолотою. Все это дѣлалось по господствовавшему убѣжденію, что истина скучна и недоступна дѣтямъ, что чѣмъ дальше вымышленный образъ отъ дѣйствительности, чѣмъ уродливѣе, тѣмъ болѣе забавляетъ дѣтей и, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ цѣли.

Тѣ же пріемы и матеріалы употреблялись и при фабрикаціи книгъ для поученія дѣтей: та же уродливая фантазія, несоотвѣтствіе дѣйствительности, обиліе позолоты, ма-

---

*) Тамъ-же, стр. 623.

*) Тамъ-же, стр. 597.

леваніе, лишенныя яснаго смысла прибаутки, восклицанія забавы ради. Когда, кромѣ дѣтей, взялись и за поученіе народа, то по психологическому сходству ихъ въ степени развитія (конечно, невѣрно понятому) приложили и къ народу тотъ же педагогическій пріемъ — стали поучать всякой морали, но истина была по прежнему въ загонѣ.

Очерки Михневича являются образцомъ именно этого отжившаго періода педагогики и литературы. Г-нъ Михневичъ пользуется въ литературѣ достаточной извѣстностью, его знакомство съ *настоящей исторіей* стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, а потому совершенно непонятно, что̀ заставило его писать *ту исторію*, какую мы находимъ въ его очеркахъ для народа, что̀ заставило его промѣнять роль историка на роль предубѣжденнаго проповѣдника: тѣни Бориса и Самозванца представлены имъ со всѣми аттрибутами ихъ злодѣйствъ. Передъ нами не картина русской жизни, не описаніе событій эпохи смутнаго времени, а казнь Годунова и Димитрія Самозванца, терзаемыхъ словомъ г. Михневича. Читателю остается заразиться негодованіемъ автора и принять участіе въ производимой имъ расправѣ или, оставаясь равнодушнымъ и неподкупленнымъ напускнымъ паѳосомъ разсказчика, ничѣмъ не увеличить запаса своихъ историческихъ свѣдѣній.

Какъ въ характеристикѣ Бориса и Димитрія, такъ и въ истолкованіи чувствъ народа, законовъ исторической жизни, истина является слишкомъ часто заслоненной отъ взора читателя субъективностью автора. Если сухое изложеніе фактовъ, безъ всякой группировки и освѣщенія ихъ, дѣлаетъ книгу скучной и безполезной, то произвольное обращеніе съ фактами и окраска ихъ по своему вкусу еще болѣе нежелательны.

А. К.

---

671) **Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ.** (Соч. П. Ремезова *) Спб. 1882 г. Ц. 10 к. 62 стр.

Заглавіе книги не даетъ понятія обо всемъ содержаніи ея. На первыхъ 12 страницахъ мы находимъ краткій обзоръ событій со времени смерти Іоанна Грознаго до избранія Михаила Ѳеодоровича включительно. Вступленіе это изложено просто и обстоятельно; характеристика Бориса сдѣлана безпристрастно. Подвигу Сусанина удѣлено лишь три страницы, но отъ отсутствія вымышленныхъ подробностей не пострадала ни историческая истина, ни личность самого Сусанина, ярко и удачно очерченная. Чтобы заставить лучше оцѣнить подвигъ Сусанина, авторъ представляетъ картину того ужаснаго положенія, въ которомъ находилась Россія при вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Онъ приводитъ выдержки изъ донесеній, изъ воспоминаній иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ то время въ Россію. Говоря о мѣрахъ, предпринятыхъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для водворенія порядка, г. Ремезовъ также приводитъ рядъ выдержекъ изъ документовъ, что̀ придаетъ его разсказу особую цѣнность. Въ главѣ «Бѣлопашцы» читатель найдетъ интересныя подробности о судьбѣ потомковъ Сусанина, пользовавшихся со временъ Михаила Ѳеодоровича особыми льготами.

Очеркъ этотъ по серьезности содержанія доступенъ лишь развитымъ взрослымъ читателямъ.

Вопросы:

За что помнитъ Сусанина Русскій народъ и гдѣ поставленъ ему памятникъ?

Какъ разсказывается въ преданіяхъ о подвигѣ Сусанина?

Что происходило на Руси со смерти Іоанна Грознаго до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича?

Въ какомъ состояніи находилась Россія при вступленіи его на престолъ?

А. К.

---

672) **О томъ, какъ костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за царя.** Сост. Дорогобужиновъ. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 307. Москва. 1882 г. Ц. 10 к. 34 стр. Изд. 4-ое 1886 г. Ц. 10 к.

673) **Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ.** Изд. 4-ое Общ. распр. полезн. книгъ 1886 г. Изъ серій народн. изданій № 53. Ц. 3 к. *).

Авторъ разбираемаго разсказа, какъ видно изъ книги, хорошо знакомъ съ мѣстностью, съ которой связаны воспоминанія объ извѣстномъ подвигѣ Сусанина. Матеріаломъ для разсказа послужили мѣстныя народныя преданія. Все это, вмѣстѣ съ вымышленными подробностями и эпизодами, которые введены въ разсказѣ, благодаря его беллетристической формѣ, придаетъ книгѣ особый интересъ. Къ сожалѣнію, языкъ не отличает-

---

*) См. рец. «Обзоръ Нар.-Учебн. Лит.». 1878 г., стр. 597.

*) Объ этихъ изданіяхъ см. 2 т. кн. «Что читать народу?»

ся выдержанностью: авторъ то поддѣлывается подъ складъ народной рѣчи, то говоритъ книжнымъ литературнымъ языкомъ. Историческая часть, касающаяся событій, предшествующихъ избранію Михаила Ѳеодоровича, и по трудности изложенія, и по недостаточной обстоятельности—слаба.

Книга доступна развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ.

Вопросы см. рец. № 671.

А. К.

---

674) **Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова.** Народная повѣсть. Соч. Т. Толычевой *). Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 259. Москва. 1880 г. Ц. 15 к. 47 стр.

Г-жа Толычева—авторъ многихъ хорошихъ книгъ для народнаго чтенія; она несомнѣнно умѣетъ писать для народа, хорошій наблюдатель и разсказчикъ. Знакомыхъ съ этими достоинствами автора нѣсколько удивитъ разбираемая повѣсть.

Преимущество исторической повѣсти предъ очеркомъ заключается въ возможности оживить картину прошлой жизни и описаніе историческихъ дѣятелей массой подробностей, замѣнять по произволу эпическую форму разсказа драматической. Въ названной же книгѣ подробности совершенно заслоняютъ часть историческую, отвлекаютъ вниманіе читателя отъ главнаго, нимало не служа къ его разъясненію.

Первыя 19 страницъ посвящены описанію жизни двухъ крестьянскихъ семействъ, любви Петра и красавицы Груни, пріемной дочери Ивана Сусанина. Лишь въ 5-й главѣ авторъ знакомитъ читателей съ главными событіями смутнаго времени. Послѣднія четыре главы содержатъ разсказъ о тревогахъ въ монастырѣ, гдѣ нашелъ пріютъ Михаилъ Ѳеодоровичъ; разсказывается о томъ, какъ, переряженный въ крестьянское платье, онъ скрывался отъ искавшихъ его поляковъ въ избѣ Сусанина, — наконецъ, мученическая смерть Ивана. Вся эта часть грѣшитъ и противъ художественности, и противъ исторической правды: разговоры скучны и неумѣстны, нѣтъ ни одного живаго лица.

Повѣсть написана языкомъ, являющимся подражаніемъ народному говору; встрѣчаются и областныя слова. Простоту эту нельзя причислить къ достоинствамъ, потому что она непріятно поражаетъ искусственностью.

А. К.

---

675) **Иванъ Сусанинъ.** Историческая повѣсть. (Съ двумя рисунками: «Смерть Ивана Сусанина» и «изображеніе памятника ему въ Костромѣ»). Изд. ред. журнала «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1879 г. Ц. 10 к. 40 стр.

Разсказу о подвигѣ Сусанина, дошедшему до насъ въ народныхъ преданіяхъ, неизвѣстный авторъ предпосылаетъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ состояніи Руси. Придавъ своему очерку форму повѣсти, авторъ ввелъ въ него цѣлый рядъ сценъ и разговоровъ, дѣйствующими лицами въ которыхъ являются Сусанинъ и его семья, а затѣмъ поляки, пытающіеся овладѣть вновь избраннымъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Вся беллетристическая часть разсказа, составляющая главнымъ образомъ его содержаніе, слаба, но книга все же можетъ имѣть мѣсто въ школьной и народной библіотекѣ.

Вопросы см. рец. № 671. *А. К.*

---

676) **Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.** (Изъ книги «Русскіе замѣчательные люди» А. Суворина).

677) **Бояринъ Матвѣевъ, другъ царя и народа.** Историческая повѣсть. (Съ 4-мя рисунк.). Изд. «Мірск. Вѣстн.». Спб. 1866 г. Ц. 20 к. 60 стр.

Основательное знакомство съ внутреннимъ состояніемъ Россіи въ царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича весьма важно. Безъ этого не могутъ быть поняты значеніе Петра и дальнѣйшая исторія нашей русской жизни. Россія временъ Алексѣя Михайловича—типичная Московская Русь. Только знакомство со всѣми сторонами жизни до-Петровской Руси можетъ привести къ правильному рѣшенію вопроса: представляла-ли она сложившееся, своеобразное, готовое къ правильному развитію цѣлое, лишь пострадавшее отъ разрушительнаго дѣйствія организаторской руки Петра, или нуждалась въ немъ, какъ въ мощномъ работникѣ, надежномъ кормчемъ, чтобы выбраться на вѣрный путь къ свѣту, возможному благополучію.

Настроеніе въ сферахъ экономической и государственной, отчужденность отъ жизни другихъ народовъ, низкій уровень нравственности во всѣхъ слояхъ общества, полное невѣжество—таковы были характерныя черты Московской Руси XVII вѣка. Но это не было періодомъ разложенія отживающаго народа,

---

*) См. рец. «Систематич. Обзоръ Народн.-Уч. Лит.» 1878 г. стр. 124.

а хаосомъ, настроеніемъ, предшествующимъ образованію новыхъ формъ жизни. Въ этомъ хаосѣ были негодные элементы—наслѣдіе временъ татарщины, ужасовъ царствованія Іоанна Грознаго, мерзости запустѣнія эпохи смутнаго времени, но бродили также и тѣ силы, тѣ начала, которыя родили Петра, *выдержали* его, не рухнули, не разсыпались въ прахъ подъ ударами его богатырской руки, а выковались въ Русь новую, быстро завоевавшую себѣ видное мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ, сильную не прошлымъ, а будущимъ.

Знакомство съ темными сторонами нашего прошлаго, ярко-освѣщенная картина жизни до-Петровской Руси имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ нашего національнаго воспитанія. Такое знакомство можетъ быть только благотворнымъ. Ничто такъ не поддерживаетъ бодрости въ настоящемъ, не оживляетъ такъ вѣры въ будущее, какъ знаніе *пройденнаго уже* пути, перенесенныхъ бѣдствій, побѣжденныхъ препятствій.

Въ народной литературѣ не существуетъ очерковъ, знакомящихъ съ домашнимъ бытомъ, съ состояніемъ нравственности и умственнаго развитія русскихъ людей XVII вѣка; не существуетъ и историческихъ романовъ, которые такъ характеризовали бы эту эпоху, какъ романы «Басурманъ» и «Князь Серебряный»—жизнь XV и XVI вѣковъ.

Русь современная Алексѣю Михайловичу недалеко ушла отъ того времени, хотя отъ временъ Іоанновыхъ и отдѣляютъ ее событія царствованій Годунова, Самозванца, смутное время. Вышеназванный очеркъ Суворина является единственной книгой подходящаго содержанія. Кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ о самомъ Матвѣевѣ, въ ней сообщаются интересныя свѣдѣнія о домашней жизни бояръ: объ устройствѣ и убранствѣ домовъ, о положеніи женщины въ семьѣ и обществѣ, о томъ, какъ воспитывались и что читали русскіе люди, о господствовавшихъ суевѣріяхъ, объ уголовномъ преслѣдованіи за порчу и колдовство, о церемоніалѣ пріема иноземныхъ пословъ, о первыхъ театральныхъ представленіяхъ; характеризуются и административные порядки—корыстолюбіе, взяточничество воеводъ и другихъ служилыхъ людей.

Факты изъ жизни ближняго боярина Матвѣева цѣнны не только потому, что знакомятъ съ свѣтлой личностью представителя лучшихъ русскихъ людей XVII вѣка, но и потому, что могутъ служить прекрасной характеристикой русской жизни. Любовь къ наукѣ, расположеніе къ иноземцамъ, самоотверженное служеніе интересамъ государства, столь рѣдкое въ средѣ своекорыстныхъ московскихъ служилыхъ людей, любовь къ Матвѣеву народа и царя Алексѣя Михайловича, ненависть бояръ, обвиненіе въ чародѣйствѣ, въ попыткѣ отравить государя, ссылка, возвращеніе въ Москву, мучительная смерть—вотъ богатый матеріалъ для исторической повѣсти, біографическаго очерка, для главы изъ исторіи нашей культуры. Въ нашей популярной литературѣ такъ мало книгъ подобнаго содержанія, что очерку г. Суворина должно принадлежать въ ней очень видное мѣсто. Правда, въ настоящее время пробѣлъ этотъ отчасти пополнился прекраснымъ трудомъ г. Сиповскаго—«Родная Старина».

По языку и характеру изложенія очеркъ о Матвѣевѣ рѣзко отличается отъ двухъ другихъ очерковъ того-же автора о Никонѣ и о Ермакѣ: послѣдніе по простотѣ языка и доступности изложенія уступаютъ лишь разсказамъ изъ «Ясной Поляны».

Очеркъ о Матвѣевѣ, очевидно, предназначался авторомъ для иной среды читателей. Къ книгамъ для народнаго чтенія онъ причисленъ быть не можетъ, но читается съ большимъ интересомъ наиболѣе развитымъ меньшинствомъ. Въ виду крайней дешевизны книги, интереса, представляемаго содержаніемъ, мы считаемъ возможнымъ дать ей мѣсто въ народной библіотекѣ исключительно для развитыхъ читателей.

Вопросы:

Разскажите о домашней жизни русскихъ въ XVII вѣкѣ.

Чѣмъ отличался Матвѣевъ отъ другихъ бояръ-современниковъ?

Въ чемъ измѣнилъ онъ свою домашнюю жизнь и какія развлеченія ввелъ при дворѣ Алексѣя Михайловича?

Въ чемъ былъ обвиненъ Матвѣевъ?

О какихъ порядкахъ, не существующихъ уже въ наше время, узнали вы изъ этой книги? (Пытки, правежъ, управленіе воеводъ, приказныхъ).

Въ изданіи «Мірскаго Вѣстника»—«Бояринъ Матвѣевъ, другъ царя и народа»—біографія Матвѣева изложена неизвѣстнымъ авторомъ въ видѣ повѣсти или, вѣрнѣе, составлена изъ отрывковъ историческаго разсказа Фурмана: «Ближній бояринъ Матвѣевъ», которымъ зачитывались русскія дѣти лѣтъ двадцать-пять тому назадъ. Благодаря беллетристической формѣ, книга читается легко. Къ

сожалѣнію, авторъ не ограничился матеріаломъ, представляемымъ повѣстью Фурмана, но прибавилъ къ нему свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ о государственной дѣятельности Матвѣева, о современныхъ ему порядкахъ и событіяхъ. Свѣдѣнія эти черпались, быть можетъ, и изъ хорошихъ источниковъ, но, благодаря недостаточному знакомству автора съ исторіей, передаются имъ далеко не вѣрно; такъ напр., онъ даетъ совершенно ложное представленіе о приказахъ, министерствахъ древней Руси, говоря, что «такъ назывались въ то время вообще судебныя (?) мѣста» (стр. 14). Не лучше и слѣдующее сообщеніе о первыхъ театральныхъ представленіяхъ, устроенныхъ Матвѣевымъ для Алексѣя Михайловича: «Въ царствованіе Алексѣя Михайловича», говоритъ авторъ, «еще не было народнаго театра. Сначала пьесы играли въ потѣшномъ кремлевскомъ дворцѣ, а потомъ въ Преображенскомъ селѣ. Государь Алексѣй Михайловичъ, пригласивъ изъ иностранныхъ земель актеровъ, музыкантовъ, танцовщиковъ, назначилъ Матвѣева начальникомъ (?) надъ ними» (стр. 32).

Если ужъ упоминать объ этомъ нововведеніи Матвѣева, то слѣдовало разсказать о немъ подробнѣе, указать на то, какое значеніе имѣло это нововведеніе при дворѣ благочестиваго царя, какое значеніе имѣло оно для русской жизни, въ которой такъ долго и съ такой строгостью преслѣдовались всякія развлеченія этого рода, какъ утѣхи еретическія, игры бѣсовскія. Отъ плохаго знакомства автора съ исторіей пострадалъ, конечно, въ его изображеніи и самый образъ Матвѣева.

Языкъ пораженъ погрѣшностями какъ противъ грамматики, такъ и противъ логики. На стр. 32-й встрѣчаемъ: «Матвѣевъ ревностно трудился для блага Россіи не только на государственной службѣ, но и въ общественной жизни и дѣятельности русскаго народа (?)»; на стр. 60-й: стрѣльцы *«свирѣбствовали* и убивали мирныхъ гражданъ». Такихъ примѣровъ набралось-бы не мало.

Книга въ народной библіотекѣ нежелательна.

---

678) **Русскіе замѣчательные люди.** Разсказы А. Суворина. *«Патріархъ Никонъ».* Изд. 3-е. (Съ портретомъ патріарха Никона). Спб. 1874 г. Ц. 40 к. 183 стр.

«Никонъ» *). Изъ «Ясной Поляны», кн. 2-я. Изд. 2-е. А. Эрленвейна. Спб. 1873 г. (Очеркъ этотъ перепечатанъ изъ книги «Русскіе замѣчательные люди» А. Суворина.)

«Патріархъ Никонъ». Изъ книги «Разсказы про старое время на Руси» А. Петрушевскаго.

Яркій слѣдъ, оставленный Никономъ въ исторіи, обусловливается какъ личными свойствами его, такъ и тѣмъ, что съ его реформаторской дѣятельностью связано обнаруженіе народнаго движенія, извѣстнаго въ исторіи и жизни подъ именемъ раскола, котораго, конечно, Никонъ не могъ быть виновникомъ, такъ какъ причина раскола коренилась въ вѣковыхъ условіяхъ жизни русскаго народа. Въ очеркѣ о Никонѣ, предназначенномъ для народнаго чтенія, на первомъ планѣ должны стоять факты, ярко характеризующіе Никона, какъ человѣка и дѣятеля, указывающіе на тѣ свойства, которыя его—простаго, невѣжественнаго крестьянина, довели до патріаршаго престола, сдѣлали правителемъ государства, реформаторомъ, любимцемъ царя и народа,—были причиной столькихъ смутъ, столькихъ страданій для него самого. Но, кромѣ этихъ фактовъ, необходимо ознакомить читателей и съ той исторической средой, въ которой пришлось дѣйствовать Никону; слѣдуетъ указать на тѣ порядки, которые дѣлали реформы необходимыми, на тѣ особенности современнаго ему общества, которыя должны были поставить его во враждебныя отношенія не только къ духовенству, но и къ массѣ народа и боярству. Враждебно должно было отнестись къ Никону большинство современнаго ему духовенства, отличительными чертами котораго являлось невѣжество, преданность пьянству, своекорыстіе, равнодушіе къ религіи и своимъ пастырскимъ обязанностямъ: не могъ встрѣтить Никонъ сочувствія и въ меньшинствѣ, которое, вслѣдствіе недостатка образованія, узкости взглядовъ, проявляло свою ревность къ религіи лишь въ преданности буквѣ, обряду. Народъ и боярство возстали противъ Никона-реформатора вслѣдствіе того же невѣжества, дѣлавшаго для нихъ ужаснымъ, ненавистнымъ всякое заимствованіе отъ иноземцевъ. А такое заимствованіе въ дѣлѣ церковной реформы было необходимо: нужны были латинскія и греческія рукописи, помощь иноземныхъ ученыхъ. Заимствованіе сдѣлалось еще настоятельнѣе для развитія умственной, гражданской, промышленной жизни русскаго народа, и расколъ изъ движенія религіознаго долженъ былъ сдѣлаться и движеніемъ національнымъ, особенно усилиться при Петрѣ. Въ сознаніи

---

*) См. рец. «Систематич. Обзоръ Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 621.

русскихъ людей только православіе было христіанствомъ, Русь же и православіе были понятіями тожественными; отсюда—все иноземное считалось поганымъ, еретическимъ. «Охъ, бѣдная Русь! чего тебѣ захотѣлось; латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ!» взывали съ ужасомъ за Аввакумомъ приверженцы старины, и ряды раскольниковъ росли и наполнялись представителями всѣхъ сословій и даже царской семьи (царевичъ Алексѣй), всѣми недовольными новыми гражданскими порядками.

Интересно сравнить двухъ поборниковъ православія XVII вѣка—Никона и Петра Могилу. Какъ различенъ былъ характеръ ихъ дѣятельности, благодаря различію образованія каждаго изъ нихъ и умственнаго состоянія народной среды, въ которой имъ приходилось дѣйствовать! Въ близкой къ Европѣ Малороссіи высокообразованный Петръ Могила съ успѣхомъ велъ борьбу за православіе съ лучшими силами католическаго міра и самимъ папой, явился основателемъ Кіевской коллегіи, разсадника и образца всѣхъ нашихъ послѣдующихъ академій и университетовъ. Въ Великороссіи, съ ненавистью и ужасомъ отворачивавшейся отъ европейской *басурманщины*, самоучкѣ-крестьянину Никону приходилось еще убѣждать въ необходимости для духовенства грамотности, приходилось обратить свою дѣятельность на исправленіе вопіющихъ нелѣпостей въ книгахъ и богослуженіи и, наконецъ, убить свои богатыя силы на недостойную борьбу въ преслѣдованіи властолюбивыхъ цѣлей, заслонившихъ отъ него цѣли высшія, къ которымъ онъ обнаружилъ стремленіе вначалѣ.

Очеркъ Суворина, образцовый по изложенію, рисуетъ въ самыхъ яркихъ краскахъ всю необузданность, властолюбіе, энергію Никона и то громадное вліяніе, какое онъ имѣлъ на современниковъ, какъ любившихъ, такъ и ненавидѣвшихъ его. Разсказъ о крутыхъ расправахъ Никона съ духовенствомъ и боярами, о рѣзкихъ выходкахъ противъ царя и судившихъ его патріарховъ читается съ величайшимъ интересомъ, но не объясняетъ читателю, чѣмъ пріобрѣлъ Никонъ такое значеніе, не даетъ ни малѣйшаго понятія о расколѣ. Предъ нами неугомонный, яростно борющійся съ многочисленными врагами человѣкъ, а не преслѣдующій извѣстныя высокія цѣли дѣятель. Правда, въ очеркѣ говорится о необходимости исправленія книгъ, о безнравственности и невѣжествѣ духовенства и народа, о приверженности ихъ къ буквѣ, обряду, но всему этому удѣлено слишкомъ мало мѣста. Изъ разсказа г. Суворина читатель можетъ вывести заключеніе, что послѣдователями раскола были главнымъ образомъ «справщики» книгъ, обиженные Никономъ, а что народъ говорилъ: «все одно, какъ ни молись, была бы у тебя въ сердцѣ молитва», и оставался равнодушнымъ къ наущеніямъ защитниковъ старой вѣры. Такъ же мало сказано о просвѣтительной дѣятельности Никона, о томъ, что сдѣлано было имъ для собственнаго образованія.

Личность Никона, если не геніальнаго, то все же необычайно сильно одареннаго человѣка, слишкомъ умалена въ разсказѣ г. Суворина, съ цѣлью сдѣлать жизнеописаніе его доступнымъ малограмотнымъ и малоразвитымъ читателямъ. Но если знакомство съ дѣятельностью Никона имъ не по силамъ, то не лучше ли имъ и вовсе не знать о немъ? Въ историческихъ очеркахъ для народа должны имѣть мѣсто прежде всего факты достовѣрные; преданія о событіяхъ и историческихъ личностяхъ желательны въ такихъ книгахъ при условіи только правильнаго освѣщенія ихъ авторомъ; сказочное, вымышленное пусть и воспринимается читателемъ какъ таковое; въ разбираемомъ же очеркѣ оно поставлено на ряду съ достовѣрными фактами безъ всякихъ комментаріевъ (предсказаніе татарина-колдуна, монаха въ Соловкахъ).

Въ «Разсказахъ про старое время на Руси» Петрушевскаго глава о Никонѣ—одна изъ лучшихъ. Въ ней нѣтъ тѣхъ яркихъ подробностей, нѣтъ той картинности, какими отличается очеркъ Суворина; образъ Никона вышелъ блѣднѣе, но болѣе вѣрнымъ. Читатель найдетъ въ этой главѣ очень подробное и исторически вѣрное описаніе нравственнаго состоянія народа и духовенства, а также очеркъ исторіи раскола.

Очеркъ Суворина и разсказъ Петрушевскаго о Никонѣ служатъ хорошимъ дополненіемъ другъ друга; но они должны читаться лишь развитыми читателями. Отрицаемъ пользу чтенія для ребятъ очерка Суворина, хотя и доступнаго имъ по языку и занимательнаго по подробностямъ.

Вопросы:

Что дало Никону такую власть въ государствѣ?

За что возстали противъ Никона духовенство и народъ?

Разскажите, что знаете о расколѣ.

Почему все иноземное считалось еретическимъ?

А. К.

---

679) **О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи.** И. Слѣпушкина *). Изд. 2-е. Кіевъ. 1871 г. Ц. 12 к. 64 стр.

680) **Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ Малороссіи.** (Съ 1-мъ рисункомъ.) Изд. «Мірск. Вѣстника». Спб. 1876 г. Ц. 15 к., съ пер. 18 к. 30 стр.

Въ 1653 г. совершилось важное для русской государственной и народной жизни событіе—соединеніе Малороссіи съ Московскимъ государствомъ. Въ лицѣ Малороссіи, вмѣсто безпокойнаго, не всегда дружелюбнаго сосѣда, Московская Русь пріобрѣтала сильнаго союзника, цѣннаго военной силой, представляемой большинствомъ, цѣннаго и просвѣщеннымъ, знакомымъ съ Западомъ меньшинствомъ, въ которомъ тотчасъ нашла хорошихъ работниковъ въ дѣлѣ своего просвѣщенія.

Въ народной литературѣ имѣется нѣсколько очерковъ, знакомящихъ, хотя далеко недостаточно подробно, съ исторіей Южной Руси отъ временъ татарскаго нашествія до 1654 г.

Въ главѣ «Литовская унія» изъ книги А. Петрушевскаго—«Разсказы про старое время на Руси» взрослый читатель-простолюдинъ найдетъ очень подробный очеркъ о причинахъ возникновенія религіозной и національной вражды между Польшей и Литвой, а затѣмъ и Украйной. Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія объ уніи, іезуитахъ, братствахъ, отношеніяхъ между хлопами и панами сдѣлаютъ вполнѣ доступными всякіе другіе, менѣе обстоятельные очерки объ этой исторической эпохѣ.

Глава «Богданъ Хмѣльницкій» отличается тою же обстоятельностью..

Книга Слѣпушкина: «О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну», въ отдѣлѣ народной литературы представляетъ наиболѣе полный очеркъ исторіи Малороссіи до присоединенія ея къ Россіи. Г. Слѣпушкинъ слѣдуетъ пріему, который, къ сожалѣнію, игнорируется многими пишущими по исторіи для народа, а именно начинаетъ разсказъ съ конца, идетъ отъ настоящаго къ прошлому, а не наоборотъ. Событіямъ до Хмѣльницкаго посвящены первыя 19 стр. Значеніе уніи, дѣятельности іезуитовъ, ополячиваніе высшихъ классовъ, борьба народа за личную независимость (закрѣпощеніе холоповъ) и православіе очерчены гораздо слабѣе, чѣмъ у Петрушевскаго. Очень подробный разсказъ о времени Хмѣльницкаго оживляется выдержками изъ историческихъ актовъ, приводимыми пословицами, отрывками изъ историческихъ пѣсень. Бытовыхъ подробностей почти нѣтъ, а онѣ, конечно, очень желательны во всякомъ популярномъ историческомъ очеркѣ. Можемъ указать лишь на описаніе церемоніала врученія знаковъ гетманскаго достоинства (стр. 40).

Чувство симпатіи къ угнетеннымъ, обнаруживаемое авторомъ при изображеніи смутнаго прошлаго, не мѣшаетъ ему быть безпристрастнымъ: картины страданій, претерпѣнныхъ казаками, геройскихъ подвиговъ въ борьбѣ за независимость смѣняются мрачными картинами мести и кровавыхъ расправъ съ поляками и евреями (стр. 32, 36). «Такое ужъ было тогда время», говоритъ авторъ: «люди, воюя, немилосердно мучили и убивали враговъ своихъ, разоряя въ конецъ даже и мирныхъ жителей, ибо въ тотъ часъ, по словамъ лѣтописца, не было милосердія между народомъ людскимъ».

II главы изъ сочиненія Петрушевскаго, и очеркъ Слѣпушкина, болѣе трудный по языку, доступны лишь развитымъ читателямъ.

Вопросы:

Что вы читали объ іезуитахъ?

Когда и для чего основывались церковныя братства?

Что такое унія?

Разскажите объ устройствѣ Запорожской Сѣчи?

Какъ жилось козакамъ и хлопамъ подъ властью пановъ?

Что такое сеймъ? рада?

Кого называли гайдамаками? шляхтой?

Какъ воевалъ Хмѣльницкій съ поляками, кто царствовалъ въ Польшѣ въ его время?

Для чего собралась великая рада въ Переяславлѣ и что на ней порѣшили?

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Малороссія и Россія соединились въ одно государство? (1654 г.).

Какія губерніи составляютъ ту часть Россіи, которая называется Малороссіей?

Сколько всего малороссовъ живетъ въ Россіи? (20 милліоновъ).

Въ какихъ другихъ государствахъ живутъ ихъ одноплеменники? (Въ Австріи — въ Галиціи).

Кого называли: быдломъ? схизматиками? посполитствомъ?

Какъ и изъ кого выбирались гетманы?

---

*) «Систематическій Обзоръ Нар. Учебн. Литер.» 1878 г., стр. 598.

Очеркъ «Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ Малороссіи» не можетъ похвалиться ни полнотою, обстоятельностью свѣдѣній, ни безпристрастіемъ.

Разсказъ о Хмѣльницкомъ заканчивается описаніемъ памятника, воздвигаемаго ему въ Кіевѣ. Приводимъ это описаніе.

«Памятникъ состоитъ изъ статуи, изображающей самого гетмана, сидящаго на конѣ, подъ ногами котораго фигура іезуита — все это на огромномъ камнѣ въ видѣ скалы. Подъ навѣсомъ ея, спереди, расположена группа изъ пяти представителей тѣхъ племенъ, которыя слились воедино трудами Хмѣльницкаго. Это—бѣлоруссъ, великороссъ и три южнорусса, изъ которыхъ знаменательно выдѣляется маститый кобзарь, какъ-бы славя вовѣки имя «козацкаго батьки». На верху высѣчены вѣщія слова его: «Сгине Польша, сгине, а Русь буде пановаты, а впереди надпись: «Единая недѣлимая Россія Богдану Хмѣльницкому». Этотъ проектъ памятника давно осужденъ: фигура попираемаго конемъ іезуита и первая изъ надписей найдены неумѣстными, оскорбляющими чувства религіозной терпимости и національнаго достоинства. Да и въ самомъ дѣлѣ,—не умѣстнѣе ли на памятникѣ Богдана слова, въ которыхъ единодушно выразилась воля народа, рѣшавшаго свою судьбу на переяславской радѣ: «Волимъ подъ царя православнаго!»

Какъ не можетъ отрѣшиться отъ своего прошлаго отдѣльный человѣкъ, не можетъ изгладить слѣдовъ его въ своей памяти въ тѣхъ или другихъ своихъ чувствахъ, точно такъ же не можетъ забыть, отречься отъ своего прошлаго и цѣлый народъ. Національное чувство, присущее каждому человѣку, чрезвычайно живуче въ немъ и видоизмѣняется только медленно и при благопріятныхъ условіяхъ. Въ составъ Русскаго государства вошло много различныхъ народностей; у всѣхъ у нихъ общее настоящее, всѣ онѣ въ равной мѣрѣ должны работать надъ созиданіемъ общаго будущаго, но прошлое ихъ слишкомъ различно. Прежніе смертельные враги — побѣдители и побѣжденные, теперь — граждане одного и того же государства. Часто учителю приходится имѣть одновременно учениками русскихъ, поляковъ, евреевъ, татаръ. Много нужно съ его стороны такта, чтобы при занятіяхъ исторіей содѣйствовать развитію соотвѣтствующихъ дѣйствительности чувствъ, и зато какъ легко оживить чувства прошлаго. Каждому, занимавшемуся съ такимъ смѣшаннымъ составомъ учащихся, приходилось видѣть краску обиды, стыда, слезы у однихъ, слышать дѣтскія, но дышущія враждой и злорадствомъ замѣчанія отъ другихъ. И такія явленія неизбѣжны всякій разъ, когда приходится касаться извѣстныхъ страницъ отечественной исторіи. Читается, положимъ, «Тарасъ Бульба» Гоголя, «Гетманъ Остряница» Разина или разбираемая книжка «Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ Малороссіи». Школьники слушатели—малороссы, поляки, евреи, великороссы. Всѣмъ извѣстныя подробности ожесточенной національной вражды волнуютъ негодованіемъ дѣтскія души: начинаютъ переглядываться, вотъ-вотъ готово уже и рѣзкое слово... Это правые судьи. А тутъ же рядомъ сидятъ и подсудимые — товарищи, чувствующіе одновременно и вину прошлую, и незаслуженную насмѣшку, и оскорбленіе въ настоящемъ. Учитель можетъ, конечно, не замѣтить всего этого. Дѣти сами послѣ урока покончатъ между собой и забудутъ о нихъ, только забудутъ-ли совсѣмъ? Да и не нужно, чтобы забывали. Не скрывая истины, не умаляя вины, нужно только мрачное прошлое связать съ измѣнившимся настоящимъ. Сильно ударяютъ по нервамъ дѣтей подробности о роли евреевъ во времена владычества Польши, о неистовствахъ польскаго панства и духовенства. «Ляхъ, жидъ та собака — у іхъ віра одинака», читаютъ они въ книгѣ; или: «Сгине Польша, сгине, а Русь буде пановаты!» Эти риомованныя изреченія какъ-то особенно охотно выхватываются дѣтьми-читателями изъ книги и запоминаются безъ тѣхъ подробностей, которыми освѣщались они въ прочитанномъ очеркѣ. Пусть знается правда прошлая, но ее нельзя давать одну безъ правды новой. Это прямой долгъ воспитывающей школы. Остановите вниманіе на томъ, что прежніе заклятые враги теперь граждане одного и того же государства, что евреевъ ненавидѣли за тѣ занятія, за тѣ средства къ наживѣ, которыя избирались ими, что къ еврею-земледѣльцу или ремесленнику пренебреженіе и вражда были-бы несправедливостью, что козаки въ жестокости не уступали полякамъ, когда оставались побѣдителями, что таковы были нравы того времени. Истина не пострадаетъ отъ этихъ разъясненій, а жизнь только выиграетъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, разбираемую книгу считаемъ совершенно излишней въ школьной и народной библіотекѣ, читатели которой могутъ ознакомиться съ этой исторической эпохой изъ прекрасныхъ очерковъ Петрушевскаго и Слѣпушкина. *А. К.*

---

681) **Освобожденіе Малороссіи отъ польской неволи.** Разсказы изъ Русской исторіи Б. А. Павловича. Изд. Кожанчикова. Спб. 1873 г. Ц. 12 коп. 34 стр.

Не повторяя того, что было сказано нами объ общемъ характерѣ и достоинствахъ всѣхъ очерковъ Б. А. Павловича (см. рец. № 558), мы ограничимся указаніемъ особенностей только разбираемаго очерка. Въ немъ, какъ и въ другихъ, на первомъ планѣ поставлено не лицо, не одно какое-либо событіе, а картина состоянія народа въ извѣстную историческую эпоху: таково содержаніе, таково и самое заглавіе. Еслибы очеркъ этотъ не былъ помѣщенъ въ одномъ томѣ съ другими очерками того же автора, мы усумнились-бы, что онъ принадлежитъ г. Павловичу. Гдѣ та полнота, строгая историческая вѣрность, тотъ масштабъ, сообщаемый авторомъ чувству и уму читателя, который даетъ возможность оріентироваться въ незнакомомъ матеріалѣ, познавать относительную величину описываемыхъ предметовъ,—то, однимъ словомъ, что такъ выдѣляетъ очерки Павловича изъ произведеній другихъ авторовъ? Вмѣсто всего этого — неопредѣленность, отсутствіе самыхъ важныхъ фактовъ, историческія невѣрности; самыя неточныя географическія свѣдѣнія о Малороссіи, Украйнѣ, Запорожьѣ; ни малѣйшей связи съ настоящимъ, никакихъ указаній на прошлое, на кіевскую общерусскую старину. Описанію запорожцевъ и Сѣчи посвящена цѣлая страница. Читатель узнаетъ, что запорожцы были рыболовами. «Но рыбный столъ часто наскучалъ козакамъ: надо было промышлять другимъ образомъ», и вотъ они ходили тогда грабить въ земли крымскаго хана или турецкаго султана. «Такимъ образомъ запорожцы богатѣли отъ набѣговъ, имѣли много всякаго добра, денегъ, драгоцѣнностей и т. д.»—и только. Похожа ли эта характеристика на ту, которую даетъ намъ о Запорожьѣ Гоголь, не говоря уже о другихъ источникахъ? Правъ-ли былъ авторъ, не помѣстивъ въ своемъ описаніи ни одной черты, дающей понятіе о своеобразномъ устройствѣ Сѣчи, какъ общины суровыхъ рыцарей-монаховъ, защитниковъ христіанства отъ басурманъ и православія отъ католичества? Такъ же блѣдно очерчены такія важныя явленія той эпохи, какъ дѣятельность іезуитовъ, происхожденіе уніи, организація козачества: порядокъ избранія гетмана, его права. Самая важная сторона борьбы двухъ народностей вовсе не затронута авторомъ. Противъ Украйны Польша направила не только силу физическую: ряды хорошо обученнаго войска, гнетъ крѣпостной зависимости, близкой къ рабству, но и силу несравненно болѣе опасную для русской народности—образованныхъ фанатиковъ католицизма и полонизма, захватившихъ въ свои руки воспитаніе юношества, отнимавшихъ и у Украйны ея сыновъ, переходившихъ въ католичество, измѣнявшихъ своей народности. Отъ этой силы нельзя было отбиваться однимъ гайдамацкимъ ножемъ, противоставлять ей лишь одну молодецкую силу козачества. Требовались оплотъ и оружіе другаго рода, и онѣ являются въ видѣ братствъ, повсемѣстно устроенныхъ школъ, начиная отъ низшихъ, имѣвшихся при каждой церкви, и до высшихъ, какъ напримѣръ кіевская Братская школа съ курсомъ западно-европейскихъ университетовъ. Устраивалось все это заботами, пожертвованіями тѣхъ самыхъ «рыболововъ-запорожцевъ» и «удальцовъ козаковъ», о которыхъ разсказываетъ г. Павловичъ. Изъ этихъ учрежденій, дававшихъ общее образованіе и развивавшихъ чувство національнаго самосознанія, выходили борцы за свою народность, которые могли помѣряться силами съ образованной Польшей, а потомъ оказались лучшими помощниками Петра, не нашедшаго въ средѣ великорусскаго духовенства людей достаточно просвѣщенныхъ для оцѣнки своей дѣятельности. Такой пробѣлъ въ очеркѣ является непростительнымъ. Разсказывая о печальныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ собиралась рада въ Масловомъ-Ставѣ, авторъ говоритъ: «рѣшено было просить мира у короля. Какъ тяжело было это сдѣлать русскимъ, видно изъ того, что собраніе въ Масловомъ-Ставѣ названо черною радою, т. е. Печальнымъ совѣщаніемъ» (стр. 215). Такое толкованіе эпитета *черная* и присвоеніе его именно этой радѣ исторически невѣрно, такъ какъ названіе «черная рада»—терминъ, которымъ въ гетманскихъ универсалахъ и другихъ актахъ обозначались собранія простаго козачества, въ противоположность радамъ, въ которыхъ участвовалъ войсковой старшина.

Очеркъ этотъ, въ виду всего сказаннаго, считаемъ нежелательнымъ въ народной библіотекѣ. *А. К.*

Исторія Малороссіи въ разсказахъ. Въ трехъ частяхъ. Составилъ В. С.....овъ. Москва. 1874 г. Изд. книгопрод. Манухина. (См. рец. № 565).

682) **Тарасъ Бульба.** Сочиненіе Н. В. Го-

голя *). Съ предисловіемъ Н. И. Костомарова. (Народное изданіе, № 15). Спб. 1874 г. Ц. 20 к. 94 стр.

Считая излишнимъ излагать содержаніе «Тараса Бульбы», говорить о достоинствахъ великаго произведенія Гоголя, давно оцѣненнаго и извѣстнаго всякому грамотному русскому человѣку, приводимъ лишь нѣсколько словъ о немъ Бѣлинскаго, характеризующихъ его, какъ художественную историческую картину извѣстной эпохи народной жизни.

«Тарасъ Бульба» — дивная эпопея, написанная кистью смѣлой и широкой. Если говорятъ, что въ «Иліадѣ» отражается вся греческая жизнь въ ея героическій періодъ, то то же должно сказать и о «Тарасѣ Бульбѣ» въ отношеніе къ Малороссіи XVI вѣка. Какъ великій поэтъ и художникъ, Гоголь въ этой поэмѣ исчерпалъ всю историческую жизнь Малороссіи и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда запечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертіе». (Т. 7-й, стр. 225).

Въ названномъ выше изданіи для народа «Тараса Бульбы» имѣется предисловіе, составленное нашимъ уважаемымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ.

Въ общихъ чертахъ знакомитъ оно съ происхожденіемъ козачества, устройствомъ Сѣчи, состояніемъ Малороссіи подъ владычествомъ Польши. Не смотря на простоту плана и языка, предисловіе оказывается выше пониманія читателей незнакомыхъ съ исторіей: они или сами откровенно признаются, что не дочитали — показалось непонятнымъ, или приходится убѣждаться въ томъ, что оно не понято, при переспросѣ содержанія. Самой же поэмой зачитываются взрослые и малолѣтніе читатели въ городахъ и селахъ.

Вопросы:

Гдѣ и когда происходило все, что описано въ «Тарасѣ Бульбѣ»?

Почему козаки проводили всю жизнь свою на войнѣ?

Опишите Запорожскую Сѣчь.

Какъ жилось на Украйнѣ женщинамъ?

Какой человѣкъ былъ Тарасъ Бульба?

Какое мѣсто разсказа больше всего осталось въ памяти?

О томъ, какъ усваивается содержаніе, можетъ дать понятіе слѣдующій пересказъ, сдѣланный крестьяниномъ *Иваномъ Б—комъ* (16-ти л.), два года тому назадъ окончившимъ курсъ въ Алексѣевской народной школѣ.

«Слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ малороссы были подъ властью литовцевъ и поляковъ, и малороссами управляли паны, которые содержали ихъ въ страшномъ угнетеніи и называли: быдло. И этимъ панамъ такая воля была, что они не подвергались наказанію, даже когда убьютъ малоросса или, какъ они тамъ назывались, холопа. Холопы эти пострадали очень много въ то время особенно за вѣру отъ католиковъ; а паны хотя и больше были изъ православныхъ, но они приняли католическую вѣру и потому старались хлоповъ сбить съ пути истины. И много было такихъ, которые поддавались ихъ увѣщаніямъ и угрозамъ, но было и такихъ много, что не только не желали отречься отъ истинной вѣры, а еще и другихъ защищали отъ заблужденія и дрались за вѣру до послѣдней капли крови. Это были козаки. Вотъ этотъ-то Тарасъ Бульба былъ одинъ изъ днѣпровскихъ козаковъ. Онъ отличался грубой прямотой своего нрава. У него было два сына: Остапъ и Андрій. Тарасъ отдалъ ихъ въ кіевскую академію учиться. Остапъ въ первый годъ пребыванія своего въ академіи бѣжалъ оттуда; тогда его высѣкли да и отправили назадъ. Потомъ онъ четыре раза закапывалъ свой букварь въ землю, и четыре раза, высѣкши его, покупали другой. Тогда Бульба поклялся, что если онъ не выучится всѣмъ наукамъ, то отдастъ его на 20 лѣтъ въ монастырь, и не видать ему Запорожья во вѣки. Съ этого времени Остапъ горячо принялся за ученье и скоро сталъ на ряду съ лучшими.

«Андрій былъ гораздо развитѣе своего брата, и потому онъ учился безъ напряженія. Одинъ разъ случайно онъ увидалъ дочь польскаго пана и полюбилъ ее. Окончивши ученье, сыновья Бульбы прибыли домой. Обрадовавшись этому случаю, Тарасъ задалъ пиръ и на пиру объявилъ, что завтра ѣдетъ въ Запорожье, черезъ что жена его сильно опечалилась: ей хотѣлось хотя денька два посмотрѣть на своихъ милыхъ сыновей; но Тарасъ сейчасъ поутру отправился въ путь. Пріѣхавши въ Запорожье, онъ началъ просить кошеваго воевать съ турками, но кошевой отказалъ, говоря, что козаки обѣщали султану миръ. Тогда козаки, *по направленію* *) Бульбы,

*) См. рец. «Систематическій Обзоръ Народно-Учебной Литературы». 1878 г., стр. 221.

*) По наущенію.

избрали другаго кошеваго, который, собравши всѣхъ козаковъ, сказалъ: «мы дали клятву султану не воевать, да я и не думаю о войнѣ; но у насъ есть такіе парни, что и въ глаза не видали войны, то надо ихъ послать на берега Анатоліи, пусть немного пошарпаютъ». Тогда всѣ вскричали «веди, веди всѣхъ!»— и кошевой принужденъ былъ исполнить волю козаковъ.

«Когда готовились къ походу, то былъ страшный шумъ: въ то время небольшой козакъ изо всѣхъ силъ кричалъ, но за шумомъ невозможно было понять, о чемъ онъ кричитъ, а когда кошевой спросилъ его, то онъ сказалъ, что пронесся слухъ съ запада, что если жидъ не положитъ значка своего на святой пасхѣ, то ее и святить нельзя, и что жидовки изъ поповскихъ ризъ шьютъ себѣ юпки, а ксендзы уже ѣздятъ не па лошадяхъ, а на православныхъ христіанахъ.

«Отъ этихъ словъ козаки такъ разсвирѣпѣли, что сейчасъ пошли бить жидовъ, а потомъ и поляковъ. А когда осадили городъ Дубно, то полька, которую полюбилъ Андрій въ Кіевѣ, прислала къ нему свою служанку, а та его провела къ ней. И Андрій, пожелавшій жениться на полькѣ, измѣнилъ козакамъ.

«Потомъ, когда получили поляки подмогу, то напали на козаковъ, и началась страшная битва. Въ то время отворились городскія ворота и вылетѣлъ гусарскій польскій полкъ, а впереди несся Андрій и рубилъ уже не поляковъ, а козаковъ. Онъ былъ заманенъ въ лѣсъ, гдѣ Бульба убилъ его, какъ собаку. Остапъ, дравшись въ то время въ два раза съ сильнѣйшимъ врагомъ, попалъ въ плѣнъ.

«Когда Тарасъ узналъ о судьбѣ сына, то сильно опечалился и началъ просить Янкеля—жида, котораго онъ спасъ отъ смерти—провезти его въ городъ за нѣсколько червонцевъ, который и провезъ его въ возу кирпичей.

«Потомъ Янкель началъ просить другаго жида провести Бульбу къ заключеннымъ козакамъ, который согласился. И Тарасу, переодѣтому иностраннымъ графомъ, удалось дойти къ дверямъ тюрьмы, гдѣ былъ Остапъ. Польскій часовой, считая его за графа, говоритъ ему: «я не знаю, ваша ясновельможность, зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди; и вѣру ихъ никто не уважаетъ».

«Тарасъ сильно былъ обиженъ словами часоваго, такъ что не вытерпѣлъ и сказалъ: «врешь, ты самъ собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ!»

«Часовой хотѣлъ позвать своихъ товарищей и схватить его, да насилу Янкель упросилъ его за сто червонцевъ отпустить Бульбу. Но сына онъ не увидѣлъ.

«Тогда Янкель повелъ Тараса на площадь, гдѣ у него при глазахъ Остапъ мужественно принялъ смерть.

«Въ то время напали на поляковъ козаки, и Тарасъ, перебѣжавши къ нимъ, началъ править Обторскимъ полкомъ. Польскій военачальникъ былъ окруженъ козаками и началъ просить мира. Гетманъ вмѣстѣ съ полковниками согласился, но Тарасъ не согласился, и онъ пошелъ воевать на поляковъ вторично, гдѣ и былъ схваченъ поляками, которые присудили сжечь его на деревѣ.

«И такъ этотъ храбрѣйшій полководецъ принялъ мученическую смерть отъ поганыхъ поляковъ.»

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Въ средѣ читательницъ *«Тарасъ Бульба»* пользуется меньшей популярностью, охотно читается лишь тѣми, которыя нѣсколько знакомы съ отечественной исторіей. Отъ другихъ приходилось слышать: — Не понравилась книга, не люблю читать о войнахъ. — Мнѣ она показалась неинтересной, потому что только о мужчинахъ говорится.

Впрочемъ, на вопросы всѣ отвѣчаютъ охотно. Привожу примѣры отвѣтовъ, полученныхъ отъ ученицъ различныхъ возрастовъ и различной школьной подготовки. Интересно разнообразіе въ отвѣтахъ на одинъ и тотъже вопросъ, свидѣтельствующее о томъ, какъ различно воспринимается и понимается одно и то же произведеніе; разнообразіе тѣмъ болѣе интересно, что вопросы предлагались одновременно и отвѣты одной слышались другими.

На вопросъ: гдѣ и когда происходило все описанное въ «Тарасѣ Бульбѣ»,—отвѣчали:

Т—ко (16-ти л., малоразвитая дѣвушка, годъ тому назадъ лишь обучившаяся грамотѣ). Это было въ Чехіи, около Днѣпра и Кіева, козаки ходили къ полякамъ воевать.

П—ва (28-ми л., также лишь недавно одолѣвшая грамоту, но берущая уже книги для

самостоятельнаго чтенія на дому). Должно быть, давно все это было: тогда земля была польская, а теперь чья—кто его знаетъ.

Ученицы, окончившія курсъ народной школы, нетерпѣливо ждали очереди.

— Это было у запорожцевъ въ исходѣ XVI вѣка, сказала одна.

— Въ Малороссіи, гдѣ Кіевъ, Полтава, Днѣпръ, добавила другая.

Отвѣты другихъ были въ томъ же родѣ; видны были свѣдѣнія, вынесенныя изъ школы, оказавшіяся важнымъ подспорьемъ для пониманія прочитаннаго.

На слѣдующіе затѣмъ вопросы отвѣчали:

Г—ко. Запорожцы воевали противъ поляковъ за то, что въ свою вѣру хотѣли ихъ обратить. На нихъ нападали еще татары, турки, и они отъ всѣхъ свою православную вѣру защищали. Женщинамъ жилось тогда на Украйнѣ очень нехорошо: ихъ надолго оставляли мужья, а враги ихъ грабили, брали въ плѣнъ. Вотъ и здѣсь описано: мать только одну ночь видѣла своихъ сыновей, какъ горевала за ними! Только не всѣ женщины были такія. Я читала другую книгу про гетмана Острянипу; такъ его мать не жалѣла ни себя, ни сына, чтобы спасти Украйну. Вотъ и Тарасъ Бульба такой-же былъ: не жалѣлъ себя для вѣры и отечества. Когда его взяли въ плѣнъ, привязали къ дереву, — и тогда не забывалъ своихъ; сына роднаго убилъ за то, что вѣру смѣнилъ на полячку.

— Очень понравилось, какъ отецъ говорилъ по малороссійски съ сыновьями (*Г—ко* недавно переселилась изъ малорусской деревни въ Харьковъ), а больше всего въ памяти осталось, какъ Тарасъ Бульба убилъ Андрія.

Ч—ва (12-ти л., оставила народную школу на 3-мъ году обученія). Все, что въ этой книгѣ написано, было въ Запорожской Сѣчи. Она была на Днѣпрѣ. Прежде были козаки вольные, а теперь царь отмѣнилъ. Ихъ разоряли, набѣги дѣлали враги. Козаки постоянно воевали и тоже нападали на другихъ; только ихъ нельзя назвать разбойниками: они поступали по христіански, они не шли на другихъ *даромъ* (безъ причины).

— Тарасъ Бульба былъ простой человѣкъ; у него было войско и два сына. Остапъ мнѣ больше понравился; онъ воевалъ съ отцомъ вмѣстѣ; потомъ его казнили. А Андрій любилъ женщинъ, ему полюбилась *еврейка* (это не было обмолвкой: я должна была напомнить нѣсколько фактовъ, чтобы убѣдить отвѣчавшую, что Андрій любилъ не еврейку, а полъку). Больше всего осталось въ памяти, какъ мучили Остапа, какъ онъ позвалъ отца и отецъ обозвался, а потомъ пропалъ куда-то.

Т—ко. Козаки не нахально воевали, а за вѣру Христову. Тарасъ былъ добрый, хорошій человѣкъ, любилъ воевать, не могъ усидѣть спокойно, если что слышалъ дурное, а сейчасъ бросался. Тарасъ не могъ перенесть, что сынъ пошелъ въ поляки, а Андрій говорилъ полячкѣ, что любитъ ее больше роду, отца, больше родины. Гдѣ про Андрія описано, это всего больше понравилось, и когда отецъ его убилъ.

Робко, но тономъ искренняго убѣжденія, выразила *Т—ко* свое сужденіе объ Андріѣ:

— Онъ никогда не бросилъ-бы отца и не смѣнилъ-бы вѣру, еслибы не такъ сильно любилъ полячку; хотя онъ и не очень уважалъ воевать и раньше не хотѣлъ идти на войну, но держался-бы около отца и брата.

А. К.

---

683) **Тарасъ Бульба.** Историческая повѣсть Н. В. Гоголя, изложенная для народа. (Народныя чтенія.) Спб. 1881 г. Ц. 5 к. 40 стр.

Въ народной литературѣ *«Тарасъ Бульба»* имѣется еще и въ другомъ видѣ «изложенный для народа» неизвѣстнымъ авторомъ.

Цѣль изложенія—сдѣлать это произведеніе Гоголя доступнымъ для публичныхъ народныхъ чтеній, на которыхъ оно въ полномъ своемъ объемѣ прочитано быть не можетъ.

Выборъ отрывковъ удаченъ; имъ предпослано нѣсколько словъ объ историческомъ прошломъ Малороссіи. Авторъ заканчиваетъ повѣсть разсказомъ о дальнѣйшей судьбѣ Украйны, говоритъ о временахъ Богдана Хмѣльницкаго и присоединеніи Малороссіи къ Россіи.

Въ народной библіотекѣ книга эта не должна замѣнять подлинника, доступнаго читателямъ, а служить лишь для публичныхъ чтеній.

На югѣ и западѣ Россіи, въ виду соображеній, высказанныхъ выше, въ рецензіи № 680, считаемъ публичное чтеніе «Тараса Бульбы» *безъ разъясненій и комментаріевъ со стороны лектора* нежелательнымъ. *А. К.*

684) **Невольница.** Сказка Марко-Вовчка. Изд. Яковлева. Спб. 1864 г. Ц. 10 к.

Давно, давно, въ тѣ времена, когда на Украйну дѣлали набѣги турки, татары и всякая другая басурманщина, жгли жилища, разоряли семьи, грабили и вносили ужасъ и отчаянье, жилъ-былъ въ городѣ Овручѣ маль-

чикъ Остапъ, единственный сынъ зажиточнаго козака. Остапъ былъ непохожъ на своихъ сверстниковъ: въ то время, какъ они беззаботно предавались дѣтскимъ играмъ, онъ сидѣлъ задумчиво и скорбѣлъ о томъ, что кругомъ такъ много горя и страданія. Временами его маленькое сердечко закипало жаждой мщенья, и никакія ласки родныхъ не могли развлечь его. Изъ ребенка выросъ такой же впечатлительный юноша, и не было ему покоя отъ его думъ и плановъ; а тутъ, какъ нарочно, картины жизни еще болѣе возбуждали энергію и мщеніе: то грезилась ему дѣвушка съ русою косою на легкомъ ворономъ конѣ у турка въ рукахъ; она протягиваетъ къ нему съ отчаяніемъ руки и кричитъ умоляющимъ голосомъ: «спасай, козакъ!»— то убитый богатырь, видѣнный имъ во рву... И не выдержало ретивое: бросилъ Остапъ своихъ стариковъ и ушелъ туда, куда призывалъ его долгъ чести и совѣсти—защищать свою дорогую родину. И сталъ онъ славнымъ и вліятельнымъ козакомъ и собиралъ дружины, и всѣ шли за нимъ, и молодые, и старые; и много одержалъ онъ блестящихъ побѣдъ; но вдругъ счастье измѣнило ему: кругомъ его валятся, какъ снопы, его вѣрные товарищи; сила взяла свое: турки одолѣли, и онъ въ плѣну. И вотъ томится онъ въ тюрьмѣ, въ заточеніи, и медленно, день за днемъ вынимаетъ съ усиліями по одному камню изъ стѣны, чтобы рано или поздно вырваться на волю и уйти. Наконецъ, цѣль достигнута: онъ на волѣ, но безъ денегъ, безъ соотвѣтствующей одежды, безъ средствъ... И вдругъ является предъ нимъ, какъ сновидѣніе, та самая козачка, съ русою косою, которую онъ видѣлъ когда-то въ рукахъ турка. Она шла спасти его. Онъ предлагаетъ бѣжать вмѣстѣ, но она, снабдивъ его одеждой и деньгами, исчезаетъ, сказавъ на прощанье, что одному легче уйти и что она будетъ ждать его...

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; тихо въ турецкомъ городѣ. Почему же это пробудились турки, лѣнивые и изнѣженные?.. —То Остапъ идетъ со своими полчищами. Онъ побѣждаетъ турокъ и освобождаетъ дѣвушку...

Разсказъ написанъ живо, талантливо, оригинально, полонъ малорусскаго юмора. Чрезвычайно своеобразно опредѣлена исключительность личности Остапа: — вмѣсто того чтобы сказать: это былъ человѣкъ «выдающійся,» авторъ употребляетъ такой пріемъ: «Вотъ если-бы намъ съ вами— вамъ да мнѣ встрѣтилось что-либо подобное, мы бы ахнули и забыли, а Остапъ—нѣтъ, не забылъ,» и эта присказка: «Вотъ, еслибъ намъ съ вами— вамъ да мнѣ» повторяется весьма часто и съ одной стороны смѣшитъ, варіируя отвѣтъ, что̀ бы мы сдѣлали—простые смертные, а съ другой — все рельефнѣе и рельефнѣе выдвигаетъ геройскую фигуру Остапа. Юморъ, подчасъ недоступный вообще народу, здѣсь настолько простъ, что будетъ понятенъ грамотному простолюдину.—Напр.: «Прошлаго году проѣзжалъ нашъ братецъ старшій изъ полку да разсказывалъ, какъ онъ на баталіи былъ, что какъ въ него, въ него самого, въ него одного только и цѣлено, въ него всѣ пули летѣли, въ него всѣ пушки палили и всѣ ружья стрѣляли, и не могъ онъ умомъ постичь, какъ это, какимъ дивомъ онъ цѣлъ и невредимъ выскочилъ»...

Разсказъ этотъ долженъ читаться преимущественно старшимъ возрастомъ.

Вопросы:

Таковъ ли былъ Остапъ ребенкомъ, какъ другіе его сверстники?

О чемъ онъ страдалъ и задумывался въ юности?

За что пошелъ войной на враговъ?

Каждый ли изъ насъ можетъ быть полезенъ своей родинѣ по мѣрѣ силъ и чѣмъ именно?

Х. А.

ОТЗЫВЫ УЧЕНИЦЪ О КНИГАХЪ.

Ирина М—ва (18 л.) читаетъ медленно, повторяя два, три раза слоги и слова; вотъ почему, когда она попросила меня дать ей *«Невольницу»* Марко-Вовчка, я совѣтовала взять другую какую нибудь книгу полегче, но ей рекомендовали эту подруги, и она настоятельно просила. Я дала. Сегодня она возвратила мнѣ ее на дому.

Для меня рѣшительно непостижимо, какимъ образомъ, читая *такъ*, какъ читаетъ *М—ва*, достигнуть *такого совершенства въ разсказѣ*.

— Остапъ непохожъ былъ на своихъ однолѣтокъ, говорила она съ воодушевленіемъ:— онъ все думалъ, все думалъ о своей родинѣ и жалѣлъ, что нѣту у него силы козацкой, чтобы побѣдить враговъ своихъ жестокихъ. И хотѣлось ему, чтобы народъ его родной такъ не бѣдствовалъ, чтобъ не обижали, не грабили его злые люди. И когда выросъ онъ, собралъ онъ полки цѣлые, всѣхъ уговорилъ, всѣхъ усовѣстилъ на врага идти и дрался, пока самого не заполонили и въ тюрьму посадили. И вотъ выбиралъ онъ по камню съ терпѣніемъ и довыбиралъ таки, пока вышелъ на свѣтъ Божій; и встрѣтилась ему дѣвушка съ русою косою, та самая, что видѣлъ онъ когда то въ полѣ у турка въ рукахъ. И просилъ онъ ее идти съ нимъ, а она не хотѣла рукъ ему связывать. И пришелъ онъ потомъ съ полками козацкими и освободилъ дѣвушку съ русою косою, христіанку-козачку».

Разсказъ былъ переданъ такъ полно и плавно, что всякаго рода вопросы казались мнѣ излишними. Я спросила только подъ впечатлѣніемъ своего недоразумѣнія:

— Вы одинъ разъ читали «Невольницу»?

— Одинъ! отвѣчала съ грустью ученица:— прочла бы и второй разъ, да времени не было.

Авдотья П—ва, читавшая то же самое, передала разсказъ недурно и съ свойственной ей своеобразностью.

— И видитъ онъ: мчится что ни на есть скоро турокъ на лошади, говорила она между прочимъ:—и держитъ дѣвушку на сѣдлѣ. Онъ сперва думалъ, что это турчанка, смотритъ—русая коса: значитъ русская.

Надо замѣтить, что въ книгѣ положительно нѣтъ намека на то, будто онъ думалъ, что это турчанка, и это варіантъ, добавленный воображеніемъ *П—вой*. Такого рода логичные варіанты, если можно такъ выразиться, весьма часто встрѣчаются при передачѣ народомъ прочитаннаго; слѣдуетъ обратить вниманіе на эту игру воображенія, которая такъ рельефно обрисовывается въ безхитростной рѣчи простолюдина.

— А вотъ конца я не поняла, добавила добродушно *П—ва*: — тамъ сказано: «Пришелъ атаманъ съ войсками, и перепугались турки».

— Кто-жъ этотъ атаманъ, какъ вы думаете? спросила я.

— А Богъ его знаетъ!

— Это-жъ и былъ Остапъ, и пришелъ онъ за дѣвушкой съ русой косою.

— Да не можетъ быть! — сказала *П—ва*, весело, широко улыбаясь.

Татьяна А—ва (10 л., дочь писаря) прочла *«Невольницу»*. Давать читать «Невольницу» 10-ти-лѣтнимъ дѣтямъ—ошибка, и эта ошибка вполнѣ нормально отразилась на 10-ти-лѣтней *Танѣ*.

— Я все забыла, что читала, говорила она простодушно:—помню только, какъ турокъ схватилъ дѣвушку, поволокъ на лошадь и помчался съ нею; а еще помню, какъ Остапъ спустился въ яръ и видитъ: человѣкъ тамъ убитый лежитъ—турокъ убилъ.

Ни исключительности натуры Остапа, ни его самоотверженія и мужества, ни его любви къ родинѣ,—ничего этого не могла понять (или «запомнить», какъ выражается она) маленькая *Таня*; только двѣ яркія картинки, доступныя ея дѣтскому воображенію остались у нея въ памяти, и это вполнѣ натурально.

Дарья Б—ва. Не смотря на замѣчательную даровитость и развитіе *Даши Б—вой*, ею такъ же, какъ и другими, не понятъ конецъ сказки. Не зная слова *«атаманъ»* и не встрѣчая имени Остапа, она не въ силахъ была догадаться, что это былъ онъ. Кромѣ того, годы также даютъ о себѣ знать. Взрослымъ чутье подсказало, что Остапъ шелъ на войну для того, чтобы спасти свой народъ, а 12-тилѣтняя *Б—ва* не обратила на это вниманія и отвѣчала, что онъ предпринялъ войну по тому, что былъ храбрый.

Ученица 13-ти лѣтъ, окончившая городскую школу, передала мнѣ такъ содержаніе *«Невольницы» Марко-Вовчка*.

— Жилъ въ Овручѣ мальчикъ Остапъ. Другія дѣти въ игры разныя играются, а онъ скрозь ходилъ, разсматривалъ, что нехорошо людямъ въ Овручѣ жить; — чѣмъ помочь? Люди смѣялись надъ нимъ, а онъ не обращалъ вниманія: ему все равно! Онъ все свою думку думаетъ! И задумалъ онъ изъ дома утечь отъ отца и матери, собрать войско и на турокъ войной пойти. Утекъ, собралъ войско огромное, воротился на родину и сталъ людей уговаривать: «Полно, полно вамъ въ неволѣ жить—идите отбиваться!»... Послушались, пошли... И много онъ побѣдъ разныхъ одержалъ, пока въ плѣнъ попалъ. Сидитъ онъ въ плѣну, въ заточеніи, и понемногу камни отваливаетъ: когда двѣ, когда четыре, когда шесть; и продѣлалъ себѣ дыру порядочную, вылѣзти можно; и вылѣзъ. Крадется потихоньку, а навстрѣчу ему дѣвушка идетъ съ русою косою. Онъ ее еще въ мало-

лѣтствѣ видалъ. Передала она ему, что нужно для побѣга, и говоритъ: «приходи спасать меня!» Крадется онъ и думаетъ самъ про себя: «вотъ проснутся, погоню пошлютъ—не дай Богъ!» Ну, слава Богу, глянулъ на море—козаки ѣдутъ; онъ къ нимъ присталъ и спасся... (Варіантъ, прибавленный ученицею). А слово свое, все таки, сдержалъ: собралъ полки и за козачкою пошелъ и спасъ ее благополучно.

X. A.

---

685) **Маруся.** Марко-Вовчка. Переводъ съ малороссійскаго. (Съ 10-ю художественными рисунками Башилова и барона Клодта). Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. 132 стр.

Это произведеніе извѣстной малорусской писательницы было переведено на русскій языкъ съ рукописи, до сихъ поръ еще на малорусскомъ языкѣ не бывшей въ печати. Это—нѣчто среднее между исторической повѣстью и легендой, соединяющее въ себѣ яркія картины, блещущія жизненной правдой реальныя подробности одной и поэтическую неопредѣленность, туманность другой.

Сюжетъ заимствованъ авторомъ изъ народныхъ историческихъ преданій о жизни Украйны во времена гетманства Петра Дорошенка (1666—1675 г.) на правобережной Украйнѣ. Современникомъ Дорошенка въ лѣвобережной Украйнѣ былъ вначалѣ гетманъ Иванъ Брюховецкій (1663—1668), за нимъ Демьянъ Многогрѣшный (1668—1672) и Иванъ Самойловичъ (1672—1687).

Въ разсказѣ современникомъ Дорошенка, нужно думать, является Брюховецкій, женатый на московской княжнѣ — Долгорукой, жившей въ Гадячѣ (стр. 101 и 87).

Впрочемъ, въ повѣсти нѣтъ точныхъ свѣдѣній о личности гетмана лѣвобережной Украйны, а потому въ разсказѣ слѣдуетъ видѣть не изображеніе какихъ нибудь историческихъ событій, а изображеніе цѣлой эпохи народной украинской жизни временъ Дорошенка.

Лицу, руководящему чтеніемъ, необходимо сообщить читающему краткія свѣдѣнія по исторіи Украйны отъ смерти Богдана Хмѣльницкаго до Самойловича включительно,—иначе прекрасный разсказъ не будетъ вполнѣ понятъ и оцѣненъ. Историческія монографіи Костомарова представляютъ для этого прекрасный матеріалъ.

Разсказъ начинается поэтическимъ описаніемъ природы на хуторѣ козака Данила Чабана, недалеко отъ г. Чигирина, въ Кіевской губерніи. На хуторѣ въ праздничный день сошлись сосѣди, козаки-хуторяне. Въ это же время является на хуторѣ какой то странникъ. Къ нему относятся сначала съ недовѣріемъ; пришелецъ говоритъ намеками, но разсказами о бѣдствіяхъ Украйны онъ трогаетъ слушателей до слезъ, а затѣмъ открываетъ имъ, что онъ сѣчевикъ, посолъ отъ Запорожской Сѣчи къ гетману Дорошенку, къ которому долженъ пробраться въ Чигиринъ. Хуторяне сообщаютъ сѣчевику, что всѣ дороги заняты вражескими войсками, что всюду снуютъ военные отряды. Ничто не можетъ поколебать его рѣшимости видѣть гетмана.

«— Дѣло идетъ не объ одной головѣ, а о цѣлой Украйнѣ», говоритъ онъ въ отвѣтъ на высказываемыя опасенія.

Начинаются совѣщанія о томъ, куда и какъ направиться сѣчевику. Маленькая Маруся, дочь хуторянина, является незамѣченной участницей этихъ переговоровъ. Она все слыхала, все поняла. Отецъ строго приказываетъ ей ни одной душѣ живой не говорить о слышанномъ, посылаетъ ее за матерью. Въ это время раздаются дикіе крики; на порогѣ показывается испуганная хуторянка.

«— Скачутъ конные, отрядъ прямо къ нашей хатѣ!» съ ужасомъ сообщаетъ она. Хозяинъ ведетъ сѣчевика въ садъ; за ними незамѣтно проскользнула Маруся. Враги разыскиваютъ на хуторѣ сѣчевика; между тѣмъ Маруся въ саду предлагаетъ запорожцу въ возѣ отцовскаго сѣна провезти его до хутора отцовскаго пріятеля, Кныша, откуда уже вольная дорога до Чигирина. На эту мысль наводитъ Марусю извѣстная ей сказка. Сѣчевикъ говоритъ ей, что «теперь повсюду войска стоятъ; всюду враги шатаются... вмѣсто цвѣтовъ по обѣимъ сторонамъ дороги дымъ клубится отъ стрѣльбы, — рѣзня идетъ...»—Знаю, отвѣчаетъ Маруся.

«— Будутъ тебѣ глядѣть недобрые вражескіе глаза въ лицо, и если ты собьешься въ одномъ словечкѣ, если только дрогнешь,—все пропало! Все говори, что везешь сѣно пану Кнышу.

«— Я не собьюсь въ словѣ, не дрогну... я не боюсь врага, а только боюсь неудачи.

«— Маруся, знаешь, можетъ смерть насъ постигнетъ... — О, прежде бы до Чигирина тебѣ добраться!» отвѣчаетъ Маруся.

Ѣдутъ. По дорогѣ до хутора казака Кныша возъ съ сѣномъ захватываетъ московскій отрядъ, но препровождается онъ на хуторъ Кныша же. Маруся прекрасно выполняетъ свою роль. Пріѣхавши на хуторъ, она намекомъ даетъ знать Кнышу о сѣчевикѣ. Изво-

ротливость Кныша очерчена прекрасно. Возъ выкупленъ изъ плѣна. Изъ хутора Кныша сѣчевикъ отправляется переодѣтымъ бандуристомъ, а Маруся дѣлается его поводатаркой. «—Пойду, куда скажешь», говоритъ Маруся. Такъ они благополучно прошли черезъ станъ московскаго войска и ночью были въ Чигиринѣ у Дорошенка. Сцена свиданія Дорошенка очерчена живо, рельефно (стр. 65—69). Дорошенко даетъ сѣчевику порученіе къ гетману лѣвобережной Украйны, и снова запорожецъ съ неразлучной Марусей на опасномъ пути.

Описаніе таинственной переправы черезъ Днѣпръ, свиданія съ казаками, которыхъ сѣчевикъ упрекаетъ въ нерѣшительности, прибытія мнимаго кобзаря съ поводатаркой Марусей къ гетману въ Гадячъ — полны интереса. Въ главѣ 19-й и 20-й мы находимъ описаніе гетмана и окружающихъ его дѣятелей: предъ нами апатичная гетманша — боярыня; патріотка—братчиха, воплощенная энергія, сила, любовь къ родинѣ, «палючая искра», какъ охарактеризовала ее старуха казачка; гость-бояринъ, ловкій соглядатай; невозмутимый братчикъ; трусливый гетманъ. Характеренъ разговоръ боярина съ сѣчевикомъ. (Письмо Дорошенка къ гетману, вѣроятно, передано было Марусей братчихѣ въ красной хусткѣ при входѣ въ церковь).

Исполнивъ свою миссію въ Гадячѣ, сѣчевикъ съ Марусей идутъ дальше. Силы начинаютъ измѣнять дѣвочкѣ; сѣчевикъ указываетъ ей на село въ сторонѣ отъ дороги: «—Чѣмъ больше село, тѣмъ больше въ немъ женъ, матерей, сестеръ и невѣстъ, которыя плачутъ, потому что по этой дорогѣ много ушло мужей, братьевъ, жениховъ и отцовъ на битву, и никто не знаетъ, сколько изъ нихъ воротятся. Времена тяжкія, Маруся,—понимаешь?» (Стр. 122).

Маруся ободрилась. Дошли до лѣсу; тамъ ждутъ сѣчевика съ вѣстями товарищи запорожцы. Онъ даетъ о себѣ знать крикомъ «пугу» (употребительный у запорожцевъ условный призывный знакъ). Раздается нежданный выстрѣлъ; раненый сѣчевикъ вручаетъ Марусѣ *червоную хустку*, точно такую, какую она подала братчихѣ; онъ торопитъ, ободряетъ дѣвочку,—тамъ, впереди, ждутъ этого знака; она передастъ хустку тому, кто обратится къ ней съ условнымъ привѣтствіемъ. Дѣвочка повязываетъ хустку на голову; больно, страшно разставаться ей съ раненнымъ товарищемъ, но слова его: «— Иди, Маруся, надо!»—заставляютъ ее быстро идти по указанному пути. Красный платочекъ алѣетъ ужъ далеко отъ лѣса по дорогѣ, а въ догоню посылаетъ ему татаринъ пулю. И падаетъ ницъ убитая героиня-дѣвочка на пыльную дорогу.

А хустка таки достигаетъ своего назначенія: ее снимаетъ съ убитой ждавшій вѣстей землякъ Маруси.

«Давнымъ-давно все это случилось, но до сихъ поръ еще небольшая могила (курганъ) неподалеку отъ этихъ мѣстъ называется «Дівоча». — Говорятъ тоже, что могилу эту насыпалъ самъ своими руками какой-то запорожецъ».

Такъ заканчивается поэтическій разсказъ Марко-Вовчка.

У многихъ, по прочтеніи его, возникаетъ вопросъ: могъ ли ребенокъ, какимъ была Маруся, такъ поступать и чувствовать? возможны ли Маруси въ жизни, или онѣ только образы изъ области поэтическаго, легендарнаго міра?

Есть эпохи въ жизни народа, когда въ ряды бойцовъ становятся и дѣти. Маруся — дочь своей матери Украйны въ пору кровавой борьбы ея съ татарами, турками, поляками. Картины грабежа и убійствъ, звуки выстрѣловъ, рыданья по убитымъ, разсказы о бѣдствіяхъ родины, совѣщанія и сборы къ отраженію враговъ—вотъ та обстановка, которая окружала дѣтей, подъ вліяніемъ которой складывался характеръ, пробуждалась и крѣпла ихъ душевная жизнь. На такой почвѣ могли нарождаться Маруси.

Вопросы:

Что заставило Марусю рѣшиться оставить родную хату, семью?

Что происходило тогда въ Малороссіи?

А. К.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

По воскресеньямъ ученицы приходятъ учиться въ воскресную школу, а по праздникамъ нѣкоторыя изъ учительницъ приглашаютъ ихъ къ себѣ на домъ и читаютъ вслухъ ту или другую книгу. Обыкновенно выбирается небольшой разсказъ, занимающій

не болѣе 2-хъ, 3-хъ часовъ времени, чтобы окончить его тутъ же, такъ какъ между однимъ праздникомъ и другимъ проходятъ иногда 2—3 недѣли. На этотъ разъ случились три праздника сряду, и мы начали читать «Марусю» Марко-Вовчка (132 стр.).

Послѣ трехъ-часоваго чтенія учительница предложила ученицамъ разойтись, но участь маленькой Маруси настолько заинтересовала ихъ, что онѣ убѣдительно просили читать дальше. Кончилось тѣмъ, что ученицы разошлись около 6-ти ч. вечера, прослушавши съ интересомъ всѣ 132 страницы.

Смерть бѣдной Маруси вызвала почти общія слезы.

Группа слушавшихъ чтеніе была весьма разнообразна: тутъ были и ученицы 10—11 лѣтъ, плохо читающія, и окончившія курсъ въ ежедневной школѣ, и взрослыя дѣвушки. Очевидно, всѣхъ отъ мала до велика заняла фабула разсказа; всѣхъ интересовало, что станется съ переряженнымъ бандуристомъ-сѣчевикомъ и его крошечной, отважной поводатаркой; всѣ слѣдили, повидимому, съ трепетомъ, въ какой лагерь попадали они въ своихъ странствованіяхъ — вражескій или свой, и тѣмъ болѣе было тревоги, что, не зная исторіи, онѣ никакъ не могли оріентироваться и опредѣлить, гдѣ свои и гдѣ враги.

Пѣсни и картинки очень оживляли чтеніе: почти всѣ пѣсни оказались знакомыми, и онѣ, не выдерживая и забѣгая впередъ, говорили ихъ наизустъ или приводили даже различные варіанты. Видимо, онѣ настолько вѣрили въ эти минуты происшествію, что можно было слышать такія замѣчанія:

— Господи, что теперь объ ней дома думаютъ!

— И чего они не воротили ея съ дороги.

— Какъ ты думаешь, какой гостинецъ ей мать въ узелкѣ прислала? и т. п. И, тѣмъ не менѣе, не смотря на этотъ общій интересъ и оживленіе,—многое, очень многое было не понято ими.

Марко-Вовчокъ писала свою «Марусю» не для дѣтей или народа, а потому чтеніе и пониманіе ея, кромѣ общаго характера неопредѣленности, туманности очертаній историческихъ данныхъ, затрудняется чисто-литературнымъ языкомъ перевода, изобилующимъ такими выраженіями, какъ: *«граціозная, мелодическій»* и т. п.

Смыслъ описываемаго на стр. 66, 67 и 68 (разговоръ сѣчевика съ гетманомъ), точно также, какъ стр. 78, 79, 82 и 83 (разговоръ сѣчевика съ товарищами по исполненію опаснаго посольства), наконецъ вся XX глава—доступны лишь читателю хорошо знакомому съ исторіей Малороссіи, а потому неудивительно, что для среды слушательницъ, о которой говоримъ мы, они прошли безслѣдно.

При передачѣ содержанія «Маруси» у маленькихъ слушательницъ вышла очень коротенькая исторія приключеній дѣвочки Маруси; у среднихъ она выросла и осложнилась словомъ «война».

Старшія очень ярко оттѣнили самоотверженіе и геройство сѣчевика и Маруси; отъ нихъ можно было услышать замѣчанія въ такомъ родѣ:—Какъ тяжело управлять, особенно въ смутное время! и т. п.,—хотя, конечно, и онѣ пропускали указанныя нами непонятныя мѣста. *Х. А.*

---

686) **Гетманъ Степанъ Остряница** (1638 г.). Повѣсти изъ Русской исторіи А. Разина. Спб. 1868 г. Ц. 40 к. 120 стр.

Разбираемый очеркъ представляетъ нѣчто среднее между историческимъ очеркомъ и повѣстью. Изложеніе не отличается художественностью, но само содержаніе говоритъ за себя, и книга читается съ большимъ интересомъ, какъ взрослыми, такъ и развитыми малолѣтними читателями. Описывается 1638 г.,—когда между Украйной и Польшей шла ожесточенная борьба. Не забыта мучительная казнь гетмана Наливайки въ Варшавѣ; помнятъ и поляки ужасную «Тарасову ночь». Историческая часть разсказа начинается съ описанія пораженія подъ Кумейками козацкаго войска и казни гетмана Павлюги. Взволновалась Украйна до самыхъ отдаленныхъ уголковъ: нужно выбирать новаго гетмана, готовить новыя силы для борьбы съ торжествующимъ врагомъ. Выборъ падаетъ на нѣжинскаго полковника, молодаго Степана Остряницу. Счастье благопріятствуетъ новому избраннику; побѣдоносно доходитъ онъ до Житоміра. Потоцкимъ подписанъ выгодный для Украйны мирный договоръ. Остряница и сподвижники его мечтаютъ о возвращеніи къ семьямъ, къ мирнымъ хуторскимъ занятіямъ; но въ Каневѣ, гдѣ остановился гетманъ, поляки, нарушивъ только что заключенный договоръ, почью нападаютъ на монастырь, захватываютъ безоружнаго Остряницу и увозятъ его въ Варшаву. А въ Украйну, между тѣмъ, вступаетъ съ своимъ войскомъ Конецпольскій и покрываетъ ее сплошнымъ пламенемъ пожаровъ и цѣлыми рѣками крови.

Приведенъ разсказъ лѣтописца о мучитель-

ной казни гетмана и его сподвижниковъ (стр. 118).

Очевидно, авторъ пользовался при составленіи своего очерка «Исторіей Руссовъ» Георгія Конисскаго,—источникомъ, не заслуживающимъ довѣрія, а потому въ разсказъ вкрались нѣкоторыя невѣрныя свѣдѣнія. Такъ напримѣръ, гетманъ Остряница послѣ пораженія не былъ казненъ поляками, а бѣжалъ въ Московское государство, поселился близъ Чугуева, гдѣ впослѣдствіи былъ убитъ, но не поляками. Весь очеркъ даетъ живую картину жизни Украйны въ описываемую эпоху; въ этомъ заключается все его значеніе.

Описывается жизнь на хуторахъ, патріархальныя отношенія между богатыми козаками и работающими у нихъ бѣдными; положеніе евреевъ, какъ арендаторовъ православныхъ церквей и какъ доносчиковъ, передававшихъ о готовящихся движеніяхъ въ средѣ козачества противъ поляковъ (стр. 47—52); отношенія между гетманомъ и товарищами-козаками; высокое положеніе женщинъ, полновластныхъ хозяекъ надъ имуществомъ отсутствующихъ мужей и сыновей, горячихъ участницъ ихъ тревожной жизни, привыкшихъ жертвовать всѣмъ дорогимъ для нихъ ради спасенія родной Украйны и православной вѣры. Типъ героини-козачки довольно живо воспроизведенъ въ образѣ пани Іосыповны, матери Остряницы.—«А гетмана *потратили* (утратили)?» спрашиваетъ она возвратившагося въ числѣ немногихъ съ поля битвы сына; «и насупилась старуха, не нашла для сына ласковаго слова: несчастье Украйны подавило въ ней радость свиданья съ сыномъ. И не могла-бы тогда сказать пани Іосыповна, какую вѣсть легче было-бы ей услышать: что сынъ ея убитъ, защищая родину, или что гетмана не стало, тогда какъ съ нимъ былъ самъ нѣжинскій полковникъ Остряница». Узнавъ о пораженіи козаковъ и смерти сына, она поджигаетъ боченокъ пороху и лишаетъ себя такимъ образомъ жизни вмѣстѣ съ молодой невѣсткой и малюткой дочерью погибшаго сына. Этотъ геройскій поступокъ не есть вымыселъ автора. У Костомарова встрѣчается немало примѣровъ подобнаго рода (см. «Исторія въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ дѣятелей». Выпускъ 5-й. Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, стр. 266, 278).

Вопросы:

Кто замѣнилъ на Украйнѣ гетмана Павлюгу?

Какъ жилось Украйнѣ подъ владычествомъ Польши?

Изъ кого выбирали гетмановъ?

Какъ жилось въ то время украинскимъ женщинамъ?

Съ какимъ государствомъ соединилась Малороссія? *А. К.*

---

687) **Богомольцы у святынь Кіева. Лавра.** И. Хрущова. Народныя чтенія. Спб. 1880 г. Ц. 15 к. 60 стр. Изд. 2-ое 1886 г. Ц. 12 к.

688) **Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ** И. Хрущова. Народныя чтенія. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 38 стр. Изд. 2-ое 1886 г. Ц. 10 к.

689) **Святыни Кіева.** Священника С. Опатовича. (Съ 8 раскрашенными картинами). Народныя чтенія. Спб. 1873 г. Ц. 15 к. 32 стр.

Тысячи богомольцевъ направляются ежегодно къ Кіеву, къ Москвѣ и другимъ русскимъ святынямъ. Идутъ старики, молодые, подростки, находя въ этихъ странствованіяхъ удовлетвореніе тѣмъ идеальнымъ стремленіямъ, той потребности новыхъ сильныхъ впечатлѣній, которымъ нѣтъ ни исхода, ни пищи въ сѣрой обстановкѣ трудовой жизни родныхъ захолустьевъ. Многіе не одинъ разъ предпринимаютъ долгій, полный лишеній путь. Усердно посѣщаются службы церковныя, осматриваются святыни, покупаются на трудовыя копѣйки образки, пузырьки со святой водой и масломъ. Стоитъ только вглядѣться въ лица богомольцевъ—умиленныя или жадно всматривающіяся, чтобы убѣдиться, что эти люди не обрядъ исполняютъ, а переживаютъ минуты напряженной душевной дѣятельности. У церкви Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ встрѣтила я однажды группу богомольцевъ; это были крестьяне и крестьянки Кіевской, Воронежской, Орловской губерній и достаточный торговецъ мукой изъ Ельца. Всѣ они уже отговѣли и собирались въ обратный путь. Съ высоты площадки, окружающей церковь, прощались они съ Кіевомъ, сообщая другъ другу о видѣнномъ.

— Все видѣли? обратилась я къ кому-то.

— Вездѣ были! былъ дружный отвѣтъ. Началась живая передача впечатлѣній, собственно перечисленіе посѣщенныхъ церквей и святынь. И здѣсь услышала я слѣдующее сѣтованіе:

— Что-жъ, видѣли много, да еслибы про то все знать, что видѣли! Вотъ хоть и въ пещерахъ: народу сразу идетъ сила,—переднie то слышатъ, что объясняетъ монахъ, а всему то остальному народу такъ ужъ приходится за ними идти; кто грамотный—остановится, самому хочется прочесть, такъ подгоняютъ, чтобы не задерживалъ другихъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, насколько извѣстно имъ историческое значеніе Кіева.

— Видѣли-ли вы большой памятникъ надъ Днѣпромъ? знаете, въ память кого онъ поставленъ? спросила я.

Кто видѣлъ, кто не обратилъ вниманія; значенія его изъ всей группы богомольцевъ никто не зналъ.

— Самъ-то я неграмотный, отозвался елецкій торговецъ:—долго стоялъ возлѣ памятника вчера... такъ думаю, что это Петръ Великій,—вопросительно обратился онъ ко мнѣ.

Я сообщила извѣстные факты о Владимірѣ Святомъ, крещеніи русскаго народа, наконецъ о преданіи о посѣщеніи кіевскихъ высотъ апостоломъ Андреемъ. Слушатели неотступно стали просить меня провести съ ними остальную часть дня, обойти еще разъ святыни Кіева и разсказать, что знаю о нихъ. Къ сожалѣнію, сдѣлать этого я не могла.

— Можетъ, книгу такую можно купить, гдѣ все описано. Я-бъ ужъ денегъ не пожелѣлъ; дома сынишка у меня грамотѣ знаетъ; сдѣлайте милость, укажите, гдѣ купить? попросилъ купецъ.

Мы отправились въ поиски за книгой, но подходящей найти не удалось. А будь онѣ, сколько бы ихъ разнеслось богомольцами, какъ читались и слушались-бы онѣ дома, дополняемыя и оживляемыя разсказами богомольцевъ-очевидцевъ! Самыя художественныя описанія архитектурныхъ красотъ зданій читаются народомъ безъ всякаго интереса, вслѣдствіе бѣдности или полнаго отсутствія впечатлѣній изъ этой области. Описанія эти получаютъ совершенно иное значеніе, если они освѣщаются, оживляются личными впечатлѣніями, если читатель видѣлъ описываемое, если онъ обращается къ книгѣ за разъясненіями того, что оставило глубокій слѣдъ въ памяти.

Не удалось найти для богомольца, пожелавшаго пріобрѣсти книгу о Кіевѣ, даже имѣющихся для народнаго чтенія описаній Кіева—очерка Опатовича «Святыни Кіева» и двухъ очерковъ Хрущова «Богомольцы у святынь Кіева». Въ очеркахъ своихъ Хрущовъ описываетъ доступно и интересно достопримѣчательности Кіева, связанныя съ ними историческія воспоминанія, жизнь подвижниковъ и мучениковъ.

Въ первомъ очеркѣ—«Лавра» разсказъ начинается со входа богомольцевъ въ Кіевъ и ожидающихъ ихъ тамъ впечатлѣній. Далѣе описывается Кіево-Печерская лавра, пещеры, церковь Спаса на Берестовѣ, подвижническая жизнь Антонія и Θеодосія, постриженіе знатнаго юноши Варлаама, устроеніе монастыря Печерскаго Антоніемъ и Θеодосіемъ, сооруженіе церкви Богоматери, занятія печерскихъ иноковъ (списываніе книгъ, живопись, леченіе и уходъ за больными), иноческая жизнь князя Святослава Давидовича, заслуги Нестора лѣтописца и значеніе обители Печерской для тогдашней русской жизни. Все это изложено просто и интересно; особенно удалось автору жизнеописаніе Θеодосія.

Книга читается съ интересомъ читателями всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Опишите Лавру, пещеры. Разскажите объ Антоніи и Θеодосіи.

Назовите извѣстныхъ своими подвигами иноковъ печерскихъ.

Чѣмъ послужила русскому народу Печерская обитель и ея иноки?

Во второмъ очеркѣ — «Старый Кіевъ» находимъ описаніе Михайловскаго монастыря и краткое жизнеописаніе великомученицы Варвары, памятника Владиміра, Крещатицкаго источника, церкви Трехъ Святителей, выстроенной на мѣстѣ, гдѣ были убиты кіевлянами-язычниками отецъ и сынъ, тайно принявшіе христіанство и отказавшіеся принести жертву богамъ; описаніе Десятинной церкви; указывается мѣсто, гдѣ стоялъ княжескій теремъ; описывается церковь Андрея Первозваннаго и виднѣющійся оттуда Вышгородъ, причемъ авторъ разсказываетъ о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ и древнемъ трогательномъ обычаѣ у гроба мучениковъ давать свободу плѣннымъ. Подробнѣе другихъ описывается Софійскій соборъ, а въ заключеніе упоминается о Фроловскомъ и Выдубецкомъ монастыряхъ и Китаевской пустыни.

Этотъ очеркъ, какъ и первый, доступенъ для читателей всѣхъ возрастовъ, но, конечно, представляетъ болѣе интереса для тѣхъ, которые нѣсколько знакомы съ исторіей, а еще болѣе для тѣхъ, кто посѣщалъ Кіевъ.

Вопросы могутъ предлагаться по вышеприведенному содержанію книги.

Въ очеркахъ г. Хрущова мы находимъ описаніе древняго Кіева, но описаніе неполное: авторъ имѣлъ цѣлью познакомить съ святынями Кіева, съ Кіевомъ, какъ разсадникомъ христіанства, а потому почти не касается фактовъ, характеризующихъ его какъ центръ политической жизни.

Такимъ образомъ на очереди — задача составить подробное и полное описаніе Кіева, который почти четыре первые вѣка нашей

исторіи служилъ съ своей областью средоточіемъ политической жизни русскаго народа; въ эпоху наибольшаго процвѣтанія, т. е. въ XII вѣкѣ, вмѣщалъ въ себѣ съ предмѣстьями болѣе 100,000 жителей, обращалъ вниманіе посѣщавшихъ его иноземцевъ своимъ богатствомъ и оживленіемъ. Въ подробномъ описаніи Кіева нельзя остановиться только на этомъ періодѣ его исторіи: и послѣ татарскаго нашествія, и во времена владычества Литвы и Польши Кіевъ не переставалъ быть центромъ русской народной жизни, центромъ просвѣщенія, дававшаго борцовъ за народность русскую и православіе. Кромѣ могилъ древнихъ мучениковъ и подвижниковъ, есть болѣе поздній могилы, которыя также заслуживаютъ того, чтобы предъ ними останавливались потомки. Такова могила Θеодора Острожскаго, съ сильнымъ малорусскимъ ополченіемъ въ теченіе 9-ми лѣтъ участвовавшаго въ геройской борьбѣ чеховъ-гусситовъ со всѣми силами Германской имперіи, давшаго новый военный строй козацкому войску—такъ называемый таборъ, доставившій впослѣдствіи козакамъ не одну побѣду, и окончившаго свою жизнь въ Печерской обители, гдѣ за подвижничество сподобился стать превыше, въ сонмѣ св. отцевъ печерскихъ. Такова могила другаго князя Острожскаго—Константина, щедраго строителя церквей и школъ: въ Братскомъ монастырѣ могила запорожца Сагайдачнаго,—грозы турокъ, татаръ и поляковъ, возстановителя русской іерархіи, основателя многихъ училищъ, Кіево-Братскаго монастыря, которому оставленъ былъ Сагайдачнымъ и капиталъ въ нѣсколько тысячъ для устройства высшаго училища, впослѣдствіи преобразованнаго въ Кіевскую Академію.

Кромѣ названныхъ, найдется немало и другихъ могилъ и историческихъ достопримѣчательностей, имѣющихъ право на мѣсто въ описаніи Кіева.

Очеркъ Опатовича «Святыни Кіева», кромѣ описанія древняго Кіева, сообщаетъ и о дальнѣйшей судьбѣ его во время нашествія татаръ, а также о временахъ борьбы съ католичествомъ. Но изложенъ этотъ очеркъ крайне сухо; въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ даются нерѣдко лишь одни имена. Вслѣдствіе этого книга читается неохотно, мало оставляетъ въ памяти читающихъ, а потому и не можетъ быть признана желательной въ народной и школьной библіотекѣ.

А. К.

---

690) **Кіевъ въ русской поэзіи.** (Альбомъ). 1878 г. Ц. 60 к.

Заглавіе заманчиво; книгѣ открытъ доступъ въ народную школу; извѣстно, какъ любятъ дѣти и взрослые читатели-простолюдины историческое содержаніе и въ повѣстяхъ, и въ стихотвореніяхъ;—вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ насъ остановиться на книгѣ, очевидно не предназначавшейся составителемъ для школы или народа. Въ предисловіи читаемъ: «Издатель желалъ представить кіевлянамъ альбомъ, въ которомъ русскіе поэты въ разное время записали свои впечатлѣнія отъ Кіева и Днѣпра». Мысль—выбрать изъ художественной литературы описанія событій или мѣстностей почему либо замѣчательныхъ — мысль не новая: ею руководствовались составители многихъ книгъ и хрестоматій (Хрестоматія Гилярова, «Родина» Радонежскаго). Посчастливилось только Кавказу, столь воспѣтому Пушкинымъ и Лермонтовымъ, а на долю всей остальной Россіи, не исключая и столицъ, художественныхъ описаній найдется сравнительно немного. Составить цѣлый альбомъ для одного Кіева оказалось задачей нелегкой; чтобы осилить ее, пришлось быть неразборчивымъ—и къ десятку произведеній нашихъ русскихъ поэтовъ: Козлова, Хомякова, Бенедиктова, Фета прибавить немало стиховъ безвѣстныхъ поэтовъ со страницъ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», «Воскреснаго Чтенія» и разныхъ журналовъ и сборниковъ. Малоцѣнныя по художественнымъ своимъ достоинствамъ, послѣднія изъ названныхъ произведеній недоступны и по содержанію читателю-простолюдину.

Книга издана съ благотворительной цѣлью, въ пользу вдовъ и сиротъ павшихъ воиновъ, но не народной школѣ съ ея ничтожными средствами служить цѣлямъ этой благотворительности.

А. К.

---

691) **Разсказы про Петра Великаго и его время.** А. Петрушевскаго. Спб. 1877 г. Цѣна 40 к. 240 стр. Изд. 3-е. 1877 г. Цѣна 50 к. 263 стр.

Въ историческомъ отдѣлѣ народной литературы нѣтъ очерка, который бы полнѣе и лучше знакомилъ съ преобразованіями и самою личностью Петра, чѣмъ разбираемая книга Петрушевскаго. Содержаніе ея вполнѣ отвѣчаетъ заглавію. Петрушевскій говоритъ въ ней не только о Петрѣ, но и о современной ему Руси. Борьба этихъ двухъ силъ: одной пылкой, кипучей, настойчиво, сознательно идущей къ намѣченной цѣли, и дру-

гой, медленно пробуждающейся, грузно, неохотно слѣдующей за своимъ неугомоннымъ дѣтищемъ,—удачно проведена во всей книгѣ. Изложеніе этой борьбы пріятно поражаетъ научно-исторической вѣрностью, отсутствіемъ тенденціозности, чѣмъ, къ сожалѣнію, рѣдко обладаютъ такія популярныя сочиненія, какъ разбираемое. Петръ не является въ ней нѣкимъ чудомъ, не имѣющимъ ничего общаго со своимъ временемъ, современниками, пересоздающимъ Россію по своему произволу, но только геніальнымъ сыномъ Руси, не имѣвшимъ, правда, братьевъ равныхъ по силѣ, но встрѣтившимъ хорошихъ помощниковъ въ братьяхъ по духу, каковыми были Өеофанъ Прокоповичъ, Меншиковъ, Матвѣевъ (стр. 61—98). «И до Петра», говоритъ Петрушевскій:—«лучшіе русскіе люди уже давно понимали нужду государственнаго обновленія: таковъ былъ Симеонъ Полоцкій, Матвѣевъ и другіе».

Авторъ не скрываетъ отъ читателя темныхъ сторонъ личности Петра, говоритъ о любви къ кутежамъ, разстроившимъ его здоровье, о публичныхъ расправахъ дубинкой, о собственноручномъ избіеніи осужденныхъ на смерть заговорщиковъ-стрѣльцовъ, но зато не упускаетъ ни одной черты, характеризующей дѣятельность и свѣтлыя стороны души Петра. Эта послѣдняя задача выполнена авторомъ въ высшей степени заботливо и удачно. Множество характерныхъ, живо, понятно изложенныхъ фактовъ должно запечатлѣть въ душѣ даже мало развитаго читателя идеальный образъ царя труженика.

Таковъ Петръ, носящій грубый мундиръ и заплатанные сапоги, собственноручно изготовляющій части кораблей, чертящій планы судовъ и крѣпостей, изучающій анатомію, разсѣкающій трупы, исполняющій безропотно обязанности юнги и рядоваго солдата, не терпящій лжи и лести и награждающій за разумное противорѣчіе и ослушаніе себѣ; не терпящій придворныхъ церемоній и зачастую посѣщающій семью простаго матроса или ремесленника; неутомимо работающій, ставящій выше всего благо своего государства, открывшій къ себѣ доступъ всѣмъ и каждому, имѣющему до него дѣло, выслушивающій дѣльное слово о дѣлѣ общественномъ, отъ кого бы оно ни шло: отъ крестьянина Посошкова, отъ дворецкаго, графа Шереметева-Курбатова (стр. 73). Тяжела рука Петра, необузданъ его гнѣвъ, тверда, непреклонна его воля, но это не иго деспота, все и вся подчиняющаго произволу своей личности, это—могущественное вліяніе человѣка, работающаго во имя идеи, въ святости которой онъ желаетъ убѣдить каждаго русскаго; идея эта—благо русскаго народа, которое можетъ быть достигнуто лишь при широкомъ развитіи просвѣщенія. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Петръ. Предъ полтавскимъ сраженіемъ Петръ обращается къ войскамъ съ слѣдующими словами:

«Вы не должны думать, что сражаетесь за Петра, а за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру нашу православную и церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога, жила-бы только Россія во славѣ и благоденствіи» (стр. 123).

Во время прутской невзгоды, ожидая пораженія и плѣна, Петръ пишетъ сенату: «Если случится это (т. е. плѣнъ), вы не должны меня почитать своимъ государемъ и ничего не исполнять, что мною хотя собственноручнымъ повелѣніемъ будетъ требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами. Если же я погибну, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники» (стр. 136). Эти слова Петра, сказанныя въ самыя критическія минуты его жизни, сохраненныя для потомства въ подлинныхъ документахъ, достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о его величіи и самоотверженномъ служеніи идеѣ.

Языкъ разбираемой книги — образцовый: онъ представляетъ нѣчто среднее между литературнымъ языкомъ и образною народною рѣчью, но при этомъ не носитъ слѣда подделки. Не смотря на простоту изложенія, очеркъ о Петрѣ Великомъ доступенъ лишь взрослому читателю: слишкомъ сложны и серьезны затрогиваемые имъ вопросы изъ государственной и общественной жизни; да и для такого читателя покажутся, быть можетъ, трудными главы, посвященныя описанію походовъ, отношеній къ иностраннымъ державамъ. Было бы крайне жаль, если-бы, не осиливъ ихъ, онъ не продолжалъ чтенія книги,—а потому очень важно, чтобы лицо, выдающее книги для чтенія, указало на лучшія главы, которыя несомнѣнно прочтутся съ увлеченіемъ, произведутъ глубокое впечатлѣніе. Таковы: гл. III—«*Иноземная наука*», въ которой описывается кипучая дѣятельность Петра за-границей; гл. IV — «*Стрѣлецкое дѣло*,» содержащая картину нравовъ того времени; особенно ярко очерчено въ ней мертвившее жизнь обрядовое благочестіе, дѣлавшее изъ самого царя монаха. «Петръ былъ истинный православный христіанинъ, но на другой ладъ. Онъ былъ государь великой земли

Русской, мірской человѣкъ, а не монахъ: заботиться о благѣ подданныхъ, устроеніи земли, ея богатствѣ и преуспѣяніи — вотъ въ чемъ былъ его долгъ передъ Богомъ, а не въ иноческомъ подвижничествѣ» (стр. 62); гл. V— *«Отъ стараго къ новому»*, составляющая какъ-бы продолженіе предыдущей: говоря о невѣжествѣ всѣхъ слоевъ общества, авторъ сообщаетъ въ ней объ отношеніяхъ Петра къ духовенству, въ невѣжествѣ не уступавшему мірянамъ, о необходимости призыва пастырей изъ Малороссіи, гдѣ долгая борьба съ католичествомъ и знакомство съ Западной Европой выработали много просвѣщенныхъ проповѣдниковъ, стоявшихъ на высотѣ своего призванія; гл. XI — *«Царевичъ Алексѣй Петровичъ»*, въ которой прекрасно выяснено, что разладъ между сыномъ и отцомъ не былъ лишь семейнымъ дѣломъ, проявленіемъ крутаго нрава отца, а борьбою двухъ силъ: Руси старой и новой; гл. XII — *«Мирныя дѣла и конецъ войны»*, говорящая о неусыпныхъ заботахъ Петра о подъемѣ общаго благосостоянія, о его заботахъ о крестьянскомъ сословіи, о преслѣдованіи взяточничества и казнокрадства (до стр. 177). Послѣдняя глава книги— *«Новая имперія и новый Императоръ»* заслуживаетъ особаго вниманія. Въ ней подводятся итоги всей дѣятельности царя-труженика, выясняются какъ свѣтлыя, такъ и мрачныя стороны характера этого необыкновеннаго по силѣ и энергіи человѣка. Авторъ указываетъ на тѣ упреки, какіе дѣлались Петру современниками и позднѣйшими цѣнителями его дѣятельности, и горячо защищаетъ Петра. Въ основу защиты кладетъ онъ мысль, что Петръ долженъ былъ быть сыномъ своего времени, получившимъ немалое наслѣдство и отъ темныхъ временъ предшествовавшихъ, но что многое, если не все, должно быть прощено тому, кто всѣ силы отдавалъ на служеніе великой цѣли – благу ввѣреннаго ему народа и въ минуты величайшей личной опасности, не помня о себѣ, старался вдохновить другихъ тою-же великою идеею: «О Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи» (стр. 123). Послѣдняя глава, представляя нѣчто совершенно цѣльное, можетъ быть читаема независимо отъ другихъ и служить для тѣхъ, кто ознакомился съ дѣятельностью и внѣшними событіями царствованія Петра изъ другихъ народныхъ книгъ, прекраснымъ заключеніемъ.

Предназначая книгу для взрослыхъ читателей, считаемъ бесѣду о прочитанномъ умѣстнѣе вопросовъ, которыхъ и не прилагаемъ.

А. К.

Примѣч. Рец. см.: *«Народная Школа»* 1878 г. № 3, стр. 43; *«Педагогическій Музей»* 1878 г. № 8, стр. 584; *«Систематическій Обзоръ Русской Народно-Учебной Литературы»* 1878 г. стр. 624.

---

692) **Изъ Ясной Поляны.** (Журналъ графа Л. Н. Толстаго.) Разсказы для крестьянскихъ ребятъ. Книжка 6-я. Одесса 1875 г. Изданіе А. Эрленвейна. Ц. 15 к.

Содержаніе: Петръ Первый. Исторіи, сказки и пѣсни про Петра. Портретъ Петра.

Для народа написано о Петрѣ сравнительно много, а потому выборъ можетъ представить затрудненіе. Разбираемая книга безспорно— первая книга, изъ которой малограмотный взрослый или школьникъ должны знакомиться съ Петромъ. Языкъ, которымъ она написана, характеръ изложенія—простотою, образностью напоминаютъ сказку, лѣтопись. О достоинствахъ ихъ лучше всего даетъ понятіе пересказъ малограмотныхъ читателей, такой-же подробный, картинный, одушевленный, какъ и самый разсказъ книги. Этотъ пересказъ служитъ прекраснымъ доказательствомъ того, какъ свойственна народному разсказу драматическая форма изложенія, какъ неохотно и неумѣло замѣняютъ разсказчики-дѣти изложеніемъ ея въ третьемъ лицѣ.

На семидесяти страницахъ находимъ мы очень подробную и полную внѣшнюю исторію царствованія Петра, въ полнотѣ уступающую развѣ лишь разсказу Петрушевскаго. Факты запоминаются прекрасно, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что личность Петра не является предъ читателемъ во весь свой ростъ, заслуги не оцѣниваются по достоинству. Малолѣтніе не имѣютъ представленій о значеніи царской власти и дѣятельности, знаютъ лишь царей сказочныхъ; слѣдовательно сравнивать имъ Петра не съ кѣмъ; взрослые не знаютъ, какова была до-Петровская Русь, а потому вся преобразовательская дѣятельность и такіе факты, какъ разладъ съ Евдокіей, Алексѣемъ, появленіе раскольниковъ не могутъ быть поняты по прочтеніи одной лишь этой книги. Это обусловливается отчасти выборомъ матеріала, но считать это недостаткомъ нельзя: бралось то, что предполагалось по силамъ дѣтскимъ головамъ.

Во второй части книги, озаглавленной «Исторіи про Петра,» собрано 17 короткихъ разсказовъ, характеризующихъ личность

Петра: его любознательность, простоту, строгое отношеніе къ обязанностямъ, вспыльчивость, бережливость. Лучшіе изъ нихъ: 1-й, 2-й, 4-й, 11-й, 17-й.

Вопросы:

Чей сынъ былъ Петръ Великій?

Разскажите, какъ росъ Петръ, чему учился, чѣмъ забавлялся?

Разскажите, что помните о Софьѣ?

Кто были стрѣльцы? Потѣшные?

За что любилъ Петръ нѣмцевъ, зачѣмъ поѣхалъ въ чужія страны?

Похожъ-ли былъ царевичъ Алексѣй на отца?

Съ кѣмъ воевалъ Петръ?

Для чего нужно было ему добыть для Россіи моря Балтійское и Черное?

А. К.

---

693) **Царь Петръ Великій.** Н. Шалфеева. (Чтеніе для народа.) Произнесено при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1872 г. Ц. 8 к. 24 стр.

Эпиграфъ, избранный авторомъ:

«То полководецъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,—
Онъ съ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

(*Пушкинъ*).

вполнѣ отвѣчаетъ прекрасно-задуманному плану и содержанію сжатаго, но очень обстоятельнаго очерка о Петрѣ. Всѣ виды дѣятельности Петра поставлены въ строгую зависимость отъ главной, одушевлявшей его идеи: упроченія матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго возвышенія Россіи. Самая личность его удачно характеризуется примѣрами изъ его жизни и приводимыми собственными его словами.

Для малоразвитыхъ читателей это несомнѣнно самое доступное чтеніе для ознакомленія ихъ съ Петромъ. Не смотря на доступность изложенія, все же объясненія о значеніи морей, необходимости соединенія рѣчныхъ системъ, значеніе того или иного города останутся непонятыми читателями, совершенно незнакомыми съ картой Россіи или изъ жизни не ознакомившимися съ условіями географическаго положенія указанныхъ частей Россіи. А потому желательно, чтобы очеркъ Шалфеева не читался самостоятельно читателями изъ народа, а былъ прочитанъ имъ съ соотвѣтствующими картинами волшебнаго фонаря, перечень которыхъ прилагаемъ:

1) Карта Европы. (Для выясненія значенія морей: Балтійскаго, Бѣлаго и Чернаго, сосѣдства шведовъ и турокъ, крѣпостей и основанныхъ городовъ, соединенія рѣчныхъ системъ.)

2) Дѣдушка русскаго флота.

3) Петръ на корабельной верфи.

4) Петръ на Лахтѣ.

5) Памятникъ Петру.

6) Портретъ его.

Къ тексту очерка Шалфеева лекторъ, избравшій его для публичнаго народнаго чтенія, долженъ прибавить два отрывка изъ Пушкина: изъ поэмъ «Полтава» и «Мѣдный Всадникъ». (Оба отрывка помѣщены въ очеркѣ о Петрѣ В. Рождественскаго, стр. 35 и 41.)

Вопросы:

Въ которомъ году родился и умеръ Петръ Великій? (1672—1725.)

Почему называютъ Петра Великимъ и царемъ-труженикомъ?

Ѣздили ли русскіе цари до Петра въ чужіе края и для чего поѣхалъ онъ самъ?

Почему нужны были для Россіи моря Балтійское и Черное? *А. К.*

Примѣч. Рецензіи см. «Обзоръ Народно-Учебн. Литературы», 1878 г., стр. 625. «Народная Школа», 1876 г., № 11, стр. 74.

---

694) **Полтавская битва.** Историческій разсказъ. Спб. 1876 г. Изд. редакціи журнала «Мірской Вѣстникъ». Ц. 13 к. 22 стр.

695) **Полтавскій бой.** Историч. очеркъ Е. Тихомирова. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва 1881 г. Ц. 10 к. 36 стр.

Во всей русской исторіи ни одно сраженіе не имѣло такихъ важныхъ послѣдствій, какъ Полтавское, и ни одно,—исключая развѣ Куликовской битвы,—не отпечатлѣлось до такой степени въ народной памяти. Еслибы побѣда досталась Карлу, еслибы малороссійское козачество послѣдовало увѣщаніямъ вѣроломнаго гетмана и отложилось бы отъ Россіи, къ которой присоединилось еще такъ недавно (45 лѣтъ назадъ), что сталось бы съ русской державой, съ грандіозными планами Петра? На сколько времени отдалилось бы такъ необходимое для государственной жизни Россіи обладаніе Балтійскимъ моремъ? Существовалъ ли бы самъ Петербургъ?

Знакомство народа съ такими важными событіями изъ отечественой исторіи, конечно, очень желательно. Къ сожалѣнію, не даетъ его разбираемый очеркъ, написанный крайне сухо и блѣдно. Въ немъ не найдемъ мы ни

одной удачной характеристики дѣйствующихъ лицъ, ни одного дѣйствующаго на воображеніе читателя описанія; даже отрывки изъ поэмы «Полтава» Пушкина являются въ немъ въ до нельзя обезображенномъ видѣ, благодаря сокращеніямъ и плохому подбору. Можно было бы посовѣтовать развитымъ, хорошо владѣющимъ литературнымъ языкомъ читателямъ прочесть этотъ очеркъ одновременно съ поэмой Пушкина. Но всегда ли окажется возможнымъ получать одновременно обѣ книги, да и подъ силу ли дополнять самостоятельно одну другою? Проще и доступнѣе воспользоваться книжкой С. Макаровой (см. рец. № 696).

Очеркъ Е. Тихомирова «Полтавскій бой», вслѣдствіе обилія историческихъ и географическихъ именъ, а также военныхъ терминовъ, совершенно непригоденъ для народнаго чтенія. *А. К.*

---

696) **Полтава** *). Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. (Съ 7-ю раскрашенными картинками). Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1876 г. Ц. 15 к. 44 стр. Изд. 1886 г. Ц. 10 к.

697) Всеобщая библіотека. **Полтава** А. С. Пушкина. Изд. Самойлова. Москва 1887 г. Ц. 3 к. 30 стр. **)

«У каждаго грамотнаго народа есть свой любимый поэтъ, т. е. такой писатель, который передаетъ стихами все то, что каждый почти изъ его собратій пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ. Чѣмъ сердечнѣе такой человѣкъ, тѣмъ нагляднѣе и вѣрнѣе передаетъ онъ свои думы, тѣмъ складнѣе разсказываетъ онъ ихъ, тѣмъ больше его заслуга передъ народомъ, тѣмъ охотнѣе читаютъ стихи его», Такъ начинаетъ свой разсказъ Макарова. Такъ же просто и коротко разъясняетъ она значеніе Пушкина для русскаго народа; затѣмъ приступаетъ къ самому содержанію повѣсти, заимствованному безъ всякихъ измѣненій изъ извѣстной поэмы Пушкина. Удачно выбранные отрывки поэмы связываются содержательными, хорошо изложенными поясненіями автора, безъ которыхъ, при незнаніи исторіи и географіи, многое изъ этого произведенія Пушкина было бы непонятно и оставило бы несравненно болѣе слабое впечатлѣніе въ душѣ читателя. Грандіозная фигура Петра, при всей горячей симпатіи къ нему автора, не заслоняетъ собою другихъ дѣйствующихъ лицъ. Кочубей, Искра, Мазепа, Карлъ XII, Марія, «обезоруженный старикъ» Палѣй (стр. 27, 36), «баловень счастья» Меньшиковъ, благодаря умѣнью и такту автора-разскащицы, получатъ подобающее мѣсто въ памяти читателя, а побѣдитель Петръ не будетъ отнесенъ къ числу царей-воителей, для которыхъ военная слава, тревоги и подвиги жизни бранной являются достаточнымъ оправданіемъ для жертвъ и ужасовъ затѣваемыхъ войнъ. Значеніе и необходимость войнъ, веденныхъ Петромъ для дальнѣйшей внутренней жизни Россіи, заботливо разъясняются авторомъ. Единственнымъ опущеніемъ является отсутствіе года Полтавской битвы (1709 г.) Къ тексту приложены 7 плохихъ по исполненію, но весьма умѣстныхъ по содержанію картинъ: портреты Пушкина и Мазепы, «Кочубей въ темницѣ», «Казнь Кочубея», «Битва подъ Полтавой», «Видъ города Полтавы».

Вопросы:

Какъ называется та часть Россіи, гдѣ находится г. Полтава?

Что замышлялъ гетманъ Мазепа?

Сочувствовали ли малороссы его замысламъ?

При какомъ царѣ и при какомъ гетманѣ Малороссія присоединилась къ Россіи?

Какое значеніе для Россіи имѣла полтавская побѣда?

Въ которомъ году была она одержана? (1709). *А. К.*

---

698) **Классная библіотека**. Выпускъ 2-й. Спб. 1880 г. Ц. 30 к. Редакція и примѣчаніе Стоюнина. «*Полтава*». *Поэма Пушкина.* *)

Безъ дополнительныхъ историческихъ объясненій это произведеніе Пушкина большинствомъ читается съ трудомъ и плохо понимается. *А. К.*

---

699) **Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина.** А. Г. Филонова. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1880 г. Ц. 5 к. 20 стр.

Для характеристики Петра взяты авторомъ слѣдующія произведенія А. С. Пушкина: «Стансы» («Въ надеждѣ славы и добра»...), «Полтава», «Мѣдный Всадникъ», «Пиръ Петра Великаго» и повѣсть «Арапъ Петра Великаго»,—взяты, конечно, не цѣли-

---

*) Рец. см. «Обзоръ Народной Учебной Литер.» 1878 г., стр. 249—250.

**) О другихъ дешевыхъ изданіяхъ «Полтавы» см. 2-й т. «Что читать народу?»

*) О другихъ позднѣйшихъ дешевыхъ изданіяхъ Полтавы см. 2 т. книги. «Что читать народу?»

комъ, а въ отрывкахъ. Всякая характеристика какого бы то ни было предмета понятна и доступна лишь тѣмъ, кому хорошо извѣстенъ самый предметъ. Знакомиться съ новымъ предметомъ по характеристикѣ невозможно. Что скажутъ, напримѣръ, слѣдующія строки тому, кто ничего не знаетъ о дѣятельности и личности Петра:

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,—
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ?»

А для знакомаго съ исторіей каждое слово приведенныхъ строкъ вызываетъ въ памяти цѣлый рядъ характерныхъ фактовъ и событій.

Не разсчитывая на подготовку въ своихъ слушателяхъ, Филоновъ придаетъ къ каждому отрывку поясненія, которыя могутъ заставить припомнить *извѣстное*, помочь оцѣнить характеристику, но—и только. Обстоятельно познакомиться съ Петромъ читатели, все же, должны изъ другаго очерка.

Тонъ разсказа мѣстами непріятно поражаетъ чрезмѣрнымъ паѳосомъ. Языкъ простъ; всѣ непонятныя слова имѣютъ объясненія. Только на стр. 13-й встрѣчаемъ слово, которое и по формѣ, и по приданному ему авторомъ значенію не можетъ быть признано умѣстнымъ. Разсказываетъ онъ о пути въ Европу изъ Балтійскаго моря: «плыветъ русскій по каналу Па-де-Калэ и увидитъ самую *«центру»*: Англію съ правой, Францію съ лѣвой стороны».

Быть можетъ, въ такой формѣ и употребляется слово *«центръ»* на техническомъ языкѣ ремесленниковъ (въ центру круга), но вносить такія неправильности въ языкъ *книги*, да еще придавая ему переносное, совершенно недоступное значеніе, врядъ ли имѣетъ какое либо основаніе.

Разбираемый очеркъ Филонова можетъ быть прочитанъ читателями знакомыми съ Петромъ, какъ взрослыми, такъ и развитыми малолѣтними, а также служить для публичнаго народнаго чтенія, если слушатели отвѣчаютъ тому же вышепоставленному условію.

Вопросы:

Назовите тѣ произведенія Пушкина, въ которыхъ онъ описываетъ Петра?

Какой «правдой» привлекалъ Петръ сердца людей, его окружавшихъ? (Стр. 4. Указъ, уничтоженный Долгоруковымъ.)

За что названъ Петръ героемъ? (Стр. 5.)

Гдѣ построенъ Петромъ Петербургъ?

Объясните слова Петра: «Природой здѣсь намъ суждено въ Европу прорубить окно». (Стр. 13.) *А. К.*

---

700) **Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ.** П. Фурмана *). (Разсказъ изъ Русской Исторіи.) Изд. 2-е,—Общества распространенія полезныхъ книгъ, № 241-й. Москва. 1880 г. Ц. 40 к. 175 стр.

Это не только біографія энергичнаго, самостоятельнаго сподвижника царя-преобразователя, но—вѣрнѣе—очеркъ того времени, въ которое онъ жилъ. Такъ, на стр. 25-й находимъ мы описаніе появленія первыхъ газетъ—курантовъ, «посредствомъ которыхъ русскіе вельможи и самъ царь слѣдили за ходомъ европейскихъ дѣлъ», далѣе—учрежденіе почты. Въ числѣ другихъ подробностей авторъ говоритъ о цѣнахъ, взимавшихся тогда за письма; тогдашнія цѣны приведены въ *алтынахъ* и *деньгахъ*; совершенно умѣстно было бы сравненіе съ теперешней платой за письма; этого мы, однако, въ книгѣ не находимъ. Вредъ, нелѣпость мѣстничества и церемонія сожженія разрядныхъ книгъ описаны очень живо на 14-ти страницахъ (29—44). Исторія дипломатической дѣятельности Долгорукова занимаетъ 5 главъ; это наименѣе доступная часть книги, благодаря обилію иностранныхъ именъ, словъ и малопонятныхъ для простолюдина подробностей придворной жизни и оффиціальныхъ отношеній.

Съ 113-й страницы начинается характеристика Долгорукаго, наиболѣе цѣнимаго царемъ совѣтника и въ то же время нерѣдко ослушника его воли, когда приказанія Петра казались ему противорѣчащими интересамъ государства. «Царю правда—лучшій слуга», говорилъ Долгоруковъ и всегда поступалъ *по этимъ* словамъ, иногда съ опасностью жизни для себя, такъ какъ вспыльчивый Петръ не терпѣлъ противорѣчій. Приведены характерные примѣры «ослушаній» Долгорукова (стр. 118, 126, 129, 140) и письмо его къ царю, въ которомъ онъ проситъ за своихъ родственниковъ, осужденныхъ по дѣлу царевича Алексѣя. Въ послѣдней части книги рядомъ съ Долгоруковымъ рельефно выдѣляется и образъ Петра.

Книгу эту слѣдуетъ давать читателямъ, знакомымъ уже съ Петромъ и его време-

---

*) См. рец. «Женское Образованіе», 1880 г., № 9, стр. 611.

немъ. Читается она и передается прекрасно и школьниками, но несомнѣнно по содержанію имѣетъ болѣе значенія для взрослыхъ. По содержанію, хорошему изложенію и сравнительной дешевизнѣ книга заслуживаетъ особаго вниманія.

Вопросы:

Что такое мѣстничество и какой вредъ приносило оно государству? (Стр. 29—35).

Разскажите, какъ оно было уничтожено, какъ были сожжены разрядныя книги? (Гл. 4-я: «Уничтоженіе мѣстничества»).

Какъ понимаете вы слова: «личная заслуга»? (Стр. 44).

Кто были стрѣльцы?

Какія услуги оказалъ Долгоруковъ государству? (Побѣда надъ турками, стр. 92; помощь Петру совѣтомъ и дѣломъ).

Приведите примѣры того, что Долгоруковъ всегда поступалъ по пословицѣ: «Царю правда—лучшій слуга». (Стр. 118, 126—129, 140, 172). *А. К.*

---

701) **О томъ, какъ сталъ Петербургъ и откуда пошла русская наука.** (Жизнь и дѣла Петра Великаго). В. Водовозова *). (Съ хорошимъ гравированнымъ портретомъ Петра). Спб. 1870 г. Ц. 25 к. 71 стр.

Судя по заглавію, слогу и содержанію, мы имѣемъ основаніе думать, что г. Водовозовъ предназначалъ свою книгу для народнаго чтенія.

Во многомъ оригинальная, она заслуживаетъ особаго вниманія, на что даетъ ей право уже самое имя автора-педагога. Начнемъ съ заглавія. Поставить построеніе Петербурга во главу угла дѣлъ Петровыхъ не соотвѣтствовало бы ни исторической правдѣ, ни цѣлямъ педагогическимъ. Какъ много потребовалось бы объясненій, чтобы сдѣлать понятнымъ необходимость новаго центра для жизни новой, для которой въ Москвѣ было тѣсно и темно! Не легче далось бы и разъясненіе стратегическихъ соображеній, которыми руководился основатель столицы, выросшей изъ болотъ, стоившей страшныхъ матеріальныхъ и человѣческихъ жертвъ. Короче, пришлось бы изложить всю исторію дѣлъ и замысловъ Петровыхъ, прежде чѣмъ добраться до того, для чего и какъ сталъ Петербургъ. Авторъ и самъ дальше заглавія въ выполненіи этой задачи не пошелъ и отвелъ построенію Петербурга подобающее мѣсто. Переходимъ къ содержанію 9-ти главъ книги, окрещенныхъ авторомъ настолько мудреными именами, что рядомъ съ ними потребовалось поставить для нѣкоторыхъ второе заглавіе, объясняющее первое. Въ первой главѣ мы находимъ обзоръ всей русской исторіи до Петра. Словами лѣтописца, народной пѣсни, пословицей и собственнымъ удачнымъ словомъ вызываетъ авторъ тѣни, образы, картины 8-ми вѣковъ русской жизни до Петра. Таково его намѣреніе, но *видитъ-ли* читатель все то, что вызывается для него изъ мрака прошлаго? Конечно, нѣтъ. Орлиные взгляды съ высоты настоящаго на общую картину жизни нѣсколькихъ вѣковъ по силамъ лишь раньше хорошо знакомымъ съ этою жизнью, изучавшимъ ее шагъ за шагомъ. Раскрывая же такую пеструю панораму предъ духовными очами читателя, не имѣющаго никакого представленія о предметахъ, въ ней собранныхъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ ничего въ ней не различитъ, ничего не запомнитъ и только безплодно утомится.

Такими обзорами, какъ и характеристиками, можно лишь оживлять въ памяти, освѣщать извѣстное, но знакомить съ неизвѣстнымъ невозможно. Г. Водовозовъ, повидимому, не разсчитывалъ на какую-либо подготовку въ своихъ читателяхъ, а потому первую главу нельзя не признать педагогической ошибкой. Затѣмъ слѣдуютъ главы: II. «Ученье—атаманъ, а неученье—комаръ.—Какъ Петръ поднялся наукой». III. «Азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую.—Какъ Петръ учился въ Голландіи и Англіи». IV. «Трехвременная наука.—Какъ боролся Петръ со шведами». V. «Рѣжь наши головы да не тронь наши бороды.—Какъ Петръ боролся со стариной». VI. «Правда и наука.—Какъ Петръ строилъ землю, да вводилъ науку». VII. «Царская служба и трудъ народа». VIII. «Петръ у себя дома» и IX—«Крестьянинъ Посошковъ».

Это не исторія царствованія Петра, а очеркъ русской жизни той переходной эпохи, въ которой представительницей новыхъ началъ явилась такая могучая индивидуальная сила, какъ Петръ,—притомъ очеркъ, состоящій не изъ связныхъ послѣдовательныхъ разсказовъ, а изъ ряда характеристикъ общихъ и частныхъ: различныхъ сторонъ жизни, учрежденій, нравовъ, сословій, различныхъ чертъ характера и дѣятельности Петра и другихъ лицъ. Особеннаго вниманія читателя заслуживаетъ послѣдняя глава, посвященная кресть-

---

*) Реценз. см. «Недѣля» 1870 г. № 21. «Народная Школа» 1877 г. № 12, стр. 41. «Обзоръ Народно-Учебной Русской Литературы». 1878 г., стр. 625—626.

янину Посошкову—этому слишкомъ малоизвѣстному замѣчательному сверстнику Петра по духу и убѣжденіямъ.

По фактической полнотѣ и безпристрастію разбираемая книга можетъ быть сравниваема лишь съ книгой Петрушевскаго, но уступаетъ ей въ простотѣ изложенія. Умѣстными нельзя назвать такія разсужденія: «Царь не даромъ золотилъ свою новую полу-нѣмецкую столицу. Тутъ опять, какъ нѣкогда около Москвы, собралась вся Русь, чтобы идти навстрѣчу европейской наукѣ» (см. 53 стр.); или: «канцелярскій умъ все распредѣлялъ какъ по таблицамъ, или иногда и въ угоду одного лица, не соображаясь съ мѣстными требованіями, съ указаніями науки. Онъ не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій этой канцелярской механики, да и она возникла не столько изъ его распоряженій, сколько изъ всего строя жизни, который сложился уже до Петра; нѣмецкіе порядки, имъ внесенные, придали этому строю внѣшній видъ правильности, но они давно устарѣли въ самой Германіи» (стр. 51) Эта мѣстами выступающая фразеологія теряется, однако, въ цѣломъ живаго разсказа. Читатель все время находится не только подъ впечатлѣніемъ описываемаго, но и подъ непосредственнымъ вліяніемъ личности автора, его симпатій, ироніи, негодованія. Въ этомъ и сила, и слабая сторона очерка. Рекомендуемъ его только развитымъ взрослымъ читателямъ, ознакомившимся съ Петромъ и его временемъ по другимъ книгамъ: Шалфеева и С. М.

Вопросы должны быть замѣнены бесѣдой.

А. К.

---

702) **О Петрѣ Великомъ.** С. Рождественскаго *) (Съ 5-ю раскраш. картинками). Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1879 г. Ц. 12 к. 46 стр. Изд. 4-е. 1886 г. Ц. 15 к.

Авторъ раздѣлилъ свой очеркъ на двѣ главы, заглавія которыхъ даютъ понятіе о содержаніи: 1) «Какъ Петръ Великій провелъ молодые годы, какъ и чему учился». 2) «Какъ Петръ Великій добылъ море и создалъ русскій флотъ». Намѣченный планъ выполненъ удовлетворительно; на всестороннее разсмотрѣніе дѣятельности Петра авторъ и не претендовалъ, но извѣстная односторонность, конечно, умаляетъ достоинство книги. Петръ-завоеватель совершенно заслоняетъ собой Петра-учителя, а вѣдь завоевателемъ то онъ былъ только потому, что хотѣлъ упрочить за своимъ народомъ права и возможность учиться. Языкъ не отличается большими достоинствами, но довольно простъ. Книга прочтется какъ взрослымъ, такъ и малолѣтнимъ читателемъ. Давать ее слѣдуетъ тѣмъ, кому не подъ силу еще очеркъ Петрушевскаго. Для взрослыхъ читателей очеркъ Петрушевскаго незамѣнимъ.

Вопросы—тѣ же, что и при рецензіяхъ №№ 692, 693. *А. К.*

*) Рец. см. «Обзоръ Народно-Учебной Литературы». 1878 г., стр. 627.

---

703) **Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой.** С. М. *). (Съ 10-ю раскраш. картинк.) Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1872 г. Ц. 15 к. 35 стр.

Какъ показываетъ заглавіе, книга С. М. составляетъ какъ-бы дополненіе къ только что разобранной брошюрѣ Рождественскаго: вся она цѣликомъ посвящена учительской дѣятельности Петра. Читатель узнаетъ изъ нея о томъ, въ какомъ состояніи была заводская и фабричная промышленность до Петра, какъ ничтожна была торговля внѣшняя, какъ много терпѣли государство и народъ убытковъ отъ неумѣнья пользоваться сырьемъ и необходимости пріобрѣтать товаръ отъ иноземцевъ.

Поѣздка Петра за границу съ цѣлью изученія важнѣйшихъ ремеслъ и техническихъ производствъ, устройство заводовъ и фабрикъ по возвращеніи у себя въ Россіи, заботы о сохраненіи и правильной рубкѣ лѣса, объ улучшеніи способовъ обработки земли, введеніи новыхъ видовъ добывающей промышленности: табаководства, винодѣлія, шелководства, заботы о распространеніи въ народѣ грамотности и знанія каждымъ его правъ и обязанностей,—вотъ что составляетъ содержаніе разбираемаго очерка.

Этотъ въ высшей степени дѣльный и содержательный очеркъ доступенъ лишь взрослымъ читателямъ; прочтется съ наибольшимъ интересомъ людьми изъ промышленной среды, но для перваго ознакомленія съ Петромъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе очерку Шалфеева. (См. рец. № 693).

Вопросы:

За что называютъ Петра: Великимъ, труженикомъ, царемъ-работникомъ?

Ѣздили ли въ чужіе края русскіе цари до Петра и для чего поѣхалъ туда Петръ?

Почему платили русскіе тогда такъ дорого за всякій нужный товаръ: сукно, паруса,

*) Рец. см. «Обзоръ Народно-Учебной Литературы». 1878 г., стр. 626—627.

желѣзныя издѣлія, бумагу, когда у самихъ было много желѣза, шерсти, льна, пеньки?

Почему долженъ былъ Петръ мастеровъ для всякаго дѣла выписывать изъ чужихъ краевъ?

Какія растенія стали разводиться въ Россіи по его указанію? (Стр. 42, 72).

Какъ образовались при Петрѣ свои, русскіе мастера?

За какое дѣло велѣлъ Петръ взяться дѣтямъ дворянъ, духовныхъ?

Перечислите все то, чему положилъ начало, чему научилъ русскихъ царь-работникъ?

А. К.

---

704) **Разсказы изъ русской исторіи.** Б. Павловича. «*Великій царь-работникъ*». 1873 г. Ц. 10 к., 23 стр.

Этотъ очеркъ о Петрѣ отличается тѣмъ же безпристрастіемъ, той же широтою воззрѣнія, какъ и разсказы о Петрѣ Петрушевскаго.

Согласно названію, онъ посвященъ главнымъ образомъ учительской и реформаторской дѣятельности Петра; содержитъ много интересныхъ фактовъ объ отношеніяхъ Петра къ своимъ сотрудникамъ и недоброжелателямъ. Походя болѣе на характеристику, чѣмъ на подробный очеркъ, онъ долженъ быть даваемъ для чтенія послѣ очерковъ Шалфеева и С. М. (См. реценз. №№ 693, 703).

Вопросы:

Всегда ли Петръ наказывалъ за ослушаніе его воли? (Стр. 234. Долгоруковъ).

Съ кѣмъ дѣлилъ Петръ труды по управленію государствомъ? (Стр. 233).

Въ комъ встрѣтилъ онъ противниковъ своимъ преобразованіямъ?

Гдѣ и въ комъ находилъ помощниковъ? (Стр. 235). *А. К.*

---

705) **Первый императоръ русскій Петръ Великій, преобразователь Россіи.** Изд. журнала «Мірской Вѣстникъ». (Съ 20-ю рисунками). Спб. 1875 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к., 158 стр.

Этотъ довольно объемистый очеркъ о Петрѣ знакомитъ преимущественно съ его военными подвигами, а главной, самой существенной части дѣятельности царя-труженика удѣлено лишь нѣсколько страницъ. Вся жизнь Петра была упорной борьбой съ тѣми неблагопріятными условіями, которыя мѣшали росту и развитію русской жизни. Не можетъ оцѣнить величія Петра и его заслугъ, какъ преобразователя и завоевателя, тотъ, кто не имѣетъ никакого представленія о томъ, чѣмъ была Россія до Петра. Неизвѣстный авторъ разбираемаго очерка взялъ на себя эту невозможную задачу. Онъ говоритъ только о Петрѣ, считая излишнимъ знакомить читателей съ тѣмъ народомъ, тою жизнью, преобразованію которыхъ отдалъ всѣ свои могучія силы описываемый имъ великій человѣкъ.

О достоинствахъ очерка, въ основу котораго положенъ столь невѣрный планъ, не можетъ быть и рѣчи. Что̀ вынесетъ читатель изъ народа изъ слѣдующаго набора непонятныхъ для него фразъ и понятій (стр. 45)?

«Стремясь постоянно къ пріобрѣтенію познаній и къ просвѣщенію, царь въ короткое время своего царствованія успѣлъ уже обозрѣть два крайніе предѣла своего царства—югъ и сѣверъ Россіи; жилъ въ лагерѣ съ солдатами, былъ на кораблѣ съ матросами и сблизился со всѣми званіями: отъ боярина до ремесленника, отъ министра до купца, отъ патріарха до сельскаго дьячка. Онъ постигъ всю силу царской воли въ Россіи, узналъ народъ и на что способенъ русскій и рѣшился, наконецъ, образовать его и разлить просвѣщеніе на всѣхъ своихъ подданныхъ». Все это зналъ Петръ, но знаетъ ли это читатель, для поученія котораго написаны эти строки? Знаетъ ли онъ, чѣмъ былъ тотъ солдатъ, ремесленникъ, дьячокъ, бояринъ, которыхъ взялся обучать Петръ, какова была та тьма, которую задумалъ онъ освѣтить? Если и не зналъ, то и не узнаетъ изъ разбираемаго очерка. Книга эта, быть можетъ, и имѣла право на мѣсто въ народной библіотекѣ до появленія разсказовъ о Петрѣ Петрушевскаго, но теперь, несомнѣнно, должна уступить мѣсто этимъ разсказамъ.

А. К.

---

706) **Петръ Великій — преобразователь Россіи.** Издано подъ редакціею А. Погосскаго. Спб. 1872 г. Ц. 20 к., 92 стр. Изд. 2-е 1884 г. Ц. 20 к.

Книга эта появилась въ 1872 г. во время празднованія двухсотняго юбилея рожденія Петра I. Этимъ опредѣляется характеръ изложенія. Это — хвалебная рѣчь, написанная по случаю торжества. Книга состоитъ изъ 3-хъ частей: «Обращеніе къ читателямъ», «Малое слово о Великомъ», собственно историческаго очерка и воззванія автора къ читателямъ—«Всему честному народу».

Часть историческая не отличается особыми достоинствами; высокопарность выраженій и изложеній, паѳосъ—мѣстами непріятно дѣйствуютъ на читателя. Въ воззваніи «Ко всему честному народу» авторъ обращается «къ именитымъ и богатымъ людямъ», къ

почтеннымъ пахарямъ, истиннымъ труженикамъ», къ «людямъ грамотнымъ и товарищамъ по знаменамъ», убѣждая ихъ исполнить завѣтъ Петра, посвятившаго всю жизнь просвѣщенію своихъ подданныхъ. «Школы, школы по всему лицу земли Русской, Петровскія школы создавайте! Школы грамотности и мастерства. И безсмертный духъ Петра возрадуется, осѣняя любовью своею наше любезное отечество». Такъ заканчиваетъ авторъ свою рѣчь. Есть книги о Петрѣ, обладающія большими достоинствами, а потому мы и не рекомендуемъ разбираемой, хотя и она, конечно, имѣетъ право на мѣсто въ народной библіотекѣ. *А. К.*

---

707) **На память Петра Великаго.** Сборникъ литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому, изданный по поводу двухсотлѣтняго юбилея рожденія царя-преобразователя. Состав. Н. Тихомировъ. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., 352 стр.

Очень хорошій сборникъ изъ прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ лучшихъ авторовъ (Соловьевъ, Устряловъ, Бѣлинскій, Ломоносовъ и др.), но по содержанію своему недоступный народу. Прекрасное пособіе для учителя. *А. К.*

---

708) **Петръ Великій.** Изд. 3-е, — Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1880 г. Ц. 5 к., 24 стр. № 12 изъ серіи нар. изданій. Изд. 4-е 1884 г. Ц. 1½ к., 35 стр.

Сборникъ отрывковъ изъ сочиненій о Петрѣ: Устрялова, Иловайскаго, Корниловича и друг. Выборъ удаченъ. По содержанію и языку разсказы доступны лишь хорошо грамотнымъ и знакомымъ уже съ исторіей читателямъ. *А. К.*

---

709) **Подарокъ короля Карла XII.** (Быль). Перев. со шведскаго Натальи Ивановой. (Шпилевской). Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1874 г. Ц. 10 к., 32 стр.

Авторъ описываетъ свое посѣщеніе одного большаго оружейнаго завода въ юго-западной Швеціи. Необычайная простота квартиры и образа жизни богатаго заводчика Н., прекрасныя отношенія между нимъ и тремястами его рабочихъ заставляютъ автора сильно заинтересоваться прошлымъ оригинальнаго владѣльца завода. Н. разсказываетъ ему трогательную исторію своего прадѣда, основателя завода. Онъ былъ неустрашимымъ воиномъ временъ Карла XI. Лишившись ноги въ одномъ изъ сраженій, онъ долженъ былъ выйти изъ рядовъ войска, но вернуться къ мирнымъ сельскимъ занятіямъ ему оказалось не подъ силу. Знакомый съ кузнечнымъ ремесломъ, онъ начинаетъ изготовлять оружіе, мечтаетъ о томъ, что передастъ его въ руки королю, когда окажется въ немъ надобность. Наступаетъ періодъ войнъ Карла XII. Старикъ отправляетъ въ ряды войскъ сыновей и восьмерыхъ внуковъ, а самъ съ двумя младшими неутомимо работаетъ надъ заготовленіемъ оружія. Завѣтное желаніе его исполняется: къ нему случайно заѣзжаетъ Карлъ XII, приходитъ въ восторгъ отъ превосходнаго, сдѣланнаго старикомъ, оружія. Оружіе сдано королю для войска; старый воинъ-кузнецъ отказывается отъ денежнаго вознагражденія. Самъ онъ хочетъ идти умереть на полѣ брани, а двухъ внуковъ посылаетъ замѣстить въ рядахъ павшихъ братьевъ. Карлъ убѣждаетъ его продолжать изготовлять оружіе, отказывается принять послѣднихъ членовъ его семьи, пожертвовавшей для отечества уже столькими жизнями. Прощаясь, Карлъ отдаетъ старику подарокъ—Библію. Старикъ хранитъ ее какъ святыню. Суровая простота жизни, набожность, занятіе прежнимъ ремесломъ, любовь къ отечеству—вотъ завѣтъ предка, который свято хранится его потомками, такъ же какъ и старая Библія—подарокъ Карла XII.

Искренность и простота составляютъ главныя достоинства разсказа. Читается онъ съ удовольствіемъ какъ малолѣтнимъ, такъ и взрослымъ читателемъ.

Вопросы.

Далеко ли отъ насъ живутъ шведы?
Когда и гдѣ воевали съ нами шведы?
Что такое Библія? *А. К.*

---

710) **Купецъ Иголкинъ и его подвигъ.** Историч. быль временъ Петра I. (Съ картиною). Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1883 г. Ц. 8 к. 27 стр.

Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ свѣдѣній о значеніи реформъ и дѣятельности Петра Великаго для Россіи разсказывается слѣдующее.

Во время войны со шведами былъ взятъ въ плѣнъ въ числѣ другихъ и новгородскій купецъ Иголкинъ. Онъ провелъ много лѣтъ въ тяжкомъ заключеніи, не теряя, однако, надежды на то, что побѣда останется за русскими и что ему удастся вернуться на родину. Однажды въ его присутствіи караульные солдаты стали оскорбительно отзываться о Петрѣ и русскомъ народѣ.

Иголкинъ просилъ ихъ замолчать, говоря, что ему, какъ русскому, невыносимы такія рѣчи. Солдаты не обратили вниманія на его просьбу и продолжали свой разговоръ. Тогда Иголкинъ, пылая негодованіемъ, бросился и убилъ хулителей. Поступокъ свой онъ считалъ справедливымъ, но безропотно отдавалъ себя въ руки судей—шведовъ, готовый пострадать за преступленіе, совершенное имъ въ защиту отечества и государя. Тронутый такимъ самоотверженіемъ, Карлъ XII не только не подвергъ его карѣ, но отослалъ его въ Россію съ письмомъ къ Петру, въ которомъ сообщаетъ о его подвигѣ.

Авторъ не съумѣлъ воспользоваться благодарной темой. Разсказъ непріятно поражаетъ ходульностью, преувеличеніями, отъ которыхъ пострадалъ весь разсказъ, не исключая и образа Петра.

Книга доступна читателямъ всѣхъ возрастовъ. *Вопросы* подсказываются содержаніемъ разсказа. *А. К.*

---

711) **Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ,** или **Всѣ за одно.** Пов. Н. Кукольника. Спб. 1871 г. Ц. 30 к. 85 стр. Изд. Суворина. Дешевая Биб. Ц. 15 к.

712) **Авдотья Петровна Лихончиха.—Прокуроръ.** Повѣсти Н. Кукольника. Спб. 1871 г. Ц. 30 к. 82 стр. Дешевая Биб. Суворина. 1884 г. Ц. 15 к.

713) **Полковникъ Лесли.** Повѣсть временъ царя Михаила Θеодоровича. Н. Кукольника. Спб. 1871 г. Ц. 40 к. 136 стр.

714) **Капустинъ.** Историческая повѣсть.—**Костакки.** Разсказъ временъ Петра Великаго.—**Лѣтній садъ.** Историческій разсказъ. Н. Кукольника. Спб. 1871 г. Ц. 35 к. 130 стр.

715) **Каролина.** Повѣсть изъ временъ Екатерины II. Н. Кукольника. Спб. 1871 г. Ц. 40 к. 150 стр.

716) **Позументы.** Повѣсть временъ Петра Великаго. Н. Кукольника. Спб. 1872 г. Ц. 25 к. 124 стр. Изд. Суворина. Деш. Библ. 1885 г. Ц. 15 к.

717) **Сказаніе о синемъ и зеленомъ суккнѣ.—Остапъ и Ульяна.** Повѣсть Н. Кукольника. Спб. 1872 г. Ц. 25 к. 119 стр. Изд. Суворина. Деш. Библ. 1885 г. Ц. 15 к.

718) **Инструментъ.** Повѣсть Н. Кукольника. Изд. ред. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 29 стр.

719) **Новый годъ.** Историческій разсказъ. Н. Кукольника. Изд. ред. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 40 стр.

При выборѣ книгъ для народнаго чтенія мы не остановились бы на произведеніяхъ Кукольника, если бы они не появились въ дешевомъ изданіи, сначала въ 1871 г., а затѣмъ въ 1880 г., изданные редакціей народнаго журнала «Досугъ и Дѣло».

Въ свое время Кукольникъ пользовался заслуженной извѣстностью, имѣлъ многихъ почитателей, считался знатокомъ времени Петра даже такими людьми, какъ Бѣлинскій; но для насъ его сочиненія не имѣютъ уже такого значенія: изображеніямъ недостаетъ художественности, языкъ вычуренъ и тяжелъ, непріятно поражаетъ множествомъ иностранныхъ словъ, получившихъ права гражданства въ нашемъ литературномъ языкѣ въ позднѣйшемъ его развитіи и обработкѣ. Читателя любой среды, а не только простолюдина, будутъ останавливать при чтеніи такія слова, какъ: *бонтонъ*, *конфузія*, *наивъ*, *дискутировать*, *аккордовать*, *экскузы*, *петиметръ*.

Не смотря, однако, на указанныя особенности, нѣкоторыя изъ повѣстей Кукольника не лишены интереса и значенія для читателей изъ народной среды.

Въ повѣсти «*Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ*» довольно скучно и растянуто описана отжившая крѣпостническая пора помѣщичьей жизни со всѣми ея безобразіями и цинизмомъ. Недоросль-самодуръ отдаетъ въ солдаты крестьянина своего, чтобы овладѣть его невѣстой. Невѣста остается непреклонною, не смотря ни на побои, ни на ласки, ни на обѣщанія. Недоросля по строгому распоряженію царя призываютъ на службу, и тамъ онъ оказывается подъ командой бывшаго своего крѣпостнаго Ивана, уже заслуженнаго сержанта. Государь узнаетъ о печальномъ прошломъ Ивана, освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости невѣсту, и они женятся.

Сцена во дворцѣ, когда Петръ Великій для потѣхи заставляетъ Ивана бить недоросля на глазахъ его глупой, правда, но любящей матери, характеризуетъ и грубость нравовъ того времени, и крутой нравъ Петра. Авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ сарказму, но—доступный болѣе развитымъ людямъ—сарказмъ этотъ врядъ-ли освѣтитъ и оттѣнитъ должнымъ образомъ темныя стороны этой жизни для малоразвитаго простолюдина, врядъ-ли натолкнетъ его на сравненіе съ настоящимъ, въ которомъ, въ свою очередь, есть свои темныя стороны, иныя, но тѣмъ не менѣе печальныя... Не возбудитъ интереса въ простолюдинѣ и описаніе всѣхъ этихъ заморскихъ винъ, мудреныхъ яствъ, маскарадовъ съ десятками названій національныхъ костюмовъ, съ перечисленіемъ мудреныхъ чиновъ того

времени—членъ коллегіи, вице-президентъ и т. д.

Слѣдуетъ указать на историческія данныя представляемыя разсказомъ, навести на сравненія порядковъ службы при Петрѣ и во времена господства мѣстничества.

Повѣсть можетъ читаться лишь развитыми читателями.

Вопросы:

Что узнали вы изъ разсказа о Петрѣ?

Какіе онъ завелъ новые порядки по службѣ?

Разскажите о Ландышевѣ и сержантѣ Ивановѣ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Впечатлѣніе, оставленное повѣстью «Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ», оказалось несравненно болѣе сильнымъ и отчетливымъ, чѣмъ я ожидала. Указанныя трудности въ содержаніи и языкѣ не мѣшали усвоенію главнаго, не лишили разсказъ интереса.

Г—ва (12-ти л.) такъ передала вкратцѣ содержаніе повѣсти:—Разсказывается здѣсь о крѣпостномъ времени, о Ландышовшѣ, ея сынѣ, Петрѣ I, Ивановѣ и Домнѣ.—Жила помѣщица; у нея было много крѣпостныхъ. Сынъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ и притѣснялъ дѣвушекъ. Былъ тамъ военный начальникъ, и сталъ онъ требовать на службу, а Ландышовша за сына трехъ крѣпостныхъ давала и виномъ его угощала,—только тотъ не принялъ. Поступили на службу, Иванова всѣ любили, а Ландышевъ своевольничалъ. Ивановъ сталъ надъ нимъ начальникомъ и разъ прибилъ его. Мать пошла жаловаться государю; долго ждала, а потомъ подходитъ самъ государь, и она жаловалась, что Ивановъ сына ея билъ. Петръ велѣлъ позвать Иванова и Ландышева и велѣлъ бить. Вышелъ Ивановъ и говоритъ: «Не я билъ, служба бьетъ, ты самъ виновенъ». А мать говоритъ: «Не увидишь ты Домны!» Въ тотъ же день пришла отъ царя *телеграмма* (въ книгѣ—*указъ*), чтобы отпустить на волю Домну. Петръ кажется мнѣ справедливымъ: онъ заступился за крѣпостнаго, потому что былъ вѣренъ службѣ.

На вопросъ о Петрѣ *Х—ая* отвѣтила:

— О Петрѣ узнаемъ, что онъ справедливый. Онъ не хотѣлъ откупа за службу, а долженъ былъ каждый нести службу. Онъ смотрѣлъ на человѣка по его заслугамъ. Отецъ Ландышева какой былъ заслуженный; мать думала—и сыну будетъ по отцу; а когда сынъ дурно сталъ служить, то его сдѣлали ниже всѣхъ, а начальникомъ надъ нимъ поставленъ его крѣпостной, по его заслугамъ.

«Лихончиха»—лучшая изъ повѣстей Кукольника. Содержаніе ея слѣдующее.—За участіе въ заговорѣ противъ Петра въ числѣ другихъ приговорены къ смертной казни три молодыхъ стрѣльца, братья Лихонцы. Несчастная мать ихъ добивается свиданія съ государемъ и молитъ его о помилованіи:—«Отдай дѣтей, государь!»—«Не могу! Они—злодѣи. Богъ можетъ все, а я не могу. И Богъ меня поставилъ царемъ на то, чтобы въ земномъ царствѣ Его жила справедливость; а отъ прихоти ни казнить, ни миловать не смѣю».—«Батюшка-государь, за милость Господь не казнитъ! Злодѣи они, и жизни не хватитъ ни ихъ, ни моей—смертельный грѣхъ выплакать и постомъ и молитвою очиститься передъ Богомъ и передъ людьми!» (Стр. 25).

Государь сжалился надъ несчастной матерью и помиловалъ одного изъ трехъ осужденныхъ, предоставивъ выборъ ей самой.

Слѣдуетъ сцена свиданія въ тюрьмѣ, переданная весьма живо и тепло. Бѣдная мать борется надъ зловѣщимъ вопросомъ: кого спасти изъ сыновей, кого предать палачамъ?—и не въ силахъ рѣшить его. Бросаютъ жребій: онъ падаетъ на младшаго.

На пути изъ тюрьмы Лихончихѣ и помилованному сыну, Алексѣю, попадается навстрѣчу Мельновъ, одинъ изъ стрѣльцовъ, открывшій Петру о готовившемся покушеніи на его жизнь. Алексѣй бросается на него, вступаетъ съ нимъ въ борьбу, падаетъ, разбиваетъ голову о камень и умираетъ. Изъ-за любящей матери выступаетъ суевѣрная женщина; она усматриваетъ въ этой случайности промыслъ Божій и начинаетъ видѣть въ дѣтяхъ своихъ только злодѣевъ. Лихончиха отказывается отъ предложенія выдать ей старшаго или втораго сына, и казнь совершается. Но затѣмъ чувства матери снова говорятъ въ ней: она выпрашиваетъ бездыханные трупы и—

полусумасшедшая—плачетъ и молится на ихъ могилахъ до конца дней.

Въ разсказѣ такъ много драматизма, что онъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Воспринятъ должнымъ образомъ онъ можетъ быть только развитыми читателями, и притомъ такими, которые нѣсколько знакомы съ историческими фактами, о которыхъ въ книгѣ упоминается лишь вскользь. Для читателей, не имѣющихъ предварительныхъ свѣдѣній о стрѣльцахъ, о заговорѣ противъ Петра, книга представляетъ немало недоумѣній, какъ это видно изъ отзывовъ, приведенныхъ ниже. Мы не прилагаемъ вопросовъ: въ виду сильнаго впечатлѣнія, оставляемаго разсказомъ, интересенъ пересказъ его читателемъ безъ всякихъ наводящихъ вопросовъ, что́ дастъ возможность судить о томъ, что болѣе всего поразило при чтеніи, какъ былъ понятъ и освѣщенъ для себя читающимъ тотъ или другой фактъ и эпизодъ.

Отзывы о повѣсти «Лихончиха».

М—ко (ученица воскресной школы, 14-ти лѣтъ). — Лихончиха была добрая женщина, хорошо воспитала сыновей, такъ что они не знали баловства; потомъ больше стали. Мать думаетъ: «зачѣмъ дома держать? отдамъ служить царю». — Они стали разбойство дѣлать и много людей погубили. Не поняла я,—что Циклеръ съ ними вмѣстѣ былъ или нѣтъ и почему боялся ихъ? Не мать ихъ этому учила, а когда узнала—стало жаль дѣтей, пошла за нихъ просить царя. А онъ говоритъ: «грѣхъ мнѣ отъ Бога, если отпущу. Если они меня вздумали убить, то и другихъ могутъ». Все-таки, пожалѣлъ мать и отпустилъ на волю одного сына. Она вышла изъ тюрьмы съ нимъ, и когда шли, то онъ захотѣлъ убить часоваго, сталъ искать ножа у матери, бросился такъ на него, побѣжалъ и убился объ камень. А мать говоритъ: «Господи, вижу, что они грѣшны, недостойны жить!» и перестала такъ скорбѣть, какъ прежде, уже не просила помиловать, а только тѣла ихъ, когда казнили, сама похоронила въ лѣсу. Шла она лѣсомъ слабая, волосы распущены. Петръ спрашиваетъ: «Куда идешь?» — «Къ сынамъ ходила». Такая была жалость. Петръ говоритъ: «Гдѣ живешь?» — и хотѣлъ дать денегъ, а она говоритъ: «Ничего не нужно». А въ хижинѣ ея никогда печка не топилась, свѣча не зажигалась. Царь далъ ей большой домъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, какъ объясняетъ себѣ *М—ко* перемѣну чувствъ матери вслѣдствіе неожиданной смерти спасеннаго ею сына.

— Какая стала замѣтна перемѣна въ Лихончихѣ послѣ того, что сынъ убился о камень? спросила я.

— Когда въ ея глазахъ онъ бросился убить человѣка, тогда она подумала, что они грѣшные, въ разбойство пошли. Она не надѣялась съ нихъ добра и думала: пусть ужъ лучше казнятъ!

Пелагея Д—ва (12 л., окончившая курсъ въ народной школѣ). Спачала непонятно, а тамъ дальше даже очень хорошо и интересно.

— А за что присудили сыновей Лихончихи къ смертной казни? спросила я, зная, что въ книгѣ нѣтъ этого объясненія.

— Они начали бунтовать на царя, отвѣчала дѣвочка.

— А вы почемъ это знаете?—спросила я.

— Слышала, какъ вы *Г—вой* объясняли.

— А какой характеръ былъ у Лихончихи?

— Твердый: даже сыновей своихъ родныхъ не пожалѣла!

Во всѣхъ почти отзывахъ взрослыхъ и малолѣтнихъ учениць воскресной школы приходилось встрѣчать вопросъ, въ чемъ была вина Лихонцевъ?

Иванъ Б—ко (ученикъ Алексѣевской народной школы), возвращая книгу, сказалъ:— Очень интересно! Не понялъ только перваго разговора. (Первыя восемь страницъ—разговоръ между вельможами о совершившихся событіяхъ, намеки, шутки, остроты, дѣйствительно лишенные смысла для человѣка, незнакомаго съ событіями, историческими лицами, придворными нравами). Не понялъ также, за что сыновья Лихончихи приговорены были къ смерти.

Б—ко рѣшилъ, что «они были хорошими, какъ у матери жили, а между стрѣльцовъ—сбаловались». Тѣмъ не менѣе энергическій образъ Лихончихи, ея любовь къ сыновьямъ, трагизмъ положенія въ тюрьмѣ при выборѣ одного изъ троихъ сыновей, мщеніе послѣдняго своему врагу, сцена свиданія Лихончихи съ государемъ,—все это было передано *Б—мъ* очень хорошо.

Въ небольшомъ разсказѣ «*Прокуроръ*» изображена своеобразная личность «олонецкаго воеводы», у котораго, какъ донесли Петру, нѣтъ ни дѣлъ, ни чиновниковъ въ канцеляріи; шкафы пусты, а ключъ отъ архивнаго помѣщенія давно потерянъ. Угрозой, насмѣшкой, убѣжденіемъ склоняетъ онъ всѣхъ челобитчиковъ къ миру и, водворивъ миръ и со-

гласіе, благодушествуетъ въ комнатѣ присутствія, наполняя часы досуга отъ упрощенныхъ имъ самимъ судебныхъ обязанностей чтеніемъ канцелярскому сторожу Архипу описанія Кончеозерскихъ минеральныхъ водъ или генеральнаго регламента.

«— Я уже эти маральныя воды наизустъ знаю, возражаетъ Архипъ: — двадцать разъ мы читали ихъ цѣликомъ да малыми пріемами разъ сто. Пускай, ваше высокоблагородіе, маленько позабудутся»...

«— Экой ты какой, Архипъ! Вотъ государь царство къ ученію неволитъ, а вы такіе неблагодарные!

«— Да воды-то я уже выучилъ; развѣ что другое, ваше высокоблагородіе, придумаете.

«— Ну, хорошо, Архипъ, такъ генеральный регламентъ»...

«— Тоже знаю; да и что мнѣ: я бурмистромъ не буду»... (Стр. 62).

Сослуживцы примиряются на томъ, что Архипъ, вмѣсто того чтобы слушать, въ сотый разъ принимается разсказывать воеводѣ о какомъ-нибудь случаѣ изъ долголѣтней своей службы (онъ отставной бомбардиръ); такъ, разсказываетъ онъ, между прочимъ, о пушкарѣ Самсонѣ, который въ трудную минуту, когда пушки были отняты шведами, а для отлитія новыхъ не было мѣди, посовѣтовалъ Петру пожертвовать частью московскихъ колоколовъ. «Самсоновъ толкъ царю понравился»; онъ сказалъ ему: «спасибо, Самсонъ!» «Не за что, государь», говоритъ Самсонъ. «Это я съ сердцовъ сдѣлалъ. Поди какая благодарность! самъ штукъ десять колоколовъ, больше будетъ, съ молитвами отлилъ, и какой звонъ!—иные безъ серебра, а за серебрянные пошли. А они, дѣти неблагодарныя, отъ мальчишекъ заслышали, что я пьянъ, да и ну во весь городъ про меня разсказывать!» (Стр. 68.) «Я говорилъ колоколамъ: отплачу; не послушались, такъ я ихъ въ некруты и отдалъ». (Стр. 72).

Разсказъ Архипа прерывается приходомъ челобитчиковъ, двухъ подравшихся въ трактирѣ купцовъ. Сцена ссоры и драки, аляповато изображенная, занимаетъ цѣлыхъ семь страницъ. Является грозный Петръ, съ цѣлью разслѣдовать дѣло о нерадивомъ судьѣ, но приходитъ въ восторгъ отъ его честности и здраваго смысла и дѣлаетъ его прокуроромъ адмиралитецъ-коллегіи.

При переспросѣ содержанія этой повѣсти приходилось убѣждаться, что вниманіе читателей останавливается главнымъ образомъ на симпатичной для нихъ личности воеводы.

— Вмѣсто того чтобы чиновниковъ держать да бумаги писать, онъ на миръ ихъ сводилъ, говорилъ *Б—ко.*

— Прокуроръ былъ добрый, справедливый человѣкъ; всѣхъ мирилъ безъ всякихъ расписокъ и прошеній, и потому и дѣлъ у него никакихъ не было, заступается за воеводу олонецкаго ученица *М—ко*, передавая то мѣсто изъ повѣсти, гдѣ описывается гнѣвъ Петра при видѣ странныхъ порядковъ канцеляріи воеводы.

Вставочные эпизоды, а также такія сравненія, какъ напр.: «Сколько упрековъ потерпѣлъ бѣдный Корнель за легкій ударъ по носу перчаткой въ «Сидѣ»; и это всегда на позорищѣ дѣлается такъ деликатно: актеръ размахнется, а другой подставитъ руку; звонъ, будто въ самомъ дѣлѣ крупно обошлись, а ни боли, ни безчестья; что же скажутъ читатели про моего Ефима, а еще пуще про Рѣпкина?» (стр. 58)—затрудняютъ чтеніе повѣсти читателями изъ народа и дѣлаютъ ее пригодной только для болѣе развитыхъ.

Вопросы.

Что за человѣкъ былъ прокуроръ?
Что вы узнали изъ повѣсти о Петрѣ?

Сюжетъ повѣсти «*Полковникъ Лесли*» заимствованъ изъ временъ царя Михаила Θеодоровича, но *историческаго*, кромѣ именъ, въ ней немного. Дѣйствующія лица: честолюбивый бояринъ Кречетъ; русскій Цинцинатъ, отецъ выбранной Михаиломъ Θеодоровичемъ невѣсты, бояринъ Стрѣшневъ, котораго послы съ извѣстіемъ о томъ, что выборъ царя Михаила Θеодоровича палъ на него дочь, застаютъ за сохой въ полѣ; шутъ Тимоша; полковникъ Лесли и капитанъ Орлей—англичане, начальники иноземнаго наемнаго войска, имѣвшагося тогда у насъ въ Россіи. Описываются смотрины, выборъ Евдокіи Стрѣшневой, ссоры и зависть бояръ, сватовство и любовь полковника Лесли къ дочери боярина Кречета,—наконецъ, безконечныя любовныя похожденія капитана Орлея, пріѣхавшаго въ Россію для поправленія своихъ финансовъ, послѣ того какъ онъ проигралъ въ Лондонѣ всѣ деньги и жену. «Послѣдняго добра я не жалѣю», говоритъ онъ: «надоѣла; я радъ, что удалось найти дураковъ, которые польстились на это чучело». (Стр. 7).

Описаніе похожденій Орлея циничное, грубоватое, совершенно заслоняющее бѣдно составленную историческую часть разсказа,

дѣлаетъ повѣсть эту крайне нежелательной въ народной или школьной библіотекѣ.

«Капустинъ» — юмористическій разсказъ, въ которомъ авторъ осмѣиваетъ—впрочемъ, не особенно остроумно—нравы купечества и приказныхъ временъ Петра Великаго, преданныхъ сутяжничеству, ябедѣ, взяточничеству.

Главныя лица—Сергаловъ, первостатейный московскій купецъ, въ угоду государю и ради нѣмецкихъ торговъ своихъ уничтожившій бороду и длиннополое платье; смѣтливый приказчикъ его, купеческій сынъ Андрей Ручкинъ, сватающійся къ дочери Сергалова—Настенькѣ; соперникъ Ручкина въ сватовствѣ, богатый купецъ Безъимянный. Чтобы очернить Ручкина, пускается въ ходъ Безъимяннымъ всякая клевета: обвиненіе въ поджогѣ, кражѣ и т. п. Безъимяннымъ и прикащикомъ его Лукьянычемъ сочиняется челобитная изъ цѣлаго ряда ложныхъ и нелѣпыхъ обвиненій, которыми нимало не смущается Безъимянный, зная, какъ легко усыпить совѣсть судей.

И дѣйствительно, челобитная богатаго купца возбуждаетъ въ судѣ живѣйшее участіе къ *«несчастному истцу»*. Судъ въ полномъ составѣ охотно принимаетъ предложеніе Безъимяннаго откушать съ нимъ *«на пепелищѣ»*. Но порядокъ предположеннаго пиршества, съ богатыми дарами для гостей-судей, нарушается появленіемъ нежданнаго гостя — царя Петра, который провѣдалъ о продѣлкахъ Безъимяннаго, о подкупѣ судей и расправляется съ виновными по суровому своему обычаю.

Повѣсть можетъ представить интересъ лишь для взрослыхъ читателей, знакомыхъ съ теперешними порядками судопроизводства, что наведетъ ихъ на сравненіе прошлаго съ настоящимъ.

Вопросы:

Такъ ли велись прежде дѣла въ судахъ, какъ теперь?

«Костакки»—скорѣе историческій очеркъ, чѣмъ повѣсть. Главныя лица: Кантеміръ, господарь Молдавіи, «отецъ двухмѣсячнаго сына, князя Антіоха, впослѣдствіи знаменитаго русскаго сатирика»; Костакки, преданный Кантеміру слуга и товарищъ, спасенный имъ въ дѣтствѣ отъ ужасной участи, ожидавшей юношей-рабовъ при дворѣ развратнаго господаря Валахіи, молодой лѣтами, старецъ хитростью и коварствомъ, торгующій въ Стамбулѣ интересами родной земли: Петръ Великій, Екатерина. Описываются событія въ Молдавіи и Россіи послѣ объявленія войны съ Турціей, которая могла такъ гибельно окончиться для Россіи; то тяжелое для Молдавіи время, когда она стояла между двухъ огней, зная, что турки не пожалѣютъ христіанской страны,—русскіе не простятъ единовѣрцамъ за содѣйствіе мусульманамъ; описываются отношенія Кантеміра къ Петру и Екатеринѣ послѣ рѣшенія судьбы Молдавіи, которую предположено было присоединить къ Россіи съ сохраненіемъ особыхъ правъ; говорится о прутской невзгодѣ.

Повѣсть «Костакки» можетъ представить интересъ лишь для лицъ хорошо знакомыхъ съ исторіей; нѣкоторыя циническія подробности, встрѣчающіяся въ описаніи двора развратнаго Бранкована, дѣлаютъ повѣсть неудобной для дѣтскаго чтенія. Для читателей же изъ народной среды она совершенно непригодна.

«Лѣтній садъ»—юмористическій, но, какъ и всѣ разсказы Кукольника этого рода, грубоватый разсказъ о переполохѣ и сумятицѣ, произведенныхъ въ семьяхъ купеческихъ, приверженныхъ стариннымъ обычаямъ, указомъ Петра: «Въ Духовъ день всему дворянству, купечеству, мѣщанству, съ женами и дѣтьми, безо всякаго исключенія и отговорки быть въ Лѣтній садъ въ три часа пополудни и гулять тамъ до девяти часовъ; а послѣ девяти—кто похочетъ. А буде кто станетъ отговариваться болѣзнію, того или ту освидѣтельствуетъ магистратскій медикусъ и—тутъ уже идутъ за противность взысканія» (стр. 111). Указъ этотъ заинтересованными истолковывается какъ приказъ, что «у кого дѣвка есть въ невѣстахъ, такъ чтобы на дому не держалъ, а велъ бы въ Лѣтній садъ на показъ; кому полюбится, тотъ на ней и сватайся. Лицомъ товаръ пусть продаютъ, а не въ тихомолку...» (Стр. 109). Описывается продѣлка нѣжнаго отца, купца Тресковатова, который ведетъ въ Лѣтній садъ вмѣсто дочери некрасивую приживалку Ѳеклушу, чтобы уберечь дочь отъ позорной выставки и отъ встрѣчи съ безобразнымъ женихомъ-богачемъ, за котораго думаетъ отдать ее обманомъ, скрывъ отъ нея до свадьбы «физическіе таланты» будущаго излюбленнаго зятя; описываются радость и хлопоты выпускаемыхъ царемъ изъ клѣтокъ дочекъ, мечтающихъ о томъ, какъ бы гуще «навѣшать на себя самоцвѣты, жемчуги и всякіе

бисеры», какъ бы добыть замазки, такъ какъ нельзя же въ народъ *своимъ* лицомъ идти; ужъ ни бѣла такъ, ни румяна отродясь не будешь; не притрешь бѣленькимъ, не прохватишь красненькимъ, все одно, что не умылась». (Стр. 113).

Разсказъ, несомнѣнно, разсмѣшитъ читателя, оживитъ нѣсколько имѣющіяся представленія о временахъ Петровскихъ, но и только. Незнакомому съ исторіей читателю и несъумѣющему выдѣлить указаннаго изъ довольно скучныхъ и трудныхъ описаній Петербурга—не дастъ и этого.

Не считаемъ возможнымъ передавать здѣсь содержаніе довольно длинной повѣсти Кукольника—«*Каролина*» (150 страницъ), такъ какъ отъ начала до конца она представляетъ рядъ любовныхъ похожденій Роженцовыхъ отца и сына,—похожденій, въ которыхъ они являются то сотоварищами, то соперниками, притомъ описанныхъ очень подробно, изукрашенныхъ массой циничныхъ деталей.

Обращаемъ на эту книгу особое вниманіе лицъ, руководящихъ чтеніемъ дѣтей и взрослыхъ читателей изъ народа, такъ какъ повѣсть эта могла попасть въ каталогъ народныхъ книгъ въ числѣ другихъ повѣстей Кукольника.

Послѣ «Лихончихи» «*Позументы*»—лучшая изъ повѣстей Кукольника, вполнѣ заслуживающая мѣста въ народной библіотекѣ.

Разсказъ начинается съ описанія мирной жизни отставнаго сержанта Чегликова, въ должности почтмейстера проживающаго съ женой, двумя малолѣтними дѣтьми да станціонной прислугой и ямщиками въ станціонномъ домѣ недалеко отъ Новгорода. Досуги свои почтмейстеръ дѣлитъ съ задушевнымъ другомъ своимъ, отставнымъ капитаномъ Шаплыгинымъ, а обязанности по службѣ—съ солдатомъ Автамономъ, бывшимъ у него нѣкогда подъ началомъ и сержантской палкой. Мирное теченіе жизни смѣняется страшной драмой: однажды, уѣзжая побесѣдовать за рюмочкой къ другу, почтмейстеръ оставляетъ по обыкновенію жену, дѣтей и ящикъ съ казенными деньгами подъ охраной вѣрнаго Автамона. А старикъ подъ вліяніемъ непреодолимаго, внезапно пробудившагося желанія овладѣть деньгами, хранящимися у жены почтмейстера, убиваетъ ее и малютку сына. Семилѣтняя Наташа избѣгаетъ той же участи только потому, что убѣгаетъ изъ дому за помощью. Пріѣзжій офицеръ закалываетъ шпагой Автамона, а въ эту минуту явившійся почтмейстеръ, принимая офицера за убійцу, съ воплемъ: «бѣдный Автамонъ, дорого ты за усердіе поплатился!» — убиваетъ офицера. Узнавъ отъ Наташи о таковой своей ошибкѣ, несчастный старикъ теряетъ разсудокъ и пропадаетъ безъ вѣсти. Наташа остается на попеченіи капитана Шаплыгина, друга отца, выростаетъ, окруженная любовью старика, сына его Бориса и няни Акулины. Няня уже мечтала о томъ, какъ она женитъ Борю на Наташѣ, какъ явившійся дядя сироты требуетъ ее къ себѣ въ Питеръ, гдѣ завѣдуетъ позументной фабрикой.—Опустѣлъ домъ для всѣхъ безъ Наташи, а тутъ приходятъ войска для преслѣдованія разбойничьихъ шаекъ. Шаплыгинъ вспоминаетъ старину, идетъ послужить царю и отечеству послѣдними силами и не возвращается домой живымъ.

Боря, къ великому огорченію отца съ малыхъ лѣтъ обнаруживавшій больше любви къ ручнымъ занятіямъ, чѣмъ къ военной службѣ, идетъ работать на позументную фабрику.—«Дворянское ли это дѣло?» спрашиваетъ его товарищъ отца, полковникъ.—«Мое дѣло, полковникъ, а царю служба», рѣшительно отвѣчаетъ юноша.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о похожденіяхъ Бориса въ Петербургѣ. Является онъ на фабрику позументовъ подъ управленіемъ Чегликова, дяди Наташи. Въ ожиданіи его ему удается повидаться съ Наташей и убѣдить ее никому не говорить о прежнихъ отношеніяхъ, не называть его по фамиліи. Чегликовъ, недовѣрчиво относясь къ его желанію учиться мастерству, вслѣдствіе его дворянскаго происхожденія, отказываетъ ему въ пріемѣ въ ученики. Двери мастерской открываетъ Борису лишь указъ царя, полученный Борисомъ черезъ случайно встрѣтившагося ему полиціймейстера Дивіера. Во вновь заведенныхъ фабрикахъ все мастерство въ рукахъ мастеровъ нѣмцевъ. Борисъ попадаетъ подъ начальство Вурста, который, вмѣсто того чтобы обучать мастерству данныхъ ему учениковъ, дѣлаетъ изъ него тайну, даетъ имъ работать лишь по готовымъ основамъ, тщательно скрывая способъ, какъ дѣлать самыя основы, заготовляя ихъ заперпись у себя по ночамъ. Смѣтливый, усердный Борисъ рѣшаетъ во что бы то ни стало постигнуть хитрость нѣмецкаго искусства. Чрезъ отверстіе, продѣланное въ полу изъ комнаты Наташи, удается ему подсмотрѣть всѣ пріемы и тайны мастерства Вурста. Слѣдящій за развитіемъ фабричнаго дѣла, царь узнаетъ о продѣлкахъ Вурста, приказываетъ взять его

подъ стражу. Шаплыгинъ вызывается выполнить всѣ работы, производимыя Вурстомъ; блистательно выдерживаетъ испытаніе, заслуживаетъ особенное расположеніе царя, дорожившаго людьми на всѣхъ поприщахъ дѣятельности полезной для государства. Борисъ, кромѣ того, является спасителемъ Чегликова, пополнивъ деньгами, привезенными ему старушкой няней, недостающую сумму въ кассѣ,—сумму, истраченную Чегликовымъ на веденіе дѣла несчастнаго отца Наташи, обвиняемаго въ убійствѣ офицера.

Въ заключеніе Борисъ женится на давнолюбимой имъ Наташѣ.

Повѣсть эта, какъ мы сказали,—одна изъ лучшихъ. Изъ лицъ повѣсти удались автору почтмейстеръ Шаплыгинъ, няня Акулина, мастеръ Максимъ: болѣе искусственны — Вурстъ, герой повѣсти Борисъ, Наташа и Ардаліонъ Кирилловичъ Чегликовъ. Петръ Великій является въ повѣсти лишь мелькомъ, хотя о немъ постоянно идетъ рѣчь. Матеріаломъ, характеризующимъ время, является отношеніе царя къ фабричному дѣлу, нужда въ нѣмцахъ-учителяхъ, взглядъ на занятіе мастерствомъ какъ на дѣло недостойное дворянина, разбой и грабежи, какъ обычныя явленія, съ которыми приходится серьезно бороться правительству (стр. 7-я и 8-я).

При передачѣ содержанія этой повѣсти ученицами воскресной школы приходилось замѣтить, какое сильное впечатлѣніе оставляетъ изображеніе душевнаго состоянія Автамона предъ совершеніемъ убійства.

— Вотъ уѣхалъ *полицмейстеръ* (въ книгѣ почтмейстеръ), и оставилъ жену и дѣтей, разсказываетъ ученица *Т—ко*: — и сдѣлалось такъ, что пришелъ къ слугѣ рыжій мужчина, недобрый духъ, а Автамонъ точилъ сѣкиру. И ему стало такъ досадно, не знаетъ что дѣлать, потомъ легъ и сталъ пѣть. А хозяйка говоритъ: «разбудишь дитя»; а онъ говоритъ: «мнѣ такая досада, хочу пѣсней себя развеселить!» Только не могъ. Она вынесла ему водки и борщу; началъ ѣсть — не можетъ. Пришелъ опять рыжій мужчина, подговариваетъ: «возьми деньги, будешь богатъ!» И такой странный, — отъ него огонь пышетъ. Автамонъ не могъ удержаться и пошелъ къ хозяйкѣ, говоритъ: «отдай деньги!» Она говоритъ: «Что съ тобой? служилъ долго честно, благородно. Пропадешь! Знаешь, какой у насъ царь строгій». «Не могу... отдай! утерпѣть не могу, досада мучитъ!» Ушелъ, а сѣкира сіяетъ въ углу. Стоитъ ему опять этотъ мужчина въ глазахъ и говоритъ: «Бери, бери!» (Рыжій мужчина — это злой духъ, пояснила она:— онъ ему являлся въ мысляхъ, а ему показывалось, въ самомъ дѣлѣ будто человѣкъ говоритъ.) Онъ схватилъ, бросился къ ней...

Повѣсть читается съ большимъ интересомъ какъ взрослыми, такъ и развитыми подростками; должна читаться уже знакомыми изъ исторіи съ временемъ и личностью Петра. Ее слѣдуетъ давать для чтенія одновременно или послѣ очерка С. М.—«Чему училъ Петръ Великій народъ свой».

Вопросы:

Изъ чего вы узнали, что описывается не наше время?

Почему нѣмцы-мастера держали въ тайнѣ свое искусство?

Хорошо-ли сдѣлалъ Борисъ, что взялся за фабричное дѣло, вмѣсто того чтобы идти въ военную службу?

Почему удивлялись этому другіе и отговаривали его?

Что заставило Автамона совершить ужасное преступленіе?

Въ «*Сказаніи о синемъ и зеленомъ суднѣ*» описывается жизнь на европейскій ладъ въ новорожденной столицѣ, обязательныя гулянья въ садахъ, украшенныхъ *фонталами, кашкадами* и *италъянскими болванами* (статуями); церемоніалъ и празднества по случаю спуска новыхъ кораблей; интриги между сенаторами и другими сановниками, плутни чиновниковъ и купцовъ при поставкѣ предметовъ, необходимыхъ для вновь образуемой арміи и гвардіи; плутни, разоблачаемыя Петромъ и вѣрнымъ, правдивымъ помощникомъ его, Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ. Иностранныхъ словъ въ этой повѣсти болѣе, чѣмъ въ другихъ; разговоры между историческими лицами, нашедшими мѣсто въ повѣсти, могутъ быть поняты и интересны лишь для читателей, хорошо знакомыхъ съ исторіей, а потому въ народной библіотекѣ повѣсть эту считаемъ неумѣстной.

Содержаніе разсказа «*Остапъ и Ульяна*» взято изъ того времени, когда сосѣднія державы — Швеція и Россія спорили и боролись за обладаніе Балтійскимъ моремъ, «а частные люди спѣшили изъ ихъ борьбы извлекать личныя пользы, — не только владѣльцы помѣстій, но и простые поселяне, въ особенности жители прибрежные и островитяне. Весь архипелагъ былъ усѣянъ контрабандистами, флибустьерами, которые простерли свою дерзость до корсарства» (стр. 87). «Те-

перь никто не вспомнитъ,» говоритъ авторъ, «что все это принадлежитъ Россіи вслѣдствіе безчисленныхъ подвиговъ военныхъ, все это пріобрѣтено умомъ и доблестью многихъ знаменитыхъ полководцевъ; что каждый островокъ этого безконечнаго архипелага, окаймляющаго Финляндію, будто бахромой, не разъ видѣлъ на себѣ или возлѣ себя Петра Великаго и его знаменитыхъ сподвижниковъ» (стр. 85).

Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ изъ времени этой борьбы, въ которомъ дѣйствующими лицами являются: самъ Петръ, выводящій изъ опаснаго положенія флотилію, которой угрожаетъ и страшная буря, и непріятельскія морскія силы; неустрашимый штурманъ Гаврило; житель островокъ, старый рыбакъ Томъ Мерсель; внучка его—красавица Ульрика, предметъ любви и ухаживаній окрестной молодежи; богатый рыбакъ-корсаръ Михель Торъ и отецъ Ульрики—Густавъ, переименованный русскими въ Остапа.

Разсказъ характеризуетъ какъ неустрашимость Петра, такъ и нравы прибрежныхъ жителей—финновъ. Къ сожалѣнію, написанъ онъ настолько недоступнымъ языкомъ, къ тому же изобилующимъ морскими техническими терминами, что для народнаго чтенія служить не можетъ.

Повѣсть «*Инструментъ*» заключаетъ рядъ комическихъ сценъ, дѣйствующими лицами въ которыхъ являются боярышни московскія—теремныя затворницы изъ свиты царевенъ, сестеръ Петра, которыя впервые пріѣхали посѣтить новую столицу. Происходитъ цѣлый рядъ комическихъ встрѣчъ и столкновеній между жеманными, сгорающими желаніемъ показаться въ люди боярышнями-затворницами и деньщиками и другимъ персоналомъ дворца Петра.

Историческаго въ повѣсти немного и комизмъ облеченъ въ грубую, мѣстами даже и циничную форму, а потому книга не можетъ быть признана желательной въ народной библіотекѣ.

Главнымъ лицомъ разсказа «*Новый годъ*» является деньщикъ Петра Великаго, Александръ Ивановичъ Румянцевъ, извѣстный впослѣдствіи полководецъ, Румянцевъ-Задунайскій. Понравился однажды государю своимъ благороднымъ видомъ молодой часовой, и велѣлъ онъ его зачислить въ свои деньщики. («Деньщиками у Петра»—поясняется въ примѣчаніи — «назывались особые довѣренные люди испытанной преданности, которые поочередно дежурили при немъ и исполняли его порученія. Это было то же, что нынѣ свита государя.»—Стр. 5.)

Но не по сердцу пришлась эта милость Румянцеву. «Службу я знаю, а въ царскихъ хоромахъ не бывалъ; мнѣ въ избу не хочется! Тутъ слуга, тамъ солдатъ; тутъ на посылкахъ, тамъ на честномъ дѣлѣ; тутъ ночи безъ очереди не спи; тамъ очередь—что молитва. Скажи государю, что въ деньщики не хочу» (стр. 4), говоритъ онъ Меньшикову, возвѣстившему ему волю царя. Смѣлый, полный собственнаго достоинства отвѣтъ Румянцева сразу сдѣлалъ его любимцемъ Петра и необходимымъ для него человѣкомъ.

Вторая глава разсказа знакомитъ насъ съ тяжелыми обязанностями деньщиковъ у такого незнающаго устали начальника, какъ Петръ.

Въ разсказѣ появляется и первая жена Петра — въ числѣ лицъ, враждебно относящихся къ преобразованіямъ царя. Описываются торжественные выходы царской семьи и двора, ужасъ народа при видѣ *незакрытыхъ* лицъ женщинъ и бояръ *безъ бородъ*; домъ и хлѣбосольство купца Петрова на Покровкѣ, прочащаго свою единородную и дородную дочь Кулиночку за ловкаго царскаго деньщика; пиръ на новый ладъ, устроенный Петровымъ, по случаю котораго «каменный, но весьма тѣсный и неудобный домъ Захарія Ивановича былъ биткомъ набитъ бородатыми родственниками и родственницами, которыя походили больше на пряники, украшенные золотомъ и фольгою, нежели на живыя существа. Почти одна на другой сидѣли онѣ неподвижно на скамьяхъ вокругъ стѣнъ, изрѣдка двумя пальцами обтягивая юбки сарафановъ или поднимая кисейные рукава, чтобы торчали полнѣе. Впрочемъ, этимъ занимались больше маменьки: дѣвушки, изукрашенныя камнями и размалеванныя красной краской, прятали ноги и съ величайшимъ страхомъ поглядывали, чтобы, Боже сохрани, носковъ не было видно. Мужчины въ другихъ комнатахъ толковали о бородѣ Захарія Ивановича, которая поутру еще посѣщала гостиный дворъ, а ввечеру исчезла» (стр. 22.)

Петръ не позволяетъ Румянцеву жениться на дочери честолюбиваго и невѣжественнаго Петрова, а устраиваетъ его свадьбу съ дочерью Андрея Артамоновича Матвѣева. Сговоръ Румянцева съ Матвѣевой происходитъ въ день Новаго года, впервые празднуемаго въ Россіи 1-го января, съ началомъ лѣтосчисленія отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, какъ это дѣлалось у насъ

до 1700 г. Матвѣевъ изображенъ далеко не искреннимъ единомышленникомъ царя, слѣдующимъ всему новому лишь скрѣпя сердце, изъ страха попасть въ немилость. Такая характеристика не отвѣчаетъ историческихъ даннымъ о личности Матвѣева.

Разсказъ можетъ читаться развитыми, знакомыми съ исторіей читателями.

Вопросы:

Какое было у насъ лѣтосчисленіе до 1700 г.?

О какихъ особенностяхъ Петровскаго времени разсказывается въ повѣсти?

Что узнаемъ мы изъ нея о самомъ Петрѣ?

Что разсказывается здѣсь о Румянцовѣ и чѣмъ онъ былъ впослѣдствіи? *А. К.*

---

720) **Правленіе временщиковъ.** Разсказы изъ русской исторіи Б. А. Павловича. Спб. 1879 г. Ц. 10 к. 12 стр.

721) **Ледяной домъ.** И. И. Лажечникова. Москва. 1873 г. Изд. 3-е, въ 4-хъ ч. Ц. 3 р.

Въ народной литературѣ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ очерковъ, знакомящихъ со временемъ господства временщиковъ, эпохой во многихъ отношеніяхъ крайне интересной и поучительной. Въ виду этого и по достоинствамъ своимъ очеркъ г. Павловича заслуживаетъ особеннаго вниманія. Содержаніе его составляетъ описаніе царствованія Петра II, появленія верховниковъ и призванія на царство Анны Іоанновны, правленія Бирона, Анны Леопольдовны, другихъ временщиковъ и, наконецъ, воцаренія Елизаветы Петровны. Приведены факты, характеризующіе порядки, нравы дѣятелей, штаты шутовъ и дуръ, примѣры расточительности двора и придворныхъ, равнодушіе къ интересамъ государства, враждебное отношеніе къ начинаніямъ и памяти Петра Великаго.

По серьезности затрогиваемыхъ вопросовъ государственной жизни очеркъ этотъ долженъ читаться лишь взрослыми.

Вопросы:

Кого называютъ временщиками?

Почему любовь Петра къ иностранцамъ и власть, которую онъ давалъ имъ, не были во вредъ государству и народу русскому? (Стр. 247).

Какія забавы и особенности жизни того времени даютъ намъ понятіе о жестокости нравовъ? (Пытка при допросахъ, потѣха надъ увѣчными и слабоумными).

Интересныя бытовыя подробности и характеристики главныхъ дѣятелей эпохи царствованія Анны Іоанновны представляетъ извѣстный романъ Лажечникова—«Ледяной домъ». И по языку, и по объему, и по многимъ эпизодамъ недоступный въ оригиналѣ, онъ въ передѣлкѣ при нѣкоторыхъ сокращеніяхъ и дополнительныхъ объясненіяхъ былъ бы интереснымъ и полезнымъ чтеніемъ для развитыхъ читателей изъ народной среды.

А. К.

---

722) **Наталья Борисовна Долгорукая и березовскіе ссыльные.** П. Толычевой. Москва. 1874 г. Изд. Общ. распростр. книгъ. Ц. 20 к. 64 стр.

О русскихъ женщинахъ, оставившихъ по себѣ имя въ исторіи, ничего не написано для народа. Разбираемая книга также, очевидно, не предназначалась авторомъ для народнаго чтенія: на страницахъ ея мы встрѣчаемъ такія выраженія, какъ: аристократія, политическіе перевороты, придворныя интриги и т. п. Было бы несправедливо ставить это въ упрекъ издавшему ее Обществу или автору. Общество распространенія полезныхъ книгъ не задавалось исключительною цѣлью издавать книги для народнаго чтенія, а г-жа Толычева—авторъ многихъ хорошихъ народныхъ книгъ, въ которыхъ доказала, что умѣетъ говорить инымъ языкомъ. Можно только пожелать въ слѣдующемъ изданіи нѣкоторыхъ измѣненій, которыя сдѣлали бы эту прекрасную по содержанію книгу вполнѣ доступной для народа. И въ настоящемъ своемъ видѣ она одна изъ любимыхъ книгъ взрослыхъ дѣвушекъ; можетъ читаться и совершенно незнакомыми съ исторіей. Описаніе страдальческой жизни Натальи Борисовны сдѣлано такъ просто, съ такимъ горячимъ чувствомъ симпатіи къ жертвѣ несправедливости, что производитъ глубокое впечатлѣніе на всякаго взрослаго читателя, порядочно понимающаго литературный языкъ. Содержаніе разсказа слѣдующее.—Жизнь красавицы боярышни въ домѣ отца, торжественное обрученіе ея съ княземъ Долгорукимъ, будущимъ шуриномъ государя Петра II.

Паденіе Долгорукихъ со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны. Ссылка въ Березовъ. Страданія молодой женщины, нелюбимой семьей мужа; горячая любовь ея къ дѣтямъ и заключенному мужу. Короткая біографія Меншикова. Мучительныя ожиданія Натальи свиданія съ мужемъ. Казнь его въ Новгородѣ. Жизнь ея по возвращеніи въ Россію. Постриженіе въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе въ разсказѣ производятъ слѣдующія мѣста: описаніе душевнаго состоянія Натальи, когда, пришедши на вымоленное минутное свиданіе съ мужемъ, она застаетъ тюрьму пустой и остается въ невѣдѣніи о постигшей его участи, и послѣднее прощаніе съ дорогимъ прошлымъ предъ принятіемъ схимы, когда она рѣшается разстаться съ обручальнымъ кольцомъ и бросаетъ его въ Днѣпръ.

Мѣста эти выдѣляются и при передачѣ прочитанной книги и сохраняются въ памяти много лѣтъ спустя, въ чемъ не разъ приходилось убѣждаться, бесѣдуя съ ученицами о книгахъ, ими прочитанныхъ.

Книга эта не должна читаться малолѣтними: поэтическій образъ страстно, самоотверженно любящей женщины будетъ понятъ и оцѣненъ лишь возрастомъ, которому доступно подобное же чувство.

Вопросы:

Какъ поступила Наталья, когда ее убѣждали отказать осужденному на изгнаніе жениху? (Стр. 14).

Какъ жилось ей въ Березовѣ? (Стр. 48—50).

Что называется божедомками, скудельницами? (Стр. 52).

Какъ жила Наталья Борисовна по возвращеніи въ Россію?

Кто былъ Меншиковъ? Какъ жилъ онъ въ Березовѣ? (Стр. 34—42).

Какое мѣсто изъ этого разсказа болѣе всего осталось у васъ въ памяти? (Стр. 54—61).

723) **Наталья Борисовна Долгорукая.** П. Фурмана. Спб. 1872 г. Изд. Я. А. Исакова. Ц. 1 р. 50 к. 235 стр.

Лѣтъ тридцать тому назадъ историческія повѣсти Фурмана занимали видное мѣсто въ дѣтской литературѣ. «Меншиковъ», «Ближній бояринъ Матвѣевъ», «Саардамскій плотникъ» читались съ наслажденіемъ и не въ одной дѣтской душѣ впервые пробудили любовь къ историческому чтенію. Въ настоящее время на смѣну имъ явились другія книги; но и повѣсти Фурмана, нѣсколько устарѣвшія по языку, содержащія нѣкоторыя погрѣшности и въ содержаніи, все же не утратили значенія.

По содержанію своему, описываемымъ историческимъ событіямъ и лицамъ повѣсть Фурмана «Наталья Борисовна Долгорукая» совершенно сходна съ выше-разобраннымъ очеркомъ Толычевой. Благодаря формѣ своей (повѣсть) и простотѣ изложенія, читается съ бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ названный очеркъ Толычевой. Въ народной и школьной библіотекѣ, обладающей достаточными средствами, можетъ имѣть мѣсто и эта книга для развитыхъ взрослыхъ читателей.

Вопросы:

Какіе люди окружали Петра II?

Былъ ли онъ подготовленъ къ важнымъ обязанностямъ правителя государства?

Въ чемъ заключалось сходство судьбы Меншикова и Долгорукаго?

Почему въ Березовѣ старикъ Долгорукій такъ сильно взволнованъ былъ, войдя въ церковь, построенную Меншиковымъ?

Изъ чего видно, что Наталья Борисовна была мужественная и любящая женщина?

А. К.

---

724) **Императрица Екатерина II.** П. Рогова *). Изд. Ком. Педагогич. Музея. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 22 стр.

725) **О томъ, какъ Екатерина II Великая правила землей Русской.** С. М. (Съ 9-ю раскраш. картинами). Изд. Постоянн. Комм. народн. чтеній. Спб. 1873 г. Ц. 15 к. 22 стр. Изд. 1886 г. Ц. 15 к. **).

Названный очеркъ П. Рогова, какъ и всѣ другіе того же автора, отличается богатствомъ фактическаго матеріала, но цѣнность этого богатства для читателя изъ народа сомнительна. Сообщивъ въ началѣ нѣсколько фактовъ, дающихъ понятіе о живости характера императрицы Екатерины, ея дѣятельности, простотѣ обращенія съ дворцовыми слугами, готовности выслушать совѣтъ и противорѣчіе, авторъ переходитъ къ подробному, сухому изложенію войнъ и дипломатическихъ сношеній, въ концѣ удѣляя нѣсколько строкъ начинаніямъ и реформамъ Екатерины, предпринятымъ подъ вліяніемъ философскихъ идей, господствовавшихъ тогда въ Европѣ. Эта послѣдняя часть очерка особенно слаба. Что дастъ слушателямъ изъ народа слѣдующій перечень дѣяній Екатерины? Стр. 21:

«Для благосостоянія народнаго старается поддержать земледѣліе, торговлю, устраиваетъ банки, заботится о возбужденіи довѣренности (?) и кредита. Даетъ новое устройство губерніямъ, причемъ судебная власть отдѣляется отъ власти управляющей или административной».—Наборъ словъ, и по звуку, и

---

*) См. реценз. «Народная Школа» 1876 г. № 11, стр. 75—76. «Педагогическій Листокъ» при «Дѣтскомъ Чтеніи». 1876 г. № 2, стр. 127—129. «Систематическій Обзоръ Народно-Учебной Литерат.». 1878 г., стр. 627.

**) См. 2-й т. Что читать народу?

по смыслу совершенно чуждыхъ темнымъ слушателямъ, для которыхъ предназначается.

Очеркъ непригоденъ ни для самостоятельнаго, ни для публичнаго народнаго чтенія.

То же время, то же историческое лицо, тѣ же слушатели и читатели, но иначе смотритъ на свою задачу поучающій, и въ результатѣ получается полезная, интересная книга. С. М., авторъ многихъ историческихъ очерковъ для народнаго чтенія, совершенно иначе относится къ историческому матеріалу, чѣмъ г. Роговъ: онъ дорожитъ не количествомъ, а качествомъ его. При чтеніи очерка г. Рогова у читателя рябитъ въ глазахъ отъ массы именъ и фактовъ, утомляется голова отъ безплодныхъ попытокъ уразумѣть смыслъ непонятныхъ словъ и фразъ.

Не то даетъ ему книга С. М. Авторъ ея знаетъ, что имѣетъ дѣло не съ читателями газетъ, не съ посвященными въ міръ политическихъ и дипломатическихъ интересовъ читателями, а съ людьми, несомнѣнно не имѣющими яснаго представленія о томъ, что такое государство, политика, гражданскія права, но знающими, живо чувствующими цѣну того или другаго общественнаго «порядка», которымъ опредѣляются ихъ права на существованіе, знающими, что эти «порядки» могутъ измѣняться къ лучшему и худшему.

Рядомъ характерныхъ фактовъ старается авторъ познакомить съ тѣмъ, какъ понимала и исполняла свои обязанности по отношенію къ ввѣренному ей народу Екатерина, чѣмъ заслужила названіе Великой. Упоминаются лишь тѣ дѣянія, которыя отзывались на жизни народа, понятны ему; разсказывается о событіяхъ царствованія Екатерины, глубоко взволновавшихъ народную жизнь: о бунтѣ Пугачева, чумѣ, убійствѣ Амвросія... Изъ сподвижниковъ Екатерины болѣе подробно говорится о Суворовѣ, Потемкинѣ, Орловыхъ.

Къ сожалѣнію, приложенныя картины исполнены очень плохо. Своимъ содержаніемъ обращаютъ вниманіе слѣдующія: «Екатерина, прививающая себѣ и наслѣднику оспу»; «Пугачевъ подъ карауломъ Суворова»; «Чума въ Москвѣ»; «Чтеніе Наказа».

Читается книга съ интересомъ взрослыми. Очеркъ этотъ также съ успѣхомъ можетъ быть прочтенъ на публичномъ народномъ чтеніи съ туманными картинами.

Вопросы:

За что названа Екатерина Великой?

Для чего созвала она представителей всѣхъ сословій? что писала она въ своемъ Наказѣ? (Стр. 11.)

Какія земли при Екатеринѣ II вошли въ составъ Русскаго государства? (Крымъ, Литва, Бѣлоруссія.)

Разскажите о Кулибинѣ.

Какъ относилась Екатерина къ раскольникамъ? (Стр. 10.) *А. К.*

---

726) **Императрица Екатерина II-я Великая** *). Историческій очеркъ. Съ приложеніемъ краткихъ жизнеописаній главнѣйшихъ сподвижниковъ императрицы: *Румянцева*, *Потемкина*, *Суворова*, *Дашковой*, *Безбородко*, *Бецкаго*, *Чичагова* и *Орлова-Чесменскаго*. Изд. журнала *«Мірской Вѣстникъ»*. (Съ 4-мя рисунками.) Спб. 1873 г. Ц. 15 к. 121 стр.

Неизвѣстный авторъ разбираемой объемистой книги не съумѣлъ воспользоваться богатымъ фактическимъ матеріаломъ, имѣвшимся у него подъ рукой: безсистемность, отсутствіе связи между событіями, которыя вслѣдствіе этого являются какъ-бы случайностями, сюрпризами, невѣрности въ фактическихъ данныхъ, неправильно построенная, безсвязная рѣчь—вотъ особенности, дѣлающія книгу крайне нежелательной въ народной библіотекѣ. За подтвержденіемъ всего сказаннаго обращаемся къ самой книгѣ. На стр. 40-й находимъ мы слѣдующее лаконическое сообщеніе:

«Въ 1771 г., т. е. черезъ девять лѣтъ по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины, договоромъ утвержденъ былъ первый раздѣлъ Польши».

Между тѣмъ, какой части Польши — объ этомъ ни слова. Съ слѣдующей же страницы начинается исторія первой турецкой войны; далѣе (стр. 87)—второй и остальныхъ войнъ съ Польшей и Швеціей. Всему этому удѣлено достаточно мѣста, но тщетно будемъ мы искать причинъ и связи между описываемыми событіями. Разсказъ о томъ, какъ принцы де-Линь и Нассаускій, сопровождавшіе Екатерину во время путешествія ея по Новой Россіи, сняли на карту положеніе турецкаго флота подъ Очаковымъ и просили государыню разрѣшить имъ прогнать турокъ (имъ двоимъ, безъ войска?), и какъ Екатерина, глядя на карту, отгадала «по положенію, принятому турецкими кораблями», близость новой войны,—можетъ служить такимъ характернымъ образчикомъ наивныхъ взглядовъ автора, что цитированіе другихъ подобныхъ же мѣстъ считаемъ излишнимъ.

Кромѣ невѣжества, обнаруживаемаго въ

---

*) См. рец. «Русская Старина». 1874 г., т. 9, № 4, стр. 803—805.

освѣщеніи и группировкѣ фактовъ, на каждомъ шагу встрѣчаются совершенно невѣрныя сообщенія, въ родѣ того, что крымскіе татары признаны подвластными Россіи по Кучукъ-Кайнарджійскому миру 1774 г. (стр. 45), между тѣмъ какъ это совершилось лишь по конвенціи 1783 г.; число колонистовъ чрезъ три года послѣ вызова ихъ въ Россію, по словамъ автора, равнялось 100.000 человѣкъ, тогда какъ въ исторіи Соловьева и другихъ столь-же достовѣрныхъ источникахъ мы встрѣчаемъ для обозначенія числа тѣхъ-же колонистовъ лишь цифру 26.000. Подобныхъ ошибокъ и погрѣшностей не перечесть.

Главы, посвященныя внутреннимъ преобразованіямъ, едва-ли не слабѣе повѣсти о войнахъ и политикѣ внѣшней; указываемъ для примѣра на стр. 8-ю и 9-ю, на которыхъ говорится о томъ, какъ блистательно побѣждала Екатерина финансовыя затрудненія.

Въ виду всего сказаннаго, книга, конечно, не только безполезна, но и вредна.

А. К.

---

727) **Императрица Всероссійская, Екатерина Алексѣевна Вторая, Великая.** Очеркъ. Составилъ по Щебальскому и другимъ Н. Трескинъ. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ, № 226. Москва. 1879 г. Ц. 10 к. 24 стр.

Еслибы г. Трескинъ не придалъ своему очерку формы панегирика, а просто обстоятельно изложилъ главныя событія царствованія Екатерины II и многостороннюю дѣятельность великой по уму и энергіи женщины, то, конечно, оставилъ-бы такой рѣчью въ душѣ своихъ слушателей и читателей несравненно болѣе сильное и прочное впечатлѣніе. Первыя 16 страницъ посвящены описанію внѣшней политики Екатерины; 18 послѣднихъ—«дѣяніямъ государыни внутри Россіи». Обѣ части страдаютъ общимъ недостаткомъ — фразистостью и недостаточной содержательностью.

Для ознакомленія съ Екатериной II мы отдаемъ предпочтенье очерку С. М. (см. рец. № 725). *А. К.*

---

728) **Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.** Соч. Н. Трескина. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 227. Москва. 1879 г. Ц. 10 к. 23 стр.

Очеркъ составленъ, какъ говоритъ самъ авторъ, по статьямъ «Русской Старины», «Чтеніямъ» Щебальскаго и друг. Этимъ объясняется разнообразіе свѣдѣній, сообщаемыхъ о Потемкинѣ. Къ сожалѣнію, сообщаются они въ такой формѣ, которая не даетъ возможности извлечь изъ нихъ яснаго представленія о дѣятельности и заслугахъ баловня судьбы, даровитаго администратора-дипломата и въ то же время честолюбиваго сумасброднаго любимца вельможи, князя Таврическаго.

Очевидно, г. Трескинъ при составленіи очерка не имѣлъ въ виду читателей изъ народной среды. Восточному вопросу, — этому наиболѣе сложному вопросу нашей отечественной политики, удѣляетъ онъ очень много мѣста, что и понятно, такъ какъ имя Потемкина тѣсно связано съ нимъ; но изъ всего сказаннаго по этому поводу мало пойметъ читатель изъ народа, а между тѣмъ какъ легко было сдѣлать этотъ вопросъ доступнымъ, ярко очертить всю исторію его, легко было сдѣлать, потому что этотъ вопросъ изъ сферъ дипломатическихъ перешелъ въ жизнь, —жизнь всего русскаго народа: очеркъ г. Трескина появился въ 1879 г., когда только что окончилась война съ Турціей, когда не было уголка въ Россіи не давшаго гроша, не выдѣлившаго бойца на защиту угнетенныхъ славянъ. Объ этихъ послѣднихъ событіяхъ въ книгѣ нѣтъ ни слова.

Пространно говоритъ г. Трескинъ объ административной дѣятельности Потемкина на югѣ Россіи, о заботахъ его заселить вновь пріобрѣтенный край названной Новой Россіи. Уступаемъ слово автору: «Преданіе говоритъ, что Потемкинъ открылъ свободный входъ на вольныя мѣста толпамъ безпаспортныхъ людей, а также государственнымъ крестьянамъ, грекамъ, бѣжавшимъ отъ турецкаго ига,— наконецъ, нѣмцамъ, вызваннымъ въ Россію изъ за-границы для поселенія». (Стр. 13.)

О временахъ столь близкихъ къ намъ, казалось-бы, не для чего обращаться къ *преданію*, — должны имѣться и болѣе достовѣрныя свидѣтельства. Непріятно поражаетъ и неопредѣленность во всемъ сообщаемомъ. Новая Россія — терминъ оффиціальнаго языка. Спросите любаго простолюдина Екатеринославской, Херсонской губерніи или иной части южнаго края, гдѣ находится Новороссія, и, конечно, на вопросъ вашъ, онъ отвѣтить не сможетъ. Почему авторъ не поименовалъ подробно тѣхъ разноименныхъ выходцевъ, которые по волѣ судьбы и Потемкина составляютъ теперь населеніе Новороссіи, не упомянулъ о тѣхъ льготахъ, которыя предоставилъ имъ Потемкинъ сравнительно съ русскимъ населеніемъ, и о тѣхъ измѣненіяхъ, какія сдѣланы были въ ихъ положеніи въ послѣднее время?

Исторія сама по себѣ, жизнь сама по себѣ—ничего общаго между ними! И это не у

одного г. Трескина изъ писавшихъ для народа. Зато же и получается «исторія», никому и ничему ненужная. Автору разбираемаго очерка можетъ быть сдѣланъ и другой упрекъ: популярности ради поддѣлывается онъ подъ тонъ народной рѣчи, силится показать, что смотритъ на жизнь воззрѣніями самого народа: пріемъ — давно осужденный. Особенно непріятно поражаетъ это на стр. 6-й. Беретъ авторъ слово «божественное» — понятіе, въ которое входятъ высшія религіозно-нравственныя представленія народа, но никогда не употребляемое имъ самимъ въ качествѣ эпитета для представленій конкретныхъ. А у г. Трескина «дѣломъ божественнымъ» является и борьба съ турками, и исполненіе обязанностей дьячка: раздуванье кадила, прислуживанье въ алтарѣ во время богослуженія.

Многіе южные города обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ Потемкину: имъ основаны — Херсонъ, Севастополь, Екатеринославль... Съ именемъ Потемкина связано очень много въ жизни и учрежденіяхъ южнаго края, а потому чтеніе о немъ для народа этой части Россіи въ особенности интересно. Нельзя не пожелать, чтобы эта историческая тема появилась для чтенія народнаго въ болѣе подходящей для того формѣ, чѣмъ разбираемая книга, для читателей изъ народа совершенно непригодная.

А. К.

---

729) **Антонъ Васильевичъ Головатый**, кошевой, первый атаманъ черноморскихъ козаковъ. Спб. 1874 г. Ц. 12 к. 33 стр.

Этотъ очеркъ неизвѣстнаго автора можетъ служить образцомъ желательнаго соединенія сухаго, документальнаго матеріала съ фактами, взятыми непосредственно изъ жизни. Своими живыми красками, простотой изложенія, разнообразіемъ фактовъ, рисующихъ жизнь и дѣятелей извѣстной исторической эпохи, онъ является совершенной противоположностью вышеразобранному очерку о Потемкинѣ; это различіе тѣмъ рѣзче, что оба очерка говорятъ объ одномъ и томъ же времени, о тѣхъ же людяхъ.

Исторія Малороссіи обыкновенно заканчивается гетманствомъ Хмѣльницкаго. О дальнѣйшей судьбѣ Запорожья, своеобразнаго, энергичнаго козачества—не сообщается; а между тѣмъ процессъ сліянія двухъ столь различныхъ частей Россіи, какъ Московское государство и Малороссія, не могъ совершиться въ одинъ годъ по слову договора. Очеркъ о Головатомъ отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ. Горячо преданный запорожской старинѣ и товарищамъ, понимающій необходимость подчиняться измѣнившимся условіямъ жизни, пылкій, умный, полный сознанія собственнаго достоинства, запорожецъ Антонъ Головатый стоитъ передъ читателемъ словно живой—въ степи ли, готовясь къ самоубійству, чтобы не пережить Запорожья, или въ моментъ представленія Екатеринѣ II, къ которой обращается съ пылкой, оригинальной рѣчью, приводящей въ изумленіе окружающихъ сановниковъ, видѣвшихъ въ черноморцахъ лишь «людей дикихъ съ выбритыми головами и въ особенной ихъ одеждѣ, не говорящихъ по русски, издающихъ одни слоги короткіе, никому непонятные: «та ни», «эге», «а-тожъ», чему нигдѣ нельзя найти объясненія». (Изъ записокъ современника.)

Милостивое отношеніе къ Головатому умной государыни сразу дѣлаетъ «дикаго черноморца» умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ для Петербурга человѣкомъ.

Книга доступна лишь развитому взрослому читателю, знакомому съ исторіей Малороссіи.

Вопросы:

Въ которомъ году не стало Запорожской Сѣчи? (1775 г.)

Откуда произошло черноморское войско?

На какой рѣкѣ получили черноморцы земли?

Кто былъ Антонъ Головатый? Чѣмъ послужилъ онъ соплеменникамъ и государству Русскому?

---

730) **Мельхиседекъ Значко-Яворскій или страданія Украйны за народность и вѣру во второй половинѣ XVIII вѣка** *). Кіевъ 1873 г. Ц. 40 к. 160 стр.

Очеркъ этотъ знакомитъ съ мрачной эпохой жизни той части Украйны, которая по договору 1686 г. отошла окончательно къ Польшѣ.

«Польша, принимая Украйну, ясно понимала, что послѣдняя не уляжется въ рамки польскаго королевства и не сольется съ нимъ въ одно политическое цѣлое до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать въ ней рѣзкія отличія вѣры и народности, служащія внутреннею связью съ Россіей. Рѣчь Посполита задалась цѣлью сгладить эти рѣзкія особенно-

*) См. рец. «Системат. Обзоръ Нар.-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 600. «Народная Школа», 1876, № 11, стр. 76.

сти и порвать такимъ образомъ связь съ русскимъ народомъ. Средствомъ для осуществленія этой цѣли было поглощеніе религіозныхъ и національныхъ силъ Украйны полонизмомъ и латинствомъ». (Стр. 4—5.)

На слѣдующихъ 12 страницахъ описаны тѣ мѣры, которыя должны были привести къ намѣченной цѣли. Картина страданій малорусскаго народа нарисована человѣкомъ, очевидно хорошо знакомымъ съ исторіей края.

«Со второй половины XVIII вѣка обстоятельства Украйны нѣсколько измѣнились. Россія начала обращать серьезное вниманіе на участь своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ: бѣлорусскій епископъ Георгій Конискій заявилъ о страданіяхъ ихъ передъ цѣлымъ образованнымъ міромъ, а изъ среды украинскаго духовенства выдвинулся человѣкъ, который своими познаніями, умомъ, силой воли и неутомимою энергическою дѣятельностью пріобрѣлъ вліяніе на современное ему украинское общество, пробудилъ дремавшее въ немъ сознаніе народности, указалъ забытыя права, взялся защищать ихъ, напомнилъ Украйнѣ о Россіи и послѣдней объ Украйнѣ,—этотъ человѣкъ былъ игуменъ Мотренинскаго монастыря, Мельхиседекъ Значко-Яворскій». (Стр. 17—18.)

Исторія дѣятельности и страданій этого борца и того національнаго движенія, котораго онъ явился представителемъ, и составляетъ содержаніе книги.

Къ сожалѣнію, книга написана языкомъ, совершенно недоступнымъ простолюдину, изобилующимъ какъ иностранными словами въ родѣ—*программа*, *привилегія*, *декреты* и т. п., такъ и выраженіями изъ польско-малорусскихъ актовъ. Кромѣ того, самое изложеніе не отличается необходимой простотой: главное недостаточно рельефно выступаетъ изъ массы фактовъ и ненужныхъ подробностей. Книга оказывалась не подъ силу даже наиболѣе развитымъ и знакомымъ съ исторіею читателямъ изъ народа.

Нельзя не пожелать, чтобы очеркъ этотъ явился передѣланнымъ спеціально для народной библіотеки. Темныя страницы прошлаго лучше оттѣнятъ настоящее, помогутъ выясненію тѣхъ новыхъ началъ жизни человѣчества, которыя дѣлаютъ невозможными прежнія отношенія различныхъ народностей другъ къ другу. *А. К.*

---

731) **О Суворовѣ** *). Чтеніе для народа. С. Рождественскаго. Спб. Изд. 2-е. 1882 г. Съ одною раскрашенной картиной: («Переходъ черезъ Чортовъ Мостъ» и портретомъ Суворова.) Изданіе Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Ц. 15 к. 40 стр. Изд. 4-е 1886 г. Ц. 10 к.

Очень полный, живой очеркъ подвиговъ Суворова, не утомляющій читателя излишними подробностями. Личность героя очерчена удачно. Приведено много характерныхъ фактовъ, доказывающихъ вѣрность характеристики, сдѣланной имъ самимъ: «Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись» (стр. 14). Пригоденъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ хорошо-грамотныхъ читателей.

Вопросы:

Съ кѣмъ пришлось воевать Суворову?
Какой былъ самый трудный походъ его?
Кто въ то время царствовалъ въ Россіи?

А. К.

---

732) **Разсказы о Суворовѣ.** Чтеніе для народа. В. Новаковскаго *). Спб. 1876 г. 4-е изд. Ц. 20 к. 79 стр.

Фактически болѣе полный, этотъ очеркъ во многомъ уступаетъ выше разобранному очерку Рождественскаго. Суворовъ является въ немъ несравненно менѣе симпатичнымъ, а въ исторію его походовъ внесено столько лишнихъ подробностей и именъ, что читается онъ съ трудомъ. *А. К.*

---

733) **Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, генералиссимусъ русскихъ войскъ.** (Съ 16-ю рисунками.) Изд. 4-е. Спб. 1882 г. Ц. 50 к. 155 стр.

Эта объемистая книга представляетъ скорѣе сборникъ анекдотовъ о Суворовѣ, чѣмъ историческій очеркъ объ оригинальной личности и подвигахъ великаго полководца. Благодаря именно анекдотической своей части, книга читается съ удовольствіемъ взрослыми читателями, въ особенности солдатами, но не даетъ вѣрнаго представленія о Суворовѣ; не выдѣляетъ основныхъ чертъ характера его—гуманности, безкорыстія, чувства собственнаго достоинства, не покидавшихъ его, ярко окрашивавшихъ всѣ его чудачества, всѣ его отношенія къ сильнымъ міра сего.

---

*) См. рецензіи «Обзоръ Народно-Учебн. Литературы» 1878 г., стр. 627; «Народная Школа» 1876 г. № 11, стр. 77.

*) «Учитель» 1870 г., стр. 27.

Здѣсь же, напротивъ, какъ сообщаемые факты, такъ и вложенныя въ уста Суворова краткія выразительныя рѣчи въ родѣ: «Бей, коли ихъ, ребятушки! помилуй Богъ, какъ хорошо!» повторяемыя съ небольшими варіаціями почти на каждой страницѣ, дѣлаютъ изъ Суворова какого то носителя смерти и истребленія. Недостаточная ясность въ изложеніи въ области историческихъ сообщеній должна ввести читателей въ заблужденіе: на основаніи страницъ 45—49 они должны будутъ приписать Суворову все дѣло присоединенія Крыма къ Россіи, такъ какъ прочтутъ, что «это важное дѣло было поручено Суворову» (стр. 45); «дѣятельностью и распорядительностью Суворова была присоединена къ русскимъ владѣніямъ новая богатая область Таврида» (стр. 47), «и онъ такъ устроилъ все дѣло, что самовластно управлялъ Крымомъ, ничѣмъ не возбудивъ противъ себя ропота татаръ» (стр. 49).

Также исключительно ему приписывается усмиреніе Пугачевскаго бунта, между тѣмъ какъ извѣстно, что до пріѣзда Суворова мятежники потерпѣли нѣсколько пораженій отъ Михельсона. Немало невѣрностей и въ изложеніи военныхъ событій въ Италіи и Швейцаріи.

По всему вышеизложенному книгу не считаемъ желательной въ народной библіотекѣ.

А. К.

---

734) **Капитанская дочка.** Повѣсть Пушкина, (въ редакціи Стоюнина). Спб. 1870 г. Ц. 50 к. 138 стр.

735) **Всеобщая биб. Капитанская дочка.** Москва. Изд. Самойлова. 1887 г. Ц. 8 коп. 115 стр.

Содержаніе и достоинства повѣсти нашего великаго поэта слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ. Остается лишь указать на то, при какихъ условіяхъ она можетъ читаться читателями изъ народа. Читается она съ наслажденіемъ какъ хорошо читающими учениками народной школы, такъ и взрослыми грамотѣями. Но для того чтобы ея историческая часть была усвоена, необходимы при выдачѣ книги нѣкоторыя объясненія о томъ, въ чье царствованіе былъ бунтъ, за кого выдавалъ себя Пугачевъ, для чего проливалъ рѣки крови, кѣмъ была уничтожена пытка при допросахъ и обезображеніе лицъ осужденныхъ.

Самая повѣсть даетъ отчасти на это отвѣты. На страницѣ 93-й Пугачевъ объясняетъ свои дѣянія тѣмъ же, что влекло въ Москву и Отрепьева; еще лучше обрисовываетъ его задачи и ожидающую его участь имъ же разсказанная сказка объ орлѣ, наслаждающемся кровью, и воронѣ, довольствующемся надалью (стр. 93), и его любимая пѣсня: «Не шуми, мати, зеленая дубровушка» (стр. 66).

Хотя Пушкинъ по чувству художника и историка не размалевалъ Пугачева бьющими въ глаза мрачными красками, это не мѣшаетъ, однако, читателю вынести о немъ вѣрное представленіе. Эта повѣсть представляетъ прекрасное чтеніе для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Кто царствовалъ въ Россіи во время бунта Пугачева? (Екатерина II).

За кого выдавалъ себя Пугачевъ? (За Петра III, мужа Екатерины).

Чему подвергали въ то время обвиненныхъ при допросахъ?

Почему можно было встрѣтить тогда такъ много обезображенныхъ людей? (Обычай вырѣзыванія языковъ, носовъ, ушей у осужденныхъ).

Чѣмъ особенно трогаетъ читателя Савельичъ? (Вѣрность и преданность Гриневу, готовность пожертвовать за него жизнью. (Стр. 60).

Укажите въ разсказѣ, когда оба слабые старика—комендантъ крѣпости и его помощникъ—являются сильными, мужественными. (Стр. 59).

А. К.

---

736) **Кузьма Рощинъ.** Повѣсть М. Загоскина. Спб. 1857 г. Ц. 25 к.

Въ оригиналѣ повѣсть Загоскина читается съ трудомъ: разсказъ растянутъ, нехудожественъ; романическому эпизоду любви Владиміра Зарубкина къ Машенькѣ Ильменевой отведено слишкомъ много мѣста. Героемъ разсказа является атаманъ разбойничьей шайки—Кузьма Рощинъ. Въ первой части повѣсти мы находимъ описаніе его подвиговъ, отличающихся не сколько жестокостью, сколько удальствомъ и гордымъ сознаніемъ силы. Прошло 25 лѣтъ. Вмѣсто разбойника предъ нами степенный купецъ Сибиряковъ, извѣстный своей благотворительностью, мирно живущій въ Москвѣ съ нѣжно любимой семьей. Тяжкимъ бременемъ лежитъ на душѣ Рощина темное прошлое.

Появляется въ Москвѣ чума, жертвой которой дѣлается вся его семья. Возникаетъ неудовольствіе въ народѣ на мѣры, предпринятыя противъ эпидеміи; оканчивается оно народнымъ возмущеніемъ, убійствомъ архіепископа Амвросія. Рощинъ, случайно узнавъ

о готовящемся преступленіи, силится спасти Амвросія; но, по наговору своего же пріемыша, онъ самъ принятъ за убійцу. Судъ произноситъ надъ нимъ приговоръ, но запоздавшій свидѣтель доказываетъ его невинность, разсказываетъ о его тщетныхъ усиліяхъ спасти Амвросія. Тяжко отозвались въ душѣ Рощина поразившія его несчастія: потеря семьи, неблагодарность усыновленнаго сироты, обвиненіе въ несовершонномъ преступленіи. Онъ смотритъ на нихъ какъ на кару свыше: радуется оправданію, но не хочетъ воспользоваться свободой. Душа его жаждетъ искупить въ страданіи прежнюю грѣшную жизнь. Тутъ же, въ торжественную минуту своего оправданія на судѣ, онъ объявляетъ, что онъ—Кузьма Рощинъ и отдаетъ себя въ руки правосудія. Описаніе Москвы во время чумы—лучшая часть разсказа; въ общемъ и характеръ Рощина очерченъ рельефно и оставляетъ впечатлѣніе. Передѣлка въ оригиналѣ повѣсти Загоскина для народнаго чтенія очень желательна. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ она имѣетъ полное право на мѣсто въ народной библіотекѣ для малолѣтнихъ и взрослыхъ развитыхъ читателей.

Вопросы:

Разскажите о чумѣ въ Москвѣ въ 1770 г.
Кто тогда царствовалъ въ Россіи?
Что за человѣкъ былъ Кузьма Рощинъ?

О. Р.

---

737) **Московская чума и разбойникъ Кузьма Рощинъ.** Изданіе для иногородныхъ. Ц. 10 к. 26 стр.

Книга содержитъ довольно подробныя свѣдѣнія о чумѣ, сообщаетъ о томъ, откуда и какъ она была занесена въ 1770 г., какіе отличительные признаки чумы, о мѣрахъ противъ нея. Къ этимъ свѣдѣніямъ, важнымъ въ практическомъ отношеніи, присоединены нѣкоторые эпизоды изъ романа Загоскина: описаніе Москвы во время чумы, разбойничьи подвиги Рощина и дальнѣйшая его судьба, картина народнаго возмущенія подъ вліяніемъ суевѣрныхъ воззрѣній на эпидемію и невѣжественныхъ предубѣжденій противъ санитарныхъ мѣръ, поборникомъ которыхъ явился и Амвросій, жертва невѣжества московской черни. Разбираемую книгу нельзя назвать передѣлкой повѣсти, а вѣрнѣе—историческимъ очеркомъ (форма,—при отсутствіи художественнаго дарованія въ составителѣ, пожалуй, — наиболѣе подходящая). Языкъ простъ, но мѣстами шероховатъ и неправиленъ. Въ народной библіотекѣ книга желательна для читателей всѣхъ возрастовъ. Къ вопросамъ, уже поставленнымъ при самой повѣсти, прибавляемъ лишь нѣсколько спеціальныхъ *вопросовъ*:

Какъ зашла къ намъ чума въ 1770 г.?
Что такое карантинъ?
Какъ переходитъ чума изъ одного мѣста въ другое?
Какія мѣры были тогда приняты противъ заразы?

О. Р.

---

738) **Кузьма Рощинъ, рязанскій разбойникъ.** Романъ въ двухъ частяхъ. Москва. Изданіе Д. И. Прѣснова. Ц. 10 к. 72 стр.

Въ этой до нельзя плохой передѣлкѣ пропущена вся историческая часть повѣсти Загоскина, а романическая—искажена. Кузьма Рощинъ изображенъ чудовищемъ. Авторъ счелъ нужнымъ въ назиданіе читателямъ убить его въ послѣдней главѣ, не допустивъ до покаянія. Между тѣмъ эта книга имѣется, пожалуй, больше у читателей, чѣмъ самъ оригиналъ. И въ данномъ случаѣ московская литература предупредила педагогическую, которой слѣдуетъ воспользоваться теперь популярностью заглавія и дать что либо порядочное вмѣсто этой плохой книжонки.

О. Р.

---

739) **Александръ I Благословенный.** П. Рогова *). Чтеніе въ Соляномъ Городкѣ. (Съ 10 раскрашенными картинками). Спб. 1873 г. Ц. 20 к. 28 стр.

740) **Александръ I и его царствованіе.** М. Б. Овчинникова. Чтеніе для народа. (Съ портретомъ Александра I.) Спб. 1877 г. Ц. 20 к. 51 стр.

741) **Александръ I Благословенный.** С. М. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. (Съ 2-мя картинами). Спб. 1881 г. Ц. 8 к. 32 стр.

Обиліе фактовъ, отсутствіе группировки и освѣщенія ихъ дѣлаютъ очеркъ Рогова мало доступнымъ какъ для взрослаго читателя такъ и для школьника. Къ тексту приложены портреты Александра I и Сперанскаго и 8 раскрашенныхъ картинъ.

Второй изъ названныхъ выше очерковъ, составленный Овчинниковымъ, также не можетъ быть названъ удачнымъ. Фактовъ, характеризующихъ личность Александра и дѣятельность его, какъ правителя, какъ основателя многихъ полезныхъ учрежденій, приве-

---

*) См. рец. «Систем. Обзоръ. Нар.-Уч. Лит.» стр. 628.

дено слишкомъ мало, а событіямъ войнъ съ Наполеономъ удѣлено цѣлыхъ 40 страницъ. О Сперанскомъ авторъ вовсе не говоритъ, хотя имя его два раза упоминается въ брошюрѣ, но только упоминается въ перечнѣ дѣятелей и современниковъ Александра, причемъ, кромѣ именъ, ничего болѣе не сообщается о нихъ читателю.

Для ознакомленія народа съ личностью Александра I и его царствованіемъ можетъ служить очеркъ С. М., вполнѣ отвѣчающій этой цѣли какъ содержаніемъ, такъ и изложеніемъ. Изъ него узнаетъ читатель о воспитаніи Александра Екатериной, старавшейся вселить внуку великія гуманныя идеи, одушевлявшія тогда передовыхъ людей Европы. Подъ ихъ вліяніемъ не перестаетъ заботиться Александръ объ улучшеніи положенія крестьянъ, мечтая о совершенномъ уничтоженіи крѣпостнаго права, учреждаетъ повсемѣстно школы для народа и высшія учебныя заведенія, Петербургскую Публичную Библіотеку, разнаго рода благотворительныя учрежденія. Далѣе слѣдуетъ обстоятельное, но не загроможденное излишними подробностями описаніе войнъ съ Наполеономъ и пребыванія Александра въ Парижѣ. Сообщается также о дѣятельности Сперанскаго и императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Очеркъ этотъ служитъ вполнѣ доступнымъ чтеніемъ для развитыхъ малолѣтнихъ и взрослыхъ читателей, а также можетъ быть избранъ для публичнаго народнаго чтенія.

Вопросы:

Какія чувства старалась воспитать въ будущемъ императорѣ Екатерина II? (Стр. 3).

Какими постановленіями старался онъ облегчить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ? (Стр. 4).

Опишите устройство и пользу, приносимую Петербургской Публичной Библіотекой? (Стр. 6).

Кто былъ правою рукою Александра I? (Стр. 11).

Въ которомъ году умеръ Александръ I?

А. К.

---

742) **Отечественная война 1812 г. и Кутузовъ.** Е. Д. Желябужскаго. Изд. 2-е. Москва. 1877 г. Ц. 50 к. 167 стр.

Эта довольно объемистая книга исключительно посвящена описанію военныхъ дѣйствій Кутузова и его арміи. Общихъ свѣдѣній, характеризующихъ эпоху, причину войны, другихъ дѣятелей, почти нѣтъ. Въ концѣ книги приложены преданія и народныя пѣсни про войну 12-го года, а также описаніе содержанія лубочныхъ картинъ о французахъ, дающихъ понятіе о русской народной сатирѣ и каррикатурѣ.

Изложеніе изобилуетъ излишними подробностями и собственными именами; встрѣчается много непонятныхъ словъ («позиція», «аттакующая», «сатира», «эпопея войны»).

Чтеніе, кромѣ того, затрудняется поясненіями, сообщаемыми въ выноскахъ, внизу страницы. Читается книга неохотно. Въ виду всего сказаннаго, не считаемъ ея необходимой въ народной или школьной библіотекѣ.

А. К.

---

743) **Двѣнадцатый годъ.** Три чтенія для народа П. П. Шалфеева. (С« портретами Наполеона, Александра I, Кутузова, Барклая-де-Толли). Изд. 3-е. Спб. 1880 г. Ц. 20 к. 77 стр.

При составленіи своего очерка авторъ пользовался, какъ видно, весьма цѣннымъ источникомъ — «Исторіей 1812 года» Богдановича. Богатство и умѣлый выборъ фактовъ, простота языка — несомнѣнныя достоинства книги.

Сообщивъ предварительно необходимыя свѣдѣнія о Наполеонѣ и о положеніи Франціи, авторъ приступаетъ къ подробному описанію военныхъ событій 12-го года, въ заключеніе вкратцѣ сообщаетъ о дальнѣйшей судьбѣ и смерти Наполеона.

Очеркъ г. Шалфеева много выигралъ бы, еслибы авторъ оживилъ его выдержками изъ характерныхъ историческихъ документовъ, относящихся къ этому времени, ярче охарактеризовалъ французовъ, — какъ врага опытнаго въ военномъ дѣлѣ и избалованнаго побѣдами,—и привелъ больше фактовъ о томъ, какое участіе принималъ непосредственно въ защитѣ отечества самъ русскій народъ.

Читается книга охотнѣе взрослыми, чѣмъ малолѣтними.

Вопросы:

Кто былъ Наполеонъ и какое войско велъ на Россію?

Кто командовалъ нашими войсками?

Гдѣ было главное сраженіе?

Какія бѣдствія пришлось перенести французамъ?

Гдѣ могли отомстить русскіе французамъ за сожженіе и разрушеніе Москвы?

Сколько лѣтъ прошло со времени описываемой войны?

А. К.

---

744) **1812 годъ.** Разсказы изъ русской исторіи Павловича. (Съ картиной: «Бивуакъ измученныхъ стужей и голодомъ французовъ»). Спб. 1873 г. Ц. 10 к. 28 стр.

Живой, богатый свѣдѣніями очеркъ Павловича содержитъ подробную характеристику главныхъ лицъ и событій описываемаго времени. Особенно рельефно вышло у него описаніе участія въ защитѣ отечества всѣхъ классовъ русскаго общества, ихъ готовности жертвовать и имуществомъ, и жизнью.

Какъ самостоятельное чтеніе, книга пригодна для болѣе развитыхъ читателей, прочитавшихъ уже очеркъ объ Александрѣ I, соч. С. М. (см. рец. № 741).

Вопросы—тѣ же, что и для чтеній Шалфеева (см. рец. № 743). *А. К.*

---

745) **Отечественная война (1812 г.).** В. О. Михневича*). Изданіе Постоянной Комм. народн. чтеній. «*Бородино*». Чтеніе первое. (Съ 8-ю раскраш. карт.). Спб. 1874 г. Цѣна 15 к. 21 стр.

746) **Отечественная война **) (1812 г.).** Чтеніе второе. «*Бѣгство французовъ*». В. О. Михневича. Изд. Пост. Комм. народн. чтеній. (Съ 7-ю раскраш. карт.). Ц. 15 к. 23 стр.

Оба очерка объ отечественной войнѣ по одушевленному тону разсказа, картинности и полнотѣ содержанія представляютъ хорошій матеріалъ для публичнаго народнаго чтенія; читаются также и дома съ большимъ интересомъ какъ взрослыми, такъ и развитыми малолѣтними читателями.

Иное дѣло война на чужой территоріи, иное дѣло война — гдѣ театромъ военныхъ дѣйствій является сама родная земля. Въ первомъ случаѣ весь интересъ сосредоточивается на дѣйствіяхъ и подвигахъ арміи, тактикѣ и дарованіяхъ военачальниковъ; во второмъ — участникомъ войны является, кромѣ дѣйствующей арміи, и все населеніе страны. Такою была война 1812 года. Описаніямъ того, что было сдѣлано самимъ русскимъ народомъ на защиту отечества, отводится г. Михневичемъ первенствующее мѣсто. Денежныя пожертвованія, образованіе полчищъ ополченцевъ, подвиги партизановъ и сельскаго населенія, добровольное истребленіе имущества для встрѣчи врага голодомъ и пожарами—ничто не забыто авторомъ.

*) См. рец. «Систематич. Обзоръ Нар. Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 618.

**) Тамъ же, стр. 618.

Одушевленіе въ разсказчикѣ не переходитъ нигдѣ въ тотъ непріятно-дѣйствующій паоосъ, который замѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ очеркахъ того же автора; изображеніе Наполеона и вражеской арміи сдѣлано безпристрастно. Описаніе ужасовъ войны, кровавыхъ распрей съ непріятелемъ смѣняется разсказами о гуманномъ отношеніи къ голоднымъ, погибающимъ врагамъ русскаго простолюдина, который не зналъ милосердія, когда видѣлъ передъ собой сильнаго, самоувѣреннаго врага.

Характеристика Кутузова вышла блѣдной. Конечно, не за недостаткомъ матеріала стало дѣло, ибо Кутузовъ—одинъ изъ популярнѣйшихъ русскихъ героевъ.

Изъ двухъ разбираемыхъ очерковъ наиболѣе удачный первый—«Бородино», въ основу котораго взято авторомъ извѣстное стихотвореніе Лермонтова. Выбранные характерные отрывки изъ него удачно связаны живыми обьясненіями автора.

Не имѣя возможности посвятить отечественной войнѣ два чтенія сряду, слѣдуетъ прочесть цѣликомъ первый очеркъ, а изъ втораго—выбрать отрывки, повѣствующіе о послѣднихъ событіяхъ и исходѣ войны.

Приложенныя къ тексту картинки крайне плохи по исполненію, но нельзя сказать того же о содержаніи ихъ. Читатель найдетъ въ этихъ двухъ книгахъ портреты Александра I, Наполеона, Кутузова, Барклая-де-Толли,—изображенія: памятника на Бородинскомъ полѣ; Александра, призывающаго народъ къ защитѣ отечества; пылающей улицы Москвы съ сумрачно двигающимися по ней побѣдителями; геройской смерти Энгельгардта; старостихи Василисы, гонящей верхомъ предъ собой толпу непріятелей; французовъ, погибающихъ въ снѣгахъ Россіи. Только двѣ изъ числа этихъ картинокъ посвящены изображенію битвъ, а потому никуда негодны: и при хорошемъ исполненіи изображеніе сраженій мало оставляетъ впечатлѣнія,—весь драматизмъ, вся сила въ отдѣльныхъ фигурахъ и деталяхъ; а возможны ли онѣ на картинѣ небольшихъ размѣровъ? По неволѣ остается любоваться пятнами, изображающими массы воиновъ и клубы пушечнаго дыма...

Вопросы—тѣ же, что при рецензіи № 745.

А. К.

---

747) **Разсказъ старушки о 12-мъ годѣ.** Т. Толычевой *). Москва. 1878 г. Цѣна 25 коп. 93 стр.

*) См. рец. «Педагогическій Листокъ», 1879 г., № 1, стр. 145—149.

748) **Ѳеоня-богатырь** *). Разсказъ изъ 12-го года. Изданіе Общества распростр. полезн. книгъ. Москва. 1874 г. Ц. 20 к. 79 стр.

«Мнѣ кажется, что форма, избранная мной для изложенія исторіи 12-го года, удовлетворитъ потребностямъ публики, которой я посвящаю мой трудъ, — т. е. дѣтей и народа. Старушка разсказываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поясняетъ своимъ слушателямъ то, что могло бы затруднить моихъ читателей. Къ чисто-историческимъ событіямъ я сочла нужнымъ примѣшать бытовыя подробности, необходимыя для пониманія характера эпохи».

Таковъ планъ, начертанный себѣ самимъ авторомъ и прекрасно имъ выполненный. Кромѣ простоты языка, удачнаго подбора извѣстнаго историческаго матеріала, главнымъ достоинствомъ очерка является гуманное чувство, освѣщающее и согрѣвающее весь разсказъ. Проявляется оно не только при описаніи жертвъ, страданій и подвиговъ русскихъ, но и при изложеніи фактовъ, характеризующихъ враговъ.

Авторъ строго разграничиваетъ тѣ дѣянія, которыя совершались для защиты отечества, отъ безполезныхъ жестокостей надъ безоружными врагами.

Очеркъ этотъ, не требующій никакой предварительной исторической подготовки, читается съ удовольствіемъ какъ малолѣтними развитыми, такъ и взрослыми читателями.

Вопросы:

Въ которомъ году и при какомъ императорѣ было нашествіе французовъ?

Кто предводительствовалъ русскими войсками? (Кутузовъ, Багратіонъ, Барклай-де-Толли).

Гдѣ была главная битва? (Бородинское поле).

Какъ обращались русскіе съ плѣнными французами? (Стр. 38, 83).

Какъ относились французы къ жителямъ, когда заняли Москву? (Стр. 59, 66).

Отъ возвращавшихъ книгу приходилось слышать, что книга понравилась, что читали громко дома родителямъ, и тѣ просили благодарить за книгу. Передавая одну изъ такихъ благодарностей, 16-ти-лѣтняя ученица воскресной школы, много читавшая по исторіи, замѣтила:

— Я даже не знаю, почему имъ (отцу и матери) такъ эта книга понравилась. Можетъ—потому, что такъ понятно написана.

Разсказъ неизвѣстнаго автора—«Ѳеоня Богатырь» по содержанію относится къ эпохѣ, такъ картинно и полно описанной г-жею Толычевой. Далеко уступая ему въ достоинствахъ, не заключая необходимыхъ поясненій, онъ долженъ даваться для прочтенія послѣ разсказа Толычевой.

Описаніе тревоги жителей Москвы при вѣсти о приближеніи французовъ, поспѣшныхъ сборовъ къ бѣгству, устройства подземныхъ кладовыхъ для сбереженія покидаемаго добра, приготовленій для встрѣчи врага пожаромъ и голодомъ,—все это читается съ удовольствіемъ; но главный интересъ разсказа сосредоточивается на похожденіяхъ Ѳеони, дворника богача-купца, оставленнаго въ Москвѣ сторожемъ хозяйскаго имущества. Добродушный, простоватый, необычайно сильный, онъ совершаетъ цѣлый рядъ подвиговъ: вывозитъ на гору телѣгу съ ранеными, замѣнивъ усталыхъ лошадей (стр. 17); вооружившись оглоблей, валитъ около себя французовъ, словно снопы (стр. 45); спасается изъ подвала, выломавъ рѣшетки и запоры; заводитъ отрядъ французовъ въ узкій переулокъ, гдѣ имъ грозитъ гибель отъ охватившаго ихъ со всѣхъ сторонъ пожара, имъ же подготовленнаго, и т. д. И все это,—не согрѣтое, не освѣщенное идеей,—производитъ впечатлѣніе не подвига, а какого-то жестокаго молодочества (стр. 32, 45),—впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое оставляетъ разсказъ г-жи Толычевой. Вотъ почему, чтобы дать болѣе правильное освѣщеніе описываемому, мы совѣтуемъ давать для чтенія этотъ разсказъ послѣ ознакомленія съ событіями 12-го года изъ книги г-жи Толычевой.

Читается разсказъ и развитыми малолѣтними, и взрослыми: по обилію подробностей, названій различныхъ частей Москвы—охотнѣе всего будетъ читаться москвичами.

Вопросы:

Для чего русскіе пожертвовали Москвой?

Чѣмъ жертвовали они для спасенія отечества? (Жизнью, имуществомъ).

Какъ относились они къ побѣжденнымъ врагамъ?

Обращались-ли французы жестоко съ русскими?

А. К

---

749) **Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ**

---

*) «Систем. Обзоръ Народно-Учебной Литер.», 1878 г., стр. 240.

годѣ. Т. Толычевой *). Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1873 г. Ц. 40 к. 173 стр.

750) **Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ.** Т. Н. Толычевой **). Москва 1872 г. Ц. 30 к. 54 стр.

Обѣ эти книги составляютъ прекрасное продолженіе «Разсказовъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ» того-же автора. Изъ нихъ читатели ознакомятся съ необходимыми историческими свѣдѣніями, а въ двухъ послѣднихъ книгахъ найдутъ прекрасныя, поражающія простотой, характерными подробностями иллюстраціи въ живыхъ воспоминаніяхъ очевидцевъ. Такими разсказчиками-очевидцами являются крѣпостные люди, монахини, купцы, мѣщане, со словъ которыхъ записала пережитое ими г-жа Толычева.

Разсказы не обезличены собирательницей, въ чемъ заключается наибольшая цѣнность труда г-жи Толычевой. Каждый изъ нихъ носитъ особый отпечатокъ, выдающій среду, уровень развитія и личныя особенности разсказчика. Для интересующихся народными воззрѣніями эти разсказы представляютъ очень цѣнный сырой матеріалъ, котораго такъ немного въ нашей литературѣ; для народа— чтеніе полное интереса, вполнѣ ему доступное.

Разбираемыя книги отличаются другъ отъ друга какъ объемомъ, такъ и содержаніемъ. Первая—«Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ» Т. Н. Толычевой содержитъ 15 разсказовъ преимущественно простолюдиновъ, а потому наиболѣе цѣнныхъ по своей искренности, непосредственности; вторая—«Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ» Т. Н.— 9 разсказовъ людей иной среды, очевидно, прибавлявшихъ къ личнымъ своимъ впечатлѣніямъ и слышанное, и читанное.

Передача содержанія этихъ разсказовъ заняла-бы слишкомъ много мѣста; ихъ необходимо перечитать каждому учителю и завѣдующему народными библіотеками и чтеніями.

Ранѣе, въ рец. №№ 745, 746, мы высказали, какое мѣсто въ исторіи отечественной войны должно быть удѣлено участію самого народа. Безъ большаго труда изъ разсказовъ очевидцевъ могутъ быть подобраны наиболѣе характерные факты, что съ небольшими объясненіями лектора составитъ превосходное содержаніе для публичнаго народнаго чтенія.

«Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ» Толычевой сдѣлались библіографической рѣдкостью. Новое изданіе этой книги крайне желательно, а потому умѣстны здѣсь нѣкоторыя практическія указанія: желательно, чтобы въ заглавіе каждаго разсказа, кромѣ имени разсказчика, внесенъ былъ краткій перечень содержанія его; чтобы въ общее заглавіе всей книги внесено было нѣчто, отличающее ее или опредѣляющее ея связь съ книгой «Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ» Т. Н., значительно уступающей первой въ достоинствахъ. При выпискѣ книгъ это сходство заглавій нерѣдко приводило къ недоразумѣніямъ. *А. К.*

---

751) **Русскіе въ тяжелую годину.** Историческая повѣсть. (Съ 2-мя рисунками). Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 20 к. 73 стр. Изд. редакціи журн. «*Мірской Вѣстникъ*».

Книга эта, какъ и всѣ историческія повѣсти, читается съ большимъ удовольствіемъ. Еслибы основывать только на этомъ оцѣнку книги, пришлось-бы, конечно, разбираемую книжку наградить самыми лестными эпитетами. Думаемъ, однако, что отзыва читателей слишкомъ недостаточно для опредѣленія достоинства произведенія. Что плохіе романы имѣютъ больше читателей, читаются охотнѣе образцовыхъ произведеній, давно извѣстно. Это, однако, не измѣняетъ приговора надъ ними, а дѣлаетъ только болѣе настоятельной заботу о развитіи вкуса въ читателяхъ, возбуждаетъ желаніе сдѣлать хорошее болѣе доступнымъ, удалить плохую книгу, замѣнивъ ее хорошей.

Вещи познаются сравненіемъ. Стòитъ только сравнить «Разсказы очевидцевъ о 12-мъ годѣ», собранные г-жей Толычевой, и повѣсть—«Русскіе въ тяжелую годину», чтобы увидѣть разницу между самой дѣйствительностью съ ея яркими красками, сильно дѣйствующими на читающаго, искренностью и правдивостью изображенныхъ чувствъ и поступковъ живыхъ людей и неестественностью, блѣдностью всего дѣланнаго, измышленнаго съ благою цѣлью авторомъ разбираемой повѣсти.

Содержаніе ея—рядъ сценъ или, вѣрнѣе, разговоровъ и фактовъ, характеризующихъ эту въ дѣйствительности страшную годину, когда все населеніе мѣстностей, лежавшихъ около Москвы и на пути французской арміи, поднялось на защиту отечества.

Главныя лица разсказа: Сысоевна съ доч-

---

*) См. реценз. «Обзоръ Народно-Учебной Литературы» 1878 г., стр. 629.

**) «Системат. Обзоръ Народно-Учебной Литературы» (Прибавленіе), стр. 124.

кой Дуней, вызвавшіяся первыя взять къ себѣ раненыхъ и ухаживать за ними; лѣсникъ, образующій дружину изъ крестьянъ-сосѣдей; силачъ Тихонъ, ходившій въ одиночку за французами, словно на охоту; молодой раненый солдатъ Алексѣевъ, бывшій на попеченіи Сысоевны, женихъ Дуняши, за котораго она выходитъ замужъ послѣ войны, когда онъ возвращается къ нимъ калѣкой.

Общій приговоръ для произведеній подобнаго рода, которыми такъ богата наша небогатая вообще народная литература:—бездарно, но и безвредно. Нельзя быть слишкомъ требовательнымъ, когда нѣтъ крупныхъ силъ и талантовъ, посвятившихъ себя писанію для народа; нужно быть благодарнымъ и за это... Готовъ ужъ остановиться на этомъ успокоительномъ заключеніи, но попадаешь въ книгѣ на слѣдующія строки:

«Холодъ окончательно лишилъ французовъ не только смысла, но и самаго даже, можно сказать, вида, всякаго чувства человѣческаго.—Ползая по пеплу пожарищъ, вползая во внутренности падшихъ животныхъ, они были какъ пресмыкающіяся, безъ всякаго слова человѣческаго, часто даже безъ всякаго голоса и звука» (стр. 59).

А вотъ оцѣнка подвиговъ въ защиту отечества представителей русскаго народа:

«Прежде чѣмъ партизанская война была оффиціально принята нашимъ правительствомъ, уже тысячи людей непріятельской арміи—отсталые мародеры, фуражиры—были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этихъ людей такъ-же безсознательно, какъ безсознательно собаки загрызаютъ забѣглую бѣшеную собаку» (стр. 60).

«Тихонъ былъ самый полезный и храбрый человѣкъ въ партіи. Никто больше его не открылъ случаевъ нападенія; никто больше его не побралъ и не побилъ французовъ; и вслѣдствіе этого онъ былъ *шутъ* всѣхъ козаковъ, гусаровъ, и самъ охотно поддавался этому чину» (стр. 62).

И что всего поразительнѣе—образъ Тихона и другія подробности заимствованы изъ «Войны и Мира» Л. Толстаго. Но какъ заимствованы! Бездарность, переходящая за извѣстные предѣлы, перестаетъ уже быть безвредной. Думаемъ, что приведенные отрывки настолько безобразны по своей безграмотности, нехудожественности, фальши, что и при бѣдности не слѣдуетъ давать мѣсто этой книгѣ въ народной библіотекѣ, гдѣ могутъ быть и есть произведенія такихъ писателей, какъ Тургеневъ, Гоголь, Толстой, художественные образы которыхъ такъ сильно вліяютъ на развитіе чувства гуманности и патріотизма. Вспомнимъ только «Разсказы о Севастополѣ» гр. Л. Н. Толстаго: тамъ кровь, смерть, истребленіе... но всеискупляющая жертва собственной жизнью все заставляетъ простить, и образъ человѣка-страдальца, человѣка, борющагося съ самимъ собой, чтобы не пасть трусомъ, эгоистомъ, измѣнникомъ, заставляетъ блѣднѣть и исчезнуть въ душѣ читателя образъ человѣка-звѣря. *А. К.*

---

752) **Разоренный годъ**. А. Разина. Повѣсть изъ русской исторіи. Спб. 1868 г. Ц. 40 к. 131 стр.

Это — блѣдная, непріятно поражающая искусственностью повѣсть о томъ, какъ держалъ себя въ годину общаго бѣдствія смоленскій помѣщикъ Пучковъ, какъ относился къ французамъ, полякамъ и своимъ крѣпостнымъ.

Въ народной и школьной библіотекѣ считаемъ ее совершенно неумѣстной.

А. К.

---

753) **Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница**. Т. Толычевой. (Посвящается всѣмъ почитающимъ память Маргариты Михайловны Тучковой.) Съ дополн. и портрет. игуменьи Тучковой. Изданіе второе. Москва. 1875 г. Ц. 50 к. 109 стр.

Это біографическій очеркъ жизни Маргариты Михайловны Тучковой, потерявшей мужа въ Бородинскомъ сраженіи. Главныя лица разсказа: М. М. Тучкова, сынъ ея Коля, француженка-няня, старикъ Горленко, потерявшій на томъ же полѣ двухъ сыновей, монахини основаннаго Тучковой монастыря.

Потерявшая страстно любимыхъ мужа и сына, Тучкова жертвуетъ свое имущество и свои силы на устройство монастыря на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ ея мужъ.

Описанія извѣстныхъ церквей и монастырей въ связи съ описаніемъ жизни ихъ подвижниковъ очень цѣнны, какъ очерки народной жизни. Читатель, помимо поучительнаго чтенія, находитъ въ нихъ, при описаніи извѣстнаго событія, живое отраженіе народныхъ нравовъ, обычаевъ, мыслей и чувствъ данной эпохи. Подвижникъ, жизнь котораго описывается въ книгѣ, дѣйствовалъ въ извѣстное время и въ извѣстныхъ мѣстахъ, — поэтому характеристика его жизни служитъ также и характеристикой происходившихъ при немъ событій и лицъ, имѣвшихъ къ нему какое-либо отношеніе, и убѣжденій, господствовавшихъ въ то время.

Разбираемая книга написана тепло, заду-

шевно и въ такой степени картинно, что передъ вами, словно живой, возникаетъ свѣтлый образъ женщины въ связи съ великими воспоминаніями, нераздѣльными съ именемъ Бородина. «М. М. Тучкова представляетъ собою замѣчательно симпатичный типъ любящей, самоотверженной женщины». Спустя четверть вѣка послѣ ея кончины ее живо помнятъ и чтутъ какъ святую. «Много лѣтъ прожилъ я на бѣломъ свѣтѣ (разсказывалъ автору одинъ старичокъ), а такой болѣзной души я еще не видывалъ. Когда она скончалась,—что въ обители, что въ окружныхъ селахъ стонъ стоялъ, потому она намъ всѣмъ была мать родная». Нужно-ли доказывать, что этотъ прекрасный разсказъ о женщинѣ, поставившей девизомъ всей своей жизни высочайшую мораль Спасителя: — «пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы», произведетъ глубокое впечатлѣніе на читателя, несравненно большее, нежели сотни бездарныхъ, надуманныхъ, спеціально нравоучительныхъ повѣстей. Въ книгѣ есть нѣсколько мелкихъ недостатковъ, нѣкоторая вычурность въ изложеніи; попадаются цѣлыя страницы мемуаровъ на французскомъ языкѣ, — правда, съ русскимъ переводомъ, но напечатаннымъ мельчайшимъ шрифтомъ.

Книга читается съ большимъ удовольствіемъ; должна даваться преимущественно взрослымъ.

Вопросы:

Что заставило Тучкову пойти въ монахини?

Въ чемъ находила она утѣшеніе въ своемъ горѣ?

Какъ можетъ посвятить жизнь свою другимъ женщина нашего времени, не идя въ монастырь? (Больница, сестра милосердія, школа).

---

754) **Почему сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя.** Т. Толычевой. Чтенія для народа. Изд. Общества распр. полезн. книгъ. Москва. 1882 г. Ц. 7 к. 16 стр.

По случаю приготовленій въ Москвѣ къ освященію храма Спасителя г-жа Толычева въ короткомъ, хорошимъ языкомъ изложенномъ очеркѣ напоминаетъ о событіяхъ 12-го года, въ память которыхъ заложенъ нынѣ оконченный храмъ, описываетъ церемонію закладки въ 1839 г. и внѣшній, и внутренній его видъ. Нельзя не пожалѣть, что къ очерку не приложено изображенія храма.

А. К.

---

755) **Московскій кремль.** Соч. Т. Толычевой Изд. Общества распр. полезн. книгъ. Москва. 1880 г. Ц. 30 к. 51 стр.

756) **Святыня и достопамятности Московскаго кремля.** Соч. Елены Вельтманъ. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Изд. 2-е. Москва. 1873 г. Ц. 10 к. 31 стр. Изд. 3-ье. 1884 г. Ц. 1½ к. Изъ серіи нар. изданій № 13.

Мы высказали ранѣе (см. рец. № 687) то значеніе, какое могутъ имѣть описанія такихъ центровъ нашей исторической жизни, какъ Кіевъ, Москва, какихъ многочисленныхъ читателей нашли-бы такія доступныя описанія. Думаемъ, что такое именно значеніе при немногихъ измѣненіяхъ должна имѣть книга г-жи Толычевой — «Московскій кремль». Писала она ее не для народа; въ этомъ приходится убѣдиться съ первой же страницы, на которой находимъ восторженное описаніе кремля графа Мольтке, посѣтившаго Москву въ 1856 г.; въ томъ-же убѣждаетъ и самый языкъ книги, изобилующій техническими архитектурными терминами и иностранными словами. Но содержаніе очерка настолько богато, настолько картинно изложено, что читателями изъ народной среды книга читается и оставляетъ впечатлѣніе, не смотря на особенности языка и нѣкоторыя недоступныя страницы. Это не археологическая статья, знакомящая съ измѣненіями, чрезъ которыя прошелъ кремль со дня своего основанія, а описаніе его настоящаго вида, описаніе его какъ памятника, живымъ языкомъ говорящаго о прошломъ, говорящаго о немъ своими зданіями, могилами, святынями. Въ полусумракѣ храмовъ возстаютъ предъ читателями тѣни проповѣдника христіанства Стефана, мученика и грознаго судьи Іоанна — Филиппа, народнаго вождя Гермогена, Іова. Грановитая палата, терема, Красное крыльцо говорятъ объ иныхъ страницахъ прошлаго, открывающихся предъ глазами читателя, благодаря талантливому разсказу автора. Далѣе слѣдуетъ описаніе патріаршихъ палатъ, Чудова монастыря, гдѣ сохранился еще подвалъ, въ которомъ погибъ отъ голода Гермогенъ, противившійся избранію Владислава.

Заканчивается очеркъ воспоминаніями о пребываніи въ кремлѣ Наполеона.

Нѣсколько знакомымъ съ исторіей, развитымъ читателямъ книга и въ настоящемъ видѣ доступна и интересна; для видѣвшихъ описываемое интересъ, представляемый ею, еще больше. Немного потребовалось бы измѣненій и сокращеній, чтобы сдѣлать очеркъ вполнѣ доступнымъ читателямъ всѣхъ

возрастовъ. Украшенный рисунками, связанными съ текстомъ, въ новомъ своемъ видѣ очеркъ долженъ былъ бы быть доступнымъ по цѣнѣ путеводителемъ по кремлю для учениковъ народныхъ школъ и посѣтителей кремля изъ народной среды. Такое изданіе описанія кремля г-жи Толычевой было бы по истинѣ полезной книгой, между тѣмъ какъ въ теперешнемъ своемъ видѣ оно главнымъ образомъ—достояніе того круга читателей, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи десятки книгъ, изъ которыхъ могутъ почерпнуть свѣдѣнія о кремлѣ. Въ нашу школьную жизнь должно было бы войти обыкновеніе, давно существующее въ школахъ заграничныхъ, преслѣдующихъ не только цѣли обученія, но задающихся и гуманнымъ національнымъ воспитаніемъ своихъ питомцевъ. Ежегодно старшіе классы школъ посѣщаютъ со своими наставниками доступныя по разстоянію историческія достопримѣчательности и дѣлаютъ описанія ихъ. Воспитаніе общечеловѣческихъ идеаловъ возможно лишь на почвѣ національныхъ воспоминаній, на образахъ не вымышленныхъ, а кровно-родныхъ воспитываемыхъ, носимыхъ ими въ душѣ помимо даже ихъ сознанія.

Книгу г-жи Толычевой рекомендуемъ лишь для развитаго меньшинства читателей, бывавшихъ въ Москвѣ.

Вопросы:

Назовите города Россіи, съ которыми связано болѣе всего воспоминаній о прошлой жизни русскаго народа?

Чьи могилы дороги намъ въ Москвѣ?

Что напоминаютъ намъ Грановитая палата, терема, Красное крыльцо, Чудовъ монастырь?

Въ числѣ книгъ, изданныхъ Обществомъ распр. полезныхъ книгъ, имѣется еще и другое описаніе кремля—«Святыня и достопримѣчательности московскаго кремля», сдѣланное г-жею Вельтманъ для дѣтскаго возраста.

Первыя двѣ страницы написаны въ духѣ разсказовъ «для милыхъ дѣтокъ». Авторъ такъ обращается къ воображаемому ребенку, спутнику или слушателю: «Пора идти. Какое прекрасное, благоуханное весеннее утро! Во всѣхъ садахъ цвѣтутъ сирени, какъ весело поютъ и порхаютъ птички!.. Перейдемъ на ту сторону улицы подъ тѣнь, въ холодокъ. Не бѣги такъ шибко. Хорошіе ходоки никогда не спѣшатъ сначала, а то какъ разъ подсѣчешь силы и скоро устанешь» (стр. 4). Но затѣмъ рѣзко переходитъ къ сухому, ученому повѣствованію. Начинаетъ авторъ съ описанія Успенскаго собора, «который заключаетъ въ себѣ *полную мысль Вселенской церкви*». Разъясненіе этой мысли, дѣлаемое авторомъ, не можетъ быть доступно ребенку-слушателю, къ которому онъ обращается.

Историческія подробности изложены блѣдно и кратко. Техническіе термины, слова и названія, вышедшія изъ употребленія (мумія, гридница), оставлены авторомъ безъ объясненій. Книга, по нашему мнѣнію, и недоступна по изложенію, и малосодержательна.

---

757) **Матушка Москва**. Стихотворенія о Москвѣ. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1882 г. Ц. 10 к. 32 стр.

Украшенная прекрасными виньетками, книжечка содержитъ двадцать соотвѣтствующихъ заглавію сборника стихотвореній Глинки, Пушкина, Языкова, К. Аксакова, Бенедиктова и друг. Въ числѣ художественныхъ политипажей находятся изображенія кремля, Успенскаго собора, царь-колокола, памятника Пушкину, храма Спасителя; зданія Московскаго университета; восемь портретовъ писателей уроженцевъ Москвы: Пушкина, Лермонтова, Крылова, Фонъ-Визина, Грибоѣдова, бар. Дельвига, Достоевскаго и Островскаго. Къ сожалѣнію, портреты хуже остальныхъ рисунковъ.

Въ концѣ книги находится хронологическій указатель событій отечественной исторіи, совершившихся въ Москвѣ.

Въ виду изящества изданія, цѣна книги—болѣе чѣмъ умѣренная.

Книжечка доступна и интересна только для развитыхъ читателей, знакомыхъ съ исторіей и самой Москвой, ея общимъ видомъ и достопримѣчательностями. *А. К.*

---

758) **Холера 1830 года**. Разсказъ автора «Аѳони-богатыря» А. Г . . . . . а. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ Москва. 1876 г. Ц. 35 к. 81 стр.

Разсказъ несложенъ. На первомъ планѣ семейство фабриканта Синюкова, которое жило въ Москвѣ во время холеры. Описываются тревоги и всякія невзгоды, постигшія эту по случаю эпидеміи. Разсказъ растянутъ; нѣтъ въ немъ ни одного живаго лица. Такой-же неопредѣленностью страдаетъ и дѣловая часть его; описаніе пути, по которому шла холера, мѣръ, предпринятыхъ противъ нея. Не удалась автору и картина паническаго страха, охватившаго населеніе Москвы при появленіи въ ней ужасной болѣзни. Языкъ непростъ, не отличается и другими до-

стоинствами. Книга для народной библіотеки нежелательна. *А. К.*

---

759) **Царствованіе императора Александра II.** Посвящается русскому народу и русскому войску, во благо которыхъ двадцать-пять лѣтъ царствовалъ, печалился и трудился царь-освободитель Александръ Николаевичъ. (Съ 72 картинами). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 102 стр.

Эта роскошно изданная книга формата нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ содержитъ: 1) подробно-изложенную въ 23-хъ главахъ исторію жизни и главныхъ событій царствованія императора Александра Николаевича; 2) хронику царствованія, т. е. перечень всѣхъ событій, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа ихъ совершенія, чему удѣлено 12 страницъ книги; 3) дневникъ войны 1877—1878 гг., такой-же перечень событій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; 4) таблицу земельныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ послѣднее царствованіе и 5) альбомъ изъ 72-хъ картинъ, служащихъ иллюстраціями для текста.

Первыя пять главъ посвящены описанію дѣтства и воспитанія Александра Николаевича. «Казалось-бы», говоритъ авторъ, «что грозный для всего міра самодержецъ Россіи, Николай Павловичъ, могъ желать ввѣрить воспитаніе своего преемника людямъ съ желѣзною волею и строгимъ, какъ онъ. Судьбы Божіи рѣшили, однако, иначе. Въ выборѣ людей для воспитанія государь Николай руководится требованіями, во-первыхъ, высокой нравственности, во-вторыхъ — высокой честности и, въ-третьихъ, — кротости сердца и просвѣщеннаго ума. Таковы были черты, отличавшія воспитателя отрока Александра Николаевича—генерала Мердера и главнаго наставника его — русскаго поэта Жуковскаго. Про генерала Мердера говорили, что онъ былъ рыцарь чести, а Жуковскаго кто не зналъ въ Россіи по его стихамъ и его сказкамъ! Есть такое повѣрье у всѣхъ народовъ: кто хорошо и увлекательно умѣетъ сказки писать, у того душа чиста, и въ той душѣ нѣтъ ни лести, ни лжи, ни злости. И дѣйствительно, такова и была душа призваннаго государемъ Николаемъ Павловичемъ воспитывать своего наслѣдника, Александра Николаевича. Указать путь душѣ молодаго цесаревича не только понимать все прекрасное, но любить прекрасное съ тѣмъ, чтобъ душа его находила удовольствіе дѣлать доброе и чувствовала сама отвращеніе ко злу, — вотъ чего хотѣли достигнуть воспитатели юноши, имѣя въ виду будущаго государя. Жуковскій старался не о томъ, чтобы изъ его воспитанника вышелъ ученый, а о томъ, чтобы вышелъ просвѣщенный человѣкъ, любящій просвѣщеніе и уважающій науку» (стр. 6 и 7).

«Мердеръ и Жуковскій умѣли устраивать поѣздки своего воспитанника по Россіи и направлять эти поѣздки къ тому, чтобы великій князь могъ узнавать житье-бытье въ Россіи такъ, какъ оно было въ то время. Они ввели, такъ сказать, простоту въ поѣздки своего царственнаго воспитанника по Россіи, а съ простотою сама собою явилась и правдивость. По мысли ихъ, молодому цесаревичу не поклоны и не почести, а свѣдѣнія и жизненную правду надлежало собирать въ поѣздкахъ по Россіи. И оттого нѣтъ малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти поѣздки по Россіи въ молодые годы, когда душа особенно впечатлительна и особенно воспріимчива, имѣли глубокое вліяніе на всю послѣдующую жизнь будущаго императора. Онъ видѣлъ во многихъ мѣстахъ изнанку жизни и при этомъ, посредствомъ Жуковскаго, сходился съ людьми, объяснявшими молодому цесаревичу причины этой изнанки» (стр. 8).

«Соединяя въ молодой душѣ то, что онъ узнавалъ изъ уроковъ и изъ бесѣдъ съ своимъ воспитателемъ, съ тѣмъ, что онъ видѣлъ и узнавалъ отъ людей въ путешествіи по Россіи, будущій государь составлялъ себѣ мало-по-малу вѣрную картину тогдашней русской жизни. Высота, на которой онъ жилъ во дворцѣ, не мѣшала ему видѣть жизнь очень глубоко и понимать, какъ живется въ глубинѣ самыхъ убогихъ и темныхъ уголковъ Русской земли, и, какъ пророчилъ ему русскій поэтъ, съ раннихъ лѣтъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ сталъ доступенъ всякому человѣку, даже самому убогому» (стр. 9).

Каждой изъ главныхъ реформъ посвящена особая глава. Въ главѣ объ освобожденіи крестьянъ приведенъ цѣликомъ манифестъ 19-го февраля. Говоря о военной реформѣ, авторъ такъ описываетъ прошлое и настоящее русскаго солдата и значеніе общей воинской повинности: «Царь зналъ, какъ невесела участь солдата, послѣ долгаго 25-тилѣтняго срока службы возвращающагося домой, въ свою деревню. Иной разъ его ждутъ уже не жена и не дѣти, а наглухо-заколоченная изба, у двери которой онъ узнаетъ отъ прохожаго, что семья его давно на кладбищѣ. И заплачетъ старый солдатъ, 25 лѣтъ прослужившій царю и отечеству вѣрно и честно, и утретъ слезы, и взвалитъ котомку на плечи, и пойдетъ по міру слоняться, искать

хлѣба и забвенья ужаснаго горя» (стр. 53).

«А теперь кончается срокъ службы—смотришь: молодымъ, бодрымъ, хорошимъ стрѣлкомъ, крѣпкимъ парнемъ, съ царемъ въ головѣ, возвращается солдатъ домой, застаетъ семью и дѣлается исправнымъ крестьяниномъ. Слово «рекрутчина», тяжелое и печальное для русскаго народа, навсегда умираетъ, и веселый, добрый, лихой новобранецъ изъ крестьянъ, протягивая руку молодому вольноопредѣляющемуся изъ дворянъ, становится вмѣстѣ подъ знамя русскаго войска съ тѣми же чувствами беззавѣтной храбрости на сердцѣ и съ тѣмъ же усердіемъ нести молодецкую и почетную службу солдата за вѣру, царя и отечество» (стр. 55).

«И показала война 1877 г., каковъ нашъ молодой солдатъ, когда офицеры и все военное начальство заботятся не только о военной дисциплинѣ, не только о вещественномъ продовольствіи солдата, но о развитіи въ солдатахъ — посредствомъ школы и грамоты — ума, сообразительности, нравственнаго долга и объ усиленіи довѣрія этого солдата къ своему офицеру, который не только ему начальникъ, но и учитель» (стр. 56).

Кромѣ облегченія участи солдата, ко введенію новаго порядка въ отбываніи военной службы побуждала царя и другая мысль. «Положилъ онъ ввести новый порядокъ для отбыванія солдатской службы. Дотолѣ сдавались въ рекруты одни только податныя сословія. Царь мудро призналъ, что долгъ быть солдатомъ на службѣ царю и отечеству есть долгъ всякаго русскаго, безразлично какого онъ сословія; къ тому же, съ 1861 года всѣ сословія стали свободными, и послѣдняя причина розни между податными и неподатными людьми исчезла» (стр. 54).

Въ 18-й главѣ авторъ подробно говоритъ о всемъ сдѣланномъ царемъ-преобразователемъ для распространенія просвѣщенія, объ учрежденіи высшихъ, среднихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній, такъ объясняя необходимость этого просвѣщенія: «Всѣ великія дѣла царя со дня вступленія на престолъ, всѣ заботы его о благѣ ввѣреннаго ему Богомъ царства, всѣ преобразованія его, куда ни заглянешь и чего ни коснешься, требовали для своего успѣха, для плодотворнаго дѣйствія на народъ одного—помощи отъ самого народа. Помощь эта была нужна царю—честная и добросовѣстная. Эту честность, эту преданность своему долгу царь основательно былъ вправѣ ожидать отъ просвѣщенія своего народа. Отъ ученія, которое искони въ мірѣ называется свѣтомъ, царь ожидалъ указанія каждому своего долга, честности на службѣ и нравственности въ жизни; чѣмъ просвѣщеннѣе дѣлались люди, тѣмъ болѣе царь могъ ожидать отъ нихъ себѣ и народу помощи и честной работы». (Стр. 57).

Приведенныя выдержки даютъ, какъ намъ кажется, ясное представленіе о самой книгѣ, о достоинствахъ языка и содержанія.

Изъ картинъ, приложенныхъ къ тексту альбома, обращаютъ на себя вниманіе: № 17—Классная комната; цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ Жуковскимъ. № 19—Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ крестьянской избѣ. № 38—Чтеніе манифеста 19-го февраля въ деревенской церкви. № 40—Посѣщеніе императоромъ народной школы. № 51—Отправленіе на солдатскую службу прежде и теперь. № 52—Возвращеніе солдата домой.

Вопросовъ не прилагаемъ, такъ какъ серьезное содержаніе и объемъ книги дѣлаютъ болѣе умѣстнымъ бесѣду о прочитанномъ. Книга читается съ большимъ интересомъ взрослыми и представляетъ матеріалъ для публичнаго народнаго чтенія. *А. К.*

---

760) **19-е февраля 1855—1880 года.** М. Е. Доброписцева. Изданіе Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1880 г. Ц. 5 к. 20 стр.

Чтеніе это было составлено ко дню 25-тилѣтія царствованія императора Александра II. Исторія великихъ преобразованій прошлаго царствованія изложена очень дѣльно и просто; образъ гуманнаго преобразователя рельефно выступаетъ изъ фактическаго содержанія и не можетъ не оставить сильнаго впечатлѣнія въ душѣ читателя или слушателя. А потому разбираемую книгу рекомендуемъ какъ для публичныхъ народныхъ чтеній, такъ и для народныхъ библіотекъ.

Вопросы:

За что названъ императоръ Александръ II «царемъ-освободителемъ»?

Въ которомъ году уничтожено было крѣпостное право?

Какъ жили крестьяне до того?

Чѣмъ отличаются старые суды отъ новыхъ?

Что такое земскія учрежденія?

Какъ отбывали воинскую повинность прежде и теперь?

Какія новыя земли въ царствованіе Александра II вошли въ Русское государство? (Кавказъ, Туркестанъ).

Изъ-за чего была ведена послѣдняя война?

А. К.

761) **Двадцати-пятилѣтіе царствованія государя императора Александра Николаевича.** (1855—1880 г.). Чтеніе для народа и солдатъ. Д. Плетнева. (Произнесено въ аудиторіи Солянаго Городка). Спб. 1880 г. Ц. 15 к.

Этотъ очеркъ составленъ былъ ко дню празднованія двадцати-пятилѣтія царствованія императора Александра Николаевича. И по объему, и по содержанію вполнѣ сходный съ вышеразобраннымъ (см. рец. № 760), онъ, однако же, во многомъ уступаетъ ему. Главнымъ недостаткомъ является обиліе общихъ мѣстъ, фразъ, неопредѣленность въ описаніяхъ. Такъ например, въ первомъ — мы находимъ очень обстоятельно вкратцѣ изложенную исторію крѣпостнаго права и его уничтоженія. Этому посвящено три съ половиною страницы. Разсказывается объ отношеніяхъ крестьянъ и владѣльцевъ земли до Годунова и закрѣпощеніи крестьянъ въ его царствованіе; о злоупотребленіи своей властью помѣщиковъ и стремленіяхъ верховной власти защищать права закрѣпощенныхъ; о томъ, какъ приступилъ государь къ реформамъ, какъ отнеслось къ ней дворянство; на какихъ основаніяхъ построены были новыя экономическія отношенія; какъ совершена была та же реформа въ другихъ государствахъ, гдѣ освобожденные, получивъ личную свободу, не были надѣлены землею. Въ разбираемомъ очеркѣ этому важнѣйшему событію минувшаго царствованія удѣлено почти столько же мѣста, но сообщено о немъ несравненно меньше, чтобы не сказать—почти ничего.

Все мрачное прошлое крѣпостной жизни народа охарактеризовано слѣдующими строками: «Милліоны крестьянъ со своимъ имуществомъ (?) принадлежали помѣщикамъ, имѣвшимъ полную власть надъ ними, и тяжело это отзывалось на всемъ нашемъ царствѣ» (стр. 6). Для объясненія значенія реформы, послужившей основой дальнѣйшихъ, вытекавшихъ изъ нея, преобразованій г. Плетневъ прибѣгаетъ къ сравненію и фразамъ еще менѣе удачнымъ.

«Начало было сдѣлано, первый камень положенъ. Началась новая постройка. Новыя благодѣянія государя сыпались быстро одно за другимъ для счастья его подданныхъ. Не говоря уже о многихъ его повелѣніяхъ, которыя шли, дабы утвердить и упрочить новый порядокъ, мы разскажемъ о важнѣйшихъ событіяхъ дальнѣйшаго переустройства Русской земли. Какъ изъ источника, вытекающаго изъ горы, берется большая, полноводная рѣка, и тихо потомъ и плавно течетъ она по своему руслу, такъ же точно отъ важнаго событія, давшаго жизнь и счастье милліонамъ людей, возникали новыя благодѣтельныя основы народной жизни» (стр. 8).

Такимъ образомъ, о важной эпохѣ нашей народной жизни, о личности и дѣятельности покойнаго государя въ отдѣлѣ народной литературы имѣется пока лишь одинъ доступный всѣмъ по цѣнѣ и отвѣчающій цѣли очеркъ, а именно—изданный Постоянной Коммиссіей по устройству народныхъ чтеній, да и онъ, — какъ написанный ко дню празднованія 25-ти-лѣтія, — требуетъ въ настоящее время нѣкоторыхъ измѣненій. *А. К.*

---

762) **Краткій очеркъ перваго 25-ти-лѣтія царствованія императора Александра II.** Изд. Общ. распростр. полезн. книгъ. Москва. 1880 г. Ц. 10 к. 16 стр.

Бѣдный фактическимъ содержаніемъ, по языку и изложенію мало доступный народу, очеркъ этотъ считаемъ въ народной библіотекѣ излишнимъ. *А. К.*

---

763) **Разсказы о Севастопольской оборонѣ** *). Графа Л. Н. Толстаго. Москва. 1874 г. Изданіе Московскаго Комитета Грамотности. Ц. 20 к. 91 стр. Это изданіе разошлось.

764) **Разсказы о Севастопольской оборонѣ.** Графа Л. Н. Толстаго. Рисунки Н. Н. Каразина. Спб. 1884 г. Изд. С.-Петерб. Комитета Грамотности. Ц. 20 к. 120 стр.

765) **Осада Севастополя.** Сокращено по Разсказамъ о Севастопольской оборонѣ Л. Толстаго. Изд. Посредника. Москва. 1886 г. Ц. 3 к. 56 стр.

Чтенію «Разсказовъ» Толстаго должно предшествовать чтеніе очерка Супонева: «Разсказы о севастопольцахъ», который дастъ читателю общую картину 11-ти-мѣсячныхъ подвиговъ и страданій севастопольцевъ, свѣдѣнія о всемъ ходѣ войны и знакомство съ главными дѣятелями.

Незнаніе историческихъ фактовъ описываемаго времени часто мѣшаетъ пониманію и ослабляетъ впечатлѣніе художественнаго воспроизведенія совершенно чуждой, незнакомой дѣйствительности.

Ни перечень, ни сжатый пересказъ содержанія «Разсказовъ» Толстаго — невозможны. Читателю представляются образы, картины, поражающіе яркостью, потрясающіе подробностями; они овладѣваютъ его душой, вызывая въ ней цѣлый рядъ мучительныхъ вопросовъ...

---

*) См. рец. «Систематическій Обзоръ Русской Народно-Учебной Литературы» 1878 г., стр. 219.

«На нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги (бѣлые флаги выставляются въ знакъ перемирія), и между ними въ цвѣтущей долинѣ кучками лежатъ безъ сапогъ, въ сѣрыхъ и синихъ одеждахъ, изуродованные трупы, которые сносятъ рабочіе и накладываютъ на повозки. Запахъ мертваго тѣла наполняетъ воздухъ. Изъ Севастополя и изъ французскаго лагеря толпы народа высыпали смотрѣть на это зрѣлище и съ жаднымъ любопытствомъ стремятся однѣ къ другимъ»... «Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди-христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго вмѣстѣ со страхомъ смерти любовь къ добру, и со слезами радости и счастія не обнимутся какъ братья?! Бѣлые флаги спрятаны, — и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь, и слышатся стоны и проклятія»... (Стр. 58, 61).

Что общаго между войной и братской любовью? «Юнкеръ Пестъ сталъ на мѣсто и съ невольно сдержаннымъ дыханіемъ и холодною дрожью, пробѣгавшей по спинѣ, безсознательно смотрѣлъ впередъ въ темную даль, ожидая чего-то страшнаго». «Приказано было взять ружья на перевѣсъ, и баталіонъ пошелъ впередъ. Пестъ былъ въ такомъ страхѣ, что рѣшительно не помнилъ, долго ли, куда и кто, что. Онъ шелъ какъ пьяный, но вдругъ со всѣхъ сторонъ заблестѣлъ милліонъ огней; засвистѣло, затрещало что-то. Онъ закричалъ и побѣжалъ куда-то, потому что всѣ бѣжали и всѣ кричали. Потомъ онъ споткнулся и упалъ на что-то. Это былъ ротный командиръ (который былъ раненъ впереди роты и, принимая юнкера за француза, схватилъ его за ногу). Потомъ, когда онъ вырвалъ ногу и приподнялся, на него въ темнотѣ спиной наскочилъ какой-то человѣкъ и чуть опять не сбилъ съ ногъ; другой человѣкъ кричалъ: «коли его! что смотришь!» Онъ взялъ ружье и воткнулъ штыкъ во что-то мягкое. «Ахъ, Боже!» закричалъ кто-то по французски, страшнымъ, пронзительнымъ голосомъ, и тутъ только Пестъ понялъ, что онъ закололь француза. Холодный потъ выступилъ у него по всему тѣлу; онъ затрясся какъ въ лихорадкѣ и бросилъ ружье. Но это продолжалось только одно мгновеніе: ему тотчасъ же пришло въ голову, что онъ—герой. Онъ схватилъ ружье и вмѣстѣ съ толпой, крича «ура», побѣжалъ прочь отъ убитаго француза» (Стр. 48—50).

Не есть-ли война бичъ, пробуждающій въ человѣкѣ звѣря? И въ отвѣтъ на эти вопросы оживаютъ другіе образы: тысячи людей, забывшіе о личной жизни, идущіе умирать за родину, «ужасныя, великія, возвышающія душу зрѣлища страданій въ госпиталяхъ», самоотверженіе «сестеръ» (стр. 12—16, 38).— А мучительная провѣрка себя готовящихся къ смерти! (Стр. 27, 52, 100). Припоминается страстная молитва цвѣтущаго 17-ти лѣтняго юноши. «Ему пришла мысль, что прилетитъ бомба, пробьетъ крышу и убьетъ его. Онъ сталъ вслушиваться. «Ну что, если вдругъ ночью возьмутъ Севастополь, и французы ворвутся сюда? Чѣмъ я буду защищаться?... Я трусъ, мерскій трусъ!» вдругъ подумалъ онъ. Но ему опять грезились раненые и кровь; то бомбы и осколки, которые влетаютъ въ комнату, то хорошенькая сестра милосердія, дѣлающая ему, умирающему, перевязку и плачущая надъ нимъ; то мать его, провожающая его въ уѣздномъ городѣ и горячо, со слезами молящаяся предъ чудотворною иконой. Онъ сталъ на колѣни и перекрестился. «Если нужно умереть, нужно, чтобы меня не было, сдѣлай это, но если нужна храбрость, нужна твердость, которыхъ у меня нѣтъ, дай мнѣ ихъ, избави отъ стыда и позора, которыхъ я не могу переносить; но научи, что мнѣ дѣлать, чтобъ исполнить Твою волю!» Дѣтская запуганная душа его вдругъ возмужала, просвѣтлѣла». (Стр. 89).

Да, нельзя не признать, что война, кромѣ неизбѣжныхъ ужасовъ и страданій, вноситъ и очищающій элементъ въ жизнь современнаго человѣчества. Но какая война?—«Та война, которая предпринята для идеи, для высшаго великодушнаго принципа, а не для матеріальнаго интереса, не для жаднаго захвата, не изъ гордаго насилія».—Такова была геройская защита Севастополя, такова минувшая война за освобожденіе славянъ. «Не всегда надо проповѣдовать одинъ только миръ и не въ мирѣ одномъ во что бы то ни было спасеніе, а иногда и въ войнѣ»,—говоритъ Достоевскій. «Скорѣе долгій миръ звѣритъ и ожесточаетъ человѣка, а не война. Долгій миръ (въ современномъ обществѣ) родитъ жестокость, трусость и грубый ожирѣлый эгоизмъ. Теряется вѣра въ солидарность людей, въ братство ихъ, въ помощь общества. . Война изъ-за безкорыстной, святой идеи очищаетъ, лечитъ душу, прогоняетъ позорную трусость и лѣнь, укрѣпляетъ каждую душу сознаніемъ самопожертвованія, а духъ всей націи—сознаніемъ взаимной солидарно-

сти и единенія всѣхъ членовъ, составляющихъ націю. А главное—сознаніемъ исполненнаго долга и совершоннаго хорошаго дѣла». («Дневникъ Писателя», 1877 г. Апрѣль, стр. 90).

Изданіе Спб. Комитета Грамотности совершенно сходно съ разошедшимся изданіемъ Московскаго Комитета Грамотности. Въ текстѣ три большихъ картинки и нѣсколько мелкихъ рисунковъ; всѣ они, къ сожалѣнію, недостаточно отчетливы и выразительны. Печать крупная, бумага хорошая, но этими достоинствами нельзя оправдать высокую цѣну книги.

Въ изданіи «Посредника» разсказы автора художника являются сильно сокращенными. Сокращены или совсѣмъ исключены многія описанія и разсужденія. Это дѣлаетъ книгу болѣе доступной читателю изъ народной среды, но обезцвѣчиваетъ разсказъ и мѣстами лишаетъ его не только художественности, но и той силы, которая возбуждала въ душѣ читателя такую напряженную работу мысли и чувства. Укажемъ для примѣра на стр. 39.

Вопросы:

Что вамъ больше всего понравилось въ книгѣ и что больше всего осталось въ памяти?

Пробуждаетъ ли война въ человѣкѣ только жестокость или и какія-нибудь другія чувства?

Приноситъ ли война съ собой только зло или и добро?

Какую помощь можетъ оказать женщина во время войны?

Что чувствовали люди, когда шли на смерть?

А. К.

ОТЗЫВЫ УЧЕНИЦЪ О КНИГАХЪ.

Нила У—ва (18 л., умная и серьезная дѣвушка) подала мнѣ «*Разсказы о Севастопольской оборонѣ*» графа Л. Н. Толстаго.

— Не скучали, читая? спросила я.

— Нѣтъ, какъ можно!—очень интересно, отвѣчала дѣвушка.

— Что вамъ больше всего понравилось въ книгѣ и осталось въ памяти?

— Меня очень удивило, какъ во время сраженія жители въ Севастополѣ такъ были покойны, какъ и въ мирное время: одинъ торгуетъ, другой въ кузнѣ,—какъ будто совершенно ничего не произошло.

— А что чувствовали люди, когда шли на смерть?

— Молили, чтобы Господь спасъ, и чувствовали, что не возвратятся.

— Пробуждаетъ-ли война въ человѣкѣ только жестокость или и какія-нибудь другія чувства?

— Нѣтъ, жалость къ солдатамъ является, и всякій готовъ послѣднія силы употребить, лишь бы защитить свое отечество!

— Можно-ли назвать войну добромъ, или зломъ?

— Добромъ, — потому что каждый защищаетъ свое право.

— Какую помощь можетъ оказать женщина во время войны?

— Можетъ раны перевязывать, корпію прикладывать, ходить за ранеными.

— Какая война можетъ найти себѣ оправданіе въ ученіи Христа?

У—ва задумалась.

— Нѣтъ, не могу! помолчавъ, сказала она рѣшительно и печально, точно будто на плечи ея взвалили непосильную тяжесть. Я сказала ей, что вопросъ, дѣйствительно, очень труденъ, и объяснила его значеніе.

Книга «*Разсказы о Севастопольской оборонѣ*» дана была четыремъ ученицамъ воскресной школы: *Варварѣ С—ой*, 16 л., очень умной и развитой дѣвушкѣ; *Домнѣ Д—ко*, 16 л., застѣнчивой и симпатичной дѣвушкѣ, не достигшей еще, впрочемъ, до бѣглаго чтенія; *Авдотьѣ П—ой*, 28 л., относящейся всегда и ко всему въ высшей степени своеобразно, и *Маріи К—ой*, 22 л., оставившей школу пять, шесть лѣтъ назадъ и приходящей только перемѣнять книги. Вотъ тѣ отвѣты, которые мы получили отъ нихъ на поставленные нами вопросы:

— Что вамъ больше всего понравилось въ книгѣ и что больше всего осталось въ памяти?

— То, какъ меньшой братъ Козельскій пріѣхалъ, и какъ они душевно и по-братски разговаривали объ опасностяхъ войны, сказала первая.

— Она мнѣ вся не очень понравилась, отвѣчала плохо-читающая *Домна Д—ко*:—она все равно какъ нецѣлая—то объ одномъ, то о другомъ; положимъ, мнѣ въ этомъ году всѣ книги больше нравятся: съ такимъ сочув-

ствіемъ читаю, вѣрно, потому, что я лучше читать стала; но, все-таки, эта не очень понятливая!

— Какія-же книги изъ тѣхъ, что вы прочли, вамъ особенно понравились? спросила я, желая опредѣлить вкусъ сантиментальной, повидимому, дѣвушки. Я не ошиблась; она назвала мнѣ слѣдующія: «Хрустальное сердце», «Звѣздочка» и «Флегонтъ» (такое названіе дала она разсказу Погосскаго: «Неспособный человѣкъ»).

— А мнѣ, напротивъ, всѣ эти происшествія понравились, замѣтила *П—ва*:—а особенно жалостно, какъ два брата сошлись, и какъ послѣ того ихъ убили. Я даже плакала!

— А у меня больше всего остались въ памяти больница и операціи, сказала печально *К—ва*.

— Пробуждаетъ-ли война въ человѣкѣ только жестокость или и какія-нибудь другія чувства? предложила я второй вопросъ.

— Пробуждаетъ любовь и состраданіе къ ближнему, отвѣчала первая.

— Я не люблю никакихъ ссоръ, замѣтила уклончиво и застѣнчиво *Д—ко*.

— А я думаю тоже, что вызываетъ состраданіе! сказала *П—ва*:—меня очень тронуло то описаніе, какъ молодой юнкеръ убилъ француза и какъ самъ перепугался, когда услыхалъ его стонъ.

— Страданіе! сказала увѣренно *К—ва*: —куда ни взглянешь кругомъ—вездѣ горе, вездѣ мученія!

— Можно-ли назвать войну добромъ или зломъ? предложила я третій вопросъ.

— Потому добро война, отвѣчала вдумчиво *С—ва*:—что, не смотря на несчастія и кровопролитія, люди защищаютъ другихъ, жертвуютъ собою; вотъ за что можно назвать добромъ.

— По моему—зломъ, замѣтила бездоказательно *Д—ко*. *И—ва* на этотъ разъ совсѣмъ уклонилась отъ отвѣта. *К—ва* сказала:—Мнѣ кажется, что добромъ нельзя назвать, потому что каждый человѣкъ невинно страдаетъ въ это время.

— Какую помощь можетъ оказать женщина во время войны? спросила я.

Трое сошлись въ томъ, что она можетъ ходить за больными и перевязывать раны, а *П—ва* добавила:—Можетъ пищу варить.

— Что чувствовали люди, когда шли на смерть? спросила я.

— Большею частію боялись, отвѣчала *С—ва*:—Михайловъ даже письмо написалъ роднымъ: точно чувствовалъ, бѣдный, что его убьютъ; а иные гордо шли, ничего, безбоязненно.

— А я думаю,—всѣ боялись, только скрывали, замѣтила *Д—ко*.

— Они, положимъ, съ охотою шли, бодро, отвѣчала *П—ва*:—не выказывали, что боятся, но тоже думаю, что страхъ у нихъ въ сердцѣ былъ; вотъ какъ тамъ про одного описывается:—идетъ, боится, *прихиляется* (наклоняется), а завидитъ посторонняго,—сейчасъ выпрямится. А у другаго рана болѣла страсть какъ, а онъ даже доктору не сталъ ее показывать, чтобы тотъ трусомъ не назвалъ и не сказалъ, что это простая царапина. Такъ вотъ они какіе—не скажутъ правды, что чувствуютъ!

— Когда они шли, они не чувствовали ни страха, ни сожалѣнія никакого, начала *К—ва*:—шли, все ровно какъ на праздникъ, потому что они хотѣли отстоять свою родину. Тамъ разсказывается объ одномъ офицерѣ, который трусилъ, и онъ молилъ Бога: «если Ты дашь мнѣ смерть, Господи, не дай мнѣ быть трусомъ!» Я два раза это мѣсто перечитывала и два раза плакала, добавила она:—какъ будто сейчасъ видишь это передъ собою.

— Какая война можетъ найти себѣ оправданіе въ ученіи Христа? спросила я еще разъ въ видѣ опыта, считая вопросъ слишкомъ глубокимъ и сомнѣваясь получить на него толковые отвѣты, подъ впечатлѣніемъ переспроса *У—вой*.

— Я думаю такая, отвѣчала вдумчиво *С—ва*:—когда какіе нибудь народы не сами затѣяли, а ихъ вынудили притѣсненіями.

— Я этого не могу понять, замѣтила *Д—ко*, краснѣя.

— А я думаю—такая, сказала *П—ва*:—за которую ты присягалъ.

— Я въ затрудненіи, не знаю какъ сказать, ей Богу! отвѣчала *К—ва*.

— А за вѣру, сказала быстро *С—ва*, радуясь, видимо, своей новой мысли.

— А если, можетъ быть, каждый убѣжденъ, что его вѣра лучше, замѣтила серьезно *К—ва*.

Но тутъ прозвонилъ звонокъ, и мы разошлись.

---

766) **Разсказы о севастопольцахъ.** А. Н. Супонева. Спб. 1882 г. 24 стр. (Съ двумя раскрашенными картинами: «Нахимовъ» и «Внутренность Корниловскаго бастіона»). Ц. 15 к. Изданіе Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Изд. 3-е. 1885 г. Ц. 15 к.

Въ очеркѣ Супонева читатель найдетъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о причинѣ

Крымской войны, театрѣ и ходѣ военныхъ дѣйствій, характеристики Корнилова, Нахимова, Истомина, Хрулева, Тотлебена и тѣхъ тысячъ безвѣстныхъ и извѣстныхъ героевъ-севастопольцевъ всѣхъ званій, возрастовъ и половъ, самоотверженными подвигами которыхъ держался въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ Севастополь. Обстоятельность историческихъ свѣдѣній не сдѣлала очерка сухимъ; сообщенія объ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій не помѣшали автору поставить на первомъ же планѣ подвиги отдѣльныхъ лицъ. Заслоняющій грудью товарища-начальника Шевченко, матросъ Кошка; дѣти-герои, замѣнявшія павшихъ на ихъ глазахъ отцовъ; женщины, подъ огнемъ непріятеля носившія пищу и воду на самыхъ опасныхъ мѣстахъ расположеннымъ войскамъ; исполняющія обязанности сестеръ милосердія, а раньше наравнѣ съ мужьями и братьями работавшія надъ возведеніемъ валовъ и окоповъ,— пластуны, — всѣ они нашли себѣ мѣсто въ разбираемомъ очеркѣ. Одушевленный тонъ разсказа дѣлаетъ менѣе замѣтнымъ недостаточную простоту языка, что составляетъ, конечно, крупный недостатокъ въ томъ, что предназначается самимъ авторомъ исключительно для слушателей и читателей изъ народа.

Такія выраженія, какъ напр.: «Тотлебенъ давалъ должное направленіе энергіи севастопольцевъ» (стр. 7),—«корабли-ветераны»,— «ежедневно происходили описанныя нами сцены»,—въ хорошемъ популярномъ изложеніи совершенно неумѣстны. Остались также необъясненными въ текстѣ такія слова, какъ *бастіонъ, батарея* и т. п.

Очеркъ Супонева вполнѣ пригоденъ для самостоятельнаго чтенія взрослыхъ и развитыхъ малолѣтнихъ читателей, а также для публичнаго народнаго чтенія.

Дополненіемъ къ этому очерку должна служить книга «Оборона Севастополя» А. Погоскаго (см. рец. № 767).

Вопросы:

Въ которомъ году и при какомъ императорѣ началась Крымская война? (1854 г.)

Пазовите тѣхъ, кто начальствовалъ надъ нашими войсками и флотомъ? (Меньшиковъ, Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, Тотлебенъ).

Разскажите, что вы прочли о нихъ?

Сколько мѣсяцевъ продолжалась осада?

Какъ помогали жители Севастополя и севастопольскія женщины нашимъ войскамъ?

Съ кѣмъ начали мы войну и изъ за чего?

Кто сталъ на сторону турокъ?

Почему стали непріятели осаждать Севастополь и не явились въ какой нибудь другой городъ,—напримѣръ, Кіевъ, Воронежъ?

А. К.

Примѣч. См. «Систематическій Обз. Народн.-Учебн. Литер.» 1878 г. стр. 631—632.

---

767) **Оборона Севастополя.** Бесѣды о войнѣ 1853 — 1855 гг. А. Погоскаго. 2-е изданіе Фену и Жуковскаго. (Роскошно иллюстрированное). Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к. 160 стр.

Въ предисловіи, озаглавленномъ: «Собесѣдникамъ нашимъ», Погоскій такъ говоритъ о своей книгѣ: «Читайте ее въ избахъ, въ школахъ, въ казармахъ, въ палатахъ. Читайте и старому и малому, и матерямъ дѣтей на послушаніе: здѣсь поученіе не нашего утлаго *слова*, а самаго безсмертнаго *дѣла* доблестныхъ отцовъ и братій нашихъ». Книга эта несомнѣнно должна имѣть видное мѣсто въ каждой школьной и народной библіотекѣ, хотя для читателей «въ школахъ» и «избахъ» въ ней не все доступно. Въ шести бесѣдахъ авторъ подробно излагаетъ исторію войны 1853—1855 гг. Въ собственный разсказъ онъ помѣстилъ очень много выдержекъ изъ манифестовъ, рескриптовъ, донесеній, писемъ государя Николая Павловича и наслѣдника и другихъ документовъ; описанія военныхъ дѣйствій отличаются также документальною подробностью и точностью. (Какая рота, какого полка, какой дивизіи, подъ чьимъ начальствомъ, какого числа и т. д.). Все это увеличиваетъ цѣнность книги въ историческомъ отношеніи въ ущербъ доступности. Въ народной и школьной библіотекѣ главное значеніе этой книги—не въ содержаніи, а въ прекрасныхъ картинахъ и виньеткахъ.

Дайте взрослому или развитому малолѣтнему читателю одну изъ слѣдующихъ книгъ: очеркъ Супонева, «Разсказы» Толстаго, Толычевой и разбираемую книгу Погоскаго, съ указаніемъ найти въ послѣдней изображеніе всего того, о чемъ прочтетъ, — это выполняется съ наслажденіемъ. Возвращая книгу, не дождавшись вашего вопроса, читатель торопится назвать вамъ все и всѣхъ тѣхъ, кого нашелъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе неопытныхъ въ обращеніи съ книгами читателей на виньетки, исполненныя художественнѣе самыхъ картинъ: въ нихъ найдется немало интереснаго. Вообще, книгой Погоскаго, т. е. ея иллюстраціями, слѣдуетъ поль-

зоваться для всѣхъ чтеній, посвященныхъ описанію подвиговъ и ужасовъ войны, часто оставляющихъ читателя въ недоумѣніи, сообщая ему неясныя образы того, о чемъ не имѣется у него реальныхъ представленій. Разсказываетъ вамъ, напримѣръ, читатель о примѣрахъ безстрашія, самоотверженія солдата, перебрасывающаго за брустверъ шипящую уже бомбу.

— Что такое бомба? спрашиваете вы.

— Она землю роетъ, неувѣренно отвѣчаетъ одинъ.

— Что же это: лопата?

— Нѣтъ, изъ нея стрѣляютъ, поправляетъ другой.

Очевидно,—повторяется нѣчто, застрявшее въ памяти изъ книги, не соотвѣтствующее никакому реальному представленію. И недоразумѣній такого рода не мало. Вмѣсто вопросовъ, касающихся содержанія этой книги слѣдуетъ спросить объясненіе лучшихъ или наиболѣе характерныхъ картинъ; таковы: «Родительское благословеніе на бастіонѣ» стр. 117), «Авдотья Скрыпникова» (стр. 154), «Воины-дѣти» (стр. 108), «Вылазка, іеромонахъ Іоанникій» (стр. 86), «Великіе князья отдаютъ честь павшимъ» (стр. 79), «Потопленіе кораблей» (стр. 40), «Первая солдатская сестра милосердія» (стр. 36), «Владимірцы идутъ въ штыки» (стр. 30), «Переправа подъ огнемъ» (стр. 16), «Фигуры сражающихся на бастіонахъ» (стр. 5 и 51), «Прощай, Севастополь!» (стр. 123). *К. К.*

Примѣч. См. рец. «Обзоръ Народн. Литер.», 1878 г., стр. 632.

---

768) **Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя** *). Т. Толычевой. (Съ тремя гравированными портретами: Нахимова, Корнилова и Истомина). Москва. 1881 г. Ц. 40 коп. 91 стр. Изд. 1884 г.

Книга эта обладаетъ тѣми же достоинствами, какъ и разсказы того же автора о войнѣ 12-го года. Та же задушевность, та же простота языка, то же разнообразіе содержанія, та же форма разсказа: разсказъ ведется отъ лица жены матроса-севастопольца, старушки содержательницы постоялаго двора, къ которой по вечерамъ собирается деревенская молодежь. Передаетъ она слушателямъ ею самою видѣнное и пережитое въ Севастополѣ, добавляя къ этому нѣкоторыя историческія свѣдѣнія и объясненія техническихъ выраженій, какъ напримѣръ: *банкетъ*, *траншея* и т. п. Книга читается съ удовольствіемъ и малограмотнымъ взрослымъ читателемъ, и школьникомъ, но историческая часть содержанія теряется въ подробностяхъ разсказовъ старушки. Съ исторіей Крымской войны предварительно слѣдуетъ познакомить читателя изъ очерка Супонева (см. рецензію № 766), послѣ котораго разсказы Толычевой прочтутся еще съ большимъ удовольствіемъ.

Вопросы тѣ же, что и при рецензіи № 766.

А. К.

---

769) **Славное Севастопольское сидѣнье.** А. В. Арсеньева *). Москва 1878 г. Чтеніе для войскъ и народа. Изд. А. А. Терлецкаго. Ц. 10 к. 50 стр.

Очеркъ по содержанію и объему сходенъ съ очеркомъ Супонева — «Разсказы о Севастопольцахъ». Онъ также предназначается какъ для самостоятельнаго, такъ и для народнаго чтенія. Историческая часть изложена у г. Арсеньева хуже, чѣмъ у г. Супонева: читатели не найдутъ отвѣта на вопросъ изъ за чего и съ кѣмъ началась война? Военныхъ техническихъ терминовъ, стратегическихъ подробностей, солдатскихъ шутокъ и остротъ, пожалуй, даже слишкомъ много, что дѣлаетъ самое чтеніе пригоднымъ болѣе для слушателей изъ солдатъ. Нельзя не отмѣтить двухъ очень характерныхъ фактовъ, которые, къ сожалѣнію, пропущены въ брошюрѣ Супонева, а именно: подвиги первой сестры милосердія, дочери матроса Даши, продавшей домишко, для того чтобы пріобрѣсти лошадь и необходимыя принадлежности для перевязокъ, съ первыхъ же дней войны принявшейся за свое дѣло помощи раненымъ и безупречное поведеніе и самоотверженіе арестантовъ, выпущенныхъ изъ тюремъ, которые, забывъ прошлое, наравнѣ съ другими севастопольцами съумѣли послужить и умереть за общее дѣло.

А. К.

Вопросы см. рец. № 766.

---

770) **Герои Севастополя.** Ц. 30 к.

Книжечка принадлежитъ тому же автору, какъ и разобранная выше; по содержанію почти одинакова съ нею. Но въ первой сдѣланы авторомъ нѣкоторыя добавленія, что̀ при выборѣ изъ двухъ заставляетъ отдать преимущество ей. *А. К.*

---

*) См. рец. «Обзоръ Народн. Лит.», 1882 г., стр. 125.

*) См. рец. «Педагогическій Музей», 1878 г. № 10—741 стр. «Обзоръ Нар.-Уч. Литер.». 1882 г., 45—46 стр.

771) **Севастопольскій охотникъ.** В. Никатова. Спб. 1874 г. Изданіе журн. «Досугъ и Дѣло». Ц. 8 к. 20 стр.

«Нетрудно выговорить языкомъ слово: «севастопольскій охотникъ»; но—ой, ой! — тягостно было тѣмъ, кто былъ охотникомъ въ дѣйствительности, собственною плотью и духомъ!»—Такъ начинаетъ свои воспоминанія штабсъ-капитанъ Никатовъ, авторъ разбираемой брошюры. Опасности службы охотниковъ, сцены въ казармахъ: встрѣчи благополучно возвращающихся охотниковъ или убитыхъ и раненыхъ, трогательныя приготовленія по складчинѣ къ погребенію товарищей, терпимость, самоотверженіе, гуманность русскаго солдата изображены авторомъ не художественно, но съ такою задушевностью и простотой, что не могутъ не произвести впечатлѣнія на читателя. Слово: *«контрабандистъ»*, которымъ опредѣляется темное прошлое одного изъ героевъ-охотниковъ, потребуетъ разъясненія.

Вопросы:

Приведите изъ прочитаннаго примѣръ того, что война можетъ переродить человѣка, направить къ добру (стр. 18).

Какъ относились охотники къ товарищамъ? (стр. 9). *А. К.*

772) **Подъ Севастополемъ.** (Посвящается защитникамъ Севастополя). (Былины въ стихахъ) Владиміра Косинскаго. Спб. 1874 г. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Ц. 20 к. 62 стр.

Восемь заключающихся въ этой книгѣ стихотвореній не отличаются художественными достоинствами, а по содержанію, по обилію именъ и историческихъ фактовъ интересны лишь читателю, хорошо знакомому съ Севастопольской войной, т. е. участнику ея. *А. К.*

773) **Наши богатыри.** А. Погосскаго. Книги 1-я и 2-я. Изд. 2-е. Спб. 1876 г. Ц. каждой 25 коп.

Цѣль и содержаніе книги «Наши богатыри» опредѣляется слѣдующими словами предисловія автора къ первой книгѣ:

«Посильно изучая все, что должно знать доброму гражданину и солдату, вѣрному царю и отечеству, прежде всего сохранимъ твердо память объ отцахъ нашихъ и доблестныхъ дѣлахъ ихъ. Ни одно честное дѣло товарищей не должно погибнуть въ неизвѣстности и забытьи: во всѣхъ родахъ войскъ будутъ вестись подробныя описанія подвиговъ всѣхъ чиновъ».

А для сохраненія памяти о дѣяніяхъ прошлаго поколѣнія, авторъ обратился къ появлявшимся въ разное время газетнымъ сообщеніямъ и мемуарамъ. Они-то дали матеріалъ для двухъ разбираемыхъ книгъ. Въ 1-й собраны подвиги чиновъ пѣхотныхъ полковъ, артиллеріи и кавалеріи на Дунаѣ и въ Крыму, во 2-й — подвиги знаменитой защиты Севастополя.

По содержанію и множеству спеціальныхъ подробностей, книги эти должны имѣть мѣсто лишь въ военныхъ библіотекахъ. *А. К.*

774) **Рукописи о севастопольской оборонѣ, собранныя государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ.** Спб. 1873 г. 4 книги. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Ц. каждой 30 к.

Происхожденіе и содержаніе трехъ первыхъ книгъ, носящихъ вышеозначенное общее названіе, слѣдующее:

«Въ 1871 г. послѣдовало воззваніе государя наслѣдника цесаревича ко всѣмъ севастопольцамъ съ просьбой помочь собиранію всего, что еще уцѣлѣло въ памяти и рукописяхъ о событіяхъ севастопольской обороны. Кто могъ и чѣмъ могъ—откликнулся на призывъ. Поступили разсказы, воспоминанія, письма, записки и дневники». Изъ этого то матеріала и составились разбираемыя книги. По своему военному характеру разсказы эти, мѣстами живые и интересные, составляютъ чтеніе болѣе подходящее для солдатъ, чѣмъ для читателей, незнакомыхъ съ военной жизнью.

Четвертая книга, кромѣ общаго имъ всѣмъ названія, озаглавлена еще особо: «Севастополь» и посвящается «русскому народу»; заключаетъ она въ себѣ исторію войны Севастопольской, изложенную для народнаго чтенія Толычевой.

Явившись въ 1881 году въ новомъ, усовершенствованномъ видѣ, подъ заглавіемъ: «Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя» (см. рецензію № 768), она въ прежнемъ, менѣе удовлетворительномъ видѣ утратила, конечно, всякое значеніе. *А. К.*

775) **Кавказская война и ея герои.** I. *Очеркъ войны.* Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1876 г. Ц. 12 к. 35 стр.

776) **Кавказская война и ея герои.** II. *Котляревскій и Слѣпцовъ.* Изданіе журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1879 г. Ц. 15 к. 34 стр.

Первая изъ названныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ сжатый очеркъ всѣхъ нашихъ войнъ

съ Кавказомъ до окончательнаго его покоренія. Вторая—содержитъ біографіи генераловъ Котляревскаго и Слѣпцова, столь извѣстныхъ своими военными заслугами въ дѣлѣ завоеванія Кавказа.

Обиліе собственныхъ именъ и спеціальныхъ подробностей военныхъ дѣйствій заставляетъ причислить эти книги къ очеркамъ исключительно пригоднымъ для военныхъ библіотекъ.

А. К.

---

777) **Новыя славныя доблести русскаго воинства. Походъ въ Хиву и ея покореніе.** А. Шпле. (Съ 10-ю раскрашенными картинами). Ц. 20 к. Народныя чтенія. Спб. 1874 г. 30 стр.

«Недавно на востокѣ Россіи совершились чрезвычайно важныя для насъ, русскихъ, событія: въ продолженіе весны и лѣта прошлаго года, въ то время, когда мы — граждане Петербурга—занимались здѣсь своими мирными дѣлами, наши войска томились въ трудномъ и далекомъ походѣ въ безводныхъ и песчаныхъ пустыняхъ средней Азіи, переносили тамъ невѣроятныя трудности, преодолѣвали страшныя препятствія на своемъ пути и, совершая подвигъ за подвигомъ, покорили цѣлую новую страну!»...

Такъ начинаетъ авторъ свое повѣствованіе. На семи первыхъ страницахъ книги мы находимъ краткое описаніе края, племеннаго состава, общественнаго устройства и характера населенія. Свѣдѣнія этнографическія, къ сожалѣнію, слишкомъ неполны. Далѣе начинается исторія военныхъ дѣйствій, завершившихся покореніемъ Хивинскаго ханства. Довольно скучныя, изобилующія именами и спеціальными подробностями сообщенія о движеніяхъ и перемѣщеніяхъ войскъ, чередуются съ интересными выдержками изъ разсказовъ участниковъ похода, сообщающихъ о борьбѣ съ враждебными физическими условіями чуждаго края: зноемъ, песками, безводіемъ, буранами. Въ общемъ, очеркъ довольно сухъ, а потому для публичнаго чтенія требуетъ нѣкоторыхъ сокращеній. Самостоятельно же читается или служившими въ военной службѣ, или читателями - любителями военныхъ разсказовъ. Десять приложенныхъ къ тексту раскрашенныхъ картинъ по мысли хороши, но исполнены безобразно: каждая изъ нихъ представляетъ лишь нѣсколько расплывшихся разноцвѣтныхъ пятенъ. Только при помощи текста и собственнаго воображенія можно догадаться объ ихъ содержаніи.

Вопросы:

Въ которомъ году покорена Хива? (1873 г.).

Опишите трудности похода для нашихъ войскъ.

Каковъ Хивинскій край и его жители?

Чего потребовалъ прежде всего государь отъ хивинскаго хана? (стр. 29).

Изъ за чего началась у насъ война съ Хивой? (стр. 6—8).

А. К.

---

778) **Хивинскій походъ.** А. Хребтова. *). Четыре чтенія для войскъ и народа.

Съ 7-ю гравюрами: «Могила Батыря», «Перекочевка киргизовъ», «Юламейки или войлочныя кибитки», «Верблюдъ», «Колодезь въ пустынѣ, съ изображеніемъ русскихъ солдать, почерпающихъ изъ него воду», «Укрѣпленіе св. Георгія» и «Видъ города Хивы». Спб. 1875 г. 50 к. 122 стр.

Очеркъ этотъ по плану и содержанію весьма сходенъ съ предыдущимъ, но серьезнѣе и обстоятельнѣе его. Цѣль бесѣды, намѣченная самимъ авторомъ,—сообщить, что̀ за народъ хивинцы, гдѣ и какъ живутъ, за что у насъ съ ними война стала и — главное—трудное или легкое было дѣло покорить ихъ? Отвѣты на все это имѣются въ книгѣ, но свѣдѣнія о краѣ и населеніи недостаточно полно и доступно разсказаны, а исторія военной экспедиціи настолько подробна, что книга доступна и интересна исключительно для лицъ близко знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, и потому,—вполнѣ умѣстная въ военной библіотекѣ, — въ народной, по нашему мнѣнію, она совершенно непригодна.

А. К.

---

779) **Геройская смерть Данилова и Коканскій бунтъ въ 1875 г.** Разсказъ Д. Иванова **). Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1876 г. Ц. 25 к. 72 стр.

На 18-ти первыхъ страницахъ авторъ описываетъ внутреннія неурядицы въ Коканскомъ ханствѣ между узбеками и кипчаками, недовольство жестокимъ правленіемъ хана Худояра, бунтъ противъ него коканцевъ, подстрекаемыхъ муллами, перешедшій потомъ въ религіозную войну противъ гяуровъ и противъ русскихъ, какъ ближайшихъ сосѣдей-христіанъ. Къ возставшимъ коканцамъ присоединились магометане, находившіеся въ подданствѣ Россіи. Возстаніе было

---

*) См. рец. «Системат. Обзоръ Народно-Учебной литературы», 1878 г., стр. 635.

**) См. рец. «Систематич. Обзоръ Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 636.

подавлено русскими войсками, а все Коканское ханство присоединено къ Россіи въ 1876 г. (стр. 72). Исторія возстанія, борьбы между собой различныхъ партій мятежниковъ, выставившихъ каждая своего самозванца-хана, изложена кратко и сбивчиво. Читатели незнакомые съ картой и исторіей совершенно отказываются отъ передачи этой части очерка.

— До «Обоза» непонятно, приходится слышать отъ читателей-школьниковъ:—а потомъ все могу разсказать.

«Обозъ» — заглавіе 4-й главы, съ которой собственно начинается разсказъ о Даниловѣ. Унтеръ-офицеръ Даниловъ, отставшій отъ русскаго военнаго обоза, чтобы починить обломавшуюся арбу, былъ захваченъ рыскавшими по степи коканцами, приведенъ къ хану Пулату въ городъ Маргеланъ и разстрѣлянъ коканцами послѣ отказа Данилова перейти въ магометанскую вѣру, къ чему склоняли его приближенные хана, сулившіе ему всякія милости.

Этотъ простой сюжетъ разсказанъ г. Ивановымъ въ 10-ти главахъ, украшенъ подробностями, рисующими бытъ и характеръ коканцевъ и личность героя разсказа, Данилова. Задуманъ разсказъ недурно, тепло написанъ, но, какъ не-художникъ, авторъ не воздержался отъ употребленія слишкомъ яркихъ красокъ; почему многія мѣста вышли аляповатыми, напоминаютъ лубочныя картины, на которыхъ для выраженія душевныхъ ощущеній прибѣгаютъ къ безобразнымъ преувеличеніямъ въ наружности героевъ. Отъ такого размалевыванія пострадалъ образъ Данилова, да не выиграло и изображеніе коканцевъ, по волѣ автора принявшихъ образъ звѣриный. Припоминается «Кавказскій плѣнникъ» гр. Л. Н. Толстаго. Сколько тамъ правды, какъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ описаніяхъ рука художника! Глава «Послѣдній часъ», иллюстрированная недурнымъ рисункомъ, изображающимъ казнь Данилова, написана проще другихъ, а потому производитъ сильное впечатлѣніе. Книга, — за исключеніемъ затрудненій, о которыхъ сказано выше, — интересна, доступна и читается охотно и взрослыми, и малолѣтними читателями. Съ нѣкоторыми сокращеніями въ исторической части и при картинахъ волшебнаго фонаря очеркъ этотъ можетъ быть хорошимъ матеріаломъ для публичнаго народнаго чтенія.

Вопросы:

Изъ-за чего началась война?

Какой подвигъ совершилъ Даниловъ?

Гдѣ находилось Коканское ханство?

А. К.

---

780) **Взрывъ турецкаго броненосца.** *Подвигъ лейтенантовъ Ѳ. В. Дубасова и А. П. Шестакова.* Сост. В. А. Прокофьевъ. (Чтеніе для народа). Изданіе А. А. Торлецкаго. Москва. 1878 г. Ц. 15 к. 20 стр.

781) **Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца и Браилова.** Сост. Н. К. Шведовъ. (Чтеніе для народа). Изд. А. А. Торлецкаго. Москва. 1878 г. Ц. 15 к. 22 стр.

782) **Зимница—Систово.** *Переправа русской арміи черезъ Дунай въ 1877 году.* Сост. Н. К. Шведовъ. (Чтеніе для народа, произнесенное въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1877 г. Ц. 15 к. 34 стр.

783) **Бой «Весты».** Сост. А. Хребтовъ. (Чтеніе для народа). Изданіе А. Торлецкаго Москва. 1878 г. Ц. 15 к. 35 стр.

784) **Штурмъ дунайской крѣпости Никополя.** Д. Л. Иванова. (Чтеніе для войскъ и народа). Изд. А. Торлецкаго. Москва. 1878 г. Ц. 10 к. 25 стр.

785) **Русская гвардія подъ Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ.** А. Хребтова. (Чтеніе для войскъ и народа). Изд. Торлецкаго. Москва. 1878 г Ц. 15 к. 28 стр.

786) **Паденіе Плевны.** Сост. Никольскій. (Чтеніе для войскъ и народа, читанное въ аудиторіи Солянаго Городка). Спб. 1878 г. Ц. 15 к. 39 стр.

787) **Геройская оборона Баязета.** Ѳ. И. Булгакова. (Народное чтеніе, произнесенное въ аудиторіи Солянаго Городка). Спб. 1878 г. Ц. 15 к. 19 стр.

788) **Первый переходъ черезъ Балканы.** А. Хребтова.

789) **Взятіе Ардагана.** Ѳ. Булгакова Ц. 10 к.

Во время послѣдней войны, когда весь русскій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями русской арміи, когда газеты и телеграммы раскупались и читались даже тѣми, кто до тѣхъ поръ не зналъ о ихъ и существованіи, — всѣ вышеназванныя брошюры и слушались, и читались съ живѣйшимъ интересомъ. Теперь, хотя значеніе войны и главные эпизоды и герои ея еще живы въ памяти, но подробности успѣли уже затеряться, а потому книги эти затрудняютъ и массой именъ и деталей, и техническими военными терминами. Читаются охотно лишь взрослыми читателями, и главнымъ образомъ когда за чтеніе берется солдатъ—участникъ

войны, дополняющій собственными воспоминаніями и комментаріями мѣстами скучный текстъ брошюръ. Ученицами воскресной школы книги эти вовсе не берутся: «Трудно, скучно ихъ читать», — приходилось слышать отъ многихъ, въ то же время съ искреннимъ чувствомъ вспоминавшихъ о минувшей войнѣ и знакомыхъ съ нею по разсказамъ родственниковъ или знакомыхъ, бывшихъ въ дѣйствующей арміи.

---

790) **Бой подъ Плевной за Зеленыя горы.** Д. Л. Иванова *). Спб. 1881 г. Цѣна 20 коп. 59 стр.

791) **Зимой черезъ Балканы.** *Въ обходъ Шипки.* Д. Л. Иванова **). (Чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1879 г. Ц. 15 к. 34 стр.

792) **Зимой черезъ Балканы.** *Послѣдній бой подъ Шипкой.* Д. Л. Иванова ***). (Чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1879 г. Ц. 15 к. 47 стр.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются очерки Д. Иванова. Ихъ нельзя назвать художественными, но есть въ нихъ описанія, отличающіяся живостью, картинностью, а потому могущія быть прочитанными, какъ иллюстраціи къ историческимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ учителемъ или учебникомъ о минувшей войнѣ; таковы: описаніе восхожденія на Шипку («Зимой черезъ Балканы», I, стр. 15—34); ночное нападеніе на редуты на Зеленыхъ Горахъ («Бой подъ Плевной», стр. 6—17); отраженіе аттаки турокъ (стр. 18—28).

---

793) **Мѣсяцъ плѣна у Османа-паши.** Разсказъ артельщика л.-гв. Литовскаго полка Чернышева ****). Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1879 г. Цѣна 10 к. 22 стр. Изд. 2-е. 1885 г. Цѣна 10 к.

Разсказъ о пребываніи въ плѣну у турокъ солдата Чернышева, имъ самимъ написанный или записанный съ его словъ. Это придаетъ особый характеръ языку книги: онъ простъ, но мѣстами грубоватъ.

Разсказъ содержитъ интересныя подробности о военныхъ порядкахъ у турокъ и ихъ отношеніи къ плѣннымъ гяурамъ, отличавшемся добродушіемъ какъ со стороны солдатъ, такъ и со стороны офицеровъ.

*) «Систематич. Обзоръ Нар.-Учебн. Литер.», 1882 г., стр. 126.

**) Тамъ же, стр. 126.

***) Тамъ же, тр. 127.

****) См. рец. «Система т. Обзоръ Народно-Учебн. Лит.», 1882 г., стр. 125.

Разсказъ читается охотно исключительно мужской средой читателей.

Вопросы:

О какой войнѣ здѣсь разсказывается?
Какъ жилось Чернышеву въ плѣну?

794) **Альбомъ рисунковъ изъ отечественной исторіи.** Съ предисловіемъ Н. И. Костомарова. Изд. А. Прохорова. Спб. 1882 г. 15 рис. Ц. 1 р. 50 к.

795) **Русскіе историческіе памятники.** Наглядное пособіе къ курсу русской исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ А. Добряковъ *). Спб. 1880 г. Ц. 40 к.

Значеніе наглядныхъ пособій въ дѣлѣ обученія настолько выяснено, что говорить здѣсь о пользѣ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ книгъ историческаго содержанія, считаемъ излишнимъ. При выборѣ наглядныхъ пособій по исторіи для народной библіотеки, мы не останавливаемся на картинахъ Рождественскаго и Сизова, подробную оцѣнку которыхъ читатель найдетъ въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы» и въ первомъ приложеніи къ нему; пособія эти и очень дороги, и болѣе приспособлены для класснаго употребленія (значительный размѣръ картинъ); указываемъ на альбомъ рисунковъ, изданный Прохоровымъ, и картинный атласъ Добрякова.

О первомъ изъ нихъ нашъ уважаемый историкъ Костомаровъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Покойный В. А. Прохоровъ, извѣстный издатель «Христіанскихъ Древностей», незадолго до своей кончины задумалъ издать альбомъ русской исторіи, гдѣ бы въ хронологическомъ порядкѣ были изложены рисунки, изображающіе сцены важнѣйшихъ историческихъ событій. В. А. Прохоровъ былъ—по нашему глубокому убѣжденію—лучшій у насъ и, можетъ быть, долго незамѣнимый знатокъ мелочей и подробностей, касающихся древнихъ русскихъ одеждъ и вооруженій и вообще вещественныхъ предметовъ домашняго быта. Къ сожалѣнію, смерть, постигшая его, не допустила его окончить этого предпріятія. Остались послѣ умершаго нѣсколько налитографированныхъ въ его собственной литографіи, составленныхъ имъ абрисовъ, которые сынъ покойнаго пожелалъ издать въ память своего родителя. Какъ ни

*) См. рец. «Педагогическая Хроника», 1881 г., № 32.

мало совершенны эти абрисы въ техническомъ отношеніи, но, по нашему мнѣнію, они не будутъ излишними для занимающихся отечественной исторіей и древностями, въ виду тѣхъ достоинствъ покойнаго В. А. Прохорова, о которыхъ мы замѣтили выше».

Пятнадцать картинъ альбома изображаютъ различные моменты отечественной исторіи отъ крещенія Руси до избранія Михаила Ѳеодоровича. Это дѣйствительно только наброски, но, сдѣланные *знающей* рукой, они могутъ соперничать въ виду цѣлей педагогическихъ со многими ярко-иллюминованными картинами. Детали бытовой обстановки на нихъ достаточно рельефны; а потому, за неимѣніемъ другаго атласа, доступнаго по цѣнѣ и болѣе подходящаго по содержанію, считаемъ возможнымъ рекомендовать для народныхъ библіотекъ атласъ Прохорова, что, конечно, не исключаетъ нашего желанія видѣть стѣны помѣщенія народной библіотеки обладающей для этого достаточными средствами, украшенными картинами по русской исторіи Сизова и Рождественскаго.

Картинный атласъ Добрякова — «Русскіе историческіе памятники» очень неполонъ: онъ содержитъ древніе планы городовъ, свидѣтельствующіе о маломъ искусствѣ рисовавшаго ихъ, изображенія памятниковъ, старинныхъ храмовъ, дворцовъ, домика Петра Великаго, Шведской могилы, нѣкоторыхъ сохранившихся развалинъ древнихъ сооруженій. Главнымъ недостаткомъ рисунковъ является незначительный ихъ размѣръ. Бросается въ глаза отсутствіе такихъ памятниковъ, какъ памятникъ Ермаку и Тысячелѣтія Россіи, и совершенно неумѣстными и ничего не дающими являются изображенія перехода Суворова черезъ Чортовъ мостъ и видъ Севастополя. Рисунковъ вооруженія, утвари, одежды, промысловыхъ орудій и другихъ предметовъ бытовой обстановки въ атласѣ не имѣется. Это пробѣлъ общій для всѣхъ нашихъ наглядныхъ пособій по исторіи, даже для наиболѣе полныхъ и дорогихъ. Сюжеты картинъ заимствуются почти исключительно изъ области событій и вообще человѣческихъ дѣяній, а не изъ бытовой исторіи. И это, конечно, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ недостатковъ нашихъ педагогическихъ пособій по исторіи. Атласъ Добрякова явится въ народной библіотекѣ дополненіемъ къ рисункамъ «Родной Старины» и «Исторіи» Пуцыковича.

Оба названныя пособія не должны даваться на домъ, а разсматриваться въ помѣщеніи библіотеки. *А. К.*

II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

Вступленіе. Этотъ отдѣлъ поразитъ незначительностью числа названныхъ и разобранныхъ книгъ. Произошло это единственно оттого, что по всеобщей исторіи у насъ для народа почти ничего не писалось; да и рѣшенъ-ли еще для многихъ заинтересованныхъ дѣломъ просвѣщенія народа самый вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли знакомить со всеобщей исторіей читателей, вовсе незнакомыхъ или крайно плохо ознакомленныхъ съ исторіей отечественной? Если знакомить, то въ какой формѣ, съ чего начать, о чемъ разсказывать? Наконецъ, самое главное, — будутъ-ли разсказы изъ чуждой жизни интересовать читателя? На всѣ эти вопросы намъ удалось получить для насъ лично убѣдительные отвѣты изъ самой среды читателей изъ народа. Эти отвѣты прочтутся ниже въ отзывахъ о книгахъ читателей различныхъ возрастовъ. Всякому, руководившему чтеніемъ, завѣдывавшему школьной и народной библіотекой, приходилось слышать не разъ: «дайте книгу про то, какъ въ старину люди жили!» или: «дайте про то, какъ жили люди до Христа!» — или: «какъ страдали за вѣру». А какъ часто высказываются желанія прочесть о чужихъ земляхъ, о чужихъ народахъ! Неужели эти требованія не заслуживаютъ удовлетворенія! Да и не лучше-ли познается *свое*, когда будетъ съ чѣмъ его сравнивать? Конечно, сообщаться должны не имена и факты, расположенные въ систематическомъ порядкѣ, какъ это дѣлается въ учебникахъ, а картины изъ жизни человѣчества въ различныя историческія эпохи.

Есть много вопросовъ всеобщей исторіи, которые встрѣтятъ живой откликъ въ душѣ каждаго человѣка, не обладающаго для этого, повидимому, никакой подготовкой. Для человѣка, сознающаго себя христіаниномъ, представятъ, напримѣръ, живой интересъ жизнь христіанскихъ общинъ, отношенія языческаго Рима къ христіанству, возникновеніе первыхъ монастырей, крестовые походы, примѣры христіанъ, пострадавшихъ за свои убѣжденія: по-

степенное распространеніе христіанства въ массахъ и борьба свѣта христіанства съ мракомъ схоластической учености и посягательствами на свободу мысли человѣка. Все это тѣмъ болѣе будетъ интересовать православнаго человѣка, что для него съ самаго возникновенія христіанства на Руси Священное Писаніе было достояніемъ народнымъ, какъ переведенное на языкъ, доступный народу. Такъ же интересны будутъ для него судьбы Византіи и другихъ мѣстностей, населенныхъ его единовѣрцами. Каждый взрослый читатель изъ народа считаетъ религіозные вопросы первостепенными, преданъ ученію своей Церкви, а потому ему будетъ любопытно ознакомиться съ иными религіями, хотя-бы и языческими, или исламомъ. Могутъ-ли на человѣка, сознающаго себя русскимъ, т. е. человѣка нечуждаго національнаго чувства, патріотизма, не произвести впечатлѣнія подвиги народныхъ героевъ всѣхъ національностей? Но не только къ уразумѣнію вышеизложенныхъ вопросовъ подготовляетъ взрослаго читателя изъ народа самая жизнь, такой читатель сознаетъ себя членомъ сословія, а потому съ жадностью накидывается на картины изъ всеобщей исторіи, раскрывающія предъ нимъ какъ происхожденіе сословій, такъ и борьбу между ними. Такой читатель въ вѣчной зависимости отъ урожаевъ, положенія той или другой отрасли промышленности, слишкомъ часто страдаетъ отъ эпидемическихъ болѣзней; а сколько любопытныхъ фактовъ изъ названныхъ областей представляетъ всеобщая исторія!

Въ виду всего этого нечего удивляться тому, что нижеприводимые отзывы читателей малосвѣдущихъ даже въ отечественной исторіи свидѣтельствуютъ о живомъ интересѣ, который возбуждало въ нихъ чтеніе по всеобщей исторіи.

Начинаемъ этотъ отдѣлъ съ разбора книгъ о нашихъ соплеменникахъ.

796) **Пчела.** Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Сост. Н. Щербина *). Изд. 6-е. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. 651 стр.

Книга эта отличается отъ всѣхъ однородныхъ съ нею книгъ тѣмъ, что въ подборѣ статей систематически проводитъ идею о воспитаніи въ духѣ національности. Чтобы дать понятіе о книгѣ, считаемъ необходимымъ привести о ней слова самого составителя. Онъ говоритъ въ предисловіи: «Направленіемъ настоящаго времени указывается потребность въ одной общей воспитательной книгѣ, на которой равно сходились бы какъ интеллигентные классы нашего общества, такъ и самъ народъ въ основномъ общенаціональномъ воспитаніи... «Пчела» представляетъ собой первоначальный опытъ, какъ хрестоматія для собственно національнаго воспитанія. Въ подборѣ всѣхъ статей проведена одна извѣстная идея... имѣлись въ виду: органическое развитіе исторической жизни нашего отечества, духовныя стремленія нашей народности и ея прирожденныя политическія тяготѣнія и направленія».

Книга состоитъ изъ слѣдующихъ 4-хъ отдѣловъ: 1) Русское-историческое, 2) Бытовое, 3) Обще-славянское, 4) Духовно-нравственное. Можно согласиться съ составителемъ, что по количеству, содержанію статей и характеру отдѣловъ «Пчелы» на эту книгу можно смотрѣть какъ на цѣлую библіотеку историческихъ и духовно-нравственныхъ книгъ, заключающуюся въ одномъ томѣ убористой, сжатой печати.

Въ виду цѣли книги составитель обратилъ особое вниманіе на историческіе отдѣлы книги, богато обставивъ древній періодъ нашей русской жизни, руководимый, по его признанію, мыслью, такъ выраженной Гёте: «Коль скоро мы всмотримся въ старину съ твердымъ намѣреніемъ изучить ее для собственнаго образованія и развитія, то въ насъ поселяется чувство, что мы съ этого момента сдѣлались человѣкомъ,» а также сознаніемъ значенія связи съ прошлымъ, не чуждаго русскому народу, высказавшемуся въ пословицѣ: «не роняй старь—она новизну держитъ».

Отдѣлъ «Русское-историческое» состоитъ изъ отрывковъ изъ лѣтописей, поученій, грамотъ, народныхъ пѣсень, избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Карамзина, Соловьева, Костомарова, Погодина, Забѣлина, Бестужева-Рюмина, Бѣляева, Маркевича, Бантышъ-Каменскаго; изъ стихотвореній: Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Мея и др.; изъ историческихъ повѣстей: Гоголя, Толстаго, Загоскина; помѣщены народные анекдоты и слѣдующіе историческіе документы: манифестъ 19-го февраля 1861 г., указы сенату о земскихъ учрежденіяхъ, о судебныхъ уставахъ; хронографъ важнѣйшихъ событій отечественной исторіи и статья самого составителя книги Н. Щербины: «О русской словесности и о нашемъ просвѣщеніи вообще, краткій историческій очеркъ въ общихъ и существен-

*) См. рец. «Систематическій Обзоръ Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 250. «Журналъ Министерства Нар. Просвѣщ. 1876 г., часть CXXXVI, стр. 1032, «Наша Учебная Литература».

ныхъ чертахъ». Сдѣланный перечень даетъ понятіе о богатствѣ этого отдѣла «Пчелы». Статья г. Щербины о словесности и просвѣщеніи заслуживаетъ скорѣе названіе конспекта, чѣмъ очерка. Автора ея можно упрекнуть въ томъ, что, говоря о дѣятеляхъ XVII вѣка на поприщѣ просвѣщенія, онъ не упоминаетъ о такой крупной личности, какъ Петръ Могила; также непонятнымъ является для насъ, почему авторъ, по убѣжденіямъ своимъ славянофилъ, не сообщилъ болѣе подробно объ этой важной въ дѣлѣ нашего національнаго развитія партіи и о главныхъ представителяхъ ея, а помѣстилъ лишь нѣсколько словъ объ этомъ въ выноскѣ внизу страницы (377). Это было бы тѣмъ болѣе умѣстно, что выше онъ говоритъ о національномъ движеніи въ европейскихъ литературахъ, которымъ ознаменовались измѣна псевдо-классическому направленію и начало новаго, давшаго литературѣ главныхъ европейскихъ народовъ новое содержаніе съ «своенароднымъ складомъ и направленіемъ» — направленіемъ, обратившимъ къ изученію родной старины, произведеній народнаго творчества, народнаго языка. У насъ это общеевропейское движеніе обнаружилось съ такою же силой; представителями его явились славянофилы и цѣлый рядъ людей, посвятившихъ себя изученію народной литературы, собиранію пѣсень, сказокъ, пословицъ какъ въ Великороссіи, такъ и въ Южной и Западной Руси. Думаемъ, что сообщить объ этомъ слѣдовало въ книгѣ, указывающей на необходимость общаго для всѣхъ классовъ національнаго воспитанія и потому еще, что дѣло собиранія произведеній народнаго творчества далеко еще не кончено.

Совершенно непонятно, какъ, говоря о дѣятельности Пушкина, перечисляя его произведенія, говоря о его самобытности, объ элементѣ народности, внесенномъ имъ въ русскую литературу, г. Щербина не упоминаетъ о прекрасномъ переложеніи имъ русскихъ народныхъ сказокъ, въ чемъ главнымъ образомъ показалъ себя Пушкинъ знатокомъ русскаго языка, роднымъ дѣтищемъ русскаго народа.

При внимательномъ просмотрѣ всего содержанія отдѣла «Русское-историческое» нельзя не замѣтить, что составитель измѣнялъ иногда той объективной точкѣ зрѣнія, о необходимости которой онъ говорилъ въ предисловіи.

2-й отдѣлъ—«Бытовое» составленъ изъ басень Крылова, Хемницера, стихотвореній Кольцова, Никитина, Некрасова, Аксакова и др.; отрывковъ изъ разсказовъ Даля, Мельникова, Кохановской и др., рисующихъ крестьянскую жизнь и народные типы, какъ напр., разсказъ Карамзина «Фролъ Силинъ». Здѣсь же помѣщена біографія ученаго самоучки Власова, — къ сожалѣнію, недостаточно просто изложенная.

Въ примѣчаніи къ ней г. Щербина называетъ другихъ русскихъ самоучекъ: Семенова, Кулибина и поэтовъ—Кольцова, Никитина. Этотъ отдѣлъ не отличается такой полнотой, какъ предыдущій; онъ знакомитъ исключительно съ бытомъ великороссовъ.

Въ отдѣлъ «Обще-славянское» вошли: «Отче нашъ» на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, статьи: «О славянахъ» А. Гильфердинга, «Изъ письма о славянахъ» и «Изъ чтенія о славянахъ» М. Погодина, «Замѣтка о славянахъ» Н. Щербины, «Отрывки изъ лѣтописи» Стаки Скендеровой, стихотворенія Хомякова и Тютчева, сербскія былины: «Царь Лазарь», «Марко-кралевичъ», «Іово Мара»; народныя пѣсни, чешскія, словацкія, малорусскія: «О Самойлѣ Кошкѣ», «О Марусѣ Богославкѣ», «О трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ плѣна»; великорусскія—величальная пѣснь, былина о Вольгѣ и Микулѣ, притча о «Горѣ-злосчастьи», бѣлорусская пѣсня и др.; статья «Народная житейская мудрость или нравоученіе въ русскихъ пословицахъ и поговоркахъ», составленная изъ подбора пословицъ, взятыхъ изъ сборника В. Даля.

Эти статьи, замѣтки, стихотворенія «должны, по словамъ составителя, уяснить читателю внутренній существенный смыслъ общеславянской идеи, ея нравственную для насъ обязательность, ея политическую необходимость и практическую жизненную пользу, вкореneніе и распространеніе чего въ массахъ русскаго народа составляетъ одну изъ задачъ нашего такъ называемаго національнаго воспитанія». Въ исторической жизни національный вопросъ занялъ видное мѣсто лишь въ XIX столѣтіи. Національное чувство настолько доступно каждому, что слишкомъ рѣдко подвергается тому внимательному анализу, котораго заслуживаетъ. Вотъ почему признаніе національнаго чувства ведетъ къ самымъ различнымъ, иногда противоположнымъ результатамъ; такъ напримѣръ, національное чувство повело къ объединенію Италіи, причемъ, однако, овладѣвшій итальянцами національный энтузіазмъ не побудилъ Тессинскій кантонъ, населенный итальянцами, выйти изъ швейцарской федераціи. Національное же чувство повело къ объединенію Германіи, но извращеніе этого чувства

эксплуатація его повели къ попранію Германіею датской національности и національности Эльзаса и Лотарингіи; въ этихъ провинціяхъ нѣмецкое населеніе, встрѣчая болѣе благопріятныхъ условій въ совмѣстной жизни съ Франціей, чѣмъ съ Германіей, тяготѣетъ къ Франціи и считаетъ поработителями своими соплеменниковъ своихъ нѣмцевъ. Національное же чувство создало сильную Германскую имперію, но лица, съ успѣхомъ воспользовавшіяся для этого созиданія однимъ изъ элементовъ національнаго чувства, пренебрегли остальными и во имя національности не по названію, а на дѣлѣ упразднили учрежденія, которыми издавна дорожитъ германскій народъ; такимъ образомъ, въ Германіи оказались патріоты-деспоты, съ которыми борются никакъ не менѣе горячо преданные національности своей либералы. Единственнымъ справедливымъ опредѣленіемъ національнаго чувства представляется намъ такое, которое дѣлаетъ изъ него явленіе чрезвычайно сложное. Едва ли не главнѣйшей составной частью его является привязанность всякаго народа, болѣе или менѣе сознательная, къ такимъ условіямъ жизни, которыя для всякой отдѣльной національности представляютъ обстановку, благопріятствующую удовлетворенію ея общечеловѣческимъ потребностямъ. Къ числу послѣднихъ отнюдь не относятся порабощеніе одной національности другою, одного вѣроисповѣданія — другимъ, пренебреженіе внутренней политикой ради внѣшней, пренебреженіе къ интеллигентнымъ слоямъ общества, за то что въ нихъ рельефно высказываются тѣ общечеловѣческія стремленія, которыя лишь смутно сознаются массами.

Народное самосознаніе не можетъ развиваться въ угнетаемомъ народѣ, хотя бы угнетателями и являлись близкіе ему по вѣроисповѣданію, языку и крови люди. Самобытность и характеръ вырабатываются въ народѣ не словами, а предоставленіемъ ему простора для дѣятельности. Вотъ почему и понятно, что національный вопросъ въ Европѣ могъ быть поставленъ только въ XVIII вѣкѣ, т. е., только послѣ того какъ были признаны права человѣка и за представителями такой массы, къ которой раньше этого относились съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, полагая, что для управленія ею достаточно куска хлѣба и палки. Если взглядъ на національное чувство, высказанный выше, можетъ быть понятъ всякимъ непредубѣжденнымъ читателемъ вообще, то тѣмъ болѣе тѣми изъ русскихъ, которымъ извѣстны благородныя общечеловѣческія стремленія нашихъ первыхъ славянофиловъ. Кто, какъ не они, возмущались холопствомъ нашихъ высшихъ классовъ, кто болѣе ихъ стоялъ за свободу мысли, слова и совѣсти?

Посмотримъ же теперь, насколько разбираемая книга соотвѣтствуетъ установленной нами точкѣ зрѣнія на національное чувство.

Статьи Гильфердинга, Погодина и Щербины сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ исторической судьбѣ славянъ внѣ предѣловъ Россіи, ихъ численности, о національномъ движеніи въ ихъ средѣ, породившемъ людей, посвятившихъ себя изученію роднаго языка и просвѣщенію темныхъ массъ своихъ соплеменниковъ для пробужденія въ нихъ національнаго самосознанія; называются Добровскій, Шафарикъ, Ганка, Юнгманъ, Палацкій, Колларъ, Станко; указывается въ самыхъ общихъ и туманныхъ чертахъ на отношенія, желательныя между русскимъ народомъ и его соплеменниками, входящими въ составъ иноплеменныхъ государствъ. Названныя статьи написаны до послѣдней войны, а потому сообщаемыя фактическія свѣдѣнія требуютъ поправокъ и дополненій. Что же касается до стороны принципіальной—значенія національнаго чувства, положенія національнаго вопроса въ исторіи и, наконецъ, нашихъ отношеній къ соплеменникамъ,—отношеній, выразившихся въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ передовыхъ русскихъ людей, въ воззрѣніяхъ и чувствахъ самого народа,—думаемъ, что она вовсе не выяснена помѣщенными въ книгѣ отрывками, а немногое, сказанное въ нихъ, можетъ привести малоподготовленнаго читателя къ выводамъ, далеко не соотвѣтствующимъ истинѣ и справедливости. Какъ пойметъ онъ, напримѣръ, слѣдующія слова Погодина: «Напрасно европейцы (?) хотятъ раздѣлить съ нами право покровительства надъ турецкими христіанами. Всѣ предлагаемыя ими мѣры ничтожны и неисполнимы. Они и не могутъ ничего сдѣлать, кромѣ зла, потому что принадлежатъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, называютъ церковь славянъ ересью, ненавидятъ ее больше магометанства... Какъ же можно предоставить европейцамъ участіе въ покровительствѣ славянъ въ Турціи!» (Стр. 462). Немного дадутъ читателю въ этомъ отношеніи и стихотворенія Хомякова — «Славянскимъ городамъ» и «Къ русскому орлу» и Тютчева— «Вячеславу Ганкѣ», такъ какъ для правильнаго пониманія ихъ необходимо глубокое знаніе исторіи. Прекрасные образцы народныхъ произведеній сербовъ, чеховъ, болгаръ прочтутся съ наслажденіемъ, но требуютъ до-

полнительныхъ историческихъ объясненій, которыхъ нѣтъ въ книгѣ. Такія же объясненія необходимы и для малорусскихъ пѣсень: кромѣ того, желательны были бы въ «Пчелѣ» не только переводы ихъ, но и оригиналы, какъ это сдѣлано для пѣсень бѣлорусской и словацкой,—желательны для многочисленныхъ читателей изъ малороссовъ, которые не могутъ удовлетвориться переводами, всегда блѣдно передающими поэтическія красоты оригиналовъ.

Въ отдѣлѣ «Духовно - нравственное» помѣщены статьи «нравственно - практическія, представляющія назиданіе, авторитетныя поученія, примѣры добра, христіанскій нравственный взглядъ на предметы, отношенія и поступки,—словомъ, статьи, способныя развивать гуманное чувство, и статьи православно-религіознаго содержанія»: стихотворенія — «Пѣснь бѣдняка», «Христіанскіе мученики» (изъ «Агасѳера») Жуковскаго, «Ахъ, ты, бѣдность горемычная» Никитина, «Величальная пѣснь работѣ» Ѳ. Миллера, «Плачъ плѣнныхъ іудеевъ» Ѳ. Глинки, изъ стихотворенія «Слѣпорожденный» Л. Мея, «Филаретъ Милостивый» В. Алмазова, «Молитва» А. Пушкина, «Богъ» Державина и друг.; отрывки изъ сочиненій отцевъ вселенской Греко - восточной и Россійской вселенской церквей изъ житій подвижниковъ и святителей: Ѳеодосія, Сергія, Филиппа и др.; изъ поученій Владиміра Мономаха, Серапіона и др.; изъ древнихъ сборниковъ: «Златой Цепи», «Измарагда» и др.; изъ соч. Посошкова «О скудости и богатствѣ» и «Доношенія»; изъ «Наказа» Екатерины II, изъ «Посланій къ старообрядцамъ» М. Погодина: отрывки изъ записокъ русскихъ путешественниковъ XII, XIV и XVIII вѣковъ—Даніила, Стефана Новгородца, Лукьянова, Барскаго и соч. Гильфердинга о Святой землѣ, о Константинополѣ, о храмѣ св. Софьи, о монастыряхъ на Аѳонѣ, о Милешовой обители и Дечанскомъ монастырѣ въ Старой Сербіи.

Отдѣлъ этотъ такъ же богатъ, составленъ изъ такъ же тщательно подобраннаго матеріала, какъ и отдѣлъ «Русское-историческое».

Въ книгѣ находится 47 недурныхъ рисунковъ. Называемъ нѣкоторые изъ нихъ, чтобы дать понятіе о содержаніи и разнообразіи ихъ: *Церковь Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ*; *Соборъ святыя Софіи въ Новгородѣ*; *Кремль въ Москвѣ*, *Петропавловскій соборъ въ Петербургской крѣпости*: *Домикъ императора Петра Перваго въ Петербургѣ*; *Надгробный памятникъ Ломоносову въ Петербургѣ*; *Вышеградъ въ Прагѣ*; *Мостовая башня въ Прагѣ*; *Императоръ Петръ Первый*; *Черногорецъ*, *Болгары*.

Мы указали выше на слабыя стороны книги. Не можемъ, однако, не признать за «Пчелой» значенія богатѣйшаго историческаго сборника, необходимаго въ каждой народной библіотекѣ для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ. *А. К.*

---

797) **О сербахъ**. Р. С. Попова. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1877 г. Ц. 10 к. 28 стр.

798) **О черногорцахъ**. Р. С. Попова. (Народныя чтенія въ Солян. Городкѣ). Спб. 1877 г. Ц. 10 к. 24 стр.

799) **О болгарахъ**. Р. С. Попова. Изд. Торлецкаго. Москва. 1877 г. Ц. 10 к. 30 стр. *).

Послѣдняя война за славянъ надолго останется памятна народу, и связь наша съ западными единоплеменниками, благодаря ей, получила жизненную подкладку, которая дѣлаетъ всѣ свѣдѣнія о нихъ интересными для читателя-простолюдина.

Очерки г. Попова отличаются содержательностью, живостью изложенія, простотой языка, а потому представляютъ прекрасный матеріалъ и для самостоятельнаго, и для публичнаго народнаго чтенія. Къ каждому изъ названныхъ очерковъ имѣется болѣе 10-ти картинъ для волшебнаго фонаря самаго разнообразнаго содержанія. Нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи очерковъ г. Попова хотя нѣкоторыя изъ этихъ картинъ были помѣщены въ самомъ текстѣ, такъ какъ несомнѣнно, что очерки эти болѣе читаются самостоятельно дома, чѣмъ слушаются на публичныхъ чтеніяхъ, столь мало распространенныхъ еще у насъ до сихъ поръ.

Наиболѣе удаченъ изъ трехъ — очеркъ о черногорцахъ; всѣ они читаются съ большимъ удовольствіемъ, а при переспросѣ содержанія легко удостовѣриться, какая полная и яркая картина жизни описаннаго народа остается въ памяти у читавшихъ.

О содержаніи каждой изъ названныхъ брошюръ г. Попова дадутъ понятіе слѣдующіе *вопросы*, предлагаемые нами для провѣрки степени усвоенія прочитаннаго.

О сербахъ.

Отчего въ русскихъ пѣсняхъ упоминается о Дунаѣ, рѣкѣ чужой земли?

Кромѣ русскихъ и поляковъ, какіе есть

---

*) См. рец. «Системат. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.», 1878 г., стр. 638.

еще народы славянскаго племени? (стран. 5).

Какое бѣдствіе постигло сербовъ въ 1389 г. послѣ Коссовской битвы? (стр. 9).

Кто были гайдуки; съ кѣмъ сравниваются они въ книгѣ? (стр. 11).

Разскажите о Кара-Георгіи и Милошѣ Обреновичѣ.

Кѣмъ и какъ управляется Сербія теперь?

Какъ живутъ сербы въ селахъ, какъ землей владѣютъ?

Что называется *задругой*, *займищей*?

Чѣмъ болѣе всего занимаются сербы, чѣмъ промышляютъ?

Хорошо ли живется сербскимъ женщинамъ?

Разскажите о сербскихъ праздникахъ, о побратимствѣ.

О черногорцахъ.

Какъ велика Черногорія?

Разскажите объ Иванѣ Черноевичѣ (стр. 7).

Какова земля, въ которой живутъ черногорцы?

Почему такъ дорожатъ они городомъ Каттаро?

Въ чемъ проходитъ жизнь черногорца?

Каковъ онъ по своему нраву?

Какъ живется черногорской женщинѣ? чѣмъ отличается ея жизнь отъ жизни русской женщины? (стр. 15).

Богато ли живетъ черногорецъ? что даетъ ему средства къ жизни? (стр. 17).

Опишите жилище его, утварь.

Кѣмъ управляется Черногорія? (стр. 19).

Разскажите о тѣхъ обычаяхъ черногорцевъ, которыхъ нѣтъ у насъ. (Поединки, кровомщеніе, побратимство).

Какія здѣсь приведены двѣ черногорскія пѣсни?

Кто такой этотъ Марко, о которомъ поютъ въ пѣснѣ?

О болгарахъ.

Гдѣ живутъ теперь болгары?

Кто обратилъ дунайскихъ болгаръ въ христіанство?

Какое бѣдствіе постигло ихъ въ 1389 г.?

Кто изъ болгаръ шелъ въ гайдуки?

Какъ переносили болгары турецкое иго?

Какое изъ сосѣднихъ государствъ заботилось объ улучшеніи ихъ судьбы? (стр. 17).

Чѣмъ занимаются болгары? (стр. 23).

Опишите жилище ихъ, семейную жизнь, обычаи (артели, помочи), праздники.

Какъ живется женщинѣ-болгаркѣ въ сравненіи съ жизнью женщины въ Сербіи и Черногоріи? *А. К.*

---

800) **Родные славяне.** (Чтеніе для народныхъ учителей и народа). П. Б—ва *). Спб. 1876 г. Ц. 35 к. 62 стр.

Характеръ содержанія разбираемой книги вполнѣ опредѣляется слѣдующими словами автора:

«Въ настоящее время во всей обширной землѣ Русской идетъ говоръ о страданіяхъ родныхъ намъ по происхожденію, вѣрѣ и языку славянъ; дѣлаются огромныя денежныя пожертвованія на поддержку борьбы съ турками; многіе русскіе люди отдаютъ самую жизнь свою за спасеніе славянъ, т. е. отправляются на войну на защиту славянъ».

Объяснить причины этого сочувствія славянамъ, этого движенія, охватившаго всѣ слои русскаго общества, составляетъ задачу автора. Начиная съ общаго происхожденія изъ Азіи, разсказываетъ онъ вкратцѣ исторію чеховъ, сербовъ, болгаръ, Герцеговины, Босніи, Черногоріи; затѣмъ говоритъ о возстаніи и надеждахъ на заступничество Россіи.

Составитель пользовался трудами Гильфердинга, многими другими научными и популярными сочиненіями, а также сенсаціонными газетными извѣстіями съ театра войны.

Въ свое время книга сдѣлала свое дѣло, а по фактическому содержанію и до сихъ поръ не утратила бы значенія, но языкъ ея совершенно недоступенъ простолюдину. Въ виду прекрасныхъ очерковъ г. Попова, считаемъ ее въ народной библіотекѣ излишнею.

А. К.

---

801) **Кто такіе славяне?** Почему мы любимъ славянъ и зовемъ ихъ нашими братьями? Соч. Е. Оброкъ. (Для народнаго чтенія). Москва. 1876 г. Ц. 20 к. 19 стр.

Небольшая книга эта была написана съ цѣлью вызвать сочувствіе къ возставшимъ, страждущимъ единовѣрцамъ. Крайне бѣдная фактическимъ содержаніемъ, она утратила теперь всякое значеніе. *А. К.*

---

802) **Лука Вукаловичъ.** (Первое герцеговинское возстаніе). Переводъ съ сербскаго. Изд. Дамскаго Отдѣленія Славянскаго Благотворительнаго комитета въ Москвѣ. Въ пользу бѣдствующихъ жителей Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. Москва. 1875 г. Ц. 10 к. 28 стр.

Книга эта содержитъ разсказъ сербскаго писателя Никшича, заимствованный изъ 116-й книги «Лѣтописа Матица Србске» за 1874 г.

---

*) См. реценз. «Систематическій Обзоръ Нар.-Учебн. Литер.», 1878 г., 601 стр.

Онъ представляетъ довольно вѣрную и живую картину одного изъ самыхъ видныхъ событій въ новѣйшей исторіи сербовъ—перваго герцеговинскаго возстанія 1857—1863 г.

Жизнь воеводы Луки Вукаловича тѣсно связана съ этимъ возстаніемъ, которое имъ было вызвано и безъ него никогда не продлилось-бы такъ долго. Въ дѣтствѣ пастухъ овецъ, потомъ ремесленникъ-оружейникъ, въ 20 лѣтъ единодушно избранный начальникомъ своего округа, Лука дѣлается борцомъ за независимость своего народа, становится во главѣ возставшихъ и борется отчаянно до послѣдней возможности. Въ 1869 г., проклиная судьбу, заставляющую его покинуть родину, находитъ убѣжище въ Россіи, въ городѣ Бердянскѣ, гдѣ и живетъ до преждевременной смерти въ 1873 г.

Обиліе собственныхъ именъ—географическихъ названій, именъ дѣятелей и подробностей исторіи возстанія—крайне затрудняетъ чтеніе разсказа, главный интересъ котораго сосредоточенъ въ описаніи личности народнаго героя Луки.

Появленіе біографіи Луки Вукаловича въ формѣ, соотвѣтствующей силамъ читателей изъ народа, представляется очень желательнымъ, такъ какъ разбираемая книга доступна лишь незначительному, наиболѣе развитому меньшинству.

Вопросы:

Кто былъ Лука Вукаловичъ?

Какъ провелъ дѣтство, чѣмъ занимался?

Что заставило его бросить ремесло, лишиться заработка? (Стр. 8).

Что побудило герцеговинцевъ къ возстанію?

Гдѣ нашелъ пріютъ Лука Вукаловичъ, оставивъ родину, и гдѣ похороненъ?

А. К.

803) **Старая Сербія, ея прошлое и настоящее** *). Соч. Бацетича. Изд. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1876 г. 196 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Быть можетъ, благодаря заглавію, книга эта далеко не пользуется той извѣстностью, какой заслуживаетъ,—не заняла въ народной библіотекѣ того мѣста, какое ей принадлежитъ по праву. Судя по заглавію, можно думать, что это серьезный историко-географическій очеркъ: на самомъ же дѣлѣ это снимокъ съ дѣйствительности, сдѣланный не художникомъ, правда, но очевидцемъ, участникомъ этой дѣйствительности, если можно такъ выразиться. Очевидецъ-разсказчикъ—старо-сербъ, по профессіи народный учитель, готовившійся къ ней въ бѣлградской гимназіи. Онъ возвращается на родину съ намѣреніемъ служить своему народу, занявъ мѣсто сельскаго учителя, но съ первыхъ же шаговъ его встрѣчаютъ препятствія, опасности, не дающія ему возможности привести въ исполненіе свою мечту и заставляющія его бѣжать въ свободную Сербію. Безотрадная картина родины, какой она представилась ему по личнымъ впечатлѣніямъ и разсказамъ земляковъ, и составляетъ содержаніе книги, написанной въ формѣ разспросовъ, бесѣдъ автора съ разными лицами, сообщающими ему о прошломъ и настоящемъ края.

Исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова читатель здѣсь не найдетъ: о событіяхъ и историческихъ лицахъ прошлаго лишь упоминается; зато современное состояніе порабощенной, разоряемой турками Сербіи выступаетъ предъ читателемъ въ мелочныхъ подробностяхъ.

Книга эта, какъ уже сказано, почти вся состоитъ изъ разговоровъ, но какая разница между этими разговорами безхитростными, искренними, мѣстами растянутыми, мѣстами поражающими силою чувства и выраженій, и тѣми дѣланными разглагольствованіями, какія встрѣчаются, напримѣръ, въ такомъ обиліи въ повѣстяхъ г. Лапина! Книга г. Бацетича можетъ быть сравнимаема лишь съ «Разсказами очевидцевъ о 12-мъ годѣ», собранными г-жей Толычевой.

Бѣдственное экономическое положеніе отъ непомѣрныхъ поборовъ и злоупотребленій турецкихъ властей (стр. 81, 127, 131); грубое невѣжество властителей, враждебно относящихся къ научнымъ свѣдѣніямъ, преслѣдующихъ учителей сербовъ, старающихся разбудить земляковъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ и суевѣріи (стр. 19, 21, 167); тяжелое положеніе сельскихъ учителей, равно страдающихъ и отъ фанатиковъ-побѣдителей, и отъ своихъ единоплеменниковъ, ради личныхъ выгодъ старающихся помѣшать просвѣщенію эксплуатируемыхъ ими разоренныхъ земляковъ (стр. 10, 23, 40, 119, 144, 161); измѣна *своимъ* богатыхъ и высшаго духовенства (стр. 13, 131—142, 159, 166—174); кровавыя расправы, истязанія (стр. 7, 108, 130); геройство гайдуковъ, погибающихъ въ непосильной борьбѣ за поруганныя права вѣры и націо-

*) См. рец. «Систематическій Обзоръ Русской Народно-Учебной Литературы» 1878 г.

нальности (стр. 115, 149—181); высоко-нравственныя черты, сохранившіяся въ средѣ низшаго сельскаго населенія, клеймящаго позоромъ измѣнниковъ, всегда готоваго съ опасностью собственной жизни помочь преслѣдуемому земляку, безукоризненно честнаго въ денежныхъ дѣлахъ (стр. 55, 82), но забитаго, невѣжественнаго, суевѣрнаго—вотъ о чемъ говорятъ разсказы г. Бацетича, говорятъ безъ паѳоса, безъ громкихъ фразъ и восклицаній.

Конечно, книга эта можетъ читаться съ интересомъ лишь взрослымъ, хорошо-грамотнымъ читателемъ, предварительно ознакомившимся съ Сербіей по очерку г. Попова (см. рец. № 799). Мы придаемъ особое значеніе этой книгѣ не потому только, что она сообщаетъ извѣстныя этнографическія свѣдѣнія, но въ несравненно болѣе удачной формѣ, чѣмъ сухія научныя статьи или бездарно составленные бытовые очерки, но главнымъ образомъ потому, что знакомство съ жизнью другаго народа при посредствѣ такого живаго матеріала, какъ сообщаемый г. Бацетичемъ, не можетъ не навести читателя на сравненія, сопоставленія съ жизнью, его окружающей. Фактовъ, обличающихъ суевѣріе, невѣжество, безчестное отношеніе къ интересамъ общественнымъ ради собственныхъ выгодъ,—надъ которыми можетъ призадуматься читатель,—найдется немало.

Выдержки изъ подлинника наиболѣе характерныхъ описаній заняли-бы слишкомъ много мѣста, а потому мы должны были ограничиться ссылками на страницы. Къ сожалѣнію, книга сравнительно дорога, что̀ помѣшаетъ ея распространенію. При второмъ изданіи желательны были-бы нѣкоторыя сокращенія, что̀ могло-бы и удешевить ее.

Вопросы:

О какомъ времени разсказывается здѣсь: до или послѣ войны?

Отчего такъ тяжело жилось сербамъ?

Кто помогалъ туркамъ обирать и притѣснять народъ въ Сербіи?

До какихъ несчастій доводило людей суевѣріе и невѣжество?

Почему такъ преслѣдовали въ Сербіи народныхъ учителей?

Какую услугу оказали гайдуки своему отечеству?

Что хорошаго замѣтили вы въ характерѣ сербовъ?

А. К.

---

801) **Приключеніе чешскаго дворянина Вратислава** *) въ Константинополѣ и въ тяжкой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ 1591 года. Перев. К. П. Побѣдоносцева **). Спб. 1877 г. Ц. 50 к. 252 стр.

Книга эта появилась во время войны, когда на Турцію и на судьбы подвластныхъ ей славянскихъ племенъ обращено было вниманіе всего русскаго общества. Издана она была въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ. При тѣхъ-же обстоятельствахъ и для той-же благой цѣли появилось тогда немало брошюръ и книжекъ, теперь утратившихъ уже всякое значеніе. Но не таковъ удѣлъ книги, къ разбору которой мы приступаемъ.

Сочиненіе Вратислава — историческій памятникъ чешской литературы XVI вѣка, цѣнный для спеціалиста, и въ то же время—произведеніе вполнѣ доступное, съ увлеченіемъ читающееся народомъ. Въ бѣдномъ историко-этнографическомъ отдѣлѣ народной литературы оно должно занять видное мѣсто. Содержаніе его—воспоминанія юнаго чеха Вратислава о путешествіи его изъ Вѣны въ Константинополь и трехлѣтнемъ пребываніи его тамъ въ свитѣ посла Крексвица, посланнаго въ 1591 г. германскимъ императоромъ Рудольфомъ II къ султану Амурату III. Путешествіе до Константинополя и первое время пребыванія тамъ полны интереса для любознательнаго Вратислава, которому оффиціальное положеніе даетъ возможность знакомиться съ окружающей его жизнью въ самыхъ различныхъ сферахъ, начиная отъ дворца султана. Вратиславъ является усерднымъ и толковымъ наблюдателемъ, но благополучіе его длится недолго. По доносу, у Крексвица находятъ бумаги, противныя интересамъ султана. Все посольство германское обрекается на заточеніе въ одной изъ ужаснѣйшихъ государственныхъ тюрьмъ, извѣстной подъ именемъ Черной Башни, гдѣ и томится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Двѣ послѣднія главы, содержащія описаніе страданій заключенныхъ и ихъ возвращеніе на родину, представляютъ ту часть книги, которая читается съ наибольшимъ интересомъ. Въ своемъ дневникѣ авторъ даетъ намъ полную, яркую картину жизни, которой онъ являлся временнымъ участникомъ.

---

*) Названіе, присвоенное государству лишь въ 1806 г., а потому не подходящее для обозначенія посольства XVI вѣка.

**) См. рец. «Народная Школа», 1878 г., № 4, стр. 37—40. «Систематическій Обзоръ Нар.-Учебн. Литер.», 1878 г., стр. 637.

Здѣсь находимъ мы описанія: Константинополя (стр. 53), св. Софіи и султанскихъ гробницъ (стр. 72—74), султанскаго дворца (стр. 62), мечетей (стр. 33—43), турецкихъ бань (стр. 12—15), караванъ-сараевъ (стр. 29), невольничьяго рынка (стран. 110), тюрьмы (стр. 137), ужасной Черной Башни (стр. 158, 166—180), каторжныхъ работъ на галерахъ (стр. 152), дворцовыхъ церемоніаловъ (стр. 54, 62—67), военныхъ тріумфовъ съ кровавыми трофеями (стр. 109).

Масса характерныхъ фактовъ знакомитъ съ обычаями и нравственнымъ уровнемъ турокъ XVI вѣка: корыстолюбіемъ (стр. 46, 208), суевѣріемъ (стр. 84), благочестіемъ (стр. 74, 76, 81, 83), нравами женщинъ (стр. 107), свадебными обрядами (стр. 94—97), общественными увеселеніями (стр. 74—76), жестокостью (картины казни) (стр. 105, 130), значеніемъ янычаръ (стр. 5), возмутительнымъ видомъ ренегатства—потурченцами (стр. 11, 18, 57, 101, 102, 121, 137).

На душу читателя производятъ впечатлѣніе не только сообщенные факты, но и самая личность разсказчика. Эпическій разсказъ, богатый характерными подробностями, привлекающій простотой, нерѣдко прерывается размышленіями автора. Чуждъ онъ религіозной нетерпимости и національной вражды. Годы страданій среди фанатичнаго, невѣжественнаго турецкаго населенія не омрачили въ немъ духа христіанской терпимости и всепрощающей любви къ человѣку. Съ радостью привѣтствуетъ и отмѣчаетъ онъ малѣйшее проявленіе человѣчности въ окружающемъ его враждебномъ народѣ.

Это-то и придаетъ книгѣ особую цѣнность. Въ настоящемъ своемъ видѣ въ изданіи 1877 года сочиненіе Вратислава, разсматриваемое въ интересахъ читателя-простолюдина, требуетъ слѣдующихъ измѣненій: вмѣсто теперь приложеннаго недоступнаго предисловія необходимъ краткій, обстоятельный очеркъ о времени появленія турокъ въ Европѣ, ихъ завоеваніяхъ и отношеніяхъ къ сосѣднимъ и покореннымъ народамъ, безъ чего историческая часть разсказовъ Вратислава остается недоступной. Въ первыхъ 50 страницахъ, содержащихъ подробности путешествія до Константинополя, должны быть сдѣланы сокращенія или поясненія, совершенно необходимыя для читателя, незнакомаго съ географіей и не имѣющаго подъ рукой карты. Вся книга должна быть напечатана крупнымъ шрифтомъ. Теперь она читается съ трудомъ даже при хорошемъ освѣщеніи. Каково же читать ее при плохомъ освѣщеніи, которымъ пробавляются читатели въ избахъ и плохихъ городскихъ помѣщеніяхъ!

Книга читается съ одинаковымъ интересомъ и взрослымъ, и развитымъ школьникомъ. Передача содержанія и сдѣланныя нами ссылки на страницы представляютъ уже готовый рядъ вопросовъ, которыхъ здѣсь не повторяемъ; къ нимъ добавляемъ лишь слѣдующіе:

Вопросы:

Сколько вѣковъ прошло съ того времени, о которомъ разсказывается въ книгѣ? (1591 г.)

Обращаются-ли и въ наше время турки съ христіанами съ тою же жестокостью?

А. К.

---

805) **Разсказы о старинныхъ людяхъ.** *I. Древніе индійцы и египтяне.* Изд. О. И. Бакста. Спб. 1864 г. Ц. 15 к. 59 стр.

Разыскивая въ дѣтской и народной литературѣ книги по всеобщей исторіи, мы встрѣтили давно-изданную и теперь мало-распространенную книгу безъимяннаго автора — «Разсказы о старинныхъ людяхъ». Повидимому, предполагалась цѣлая серія очерковъ, изъ которыхъ разбираемый явился первымъ. Намъ неудалось получить свѣдѣній о томъ, послѣдовали-ли за этимъ и другіе выпуски.

Разбираемый выпускъ содержитъ два очерка о жизни индійцевъ и египтянъ. Въ предпосланномъ имъ краткомъ предисловіи толково, просто, интересно авторъ сообщаетъ о происходившихъ на земной поверхности измѣненіяхъ въ распредѣленіи водъ и суши, о разнообразіи животныхъ, о различіи человѣческихъ расъ, нравовъ, быта народовъ на различныхъ ступеняхъ образованія.

«Разсказы о старинныхъ людяхъ» не имѣютъ ничего общаго съ обыкновенными историческими разсказами того же содержанія: мы не находимъ въ нихъ ни множества трудно-произносимыхъ собственныхъ именъ, ни безконечныхъ подробныхъ сообщеній о войнахъ и подвигахъ полумиоическихъ дѣятелей; зато предъ нами яркая, полная картина жизни двухъ народовъ, какъ она сложилась подъ вліяніемъ своеобразной природы страны, послужившей ей колыбелью.

По простотѣ изложенія и вполнѣ соотвѣтствующему цѣли выбору матеріала эти два очерка изъ исторіи человѣческой культуры заслуживаютъ названія образцовыхъ. Къ сожалѣнію, въ имѣющемся изданіи нѣтъ рисунковъ, столь необходимыхъ въ книгахъ подобнаго содержанія.

Прилагаемые *вопросы* могутъ дать понятіе о содержаніи каждаго изъ двухъ очерковъ:

Разскажите о странѣ индійцевъ (жаркій климатъ; богатство природы), о ихъ вѣрованіяхъ (стр. 8).

Отчего не были они народомъ трудолюбивымъ? (Природа, даровыя богатства, зной).

На какія касты дѣлился народъ?

Чему учили брамины? (Высокомѣріе ихъ, равнодушіе къ ближнему, самоистязанія).

Чему училъ Будда? (Стр. 24).

Какъ жили ученики Будды? (Стр. 26).

Какъ жилось индійцамъ?

Опишите Египетскую землю, вѣрованія египтянъ.

Что такое пирамиды, бальзамированіе?

Разскажите, какъ жили фараоны?

На какія касты дѣлился народъ?

Какая разница между кастой и сословіемъ?

Какъ относились египтяне къ иноземцамъ?

Сохранилось-ли что-нибудь отъ древнихъ египтянъ до нашего времени?

Книга-то хороша, да будетъ-ли она читаться грамотѣями-простолюдинами? покажется-ли интереснымъ описаніе жизни столь давней и чуждой имъ?

Практика самымъ убѣдительнымъ образомъ отвѣтила на этотъ вопросъ. Отвѣтъ этотъ важенъ и интересенъ не для одной только этой книги, но и для уясненія того, какъ относятся вообще читатели къ книгамъ подобнаго содержанія.

Книгу «О старинныхъ людяхъ», имѣвшуюся у меня въ одномъ экземплярѣ, я дала прежде всего 16-ти-лѣтней ученицѣ воскресной школы — *Р—ой*, берущей по преимуществу книги духовнаго или историческаго содержанія.

Въ теченіе недѣли не разъ приходилось думать о судьбѣ книги.

— Книга хорошая, сказала своимъ апатичнымъ голосомъ *Р—ва*, возвращая мнѣ ее въ слѣдующее воскресенье: — только разсказать не могу: трудно; а поняла все.

Мнѣ не хотѣлось предлагать наводящихъ вопросовъ, чтобы не подсказать отвѣта: важно было узнать, что̀ поразило, что́ осталось въ памяти.

— Не разсказывайте, если трудно, а вотъ скажите, чѣмъ понравилась вамъ книга? спросила я.

— Тѣмъ понравилась, что описано, какъ жили люди до Христа.

Р—ва не отличается хорошей памятью и— какъ вѣрно опредѣляетъ сама — больше *понимаетъ*, чѣмъ *помнитъ* прочитанное. Отвѣтъ ея, очень безсвязный, дословно приводимый ниже, свидѣтельствуетъ, какъ мнѣ кажется, не только о пониманіи, но и о нѣкоторой работѣ надъ прочитаннымъ, выразившейся въ сравненіи описаннаго давняго прошлаго съ настоящимъ.

— Люди прежде многаго боялись: поклонялись солнцу, какъ Богу, и думали, что если не будутъ въ него вѣровать, то оно не покажется совсѣмъ. Съ бѣдными гордо обращались, не давали имъ земли. Тогда хуже было жить, чѣмъ теперь: люди сами себя мучили, *палили* (жгли), отрѣзывали руки, языки, если кто не такъ вѣруетъ. Теперь стараются, чтобъ учились, а тогда за это казнили.

— Я возьму книгу, заявила 12-ти-лѣтняя *Х—ая*, съ особеннымъ вниманіемъ слушавшая *Р—ву*.

Въ слѣдующее воскресенье книги я отъ *Х—ой* не получила.

— Что, не прочла еще? спросила я, завидѣвъ ее въ гурьбѣ другихъ ученицъ.

— Нѣтъ, прочла, только книгу дома оставила, какъ-то смущенно отвѣчала она мнѣ.

На недѣлѣ оказался праздникъ, и *Х—ая* съ книгой явилась ко мнѣ на домъ.

— Извините меня, что не принесла книги въ воскресенье: папаша читали и не кончили, такъ просили оставить. Разъ я имъ прочитала, а они говорятъ: «дай, я еще самъ прочитаю!» Очень имъ эта книга понравилась.

— А чѣмъ занимается твой отецъ?

— Онъ артельщикъ на вокзалѣ, № 36, — можетъ когда увидите ихъ. Самоучкой грамотѣ научились; меня часто заставляютъ читать себѣ.

— А не говорилъ отецъ, чѣмъ ему такъ эта книга понравилась?

— Говорили: «все изъ нея можно узнать,— какъ люди жили, какіе были законы прежде». Книга очень интересная. Все тогда было не похоже на то, какъ теперь. Если ѣхать чрезъ Персію, то пріѣдешь въ Индостанъ; тамъ жили дикіе индійцы. Индійцы мало понимали вѣру, жрецы имѣли много власти и даже обманывали народъ: такъ, разсказывали они сказку о сотвореніи людей, о судрахъ. Касты—это сословія; у насъ тоже есть. Жрецы говорили: никто не можетъ перемѣнить своего званія; какъ кого Богъ сотворилъ, такъ долженъ и оставаться. У насъ мѣщанинъ можетъ записаться въ купцы. Жрецы не хотѣли, чтобы люди много знали; если судра нечаянно слышалъ его ученіе, то его убивали, заливали уши масломъ. Даже цари повиновались жрецамъ; никто не могъ придти

безъ подарка, какой бы бѣдный онъ ни былъ. Будда скрывался отъ людей въ пустынѣ, собиралъ народъ, училъ его. Онъ говорилъ: еслибы соблюдали свой законъ, то куска бы не съѣли, не подѣлившись съ бѣднымъ. Когда онъ умеръ, много сказокъ о немъ говорили. Жрецы поучали не такъ,—гордились; Будда былъ простъ и всѣхъ равными считалъ, даже судръ. Онъ былъ индіецъ и мало понималъ еще въ вѣрѣ; а мнѣ кажется, еслибы онъ понялъ законъ христіанскій, то онъ бы ихъ училъ ученію Христа, потому что онъ былъ человѣкъ добрый, справедливый, носилъ одежду изодранную; онъ былъ богачъ, а роздалъ все имѣніе бѣднымъ. Онъ видѣлъ, что черезъ браминовъ много народъ страдалъ, и самъ захотѣлъ быть учителемъ. У индійцевъ были книги—«Веды». Все старинное было записано въ нихъ: про вѣру ихъ, законы.—Объ индійцахъ болѣе понравилось, чѣмъ объ египтянахъ. Мнѣ показалось мало различія между Индійской и Египетской землей: и индійцы, и египтяне вѣрили въ солнце. Но законы у египтянъ были лучше: не было такихъ кастъ. Фараоны не очень много власти имѣли. Они строили пирамиды—могилы, гдѣ ихъ погребали. Ихъ тѣла лежатъ нѣсколько тысячъ лѣтъ и не портятся, потому что ихъ разными духами пропитываютъ.

(Въ книгѣ нѣтъ никакихъ сближеній съ настоящимъ или ученія Будды съ ученіемъ Христа; это всецѣло дѣло головенки 12-ти лѣтней *Х—ой).*

Отвѣтъ о той же книгѣ Г—вой.

— Я не поняла, какъ прежде было на землѣ, какія птицы, звѣри были, сказала она, указывая на первую страницу предисловія (*Г—ва* очень любитъ книги по географіи и привыкла къ подробнымъ, точнымъ описаніямъ):—Когда читала, что дикіе ѣдятъ людей, пляшутъ кругомъ огня,—вспоминала Робинзона. Объ индійцахъ больше понравилось, чѣмъ объ египтянахъ.

Передача содержанія была сдѣлана *Г—вой* удовлетворительно, хотя, кромѣ названій Индіи и Египта и имени Будды, другихъ именъ она не удержала въ памяти и въ самостоятельной группировкѣ матеріала и выводахъ далеко уступала *Х—ой.*

Послѣ того книга перебывала болѣе чѣмъ у десятка читательницъ разнаго возраста, и ни одна изъ нихъ не нашла ее неинтересной, не возвратила недочитанной. Это нельзя объяснить простой исполнительностью, покорностью требованіямъ учительницы, такъ какъ ученицы избалованы хорошими книгами и не стѣсняясь высказываютъ о нихъ свое мнѣніе.

Не такова была судьба, напр., Нибура и разсказовъ Студитскаго (см. рецен. №№ 816, 820).

Очеркъ «О старинныхъ людяхъ» въ средѣ грамотныхъ крестьянъ, посѣщающихъ вечернія повторительныя школы, встрѣтилъ такой же пріемъ: книга и тамъ читается съ большимъ интересомъ, что̀ даетъ намъ право рекомендовать ее для развитыхъ подростковъ и взрослыхъ читателей. *А. К.*

---

806) **Очерки изъ исторіи народныхъ сказаній.** Составилъ Грубе *). (Перев. съ нѣмецкаго).

807) **Иванъ Гуссъ.** Изъ «Ясной Поляны» (журнала гр. Л. Н. Толстаго). Дѣтскіе разсказы для семьи и школъ. Книга 8-я. Тифлисъ. 1880 г. Ц. 20 к.

808) **Иванъ Гуссъ.** Разсказъ Эрленвейна. (Изъ «Ясной Поляны»). Изд. Посредника. Москва. 1886 г. Ц. 1½ к. 34 стр.

809) **Мартинъ Лютеръ.** Изъ «Ясной Поляны» (журнала графа Л. Н. Толстаго). Книга 9-я. Тифлисъ. 1880 г. Ц. 20 к.

Обращаясь къ дѣтской и педагогической литературѣ за книгами по всеобщей исторіи, доступными для народнаго чтенія, нельзя не остановиться прежде всего на извѣстномъ сочиненіи Грубе—«Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній», содержащемъ болѣе 200 біографій историческихъ дѣятелей и статей изъ народныхъ сказаній и по исторіи культуры.

При внимательномъ просмотрѣ приходится, однако, убѣдиться въ ихъ непригодности для намѣченной цѣли.

Въ предисловіи авторъ знакомитъ насъ съ тѣми педагогическими воззрѣніями, которыми онъ руководствовался при составленіи своихъ очерковъ, предназначаемыхъ имъ для низшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ Германіи, а также для народныхъ школъ высшаго типа. По мнѣнію его, «нельзя знакомить дѣтей со всеобщей исторіей, излагая ее въ *систематическомъ порядкѣ.* Необходимы отдѣльные, яркіе образы. *«Степень образованія», «положеніе народа»*—понятія слишкомъ отвлеченныя; они дѣлаются осязательными только тогда, когда воплощены въ лицахъ, въ которыхъ и чрезъ которыхъ проявляются; въ приготовительномъ преподаваніи исторіи поучаемые могутъ знакомиться съ

---

*) См. рецен. «Систематическій Обзоръ Русской Народно-Учебной Литературы». 1878 г., стр. 587.

народами только по представителямъ ихъ — героямъ. Разсказы должны имѣть драматическій интересъ. Изображеніе личной дѣятельности, чисто-индивидуальныя черты производятъ самое глубокое нравственное дѣйствіе. Лицо есть живой центръ, изъ котораго истекаетъ исторія и къ которому она снова возвращается».

Все это совершенно вѣрно, и мы вполнѣ признаемъ пользу труда г. Грубе для той среды учащихся и той цѣли, для которыхъ онъ предназначалъ свои «очерки».

Но предъ нами другая среда читателей и другая задача. Предъ нами не только дѣти, но и взрослые читатели, которые не приготовительнаго и никакого другаго курса исторіи не проходили и проходить не будутъ, а должны изъ книги, очерка почерпнуть всѣ тѣ свѣдѣнія, какія только возможно имъ сообщить, не разсчитывая на дальнѣйшее, болѣе подробное и систематическое знакомство ихъ изъ другихъ источниковъ съ предметомъ разсказа или описанія. Повторяя слова Грубе, что «лицо должно быть центромъ разсказа, мы прибавимъ, что понятіе о *центрѣ* неразрывно связано съ понятіемъ о *кругѣ*; иначе центръ превратится въ точку въ неопредѣленномъ пространствѣ; историческое лицо-центръ должно находиться въ кругѣ, какимъ является историческая среда, жизнь народа того героя, который изображается. Этого-то круга и недостаетъ героямъ-центрамъ въ отдѣльныхъ очеркахъ Грубе, который разсчитываетъ, что круги эти выступятъ для его читателей по прочтеніи *всѣхъ его очерковъ* и по прохожденіи курса всеобщей исторіи въ гимназіи и университетѣ; но всего этого для читателя изъ народа, котораго мы имѣемъ въ виду, не существуетъ. Пояснимъ сказанное примѣрами изъ разбираемой книги. Возьмемъ очеркъ о Сократѣ. Жизнь и кончина великаго язычника должны произвести глубокое впечатлѣніе на душу читателя, но его не даетъ разсказъ Грубе.

Мы давали прочесть главы о Сократѣ самостоятельно дома развитымъ, достаточно читавшимъ уже взрослымъ ученицамъ воскресной школы.

Н. У—ва, возвращая книгу, заявила:

— Могу разсказать, только не все; поняла о его жизни, о смерти, но не могла хорошо понять, чему училъ, за что его предали смерти. Должно быть, о такихъ высокихъ предметахъ нельзя очень просто разсказать.

Я просила *У—ву* разсказать хоть то немногое, что она запомнила, и указать на непонятныя мѣста.

— Сократъ жилъ до Рождества Христова, былъ греческой вѣры, вѣрилъ въ Юпитера, Венеру, ходилъ бѣдно одѣтый и на вечерахъ не употреблялъ напитковъ и сладкихъ кушаній. Что говорилъ ученику объ его изодранномъ плащѣ — не поняла. Училъ всему хорошему и даромъ; училъ, чтобы не наряжаться, во всемъ имѣть умѣренность, чтобы не дѣлать другимъ зла и не гордиться предъ людьми мало учеными. Злые люди на него наговорили напрасно, и его осудили на смерть. Въ книгѣ говорится, что Сократъ былъ философъ, но не такой, какъ софисты. Философъ—это такой человѣкъ, который можетъ предсказывать кое-что, а кто такіе софисты—совсѣмъ не знаю.

Нѣсколько другихъ взрослыхъ ученицъ, бравшихъ книгу, ничего не могли сообщить, кромѣ имени Сократа,—того, что онъ былъ хорошій человѣкъ и что его безвинно осудили на смерть; чему училъ и за что́ осудили—онѣ откровенно говорили, что понять изъ книги не могли. Одна изъ нихъ при этомъ добавила:

— Сократъ мнѣ очень понравился, и я такъ хотѣла лучше понять, что два раза читала всѣ главы.

Я рѣшила прослѣдить за тѣмъ, что́ именно затрудняетъ въ изложеніи Грубе и что́ останавливаетъ вниманіе, производитъ впечатлѣніе. Главы о Сократѣ были прочитаны мною самой группѣ развитыхъ, хорошо подготовленныхъ ученицъ воскресной школы изъ окончившихъ курсъ въ городскихъ народныхъ школахъ.

Прежде всего неизвѣстнымъ оказалось слово *ваяніе*, а на слово *оракулъ* получилось тотчасъ бойкое объясненіе:

— Это тотъ, что гадаетъ.

Прочла я слѣдующія туманныя, витіеватыя строки:

«Сократъ преуспѣвалъ въ мудрости и разумѣ. Онъ хотѣлъ познавать истину не для того только, чтобы, подобно торгашамъ мудростью, софистамъ, спорить о ней, — онъ хотѣлъ проводить ее въ жизнь, подавая другимъ собою лучшій въ этомъ примѣръ. Прежде всего онъ старался освободить духъ отъ господства тѣла и внѣшнихъ благъ. «Ни въ чемъ не нуждаться», говорилъ онъ: — «есть свойство божества, и кто нуждается только въ маломъ, тотъ ближе всѣхъ подходитъ къ божеству». Основою добродѣтели была для него умѣренность. Онъ принималъ пищи насколько было нужно, а проголодавшись отъ

тѣлеснаго движенія, — находилъ вкусною всякую ѣду. Когда онъ бывалъ на дружескомъ пирѣ, не соблазняли его къ невоздержности лакомыя кушанья, а пилъ онъ лишь столько, сколько надобно было для утоленія жажды».

Дѣвочки слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, но могли изъ прочитаннаго сказать только, что «Сократъ не соблазнялся лакомыми кушаньями и напитками». Думаю, что и тѣ лучше подготовленные, но все же малолѣтніе читатели, которыхъ имѣлъ въ виду Грубе, не больше выносятъ изъ вышеприведенныхъ строкъ, чѣмъ мои слушательницы. Странно звучащія собственныя имена и такія слова, какъ: «академія», «портикъ», «ораторъ», «шлемъ», «сандаліи», и такія выраженія, какъ напримѣръ: «Сократъ не образовалъ, какъ философы послѣ него, отдѣльной школы или замкнутаго кружка учениковъ», или: «ловить людей, какъ онъ самъ выражался, было его цѣлью»,—помѣшали выясниться образу Сократа и изъ тѣхъ примѣровъ изъ его жизни, которые приведены во второй главѣ. Послѣдняя глага — осужденіе, приготовленіе къ смерти, горе учениковъ— овладѣла вниманіемъ моихъ слушательницъ; по лицамъ видно было, какимъ живымъ участіемъ проникнуты онѣ къ мужественному страдальцу. Но и тутъ дѣло не окончилось благополучно: въ описаніи торжественной минуты смерти фраза: «я выздоровѣлъ, принесите пѣтуха въ жертву Эскулапу»—нарушила настроеніе; на лицахъ мелькнуло недоумѣніе, а у болѣе легкомысленныхъ—улыбка.

За послѣднимъ моимъ словомъ раздалось откровенное, сопровождаемое вздохомъ, замѣчаніе знакомой читателю *Г—вой*:

— Интересно! Жаль Сократа! Только описано нехорошо. Можно прочесть о немъ и въ другой книгѣ?—обратилась она ко мнѣ.

Или, положимъ, для уясненія новыхъ началъ, внесенныхъ христіанствомъ въ жизнь человѣчества, вы хотите познакомить читателя съ рабствомъ, — этой характернѣйшей особенностью жизни древняго міра, имѣвшей такое важное значеніе какъ въ сферѣ экономической, такъ и въ сферѣ нравственной. Вы находите въ книгѣ очеркъ о Спартакѣ; ему предпосланъ очеркъ, озаглавленный — «Рабы». Обоимъ имъ удѣлено лишь полторы страницы, на которыхъ вы не найдете ни краснорѣчивыхъ цифръ, ни характерныхъ фактовъ, дающихъ сколько нибудь ясное представленіе о значеніи рабства.

Въ книгѣ Грубе есть, правда, немало біографій, очень богатыхъ фактическимъ матеріаломъ, но и онѣ не даютъ вполнѣ желаемаго. Таковъ, напримѣръ, очеркъ: «Магометъ и калифы», занимающій 16 страницъ. Онъ даетъ очень подробныя свѣдѣнія о самомъ Магометѣ, характеризуетъ сущность и историческое значеніе ислама, говоритъ о калифахъ, наслѣдникахъ Магомета, о Гарунѣ Аль-Рашидѣ, о мавританскомъ стилѣ, о заслугахъ арабовъ въ области науки и т. п.

Для читателя изъ народа въ этомъ подробномъ очеркѣ немало лишняго и недоступнаго, но—нѣтъ конца: нѣтъ ничего о дальнѣйшей судьбѣ магометанскаго міра, о положеніи его въ настоящее время, объ отношеніяхъ къ народамъ христіанскимъ.

Всего сказаннаго, намъ кажется, достаточно для того, чтобы объяснить, почему «Очерки» Грубе не могутъ быть признаны подходящимъ чтеніемъ для читателей изъ народной среды.

Для учителей же разбираемая книга—очень полезное пособіе, а *при его указаніяхъ* и *дополнительныхъ объясненіяхъ* найдется не мало очерковъ, которые прочтутся съ пользой и наиболѣе развитыми читателями изъ народа.

Изъ всего написаннаго по исторіи для малолѣтнихъ и взрослыхъ читателей изъ народа, несомнѣнно, историческіе очерки, помѣщенные въ «Ясной Полянѣ», являются наиболѣе доступнымъ чтеніемъ и по языку, и по изложенію. Въ 4-мъ томѣ сочиненій Л. Н. Толстаго мы находимъ интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ писались многіе изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ «Ясной Полянѣ» крестьянскими ребятами со словъ учителя.

Разбирая названные два очерка о Гуссѣ и Лютерѣ, мы позволимъ себѣ считать авторомъ не того только крестьянскаго мальчика, который своимъ дѣтскимъ, простымъ языкомъ записалъ разсказъ, но главнымъ образомъ учителя-разсказчика, давшаго для него матеріалъ.

Сообщая подробности труженической, многострадальной жизни Гусса, авторъ-учитель разсказываетъ не только о Гуссѣ, но и о жизни людей временъ Гусса. Предъ нами не портретъ, а рядъ картинъ, въ которыхъ Гуссъ является только главнымъ лицомъ.

Авторъ намѣренно не обходитъ такихъ словъ, какъ: *университетъ*, *студентъ*, *патеръ*, *кардиналъ*, но снабжаетъ каждое изъ нихъ переводомъ или объясненіемъ. Слушая одушевленный пересказъ малолѣтними читателями всего очерка, не исключая и того, что такое были индульгенція и интердиктъ (стр. 12 и 15), понимаешь, какъ и что въ исторіи

можетъ и должно быть сообщаемо въ народной школѣ.

Обращаемъ особое вниманіе на этотъ образцовый очеркъ, который настолько же доступенъ для самостоятельнаго чтенія дѣтей и взрослыхъ, насколько хорошъ и для публичнаго народнаго чтенія.

Вопросы:

Какіе есть еще славянскіе народы, кромѣ русскихъ?

Изъ какого народа произошелъ Гуссъ?

Какія права своего народа защищалъ Гуссъ? (Право молиться, читать Евангеліе на родномъ языкѣ, слѣдовать обрядамъ своей вѣры).

Что такое индульгенція? Отлученіе? Запрещеніе?

Какъ относится теперь чешскій народъ къ памяти Гусса?

Біографическій очеркъ о Лютерѣ обладаетъ тѣми же достоинствами, какъ и очеркъ объ Іоаннѣ Гуссѣ; та же простота изложенія, то же рѣдкое умѣнье пользоваться историческимъ матеріаломъ.

Содержаніе очерка — извѣстные факты изъ жизни Лютера, изображеніе пережитой имъ душевной борьбы, черты изъ жизни той исторической эпохи, въ которую онъ жилъ. Это давнее, чуждое, неизвѣстное объясняется непосвященнымъ въ исторію читателямъ при помощи тѣхъ понятій, какія имѣются у нихъ о предметахъ близкихъ, знакомыхъ.

На стр. 14-й читатель найдетъ прекрасное по простотѣ и содержательности описаніе жизни рыцарей-феодаловъ и пріютившихся у стѣнъ ихъ замковъ бѣдняковъ-крестьянъ; на стр. 17-й — очеркъ папской власти, гдѣ между прочимъ, вмѣсто лишнихъ разглагольствованій о могуществѣ папы и отношеніяхъ его къ свѣтскимъ властителямъ, авторъ разсказываетъ объ униженномъ стояніи Генриха IV въ Каноссѣ—по повелѣнію папы Григорія VII.

Развращающее вліяніе индульгенцій характеризуется разсказомъ объ извѣстномъ приключеніи съ Тецелемъ, продавшимъ прощеніе на ограбленіе себя самого.

Очеркъ этотъ длиннѣе біографіи Гусса и по содержанію труднѣе перваго; читается охотнѣе взрослыми. При переспросѣ содержанія представляется богатый матеріалъ для бесѣды.

Вопросы:

Изъ какого народа произошелъ Лютеръ?

Какъ называются послѣдователи его ученія? Живутъ ли они у насъ въ Россіи?

Въ чемъ разнится ихъ вѣра отъ нашей? (Стр. 58—63).

Какъ жили во времена Лютера помѣщики и крестьяне? (Стр. 14—17),

Какую власть имѣлъ тогда папа? (Стр. 17).

Что такое индульгенціи? Интердиктъ, или запрещеніе?

Когда лютеране закрыли у себя монастыри, что сдѣлали они съ монастырскими деньгами? Чѣмъ стали монахи и монахини? (Стр. 58). *А. К.*

Отзывъ о книгѣ 15-ти-лѣтней ученицы воскресной школы К—вой.

— Есть такая земля, что люди понѣмецки говорятъ, и называется Германіей.

Лютеръ хотѣлъ сдѣлаться угоднымъ Богу, прославить его; пошелъ въ Римъ, но тамъ ему не понравилось. Сталъ онъ говорить проповѣди противъ папы, а монахи не взлюбили, стали жаловаться. Былъ споръ у нихъ, и Лютеръ переспорилъ. Онъ говоритъ: «докажите по Библіи, что я ошибаюся!» Папа позволялъ продавать грамоты, а онъ говорилъ: «неправда, когда деньги нужны, папа тогда и разсылаетъ продавать грамоты».

Народъ любилъ Лютера и его ученіе, потому что онъ говорилъ нѣмецкія проповѣди, а не латинскія. Лютеръ переложилъ Св. Писаніе на нѣмецкій языкъ. Ему говорили, что нельзя держать Писаніе въ домахъ, потому что ругаются и бываетъ нечисто въ домахъ, а Лютеръ говорилъ, что если Св. Писаніе будутъ чаще читать, тогда и не будутъ ругаться. Прежде, правда, не держали Библіи у себя, потому что не всякій умѣлъ читать и книгъ было мало. Лютеръ давалъ деньги чтобы и въ селахъ вездѣ были школы.

---

810) **Трубадуръ.** Повѣсть изъ средневѣковой жизни. Изъ сборника «*На память стараго года*». Повѣсти и разсказы для дѣтей. В. Самойловичъ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р.

811) **Талисманъ** Разсказъ изъ крестовыхъ походовъ. Вальтеръ-Скотта. Пер. съ нѣмецкаго. С. Майковой. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к. 285 стр.

812) **Ивиковы журавли и другія баллады** Жуковскаго.

813) **Изъ міра великихъ преданій.** В. Острогорскаго. Разсказы для юношества; съ рисунками Кившенко и Панова. Спб. 1883 г. 1 р. 20 к. 180 стр.

814) **Отелло, венеціанскій мавръ.** Разсказъ, взя-

тый изъ соч. Шекспира. Москва. 1883 г. Изд. Морозова. Ц. 5 к. 36 стр.

815) **Гамлетъ, принцъ датскій, или месть за измѣну.** Разсказъ, взятый изъ соч. Шекспира. Москва. 1883 г. Ц. 5 к. 35 стр.

«*Трубадуръ*».

Повѣсть «Трубадуръ» написана простымъ языкомъ. Содержаніе ея несложно: описывается жизнь угрюмаго барона Брюно, который своими насиліями, жестокостью сдѣлался грозой для сосѣдей рыцарей и бѣдняковъ поселянъ. Наступающая старость пробуждаетъ въ немъ не совѣсть, а боязнь мщенія со стороны жертвъ его буйныхъ подвиговъ. Онъ одинокъ, при немъ лишь 10-тилѣтній внукъ Адальбертъ. Въ прежніе годы онъ не зналъ другихъ развлеченій, кромѣ тѣхъ, какія доставлялъ ему мечъ; никогда своды замка не оглашались звуками музыкальнаго инструмента или пѣсни трубадура. Въ минуту страшной тоски Брюно видитъ проходящаго у подножія замка трубадура Рейнгольда. Баронъ велитъ слугамъ привести его къ себѣ. «Позабавь меня и моихъ домашнихъ твоими пѣснями. Если твое пѣніе понравится мнѣ, я щедро награжу тебя», говоритъ онъ пѣвцу. Баронъ ожидаетъ, что трубадуръ станетъ воспѣвать подвиги его предковъ, а можетъ быть и его собственные въ Палестинѣ. Трубадуръ охотно пѣлъ баллады добрымъ скучающимъ рыцарямъ, но здѣсь у пѣвца была другая цѣль: ему представлялся случай вступиться за угнетенныхъ. Раздалась пѣснь о подвигахъ рыцаря-разбойника и страданіяхъ его жертвъ. Слушатели замерли отъ ужаса; баронъ слушалъ трубадура, сверкая глазами и судорожно подергивая сѣдой усъ. Кончилъ пѣвецъ.

«Нѣтъ, пѣвецъ, не нравится мнѣ твоя пѣсня», сказалъ баронъ. «Возьмите», обратился къ стражѣ грозный властелинъ, «отведите его въ темницу восточной башни; пусть тамъ научится другимъ пѣснямъ!»

Восемью мучительными годами заключенія заплатилъ трубадуръ за правдивое слово свое. Глубоко запало оно въ душу ребенка-внука, единственнаго наслѣдника Брюно. Первымъ дѣломъ его было по смерти дѣда освобожденіе плѣнника-трубадура, которому онъ былъ обязанъ всѣмъ, что зародилось въ его душѣ хорошаго.

Изданный отдѣльной брошюрой съ небольшими измѣненіями и добавленіями, разсказъ этотъ былъ-бы хорошимъ вкладомъ въ школьную библіотеку. Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ предназначался для читателей знакомыхъ съ исторіей, а потому о нѣкоторыхъ событіяхъ и лицахъ упоминается лишь мимоходомъ,—какъ объ извѣстномъ,—а для народнаго чтенія свѣдѣнія о крестовыхъ походахъ, о Петрѣ Амьенскомъ, о папѣ должны были-бы составить отдѣльные эпизоды въ разсказѣ; черты бытовой жизни,—напримѣръ, отношенія между сюзеренами и вассалами, свѣтлыя стороны рыцарства,—должны-бы были быть очерчены насколько возможно рельефно и картинно.

Нѣсколько картинокъ:—видъ жилаго замка и теперешнихъ развалинъ прежнихъ разбойничьихъ твердынь, изображеніе крестоносцевъ, рыцаря въ своеобразномъ вооруженіи, нѣсколько иллюстрацій для самой фабулы—составили-бы весьма желательное дополненіе.

Повѣсть «Трубадуръ» читается съ величайшимъ интересомъ какъ взрослыми, такъ и малолѣтними ученицами воскресной школы.

Вопросы:

Опишите жизнь рыцаря Брюно.

Какія занятія считались тогда недостойными рыцаря?

О чемъ пѣли трубадуры?

Служили-ли ихъ пѣсни только развлеченіемъ?

Есть-ли у насъ подобные пѣвцы?

Чѣмъ жизнь того времени отличается отъ нашей?

Какую силу имѣетъ слово? какъ объ этомъ сказано въ книгѣ?

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Ученицей *Сан—вой* (18 л.) дана была слѣдующая характеристика феодала Брюно.

— Чѣмъ больше онъ прольетъ крови, тѣмъ лучше, тѣмъ довольнѣе собой; дѣлаетъ набѣги на мирныхъ жителей; хочетъ, чтобы уважали его, а ужъ какъ уважали—объ этомъ не безпокоится. Жить дома, заниматься своимъ хозяйствомъ—это считалось неблагороднымъ дѣломъ. Теперь есть судъ на людей, а тогда жили какъ хотѣли. И теперь есть

бѣдняки, но человѣкъ богатый не имѣетъ надъ ними такой власти, чтобы ихъ разорять и убивать.

Значеніе трубадуровъ опредѣлено было ею такъ:

— Тогда не было театровъ, и ходили по домамъ и пѣли. Въ театрѣ также человѣкъ можетъ почувствовать укоръ совѣсти въ томъ, что́ представляется. На него выговоръ не такъ подѣйствуетъ, какъ то, что увидитъ предъ своими глазами въ театрѣ. Брюно былъ силенъ своимъ богатствомъ, а Рейнгольдъ—своимъ искусствомъ. Другимъ онъ пѣлъ для развлеченія, а здѣсь, любя людей угнетенныхъ, желая ихъ защитить, онъ запѣлъ другое. Онъ хотѣлъ подѣйствовать на жестокую душу,—однако, это было напрасно для Брюно; но пѣснь его запала въ душу маленькаго внука. До тѣхъ поръ онъ никогда не слыхалъ о бѣднякахъ.

Опредѣленіе силы слова, сдѣланное авторомъ въ повѣсти, не прошло незамѣченнымъ. *Сан—ва* сама указала на него, такъ передавъ его:

— Слово — ужасное орудіе: имъ можно убить и обрадовать, оправдать и осудить, за собой людей повести и заставить ихъ дѣлать, что́ хочешь.

Паша Х—ая (12 л.), возвращая «Трубадура», нѣсколько разъ принималась выражать свое одобреніе. Она спѣшила домой, а потому, видимо, хотѣла мнѣ передать изъ прочитаннаго самое существенное.

— Лѣтъ 600 тому назадъ жилъ баронъ Брюно, съ вида некрасивый, строгій, суровый. Жилъ онъ въ своемъ замкѣ; всѣ его боялись; много дѣлалъ онъ людямъ зла. Онъ имѣлъ власть надъ народомъ сажать въ темницу и даже безвинно. Когда читала,—думала: а много-ли было такихъ людей—рыцарей, бароновъ, какъ Брюно, которые такую власть имѣли?

Въ пересказахъ *Х—ой* всегда замѣтно стремленіе обобщить прочитанное: она никогда не довольствуется запоминаніемъ одной фабулы или фактовъ. Я дала ей желаемое объясненіе.

— И я такъ думала, сказала она, продолжая разсказъ:—Рыцари тогда прославлялись побѣдами и домашнимъ хозяйствомъ не любили заниматься; жили въ замкахъ.—Стала *Х—ая* описывать внѣшній видъ ихъ и замѣтила:—Еслибъ картинка! Картинку ей я разыскала у себя въ другой книгѣ; она разсматривала ее разсѣянно.—Вотъ еще на что́ похожи замки! сказала она вдругъ, ожившись:—на острогъ: тоже съ башнями и оградой кругомъ; можетъ, оттого и называется—тюремный замокъ.—Зазвали въ замокъ трубадура, продолжала она:—трубадуры пѣли о добромъ, о томъ, какъ кто поступаетъ, о побѣдахъ рыцарей, объ ихъ храбрости. Были пѣсни и печальныя. Вотъ и здѣсь трубадуръ хотѣлъ усовѣстить барона немилостиваго, а не только ничего не сдѣлалъ, но еще тотъ посадилъ его въ темницу. Сталъ Брюно старъ и думаетъ: «много я зла дѣлалъ, мнѣ теперь не отъ кого добра ждать,—развѣ только отъ своего внука». Внукъ не былъ похожъ на дѣда: когда выросъ—освободилъ трубадура: онъ не забылъ его пѣсни. А трубадуръ пошелъ странствовать по землямъ, чтобы узнать, есть ли еще такой злой человѣкъ, какъ баронъ Брюно.

Эта оригинальная миссія возложена на трубадура самой *Х—ой*, такъ какъ въ книгѣ дальнѣйшая судьба трубадура описана иначе. Пересказъ *Х—ой* по языку очень далекъ отъ языка книги. Какъ сильно и коротко передано ею содержаніе, главная мысль, главныя черты описанія!

Подъ впечатлѣніемъ пріема, сдѣланнаго повѣсти «Трубадуръ», явилось желаніе дать еще чтеніе въ томъ-же родѣ для ознакомленія съ жизнью среднихъ вѣковъ. Я обратилась къ романамъ Вальтеръ-Скотта. Подъ рукой имѣлся «*Талисманъ*» (Разсказъ изъ временъ крестовыхъ походовъ). Я дала эту книгу очень развитой и много читавшей ученицѣ воскресной школы, 16-ти-лѣтней *Варѣ С—вой*.—Прочла, начала разсказывать. Разсказываетъ будто и подробно, а слушать скучно: блѣдно, сбивчиво, путается въ подробностяхъ, путаетъ трудно-произносимыя имена. Передается только фабула, притомъ одной памятью, какъ-то безучастно, что́ совершенно несвойственно *С—вой*.

— Интересный разсказъ? спрашиваю я.

— Интересный, только много непонятно мнѣ; еслибы изъ русской жизни—другое дѣло. А то вотъ не знаю, кто это были крестоносцы, храмовники, рыцари.

Нужно было ожидать такого результата. Что́ могутъ дать романы Вальтеръ-Скотта тому, для кого совершенно неизвѣстна историческая обстановка, среди которой происходитъ дѣйствіе,—незнакома до того, что слова: «рыцарь», «крестоносецъ» не вызываютъ ни одного живаго представленія.

Въ предпринятомъ изданіи книгъ для народнаго чтенія, подъ общимъ заглавіемъ «Народная Библіотека», обѣщаны романы Ку-

пера и Вальтеръ-Скотта. Содержаніе многихъ изъ нихъ, какъ напр. «Айвенго», «Квентинъ Дорвардъ», представляетъ, конечно, богатый матеріалъ, но матеріалъ, требующій совершенно иной обработки, чѣмъ та, въ которой мы его видимъ въ самомъ романѣ. Можно воспользоваться фабулой, характерами романиста-художника, такъ сказать узоромъ, но для него должно быть соткано и окрашено поле, фонъ, т. е. умѣло нарисована историческая обстановка, составленная изъ историческихъ фактовъ и деталей, знакомящихъ съ бытовой стороной жизни, безъ которой лица романа для незнакомыхъ съ исторіей читателей являются сказочными героями или скучными, блѣдными тѣнями, не оставляющими впечатлѣнія.

Такое же значеніе имѣютъ и стихотворенія Жуковскаго историческаго содержанія. Они являются прекрасными иллюстраціями для историческаго разсказа изъ древней или средневѣковой жизни, но сами по себѣ познакомить съ нею не могутъ. Возьмемъ для примѣра балладу *«Ивиковы журавли»*.

При чтеніи этой баллады преподающій долженъ описать природу Греціи, празднества у грековъ (бѣгъ коней, бой пѣвцовъ), музыкальный инструментъ—лиру; познакомить съ миѳологіей, такъ какъ здѣсь называются Аполлонъ, Посейдонъ, Зевсъ, Геліосъ, Евмениды; сказать о значеніи оракуловъ, гаданій. Слово *«пританы»* наведетъ на объясненіе общественнаго устройства у грековъ; *«амфитеатръ»* потребуетъ описанія греческой архитектуры. Однимъ словомъ, надо приготовить цѣлую лекцію, запастись хорошимъ картиннымъ атласомъ, и тогда только чтеніе баллады «Ивиковы журавли» будетъ чтеніемъ *для исторіи*.

То-же приходится сказать и о стихотвореніяхъ Жуковскаго, заимствующихъ содержаніе изъ средневѣковой жизни. *А. А.*

Другое значеніе имѣютъ произведенія классическихъ писателей — Шиллера, Шекспира и др. въ доступныхъ пересказахъ для дѣтей и народа. Здѣсь на первомъ планѣ не исторія, а психологія—душа человѣка въ ея свѣтлыхъ и темныхъ проявленіяхъ.

Книга «Изъ міра великихъ преданій» должна занять видное мѣсто въ школьной и народной библіотекѣ. Она содержитъ слѣдующіе 5 разсказовъ: 1) *«Роландъ»* (изъ древней французской поэмы), 2) *«Король Лиръ»* (по Шекспиру), 3) *«Зимняя сказка»* (по Шекспиру), 4) *«Вильгельмъ Телль»* (по Шиллеру), 5) *«Цриии»* (по Теодору Кёрнеру).

Вотъ что говоритъ г. Острогорскій въ предисловіи къ своей книгѣ:

«Убѣжденный въ томъ, что великіе примѣры всего лучше воспитываютъ стремленія благородныя, составитель этихъ разсказовъ предлагаетъ посильную передачу нѣсколькихъ произведеній міровыхъ художественныхъ геніевъ, удержавъ, гдѣ это было возможно, буквальный текстъ монологовъ Шекспира, Шиллера и Теодора Кёрнера».

Остается пожелать, чтобы г. Острогорскій продолжалъ начатое имъ изданіе, чтобы разбираемая книга явилась лишь первымъ выпускомъ цѣлаго ряда книгъ подобнаго содержанія. Такіе разсказы существуютъ во всѣхъ европейскихъ дѣтскихъ литературахъ, но нужно сказать, что г. Острогорскому удались они гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, пересказъ произведеній Шекспира, сдѣланный гг. Ламбъ, существующій у насъ въ переводѣ подъ заглавіемъ: «Шекспиръ, разсказанный дѣтямъ», гдѣ сохранены лишь фабулы произведеній, но совершенно обезцвѣчены характеры. Приводимъ краткое содержаніе разсказовъ:

«Роландъ».

Каждый народъ имѣетъ свои великія преданія, прославляетъ извѣстную эпоху и, сосредоточивая на ней свои излюбленныя историческія воспоминанія, надѣляетъ историческихъ дѣятелей того времени всевозможными доблестями и героическими подвигами.

Какъ въ нашей отечественной исторіи прославлено народной молвой время Владиміра «Краснаго Солнышка», какъ каждому русскому съ дѣтства знакомы славныя имена его богатырей, такъ точно прославлена французами эпоха Карла Великаго, народнаго героя, защитника христіанскаго міра и его молодаго рыцаря и друга—Роланда. Желая познакомить читателя съ характеромъ древняго рыцарства, г. Острогорскій избралъ для этой цѣли извѣстную во французской литературѣ «Пѣснь о Роландѣ».

«Пѣснь о Роландѣ», какъ и русское «Слово о полку Игоревѣ», является произведеніемъ, въ которомъ всецѣло изобразился духъ того времени. Какъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» русскіе витязи сражаются съ половцами, защищая родную землю, такъ и въ «Пѣснѣ о Роландѣ» описывается знаменитая битва въ Ронсевальской долинѣ, въ которой цѣлый французскій отрядъ въ 20.000 чел., воодушевленный примѣромъ безстрашнаго Роланда, сражаясь съ сарацинами (исторически вѣрнѣе—басками), палъ жертвой своей любви къ родинѣ и къ своему великому императору.

Г. Острогорскій передалъ чрезвычайно удачно содержаніе «Пѣсни», сохранивъ и поэтическую красоту слога, и прекрасно обрисовавъ характеръ могучаго короля, не знавшаго минуты покоя, жизнь котораго выразилась въ словахъ: «Вся жизнь моя есть тяжелый трудъ за правду и святое имя Христово».

Симпатиченъ образъ молодаго, храбраго Роланда — этого типа древняго рыцаря, не устрашившагося пролить свою кровь, защищая вѣру и отечество.

Въ разсказѣ этомъ читатель знакомится съ древнимъ обычаемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «суда Божьяго».

Разсказъ можетъ читаться всѣми возрастами; прочтется съ одинаковымъ удовольствіемъ и въ женской, и въ мужской средѣ.

Вопросы:

Опишите Роланда; изъ чего видно, что онъ былъ рыцаремъ-христіаниномъ?

Какая была вѣра сарацинъ?

Что называлось въ средніе вѣка «судомъ Божіимъ»?

«Король Лиръ».

Трагедія Шекспира настолько извѣстна, что является излишнимъ передавать ея содержаніе. Въ своемъ разсказѣ г. Острогорскій сохранилъ только описаніе характера короля Лира, характера его дочерей и отношеній отца къ дѣтямъ, выпустивъ всѣ второстепенные эпизоды и придворныя интриги.

Разсказъ, какъ и трагедія, заканчивается смертью Корделіи и короля. Вслѣдствіе сдѣланныхъ сокращеній разсказъ не сохранилъ мрачнаго колорита самой трагедіи Шекспира, но вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ и яркость красокъ въ изображеніи грубости и жестокости нравовъ среднихъ вѣковъ.

Вопросъ: Опишите характеръ короля Лира и его дочерей.

«Зимняя сказка».

Сюжетъ этого менѣе другихъ извѣстнаго у насъ произведенія Шекспира заимствованъ изъ сферы семейной жизни. Въ «Зимней сказкѣ» изображена всепрощающая, великая любовь глубоко-оскорбленной жены. Вотъ содержаніе этой комедіи, дѣйствіе которой происходитъ въ языческія времена.

Леонтъ, король Сициліи, подозрѣваетъ безъ всякой причины свою прекрасную, до тѣхъ поръ любимую жену Герміону въ невѣрности, въ любви къ своему другу дѣтства, королю Богеміи — Поликсену. Напрасно защищается благородная Герміона, напрасно заступаются за нее его приближенные. Увѣщанія только усиливаютъ его подозрѣніе; онъ кончаетъ тѣмъ, что всенародно обвиняетъ жену, запираетъ ее въ темницу, обрекаетъ ея новорожденную дочь на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, не смиряется даже тогда, когда получаетъ посланіе отъ дельфійскаго оракула, свидѣтельствующее о невинности жены. Только смерть сына, не перенесшаго разлуки съ матерью, и извѣстіе о кончинѣ самой Герміоны заставляютъ его опомниться и взглянуть съ ужасомъ на страшныя послѣдствія своей необузданной страсти. Его послѣдующая жизнь проходитъ въ раскаяніи и горѣ.

Между тѣмъ его малютка дочь, Пердита, брошенная въ пустынномъ мѣстѣ и найденная пастухомъ, выростаетъ въ семьѣ послѣдняго прелестной дѣвушкой.

Молодой принцъ, сынъ короля Богеміи, того самаго друга Леонта, изъ-за котораго пострадала Герміона, встрѣчаетъ ее во время охоты. Молодые люди привязываются другъ къ другу; но отецъ принца не соглашается на бракъ сына съ простой пастушкой. Тогда они рѣшаются прибѣгнуть къ покровительству Леонта, отца Пердиты. Тутъ только открывается тайна происхожденія молодой дѣвушки.

Счастье отца, нашедшаго дочь, все-же неполно; онъ вспоминаетъ свою бѣдную, невинно-загубленную жену. Но Герміона, имъ нѣкогда столь любимая, не погибла: она скрывалась у преданнаго друга, живя надеждой найти современемъ погибшую дочь. И вотъ Шекспиръ выводитъ ее въ концѣ комедіи подъ видомъ прекрасной статуи; но статуя полна жизни: это *она*—любящая, всепрощающая Герміона, возвращающая радость семьѣ, которая такъ много страдала въ ея отсутствіе.

Разсказъ интересенъ по преимуществу для взрослыхъ; будетъ охотнѣе читаться въ женской средѣ.

Вопросъ: Что было причиной всѣхъ описанныхъ здѣсь несчастій? (Ревность.)

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Намъ удалось прочесть группѣ взрослыхъ учениць «Короля Лира» и «Зимнюю сказку», разсказанные по Шекспиру В. Острогорскимъ. Чтеніе это произвело глубокое впечатлѣніе.

«Зимняя Сказка» слушалась съ напряженнымъ вниманіемъ. Несчастія Герміоны вызвали у слушательницъ слезы. Не разъ приходилось замѣчать, что чѣмъ глубже впечатлѣніе, тѣмъ труднѣе, неохотнѣе высказываются по окончаніи чтенія.

Замѣчанія вырываются тотчасъ лишь подъ вліяніемъ негодованія. Такъ и въ данномъ случаѣ.

— Столько заставить безвинно страдать изъ за своей ревности! сказала съ негодованіемъ *П—ва.*

— Безъ всякой причины началъ мучить и ее, и себя, замѣтила *Т—ва.*

Замѣчаніе это видимо поразило *П—ву* своей наивностью.

— Безъ причины! Это и есть ревность, когда человѣкъ не смотритъ кругомъ себя, а только себя слушаетъ. Начнетъ его мучить дурная мысль, и онъ, какъ слѣпой, ничего не видитъ, а если увидитъ такое, что его можетъ образумить, такъ онъ отворачивается, смотрѣть не хочетъ; въ этомъ и бѣда.

На этомъ и покончился анализъ ревности—чувства, не задѣвшаго за живо юную аудиторію. Я чувствовала себя плохо подготовленною для этого чтенія: всѣ приходившіе на умъ вопросы казались неудачными.

— Какъ вы думаете, для чего писатель прежде показалъ Герміону въ видѣ статуи? спросила я какъ то неожиданно для себя самой.

— Такъ и нужно было: это онъ очень хорошо сдѣлалъ, сказали убѣжденно нѣсколько слушательницъ. (Откровенно говоря, я лично затруднилась-бы отвѣтить на этотъ вопросъ).

П—ва. Живаго человѣка нельзя привести къ виновнику: ему могло бы сдѣлаться дурно,—вѣдь онъ все равно что убилъ ее.

С—ва. Если бы привели Герміону живую, то онъ, можетъ быть, забылъ бы, какъ мучилъ ее. Убійственная мысль опять-бы пришла ему въ голову. А о мертвыхъ люди всегда способны говорить хорошо и жалѣютъ о нихъ. И она была представлена статуей, какъ бы мертвой, а потомъ это была такая торжественная минута, — словно воскресла она,—что зло не могло заговорить въ его душѣ.

Т—ва. Герміона была при всѣхъ опозорена тогда на судѣ, и Паулина хотѣла, чтобы онъ открылся при всѣхъ въ своей винѣ, а еслибы явилась живой, то ей одной бы признался, и другимъ было бы неизвѣстно.

Какъ слушается, какъ своеобразно понимается прочитанное!

Въ слѣдующее воскресенье я прочла «Короля Лира».

На мой вопросъ, что̀ больше понравилось, большинство высказалось за «Зимнюю сказку», причемъ одною изъ слушательницъ это было мотивировано тѣмъ, что тамъ «счастливо окончилось».

С—ва. А мнѣ больше жаль было Герміону; Корделія меньше пострадала отъ несправедливости, чѣмъ она.

На вопросъ: каковъ былъ Лиръ до несчастія и какимъ сталъ послѣ него,—отвѣчали:

С—ва. Гордый, своенравный, хотѣлъ, чтобы всѣ ему подчинялись.

К—ва. Прежде онъ не замѣчалъ бѣдняковъ, а когда послѣдовало горе, онъ послѣднюю одежду отдаетъ нищему.

— Чѣмъ отличалась Корделія отъ сестеръ?

Х—ва. Она любила отца, но не имѣла хитрости, не имѣла лести.

С—ва. Она любила въ душѣ, а не могла высказаться: она на дѣлѣ готова была доказать свою любовь.

Т—ва. Она правдой обидѣла бы только отца, а врать не хотѣла, какъ сестры. Тѣ отъ всего отказывались, а она прямо сказала, что любитъ отца, но будетъ любить и мужа.

Отвѣтами на то, какое мѣсто разсказа болѣе всего осталось въ памяти, были:

Б—ва. То, гдѣ его вторая дочь прогнала, гдѣ онъ бродитъ по степи и готовъ подѣлиться съ нищимъ послѣднимъ.

Д—ко. Когда дочь мертвою выноситъ и надъ ней плачетъ.

М—ва. Тамъ, гдѣ говоритъ о своемъ горѣ, о своихъ слезахъ, что ими можно цвѣты, дорогу полить.

Т—ко. Когда Корделія плакала, хотѣла привести его въ чувство.

К—ва. Лиръ въ степи.

М—ая. Когда Лиръ узнаетъ дочь, а сначала принималъ за ангела.

Х—ва 2-я. Въ памяти осталось, какъ Корделія встрѣчаетъ безумнаго отца.

Х—ва 1-я. Когда онъ шелъ чрезъ лѣсъ съ открытой сѣдой головой и потомъ убивался надъ мертвой дочерью, думалъ ее оживить.

Т—ва. Кажется, все одинаково хорошо помню: какъ призвалъ трехъ дочерей и требовалъ отвѣта; еще когда вѣнокъ плелъ на голову изъ травы, когда былъ въ темницѣ.

Не достаточно ли убѣдительно говорятъ приведенные отзывы, что такое знакомство съ лучшими произведеніями литературы вполнѣ доступно, а слѣдовательно и цѣнно,—цѣнно по силѣ и глубинѣ переживаемаго слушателями впечатлѣнія, по величію остающихся у него въ памяти образовъ.

Въ разсказѣ *«Вильгельмъ Телль»* сообщается о гельветахъ, пришельцахъ съ сѣвера, о своеобразной природѣ Швейцаріи, о положеніи гельветовъ подъ властью германскихъ императоровъ; затѣмъ слѣдуетъ исторія возстанія, изложенная по извѣстному произведенію Шиллера — «Вильгельмъ Телль». Описываются угнетенія швейцарцевъ присланными изъ Германской имперіи намѣстниками, между которыми Гесслеръ пользуется особою извѣстностью; совѣщаніе тридцати-трехъ народныхъ представителей кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена въ долинѣ Рютли, гдѣ они произносятъ клятву освободить отечество отъ чужеземнаго ига; подвиги благороднаго Телля, отказывающагося поклониться выставленной на шестѣ шляпѣ намѣстника, — сбивающаго стрѣлой, по приказанію жестокаго Гесслера, яблоко съ головы малолѣтняго своего сына,—спасающагося бѣгствомъ отъ страшной тюрьмы, куда везетъ его самъ Гесслеръ, и, наконецъ, убивающаго его не изъ личной мести, а какъ врага родной земли.

Этимъ и оканчивается разсказъ г. Острогорскаго. Для читателей изъ народной среды въ немъ недостаетъ хотя бы краткихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Швейцаріи, о ея настоящемъ,—свѣдѣній столь-же умѣстныхъ, какъ и тѣ, которыя авторъ предпосылаетъ собственно разсказу о Теллѣ по Шиллеру.

Какъ и въ «Королѣ Лирѣ», изображены лишь главныя лица трагедіи, опущены второстепенные эпизоды. Къ сожалѣнію, разсказъ не сохранилъ прелести, свѣжести и силы оригинала. Образы героевъ: Вильгельма Телля, мужественной жены Штауфахера—Гертруды вышли довольно блѣдными.

Разсказъ доступенъ развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Существуетъ ли и въ настоящее время швейцарскій народъ?

Что вы о немъ знаете?

Что заставило возстать швейцарцевъ?

Разскажите, что помните, о Вильгельмѣ Теллѣ.

«Црини».

Разсказъ Црини, излагающій содержаніе трагедіи Теодора Кёрнера, былъ напечатанъ въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» за 1878 годъ. Содержаніе его слѣдующее:

Когда, въ XVI столѣтіи, вся Европа трепетала передъ турками, грозный турецкій султанъ Солиманъ II предпринялъ походъ на Вѣну. На пути ему приходилось взять венгерскую крѣпость Сигетъ, которую защищалъ храбрый венгерскій вождь, Николай Црини. Рѣшившись бороться до послѣдней капли крови, стоя у воротъ своего отечества, онъ не поддался ни на увѣщанія, ни на подкупъ, ни на страшныя угрозы султана, думавшаго хитростью склонить его на свою сторону. Цѣлый мѣсяцъ выдерживалъ онъ осаду многочисленнаго турецкаго войска. Но онъ былъ не одинъ: его жена и молоденькая дочь не оставили его въ минуту опасности, показавъ, что и женщины умѣютъ быть мужественными, что и онѣ могутъ смотрѣть, не содрагаясь, въ глаза неизбѣжной смерти.

Когда же бороться съ врагомъ не было болѣе возможности, Црини рѣшился на послѣднюю, отчаянную попытку. Одѣвшись въ свой праздничный нарядъ, окруженный кучкой еще оставшихся въ живыхъ храбрецовъ, онъ вышелъ изъ крѣпости и погибъ, сраженный рукой непріятеля. Съумѣли умереть и слабыя женщины.

Дочь, не желая жить опозоренной, отдавшись въ плѣнъ туркамъ, убѣдила жениха своего убить ее; а жена, увидѣвъ съ высокой башни при свѣтѣ факела, какъ палъ ея мужъ, взорвала крѣпость и была погребена въ ея развалинахъ.

Въ этомъ разсказѣ, какъ и въ «Роландѣ», обрисовывается яркими красками истинный патріотизмъ, сознаніе святаго долга и чести, которые человѣкъ долженъ ставить выше личнаго счастія и спокойствія.

Разсказъ доступенъ развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Почему не принялъ Црини предложеній султана, обѣщавшаго даровать ему жизнь и обогатить его семью?

Чѣмъ онъ жертвовалъ, не принявъ предложеній султана?

Почему не спаслись изъ крѣпости жена и

дочь Црини, какъ это предлагалъ имъ самъ Црини?

А. Г.

Московскіе издатели народныхъ книгъ Никольской улицы и въ дѣлѣ ознакомленія народа съ лучшими произведеніями всеобщей литературы опередили другихъ, болѣе авторитетныхъ дѣятелей на томъ же поприщѣ; въ корзинахъ у книгоношей красуются уже книжонки по пятаку, содержащія «разсказы, взятые изъ Шекспира». Выше мы имѣли случай сказать, какое впечатлѣніе на слушателей изъ народной среды производитъ чтеніе произведеній Шекспира въ хорошемъ пересказѣ В. Острогорскаго; но когда-то они еще найдутъ доступъ въ народную среду! А пока читатели должны довольствоваться московскими изданіями, въ которыхъ классическія творенія являются до-нельзя опошленными и искаженными,—какъ напр., въ книжкѣ «Отелло, венеціанскій мавръ», заключающей повѣствованіе безъимяннаго автора о черножожемъ генералѣ Отелло и доброй, невинной генеральшѣ Дездемонѣ, или переданными блѣдно и въ недоступномъ для читателя-простолюдина изложеніи, какое представляетъ, напримѣръ, книга «Гамлетъ, принцъ датскій».

Кромѣ названныхъ двухъ разсказовъ изъ соч. Шекспира, имѣются еще изданныя тѣмъже издателемъ—И. Морозовымъ: «Шейлокъ, венеціанскій жидъ, или Счастье въ сундучкѣ», «Все хорошо, когда конецъ хорошъ», «Два близнеца или комедія ошибокъ»...

А. К.

---

816) **Исторія греческихъ героевъ, разсказанная Нибуромъ своему сыну** *). Перевелъ М. Т. Марсовскій съ 5-го нѣмецкаго изданія. Москва 1876 г. 64 стр. Ц. 40 к.

Извѣстнымъ историкомъ Нибуромъ были написаны для 4-хъ-лѣтняго сына слѣдующіе три разсказа изъ греческой миѳологіи: «*Походъ Аргонавтовъ*», «*Подвиги Геркулеса*», «*Гераклиды и Орестъ*». Имя Нибура, успѣхъ разсказовъ въ Германіи, простота языка—вотъ права книжки на вниманіе людей, интересующихся и руководящихъ чтеніемъ дѣтей и взрослыхъ читателей изъ народа.

Стоитъ только появиться новой книгѣ въ библіотекѣ нашей воскресной школы, и репутація ея чрезъ нѣсколько времени готова. На понравившуюся книгу устанавливается очередь. Возвращаетъ книгу ученица, а за спиной уже стоятъ претендующія на нее. Не то выпало на долю разсказамъ Нибура. Даны они были прежде всего бойкой, много читавшей, отличающейся замѣчательною памятью 12-ти-лѣтней ученицѣ.

— Книга, ничего, интересная, въ родѣ сказки, только имена!... Черезъ имена и читать трудно, сказала она, возвращая книгу. Послѣдовалъ бойкій пересказъ всѣхъ разсказовъ. Но это былъ единственный случай; никто другой не осиливалъ всѣхъ трехъ очерковъ, а разсказать не могли ни одного.

— Читаешь—будто понятно, а потомъ ничего не помнишь.

— Мѣстами—правда, мѣстами—нѣтъ: скалы тамъ сходятся вмѣстѣ, птицы гарпіи съ желѣзнымъ клювомъ...

— Похоже на сказку, только не такъ хорошо разсказано.

— Это неправда, потому что о греческихъ богахъ... Сѣяли зубы кабана... Птицъ гарпій тоже нѣтъ, чтобы ѣли людей... У Юпитера въ рукѣ молнія, а она вовсе передъ дождемъ сверкаетъ.

Всѣ эти и подобные имъ отзывы погубили книгу. Предлагаешь одной:—Говорили—нехорошая, дайте другую!—проситъ дѣвочка.

— Не бери, не бери! совѣтуетъ другой подруга:—тамъ такія имена—все-равно бросишь читать!—И пришлось отложить книгу въ сторону. Та же судьба, по свидѣтельству графа Толстаго, постигла и разсказы изъ «Иліады» въ средѣ школьниковъ имъ веденной народной школы (см. «Собраніе соч. графа Л. Н. Толстаго, часть 4-я, стр. 299).

А. К.

---

817) **Катакомбы** *). Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгеніи Туръ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 287 стр. Изд. 2-ое 1886 г. Ц. 1 р.

Въ нашей дѣтской литературѣ это едва ли не единственная историческая повѣсть, содержаніе которой заимствовано изъ жизни первыхъ вѣковъ христіанства. Авторъ не предназначалъ своей книги для народнаго чтенія: онъ имѣлъ въ виду хорошо подготовленныхъ читателей,—что́ ясно какъ изъ посвященія (книга посвящается племянницѣ), такъ и изъ самаго изложенія, изобилующаго

---

*) См. рец. «Учитель» 1863 г., стр. 833; «Обзоръ Народно-Учебной Литературы» 1878 г., стр. 244.

*) См. рец.: «Педагогическая Хроника», 1878 г., стр. 508; «Педагогическій Листокъ», 1880 г., стр. 321; «Обзоръ Нар.-Учебной Литер.», 1878 г., стр. 236.

историческими именами, подробностями и разсужденіями, совершенно недоступными пониманію незнакомаго со всеобщей исторіей читателя. Но, не смотря на только что указанныя трудности, книга читается съ наслажденіемъ какъ взрослыми, такъ и учащимися еще въ школѣ.

Намъ случалось читать въ классѣ отрывки изъ этой повѣсти, давать ее учащимся для чтенія на домъ и затѣмъ провѣрять, насколько было понято ими содержаніе ея,—и всякій разъ приходилось убѣждаться въ силѣ и глубинѣ оставляемаго ею впечатлѣнія. Многія ученицы, возвращая книгу, говорили, что читали ее вслухъ въ семьѣ и что всѣ слушавшіе плакали. Одна 16-ти-лѣтняя ученица воскресной школы сообщила, что читала ее своимъ въ праздничный день отъ обѣда до глубокой ночи; отецъ ея, пожилой неграмотный ремесленникъ, велѣлъ ей передать въ школѣ его благодарность за эту книгу.—«Это—первая книга, которую я слушалъ» сказалъ онъ дочери:—«понимаю я теперь, какую силу имѣетъ надъ человѣкомъ чтеніе». (Подлинныя слова, переданныя дочерью.)

Въ разбираемой повѣсти читатели найдутъ подробное описаніе катакомбъ (стр. 109—115 и отъ 167—173), Колизея и происходившихъ тамъ представленій (стр. 203—209 и 214—220). Описанія эти представляютъ нѣчто законченное и могутъ быть прочитаны учителемъ въ классѣ или составить содержаніе отдѣльныхъ чтеній для взрослыхъ слушателей, для чего потребуется очень немного измѣненій и дополненій.

Глубокое впечатлѣніе оставляютъ картины римскихъ нравовъ и жизни христіанскихъ общинъ. Нравственное вліяніе героини-матери Люциніи, Панкратія, Севастьяна, Агнессы, Сары понимается и оцѣнивается самими неподготовленными, повидимому, слушателями, а описаніе жизни и нравственнаго перерожденія Фабіолы даетъ возможность уяснить измѣненія въ воззрѣніяхъ на цѣль жизни и отношеніе къ людямъ, внесенныя христіанствомъ въ жизнь человѣчества. Желательно, чтобы при переспросѣ или бесѣдѣ о прочитанномъ обращено было на это особое вниманіе.

И въ настоящемъ своемъ видѣ повѣсть Евгеніи Туръ должна имѣть видное мѣсто въ каждой школьной и народной библіотекѣ; но чтобы сдѣлать ее доступною всѣмъ читателямъ изъ народа и тѣмъ изъ нихъ, которые не владѣютъ свободно книжнымъ литературнымъ языкомъ, необходимо значительно сократить и передѣлать ее. Это сдѣлало-бы, вѣроятно, книгу болѣе доступной и по цѣнѣ, такъ какъ теперь дороговизна (1 р.) сильно мѣшаетъ ея распространенію.

Вопросы:

Въ какомъ вѣкѣ происходили описанныя гоненія? (Начало разсказа—302 г.)

Къ какому званію принадлежали послѣдователи новаго ученія? Были ли между ними богатые и знатные?

Какъ смотрѣли язычники на рабовъ? (Стр. 18.)

По какимъ особенностямъ жизни и характера узнавали римляне-язычники христіанъ? (Стр. 30.)

Какъ примѣняли въ своей жизни заповѣди Христа христіане того времени? (Стр. 63, 69, 76.)

Что было новаго въ ученіи Христа, чего не знали римляне-язычники? (Стр. 18, 41, 96, 125, 138, 279.)

Какую великую жертву принесла Люцинія? (Стр. 11, 218.)

Назовите два примѣра изъ жизни Сары, когда она поступила по заповѣди Христа: «любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ?..» (Стр. 40, 280.)

На всѣ эти вопросы нами были получены превосходные отвѣты, не оставляющіе сомнѣнія въ томъ, какъ глубоко понято содержаніе книги, какъ сильно оставленное ею впечатлѣніе. *А. К.*

---

818) **Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ.** Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1880 г. Ц. 75 к. 202 стр.

Назначеніе книги опредѣляется предисловіемъ:

«Это изданіе назначается для учащихся всеобщей исторіи въ уѣздныхъ и городскихъ училищахъ, а также въ среднихъ классахъ средне-учебныхъ мужскихъ и женскихъ заведеній. Общество распространенія полезныхъ книгъ заботилось, чтобы предлагаемое «Чтеніе» по простотѣ изложенія было доступно пониманію именно средняго возраста учащихся, а по занимательности содержанія возбуждало въ нихъ большее сочувствіе къ знакомству съ исторіей, чѣмъ то можетъ сдѣлать классный учебникъ».

Въ ней мы находимъ слѣдующіе очерки: «Хлодовикъ», «Магометъ», «Сказаніе о Любушѣ», «Карлъ Великій», «Альфредъ Великій».

Разсказъ о «Хлодовикѣ» будетъ прочитанъ читателемъ, знакомымъ съ событіями и именами по учебникамъ, но новаго, яркаго, до-

полняющаго сухія, зазубренныя свѣдѣнія, онъ въ немъ не найдетъ. Для читателя же, вовсе не проходившаго исторіи, очеркъ оказывается совсѣмъ неудобочитаемымъ: скученъ, блѣденъ. А какая яркая картина жизни франковъ-язычниковъ, ихъ религіозныхъ обрядовъ, воинственныхъ и общественныхъ нравовъ, борьбы христіанства съ язычествомъ могла бы быть составлена изъ богатаго матеріала, представляемаго средневѣковыми сказаніями о св. Женевьевѣ, о мести Брунегильды и Фредегонды и др., или хотя бы, наприм., сочиненіемъ Шатобріана — «Мученики».

О Магометѣ сообщено очень много фактовъ характерныхъ и важныхъ, но много и совершенно излишнихъ, заставляющихъ читателя лишь путаться въ массѣ подробностей и именъ.

О Коранѣ, исламизмѣ, значеніи его въ моментъ возникновенія и дальнѣйшей судьбѣ и вліяніи на развитіе жизни мусульманскаго востока — ни слова, а между тѣмъ это-то только и важно. Прекраснымъ доказательствомъ того, что все это можетъ быть изложено въ формѣ простой и увлекательной, служитъ очеркъ Павловича въ его сочиненіи «Природа и люди» (книга 2-я, стр. 32). Немного пришлось бы добавить и измѣнить въ этой главѣ книги г. Павловича, чтобы сдѣлать изъ нея прекрасное чтеніе для народа, для котораго интересна и нужна не только вызванная изъ VII вѣка тѣнь Магомета со всѣми его женами, но и магометанскій міръ, до сихъ поръ живущій, слѣдующій своему особому нравственному кодексу, проживающій наслѣдіе прежней славы и силы.

— Очень трудно запомнить,—вотъ отзывъ, который приходилось слышать отъ учениць, читавшихъ очеркъ о Магометѣ изъ разбираемой книги. Многія на-отрѣзъ отказались передать его содержаніе. Пришлось самой тщательно провѣрить, не застряло ли въ памяти хотя какого нибудь обрывка изъ прочитаннаго. Оказалось: одна помнила нѣчто о Каабѣ; другая—о томъ, что Магометъ былъ хитрый; третья заявила, что ее поразила разница между ученіемъ Магомета и ученіемъ Христа:

— Іисусъ Христосъ запрещалъ убивать, а у Магомета это первое дѣло для праведника. Хотѣла я найти въ книгѣ, есть ли и теперь народы, которые въ него вѣруютъ; только тамъ этого нѣтъ.

— Можетъ, турки, неувѣренно замѣтила другая:—я читала, что ихъ называютъ магометанами.

Сказаніе о Любушѣ и Пшемыслѣ, взошедшемъ на престолъ въ лаптяхъ и съ жезломъ пахаря, въ царствованіе которыхъ не отдыхала соха и народъ благоденствовалъ, — читается съ интересомъ и передается съ большимъ энтузіазмомъ.

Очеркъ о Карлѣ Великомъ содержитъ много очень интересныхъ фактовъ, но оказывается и по изложенію, и по содержанію слишкомъ труднымъ для читателей, незнакомыхъ съ исторіей.

Таковъ же и очеркъ объ Альфредѣ Великомъ.

Книга для народнаго чтенія—непригодна.

А. К.

---

819) **Сказаніе о Царьградѣ.** Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1867 г. Ц. 10 к., 40 стр.

Эта небольшая книжка содержитъ два лѣтописныхъ сказанія: 1) «Повѣсть объ основаніи Царьграда и 2) «Сказаніе о покореніи Царьграда турками». Оба очерка составлены изъ ряда отрывковъ изъ лѣтописей. Лѣтописные отрывки представляютъ пеструю смѣсь преданій, образовъ безсознательнаго вымысла и историческихъ фактовъ, окрашенныхъ міровоззрѣніемъ лѣтописца. Знакомство съ прошлымъ по стариннымъ письменнымъ памятникамъ очень желательно; но такъ какъ цѣлью является не изученіе литературнаго памятника и міровоззрѣній людей извѣстной эпохи, а знакомство съ жизнью, съ дѣйствительными событіями, то выборъ мѣстъ изъ древнихъ сказаній долженъ быть сдѣланъ умѣло и къ ихъ описанію прошлаго должно быть присоединено освѣщеніе событій съ точки зрѣнія науки нашего времени. Послѣдняго-то и недостаетъ въ разбираемой книгѣ; примѣчанія Погоскаго сухи и безсодержательны.

Съ именемъ Царьграда мы встрѣчаемся на первыхъ же страницахъ отечественной исторіи; значеніе Константинополя и въ прошломъ, и въ будущемъ нашей государственной и національной жизни достаточно велико, а потому крайне желательно, чтобы въ народной библіотекѣ, кромѣ разбираемой книги, повѣствующей о «безбожномъ», «звѣрообразномъ», «зловѣрномъ» Махметѣ и мусульманахъ, уже четыре вѣка безобразно богохульствующихъ въ св. Софіи, имѣлся бы и полный историческій очеркъ о Константинополѣ, центрѣ древней и средневѣковой жизни и затѣмъ столицѣ мусульманскаго міра въ Европѣ, подчинившаго себѣ сосѣднія цвѣтущія страны и народности христіанскаго юга и востока.

Значеніе разбираемой книги для ознаком-

ленія съ исторіей—такое же, какъ и былинъ: книга требуетъ очень многихъ и серьезныхъ дополненій и комментаріевъ, а потому въ настоящемъ своемъ видѣ она мало полезна.

А. К.

---

820) **Разсказы объ открытіи Америки и завоеваніяхъ Мехики и Перу.** Для дѣтей. Ѳ. Студитскаго *). Изданіе 2-е, съ тремя портретами. Спб. 1874 г. Ц. 20 к.. 111 стр.

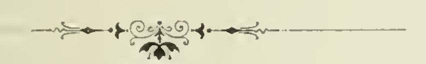
Въ книгѣ находятся три отдѣльныхъ очерка о Колумбѣ, Кортецѣ и Пизарро. Всѣ они отличаются слѣдующими недостатками: въ нихъ совершенно отсутствуютъ описанія того Новаго Свѣта съ его обитателями, къ которымъ прибыли, которыхъ поработили европейцы, а это составило бы интересную часть очерковъ: кромѣ того, разсказы много теряютъ еще и отъ тяжелаго языка, которымъ они изложены. Вотъ какъ отозвалась о книгѣ развитая, привыкшая къ серьезному чтенію 17-ти-лѣтняя ученица воскресной школы:

— То, о чемъ разсказано, очень было бы интересно, только самъ разсказъ непріятный. Это, конечно, зависитъ отъ сочинителя: какъ кто пишетъ. Читаешь даже о томъ, что знаешь, и то выходитъ мало-понятно. Я думаю, оттого и поняла лучше всего о Колумбѣ, что прежде читала о немъ въ *«Дѣтскимъ Мірѣ»*.

Остальные отзывы совершенно согласны съ приведеннымъ, а менѣе развитые возвращали книгу съ заявленіемъ, что не могли прочесть ее дальше первыхъ страницъ.

А. К.

*) См. рец. «Системат. Обзоръ Народно-Учебной Литературы» 1878 г., стр. 641.



УКАЗАТЕЛЬ,

распредѣляющій книги Историческаго отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей *).

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
526	«Разсказы изъ русской исторіи. О бытѣ народовъ арійскаго племени». Б. А. Павловича					п.	п.
527	1) Дикари. 2) Какъ люди нашли въ землѣ металлы. 3) Какъ жили люди въ давно прошедшія времена. Изъ книги «На память стараго года». В. Самойловичъ . .					п.	п.
528	«Старина земли русской». А. Гатцука . .	Приг	одна	какъ	пособі	п.	п.
529	«О жизни славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени». Б. А. Павловича				п.	п.	п.
530	«О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о крещеніи ихъ». Б. А. Павловича				п.	п.	п.
531	«Народные предразсудки и суевѣрія». М. Парунова					п.	п.
532	«Разсказы дѣдушки про сѣдую старину» . .						
533	«Разсказы о человѣческой жизни». Александра Иванова					п.	п.
534	«Исторія общественнаго и частнаго быта». П. Кирхмана	Справ	очная	книга		п.	п.
535	«Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ». В. Острогорскаго	п.	п.	п.	п.	п.	п.
536	«Добрыня Никитичъ». Изд. журн. «Мірской Вѣстникъ»						
537	Былины: «Вольга-Богатырь. Микулушка Селяниновичъ. Святогоръ-Богатырь. Сухманъ». (Изъ четырехъ «Русскихъ книгъ для чтенія» гр. Л. Н. Толстаго).	п.	п.	п.	п.	п.	п.
538	«Пѣсни», собранныя Кирѣевскимъ						
539	«Пѣсни», собранныя П. Н. Рыбниковымъ .						
540	«Книга былинъ». В. П. Авенаріуса . . .				п.	п.	п.
541	Былины изъ книги «Разсказы изъ русской исторіи». В. Водовозова (см. № 560) . .						
542	«Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ». Сост. Н. Крылова						

*) Буква п. обозначаетъ, что книга пригодна для указаннаго въ графѣ возраста.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
543	«Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ». В. Евстигнѣева						
544	«Непобѣдимый витязь». Богатырская сказка. М. Евстигнѣева						
545	Алеша Поповичъ, русскій богатырь, и другія сказки						
546	«Соловей-разбойникъ, гроза Муромскихъ лѣсовъ»						
547	«Добрыня Никитичъ, русскій богатырь». Н. Истомина						
548	«Сказка о славянскомъ богатырѣ Вадимѣ, о красной дѣвицѣ Людмилѣ и о мудромъ старцѣ Гостомыслѣ»						
549	«Илья Муромецъ и боярская дочь или Русскіе въ началѣ XVII вѣка во время чернаго года»						
550	«Слово о полку Игоревѣ». М. А. Максимова.						
551	«Слово о полку Игоревѣ». А. Погоскаго .						
552	«Русская Лѣтопись». С. Соловьева . . .		п.	п.	п.	п.	п.
553	«Разсказы про старое время на Руси». А. Петрушевскаго.		п.	п.	п.	п.	п.
554	«Общедоступныя чтенія о Русской Исторіи». С. Соловьева						
555	«Родная Старина». В. Д. Сиповскаго . .					п.	п.
556	«Русская исторія для народныхъ и другихъ училищъ». Ѳ. Пуцыковича					п.	п.
557	«Исторія Россіи». Сост. Н. Малинінъ . .						
558	«Разсказы изъ русской исторіи». Б. А. Павловича					п.	п.
559	«Картины русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго». С. Павловича . . .						
560	«Разсказы изъ русской исторіи». В. Водовозова					п.	п.
561	«Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ». А. Семенова						
562	«Русская исторія для первоначальнаго чтенія». Я. И. Маркова.						
563	«Исторія Россіи». Изд. Прѣснова . . .						
564	«Какъ жили-были предки наши славяне и откуда взялось Русское государство?» Изд. Прѣснова						
565	«Исторія Малороссіи въ разсказахъ». Сост. С—овъ					п.	п.
566	«Новая жизнь русскаго народа». Сост. В. С—овъ						
567	«Откуда пошла русская земля и какъ стала быть». В. Лапина						
568—611	«Повѣсти» В. Лапина.						
612	«Историческія и поэтическія сказанія о Русской землѣ». Сост. Ѳ. Гиляровъ . .	Для школьных наградъ				п	п.
613	«Начало Руси и Владиміръ Св.». И. И. Рогова				п.	п.	п.
614	«Владиміръ Св. и Равноапостольный». С. М.				п.	п.	п.
615	«О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его»... К. Бестужева-Рюмина.					п.	п.
616	«Начало Руси». И. Щебальскаго						

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ, малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
617	«Сказаніе о подвигахъ святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго». И. Ремезова						п.
618	«Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини-христіанки, св. Ольги». Его-же						п.
619	«Великій князь Ярославъ I Великій» . .						
620	«Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе». Н. Хрущова.				п.	п	п.
621	«О Владимірѣ Мономахѣ...» Бестужева-Рюмина					п.	п.
622	«Дѣдушка Гостомыслъ». А. Разина . . .					п.	п.
623	«Русская правда или судъ въ стародавнія времена». Пов. В. Лапина		п.	п.	п	п.	п.
624	«О злыхъ временахъ татарщины». Бестужева-Рюмина		п.	п.	п.	п.	п.
625	«Злое время татарщины». Б. А. Павловича.					п	п.
626	«Татарскій погромъ и Александръ Невскій». П. Рогова		п.	п.	п.	п.	п.
627	«500 лѣтъ назадъ. Куликовская битва». В. Сиповскаго					п	п.
628	«Куликовская битва». С. Рождественскаго.						
629	«Куликовская битва». Е. Тихомірова . .						
630	«Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ». А. Петрушевскаго					п.	п.
631	«Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго». И. Ремезова					п.	п.
632	«Невская битва и Ледовое побоище». В. Лапина						
633	«Князь Михаилъ Тверской и татарскій погромъ». В. О. Михневича						
634	«Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома». В. Лапина.		п.	п.	п.	п.	п.
635	«Разсказъ изъ Русской исторіи. Кіевъ, Владиміръ и Новгородъ». Б. А. Павловича.					п.	п.
636	«О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось русскимъ царствомъ». К. Бестужева-Рюмина						
637	«Разсказы изъ русской исторіи. Московское самодержавіе». Б. А. Павловича .					п.	п.
638	«Басурманъ». Ром. И. И. Лажечникова .					п.	п.
639	«Повѣсти». Карамзина					п.	п.
640	«Мареа Посадница или покореніе Новгорода»					п.	п.
641	«Мареа Посадница или покореніе Новгорода».					п.	п.
642	«Наталія боярская дочь». Карамзина . .					п.	п
643	«Наталія боярская дочь». Карамзина . .					п.	п.
644	«Соломонія». Е. Обуховой					п.	п.
645	«Грозный царь». Б. А. Павловича . . .					п.	п.
646	«Князь Серебряный». А. К. Толстаго .					п.	п.
647	«Князь Серебряный». Пов., перед. Н. Трескинымъ					п.	п.
648	«Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова». М. Лермонтова		п.	п.	п.	п.	п.
649	«Пѣсня про царя Ивана Васильевича». М. Лермонтова. Изд. Спб. Комитета Грамотности		п.	п.	п.	п.	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
650	«Іоаннъ IV Грозный». Изд. журн. «Мірской Вѣстникъ»					п.	п.
651	«Покореніе Казани московскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ» . .						
652	«Покореніе царства Казанскаго». В. Лапина.		п.	п.		п.	п.
653	«Покореніе царства Казанскаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ». . .						
654	«Русскіе замѣчательные люди». «Ермакъ, покоритель Сибири». Разск. А. Суворина.				п.	п.	п.
655	Изъ «Ясной Поляны». «Ермакъ». Л. Н. Толстаго		п.	п.	п.	п.	п.
656	«Ермакъ». Краткій очеркъ завоеванія Сибири.						
657	«Удалой Ермакъ Тимоѳеевичъ». Изд. Прѣснова.						
658	«Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири». Соч. Буйницкаго						
659	«Изъ временъ покоренія Сибири». В. Лапина						
660	«Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ». А. С. Хомякова						
661	«О смутномъ времени на Руси». И. Рогова.			п.		п.	п.
662	«Юрій Милославскій». М. Н. Загоскина .					п.	п.
663	«Юрій Милославскій». Изд. Орѣхова . .		п.	п.		п.	п.
664	«Юрій Милославскій». Изд. Морозова . .						
665	«Борисъ Годуновъ». Траг. А. Пушкина . .					п.	п.
666	«Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе царя Михаила». Н. Костомарова					п	п.
667	«Мининъ и Пожарскій»						
668	«Смутное время».—Діодора Васильева . .						п.
669	«Мининъ и Пожарскій и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова». .						
670	«Смутное время». Вл. Михневича . . .						
671	«Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ». И. Ремезова					п.	п.
672	«О томъ, какъ костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за царя». Дорогобужинова		п.	п.		п	п.
673	«Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ»						
674	«Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова». Т. Толычевой		п.	п.	п.		
675	«Иванъ Сусанинъ»						
676	«Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ». А. Суворина (см. № 654)					п.	п.
677	«Бояринъ Матвѣевъ, другъ царя и народа».						
678	«Русскіе замѣчательные люди. Патріархъ Никонъ». А. Суворина (см. № 654) . .					п.	п.
679	«О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну». И. Слѣпушкина . .					п.	п.
680	«Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ Малороссіи»						
681	«Освобожденіе Малороссіи отъ польской неволи». Б. Павловича						
682	«Тарасъ Бульба». Н. В. Гоголя					п.	п.
683	«Тарасъ Бульба» Н. В. Гоголя. Изложено для народа		п.	п.	п.		
684	«Невольница». Марко-Вовчка		п.	п.	п.	п.	п
685	«Маруся». Марко-Вовчка					п.	п.
686	«Гетманъ Степанъ-Острянина». А. Разина.		п.	п.		п	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
687	«Богомольцы у святынь Кіева. Лавра». II. Хрущова		п.	п.	п.	п.	п.
688	«Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ». II. Хрущова		п.	п.	п.	п.	п.
689	«Святыни Кіева». С. Опатовича						п.
690	«Кіевъ въ русской поэзіи»			п.			
691	«Разсказы про Петра Великаго и его время». А. Петрушевскаго					п.	п.
692	«Петръ Великій». Изъ «Ясной Поляны кн. 6-я		п.	п.	п.	п.	п.
693	«Царь Петръ Великій». II. Шалфеева		п.	п.	п	п.	п
694	«Полтавская битва»						
685	«Полтавскій бой». Е. Тихоміровa		п.	п.		п.	п.
696	«Полтава». А. С. Пушкина. Разсказъ С. Макаровой		п.	п.		п.	п.
697	«Всеобщая библіотека». «Полтава». А. С. Пушкина					п.	п.
698	«Классная библіотека». Вып. 2-й. «Полтава». А. С. Пушкина					п.	п.
699	«Петръ Великій». По соч. А. С. Пушкина сост. А. Филоновъ					п.	п.
700	«Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ». П. Фурмана					п.	п.
701	«О томъ, какъ сталъ Петербургъ». В. Водовозова					п.	п.
702	«О Петрѣ Великомъ». С. Рождественскаго.					п.	п.
703	«Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой». С. М.		п.	п.		п.	п.
704	«Великій царь-работникъ». Б. Павловича.					п.	п.
705	«Первый императоръ русскій Петръ Великій, преобразователь Россіи»						
706	«Петръ Великій, преобразователь Россіи»						
707	«На память Петра Великаго». Н. Тихомірова						
708	«Петръ Великій»					п.	п.
709	«Подарокъ короля Карла XII». Пер. Натальи Ивановой		п.	п	п	п.	п.
710	«Купецъ Иголкинъ и его подвигъ»						
711	«Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ». Н. Кукольника					п.	п.
712	«Лихончиха».—«Прокуроръ». Его-же.		п.	п.		п.	п.
713	«Полковникъ Лесли». Его-же						
714	«Капустинъ».—«Костакки».—«Лѣтній садъ». Его-же						
715	«Каролина». Его-же						
716	«Позументы». Его-же					п.	п.
717	«Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ».—«Остапъ и Ульяна». Его-же						
718	«Инструментъ». Его-же						
719	«Новый годъ». Его-же					п.	п.
720	«Правленіе временщиковъ». Б. А. Павловича					п.	п.
721	«Ледяной домъ». И. И. Лажечникова						
722	«Наталья Борисовна Долгорукая». Т. Толычевой					п.	п.
723	«Наталья Борисовна Долгорукая». П. Фурмана.			п.		п.	п.
724	«Императрица Екатерина II». П. Рогова						
725	«О томъ, какъ Екатерина II Великая правила землей Русской». С. М.		п.	п.		п.	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
726	«Императрица Екатерина II Великая» . .						
727	«Императрица Всероссійская Екатерина Алексѣевна Великая». Н. Трескина . .						
728	«Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ - Таврическій». Н. Трескина						
729	«Антонъ Васильевичъ Головатый». . . .		п.	п.		п.	п.
730	«Мельхиседекъ Значко-Яворскій						
731	«О Суворовѣ». С. Рождественскаго . . .		п.	п.		п.	п.
732	«Разсказы о Суворовѣ». В. Новаковскаго .						
733	«Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій»						
734	«Капитанская дочка». А. Пушкина . . .						
735	«Капитанская дочка»					п.	п.
736	«Кузьма Рощинъ». М. Загоскина. . . .					п.	п
737	«Московская чума и разбойникъ Кузьма Рощинъ»		п.	п.		п.	п.
738	«Кузьма Рощинъ, рязанскій разбойникъ» .						
739	«Александръ I Благословенный». П. Рогова.						
740	«Александръ I и его царствованіе». М. Б. Овчинникова						
741	«Александръ I Благословенный». С. М. .					п.	п.
742	«Отечественная война 1812 г. и Кутузовъ». Е. Желябужскаго						
743	«Двѣнадцатый годъ». П. Шалфеева . . .					п.	п.
744	«1812 годъ». Разсказъ изъ русской исторіи. Павловича					п.	п.
745	«Отечественная война (1812 г.) Бородино». В. Михневича		п.	п.		п.	п.
746	«Отечественная война (1812 г.) Бѣгство французовъ». В. Михневича		п.	п.		п.	п.
747	«Разсказъ старушки о 12-мъ годѣ». Т. Толычевой		п.	п.		п.	п.
748	«Ѳоня-Богатырь»						
749	«Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ». Т. Толычевой		п.	п.		п.	п.
750	«Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ». Т. Н. Толычевой		п	п.		п.	п.
751	«Русскіе въ тяжелую годину»						
752	«Разоренный годъ». А. Разина						
753	«Спасо-Бородинскій монастырь». Т. Толычевой					п.	п.
754	«Почему сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя». Т. Толычевой					п.	п.
755	«Московскій кремль». Т. Толычевой. . .					п.	п.
756	«Святыня и достопримѣчательности Московскаго кремля». Е. Вельтманъ . . .						
757	«Матушка Москва».					п.	п.
758	«Холера 1830 года». А. Г—а						
759	«Царствованіе императора Александра II».					п.	п.
760	«19-е февраля 1855—1880 г.».		п.	п.		п.	п.
761	«Двадцатипятилѣтіе царствованія государя императора Александра Николаевича (1855—1880 г.)». Д. Плетнева. . . .						
762	«Краткій очеркъ перваго 25-ти-лѣтія царствованія императора Александра II» .						
763	«Разсказы о Севастопольской оборонѣ». Графа Л. Н. Толстаго					п.	п.
764	«Разсказы о Севастопольской оборонѣ». Графа Л. Н. Толстаго					п.	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
765	«Осада Севастополя»					п.	п.
766	«Разсказы о севастопольцахъ». А. Н. Супонева		п.	п.		п.	п.
767	«Оборона Севастополя». А. Погоскаго . .					п.	п.
768	«Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя». Т. Толычевой.		п.	п.		п.	п.
769	«Славное Севастопольское сидѣнье». А. В. Арсеньева		п.	п.		п.	п.
770	«Герои Севастополя».						
771	«Севастопольскій охотникъ». В. Никатова.					п.	п.
772	«Подъ Севастополемъ». В. Косспнскаго . .						
773	«Наши богатыри». А. Погоскаго						
774	«Рукописи о Севастопольской оборонѣ». .						
775	«Кавказская война и ея герои. I. Очеркъ войны»						
776	«Кавказская война и ея герои. II. Котляревскій и Слѣпцовъ».						
777	«Походъ въ Хиву и ея покореніе». А. Шпле.						
778	«Хивинскій походъ». А. Хребтова . . .						
779	«Геройская смерть Данилова. Кокапскій бунтъ въ 1875 г.». Д. Иванова. . . .					п.	п.
780	«Взрывъ турецкаго броненосца». В. Прокофьева						
781	«Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца и Браилова». Н. Шведова . .						
782	«Зимница—Систово». Н. К. Шведова . .						
783	«Бой Весты». А. Хребтова						
784	«Штурмъ Дунайской крѣпости Никополя». Д. Иванова						
785	«Русская гвардія подъ Горнимъ Дубнякомъ и Телишемъ». А. Хребтова						
786	«Паденіе Плевны». Сост. Никольскій. . .						
787	«Геройская оборона Баязета». Ѳ. И. Булгакова.						
788	«Первый переходъ черезъ Балканы». А. Хребтова						
789	«Взятіе Ардагана». Ѳ. Булгакова						
790	«Бой подъ Плевной за Зеленыя горы». Д. Иванова						
791	«Въ обходъ Шипки». Д. Иванова. . . .			п.		п.	п.
792	«Послѣдній бой подъ Шипкой». Его-же. .		п.	п.		п.	п.
793	«Мѣсяцъ плѣна у Османа-паши»		п.	п.		п.	п.
794	«Альбомъ рисунковъ изъ отечественной исторіи»	Пособие	п.			п.	п.
795	«Русскіе историческіе памятники». А. Добрякова	Пособие				п.	п.
796	«Пчела». Сост. П. Щербина					п.	п
797	«О сербахъ». Р. С. Попова		п.	п.		п.	п.
798	«О черногорцахъ». Его-же		п.	п.		п.	п.
799	«О болгарахъ». Его-же		п.	п.		п.	п.
800	«Родные славяне». П. Б—ва						
801	«Кто такіе славяне»? Е. Оброкъ						
802	«Лука Вукаловичъ».					п.	п.
803	«Старая Сербія, ея прошлое и настоящее». Соч. Бацетича.					п.	п.
804	«Приключенія чешскаго дворянина Вратислава»					п.	п.
805	«Разсказы о старинныхъ людяхъ». Изд. О. И. Бакста					п.	п.
806	«Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній». Грубе.						

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
807	«Иванъ Гуссъ». Изъ «Ясной Поляны», кн. 8-я		п.	п.		п.	п.
808	«Иванъ Гуссъ». Разсказъ Эрленвейна . .					п.	п.
809	«Мартынъ Лютеръ» изъ «Ясной Поляны», кн. 9-я			п.		п.	п.
810	«Трубадуръ». (Изъ книги «На память стараго года». В. Самойловичъ. См. № 527).					п.	п.
811	«Талисманъ». Вальтеръ-Скотта						
812	«Ивиковы журавли». Жуковскаго						
813	«Изъ міра великихъ преданій». В. Острогорскаго		п.	п.		п.	п.
814	«Отелло, венеціанскій мавръ»						
815	«Гамлетъ, принцъ датскій, или месть за измѣну»						
816	«Исторія греческихъ героевъ, разсказанная Нибуромъ своему сыну»						
817	«Катакомбы». Евгеніи Туръ.						
818	«Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ» . .					п.	п.
819	«Сказаніе о Царьградѣ»						
820	«Разсказы объ открытіи Америки». Ѳ. Студитскаго.						

V.

ОТДѢЛЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ.

V. ОТДѢЛЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ.

Раздѣленіе біографическаго отдѣла на нижеуказанныя рубрики было сдѣлано нами съ двоякою цѣлью: 1) для бо́льшаго (какъ намъ казалось) облегченія при выборѣ книгъ этого рода вообще и для народно-школьныхъ библіотекъ въ частности, и 2) для болѣе нагляднаго представленія ограниченнаго числа жизнеописаній дѣятелей, замѣчательныхъ въ той или другой сферѣ общественной дѣятельности. Отдѣлъ біографій, вообще бѣдный въ количественномъ отношеніи (при всемъ стараніи съ нашей стороны собрать всѣ имѣющіяся въ данномъ направленіи работы), оказался особенно ничтожнымъ для §§ III и IV и преимущественно для подрубрики—б) *Біографіи иностранцевъ.*

Относительно послѣдняго обстоятельства считаемъ нужнымъ замѣтить, что нами было просмотрѣно достаточное количество названныхъ біографій (*Горна*—Джемсъ Уаттъ, Георгъ Стефенсонъ, Джемсъ Кукъ, Колумбъ, Гр. Оже-де-Монтіонъ, Францъ Драке; *Грубе*—Дав. Ливингстонъ, Гутенбергъ; *Минье*—Жизнь Франклина; *Ростовской*—В. Франклинъ; *Моля*—Гумбольдтъ; *Гофмана*—Абрагамъ Линкольнъ; *Вашингтонъ-Ирвинга*—Жизнь Магомета; *Чистякова*—Жизнь знаменитыхъ дѣтей, составл. по соч. *Е. Фоа; Чистякова*—Біографическіе разсказы; сочиненія *Смайльса* и «Мученики науки»—*Г. Тиссандье*), большая часть которыхъ по изложенію и ме́ньшая по цѣнѣ оказались совершенно несоотвѣтствующими нашей цѣли, почему даже и не были внесены въ «Указатель».

А между тѣмъ указанный нами во многихъ рецензіяхъ интересъ, съ какимъ читаются и слушаются простымъ народомъ лучшія изъ имѣющихся въ наличности біографій, въ связи съ несомнѣнной пользой и могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, оказываемыми чтеніемъ этого рода книгъ, заставляютъ особенно сильно желать и скорѣйшаго появленія, и возможно большаго числа біографическихъ очерковъ.

Жизнеописанія русскихъ замѣчательныхъ людей, конечно, полезнѣе и желательнѣе въ народно-школьныхъ библіотекахъ, но и біографіи иностранцевъ, соотвѣтственнымъ образомъ обработанныя для чита-

телей-простолюдиновъ и въ достаточной мѣрѣ живо и просто изложенныя, способны принести свою долю пользы, въ чемъ убѣдилъ насъ личный опытъ (успѣхъ чтенія біографій Гарфильда, Стефенсона, Томаса Эдварда и др.).

Поэтому, въ виду указаннаго количественнаго недостатка біографій, увеличиваемаго еще ограниченіемъ въ качественномъ отношеніи, позволимъ себѣ указать на возможность его пополненія. Желая прежде всего появленія біографій русскихъ дѣятелей, замѣтимъ, что такіе сборники изъ извѣстныхъ намъ, какъ: «Біографическіе разсказы»—*Чистякова*, «Самопомощь», «Бережливость» и «Характеръ»—*Смайльса* и «Мученики науки»—*Г. Тиссандье,* представляютъ собою благодарный матеріалъ, которымъ можно было-бы воспользоваться для принесенія несомнѣнной пользы.

Заканчиваемъ нашу замѣтку словами Смайльса о пользѣ біографій: «Какъ пособіе, руководство и примѣръ для обыкновенныхъ людей, біографіи великихъ людей весьма наставительны и приносятъ большую пользу. Замѣчательнѣйшія изъ подобныхъ личностей имѣютъ много общаго съ апостолами, внося въ общество стремленіе къ честной жизни, благородныя мысли и возбуждая въ немъ дѣятельность, направленную какъ для личной пользы, такъ и для блага всего общества. («Самопомощь», стр. 6-я).

Книги, разбираемыя въ этомъ отдѣлѣ, подраздѣляются на слѣдующія рубрики:

§ I. Біографіи замѣчательныхъ людей, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ общества, прославившихся на различныхъ поприщахъ.

§ II. Русскіе писатели въ жизнеописаніяхъ и образцахъ.

§ III. Ученые.

§ IV. Художники и музыканты.

§ V. Біографіи знаменитыхъ людей, не вошедшія въ предъидущія рубрики.

§§ I, III и IV раздѣляются на двѣ подрубрики: а) *біографіи русскихъ* и б) *біографіи иностранцевъ.*

Нѣкоторыя изъ рецензій сопровождаются «отзывами о книгахъ взрослыхъ и малолѣтнихъ читателей изъ народа.

Въ концѣ отдѣла помѣщенъ «Указатель», распредѣляющій книги этого отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей.

Е. Г.

---

§ I. Біографіи замѣчательныхъ людей, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ общества, прославившихся на различныхъ поприщахъ.

a) Русскіе.

821) **Стихотворенія А. В. Кольцова.** 7-е изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1880 г. Ц. 20 к. 196 стр.

На первой страницѣ подъ заглавіемъ «Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ» стоитъ въ скобкахъ маленькая замѣтка: «Отрывокъ о его жизни и сочиненіяхъ, В. Бѣлинскаго», которая съ перваго взгляда можетъ показаться приговоромъ этого біографическаго очерка, какъ книги для народнаго чтенія. Но это можетъ такъ показаться только въ томъ случаѣ, если вопросъ о доступности именно этого отрывка изъ статьи Бѣлинскаго будетъ рѣшаться на основаніи старой памяти о всѣхъ его статьяхъ вообще и если въ виду будетъ имѣться малограмотный читатель. Но если для рѣшенія вопроса мы перечтемъ эту небольшую біографію и если будемъ имѣть въ виду того толково-грамотнаго читателя, который уже есть въ народѣ и о степени развитія котораго можно составить себѣ нѣкоторое болѣе или менѣе ясное представленіе по тѣмъ отзывамъ на разныя книги, которые приведены въ предлагаемомъ «Указателѣ»,—тогда приговоръ этотъ окажется слишкомъ строгимъ. Несомнѣнно, что въ этомъ очеркѣ найдутся и отдѣльныя непонятныя слова и цѣлыя фразы, выраженныя тѣмъ литер турнымъ языкомъ, который вполнѣ понятенъ только для образованнаго читателя, но за то въ общемъ, содержаніе передано такъ ясно, опредѣленно и выразительно, что сомнѣваться въ его усвоеніи не представляется никакой возможности. Нашъ одобрительный отзывъ въ данномъ случаѣ основывается вовсе не на преклоненіи передъ авторитетнымъ именемъ Бѣлинскаго, но единственно на достоинствахъ самого отрывка, еще рѣзче обозначившихся при сравненіи его съ другими и даже народными изданіями біографіи Кольцова.

Сомнѣвающемуся читателю напомнимъ еще разъ, что предлагаемый отрывокъ представляетъ собою дѣйствительно только часть статьи Бѣлинскаго о Кольцовѣ и часть самую легкую, вполнѣ доступную уже по одному своему содержанію, тѣмъ болѣе что въ ней нѣтъ ни критическаго разбора стихотвореній, ни всѣхъ тѣхъ разсужденій нашего знаменитаго критика объ искусствѣ и эстетикѣ, которыя такъ часто встрѣчаются въ его статьяхъ и которыя, конечно, оказались бы не по силамъ нашимъ развитымъ грамотѣямъ.

Весь отрывокъ занимаетъ всего 38 страницъ и обнимаетъ исключительно частную жизнь поэта; но эта частная жизнь, полная будничной прозы, читается съ интересомъ этимъ кругомъ читателей именно потому, что она близка и понятна имъ во всѣхъ своихъ мелочахъ. И самымъ важнымъ достоинствомъ названнаго очерка представляется то, что всѣ вещи, отношенія и люди, все дурное и хорошее названо въ немъ своими настоящими именами, благодаря чему драматизмъ положенія Кольцова въ родной семьѣ, доведшій его въ концѣ концовъ до преждевременной могилы, совершенно отчетливо понимается и производитъ на читателя сильное впечатлѣніе. Не то находимъ мы въ другихъ изданіяхъ, но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. А пока ограничимся только краткимъ замѣчаніемъ, основаннымъ на сравненіи всѣхъ имѣвшихся у насъ въ рукахъ біографій Кольцова,—что для ознакомленія взрослыхъ и болѣе развитыхъ изъ грамотнаго люда съ очеркомъ жизни названнаго поэта лучше всего ограничиться одною этою книгою, тѣмъ болѣе что она, кромѣ отрывка изъ статьи Бѣлинскаго, заключаетъ въ себѣ еще и полное собраніе стихотвореній Кольцова.

Послѣднее обстоятельство, при необыкно

венной дешевизнѣ и безукоризненной внѣшности изданія, удваиваетъ его достоинства, вслѣдствіе чего названная книга должна считаться драгоцѣннымъ вкладомъ въ народную библіотеку. Но еще болѣе желательно распространеніе ея путемъ школьныхъ наградъ и подарковъ, въ ряду которыхъ она по праву можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

Вопросы:

Когда жилъ Кольцовъ, гдѣ родился онъ и какъ прошло его дѣтство?

Гдѣ онъ учился и многому-ли выучился?

Какую торговлю велъ его отецъ и какое участіе принималъ въ ней Кольцовъ?

Когда началъ онъ сочинять стихи и кому читалъ ихъ въ первое время?

Съ кѣмъ онъ тогда подружился и какую пользу принесла ему дружба съ Серебрянскимъ?

Зачѣмъ ѣздилъ онъ въ Петербургъ и Москву и съ кѣмъ познакомился тамъ?

Отчего потомъ ему все хотѣлось уѣхать изъ Воронежа?

Почему онъ былъ такъ несчастливъ въ послѣдніе годы своей жизни?

Взрослыми ученицами воскресной школы и подростками, окончившими курсъ начальной городской школы, эта книга читалась всегда съ большимъ интересомъ и прекрасно пересказывалась. Кромѣ того, намъ пришлось прочитать эту же біографію въ группѣ подростковъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Всѣ они слушали ее съ величайшимъ интересомъ и прекрасно передали содержаніе ея по окончаніи чтенія. На вопросы, поставленные при рецензіи, отвѣчали вполнѣ толково.

Е. Г. и Х. А.

---

822) **Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія.** (Чтеніе для юношества). Изданіе 3-е. Москва. 1877 г., изд. Мамонтова. Ц. 75 к. 166 стр.

Названная книга представляетъ собою очень красивое и хорошее изданіе, по содержанію и изложенію вполнѣ оправдывающее свой заголовокъ: «Чтеніе для юношества».

Имѣя въ виду читателей не только опредѣленнаго возраста, но и обладающихъ уже извѣстнымъ образованіемъ, авторъ въ доступной и легкой формѣ разсуждаетъ съ ними на разныя трудныя и отвлеченныя темы, какъ напр.: о значеніи поэзіи, о присущемъ нашей душѣ поэтическомъ чувствѣ, о существенныхъ достоинствахъ каждаго художественнаго произведенія, о раздѣленіи поэзіи на эпическую, лирическую и драматическую, о значеніи и происхожденіи пѣсни, о сантиментальномъ направленіи нашей литературы въ началѣ нынѣшняго столѣтія и о многомъ другомъ въ этомъ родѣ. Такимъ разсужденіямъ посвящена вся первая глава и частью послѣдняя, такъ что собственно біографія изложена въ четырехъ главахъ.

По своему фактическому матеріалу она очень сходна съ предыдущей и даже мѣстами прямо заимствована изъ нея. Но, не смотря на свое сходство съ «отрывкомъ» изъ статьи Бѣлинскаго, этотъ біографическій очеркъ не можетъ быть рекомендованъ для народнаго чтенія, такъ какъ, кромѣ указаннаго уже несоотвѣтствующаго содержанія и изложенія, отличается еще и тѣмъ, что уступаетъ ему въ полнотѣ приложеннаго сборника стихотвореній (17 вмѣсто полнаго собранія) и въ дешевизнѣ (75 к. вмѣсто 20 к.).

Е. Г.

---

823) **Ясная зоренька. Иллюстрированная хрестоматія. Пѣсни русскаго народа и Кольцова.** Составилъ Горемыкинъ. Съ 7-ю картинами и портретомъ. Спб. 1880 г. (Для дѣтей младшаго возраста). Ц. 25 к. 30 стр.

824) **Заря. Иллюстрированная хрестоматія.** Составилъ Горемыкинъ. **Пѣсни русскаго народа и Кольцова.** Съ 7-ю картинами и портретомъ. Спб. 1880 г. Ц. 40 к. 60 стр.

Обѣ названныя книги представляютъ собою одно параллельное изданіе, цѣль и программа котораго подробно выяснены въ предисловіи, почему мы и позволимъ себѣ привести изъ него нѣсколько выдержекъ.

Выяснивъ образовательное и воспитательное значеніе образцовыхъ произведеній лучшихъ писателей и замѣтивъ при этомъ, что полныя собранія ихъ сочиненій обыкновенно дорого стоятъ и бываютъ доступны по своему содержанію въ большинствѣ случаевъ только для взрослыхъ, авторъ, находя издаваемыя въ настоящее время хрестоматіи главнымъ образомъ неудобными потому, что «въ нихъ перемѣшаны сочиненія разныхъ писателей, и трудно составить понятіе о каждомъ изъ нихъ» отдѣльно, высказываетъ мнѣніе, «что необходимы и такія хрестоматіи, по которымъ можно было бы ознакомиться съ отечественными писателями и въ дѣтскомъ возрастѣ». Переходя затѣмъ уже прямо къ своему изданію, онъ говоритъ о немъ слѣдующее:

«Но чтобы нагляднѣе и дольше оставалось

въ дѣтской памяти прочитанное стихотвореніе, мы по возможности будемъ украшать нѣкоторыя изъ нихъ картинами, что много зависитъ, понятно, отъ успѣха изданія. Дѣти узнаютъ жизнь родныхъ писателей изъ интересныхъ и понятно написанныхъ біографій. При изложеніи ихъ мы будемъ стараться особенно обращать вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя имѣли вліяніе на творенія поэта. Они увидятъ портреты ихъ и украсятъ ими свои комнаты».

«Мы раздѣлили иллюстрированную хрестоматію на двѣ книжки: одна, подъ заглавіемъ «Заря», назначается для дѣтей старшаго возраста, но изъ нея и взрослые, которые не читали великихъ русскихъ писателей, могутъ хотя нѣсколько ознакомиться съ ихъ жизнью и твореніями. Другая книжка, «Ясная Зоренька», назначается для дѣтей младшаго возраста. Это—сокращенная «Заря», изъ которой исключено все то, что недоступно дѣтямъ по ихъ возрасту» (стр. 1 и 2).

Мы съ намѣреніемъ привели такую длинную выдержку, чтобы со словъ самого автора ознакомить читателя съ этимъ изданіемъ, которое представляется по своей программѣ очень пригоднымъ для нашей цѣли и особенно интереснымъ въ виду того обстоятельства, что является еще незаконченнымъ, такъ какъ, кромѣ двухъ уже вышедшихъ выпусковъ, есть публикаціи о скоромъ появленіи и третьяго.

Соглашаясь вполнѣ со всѣмъ тѣмъ, что высказано составителемъ въ предисловіи, посмотримъ, какъ удалось ему выполнить свои задачи.

Содержаніе «Ясной Зореньки» составляютъ: 22 народныя пѣсни, «жизнь А. В. Кольцова», (на 5 стр.) и 8 его стихотвореній.

А содержаніе «Зари» составляютъ: вмѣсто введенія «Кто сочинялъ народныя пѣсни?» (на 2 стр.), «Картины древней жизни земледѣльца изъ народныхъ пѣсенъ» (на 8 стр.), «Жизнь Алексѣя Васильевича Кольцова» (на 7 стр.), «Русскій земледѣлецъ изъ стихотвореній Кольцова» (на 5 стр.), 26 народныхъ пѣсенъ и 12 стихотвореній Кольцова.

Сличая содержаніе обѣихъ книжекъ, находимъ въ нихъ общія части: народныя пѣсни, біографію и стихотворенія Кольцова, и такъ какъ эти три отдѣла исчерпываютъ собою весь матеріалъ «Ясной Зореньки», то для удобства мы и остановимся сначала на нихъ, а потомъ перейдемъ къ тѣмъ статейкамъ, которыя помѣщены только въ «Зарѣ».

Начнемъ съ народныхъ пѣсенъ. Всѣ онѣ оказываются взятыми изъ разныхъ сборниковъ: Сахарова, Якушкина, Студитскаго, Водовозовой, Крыловой, изъ хрестоматіи Филонова и двѣ—три изъ «Вологодской свадьбы» В. Александрова, что видно изъ замѣтокъ, стоящихъ подъ каждой пѣсней. Большая часть помѣщена въ обѣихъ книжкахъ, и только первыя семь, напечатанныя въ «Ясной Зоренькѣ», какъ уже совсѣмъ дѣтскія («Баюшки-баю», «Солнышко ведрышко», «Пѣсня бѣдняка», «Коровушка», «Грибы», «Пастушокъ» и «На закатѣ»), замѣнены въ «Зарѣ» другими, болѣе подходящими для старшаго возраста («Невѣста-сирота», «Кудри жениха», «Безпріютная головушка», «Горючія слезы» и др.), къ которымъ прибавлено еще шесть подобныхъ же пѣсенъ. Кромѣ того, въ «Зарѣ» всѣ пѣсни являются еще подраздѣленными на четыре группы: на *хороводныя*, *свадебныя*, *семейныя и разбойничьи*, и въ обѣихъ книжкахъ подъ нѣкоторыми изъ хороводныхъ помѣщено описаніе игры, соотвѣтствующей данной пѣснѣ.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ отдѣлѣ въ виду того, что вопросъ о народныхъ пѣсняхъ вообще не входитъ въ нашу задачу. Что же касается до біографіи Кольцова, то оказывается, что она мало чѣмъ разнится въ обѣихъ книжкахъ; если читатель обратитъ вниманіе на число страницъ, то біографія въ «Зарѣ» окажется больше только на 2 стр.; но на самомъ дѣлѣ эту разницу надо отнести главнымъ образомъ къ нѣсколько странной случайности изданія:—почему то книга для младшаго возраста напечатана болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ книга для взрослыхъ. Дѣйствительную же разницу составляютъ нѣкоторыя подробности знакомства Кольцова съ Бѣлинскимъ и нѣсколько фразъ о неудавшейся любви поэта къ крѣпостной крестьянкѣ, исполнявшей въ ихъ домѣ обязанности горничной. Во всемъ остальномъ біографіи тожественны и, не смотря на свою краткость, настолько содержательны, что въ нихъ вошли всѣ существенныя подробности изъ жизни Кольцова.

Намъ остается сказать еще о сборникѣ, приложенномъ въ концѣ книги. Въ «Ясной Зоренькѣ» онъ состоитъ всего изъ 8-ми, а въ «Зорѣ»—изъ 12-ти стихотвореній; выбраны стихи, конечно, хорошо, но при такомъ ограниченномъ числѣ было бы лучше, вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ «Что ты спишь, мужичокъ» и «Пѣсни пахаря», помѣстить какіе нибудь другіе, менѣе извѣстные.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію остальныхъ трехъ статеекъ, вошедшихъ только въ содержаніе «Зари».

Въ первой маленькой статейкѣ, подъ заглавіемъ: «Кто сочинялъ народныя пѣсни?» кратко разсказано о происхожденіи пѣсенъ, о томъ, какъ ихъ въ древнія времена пѣли пѣвцы, какъ онѣ переходили изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому, какъ видоизмѣнялись съ теченіемъ времени и кто, наконецъ, изъ образованныхъ людей обратилъ на нихъ вниманіе и записалъ, причемъ названы фамиліи Кирши Данилова, Якушкина, Безсонова, Кирѣевскаго и еще нѣсколькихъ другихъ.

Содержаніе второй статейки составляютъ: «Во что вѣрилъ земледѣлецъ» (названы Перунъ, Стрибогъ, Дажбогъ и Сварогъ), «Три праздника» (Коляда, Красная Горка и Купала), «Древняя свадьба», «Умыканіе», «Купля», «Безъисходное горе» (тяжелое положеніе женщины въ семьѣ мужа и разныя невзгоды крестьянина-земледѣльца), «Ученье—свѣтъ, неученье—тьма» (какъ покорилъ человѣкъ своей власти силу вѣтра — вѣтряныя мельницы, силу пара — желѣзныя дороги и силу электричества—телеграфъ). Мы намѣренно дополнили замѣтками, поставленными въ скобкахъ, содержаніе этой части книги, чтобы не передавать его подробно. Ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что по своей идеѣ эта статейка очень полезна, такъ какъ въ ней хорошо разъяснено, какъ съ развитіемъ просвѣщенія улучшается быть людей и исчезаютъ понемногу разныя повѣрья и предразсудки, основанные исключительно только на невѣжествѣ неразвитаго человѣка.

Содержаніе послѣдней статейки «Русскій земледѣлецъ изъ стихотвореній Кольцова» ясно изъ самого заглавія, почему и не будемъ передавать его подробно: скажемъ только, что вся она состоитъ изъ отрывковъ изъ разныхъ стихотвореній Кольцова, связанныхъ между собою разсужденіями автора, и представляетъ самую слабую часть книги.

Намъ остается еще сказать, что, начиная съ внѣшнихъ достоинствъ изданія—красивой обертки, хорошей бумаги, отчетливой и опрятной печати—и кончая внутренними—вполнѣ доступнымъ изложеніемъ, хорошимъ языкомъ и интереснымъ содержаніемъ,—все въ немъ настолько хорошо, что не оставляетъ желать ничего лучшаго. И если можно сдѣлать какія либо замѣчанія, то только относительно нѣкоторыхъ плохихъ картинъ, и главнымъ образомъ относительно высокой цѣны, которая можетъ мѣшать распространенію этихъ интересныхъ и полезныхъ книгъ. Но если послѣднее обстоятельство не составитъ препятствія къ пріобрѣтенію «Иллюстрированной Хрестоматіи», то ее можно давать для самостоятельнаго чтенія хорошо читающимъ, согласно назначенію автора, т. е. «Ясную Зореньку»—младшему возрасту, а «Зарю» — старшему, которая, благодаря разнообразію своего содержанія, читается (говоримъ это на основаніи личнаго опыта въ воскресной школѣ) съ интересомъ и тѣми изъ взрослыхъ, которые имѣли уже возможность ознакомиться съ біографіей Кольцова по другому какому либо изданію.

Вопросы тѣ же, что и къ біографіи Кольцова въ изд. Солдатенкова (см. № 821). Кромѣ того, для «Зари»:

Во что прежде вѣрилъ нашъ земледѣлецъ?

Какіе языческіе праздники сохранились до настоящаго времени?

Какіе обычаи въ древнія времена замѣняли теперешнее сватовство?

Почему ученье называется свѣтомъ, а неученье—тьмою?

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Воспитаніе и Обученіе» 1880 г. № 6—7, стр. 276—277. «Женск. Образованіе» 1879 г. № 6—7, стр. 466. «Педагогич. Хроника» 1879 г. № 21.

---

825) **Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.** Чтеніе для народа. А. И. Николича. Произнесено въ аудиторіи Соляного Городка. (Съ изображеніемъ памятника Кольцова и его портретомъ). Спб. 1873 г. Ц. 10 к. 24 стр.

Названная брошюрка представляетъ собою прекрасно составленное и обработанное чтеніе для народа. Очеркъ жизни поэта довольно подробенъ и изложенъ интересно; въ текстѣ приведено достаточное количество отрывковъ и даже цѣлыхъ стихотвореній для ознакомленія слушателей съ поэзіею Кольцова. Все содержаніе изложено въ высшей степени доступно, вслѣдствіе чего является возможность давать книгу и для самостоятельнаго чтенія всякому толково грамотному простолюдину.

Но, благодаря тому обстоятельству, что примѣры, взятые изъ жизни, и выборъ отрывковъ изъ стихотвореній Кольцова, приводимые авторомъ, сообщаютъ чтенію характеръ бесѣды со взрослыми людьми, послѣдніе, какъ намъ пришлось неоднократно замѣчать, читаютъ этотъ біографическій очеркъ съ большимъ пониманіемъ и интересомъ, чѣмъ подростки.

Вопросы тѣ же, что и къ первой біографіи Кольцова (см. № 821). *Е. Г.*

---

826) **Кольцовъ и его пѣсни.** М. Парунова. Народныя изданія Я. А. Исакова. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 24 стр.

Это красивое и въ то же время дешевое изданіе, украшенное недурнымъ портретомъ Кольцова и такими же пятью картинками, при двухъ виньеткахъ на обѣихъ оберткахъ, представляетъ собою тоже біографическій очеркъ поэта-прасола, но только болѣе краткій, занимающій всего первую половину книги. Остальная часть брошюрки посвящена краткому и весьма поверхностному обзору его произведеній, изъ которыхъ дословно приведено нѣсколько небольшихъ отрывковъ и всего только три полныхъ стихотворенія: «Что ты спишь, мужичокъ?», «Размышленіе поселянина» и «Передъ образомъ Спасителя».

Не смотря на всѣ достоинства—вполнѣ хорошее изданіе, доступное изложеніе, хорошій языкъ и дешевую цѣну,—эта біографія Кольцова въ такой мѣрѣ уступаетъ предыдущей въ богатствѣ фактическаго матеріала, что должна быть поставлена гораздо ниже, хотя это нисколько не мѣшаетъ самой ей быть вполнѣ интереснымъ и полезнымъ чтеніемъ для подростковъ, еще не читавшихъ болѣе подробнаго жизнеописанія этого народнаго поэта. Послѣднее замѣчаніе дѣлаемъ на основаніи личнаго опыта: ученицы воскресной школы, въ возрастѣ отъ 10-ти до 13-ти лѣтъ, читали эту брошюрку съ интересомъ и передавали ея содержаніе вполнѣ удовлетворительно.

Въ 1882 году этотъ же самый трудъ г. Парунова и подъ тѣмъ же заглавіемъ былъ изданъ Постоянной Коммиссіей народныхъ чтеній, учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія. Главнымъ отличіемъ одного изданія отъ другаго является ихъ внѣшность, которая, при одинаковой стоимости, въ первомъ несравненно лучше и даже красивѣе, такъ что нельзя не пожалѣть о замѣнѣ изящныхъ картинокъ и виньетокъ стараго изданія аляповатыми картинками новаго. Что же касается до текста, то въ немъ сдѣланы самыя незначительныя измѣненія и сокращенія, не представляющія собой никакой существенной разницы, такъ что въ этомъ отношеніи совершенно безразлично, которое изъ двухъ изданій будетъ пріобрѣтено для народно-школьной библіотеки.

Вопросы къ біографіи—тѣ же (№ 821).

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Системат. Обзоръ Русской Нар. Лит.» 1878 г. стр. 249.

---

827) **Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, народный стихотворецъ.** (Съ приложеніемъ портрета А. В. Кольцова). Изданіе редакціи народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1872 г. Ц. 10 к. 30 стр.

И эта книга представляетъ собою очеркъ жизни Кольцова, во многихъ мѣстахъ заимствованный изъ статьи о немъ Бѣлинскаго и даже болѣе подробный, чѣмъ два предыдущіе (см. №№ 825 и 826), но мы поставили его ниже тѣхъ потому, что онъ уступаетъ имъ въ живости изложенія, вслѣдствіе чего и читается съ нѣсколько меньшимъ интересомъ и охотой. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что эта разница сравнительно все таки не настолько значительна, чтобы мы рѣшились совершенно отвергнуть это народное изданіе. Тѣмъ не менѣе, на основаніи личнаго опыта, мы посовѣтовали бы всѣмъ желающимъ пріобрѣсти біографію Кольцова, остановиться не на этой книгѣ, а на одной изъ указанныхъ выше, изъ которыхъ уже легко сдѣлать выборъ, сообразный возрасту, развитію и средствамъ читателя. *Е. Г.*

А. В. Кольцовъ. См. рец. №№ 841, 853 и 895.

---

828) **Нижегородскій механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ.** Соч. Н. Ремезова. Изд. 3-е. Спб. 1879 г. Ц. 10 к. 62 стр. маленькаго формата (съ портретомъ).

829) **Кулибинъ. Механикъ-самоучка.** Съ однимъ рисункомъ (портретомъ). Спб. 1875 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 13 к. 17 стр.

830) **Иванъ Петровичъ Кулибинъ. Механикъ-самоучка.** Ѳ. Е. Короткова. Чтеніе для народа. Избрано Коммисіею къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, произнесенныхъ въ Солянномъ Городкѣ. Изд. барона Косинскаго. Спб. Ц. 10 к. 22 стр. (съ портретомъ).

831) **Кулибинъ. Русскій механикъ-самоучка.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Цѣна 20 к. 22 стр.

832) **Механикъ-самоучка И. П. Кулибинъ.** Сост. Е. Ф. Николаева. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. (Съ раскраш. картинкой). Спб. 1882 г. 22 стр.

833) **Люди труда и сильной воли. И. П. Кулибинъ, русскій механикъ-самоучка.** Е. Н. Александровой. Изд. журн. «Родникъ». (Съ портрет. и двумя виньетками). Ц. 15 к. Спб. 1882 г. 37 стр.

Всѣ шесть названныхъ брошюрокъ до такой степени сходны по содержанію, что мы позволяемъ себѣ составить одну общую о

нихъ рецензію. Но, принимая при этомъ во вниманіе то обстоятельство, что Кулибинъ очень мало или вовсе неизвѣстенъ даже въ образованномъ классѣ общества, намъ кажется умѣстнымъ сжато передать содержаніе его біографіи, чтобы показать интересъ и пользу ея въ ряду другихъ.

Кулибинъ родился въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1735 г. Отецъ его, мѣщанинъ, велъ небольшую мучную торговлю. Сознавая выгоду грамотности для торговаго человѣка, онъ отдалъ сына въ ученье, которое продолжалось, однако, недолго по той простой причинѣ, что Ваня, благодаря хорошимъ способностямъ, скоро научился читать, писать и считать на счетахъ. Эта премудрость совершенно удовлетворила отца, поспѣшившаго воспользоваться знаніями сына, почему онъ и посадилъ его за прилавокъ.

Тяжелая жизнь началась тогда для молодого Кулибина: торговля совершенно не интересовала его и онъ старался пользоваться каждой удобной минутой, чтобы, спрятавшись гдѣ нибудь за кулями, съ помощью обыкновеннаго ножа приняться мастерить флюгерокъ, модельку мельницы, толчеи или еще какого нибудь другого простого механизма, видѣннаго имъ гдѣ нибудь. Увлекшись работой, онъ забывалъ обо всемъ окружавшемъ его и не замѣчалъ времени; часы летѣли незамѣтно, пока грозный голосъ отца, разсерженнаго отсутствіемъ сына въ лавкѣ, не возвращалъ его къ печальной дѣйствительности. Въ порывѣ гнѣва отецъ бранилъ, даже билъ непокорнаго сына, ломалъ и бросалъ въ огонь его «игрушки», но ничто не могло образумить Ивана. Съ возрастомъ, однако, страсть къ механикѣ не уменьшалась, а, напротивъ, даже увеличивалась. Не довольствуясь уже болѣе модельками, онъ украдкой по ночамъ и по праздникамъ занялся очисткой воды пруда въ отцовскомъ саду, сдѣлавъ ее проточной съ помощью устроенныхъ имъ собственноручно плотинъ, канавъ и шлюзовъ. Вода стала настолько чистой и хорошей, что въ прудѣ начала водиться разная рыба, до которой отецъ былъ большой охотникъ. Громадные караси, наловленные изъ этого пруда и зажаренные въ смѣтанѣ, въ такой мѣрѣ разодолжили старика, увидѣвшаго собственными глазами пользу отъ затѣй «бездѣльника», что съ этого времени Ивану было дозволено открыто потѣшаться «баловствомъ». Но недостатокъ образованія и чьей либо помощи былъ причиною того, что много лѣтъ жизни Кулибина погибло безплодно.

Не мало времени пошло у него, напр., на то, чтобы изучить механизмъ часовъ. Разобравъ выпрошенные имъ у одного знакомаго стѣнные часы и собравъ ихъ снова, онъ принялся за изготовленіе такихъ же, но съ однимъ деревяннымъ механизмомъ, такъ какъ, кромѣ дерева и ножа, у него ничего другаго и не было въ распоряженіи. Благодаря относительной нечистотѣ работы, часы не пошли; но эта первая неудача только временно огорчила Кулибина. Вскорѣ счастливая случайность пришла къ нему на помощь: нижегородская ратуша отправила его, какъ самаго расторопнаго изъ немногихъ грамотныхъ въ то время въ Нижнемъ, по важному дѣлу въ Москву.

Завидя тамъ первый попавшійся на глаза часовой магазинъ, онъ зашелъ въ него и, откровенно разсказавъ о себѣ, просилъ мастера объяснить ему устройство часовъ. Судьба натолкнула Ивана Петровича на добраго человѣка, который, замѣтивъ дѣйствительно необыкновенную понятливость Кулибина, не только научилъ его часовому мастерству, но даже подарилъ (или продалъ) ему свои старые инструменты. По возвращеніи домой, Кулибинъ принялся сначала за починку часовъ, а потомъ понемногу и за изготовленіе новыхъ, что̀ дало ему возможность, спустя два три года, бросить торговлю и открыть свой магазинъ часовъ.

Но страсть къ механикѣ, къ изобрѣтенію чего нибудь новаго не давала ему покоя. Онъ задумалъ сдѣлать часы необыкновеннаго устройства, которые хотѣлъ поднести Екатеринѣ II, путешествовавшей въ то время по Волгѣ и долженствовавшей заѣхать по пути въ Нижній. Оказалось, однако, что ни свободнаго времени, ни главнымъ образомъ средствъ для пріобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ и для содержанія большой семьи у него совершенно не было. На счастье Кулибина его выручилъ одинъ знакомый богатый купецъ, принявшій на себя всѣ расходы въ теченіе двухъ лѣтъ. Но не смотря на это, часы не поспѣли къ пріѣзду государыни, такъ какъ Иванъ Петровичъ временно увлекся устройствомъ телескопа, микроскопа и электрической машины и успокоился тогда только, когда ему удалось самому устроить всѣ эти приборы, такъ что первая электрическая машина въ Россіи была сдѣлана имъ въ Нижнемъ. Особенно трудно было справиться Кулибину съ телескопомъ, въ которомъ металлическое зеркало было отлито изъ сплава, составлявшаго секретъ механика-англичанина и потому никому неизвѣстнаго. Долго бился Иванъ Петровичъ, но

въ концѣ концовъ не только постигъ тайну сплава, но даже объявилъ его составъ для всеобщаго свѣдѣнія, не желая этимъ путемъ наживаться, подобно англичанину.

Во время пребыванія Екатерины II въ Нижнемъ-Новгородѣ ему удалось представиться ей. Государыня съ любопытствомъ осмотрѣла сдѣланные имъ телескопъ, микроскопъ и электрическую машину и со вниманіемъ выслушала толковое объясненіе механизма неоконченныхъ часовъ, причемъ приказала Кулибину самому привезти ихъ по окончаніи въ Петербургъ. Тотъ же знакомый купецъ довезъ Ивана Петровича до Петербурга и выхлопоталъ представленіе ко двору. Часы были приняты государыней и потомъ поставлены на храненіе въ кунсткамеру, а изобрѣтатель былъ награжденъ деньгами и, кромѣ того, получилъ мѣсто механика и завѣдующаго мастерской при Академіи Наукъ.

Очутившись, наконецъ, въ такой благопріятной для себя обстановкѣ, Кулибинъ съ жаромъ принялся за работу. Въ это время англичане въ газетахъ объявили большую денежную премію за представленіе модели моста безъ свай. Въ числѣ другихъ Иванъ Петровичъ представилъ Академіи Наукъ свою, составлявшую десятую часть моста, могущаго соединить въ указанномъ мѣстѣ берега Невы, на которой тогда еще не было постояннаго моста. Деревянная модель блистательно выдержала испытаніе, но по разнымъ соображеніямъ постройка настоящаго моста, не смотря на вопіющую необходимость, была отложена, а самую модель перевозили съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока она куда то не исчезла. Относительно полученія преміи отъ англичанъ Кулибинъ тоже не настаивалъ и она попала въ другія руки.

Мы не будемъ перечислять многочисленныхъ изобрѣтеній и полезныхъ приспособленій, придуманныхъ Кулибинымъ для завѣдуемой имъ мастерской, а назовемъ только болѣе замѣчательныя изъ его изобрѣтеній: самокатную двумѣстную телѣжку, въ которой онъ разъѣзжалъ по улицамъ Петербурга; фонарь съ рефлекторомъ особеннаго устройства, который усиливалъ свѣтъ единственной свѣчи настолько, что былъ видѣнъ на 30 верстъ; искусственную ногу, сгибавшуюся и разгибавшуюся настолько естественно, что ее трудно было отличить отъ настоящей; особенный механизмъ для водяныхъ мельницъ, которыя могли дѣйствовать безъ плотинъ на большихъ быстрыхъ рѣкахъ; впослѣдствіи онъ усовершенствовалъ его, и такой механизмъ могъ дѣйствовать одинаково хорошо и на водѣ, и подъ водой, и, наконецъ — вѣнецъ его изобрѣтеній—самоходное судно, которое силою одной воды, безъ веселъ и парусовъ и вообще безъ участія какой бы то ни было другой силы могло двигаться съ грузомъ противъ теченія и даже при противномъ вѣтрѣ.

Но судьба всѣхъ изобрѣтеній Кулибина была почти одинаково печальна. Происки академиковъ-нѣмцевъ, презрительно относившихся къ «русскому плотнику», какъ называли они его за то, что онъ не брилъ бороды и не хотѣлъ снять долгополаго русскаго кафтана, и собственная излишняя скромность и непрактичность при въ высшей степени кроткомъ характерѣ дѣлали то, что его изобрѣтенія или присваивались другими, или ихъ обставляли какъ то такъ, что они исчезали и предавались забвенію.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи исторія его самоходнаго судна. Пробы—одна въ Петербургѣ на Невѣ, а другая въ Нижнемъ на Волгѣ — убѣдили всѣхъ, видѣвшихъ своими глазами движеніе этого судна съ грузомъ противъ теченія и при сильномъ противномъ вѣтрѣ со скоростью 410 саж. въ часъ, въ пригодности его не только какъ средства для передвиженія людей по водѣ, но также и для торговыхъ цѣлей; а между тѣмъ, въ концѣ концовъ, послѣ долгой переписки обѣ модели были проданы съ публичнаго торга въ ломъ и пошли на дрова.

Тяжело жилось поэтому временами Кулибину отъ такой людской правды; но, къ счастью, не всѣ относились къ нему такъ враждебно, — были люди, цѣнившіе и уважавшіе его.

Дослужившись до пенсіи, Иванъ Петровичъ уѣхалъ доживать свой вѣкъ въ родной Нижній. За три года до смерти пожаръ истребилъ два его дома—единственное достояніе и обезпеченіе многочисленной семьи, такъ какъ Кулибинъ не нажилъ себѣ состоянія, тратя много денегъ на разныя модели и пробы своихъ изобрѣтеній. Послѣ пожара онъ уже почти не покидалъ постели, но, не смотря на старость и болѣзнь, все таки постоянно продолжалъ заниматься вычисленіями. Послѣдній трудъ его былъ—подробный чертежъ и описаніе работъ постояннаго желѣзнаго моста чрезъ Неву. Онъ умеръ 83 л.

Таково въ главной сущности содержаніе всѣхъ брошюръ, которыя разнятся одна отъ другой только нѣкоторыми подробностями или формой изложенія. Такъ, первая — соч. П. Ремезова, самая подробная и, судя по первому изданію въ 1862 г., самая ранняя,

такъ что всѣ остальныя видимо болѣе или менѣе заимствовали изъ нея свой фактическій матеріалъ; въ концѣ брошюрки, кромѣ того, приведены два списка 86 сочиненій русскихъ и иностранныхъ о Кулибинѣ съ краткимъ содержаніемъ и отзывомъ о каждомъ изъ нихъ и 7-ми портретовъ Кулибина; списки эти, безспорно, очень интересны, но только не для простолюдина, который навѣрное не дочитаетъ даже первой странички, а ихъ всѣхъ 16 и набраны онѣ петитомъ; для какой цѣли помѣщены эти списки въ народномъ изданіи — просто даже непонятно. Вторая брошюрка самая краткая; слѣдующія три, при поразительномъ сходствѣ содержанія, даже равны по числу страницъ, а изданіе журнала «Родникъ» отличается легкой повѣствовательной формой, представляя отдѣльныя, чрезвычайно живыя картинки изъ жизни Кулибина. Всѣ брошюрки написаны такимъ простымъ и понятнымъ языкомъ, что смѣло могутъ быть даваемы для самостоятельнаго чтенія не только взрослымъ хорошо грамотнымъ, но и подросткамъ, окончившимъ курсъ начальной школы, въ особенности брошюрки Ремезова и Александровой, отличающіяся картинностью, легкостью и теплотой изложенія.

Кромѣ того, брошюрки, составленныя Ѳ. Коротковымъ и Е. Николаевой, по своему прямому назначенію, и изданіе журнала «Досугъ и Дѣло» по тожеству содержанія съ предъидущей, могутъ служить уже готовымъ матеріаломъ для народныхъ чтеній, что въ данномъ случаѣ было бы даже полезнѣе самостоятельнаго домашняго чтенія, такъ какъ лицо, ведущее бесѣду, могло бы дать болѣе подробныя объясненія нѣкоторыхъ приборовъ, чѣмъ тѣ, которыя помѣщены въ текстѣ.

Всѣ книжки изданы хорошо (изданіе журн. «Родникъ» даже очень хорошо), дешевы и по своему интересному и поучительному содержанію вполнѣ умѣстны и желательны въ бѣдной народной библіотекѣ.

Вопросы:

Кому и чему былъ обязанъ Кулибинъ, что ему удалось добиться возможности заниматься механикой?

Кто и почему не давалъ ему хода въ Петербургѣ?

Какую пользу приносили и могли бы приносить изобрѣтенія Кулибина?

Когда онъ жилъ и были-ли въ то время уже извѣстны пароходы и желѣзныя дороги? (Первая желѣзная дорога въ Англіи — въ 1825 г.; первый пароходъ во Франціи — въ 1803 г.; первая проба самоходнаго судна Кулибина въ Петербургѣ—въ 1782, а вторая—въ Нижнемъ въ 1804 году).

Почему Кулибинъ не нажилъ себѣ состоянія?

Е. Г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

Люди труда и сильной воли. И. П. Кулибинъ, русскій механикъ-самоучка. Е. Н. Александровой.

Книжка эта была прочитана лѣтомъ на каникулахъ группѣ подростковъ между 13-ю и 15-ю годами, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Прежде всего учительница остановилась на заглавіи «*Люди труда и сильной воли*». Что такое «люди труда», слушатели тотчасъ же поняли; что же касается «сильной воли», то, сколько стараній ни употребляла учительница, сколько примѣровъ ни приводила, слушатели рѣшительно не могли взять въ толкъ, что это свойство души, и твердо стояли на томъ, что воля значитъ свобода. Почти настолько же непонятнымъ оказался и Некрасовскій эпиграфъ:

«Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край»...

(Очевидно, что на этотъ разъ учительницею былъ сдѣланъ промахъ: толкованіе такихъ трудныхъ эпиграфовъ должно не предшествовать чтенію, а слѣдовать за нимъ). Что же касается самой біографіи, то по окончаніи чтенія слушатели заявили, что все это было имъ очень интересно слушать.

Слушали они настолько внимательно, что одинъ изъ мальчиковъ припомнилъ послѣдовательно всѣ изобрѣтенія Кулибина, а другой съ необычайной точностью высчиталъ, когда и сколько получилъ Кулибинъ денежныхъ наградъ отъ императрицы Екатерины II.

Передача содержанія шла очень хорошо. —Онъ съ малолѣтства началъ игрушки умныя дѣлать, разсказывалъ одинъ изъ мальчиковъ: —а отецъ сердился, говоритъ: «что ты все глупостями занимаешься, пора помогать отцу», но онъ никакъ не могъ себя пересилить и

лавкой торговать,—ему все хотѣлось учиться.

Далѣе онъ передалъ подробно и толково весь разсказъ, оттѣнивъ ярче всего гоненіе ученыхъ нѣмцевъ на Кулибина.

Затѣмъ учительницею предложены были вопросы и получены слѣдующіе отвѣты.

— Кому и чему былъ обязанъ Кулибинъ, что ему удалось добиться возможности заниматься механикой?

— Своему уму! своимъ трудамъ! своему другу! отвѣчали дѣти.—Тому, что онъ былъ вольный, добавилъ одинъ изъ подростковъ.

— Кто и почему не давалъ ему хода въ Петербургѣ?

— Товарищи-нѣмцы завидовали, что онъ выдумывалъ все новое, а они сами ничего не могли выдумать. Только онъ не обращалъ на нихъ вниманія и продолжалъ свою работу.

— Какую пользу приносили и могли бы приносить изобрѣтенія Кулибина?

Надъ этимъ вопросомъ слушатели крѣпко задумались. — Разную! сказалъ уклончиво одинъ изъ нихъ. Такой неопредѣленный отвѣтъ заставилъ учительницу навести слушателей на перечисленіе изобрѣтеній Кулибина, причемъ польза каждаго изъ нихъ была совершенно опредѣленно и толково объяснена самими подростками.

— Когда онъ жилъ и были-ли въ то время уже извѣстны пароходы и желѣзныя дороги?

— Жилъ онъ въ 1764 г., 119 л. назадъ, отвѣчалъ бойко одинъ изъ подростковъ, высчитавшій это, очевидно, во время чтенія:— а тогда еще, вѣрно, ничего не было, даже часовъ мало было.

— Почему отецъ и окружающіе не могли понять стремленій и желаній Кулибина?

— Потому что они были необразованны, не знали, куда способности его ведутъ, и совѣтовали лучше торговать, чѣмъ этими пустяками заниматься.

— Что отвѣчалъ Кулибинъ, когда ему предлагали сбрить бороду и снять русское платье?

— Онъ говорилъ: «я простой русскій человѣкъ и не хочу носить нѣмецкаго платья, буду ходить, какъ предки ходили!»

— Почему Кулибинъ не нажилъ состоянія?

— Онъ все инструменты покупалъ, объ наживѣ не думалъ, лишь бы людямъ пользу принести, а себѣ честь.

— Вовсе онъ объ чести не хлопоталъ! ему было все равно!—возразилъ горячо одинъ изъ подростковъ:—ему лишь бы новое что-нибудь придумать, а не честь!

Особенно интересными мѣстами слушатели нашли сборы Кулибина во дворецъ и первое испытаніе самоходнаго судна при огромномъ стеченіи народа. Каждую новую награду Кулибина они встрѣчали громкими одобреніями.

На слѣдующій день послѣ чтенія біографіи Кулибина, соч. Е. П. Александровой, учительница пригласила учениковъ старшаго возраста и подростковъ и прочла «Нижегородскій механикъ-самоучка, Иванъ Петровичъ Кулибинъ» Ремезова.

Въ заглавіи этой біографіи ничего не сказано о *сильной волѣ*, но первыя двѣ страницы говорятъ настолько просто и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво о людяхъ настойчивыхъ, стремящихся къ намѣченной цѣли, что по прочтеніи этихъ двухъ страницъ одинъ изъ подростковъ сказалъ радостно:—А я понялъ теперь, что значитъ *люди сильной воли!*

— А что? спросила учительница.

— Это Томъ и Джорджъ, отвѣчалъ онъ убѣжденно. (Незадолго передъ тѣмъ дѣтямъ была прочитана повѣсть «Хижина дяди Тома»).

— Вѣрно! отвѣчала учительница.

Вся біографія была прослушана затѣмъ съ большимъ интересомъ, хотя пришлось слушать почти то же, что и наканунѣ. Слушателей занимали подробности, которыхъ нѣтъ въ біографіи, составленной г-жей Александровой, и даже такія, напр., мелочи, какъ надпись на кружкѣ, подаренной Екатериной Костромину.

— Тамъ только сказано: надпись, а здѣсь все какъ есть описано! говорилъ оживленно одинъ изъ мальчиковъ.

Подробнымъ описаніемъ внутренности часовъ съ гробомъ Господнимъ, воинами, ангеломъ и женами-мироносицами, слушатели остались весьма довольны, особенно младшіе, такъ что и по окончаніи чтенія долго толковали о томъ, какъ онъ умудрился все это устроить. Очень понравилось также описаніе покоренія острова Кыктака, жители котораго приняли за божество фонарь, устроенный Кулибинымъ.

Заняло ихъ также очень описаніе придворнаго праздника и то обстоятельство, какъ Екатерина, одѣтая въ русскій костюмъ, спрашивала: «гдѣ же мой Кулибинъ?» и какъ потомъ императоръ Іосифъ разговаривалъ съ нимъ. Однимъ словомъ, по окончаніи чтенія слушатели заявили хоромъ:—Эта куда лучше вчерашней—подробнѣй!

Учительница дала на домъ одной изъ старшихъ и болѣе развитыхъ учениць остальныя брошюры и поручила прочесть ихъ, сравнить

и сказать потомъ, какую она находитъ наиболѣе интересною.

По прочтеніи ученица эта по прежнему осталась вѣрна въ своихъ симпатіяхъ брошюрѣ г. Ремезова.

---

834) **Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.** В. М. Сорокина. (Съ изображеніемъ памятника Ломоносова и его портретомъ). Чтеніе для народа. Произнесено въ аудиторіи Соляного Городка. Спб. 1873 г. Ц. 10 к. 23 стр.

835) **Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.** А. Филонова. Съ раскрашенною картинкою (портретомъ). Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Изданіе 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 5 к. 25 стр.

Обѣ названныя брошюрки представляютъ собой уже произнесенныя народныя чтенія, изданныя двумя различными Коммиссіями, и по своему содержанію весьма близко подходятъ одна къ другой. Біографическія свѣдѣнія о Ломоносовѣ, на которыхъ мы считаемъ себя въ правѣ не останавливаться, въ виду ихъ общеизвѣстности, почти тожественны въ обѣихъ книжкахъ; вся разница въ томъ, что составитель первой остановился исключительно на частной, личной жизни названнаго писателя и ею только ограничился, тогда какъ авторъ второй изложилъ жизнеописаніе знаменитаго сына рыбака болѣе кратко, но зато привелъ два коротенькихъ отрывка изъ стихотвореній и кратко передалъ содержаніе твухъ-трехъ сочиненій, въ томъ числѣ и записки: «О сохраненіи и размноженіи россійскаго народа». Оба чтенія изложены чрезвычайно доступно, простымъ, понятнымъ языкомъ. Вездѣ, гдѣ нужно, встрѣчаются толковыя объясненія трудныхъ словъ и понятій, благодаря чему обѣ книжки могутъ быть даваемы и на домъ для самостоятельнаго чтенія. Единственное неудачное въ этомъ отношеніи мѣсто представляетъ объясненіе устройства громоотвода, въ первой книжкѣ на стр. 18,—«онъ (желѣзный прутъ) проходитъ *черезъ все зданіе* и однимъ концомъ зарывается въ землю довольно глубоко, а другимъ, обыкновенно заостреннымъ, возвышается надъ крышей аршина на два»,—такъ какъ, вслѣдствіе неудачнаго выраженія, можетъ дать неправильное понятіе объ устройствѣ этого прибора.

Изданы книжки вполнѣ хорошо. Стóятъ очень дешево и потому одно изъ этихъ двухъ изданій,—которое изъ нихъ, это безразлично,—обязательно должно быть въ каждой народной библіотекѣ, тѣмъ болѣе что по содержанію обѣ книжки очень интересны и, кромѣ того, могутъ имѣть большое воспитательное вліяніе на читателей.

Давать для самостоятельнаго чтенія слѣдуетъ предпочтительно хорошо читающимъ взрослымъ и развитымъ подросткамъ въ виду того обстоятельства, что геніальность и заслуги Ломоносова могутъ быть лучше поняты и хотя отчасти оцѣнены только лишь при нѣкоторомъ развитіи и даже образованіи; тѣмъ неменѣе намъ пришлось убѣдиться, что и дѣти слушаютъ эту біографію съ большимъ интересомъ, чтò объясняется, конечно, въ высшей степени доступнымъ и простымъ изложеніемъ.

Кромѣ того, обѣ книги по своему прямому назначенію могутъ служить уже вполнѣ готовымъ матеріаломъ для народнаго чтенія.

Вопросы къ обѣимъ біографіямъ.

Когда жилъ Ломоносовъ?

Опишите край, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство.

Что заставило его бѣжать въ Москву учиться?

Чему научился онъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ и за-границей?

Чѣмъ занялся онъ по возвращеніи изъ-заграницы въ Петербургъ?

Какое высшее учебное заведеніе было открыто его стараніями и гдѣ?

Почему Ломоносовъ никогда не будетъ забытъ въ Россіи?

Е. Г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

Біографію «*Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ*», *В. М. Сорокина*» намъ пришлось прочесть въ группѣ дѣтей и подростковъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Всѣ слушали съ большимъ интересомъ и вниманіемъ и по прочтеніи передали содержаніе весьма подробно и толково. Мы не будемъ приводить здѣсь отвѣтовъ подростковъ, для которыхъ собственно и предназначалось чтеніе (такъ какъ, благодаря указаннымъ уже достоинствамъ изложенія, трудно было сомнѣваться въ ихъ толковомъ пониманіи), а приведемъ

только нѣсколько отвѣтовъ младшихъ изъ дѣтей, чтобы показать, что имъ также доступно въ значительной степени пониманіе біографіи, изложенной такъ тепло и просто, какъ изложилъ ее В. М. Сорокинъ.

— Когда жилъ Ломоносовъ?

— 161 годъ назадъ, отвѣтили весело дѣти. —Это легче помнить, чѣмъ когда цифрами обозначается, замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Что заставило его бѣжать въ Москву учиться?

— Въ той деревнѣ, гдѣ онъ жилъ, не было ученыхъ людей. Ему хотѣлось все разузнать, всего достигнуть, а не у кого было спросить.

— За что уважали его не только всѣ знавшіе его, но даже многіе вельможи и тѣ изъ нашихъ царицъ, при которыхъ онъ жилъ?

— За его умъ!—За то, что онъ не гордился, отвѣчали наперерывъ дѣти.

— Почему Ломоносовъ никогда не будетъ забытъ въ Россіи?

— Потому что онъ сдѣлалъ для нея много хорошаго, отвѣчалъ одинъ изъ наиболѣе развитыхъ мальчиковъ.

---

836) **Разсказы о Ломоносовѣ**. Чтеніе для народа. Составилъ В. Новаковскій. 4-е изданіе. Спб. 1876 г. Изданіе Фену и К°. Ц. 10 к. 47 стр.

Въ этой небольшой книжкѣ находимъ также біографическій очеркъ Ломоносова, большая часть котораго изложена въ легкой повѣствовательной формѣ. Все содержаніе брошюрки раздѣлено на 7 разсказовъ, которые, замѣтимъ кстати, удобнѣе было-бы назвать просто главами и которые разнятся между собою какъ величиной (послѣдній, напр., вдвое больше перваго), такъ и способомъ изложенія. Первые шесть разсказовъ представляютъ собою отдѣльныя, живо очерченныя картины изъ жизни Ломоносова: его домашнее житье-бытье, побѣгъ въ Москву, первые тяжелые, безпріютные дни, проведенные имъ въ Бѣлокаменной, его ученіе въ Заиконоспасскомъ училищѣ, увѣщанія пріѣзжающихъ земляковъ возвратиться домой, студенческая жизнь заграницею, плачевное денежное положеніе, въ которомъ онъ очутился послѣ женитьбы, побѣгъ отъ кредиторовъ изъ Марбурга, вербовка въ прусскіе солдаты и вторичный счастливый побѣгъ изъ крѣпости Везель. Въ 7-мъ разсказѣ, самомъ большомъ, кратко передана дальнѣйшая жизнь и дѣятельность Ломоносова, причемъ приведены два отрывка изъ его стихотвореній и письмо къ сестрѣ. Заканчивается книжка описаніемъ столѣтняго юбилея, отпразднованнаго въ 1865 г., и перечисленіемъ всего того, что было тогда учреждено въ память и честь Ломоносова.

Изложены разсказы понятнымъ, мѣстами даже народнымъ языкомъ. Издана книжка хорошо и стоитъ недорого. Благодаря своей легкой повѣствовательной формѣ, она съ интересомъ и удовольствіемъ читается даже тѣми, кто уже имѣлъ случай ознакомиться съ жизнеописаніемъ Ломоносова въ какомъ-либо другомъ изданіи, и, какъ книжка для чтенія, несомнѣнно полезна и желательна въ народной библіотекѣ.

Вполнѣ пригодна для самостоятельнаго домашняго чтенія хорошо читающимъ взрослымъ и подросткамъ.

Вопросы:

Какъ жилось Ломоносову дома?
Почему онъ бѣжалъ въ Москву?
Какъ онъ тамъ жилъ и чему научился?
Зачѣмъ его отправили заграницу?
Что тамъ было съ нимъ?
Какъ проводилъ онъ время и чѣмъ занимался въ Петербургѣ по возвращеніи изъ нѣмецкой земли?

Е. Г.

---

837) **Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ**. Жизнеописанія замѣчательныхъ людей. Діодора Васильева. Изд. Общ. распростр. полезн. книгъ. Москва. 1865 г. Ц. 20 коп. 62 стр.

838) **Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ**. Изданіе «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 25 к. 28 стр.; двѣ плохенькія картинки.

Не смотря на то, что по своему фактическому матеріалу эти двѣ біографіи Ломоносова стоятъ очень близко къ названнымъ выше (см. №№ 834 и 835), мы тѣмъ не менѣе не рѣшились поставить ихъ всѣхъ рядомъ и огуломъ, безъ всякихъ оговорокъ, рекомендовать для народныхъ библіотекъ. Дѣло въ томъ, что при большомъ сходствѣ онѣ существенно отличаются отъ первыхъ двухъ болѣе или менѣе значительными вставками или, лучше сказать, отступленіями, посвященными то очерку положенія дѣлъ въ Россіи въ данный моментъ, то географическому описанію извѣстной мѣстности, то характеристикѣ того или другого историческаго дѣятеля указанной эпохи, то, наконецъ, изложенію неурядицы въ дѣлахъ Академіи Наукъ, тяжело отражавшейся на служившихъ въ ней лицахъ и происходившей вслѣдствіе постоянной борьбы профессоровъ двухъ разныхъ партій—нѣмецкой и русской.

Благодаря такимъ отступленіямъ, очевидно, книги эти могутъ быть даваемы только тѣмъ читателямъ, которые хотя нѣсколько знакомы уже съ исторіей и географіей Россіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ чтеніе ихъ окажется неизбѣжно менѣе производительнымъ. А такъ какъ вообще весьма желательно, чтобы каждый выдающійся общественный дѣятель узнавался неоторваннымъ отъ современной ему эпохи, то мы и не можемъ не рекомендовать этихъ, хотя и не вполнѣ народныхъ изданій, для тѣхъ имѣющихся у насъ въ виду читателей, которымъ они окажутся по силамъ.

Относительно же самихъ книжекъ замѣтимъ, что изданіе журнала «Досугъ и Дѣло» несомнѣнно заимствовано изъ изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ, которое по времени представляется самымъ раннимъ и полнымъ въ ряду другихъ біографій Ломоносова. Кромѣ того, въ ней же находимъ нѣсколько отрывковъ изъ его стихотвореній, въ томъ числѣ переложеніе псалма 103 и изъ «Книги Іова» и много отрывковъ изъ писемъ Ломоносова къ разнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего книжка оказывается вдвое больше второй, но изложена суше, почему охотнѣе будетъ читаться взрослыми, чѣмъ подростками.

Вопросы къ біографіи Ломоносова остаются тѣ же (см. № 834), и, сверхъ того, можно спросить:

Каковъ былъ въ то время край, въ которомъ родился Ломоносовъ?

Разскажите, что замѣтили о Биронѣ и въ какомъ положеніи находилась тогда Россія?

Что такое Академія Наукъ и изъ-за чего Ломоносовъ ссорился съ профессорами-нѣмцами?

Почему не всѣ профессора были въ ней русскіе?

Какими науками особенно любилъ заниматься Ломоносовъ?

Е. Г.

---

839) **Ломоносовъ.** Біографическій очеркъ изъ XVIII вѣка. Ольги Пономаревой. Москва. 1882 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ, № 362. Ц. 15 к. 21 стр.

Эта тоненькая брошюрка, едва составляющая печатный листъ и тѣмъ не менѣе стоющая 15 коп., представляетъ собою изданіе и даже весьма недавнее того-же Общества распространенія полезныхъ книгъ, посвященное жизнеописанію Ломоносова, какъ и только-что указанный трудъ г. Васильева. При сравненіи этихъ двухъ книжекъ становится просто непонятнымъ, почему названное общество предпочло издать трудъ г-жи Пономаревой, стоящій несравненно ниже, вмѣсто того чтобы повторить изданіе 1865 года, если таковое уже разошлось, чѣмъ несомнѣнно увеличило бы число полезныхъ книгъ и чего нельзя сказать объ изданіи 1882 г., такъ какъ ни по полнотѣ біографическихъ свѣдѣній, ни по обработкѣ этотъ «біографическій очеркъ изъ XVIII столѣтія» совершенно не выдерживаетъ сравненія даже и съ остальными, болѣе краткими изданіями о Ломоносовѣ.

Кромѣ того, вся брошюрка оказывается изложенной какимъ-то высокопарнымъ слогомъ, а ея особенности, состоящія въ спискѣ 20 разнородныхъ сочиненій Ломоносова и анекдотѣ о радости Сумарокова при извѣстіи о смерти Михаила Васильевича, не имѣютъ ни большаго значенія, ни особеннаго интереса.

Въ виду всего вышеизложеннаго мы и позволяемъ себѣ не рекомендовать этой книжки для народныхъ библіотекъ.

Е. Г.

---

840) **Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ.** (Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова). Дешевая библіотека. Спб. 1882 г. Изд. А. С. Суворина. Ц. 40 коп. 60 стр. біографіи и 228 стр. сочиненій (небольшаго формата).

Эта болѣе чѣмъ дешевая и интересная книжка, напечатанная вся очень мелкимъ шрифтомъ, представляетъ собою одинъ томикъ той весьма желательной дешевой библіотеки, обладать которою составляетъ мечту всякаго дѣйствительно образованнаго человѣка. По своему содержанію и изложенію она совершенно непригодна для народной библіотеки, такъ какъ составлена и издана для другаго круга читателей.

Е. Г.

М. В. Ломоносовъ—см. рец. № 853.

---

841) **Народные поэты и пѣвцы.** Съ портретами: Кольцова, Никитина, Щеголенка и Вересая. (Въ приложеніи—ноты былиннаго напѣва). Изд. народн. журнала «Грамотѣй». Москва. 1877 г. Ц. 50 коп. 84 стр.

Содержаніе названной книги составляютъ: объясненіе происхожденія былинъ, указаніе мѣстъ, гдѣ онѣ еще поются, отрывокъ изъ статьи г. Рыбникова о томъ, при какихъ условіяхъ записывалъ онъ былины въ Олонецкой губ., и при этомъ краткая характеристика нѣкоторыхъ пѣвцовъ былинъ или,

какъ ихъ тамъ называютъ, «сказителей» происхожденіе думы, мѣста ея распространенія, содержаніе думъ, біографія Вересая, записанная съ его словъ; двѣ біографіи народныхъ поэтовъ—Кольцова и Никитина и въ концѣ—ноты былиннаго напѣва и отрывокъ изъ былины о Добрынѣ Никитичѣ, текстъ которой заимствованъ изъ сборника Рыбникова.

Все это разнообразное и дѣловое содержаніе изложено въ доступной формѣ и очень хорошимъ языкомъ, причемъ замѣтимъ, что обѣ біографіи народныхъ поэтовъ составлены по лучшимъ источникамъ: біографія Кольцова по статьѣ Бѣлинскаго, а біографія Никитина—по сочиненію Де-Пуле.

Благодаря всему вышесказанному, сборникъ представляетъ интересное и полезное чтеніе, особенно для болѣе развитыхъ и толково-грамотныхъ взрослыхъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что въ особенности хороша біографія Никитина, что̀ и побудило насъ дать настоящее мѣсто этому сборнику въ ряду біографій названнаго писателя. Вообще, вся брошюра полна такого интереса, что съ удовольствіемъ прочтется даже и тѣми, которые ознакомились уже съ жизнеописаніями Кольцова и Никитина по другимъ изложеніямъ.

Вопросы:

Какія народныя пѣсни называются былинами?

Гдѣ онѣ поются?

Гдѣ поются думы и какое ихъ содержаніе?

Разскажите біографіи Вересая, Кольцова и Никитина. (Вопросы см. № 821, № 842 и № 843).

---

842) **Стихотворенія Никитина и Некрасова.** *Ясная Зоренька.* (Иллюстрированная Хрестоматія). Съ 8-ю картинами и портретомъ Некрасова. Составилъ Горемыкинъ. Спб. 1879 г. Ц. 20 коп. 31 стр.

843) **Никитинъ и Некрасовъ.** *Заря.* (Иллюстрированная Хрестоматія). Съ 8-ю картинами и портретомъ Некрасова. Составилъ Горемыкинъ. Спб. 1879 г. Ц. 30 коп. 52 стр.

Обѣ названныя книги представляютъ собою по времени выхода въ свѣтъ первый, а по своему содержанію второй выпускъ уже извѣстной читателю «Иллюстрированной Хрестоматіи». (См. рецензію на «Ясную Зореньку» и «Зарю»—«Народныя пѣсни и стихотворенія Кольцова» №№ 823 и 824) Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію содержанія этого выпуска, мы позволимъ себѣ привести изъ него два эпиграфа, изъ которыхъ первый предшествуетъ біографическимъ очеркамъ, а второй стоитъ на заглавномъ листкѣ хрестоматіи (стр. 29). Первый представляетъ собою отрывокъ изъ стихотворенія Никитина:

«Гдѣ-жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ,
Подавайте примѣръ,
Поучайте народъ!»

А второй изъ стихотворенія Некрасова:

«Ой, люди, люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали-ли когда-нибудь
Вы эти имена?
Носили ихъ, прославили
Заступники народные.
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать....»

Остановились мы на этихъ эпиграфахъ только потому, что они совершенно ясно опредѣляютъ первоначальную цѣль издателя—составленіе хрестоматій для народнаго чтенія. Отъ этой цѣли онъ во второмъ выпускѣ нѣсколько отступилъ, какъ помнитъ читатель, выдвинувъ на первый планъ составленіе хрестоматій для дѣтскаго чтенія. Эта неустойчивость г. Горемыкина, быть можетъ, такъ и прошла бы незамѣченной нами въ виду того обстоятельства, что она нисколько не отразилась на программѣ и выполненіи изданія, но вся бѣда въ томъ, что видоизмѣненіе цѣли изданія отразилось, къ сожалѣнію, на цѣнѣ, которая и для этого выпуска оказывается нѣсколько высокой. Что же касается до извѣстнаго уже читателю выпуска «Народныя пѣсни и стихотворенія Кольцова», то, не смотря на всѣ достоинства, онъ, исключительно благодаря своей несоразмѣрно дорогой цѣнѣ, рискуетъ залежаться, такъ какъ можетъ быть замѣненъ другими біографіями Кольцова, болѣе подробными и гораздо болѣе дешевыми, на что и было уже указано нами въ нашей рецензіи. А потому, въ виду обѣщаннаго продолженія изданія и въ виду указанныхъ уже достоинствъ первыхъ выпусковъ, оказавшихся вполнѣ пригодными для народнаго чтенія, нельзя не пожалѣть, что единственнымъ, но въ то же время и очень существеннымъ препятствіемъ на пути желательнаго широкаго распространенія «Иллюстрированной Хрестоматіи» является ея слишкомъ высокая цѣна, которую, на нашъ взглядъ, съ удобствомъ можно было-бы понизить на

счетъ внѣшности книгъ, сдѣлавъ ее болѣе простой и уменьшивъ число картинокъ, что нисколько не было-бы въ ущербъ изданію.

Кромѣ того, считаемъ нужнымъ остановиться еще и на другомъ отступленіи г. Горемыкина,—на этотъ разъ ужъ не отъ цѣли, а отъ программы изданія. Находя существующія хрестоматіи неудобными вслѣдствіе пестроты ихъ содержанія, мѣшающей читателю составить ясное представленіе о каждомъ писателѣ отдѣльно, онъ самъ почему-то въ своихъ хрестоматіяхъ отчасти удержалъ это неудобство, что видно изъ содержанія всѣхъ трехъ выпусковъ: «Народныя пѣсни и стихотворенія Кольцова», «Никитинъ и Некрасовъ», «Жуковскій и Пушкинъ». Между тѣмъ ничто, повидимому, не мѣшало раздѣлить каждую книгу на двѣ брошюры, отдѣльныя для каждаго писателя и потому болѣе удобныя для чтенія.

Ограничившись этими общими замѣчаніями на все изданіе, переходимъ къ разсмотрѣнію частностей второго выпуска. Общее содержаніе для обѣихъ книжекъ составляютъ слѣдующія статейки: «Поэтъ» (на 2 стр.), двѣ біографіи—Никитина и Некрасова (каждая на 4 стр.) и «Хрестоматія съ картинками», составленная изъ 10 стихотвореній перваго и 12—второго поэта; кромѣ того, въ одной «Зарѣ» помѣщены еще двѣ статейки: «Картины жизни и природы изъ стихотвореній Никитина» (на 7 стр.) и «Картины сельской жизни изъ стихотвореній Некрасова» (на 6 стр.).

Въ виду того, что и въ этомъ выпускѣ все содержаніе «Ясной Зореньки» цѣликомъ вошло въ «Зарю» и отличается только самыми незначительными сокращеніями, сдѣланными въ біографіяхъ, мы будемъ говорить въ нашей рецензіи объ одной «Зарѣ».

Въ первой статейкѣ—«Поэтъ» авторъ хорошо и доступно объясняетъ значеніе словъ: «литература», «поэтъ» и «художественное или поэтическое сочиненіе» и затѣмъ очень живо и задушевно говоритъ о дѣятельности поэтовъ и о пользѣ знакомства съ ихъ произведеніями.

Статейка заканчивается стихотвореніемъ Майкова—«Нива», которое, какъ мы замѣтили, самостоятельно понимается только въ первой своей половинѣ, а вторая, благодаря аллегоріи, совершенно не усваивается вслѣдствіе полнѣйшаго незнакомства читателей съ положеніемъ нашей печати въ разныя времена.

Обѣ біографіи, не смотря на краткость, очень содержательны и интересны, такъ какъ полны потрясающихъ подробностей изъ жизни обоихъ поэтовъ. Въ біографіи Никитина, по нашимъ наблюденіямъ, особенное вниманіе останавливала на себѣ та тяжелая пора его безотрадной жизни, когда онъ, вслѣдствіе разстройства торговыхъ дѣлъ и запоя отца, принужденъ былъ отбросить свои завѣтныя мечты о поступленіи въ университетъ и вмѣсто того, перерядившись въ костюмъ дворника, стать за стойку на постояломъ дворѣ. Подробности пересказа и сочувственный тонъ его совершенно ясно показывали, что трагическое положеніе поэта глубоко залегло въ памяти нашихъ читательницъ, потому что произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. А приложенное въ концѣ біографіи превосходное стихотвореніе Никитина:

«Вырыта заступомъ яма глубокая»...

очень многими было не только переписано, но даже заучено на память.

Повидимому, такое же сильное впечатлѣніе производило на нашихъ учениць и описаніе бѣдственнаго положенія Некрасова въ первое время его жизни въ Петербургѣ, о чемъ можно было заключить изъ подробнаго пересказа сцены, когда нищіе пріютили и накормили одинокаго юношу-поэта, очутившагося ночью на улицѣ и безъ гроша въ карманѣ. Впрочемъ, надо сказать, что въ общемъ біографія Никитина передавалась лучше, благодаря бо́льшей доступности своего содержанія. Біографія же Некрасова передавалась хорошо только въ первой своей половинѣ, а вторая половина, полная подробностей литературной дѣятельности поэта, хотя и понималась ученицами воскресной школы, но онѣ видимо затруднялись при пересказываніи ея.

Что же касается обѣихъ статеекъ, заглавія которыхъ уже были выписаны нами раньше и которыя представляютъ собою отдѣльные отрывки изъ разныхъ стихотвореній обоихъ поэтовъ, связанные между собою разсужденіями составителя или краткой передачей нѣкоторыхъ произведеній, не помѣщенныхъ цѣликомъ въ виду ихъ объема, то, вмѣсто личнаго мнѣнія, мы приведемъ замѣчанія нашихъ читательницъ, которыя въ общемъ сводились къ слѣдующему: «Какъ жаль, что вотъ тутъ всѣ стихи безъ начала и конца!» Когда же мы указывали на пересказъ содержанія, помѣщенный передъ отрывками, то обыкновенно слышали приблизительно такія возраженія, высказанныя тономъ сожалѣнія: «А въ стихахъ вѣрно объ этомъ лучше разсказано!—Я такъ хотѣла бы прочитать всего «Портного» и «Болѣсть», и «Упрямаго отца». И когда на наше замѣчаніе, что это все

большіе стихи, которыхъ нельзя было бы помѣстить въ такой небольшой книгѣ, намъ снова возражали, что «лучше было бы напечатать одни стихи, да всѣ, чѣмъ много кусочковъ»,—мы мысленно не могли не согласиться съ этимъ выводомъ. Замѣна вышеуказанныхъ двухъ статеекъ большими отрывками или, лучше, цѣлыми стихотвореніями особенно желательна въ виду болѣе чѣмъ ограниченнаго числа стихотвореній, вошедшихъ въ составъ хрестоматіи, которая такимъ образомъ могла бы быть увеличена въ объемѣ на счетъ этихъ статеекъ, оставляющихъ по себѣ какое-то смутное представленіе; по крайней мѣрѣ, наши читательницы всегда затруднялись передачею ихъ содержанія.

Но, не смотря на относительную дороговизну, это изданіе въ настоящее время по своимъ достоинствамъ и потому, что представляетъ собою единственную доступную для простолюдина біографію Некрасова, является вполнѣ желательнымъ и даже необходимымъ въ каждой народной библіотекѣ, особенно въ виду того обстоятельства, что,—не говоря уже о всѣми признанномъ воспитательномъ значеніи сочиненій обоихъ поэтовъ, — имена ихъ пользуются извѣстностью въ этомъ грамотномъ людѣ, отчасти благодаря нѣкоторымъ дешевымъ изданіямъ и еще болѣе потому, что каждый школьникъ знаетъ на память достаточное число ихъ стихотвореній.

Разница между обѣими книгами этого выпуска такъ незначительна, что обѣ съ одинаковой пользой и интересомъ читаются и взрослыми, и подростками, хорошо читающими и болѣе или менѣе развитыми.

Вопросы:

Къ біографіи Никитина.

Гдѣ родился Никитинъ и давно ли онъ жилъ?

Гдѣ онъ учился?

Что помѣшало ему поступить въ университетъ?

За какое занятіе принудила его взяться бѣдность?

Какой магазинъ открылъ онъ на собранныя деньги?

Былъ ли онъ счастливъ въ послѣдніе годы своей жизни?

Кому оставилъ онъ свое состояніе?

О чемъ писалъ онъ въ своихъ стихахъ?

Къ біографіи Некрасова.

Гдѣ родился Некрасовъ и когда онъ жилъ?

Какая была у него мать?

Гдѣ онъ учился и почему попалъ въ Петербургъ?

Какъ жилось ему тамъ въ первое время и отчего такъ тяжело?

Кто помогъ ему?

Чѣмъ онъ потомъ занимался?

О чемъ онъ писалъ въ своихъ стихахъ?

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Воспит. и Обученіе» 1879 г. № 4, стр. 190.

«Женск. Образованіе» 1880 г. № 4 и № 6—7, стр. 466.

«Пед. Музей» 1879 г., № 4—5, стр. 397—398.

«Педаг. Хроника» 1879 г., № 21.

«Народн. и Дѣтск. Библіотека» 1879 г. № 6, стр. 178—179.

«Новости» 1879 г. № 8.

---

844) **Иванъ Саввичъ Никитинъ.** Народный поэтъ. Спб. Изд. Ред. народн. журн. «Мірской Вѣстникъ». 1880 г. Ц. 7 к. 16 стр.

Содержаніе этой тоненькой, лишенной картинокъ брошюрки оказывается въ такой мѣрѣ заимствованнымъ изъ только-что разобраннаго труда г. Горемыкина (см. № 843), что представляетъ собою то дешевое народное изданіе «Иллюстрированной Хрестоматіи», объ отсутствіи котораго мы сожалѣли въ предыдущей рецензіи. При сравненіи ея содержанія съ «Зарей» второго выпуска оказывается, что въ нее вошли съ самыми незначительными измѣненіями и сокращеніями всѣ три статейки: «Поэтъ», «Жизнь Ивана Саввича Никитина» и «Картины жизни и природы изъ стихотвореній Никитина». Вся разница заключается только въ томъ, что вмѣсто стихотворенія Майкова «Нива» приведены два отрывка изъ «Поэта» и «Памятника» Пушкина, да изъ числа 16 отрывковъ изъ стихотвореній Никитина оставлено только 6 и помѣщено еще два довольно большихъ отрывка изъ «Мертваго тѣла» и изъ «Пѣсни бобыля», которыхъ нѣтъ въ «Зарѣ». Разница, какъ видитъ читатель, самая незначительная,—существеннымъ является только отсутствіе 10 стихотвореній, составляющихъ хрестоматію, а между тѣмъ брошюрка стоитъ вдвое дешевле—всего 7 коп. вмѣсто 15-ти,—если считать половинную цѣну «Зари». Поэтому нельзя не поблагодарить редакцію «Мірскаго Вѣстника» за то, что она взяла на себя трудъ болѣе дешеваго изданія «Иллюстрированной Хрестоматіи», которая въ такомъ видѣ несомнѣнно должна распространиться въ народѣ. Только по поводу названной брошюрки слѣдуетъ замѣтить, что почтен-

ная редакція остановилась въ своемъ добромъ дѣлѣ на полпути, такъ какъ въ настоящее время приходится или игнорировать эту дешевую біографію Никитина, или имѣть ее въ двухъ разныхъ изданіяхъ, въ виду полнѣйшаго отсутствія другой подходящей біографіи Некрасова.

А потому и закончимъ нашъ отзывъ пожеланіемъ встрѣтить въ ближайшемъ будущемъ въ изданіи того же «Мірскаго Вѣстника» еще двѣ вышедшія уже біографіи— Кольцова и Некрасова, а въ случаѣ продолженія изданія «Иллюстрированной Хрестоматіи» и всѣ остальныя, которыя появятся въ ней.

Очевидно, что въ виду тожества этой біографіи Никитина съ помѣщенной въ «Зарѣ» ее можно давать тѣмъ же читателямъ и разспрашивать по тѣмъ же вопросамъ, какіе были указаны въ предыдущей рецензіи. (См. №№ 842 и 843). *Е. Г.*

И. С. Никитинъ—см. рец. №№ 853, 895.

---

845) **Курскій астрономъ-самоучка, Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ.** Соч. П. Ремезова. Спб. 1876 г. Ц. 10 к. (Съ портретомъ Семенова). 52 стр. маленькаго формата.

Названный біографическій очеркъ не только не представляетъ собою исключенія въ ряду прочихъ того же автора (см. рецензіи №№ 828, 846, 847), но, напротивъ, при сравненіи съ ними даже, какъ будто, страдаетъ еще большею сухостью при очень удовлетворительной въ то же время обстоятельности изложенія.

А между тѣмъ сила воли и страсть къ умственному труду этого астронома, по ремеслу мясника и самоучки въ полномъ смыслѣ слова, его личный характеръ и поразительная усидчивость въ занятіяхъ въ такой мѣрѣ поучительны и способны нравственно влiять на читателя, что приходится особенно сильно пожалѣть о неудачномъ изложеніи именно этого біографическаго очерка. На взрослаго и притомъ серьезнаго человѣка даже эта брошюрка, представляющая собою не болѣе, какъ точную передачу голыхъ фактовъ, несомнѣнно должна произвести сильное и глубокое впечатлѣніе; но большинству читателей, требующему для запечатлѣнія въ своей памяти прочитаннаго яркихъ красокъ, живыхъ образовъ и картинъ, трудъ г. Ремезова покажется просто скучнымъ и тяжелымъ.

Не говоря уже объ обстановкѣ жизни Семенова, имѣющей поразительное сходство съ той, въ которой жилъ и механикъ-самоучка Кулибинъ,—т. е., что и на его долю выпали и тотъ же подневольный и нелюбимый ежедневный трудъ, и та же горькая необходимость отдаваться своимъ любимымъ занятіямъ тайкомъ, въ неурочные часы, по ночамъ и по праздникамъ, и тѣ же подсказанные невѣжествомъ насмѣшки, упреки и угрозы родныхъ и знакомыхъ, доходившихъ иногда даже до преслѣдованія геніальнаго юноши,—не говоря уже объ этой обстановкѣ, способной лишь вызвать сочувствіе къ несчастному мученику за идею, Семеновъ въ возрастѣ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ просто удивляетъ и даже поражаетъ гигантскими шагами, сдѣланными имъ на пути самообразованія безъ посторонней помощи и при въ высшей степени враждебномъ отношеніи къ нему всѣхъ окружающихъ.

Впечатлительный и любознательный мальчикъ, обученный на мѣдныя деньги чтенію да письму и давно уже задумавшійся надъ вопросами, отвѣтовъ на которые никто изъ близкихъ ему не могъ дать, чрезвычайно заинтересовался, будучи всего 10-ти лѣтъ отъ роду, случившимся въ то время солнечнымъ затмѣніемъ, но, не имѣя возможности обратиться къ кому бы то ни было знающему за разъясненіями, долгое время черпалъ свои астрономическія свѣдѣнія изъ случайно попадавшихъ ему въ руки календарей, приведшихъ Семенова тѣмъ не менѣе къ выводу, поразительному для его двѣнадцатилѣтняго возраста и низкаго уровня развитія, что «небесныя явленія, которыя человѣку доступно предвидѣть, никакъ не могутъ быть проявленіемъ гнѣва Божія и предзнаменованіемъ бѣдствій для людей» (стр. 10). Вычитавши какъ-то затѣмъ въ одномъ изъ этихъ мѣсяцеслововъ, что интересующими его явленіями солнечныхъ и лунныхъ затмѣній занимается наука, называемая астрономіей, Семеновъ, воспользовавшись первой же ярмаркой, на которой вмѣстѣ съ приказчиками отца продавалъ пригнанный скотъ и битое мясо, купилъ себѣ общедоступное руководство по этому предмету соч. Фергюсона и принялся было съ жаромъ за его изученіе. Побившись безплодно надъ непонятными для него выкладками, онъ увидѣлъ, что ему не достаетъ знанія сферической тригонометріи, служащей основаніемъ для предыдущей науки. Первая неудача, однако, не обезкуражила нашего самоучки: онъ поспѣшилъ, какъ только могъ, пріобрѣсти руководство къ сферической тригонометріи, хотя доставать въ то время (1813 г.) вообще всякія книги въ Курскѣ было очень трудно по причинѣ отсутствія постоянныхъ книжныхъ лавокъ; но и сферическая тригонометрія оказалась для него

вполнѣ непонятною, потому что ей должно было предшествовать изученіе плоской тригонометріи. Не смутившись и на этотъ разъ, Семеновъ засѣлъ было за плоскую тригонометрію, но и она, въ свою очередь, оказалась ему не по силамъ вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія геометріи и ариѳметики.

Убѣдившись горькимъ и тяжелымъ опытомъ, отнявшимъ много дорогого времени, что въ наукѣ надо начинать съ азовъ, онъ досталъ ариѳметику Меморскаго и въ одинъ мѣсяцъ прошелъ ее всю отъ доски до доски, затруднившись нѣсколько однимъ дѣленіемъ. Справившись съ нимъ, онъ пошелъ уже по торной дорожкѣ, отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, и въ два—три года изучилъ всѣ названные отдѣлы математики, что̀ дало ему возможность приняться за изученіе не перестававшей его интересовать астрономіи. Усвоивши себѣ основы ея, онъ началъ самъ составлять таблицы солнечныхъ затмѣній, а затѣмъ, не ограничившись этими занятіями и не смотря на то, что послѣ смерти отца на его рукахъ оказались всѣ торговыя дѣла и большая семья, началъ изучать чистую математику и физику. Но такъ какъ недостатокъ денежныхъ средствъ не позволялъ ему пріобрѣтать необходимые для опытовъ приборы, то Семеновъ принялся за столярное, токарное и слесарное ремесла, съ помощью которыхъ впослѣдствіи собственными руками и приготовлялъ всѣ части физическихъ приборовъ и машинъ.

Этимъ мы и закончимъ нашъ пересказъ жизни геніальнаго мѣщанина, которая, все улучшаясь постепенно, привела его въ старости къ вполнѣ заслуженной извѣстности, обезпеченію и общему уваженію. Но тотъ переданный нами тяжелый періодъ его жизни, когда руководимый одною своею геніальностью онъ не потерялъ жажды знанія отъ слѣдовавшихъ одна за другою неудачъ и, благодаря силѣ воли, не поддался гнетущимъ обстоятельствамъ, эта пора жизни одиноко стоявшаго самоучки въ высшей степени поучительна. Вотъ почему мы и сочли своимъ долгомъ дольше остановиться на ней и высказать автору біографіи упрекъ за неудовлетворительную обработку такого богатаго матеріала.

Въ настоящемъ же своемъ видѣ эта брошюрка можетъ быть предложена, къ сожалѣнію, только очень ограниченному числу читателей, такъ какъ для усвоенія ея недостаточно одной грамотности, но непремѣнно необходимо еще и нѣкоторое элементарное знакомство съ географіей (преимущественно съ математической) и съ естественными науками. Что же касается до многочисленныхъ выносокъ, которыми снабжены всѣ трудныя понятія и отдѣльныя слова, то онѣ вслѣдствіе своей краткости могутъ служить лишь очень полезнымъ напоминаніемъ, но ни въ какомъ случаѣ ничѣмъ бо̀льшимъ. Заканчивается очеркъ, подобно всѣмъ другимъ изданіямъ г. Ремезова, неизбѣжными и непонятными для насъ въ народномъ изданіи двумя списками—сочиненій о Семеновѣ и его портретовъ, къ которымъ на этотъ разъ прибавленъ еще третій—сочиненій самого Семенова.

Въ заключеніе скажемъ, что все таки, не смотря на указанные недостатки и ограниченный кругъ читателей, эта біографія мѣщанина - самоучки по своему содержанію вполнѣ желательна и умѣстна въ каждой народной библіотекѣ.

Вопросы:

Когда жилъ Семеновъ?

Чему учился онъ въ дѣтствѣ и чѣмъ занимался?

Чѣмъ любилъ онъ заниматься и почему родные сердились на него?

Почему ему было такъ трудно учиться самому?

Какія науки изучилъ онъ и что это за науки?

Какъ жилось ему подъ старость?

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русско-Народно-Учебн. Лит.», 1878 г., стр. 247.

---

846) **Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ.** Соч. П. Ремезова. Изд. 2-е. Спб. 1872 г. Ц. 10 к. (Съ портретомъ Слѣпушкина). 40 стр. маленькаго формата.

Простымъ, мѣстами народнымъ языкомъ, съ поговорками и пословицами разсказана очень подробно незатѣйливая жизнь этого самоучки - стихотворца, полжизни бывшаго крѣпостнымъ и раскольникомъ, а потомъ откупившагося на волю и по собственному желанію перешедшаго въ православіе.

Плохо жилось Слѣпушкину въ молодости: попробовалъ онъ и сиротства, и бѣдности: былъ онъ и мальчикомъ въ съѣстной лавкѣ въ Москвѣ, былъ и батракомъ на мельницѣ въ деревнѣ, гдѣ женился на раскольницѣ и самъ перешелъ въ перекрещенскій толкъ. Послѣ неурожайнаго года ушелъ онъ изъ деревни въ Питеръ на заработки и тамъ, спустя нѣкоторое время, снялъ мелочную лавочку, которая, однако, за цѣлый годъ ничего не

дала ему. Не падая духомъ, отправился онъ еще попробовать счастья въ нѣмецкую Ново-Саратовскую колонію, гдѣ на первыхъ же порахъ торговля пошла хорошо и колонисты полюбили своего русскаго лавочника. Когда же опять случился неурожайный годъ и торговля пріостановилась, дѣла Слѣпушкина было покачнулись и самъ онъ пріунылъ, но ему помогъ одинъ незнакомецъ, имя котораго такъ и осталось неизвѣстнымъ. Восемь лѣтъ прожилъ онъ между колонистами, выучился нѣмецкому языку и въ это то время, занимаясь между дѣломъ чтеніемъ, сталъ и самъ писать стихи. Благосостояніе его увеличивалось, явилась возможность вызвать изъ деревни жену и дѣтей, и, спустя нѣкоторое время, Слѣпушкинъ со всей семьей обратился въ православіе. Жители Рыбацкой слободы, расположенной на другомъ берегу Невы, полюбили его очень и уговорили переселиться къ нимъ, что онъ и сдѣлалъ въ 1812 г. Но первое время ему жилось тяжело на новомъ мѣстѣ: вскорѣ умерла жена, послѣ которой осталось восемь человѣкъ дѣтей, и дѣла шли плохо. Черезъ годъ, не желая оставлять дѣтей безъ материнскаго надзора, онъ женился во второй разъ и съ тѣхъ поръ зажилъ припѣваючи: при возрастающемъ достаткѣ слагалъ, пѣлъ свои стихи и иногда рисовалъ, къ чему у него съ дѣтства были также порядочныя способности. Въ 1826 г. вышло первое собраніе его стихотвореній подъ заглавіемъ: «Досуги сельскаго жителя», за которое онъ получилъ отъ Императорской Россійской Академіи золотую медаль, а отъ государя Николая Павловича и прочихъ членовъ царской семьи, послѣ личнаго имъ представленія, разные дорогіе подарки. Его замѣтили, къ нему пріѣзжали даже знатные вельможи и писатели, въ томъ числѣ и Пушкинъ.

Кромѣ перваго изданія его стихотвореній, появились потомъ еще два, изъ которыхъ одно было издано Россійской Академіей.

Интересенъ также его «Разсказъ дѣтямъ отца, бывшаго въ расколѣ перекрещиванцевъ», въ которомъ подробно описаны разные обряды и молельни этого толка. Въ стихахъ же своихъ онъ большею частью говорилъ о крестьянскомъ бытѣ и осмѣивалъ тѣхъ, которые лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобы стать господами.

Выкупившись на волю, Слѣпушкинъ записался въ купцы 3-й гильдіи, но оставался вѣрнымъ крестьянскому сословію и по костюму, и по образу жизни. Случай натолкнулъ его на мысль построить кирпичный заводъ и это дѣло помогло ему разбогатѣть. И вотъ, не смотря на богатство и почетъ, онъ остался такимъ же честнымъ, добрымъ и веселымъ человѣкомъ, какимъ былъ всю жизнь. Онъ чрезвычайно хорошо и заботливо относился къ своимъ рабочимъ, нужды которыхъ понималъ, помня, что и самъ былъ когда-то батракомъ. Онъ умеръ отъ холеры на 62-мъ году и похороненъ въ церкви Рыбацкой слободы.

Книга удобна и для публичнаго народнаго чтенія, веденнаго учителемъ, и для самостоятельнаго домашняго чтенія, причемъ взрослыми читается съ большимъ интересомъ, чѣмъ малолѣтними, благодаря приведеннымъ выдержкамъ изъ сочиненій Слѣпушкина о раскольникахъ и о томъ, почему колонисты-нѣмцы живутъ лучше и богаче русскихъ.

Вопросы:

Когда жилъ Слѣпушкинъ?
За что всѣ любили его?
Чѣмъ онъ еще занимался, кромѣ торговли?
Почему раскольники называются старообрядцами?
Почему нѣмцы-колонисты живутъ лучше и богаче русскихъ?

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер.», стр. 248.

Ѳ. Н. Слѣпушкинъ—см. рец. № 853.

---

847) **Арзамасскій мѣщанинъ иконописецъ Александръ Васильевичъ Ступинъ.** Соч. Ремезова. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 42 стр. (Съ портретомъ).

Послѣ тяжеловѣснаго вступленія, трактующаго о «духовныхъ потребностяхъ, составляющихъ прирожденное человѣку стремленіе ко всему прекрасному, что носитъ на себѣ «отпечатокъ красоты», и о томъ, когда «водворились въ Россіи изящныя искусства»,—слѣдуетъ біографія А. В. Ступина, разсказанная просто и понятно.

Съ дѣтства маленькій Ступинъ выказывалъ большія способности къ рисованью и, не смотря на тотъ тяжелый путь, который пришлось прокладывать всѣмъ нашимъ самороднымъ талантамъ для достиженія цѣли, не смотря на невѣжество и грубость, окружавшія бѣднаго живописца, онъ, благодаря своей энергіи и таланту, выдвинулся впередъ и достигъ званія академика.

Намъ пришлось прочитать эту небольшую біографію въ группѣ дѣтей и подростковъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Начало показалось имъ скучно и непонятно; все же остальное они слушали съ интересомъ

и подробно передали по окончаніи чтенія. Слѣдуетъ упомянуть, впрочемъ, что въ выноскахъ встрѣчаются разъясненія, совершенно непонятныя для слушателей; укажемъ на два изъ нихъ и спросимъ: что пойметъ въ нихъ малограмотный простолюдинъ?

«Живопись, смотря по представляемымъ картинами предметамъ, раздѣляется на *историческую*, къ которой относится и изображеніе событій изъ св. исторіи, *баталическую* или военныхъ сценъ, *ландшафтную* или видовъ природы, *жанровую* или бытовую и т. д.» (стр. 21). Или: «Учебные предметы раздѣляются, какъ извѣстно, на *общеобразовательные* и *спеціальные*. Къ первымъ относятся такіе, которые, содѣйствуя стройному развитію духовныхъ способностей, необходимы для каждаго человѣка, къ какому бы званію онъ ни принадлежалъ. Учебные же предметы второго рода, т. е. спеціальные, сообщаютъ свѣдѣнія по какой-либо отдѣльной отрасли знанія, какъ напр., богословскія науки, врачеваніе, законовѣдѣніе, филологія, или языкознаніе, военное искусство, художества, ремесла и проч. Понятно, что къ изученію спеціальныхъ предметовъ слѣдуетъ приступать только по окончаніи общеобразовательнаго курса (стр. 29).

Желательно, чтобы при новомъ изданіи авторъ или обошелъ вопросы, недоступные развитію простолюдина, или объяснилъ ихъ гораздо проще; тѣмъ не менѣе настоящую біографію А. В. Ступина мы, все-таки, находимъ пригодною для народно-школьной библіотеки.

Вопросы:

Когда жилъ Ступинъ и кто онъ былъ?

Какъ и у кого учился онъ живописи?

Какія работы исполнялъ онъ у своего начальника?

Какимъ образомъ попалъ онъ въ Академію Художествъ?

Какое благодѣяніе было оказано ему государыней?

Разскажите объ его школѣ живописи?

Какъ въ Россіи пишутся иконы?

Какое значеніе имѣла школа Ступина?

Х. А.

---

848) **Тарасъ Григорьевичъ Шевченко**. Біографическій очеркъ В. П. Маслова. Изд. народн. журн. «Грамотѣй». Москва. 1874 г. Ц. 30 к. 56 стр. обыкновеннаго формата.

Не смотря на то, что произведенія Шевченка почти неизвѣстны въ простомъ народѣ, біографія этого талантливаго человѣка, на долю котораго выпало провести бо̀льшую часть жизни то въ крестьянской хатѣ отца, то въ передней барина-помѣщика въ роли комнатнаго казачка, то въ мастерской «живописныхъ дѣлъ мастера» или, проще говоря, маляра, то, наконецъ, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ въ солдатской казармѣ на далекихъ окраинахъ Россіи, — должна читаться съ особеннымъ интересомъ въ средѣ, изъ которой поэту удалось пробиться, къ вполнѣ заслуженной славѣ.

Описаніе жизни Шевченка, страдавшаго до самой смерти и мечтавшаго подъ старость лишь о скромномъ семейномъ счастьѣ въ хаткѣ надъ Днѣпромъ, но вмѣсто того нашедшаго одинокую могилу на берегу любимой рѣки,—одно это описаніе неудавшейся жизни поэта, говоримъ мы, способно вызвать глубокій интересъ въ каждомъ читателѣ, кто-бы онъ ни былъ.

При чтеніи біографіи Шевченка, кромѣ жизни поэта, приковывающей къ себѣ вниманіе читателя своимъ драматизмомъ, не могутъ остаться незамѣченными и такія симпатичныя черты его характера, какъ необыкновенная довѣрчивость и желаніе помочь ближнему, не смотря на то, что самъ онъ постоянно нуждался въ деньгахъ и часто бывалъ жертвою обмана; его трогательная любовь къ своимъ роднымъ и къ дѣтямъ вообще; его постоянная тоска по дорогой родинѣ и способность привязываться къ посторонимъ, какъ къ своимъ кровнымъ. Не можетъ не произвести впечатлѣнія и не остаться въ памяти также и то, какъ онъ зачитывался книгами, стараясь этимъ путемъ хотя нѣсколько образовать самого себя, и какъ, понимая значеніе просвѣщенія, вернувшись изъ ссылки, больной и безъ всякихъ средствъ, принялся за изданіе ряда учебниковъ по разнымъ предметамъ на малороссійскомъ языкѣ, чтобы способствовать распространенію въ массѣ простого народа полезныхъ свѣдѣній, и успѣлъ издать только одну «Грамотку», а исторія, географія и ариѳметика такъ и остались неоконченными и не появились въ печати, потому что смерть оборвала этотъ трудъ. Все вышеприведенное показываетъ, насколько жизнеописаніе Шевченка не только интересно, но даже желательно и полезно, какъ чтеніе для простого народа.

Достоинства и особенности таланта Шевченка вѣрно и тепло обрисованы въ названномъ нами очеркѣ, который вообще хорошо составленъ. Біографическія свѣдѣнія о Тарасѣ Григорьевичѣ довольно подробны и переданы хорошимъ литературнымъ языкомъ, но

все таки настолько простымъ, что содержаніе книги вполнѣ и легко усваивается. По нашимъ наблюденіямъ читателей изъ народа затрудняли только отдѣльныя слова (Академія Художествъ, муза и др.), но въ общемъ книга понималась совершенно ясно, особенно въ первой своей половинѣ (до выхода Шевченка изъ академіи), которая, очевидно, болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя по причинамъ, уже указаннымъ нами выше.

Нѣсколько отрывковъ изъ стихотвореній, приведенныхъ на малороссійскомъ языкѣ, снабжены въ выноскахъ или объясненіями отдѣльныхъ словъ, или подстрочными переводами, почему книга является удобопонятной для всей Россіи, чего нельзя сказать про другія изданія о Шевченкѣ.

Книгу можно давать для самостоятельнаго чтенія всѣмъ хорошо-читающимъ, причемъ замѣтимъ, что взрослые читаютъ ее съ большимъ удовольствіемъ и лучше понимаютъ, чѣмъ дѣти.

Вопросы:

Когда и гдѣ родился Шевченко?

Какъ жилось ему въ дѣтствѣ?

Когда и какой обнаружился въ немъ талантъ?

Какъ попалъ онъ въ Петербургъ?

Кто помогъ ему поступить въ Академію Художествъ?

Чѣмъ началъ онъ заниматься по выходѣ изъ Академіи?

О чемъ и о комъ писалъ онъ въ своихъ стихахъ?

Чего хотѣлось ему такъ сильно въ послѣдніе годы жизни?

Гдѣ онъ умеръ и гдѣ похороненъ?

Почему именно надъ Днѣпромъ?

Е. Г.

---

849) **Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Народный поэтъ Украйны.** (Съ рисункомъ). Спб. Изд. ред. народн. журн. «Мірской Вѣстникъ». 1877 г. Ц. 18 коп. 41 стр. обыкнов. формата.

Названная брошюрка, большая часть которой заимствована очевидно изъ предыдущаго очерка г. Маслова, представляетъ собою вполнѣ народное изданіе біографіи поэта Украйны. Содержаніе ея составляютъ: вступленіе, въ которомъ кратко говорится о положеніи крестьянъ до и послѣ крѣпостнаго права, о заслугахъ Шевченка, его жизни и дѣятельности, и двухъ главъ, изъ которыхъ первая посвящена жизнеописанію, а содержаніе второй выписываемъ дословно: «Краткій историческій очеркъ Малороссіи до и послѣ Богдана Хмѣльницкаго. Стихотворенія Шевченка о прошломъ и настоящемъ Малороссіи: «Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Перебендя», «Катерина» и «Наймичка».

Вся книга изложена въ высшей степени просто и доступно, такъ что со стороны собственно изложенія вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли, особенно въ первой половинѣ. Что же касается до второй главы, то какъ ни просто и доступно, повидимому, изложенъ этотъ «Краткій историческій очеркъ Малороссіи до и послѣ Богдана Хмѣльницкаго», само содержаніе его оказывается слишкомъ труднымъ для читателей изъ простого народа вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было свѣдѣній изъ исторіи вообще, въ чемъ убѣдилъ насъ и личный опытъ въ воскресной школѣ. Дѣвочки 13—15 лѣтъ, между которыми были и окончившія курсъ городской начальной школы, въ высшей степени сбивчиво передавали содержаніе этого историческаго очерка и спѣшили перейти къ пересказу названныхъ произведеній Шевченка.

Содержаніе этихъ послѣднихъ передано въ брошюркѣ въ прозаической формѣ, причемъ приведено достаточное количество отрывковъ въ переводѣ на русскомъ языкѣ, которые, впрочемъ, вслѣдствіе своей неудовлетворительности, не даютъ никакого представленія объ обаятельной прелести стиха Шевченка. Тѣмъ не менѣе, въ виду того обстоятельства, что въ большей части Россіи «Кобзарь» не можетъ читаться въ подлинникѣ, подобная краткая передача содержанія лучшихъ произведеній пѣвца Малороссіи полезна въ томъ отношеніи, что знакомитъ хотя съ основной мыслью каждаго изъ нихъ.

Книгу можно давать хорошо-читающимъ и болѣе развитымъ подросткамъ и взрослымъ.

Вопросы къ біографіи—тѣ же (см. 848); кромѣ того, можно спросить содержаніе «Перебенди», «Катерины» и «Наймички», какъ болѣе доступныхъ изъ приведенныхъ произведеній.

Е. Г.

---

850) **Шевченко. Его жизнь и сочиненія.** Сборникъ матеріаловъ для полной біографіи Т. Г. Шевченка. Составилъ Ф. М. Пискуновъ. (Съ приложеніемъ: 1) Портрета Шевченка: 2) Вида родительской хаты поэта, срисованной имъ самимъ, и 3) Вида его могилы). Изд. кіевскаго книгопродавца Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1879 г. Ц. 75 коп. 230 стр. небольшаго формата.

Содержаніе сборника: I. Автобіографія и жизнь Шевченка съ 1834 г. по день его смерти

(послѣднее взято изъ предыдущаго сборника Маслова: сдѣланы только нѣкоторыя сокращенія). II. Воспоминанія о Шевченкѣ Сошенка, Костомарова, Тургенева, Полонскаго, В. Гр. Шевченка и А. М. Лазаревскаго (сюда вошло и письмо Основьяненка къ Шевченкѣ на малороссійскомъ языкѣ). III. Воспоминаніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе. Л. Жемчужникова (сюда вошли и слова надъ гробомъ Шевченка: Кулиша, Бѣлозерскаго, Костомарова и Хорошевскаго; стихи Чужбинскаго и Таволги; слова надъ могилой: Хартахая, Курочкина, пермитянина, Южакова, Чубинскаго и стихотвореніе неизвѣстнаго псковича; тутъ же помѣщено и «Голосиння Украинокъ»). IV. Значеніе Шевченка для Украйны. Проводы его тѣла въ Украйну изъ Петербурга (сюда вошли стихи на смерть Шевченка соч. Кониескаго, Навроцкаго и Максимовича).

Мы нарочно выписали такъ подробно содержаніе этого сборника, чтобы показать, насколько разнохарактерво онъ составленъ. Если читатель обратитъ вниманіе на первую часть, то увидитъ, что она представляетъ тотъ же біографическій очеркъ Маслова, только нѣсколько сокращенный. Къ этому прибавимъ, что во всѣхъ остальныхъ частяхъ встрѣчаются цѣлыя страницы на одномъ малороссійскомъ языкѣ, которыя поэтому будутъ понятны только для знающихъ этотъ языкъ, и что многія изъ рѣчей и стиховъ для уясненія своего смысла требуютъ нѣкотораго образованія.

По изложеннымъ соображеніямъ мы и не рекомендуемъ этой книги для народнаго чтенія.

Е. Г.

---

851) **Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати.** Составилъ и издалъ А. Т—ый. Одесса. 1879 г. Ц. 50 к. 50 стр.

Названная книга представляетъ собою небольшой сборникъ статей иностранцевъ—галичанина, чеха, француза и нѣмца—объ авторѣ «Кобзаря». Въ настоящемъ своемъ видѣ она, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рекомендована для народнаго чтенія, такъ какъ окажется не подъ силу даже и наиболѣе развитымъ грамотѣямъ, потому что статьи писались и сборникъ предназначался для совершенно другаго круга читателей. Но такъ какъ изъ четырехъ статей вторая,—принадлежащая чеху Dunder'у,—отличается доступностью содержанія и относительною легкостью изложенія, то мы и не сочли себя вправѣ совершенно игнорировать ее, тѣмъ болѣе что въ отдѣльномъ изданіи она могла бы принести свою долю пользы.

Состоитъ она изъ небольшаго біографическаго очерка, занимающаго всего 5 страницъ, и изъ подробнаго пересказа содержанія 10-ти главнѣйшихъ произведеній Шевченка: «Причинна», «Русалка», «Катерина», «Наймичка», «Перебендя», «Тополя», «Утопленна», «Иванъ Підкова», «Тарасова Ніч» и «Гайдамаки», которыя переданы на 18 страницахъ настолько подробно, что могутъ быть названы полнымъ переложеніемъ этихъ стихотвореній въ прозѣ.

При чтеніи статьи Dunder'а, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ впечатлѣніи, какое производятъ сочиненія Шевченка въ подлинникѣ, но пересказъ все-таки настолько хорошъ, что смѣло можетъ конкуррировать съ русскими переводами всего «Кобзаря» и отдѣльныхъ стихотвореній. Поэтому въ виду того обстоятельства, что въ настоящее время народъ можетъ читать только біографіи Шевченка и знакомиться съ нѣкоторыми изъ его произведеній по русскимъ переводамъ, оказавшимся вообще очень слабыми (см. рец. «Батрачка», пер. Мея.—Литературный отдѣлъ, № 230), изданіе статьи Dunder'а въ видѣ отдѣльной и по возможности дешевой брошюры могло-бы оказаться весьма полезнымъ.

Е. Г.

---

852) **Поминки Тараса Григорьевича Шевченка 25-го февраля 1879 г. въ Одессѣ.** Сост. А. Т. Одесса. 1879 г. Ц. 30 к. 63 стр. небольшаго формата.

На обложкѣ названной брошюрки стоитъ заявленіе слѣдующаго содержанія: «Доходъ отъ этого изданія поступаетъ въ капиталъ на основаніе въ память Т. Г. Шевченка народной школы его имени», изъ чего видно, что цѣль изданія—благотворительная, чѣмъ и объясняется относительная дороговизна книги. Содержаніе ея составляютъ 4 статьи, изъ которыхъ 3 — газетныя: 1) «Біографическій очеркъ», С. Е. («Правда», № 43); 2) «Поминки Т. Г. Шевченка» («Одесск. Вѣстн.», № 43); 3) «Т. Г. Шевченко» («Новороссійскій Телеграфъ», № 1194) и 4) «О струнахъ Тарасовой кобзы», подписанная начальными буквами имени и фамиліи издателя.

Всѣ онѣ имѣютъ своимъ предметомъ или самого Шевченка, или его поэзію, а первая представляетъ собою даже его біографическій очеркъ, но написаны онѣ тѣмъ тономъ газетныхъ статей вообще, который разсчитанъ на извѣстный кругъ читателей, обладающихъ хотя нѣкоторымъ образованіемъ, вслѣдствіе чего эта книга въ рукахъ только толково грамотнаго простолюдина будетъ непроизводительнымъ чтеніемъ, тѣмъ болѣе что въ ней

попадаются цѣлыя страницы выдержекъ о Шевченкѣ изъ большихъ журнальныхъ статей Пыпина, Мордовцева, Костомарова и Ор. Миллера.

Е. Г.

Т. Г. Шевченко—см. рец. № 853.

---

853) **Сборникъ русскихъ стихотвореній**. Составилъ П. А—ъ. Изд. Товарищества «Общественная Польза». Спб. 1862 г. Ц. 40 коп. 124 стр. (Съ виньеткою и 5-ю портретами).

Такъ какъ цѣль и содержаніе этого изданія совершенно ясно обозначены въ предпосланномъ къ нему предисловіи, то мы и нашли болѣе удобнымъ дать ему самому мѣсто въ нашей рецензіи.

«Хотя у многихъ нашихъ стихотворцевъ и есть сочиненія, написанныя какъ бы собственно для народа, но эти сочиненія разбросаны по толстымъ книгамъ, которыя по дороговизнѣ своей недоступны для всѣхъ грамотныхъ русскихъ людей».

«Вотъ причина, побудившая насъ собрать нѣсколько такихъ сочиненій въ одну эту дешевую книжку: авось крестьянинъ, казакъ, мѣщанинъ, солдатъ прочтутъ эти пѣснопѣнья, поймутъ ихъ умомъ и сердцемъ и добрымъ словомъ помянутъ тѣхъ, кто сложилъ эти пѣсни».

«Въ этой же книжкѣ мы разсказали жизнь нѣсколькихъ нашихъ пѣснопѣвцевъ, вышедшихъ изъ простаго званія: пусть видитъ нашъ православный людъ, что и между ними были и есть люди, которымъ дала мать-природа»:

«Пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный».

Насколько успѣшно выполнилъ поставленную себѣ задачу составитель сборника, видно изъ того, что, не смотря на дешевизну книги, она представляется довольно объемистой и по внѣшнему виду, и по своему содержанію. Въ нее вошло: 89 стихотвореній 31-го поэта, въ числѣ которыхъ стоятъ всѣ первоклассныя имена, и 6 «краткихъ жизнеописаній»: Ломоносова, Кольцова, Кострова, Никитина, Слѣпушкина и Шевченка. Выбраны стихотворенія въ громадномъ большинствѣ весьма удачно, отрывковъ попадается очень мало, а произведеніямъ такихъ писателей, какъ Крыловъ, Кольцовъ, Лермонтовъ, Майковъ, Некрасовъ, Никитинъ и Пушкинъ, отдано предпочтеніе въ количественномъ отношеніи—ихъ приведено большее число—отъ 3 до 15 для каждаго поэта.

Что же касается до названныхъ біографій, то онѣ, дѣйствительно, представляютъ собою слабое мѣсто въ книгѣ, такъ какъ, благодаря сухости изложенія, не могутъ произвести достаточно сильнаго впечатлѣнія, чтобы сохраниться отчетливо и надолго въ памяти читателя, хотя при своей краткости составлены довольно обстоятельно, изложены вполнѣ простымъ языкомъ и мѣстами отличаются даже задушевностью.

По поводу примѣненія книги мы должны сказать, что, благодаря объемистому и очень разнообразному содержанію, этотъ сборникъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ даваться, особенно на короткіе сроки, для домашняго самостоятельнаго чтенія, такъ какъ въ такомъ случаѣ оставлялъ бы по себѣ только одно очень смутное представленіе. Всего удобнѣе было бы пользоваться такими книгами вообще и этою въ частности, — если только она имѣется еще въ продажѣ, что, впрочемъ, весьма сомнительно послѣ 20-ти лѣтъ, протекшихъ уже со времени ея появленія въ свѣтъ, — это давать ихъ въ собственность, дарить окончившимъ народную школу или взрослымъ простолюдинамъ, главнымъ образомъ въ виду того, что по содержанію такой сборникъ не только интересенъ и полезенъ, но, благодаря своему разнообразію, не можетъ скоро, что называется, «причитаться».

По цѣнѣ книга тоже совершенно доступна, а виньетка и пять портретовъ писателей къ помѣщеннымъ біографіямъ (недостаетъ портрета Кострова) недурны и очень кстати оживляютъ текстъ книги.

Изъ небольшаго числа опечатокъ не можемъ не указать на одну, очень важную: на стр. 39 подъ «Двумя пѣснями Лихача Кудрявича» стоитъ подпись «П. Козловъ» вмѣсто «А. Кольцовъ».

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Систем. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.», стр. 252.

---

854) **Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Волосковъ, Нечаевъ, Сычевъ, Сабуровъ, Замысловъ.** Сост. В. Г. Величкинъ. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 202. Изданіе 2-е. Москва. 1879 г. Ц. 15 к. 38 стр.

Заглавіе названной книги не вполнѣ отвѣчаетъ ея содержанію, такъ какъ по величинѣ и обстоятельности изложенія разсказомъ можетъ быть названъ только первый біографическій очеркъ; остальные же четыре представляютъ собою не болѣе какъ краткія и бѣглыя замѣтки о малоизвѣстныхъ самоуч-

кахъ, перепечатанныя изъ разныхъ періодическихъ изданій.

Волосковъ, ржевскій мѣщанинъ и сынъ часовыхъ дѣлъ мастера, прославился усовершенствованіемъ въ приготовленіи двухъ красокъ—кармина и бакана и хотя собственно этому изобрѣтенію былъ обязанъ подъ старость и извѣстностью, и матеріальнымъ обезпеченіемъ, но онъ еще болѣе замѣчателенъ, какъ самоучка-механикъ, что̀, впрочемъ (замѣтимъ кстати), не дало ему ни почестей, ни богатствъ. Занимаясь починкой и изготовленіемъ часовъ, онъ постепенно сталъ вводить въ нихъ разныя усовершенствованія и усложненія, такъ что одни часы, наприм., кромѣ минутъ и секундъ, показывали еще дни недѣли, другіе—числа мѣсяца, третьи—восходъ и заходъ солнца и т. д. Не довольствуясь, однако, этимъ, онъ задумалъ совмѣстить все это въ одномъ часовомъ механизмѣ и, спустя много лѣтъ, дѣйствительно изобрѣлъ удивительные астрономическіе часы: кромѣ своего прямого назначенія, они показывали годъ, мѣсяцъ, число, дни недѣли и въ то же время наглядно подражали на своемъ циферблатѣ въ видѣ маленькихъ солнца и луны движенію этихъ свѣтилъ во время дня и ночи, причемъ часы вѣрно показывали восходъ и заходъ солнца, неравенство дней и ночей и всѣ фазы луны. Устройство этого часового механизма въ высшей степени замѣчательно, особенно если принять во вниманіе время, когда жилъ Волосковъ (умеръ въ 1806 г.), и его плохую научную подготовку.

Кромѣ того, Волосковъ самъ приготовлялъ для себя телескопы, съ помощью которыхъ производилъ астрономическія наблюденія. Подъ старость обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, что̀ давало ему достаточно досуга, онъ задумался надъ религіозными вопросами, результатомъ чего былъ его самостоятельный переходъ изъ раскола въ православіе, послѣ чего успокоенный во всѣхъ отношеніяхъ онъ весь отдался всегда страстно любимому чтенію книгъ, съ которыми не разставался ни днемъ, ни ночью.

Этотъ очеркъ изложенъ довольно живо, простымъ языкомъ и слушается съ большимъ интересомъ дѣтьми и подростками сельской школы.

Затѣмъ слѣдуютъ три небольшія замѣтки о Нечаевѣ, Сычевѣ и Сабуровѣ, посвященныя все той же грустной темѣ о заглохшихъ русскихъ самоучкахъ и въ общемъ, не смотря на свою краткость, дополняющія безотрадное впечатлѣніе, производимое чтеніемъ этого небольшаго сборника.

Разсказъ 5-й — о Замысловѣ (двѣ перепечатки изъ газетъ) живо рисуетъ необыкновенную смѣтливость и удивительныя способности къ механикѣ этого новгородскаго крестьянина-самоучки, выразившіяся въ цѣломъ ряду усовершенствованій нѣкоторыхъ фабричныхъ производствъ, постройкѣ мукомольныхъ мельницъ и лѣсопильныхъ заводовъ, изобрѣтеніи разныхъ машинъ для поднятія и перевозки тяжестей, для забиванія свай и въ представленіи въ Петербургъ моделей машинъ и другихъ приспособленій для поднятія затонувшаго корабля «Лефортъ».

Намъ пришлось прочесть эту книгу группѣ учениковъ и ученицъ сельской школы, состоящей изъ дѣтей и подростковъ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ. Разсказы такъ просты и коротки, что и старшіе, и младшіе слушали ихъ съ интересомъ и вниманіемъ. Разница только въ томъ, что младшіе по окончаніи чтенія передали только внѣшнюю сторону жизни этихъ людей, а старшіе заглянули и глубже. «Мнѣ больше всего понравилась первая и послѣдняя глава», сказалъ одинъ изъ нихъ по окончаніи чтенія:—«только очень жалко было это слушать!»—«Отчего же жалко?» спросила учительница.—«Да какъ же: ни откуда они поддержки себѣ не получили, особенно послѣдній. Что же, они сдѣлали все, что могли, безъ помощи, а будь настоящая помощь, — они, можетъ, много изобрѣли бы!»

Въ виду того интереса, съ которымъ слушалась эта книга и особенно въ виду произведеннаго ею впечатлѣнія, считаемъ трудъ г. Величкина — до появленія другихъ болѣе удовлетворительно обработанныхъ сборниковъ въ этомъ родѣ — вполнѣ пригоднымъ и даже весьма желательнымъ для каждой народной библіотеки.

Вопросы:

Кто былъ Волосковъ?
Какіе часы изобрѣлъ онъ?
Чѣмъ онъ еще замѣчателенъ?
О чемъ жалѣлъ онъ, умирая?
Кто былъ Замысловъ?
Какія изобрѣтенія сдѣлалъ онъ?
Какой подрядъ добивался онъ получить?

Е. Г.

Примѣч. Рецен. см. «Женское Образованіе», 1879 г. № 8, стр. 538—540. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебной Литерат.», стр. 247.

855) **Русскія народныя знаменитости.** Разсказы

о самоучкахъ (съ портретами): I. **Терентій Ивановичъ Волосковъ.** II. **Проблески народнаго ума.** Малоизвѣстные самоучки: *Лебедевъ*, *Голдыревъ*, *Бржехва*, *Щегловъ*, *Земскій*, *Микѣшинъ* и пр. Н. В. Слюнина. (Съ портретомъ Волоскова). Спб. 1880 г. Цѣна 20 к. 40 стр.

По своему содержанію и плану эта брошюрка очень напоминаетъ предыдущую и отличается отъ нея только тѣмъ, что біографіи Волоскова отдана даже бо́льшая половина книги, а замѣтки о малоизвѣстныхъ самоучкахъ еще кратче, такъ что въ двухъ послѣднихъ не названы даже и самыя имена героевъ этихъ замѣтокъ. Кромѣ того, хотя авторъ начинаетъ и кончаетъ свой трудъ обращеніемъ къ дѣтямъ и неоднократно повторяетъ его во многихъ мѣстахъ книги, напоминая этимъ, что она предназначается имъ для дѣтскаго чтенія, многія страницы ея, какъ напр. 13 и 14, на которыхъ дѣйствительно очень просто объяснено церковное исчисленіе времени, или страницы 20, 21 и 22, посвященныя знакомству съ химіей, такія страницы, говоримъ мы, не по изложенію, а по самому своему содержанію трудны и даже не для однихъ только дѣтей. Мы увѣрены, что, какъ ни просто разсказано авторомъ объ *Индиктѣ*, *Основаніи*, *Эпактѣ*, *Вруцѣ-лѣта*, *Кругѣ солнца*, *Кругѣ луны*, и проч., и какъ ни ясно, повидимому, такое объясненіе, какъ слѣдующее: «Въ самомъ дѣлѣ, что бы вы ни взяли: алмазъ, малахитъ, мѣлъ, глину, папоротникъ, липу, блоху, свинью, слона, человѣка, рожь, горохъ и проч., вы, какъ химикъ, найдете, что всѣ названные предметы непремѣнно состоятъ изъ, такъ сказать, основныхъ, простыхъ тѣлъ—только въ разнообразномъ смѣшеніи, соединеніи и различномъ количествѣ въ составѣ; все изумительное несходство, совершенно непоходящія одна на другую вещи въ глазахъ химика имѣютъ много схожаго, сродственнаго и даже тожества; а) алмазъ, графитъ и чистый уголь; б) мѣлъ и мраморъ; в) скипидаръ, лимонное масло, бергамотное масло и каучукъ; г) картофельный крахмалъ, древесная клѣтчатка, — всѣ эти группы веществъ, не смотря на положительное видимое несходство, въ глазахъ химика по составу своему совершенно тожественны: бергамотное масло состоитъ изъ тѣхъ же простыхъ тѣлъ, что и скипидаръ; алмазъ и чистый уголь—одно и то же простое тѣло и проч.» (стр. 21),—все это совсѣмъ не такъ легко понять незнающему, какъ изложить въ такой доступной формѣ человѣку, обладающему знаніемъ этихъ предметовъ.

По внѣшнему виду изданія и по его изложенію можно думать, что авторъ назначилъ свой трудъ для образованныхъ дѣтей, но указанныя нами мѣста и по отношенію къ нимъ будутъ или излишними, или все таки трудными, что будетъ въ зависимости отъ знаній маленькихъ читателей.

Все вышесказанное поэтому и заставляетъ насъ отдать предпочтеніе въ нашемъ указателѣ сборнику г. Величкина, который не только ни въ чемъ не уступаетъ труду г. Слюнина, но и не страдаетъ его недостатками.

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Восп. и Обучен.». 1880 г. № 4 и 5, стр. 185—187.
«Дѣло» 1880 г. № 4, стр. 56—58.
«Народн. Школа», 1880 г. № 10, стр. 39—49.
«Женск. Образов.», 1880 г. № 4 и 5, стр. 280.
«С.-Петерб. Вѣд.», 1880 г. № 57.

---

856) **Русская смѣкалка** или **Хоть кафтанъ у русскаго мужика и сѣръ, а умъ то, вѣдь, не волкъ съѣлъ.** Разсказы дяди Пахома про русскихъ самоучекъ. Москва. 1880 г. Изданіе книгопрод. Шарапова. Ц. 3 к. 35 стр.— Изд. 1887 г.

857) **Русскіе самоучки** или **Русскій человѣкъ на всѣ руки гораздъ и любаго нѣмца запоясъ заткнетъ.** Москва. 1870 г. Изданіе книгопрод. Морозова. Ц. 3 к. 32 стр.

Двѣ названныя книги являются представителями отдѣла біографій московской народной литературы Никольской улицы.

Книга «Русская смѣкалка» сообщаетъ о томъ, какъ крестьянинъ Петровъ перетащилъ на другое мѣсто церковь въ Моршанскѣ. «Представилось слѣдующее диво-дивное: церковь, наполненная народомъ, оглашаемая пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, повинуясь сотнямъ рукъ рабочихъ, была сдвинута съ прежняго мѣста на 24 аршина, и въ ту пору только крестъ на верху церкви слегка колебался». (Стр. 9).

Разсказъ заимствованъ изъ «Русской Старины» за 1870 г.

Далѣе подробно разсказывается о кровельщикѣ Телушкинѣ, такъ удачно исполнившемъ трудную работу — починку креста и изображенія ангела на шпицѣ Петропавловскаго собора; затѣмъ о находчивости Яковлева при перевозѣ Александровской колонны и валдайскаго мѣщанина, изобрѣвшаго способъ дешево и быстро доставить въ Петербургъ вылитый въ Валдаѣ громадный колоколъ.

Въ 3-й главѣ находимъ біографическія свѣдѣнія о крестьянахъ художникахъ — Солнцевѣ, Шевченкѣ и о рыбакѣ ученомъ Ломоносовѣ. Сообщаемое изложено живо, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія недостаточно подробны и полны. Въ заключеніе безъимянный авторъ обращается къ своимъ читателямъ съ слѣдующими словами: «Да мало ли, други мои милые, выходило изъ простаго нашего люда великихъ людей, которые своими трудами да думами поработали и послужили на славу русскаго имени и дорогой родины. Слушая рѣчи о нихъ, такъ невольно и думаешь: мать ты родная сторонушка, ты поболѣ роди славныхъ людей, а вы, други милые, старайтесь подражать имъ да поучать своихъ ребятушекъ, какъ жить надо да дѣло творить русскому человѣку» (стр. 30).

Заканчивается этотъ рядъ біографическихъ очерковъ слѣдующимъ величаніемъ: «И славна ими ты, Русь родная, и они тобой славны!

«А пока такія дѣти въ родной будутъ сторонѣ, такъ до тѣхъ поръ, дорогая, сильна будешь ты въ міру!

«Изъ народа свѣтъ выходитъ, льется онъ по всей Руси; этотъ свѣтъ всѣхъ освѣщаетъ, силу всѣмъ даетъ въ землѣ.

«Славься, славься, Русь родная! Славься, русскій мужичокъ! Ты и пахарь, ты ученый, ты и славный въ битвѣ воинъ»! (Стр. 34).

Книга составлена недурно и, не смотря на нѣкоторыя погрѣшности (Шевченко названъ Григоріемъ, Ломоносовъ—Василіемъ и др.), все таки имѣетъ право на мѣсто въ народной библіотекѣ для читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Чѣмъ замѣчателенъ Петровъ?—Яковлевъ?—Телушкинъ?—Солнцевъ?—Шевченко?—Ломоносовъ?

Чего недостаетъ нашимъ русскимъ самоучкамъ?

Отчего многіе изъ нихъ гибнутъ такъ, какъ погибъ Телушкинъ?

Въ книгѣ «Русскіе самоучки» первой помѣщена біографія Ломоносова. Въ простотѣ и живости изложенія она во многомъ уступаетъ біографіи, помѣщенной въ первой изъ названныхъ книгъ, хотя, очевидно, безъимянные составители пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ. Много ли вынесетъ читатель простолюдинъ, напр., изъ слѣдующаго сообщенія о заслугахъ Ломоносова: «Его считаютъ отцомъ русской науки и русскаго языка. Какъ Петръ Великій преобразовалъ свое царство, далъ ему новую жизнь и устройство, такъ и нашъ Ломоносовъ преобразовалъ нашъ языкъ, указалъ для него правила и показалъ, какъ нужно правильно говорить и писать. Безъ него едва ли бы и теперь такъ хорошо излагали мы свои мысли, какъ это вы видите въ книгахъ, которыя вы читаете. Послѣ себя онъ оставилъ много сочиненій и по другимъ отраслямъ наукъ» (стр. 10).

Кромѣ біографіи Ломоносова, книга сообщаетъ кое что о Шевченкѣ, художникѣ Егоровѣ, Телушкинѣ, Петровѣ и др. (о которыхъ говорилось и въ первой брошюркѣ). Затѣмъ не совсѣмъ у мѣста въ книгѣ *о русскихъ самоучкахъ* помѣщенъ очеркъ о заслугахъ Минина и примѣръ гражданской доблести крестьянина Тюрина, который во время послѣдней войны доставилъ въ волостное правленіе трехъ лошадей и 25 р. трудовыхъ денегъ съ просьбой передать ихъ для нуждъ арміи, а также сообщить о готовности его отдать въ ряды войска единственнаго своего сына.

Говоря о смѣтливости и догадливости русскаго человѣка, авторъ замѣчаетъ: «Не нужно забывать, что эти способности еще больше развиваетъ ученіе. Это можно видѣть изъ примѣра Ломоносова и Шевченка; едва ли бы изъ нихъ вышли замѣчательно великіе люди, еслибъ, по счастью, Ломоносовъ не обогатилъ свой умъ научными знаніями, не писалъ бы безъ этого и послѣдній такъ хорошо, какъ это вышло.

Знаніе открываетъ разнообразные способы и на много сокращаетъ работу, давая возможность гораздо легче и удобнѣе приняться за нее.

Въ прежнее время несравненно труднѣе было образовать себя, тѣмъ болѣе простому человѣку, но теперь не то: нынче это стало гораздо легче и проще.

Давай Богъ, чтобъ на святой Руси побольше и поскорѣе распространялись бы всевозможныя знанія: тогда такіе самоучки, какъ, напримѣръ, купецъ Кулибинъ, жившій во времена Екатерины Великой, вышли бы великими дѣятелями и не затерялись бы въ толпѣ» (стр. 28, 29 и 30).

Не смотря на недостаточную простоту языка и неполноту свѣдѣній, эта книга, какъ и первая, имѣетъ право на мѣсто въ народной библіотекѣ для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы тѣ же, что и для первой книги.

Обѣ брошюрки служатъ, между прочимъ, интересными образчиками того, какъ и чѣмъ пополняется московская народная литература, издаваемая фирмами Прѣснова, Манухина, Шарапова, Морозова и др., замѣтно идущая впередъ, о чемъ можно судить какъ по внѣшности изданій, такъ и по ихъ содержанію.

А. К.

б) Иностранцы.

858) **Іосифъ Гайднъ.** Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 207. Москва. 1879 г. Ц. 15 к. 7 стр.

859) **Антоніо Канова.** Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 179. Москва. 1879 г. Ц. 15 к. 15 стр.

Обѣ брошюрки болѣе или менѣе живо передаютъ обстоятельства жизни названныхъ геніальныхъ художниковъ-артистовъ и, вообще говоря, представляютъ собою интересное чтеніе. Обѣ построены по одному типу: двѣ-три анекдотическія подробности изъ дѣтской жизни и болѣе сухая передача послѣдующей; изданы одною и тою же фирмою Общества распространенія полезныхъ книгъ, изложены недурнымъ языкомъ и каждая иллюстрирована одною или двумя картинами. Къ отрицательнымъ достоинствамъ должны быть отнесены: несовсѣмъ опрятное по количеству опечатокъ (особенно въ годахъ) изданіе и относительно дорогая цѣна, которая почему-то одинаково высока для обѣихъ брошюрокъ.

Очевидно, изданныя для образованныхъ подростковъ, эти брошюрки по своему содержанію должны составлять только роскошь въ ряду другихъ біографій въ народной библіотекѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, умѣстнѣе будутъ жизнеописанія замѣчательныхъ и знаменитыхъ соотечественниковъ. Но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что очень много изданій съ содержаніемъ изъ иностранной жизни попадаетъ въ число книгъ для народнаго чтенія, исключительно только благодаря своему небольшому объему и дешевизнѣ, эти брошюрки могутъ быть допущены въ народную библіотеку просто какъ интересныя книжки для чтенія, которыя съ одинаковымъ удовольствіемъ прочтутъ всѣ хорошо читающіе.

Вопросы:

Къ біографіи Гайдна.

Кто былъ Гайднъ?

Какимъ образомъ очутился онъ сначала въ Гамбургѣ, а потомъ въ Вѣнѣ?

Когда увидѣлся онъ опять съ отцомъ и матерью?

Какою славою пользовался онъ въ старости?

Къ біографіи Кановы.

Кто былъ Канова?

Какой счастливый случай былъ съ нимъ во дворцѣ Фальери?

Чѣмъ онъ прославился?

Какой характеръ былъ у него?

Примѣчаніе. Рец. см. «Женск. Образованіе» 1879 г. № 8, стр. 537—538. «Народн. и Дѣтск. Библіотека», 1879 г. № 1, стр. 28—29.

---

860) **Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда.** *«Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома».* Сост. по Тейеру Е. А. Сысоевой. (Съ портретомъ и 3-мя отдѣльными картинками Н. Н. Каразина). Изданіе редакціи журнала «Родникъ». Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к. 224 стр.

Тяжело жилось въ началѣ настоящаго столѣтія первымъ поселенцамъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ по берегамъ рѣкъ Огіо и Оранжевой, но особенно трудно и бѣдно жилось молодой вдовѣ Гарфильдъ, оставшейся послѣ скоропостижной смерти мужа съ четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ младшему, Джемми, было только полтора года. Энергичная, трудолюбивая женщина не пала духомъ, а принялась за дѣло, и съ помощью 8-ми-лѣтняго старшаго сына, Тома, успѣла во-время окончить всѣ полевыя работы, чѣмъ и обезпечила семьѣ жизнь въ теченіе долгой зимы.

Не смотря на дѣтскіе годы, Томъ настолько успѣшно справлялся съ хозяйствомъ, что черезъ годъ въ бревенчатой хижинѣ завелся даже маленькій достатокъ, выразившійся въ небывалой роскоши—въ покупкѣ кожаныхъ башмаковъ для Джемми. Велика была также радость дѣтей и особенно матери, когда въ разстояніи полуторы мили отъ нихъ открылась школа, куда стали ходить обѣ дѣвочки, причемъ 4-хъ-лѣтняго Джемми старшая сест-

ра весь годъ носила въ школу на своей спинѣ, такъ какъ лѣсная дорога въ иную пору была небезопасна даже и для взрослыхъ.

Малютка Джемми оказался очень способнымъ и въ самое короткое время сдѣлался любимцемъ учителя и товарищей, которыхъ часто поражалъ необыкновенной памятью и смѣшилъ своимъ остроуміемъ. На слѣдующій годъ вдова Гарфильдъ предложила обществу выстроить школу на ея землѣ, что̀ дало возможность Джемми не пропускать уроковъ. Наблюдательный, прилежный, чрезвычайно умный и шаловливый, но всегда добрый и веселый, онъ былъ украшеніемъ школы; учителя пророчили ему славную будущность, а мать, что называется, души не слышала въ своемъ любимцѣ. Но такою беззаботною жизнью мальчикъ пользовался недолго. Едва минуло ему 8 лѣтъ, какъ Томъ, уходившій и раньше по сосѣдству на небольшіе заработки, подрядился къ одному фермеру въ штатъ Мичиганъ расчищать лѣсъ; но такъ какъ хозяйства нельзя было бросить на такое долгое время, то онъ началъ постепенно пріучать брата справляться со всѣми работами и вскорѣ убѣдился, что Джемми можетъ вполнѣ замѣнить его. Полгода продолжалась разлука; наконецъ, Томъ возвратился и на принесенные 75 долларовъ принялся съ братомъ и сосѣдомъ-плотникомъ за постройку новаго тесоваго дома. Джемми очень понравилось плотничное ремесло, но полевыя работы, въ этотъ разъ бывшія на однѣхъ его рукахъ, отнимали почти все время. Когда домъ былъ оконченъ, и Томъ опять ушелъ въ Мичиганъ, Джемсъ, во что бы то ни стало хотѣвшій тоже зарабатывать деньги, умудрился въ свободное отъ хозяйственныхъ хлопотъ время взять у плотника работу и въ первый-же день обстругалъ 100 досокъ, за что получилъ 100 центовъ. Такъ проработалъ онъ все лѣто, отдавая весь заработокъ матери, а зимою учился въ школѣ. Никакая работа не пугала его, никакой трудъ не тяготилъ; напротивъ, все новое, неизвѣстное живо заинтересовывало его, и онъ успокаивался только тогда, когда, наконецъ, овладѣвалъ желаемымъ знаніемъ. Такъ, однажды сосѣдъ плотникъ пригласилъ его вмѣстѣ выстроить ригу у колониста и Джемсъ, не умѣвшій чертить плановъ, подъ руководствомъ сосѣда въ нѣсколько вечеровъ овладѣлъ этимъ знаніемъ. Занятія въ школѣ между тѣмъ шли также успѣшно; долгіе зимніе вечера проводилъ онъ, лежа передъ пылающимъ очагомъ, за чтеніемъ всего, что попадалось подъ руку, но любимыми книгами его были—«Похожденія Робинзона Крузо» и ариѳметика Адамса. Въ 14 лѣтъ Джемсъ былъ сильнымъ, здоровымъ, ловкимъ и красивымъ юношей, которому на видъ можно было дать лѣтъ 18. Характеръ его отличался необыкновенной добротой; онъ всегда былъ защитникомъ слабыхъ и даже поссорился съ товарищемъ, когда тотъ при немъ началъ мучить своего кота. Но при всемъ томъ, когда того требовали обстоятельства, онъ былъ находчивъ и смѣлъ.

Приведенное содержаніе по числу страницъ составляетъ третью часть книжки, которую мы умышленно пересказали подробнѣе, чтобы познакомить читателя съ характеромъ изложенія біографическаго очерка. Съ такими-же подробностями разсказана и дальнѣйшая жизнь Гарфильда, проведенная имъ большею частью внѣ родительскаго дома. Одно время, начитавшись романовъ изъ морской жизни, Джемсъ такъ увлекся моремъ, что, не смотря на просьбы матери и убѣжденія друзей, нанялся работникомъ на барку и только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, схвативъ болотную лихорадку послѣ одного изъ невольныхъ купаній, когда только чудомъ какимъ-то не утонулъ, онъ еле-еле живымъ возвратился домой. Ко времени выздоровленія обстоятельства сложились такимъ образомъ, что для него явилась возможность поступить въ семинарію въ Честеръ. Трехлѣтняя студентческая жизнь Гарфильда передана чрезвычайно живо. Плохо одѣтый, часто полуголодный, то студентъ, то поденщикъ-плотникъ, любимый товарищъ, онъ, возвращаясь на время каникулъ домой, то строитъ матери новый сарай, то беретъ мѣсто школьнаго учителя, то коситъ траву у сосѣднихъ фермеровъ. И вездѣ, и всегда веселый, онъ постоянно нравственно вліяетъ на окружающихъ его дѣтей или взрослыхъ, привлекая послѣднихъ къ себѣ еще и обнаружившимся въ немъ краснорѣчіемъ, которое скоро прославило его въ окружности, какъ замѣчательнаго оратора и проповѣдника. Выйдя изъ семинаріи кандидатомъ, онъ поступилъ въ Айрамскій энциклопедическій институтъ, въ которомъ, за увольненіе отъ платы за слушаніе лекцій, первое время былъ дворникомъ и звонаремъ. Черезъ годъ ему предложили мѣсто лектора въ младшихъ классахъ, но студентъ и въ то-же время лекторъ часто долженъ былъ браться за рубанокъ и топоръ, чтобы не голодать. Пройдя четырехлѣтній подготовительный курсъ въ Айрамѣ въ три года, Джемсъ поступилъ въ Уильямсъ-колледжъ, гдѣ, нѣсколько обезпечивъ себя

деньгами, занятыми подъ полисъ страховаго общества, въ которомъ застраховалъ свою жизнь, и пользуясь громадной библіотекой, съ жаромъ предался чтенію; въ это же время имъ было написано нѣсколько серьезныхъ сочиненій, а начавшееся движеніе въ пользу освобожденія невольниковъ увлекло его и заставило произносить на митингахъ пламенныя рѣчи, восхищавшія слушателей и сдѣлавшія имя его извѣстнымъ во всѣхъ штатахъ. Передъ выходомъ изъ колледжа Гарфильдъ былъ выбранъ Айрамскимъ институтомъ на каѳедру древнихъ языковъ, которую и занялъ, будучи всего 25 лѣтъ отъ роду. Лекціи читалъ онъ превосходно; ученики относились къ нему въ высшей степени хорошо, а администрація института выбрала его черезъ годъ директоромъ училища. Основавшись на этомъ мѣстѣ, вполнѣ обезпеченный, наконецъ, въ матеріальномъ отношеніи, Гарфильдъ вскорѣ женился на давно любимой дѣвушкѣ, бывшей одно время его товарищемъ по курсу въ Честерской семинаріи, а потомъ ученицей въ Уильямсъ-колледжѣ, и уже мечталъ всю жизнь прожить труженикомъ-педагогомъ, обожаемымъ наставникомъ и счастливымъ семьяниномъ, какъ начавшаяся война съ южанами вырвала его изъ этой скромной обстановки и выдвинула далеко впередъ, какъ замѣчательнаго государственнаго человѣка.

Этимъ собственно заканчивается послѣдовательный очеркъ жизни Гарфильда. Послѣднія три главы представляютъ отдѣльныя картины изъ его общественной дѣятельности. Въ первой описаны его выборы сначала окружнымъ сенаторомъ, а потомъ и на должность президента Соединенныхъ Штатовъ; во второй приведено нѣсколько эпизодовъ изъ войны за освобожденіе рабовъ, характеризующихъ его, какъ лично храбраго и самоотверженнаго человѣка и какъ начальника, съумѣвшаго вызвать въ войскѣ къ себѣ горячую любовь военными способностями и гуманнымъ отношеніемъ къ подчиненнымъ. Въ послѣдней главѣ бѣгло указано, на что думалъ онъ обратить вниманіе въ должности президента; потомъ кратко разсказано покушеніе Гито, болѣзнь, смерть и похороны этого слишкомъ рано умершаго превосходнаго человѣка, очень много обѣщавшаго по своимъ способностямъ сдѣлать для своей страны.

Нашъ по необходимости сжатый пересказъ только намекаетъ на содержаніе біографическаго очерка, совершенно поблѣднѣвшаго отъ опущенія множества интересныхъ подробностей, чрезвычайно живо обрисовывающихъ какъ характеръ самого Гарфильда и окружавшихъ его людей, такъ нравы и образъ жизни первыхъ поселенцевъ, лѣсныя школы, высшія учебныя заведенія того времени и много другихъ сторонъ общественной жизни американцевъ. И все это разсказано въ такой простой повѣствовательной формѣ, такъ живо, что читается и взрослыми, и дѣтьми съ большимъ интересомъ. Почтенная составительница совершенно вѣрно поступила, отведя наиболѣе видное мѣсто въ біографіи Гарфильда его частной жизни, такъ какъ общественныя заслуги его, какъ государственнаго дѣятеля, не могли бы быть понятны и достойно оцѣнены молодыми читателями, для которыхъ предназначается разсказъ. Не смотря на множество иностранныхъ словъ и названій американскихъ городовъ, рѣкъ и т. д., мы увѣрены, что даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, т. е. при отсутствіи какой бы то ни было подготовки по географіи и всякой помощи въ видѣ объясненія такихъ словъ, какъ: *долларъ*, *митингъ*, *колледжъ* и проч., въ умѣ самаго неразвитаго, но хорошо-грамотнаго читателя живо обрисуется и надолго запечатлѣется образъ человѣка «сильной воли и труда», что̀, очевидно, и имѣла въ виду уважаемая редакція, помѣщая этотъ заголовокъ. При неблагопріятныхъ условіяхъ, повторяемъ, можетъ случиться, что забудется даже, гдѣ все это было и что этотъ человѣкъ былъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ; но будничная обстановка, въ которой вырабатывался сильный характеръ Гарфильда, и всѣ лишенія и невзгоды, съ которыми онъ боролся, добывая себѣ образованіе и средства къ жизни, поймутся, потому что они одинаковы для бѣдняковъ на всемъ земномъ шарѣ. При благопріятныхъ же условіяхъ разсказъ читается съ еще бо̀льшимъ интересомъ и совершенно усвaивается, въ чемъ убѣдилъ насъ личный опытъ. Намъ приходилось видѣть, какъ дѣти образованныхъ семей, въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ, прослушавшія и прочитавшія на своемъ маленькомъ вѣку много дѣтскихъ книгъ, не смотря на свой, если можно выразиться, пресыщенный вкусъ, слушали и читали «Жизнь Джемса Гарфильда» просто съ увлеченіемъ. Мы знаемъ, напримѣръ, и такой частный фактъ: въ богатой семьѣ два мальчика-брата,—одинъ 6-ти, другой 9-ти лѣтъ,—выбрали именно эту книгу изъ массы другихъ для своихъ именинныхъ подарковъ, причемъ каждый непремѣнно хотѣлъ имѣть «своего Джемса Гарфильда». Ученицы воскресной школы, дѣвочки лѣтъ отъ 12 до 14, окончившія курсъ начальной школы, съ видимымъ удовольствіемъ пересказывали чрезвычайно подробно со-

держаніе этой довольно объемистой книжки, причемъ разсказъ часто прерывался дружнымъ веселымъ смѣхомъ, когда рѣчь касалась какой-нибудь остроумной шалости маленькаго Джемми. Обиліе иностранныхъ словъ, о которыхъ мы говорили раньше, нисколько не мѣшало имъ усвоить все содержаніе, такъ какъ большая часть изъ нихъ понималась приблизительно. Желая провѣрить себя, мы попросили трехъ дѣвочекъ выписать на бумажку непонятныя для нихъ слова и, къ удивленію, въ трехъ спискахъ насчитали только 23 разныхъ слова. Если допустить очень вѣроятную возможность, что многія слова были ими при бѣгломъ чтеніи пропущены, то это только говоритъ въ пользу высказаннаго нами раньше,—именно, что само содержаніе даетъ возможность приблизительно понимать встрѣчающіяся непонятныя слова. Взрослыхъ же ученицъ, не проходившихъ курса начальной школы, эти слова затрудняли еще менѣе. Онѣ такъ-же подробно передавали все содержаніе, какъ и младшія ученицы; вся разница заключалась только въ томъ, что тѣ болѣе останавливались на дѣтскихъ годахъ Гарфильда, а эти — на юношескихъ и на послѣдующей его жизни. Насколько нравится эта книга и какъ свѣжо воспоминаніе о ней, можно видѣть изъ того, что, мѣняя книги ученицамъ, приходится часто слышать на свой вопросъ о выданной книгѣ: «понравилась ли она?» отвѣтъ: «да, а все не такая, какъ Джемсъ Гарфильдъ». Намъ кажется, что на большее впечатлѣніе и претендовать трудно.

Поэтому мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ этотъ трудъ редакціи, обѣщающій, судя по тремъ уже вышедшимъ очеркамъ, выразиться въ цѣлой серіи подобныхъ же біографій, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ прекрасный матеріалъ для чтенія, чрезвычайно интересный и въ то же время нравственно вліяющій на читателя.

Издана книга очень хорошо, даже роскошно для объявленной цѣны. Три большія картинки и множество маленькихъ красивыхъ виньетокъ оживляютъ страницы и очень нравятся дѣтямъ. Можно давать для самостоятельнаго чтенія взрослымъ хорошо грамотнымъ и болѣе развитымъ изъ окончившихъ курсъ народной школы, не говоря уже о дѣтяхъ образованныхъ классовъ общества, для которыхъ собственно и составлена эта біографія-повѣсть *).

Вопросы:

Въ какой странѣ селились колонисты и откуда они пріѣзжали?

Какія неудобства и опасности испытывали они на новыхъ мѣстахъ?

Въ какой школѣ учился маленькій Джемми?

За что любили его всѣ окружающіе?

Чѣмъ еще долженъ былъ онъ заниматься въ это время, кромѣ ученья?

Какъ жилось ему на баркѣ и почему бросилъ онъ эту работу?

Гдѣ учился онъ потомъ?

Какъ жилось ему въ это время?

Чѣмъ прославился онъ въ своей странѣ?

Какая война была тогда въ Штатахъ и чѣмъ она окончилась?

Чѣмъ занялся Гарфильдъ послѣ окончанія ученья?

На какую должность былъ онъ избранъ?

Отчего онъ умеръ?

Е. Г.

---

861) **Давидъ Ливингстонъ.** Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 199. Москва. 1879 г. Ц. 25 к. 56 стр.

Начинается книжка такими словами:

«Лѣтъ семь тому назадъ молодой американецъ Стэнлей, проживая въ Мадридѣ для того, чтобы посылать свѣжія новости объ Испаніи въ газету «Нью-Іоркскій Вѣстникъ», получилъ телеграмму отъ редактора этого журнала, г. Беннета, съ приглашеніемъ немедленно пріѣхать къ нему въ Парижъ».

Затѣмъ сообщается о цѣли экспедиціи Стэнлея, потомъ—о смерти Ливингстона и о томъ, гдѣ и когда онъ похороненъ.

На 5-й страницѣ авторъ силится охарактеризировать Ливингстона; но у читателя не получается представленія о живомъ человѣкѣ: описаніе его напоминаетъ нравоученія изъ старинныхъ прописей:

«Его поведеніе въ различныхъ возрастахъ и обстоятельствахъ жизни можетъ служить живымъ примѣромъ для многихъ послѣдующихъ поколѣній. Онъ шелъ смиреннымъ путемъ, былъ вообще нрава тихаго и спокой-

---

*) Въ журналѣ «Родникъ» и раньше въ журналѣ «Воспитаніе» помѣщено достаточное количество біографій подъ заглавіемъ: «Люди труда и сильной воли». Но, имѣя въ виду то обстоятельство, что не всякая семья и не всякая школа могутъ позволить себѣ роскошь—выписывать журналъ, стоющій ежегодно 5 р., нельзя не поблагодарить редакцію за появленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ очерковъ въ видѣ отдѣльныхъ изданій, тѣмъ болѣе что и по цѣнѣ они совершенно доступны: «Джемсъ Гарфильдъ»—1 р. 30 к. (224 стр.), «Кулибинъ»—15 к. (37 стр.) и «Христофоръ Колумбъ»—30 к. (63 стр.).

наго, но въ важныхъ случаяхъ, заступаясь за другихъ, выказывалъ благородную смѣлость и спокойное мужество».

«Онъ восхищалъ своихъ друзей откровенностью своей пріязни, занимательностью бесѣды, постоянствомъ любящаго сердца. Разъ съ кѣмъ-нибудь сошедшись, онъ оставался искрененъ, простодушенъ, снисходительно добръ и нѣженъ по природѣ» (стр. 6-я).

Только съ 7-й страницы авторъ приступаетъ къ тому, съ чего слѣдовало-бы начать, а именно—къ описанію дѣтства Ливингстона.

Хорошая біографія такой личности, какъ Ливингстонъ, могла-бы составить драгоцѣнный вкладъ въ народную библіотеку, такъ какъ миссіонерская дѣятельность этого проповѣдника-путешественника представляетъ собою много примѣровъ самоотверженности, христіанской любви и героизма, а описанія его путешествій полны интересныхъ подробностей природы и образа жизни нѣкоторыхъ племенъ Африки.

Къ сожалѣнію, разбираемую книжку мы не можемъ назвать удачной. Правда, въ ней можно встрѣтить нѣсколько картинныхъ эпизодовъ изъ путевыхъ приключеній и жизни Ливингстона, но въ общемъ преобладаетъ географическая номенклатура и нравоученія, примѣры коимъ мы привели выше.

А. И.

Примѣч. Рец. см. «Женск. Образов.». 1879 г., № 8, стр. 535—537; «Народная и Дѣтская Библіотека», 1879 г., № 1, стр. 21.

---

862) **Георгъ Стифенсонъ, изобрѣтатель паровозовъ.** Изд. Общ. распростран. полезн. книгъ. Книжка для школъ. № 163. Москва. 1877 г. Ц. 15 к. 40 стр.

По своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ достоинствамъ эта брошюрка принадлежитъ къ лучшимъ и вполнѣ полезнымъ изданіямъ названнаго общества, почему и должна быть включена въ число желательныхъ и даже необходимыхъ книгъ въ народной библіотекѣ. Это желаніе тѣмъ основательнѣе, что героемъ названной брошюры является одинъ изъ благодѣтелей человѣчества, изобрѣтеніемъ котораго въ настоящее время пользуются милліоны простаго люда, окрестившаго его у насъ по своему названіями *«чугунки» и «машины»*.

Содержаніе книги составляютъ главнымъ образомъ характеристика самого Георга Стифенсона и описаніе его трудовой и поучительной жизни; кромѣ того, тутъ же кстати приведены менѣе обстоятельныя характеристики отца и сына изобрѣтателя паровозовъ — старика Боба и молодаго Роберта Стифенсоновъ—и кратко описаны устройство каменноугольныхъ копей, польза спасительной лампы Георга и постепенныя усовершенствованія путей сообщенія въ Англіи, предшествовавшія изобрѣтенію желѣзной дороги.

Благодаря хорошему и ясному изложенію, а также занимательному и въ то же время дѣловому содержанію, книга читается съ большимъ удовольствіемъ хорошо-грамотными взрослыми и развитыми подростками, причемъ особенный интересъ представляетъ для заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ и для ремесленниковъ. Издана книга тоже вполнѣ хорошо, а красивая и содержательная виньетка на оберткѣ очень удачна по мысли и по исполненію.

Вопросы:

Когда жилъ Георгъ Стифенсонъ и чѣмъ онъ прославился?

Какъ прошли дѣтскіе годы Георга?

Какимъ ремесламъ выучился онъ самоучкой?

Какое устройство имѣютъ каменноугольныя копи и какія несчастія бываютъ тамъ съ рабочими?

Отъ чего спасаетъ изобрѣтенная Георгомъ лампа?

Какъ усовершенствовали англичане свои дороги передъ изобрѣтеніемъ паровоза?

Какое образованіе далъ Георгъ своему сыну?

Какую жизнь велъ онъ подъ старость?

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Женск. Образованіе» 1879 г. № 10, стр. 235.

---

863) **Веніаминъ Франклинъ.** Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. А. Хребтова. (Съ портретомъ Франклина). Спб. 1875 г. Ц. 25 к. 58 стр. маленькаго формата.

Названная книжка, хотя и не предназначавшаяся авторомъ для народнаго чтенія, тѣмъ не менѣе по внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ представляетъ собою одно изъ наиболѣе полезныхъ и желательныхъ изданій въ народной библіотекѣ.

Содержаніе ея составляетъ біографія «замѣчательнаго человѣка, который, происходя отъ бѣдныхъ и неизвѣстныхъ родителей, достигъ, благодаря своему уму, твердому характеру, своей честной и трудовой жизни, знаменитости и такой извѣстности, что хотя послѣ его смерти и прошло болѣе 80-ти лѣтъ,

но имя его и до сихъ поръ пользуется громкою славою между всѣми образованными народами міра» (стр. 1).

Признавая за чтеніемъ подобныхъ книгъ большое нравственное значеніе и имѣя въ виду, что біографіи людей, пробившихся къ славѣ изъ низшихъ слоевъ общества, читаются простымъ народомъ съ особеннымъ интересомъ, намъ приходится отмѣтить въ данномъ случаѣ еще и то отрадное явленіе, что доступность и простота изложенія труда г. Хребтова даютъ возможность вполнѣ усваивать и этому кругу читателей поучительное и интересное содержаніе, благодаря въ высшей степени внимательному отношенію составителя ко всѣмъ труднымъ словамъ и понятіямъ, тотчасъ же сопровождаемымъ подстрочными вполнѣ обстоятельными объясненіями.

Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ названную книгу вполнѣ пригодной для самостоятельнаго чтенія хорошо читающимъ развитымъ подросткамъ и взрослымъ, такъ что отсутствіе ея въ народно-школьной библіотекѣ должно считаться печальнымъ и нежелательнымъ пробѣломъ.

Вопросы.

Кто былъ Франклинъ и когда онъ жилъ?

Въ какой странѣ поселились его родители?

Чѣмъ занимался Франклинъ въ молодости и какъ составилъ себѣ состояніе?

Какой характеръ былъ у него?

Какія полезныя и добрыя дѣла дѣлалъ онъ?

Какую силу природы открылъ онъ и какимъ образомъ?

Что такое громоотводъ и какую пользу приноситъ онъ?

Какую великую услугу оказалъ Франклинъ своему отечеству и какъ относились къ нему за это сѣверо-американцы? *Е. Г.*

Примѣч. Рец. см. «Педагог. Музей» 1876 г., № 4, стр. 260.

---

864) **Неутомимый труженикъ Томасъ, натуралистъ по призванію.** Составлено по Смайльсу. (Съ 8-ю рисунками). Изд. ред. народнаго журнала «*Мірской Вѣстникъ*». Спб. 1879 г. Ц. 30 к. 86 стр.

Названная книга представляетъ собою очень занимательное и въ то же время полезное чтеніе. Въ ней просто и интересно разсказана поучительная жизнь труженика Томаса Эдварда, по призванію натуралиста, а по профессіи и необходимости — башмачника. Составленъ этотъ біографическій очеркъ по Смайльсу, но переданъ такъ живо, что читается, какъ разсказъ.

Страсть Томаса къ наблюденіямъ и изученію жизни и особенностей всевозможныхъ животныхъ, начиная съ четвероногихъ и кончая насѣкомыми, гадами и паразитами, обнаружившаяся въ немъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ и не разъ подводившая въ дѣтствѣ подъ розги и исключенія изъ школъ, а потомъ лишавшая необходимаго отдыха и отрывавшая даже отъ работы, вслѣдствіе чего семьѣ приходилось временами терпѣть крайнюю нужду, — эта необыкновенная страсть въ человѣкѣ, не получившемъ почти никакого образованія и тѣмъ не менѣе — на основаніи однѣхъ своихъ статей—избранномъ подъ старость въ члены нѣсколькихъ ученыхъ обществъ (въ томъ числѣ—Линнеевскаго),—обрисована составителемъ чрезвычайно удачно, благодаря чему сама личность неутомимаго ремесленника-натуралиста, обязаннаго, между прочимъ, своей страсти даже спасеніемъ отъ самоубійства, производитъ сильное впечатлѣніе и отчетливо сохраняется въ памяти.

Въ концѣ книги приведено нѣсколько отрывковъ изъ статей самого Томаса Эдварда объ образѣ жизни и нравахъ нѣкоторыхъ животныхъ и о превращеніяхъ бабочекъ, комаровъ, лягушекъ и глистъ, которые, благодаря чрезвычайно ясному изложенію и занимательности, читаются съ удовольствіемъ и пользой и тѣми, кто уже раньше зналъ обо всемъ этомъ, и тѣми, для кого это является совершенною новостью.

8 рисунковъ, изображающихъ разныхъ животныхъ, очень посредственны, а первые два даже просто плохи; тѣ же, которые представляютъ превращенія комара, лучше и вполнѣ умѣстны.

Книжка недешева, но своими достоинствами совершенно искупаетъ нѣсколько высокую цѣну. Вполнѣ пригодна для чтенія толково-грамотныхъ взрослыхъ и развитыхъ подростковъ.

Вопросы:

Чѣмъ любилъ заниматься въ дѣтствѣ Томасъ?

Почему ему не удалось окончить курсъ въ школѣ?

Что заставило его бросить башмачное ремесло?

Что съ нимъ было послѣ этого?

Какъ устроилась его жизнь послѣ женитьбы?

Кто уговорилъ его начать записывать свои наблюденія?

О чемъ писалъ Томасъ въ своихъ статьяхъ?

Е. Г.

---

865) **Труженики. Замѣчательный башмачникъ Томасъ Эдвардъ.** Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 26 стр.

Вслѣдствіе того, что въ большей части своего содержанія эта брошюрка представляется несомнѣннымъ заимствованіемъ изъ предыдущей, мы сочли себя вправѣ ограничиться однимъ указаніемъ, не вдаваясь въ большія подробности. Замѣтимъ только, что, въ случаѣ невозможности достать изданіе «Мірскаго Вѣстника», она, конечно, отчасти можетъ его замѣнить.

Вопросы остаются тѣ же, что и въ предъидущей рецензіи, за исключеніемъ послѣдняго.

Е. Г.

---

866) **Замѣчательный работникъ. Жизнь башмачника-натуралиста Томаса Эдварда.** Изложилъ по Смайльсу А. Н. Канаевъ. Съ портретомъ г. Эдварда. Оригинальные рисунки рисовалъ В. С. Шпакъ, рѣзалъ на деревѣ Н. Г. Денисовскій. Спб. 1885 г. 88 стр. обыкновеннаго формата. Ц. 60 к. *).

Чрезвычайно изящное и очень дешевое по своей цѣнѣ изданіе. Текстъ изложенъ въ высшей степени понятно и живо, почему читается и слушается, въ особенности дѣтьми и подростками, съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ. Если средства народно-школьной библіотеки позволятъ, при наличности одного изъ первыхъ двухъ изданій біографіи Томаса Эдварда для взрослыхъ, имѣть еще и это—для читателей младшаго возраста, то оно будетъ желательнымъ и полезнымъ пріобрѣтеніемъ въ ряду другихъ книгъ для чтенія.

Вопросы къ біографіи тѣ же. (См. № 864.)

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Народн. и Дѣтск. Библіотека» 1879 г., № 4, стр. 112—128; (Статья г. Р. подъ заглавіемъ: «О неумѣлыхъ претензіяхъ поучать дѣтей»); «Женск. Образованіе» 1879 г., № 1, стр. 86; «Педагогич. Хроника» 1879 г., № 19, «Воспит. и Обученіе» 1879 г., № 1, стр. 35—38; «Педагогическій Листокъ» при «Дѣтскомъ Чтеніи», № 1, стр. 165; «Педагогич. Музей» 1876 г., № 1, стр. 82—84; «Систематическій Обзоръ Народно-Учебной Литерат.». Дополн. 1-е. 1881 г., стр. 46.

*) Новое изданіе совершенно тождественное съ изд. 1879 г. рецензированнымъ нами въ первомъ изданіи указателя. Разныя заключенія въ приложеніи портрета Т. Эдварда, въ прибавленіи двухъ незначительныхъ картинокъ (на стр. 2 и 8), въ измѣненіи формата книги.

---

867) **Герои труда. Модлей.—Стефенсонъ.—Ферберкъ.—Нэсмитъ.** По Смайльсу. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной. Спб. 1870 г. Ц. 65 к. 163 стр. небольшаго формата.

Названное изданіе заключаетъ въ себѣ четыре біографическихъ очерка знаменитыхъ изобрѣтателей въ области механики. Составлены эти очерки по Смайльсу, изложены хорошимъ литературнымъ языкомъ и по своему интересному содержанію представляютъ чрезвычайно занимательное и въ то же время полезное чтеніе. Но изданные для болѣе или менѣе образованныхъ читателей, они по этому самому для полнаго своего усвоенія требуютъ бо́льшихъ знаній, чѣмъ тѣ, которыя даетъ народная школа. Вслѣдствіе этого мы и не рѣшаемся рекомендовать эту книгу для имѣющагося у насъ въ виду круга читателей.

Е. Г.

Примѣч. См. рец. «Систематическій Обзоръ Русской Народной Литературы» 1878 г., стр. 224; «Дѣтск. Садъ», 1870 г., стр. 645.

---

§ II. Русскіе писатели въ жизнеописаніяхъ и образцахъ.

868) **Очеркъ жизни Гавріила Романовича Державина.** Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 304. Москва. 1881 г. Ц. 10 к. 33 стр. небольшаго формата.

По прочтеніи 33 страницы этой маленькой брошюрки, неизвѣстно кѣмъ составленной, становится просто непонятнымъ, для кого издало ее Общество распространенія полезныхъ книгъ. Прошедшіе гимназическій курсъ, конечно, поймутъ ее, но притомъ и не узнаютъ ничего новаго, такъ какъ все сообщаемое въ очеркѣ имъ уже извѣстно изъ учебника исторіи литературы. Происхожденіе рода Державиныхъ, семейная обстановка поэ-

та, его необыкновенныя способности и прилежаніе, обнаруживавшіяся еще въ дѣтствѣ, успѣхи въ ученьѣ, бѣдность, въ которой очутилась вся семья послѣ смерти отца, характеристика энергичной матери поэта, Казанская гимназія, въ которой получилъ Державинъ свое образованіе,—все это описано очень обстоятельно, хотя однѣ изъ подробностей имѣютъ болѣе анекдотическій интересъ,—какъ напр., какое первое слово сказалъ Державинъ въ дѣтствѣ или съ какими ошибками написалъ онъ свое доношеніе объ увольненіи изъ гимназіи; а другія не имѣютъ даже прямого отношенія лично къ нему,—напр., описаніе празднества для чествованія дня коронаціи императрицы Елизаветы Петровны или содержаніе сказки о Хлорѣ-царевичѣ, сочиненной Екатериной II; и т. д. При этомъ надобно замѣтить, что, говоря о тогдашнемъ времени и современныхъ Державину историческихъ и литературныхъ дѣятеляхъ, какъ Суворовъ, Потемкинъ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Третьяковскій, Хемницеръ, Капнистъ и др., авторъ только называетъ ихъ, предполагая, вѣроятно, въ читателѣ необходимыя знанія, такъ какъ ни по поводу событій, ни объ отдѣльныхъ лицахъ и ихъ историческихъ или литературныхъ заслугахъ не даетъ никакихъ объясненій.

Непрошедшіе же гимназическаго курса не поймутъ очерка не только вслѣдствіе указанной трудности для нихъ самаго содержанія, но благодаря также слогу и отдѣльнымъ словамъ, встрѣчающимся въ достаточномъ количествѣ на каждой страницѣ. Фразы въ родѣ: «Гавріилъ Романовичъ Державинъ, пѣвецъ Екатерины II, прославившій ея царствованіе, какъ вдохновенный лирикъ, велъ свой родъ отъ татарина Мирзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ XV столѣтіи, при великомъ князѣ Василіи Темномъ;» или: «Нѣмецкій языкъ сдѣлался для Державина какъ бы ключомъ, который отперъ для него входъ въ область мысли», и многія другія,—и слова вродѣ: *самозванный педагогъ*, *служебная карьера*, *геодезистъ*, *герольдія*, *эмблема просвѣщенія*, *Парнасъ*, *Юпитеръ*, имена др. боговъ, *пробужденіе таланта*, *самобытный геній*, *оды*, *трагедіи*, *комедіи Мольера*, *«Телемахида»*, *кондукторъ инженернаго корпуса*, *миѳологія* и т. д., причемъ ни одно изъ этихъ словъ не сопровождается соотвѣтствующимъ объясненіемъ,—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ книгу неудобною ни для самостоятельнаго чтенія недостаточно развитаго и образованнаго читателя, ни для пользованія ею для народнаго чтенія, веденнаго учителемъ, такъ какъ послѣдній былъ бы вынужденъ дать за одинъ разъ слишкомъ много отрывочныхъ, разнообразныхъ и по необходимости краткихъ объясненій, что неизбѣжно должно дурно отразиться на усвоеніи главнаго предмета. Ко всему этому надо прибавить, что очеркъ не представляетъ даже полной біографіи, такъ какъ заканчивается описаніемъ милостиваго пріема оды «Фелица» Екатериной II, что было однимъ изъ первыхъ успѣховъ еще мало-извѣстнаго тогда Державина.

Е. Г.

---

869) **Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.** Біографія.—Его сочиненія.—Послѣднія минуты его жизни.—Проводы тѣла, похороны его и оваціи русскаго общества. Москва. 1881 г. 56 стр.

Эта брошюрка появилась въ печати спустя недѣлю послѣ смерти Достоевскаго и въ настоящее время, кажется, уже болѣе не имѣется въ продажѣ. Не смотря на то, что вслѣдствіе спѣшности работы и отсутствія готовыхъ матеріаловъ подъ руками первая половина книги отличается краткостью и несовершенствомъ, нельзя, однако, не поблагодарить неизвѣстнаго издателя за посильное и, главное, своевременное удовлетвореніе порыва общественной любознательности, вызваннаго неожиданной смертью любимаго и даровитаго писателя.

Содержаніе книги совершенно ясно изъ выписаннаго оглавленія, почему мы и не будемъ передавать его. Написана вся брошюрка хорошимъ литературнымъ языкомъ и, очевидно, предназначалась для образованныхъ читателей.

Тѣмъ не менѣе, находя бо́льшую часть содержанія общедоступной, мы рѣшились давать эту книжку наиболѣе развитымъ изъ нашихъ учениць и по преимуществу тѣмъ изъ нихъ, которыя уже много читали и потому въ достаточной мѣрѣ свыклись съ книжнымъ языкомъ. Сомнительнымъ представлялось намъ усвоеніе только второй главы, подъ заглавіемъ: «Его сочиненія»; но пересказъ всегда оказывался настолько удовлетворительнымъ, что убѣждалъ въ полномъ пониманіи прочитаннаго. Такой благопріятный результатъ объясняли мы себѣ отчасти знакомствомъ нашихъ читательницъ съ нѣкоторыми изъ сочиненій Достоевскаго, но впослѣдствіи имѣли возможность убѣдиться, что и безъ этого условія содержаніе брошюрки

вполнѣ доступно для толково-грамотнаго и относительно развитого читателя.

Взрослая дѣвушка, *К—ва*, вполнѣ хорошо передала намъ содержаніе всей брошюрки и къ нашему удивленію особенно подробно пересказала названную нами раньше вторую часть. Оказалось, что, не имѣя до этого времени никакого представленія о произведеніяхъ покойнаго писателя, она въ высшей степени заинтересовалась ими на основаніи прочитаннаго отзыва, въ которомъ бѣгло обрисованы выведенные имъ типы и только намѣчены высказанныя имъ симпатіи. Свой пересказъ она закончила убѣдительной просьбой—дать ей прочитать хотя что-нибудь изъ сочиненій Достоевскаго, что̀ мы и поспѣшили исполнить. Быстро одно за другимъ были прочитаны ею «Бѣдные люди» и «Униженные и оскорбленные», содержаніе которыхъ ей очень понравилось и надъ которыми она «таки довольно поплакала», по собственному ея признанію. Имѣя въ настоящее время ея тетрадку съ письменнымъ изложеніемъ содержанія всей брошюрки, составленнымъ ею для себя на память и по собственному ея желанію даннымъ намъ на просмотръ для исправленія, мы позволимъ себѣ привести, съ самыми незначительными сокращеніями, изложеніе только этой второй главы, чтобы показать, какъ поняла и съумѣла выразить прочитанное наша взрослая читательница. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что эта глава въ книжкѣ занимаетъ до двадцати страницъ убористой печати и по своему содержанію—самая трудная.

Изъ тетрадки ученицы К—вой.

«Итакъ, русская литература въ лицѣ Ѳеодора Михайловича Достоевскаго потеряла великій талантъ, истиннаго художника, замѣчательнѣйшаго писателя, свою «русскую мысль!» Не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, онъ былъ истиннымъ христіаниномъ, всегда добръ и ласковъ. Онъ походилъ на сестру милосердія, которая не брезгаетъ ничѣмъ и озабочена только однимъ—чтобы облегчить страданія больного; такъ и онъ въ своихъ произведеніяхъ искалъ правды, истины, шелъ до конца, не смущаясь гадостью и мерзостью, пока въ погибшемъ, несчастномъ существѣ не находилъ Бога. Въ 1845 году появились его «Бѣдные люди», поставившіе его на ряду съ лучшими писателями. Затѣмъ имъ были написаны другія произведенія, какъ-то: «Господинъ Прохарчинъ», «Хозяйка» и т. д. Онъ преимущественно останавливался на характерахъ, изломанныхъ жизнью, забитыхъ, измятыхъ, доведенныхъ почти до сумасшествія. Не будь онъ въ каторгѣ,—можетъ, вышло-бы иначе, и въ его произведеніяхъ мы бы этого не встрѣтили. Но на его до болѣзненности чуткую душу и впечатлительные нервы жизнь имѣла такое-же дѣйствіе, какъ и на его героевъ. Въ каторгѣ онъ показалъ это въ своихъ «Запискахъ изъ мертваго дома»...

«Способность Достоевскаго есть еще та, что во всякой падшей, порочной душѣ онъ видѣлъ человѣка, защищалъ права его, но только какъ человѣка,—будь это князь, чиновникъ или простой мужикъ. У читателя вызывалъ онъ любовь и уваженіе; заставлялъ видѣть людей только страдающихъ и опять поднимающихся во имя человѣческаго достоинства.

«Достоевскій показывалъ своихъ героевъ болѣе въ отталкивающемъ видѣ, чтобы затѣмъ выставить правду, истину. Освѣтивъ порокъ, развратъ, всю грязь и нечистоту жизни, онъ, все-таки, не давалъ воображенію читателя ни одного нечистаго помысла; напротивъ, мысли его были чисты и свѣтлы. Ѳеодоръ Михайловичъ и самъ много перенесъ, подпалъ подъ судъ и оказался въ каторгѣ; не будь въ немъ Бога—онъ, можетъ быть, озлобился бы, ожесточился и упалъ бы безвозвратно съ высоты своихъ мечтаній. Но это бѣдствіе, эти страданія сдѣлали изъ него человѣка, истиннаго христіанина. Прежде чѣмъ судить другихъ, онъ все дурное и порочное казнилъ и осуждалъ въ себѣ; самъ съ собою онъ боролся, на себя возставалъ за всѣ дурные пороки. Онъ былъ поэтъ бѣдныхъ, маленькихъ, жалкихъ людей, живущихъ по угламъ и въ крошечныхъ квартирахъ; поэтъ «Мертваго дома», тѣхъ умершихъ для народа и государства, но все еще живущихъ, страдающихъ и чувствующихъ,—своимъ мо̀гучимъ словомъ пробудилъ къ нимъ христіанское участіе. Онъ былъ поэтъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», беззащитныхъ маленькихъ людей, у которыхъ человѣкъ богатый, сильный и знатный отнималъ все дорогое и милое, издѣвался надъ нимъ, втаптывалъ въ грязь имя честнаго человѣка, безчестилъ и порочилъ его дѣтей, и когда уже достигалъ своей цѣли, то раздавливалъ ногой, какъ негодную, презрѣнную, жалкую тварь. Онъ былъ поэтъ не такого преступленія, которое въ грубости совершаетъ простой человѣкъ, а того, которое уже давно обдумывается и совершается человѣкомъ умнымъ, образованнымъ и порядочнымъ, но надломленнымъ жизнью, умъ котораго работалъ одинъ, въ уединеніи, бѣдно-

сти и безсилія. Наказаніе его было не то, которое предписано уголовнымъ закономъ, но такое, которое страшнѣе тюрьмы, ссылки и даже самой смерти; это наказаніе—собственная совѣсть преступника, не простого, темнаго человѣка, а совѣсть человѣка образованнаго, умнаго, способнаго разбирать свои поступки и тѣмъ болѣе видѣть всю гнусность своего преступленія, почему страшнѣе и мучительнѣе будетъ его совѣсть. Онъ былъ поэтомъ не только взрослыхъ, но и дѣтей; на дѣтяхъ онъ училъ взрослыхъ и училъ прежде всего любить ихъ. Онъ самъ любилъ ихъ страстно; никто не изображалъ ихъ съ такой теплотой и чувствомъ, какъ онъ. Въ его произведеніяхъ видно, какъ за раннее развращеніе дѣтей онъ страдалъ и болѣлъ душою.

«Мать, приводя своего ребенка къ могилѣ Достоевскаго, скажетъ ему, что здѣсь лежитъ не только писатель, но и нѣжно-любящій отецъ. Воспитатель юношества скажетъ, что здѣсь лежитъ тотъ, кто такъ глубоко зналъ дѣтскую душу, кто не только любилъ изображать ихъ жизнь, но который умѣлъ при жизни своей обходиться съ ними, любилъ брать въ нихъ горячее, страстное участіе. За то и дѣти любили его горячо».

Это изложеніе, мѣстами неумѣлое и неловкое, тѣмъ не менѣе вполнѣ доказываетъ, что *К—ва* поняла направленіе таланта «поэта униженныхъ и оскорбленныхъ» и даже прочувствовала его. Остальныя части брошюрки изложены ею еще лучше, но мы не останавливаемся на нихъ, какъ на гораздо болѣе легкихъ. Какъ хорошо усвоила себѣ содержаніе книги эта бѣдная дѣвушка, зарабатывающая средства для жизни въ роли сидѣлки при больныхъ и, можетъ быть, отчасти вслѣдствіе своей собственной убогой обстановки заинтересовавшаяся въ такой мѣрѣ героями произведеній Ѳедора Михайловича, видно изъ того, что въ своей тетрадкѣ, сшитой изъ двухъ листовъ и исписанной съ первой страницы до послѣдней, она не сдѣлала ни одной фактической ошибки, такъ что намъ пришлось возвратить ея трудъ безъ поправокъ (только не въ правописаніи, конечно).

Возвращаясь опять къ книгѣ, мы должны сказать, что, въ виду замѣченнаго интереса, съ какимъ читалась она у насъ тѣми, кому оказывалась по силамъ, и особенно въ виду того печальнаго обстоятельства, что до настоящаго времени еще не появилось другой, болѣе подробной и болѣе доступной біографіи Ѳедора Михайловича,—а эта уже составляетъ библіографическую рѣдкость,—нельзя не пожелать хотя второго изданія этой брошюрки, тѣмъ болѣе что въ такомъ случаѣ она могла бы быть соотвѣтственно дополнена и обработана для другаго круга читателей.

Много разъ замѣчали мы, что наши ученицы съ особеннымъ удовольствіемъ читали біографіи тѣхъ писателей, произведенія которыхъ уже были имъ извѣстны: а такъ какъ, судя по недавно появившемуся дешевому изданію «Бѣдныхъ людей» и еще нѣкоторыхъ другихъ, является возможность надѣяться на ознакомленіе народа хотя съ нѣкоторыми изъ произведеній Достоевскаго, то и слѣдовало бы уже теперь позаботиться о появленіи его біографіи въ народномъ изданіи.

Вопросовъ не ставимъ, такъ какъ книги не существуетъ въ продажѣ.

Е. Г.

---

870) **Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.** Краткій очеркъ его жизни и дѣятельности. (Съ приложеніемъ портрета). Изданіе журнала «Записки Учителя». Москва. 1881 г. Ц. 15 к. 14 стр. небольшаго формата.

Названная брошюрка по содержанію и въ особенности по изложенію представляется совершенно недоступной въ большей своей половинѣ для имѣющагося у насъ въ виду круга читателей. Вотъ почему, въ виду отсутствія другой какой-либо біографіи покойнаго писателя, мы сочли своимъ долгомъ предостеречь отъ пріобрѣтенія для народно-школьной библіотеки этого—очевидно не предназначавшагося для народнаго чтенія—изданія.

Е. Г.

---

871) **Василій Андреевичъ Жуковскій.** *1783—1852.* (Для народнаго чтенія). Біографическій очеркъ. (Изъ «Кіев. Губ. Вѣдомостей»). Изданіе второе исправленное. Кіевъ. 1885 г. 31 стр. обыкновеннаго формата. Цѣна 8 коп. *).

Названная брошюрка представляетъ собою первое болѣе или менѣе удовлетворительное народное изданіе біографіи Жуковскаго,—этого замѣчательнаго писателя и въ то же время высоко-гуманнаго человѣка, который, не смотря на громадную извѣстность и славу, постоянно твердилъ, что «учиться лучше поздно, чѣмъ никогда»,—блистательно осуществляя это правило на самомъ себѣ до глу-

*) Въ первомъ изданіи «Что читать народу?» мы рецензировали первое изданіе—1883 г. При чтеніи обоихъ изданій разница оказалась только въ отдѣльныхъ фразахъ, ничего не измѣняющихъ въ общемъ содержаніи.

бокой старости,—и всю жизнь свою отдалъ на служеніе ближнимъ и оказаніе помощи нуждающимся. Кромѣ того, черты характера Жуковскаго, сохранившаго до самой смерти всѣ лучшія качества своей чудной души, чрезвычайно поучительны и имѣютъ большое воспитательное вліяніе, что̀ и заставляло особенно сильно желать появленія и народнаго изданія его біографіи.

Это желаніе было тѣмъ основательнѣе, что имя Жуковскаго не только не чуждо народной школѣ, но даже стоитъ въ ней на-ряду съ другими любимыми именами, благодаря его сказкамъ, сдѣлавшимся уже давно общеизвѣстными, и тѣмъ мелкимъ лирическимъ стихотвореніямъ, которыя встрѣчаются въ каждой книжкѣ для класснаго чтенія и если не заучиваются на память, то навѣрное прочитываются всякимъ школьникомъ. Но упрочившаяся уже популярность имени Жуковскаго въ молодомъ поколѣніи грамотнаго люда, основанная на знакомствѣ только съ самою незначительною долею его сочиненій, должна была-бы служить дополненіемъ еще большей популярности этого-же имени во всей народной массѣ, основаніемъ которой, въ свою очередь, должно было-бы служить чувство благодарности за ту долю участія его въ воспитаніи наслѣдника престола Александра Николаевича, вліяніе которой сказалось на послѣдующихъ реформахъ этого незабвеннаго и преимущественно для крестьянъ царствованія. Выясненіе этой-то заслуги Жуковскаго передъ всей Россіей, особенно теперь, когда память о покойномъ государѣ еще такъ свѣжа въ народѣ, и должно было-бы составлять главную задачу народныхъ изданій біографіи покойнаго поэта, такъ какъ дѣятельность его, какъ лучшаго переводчика иностранныхъ писателей, и значеніе этой дѣятельности для русской литературы и общества останутся если не навсегда, то во всякомъ случаѣ еще на долгое время совершенно чуждыми и неинтересными для простого люда. Попытку осуществить эту задачу мы встрѣтили пока только въ названномъ кіевскомъ изданіи и въ иллюстрированномъ альбомѣ «Царствованіе Императора Александра II», посвященномъ «русскому народу и русскому войску, во благо которыхъ двадцать-пять лѣтъ царствовалъ, печалился и трудился царь-освободитель, Александръ Николаевичъ» (см. отд. Исторіи—«Царств. Импер. Александра II»). Въ этомъ тоже несомнѣнно народномъ изданіи Жуковскому посвящена вся третья глава и часть четвертой (стр. 6, 7. 8 и 9), въ которыхъ воспитательные пріемы поэта-педагога изложены очень просто и хорошо.

Остальныя изданія біографіи Жуковскаго (не говоря уже о капитальномъ трудѣ «Жизнь и поэзія Жуковскаго» — К. К. Зейдлица): «Біографическій очеркъ и воспитательное значеніе Жуковскаго для русскаго общества»—Невзорова, «Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго»—академика Я. К. Грота и «В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человѣкъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II»—В. Н. Витевскаго, всѣ эти очерки, вызванные столѣтнимъ юбилеемъ покойнаго поэта, хотя и содержатъ болѣе или менѣе обстоятельныя жизнеописанія Жуковскаго, тѣмъ не менѣе совершенно непригодны. да и самими авторами ихъ не предназначались для народнаго чтенія.

Что же касается до найденныхъ нами еще двухъ народныхъ изданій біографіи Жуковскаго — въ «Сборникѣ прозы и стиховъ для солдатскаго чтенія», составленномъ подъ редакціей Погоскаго, и въ «Чтеніи для народа» г. Сумцова, то нашъ неодобрительный отзывъ о нихъ читатель найдетъ въ своемъ мѣстѣ (см. №№ 872, 895).

Возвращаясь снова къ названному кіевскому изданію, мы должны сказать, что оно въ достаточной мѣрѣ отвѣчаетъ требованіямъ отъ народнаго изданія біографіи Жуковскаго и потому должно находиться во всякой сколько нибудь благоустроенной народно-школьной библіотекѣ.

Въ составъ содержанія брошюрки, кромѣ біографическаго очерка, вошло нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ разныхъ стихотвореній и три произведенія: «Лѣтній вечеръ», «Овсяный кисель» и «Какъ мыши кота хоронили».

Простое и ясное изложеніе позволяетъ давать эту книгу для самостоятельнаго чтенія хорошо-читающимъ и болѣе развитымъ подросткамъ и взрослымъ простолюдинамъ, причемъ послѣдніе прочтутъ ее съ большей пользой и удовольствіемъ.

Вопросы:

Когда жилъ Жуковскій?
Какъ прошли его дѣтскіе годы?
Чѣмъ онъ прославился?
Какъ старался онъ воспитать покойнаго государя?
Какой характеръ былъ у Жуковскаго?
Какъ провелъ онъ послѣдніе годы своей жизни?

Е. Г.

872) **В. А. Жуковскій** (Сельская Хрестоматія). *Чтеніе для народа.* Вып. 3-й. Сост. и изд. Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. Ц. 5 к. 30 стр.

Предъ нами маленькая, очень дешевая книжечка, представляющая жизнеописаніе В. А. Жуковскаго и озаглавленная въ высшей степени заманчиво: «Чтеніе для народа» «Сельская Хрестоматія» и, тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ ознакомленіи оказывающаяся совершенно несоотвѣтствующей своему назначенію.

Г. Сумцовъ издалъ уже 5 выпусковъ своей «Сельской Хрестоматіи», изъ числа которыхъ «В. А. Жуковскій» приходится 3-мъ. Всѣ они болѣе или менѣе сходны между собой по манерѣ изложенія, и потому мы здѣсь дадимъ общій о нихъ отзывъ, а о частностяхъ каждой скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Начнемъ съ внѣшности и прежде всего замѣтимъ, что краткость и дешевизна не всегда составляютъ положительныя достоинства книгъ, издаваемыхъ для народа (и въ особенности біографій, которыя только при хорошемъ и занимательномъ изложеніи представляютъ собой богатый матеріалъ для чтенія), такъ какъ, очевидно, оба названныя качества являются достоинствомъ народнаго изданія единственно въ томъ случаѣ, когда не будутъ въ ущербъ другимъ, еще болѣе желательнымъ и важнымъ—полнотѣ, легкости, а если возможно, то и картинности изложенія и, вообще, занимательности содержанія. Мы нашли подтвержденіе нашего мнѣнія въ ноябрской книжкѣ «Заграничнаго Вѣстника» за 1882 годъ («Педагогика», стр. 87 и 88), изъ котораго поэтому и позволяемъ себѣ привести слѣдующую выдержку.

По поводу двухъ первыхъ выпусковъ журнала «Родникъ» тамъ сказано слѣдующее: «Какъ первый выпускъ этого изданія («И. П. Кулибинъ — русскій механикъ-самоучка», г-жи Александровой), такъ и второй («Жизнь Джемса Гарфильда», г-жи Сысоевой)—обращаютъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что въ нихъ біографіи являются не въ видѣ сухой передачи фактовъ изъ жизни художественныхъ беллетристическихъ разсказовъ. Это пріемъ вполнѣ цѣлесообразный. Еще Бѣлинскій не разъ указывалъ на свойства дѣтской натуры, жаждущей «образовъ, красокъ и звуковъ—исторій, повѣстей, сказокъ, разсказовъ», требующей отъ литературы наслажденія, а не «сентенцій, поученій и резонерства». Дѣтская натура, по склонности своей къ фантастическому, только тогда и воспринимаетъ читаемое, когда оно запечатлѣвается въ ея памяти въ видѣ образовъ».

«Ребенку скучно, когда онъ читаетъ такіе біографическіе очерки, въ которыхъ разсказывается, что то или другое замѣчательное лицо въ такомъ-то году родилось, въ такомъ-то скончалось, а такого-то числа, такого-то года удостоилось пожалованія чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Прочитавъ нѣсколько біографическихъ очерковъ, написанныхъ въ такомъ родѣ, дитя очень легко перепутаетъ ихъ, и, въ концѣ концовъ, у него получатся такія свѣдѣнія, что, напр., Стефенсонъ родился въ Симбирскѣ, а Карамзинъ, на семнадцатомъ году жизни зарабатывалъ по три фунта стерлинговъ въ недѣлю. Ничего такого не можетъ случиться, когда описываемое лицо складывается въ воображеніи очень юнаго читателя въ опредѣленный образъ; когда окружающая его обстановка получаетъ форму картины, когда свѣтлая личность героя біографической повѣсти, его благородныя дѣйствія, исполненныя сильной воли, любви къ человѣчеству и стремленій къ труду, увлекаютъ фантазію читателя, возбуждаютъ въ немъ симпатіи къ герою разсказа, жгучее желаніе слѣдовать его примѣру или хоть въ чемъ нибудь быть похожимъ на него...»

Къ этому мы добавимъ отъ себя, что между дѣтьми и относительно неразвитыми простолюдинами можно признать нѣкоторую аналогію по отношенію ихъ способности воспринимать и запечатлѣвать въ памяти прочитанное только подъ вліяніемъ силы полученнаго впечатлѣнія.

Вотъ почему такія біографіи-конспекты, какъ разбираемая нами въ настоящую минуту, и остальныя пять (такъ какъ въ одномъ изъ выпусковъ помѣщено даже два жизнеописанія) не принесутъ никакой пользы вслѣдствіе того, что, благодаря краткости и сухости изложенія, не могутъ произвести никакого впечатлѣнія на читателя, и потому не будетъ ничего удивительнаго, если по прочтеніи всѣхъ пяти выпусковъ «Сельской Хрестоматіи» г. Сумцова простолюдинъ, взрослый или подростокъ, перепутаетъ все: и города, въ которыхъ родились и жили эти писатели, и ихъ лучшія произведенія, и вообще весь тотъ бѣдненькій фактическій матеріалъ, который мы находимъ въ этихъ крошечныхъ жизнеописаніяхъ.

Но возвратимся опять въ біографіи Жуковскаго. Вся она, напр., оказывается помѣщенной на 7-ми маленькихъ страничкахъ, изъ которыхъ на первой и отчасти на вто-

рой говорится о различныхъ видахъ служенія и принесенія пользы людьми своей родинѣ (указаны труды солдата, земледѣльца, благотворителя, писателя, пѣвца; причемъ, замѣтимъ кстати, благодаря неудачному обороту рѣчи, многія ученицы школы изъ читавшихъ эту біографію при пересказѣ называли Жуковскаго «пѣвцомъ» въ прямомъ значеніи этого слова); на четвертой страничкѣ довольно подробно разсказано неудавшееся сватовство Жуковскаго къ своей племянницѣ, а на пятой—передано содержаніе баллады «Свѣтлана». Такъ что на долю собственно біографіи, какъ видитъ читатель, остается всего четыре страницы, на которыхъ составитель говоритъ очень кратко и о дѣятельности и значеніи Жуковскаго, какъ переводчика нѣмецкихъ писателей, и о томъ, что онъ былъ «наставникомъ царскаго сына» (всего одну коротенькую фразу, меньше двухъ строкъ, причемъ даже не названы имена, почему, для ясности, приходится каждый разъ дополнять ее словесно при переспросѣ), и, вообще, очень бѣдно очерчиваетъ характеръ и заслуги этого замѣчательнаго человѣка.

Личный опытъ показалъ намъ, насколько слабо впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ біографіи Жуковскаго въ изданіи г. Сумцова. Намъ приходилось переспрашивать ее у ученицъ воскресной школы, изъ которыхъ нѣкоторыя окончили начальную школу, а другія хотя и не были въ ней, но тѣмъ не менѣе представлялись довольно развитыми; почти всѣ онѣ передавали содержаніе весьма кратко, ограничиваясь описаніемъ семейной обстановки Жуковскаго, его неудавшагося сватовства и передачей содержанія «Свѣтланы», причемъ въ большинствѣ случаевъ о занятіяхъ переводами и о воспитаніи наслѣдника престола онѣ даже не упоминали и видимо спѣшили перейти къ помѣщеннымъ далѣе стихамъ.

И это нисколько не удивительно, такъ какъ для того, чтобы удовлетворительно передать подобную біографію, необходимо или имѣть очень хорошую память (которая дѣйствительно иногда и выручала нѣкоторыхъ разскащицъ), или же нужно было бы выучить всѣ 7 страницъ, потому что сократить ихъ не представляется никакой возможности безъ ущерба для полноты передачи всего содержанія.

Намъ остается сказать еще о стихахъ, которыхъ счетомъ десять и которые безспорно составляютъ лучшую часть книги. Выборъ ихъ удаченъ; пересказываются они хорошо и совершенно вѣрно и легко понимаются. Благодаря хорошему изданію и дешевизнѣ, брошюрка г. Сумцова можетъ быть допущена въ народную библіотеку, какъ небольшой, хорошо составленный сборникъ стихотвореній Жуковскаго, но ни въ какомъ случаѣ какъ единственная его біографія,—такъ какъ было бы просто жаль ограничиться только этимъ конспектомъ для ознакомленія народа съ симпатичной личностью Жуковскаго.

Въ случаѣ примѣненія книжки, какъ сборника, вмѣсто вопросовъ для переспроса стиховъ, можно задавать выучивать наизусть лучшія изъ помѣщенныхъ стихотвореній, что́ примѣнялось нами и съ удовольствіемъ исполнялось ученицами воскресной школы и нѣкоторыми изъ нихъ даже по собственной волѣ. *Е. Г.*

В. А. Жуковскій—см. рец. № 895.

---

873) **Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго.** Состав. П. Баснстовымъ. Чтеніе для юношества (Съ портретомъ и 5-ю литогр. картинками). Изд. 2-е. Москва. 1883 г. Ц. 75 к. 183 стр. небольшаго формата.

Заголовокъ книги «Чтеніе для юношества» и еще болѣе самый способъ и пріемы изложенія этой біографіи Жуковскаго совершенно ясно опредѣляютъ читателей, которыхъ имѣлъ въ виду г. Баснстовъ. Ученики и ученицы среднихъ учебныхъ заведеній, конечно, съ интересомъ и несомнѣнной пользой прочтутъ эти очерки, которые именно вслѣдствіе этого и являются непригодными для народнаго чтенія. *Е. Г.*

А. В. Кольцовъ—см. рец. №№ 821, 822. 823, 824, 825, 826, 827, 841 и 895.

---

874) **Дѣдушка Крыловъ.** А. Филонова. Изданіе Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Изд. 2-е Спб. 1882 г. Ц. 10 к. 48 стр.

По своему содержанію брошюрка эта дѣлится на двѣ неравныя части. На первыхъ 39 страницахъ авторъ болѣе или менѣе подробно разбираетъ до 30-ти басенъ Крылова и только послѣднія 9 страницъ посвящены его біографіи. Тѣмъ не менѣе вся брошюрка, съ первой страницы до послѣдней, носитъ на себѣ біографическій характеръ, такъ какъ авторъ выбираетъ и разбираетъ басни съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ исключительно съ цѣлью рельефнѣе представить передъ читателемъ тѣ нравственныя и умственныя достоинства Крылова, благодаря которымъ онъ сдѣлался знаменитымъ и безсмертнымъ баснописцемъ.

Указавъ на популярность и всеобщую любовь къ дѣдушкѣ-Крылову во всѣхъ слояхъ общества и на всѣхъ ступеняхъ грамотности, образованности и возраста и объяснивъ, что называется баснею и какъ надо ее понимать, авторъ останавливается сначала на басняхъ, содержаніе которыхъ взято изъ самой будничной обстановки, чтобы живѣе обрисовать глубину наблюдательности, дававшей возможность Крылову, пользуясь самымъ пустымъ предлогомъ, обличить какой-нибудь порокъ или дать полезный совѣтъ. Затѣмъ особенно подробно разобраны басни, въ которыхъ Крыловъ старался доказать пользу и благо образованія, ума, просвѣщенія, труда, честности и другихъ положительныхъ сторонъ человѣческой натуры.

Въ объясненіяхъ иногда встрѣчаются очень удачныя мѣста. Такъ, по поводу басни «Орелъ и Пчела», авторъ, говоря о пользѣ скромнаго, безвѣстнаго, но постояннаго, плодотворнаго труда, чрезвычайно тепло характеризуетъ такихъ дѣятелей—Крыловскихъ пчелъ, капля меда которыхъ драгоцѣнна въ общихъ сотахъ государства,—каковы: честно исполняющій свои обязанности въ какомъ-нибудь захолустьи мировой судья, развивающій мало-по-малу вокругъ себя уваженіе къ закону, правдѣ и совѣсти; или народный учитель, страдающій отъ нужды и одиночества, но бьющійся, какъ рыба объ ледъ, чтобы засвѣтить хотя маленькій огонекъ грамотности въ своемъ глухомъ околоткѣ; или мать, которая, не смотря на неблагопріятныя условія, а подъ-часъ и нищету, воспитываетъ и обучаетъ иногда не только своихъ, но и чужихъ дѣтей, вознаграждаемая часто за весь этотъ трудъ мѣдными грошами.

Басенъ съ обличительнымъ характеромъ приведено также достаточное количество, причемъ авторъ указываетъ на то, что Крыловъ главнымъ образомъ обращалъ свой талантъ на обличеніе не мелочей и отдѣльныхъ личностей, а тѣхъ пороковъ и слабостей, которые были и будутъ присущи человѣческой натурѣ во всѣ вѣка, благодаря чему и басни его имѣютъ не временное только значеніе и минутный интересъ, но сохранятъ за нимъ безсмертіе, такъ какъ останутся навсегда жизненными и вѣрными дѣйствительности.

Въ концѣ приведены двѣ басни историческаго содержанія: «Волкъ на псарнѣ» и «Обозъ», написанныя по поводу отечественной войны 1812 года, причемъ довольно подробно разсказаны историческія событія, послужившія Крылову предлогомъ написать эти басни. Наконецъ, послѣднія три басни: «Чижъ и Ежъ», «Василекъ» и «Лань и Дервишъ», изъ которыхъ въ первыхъ двухъ онъ говоритъ о себѣ, а въ третьей—объ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, носятъ чисто личный характеръ и составляютъ какъ-бы переходъ къ біографіи. Такой разнообразный, обстоятельный и притомъ довольно живой разборъ басенъ, весь направленный къ тому, чтобы полнѣе обрисовать даннаго писателя, представляетъ собою очень удачный пріемъ, такъ какъ читатель переходитъ къ біографіи не только заинтересованнымъ, но и расположеннымъ къ ея герою.

Однако, чтеніе самой біографіи нѣсколько обманываетъ обнадеженнаго читателя. На первыхъ страницахъ она страдаетъ излишней краткостью: дѣтство Крылова, богатое такимъ событіемъ, какъ Пугачевщина, осада крѣпости, комендантомъ которой былъ отецъ Крылова, обѣщанное Пугачевымъ повѣшеніе всей семьи въ случаѣ взятія крѣпости и первоначальное воспитаніе и образованіе—обо всемъ этомъ сказано въ нѣсколькихъ строкахъ, а о бунтѣ Пугачева—этомъ выдающемся моментѣ царствованія Екатерины II—говорится совсѣмъ вскользь, точно авторъ увѣренъ, что намекаетъ на событія, хорошо извѣстныя читателямъ. (Мы рѣшаемся высказать этотъ упрекъ лишь потому, что при разборѣ басенъ «Волкъ на псарнѣ» и «Обозъ» авторъ очень обстоятельно остановился на войнѣ 1813 г., а не ограничился только намекомъ на минувшія событія). Дальнѣйшія біографическія данныя отличаются сухостью послужнаго списка, такъ какъ по годамъ приводятъ краткія свѣдѣнія, гдѣ, на какихъ мѣстахъ и какое жалованье получалъ молодой Крыловъ. Послѣ бѣглаго пересказа о томъ, какъ пробовалъ онъ свои силы то на писаньи оперъ и театральныхъ пьесъ, то на изданіи журналовъ, игрѣ на скрипкѣ и учительствѣ, авторъ передаетъ, какъ ободренный Дмитріевымъ, Крыловъ, наконецъ, на 36-мъ году жизни остановился на своемъ настоящемъ призваніи—на сочиненіи басенъ. Послѣднія страницы наполнены описаніемъ отношенія общества и царствующаго тогда дома къ признанному уже всѣми знаменитымъ баснописцу послѣ перваго изданія его басенъ въ 1809 г.

Въ концѣ біографіи описанъ блистательный 50-ти-лѣтній юбилей и торжественныя похороны Крылова, а въ послѣднихъ строкахъ говорится о народномъ памятникѣ, воздвигнутомъ ему всею Россіею на такомъ бойкомъ и любимомъ дѣтьми мѣстѣ, какъ

площадка въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ.

Составленная для народнаго чтенія, эта брошюрка всего болѣе удовлетворяетъ своему прямому назначенію, т. е. ею всего удобнѣе пользоваться учителю для народнаго чтенія; но, благодаря простому и совершенно понятному языку, она читается съ интересомъ и взрослыми, и подростками, хорошо грамотными, окончившими курсъ народной школы.

Выдающимся достоинствомъ этого народнаго чтенія представляется въ высшей степени внимательное отношеніе составителя къ имѣвшимся въ виду слушателямъ или читателямъ: всякое сколько-нибудь трудное понятіе или непонятное слово и выраженіе сейчасъ же сопровождаются толковымъ объясненіемъ, благодаря чему является возможность смѣло давать книжку на домъ для самостоятельнаго чтенія.

Вопросы:

Какъ давно жилъ и умеръ Крыловъ?

Чѣмъ онъ прославился?

Кто изъ людей своей работой похожъ на пчелу и дѣйствительно ли полезна такая невидная работа? («Орелъ и Пчела»).

Почему никто не похвалилъ мартышку за ея трудъ? («Обезьяна»).

Похожи-ли листы и корни на баръ и крестьянъ и какую пользу приносятъ они другъ другу? («Листы и корни»).

Про какую войну говорится въ баснѣ «Волкъ на псарнѣ»? *Е. Г.*

Примѣч. Рец. см. «Системат. Обзоръ Русской Народно-Учебной Литерат.» 1878 г., стр. 249.

---

875) **Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова**, *съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простого народа и описаніемъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ басняхъ*. В. Золотова. Изд. 16-е (Съ 14-ю рисунками въ текстѣ, изображающими разныхъ животныхъ). Спб. 1880 г. Ц. 20 к. 135 стр.

Длинное заглавіе книжки показываетъ, что она составлялась для достиженія нѣсколькихъ цѣлей, и, дѣйствительно, содержаніе ея очень разнообразно. Въ началѣ помѣщены самыя краткія біографіи обоихъ баснописцевъ, касающіяся главнымъ образомъ служебной дѣятельности каждаго изъ нихъ. Обѣ біографіи занимаютъ только три съ половиною странички этой маленькой по своему формату книжки и по языку врядъ-ли будутъ поняты имѣвшимися въ виду читателями. Для образца приведемъ слѣдующую характеристику Хемницера.

«Языкъ Хемницера, конечно, еще тяжелъ, стихъ его не такъ еще обработанъ, какъ у послѣдующихъ писателей: у него нѣтъ той игривой народности, какъ у Крылова, но, все-таки, басни его очень замѣчательны, тѣмъ что обыкновенно основная мысль ихъ придумана очень удачно».

Затѣмъ обстоятельно объяснено значеніе басни и сходство ея съ притчей; сказано кратко, какъ надо понимать животныхъ и неодушевленные предметы, которые являются въ басняхъ дѣйствующими лицами, и почему они выставляются, а не люди; далѣе говорится о древнемъ происхожденіи басни, объ Эзопѣ и о нашихъ русскихъ баснописцахъ.

Послѣ этого вполнѣ умѣстнаго вступленія авторъ распредѣляетъ приготовленный имъ матеріалъ слѣдующимъ образомъ: приведя, напр., басню Хемницера «Лошадь и Оселъ», онъ объясняетъ содержаніе ея указаніемъ на двухъ слугъ — чернорабочаго и служащаго при комнатахъ. Тяжелая работа заставляетъ перваго обратиться съ просьбой о помощи ко второму, отъ котораго онъ получаетъ отказъ. Непосильный трудъ, однако, сваливаетъ его съ ногъ, послѣ чего бѣлоручкѣ приходится взять на себя уже не часть, а всѣ обязанности чернорабочаго, да кстати присоединить къ нимъ и свои, а иногда и уходъ за больнымъ. Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ слѣдуетъ описаніе осла и лошади.

Такимъ образомъ разобрано 7 басенъ Хемницера и 31—Крылова.

Басни выбраны удачно и почти всѣ по своему содержанію могутъ быть легко поняты простолюдиномъ. Смыслъ каждой басни объясняется очень толково, совершенно простымъ и понятнымъ языкомъ; примѣры взяты изъ дѣйствительной жизни, главнымъ образомъ изъ крестьянскаго быта, вѣрно и живо переданы. Это самый лучшій отдѣлъ въ книгѣ. Нельзя того же сказать объ описаніяхъ, относящихся къ выставленнымъ въ басняхъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ. По содержанію онѣ похожи на такія-же описанія въ «Дѣтскомъ Мірѣ», въ «Книгѣ для Чтенія» Водовозова и во многихъ другихъ подобныхъ книгахъ, но изложены хуже и безъ всякой системы, такъ какъ сопровождаютъ басни, почему, напр., послѣ описанія осла и лошади слѣдуетъ описаніе собаки, вслѣдъ за которымъ помѣщено описаніе муравья, причемъ говорится вообще о насѣкомыхъ. объ ихъ превращеніяхъ и т. д. Описанія эти страдаютъ главнымъ образомъ су-

хостью изложенія, почему авторъ, вѣроятно сознавая это и самъ, оживляетъ нѣкоторыя изъ нихъ анекдотами или небольшими разсказами; такъ напр., послѣ описанія осла онъ перcдаетъ сказку объ ослиныхъ ушахъ царя Мидаса. Можно смѣло предположить, что ученики народныхъ школъ, читавшіе обо всемъ этомъ во время своего обученія, при чтеніи названной книги будутъ пропускать страницы съ описаніями, какъ уже извѣстныя имъ, а взрослые сдѣлаютъ то же самое, благодаря сухому изложенію.

Тѣмъ не менѣе книга прочтется послѣдними съ удовольствіемъ, благодаря объясненіямъ смысла басенъ; малолѣтніе же читатели изъ простого люда, хотя и знающіе въ достаточной мѣрѣ жизнь съ ея оборотной стороны, не могутъ такъ глубоко, какъ взрослые, вдуматься въ житейскій смыслъ и вѣрность басни, и потому пропустятъ, не оцѣнивъ, многое, дѣйствительно цѣнное.

Пользоваться же этою книгою для народныхъ чтеній то же неудобно отчасти потому, что вести бесѣды о нравственности вообще трудно, такъ какъ, помимо многаго другаго, прежде всего требуется нужный для этого талантъ, а также и потому, что, благодаря нѣсколькимъ намѣченнымъ цѣлямъ—по русской пословицѣ: «за двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь».

Вопросы:

Почему басня называется замысловатымъ разсказомъ?

Отчего въ басняхъ чаще говорится о звѣряхъ и вещахъ, чѣмъ о людяхъ?

Кто раньше жилъ—Хемницеръ или Крыловъ?

Переспросить содержаніе одной или нѣсколькихъ басенъ и объясненіе смысла ихъ по оглавленію книжки.

Е. Г.

Примѣч. См. рец. «Учитель», 1862 г. стр. 788. «Систематическій Обзоръ Русской Народной Литературы» 1878 г., стр. 247.

---

876) **Избранныя басни Крылова.** (Съ объясненіями и примѣчаніями). Для школъ и дома. Изд. 2-е. Кіевъ. 1881 г. Ц. 10 к. 62 стр. 16 д. л.

Содержаніе книжки составляютъ: «Жизнеописаніе Крылова», о которомъ въ выноскѣ сказано, что оно извлечено изъ біографіи Крылова, написанной Плетневымъ, и 43 басни. Жизнеописаніе занимаетъ всего 4 страницы, по прочтеніи которыхъ недоумѣваешь: чѣмъ руководствовался составитель и кого имѣлъ онъ въ виду, дѣлая это извлеченіе изъ труда Плетнева. Чтобы познакомить съ послѣдовательностью изложенія и тѣми свѣдѣніями, которыя представляетъ эта крохотная біографія, мы приведемъ слѣдующія двѣ выдержки, составляющія въ общей сложности пятую часть всего жизнеописанія.

«Нѣсколько позже, слушая, какъ одна его знакомая читала вслухъ по-англійски, онъ сталъ понимать и скоро самъ началъ читать по-англійски. Онъ неизмѣнно посѣщалъ всѣ пожары во всякое время. Въ шумномъ говорѣ народа, въ наблюденіи его ловкости и ума, Крыловъ ловилъ выраженія и черты, которыми умѣлъ пользоваться съ большимъ искусствомъ при каждомъ случаѣ. Вообще, онъ отличался серьезнымъ образомъ мыслей. Въ его басняхъ есть поучительные уроки для малыхъ и взрослыхъ, для бѣдныхъ и богатыхъ» (стр. 2).

И потомъ по поводу памятника: «Но лучшій памятникъ Крылову—это громадное значеніе его басенъ для образованія ума и воли цѣлыхъ поколѣній русскихъ людей, научившихся въ его басняхъ уважать свой народъ и любить свое отечество» (стр. 4).

Намъ кажется, что приведенныя выдержки говорятъ сами за себя. Что касается до басенъ, то мы не будемъ распространяться, такъ какъ о нихъ давно сказано все, что можно было сказать; замѣтимъ только, что выборъ ихъ вполнѣ удаченъ. Намъ остается еще сказать о примѣчаніяхъ и объясненіяхъ, сопровождающихъ басни и помѣщенныхъ въ видѣ выносокъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Къ баснѣ «Пѣтухъ и жемчужное зерно» относятся три выноски: 1) *Пѣтухъ*,—пивень, петя, пѣтушокъ; 2) *Жемчужное зерно* или жемчугъ—самородные блестящіе шарики, образующіеся въ раковинахъ. Они употребляются на ожерелья или, по-просту, на монисто; 3) *Невѣжда*—неучъ, ничего не знающій и ничему не учившійся человѣкъ».

Къ баснѣ «Ларчикъ» выноска: 2) «*Стоить*—имѣть значеніе, цѣну. Въ механикѣ и я чего-нибудь стою, т. е., въ механикѣ и я что-нибудь понимаю». (Объяснено значеніе слова *стоить*, а о *механикѣ*, болѣе трудномъ словѣ, ничего не говорится!).

Въ баснѣ «Квартетъ»: 1) «*Квартетъ*—пѣніе на четыре голоса, музыка на четырехъ инструментовъ. Въ данномъ случаѣ участвуютъ четыре инструмента, какъ видно, скри-

пичнаго устройства: басъ, альтъ, прима и втора».

Къ баснѣ «Дерево»: 2) «*Хворостина*—длинный прутъ; на малорусскомъ нарѣчіи—дубецъ, хворостына».

Къ баснѣ «Гуси»: 3) «Въ 390 году до Рождества Христова галлы взяли г. Римъ и обложили находившуюся въ немъ крѣпость Капитолій. Римляне держались упорно. Галлы хотѣли взять крѣпость хитростью. Пользуясь темнотою ночи, они тихонько пробрались на стѣны крѣпости и готовились уже овладѣть ими; въ то время гуси, посвященные одной богинѣ и находившіеся въ Капитоліи, подняли страшный крикъ. Пробужденный военачальникъ римскій, Манлій, замѣтилъ галловъ, разбудилъ войска и съ ними отразилъ непріятеля. Отсюда и пошла поговорка, что гуси спасли Римъ».

Подобныхъ выносокъ къ 43-мъ баснямъ мы насчитали 146.

Судя по тому, что въ объясненіяхъ авторъ часто русскія слова объясняетъ соотвѣтствующими малорусскими, можно предположить, что онъ задался цѣлью этимъ путемъ облегчить малороссіанамъ усвоеніе басенъ Крылова, написанныхъ на великорусскомъ нарѣчіи. Цѣль, безспорно, хорошая, но выполнена-ли она—вотъ въ чемъ вопросъ. Намъ кажется, что тѣ, для кого авторъ считалъ необходимымъ объясненіе такихъ словъ, какъ «пѣтухъ», «хворостина» и др., не въ состояніи будутъ понять ни самыхъ басенъ Крылова, ни данныхъ авторомъ объясненій жемчужнаго зерна, квартета и тѣмъ болѣе поговорки: «гуси Римъ спасли». Если-же предположить, что послѣднія объясненія могутъ быть поняты, тогда первыя представятся совершенно ненужными, тѣмъ болѣе что и объясненія самого составителя не могутъ быть названы вполнѣ безукоризненными по отношенію къ поставленной имъ задачѣ.

Книжка издана хорошо и стоитъ дешево, но все указанное нами въ жизнеописаніи и примѣчаніяхъ не позволяетъ предпочесть ее и въ ряду другихъ изданій басенъ Крылова, даже и не сопровождаемыхъ какими бы то ни было объясненіями.

Е. Г.

---

877) **И. И. Хемницеръ, И. П. Дмитріевъ и Дѣдушка Крыловъ. Русская басня въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ представителей.** Соч. Е. Д. Желябужскаго. 2-е изд., дополненное и исправленное. Изданіе Общ. распр. полезн. книгъ. № 15-й. Москва. 1874 г. Ц. 30 к. 114 стр. маленькаго формата.

Въ началѣ книги помѣщено «Вмѣсто введенія», въ которомъ просто и понятно объяснено значеніе басни, ея происхожденіе и различныя видоизмѣненія съ теченіемъ времени. Слѣдующая затѣмъ біографія Хемницера занимаетъ 13 страницъ и заканчивается 4-мя изъ его басенъ. Біографія Дмитріева еще короче—всего 6 неполныхъ страницъ и также заканчивается 4-мя баснями, вслѣдъ за которыми находимъ 5 примѣчаній, объясняющихъ, кто были и чѣмъ замѣчательны Сумароковъ, Херасковъ, Карамзинъ, Богдановичъ и Фонъ-Визинъ. Кромѣ этихъ стоящихъ отдѣльно примѣчаній, въ текстѣ книги есть еще довольно много выносокъ для объясненія непонятныхъ словъ (напр. *консулъ*), и значенія встрѣчающихся замѣчательныхъ людей (Державинъ, Измайловъ и др.).

Біографія Крылова самая длинная: она начинается съ 34-й стр. и заканчиваетъ собою всю книгу. Содержаніе ея очень разнообразно; кромѣ собственно жизнеописанія, въ ней приведено много отрывковъ изъ отзывовъ о немъ его современниковъ, изъ его частной переписки и изъ его сочиненій — трагедіи «Филомела» и комедіи «Модная лавка»; кромѣ того, цѣликомъ помѣщено нѣсколько мелкихъ стихотвореній, эпиграммъ и 11 басенъ.

Всѣ три біографіи и особенно послѣдняя написаны очень живо, но совершенно не для народа, такъ какъ могутъ быть прочтены съ интересомъ только при извѣстной необходимой подготовкѣ. *Е. Г.*

---

878) **Дѣдушка Крыловъ.** Жизнь и сочиненія Крылова. Сочиненіе Эспера Лѣскина. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1868 г. Ц. 20 к. 104 стр. небольшаго формата.

Мы не будемъ передавать содержанія этой книги, такъ какъ біографія Крылова, составленная г. Желябужскимъ въ 1874 г. и о которой мы только что говорили, представляетъ собою не что иное, какъ дословную перепечатку сочиненія г. Лѣскина, написаннаго въ 1868 году по поводу столѣтней годовщины рожденія Крылова. Вся разница заключается только въ томъ, что въ сочиненіи г. Желябужскаго изъ отрывка комедіи «Модная лавка» выпущены нѣкоторыя сцены и въ концѣ приведенъ маленькій разсказъ Тургенева о впечатлѣніи, произведенномъ на него Крыловымъ, съ которымъ онъ встрѣтился у своихъ знакомыхъ.

Указанная разница между этими двумя біографіями такъ незначительна, при остальной ихъ тожественности, что мы оставляемъ наше мнѣніе о непригодности этой книги

для народнаго чтенія безъ всякаго измѣненія. Кромѣ того, въ «Иллюстрированномъ Каталогѣ», изданномъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, сочиненіе Лѣскина помѣщено въ отдѣлѣ уже разошедшихся изданій и потому въ настоящее время составляющихъ библіографическую рѣдкость.

Е. Г.

И. А. Крыловъ—см. рец. № 895.

---

879) **Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, его личность и поэзія.** (Изъ публичнаго чтенія въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ С.-Петербургской Маріинской женской гимназіи). Составилъ М. А. Орловъ. (Съ портретомъ Лермонтова, 3-мя картинками и многими виньетками въ текстѣ). Спб. 1883 г. Ц. 50 к. 81 стр. обыкновеннаго формата.

Помѣщаемъ эту біографію единственно въ виду предостереженія отъ пріобрѣтенія ея для народно-школьной библіотеки, какъ совершенно несоотвѣтствующую и не предназначавшуюся для этой цѣли. Тѣмъ не менѣе, благодаря отсутствію другой какой либо біографіи Лермонтова, эта брошюрка въ рукахъ сельскаго учителя могла бы быть полезной, какъ справочная книга, въ томъ отношеніи, что онъ на словахъ могъ бы передать ученикамъ народной школы самыя нужныя біографическія свѣдѣнія о поэтѣ, стихотворенія котораго читаются и заучиваются ими на память, такъ какъ встрѣчаются въ каждой классной книжкѣ для чтенія. *Е. Г.*

М. Ю. Лермонтовъ—см. рец. № 895.

М. В. Ломоносовъ — см. рец. №№ 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840 и 853.

---

880) **Л. А. Мей. Графъ А. К. Толстой.** *Чтеніе для народа* (Сельская Хрестоматія). Выпускъ 5-й. Составилъ и издалъ Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. Ц. 5 к. 30 стр.

Содержаніе брошюрки составляютъ: жизнь и стихотворенія Л. А. Мея, жизнеописаніе А. К. Толстаго, былина о Микулѣ Селяниновичѣ, стихотворенія А. К. Толстаго и замѣтка—«Отъ издателя».

Жизнеописаніе Л. А. Мея занимаетъ всего на все 12 неполныхъ строкъ и, по нашему мнѣнію, самое удовлетворительное въ ряду другихъ біографій «Сельской Хрестоматіи» (см. №№ 872, 881, 883 и 890). Чтобы не быть голословными, мы позволимъ себѣ привести его дословно: «Левъ Александровичъ Мей—сынъ обрусѣвшаго нѣмца; онъ проживалъ въ Петербургѣ. Всякій, кто близко зналъ поэта, любилъ его за умъ, честность, ласковость и снисходительность. Изъ стихотвореній Мея лучшее—«Псковитянка», гдѣ говорится о томъ, какъ въ старинное время русскій городъ Псковъ управлялся вѣчемъ, или собраніемъ горожанъ, сходившихся по звуку колокола на главную площадь обсуждать общественныя дѣла. Мей умеръ въ 1862 г., на 41 году жизни». (Стр. 5).

Достоинства этой біографіи или, вѣрнѣе, біографической замѣтки, очевидно, только отрицательныя: благодаря краткости, она не занимаетъ напрасно лишняго мѣста въ книжкѣ, хотя ровно на половину не только могла бы, но даже и должна была бы быть сокращена, такъ какъ, во первыхъ, невѣрно передаетъ содержаніе «Псковитянки» и, во вторыхъ, для знающихъ уже, что такое вѣче, объясненіе г. Сумцова окажется ненужнымъ, тогда какъ незнакомые еще съ этою формою правленія ничего не поймутъ изъ него: а сухость изложенія всей замѣтки неизбѣжно должна въ ближайшемъ же будущемъ привести къ полнѣйшему ея забвенію, чего нельзя сказать о другихъ составленныхъ г. Сумцовымъ біографическихъ очеркахъ, которые, не вполнѣ забываясь, непремѣнно должны оставлять въ памяти сумбуръ, въ которомъ все перепутано и безпорядочно смѣшано.

Не распространяясь болѣе на эту тему изъ-за нежеланія повторяться, мы напомнимъ только читателю приведенную уже нами по этому поводу выноску изъ «Заграничнаго Вѣстника» (см. рец. «Жуковскій», изд. Сумцова, № 872).

Что же касается до 5-ти стихотвореній Мея, составляющихъ сборникъ и представляющихъ собою большею частью отрывки, то считаемъ нужнымъ, что по своему содержанію они очевидно предназначались, исключительно, для взрослыхъ. Кромѣ того, въ этомъ маленькомъ сборникѣ встрѣчается слишкомъ много описаній неравныхъ браковъ, что̀ дѣлаетъ его нѣсколько однообразнымъ.

«Жизнеописаніе А. К. Толстаго» тоже очень невелико—всего 6 страницъ, но на его собственно долю приходится едва четвертая часть, такъ какъ, всегда вѣрный самому себѣ, г. Сумцовъ ввелъ и въ этотъ крошечный біографическій очеркъ въ началѣ описаніе Малороссіи вообще, причемъ въ частности помянулъ нѣсколькими теплыми словами Кіевъ, а затѣмъ, по поводу пристрастія покойнаго поэта къ народнымъ пѣснямъ и былинамъ, нѣсколько распространился о по-

слѣднихъ и въ концѣ привелъ небольшой отрывокъ изъ былины «Вольга Святославовичъ» про Микулу Селяниновича. Въ составъ сборника вошло только 10 большею частью небольшихъ стихотвореній, выборъ которыхъ очень удаченъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ привести замѣтку — «Отъ издателя», стоящую на послѣдней страничкѣ: «Въ 6-й выпускъ войдутъ: «Лермонтовъ и Тютчевъ», въ 7-й—«Никитинъ и Кольцовъ» и въ 8-й—послѣдній—«А. Н. Майковъ» (съ согласія поэта)».

«Въ концѣ «Сельской Хрестоматіи» вниманію сельскихъ учителей будетъ предложена объяснительная записка, какъ можно сопоставлять вошедшія въ «Сельскую Хрестоматію» стихотворенія по однородности содержанія и по близости ихъ къ народной жизни и что можно, по мнѣнію составителя «Сельской Хрестоматіи», извлечь изъ нихъ *съ цѣлью развить въ простонародной массѣ сознательное отношеніе къ явленіямъ природы и расширить размѣры народной впечатлительности по отношенію къ горю и благу ближняго*». (Курсивъ самого г. Сумцова).

Остановились мы на этой замѣткѣ частью потому, что изъ нея видно содержаніе послѣдующихъ выпусковъ, частью же и даже главнымъ образомъ потому, что изъ фразы, подчеркнутой самимъ издателемъ, видно, что онъ не удовлетворился первоначально поставленной себѣ задачею (см. рец. «Пушкинъ», изд. Сумцова № 890), а прибавилъ къ ней еще и другую. Но, ничего не предрѣшая по поводу обѣщанной «объяснительной записки», которая будетъ предложена вниманію сельскихъ учителей, мы, на основаніи имѣющагося матеріала, представляемаго 5-ю уже вышедшими выпусками «Чтеній для народа», позволяемъ себѣ серьезно усомниться въ успѣхѣ и «борьбы съ пьяницкими пѣснями», и «поднятія нравственнаго уровня», и «развитія сознательнаго отношенія къ явленіямъ природы», и «расширенія размѣровъ впечатлительности по отношенію къ горю и благу ближняго» въ массѣ простого народа путемъ только такихъ изданій, какъ «Сельская Хрестоматія».

Возвращаясь еще разъ къ 5-му выпуску, позволяемъ себѣ рекомендовать его въ народныя библіотеки главнымъ образомъ ради стихотвореній гр. А. К. Толстаго просто, какъ дешевую и хорошо изданную книжку для чтенія, причемъ вмѣсто переспроса содержанія можно было бы совѣтовать хорошо читающимъ взрослымъ и подросткамъ заучивать нѣкоторыя изъ стихотвореній на память.

Е. Г.

Н. А. Некрасовъ—см. рец. № 842, 843.

---

881) **Н. А. Некрасовъ.** *Чтеніе для народа.* Выпускъ 2-й. Составилъ и издалъ Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. Ц. 5 к. 31 стр. маленькаго формата.

Названная брошюрка представляетъ собою 2-й выпускъ въ ряду составляемыхъ и издаваемыхъ г. Сумцовымъ «Чтеній для народа», о программѣ и выполненіи которыхъ мы имѣли уже случай говорить (см. рец. № 872 и 880).

Содержаніе этого «Чтенія» составляютъ біографія на пяти неполныхъ страничкахъ и небольшой сборникъ, въ составъ котораго вошло 13 стихотвореній, большею частью въ видѣ отрывковъ.

Не желая опять казаться голословными въ нашемъ опредѣленіи достоинствъ этого изданія, мы позволимъ себѣ привести дословно названную біографію Некрасова, предоставляя такимъ ооразомъ возможность самому читателю составить заключеніе объ интересѣ и пользѣ такихъ жизнеописаній.

«Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился въ 1821 году. Отецъ его, помѣщикъ Ярославской губерніи, служилъ сначала въ военной службѣ, потомъ въ исправникахъ. Это былъ человѣкъ суровый и грубый, дурно обращавшійся съ своею женою, матерью поэта. Некрасовъ всегда съ любовью и грустью вспоминалъ о печальной участи своей доброй матери».

«Некрасовъ отрокомъ покинулъ отцовскій домъ, въ которомъ кипѣлъ развратъ и пьянство. Онъ поступилъ первоначально въ Ярославскую гимназію (училище), оттуда вскорѣ перешелъ въ Московскій университетъ (высшая въ Россіи школа, оттуда выходятъ лекари, судьи, учители). Некрасовъ въ Москвѣ жилъ очень бѣдно. Ему приходилось часто голодать. Однажды онъ ночевалъ вмѣстѣ съ нищими въ ночлежномъ пріютѣ, за неимѣніемъ своего жилья. Чтобы добыть денегъ, Некрасовъ сталъ писать сочиненія, преимущественно стихи. Мало-по-малу онъ получилъ извѣстность и разбогатѣлъ. На умственное и нравственное развитіе Некрасова благотворное вліяніе оказали два замѣчательныхъ человѣка—писатель Бѣлинскій и профессоръ (университетскій учитель) Грановскій.

Отзывъ Некрасова о Бѣлинскомъ.

«Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадательной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!...
Ты насъ гуманно (человѣчно) мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ».

Отзывъ Некрасова о Грановскомъ.

«Грановскаго я тоже близко зналъ,—
Я слушалъ лекціи (чтенія) его три года.
Великій умъ! счастливая природа!...
Передъ рядами многихъ поколѣній
Прошелъ твой свѣтлый образъ; чистыхъ вдохновеній
И добрыхъ знаній много сѣялъ ты,
Другъ истины, добра и красоты».

«Некрасовъ написалъ около двухъ-сотъ стихотвореній, большихъ и малыхъ. Главныя его произведенія: «Морозъ красный носъ», «Кому на Руси жить хорошо» и «Коробейники».»

Вслѣдъ за этимъ на двухъ страницахъ коротко передано содержаніе трехъ названныхъ произведеній и затѣмъ біографія заканчивается слѣдующимъ образомъ: «Некрасовъ умеръ въ Москвѣ въ 1877 г. Во время похоронъ за гробомъ шла масса народа и пѣла стройнымъ хоромъ: «Святый Боже»!..»

Вотъ и все, что нашелъ нужнымъ сказать составитель простому народу о такомъ народномъ поэтѣ, какъ Некрасовъ.

Но краткость еще не составляетъ главнаго недостатка этого біографическаго очерка въ частности и всего изданія вообще: существенный недостатокъ, какъ видитъ читатель, выражается въ совсѣмъ ненужныхъ при такой краткости отступленіяхъ. Такъ, въ третьемъ выпускѣ (см. рец. № 872) цѣлая страница была посвящена перечисленію различныхъ видовъ общественной дѣятельности, а въ этомъ—тоже цѣлая страница оказалась занятой двумя отзывами Некрасова о Бѣлинскомъ и Грановскомъ, совершенно неумѣстными въ народномъ изданіи въ виду того, что не только дѣятельность названныхъ лицъ, но даже и самыя имена ихъ совершенно неизвѣстны въ этой средѣ.

Кромѣ того, въ этой-же крохотной біографіи находимъ еще и двѣ неточности: на стр. 4 и 7 вмѣсто «въ Петербургѣ» два раза стоитъ «въ Москвѣ». И хотя послѣдняя неточность указана въ опечаткахъ въ четвертомъ выпускѣ, но врядъ-ли можно надѣяться, что эта мѣра достигнетъ своей цѣли въ народномъ изданіи. Что же касается до первой, то, основываясь на разсказѣ Суворина, записанномъ со словъ самого Некрасова («Новое Время», № 380), приходится признать обозначеніе города въ изданіи г. Сумцова дѣйствительно невѣрнымъ.

Помѣщенный вслѣдъ за біографіей сборникъ составленъ вообще недурно и ради него можно было-бы даже рекомендовать брошюрку г. Сумцова, хотя считаемъ нужнымъ замѣтить, что изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности (см. Литературный отдѣлъ—«Стихотворенія Н. А. Некрасова», 1882 г. Ц. 10 к.) стоитъ гораздо выше во всѣхъ отношеніяхъ.

А потому, въ виду всего вышесказаннаго и въ виду указаннаго вполнѣ удовлетворительнаго изданія г. Горемыкина (см. рец. №№ 842 и 843), мы имѣемъ полное право совѣтовать не пріобрѣтать этой хотя и дешевой, но въ то же время и почти безполезной книги.

---

882) **Душа поэта. Біографія Н. А. Некрасова.** Составилъ Горемыкинъ. Спб. 1878 года. Ц. 20 к. 53 стр. небольшаго формата.

Чтобы дать читателю возможность составить представленіе о направленіи этой біографіи, мы позволимъ себѣ привести изъ предисловія слѣдующія выдержки:

«Чѣмъ болѣе имѣетъ вліянія человѣкъ на общество, тѣмъ болѣе у него враговъ и друзей и тѣмъ разнообразнѣе толки о его личности; чѣмъ быстрѣе человѣкъ выдвинулся изъ толпы, тѣмъ сильнѣе завистники разславляютъ о немъ всевозможныя пошлости».... «Умеръ Николай Алексѣевичъ, и враги теперь стараются очернить его память: они называютъ его и картежникомъ-шулеромъ, и лицемѣромъ, и человѣкомъ крайне безсердечнымъ; они распускаютъ въ обществѣ различные анекдоты о Некрасовѣ, о жизни и даже похоронахъ его;—однимъ словомъ, они не останавливаются ни передъ какими средствами, лишь-бы только очернить память Некрасова»....

«Еще до сихъ поръ нѣтъ почти никакой біографіи Некрасова: его друзья, его родственники упорно молчатъ; а судить поэта, и особенно такого субъективнаго, какъ Некрасовъ, не зная всей жизни, всей души его, невозможно. Гдѣ-жъ тѣ источники, по которымъ можно было-бы представить себѣ хотя приблизительно, что́ былъ за человѣкъ Некрасовъ, кого онъ любилъ, кого ненавидѣлъ, какъ страдалъ? Эти источники есть, и они намъ важнѣе, дороже всякой біографіи, по-

тому что они правдивѣе, живѣе рисуютъ намъ какъ самую личность Некрасова, такъ и его музу. Эти источники разбросаны по всей поэзіи Некрасова; стоитъ только ихъ собрать въ одно цѣлое,—и передъ нами обрисуется душа поэта... Но для ясности и цѣлости нашего психическаго очерка мы приведемъ и нѣкоторыя біографическія данныя, заимствуя ихъ главнымъ образомъ изъ книги «Русская Библіотека» и изъ другихъ источниковъ».

Изъ всего вышеприведеннаго ясно видно, что эта книга предназначается для читателей совсѣмъ другой среды, а не для народа. Поэтому считаемъ долгомъ предостеречь отъ пріобрѣтенія этого труда г. Горемыкина для народнаго чтенія, взамѣнъ котораго можемъ рекомендовать одну изъ двухъ книжекъ все того-же втораго выпуска «Иллюстрированной Хрестоматіи» (см. №№ 842 и 843).

Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Семья и Школа» 1870 г. стр. 579.

И. С. Никитинъ—см. рец. №№ 841, 842, 843, 853 и 895.

---

883) **Я. П. Полонскій.** *Чтеніе для народа.* (Сельская Хрестоматія). Выпускъ 4-й. Составилъ и издалъ Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. Ц. 5 к. 31 стр.

Названная книжечка представляетъ собой 4-й выпускъ миніатюрнаго изданія г. Сумцова, уже извѣстнаго читателю. (См. реценз. №№ 872, 880 и 881).

Содержаніе ея составляютъ жизнеописаніе Я. П. Полонскаго и небольшой сборникъ его стихотвореній. При ближайшемъ ознакомленіи съ брошюркой оказывается, что и ей въ одинаковой мѣрѣ присущи указанные уже выше недостатки всего изданія, почему мы и не будемъ особенно вдаваться въ подробности. Замѣтимъ только, что жизнеописаніе очень безцвѣтно и кратко (изъ 6 страницъ ему собственно посвящена едва половина; остальныя же 3 страницы заняты описаніемъ Петербурга, Кавказа и Тифлиса), а сборникъ состоитъ всего изъ 10 стихотвореній, большая часть которыхъ представляетъ собою отрывки.

Относительно выбора произведеній мы должны сказать слѣдующее: мысль г. Сумцова—обратиться непосредственно къ автору стихотвореній и просить его указать, какія изъ нихъ онъ считаетъ наиболѣе соотвѣтствующими сельской хрестоматіи, мы считаемъ въ высшей степени удачною. Само собою разумѣется, что это отразилось благотворно и на самомъ выборѣ. «Солнце и мѣсяцъ», какъ извѣстно, является однимъ изъ любимыхъ стихотвореній дѣтей: «Зимній путь», «На желѣзной дорогѣ», «Голодъ» очень понравились подросткамъ сельской школы, которымъ мы имѣли случай прочесть эти стихотворенія лѣтомъ на каникулахъ.

Что-же касается до «Лѣтняго утра» и «Лѣтняго вечера», то мы можемъ сказать только съ сожалѣніемъ, что дѣти остаются равнодушными къ описанію красотъ природы, и намъ пришлось долго объяснять, что̀ значитъ:

«Ночь глядѣла дню во слѣдъ и переливы
Свѣта отражались и дрожа блуждали
По ея лапитамъ»;—

а отъ такихъ продолжительныхъ и вымученныхъ объясненій, очевидно, утрачивается сила впечатлѣній отъ произведенія поэзіи.

Остальныя стихотворенія по своему содержанію соотвѣтствуютъ преимущественно чтенію взрослыхъ, хотя послѣднія два: «Агарь» и «Отрывокъ изъ поэмы: Келіодъ» врядъ-ли будутъ вполнѣ понятны, не смотря на объясненія непонятныхъ словъ, поставленныя издателемъ въ выноскахъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя изъ нихъ нельзя назвать удачными (напр., на страницѣ 30-й: «Пальма—высокое дерево, растущее въ жаркихъ странахъ»).

Въ заключеніе скажемъ, что этотъ выпускъ можетъ быть допущенъ въ народную библіотеку, какъ дешевый и хорошо изданный сборникъ стихотвореній Полонскаго. Давать слѣдуетъ хорошо-читающимъ, преимущественно взрослымъ. Лучшія изъ стихотвореній можно рекомендовать заучивать наизусть.

Е. Г.

---

884) **Поэтъ Пушкинъ.** (Общедоступное чтеніе.) Писано къ открытію памятника великому поэту въ Москвѣ. А. Филонова. Ц. 50 к. Спб. 1880 г. (Съ портретомъ Пушкина.) 162 стр. обыкновеннаго формата.

Установившаяся уже популярность имени Пушкина и всѣми признанное воспитательное значеніе многихъ его произведеній, опредѣленное имъ самимъ очень вѣрно въ строкахъ:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ»—

заставляютъ особенно сильно желать такой біографіи нашего перваго народнаго поэта, которая разъяснила-бы простому народу, что

за человѣкъ былъ этотъ знаменитый писатель, о чемъ онъ писалъ и что хорошаго можно вынести изъ чтенія его произведеній.

Названный трудъ, на нашъ взглядъ, отвѣчаетъ въ достаточной мѣрѣ этимъ требованіямъ и оправдываетъ свое заглавіе: «Общедоступное чтеніе». Онъ былъ составленъ авторомъ для произнесенія въ народной аудиторіи и при напечатаніи оставленъ безъ измѣненія, отчего книга даже выигрываетъ, сохраняя живой тонъ бесѣды. Объяснивъ значеніе словъ «поэтъ» и «поэзія» и намѣтивъ, если можно такъ выразиться, только планъ жизни аристократа-поэта, проводившаго большую часть своего времени въ великосвѣтскихъ развлеченіяхъ, г. Филоновъ, разбирая сочиненія Пушкина, съумѣлъ такъ освѣтить нравственныя качества этого писателя, по условіямъ своей жизни чуждаго простому народу, что по прочтеніи книги образъ Пушкина — свѣтскаго человѣка стушевывается и заслоняется совершенно другимъ,—въ высшей степени симпатичнымъ.

Приводя множество отрывковъ, большихъ и малыхъ, изъ лирическихъ, прозаическихъ и драматическихъ произведеній, изображающихъ отечественную исторію, и комментируя ихъ, авторъ представляетъ намъ Пушкина усидчивымъ работникомъ, роющимся въ государственныхъ архивахъ или объѣзжающимъ Оренбургскую и Казанскую губерніи только для того, чтобы написанное имъ не было вымысломъ, а правдой; честнымъ человѣкомъ, который, получая отъ государя тысячи на печатаніе своихъ сочиненій, принимаетъ эти деньги не какъ милость только, а хочетъ отработать ихъ и заготовляетъ множество матеріаловъ, которыми не позволила ему воспользоваться только преждевременная смерть.

Изъ характеристикъ историческихъ лицъ: Бориса Годунова, Петра I, Екатерины II и др. авторъ приводитъ тѣ мѣста, въ которыхъ Пушкинъ чрезвычайно живо и мѣтко обрисовываетъ нравственныя качества каждаго изъ нихъ, поясняя, что все доброе и хорошее было особенно цѣнно для нашего поэта и останавливало на себѣ его вдохновеніе. Въ этомъ отдѣлѣ приведены цѣлыя страницы изъ повѣстей «Капитанская дочка» и «Арапъ Петра Великаго», изъ поэмы «Полтава», драмы «Борисъ Годуновъ» и другихъ произведеній.

Отрывки изъ сочиненій, изображающихъ народный бытъ и русскую природу, такъ сгруппированы, что передъ нами встаетъ писатель, рѣшившійся первымъ заговорить на народномъ языкѣ, которымъ въ то время пренебрегало образованное общество, и съумѣвшій показать всю прелесть и силу его; поэтъ, посвятившій свой талантъ пересказу народныхъ сказокъ и преданій и увлекшій за собою всю образованную Россію до того, что она зачитывалась этими вымыслами народнаго творчества; наконецъ, помѣщикъ, самъ пользовавшійся крѣпостнымъ трудомъ и, не смотря на это, за тридцать лѣтъ до освобожденія крестьянъ мечтавшій:

«Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?»

Приведя множество отрывковъ изъ описаній природы и мѣстъ, обычаевъ и повѣрій, авторъ говоритъ:

«Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Пушкинъ былъ пѣвецъ родимаго намъ края. Его поэзія есть зеркало, въ которомъ отразилась наша русская природа, наши города, наши деревни, наши осень, зима и весна. Поэтъ узналъ Россію, переѣзжая изъ одного ея угла въ другой. Гдѣ только онъ ни былъ— вездѣ наблюдалъ, изучалъ и заносилъ свои думы въ стихи. Поэтому читать Пушкина со вниманіемъ—значитъ *изучать родимый нашъ край*».

«Мы разобрали произведенія Пушкина съ трехъ сторонъ: со стороны исторической, съ стороны народной и со стороны природы. Отечественная исторія, народный бытъ и родной край нашли въ Пушкинѣ великаго пѣвца; поэтому и называютъ его *народнымъ поэтомъ*. Народнымъ поэтомъ онъ долженъ быть названъ еще и потому, что стихами своими развивалъ чувство *благочестія* (религіозное чувство). Пушкинъ крѣпко держался вѣры; онъ съ умиленіемъ преклонялся передъ Всевышнимъ Богомъ». (Стр. 149 и 150).

Не позабыто также и еще одно важное достоинство таланта Пушкина: «Эти выписки (изъ путешествія въ Арзрумъ) показываютъ, что поэзія *дѣйствительной* жизни,—его поэзія,—есть изложеніе того, что онъ на самомъ дѣлѣ видѣлъ и испыталъ, что онъ чувствовалъ. Со временъ Пушкина брошена мысль, что поэты говорятъ однѣ небылицы, однѣ сказки, несбыточный вздоръ. Пушкинъ научилъ всѣхъ поэтовъ говорить то, *что есть или было* на самомъ дѣлѣ въ мірѣ видимомъ или въ душѣ нашей,—этомъ невидимомъ, но дѣйствительномъ мірѣ». (Стр. 146 и 147.)

Заканчивая характеристику Пушкина извѣстнымъ его четверостишіемъ: «И долго буду

тѣмъ народу я любезенъ» и т. д., приводимымъ авторомъ нѣсколько разъ, онъ говоритъ: «И это не слова только, а настоящее дѣло. Пушкинъ весь оживлялся, когда дѣло касалось облегченія участи какого-нибудь несчастнаго человѣка; онъ выжидалъ минуты царскаго къ нему благоволенія, чтобы немедленно заговорить о помощи какому-нибудь страдальцу». (Стр. 159.)

Особенно тепло обрисована составителемъ и привлекательная черта характера Пушкина—его способность привязываться къ людямъ и мѣстностямъ и сохранять ее на всю жизнь. Его отношенія къ нянѣ и лицейскимъ товарищамъ, его воспоминанія о Царскомъ Селѣ и о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось жить, указаны во многихъ отрывкахъ, очень удачно сгруппированныхъ и освѣщенныхъ.

Изложеніе всей книги отличается простотой и занимательностью; историческія событія и лица сопровождаются необходимыми разъясненіями; мѣстами для оживленія приводятся историческіе анекдоты, но самымъ главнымъ достоинствомъ этого труда,—какъ и другаго того-же автора «Дѣдушка Крыловъ», о которомъ было уже говорено выше,—должна считаться его общедоступность, которая даетъ возможность совершенно увѣренно давать эту книгу для самостоятельнаго чтенія.

Слабымъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи должна быть названа только передача содержанія стихотворенія «Пророкъ» (стр. 156 и 157) вслѣдствіе того, что всѣ аллегорическія выраженія этого стихотворенія только повторены, а не объяснены, почему и не понимаются читателями надлежащимъ образомъ. Въ рецензіи на «Жизнеописаніе Пушкина» Н. Ѳ. Сумцова (см. № 890) мы приводимъ въ *отзывахъ учениць* образчикъ пониманія этого труднаго по своей формѣ произведенія, о которомъ ужъ лучше совсѣмъ не говорить, чѣмъ предоставлять его настоящій смыслъ на долю одной только догадливости неразвитаго человѣка.

Чтеніе это было составлено для взрослыхъ, но можетъ читаться и развитыми подростками. Книга недешева, но, благодаря своимъ достоинствамъ, можетъ вполнѣ замѣнить всѣ нижепоименованныя біографіи Пушкина, почему для ознакомленія съ нимъ всего лучше ограничиться ею одною въ народной библіотекѣ.

Вопросы:

Когда жилъ Пушкинъ и кто онъ былъ?

О какихъ государяхъ писалъ онъ и что̀ именно?

Что еще описывалъ онъ?

Какія изъ его стихотвореній особенно вамъ понравились?

Почему имя Пушкина никогда не позабудется въ Россіи? *Е. Г.*

Намъ пришлось прочитать эту книгу на каникулахъ въ деревнѣ, въ группѣ, состоящей изъ подростковъ и взрослыхъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Всѣ они, какъ оказалось, слыхали имя Пушкина, каждый зналъ нѣсколько изъ его стихотвореній и каждый интересовался, повидимому, подробностями, которыя даетъ книга. Чтеніе шло весьма оживленно; знакомыя стихотворенія слушатели повторяли хоромъ за учительницей, хотя такого уговора и не было предварительно, а дѣлалось это невзначай,—дѣлалось потому, что доставляло видимое удовольствіе.

По прочтеніи 100 страницъ сдѣланъ былъ перерывъ.

— Пока вы отдохнете, позвольте намъ перечитать сказки Пушкина! сказалъ одинъ изъ взрослыхъ, обращаясь къ учительницѣ.— Теперь буду знать, кто ихъ писалъ; теперь я его лучше узналъ, добавилъ онъ выразительно:—не то что прежде: встрѣтишь—подписано Пушкинъ, и прочитаешь такъ-себѣ, безъ вниманія.

— Еще-бы! Мы теперь ихъ съ бо́льшимъ вниманіемъ прочтемъ!—замѣтилъ другой.

— А у насъ есть сапожникъ, началъ третій:—такъ онъ всѣ эти сказки на память знаетъ, отъ первой страницы до послѣдней.

По возобновленіи чтенія всѣ слушали, казалось, съ еще бо́льшимъ вниманіемъ.

— И какъ это одинъ человѣкъ можетъ такъ много сочинить?!—замѣтилъ *Иванъ Б—ко* (16 л.).

— Господи! И зачѣмъ только онъ такъ рано померъ? Пускай-бы еще хоть лѣтъ тридцать прожилъ, замѣтилъ *Ѳедоръ Г—ев* (14 л.):—онъ, можетъ, еще много кое-чего сочинилъ-бы.

По окончаніи чтенія учительница предложила *вопросы* и получила на нихъ нижеслѣдующіе отвѣты.

— О чемъ писалъ Пушкинъ?

— Онъ писалъ о временахъ разныхъ царей, объ ихъ хорошей дѣятельности, писалъ про войны, про Кавказъ, про природу, сочинялъ сказки хорошія и пѣсни,—и все это онъ такъ явственно сочинялъ, какъ будто самъ видѣлъ.

— Какія изъ его стихотвореній особенно вамъ нравятся?

Слушателями названы слѣдующія: «Полтавская битва», «Горитъ востокъ зарею новой», «Пиръ Петра Великаго», «Молитва», «Зимній вечеръ», «Утопленникъ», «Бѣсы».

— Почему имя Пушкина никогда не позабудется въ Россіи?

— Потому что онъ любилъ Россію, защищалъ ее отъ клеветъ враговъ и всѣхъ училъ любить русскій народъ.

— Понравилась-ли вамъ книга и находите-ли вы ее вполнѣ понятною?

На этотъ вопросъ одни изъ слушателей,—болѣе самонадѣянные,—отвѣчали, что поняли хорошо всю какъ есть, другіе же признались откровенно, что были кое-гдѣ и непонятныя мѣста.

— А вотъ ты скажи мнѣ, сказалъ одинъ изъ признавшихся, обратившись къ одному изъ самонадѣянныхъ:—что́ означаетъ слово *вдохновеніе*?

— Желаніе сочинять! отвѣчалъ тотъ бойко.

Расходясь, слушатели продолжали говорить о вынесенныхъ впечатлѣніяхъ:

— Помнишь, какіе пиры Петръ Великій задавалъ? спрашивалъ одинъ другого.—Вотъ хорошо,—всѣ равно веселились!

— А мнѣ понравилось, какъ капитанская дочь съ государыней Екатериной Великой разговаривала, замѣтилъ другой.

— А мнѣ вообще нравится, когда старинныя времена описываются, говорилъ третій.

— А я про войны больше всего люблю, добавлялъ четвертый.

— Мнѣ эта книжка всегда будетъ припоминаться, заключилъ пятый.

И слушатели разошлись.

---

885) **Очеркъ жизни Александра Сергѣевича Пушкина.** Составленъ Ив. Рассадинымъ. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 265. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1880 г. Ц. 20 к. (Съ портретомъ Пушкина). 71 стр. обыкновен. формата.

Открытіе памятника Пушкину, какъ видитъ читатель, вызвало отрадный фактъ одновременнаго появленія двухъ его біографій: одной—въ Петербургѣ, о которой мы только что говорили, и другой—въ Москвѣ—названное нами изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ, причемъ особенно отрадно въ этомъ фактѣ то обстоятельство, что каждый изъ составителей занялся почти одною и тою-же цѣлью—сдѣлать свой трудъ доступнымъ пониманію совсѣмъ неподготовленныхъ или мало-подготовленныхъ читателей и такимъ образомъ ознакомить ихъ съ личностью поэта и значеніемъ его для насъ, русскихъ.

Общеизвѣстность Пушкина давно требовала этого, и насколько успѣшно разрѣшилъ свою задачу г. Филоновъ, нами было уже сказано. Что же касается до труда г. Рассадина, то справедливость требуетъ сказать, что и онъ въ достаточной мѣрѣ выполнилъ желаніе Общества распространенія полезныхъ книгъ, высказанное въ предисловіи на первой страничкѣ: «Въ виду сооруженія памятника, и мы съ своей стороны хотимъ принести посильную дань его заслугамъ, вспоминая въ нашемъ скромномъ трудѣ его жизнь и творенія, насколько это возможно въ книжкѣ, назначаемой для читателей мало-знакомыхъ съ русскою литературою».

Обѣ біографіи совершенно сходны по основной мысли—выяснить читателю значеніе Пушкина, какъ народнаго поэта и великаго писателя; обѣ написаны простымъ языкомъ, почему совершенно пригодны для самостоятельнаго чтенія. Вся разница заключается въ томъ, что г. Рассадинъ подробно говоритъ о частной жизни Пушкина, посвящая этому предмету 42 страницы, т. е. большую половину своего труда. Но по этому поводу и въ виду возможнаго примѣненія этой книги для народнаго чтенія мы позволимъ себѣ подѣлиться съ читателемъ нашими наблюденіями. Мы замѣтили, что ученицы воскресной школы съ большимъ интересомъ читали тѣ изъ біографій, герои которыхъ вышли изъ простого народа. Такъ, біографіи Слѣпушкина, Никитина, Кольцова, Ломоносова, Кулибина, Гарфильда передавались ими очень хорошо, причемъ особенно подробно пересказывались обстоятельства жизни этихъ людей того времени, когда они принадлежали еще своей средѣ. Въ біографіи Некрасова особенно останавливалъ на себѣ вниманіе читательницъ тотъ фактъ, когда онъ, вслѣдствіе нищеты и безпріютности, попалъ въ нищенскій притонъ,—точно имъ дорого было это непосредственное соприкосновеніе поэта съ простымъ людомъ, хотя бы и въ лицѣ его меньшей братіи—нищихъ. Мы не помнимъ также, чтобы хотя одна изъ читавшихъ біографію Крылова пропустила подробности, гдѣ и у кого учился народному языку знаменитый «дѣдушка». Напротивъ, общественные дѣятели и писатели, вышедшіе изъ образованныхъ классовъ и богатыхъ семей, производятъ на простой народъ меньше впечатлѣнія.

Вторая половина книги носитъ заглавіе: «О сочиненіяхъ А. С. Пушкина». Въ ней

приведены 11 произведеній Пушкина, нѣкоторыя цѣликомъ, а изъ другихъ взяты только отрывки. Они также сопровождаются комментаріями автора, но ихъ меньше, и выбраны они менѣе удачно, чѣмъ у г. Филонова. Тѣмъ не менѣе первая половина книги представляетъ собою біографію Пушкина, изложенную въ такой доступной формѣ, что она можетъ быть дана въ руки и простолюдина.

Попадаются изрѣдка отдѣльныя непонятныя слова («альманахъ», «полемистъ» и др.), но ихъ такъ мало, что они не мѣшаютъ усвоенію содержанія, переданнаго вообще просто и понятно. Книга хорошо издана, печать крупная и стоитъ дешево. Давать ее можно для самостоятельнаго чтенія развитымъ подросткамъ и взрослымъ. Если почему-либо не будетъ возможности пріобрѣсти «чтенія» г. Филонова, или если лишніе 30 коп. составятъ камень преткновенія для покупки петербургскаго изданія, тогда этотъ очеркъ жизни Пушкина,—болѣе дешевый, краткій и изданный для нѣсколько другого круга читателей,—конечно, принесетъ свою долю пользы, но мы, все таки, настаиваемъ на своей рекомендаціи изданія «Общедоступное чтеніе» для народныхъ библіотекъ.

Вопросы:

Гдѣ родился Пушкинъ?
Кто были его родители?
Какъ его воспитывали?
Гдѣ онъ учится?
Какой характеръ былъ у него?
О чемъ писалъ онъ въ своихъ стихахъ? (Въ книгѣ не приведено ни одного отрывка изъ прозаическихъ сочиненій Пушкина).
Гдѣ онъ умеръ?

Е. Г.

---

886) **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** *Біографическіе очерки.* Владиміра Поваковскаго. (Съ портретомъ Пушкина). Изд. 2-е. Спб. 1865 г. 59 стр. обыкновеннаго формата.

Въ названномъ біографическомъ очеркѣ авторъ коснулся исключительно частной жизни поэта. Особенно подробно описаны имъ семейная обстановка и родные Пушкина, его домашнее и лицейское воспитаніе, свѣтская жизнь, скитанія по Россіи и отношенія поэта къ современнымъ ему писателямъ. По поводу разныхъ обстоятельствъ жизни Пушкина авторъ приводитъ нѣкоторыя изъ его произведеній цѣликомъ («Посланіе къ Жуковскому», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», «Памятникъ», «Кавказъ», «Клеветникамъ Россіи», «Совѣтъ», «Сапожникъ», «Ex ungue leonem», «Эхо», «Мадонна» и «Молитва»); изъ другихъ—приводитъ только отрывки (изъ «Мѣднаго Всадника», «Бориса Годунова», «Евгенія Онѣгина», «Пиковой Дамы», «Дубровскаго» и «Цыганъ»), или кратко передаетъ содержаніе («Капитанская дочка», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», «Гусаръ», «Станціонный смотритель», «Гробовщикъ»). Благодаря этому, книга читается съ интересомъ, но по содержанію (описаніе аристократическаго быта) и по своему изложенію интересна и понятна только для образованнаго читателя.

Е. Г.

---

887) **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Замѣчательный русскій поэтъ и писатель.** Спб. Изд. народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ». 1879 года. (Съ рисункомъ памятника Пушкину). Ц. 20 к. 25 стр. обыкновеннаго формата.

Содержаніе брошюрки составляютъ біографія поэта и 9 его стихотвореній, изъ которыхъ большая часть представляетъ или отрывки изъ поэмъ и другихъ произведеній, или всѣмъ извѣстныя стихотворенія—«Утопленникъ» и «Зимній вечеръ».

Жизнеописаніе изложено просто, кратко и довольно живо. При отсутствіи вышеуказанныхъ лучшихъ біографій поэта (см. №№ 884, 885) это изданіе, конечно, можетъ принести свою долю пользы, но при наличности ихъ будетъ совершенно излишнимъ. Впрочемъ, въ богатыхъ, въ денежномъ отношеніи, народныхъ библіотекахъ эту брошюру можно было бы имѣть для плохо читающихъ и менѣе развитыхъ подростковъ, для которыхъ труды гг. Филонова и Рассадина, въ виду ихъ объема, оказались-бы не по силамъ.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ замѣтить, что приложенный рисунокъ изображаетъ не настоящій памятникъ Пушкина, а одну изъ непринятыхъ моделей, чью именно—не помнимъ. Намъ кажется, что помѣщать невѣрные съ дѣйствительностью рисунки вообще не слѣдовало-бы, и тѣмъ болѣе такой неудачный по исполненію, какъ въ данномъ случаѣ.

Вопросы остаются тѣ же (см. №№ 884 и 885). *Е. Г.*

---

888) **Дѣтство Александра Сергѣевича Пушкина.** (Біографическій очеркъ). Изданіе Общ. распростр. полезн. книгъ № 266. (Съ портретомъ Пушкина). Москва. 1880 г. Ц. 15 к. 40 стр. небольшаго формата.

Названная брошюрка была издана Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ въ томъ же году и по тому же поводу, какъ и разобранный нами раньше трудъ г. Рассадина. (См. № 885).

По своему содержанію (подробности семейной жизни родителей Пушкина, развлеченія того времени въ аристократическомъ кругу общества, возникновеніе лицея, порядки этого учебнаго заведенія и условія жизни его воспитанниковъ) и въ особенности по изложенію — совершенно непригодна для народнаго чтенія, такъ какъ, очевидно, предназначалась для образованныхъ подростковъ.
Е. Г.

Примѣч. Рец. см. «Новое Время» 1882 г., № 1535. «Женское Образов.» 1881 г., № 3, стр. 191—193.

---

889) **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія.** Чтеніе для юношества. (Съ портретомъ А. С. Пушкина). Изд. 3-е. Спб. 1885 г. Ц. 40 коп. 89 стр. небольшаго формата *).

Намъ неизвѣстно, разошлось ли уже это изданіе, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ—и при наличности еще нераспроданныхъ экземпляровъ, и при новомъ изданіи, если бы оно появилось, эта біографія Пушкина должна остаться чтеніемъ для юношества, для котораго собственно и была составлена.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и само заглавіе книги и еще болѣе содержаніе первой главы, въ которой составитель, очевидно, имѣя въ виду юныхъ, но уже получившихъ извѣстное образованіе читателей, ведетъ съ ними длинныя разсужденія о значеніи словъ «великій поэтъ», о томъ, «кто имѣетъ право быть названъ образованнымъ человѣкомъ», объ «общемъ значеніи литературы въ дѣлѣ образованія, и изящной въ особенности» и о «мѣстѣ, занимаемомъ Пушкинымъ въ нашей изящной литературѣ». Остальныя пять главъ посвящены біографіи поэта, разсказанной проще и вообще интересно, но содержаніемъ ея является опять таки исключительно частная жизнь Пушкина.

Въ концѣ помѣщено 17 отдѣльныхъ стихотвореній и 6 отрывковъ изъ поэмъ. Но повторимъ: и общій тонъ изложенія, и само содержаніе, и выборъ большей части произведеній Пушкина вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли, намѣченной издателемъ, и въ то же время дѣлаютъ книжку совершенно непригодной для народнаго чтенія *Е. Г.*

Примѣч. Рец. см. «Систематич. Обзоръ Нар.-Учебн. Литер.», 1878 г., стр. 250. «Наша Дѣтск. Лит.» № 127, стр. 148.

---

890) **А. С. Пушкинъ.** *Чтеніе для народа.* Выпускъ 1-й. Составилъ и издалъ Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1882 г. Ц. 5 к. 38 стр. маленькаго формата.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію содержанія названной брошюрки, представляющей собою первый выпускъ уже извѣстныхъ читателю «Чтеній для народа» г. Сумцова (см. №№ 872, 880, 881, 883), мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на замѣткѣ «Отъ издателя», помѣщенной на одной изъ обложекъ и мотивирующей цѣль изданія. Выписываемъ изъ нея большую часть.

«Въ послѣднія два-три десятилѣтія безъискусственная народная поэзія почти повсемѣстно пришла въ упадокъ. Художественный и нравственный элементы народныхъ пѣсенъ понизились. Въ селахъ стали появляться грубыя и пошлыя городскія трактирныя пѣсни. Съ усиленіемъ въ большихъ городахъ торговли и промышленности, съ размноженіемъ фабрикъ, заводовъ и желѣзныхъ дорогъ разгульныя и пьяницкія пѣсни городскаго общественнаго отребья нашли множество дорогъ въ села и деревни.

«Исходя изъ той мысли, что для поддержанія и развитія художественнаго творчества въ народѣ необходимо, между прочимъ, ознакомить сельскихъ грамотѣевъ съ лучшими произведеніями новѣйшихъ русскихъ поэтовъ, я предпринялъ изданіе «Чтеніе для народа.»

Далѣе слѣдуютъ подробности изданія; заканчивается же замѣтка слѣдующей фразой: «Если первые выпуски будутъ признаны годными для крестьянскаго употребленія, то въ непродолжительномъ времени послѣдуютъ другіе, подобные по цѣнѣ и формату выпуски, въ которые войдутъ: Лермонтовъ, Некрасовъ» и т. д.

Нельзя, конечно, не согласиться со всѣмъ высказаннымъ въ началѣ замѣтки и нельзя не поблагодарить г. Сумцова за появленіе этого въ высшей степени желательнаго и полезнаго по идеѣ изданія, болѣе чѣмъ де-

---

*) Въ первомъ изданіи нашего указателя мы рецензировали изданіе 1865 г. Въ предисловіи къ 3-му изд. стоитъ: *«Настоящее изданіе книги печатано безъ перемѣнъ со 2-го изданія»*. Внѣшняя разница заключается только въ измѣненіи печати (вмѣсто 132 стр.—89 стр.) и въ пониженіи цѣны на 10 коп.

шеваго по своей цѣнѣ и вполнѣ удовлетворительнаго съ внѣшней стороны.

Но вся бѣда заключается въ томъ, что при выполненіи своей задачи онъ сейчасъ же отступилъ отъ первоначально намѣченной цѣли и вслѣдствіе этого видоизмѣнилъ свой трудъ. Исходя изъ желанія «ознакомить сельскихъ грамотѣевъ (только) съ лучшими произведеніями новѣйшихъ русскихъ поэтовъ», г. Сумцовъ, начиная съ перваго же выпуска, нашелъ нужнымъ снабдить каждый изданный имъ сборникъ даннаго писателя еще и его біографіей, составленной самимъ г. Сумцовымъ. Благодаря этому, получились маленькія хрестоматіи и при нихъ такія же маленькія, сухо написанныя біографіи, не производящія на читателя никакого впечатлѣнія и потому скоро имъ забываемыя. Кромѣ того, усвоенію этихъ біографій много мѣшаетъ еще и то обстоятельство, что въ нихъ приводится краткое содержаніе нѣкоторыхъ изъ произведеній того автора, имя котораго выставлено на обложкѣ.

Только-что указанные недостатки всего изданія особенно рѣзко сказались въ названномъ «Жизнеописаніи А. С. Пушкина», къ разсмотрѣнію подробностей котораго и переходимъ.

Начнемъ съ того, что жизнеописаніе это занимаетъ всего 13 маленькихъ страницъ, изъ которыхъ ему собственно принадлежитъ только половина; другая-же половина занята болѣе или менѣе краткой передачей содержанія: «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскаго фонтана», «Цыганъ», «Евгенія Онѣгина», «Полтавы», «Бориса Годунова», «Исторіи Пугачевскаго бунта» и «Капитанской дочки», причемъ названы мѣста дѣйствія и имена героевъ большей части этихъ произведеній.

Намъ приходилось давать эту маленькую брошюрку и взрослымъ дѣвушкамъ, и ученицамъ 12—13 лѣтъ, окончившимъ начальную школу и, несмотря на то, что все «Жизнеописаніе» изложено вообще, за самыми незначительными исключеніями, весьма просто и понятнымъ языкомъ, пересказъ тѣхъ и другихъ бывалъ всегда почти одинаково неудовлетворителенъ. Отдѣльныя обстоятельства жизни поэта еще кое-какъ передавались, но его переѣзды изъ одного края Россіи въ другой, произведенія, вызванныя этими поѣздками и, главнымъ образомъ, имена дѣйствующихъ лицъ,—все это до такой степени смѣшивалось, что въ результатѣ чтенія получалось сожалѣніе о затраченномъ даромъ времени. Такое плохое усвоеніе прочитаннаго въ данномъ случаѣ очевидно зависѣло отъ сухости и краткости изложенія дѣлового содержанія біографіи Пушкина, которую въ такомъ видѣ нельзя читать, а можно только заучивать, потому что она представляетъ собою не болѣе, какъ конспектъ.

Между тѣмъ личный опытъ вполнѣ убѣдилъ насъ въ томъ, что біографіи вообще читаются съ удовольствіемъ. Обыкновенно послѣ первой прочитанной біографіи слѣдовала просьба о выдачѣ другой, потому что «это такъ интересно читать», и на нашихъ глазахъ «Дѣдушка Крыловъ» А. Филонова, «Жизнь Д. Гарфильда» Е. Сысоевой и другія подобныя книги долго не возвращались въ школьную библіотеку, переходя непосредственно изъ рукъ въ руки, совершенно безъ нашего участія, единственно только на основаніи аттестаціи, даваемой этимъ біографическимъ очеркамъ самими ученицами.

Но мало того, что біографіи читаются съ интересомъ, нами замѣчено также, что лучшія изъ нихъ вполнѣ усваиваются и въ большей части случаевъ хорошо пересказываются. По поводу же этой маленькой біографіи Пушкина въ частности и вообще всѣхъ подобныхъ ей, включая сюда и остальные вышедшіе уже выпуски «Чтеній для народа» г. Сумцова, приходится на основаніи опыта сказать совсѣмъ другое. Для подтвержденія только что высказаннаго, мы могли бы привести достаточное количество фактовъ, изъ числа которыхъ для краткости и въ виду большаго или меньшаго ихъ сходства между собой, нѣсколько подробнѣе остановимся только на одномъ.

Взрослая дѣвушка, *К—ва*, уже много читавшая и обыкновенно хорошо передававшая прочитанное, начала свой пересказъ слѣдующимъ неожиданнымъ для меня образомъ:

— Извините, пожалуйста, говорила она:— что я буду дурно разсказывать; но у меня не было свободнаго времени въ другой разъ перечитать ее, а съ одного раза такъ трудно упомнить, куда онъ сначала ѣздилъ, куда потомъ и что гдѣ писалъ. Я, положимъ, замѣтила, что онъ былъ на Кавказѣ, въ Крыму, еще въ Екатеринославской губерніи, но вотъ забыла опять, гдѣ это онъ про цыганъ писалъ.

Попросивъ ее продолжать какъ можетъ, мы дѣйствительно услышали чрезвычайно сбивчивую и путанную передачу содержанія произведеній Пушкина, упомянутыхъ въ жизнеописаніи, въ которой она не могла сколько-нибудь разобраться даже и при нашей по-

мощи. И такой плохой пересказъ вовсе не былъ случайностью или исключеніемъ, такъ какъ всѣ ученицы, читавшія эту біографію, передавали ее такъ-же плохо или еще хуже, что̀ всецѣло объясняется тѣмъ, что не такъ должны составляться біографіи замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей вообще и для народа въ особенности. Напомнимъ по этому поводу выдержку изъ журнала «Заграничный Вѣстникъ», приведенную нами въ рецензіи на «Жизнеописаніе В. А. Жуковскаго» того-же г. Сумцова (см. № 872), и прибавимъ отъ себя: пусть лучше такая книга стоитъ дороже, пусть она будетъ труднѣе по содержанію, пусть она будетъ доступна пониманію только взрослаго простолюдина или развитого подростка, но пусть же будетъ она для него производительнымъ чтеніемъ. Интересъ, возбуждаемый чтеніемъ біографій, не говоря уже о воспитательномъ значеніи ихъ, одинъ этотъ интересъ требуетъ того, чтобы имъ не злоупотребляли. А такіе крошечные конспекты совершенно ненужны простому народу, такъ какъ чтеніе ихъ только обременяетъ память смутными и сбивчивыми свѣдѣніями, въ которыхъ онъ къ тому-же по недостатку образованія не можетъ и разобраться безъ посторонней помощи.

Что же касается до сборника, помѣщеннаго вслѣдъ за біографіей, то и о немъ приходится дать неудовлетворительный отзывъ. Состоитъ онъ всего изъ 10-ти произведеній Пушкина, изъ числа которыхъ пять, т. е. ровно половина, оказываются неудачно выбранными, такъ какъ «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Утопленникъ», «Зима» и безъ этого сборника всѣмъ извѣстны, а «Сцена въ кельѣ Чудова монастыря» изъ «Бориса Годунова» и «Пророкъ» не только трудны, но даже просто недоступны при самостоятельномъ чтеніи, хотя и сопровождаются подстрочными объясненіями, стоящими въ выноскахъ, наиболѣе трудныхъ словъ. Въ приводимомъ отзывѣ *«Изъ записной тетради учительницы»* помѣщены образчики пониманія этихъ двухъ произведеній Пушкина ученицами, на нашъ взглядъ, вполнѣ убѣждающіе въ необходимости и пользѣ замѣнить ихъ другими, болѣе подходящими.

Неудачный выборъ стиховъ, не позволяетъ намъ рекомендовать эту дешевую книгу даже въ качествѣ сборника для народной библіотеки, какъ это было сдѣлано нами относительно выпусковъ того-же автора: «В. А. Жуковскій», «Л. А. Мей и графъ А. К. Толстой» и «Я П. Полонскій», тѣмъ болѣе что вышеуказанныя біографіи Пушкина и отдѣльныя изданія его произведеній даютъ возможность вполнѣ удовлетворительно ознакомить народъ съ личностью и твореніями этого поэта.

Остановились мы такъ долго на этомъ выпускѣ только потому, что въ заявленіи «Отъ издателя» нашли фразу: «Если первые выпуски будутъ признаны годными для крестьянскаго употребленія» и т. д. и, основываясь на ней, сочли своимъ нравственнымъ долгомъ передать личныя наблюденія и высказать вытекающія изъ нихъ соображенія.

Въ заключеніе позволимъ себѣ еще одно послѣднее замѣчаніе: намъ кажется, что задавшись превосходной цѣлью — вытѣснить безобразныя пѣсни, распространяющіяся въ простомъ народѣ, путемъ ознакомленія его съ образцовыми произведеніями русскихъ поэтовъ, г. Сумцовъ принесъ бы гораздо болѣе пользы изданіемъ только болѣе обширныхъ сборниковъ, дешевыхъ по цѣнѣ, посвятивъ всѣ странички своихъ выпусковъ лучшимъ и менѣе извѣстнымъ въ народѣ произведеніямъ избранныхъ имъ писателей. Въ настоящемъ же своемъ видѣ названное изданіе, очевидно, не достигаетъ цѣли; почему и позволимъ себѣ высказать сомнѣніе въ томъ, что врядъ ли удастся г. Сумцову, посредствомъ этихъ, издаваемыхъ имъ, «Чтеній для народа», осуществить свое благое пожеланіе—«поддержанія и развитія художественнаго творчества въ народѣ».

Е. Г.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

Одна изъ опытныхъ преподавательницъ въ школѣ сказала мнѣ какъ-то:—Подожду произносить окончательное сужденіе о книгахъ, пока не выслушаю отзывовъ ученицъ.

— Это почти излишне, отвѣчала я ей:—опытная учительница можетъ болѣе или менѣе точно опредѣлить, что будетъ понято и не понято наличнымъ составомъ ученицъ, которыхъ она знаетъ, съ которыми она занимается.—Для подтвержденія своего мнѣнія

я взяла выпускъ 1-й: *А. С. Пушкинъ* и размѣтила, что будетъ понято и что непонято.

Въ воскресенье наступила провѣрка. Я не буду останавливаться на мелочахъ, а скажу только о двухъ крупныхъ вещахъ.

Передъ отрывкомъ «Сцена въ кельѣ Чудова монастыря» у меня было написано карандашомъ: «Ровно ничего не поймутъ, кромѣ отрывочныхъ фразъ по исторіи,— и то ученицы, окончившія курсъ въ ежедневной школѣ».

Передъ стихотвореніемъ «Пророкъ» стояло: «Не пойметъ ни одинъ малограмотный простолюдинъ, ни большой, ни маленькій. Бойкія школьницы *) будутъ силиться понять и какъ-нибудь извернуться».

Къ намъ подошли три дѣвочки: *Д—ва*, *Г—ва* и *М—вичъ*. Всѣ три отлично окончили курсъ въ ежедневной школѣ. Учительница открыла страничку: «Сцена въ кельѣ Чудова монастыря».

Школьницы такъ и засыпали насъ мудростью, почерпнутою въ школѣ. Каждой хотѣлось сообщить какой-либо историческій фактъ и онѣ, перебивая другъ друга, торопясь и захлебываясь, говорили безъ умолку. Только и слышно было: «учительница разсказывала намъ объ этомъ еще въ школѣ!..» Но *сцены* ни одна изъ нихъ не воспроизвела, ни одна не поняла, что это за *«одно послѣднее сказанье»*, что это за *«долгъ, завѣщанный отъ Бога»*, что это за *«пыль вѣковъ»* и т. д.

Не желая томить ихъ болѣе, мы перешли къ стихотворенію «Пророкъ».

— Что это значитъ: *«духовной жаждою томимъ»*? спросилъ я.

Дѣвочки переглянулись.

— Священникомъ хотѣлъ быть! сказала одна изъ нихъ, самая бойкая, несказанно радуясь, повидимому, своему открытію.

Очевидно, слово «духовный» навело ее на эту мысль. Я читала далѣе:

«Моихъ зеницъ коснулся онъ.
Отверзлись вѣщія зеницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ»..... и т. д.

Я остановилась. На лицахъ дѣвочекъ свѣтилось недоумѣніе.

— Былъ слѣпой—сталъ видѣть! сказала одна.

— Вѣрно, былъ глухой, а потомъ сталъ слышать! добавила другая.

Я прочла стихотвореніе до конца. Энергія дѣтей видимо падала; надежда постигнуть тайну прочитаннаго, повидимому, исчезла.

— Лоза—это, вѣрно, дерево, сказала сконфуженно вторая.

— Вѣрно, онъ умеръ, замѣтила еще нерѣшительнѣе первая.

«И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ!»

Онѣ поняли въ точномъ смыслѣ эти слова. Просто жалость брала смотрѣть на этихъ дѣтокъ—такихъ умненькихъ, такъ жаждущихъ отличиться въ этой борьбѣ съ непосильнымъ матеріаломъ. Я ободрила ихъ, сказавъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ на тему, что это имъ не по силамъ и что онѣ поймутъ это со временемъ, когда выростутъ.

Сегодня ко мнѣ на домъ пришла съ тою же книгою *Василиса Т—ва*, взрослая умная дѣвушка, но безъ школьной подготовки (*наша* ученица).

Она сама открыла «Сцену въ Чудовомъ монастырѣ» и сказала мнѣ:

— Рѣшительно я тутъ ничего не поняла. Пименъ, кажется, раньше былъ не въ монастырѣ, а Григорій съ малыхъ лѣтъ жилъ въ монастырѣ, и онъ объ этомъ грустилъ, а Пименъ утѣшалъ, что это лучше, что его, по крайней мѣрѣ, не искушалъ никто... Больше ничего не могу разсказать!

Я открыла пьесу «*Пророкъ*».

— Тоже не поняла, сказала съ грустью *Т—ва*.—Такой маленькій, и я его разъ пять прочла съ начала до конца; нѣтъ, не могу. Написано: «пророкъ», а между тѣмъ онъ тутъ ничего не пророчилъ. И гдѣ онъ, и кто онъ— Богъ его знаетъ! Онъ говоритъ тутъ, кажется, что кто-то его искушалъ, а какъ и кто—неизвѣстно!

Мнѣ ужасно было жаль *Т—ву*. Мнѣ ясно представилось, какъ сидитъ она, усталая послѣ дневной работы, надъ этой книжечкой, къ которой прибѣгла, какъ къ отдыху, какъ къ развлеченію, и тщетно силится понять ея мудреный смыслъ.

Нѣтъ, такія произведенія просто грѣшно давать непросвѣщенному человѣку: они могутъ подорвать въ немъ энергію и вѣру въ свои силы, необходимую въ данномъ случаѣ.

---

891) **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и его**

---

*) Такъ называемъ мы для отличія дѣтей, окончившихъ курсъ въ ежедневной народной школѣ, въ отличіе отъ учившихся въ одной только воскресной школѣ.

сочиненія. (Всемірная хрестоматія). Томъ I. *Литературная дѣтская библіотека.* Москва. 1882 г. (Съ портретомъ Пушкина). 319 стр. маленькаго формата.

Благодаря тому обстоятельству, что дѣтскія книги нерѣдко даются простому народу, а книги, предназначенныя для народнаго чтенія, часто попадаютъ въ руки дѣтей, намъ необходимо остановиться на этой дѣтской книгѣ, хотя, въ виду цѣли предпринятаго нами труда, мы могли бы и не упоминать о ней. Но вообще обходить молчаніемъ такія изданія не слѣдуетъ. Начнемъ съ замѣчанія, что въ громкое заглавіе этой книжечки, изданной на очень хорошей бумагѣ, но неряшливо по количеству встрѣчающихся опечатокъ, вошли слова: «*Дѣтская* библіотека», которыя не соотвѣтствуютъ содержанію. Біографическія свѣдѣнія о Пушкинѣ, разбросанныя по всей книгѣ и вообще очень краткія, мѣстами, по поводу нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни поэта, не только сравнительно полнѣе, но даже подробнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ его біографіяхъ. Но вотъ въ чемъ вопросъ: желательныя ли это подробности? Напр., вся 89-я страница посвящена описанію разсѣянной жизни Пушкина въ Кишиневѣ, наполненной карточной игрой и кутежами, причемъ описаны двѣ дуэли изъ-за картъ, участникомъ которыхъ былъ нашъ знаменитый писатель, въ то время еще не установившійся и очень молодой человѣкъ; а въ концѣ книги, начиная съ 293-й страницы и до послѣдней, находимъ очень подробное описаніе послѣдней дуэли и смерти Пушкина; причемъ разсказъ ведется въ такой формѣ, что вниманіе невольно останавливается на страстяхъ и чувствахъ, ознакомленіе съ которыми дѣтей вовсе нежелательно.

Такъ, на страницѣ 300-й и 301-й мы читаемъ: «Но въ это время Дантесъ, не дойдя до барьера одного шага, выстрѣлилъ, и Пушкинъ падая сказалъ:—Я раненъ въ ногу!

«Секунданты бросились къ нему, и когда Дантесъ намѣревался сдѣлать то же, Пушкинъ удержалъ его словами:

«— Подождите: я буду стрѣлять!

«Дантесъ остановился у барьера и ждалъ, прикрывъ грудь правою рукой.

«При паденіи Пушкина пистолетъ его попалъ въ снѣгъ, и потому Данзасъ подалъ ему другой. Приподнявшись нѣсколько и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ.

«Дантесъ упалъ. На вопросъ Пушкина у Дантеса, куда онъ раненъ, Данзасъ отвѣчалъ:

«— Кажется,—въ грудь!

«— Браво! воскликнулъ Пушкинъ и бросилъ пистолетъ въ сторону».

Предоставляемъ читателю судить по этой выдержкѣ, насколько книга по содержанію и изложенію пригодна для дѣтскаго возраста.

Что же касается до сборника, то въ его составъ вошли слѣдующія произведенія Пушкина: 8 отдѣльныхъ стихотвореній, «Мѣдный всадникъ», «Русланъ и Людмила», съ небольшими сокращеніями, «Отрывокъ изъ Полтавы», 4 главы изъ «Капитанской дочки», «Гробовщикъ», 4 сказки и 8 пѣсенъ западныхъ славянъ, изъ числа которыхъ для дѣтскаго сборника можно было бы оставить только половину, такъ какъ такія стихотворенія, какъ «Марко Якубовичъ», «Сестра и братья», «Янышъ Королевичъ» и отрывокъ—«Что бѣлѣется на горѣ зеленой?—не поймутся дѣтьми.

Но въ особенности не дѣлаетъ чести изданію такая реклама: «каждому подписавшемуся на 10 томовъ безплатно выдается одна изъ слѣдующихъ цѣнныхъ вещей: 1) Женскій несессеръ. 2) Самоучитель рисованія. 3) Альбомъ. 4) Свѣтящійся составъ. 5) Волшебные фонари или 6) Микроскопъ».

Въ заключеніе замѣтимъ только, что не носи это изданіе такого вводящаго въ заблужденіе заглавія, оно не вызывало бы собою недовольства и, какъ разнообразный, довольно обширный и притомъ дешевый сборникъ сочиненій Пушкина, вѣроятно нашло бы своихъ настоящихъ и даже благодарныхъ читателей. *Е. Г.*

А. С. Пушкинъ—см. рец. № 895.

Ф. Н. Слѣпушкинъ.—см. рец. №№ 846 и 853.

---

892) **Тургеневъ о русскомъ народѣ.** Изд. Ф. Павленкова. Чтеніе для народа. (Съ портретомъ И. С. Тургенева). Спб. 1883 г. Ц. 15 к., 31 стр.

Смерть незабвеннаго И. С Тургенева и порывистое желаніе поговорить о немъ скорѣе съ тѣмъ, о которомъ онъ такъ много думалъ, для котораго такъ много сдѣлалъ—съ народомъ, очевидно вызвали появленіе названной брошюры. Составитель расположилъ ее такимъ образомъ: прежде всего онъ предпослалъ нѣсколько вступительныхъ словъ о смерти Тургенева, затѣмъ перешелъ къ біографическимъ свѣдѣніямъ—рожденію, воспитанію, литературной дѣятельности и затѣмъ остановился на «Запискахъ охотника». Изъ нихъ онъ избралъ только тѣ мѣста, гдѣ Тургеневъ описываетъ русскаго крестьянина въ

пору крѣпостничества. На стр. 7-й мы встрѣчаемъ нѣсколько словъ о Павлушѣ изъ «Бѣжина луга»; далѣе слѣдуетъ описаніе типовъ Хоря и Калиныча отчасти словами автора, но съ комментаріями составителя чтенія; далѣе идетъ «Касьянъ съ Красивой Мечи», за нимъ «Бирюкъ» и дольше всего составитель останавливается на «Пѣвцахъ» (разсказу этому отведено 11 страницъ, т. е. почти половина чтенія); послѣднія же 5 страницъ посвящены описанію: «какъ удивительно умираютъ русскіе люди».

Отрывочныя свѣдѣнія о Павлушѣ, Хорѣ, Калинычѣ и друг. не производятъ на читателя должнаго впечатлѣнія, и въ особенности на читателя, незнакомаго съ ними въ подлинникѣ. Предъ тѣми, кто читалъ раньше «Записки охотника», отрывки эти могутъ еще воскресить знакомые образы, но предполагать, что они въ состояніи выдвинуть фигуры героевъ «Записокъ охотника» во весь ростъ и запечатлѣть ихъ въ памяти малограмотнаго человѣка, было бы въ высшей степени ошибочно, и если въ такомъ читателѣ оставляетъ что либо глубокое впечатлѣніе, такъ это все тѣ же «Пѣвцы», которые почти цѣликомъ приведены на страницахъ брошюры. Вотъ почему, на нашъ взглядъ, составитель поступилъ бы несравненно цѣлесообразнѣе, еслибы, заговоривъ о Тургеневѣ и «Запискахъ охотника», далъ народу два, три разсказа цѣликомъ, запечатлѣвъ въ его памяти такихъ представителей типовъ, каковъ, положимъ, Бирюкъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что группировка случаевъ о томъ, «какъ удивительно умираютъ русскіе люди», также оставляетъ впечатлѣніе и что въ общемъ мы, все таки, придаемъ значеніе этой небольшой брошюркѣ о Тургеневѣ. Два, три разсказа — будь они изданы безъ этого заглавія и вступленія,—доставивъ эстетическое наслажденіе простолюдину, тѣмъ не менѣе не заставили бы его въ большинствѣ случаевъ задуматься надъ тѣмъ, кто былъ Тургеневъ, какъ относился онъ къ народу и что онъ написалъ еще, кромѣ этихъ двухъ, трехъ разсказовъ, такъ какъ читатель-простолюдинъ не привыкъ останавливаться надъ подписью автора и придавать ей какое бы то ни было значеніе. Эта же брошюрка можетъ натолкнуть его на желаніе узнать подробнѣе, кто былъ Тургеневъ и что писалъ онъ; а потому,—пока мы не видимъ «Записокъ охотника» съ толковымъ предисловіемъ и біографіей Тургенева, изданныхъ для народа по доступной ему цѣнѣ,—мы рекомендуемъ эту небольшую брошюрку, пополняющую въ незначительной степени этотъ крупный пробѣлъ.

Намъ пришлось прочитать ее въ группѣ слушательницъ, состоящей изъ взрослыхъ учениць воскресной школы и подростковъ, окончившихъ курсъ въ ежедневныхъ школахъ. На вопросъ учительницы: «Кто такой Тургеневъ» (предпосланный началу чтенія),— два, три голоса изъ 30-ти отозвались робко: «Сочинитель»; между тѣмъ при послѣдующемъ чтеніи оказалось, что многія читали и «Пѣвцовъ», и «Бирюка» въ отдѣльныхъ брошюркахъ, изданныхъ Московскимъ Комитетомъ Грамотности; но однѣмъ изъ нихъ «не пришло въ голову посмотрѣть, кто это сочинилъ», какъ признавались онѣ, а другія отвѣчали, что, «можетъ, и видѣли подпись, да забыли». Обстоятельство это ясно говоритъ въ пользу того, что, выдавая и получая отъ учащихся книгу, необходимо привить имъ навыкъ искать на книгѣ имя автора.

По окончаніи чтенія, учительница обратилась къ слушательницамъ и спросила:

— Интересно или нѣтъ вамъ было слушать то, о чемъ мы сейчасъ читали?

— Интересно, отвѣчали онѣ.

— Что же именно показалось вамъ интереснымъ?

— Мнѣ — начало, насчетъ самого Тургенева, сказала одна.

— А мнѣ понравились «Пѣвцы», Яшка Турокъ и рядчикъ, отвѣчала другая:—особенно Яшка за то, что онъ пѣлъ жалобнѣе.

— А мнѣ—какъ люди умираютъ, добавила третья.

На вопросы:—О чемъ писалъ Тургеневъ? Какъ относился онъ къ народу? — ученицы отвѣчали вполнѣ правильно, но когда учительница обратилась къ слушательницамъ, нечитавшимъ ничего изъ «Записокъ охотника», и спросила, что за люди были Бирюкъ, Хорь и Калинычъ и другіе, о которыхъ мы только что читали, никто ничего не могъ отвѣтить, и только одна изъ взрослыхъ дѣвушекъ сказала нерѣшительно:

— Бирюкъ былъ золъ для крестьянъ.

Очевидно, что эти краткія характеристики не оставили въ слушательницахъ никакого впечатлѣнія, между тѣмъ какъ цѣльные разсказы изъ «Записокъ охотника» были передаваемы ими не разъ по прочтеніи безупречно, въ чемъ можно удостовѣриться, обратившись къ статьѣ Литературнаго отдѣла: «Какъ читаются и понимаются разсказы изъ «Записокъ охотника» Тургенева учениками и ученицами народныхъ школъ и грамотными простолюдинами» (№№ 91 и 92).

Х. А.

893) **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.** Біографическій очеркъ. Составилъ Н. Илисскій. (Съ портретомъ Тургенева обыкновеннаго формата). Спб. 1883 г. Ц. 25 к. 31 стр.

---

894) **На память объ И. С. Тургеневѣ.** Спб. 1883 г. 40 стр. (Обыкновеннаго формата).

Въ виду особеннаго интереса, вызваннаго недавней кончиной покойнаго писателя, ко всѣмъ изданіямъ, носящимъ его имя, мы не сочли себя вправѣ обойти молчаніемъ названныя брошюрки, тѣмъ болѣе что каждая изъ нихъ передаетъ болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ И. С. Тургеневѣ.

Но такъ какъ эти свѣдѣнія составляютъ только меньшую часть содержанія обѣихъ брошюрокъ, а большая оказывается посвященной или разбору его литературной дѣятельности, или такимъ подробностямъ изъ жизни И. С. Тургенева, которыя или совершенно недоступны, или неинтересны для простолюдина, то мы и сочли нужнымъ предостеречь отъ пріобрѣтенія этихъ изданій,—вообще нелишенныхъ интереса для всякаго образованнаго читателя и очевидно непредназначавшихся составителями для народнаго чтенія,—для народно-школьной библіотеки.

Е. Г.

Т. Г. Шевченко—см. рец. №№ 848, 849, 850, 851, 852 и 853.

---

895) **Сборникъ. Проза и стихи.** Для солдатскаго чтенія подъ редакціей А. Погоскаго. Книга 2-я. Изд. 2-е. Спб. Изд. Н. Фену и Жуковскаго. 1880 г. Ц. 30 к. 156 стр.

Эта дешевая книга, обладающая многими несомнѣнными достоинствами, въ то же время до такой степени принаровлена въ большей своей части къ извѣстному кругозору, что, конечно, всего интереснѣе будетъ для своихъ настоящихъ читателей - солдатъ, для которыхъ собственно и была составлена. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою, если можно такъ выразиться, специфичность, выражающуюся главнымъ образомъ въ выборѣ произведеній, это изданіе должно читаться и даже съ удовольствіемъ всѣми хорошо-грамотными взрослыми, хотя, можетъ быть, благодаря указанному уже направленію, мужчины прочтутъ его охотнѣе, чѣмъ женщины. Цѣль составленія сборника тоже очень симпатична, почему мы нѣсколько и остановимся на ней.

Проведя параллель между умственной и тѣлесной пищей и разъяснивъ, что чтеніе книгъ можетъ въ одинаковой мѣрѣ приносить какъ пользу, такъ и вредъ,—что всецѣло зависитъ отъ ихъ выбора, — авторъ предисловія, указавъ на Евангеліе, какъ на единственную и лучшую книгу въ мірѣ, совѣтуетъ затѣмъ читать только хорошія книги, достоинства которыхъ опредѣляются обыкновенно именами ихъ авторовъ. А для того, чтобы необразованный, простой человѣкъ имѣлъ хотя нѣкоторую возможность руководить самого себя въ выборѣ чтенія, составители сборника и задались цѣлью познакомить своихъ читателей съ именами этихъ писателей путемъ образцовъ ихъ произведеній и краткихъ жизнеописаній. Насколько удачно выполнена эта задача, мы укажемъ нѣсколько ниже, а теперь замѣтимъ, что, въ видахъ достиженія это очень почтенной цѣли изданія, имъ всего лучше было бы пользоваться, какъ и раньше разобраннымъ «Сборникомъ русскихъ стихотвореній» (см. рец. «Сборникъ П. А—ъ» № 853), т. е., давать въ собственность, для того чтобы онъ могъ въ рукахъ простолюдина быть въ одно и то же время и интереснымъ чтеніемъ, и справочной книгой.

Что же касается до содержанія, то собственно сборникъ, занимающій большую часть книги (129 стр.), составленъ очень разнообразно, такъ какъ въ него вошли почти всѣ виды произведеній, начиная религіозно-нравственными поученіями и кончая народными сказками, баснями Крылова, стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова и многихъ другихъ и отрывками изъ прозаическихъ произведеній Пушкина («Капитанская дочка») и Гоголя («Тарасъ Бульба»). Приведенные образцы сочиненій нашихъ лучшихъ писателей выбраны очень хорошо, такъ что чтеніе сборника можетъ доставить полное удовольствіе.

Но насколько интересно и живо содержаніе этой части книги, настолько сухо и вяло изложеніе 9 жизнеописаній: Жуковскаго, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Никитина, Козлова и Ѳ. Глинки, главнымъ отличіемъ которыхъ является ихъ объемъ, доходящій для нѣкоторыхъ до 5 страницъ, тогда какъ жизнеописаніе Козлова представляетъ всего 8 строкъ, а Ѳ. Глинки—только 6 строкъ.

Въ заключеніе повторимъ, что этотъ сборникъ, какъ и всѣ аналогичные съ нимъ, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не долженъ примѣняться, какъ всѣ другія, такъ называемыя, «Книжки для чтенія», и тѣмъ менѣе можетъ быть употребленъ для ознакомленія съ жизнеописаніями названныхъ писателей.

Е. Г.

---

§ III. Ученые.

а) Русскіе.

М. В. Ломоносовъ — см. рец. №№ 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 853.

Ф. А. Семеновъ—см. рец. 845.

б) Иностранцы.

896) **Знаменитые естествоиспытатели: Линней и Бюффонъ** *) Чтеніе для учащихся старшаго возраста. Сост. В. Н. Маракуевъ. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. (Съ портретомъ Линнея). Москва. 1874 г. Ц. 30 к. 120 стр.

Изъ двухъ помѣщенныхъ въ книжкѣ біографій большею полнотою отличается біографія Линнея. Въ ней довольно подробно описывается дѣтство Линнея, его характеръ и наклонности, его наставники и друзья. Жизнь Линнея, какъ общественная, такъ и семейная, образъ его, — какъ ученаго, какъ человѣка, какъ неутомимаго труженика, посвятившаго всю жизнь изученію природы, наконецъ, какъ учителя, воспитавшаго и увлекшаго за собою толпу геніальныхъ учениковъ и послѣдователей—очерчены съ достаточною полнотою. Въ книжкѣ дается понятіе о состояніи естественныхъ наукъ до Линнея, о томъ, что сдѣлалъ онъ для классификаціи животныхъ и растеній, высказывается критическій взглядъ на его систематику растеній и приводится основаніе для болѣе естественной группировки ихъ Лораномъ Жюсье.

Біографія Бюффона составлена менѣе подробно, но изъ нея, все таки, можно получить довольно ясное представленіе какъ объ ученыхъ заслугахъ этого естествоиспытателя, такъ и о его личности, какъ человѣка.

Составитель этихъ двухъ біографій, очевидно, не имѣлъ въ виду читателей изъ народа и подъ именемъ *учащихся старшаго возраста* разумѣлъ, вѣроятно, воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ дѣйствительно только и можетъ быть понятна и интересна эта книжка какъ по содержанію, такъ и по языку, который вездѣ наученъ, подчасъ даже черезъ-чуръ высокопаренъ и изобилуетъ иностранными словами, именами ученыхъ и названіями ихъ трудовъ, напечатанными на латинскомъ языкѣ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что книгу эту мы не считаемъ возможнымъ рекомендовать въ народную библіотеку.

Н. П.

В. Франклинъ—см. рец. № 863.

Томасъ Эдвардъ—см. рец. №№ 864, 865, 866.

*) Рец. см. «Системат. Обзоръ Русск. Народн. Лит.», стр. 250.

---

§. IV. Художники и музыканты.

а) Русскіе.

897) **Михаилъ Ивановичъ Глинка**. Изданіе Общ. распр. полезн. книгъ. № 352. Москва. 1882 г. Ц. 15 к. 24 стр.

Эта біографія нашего великаго композитора составлена чрезвычайно тепло и задушевно. Въ немногихъ словахъ разсказана жизнь, полная тревогъ, волненій, славы и самыхъ чистыхъ стремленій ко всему высокому, изящному; но вопросъ.—въ силахъ-ли понять и оцѣнить эти стремленія читатели изъ народа,—оставался для насъ открытымъ, пока мы не прочли этой книги группѣ развитыхъ подростковъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ. Не смотря на незнакомыя имъ слова, которыя тутъ же пришлось объяснить, каковы: *опера*, *композиторъ*, *концертъ*, *фантазія*, *импровизаторъ*, *маэстро*. *партитура*, *овація*, къ удивленію нашему біографія эта произвела на нихъ самое хорошее впечатлѣніе. Вотъ какъ передалъ ее въ немногихъ словахъ одинъ изъ слушателей:

— Богъ далъ ему талантъ самому сочи-

нять пѣсни и такія пѣсни, что тысячи народу ими заслушивались. Онъ такъ *увлекся въ музыку*, что забывалъ за нею всѣ другія занятія, и она была ему дороже всего на свѣтѣ. Онъ поѣхалъ въ Италію, но ему тамъ не нравилось; все тянуло домой, все ему русскія пѣсни представлялись. Онъ сочинилъ двѣ оперы: «Жизнь за Царя» и «Русланъ и Людмила». Вся Россія была восторжена оперою «Жизнь за Царя». Прежде только итальянскія сочиненія бывали, а тутъ пошло русское. Глинка такъ любилъ музыку, что даже при кончинѣ въ головѣ его все были музыкальныя мысли.

Если эта біографія, полная незнакомыхъ словъ и даже французскихъ выраженій, производитъ такого рода впечатлѣніе, то въ высшей степени желательно было-бы появленіе біографіи, вполнѣ соотвѣтствующей развитію и подготовкѣ и школьника, и грамотнаго простолюдина.

Вопросы.

Когда жилъ Глинка?
Какъ прошло его дѣтство?
Какія были его любимыя занятія?
Чѣмъ онъ прославился?
Что такое опера?
Какія оперы написалъ Глинка?

Отвѣты на всѣ эти вопросы были получены вполнѣ удовлетворительные, почему мы и считаемъ себя вправѣ рекомендовать эту біографію въ народную библіотеку.

Х. А.

А. В. Ступинъ рец. см. 847.

б) Иностранцы.

898) **Людвигъ фонъ-Бетховенъ**. Книжка для школъ № 174. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1878 г. Ц. 15 к. 26 стр.

---

899) **Паганини**. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 183. Москва. 1879 г. Ц. 15 к. 7 стр.

Обѣ названныя брошюрки вполнѣ аналогичны № 858 и 859, къ рецензіи на которые мы и отсылаемъ читателя.

Вопросы къ біографіи Бетховена:

Кто былъ Бетховенъ и чѣмъ онъ замѣчателенъ?
Какимъ ребенкомъ онъ былъ?
Какъ игралъ онъ въ первый разъ во дворцѣ?
Отчего лучшіе учителя отказались его учить?
Что составляло потомъ несчастье его жизни?

Къ біографіи Паганини:

Кто былъ Паганини?
Какъ жилось ему въ дѣтствѣ?
Чѣмъ онъ прославился?
За что считали его колдуномъ?

Е. Г.

І. Гайднъ—см. рец. № 858.

Антоніо Канова—см. рец. № 859.

---

900) **Моцартъ**. *Изъ дѣтства замѣчательныхъ людей*. (Взято съ нѣмецкаго). Поляровой. Москва. 1874 г. Изд. Левиной и Поляровой. (Съ портретомъ и двумя картинками). Ц. 25 к. 94 стр. маленькаго формата.

Въ названной книжечкѣ очень живо, въ видѣ разсказа, передана біографія Моцарта, по содержанію соотвѣтствующая своему заглавію: «Изъ дѣтства замѣчательныхъ людей».

Составлена она, очевидно, для дѣтей образованныхъ семей, но вполнѣ понимается и хорошо-читающими подростками простолюдинами. Симпатичныя черты характера и необычайные, очень эффектно обставленные успѣхи маленькаго геніальнаго музыканта, какъ намъ приходилось наблюдать, чрезвычайно заинтересовываютъ читателей, благодаря чему книжка читается съ удовольствіемъ. Тѣмъ не менѣе въ народно-школьную библіотеку эта біографія Моцарта можетъ быть допущена только въ видѣ роскоши, какъ совершенно чуждая по своему содержанію нашему деревенскому люду, хотя въ ряду другихъ переводныхъ съ иностраннаго изданій по праву должна занять одно изъ лучшихъ мѣстъ.

Вопросы:

Кто былъ Моцартъ и чѣмъ онъ прославился?
За что называли его въ дѣтствѣ необыкновеннымъ ребенкомъ?
При комъ приходилось ему играть?
Какой характеръ былъ у него и за что его всѣ любили?

Е. Г.

§ V. Біографіи знаменитыхъ людей, не вошедшія въ другія рубрики.

901) **I. Джорджъ Вашингтонъ:** *Біографіи замѣчательныхъ людей.* Составилъ А. П. Мунтъ. Изъ журнала «Дѣтское Чтеніе». (Съ 8-ю отдѣльными рисунками). Спб. 1880 г. Ц. 30 к. 48 стр.

Очень подробно и хорошо составленная біографія, написанная превосходнымъ языкомъ и представляющая чрезвычайно живыя картины изъ частной и общественной жизни этого замѣчательнаго человѣка—«Перваго на войнѣ, перваго въ мирѣ и перваго въ сердцахъ своихъ гражданъ», какъ охарактеризовала его благодарная, имъ освобожденная нація.

Но масса подробностей, касающихся природы Америки, нравовъ и жизни колонистовъ, взаимныхъ отношеній индѣйцевъ, европейцевъ, рабовладѣльцевъ и негровъ-невольниковъ между собой, обширная географическая номенклатура, политическое положеніе англійскихъ колоній передъ ихъ освобожденіемъ, подробности войны за независимость, ссылки на права англійскаго парламента, наконецъ, подробности первоначальнаго внутренняго устройства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ—все это, къ сожалѣнію, не позволяетъ включить эту очень хорошо изданную и дешевую книжку въ число книгъ для народнаго чтенія, такъ какъ при самостоятельномъ чтеніи необразованнымъ и неразвитымъ читателемъ она не можетъ быть понята, въ чемъ убѣдилъ насъ личный опытъ въ воскресной школѣ. *Е. Г.*

Примѣч. Рец. см. «Женское Образованіе» 1880 г. № 9, стр. 610—611.

---

902) **Гуттенбергъ—первый изобрѣтатель книгопечатанія.** Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 250. Изд. 3-е. Москва. 1880 г. (Съ 1 картинкой). Ц. 15 к. 24 стр. обыкновеннаго формата.

Эта брошюрка, очень интересная по содержанію, оказывается по своему изложенію не вполнѣ пригодной для народнаго чтенія, вслѣдствіе отсутствія нѣкоторыхъ необходимыхъ въ читателяхъ этой среды свѣдѣній изъ исторіи среднихъ вѣковъ и географіи Западной Европы. Кромѣ того, для тѣхъ, кто не имѣетъ никакого представленія о современныхъ типографскихъ принадлежностяхъ, подробности изобрѣтенія и усовершенствованія книгопечатанія должны при самостоятельномъ чтеніи представляться тоже не совсѣмъ ясными и отчетливыми.

Имѣя это въ виду, мы прочли названную біографію Гуттенберга ученицамъ воскресной школы, окончившимъ курсъ начальной городской школы, сопровождая чтеніе необходимыми объясненіями и показывая образцы шрифта и модель маленькаго ручного пресса. Благодаря нагляднымъ пособіямъ, брошюрка слушалась съ интересомъ и была вполнѣ удовлетворительно понята.

Основываясь на этомъ и въ виду интереснаго содержанія, позволяемъ себѣ рекомендовать эту брошюрку до появленія другой, болѣе доступной, въ числѣ книгъ, чтеніе которыхъ должно вестись учителемъ или другимъ свѣдущимъ лицомъ, причемъ считаемъ нелишнимъ замѣтить, что несчастія и волненія жизни изобрѣтателя книгопечатанія лучше и глубже поймутся взрослыми, чѣмъ дѣтьми.

Вопросы:

Когда жилъ Гуттенбергъ и кто онъ былъ?

Въ чемъ заключалось изобрѣтеніе книгопечатанія?

Какія книги были до того времени?

Какъ работалъ Гуттенбергъ для своего открытія?

Что составляло несчастія жизни Гуттенберга?

Кто воспользовался славой и выгодами его изобрѣтенія?

Какъ окончилъ Гуттенбергъ свою жизнь?

Когда была упрочена за нимъ слава открытія книгопечатанія? *Е. Г.*

---

903) **Колумбъ.** Изъ «Ясной Поляны», журнала графа Л. Н. Толстаго. Книжка 5-я.

Преимущество этого очерка о Колумбѣ, надъ ниже разобранными заключается не только въ простотѣ языка и изложенія, въ умѣньи автора ввести въ разсказъ множество свѣдѣній, цѣнныхъ для читателя, въ которомъ онъ не предполагаетъ никакой подготовки изъ области исторіи и географіи, но главнымъ образомъ въ планѣ и выборѣ фактическаго матеріала; это не только біографія Колумба, но и культурно-историческій очеркъ. Передъ читателемъ не только самъ Колумбъ

съ его завѣтными мечтами и планами, энергически преслѣдующій намѣченную цѣль, но и невѣжественные современники, относящіеся къ геніальному человѣку съ недовѣріемъ и насмѣшкой и затѣмъ жадно набрасывающіеся на сокровища, имъ открытыя; въ исторіи его путешествій на первомъ планѣ не препирательства съ непокорными моряками-подчиненными, а описаніе «Новаго Свѣта», его природы, жителей. Отношеніе къ туземцамъ европейца-завоевателя, нравы и міровоззрѣнія дикарей очерчены рельефно. Всѣ эти подробности не только не мѣшаютъ полнотѣ біографіи, а, напротивъ, ярче освѣщаютъ гуманную, благородную личность Колумба, на котораго такъ мало походили слѣдовавшіе по его стопамъ корыстолюбивые завоеватели, приносившіе съ собой гибель и опустошеніе въ тѣ страны Новаго Свѣта, куда вступали европейцы. Жаль, что въ этомъ превосходномъ очеркѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ничего не говорится въ заключеніе о дальнѣйшей судьбѣ открытаго Новаго Свѣта, объ отношеніяхъ его къ Старому. Нерѣдко отъ самихъ читавшихъ приходилось слышать вопросы о томъ, кому стала потомъ принадлежать Америка и какія тамъ стали государства. Другіе, пересказавъ содержаніе очерка, добавляли: «это та самая Америка, въ которой жилъ Гарфильдъ», или: «потомъ европейцы стали перевозить туда негровъ-невольниковъ; я это читала въ книгѣ о дядѣ Томѣ».

Этотъ разсказъ о Колумбѣ читается съ величайшимъ интересомъ какъ взрослыми, такъ и неокончившими еще школу читателями.

Вопросы:

Когда жилъ Колумбъ и чѣмъ онъ прославился?

Отчего пришла Колумбу охота путешествовать по морю?

Что навело его на мысль, что за моремъ есть страны иныя, чѣмъ его родина?

Почему Колумбу было такъ трудно достать денегъ на путешествіе?

Что увидѣлъ Колумбъ въ той землѣ, куда пріѣхалъ?

Какъ обращался Колумбъ съ дикими людьми?

Почему Колумбъ не получилъ за свое открытіе ни славы, ни богатства и почему имъ открытый новый материкъ не былъ названъ его именемъ? *А. И.*

---

904) **Люди труда и сильной воли. Христофоръ Колумбъ.** Е. Григоровой. (Со снимкомъ съ картины пр. Айвазовскаго.) Изд. ред. журнала «Родникъ». Спб. 1883 г. Ц. 30 к. 63 стр.

Кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ біографіи Колумба читатель найдетъ въ этой книжечкѣ интересныя свѣдѣнія объ американскомъ материкѣ, привезенныя въ Европу предшественниками Колумба въ XI столѣтіи, отважными мореходцами-норманами, которые не только посѣтили Гренландію и сѣверо-восточныя побережья американскаго материка, но углублялись и на югъ, во внутрь страны, основывали тамъ поселенія и заводили торговыя сношенія съ краснокожими туземцами.

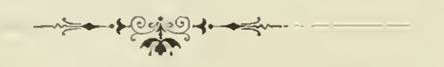
Біографія Колумба и исторія его путешествій изложены очень живо. Очевидно авторъ имѣлъ въ виду читателей, хорошо владѣющихъ литературнымъ языкомъ и знакомыхъ съ исторіей и географіей, а потому не избѣгалъ терминовъ, названій и литературныхъ оборотовъ, которые въ книгѣ для народнаго чтенія совершенно невозможны. Признавая книгу очень интересной и полезной для учителя, не рѣшаемся, въ виду перечисленныхъ выше трудностей, рекомендовать очеркъ г-жи Григоровой для школьной или народной библіотеки. *А. И.*

---

905) **Христофоръ Колумбъ.** Изд. Общества распр. пол. книгъ № 189. Москва 1879 г. Ц. 20 к. 48 стр.

Очеркъ этотъ, не отличающійся особенными достоинствами, предназначенъ для читателей, знакомыхъ со всеобщей исторіей, а потому въ народной библіотекѣ неумѣстенъ. *А. И.*

Примѣч. Рец. см. «Народн. и Дѣтская Библіотека» 1879 г. № 5, стр. 142. «Женское Образованіе» 1879 г. № 8, стр. 535—537.



УКАЗАТЕЛЬ,

распредѣляющій книги Біографическаго отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей *).

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
821	«Стихотворенія А. В. Кольцова». Изд. Солдатенкова					п.	п.
822	«Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія»						
823	«Ясная зоренька». Иллюстр. хрестоматія. «Пѣсни русскаго народа и Кольцова». Состав. Горемыкинъ				п.	п.	
824	«Заря». Иллюстр. хрестом. «Пѣсни русск. народа и Кольцова». Сост. Горемыкинъ .					п.	п.
825	«Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ». А. И. Николича						п.
826	«Кольцовъ и его пѣсни». М. Парунова . .				п.	п.	
827	«Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, народный стихотворецъ»						
828	«Нижегородскій механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ». И. Ремезова . . .					п.	п.
829	«Кулибинъ, механикъ-самоучка»						п.
830	«Иванъ Петровичъ Кулибинъ, механикъ-самоучка». Ѳ. Е. Короткова						п.
831	«Кулибинъ, русскій механикъ-самоучка». Изд. журн. «Досугъ и Дѣло»						п.
832	«Механикъ-самоучка И. П. Кулибинъ». Состав. Е. Ф. Николаева						п.
833	«Люди труда и сильной воли». «И. П. Кулибинъ, русскій механикъ-самоучка». Е. Н. Александровой					п.	п.
834	«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ» В. М. Сорокина				п.	п.	п.
835	«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ». А. Филонова					п.	п.
836	«Разсказы о Ломоносовѣ». В. Новаковскаго.					п.	п.
837	«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ». Діодора Васильева						п.
838	«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ». Изд. журн. «Досугъ и Дѣло»					п.	п.

*) Буква п. обозначаетъ, что книга пригодна для указаннаго въ графѣ возраста.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
839	«Ломоносовъ». Ольги Пономаревой. . .						
840	«Избранныя соч. Ломоносова въ стихахъ и прозѣ». Изд. Суворина.						
841	«Народные поэты и пѣвцы». Изд. журнала «Грамотѣй».						п.
842	«Ясная Зоренька». Иллюстр. хрестоматія. Стихотворенія Никитина и Некрасова. Сост. Горемыкинъ					п.	п.
843	«Заря». Иллюстр. хрестом. Никитинъ и Некрасовъ. Сост. Горемыкинъ					п.	п.
844	«Иванъ Савичъ Никитинъ, народный поэтъ»					п.	п.
845	«Курскій астрономъ-самоучка, Өедоръ Алексѣевичъ Семеновъ». Соч. П. Ремезова . .					п.	п.
846	«Өедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ». Соч. П. Ремезова					п.	п.
847	«Арзамасскій мѣщанинъ иконописецъ Александръ Васильевичъ Ступинъ». П. Ремезова					п	п.
848	«Тарасъ Григорьевичъ Шевченко». В. П. Маслова					п.	п
849	«Тарасъ Григорьевичъ Шевченко». Изд. журн. «Мірской Вѣстникъ»					п.	п.
850	«Шевченко. Его жизнь и сочиненія». Ф. М. Пискунова						
851	«Тарасъ Григорьевичъ Шевченко». Состав. А. Т—ый						
852	«Поминки Тараса Григорьевича Шевченка 25-го февраля 1879 года въ Одессѣ». Сост. А. Т.						
853	«Сборникъ русскихъ стихотвореній». Сост. П. А—ъ					п.	п.
854	«Разсказы о русскихъ самоучкахъ: Волосковъ, Нечаевъ, Сычевъ, Сабуровъ, Замысловъ». Сост. В. Г. Величкинъ.					п.	п.
855	«Русскія народныя знаменитости: I. Терентій Ивановичъ Волосковъ. II. Проблески народнаго ума»						
856	«Русская смѣкалка, или хоть кафтанъ у русскаго мужика сѣръ, а умъ то вѣдь не волкъ съѣлъ». Разсказы дяди Пахома . .				п.	п.	п.
857	«Русскіе самоучки, или русскій человѣкъ на всѣ руки гораздъ и любаго нѣмца за поясъ заткнетъ»				п.	п.	п.
858	«Іосифъ Гайднъ»				п.	п.	п.
859	«Антоніо Канова».				п.	п.	п.
860	«Люди труда и сильной воли. — Жизнь Джемса Гарфильда». Е. А. Сысоевой . .					п	п.
861	«Давидъ Ливингстонъ»						
862	«Георгъ Стифенсонъ, изобрѣтатель паровозовъ»					п.	п.
863	«Веніаминъ Франклинъ». А. Хребтова . .					п.	п.
864	«Неутомимый труженикъ Томасъ, натуралистъ по призванію»					п.	п.
865	«Труженики. Замѣчат. башмачникъ Томасъ Эдвардъ».					п.	п.
866	«Замѣчат. работникъ.—Жизнь башмачника-натуралиста Томаса Эдварда». А. Н. Канаева				п.	п.	

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
867	«Герои труда: Модлей, Стефенсонъ, Фербернъ, Нэсмитъ						
868	«Очеркъ жизни Гавріила Романовича Державина»						
869	«Θедоръ Михайловичъ Достоевскій. — Біографія. — Его сочиненія. — Послѣднія минуты его жизни. — Проводы тѣла, похороны его»						п.
870	«Θедоръ Михайловичъ Достоевскій». Изд. журн. «Записки Учителя»						
871	«Для народнаго чтенія. — Василій Андреевичъ Жуковскій»					п.	п
872	«Чтеніе для народа. (Сельск. хрестоматія). Вып. 3-й. В. А. Жуковскій». Сост. Н. Θ. Сумцовъ				п.	п.	п.
873	«Очерки жизни и соч. Жуковскаго». П. Басистова						
874	«Дѣдушка Крыловъ». А. Филонова					п.	п.
875	«Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова». В. Золотова					п.	п.
876	«Избранныя басни Крылова»						
877	«Русская басня въ жизнеописан. ея главн. представителей». Е. Д. Желябужскаго . .						
878	«Дѣдушка Крыловъ». Эспера Лѣскина . .						
879	«Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ». М. А. Орлова						
880	«Чтеніе для народа. (Сельск. хрестомат.). Вып. 5-й. Л. А. Мей. Графъ А. К. Толстой». Сост. Н. Θ. Сумцовъ.					п.	п.
881	«Чтеніе для народа. Вып. 2-й. Н. А. Некрасовъ». Сост. Н. Θ. Сумцовъ.						
882	«Душа поэта». «Біографія Н. А. Некрасова». Сост. Горемыкинъ						
883	«Чтеніе для народа. Вып. 4-й. Я. П. Полонскій». Сост. Н. Θ. Сумцовъ				п.	п.	п.
884	«Поэтъ Пушкинъ». Сост. А. Филоновъ . .					п	п.
885	«Очеркъ жизни Александра Сергѣевича Пушкина». Сост. П. Рассадинъ					п.	п.
886	«Біографич. очерки. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ».—В. Новаковскаго . . .						
887	«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, замѣчат. русскій поэтъ и писатель»				п.	п.	п.
888	«Дѣтство Александра Сергѣевича Пушкина».						
889	«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ Его жизнь и сочиненія»						
890	«Чтеніе для народа. Вып. 1-й. А. С. Пушкинъ». Сост. Н. Θ. Сумцовъ						
891	«Литератури. дѣтск. библіотека». Томъ I. «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и его сочиненія»						
892	«Тургеневъ о русскомъ народѣ»					п.	п.
893	«Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ». Сост. Н. Плисскій						
894	«На память объ И. С. Тургеневѣ» . . .						
895	«Сборникъ. Проза и стихи». Изд. подъ ред. А. Погоскаго						
896	«Знаменитые естествоиспытатели: Линней и Бюффонъ». Сост. В. И. Маракуевъ . .						

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
897	«Михаилъ Ивановичъ Глинка»					п.	п.
898	«Людвигъ фонъ-Бетховенъ»				п.	п	п.
899	«Паганини»				п.	п.	п.
900	«Изъ дѣтства замѣчат. людей. Моцартъ». Сост. Полярова					п.	
901	«Біогр. замѣч. людей. — Джорджъ Вашингтонъ». Сост. А. Мунтъ						
902	«Гуттенбергъ, первый изобрѣтатель книгопечатанія»					п.	п.
903	«Колумбъ». (Изъ «Ясной Поляны», журн. Л. Н. Толстаго, кн. 5-я)					п.	п.
904	«Люди труда и сильной воли: Христофоръ Колумбъ». Е. Григоровой						
905	«Христофоръ Колумбъ»						

VI.

ОТДѢЛЪ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

VI. ОТДѢЛЪ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

(ГЕОГРАФІЯ ФИЗИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭТНОГРАФІЯ).

Въ нашей бѣдной вообще народной литературѣ недостатокъ хорошихъ книгъ даетъ себя особенно чувствовать въ отдѣлѣ географіи и этнографіи. Изъ 118 разобранныхъ нами книгъ лишь 16 могли быть названы нами вполнѣ отвѣчающими цѣли, 52—полезными лишь отчасти и 60—должны были быть признаны безполезными или даже вредными по совершенной недоступности языка и содержанія или невѣрности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній. Мы не позволяли себѣ голословно высказывать свои осужденія: приводимыя изъ разбираемыхъ книгъ выдержки и дѣлаемыя нами указанія даютъ полную возможность читателю провѣрить сказанное нами.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору книгъ по географіи и этнографіи, считаемъ необходимымъ выяснить тѣ требованія, какія, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ предъявлять къ книгѣ, предназначенной не для зубренія, а для ознакомленія съ природой и жизнью человѣка въ различныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества и за предѣлами его,—читателя, не проходившаго курсовъ географіи и исторіи, но обладающаго нѣкоторымъ жизненнымъ опытомъ, практическимъ знаніемъ своей среды, окружающей его природы, чуткаго къ вопросамъ экономическимъ и общественнымъ, къ той формѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какими они предлагались ему не всегда толковымъ, но неподкупнымъ, суровымъ учителемъ—самою дѣйствительностью. Вотъ эти требованія и основанія для нихъ:

Фактическій матеріалъ, положенный въ основу описанія, долженъ быть научно провѣренъ, согласенъ дѣйствительности, разнообразенъ, для того, чтобы само описаніе заключало полное, всестороннее изображеніе жизни, соотвѣтствующее серьезному взгляду на жизнь самого читателя—народа. Жизнь для него—не наслажденіе, а трудъ и долгъ, непрерывная борьба съ природой, отъ умѣнья пользоваться которой зависитъ его благосостояніе (это онъ понимаетъ и умѣетъ отличить ея значеніе отъ иныхъ силъ, также вліяющихъ на его

благополучіе). Слѣдовательно, ядромъ описанія должно быть изображеніе этой борьбы,—т. е. свѣдѣнія о томъ, чѣмъ и какъ кормитъ себя человѣкъ,—а затѣмъ уже должно слѣдовать описаніе его нравовъ, вѣрованій, забавъ и т. д.

Тонъ разсказа долженъ быть серьезенъ, что вовсе не исключаетъ остроумія, юмора, которые такъ свойственны самому народу. Не о нихъ мы и говоримъ, а о томъ легкомысленномъ тонѣ разсказчика, который такъ часто встрѣчается въ описаніяхъ, предназначенныхъ для любителей легкаго чтенія, въ книгахъ, предлагающихъ своимъ досужимъ читателямъ *пріятное съ полезнымъ*. Читатель-простолюдинъ не обладаетъ большимъ досугомъ; часто чтеніе для него—только трудъ,—трудъ, за который онъ принимается съ охотой, ища въ немъ знаній, рѣже—развлеченія. Предлагать ему то же, что скучающей публикѣ—просто насмѣшка, непростительная ошибка. Пословица, поговорка, народный анекдотъ, преданіе, пѣсня—самый желанный элементъ въ дѣловомъ матеріалѣ фактовъ и отвлеченныхъ объясненій. Дѣло—въ выборѣ. Народный юморъ и пошлое зубоскальство, науськиванье—вещи разныя.

Описанія изъ области географіи и этнографіи имѣютъ цѣлью сообщеніе свѣдѣній о массѣ незнакомыхъ предметовъ, начиная отъ особенностей природы во всемъ разнообразіи ея явленій, особенностей флоры и фауны, и кончая человѣкомъ, т. е. описаніемъ его бытовой обстановки, національныхъ особенностей и международныхъ отношеній. Задача трудная: приходится *словомъ* замѣнить сумму разнообразнѣйшихъ впечатлѣній зрѣнія, слуха и другихъ чувствъ, изъ которыхъ получается понятіе о незнакомомъ предметѣ при непосредственномъ наблюденіи его. *Слово не можетъ замѣнить* реальныхъ впечатлѣній,—въ этомъ его безсиліе, а сила его—въ томъ, что оно можетъ во всякое время вызвать въ душѣ читающаго представленія, полученныя имъ путемъ непосредственныхъ воспріятій. На суммѣ-то этихъ личныхъ наблюденій, накопившихся въ душѣ читателя, и должно строиться ознакомленіе съ неизвѣстнымъ—путемъ чтенія. Въ каждой элементарной педагогикѣ красуется правило: отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, но—увы! какъ рѣдко соблюдается оно! Большинство этнографическихъ и географическихъ очерковъ, которые мы разбираемъ ниже, служатъ для этого самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ. Какъ часто приходится встрѣчать описаніе неизвѣстнаго, построенное на цѣломъ рядѣ такихъ же неизвѣстныхъ для читателя представленій и понятій. Такое описаніе, прочитанное читателемъ, обладающимъ хорошею памятью, можетъ быть бойко пересказано. Но можно ли это повтореніе памятью удержанныхъ словъ

принять за доказательство того, что предметъ описанія дѣйствительно понятъ? Такъ повторяемыя слова можно сравнить съ заглавіями книгъ, одно знаніе которыхъ не ведетъ ни къ чему. Въ книжныхъ лавкахъ встрѣчаются мальчики, знающіе заглавія массы научныхъ сочиненій, имѣющихся въ продажѣ. Но вѣдь никто же по бойкому выкрикиванью мальчикомъ заглавій книгъ не сочтетъ его знакомымъ и съ содержаніемъ называемыхъ сочиненій. Не то же ли и здѣсь?

Для ознакомленія съ неизвѣстными предметами изъ области географіи и этнографіи въ распоряженіи поучающаго три способа: рисунокъ, описаніе дѣловое и описаніе художественное. Значеніе каждаго изъ этихъ способовъ различно. Художественное описаніе является всегда прекраснымъ дополненіемъ къ дѣловому описанію, но не можетъ служить для перваго ознакомленія съ предметомъ; такъ напр., стихотвореніе Пушкина «Кавказъ» поймется вполнѣ только человѣкомъ, знакомымъ съ климатическими измѣненіями въ вертикальномъ направленіи.

Описаніе дѣловое является самымъ важнымъ изъ указанныхъ способовъ, такъ какъ оно удобнѣе другихъ совмѣщаетъ всѣ свѣдѣнія, которыя желательно передать; но оно должно быть *прочувствовано* читателемъ, а можетъ быть прочувствовано только въ томъ случаѣ, если вступитъ въ связь съ родными для него картинами; привести же эту связь и составляетъ основную задачу автора-педагога. Возьмемъ, напримѣръ, описаніе моря. Оно будетъ различно воспринято жителемъ лѣсовъ, жителемъ побережья, озера или рѣки: первый пойметъ прежде всего безграничность моря по сходству съ ширью родныхъ степей; житель лѣсовъ прочувствуетъ дѣловое описаніе моря не только по воспоминаніямъ о ревѣ вѣтра въ лѣсу, но и по законамъ противоположности, сопоставляя свой узко-ограниченный лѣсомъ горизонтъ съ безпредѣльной широтой морскою; жителю же побережья будетъ легче, чѣмъ другимъ читателямъ, представить себѣ море бушующимъ—по сравненію съ волнующейся поверхностью знакомаго озера или рѣки. Изъ сказаннаго видно, что всякаго читателя можно знакомить съ описаніемъ моря, лишь бы только авторъ умѣлъ, предлагая новое, вступить въ слѣды, оставленные въ сознаніи жизнью читателя.

Но ни дѣловое, ни художественное описаніе не можетъ замѣнить по силѣ, ясности и прочности впечатлѣнія рисунка; этотъ же послѣдній получаетъ свое настоящее значеніе только въ томъ случаѣ, если одухотворяется живымъ словомъ книги.

Этими соображеніями и руководствовались мы при разборѣ книгъ по географіи и этнографіи.

Во вступленіи къ Историческому отдѣлу мы указали на тотъ минимумъ свѣдѣній изъ географіи, который долженъ быть сообщенъ начальной школой, для того чтобы облегчить читателю изъ народной среды дальнѣйшее пріобрѣтеніе свѣдѣній изъ этой области путемъ чтенія.

А. К.

Книги, разбираемыя въ этомъ отдѣлѣ, подраздѣляются слѣдующимъ образомъ:

I. Общія свѣдѣнія.

II. Россія.

A) **Европейская Россія.**

1) *Сѣверный край.*
2) *Финляндія.*
3) *Прибалтійскій край.*
4) *Центральныя губерніи и Поволжье.*
5) *Польша.*
6) *Малороссія и Новороссія.*
7) *Бѣлоруссія и Литва.*
8) *Уралъ.*
9) *Крымъ.*
10) *Кавказъ.*

B) **Азіатская Россія.**

III. Иностранныя государства.

IV. Путешествія.

Въ концѣ отдѣла помѣщенъ «Указатель», распредѣляющій книги этого отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей.

I. ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

906) **Земля и что на ней есть.** Географія для самообученія. Спб. 1862 г. Ц. 6 к. 36 стр.

Эта очень коротенькая географія, не смотря на то, что назначена, очевидно, для народнаго употребленія, не удовлетворяетъ своему назначенію. Въ ней даются понятія о шаровидности и величинѣ земли, о суточномъ и годовомъ движеніи ея и о перемѣнахъ, зависящихъ отъ этихъ движеній; о распредѣленіи суши и воды на земной поверхности; о раздѣленіи суши на материки и острова и воды—на океаны и моря съ названіями какъ тѣхъ, такъ и другихъ; о холодныхъ и жаркихъ странахъ и т. д.

Хотя книжка очень небольшаго объема, но сокращеніе ея произошло не на счетъ менѣе необходимыхъ свѣдѣній, а наоборотъ. Рядомъ съ ненужными упоминаніями о происхожденіи миѳовъ о Фавнѣ и Фениксѣ, имена которыхъ вовсе не такъ популярны, чтобы стоило упоминать о нихъ, многія свѣдѣнія, которыя, будучи разъ затронуты, требуютъ чрезвычайно подробнаго и яснаго изложенія,—какъ напр., о градусахъ и меридіанахъ,—сообщаются такъ кратко и поспѣшно, что изъ нихъ ровно ничего нельзя понять.

Языкъ—поддѣлка подъ народный, но выдержанъ не вездѣ; мѣстами прорывается обыкновенный литературный языкъ съ довольно трудными научными оборотами, вслѣдствіе чего поддѣлка выступаетъ очень рельефно.

Въ виду всего сказаннаго не считаемъ книгу полезной для читателей изъ народной среды. *Н. П.*

Примѣч. См. рец. «Учитель» 1866 г., стр. 891.

---

907) **Самыя холодныя и самыя жаркія страны земнаго шара съ ихъ природой и жителями.** Ѳ. Чекалина. Москва. 1865 г. Ц. 10 к. 57 стр.

Хотя въ заглавіи книжки и обозначено «для начинающихъ», но она предполагаетъ уже въ читателѣ нѣкоторыя географическія свѣдѣнія, такъ какъ на первыхъ же страницахъ книги напоминаетъ о мысленной земной оси, о полярныхъ, экваторіальныхъ и промежуточныхъ странахъ.

Этими, впрочемъ, немногими словами исчерпываются почти всѣ затрудненія для начинающихъ.

Далѣе разсказывается въ короткихъ словахъ о климатѣ, флорѣ и фаунѣ около полярныхъ и тропическихъ странъ, о характерѣ и образѣ жизни эскимосовъ, таитянъ, сандвичанъ и бушменовъ.

Факты интересны, изложеніе довольно простое и живое, хотя и не отличается особенною полнотою; можетъ читаться безъ затрудненій оканчивающими или окончившими начальную школу.

Вопросы:

Какіе дни и ночи бываютъ въ очень холодныхъ странахъ?

Какова растительность и отчего она бѣдна?

Могутъ ли тамошніе жители работать въ продолженіе своей длинной ночи, и что помогаетъ имъ въ этомъ?

Описать характеръ и образъ жизни эскимосовъ, занятіе и пищу зимой и лѣтомъ.

Какова жизнь ихъ женщинъ?

Какой вѣры эскимосы?

Какъ чувствовали себя эскимосы, привезенные въ наши страны?

Какія времена года бываютъ въ жаркомъ поясѣ?

Много ли трудится тамъ человѣкъ для прокормленія себя?

Разсказать объ одеждѣ, жилищѣ, характерѣ и образѣ жизни таитянъ, о ихъ орудіяхъ.

Какая разница замѣчается въ характерѣ жителей холодныхъ и жаркихъ странъ?

Можно ли завидовать жителямъ жаркихъ странъ, и почему нельзя?

Н. П.

---

908) **Природа—мать народа.** Надежды Шведовой. Одесса. 1879 г. Ц. 75 к. 83 стр.

909) **Изъ физической географіи.** Разсказы для дѣтей. Ея же. Одесса. 1873 г. Ц. 1 р. 109 стр.

Обѣ книги прекрасны по содержанію и по изложенію. Въ первой книжкѣ во введеніи объясняется, что значитъ характеръ страны и какія условія принимаются во вниманіе при опредѣленіи характера какой-нибудь мѣстности. Затѣмъ слѣдуетъ живое и довольно подробное описаніе наиболѣе типичныхъ мѣстностей Россіи: тундръ, Черноморскихъ и Киргизскихъ степей, Кавказа, какъ представителя горной страны въ Россіи, Финляндіи, какъ страны, изобилующей озерами. Только для характеристики пустынь, не имѣющихъ своего представителя въ Россіи, описана Сахара.

Въ заключительной главѣ объясняется, какое вліяніе имѣетъ характеръ страны на занятія, образъ жизни и характеръ жителей.

Во второй книжкѣ, въ формѣ бесѣдъ то матери съ дѣтьми, то учителя съ учениками, разсказывается о вулканахъ, о томъ, откуда и какимъ образомъ появились гранитные валуны, попадающіеся на поляхъ; о дождѣ и снѣгѣ, о ледникахъ, ручьяхъ и рѣчкахъ, моряхъ и океанахъ, о различныхъ вѣтрахъ, дующихъ въ различныхъ странахъ.

Какъ первая, такъ и вторая книги требуютъ хорошаго знакомства съ географическими картами: первая—Россіи, а вторая—всѣхъ частей свѣта. Обѣ книжки снабжены прекрасными рисунками и могутъ служить очень хорошими пособіями при изученіи дѣтьми первыхъ уроковъ географіи. *Для простолюдиновъ же чтеніе ихъ можетъ представлять значительное затрудненіе* вслѣдствіе обилія географическихъ именъ и незнакомства съ картами всѣхъ частей свѣта.

Вопросы къ первой книгѣ могутъ быть слѣдующіе:

Въ какихъ мѣстахъ среди пустыни можетъ жить человѣкъ?

Чѣмъ отличаются эти мѣста?

Какія растенія и животныя встрѣчаются въ пустыняхъ?

Разсказать о тундрахъ, ихъ обитателяхъ.

Какія степи есть въ Россіи?

Какіе народы живутъ въ Россіи и чѣмъ занимаются?

Каковъ климатъ и природа на Кавказѣ? Чѣмъ изобилуетъ? Занятія людей?

Во второй книжкѣ послѣ каждой главы находятся вопросы, составленные авторомъ, которыми и можно руководствоваться.

Н. П.

---

910) **Человѣкъ и природа.** (Съ 64 рисунками). Спб. 1881 г. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Ц. 50 к. 278 стр.

Названная книга—сборникъ очерковъ, ранѣе изданныхъ редакціей журнала «Досугъ и Дѣло» отдѣльными брошюрами. Очерки эти слѣдующіе: 1) Равнины и степи. 2) Луговыя и песчаныя степи. 3) Горы и горная природа. 4) Вулканы и землетрясенія. Такъ какъ не всѣ очерки, вошедшіе въ сборникъ, желательны въ народной библіотекѣ, то ему слѣдуетъ предпочесть брошюры, что́ даетъ возможность выбора, дешевле и удобнѣе для читателей, чѣмъ объемистая книга.

Подробный разборъ брошюръ помѣщаемъ ниже.

А. К.

Примѣч. См. рец. «С.-Петербургскія Вѣдом.» 1873 г. № 143. «Одесскій Вѣстн.» 1873 г. № 89.

---

911) **Равнины и пустыни.** Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1877 г. Ц. 15 к. 40 стр.

На первыхъ 12-ти страницахъ книги находится крайне неудачная попытка ознакомить читателей съ математической географіей и градусной сѣткой. Свѣдѣнія эти и при хорошихъ пособіяхъ, и при толковыхъ объясненіяхъ учителя усваиваются съ трудомъ; въ такой же формѣ въ книгѣ безъ чертежей сообщать ихъ совершенно невозможно. Сообщивъ о разныхъ видахъ поверхности земной, авторъ переходитъ къ описанію равнинъ, начинаетъ съ сѣвера, съ мерзлой пустыни. Описаніе тундры, самоѣдовъ, лопарей заимствовано у Максимова. О сѣверномъ краѣ имѣются лучшіе очерки, а потому эта книга безполезна въ народной библіотекѣ.

А. К.

---

912) **Луговыя и песчаныя степи.** Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1877 г. Ц. 20 к. 56 стр.

Въ этомъ второмъ очеркѣ описываются ужъ равнины умѣреннаго и жаркаго поясовъ: прэріи и ихъ обитатели—индѣйцы; льяносы въ дождливое и сухое время года; Киргизскія степи, пустыня Сахара, оазисы, арабы, верблюдъ. Описанія содержательны и интересны.

Въ книгѣ нѣсколько очень недурныхъ картинокъ—«Индѣйскіе колдуны», «Деревня индѣйцевъ», «Караванъ въ степи» и друг. Къ сожалѣнію, языкъ недостаточно простъ, а потому книга можетъ читаться лишь развитыми, освоившимися съ литературнымъ языкомъ читателями.

Вопросы:

Опишите степь въ Америкѣ,—*льяносы* въ сухое и дождливое время.

Разскажите объ индѣйцахъ, живущихъ въ степяхъ Сѣв. Америки.

Какія водятся тамъ животныя?

Разскажите о пустынѣ Сахарѣ и арабахъ.

Что такое оазисъ, караванъ?

Какое животное такъ-же необходимо въ жаркой пустынѣ, какъ олень—въ пустынѣ мерзлой?

А. К.

---

913) **Горы и горная природа.** (Съ 11 рисунками). Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1878 г. Ц. 20 к. 84 стр.

Содержаніе книжки: Общее понятіе о горахъ. Горные потоки и обвалы. Снѣжныя мятели. Лавины. Горныя дороги и пріютные монастыри. Растительный и животный міръ въ горахъ. Жители горныхъ деревень. Жизнь горныхъ пастуховъ. Охотники въ горахъ. Снѣжныя горныя вершины.

Авторъ очень живо изображаетъ жизнь въ горахъ, рисуетъ образъ горнаго жителя и всю массу невзгодъ, съ которыми ему приходится бороться. Въ текстѣ 11 очень недурныхъ рисунковъ; безъ нихъ житель равнины не могъ бы себѣ представить природу, совершенно противоположную той, къ которой онъ привыкъ съ дѣтства. Не смотря на популярное изложеніе, книжка, по содержанію своему, можетъ быть понята только окончившими курсъ народной школы или имѣющими приблизительно свѣдѣнія въ объемѣ «Книги для чтенія» Водовозова и «Дѣтскаго Міра» Ушинскаго.

Вопросы:

Почему на одной и той же горѣ мы можемъ встрѣтить различный климатъ и различную растительность?

Какія несчастія случаются съ горными жителями? (Мятели, обвалы, лавины).

Почему затруднительны путешествія въ горахъ?

Для чего устраиваются монастыри въ горахъ?

Что читали вы о Санъ-Бернардскихъ собакахъ?

Опишите извѣстныя вамъ горы въ Россіи?

А. И.

Вулканы и землетрясенія. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. (См. отд. «Естествознаніе»).

914) **По бѣлу свѣту.** («Наша Библіотека»). А. Острогорскаго. (Съ 9-ю недурными картинками). Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 205 стр.

Заглавіе книги «По бѣлу свѣту» какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ содержанію 18-ти разсказовъ, предлагаемыхъ Острогорскимъ.

Авторъ переноситъ вниманіе читателя въ далекія страны юга и сѣвера, въ другія части свѣта и знакомитъ его съ различными явленіями тамошней природы, столь непохожей на нашу, русскую. Описывая то одну часть свѣта, то другую, выбирая явленія болѣе выдающіяся и способныя заинтересовать читателя, авторъ не придерживается особенной системы.

Говоря объ Африкѣ, онъ описываетъ африканскую степь, опустошительный вѣтеръ самумъ, оазисы, путешествія на верблюдахъ, рытье колодцевъ въ степи, разведеніе пальмъ и другихъ растеній въ тѣни пальмовыхъ рощъ.

Изъ природы Америки описываются пожаръ въ степи, дѣвственные лѣса Южной Америки по берегамъ Амазонской рѣки, состояніе лѣса и его четвероногихъ и пернатыхъ обитателей во время урагана и водопадъ Ніагара. Разсказы объ Америкѣ авторъ заканчиваетъ историческимъ обзоромъ Сѣверной Америки. Въ короткомъ очеркѣ изображены: трудовая жизнь первыхъ европейскихъ переселенцевъ, недоразумѣнія ихъ съ метрополіей, борьба за независимость, личность Вашингтона и образованіе Соединенныхъ Штатовъ.

Переходя къ Европѣ, авторъ знакомитъ съ географическимъ положеніемъ Голландіи, съ характеромъ жителей, терпѣливо отвоевывающихъ свою страну отъ напора морскихъ волнъ.

Разсказъ этотъ «На голландскихъ плотинахъ» интересенъ менѣе другихъ вслѣдствіе сухости изложенія. Разсказы о горной альпійской области прочитаются съ большимъ интересомъ. Описаніе горной природы—обваловъ, потоковъ воды, снѣжныхъ глыбъ, горныхъ ледниковъ, оживляется очень недурными картинками. Авторъ знакомитъ также чи-

тателя съ жизнью горцевъ, съ ихъ охотою за быстроногими сернами. Особенно интересно описаніе восхожденія ученыхъ на снѣжныя вершины въ область вѣчнаго льда, гдѣ они подвергаются столькимъ опасностямъ и разстраиваютъ здоровье въ разрѣженномъ, холодномъ воздухѣ. Къ разсказамъ о горной альпійской области можно присоединить описаніе пещеръ, ихъ возникновенія отъ колебанія земной коры и статью о подземныхъ водахъ, о подводныхъ вулканахъ, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ постепенное пониженіе и повышеніе дна морскаго.

Нѣсколько слѣдующихъ разсказовъ посвящено описанію дальняго сѣвера съ его ледяными плавучими массами, съ его тундрами и быстроногими оленями, друзьями самоѣдовъ. Въ концѣ книги помѣщено описаніе маяка и его назначенія.

Для отчетливаго усвоенія прочитаннаго необходимо нѣкоторое знакомство съ физической географіей. Руководствуясь тѣмъ, что каждая хорошо организованная сельская школа даетъ элементарныя свѣдѣнія по географіи, книгу эту можно рекомендовать для чтенія старшихъ, болѣе развитыхъ учениковъ. Она можетъ также служить хорошей подмогой учителю при объясненіи статей изъ книгъ Водовозова и Ушинскаго. Знакомство съ другими странами, съ явленіями природы, столь чуждыми русскому простолюдину, будетъ имѣть развивающее и благотворно освѣжающее вліяніе на читателя.

Вопросы:

Что такое пустыня, оазисъ и миражъ?

Что такое дѣвственный лѣсъ?

Почему Голландія, постоянно подверженная морскимъ наводненіямъ, обратилась въ плодородную страну?

Что такое горный обвалъ?

Что такое ледникъ?

Что заставляетъ ученыхъ подвергаться опасностямъ, поднимаясь на высокія горы? (Любознательность).

Почему нѣкоторыя животныя, живущія внутри земли, лишены зрѣнія? (Протей).

Назовите знакомое вамъ животное, также лишенное зрѣнія. (Кротъ).

Что такое тундра?

Что такое маякъ? *А. Г.*

Примѣч. См. рец. «Семья и Школа», стр. 401; «Педагог. Музей» 1876 г. № 10, стр. 595; «Систематич. Обзоръ Русской Народно-Учебной Литературы», стр. 581; «Дѣтскій Садъ» 1876г., № 10, стр. 497—498 и 1874 г. стр. 580—581.

---

915) **О пещерахъ, соляныхъ и каменно-угольныхъ копяхъ.** Общедоступное чтеніе. Спб. 1873 г. Ц. 15 к. 28 стр.

Послѣ краткаго вступленія въ немногихъ словахъ объясняется образованіе естественныхъ пещеръ; описывается внутренній видъ соляныхъ копей въ Величкѣ; говорится о каменно-угольныхъ копяхъ и происхожденіи пластовъ каменнаго угля. Описывается лазурный гротъ, пещера крокодиловъ, Адельсбергская и Фингалова пещеры. Мимоходомъ сообщается кое что о религіи египтянъ, о муміяхъ, образованіи сталактитовъ и проч.

Содержаніе довольно интересно и вполнѣ доступно пониманію хорошо читающихъ, а потому книжку допустить можно.

Вопросы:

О какихъ замѣчательныхъ пещерахъ читали вы?

Что такое сталактиты и какъ образуются они?

Что такое муміи, и гдѣ ихъ находятъ?

Н. П.

---

916) **Учебный атласъ всеобщей географіи.** Составилъ А. Линбергъ. 2-е изд. Лейпцигъ. 1874 г. Ц. 5 р.

917) **Картинный учебный атласъ.** П. Н. Михайлова. (183 рисунка). Спб. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к. Объясненія къ рисункамъ продаются отдѣльной книжкой. Ц. 40 к.

918) **Картинный географическій сборникъ.** По иниціативѣ Коммиссіи Педаг. Музея изданъ картографическимъ заведеніемъ А. Ильина. Вып. 1-й. Африка. 54 рис. Спб. 1876 г. Цѣна 75 к.

Въ предисловіи къ этому отдѣлу мы говорили о педагогическомъ значеніи рисунковъ. Въ книгахъ по этнографіи и географіи они не роскошь, а существенно необходимое дополненіе къ содержанію книги — описанію дѣловому и художественному. Къ сожалѣнію, очень небольшое число книгъ по географіи и этнографіи снабжены рисунками, а имѣющіеся—не всегда отвѣчаютъ своему педагогическому назначенію. Въ числѣ иллюстрацій въ книгахъ для народнаго чтенія встрѣчаются нерѣдко, напримѣръ, «красивые виды», болѣе пригодные для альбомовъ и сувенировъ, пріобрѣтаемыхъ на память туристами, чѣмъ для ознакомленія съ особенностями неизвѣстныхъ мѣстностей; помѣщаются общіе виды городовъ, на которыхъ, при плохомъ исполненіи, все изображенное сливается въ одно пятно, причемъ о связи съ оригиналомъ

сообщаетъ лишь находящаяся подъ рисункомъ подпись. И, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдки картины бытовой жизни.

Недостатокъ рисунковъ въ книгахъ, рекомендуемыхъ нами для школьной и народной библіотеки, навелъ насъ на мысль указать на картинные атласы, которые могли бы пополнить нѣсколько указанный пробѣлъ, хотя разборъ такого рода пособій и не входитъ въ нашу задачу. Таковъ атласъ Линберга:— въ немъ большинство географическихъ картъ окружено рисунками съ изображеніями видовъ природы, зданій, фауны, флоры и картинами изъ жизни обитателей всѣхъ частей земнаго шара.

Крупнымъ недостаткомъ въ этомъ пособіи является малый размѣръ рисунковъ; такъ напр., изображенія изъ русской жизни и природы на 22-й таблицѣ должны быть признаны совершенно недостигающими своего назначенія.

Картины атласа Михайлова, какъ показываетъ самое заглавіе, посвящены исключительно изображенію природы и жизни нашего обширнаго отечества. Въ общемъ рисунки отличаются бóльшимъ размѣромъ, чѣмъ въ атласѣ Линберга; выборъ ихъ сдѣланъ умѣло. По разнообразію содержанія, атласъ можетъ служить иллюстраціей и полнаго всесторонняго описанія Россіи въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Рисунки изображаютъ наиболѣе грандіозныя явленія изъ области географіи физической, типичныхъ представителей фауны и флоры (въ числѣ ихъ филоксера и хлѣбный жукъ), зданія, памятники, виды— планы столицъ съ высоты птичьяго полета, различныя сооруженія для передвиженій по водѣ и сушѣ, большое число картинъ изъ бытовой жизни разноплеменнаго населенія нашего отечества, картины изъ области технической: разрѣзъ шахты, верфь, нефтяной фонтанъ и т. д. Отсутствіе подписей подъ изображеніями немало затрудняетъ пользованіе атласомъ. Нельзя не пожелать, чтобы въ новомъ изданіи это затрудненіе было устранено.

По своимъ достоинствамъ и доступной цѣнѣ атласъ заслуживаетъ вниманія. Его назначеніе въ народной и школьной библіотекѣ, по нашему мнѣнію, слѣдующее: онъ не долженъ, какъ и всякая справочная книга, даваться на домъ читателямъ, а картины изъ него, поясняющія содержаніе прочитанной книги, по указанію учителя могутъ быть разсматриваемы въ помѣщеніи библіотеки, что́ дастъ возможность пользоваться пособіемъ одновременно большему числу читателей.

Ежегодно въ различныхъ иллюстрированныхъ періодическихъ изданіяхъ, путешествіяхъ и популярныхъ сочиненіяхъ по географіи появляется немало прекрасныхъ рисунковъ. Изъ вышедшихъ уже въ этомъ родѣ за прошедшіе годы можно было-бы составить не одинъ богатый картинный сборникъ. По инціативѣ Коммиссіи Педагогическаго Музея картографическое заведеніе Ильина еще въ 1876 г. приступлено къ изданію подобныхъ сборниковъ.

Въ первомъ вышедшемъ пока выпускѣ — «Африка», заключающемъ 54 прекрасныхъ рисунка самаго разнообразнаго содержанія, находимъ, между прочимъ, портреты: Беккера и его жены, Спика и Гранта, Ливингстона, Стэнлея, прекрасныя бытовыя картины и виды различныхъ мѣстностей Африки. Подобные сборники не могутъ отличаться систематичностью, но, благодаря готовымъ клише, которымъ пользуются ихъ составители и издатели, могутъ заключать такіе художественные рисунки, какими не располагаютъ спеціально педагогическія изданія. *А. К.*

Примѣч. См. Рец. «Голосъ», 1874 г., № 262; «Вѣстникъ Европы», 1872 г. № 9; «Педагог. Лист.», 1872 г., № 4, стр. 331—332; «Голосъ», 1872 г., № 98.

II. РОССІЯ.

А) ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

919) **О Русской землѣ.** Разсказъ 1-ый. С. Максимова. Изд. 5-е. Спб. 1880 г. Ц. 8 к. 66 стр.

920) **О Русскихъ людяхъ.** Разсказъ 2-ой. С. Максимова. Изданіе 4-е. Спб. 1880 г. Ц. 6 к. 48 стр.

921) **Край крещенаго свѣта.** I. *Мерзлая пустыня или повѣсть о дикихъ народахъ, кочующихъ съ полуночной стороны Россіи.* С. Максимова. Изданіе 5-е. Спб. 1881 г. Ц. 11 к. 84 стр.

922) **Край крещенаго свѣта.** II. *Дремучіе лѣса*

или разсказъ о народахъ, населяющихъ русскіе лѣса. С. Максимова. Изданіе 4-е. Спб. 1881 г. Ц. 9 к. 75 стр.

923) **Край крещенаго свѣта.** III. *Степи или разсказъ о народахъ, кочующихъ по степямъ съ полуденной стороны Россіи.* С. Максимова. Изданіе 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 9 к. 70 стр.

924) **Край крещенаго свѣта.** IV. *Русскія горы и Кавказскіе горцы.* Разсказъ С. Максимова. Изданіе 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 8 к. 63 стр.

925) **Географія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ.** Сост. Ѳ. Пуцыковичъ. (Съ 42-мя типами народовъ и 20-ю другими рисунками.) Спб. Ц. 50 к. 126 стр.

Шесть книжекъ г. Максимова по программѣ своей представляютъ полный курсъ отечествовѣдѣнія для читателей изъ народа, не проходившихъ въ школѣ курса географіи.

Книги выдержали уже нѣсколько изданій, пользуются по давности своего появленія достаточной извѣстностью, но, къ сожалѣнію, не могутъ служить той цѣли, для которой предназначалъ ихъ авторъ. Чтеніе ихъ не можетъ принести ни пользы, ни удовольствія.

Существеннымъ недостаткомъ всѣхъ шести разсказовъ является самый планъ, которому слѣдовалъ авторъ при расположеніи матеріала: описаніе природы страны,—ея физическихъ особенностей, естественныхъ богатствъ, стоитъ отдѣльно отъ описанія жизни и особенностей населяющихъ ее людей; это какъ-бы два различныхъ отдѣла. При такомъ дѣленіи авторъ не могъ дать полныхъ описаній, избѣгнуть повтореній. Такъ, во всей первой книгѣ, знакомящей съ физической географіей Россіи — *Русской землей*, о человѣкѣ упоминается лишь вскользь.

О «русскихъ людяхъ» собственно рѣчь начинается во второй книгѣ, какъ это показываетъ и заглавіе. Трудно даже опредѣлить, что́ составляетъ содержаніе втораго разсказа г. Максимова—«О Русскихъ людяхъ». Руководствуясь совершенно непонятными для насъ педагогическими соображеніями, авторъ рѣшаетъ прежде познакомить своихъ читателей съ разноплеменными ихъ соотечественниками съ высоты птичьяго полета. Какъ въ панорамѣ, быстро проходятъ передъ глазами поучаемыхъ разнообразныя племена, населяющія Россію; тутъ и прошлое, и настоящее ихъ, и описаніе наружности, и сравнительная характеристика племенъ, и сравненія съ жизнью западно-европейской.

Нужно-ли говорить о томъ, какъ такіе бѣглые обзоры, общія характеристики безполезны и недоступны для тѣхъ, кому нужно подробное, послѣдовательное изученіе предмета.

Двѣ первыя книги — какъ бы вступленіе къ болѣе подробному описанію различныхъ частей Россіи, составляющему содержаніе 4-хъ остальныхъ книгъ. По дѣленію г. Максимова части эти: «Степи», «Дремучіе лѣса», «Мерзлыя пустыни», «Горы». Такое произвольное дѣленіе Россіи не могло не отразиться дурно на содержаніи всего труда. Въ «Дремучихъ лѣсахъ» оказались неожиданно сосѣдями «обитатели рѣки Амура» и финны, черемисы и эсты, причемъ на долю обитателей Финляндіи пришлось лишь четыре строчки, на эстовъ и ливовъ—около двухъ страницъ, на долю тунгусовъ, якутовъ — по четыре. Такъ-же искусственно сгруппированы и обитатели «Степей».

Отъ недостатковъ въ планѣ переходимъ къ особенностямъ содержанія. Г. Максимовъ не разсчитывалъ на какую-либо подготовку въ своихъ слушателяхъ, а потому избѣгаетъ употреблять общепринятые географическіе термины, замѣняя даже названія *сѣверъ* и *югъ* выраженіями: страна полуночная, полуденная. Въ народѣ эти названія странъ свѣта давно утратили популярность и теперь положительно менѣе понятны, чѣмъ книжныя названія: сѣверъ и югъ, входящія въ употребленіе, благодаря школамъ и книгамъ. Въ то же время авторъ загромождаетъ свои разсказы выводами и подробностями, пригодными лишь для читателей, хорошо знакомыхъ не только съ всеобщей географіей, но и съ исторіей. Для кого, напримѣръ, предназначено слѣдующее разсужденіе о Европѣ?

«Россія занимаетъ собою всю восточную половину Европы, по величинѣ своей меньшей изъ всѣхъ пяти частей свѣта, но зато такой, которая успѣла подчинить себѣ всѣ другія четыре части свѣта. Выходятъ изъ-подъ зависимости европейцевъ только Китай и Японія въ второй части свѣта—Азіи, нѣсколько дикихъ народовъ въ третьей части свѣта — Африкѣ и въ четвертой — Америкѣ, да нѣсколько дикихъ островитянъ (?) въ Южномъ океанѣ, или въ пятой части свѣта — Австраліи» (стр. 7).

Авторъ задался всестороннимъ описаніемъ жизни различныхъ племенъ: говоритъ и объ экономическихъ условіяхъ, и о нравахъ, и о религіозныхъ вѣрованіяхъ; но говоритъ обо всемъ этомъ неинтересно, а главное — недостаточно понятно. Своеобразный способъ изложенія автора—не то иносказательный, не то высокопарный, мѣстами отсутствіе логической связи между *рядомъ* словъ до-нельзя затрудняютъ чтеніе разсказовъ даже для читателя знакомаго съ предметомъ. Для образца

выписываемъ слѣдующія объясненія. Происхожденіе и толщина слоя почвы на сѣверѣ описываются такъ: «Земли всего горсточка, подъ ней сейчасъ-же лежитъ мертвый, холодный камень. Эти подземныя массы камней, эти гранитныя скалы съ трудомъ *поддерживаютъ* (?) наносную вѣтрами почву и ту, которая наростаетъ вновь изъ ежегодно сгнивающихъ прозябеній ягодной листвы и самыхъ ягодъ».

А вотъ объясненіе различія обработки земли плугомъ и сохой: «*Соху* смѣнилъ *плугъ*. Вмѣсто лошади работаетъ волъ. *Здороваго мужика*, который въ лѣсныхъ мѣстахъ *поднимаетъ землю* па крѣпкой лошади, въ степныхъ—замѣняютъ маленькіе ребятишки, которымъ бороньба (?) земли въ забаву».

Причемъ тутъ бороньба и ребятишки?

Подобныхъ мѣстъ, требующихъ ужъ не пониманія, а разгадки, въ разбираемой книгѣ имѣется немало.

О вычурности языка могутъ дать понятіе слѣдующія выдержки: «Гдѣ завелись промышленныя села, то ужъ вся окольность думаетъ за единую думу, идетъ за богатыми и капитальными вожаками, какъ овцы въ стадѣ, какъ утки въ стаѣ, какъ гуси въ небѣ («О Русской землѣ», стр. 38).

Мелководіе Эмбы описывается такъ,:«Эмба имѣетъ теперь такъ мало воды, что не доходитъ до моря, но вся *изнываетъ* въ приморскихъ пескахъ».

Желая объяснить значеніе картофеля въ бѣдной хлѣбными растеніями полосѣ Россіи, авторъ говоритъ: «*На помощь злакамъ охотно* выростаетъ картофель».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ увеличить число выписокъ, но и приведенныхъ, намъ кажется, достаточно для подтвержденія выше высказаннаго мнѣнія о способѣ изложенія. Въ изданіи 1880 г. непозволительны слѣдующія устарѣлыя сообщенія: «Въ наши дни дороже стала бумага, потому что въ странѣ, гдѣ хлопчатая бумага обильно растетъ, война загорѣлась; поля потоптаны конницей; руки, которыя заняты были сборомъ бумаги, теперь наводятъ другъ на друга пушки и ружья» («О Русской землѣ», стр. 36). Или: «*Думаютъ* класть чугунку до Чернаго моря», и т. п.

Въ статистическихъ данныхъ также немало погрѣшностей.

Затрудняемся—послѣ всего указаннаго нами въ разсказахъ г. Максимова—опредѣлить, какую пользу можетъ извлечь читатель простолюдинъ изъ разбираемыхъ книгъ. По нашему мнѣнію, даже при крайней бѣдности на книги по отечествовѣдѣнію для народной библіотеки, можетъ быть рекомендована лишь одна изъ шести, а именно: «Мерзлая пустыня». Для взрослаго читателя, желающаго ознакомиться съ географіей Россіи,—такого, который не побоится ни собственныхъ именъ, ни цифръ,—гораздо полезнѣе разсказовъ г. Максимова географія Пуцыковича. Недурныя картинки, имѣющіяся въ ней въ большомъ количествѣ, очень оживляютъ текстъ и дѣлаютъ его несравненно болѣе интересными, чѣмъ разбираемыя книги.

А. К.

Примѣч. См. Рец. «Морской Сборн.» 1865 г. № 10. «Другъ народа», 1878 г. № 6 и 1868 г. № 4, стр. 76—77. «Мірское Слово» 1870 г. № 15, стр. 234—236. «Систематич. Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Литер. стр. 497—498. «Сельское Чтеніе» (Вильно 1878 г., № 1).

---

926) **Краткое описаніе карты Европейской Россіи.** (Съ прилож. хромолитогр. карты Европ. Россіи.) Изд. журн. «Мірск. Вѣст.» Спб. 1880 г. Ц. 25 к. 40 стр.

Судя по заглавію, можно предположить, что составитель книги имѣлъ въ виду познакомить съ картой отечества и элементарными географическими свѣдѣніями тѣхъ взрослыхъ читателей-простолюдиновъ, которые не получили своевременно этихъ знаній изъ курса начальной школы. Свѣдѣнія эти оказываются между тѣмъ необходимыми для сознательнаго чтенія и пониманія любаго наиболѣе простаго очерка по географіи. Къ сожалѣнію, составитель не справился съ намѣченной задачей. Въ разбираемой книгѣ мы находимъ очень хорошую карту Европейской. Россіи, такую-же, какая имѣется во всѣхъ школьныхъ атласахъ, составленныхъ г. Ильинымъ; что-же касается до текста, то это—нѣсколько страницъ изъ любаго краткаго учебника географіи, къ которому въ интересахъ малоподготовленнаго читателя не прибавлено даже никакихъ указаній на то, ка́къ пользоваться картою, никакихъ ссылокъ на нее. Составителемъ взята была на себя задача нелегкая, но не видно съ его стороны попытокъ обойти препятствія, побѣдить трудности. Ознакомленіе съ масштабомъ, указанія, какъ измѣрять по картѣ разстоянія, рядъ вопросовъ или задачъ, которые давали-бы возможность читателю самостоятельно ознакомиться съ расположеніемъ губерній по главнымъ рѣкамъ, указанія пунктовъ, важныхъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, объясненіе значенія покатостей въ связи съ направленіемъ рѣкъ и т. п.—все

эти существенныя, по нашему мнѣнію, данныя совершенно не затронуты авторомъ. Вслѣдствіе этого цѣннымъ въ книгѣ является лишь карта, которая можетъ быть пріобрѣтена за меньшую цѣну и отдѣльно. Въ виду этого не считаемъ возможнымъ рекомендовать книгу, какъ ни настоятельна надобность въ пособіяхъ этого рода. *А. К.*

---

927) **Наша родина и чужія страны.** В. Андреева. Изд. 2-е. Кіевъ. 1880 г. Ц. 30 к. 73 стр.

Эта книжечка есть не что иное какъ краткій учебникъ географіи Россіи съ небольшими дополнительными свѣдѣніями изъ всеобщей географіи. Давъ сначала краткое понятіе о томъ, что такое село, городъ, уѣздъ, губернія, о нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, указавъ болѣе замѣчательные острова, озера и рѣки Россіи, авторъ сообщаетъ дальнѣйшія свѣдѣнія о Россіи въ формѣ путешествія.

Отправившись изъ Екатеринославля внизъ по Днѣпру, онъ описываетъ лежащія по пути мѣстности, разъясняетъ при случаѣ, что такое русло рѣки, фарватеръ, пороги, притоки и т. д., останавливается на путяхъ сообщенія и средствахъ передвиженія; причемъ описываются какъ пароходы, такъ и различные виды топлива, съ указаніемъ мѣстъ ихъ добыванія. Затѣмъ слѣдуетъ довольно интересное описаніе Кіева, хотя болѣе съ художественной стороны. Такія-же путешествія дѣлаетъ авторъ отъ Кіева до Москвы, Нижняго, Петербурга, Архангельска и оканчиваетъ Сибирью. Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе западно-европейскихъ государствъ и другихъ частей свѣта.

Форма изложенія весьма удачна. Книга можетъ читаться въ классѣ, какъ интересный учебникъ, но, всетаки, требующій многихъ объясненій; конечно, читать ее немыслимо безъ карты. Для чтенія же на дому можетъ даваться только въ видѣ повторенія. Большой недостатокъ составляетъ масса опечатокъ. *Н. П.*

---

928) **Народы Россіи. Великоруссы.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1878 г. Ц. 25 к. 34 стр.

929) **Народы Россіи. Малороссы.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1878 г. Ц. 20 к. 50 стр.

930) **Народы Россіи. Бѣлоруссы и Поляки.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1878 г. Ц. 25 к. 68 стр.

931) **Народы Россіи. Латыши и Литовцы.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1878 г. Ц. 20 к. 44 стр.

932) **Народы Россіи. Финны, Эсты, Карелы и Ливы.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло» Спб. 1878 г. Ц. 20 к. 44 стр.

933) **Народы Россіи. Мордва и Черемисы.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1878 г. Ц. 25 к. 51 стр.

934) **Народы Россіи. Крымскіе татары.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1879 г. Ц. 25 к. 52 стр.

935) **Народы Россіи. Черкесы и Абхазцы.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. Ц. 25 к. 46 стр.

Въ нашей литературѣ какъ общей, такъ и спеціально-педагогической, т. е. дѣтской и народной, отдѣлъ этнографическій, сообщающій свѣдѣнія о народахъ, живущихъ въ Россіи, крайне бѣденъ. Есть правда, не мало серьезныхъ трудовъ, отдѣльныхъ сочиненій и статей, помѣщенныхъ въ различное время въ лучшихъ журналахъ, но пользованіе ими и по трудности содержанія, и по разбросанности въ различныхъ изданіяхъ, представляется дѣломъ нелегкимъ, а того-же матеріала, систематически сгруппированнаго въ одно доступное цѣлое, вовсе нѣтъ. Къ тысячелѣтію Россіи появилось въ первый разъ соч. Паули «Les peuples de la Russie» съ французскимъ текстомъ и роскошными хромолитографіями. При самомъ появленіи своемъ это изданіе представлялось недоступною роскошью, а въ настоящее время, сдѣлавшись библіографическою рѣдкостью, стоитъ около 200 рублей.

Въ 1880 г. картографическое заведеніе Ильина издало книгу «Живописный альбомъ: Народы Россіи», сходный по содержанію съ только что названнымъ сочиненіемъ Паули, но доступный по цѣнѣ (9 руб., съ пересылкой 10 руб.). Въ предисловіи находится слѣдующее добросовѣстное заявленіе: «Картографическое заведеніе считаетъ долгомъ заявить, что оно слишкомъ далеко отъ какихъ-бы то ни было притязаній на научный характеръ живописнаго альбома».

Ужъ самое названіе показываетъ, что главная цѣль состоитъ въ живописномъ воспроизведеніи народныхъ типовъ Россіи; текстъ же—не болѣе какъ дополненіе къ рисункамъ. Тотъ-же текстъ появился и на страницахъ журнала «Природа и Люди» въ 1879 и 1880 годахъ; содержа немало интересныхъ этнографическихъ свѣдѣній, онъ долженъ читаться съ интересомъ публикой, для которой предназначался. Можно упрекнуть автора лишь въ слишкомъ большой сухости

исторической части каждаго очерка и излишней заботливости угодить любителямъ *легкаго* чтенія, въ части бытовой.

Тотъ-же текстъ *безъ всякихъ измѣненій* послужилъ матеріаломъ для цѣлой серіи вышеназванныхъ брошюръ для народнаго чтенія, изданныхъ редакціей журнала «Досугъ и Дѣло».

Въ виду бѣдности этнографическаго отдѣла народной литературы появленіе ихъ составляетъ событіе; спросъ на нихъ, конечно, будетъ великъ. Въ послѣдніе годы количество книгъ, издаваемыхъ для солдатъ и народа редакціей вышеназваннаго журнала, такъ велико, что изданія эти заслуживаютъ особаго вниманія.

Можно-ли предъявлять одинаковыя требованія къ издателямъ книгъ для досужей публики и къ издателямъ книгъ для народа и школъ? Конечно, нѣтъ. У первыхъ на первомъ планѣ цѣль коммерческая—удовлетворить вкусамъ большой публики, извѣстному спросу на книжномъ рынкѣ; у вторыхъ—цѣль педагогическая, предполагающая и обдуманность плана, и строгій выборъ матеріала. Можно было бы воспользоваться прекрасными хромолитографіями и гравюрами «Живописнаго Альбома» да и матеріаломъ, заключающимся въ текстѣ, но изложивъ его иначе, сообразно серьезнымъ цѣлямъ редакціи. Въ настоящемъ же видѣ брошюры являются цѣнными лишь своими иллюстраціями. Всѣ онѣ обойдутся немногимъ менѣе цѣны всего альбома (9 руб.),—слѣдовательно, для скудныхъ средствъ, которыми располагаютъ школьныя и народныя библіотеки, очень и очень дорого. Хромолитографіи хороши: даютъ понятіе какъ о наружности, такъ и объ одеждѣ; но въ этнографическихъ очеркахъ важны не только эти, такъ сказать, облагороженныя модныя картинки, но и картины, иллюстрирующія бытъ и нравы: изображенія жилищъ, занятій, орудій, промысловыхъ празднествъ и т. п. А ихъ то очень немного. О характерѣ изложенія содержанія дадутъ понятіе слѣдующія выдержки: «Происхожденіе и время появленія литовскаго племени въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно неизвѣстно. Положительно извѣстно только то, что литовское племя принадлежитъ къ семьѣ индо-европейскихъ народовъ, ближе всѣхъ изъ нихъ сродно съ славянскимъ племенемъ и говоритъ языкомъ, который изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ имѣетъ болѣе сходства съ санкритскимъ, изъ котораго, какъ извѣстно, произошло большинство языковъ народовъ, населяющихъ въ настоящее время Европу». (№ 906 — «Латыши»). Или: «Въ послѣднее время (съ половины текущаго столѣтія) обнаруживается среди финновъ стремленіе поднять свою національность и освободиться изъ подъ вліянія шведовъ, проявляющееся въ возникновеніи финской литературы. Но и до сихъ поръ національныя стремленія финновъ не получили должнаго удовлетворенія, и идетъ глухая, хотя и мирная борьба между языками шведскимъ и финскимъ». (№ 907—«Финны», стр. 6). А вотъ образчикъ и другаго рода: «Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужества дѣлаетъ то, что грудь красавицы не развивается,—слѣдовательно, красота женщины теряетъ многое». (№ 910—«Черкесы, стр. 14). «У обадзеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носятъ корсетовъ; оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы. Черкесскія дѣвушки очень цѣломудренны, не смотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкесскихъ женъ также довольно строга; но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдко, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Тамъ, не смотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того шапсуги любили волокитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою, и каждая должна была имѣть *фаворита*. Это служило вывѣскою достоинства женщины, и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему мужчинѣ считается чувствомъ неприличнымъ, и надо скрывать ее въ тайнѣ» (стр. 15). Эти выдержки сами говорятъ за себя. Доказывать неумѣстность такихъ словъ и выраженій, встрѣчающихся на каждомъ шагу, какъ: «фанатизмъ», «фанатическій міръ», «религіозные догматы», «патріархальность», «характеристическія черты», «экономическія условія», «политическая независимость» и т. п., конечно, излишне. Строгимъ выборомъ матеріала и вѣрностью плана должны въ особенности отличаться тѣ книги, составляемыя для народа, въ которыхъ онъ долженъ *узнать самого себя*. Фальшивость тона, невѣрность изображеній и сообщаемыхъ свѣдѣній страшно роняютъ книгу въ глазахъ читателя и, конечно, ни мало не будутъ содѣйствовать разъясненію народу многихъ сторонъ его жизни, что́ составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей сочиненій содержанія подобнаго раз-

бираемымъ. А потому нельзя не пожелать, чтобы матеріалъ этихъ этнографическихъ очерковъ подвергся тщательной провѣркѣ и обработкѣ и тогда лишь достигъ бы той среды, тѣхъ многочисленныхъ оригиналовъ, для которыхъ долженъ служить не только легкимъ чтеніемъ, но и важнымъ поучительнымъ отраженіемъ ихъ самихъ. *А. К.*

---

936) **Великое княжество Финляндское.** (Съ 5-ю рис.) Спб. 1872. Изд. ред. «Мірск. Вѣстн.» Ц. 20 к. 61 стр.

937) **Странствователь по Финляндіи.** (Съ рис.) Изд. ред. журн. «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1860 г. Ц. 15 к. 39 стр.

938) **Прибалтійскій край,** историч. очеркъ и описаніе губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. (Съ 11 рис.) Изд. журн. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1870 г. Ц. 35 к. 83 стр.

939) **Странствователь по Прибалтійскому краю. С.-Петербургская губернія.** (Съ 13 рис.) Изд. журн. «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1861 г. Ц. 25 к. 55 стр.

940) **Странствователь по Тверской губерніи.** (Съ 3 рис.) Изд. ред. журн, «Мірск. Вѣстникъ.» Спб. 1879 г. Ц. 20 к. 38 стр.

941) **Странствователь по Ярославской губерніи.** (Съ 2 рис.) Изд. ред. журн. «Мірск. Вѣстн.» Ц. 20 к. Спб. 1879 г. 37 стр.

942) **Описаніе Костромской губерніи** въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ. (Съ 3 рис.) Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1871 г. Ц. 15 к. 47 стр.

943) **Странствователь по Нижегородской губерніи.** (Съ 10 рис.) Изд. ред. «Мірск. Вѣстникъ». Спб. 1880 г. Ц. 20 к. 35 стр.

944) **Странствователь по Казанской губерніи.** (Съ 6 рис.) Изд. ред. журн. «Мірсб. Вѣстникъ». Спб. 1880 г. Ц. 20 к. 36 стр.

Описаніе Сѣвернаго края, его обитателей и ихъ промысловъ. (Съ 6 рис.) Изд. 2-е. Спб. 1873 г. Изд. ред. жур. «Мірск. Вѣстникъ». Ц. 25 к. 64 стр. (См. рец. № 956.)

Примѣч. См. рец. «Бирж. Вѣдом.», 1878 г. № 32, «Голосъ» 1878 г. № 106. «Русскій Міръ» 1878 г. № 357. «Указатель по дѣламъ печати» 1878 г. № 3. «Всемірная Иллюстрація» 1878 г. № 470.

Крымъ и его достопримѣчательности. (Съ прилож. альбома изъ 20 рис.) Изд. журнала «Мірск. Вѣстн.». Спб. 1874 г. Ц. 75 к., 69 стр. (См. рец. № 974.)

Очерки Бѣлоруссіи. Историческое прошлое Бѣлоруссіи. Настоящій бытъ бѣлоруссовъ: Нравы и обычаи бѣлоруссовъ. (Съ 1-мъ рис.). Изд. журнала «Мірск. Вѣстн.». Спб. 1876 г. Ц. 18 к. 40 стр. (См. рец. № 972.).

Малороссія. Описаніе края въ историч., географ. и этнограф. отношеніяхъ. (Съ 6-ю рис.) Изд. журнала «Мірск. Вѣстн.». Спб. 1876 г. Ц. 23 к. 63 стр. (См. рец. № 969.).

Еще въ началѣ 60-хъ годовъ редакція народныхъ журналовъ «Мірской Вѣстникъ» и «Чтеніе для солдатъ» задалась серьезной задачей ознакомить своихъ читателей съ обширнымъ и малоизвѣстнымъ имъ отечествомъ. На страницахъ названныхъ журналовъ появилось описаніе отдѣльныхъ частей Россіи, какъ-то: Финляндіи, Крыма, а также разныхъ губерній. Описанія эти были изданы потомъ отдѣльными брошюрами цѣною отъ 10 до 20 к. Въ настоящее время многія изъ нихъ выдержали уже нѣсколько изданій. Какъ единственныя въ этомъ родѣ въ народной литературѣ, брошюры эти заслуживаютъ особаго вниманія. По плану своему онѣ стоятъ выше очерковъ Турбина (см. рец. №№ 945, 946, 947 и 948), потому что каждая изъ нихъ обнимаетъ или цѣлый край съ общими этнографическими и физическими особенностями, или очень небольшой районъ—одну губернію, что̀ даетъ возможность автору подробно останавливаться на каждой характерной чертѣ данной мѣстности; по содержанію же многіе изъ этихъ очерковъ представляютъ немало пробѣловъ, обнаруживающихъ недостаточную научную подготовку ихъ составителей. Наиболѣе слабымъ является очеркъ о Крымѣ (рец. № 974), лучшіе изъ нихъ—описаніе Малороссіи (рец. № 969).

Каждый изъ очерковъ содержитъ свѣдѣнія объ историческомъ прошломъ описываемаго края, а затѣмъ сообщаетъ о географическихъ особенностяхъ, составѣ населенія, состояніи промышленности; все это подкрѣплено статистическими данными. Къ описанію главныхъ городовъ и наиболѣе замѣчательныхъ историческихъ архитектурныхъ памятниковъ, приложены ихъ изображенія. Имѣются также картинки бытоваго содержанія: типы, костюмы различныхъ народностей. Послѣднихъ, къ сожалѣнію, гораздо менѣе первыхъ. Въ техническомъ отношеніи иллюстраціи плоховаты.

Общій недостатокъ всѣхъ брошюръ, посвященныхъ описанію отдѣльныхъ губерній, тотъ, что описанію быта, видовъ труда и производительности его, отношенію обрабатывающей промышленности къ мѣстнымъ естественнымъ богатствамъ удѣлено слишкомъ мало мѣста; о состояніи грамотности и вовсе не упоминается; на первомъ планѣ

стоятъ историческія воспоминанія, описанія городовъ и древностей; такъ напримѣръ, въ очеркѣ о Нижегородской губ., о Ворсмѣ и Павловѣ—этихъ характернѣйшихъ центрахъ русской промышленности—сказано лишь нѣсколько мало-значащихъ словъ (промахъ непростительный!); въ описаніи Костромской губ., свѣдѣнія о бурлачествѣ (стр. 18—21) такъ противорѣчивы и необстоятельны, что несомнѣнно ничего не дадутъ читателю самому незнакомому съ этимъ тяжкимъ, непроизводительнымъ трудомъ нашей невѣжественной, безпомощной бѣдности. Въ очеркахъ о Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ, въ другихъ отношеніяхъ весьма подробныхъ, вовсе не упоминается о національныхъ движеніяхъ послѣдняго времени въ средѣ финновъ, эстовъ и латышей. Неизвѣстный составитель очерка о Финляндіи сообщаетъ своимъ читателямъ, что «господствующій языкъ въ Финляндіи—шведскій, употребляемый во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, училищахъ и между городскими жителями. Языкъ шведскій пріятенъ для слуха при правильномъ и хорошемъ произношеніи; финское же нарѣчіе непріятно. На чистомъ коренномъ финскомъ языкѣ говорятъ только жители внутренней Финляндіи». (Стр. 10). Развѣ авторъ не знаетъ, что на финскомъ языкѣ говорятъ болѣе 2-хъ милліоновъ людей, что серьезныя изслѣдованія о финскомъ языкѣ начались уже съ XVII вѣка, а въ теченіе настоящаго столѣтія финляндская литература совершенно освободилась отъ скандинавской опеки, и періодическихъ изданій на финскомъ языкѣ выходитъ болѣе чѣмъ на шведскомъ (финскихъ 30, шведскихъ 25), что съ 1872 года всѣ чиновники обязаны знать финскій языкъ? Прошло уже то время, когда финны, сдѣлавшись по умственному развитію и общественному положенію равными шведамъ-завоевателямъ, образовавшимъ высшее вліятельное сословіе, причисляли себя къ шведамъ, стыдясь своей національности. Сдѣлавшись совершенно равными своимъ прежнимъ господамъ, финляндцы не имѣютъ болѣе надобности рядиться въ шведское имя.

Такъ-же безцеремонно относится авторъ—въ очеркѣ о Прибалтійскомъ краѣ—къ національности эстовъ и латышей. Возмущаясь справедливо преобладаніемъ въ краѣ нѣмецкой національности, которая утвердила свое владычество въ началѣ силою меча, а потомъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ капиталы и земли, сдѣлавъ образованіе привилегіей для себя одной на долгое время, авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Дѣлается ясно, что настоящее положеніе этого края еще далеко не такъ удовлетворительно, какъ бы этого можно и должно желать. Народъ въ краѣ, за исключеніемъ высшихъ сословій, вообще бѣденъ; земледѣліе въ упадкѣ; *русскому языку* предпочитается чуждый какъ государству, такъ и мѣстнымъ жителямъ—нѣмецкій. Такое неудовлетворительное состояніе края указываетъ на необходимость въ самомъ корнѣ улучшить бытъ безземельныхъ крестьянъ; пересоздать настоящіе суды въ Прибалтійскомъ краѣ на современномъ основаніи; сдѣлать обязательнымъ преподаваніе всѣхъ предметовъ какъ въ школахъ, такъ и въ гимназіяхъ, а тѣмъ болѣе въ Дерптскомъ университетѣ, исключительно на русскомъ языкѣ; признать во всѣхъ дѣлахъ, особенно въ дѣлахъ судебныхъ и народнаго образованія, русскій языкъ господствующимъ: всесторонне поддерживать православіе и поощрять всякія проявленія частнаго и общественнаго сочувствія русскому дѣлу; однимъ словомъ,—употреблять всѣ мѣры къ обрусѣнію края и расширенію правъ коренныхъ обитателей Прибалтійскаго края. Этого требуютъ интересы страны; наконецъ, простая человѣческая справедливость». (Стр. 82 и 83).

Слишкомъ часто забываютъ у насъ о томъ, что въ смыслѣ этнографическомъ—словомъ *русскій* обозначается всякій человѣкъ русскаго происхожденія, т. е великороссъ, малороссъ и бѣлоруссъ; но слово русскій существуетъ и въ смыслѣ политическомъ, и въ этомъ смыслѣ обозначаетъ всѣхъ подданныхъ Русскаго государства, къ какой бы національности они ни принадлежали. Авторъ, какъ мы видѣли, говоря объ обрусѣніи, которое и мыслимо только въ смыслѣ политическомъ, такъ какъ невозможно нѣмцу переродиться въ русскаго, мечтаетъ объ обрусѣніи края въ смыслѣ этнографическомъ. Мы не остановились бы на этой несообразности, не требующей опроверженія, если бы смѣшеніе этнографическаго и политическаго значенія слова *русскій* не вовлекло автора въ коренную ошибку и какъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой: ратуя за обрусѣніе въ смыслѣ уваженія къ національности края, онъ забываетъ о господствующей тамъ національности—эстахъ и латышахъ, которыхъ тѣмъ лучше и удастся «обрусить» въ смыслѣ политическомъ, чѣмъ рѣзче для нихъ выступитъ различіе между угнетеніемъ ихъ нѣмецкой національностью и предоставленіемъ простора для ихъ національнаго

чувства и развитія русскимъ народомъ и русскимъ правительствомъ.

Національнаго вопроса въ книгахъ для народнаго чтенія, имѣющихъ у насъ читателей столькихъ различныхъ народностей, слѣдуетъ касаться съ величайшей осторожностью, для того чтобы каждый изъ разноплеменныхъ читателей могъ читать книгу безъ отвращенія, могъ бы почувствовать себя русскимъ въ извѣстномъ смыслѣ и гордиться этимъ названіемъ.

Съ пробужденіемъ національнаго самосознанія у эстовъ и латышей оживилась литература, началось дѣятельное изученіе роднаго края и произведеній народнаго творчества. Первая научная грамматика латышскаго языка, составленная Стендеромъ, котораго называютъ отцомъ латышской литературы, вышла въ свѣтъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1876 г. существовало уже пять латышскихъ періодическихъ изданій, которыя всѣ вмѣстѣ имѣли около двадцати тысячъ подписчиковъ. Переводная литература у латышей довольно богата и заключаетъ уже произведенія Шиллера, Шекспира и другихъ великихъ европейскихъ писателей. Прежняя рабская покорность, затаенная ненависть къ нѣмцу поработителю и равнодушное отношеніе къ русской жизни уступили мѣсто въ настоящее время у эстовъ и латышей сознательнымъ симпатіямъ къ русскимъ.

Описаніе города Петербурга, занимающее въ брошюрѣ о губерніи того же имени 40 страницъ изъ 55 стр. всей книги, обнаруживаетъ непониманіе авторомъ своей задачи— ознакомить многочисленныхъ читателей съ достопримѣчательностями и значеніемъ столицы, видѣть которую приходится немногимъ изъ нихъ. О значеніи столицы, какъ центра просвѣщенія и высшихъ государственныхъ учрежденій, не сказано ни слова. Перечисленіе улицъ и зданій скучно для знающихъ Петербургъ и ничего не даетъ тѣмъ, кто его не видѣлъ. Встрѣчая такія названія, какъ: «арсеналъ», «музеумъ», «кунсткамера», «эрмитажъ», «публичная библіотека»,—ожидаешь найти рядомъ и обстоятельное, доступное описаніе ихъ, такъ же какъ и значеніе различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, мудреныя названія которыхъ красуются въ книгѣ, но такія описанія отсутствуютъ; упоминая о кунсткамерѣ, авторъ ограничивается лишь совѣтомъ читателю прочесть басню Крылова—«Любопытный».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о назначеніи разбираемыхъ брошюръ. По нашему мнѣнію, книгой для самостоятельнаго чтенія для всего круга читателей могутъ служить немногія изъ нихъ, а именно тѣ, которыя описываютъ цѣлый край съ своеобразной природой и жизнью,—таковы описанія Финляндіи, Крыма, Прибалтійскаго края, Малороссіи. Другія же—описанія отдѣльныхъ губерній—представляютъ интересъ главнымъ образомъ для жителей этихъ губерній или сосѣднихъ; конечно, при умѣньи заинтересовать ими со стороны руководителя чтеніемъ примутся за нихъ и другіе читатели. Описанія эти очень неполны, недостаточно глубоко и широко захватываютъ изображаемую жизнь. Будемъ надѣяться, что подробное описаніе каждой губерніи, собираніе произведеній народнаго творчества: пословицъ, пѣсенъ, преданій, повѣрій, также какъ и составленіе музеевъ мѣстныхъ естественныхъ и искусственныхъ произведеній, сдѣлается современемъ одной изъ сторонъ дѣятельности народной школы, дѣломъ совмѣстнаго труда народнаго учителя и его малолѣтнихъ и выросшихъ уже учениковъ. Программу родиновѣдѣнія и много интересныхъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній читатель найдетъ въ руководствѣ къ «Нашему Другу» барона Корфа, а матеріалъ—въ капитальныхъ статистическихъ трудахъ, изданныхъ многими земствами.

До появленія болѣе полныхъ очерковъ, разбираемыя брошюры, за исключеніемъ брошюры № 938, считаемъ желательными въ каждой школьной и народной библіотекѣ.

Вопросы при прочтеніи каждаго изъ названныхъ выше очерковъ могутъ быть предложены по названной уже выше программѣ родиновѣдѣнія, помѣщенной въ руководствѣ къ «Нашему Другу» барона Корфа.

А. К.

---

945) **Волга и Поволжье.** С. Турбина. Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». (Съ 2 карт.) Спб. 1875 г. Ц. 30 к. 111 стр.

946) **Донъ и Донецъ.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1875 г. Ц. 15 к. 55 стр.

947) **Днѣстръ и Приднѣстровье.** Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». Выпускъ 1. Спб. 1878 г. Ц. 20 к. 40 стр.

948) **Днѣпръ и Приднѣпровье.** С. Турбина. Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». (Съ рисунками). Спб. 1879 г. Ц. 30 к. 155 стр.

Всѣ поименованныя книги составляютъ одно объемистое цѣлое. Что такое это цѣлое—опредѣлить довольно трудно. Это не учебникъ географіи Россіи, ибо объемомъ превосходитъ самые пространные гимназиче-

скіе учебники, и не книга для чтенія, — такъ много въ немъ сухой географической номенклатуры. Г-нъ Турбинъ задался цѣлью ознакомить читателей изъ народа съ отечествомъ по слѣдующему оригинальному плану, съ которымъ онъ знакомитъ насъ въ предисловіи къ 1-му выпуску «Волга и Поволжье», стр. 1: «Прибрежья рѣкъ—мѣста самыя удобныя для жилья. Кочующіе люди осѣдали прежде всего по прибрежьямъ, и осѣдлыя мѣста выростали исподволь въ деревни, села, посады и, наконецъ, города. Всѣ старинные города и села стоятъ надъ рѣками. Поэтому, описывая отечество наше Россію, мы будемъ держаться порядка описанія по рѣкамъ и прибрежьямъ.

«Главная рѣка на Руси—Волга-матушка; съ нея и начнемъ».

Что авторъ остался вѣренъ избранному плану—доказываютъ заглавія книгъ: неудобство такого расположенія матеріала очевидно. Вереницею слѣдуютъ другъ за другомъ описанія губерній, городовъ и селъ, въ порядкѣ ихъ расположенія по рѣкамъ отъ верховья до устья. Каждому воздается по заслугамъ: объ одномъ говорится на нѣсколькихъ страницахъ, о другомъ—въ двухъ словахъ. Обращаемся къ выдержкамъ и примѣрамъ. Описывается Волга. Нижнему-Новгороду удѣляется 8 страницъ: разсказывается мордовское преданіе объ его основаніи, о 1812 годѣ, Мининѣ и Пожарскомъ, о значеніи этой пристани, о пароходствѣ на Волгѣ; подробно описывается Макарьевская ярмарка, сообщаются статистическія данныя, а въ заключеніе — біографія Кулибина. Приложенъ видъ города. Такою-же полнотою отличаются описанія Костромы и Ярославля. Но въ очеркѣ нашли себѣ мѣсто не они одни; мы находимъ тамъ-же: «Мышкинъ, небольшой городокъ на лѣвомъ берегу Волги: онъ не имѣетъ ничего замѣчательнаго» (стр. 21). «Любимъ, Даниловъ, Пошехонье — не имѣетъ ничего замѣчательнаго» (стр. 27). «Старица, имѣвшій когда-то своихъ удѣльныхъ князей, принадлежитъ къ числу незначительныхъ городовъ». (Стр. 12.)

Затрудняемся опредѣлить цѣль такихъ сообщеній. На всероссійское значеніе могутъ претендовать, конечно, немногіе города; но суть-то не въ нихъ, а въ ростѣ, изученіи жизненныхъ условій именно всѣхъ этихъ *незначительныхъ*, *незамѣчательныхъ* центровъ жизни.

Указанная нами особенность плана лишаетъ автора возможности дать понятіе своимъ читателямъ о Россіи, какъ о цѣломъ, о тѣхъ общихъ условіяхъ и особенностяхъ физическихъ и экономическихъ, которыя принадлежатъ цѣлой группѣ губерній или цѣлой части Россіи, а не одной губерніи или городу. Избравши на извѣстныхъ ему основаніяхъ такой планъ, автору необходимо было приложить къ каждому выпуску хорошую карту бассейна описываемой имъ рѣки. А вмѣсто нихъ мы находимъ лишь благой совѣтъ пользоваться при чтеніи имѣющейся въ продажѣ картой Россіи. Читатель, обладающій уже нѣкоторыми общими свѣдѣніями, не осилитъ этихъ книгъ, а изъ неподготовленныхъ, пожалуй, будутъ читать ихъ лишь рѣдкіе теперь любители самаго процесса чтенія безотносительно къ его содержанію. А между тѣмъ во всѣхъ 4-хъ выпускахъ *разбросано* не мало очень цѣнныхъ свѣдѣній, сообщаются они къ слову, мимоходомъ,—такъ что не знаешь, гдѣ ихъ и искать, если обращаться къ разбираемому сочиненію, какъ къ справочной книгѣ.

Цѣнны этнографическія свѣдѣнія: много характерныхъ пословицъ и поговорокъ: много подробныхъ и интересныхъ историческихъ очерковъ, но добыть ихъ изъ ненужнаго нелегко. При бѣдности географическаго отдѣла мы не рѣшаемся исключить очерки г. Турбина изъ народной библіотеки. Въ школахъ, гдѣ дано мѣсто родиновѣдѣнію, они сослужатъ свою службу; по указаніямъ учителя будутъ обращаться къ нимъ за справками и дѣти-школьники, и взрослые. Многія описанія, впрочемъ, устарѣли въ выпускахъ, вышедшихъ въ 1875 году. *А. К.*

---

949) **Наши моря и какъ мы пользуемся ими.** Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1883 г. Ц. 10 к. 35 стр.

Среди массы безсодержательныхъ, безсистемныхъ книгъ, написанныхъ для народа, разбираемая брошюрка обращаетъ на себя вниманіе обдуманностью плана, хорошимъ языкомъ и массой разнообразныхъ и характерныхъ данныхъ, въ ней содержащихся.

Сообщивъ о значеніи воды для жизни человѣка, въ особенности морей, какъ источниковъ естественныхъ богатствъ и всякихъ промысловъ, авторъ переходитъ къ описанію каждаго изъ морей, омывающихъ Россію: Сѣвернаго океана, Бѣлаго моря, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго. Главная задача автора — указать на всѣ естественныя богатства края и на умѣнье человѣка пользоваться ими. Цифровыя данныя придаютъ сообщеніямъ большую убѣдительность и интересъ. Остается причислить книгу къ рѣдкимъ исключеніямъ.

Таково впечатлѣніе, оставляемое книгой при поверхностномъ просмотрѣ въ томъ только случаѣ, если вы ни лично, ни по книгамъ не знакомы съ описываемыми мѣстностями, а географію позабыли. Другое дѣло, если вы иначе подготовлены. Тогда книга явится для васъ невозможной нелѣпостью, построенной изъ данныхъ, до нельзя извращенныхъ лицомъ, ими воспользовавшимся. Остановимся на первыхъ 14 страницахъ. Вся 6-я страница посвящена описанію безлюдія сѣвера, гдѣ на протяженіи 1000 верстъ побережья стоитъ лишь 7 городовъ, въ томъ числѣ одиноко на полуостровѣ городокъ Кола; описывается край, гдѣ на каждаго жителя приходится не менѣе 15 квадр. верстъ, куда привозъ хлѣба изъ внутреннихъ губерній по отдаленности и отсутствію дорогъ почти невозможенъ; описываются холода, безконечныя полярныя ночи, а потомъ вдругъ на 7-й страницѣ сообщается, что «лѣтомъ на всемъ Кольскомъ полуостровѣ погода бываетъ прекрасная, такъ что богатые люди иногда выѣзжаютъ сюда на дачи».

Это на Кольскій-то полуостровъ, отдѣленный отъ населенныхъ мѣстъ безконечными тундрами, непроѣздными именно во время дачнаго сезона! И откуда взяться тамъ досужимъ богатымъ дачникамъ, когда весь полуостровъ рѣдко населенъ лишь кочующими лопарями, а по берегамъ — русскими бѣдняками промышленниками? Разсказываетъ далѣе авторъ о безчисленныхъ богатствахъ Сѣвернаго края. Лѣса—настоящее птичье царство; въ нѣдрахъ земли покоятся золото, серебро, мѣдь, каменный уголь, яшма, громоздятся горами слои дорогаго (?) камня шифера. Море кишитъ рыбой, острова и побережья переполнены звѣрями и птицами, между прочимъ гагарами, пухъ съ которыхъ стоитъ въ Петербургѣ 12 руб. за фунтъ. (Авторъ смѣшиваетъ гагу съ гагарой, которая никакого пуха не даетъ.) Земля лежитъ нетронутою цѣлыя тысячелѣтія. Сѣверные луга лучше и богаче травами даже нашихъ южныхъ степей». Увлекшись перечисленіемъ сѣверныхъ богатствъ, авторъ помѣщаетъ въ число ихъ и ледъ, которымъ покрытъ весь океанъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говоритъ онъ, его не только много требуется, но и за дорогую цѣну,—напримѣръ, въ жаркія страны. Словомъ, природа какъ-бы говоритъ человѣку: «вотъ тебѣ море — широкій путь въ разныя земли; вотъ тебѣ лѣсъ для постройки кораблей, чтобы тебѣ было на чемъ ѣхать по этому морю; вотъ тебѣ, сверхъ того, и товаръ — рыба, птицы, звѣри, камни, металлы, чтобы тебѣ было что везти по морю на своихъ корабляхъ!...» «А сѣверный житель прохлаждается: кораблей не строитъ, товара не беретъ, или беретъ — да самую малость, и по морю никуда не ѣдетъ, а остается все дома, бѣдствуетъ и голодаетъ»... (Стр. 8-я.) «Не умѣетъ сѣверный житель себѣ изъ чуднаго лѣса жилища выстроить; сидя у моря, жалуется, что нечѣмъ ему хлѣба посолить, не идетъ за рыбой самъ, а ждетъ, когда рыба сама придетъ къ нему; не хочетъ пользоваться роскошными лугами; только лѣтъ 10 тому назадъ узналъ съ удивленіемъ, что можно ѣсть рѣдьку, хрѣнъ и даже «косаго зайца»; не умѣетъ ходить за скотомъ, молоко выливаетъ въ ямы, какъ помои, творогъ тоже выбрасываетъ; до того незнакомо приморскому жителю искусство мореплаванія, что просто изумляется, глядя, какъ корабль самъ собой повернетъ въ сторону или пойдетъ вдругъ назадъ»...

Итакъ, сѣверный край является сказочной благодатной страной съ молочными рѣками и кисельными берегами, обитатели коего такъ глупы, что, умирая отъ голода, не умѣютъ ни молока текущаго зачерпнуть, ни готоваго киселя поѣсть. Всѣхъ обвиненій, приводимыхъ въ книгѣ противъ сѣвернаго жителя, не перечесть. Если онъ голодаетъ и бѣдствуетъ, то и по дѣломъ ему: таковъ прямой выводъ изъ сообщеннаго. Но отъ главнаго до мелочей все въ этомъ обвиненіи невѣрно, несообразно. Самъ же авторъ говоритъ: «И немудрено, что сѣверный житель бѣдствуетъ, живя среди богатѣйшей природы. Пользоваться здѣшними богатствами ему мѣшаетъ прежде всего безлюдье Сѣвернаго края и почти полное отсутствіе дорогъ и рынковъ. Чтобы попасть изъ одного города въ другой, ему приходится здѣсь проѣзжать иногда цѣлыя сотни верстъ на оленяхъ, какъ говорится, цѣликомъ по занесеннымъ снѣгомъ полямъ. Понятно, что ходить за товаромъ или пересылать его на оленяхъ не совсѣмъ удобно. Да и куда пересылать товаръ? Слишкомъ на тысячеверстномъ пространствѣ здѣсь всего 3 или 4 постоянныхъ рынка, гдѣ во всякое время года можно найти покупателя или продавца; но по глубокимъ снѣгамъ до этихъ рынковъ не скоро доѣдешь на оленѣ... Существующія же здѣсь 5 или 6 городскихъ ярмарокъ и около дюжины сельскихъ отличаются такимъ же безлюдьемъ, какъ и самъ Сѣверный край». (Стр. 9.)

Вотъ несомнѣнно главная причина безпечнаго отношенія сѣвернаго жителя «къ товарамъ», предлагаемымъ природой. Апатія, трусость не замѣчаются, насколько намъ извѣ-

стно, въ характерѣ русскаго сѣверянина, проводящаго всю жизнь въ борьбѣ съ грозной природой родины; жилище его поражаетъ чистотой, свѣтомъ, просторомъ, сравнительно съ избами внутреннихъ губерній; онъ земледѣлецъ, охотникъ, рыболовъ, мореплаватель, насколько это позволяютъ ему внѣшнія условія. Ставить ему въ упрекъ то, что онъ не пользуется минеральными богатствами, нелѣпо, ибо горное дѣло требуетъ большихъ капиталовъ и спеціальныхъ знаній; причисленіе же шифера къ очень цѣннымъ породамъ, очевидно, такое же недоразумѣніе, какъ сообщеніе о цѣнности пуха гагары. Переходимъ къ мелочамъ. Выливаніе молока, какъ помоевъ, хрѣнъ и рѣдька, какъ предметы удивленія, голоданье и неумѣнье воспользоваться мясомъ оленей и гусей и т. д. — все это сущій вздоръ и небылица. Мы имѣемъ предъ собой образецъ книжной лжи, очевидно, ненамѣренной со стороны автора, происшедшей отъ полнаго незнанія предмета, о которомъ онъ писалъ, пользуясь безъ всякой критики готовымъ матеріаломъ. Нужно думать, что неизвѣстный составитель разбираемой книги не набрелъ на матеріалъ, собранный о сѣверѣ съ научными цѣлями добросовѣстными изслѣдователями, а пользовался чѣмъ-нибудь въ родѣ изданій сибирскаго золотопромышленника Сидорова, проектировавшаго устройство всевозможныхъ обществъ для эксплуатаціи сѣверныхъ богатствъ. Въ собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ истина могла нерѣдко уступать мѣсто вымыслу, полезному для преслѣдуемыхъ г. Сидоровымъ практическихъ цѣлей.

Думаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить разбираемую книгу по достоинству. Трудно сказать, для кого она будетъ вреднѣе: для тѣхъ ли изъ читателей, въ комъ поселитъ совершенно невѣрныя представленія о цѣломъ краѣ, или для тѣхъ, кто, зная его, броситъ книгу со смѣхомъ или негодованіемъ и свое презрѣніе къ книжному вранью перенесетъ и на другія книги, этого не заслуживающія. Мы позволили себѣ остановиться такъ долго на разборѣ этой книги, потому что она издана редакціей народнаго журнала «Досугъ и Дѣло», пользующагося достаточной извѣстностью и распространенностью.

А. К.

---

950) **Отечествовѣдѣніе.** Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Учебное пособіе для учащихся. Составилъ Д. Семеновъ. 5 томовъ. Спб. 1867—1873 гг. Ц. 5 р.

Отечествовѣдѣніе Семенова—трудъ не новый и хорошо извѣстный въ педагогической литературѣ. Къ книгамъ для народнаго чтенія онъ ни въ какомъ случаѣ причисленъ быть не можетъ, но такъ какъ это пока единственный богатый сборникъ строго научнаго матеріала по географіи и этнографіи Россіи, то мы считали необходимымъ указать на его содержаніе. Немногія статьи могутъ служить для самостоятельнаго чтенія школьниковъ и взрослыхъ грамотѣевъ, но при введеніи въ повторительныхъ школахъ родиновѣдѣнія трудъ г. Семенова долженъ явиться драгоцѣннымъ пособіемъ. Въ него вошли отрывки изъ сочиненій Костомарова, Щуровскаго, Кеппена, Максимова и многихъ другихъ, а также статьи самого г. Семенова.

Переходимъ къ разсмотрѣнію каждаго изъ 5 томовъ.

Томъ I: *Сѣверный край и Финляндія* (ц. 75 к. 238 стр.) содержитъ: историческій очеркъ, составленный по Костомарову «Сѣверно-русскія народоправства» и «Очеркъ торговли Московскаго государства») доступенъ только учителю; затѣмъ очерки: «*Тундра*», «*Сѣверное сіяніе*», «*Бѣлуга*», «*Зыряне*», «*Самоѣды*», «*Лапландцы*», «*Пустозерцы*», «*Олончане*», «*Бѣломорскія женщины*», «*Архангельскъ*», «*Соловки*»—представляютъ доступное и интересное чтеніе и для развитыхъ читателей малолѣтнихъ и взрослыхъ. Статья «*Общее обозрѣніе*», въ которой г. Семеновъ подводитъ итогъ всему сообщенному въ предыдущихъ очеркахъ о Сѣверномъ краѣ, заслуживаетъ особаго вниманія, но только для учителя.

Вторая часть тома посвящена Финляндіи. Въ ней помѣщены: историческій очеркъ и очеркъ современнаго общественнаго устройства этой своеобразной части Русскаго государства; геологическое описаніе края съ краткимъ обзоромъ устройства земной коры. Учитель почерпнетъ изъ него не только свѣдѣнія о Финляндіи, но и цѣнныя для него общія понятія изъ области геологіи. «*Водопадъ Иматра*», «*Рускольскія мраморныя ломки*», «*Финны*», «*Финскій пасторъ*» — по указанію учителя прочтутся съ удовольствіемъ и учениками; очерки—«*Саймэнскій каналъ*», «*Гельсингфорсъ*» и «*Свеаборгъ*»—содержательны, но сухи. На страницахъ 197 и 213 сказано нѣсколько словъ о народномъ финскомъ поэтѣ Лютиненѣ и собирателѣ произведеній народнаго творчества — Ленротѣ. Біографіи ихъ, въ особенности послѣдняго, Ленрота,

посвятившаго всю свою жизнь изученію своей народности, собиранію памятниковъ финской народной литературы, очень желательны въ народной литературѣ. Біографіи такихъ дѣятелей не могутъ не имѣть важнаго воспитательнаго значенія.

И эта часть заканчивается серьезной заключительной статьей, содержащей много необходимыхъ статистическихъ данныхъ. Этотъ томъ безспорно—самая лучшая часть труда г. Семенова, какъ по выбору матеріала, такъ и по группировкѣ его въ одно цѣлое при посредствѣ общихъ статей составителя.

Томъ II: *Малороссія, Новороссія, Крымъ и области Донскаго и Кубанскаго войска.* 1871 г. Ц. 1 р. 298 стр.

Весь матеріалъ, здѣсь собранный, не даетъ въ суммѣ такого полнаго и всесторонняго знакомства съ названными частями Россіи, какъ разсмотрѣнный 1-й томъ. Не существуетъ даже внѣшней группировки: статьи о Малороссіи, напримѣръ, разбросаны по всему тому. Общія свѣдѣнія сообщаются въ статьяхъ: «*Общій характеръ Малороссіи*», «*Черноземъ*», «*Каменный уголь*». «*Жизнь въ степи*», «*Чабанъ*» (объ овцеводствѣ), «*Среди саранчи*», «*Виноградъ*» (винодѣліе); о Малороссіи—въ очеркахъ: «*Сельскій бытъ малоросса*», «*Характеръ малоросса*», «*Богата Кутя*»,—«*Украинскія ярмарки*», «*Чумакъ*», «*Кіевъ*», «*Днѣпровскіе пороги*»; о Крымѣ:—«*Южный берегъ Крыма*», «*Крымскіе татары въ XVI в.*, «*Крымскіе татары въ настоящее время*», «*Бахчисарай*», «*Чуфутъ-Кале*»; о Донщинѣ: — «*Донскія степи*», «*Буранъ*», «*Донскіе Казаки*»; о Новороссіи:—«*Молдаване*», «*Одесса*», «*Колонія Кичкасъ*», «*Наши Кентукки и Массачузетъ*»; о Черноморьѣ:—«*Пластуны*», «*Казакъ-хуторянинъ*», «*Екатеринодаръ*».

Въ каждой изъ названныхъ статей найдется не мало цѣннаго и интереснаго, но ни одна изъ нихъ не представляетъ полнаго описанія. Для самостоятельнаго чтенія читателямъ изъ народной среды доступны лишь очерки: «Днѣпровскіе пороги», «Буранъ», «Богата Кутя», «Пластуны».

Томъ III: *Кавказъ и Уралъ.* 1871 г. Ц. 75 к. 185 стр.

Хотя въ этомъ томѣ мы и находимъ общія статьи о природѣ и этнографіи Кавказа: «*Историческій очеркъ*», «*Вершины и проходы*», «*Природа и человѣкъ на Кавказѣ*», но онѣ далеко уступаютъ по достоинствамъ такимъ же общимъ очеркамъ о Финляндіи. Отрывки съ этнографическими свѣдѣніями «*Черкесы*», «*Абхазъ въ семьѣ*», «*Джигитовка*», «*Абрекъ*», «*Женщины въ Дагестанѣ*», «*Грузины*»,—живы, содержательны, а потому, не смотря на слогъ чисто-литературный и иностранныя слова (цитадель, оригинальный, низшій классъ, амфитеатръ и т. д.), доступны развитымъ читателямъ всѣхъ возрастовъ.

Во второй части книги объ Уралѣ имѣются превосходные очерки, составленные, между прочимъ, по сочиненію Щуровскаго. Бытъ киргизовъ, башкировъ и уральскихъ казаковъ рисуютъ слѣдующія статьи, доступныя не только учителю, но и развитымъ читателямъ изъ народа: «*Изъ быта уральскихъ казаковъ*», «*Башкиры*», «*Лѣтнія кочевья киргизовъ*».

Томъ IV: *Сибирь и западный край, Востокъ и Западъ.* Спб. и Москва. 1867 г. Ц. 1 р. 232 стр.

Описаніе края въ физическомъ отношеніи гораздо слабѣе очерка этнографическаго. Свѣдѣнія, сообщенныя о Туркестанскомъ краѣ, въ виду пріобрѣтеній нашихъ въ послѣднее время, устарѣли. Статьи: «*Тундра*», «*Тайга*», «*Остяки*», «*Якуты*», «*Буряты*», «*Чукчи*», «*Русскіе колонизаторы Сибири*» (раскольники, ссыльные), «*Рудникъ*»—доступны развитымъ взрослымъ и малолѣтнимъ читателямъ.

О Западномъ краѣ—собственно Бѣлоруссіи, Прибалтійскомъ краѣ и Польшѣ—имѣется лишь девять очерковъ, въ суммѣ далеко недостаточныхъ для знакомства съ названными частями Россіи.

Томъ V: *Великорусскій край.* Спб. и Москва. 1869 г. Ц. 1 р. 50 к. 465 стр.

Общее понятіе о краѣ, о физическихъ особенностяхъ различныхъ мѣстностей даютъ статьи: «*Алаунская возвышенность*», «*Ладожское озеро*», «*Волга*», «*Историко-географическое значеніе Волги*», «*Русскіе какъ колонизаторы*». Бытъ населенія описывается въ слѣдующихъ очеркахъ: «*Пища, одежда и жилище рязанскихъ крестьянъ*», «*Народные предразсудки и повѣрья*», «*Сельскіе праздники*», «*Масляница*», «*Посидки*», «*Свадебные обряды въ Галичѣ*». Съ промыслами края знакомятъ описанія селъ Холуя, Богородскаго, Павлова, Иванова; выставки въ Костромѣ и очерки: «*Волжскіе бурлаки*», «*Льнопромышленники*», «*Офени*», «*Долгій извозчикъ*», «*О мочальномъ промыслѣ*». Подробно описаны центры промышленной и исторической жизни: Великій-Новгородъ, Москва, С.-Петербургъ, Нижній, Рыбинскъ, Сарепта. Здѣсь же помѣщены очерки: «*Русскіе какъ колонизаторы*», «*Лубочныя картины*», «*Старообрядцы и раскольники*», «*Русскій купецъ XVII столѣтія*». Сдѣланный перечень даетъ по-

нятіе о богатствѣ содержанія. Книга содержитъ сырой матеріалъ; многія статистическія данныя недостаточно полны или устарѣли Повторяемъ сказанное въ началѣ: «Отечествовѣдѣніе» Семенова—пока единственный богатый сборникъ научнаго матеріала по географіи и этнографіи Россіи. Если въ цѣломъ онъ недоступенъ читателю простолюдину, то, все же, имѣетъ право на видное мѣсто въ народной библіотекѣ по соображеніямъ, высказаннымъ нами выше.

А. К.

Примѣч. См. Рец. «Русская Лѣтопись» 1871 г. № 7; «Систематич. Каталогъ» 1879 г., подъ № 5754; «Педагог. Хроника» 1869 г. № 21.

---

951) **Географическіе очерки и картины.** Томъ I. *Очерки и картины Поволжья.* А. Овсянникова. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 335 стр.

Географическіе очерки и картины. Томъ II. *Очерки и картины Малороссіи.* Сост. А. Овсянниковъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к. 286 стр.

Географическіе очерки и картины Овсянникова заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ по содержанію и плану рѣзко отличаются отъ всего выходившаго до сихъ поръ по географіи и этнографіи Россіи. Это не сборникъ болѣе или менѣе художественныхъ, болѣе или менѣе серьезныхъ и обстоятельныхъ описаній, произвольно намѣченныхъ авторомъ, а опытъ всесторонняго изслѣдованія жизни Поволжья и Малороссіи.

Такова была задача автора; такою она является въ планѣ. Насколько серьезно относился г. Овсянниковъ къ своей работѣ, видно ужъ по тѣмъ источникамъ, которыми онъ пользовался: изслѣдованія различныхъ ученыхъ обществъ, лучшіе имѣющіеся у насъ труды по изученію народныхъ промысловъ, этнографіи, статистикѣ, народной литературѣ.

Въ выводахъ и объясненіяхъ различныхъ явленій жизни могутъ быть найдены погрѣшности; при настоящемъ состояніи свѣдѣній объ экономической сторонѣ нашей жизни такія погрѣшности неизбѣжны; такъ, главы, посвященныя описанію дѣятельности и положенія евреевъ въ Западномъ краѣ, составлены по журнальнымъ статьямъ, а потому не отличаются той объективностью во взглядѣ и тонѣ, которая желательна въ сочиненіяхъ подобныхъ разбираемому. Сочиненіе г. Овсянникова — прекрасное пособіе для учителя и должно послужить образцомъ и матеріаломъ пишущимъ для народа.

Читателямъ изъ народной среды трудъ г. Овсянникова недоступенъ, но въ немъ найдутся страницы, которыя, по указанію учителя, могутъ быть прочитаны развитыми читателями съ большимъ интересомъ и пользой; таковы въ I томѣ: «Очерки быта черемисъ» (стр. 43): «Чувашей» (стр. 56); «Киргизовъ» (стр. 68); «Татаръ» (стр. 79): «Свадебные обряды и святочныя увеселенія въ Ярославской губерніи» (стр. 106—145): во II томѣ: «Малорусскіе народные обычаи и обряды» (стр. 57—102).

А. К.

---

952) **Народное чтеніе для всѣхъ возрастовъ.** *Описаніе замѣчательныхъ русскихъ странъ и народовъ.* Составилъ А. В. Семеновъ. Москва. 1877 г. Ц. 20 к. 61 стр.

Въ книгѣ нѣтъ предисловія, но по плану и содержанію ея мы вправѣ предполагать, что составитель предназначалъ ее для класснаго чтенія въ народной школѣ взамѣнъ учебника географіи, которая, какъ отдѣльный предметъ, не проходится, а также для самостоятельнаго чтенія взрослымъ грамотѣямъ.

Предъ нами географическая хрестоматія, болѣе удачно составленная г. Семеновымъ, чѣмъ его же историческая хрестоматія (см. рец. № 561).

Двадцать статей, составляющихъ книгу, должны познакомить читателя со всей Россіей, начиная отъ крайняго сѣвера и Сибири до Крыма и Кавказа. Вотъ перечень ихъ заглавій: 1) *«О землѣ и находящихся на ней государствахъ, — особенно Русскомъ»* (изъ «Сельскаго Чтенія»); 2) *«Русскія рѣки»* — Ѳ. Б. Миллера; 3) *«Сѣверный край Россіи»*—Максимова; 4) *«Умѣренный край Россіи»*—его же; 5) *«Южный край Россіи»*—его же; 6) *«Самарскія степи»* (изъ «Журнала для дѣтей» 1844 г.); 7) *«Кавказъ и Закавказье»*—Максимова; 8) *«Тифлисъ»* — М. Авдѣева; 9) *«Лезгины, Казимулла и Шамиль»*—Максимова; 10) *«Крымъ и его жители»* (изъ журн. «Вокругъ Свѣта»); 11) *«Печорскій край»* — Максимова; 12) *«Очеркъ Сибири»*—Вижендча; 13) *«Поѣздка въ Сибирь»*—Гончарова; 14) *«Рѣка Амуръ и Амурская область»*—(изъ «Народнаго Чтенія» 1858 г.); 15) *«Самоѣды»*—Ушинскаго; 16) *«Эскимосы»*—его же; 17) *«Камчадалъ»* — Разина; 18) *«Троицкая лавра»* — Карамзина; 19) *«Кремль»* — Загоскина; 20) *«Кремлевскія стѣны и Спасскія ворота въ Москвѣ»*—С.

Будь къ первой изъ главъ приложена карта Россіи, а въ самой статьѣ ссылки на карту, указанія на то, какъ ею пользоваться,

указанія на способъ вычисленія разстояній по масштабу, она была бы несомнѣнно полезной и интересной; въ теперешнемъ же своемъ видѣ это—страница изъ учебника, которую нужно не читать, а задолбить, чтобы удержать въ памяти.

Три статьи Максимова, имѣющія задачей познакомить съ тремя главными климатическими полосами Россіи, особенностями ихъ природы и жизни, недурны, но прочитанныя безъ карты тоже дадутъ немного. Отрывокъ, описывающій Кавказъ и Закавказье, очень содержателенъ, но г. Максимову совершенно несвойственно доступное, отвѣчающее педагогическимъ цѣлямъ изложеніе: по его описаніямъ нельзя познакомиться съ незнакомымъ предметомъ, а потому не даетъ представленія о своеобразной природѣ Кавказа и тотъ отрывокъ, о которомъ говоримъ. Описаніе Тифлиса (стр. 29) попало сюда, какъ намъ кажется, по недоразумѣнію—настолько оно неумѣстно. Этнографо-историческій очеркъ Максимова о «Лезгинахъ, Кази-Муллѣ и Шамилѣ» прочтется съ трудомъ. Статья о Крымѣ до-нельзя безсодержательна. Три очерка о Сибири недурны, но нельзя не посѣтовать на то, что изъ живаго отрывка Гончарова «Поѣздка въ Сибирь» не изъяты мѣсто и выраженія, которыя поставятъ втупикъ читателя простолюдина и малолѣтка, какъ напримѣръ: «У меня даже пятка прозябла—эта самая безчувственная часть у всякого, кто не сродни Ахиллесу», или: «формируется центръ сильнаго народонаселенія и дѣятельности. Та же исторія, что въ Калифорніи, въ Австраліи», или еще: «Вотъ разгулъ-то романтизму!»—Все это въ книгѣ для народнаго чтенія — болѣе чѣмъ недосмотръ со стороны составителя.

Очерки Ушинскаго «Самоѣды» и «Эскимосы»—образцовы. «Троицкая лавра»—Карамзина читателями знакомыми съ исторіей читается съ величайшимъ удовольствіемъ.

Въ виду незначительной цѣны и нѣсколькихъ хорошихъ статей, заключающихся въ книгѣ, думаемъ, что, при нѣкоторыхъ указаніяхъ учителя, книга будетъ небезполезна для народной библіотеки.

А. К.

---

953) **Куль хлѣба и его похожденія**, разсказанныя С. Максимовымъ. Изд. 3-е, вновь пересмотрѣнное. Спб. 1881 г. Изд. Плотникова. Ц. 2 р. 25 к. 322 стр.

Книга написана не для народа, а о народѣ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ авторъ: «Пойдемъ подъ соломенную кровлю посмотрѣть поближе на крестьянское житье. Русскіе люди—исконные земледѣльцы, пробуютъ (?) въ потѣ лица сѣять хлѣбъ. Вотъ объ этомъ то хлѣбѣ и объ этомъ то народѣ, воздѣлывающемъ хлѣбныя растенія, я хочу разсказать и прошу моихъ разсказовъ послушать» (стр. 8).

Вотъ богатое содержаніе книги: мѣста произрастанія различныхъ хлѣбныхъ растеній въ Россіи; породы хлѣбныхъ злаковъ; различные способы культуры ихъ; добываніе изъ нихъ различныхъ продуктовъ; значеніе ихъ, какъ пищевыхъ веществъ; перечисленіе всѣхъ видовъ хлѣбныхъ кушаній и печеній, приготовляемыхъ на Руси; земледѣльческія орудія и хозяйственныя постройки; враги земледѣлія: засуха, морозы, животныя, насѣкомыя; обычныя примѣси къ мукѣ; огородныя овощи и дешевая рыба, какъ подспорье къ мучной пищѣ; растенія, дающія матеріалъ для куля и мѣшка; базаръ, пристань, портъ и всѣ виды человѣческаго труда, прилагаемаго къ вышеозначеннымъ видамъ промышленности; нравы, обычаи и повѣрья русскаго крестьянина.

Авторъ задался весьма широкой программой, но выполненіе ея не можемъ назвать удачнымъ. Прежде всего не удалось автору самое изложеніе: художественной части его сочиненія недостаетъ художественности, дѣловой простоты, точности. Здѣсь мы найдемъ страницы поваренной книги, сухаго учебника агрономіи или ботаники и отрывки фельетона, народнаго сказанія. Но во всемъ этомъ не даетъ себя знать ни художникъ, ни педагогъ, ни публицистъ. Авторъ не держится какого либо одного масштаба для изображенія широкаго района захваченной имъ дѣйствительности, а потому останавливается долго и подробно на вещахъ второстепенныхъ, пропускаетъ важное или касается его слишкомъ поверхностно.

Въ изображеніи крестьянскаго быта, которому посвящены первыя 5 главъ книги, г. Максимовъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ жизнью крестьянина, а потому фальшивая нота, нерѣдко дающая себя слышать въ описаніяхъ, производитъ особенно непріятное впечатлѣніе. Въ подтвержденіе своихъ словъ укажемъ на слѣдующія мѣста. Предъ нами картина зимнихъ домашнихъ занятій крестьянина: «Мурлыкаетъ себѣ подъ носъ какую нибудь изъ завѣтныхъ русскихъ (?) тоскливую пѣсенку хозяинъ крестьянской семьи съ тяглецами — товарищами: съ сыновьями или племянниками. Одинъ подшиваетъ оборвавшуюся конскую сбрую: другой ладитъ кну-

тишко; третій взялъ въ руки кочадыкъ—короткое, кривое толстое шило (на базарѣ купилъ) и ковыряетъ лапоть изъ лыкъ. Самъ надиралъ лыки съ липы, самъ размачивалъ, очищалъ отъ верхней коры, рѣзалъ на ленты. Слазилъ было хозяинъ посмотрѣть въ сундучекъ (скрыню), не завалилось ли бумажныхъ или серебряныхъ денегъ (?), видѣлъ ужъ очень хорошіе сапоги кожаные на базарѣ, хорошо бы ихъ смазать дегтемъ и надѣть. Пошарилъ, глубоко вздохнулъ да и сѣлъ въ уголокъ и тоскливо замурлыкалъ пѣсню» (стр. 88).

Лапотнику-то крестьянину не знать счета немногимъ рублямъ, что перебываютъ у него за годъ въ рукахъ!

«Большая часть избъ прямо крыта тѣмъ матеріаломъ, на который въ деревняхъ цѣны нѣтъ и за который только въ городахъ даютъ кой-какія деньги. Матеріалъ этотъ—солома» (стр. 12).

Гдѣ эти мѣста злачныя?!

«Родись на Руси человѣкъ — и краюшка хлѣба готова», такъ говоритъ старинная народная пословица, которая только у насъ свята и нерушима. Въ Россіи всякій имѣетъ право получить клочокъ земли для своего прокормленія, а крестьяне получаютъ лишнія противъ другихъ полосы земли на каждую мужскую душу. Родился новый мальчикъ,— у отца лишняя прирѣзка и на этого сына пахотной и сѣнокосной земли»... «При очередной передѣлкѣ деревенской земли міромъ, т. е. всѣмъ обществомъ нашей деревни, вспомнятъ про новорожденнаго; выдѣлятъ землю и на его пай, на его маленькій желудокъ, на большой ростъ и здоровье» (стр. 16).

Вычурность языка г. Максимова немало вредитъ смыслу и истинѣ. Нелегко добраться до смысла слѣдующихъ строкъ: «Было можно быть безъ земли бояриномъ, монахомъ, священникомъ, но крестьяниномъ быть безъ земли стало нельзя. Только по водѣ и землѣ могъ онъ тянуть къ городу или волости, т. е. быть членомъ государства — могъ продавать землю, дарить ее, завѣщать въ наслѣдство, отдавать въ наймы, и проч.» (стр. 68).

Или: «Зима куетъ у насъ морозы и на цѣлые полгода оставляетъ нашего трудолюбиваго крестьянина безъ большаго дѣла, чтобы, судя его по образцамъ теплыхъ странъ, не осуждали за лѣнь и не бранили за бѣдность, за бездольное житье». (Стр. 85).

Или: «Какъ въ стоячей водѣ разводятся черви и гады, такъ постоянный покой и бездѣйствіе въ людяхъ, не развивая ума, доводятъ цѣлые народы до младенческаго, неразвитаго разума и до жизни на подобіе животныхъ. Чѣмъ больше забаловываетъ человѣка природа, чѣмъ она богаче, тѣмъ онъ лѣнивѣе и ничтожнѣе, недостоинъ названія человѣка. *Наши предки въ незапамятныя времена въ тѣхъ странахъ жили, но ушли оттуда изъ боязни умереть заживо*»(!?). (Стр. 98).

Неудобопонятностью отличаются въ особенности научныя объясненія, гдѣ смыслъ нѣкоторыхъ строкъ *разгадывается* только по прочтеніи нѣсколькихъ страницъ. Это, къ сожалѣнію, особенность изложенія всѣхъ популярныхъ сочиненій г. Максимова.

Лучше всего удались автору описанія бурсаковъ (стр. 229—248), Боровицкихъ пороговъ (287—299), базара, продѣлокъ кулаковъ (206—216). Довольно обстоятельно сообщены свѣдѣнія о значеніи шлюзовъ и каналовъ (276—288), о различныхъ рѣчныхъ судахъ (226—229), о видахъ извоза (217—224). Все это прочтется съ пользой, и только ради этихъ немногихъ страницъ книга могла бы имѣть мѣсто въ народной библіотекѣ, еслибы это позволила высокая цѣна книги.

А. К.

Примѣч. См. рец. «Народн. Школа» 1873 г., № 3, стр. 43—46; «Систематич. Обзоръ Русской Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 238; «Библіотека дешевая и общедоступная» 1873 г., № 4, стр. 3—17; «Биржевыя Вѣдомости» 1873 г., № 74; «Голосъ» 1873 г., № 45; «Гражданинъ» 1883 г., № 2, стр. 56; «Дѣтскій Садъ» 1873 г., № 4, стр. 266—269; «Дѣло» 1873 г., № 4, стр. 389—393; «Русская Старина» 1873 г., № 3; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1873 г., № 99; «Сынъ Отечества» 1873 г. № 35.

954) **Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ.** Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 230. Москва. 1879 г. Ц. 90 коп. 216 стр.

955) **Въ чужихъ краяхъ.** Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ № 268. Москва. 1880 г. Ц. 1 р. 50 коп. 192 стр.

Обѣ книги—сборники отрывковъ, собранныхъ безъ опредѣленной системы. Изданы они, очевидно, не для народа, а потому, касаясь ихъ при разборѣ книгъ для народнаго чтенія, мы вправѣ говорить лишь о томъ, можетъ ли ими воспользоваться народная библіотека.

По содержанію 61 статья книги «Въ родной землѣ» распредѣляются по слѣдующимъ 4-мъ отдѣламъ: I — *Духовно-нравственный*— 11 статей: *Изъ жизни Іисуса Христа* (по Евангеліямъ), остальныя—краткія поученія

Іоанна Златоуста, св. Тихона Задонскаго и др.; II—*Географія*—17 статей: отрывки изъ Норденшильда, Печерскаго, Маркова (авторы остальныхъ не обозначены); III—*Исторія*—28 статей; IV—*Біографіи*: Никонъ, Ломоносовъ, Кольцовъ (по Бѣлинскому). Лучшимъ является отдѣлъ историческій, хотя составленъ онъ такъ же пестро и случайно, какъ и вся книга. Изъ 28 статей одиннадцать—о 12-мъ годѣ,7—эпизоды, воспоминанія изъ минувшей войны. Кромѣ отрывковъ изъ Соловьева, Карамзина и Толстаго, вошли по преимуществу сообщенія очевидцевъ. Слѣдующія статьи могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для публичнаго народнаго чтенія, сопровождаемаго дополнительными объясненіями лектора: «Бородино, 52 дня послѣ битвы»; «Письмо офицера изъ-подъ Краснаго»; «Въ Балканскихъ горахъ наканунѣ перехода»; «Сидѣнье въ Баязетѣ»; «Рядовой Павловъ».

Благодаря высокой цѣнѣ, книга въ библіотекѣ—роскошь (многое изъ содержанія уже имѣется въ другихъ сборникахъ), но какъ книга для школьныхъ наградъ—вполнѣ подходящая. Украшающія ее виньетки и картинки исполнены хорошо и послужатъ иллюстраціями не только текста этой книги, но и многаго другаго, ранѣе прочитаннаго.

Въ книгѣ «Въ чужихъ краяхъ» статьи раздѣлены на пять группъ по числу пяти частей свѣта. Не рѣшаемся назвать эту книгу географической хрестоматіей, ибо это названіе присвоивается книгѣ, составленной по извѣстной системѣ, съ извѣстными педагогическими цѣлями, чего въ разбираемой книгѣ не усматриваемъ. Къ сожалѣнію, подъ очень немногими изъ вошедшихъ въ книгу отрывками помѣщены имена авторовъ: Устрялова («Петръ I въ Амстердамѣ»), Боткина («Испанія»), Гартвига («Сагара или великая пустыня») Художественныя описанія городовъ, зданій, странъ, природы, изъ которыхъ составлена книга, написаны для круга образованныхъ читателей. На той ступени развитія и знаній, на какой находится теперь читатель-простолюдинъ, такія описанія ему не подъ силу: знакомиться съ чужими краями, съ чуждой ему природой и жизнью онъ можетъ лишь по книгамъ, спеціально для него написаннымъ. Правда, и въ разбираемой читались и усвоивались нѣкоторыя статьи, какъ напримѣръ, Голландія, Везувій, статьи о Палестинѣ, но и для болѣе развитыхъ читателей требовались дополнительныя объясненія, представляли затрудненія многія литературныя и научныя выраженія. Книгъ, знакомящихъ съ чужими краями, очень и очень недостаетъ народной литературѣ, но даже въ виду этой бѣдности не рѣшаемся эту высокую по цѣнѣ книгу назвать желательной въ народной библіотекѣ, такъ какъ пользоваться ею можетъ самое незначительное меньшинство.

Книга украшена очень хорошими рисунками. Особенно щедро и удачно иллюстрированы статьи о Палестинѣ.

А. К.

Примѣч. См. рец. «Московскія Вѣдомости» 1878 г., № 274; «Народная и Дѣтская Библіотека» 1872 г., № 7—8, стр. 215—219; «Русь» 1880 г. № 7.

---

1) *Сѣверный край.*

956) **Описаніе Сѣвернаго края, его обитателей и ихъ промысловъ.** (Съ 6 рисунками). Изд. 2-е. Спб. 1873 г. Ц. 25 к. 64 стр.

Книга содержитъ довольно полное и обстоятельное описаніе сѣверной части Архангельской губерніи, ея обитателей и ихъ промысловъ. Первыя 19 страницъ—по языку и изложенію — страницы хорошаго учебника: свѣдѣнія распредѣлены даже по обычнымъ рубрикамъ: «Видъ поверхности», «Воды края», «Климатъ» и т. д. Подъ рубрикой «Народонаселеніе» мы находимъ интересный очеркъ жизни самоѣдовъ и лопарей. Вторая глава сообщаетъ о рыбныхъ промыслахъ на Мурманскомъ берегу, а въ третьей—въ беллетристической формѣ разсказывается о ловлѣ тюленей, моржей, о добываніи гагачьяго пуха, о ловлѣ акулы въ Кольской губѣ, о звѣроловствѣ на тундрѣ. Къ тексту приложено шесть недурныхъ рисунковъ.

Не отличаясь особыми достоинствами, книга, все же, имѣетъ право на мѣсто въ народной библіотекѣ для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Покажите на картѣ ту часть Россіи, которая называется Сѣвернымъ краемъ.

Разскажите объ особенностяхъ почвы, климата, растительности.

Какъ смѣняются день и ночь на далекомъ сѣверѣ?

Опишите тундру, сѣверное сіяніе.

Разскажите о самоѣдахъ и лопаряхъ: чѣмъ отличаются ихъ жизнь и характеръ отъ жизни русскихъ, также живущихъ на сѣверѣ?

Назовите тѣ особенности характера, по которымъ самоѣды могутъ служить примѣромъ для русскихъ (стр. 21). *А. К.*

---

957) **Сѣверное поморье** (лопари, самоѣды, зыряне и русскіе промышленники). А. Инге. Москва. 1873 г. (Съ 6-ю картинками). Изд. народнаго журнала «Грамотѣй». Ц. 30 к. 74 стр.

Во многомъ сходная съ выше-разобраннымъ очеркомъ, книга отличается большей полнотой содержанія и меньшей доступностью языка для читателей, не освоившихся вполнѣ съ языкомъ литературнымъ. Составитель ея пользовался, очевидно, лучшими источниками о нашемъ сѣверѣ. Кромѣ описаній физической природы, главныхъ представителей животнаго царства, этнографическихъ очерковъ о лопаряхъ, самоѣдахъ, зырянахъ, въ книгѣ описывается Соловецкій монастырь, Архангельскъ, различные промыслы: ловля тюленей, трески, палтусины, семги, жемчужная ловля, промыслы сельдяной, бѣлужій, соляныя варницы.

Книга не можетъ похвалиться строго-обдуманнымъ планомъ; въ общемъ она содержитъ много интереснаго. По изложенію она ничѣмъ не отличается отъ серьезной статьи любаго журнала; не замѣтно со стороны автора ни малѣйшей попытки сдѣлать языкъ болѣе простымъ. Слѣдующая выдержка можетъ дать о немъ понятіе: «Коснувшись суевѣрій, нелишне упомянуть и о томъ понятіи, которое они имѣютъ о сѣверномъ сіяніи... Болѣе суевѣрные и обладающіе крайнею степенью воспламененнаго воображенія видятъ въ столбахъ сіяній злыхъ духовъ; но грамотные русскіе, хватившіе книжной премудрости, привыкли приписывать игру сполоховъ отраженію въ небѣ безчисленнаго множества сельдей, совершающихъ свои полярныя переселенія» (стр. 13).

Большая часть объясненій сообщается въ такихъ же общихъ выраженіяхъ и такъ же кратко.

Эти трудности изложенія дѣлаютъ книгу мало-пригодной для народнаго чтенія: сознательно и съ интересомъ прочтутъ ее лишь наиболѣе подготовленные и развитые читатели.

Вопросы подсказываются содержаніемъ. *А. К.*

---

958) **Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.** *Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы.* Н. Александрова. Народное чтеніе въ Солян. Городкѣ. Чтеніе 1-е. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 31 стр. Изд. 2-е Панафидина.

959) **Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.** *О народахъ, живущихъ на Руси. Жители лѣсной полосы.* Н. Александрова. Народное чтеніе въ Солян. Городкѣ. Чтеніе 2-е. Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 29 стр. Изд. 2-е Панафидина.

Въ первомъ чтеніи послѣ короткаго вступленія, говорящаго о разнообразіи племеннаго состава народонаселенія Россіи и перечисленія главныхъ не-славянскихъ племенъ, слѣдуетъ живое, обстоятельное описаніе далекаго сѣвера: тундры, пурги, самоѣдовъ, ихъ жилищъ, семейнаго быта, религіозныхъ вѣрованій, шамановъ; отношеній къ вышестоящимъ по развитію и ловко эксплуатирующимъ ихъ зырянамъ; жизни лопарей и поморовъ; ловли рыбы, бѣлухъ, гаги: говорится объ опасностяхъ, соединенныхъ съ различными промыслами, недостаточной заботливости русскихъ къ усвоенію лучшихъ способовъ заготовленія рыбы и жира; о постройкѣ судовъ; о томъ, отчего норвежцы и англичане пользуются многими изъ тѣхъ выгодъ, которыя по праву принадлежали бы русскому, будь онъ настолько же предпріимчивъ, какъ они. Въ концѣ приведено нѣсколько примѣровъ того, какъ русскимъ промышленникамъ, задавшимся серьезнымъ изученіемъ какого-нибудь производства, удавалось сдавать въ продажу продукты, ничуть не уступавшіе такимъ же иностраннымъ. «Путь-дорога красна не сномъ, а заботой», заканчиваетъ авторъ. «И нужно держаться этого пути, этой дороги,—иначе пропадетъ великое дѣло давнихъ новгородцевъ, что заняли Сѣверный край на корысть всей Русской землѣ».

Серьезность очерка, не исключающая живости, разнообразія содержанія, заставляетъ причислить его къ числу немногихъ имѣющихся у насъ хорошихъ книгъ по этому отдѣлу народной литературы. Брошюра эта, предназначенная авторомъ для публичнаго чтенія, иллюстрируется десятью содержательными картинами для волшебнаго фонаря. Къ

самой книгѣ, могущей служить и для самостоятельнаго чтенія, приложены лишь двѣ картины: «Внутренность самоѣдскаго чума» и «Лопари, возвращающіеся съ рыбной ловли».

Книга читается съ интересомъ и взрослыми, и малолѣтними.

Вопросы:

Опишите тундру.

Чѣмъ живутъ самоѣды, лопари, поморы?

Во что вѣруютъ, чѣмъ лечатся самоѣды?

Опишите жилище самоѣда, его одежду, домашнихъ животныхъ, семейный бытъ?

Вторая книга составляетъ продолженіе выше-разобранной. Описываются лѣсная полоса, непосредственно начинающаяся отъ сѣверныхъ тундръ на югъ, и обитатели лѣсовъ: зыряне, вотяки и пермяки. Прилагаемые *вопросы* дадутъ понятіе о содержаніи. Не говоримъ о достоинствахъ и назначеніи этой книги, такъ какъ это было бы повтореніемъ того, что сказано о первой.

Вопросы:

Гдѣ начинается лѣсная полоса?

Какія породы деревъ растутъ на сѣверѣ?

Кто первый изъ русскихъ проникъ въ этотъ далекій край? (Новгородцы, Строгановъ).

Какими промыслами живетъ здѣсь человѣкъ?

Что такое лыжи?

Что разсказывается о прежней честности зырянъ?

Опишите жизнь вотяка, его нравы (скупость, скрытность, нечистоплотность).

Какъ живется тамъ женщинѣ? (Стр. 16).

Что мѣшаетъ вотякамъ лучше устроить свою жизнь? (Стр. 18).

Какъ живутъ пермяки?

Отчего столько богатствъ Сѣвернаго края пропадаетъ безъ пользы для обитателей его? (Невозможность сбыта, отсутствіе путей сообщенія, незнаніе хорошихъ способовъ производства).

А. К.

Край крещенаго свѣта. 1. *Мерзлая пустыня.* (См. № 921).

Отечествовѣдѣніе. Д. Семенова. (См. № 950).

960) **Разсказы бывалаго человѣка.** Чтеніе для народа. Ф. Тарапыгина. Спб. 1872 г. Ц. 15 к. 30 стр. Изд. 2-е Фену. 1884 г.

Оба разсказа—первый безъ заглавія, а второй озаглавленный: «О бѣломъ морѣ»—имѣютъ цѣлью сообщеніе свѣдѣній изъ географіи. Беллетристическая форма, придаваемая очеркамъ подобнаго рода, въ педагогическомъ отношеніи должна быть признана желательной, такъ какъ сообщаемое,—какъ не разъ приходилось наблюдать,—читается тогда съ большимъ интересомъ. Но подобная форма требуетъ отъ автора дарованія или такта. При отсутствіи того и другаго, какъ намъ не разъ приходилось указывать, очерки въ этой формѣ поражаютъ уродливостью: неестественностью изображаемаго, слащавостью тона (см. рец. № 967). Разсказы г. Тарапыгина—изъ лучшихъ произведеній этого рода. Въ первомъ бывалый крестьянинъ Василій, ребенкомъ еще ушедшій изъ роднаго села въ столицу, побывавшій и на заводахъ, и на соляныхъ варницахъ, и на Бѣломъ морѣ, и въ Сибири, разсказываетъ своимъ односельчанамъ о видѣнномъ и вынесенномъ изъ школы и книги. Сообщаетъ онъ объ устройствѣ термометра, о планѣ, о картѣ, о способахъ выварки соли, о соляныхъ залежахъ въ Илецкой Защитѣ, о градирняхъ и значеніи соли для человѣка и животныхъ. Объясненія плана и термометра не даютъ яснаго представленія о нихъ: достигнуть этого можно только путемъ устной бесѣды; недостаточно обстоятельно, по нашему мнѣнію, и описаніе градирни. Впрочемъ, текстъ разбираемыхъ разсказовъ составленъ былъ для публичнаго чтенія, а потому могъ дополняться устными объясненіями и показываніемъ снарядовъ и моделей.

Знакомыми въ школѣ съ предметами описанія разсказъ читается съ интересомъ.

Вопросы:

Что заставило Василія оставить родное село и какимъ возвратился онъ къ своимъ?

Разскажите, какъ поняли о планѣ, картѣ и термометрѣ?

Гдѣ добывается у насъ въ Россіи соль?

Во второмъ разсказѣ—«О Бѣломъ морѣ» сообщается о ловлѣ трески и заготовленіи ея впрокъ, причемъ авторъ говоритъ о внутренности рыбъ, процессѣ дыханія посредствомъ жабръ; для доказательства необходимости воздуха въ водѣ—совѣтуетъ наблюдать, что произойдетъ съ рыбой, опущенной въ остуженную, прокипяченную воду. Далѣе описывается ловля *бѣлухъ* (порода дельфиновъ); сообщается, какъ узналъ Василій, что бѣлуха—не рыба, а звѣрь, и какъ убѣдилъ въ этомъ товарищей промышленниковъ. Книга

можетъ имѣть мѣсто въ библіотекѣ для читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Какая разница между бѣлугой и бѣлухой и какая намъ отъ нихъ польза?

Какъ узналъ Василій, что бѣлуха—не рыба, а звѣрь?

Какую рыбу ловятъ въ Бѣломъ морѣ?

А. К.

---

961) **По Русской землѣ.** *Лаача.* Очерки изъ быта вогуличей. Л. Симоновой. Изданіе редакціи журнала «Родникъ». (Съ 2-мя картинками). Спб. 1883 г. Ц. 40 к. 81 стр.

Къ книжечкѣ приложено слѣдующее интересное сообщеніе отъ издателей: «Редакція дѣтскаго журнала «Родникъ», выпуская эту книжечку, надѣется начать ею рядъ изданій подъ названіемъ «По Русской землѣ». Сюда будутъ входить разсказы, очерки или повѣсти изъ быта одного изъ народовъ, населяющихъ Россію, описанія замѣчательныхъ историческихъ мѣстъ русской земли, селъ, городовъ и т. п. Ко всѣмъ книжечкамъ будутъ прилагаться картинки: типы народовъ, одеждъ, утвари, виды городовъ и проч.».

Если это благое намѣреніе будетъ приведено въ исполненіе, то въ дѣтской и народной литературѣ исчезнетъ пробѣлъ, слишкомъ дающій себя чувствовать въ настоящее время.

Въ настоящемъ очеркѣ представлены домашній бытъ и нравы одного изъ инородческихъ племенъ, живущихъ въ Россіи, а именно—вогуловъ, необходимыя свѣдѣнія о которыхъ сообщаются авторомъ на первой страницѣ: на послѣдней находимъ рядъ наиболѣе употребительныхъ словъ вогульскаго нарѣчія, заимствованныхъ изъ готовящагося къ печати русскаго семидесяти-язычнаго словаря А. В. Старчевскаго.

«Лаача» читается какъ взрослыми, такъ и школьниками, лишь второй годъ обучающимися въ школѣ, съ большимъ удовольствіемъ. Не смотря на недавнее появленіе свое, книга пріобрѣла уже въ школьной читающей средѣ большую популярность. Авторъ съумѣлъ сдѣлать разсказъ интереснымъ, не смотря на простоту фабулы и рядъ свѣдѣній о природѣ, бытѣ и нравахъ, введенныхъ имъ въ разсказъ. На извѣстной ступени развитія описанія даже художественныя читаются неохотно, а потому описательная форма должна уступить мѣсто повѣствовательной. Плохіе разсказчики обыкновенно, желая выполнить это педагогическое требованіе, прибѣгаютъ къ скучнѣйшимъ, безсодержательнѣйшимъ разговорамъ, еще менѣе любимымъ дѣтьми, чѣмъ описанія, или загромождаютъ разсказъ цѣлымъ рядомъ происшествій весьма малоцѣнныхъ въ этнографическомъ отношеніи. Не то встрѣчаемъ мы у г-жи Симоновой. Читатель, живо заинтересованный героемъ разсказа «Лаача», въ началѣ разсказа ребенкомъ, а потомъ юношей, переживая, такъ сказать, *его чувства и впечатлѣнія,* знакомится съ опасностями и трудами охотника-вогула, религіозными вѣрованіями и обрядами вогуличей, одеждой и домашней обстановкой.

Эта книга заслуживаетъ особаго вниманія, крайне желательна въ каждой народной и школьной библіотекѣ, одинаково интересна какъ для взрослыхъ, такъ и для малолѣтнихъ читателей.

Вопросы:

Гдѣ живутъ вогулы? (См.—«Отъ автора».)

Разскажите о ихъ краѣ, о животныхъ, какія тамъ водятся? (Стр. 2, 52, 57.)

Какъ обходятся съ ними русскіе промышленники? (Стр. 67—72).

Разскажите, какъ поклоняются вогулы своимъ идоламъ? (Стр. 12, 18, 22, 43).

Кого называютъ шаманомъ?

Чѣмъ одежда вогуловъ отличается отъ нашей, и почему? (Стр. 50.)

Какъ устроено ихъ жилище?

А. К.

---

962) **Эзе.** (Очерки изъ быта остяковъ.) Л. Симоновой. (Съ 2-мя картинками.) Изд. ред. журнала «Родникъ». Спб. 1884 г. Ц. 50 к. 87 стр.

Довольно полныя свѣдѣнія о бытѣ остяковъ изложены авторомъ въ видѣ повѣсти. Изложеніе не отличается художественностью, но обнаруживаетъ въ авторѣ педагогическій тактъ, умѣнье пользоваться научнымъ матеріаломъ и сообщать его въ такой формѣ, которая сильнѣе всего можетъ закрѣпить его въ душѣ читателей.

Описываются промыслы, доставляющіе остякамъ скудныя средства къ существованію — ловля рыбы, охота на медвѣдя (гл. 1, 2, 10), религіозныя вѣрованія (гл. 3, 7), обычаи сватовства (гл. 9, 10). Главы—«Обрядъ клятвы», «Пріѣздъ становаго», «Пріѣздъ скупщика рыбы» даютъ понятіе объ уровнѣ нравственнаго развитія и объ экономическихъ условіяхъ жизни остяковъ, рисуютъ ихъ простодушіе, гуманность, безпечность и безпомощность, происходящую отъ полнаго невѣжества, ри-

суютъ ихъ отношенія къ русскимъ; эксплоатирующимъ ихъ промышленникамъ; тоже сообщается и главами:—«Встрѣчи съ каторжникомъ» и «Вѣсти о русскихъ золотопромышленникахъ». Въ лицѣ остячки Эзе и Иты авторъ изобразилъ представителей новой жизни,—людей, которыхъ сближеніе съ русскими, нѣкоторое образованіе, переходъ въ христіанство не оторвали отъ родной среды, а, напротивъ, одушевили горячей, сознательной любовью къ ней, желаніемъ посвятить свои силы просвѣщенію соплеменниковъ, возможному улучшенію ихъ быта. (См. гл. 11: «Эзе у священника»; «Встрѣча съ Итой»; «На новую жизнь».)

Къ тексту приложены двѣ таблицы рисунковъ, заслуживающія вниманія въ педагогическомъ отношеніи: въ срединѣ каждой таблицы находится изображеніе остяцкаго типа—головы мужская и женская, а вокругъ нихъ—изображеніе различныхъ предметовъ изъ бытовой обстановки, какъ-то: оружія, промысловыхъ орудій, идоловъ, письменныхъ знаковъ и т. п. Выдавая книгу, слѣдуетъ указать читателямъ на рисунки и на надписи, дающія объясненія для каждаго изъ нихъ, а при возвратѣ книги провѣрить, ознакомились-ли читатели съ рисунками.

Книгу свою г-жа Симонова не предназначала спеціально для народнаго чтенія, а потому нельзя ставить ей въ вину недостаточную простоту языка, вслѣдствіе чего очерки ея доступны лишь развитымъ читателямъ изъ среды простолюдиновъ. Книга въ особенности желательна въ народныхъ библіотекахъ тѣхъ губерній, гдѣ читателямъ приходится жить въ сосѣдствѣ съ описываемыми инородцами.

Вопросы:

Чѣмъ промышляютъ и какъ живутъ остяки?

Приведите изъ книги примѣры того, что это народъ добрый, трудолюбивый, но безпечный, невѣжественный.

Чѣмъ отличались отъ своихъ земляковъ Эзе и Ита и какую пользу хотѣли имъ принести? *А. К.*

---

963) **Архангельскіе китоловы.** (Народныя чтенія.) Повѣсть А. Сѣтковой (Катенкампъ). (Съ 2-ми плохонькими раскрашенными картинками, изображающими ловлю китовъ и борьбу трехъ охотниковъ съ бѣлымъ медвѣдемъ). Спб. 1883 г. Ц. 20 к. 86 стр.

Повѣсть эта вводитъ насъ въ среду архангельскаго промышленнаго рабочаго люда.

Плохо пришлось семьѣ рыболова Сергѣева, единственнымъ кормильцемъ которой остался 18-ти-лѣтній парень Өедоръ. Идетъ онъ наниматься на китоловное судно. Хозяинъ харчевни Мироничъ снабжаетъ Сергѣева теплой одеждой и упрашиваетъ шкипера принять его подъ свою команду. Не особенно дружелюбно встрѣчаютъ товарищи-китоловы, которымъ нужны были сильные работники, робкаго, заморённаго парня. Одновременно съ Сергѣевымъ поступаетъ рослый, бойкій Крутороговъ; отъ него-то больнѣе всего достается Сергѣеву. Скоро, однако, мнѣніе о немъ, измѣняется: въ дѣлѣ Сергѣевъ оказывается ловкимъ, толковымъ работникомъ и прекраснымъ товарищемъ. Онъ становится всеобщимъ любимцемъ, чего не можетъ ему простить Крутороговъ. Самонадѣянный, строптивый, послѣдній едва не дѣлается жертвой своей неосторожности: слишкомъ близко подпустивъ лодку къ киту, онъ, выброшенный ударомъ хвоста животнаго, погибъ-бы въ волнахъ, если-бы не Сергѣевъ, бросающійся къ нему на помощь. Не тѣмъ отплачиваетъ онъ своему спасителю. Отправившись съ Сергѣевымъ и старикомъ Архипомъ за бѣлымъ медвѣдемъ на островъ Шпицбергенъ, онъ въ минуту наступленія бури рѣшается предательски поступить съ товарищами—одному воспользоваться лодкой, чтобы догнать принужденный удалиться отъ береговъ острова корабль. Легко представить себѣ ужасъ охотниковъ, когда они убѣждаются, что судно должно было уйти, что покинуты они и товарищемъ, захватившимъ лодку съ запасомъ теплаго платья. А впереди — долгая зима на Шпицбергенѣ, борьба съ смертью отъ стужи и голода. Крутороговъ не догналъ судна; бурей полумертваго прибило его съ лодкой снова къ берегу острова. Его находитъ Сергѣевъ, приводитъ въ чувство, заботливо ухаживаетъ за нимъ, не находя слова упрека. Кое-какъ удается несчастнымъ пробиться зиму, а тамъ пріѣзжаетъ за ними ихъ судно. Сергѣевъ благополучно возвращается домой, застаетъ семью благоденствующей, благодаря Мироничу.

Разсказъ написанъ живо. На страницахъ 35—41 находимъ описаніе ловли китовъ; на страницахъ 50—54—охоты за бѣлымъ медвѣдемъ.

Читается очеркъ съ удовольствіемъ и взрослымъ, и малолѣтнимъ, но давать его для чтенія слѣдуетъ читателямъ, ознакомившимся съ географическими особенностями описываемой мѣстности,—иначе многое въ разсказѣ останется непонятнымъ. Въ книгѣ, предназначенной самимъ авторомъ для народнаго

чтенія, желателенъ былъ-бы болѣе простой языкъ. Это особенно даетъ себя чувствовать въ разговорной рѣчи, вкладываемой авторомъ въ уста дѣйствующихъ лицъ. Приводимъ для примѣра слѣдующій отрывокъ страницы 26:

«Парень крѣпко задумался. Въ первый разъ еще ему пришла въ голову мысль, что предпринимаемое имъ опасное плаваніе по океану и борьба съ морскимъ чудовищемъ можетъ пройти безслѣдно для горемычной семьи его. Вопросъ, если онъ вернется слишкомъ поздно или не вернется вовсе, что́ станетъ съ его больною матерью, — вопросъ этотъ вдругъ пріобрѣлъ въ глазахъ его большое значеніе».

Темно, отвлеченно; и отдѣльныя слова, и построенныя изъ нихъ предложенія не по головамъ читателей. Такія слова, какъ: *Шпицбергенъ*, *лавировать*, *акулы* и т. п., требуютъ краткихъ объясненій, которыхъ не находимъ въ книгѣ. — Нельзя не пожелать книгѣ скорѣйшаго распространенія въ средѣ читающаго люда: она составляетъ прекрасное дополненіе-иллюстрацію къ серьезнымъ географическимъ очеркамъ о нашемъ русскомъ далекомъ сѣверѣ.

Вопросы:

Опишите ловлю китовъ. (Стр. 35—41.)

Почему судно такъ долго не возвращалось за оставленными товарищами? (Льды, мѣшающіе движенію судовъ.)

Съ какими бѣдами пришлось бороться оставшимся зимовать на Шпицбергенѣ?

Какое море полезнѣе для Россіи, — Бѣлое или Черное?

---

964) **Голодовка и зимовка на Новой Землѣ.** С. Максимова. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ.) Спб. 1874 г. Ц. 10 к. 24 стр. Изд. 2-е Смирнова. 1886 г.

Содержаніе книги составляютъ описанія полярной природы, занятій и обычаевъ поморовъ и три эпизода изъ многострадальной, исполненной опасностей жизни промышленниковъ на дальнемъ сѣверѣ въ борьбѣ съ богатой, но суровой, неумолимо-жестокой природой. Эпизоды эти, на страницахъ 4 и 5, объ умершихъ отъ голода въ десяти верстахъ отъ родной деревни крестьянахъ Осипѣ Каншіевѣ и Яковѣ Елисѣевѣ, которыхъ удержали на островѣ Осинкѣ льдины да бурное море; на страницахъ 11—15 — о шестилѣтнемъ пребываніи на Грумантѣ (Шпицбергенѣ) промышленниковъ, посланныхъ мезенскимъ богачемъ Окладниковымъ; на страницѣ 15—24 — о зимовкѣ на Маткѣ (Новой Землѣ) крестьянина Антона Прокофьевича съ товарищами. Послѣдній разсказъ веденъ отъ лица самого бывальца.

Явленія сѣверной природы такъ грандіозны, факты изъ жизни человѣка въ борьбѣ за существованіе ярки и краснорѣчивы, г. Максимовъ—знатокъ русскаго сѣвера,—все это говоритъ за то, что книга интересна и полезна. Что же касается до изложенія, обработки, отъ которой зависитъ доступъ содержанія книги въ душу читателя или слушателя, то намъ придется повторить то, что ужъ не разъ говорилось о характерѣ популярнаго изложенія г. Максимова. Это—витіеватость, фразерство въ описаніяхъ, претендующихъ на художественность, и неточность въ дѣловыхъ описаніяхъ.

Вотъ какъ сообщаетъ онъ, напримѣръ, о матеріалѣ для построекъ на томъ далекомъ сѣверѣ, который *своего* лѣса не имѣетъ.. Читателю нужно объяснить происхожденіе лѣса-плавника, приносимаго русскими и сибирскими рѣками. У г. Максимова онъ прочтетъ: «Рубятъ избы въ вѣнецъ, какъ и быть надо. Рядомъ съ тоненькимъ березовымъ гребешкомъ, которое умѣла подрѣзать въ половодье льдина, ложится и лиственный брусъ (?), обтесанный для благородныхъ кораблей, и такое дерево, принесенное изъ теплыхъ странъ, за которое здѣсь въ Питерѣ меньше сотни рублей не берутъ». (Какое? откуда?)

«Самоѣды наѣдаются чудовищно много», читаемъ на страницѣ 14. «Наѣвшись, они рѣшительно съ ногъ валятся, какъ опьянѣлые. Да и русскіе люди охулки на руку не кладутъ: на ѣду у нихъ пять вытей (?)—завтракъ, полдникъ, обѣдъ, паужинъ и ужинъ. И такъ по всему поморью».

Вы ожидаете физіологическаго объясненія необходимости большаго количества пищи, жировыхъ веществъ, какъ запаса топлива, а вмѣсто того поражаетесь слѣдующимъ игривымъ заключеніемъ:

«Вотъ къ какимъ развлеченіямъ прибѣгаютъ архангельскіе (?) люди въ необитаемыхъ пустыняхъ и въ промысловыхъ избушкахъ». И это послѣ подробностей ужасовъ голодовокъ и зимовокъ! Странно:—если иронія, то малопонятная. Фразерство вредитъ дѣлу еще больше. Вмѣсто того чтобы сказать, что необходимость заставляетъ крестьянина покидать родную избу и семью, г. Максимовъ говоритъ: «Не стоитъ дѣло за тѣмъ, чтобы запереть сердце на тѣ соблазны, которыми забаловываетъ теплая печь, налаженное домашнее хозяйство, помощь семейныхъ, житье въ прохладѣ и холѣ и тому подобное. Это—

первое. Въ безплодную и безлюдную землю надо ѣхать со своими запасами, а у архангельскихъ людей такой обычай: ѣдутъ моремъ за 20 верстъ въ сосѣднюю деревню на день,—берутъ запасовъ на недѣлю. Это—второе; съ голоду, стало быть, не помирать. Съ тоски также не погибать: въ большихъ городахъ не живали, веселья не видали, а сживалъ и въ промысловыхъ избушкахъ, сторожа морскаго звѣря и рыбу, которые приплываютъ по водѣ и на льдинахъ».

Ужъ не говоря о неумѣстности всѣхъ этихъ витіеватыхъ выраженій, нельзя не отмѣтить той вольной или невольной неправды, которая пріютилась подъ этимъ краснорѣчіемъ: выходитъ, что на зимовки съ голодовками и всякіе промысловые труды и опасности ведетъ человѣка не необходимость, по-просту нужда,—а непонятная блажь или геройство, ради которыхъ оставляетъ онъ «налаженное домашнее хозяйство», «житье въ прохладѣ и холѣ» со всѣми своими соблазнами.—Каково будетъ прочесть это самому забалованному этими соблазнами! Въ виду бѣдности книгъ по географіи и этнографіи разбираемый очеркъ можетъ имѣть мѣсто въ народной библіотекѣ. Авось фактамъ грандіозной дѣйствительности, блещущимъ такими яркими красками, удастся вынырнуть изъ хаоса фразъ!

Читается и взрослыми, и малолѣтними.

Вопросы:

Какъ называется то море, о которомъ здѣсь разсказывается?

Назовите губерніи, которыя лежатъ въ этой холодной сторонѣ?

Зачѣмъ ходитъ человѣкъ на далекіе острова и въ бурное море?

Какую добычу принесли съ собой промышленники, проведшіе шесть лѣтъ на островѣ Грумантѣ (Шпицбергенѣ)?

Опишите сѣверное сіяніе, долгую сѣверную ночь.

Отъ какихъ бѣдъ приходится страдать тамъ человѣку? отъ какой болѣзни?

О какомъ трогательномъ обычаѣ промышленниковъ разсказано здѣсь? (Оставлять въ промысловой избушкѣ съѣстныхъ припасовъ и соли для запоздавшихъ промышленниковъ, обреченныхъ на зимовку.) *А. К.*

Примѣч. См. рец. «Систематическій Обзоръ Русск. Народно-Учебной Лит.» 1878 г., стр. 498.

2) *Финляндія.*

Великое княжество Финляндское (съ 5-ю рис.). Спб. 1872 г. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». (См. рец. № 936).

Странствователь по Финляндіи. (Съ рисунками). Изд. ред. журн.: «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1860 г. (См. рец. № 937).

Отечествовѣдѣніе. Состав. Д. Семеновъ. Томъ I. (См. рец. № 950)

Народы Россіи. Финны, Эсты, Карелы и Ливы. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 932).

---

3) *Прибалтійскій край.*

Прибалтійскій край. Историч. очеркъ и описаніе губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». (См. рец. № 938).

Странствователь по Прибалтійскому краю. Изд. ред. журн. «Чтеніе для солдатъ». (См. рец. № 939).

Народы Россіи. Финны, Эсты, Карелы и Ливы. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 932).

4) *Центральныя губерніи и Поволжье.*

965) **Волга и ея значеніе для Россіи.** Сост. Аделаидою Шиле. Труды Коммиссіи Педагогическаго Отдѣла Музея прикладныхъ знаній по составленію чтеній для народа. Спб. Изданіе Товарищества «Общественная Польза». 1876 г. Ц. 10 к. 35 стр.

Эта очень содержательная книга, къ сожалѣнію, мѣстами изложена очень сухо. За-

давшись цѣлью объяснить причину,—почему съ самыхъ древнѣйшихъ временъ люди дорожили всегда своими рѣками, авторъ вполнѣ достигаетъ этого, весьма обстоятельно описывая, особенно въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, великое значеніе для Россіи Волги съ ея притоками.

Въ книгѣ масса интересныхъ свѣдѣній географическихъ, точныхъ статистическихъ данныхъ и т. п. Авторъ мастерски справился со своею обширною, сложною темою, излагая ее просто, ясно и съ точностью,—къ сожалѣнію, переходящею иногда въ сухость.

Книга доступна для развитыхъ читателей и можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для публичнаго народнаго чтенія, если возможно дополнять чтеніе объясненіями по картѣ Россіи большаго размѣра при посредствѣ волшебнаго фонаря.

Вопросы:

Чѣмъ важны для людей большія рѣки?

Гдѣ беретъ начало и куда впадаетъ Волга?

Какіе грузы, товары идутъ по ней и куда?

Какъ могутъ товары съ Волги идти водой до Балтійскаго и Бѣлаго морей?

Опишите устройство каналовъ.

Какія губерніи лежатъ по Волгѣ?

Назовите наши главные портовые города.

Было ли бы выгоднѣе, если бы Волга текла съ юга на сѣверо-западъ?

Волга и Поволжье. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 945).

Географическіе очерки и картины. Очерки и картины Поволжья. А. Овсянникова. Томъ I. (См. рец. № 951).

Отечествовѣдѣніе. Сост. Д. Семеновъ. Томъ V. (См. рец. № 950).

Народы Россіи. Великоруссы. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 928).

Народы Россіи. Мордва и Черемисы. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 933).

Странствователь по Тверской губерніи. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». (См. рец. № 940).

Странствователь по Ярославской губерніи. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». (См. рец. № 941).

Описаніе Костромской губерніи. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстн.». (См. рец. № 932).

Странствователь по Нижегородской губерніи. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». (См. рец. № 933).

Странствователь по Казанской губерніи. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ». (См. рец. № 934).

966) **Нижній-Новгородъ.** Описаніе города и его исторія. Е. Альмедингенъ. (Съ 1 картинкой). Изд. ред. журн. «Родникъ». Спб. 1884 г. Ц. 15 к. 24 стр.

Это третій уже вышедшій очеркъ изъ цѣлой серіи, обѣщанной редакціей журнала «Родникъ» (см. рец. №№ 961 и 962.) Описывается положеніе, общій видъ и древности Нижняго-Новгорода, исторія его основанія и кратковременнаго существованія удѣльнаго Нижегородскаго княжества; приводятся интересныя мордовскія преданія. Затѣмъ разсказывается о дальнѣйшемъ историческомъ значеніи Нижняго и значеніи его какъ торговаго центра.

Весь очеркъ носитъ сухой дѣловой характеръ. Придавъ ему такое спеціальное назначеніе, авторъ долженъ былъ собрать болѣе характерныхъ статистическихъ данныхъ, подробнѣе говорить о ярмаркѣ, остановиться не только на *всероссійскомъ* значеніи Нижняго-Новгорода, но и на значеніи его какъ центра сбыта произведеній промышленности кустарной и фабричной извѣстнаго района. Такая полнота дѣловаго матеріала вознаградила бы отчасти за отсутствіе живыхъ яркихъ описаній, которое даетъ себя чувствовать въ очеркѣ. Текстъ изобилуетъ такими иностранными словами какъ: *эстрада*, *контрфорсъ*, *колоссъ*, *профессія*, *эпоха*, *скверъ*: это затруднитъ чтеніе очерка въ народной средѣ, не представляющаго къ тому же особыхъ достоинствъ и по содержанію. *А. К.*

967) **Тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ.** (*Разсказъ стараго охотника.*) Соч. Е. Соловьева. Изд. 2-е. Москва. 1882 г. Ц. 10 к. 22 стр.

Принимаясь за свой разсказъ, авторъ руководился слѣдующимъ: «Желая познакомить нашъ простой народъ и его грамотныхъ дѣтей съ жизнью тюленя и съ тюленьимъ промысломъ на Каспійскомъ морѣ въ живомъ разсказѣ, я избралъ для этого повѣствовательную, беллетристическую форму въ той надеждѣ, что читатель въ такой формѣ можетъ гораздо легче ознакомиться съ указаннымъ, чѣмъ въ формѣ описательной, такъ какъ будетъ читать съ большимъ интересомъ». Къ сожалѣнію, выполненіе благаго намѣренія плохо удалось г. Соловьеву. Если бы по какой нибудь случайности заглавіе разсказа оказалось оторваннымъ или залитымъ до невозможности его прочесть,—читатель по содержанію не узналъ-бы, о какой мѣстности идетъ рѣчь въ разсказѣ. На это не имѣется въ книгѣ никакихъ данныхъ, а

цыль—описаніе промысла именно на Каспійскомъ морѣ.

Не большею обстоятельностью отличаются и свѣдѣнія о тюленѣ,—такъ сказать, героѣ разсказа. На вопросъ крестьянскаго парня: «а что-жъ это за звѣрь такой тюлень»?—авторъ устами старика охотника даетъ слѣдующее описаніе туловища и ластовъ,—самыхъ характерныхъ особенностей этого животнаго: «А вотъ видишь, милый человѣкъ, какой это звѣрь. Тѣло у него продолговатое, около сажени длины, къ концу узкое и оканчивается двумя ластами, а спереди двѣ ноги (онѣ есть тоже ласты) съ пальцами, между которыми есть широкая перепонка». (Стр. 8.)

Несомнѣнно останутся въ недоумѣніи читатели относительно того, кто такіе кайсаки-грабители, отъ которыхъ приходится терпѣть столько бѣдъ трудолюбивымъ охотникамъ?

Такова дѣловая часть разсказа; а беллетристическая,—т. е. разговоры, выраженія различныхъ чувствъ поучающаго сторожа и поучаемыхъ крестьянъ,—непріятно поражаетъ поддѣлываніемъ подъ народный говоръ и неестественностью, доходящей до уродливости. Возьмемъ для примѣра хоть ту наивность, переходящую всѣ предѣлы возможнаго даже для институтки добраго стараго времени, которою украшаетъ авторъ любознательнаго крестьянскаго парня: «Поужинали, легли спать», разсказываетъ старый охотникъ, «кромѣ одного, котораго оставили караульщикомъ».

«— Отъ кого же онъ васъ караулилъ»?

«— Отъ бури. Льдина могла еще треснуть около насъ, и мы потонули бы совсѣмъ, а онъ можетъ сказать намъ во время объ опасности».

«— А развѣ бываютъ такіе случаи, что люди тонутъ во время опасности?»

«— Какіе вы чудаки!—разумѣется, бываютъ».

Фальшивая нота звучитъ въ разсказѣ отъ начала до конца. Очерки по плану и мысли г. Соловьева очень желательны; удачно выполненные со стороны научнаго содержанія и вѣрности изображенія жизни людей, они были бы самыми лучшими проводниками знаній, знакомя лучше, чѣмъ сухія научныя статьи, съ жизнью человѣка и природой обширнаго, пока малоизвѣстнаго отечества.

А. К.

Примѣч. См. реценз. «Педагог. Листокъ» 1875 г. № 2, стр. 100—102.

---

5) *Польша.*

Отечествовѣдѣніе. Сост. Д. Семеновъ. Т. IV. (См. рец. № 950.)

Народы Россіи. Бѣлоруссы и Поляки. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 930.)

6) *Малороссія и Новороссія.*

968) **О Малороссіи и малороссахъ.** Составилъ Р. С. Поповъ. Читано въ С.-Петербургѣ—въ аудиторіи Солянаго Городка, въ Москвѣ—въ народныхъ читальняхъ Коммиссіи по Устройству народныхъ чтеній. (Чтеніе для народа.) Труды Коммиссіи Педагогическаго Отдѣла Музея прикладныхъ знаній по составленію чтеній для народа. Изд. А. А. Торлецкаго. Москва. 1877 г. Ц. 10 к. 30 стр.

Необходимость книгъ, которыя знакомили бы народъ съ особенностями природы и жителей нашего обширнаго отечества,—настоятельна, а потому очерки г. Попова должны занять видное мѣсто въ небогатомъ этнографическомъ отдѣлѣ народной библіотеки.

Историческая часть очерка «О Малороссіи и малороссахъ», соединенная съ подробными географическими данными, касается самаго отдаленнаго періода племенной жизни, кіевскихъ князей, временъ монгольскаго ига, козачества, владычества Польши, присоединенія Малороссіи къ Россіи, измѣненій общественнаго строя со времени присоединенія. Въ бытовой части очерка авторъ описываетъ природу, характеръ построекъ, наружность и костюмы жителей, чумацкіе привалы, святочныя забавы, бродячихъ пѣвцовъ-кобзарей. Говоря о теперешнемъ общественномъ строѣ сельскаго населенія Малороссіи, Поповъ указываетъ на слѣдующія особенности, отличающія его отъ быта великоруссовъ: отсутствіе общиннаго землевладѣнія, раздѣленіе семьи на отдѣльныя хозяйства по числу

сыновей вмѣсто общаго великорусскаго хозяйствованія подъ руководствомъ отца, а потомъ старшаго брата-большака. Характеристика заканчивается нѣсколькими мѣткими пословицами. При описаніи чумакованья Поповъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ народныхъ пѣсень и стихотвореніе Кольцова — *«Ночлегъ чумаковъ»*. Нельзя не упрекнуть автора за то, что онъ не упоминаетъ о малорусскомъ крестьянинѣ-поэтѣ Шевченкѣ.

Изложеніе просто, живо; языкъ хорошъ. Существеннымъ недостаткомъ очерка, какъ книги для чтенія, является отсутствіе картинъ. На публичныхъ народныхъ чтеніяхъ съ волшебнымъ фонаремъ содержаніе очерка прекрасно иллюстрируется слѣдующими имѣющимися для него картинами: Малороссы.—Сборщикъ на церковь.—Чумаки съ волами.—Малороссіянка. — Бандуристъ. — Базаръ въ Малороссіи.—Рекруты.—Сторожъ на баштанѣ.—Карты Россіи.—Татары.—Казаки.—Поляки.—Видъ Кіева.—Богданъ Хмѣльницкій.—Царь Алексѣй Михайловичъ. — Екатерина II.—Саранча на нивѣ.—Суслики.

Вопросы:

Какія губерніи называются Малороссіей?

Сколько считается малороссовъ въ Россіи? (14 милліоновъ.)

Какъ живетъ народъ въ Малороссіи теперь? чѣмъ занимается и какъ жилъ прежде?

Чѣмъ отличается жизнь малоросса въ семьѣ и сельскомъ обществѣ (громадѣ) отъ великорусскаго быта? (Раздѣленіе семей, владѣніе землей не обществомъ, а каждымъ въ отдѣльности.)

Гдѣ больше фабрикъ и всякихъ промысловъ: въ Великороссіи или Малороссіи, и почему?

Кому лучше живется — малорусской или великорусской женщинѣ?

Кого называютъ чумаками? кобзарями?

Что вы знаете о малорусскихъ пѣсняхъ?

А. К.

---

969) **Малороссія**. Описаніе края въ историческомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. (Съ 6-ю рисунками.) Изд. ред. народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1876 г. Ц. 20 к., а съ пересылкою 23 к. 63 стр.

Книга эта по плану и содержанію совершенно сходна съ выше-разобраннымъ очеркомъ; нѣтъ сомнѣнія, что она принадлежитъ тому же автору. Такъ какъ мы подробно излагали содержаніе перваго очерка, то объ этой книгѣ скажемъ лишь, что она разнитс отъ него объемомъ, бóльшею обстоятельностью и подробностью какъ исторической, такъ и бытовой части. Назначеніе первой книги—служить матеріаломъ для публичныхъ народныхъ чтеній; вторая—образцово-составленная, серьезная, интересная книга для самостоятельнаго чтенія развитаго малолѣтняго и взрослаго читателя. Недостаточная простота языка является ея единственнымъ крупнымъ недостаткомъ: живой разсказъ, къ сожалѣнію, часто прерывается объясненіями, по характеру и выраженіямъ совершенно сходными со слогомъ гимназическихъ учебниковъ, оказывающихся нерѣдко не по головамъ учащихся даже той болѣе подготовленной среды.

Въ ряду другихъ книгъ по этнографіи, написанныхъ для народа, разбираемой несомнѣнно должно принадлежать первенствующее мѣсто. Право на званіе «образцовой» даетъ ей серьезно обдуманный планъ, благодаря которому читатель получаетъ всестороннее знакомство съ предметомъ описанія и научный, тщательно подобранный матеріалъ, заимствованный авторомъ изъ лучшихъ сочиненій о Южной Руси. Правда, въ сочиненіи Овсянникова, пользовавшагося позже вышедшими трудами, бытовая сторона еще полнѣе и содержательнѣе, но, къ сожалѣнію, книгу эту мы не можемъ причислить пока къ книгамъ, цѣликомъ доступнымъ для читателей, которыхъ имѣемъ въ виду.

Въ разбираемой книгѣ имѣется шесть рисунковъ, извѣстныхъ набросковъ поэта-художника Шевченка.

Вопросы—тѣ же, что и для предыдущаго очерка (см. № 968). *А. К.*

Кромѣ того, свѣдѣнія о Малороссіи и малороссахъ и южной части Россіи могутъ быть заимствованы изъ слѣдующихъ книгъ:

Отечествовѣдѣніе. Состав. Д. Семеновъ. Томъ II. *Южный край*. (См. рец. № 950).

Пчела. Сборникъ для народн. чтенія. Сост. Н. Щербина. (См. рец. № 796).

Народы Россіи. Малороссы. Изд. журнала «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 929).

Тарасъ Бульба. Н. В. Гоголя. (См. рецен. № 682).

Маруся. Марко-Вовчка. (См. рец. № 685).

Степанъ Остряница. Разина. (См. рецен. № 686).

Антонъ Головатый. (См. рец. № 729).

Географическіе очерки. А. Овсянникова. Томъ II. (См. рец. № 951).

Историч. и поэтич. сказанія о Русской землѣ. Сост. Ѳ. Гиляровъ. (См. рец. № 612).

Днѣпръ и Приднѣпровье. Сост. С. Турбинъ. (См. рец. № 948).

Донъ и Донецъ. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 946).

Днѣстръ и Приднѣстровье. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 947).

970) **Черное море и значеніе его для Россіи.** Историческій и географическій очерки. (Съ приложеніемъ карты Чернаго моря и его береговъ). Одобрено Уч. Комит. Мин. Народн. Просвѣщенія. Спб. 1883 г. Ц. 15 к. 41 стр.

Только небольшіе очерки, а не объемистыя книги подъ силу читателямъ изъ народа при теперешней ихъ подготовкѣ. Для знакомства съ отечествомъ и различными вопросами жизни, какъ экономическими, такъ и всякими другими, историко-географическіе очерки очень цѣнны. А ими-то особенно бѣдна наша народная литература. Понятно, что, встрѣчая въ каталогѣ заглавіе настоящаго очерка, всякій, интересующійся дѣломъ устройства народныхъ и школьныхъ библіотекъ, останавливается на этой книгѣ съ особеннымъ интересомъ. Значеніе Чернаго моря для экономической стороны жизни всего южнаго края, значеніе его въ вопросахъ государственныхъ и національныхъ извѣстно каждому сколько нибудь знакомому съ отечественной исторіей. Изъ нашего прошлаго также ясно, что значеніе Чернаго моря и его побережій—нашихъ и чужихъ, въ будущемъ не можетъ умалиться. Вѣдать объ этомъ интересно и важно не однимъ только дипломатамъ. Стоитъ только припомнить Парижскій трактатъ 1856 года, подписанный нами въ качествѣ побѣжденныхъ послѣ Крымской войны, и другой — 1871 г., послѣ Франко-Прусской войны, когда положеніе наше въ ряду другихъ европейскихъ державъ измѣнилось, — чтобы стало ясно, какое значеніе придается обладанію Россіи Чернымъ моремъ какъ нами самими, такъ и другими государствами.

Въ распоряженіи автора разбираемаго очерка былъ богатый матеріалъ; наше тяготѣніе къ Черному морю началось со временъ незапамятныхъ: отъ миѳическаго Олега, прибившаго свой щитъ ко вратамъ Цареграда и выговорившаго большія льготы для русскихъ торговыхъ людей, до послѣдней войны включительно, было о чемъ разсказать, не говоря уже о разнообразіи географическаго матеріала. Какъ же воспользовался имъ авторъ для поученія читателей совершенно съ нимъ незнакомыхъ, но въ то же время нечуждыхъ тѣхъ важныхъ вопросовъ, которые должны были быть разъяснены этой книгой? Далъ камень вмѣсто хлѣба. О сухости, безжизненности, удобоваримости этого камня пусть свидѣтельствуютъ слѣдующіе образцы.

Стр. 12: «Слѣдуя примѣру Петра I, Екатерина оказывала покровительство всякимъ честнымъ торговымъ предпріятіямъ. Такъ, тульскому купцу Володимірову съ товарищами дозволено было *учредить компанію на акціяхъ* и производить торгъ на Черномъ и Средиземномъ моряхъ. Володиміровымъ и *компаніею* сложено было 180 *акцій*, каждая въ 500 р., на 90 тысячъ рублей. Екатерина, желая своимъ примѣромъ побудить подданныхъ къ торговымъ *предпріятіямъ* на Черномъ морѣ, изъявила желаніе сама участвовать въ этой компаніи; она взяла для себя 20 акцій и приняла компанію подъ свое покровительство».

Стр. 18: «Въ силу *Парижскаго трактата* Черное море объявлено *нейтральнымъ* для всѣхъ купеческихъ судовъ всѣхъ *націй*, и по XIV *статьѣ* этого же трактата ни одна *держава* не имѣла права содержать на Черномъ морѣ военнаго *флота*. Кромѣ того, въ отдѣльномъ договорѣ, *составляющемъ приложеніе* къ помянутому трактату, было постановлено, чтобы Россія *ограничила* свои *морскія силы* до самыхъ малыхъ размѣровъ.

«Турція, вопреки трактату, *по произволу* своему пропускала чрезъ *проливъ* иностранные военные корабли въ Черное море и новоизобрѣтенныя *броненосныя суда* и цѣлыя *эскадры*, *присутствіе* которыхъ было самымъ *грубымъ посягательствомъ на нарушеніе трактата*».

Что пойметъ изъ этого головенка школьника, получившаго для прочтенія эту книгу изъ скудной книжнымъ добромъ школьной библіотеки, да и не читатель-малолѣтокъ, а и взрослый? Отмѣчаемъ курсивомъ непонятныя слова, употребленныя въ немногихъ приведенныхъ строкахъ. Объ усвоеніи общаго смысла не можетъ быть и рѣчи.

Къ книгѣ приложена карта Чернаго моря и его береговъ. Собственно картой ее назвать нельзя — это видъ моря и береговъ *съ высоты птичьяго полета*, въ которомъ города и горы изображены не условными знаками, какъ на обыкновенныхъ географическихъ картахъ, а въ видѣ изображеній на ландшафтахъ. Масштабъ отсутствуетъ. Значеніе картины и плана, какъ пособій педагогическихъ, не можетъ быть смѣшиваемо. Преимущество плана, масштабъ котораго даетъ возможность самимъ читателямъ опредѣлять относительное разстояніе различныхъ пунк-

товъ, намѣченныхъ въ разсказѣ или имѣющихъ для читателей значеніе въ дѣйствительности,—слишкомъ очевидно.

Помѣстивъ такую карту-забаву, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, указать на необходимость и способъ пользованія ею, такъ какъ географическія названія выстроены столбцами внизу, а на картинѣ имѣются лишь нумера. Но этого не сдѣлано, а въ текстѣ нигдѣ не упоминается о приложенной картѣ, между тѣмъ какъ она-то только и могла бы помочь разобраться въ хаосѣ именъ, фактовъ и непонятныхъ словъ, наполняющихъ книгу. Цѣна книги невелика — 15 коп., но и ихъ небогатой народной школѣ не слѣдуетъ тратить на книгу, совершенно недоступную по содержанію. Не мѣшаетъ при этомъ принять въ соображеніе и то, что одной, двухъ подобныхъ книгъ, случайно подрядъ попавшихъ одному и тому же читателю, совершенно достаточно, чтобы надолго, если не на всегда, отбить охоту къ чтенію въ неубѣжденномъ еще въ пользѣ и удовольствіи этого занятія человѣкѣ.

А. К.

7) *Бѣлоруссія и Литва.*

971) **Бѣлоруссія и Бѣлоруссы.** (Чтеніе для войскъ и народа). Р. С. Попова. Изд. А. Торлецкаго. Москва. 1879 г. Ц. 10 к. 28 стр.

972) **Очерки Бѣлоруссіи.** Изд. редакціи журнала «Мірской Вѣстникъ». (Съ 1-мъ рисункомъ). Спб. 1876 г. Ц. 15 к. 40 стр.

О Бѣлоруссіи мы имѣемъ такихъ же двѣ книги, какъ и выше разобранныя о Малороссіи: принадлежатъ онѣ тому же автору, написаны по тому же плану, содержаніе ихъ такъ же полно, а языкъ, къ сожалѣнію, такъ же *книженъ*.

Первая изъ нихъ предназначена для публичныхъ народныхъ чтеній, хотя читается и на дому съ большимъ интересомъ взрослыми и развитыми малолѣтними читателями.

Вторая,—отличающаяся отъ первой лишь бо́льшею подробностью исторической части,—составлена для самостоятельнаго чтенія. Тамъ, гдѣ нельзя имѣть обѣихъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первой.

Изображая картину жизни Бѣлоруссіи и Западнаго края, авторъ, не измѣняя истинѣ, не могъ не помѣстить непривлекательной фигуры еврея (стр. 20—23). Такихъ серьезныхъ и сложныхъ вопросовъ, какъ вопросы о національности, вѣротерпимости, объ экономическомъ состояніи, въ которомъ посредничество какъ еврейское, такъ и русское является самымъ больнымъ мѣстомъ, слѣдуетъ касаться съ большою осторожностью и справедливостью. Намъ кажется, что на указанныхъ страницахъ составитель очерка недостаточно глубоко затронулъ вопросъ. Въ городахъ на югѣ, гдѣ на публичныхъ народныхъ чтеніяхъ присутствуютъ евреи наравнѣ съ русскими, желательны измѣненія въ текстѣ.

Необходимо устранить комизмъ въ изображеніи и картину еврейскаго эксплуататорства—дополнить подробностями русскаго кулачества.

Отъ этого и справедливость, и жизнь только выиграютъ. Существенно необходимыя въ книгахъ такого содержанія иллюстраціи, къ сожалѣнію, отсутствуютъ.

Слѣдующіе *вопросы* дадутъ понятіе о содержаніи обѣихъ книгъ:

Въ какихъ губерніяхъ живутъ бѣлоруссы?
Что называютъ въ Бѣлоруссіи островами?
Опишите болото.
Какія птицы и животныя водятся тамъ? (Стр. 9).
Частью какого государства была прежде Бѣлоруссія? (Стр. 10).
Что такое колтунъ? (Стр. 12).
Чѣмъ отличается языкъ бѣлоруссовъ?
Опишите ихъ одежду, жилище, пищу.
Чѣмъ живетъ, какими промыслами занимается бѣлоруссъ? (Стр. 15).
Какъ жилось въ прежнее время бѣлоруссамъ подъ властью пановъ? (Стр. 17).
Отчего бѣлоруссы живутъ такъ бѣдно?

А. К.

---

973) **Знакомство съ отечествомъ.** Вып. I-й. *Полѣсье и Полѣшуки.* (Изъ путевыхъ записокъ). В. Маракуева. Чтеніе для школъ. Москва. 1879 г. Ц. 25 к. 32 стр.

Названная книга не представляетъ тщательно составленнаго полнаго очерка, спеціально написаннаго для народнаго чтенія. Картина края дается въ видѣ замѣтокъ путешественника. Въ нихъ нашли мѣсто описанія природы, животныхъ (аистъ, тетеревъ, кабанъ, лось, бобръ, медвѣдь), промысловъ: землѣдѣлія на островахъ, рыболовства въ озерахъ и рѣкахъ, бортеваго пчеловодства. Разсказывается о Князь-озерѣ, о самоотвер-

женномъ пасторѣ сосѣдней церкви, основанной князьями Олельковичами; о туземныхъ жителяхъ: полѣшукахъ, туровцахъ, озеранахъ.

Языкъ недостаточно простъ, а потому книга можетъ читаться лишь хорошо владѣющими книжнымъ языкомъ.

Вопросовъ не ставимъ, — они подсказываются вышеизложеннымъ содержаніемъ очерка.

А. К.

Примѣч. См. рец. «Педаг. Музей» 1879 г. № 4—5, стр. 398. «Педаг. Хроника» 1879 г., стр. 487.

Свѣдѣнія о Бѣлоруссіи и Литвѣ имѣются еще въ слѣдующихъ книгахъ:

Отечествовѣдѣніе. Состав. Семеновъ. Томъ IV (См. рец. № 950).

Народы Россіи. Бѣлоруссы. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Вып. 3-й. (См. рец. № 930).

Народы Россіи. Латыши и Литовцы. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № (931).

Днѣпръ и Приднѣпровье. Сост. С. Турбинъ. (См. рец. № 948).

Пчела. Сборникъ, сост. Н. Щербиной. (См. рец. № 796).

---

8) *Уралъ.*

Отечествовѣдѣніе. Сост. Д. Семеновъ. Томъ III. (См. рец. № 950.)

9) *Крымъ.*

974) **Крымъ и его достопримѣчательности.** (Съ приложеніемъ альбома изъ 20-ти рисунковъ.) Изданіе редакціи народнаго журнала «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1874 г. Ц. 60 к.

При бѣгломъ просмотрѣ разбираемая книга производитъ самое пріятное впечатлѣніе; это полное, очень живое, мѣстами даже художественное описаніе Крыма: его горной природы, разноплеменныхъ обитателей, пещерныхъ городовъ, интересныхъ развалинъ древнихъ поселеній, живописныхъ монастырей, многострадальнаго Севастополя, уголка мусульманскаго Востока—Бахчисарая и другихъ городовъ Таврической губерніи. Но при болѣе внимательномъ просмотрѣ подъ заманчивой внѣшностью не могутъ остаться незамѣченными весьма крупные недостатки: описанія отличаются поверхностностью; въ нихъ недостаетъ самаго главнаго—изображенія жизни человѣка въ зависимости отъ извѣстныхъ условій природы, его окружающей, изображенія борьбы съ ней, умѣнья пользоваться ея богатствами. Описываемый край представляетъ въ этомъ отношеніи столько рѣзкихъ особенностей, отличающихъ его отъ остальной холодной, однообразной россійской равнины, что эта важнѣйшая часть очерка должна была-бы выйти и особенно яркой, и особенно интересной и поучительной. Вмѣсто того лишь мимоходомъ сообщаются крайне недостаточныя свѣдѣнія о скотоводствѣ, земледѣліи, табаководствѣ, винодѣліи и садоводствѣ—этихъ отрасляхъ крымскаго хозяйства, своеобразно обставленныхъ тамъ и вовсе неизвѣстныхъ въ большей части остальной Россіи.

О типичныхъ домашнихъ животныхъ Крыма—верблюдѣ, горной лошади, буйволѣ—совсѣмъ ничего не сказано. Пробѣлъ слишкомъ замѣтный! Въ имѣющихся описаніяхъ встрѣчается много излишняго и въ то же время отсутствуетъ много необходимыхъ объясненій. Такъ, напримѣръ, описаніе пещеръ на страницѣ 47-й оставитъ въ умѣ мало-свѣдущаго читателя много смутныхъ представленій: выходитъ, что одна изъ пещеръ—сохранившійся богато-украшенный языческій храмъ, другая — роскошно-устроенная подземная купальня. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ не только ничего не сказано объ образованіи сталактитовъ, но даже ни разу не упомянуто самое слово сталактитъ для обозначенія матеріала тѣхъ причудливыхъ украшеній пещеръ, которыя описываются такъ подробно; а между тѣмъ это слово вызвало-бы, быть можетъ, въ памяти имѣющіяся уже свѣдѣнія и помогло-бы вынести болѣе соотвѣтствующее дѣйствительности представленіе о прочитанномъ. Мы указали на болѣе типичный примѣръ, а такихъ найдется достаточно. Немало затрудняется чтеніе обиліемъ подробностей или, вѣрнѣе, историческихъ именъ, сообщаемыхъ опять-таки безъ всякихъ дополнительныхъ свѣдѣній, а также употребленіемъ такихъ словъ, какъ: «амфитеатръ», «амбразура», «пьедесталъ», «паркъ», «гротъ», «колоннада». Описанію архитектурныхъ красотъ Алупки и Оріанды удѣлено слишкомъ много мѣста, что̀, въ виду вышеуказанныхъ пробѣловъ, особенно бросается въ глаза. Не можемъ не указать также на нѣкоторыя ошибки, недосмотры, крайне неудачные или, вѣрнѣе,

совершенно невозможные обороты рѣчи. На страницѣ 58: *«Наибольшая красота Алупки— это видъ Ай-Петри и море. Скалы и лѣса только потому и хороши, что они сбѣгаютъ съ Ай-Петри»*. Далѣе описываются рощи *«манголій»* (вмѣсто манголіи). Говорится о «леченіи воздухомъ и *природой*» (?) Крыма. Непріятно поражаютъ, напр., такія грамматическія погрѣшности: «Южнобережскіе татары *не есть* выходцы изъ Азіи». Все это способно произвести совершенно нежелательный сумбуръ въ головѣ читателя.

Неизвѣстный составитель разбираемой книги пользовался матеріаломъ, представляемымъ книгой Е. Маркова—«Очерки Крыма». Этимъ объясняются и тѣ нѣкоторыя достоинства, на которыя мы указали выше. Къ сожалѣнію, и заимствованіе не удалось автору; при полномъ незнаніи описываемой имъ жизни вкралось немало нелѣпостей, отъ которыхъ ужаснется или разсмѣется всякій, знакомый съ Крымомъ и его обитателями. На страницѣ 21-й мы встрѣчаемъ у г. Маркова описаніе крымскаго всадника, а на 5-й страницѣ разбираемой книги—передѣлку по своему этого описанія неизвѣстнымъ авторомъ. Приводимъ и оригиналъ, и передѣлку.

(Оригиналъ.)

«Въ крымскомъ пейзажѣ васъ сразу поражаетъ появленіе всадника. Это уже всадникъ не по имени, а по существу. Вы видите прирожденность человѣка къ верховой ѣздѣ, видите органическую связь его съ лошадью. Вы безъ труда узнаете въ этой мирной фигурѣ потомка того страшнаго кочевника, который владѣлъ когда-то русскимъ земледѣльцемъ. Татаринъ какъ приросъ къ сѣдлу и чувствуетъ себя совсѣмъ дома: онъ на немъ спокоенъ, красивъ и доволенъ; лошадь его идетъ подъ нимъ такъ, какъ она не пойдетъ ни подъ кѣмъ другимъ: это спеціально татарская походь, такъ называемый аянъ; аянъ такъ споръ и легокъ, что въ результатѣ быстрѣе рыси... Степь особенно кажется степью и Крымъ Крымомъ, когда встрѣчаешь верхомъ на маленькой кобылкѣ какого-нибудь хаджи въ бѣлой чалмѣ съ рѣзкими морщинами на темномъ лицѣ, зашитаго наглухо въ ватошную персидскую куртку, и въ желтыхъ туфляхъ на босу ногу. Этотъ суровый старецъ, родившійся еще при Гиреяхъ, сидитъ на сѣдлѣ со всѣмъ шикомъ наѣздника». (Очерки Крыма. Е. Маркова, стр. 21).

(Передѣлка.)

«Въ этой степи лишь изрѣдка попадается народъ или жилье, однако все-же нельзя назвать степь совершенно безлюдною. По временамъ гдѣ-нибудь вдали путникъ завидитъ всадника, отважно рыскающаго на бѣшеномъ маленькомъ скакунѣ, и невольно залюбуется имъ. Это какой-нибудь татаринъ,— *хаджи*—въ бѣлой чалмѣ, съ рѣзкими морщинами на темномъ лицѣ, въ ватошной персидской курткѣ и въ желтыхъ туфляхъ на босу ногу. Этотъ хаджи гордо сидитъ на сѣдлѣ, какъ отличный степной наѣздникъ». (Крымъ и его достопримѣчательности, стр. 5).

Всякій, знакомый съ Крымомъ, наблюдавшій племенныя особенности татаръ, сравнивавшій ихъ съ русскими, оцѣнитъ вѣрность и художественность описанія г. Маркова и будетъ пораженъ нелѣпостями, вкравшимися въ сдѣланную смѣлой рукой передѣлку. Изъ картины г. Маркова выброшены всѣ существенныя черты — типичный аянъ, безъ котораго трудно представить себѣ крымскую лошадь, описаніе наружности хаджи: величавой осанки, суроваго равнодушія, чрезъ которыя, все-же, проглядываютъ вѣковыя привычки наѣздника-кочевника... Затѣмъ добавлена бѣшеная скачка по степи и названіе *хаджи*, очевидно принятое за однозначащее съ понятіемъ *джигитъ*. И получилось нѣчто до-нельзя безобразное по своей неестественности. Хаджи—названіе, даваемое мусульманамъ, посѣтившимъ Мекку. Они пользуются особымъ уваженіемъ и держатъ себя съ достоинствомъ и важностью. Изображеніе хаджи джигитующимъ въ степи на бѣшеномъ скакунѣ является изображеніемъ столь-же карикатурнымъ для читателя-крымчака, татарина или русскаго, какъ, напримѣръ, изображеніе степеннаго, уважаемаго старика-крестьянина

обычнымъ участникомъ игрищъ удалой деревенской молодежи.

На страницѣ 43-й читаемъ: «Татары вообще народъ честный, и никогда никто изъ нихъ не посягнетъ на чужую собственность». Выводъ, непріятно поражающій преувеличеніемъ, такъ какъ ежегодно въ мѣстныхъ судахъ извѣстный процентъ осужденныхъ, — правда, незначительный,—приходится и на татаръ.

«Крымскіе караимы», сообщаетъ авторъ на стр. 15-й, «происходятъ отъ браковъ татаръ съ евреями, и потому они усвоили себѣ многіе татарскіе обычаи и даже одѣваются караимы по татарски, за исключеніемъ чалмы, вмѣсто которой носятъ шляпы» Нужно-ли говорить, какъ ребячески невѣжественно это смѣлое объясненіе происхожденія караимовъ, до сихъ поръ еще составляющаго въ наукѣ спорный вопросъ? Караимы — евреи, переселившіеся въ Крымъ, по мнѣнію Фирковича, около Рождества Христова и по мнѣнію другихъ—около VII или VIII вѣка. Въ Крыму они смѣшались съ вѣтвью козаръ, исповѣдовавшихъ еврейскую религію. Съ татарами караимы ничего общаго не имѣютъ, кромѣ языка, который караимы заимствовали отъ татаръ. Не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и рядомъ стоящее описаніе костюма караима, въ которомъ плоская татарская шапка изъ черныхъ мерлушекъ составляетъ наиболѣе характерный атрибутъ, сохраняемый нерѣдко караимами, даже облекшимися уже въ европейское платье.

Не думаемъ, чтобы сдѣланными указаніями мы могли заслужить упрекъ въ придирчивости. Мелочныя, повидимому, замѣчанія выростаютъ въ серьезныя обвиненія, когда дѣло идетъ о книгѣ, не фабрикованной для книжнаго рынка, а изданной и распространяемой съ цѣлями педагогическими.

Заканчиваемъ вопросомъ; какъ поступить съ разбираемой книгой—единственнымъ пока очеркомъ о Крымѣ въ народной литературѣ? Въ народныхъ школахъ Крыма она немыслима: не можетъ же учитель при выдачѣ книги указать на всѣ заключающіяся въ ней невѣрности, а безъ этихъ оговорокъ книга должна произвести весьма нежелательный въ педагогическомъ отношеніи эффектъ, роняющій въ глазахъ читателя какъ книгу, такъ и давшаго ее учителя, да и въ другихъ библіотекахъ въ настоящемъ своемъ видѣ является она малополезной.

Объ отсутствіи обдуманнаго педагогическаго плана у автора, кромѣ содержанія книги, свидѣтельствуетъ и приложенный къ ней альбомъ крымскихъ видовъ.

Мы не найдемъ въ немъ ни одной картины крымской жизни, ни одного характернаго пейзажа крымской природы. Таковыми были-бы, конечно, внутренность мечети во время молитвы; видъ деревни, сакель, узкихъ улицъ. съ мажарами и навьюченными лошадьми; изображеніе фонтана, какъ любимаго мѣста сборища самаго типичнаго люда; видъ бурнаго моря у одного изъ маяковъ; горной природы съ облаками, стелющимися ниже вершинъ; оживленной торговой улицы Бахчисарая; исполняющихъ свое служебное назначеніе верблюдовъ и буйволовъ и т. д. Приложенный же альбомъ составленъ изъ плохихъ видовъ городовъ, зданій, умѣстныхъ развѣ лишь въ разныхъ сувенирахъ для туристовъ, а не въ книгѣ для народа, имѣющей своею цѣлью ознакомить читателей съ своеобразной жизнью извѣстнаго уголка обширнаго отечества.

975) **Русское царство. Крымъ.** Природа, надѣленіе и особенности края. А. К. Завадскаго-Краснопольскаго. Спб. 1874 г. Ц. 15 к. 47 стр.

Въ заглавіи книги нѣтъ указаній на то, что она предназначалась авторомъ для народнаго чтенія или читателей-школьниковъ, но по нѣкоторымъ даннымъ мы имѣемъ право разсматривать ее какъ таковую. Право это даютъ намъ: заглавіе «Русское Царство», объемъ (47 стр. малаго формата), цѣна 15 к.; наконецъ, самое содержаніе. Съ первыхъ же строкъ мы встрѣчаемъ самыя элементарныя свѣдѣнія о Крымѣ, изъ чего заключаемъ, что авторъ не предполагаетъ въ своихъ читателяхъ ни малѣйшихъ знаній изъ отечественной географіи. Очевидно, цѣль писавшаго книгу — ознакомить съ однимъ изъ уголковъ обширнаго «Русскаго Царства» несвѣдущихъ дѣтей его. Какъ же выполняется эта задача? Очеркъ представляетъ нѣчто среднее между обыкновеннымъ учебникомъ географіи и плохимъ путеводителемъ, сообщающимъ обо всемъ понемногу и мимоходомъ. О достоинствахъ языка и доступности научныхъ объясненій можетъ дать понятіе слѣдующая выдержка: «Миражъ — явленіе, происходящее отъ того, что сильно нагрѣтый раскаленною почвой надземный воздухъ несравненно рѣже того воздушнаго слоя, который болѣе удаленъ отъ земной поверхности; а поэтому болѣе высокій и болѣе плотный слой воздуха является чѣмъ-то въ родѣ исполинскаго вогнутаго зеркала, въ которомъ отражаются предметы, которые на десятки и сотни верстъ удалены отъ наблюдателя» (стр. 15). Для кого это объясненіе? Кому извѣстно, какъ отражаетъ свѣто-

вые лучи вогнутое зеркало, для того, конечно, и миражъ—явленіе давно объясненное; а для незнакомаго съ физикой разъясненіе г. Завадскаго—тарабарская грамота. Въ популярномъ изложеніи авторъ не считаетъ неумѣстными такія слова, какъ: «туристъ», «комфортъ», «территорія», «миніатюрный», но зато обязательно поясняетъ такія слова, какъ: «Коранъ (священная книга магометанъ), мулла (духовное лицо)»,—оставляя въ то же время безъ всякихъ объясненій, что такое сталактиты, пещерные города. Дальнѣйшія доказательства того, что для однихъ книга г. Завадскаго ненужна, а для другихъ недоступна,—считаемъ излишними.

Отечествовѣдѣніе. Сост. Д. Семеновъ. Томъ II. (См. рец. № 950.)

Народы Россіи. Крымскіе татары. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (См. рец. № 934.)

10) *Кавказъ.*

976) **Завоеваніе Кавказа.** (Разсказъ изъ отечественной исторіи.) М. Острогорскаго. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 32 стр.

Содержаніе книги полнѣе ея заглавія. Въ четырехъ главахъ ея мы находимъ слѣдующее: географическое описаніе Кавказа, этнографическій очеркъ края, исторію его завоеванія и происхожденія и значенія мюридизма. Географическое описаніе — это страницы такого учебника, который вызубривается съ трудомъ и неохотой,—отмѣтки, экзамена ради, — но вовсе не описаніе, имѣющее цѣлью познакомить съ незнакомыми явленіями и предметами, каковы несомнѣнно—для читателей книги г. Острогорскаго—горы, снѣжныя вершины, южная природа, климатическія особенности горныхъ странъ, разнообразіе видовъ земной поверхности и т. п. Этнографическій очеркъ удался автору нѣсколько лучше, хотя также непріятно поражаетъ общими неопредѣленными выраженіями. Исторія завоеванія изложена обстоятельно. Описанія мюридизма, его вліянія на горцевъ, подвиговъ Шамиля прочлись-бы съ интересомъ, еслибы не языкъ и характеръ изложенія, которымъ затрудняешься подобрать подходящій эпитетъ. Пусть сами они говорятъ за себя. На стр. 15-й находимъ слѣдующее опредѣленіе исторіи: «Изъ всѣхъ народовъ Кавказа только грузины и армяне имѣютъ свою исторію, т. е. образовали государства, заявили себя въ наукахъ и искусствахъ, прославились военными подвигами и т. д. Все это, вмѣстѣ взятое, то есть всѣ событія прошедшей жизни народа, его постепенное развитіе, и составляютъ исторію народа».

И вся эта *философія*—въ книгѣ, предназначенной для едва грамотныхъ читателей!!!!

Послѣ краткаго объясненія сущности мюридизма, шаріата, тариката и казавата читаемъ: «Много причинъ влекло горца къ новому ученію: казаватъ удовлетворялъ его воинственнымъ наклонностямъ и предлагалъ широкое поле, гдѣ можно было разойтись во всѣ стороны его хищнической натурѣ: убѣжденіе, что онъ совершаетъ богоугодное дѣло, воспламеняло его фанатизмъ; надежда на добычу и всеобщее равенство манили каждаго бездомника и простолюдина». (Стр. 24.)

Стоитъ только сравнить этотъ языкъ съ тѣмъ, какимъ написаны разсказы Петрушевскаго, чтобы убѣдиться, что мы не требуемъ невозможнаго. Несомнѣнно, найдутся бойкія дѣти въ школахъ и усердные взрослые читатели, которые запомнятъ и повторятъ прочитанное въ книгѣ г. Острогорскаго, но это будутъ лишь слова, — слова, не отвѣчающія въ душѣ читателей ни одному живому образу и представленію.

Въ книгѣ отсутствуютъ какъ карта Кавказа, такъ и рисунки. Для народной библіотеки книга не имѣетъ значенія.

А. К.

Примѣч. См. рец. «Системат. Обзоръ Русской Народно-Учебной Литературы», 1878 г., стр. 633.

---

977) **Край крещенаго свѣта.** Книга 4-я. *Русскія горы и Кавказскіе горцы.* Разсказъ С. Максимова. Изданіе 3-е. — Товарищества «Общественная Польза». Спб. 1878 г. Ц. 8 к. 63 стр.

Въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, тяжелымъ языкомъ на 63-хъ страницахъ разсказываетъ авторъ о русскихъ горахъ вообще, затѣмъ о кавказскихъ—и ихъ жителяхъ и, наконецъ, о завоеваніи Кавказа.

Вся книга по содержанію и изложенію представляетъ непривлекательное сочетаніе сухости и детальности учебника географіи съ безсодержательностью, блѣдностью, безсистемностью плохаго журнальнаго очерка, предназначеннаго для читателей, до которыхъ автору нѣтъ дѣла.

Ни климатическія особенности горныхъ странъ, ни вліяніе ихъ на жизнь и характеръ жителей, ни отличительныя черты нашихъ кавказскихъ горцевъ не узнаются прочитавшими разбираемую книгу. А между тѣмъ обо всемъ этомъ говоритъ г. Максимовъ и говоритъ пространно, но какъ говоритъ! Жизнь горцевъ характеризуется имъ, между прочимъ, такъ: «Горцы живутъ въ совершенномъ уединеніи внутри своей семьи и не имѣютъ часто никакихъ сношеній съ сосѣдями. Дома они довольствуются самой скудной пищей, живутъ въ самыхъ бѣдныхъ и несчастныхъ жилищахъ, называемыхъ саклей». Но вѣдь и курная изба, и подвальное помѣщеніе городскаго бѣдняка могутъ быть названы «бѣднымъ, несчастнымъ жилищемъ». Гдѣ же тутъ описаніе ютящейся на крутизнѣ или прилѣпленной къ скалѣ, словно ласточкино гнѣздо, сакли съ ея плоской земляной кровлей, рѣшетчатыми окнами безъ стеколъ?

А вотъ и другіе образцы такъ же много сообщающихъ описаній: «Поля въ Кахетіи орошаются при помощи искусственныхъ средствъ, извѣстныхъ здѣсь съ древнѣйшихъ временъ» (стр. 47). Или: «Мингрельцы важны, неразговорчивы, блѣдны лицомъ, повидимому страдаютъ недугами, хотя въ самомъ дѣлѣ здоровы и крѣпки. Они храбры, щекотливы на счетъ чести». (Стр. 50).

Не забыта авторомъ и лезгинка: на стр. 48-й читаемъ: «Грузины — самый веселый народъ на свѣтѣ: любятъ забавы, пляски и пѣсни; подъ звуки зурны (родъ флейты) выхаживаютъ (?) они свой народный танецъ, называемый лезгинкой, при помощи мужчинъ, обязанныхъ на маленькомъ пространствѣ сильно вертѣться и размахивать руками по татарски (?)».

Надѣемся, что приведенныя выдержки подтверждаютъ сказанное нами выше. Не смотря на крайнюю дешевизну, не считаемъ возможнымъ рекомендовать эту книгу для народной или школьной библіотеки.

А. К.

Примѣч. См. рец. «Система т. Обзоръ Русской Народно-Учебн. Лит.» 1878 г. стр. 498; «Мірское Слово» 1876 г. № 47.

978) **Очерки Кавказской войны.** Сост. Е. Вишняковъ. Спб. 1872 г. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Ц. 20 к. 86 стр.

То же въ 1874 году избрано для печати Коммиссіею Педагогическаго Отдѣла по составленію чтеній для народа и издано подъ заглавіемъ:

979) **Кавказъ и Кавказская война.** Е. Вишнякова. Спб. 1874 г. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Бесѣды 1-я, 2-я, 3-я и 4-я. Цѣна каждой 25 к.

Бесѣды г. Вишнякова не имѣютъ ничего общаго съ книгами гг. Максимова и Острогорскаго. Съ первыхъ же словъ даетъ себя знать человѣкъ, знакомый съ силами и умственнымъ запасомъ своей аудиторіи. Въ теченіе всего разсказа вы не перестаете чувствовать, во 1-хъ, опытнаго разказчика-автора, во 2-хъ, — читателя или слушателя, жителя безпредѣльныхъ нашихъ равнинъ или обитателя городскихъ переулковъ, котораго увлекаетъ за собой авторъ въ невѣдомую для него, мало похожую на все имъ видѣнное до сихъ поръ, страну и жизнь. Предъ глазами читателя—не строчки съ мудреными словами, а самъ «распогибельный Кавказъ», о которомъ онъ и въ пѣснѣ слышалъ, и изъ разсказовъ солдата-николаевца когда нибудь познакомился, — Кавказъ съ его пропастями, горными громадами, гибельными для солдата, жителя равнинъ, горными переходами, вѣроломными горцами, изъ-за каждаго камня стерегущими врага-русскаго съ кинжаломъ или винтовкой.

Г-ну Вишнякову удалось вполнѣ изображеніе именно «распогибельнаго», не мирнаго Кавказа въ моментъ его наиболѣе ожесточенной борьбы (казавата) съ русскими войсками. Кавказъ мирный, съ его своеобразной жизнью, носящей на всемъ отпечатокъ своеобразной природы, получился въ слишкомъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Эта часть въ книгѣ слаба. Да и не на нее обращено было главное вниманіе разказчика. И въ этой неудавшейся части нельзя не отмѣтить крупнаго достоинства—отсутствія «географіи» и «исторіи» въ томъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ ихъ на страницахъ сухихъ учебниковъ.

Трудности и опасности, перенесенныя войсками нашими во время войны, тревожная жизнь линейныхъ козаковъ, отношенія горцевъ къ русскимъ, появленіе Шамиля, сила и значеніе его, какъ проповѣдника мюридизма, послѣдніе годы войны, взятіе Шамиля и окончательное завоеваніе Кавказа—вотъ содержаніе очерковъ г. Вишнякова.

Въ продажѣ разбираемые очерки имѣются лишь въ изданіи журн. «Досугъ и Дѣло», а изданныя чтенія для народа въ Соляномъ Городкѣ разошлись, за исключеніемъ 1-й бесѣды. Въ послѣднихъ содержаніе явилось дополненнымъ и украшеннымъ очень хорошими рисунками, чѣмъ и заслуживаетъ предпочтенія.

Нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія вновь этой единственной пока хорошей книги о Кавказѣ во второмъ ея видѣ съ тѣми же рисунками, но болѣе дешевой: въ изданіи журнала «Досугъ и Дѣло» она стоила 20 к., а теперь всѣ четыре бесѣды обходятся въ рубль (каждая 25 к.). Языкъ, хотя хорошій и теперь, могъ бы быть проще. Бесѣды г. Вишнякова — несомнѣнно прекрасный матеріалъ для публичнаго народнаго чтенія, а также и для самостоятельнаго чтенія взрослыхъ и школьниковъ.

Вопросы:

Чѣмъ отличается жизнь горца отъ жизни крестьянъ-землепашцевъ?

Сравните мѣстность, въ которой живете, съ Кавказомъ?

Разскажите о нравахъ горцевъ?

Когда былъ завоеванъ Кавказъ? (1859 г.).

Кто былъ Шамиль? какое проповѣдовалъ ученіе? *А. К.*

Примѣч. См. рец. «Сист. Обзоръ Русск. Народно-Учебной Литер.» 1878 г., стр. 634. «Наша Начальн. Школа» 1877 г. № 12, стр. 39.

Кромѣ того, свѣдѣнія о Кавказѣ могутъ быть почерпнуты изъ слѣдующихъ книгъ:

Отечествовѣдѣніе. Сост. Д. Семеновъ. Т. III. *Кавказъ и Уралъ*. (Рец. см. № 950).

Народы Россіи. Черкесы и Абхазцы. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». (Рец. см. № 935).

980) **Казаки и Пластуны.** Историческо-военный очеркъ П. Я. Бугайскаго. Спб. 1877 г. Ц. 20 к. 46 стр.

Первыя 23 страницы посвящены исторіи козачества Днѣпровскаго и Донскаго. Глава II описываетъ находчивость и отвагу козачки Миронихи, убившей трехъ горцевъ, взявшихъ ее въ плѣнъ. Глава III—набѣгъ; глава IV — тревогу въ станицѣ; глава V — пластуновъ.

Книга не отличается ни достоинствомъ содержанія, ни хорошимъ языкомъ. При очеркахъ Вишнякова въ библіотекѣ она является лишней. *А. К.*

---

981) **Кавказскій плѣнникъ.** Разсказъ графа Льва Николаевича Толстаго *). Народная библіотека. Москва. 1883 г. Ц. 5 к. 32 стр. Тоже—изданіе Посредника. Ц. $1^1/_2$ к.

Содержаніе разсказа слѣдующее: русскій офицеръ Жилинъ служилъ на Кавказѣ (дѣло происходитъ во время войны нашей съ кавказскими горцами). Получаетъ онъ письмо отъ старушки матери, которая соскучилась по сынѣ и зоветъ его на родину. Жилинъ отправился домой вмѣстѣ со своимъ товарищемъ; дорогой они попались въ плѣнъ къ татарамъ и были отвезены въ аулъ, гдѣ ихъ держали въ надеждѣ получить выкупъ; но сумма, которую требовали татары, была бы разорительна для бѣдной матери Жилина, и вотъ онъ рѣшился выждать благопріятнаго времени и бѣжать.

Жизнь Жилина въ плѣну устроилась сравнительно лучше, чѣмъ жизнь его товарища, благодаря дѣятельному, подвижному, общительному характеру перваго. Чего только не зналъ Жилинъ! Одному татарину онъ чинитъ часы, другому поправляетъ замокъ, плететъ корзинки, лечитъ больныхъ; молодежь аула въ восторгѣ отъ глиняныхъ куколъ, которыя Жилинъ былъ мастеръ лѣпить. Особенно же привязалась къ нему дочь хозяина-татарина Дина, добрая дѣвочка. Совершенную противоположность представлялъ Костылинъ (товарищъ Жилина): вялый, апатичный, по цѣлымъ днямъ онъ только сидѣлъ въ сараѣ, ничего не дѣлая, и дожидался, когда пришлютъ за него выкупъ.

Жилинъ, пользуясь расположеніемъ татаръ *), пріобрѣлъ нѣкоторую свободу. Однажды онъ отправился въ сопровожденіи татарина на гору подъ предлогомъ собирать травы, необходимыя ему для леченія татаръ; высмотрѣлъ съ возвышенности окрестности, сообразилъ, въ которую сторону слѣдуетъ бѣжать, и въ одну темную ночь, когда татары уѣхали на праздникъ, плѣнники выбрались изъ аула. Дорогой Костылинъ выбился изъ силъ; каждая минута замедленія была для нихъ гибельна, а Костылинъ не могъ тронуться съ мѣста. Жилинъ не рѣшился оставить товарища на произволъ судьбы,— взвалилъ его къ себѣ на плечи и тащилъ такимъ образомъ больше версты. Но татары таки настигли ихъ и опять отвезли въ тотъ же аулъ.

Жизнь плѣнныхъ послѣ бѣгства стала невыносимо тяжела. Они были посажены въ сырую, душную яму, куда имъ бросали почти сырое тѣсто и спускали воду въ кувшинѣ. Спасибо, что не забыла Жилина Дина, татарская дѣвочка: она, сколько могла—старалась улучшить его существованіе,—бросала въ яму пищу, и, провѣдавъ однажды, что татары, подстрекаемые стариками-фанатика-

*) См. также «Четвертую русскую книгу для чтенія» гр. Л. Н. Толстаго.

*) Такъ названы графомъ Л. Н. Толстымъ горцы.

ми, рѣшили убить плѣнниковъ, Дина помогаетъ Жилину бѣжать, а Костылинъ такъ расхворался отъ ужасной жизни въ ямѣ, что даже не былъ въ состояніи выбраться оттуда. Бѣглецъ еще разъ чуть-чуть было не попался татарамъ, но тутъ подоспѣлъ отрядъ козаковъ. Жилинъ, наконецъ, встрѣтился съ своими, а черезъ нѣсколько времени и Костылинъ былъ выкупленъ изъ плѣна.

Разсказъ Л. Н. Толстаго рельефно выдѣляетъ двѣ противоположныя личности—Жилина и Костылина. Невольно напрашиваются на сравненіе энергичный, находчивый Жилинъ и его апатичный товарищъ, быстро теряющій присутствіе духа. Самоотверженность Жилина, когда онъ не хочетъ писать матери о выкупѣ, и въ особенности когда онъ тащитъ на плечахъ обезсилѣвшаго товарища, спасаясь отъ татаръ, хорошо передана въ разсказѣ и притомъ безъ всякой натянутости и излишняго эффекта; поступокъ Жилина такъ просто объясняется имъ самимъ: «бросить товарища не годится», говоритъ онъ въ отвѣтъ на убѣжденія Костылина—оставить его и спастись хотя самому; а между тѣмъ самые факты изъ жизни Жилина неотразимо дѣйствуютъ на читателя, благодаря естественности и художественности изображенія. Характеръ Жилина интересенъ еще въ одномъ отношеніи: Жилинъ представляетъ собою примѣръ человѣка, который, благодаря разносторонности практическихъ свѣдѣній, нигдѣ не потеряется и даже среди обстановки враждебной ему съумѣетъ найти дѣло и пріобрѣсти уваженіе. Опять нельзя не сопоставить его съ Костылинымъ, который вездѣ способенъ играть только пассивную роль.

«*Кавказскій плѣнникъ*» даетъ нѣкоторое понятіе о войнѣ съ кавказскими горцами, простое, вполнѣ доступное дѣтямъ описаніе природы Кавказа, — описаніе, органически связанное вездѣ съ нитью разсказа, а также изображеніе жизни татарскаго аула, съ которой пришлось близко познакомиться плѣннику. Вы находите здѣсь описаніе жилища, одежды, пищи, нѣкоторыхъ обычаевъ и религіозныхъ обрядовъ; такъ, напримѣръ, довольно подробно говорится объ обрядѣ погребенія (стр. 62—63). Передъ вами нѣсколько художественно-очерченныхъ татарскихъ типовъ, какъ—Дина, ея отецъ и старикъ-фанатикъ, требующій смерти русскихъ плѣнниковъ. Однимъ словомъ, читатель «Кавказскаго плѣнника» переносится художникомъ къ Кавказскимъ горамъ, въ татарскій аулъ, въ среду горцевъ.

Разсказъ доступенъ всѣмъ возрастамъ и долженъ имѣть мѣсто въ каждой школьной библіотекѣ.

Вопросы:

Въ какое время служилъ Жилинъ на Кавказѣ?

Чѣмъ Кавказъ отличается отъ нашей стороны?

Похожи ли другъ на друга Жилинъ и его товарищъ?

Кому изъ нихъ лучше жилось у татаръ, и почему?

Какъ живутъ татары, одѣваются, убираютъ дома?

Что они ѣдятъ? Какіе у нихъ обычаи? Какъ татары молятся Богу? Какъ хоронятъ мертвыхъ? *О. Р.*

---

982) **Три разсказа. 1. Рабъ честнаго слова. 2. Тарасъ Бульба. 3. Судъ отца.** Изд. журнала «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1872 г. Ц. 25 к. 96 стр.

Говоримъ лишь о первомъ и третьемъ разсказахъ, такъ какъ «Тарасъ Бульба» долженъ имѣться въ библіотекѣ не въ отрывкахъ, какъ здѣсь, а весь.

«Рабъ честнаго слова»—быль изъ кавказской жизни, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Описывается тяжелая жизнь офицера Кошмарова въ плѣну у горцевъ. Отъ другаго плѣнника узнаетъ онъ о томъ, что его считаютъ убитымъ и исключили изъ списковъ,—что жена его, долго горевавшая, вышла недавно замужъ. Вѣсти эти повергаютъ въ отчаянье Кошмарова, который много разъ писалъ въ крѣпость, прося начальство о выкупѣ его, и не терялъ надежды на избавленіе. Кошмаровъ заслужилъ любовь и уваженіе горцевъ; сынъ его владѣтеля—Урьту соглашается отпустить Кошмарова на нѣсколько дней повидаться съ женой, но беретъ съ него слово, что онъ возвратится къ нимъ, такъ какъ освобожденіе плѣнника-врага покрыло бы позоромъ его и отца. Кошмаровъ отправляется къ своимъ, находитъ жену и дочь, но, вѣрный данному слову, возвращается къ назначенному сроку. Потрясенный радостью свиданія съ своими, онъ чувствуетъ невозможность влачить дальше жизнь плѣнника, вызываетъ Урьту на поединокъ и умираетъ отъ удара кинжала. По словамъ автора, этотъ разсказъ—не вымыселъ, а случай изъ дѣйствительной жизни на Кавказѣ.

Вопросы:

Какія опасности грозили прежде русскимъ, служившимъ на Кавказѣ?

Хорошо ли поступилъ Кошмаровъ, не измѣнивъ данному слову?

«Судъ отца» (кавказская быль).

Нельзя не придавать особой цѣны такимъ бытовымъ разсказамъ, какъ названный. Значеніе ихъ слѣдующее: сухія опредѣленія изъ книгъ-учебниковъ получаютъ сразу живую подкладку, изъ словъ, ничего неговорящихъ уму и сердцу читателя, становятся образами; такъ напримѣръ, вышеназванный разсказъ служитъ прекрасной иллюстраціей для слѣдующей, положимъ, общей характеристики горца: «Горцы жестоки, мстительны, корыстолюбивы; крѣпко держатся своихъ обычаевъ и вѣрованій».

Содержаніе очерка.—Не благословилъ той семьи Аллахъ, которой не даровалъ сына. Послѣ трехъ дочерей, наконецъ то, лезгинъ Сафаръ дождался сына, которымъ гордится, тѣшится. Однажды сосѣднюю саклю ограбили разбойники. Сафаръ съ другими горцами бросается искать грабителей, чтобы расправиться съ ними по жестокому своему обычаю. Въ отсутствіе его къ саклѣ подбирается горецъ въ лохмотьяхъ и молитъ сына Сафара спрятать его отъ преслѣдующихъ его русскихъ. Джафаръ (имя сына) соглашается, подкупленный патронами, предложенными бѣглецомъ, и прячетъ его въ стогъ сѣна. Являются преслѣдователи. На всѣ вопросы о бѣглецѣ Джафаръ отвѣчаетъ хитро и уклончиво; наконецъ, соблазнившись серебряными монетами, которыя даетъ ему офицеръ, указываетъ на стогъ. Спрятавшійся горецъ—тотъ самый разбойникъ, котораго искалъ и отецъ мальчика. Сафаръ приходитъ къ саклѣ, радуется поимкѣ грабителя, но, узнавъ, какое участіе принималъ въ этомъ сынъ, дрожитъ, блѣднѣетъ, плюетъ на порогъ сакли, глухо проговоривъ: «домъ измѣнника!» Онъ уводитъ сына въ ущелье, спокойно прицѣливается и убиваетъ его. «Да проститъ его Аллахъ!» говоритъ онъ рыдающей надъ трупомъ женѣ.

Прекрасное чтеніе для всѣхъ возрастовъ и для публичнаго народнаго чтенія.

Вопросы:

Почему Сафаръ, самъ искавшій бѣглеца Наки, чтобы наказать его, такъ строго осудилъ сына?

Назовите, что̀ есть хорошаго и что̀ дурнаго въ характерѣ и обычаяхъ горцевъ?

Какъ называлось племя горцевъ, о которомъ упоминается?

Какую вѣру исповѣдуютъ лезгины?

Былъ ли правъ отецъ, убивъ своего сына?

Такъ ли долженъ бы былъ поступить христіанинъ? *А. К.*

Примѣч. См. рец. «Системат. Обзоръ Русск. Народно-Учебной Литературы» 1878 г., стр. 221.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

Разсказы *«Рабъ честнаго слова»* и *«Судъ отца»* были прочитаны подростками сельской школы съ величайшимъ интересомъ. Не смотря на значительное количество неизвѣстныхъ словъ, каковы: *импровизаторы*, *маркитанты* и др., разсказъ «Рабъ честнаго слова» былъ понятъ до тонкостей и переданъ превосходно. На вопросы: гдѣ происходитъ дѣйствіе и о какомъ народѣ говорится въ немъ, ученики отвѣчали вполнѣ правильно. На послѣдній вопросъ, поставленный при рецензіи: «хорошо ли поступилъ Кошмаровъ, не измѣнивъ данному слову?»—получился слѣдующій отвѣтъ: «Хорошо! какъ сказалъ, такъ и исполнилъ. Другой не возвратился бы, остался съ женою, а этотъ все покинулъ, лишь бы слово свое сдержать; за то даже враги вѣрили ему, любили его и уважали за его правду».

При громкомъ чтеніи того же разсказа я сдѣлала наблюденія, что мало-подготовленныхъ слушателей чрезвычайно затрудняетъ смѣна сценъ; такъ напр., читаешь главу IV—«Возвращеніе Кошмарова», затѣмъ переходишь къ главѣ V—«Комендантъ крѣпости», причемъ происходитъ, такъ сказать, перемѣна декорацій; вотъ тутъ-то слушатели никакъ не могутъ отрѣшиться отъ только что полученныхъ впечатлѣній: имъ кажется, что рѣчь идетъ не о новомъ лицѣ—комендантѣ, а все о томъ же Кошмаровѣ, и они никакъ не могутъ взять въ толкъ, что имъ

предписывается забыть на время интересующаго ихъ героя и заняться новымъ, неизвѣстнымъ имъ лицомъ.

Необходимо отчасти замѣтить еще и слѣдующее (говорю это по опыту): начиная громкое чтеніе, учитель долженъ читать медленно и отчетливо, пока ученики не ознакомятся съ дѣйствующими лицами и не освоятся съ ходомъ разсказа. Тогда чтеніе можетъ ускоряться и постепенно достигнуть своей обычной нормы не въ ущербъ пониманію слушателей.

По окончаніи чтенія я слышала, какъ одинъ мальчикъ, менѣе развитой, спросилъ другаго, болѣе развитаго:

— И зачѣмъ онъ дрался съ Урьту?

— Его тоска сильно мучила, отвѣчалъ тотъ.—Ужъ онъ такъ себѣ задумалъ: либо жить какъ слѣдуетъ, либо помереть!

Я много разъ замѣчала, что разговоры дѣтей о прочитанномъ внѣ класса служатъ вѣрнымъ признакомъ того, что разсказъ оставилъ глубокое впечатлѣніе.

Не съ меньшимъ интересомъ прослушали они также и «*Судъ отца*». По окончаніи чтенія слушатели оказались союзниками Сафара и засудили бѣднаго Джафара не на животъ, а на смерть.

— Отецъ былъ правъ! говорили они:—развѣ можно человѣка продать?—На приманки польстился!—Предателямъ нельзя прощать! и т. д.

— Когда же я предложила вопросъ:—Такъ ли долженъ былъ поступить христіанинъ?—слушатели задумались.

— Нѣтъ, христіанинъ сына своего не убьетъ, сказалъ одинъ.

— У насъ судили бы и сослали, сказалъ другой.

Раздались и слѣдующія замѣчанія:

— Іисусъ Христосъ велѣлъ платить за зло добромъ!—У насъ можно покаяться, и тогда Богъ проститъ.

Расходясь, слушатели говорили о «Кавказскомъ плѣнникѣ» и вспоминали Жилина. Такого рода сближенія прочитаннаго — не рѣдкость, какъ замѣчала я.

---

983) **Сочиненія А. С. Пушкина**. Томъ II. **Галубъ**. Изд. 8-е. Москва 1882 г. Изд. Ф. И. Анскаго.

984) **Сочиненія Лермонтова**. Томъ II. **Бѣглецъ**.

Прекрасными иллюстраціями жизни и характера горцевъ служатъ: «Бѣглецъ» Лермонтова, «Галубъ» и отрывки изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина. Намъ случалось читать ихъ вслѣдъ за сообщеніемъ географическихъ свѣдѣній о Кавказѣ. Слушались они съ восторгомъ, а письменныя переложенія ихъ, сдѣланныя слушательницами, не оставляли сомнѣнія въ томъ, какъ прекрасно поняты художественные образы, какъ вѣрно сдѣлано обобщеніе, данныя для котораго были взяты учащимися изъ поэтическаго произведенія и дѣловаго матеріала урока географіи и географическаго очерка о Кавказѣ.

А. К.

Прилагаемъ характеристики горца и Галуба, сдѣланныя 19-ти-лѣтнею *Анной Г—ко* на 4-мъ году обученія въ воскресной школѣ.

«Истый чеченецъ, высокій, стройный, важный, храбрый, неустрашимый ничѣмъ, свирѣпый. Ему необходимо заниматься разбойничествомъ: для того чтобы добывать средства, онъ долженъ нападать на проѣзжихъ купцовъ съ товаромъ и грабить ихъ и убивать; еще онъ защищать долженъ своихъ родственниковъ или своего друга до послѣдней капли крови, защищать и отомстить смертью за смерть.

«Тазитъ былъ очень скромный и добродушный: онъ не могъ жить такъ, какъ его отецъ, ни грабежомъ, ни убійствомъ. Онъ пропадалъ по 3 дня и по 3 ночи, и видѣлъ проѣзжающаго съ товаромъ армянина и не могъ напасть на него и ограбить. Онъ видѣлъ убійцу своего брата раненнымъ и не могъ заплатить смертью за смерть брата своего роднаго; и за то, что онъ не принесъ отцу голову убійцы, онъ былъ проклятъ и изгнанъ своимъ отцомъ.

«Христіане отнеслись бы къ Тазиту очень дружелюбно и съ восторгомъ приняли бы его въ свое общество».

«Набѣгъ черкесовъ». Александра Бестужева.

«Подвигъ двухъ русскихъ офицеровъ за Кавказомъ».—Александра Бестужева. (*«Пчела»*. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Сост. П. Щербина. См. рец. № 796.)

B) АЗІАТСКАЯ РОССІЯ.

985) **Сибирь. Краткое землеописаніе.** Сост. С. Турбинъ. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1871 г. Ц. 35 к. 142 стр.

Въ народной литературѣ нѣтъ очерка, содержащаго полное описаніе Сибири, исторіи ея заселенія русскими, описанія ея природы и туземныхъ жителей. Читатель, совершенно незнакомый съ этой частью отечества изъ школьнаго курса, можетъ почерпнуть свѣдѣнія о Сибири изъ 12-й главы книги «Наши землепроходцы»—Д. Садовникова и изъ географіи Пуцыковича, гдѣ найдетъ и изображенія нѣкоторыхъ инородцевъ.

Книга г. Турбина «Сибирь» начинается историческимъ очеркомъ о покореніи Сибири; затѣмъ слѣдуетъ описаніе сѣверной, средней и южной Сибири, а потомъ описаніе каждой губерніи и ея главныхъ городовъ.

Къ сожалѣнію, въ книжкѣ нѣтъ предисловія, а потому мы не могли узнать, для кого она предназначена: для учителей, желающихъ повторить курсъ географіи, для гимназистовъ, готовящихся къ экзамену, или же для любознательныхъ простолюдиновъ.

По формѣ изложенія и по массѣ собственныхъ именъ правильнѣе всего будетъ заключить, что авторъ хотѣлъ написать учебникъ. Дать въ руки ученику эту книгу для самостоятельнаго чтенія можно было бы только для испытанія его усидчивости и терпѣнія, такъ какъ она написана скучнымъ, тяжелымъ языкомъ, а множество именъ собственныхъ (ихъ больше, чѣмъ въ гимназическомъ учебникѣ Мостовскаго) не можетъ быть усвоено даже при помощи географической карты, приложенной къ книгѣ.

А. И.

---

986) **Краткое описаніе карты Азіатской Россіи.** (Съ приложеніемъ хромолитограф. карты Азіатской Россіи.) Изд. ред. журн. «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1880 г. Ц. 10 к. 20 стр.

Изданное редакціею журн. «Чтеніе для солдатъ» краткое описаніе карты Азіатской Россіи отличается тѣми же особенностями, какъ и описаніе карты Европейской Россіи, а потому, чтобы не повторять сказаннаго, ссылаемся на рец. (см. № 926). *А. К.*

---

987) **Западная Сибирь. Инородцы.** Изд. Общ. расир. полезн. книгъ. Книжка для школъ. № 30. Москва. 1871 г. Ц. 5 к. 48 стр.

Небольшая книжечка эта разсказываетъ о жизни сибирскихъ инородцевъ: вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ. Чтеніе не затрудняется обиліемъ собственныхъ именъ и излишнихъ подробностей. Главное мѣсто отдано фактамъ, характеризующимъ религіозныя и нравственныя представленія названныхъ племенъ. Въ этомъ отношеніи книга заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ ни въ одномъ изъ многочисленныхъ очерковъ о тѣхъ же инородцахъ мы не находимъ столько интересныхъ фактовъ, ярко рисующихъ умственную и душевную жизнь человѣка-дикаря. Иллюстрація текста рисунками въ такихъ культуръ-историческихъ очеркахъ является настоятельно необходимой, какъ напримѣръ: изображеніе идоловъ; шаманскихъ плясокъ и заклинаній, похоронныхъ церемоній и др. Благодаря балласту въ видѣ собственныхъ именъ, трудныхъ оборотовъ рѣчи и излишнихъ подробностей, книга можетъ читаться съ интересомъ лишь развитыми читателями, какъ взрослыми, такъ и малолѣтними.

Прилагаемые *вопросы* даютъ достаточное понятіе о содержаніи:

Гдѣ живутъ остяки?

Каковы ихъ идолы и какъ служатъ имъ?

Почему кладутъ въ могилу съ покойникомъ вещи, которыя ему были нужны при жизни?

Какъ относится остякъ къ женѣ, дѣтямъ, соплеменнику и чужеземцу?

Опишите его жилище, домашнихъ животныхъ.

Чему поклоняются самоѣды?

Какъ смотрятъ на женщину?

Опишите сватовство и свадьбу.

Безъ кого не могъ бы жить самоѣдъ на своей холодной родинѣ?

Кто такіе шаманы?

Почему имѣютъ они такую власть надъ описанными племенами?

Чѣмъ задобриваютъ они своихъ боговъ?

О другихъ сибирскихъ инородцахъ см. очерки Максимова (рец. № 921).

А. К.

---

988) **О богатствахъ сѣверныхъ окраинъ Сибири и народахъ, тамъ кочующихъ.** Сост. по матеріаламъ, собраннымъ М. Сидоровымъ, В. Р. Спб. 1873 г. Ц. 20 к. 19 стр.

Содержаніе книги соотвѣтствуетъ заглавію:

это не систематическое описаніе цѣлаго края, а рядъ отрывочныхъ свѣдѣній о физическомъ богатствѣ и этнографіи Сибири. Авторъ начинаетъ съ подробнаго описанія устройства термометра. Это описаніе, по нашему мнѣнію, не достигаетъ цѣли, потому что ознакомиться съ этимъ снарядомъ возможно лишь въ бесѣдѣ, показывая слушателямъ градусникъ и дѣлая при посредствѣ его опыты измѣренія температуры. Автору слѣдовало по крайней мѣрѣ объяснить практическое и научное значеніе измѣреній температуры, а этого, къ сожалѣнію, нѣтъ въ книгѣ.

Далѣе описываетъ онъ свое путешествіе по Нижней Тунгузкѣ, обиліе дикихъ птицъ и животныхъ, горящій въ землѣ залежъ каменнаго угля, причемъ разсказываетъ о происхожденіи каменнаго угля, о значеніи его и вредѣ истребленія лѣсовъ. Далѣе сообщаются нѣкоторые факты о бытѣ инородцевъ, дающіе понятіе о ихъ нравственныхъ представленіяхъ, о способности и готовности тунгусовъ учиться: описывается польза, приносимая людямъ оленями и собаками, устройство чумовъ и лыжъ; въ заключеніе упоминается о первыхъ попыткахъ русскихъ проникнуть въ Сибирь.

Разсказъ мѣстами непріятно поражаетъ отрывочностью и неправильностями языка. Какъ сказано выше, авторъ не задавался полнымъ, всестороннимъ описаніемъ Сибири, а потому книга эта можетъ читаться лишь читателями, уже знакомыми съ описываемымъ краемъ. Лицу, руководящему чтеніемъ, слѣдуетъ разъяснить читателямъ слѣдующія строки въ книгѣ, могущія дать невѣрныя понятія: о быстротѣ роста въ Сибири въ благопріятное время года различныхъ растеній сообщается на 4-й страницѣ: «Если наблюдать за ростомъ травъ, то на каждыя сутки приходится почти до двухъ вершковъ прироста. Иногда замѣтно, какъ на стеблѣ распускается цвѣтокъ за цвѣткомъ». Преувеличеніе, относящее сказанное къ числу небылицъ. Не болѣе вѣрно и точно и слѣдующее сообщеніе на страницѣ 6-й: «Пожаръ этотъ начался за 180 лѣтъ до нашего времени. Чтобы убѣдиться, что это горитъ подъ землею каменный уголь, мы разрыли землю на четверть аршина и нашли уголь, мы разрыли раскаленные угольи».

Лучшимъ является несомнѣнно не текстъ, а пять большихъ рисунковъ. Въ книгѣ не находится ни объясненія ихъ содержанія, ни даже ссылокъ на нихъ; если-бы не подписи подъ ними, то читатель не зналъ-бы, для чего они находятся въ книгѣ. Изображаютъ они слѣдующее: группу инородцевъ-рыбаковъ: охоту остяковъ за оленями; танецъ шамановъ; пиръ самоѣдовъ у туши убитаго оленя; сѣверное сіяніе; чукчей у тѣла покойника.

Въ библіотекѣ народной книга можетъ имѣть мѣсто только благодаря рисункамъ и бѣдности на книги о Сибири. Пригодна для развитыхъ читателей всѣхъ возрастовъ.

Вопросы:

Видѣли ли вы градусникъ? чѣмъ полезенъ этотъ снарядъ?

Разскажите, что изображаютъ картинки этой книги?

Назовите необходимыхъ въ Сибири домашнихъ животныхъ.

Приведите примѣры хорошихъ качествъ сибирскихъ инородцевъ.

А. К.

Примѣч. См. реценз. «Сибирь», 1875 г. № 16.

---

989) **Русское Царство. Коряко-Чукотскій край и Камчатка.** А. К. Завадскаго-Краснопольскаго. Спб. 1874 г. Ц. 20 к. 65 стр.

Съ цѣлями автора знакомятъ насъ слѣдующія строки предисловія: «Предлагая читателю очерки *«Русскаго Царства»*, я имѣлъ въ виду прежде всего: пополнить, хотя до извѣстной степени, видный пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ русскихъ людей *«О Русской землѣ»*. Этотъ пробѣлъ чувствуется всѣми, не исключая даже тѣхъ, которые имѣли возможность получить высшее образованіе; а потому задача моя будетъ до извѣстной степени выполнена уже и тогда, когда хотя въ нѣсколькихъ десяткахъ русскихъ людей, прочитавшихъ какой-либо изъ моихъ «очерковъ», явится желаніе къ изученію особенностей Русской земли въ разныхъ мѣстностяхъ Русскаго Царства».

Слѣдовательно, мы не имѣемъ права предъявлять къ книгѣ тѣ же требованія, что къ книгѣ, спеціально написанной для народа. Наша задача ограничивается лишь указаніемъ на то, можно ли воспользоваться ею и для читателей изъ народной среды. Авторъ пользовался для своего очерка записками американца Кеннана.

Лучшая часть книги—описаніе быта коряковъ, чукчей и якутовъ, содержательное и интересно изложенное (стр. 14—38). Эти страницы прочтутся съ интересомъ и читателемъ-простолюдиномъ, но остальная часть книги представитъ для него непреодолимыя трудности въ языкѣ и характерѣ изложенія, о чемъ могутъ дать понятіе слѣдующія строки на стр. 5-й: «Отдаленность восточной окраины Русской земли отъ Петербурга—средоточія русской жизни и русской мысли—по-

ставила этотъ край въ такое отношеніе къ государству, что у насъ почти не получается о немъ никакихъ свѣдѣній, и русскіе географы о крайнемъ сѣверо-востокѣ Русской земли знаютъ гораздо меньше, чѣмъ русскіе астрономы о кольцахъ Сатурна,—или русскіе орнитологи—о расположеніи перьевъ у американской колибри». Въ этихъ строкахъ найдется десятокъ понятій, недоступныхъ читателямъ, которыхъ мы имѣемъ въ виду, а эти десятки на каждой страницѣ заслонятъ, конечно, отъ него и общій смыслъ прочитаннаго.

А. К.

Примѣч. См. реценз. «Дѣло» 1874 г. № 2, стр. 14—16; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1874 г. № 83.

---

990) **Семирѣченская область.** Книжки для школъ. № 58. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1872 г. Ц. 15 к. 67 стр.

Для ознакомленія съ Семирѣченскою областью авторъ дѣлаетъ извлеченія изъ записокъ англичанина Аткинсона, проведшаго семь лѣтъ въ Сибири и исколесившаго всю южную часть этой страны то одинъ, то въ обществѣ своей неустрашимой молодой жены. Описывается подробно маршрутъ путешественниковъ, ихъ впечатлѣнія, сообщаются свѣдѣнія о природѣ и населеніи, но въ общемъ все это очень однообразно и бѣдно. Для читателя, незнакомаго съ географіей, совершенно недоступно.

Тотъ же характеръ носитъ и описаніе укрѣпленія Вѣрнаго, сдѣланное по сообщеніямъ М. Ванюкова.

Книга для народной библіотеки непригодна.

А. К.

---

991) **Туркестанскій край.** Книжка для школъ. № 59. Изд. Общ. распростр. полезн. книгъ. 76 стр. Москва. 1872 г. Ц 15 к.

Книга содержитъ: сухо-изложенный историческій очеркъ, административныя соображенія и слѣдовавшія за ними распоряженія, отрывки изъ путешествій—не художественные, малосодержательные. Языкъ совершенно недоступенъ читателю-простолюдину.

А. К.

Свѣдѣнія объ Азіатской Россіи имѣются еще въ слѣдующихъ книгахъ:

Отечествовѣдѣніе. Д. Семенова. Томъ IV. (См. № 950).

Наши землепроходцы. Д. Садовникова (См. № 1001).

Описаніе замѣчательныхъ русскихъ странъ и народовъ. А. Семенова. (См. № 952).

---

992) **Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ.** Львовича. Книжка 1-я. Степь. Спб. 1875 г. Ц. 20 к. 100 стр.

993) **Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ.** Львовича. (Съ 2 карт.). Книжка 2-я. Спб. 1876 г. Ц. 20 к. 66 стр.

Названные разсказы замѣтно выдѣляются изъ массы популярныхъ очерковъ, писанныхъ для народнаго чтенія, при просмотрѣ которыхъ приходишь къ убѣжденію, что читаться они не будутъ или по причинѣ сухости и подробности спеціальныхъ свѣдѣній, или вслѣдствіе безсодержательности и фразистости, ничего не дающихъ ни уму, ни чувству читателя. Съ первыхъ строкъ разсказовъ г. Львовича чувствуешь, что имѣешь дѣло съ иного рода писаніемъ; черезъ нѣсколько страницъ отъ книги ужъ оторваться не хочется. И не то чтобы написана она была художественно: нѣтъ, простота и дѣльность—вотъ что привлекаетъ въ ней. Разсказъ ведется отъ лица солдата, участника похода, а потому испещренъ прибаутками, остротами, лирическими отступленіями въ духѣ солдата-разсказчика,—впрочемъ, лишь въ очень немногихъ мѣстахъ обдающихъ слишкомъ густой атмосферой казармы; таковы—нѣкоторыя излишнія подробности въ свадебныхъ обрядахъ киргизовъ (53—58 стр.) и описанія озлобленія противъ неразлучныхъ съ русскимъ солдатомъ паразитовъ и истребленія ихъ (стр. 69). При новомъ изданіи было-бы крайне желательно изъятіе этихъ мѣстъ изъ очерка, дѣлающихъ чтеніе его несовсѣмъ удобнымъ для дѣтей.

Шагъ за шагомъ слѣдуете вы за разсказчикомъ въ трудномъ пути его по чужому краю, переживаете всѣ его впечатлѣнія и ощущенія. Все здѣсь ново, необычно для уроженца губерній средней Россіи. Вотъ нацѣпилъ онъ на фуражку холщевый фартукъ для защиты шеи и затылка отъ палящаго солнца, а, смотри, тутъ-же приходится думать и о фуфайкѣ шерстяной, которая лучше полушубка охраняетъ отъ пронизывающаго вѣтра и ночнаго холода; пошли степи со всякой птицей (стр. 14,—дрофа, стрепетъ, куликъ) и невиданными животными: верблюдами (78 стр.), пески (87—91 стр.) съ рѣдкими колодцами (92 стр.) и такимъ твердымъ деревомъ саксауломъ, что о него желѣзный топоръ обломаешь; далѣе—Аральское море

(94 стр.), камыши (книга II, стр. 5) съ фазанами и страшнымъ тигромъ. Описанію его и разсказамъ о немъ охотниковъ удѣлено цѣлыхъ 20 стр. (13—32). Все это описаніе края сдѣлано въ немногихъ словахъ, мѣтко, дѣльно; замѣчено наиболѣе характеристичное—то, чего въ своемъ краю не видѣлъ. Такъ же живо описанъ и народъ, съ которымъ пришлось встрѣтиться русскому солдату въ азіатской степи. Заслуживаетъ особаго вниманія умѣнье въ каждой мелочи описанія жизни человѣка выяснить зависимость ея отъ физическихъ свойствъ страны. Описаніе природы и быта населенія составляютъ одно неразрывное цѣлое, вмѣсто того, чтобы составлять отдѣльныя части, красующіяся подъ особыми заглавіями, какъ это нерѣдко встрѣчается въ географическихъ очеркахъ. Главы «Аулъ» и «Киргизы» даютъ такую полную картину жизни киргизовъ, что ихъ можно рекомендовать читателямъ, не имѣющимъ времени прочитать всю книгу. Описаніе кибитки (стр. 33—35) и домашняго быта (стр. 40) можно назвать образцовыми. Подробности походной жизни не занимаютъ много мѣста и также хорошо разсказаны.

Во второй книгѣ съ 35-й стр. начинается разсказъ козака про Иканскую битву 1864 г., представляющій интересъ исключительно для читателей изъ военныхъ. Описаніе Туркестанскаго края заканчивается авторомъ слѣдующимъ (стр. 66): «Какъ за Туркестанъ перевалилъ, то совсѣмъ другое видишь. Прежде степи широкія, разгульныя были, стада да киргизы вольные шатались съ мѣста на мѣсто. Тутъ пошла хлѣбородная долина, осѣдлое житье. Солнце здѣсь горячее, высоко на небо забирается, надъ самую маковку; грѣетъ оно землю не какъ у насъ, и ростить земля не по нашему. Про этотъ новый край, про эти теплыя страны и объ этихъ восточныхъ народахъ разсказъ будетъ дальше».

И этотъ дальнѣйшій разсказъ очень желателенъ; немного у насъ такихъ дѣльныхъ и просто написанныхъ книгъ, какъ очерки Львовича. Читаются они съ одинаковымъ интересомъ и взрослыми, и малолѣтними, но для послѣднихъ нѣкоторыя подробности, о которыхъ сказано выше, являются помѣхой для чтенія всей книги: приходится указывать главы, что, конечно, затрудняетъ пользованіе книгой въ школьной библіотекѣ.

Вопросы:

Гдѣ находится та степь, которая здѣсь описывается?

Разскажите о верблюдѣ и о приносимой имъ пользѣ.

Что называютъ: «палы»? для чего жгутъ степь весной? (Стр. 11-я).

Какія птицы тамъ водятся и четвероногія животныя, какихъ нѣтъ у насъ? Опишите пищу, жилище, одежду, занятія киргиза (гл. 7-я и 8-я), киргизскую семью и занятія женщинъ (гл. 10), встрѣчи съ тигромъ.

Почему киргизъ охотнѣе занимается скотоводствомъ, чѣмъ земледѣліемъ? (Часть II-я, стр. 3).

А. К.

Примѣч. См. рец. «Русскій Инвалидъ», 1875 г., № 51; «Туркестанскія Вѣдомости», 1875 г., № 14; «Недѣля», 1875 г., № 47, стр. 1653; «Мірское Слово», 1876 г., № 51; «Учебно-Воспитат. Библіотека», т. II, стр. 27—29.

---

994) **Пять лѣтъ въ плѣну ташкентцевъ.** Разсказъ сибирскаго козака. Соч. Н. Щербакова. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1873 г. Ц. 15 к. 73 стр. Изд. 2-е 1882 г.

Простой, недурной разсказъ, веденный отъ лица солдата, который описываетъ свое пятилѣтнее пребываніе въ плѣну у ташкентцевъ, женитьбу на магометанкѣ, отношеніе къ ней и дѣтямъ, тоску по родинѣ, бѣгство и возвращеніе къ товарищамъ козакамъ.

Этнографическихъ свѣдѣній въ этомъ разсказѣ несравненно менѣе, чѣмъ въ очеркахъ Львовича. Книга можетъ имѣть мѣсто въ народной библіотекѣ, но исключительно для взрослыхъ читателей.

А. К.

Примѣч. См. рец. «Систематич. Обзоръ Русск. Народн.-Учебн. Лит.», стр. 238.

III. ИНОСТРАННЫЯ ГОСУДАРСТВА.

995) **Жизнь европейскихъ народовъ.** Географическіе разсказы Е. Н. Водовозовой. Томъ I. *Жители юга.* (Съ 25 рис. В. М. Васнецова). Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к. 553 стр.

996) **Жизнь европейскихъ народовъ.** Е. Н. Водовозовой. Томъ II. *Жители сѣвера.* (Съ 24 рис. В. М. Васнецова). Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 75 к. 543 стр.

997) **Жизнь европейскихъ народовъ.** Е. Н. Водовозовой. Томъ III. *Жители средней Европы.* (Съ 24 рис. художн. Голембіовскаго, Панова и Брожа). Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 75 к. 563 стр.

Еще очень недавно въ нашей популярной литературѣ не было сочиненія, по которому юношество могло-бы познакомиться съ жизнью европейскихъ народовъ. Вышеназванный трудъ г-жи Водовозовой явился первымъ цѣннымъ вкладомъ: въ народной литературѣ не существуетъ пока ничего подобнаго. Желаніе воспользоваться трудомъ г-жи Водовозовой и для читателей изъ народной среды совершенно естественно. Не разъ приходилось слышать мнѣніе, что и по языку, и по содержанію это сочиненіе недоступно читателю-простолюдину, не должно имѣть мѣсто въ народной библіотекѣ. Практика и тщательный просмотръ книги заставили насъ придти къ совершенно иному заключенію. Правда, языкъ книги чисто-литературный, изобилующій иностранными словами; но при богатомъ фактическомъ матеріалѣ, массѣ характерныхъ подробностей эти трудности языка не мѣшаютъ понять, схватить главное въ живыхъ образахъ и картинахъ. Г-жа Водовозова не разглагольствуетъ о жизни, а добросовѣстно изображаетъ эту жизнь по строго-обдуманному плану, помѣщая въ изображеніе всѣ подробности, которыя могутъ дать всестороннее представленіе объ описываемомъ предметѣ. Ея очерки—не сумма случайно попавшихъ подъ руку данныхъ,—по большей части личныхъ впечатлѣній туристовъ,—а трудъ серьезно-обдуманный. Вотъ что говоритъ она сама о его цѣли, планѣ и содержаніи:

«Цѣль настоящаго труда—познакомить читающую публику съ жизнью европейскихъ народовъ. Совершенный недостатокъ такого рода книгъ чувствителенъ не только у насъ, но и въ западной литературѣ. Между тѣмъ какъ безпрестанно появляется множество ученыхъ и популярныхъ сочиненій, рисующихъ намъ до малѣйшихъ подробностей жизнь американскихъ и африканскихъ дикарей: ихъ вѣрованія, обычаи, степень образованія, ихъ общественныя понятія, встрѣчаемъ даже прекрасные ученые труды, знакомящіе насъ съ бытомъ всѣхъ европейскихъ племенъ,—нѣтъ ни одного сочиненія, заключающаго въ себѣ описаніе жизни всѣхъ европейскихъ народовъ.

«При огромномъ, представлявшемся намъ, матеріалѣ, мы начертали себѣ планъ, котораго и старались строго придерживаться при описаніи каждаго государства. Задавшись цѣлью изобразить дѣйствительную жизнь каждаго изъ европейскихъ народовъ, мы давали и внѣшнее описаніе главнѣйшихъ городовъ, и вообще такъ-называемыхъ достопримѣчательностей, но настолько, насколько они выражаютъ степень развитія и характеръ народа.

«Мы обращали также вниманіе и на природу каждой страны, но для того, чтобы указывать ея вліяніе на жизнь человѣка.

«Современная жизнь народа, его понятія, вѣрованія, его семейный и общественный бытъ совершенно непонятны, если мы незнакомы съ прошлою жизнью народа. Поэтому другимъ необходимымъ элементомъ нашей книги мы считали свѣдѣнія историческія.

«Главная задача нашего труда—дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни европейскихъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ сословій или образованныхъ классовъ, т. е. познакомить съ понятіями народа, выражающимися въ наиболѣе распространенныхъ его обычаяхъ, въ самомъ складѣ его общественной и семейной жизни, со степенью развитія въ массахъ и ихъ экономическимъ положеніемъ. Для этого мы болѣе всего останавливались на различныхъ обрядахъ и обычаяхъ народа, на описаніи одежды, пищи; на народныхъ увеселеніяхъ и суевѣріяхъ, пѣсняхъ, жилищахъ, на домашней обстановкѣ, на положеніи женщины, на отношеніи между собою различныхъ членовъ семьи, на положеніи земледѣльческаго и фабричнаго сословія, на занятіяхъ народа и на главнѣйшихъ предметахъ его промышленнаго производства,—наконецъ, на характерѣ его политической жизни».

Намѣченное добросовѣстно проведено авторомъ во всемъ трудѣ. Первенствующее мѣсто, данное въ книгѣ народной жизни, жизни массъ, является главнымъ основаніемъ того глубокаго интереса, съ какимъ она читается, повидимому, малоподготовленной для нея средой. Ея читатели немногочисленны: это взрослые уже питомцы раціональной народной школы, не порвавшіе съ ней связи по окончаніи курса, пользовавшіеся невеликими богатствами ея библіотеки и помощью и указаніями учителя въ дѣлѣ дальнѣйшаго самообразованія. Ради этихъ немногихъ, не въ правѣ-ли книга г-жи Водовозовой занять мѣсто въ народной библіотекѣ?

А. К.

Примѣч. См. рец. «Педагог. Листокъ» 1878 г., стр. 40. «Педаг. Музей» 1878 г., стр. 291. «Вѣстникъ Европы» 1875 г., т. I, № 1. «С.-Петербург-

скія Вѣдомости» 1874 г., № 353. «Русская Старина» 1875 г., т. 12, № 1. «Гражданинъ» 1875 г., № 2, стр. 37. «Голосъ» 1875 г., № 5 и 1878 г., № 8. «Биржевыя Вѣд.» 1875 г., № 1. «Систематическій Обзоръ Русск. Народно-Учебн. Лит.» 1878 г., стр. 480. «Указатель по дѣламъ печати», 1878 г., № 2. «Воспит. и Обученіе» 1878 г., № 9, стр. 392—395. «Женское Образованіе» 1878 г., № 2, стр. 125—128. «Педаг. Хроника» 1878 г., № 16, стр. 372—375.

---

998) **Послѣдній изъ могинановъ.** Повѣсть Фенимора Купера. Перев. съ англійскаго С. Майковой. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 75 к. 584 стр.

999) **Послѣдній изъ могиканъ.** Соч. Фенимора Купера. Изд. «Народной Библіотеки». Москва. 1883 г. Ц. 12 к. 71 стр.

Слѣдя за дѣтской и народной литературой, нельзя не замѣтить обнаружившагося въ послѣдніе годы новаго направленія въ выборѣ сюжетовъ: вымышленные, самодѣльные разсказы, большею частью неудачные, замѣняются передѣлками лучшихъ художественныхъ произведеній всеобщей литературы, произведеніями народнаго творчества. Педагогическое значеніе этого направленія сказалось уже достаточно ясно, и врядъ ли представляется надобность въ защитѣ или даже разъясненіи его преимуществъ. Остается говорить о способахъ заимствованія, подвергать оцѣнкѣ уже сдѣланное въ этомъ направленіи. Въ рецензіи № 813 мы говорили о томъ, въ какой формѣ могутъ читаться народомъ романы Вальтеръ-Скотта, привели примѣры того, какое впечатлѣніе оставляетъ чтеніе Шекспира (см. рец. № 815), какъ различны по достоинствамъ существующія передѣлки его произведеній (см. рец. № 816 и 817).

При передѣлкѣ извѣстныхъ оригиналовъ для дѣтскаго или народнаго чтенія необходимо руководствоваться слѣдующими соображеніями: выбирать произведенія или обладающія достоинствами эпическаго разсказа, богатыя описаніями подробными, яркими, знакомящими съ внѣшними событіями, исторической и общественной обстановкой,—таковы романы Вальтеръ-Скотта, средневѣковыя поэмы и легенды; или изображающія душевный міръ человѣка, борьбу его съ самимъ собой, съ внѣшними условіями; къ послѣднимъ принадлежатъ творенія Шекспира и всѣхъ другихъ великихъ художниковъ всѣхъ народностей. Нужно ли доказывать, какъ важно при передѣлкѣ сохранить величіе образовъ, яркость красокъ, вѣрность изображеній великихъ подлинниковъ? Передѣлка должна выражаться въ устраненіи малопонятнаго, или въ разъясненіи его, въ изложеніи въ болѣе доступной для малоподготовленныхъ читателей формѣ; все существенное должно быть тщательно сохранено, выдвинуто, освѣщено.

Передѣлка лирическихъ и драматическихъ произведеній несравненно легче чисто эпическихъ и по преимуществу историческихъ романовъ; первыя не требуютъ яснаго представленія о внѣшней обстановкѣ; они понимаются чувствомъ, а не умомъ.

Другое дѣло—историческій и бытовой романъ, главное значеніе котораго—въ картинахъ, знакомящихъ съ изображаемою жизнью. Тутъ, принимаясь за передѣлку, необходимо прежде всего тщательно уяснить себѣ, каковъ тотъ запасъ знаній и представленій въ читателяхъ, съ которыми должно будетъ вступить въ связь сообщаемое, какова основа для новыхъ умственныхъ построеній; и затѣмъ весь новый матеріалъ, представляемый разсказомъ, пріурочивать къ этому имѣющемуся запасу.

Романы Купера принадлежатъ къ произведеніямъ по преимуществу эпическимъ. Авторъ знакомитъ въ нихъ съ дикою прелестью дѣвственной природы Сѣверной Америки, съ нравами индѣйскихъ племенъ, съ встрѣчей и борьбой этихъ могучихъ младенцевъ съ представителями европейской цивилизаціи.

Предъ нами извѣстный романъ Купера—«Послѣдній изъ могиканов» и передѣлка его безъимяннымъ авторомъ.

Содержаніе романа слѣдующее: описывается время войны въ Сѣверной Америкѣ между Англіей и Франціей за обладаніе богатой страной. Ожидается столкновеніе между враждующими сторонами; лѣса полны фланкеровъ—развѣдчиковъ, посланныхъ изъ обоихъ лагерей; англійскимъ силамъ грозитъ опасность отъ сильнаго французскаго отряда подъ предводительствомъ Монткальма. Изъ англійскаго форта Эдуарда направляются въ фортъ Ульямъ-Генри къ отцу двѣ молодыя дѣвушки, Алиса и Кора, подъ охраной самоувѣреннаго, неопытнаго офицера Гейуорда, который избираетъ для этого путь по лѣснымъ чащамъ, довѣрившись проводнику индѣйцу Магуа, по прозванію Остроглазая Лисица. Путники къ ночи замѣчаютъ, что заблудились; встрѣтившіеся имъ индѣйцы дружественнаго племени делаваровъ—Чингахгукъ, сынъ его Ункасъ и охотникъ европейскаго происхожденія, по прозванію Соколиный Глазъ, убѣждаютъ Гейуорда въ вѣро-

ломствѣ Магуа, который внезапно обращается въ бѣгство. Путникамъ грозитъ страшная опасность отъ индѣйцевъ племени гуроновъ, къ которому принадлежалъ Магуа. Чингахгукъ, Ункасъ и Соколиный Глазъ, съ опасностью собственной жизни, считая для себя безчестнымъ оставить на произволъ судьбы безпомощныхъ путниковъ, берутся доставить ихъ въ англійскій фортъ, гдѣ ждетъ ихъ отецъ, начальникъ форта Мунро. Чтобы не дать предателю Магуа напасть на ихъ слѣды, могикане и Соколиный Глазъ приводятъ путниковъ къ надежному убѣжищу—пещерѣ въ скалахъ на островѣ, отдѣленномъ отъ лѣса бурнымъ потокомъ и водопадомъ. И лодка, и люди тщательно скрыты. Среди ночи они просыпаются отъ страшнаго, дикаго вопля:—убѣжище ихъ открыто врагами. Всю ночь длится ожесточенная борьба, иногда переходящая въ рукопашную; непріятель терпитъ потери; осажденные не теряютъ надежды на побѣду. Къ несчастью, врагамъ удается овладѣть лодкой съ запасами пороха; осажденные поставлены въ безвыходное положеніе. Чингахгукъ и Ункасъ бросаются вплавь въ лѣсъ; единственное средство спасти женщинъ—добраться до форта и привести отрядъ солдатъ.

Между тѣмъ враги овладѣваютъ островомъ; пытливый глазъ Магуа открываетъ пещеру, индѣйцы увлекаютъ за собой несчастныхъ. Гейуордъ убѣждаетъ Магуа отвести ихъ въ фортъ къ отцу, перечисляетъ награды, которыя его ожидаютъ тамъ. Магуа, одушевленный чувствомъ ненависти ко всѣмъ европейцамъ и въ особенности противъ подвергшаго его однажды унизительному наказанію Мунро, остается глухъ ко всѣмъ обѣщаніямъ, наконецъ, предлагаетъ дать свободу Алисѣ и Гейуорду, если Кора согласится быть его женой. Онъ чувствуетъ къ ней дикую страсть; онъ знаетъ, какія мученія будетъ испытывать Мунро, узнавъ о судьбѣ Коры. Кора съ ужасомъ отвергаетъ предложеніе Магуа; тогда онъ созываетъ своихъ соплеменниковъ, старается разжечь въ нихъ жажду мести, напоминая имъ о павшихъ въ недавней борьбѣ жертвахъ. Съ дикими криками принимаются индѣйцы за приготовленія для мучительной смерти ненавистныхъ плѣнниковъ. Кора готова принести себя въ жертву, чтобы спасти Алису и жениха ея Гейуорда, но тѣ съ ужасомъ отказываются отъ спасенія, купленнаго такою цѣною, и готовятся умереть вмѣстѣ съ ней, какъ вдругъ являются неожиданно Чингахгукъ, Ункасъ и Соколиный Глазъ; между ними и гуронами завязывается отчаянный рукопашный бой, изъ котораго выходятъ побѣдителями освободители плѣнниковъ. Забравъ ихъ, они быстро пускаются въ путь. Къ несчастію, хитрый Магуа, притворившись мертвымъ, убѣгаетъ съ поля битвы.

Послѣ многихъ опасностей дочерямъ Мунро и Гейуорду удается достигнуть, наконецъ, форта Генри, окруженнаго сильнымъ войскомъ Монткальма и индѣйцами племени гуроновъ. Мунро видитъ невозможность сопротивляться, если не получитъ подкрѣпленія изъ форта Эдуарда отъ генерала Уэбба. Монткальмъ перехватываетъ посланнаго съ письмомъ отъ Уэбба, ссылающагося на невозможность прислать подкрѣпленіе. Письмо это Монткальмъ отдаетъ Мунро и предлагаетъ ему уступить фортъ на самыхъ выгодныхъ для чести оружія побѣжденныхъ условіяхъ. Послѣ долгихъ колебаній Мунро соглашается оставить фортъ и выступаетъ во главѣ своего отряда. Дочери его и другія женщины слѣдуютъ въ аррьергардѣ. Недовольные миромъ, побуждаемые жаждой грабежа гуроны нападаютъ на беззащитныхъ женщинъ, и на глазахъ безучастнаго французскаго войска происходитъ страшная рѣзня, извѣстная въ исторіи войны подъ именемъ: «Рѣзни при фортѣ Уильямъ-Генри» Имя Монткальма запятнано тѣмъ, что онъ допустилъ ее.

Кора и Алиса попадаютъ въ руки стараго врага своего Магуа, который увозитъ ихъ съ собой. Лишь послѣ долгихъ поисковъ удается отцу и Гейуорду, въ сопровожденіи вѣрныхъ Чингахгука, Ункаса и Соколинаго Глаза напасть на слѣдъ своихъ дѣтей. Путь ихъ до становища гуроновъ исполненъ трудностей и опасностей. Чингахгукъ и Ункасъ проявляютъ здѣсь всю проницательность и ловкость, какія воспитала въ нихъ жизнь среди родныхъ лѣсовъ въ вѣчной борьбѣ съ врагами. Встрѣча съ Давидомъ Гамутомъ, котораго индѣйцы, принявъ за сумасшедшаго, оставили на свободѣ, даетъ ищущимъ возможность узнать, гдѣ находятся Кора и Алиса. Гейуордъ, разрисованный по обычаю индѣйцевъ Чингахгукомъ, отправляется въ деревню индѣйцевъ. Тамъ ему приходится быть свидѣтелемъ страшнаго зрѣлища—мучительныхъ издѣвательствъ надъ плѣнникомъ Ункасомъ, поимка котораго была торжествомъ для всего племени гуроновъ, и казни гурона, осужденнаго за трусость своими соплеменниками. Ни издѣвательства, ни физическія страданія не могутъ поколебать мужества и самообладанія Ункаса. Гейуордъ выдаетъ себя за колдуна и знахаря; одинъ

изъ гуроновъ ведетъ его къ больной дочери.

Онъ долженъ заклинаніями выгнать изъ нея враждебнаго духа. На пути къ больной онъ встрѣчаетъ громаднаго медвѣдя, который, къ великому ужасу мнимаго знахаря, неотступно слѣдуетъ за нимъ. Оставшись наединѣ съ больною и медвѣдемъ, Гейуордъ узнаетъ въ немъ Соколинаго Глаза. Жилище больной оказывается и убѣжищемъ Алисы. Послѣ краткаго совѣщанія они рѣшаются бѣжать, окутавъ Алису въ плащъ больной и увѣривъ гуроновъ, стерегущихъ ходъ, что больную необходимо снести въ лѣсъ. Совѣщаніе нарушается приходомъ Магуа. Медвѣдю и Ункасу удается связать врага и лишить его голоса. Планъ удается, и Алиса спасена. Соколиный Глазъ оставляетъ ихъ въ лѣсу, а самъ возвращается спасти Ункаса. Въ образѣ того-же медвѣдя-колдуна проникаетъ онъ въ хижину, гдѣ содержится Ункасъ, и, перерядивъ его медвѣдемъ, убѣгаетъ съ нимъ. Исчезновеніе Ункаса, столь цѣнной для нихъ жертвы, поднимаетъ на ноги всю деревню. Бросаются въ погоню. Гейуордъ, Алиса и Соколиный Глазъ найдены въ деревнѣ союзниковъ делаваровъ, куда пришли за Корой. Собирается сходка индѣйцевъ для приговора надъ ними. Магуа хитрой рѣчью напоминаетъ имъ о прежнемъ благополучіи индѣйскихъ племенъ и о бѣдствіяхъ, постигшихъ ихъ оть прихода европейцевъ; въ заключеніе онъ требуетъ отъ делаваровъ возвращенія гуронамъ бѣжавшихъ плѣнниковъ. Уважаемый всѣмъ племенемъ старикъ Теменундъ признаетъ справедливость требованій Магуа, и плѣнники передаются во власть злѣйшаго своего врага. Кора бросается къ ногамъ Теменунда и проситъ его не полагаться на одного Магуа и обсудить дѣло, основываясь и на показаніяхъ ихъ соплеменника Ункаса. Теменундъ требуетъ его. Обстоятельства сложились несчастно для Ункаса. Теменундъ признаетъ его измѣнникомъ, и его обрекаютъ на пытку огнемъ. Бросившіеся на Ункаса гуроны, обнаживъ его, отступаютъ въ трепетѣ: на груди его обнаружилось изображеніе черепахи; это—эмблема родоначальника другихъ племенъ. Ункасъ—послѣдній представитель этого славнаго, угасающаго рода. Теменундъ и вся толпа делаваровъ съ восторгомъ привѣтствуютъ его; Ункасу удается убѣдить дать свободу Гейуорду, Алисѣ и даже Соколиному Глазу; но Кора остается во власти Магуа по праву побѣдителя; онъ готовится увести ее въ свой вигвамъ, едва давъ ей время проститься съ сестрой и Гейуордомъ. Силы готовы измѣнить мужественной дѣвушкѣ; ожидающая ее участь слишкомъ ужасна. Тогда Соколиный Глазъ поражаетъ всѣхъ великодушнымъ предложеніемъ отдать себя самого, могущественнаго и ненавистнаго врага Магуа и гуроновъ, въ ихъ руки вмѣсто дѣвушки. Магуа отвергаетъ этотъ обмѣнъ и удаляется съ Корой. Ненависть вождей Ункаса и Магуа передается ихъ соплеменникамъ. Въ ту же ночь, послѣ военной пляски и пѣсни, Ункасъ съ делаварами выступаетъ, чтобы напасть на презрѣннаго Магуа и отнять у него Кору. Завязывается кровопролитная битва. Гуроны побѣждены; Магуа скрывается съ поля битвы; Кора должна умереть отъ его руки: близки избавители. Несчастная дѣвушка умираетъ, пораженная ударомъ; смертельный ударъ поражаетъ одновременно и Ункаса, бросившагося на ея убійцу. Недолго длится торжество Магуа надъ трупами своихъ жертвъ—Ункаса и Коры: мѣткая пуля Соколинаго Глаза сражаетъ его, и трупъ его падаетъ въ пропасть.

Разсказъ заканчивается трогательнымъ описаніемъ похоронъ Коры и Ункаса, оплакиваемыхъ племенемъ делаваровъ и удрученными горемъ Чингахгукомъ и Мунро.

Въ романѣ много историческихъ подробностей, много описаній, знакомящихъ съ бытомъ индѣйцевъ и природой Америки; не мало, впрочемъ, и чисто-психологическаго матеріала, облеченнаго въ форму изящную, доступную даже чувству ребенка и малоподготовленнаго взрослаго читателя.

Какъ же воспользовались всѣми этими богатствами романа—по объему, языку и нѣкоторымъ особенностямъ содержанія недоступнаго безъ измѣненій и дополненій для читателей изъ народной среды—въ имѣющейся предъ нами передѣлкѣ? Отвѣтить на это можетъ послѣдовательное сравненіе того и другаго, къ чему и приступаемъ.

На первыхъ страницахъ Куперъ даетъ описаніе страны, сообщаетъ нѣкоторыя историческія данныя, объясняетъ причину и характеръ той борьбы, сцены которой будутъ раскрываться предъ глазами читателя. Это дѣлается Куперомъ для читателей, въ которыхъ онъ вправѣ предполагать достаточное знакомство съ исторіей и географіей.

Въ передѣлкѣ разсказъ прямо начинается такъ: «На третьемъ году ожесточенныхъ сѣверо-американскихъ войнъ, которыя вели между собою за обладаніе колоніями въ Канадѣ Англія и Франція, случились происшествія, о которыхъ мы намѣрены повѣдать здѣсь читателю». (Стр. 1.)

Но вѣдь для этого читателя и *Америка*, и *колонія*, и *Канада*—только странно-звучащія слова, а не понятія; для него необходимы свѣдѣнія несравненно болѣе полныя, чѣмъ тѣ, которыя даетъ самъ Куперъ, а здѣсь и ихъ даже не сохранили для него.

Въ оригиналѣ мы находимъ слѣдующія интересныя сообщенія изъ исторіи индѣйцевъ и о ихъ бытѣ: на страницѣ 26-й—описаніе наружности дикаря, на 478-й—описаніе тотемовъ, на страницахъ 15, 29, 31, 186, 518-й—свѣдѣнія о прошломъ племени могикановъ и гуроновъ, о ихъ отношеніяхъ къ европейцамъ и къ другимъ племенамъ индѣйцевъ. Свѣдѣнія эти не только не дополнены—въ интересахъ менѣе подготовленныхъ читателей, но ими даже вовсе не воспользовались,—они *отсутствуютъ* въ передѣлкѣ.

Для характеристики нравовъ индѣйцевъ, нравственнаго облика типичныхъ представителей ихъ, героевъ романа, важны сцены:

(Оригиналъ.)	(Передѣлка.)
1) Впечатлѣніе, произведенное благородною наружностью Ункаса на Кору и Гейуорда. (Стр. 62.)	1) Такого описанія впечатлѣнія, произведеннаго Ункасомъ,—въ передѣлкѣ нѣтъ.
2) Обличеніе европейцевъ Магуа въ жестокости и деморализаціи индѣйцевъ, оправданіе жажды мести, которой онъ одержимъ: «Развѣ то была вина Остроглазой Лисицы, если голова его была сдѣлана не изъ скалы?» говоритъ Магуа: «Кто далъ ему огненную воду? Кто научилъ его пить эту воду? Кто сдѣлалъ изъ него, честнаго воина, негодяя? Все это сдѣлали блѣднолицые, люди вашего цвѣта». (Стр. 143.)	2) Обо всемъ этомъ упоминается лишь вскользь, въ выраженіяхъ, не могущихъ произвести впечатлѣнія на читателя.
3) Рѣзня при фортѣ Уильямъ-Генри. (Стр. 289.)	3) Вмѣсто потрясающей картины оригинала—нѣсколько малозначащихъ строкъ.
4) a) Возвращеніе гуроновъ-побѣдителей съ плѣненнымъ Ункасомъ, проявленія надъ нимъ жестокости и мести торжествующихъ гуроновъ. (Стр. 394.) b) Казнь юнаго гурона, обезславившаго себя трусостью. (Стр. 405.) c) Отреченіе отца отъ позорно-казненнаго сына. (Стр. 412.) d) Встрѣча двухъ соперниковъ—Ункаса и Магуа. (Стр. 415.) e) Военный гимнъ и пляска Ункаса и делаваровъ. (Стр. 533.)	4) Всѣ эти яркія сцены, столь же цѣнныя для ознакомленія съ бытовой обстановкой, сколько и для характеристики героевъ, по непонятнымъ для насъ соображеніямъ автора передѣлки, *вовсе не вошли въ его разсказъ*. (Не можемъ приписать это случайному *недосмотру*.)
5) Появленіе въ собраніи делаваровъ и гуроновъ Теменунда и признаніе Ункаса послѣднимъ потомкомъ славнаго рода вождей индѣйскихъ. (Стр. 490—532.)	5) Богатое содержаніе этихъ 42 страницъ передано крайне бѣдно въ XV главѣ—«Магуа и послѣдній изъ могиканъ у делаваровъ», и въ этой формѣ, при тѣхъ пробѣлахъ, которые указаны выше, не можетъ оставить впечатлѣнія.

Для того чтобы убѣдиться, насколько искаженъ психологическій матеріалъ, представляемый романомъ Купера, укажемъ лишь на два мѣста.

У Купера (на стр. 394—401) описаніе дикой травли Ункаса его палачами, издѣвательствъ надъ нимъ женщинъ и дѣтей, силы и непоколебимаго мужества жертвы возбуждаетъ въ читателѣ чувство глубокаго уваженія и симпатіи къ герою-дикарю. А что́ дастъ читателю страница разсказа (50), описывающая ту же сцену, но какъ описывающая?! Слишкомъ долго было-бы выписывать ее всю; ограничиваемся слѣдующими строками: «Измученный плѣнникъ, тяжело дыша, съ налитыми кровью глазами, охвативъ столбъ, искалъ взоромъ предводителя какъ бы желая прочесть на его лицѣ ожи-

давшую несчастнаго участь». Это—Ункасъ!!!

Или сравнимъ описаніе похоронъ Ункаса и Коры у Купера съ тѣмъ же описаніемъ въ разсказѣ, въ послѣдней главѣ—«Заключеніе». Въ первомъ поражаетъ единеніе въ одномъ общемъ чувствѣ столь различныхъ людей, какъ Теменундъ, Монткальмъ, Мунро, Чингахгукъ, Соколиный Глазъ, Гейуордъ. У могилъ Ункаса и Коры исчезло все раздѣлявшее этихъ людей племенное различіе, различіе по возрасту, положенію, характеру; всѣ чувствуютъ себя только *людьми*; Ункасъ и Кора, такъ далекіе другъ отъ друга при жизни, въ трогательныхъ поэтическихъ причитаніяхъ делаварскихъ женщинъ связываются неразрывными узами.

Какъ же переданъ этотъ основной тонъ описанія въ разсказѣ?

Въ нѣсколькихъ строкахъ, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, не *описывается*, а *сообщается* о похоронахъ Ункаса и Коры, причемъ упоминается о томъ, что «*похороны Коры представляли другую картину*», чѣмъ погребеніе Ункаса, а интересныхъ бытовыхъ подробностей печальнаго обряда, имѣющихся въ оригиналѣ, нѣтъ и въ помипѣ.

Въ результатѣ отъ такихъ сокращеній и измѣненій получается не передѣлка прекраснаго романа Купера, а разсказецъ, изложенный тяжелымъ книжнымъ языкомъ, содержащій рядъ опасныхъ приключеній и любовныхъ сценъ, облеченныхъ или въ крайне блѣдную, или въ слащавую и грубую форму, а вмѣсто художественныхъ образовъ героевъ Купера сообщаются лишь ихъ имена. Неумѣлое отношеніе къ намѣченной задачѣ — составленію книги для *народнаго* чтенія—ясно сказывается и въ томъ, что она испещрена трудно произносимыми собственными именами и иностранными словами. Если авторъ не считалъ возможнымъ измѣнить имена главныхъ героевъ, то совершенно могъ бы обойтись безъ такихъ словъ, какъ: «фланкеръ», «волонтеръ», «вигвамъ», названія фортовъ и т. п.

Мы позволили себѣ такой подробный разборъ разсказа «Послѣдній изъ могиканъ», потому что тѣми же издателями обѣщаны дешевыя изданія и другихъ романовъ Купера, а также Вальтеръ-Скотта и Диккенса. Немногимъ обогатится наша народная литература, если слѣдующія изданія будутъ подобны только что разобранному!

А. К.

Примѣч. См. рец. «Русскій Міръ» 1874 года, № 246.

1000) **Китай.** Книжки для школъ. №№ 60-й и 61-й. Изд. Общества распр. полезн. книгъ. Москва. 1872 г. 1-я кн. Ц. 15 к. 118 стр. 2-я кн. Ц. 15 к. 96 стр.

Воспитаніе.—Празднества.—Промышленность.—Естественныя произведенія.

Содержаніе книжки въ высшей степени интересно. Нельзя не пожалѣть, однако, что авторъ по временамъ удаляется отъ предмета своего сочиненія и высказываетъ мысли, которыя слѣдовало бы помѣстить въ какой нибудь педагогическій трактатъ, а не въ книжку для юныхъ читателей. Такъ, на 1-й страницѣ говорится: «невозможно отвергать, что добрыя правила, посѣянныя въ юныхъ сердцахъ и умахъ, суть истинное сѣмя, которое впослѣдствіи неминуемо взойдетъ и будетъ приносить наилучшіе плоды въ теченіе цѣлой жизни; это ароматъ, которымъ человѣкъ пропитывается насквозь; это соль, предохраняющая его отъ порчи; это начало всего, что возвышаетъ и украшаетъ жизнь».

Подобная философія—на 2-хъ страницахъ. Далѣе идетъ очень интересный разсказъ о воспитаніи дѣтей въ Китаѣ. Часто употребляются такія выраженія, которыя не могутъ быть поняты читателями, не имѣющими достаточной научной подготовки. Такъ, на страницѣ 7-й читаемъ: «Въ восемь лѣтъ ребенка выучиваютъ правиламъ вѣжливости, въ девять — сообщаютъ ему первыя свѣдѣнія изъ астрологическаго календаря».

На страницѣ 15-й: «не всегда достигаютъ мандаринства и видныхъ мѣстъ даже и тѣ, кому фортуна поблагопріятствовала на экзаменѣ». На страницѣ 51-й: «Промышленность, послѣ земледѣлія, есть, безспорно, главный источникъ вещественнаго благосостоянія народовъ; безъ нея произведенія самой плодородной почвы часто гибнутъ безполезно или дѣлаются излишними; но, благодаря промышленности, естественныя богатства страны, преобразуясь подъ рукою человѣка, возрастаютъ больше чѣмъ всотеро и размножаются, такъ сказать, до неопредѣленныхъ размѣровъ».

Не смотря на эти промахи, книжку можно давать хорошо читающимъ дѣтямъ и взрослымъ, такъ какъ въ ней сообщается очень много любопытныхъ свѣдѣній о китайцахъ и ихъ странѣ.

Вопросы:

Почему мы можемъ назвать китайцевъ образованнымъ народомъ?

Что привозятъ намъ изъ Китая? *А. И.*

Въ чужихъ краяхъ. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. (См. рец. № 955).

О Сербахъ. Р. С. Попова. (См. рец. № 798).

О Черногорцахъ. Его же. (См. рец. № 799).

О Болгарахъ. Его же. (См. рец. № 800).

Примѣч. См. рец. «Народная Школа» 1871 г. № 7, стр. 25—26.

IV. ПУТЕШЕСТВІЯ.

1001) **Наши землепроходцы.** (Разсказы о заселеніи Сибири). Д. Садовникова. Изд. журн. «Грамотѣй». Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 178 стр.

Многіе ли русскіе, знакомые съ заслугами Колумба, подвигами Кортеца и Пизарро, знаютъ хотя по имени землеискателей-соотечественниковъ, проявившихъ не менѣе отваги и энергіи, и если не открывшихъ *новаго свѣта*, то пріобрѣвшихъ для русскаго народа значительную долю стараго.

Сочиненіе г. Садовникова — «Наши землепроходцы» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ этихъ малоизвѣстныхъ намъ соотечественникахъ. Эта рѣдкая по содержательности и достоинствамъ изложенія книга не пользуется той извѣстностью, которой вполнѣ заслуживаетъ. А между тѣмъ повѣствуетъ она объ одной изъ интереснѣйшихъ страницъ нашей отечественной культуры, рельефно выдвигаетъ одну изъ наиболѣе важныхъ чертъ характера русской народности, а именно—распространеніе ея путемъ колонизаціи на обширнѣйшихъ территоріальныхъ пространствахъ, способность поглощать другія народности,—способность тѣмъ болѣе замѣчательную, что русское племя не отличается нетерпимостью, почему процессъ слиянія совершался путемъ мирнымъ, естественнымъ: племена низшія по степени культуры поглощались, асимилировались, а не истреблялись племенемъ славянскимъ. Говоримъ здѣсь объ отношеніяхъ цѣлыхъ народностей другъ къ другу, а не объ отдѣльныхъ личностяхъ, проявлявшихъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны немало жестокости.

Многимъ ли извѣстно о распространеніи русскаго племени на обширнѣйшемъ пространствѣ Сибири сколько нибудь больше того, что дали нѣсколько строкъ учебника, гласившія о томъ, что въ 1582 г. удалой козакъ Ермакъ отправилъ пословъ къ Іоанну Грозному бить челомъ царствомъ Сибирскимъ, покореннымъ имъ, Ермакомъ, съ товарищами козаками. При этомъ подъ царствомъ Сибирскимъ учащій разумѣетъ всю теперешнюю Сибирь, — и дѣло считается оконченнымъ. Очень желательное дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ читатель найдетъ въ разбираемой книгѣ. Кромѣ исторіи Ермака, она разскажетъ ему о десяткахъ не менѣе энергичныхъ представителей русскаго народа, которые продолжали его подвигъ.

Постепенное покореніе Сибири не было дѣломъ правительственнымъ, приведеннымъ въ исполненіе правильно дѣйствовавшими военными силами; совершилось оно энергическими усиліями многихъ сотень безвѣстныхъ русскихъ людей, «безстрашныхъ къ смерти, непокоримыхъ и къ нуждамъ терпѣливыхъ» (какъ отзывались о нихъ современники), которые оставляли родину и отваживались отправляться въ далекій, неизвѣданный край для «сыскиванья новыхъ землицъ», безъ запасовъ, картъ и научныхъ знаній или опытныхъ вожаковъ, терпѣли тамъ «великую нужу», получая отъ времени до времени указы отъ государя и запасы пороха и провіанта, посылая, въ свою очередь, донесенія о сдѣланныхъ для государства пріобрѣтеніяхъ или о претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ, «ибо съ тѣхъ поръ, какъ Сибирь настала, не было государю отъ козаковъ никакой измѣны, ничего опрично службы и крови».

Отдавая полную справедливость заслугамъ нашихъ землеискателей, нельзя не отмѣтить также и темныхъ сторонъ ихъ характера. Указы уполномочивали козаковъ за ослушаніе громить инородцевъ «*немалымъ разореніемъ*», добывать нужныя свѣдѣнія, «провѣдывая накрѣпко у всѣхъ иноземцевъ, всякими мѣрами, впрямь и заводомъ (обманомъ), изъ ума выводя и жесточью»; но по духу храбрости своей охотники-піонеры заходили въ жестокости своей много дальше предписаннаго и необходимаго. Нечуждыми оказывались они и общаго всѣмъ русскимъ людямъ того времени порока — лихоимства; собирая ясакъ для казны государевой, не забывали и себя, вымогая эту дань отъ сибирскихъ пле-

менъ всякими крутыми мѣрами и *жесточью*, за что нерѣдко расплачивались мучительною смертью. Выведенные изъ терпѣнія туземцы пользовались всякимъ случаемъ для мести завоевателямъ-чужеземцамъ. Впрочемъ, вину эту несутъ наши русскіе землеискатели наравнѣ съ землеискателями другихъ народовъ. Тѣмъ же прославились, за исключеніемъ Колумба, Кортецъ, Пизарро и др. Таковы ужъ были нравы тѣхъ минувшихъ вѣковъ.

Содержаніе главъ слѣдующее:

Глава 1-я. Первыя колонизаціонныя попытки на сѣверо-востокѣ выходцевъ изъ области Новгородской и людей московскихъ. Разсказы-небылицы о невѣдомыхъ краяхъ, въ родѣ того, напримѣръ, что «въ Югрѣ, все равно какъ у насъ дожди и снѣга, выпадаютъ разные звѣри, особливо олени и бѣлки». (Стр. 4.)

Глава 2-я. Живой, содержательный разсказъ о подвигахъ Ермака.

Глава 3-я. Интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ овладѣвали русскіе землями по тремъ рѣкамъ — Оби, Енисею и Ленѣ. Преимущества русскихъ силъ, благодаря обладанію огненнымъ боемъ (огнестрѣльное оружіе). Заселеніе новыхъ земель потомъ и кровью.

Глава 4-я. Описаніе «великой сибирской нужи и козацкаго горя», перенесенныхъ нашими піонерами. Житье-бытье ихъ въ ясачныхъ и промысловыхъ зимовьяхъ. Похожденіе Ѳедьки Недострѣла.

Глава 5-я. Исканіе землицъ по Амуру, розыски серебряной руды. Странствованія Василія Пояркова. Достиженіе (1836 г.) Восточнаго моря (Охотскаго). Морское путешествіе: отчаянная отвага и терпѣніе предпринявшихъ его. Характеристика самого Пояркова. (Стр. 70—73.)

Глава 6-я посвящена Ерофею Хабарову, описанію его житья на Ленѣ въ качествѣ крупнаго промышленника; встрѣчи русскихъ съ богатыми данниками богдойскаго хана (китайскаго богдыхана). Земли по Амуру приводятъ русскихъ въ изумленіе: «во всей Сибири такого мѣста *украшеннаго* и изобильнаго не найти», доносятъ они, «а платье у «богдойскаго мужика» — описываетъ Хабаровъ—«было камчатное и малахай соболій». Далѣе слѣдуетъ разсказъ о столкновеніяхъ Хабарова съ богдоевыми людьми.

Глава 7-я содержитъ описаніе «морской нужи» козака Ивана Нагибы.—«Изъ устья Амура, доноситъ онъ:—мы, холопи государевы, пошли по морю на гребяхъ (на веслахъ) и выгребли изъ губы на море, и понесло насъ, холопей государевыхъ, и льду на море, и носило насъ по льду 10 дней, и принесло на берегъ на пустое мѣсто, и тутъ насъ, холопей государевыхъ, къ берегу льдомъ (притерло), раздавило судно, и судно потонуло, и мы, холопи государевы, на берегъ пометались душой да тѣломъ. Хлѣбъ и свинецъ, и порохъ потонулъ, и платье все потонуло, и стали безъ всего. И оттуда мы, холопи государевы, пошли пѣши подлѣ моря, и шли мы, холопи государевы, пѣшею ногой подлѣ моря 5 денъ, а питалися мы ягодами и травою и находили на берегу по край лося битаго, звѣря морскаго нерпу да моржа, и тѣмъ мы душу свою оскверняли, нужи ради питалися, и дошли мы, холопи государевы, до рѣчки, и тутъ мы стали суднишко дѣлать и пошли по морю». (Стр. 92).

Далѣе разсказывается о доносѣ на Хабарова за то, что не въ мѣру сталъ радѣть своимъ зипунамъ и нажиткамъ, и дальнѣйшая его судьба. Неудачи въ попыткахъ утвердиться на Амурѣ.

Глава 8-я. Походы Бузы, Бугра Катаева и Стадухина; постройка острожковъ и борьба съ юкагирами. Морская нужа Булдакова, вышедшаго изъ устья Лены въ открытое море.

Глава 9-я посвящена похожденіямъ Дежнева, изъ отрывочныхъ донесеній котораго, между прочимъ, видно, что «широкій проливъ, отдѣляющій Сибирь отъ недавней Русской Америки, былъ открытъ имъ. Лѣтъ восемьдесятъ спустя ученый путешественникъ Берингъ, родомъ датчанинъ, искалъ на далекомъ сѣверѣ пролива между Азіатскимъ и Американскимъ материками. Поиски удались: онъ нашелъ его, и проливъ окрестили его именемъ».

Г-нъ Садовниковъ указываетъ на различіе между сказанными двумя открытіями: «Дежневъ даже и не думалъ, что открылъ что-нибудь важное, потому что и не зналъ, есть-ли какая-нибудь Америка, или нѣтъ; Берингъ же на самомъ дѣлѣ открылъ, а не *наткнулся*, потому что *искалъ*, пользуясь при этомъ разными знаніями. Дежневъ завелъ рѣчь о своихъ мытарствахъ около Большаго Носа, потому что Стадухинъ ужъ очень хвасталъ, выдавалъ себя за бывальца». (Стр. 120.)

Глава 10-я знакомитъ съ покореніемъ Камчатки Владиміромъ Атласовымъ, который прославился жестокостью, обвинялся и въ крупныхъ грабежахъ, и въ мелкихъ кражахъ, и былъ убитъ мстившими ему за насиліе козаками. Разсказывается о корыстолюбіи *приказчиковъ* (лица, облеченныя властью отъ правительства), которые наживались неслыханно цѣною всякихъ неправдъ, почему сложилась

и поговорка: «на Камчаткѣ можно семь лѣтъ прожить, что́ ни сдѣлаешь; а семь лѣтъ прожить—кому Богъ велитъ». (Стр. 142.)

Глава 11-я содержитъ живой, интересный разсказъ о житьѣ-бытьѣ русскихъ промышленниковъ въ богатомъ, малоизвѣстномъ имъ краѣ.

Глава 12-я подводитъ итоги всему сообщенному. Авторъ, ссылаясь на карту, сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи Сибири, ея природѣ, климатѣ; объясняетъ климатическое значеніе рельефа страны; описываетъ бытъ человѣка — звѣролова, пастуха, зависимость благополучія отъ внѣшнихъ условій и предпріимчивости и труда человѣка; характеризуетъ нравы и бытъ инородческихъ племенъ, встрѣчу ихъ и подчиненіе высшему по культурѣ народу—русскимъ. Припоминаются труды, лишенія и опасности, претерпѣнные нашими сибирскими землепскателями — козаками, восхваляется ихъ энергія и выносливость, но авторъ предостерегаетъ читателя отъ національнаго высокомѣрія. «Не приходитъ ли вамъ въ голову», говоритъ онъ, «прочтя столько страницъ о подвигахъ русскаго человѣка, обо всемъ, что онъ вытерпѣлъ и сдѣлалъ, что ничего подобнаго нѣтъ и не было въ другомъ мѣстѣ, у другаго народа? Вы ошибаетесь, если такъ думаете, потому что русскіе, нѣмцы, французы и англичане—прежде всего люди, — значитъ, между ними должно быть что-нибудь общее, свойственное каждому человѣку порознь и всѣмъ вмѣстѣ... Заглянемъ для сравненія далеко на западъ въ богатую природой Испанію... Трудно, кажется, найти двухъ такихъ несхожихъ людей, какъ испанецъ и русскій, а между тѣмъ завоеванія перваго въ Америкѣ на западѣ, по ту сторону океана, представляютъ много сходнаго съ нашимъ заселеніемъ Сибири, на востокѣ, по ту сторону Урала». «Въ теченіе замѣчательнаго по научнымъ открытіямъ XVI вѣка два смѣлыхъ испанца—Пизарро и Альмагро—покорили два богатыя царства Южной Америки, изъ коихъ одно называлось Перу, а другое—Чили. Въ концѣ того же вѣка на далекомъ востокѣ у насъ обширное царство Кучума — Сибирь покорилось Ермаку. Между товарищами послѣдняго и людьми, которые поплыли изъ Испаніи на далекій западъ искать счастья, есть дѣйствительное сходство. И тѣ, и другіе были сорви-головы, удальцы-головорѣзы; и тѣхъ, и другихъ завела въ такую даль корысть. Они накинулись на легкую поживу соболями и разною рухлядью въ обширномъ мѣховомъ царствѣ; другіе бросились на золото». «Какъ русскіе, такъ и испанскіе завоеватели вымогали у покоренныхъ имущество, жестоко съ ними обращались»... «Итакъ, если вы хотите хорошенько понять исторію жизни своего народа, своей родины» заключаетъ авторъ, «вы прежде всего должны познакомиться съ тѣмъ, какъ *вообще* люди жили и достигали своего благосостоянія; надо быть хоть немного знакомымъ съ исторіей другихъ народовъ, потому что въ послѣдней нерѣдко можно найти объясненіе того, что непонятно въ своей». (Стр. 175, 176 и 177.)

Эта 12-я глава при помощи карты даетъ богатый матеріалъ для бесѣды и можетъ служить для ознакомленія съ Сибирью.

Какъ мы уже сказали выше, книга «Наши землепроходцы» заслуживаетъ особаго вниманія. Подробный перечень содержанія главъ даетъ понятіе о богатствѣ заключающихся въ ней свѣдѣній. Языкъ простъ, а изложеніе живо и картинно, благодаря умѣнью автора пользоваться матеріаломъ и текстомъ историческихъ документовъ, доношеній самихъ героевъ. Развитыми читателями всѣхъ возрастовъ книга эта читается съ большимъ интересомъ.

Вопросы:

Что заставляло и заставляетъ людей идти искать новыя земли?

Какіе люди отваживались на это трудное дѣло?

Назовите нашихъ землепскателей.

Приведите примѣры ихъ неустрашимости, настойчивости, а также и дурныхъ сторонъ ихъ характера.

Почему туземцы въ родной землѣ своей не могли одолѣть русскихъ землепскателей, которыхъ было гораздо меньше числомъ, чѣмъ ихъ самихъ?

Почему проливъ между Азіей и Америкой названъ Беринговымъ, а не по имени открывшаго его раньше козака Дежнева?

О какихъ землепскателяхъ у другихъ народовъ знаете вы?

Разскажите, что знаете о Сибирскомъ краѣ: какимъ онъ былъ прежде и каковъ теперь?

А. К.

Примѣч. См. рец. «Народная Школа» 1876 г. № 3, стр. 68. «Дѣло» 1874 г. № 3, стр. 78—81.

1002) **Замѣчательные русскіе люди. Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ.** Изд. ред. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1881 г. Ц. 10 коп. 36 стр.

И г. Садовниковъ, и безъимянный авторъ названнаго очерка пользовались, очевидно, одними и тѣми-же документальными источниками, но пользовались они ими различно, имѣя въ виду, однако, одинъ и тотъ-же кругъ читателей.

У г. Садовникова главы о Дежневѣ и Хабаровѣ полны живыхъ подробностей, характеризующихъ какъ личность удальцовъ-піонеровъ, такъ и ихъ подвиги, и среду, въ которой имъ пришлось дѣйствовать. Въ очеркѣ, изданномъ редакціей журн. «Досугъ и Дѣло», фактическая часть еще богаче, но изложена она въ формѣ серьезной, довольно сухой журнальной статьи, а не разсказа, предназначеннаго для мало-подготовленныхъ читателей, которые и вынесутъ изъ чтенія вслѣдствіе этого очень немного, утомленные массой именъ, подробностей и непонятныхъ имъ терминовъ и оборотовъ рѣчи.

Не всегда правильнымъ является и освѣщеніе фактовъ. На страницѣ 5-й читаемъ: «Пути къ сѣверу и востоку были извѣданы козаками и охочими людьми, и они отлично знали, что, пойдя въ эти страны, натерпишься и холода, и голода; но людей бояться нечего, бѣды отъ нихъ не будетъ, а скорѣе—нажива. Стрѣльнулъ разъ-другой изъ пищали — и бери что хочешь: все твое. Этимъ наши удальцы пользовались и, надо сказать правду, не всегда и не совсѣмъ по совѣсти. Ну, да кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Въ тѣ прошедшія времена на некрещеннаго инородца многіе, даже самые добрые и богобоязненные люди, смотрѣли какъ на нечистое животное и не признавали въ немъ человѣка; и такъ дѣлалось не у насъ однихъ, а въ цѣломъ свѣтѣ».

Подвиги нашихъ землепскателей сами говорятъ за себя, а потому это оправданіе, по нашему мнѣнію, и неумѣстно, и грѣшитъ противъ справедливости: увѣреніе, что «такъ дѣлалось не у насъ однихъ», должно служить только разъясненіемъ нравственныхъ понятій извѣстнаго историческаго періода, но отнюдь не доводомъ успокоительнымъ.

Въ виду всего сказаннаго и существованія прекрасной книги г. Садовникова, желательной въ каждой библіотекѣ, разбираемый очеркъ считаемъ излишнимъ. *А. К.*

1003) **Изъ «Ясной Поляны»** (журнала графа Л. Н. Толстаго). Разсказы для крестьянскихъ ребятъ. Книжка 7. **Капитанъ Головнинъ въ плѣну у японцевъ** (съ картою всѣхъ земель). Изданіе 2-е—А. Эрленвейна. Одесса. 1876 г. Ц. 15 к. 124 стр.

По порученію государя Александра Павловича капитанъ Головнинъ отправился на Курильскіе острова провѣдать русскихъ, которые тамъ жили. Добравшись до острововъ, онъ съ нѣсколькими товарищами попалъ въ плѣнъ къ японцамъ и пробылъ у нихъ болѣе двухъ лѣтъ. Когда японцы узнали, что Головнинъ не былъ виновенъ въ томъ, что капитанъ Хвостовъ, бывшій у японцевъ раньше, грабилъ ихъ, то отпустили его и матросовъ, и они благополучно вернулись на родину.

Разсказъ написанъ такъ же живо, просто и понятно, какъ и всѣ разсказы въ «Ясной Полянѣ». Очень интересно описаны нравы и жизнь японцевъ. Народъ этотъ возбуждаетъ симпатію читателей своей честностью и добротой. Когда русскіе бѣжали изъ плѣна и были снова пойманы японцами, то губернаторъ имъ сказалъ: «еслибъ вы были японцы, мы васъ убили бы; но мы васъ не убьемъ, потому что вы чужестранцы. Я скоро пойду къ царю и буду его просить, чтобы онъ васъ выпустилъ изъ плѣна».

При книжкѣ есть карта, по которой читатель можетъ слѣдить за путешествіемъ. Всѣ трудныя слова объяснены.

Книжка доступна взрослымъ и дѣтямъ, порядочно читающимъ. При выдачѣ ея необходимо обратить вниманіе читателя на карту.

Вопросы:

Какая была цѣль путешествія капитана Головнина?

Покажите на картѣ тѣ земли, черезъ которыя онъ проѣзжалъ.

Какъ жилось русскимъ въ плѣну у японцевъ?

Что вы узнали изъ книжки о японцахъ?

Что происходило въ то время, о которомъ читали? (1812 годъ.)

А. П.

Примѣч. См. рец. «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г. № 107. «Сельское Чтеніе» 1877 г. № 31.

1004) **На морѣ и на сушѣ.** Кругосвѣтное путешествіе русскаго корвета «Лебедка». Изд. ред. журнала «Чтеніе для солдатъ». (Съ 3 рисунками.) Спб. 1880 г. Ц. 20 к. 75 стр.

Путешествій, изложенныхъ въ доступной для народнаго чтенія формѣ, почти не существуетъ, а между тѣмъ немногое имѣющееся читается очень охотно. Въ данномъ случаѣ обращаться къ литературѣ общей представляется менѣе возможнымъ, чѣмъ по какому бы то ни было отдѣлу, такъ какъ всѣ

книги этого рода предполагаютъ знаніе карты и свѣдѣнія изъ географіи, чѣмъ совершенно не обладаютъ читатели, которыхъ мы имѣемъ въ виду. Остается передѣлывать для народнаго чтенія имѣющееся или составлять спеціально для этой цѣли новые разсказы. Образцомъ такой передѣлки можетъ служить разсказъ «Капитанъ Головнинъ въ плѣну у японцевъ», помѣщенный въ № 7-мъ «Ясной Поляны». Дѣтская простота разсказа не лишила его ни живости, ни содержательности, ни вѣрности. Въ разсказъ намѣренно введено много новыхъ для читателей терминовъ, снабженныхъ самыми простыми объясненіями. Авторъ педагогъ, ради доступности и простоты, не жертвовалъ содержательностью: вотъ почему въ сообщеніяхъ объ японцахъ мы находимъ очень много серьезныхъ свѣдѣній о ихъ бытѣ и характерѣ.

Иначе выполнилъ свою задачу неизвѣстный составитель очерка «На морѣ и на сушѣ». Разсказываетъ онъ о кругосвѣтномъ путешествіи корвета «Лебедка». Главными лицами разсказа являются матросы Кирилло и Григорій. Описывается жизнь на кораблѣ съ ея тревогами и радостями, трудами и лишеніями, похороны матроса, бой охотника-француза съ акулой, нападеніе на Григорія, сошедшаго по порученію капитана на берегъ, слона и тигра, гибель корвета, чудесное спасеніе пяти матросовъ, жизнь ихъ на плантаціяхъ на островѣ Явѣ, охота на кашалота и кита,—наконецъ, благополучное возвращеніе въ Кронштадтъ. Все это могло бы быть очень интересно и поучительно, еслибы было описано въ доступной формѣ и съ большимъ знаніемъ дѣла. Непріятно поражаетъ невыдержанность языка: матросы то говорятъ языкомъ простонароднымъ, то цвѣтистымъ, крайне искусственнымъ литературнымъ языкомъ. Описанія блѣдны и необстоятельны, какъ, напр., описаніе гибели корвета; иногда, кромѣ того, содержатъ и фактическія погрѣшности; такъ, подъ одной изъ картинокъ читаемъ: «кафръ, охотникъ за тиграми». Какъ извѣстно, кафры—обитатели южной Африки, гдѣ тигровъ не водится. На стр. 72 сообщаются очень невѣрныя подробности объ охотѣ за китами, а именно: «Бить кита острогой изъ маленькой лодки—нельзя: набросится и потопитъ. Острога, пущенная съ парохода въ тѣло кита, приводитъ его въ бѣшенство; онъ съ замѣчательной быстротой *увлекаетъ за собою пароходъ* и какъ щепку бросаетъ его по морскимъ волнамъ».

По наблюденіямъ, заслуживающимъ наиболѣе довѣрія, китъ признается животнымъ довольно трусливымъ; онъ обыкновенно убѣгаетъ отъ преслѣдователей, а не вступаетъ съ ними въ борьбу; бросанье парохода какъ щепки по волнамъ, какъ примѣръ силы кита, невѣренъ, фантастиченъ. А у Брема, напримѣръ, авторъ нашелъ бы немало фактовъ, характеризующихъ силу и нравы китовъ и кашалотовъ.

Объясненія изъ области географіи и физики крайне неудачны; образцомъ ихъ можетъ служить слѣдующее объясненіе миража: «Миражемъ называется такое явленіе, когда близкіе къ горизонту предметы отъ дѣйствія лучей свѣта являются въ воздухѣ въ двухъ видахъ, изъ которыхъ одинъ прямой, а другой обращенный». (Стр. 49.)

Книга читается охотно, благодаря интереснымъ эпизодамъ, но въ виду указанныхъ недостатковъ и погрѣшностей рекомендовать ее не считаемъ возможнымъ. Творчество—удѣлъ немногихъ, и нельзя требовать отъ каждой книги достоинствъ художественныхъ; но при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу автора совершенно возможно отсутствіе погрѣшностей, происходящихъ отъ недостаточнаго знанія предмета; для этого стоитъ лишь обратиться къ хорошему источнику—популярно-научной книгѣ; а потому ложныя свѣдѣнія не должны быть терпимы въ книгахъ, издаваемыхъ съ педагогическою цѣлью.

А. К.

1005) **Разсказъ о мальчикѣ, который отыскиваетъ своего отца, пропавшаго безъ вѣсти въ Сѣверномъ полярномъ морѣ.** Переводъ Снессоревой. Изданіе Ахматовой. Спб. 1881 г. Ц. 40 к. 135 стр.

Содержаніе разсказа несложное: капитанъ Гриффинъ, житель Нью-Іорка, искусный морякъ и хозяинъ многихъ китоловныхъ судовъ. У него жена и двое дѣтей: сынъ и дочь.

Уступая требованіямъ жены, онъ продаетъ свои суда, для того чтобы начать осѣдлую жизнь. Но, привыкнувъ къ путешествіямъ, онъ скучаетъ безъ дѣла и, наконецъ, рѣшается совершить еще одну поѣздку къ Сѣверному полярному морю. Два года онъ пропадаетъ безъ вѣсти. Сынъ его Робертъ съ помощью стараго друга своего отца, капитана Беккера, и сопровождаемый имъ отправляется отыскивать отца. Послѣ долгихъ, тяжелыхъ поисковъ, сопряженныхъ съ опасностями разнаго рода, сыну удается найти своего отца, корабль котораго былъ затертъ льдами на одномъ изъ береговъ Гренландіи. Оба возвращаются въ Америку.

Слогъ перевода не совсѣмъ удаченъ.

Разсказъ для полнаго пониманія требуетъ нѣкотораго элементарнаго знанія физической географіи.

Вопросы:

Въ какой странѣ жилъ Робертъ до своего путешествія?

Какъ называется то далекое море, куда поплылъ Робертъ.

Какую землю онъ тамъ встрѣтилъ?

Какой народъ живетъ въ Гренландіи?

Какимъ промысломъ занимаются эскимосы?

Какія домашнія животныя неразлучны съ эскимосами?

Какія дикія животныя водятся на дальнемъ сѣверѣ?

Долго ли продолжается зима въ Гренландіи?

Почему плаваніе по Сѣверному полярному морю сопряжено съ опасностями?

Нельзя сказать, чтобы содержаніе было неинтересное; но плохой, тяжелый слогъ перевода, масса незнакомыхъ словъ (болѣе 20-ти на 135 стр.), въ родѣ: *девизъ, консервы, олицетвореніе, термометръ Цельсія, Эолова арфа* и т. д., умаляютъ силу удовольствія, которое должна была бы доставить книжка, и окончившіе курсъ ученики сельской школы находятъ ее скучною.

Примѣчаніе. См. рец. «Женск. Образованіе» 1881 г., № 6 и 7, стр. 395.

1006) **Путешествіе доктора Э. К. Кэна въ сѣверныя полярныя страны.** «Библіотека-Крошка». Москва. 1880 г. Ц. 20 к. 261 стр.

Въ маленькой, изящной книжкѣ разсказано извѣстное путешествіе Кэна. Не смотря на интересное содержаніе, сочиненіе это читалось неохотно даже очень развитыми ученицами, окончившими курсъ народной школы.

Мелкая печать, множество собственныхъ иностранныхъ именъ и тяжелый слогъ, которымъ написанъ весь разсказъ, затрудняютъ чтеніе его.

Но можемъ рекомендовать эту книгу для народной и школьной библіотеки.

А. И.

1007) **Путевые очерки Америки.** Разсказы для дѣтей. Дилица. Москва. 1861 г. Ц. 25 к. 121 стр. Выпускъ 1-й.

1008) **То же.**—Выпускъ 2-й.

1009) **То же.**—Выпускъ 3-й.

Для характеристики книжки сдѣлаемъ выписку изъ предисловія переводчика.

«Будучи самъ педагогомъ, Дилицъ могъ на опытѣ провѣрить впечатлѣніе своихъ очерковъ и издавалъ въ свѣтъ только тѣ, которые имѣли успѣхъ между его воспитателями. Успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что авторъ вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій и сухихъ описаній предлагалъ простой, безъискусственный разсказъ о природѣ, о тѣхъ приключеніяхъ и невзгодахъ, которыя постигаютъ путешественника и всегда заставляютъ принимать въ немъ самое живое участіе. Возбудить это участіе, дать пищу дѣтскому воображенію и чувству—такова была цѣль Дилица,—цѣль, по нашему мнѣнію, достигнутая вполнѣ. Его разсказы поэтому никогда не устарѣютъ: они представляютъ вѣчно свѣжую повѣсть страданій и опасностей, на которую не можетъ не отозваться сердце дитяти; они пробуждаютъ высокое религіозное чувство и знакомятъ посредствомъ живой картины съ природою страны и съ ея цивилизаціей. Описаніе путешествій всегда служитъ любимымъ чтеніемъ дѣтей, и, нѣтъ сомнѣнія, очерки Дилица прочтутся ими съ особеннымъ удовольствіемъ».

Дѣйствительно, разсказы настолько живы и интересны, что съ удовольствіемъ читаются и взрослыми, и дѣтьми. По содержанію своему они могутъ быть поняты только такими читателями, которые изъ школьныхъ уроковъ нѣсколько ознакомились съ географіей.

Нельзя не пожалѣть, что печать нѣсколько мелка и что при книгѣ нѣтъ географической карты. Въ общемъ переводъ хорошъ, хотя есть нѣсколько не совсѣмъ удачныхъ и вѣрныхъ оборотовъ,—напримѣръ, на стр. 48: «Немедля я попытался было воротиться къ берегу, идти настоящею дорогою». На 67-й: «Заслуживающіе вѣроятія путешественники увѣряютъ».. и т. д.

Въ книжкѣ около 10-ти разсказовъ о Сѣверной Америкѣ, ея жителяхъ и природѣ. Каждый изъ нихъ можетъ читаться отдѣльно. При выдачѣ книги необходимо снабдить ученика географической картой.

Вопросы:

О какой очень холодной странѣ вы читали? (Гренландія).

Чѣмъ занимаются люди въ этой странѣ?

Почему они любятъ свою родину и не могутъ жить въ другихъ странахъ?

Какъ охотятся на бѣлыхъ медвѣдей, лосей и китовъ?

Что вы читали о первобытномъ лѣсѣ?

Прочитавъ нѣсколько страницъ изъ 2-го выпуска разсказа Диллица, одинъ 10-тилѣтній мальчикъ сказалъ:—Ну, вижу, что чтеніе въ моемъ вкусѣ: рѣзня будетъ.

Дѣйствительно, его надежда оправдалась, и онъ проглотилъ всю книжку, почти не вставая съ мѣста. На 96-ти страницахъ идетъ описаніе войны между 2-мя индѣйскими племенами,—войны, разгорѣвшейся изъ-за того, что начальнику одного племени не удалось овладѣть любимой имъ женщиной другаго племени. Война сопровождалась такими жестокостями, какъ скальпированье, уничтоженіе цѣлой деревни съ ея жителями и проч. Не находимъ полезнымъ давать подобныя книги юношеству. Это—не близкое русскому человѣку повѣствованіе о 12-мъ годѣ или о войнѣ за освобожденіе славянъ, а война между незнакомыми ему людьми и описаніе сценъ, на которыя способны только дикіе люди.

Съ природой страны эта книга мало знакомитъ; все же вниманіе останавливается на жестокихъ сценахъ и невѣроятныхъ событіяхъ, которыя, сильно дѣйствуя на воображеніе, нисколько не содѣйствуютъ развитію чувства гуманности.

Третій выпускъ, какъ и второй, считаемъ неподходящимъ и нежелательнымъ для народной школы. Войны между индѣйскими племенами составляютъ сюжетъ большинства разсказовъ. Въ одной главѣ, подъ заглавіемъ «Калифорнія», находимъ довольно обстоятельное описаніе игорнаго дома. «Мы зайдемъ», говоритъ авторъ (стр. 73), «въ одинъ изъ такихъ домовъ, не смотря на жаръ, копоть и смѣшанный характеръ общества. Играютъ въ монтэ, любимую въ Калифорніи игру, потому что въ ней выгоды банкира и игрока почти одинаковы, да и трудно пустить въ ходъ фальшивую игру. Банкиръ раскрываетъ карты съ холоднымъ, равнодушнымъ видомъ: даже постоянно увеличивающаяся куча долларовъ не въ состояніи расшевелить его. Два мексиканца, сидящіе напротивъ него, закутанные по самый носъ въ свои плащи, бросаютъ ему свои доллары и полдоллары и при видѣ проигрыша даже не дѣлаютъ ни малѣйшей гримасы неудовольствія. Игра у нихъ—врожденная привычка; съ такимъ же спокойствіемъ они проиграли бы цѣлыя тысячи».

Въ этой же статьѣ читатель знакомится и съ «закономъ Линча», о примѣненіи котораго разсказано нѣсколько характерныхъ случаевъ. Полагаемъ, что объ Америкѣ можно было бы сказать много кое-чего болѣе интереснаго и поучительнаго. *А. П.*

1010) **Странствованія по луговымъ степямъ и вѣковымъ лѣсамъ Сѣверной Америки.** Разсказъ капитана Фр. Маріетта. Пер. К. Форселя. Изд. 2-е. Ц. 75 к., 143 стр.

Житель Техаса, европеецъ, съ дѣтства поселившійся въ колоніи, которую основалъ отецъ его при устьѣ широкой рѣки, описываетъ жизнь свою среди зажиточнаго индѣйскаго племени шошоновъ. Молодой колонистъ получилъ воспитаніе, соотвѣтственное условіямъ его новой жизни: миссіонеръ Габріель преподаетъ ему науки, а старый индѣйскій воинъ учитъ его владѣть индѣйскимъ оружіемъ, набрасывать арканъ, или лассо, на дикихъ лошадей. Племя шошоновъ избираетъ его вождемъ, и онъ принимаетъ ихъ костюмъ и образъ жизни.

Европейскій вождь шошоновъ, котораго Маріеттъ не называетъ по имени, описываетъ богатый, плодородный край своего новаго отечества: луговыя степи или преріи, гдѣ находятъ кормъ безчисленныя стада буйволовъ и дикихъ лошадей; описываетъ берега рѣкъ, озеръ, царство звѣрей Техаса.

По его словамъ, шошоны—самое образованное изъ индѣйскихъ племенъ Техаса. Они храбры и великодушны, далеко превосходятъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ восточныхъ жителей этой части Сѣверной Америки. Можетъ быть, повѣствователь нѣсколько идеализируетъ духъ рыцарства звѣроловъ западныхъ прерій. Частыя войны съ сосѣдними непріязненными племенами, кровавыя стычки при отраженіи хищническихъ набѣговъ, при которыхъ уничтожаются враги цѣлыми племенами, не могли не отразиться на ихъ нравахъ; но никогда шошоны не убиваютъ стариковъ, женщинъ и дѣтей; не нападаютъ исподтишка на непріятелей, не пользуются превосходствомъ оружія на поединкахъ.

Во время религіозныхъ обрядовъ старѣйшины раздаютъ награды юношамъ, какъ лучшимъ воинамъ, лучшимъ охотникамъ; но самая лучшая у нихъ награда—первенство за добродѣтель.

Интересны путешествія на степныхъ лошадяхъ молодаго вождя съ друзьями его, Габріелемъ и Рошемъ, по луговымъ степямъ. Они встрѣчаются съ канибалами, переплываютъ рѣки въ легкихъ челнахъ, питаются рыбною ловлею и охотою съ ружьемъ на

буйволовъ, дикихъ козъ, индѣйскихъ пѣтуховъ; вступаютъ въ бой съ барсами, черными медвѣдями и одолѣваютъ ихъ, перебираются черезъ глубокія ущелья. Особенно живописенъ разсказъ его о пожарѣ въ преріяхъ, когда путешественниковъ настигаетъ съ ужасающею быстротою огненное море пылающей травы и вмѣстѣ съ пламенемъ шумно несется на нихъ громадная темная масса буйволовъ и дикихъ лошадей, сокрушающая всѣ препятствія. Они укрываются въ глубокомъ оврагѣ, въ который обезумѣвшие звѣри тысячами низвергаются одни за другими.

Послѣ многихъ приключеній молодой индѣйскій вождь отправляется по торговымъ дѣламъ колоніи въ европейскія поселенія Соединенныхъ Штатовъ. Габріель и Рошъ провожаютъ его по пустынной мѣстности. Вмѣстѣ достигаютъ они до вѣковаго лѣса, гдѣ встрѣчаютъ шайку разбойниковъ и одолѣваютъ ихъ. Дойдя до европейскихъ поселеній, вождь одинъ продолжаетъ путь.

По мѣрѣ приближенія его къ границѣ Техаса его поражаютъ нищета, плутовство и крайняя испорченность жителей Арканзаса. Въ странѣ цивилизованной ему пришлось постоянно быть настороже противъ грабительства и обмана.

Гостепріимный плантаторъ изъ Миссури приглашаетъ его на свою плантацію, и житель пустыни въ первый разъ наслаждается всѣми благами цивилизаціи.

Покончивъ свои дѣла въ Санъ-Луи, путешественникъ возвращается прямымъ путемъ на пароходѣ къ своимъ вѣрнымъ шошонамъ и заканчиваетъ разсказъ описаніемъ хищниковъ илистыхъ рѣкъ и болотъ восточнаго Техаса.

Еще разъ бросаетъ онъ послѣдній взглядъ на милыя ему преріи, «гдѣ улыбается вѣчно ясное небо, и нѣтъ тамъ ни приводящаго въ оцѣпенѣніе сѣвернаго холода, ни удушливаго зноя тропическихъ странъ».

Имя автора ручается за достоинство книги, которая должна найти мѣсто въ библіотекѣ народной школы для учениковъ старшаго возраста.

Живописное описаніе луговыхъ степей Техаса дополнитъ и оживитъ сухую номенклатуру географическаго учебника.

Вопросы.

Въ чемъ заключается сходство и различіе американской степи отъ русской?

Какія животныя находятся въ степяхъ и водахъ Сѣверной Америки?

Что такое преріи?

Въ чемъ заключаются хорошія качества индѣйцевъ, и какіе пороки мы видимъ у цивилизованныхъ ихъ сосѣдей?

Дѣтямъ, окончившимъ курсъ сельской школы, книга не нравится, кажется скучною. Чтеніе затрудняется присутствіемъ массы иностранныхъ и непонятныхъ для простолюдина словъ, какъ-то: *миссіонеръ*, *цивилизація*, *обелиски*, *ландшафтъ*, *форель*, *канибалы*, *амбразура*, *вигвамы* и т. д., которыя при чтеніи подъ чьимъ-нибудь руководствомъ могутъ быть, конечно, объяснены и требуютъ непремѣнно разъясненій учителя.

А. Г.

1011) **Дѣти капитана Гракта.** Кругосвѣтное путешествіе. Спб. 1876 г. (Съ 25-ю рисунками). Ц. 1 р. 280 стр.

1012) **Приключенія капитана Гатраса.** Необыкновенное путешествіе. Спб. 1864 г. (Съ 35-ю рисунками). Ц. 1 р. 215 стр.

1013) **Сто тысячъ верстъ подъ водою и льдомъ.** Кругосвѣтное путешествіе. Спб. 1873 г. (Съ 18-ю рисунками). Ц. 1 р. 224 стр.

1014) **Таинственный островъ.** Часть 1-я—90 к. Часть 2-я—60 к.

1015) **Страна мѣховъ.** Спб. 1877 г. (Съ 15 рисунками). Ц. 1 р. 200 стр.

Жюль Вернъ очень любимъ юношествомъ, но по цѣнѣ его сочиненія недоступны для народной школы. Нельзя не поблагодарить редакцію журнала «Мірской Вѣстникъ», издавшую нѣкоторыя его сочиненія въ сокращенномъ видѣ. Они могутъ войти въ библіотеку народной школы, такъ какъ изъ Жюля Верна выбраны наиболѣе интересныя мѣста, но они не даются читателямъ въ видѣ отрывковъ, которыхъ дѣти очень не любятъ, а въ видѣ цѣльнаго, интереснаго разсказа. Внѣшній видъ книгъ удовлетворителенъ, хотя немало опечатокъ. Рисунки, находящіеся въ текстѣ, очень оживляютъ чтеніе. Нельзя не пожалѣть объ отсутствіи географическихъ картъ, безъ которыхъ, не зная хорошо географіи, невозможно слѣдить за путешествіемъ.

«Дѣти капитана Гранта».

Главныя дѣйствія этого разсказа происходятъ въ Южной Америкѣ и Австраліи; съ этими землями авторъ знакомитъ читателя; но чтобы сдѣлать книгу занимательнѣе, въ ней идетъ интересный разсказъ о томъ, какъ нѣсколько путешественниковъ отправились разыскивать капитана Гранта, у котораго разбился корабль, и изъ всего экипажа спасся только онъ съ 2-мя матросами.

Послѣ случившагося несчастья капитанъ Грантъ поселился на одномъ островѣ близъ Австраліи, написалъ свѣдѣнія о себѣ на пергаментѣ, который закупорилъ въ бутылку и бросилъ въ море.

Только черезъ два года въ Сѣверномъ Каналѣ, близъ Глазго, поймали акулу въ желудкѣ которой нашли бутылку. Многія слова въ документѣ были совершенно затерты, такъ что свѣдѣнія о капитанѣ Грантѣ оказались самыя смутныя. Тѣмъ не менѣе богатый лордъ Гленарванъ съ женой рѣшились отправиться на собственной яхтѣ въ далекое путешествіе, съ цѣлью разыскать и спасти пропавшаго капитана.

Къ нимъ присоединились дочь и сынъ капитана Гранта (отсюда и названіе всего сочиненія); экипажъ яхты составили очень удачно. Дорогой оказалось, что въ числѣ путешественниковъ былъ ученый географъ Паганель, который по разсѣянности попалъ на корабль, но, узнавъ о цѣли путешествія, рѣшилъ принять въ немъ участіе.

Достигнувъ береговъ Южной Америки, часть путешественниковъ отправилась внутрь страны съ цѣлью попасть на слѣдъ капитана Гранта.

Тутъ съ ними происходитъ цѣлый рядъ приключеній: они чуть не дѣлаются жертвами землетрясенія, 12-ти-лѣтняго мальчика уноситъ въ когтяхъ громадная птица, на нихъ нападаютъ волки.

Всѣ несчастія оканчиваются благополучно: вслѣдствіе землетрясенія путешественники скатываются съ горной вершины въ долину и этимъ избавляются отъ утомительной ходьбы; птицу застрѣливаетъ патагонецъ и этимъ спасаетъ мальчика, а самъ дѣлается проводникомъ путешественниковъ. Мальчикъ, въ свою очередь, спасаетъ всѣхъ отъ волковъ. Въ заключеніе они узнаютъ, что напрасно искали капитана Гранта въ Америкѣ, тогда какъ слѣдовало его искать въ Австраліи. Послѣ нѣсколькихъ случаевъ, угрожавшихъ жизни и безопасности путешественниковъ, они прибыли на яхту и отправились въ Австралію.

Во 2-й части сочиненія разсказывается о приключеніяхъ путешественниковъ въ Австраліи. Они встрѣтили бывшаго подшкипера капитана Гранта, котораго приняли въ проводники. Оказалось, что этотъ подшкиперъ былъ руководителемъ разбойничьей шайки и чуть не погубилъ всѣхъ путешественниковъ и не завладѣлъ ихъ яхтой. Благодаря разнымъ счастливымъ случаямъ, все окончилось благополучно, и разбойникъ остался въ рукахъ путешественниковъ. Послѣ долгихъ колебаній онъ далъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія о капитанѣ Грантѣ, и за это его не отдали въ руки правосудія, а оставили на одномъ изъ пустынныхъ острововъ Тихаго океана. Въ ту минуту какъ подъѣзжали къ острову, чтобы высадить преступника, послышался крикъ... Оказалось, что именно тутъ былъ капитанъ Грантъ съ двумя товарищами. Черезъ два мѣсяца всѣ благополучно прибыли въ Англію.

Жаль, что, передѣлывая сочиненіе Жюля Верна, не исправили тѣхъ научныхъ ошибокъ, въ которыя впалъ авторъ. Такъ, на страницѣ 50-й говорится, что птица кондоръ «увлекаетъ даже быковъ со дна пропастей».

Вопросы:

Какая была цѣль путешествія?

Благополучно-ли оно окончилось?

Какія бѣдствія терпѣли путешественники во время пути?

Каковы нравы дикарей, о которыхъ вы читали?

Случалось-ли, что дикари оказывались полезными путешественникамъ, и въ какихъ случаяхъ?

«Приключенія капитана Гатраса».

Англичанинъ, капитанъ Гатрасъ, задается цѣлью добраться до сѣвернаго полюса. Онъ набираетъ экипажъ, снаряжаетъ бригъ и отправляется къ сѣверу. Забравшись далеко въ Сѣверномъ океанѣ, бригъ былъ остановленъ громадными льдами. Капитанъ отправился съ нѣсколькими спутниками искать складъ каменнаго угля. Дорогой они набрели на замерзшихъ людей, одного изъ которыхъ удалось возвратить къ жизни. Оказалось, что это былъ американецъ, капитанъ погибшаго корабля: «Морская Свинка». Дойти до склада каменнаго угля не удалось, и путешественники предприняли обратное путешествіе на бригъ; но на его мѣстѣ они уже издали увидѣли красный свѣтъ, надъ которымъ вился черный дымъ. Около пожарища ходилъ въ отчаяніи одинъ человѣкъ, оставшійся вѣрнымъ своему капитану. Весь же экипажъ, ограбивъ корабль, зажегъ его и разбѣжался.

Это несчастіе сильно поразило Гатраса; но онъ не отказался отъ своего намѣренія идти къ сѣверному полюсу. Его три спутника и спасенный ими американецъ согласились сопровождать его.

По указанію американца они нашли его корабль, что̀ дало имъ возможность спастись

отъ голода, такъ какъ на кораблѣ было много съѣстныхъ припасовъ. Затѣмъ идетъ интересное описаніе зимовки пяти человѣкъ въ полярной странѣ, устройства жилища изъ льда, охоты на дикихъ животныхъ. По наступленіи весны путешественники продолжали путь все въ томъ же направленіи: къ сѣверному полюсу.

Наконецъ, они добрались до вулкана, на вершинѣ котораго долженъ быть полюсъ.

Потрясенный сдѣланнымъ открытіемъ, капитанъ Гатрасъ сходитъ съ ума, а его спутники благополучно возвращаются на родину, куда и его привозятъ.

«Всѣ усилія докторовъ возстановить его здоровье оказались тщетны, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ помѣшательства онъ тихо скончался, но оставилъ по себѣ честную славу, какъ замѣчательный труженикъ на пользу науки и всего человѣчества».

Книга читается съ интересомъ: плаваніе по Ледовитому океану, природа сѣвера—все это описано мастерски. Очень живо обрисованы характеры дѣйствующихъ лицъ разсказа: настойчивый, ни передъ чѣмъ не останавливающійся англичанинъ капитанъ Гатрасъ, весельчакъ докторъ и другіе.

Очень занимаетъ дѣтей умная и преданная собака капитана, оставшаяся ему вѣрной до конца жизни.

Нельзя не пожалѣть, что Жюль Вернъ говоритъ о сѣверномъ полюсѣ и о неизвѣстныхъ странахъ какъ объ извѣстныхъ.

Простолюдинъ вѣритъ авторитету книги. Это не сказка, а путешествіе, и нигдѣ не сказано, что это вымыселъ. Если учитель скажетъ, что сѣверный полюсъ еще не извѣстенъ, то какъ отнесутся ученики ко всему остальному въ книгѣ, и почему отнесутся они съ бо́льшей вѣрой къ учителю, чѣмъ къ книгѣ? Вѣдь имъ извѣстно, что учитель самъ часто обращается за справками къ книгамъ, почему же именно этой книгѣ онъ не довѣряетъ? Предоставляемъ на усмотрѣніе учителя—допустить или отвергнуть разобранное сочиненіе.

Вопросы:

Какая была цѣль путешествія Гатраса, и достигъ ли онъ ея? (Бесѣда о сѣверномъ полюсѣ).

Какъ и изъ чего устроили себѣ путешественники зимнее жилище?

Какъ они охотились на медвѣдей и другихъ животныхъ сѣвера?

«Сто тысячъ верстъ подъ водой и льдомъ».

Въ предисловіи къ этому сочиненію говорится: «Желаніе ознакомить нашихъ читателей съ подводной жизнью и природой вообще побудило насъ печатать это занимательное и полезное сочиненіе: въ немъ читатель познакомится съ разнообразной жизнью морей и океановъ и тѣми дивными предметами, которые находятся на днѣ ихъ. Предупреждаемъ, однако же, читателей, что тѣ случаи и происшествія, которые описываются въ этомъ сочиненіи, и вообще все подводное путешествіе, есть ни болѣе, ни менѣе какъ истинное повѣствованіе о дивной и разнообразной жизни въ природѣ и о невѣроятномъ путешествіи въ глубинѣ морей».

Итакъ, читатель узнаетъ, что самое путешествіе вымышлено, факты же, сообщенные о подводной жизни, вѣрны.

Путешествіе написано до такой степени живо и увлекательно, что и взрослые, и дѣти не могутъ оторваться отъ книги.

Разсказъ ведется отъ лица француза; ученаго профессора Аронакса, принявшаго участіе въ экспедиціи, цѣль которой—отыскать и побѣдить морское чудовище, давно безпокоившее людей въ различныхъ мѣстахъ океана.

Нѣсколько разъ фрегатъ встрѣчался съ чудовищемъ, но не могли его ни ранить, ни догнать. Однажды, приблизившись на довольно близкое разстояніе, въ него выстрѣлили изъ пушки; ядро попало въ цѣль, но, скользнувъ по округлой поверхности животнаго, исчезло въ морѣ версты за три. Приблизившись къ животному на 20 футовъ, хотѣли разить его острогой, но острога, наткнувшись на какой-то твердый предметъ, звякнула и полетѣла въ море. Чрезъ минуту два огромные столба воды обдали палубу фрегата съ такою силой, что люди опрокидывались, ломались мачты.

Разсказчикъ чуть не утонулъ, но его преданный слуга поддержалъ его, и они спаслись на мнимомъ чудовищѣ. Къ нимъ присталъ еще одинъ товарищъ — американецъ китоловъ.

Оказалось, что они попали на подводное судно. Капитанъ принялъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они всю жизнь оставались у него. Почти вся книга состоитъ изъ разсказовъ о плаваніи на этомъ суднѣ, о встрѣчахъ съ разными морскими животными, о подводной охотѣ. Не смотря на всѣ удовольствія, которыя доставлялъ капитанъ своимъ тремъ плѣнникамъ, и на полное удобство, даже роскошь, съ которой они жили, они тяготились своимъ

положеніемъ и не переставали думать о бѣгствѣ. Воспользовавшись удобной минутой, они сѣли на шлюпку, которая была привязана къ судну, и вернулись на родину. И тутъ, какъ и въ путешествіи Гатраса, Жюль Вернъ знакомитъ читателя съ полюсомъ, но не съ сѣвернымъ, а съ южнымъ; но такъ какъ все путешествіе фантастично, то эта невѣрность не останавливаетъ на себѣ вниманія читателей.—Что касается подводнаго судна и путешествія на немъ, то учитель можетъ сказать, что́ тутъ правдоподобно и что́ нѣтъ, и что *теперь* подобное путешествіе невѣроятно, но, можетъ быть, современемъ будетъ столько же обыкновенной вещью, какъ желѣзная дорога и пароходъ.

Вопросы:

Какъ попалъ разсказчикъ на подобное судно?

Какъ принялъ капитанъ профессора и его товарищей?

Почему они не могли примириться съ жизнью на подводномъ суднѣ?

Какихъ животныхъ видѣли путешественники на днѣ моря?

Какія животныя служили имъ пищей?

Какія грозили смертью?

«Таинственный островъ».—2 части.

Сочиненіе это имѣетъ большую связь съ двумя другими произведеніями Жюля Верна: «Дѣти капитана Гранта» и «Сто тысячъ верстъ подъ водой» и должно читаться послѣ нихъ.

«Въ этомъ сочиненіи Жюль Вернъ имѣлъ въ виду въ интересныхъ, занимательныхъ разсказахъ познакомить читателей, насколько силы природы покоряются силѣ человѣческаго ума и могуществу новѣйшихъ открытій науки». (Выноска на 1-й стр. Содержаніе 1-й части).

Во время междоусобной войны въ Америкѣ, въ 1865-мъ году былъ осажденъ городъ Ричмондъ. Пять человѣкъ, чтобы избавиться отъ плѣна, рѣшились воспользоваться воздушнымъ шаромъ. Въ темную ночь они всѣ усѣлись въ лодочку, и когда послѣдній канатъ былъ отвязанъ, шаръ поднялся въ облака. Послѣ продолжительнаго плаванія въ воздухѣ, путешественникамъ удалось добраться до острова. Онъ былъ необитаемъ, и вотъ пять человѣкъ устраиваютъ себѣ жилище, готовятъ пищу, добываютъ огонь. Почти вся книга, нѣсколько напоминающая Робинзона, состоитъ въ описаніи борьбы людей съ природой и побѣды науки и знанія надъ стихіями.

Пять человѣкъ, явившіеся на островъ послѣ того, что все ихъ имущество погибло во время путешествія, устроили себѣ удобное жилище, посуду, огнестрѣльное оружіе, обработали поле и посѣяли хлѣбъ, приручили животныхъ и устроили скотный дворъ. Ихъ жизнь на островѣ была бы даже привлекательной, еслибы не мысль о родинѣ, о родныхъ и близкихъ.

Желаніе добраться къ нимъ не покидало колонистовъ, и они все надѣялись увидѣть корабль, который вывезъ бы ихъ съ острова.

Устроивъ ботикъ, они отправились въ океанъ, доѣхали до небольшаго острова, на которомъ нашли совершенно дикаго человѣка и вернулись съ нимъ. Этимъ оканчивается 1-я часть.

Во 2-й части идетъ разсказъ о томъ, какъ дикій человѣкъ малю по малу приходилъ въ себя и, наконецъ, рѣшился разсказать свою исторію. Оказалось, что это былъ Айртонъ, тотъ самый преступникъ, который былъ оставленъ путешественниками, искавшими капитана Гранта. Дружеское обращеніе съ нимъ колонистовъ совершенно смягчило его характеръ, и онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ ихъ помощникомъ.

Какъ во всѣхъ сочиненіяхъ Жюля Верна, и въ этомъ описывается рядъ случаевъ, грозившихъ жизни путешественниковъ, и всѣ эти случаи оканчивались благополучно, но всякій разъ они замѣчали вмѣшательство какой-то посторонней силы, имъ благопріятствовавшей. Отсюда и названіе острова «Таинственнымъ».

Разъ на колонистовъ напали пираты; часть изъ нихъ перебили, но, все-таки, ихъ оставалось еще очень много. Колонисты съ минуты на минуту ожидали, что ихъ жилище будетъ разрушено, какъ вдругъ раздался глухой трескъ, шумъ и страшные крики. Непріятельскій бригъ, приподнятый чѣмъ-то въ родѣ водянаго смерча, переломился на-двое, и спустя нѣсколько минутъ, пучина поглотила его вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ.

Подобныхъ случаевъ было немало, и только подъ конецъ разсказа открывается, что таинственный покровитель колонистовъ былъ капитанъ подводнаго судна («Сто тысячъ верстъ подъ водой»). Передъ смертью онъ пожелалъ видѣться съ колонистами и сказалъ имъ, что островъ, на которомъ они поселились, долженъ скоро погибнуть отъ вулканическаго изверженія, а потому они должны спѣшить его оставить.

Колонисты оканчивали постройку судна, но островъ былъ разрушенъ, и ихъ работа погибла. Все, что осталось отъ острова—это одинокая скала, на которой нѣсколько дней оставались колонисты.

Когда они были близки къ голодной смерти, къ нимъ подошла яхта лорда Гленарвана, находившаяся теперь подъ командой сына капитана Гранта и приплывшая за Айртономъ.

Колонисты были спасены и возвратились на родину.

Вопросы:

Какъ попали путешественники на островъ?

Какъ они устроили жилище, чѣмъ питались и какъ защищались отъ дикихъ животныхъ?

Каковъ былъ Айртонъ, когда они его въ первый разъ увидѣли, и какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи?

Кто былъ таинственный покровитель колонистовъ?

Найдите сходство и разницу между этимъ сочиненіемъ и Робинзономъ.

Всѣ разобранныя сочиненія можно давать только очень развитымъ читателямъ, которые изъ школьныхъ уроковъ и изъ другихъ книгъ нѣсколько ознакомились съ географіей. Немалое затрудненіе для русскаго простолюдина составляетъ множество иностранныхъ именъ, которыя встрѣчаются чуть ли не на каждой страницѣ. Имена героевъ разсказовъ—Мекъ-Наббсъ, Джонъ Мангльсъ, Клоубони, Аронаксъ и другія желательно было бы замѣнить болѣе легкими для произношенія.

При чтеніи этихъ книгъ, ученикъ долженъ имѣть географическія карты и часто обращаться за разъясненіями къ учителю, такъ какъ многія слова и выраженія могутъ быть непоняты, какъ напр.: *экспедиція*, *экипажъ* и проч.

Вообще, къ чтенію книгъ подобныхъ сочиненіямъ Жюля Верна—надо относиться осторожно. Многіе авторы (Ж. Вернъ, Майнъ-Ридъ и др.) задаются цѣлью знакомить дѣтей съ явленіями природы въ занимательныхъ разсказахъ, но не всѣ дѣти воспринимаютъ тѣ свѣдѣнія, которыя желаетъ дать имъ авторъ. Многія очень увлекаются такими сочиненіями, ихъ трудно оторвать отъ книги, но читаютъ они только то, что «интереснѣе», т. е. происшествія, грозящія жизни героевъ, разные необыкновенные случаи и пр.: все же остальное въ разсказѣ ими опускается. Начитавшись подобныхъ разсказовъ, они скучаютъ надъ книгами, не дѣйствующими такъ же сильно на воображеніе. Руководя чтеніемъ, необходимо обращать вниманіе на то, чтобы *вся* книга была прочитана и усвоена, а не одна только фабула. Вотъ почему при постановкѣ вопросовъ мы обращали больше вниманія на дѣловую часть сочиненія, а не на происшествія.

«Страна мѣховъ».

Это сочиненіе мы считаемъ менѣе удачнымъ, чѣмъ остальныя: дѣловая часть слаба, вниманіе же читателя останавливается исключительно на страшныхъ и невѣроятныхъ происшествіяхъ. Такъ, на страницѣ 84-й, героямъ разсказа угрожаетъ смерть отъ холода, отъ бѣлыхъ медвѣдей и землетрясенія. На 95-й страницѣ «Плавучему острову, на который попали путешественники, угрожали двѣ опасности: или онъ будетъ унесенъ теченіями моря до полярныхъ широтъ, гдѣ зимовщикамъ суждено было-бы погибнуть отъ холода и голода; или теченія увлекутъ островъ на югъ, гдѣ онъ, если своевременно не пристанетъ къ твердой землѣ, то растаетъ и пойдетъ ко дну со всѣми своими обитателями». На 137-й страницѣ бѣлый медвѣдь спасаетъ женщину отъ смерти, часть земли, на которой она находилась, была оторвана землетрясеніемъ и уходила въ море. «Медвѣдь схватилъ женщину зубами и кинулся въ море. Черезъ нѣсколько секундъ онъ приплылъ къ берегу и положилъ женщину на землю». Такими невѣроятными происшествіями переполнена вся книга. Научная же часть суха и скучна, а мѣстами и вовсе не выдерживаетъ критики. О вулканахъ на страницѣ 19-й даются такія свѣдѣнія: «Это земные клапаны: они открываются вслѣдствіе давленія изъ (?) нутра земли и пробиваютъ себѣ свободный выходъ чрезъ земную кору тамъ, гдѣ земная кора слабѣе, тоньше и представляетъ меньше сопротивленія выходу газа, образующагося внутри земли».

Въ виду всего сказаннаго считаемъ эту книгу непригодной для народной и школьной библіотеки.

А. П.

Примѣч. См. рец. «Народн. Школа» 1878 г., № 11, стр. 63—68; «Народн. Школа» 1876 г., № 3, стр. 65—67; «Дѣтскій Садъ» 1869 г., стр. 555 и 1870 г., стр. 128; «Педагогическій Музей» 1876 г., № 3, стр. 173; «Дѣло» 1874 г., № 2, стр. 11—14; «Бессарабскія Областн. Вѣдомости» 1871 г., № 31; «Русская Лѣтопись» 1871 г.,

№ 14; «Вѣстникъ Европы», 1869 г., т. 2, стр. 517—520; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1869 г., № 6; «Отечественныя Записки» 1869 г., № 1, т. 182, отд. 2; стр. 120—121; «Библіографъ» 1869 г., № 2, т. 1, стр. 85—86; «Всемірный Трудъ» 1869 г., № 10, стр. 41—47; «Голосъ» 1869 г., № 322; «Отечественныя Записки» 1869 г., № 12, т. 183; отд. 2; стр. 293—295; «Новости» 1875 г., № 328; «Сынъ Отечества» 1875 г., № 289; «Учебно-Воспитат. Библіотека» 1875 г., т. 1, ч. 2., стр. 115; «Голосъ» 1875 г., № 140.

1016) **Дикіе люди жаркой страны**. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1881 г. Ц. 30 к. 112 стр.

1017) **Путешествіе Бекера и его жены во внутреннюю Африку и его охотничьи похожденія**. Сост. В—мъ. (Съ 24 рис.) 2-е изд. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 165 стр.

1018) **«Библіотека-Крошка». Путешествіе С. У. Бекера къ истокамъ Нила**. Изд. 2-е. Москва. 1880 г. Ц. 35 к. 358 стр. маленьк. формата.

Въ книгѣ «Дикіе люди жаркой страны» разсказано извѣстное путешествіе Бекера къ истокамъ Нила.

Личность Бекера и его жены очерчена очень ярко. Интересны описанія дикарей, ихъ нравовъ и обычаевъ. Въ текстѣ около 10-ти очень недурныхъ рисунковъ. Къ сожалѣнію, при книгѣ нѣтъ карты страны, о которой идетъ рѣчь, а потому учитель, выдавая книгу, долженъ снабдить ученика картой и посовѣтовать слѣдить по ней за путешествіемъ Бекера. Обиліе собственныхъ именъ и географическихъ подробностей не позволяетъ рекомендовать книгу малоподготовленнымъ читателямъ, но развитые школьники, хорошо окончившіе курсъ народной школы, читаютъ ее съ большимъ интересомъ.

Вопросы:

Для чего отправился Бекеръ путешествовать?

Что побудило жену сопровождать его?

Какой характеръ былъ у Бекера?

Какія препятствія встрѣтилъ онъ во время пути?

Разскажите, что прочли о нравахъ дикарей.

Достигъ ли Бекеръ своей цѣли?

Въ первыхъ восьми главахъ второй изъ названныхъ выше книгъ разсказано слово въ слово то же, что и въ книгѣ *«Дикіе люди жаркой страны»*. Въ послѣднихъ главахъ находимъ разсказы объ охотѣ Бекера на дикихъ животныхъ Африки.

Разсказы эти, также какъ и все путешествіе, могутъ читаться только развитыми читателями, нѣсколько знакомыми съ географіей.

Вопросы см. выше.

На какихъ животныхъ охотился Бекеръ? Какія опасности представляетъ такая охота?

То же путешествіе разсказано въ миніатюрной и изящной книгѣ «Библіотека-Крошка». При выборѣ книги для народной библіотеки слѣдуетъ дать предпочтеніе первымъ двумъ, такъ какъ въ послѣдней печать мелка и нѣтъ рисунковъ.

А. И.

1019) **Жилище въ пустынѣ**. Соч. Майнъ-Рида. Изд. 2-е. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.

1020) **Водою по лѣсу.— Молодые невольники**. Соч. Майнъ-Рида. Спб. 1869 г. Ц. 2 р.

1021) **Квартеронка**. Соч. Майнъ-Рида. Спб. 1867—1868 гг. Ц. 2 р.

1022) **Ямайскіе марроны**. Соч. Майнъ-Рида. Спб. 1867 г. Ц. 2 р.

1023) **Охотники за черепами**. Соч. Майнъ-Рида. Спб. 1865 г. Ц 2 р.

Бѣдный въ народной и школьной библіотекѣ отдѣлъ путешествій и очерковъ по географіи легко было бы обогатить, внеся въ него десятокъ произведеній Майнъ-Рида. Если-бы при выборѣ книгъ основываться только на вкусахъ читателей, то врядъ-ли нашелся бы писатель, имѣющій болѣе правъ на почетное мѣсто въ библіотекѣ. Сочиненія Майнъ-Рида читаются съ увлеченіемъ не только учениками среднихъ учебныхъ заведеній, но, какъ намъ приходилось наблюдать, и старшими учениками народныхъ школъ, и молодежью среди мастеровыхъ, совершенно равнодушной къ книгамъ другаго рода; зачитываются ими, не смотря на трудности языка и массу непонятныхъ терминовъ и названій.

Лицу, руководящему чтеніемъ, слѣдуетъ обратить на сочиненія Майнъ-Рида особое вниманіе.

Главное достоинство ихъ—соединеніе интересной фабулы съ свѣдѣніями изъ области естественныхъ наукъ, географіи и этнографіи. Но въ нѣкоторыхъ романахъ фабула построена на цѣломъ рядѣ невѣроятныхъ происшествій и ужасовъ; таковы—романы: «*Квар-*

теронка», «*Ямайскіе Марроны*», въ которыхъ читатели найдутъ сцены, рисующія всѣ виды насильственной смерти, всевозможныя преступленія и множество циническихъ подробностей. Излишне доказывать вредъ такого чтенія, а между тѣмъ, благодаря репутаціи Майнъ-Рида какъ дѣтскаго писателя, названные романы наряду съ другими нерѣдко попадаютъ въ руки дѣтей.

Романъ «*Охотникъ за черепами*» содержитъ рядъ картинъ *не борьбы* людей между собой, а возмутительное по окраскѣ изображеніе человѣческой *бойни*.

Въ другихъ разсказахъ слаба часть научная: въ объясненіяхъ автора можетъ быть указано не мало невѣрныхъ свѣдѣній о животныхъ и явленіяхъ физическихъ.

Изъ всѣхъ сочиненій Майнъ-Рида мы нашли бы возможнымъ имѣть въ народной и школьной библіотекѣ лишь—«*Жилище въ пустынѣ*», «*Водою по лѣсу*» и «*Молодые невольники*»,—представляющія сочетаніе интересной фабулы, не загроможденной невѣроятными приключеніями, съ массой полезныхъ, хорошо изложенныхъ свѣдѣній о природѣ и жизни Америки и Африки. Не излагаемъ содержанія названныхъ разсказовъ, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста, а также и потому, что книги эти должны быть прочитаны лицомъ, руководящимъ чтеніемъ, прежде чѣмъ онѣ попадутъ въ руки читателей.

И эти лучшіе разсказы слѣдуетъ давать, по нашему мнѣнію, лишь тѣмъ, въ комъ сказалась уже любовь и привычка къ чтенію. Ошибочно убѣжденіе, что такими книгами слѣдуетъ пробуждать охоту къ чтенію: нерѣдки примѣры, что пристрастившіеся къ такого рода фантастическимъ разсказамъ никогда не переходятъ къ чтенію книгъ серьезнаго содержанія.

А. К.

Примѣч. Рец. см. «Русское Слово» 1864 г., № 2—2; «Учитель» 1864 г. № 13—14.

УКАЗАТЕЛЬ,

распредѣляющій книги Географическаго отдѣла по возрастамъ и степени подготовки читателей *).

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
906	«Земля и что на ней есть»						
907	«Самыя холодныя и самыя жаркія страны земнаго шара съ ихъ природой и жителями». Ѳ. Чекалина					п.	п.
908	«Природа—мать народа». Н. Шведовой . .						
909	«Изъ физической географіи». Ея-же . . .						
910	«Человѣкъ и природа»						
911	«Равнины и пустыни»						
912	«Луговыя и песчаныя степи».					п.	п.
913	«Горы и Горная природа»					п.	п.
914	«По бѣлому свѣту. Наша Библіотека» . . А. Острогорскаго					п.	п.
915	«О пещерахъ, соляныхъ и каменноугольныхъ копяхъ»					п.	п.
916	«Учебный атласъ всеобщей географіи». А. Линберга	По	со	біе.		п.	п.
917	«Картинный учебный атласъ». Н. Н. Михайлова.	По	со	біе.		п.	п.
918	«Картинный географическій сборникъ". Выпускъ I. Африка	По	со	біе.		п.	п.
919	«О Русской землѣ». С. Максимова . . .						
920	«О Русскихъ людяхъ». Его-же						
921	«Край крещенаго свѣта». I. «Мерзлая пустыня». Его-же					п.	п.
922	«Край крещенаго свѣта». II. «Дремучіе лѣса». Его-же						
923	«Край крещенаго свѣта». III. «Степи». Его-же.						
924	«Край крещенаго свѣта». IV. «Русскія горы». Его-же						
925	«Географія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ». Ѳ. Пуцыковича .					п.	п.
926	«Краткое описаніе карты Европейской Россіи»						

*) Буква п. обозначаетъ, что книга пригодна для указаннаго въ графѣ возраста.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
927	«Наша родина и чужія страны». В. Андреева					п.	п.
928	«Народы Россіи: Великоруссы».						
929	«Народы Россіи: Малороссы»						
930	«Народы Россіи: Бѣлоруссы и Поляки». .						
931	«Народы Россіи: Латыши и Литовцы» . .						
932	«Народы Россіи: Финны, Эсты, Кареллы и Ливы»						
933	«Народы Россіи: Мордва и Черемисы» . .						
934	«Народы Россіи: Крымскіе Татары» . . .						
935	«Народы Россіи: Черкесы и Абхазцы» . .						
936	«Великое княжество Финляндское» . . .					п.	п.
937	«Странствователь по Финляндіи»					п.	п.
938	«Прибалтійскій край»						
939	«Странствователь по Прибалтійскому краю». «С.-Петербургская губернія					п.	п.
940	«Странствователь по Тверской губерніи« .					п.	п.
941	«Странствователь по Ярославской губерніи».					п.	п.
942	«Описаніе Костромской губерніи»					п.	п.
943	«Странствователь по Нижегородской губерніи».					п.	п.
944	«Странствователь по Казанской губерніи».					п.	п.
945	«Волга и Поволжье». С. Турбина					п.	п.
946	«Донъ и Донецъ»					п.	п.
947	«Днѣстръ и Приднѣстровье»					п.	п.
948	Днѣпръ и Приднѣпровье». С. Турбина . .					п.	п.
949	«Наши моря и какъ мы пользуемся ими» .						
950	«Отечествовѣдѣніе». Д. Семенова					п.	п.
951	«Географическіе очерки и картины». А. Овсянникова					п.	п.
952	«Описаніе замѣчательныхъ русскихъ странъ и народовъ». Составилъ А. Семеновъ . .					п.	п
953	«Куль хлѣба и его похожденія». С. Максимова						
954	«Въ родной странѣ и въ чужихъ краяхъ».	Для ш	кольн	ыхъ на	градъ.	п.	п.
955	«Въ чужихъ краяхъ»						
956	«Описаніе Сѣвернаго края, его обитателей и ихъ промысловъ» . . . -					п	п.
957	«Сѣверное поморье». А. Пиге					п.	п.
958	«Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы». Н. Александрова		п.	п.		п	п.
959	«Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ. Жители лѣсной полосы». Н. Александрова		п.	п.		п.	п.
960	«Разсказы бывалаго человѣка». Ф. Тарапыгина					п.	п.
961	«По Русской землѣ Лаача». Л. Симоновой.					п.	п.
962	«Эзе». Л. Симоновой					п.	п.
963	«Архангельскіе Китоловы». А. Сѣтковой .		п.	п.		п.	п.
964	«Голодовка и зимовка на Новой Землѣ». С. Максимова		п.	п.		п.	п.
965	»Волга и ея значеніе для Россіи». А. Шиле.					п.	п
966	«Нижній-Новгородъ». Е. Альмедингенъ . .						
967	«Тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ». Е. Соловьева						
968	«О Малороссіи и малороссахъ». Р. С. Попова		п.	п.		п.	п.
969	«Малороссія». Изд. журн. «Мірск. Вѣстн.».					п.	п.
970	«Черное море и значеніе его для Россіи» .						

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
971	«Бѣлоруссія и Бѣлоруссы». Р. С. Попова .		п.	п.		п.	п.
972	«Очерки Бѣлоруссіи»					п.	п.
973	«Знакомство съ отечествомъ. Полѣсье и Полѣшуки». В. Маракуева					п.	п.
974	«Крымъ и его достопримѣчательности» . .						
975	«Русское Царство. Крымъ». А. Завадскаго-Краснопольскаго						
976	«Завоеваніе Кавказа». М. Острогорскаго .						
977	«Край крещенаго свѣта. Русскія горы и Кавказскіе горцы». С. Максимова . . .						
978	«Очерки Кавказской войны». Е. Вишнякова					п.	п.
979	«Кавказъ и Кавказская война». Е. Вишнякова					п	п.
980	«Козаки и пластуны». П. Бугайскаго . .						
981	«Кавказскій плѣнникъ». Разсказъ гр. Л. Н. Толстаго.	п.	п.	п.	п.	п.	п.
982	Три разсказа: «Рабъ честнаго слова. Тарасъ Бульба. Судъ отца»		п.	п.	п.	п.	п.
983	«Галубъ». (Изъ II-го тома соч. А. С. Пушкина).					п.	п.
984	«Бѣглецъ». (Изъ II-го тома соч. Лермонтова)					п.	п.
985	«Сибирь». Краткое землеописаніе. С. Турбина						
986	«Краткое описаніе карты Азіатской Россіи».						
987	«Западная Сибирь. Инородцы»					п.	п.
988	«О богатствахъ сѣверныхъ окраинъ Сибири».						
989	«Русское Царство.—Коряко-Чукотскій край и Камчатка». А. Завадскаго-Краснопольскаго.						
990	«Семирѣченская область»						
991	«Туркестанскій край»						
992	«Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ». Львовича. Книжка 1-я		п	п.		п.	п
993	«Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ». Его-же. Книжка 2-я.					п.	п.
994	«Пять лѣтъ въ плѣну у ташкентцевъ». Н. Щербакова		п.	п.		п.	п.
995	«Жизнь европейскихъ народовъ». Е. Водовозовой. Томъ I.					п.	п.
996	«Жизнь европейскихъ народовъ». Е. Водовозовой. Томъ II.					п.	п.
997	«Жизнь европейскихъ народовъ». Е. Водовозовой. Томъ III.					п.	п.
998	«Послѣдній изъ могикановъ». Пов. Фенимора Купера						
999	«Послѣдній изъ могиканъ». Соч. Ф. Купера. Изд. «Народной Библіотеки» . . .						
1000	«Китай»						
1001	«Наши землепроходцы». Д. Садовникова .					п.	п.
1002	«Замѣчательные русскіе люди: Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ»						
1003	«Изъ «Ясной Поляны» (журн. Л. Толстаго). Книга 7-я. Капитанъ Головнинъ въ плѣну у японцевъ».		п.	п.	п	п.	п.
1004	«На морѣ и на сушѣ».					п.	п.
1005	«Разсказъ о мальчикѣ, который отыскиваетъ своего отца»					п.	п.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.	Для малолѣтнихъ малограмотныхъ.	Для подростковъ малограмотныхъ.	Для взрослыхъ малограмотныхъ.	Для малолѣтнихъ, болѣе развитыхъ и подготовленныхъ.	Для болѣе подготовленныхъ подростковъ.	Для болѣе подготовленныхъ взрослыхъ.
1006	«Путешествіе доктора Э. К. Кэна» . . .						
1007	«Путевые очерки Америки». Соч. Дилица. Вып. 1-й					п.	п.
1008	«Путевые очерки Америки». Соч. Дилица. Выпускъ 2-й						
1009	«Путевые очерки Америки». Соч. Дилица. Выпускъ 3-й						
1010	«Странствованія по луговымъ степямъ». . Фр. Маріетта						
1011	«Дѣти капитана Гранта»					п.	п.
1012	«Приключенія капитана Гатраса». . . .					п.	п.
1013	«Сто тысячъ верстъ подъ водою и льдомъ».					п.	п.
1014	«Таинственный островъ»					п	п.
1015	«Страна мѣховъ»						
1016	«Дикіе люди жаркой страны»					п.	п.
1017	«Путешествіе Бекера и его жены во внутреннюю Африку»					п.	п.
1018	«Библіотека-крошка. — Путешествіе С. У. Бекера къ истокамъ Нила»						
1019	«Жилище въ пустынѣ». Соч. Майнъ-Рида .					п.	п.
1020	«Водою по лѣсу. Молодые невольники». Его-же					п.	п.
1021	«Квартеронка». Его-же.						
1022	«Ямайскіе марроны». Его-же						
1023	«Охотники за черепами». Его-же						

ОТДѢЛЪ VII.

ЗЕМСКОЕ ДѢЛО И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ОТД. VII*). ЗЕМСКОЕ ДѢЛО И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Огромное большинство русскаго народа учится какихъ-нибудь двадцать мѣсяцевъ за всю жизнь, а вся жизнь его проходитъ въ борьбѣ съ природою изъ-за насущнаго хлѣба и въ примѣненіи того сельскаго волостнаго, уѣзднаго и губернскаго самоуправленія, только при разумномъ пользованіи которымъ и возможно осуществленіе народнаго богатства. Учится нашъ крестьянинъ только до двѣнадцатилѣтняго возраста, а потому школа можетъ сдѣлать лишь весьма немногое для его общественнаго и экономическаго воспитанія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ею понято, что изученіе языка не составляетъ ея исключительной задачи; въ начальной школѣ нерѣдко понимаютъ, что изученію новыхъ *словъ* должно предшествовать наглядное сообщеніе новыхъ данныхъ и понятій, и что крайне часто можетъ оказаться неудобопонятной рѣчь, состоящая изъ вполнѣ извѣстныхъ слушателю и читателю словъ, если онъ не подготовленъ къ усвоенію самаго содержанія;—въ такой школѣ ученикъ можетъ быть хоть сколько-нибудь подготовленъ къ полученію общественнаго воспитанія изъ книги. Но гдѣ эти книги? Гдѣ у насъ книги, которыя въ популярной формѣ сообщали бы подростающему и взрослому читателю юридическія и политико-экономическія свѣдѣнія? Гдѣ взять у насъ книгъ, которыя помогли-бы народу сознать свои права и обязанности по отношенію къ общинѣ, земству и государству и отнестись хоть сколько-нибудь сознательно къ окружающимъ и нерѣдко волнующимъ его явленіямъ экономическаго міра? Такихъ книгъ у насъ почти не существуетъ, не смотря на то, что уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ снята съ

*) Разборъ книгъ по этому отдѣлу,—какъ исключительно спеціальнаго характера,—былъ взятъ на себя барономъ Н. А. Корфомъ.

народа опека, что крестьянамъ обоего пола предоставлено самое широкое право сходокъ и распоряженія на всѣхъ поприщахъ сельскаго благоустройства, — не смотря на то, наконецъ, что во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ крестьяне составляютъ почти половину всего числа гласныхъ, а въ нѣкоторыхъ—преобладаютъ. Не въ интересѣ ли государства и земства то, чтобы въ крестьянствѣ пустила корни идея земскаго согласія, чтобы крестьянинъ не поддавался эксплуатаціи различныхъ кулаковъ, пользующихся его матеріальною или умственною нищетою. А почти нѣтъ такихъ книгъ, которыя хоть сколько-нибудь выяснили бы огромному большинству русскаго народа отношенія одного сословія къ другимъ, законы самоуправленія, которое у насъ предоставлено въ весьма широкихъ размѣрахъ народу. Невѣдѣніемъ закона никто не вправѣ отговариваться, и въ тоже время мы почти ни шага не дѣлаемъ къ тому, чтобы народъ могъ получить хотя малѣйшее представленіе о существующихъ узаконеніяхъ; не только школа, но и книга не подготовляетъ у насъ народа къ уразумѣнію законовъ и манифестовъ, которые всенародно читаются, но далеко не всегда понимаются большинствомъ, затрудняющимся не только способомъ изложенія этихъ документовъ, но и тѣмъ, что они касаются области юридической и экономической, съ которою народъ соприкасается ежесекундно и которой онъ въ тоже время остается совершенно чуждымъ, безусловно отрекаясь отъ своихъ правъ и пренебрегая своими обязанностями.

Чѣмъ меньшимъ количествомъ книгъ юридическихъ и политико-экономическихъ мы располагаемъ для народа, тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ мы обязаны отнестись къ этимъ немногимъ, желая оказать содѣйствіе къ тому, чтобы литературная производительность на этомъ поприщѣ не избрала ложныхъ путей и придержалась тѣхъ здравыхъ направленій и методовъ, которые уже успѣли выясниться для книгъ этого рода по настоящее время.

-024) **Разсказы о царствѣ Бовы-королевича.** Александра Иванова. Спб. 1873 г. Ц. 10 к. 24 стр.

Невелика эта книжечка—по объему всего около сорока страницъ, а придется сказать о ней немало: такъ побуждаетъ насъ поступить не только имя автора—извѣстнаго нѣсколькими весьма удачными популяризаціями по естествознанію, но и то, что эта книжечка представляетъ пока чуть не единственную у насъ попытку изложить въ чисто-литературной формѣ понятія юридическаго и экономическаго характера. Форма изложенія — не пустое дѣло: отъ нея въ значительной степени зависитъ сила воспринимаемаго читателемъ, зависитъ и то, насколько прочно она имъ усвоится. Въ данномъ случаѣ почтенный авторъ въ «предисловіи» разсказываетъ о томъ, какъ знакомцу его А. И. Круглову захотѣлось написать конецъ къ сказкѣ о непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ-королевичѣ: въ этой сказкѣ повѣствуютъ, молъ, только о томъ, какъ Бова отвоевалъ свое царство отъ Дадона; дай, разскажу, какіе онъ въ своемъ царствѣ порядки завелъ. Задумано—сдѣлано: Кругловъ сказку разсказалъ, а А. Ивановъ ее напечаталъ. Съ такой талантливой концепціи—совершенно естественной и къ тому же симпатичной для народа, хорошо знакомаго съ Бовою — начинается разсматриваемая книга.

А ну, узнаемъ въ самомъ дѣлѣ, какіе порядки завелъ у себя нашъ давній знакомецъ Бова-королевичъ. Начать съ того, что со вступленіемъ его на престолъ отвоеваннаго имъ царства онъ титулуется уже не королевичемъ, а королемъ; званіе же королевича переходитъ къ сыновьямъ Бовы, изъ которыхъ каждому предоставляется любая отрасль управленія. Бова вступилъ на престолъ съ самыми лучшими намѣреніями, а потому прежде всего позаботился о томъ, чтобы всегда былъ доступъ къ нему всякимъ людямъ, — не только «бѣлому», но и «черному народу». Этимъ не замедлили воспользоваться прежде всего «черные люди»,—крестьяне, мужички Христовы, явившись съ жалобою на то, что изморили ихъ совсѣмъ бояре поборами, взятками да насиліемъ, и съ просьбою о томъ, чтобы выслалъ царь всѣхъ бояръ изъ государства, а народъ и безъ нихъ обойдется. Выѣхали бояре по повелѣнію Бовы за море, но тутъ вскорѣ оказалось, что съ боярами выбыло изъ государства и знаніе, и что безъ него нельзя обойтись; эта мысль выясняется авторомъ цѣлымъ рядомъ самыхъ юмористическихъ эпизодовъ во вкусѣ народа. Кончилось дѣло тѣмъ, что опять повалили мужички къ царю и просятъ его возвратить бояръ, такъ какъ генералы, министры и чиновники изъ мужиковъ, замѣнившіе прежнихъ слугъ, изважничались и пуще прежняго угнетаютъ народъ. Возвратилъ Бова бояръ на родину, да они-то оказались мстительными—и давай царя убѣждать въ томъ, что отъ мужиковъ ему нѣтъ никакого проку, что вся сила—въ боярахъ; Бова повелѣваетъ выслать изъ своего царства всѣхъ мужиковъ, и остался въ царствѣ одинъ «бѣлый народъ». Но къ королю спѣшитъ королева съ жалобой, сѣтуя на то, что къ ней приставили поваромъ какого-то генерала, который ничего ни спечь, ни сварить не умѣетъ; королева проситъ короля Бову накормить ее обѣдомъ, а тотъ съ прискорбіемъ указываетъ ей на то, что и онъ самъ голодный сидитъ, и рекомендуетъ ей самоваръ, какъ средство ко спасенію. Опять начинается рядъ траги-комическихъ эпизодовъ, оканчивающихся тѣмъ, что хлѣба сѣять и убирать некому, что наступаетъ голодъ, что на боярахъ шолкъ, а «въ брюхѣ щолкъ». По просьбѣ бояръ возвращаются крестьяне, и между ними наступаетъ вѣчный миръ; но эти два сословія вмѣстѣ относятся враждебно къ купцамъ и ярыжкамъ и пробуютъ выживать ихъ изъ государства, пока опытъ не

убѣждаетъ народъ и Бову въ томъ, что и эти сословія составляютъ необходимую часть въ государственномъ механизмѣ. Много опытовъ произвелъ Бова въ интересѣ благоденствія своего народа: попытался онъ снизойти на просьбу купцовъ и ярыжекъ и отдать имъ всѣ земли боярскія; пробовалъ онъ—по просьбѣ крестьянъ—отобрать у купцовъ всѣ капиталы и раздѣлить ихъ между крестьянами, да вмѣсто прежнихъ купцовъ стали новые изъ крестьянъ, ничѣмъ не лучше прежнихъ. Но, вдумываясь во всѣ произведенныя реформы, Бова замѣтилъ, что никто не просилъ работъ крестьянскихъ: видно имъ и въ самомъ дѣлѣ живется труднѣе, чѣмъ другимъ сословіямъ; и сталъ Бова мужиковъ пуще всѣхъ сословій жаловать. Тутъ на помощь является ему сновидѣніе, вслѣдствіе котораго онъ рѣшается уравномѣрить распредѣленіе податныхъ тягостей: дворянъ податью обложить, на купцовъ надбавить, а съ мужиковъ сбавить. Сбавить-то сбавили, но народъ не богатѣетъ. Заработокъ у народа малъ,—рѣшилъ король,—и повелѣлъ разрѣшить задачу, какъ увеличить заработокъ народа. Одинъ изъ трехъ мудрыхъ людей, взявшихся поразмыслить объ этомъ, указалъ Бовѣ на то, что если мужикъ не будетъ пьянствовать, то больше денегъ останется въ хозяйствѣ, и если будетъ меньше бить жену, то она будетъ лучше беречь добро его, а отъ того что расходу убавится, увеличится и самый приходъ мужика... Но, все же, оставался неразрѣшеннымъ вопросъ: какъ же достигнуть того, чтобы мужикъ сталъ такимъ, какимъ желалъ его мудрецъ? Наконецъ послѣдовалъ отвѣтъ и на этотъ послѣдній вопросъ: надобно сдѣлать мужика разумнымъ, а этого можно достигнуть только посредствомъ школы.

Казалось бы,—чего лучше? На этомъ бы и окончить сказку, которая прочитается и подросткомъ, и взрослымъ съ истиннымъ наслажденіемъ и огромною пользою. Такъ нѣтъ! Авторъ продолжаетъ разсказъ и приходитъ къ такому заключенію, противъ котораго необходимо предостерегать читателей, снабжаемыхъ этой прекрасной книжкой: по всѣмъ селамъ завелись школы, продолжаетъ авторъ:—многіе крестьяне стали дальше учиться въ городскихъ среднихъ и высшихъ училищахъ, многіе изъ крестьянъ, такимъ образомъ, благодаря ученью, вышли изъ своей среды: уменьшилось *число* крестьянъ, а потому и поднялся ихъ заработокъ.

Что за странная и пагубная мысль: весь русскій народъ представляется собраніемъ батраковъ, цѣна за трудъ которыхъ возрастаетъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа ихъ, и главнѣйшею услугою народной школы признается не то, что *всѣ* могутъ ею воспользоваться, стать «разумными»,—и этимъ самымъ увеличить свой заработокъ, — и не то, что крестьянинъ, въ школѣ обученный, не только не покинетъ своей среды, но сознательнѣе полюбитъ ее, — но то, что единицы изъ тысячъ станутъ выше крестьянской среды и оставятъ занятія, съ которыми они сроднились съ первыхъ дней жизни!

Чрезвычайно талантливо разсказанная сказка подписана Кругловымъ, но авторъ, къ крайнему изумленію нашему, добавляетъ отъ себя еще слѣдующія строки: «Хотѣлъ Кругловъ сказку сказать, а вышла у него наука: одна наука—экономія, другая наука—политика, а больше того и нѣтъ никакихъ наукъ».

Здѣсь не мѣсто останавливаться на томъ, что почтенный авторъ почему-то согналъ со свѣту такія науки, какъ естествознаніе, литература, математика и другія; здѣсь хотѣлось бы намъ только рекомендовать замѣнять выписанныя выше строки простымъ вопросомъ: «чему научились мы изъ этой книжки?»

Книга изложена такъ ясно, рельефно и увлекательно, что на этотъ вопросъ отвѣтитъ несомнѣнно всякій, читавшій ее, и, вѣроятно, удачнѣе придетъ къ заключенію о томъ, что «всякіе люди Богу надобны», что всякому сословію принадлежитъ свое значеніе въ государственномъ организмѣ и что образованіе ведетъ къ благосостоянію, нежели самъ авторъ, котораго сбило то, что ему хотѣлось искусственно пристегнуть къ прекрасному разсказу своему то, что изъ него логически не вытекаетъ.

Не приводимъ другихъ вопросовъ, кромѣ вышеуказаннаго заключительнаго, такъ какъ содержаніе сказки настолько исчерпано нами, что достаточно будетъ и провѣрочныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ вышеизложеннаго.

1025) **Земская служба. Бесѣды гласнаго-крестьянина Акима Простоты.** Состав. Н. Блиновъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к. 176 стр.

Представлять себѣ на основаніи заглавія этой книги, что и она, подобно предыдущей, должна быть отнесена къ чисто-литературнымъ произведеніямъ, въ основу которыхъ положены юридическія и экономическія истины, — значило бы впадать въ заблужденіе. Правда, что и почтенный педагогъ (г. Блиновъ) не просто знакомитъ съ сущностью положенія о земскихъ учрежденіяхъ, но вла-

гаетъ въ уста «гласнаго-крестьянина Акима Простоты» десять разсказовъ, въ которыхъ крестьянинъ повѣствуетъ о томъ, что́ испытано имъ самимъ на земской службѣ. Но почтенному автору приходилось вводить читателя въ такія подробности организаціи земскаго самоуправленія, которыя гораздо легче поддавались дѣловому, нежели литературному изложенію; поэтому нельзя удивляться тому, что нерѣдко авторъ отводитъ больше мѣста пояснительнымъ повѣствованіямъ земскаго служаки, нежели событіямъ изъ его земской дѣятельности. При всемъ томъ нельзя не быть признательнымъ автору за то, что онъ литературную форму изложенія предпочелъ исключительно дѣловой, такъ какъ первая, даже при недостаточности драматизма, легче и доступнѣе для неподготовленнаго читателя, котораго подъ-часъ ничѣмъ, кромѣ заманчиваго изложенія, и не привлечешь къ чтенію юридической книги.

Крестьянинъ Акимъ Простота попалъ въ гласные, какъ почти всѣ крестьяне, не имѣя никакого понятія о томъ, что́ ему предстоитъ дѣлать; но, какъ человѣкъ грамотный и разумный, онъ скоро освоился съ земскимъ дѣломъ, которому предался всей душой. Полезная дѣятельность его не только въ засѣданіяхъ, но и внѣ ихъ обратила на него вниманіе сотоварищей и повела къ избранію его членомъ уѣздной земской управы и гласнымъ губернскаго земскаго собранія. Опытомъ своимъ на всѣхъ поприщахъ земской службы и дѣлится Акимъ Простота въ десяти занимательныхъ разсказахъ, за которыми слѣдуютъ еще двѣ главы, въ которыхъ уже отъ имени автора подводятся итоги разсказанному Простотою и восполняется недосказанное имъ. Невозможно не отдать справедливости автору въ томъ, что его книга не только даетъ понятіе о земскомъ самоуправленіи, но знакомитъ съ нимъ весьма обстоятельно, и притомъ не только съ организаціею его по закону, но и съ земскою практикою и политикою, т. е. съ тѣмъ, какъ обыкновенно дѣло дѣлается, отчего его проигрываютъ и отчего выигрываютъ, какія интриги встрѣчаются на пути и т. п.; всего этого авторъ могъ коснуться только благодаря тому, что придалъ своей книгѣ беллетристическую форму. Къ достоинствамъ книги нельзя не отнести и того, что авторъ постепенно знакомитъ читателя съ юридическою терминологіею и вообще тѣмъ языкомъ, безъ знанія котораго не могутъ быть доступны популярныя книги юридическаго содержанія. Такимъ образомъ, авторомъ постепенно вводятся при поясненіяхъ слова: «положеніе», «докладъ», «ассигновка», «коммиссія», «баллотировка», «протестъ», «смѣта», и т. п.; это и даетъ возможность автору посвятить конецъ книги, какъ мы уже говорили, дѣловому ознакомленію читателя не только съ органами земскаго самоуправленія, но и съ уѣздными, губернскими и государственными учрежденіями, имѣющими съ нимъ ближайшее соприкосновеніе. Наконецъ, авторомъ не забыты и воспитательныя цѣли, которымъ, напротивъ, вездѣ отводится надлежащее мѣсто; не упустилъ онъ изъ виду и того, что на народъ необходимо влiять въ интересѣ народнаго здравія и народнаго образованія, польза которыхъ иллюстрируется авторомъ весьма наставительными примѣрами изъ жизни разсказчика Акима Простоты.

Остается сказать о томъ, какому кругу читателей доступна эта прекрасная книга? Разсказы Акима Простоты занимаютъ подростковъ, а въ особенности взрослыхъ крестьянъ, которые больше первыхъ знакомятся изъ этой книги съ земскими порядками, такъ какъ они болѣе первыхъ встрѣчались въ жизни съ членами управы, съ членами училищнаго совѣта и гласными, вслѣдствіе чего все земское дѣло представляется имъ болѣе конкретно. Намъ извѣстны случаи того, что на желаніе взрослыхъ учащихся воскресной повторительной школы — прочитать напечатанные протоколы земскаго собранія—руководители отвѣчали предложеніемъ прочитать сначала «Земскую службу», и что послѣ этого и самые протоколы читались съ толкомъ. На опытѣ-же убѣдились мы и въ томъ, что эта книга занимаетъ мальчиковъ лѣтъ 13 и 14 и полагаетъ начало ихъ общественному воспитанію; вотъ почему нельзя не сочувствовать тѣмъ уѣзднымъ земствамъ, которыя дарятъ эту книгу оканчивающимъ курсъ въ народныхъ училищахъ. Внимательное изученіе этой книги обязательно для каждаго народнаго учителя, такъ какъ изъ нея онъ ознакомится съ земскимъ дѣломъ несравненно обстоятельнѣе и основательнѣе, нежели изъ самаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, представляющаго только теорію вопроса и не выясняющаго ея драгоцѣнными примѣрами, которыми изобилуетъ книга г. Блинова.

Узоры, вышитые авторомъ на основѣ крайне сухаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, настолько облегчаютъ усвоеніе, что въ числѣ провѣрочныхъ *вопросовъ* по прочтеніи «Земской службы» можно-бы предложить слѣдующее:

Какое порученіе давали Акиму его односельцы, избирая его въ гласные?

Удалось ли ему сразу исполнить его, и почему не удалось?

Приносилъ ли гласный Простота какую-нибудь пользу народу и внѣ засѣданія земскаго собранія, и какую именно?

Съ какими лицами совѣщался Простота въ земскомъ собраніи, чтобы дѣлу научиться?

Какія книги онъ для этого читалъ?

Кто, какъ и для чего предлагалъ Простотѣ взятку?

Почему былъ онъ избранъ въ члены управы и губернскіе гласные?

Какую пользу съумѣлъ Простота принести крестьянамъ, относительно земскихъ повинностей?

Кромѣ приведенныхъ вопросовъ, умѣстны всякіе, при помощи которыхъ выяснилось бы, насколько лицо, прочитавшее книгу г. Блинова, ознакомилось съ правами и обязанностями каждаго изъ органовъ земскаго самоуправленія и поприщами дѣятельности ихъ.

Примѣч. См. рецензію къ 1 Дополн. къ «Обзору Народно-Учебн. Лит.» Комитета Грамотн., стр. 147.

1026) **Сельская общественная служба.** *Бесѣды сельскаго старосты Акима Простоты.* Сост. Н. Блиновъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к. 205 стр.

Эту книгу, не взирая на заглавіе ея, слѣдуетъ отнести не къ литературному чтенію съ дѣловою основою, но просто къ дѣловому чтенію, что́, впрочемъ, отнюдь не умаляетъ достоинства ея, но указываетъ лишь на то, какого рода читателямъ она можетъ быть доступна. Мы уже говорили въ первой рецензіи этого отдѣла о томъ, насколько чувство, окрашивающее воспріятія сознанія, содѣйствуетъ прочности этихъ воспріятій; теперь нетрудно дать себѣ отчетъ въ томъ, что чѣмъ менѣе подготовленъ читатель, тѣмъ больше для возбужденія чувства его при чтеніи необходимы привлекательная форма изложенія и участіе фантазіи, и что чѣмъ болѣе онъ подготовленъ, тѣмъ легче чувство, а не только разсудокъ его, могутъ быть затронуты и дѣловымъ изложеніемъ, не прикрашеннымъ вымыслами, но живымъ и выставляющимъ факты, непосредственно говорящіе сердцу. На этомъ основаніи въ начальной школѣ эстетическое литературное чтеніе должно предшествовать дѣловому; но слишкомъ грустенъ былъ бы такой результатъ отъ школы, еслибы всякая книга, кромѣ произведеній изящной словесности, казалась обучаемому скучною и неудобоваримою. Такъ стоитъ, по нашему мнѣнію, вопросъ и по отношенію къ читателямъ изъ народа: крайне ошибочно было-бы предполагать, что они не дорожатъ эстетическимъ матеріаломъ, литературною формою изложенія и ищутъ въ книгѣ только практической пользы, а не эстетическаго наслажденія; но столь же ошибочно было бы думать, что дѣловая книга, живо изложенная, не занимаетъ такихъ читателей. Литературное чтеніе, къ которому всецѣло относится разсмотрѣнная нами выше сказка о Бовѣ и отчасти «Земская служба», отнюдь не исключаетъ дѣловаго чтенія, съ которымъ мы встрѣчаемся, какъ мы сказали, въ «Сельской общественной службѣ». Но изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что не всѣ изъ читателей, которыхъ займетъ «Земская служба», прочитаютъ съ такимъ же интересомъ и удовольствіемъ и разсматриваемую книгу; ею увлекутся только наиболѣе взрослые и подготовленные изъ нихъ.

Менѣе подготовленныхъ читателей этой книги не подкупитъ въ пользу ея указаніе въ заглавіи на то, что книга представляетъ бесѣды сельскаго старосты: они скоро поймутъ, что такихъ развитыхъ и начитанныхъ старостъ, какимъ является Простота, у насъ не существуетъ и—весьма вѣроятно—не будетъ существовать еще и черезъ пятьдесятъ лѣтъ; къ тому же они замѣтятъ, что Простота гораздо больше поучаетъ, нежели бесѣдуетъ о пережитомъ имъ самимъ; въ высшей степени дѣльные совѣты и разъясненія старосты, обличающіе въ почтенномъ педагогѣ, авторѣ книги, блестящее знакомство съ обсуждаемыми вопросами, подѣйствуютъ на наименѣе подготовленныхъ читаталей настолько же слабѣе поучительнаго жизнеописанія, насколько нравоученіе басни отзывается на читателяхъ слабѣе драматической ея части. Впрочемъ, справедливость заставляетъ сказать, что г. Блиновъ и эту книгу старался сдѣлать занимательною, а не только полезною, вводя въ поученія Простоты о сельскомъ самоуправленіи немало въ высшей степени интересныхъ случаевъ, происшедшихъ въ различныхъ частяхъ Россіи и поучительныхъ въ отрицательномъ или положительномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, авторъ разсказываетъ о томъ, какъ кликушество, считавшееся всѣми болѣзнью, прекратилось вслѣдствіе серьезнаго отношенія къ нему суда; не менѣе интересны повѣствованія о дѣйствительно происшедшемъ въ недавнее время сожженіи заживо мнимой колдуньи и избіеніи на смерть конокрадовъ и поджигателей. Взрослые читатели изъ крестьянъ, сколько нибудь подго-

товленные, прочитаютъ эту книгу съ удовольствіемъ и тѣмъ большею пользою, что авторъ никогда не перестаетъ быть воспитателемъ народа, — и то останавливается, напримѣръ, на безобразномъ отношеніи нашемъ къ казенному имуществу,—то возстаетъ противъ сословной розни и «недовѣрія ко всякимъ барамъ», безъ разбора, за одно то, что они «баре» и потому, будто-бы, не могутъ понимать потребностей крестьянина. Авторъ съ талантомъ и настойчивостью защищаетъ общинное землевладѣніе, выясняя всю выгоду коопераціи и въ примѣненіи къ земледѣльческому труду.

Всѣ эти благодѣтельныя стремленія автора пріурочиваются къ пятнадцати главамъ книги, простое перечисленіе которыхъ лучше всего можетъ опредѣлить ея содержаніе: «*Сельскій староста*», «*Сельское общество*» (двѣ главы), «*Сельскій сходъ*», «*О ничтожныхъ приговорахъ схода*», «*Сельскія выборныя должностныя лица*», «*Обязанности смотрителя хлѣбо-запаснаго магазина*», «*О народномъ продовольствіи*», «*Нижніе чины полиціи*», «*Деревенскіе старшины и пожарные старосты*», «*Полевые сторожа*», «*Охраненіе и сбереженіе лѣсовъ и лѣсные сторожа*», «*Низшіе служащіе въ обществѣ*». Послѣднія двѣ главы—«Служба правительству и обществу своими средствами» значительно расширяютъ задачу автора, предполагавшаго ознакомить съ сельскимъ самоуправленіемъ; такъ, въ нихъ выясняются понятія о налогѣ, казнѣ, потребностяхъ государства въ военное и мирное время, о необходимости различныхъ сословій и государственныхъ расходовъ на нихъ, о косвенныхъ налогахъ, о пьянствѣ и кабакахъ и проч. Все это изложено въ высшей степени доступнымъ и простымъ языкомъ.

Подводя итоги сказанному, мы не можемъ не рекомендовать этой прекрасной книги не только для чтенія грамотныхъ взрослыхъ, но и народнымъ учителямъ и учительницамъ, изъ которыхъ многіе попадаютъ въ село горожанами и горожанками, не имѣя никакого представленія о сельскомъ самоуправленіи, которымъ, между тѣмъ, имъ предстоитъ руководить въ интересѣ воспитанія въ народѣ чувства законности, составляющаго одну изъ основныхъ задачъ наставника народа.

Провѣрочные вопросы могутъ быть предложены читавшему книгу—лицомъ, ее порекомендовавшимъ—на основаніи вышеизложеннаго; при этомъ провѣряющій, насколько прочитанная книга понята въ данномъ случаѣ, поступитъ практично, если провѣрку прочитаннаго вопросами подраздѣлитъ по крайней мѣрѣ на четыре части, въ виду обилія матеріала въ книгѣ, и, по прошествіи нѣкотораго времени, пригласитъ читавшаго эту книгу прочитать ее еще разъ; въ необходимости этого нетрудно будетъ убѣдить указаніемъ на то, что на этотъ разъ книга прочитается еще легче, чѣмъ она читалась въ первый разъ, отчего только увеличится и въ первый разъ уже доставленное ею удовольствіе.

Примѣч. См. рец. въ 1 Дополн. къ «Обзору Нар.-Учебн. Литерат.» Спб. Комитета Грам., стр. 147.

1027) **О волостныхъ и сельскихъ выборахъ и крестьянскомъ самоуправленіи.** (Изъ наблюденій волостнаго писаря.) Спб. 1883 г. Ц. 25 к. 40 стр.

Если добавить къ заглавію, что предисловіе подписано *крестьяниномъ* Стефаномъ Михайловымъ и что авторъ обращается въ этой книжечкѣ къ своимъ «собратьямъ», то станетъ особенно заманчивымъ познакомиться съ тѣмъ, насколько это произведеніе «крестьянина» пригодно для читателей изъ народа. Но стоитъ лишь развернуть книгу, для того чтобы въ ней разочароваться: не говоря уже о томъ, что «бывшій волостной писарь» ничего особенно поучительнаго не высказалъ, книга написана недоступнымъ для крестьянина языкомъ, который не дѣлаетъ чести автору, если онъ по происхожденію въ самомъ дѣлѣ—крестьянинъ. Ограничимся приведеніемъ одного лишь образца, для того чтобы убѣдиться въ томъ, до какой безцеремонности могутъ иногда доходить у насъ люди, пишущіе «для народа». Описывая порядки на сельскихъ сходахъ, авторъ говоритъ: «Съ такимъ *энтузіазмомъ* раскричатся православные, что хоть святыхъ (т. е. иконы святыхъ) вонъ выноси, и тутъ *буквально* бываетъ, развѣ одному Богу извѣстно, о чемъ идетъ такое оживленное, бурное *преніе!* Кому хоть нѣсколько разъ случалось быть на крестьянскомъ сходѣ, тотъ, я увѣренъ, не сочтетъ моихъ словъ *сатирою* (!??), такъ какъ свои, въ высшей степени *энергическіе протесты* и горячія разсужденія, *доводы* и *опроверженія* крестьяне не высказываютъ спокойно и поочереди, а ревутъ всѣ за-разъ»... Что это такое: «сатира» или карикатура—восемь непонятныхъ словъ въ десяти строкахъ, написанныхъ «крестьяниномъ» для крестьянъ?!

1028) **О дѣлахъ житейскихъ.** (Разсказы стараго учителя.) Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к. 278 стр.

Эта книга, весьма опрятно изданная, толь-

ко нѣкоторыми главами, входящими въ ея составъ, относится къ отдѣлу книгъ юридическаго и экономическаго содержанія; таковы главы о почтѣ, торговлѣ, деньгахъ, налогахъ, судебной реформѣ, судѣ присяжныхъ, земствѣ и воинской повинности. Въ особенности хороши историческіе очерки разсматриваемыхъ авторомъ вопросовъ, выясняемыхъ преимущественно съ теоретической и научной стороны простымъ языкомъ; но не столько по языку, какъ по точкѣ зрѣнія автора и методу изложенія,—лишь изрѣдка индуктивному и изобилующему, напротивъ, обобщеніями, а книга эта можетъ быть доступна наиболѣе взрослымъ и развитымъ читателямъ изъ народа лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Что касается народныхъ учителей, то наиболѣе подготовленные изъ нихъ прочитаютъ книгу съ пользою и удовольствіемъ, если только найдутъ возможнымъ издержать на нее не ничтожныя деньги.

1029) **Общая воинская повинность.** (Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ). М. Острогорскаго. Спб. 1877 года. Ц. 10 к. 32 стр.

Разсматриваемая книга можетъ служить образцомъ дѣловаго чтенія для народа: почтенный авторъ съ величайшимъ тактомъ избѣгаетъ не только непонятныхъ словъ, но и недоступныхъ неподготовленнымъ читателямъ мыслей и данныхъ, и, бесѣдуя о совершенно сухомъ вопросѣ, умѣетъ сдѣлать изложеніе его живымъ и занимательнымъ, не прибѣгая къ литературному вымыслу и какимъ-либо инымъ прикрасамъ, всегда съ пользою отзывающимся на пониманіи неподготовленныхъ читателей, но не представляющихъ необходимости, какъ нами уже выяснено выше. Написать дѣловую книгу для народа—не легче, чѣмъ написать литературную, и первою даже труднѣе увлечь, нежели второю; но подростокъ изъ крестьянъ и тѣмъ болѣе взрослый читатель такъ серьезно относится къ жизни, что нерѣдко охотно берется за книгу, которая говоритъ съ нимъ не сухимъ, но серьезнымъ, дѣловымъ языкомъ, если только самое *дѣло*, о которомъ идетъ рѣчь, занимаетъ его. И въ средѣ крестьянъ, какъ въ средѣ учащихся, большинство читателей ищутъ въ чтеніи только развлеченія; но существуетъ и меньшинство, ищущее въ книгѣ разумнаго отдыха въ видѣ занятія, доставляющаго удовольствіе. Вопросъ о воинской повинности самъ по себѣ настолько близокъ крестьянину, что разсматриваемая книга,—благодаря притомъ талантливому изложенію,—прочитается подростками и взрослыми съ величайшимъ наслажденіемъ.

Провѣрить, насколько усвоено прочитанное, можно посредствомъ слѣдующихъ *вопросовъ:*

Какъ было устроено у насъ войско встарину?

Почему понадобилось постоянное войско и рекрутскіе наборы?

Какъ и когда случилось то, что воинская повинность стала падать на однихъ крестьянъ и мѣщанъ, и легко-ли это на нихъ отзывалось?

Какъ и кого сдавали въ солдаты до введенія общей воинской повинности?

Что мѣшало уменьшить двадцатипятилѣтній срокъ службы въ это время, и какъ отзывался этотъ срокъ на благосостояніи народа?

Какія льготы допущены въ отбываніи воинской повинности при императорѣ Александрѣ II до преобразованія ея въ 1874 году, и въ чемъ состояло это послѣднее?

Почему не допущенъ денежный выкупъ и наемъ охотниковъ при настоящемъ устройствѣ воинской повинности?

Какъ производится призывъ въ настоящее время?

Кто изъ призываемыхъ поступаетъ на дѣйствительную службу и кто—въ ополченіе?

Въ какомъ случаѣ берутъ въ солдаты и льготныхъ, и въ чемъ состоятъ льготы трехъ разрядовъ по семейному положенію призываемыхъ?

Изъ кого образуется «запасъ»?

Почему въ иностранныхъ государствахъ срокъ военной службы короче, чѣмъ у насъ, и въ чемъ состоятъ льготы, предоставляемыя уставомъ, сообразно образованію призываемыхъ?

Кому и какія предоставляются отсрочки для поступленія на обязательную для всѣхъ военную службу?

Въ чемъ состоятъ существеннѣйшія отличія нынѣ дѣйствующихъ узаконеній отъ прежнихъ и преимущества новаго устава о воинской повинности—надъ прежнимъ?

1030) **Бережь и трудъ.** Краткое руководство политической экономіи (по М. Блоку). Н. А. Тизенгаузена. Спб. 1881 г. Ц. 40 к. 128 стр.

Прежде всего нельзя не пожалѣть о томъ, что почтенный переводчикъ, который не просто перевелъ, но переработалъ въ высшей степени талантливую книгу Морица Блока для русской публики, слѣдуя французскому оригиналу, не ограничился пер-

вымъ заглавіемъ, прекрасно придуманнымъ переводчикомъ, но добавилъ къ нему заглавіе самого автора, назвавшаго эту книгу «руководствомъ». Этимъ послѣднимъ названіемъ можетъ ограничиться кругъ читателей этой книги, которой нельзя не пожелать самаго обширнаго распространенія, какъ единственной' и весьма удачной попыткѣ на русскомъ языкѣ популяризировать здравыя экономическія понятія въ самой элементарной формѣ и дозѣ. Не говоримъ уже о томъ, что при всей доступности языка, и самаго метода изложенія книги, понятія, выясняемыя ею, доступны только начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, и что поэтому у насъ книга эта могла бы служить «руководствомъ» только въ воскресныхъ повторительныхъ школахъ, едва начинающихъ осуществляться; но и независимо отъ этого едва-ли разсматриваемая книга можетъ относиться къ числу руководствъ, т. е. учебниковъ, главнѣйшею характеристикою которыхъ должны служить сжатость, систематичность и удобство обозрѣнія, которыя помогли бы учащемуся припомнить по учебнику, какъ по конспекту, объясненное учителемъ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ этой книгѣ, которая должна быть отнесена, напротивъ, къ самымъ лучшимъ изъ существующихъ книгамъ для чтенія, чрезвычайно удачно облекающимъ дѣловую основу въ конкретныя формы литературнаго вымысла. Первоначальныя понятія изъ политической экономіи сообщаются авторомъ въ видѣ бесѣдъ школьнаго учителя съ нѣсколькими взрослыми и подростками, но не въ видѣ натянутыхъ разговоровъ, притягиваемыхъ къ предвзятой мысли автора, которые такъ часто встрѣчаются: тутъ вы видите передъ собою живыхъ людей; часто перемѣняются и мѣста бесѣды, и самые собесѣдники; вопросы и отвѣты на нихъ разнообразятся разсказами; инціатива бесѣды переходитъ отъ одного къ другому, и съ особеннымъ удовольствіемъ прочитается эта талантливая книга для чтенія, увлекательная по формѣ своей и для наименѣе подготовленныхъ читателей. Велики въ этомъ случаѣ заслуги автора, но не ничтожны и заслуги переводчика, которому вполнѣ удалось переработать французскую книгу въ *русскую* и сохранить за своимъ трудомъ всю свѣжесть и живость оригинала.

«Трудись и береги нажитое» — вотъ что проповѣдуетъ авторъ и переводчикъ въ 36-ти главахъ, касаясь вопросовъ о цѣнѣ, собственности, трудѣ, раздѣленіи труда, обмѣнѣ, богатствѣ, монетѣ, бумажныхъ деньгахъ и кредитѣ, капиталѣ, заработной платѣ, коопераціи, роскоши, налогахъ и другихъ главнѣйшихъ вопросахъ изъ той же области. Авторъ придерживается преимущественно индуктивнаго метода, отъ частнаго восходя къ общему, отъ наблюденія переходя къ выводу, что и придаетъ конкретность и занимательность изложенію. Для выясненія вопросовъ о пользѣ и цѣнѣ, напримѣръ, книга начинаетъ съ того, что «Ивановъ, ученикъ сельской школы, вернувшись изъ Москвы къ себѣ въ село, никакъ не могъ забыть, что тамъ продаютъ воду, а товарищи его были убѣждены въ томъ, что вода «ничего не стоитъ». Переводчикъ довольно близко придерживался оригинала вездѣ, гдѣ послѣдній согласовался съ русскою жизнью; но онъ не отступалъ и предъ измѣненіями и дополненіями, сообразно своимъ воззрѣніямъ на дѣло. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 124-й подлинника (10-е изданіе) г. Тизенгаузенъ вполнѣ основательно опустилъ сказанное авторомъ, будто-бы въ основѣ *всякаго* богатства всегда лежитъ трудъ. Было бы крайне неразумно возбуждать желчное настроеніе противъ несознательно владѣющихъ неправильно накопленными богатствами, но столь же нераціонально и развращать читателя поклоненіемъ всякаго рода богатству, будто бы всегда вытекающему изъ труда. Столь же удачно добавилъ почтенный переводчикъ заключеніе книгѣ, не существующее въ оригиналѣ: «Кто перекрестясь работаетъ, тому Богъ помощь». Но разъ переводчикъ позволилъ себѣ не только приноравливаніе иностранной книги къ русской жизни, но и видоизмѣненіе ея, нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ не дополнилъ оригинала хотя бы нѣсколькими бесѣдами объ экономіи земледѣлія, которымъ питается огромное большинство русскаго народа и поземельнаго устройства—общиннаго и инаго, представляющаго для него такой жизненный вопросъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ этой прекрасной переработки книги М. Блока, которыхъ мы очень желали бы, переводчикъ долженъ былъ бы также коснуться вопросовъ о переселеніи и крестьянскомъ банкѣ, лишь въ послѣднее время выдвинутыхъ жизнью. Желательно было бы также оттѣнить еще посильнѣе то, что авторъ говоритъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги о предосудительности жестокосердія при стремленіи къ соблюденію личныхъ интересовъ на основаніи началъ политической экономіи; начало этой науки легко слить съ заповѣдью о любви, такъ какъ *истинное* пониманіе своей дѣйствительной, а не мнимой и кажущейся

лишь выгоды и ведетъ къ благосостоянію; приложить къ выясненію этой мысли индуктивный методъ, привести занимательные примѣры изъ обыденной жизни въ подтвержденіе ея было бы нетрудно, а это увеличило бы воспитывающее значеніе книги, и въ настоящее время составляющее одно изъ лучшихъ свойствъ ея. Книга задается цѣлью развить любовь и уваженіе къ труду и самопомощи и заглушить въ читателѣ чувство зависти, которое такъ часто эксплуатируется людьми, сознательно и безсознательно приносящими вредъ народу; эти люди, поощряя въ немъ болѣе животные, нежели человѣческіе инстинкты, кажутся ему друзьями его, потому что они подаютъ ему надежды, не вытекающія изъ прошлой исторіи человѣчества и не согласующіяся съ тѣмъ, что до сихъ поръ выработано наукою, которой посвящена книга М. Блока.

Вопросы для провѣрки познаній, вынесенныхъ читателемъ изъ разсматриваемой книги, заняли бы болѣе мѣста, нежели самая рецензія—настолько эта книга обильна поучительными данными. А потому мы можемъ лишь посовѣтовать лицамъ, руководящимъ народнымъ чтеніемъ, ни въ какомъ случаѣ не отказать самимъ себѣ въ наслажденіи прочитать эту книгу и возвращаться къ бесѣдѣ о ней нѣсколько разъ; къ числу удобствъ, представляемыхъ этой книгой, относится и то, что она подраздѣлена на очень короткія главы, производящія цѣльное впечатлѣніе, что значительно облегчаетъ и постановку провѣрочныхъ вопросовъ.

Примѣч. См. рец. въ I Дополненіи къ «Обзору Народно-Учебн. Литер.» Спб. Комит. Грам. Стр. 147 и 148.

1031) **Зеленый островъ.** *Разсказы о томъ, что такое деньги, торговля и трудъ.* Изд. журнала «Воспитаніе и Обученіе». Спб. 1878 г. Ц. 15 к. 36 стр.

Если переводчикъ желаетъ предложить произведенія иностранной словесности читателямъ изъ массы нашего народа, то только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ ему придется переводить, не передѣлывая оригинала; онъ будетъ вынужденъ на такую переработку даже и тогда, когда вниманіе его остановится на произведеніи «для народа», къ числу которыхъ очевидно относится англійскій оригиналъ разсказа «Зеленый островъ». Масса народа въ Западной Европѣ рѣзко отличается отъ нашихъ простолюдиновъ тѣмъ, что на Западѣ несравненно больше городскихъ жителей, чѣмъ у насъ, а потому и городской бытъ гораздо болѣе знакомъ сельчанамъ; къ тому же, при густотѣ населенія Запада, тамъ деревни, въ русскомъ смыслѣ слова—въ смыслѣ шири и глуши, почти не существуютъ, и тамошнія мѣстечки нерѣдко ближе нашихъ уѣздныхъ городовъ къ городскому быту. Кромѣ того, въ Западной Европѣ крестьянскія дѣти обязательно посѣщаютъ лѣтъ по восьми училище, изъ котораго выносятъ такое знакомство съ исторіею, географіею и другими науками, съ которымъ возможно сравнить развѣ подготовку тѣхъ крайне немногочисленныхъ дѣтей, которыя оканчиваютъ курсъ въ нашихъ двуклассныхъ министерскихъ, сельскихъ и городскихъ училищахъ. Все это необходимо помнить тому, кто берется переводить для нашего народа, и все это упущено изъ виду переводчикомъ разсказа «Зеленый островъ».

Журналомъ «Воспитаніе и Обученіе» оказана существенная услуга нашимъ читателямъ изъ народа переводомъ этой книги; но дѣло, какъ увидимъ, недодѣлано, а потому въ настоящее время она пригодна для чтенія только наиболѣе научно-подготовленнымъ подросткамъ и взрослымъ. Услуга состоитъ въ томъ, что лицамъ, пользующимся народными библіотеками для чтенія, предлагается новая «робинзонада», а похожденія Робинзона Крузо'э читаются нашимъ народомъ съ восторгомъ и увлеченіемъ. Очень занимателенъ разсказъ и этого подражанія «Робинзону», хотя онъ значительно выигралъ бы отъ того, если бы авторъ или переводчикъ поменьше разсказывалъ о своихъ герояхъ, заставляя ихъ побольше говорить и дѣйствовать на глазахъ читателя.

Передаемъ вкратцѣ содержаніе разсказа.

Капитанъ корабля и двадцать матросовъ выброшены на небольшой необитаемый островъ, на которомъ они должны были довольствоваться тѣмъ, что волны выбрасывали на берегъ. Было положено, что нашедшій какую-нибудь вещь пріобрѣталъ и право собственности на нее. Постепенно въ этомъ обществѣ обмѣнъ одного предмета на другой ведетъ къ куплѣ и продажѣ, а самое существованіе членовъ его возможно только благодаря труду и раздѣленію труда; «поощреніе промышленности» посредствомъ непроизводительныхъ расходовъ на прихоти, которымъ попытался-было заняться одинъ изъ спасшихся отъ кораблекрушенія, оказывается нелѣпостью. Находка мѣшка съ пшеницей полагаетъ начало земледѣлію на островѣ, а по мѣрѣ развитія его падаетъ цѣна на пшеницу; но на бѣду

этихъ земледѣльцевъ нѣсколькимъ изъ товарищей ихъ удалось, смастеривъ себѣ лодку, открыть на сосѣднемъ островѣ хлѣбное дерево, добываніе котораго почти ничего не стоило, а по питательности оно вполнѣ замѣняло пшеницу. Тогда часть населенія воздѣлывавшихъ пшеницу потребовала воспрещенія ввоза опаснаго соперника ея; но все населеніе вскорѣ поняло, что свобода торговли, а не покровительственныя пошлины, соотвѣтствуетъ интересамъ большинства населенія. Огромную перемѣну въ жизни нашихъ островитянъ произвело прибытіе англійскаго военнаго корабля, успѣвшаго увлечь на родину только немногихъ изъ колонистовъ и снабдившаго остальныхъ порохомъ, оружіемъ, книгами, желѣзомъ и домашними животными и нѣсколькими машинами и орудіями; не меньшее вліяніе произвела на нихъ и находка ящика съ монетами—появились на островѣ деньги и только постепенно научились островитяне относиться къ нимъ разумно; появился на островѣ кредитъ, и тогда только промышленное развитіе этой колоніи стало въ вполнѣ благопріятныя условія.

Желая доказать, насколько тема сама по себѣ интересна и назидательна, мы передали сущность разсказа; но мы опустили и «капитана Адамса» и разныхъ «Гриновъ» и «Девисовъ», которыхъ переводчикъ не замѣнилъ русскими именами, какъ будто не существуетъ русскихъ мореплавателей: мы опустили, кромѣ того, и немало названій предметовъ, совершенно чуждыхъ нашему крестьянскому быту, которыми пестритъ книга, о чемъ нельзя не пожалѣть тѣмъ болѣе, что она изложена чрезвычайно простымъ и удобопонятнымъ языкомъ и сообщаетъ, какъ мы видѣли, весьма полезныя политико-экономическія понятія. Нельзя не пожелать, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ переработка этой книги сдѣлала ее доступною большинству читателей изъ народа, между тѣмъ какъ въ настоящее время—какъ уже сказано—ею воспользуются лишь весьма немногіе.

Въ интересѣ дѣла необходимо остановиться еще на крайне оригинальномъ указателѣ, разъясняющемъ непонятныя слова, помѣщенномъ въ концѣ книги; этотъ указатель поясняетъ почему то только слова: *«мануфактурный»*, *«бамбукъ»*, *«кокосы»*, *«кредитъ»* и *«оптовая торговля»*. Было бы весьма цѣлесообразно снабжать книги для народнаго чтенія объясненіями непонятныхъ словъ, но не исключительно техническихъ, а вообще словъ изъ книжнаго, литературнаго языка; но эти объясненія слѣдовало бы давать на каждой страницѣ, въ видѣ примѣчанія, не относя ихъ къ концу книги, гдѣ большинство читателей замѣтитъ ихъ только по прочтеніи книги, т. е. слишкомъ поздно, и гдѣ крайне неудобно читателю отыскивать затрудняющее его по значенію слово.

Примѣч. См. рецензію въ 1-мъ Дополненіи къ «Обзору Народно-Учебн. Лит.» Спб. Ком. Грамотн., стр. 148.

1032) **Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ?** Ссудо-сберегательныя товарищества. Народное изданіе. Н. Ф. *). Спб. 1871 г. Ц. 5 к. 42. стр.

«Безспорно», говоритъ почтенный авторъ,—за 5 коп. предлагающій книжку въ 42 страницы съ рисункомъ, въ переплетѣ,—«часто человѣкъ самъ виноватъ въ своей бѣдности: лѣнь, трудность, пьянство, неразвитость много способствуютъ въ ухудшеніи жизни бѣдняка; но есть и другія причины, которыя выше силъ человѣка: бѣдность похожа на грузную чугунную бабу—одному человѣку ее не сдвинуть». Подъемъ такой бабы соединенными усиліями многихъ изображенъ на обертке книги. Авторъ продолжаетъ: «Вамъ и тутъ приходитъ въ голову, нельзя ли собраться въ артель, чтобы дружно, съ припѣвомъ: «Эй, ухнемъ! ей, ухнемъ!» навалиться на тяжелую бѣдность,—авось подастся. И на это мы скажемъ: не авось, а навѣрное подастся». Такъ тепло и понятно написана эта книжечка, сообщающая всѣ свѣдѣнія, необходимыя для устройства ссудо-сберегательнаго товарищества,—книжечка, которая прочитается съ удовольствіемъ и пользою подросткомъ и взрослымъ читателемъ изъ народа.

Провѣрить, насколько она понятна читавшимъ, можно бы посредствомъ слѣдующихъ *вопросовъ*:

Чѣмъ ссудное товарищество похоже на артель?

Для чего и какъ составляется эта артель?

Откуда берутся средства товарищества? какъ образуется его капиталъ?

Кому и какъ товарищество выдаетъ ссуды?

Кто состоитъ хозяиномъ ссудо-сберегательнаго товарищества и кѣмъ оно управляется?

Нельзя не пожелать этой книгѣ самаго широкаго распространенія и нельзя въ особенности не рекомендовать народнымъ учи-

---

*) Къ сожалѣнію, мы имѣемъ подъ рукою только первое изданіе, а не второе, къ которому относится рецензія, помѣщенная на страницѣ 741 «Обз. Нар. Учебн. Литературы». Спб. Комит. Грамотн.

телямъ и священникамъ ознакомиться съ нею, такъ какъ никакая книга,—даже и такъ безупречно принаровленная къ пониманію и міросозерцанію нашего простолюдина, какъ даръ г. Н. Ф. массѣ русскаго народа, — не замѣнитъ живаго слова.

Тяжкая болѣзнь, а затѣмъ смерть помѣшали барону Николаю Александровичу Корфу окончить разборъ книгъ по этому отдѣлу.

Перечисляемъ изъ книгъ, которыя должны были войти въ отдѣлъ «Земскаго дѣла и народнаго хозяйства», тѣ, которыя заслуживают ъ особаго вниманія:

Какъ завелись у насъ правильныя артели? (Историч. разсказъ.) Сост. П. Александровъ. Спб. 1871 г. Ц. 10 к. 39 стр.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ, общедоступно изложенные и объясненные. Сост. В. Фармаковскій. Изд. 3-е. Вятка. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к. 298 стр.

Книжка о мировомъ судѣ. Сост. В. Фармаковскій. Изд. 2-е. Симбирскъ. 1879 г. Ц. 10 к. 44 стр.

Книжка для присяжныхъ засѣдателей. О судѣ присяжныхъ. Сост. Вл. Фармаковскій. Вятка. 1874 г. Ц. 10 к. 46 стр.

Присяжные засѣдатели, ихъ значеніе и обязанности. Спб. 1871 г. Ц. 10 к. 23 стр.

Книжка для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Сост. В. Фармаковскій. Изд. 3-е. Симбирскъ. 1879 т. Ц. 30 к. 104 стр.

Книжка для волостныхъ судей. О волостномъ судѣ. В. Фармаковскаго. Изд. 3-е. Симбирскъ. 1879 г. Ц. 15 к. 35 стр.

Книжка для земскихъ гласныхъ о земскихъ учрежденіяхъ. В. Фармаковскаго. Изд. 2-е. Симбирскъ. 1879 г. Ц. 10 к. 40 стр.

Крестьянскій бытъ прежде и теперь. С. Максимова. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1872 г. Ц. 10 к. 45 стр.

Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Соч. П. Ремезова. Спб. 1883 г. Ц. 10 к. 110 стр.

Алфавитный указатель по заглавіямъ книгъ.

Алфавитный указатель именъ авторовъ.

КАТАЛОГЪ

народно-школьной библіотеки для чтенія.

1-я библіотека — на сумму 46 р. 23 коп.

Отдѣлъ I. Духовно-нравственный.

Непремѣнной принадлежностью народно-школьной библіотеки должны быть слѣдующія книги:

а) Св. Библія въ русскомъ переводѣ.

б) Евангеліе на славянскомъ и отдѣльно на русскомъ языкѣ.

в) Псалтирь на славянскомъ и отдѣльно на русскомъ языкѣ.

Затѣмъ мы рекомендуемъ въ 1-ю библіотеку слѣдующія книги:

	р.	к.
«Разсказы изъ священной исторіи для крестьянскихъ дѣтей». Сост. А. Ишимовою. Спб. 1877 г. . . .	—	25
«Жизнь Божіей Матери». Свящ. М. Соколова. Спб. 1875 г. . .	—	15
«Толковыя Евангелія — воскресныя и праздничныя. Толковыя чтенія изъ Апостола—воскресныя и праздничныя». А. Свирѣлина. Москва. 1881 г.	—	60
«Разсказы изъ исторіи Русской Церкви». М. Толстаго въ 4-хъ книгахъ. Москва. 1870 г. . . .	2	—
«О трудахъ св. апостоловъ въ распространеніи вѣры Христовой». Свящ. Пѣвцова. Чтенія Солянаго Городка. Спб. 1880 г. Изд. 2-е.	—	10
«Избранныя житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству Четіихъ-Миней. Сост. А. Н. Бахметевой. 12 книгъ. Москва. 1850 г.	1	80
«Жизнь и чудеса св. славнаго пророка Иліи». Москва. 1875 г. . .	—	10
«Жизнь преподобнаго Антонія Печерскаго». Сост. И. Бѣляевъ. Москва. 1866 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ	—	10
«Жизнь преподобнаго Θеодосія Печерскаго». И. Бѣляева. Москва. 1865 г.	—	10
«Митрополитъ Филиппъ». Біогр. очеркъ. Т. Толычевой. Москва. 1875 г.	—	20
«Ученіе о православномъ Богослуженіи». В. Михайловскаго. Спб. 1880 г.	—	30
«О Богослуженіи Православной Церкви». М. Соколова. Изд. Ком. Народн. чтеній. Спб. 1879 г. .	—	8
«Главнѣйшіе праздники Православной Церкви» Изд. ред. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1885 г. Изд. 4-е.	—	25
«Богомольцы у святынь Кіева». Старый Кіевъ	—	10
«Святая земля». Пѣвцова. Чтенія для народа (въ Солян. Городкѣ). Спб. Изданіе 2-е	—	60
На сумму. . .	6	73

Отдѣлъ II. Литературный.

	р.	к.
«Чѣмъ люди живы». Графа Л. Н. Толстаго. Спб. 1883 г. Изданіе Спб. Комитета Грамотности . .	—	5
«Русскія книги для чтенія». Графа Л. Н. Толстаго. Четыре книжки:		
Книжка I. Изданіе 5-е . .	—	10
Книжка II. Изданіе 5-е . .	—	12
Книжка III. Изданіе 5-е . .	—	12
Книжка IV. Изданіе 5-е . .	—	16
Изъ «Ясной Поляны», журнала графа Л. Н. Толстаго. Дѣтскіе разсказы для семьи и школъ.		

	р.	к.
Изд. 3-е. А. Эрленвейна. Бендеры. 1881 г.:		
Книжка I	—	20
Книжка II	—	20
Книжка III	—	15
Книжка IV	—	15
Книжка V	—	15
Книжка VIII	—	20
Книжка IX	—	20
«Живыя мощи». Разск. И. С. Тургенев. Изданіе Общества распр. пол. книгъ. Москва. 1876 г.	—	10
«Пѣвцы». Разсказъ И. С. Тургенева. Изд. Моск. Ком. Грам. Москва. 1874 г.	—	4
«Бирюкъ». Разсказъ И. С. Тургенева. Москва. 1874 г.	—	2
«Однодворецъ Овсянниковъ». Разсказъ И. С. Тургенева. Москва	—	4
«Муму» (отрывокъ). И. С. Тургенева. Изд. Кіевскаго Отдѣла Россійскаго Общества покровительства животнымъ. Кіевъ. 1883 г.	—	10
«Постоялый дворъ». Разсказъ И. С. Тургенева. Изд. Спб. Комитета Грамотности. № 4. Спб. 1881 г.	—	10
«Сорочинская ярмарка» или «Похожденіе красной свитки». Н. В. Гоголя. Изд. Спб. Ком. Грамотн. № 9. Спб. 1882 г.	—	10
«Ночь передъ Рождествомъ». Н. В. Гоголя. Изд. Московск. Ком. Грамотности. Москва. 1878 г.	—	10
«Майская ночь». Н. В. Гоголя. Изд. Моск. Ком. Грамотн. Москва. 1878 г.	—	8
«Морозъ красный носъ». Поэма Н. Некрасова. Спб. 1870 г.	—	15
«Стихотворенія Н. А. Некрасова». Изд. Спб. Ком. Грамотн. № 7. 1882 г.	—	10
«Былины и стихотворенія графа А. К. Толстаго». Изд. 6-е. Спб. Ком. Грамотности. № 11. Спб. 1883 г.	—	10
«Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ». Поэма графа А. Толстаго. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ. № 143. 2-е изд. Москва. 1876 г.	—	8
«Дядя Томъ, или какъ жили негры-невольники въ Америкѣ». Повѣсть, перед. съ англійскаго М. Ѳ. Бутовичемъ. Спб. 1867 г.	—	35
«Дѣлатели золота». Москва. 1879 г. Изд. Общ. распр. полѣзныхъ книгъ. Народная повѣсть Цшоке	—	25
«Приключенія Робинзона Крузе». Сост. А. Н. Яхонтовъ. Изд. Спб. Комитета Грамотности, состоящ. при Вольн. Эконом. Общ. Спб. 1880 г.	—	20
«Народные разсказы». А. Коваленской. Москва. 1876 г.	—	50
«Крутиковъ». Разсказъ Коваленской. Изд. С.-петерб. Комит. Грамотности, состоящ. при Импер. Вольн. Экон. Обществѣ	—	10
«Веселый дѣдъ». Разсказъ Коровина. Изд. Общ. распр. полезныхъ книгъ. № 334. Москва. 1882 г.	—	15
«Благовѣщеніе». Повѣсть Т. Толычевой. Москва. 1873 г.	—	20
«Пріемышъ». Т. Толычевой. Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву. Москва. 1881 г.	—	15
«Милости хочу, а не жертвы». В. К. Туренина. Разсказъ для народа. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 327. Москва. 1882 г.	—	25
«Крутыя горки». М. Юрьева. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 335. Москва. 1882 г.	—	20
«Старый матросъ». (Недавняя быль). Разсказъ въ стихахъ Ѳ. Б. Миллера. Спб. 1873 г. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло»	—	8
«Василій Чабанъ». Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. И. Маляревскаго. Спб. 1874 г.	—	20
«Антонъ Горемыка». Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г.	—	60
«Кошка и Мышка». Повѣсть. Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г.	—	40
«Четыре времени года». Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1872 г.	—	50
«Мірскія дѣтки. Всѣмъ шильямъ шило». Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1874 г. А. Погоскаго.	—	20
«Суходольщина». Повѣсть. А. Погоскаго. Спб. 1873 г. Изд. 2-е	—	20
«Неспособный человѣкъ». А. Погоскаго. Спб. 1879 г.	—	25
«Дѣдушка Назарычъ». Повѣсть А. Погоскаго. 1880 г.	—	20
«Безоброчный». Народное изданіе (Н. Фанъ-Деръ-Флита и А. Кочетова). Сельскій разскозъ. Ф. Д. Нефедова. Спб. 1873 г.	—	25
«Молитвы въ стихахъ, былины и легенды». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ. № 77. Изд. 2-е. Москва. 1874 г	—	10

	р.	к.
«Четырнадцать счастливыхъ дней халифа Абдеррахмана». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ. № 67. Москва. 1873 г. .	—	10
«Капитанъ Боппъ. Больное дитя. Фіалка и Пѣсня птички». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 140. Изд. 2-е. Москва. 1876 г. . . .	—	5
«Для учениковъ и учениць народныхъ школъ». Харьковъ. 1882 г. № 1.	—	3
То-же. № 2	—	3
То-же. № 3	—	3
То-же. № 5	—	3
То-же. № 6	—	3
«Стихотворенія въ прозѣ». И. С. Тургенева. Харьковъ. 1882 г. № 7.	—	3
«Русскія народныя розсказни». Писаны Ив. Ваненко. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 360. Изд. 4-е. Москва. 1882 г.	—	10
«Старый дворецкій. Няня. Юродивый Гриша». Изд. 2-е. Москва. 1876 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ. № 142.	—	5
«Загадочное убійство». Два разсказа изъ записокъ слѣдователя. А. Любимова. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1873 г.	—	15
«Стражникъ Яша». Изъ разсказовъ бабушки. Соч. Погожевой. Москва. 1883 г.	—	10
«Сборникъ стиховъ». Народныя чтенія. Вып. 1-й. Изд. учрежд. по Высочайшему повелѣнію Мин. Нар. Просв. Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1883 г.	—	8
«Кавалеръ Иванъ Сысоевъ». Разсказъ С. В. Максимова. Спб. 1871 г. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». .	—	15
«Школа въ лѣсу». Разсказъ Студитскаго. Изд. 2-е. 1880 г. . . .	—	10
«Мельница близъ села Ворошилова». Простонародный разсказъ дяди Аѳанасія. (Посвящ. гр. Г. Кушелеву-Безбородко). Спб. 1862 г. .	—	25
«Материнская любовь». В. Коровина. Разсказъ для дѣтей. Москва. 1882 г.	—	10
«Бѣдная Лиза». Соч. Карамзина. Москва. 1881 г. Изд. книгопрод. Прѣснова.	—	5
«Одиноки въ цѣломъ Лондонѣ». Соч. Гесбы Стреттонъ. Изд. 2-е. Спб. 1879 г.	—	10
«Осьминогъ Вакула». Ив. Маляревскаго. Спб. 1882 г.	—	12
«Сказка про воробья, который сдѣлалъ все, что могъ. Богатство. Гдѣ грѣхъ, тамъ и плачъ. Молитва Господня. Какъ аукнется, такъ и откликнется». Чтеніе для народа. Изд. гр. А. П. Рукополевой. Спб. 1874 г.	—	2
«Въ снѣжномъ сугробѣ». Спб. 1871 г.	—	2
«Бабушка Марѳа или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ». Москва. 1879 г. .	—	4
«Маленькій ветошникъ». (Съ англійскаго). Москва. 1882 г.	—	
«Двадцать-восемь басень русскихъ баснеписцевъ — Измайлова, Хемницера, Дмитріева и Крылова». Изд. 3-е. Спб. 1873 г.	—	7
«Басни, избранныя изъ Крылова, Хемницера, Измайлова, Дмитріева, Ефремова, Нахимова, Христіановича и Масальскаго, Сост. С. Волжинскій. Спб. 1871 г. .	—	20
«Народныя сказки» А. С. Пушкина. «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ». Изд. Я. А. Исакова. 1868 г.	—	3
«Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ». Изд. Я. А. Исакова. 1868 г.	—	3
«Сказка о царѣ Салтанѣ». Изд. Я А. Исакова. 1868 г.	—	3
«Сказка о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ». Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1868 г.	—	3
«Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ-царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери». Соч. В. А. Жуковскаго. Изд. Глазунова. Спб. 1877 г. . .	—	8
«Сказка о спящей царевнѣ». Соч. В. А. Жуковскаго. Изд. Глазунова. Спб. 1877 г.	—	8
«Объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ». В. А. Жуковскаго. Народное изданіе. № 16. Спб. 1875 г.	—	10
«Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана». Соч. В. А. Жуковскаго. Изд. Глазунова. Спб. 1881 г.	—	10
«Аленькій цвѣточекъ». С. Аксакова. Изд. Ком. Грамотн. Спб. 1880 г. № 1.	—	10
«Сказка о конькѣ-горбункѣ» (подражаніе Ершову). Русск. сказка въ 3-хъ част. Изд. 7-е. Москва. 1880 г. Изд. Морозова	—	5
«Три медвѣдя». Изд. Общ. распр.		

	р.	к.
полезн. книгъ. (Съ нѣмецкаго). Москва. 1881 г.	—	10
«Золотой гусь». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. (Съ англійскаго). Москва. 1881 г.	—	2
«Гадкій утенокъ». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 296. Андерсена.	—	5
«Царевна-лягушка». (Передѣл. съ нѣмецк.). Москва. 1881 г.	—	3
На сумму	11	15

Отдѣлъ III. Естествознаніе.

	р.	к.
«Свѣтъ Божій». (Переводъ съ южно-русскаго). Спб. 1874 г.	—	20
«Разсказы о землѣ и о небѣ». А. Иванова. Спб. 1865 г. Изд. Тов. «Обществ. Польза»	—	15
«Отчего происходитъ дождь и снѣгъ?» Н. П. Животовскаго. Чтеніе для народа. Спб. 1880 г. Изд. 2-е.	—	10
«О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышущихъ». С. Лапченко. Спб. 1876 г. Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ. (Съ 7-ю картин.).	—	10
«О теплѣ и воздухѣ». Животовскаго. Чтеніе для народа. Изд. 2-е. Спб.	—	10
«О теплѣ и воздухѣ». Животовскаго. Чтеніе для народа. Изд. 2-е. Спб.	—	10
«У рабочихъ людей». А. Острогорскаго. «Наша библіотека». Спб. 1876 г.	1	—
«Какъ узнать почву и какія бываютъ почвы». Н. Горбунова. Изд. 5-е, Товарищ. «Общест. Польза». Спб. 1879 г.	—	10
«О почвѣ и о приготовленіи ея для воздѣлыванія на ней разныхъ хлѣбовъ и кормовыхъ травъ». (Для народн. чтенія). Н. Зандрока. Кн. I. Спб. 1874.	—	15
«Общепонятные разсказы о полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ». О. Степовика. Харьковъ. 1882 г. (Съ 46 рисунками).	—	75
«О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земледѣльца и лѣсовода». П. Аникіева. Кн. 2-я. Спб. 1874 г.	—	10
«О разумномъ уходѣ за домашними животными». В. Манжина. (Народное чтеніе). Изд. А. А. Торлецкаго. Москва. 1877 г.	—	10
«Что такое соль и гдѣ ее берутъ». Е. Рейнбота. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1875 г.	—	10
«О воздухѣ и нашихъ невидимыхъ врагахъ въ немъ». А. Калмыковой. Харьковъ. 1880 г.	—	12
«О почвѣ и о болѣзняхъ, которыя отъ нея бываютъ». А. П. Доброславина. (Чтеніе для народа). Москва. 1878 г.	—	10
«О сохраненіи силы и здоровья. Питье и крѣпкіе напитки». Илинскаго. Спб. 1875 г.	—	10
«Исторія кусочка хлѣба». (Сост. по книгѣ Масэ). А. К. Владиміровой. Спб. 1874 г.	—	20
«О ленточныхъ глистахъ». Э. К. Брандта. Спб. 1874 г. (Народн. чтен. въ Соляномъ Городкѣ).	—	10
«О чесоточныхъ зудняхъ и другихъ клещахъ, живущихъ на тѣлѣ человѣка». Э. К. Брандта. (Народн. чтенія въ Солян. Городкѣ). Спб. 1874 г.	—	10
«Бесѣды о русскомъ лѣсѣ». Кайгородова. Спб. 1880 г. (Со мног. рисунк.) I серія. «Краснолѣсье».	1	—
II серія. «Чернолѣсье».	1	—
На сумму	5	77

Отдѣлъ IV. Историческій.

	р.	к.
«Разсказы изъ русской исторіи. — О бытѣ народовъ арійскаго племени въ до-историческое время». Сост. Б. А. Павловичъ. Изд. Кожанчикова. Спб. 1873 г.	—	10
«Разсказы изъ русской исторіи». Б. А. Павловича. «О жизни славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени». Спб. 1873 г.	—	12
«Разсказы изъ русской исторіи». Б. А. Павловича. «О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о крещеніи ихъ». Спб. 1873 г.	—	12
«Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ». (По народнымъ былинамъ). В. Острогорскаго. № 5. Спб. 1883 г.	—	10
«Русская лѣтопись». Для первоначальнаго чтенія. С. Соловьева. Москва 1866 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ	—	40
«Разсказы про старое время на Руси, отъ начала Русской земли до Петра Великаго». А. Петрушевскаго. Удостоены Комитетомъ Грам. первой преміи и Учен. Комитетомъ Мин. Госуд. Имуществъ золотой медали. Изд. 6-е (съ 24		

р. к.

картинк.) Ѳ. Н. Салаева. Москва. 1877 г. . . . . — 60

«Русская исторія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ». (Съ 24 портр. и 55 друг. рис.). Сост. Ѳ. Пуцыковичъ. Изд. 5-е, дополненное. Спб. 1880 г. . . — 30

«Владиміръ Святой и Равноапостольный». С. М. (Народн. чтеніе. Съ 8 раскраш. карт.) Изд. 2-е. Товар. «Общест. Польза». Спб. 1875 г. . . . . — 10

«Русская Правда или судъ въ стародавнія времена». Историческ. повѣсть В. Лапина. Изд. учрежд. по Высочайшему повел. Мин. Народн. Просв. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Спб. 1880 г. . . . . — 7

«О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ». Соч. К. Бестужева-Рюмина. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. . . . — 8

«Разсказы изъ отечественной исторіи. Татарскій погромъ и святый благовѣрный великій князь Александръ Невскій». П. Рогова. Изд. 3-е. Спб. 1880 г. . . . . — 15

«500 лѣтъ назадъ. Куликовская битва». Сост. В. Сиповскій. Спб. 1880 г. . . . . — 10

«Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома». В. Лапина. (Народныя чтенія). Спб. 1880 г. — 10

«Марѳа Посадница или покореніе Новгорода». Москва. 1880 г. Изд. книгопрод. Прѣснова . . . . — 10

«Соломонія». Повѣсть изъ русской старины (1525 г.) Е. Обуховой. Москва 1875 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ . . . . . . — 40

«Князь Серебряный». Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собр. соч. графа А. К. Толстаго. Томъ IV. Спб. 1882 г. . . . 1 50

«Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова». М. Ю. Лермонтова. (Съ 6-ю картинк.) Изд. Спб. Комит. Грамотн., состоящаго при Импер. Вольно-Эконом. Обществѣ. № 10. Спб. 1882 г. . . . . — 10

«Покореніе царства Казанскаго». В. Лапина. Изд. Постоянн. Коммиссіи по устройству народн. чтеній. (Съ 1 раскр. карт.). Спб. 1879 г. . . . . — 5

«О смутномъ времени на Руси». Разсказы изъ отечественной исторіи. П. Рогова. Спб. 1880 г. Изд. Н. Фену и К° . . . . . . — 10

«Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году». Историческій романъ. Соч. М. Н. Загоскина. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. полное. Москва. 1882 г. . . . . . . 1 —

«Повѣсть о томъ, какъ костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за царя». Сост. Дорогобужиновъ. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 307. Москва 1882 г. . . . . — 10

«Тарасъ Бульба». Соч. Н. В. Гоголя. Съ предисл. Н. И. Костомарова. (Народное изданіе. № 15). Спб. 1874 г. . . . . — 20

«Невольница». Сказка Марко-Вовчка. Изд. Яковлева. Спб. 1864 г. — 10

«Царь Петръ Великій». И. Шалфеева. (Чтеніе для народа). Произнесено при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1872 г. . . . . — 8

«Полтава». Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. (Съ 7 раскр. карт.). Изд. Постоянн. Коммиссіи народн. чтеній. Спб. 1876 г. . . . . — 15

«Изъ Ясной Поляны». Гр. Л. Н. Толстаго. Кн. 6-я. «Петръ Великій. Исторіи, сказки и пѣсни про Петра». Одесса. 1875 г. Изд. А. Эрленвейна . . . . . . — 15

«Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой». С. М. (Съ 10 раскраш. картинк.). Изд. Постоян. Коммиссіи народн. чтеній. Спб. 1872 г. . . . . — 15

«Подарокъ короля Карла XII». (Быль). Перев. со шведскаго Натальи Ивановой (Шпилевской). Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1874 г. . . . . — 10

«Авдотья Петровна Лихончиха»—«Прокуроръ». Повѣсти Н. Кукольника. Спб. 1871 г. . . . . — 30

«Наталья Борисовна Долгорукая и березовскіе ссыльные». Т. Толычевой. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1874 г. . . . — 20

«О томъ, какъ Екатерина II Великая правила землей Русской».

	р.	к.
С. М. (Съ 9 раскраш. карт.). Изд. Постоянн. Коммиссіи народн. чтен. Спб. 1873 г.	—	15
«О Суворовѣ». Чтеніе для народа. С. Рождественскаго. Спб. Изд. 2-е. 1882 г. Съ одной раскраш. картиной — «Переходъ черезъ Чортовъ мостъ» — и портретомъ Суворова. Изд. Пост. Комм. народн. чтеній	—	15
«Московская чума и разбойникъ Кузьма Рощинъ». Изд. для иногородныхъ	—	10
«Александръ I Благословенный». С. М. Изд. Постоянн. Коммиссіи народн. чтеній. (Съ 2-мя картинами). Спб. 1881 г.	—	8
«Разсказъ старушки о 12-мъ годѣ». Т. Толычевой. Москва. 1878 г. .	—	25
«Царствованіе императора Александра II». Посвящается русскому народу и русскому войску, во благо которыхъ двадцать-пять лѣтъ царствовалъ, печалился и трудился царь-освободитель Александръ Николаевичъ». (Съ 72-мя картинами). Спб. 1882 г. . . .	2	—
«Разсказы о севастопольцахъ». А. Н. Супонева. Спб. 1882 г. (Съ 2-мя раскрашенными картинами: «Нахимовъ» и «Внутренность Корниловскаго бастіона»). Изд. Постоянной Комм. народн. чтеній .	—	15
«Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя». Т. Толычевой. (Съ тремя гравированными портретами: Нахимова, Корнилова и Истомина). Москва. 1884 г. . .	—	40
«Геройская смерть Данилова и Кокандскій бунтъ въ 1875 г.». Разсказъ Д. Иванова. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1876 г. .	—	25
«О Сербахъ». Р. С. Попова. (Нар. чтенія въ Солян. Городкѣ). Спб. 1877 г.	—	10
«О Черногорцахъ». Р. С. Попова. (Нар. чтенія въ Солян. Городкѣ). Спб. 1877 г.	—	10
«О Болгарахъ». Р. С. Попова. Изд. Торлецкаго. Москва. 1877 г. .	—	10
«Разсказы о старинныхъ людяхъ». I. «Древніе индійцы и египтяне». Изд. О. И. Бакста. Спб. 1864 г.	—	15
«Катакомбы». Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгеніи Туръ. Спб. 1878 г.	1	—
«Зимой черезъ Балканы». «Въ обходъ Шипки». Д. Л. Иванова. (Чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1879 г.	—	15
«Зимой черезъ Балканы». «Послѣдній бой подъ Шипкой». Д. Л. Иванова. (Чтенія въ Солян. Городкѣ). Спб. 1879 г.	—	15
На сумму . .	12	40

Отдѣлъ V. Біографическій.

	г.	к.
«Стихотворенія А. В. Кольцова». Изд. 7-е, К. Т. Солдатенкова. Москва. 1880 г.	—	20
«Кольцовъ и его пѣсни». М. Парунова. Спб. 1874 г. (Народныя изданія)	—	10
«Нижегородскій механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ». Изд. 3-е. Соч. И. Ремезова. Спб. 1879 г.	—	10
«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ». В. М. Сорокина. (Съ изображеніемъ памятника Ломоносова и его портр.). Спб. 1873 г. (Народныя чтенія въ Солян. Городкѣ)	—	10
«Никитинъ и Некрасовъ» («Заря», иллюстр. хрестоматія, кн. 1-я). Сост. Горемыкинъ. (Съ 8 карт. и портр. Некрасова). Спб. 1879 г.	—	30
«Курскій астрономъ-самоучка Өедоръ Алексѣевичъ Семеновъ». Соч. И. Ремезова. Спб. 1876 г.	—	10
«Ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ Өедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ». Соч. И. Ремезова. Изд. 2-е. Спб. 1872 г. . . .	—	10
«Арзамасскій мѣщанинъ-иконописецъ Александръ Васильевичъ Ступинъ». Соч. И. Ремезова. Спб. 1880 г.	—	10
«Тарасъ Григорьевичъ Шевченко». (Съ 1 рис). Изд. журн. «Мірск. Вѣстникъ». Спб. 1877 г. . . .	—	18
«Георгъ Стефенсонъ, изобрѣтатель паровозовъ». Изд. Общ. распр. пол. кн. Книжка для школъ № 163. Москва. 1877 г. . . .	—	15
«Веніаминъ Франклинъ». Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. А. Хребтова. (Съ портр. Франклина) Спб. 1875 г.	—	25
«Неутомимый труженикъ Томасъ, натуралистъ по призванію». Сост.		

по Смайльсу. (Съ 8-ю рис.) Изд. ред. «Мірск. Вѣстникъ». Спб. 1870 г. — 30

«Василій Андреевичъ Жуковскій» (1783—1852). Для народн. чтенія. Біогр. очеркъ. (Изъ «Кіевск. Губ. Вѣдомостей».) Кіевъ. 1883 г. . — —

«Дѣдушка Крыловъ». А. Филонова. Изд. Постоянн. Комм. народн. чтеній. Изд. 2-е. Спб. 1882 г. . — 10

«Поэтъ Пушкинъ». (Общедоступное чтеніе). Писано къ открытію памятника великому поэту въ Москвѣ. А. Филонова. Спб. 1880 г. (Съ портр.). . . . . — 50

«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ». Замѣчательный русскій поэтъ и писатель. Изд. журнала «Мірск. Вѣстникъ». (Съ рис. памятника Пушкину). Спб. 1879 г. . . . — 20

«Колумбъ». Изъ «Ясной Поляны» гр. Л. Н. Толстаго. Книжка 5-я. — —

На сумму . . . 2 78

Отдѣлъ VI. Географическій.

«Самыя холодныя и самыя жаркія страны земнаго шара съ ихъ природой и жителями». (Чтеніе для начинающихъ). Сост. Ѳ. Чекалинъ. Изд. Общ. распр. полн. книгъ. Москва. 1865 г. . . . . — 10

«Луговыя и песчаныя степи». Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Вып. I Спб. 1878 г. . . . . — 20

«Горы и горная природа». Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1878 г. (Съ 11-ю рисунками). . . . . — 20

«Географія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ». (Съ 42-мя типами народовъ и 92 друг. рис.). Сост. Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ. Изд. 6-е. Изд. книжн. маг. В. А. Цвылева. Спб. 1883 г. . . — 50

«Описаніе Сѣвернаго края, его обитателей и ихъ промысловъ». (Съ 6-ю рис.) Изд. 2-е, ред. журн. «Мірск. Вѣстникъ». Спб. 1873 г. — 25

«Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.—Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы». Н. Александрова. (Народн. чтенія въ Соляномъ Городкѣ.) Спб. 1874 г. Чтеніе I. . . . . . — 10

«Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.—Жители лѣсной полосы». Н. Александрова. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Чтеніе II. Спб 1884 г. . — 10

«Великое княжество Финляндское». (Съ 5-ю рис.) Изд. журн. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1872 г. . — 20

«Голодовка и зимовка на Новой Землѣ». С. Максимова. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ.) Спб. 1874 г. . . . . . — 10

«Архангельскіе китоловы». Повѣсть А. Сѣтковой. Изд. Постоянн. Комм. по устройству народн. чтеній Спб. 1883 г. . . . . . . — 20

«О Малороссіи и малороссахъ». Р. С. Попова. (Чтеніе для народа.) Изд. А. Торлецкаго. Москва. 1877 г. . . . . — 10

«Бѣлоруссія и бѣлоруссы». Р. С. Попова. (Чтеніе для войскъ и народа.) Изд. А. Торлецкаго. Москва. 1879. г. . . . . . — 10

«Кавказъ и кавказская война». Е. П. Вишнякова. (Народн. чтенія въ Солян. Городкѣ.) Чтеніе I. Спб. 1874 г. . . . . . — 25

«Народная библіотека».—«Кавказскій плѣнникъ». Разсказъ графа Л. Н. Толстаго. Москва. 1883 г. — 5

«Три разсказа: 1) Рабъ честнаго слова. 2) Тарасъ Бульба. 3) Судъ отца». Изд. журн. «Чтеніе для Солдатъ». Спб. 1880 г. . . . — 25

«Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ». Львовича. I. Степь. Спб. 1875 г. . . . . — 20

«Капитанъ Головнинъ въ плѣну у японцевъ». Изъ «Ясной Поляны». Книга 7-я. Изд. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. Одесса. 1876 г. . . — 15

«Дикіе люди жаркой страны». Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1881 г. . . . . — 30

«Картинный учебный атласъ», примѣненный къ «Краткой отечественной географіи», составленной подъ ред. П. Н. Михайлова. Спб. 1882 г. 2 50

На сумму. . 5 85

Видное мѣсто въ отдѣлѣ географіи каждой народной библіотеки должны занимать книги, описывающія край, губернію, городъ, въ которомъ живутъ читатели. Книги эти для каждой библіотеки различны, а потому должны выбираться самими составителями библіотеки, руководящими чтеніемъ. На нѣкоторыя изъ такихъ книгъ имѣются рецензіи въ Указателѣ.

Отдѣлъ VII. Земское дѣло и Народное хозяйство.

	р.	к.
«Разсказы о царствѣ Бовы-королевича». А. Иванова. Спб. 1873 г.	—	10
«Земская служба». Бесѣды гласнаго крестьянина Акима Простоты. Сост. Н. Блиновъ. Спб. 1881 г.	—	50
«Сельская общественная служба». Бесѣды сельскаго старосты Акима Простоты. Сост. Н. Блиновъ. Спб. 1882 г.	—	50
«Бережь и трудъ». Краткое руководство политической экономіи (по М. Блоку). Н. А. Тизенгаузена. Спб. 1881 г.	—	40
«Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ?» Ссудосберегательныя товарищества. Н. Ф. (Народное изданіе). Спб. 1871 г.	—	5
На сумму . . .	1	55

2-я библіотека—на сумму 92 р. 29 коп.

Отдѣлъ I. Духовно-нравственный.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги того-же отдѣла 1-ой библіотеки, на сумму—6 р. 73 коп.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Библейская исторія, сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта». Базарова. (110 карт.) Спб. 1880 г.	—	35
«Толкованіе на пареміи изъ книгъ Моисеевыхъ». Прот. Нечаева. Москва. 1872 г.	1	—
«Разсказы изъ исторіи христіанской Церкви». Отъ I вѣка до половины XI. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. А. Н. Бахметевой. 3 части. Изд. 3-е. Москва. 1877 г.	1	80
«Просвѣтители славянъ, св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій». (Съ 6 рис.) Изд. ред. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1874 г. .	—	30
«Св. Павелъ Ѳивейскій, первый пустынножитель, и св. Антоній, основатель монашества». Москва. 1869 г.	—	20
На сумму.	10	38

Отдѣлъ II. Литературный.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги того-же отдѣла 1-ой библіотеки—на сумму 11 р. 15 коп.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Митина нива». Н. Г. Вучетича. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Удостоены преміи С.-Петерб. Фребелевск. Общества. Спб. 1881 г.	—	50
«Красный фонарь». Разсказъ Вучетича. Спб. 1879 г.	—	30
«Мурка». Разсказъ О. Шмидтъ. Изд. С.-Петерб. Фребелевск. Общества. 1881 г.	—	50
«Юнымъ читателямъ. Разсказы о разныхъ людяхъ». В. Острогорскаго. Изд. «Дѣтской Библіотеки». Спб. 1872 г.	1	75
«Въ своемъ кругу». А. Острогорскаго. «Наша Библіотека». Спб. 1875 г. (Съ 15 картинк.). . . .	1	50
«Крылья мужества». Книжки для школъ № 18. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Фантастическая повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Соч. Жоржъ-Зандъ. Переводъ съ франц. С. Редингъ. Москва. 1874 г.	—	25
«Армія и козаки». Разсказъ для дѣтей. А. Круглова. Спб. 1881 г. (Съ 14 силуэт.)	—	35
«Иванъ Ивановичъ и Компанія». А. Круглова. Повѣсть для дѣтей. Спб. 1882 г.	—	90
«Большакъ». Повѣсть для дѣтей. Соч. А. Круглова. Изд. ред. журн. «Родникъ». Спб. 1883 г. Съ картинками.	—	80
«Тюлевая баба». Разск. Марко-Вовчка. Спб. 1875 г. «Летучая Библіотека»	—	25
«Родной бытъ». I. «Саша». Дѣтск. разсказъ. Съ 3 хромолитографированными картинами. Изд. О.		

р. к.

Кучиной, С. Фидлеръ и К°. Москва. 1882 г. . . . . — 75

«Родной бытъ». II. «Бѣглый». Дѣтск. разсказъ. Рис. Васнецова. Москва. 1883 г. . . . . — 60

«Прохожій». Святочн. разсказъ. Соч. Д. В. Григоровича. Спб. 1880 г. (4 картинки.) Изд. С.-Петерб. Комит. Грамотн. . . . — 10

«Смедовская долина». Разсказъ Д. Григоровича. Спб. 1882 г. . — 20

«Пахарь». Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г. . . . . . . — 30

«Музыкантъ». Повѣсть А. Погоскаго. Спб. 1881 г. . . . . — 25

«Подосиновики». Повѣсть Погоскаго. Изданіе 2-е. Спб. 1874 г. . . — 20

«Посёстра-Танька». А. Погоскаго. Спб. 1878 г. (Съ 6-ю карт.) . . — 25

«Штуцерникъ Нечипоръ Зачинышорота». А. Погоскаго. Спб. 1878 г. . . . . — 25

«Гриша». Разсказъ изъ раскольничьяго быта. Печерскаго, автора «Въ лѣсахъ» и «Въ горахъ». Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. — 50

«Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ» Вс. Коховскаго. Чтеніе для народа. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. . — 10

«Христіанскій подвигъ солдата». Изд. 5-е. Спб. 1880 г. Изд. журнала «Мірской Вѣстникъ» . . — 10

«Дѣтская Библіотека». Вып. I. 1) «Похожденія одной собачки». 2) «Тетерка и лиса». 3) «Записки зайца». Изд. С. Б. Кирпичниковой и А. Н. Новицкой. Харьковъ 1881 г. . . . . — 15

«Какъ Лиза посылала письмо къ Богу». Разск. для маленькихъ дѣтей изъ дѣйствительной жизни. Н. П. Войнаховскаго. Изд. редакціи Кіевскаго Народнаго Календаря. Кіевъ. 1882 г.. . . . . — 30

«Роковой кладъ». Народныя чтенія. Повѣсть А. Сѣтковой (Катенкампъ). Изд. учрежд. по Высочайшему повел. Мин. Нар. Пр. постоянной Коммиссіи по устройству народн. чтеній. Спб. 1883 г. — 15

«Сельскіе дѣятели». II. Вересова. Повѣсть для дѣтей. Череповецъ (Новгор. губерн.) 1881 г . . — 20

«Разсказы дѣдушки Василія». Изд. Тов. «Общ. Польза». № 6. «Отъ злой бабы и чортъ попятится». Изд. 2-е. Спб. 1868 г. . . . — 10

р. к.

«Дѣдушкины сказки» (для малютокъ). Сост. II. П. Деркачевъ. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1883 г. . . . . — 10

«Елка» (мелкія стихотворенія и побасенки для малютокъ). Сост. Деркачевъ. Изданіе А. Д. Ступина. Москва. 1882 г. . . . — 10

«Колосья» (сборникъ народн. разсказовъ). Москва. 1883 г. Изд. А. Д. Ступина. . . . . . — 10

«Книжка-малютка». Изд. 2-е. Москва. 1881 года . . . . . . — 10

«Дяденькины разсказы и бесѣды съ дѣтьми». Записаны Н. Н. Ч. Москва. 1875 г. . . . . . — 25

«Мать-честная», рядовой 6-й егерской роты, Тарутинскаго полка. В. Никатова. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. — 6

«Коробейникъ». Книжки для школъ. № 83. Изд. «Общ. распр. полезн. книгъ». Москва. 1874 г. . . . — 15

«Откуда взялся обычай печь жаворонки весной». (Преданіе.) Изд. А. Г. Москва. 1881 г. . . . . — 10

«На льдинѣ». Разсказъ для дѣтей. Вучетича . . . . — 30

«Басни II. А. Крылова». 19-е полное изданіе. Съ рисунк. II. С. Панова. Изд. Егорова. Спб. 1880 г. — 50

«Народныя сказки» А. С. Пушкина. «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ». Спб. 1873 г. . . . . — 3

«Жемчужное ожерелье». Сказка Евгеніи Туръ. Москва. 1870 г. — 50

«Хрустальное сердце». Е. Туръ. Изд. «Общ. распр. пол. книгъ». Москва. 1873 г. . . . . . . — 40

«Золотая рыбка». Сказочная быль въ стихахъ. (Изъ жизни крестьянскаго мальчика.) Москва 1881 г. — 50

«Сказки Марко-Вовчка». Изд. Яковлева. Спб. 1864 г. . . . . . — 40

«Сказки про трехъ мужиковъ и бабу-вѣдунью». Изд. журн. «Воспитаніе и Обученіе», бывшій «Дѣтскій Садъ». Спб. 1879 г. . . . — 40

«Конекъ-Горбунокъ». Русская сказко. Соч. II. Ершова. Изд. 11-е. (Съ 7 рисунк. и портретомъ автора.) Спб. 1883 г. . . . . . — 40

На сумму. . 27 14

Отдѣлъ III. Естествознаніе.

Сюда входятъ всѣ книги того же отдѣла 1-й

библіотеки — на сумму 5 р. 77 к.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Бесѣды о природѣ». П. Зобова. Книга для чтенія въ деревняхъ и селахъ, въ которой разсказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. (Съ 24 рисунк.) Изд. 4-е. Спб. 1871 г.	—	50
«Хлѣбный жукъ» (кузька). (Съ 2-мя рисунк.) Чтеніе для народа. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. Спб. 1883 г.	—	10
«О мукѣ и хлѣбѣ». Докт. мед. Я. Шмулевича. Спб. 1876 г. . .	—	15
«О тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ». Я. М. Шмулевича. Спб. 1874 г.	—	10
«О нашихъ перелетныхъ птицахъ». Д. Кайгородова. Спб. 1882 г. .	—	20
«О томъ, что происходитъ въ воздухѣ». Горбунова. Спб. 1880 г.	—	10
«Наши добрые слуги четвероногія». А. Ѳ. Погоскаго. (Съ рисунк.) Спб. 1878 г.	—	25
«О ядовитыхъ и неядовитыхъ змѣяхъ». (Съ 4 рис.) П. Аникіева. Изд. Товарищ. «Общ. Польза». Спб. 1876 г.	—	10
«Первые разсказы изъ естественной исторіи». Г. Вагнера. Для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Перев. Висковатова. Съ рисунк. и политип. 3 тома. Изд. кн. магазина В. А. Цвылева.	3	—
«О томъ, что такое гроза и какъ себя предохранить отъ ея гибельныхъ послѣдствій». Общедоступное чтеніе. Спб. 1872 г. . . .	—	10
«О сохраненіи силы и здоровья».— «Одежда и чистоплотность». П. Илинскаго. (Народн. чтенія въ Соляномъ Городкѣ) Спб. 1873 г.	—	10
«Чай». Откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Рейнбота. (Съ 2 раскрашенными картинками.) Спб. 1881 г.	—	8
«Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства». Краткое руководство для пчеляковъ. Сост. А. Бутлеровъ. (Съ рисунк.) 4-е изд. Спб. 1880 г. .	—	60
На сумму. . .	11	15

Отдѣлъ IV. Историческій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги того же отдѣла 1-й библіотеки—на сумму 12 руб. 40 коп.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Дѣдушка Гостомыслъ». А. Разина. Повѣсти изъ русской исторіи Спб. 1868 г.	—	50
«Разсказы о севастопольской оборонѣ». Графа Л. Н. Толстаго. Изд. Московск. Комит. Грамотн. Москва. 1874 г..	—	20
«Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ». П. Фурмана. (Разск. изъ русск. истор.) Изд. 2-е «Общ. распр. полезн. книгъ». № 241. Москва. 1880 г.	—	40
«Капитанская дочка». Повѣсть Пушкина. (Въ редакціи Стоюнина) Спб. 1870 г.	—	50
«Изъ міра сельскихъ преданій». В. Острогорскаго. Разсказы для юношества. Съ рис. Кившенко и Панова. Спб. 1883 г.	1	20
«Оборона Севастополя». Бесѣды о войнѣ 1853—1855 г. А. Погоскаго. 2-е изд. Фену и Жуковскаго. (Роскошно иллюстрированное.) Спб. 1878 г.	1	25
«Гетманъ Степанъ Остряница» (1638 г.) Повѣсти изъ русской исторіи. А. Разина. Спб. 1868 г.	—	40
«Пчела». Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Сост. Н. Щербина. Изд. 6-е. Спб. 1882 г. . .	1	50
«Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ». Т. Н. Толычевой. Москва. 1872 г.	—	30
«О Петрѣ Великомъ». С. Рождественскаго. (Съ 5-ю раскр. карт.) Изд. Постоян. Коммиссіи. народн. чтеній. Спб. 1879 г..	—	12
«Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе». И. Хрущова. Изд. Постоянной Коммиссіи по устр. народн. чтеній. Спб. 1883 г. .	—	15
«Злое время татарщины». Б. А. Павловича. Разсказы изъ русск. исторіи. Изд. 2-е. Спб. 1879 г.	—	10
«Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ». А. Петрушевскаго. Спб. 1867 г.	—	10
«Разсказы изъ русской исторіи. Кіевъ, Владиміръ и Новгородъ». Б. А. Павловича. Спб. 1873 г. Изд. Д. Е. Кожанчикова . .	—	10
«Разсказы изъ русской исторіи. Московское самодержавіе». Б. А. Павловича. Изд. Кожанчикова. Спб. 1873 г..	—	8

	р.	к.
«Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ». Соч. Ремезова. Спб. 1882 г.	—	10
«На память стараго года». Повѣсти и разсказы для дѣтей. В. Самойловичъ. Спб. 1874 г. 1) «Дикарп». 2) «Какъ люди нашли въ землѣ металлы». 3) «Какъ жили люди въ давно прошедшія времена» .	1	—
«Народные предразсудки и суевѣрія».—«Лѣшіе, русалки, колдуны, вѣдьмы и оборотни». М. Н. Парунова. Спб. 1873 г.	—	15
«О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи». П. Слѣпушкина. Изд. 2-е. Кіевъ. 1871 г. . . .	—	12
«Маруся». Марко-Вовчка. Переводъ съ малороссійскаго. (Съ 10 рис. Башилова и барона Клодта). Спб. 1872 г.	1	50
«Разсказы про Петра Великаго и его время». А. Петрушевскаго. Спб. 1877 г.	—	40
«О томъ, какъ сталъ Петербургъ и откуда пошла русская наука». (Жизнь и дѣла Петра Великаго) В. Водовозова. (Съ портретомъ Петра) Спб. 1870 г.	—	25
«Позументы». Повѣсть временъ Петра Великаго. Н. Кукольника. Спб. 1872 г.	—	25
«Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ» или «Всѣ за одно». Пов. Н. Кукольника». Спб. 1871 г. .	—	30
«Новый годъ». Историческій разсказъ Н. Кукольника. Изд. ред. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г.	—	10
«Антонъ Васильевичъ Головатый», кошевой, первый атаманъ черноморскихъ козаковъ. Спб. 1874 г.	—	12
«Кузьма Рощинъ». Повѣсть Загоскина. Спб. 1857 г.	—	25
«Отечественная война» (1812 г.). В. О. Михневича. Изд. Постоянн. Комм. народн. чтеній. «Бородино». Чтеніе первое. (Съ 8-ю раскр. карт.). Спб. 1874 г.	—	15
«Отечественная война» (1812 г.). Чтеніе второе. «Бѣгство французовъ». В. О. Михневича. Изд. Пост. Комм. народн. чтеній. (Съ 7-ю раскр. карт.)	—	15
«Двѣнадцатый годъ». Три чтенія для народа. П. П. Шалфеева. (Съ портр. Наполеона, Александра I, Кутузова, Барклая-де-Толли). Изд. 3-е. Спб. 1880 г. . .	—	20
«Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ». Т. Н. Толычевой. Москва. 1872 г.	—	30
«Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополѣ и въ тяжкой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ 1591 года». Перев. К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1877 г.	—	50
«Взрывъ турецкаго броненосца». Подвигъ лейтенантовъ Ѳ. В. Дубасова и А. П. Шестакова. Составилъ В. А. Прокофьевъ. (Чтеніе для народа). Изданіе А. А. Торлецкаго. Москва. 1878 г. . .	—	15
«Геройская оборона Баязета». Ѳ. П. Булгакова. (Народное чтеніе въ аудиторіи Солянаго Городка). Спб. 1878 г.	—	15
На сумму . . .	25	44

Отдѣлъ V. Біографическій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги того же отдѣла 1-й библіотеки—на сумму 2 руб. 78 коп.—и, кромѣ нихъ, слѣдующія:

	р.	к.
«Пѣсни русскаго народа и Кольцова». («Заря», иллюстр. хрестоматія). Сост. Горемыкинъ. (Съ 7-ю карт. и портр.) Спб. 1880 г. . .	—	40
«Народные поэты и пѣвцы». (Съ портр. Кольцова, Никитина, Щеголенка и Вересая). Изд. журн. «Грамотѣй». Москва. 1877 г. «Тарасъ Григорьевичъ Шевченко». Біографическій очеркъ В. П. Маслова. Изданіе журн. «Грамотѣй». Москва. 1874 г.	—	30
«Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Волосковъ, Нечаевъ, Сычевъ, Сабуровъ, Замысловъ». Сост. В. Г. Величкинъ. Изд. 2-е. Москва. 1879 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ	—	15
«Жизнь Джемса Гарфильда». (Люди труда и сильной воли). Сост. по Тейеру Е. А. Сысоевой. (Съ портр. и 3 отдѣльн. картинками Н. Каразина). Изд. ред. журн. «Родникъ».	1	30
«Тургеневъ о русскомъ народѣ». Изд. Ф. Павленкова. Чтеніе для		

народа. (Съ портр. И. С. Тургенева). Спб. 1883 г. . . . . . — р. 15 к.

На сумму. . . . 5 р. 08 к.

Отдѣлъ VI. Географическій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тогоже отдѣла 1-й библіотеки—на сумму 5 руб. 85 коп.—и, кромѣ нихъ, слѣдующія:

	р.	к.
«Наша Библіотека.—По бѣлу свѣту». А. Острогорскаго. Спб. 1876 г. .	1	—
«Волга и ея значеніе для Россіи». Сост. А. Шиле. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1876 г.	—	10
«По русской землѣ.—Лаача». Очерки изъ быта вогуличей. Л. Симоновой. (Съ 2 карт. К. Голембіовскаго). Изд. журн. «Родникъ». Спб. 1883 г.	—	40
«По русской землѣ.—Эзе». Очерки изъ быта остяковъ. Л. Симоновой. (Съ 2 картинк.). Изд. журн. «Родникъ». Спб. 1884 г.	—	50
«О богатствахъ сѣверныхъ окраинъ Сибири и народахъ, тамъ кочующихъ». (Общедоступное чтеніе). Сост. по матеріаламъ, собраннымъ М. К. Сидоровымъ. Спб. 1873 г.	—	20
«Пять лѣтъ въ плѣну у ташкентцевъ». Разсказъ сибирскаго козака. Соч. Н. Щербакова. Изд. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1873 г. .	—	15
«Наши землепроходцы». (Разсказы о заселеніи Сибири). (1581—1712). Д. Садовникова. Изд. журн. «Грамотѣй». Москва. 1874 г. . . .	1	—
«Китай». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжка для школъ № 61 и 50. Москва. 1872 г.	—	30
«Инородцы Западной Сибири». Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ № 30.	—	5
«Дѣти капитана Гранта». Кругосвѣтное путешествіе. Сост. по Жюлю Верну. Изд. журн. «Мірск. Вѣстникъ». Спб. 1876 г.	1	—
«Карманный географическій сборникъ». Пособіе при преподаваніи географіи и чтеніи географическихъ сочиненій. Африка. Вып. I. Изд. Ильина. Спб. 1876 г. . . .	—	75
На сумму . . .	11	30

Отдѣлъ VII. Земское дѣло и Народное хозяйство.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тогоже отдѣла 1-й библіотеки — на сумму 1 руб. 55 коп.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Общая воинская повинность». М. Острогорскаго. (Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1877 г.	—	10
«Зеленый островъ». Разсказъ о томъ, что такое деньги, торговля и трудъ. Изд. журн. «Воспитаніе и Обученіе». Спб. 1878 г.	—	15
На сумму . . .	1	80

3-я библіотека—на сумму 141 р. 90 коп.

Отдѣлъ I. Духовно-нравственный.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ двухъ предыдущихъ библіотекъ — на сумму 10 р. 38 коп. — и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской». Прот Соколова. 2 ч.	1	25
«Библейскіе разсказы изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта». Съ картою Палестины. Кіевъ. 1879 г.	—	15
«Жизнеописаніе царя Давида». Съ прилож. нѣкоторыхъ псалмовъ и карты Палестины. Сост. А. Невскимъ. Москва. 1864. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ	—	25
«Жизнеописаніе царя Соломона». Съ прилож. нѣкоторыхъ мѣстъ изъ притчей, Екклезіаста и нѣкоторыхъ реченій изъ Пѣсни Пѣсней. Сост. А. Невскимъ. Москва. 1868 г.	—	20
«Жизнеописаніе Руѳи, родоначальницы Спасителя міра». Сост. А. Невскимъ. Москва. 1868 г. . .	—	8

	р.	к.
«Евангельскіе разсказы». Изд. ред. «Всемірн. Путеш.» Спб. 1870 г.	1	25
«Разсказы для дѣтей о земной жизни Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа». (Съ картинк.) А. Н. Бахметевой. Изд. 8-е. Москва. 1882 г. Кн. I.	—	25
То-же. Кн. II	—	30
«Ученіе Господа нашего Іисуса Христа о молитвѣ и путяхъ къ блаженству». Изд. Товарищ. «Обществ. Польза». Спб. 1866 г.	—	5
«О земной жизни Пресвятой Богородицы». По ученію Св. Писанія и на основаніи преданія св. отцевъ. Спб. 1872 г. Изд. ред. журн. «Мірской Вѣстникъ»	—	20
«Объясненіе евангельскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года. Объясненіе апостольскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года». Прот. В. Михайловскаго. (Съ 44 карт.) Спб. 1877 г. Вып. I и II	2	75
«Языческая вѣра до Христа Спасителя и обращеніе ко Христу язычниковъ трудами св. апостоловъ». Свящ. В. Пѣвцова. Спб. 1880 г.	—	10
«Гоненія на христіанъ отъ язычниковъ и св. мученики». Чтеніе для народа. Свящ. В. Пѣвцова. Изд. 2-е. Спб. 1880 г.	—	10
«О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ и о томъ, какъ Владиміръ князь задумалъ креститься». Павловича		*)
«Жизнь св. апостола Павла». Свящ. В. Михайловскаго. Спб. 1872 г.	—	15
«Жизнь и дѣянія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова». Свящ. Михайловскаго. Спб. 1872 г.	—	10
«Жизнь св. апостола Петра». Прот. В. Михайловскаго. Спб. 1880 г.	—	7
«Жизнь св. Кирилла и Меѳодія, учителей славянскихъ». Сост. П. Бѣляевъ. Книжки для школъ № 127. Москва. 1876 г.	—	10
«Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ». П. Рогова. Изд. 2-е. Спб. 1880 г.	—	10
«Сказаніе о подвигахъ русской великой княгини, христіанки Ольги». Соч. Ремезова. Спб. 1880 г.	—	10
«Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго». Соч. Ремезова. Изд. 2-е. Спб. 1881 г	—	10
«Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго». Соч. Ремезова. Изд. 3-е. Спб. 1874 г.	—	10
«Разсказы изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ: св. Алексѣй Божій человѣкъ, Филаретъ милостивый, Марія Египетская». Бориса Алмазова. Москва. 1865 г.	—	25
«Преподобный Ѳеодосій и Антоній Печерскій». Народное изданіе. Спб. 1871 г.	—	6
«Жизнь св. преподобно-мученицы Евдокіи». Изд. П. А. Глушкова. Москва. 1877 г.	—	10
«Благовѣрная Евдокія, великая княгиня московская, во инокиняхъ Евфросинія». Сост. П. Бѣляевъ. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1866 г.	—	12
«Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго». Книжки для школъ № 141. Москва. 1876 г.	—	10
«Житіе святаго преподобно-мученика и исповѣдника Ѳеодора». (Съ прилож. хромолитогр. изображенія преп. Ѳеодора). Спб. 1870 г.	—	7
«Преподобный Максимъ Грекъ». (Съ прилож. изображенія преподобнаго). Спб. 1865 г.	—	7
«Житіе св. Іоанна Милостиваго, патріарха Александрійскаго». (Съ изображеніемъ преподобнаго). Спб. 1876 г.	—	7
«Житіе св. Андрея, Христа ради юродиваго». (Съ изображеніемъ св. Андрея). Спб. 1871 г.	—	7
«Житіе преподобнаго Іосифа Пѣснописца». (Съ изобр. преп. Іосифа). Спб. 1869 г.	—	7
«Житіе св. мучениковъ Флора и Лавра». (Приложенъ снимокъ съ иконы). Спб. 1877 г.	—	7
«Житіе преподобнаго Пахома Великаго». (Съ изобр. преп. Пахомія. Спб. 1870 г.	—	7
«Житіе Преподобнаго Ефрема Си-		

*) Считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ настоящихъ спискахъ читатель встрѣтитъ нѣсколько названій книгъ безъ обозначенія цѣны ихъ. Случилось это не по небрежности, а потому, что составители лишены были возможности узнать цѣну, такъ какъ на этихъ книгахъ она не обозначена и въ книжныхъ каталогахъ ея также не оказалось.

	р.	к.
рина». Съ изображ. снимка съ св. иконы. Спб. 1875 г.	—	7
«Житіе преподобнаго и Богоносца отца нашего Симеона Столпника». (Съ прилож. снимка съ св. иконы). Спб. 1874 г.	—	7
«Житіе преподобнаго Никиты Столпника». (Съ изобр. преп. Никиты). Спб. 1870 г.	—	7
«Житіе преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго». (Съ изобр. преподобн. Кирилла). Спб. 1871 г.	—	7
«Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій». (Съ изобр. св. Димитрія). Спб. 1866 г.	—	7
«Святые мученики Литовскіе: Іоаннъ, Антоній и Евстафій». (Съ изобр. св. мучениковъ). Спб. 1868 г.	—	7
«Житіе св. Отца нашего Стефана, епископа Пермскаго». (Съ изобр. святителя Стефана). Спб. 1866 г.	—	7
«Житіе старца отца Серафима». Съ прилож. 3 рисунк. Спб. 1871 г.	—	20
«Письма о Богослуженіи». Беллюстина. Спб. 1874 г.	—	50
«Объясненіе Богослуженія Православной Церкви. Сост. И. Недешевъ. Изд. Тов. «Общ. Польза». Изд. 5-е. Спб. 1880 г. (Съ пересылкою 45 к.).	—	30
«Дни, празднуемые святою Православною Церковью». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1877 г.	—	30
«Святая Церковь и ея принадлежности». Сост. А. Медвѣдскій. Изд. Тов. «Обществ. Польза». Спб. 1866 г.	—	6
«Объясненіе обрядовъ при совершеніи семи святыхъ таинствъ Православной Церкви». Спб. 1879 г. Изд. 2-е	—	10
«Праздникъ Рождества Христова, 25 Декабря». Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1879 г.	—	10
«Слѣпая дѣвушка и Евангеліе». Истинный разсказъ. Изд. 2-е. Спб. 1880 г.	—	1
«Ничего, кромѣ листьевъ». Изд. Общ. распр. полезн. кн. Москва. 1878 г.	—	2
«О семьѣ». Чтеніе для народа. Мужьямъ и женамъ. В. Пѣвцова. Спб. 1880 г.	—	10
«Нѣсколько зернышекъ». Спб. 1882 г.	—	15
«Примѣры благочестія изъ житій святыхъ». В. Б. Спб. 1872 г. .		
«Училище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ». 2 тома. Спб. 1876 г. за оба тома.	1	50
На сумму. .	23	08

Отдѣлъ II. Литературный.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ двухъ предыдущихъ библіотекъ—на сумму 27 р. 14 коп.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Сочиненія А. С. Пушкина». Изданіе для школъ. Томъ I. Для сельскихъ и городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Редакція К. Козьмина, преподавателя Моск. Учит. Инстит. (Съ прилож. портр. автора въ юношеск. возрастѣ. Съ рисунк. академика В. Е. Маковскаго). Изданіе Ѳ. И. Анскаго. Москва. 1882 г.	—	60
«Ундина». Старинная повѣсть изъ Ламоттъ-Фуке. В. А. Жуковскаго Спб. 1878 г.	—	50
«Хижина дяди Тома». Повѣсть для дѣтей. Бичеръ-Стоу. Москва. 1882 г.	2	—
«Ласточкино гнѣздо». Разсказъ О. Шмидтъ. Спб. 1880 г.	—	50
«Подпасокъ». Разсказъ Смирнова. Спб. 1880 г.	—	50
«Маленькій оборвышъ». Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго. А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г.	1	25
«Приключенія маленькаго графа». Разсказъ для дѣтей Уйда. Переводъ А. В. Архангельской. Москва. 1882 г.	—	30
«Звѣздочка», соч. Евгеніи Туръ. Москва. 1873 г. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ	—	40
«Родное». Разсказы для дѣтей. Ил. Смирнова. (Съ раскраш. картинками Н. Мартынова). Москва. 1882 г.	1	25
«Разсказы для маленькихъ дѣтей». М. Чистякова. — «Приключенія молодой бѣлки Бобочки». Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1868 г. . .	2	50
«Бобыль». Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г.	—	20
«Деревня». Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1882 г.	—	50
«Мать и дочь». Осенній разсказъ		

Д. В. Григоровича. Изданіе 3-е. Спб. 1883 г. . . . . — 15 (р. к.)
«Сорочьи гнѣзда». Повѣсть А. Погоскаго. Изд. 2-е (4 картинки). Спб. 1874 г. . . . . — 20
«Отставное счастье.—Изъ старыхъ записокъ.—Два кольца». Изд. 2-е ред. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1874 г. — 20
«Господинъ Колодникъ». Повѣсть А. Погоскаго. Спб. 1874 г. . . — 20
«Злодѣй и Петька». Повѣсть А. Погоскаго. Спб. 1881 г. Изд. С.-Петербург. Комит. Грамот. 2 рис. . — 10
«Солдатское пиво. Первый винокуръ. Птичій даръ». Повѣсти А. Погоскаго. Изд. 2-е. Спб. 1873 г. Изд. журнала «Досугъ и Дѣло» . — 20
«Темникъ». А. Погоскаго. Изъ замѣтокъ проѣзжаго. Изд. 2-е. Спб. 1875 г. . . . . — 30
«Старики». Разсказъ изъ Крымской войны. А. Погоскаго. Спб. 1871 г. — 15
«Маіорская дочка». Повѣсть А. Погоскаго. Съ рисунк. В. Шпака. Спб. 1879 г. . . . . — 25
«Сибирлетка». Повѣсть А. Погоскаго. Спб. 1880 г. (5 рисунк.) . — 25
«Дѣтская Библіотека». Вып. II. Харьковъ. 1882 г. . . . . — 20
«Разсказы изъ народной жизни». Н. Карловича. (Съ картинками). Для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1883 г. . . . . — 45
«Послушаемъ!» Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. А. Нольде. Съ 28-ю политипажами, рисованными на деревѣ М. Малышевымъ. Спб. 1883 г. . . . . 1 —
«Батрачка». Повѣсть Т. Г. Шевченка. Пер. съ малор. Л. Мей. Спб. 1881 г. Изд. С.-Петерб. Ком. Грамотности . . . . — 10
«Разсказы дѣдушки Василія». Разсказъ 5-й: «Дѣвка-семилѣтка». Изд. II. Спб. 1868 г. Изд. Товар. «Обществ. Польза» . . . . . — 10
«Какъ былъ завоеванъ Яблоневый Дворъ». Гесбы Стреттонъ, автора «Первой молитвы Джессики» и т. д. Варшава. 1880 г. «Трудовой крестьянскій годъ» («Четыре времени года» Д. В. Григоровича). Передѣлано для дѣтскаго чтенія Н. Блиновымъ. Вятка. 1880 г. . — 10
«Анчутка Безпятый», «Бобыль Наумъ-Сорокодумъ». Разсказы А. Погоскаго. Спб. 1880 г. (2 картинки.) — 10
«Путешествіе на луну». А. Погоскаго. «Коробейникъ Селифанъ». Соч. Іосифа И. Пашкова. Москва. 1879 г. . . . . — 10
«Бѣдный горбунъ». Деревенскій разсказъ. Съ англійскаго. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ № 172. Москва. 1879 г. . . . . — 1
«Добрая жена». — «Злая жена». — «Дѣвочка со спичками». — «Гречиха».—«Дѣдушка и внучекъ».— «Вечеръ на Рождество». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ. № 123. Шесть разсказовъ. Москва. 1876 г. . . . — 5
«Маша». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Книжки для школъ. № 131. Три разсказа. Москва. 1876 г. . — 5
«Гриша или любовь сестры». Изд. Общ. распр. полезн. кн. № 274. Москва 1880 г. . . . . . . — 2
«Праздныя руки». Москва. 1880 г. — 1
«Двѣ сказки». (Перев. съ англійск.) Книги для школъ № 130. Москва. 1876 г. . . . . — 10
«Сиротка». П. Г. Васильева. Сцены изъ народнаго быта. Спб. 1882 г. . . . . — 40

На сумму. . . 42 43

Отдѣлъ III. Естествознаніе.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ двухъ предыдущихъ библіотекъ — на сумму 11 руб. 15 коп. — и, кромѣ того, слѣдующія:

«Бесѣды о землѣ и тваряхъ на ней живущихъ». А. Бекетова. Въ двухъ книжкахъ. Спб. 1879 г. — 80 (р. к.)
«Среди природы». А. Острогорскаго (Съ 17 картинк.) 2-е изд. Спб. 1884 г. 1 30
«О насѣкомыхъ, вредныхъ для полей и лѣсовъ». П. Аникіева. (Съ 7 рисунк.). Изд. Тов. «Общ. Польза». Спб. 1876 г. . . . . . . — 15
«Объ удобреніи полей». Н. Зандрока. (Для народн. чтенія). Кн. 2-я. Спб. 1874 г. . . . . . . — 10
«О томъ, какого вида земля и какъ она велика». Н. Б. Медера. Чтеніе для народа съ 3 рис. Спб. 1880 г. . . . . — 10

р. к.

«О китѣ». А. Б. Ганике. (Чтеніе для народа.) Спб. 1872 г. . . . . — 5

«Двѣ капельки». Разсказъ для дѣтей. В. Д. Коровина. (Съ 16 рис.) Москва. 1877 г. . . . . . . — 75

«Дерево и его жизнь». (Народн. чтеніе.) Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1882 г. . . . . . — 15

«Громъ и молнія». (Съ 4 рис.) Изд. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1882 г. . — 20

«Вода въ трехъ видахъ». Изд. ред. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1882 г. . — 20

«О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ». М. А. Воронецкаго. Чтеніе въ Соляномъ Городкѣ. Спб. 1872 г. . . . . — 10

«О кометахъ и падающихъ звѣздахъ». М. А. Воронецкаго. Чтеніе 2-е. Спб. 1879 г. . . . . . . — 10

«Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима». Н. Б. Медера. Чтеніе для народа. Спб. 1880 г. . . . . — 10

«О пчелахъ и муравьяхъ». Э. К. Брандта. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ.) Спб. 1874 г. (Съ рисунками). . . . . — 10

«Другъ и недругъ человѣка». Собака и волкъ. Изд. редакціи «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г. . . — 25

На сумму. . . 15 50

Отдѣлъ IV. Историческій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ двухъ предыдущихъ библіотекъ—на сумму 25 руб. 44 коп. — и, кромѣ того, слѣдующія:

р. к.

«Старина земли Русской». Книга первая. Слово о старинѣ незапамятной. Соч. А. Гатцука. Изд. Общ. распр. пол. кн. Москва. 1874 г. Изд. 3-е. . . . . . . — 15

«Книга былинъ». Сводъ избранныхъ образцовъ русской эпической народной поэзіи. Сост. В. П. Авенаріусъ. (Съ портр. пѣвца былинъ Рябинина и рис. Прохорова и Каразина.) Спб. 1880 г. 2 70

«Русскіе замѣчательные люди. Ермакъ, покоритель Сибири». Разсказы А. Суворина. Изд. 3-е. Спб. 1874 г. . . . . — 40

«Историческія и поэтическія сказанія о Русской землѣ» въ хронологическомъ порядкѣ событій. Θ. Гилярова. Москва. 1872 г. . 1 —

«Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница». Т. Толычевой. (Посвящается всѣмъ почитающимъ память М. М. Тучковой). (Съ дополн. и портрет. игуменьи Тучковой. Изд. 2-е. Москва. 1873 г. — 50

«Разсказы о человѣческой жизни». А. Иванова. (Посв. М. П. Надѣину). Спб. 1873 г. . . . . . . — 10

«Сказаніе о подвигахъ святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго». П. Ремезова. Спб. 1863 г. . . . . — 10

«Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини-христіанки, святой Ольги». П. Ремезова. Спб. 1880 г. . . . . — 10

«Сказанія о подвигахъ святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго». П. Ремезова. Изд. 3-е. Спб. 1874 г. . . . . — 10

«Покореніе Казани московскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ». Разсказъ изъ русской исторіи. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1876 г. Изд. 2-е. — 10

«Борисъ Годуновъ». Трагедія А. С. Пушкина. Редакція и примѣчаніе В. Я. Стоюнина. Вып. I. Изд. 3-е. Спб. 1880 г. . . . . — 40

«Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, въ 1612 г., и избраніе царя Михаила». Н. Костомарова. Спб. 1876 г. Изданіе Товар. «Общ. Польза» 7

«Смутное время». Разсказъ изъ русской исторіи. Соч. Д. Васильева. Изданіе Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1869 г. . . . . — 20

«Басурманъ». Историч. романъ Лажечникова. Москва. 1874 г. . . 3 —

«Правленіе временщиковъ». Разсказы изъ русск. исторіи. Б. А. Павловича. Спб. 1879 г. . . . — 10

«Альбомъ рисунковъ изъ русской исторіи». Съ предисл. Н. И. Костомарова. Изд. А. Прохорова. Спб. 1882 г. (15 рис.) 1 50

«Русскіе историческіе памятники». Наглядное пособіе къ курсу русской исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сост. А. Добряковъ. Спб. 1880 г. . . — 40

«Московскій Кремль». Соч. Т. То-

лычевой. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1880 г. . . .

	г.	к.
На сумму	36	36

Отдѣлъ V. Біографическій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ-же отдѣловъ двухъ предыдущихъ библіотекъ—на сумму 5 р. 08 к.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	г.	к.
«Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ А. И. Николича. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1873 г.	—	10
«Иванъ Петровичъ Кулибинъ, механикъ-самоучка». Ѳ. Е. Короткова. (Народн. чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1875 г. .	—	10
«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. А. Филонова (Съ раскраш. карт.). Изд. 2-е, Пост. Комм. народныхъ чтеній. Спб. 1880 г.	—	5
«Разсказы о Ломоносовѣ». Сост. В. Новаковскій. (Чтеніе для народа). Изд. 4-е, Н. Фену и К°. Спб. 1876 г.	—	10
«Русская смѣкалка или хоть кафтанъ у русскаго мужика и сѣръ, да умъ-то вѣдь не волкъ съѣлъ». Разсказы дяди Пахома про русскихъ самоучекъ. Москва. 1880 г.	—	5
«Русскіе самоучки или русскій человѣкъ на всѣ руки гораздъ и любаго нѣмца за поясъ заткнетъ». Москва. 1880 г.	—	5
«Чтеніе для народа». (Сельская хрестоматія). Вып. 3-й. «В А. Жуковскій». Сост. и изд. Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. . . .	—	5
«Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова, съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простаго народа и описаніемъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ басняхъ». В. Золотова. Изд. 10-е. (Съ 14 рис.). Спл. 1880 г. . .	—	20
«Чтеніе для народа». (Сельская хрестоматія). Вып. 5-й. «Л. А. Мей. Гр. А. К. Толстой». Сост. и изд. Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г.	—	5
«Чтеніе для народа». (Сельская хрестоматія). Вып. 4-й. «Я. П. Полонскій». Сост. и изд. Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. . . .	—	5
«Очеркъ жизни Александра Сергѣевича Пушкина». Сост. Ив. Рассадинымъ. Изд. Общ. распр, пол. кн. № 265. Изд. 2-е, испр. и дополн. (Съ портр. Пушкина). Москва. 1880 г.	—	20
На сумму	6	08

Отдѣлъ VI. Географическій.

Въ этотъ отдѣлъ входять всѣ книги тѣхъ-же отдѣловъ предыдущихъ библіотекъ — на сумму 11 р. 30 к.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	г.	к.
«Малороссія». Описаніе края въ историческомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніи. (Съ 6 рис.). Изд. журн. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1876 г. . . .	—	20
«Очерки Бѣлоруссіи». Историческое прошлое Бѣлоруссіи; настоящій бытъ бѣлоруссовъ; нравы и обычаи бѣлоруссовъ. (Съ 1 рис.). Изд. журн. «Мірской Вѣстникъ». Спб. 1876 г.	—	15
«Знакомство съ отечествомъ». Вып. I. «Полѣсье и полѣшуки». (Изъ путевыхъ записокъ). Чтеніе для школъ. В. Маракуева. Москва. 1879 г.	—	25
«Охотничьи разсказы изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей». Томъ II. «Жилище въ пустынѣ. Охотникъ за растеніями». Изд. 3-е, М. О. Вольфа. (Съ 6 карт.). Спб. 1877 г.	2	—
«Послѣдній изъ могикановъ». Повѣсть Фенимора Купера. Переводъ съ англ. С. Майковой. Спб. 1874 г.	2	75
На сумму	16	6

Отдѣлъ VII. Земское дѣло и Народное хозяйство.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ 2-хъ предыдущихъ библіотекъ—на сумму—1 р. 80 коп.

4-я библіотека на—сумму 205 р. 14 коп.

Отдѣлъ I. Духовно-нравственный.

	р.	к.
Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ 3-хъ предъидущихъ библіотекъ	23	08
На сумму	23	08

Отдѣлъ II. Литературный.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ 3-хъ предыдущихъ библіотекъ—на сумму 42 р. 43 к. — и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Классная Библіотека». Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 14-й. «Лирическія стихотворенія А. С. Пушкина. Редакція и примѣчанія В. Я. Стоюнина. Спб. 1881 г.	—	40
«Классная Библіотека». Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 15-й. «Эпическія стихотворенія А. С. Пушкина». Редакція и примѣчанія В. Я. Стоюнина. Спб. 1881 г.	—	25
«Записки изъ мертваго дома». Романъ Ѳ. М. Достоевскаго. Изд. 4-е. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1875 г.	2	—
«Хижина дяди Тома, или жизнь среди рабовъ». Романъ Гарріэтъ Бичеръ-Стоу. Новый переводъ Е. Ландини съ послѣдняго 35-го лондонскаго изд. (Съ 46-ю картинками). Спб. 1883 г.	2	—
«Братъ и сестра». Романъ для дѣтей А. Н. Анненской. Изд. княжны Е. А. Макуловой. Спб. 1880 г.	—	75
«Крестьянскія дѣти». А. Потѣхина. (Съ 18-ю рисунками Каразина). Москва. Изд. магазина «Начальная Школа». 1881 г.	1	25
«Дневникъ дѣвочки». С. Буткевичъ. Съ предисл. И. С. Тургенева. 2-е изд. А. Усовой. Москва. 1881 г.	1	10
«Пѣтушокъ красный гребешокъ». Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Н. Маляревскаго. Спб. 1881 г.	—	20
«Пахатникъ и бархатникъ». Повѣсть Д. В. Григоровича. Спб. 1872 г.	—	40
«Камень Кремневичъ». А. Погоскаго. «Очеркъ изъ мелкихъ дѣлъ солдатскихъ». Спб. 1876 г. . .	—	10
«Божеское правосудіе». А. Погоскаго. Три разсказа. Спб. 1872 г.	—	20
«Солдатскій бытъ прежде и теперь». А. Погоскаго. Изд. ред. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1872 г.	—	20
«Куча денегъ». Три разсказа изъ воспоминаній банкрота. А. Погоскаго. Изд ред. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1873 г.	—	20
«Медвѣжья наука. Собачій застрѣльщикъ». Разсказы А. Погоскаго. Изд. 3-е (3 картинки). Спб. 1880 г.	—	20
«Моимъ молодымъ друзьямъ». Разсказы для дѣтей Л. Х. Москва. 1881 г.	—	40
«Между дѣтьми». Сост. И. Д. Москва. 1881 г. Изд. Общ. распр. пол. кн. № 295.	—	60
«Письмо сироты къ Спасителю». Варшава. 1879 г.	—	20
«Возвращеніе на родину». Разсказъ сапера. (Съ 1 рис.). Изд. ред. журнала «Чтеніе для Солдатъ». Спб. 1872 г.	—	7
«Колино дѣтство». Разсказъ для дѣтей. Спб. 1880 г.		
«Разсказы дѣдушки Василья». Разск. 3-й: «Павелъ лежень». Изд. 2-е, Тов. «Обществ. Польза». Спб 1868 г.	—	10
«Разсказы дѣдушки Василья». Разск. 4-й: «Учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ». Изд. 3-е. Спб. 1878 г.	—	5
«Софронычъ». Разск. Н. Карзунова. Изд. ред. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1875 г.	—	10
«Пріемышъ». Н. Карзунова (Изъ воспоминаній стараго солдата). Изд. ред. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1876 г.	—	10
«Розсказни Кота-Васьки». М. Романова. (Съ 4 картинк.). Спб. 1880 г.	—	30
«Исторія канарейки и воробья. Ягненокъ. Бабочка». Книжки для школъ № 47. Москва. 1881 г. .	—	10
«Двѣ елки». Разсказъ для дѣтей. Н. Г. Вучетича. Москва 1881 г.	—	30
«Мачиха». Разсказъ для дѣтей		

	р.	к.
старшаго возраста. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 270. Москва. 1880 г.	—	20
«Сестра Розалія». Переводъ съ франц. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1862 г.	—	50
«Двѣ были, одна сказка и небылица». Соч. О. Телешовской Москва. 1880 г.	—	30
«Степка-Растрепка». Разсказы для дѣтей. Изд. 6-е, М. О. Вольфа. Спб.	1	55
«Горе-злосчастье». Москва. 1864 г.	—	12
«Жизнь и смерть пьяницы». Быль. Разсказъ дяди Адама. Переводъ со шведскаго. Натальи Иваниной. Спб. 1866 г.	—	7
«Что весной посѣешь, то осенью пожнешь». Быль. (Разсказъ хозяина столяра). А. Александрова. Изд. 2-е. Спб. 1865 г.	—	8
«Разсказъ». Изд. Блисмера. 1873 г.	—	1
«Акулина». (Истинный разсказъ). Изд. Общ. распр. полезн. книгъ № 201. Спб. 1872 г.	—	1
«Лиза, бѣдная пѣвица, или Немощное Божіе — сильнѣе человѣковъ». Спб. 1881 г. Изданіе Н. Р.	—	3
«Сельская школа». Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ. № 147. Изд. 2-е. Москва. 1876 г.	—	5
«Внучка». Переводъ съ англійскаго. Москва. 1880 г.	—	2
«Не стыдись насмѣшекъ». (Съ англійскаго). Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Книжки для школъ. № 231. Москва. 1869 г. . . , . . .	—	3
«Какъ Паша старался быть добрымъ мальчикомъ. — Сиротка». Москва. 1871 г.	—	3
«Образцовыя сказки русскихъ писателей». Собралъ для дѣтей Авенаріусъ. Съ 62 рис. Н. Каразина. Спб. 1882 г.	2	50
«Иванушка-дурачокъ». А. Круглова. «Русская сказка въ стихотворномъ изложеніи». Спб. 1883 г. Съ силуэтами Н. Н. Каразина.	—	50
«Семь новыхъ сказокъ». Спб. 1864 г. съ 8 литогр. А. К. Саврасова. А. Коваленской	1	25
«Русскія сказки въ стихахъ». Съ виньеткой и 16 картинк. (Рисовалъ художникъ Голембіовскій, гравировалъ Регульскій). В. Водовозова. Спб. 1883 г.	1	50
«Марко богатый». Русская сказка въ 2-хъ частяхъ. Соч. А. Панкевича. Спб. 1879 г.	—	30
«Дѣтскія сказки». 22 тетради большаго формата, состоящія изъ 6 художественно-исполненныхъ хромо-литографированныхъ картинокъ и нѣсколькихъ страницъ каждая. Лейпцигъ. Въ типографіи Бэра и Германа.		
I. «Золушка»	—	35
II. «Красная шапочка» . . .	—	35
III. «Ваня и Миша.	—	35
IV. «Братецъ и сестрица . .	—	35
V. «Три брата»	—	35
VI. «Волкъ и семеро козлятъ». «Богъ повсюду»	—	35
VII. «Спящая красавица» . .	—	35
VIII. «Котъ въ сапогахъ» . . .	—	35
IX. «Мальчикъ съ пальчикъ» .	—	35
X. «Бѣгъ взапуски между зайцемъ и ежомъ»	—	35
XI. «Храбрый портнишка» . .	—	35
XII. «Бѣлоснѣжка»	—	35
XIII. «Счастливецъ Ваня» . . .	—	35
XIV. «Семь вороновъ»	—	35
XV. «Гуливеръ у лилипутовъ».	—	35
XVI. «Гуливеръ у великановъ».	—	35
XVII. «Аладинъ или волшебная лампа»	—	35
XVIII. «Рюбецаль»	—	35
XIX. «Волшебный рогъ Оберона».	—	35
XX. «Принцъ Щелкунъ и принцесса Орѣшника	—	35
XXI. «Золотой»	—	35
XXII. «Младъ-царевичъ» . . .	—	35
«Исполинская рука». (Англійская сказка). Изд. Общ. распр. пол. кн. № 198. Москва. 1879 г. . .	—	10
«Сказка: Деньги». Соч. Г. Д. Спб. 1868 г.	—	—
«Сказка о двухъ Иванахъ: объ Иванѣ работящемъ и объ Иванѣ пустодомѣ». Спб. 1863 г . . .	—	5
«Сказка о солдатѣ - молодцѣ и хватѣ». В. Н. Соболева. (Съ 5-ю карт.). Москва. 1875 г. . . .	—	50
На сумму . .	71	10

Отдѣлъ III. Естествознаніе.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ 3-хъ предыдущихъ библіотекъ— на сумму 15 р. 50 коп.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ». Изд. ред. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1880 г.	—	20

	р.	к.
«Свѣтъ и что отъ него происходитъ». Изд. ред. «Досугъ и Дѣло». (15 рис.). Спб. 1880 г.	—	25
«Тьма или о томъ, что произошло-бы на землѣ, если бы потухло солнце». А. Кострицы. Спб. 1881 г.	—	40
«О сохраненіи силы и здоровья. Наши жилища». П. Илинскаго. (Народное чтеніе въ Соляномъ Городкѣ). Спб. 1873 г.	—	10
«Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ». Доктора М. Перфильева. (Народныя чтенія). Спб. 1883 г.	—	35
«Наши обязанности къ животнымъ». Изд. Общ. распр. пол. книгъ. (Съ картинками). Москва. 1880 г.	1	20
«Наши враги и друзья въ мірѣ насѣкомыхъ». (Съ картинками). Изд. ред. «Всемірный путешественникъ». Спб. 1870 г.	1	25
«Обезьяны, попугаи и слоны». Сост. по Брему, Фохту, Жаколіо и др. Е. Тихомировой и Богдановой. Вып. I. Москва. 1878 г. (съ 2 карт.). Изд. маг Салаева	—	35
«Лиса Патрикѣевна». Разсказъ Сливицкаго	—	50
«Сказка о муравьѣ - богатырѣ». В. Авенаріуса. Разсказъ для дѣтей. Изд. ред журн. «Родникъ». Спб. 1883 г. (Съ 9 рисунками Каразина).	—	50
«Разоренное гнѣздо». Разсказъ для дѣтей. А. Сливицкаго. (Съ 5 фотографированными рисунками)	1	25
«Бѣлка и сурокъ». Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1880 г.	—	10
«Разсказы изъ естественной исторіи. Обезьяны». Изд. Общ. распр. пол. кн. 3 вып. Москва. 1864 г.	—	45
«Разсказъ о фабрикахъ и заводахъ». Сост. К. Веберъ. (Съ 23 рис.). Изд. «Дѣтской Библіот.». Спб. 1881 г.	—	80
На сумму	23	20

Отдѣлъ IV. Историческій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ же отдѣловъ всѣхъ предыдущихъ библіотекъ— на сумму 36 р. 36 к.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Родная старина». Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (съ IX до XVII ст.). Сост. В. Д. Сиповскій. Изд. ред. журн. «Женское Образованіе». Спб. 1882 г. 2 выпуска	3	25
«Исторія общественнаго и частнаго быта». Соч. П. Кирхмана. Чтеніе въ школѣ и дома. Пер. К. Розенбергъ. Доп. В. Ключевскій. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Часть I. Москва. 1866 г.	—	50
«Почему сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя». Т. Толычевой. Чтеніе для народа. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. Москва. 1882 г.	—	7
«Лука Вукаловичъ». (Первое герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго. Изд. Дамск. Отд. Славянскаго Благотв. Комитета въ Москвѣ. Москва. 1875 г.	—	10
«Старая Сербія, ея прошлое и настоящее». Соч. Бацетича. Изд. Импер. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Универс. Москва. 1876 г.	1	25
«Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній». Сост. Грубе. (Перев. съ нѣмецк.). 3 тома	3	25
«Исторія Малороссіи въ разсказахъ». Историческіе разсказы. Въ 3-хъ частяхъ. Сост. В. С—овъ. Изд. А. И. Манухина. Москва. 1874 г.		
На сумму	41	78

Отдѣлъ V. Біографическій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъ-же отдѣловъ предыдущихъ библіотекъ — на сумму 6 р. 8 к.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Пѣсни русскаго народа и Кольцова». («Ясная Зоренька», иллюстрированная хрестоматія). Сост. Горемыкинъ. (Съ 7 карт. и портр.). Спб. 1880 г.	—	25
«Иванъ Петровичъ Кулибинъ». (Люди труда и сильной воли.) Разск. Е. Н. Александровой. Изд. журнала «Родникъ». Спб. 1882 г.	—	15
«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ». (Жизнеописанія замѣчательныхъ людей.) Д. Васильева. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ Москва. 1865 г.	—	20

	р.	к.
«Іосифъ Гайднъ». (1732—1809). Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 207. Москва. 1879 г.	—	15
«Антоніо Канова». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ № 179. Москва. 1879 г.	—	15
«Замѣчательный работникъ. Жизнь башмачника-натуралиста Томаса Эдварда». Излож. по Смайльсу А. Н. Канаевъ. Со мног. рисунк.; рис. Шпакъ, грав. Н. Г. Денисовскій. Спб. 1879 г.	—	60
«Михаилъ Ивановичъ Глинка». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 352. Москва. 1882 г.	—	15
«Людвигъ фонъ-Бетховенъ». Книжка для школъ, № 174. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. Москва. 1878 г.	—	15
«Паганини». Изд. Общ. распр. полезн. книгъ. № 183. Москва. 1879 г.	—	15
«Изъ дѣтства замѣчательныхъ людей. Моцартъ». (Взято съ нѣмецкаго). Поляровой. Москва. 1874 г. Изд. Левиной и Поляровой. (Съ портр. и 2 карт.) . .	—	25
На сумму .	8	28

Отдѣлъ VI. Географическій.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъже отдѣловъ 3-хъ предыдущихъ библіотекъ—на сумму 16 р. 65 коп.—и, кромѣ того, слѣдующія:

	р.	к.
«Отечествовѣдѣніе». Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Сост. Д. Семеновъ. (Учебное пособіе для учащихся) 5 томовъ. Спб. 1866—1874 г.	5	—
«Жизнь европейскихъ народовъ». Географическіе разсказы. Е. Н. Водовозовой. Томъ I. «Жители юга». (Съ 25 рис.). Спб. 1875 г.	3	75
То же. Томъ II. «Жители сѣвера». (Съ 24 рис.) Спб. 1878 г.	3	75
То же. Томъ III. «Жители средней Европы». (Съ 24 рис.) Спб. 1883 г.	3	75
На сумму .	32	90

Отдѣлъ VII. Земское дѣло и Народное хозяйство.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ книги тѣхъже отдѣловъ предыдущихъ библіотекъ — на сумму 1 р. 80 коп.

вицкаго . . . .
о муравьѣ -
Разска

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 042373677